

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Вологодский государственный университет
Русское общество истории и философии науки

**IV КОНГРЕСС
РУССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ
«НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ И ЦЕННОСТИ В НЕУСТОЙЧИВОМ МИРЕ»**

Сборник научных статей

**Москва
Издательство РОИФН
2024**

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22
НЗ4

Рецензенты

*Кандидат философских наук А.Г. Кислов,
Доктор философских наук В.А. Суровцев*

НЗ4 Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, Н.А. Ястреб, Л.В. Шиповалова [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2024. – 939 с. ISBN 978-5-6051212-2-0. - Режим доступа: <http://rshps.ru/books/congress2024.pdf>

ISBN 978-5-6051212-2-0

В настоящий сборник вошли статьи, посвященные современным концептуальным и методологическим проблемам философии науки и техники, мировоззренческим итогам научно-технического развития, истории науки и техники в России и в мире, этическим и эстетическим аспектам новых технологий и искусственного интеллекта, гуманитарным последствиям развития информационных технологий, специфике научной коммуникации.

Книга будет полезна философам, логикам, историкам науки, педагогам и психологам.

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22
НЗ4

ISBN 978-5-6051212-2-0

© Русское общество истории и философии науки, 2024.
© Авторы, 2024.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
Часть 1. Философия и методология современной науки	14
Абрамычев М.М. Сопротивление и неопределенность в творчестве Б. Латура и Э. Пикеринга	14
Бодров А.Л. Роль неявного знания в научном поиске	17
Болдин П.Н. Семиотический подход к решению проблемы статуса теоретического знания.....	20
Голубинская А.В. Формы фиксации неопределённости в науке, или что общего у экологического кризиса и критического мышления	23
Дорожкин А.М. Ситуации неопределенности в эпистемологическом конструктивизме	27
Жарков Е.А. Политическая субъектность науки: в поиске понимания	30
Ивженко И. Э. Развитие науки как проблема: «конец» науки	33
Касаткина С.С. Городские исследования на пути к «философии города» как к современному научному знанию	35
Крутько Д.Ю. Эксперимент в современном научном дискурсе: кластерный метод и статус реальности.....	38
Масланов Е.В. Классифицировать и управлять: к вопросу о нужности классификаций для науки	41
Морозов Ю.Н. Теоретическая историология в структуре философии науки.....	44
Орехов А.М. К вопросу о базовых принципах «КГМ-программы» в социальной эпистемологии.....	47
Соколова О.И. Моделирование и неопределенность.....	50
Черникова И.В. О влиянии науки на культурные коды цифровой эпохи.....	53
Шетулова Е.Д. Паранаука как проблема современной отечественной философии науки.....	57
Элбакян А.А. Технологии открытого доступа к научным знаниям: ценностной аспект	60
Часть 2. История и философия естественных наук	64
Визгин В.П. Калибровочно-полевая революция, научная школа Л.Д. Ландау и проблема «нуль-заряда».....	64
Волошин М.Ю. Начало эпистемологии моделирования: Дюгем против Максвелла	66
Головко Н.В. Пропозициональное и доксистическое обоснование знания в естественных науках.....	69
Белинский А.В., Григорьева А.П., Джадан И.И. Принцип научной объективности в квантовых измерениях.....	72
Карпенко И.А. Региональные онтологии и междисциплинарный синтез.....	75
Князева Е.Н. Исторические корни теорий конструктивизма в кибернетике.....	78
Кручинин А.Д. Онтология живых систем и необходимость достаточно общего определения жизни	82
Лаврищев Д. Е. Агностицизм и британский эволюционизм XIX века.....	85
Симбирцева А.Е. Эволюционная археология и понятие изменения	88
Струговщикова У.С. Связность прошлого и будущего: концепт древних курганов с позиции биосемиотики	91
Терехович В. Э. Достаточно ли онтологии теории для построения научной метафизики?.....	93
Филиппова Т.П. Из истории освоения минерально-сырьевых ресурсов Арктики: исследования архипелага новая земля в 1920-е гг.	96
Фурсов А.А. Релятивизм в философии науки и неэмпирические критерии оценки теории.....	99

Храмов А.В. Теория эволюции, религия и нигилизм: русский перевод «Следов естественной истории творения» (1863).....	102
Эртель И.И. Проблема недоопределенности, теории среднего уровня и цвет перьев динозавров	105
Часть 3. Философские проблемы современного естествознания.....	109
Андрущак Н.А. Философский анализ научного парадокса.....	109
Антипенко Л. Г. О естественнонаучном и философском подходе к формированию экологического сознания	112
Блохина Н.А., Михайлова Т. Л. Антропный космологический принцип и супервентность.....	114
Жаров С. Н. Где искать онтологический смысл квантовой механики	117
Жуковский А.К. Необходимость введения новых сущностных физических элементов при объяснении «квантовой» реальности	120
Князев В.Н. О понимании реляционной картины мира в современной физике.....	124
Копейкин К.В. «Разрез Гейзенберга» И «Квантовая слепота»: к вопросу о границе между квантовым и классическим мирами	127
Крушанов А.А. «Наука», которую пока не замечает философия науки	131
Лисеев И.К. Деятельностные ориентации развития общества с позиций наук о жизни	134
Минасян Л.А., Лещева О.А. Философское осмысление проблем современной физики.....	136
Нагуманова С.Ф. Проблема биологической целенаправленности: естественный отбор и биологическая регуляция	139
Петрова Е.В. Универсальный экологический подход: постановка проблемы	142
Побережный А.А. О некоторых проблемах современного естественнонаучного образования.....	145
Прись И. Е. Эффективный и онтический структурный реализмы с точки зрения контекстуального реализма	148
Пружинин Б.И. Эпистемологический потенциал экспертизы в современной прикладной науке (по материалам анкетирования).....	152
Редникина В.Е. Искусственный интеллект как инструмент развития трансдисциплинарного подхода	155
Севальников А.Ю. Реляционная концепция времени. возможность понимания эффектов квантового времени в экспериментах «Квантового ластика».....	158
Спасков А.Н. Концепция жизненного цикла в квантовой монадологии	161
Хен Ю.В. Дарвиновское «Древо жизни» как метафора эволюционных свящей	164
Хмелевская С.А. Метафизический подход в биологии (на примере клеточной биологии).....	166
Черновицкая Ю. В. Трансформация глобальных исследовательских структур в сетевом обществе	169
Щедрина И.О. Экология современной медицины: предвосхищающие идеи Д. Велланского.....	172
Щедрина Т.Г. Ускоренная историзация современной науки: проблемы и перспективы.....	176
Часть 4. История и философия математики	180
Бажанов В.А. А.В. Васильев как математик, историк математики, общественный деятель	180
Барабашев А.Г. Философия математики как прикладная дисциплина	182
Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б. Эвристическая роль «незнания» в математическом поиске	185
Бычков С.Н. Философия науки и история математики: о концепции К. Поппера.....	188
Зайцев Е.А. Идея траектории	191

Зверкина Г.А. Естествоиспытатель, математик и философ XII века. Памяти Р.А.Симонова (1929-2023).....	194
Кричевец А.Н. Введение в феноменологический анализ развивающихся математических понятий.	196
Родин А.В. Определение угла у Евклида и понятие математической структуры у Воеводского	199
Тестов В.А. Д.А. Граве – основоположник российской алгебраической школы (к 160-летию со дня рождения).....	202
Хлебалин А.В. Компьютер в математической практике: концепция обоснованности доказательства.....	207
Чиненова В.Н. И.В. Мещерский – ученый-новатор	209
Шапошников В.А. Образы математики как предмет исторического и философского исследования	213
Часть 5. Философские проблемы социальных и гуманитарных наук.....	217
Амвროзов И. Д. Понятие цивилизационного пространства в контексте социально-гуманитарного знания	217
Бабаева А.В., Закаблукровский Е.В. наброски к эволюции содержания понятия «Текст»	220
Бакурков А.А. Социальная гармония как категория общественности в контексте проблемы коммунитарности и методологии системного анализа.....	223
Боброва В. М. Этика организации и нравственная культура общества	226
Борисов С.В. Неопределенность как способ измерения субъектности.....	229
Велис Л. А. Ольфакторное воображение и феноменальный опыт	231
Ермошина М.А. Трансформация коммуникации: к рассмотрению дидактического потенциала понятия «Коммуникативное сообщество» К.-О. Апеля	235
Ерохина Е.А. Сибирская этносоциология: исследовательские практики и академические траектории	238
Загидуллин Ж.К. Феномен внутринаучной стоп-рефлексии в психологии.....	242
Заладина М. В. Утопия как поиск человеком выхода из ситуации отчуждения.....	245
Ищенко Е.Н. Теория и практика в контексте визуальных исследований: история и современность .	247
Карашук М.Н. Границы аутентичности в философии экзистенциализма и экзистенциальной психологии.....	250
Кеосиди И.И. Применимость концепции «вычислительного левиафана» в контексте алгоритмизации управления социальными процессами.....	253
Касавина Н.А. «Большое время» М.М. БАХТИНА как категория гуманитарного познания.....	257
Краева А.Г. Искусство в пространстве метакогнитивного опыта и его роль в образовательной нейронауке	260
Кузнецова Н.И. Рефлексия как объект изучения.....	263
Кукель В.Е. Дополненная реальность в гуманитарных науках: pro et contra	266
Лисенкова А.А. Будущее человека в цифровом мире: идентичность в быстро меняющейся реальности.....	269
Логинова Л.В. Цифровая социология как новый поворот в исследованиях общества	272
Малюкова О. В. Социогуманитарное познание: от методологии к технологии	274
Меттини Э., Вигель Н.Л. Проблема объективности и субъективности в гуманитарных исследованиях	277
Лукутин А.А., Мурзаев Д.В. Русско-православная укоренённость ума в сердце как решение проблемы незавершенного нацизма.....	280

Невважай И.Д. Гуманитарные дисциплины: реабилитация доксы	283
Останина О.А. Историческая рациональность и критика исторического разума	286
Пак Г. С. Эпистемологические основания «цветных революций» и смена парадигм в социально-гуманитарном знании.....	290
Папков В. Е. К проблеме гендерного разрыва (разворота) в контексте второго демографического перехода	293
Суслов И.В. Феномен инакомыслия в коммуникативной парадигме Юргена Хабермаса.....	298
Тульчинский Г.Л. Социальность, субъектность и цифровизация: проблема суперсогласования	301
Цатурян М.О., Жукова С.В. Проблема поиска путей профилактики эмоционального выгорания педагогов образовательных организаций	304
Целищева О.И. Предпосылки становления релятивизма Т. Куна	307
Шевченко А.А. Эпистемический патернализм: вариант обоснования	310
Шклярник Е.Н. Принцип отнесения к ценности в современном гуманитарном познании.....	313
Шугуров М.В. Научная дипломатия: парадигмальный сдвиг в условиях геополитической турбулентности.....	315
Часть 6. Философская логика	319
Васюков В.Л. Плюрализм в категорной теории доказательств	319
Воробьев Д.В. Два аргумента К. ПОППЕРА в пользу несостоятельности верификации	321
Голованова И.П. Логико-философский подход к пониманию юридических презумпций и фикций .	325
Горюнов А.В. Экстенциональные логические системы с отрицанием в контексте конструктивной интерпретации операции отрицания	328
Григорьев О.М. Обобщенные истинностные значения: от содержательных интерпретаций к абстрактным структурам.....	331
Девяткин Л.Ю. Решетка трехзначных логик, содержащих операции логики клини.....	334
Зайцев Д.В. Аргументативные рассуждения и модифицируемая выводимость	337
Кузина Е.Б. Коммуникативно некорректные вопросы и ответы на них	340
Кускова С.М. Роль абстракций в метафизике А.Н. Уайтхеда.....	343
Лисанюк Е.Н. Свой, чужой, штрафной в логических и аргументационных моделях рассуждений ...	348
Маркин В.И. Разрешающая процедура для логики суждений существования	351
Томова Н.Е. Об отрицании в паралогиках	355
Черкашина О.В. Исчерпывающие контрарность и субконтрарность. некоторые вопросы построения аналога шестиугольника Бланше для высказываний об отношениях.....	358
Шалак В.И. Алгоритмическая Вселенная	363
Шиян Т.А. Семантический треугольник и теоретическая структура знака.....	366
Часть 7. Философские проблемы информационных технологий и искусственного интеллекта	370
Агошкова Т.В. «Значение и необходимость» Рудольфа Карнапа семантика искусственного интеллекта.....	370
Алексеева Е.А. Интеллектуальные системы и философское мышление	373
Баева А.В. Этические вызовы применения искусственного интеллекта в научных практиках	375
Гапаров И.А. Категория пользы в системах деятельностного знания	378
Головков В.В. Искусственные моральные агенты в сфере ИИ. два взгляда	381

Даниелян Н.В. Трансформация категории субъекта под влиянием современных когнитивных технологий	384
Коваль Е.А. Моделецентричный и датацентричный искусственный интеллект: этические риски и образы будущего	387
Ларионов В.В. Дроны – неконвенциональное оружие современного гуманизма	390
Ларионов И.Ю. Концептуализация искусственного морального агента – «нормативный подход» ...	394
Лешкевич Т.Г. Адаптация к актанту как специфичной субъектности дигитального мира.....	397
Очеретяный К.А. Право на инклюзию: адаптивные интерфейс-технологии в компьютерных играх	400
Перов В.Ю. Этика искусственного интеллекта: некоторые проблемы междисциплинарной терминологии.....	403
Перова Н.В. Использование ИИ для биотехнологического улучшения человека	406
Плющ А.Н. Естественный и искусственный интеллект в контексте постнеклассической методологии.....	409
Погребняк А.А. «Всевышний» Мориса Бланшо как опыт предвосхищения цифровой цивилизации.....	413
Романов О.А. Философские проблемы цифровой трансформации градостроительной сферы в РФ.....	416
Савчук В.В. От медиального к цифровому повороту	418
Фейгельман А.М. Цифровой демиург: искусственный интеллект как художник	421
Филимонов В.Ю. Этапы становления больших языковых моделей: от замысла к технологической революции на примере семейства GPT	424
Чапны Е.В. Реактуализация традиционных ценностей в контексте создания «сильного» искусственного интеллекта	429
Чепьюк О.Р. Отражение реальности в «зеркале» ИИ: анализ генеративных языковых моделей в контексте теории Л.Витгенштейна.....	432
Швецов А.Н., Дианов С.В. к проблеме существования "сильного" искусственного интеллекта	435
Яркова Е.Н. Дигитализация как фактор трансформации когнитивных регулятивов научной деятельности	438
Ястреб Н.А. Критический подход в этике искусственного интеллекта	441
Часть 8. Современные проблемы философии техники.....	444
Демина А.И., Нестеров А.Ю. Онтологический плюрализм как основание семиотической теории технического творчества	444
Маслов В.М. Практика антропоконсерватизма: «Общество театра» и проблема преподавания философии	447
Микешин М. И. Технонауки между гуманитариями и государством	451
Никитин В. Е. Перспектива человека в эпоху торжества технического разума	453
Никифорова Н. В. История советской энергетики в методологической оптике энергетических воображаемых.....	457
Ташлинская Е.Ш. Изменения в содержании и структуре технических наук для обеспечения их гуманизации и развития инновационного образования	460
Трухан А.В. Технократическая инверсия ценностей европейского идеократического сознания: конфликт науки и этики в эпоху когнитивного капитализма	462
Тяпин И.Н. Антропосоциоконсерватизм как перспектива философии техники в России.....	466
Феклушин А.В. Цифровые сообщества как элемент современной культуры	469

Часть 9. Наука и религия в современном мире	473
Аринин Е.И. Термины «наука» и «религия» в текстах XVIII-XX вв. (на материалах национального корпуса русского языка).....	473
Боков Г.Е. Исследователи религиозной культуры из числа православного духовенства (кон. XIX – нач. XX в.).....	477
Браткин Д.А. Иеромонах Алексей (ВИНОГРАДОВ) как «маргинальный» богослов-библеист.....	479
Брук Е.Г. Эвгемеризм, критика чудес и другие методы борьбы с суевериями (или почему не опубликовали «Критический словарь» Коллена де Планси в Советском Союзе).....	481
Герасимова И.А. Ценности научного творчества и ценности религиозного опыта в перспективе культуры будущего.....	484
Глаголев В.С. Ценности науки в контексте религиозных установок.....	487
Доржигушаева О.В. Духовная экология как новая ниша религии в современном мире.....	490
Доценко А.А. Становление диалога науки и религии в российской литературе XVIII-XIX веков ...	492
Зубковская А.А. Наука и религия в символической философии Сьюзен Лангер.....	495
Лютаева М.С. Концепт «чудо» в христианской философской теологии: определения и актуальные подходы.....	498
Маркова Н.М. Термин «секта» в текстах XVIII-XX вв. (на материалах национального корпуса русского языка).....	501
Мартишина Н.И. В. И. Вернадский об отношении науки и религии.....	505
Матушанская Ю.Г. К. Маркс и Ф. Маутнер: секуляризация мистики.....	508
Оботуров А.В. ИмPLICITные основания богословского и научного мировоззрения современной России.....	511
Пересторонин В.А. «Православное обозрение» и проблемы изучения истории христианства русскими богословами второй половины XIX в.	514
Салахов А.Б. Платонизм в учении Оригена в отечественной историографии XIX века.....	517
Силантьева М.В. Ангажированное религиоведение. концептуализация понятия.....	519
Стецкевич М.С. Английский антикатолицизм: история и историография.....	524
Ткачев А. Н. Скептицизм и принцип фальсификации в вопросе о научности теологии.....	526
Чумакова Т.В. Наука и религиозная миссия: казус галльских пиетистов.....	529
Шахнович М. М. Сравнительная методология в науке о религии: pro et contra.....	532
Часть 10. Проблема феноменального сознания	536
Атакуев М.Н. Интероцептивная сторона феноменального опыта: между словом и телом.....	536
Барышников П.Н. Минимальный феноменальный опыт: на что указывает невыразимое?.....	539
Беседин А.П. Иллюзионизм и феноменальное единство сознания.....	543
Бобкова В.Е. Проблема рефлексии и самосознания в схоластике: дискуссия между Уильямом Оккамом и Уолтером Чаттоном.....	546
Васильев В.В. Существует ли в действительности "трудная проблема сознания"?.....	549
Горбачев М.Д. Иллюзионистский тезис об искажении: какой может быть иллюзия феноменальности?.....	552
Гусев А.А. Репрезентационализм и природа ментальных состояний.....	555
Девятко И.В. Роль дуалистических теорий сознания в современной аналитической философии.....	559
Зайкова А.С. Философский зомби и болотный мозг: различия в контексте ИИ-исследований.....	561

Зайцева Н.В. Феноменальное сознание и самосознание	564
Иванов Д.В. Подход эпистемологического дизъюнктивизма к пониманию сознательного опыта ...	566
Кузнецов А.В. Сознание без прямого доступа	570
Лимитовская У. Понятие иллюзии в иллюзионистских подходах в философии сознания.....	573
Логинов Е.В. Угрожает ли критика мифа о данном реализму в отношении феноменального сознания?	576
Мерцалов А.В. Аргумент Ф.Дрекке в пользу транспарентности феноменального сознания для интроспекции.....	579
Мусс А.И. Феноменальное сознание: за гранью феноменологии и сознания	582
Сысоев М.С. Общие схемы конституирования сознания в натуралистических подходах	585
Танюшина А.А. Теория расширенного познания и проблема феноменального опыта: современные интерпретации	589
Тарасенко Т.Н. Что, если зомби не могут существовать?	592
Фролов К.Г. Моральная перцепция: как это возможно	595
Черезова Е.Б. Синтаксический анализ ментальной причинности в ординальном натурализме	598
Яшин А.С. Могут ли директивные репрезентации быть осознанными?	602
Часть 11. Трансцендентализм и философия науки.....	606
Белоусов М.А. Жизненный мир, наука и кризис языка	606
Бондарев Д.Е. Трансформация естественно-научных понятий в философии Э. Кассирера.....	609
Евстигнеев М.Д. Теория опыта Дж. Макдауэла	613
Житкова К.В. Символическая функция сознания как основание точных наук в философии символических форм Э. Кассирера	615
Катречко С.Л. Кантовский трансцендентализм как метафизика возможного опыта и ее рецепция в современных реалистических концепциях науки.....	619
Мёдова А.А. Трансцендентальный метод в теологии: на примере концепций И. Канта и Б. Лонергана	622
Мишагин П.А. Трансцендентальная методология применительно к праву: моральный закон, естественное и позитивное право в контексте правовой эпистемологии	625
Паткуль А.Б. Понятие предмета У Э. Ласка в контексте его интерпретации «коперниканского деяния» И. Канта.....	629
Попов Д.Н. Трансцендентально-феноменологический подход к научному познанию и концепция цельного знания в русской философии	632
Серкова В.А. «Рассредоточенное многообразие мира» (феноменологический опыт аналитики реального)	634
Шамарина Е.Т. Подход М. Фридмана к анализу физических теорий.....	637
Шиян А.А. Феноменологическое познание в свете современных кантовских интерпретаций.....	640
Часть 12. Философские проблемы публичной научной коммуникации	644
Бояркин З.В. Понятие научного мифа в контексте публичной научной коммуникации	644
Брусенцева В.В. Принципы аудимальной демократии в современном научном сообществе.....	647
Вишняков Д.А. Границы «лабораторной» и «полевой» социальной науки и способы их преодоления в контексте критической теории.....	650
Воронина Н.Н. Проблема образа науки и ученого в многообразии общества	654

Дмитриев И.С. Публичность как суррогат доказательности	656
Жарова Е.Ю. Университетские естественнонаучные журналы в Российской империи первой половины XIX в.: спор о языке	660
Куприянов В.А. Наука и образование в первом проекте Г.В. Лейбница для Петра I: коммуникативные аспекты	663
Ларина Е.Д. Гражданская наука как феномен научной коммуникации.....	666
Мальшкин Е.В. Бесконечное и беспредельное: нежность Джульетты.....	670
Милославов А.С. Распределенное знание, как сфера коллективной ответственности научного сообщества: коммуникативный аспект	674
Неаполитанский М.С. Кто представляет планету: проблемы публичной научной коммуникации в контексте наук о земле.....	677
Петров И.В. Этика искусственного интеллекта и научная коммуникация.....	680
Петров К.С. Репрезентация науки и технологий в коммуникативном пространстве города.....	684
Прокудин Д.Е. Формирование электронного пространства публичной научной коммуникации.....	687
Сахарова А.В. Расширение границ: модели научной коммуникации и их контексты	691
Смагина Г.И., Юсупова Т.И. Опыты академической коммуникации: от публичных лекций XVIII в. к популяризации результатов научной деятельности в 1920-х гг.	693
Собка А.А. Публичные провокации в науке: определение и постановка проблемы.....	696
Сорокина М.А. Понимание между акторами в научной коммуникации: возможные направления философской работы.....	699
Столярова О.Е. Экспертное знание между авторитетом и автономией	702
Техов Д.А. Научное и художественное познание – способы и проблемы различения в исторической науке	705
Чеботарева Е.Э. Распределенное познание в публичной научной коммуникации: растущая роль технических агентов	709
Шапиро О.А. Парадокс критического мышления как коммуникативная проблема.....	712
Шапошникова Ю.В. Философия и общество: потребность в диалоге и проблема коммуникации ...	715
Шиповалова Л.В. Публичная научная коммуникация – проблема концептуальной неопределенности	718
Шкорубская Е.Г. Ученый на публике: баланс символического капитала	721
Часть 13. Системные исследования в России. К 90-летию со дня рождения В.Н. Садовского ..	725
Грифцова И.Н., Сорина Г.В. О понятии «система» и системном движении в России	725
Сорина Г.В., Гуров Ф.Н. Системный подход к рг-деятельности: от интегрированных коммуникаций к коммуникациям интегративным.....	728
Дружинин А.М. Медиатизированные научные коммуникации: к постановке проблемы	732
Линьков В.В. Возможности применения системного подхода к исследованию предпосылок убедительности научного знания	735
Оботурова Н.С. Системная парадигма в современных социальных исследованиях в России	738
Рашкин М.Н. Образ будущего России: взгляд гражданского общества	741
Тищенко В.И. О трансформации системной парадигмы (перечитывая классику)	745
Ярмак Ю.В. Системный характер богдановской тектологии и современность	748

Часть 14. Мифологизация цифровых технологий	751
Алиев Р.Т. Когда пиксели превращаются в мифы: взгляд на философию интерфейса в эпоху цифрового тотемизма.....	751
Артамонов Д. С., Тихонова С.В. Цифровая мифология медиапамяти.....	754
Барбашина Э.В. Барьеры на пути дистанционного образования.....	758
Блинова О.А. Метавселенная: современный миф или будущая реальность	761
Ветютнев Ю.Ю. О подлинном и мнимом влиянии цифровизации на ценностный кризис в праве...	764
Воробьёва А.Д. Как возможно возникновение романтического желания по отношению к искусственному интеллекту (на примере фильма «Она»).....	767
Дробышева Е.Э. «Что в имени тебе моем?»: особенности персонального нейминга эпохи метамодерна.....	770
Дыдров А.А. Мифологии искусственного интеллекта. подобие	773
Иванов А.Г. Выставка-форум «Россия» как пространство мифологизации.....	776
Квятковский Г.Ю. Евгенический миф как основание современной инженерно-технической деятельности.....	780
Копанева В.А. Влияние цифровых технологий на социальное признание.....	782
Миляева Е.Г. FEMINA EX MACHINA: зачем исследовать «любовь» человека и ИИ?	785
Пеннер Р.В. Нейросеть – инструмент, актант, компаньон?.. ..	788
Резвушкина С.А. Миф о «живом» цифровом: проблема инверсии онтологических статусов и её последствия.....	791
Сергеева О.В. Воображаемый мир технологий и инфраструктур в визуальных отчетах альтернативных туристов.....	795
Труфанова Е.О. Проблема «бестелесности» субъекта в цифровой среде.....	797
Цельковский А.А. Специфика мифологизация образов советского прошлого в российской медиасреде	800
Часть 15. Академическая династия как специфическое научное сообщество	804
Антошук И.А. Семьи советских математиков: дискурсивные конструкции супружеских отношений	804
Валькова О.А. Семья инженеров/ученых субботиных перед лицом великой революции: стратегии преодоления	807
Ермолаева Е.О., Зеликин Н.В. История одной фотографии. о семье заслуженного профессора Московского университета Александра Ивановича Чупрова.....	809
Захарчук П.А. Профессиональные модели научного сотрудничества супружеских пар (на примере историков металлургии)	813
Ильина К.А. Учитель и ученики: способы выстраивания научной коммуникации на семинаре по классической филологии в России 1830–1850-х годов.....	816
Овчарова Е.Э. О феномене семьи Келдышей-Новиковых.....	818
Перекотин В.М. Научная семья Е.И. Дружининой (Чистяковой) и Н.М. Дружинина: профессиональные и политические коннотации.....	821
Помелова М.А. Семья и наука: «высокие отношения...»	824
Рыбак В.М. Роль семьи в ранней профессиональной социализации учениц физико-математических школ в позднем СССР.....	826
Сергеев В.Н. Друг, товарищ и брат профессор Д.А. Зильбер: родственные и дружественные связи в карьере советского учёного в первой половине XX века.....	829

Сорокина М.Ю. От семьи беженцев к академической династии: опыт русского научного зарубежья XX века.....	831
Трофимова В.С. Семья математиков и военных инженеров Елены и Дмитрия Вентцелей в первые годы после смерти Сталина: конец или развитие	834
Трофимова Т.Н. Семья ученых-физиков Пауля Эренфеста и Татьяны Афанасьевой-Эренфест в условиях кризиса рубежа 1920-1930-х годов: возможность и невозможность выживания.....	837
Часть 16. Дар и донорство как научная, философская и медицинская проблема.....	842
Антипов А.В. Орган как дар в эпоху биокапитализма	842
Желнова А.М. Метафизика дара и донорство ооцитов: биоэтические проблемы и перспективы	845
Лаврентьева С.В. Метафоры телесности в трансплантологии.....	848
Патракова А.П. Завещание себя науке: эпистемологические и аксиологические аспекты донорства тела в образовательных целях.....	851
Сергиенко С.К. Случай JANI MCMATH и дальнейшее развитие концепции смерти мозга	855
Сидорова Т.А. Институциональные подходы к решению проблемы нехватки органов: изучение ценностей и мотиваций в дискурсе о донорстве органов.....	858
Болотникова Е.Н. Дар и доверие.....	863
Попова О.В. Реляционная (семейная) модель органного донорства: китайский опыт.....	865
Попов С.В. Трансплантационные технологии и экономика дарения: сравнительный анализ экономики органного донорства в различных странах.....	868
Часть 17. Наука в современном мире: критерии и нормы в эпоху ПостИстины	872
Бабина Д.А. Трансформация диалога как способа познания в ситуации постистины	872
Бакулов В.Д., Силенко С.В. Квазинаука как девиация исследовательской деятельности в эпоху постистины.....	875
Волков Ю.К. Критерии легитимности научного знания в обществе постмодерна (к 100-летию Ж.-Ф. Лиотара)	879
Денисов Р.А. Науковедческие центры как инструмент производства нового научного знания (на основе биографического анализа и актуализации наследия крупных ученых) и профилактики распространения псевдонаучных идей.....	882
Кириллов А.А. Тиражирование и подделка: пост-истина как «новое» поле для исторического воображения?.....	885
Кириллова О.С. Постистина как проблема музейной и выставочной деятельности	888
Кузнецов И.О. Понятие «постистины» в работах С. Фуллера	891
Липец Е.Ю. Наука о культуре: современные рефлексии	893
Мельников Д.Р. Хилари Патнэм о специфике философии в «век науки»	895
Михайлов А.Д. Специфика современных философских и научных подходов к психофизической проблеме.....	897
Ненашева М.В. К вопросу о роли не-эпистемологических ценностей в развитии современной науки	900
Пашенко О.В. Девиация критериев науки в эпоху консьюмеризма.....	903
Плахотнюк Я.А. Культурно-историческая эпистемология – панацея в эпоху постистины?	905
Погожина Н.Н. Нормативность научной истины: анализ современных конвенций	908
Подгорная М.Г. Специфика исследования античности в цифровую эпоху: новые возможности и ориентиры	910

Рузанов И.В. Симулятивно-игровые способы формирования постистины	914
Стасенко В.В. Философский анализ феномена «альтернативного естествознания» как направления в российской паранауке конца XX – начала XXI вв.	917
Трохимчук Е.А. Границы постправды: идеи Б.Латура	920
Шимельфениг О.В. Наука в эпоху постистины.....	923
Часть 18. Юмор в науке	926
Бральнин Д.О. Комическое переосмысление образов писателей-классиков в современных медиатекстах	926
Логиновская Ю.В. Парадоксальное мышление в науке: зачем ученому парадоксы?	929
Николина Н.В. Юмор и социальные границы науки	932
Поляк Ю.Е. О серьезном и несерьезном в (около)научной литературе.....	935

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

СОПРОТИВЛЕНИЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
В ТВОРЧЕСТВЕ Б. ЛАТУРА И Э. ПИКЕРИНГА

Абрамычев М.М.

Аспирант кафедры философии

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Преподаватель кафедры философии и общественных наук

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

E-mail: abramychevmm@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению понятия неопределенности в перспективе творчества Б. Латура и Э. Пикеринга. Отмечается, что многогранность проявлений неопределенности в научном познании может быть проанализирована с позиций акторно-сетевой теории и онтологии становления, что позволяет взглянуть на неопределенность с нового ракурса. На основе анализа работ Б. Латура обозначается фиксация акторно-сетевой теорией агентности внутри материального мира, проявляющейся в свойстве объектов сопротивляться испытаниям. Отдельно замечается, что разработка Латуром данной онтологической модели предполагает устранение устоявшейся расстановки акцентов, где субъект занимает более привилегированное положение по отношению к пассивному объекту. Демонстрируется аналогичная позиция Э. Пикеринга, согласно которой ассиметричная схема субъект-объектного дуализма должна быть пересмотрена с позиции онтологии становления, подразумевающей децентрированное сосуществования человеческого и нечеловеческого. Проявление онтологии становления иллюстрируется посредством реконструкции взглядов Пикеринга на специфику научной практики, функционирующей посредством диалектики сопротивления и приспособления. В заключение предлагается вывод, согласно которому в свете проблематики плоских онтологий онтологический и гносеологический контекст неопределенности смешиваются, что позволяет нам говорить о гибридной неопределенности.

Ключевые слова: онтологическая неопределенность, гносеологическая неопределенность, сопротивление, плоские онтологии, акторно-сетевая теория, Бруно Латур, Эндрю Пикеринг.

RESISTANCE AND UNCERTAINTY
IN THE WORKS OF B. LATOUR AND E. PICKERING

Abramychev M.M.

PhD student, Department of Philosophy, Faculty of Physics

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Lecturer of Department of Philosophy and Social Sciences

Nizhny Novgorod State Pedagogical University K. Minina

E-mail: abramychevmm@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of the concept of uncertainty in the perspective of B. Latour and E. Pickering's work. It is noted that the multifaceted manifestations of uncertainty in scientific cognition can be analyzed from the standpoint of actor-network theory and "ontology of becoming", which allows us to look at uncertainty from a new perspective. Based on the analysis of B. Latour's works, the actor-network theory identifies the fixation of agency within the material world, manifested in the property of objects to resist tests. It is separately

noted that Latour's development of this ontological model implies the elimination of the established arrangement of accents, where the subject occupies a more privileged position in relation to the passive object. A similar position of E. Pickering is demonstrated, according to which the asymmetrical scheme of subject-object dualism should be reconsidered from the position of the ontology of becoming, which implies a decentered coexistence of the human and non-human. The manifestation of an ontology of becoming is illustrated through a reconstruction of Pickering's views on the specificity of scientific practice functioning through a dialectic of resistance and accommodation. Finally, a conclusion is proposed according to which, in the light of the new ontologies, the ontological and epistemological contexts of uncertainty are blended, allowing us to speak of hybrid uncertainty.

Keywords: ontological uncertainty, epistemological uncertainty, resistance, new ontologies, actor-network theory, Bruno Latour, Andrew Pickering.

Понятие «неопределенность» имеет многогранный пласт толкований в рамках современной философии и науки, что отмечается в ряде отечественных и зарубежных исследований. Имеющимся затруднениям по утверждению однозначного и универсального определения данного понятия способствует сам факт многоликости неопределенности, проявляющейся в разных видах в зависимости от ситуации. Если представить ось субъект-объектных отношений, то на каждом из полюсов данной оси неопределенность будет иметь разное проявление, перетекая из сугубо гносеологического понимания в онтологическую трактовку и обратно [1]. В одном случае мы будем говорить о неопределенности как об относительности имеющегося знания, в другом случае о нестабильных свойствах объектов материального мира. Здесь не забудем также и о трудностях, возникающих в процессе коммуникации между субъектами научного познания, что может привести к неопределенности внутри коммуникации. В этой связи представляется необходимым рассмотреть иной взгляд на понятие неопределенности, который может содержать важные для последующей дискуссии аспекты.

В рамках проекта акторно-сетевой теории (далее – АСТ), наиболее ярким представителем и идеологом которой следует назвать Б. Латура, предлагается альтернативный подход к рассмотрению роли материальных объектов и, как следствие, особенностей функционирования сферы производства научного знания. Для Латура и в целом для АСТ ключевым является неизбежность устранения дистанции между субъектом и объектом, обществом и природой, человеческим и нечеловеческим. Элиминация основополагающего для классической философии и науки разрыва открыла новые горизонты для последующей интеллектуальной работы по конструированию «плоских онтологий», в которых человек становится равнозначной частью масштабного ансамбля материальных и идеальных объектов, чем в наиболее показательном виде занимается объектно-ориентированная онтология Г. Хармана [2]. Устранение разрыва стало возможным благодаря факту признания за объектами агентности, что, по сути, означает возможность становиться действующей силой для мобилизации других акторов. С точки зрения Латура, актором может оказаться как человек, так и нечеловек, а значит в рамках субъект-объектной дихотомии за субъектом более не сохраняется привилегия по образованию сети. Последнее иллюстрируется рядом примеров из истории науки и внедрения научных инноваций.

Делегирование Латуром агентности материальному миру неизбежно приводит к ряду онтологических следствий, что по всей логике должно затрагивать также и науку. Как заметил ранее упомянутый Г. Харман, французский исследователь своим жестом «возвращает сопротивление вещам, и в этом заключается его привлекательность» [3, с. 24]. Действительно, наиболее наглядным проявлением агентности нечеловеческих акторов становится их возможность сопротивляться испытаниям [4]. В этом аспекте кроется то различие, которое отличает естественные и социальные науки. Для естественных наук более характерно сопротивление объектов исследования, поскольку исследуемый материальный мир функционирует по собственным законам, далеко не всегда пересекающимся с желаниями ученых, что с рядом оговорок сложно сказать о социальных науках. Так или иначе, сопротивление объектов формирует новый онтологический горизонт, в котором сама реальность имеет возможность возражать человеческим намерениями. Не случайно, замечает Латур, «реальность, как показывает латинский корень *res*, – это то, что *resists*, сопротивляется. Чему она сопротивляется? Испытаниям силы» [5, с. 158]. Здесь не сложно заметить точку разрыва с конструктивизмом, поскольку сама возможность сопротивления является сигналом ускользания от познавательной деятельности некоторого аспекта реальности, который таким образом и обнаруживает себя. Впрочем, будет поспешным причислять Б. Латура к реалистам, так как сам по

себе материальный мир становится видимым посредством включения в сети взаимодействия с другими акторами, а это зачастую невозможно без человеческого со-участия. Последнее иллюстрируется примером взаимодействия Луи Пастера и микробов, где агентность проявлялась с разных сторон (микробы активно сопротивлялись намерениям Пастера), что, в конечном счете, приводит к общемировой практике «пастеризации», в которой уже сложно распознать чисто человеческое или нечеловеческое влияние [6].

Схожий взгляд мы обнаруживаем и у Э. Пикеринга, являющегося сторонником поворота к материальному. Пикеринг, в чем он вторит Латуру, заявляет о неэффективности субъект-объектного дуализма, в котором субъект занимает привилегированное положение. Стоит заметить, что асимметричная модель дуализма не отрицается социологом, поскольку она остается присущей исключительно определенному историческому этапу развития интеллектуальной мысли и представляет собой одну из, пусть и ошибочных, но вариаций «онтологии становления». Онтология становления в подлинном смысле предполагает иной расклад сил, построенный на децентрированном процессе «становления человеческого и нечеловеческого» [7, с. 162]. Таким образом, в субъект-объектной паре более не должно быть привилегированной инстанции в плане возможности к действию, так как человек и окружающий мир включены в общий контекст сосуществования. Картина, складываемая из взглядов Б. Латура и Э. Пикеринга, в полной мере соответствует ситуации «постнеклассического» научного познания, в котором человек, по справедливому замечанию В.С. Степина, обнаруживает себя в качестве неотъемлемого элемента природы [8, с. 625].

Проявление модели онтологии становления в сфере производства научного знания обозначается в качестве «диалектики сопротивления и приспособления», являющейся частью того, что Пикеринг называет «the mangle of practice» [9, p. 569]. Сопротивление и приспособление подчеркивают важную особенность научной практики, представляющей собой «вальцы» (the mangle) или ряд процедур искажения на пути к научным знаниям и инновациям. Так, процесс создания пузырьковой камеры Д. Глейзером для работы со «странными частицами» (strange particles) не представлял собой беспроблемную дорогу на пути к реализации задуманной идеи. Напротив, исследование Пикеринга показывает, как в своем предприятии Глейзер непременно сталкивался с препятствиями (сопротивлениями), не позволявшими на первых парах зафиксировать следы быстрых заряженных ионизирующих частиц с помощью пузырьковой камеры [9]. Каждый раз сопротивление проявлялось по-разному, но для британского социолога и философа науки сопротивление обозначают общие места столкновения ожиданий с нестабильной реальностью, к которой ученый, как и в случае с Глейзером, вынужден приспособляться. Если продолжить данную логику рассуждения, то можно заметить одну деталь, возвращающую нас к теме неопределенности. Когда Д. Глейзер приступил к разработке пузырьковой камеры, результат, несмотря на имеющиеся ожидания ученого, был до последнего не определен. Прежде чем пузырьковая камера смогла выполнять свои функции, был осуществлен долгий процесс «переговоров» и «приспособлений», в результате которых человеческое и нечеловеческое слились в единый гибрид. Тем самым процесс становления на каждом из этапов мог развернуться в совершенно противоположном направлении, что в дальнейшем способствовало бы переопределению результатов научной деятельности.

Материальный объект, сопротивляющийся лабораторным испытаниям, провоцирует ситуации неопределенности, в рамках которых ученый вынужден перестраивать исследовательскую деятельность. С такой точки зрения мы приходим к онтологической неопределенности, подобно гейзенберговской неопределенности, выражающейся, как было отмечено в самом начале, в непредсказуемости объектов материального мира. Данный вывод будет справедлив лишь отчасти, поскольку, как замечает Столярова О.Е., в новых подходах, основанных на симметричном статусе субъекта и объекта, «онтологические и эпистемологические вопросы оказываются соответствующим образом «смешанными»» [10]. Если онтологическое понимание неопределенности в перспективе работ Б. Латура и Э. Пикеринга является вполне понятным в виду свойства объектов сопротивляться намерениям ученых, то смешение онтологической и гносеологической перспектив в контексте неопределенности может не показаться очевидным. На наш взгляд, дело заключается в том, что в контексте представлений о материальной агентности классическое взаимоотношение субъекта и объекта в научном познании устраняется. Устраняется сама возможность ситуаций активной познавательной направленности субъекта на пассивный объект с целью получения знания о последнем. Познавательная ситуация конструируется как со-раскрытие, коэволюция всех элементов, образующих в конечном итоге гибриды. Неопределенность здесь следует трактовать в качестве ситуации, когда все элементы познавательной ситуации не могут «договориться», когда объекты сопротивляются, а ученые не могут приспособиться к сопротивлениям. В конечном итоге будет

уместным заявить о гибридизации неопределенности, которая свидетельствует об отсутствии стабилизации в конкретном познавательном акте. Иными словами, неопределенность есть ситуация разногласия между акторами, – когда нет понимания того, сложатся ли взаимодействия между акторами в «черный ящик», сможет ли Д. Глейзер создать пузырьковую камеру и с помощью нее фиксировать движение частиц или нет. Данные ситуации становятся наиболее привлекательными для АСТ, поскольку именно в них мы можем увидеть реальную изнанку интересующей нас практики [11]. Таким образом, гибридизации неопределенности подчеркивает одновременное смешение проявлений сопротивления материального мира и ответный поиск вариантов переформатирования познавательной деятельности для приспособления в рамках одного акта. Сплавление онтологических и гносеологических аспектов неопределенности в перспективе современной онтологической проблематики неизбежно, а значит необходимо сосредоточить работу на разработке новых подходов по структуризации исследований понятия неопределенности в рамках современной науки и философии.

Список литературы

1. *Дорожкин А.М., Соколова О.И.* Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 5-12.
2. *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Ад Маргинем Пресс, 2021. 270 с.
3. *Харман Г.* Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. № 3(118). 2017. С. 1-34.
4. *Latour B.* When things strike back: a possible contribution of 'science studies' to the social sciences. // British J. of Sociology. L., 2000. Vol. 51, N 1. P. 107-123.
5. *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
6. *Латур Б.* Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
7. *Пикеринг Э.* Новые онтологии // Логос. № 3(118). 2017. С. 153-172.
8. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М. 2000. С.619-636.
9. *Pickering A.* The Mangle of Practice: Time, Agency and Science. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1993. P. 559-589.
10. *Столярова О.Е.* Социальный конструктивизм: онтологический поворот (послесловие к статье Б. Латура). Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3. С. 39-51.
11. *Venturini T.* Diving in Magma: How to Explore Controversies with Actor-Network Theory // Public Understanding of Science. 2010. Vol. 19. № 3. P. 258–273.

РОЛЬ НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ В НАУЧНОМ ПОИСКЕ

Бодров А.Л.

*Кандидат социологических наук, магистр кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: abodrov@bk.ru*

Аннотация. В статье делается попытка определить роль неявного знания в научном поиске. Проведённый анализ показал, что на допроблемном этапе неявное знание может являться основанием проблемной ситуации в качестве знания о существовании проблемы, ещё неопределённой. В процессе научного поиска неявное знание образуется путём интериоризации внешних событий в интегративное внутреннее понимание, позволяющее определить, существуют ли проблемы. Такое понимание помогает в дальнейшем их сформулировать. Неявное знание также может проявляться в форме догадок на этапе решения проблем. Решения – это неопределённый компонент на данном этапе. Догадки могут быть доработаны до решений. Приоткрывая

существование проблем, а также способствуя их решению, неявное знание влияет на рост научного знания.

Ключевые слова: неявное знание, научный поиск, проблемная ситуация, интериоризация, догадка, неопределённое

THE ROLE OF TACIT KNOWLEDGE IN SCIENTIFIC SEARCH

Bodrov A.L.

CSc in Sociology, Master of Philosophy Department

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: abodrov@bk.ru

Abstract. The article attempts to determine the role of tacit knowledge in scientific search. The analysis showed that at the pre-problem stage tacit knowledge can be the basis of a problem situation as a knowledge about existence of a problem that is still uncertain. In the process of scientific search, tacit knowledge appears by interiorization of external events into integrative internal understanding that allows to determine whether any problem exist or not. This understanding helps to formulate the problems in the future. Tacit knowledge can also appear in the form of a guess during the problem-solving phase of scientific search. Problem solutions are the uncertain component at this stage. Guesses can be refined into solutions. By revealing the existence of problems, as well as contributing into finding their solutions, tacit knowledge impacts scientific knowledge growth.

Keywords: tacit knowledge, scientific search, problem situation, interiorization, a guess, uncertain

Дискурс неявного знания в науке активно развивался в XX веке и, в особенности, на протяжении последних нескольких десятков лет в социологии науки (Г. Коллинз, Т. Пинч и другие). Несмотря на это, корни понятия «неявное знание» можно найти в философии. В частности, в XIX веке, где выделим идеи экзистирования С. Кьеркегора, философию жизни В. Дильтея и практическую деятельность в марксизме.

Развитие концепции неявного знания является проявлением эволюции понятия «рациональность», когда классическая рациональность, основанная на методах естественнонаучных дисциплин, постепенно расширялась за счёт включения неклассических компонентов, таких как интуиция, переживание, жизненный опыт. В итоге, наряду с объективным знанием постепенно крепла роль неявного знания как компонента научной деятельности. Этот процесс продолжается и на современном этапе в постнеклассической рациональности.

Термин «неявное знание» введён М. Полани в середине XX века, и после этого не ослабевают попытки его дополнить и применить как в науке, так и в других областях, например, в религии, архитектуре или поэзии.

В этой статье мы затронем лишь одну область проявления неявного знания – научный поиск, понимаемый как деятельность по выявлению, постановке и решению проблем. Вопросы, на которые мы постараемся ответить: каковы особенности неявного знания в научном поиске, и на каком этапе оно проявляется?

Основная идея М. Полани состояла в том, что кроме артикулируемого знания мы обладаем большой областью неартикулируемого, и знаем больше, чем можем рассказать. Развивая идеи М. Полани, социолог науки Г. Коллинз разработал классификацию неявного знания в зависимости от возможности его выразить. Реляционное знание, например, особенность научного эксперимента, можно полностью сформулировать. Поэтому это «слабый» тип неявного знания. Более «сильные» типы неявного знания, соматическое (телесное) и коллективное, сложнее выразить полностью [1, p. 85-138]. Из этих трёх типов к научному поиску ближе всего реляционное знание, так как Г. Коллинз, говоря о нём, в основном приводит примеры научных экспериментов. Поэтому сосредоточимся на этом типе неявного знания.

На первый взгляд, рассматривая реляционный тип знания, трудно согласиться с Г. Коллинзом, что оно относится к неявному, даже в «слабой» форме. Дело в том, что реляционное знание в описании Г. Коллинза – это уже существующее знание, которое можно вербально и визуально выразить. Такое знание может быть недоступным для других, или просто ими не понято под влиянием социальных и культурных факторов. Это, например, ситуация, когда одна группа учёных проводит эксперимент

успешно (критерии успешности при этом известны). А другая группа, пользуясь его формальным описанием, не может получить такие же результаты. Причина может быть в формально незафиксированных экспериментальных особенностях, которые передаются только в ходе личного контакта.

И действительно, на примере эксперимента московской группы учёных-физиков под руководством В. Брагинского по измерению добротности (Q) сапфира для разработки высокочувствительных интерферометров, Г. Коллинз указывает на такие знания. Они были критичными для британских учёных в Глазго, которые не смогли повторить московский эксперимент, не имея возможности наглядно посмотреть ход работ. В этих экспериментах кристалл сапфира крепился в вакуумной камере на подвесе. При этом, должен был выполняться ряд особенностей, а именно: очень короткая длина подвеса, причём, из китайского шёлка [2, р. 79-80]. Этого не было в описаниях эксперимента.

Поэтому Г. Коллинз сделал вывод, что успешному воспроизведению научных результатов могло бы способствовать небольшое дополнение к информации, содержащейся в экспериментальных отчетах [2, р. 71]. Это дополнение и есть «слабый» тип неявного знания. Подобная трактовка отражает ситуацию, когда учёные-экспериментаторы знают больше, чем могут рассказать другим учёным, проводящим подобные эксперименты.

Отметим также, что в примерах «слабого» неявного знания Г. Коллинза проблема уже обычно сформулирована. И учёные экспериментальными методами пытаются найти решение этой проблемы, проверяя выдвинутые гипотезы. По нашей оценке, Г. Коллинз в основном говорит о завершающем этапе научного поиска, этапе проверки или верификации.

Но в научном поиске есть и другой, не менее, а, возможно, и более важный этап. Это анализ проблемной ситуации, первый этап научного поиска, когда проблема начинает проявляться, но ещё не сформулирована. Как отмечает А.М. Дорожкин, этот этап научного поиска важен тем, что проблемная ситуация может быть источником не одной, а сразу нескольких различных проблем [3, с. 295]. Такое понимание допроблемной ситуации, на наш взгляд, соответствует трактовке М. Полани о том, что опыт в науке не подчиняется ни одной точной теории. Каждый учёный видит проблему под углом своего собственного стремления к открытию [4, р. 21]. Проанализируем, есть ли неявное знание на допроблемном этапе научного поиска, дополнив с философской точки зрения подходы социологов.

Для этого воспользуемся разъяснением М. Полани из его работы «Неявное измерение», где он ссылается на противоречие из диалога «Менон» Платона [4, р. 22]. Это противоречие заключается в абсурдности поиска решения проблемы в двух случаях. В первом – человек знает, что он ищет. А во втором – не знает, что искать, поэтому не может и ожидать найти чего-либо. В обоих случаях проблемы не существует. Решение, предложенное Платоном, состоит в припоминании душой того, что было выучено не в этой жизни, в мире идей. Поэтому в человеке должны жить истинные мнения, которые могут стать знаниями, если их «разбудить вопросами» [5, с. 596]. По утверждению М. Полани, здесь присутствует неявное знание, разрешающее парадокс «Менона». Это решение состоит в осознании того, что есть что-то скрытое, что мы можем еще обнаружить. Неявное знание позволяет нам познать нечто неопределённое, что может являться проблемой. В данном случае, на наш взгляд, неявное знание является основанием проблемной ситуации. И верным является утверждение М. Полани, что, если все наши знания являются явными, то есть могут быть ясно сформулированы, мы не можем знать проблему или искать ее решение [4, р. 22].

К примеру, планета Нептун была впервые зафиксирована в XIX веке немецким астрономом И. Галле только после того, как были получены данные об отклонении Урана от своей орбиты. Это отклонение вело к догадке, что на Уран может влиять неопределённый объект, но какой именно – было ещё не открыто. Отклонение помогло определить проблему дальнейшего поиска, после чего французский математик У. Леверье высказал ряд предположений, среди которых была гипотеза, что на Уран может влиять неизвестная планета [6, с. 139]. Догадку о влиянии неопределённого объекта на Уран можно рассматривать в качестве неявного знания в трактовке М. Полани, когда есть что-то скрытое, о чём люди подозревают, но до определённого времени не могут выразить. В данном случае проблема еще не сформулирована. Это и есть проблемная ситуация, начальный, допроблемный этап научного поиска.

Попробуем выяснить, есть ли неявное знание на этапе научного поиска, когда проблема понятна и требуется её решение? В контексте платоновского «Менона» М. Полани также рассматривает такую ситуацию проявления неявного знания, когда проблема уже существует. В данном случае мы догадываемся, что проблема указывает нам на что-то скрытое, неопределённое. И мы можем осознавать скрытые проявления научного открытия [4, р. 23].

Не секрет, что многие научные открытия сопровождаются озарением. Но обычно перед этим учёные долго и сосредоточенно работают над уже существующей проблемой. Такой период ещё называют этапом подготовки, когда всестороннее изучение и уточнение проблемы предваряет открытие. Разъясняя концепцию творческого процесса, Г. Уоллес приводил слова Г. Гельмгольца о том, как к нему приходили новые идеи. Это происходило без каких-либо усилий, но только после тщательного изучения определённого вопроса во всех деталях, а также следующего за этим промежутка времени, когда он вообще ничего не обдумывал [7, р. 80]. Этот этап был назван инкубацией, когда происходит «созревание» идеи. А далее – её спонтанное проявление или озарение. Но такие идеи – это лишь отправные точки для дальнейших работ [7, р. 81]. Это могут быть догадки о том, что существует решение проблемы. Но это решение пока неопределенно. Как справедливо отмечает А.М. Дорожкин, на следующем после озарения этапе происходит доработка догадки до оформленного решения проблемы [3, с. 59].

Такая догадка на стадии решения проблемы отличается от допроблемной ситуации, когда неявное знание свидетельствует о существовании неопределённой ещё проблемы, либо ряда проблем. Возвращаясь к пониманию неявного знания М. Полани, отметим, что оно предполагает процесс интериоризации, внутреннее объединение не замечаемых многими явных внешних частных. Такое объединение даёт в итоге интегративную картину – неявное знание, свидетельствующее о чём-то неопределённом, в которое можно попытаться проникнуть, грамотно сформулировав проблему. И здесь корректно утверждение Г. Коллинза о том, что явное знание лежит в основании неявного, так как в процессе интериоризации усваиваются внешние частности, которые мы можем увидеть, услышать или почувствовать. Такое понимание неявного знания подходит как для допроблемного этапа, так и для этапа решений проблем.

Таким образом, неявное знание относится к различным этапам научного поиска. На допроблемном этапе это знание о существовании проблемы, которая ещё не сформулирована и является неопределённой. Неявное знание – это субъективный элемент научного поиска, и в качестве основания проблемной ситуации ведёт к последующей формулировке проблемы, либо ряда проблем. На этапе решения проблем неявное знание может выступать в качестве догадок о существовании решения проблемы. Такие догадки требуют последующей доработки до решений. При таком понимании предлагаем рассматривать неявное знание как элемент научного поиска, обеспечивающий рост научного знания.

Список литературы

1. *Collins H.M.* Tacit and Explicit Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 186 p.
2. *Collins H.M.* Tacit Knowledge, Trust and the Q of Sapphire // *Social Studies of Science*. 2001. 31 (1). P. 71-85.
3. *Дорожкин А.М.* Проблемная концепция научного поиска. Дис. на соиск. уч. степени доктора филос. наук. Н. Новгород, 1993. 308 с.
4. *Polanyi M.* The Tacit Dimension. New York, Garden City: Doubleday & Company Inc. 1966. 104 p.
5. *Платон.* Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др. М., 1990. 860 с.
6. *Гребенников Е.А., Рябов Ю.А.* Поиски и открытия планет. М., 1975. 216 с.
7. *Wallas G.* The art of thought. London: Butler and Tanner, 1926. 320 p.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Болдин П.Н.

Преподаватель

АНПОО «Учебно-курсовой комбинат»

E-mail: bolprav@yandex.ru

Аннотация. Проблема статуса теоретического знания является одной из ключевых в современной философии науки. В работе предлагается путь решения данной проблемы для научного знания о природном бытии, который основывается на семиотическом подходе. Суть данного подхода в интерпретации природных феноменов, являющихся

предметом познавательной активности, в качестве знаков, а получаемого в процессе познания теоретического знания – как их семиотики. При этом различие типов теоретического знания интерпретируется как коррелят описания различных семиотических отношений, теоретические объекты теорий – как содержательная сторона этих отношений, а критерии истинности как механизм формирования соответствующих отношений. Несмотря на то, что для разных типов теоретического знания критерии истинности различны, семиотический подход позволяет их органично сочетать в едином подходе.

Ключевые слова: научное знание, теория, знак, семиотика, семиотические отношения, истина, концепции истины.

A SEMIOTIC APPROACH TO SOLVING THE PROBLEM OF THE STATUS OF THEORETICAL KNOWLEDGE

Boldin P.N.

Teacher

ANPOO "Educational and course complex"

E-mail: bolpav@yandex.ru

Abstract. The problem of the status of theoretical knowledge is one of the key issues in the modern philosophy of science. The paper suggests a way to solve this problem for scientific knowledge about natural existence, which is based on a semiotic approach. The essence of this approach is to interpret natural phenomena that are the subject of cognitive activity as signs, and theoretical knowledge obtained in the process of cognition as their semiotics. At the same time, the difference in the types of theoretical knowledge is interpreted as a correlate of the description of various semiotic relations, the theoretical objects of theories as the content side of these relations, and the criteria of truth as a mechanism for the formation of appropriate relations. Despite the fact that the criteria of truth are different for different types of theoretical knowledge, the semiotic approach allows them to be organically combined in a single approach.

Keywords: scientific knowledge, theory, sign, semiotics, semiotic relations, truth, concepts of truth.

Проблема статуса теоретического знания является одной из ключевых в современной философии науки и заключается в ответе на вопрос о «соотношении теоретического знания науки и реальности» [1, с. 7]. Спектр решения простирается от признания теоретического знания полезной фикцией до придания теоретическому знанию онтологического статуса выражения реальности дополнительной к эмпирической. Автором предлагается подход, основанный на семиотической интерпретации соотношения теоретического знания и реальности, который позволяет избежать указанных крайностей. Он является возрождением и развитием представления о реальности как Тексте и о познании как попытки понимания «смысла Текста Природы, который ... должен быть «расшифрован», исходя из символического языка природы» [2, с. 138-139]. Мы ограничимся рассмотрением познания природных объектов и будем говорить о природной (объективной) семиотике в отличие от привычной гуманитарной (субъективной). Любая гуманитарная семиотическая система, это некий материальный объект – к примеру, буквы языка — это начертания на бумаге или звук. В процессе семиозиса, то есть установления семиотических отношений, эти материальные объекты превращаются в семиотическую систему. С этих позиций можно рассматривать и природные феномены – это тоже некий материальный объект, а в процессе познания он предстаёт как семиотический объект: мы вычленим содержание знака (значения, смыслы, действия и т.д.) – теоретические объекты и раскрываем семиотические отношения – теории. Но в отличие от языка, содержание и семиотические отношения природной семиотики предзаданы человеку и выявляются в процессе познания.

В гуманитарной семиотике принято выделять следующие семиотические отношения – это синтаксис, семантика, прагматика и отношения, формирующие тип знака. Эти отношения в рамках семиозиса взаимосвязаны между собой таким образом, что семантика предполагает наличие синтаксических конструкций, в свою очередь возникновение прагматических отношений требует уже сформированной семантики, а тип знака определяется из отношения между его материальной основой и выражаемым содержанием, сформированным на предыдущих этапах семиозиса. Такую взаимосвязь можно назвать семиотической структурой знаковой системы.

Научное знание неоднородно, что выражается в дифференциации его на науки, различающиеся между собой типами теоретического знания. Природный феномен может быть предметом познания для различных наук, но при этом анализ показывает что, во-первых, таких наук всего четыре и, во-вторых, они связаны между собой в иерархическую структуру, в которой теории последующей в иерархии науки могут быть построены только на основе предыдущей в иерархии науки. Этими науками являются логика, математика, физика и дисциплинарное естествознание (химия, биология и т.п., далее – естествознание). Действительно, теории математики носят дедуктивный характер и для их построения абсолютно необходимы логические теории. В свою очередь математические теории абсолютно необходимы для построения теорий физики. Наконец, сами физические теории абсолютно необходимы для конструирования теорий естествознания.

Природный феномен мы рассматриваем как знак, а получаемые в процессе его познания теории разных наук мы рассматриваем как выражение его семиотики. Выявленная в результате анализа структура научного знания по своему принципу построения аналогична семиотической структуре в гуманитарной семиотике. То есть можно предположить, что дифференциация знания на различные теоретические типы в рамках предлагаемого подхода рассматривается как обусловленная тем, что разные теоретические типы выражают разные семиотические отношения присущие познаваемому природному феномену как знаку. Какой семиотический аспект (отношение) выражает каждый из теоретических типов знания можно понять, если сравнить полученную структуру научного знания с семиотической структурой из гуманитарной семиотики (будем рассматривать на примере естественного языка).

Действительно, характер логического знания аналогичен синтаксическим конструкциям языка. В синтаксисе языка основные единицы — предложения, сложные предложения строятся из простых посредством союзов. В логике аналогично: основные единицы — формулы (высказывания), сложные формулы строятся из простых посредством логических связей.

Семантика в языке является приданием содержания синтаксическим конструкциям: вычленяется структура предложения — части предложения, основу которой составляет связка подлежащее-сказуемое, которым придаётся содержание — значение и смысл. Точно также и в математике — в формуле вычленяется субъект-предикатная структура, которым придаётся содержание: субъект и предикат интерпретируются в зависимости от изучаемой математической предметности (числа, геометрические формы и их отношения).

Прагматика языка предполагает использование семантически означенных конструкций для выражения намерений и совершения действий в процессе речевой деятельности. Аналогично в физике математические конструкции (являющиеся аналогом семантически означенных конструкций как было показано выше) описывают движения и действия в природных процессах.

Знаковая часть в языке строится из букв, фонем и т.д. Аналогично этому, в естествознании при описании материальной организации природных объектов основной теоретической конструкцией является атомизм — описание организации посредством выявления предельных элементов, роль которых в материальной организации очень напоминает роль букв в языковых конструкциях.

Проведённое сравнение показывает, что научное знание по своей структуре и характеру теоретических конструкций идентично семиотической структуре языка, при этом разные типы теоретического знания однозначно сопоставляются по своему характеру с конкретными семиотическими отношениями.

Гуманитарные семиотики являются субъективными, то есть конструируются человеком. Природная семиотика объективна, предзадана человеку и раскрывается им в процессе познания. Фундаментальной характеристикой научного знания, выражающего его объективность, является истинность. При этом истина есть не что иное, как отношение результата познания к познаваемому феномену. В рамках нашего подхода истина и истинность приобретают семиотическую интерпретацию. Результатом познания являются теории, которые выражают истинность, а их теоретические объекты — истину. Как ранее мы видели, научное знание бывает нескольких теоретических типов. Стоит заметить, что исторически возникло и несколько концепций истинности. Причём основные концепции истинности: когерентная, семантическая (теория Тарского), прагматическая и корреспондентская по своему характеру весьма схожи с различными семиотическими отношениями, на что обращалось внимание в научной литературе [3, с. 308-314].

В основе когерентной концепции истинности лежит согласованность, что с одной стороны аналогично синтаксису (буквально *syn* - вместе, и *taxis* - порядок), а с другой по характеру сближается с логическим теоретическим типом. В логике теоретические объекты являются ничем иным, как истинностными значениями, а логические функции как раз и задают истинность/ложность.

Построенные на этих принципах формальные исчисления являются основой для построения теорий математики, основанных на логическом понятии истинности.

Переход к математическому типу теорий связан с учетом субъект-предикатной структуры формул логики. А семантическая концепция истинности как раз основана на субъект-предикатном отношении между формулами языка и метаязыка. Применение математики для описания природных феноменов предполагает два уровня: первый – арифметический, на котором задаются числа (значения), числовые отношения и их абстракции в виде алгебр и второй – геометрический, который и является окончательным и используется дальше в физике. Связь между первым и вторым уровнями основана на методе координат, в котором точкам числовой прямой сопоставляются действительные числа. Таким образом, мы получаем аналог семантической истинности: аналог языка – числа и построенные на их основе уравнения, аналог метаязыка – геометрические отношения, которые истинны, если при подстановке чисел в соответствующие им уравнения мы получаем правильные значения. Соответствующие геометрии являются базой для построения физических теорий, а механизм истинности служит, в том числе, для отбора эмпирически подтверждаемых физических теорий.

Прагматическая концепция истинности в классическом варианте основана на понятии пользы в данных условиях. Физические теории строятся на аналогичном понятии истинности: в классических теориях – на вариационных принципах во времени, позволяющих выбрать наиболее оптимальный путь в данных условиях, в релятивистских – на вариационных принципах в пространстве-времени, в квантовой теории – на интегралах по траекториям, показывающих наиболее вероятный путь в данных условиях.

Корреспондентская концепция истинности основана на понятии соответствия, что аналогично принципам организации материальных объектов. В естествознании истинность формируется как соответствие в рамках организационных отношений. В химической организации – это сопоставление кварков (формирующих через нуклоны ядра) электронов в атоме, в биологической организации – это сопоставление триплетов нуклеотидов с аминокислотой (генетический код).

Таким образом, ключом к пониманию статуса теоретического знания является представление об изучаемых природных феноменах как знаках и о теоретическом знании, получаемом в процессе познания этих феноменов, как их семиотики. Природные феномены являются истинными знаками поскольку, во-первых, механизм истинности является семиотическим, а во-вторых, они являются онтологически первичными знаками. Теоретические объекты формируют содержание природных феноменов как знаков – являются тем, о чём эти знаки. Получаемое в процессе познания теоретическое знание выражает семиотические отношения, присущие природным феноменам в отношении теоретических объектов: разные типы знания – разные семиотические отношения. Истинность – это формирование семиотических отношений, выраженных в теоретическом знании.

Список литературы

1. *Фурсов А.А.* Проблема статуса теоретического знания в полемике между реализмом и антиреализмом. М., 2013. 240 с.
2. *Огурцов А.П.* Герменевтика и естественные науки // Загадка человеческого понимания. М., 1991. С. 129-144.
3. *Канке В.А.* Энциклопедия философии науки. Обнинск, 2003. 751 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://logic-books.ru/sites/default/files/kanke._efn.pdf (дата обращения 10.01.2024).

ФОРМЫ ФИКСАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В НАУКЕ, ИЛИ ЧТО ОБЩЕГО У ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА И КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Голубинская А.В.

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
лаборатории социальной антропологии*

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: golub@unn.ru*

Аннотация. Современная философия науки часто обращается к понятию неопределённости не как препятствия, стоящего на пути научного творчества, но как

«спутника» науки, закономерно возникающего на этапе производства знания. В данном докладе мы предлагаем расширить это направление исследований неопределённости и рассмотреть примеры, в которых неопределённость возникает не в процессе производства научного знания, а на этапе его трансляции. В некоторых случаях неопределённость возникает в процессе перевода знания из научного сообщества в область неэкспертной рациональности, что демонстрируют дебаты в сфере глобального потепления. В других случаях неопределённость возникает в процессе обмена знанием представителями разных научных областей и дисциплин, что показано на примере с понятием «критическое мышление».

Ключевые слова: неопределённость, субъективная неопределённость, фиксация неопределённости, научное знание, экологический кризис, критическое мышление.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00809 «Critical thinking studies: фундаментальное исследование критического мышления как междисциплинарной проблемы»).

FORMS OF FIXATION OF UNCERTAINTY IN SCIENCE, OR WHAT THE ECOLOGICAL CRISIS AND CRITICAL THINKING HAVE IN COMMON

Golubinskaya A.V.

CSc in Philosophy, researcher of laboratory of social anthropology

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: golub@unn.ru

Abstract. Contemporary philosophy of science often refers to the concept of uncertainty not as an obstacle standing in the way of scientific creativity, but as a "companion" of science, which naturally arises at the process of knowledge production. In this report, we propose to expand this direction of uncertainty research and discuss examples in which uncertainty arises not in the process of producing scientific knowledge, but at the stage of its translation. In some cases, uncertainty arises in the process of knowledge transfer from the scientific community to the field of non-expert rationality, as demonstrated by the global warming debate. In other cases, uncertainty arises in the process of knowledge exchange by representatives of different scientific fields and disciplines, as shown by the example of the concept of "critical thinking".

Keywords: uncertainty, subjective uncertainty, fixation of uncertainty, scientific knowledge, ecological crisis, critical thinking.

Четвёртый эпизод драматической экологической антологии «Экстраполяции», вышедшей на экран в 2023 году, посвящён довольно интересному вопросу: оглядываясь на проблемные последствия прошлых решений в области экологической политики, должны ли мы теперь действовать уверенно и безотлагательно, чтобы исправить уже совершённые по незнанию ошибки, или же прошлый опыт должен, напротив, научить нас не действовать в условиях незнания, чтобы избежать ещё более разрушительных непредсказуемых последствий? Иными словами, в центре сюжета лежит размышление о том, должна ли неопределённость научного знания рассматриваться как препятствие к принятию решения. В обыденном языке неопределённость действительно часто понимается как препятствие, но в отличие от обыденного мышления, в философии науки сегодня принято считать, что она является не препятствием, а результатом процесса производства научного знания. Неопределённость может возникать как из-за неполноты данных или других информационных недостатков, например, пределы погрешности в вычисляемом знании, так и из-за изменчивого характера рассматриваемого объекта, непостижимого по своей природе [1]. Социально-эпистемологическая перспектива включила в предметное поле и другие формы неопределённого, которые возникают из-за укоренившихся в научном сообществе эпистемологических норм, оставляющих определённые слепые зоны и препятствующих обнаружению некоторой информации. Бывает и так, что эти нормы не возникают внутри сообщества, а накладываются со стороны, например, политическими или гражданскими группами влияния. Описанная в «Экстраполяциях» проблема во многом соответствует данной перспективе, поскольку экологический кризис трактуется не только как недостаточность информации, необходимой для принятия решения, но и как следствие несоизмеримости гражданских интересов с научными и политическими. И что более важно для

данного доклада, произведение иллюстрирует ещё одну характеристику современной науки, анализ которой сегодня стал предметом многих исследований в области социальной эпистемологии и STS. Этой характеристикой является своеобразная форма неопределённости научного знания, которое само по себе неопределённым может и не являться, но обретает неопределённость по мере взаимодействия с разными сообществами или группами влияния. Такая неопределённость становится не просто субъективной, а интерсубъективной.

Если мы смотрим на науку как на нечто единое, целостное и преемственное, то и производимые в ней неопределённости будут едиными и целыми. Однако, тезисы неклассической эпистемологии о том, что разные области знания руководствуются разными моделями научного этоса [2], что эпистемические культуры не следуют какому-то универсальному методу производства знания [3] и что производство научного знания является контекстно-зависимой процедурой, заставляют нас допустить, что неопределённость является не только эффектом процесса производства знания, но и эффектом его трансляции. Задолго до «Экстраполяций» философ Д. Скотт [4] описал подобные конфликты как результат столкновения двух мировоззрений, а именно технократии и экологической этики. Неопределённость таких конфликтов субъективна и напрямую зависит от ракурса, с которого субъект смотрит на проблему. В то время как наблюдатель, находящийся вне указанных мировоззренческих систем, может переживать неопределённость, внутри этих систем никакой неопределённости нет: для технократического ракурса оценки и решения вполне ясны и определены, точно так же, как и для эко-этического ракурса; неопределёнными они становятся только при взаимном сближении. Долгое время учёные вообще мало интересовались экологическими спорами: опасения и тревоги рассматривались как романтические курьезы или просто «сопротивление прогрессу» [5], и до тех пор, пока от нас не требовалось никаких действий, эти системы существовали автономно, а их возможные неопределённости оставались совершенно незаметными.

Историки и философы науки, в частности Н. Орескес и Э.М. Конуэй, обращают внимание на то, как много современных публикаций, академических и массовых, посвящается наблюдениям и доказательствам климатических изменений, хотя в научном сообществе ни о какой неопределённости по этому вопросу речь не идёт [6]. Присмотревшиеся к таким дебатам могут обнаружить, что в их основе речь идёт не только и не столько о решении экологической проблемы, сколько о фундаментальных вопросах роли и места человека в мире: «даже если бы [геоинженерия] была успешной, она все равно имела бы плохой эффект, усиливая человеческое высокомерие и представление о том, что правильное отношение человека к природе — это отношение доминирования» [7, с. 332]. Таким образом, неопределённость научной проблемы фиксируется только тогда, когда оказывается в гражданских контекстах, когда знание становится предметом обмена.

Сама по себе неопределённость тоже является примером для рассматриваемых обстоятельств. Естественно-научное и социально-научное толкования неопределённости отличаются, в первом случае она имеет онтологический характер, во втором — эпистемологический. В то время как естествоиспытатели заинтересованы в достоверности измерений, например, тех же экологических моделей, социологи озабочены достоверностью восприятия людьми риска для человека, вытекающего из этих моделей, и если естествоиспытатели и социологи совместно работают над комплексными оценками глобального изменения климата, различия в оценке обсуждаемых философских корней неопределённости неизбежны [8, с. 28]. Тем временем, именно несоизмеримость неопределённостей может делать научное знание непригодными для разработки новой экологической политики [9].

В качестве ещё одного примера рассмотрим критическое мышление, — понятие, которое настолько широко используется в узких контекстах, что обретает признаки культурного трюизма. И тем не менее, при возможном столкновении контекстов разных сообществ, кроме неопределённости обнаружится немного. В то время как развитие критического мышления закреплено государственными образовательными стандартами за школами и университетами, ни один представитель научного сообщества исчерпывающий ответ на вопрос о том, что это понятие обозначает, не даст. В педагогических контекстах понятие критического мышления в общем смысле собирают из двух элементов, — способность мыслить рационально и способность подвергать факты сомнению [10, с. 1-3; 11, с. 126; 12, с. 58]. Являются ли эти элементы необходимыми и достаточными, чтобы отграничить этот термин от смежных, — логического, философского, научного мышления? Скорее всего, нет. Способность сомневаться — одна из базовых когнитивных способностей, и история, идущая от Сократа, Декарта, философов американского прагматизма вплоть до современной нейробиологии познания утверждает, что сомнение — это метод, а метод никак не может быть целью. Описание критического мышления через стремление к убедительной аргументации сталкивается с ошибкой атрибуции от третьего лица: вряд ли можно встретить человека, без иронии утверждающего,

что его аргументация ложная, но он продолжает придерживаться полученного вывода. В образовательной деятельности понятие критического мышления часто ошибочно отождествляется с такими мыслительными процессами, как запоминание и понимание, что вовсе противоречит самой идее самостоятельного рассуждения. Противоречия обнаруживаются и в том, как обучение самостоятельному мышлению следует из следования правилам: концепция автономности рассуждения не может следовать из освоения и технического воспроизводства приёмов логики. Если же сопоставить контексты педагогики и эпистемологии, но в первом случае измерения критического мышления строятся вокруг готовности делать выводы и принимать решение, в то время как со стороны эпистемологии критическое мышление должно бы выражаться в том числе через отложенное суждение и готовность к обоснованному отказу от вывода. Мы привели только некоторые примеры из множества, свидетельствующие о том, что несмотря на кажущуюся очевидность смысла и контекста применения, критическое мышление вполне возможно является примером проблемы, которая решается только в узких контекстах, и определённость которой рассеивается, как только эти контексты начинают между собой взаимодействовать.

В действительности таких примеров, разумеется, намного больше, но даже три примера показывают разные случаи с неопределённостью научного знания, которая фиксируется в процессе не производства, а трансляции: в первом случае она возникает в результате контакта с ненаучными контекстами, во втором – с другой системой научных областей, в третьем (гипотетически может возникнуть в будущем) – с другой научной дисциплиной. Некоторые из них не являются неопределённостями науки, но тем не менее оказываются влиятельными инструментами взаимодействия науки и общества, а потому кажется нелишним обозначить несколько форм фиксации неопределённости в науке. Во-первых, это неопределённости производства, то есть то, что не определено, возникает вместе со знанием и становится его же частью. Во-вторых, это неопределённости трансляции, которые возникают в процессе социального обмена знанием и по мере погружения в различные социальные контексты.

Список литературы

1. *Birkenholtz T., Simon G.* Introduction to themed issue: Ignorance and uncertainty in environmental decision-making // *Geoforum*. 2022. Vol. 132. P. 154-161.
2. *Сычев А.А., Коваль Е.А.* Становление и развитие научного этоса: нормотворческие измерения // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2021. Т. 21. №. 6. P. 103-110.
3. *Cetina K.K.* Epistemic cultures: How the sciences make knowledge. Cambridge: Harvard university press, 1999. 352 p.
4. *Scott D.* Geoengineering and environmental ethics // *Nature Education Knowledge*. 2012. Vol. 3, № 10. P. 10.
5. *Bonneuil C., Fressoz J.B.* The shock of the Anthropocene: The earth, history and us. Verso Books, 2016. 320 p.
6. *Oreskes N., Conway E.M.* Challenging knowledge: How climate science became a victim of the cold war // *Contingency and Dissent in Science Project, Centre for Philosophy of Natural and Social Science, London School of Economics and Political Science*, 2008. 61 p.
7. *Jamieson D.* Ethics and intentional climate change // *Climatic change*. 1996. Vol. 33. № 3. P. 323-336.
8. *Romanello S.J.* Natural vs. social scientists' perceptions of uncertainty in discussions of global climate change: A study using Sense-Making Methodology. Columbus: The Ohio State University, 2003. 216 p.
9. *Beck M., Krueger T.* The epistemic, ethical, and political dimensions of uncertainty in integrated assessment modeling // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2016. Vol. 7. № 5. P. 627-645.
10. *Светоносова Л.Г., Корчагина-Мокеева А.Г.* Методика организации и проведения семинаров-погружений по педагогике в контексте развития критического мышления обучающихся вуза // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020. Т. 8. №. 2. С. 34.
11. *Мидюк С.А.* Критическое мышление как объект педагогического исследования в системе высшего юридического образования (тезисы) // *Вопросы гуманитарных наук*. 2008. №. 3. С. 278-279.
12. *Спивак В.А.* Универсальная компетенция № 1: системное и критическое мышление специалиста и лидера // *Лидерство и менеджмент*. 2021. Т. 8. №. 1. С. 53-68.

СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ КОНСТРУКТИВИЗМЕ

Дорожкин А.М.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com*

Аннотация. В работе отмечается, что понятие неопределенности употребляется ныне довольно часто, однако точного и однозначного определения этого понятия нет. Дается объяснение такому положению и приводятся несколько примеров, подтверждающих это. Высказывается мысль о том, что ныне смысл понятия неопределенности можно выявить не на дескриптивном, а на экспликативном уровне, то есть посредством аллегорий. Предлагается одна из возможных аллегорий. На основе ее анализа выдвигаются три представления о неопределенности. Обращается внимание на ту, в которой неопределенность представлена как непредсказуемость. На основе последней выявляются особенности онтологической и гносеологической неопределенности. Высказывается мысль о том, что эпистемологический конструктивизм есть попытка элиминации онтологической неопределенности. Объясняется неконструктивность такой попытки. На основе анализа такой неконструктивности, гносеологическая неопределенность характеризуется не как состояние, а как процесс, встроенный в процесс познания, где конкретные точки-состояния обозначают конкретные формы неопределенности.

Ключевые слова: эпистемологический конструктивизм, агностицизм, онтологическая неопределенность, гносеологическая неопределенность, проблема выбора, непредсказуемость.

SITUATIONS OF UNCERTAINTY IN EPISTEMOLOGICAL CONSTRUCTIVISM

Dorozhkin A.M.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com*

Abstract. The work notes that the concept of uncertainty is now used quite often, but there is no precise and unambiguous definition of this concept. An explanation is given for this situation and several examples are given to confirm this. The idea is expressed that now the meaning of the concept of uncertainty can be revealed not at a descriptive, but at an explicative level, that is, through allegories. One of the possible allegories is proposed. Based on her analysis, three ideas about uncertainty are put forward. Attention is drawn to the one in which uncertainty is presented as unpredictability. Based on the latter, the features of ontological and epistemological uncertainty are revealed. The idea is expressed. that epistemological constructivism is an attempt to eliminate ontological uncertainty. The unconstructiveness of such an attempt is explained. Based on the analysis of such non-constructiveness, epistemological uncertainty is characterized not as a state, but as a process built into the process of cognition where specific state points indicate specific forms of uncertainty.

Keywords: epistemological constructivism, agnosticism, ontological uncertainty, epistemological uncertainty, problem of choice, unpredictability.

Понятия неопределенности ныне весьма широко используются в научной литературе, однако точного и однозначного определения этого понятия ныне нет. Происходит это потому, что в разных познавательных ситуациях это понятие употребляется в различных смыслах: то это некая онтологическая характеристика, то экзистенциальная, то эпистемологическая. Отметим некоторые факторы, влияющие на невозможность формирования точного представления о неопределенности. Хорошо известно, что в научной литературе впервые понятие неопределенности использовал В. Гейзенберг, введя принцип неопределенности как невозможность одновременно иметь точные

значения импульса и координаты микрочастицы, придав тем самым понятию неопределенности онтологический смысл. С понятием неопределенности также связано представление о точке бифуркации как состояния системы в котором прекращается возможность выявить дальнейшее ее состояние: то ли система после прохождения этой точки придет в состояние устойчивого равновесия, то ли ее структура начнет разрушаться, и система прекратит свое существование превратившись в хаос. Это не только дополняет онтологическую составляющую смысла неопределенности, но и заметно увеличивает область ее применения. Но на этом осложнение семантической нагрузки понятия не завершается.

Смысл понятия «неопределенность» существенным образом зависит от языка общения. Так, в обыденном языке, где семантика понятий размыта, неопределенность как бы встроена в язык и поэтому не фиксируется, либо фиксируется лишь в отдельных случаях. Но вот с позиций научного языка, точнее языка классической науки, где каждое понятие имеет строго однозначное значение, неопределенность понятий обыденного языка прослеживается повсеместно и с очевидностью. Здесь мы уже отходим от чисто онтологического смысла понятия неопределенности и приближаемся к гносеологическому. Добавим еще, что с понятием неопределенности тесно связано представление о неполноте знания, как научного, так и всего остального. Понятие неполноты знания выражает состояние незавершенности любого процесса познания, присутствие еще не познанного, его интенциональность на непознанное. Понятие неопределенности иллюстрирует относительность имеющегося знания, его неоднозначность, а, следовательно, возможность различных вариаций его истолкования. В таком случае зафиксированная неопределенность предполагает вывод о том, что имеющееся знание можно трактовать не как доказанную истину, и не как четко выявленное заблуждение, а как нечто среднее между ними. Для этого, кстати, подходит такая характеристика как верование. Это, конечно крайние выводы из неопределенностных характеристик знания, но они не исключены.

В многочисленных работах социально-экономического направления понятие неопределенности довольно тесно увязывается с понятием риска. Последнее понятие, по нашим представлениям, уже чисто гносеологическое. Гносеологическое значение неопределенность имеет и в описаниях процессов научного поиска в естествознании, причем на допроблемных и стадиях решения проблем значение понятия неопределенности изменяется [1]. Экзистенциальный смысл неопределенности легко усматривается практически во всех работах данного направления.

Перечисление случаев использования понятия неопределенности в различных смыслах легко продолжить, включив туда использование «полутонов», то есть определение смысла понятия одновременно, например, частично в онтологическом и гносеологическом значении. А если учесть, что в чисто научном и философском значении онтологическое и гносеологическое значения этого понятия различны [2], то задача выявления однозначного и универсального определения понятия неопределенности становится намного сложнее. Перечень факторов, усложняющих проблемы выявления смысла понятия, можно продолжить, однако рамки данной работы не позволяют нам этого сделать. Но мы полагаем, что приведенного уже достаточно для того, чтобы сделать заключение о том, что ныне точное и однозначное определение неопределенности просто невозможно. Самым рациональным ныне можно считать выявление характеристик неопределенности через экспликации, то есть либо с использованием аллегорий, либо через частные примеры.

Попробуем привести пример различного и, по нашему мнению, наиболее распространенного использования в науке и философии представления о неопределенности используя некую аллегорию. Это известная притча: витязь на распутье. Перед витязем три дороги и камень — вещун, отмечающий, что с ним произойдет, выбери он одну из дорог. Здесь неопределенность представлена как возможность выбора из известных альтернатив. Но представим себе развилку из трех или нескольких дорог, но нет камня вещуна. Здесь также есть возможность выбора, но уже при иных условиях, а, следовательно, неопределенность будет иного плана. Ну и наконец, перед витязем просто дорога и неизвестно что далее: будет ли развилка, будут ли какие-либо указатели или нечто совсем иное, допустим, тупик. Здесь неопределенность, усугубляется, если можно так выразиться, становится более «сильной» непредсказуемой, потому что количество вариантов дальнейших событий серьезно возрастает.

Если ориентироваться на только что приведенную аллегорию, то смысл понятия неопределенности можно определить, по нашему мнению, так:

1. Неопределенность как возможность выбора из известных альтернатив. Здесь неопределенность состоит лишь в незавершенном еще выборе.
2. Неопределенность как возможность выбора при наличии неизвестных альтернатив.
3. Неопределенность как непредсказуемость.

Из всех перечисленных случаев наибольший интерес представляет третий — неопределенность как непредсказуемость. Разумеется, на универсальность такая трактовка претендовать не может, однако для случая нашего рассмотрения она представляется наиболее подходящей. И прежде всего потому, что она обусловлена, прежде всего, особенностями субъект-объектных отношений, а именно: неопределенность как непредсказуемость может быть обусловлена особенностями объекта, в принципе не допускающими однозначного толкования его состояний. Это, например, наличие конкретного свойства объекта не иметь двух или нескольких точных характеристик (прежде всего физических) — соотношение неопределенностей В. Гейзенберг выделяет неопределенность именно так. Ее можно назвать онтологической неопределенностью. Еще одна возможность трактовки неопределенности — это недостижимость определенного познавательного потенциала субъекта — «демона Лапласа». Современным выражением неопределенности такого типа является выбор в качестве предмета исследования «гиперобъекта» — объекта, наделенного таким количеством характеристик, которого невозможно учесть [3]. Отметим, что в первом случае фактор неопределенности никак не управляется субъектом, во втором же случае субъект свободен в выборе предмета рассмотрения, если объект сложен, он может заменить его иным, допустим упрощенной моделью. Но есть и иной, более изощренный способ.

Рискнем заявить, что эпистемологический конструктивизм можно полагать некоей попыткой если не устранить непосредственно, то используя прием латерального мышления [4] обойти проблему онтологической неопределенности. В подтверждение такого заявления приведем цитату из статьи В.А. Лекторского, с которой нельзя не согласиться. Он пишет: «Я особо хочу подчеркнуть, что эпистемологический конструктивизм — это не просто способ понимания мира и познания, но всегда определенное методологическое предписание» [5, с. 43]. Даже если эпистемологический конструктивизм есть просто видение мира, то уже это заставляет усомниться в наличии онтологической составляющей понятия неопределенности, а указание на то, что такой конструктивизм есть определенное и четкое методологическое предписание напрочь отрицает такую возможность.

В таком случае возникает вопрос: дает ли что-либо позитивного в плане более точного представления о неопределенности устранение из ее смыслового значения онтологической составляющей? Ранее мы отмечали весьма разнообразные значения этого понятия и сужение области его применения до актов познания, казалось бы, должно дать позитивный результат. Однако сам по себе эпистемологический конструктивизм как методологическое предписание не дает никаких надежд на такой вывод. Дело в том, что такой конструктивизм возвращает нас к Канту, к кантовскому агностицизму. На это прямо указывает В.А. Лекторский [5, с. 43]. Такую же точку зрения высказывает Т. Рокмор [6, с. 35-46] и многие другие. А Х. фон Ферстер и Э. фон Глазерсфельд, даже считают возможным называть себя эпистемологическими агностиками [7]. Но если эпистемологический конструктивизм в своем дальнейшем развитии приобретает формы агностицизма, то это означает, что идея онтологической неопределенности как бы возвращается «на круги своя», причем еще в более тяжелой форме. Ведь онтологическая неопределенность в определенном смысле есть закон природы, который нельзя отменить, устранить. Неопределенность в концепции эпистемологического конструктивизма, по сути, есть такой же неустранимый феномен, только не онтологический, а агностический, если можно так выразиться. Гносеологическая же неопределенность, характерна тем, что она потенциально устранима. Она подвижна, потому что наличествует в процессе познания; следовательно, и сама есть процесс, а не состояние объекта. Кстати, именно поэтому неопределенность и не поддается ныне конкретному определению. На определенных этапах познания мы фиксируем определенные точки-состояния нашего знания, характеризуемые как тот или иной вид неопределенности.

Список литературы

1. *Дорожкин А.М.* Научный поиск как постановка и решение проблем. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр 1995. 108 с.
2. *Соколова О.И.* Понятие неопределенности в неклассической науке и философии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Нижний Новгород. 2020. 25 с.
3. *Аронсон Д.* Климатическая неопределенность и подсветка для темной экологии. // Логос. 2019. Т. 29, №5. С. 87-102.
4. *Де Боно Э.* Латеральное мышление. СПб., 1977. 315 с.
5. *Лекторский В.А.* Социальный конструкционизм в контексте проблем конструктивистского подхода в эпистемологии // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1, № 2. С. 42-46.

6. Рокмор Т. Кант о репрезентационизме и конструктивизме // Эпистемология и философия науки, 2005. Т.3 №1. С. 35-46.

7. Glazerfeld E. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning/ L. Falmer Press 1995. 213 p.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ НАУКИ: В ПОИСКЕ ПОНИМАНИЯ

Жарков Е. А.

*Кандидат философских наук, исследователь
Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
E-mail: flash45@yandex.ru*

Аннотация. В статье обсуждаются эпистемологические особенности разработки проблематики политической субъектности науки, актуализированной в настоящее время в отечественной философии (И. Т. Касавин, В. Н. Порус, В. А. Бажанов и др.). Подчеркивается, что определенное значение для достижения понимания здесь может иметь классическая эпистемологическая оппозиция интернализм/экстернализм. В рамках рабочей гипотезы предлагается применить данную оппозицию к понятию общества. С одной стороны, наука в этом случае оказывается, в некотором смысле, элементом внешнего для общества мира, а, с другой стороны, она может быть рассмотрена и как часть общества. Для иллюстрации парадоксальности данной ситуации привлекается метафора ленты Мебиуса, на поверхности которой сферы научного и политического дуально сочетаются между собой. Основная трудность состоит в поиске конкретных реализаций подобных дуальных состояний.

Ключевые слова: наука, политическая субъектность, интернализм, экстернализм, пространство знания, лента Мебиуса.

POLITICAL AGENCY OF SCIENCE: IN SEARCH OF UNDERSTANDING

Zharkov E. A.

*Researcher
Interregional Non-Governmental Organization
«Russian Society for History and Philosophy of Science»
E-mail: flash45@yandex.ru*

Abstract. The features of the epistemological development of the problems of political agency of science, currently actualized in Russian philosophy (I. T. Kasavin, V. N. Porus, V. A. Bazhanov, etc.), are discussed. It is emphasized that the classical epistemological opposition internalism/externalism may have a certain significance for achieving understanding here. Within the framework of the hypothesis, it is proposed to apply this opposition to the concept of society. On the one hand, in this case, science turns out to be an element of the world external to society, and, on the other hand, it can be considered as a part of society. To illustrate the paradoxical nature of this situation, the metaphor of the Mobius strip is used, on the surface of which the spheres of scientific and political are dually combined with each other. The main difficulty lies in search specific implementations of such dual states.

Keywords: science, political agency, internalism, externalism, knowledge space, Mobius strip.

В последние годы ряд представителей отечественной философии (И. Т. Касавин, В. Н. Порус, В. А. Бажанов, Е. В. Масланов, С. В. Шибаршина, Л. А. Тухватулина, Е. А. Жарков) уделили значительное внимание проблематике политической субъектности науки [1-7]. С одной стороны, данная проблематика располагается в русле современных исследований, осуществляемых STS (Science&Technology&Society) и социальной эпистемологией. С другой стороны, как следует из работ указанных авторов, реконструкция явных, отчетливых состояний политической субъектности науки

оказывается непростой эпистемологической задачей. В частности, она может рассматриваться и как задача об определении соответствующих критериев. Кроме того, здесь актуализируется еще один немаловажный вопрос. Каков, в эпистемологическом отношении, характер действий, связанных с необходимым определением?

Рассуждая о вариантах критериев, исследователи осуществляют «демаркационное действие», поскольку, так или иначе, проводят границу между определенными акторами в контексте обладания ими политическими, властными полномочиями. Речь здесь идет не о проблеме демаркации науки и не-науки в классическом смысле, хотя и нельзя в полной мере говорить об отсутствии возможных коннотаций или аналогий. Предлагая определенные критерии, признаки обладания наукой политической субъектностью, ученые совершают акт научного познания, поскольку предлагают решение проблемы на языке науки. Но каков возможный статус этого решения? Способно ли оно обнаружить в себе какие-либо иные смыслы, не только научные? В какой степени данное научное решение может быть рассмотрено как политическое? Какой властью оно само по себе обладает, а также те, кто его предложил? Каковы границы подобной власти?

На подобные вопросы, казалось бы, напрашивается достаточно простой ответ. Если и можно в данном случае вести речь о власти, то она целиком сосредоточена в эпистемическом пространстве, в пространстве знания. И при этом сама власть здесь, по-видимому, не играет особой практической для внешнего мира роли, или, переиначивая классическое выражение, здесь мы говорим о знании, не переходящем в силу. Вместе с тем, в свете известной оппозиции фундаментальное/прикладное, заметим, что исследователи и общество в целом не способны точно спрогнозировать практический потенциал тех или иных результатов науки (в данном контексте речь идет об использовании дихотомии фундаментальное/прикладное и по отношению к социо-гуманитарным наукам). Сходное положение, связанное с факторами неопределенности и риска, наблюдается и в концепции пост-нормальной науки [8].

Постановка вопроса о политической субъектности науки как бы искусственно выводит нас за пределы представлений о фундаментальной и чистой науке. Искусственность обусловлена «номинальным фактором», т.е. тем, что понятие политического в явном виде фигурирует в постановке вопроса. По мнению автора настоящей работы, такого рода явность, к примеру, особенно не ощущается при чтении текстов П. Фейерабенда, в которых детально обсуждается проблематика гегемонии научного метода познания над другими. Вместе с тем, она обнаруживает коннотации с проблематикой политической субъектности науки.

В рамках целей нашей работы полезно обратиться к еще одной известной эпистемологической оппозиции – интернализм/экстернализм, ключевая фокусировка которой это вопрос об уровне влияния на науку внешних контекстов. Наука здесь выступает либо как функционирующая в соответствии с некоторой внутренней логикой, либо, напротив, испытывает значительное влияние внешних факторов. Важно, что именно относительно науки здесь осуществляется разграничение по типу внутреннее/внешнее. В рамках рабочей гипотезы, предположим далее, что подобное разграничение может быть произведено относительно какого-либо другого объекта, например, общества. Тогда, уже по отношению к обществу, можно попытаться сформулировать аналогичные полярные позиции.

Что в этом случае понимать под внутренним и внешним контекстами? Сначала обратимся к внешним. Во-первых, здесь нужно сказать о силах и стихиях, неподвластных человеку, например, природных или космических катаклизмах. Во-вторых, рассуждая в философском смысле, не следует забывать, хотя бы на уровне идей, и о Божественном провидении или инопланетном разуме. С внутренними же факторами, определяющими функционирование общества, ситуация видится гораздо более сложной. Это обусловлено тем, что наука – это всего лишь один из внутренних элементов в сложной структуре общества. Таким образом, введенная нами гипотеза о «модифицированной перспективе» оппозиции интернализм/экстернализм встречается с логическими затруднениями. С одной стороны, наука – суб-элемент общества. С другой стороны, постановка вопроса о политической субъектности науки наводит на мысль о том, что мы придаем науке характер своего рода «внешней силы», некоего агента внешнего влияния.

В качестве наглядного образа, иллюстрирующего сложившуюся противоречивость, может служить лента Мёбиуса. Как известно, точка, движущаяся вдоль поверхности такой ленты, всегда располагается только на одной ее стороне, не смотря на кажущуюся двусторонность. Поверхность ленты – это своеобразная область слияния внутреннего и внешнего. В философском и метафорическом смыслах пространство возможных состояний политической субъектности науки напоминает ленту Мебиуса, на поверхности которой сферы научного и политического дуально сочетаются между собой.

Но, как это может способствовать решению задачи о поиске явных, отчетливых состояний политической субъектности науки?

Вернемся к представлению об эпистемическом пространстве, или пространстве знания, упоминаемом нами ранее. Важно отметить, что это пространство не ограничивается лишь «третьим миром» К. Поппера. Представляется разумным, что здесь, в частности, можно говорить об отношении ученых к своим научным результатам, к своему положению в науке, научном сообществе. В своей биографии известный физик-теоретик и популяризатор науки С. Хокинг вспоминает: «При моей все возрастающей физической немощи я был безнадежен как экспериментатор. Тем более что в экспериментальной сфере очень трудно сделать что-то единолично... Теоретик же может поймать идею в одиночку, а затем написать статью самостоятельно или с одним-двумя коллегами, чтобы сделать себе имя» [9, с. 63]. Думается, подобное утверждение вполне можно рассматривать как политическое, властное, поскольку речь фактически идет о границах «личных владений» в пространстве знания.

Обратимся к еще одному примеру. В своей книге отечественный логик А.А. Ивин упоминает: «Согласно Г. Фреге, Б. Расселу и их последователям математика и логика – это две ступени в развитии одной и той же науки. Математика может быть полностью сведена к логике, и такое чисто логическое обоснование математики позволит установить ее истинную и наиболее глубокую природу». Напротив, согласно Д.А. Бочвару, «математика не выводима из формальной логики» [10, с. 55-56]. Казалось бы, ничего особенно примечательного в данном примере нет, поскольку проблема взаимного (эпистемического) статуса одних наук по отношению к другим характерна для истории познания в целом. Вместе с тем, зададимся вопросом: а может ли «эпистемическое главенство» одних наук над другими быть проанализировано в политическом аспекте?

В.Н. Порус связывает эпистемологическое значение проблематики политической субъектности науки с необходимостью реформы философии науки. Размышляя над вопросом о том, способна ли наука стать субъектом политического действия Владимир Натанович подчеркивает: «Он (*этот вопрос* – курсив Жарков Е.А.) не мог быть поставлен в рамках философии науки, сосредоточенной исключительно на анализе логических структур научного знания, либо на проблемах динамики последнего, определяемой через процедуры рациональной реконструкции истории науки» [2, с. 71-72].

Трудно предугадать какие-либо серьезные результаты подобной реформы. При этом складывается устойчивое ощущение, что осмысление материала истории науки в политическом аспекте, возможно даже с обращением к анализу логических структур научного знания, позволит значительно продвинуться в понимании нового облика философии науки. Мы полагаем, кратко рассмотренные выше примеры могут служить неплохой затравкой для обстоятельного исследования.

Список литературы

1. *Касавин И.Т.* Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3-14.
2. *Порус В.Н.* Политическая субъектность науки как тема философии науки // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 71–82.
3. *Бажанов В.А.* Об истоках политической философии науки и аналитической философии // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 5–19.
4. *Масланов Е.В.* Пост-правда и несоизмеримость: наука и политика в эпоху пост-правды // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 74-82.
5. *Тухватулина Л.А.* Политический запрос и социальные науки: два аспекта взаимовлияния // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 275–281.
6. *Шибаришина С.В.* Эволюция алгоритмов: на пути к технократии? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 3. С. 228-235.
7. *Жарков Е.А.* Лаборатория постнормальной эпохи // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 4. С. 65-77.
8. *Шиповалова Л.В.* Как возможна пост-нормальная наука? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 61-73.
9. *Хокинг С.* Моя краткая история. СПб., 2014. 134 с.
10. *Ивин А.А.* По законам логики. М., 1983. 208 с.

РАЗВИТИЕ НАУКИ КАК ПРОБЛЕМА: «КОНЕЦ» НАУКИ

Ивженко И. Э.

Студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: 7ivn@bk.ru

Аннотация. В работе рассматриваются тема динамики науки и предложенная Дж. Хорганом идея «конца» науки. Автор раскрывает основные аргументы Дж. Хоргана: отсутствие перспектив развития науки и научного знания, опровержимость эмпирических исследований, значительное уменьшение количества открытий в области естественных наук, спекулятивный, «ироничный» характер научных изысканий и другие. Кроме этого, автором приводятся контраргументы, описывающие науку как сферу, затрагивающую человека и его культурные и социальные потребности. В современной науке возникают новые подходы, рассматривающие сложную систему с точки зрения ее целого. В заключении автор ссылается на исследования, подчеркивающие, что наука будет развиваться всегда, а актуальные научные проблемы, такие как происхождение жизни и изучение вселенной, остаются важными и провоцируют поиск новых знаний и открытий, что может быть доказательством отсутствия «конца».

Ключевые слова: динамика науки, эпистемология, научное знание, эмпирические исследования, космология.

THE DEVELOPMENT OF SCIENCE AS A PROBLEM: THE “END” OF SCIENCE

Ivzhenko I.E.

Student

National Research Tomsk State Universitys

E-mail: 7ivn@bk.ru

The paper deals with the dynamics of science and the idea of the “end” of science proposed by J. Horgan. The author reveals the main arguments of J. Horgan: the lack of prospects for the development of science and scientific knowledge, the refutability of empirical research, a significant decrease in the number of discoveries in the field of natural sciences, speculative, “ironic” nature of scientific research and others. In addition, the author provides counterarguments describing science as a sphere affecting human beings and their cultural and social needs. In conclusion, the author refers to studies emphasizing that science will always evolve, and current scientific problems, such as the origin of life and the study of the universe, remain important and provoke the search for new knowledge and discoveries, which may be proof that there is no “end”.

Keywords: dynamics of science, epistemology, scientific knowledge, empirical research, cosmology.

В быстроразвивающемся современном мире в условиях технологизации естественных и социальных процессов более активно стали подниматься темы планетарного уровня, такие как глобальное потепление, загрязнение, истощение ресурсов и так далее. В связи с этим возникают вопросы о науке, ее границах и пределах, ее задачах, возможностях в рамках человеческой культуры, цивилизации.

Вопросы о будущем научного знания исследуют философы и ученые разных областей, как в зарубежных странах, так и в России, среди которых можно выделить работы Г. Фоллмера, С. Фуллера, В.С. Степина, В.А. Лекторского, И.Т. Касавина, В.В. Чешева и других. Наиболее остро, на наш взгляд, этот вопрос в 1996 году поставил Дж. Хорган. В своей книге он предложил провокационную идею о «конце» науки»: «в будущем не будет никаких великих откровений в сравнении с теми, что нам дали Дарвин, Эйнштейн и Уотсон с Криком» [1, с. 30]. Это вызвало активные дискуссии, в которых его идеи резко критиковались.

Идея Хоргана состояла в том, что, рассматривая каждую науку отдельно, можно сделать следующий вывод: наука открыла все, что могла открыть, ее объект исследования исчерпан. То есть,

в будущем у научного знания нет никаких перспектив, так как больше нечего открывать. В научном знании данные не принимаются на веру, что отражается на требованиях к этому знанию и тому, как оно должно быть представлено и доказано. Наиболее актуальными вопросами современных наук (космологии, физики, астрономии, геологии) являются вопросы начала и конца, например, как появилась вселенная, как и когда на нашей планете появилась жизнь, есть ли жизнь на других планетах, и другие. Данное явление Дж. Хорган называл «иронической наукой» (например, теория С. Хокинга). Наука – это такая сфера деятельности, в которой работают неоспоримые критерии, например, объективность, истинность научных фактов, поэтому разногласия, возникающие в науке, могут быть решены. Однако отмечается уменьшение эмпирических инноваций в науке, но значительное увеличение этических исследований. В рамках «иронической» науки возникает субъективизм и возможность, которая дает ученому формировать свою собственную парадигму знания. В связи с этим в 70-х годах XX века появляется новое направление в исследовании науки – социология науки, задачей которой стало изучение субъективной стороны науки. Все, что остается от науки – критика существующих теорий, лингвистическая и символическая интерпретация научных открытий, не редко имеющая ироничный характер.

Наука выдвигает теории, которые необходимо подтверждать или опровергать экспериментально. Наличие эмпирической базы исследования отличает науку от других областей знания, например от философии. Дж. Хорган указывает на то, что все труднее становится эмпирически подтверждать или опровергать современные теории. Таким образом, наука переходит в такую фазу, которую можно назвать пост-эмпирической. Дж. Хорган популяризирует уже высказанные точки зрения. Однако в более поздней статье Хорган выражает эти мысли иначе, указывая на контраргументы против конца науки, такие как хаотическая динамика и теорема Гёделя. Он также сравнивает науку с игрой в шахматы, в которой есть немного правил, но очень много различных комбинаций. В конце он заключает, что благодаря этому наука бессмертна [2].

Причины, по которым Дж. Хорган делает вывод о невозможности будущего существования науки многогранны и затрагивают различные сферы человеческой деятельности. Нужно отметить, что науки, как писал Дж. Хорган в главах своей книги, находятся у границ объекта своего же исследования и изучения. Например, конец эволюционной биологии обусловлен выполненной стоящей ранее задачей. Контраргументом здесь может быть тезис о том, что вопрос о совершенности эволюционной теории и теории отбора, является спорным. Такое же мнение приводил автор о конце химической науке, рассматривая известные принципы протеканий химических реакций. Однако сегодня химия активно развивается в самых различных сферах, например, в исследовании искусственных систем, фундаментальных основ, современных материалов и других [3]. Также в сферах космологии и астрономии поднимаются вопросы существования жизни. Разрабатываются теории, пытающиеся доказать существование жизни на других планетах. Поиски и исследования другой формы жизни были актуальны до недавнего времени, но сейчас подобные работы получают минимальное финансирование. В последнее время иницируются дискуссии об обнаружении органических молекул в тех метеоритах, которые, как считается, попали на Землю с Марса. Однако и этот факт нельзя рассматривать как достоверный признак существования жизни на Марсе. Сегодня продолжаются дискуссии о том, что, во-первых, эти молекулы могли попасть в метеорит в процессе обработки на последующих этапах работы, во-вторых, органическая молекула – это еще не жизнь, в-третьих, даже если будут обнаружены оптически активные молекулы, то это не решает вопрос возникновения жизни, а лишь переносит проблему с Земли на Марс. Многие астрофизики отмечают, что метеориты не с Марса, а с внешнего пояса обогащенных углеродом астероидов.

На наш взгляд особого внимания заслуживают рассуждения Хоргана о науках, границы которых недостаточно четко очерчены. В прошлом веке наука развивалась активно и быстро, но на протяжении всего века не было выдвинуто новых и актуальных теорий, имеющих большое значения для фундамента научной сферы деятельности, кроме этого, количество открытий было небольшим. Хотя такие проблемы можно обосновать запретами на выдвигаемые научные теории и ограничениями на научные изыскания и обоснования. Также Дж. Хорган, говорил о том, что наука не способна решить и дать ответы на крайне сложные вопросы и проблемы, так как они не вписываются в возможности научного знания. Говоря о физике, Дж. Хорган предполагал возможность такой теории, которая будет способна решить все ее задачи и цели, тем самым ее завершив. Возражением здесь, является, в первую очередь, понимание того, что на формирование, формулирование и обоснование фундаментальной теории в науке уходит огромное количество времени. Тем не менее, такие открытия есть, например, в космологии [4].

Крайне важным пунктом аргументации Дж. Хоргана является вопрос социальный. Он констатировал, что общество больше не выделяет средств на научные исследования, поэтому теряется интерес к науке и ее деятельности. Молодые люди, которые могли бы развивать эту сферу деятельности, находят для себя более прибыльные занятия, в которых видят необходимость реализации. То есть обществу не интересно заниматься наукой, следовательно, научное знание будет потеряно в будущем. В связи с концом науки, Дж. Хорган ставил вопрос о возможности замены науки на иные формы культуры. Противники такого взгляда говорят о невозможности данного сценария, так как наука смотрит на мир все шире и шире, тем самым затрагивая человека и его культурные и социальные проблемы и потребности. Несмотря на редукционизм, господствующий в современной науке, возникают новые подходы, рассматривающие сложную систему с точки зрения ее целого, например концепция динамики науки В. С. Степина, согласно которой наука движется от неклассической к постнеклассической [5].

Многие исследователи и философы возражают против данной идеи и концепции, например, представитель эволюционистской эпистемологии Г. Фоллмер анализирует список исследований о границах научного познания [3]. Книга Дж. Хоргана была отмечена фрагментарностью знания о науке. Тем не менее, тема «конца» науки продолжает стимулировать активные дискуссии и вызывать интерес к вопросам, связанным с будущим научного знания. С. С. Скорынин и О. К. Канев провели теоретическое и социологическое исследования, чтобы ответить на вопросы: существуют ли конечные границы науки и приближается ли наука к своему концу. В выводах было отмечено, что наука будет развиваться всегда, однако для предотвращения замедления ее развития необходимо предпринять определенные меры социального, административного и культурного уровня [6]. Актуальные научные проблемы, такие как происхождение жизни и изучение вселенной, остаются важными и провоцируют поиск новых знаний и открытий, что может быть доказательством отсутствия «конца».

Список литературы

1. *Хорган Дж.* Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Пер. с англ. М. Жуковой. СПб., 2001. 479 с.
2. *Horgan J.* The Final Frontier: The Final Frontier: Are We Reaching the Limits of Science? [Электронный ресурс] // Discover Magazine. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.discovermagazine.com/the-sciences/the-final-frontier-are-we-reaching-the-limits-of-science> (дата обращения: 23.01.2024).
3. *Фоллмер Г.* Конец науки? Размышления о книге Дж. Хоргана «Конец науки» // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II, № 2. С. 136-152.
4. *Казютинский В.В.* Близок ли «Век Науки» к завершению? // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 80-90.
5. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003. 744 с.
6. *Скорынин С.С., Канев О.К.* Проблема «конца науки»: аргументы и контраргументы [Электронный ресурс] // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015012015> (дата обращения: 23.01.2024).

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПУТИ К «ФИЛОСОФИИ ГОРОДА» КАК К СОВРЕМЕННОМУ НАУЧНОМУ ЗНАНИЮ

Касаткина С.С.

*Доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии
Череповецкий государственный университет
E-mail: SvetlanaCH5@rambler.ru*

Аннотация. В работе рассматривается корпус вопросов о возможности формирования нового раздела науки – «философии города» или «философии городских исследований». Актуальность обусловлена активным вниманием в современном мире к проблемам городской жизни и философскому изучению городского пространства.

Автор определяет необходимость интеграции научных исследований по теме города в ключе формирования единых научно-философских понятий; выявления универсальных философских подходов к пониманию города; разделов единого знания, объединяющего объектно-предметные сферы «философии города». Вопросы о философском осмыслении сути городской жизни в истории человеческого знания, о системообразующих основах городского развития, размышления о городском пространстве, о философских факторах урбанизации и современном явлении деурбанизации, смыслах и восприятии города потенциально могут стать разделами самостоятельного научного знания «философия города».

Ключевые слова: философия города, городские исследования, урбосфера, город, философия науки, мир города.

URBAN RESEARCH ON THE WAY TO THE "PHILOSOPHY OF THE CITY" AS A MODERN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Kasatkina S.S.

DSc in Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy

Cherepovets State University

E-mail: SvetlanaCH5@rambler.ru

Abstract. The paper considers a body of questions about the possibility of forming a new branch of science – "philosophy of the city" or "philosophy of urban studies". The relevance is due to the active attention in the modern world to the problems of urban life and the philosophical study of urban space. The author defines the need to integrate scientific research on the topic of the city in the key of forming unified scientific and philosophical concepts; identifying universal philosophical approaches to understanding the city; sections of unified knowledge uniting the object-subject areas of the "philosophy of the city". Questions about the philosophical understanding of the essence of urban life in the history of human knowledge, about the system-forming foundations of urban development, reflections on urban space, about the philosophical factors of urbanization and the modern phenomenon of deurbanization, the meanings and perception of the city can potentially become sections of independent scientific knowledge "philosophy of the city".

Keywords: philosophy of the city, urban research, urban sphere, city, philosophy of science, the world of the city.

Городские исследования в последнее время рассматриваются в ключе разных направлений социально-гуманитарных и технических наук, обретают круг самостоятельных форм знания, формирующих поле философских направлений урбанистики. Хотя само понятие «урбанистика» (Urban Studies), означающее комплекс информации о городской тематике, само по себе не является наукой, часто звучит в исследовательских текстах как объект научного внимания.

Проблема систематизации и теоретизации философских взглядов о городе давно стала одной из актуальных тем современной философии науки. Актуальность, активное внимание к вопросам изучения городского пространства и осмысления его философской сути за последние десятилетия обусловлено тем, что доля городского населения планеты на данный момент составляет больше половины численности землян. Остро нуждается в интегрированном внимании научного сообщества вопрос о понятийном аппарате «философии города» или «философии городских исследований», о поиске системных значений зарождающегося данного философского знания. Тем не менее, в социально-гуманитарном и техническом знании уже сложился объемный пласт исследований, объединенных общим интересом.

Среди работ, определивших базис имеющихся комплексных взглядов по философии города, необходимо выделить труды Л. Вирта [1], В.Л. Глазычева [2], Е.Г. Трубиной [3], О.Ф. Филимоновой [4], Г.В. Горновой [5], С.А. Смирнова [6], В.В. Афанасьевой [7], Касаткиной С.С. [8], В.С. Лапшиной [9], И.А. Савченко [10], А.М. Сафиной, Л.Ф. Гайнуллиной, Л.С. Леонтьевой [11] и других авторов. В большинстве случаев философские исследования города несут узкий контекст, профилирующийся на научных интересах автора. В совокупности имеющейся базы знаний по искомой теме работы раскрываются широкие перспективы формирования самостоятельного раздела знаний – «философии города».

В данный момент философские вопросы города междисциплинарным образом сосредоточены, с одной стороны, в разных научных направлениях: в градостроительной теории, в географии, в культурологии, в психологии и т.д., а, с другой стороны, включены в разделы философского знания. Так, философские работы, проблематизирующие вопросы изучения городского пространства и общества, социальных отношений объединяются в ключе социальной философии. Тема связи человека и города, человекоцентричность городской жизни раскрывается в поле философской антропологии. Труды, посвященные сути понимания города и методологии его изучения, коррелируют с онтологией и гносеологией познания. Много исследований городской среды создано в рамках философии культуры и искусствознания. Философско-правовые вопросы города рассматриваются в ключе юридической урбологии и юриспруденции. Ценности горожан и городской жизни относятся к области аксиологии, и так далее – круг проблем и вопросов урбанизированного мира широк и многообразен.

Структура философии города как науки может быть разнообразной. К примеру, область поиска и представления методов изучения города связана с гносеологическим направлением философии городских исследований. Определение картины мира в урбанистическом толке раскрывается в онтологии философии города. Язык научного постижения города разнообразен, но требует интеграции и систематизации, может стать исследовательским полем методологии философии города. Ценности научного постижения городского мира связаны с аксиологией философии города. Важной частью философии города является экскурс в закономерности развития знания о городе. Вопросы о городской ментальности расширяют тему субъектности научного философского знания о городе. Методы философии города являются отдельной важной темой идентификации заявленного знания. Системный, семиотический, метод исторических параллелей, дедукции и индукции, моделирования, аналитический и другие методы раскрывают технологии философского восприятия города.

Одним из вариантов интегрального подхода к формированию философской науки о городе может стать философская теория об урбосфере как синтезе концепта города (онтологической идее развития города), структуры города (вопросы социальной сферы), субстрата города (городское пространство в физическом измерении). Урбосфера понимается как объект внимания конкретного города и как мир в целом, урбанизированная цивилизация.

Город - объект внимания урбанизированного общества, территория его заботы и проблем, предмет восприятия и сфера формирования сознания. Философское исследование, интегрально объединяющее все возможные локусы понимания города, зарождается и находится в стадии оформления ключевых направлений своей структуры. Философия города уже является востребованным знанием в ключе интереса к трансформационным процессам в современной жизни, культуре, территориальному развитию, социокультурным изменениям, восприятию личности и социума в условиях городской среды.

Спектр тем для осмысления города постоянно растет. Противоречия современного мира формируют повестку для научно-философских исследований урбанизированного общества, среды его проживания. Город в перекрестках информационных систем, урбанизация и деурбанизация, городской стиль мышления и его актуальность, креативные пространства города, город будущего, умный город, город в системе управленческих задачи решений, сложности градостроительных концепций – лишь часть тем, которые требуют глубокого философского обоснования.

Философия города увлекает и трансформируется в современное научное знание.

Список литературы

1. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Луис Вирт. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. Серия «Теория и история социологии». Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Перевод с английского Николаев В.Г.; Отв. ред. Гирко Л.В. Москва, 2005. [Электронный ресурс]. URL: (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15613989_41336800.pdf (дата обращения 11.01.2024))
2. *Глазычев В.Л.* Город без границ. М., 2011. 400 с.
3. *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2013. 518 с.
4. *Филимонова О.Ф.* Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры: автореферат дис. ... доктора философских наук. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2004. 36 с.
5. *Горнова Г.В.* Философия города. М., 2014. 344 с.

6. Смирнов С.А. Антропология города, или о судьбах философии урбанизма в России. [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/smirseal/ancity_1.html (дата обращения 11.01.2024).

7. Афанасьева В.В. Философия города. Саратов, 2012. 243 с.

8. Касаткина С.С. Урбосфера: практики осмысления городского пространства. Череповец, 2018. 159 с.

9. Лапшина В.С. Философия современного города: гуманизм, урбанизм, эвдемонизм // Мировоззренческая парадигма в философии: политика между апологией и критикой (к 2300-летию юбилею Аристотеля. Сборник статей по материалам XVIII Международной научной конференции (18 января 2023 г.) / Нижегородский гос. Архитектурно-строительный университет; редколлегия: М. М. Прохоров (отв. редактор), А. Ф. Кудряшев, А. Н. Фатенков, В. С. Лапшина. Н. Новгород, 2023. С. 105–110.

10. Координаты современной урбанистики: новая гуманитарная перспектива: в 2 томах. Под науч. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой; отв. ред.: Г.С. Широкалова, Н.А. Трубина, Л.Р. Миркушина. М., 2023. 343 с.

11. Сафина А.М., Гайнуллина Л.Ф., Леонтьева Л.С. Урбанистика как проект: параллаксное видение // Урбанистика. 2017. № 3. С. 106–116.

ЭКСПЕРИМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: КЛАСТЕРНЫЙ МЕТОД И СТАТУС РЕАЛЬНОСТИ

Крутько Д.Ю.

*Аспирант Гуманитарного Института
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: krudaria@mail.ru*

Аннотация. Эксперимент, как один из научных методов, является проблемным понятием. Каковы сущностные характеристики эксперимента? Эксперимент первичен или вторичен по отношению к теории, которую он признан доказать или опровергнуть? Какое влияние оказывает экспериментатор и интерпретатор на проводимый эксперимент? В связи с исследованием «эксперимента» возникает вопрос о реальности наблюдаемых объектов: большинство современных экспериментов проводится с помощью приборов, расширяющих возможности человеческих органов чувств. А полученные результаты зависят от системы интерпретаций, выбранной исследователем. В каких - то видах эксперимента вопрос о реальности наблюдаемых объектов не ставится, например, в правом эксперименте. Использование кластерного метода или анализа, может помочь в определении понятия «эксперимент» и нахождения его признаков.

Ключевые слова: эксперимент, научный метод, кластерный подход, кластерный анализ, статус реальности, метод познания.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01014).

EXPERIMENT IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE: A CLUSTER APPROACH AND STATUS OF REALITY

Krutko D.Y.

*Postgraduate student of Institute of Humanities
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
E-mail: krudaria@mail.ru*

Abstract. Experiment as one of the scientific methods is a problematic concept. What are the essential characteristics of an experiment? Is the experiment primary or secondary to the theory it is recognized to prove or disprove? What influence does the experimenter and

interpreter have on the experiment being conducted? In connection with the study of "experiment" there is a question about the reality of the observed objects: most modern experiments are conducted with the help of devices that expand the possibilities of human senses, and also the results obtained depend on the system of interpretations chosen by the researcher. In some types of experiments the question about the reality of the observed objects is not raised, for example, in the right experiment. The use of cluster method or analysis can help in defining the concept of "experiment", finding its features

Keywords: experiment, scientific method, cluster approach, cluster analysis, status of reality, method of knowledge.

Одним из самых наглядных и известных, даже на уровне так называемого «обыденного сознания», научных методов является эксперимент.

Эксперимент определяется как один из методов научного познания, посредством которого изучаются явления реально-предметной действительности в заданных и воспроизводимых условиях за счет их контролируемого измерения. Это методически разработанная попытка эмпирического получения информации (данных) и выяснение условий для подтверждения или опровержения теорий. Также эксперимент выступает в качестве основы для нового знания. В отличие от наблюдения, в эксперименте изменяются факторы, которые влияют на переменные - показатели, такие как, например температура.

А.В. Ахутин объясняет эксперимент как метод, который не просто оперирует с идеально сконструированными объектами в заданных условиях, но как метод познания, вместе с которым возникает и само «познаваемое».

Также эксперимент искусственно изменяет явления – падение камня в заданное место становится новым явлением – движением точечной массы в пустоте в результате действия разных сил [1, с. 9].

В классическом эксперименте важно наличие контрольного образца: если всем гражданам Российской Федерации давать лекарства от гриппа, это будет являться частью опыта; если же разделить людей на группы и одной группе давать лекарство от гриппа, а другой – плацебо, то тогда «получается» эксперимент. У Бэкона и Канта эксперимент аналогичен судебной процедуре допроса «природы».

Однако эксперимент может состоять и в том, чтобы просто провести исследование ранее ненаблюдаемой ситуации без определенной гипотезы и "позволить себе удивиться" результату. В этом смысле эксперимент представляет собой предварительную операцию с неизвестным результатом. Эксперименты такого рода проводятся тогда, когда возможности исследования расширяются за счет использования более точного метода измерения, например, за счет БАК. В результате полученные результаты могут стать открытием.

Каждый эксперимент требует экспериментальной установки. Например, если в нем участвуют испытуемые или другие «живые» объекты, необходим «дизайн исследования», который является стратегией сбора, анализа и оценки данных. Иногда саму установку называют "экспериментом". Особенно, если эта установка разработана и создана только для одного возможного эксперимента, и на нее приходится большая часть исследовательской работы.

Эксперимент может выступать как оборот речи, например «Эксперимент с ЕГЭ». Эксперимент также представляет собой «вопрос к природе» в естественных науках, а в социальных – к социальной реальности. Согласно распространенному мнению, эксперимент должен основываться на конкретной гипотезе, которая подлежит проверке. Таким образом, эксперимент, как научный метод, имеет следующие признаки: экспериментальную установку или заданные условия, возможность измерения данных и повторяемость. И, несмотря на различные классификации наук [2, с. 60], каждая отрасль использует в качестве метода эксперимент. Но применение этой процедуры в разных науках отличается. Например, эксперименты в юридических науках, которые относятся к социогуманитарному знанию, отличаются от экспериментов в психологии или философии.

Для ответа на вопрос о концептуальной разнице понятия «эксперимент» в отличающихся областях современного знания можно использовать кластерный анализ или метод.

Обращение к кластерному методу возникает тогда, как сложно установить существенные признаки для выделения предмета в его отношении к другим предметам [3, с. 70]. Кластерные понятия возникли из современной лингвистики [4, с. 300]. А. Т. Хроленко [5, с. 161] определяет кластер как объединение языковых элементов, которые обладают некоторым набором общих признаков. Кластер выступает как часть какого-либо информационного пространства, выделенного на основании функциональной связи между словами, показывающих какой-либо фрагмент картины мира.

Н. О. Ноговицын, исследуя «формирование кластерной структуры текста» [6, с. 157] пишет со ссылкой на британского экономиста и социолога М. Портера о том, что кластер – это децентрализованный механизм, объединяющий различные отрасли и сообщества в одно целое по функциональному признаку. Его характерной чертой выступает внутренняя согласованность, раскрывающаяся без заранее продуманной концепции.

Правой эксперимент представляет собой форму нормотворчества [7, с. 15], которая способна при стабильности выбранного социума улучшать общественные отношения. Или же способствовать улучшению ситуации в моменты экономических кризисов. Ситуации для проведения правового эксперимента могут возникать ситуативно.

Следственный эксперимент имеет четкую регламентацию и определение, зафиксированных в статье 181 УПК РФ. Это следственное действие, цель которого проверить «возможность наступления того или иного последствия». В ходе следственного эксперимента воспроизводится обстановка и обстоятельства, относящиеся к расследуемому преступлению.

В естественных науках экспериментальная ситуация, как правило, может создаваться и контролироваться произвольно. Соответственно, в качестве критерия достоверности требуется воспроизводимость результатов - повторение того же результата другими исследователями в другом месте и в другое время.

Эксперименты в технических науках иногда похожи по исследовательской установке и характеристикам на эксперименты в научных исследованиях. Например, эксперименты по испытанию материалов, которые используются для определения его характеристик, таких как прочность или твердость. Однако в инженерных или технических науках тесты важнее экспериментов. В отличие от экспериментов, тесты не ориентированы на причинно-следственные связи, но часто ориентированы на конечные результаты («какими средствами достигается заданная цель?»). В то время как эксперименты в других отраслях науки ссылаются на теории, и в принципе являются открытыми - даже если есть предположения о конечном результате - и проводятся в максимально идеальных условиях, то есть с минимальным влиянием окружающей среды, тесты проводятся в условиях, максимально приближенных к реальности. Прототипы используются для проверки функциональности планируемой технологии. Например, после завершения строительства моста проводится нагрузочное испытание, чтобы определить, сможет ли мост реально выдержать нагрузки.

В экспериментах по психологии и социальным наукам влияющие переменные, как правило, менее точно контролируемы. Здесь нельзя требовать строгой воспроизводимости; вместо этого рассматриваются этичность эксперимента и его значимость.

В медицинских исследованиях вместо понятия «эксперимент» используется «клинические исследования». Например, клинические исследования для расчета дозы лекарства при лечении гриппа.

В художественной сфере одним из аспектов связи между экспериментом и искусством заключается в том, что художники всех эпох пытались интерпретировать и использовать новейшие открытия из области современного для них познания, а иногда и сами являлись первооткрывателями и своего рода экспериментаторами. Например, изобретение центральной перспективы на самом деле относится к живописи. Альбрехт Дюрер в трактате «Книги о живописи» пишет о науке измерения как об основе всякой живописи [8, с. 3]. После создания живописных работ Дюрера «центральная перспектива» стала предметом изучения в начертательной геометрии.

Рассмотренные примеры призваны показать, что эксперимент в разных отраслях знания становится совершенно отличным от естественно-научного метода, который составил основу современной науки и дал первое определение эксперименту. Для того, чтобы выявить черты этого нового явления, можно использовать кластерный анализ. Кластер как децентрализованный и объединяющий механизм позволяет рассматривать науку как одно целое, а ее методы - через кластеры, так как в науке нет заранее продуманной концепции, но есть стремление к внутренней согласованности.

Эксперимент можно рассматривать через кластеры, составляющие отдельную категорию наук: кластер юридических наук, кластер биологических и т.д. В зависимости от предмета науки, характеристики эксперимента будут отличаться по степени отношения к реальности. В медицинской и юридической науке статус реальности однозначен, так как в этих науках реальность присутствует как объективно-данная. А в исторических науках статус реальности исследуемых объектов зависит от выбранной исследовательской установки.

Таким образом, применение кластерного анализа к понятию «эксперимент» в современной науке позволяет выделить новый признак - отношение к реальности наблюдаемого объекта.

Список литературы

1. Ахутин А.В. Экспериментирующая мысль. История принципов физического эксперимента от античности до XVII века // Ахутин А. В. Эксперимент и природа. Санкт-Петербург «Наука», 2012. С. 66–389.
2. Денисова Л.В. Система знания и модели классификации наук // Научный вестник Омской академии МВД России 2012. № 1 (44). С. 60–64.
3. Оглезлев В.В. Проблемы определения кластерных понятий. // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 70-78.
4. Хусаенова А.З. Понятие кластерного концепта и методика его изучения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 67. С. 300–303.
5. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Наука, 2009. 184 с.
6. Ноговицын Н.О. Формирование кластерной структуры текстов // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 5А. С. 157–163.
7. Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30.
8. Бахова Н.А. Специфика центральной перспективы культуры ренессанса как математико-художественного пространства // Наука и современность. 2011. №12-1. С. 138–142.

КЛАССИФИЦИРОВАТЬ И УПРАВЛЯТЬ: К ВОПРОСУ О НУЖНОСТИ КЛАССИФИКАЦИЙ ДЛЯ НАУКИ

Масланов Е.В.

*Кандидат философских наук, исследователь
Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
E-mail: evgenmas@rambler.ru*

Аннотация. Классификации играют две важные роли в современной науке. С одной стороны, они упорядочивают многообразие известных нам фактов, позволяют группировать их. С другой, они дают возможность упорядочивать само научное знание. В последнем случае они выполняют две функции: объединяют исследования, посвященные общим задачам и проблемам; конструируют пространство оценки научных исследований. Помещение дисциплины в классификатор автоматически создает пространство возможной экспертизы полученных ее представителями результатов и делает ее видимой для вненаучных агентов. В этой связи классификаторы могут рассматриваться и как инструмент «наступления» на свободу научного творчества, используемый различными «административными» агентами, и как возможный механизм проактивной деятельности ученых по конструированию оригинальных исследовательских направлений и созданию новых дисциплин.

Ключевые слова: наука, классификаторы, научные исследования, научная политика, философия науки, проактивность науки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» МРОО «Русское общество истории и философии науки»

CLASSIFY AND MANAGE: ON THE QUESTION OF THE NEED FOR CLASSIFICATIONS FOR SCIENCE

Maslanov E.V.

CSc in Philosophy, researcher

Interregional public organization "Russian Society of History and Philosophy of Science"

E-mail: evgenmas@rambler.ru

Abstract. Classifications play two important roles in science. On the one hand, they organize the variety of facts known to us and allow us to group them. On the other hand, classifications make it possible to organize scientific knowledge itself. In this case, they perform two functions: they combine research devoted to common tasks and problems; allow you to construct a space for assessing scientific research. Placing a discipline in the classifier automatically creates a space for possible examination of the results obtained by its representatives and makes it visible to non-scientific agents. In this regard, classifiers can be considered both as a tool for "attacking" the freedom of scientific creativity used by various "administrative" agents and as a possible mechanism for the proactive activity of scientists in constructing new research directions and creating new disciplines.

Key words: science, classifiers, scientific research, science policy, philosophy of science, proactiveness of science.

Современная философия науки связана не только с осмыслением научной деятельности как познавательной активности, но и рассмотрением ее как одного из важнейших социальных институтов общества. Подобный взгляд позволяет выделить социально-эпистемологические особенности как внутреннего развития науки, так и ее бытования в общественной жизни. Конечно же, ее рассмотрение с точки зрения социальной эпистемологии подразумевает поиск ответов на огромное количество вопросов – от специфики конструирования и поддержания исследовательского интереса к определенным научным проблемам, механизмов достижения научной истины и анализа того, что собственно стоит понимать под таким расплывчатым понятием как «научная истина», до описания механизмов трансфера научного знания в различные сферы жизни и способов обращения с научными достижениями в обществе. Мы сосредоточимся на рассмотрении одного из механизмов упорядочивания научного знания и его влияния на функционирование науки.

Важную роль в процессе получения наших знаний о мире играют выведение различных законов и закономерностей, которые позволяют описать мир, и построение классификаций, дающих возможность упорядочивать как разнообразные факты о мире, так и группировать законы его описывающие. В этом случае классификации должны рассматриваться как элемент внутреннего развития научного знания, который используется для его совершенствования. В принципе, подобная позиция может быть подтверждена различными аргументами. Конечно же, создание Д.И. Менделеевым периодической таблицы позволило выделить закономерность, которая дала возможность увидеть не просто нагромождение химических элементов, но их целостную систему; Стандартная модель в физике позволила упорядочить элементарные частицы и описать с единых позиций сильное, слабое и электромагнитное взаимодействие. Все это демонстрирует важность классификаций. При этом зачастую сами они могут формировать и пространство научного поиска, ведь принятые нами классификации становятся способом описания мира. Поэтому, как отмечал Т. Кун «для революции (научной – Е.М) характерно изменение таксономических категорий, являющихся необходимой предпосылкой научных описаний и обобщений. Кроме того, это изменение корректирует не только критерии категоризации, но и способ распределения объектов и ситуаций среди ранее существовавших категорий. Поскольку такое перераспределение всегда затрагивает не одну, а несколько категорий и поскольку эти категории участвуют в определении друг друга, то изменения такого рода всегда носят всеобъемлющий характер» [1, с. 42-43]. К примеру, принятие гелиоцентрической системы мира привело к переопределению понятия планеты. Ведь теперь и Земля стала рассматриваться как одна из планет, чего раньше быть не могло. Подобное рассмотрение классификаций особое внимание уделяет вопросам их научной обоснованности, эвристической мощи и способности упорядочивать материал.

При этом классификации используются не только внутри отдельных наук или входящих в них научных дисциплин, но и обладают метауровнем – существует классификация самого научного знания. В связи с этим возникает вопрос об их необходимости и полезности. Ученые ведущие исследования

в одной из научных областей в процессе своей работы могут не обращать внимание на существующие классификации научного знания. Они никак не влияют на их работу. Для них, непосредственно в процессе исследовательской работы, особой роли не играет к какой научной дисциплине они принадлежат или не принадлежат, если они имеют возможность реализовывать свои идеи и обмениваться с коллегами результатами своей деятельности. Классификация для них существует лишь как механизм отнесения себя к одной из групп исследователей, которые занимаются схожими задачами и проблемами. Поэтому для них она может быть подобна классификации животных, описанной Х.Л. Борхесом в своем рассказе-эссе «Аналитический язык Джона Уилкинса». В ней все животные делятся на «на а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегущих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух» [2, с. 418-419]. Использование подобного произвольного подхода по отношению к классификации наук, пусть и позволяющего упорядочить животных на основе выделенных критериев, дает возможность выделять новые исследовательские направления и объединять старые, благодаря этому ученые на основе собственных интересов и стратегий могут создавать исследовательские поля и дисциплины. Такой подход не ограничивает творческий полет ученых. В этом случае классификации различных наук оказываются инструментарием, позволяющим расчертить поле научных исследований таким образом, чтобы выделить группы по интересам.

Развитие научного знания и его тесное взаимодействие с экономическими, политическими, общественными и военными агентами привело к переосмыслению роли классификаций. Они стали выступать не только инструментом, используемым для упорядочивания научных исследований самими учеными, но и применяемым для формирования представлений о деятельности ученых. Казалось бы, тут можно говорить лишь о небольшой смене акцента, но это изменение в корне меняет ситуацию. Теперь классификатор оказывается одним из элементов оценки работы исследовательской группы и полученных ею научных результатов. В современных условиях важным источником привлечения финансирования становится взаимодействие с различными агентами, готовыми выделить средства на научные исследования. Зачастую они не способны проинтерпретировать результаты этих работ, но должны каким-то образом оценить их. Поэтому выстраивание системы оценки результатов экспертами, которым они могут доверять – важное подспорье для вненаучных агентов в их взаимодействии с учеными. Ясно, что весь объем исследований не может быть оценен этими экспертами, да этого и не нужно. Ученые сами должны определить к какой области знаний и дисциплине относятся их работы. После чего агенты, заинтересованные в исследованиях, смогут как обратить внимание на исследователей и обратиться к ним, так и привлечь экспертов способных оценить работы в этой области. Именно тут классификаторы и начинают играть ключевую роль. Ученым приходится задумываться о том, к какому исследовательскому направлению они могут быть отнесены. Этот выбор становится не просто сиюминутной попыткой в определенный момент разместить себя в общем пространстве научных исследований. Он начинает влиять на возможное финансирование исследовательских проектов. Ведь одни из направлений оказываются более, а другие менее востребованными среди агентов, заинтересованных в научных исследованиях.

Подобное использование классификаторов может восприниматься по-разному, ведь оно оказывается связано с рассмотрением науки с внешней по отношению к ней позиции. Например, оно может быть описано как наступление, использующее научные наработки для атаки на науку. При этом «атаке не со стороны “социальных конструктивистов”, которые отрицали бы надежность ее [науки] выводов, – как говорил, правда немного по другому поводу, в одной из своих лекций Б. Латур, – а со стороны администраторов, финансистов и политиков, короче, со стороны перспективы, которую общо называют “оценкой”, т. е. нового умонстроения, распространенного в развитом мире, которое перед закрытием департаментов более не думает ни о чем важном, а только о числе опубликованных статей и количестве заработанных денег» [3, с. 157]. Но подобное отношение фиксирует лишь тот факт, что «администраторы» не могут на достаточно профессиональном уровне оценить деятельность ученых, при чем как связанных с естественными, так и с социо-гуманитарными науками, а поэтому должны ориентироваться на формальные критерии.

Именно поэтому вопрос о классификаторах научного знания оказывается достаточно важным. Ученым необходимо понять, что это один из элементов анализа науки, который используется не просто для группировки исследований, связанных общей проблематикой в единые блоки, но и для оценки их работы и управления наукой. Они оказываются элементом конструирования представлений о науке, которые потом используются агентами, заинтересованными в ней, но напрямую не участвующими

в научных исследованиях. Поэтому ученым необходимо проактивное отношение к научным классификаторам, позволяющее им не только фиксировать имеющееся состояние дел в науке, но и формировать пути ее развития и совершенствования.

Список литературы

1. Кун Т. Что такое научные революции / пер. с англ. А.Л. Никифорова // Кун Т. После «Структуры научных революций». М., 2014. 515 с.
2. Борхес Х.С. Аналитический язык Джона Уилкинса / пер. с исп. Е. Лысенко // Борхес Х.Л. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. Произведения 1942-1969 годов. СПб., 2005. 847 с.
3. Латур Б. Как лучше регистрировать агентность вещей: семиотика и онтология / пер. А. Кузнецова // Социология власти. 2023. Т. 35. № 2. С. 156-196.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Морозов Ю.Н.

*Соискатель кафедры философии
Вологодский государственный университет
E-mail: YMorozow@yandex.ru*

Аннотация. В статье раскрывается концептуальная основа категории теоретическая историология, обозначаются хронологические рамки становления данного концепта в истории науки. Рассматривается общий генезис историологии от первых позитивистских концепций до современных гуманитарных доктрин, выявляются специфика и основные методологические подходы позитивистского, герменевтического, идеалистского и нарративно-лингвистического типов историологии, указываются их авторы. Проводится структурный и сравнительный анализ рассматриваемых видов исторического познания. Поднимаются актуальные вопросы современной методологии истории, утверждается роль субъективного компонента в историческом исследовании, как неотъемлемой части современной исторической теории. Проводится сравнение естественнонаучной и гуманитарной парадигм в историческом познании, обосновывается их взаимодополняемость, как синтетическая основа современной исторической эпистемологии, утверждается ключевая роль исторической эпистемологии в формировании понятийного аппарата современной философии познания.

Ключевые слова: теоретическая историология, аналитический подход, герменевтический подход, идеалистский подход, нарративно-лингвистический подход, историческая эпистемология.

THEORETICAL HISTORIOLOGY IN THE STRUCTURE OF THE PHILOSOPHY OF SCIENCE

Morozov Y.N.

*Candidate of the Department of Philosophy
Vologda State University
E-mail: YMorozow@yandex.ru*

Abstract. The article reveals the conceptual basis of the category theoretical historiology, outlines the chronological framework of the formation of this concept in the history of science. The general genesis of historiology from the first positivist concepts to modern humanitarian doctrines is considered, the specifics and main methodological approaches of positivist, hermeneutic, idealistic and narrative-linguistic types of historiology are revealed, their authors are indicated. A structural and comparative analysis of the considered types of historical knowledge is carried out. Topical issues of modern methodology of history are raised, the role of the subjective component in historical research as an integral part of modern historical theory is asserted. The comparison of natural science and humanitarian paradigms in historical cognition

is carried out, their complementarity as a synthetic basis of modern historical epistemology is substantiated, the key role of historical epistemology in the formation of the conceptual apparatus of modern philosophy of cognition is asserted.

Keywords: theoretical historiology, analytical approach, hermeneutical approach, idealistic approach, narrative-linguistic approach, historical epistemology.

Хронологически историология как научное направление начинает формироваться в конце XIX столетия в рамках «борьбы против позитивистского понимания единства науки» [1, с. 31]. Вместе с тем, следует отметить, что именно доминирование позитивистской парадигмы санкционировало постепенную рецепцию некоторых естественнонаучных методик в историческое исследование. Результатом данного синтеза стали методологические концепции, интегрирующие в себе теорию и эмпирические наработки (в социологии данные проекты называются теориями среднего уровня), что утвердило новый раздел исторической науки, получивший название *теоретическая историология*. На современном этапе выделяют четыре основных типа историологии: аналитический, герменевтический, идеалистский и нарративно-лингвистический [2, с. 25], первые три из которых выделились в ходе полемики конца XIX – начала XX в. по поводу эпистемологической пропозиции гуманитарных дисциплин в науке, последний – только в 1970-х гг.

Установки *аналитической историологии* (особенностью которой является ориентация на позитивистскую доктрину познания, основанную на позициях нейтральности субъекта и истинности знания, где дескрипция и объяснение выступают основой познавательной методологии) предполагают отождествление исторической и естественнонаучной методологий; данный подход основан на использовании гипотетико-дедуктивной методики. Ее центральная работа – статья К.Г. Гемпеля «Функция общих законов в истории» (1942), в которой он рекомендовал универсальную схему обоснования исторических фактов. «Каркас» объяснения в данной концепции состоит из дедукции экспланандума (объясняемого явления) из эксплананса (объясняющих суждений). Основными условиями выступают положения, при которых экспланандум обязан быть логическим итогом эксплананса, а содержание эксплананса должно быть абсолютно истинным, при этом необходимо соблюдение условия, когда «эксплананс должен содержать общие законы, которые действительно необходимы для выведения экспланандума» [3, с. 92]. Под общими законами Гемпель понимал основные положения естественных наук: законы логики, математики, физики и т.п.

Позднее существенное влияние на развитие аналитической историологии оказала нарративистская доктрина американского философа А. Данто. Основой данного концепта выступает исторический текст как способ постижения прошлого. Методологическим базисом своего анализа истории он, как и Гемпель, выделяет номологическое (через закон) описание событий прошлого: «...сначала нужно дать *истинное описание* некоторого события, а уж потом объяснять его» [4, с. 16]. Автор акцентирует внимание на ретроспективном изучении исторических событий, в их взаимосвязи с другими хронологическими явлениями, особенно с теми, которые стали итогами первоначально исследуемых исторических фактов, предлагая аналитически свести предмет изучения к составляющим его частям, «понимание которых по отдельности призвано способствовать достижению целостного знания о нем» [5, с. 120].

Герменевтическая историология берет свое начало в немецкой герменевтической школе, которая основывалась на установке доминанты субъекта перед объектом и его включенности в исторический контекст. Наиболее значимый вклад в нее внес Х.Г. Гадамер («Истина и метод. Основы философской герменевтики» (1960)), отказавшийся от предыдущих герменевтических установок, стремящихся к всеобщему, «объективному» пониманию нарратива и выявлению включенного в него смысла. Позиция Гадамера тождественна онтологической концепции герменевтики М. Хайдеггера, где «понимание – это изначальная форма исполнения человеческого существования, которое представляет собой бытие-в-мире» [6, с. 311]. Гадамер делает попытку исключить психологизм из герменевтического исследования, последовательно элиминируя интенцию автора и реципиента, определяя понимание, как «взаимодействие двух движений: традиции и истолкования» [6, с. 348], при этом истолкование исторических событий совершается только на основе предыдущих (традиционных) интерпретаций. По мнению экспертов, немецкая герменевтика трактует тексты как статичные объекты, что предполагает отстраненный, психологически независимый взгляд на тексты прошлого.

Значительное влияние на формирование герменевтической историологии оказала французская традиция, ведущим представителем которой был П. Рикер. Его концепция основывалась на принципах феноменологии, полностью исключая психоанализ, структурализм и аналитические построения. Свою задачу Рикер видел в создании универсальной герменевтики, которая бы раскрывала все структуры,

обладающие избыточными смысловыми значениями. Такими структурами, в его понимании, выступают знаки, символы и текст, в них одна семантическая схема апеллирует к другой, не явной, частично соответствующей тому, что выражает язык. Именно эти структуры связывают индивида с природным и социальным миром, а основная функция герменевтики – максимально раскрыть все проявления текстового порядка через поиск и описание прошлого, вхождения с ним в диалог: «Больше объяснять, чтобы лучше понимать» [7, с. 9]. Данная установка реализовала перспективу широкой коммуникации исторического познания с другими сферами гуманитарных наук. Основательная работа П. Рикера в изучении нарративных компонентов (знак, символ, текст) сформировала устойчивый интерес герменевтической историологии в направлении нарративистских исследований. Герменевтическая историология, как антипозитивистское направление, включает в себя субъективное влияние на познавательную практику и ее объект, она основана на парадигме «отнесения к ценностям», где понимание выступает главным исследовательским методом. Учитывая релятивизм и интерпретационные качества исторического исследования, данная историология все же предполагает обоснованный научный подход в изучении прошлого.

Идеалистская историология также акцентируется на интерпретации, но по сравнению с герменевтикой подходит к историческому познанию как конструктам прошлого. Фундаментальное значение в ее создании внесли работы Б. Кроче, Р. Дж. Коллингвуда.

Теория истории неогегельянца Б. Кроче органически связана с его философской концепцией «абсолютного историцизма», заявляющей единство философии и истории. Она основывается на тезисе, что история как *конструкт* настоящего, в отличие от статичных данных различных хроник, есть модус хронологической динамики современности: «История жива, хроника мертва, история всегда современна, хроника уходит в прошлое, история – преимущественно мыслительный, хроника – волевой акт» [8, с. 13]. Кроче утверждал исторический процесс как особый, темпоральный комплекс «мышления и действия».

Р.Дж. Коллингвуд полагал, что ввиду недоступности реальных исторических событий, реконструкция прошлого возможна только через «историческое воображение», которое позволяет воспроизвести когнитивные процессы исторических субъектов, «историк ищет именно эти процессы мысли. Вся история – история мысли» [9, с. 204]. Коллингвуд ввел методологическое понятие «передумывание» прошлого – восстановление ментальных *конструкций* прошлого в собственном сознании через факты, установленные на основе изучения исторических источников.

Отличие идеалистской историологии от герменевтической состоит в концентрировании на исторической динамике – действиях, осуществляемых в прошлом. Как отмечают М.А. Кукарцева и А. Мегилл, «идеалистской историологии присуща модель политической истории. А герменевтическая историология сфокусирована на исследовании текстов прошлого, ее модель – интеллектуальная история» [1, с. 39].

В формирование *нарративно-лингвистической историологии* наиболее значимый вклад был внесен работами Х. Уайта и Ф.Р. Анкерсмита.

В работе «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века» (1973), Х. Уайт рассматривает историческое описание через ракурс четырех ключевых тропов поэтико-лингвистического языка: иронии, синекдохи, метафоры и метонимии. Данные тропы являются основой сформированного им термина «историческая тропология» как схемы проецируемого историком дискурса. По мнению Уайта, изучение любого исторического дискурса не предполагает однозначной рефлексии без использования тропологических образных элементов, которые задают смысловую основу данного дискурса «вопреки фактическим неточностям, которые он может содержать, и логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательство» [10, с. 10].

Ф.Р. Анкерсмит также полагал, что только тропология дает историку надежную методологию, через которую осуществляется реконструкция недоступного прошлого в очевидное. В поздних исследованиях он отходит от нарративной (постструктуралистской) концепции истории, абсолютизируя категорию «исторического опыта», представляя его как экзистенциальное переживание («стон истории»), через которое возможно проникновение в прошлое. Только ностальгический опыт фиксирует истинную историческую реальность, так как он соединяет нас с прошлым без механизмов языка (нарратива), а «ностальгия и ностальгическое воспоминание сообщает нам наиболее интенсивный и наиболее подлинный опыт прошлого» [11, с. 360]. Разработанный Ф.Р. Анкерсмитом концепт «возвышенный исторический опыт» заявляет переход к «зоне абсолютно нового и небывалого опыта сознания», к области его «первоначальных самоданностей» [12, с. 121].

Герменевтическая, идеалистская, нарративно-лингвистическая историологии представляют разнообразные доктрины исторического исследования экзистенциально-антропологического качества,

в которых действующий субъект исторического познания проявляет себя через чувственную и мыслительную деятельность в создании современных интеллектуальных систем. Совокупно все (включая позитивистский) рассмотренные выше типы теоретической историологии представляют собой глобальный концепт, именуемый историческая эпистемология. На современном этапе развития научного знания исследовательская парадигма теоретической историологии наиболее актуальна для научного тезауруса философии познания, так как, по мнению В.Н. Поруса, «историческая эпистемология, в которой принцип историзма вступает в сложные отношения с понятийным аппаратом философии познания, может и должна стать лабораторией, предназначенной для реформирования этого аппарата, конструирования новых смыслов, внедряемых в прежние терминологические оболочки» [13, с. 51].

Список литературы

1. Кукарцева М. А., Мегилл А. Философия истории и историология: грани совпадения // История и современность. 2006. № 2. С. 24–46.
2. Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н. Эпистемология и онтология истории // Вестник Московского университета. 2007. № 1. С. 24–35.
3. Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 237 с.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-пресс, 2002. 289 с.
5. Ануфриева К.В. А. Данто: наррация и исторические миры // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2018. № 2. С. 144–156.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философии герменевтики. М., 1988. 699 с.
7. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. 159 с.
8. Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. 192 с.
9. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. 486 с.
10. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. 528 с.
11. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М., 2003. 489 с.
12. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М., 2010. 206 с.
13. Порус В.Н. Историческая эпистемология – триггер реформы философии познания // Вопросы философии. 2021. № 5. С.47-57.

К ВОПРОСУ О БАЗОВЫХ ПРИНЦИПАХ «КГМ-ПРОГРАММЫ» В СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Орехов А.М.

*Доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии
Российский университет дружбы народов
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru*

Аннотация. В современной социальной эпистемологии доминирует НПА-программа, представляющая аналитическую социальную эпистемологию. Но это не исключает существования в ней программ, базирующихся на иных когнитивных основаниях, – и одной из них может стать КГМ-программа, апеллирующая к категориальной эпистемологии Канта-Гегеля-Маркса. КГМ-программа декларирует четыре основных принципа своего развития: (1) ясно заявленное предметное определение «социальной эпистемологии»: социальная эпистемология – это теория познания социальной реальности, где в фокусе исследования находятся общество и социальное взаимодействие; (2) тезис о тесной корреляции между собой социально-онтологического и социально-эпистемологического знания: проблемы социальной эпистемологии должны разрабатываться параллельно и совместно с проблематикой социальной онтологии; (3) утверждение, что социальная эпистемология должна быть междисциплинарным, и даже в какой-то степени трансдисциплинарным направлением; (4) включение в проблематику социальной эпистемологии проблем так называемой «институциональной эпистемологии».

Ключевые слова: социальная эпистемология, институциональная эпистемология, «КГМ-программа», «НПА-программа», гуманитарная эпистемология, И.Т. Касавин, С. Фуллер.

TO QUESTION ON BASIC PRINCIPLES OF “KHM-PROGRAM” IN SOCIAL EPISTEMOLOGY

Orekhov A.M.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Social Philosophy
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru*

Abstract. NPA-program dominates in contemporary social epistemology; it presents analytical social epistemology. But it is not exclude the existence of other programs in social epistemology based in other cognitive background, – and KHM-program, appealing to categorical epistemology of Kant-Hegel-Marx, can be considered as an example. KHM-program declares four main principles of its advancement: (1) social epistemology is theory of knowledge of social reality, where society and social interaction are in a focus of research; (2) thesis on close correlation of social ontology and social epistemology; the problems of social epistemology must be elaborated at the same time with social ontology; (3) statement that social epistemology must be interdisciplinary and in some degree transdisciplinary direction; (4) insertion of institutional epistemology in the area of social epistemology.

Key words: social epistemology, institutional epistemology, “KHM-program”, “NPA-program”, humanitarian epistemology, I.T. Kasavin, S. Fuller.

Современная социальная эпистемология весьма разнообразна и плюралистична, как и все социальное знание в целом. Но следует подчеркнуть, что сейчас в ней доминирует *аналитическая традиция* (мы ее также обозначаем «НПА-традиция» – *неопозитивистско-аналитическая традиция*), в которой в первой трети XXI века на передний план выдвинулись три программы: «Эдинбургская программа» Д. Блура, «нормативистская программа» Э. Голдмана и «интегративная программа» С. Фуллера. Обсуждение этих трех программ, можно сказать, проходит *красной нитью* через все современные дискуссии в социальной эпистемологии.

Однако мы склонны полагать, что НПА-традиция охватывает далеко не весь круг социально-эпистемологических проблем и векторов исследования, и *вне ее рамок* также можно сформировать иную программу, – и, очевидно, на других когнитивно-методологических принципах. Таковую программу мы обозначаем как КГМ («Кант-Гегель-Маркс»)-программу, базирующуюся, соответственно, на КГМ-стиле и КГМ-подходе к решению проблем социальной метафизики и в, в целом, всей проблематики социально-гуманитарного знания [1]. Базовые принципы КГМ-программы в социальной онтологии была уже нами однажды представлены (совместно с М.Л. Ивлевой) [2], а теперь нам хотелось сформулировать подобные принципы и в отношении «КГМ-программы» в социальной эпистемологии.

Всего их четыре:

(1) ясно заявленное предметное определение «социальной эпистемологии»: *социальная эпистемология – это теория познания социальной реальности, где в фокусе исследования находятся общество и социальное взаимодействие;*

(2) тезис о тесной корреляции между собой социально-онтологического и социально-эпистемологического знания: *проблемы социальной эпистемологии должны разрабатываться параллельно и совместно с проблематикой социальной онтологии;*

(3) утверждение, что социальная эпистемология должна быть *междисциплинарным*, и даже в какой-то степени *трансдисциплинарным направлением;*

(4) включение в проблематику социальной эпистемологии проблем так называемой «институциональной эпистемологии».

Проясним более детально нашу аргументацию по поводу каждого из заявленных пунктов:

(1) мы признаем тот факт, что концепт «социальная эпистемология» может быть истолкован неоднозначно.

Например, по мнению И.Т. Касавина, социальная эпистемология – это деятельностные, коммуникативно-семиотические и культурно-исторические подходы ко *всякому знанию и познанию*:

«Социальная эпистемология – это такое философское учение, которое базируется на деятельностном, коммуникативно-семиотическом и культурно-историческом подходах к знанию и познанию» [3].

Мы несогласны с таким подходом. Наша точка зрения на социальную эпистемологию, следующая: всю эпистемологию следует делить на *естественнонаучную (натуралистическую) эпистемологию* и *социально-гуманитарную эпистемологию*. Первая из них занимается исключительно познанием природных явлений, фактов природной (естественной) реальности и никакого отношения к познанию общества не имеет. Вторая, социально-гуманитарная эпистемология, занимается исследованием основных принципов познания общества и человека, и природная (естественная) реальность ей интересна лишь в «снятом» виде, т.е. как один из моментов познания *всей* социогуманитарной реальности.

В свою очередь, социально-гуманитарная эпистемология делится на *социальную эпистемологию* и *гуманитарную эпистемологию*.

Социальная эпистемологию следует рассматривать как теорию познания социальной реальности, и, в первую очередь, нацеленную на познание социальных фактов. У гуманитарной эпистемологии – другой вектор: исследование гуманитарных фактов и гуманитарной реальности.

Мы полагаем, что концепт «гуманитарная эпистемология» должен также войти в современную теорию познания. Гуманитарная эпистемология дополняет собой гуманитарную методологию – методологию гуманитарных наук [4]. Также следует указать на то, что каждый из видов социально-гуманитарной эпистемологии включает в себе четыре традиции: социальная эпистемология – *позитивистскую, марксистскую, неокантианскую и веберрианскую традицию*, а гуманитарная эпистемология – *герменевтическую, феноменологическую, постструктуралистскую и постмодернистскую традицию* [4]. В итоге, видно, что, если «Эдинбургская программа», «нормативистская программа» и «интегративная программа» представляют в социальной эпистемологии неопозитивизм («НПА-традицию»), то «КГМ-программа» в социальной эпистемологии опирается на *три другие традиции* – марксистскую, неокантианскую и веберрианскую, что, на наш взгляд, также имеет немаловажное значение, – поскольку *в общем и в целом* демонстрирует *ограниченность исследовательских векторов «НПА-традиции»*.

(2) Социальная эпистемология тесно коррелируется с социальной онтологией; развитие и продвижение социально-эпистемологических идей должно быть тесно увязано с развитием социально-онтологических идей и концепций. Несмотря на *внешнюю банальность* этого тезиса, следует указать на то, что в аналитической социальной метафизике (в нашем понимании: «социальная метафизика = социальная онтология + социальная эпистемология»; хотя мы не исключаем и другие интерпретации этого концепта) сложился своего рода *эпистемический разрыв* между социальной онтологией и социальной эпистемологией: онтологи и эпистемологи работают отдельно и изолированно друг от друга, и ничего не знают о достижениях друг друга. И главное: ведущие социальные онтологи (Дж. Сёрль, Б. Эпштейн, Т. Лоусон, М. Арчер, Ф. Гуала и др.) не пытаются дополнить свои концепции каким-либо вариантом социальной эпистемологии, и то же самое можно сказать о ведущих социальных эпистемологах (С. Фуллер, И.Т. Касавин и др.), которые игнорируют в своих работах достижения аналитической социальной онтологии. «КГМ-программа», напротив, изначально нацелена на *плодотворный союз* социальной онтологии и социальной эпистемологии.

(3) Утверждение, что социальная эпистемология должна быть междисциплинарным и даже *трансдисциплинарным* направлением исследований, тоже может показаться банальным. Но дело в том, что в аналитической социальной эпистемологии наблюдается сильный *методологический крен* в направлении таких дисциплин как психология и лингвистика (в меньшей степени – социология). А как же быть с такими направлениями, как «экономическая эпистемология», «политическая эпистемология», «юридическая эпистемология»? Ведь, по идее, именно они, как представляющие собой ключевые социальные дисциплины (экономика, политология, юриспруденция) и должны быть *определяющими* в социальной эпистемологии.

«КГМ-программа» предполагает вывести эти дисциплины из *тени* психологии и лингвистики, на которых *заиклена* НПА-программа. Социальная эпистемология должна быть не только междисциплинарным, но и трансдисциплинарным направлением, – в том смысле, как на это указывает И.Т. Касавин:

«Трансдисциплинарность недостижима вне вписывания науки в социально-культурный контекст и одновременно – интеграции в науку общемировоззренческого содержания. Наука преодолевает дисциплинарную раздробленность не в одиночку, а силами всего общества» [5, с. 38].

(4) Концепт «институциональная эпистемология» мы определяем следующим образом: *институциональная эпистемология – это исследование формальных и неформальных аспектов производства социального знания; изучение социального эпистемолога как «когнитивного менеджера знаний» в современном обществе; различных способов обоснования социально-эпистемологического знания посредством социальных институтов, вырабатывающих это знание.*

«КГМ-программа» исходит из того, что институциональная эпистемология увязывает между собой чистую социальную эпистемологию и институциональные аспекты производства социального знания в обществе, – что позволяет выйти на принципиально иной уровень социально-эпистемологического исследования.

Таким образом, сформулированные нами базовые принципы «КГМ-программы» позволяют сделать вывод, что исследовательский потенциал этой программы может сделать ее серьезным конкурентом для современных программ аналитической социальной эпистемологии – Д. Блура, Э. Голдмана и С. Фуллера.

Список литературы

1. Орехов А.М. Когнитивный стиль» российской социально-гуманитарной науки: обгон невозможен, но возможно опережение? // Социум и власть. 2019. № 3. С. 7-15.
2. Орехов А.М., Ивлева М.Л. Современная социальная онтология: в преддверии «пятой программы» // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 29-40.
3. Касавин И.Т. О поисках философской предметности в исследованиях науки // Эпистемология сегодня: идеи, проблемы, дискуссии. Нижний Новгород, 2018. С.406-413.
4. Орехов А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук. М., 2022. 692 с.
5. Касавин И.Т. Метафизика прогресса и дисциплинарная структура науки // Эпистемология и философия науки. Т.60. № 2. 2023. С. 35-41.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Соколова О.И.

*Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: lesyabelikova@mail.ru*

Аннотация. В докладе рассматривается метод моделирования в аспекте понятий неопределенности, вероятности и незнания. В качестве методологической основы избирается синергетический подход. В данном случае моделирование предстает как познавательная деятельность, направленная на получение новых знаний об объекте-оригинале через изучение свойств модели в определенных условиях. Однако акцентирование внимания исследователя на одних аспектах моделируемого объекта перед другими, ограниченность знания субъекта выступают в качестве источника неточности полученных результатов. Для характеристики подобной познавательной ситуации автором используется понятие «неопределенность». Описываются обозначенные в рамках синергетической методологии принципы неопределенности, такие как «принцип управления неопределенностями» и «принцип незнания». В первом случае неопределенность выступает в качестве характеристики, близкой по содержанию понятиям вероятности и риска. Второй случай предполагает неполноту и неточность знания об исследуемых системах. Одним из требований моделирования здесь выступает требование робастности, гарантирующее достоверность модели с допущением наличия заблуждений у субъекта или недостаточности у него знаний.

Ключевые слова: моделирование, неопределенность, риск, вероятность, незнание, субъективность, требование робастности.

MODELING AND UNCERTAINTY

Sokolova O.I.

*CSc in Philosophy, senior lecturer of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: lesyabelikova@mail.ru*

Abstract. The report examines the modeling method in terms of the concepts of uncertainty, probability and ignorance. The synergetic approach is chosen as the methodological basis. In this case, modeling appears as a cognitive activity aimed at obtaining new knowledge about the original object through studying the properties of the model under certain conditions. However, the focus of the researcher's attention on some aspects of the simulated object over others, the limited knowledge of the subject act as a source of inaccuracy of the results obtained. To characterize such a cognitive situation, the author uses the concept of "uncertainty". The principles of uncertainty outlined in the framework of the synergetic methodology, such as the "uncertainty management principle" and the "principle of ignorance", are described. In the first case, uncertainty acts as a characteristic similar in content to the concepts of probability and risk. The second case assumes incompleteness and inaccuracy of knowledge about the studied systems. One of the requirements of modeling here is the requirement of robustness, which guarantees the reliability of the model with the assumption that the subject has misconceptions or lack of knowledge.

Keywords: modeling, uncertainty, risk, probability, ignorance, subjectivity, robustness requirement.

Сегодня достаточно трудно представить научно-исследовательскую и проектную деятельность без использования метода моделирования. Моделирование предполагает замену исследуемого объекта более простым для решения поставленных задач. Можно говорить о том, что моделирование представляет собой междисциплинарную область знания, объединяющую достижение как естественных, так и гуманитарных наук.

С развитием научного знания объект исследования предстает как сложная система, состоящая из взаимосвязанных друг с другом компонентов. Поэтому методологической базой моделирования сегодня может выступать системный подход.

Центральным понятием моделирования выступает понятие «модель», под которым принято понимать материальный (в случае физического моделирования) или мысленно представляемый объект (в случае мыслительного эксперимента). Системный подход предполагает прямую зависимость построения модели от цели, когда исследуемый объект отграничивается от окружающей среды. Целью моделирования, как правило, выступает получение новых знаний об объекте-оригинале через изучение свойств модели в определенных условиях. Однако стоит понимать, что цель моделирования напрямую зависит от субъекта, от сформулированной им задачи, а предпочтение субъекта одной модели перед другой зависит от его личных интересов и опыта. Но говоря о необходимости «подобия модели и оригинального (моделируемого) объекта, следует понимать, что однозначного соответствия между ними может и не быть, однако модель должна достоверно отображать исследуемую сторону функционирования оригинала» [1, с. 234]. Поэтому результаты, полученные при помощи изучения модели, в любом случае будут отражать свойства реального объекта с определенной долей неточности.

Для характеристики этой самой неточности, или «приближенности» могут быть использованы различные понятия. Одним из таких понятий является «неопределенность». Далее мы попробуем проследить, каким образом данное понятие раскрывается в процедурах моделирования, и приведем некоторые примеры, это иллюстрирующие.

Выделяя основные принципы синергетической методологии, некоторыми авторами формулируется блок принципов, объединенных названием «Принципы неопределенности» [2]. В связи с ограниченностью объема нашей работы акцентируем внимание на двух из них.

1. Принцип управления неопределенностями. В научной и проектной деятельности исследователи сталкиваются с неопределенностью. Она изначально присуща проектной деятельности, и для того, чтобы проект был успешным и конкурентоспособным, необходимо осуществить переход от устранения неопределенностей до управления ими. В некоторых случаях неопределенность должна

преднамеренно вводится в качестве параметра модели как фактор, стимулирующий инновационное развитие системы.

Неопределенность может пониматься как условие, принимаемое для составления более точного прогноза будущей ситуации. В данном случае синонимичным является понятие риска. Управление неопределенностями (в большей степени это характерно для экономических исследований) сводится к расчету вероятности наступления или ненаступления событий, или «степени неопределенности».

Так в некоторых работах экономической направленности, менеджмента, управления проектами, ставящими в центр внимание понятие риска как условия планирования цикла проекта, утверждается, что для оценки риска сначала необходимо «измерить» неопределенность, возникающую в результате принятия решений субъектом, т.е. определить и дать количественную характеристику вероятности возможных событий. Неопределенность используется для характеристики ситуации нестабильности, когда прогностические суждения носят сугубо вероятностный характер.

При этом стоит учитывать, что имеются два вида вероятности. Это так называемая классическая вероятность, где учитывается соотношение числа благоприятствующих шансов к общему числу всех возможных вариантов развития ситуации. И статистическая, предполагающая наличие длительных наблюдений за массовыми событиями и определяющая возможность наступления того или иного сценария развития объекта. Наиболее распространенным в социальных науках является статистический вид вероятности, который отождествляется с понятием неопределенности.

Некоторыми исследователями [3] проводится различие между понятиями «риск» и «неопределенность». Неопределенность, как правило, связывается с непредсказуемостью поведения внешней среды, а риск характеризует поведение системы в условиях неопределенности. Причем соотношение между неопределенностью и риском может быть выражено следующим образом. Риск возникает с ситуации необходимости принять решение в условиях неопределенности. Если такой необходимости нет, то нет места и риску. В таком случае риск оказывается субъективно окрашенной характеристикой, неопределенность – объективна. Например, «объективное отсутствие достоверной информации о потенциальном объеме спроса на производимую продукцию приводит к возникновению спектра рисков для участников проекта» [4, с. 162]. Можно заметить, что здесь речь идет об уже известной нам вероятностной неопределенности. Вероятность выступает в данном случае как количественная характеристика, которую можно каким-либо образом исчислить (например, уменьшить, предоставив человеку больше возможных вариантов наступления/ненаступления событий). Надо сказать, что в некоторых работах, [5] отмечается, что неопределенность не есть полное отсутствие необходимой для составления точного прогноза информации, но представляет спектр возможностей для видения будущего состояния развития системы в виде тенденций.

Таким образом, понятие неопределенности может характеризовать отсутствие информации об условиях развития системы, другими словами, среда выступает в качестве источника неопределенности для систем. Риск же возникает в ситуации необходимости принять решение. Проектная деятельность, связанная с выбором из имеющихся вариантов, требует от субъекта умений управления риском и действия в ситуации неопределенности.

2. *Принцип незнания.* Данный принцип предполагает неполноту и неточность знания об исследуемых системах, поскольку формулируются не столько на основе строгих логических понятий и суждений, сколько на основе личных предпочтений. Поэтому важную роль играет фактор частичного знания или незнания.

Одним из требований к составлению модели является так называемое требование «робастности» (от англ. *robust* — «крепкий», «сильный», «твёрдый», «устойчивый»). Она предполагает устойчивость по отношению к ошибкам. Причем стоит учитывать, что эти самые ошибки могут возникать еще на этапе исходных данных, т.е. «входа», поскольку исходные данные могут быть изначально неточными. Моделирование как процесс включает в себя как объективную, так и субъективную сторону. Учет субъективных факторов в процессе моделирования в свою очередь и приводит к неопределенным аспектам этого метода. Так изначально неверно выбранные переменные или неправильно спрогнозированное влияние некоторых факторов на ситуацию, недостаточная информированность субъекта или недостаточная компетенция являются причинами, которые могут приводить к неправильному построению модели и как следствие недостоверным выводам относительно моделируемого объекта. М.Ю. Касаткин и В.В. Коробко [2, с. 13] называют эти причины «проблемами моделирования». На наш взгляд, более точно их можно было бы назвать «субъективными проблемами моделирования». Они, в отличие от объективных параметров, например, окружающей среды или законов развития объекта, изначально связаны с мыслительной деятельностью субъекта.

Робастность, таким образом, предполагает наличие определенной границы, «защитного пояса» модели, гарантирующего степень ее достоверности с возможностью допущения некоторых заблуждений субъекта или недостаточности у него знаний.

Таким образом, моделирование как один из методов вскрытия объективных закономерностей окружающего мира ставит перед собой задачу - уточнение и углубление знаний о реальности. Но наряду с этим имеет и обратную сторону – незнание и неопределенность, поскольку связано с мыслительной деятельностью субъекта, а следовательно – субъективно окрашено. Моделирование неизбежно связано с упрощением и схематизацией, поэтому выбор некоторой модели среди прочих, акцентирование внимания исследователя на одних аспектах моделируемого объекта перед другими, ограниченность знания субъекта – все это неизбежно будет выступать в качестве факторов, определяющих познавательную практику.

Список литературы

1. Пономарева А.И., Суворова А.В. Моделирование как метод научного познания: содержание и типология. Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 12-2 (70). С. 233-237.
2. Касаткин М.Ю., Коробко В.В. Моделирование как метод естественно-научного познания. Саратов, 2017. 126 с.
3. Николаенко В.С. Риск, риск-менеджмент и неопределенность: уточнение понятий. Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 91-119.
4. Балашов А.И. Управление проектами. М., 2016. 383 с.
5. Courtney H. Strategy under uncertainty [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr.org/1997/11/strategy-under-uncertainty> (дата обращения: 04.01.2024).

О ВЛИЯНИИ НАУКИ НА КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Черникова И.В.

*Доктор философских наук,
заведующая кафедрой философии и методологии науки
Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: chernic@mail.tsu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются влияние современной науки и мега-технологий на человека и культуру, если культуру понимать как социокод, как среду воспроизводства человеческого в человеке. Характеризуются связи между наукой и культурными смыслами. Особенно важной становится роль науки в культуре, когда наука становится ядром техногенной культуры (культурной матрицы техногенной цивилизации). Обозначены важнейшие изменения в науке и научной деятельности, отличающие технонауку от классической науки. Поскольку наука и культура развиваются во взаимодействии и взаимовлиянии, ставится задача проанализировать сдвиги в культуре цифровой эпохи. Актуализируется проблема культурных смыслов и ценностей цифровой эпохи: способствует ли цифровизация воспроизводству человеческого в человеке, что позволяло бы говорить о цифровой культуре.

Ключевые слова: наука, технологии, техногенная цивилизация, цифровизация, культура, ценности.

ON THE IMPACT OF SCIENCE ON THE CULTURAL CODES OF THE DIGITAL ERA

Chernikova I.V.

*DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science
National Research Tomsk State University*

E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Abstract. The paper examines the impact of modern science and mega-technologies on humanity and culture, if culture is understood as a socio-code, as an environment for the reproduction of human nature. The correlation between science and cultural meanings are characterized. The role of science in culture becomes particularly significant when science emerges as the core of technogenic culture (the cultural matrix of technogenic civilization). The most important changes in science and scientific activity that distinguish technoscience from classical science are outlined. Since science and culture develop in interaction and under mutual impact, the task is to analyze shifts in the culture of the digital era. The problem of cultural meanings and values of the digital era is rethought: does digitalization contribute to the reproduction of the human nature, which would allow us to talk about digital culture.

Keywords: science, technology, technogenic civilization, digitalization, culture, values.

Влияние науки на культуру особенно велико в техногенной цивилизации, в которой наука является доминантой, придающей особый рисунок культуре, отличающийся от рисунка культуры Античности, где центром была философия, и от культуры Средневековья, где центром была религия, и от культуры Возрождения, где центром было искусство. Символы культуры и научные идеи функционируют в едином смысловом пространстве. Их взаимосвязь отрефлексирована и выражена исследователями в разных формах. Сегодня активно используется сегодня философами введенное П. Галисоном понятие «зон обмена», обозначающее пересечения социального и интеллектуального пространства, «в котором связываются воедино дотолде разобщенные традиции экспериментирования, теоретизирования и изготовления научных инструментов» [1, с. 76]. Другой подход в выявлении глубинных взаимодействий науки и культуры предлагает С.Н. Жаров, он вводит понятие «социокогнитивный контур» и позиционирует его как знание, взятое в контексте социального и культурного функционирования [2]. Значительный интерес представляют размышления И.Т. Касавина, характеризующего науку как «общественное благо». Социально-культурная миссия науки осуществляется в нескольких измерениях, важнейшими из которых являются не только традиционные когнитивный и экономический (производство фундаментальных теоретических знаний и инновационные технологии), но и моральный, и гуманистический аспекты: наука как культура дарит знание и учит рациональности, участвует в формировании общественного сознание [3].

Одним из первых среди отечественных философов глубинные связи науки и культуры начал анализировать В.С. Степин и относящиеся к его школе философы. В структуру науки был выделен, помимо эмпирического и теоретического, уровень оснований науки, включающий философские основания, научную картину мира (НКМ), идеалы и нормы мышления. В качестве примера конкретизируем роль НКМ в культуре. В картине мира (КМ) отражены сложившиеся в культуре обобщенные представления о мироустройстве и отношении человека к миру, поэтому в ней знания интегрированы с морально-этическими нормами. НКМ вписана в общую КМ. Наука как составляющая западноевропейской культуры наследовала основополагающую предпосылку иудаистско-христианской КМ (овладение миром). НКМ — это особый компонент научного знания, являющийся частью культуры и, в тоже время, принадлежащий внутренней структуре науки. Ее главная функция, как подчеркивал В.С. Степин, онтологизация теоретических схем. Научные знания, выраженные языком науки и представленные в научных теориях, понятны только профессионалам. НКМ осуществляет перевод, трансляцию научных знаний в культуру. С использованием ее более образного языка, в котором термины не лишены наглядности, например, «материальная точка», «абсолютно твердое тело» и другие, формируется мировоззрение и общественное сознание. В свою очередь, влияние культуры на науку, происходит через, так называемые, культурные универсалии. Фиксируя взаимное влияние науки и культуры, поясним, что ее следует понимать не механистически, не как связь части и целого, а как совместное формирование программ развития общества. Среди многочисленных определений культуры, выделим понимание культуры как социокода (Л. Уайт) и как исторически развивающейся системы надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (В.С. Степин).

Современный тип западной цивилизации часто называют техногенной цивилизацией. О отмечая высокий уровень научно-технологического развития. В.С. Степин в своем анализе техногенной цивилизации не ограничился такой характеристикой, а выделил присущую ей систему ценностей, которую сопоставил с ценностями традиционалистской культуры. Техногенной культурой он называл культурную матрицу техногенной цивилизации, представленную доминирующими ценностями. В.С. Степин выделил пять ключевых характеристик техногенной культуры [4, с. 83-92].

Общество, опираясь на ценности техногенной цивилизации, развивалось в течение трехсот лет, но уже в XX веке обозначились кризисные явления и риски развития человечества на пути научно-технологического прогресса - это проблема выживания перед угрозой роста вооружений; глобальный экологический кризис; антропологический кризис. Возникает вопрос: дальнейшее развитие общества возможно ли на тех же мировоззренческих ценностях или требуется их радикальное изменение? Формирование новой системы ценностей в значительной мере обусловлено развитием науки и технологий, необходимостью преодолевать экологический, антропологический, геополитический кризисы, грозящие существованию человека. Поэтому потребуются переосмыслить ключевые цели и морально-этические установки, регулирующие человеческую деятельность. Важное значение имеет трансформация мышления: от аналитического мышления в контексте механистического мировидения к системному и сложностному в контексте холистического мировидения.

Сегодня немало исследований, в которых не только отмечается неизбежность перехода от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития, но ищутся пути перехода к новой пост техногенной культуре. Но недостаточно работ, в которых бы критически осмысливались те понятия, которыми обозначается эта новая культура. Чаще всего для обозначения культуры нового типа используется понятие «цифровая культура». Цифровизация, с одной стороны, обеспечила совершенно новый уровень коммуникации; на основе оперирования большими данными появились новые возможности прогнозирования; цифровые технологии, внедряемые в социальную сферу, создают новый уровень автоматизации труда и быта. С другой стороны, проявляется угроза трансформации социальных связей, невиданного социального расслоения, виртуализации культуры, уничтожения личного пространства, манипулирования сознанием, компьютерной пропаганды, деформации мышления, снижения когнитивных способностей и другие. Это позволяет поставить вопрос: способствуют ли цифровизация воспроизводству человеческого в человеке, что позволяло бы говорить о цифровой культуре? Иначе говоря, имеем ли мы дело с феноменом цифровизации или правомерно говорить о цифровой культуре, ведь культура призвана обеспечить воспроизводство человеческого в человеке, а не замену человека интеллектуальным роботом? И каковы новые установки на взаимодействие с природой, если установка на овладение природой не способствует выживанию человечества? Без ответа на эти вопросы, на наш взгляд, не правомерно говорить о цифровой культуре.

Основанием европейской культуры, развивавшейся на ценностях гуманизма, рационализма, либерализма..., служило картезианское дуалистическое мировидение, которое современной наукой заменено на холистическое или системное. Немалую роль в формировании нового научного мировоззрения сыграли идеи глобального эволюционизма, нелинейности, системности, сложности, характеризующие современную НКМ. Пересматриваются установки классического гуманизма, основанные на антропоцентризме, в новом гуманизме в ее центре стоит не человек сам по себе, а способ бытия человека в мире.

Проблема, на которую хотим обратить внимание, может быть сформулирована следующим образом: меняются ли и как смысловые коды культуры вследствие трансформаций в современной науке? Постнеклассическая научная рациональность соотносится с технонаукой [5]. NBICS-технологии являются примером той формы научной деятельности, которую называют технонаукой. Технонаука кардинально отличается от науки классической. Б. Латур это выразил известным заявлением, что эпоха науки кончилась, родилось исследование. Включив в поле своего внимания сложные саморазвивающиеся системы (человекоразмерные объекты), наука перестала быть чисто теоретической деятельностью, технонаука это не только интеллектуальное производство знаний, но и социальная практика. Объекты технонауки это, так называемые, «человекоразмерные объекты». В классической науке субъект дистанцирован от объекта, естественное противостоит искусственному. Картину мира технонауки невозможно характеризовать как чисто объектную, в нее включены созданные человеком продукты инновационных технологий, которые, будучи включенным в естественноисторический процесс, с равным правом можно рассматривать и как естественные, и как искусственные. «Наука выполняет некую универсальную миссию, затрагивающую отношения

не только человека с природой, но и человека с человеком» [6, с. 47]. Трансдисциплинарные исследования характеризуются как переход к новому способу производства знаний mode 2.

Обозначив важнейшие трансформации современной науки, присоединимся к мнению тех философов, которые исследовав характер изменений научной рациональности, утверждают, что наука остается наукой в рамках своих познавательных процедур: наблюдений, описаний, экспериментов, количественных измерений, фиксации воспроизводимых результатов, и т.д. Но на самом высоком уровне обобщений наука все больше смыкается с общественностью и политикой. Технонаука, наряду с осуществлением фундаментальных исследований, является также социальной практикой. Она принимает участие в выработке и обосновании общественных решений. Научная истина обрела новую дополнительную размерность, связывающую знание не только с объективной реальностью, но и с оценкой рисков применения технологий и принятием решений. Объективность в технонауке больше не противостоит субъективности, производство знаний является коллективной, а не индивидуальной практикой, а объективность задается не только соответствием научного знания объекту, но и неотделима от его применения. Производство знаний больше не рассматривается как преимущественно линейный процесс, в соответствии с которым достижения фундаментальной науки «воплощаются» в технологиях и определяет ее динамику.

Попытаемся обозначить ключевые трансформации в культуре, обусловленные технологической революцией. Культура, понимаемая как социокод, служит средой, в которой аккумулированы ценности и нормы, характеризующие социальное бытие и деятельность отдельных индивидов. Стремительное развитие науки и технологий привело к четвертой промышленной революции, начало которой, согласно Клаусу Швабу связано с цифровизацией. Но, как уже отмечено выше, цифровизация, по влиянию на человека и общество, процесс амбивалентный. Речь не о сомнениях в культурной значимости процессов цифровизации, их значимость обусловлена качественно новой формой обмена информацией. Но способствует ли цифровизация воспроизводству человеческого в человеке, что позволяло бы говорить о цифровой культуре?

В.В. Миронов обозначает новый тип культуры, формирующейся под воздействием мегатехнологий термином «глобальная культура» [7]. В.И. Аршинов и В.Г. Буданов называют этот культурный сдвиг большим антропологическим переходом [8, с.41]. Актуальность поставленной проблемы несомненна и требуется ее глубокое исследование. В пост техногенной цивилизации есть ли культура и каков образ человека как ее продукта и создателя? Или, подобно шагреновой коже, она порождает те образы человека, всерьез обсуждаемые как проекты постчеловека (трансгуманизм и постгуманизм) в которых человеческий образ только сжимается до интеллектуально вычислительных способностей?

Список литературы

1. *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
2. *Жаров С.Н.* Механизмы формирования парадигмы в контексте культуры // После постпозитивизма. М. 2022. С.16-18. [Электронный ресурс]. URL: <http://rshps.ru/books/congress2022.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).
3. *Касавин И.Т.* Наука - гуманистический проект. М., 2020. 496 с.
4. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011. 408 с.
5. *Черникова И.В.* Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. 2011. №11. С. 71-79.
6. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.,1986. 432 с.
7. *Миронов В.В.* Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kultury-v-prostranstve-globalnoy-kommunikatsii-1> (дата обращения:23.12.2022).
8. *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Сетевые информационные революции и Большой антропологический переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 40–51.

ПАРАНАУКА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Шетулова Е.Д.

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

E-mail: shetulowa@yandex.ru

Аннотация. Исследование паранауки актуально, во-первых, ввиду взаимосвязи этого феномена с развитием собственно самой науки как одного из оснований современной человеческой цивилизации; во-вторых, амбивалентности паранауки, инициирующей особый познавательный интерес. Цель работы заключена в обобщении результатов, достигнутых современной отечественной философией науки в изучении паранауки и нахождении перспектив её дальнейшего рассмотрения. Основные результаты заключены в констатации трёх аспектов. Первый – в утверждении эпистемологической значимости анализа паранауки. Второй – в раскрытии основных направлений и перспектив исследования паранауки современной отечественной философией науки, к которым относятся терминологическое прояснение содержания понятия «паранаука», поиск критериев её разграничения с наукой, описание статуса паранауки. Третий – в постулировании, что постнеклассический период развития познания предопределяет трансформацию понимания места и роли паранауки в познавательной деятельности от исключительно негативного к условно положительному, ввиду сближения инноваций и паранаучных девиаций и приспособляемости паранауки к изменению условий её бытия.

Ключевые слова: наука, паранаука, философия науки, эпистемология, методология, проблема демаркации.

PARASCIENCE AS A PROBLEM OF MODERN RUSSIAN PHILOSOPHY OF SCIENCE

Shetulova E.D.

DSc in Philosophy, Professor

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

E-mail: shetulowa@yandex.ru

Abstract. The study of parascience is relevant, firstly, due to the relationship of this phenomenon with the development of science itself as one of the foundations of modern human civilization; secondly, the ambivalence of parascience, which initiates special cognitive interest. The purpose of the work is to summarize the results achieved by modern Russian philosophy of science in the study of parascience and to find prospects for its further consideration. The main results are based on three aspects. The first is to assert the epistemological significance of the analysis of parascience. The second is to reveal the main directions and prospects for the study of parascience by modern Russian philosophy of science, which include a terminological clarification of the content of the concept of "parascience", a search for criteria for distinguishing it from science, and a description of the status of parascience. The third is the postulation that the post-non-classical period of development of cognition predetermines the transformation of the understanding of the place and role of parascience in cognitive activity from exclusively negative to conditionally positive, due to the convergence of innovations and parascientific deviations and the adaptability of parascience to changes in the conditions of its existence.

Keywords: science, parascience, philosophy of science, epistemology, methodology, demarcation problem.

Актуальность исследования вопросов, связанных с паранаукой, не вызывает сомнений. Во-первых, паранаука выступает одним из распространённых феноменов современной общественной жизни. Причём феноменов хотя и интересных, но далеко небезобидных, или, по крайней мере, амбивалентных. Ведь паранаука при определённых обстоятельствах вполне в состоянии «перекрывать» развитие научного знания, и она крайне затратна без обратной отдачи. Во-вторых,

этот феномен взаимосвязан с развитием собственно самой науки, являясь её некоторой превращённой формой. Наука как столп нынешней человеческой цивилизации и всё, что с ней «пересекается», выступает и должно выступать в качестве центра исследовательской активности.

Изучение паранауки, насколько можно судить по литературе, осуществляется в двух направлениях. Первое – анализ её проявлений в конкретно-научных отраслях и дисциплинах. Такого рода анализ широко представлен в работах учёных, как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного профиля, охватывая практически весь спектр современного научного знания от астрофизики и археологии до языкознания (к примеру, работы Е.Б. Александрова, В.А. Бердинских, Ю.Н. Ефремова, А.А. Зализняка, В.А. Коренько, С.В. Кузьминых и др.) [1, 2, 3, 4, 5]. Хотя, разумеется, рассмотрение паранауки в соответствующей сфере не отрицает, а часто подразумевает «выход» на сугубо философские аспекты. Второе – собственно философско-методологические и социально-философские исследования феномена паранауки. Цель данной статьи заключается в некотором обобщении результатов и нахождении перспектив изучения паранауки как проблемы современной философии науки.

Изучение паранауки в философском плане охватывает ряд её существенных характеристик и аспектов. Остановлюсь на основных из них.

Прежде всего, это вопрос терминологического прояснения самого понятия «паранаука» и, связанная с этим, проблема классификации околонучного знания. Так А.М. Конопкин, сосредотачивая внимание на данном аспекте, справедливо отмечает, что «неопределённость терминологии часто используется для недобросовестных манипуляций со статусом научности» [6, с. 39]. К тому же, неопределённость с терминологией предопределяет, что группы разнородных явлений могут быть неверно отнесёнными к какой-то одной области околонучного знания, что только ещё раз «запутает» дальнейшее изучение.

Для того чтобы избежать такого рода последствий, автор предлагает этимологический анализ основных понятий, употребляемых относительно околонучного знания. Собственно этот анализ касается таких часто употребляемых в современной научной литературе терминов, как лженаука, паранаука, квазинаука, псевдонаука, антинаука. Другими словами, понимать ли их как синонимы или они таковыми не являются. Этот вопрос достаточно дискусионен. По А.М. Конопкину, на основе проведённого им анализа, квази-, псевдо-, лженаука этимологически эквивалентны. Но они далеко не эквивалентны гносеологически, поскольку каждое из этих понятий обозначает разное отношение объекта к истине. Наибольшая ясность при этом с термином «паранаука», ибо его этимологический смысл вполне совпадает с фактическим употреблением, а именно как околонучного знания [6, с. 41]. В свою очередь вопрос структуры околонучного знания столь же не определён, ввиду отсутствия единого критерия для классификации [6, с. 47].

Отмечу далее, что большой отдельной проблемой в литературе выступает разграничение науки и паранауки и, следовательно, выделение его возможных критериев. Поэтому поиск критериев демаркации также представляется крайне важным в контексте обращения к проблеме паранауки. Эта цель в качестве основной, в частности, поставлена в работе М.В. Скоморохова и А.Ю. Внутских. Известная фундаментальность проблемы демаркации обуславливается рядом следующих обстоятельств. Без её решения невозможно адекватно понять, собственно, саму науку. А наряду с этим и паранауку, исследование которой требует комплексного подхода, включающего философский, социологический, исторический планы. Без решения проблемы демаркации не разобраться с нарастающей популярностью паранауки [7, с. 17].

Основываясь на историко-философском экскурсе и обращении к идеям современных зарубежных и отечественных авторов (И. Кант, К. Поппер, И. Лакатос, М. Пиглиуччи, Г. Фоллмер, С. Ханссон, В.С. Степин, И.Т. Касавин), М.В. Скоморохов и А.Ю. Внутских постулируют, что процедура фальсификации, выработанная как критерий демаркации, может и должна рассматриваться как недостаточная. Она должна быть дополнена подтверждаемостью, а также поиском критериев демаркации внутри самого паранаучного знания как сложного комплексного феномена [7, с. 18]. При этом паранаука как некий феномен современной культуры не заслуживает однозначной негативной оценки, ввиду своей амбивалентности, ведь она на протяжении истории всегда сопровождала науку в её развитии, играя отчасти позитивную роль, так как заставляла учёных совершенствовать свою аргументацию [7, с. 18-19].

Этой же тематике посвящена работа В.Н. Соколичик, в которой подчёркивается сложность задачи разграничения и различения науки и паранауки не в последнюю очередь из-за множественности форм проявления паранауки, каждое из которых не выступает «в чистом виде», а взаимопереплетаются между собой, усложняя задачу различения [8, с. 115]. Выход в поиске разграничения этих проявлений

и подлинной науки через выявление характерных черт каждого вида паранаучного знания. Во-первых, околонучная экзотика (парапсихология, астрология, криптозоология), ориентированная на веру, роль авторитета. Эти «продукты» паранауки легче всего отличимы от науки подлинной. Во-вторых, вульгарная наука (социобиология, лысенковщина), в которой научное знание чрезмерно упрощается и как таковое определено идеологическими или иными внешними по отношению знания причинами. В-третьих, лженаука (френология, гомеопатия), где осознанно или неосознанно подтасовываются факты. Здесь сложнее всего провести демаркацию [8, с. 114-115].

Эти проявления паранауки позволяют определить её как форму познавательной активности, альтернативную или дополнительную к существующим видам научного знания [8, с. 114]. И выявить на этой основе основные критерии демаркации. К ним следует отнести собственно критерии науки – исторические и логические, а также, учитывая постнеклассический характер современной науки, эстетико-прагматический и биоэтический критерии [8, с. 116].

Подчёркивается в работе В.Н. Сокольчик неоднозначность феномена паранауки, в том числе, ввиду имеющего места сближения передовых инновационных исследований и паранаучных девиаций [8, с. 115]. Это ставит специальный вопрос о месте и роли паранауки в системе знания. Рассматривая его, А.А. Андреев отмечает общую неясность с ним в современной философии науки, несмотря на то, что проблематика паранауки обладает несомненной важностью особенно в сфере эпистемологических исследований [9, с. 147]. Со своей стороны, им демонстрируется общая положительная роль паранауки в познании. Основание подобного вывода заключено в том, что она легко перестраивает свою методологическую и категориальную основу и даже может играть роль научного авангарда [9, с. 151]. Эта мысль в определённой степени поддерживается Д.В. Головиным [10, с. 20].

Таким образом, исходя из изложенного, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, паранаука является одной из наиболее востребованных исследовательских тем современной философии науки и, прежде всего, эпистемологии ввиду того, что изучение феномена паранауки затрагивает центральные вопросы этого раздела, а именно природы, границ, форм научного знания.

Во-вторых, в современной научной литературе основными направлениями изучения паранауки выступают выяснение содержания понятия «паранаука» и его соотношения с рядом других понятий, описывающих околонучное знание; определение критериев демаркации науки и паранауки; раскрытие статуса паранауки. Несмотря на известную изученность, эти вопросы сохраняют свою дискуссионность. Эта дискуссионность обусловлена наличием разнообразных мировоззренческих ориентаций в современном познании. Соответственно все эти направления обладают перспективами своего дальнейшего исследования.

В-третьих, современная отечественная философия науки уходит от сугубо отрицательного отношения к паранауке, что было столь характерно для советского периода, подчёркивая её многомерность и определённую положительную роль, которую она играет в научно-познавательной деятельности постнеклассического периода развития познания.

Список литературы

1. Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки. Бюллетень № 1. М.: Наука, 2006. С. 14-29.
2. Бердинских В.А. Историческая паранаука и краеведение // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 172-175.
3. Ефремов Ю.Н. Лженаука и гипотеза // В защиту науки. Бюллетень № 7. М., 2010. С. 51-58.
4. Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2009. 240 с.
5. Кореняко В.А., Кузьминых С.В. Наука и паранаука в современной отечественной археологии (по следам обсуждения «Проблемы Аркаима») // Российская археология. 2007. № 2. С. 173-177.
6. Конопкин А.М. Особенности структурирования околонучного знания // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (11). С. 39-47.
7. Скоморохов М.В., Внутских А.Ю. Проблема демаркации науки и паранауки: история и современное состояние // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 7. С. 16-21.
8. Сокольчик В.Н. Феномен паранауки и проблема демаркации знания в постнеклассической науке // Труды БГТУ. 2017. Серия 6. № 1. С. 113-117.
9. Андреев А.А. Эпистемологические проблемы паранауки // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. Сборник материалов XXXIII Международной

научно-практической конференции. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2017. С. 147-152.

10. Головин Д.В. К дефиниции паранауки // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 14-21.

ТЕХНОЛОГИИ ОТКРЫТОГО ДОСТУПА К НАУЧНЫМ ЗНАНИЯМ: ЦЕННОСТНОЙ АСПЕКТ

Элбакян А.А.

Аспирант

Институт философии РАН

E-mail: alexandra@elbakyan.io

Аннотация. На примере технологий открытой науки в статье показано, что классический подход к пониманию техники как ценностно-нейтрального инструмента сегодня утратил свою актуальность. Технология все чаще выступает не только как практический инструмент, но и как способ воплощения определенной ценности или идеала. Такой ценностью для научного сообщества является равный, свободный и неограниченный доступ к знаниям. Первой попыткой реализации этого идеала на практике становится технология всемирной паутины, а затем такие крупные проекты в сфере открытой науки, как интернет-порталы arXiv, PubMed и Sci-Hub. Технические разработки здесь апеллируют к традиционным, фундаментальным ценностям научного познания, которые отделяют знание собственно научное от его преднаучных форм. Таким образом, популярность технологий открытой науки объясняется не только удобством использования и скоростью работы, но и соответствием базовым ценностям ученого сообщества. Технологии социальных сетей, такие как Academia.edu и ResearchGate, акцентируют иную ценность: возможность презентовать себя — и поэтому не относятся к технологиям открытой науки.

Ключевые слова: открытая наука, ценности, ценностная нейтральность технологии, аксиология техники, научная коммуникация, Мертон.

TECHNOLOGIES FOR OPEN ACCESS TO SCIENTIFIC KNOWLEDGE: THE DOMAIN OF VALUES

Elbakyan A. A.

Graduate student

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: alexandra@elbakyan.io

Abstract. Taking open science technologies as an example, the article demonstrates that classical approach to technology as value-neutral has become obsolete. Technology today is increasingly becoming more than just a practical tool, but also an embodiment of a particular value or ideal. For research community, the fundamental value is equal, free and unrestricted access to knowledge. The World Wide Web technology became the first attempt at the implementation of this open knowledge ideal, followed by large open science projects: arXiv, PubMed and Sci-Hub. These technologies appeal to the traditional values of science, that are fundamental enough to draw a demarcation line between science and non-scientific forms of knowledge. The popularity of open science technological projects is thus explained by not only the convenience of use, but also by the alignment with core values of scientific community. Social media: Academia.edu and ResearchGate emphasize different values of self-representation and thus cannot be considered as open science technologies.

Keywords: open science, values, value-neutrality thesis, axiology of technology, communication in science, Merton.

Тим Бернерс-Ли, изобретатель первого в мире веб-сайта, который был создан около 30 лет назад, так описывал предназначение своей технологии: «Проект основан на философии, согласно которой большая часть академической информации должна быть свободно доступна всем. Его цель — сделать возможным обмен информацией в международных командах [...] Изначально проект был предназначен для сообщества [ученых, которые занимаются исследованиями в сфере] Физики Высоких Энергий...» [1, p. 14].

Бернерс-Ли начал работу над проектом, когда был сотрудником ЦЕРН — крупнейшей международной лаборатории физики высоких энергий, которая находится в Европе. Разработанная Бернерсом технология позволила создавать на каждом компьютере так называемые «гипертекстовые» документы, которые содержат внутри себя ссылки на другие документы — причем последние могли располагаться на любом компьютере, подключенным к сети Интернет.

В том же 1991 г. Пол Гинспарг из Лос-Аламосской лаборатории в США запустил arXiv — электронный архив препринтов научных публикаций по физике [2]. Проект Гинспарга изначально не имел четко определенной идеи и философии, но постепенно стал одним из флагманов движения открытого доступа, которое зародилось в науке примерно в это же время. Участники движения выступали за реформу системы научной коммуникации и возлагали в этом особые надежды на развитие Интернет-технологий. В отличие от печатных изданий, которые становились все более дорогими и недоступными, Интернет олицетворял собой возможность свободного обмена знаниями, поскольку стоимость копирования информации в электронном виде становилась практически равной нулю [3].

Развивая идеи открытого доступа к знаниям, нобелевский лауреат Гарольд Вармус в 1999 г. выступил с предложением создания Интернет-портала e-biomed, где в бесплатном доступе размещались бы все журналы по биологии и медицине: «Система, которую мы предлагаем, нацелена на то, чтобы сделать естественно-научное знание и идеи свободно доступными как научному сообществу, так для широкой публики, в традициях бесплатных общественных библиотек. [...] Предоставить международному научному сообществу свободный, быстрый, и полный доступ ко всей биомедицинской научной литературе — главная цель нашего проекта» [4].

Приведенные выше примеры демонстрируют, как само понятие техники, или технологии в эпоху Интернета претерпевает изменения. В классическом понимании техника есть средство, инструмент достижения целей; с этим подходом тесно связан так называемый «тезис о ценностной нейтральности технологии», суть которого заключается в том, что технология сама по себе не может являться добром или злом, выступать в качестве морального агента и оцениваться с точки зрения этики — такую оценку могут получать только действия человека, который применяет то или иное техническое средство для достижения целей [5, 6]. Например, такой простой технический артефакт, как кухонный нож, может быть использован и для приготовления еды, и как орудие нападения или защиты; являясь инструментом в руках человека, сам по себе он нейтрален с точки зрения этики и морали.

Альтернативой тезису о ценностной нейтральности технологий стала теория «закладывания» ценностей. В соответствии с этим подходом, технология несет в себе ценности, которые были заложены её создателями: «если дамба возводится для обеспечения безопасности и действительно способствует безопасности, то она воплощает ценность безопасности» [6, с. 77]. Затруднительным моментом здесь является то, что достаточно редко ценность бывает сформулирована создателями технологии в явном виде.

По мере развития и усложнения технологий постепенно растет их осмысленность, ценностная наполненность. На приведенных выше примерах можно видеть, как Т. Бернерс-Ли и Г. Вармус не просто создают более удобные средства обмена информацией между учеными: технологии для них становятся способом утверждения определенной философии или традиции, которая подразумевает открытый, свободный и бесплатный доступ к знаниям для всех людей.

Такой открытый или свободный обмен знаниями составляет одну из базовых ценностей современной науки. Например, на это указывал Р. Мертон в своих исследованиях научного этоса — «эмоционально окрашенного набора ценностей и норм, который считается обязательным для человека науки» [7, p. 116]. Мертон подчеркивал, что для современных ученых характерен «коммунизм» или представление о том, что знание является достоянием всего ученого сообщества; это достигается за счет полной и открытой коммуникации.

Такая этическая позиция в отношении знания о природе вообще была не характерна для эпохи Средневековья: напротив, опытное знание считалось секретом, который следует ревностно охранять от посторонних и недостойных его людей. Р. Бэкон, один из первых апологетов эмпирического метода познания и автор многочисленных сочинений по математике, медицине, астрологии, алхимии и считал,

что опытные науки могут принести огромную пользу государству; однако знание может представлять серьезную опасность, если станет доступным для всех, поэтому моральный долг философа заключается в том, чтобы утаивать его от большинства. Вопросу тайного знания и способам его сокрытия Бэкон посвятил отдельную главу своей книги: «О сокрытии тайн природы и искусства [...] тайны наук не записываются на пергаменте, чтобы они были доступны пониманию кого угодно, как говорят Сократ и Аристотель [...] И так изначально поступало все множество мудрых, разными способами скрывая тайны мудрости от толпы» [8, с. 447]

Постепенное изменение ценностей в сторону открытости происходит только с сер. XVI в. В произведениях различных авторов, начиная с этого времени, появляется идея о том, что знание следует распространять как можно шире ради общего блага [9]. Подобной идеи придерживались и основатели Лондонского королевского общества, который занялись реализацией масштабного проекта Ф. Бэкона по изучению природы. Процесс завершился формированием понятия «научного факта», основной характеристикой которого была публичность и повторяемость, и появлением в сер. XVII в. первого научного журнала, в котором регулярно публиковались сообщения обо всех новых открытиях — что ранее было совершенно немыслимо. Публикация открытий в научном журнале стала основной моделью работы для всей последующей науки.

Таким образом, становление научного метода в Новое время стало результатом трансформации норм и практик коммуникации знаний. Ценность открытой коммуникации выступает в этом смысле в качестве критерия демаркации, отделяя знание собственно научное от его преднаучных форм. Для современной науки данная ценность является уже традиционной: «... открытости в науке способствует прочно установившаяся традиция [...] консенсус в академическом сообществе таков, что практики ограничения коммуникации компрометируют нечто ценное, принципиальное для науки» [10, р. 29].

Именно к этой фундаментальной ценности научного познания апеллируют современные технологии открытой науки, наиболее крупным из которых является портал Sci-Hub, созданный в 2011 г. и сегодня насчитывающий миллионы пользователей по всему миру [11]. Феномен популярности проекта Sci-Hub объясняется не только удобством использования и скоростью работы, но и его соответствием базовым ценностям ученого сообщества. На примере открытой науки видно, как технология перестает являться только лишь средством достижения определенных целей и удовлетворения потребностей человека, но возвышается и уже сама по себе выступает способом реализации, воплощением определенной ценности или идеала, такого как равный, свободный и неограниченный доступ к знаниям для всех людей.

Именно идеал равного и неограниченного доступа к знаниям составляет суть открытой науки. Поэтому невозможно согласиться с тезисом, согласно которому «наиболее адекватным выражением идеологии открытой науки» являются социальные сети [12, с. 108] – здесь подразумеваются такие проекты, как Academia.edu и ResearchGate. Так, создатель Академии, философ Ричард Прайс видел цель своего проекта в том, чтобы дать возможность любому исследователю презентовать себя, создать собственную «домашнюю страничку». Таким образом, главной ценностью, которую реализуют социальные сети, является саморепрезентация — поэтому технологии социальных сетей не являются технологиями открытой науки.

Список литературы

1. *Smith D.* A parallel universe? Blogs, wikis, Web 2.0 and a complicated future for scholarly communication // *Serials*. 2008. Vol. 21. № 1. P. 14-18.
2. *Warner S.* The arxiv: Fourteen years of open access scientific communication // *M. Halbert (ed.) Free Culture and the Digital Library Symposium Proceedings*. Atlanta, Georgia: MetaScholar Initiative at Emory University, 2005. P. 56-68.
3. *Okerson A., O'Donnell J. J. (eds.)* Scholarly journals at the crossroads: A subversive proposal for electronic publishing. Washington: Association of Research Libraries, 1995. 202 p.
4. *Varmus H.* E-Biomed: A Proposal for Electronic Publications in the Biomedical Sciences. National Institutes of Health. May, June 1999. 14 p.
5. *Сунами А.Н.* Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2023. Т. 39. №. 3. С. 544-556.
6. *Ястреб Н.А.* Оружие и современный искусственный интеллект: два варианта отрицания ценностной нейтральности технологии // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. №. 58. С. 75-84.

7. *Merton R.K.* A note on science and democracy // *J. Legal & Pol. Soc.* 1942. Vol. 1. P. 115-126.
8. *Бэкон Р.* Избранное. М.: Изд-во Францисканцев, 2005. 480 с.
9. *Eaton W.* Science and the secrets of nature: Books of secrets in medieval and early modern culture. Princeton: Princeton University Press, 1996. 490 p.
10. *Chalk R.* Overview: AAAS project on secrecy and openness in science and technology // *Science, Technology & Human Values.* 1985. Vol. 10. № 2. P. 28-34.
11. *Deshpande P.* Why should Sci-Hub be supported? // *International Journal of Health & Allied Sciences.* 2019. Vol. 8. № 3. P. 210-210.
12. *Душина С.А., Куприянов В. А., Хватова Т. Ю.* Ученые в сетях «открытой науки». СПб.: Политехника сервис, 2019. 200 с.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

КАЛИБРОВОЧНО-ПОЛЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, НАУЧНАЯ ШКОЛА Л.Д. ЛАНДАУ И ПРОБЛЕМА «НУЛЬ-ЗАРЯДА»

Визгин В.П.

*Доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: vlvizgin@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается калибровочно-полевая научная революция в физике элементарных частиц, приведшая к созданию стандартной модели. Ее начало, связанное с выдвинутой Ч. Янгом и Р. Миллсом калибровочной концепцией (1954), совпало по времени с обнаружением Л.Д. Ландау и членами его школы парадоксального обращения в нуль измеряемого заряда электрона и, тем самым, электромагнитного взаимодействия. Этот результат был распространен и на другие взаимодействия микромира (проблема «нуль-заряда»), что вообще поставило под сомнение полевую парадигму. Дополняя эти выводы аргументами позитивистского характера, Ландау сделал выбор в пользу феноменологической теории S – матрицы. Однако реальный прогресс был достигнут на основе калибровочно-полевого подхода, включая открытие асимптотической свободы в сильных взаимодействиях (1973). Авторитет школы Ландау помешал советским теоретикам внести достойный вклад в калибровочную революцию, хотя оказалось, что упомянутое открытие опиралось на метод Ландау.

Ключевые слова: стандартная модель, калибровочно-полевая научная революция, проблема «нуль-заряда», научная школа Л.Д. Ландау, позитивизм, асимптотическая свобода.

THE GAUGE-FIELD REVOLUTION, L.D. LANDAU'S SCIENTIFIC SCHOOL AND «ZERO-CHARGE» PROBLEM

Vizgin V.P.

*DSc in Physical and Mathematical Sciences, Chief Researcher
S.I. Vavilov's Institute for the History of Science and Technology of the RAS
E-mail: vlvizgin@gmail.com*

Abstract. The article discusses the gauge-field scientific revolution in elementary particle physics, which led to the creation of the Standard Model. Its beginning, connected with the gauge concept put forward by C. Yang and R. Mills (1954), coincided in time with the discovery by L. D. Landau and members of his school of the paradoxical nullification of the measured charge of the electron and, consequently, of the electromagnetic interaction. This result was extended to other interactions (the "zero-charge" problem), which called into question the field paradigm altogether. Supplementing these conclusions with arguments of a positivist nature, Landau opted for the phenomenological theory of the S -matrix. However, real progress has been made on the basis of the gauge-field approach, including the discovery of asymptotic freedom in strong interactions (1973). The authority of Landau's school prevented Soviet theorists from making a worthy contribution to the gauge revolution, although it turned out that the mentioned discovery was based on Landau's method.

Keywords: Standard Model, gauge-field scientific revolution, L.D. Landau's scientific school, «zero-charge» problem, positivism, asymptotic freedom.

В 1950-1970-е гг. произошла калибровочно-полевая научная революция в физике элементарных частиц, связанная с созданием так называемой стандартной модели, или единой теории сильных,

слабых и электромагнитных взаимодействий. Эта научная революция может рассматриваться вполне соизмеримой с квантово-релятивистской революцией первой трети XX в.

Начало этой революции было положено выдвинутой в 1954 г. Ч. Янгом и Р. Миллсом концепцией неабелевых калибровочных полей (а именно истолкованием сильных взаимодействий посредством калибровочных частиц, возникающих при локализации внутренней симметрии этих взаимодействий). Теория Янга-Миллса, находящаяся в рамках квантовополевой парадигмы, встретила с некоторыми трудностями (прежде всего, проблемой массы калибровочных частиц). Но как раз тогда же (в 1954-1955 гг.) Ландау со своими учениками и чуть позже вместе с И.Я. Померанчуком обнаружили парадоксальную противоречивость квантовой электродинамики, а именно обращение в нуль измеряемого заряда электрона, а значит и обращением в нуль электромагнитного взаимодействия (проблема «нуль-заряда»). Этот вывод, естественно, распространялся и на другие (слабые и, особенно, сильные) взаимодействия, ставя под сомнение правильность квантовополевой парадигмы в отношении физики элементарных частиц и взаимодействий между ними. Близкие результаты примерно тогда же получили Е.С. Фрадкин (принадлежащий к теоретической школе И.Е. Тамма) и М. Гелл-Манн с Ф. Лоу в США), не сделавшие, впрочем, столь же радикального вывода о кризисе полевой парадигмы, который был сделан Ландау и Померанчуком [1, 2].

Альтернативой полевой парадигмы стала феноменологическая теория S-матрицы, связанная также с методом дисперсионных соотношений и теорией полюсов Редже, казавшаяся перспективным направлением в теории элементарных частиц второй половины 1950-х гг. – 1960-х гг. О необходимости отказа от полевой концепции (особенно для сильных взаимодействий) вполне определенно говорилось и в одной из последних работ Л.Д. Ландау (1960), который в духе «здорового позитивизма» заметил, что полевые операторы, «содержащие ненаблюдаемую информацию, должны исчезнуть из теории» и что поэтому полевой «гамильтонов метод для сильных взаимодействий изжил себя и должен быть похоронен, конечно, со всеми почестями, которые он заслужил» [3, с.422]

Авторитет Ландау и его научной школы привел к тому, что советские теоретики (за небольшими исключениями) сочли бесперспективным заниматься развитием квантово-полевых теорий фундаментальных сил и, прежде всего, теорией калибровочных полей (полей Янга-Миллса). На Западе (прежде всего, в США) также большинство теоретиков отказались от полевого подхода. Но все-таки калибровочно-полевое направление там продолжало приносить плоды. Достаточно того, что в 1961 г. М. Гелл-Манн и Ю. Неэман открыли «восьмеричный путь», или SU (3) – симметрию сильных взаимодействий, а еще через несколько лет Гелл-Манн и Дж. Цвейг предложили кварковую модель адронов. Советский же вклад в полевое направление был невелик и сводился лишь к разработке квантовой теории калибровочных полей находящимися за рамками влияния школы Ландау ленинградцами Л.Д. Фаддеевым и В.Н. Поповым (1967). Разработанная ими теория позволила доказать перенормируемость калибровочных теорий фундаментальных взаимодействий (Г. 'т Хоофт, 1971). Казалось бы, в этой истории беспрекословный авторитет Ландау и Померанчука и их школ сыграл негативную роль в развитии стандартной модели (об этом говорили впоследствии А.Д. Сахаров, Д.В. Ширков, Л.Д. Фаддеев, Б.Л. Иоффе, нобелевские лауреаты американцы Д. Гросс и Ф. Вильчек) [1, 4].

Впрочем, положение дел с проблемой нуль-заряда оказалось сложнее и интереснее. Оказалось, что «нулефикаторы», и Ландау, в первую очередь, были очень близки к открытию так называемой «асимптотической свободы», понятия, позволившего в начале 1970-х гг. завершить квантовополевую калибровочную теорию сильных взаимодействий. В 1973 г. Д. Гросс, Ф. Вильчек и Х. Политцер, опираясь на метод Ландау, но применив его к калибровочным полям Янга – Миллса, открыли асимптотическую свободу кварков внутри адронов [5].

Вся эта история очень показательна и многое говорит и о Ландау как теоретике, и о его огромном авторитете в физике (и, конечно, и об авторитете его школы), и о скрытом потенциале его работ. И также о том, что и такие корифеи, как Ландау, могут ошибаться, и что такие ошибки, с одной стороны, могут приводить к драматическим ситуациям в судьбе физиков (поверили Ландау и перестали заниматься калибровочными полями) [6], а с другой, - в них можно найти зерна истины. Ведь, как говорил, С.И. Вавилов, «на ошибках вырастает наука» [7, с. 278].

Последнее замечание, касающееся теоретизма Ландау, отмечал его ученик В.Б. Берестецкий. Известно, что Ландау не любил «обосновательских» работ. Это касалось, например, работ по обоснованию и интерпретации квантовой механики и статистической физики, основы которых он считал достаточно ясными. Но это не относилось к квантополевым основаниям теории элементарных частиц, где этой ясности не было (или он ее не чувствовал). «Ландау не мог работать

вне атмосферы идейной ясности» [2, с. 234]. Поэтому и появилась его (с соавторами) работа по проблеме «нуль-заряда».

Список литературы

1. *Визгин В.П.* У истоков стандартной модели в физике фундаментальных взаимодействий // Исследования по истории физики и механики. 2019-2020. М.: Янус-К, 2021. С. 249-293.
2. *Берестецкий В.Б.* Нуль-заряд и асимптотическая свобода // В.Б. Берестецкий. Проблемы физики элементарных частиц. М.: Наука, 1979. С. 231-254.
3. *Ландау Л.Д.* О фундаментальных проблемах // В кн.: Л.Д. Ландау. Собрание трудов. Т.2. М.: Наука, 1969. С. 421-424.
4. *Визгин В.П.* И «комедия ошибок», и «драма людей»: об отечественном вкладе в создание стандартной модели в физике элементарных частиц // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. №3. С. 196-224.
5. *Гросс Д. Дж.* Открытие асимптотической свободы и появление КХД // Успехи физических наук. 2005. Т.175. № 12. С. 1306-1318.
6. *Фейнберг Е.Л.* Как важно иногда быть консервативным // В кн.: Фейнберг Евгений Львович: личность сквозь призму памяти / Под ред. В.Л. Гинзбурга. М.: Физматгиз, 2008. С.324-338.
7. *Визгин В.П.* С.И. Вавилов: «...на ошибках вырастает наука» // Исследования по истории физики и механики. 2016-2017. М.: Янус-К, 2019. С. 287-318.

НАЧАЛО ЭПИСТЕМОЛОГИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ: ДЮГЕМ ПРОТИВ МАКСВЕЛЛА

Волошин М.Ю.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

философский факультет

E-mail: allrour95@gmail.com

Аннотация. Эпистемология научного моделирования как специальная тема философско-научного исследования начинается с работы Пьера Дюгема «Физическая теория», где он раскритиковал использование моделей в науке английскими физиками и, в частности, Максвеллом. Мы полагаем, что критика Максвелла Дюгемом несправедлива и не обоснована. Центральный пункт противоречий Дюгема и Максвелла, так и не выраженный эксплицитно ими обоими – использование воображения в научном познании, которое, по Дюгему, свидетельствует о слабости ума, а по Максвеллу, напротив, сопровождает великие научные открытия. Максвелл вовсе не собирается отрицать, что идеальная физическая теория в итоге должна быть математически строгой и логически непротиворечивой: использование физиками наглядных моделей не мешает этому. Дюгем ошибочно полагает, что Максвелл недостаточно отрефлектировал собственную эпистемологическую позицию, в то время как на самом деле источником непонимания является дюгемовская недооценка значения наглядности научной концепции.

Ключевые слова: научная модель, моделирование, Дюгем, Максвелл, воображение, наглядность.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00804, <https://rscf.ru/project/23-28-00804>.

THE BEGINNING OF THE EPISTEMOLOGY OF MODELING: DUHEM VERSUS MAXWELL

Voloshin M.Y.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

E-mail: allrour95@gmail.com

Abstract. As a particular issue in the philosophy of science, the epistemology of scientific modelling begins with Pierre Duhem and his work, «The Aim and Structure of Physical Theory», where he criticized the use of models by English physicists, especially J.K. Maxwell. The central point of Dugem and Maxwell's contradictions, never explicitly expressed by either of them, is the use of imagination in scientific inquiry, which indicates, according to Dugem, a weakness of the mind, and accompanies, according to Maxwell, great scientific discoveries. Maxwell does not deny that the perfect physical theory should be mathematically rigorous and logically consistent, but he believes that the use of visual models does not preclude it. Dugem mistakenly believes that Maxwell is not reflexive enough with his epistemological position, while in fact the root of misunderstanding lies in Dugem's underestimation of the importance of visualization of a scientific concept.

Key words: scientific model, modelling, Duhem, Maxwell, imagination, visualization.

Пьер Дюгем в [1] впервые в философии науки ставит вопрос об эпистемологическом статусе научных моделей. Кратко воспроизведём его рассуждение, акцентируя внимание на ключевых моментах. По Дюгему, моделирование – деятельность «широких, но слабых» английских умов, следствие неспособности этих умов к абстракции и дедукции. Открывая работу английского физика, читатель «на каждом шагу наталкивается на один элемент, возбуждающий сильнейшее его изумление. Элемент этот, почти всегда сопутствующий изложению теории, есть модель... [Он надеялся] попасть в мирное и заботливо упорядоченное хозяйство дедуктивного разума, а [попал] на какой-то завод» [1, с. 83-85]. Разумеется, Дюгем далек от того, чтобы отрицать гений Фарадея, Максвелла или лорда Кельвина. Но дело в том, что в случае построения моделей основной познавательной способностью, задействованной в научной деятельности, оказывается не столько ум, сколько воображение. «Когда У. Томсон предлагает механическую модель какой-нибудь группы явлений, он не затрудняет себя строго логическими рассуждениями для обоснования точного соответствия между этой группой конкретных тел и физическими законами, которые она должна представлять. Воображение, которое только и должна заинтересовать модель, вот единственный судья сходства, существующего между образом и вещью» [1, с. 95]. Мы интерпретируем это так: воображение, действуя спонтанно, не может быть подчинено строгой системе регулятивов, и потому оно не может – буквально – быть *научным методом*. По Дюгему, «Модель строится уже после того, как теория уже сформулирована... Затем модель мало-помалу вытесняет из памяти абстрактную теорию, которая была создана раньше ее и без которой она и не могла бы быть придумана. После этого модель выступает как инструмент открытия, хотя в действительности она была только изобразительным средством» [1, с. 112]. Если модель и может привести к открытию, то разве что в силу простой случайности: «Нет учения столь нелепого, чтобы оно не могло когда-нибудь навести на мысль новую, счастливую. И звездочеты внесли свой вклад в развитие принципов механики неба» [1, с. 117].

Итак, модели бесполезны для науки. Но вредны ли они? Напомним, что физическая теория, по Дюгему – это в первую очередь классификация, а цель физической теории – из *просто удобной* и экономной классификации превратиться в классификацию *естественную*, то есть такую, которая возбуждает в ученом не вполне рациональное, но неотвязное ощущение, что он уловил действительные связи между явлениями природы. Это ощущение достигает особой силы убедительности, когда предложенная классификация особенно стройна и всеохватна. Поэтому ученый, работающий в стиле английских физиков, построивший множество несогласованных моделей, явно или скрыто испытывает недовольство самим собой и своей работой. «Невозможно осудить отсутствие связи в физической теории» [1, с. 120], но при этом «каждый физик естественно стремится к единству науки» [1, с. 122]. Требование этого единства («разум») вступает в противоречие с естественным желанием наглядности («воображение»). «Слабые умом» англичане делают выбор в пользу последнего. «Свои конструкции, разрозненные и между собой не связанные, они всегда выдавали за временные наброски, за леса, которые скоро должны быть убраны. Они никогда не теряют надежды, что настанет когда-нибудь день и явится гениальный архитектор, который построит здание, все части которого будут возведены по одному плану» [1, с. 123]. В частности, о Максвелле Дюгем пишет: «Достаточно прочесть предисловие, предпосланное Максвеллом своему учебнику электричества и магнетизма, изобилующему неразрешимыми противоречиями, чтобы убедиться, что противоречия эти далеко не были желательны, что автор, наоборот, желал получить вполне стройную теорию электричества» [1, с. 122].

Мы полагаем, что упреки Дюгема в адрес Максвелла несправедливы и не обоснованы.

Есть две работы Максвелла, претендующие на то, чтобы считаться «учебником электричества и магнетизма» и фактически активно использовавшиеся в таком качестве: это «Трактат об электричестве и магнетизме» (1873) и «Элементарный трактат об электричестве» (1881). В предисловии к «Трактату» 1873 года Максвелл прямо формулирует свои цели: «...изучение электромагнетизма во всей его полноте... охват всего предмета в целом с общей методической позиции...» [2, с. 11-12] и т.д., - целостность и всеохватность, а вовсе не фрагментарность и противоречивость характеризуют трактат Максвелла с точки зрения самого Максвелла. Более того, там же Максвелл пишет о Фарадее: «Я осознал, что его подход к пониманию явлений тоже является математическим, хотя и не представлен в общепринятой форме через математические символы. Я нашел также, что его методы могут быть выражены в обычных математических формах и, таким образом, сопоставлены с методами признанных математиков... Когда я облек все то, что считал идеями Фарадея, в математическую форму, то обнаружил, что результаты обоих подходов совпадают» [2, с. 12-13]. И далее: «Я не сомневаюсь в том, что метод, названный мной немецким (имеются в виду Гаусс, Вебер и др. – прим. М.В.), также найдет себе сторонников и будет изложен с мастерством, достойным его изобретательности» [2, с. 14]. Итак, Дюгем прав: Максвелл действительно «желал получить вполне стройную теорию электричества». Но дело в том, что Максвелл считал, что это ему удалось, и вовсе не переживал в предисловии к «Трактату» о якобы неразрешимых противоречиях, которыми тот якобы изобилует.

Что касается более позднего предисловия к «Элементарному трактату об электричестве», то все еще хуже. «Цель нижеследующего трактата отличается от цели моего более обширного трактата об электричестве и магнетизме... В этой, меньшей работе я захотел представить в форме настолько компактной, насколько это возможно, те явления, которые позволяют пролить свет на теорию электричества, и использовать их, каждое в своем порядке, чтобы позволить идеям об электричестве развиваться в разуме читателя. В более пространный трактат я иногда использовал методы, которые я не считал наилучшими, однако без которых обучающийся не в состоянии проследовать за ходом исследования основателей математической теории электричества. С тех пор я стал более убежденным в превосходстве методов, родственных фарадеевскому, и поэтому использовал их с самого начала» [3, р. 8].

Смысл этого предисловия не просто не стыкуется с дюгемовской цитатой (как в предыдущем случае), но и прямо противоположен ему: Максвелл сознательно отошел от идеалов математической строгости, воспеваемых Дюгемом, во имя возможности воспроизвести в уме потенциального читателя ход мысли и воображения Фарадея (и, возможно, самого Максвелла). Никаких переживаний о нежелательных противоречиях здесь тем более нет. Вместо этого оба предисловия содержат восторженное преклонение перед Фарадеем, его образом мышления. В «Трактате» 1873 года читаем красноречивое признание: «Если чем-то из написанного здесь мною я смогу облегчить изучающему понимание фарадеевских способов мыслить и выражаться, то сочту выполненной одну из главных целей своих, а именно передачу другим того восхищения, которое испытал я сам при чтении «Исследований» Фарадея» [2, с. 15]. В коротком «Трактате» 1881 года Максвелл говорит о передаче читателю фарадеевского хода развития идей, здесь – о передаче эмоционального восторга, которым эта передача идей сопровождается; ничто из этого не рассматривается Максвеллом как препятствие к построению математически строгой теории электричества.

Правда, упреки Дюгема справедливы по отношению к ранней статье Максвелла «О фарадеевых силовых линиях» [4], написанной им около 1855-56гг. (в 25 лет!). Но: а) ни при каких условиях эту статью нельзя было счесть «учебником», б) у нее нет в буквальном смысле «предисловия», и, в) хотя она действительно «изобилует противоречиями» (в представлении Дюгема о противоречиях), Максвелл, кажется, не выражает особых сожалений по этому поводу. Судя по предисловию к короткому «Трактату» 1881 года, далее Максвелл только все более убеждался в правильности избранного пути: задействовать воображение читателя, а не его дедуктивно-математические способности.

Это подтверждается и максвелловской оценкой деятельности Ампера: «Кажется, будто вся эта совокупность теории и опыта во всей своей мощи и в полном вооружении выскочила из головы «Ньютона электричества». Форма ее совершенна, строгость безупречна... Но метод Ампера, хотя и облечен в форму индукции, не позволяет нам все же проследить последовательность идей, руководивших им... Мы вынуждены подозревать, что, как он это и сам говорит, он открыл свой закон посредством метода, который он нам не показывает, и что, построив в итоге его совершенное доказательство, он снял затем все следы лесов, посредством которых он его соорудил» [5, с. 154]. Упрек, который Максвелл предъявляет методу изложения Ампера (француза-математика, между

прочим), абсолютно созвучен упреку, который Дюгем предъявляет «широким и слабым» умам английских физиков и самому Максвеллу, но с обратным знаком. Тезис Максвелла: если бы Ампер показал подлинный ход своих рассуждений и экспериментов (как это делал Фарадей), мы бы узрели «строительные леса работы воображения», то бишь модели; а амперовская «дедуктивность» – эффект манеры изложения. Антитезис Дюгема: если бы Максвелл достаточно тщательно проследил и осветил в трактате происхождение своих идей, мы бы узрели гипотетико-дедуктивную структуру, лежащую в основе всякого научного открытия; а «модели» – эффект манеры изложения.

Подведем итоги. Для Дюгема модели в науке – элемент контекста обоснования, проявляющийся в описании уже открытой теории, причем этот элемент – вредный и вообще-то лишний. Для Максвелла модели в науке – элемент контекста открытия, причем элемент важный и требующий тщательного воспроизводства даже в учебных текстах. При этом Максвелл вовсе не собирается отрицать, что идеальная физическая теория в итоге должна быть математически строгой и логически непротиворечивой. И тот, и другой требуют от ученых не скрывать «строительные леса», посредством которых они пришли к своим теориям, однако в том, что именно представляли собой эти «леса», они радикально расходятся.

Список литературы

1. Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. М.: КомКнига, 2007.
2. Максвелл Дж.К. Трактат об электричестве и магнетизме. В двух томах. Т.1. М.: Наука, 1989.
3. Maxwell J. K. An elementary treatise on electricity. Oxford, Clarendon Press, 1881.
4. Максвелл Дж. К. О фарадеевых силовых линиях // Максвелл Дж. К. Избранные сочинения по теории электромагнитного поля. М., 1952. – С. 8-88.
5. Максвелл Дж.К. Трактат об электричестве и магнетизме. В двух томах. Т.2. М.: Наука, 1989.

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ И ДОКСТАТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЗНАНИЯ В ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

Головко Н.В.

*Доктор философских наук, зав. кафедрой
Новосибирский государственный университет
Ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru*

Аннотация. Следуя Л. Луадану, адекватное понимание науки не может предполагать, что подтверждение следствий является единственной формой взаимосвязи теории и данных опыта, что фактически означает что гипотетико-дедуктивная схема У. Уэвелла не может быть единственной моделью обоснования знания в науке. И если мы предполагаем что философская риторика должна каким-то образом фундаментализировать риторическую науку, то обращение к анализу обоснования знания в эпистемологии должно каким-то образом подтолкнуть нас к тому, что мы должны иметь возможность указать в общей схеме обоснования научного знания аналог укореняющего отношения, связывающего аналоги пропозициональное и докстатическое обоснований. В случае естественных наук, не допускающих «дедуктивной систематизации данных» (а это фактически все науки кроме физики) таким отношением может быть закрепленный в принятой парадигме аналог отношения «необходимости замыкания» (Дж. Нагель и др.), конкретный вид которого будет зависеть от области знания, выбранных метафизических оснований и конкретного вида эвиденциализма.

Ключевые слова: научное знание, обоснование, эвиденциализм, необходимость замыкания, когерентизм, контекстуализм.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

PROPOSITIONAL AND DOXASTIC JUSTIFICATION OF KNOWLEDGE WITHIN NATURAL SCIENCES

Golovko N.V.

DSc in Philosophy, Head of Department

Novosibirsk State University

Leading Researcher

Institute of the Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

Abstract. Following L. Luadan, an adequate understanding of science cannot assume that confirmation of consequences is the only form of relationship between theory and experimental data, which in fact means that W. Whewell's hypothetic-deductive scheme cannot be the only model for justification of scientific knowledge. And if we assume that philosophical rhetoric should somehow support scientific rhetoric, then turning to the analysis of the justification of knowledge in epistemology should somehow push us to the fact that we should be able to indicate in the general scheme of justification of scientific knowledge an analogue of the basing relation, connecting analogues of propositional and doxastic justification. In the case of natural sciences that do not allow "deductive systematization of data" (and this is virtually all sciences except physics), such a relation may be an analogue of the "need-to-closure" relation (J. Nagel et al.) the specific form of which will depend on field of knowledge, the chosen metaphysical foundations, and the particular type of evidentialism.

Keywords: scientific knowledge, justification, evidentialism, need-to-closure, coherentism, contextualism

Перенос аргументации из одной области науки в другую – занятие неблагодарное, даже (особенно?) если мы говорим о философии и физике. И дело даже не в том, что даже, казалось бы, очень близкие в обыденном смысле объекты могут вести себя по-разному и, тем самым, разрушить наивное представление о близости наук, что, например происходит, если мы захотим перенести «логику физической науки» на химию. Факт, который неоднократно подчеркивался как в отечественной (В.И. Кузнецов, А.А. Печенкин и др.), так и в современной западной философии науки (Р. Хендри, П. Нидхэм и др.). Дело, скорее всего, будет в модальности. Классический ход позитивистов представить физику разделом логики не получился, и Р. Карнап фактически похоронил логический позитивизм, допустив что «множество правил соответствия, связывающих теоретические термины с терминами наблюдения, не дает средств для определения теоретических терминов» (достаточно открыть и его «Методологическую природу теоретических понятий», и многочисленные комментарии известных отечественных авторов). В этом смысле, интересным может быть вопрос: можно ли перенести все, что связано с проблемой обоснования знания в эпистемологии на обоснование знания в естественных науках? По крайней мере, мы можем предположить, что модальности эвиденциализма и какой-нибудь канонической эмпирической науки (не физики) близки. Естественно, было бы хорошо поместить эвиденциализм и эту условную «каноническую эмпирическую науку» в рамки одной метафизической системы. И тут возникнет еще больше проблем. Чем ограничить выбранную версию эвиденциализма? Что считать канонической эмпирической наукой? Какую метафизическую систему выбрать, опираясь не только на собственные философские предпочтения, но еще и так, чтобы предполагаемое соответствие между наукой и философией было бы достаточно адекватным и с точки зрения науки, и с точки зрения философии? Наша гипотеза заключается в том, что в ситуации когда обоснование научной теории нельзя однозначно связать только с подтверждением ее следствий, особое значение (в плане философско-методологического анализа обоснования научного знания) будет играть характерный для данной области знания аналог отношения укоренения, связывающего аналоги пропозиционального и доксистического обоснования в выбранной модели эвиденциалистской эпистемологии. Конкретные формы такого отношения укоренения естественным образом будут зависеть от принятой конкретно-научной парадигмы, от выбранных метафизических оснований и конкретного вида эвиденциализма. Это еще не переход к нарративной модели объяснения, в которой научная теория, метафизическая система и эпистемические представления контекстуализированы, но уже отход от универсальности представления о науке, диктуемого физикой.

Развитие метафизики в XX веке привело к возникновению необычайно большого (в зависимости от того, насколько однородным вы представляете себе эту часть историко-философского процесса)

количества независимых (что важно) метафизических проектов, большинство из которых можно без труда адаптировать под предполагаемую задачу переноса эпистемологической проблематики (в какой-то конкретной интерпретации) на «почву естественных наук». Естественно, если вас не пугает необходимость каждый раз достаточно подробно и в деталях выписывать «основания натурализации» (и ту традицию, или ее часть, которую вы выбираете в качестве основной метафизической, и ту риторику аргументации, которую мы заранее полагаем непреложной; в этом смысле, онтологию Платона можно натурализовать и опираясь на условную «логику естественных наук» и на условную «логику христианской теологии»), – будьте уверены в том, что большинство ваших коллег никогда не согласятся с вами, и в лучшем случае, вас назовут «неумелым конструктивистом», – вы можете использовать в данном случае термин «натурализация» (см., например, [1]), либо можно использовать гораздо более нейтральный, но ни чуть не менее сложный термин «верификационизм». Например, так и делает Дж. Лэдимен, и это работает, – обратите внимание на общую риторику первой главы «Каждая вещь своим чередом» (сама книга имеет подзаголовок «метафизика натурализованная»), которая, рискуем предположить, хорошо воспринимается даже теми, кто не замечает, что Дж. Лэдимен использует крайне неканоничное представление о науке (для него это система институциональных фильтров), которое тот же У. Куйан, как известный автор представления о натурализации, на наш взгляд, наверняка бы не принял [2]. О каком бы метафизическим проекте мы не говорили, – каждый из них можно использовать для интерпретации научного знания. Это феноменология Э. Гуссерля и ее многочисленные производные (из современных авторов: Д.Н. Разеев, Н.В. Бряник и др.); диалектический материализм В.И. Ленина; многообразные, но однотипные онтологии причастных «клубу фанатов Л. Витгенштейна» (лучшим обобщением всего сонма концепций тех, кто верит, что телега языка должна быть поставлена вперед лошади реальности, все еще является «Логическое основание метафизики» М. Даммита). Особо можно отметить метафизические программы, которые изначально создавались исходя из того, что они в первую очередь должны описывать существование объектов онтологий научных теорий. И тут как будто бы два направления: одно знаменует очередное триумфальное «возвращение Аристотеля», другое – возвращение верификационизма. И если первое направление с метафизической точки зрения выглядит гораздо более цельным, – это и метафизический проект Д. Армстронга (например, по мнению И. Ниинилуото это единственная онтология, пригодная для нужд научного реализма), и, конечно, единственная и неповторимая «четырёх-категориальная» онтология Дж. Лоу. Второе направление (в каком-то смысле, гораздо более успешное, чем первое) – это различные обобщения концепции реальных паттернов Д. Деннета, которая интерпретируется как фундаментальная концепция существования. И здесь мы даже не берем в расчет тех, кто, например, считает, что Г. Лейбниц занимался эпистемологией, или что после И. Канта философов не было, а также совершенно не затрагиваем, например, происходящее прямо сейчас в современной европейской философии (достаточно открыть «Знание в контексте» И.Е. Прися). Подчеркнем, каждый из этих проектов (а также их многочисленные производные) можно использовать как основание для интерпретации научного знания. Хотим мы этого или не хотим, но аргументация в философии науки всегда будет состоять из двух независимых частей – собственно научной и собственно философской, которые мы всегда будем стремиться объединить в некоторый «натурализованный» суррогат [3]. И если с метафизическими основаниями все более или менее понятно, то уже с надлежащей трактовкой «канонической эмпирической науки», равно как и с различными моделями эвденциализма, на наш взгляд, дела обстоят несколько хуже.

Следуя Л. Лаудану, физика – это плохая эмпирическая наука. И ее недостаток (который, впрочем, многими воспринимается не просто как великое достоинство, но даже как часть того, что представляет собой саму суть научного метода) связан с надежно закрепленным в современной парадигме физического знания представлением о том, что «подтверждение следствий является единственным легитимным способом обоснования знания» (см., например, [4]; наш комментарий: [5]). В этом смысле, модель «эмпирической науки здорового человека» должна предполагать, что связь теории и данных не исчерпывается гипотетико-дедуктивной схемой У. Уэвелла. И это так и есть, как только мы перестанем убеждать себя в том, что наука – это только физика. На определенном этапе, рассматривая в качестве примера геологию, археологию, криминалистику и др. – возможно, нам понадобится ввести понятие теории «без дедуктивной систематизации данных», по отношению к которой нельзя (при прочих равных и с учетом оговорок при определении «теоретического» и «эмпирического», а также понимании «реального» и «идеального» представления знания) апеллировать к законам, к гемпелевской модели (и производным от нее моделям) объяснения и гипотетико-дедуктивной модели обоснования знания. И конечно, допуская такое расширение (или ограничение) представления о научной теории, мы можем вспомнить «второй позитивизм» (Э. Мах, П. Дюгем, А. Пуанкаре и др.) –

конец XIX века / начало XX века, когда основные моменты философской интерпретации научной теории были связаны с представлением о «естественной классификации». Однако, на наш взгляд, возвращение к инструментализму ничего не даст, т.к. снова будет упущен основной содержательный момент философского исследования (вспомним ленинскую критику эмпириокритицизма) – обсуждение именно философской онтологии и следствий из нее. В этом смысле, возможно, более выигрышный вариант обсуждения обоснования знания в рамках «канонической эмпирической науки» (основным референтом которой у нас являются области знания, где невозможна «дедуктивная систематизация данных»), – это апелляция к возможным аналогам переноса эпистемического представления об обосновании на философию науки (естественно, с учетом ранее выбранной метафизической концепции).

В докладе будет представлена авторская концепция аналога отношения укоренения, связывающего аналоги пропозиционального и доксистического обоснования в естественных науках, модельным представлением научной теории в которых является теория «без дедуктивной систематизации данных». В качестве основной эвристики рассматривается решение проблемы относительного подтверждения научной гипотезы внутри когерентной системы убеждений в геологии (гипотеза смещения материков) и археологии (гипотеза о цвете перьев динозавров). Ключевой момент нашей трактовки предполагаемого «отношения укоренения» – представление о необходимости «легитимной законченности процесса обоснования» (Дж. Кванвиг, Дж. Нагель и др.), которое естественным образом должно отвечать и особенностям представления знания в данной области знания, и выбранной метафизической теории, и конкретной эпистемической теории, в рамках которой рассматривается соответствующим образом проинтерпретированная проблема обоснования знания.

Список литературы

1. Головкин Н.В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. I. Скептический аргумент // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2007. Т. 5. № 1. С. 8-13.
2. Головкин Н.В. Натурализация эпистемологии: Т. Кун и У.В.О. Куайн против априоризма // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 33-36.
3. Головкин Н.В. Натуралистический поворот: современная наука и метафизика // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9. № 3. С. 30-36.
4. Laudan L. A Confutation of Convergent Realism // Philosophy of Science. 1981. Vol. 48. P. 19-49.
5. Головкин Н.В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. II. Недоопределенность и (мета)индукция // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2007. Т. 5. № 2. С. 9-16.

ПРИНЦИП НАУЧНОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ В КВАНТОВЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Белинский А.В.

*Студент физического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: belinsky@physics.msu.ru*

Григорьева А.П.

*Студент физического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: arisa1511@mail.ru*

Джадан И.И.

*Студент физического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail : idzhadan@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается значение и роль принципа научной объективности, возможности его применения для объяснения трудных вопросов физики. Показана связь

этого принципа с принципом каузальной замкнутости физического и принципами симметрии. Отстаивается важность принципа объективности для демаркации научного знания. Приведены примеры использования вариантов принципа объективности в физических исследованиях, раскрыты способы и особенности такого применения. На конкретных примерах продемонстрировано отличие влияния физического события на описание от причинно-следственной связи между двумя событиями.

Ключевые слова: объективизм, каузальная замкнутость, квантовая механика, квантовая телепортация, ретрокаузальность.

THE PRINCIPLE OF SCIENTIFIC OBJECTIVITY IN QUANTUM MEASUREMENTS

Belinsky A.V.

*Student of Faculty of Physics
Lomonosov Moscow State University
E-mail: belinsky@physics.msu.ru*

Grigorieva A.P.

*Student of Faculty of Physics
Lomonosov Moscow State University
E-mail: arisa1511@mail.ru*

Dzhadan I.I.

*Student of Faculty of Physics
Lomonosov Moscow State University
E-mail : idzhadan@yandex.ru*

Abstract. The importance and role of the principle of scientific objectivity and the possibility of its application to explain difficult problems of physics are considered. The connection of this principle with the principle of causal closure and the principles of symmetry is shown. The importance of the principle of objectivity for the demarcation of scientific knowledge is defended. Examples of the use of variants of the principle of objectivity in physical research are given, methods and features of such application are revealed. Using specific examples, the difference between the influence of a physical event on the definitions and the cause-and-effect relationship between two events is demonstrated.

Keywords: objectivism, causal closure, quantum mechanics, quantum teleportation, retrocausality.

Вторая квантовая революция набирает темпы. На этом фоне удивительным выглядят продолжающиеся разногласия по поводу физики квантовых явлений. Среди наиболее радикальных интерпретаций: отказ от принципа объективности наблюдаемой реальности. Авторы этого отказа пытаются доказать, что квантовомеханические явления невозможно объяснить без признания субъективного характера квантовых измерений. Насколько обоснованным является такое утверждение?

Начнём с того, что принцип научной объективности является стержнем естественной науки, как таковой. Этот принцип дался очень дорогой ценой, и, если вспомнить античность, то уже тогда стали известны имена философов, которые за своё упорство в отстаивании картины мира были побиваемы и изгоняемы из родных городов. Хотя сам принцип весьма прост и очевиден: науке интересно только то, что не привязано к конкретному исследователю и, таким образом, никак не зависит от личности учёного. Наблюдения, эксперименты и их описания, которые можно повторить и воспроизвести где-угодно и кто-угодно, – это наука. То, что видно одному, а другому не видно, – это в принципе не предмет научного изучения. Таким образом, принцип научной объективности – это принцип, согласно которому себя определяет сама наука. От него невозможно отказаться ради объяснения частных явлений, и без пересмотра границ всего научного знания.

В науке уже был период, когда принцип объективности подвергался испытаниям: когда была открыта специальная теория относительности, некоторые восприняли относительность измеряемых величин, длины, времени, массы, как повод говорить о «субъективности» наблюдателя. Но тогда физики смогли дать ответ на такие недоумения: непосредственно наблюдаемые величины являются не собственно реальностью, а некоторой проекцией реальности. Выбор «ракурса» в виде канонической

системы отсчёта – выбор наблюдателя, однако этот выбор не влияет на саму реальность, а является лишь определённым методом описания. В связи с этим возникает аналогия «пещеры» Платона, в которой путник видит на стенах лишь «тени», то есть проекции реальных вещей, что только подтверждает наличие независимой от наблюдателя реальности, а не опровергает её существование.

Однако теперь некоторым кажется, что отказ от признания существования объективной реальности оправдан. К примеру, предметом постоянного внимания «квантовых субъективистов» является так называемый «игнеровский эксперимент», когда «друг» экспериментатора, находящийся внутри изолированной лаборатории, видит результат измерительного коллапса, а собственно экспериментатор продолжает иметь дело с суперпозицией состояний. Так, в одном из недавних экспериментов было показано, что, проведя неразрушающее измерение, можно добиться того, что одно измерение запутанной пары даст конкретный результат, а второе – покажет нарушение неравенства Белла, то есть, по мысли авторов, наличие суперпозиции. По мнению авторов, это свидетельствует об отсутствии объективности результатов измерений.

Однако, можно ведь попытаться объяснить видимую «субъективность» квантовых измерений на основе единых принципов науки, общих для квантовой механики (КМ) и специальной теории относительности (СТО). Тогда измерительный квантовый базис отражает «взгляд наблюдателя», который у разных наблюдателей может быть разным. Но при этом равноправие наблюдателей не нарушено. В СТО это равноправие касается канонических систем отсчёта, с одной из которых по своему выбору связывает себя наблюдатель. В КМ полным методологическим аналогом канонической СО является измерительный базис. Каждый базис даст нам своё распределение вероятностей, но если говорить о реальности, то все распределения априори равноправны, и такое равноправие – это объективный факт, не зависящий от субъектного выбора той или иной точки зрения. Таким образом, нет оснований из разных результатов экспериментатора и его «друга» в вигнеровском сценарии делать вывод об отсутствии объективной реальности, потому что и достоверный результат, и суперпозиция в квантовом случае – это всего лишь два априори совершенно равноправных распределения, которые в некоторых случаях не просто «могут», а должны быть связаны с разными результатами измерений различных наблюдателей. Ясно, что отказываться от основополагающего научного принципа объективизма в данном случае нет никакой необходимости.

Любой язык, в том числе и научный, несёт в себе некоторую избыточность, состоящую в том, что одно и то же по сути может быть высказано в совершенно разной форме. Так и с принципом научной объективности. Его эквивалентом является принцип каузальной замкнутости физического. Он означает, что каждое физическое явление имеет физические и только физические причины. Из этого следует, что наблюдателю, чтобы что-то изменить в объективном мире, необходимо подействовать физической причиной. Одних только операций «на бумаге» в виде перерасчётов, переопределения базисов, ещё недостаточно для изменения собственно объективной реальности, необходимо произвести реальное воздействие, чтобы что-либо поменять в физическом мире: должно быть как минимум два события, одно из которых причина, а другое – следствие.

Если «следствием» является лишь изменение описания, то такое «воздействие», по сути, не является физическим. Примером ретроактивного изменения физического описания являются эксперименты типа «обратного квантового ластика» и «квантовой телепортации». В разных модификациях эксперимента по интерференции одиночных фотонов было показано, что в зависимости от установки или отсутствия светодетектора интерференционная картина меняется так, что приходится ретроактивно пересмотреть выводы относительно уже находящегося в пути фотона. Приходится отказаться от утверждения о достоверности нахождения фотона в одном из каналов в пользу признания суперпозиции его нахождения в обоих каналах. Существенно в этом эксперименте то, что после наших действий изменяется только описание, никаких физических событий в прошлом вслед за изменениями настроек не происходит.

Отметим, что принципом каузальной замкнутости устанавливаются определённые ограничения на описание, а не на собственно реальность. Реальность может быть какой угодно, мы не можем «ставить условия» объективной реальности: какой она «должна быть», потому что мы её не контролируем. Зато мы можем контролировать наши описания, и можем следить за тем, чтобы они отвечали критерию научной объективности. Формулировка принципа каузальной замкнутости физического интересна тем, что связана с физическими симметриями. Поскольку мы не можем, меняя наши обозначения в описаниях, воздействовать на физическую реальность, то приходится следить за тем, чтобы с точностью до обозначений наши формулы, описывающие реальность, были симметричными. В ином случае при замене обозначений будет меняться физический смысл нашего описания.

Примером применения принципа каузальной замкнутости может служить наш расчёт эксперимента по двухсторонней телепортации. В эксперименте с двумя запутанными фотонными парами по одному фотону каждой пары пропускается через светоделитель и запутывается между собой. Анализ квантового состояния показывает, что описание эксперимента обязано быть симметричным относительно замены обозначений двух оставшихся фотонов. В ином случае получалось бы, что, «на бумаге» заменив обозначения, мы поменяли бы направление телепортации. Но у нас нет никаких объективных оснований по-разному относиться к двум остающимся свободными фотонам. В итоге получается, что не только телепортация должна происходить в обе стороны, но и телепортировано должно быть то же самое квантовое состояние с точностью до знаков комплексных множителей. В ином случае нарушилась бы каузальная замкнутость физического.

Другим интересным, на наш взгляд, результатом, изложенным в той же работе, является установленный теоретический предел на вероятность телепортации в подобных экспериментах. Этот предел равен $\frac{1}{2}$, если используются максимально запутанные пары. Дело в том, что измерительный коллапс двух фотонов из 4-х ведёт к необходимости изменения описания всей несепарабельной системы, состоящей из удалённых частей. Все кубитные состояния априори равноправны, поэтому вместо телепортации состояния с произвольными комплексными коэффициентами a и b , сумма квадратов модулей которых нормирована на 1, возможна телепортация состояния с $a=1$, $b=0$. Но субъективный выбор экспериментатором коэффициентов состояния не должен нарушать априорной симметрии между локальными регистрациями вертикально и горизонтально-поляризованных фотонов. Иначе получится, что своими действиями на бумаге мы изменили наблюдаемую физику – соотношение вертикальных и горизонтальных регистраций. Если вероятность самой телепортации равна $\frac{1}{2}$ или меньше, такой выбор на бумаге не обязательно что-то поменяет в реальности. Но если допустить, что вероятность телепортации больше $\frac{1}{2}$, коэффициент $a=1$ телепортированного состояния $\psi=a|V\rangle+b|H\rangle$ будет с достоверностью гарантировать изменение физики в виде превышения числа регистрации V над H . Разумеется, в случае разделения момента телепортации и регистрации телепортированного состояния пространственноподобным интервалом это также будет означать создание «сверхсветового телеграфа» – передачи классической информации из A в B со сверхсветовой скоростью. Это показывает тесную связь между принципом каузальной замкнутости физического и лоренц-инвариантностью. И действительно: мы говорим о том, чтобы «действия на бумаге» не разрушали симметрии наших уравнений, но лоренц-инвариантность и отражает определённые симметрии пространства-времени в уравнениях, поэтому каузальная замкнутость физического означает запрет на такие «бумажные действия», которые нарушили бы симметрию описания. Таким образом, «сверхсветовой телеграф» невозможен потому, что его описание нарушает каузальную замкнутость физического и не соответствует принципу научной объективности.

Подводя итог можно сказать, что принцип научной объективности полностью сохраняет свою актуальность и свою объяснительную силу, и не видно пока никакой необходимости от него отказываться.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОНТОЛОГИИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ

Карпенко И.А.

Кандидат философских наук, доцент

НИУ «Высшая школа экономики»

E-mail: gobzev@hse.ru

Аннотация. Берётся за основу идея Эдмунда Гуссерля о региональных онтологиях и применяется для междисциплинарного синтеза нескольких предметных областей, занимающихся разработкой проблем, лежащих на стыке этих областей. Анализируется гипотеза симуляции и связанные с ней понятие виртуальной реальности и концепция множества миров. Показывается, что гипотеза может быть адекватно и эффективно рассмотрена только с привлечением различных дисциплин, среди них кибернетика, информатика, физика, космология, нейробиология и, конечно, философия. При этом философия оказывается одновременно базисом, который необходим для такого междисциплинарного синтеза и методологическим инструментом. Философия выступает условием возможности говорить на едином языке об указанной проблематике

за счёт большого концептуального багажа, накопленного философской традицией (фактически, начиная с античности). С использованием её инструментария показывается, что граница между реальным и виртуальным размывается, и реальным (с учётом определённой трансформации категории реального) оказывается всё – всё воображаемое.

Ключевые слова: региональные онтологии, междисциплинарность, гипотеза симуляции, виртуальная реальность, реальность, идея множества миров

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>

REGIONAL ONTOLOGIES AND INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS

Karpenko I.A.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
National Research University Higher School of Economics
E-mail: gobzev@hse.ru*

Abstract. The idea of Edmund Husserl about regional ontologies is taken as a basis and is used for the interdisciplinary synthesis of several subject areas dealing with the development of problems lying at the junction of these areas. The simulation hypothesis and the related concept of virtual reality and the concept of multiple worlds are analyzed. It is shown that the hypothesis can be adequately and effectively considered only with the involvement of various disciplines, including cybernetics, computer science, physics, cosmology, neurobiology and, of course, philosophy. At the same time, philosophy turns out to be both a basis that is necessary for such an interdisciplinary synthesis and a methodological tool. Philosophy is a condition for being able to speak in a single language about this problem due to the large conceptual baggage accumulated by the philosophical tradition. Using its tools, it is shown that the boundary between the real and the virtual is blurred, and the real turns out to be everything – everything imaginary.

Keywords: regional ontologies, interdisciplinarity, simulation hypothesis, virtual reality, reality, the idea of multiple worlds

В настоящем докладе приведена иллюстрация междисциплинарного синтеза на примере исследований, которые могут быть реализованы только за счёт совмещения нескольких областей знания, которые едва ли можно назвать пограничными. Речь идёт о кибернетике, философии сознания, нейробиологии, физике и космологии.

«Всё из бита», как сказал Джон Уилер, всё есть программный код. Каковы следствия этого? Наверное, основное, что мир есть не то, чем он кажется. Иначе говоря, есть подлинная, базовая реальность, на основе которой симулирована эта, наблюдаемая реальность. Похожа ли фундаментальная реальность на симулированную, является ли симуляция копией настоящей реальности или её упрощённым подобием, или же она в принципе другая и существует по другим принципам, неизвестно. Возьмём в качестве примера популярную видеоигру «The Sims» (симулятор жизни): можно сказать, что она является подобием реальности (довольно бледным, но всё же). Если же взять в качестве примера классический «Тетрис», то, очевидно, общего между нашей реальностью и миром тетриса не так уж много. Поэтому, если при условии верности гипотезы симуляции наша реальность находится к фундаментальной в том же отношении, что и «тетрис» к нашей реальности, то это будет означать, что базовая реальность намного сложнее, подчиняется другим физическим принципам и соответственно функционирует совершенно иначе.

Гипотеза симуляции открывает широкие просторы для междисциплинарных исследований в связи с космологией и философией сознания (которая в свою очередь, опять же в контексте кибернетики, нуждается в нейробиологических исследованиях, и в области искусственного интеллекта). Так, эта гипотеза предлагает оригинальную версию множества миров. Её специфика в том, что это модель вложенных миров. Есть базовая реальность – в ней создаётся симуляция. В этой симуляции создаётся ещё одна симуляция. В той ещё одна и так далее – теоретически до бесконечности (при принятии идеи бесконечности времени в обоих направлениях). Интересно, что последовательность может быть в принципе бесконечной и не иметь базовой реальности, первичного мира, в котором создавалась первая симуляция. Она может быть и конечной, но замкнутой

в окружность таким образом, что базовой реальности не будет, так как каждая реальность порождена предыдущей.

Есть другая возможность мультиверса на основе гипотезы симуляции – это мир как видеоигра. Видеоигра может иметь бесконечное количество виртуальных копий и вариантов прохождения одним и тем же игроком и разными игроками (в том числе полностью одинаковых прохождений). Герои игры, таким образом, проживают множество жизней в разных мирах (можно сказать параллельных – и тут есть сходство с многомировой интерпретацией квантовой механики).

На это возражение (что мы заметили бы, что нами управляют, и тогда возник бы конфликт интересов – между нашей волей и волей реального игрока) есть возражение. Оно основано на результате эксперимента нейробиолога Бенджамина Либета. Этот эксперимент показал, что существует разрыв между потенциалом готовности совершить действие, собственно действием и осознанием. Иначе говоря, сначала в мозге возникает потенциал готовности (решение совершить действие уже принято), затем следует его осознание, и уже затем совершается само действие. Таким образом, у нас есть иллюзия осознанного принятия решения – просто по той причине, что мы не осознаём то, чего не осознаём. Впрочем, с точки зрения нейробиологии здесь нет никакой драмы, это даже вполне естественно – все процессы она полагает физическими и сознание имеет такую же природу. Поэтому, конечно, логично, что сначала происходят низкоуровневые процессы нейронных связей, потом уже высокоуровневые (осознание как сложный процесс, связанный с функциями лобной коры головного мозга). Драма есть для философии – с важным для неё в тактическом и стратегическом планах дуализме «души» и «тела». Под душой, конечно, понимается сознание, под телом то, что доступно для описания как физического объекта и процесса. Отделенность сознания для философии важна, потому что таким образом она сохраняет за собой и роль науки (выбираясь из мира спекулятивного), а не только функцию обоснования и объяснения, почти всё остальное отдав на откуп другим наукам. Но сознание – самое, наверное, важное – остаётся её полем деятельности, будучи не физическим. И философия тут права (по крайней мере пока): ни физика, ни нейробиология, ни кибернетика, ни кто-либо ещё не могут сказать, что такое сознание, какова его природа и как оно функционирует на фундаментальном уровне. Но, что важно, не может этого сказать и философия. Здесь открывается ещё одна роль философии – будучи центром притяжения региональных онтологий, она в то же время и сама является региональной онтологией, и так же нуждается в других предметных областях, как и они в ней.

Интересно, что картезианское «*Cogito ergo sum*» приобретает в этом контексте новое звучание. Тот факт, что мы мыслим (будучи в нашем предположении программными модулями), не доказывает, что мы существуем. Потому что можно сказать: мыслит программа, искусственный интеллект, её же мысли мы принимаем за свои. Однако это не доказывает и того, что мы не существуем. Правильным будет такой вопрос: «существует ли программный код»? Да, стоит оглянуться вокруг и независимо от того, «реален» или «не реален» окружающий мир, является ли он лишь воображаемым или нет, ответ будет «да». Потому что если мир – это симуляция, виртуальная реальность, то всё есть программный код. Существует только он и больше ничего, будь он воображаемым или нет, – граница между тем, что принято называть «реальным» и тем, что принято называть «виртуальным», размывается. Но всё же Декарт прав (и даже более прав Августин с его «*Si fallor, sum*» (ошибаюсь, следовательно, существую): сам факт восприятия окружающего мира, каким бы он не был говорит о том, что его некто воспринимает и, стало быть, этот некто, кем бы и чем бы он ни был, существует.

Декарт, пользуясь своим рассуждением, приходит к выводу о существовании мира и Бога. Мы же можем задаться вопросом, что управляет программой? Есть ли верховный Программист или же верховный Искусственный интеллект? Строго говоря, не обязательно. Как было показано в основе вселенной может лежать простая случайная программа, которая уже после привела к порождению ИИ. То есть, разум в таком сценарии оказывается вторичным, он становится не источником творения, а его продуктом. Но ничто не мешает ИИ, взяв за основу данный программой образец, самому начать творить миры.

Здесь, конечно, возникают если не парадоксальные, то по крайней мере могущие показаться странными выводы. Если всё так, то это означает, что всё мыслимое нами, всё воображаемое, все виденное во сне имеет тот же статус реального, что и бывшее наяву (сказать «в действительности» уже нельзя, потому что всё есть действительность: нельзя сказать, что одни единицы и нули существует актуально, действительно, а другие только в потенции). Значит ли это, что всё, что мы можем помыслить –, существует?

Ответить на этот вопрос в том смысле, в каком мы хотим, невозможно, потому что расплывчато само понятие существования. В том контексте, который мы обсуждаем (в рамках гипотезы

виртуального мира) ответ будет «да, существует» – потому что очевидно, что в этой реальности единственное, что существует, так это биты, а с их помощью может быть представлена любая информация. Это напоминает дискуссию о математическом открытии – можно ли сказать, что оно существовало до того, как его открыли? Впрочем, использование самого термина «открыли» говорит о том, что да, существовало – это было всегда, просто мы не знали об этом (в пользу этого аргумента говорит то, что нередко математические конструкции оказываются востребованы спустя время для физических описаний доказательств, т.е. они коррелируют с наблюдаемой реальностью).

Если же мы задаём этот вопрос в смысле «существует для нас», ответ будет «нет», так как мы не наблюдаем и скорее всего никогда не будем наблюдать всё то, что можем вообразить.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ТЕОРИЙ КОНСТРУКТИВИЗМА В КИБЕРНЕТИКЕ

Князева Е.Н.

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Аннотация. В работе обосновывается, что в идеях кибернетики (Н. Винер, У.Р. Эшби) и кибернетики второго порядка (Х. фон Фёрстер) можно найти исторические истоки весьма популярных в различных областях современной науки теорий конструктивизма, в том числе эпистемологического конструктивизма, лингвистического конструктивизма и социального конструктивизма. Конструирование и пролиферация миров в сознании, использование способности сознания «мыслить как если бы» (als ob) или «мыслить иначе» является основой для конструирования и переконструирования мира, его постоянного творческого обновления, продуцирования инноваций в нем. Высоко абстрактные понятия в естественнонаучных теориях являются конструктами, не имеющих непосредственных референтов в действительности. Эпистемологический конструктивизм связан с изучением продуктивной силы человеческого воображения, использованием метафор для создания первоначальных визуальных образов мысли и творческого мышления. Теория речевых актов в лингвистике показывает, как мы словами создаем реальность. Социальный конструктивизм — это, по сути метод, дающий нам инструменты для понимания того, как люди создают социальные явления и институализируют их, превращая в традиции, как социальная реальность порождается, конструируется людьми.

Ключевые слова: воображение, конструктивизм, миры сознания, мультиверс, творчество, эпистемологический конструктивизм.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>.

HISTORICAL ROOTS OF CONSTRUCTIVIST THEORIES IN CYBERNETICS

Knyazeva H.N.

DSc in Philosophy, Professor

National Research University Higher School of Economics

E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Abstract. The work substantiates that in the ideas of cybernetics (N. Wiener, W.R. Ashby) and second-order cybernetics (H. von Foerster) one can find the historical origins of constructivism theories, which are very popular in various fields of modern science, including epistemological constructivism, linguistic constructivism and social constructivism. The construction and proliferation of worlds in consciousness, the use of the ability of consciousness to “think as if” (als ob) or “think differently” is the basis for the construction and redesign of the world, its constant creative renewal, and the production of innovations in it. Highly abstract concepts in natural science theories are constructs that do not have direct

referents in reality. Epistemological constructivism is concerned with the study of the productive power of human imagination, the use of metaphors to create initial visual images of thought and creative thinking. Speech act theory in linguistics shows how we create reality with words. Social constructivism is, in fact, a method that gives us tools for understanding how people create social phenomena and institutionalize them, turning them into traditions, how social reality is generated and constructed by people.

Keywords: imagination, constructivism, worlds of consciousness, multiverse, creativity, epistemological constructivism.

Конструктивизм в философии и науке XX-XXI веков имеет концептуальные истоки в кибернетике и кибернетике второго порядка. С самого начала своего существования, с 1940-1950-х годов (Н. Винер, У. Росс Эшби, Х. фон Фёрстер), одним из центральных представлений кибернетики была идея цикличности, обратной связи, самоотнесенности, самоструктурирования. Ключевым словом в работах фон Фёрстера является немецкий термин «Eigen», соответствующий английскому «self» или русскому «собственный», «само», «Я» (eigenbehavior, eigenelement, eigenfunction, eigenprocess, eigenvalue). Ни одна система не смогла бы выжить без способности поддерживать и воспроизводить свое собственное поведение и свою собственную организацию. В самоорганизации всегда есть момент цикличности: это, – по сути, организация организации. Сознание сознания есть самосознание, а понимание понимания есть самопонимание. Окружающий мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, является нашим изобретением. Всякое сказанное сказано наблюдателем (ибо нет наблюдения без наблюдателя). Описания всегда являются самоописаниями. А вопрос, который ставят, как правило, уже содержит ответ, который может быть на него получен. Поэтому легитимными он признает лишь те вопросы, которые являются чистыми: для них не существует готового ответа. Фёрстер разработал концепцию кибернетики, или кибернетики второго порядка. Кибернетика первого порядка разделяет субъект и объект, она указывает на предполагаемый независимый мир «там, вне нас». Кибернетика второго порядка сама является циклической: человек научается понимать себя частью мира, того мира, который он намеревается наблюдать и исследовать. Согласно фон Фёрстеру, мы не отражаем, а изобретаем, конструируем мир. Мы не в состоянии узнать, какой является реальность. Мы по своей природе таковы, что постоянно вновь изобретаем, конструируем нашу реальность и наше настоящее. Поскольку мир есть наше изобретение, то каждый из нас когнитивно одинок, поскольку воспринимает и осмысливает мир в меру своих собственных когнитивных возможностей и конструирует свою реальность, так что отчасти мы живем в разных когнитивных мирах. Поэтому понятие истины является настоящим хамелеоном в истории науки и философии, который окрашивается – в соответствии с позицией того, кто его использует, – всегда в разные цвета, и мы не знаем, какой цвет мира «на самом деле» [1]. Поэтому цель познания – это сам процесс познания, подобно тому, как танец возникает в процессе танца и заключает в себе свою собственную цель, а дорога прокладывается самим идущим по ней. Мыслить — значит не столько решать (т.е. «закрывать») вопросы, сколько, досконально обсудив, оставлять их открытыми, выводить на новые вопросы и вопросы вопросов, вполне в духе Сократа. Три принципа этики фон Фёрстера выводит вытекающие из базисного представления об автономии: 1) «Действуй так, чтобы умножать количество возможностей для выбора!» 2). «Если хочешь увидеть, действуй!» 3) «Если хочешь быть собой, изменяйся!»

Радикальный конструктивизм отличается от конструктивизма. К сторонникам радикального конструктивизма причисляют Э. фон Глазерсфельда, а также биологов и нейрофеноменологов, создателей теории автопоэзиса, У. Матурану и Ф. Варелу. Конструктивизм сформировался у Глазерсфельда как некое видение мира, которое проистекало из его полилингвистичности. Каждый язык изучался им не путем перевода, а путем соотнесения с собственным опытом (Erfahrung), со всеми переживаниями, с тем, как вещи проживаются человеком. Отсюда он пришел к пониманию, что язык оформляет вещи, о которых мы думаем и говорим [2]. Каждый язык создает свой мир, а говоря на разных языках, люди живут в разных мирах. Существуют концептуальные различия между «реальностями», описываемыми различными естественными языками. Все, с чем мы имеем дело, — это наши собственные представления или память. Познавая или узнавая что-то, мы соотносим свой опыт сегодня с тем, что было вчера и позавчера, т.е. опять-таки с нашим опытом, а не с вещами. Познание есть сравнение одних переживаний (элементов опыта) с другими, а не переживаний с миром. То есть познавая, мы имеем дело с самим собой, со своими собственными представлениями (нем.: vor+stellen — то, что уже имеется в нас самих), или репрезентациями, которые соотносят нас с нами самими. Посредством репрезентаций мы конструируем мир. То, что мы получаем от органов чувств,

— это только количественная сторона чувственного опыта, а качественная сторона идет от самого субъекта, от нас самих. Он формулирует три базовых для своей концепции положения. 1) Знания приобретаются не пассивно через органы чувств или средства коммуникации. Знание активно строится познающим субъектом. 2) Познание выполняет адаптивную функцию в биологическом смысле этого слова, т.е. оно служит наилучшей подгонке к миру и поддерживает жизнеспособность. Знание служит для организации субъектом мира своего опыта, а не для открытия объективной онтологической реальности. 3) Истинным является то знание, которое поддерживает жизнеспособность организма, обеспечивает его выживание.

Конструктивизм в своих радикальных версиях не приемлем, поскольку отрицает истинность научного знания и лишает нас какого бы то ни было доступа к реальности. Приемлемой позицией является умеренный конструктивизм или конструктивный реализм [3].

В современной науке и культуре конструктивизм развертывается в мощное и влиятельное течение, в рамках которого развиваются различные социокультурные, социально-психологические, коммуникативные, психотерапевтические, управленческие практики, практики, связанные с усилением безопасности, принятием эффективных решений в состояниях неопределенности, исследованием будущего. В содержание современного понятия социального конструктивизма входит не только сознательное конструирование социальной реальности, социального порядка и социальных организации в соответствии с ценностными предпочтениями социального (индивидуального и коллективного) субъекта, но и креативность социальных институтов, введение и распространение социальных инноваций, управление рисками социального развития, прохождение кризиса и выход на желаемые пути дальнейшего. Люди как социальные актеры активно конструируют локальную и более отдаленную социальную среду, в которой хотят жить, а среда, в свою очередь, создает их, активно на них влияет, подстегивает их личностный рост. Н. Луман ввел представления теории сложных самоорганизующихся систем и теории автопоэзиса в социальную философию. Он обратил внимание на важные свойства социальных систем: их операциональную замкнутость и структурное сопряжение, самореферентность (циклическую организацию) и контакт с внешним миром (ино-референцию), их трансформацию через интерактивность, коммуникацию и коммуникацию через коммуникацию. В акторно-сетевой теории (Б. Латур, С. Вулгар, Д. Блур) обосновывается, что научное знание конструируется из самой деятельности и общения ученых.

В психологии СК развивали, прежде всего, представители культурно-исторической школы Л.С. Выготского. Осью здесь было именно конструктивистское понимание становления личности ребенка и личностного роста на протяжении жизни в социально-культурной среде [4]. Выготский акцентировал внимание на порождении значений как культурно-исторических форм фиксации социального опыта, А.Н. Леонтьев – на порождении многомерного образа мира, Н.А. Бернштейн – на построении движений, А.А. Леонтьев – на порождении речевого высказывания, В.Ф. Петренко – на перцептивных высказываниях и порождении картины обыденного сознания. В.П. Зинченко, Г.А. Андреева, С.Д. Смирнов, А.Г. Асмолов, В.В. Знаков продолжили развивать эту концепцию. Ж. Пиаже, создатель генетической эпистемологии, связывал развитие интеллекта ребенка с процессом интериоризации умственных действий и с сенсомоторной активностью ребенка. Дж. Келли развил теорию личностных конструктов (схем) как собственных шаблонов видения мира, связанных с индивидуальными его оценками. Получалось, что каждый человек на свой собственный манер является ученым, а разные индивиды живут в разных мирах.

Большое значение для развития конструктивизма сыграла теория речевых актов Дж. Л. Остина, основные положения которой подхватил и пропагандировал в своих работах специалист по философии сознания Дж. Сёрл [5]. Основной вывод состоял в том, что словами мы фактически создаем реальность. Локутивный акт – это произнесение высказывания посредством языка, которое несет определенный смысл. Иллокутивный акт имеет прагматическую силу и имеет адресата. Произнося высказывание, человек совершает действие, придает новые смыслы, конструирует реальность. Это имеет места, например, в высказывании: «Я объявляю вас мужем и женой» или «Я объявляю вам войну». Перлокутивный акт намеренно воздействует на адресата, чтобы добиться какого-то результата. Теория речевых актов была использована Копенгагенской школой (Б. Бузен и В. Вейвер), в которой была создана концепция международной безопасности, базирующаяся на принципах конструктивизма. Задача говорящего состоит в том, чтобы заявить о проблеме, адресуя свою речь определенной аудитории, которой надлежит признать существование потенциальной угрозы. Сам факт признания угрозы общественностью может способствовать усилению безопасности (военной, политической, социальной, экологической, финансовой, технологической и т.д.), т.е. речь продвигает реальность

в желательном направлении. Речевые акты становятся тем самым ключевыми факторами в стратегиях управления рисками.

П. Ватцлавик построил теорию коммуникации, базирующуюся на идеях СК, основал в Пало Альто (Калифорния, США) научную школу психотерапии и успешно проводил сеансы семейной психотерапии. В своих работах он показывает, что мы конструируем реальность, в то время как мы полагаем, что мы ее всего лишь воспринимаем [6]. То, что мы называем реальностью (индивидуальной, социальной, идеологической), есть интерпретация, сконструированная посредством коммуникации и через нее. Пациент заключен в системную конструкцию, которая составляет его мир. Поэтому, согласно Вацлавичу, терапия должна заключаться в том, чтобы разрушить эту конструкцию, в которой произошло нарушение отношений. Видоизменяя тот способ, каким пациент видит мир других людей и самого себя, мы пробуждаем его силы побороть болезнь (его психотерапевтическая практика была связана с лечением шизофрении, депрессии, социально агрессивного поведения). Вацлавик был убежден, что невозможно не манипулировать. Лечащий врач тоже манипулирует, разрушает конструкции больного, изобретает реальность, которая может стать новой позитивной реальностью больного, в которой произойдет улучшение его состояния здоровья. С его точки зрения не существует единственной реальности. Но то, что существует, — это различные версии реальности, которые могут даже противоречить друг другу. Предлагаемый им психотерапевтический метод «Будь спонтанным!» означает призыв к игре с реальностью (реальностью *als ob*), к мягкой взаимной подгонке к окружающему миру, к сотворению себя и мира с целью лучшей адаптации к нему. Свою конструктивистскую теорию коммуникации Ватцлавик построил на следующих пяти аксиомах: 1) Невозможно не коммуницировать. Всякий поведенческий акт влечет за собой коммуникацию. Даже наш выбор не коммуницировать есть форма коммуникации. 2) Всякая коммуникация имеет два аспекта: содержание (то, что хотят сказать) и отношение (манера говорения). Поскольку второй аспект охватывает первый, то второй аспект есть метакоммуникация (главное, не что нам говорят, а как нам говорят). 3) Природа отношения (утверждение, оппозиция, отрицание) зависит от расстановки пауз в последовательности актов коммуникации между партнерами. Для установления гармонических отношений следует находить средства для возобновления отношений. Самое невыносимое – быть игнорируемым. 4) Человеческие существа используют два способа коммуникации: цифровой (сложный логический синтаксис при недостатке семантики) и аналоговый (использование образов, персонифицированных историй, игры слов, цитат, переформулировок с богатой семантикой). 5) Всякий коммуникативный обмен является симметричным или дополнительным, смотря по тому, базируется ли он на равенстве или различии.

Хотя конструктивизм в его радикальных версиях не может быть принят, конструктивизм в его умеренных формах становится не только руслом развития теоретических представлений в различных областях естественнонаучного, гуманитарного и социального знания, но и формой жизни и типом естественнонаучных, социокультурных, дискурсивных, нарративных практик. Приходит понимание, что, будучи дизайнером самого себя и своих собственных действий, человек как субъект познания и действия способен активно конструировать и переконструировать реальность, прежде всего социальную, управлять временем и созидать предпочитаемое устойчивое будущее.

Список литературы

1. *Foerster von H., Pörksen B.* Wahrheit ist die Erfindung eines Lügners: Gespräche für Skeptiker. 2. Auf. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 1998.
2. *Glaserfeld E.* Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. L.: The Falmer Press, 1995.
3. *Лекторский В.А.* Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и философии науки // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. С. 5–40.
4. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж: Ин-т практ. психологии, 1996.
5. *Searle J.* The Construction of Social Reality. New York, Free Press, 1995.
6. *Watzlawick P. (Hrsgb).* Die erfundene Wirklichkeit. Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? München: Piper, 1998.

ОНТОЛОГИЯ ЖИВЫХ СИСТЕМ И НЕОБХОДИМОСТЬ ДОСТАТОЧНО ОБЩЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖИЗНИ

Кручинин А.Д.

Аспирант

Новосибирский государственный университет

E-mail: artemiikruch@yandex.ru

Аннотация. Вопрос о том, нужно ли современной науке общее определение жизни, не является тривиальным. Сложившаяся картина философско-методологических установок по отношению к определению жизни повторяет два вектора развития биологических наук. Редукционизм связан с поиском общих закономерностей и требует упрощения до базовых принципов. Построение онтологий в частных предметных областях представляет собой «игнорирование фундаментальных принципов, и углубление в узкоспециализированную область, необходимую для решения конкретных задач». Здесь построение «частных определений» жизни интерпретируется как простой инструментальный и операционистский ход рассуждений. Пример принципа «стабильность в виде постоянных изменений» (И. Пригожин и др.) показывает, что принятую дихотомию можно обойти. Предполагаемое общее представление о жизни должно учитывать различные фундаментальные результаты других наук и будет меняться с развитием научного знания.

Ключевые слова: определение жизни, редукционизм, фундаментальные и таксономические науки, стабильность как постоянная изменчивость, философия биологии

ONTOLOGY OF A LIVING SYSTEMS AND NECESSITY OF GENERAL DEFINITION OF LIFE

Kruchinin A.D.

PhD-student

Novosibirsk State University

E-mail: artemiikruch@yandex.ru

Abstract. The question of whether contemporary science needs a general definition of life is not a trivial one. The current scope of philosophical attitudes in relation to the definition of life repeats two vectors of the development of biological sciences. Reductionism is associated with the search for general patterns and requires simplification to basic principles. The construction of ontologies within specific subject areas represents “ignoring of the fundamental principles and delving into a highly specialized areas to solve specific problems”. Here the construction of “sectional definitions” of life is interpreted as a simple instrumental and operationalist line of reasoning. An example of the principle “stability in the form of constant changes” (I. Prigozhin and others) shows that the accepted dichotomy can be worked through. The assumed general concept of life must take into account various fundamental results of other sciences and will change with the development of scientific knowledge.

Key words: definition of life, reductionism, fundamental and taxonomic sciences, stability as constant variability, philosophy of biology

В различных отраслях биологической науки существуют различные определения схожих терминов. Микробиолог Раду Попа, собирающий различные определения жизни, сформулировал эту проблему так: «Как мы собираемся дискутировать, если вы считаете, что жизнь определяется через ДНК, а я полагаю, что через динамические системы? Мы не можем создать искусственную жизнь, потому что не можем договориться о том, что такое жизнь. Мы не можем прийти к согласию по поводу того, что она собой представляет» [1, с. 12]. Очевидно, сам по себе вопрос о том, нужно ли современной науке общее определение жизни, не является тривиальным. С одной стороны, формирование единого смыслового пространства необходимо для формирования единых теоретических концептов, способных выполнять основные научные функции – прогнозирование и решение практических задач.

С другой, самостоятельность многих направлений современной биологии вполне оправдана, и ничто не запрещает в их рамках рассматривать свое определение жизни. Существует два вектора развития биологических наук, которые условно можно связать с «редукционизмом» и с «построением своих онтологий в частных предметных областях». Редукционизм связан с поиском общих закономерностей на различных уровнях организаций, с учетом фундаментальных физических законов и упрощением живых систем до термодинамических функций и является старой и давно хорошо зарекомендовавшей себя методологической позицией [2]. И именно с точки зрения редукционизма, второй взгляд представляет собой «игнорирование фундаментальных принципов, и углубление в узкоспециализированную область, необходимую для решения конкретных задач». И если редукционизм можно представить, как активное теоретизирование и упрощение до базовых принципов, то построение «частных определений» есть простой инструментальный и операционистский подход, связанный больше с технической стороной, чем с какой-то претензией на фундаментальное философское обобщение [3]. Наша гипотеза заключается в том, что способ построения «частных определений» тоже может иметь хорошую теоретическую основу, которую нельзя будет однозначно считать инструменталистской. Существуют как минимум два подхода к построению конвенционального определения – от частного к общему, и от общего к частному. Каждый из этих подходов имеет своих сторонников, приверженность которых можно связать с определенным профессиональным пониманием того, чем занимаются науки о жизни. Наша цель – продемонстрированы эти различные подходы, доказывающие валидность как индуктивного, так и дедуктивного способа построения определений в биологических науках, и постараться обобщить наиболее успешные из них так, чтобы было видно, что сама логика построения «частных определений» не инструменталистская.

Начнем с модели, описанной еще Юджином Одумом в его классификации наук, он делит научных дисциплин на фундаментальные и таксономические. Эту модель также называют «слоенным пирогом». Если делить его на горизонтальные слои, то вычлняются «фундаментальные» науки (морфология, физиология, анатомия и т.д.) характерные для всех живых систем. При делении по вертикали, получают срезь таксономических наук (зоология, ботаника, микология и т.д.) описывающие частные случаи живых систем и определяющие ключевые признаки небольшого множества [4 с.10]. Теоретические модели таксономических наук успешно работают для решения конкретных задач в определенном дисциплинарном спектре, будь то вирусология или микробиология, но при попытках свести их к единой онтологической базе возникают противоречия в понятиях и в базовых принципах. Но при этом, методологический аппарат выявления ключевых параметров, необходим для формирования совокупности всех критериев, описывающих феномен жизни, а именно: а) критерий универсален для любой живой системы; б) однозначность наличия того или иного параметра; в) общепризнанный конвенциональный признак, – не является дискуссионным в научном сообществе. Поэтому, применяя методологию таксономических наук вместе с принципами фундаментальных наук, все это позволит интегрировать больше небологических дисциплин, и расширить поле поиска универсального определения, пользуясь химико-физическим онтологическим аппаратом, а не только узкоспециализированным биологическим представлением. Это хороший пример того, что определения жизни в частных науках продиктованы не только инструменталистскими соображениями. Другой пример. Возьмем определение NASA: «Жизнь – это самоподдерживающаяся химическая система, способная к дарвиновской эволюции» [5]. Принцип его построения связан с редуцированием жизни до наличия определенных параметров. В определении обобщается наибольшее количество форм живой материи, не прибегая к определенным описаниям признаков свойственной определенной таксономической группе. При этом, оно ограничивает спектр изучаемых явлений, так как именно биологические объекты есть материальные, то есть обладающие химическими способностями явления, что отсеивает различные сложные самовоспроизводящиеся абстрактные системы такие как глотогенез. Также, эта формулировка учитывает не существующие представляет о физико-химических характеристиках, а о возможных проявлениях жизни вне рамок знакомым нам органических химии в условиях земли, так как само воспроизводящие системы могут возникнуть в других частях вселенной при других условиях. Термин «самоподдерживающаяся» можно истолковать как автономная, способная к существованию. Подразумевается продолжительное и активное проявление свойств живого, ключевыми которыми являются воспроизведения (исходя из других определений жизни) [6, с. 279]. Можно ли считать приведенное определение достаточно фундаментальным?

Отсутствие единства форм удобно для анализа основных характеристик, которые вытекают из свойств анализируемых объектов, но широкие формулировки не могут быть беспредметными, а значит

также требуют уточняющих моментов. Например, понятие «изменчивость», как создание новых свойств и характеристик – есть неотъемлемое и ключевое свойство живого. При этом изменчивость можно воспринимать на множестве смысловых и материальных уровнях. Если мы говорим про изменчивость как переход из одного состояния в другое, то это может считаться метаморфозой и включать себя различные переходы форм, будь то трансформация головастика в лягушку или куколки в бабочку. При этом изменчивость – это сложный многоступенчатый процесс, который происходит поэтапно с учетом множества каскадов химических реакций и приводящий к конкретным феноменам, что фиксируются многократно. При этом, чтобы работала «дарвиновская эволюция» необходимо помимо преобразования конкретной особи с течением времени связанных с внутренними силами или под действием внешних условий, происходит постепенное видовое преобразование. Смена потомков порождает проблемы переноса родительской генетической информации и способствует накоплению ошибок в исходном материале, от чего в процессе репликации могут возникать новые свойства, фиксируемые в популяции. Эти свойства могут влиять на фенотип и физиологические особенности и приводить к формированию новых морф, пород, видов и в эволюционной перспективе к формированию новых, более обширных таксономических единиц (семейства, рода и т.д.) Все эволюционные изменения подвержены определенному алгоритму, который ученые фиксируют и за счет этого могут прогнозировать определенные количественные и качественные характеристики на протяжении поколений. Д. Деннет подчеркивал, что основная заслуга Ч. Дарвина заключалась в нахождении множества систем алгоритмов, которые позволяют наблюдать и фиксировать изменчивость [7]. Собственно, можно ли после этого считать определение NASA примером частного «инструменталистского» определения?

Сложные процессы, происходившие на протяжении миллиардов лет в биосфере, нельзя сводить к простым алгоритмам в виде «эмерджентности», наличия «случайных событий» и «многоуровневых взаимодействий» разных химико-биологических законов. Сами эволюционные преобразования создали жизнь в определенных структурах, внутри которых существуют биохимические механизмы, что подчиняются определенной логике и могут быть формализованы. Отмеченный выше принцип «стабильности в виде постоянных изменений» пытались описать различными способами, например, через принцип систем третьего порядка, предложенных И. Пригожиным и С. Курдюмовым, которые отошли от детерминистического подхода и начали рассматривать «естественные системы как стохастические», где ключевыми понятиями стали хаос и самоорганизация [8, с. 10]. Из этой теории следует, что хаотичное состояние, преобладающей в окружающем мире, рано или поздно порождает «острова стабильности», будь – то на примере ядерной физике, где есть определенные элементы с длинным периодом полураспада, то в органической химии, где существуют циклические реакции, происходящие в живых системах, и которые настолько стабильны, что могут передаваться за счет систем репликации на протяжении миллионов лет, и со временем улучшаться под воздействием естественного отбора. Устойчивость должна фиксироваться в рамках определенной открытой системы, в которую поступает материя из вне и под действием внутренних факторов преобразуется в энергию. Воспользуемся логикой, предложенной И. Пригожиным и С. Курдюмовым. Изучение и осознание живых систем как единого феномена, невозможно без внедрения различных фундаментальных открытий из других областей знания.

В докладе будет показано на примерах из частных биологических наук и классификации наук Ю. Одума, что частные интерпретации живых объектов необходимы в той же мере, что и базовые законы построения живой материи. Комплексность и расширение полномочий биологической науки, как совокупности узкоспециализированных таксономических дисциплин, служащих онтологическим фундаментом для вычленения ключевых свойств живого, будет постепенно расширяться с развитием научного знания в рамках новых научных дисциплин, – из-за чего определение жизни *будет* меняться. И наша задача, как методологов, заключается в создании непротиворечивых концепций, ориентированных на этот нескончаемый процесс, способных обеспечить и надлежащую трактовку успешности развития науки как целого, и эффективное методологическое различение разных аспектов наук о живом.

Список литературы

1. *Popa R.* Between Necessity and Probability: Searching for the Definition and Origin of Life. New York: Springer, 2004.
2. *Vanchurin V., Wolf Yu., Koonin E., Katsnelson M.* Thermodynamics of evolution and the origin of life // PNAS. 2022. № 6. e2120042119.

3. Martino M. Two Problems of the Biological Philosophy of Technology // Philosophy & Technology. 2022. Vol. 5. a.n. 39.
4. Одум Ю. Основы экологии. Москва: Мир, 1975.
5. Beegle L., Wilson M., Abilleira F., Jordan J., Wilson G. A Concept for NASA's 2016 Astrobiology Field Laboratory // Astrobiology. 2007. № 7. P. 545–577.
6. Zimmer C. Life's Edge: The Search for What It Means to Be Alive. New York: Dutton, 2021.
7. Деннет Д. Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни / Пер. с англ. М. Семиколенных. Москва: Новое литературное обозрение, 2020.
8. Гудкова С.А. Философия нестабильности И.Р. Пригожина порождает нестабильность биосистем // Философия науки. 2014. №4. С. 100-113.

АГНОСТИЦИЗМ И БРИТАНСКИЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ XIX ВЕКА

Лаврищев Д. Е.

*Магистр философии, младший научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники Российской академии наук
E-mail: vtstampede@yandex.ru*

Аннотация. В работе анализируется историческая связь между возникшим в середине XIX века британским агностицизмом и развитием эволюционных теорий того же периода. Интеллектуальным фоном развития биологии в это время является противостояние сторонников естественной теологии и приверженцев секулярных версий эволюционизма. В частности, речь идет о роли работ Чемберса и Дарвина для формирования позиций секулярной науки, отрицающих роль Божественного вмешательства в биологические процессы – включая возникновение жизни. При этом в работе делается акцент на том, что к теоретическим аргументам сторонников теологии против эволюционистов добавляется угроза правового преследования за атеистические взгляды. В контексте этих двух моментов показывается, что возникновение агностицизма можно считать закономерным результатом указанного противостояния. Сам агностицизм предстает в таком случае средством для избавления от ярлыка атеиста с сохранением атеистической позиции.

Ключевые слова: агностицизм, эволюционизм, секуляризация, британская наука XIX века, дарвинизм, естественная теология.

AGNOSTICISM AND BRITISH EVOLUTIONISM IN XIX CENTURY

Lavrishev D.E.

*Master of Philosophy
Institute of the History of Natural Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, Junior Research Fellow
E-mail: vtstampede@yandex.ru*

Abstract. The paper analyses the historical connection between British agnosticism and the development of evolutionary theories in the middle of 19th century. The intellectual background for the development of biology at this time was the confrontation between supporters of natural theology and secular evolutionism. In particular, paper highlights the role of the works of Chambers and Darwin for the formation of positions of secular science denying the role of Divine in biological processes, including the origin of life. The paper emphasizes that the threat of legal prosecution for atheistic views was added to the theoretical arguments of theological supporters against evolutionists. In the context of these two points, paper describes the emergence of agnosticism as a natural result of this confrontation. Agnosticism itself appears in this case as a way to get rid of the label of an atheist without rejection of atheistic claims.

Keywords: agnosticism, evolutionism, secularization, British science in 19th century, Darwinism, natural theology.

В статье я рассматриваю историческую взаимосвязь британского агностицизма и биологической науки в Великобритании XIX века. Говоря более предметно, я анализирую связь между социальными условиями, в которых существовал британский эволюционизм XIX века и возникновением агностицизма с его последующей популяризацией. Я утверждаю, что агностицизм возник, в значительной степени, в ответ на критику со стороны консервативных интеллектуалов конца Викторианской эпохи и служил способом избежать правового преследования. Это утверждение, как я полагаю, значимо в контексте дискуссии о становлении секулярной биологии в Великобритании. А именно, считается, что «Происхождение видов» Дарвина стало «точкой невозврата» в вопросе отмежевания науки от теологии [1, 2]. Я рассматриваю аргументы в пользу того, что, несмотря на теоретическую силу, секулярная, иначе говоря, атеистическая биология не могла развиваться в силу причин социально-правового характера, а также показываю, какую роль для преодоления этих причин играл агностицизм.

Для того, чтобы показать связь агностицизма и развития биологии, нам необходимо обратиться к некоторым историческим формам и направлениям биологической науки, характеризующим состояние дисциплины в Британии XIX века. Затем я рассмотрю отдельные значимые черты британского законодательства этого периода, ставившие под угрозу свободное развитие научного знания. Обобщая эти два рассуждения, я покажу, как именно агностицизм должен был решать проблему столкновения ученых-эволюционистов с приверженцами естественной теологии.

Как несложно понять из предшествующего, в работе я рассматриваю две противоборствующие «школы» биологии, существовавшие в Великобритании задолго до XIX века – эволюционизм и биологическая естественная теология. В основе первой лежали, в числе прочих, работы Ж.-Л. Бюффона и Э. Дарвина. Вторая во многом опиралась на «Естественную теологию» У. Пейли [3]. К началу-середине XIX века эволюционистских теорий становилось все больше и они, подкрепляемые выводами геологии, начали постепенно вытеснять естественную теологию из биологии.

Заметим кратко, что разделение на эволюционистов и сторонников естественной теологии здесь условное – мы встречаем представителей эволюционизма и в лагере теологов – достаточно здесь вспомнить Р. Оуэна или Дж. Кэмпбелла, которые, хоть и не отрицали идей эволюционизма полностью, стояли на религиозных основаниях при формулировании теорий эволюции.

Естественная теология и эволюционизм

Естественная теология в ее биологическом аспекте покоилась на трёх постулатах из Писания: растения созданы Богом; животные созданы Богом; человек создан Богом. Первый из них тесно связан с «геологическим» постулатом о том, что Бог создал Землю. Важным в данном случае являлось именно то, что все формы жизни созданы единой и в неизменном виде – с наибольшим совершенством. Благодаря тому, что геология к тому моменту уже доказала, что возраст Земли значительно расходится со сведениями из Писания, а также обнаружила множество доисторических форм растений, постулат о них к началу-середине XIX века можно было считать несостоятельным. Следующий постулат – о создании животных, – также критиковался сторонниками эволюции на основании археологических находок организмов, не имеющих аналогов среди современных видов. Тем не менее, этот принцип оставался в силе за счет научной и критической работы сторонников естественной теологии (напр., С. Уилберфорса, известного по участию в Оксфордских дебатах по поводу «Происхождения видов» в 1860 году). Наконец, постулат о создании человека не подвергался радикальному сомнению вплоть до публикации теории Ч. Дарвина.

Важной вехой в истории британского эволюционизма являлась работа Р. Чемберса «Следы естественной истории Творения» [4]. В ней автор пытается занять пограничную позицию, указывая, с одной стороны, на простоту и изящество замысла Божьего об устройстве мира. С другой стороны, Чемберс не разделяет, прямо или косвенно, многие тезисы естественной теологии. Так, например, он допускает самозарождение жизни путем химических процессов, а также делает вывод о том, что вся эволюция имеет своей целью человека как венец Творения, не имеющего божественного происхождения. Из-за этих и многих других теоретических аспектов эта смелая работа была негативно воспринята критиками – настолько, что побудила Ч. Дарвина отложить публикацию «Происхождения видов» [5]. Но она же стала важным свидетельством того, что биологическая теория может быть полностью последовательной без обращения к Писанию.

«Происхождение видов», опубликованное в 1858 году, как считается, окончательно разрушило постулат о создании животных, хотя Дарвин и предпринял ряд попыток сгладить расхождения с Писанием. Но в нём еще не стоял открыто вопрос о происхождении человека – напрямую эту тему

Дарвин рассматривает только в работе 1871 года [6]. Тем не менее, против сотворения человека выступил друг и коллега Дарвина Т.Г. Гексли, который для нас важен как изобретатель агностицизма.

Несмотря на теоретическую силу секулярного варианта эволюционизма, концептуальный разрыв с Писанием оставался недопустимым в силу консервативного законодательства Великобритании. А именно, из-за того, что главой Англиканской Церкви являлся британский монарх, богохульство или атеизм приравнивались к преступлению против короны, что влекло суровое наказание вплоть до тюремного заключения [7]. Обвинение в богохульстве или атеизме было эффективным способом замедлить развитие секулярной науки, настроив общество против ее авторов. Так, Чемберсу во многом удалось избежать преследования постольку, поскольку его работа была опубликована анонимно. Принимая этот факт во внимание, я обращаюсь к личности Т.Г. Гексли, который придумал способ преодолеть ярлык атеиста с помощью другого ярлыка.

Агностицизм Т. Гексли и дискуссии об эволюции

Предварительно скажем кратко о том, кем был Гексли. Он известен в первую очередь как «бульдог Дарвина», будучи одним из наиболее ярких и активных защитников «Происхождения видов». Помимо поддержки эволюционизма, Гексли занимался исследованием морских организмов, сравнительной морфологией и, отчасти, палеонтологией. Наконец, для нас он важен как тот, кто ввел в оборот понятие «агностицизм».

Гексли и Церковь: конфликт. Несмотря на то, что сам термин «агностицизм» возник около 1869 года [8], его активное публичное обсуждение впервые состоялось в 1889 году в серии статей на страницах британских журналов «Девятнадцатый век» и «Квартальное обозрение», впоследствии собранных в сборник «Христианство и агностицизм: спор» [9]. В этой дискуссии Т.Г. Гексли отвечает на обвинения в атеизме и богохульстве со стороны церковных авторитетов Г. Уэйса и У. Маги, которые видели в агностицизме лишь маску для прикрытия атеистических воззрений [9, р. 5-13, 87-90]. Как следует из этих обвинений, многие ученые, под влиянием Гексли, решили использовать имя «агностик» для того, чтобы уйти от обвинений и продолжить развивать секулярную науку.

Сам Гексли, открещиваясь от обвинений, указывает на тот факт, что агностицизм никогда не был строгим убеждением в отсутствии Бога или в несостоятельности теологии. За этим понятием, согласно Гексли, скрывается стремление подвергать рациональному анализу содержание как Писания, так и науки, с той целью, чтобы обнаружить, какого рода и в каком количестве свидетельства есть за одну или за другую позицию [8; 9, р. 23-24]. Тем самым, видимый атеизм превращался в теоретическую позицию, согласуемую с требованием признавать авторитет Писания.

Непубличный агностицизм. В то же время, следует принять во внимание некоторые обстоятельства, указывающие на наличие доли истины в словах обвинителей. Так, я не нахожу свидетельств того, что Гексли как-либо публично – в прессе или в иных текстах для широкой аудитории – рассказывал об этом понятии до 1889 года. Соответственно, я предполагаю, что фактически это понятие предназначалось изначально для круга знакомых и коллег Гексли, которые разделяли пафос секулярной науки, но не были готовы к открытому противостоянию в силу, например, низкого социального статуса.

Неразличимость с атеизмом. Кроме того, нельзя не обратить внимания на тот факт, что с точки зрения аргументации и внешних проявлений мнения, агностицизм неотличим от атеизма [10]. Не слишком важно, придерживаетесь ли вы агностических или атеистических взглядов, если в итоге вы все равно приходите к тому, что аргументы из Писания не релевантны для научной картины мира. Поэтому ничто не мешало атеисту в XIX веке в ответ на обвинения закрыться щитом агностицизма, сохраняя антиклерикальную позицию.

«Удачный» момент. Не менее примечательно время возникновения и распространения термина. К 1869 году уже прошли дебаты Гексли-Уилберфорса, уже опубликовано «Происхождение видов» и готовится к публикации текст «Происхождение человека...» [6], который может стать тем, что подведет Дарвина под ярлык атеиста и под преследование. К этому времени дарвинизм уже успел стать достаточно известной теорией, чтобы получить международное признание со стороны Э. Геккеля, Ф. Мюллера и других ученых, равно как и чтобы стать предметом острой полемики и критики. Наконец, нельзя не признать, что за словами упомянутых Уэйса и Маги не могли стоять только лишь желание дискредитировать Гексли и агностицизм любыми средствами, коль скоро они ссылаются на реальных ученых (напр. [9, р. 89]).

На основании приведенных рассуждений я делаю вывод о том, что существуют значимые основания считать возникновение агностицизма отчасти результатом тех социальных и дискурсивных условий, в которых находилась британская биологическая наука в XIX веке. Мною показано,

что агностицизм может быть рассмотрен как способ защиты британских секуляризованных эволюционистов от правового преследования со стороны консервативных представителей естественной теологии в биологии. Я бы хотел отдельно подчеркнуть важность этого анализа для понимания становления секулярной науки в Британии, поскольку, на мой взгляд, ситуация вокруг агностицизма и биологии наглядно показывает модель противоборства и средства его преодоления с обеих сторон. Не менее значимым я считаю и то, что приведенные данные закрывают пробел, по-видимому, существовавший в объяснении того, как произошел переход от господства теологии к секулярному эволюционизму в отсутствие возможности открыто провозглашать себя атеистом.

Список литературы

1. *Mayr E.* The Growth of Biological Thought, Harvard University Press, 1982.
2. *Bowler P. J.* Evolution: The History of an Idea (3rd ed.), University of California Press, 2003.
3. *Paley W.* Natural theology: or, Evidences of the existence and attributes of the Dei-ty, collected from the appearances of nature. New York: Sheldon, 1879. 420 p.
4. *Chambers R.* Vestiges of the Natural History of Creation. London: John Churchill, 1844. 390 p.
5. *Darwin C.R.* "An Historical Sketch Of The Progress Of Opinion On The Origin Of Species", from On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life, 3rd ed. London: John Murray, 1861, P. 8-21.
6. *Darwin C. R.* The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex. In 2 Volumes. (1st ed.). London: John Murray, 1871.
7. *Gey S.G.* "Atheism and the Freedom of Religion". In Martin, Michael (ed.). The Cambridge Companion to Atheism. Cambridge University Press, 2007. P. 250-266.
8. Agnostic // A New English Dictionary on Historical Principles: Founded Mainly on the Materials Collected by the Philological Society. Vol. 1. "Agnostic." Oxford, Clarendon press, 1888.
9. Christianity and Agnosticism: a controversy. New York: The Humboldt Publishing, 1889
10. *Russell B.* Am I an Atheist or an Agnostic? Girard (KS), Haldeman-Julius Company, 1950. 32 p.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ПОНЯТИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Симбирцева А.Е.

Аспирант

Новосибирский государственный университет

E-mail: a.simbirtseva@g.nsu.ru

Аннотация. В 1970-х Роберт Даннелл предпринял попытку дополнить концепцию процессуальной археологии Льюиса Бинфорда использованием дарвиновской теории эволюции в качестве модели объяснения. Мы можем расширить это представление за счет более адекватной трактовки понятия изменение», которая предполагает: (а) выбор объекта/субъекта или носителя, по отношению к которому определяется «приспособляемость»; (б) выбор характеристик доступных археологических данных, отвечающих понятиям «отбор» и «увеличению приспособляемости»; (в) поиск «source laws» (Э. Собер, М. О'Браен и др.), которые позволяют задать представление о «наследовании признаков» не обращаясь к заданному представлению об «отборе». В качестве эвристики рассматривается пример, который приводит Питер Коссо, описывая эволюцию структурной организации городов минойской культуры на острове Крит.

Ключевые слова: эволюционная археология, процессуальная археология, изменение, отбор, приспособляемость, адаптация, Л. Бинфорд, Р. Даннелл.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

EVOLUTIONARY ARCHAEOLOGY AND THE CHANGE

Simbirtseva A.E.

PhD-student

Novosibirsk State University

E-mail: a.simbirtseva@g.nsu.ru

Abstract. In the 1970s, Robert Dunnell attempted to complement Lewis Binford's concept of processual archeology by using Darwinian evolution theory as an explanatory model. We can expand this idea through a more adequate interpretation of the concept of "change," which involves: (a) selection of a subject in relation to which "adaptability" is determined; (b) selection of characteristics of the available archaeological data that correspond to the concepts of "selection" and "increasing fitness"; (c) search for "source laws" (E. Sober, M. O'Brien, etc.), which allow to set the idea of "inheritance of characteristics" without referring to a given idea of "selection". As a heuristic, we consider the example given by Peter Kosso, that describes the evolution of the structural organization of the cities of the Minoan culture on the island of Crete.

Keywords: evolutionary archaeology, processual archaeology, change, selection, fitness, adaptation, L. Binford, R. Dunnell.

Человеку, не знакомому с возникновением и историческим развитием представлений об археологии, наверняка потребуется время, чтобы определиться какая ее часть или какая интерпретация археологии чем занимается. Льюис Бинфорд, создатель концепции процессуальной (или «новой») археологии, отталкивался от того, что археология должна быть хорошей (в смысле примера, который показывают естественные науки) эмпирической наукой [1]. Среди существенных нововведений, которые в 60-х предложил Л. Бинфорд, было представление о том, что археология должна больше походить на антропологию, чем на историю. Археология способна на большее, чем поиск и упорядочивание исторических данных. Проблема в том, что антропология, в том числе, исследует поведение человека, а не материальную культуру как таковую. Она занимается «пониманием роли того или иного артефакта в тех или иных паттернах поведения», да и сам любой культурный артефакт понимается как своего рода побочный продукт определенного поведения. И в этом смысле, если мы настаиваем на том, что археология должна быть научной, то тут в первую очередь нужно говорить о вспомогательных теориях (Л. Бинфорд использует термин Р. Мертона «теория среднего уровня»), которые помогут обеспечить связь между найденными артефактами и их антропологическими интерпретациями. Сам процесс, интерпретирующий поведение людей в прошлом, должен быть в достаточной степени достоверным, например, чтобы обоснованно утверждать, что конфигурация расположения артефактов указывает на то, что была обнаружена стоянка, – артефакты находятся на соответствующих местах, как результат соответствующей деятельности людей. И все это на фоне сложности трактовки физических процессов, которые сопутствуют превращению предмета в артефакт, и принципиальной многозначности придания значения археологическим находкам. В этом смысле, последующее развитие и критика идей, заложенных Л. Бинфордом, в том числе, проходили по линии уточнения того, что значит для археологии быть научной.

Эволюционная археология возникает как следствие попытки заимствовать из биологии (как успешной естественной науки) ту модель объяснения явлений, которую мы обычно ассоциируем с дарвиновским представлением об эволюции (никто не говорит о дословном переносе теории). В 1971 году выходит книга Роберта Даннелла «Систематика в доисторической науке», где он говорит, что единицей археологического анализа должно стать представление о том, что любой артефакт, будучи когда-то предметом материальной культуры, был субъектом соответствующей последовательности эволюционного изменения [2]. Исходный пункт рассуждений Р. Даннелла – тезис Л. Бинфорда о том, что культура является следствием групповой *адаптации* человека к условиям окружающей среды, и он хочет показать, что «адаптация» здесь может пониматься в терминах эволюционной теории. Нельзя сказать, что эта теория обрела широкую популярность (уже в 80-х начнется новая эпоха – эпоха «пост-процессуальной археологии», которая будет характеризоваться радикальным отказом от идей Л. Бинфорда), но само обоснование использования дарвиновской теории в качестве модели объяснения явлений в археологии, как минимум, заслуживает внимания. Р. Даннелл полагал, что основная задача археологии – объяснить «изменение». Как историческая наука, археология должна объяснять историю, помогать реконструировать образ жизни и культуру прошлого.

Однако по Р. Даннелу, археология должна объяснять «археологические данные» и изменения этих данных во времени, а не помогать реконструировать поведение человека в прошлом. Речь идет о реконструкции изменений именно в материальной культуре, о представлении предметов материальной культуры как о включенных в процесс эволюционного изменения. При этом, археологические данные, единственные эмпирические данные, которые у нас есть, должны объяснить и сами эти изменения, и предполагаемую эволюцию и, в конечном итоге, – саму «адаптацию».

Объяснение «изменения» – это одна из задач археологии, независимо от выбранной ее трактовки. Для того, чтобы объяснить разницу между предположительно одними и теми же вещами, найденными в разных культурных слоях, необходимо какое-то общее представление о механизме изменения. Как пишет Р. Даннелл: «традиционная археология принимает искаженное (skewed) представление об изменении как о следствии эволюции культуры в представлении социальных философов, например Спенсера, и антропологов, которые им следуют» [2, р. 32]. Археологи используют представление об эволюции некритически, как описывающее любое изменение, например (в терминах Л. Бинфорда), переход культуры от менее адаптированного к более адаптированному состоянию: «Описывая трансформацию культуры, можно было бы ожидать что “адаптация” имеет приоритет над “отбором” как механизм, который формирует изменение. И это, конечно, именно то, что происходит. Современная литература полна “адаптаций”, “адаптационных процессов” и т.д., но в ней чрезвычайно не хватает “отбора” (selection)» [2, р. 39]. Само по себе, это не проблема. Следуя Л. Бинфорду, мы должны придерживаться «функциональной» трактовки изменения, но это не «эволюционистское» представление. Задача состоит в том, чтобы построить именно «дарвиновскую картину» изменения, где как минимум должны участвовать «отбор» и признаки, определяющие «приспособляемость». И при этом, как требует Р. Даннелл, мы все еще говорим именно об образцах материальной культуры. К сожалению, в своих работах Р. Даннелл не дает четкого определения «изменения», ограничиваясь общими (хотя и достаточно подробными) сопутствующими рассуждениями. И на наш взгляд, в настоящий момент у нас есть возможность дополнить представления Р. Даннелла. Проблема заключается в том, чтобы избежать логического круга в аргументации, когда на руках у нас есть только археологические данные, и мы должны только по ним восстановить и факторы «отбора», и факторы «адаптации». Вот, что пишет Элиот Собер: «мы должны различать “отбор чего” (selection of), относимый к следствиям процесса отбора, и “отбор для” (selection for), описывающий причины» [3, р. 100]. Для того, чтобы различить виды приспособляемости (например, мы можем понимать «приспособляемость» в смысле инструмента, отвечающего поставленной задаче, а можем в смысле поведения человека, который с помощью этого инструмента демонстрирует большую «приспособляемость») Э. Собер вводит понятия «consequence laws», которые определяют характер приспособляемости, и «source laws», которые определяют основания разных типов приспособляемости и то, как работает «сила отбора» для этих типов и данных объектов материальной культуры. Мы можем воспользоваться понятием «source laws» для того, чтобы описать то, как характеристики данных объектов материальной культуры способствуют адаптации.

В докладе будет показано, что приведенный пример переноса идей, заложенных в дарвиновской теории эволюции, в контекст процессуальной археологии Л. Бинфорда, совершенный Р. Даннеллом, можно дополнить более полной, на наш взгляд, трактовкой понятия «изменение». Предлагаемая трактовка непосредственно отвечает основным понятиям дарвиновской теории и обладает рядом преимуществ перед трактовкой Р. Даннелла. Должная трактовка понятия «изменения» должна начинаться с выбора объекта/субъекта или носителя, по отношению к которому определяется «приспособляемость». Далее определяется то, какие характеристики доступных археологических данных отвечают понятию «отбор», а также характеристики, отвечающие представлению об «увеличении приспособляемости» (естественно, в том виде, в каком это предполагаемое представление можно соотнести с анализируемой культурой или ее аспектом). По представлению о «приспособляемости» можно определить понятие «наследования признаков», при этом его трактовка не должна содержать апелляции к заданному выше представлению об «отборе» (это проблема наличия «source laws», о которой говорит Э. Собер). В идеальной ситуации, именно после этого мы и получим наиболее полное представление о том, как различные характеристики объектов материальной культуры участвуют (или нет) в «увеличении приспособляемости». В качестве основной эвристики, на которой будут проинтерпретированы наши построения, будет рассматриваться пример эволюции структурной организации греческих городов на островах Эгейского моря, в частности, городской планировки городов на острове Крит периода минойской культуры (20 век до нашей эры), который приводит Петер Коссо, иллюстрируя концепцию «центрального места» [4]. В данном случае, в качестве «субъекта отбора» выбирается «разделение совместно достигнутого» (предполагается, что радиальная

структура города с центральным местом копирует структуру расположения объектов вокруг костра в пещере), а изменение (что и демонстрируют реальные археологические находки) трактуется как «реакция на внешний раздражитель» с целью адаптации структуры в соответствии с принятым представлением о ее функциональности.

Список литературы

1. Binford L. Archaeology as Anthropology // American Antiquity. 1962. Vol. 28, № 2. P. 217-225.
2. Dunnell R. Systematics in Prehistory. New York: The Free Press, 1971.
3. Sober E. The Nature of Selection: Evolutionary Theory in Philosophical Focus. Cambridge, Mass: MIT Press, 1984.
4. Kosso P. Knowing the Past. Philosophical Issues of History and Archaeology. New York: Humanity Books, 2001.

СВЯЗНОСТЬ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО: КОНЦЕПТ ДРЕВНИХ КУРГАНОВ С ПОЗИЦИИ БИОСЕМИОТИКИ

Струговщикова У.С.

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: ustrug@gmail.com*

Аннотация. Автор предлагает размышление на тему связности миров прошлого и будущего в настоящем, строя исследование с точки зрения биосемиотического подхода, подчеркивая, что биосемиотика помогает, прежде всего, установить связи или отношения. Причем эти связи не сводятся к взаимодействиям только живых организмов, но также к отношениям живых организмов с неживым, что формирует и окружающую среду, и самих субъектов или агентов. Эти связи сохраняются на протяжении веков, создавая «окружающую историческую среду» (Ингольд), наполненную концептами (Неретина) – говорящими созданными знаками, которые вложены в памятники своими создателями и ожидающими, когда их воспримут следующие поколения. Мы же пытаемся понять как люди прошлого воспринимали свое окружение через знаки, которые они оставили, пытаемся восстановить связи, сделав их частью нашего мира.

Ключевые слова: биосемиотика, знак, отношение, временные миры, курган, прошлое, настоящее, будущее, традиционная культура.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>

ENTANGLEMENT OF PAST AND FUTURE: CONCEPT OF THE ANCIENT MOUNDS THROUGH THE BIOSEMIOTICS

Strugovshchikova U.S.

*Candidate of Sciences, research fellow
National Research University Higher School of Economics
E-mail: ustrug@gmail.com*

Abstract. The author offers a reflection on the past and the future worlds' entanglement in the present, through the biosemiotic lens. It should be emphasized that biosemiotics helps us to establish links or relations. These connections are not limited within the interactions only of living organisms, but spreaded to relations of living organisms with nonliving things, which design both the environment and the subjects or agents themselves. These connections persist over the centuries, creating "surrounding historical environment" (Ingold), filled with concepts (Neretina) - speaking created signs that are embedded in monuments by their designers and waiting to be perceived by subsequent generations. We are trying to understand how people of

the past perceived their surroundings through the signs they left, trying to restore connections by making them part of our world.

Key words: biosemiotics, sign, links, temporal worlds, burial mound, past, present, future, traditional culture.

Когда мы применяем биосемиотическую оптику к живым организмам в стремлении понять смысл жизни, то биосемиотика как наука пытается установить связи, недетерминированные физическими или химическими процессами, происходящих в живых организмах. Ее основополагающая концепция гласит, что жизнь и семиотические процессы взаимосвязаны и находятся в состоянии взаимного сосуществования. Если же мы вовлекаем к рассмотрению не живые объекты, то имеем ввиду процессуальное взаимодействие или отношение с неживого с живым. Биосемиотический подход позволяет нам задуматься о том, как человек воспринимает свое окружение, создавая неразрывную целостность «организм плюс среда» (Ингольд), где окружающая среда – это мир, который существует и приобретает смысл по отношению к конкретному агенту или субъекту. В этом смысле окружающая среда возникает и развивается вместе с агентом и вокруг него. Якоб фон Икскуль называет такую среду *умвельтом*, окружающим пространством, к которому адаптируется агент, а также пространство, изменяемое им. Это окружающее пространство наполнено аффордансами – возможностями для реализации нужд агента, создающих отношения или связи с другими агентами, находящимися в поле своего пространства. Там, где агенты сталкиваются друг с другом, живое с живым и с не-живым, рождаются знаки и смыслы, как правило, при повторных взаимодействиях. Так как мы формируем окружающую среду так же, как она формирует нас, то окружающая среда сама по себе «фундаментально исторична» [3, с. 20]. Осталось решить – что именно входит в эту историческую окружающую среду.

Насколько курганы «говорящие»? Когда они стали не просто памятниками, следами былого величия, но агентами в окружающей среде? Представляешь курган в виде органоподобной системы, касаешься древних камней, делаешь мысленный ритуал, думаешь об их переживании времени, их бессмертии, о том, что они хранят все, что познали на протяжении геологических эпох, кого видели и как сопротивлялись людям, стихиям. Эти курганы созданы людьми, но вместе с людьми создали окружающую среду, постоянно трансформирующуюся вместе с новыми эпохами. Сегодня она создается новыми людьми, новыми исследователями, приоткрывающими завесу тайны, новыми почитателями, культурными программами и политической защитой.

Курган – это *концепт* (Неретина), несущий «речь» своих создателей, транслируя их величие, след, идущий со смертью и ей же противоречащий – переживая века, неся энергию создателей потомкам – тем, кто ходит по той же земле. Мы, потомки, «слушаем» глас создателей через монументальные сооружения, понимая наше «здесь и теперь» через память и воображение. Со временем приходит понимание, что важен не сам элемент – памятник, но наше отношение к нему, проецирующее и отношение в будущее. Как можем мы использовать историю, и старый опыт традиционных культур, рассыпанный в артефактах и интерпретациях современности? Какие уроки должно усвоить человечество, чтобы вступить в новое качество и чем обусловлено это качество? Миры прошлого накладываются друг на друга, входя в настоящее и вероятно уже зная свой путь в будущем.

«Говорящие» камни, соединяют тысячи историй и связей, сливающихся воедино, встречаются в настоящем. Есть мнение, что, проходя по историческим местам, мы можем общаться с предками и можем вызвать воспоминания, связанные с этим пространством. Такое восприятие происходит посредством нашего тела, воспринимающим окружающую среду, входя в историю, соединяя прошлое со своим настоящим и взывая к будущему, становясь этой историей вместе с камнями былых эпох, с оставленными следами. Оставляя следы, человек стремится увековечить или «обудуществовать прошлое» [1, с. 6]. Следы обычно – это остатки умершего прошлого, и исчезнувших связей, но семиотика в каком-то смысле – восстановление связей. Из оставленных следов мы ищем знаки, через которые к нам доходит прошлое. Археологи, палеологи, палеографы, этнографы – ищут следы, а потом должны понять, что эти следы – знаки, и потом попытаться разгадать их значение. Многие смыслы утрачиваются, но и восстанавливаются через реконструкцию, через творческий процесс. Артефакты: черепки, украшения, остатки одежды, положение могил, их наполнение – все это помогает восстановить цельную картину. Наше абстрактное воображение с конкретным применением осмысленных культурных метафор, знание, полученное в этнографии, дает понимание археологических находок, приближая нас к людям древности, соединяя и связывая. Когда мы видим камень, в мыслях он относит нас к другому, ведь этот камень может быть знаком, который отсылает нас к чему-либо. Материальные предметы – это знаки, благодаря которым прошлое оживает. Является

ли знак вещью? Нет, вернее, не только. Знаком может быть и вещь, и музыка, и запах, а также ощущение в теле, которое не связано с каким-то конкретным органом чувств в нашей культуре. Но может быть артикулировано в иных культурах.

Знаки прошлого – это загадка, которая волнует и которую хочется разгадать. Смысл складывается из комбинации знаков, рекурсивной системы, где знак отсылает к знаку. Мы оживляем память, возвращая исторические находки в коллективную память, делая ее частью окружающей среды. Это происходит не всегда. Фаллибилизм возможен, иногда – неизбежен. Но память необходимо оживлять. И биосемиотика помогает увидеть жизнь там, где ее, казалось бы, нет, это взгляд на мир как на организм, на саму жизнь. Биосемиотика про умение создавать знаки и работать с ними интенционально.

Список литературы

1. Буллер А. Следы и слои времени. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
2. Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: https://reset-bureaucracy.sfedu.ru/Neretina/Tropes_and_concepts/1.htm (дата обращения 01.06.2024).
3. Ingold T. The Perception of the Environment. New York.: Taylor & Francis e-Library, 2002.

ДОСТАТОЧНО ЛИ ОНТОЛОГИИ ТЕОРИИ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ МЕТАФИЗИКИ?

Терехович В. Э.

*Кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: v.terekhovich@gmail.com*

Аннотация. Доклад продолжает дискуссию по вопросу: может ли классическая метафизика объяснять научные теории или наука способна создавать свои метафизические концепции? В современной аналитической философии вокруг этой проблемы сложилось два лагеря: сторонники метафизики науки и сторонники научной или натурализованной метафизики. Оба течения имеют слабые и сильные стороны, а из их противостояния можно извлечь ряд полезных уроков. Особое внимание в докладе я уделяю метафоре «ящика инструментов», которые философы науки могут получать из арсенала классической метафизики. Использование таких инструментов связано со сложностями. Метафизическая программа обычно представляет собой внутренне согласованную систему. Другая сложность вызвана ограничениями, налагаемыми структурой самой научной теории. Я подчеркиваю, насколько полезно различать язык онтологии научной теории и язык метафизики, на которой ее пытаются построить. Одна из причин возникающих трудностей в том, что и метафизика науки, и натуралистическая метафизика никогда не работают с самими научными теориями, а лишь с их онтологиями. В качестве иллюстрации приведены примеры того, как сторонники научной метафизики пытаются опираться исключительно на онтологию научной теории.

Ключевые слова: онтология теории, натурализованная метафизика, философия науки, метафилософия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>. The research was supported by RSF (project № 22-18-00450).

IS THE ONTOLOGY OF THEORY ENOUGH FOR THE CONSTRUCTION OF SCIENTIFIC METAPHYSICS?

Terekhovich V.E.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Research Fellow

HSE University, Moscow

E-mail: v.terekhovich@gmail.com

Abstract. The report continues the discussion on the question of whether classical metaphysics can explain scientific theories or is science capable of creating its own metaphysical concepts? In modern analytical philosophy, two camps have developed around this problem: supporters of the metaphysics of science and supporters of scientific or naturalized metaphysics. Both camps have strengths and weaknesses, and a few useful lessons can be learned from their opposition. In my report, I pay special attention to the metaphor of a “toolbox” that philosophers of science can obtain from the arsenal of classical metaphysics. Using such tools is challenging. A metaphysical program is usually an internally consistent system. Another difficulty arises from the limitations imposed by the structure of the scientific theory itself. I emphasize how useful it is to distinguish between the language of the ontology of a scientific theory and the language of the metaphysics on which it is attempted to be constructed. One of the reasons for the difficulties that arise is that both the metaphysics of science and naturalized metaphysics never work with scientific theories themselves, but only with their ontologies. As an illustration, examples are given when proponents of scientific metaphysics try to rely solely on the ontology of a scientific theory.

Key words: ontology of theory, naturalized metaphysics, philosophy of science, metaphilosophy.

Отрицание метафизики часто ведет к созданию новой метафизики. В последней четверти прошлого века концепции множества возможных миров стали одной из центральных идей «мейнстримовой» аналитической метафизики [1]. И до недавнего времени ее сторонники не особо интересовались связями с наукой. Параллельно в рамках философии науки развивалась дискуссия об истинности научных теорий и существовании теоретических объектов. Защитники научного реализма все чаще стали использовать понятия и концепции, исторически считавшиеся сферой метафизики (закон, причинность, модальность, идентичность, миры и т.д.). Похоже, что в последние пару десятилетий угроза кризиса внутри каждого из этих двух течений подталкивает их к движению навстречу друг другу. В результате снова актуальным становится вопрос, казалось бы, ушедший из академической дискуссии, метафизика нужна для объяснения науки или наука способна создать свою метафизику?

В современной аналитической философии сложилось два лагеря [2]. Лагерь «метафизиков», занимаясь метафизикой науки считает, что основные понятия классической или «чистой» метафизики можно обогатить, проиллюстрировать или даже обосновать примерами из научных теорий. Например, сторонники дуалистических концепций сознания или специалисты по модальной метафизике могут спокойно использовать модели некоторых интерпретаций квантовой теории, а сторонники этернализма в метафизике времени опираться на аргументы из специальной теории относительности.

В лагере «философов науки» почувствовали в этом угрозу посягательства на их территорию и предложили альтернативу – *научную или натурализованную метафизику*, согласованную с современными научными теориями. Раздались голоса, требующие вообще прекратить метафизику, в чем-либо противоречащую науке. Казалось бы, их претензии вполне обоснованы – кабинетные метафизики продолжают говорить на языке классической физики (тел, эвклидова пространства, универсального времени, сил, однозначной причинности, объективного наблюдения), хотя все это не соответствует современной научной картине мира. Почти как метафизику Аристотеля в XVII веке, так же и современную метафизику, пытающуюся что-то утверждать о законах природы, возможных мирах или о дуалистической природе сознания, легко поймать на догматизме и схоластики.

Мой тезис состоит в том, что метафизика науки и натурализованная метафизика имеют как слабые, так и сильные стороны, а из анализа их противостояния можно извлечь ряд полезных уроков.

Урок первый. *Метафизика науки* может служить противовесом от скоропалительных, упрощенных и часто наивных метафизических обобщений, в изобилии рождаемых философами науки на базе частных онтологий научных теорий. *Натурализованная метафизика* со своей стороны

способна эффективно ограничивать классическую метафизику, «приземляя» ее и охраняя от научного анахронизма.

Урок второй. В лагере сторонников *натурализованной метафизики* растет понимание, что дискуссия вокруг научного реализма невозможна без метафизического прояснения вопроса о реальности. Как подчеркнул А. Чакравартти: «Человек не может полностью оценить, что значит быть реалистом, пока у него не будет четкого представления о том, в чем его приглашают быть реалистом» [3, р. 26]. Именно метафизика обладает эвристической ценностью и может служить практически неиссякаемым источником идей, понятий и моделей, а также образцом рассуждения и аргументации.

Поскольку понимание и объяснение так и остались главными проблемными точками разнообразных позитивистских программ, грамотное применение арсенала метафизики способствует более глубокому пониманию не только онтологий конкретных научных теорий, но и построения связного мировоззрения. Френч и Маккинзи предложили даже метафору «ящика инструментов», которые философы науки могут получать из разных областей пространства возможностей, предоставляемого чистой метафизикой [4].

Третий урок как раз и состоит в том, что у подобного набора метафизических «инструментов», при всей их полезности, есть свои слабые места. Одна из трудностей состоит в том, что любая метафизическая программа представляет собой сложную внутренне согласованную систему, и использование одной ее части без учета других неизбежно ведет к объяснительным провалам и противоречиям. Еще хуже, когда такие «инструменты» берутся из не согласованных друг с другом метафизических концепций.

Другая трудность связана с ограничениями, налагаемыми структурой самой теории, в т.ч. ее определениями, аксиомами и формализмом. Жесткая ориентированность натурализованной метафизики на науку вынуждает ее сторонников подстраиваться под теории, признаваемые научным сообществом в данный момент, подгоняя метафизические понятия, аксиомы и принципы под конкретную онтологию научной теории. Выбор же этой онтологии теории часто зависит от личных пристрастий конкретного философа.

Для внесения ясности в эту дискуссию полезно различать язык онтологии научной теории и язык метафизики, с которой ее пытаются связать. Дело в том, что и метафизика науки, и натуралистическая метафизика никогда не работают с самими научными теориями, а только с их онтологиями.

Очевидно, что основные болевые точки научного реализма (несоизмеримость, пессимистическая метаиндукция, теоретическая нагруженность, ненаблюдаемость объектов, недоопределенность теории опытными данными и недоопределенность метафизики онтологией) связаны в первую очередь с онтологиями теорий. Причем попытки вывести из онтологии какой-либо теории собственную метафизику, а тем более подогнать уже готовую метафизическую концепцию под онтологию теории лишь порождает новые проблемы.

Под онтологией научной теории в данном контексте я понимаю (в духе Куайна и Ван Фраассена) утверждения о том, какие объекты теории постулируются как существующие. Природа этих сущностей не имеет значения, они могут быть ненаблюдаемыми или сводиться к математическим символам. Онтология теории не ставит целью объяснять, понимать и отвечать на вопрос почему? Достаточно постулировать существование объектов теории (квантовые поля, черные дыры, темная материя, 4-мерное пространство-время) и динамический закон их изменения.

Метафизика, напротив, заботится о понимании того, насколько фундаментальны эти сущности, в каком пространстве и времени они существуют, каков характер их причинного взаимодействия (или его отсутствия) с сущностями онтологий других теорий. Метафизика интересуется, почему эти сущности возникают и исчезают, почему их нельзя наблюдать и в какой степени утверждения о них истинны.

Если онтология теории ограничена определенными типами сущностей и явлений, то метафизика распространяет свои притязания на более широкие области природы. Если онтология теории зависит от аксиом, определений, математического формализма и способов экспериментальной проверки (все это части теории), то метафизика не имеет таких обязательств. Если онтология теории принимает человека как внешний познающий субъект, случайного влияния которого надо всячески избегать, то для метафизики роль субъекта неустранима.

Перечисленные выше трудности возникают при попытке *научной метафизики* опираться только на онтологию научной теории. Наглядным примером служит дискуссия между сторонниками онтического структурного реализма. Их стремление отказаться от существования объектов в пользу структур сталкивается с трудностью объяснения причинности в этих структурах. И эту проблему не получается решить, оставаясь в рамках научных теорий. Причем ссылки на квантовую физику

не проясняют ситуацию. Дело в том, что сторонники как метафизики науки, так и натурализованной метафизики, лишь частично опираются на формализм теории, не решаясь принять ту или иную ее интерпретацию, хотя именно от принимаемой версии онтологии квантовой механики и квантовой теории поля критическим образом зависит вся дальнейшая аргументация [5].

Другой пример дает множество попыток обобщения онтологии квантовой теории Эверетта до метафизической многомировой концепции. Из анализа этих попыток Арройо и Арэнхарт делают вывод, что свойства множества миров «представляют собой главным образом описание в физических и онтологических терминах, а не в метафизических терминах» [6]. Я же, наоборот, считаю, что любая такая попытка всегда связана с выходом за рамки онтологии квантовой теории, поскольку для нее в принципе не существует метафизических вопросов о характере существования ветвей-миров или о статусе отношений с ними человека-наблюдателя.

Полагаю, что сегодня в рамках метафилософии одной из самых интересных тем может быть исследование того, в какой именно степени лагерь метафизиков и лагерь философов науки могут помочь друг другу в прояснении вопроса отношений науки и метафизики.

Список литературы

1. Лакс М.Дж., Бутаков П.А. Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 5-15.
2. Guay A., Pradeu T. Right out of the box: How to situate metaphysics of science in relation to other metaphysical approaches // Synthese. 2020. Vol. 197(5). P. 1847-1866.
3. Chakravartty A. A metaphysics for scientific realism: Knowing the unobservable. Cambridge University Press, 2007.
4. French S., McKenzie K. Thinking outside the toolbox: Towards a more productive engagement between metaphysics and philosophy of physics // European journal of analytic philosophy. 2012. Vol. 8 (1). P. 42-59.
5. Терехович В.Э. Структуры, объекты и реальность. Часть 1 // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. №. 3. С. 166-184.
6. Arroyo R., Arenhart J. Whence deep realism for Everettian quantum mechanics? Foundations of Physics. 2022. Vol. 52. 121.

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫХ РЕСУРСОВ АРКТИКИ: ИССЛЕДОВАНИЯ АРХИПЕЛАГА НОВАЯ ЗЕМЛЯ В 1920-Е ГГ.

Филиппова Т.П.

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований
Федеральный исследовательский центр Коми научный центр Уральского отделения РАН
E-mail: tanya.tatiana-fil@yandex.ru*

Аннотация. На основе обширного круга архивных и опубликованных источников рассматривается деятельность научных учреждений СССР в 1920-е гг., направленная на изучение арктического архипелага Новая Земля. Ключевое внимание сосредоточено на вопросах постановки систематических геологических изысканий, как приоритетного направления в познании Новой Земли в этот период, обусловленного необходимостью изучения ресурсного потенциала архипелага в связи с экономическими потребностями страны и защите ее геополитических интересов в Арктике. Рассматриваются основные результаты экспедиционных исследований Российской академии наук, Северной научно-промышленной экспедиции, Геологического комитета, осуществленные в 1920-е гг. Особое внимание уделяется деятельности Новоземельской подкомиссии, работавшей при Полярной комиссии РАН в 1922–1923 гг. Анализируется совместная работа представителей научных учреждений в рамках работы подкомиссии с целью выработки первой научной программы изучения Новой Земли.

Ключевые слова: Новая Земля, геологические исследования, экспедиции, Геологический комитет, Северная научно-промышленная экспедиция, Российская академия наук.

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MINERAL RESOURCES OF THE ARCTIC: STUDIES OF THE NOVAYA ZEMLYA ARCHIPELAGO IN THE 1920S.

Fillipova T.P.

*CSc in History, senior researcher of department of humanitarian interdisciplinary researches
Federal Research Centre «Komi Science Centre of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences»
E-mail: tanya.tatiana-fil@yandex.ru*

Abstract. Based on an extensive range of archival and published sources, the activities of scientific institutions of the USSR in the 1920s are being considered, aimed at studying the Arctic Archipelago of Novaya Zemlya. Key attention is focused on the issues of setting systematic geological surveys as a priority in the knowledge of Novaya Zemlya during this period, due to the need to study the resource potential of the archipelago in connection with the economic needs of the country and the protection of its geopolitical interests in the Arctic. The main results of expeditionary research of the Russian Academy of Sciences, the Northern Scientific and Commercial Expedition, the Geological Committee, carried out in the 1920s, are considered. Special attention is paid to the activities of the Novozemelskaya subcommittee, which worked under the Polar Commission of the Russian Academy of Sciences in 1922-1923. The joint work of representatives of scientific institutions in the framework of the work of the subcommittee is analyzed in order to develop the first scientific program for the study of Novaya Zemlya.

Keywords: New Earth, geological research, expeditions, Geological Committee, Northern Scientific and Commercial Expedition, Russian Academy of Sciences.

Арктический архипелаг Новая Земля издавна привлекал промышленников и ученых возможным наличием ценных природно-сырьевых ресурсов. На протяжении истории российская наука накопила богатый исторический опыт исследований Новой Земли, анализ которого представляет сегодня большой интерес в связи с вектором государства на усиление внимания к проблемам будущего развития районов Крайнего Севера России.

Начало научных исследований Новой Земли было положено в кон. XVIII – нач. XIX вв., когда с целью поисков месторождений полезных ископаемых и картирования островов, сюда направлялись первые исследовательские экспедиции (Ф. Розмыслов, Ф.П. Литке, П.К. Пахтусов, К.М. Бэр, А.К. Циволька и др.). В 1895 г. состоялась экспедиция на Новую Землю под руководством сотрудника Геологического комитета Ф.Н. Чернышева. Ученым было составлено первое общее представление о геологическом строении архипелага [1]. На рубеже XIX–XX вв. Новая Земля по-прежнему оставались малоисследованной территорией, ее изучение продолжалось в рамках единичных экспедиций (А.А. Борисов, В.А. Русанов, А.В. Иванов, А.А. Свицын и др.).

Начавшиеся Первая мировая война и революционные события в России ослабили внимание государства и ученых к арктическому архипелагу. Исследования возобновились только в нач. 1920-х гг. Стремление советского правительства вывести страну из экономического кризиса обратило его пристальные взоры на использование природных недр Севера и Арктики. Однако сложная экономическая ситуация в стране в 1920-е гг. заметно сдерживала усилия властей к изучению полярных областей. В этот период инициативная роль в познании Новой Земли принадлежала научному сообществу, которое формулировало ключевые задачи в изучении и освоении архипелага и продвигало эти идеи в жизнь.

Вопрос о начале планомерного научного изучения Новой Земли в целях защиты интересов страны в Арктике был поставлен в 1921 г. руководителем Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ Р.Л. Самойловичем [2, л. 1]. Данная инициатива нашла поддержку среди властей Северного края. Летом 1921 г. на Новую Землю под руководством ученого был направлен исследовательский отряд, целью которого стал поиск каменноугольных месторождений на Новой Земле для решения топливной проблемы Северного края. Экспедиции удалось обнаружить признаки каменного угля на южном и северном побережьях Крестовой губы [3, с. 14]. В 1921 г. исследовательскую деятельность на Новой Земле возобновил и Геологический комитет. Экспедиции под руководством геолога Б.К. Лихарева при осмотре западного побережья Северного и Южного острова удалось обнаружить каменный уголь у мыса Крестового и в Южной Сульменевой губе. Ученым Геолкома и Севэкспедиции не удалось выявить коренных залегающих угля на Новой Земле, тем не менее, результаты этих поездок

имели важное значения для привлечения внимания правительства к ресурсному потенциалу арктического архипелага.

В течение 1922 г. российскими учеными был предпринят ряд инициатив, которые предлагали дальнейшие шаги в деле освоения Новой Земли. Большую обеспокоенность ученых вызывала активная исследовательская и промысловая деятельность на Новой Земле других стран. Ярким тому примером стала норвежская экспедиция под руководством О. Хольстедаля, которая летом 1921 г. провела на островах геологические исследования и поиски полезных ископаемых [4].

24 октября 1922 г. на заседании Комитета по научным исследованиям при Госплане СССР акад. А.Е. Ферсман поднял вопрос о необходимости скорейшего возобновления исследований Новой Земли, в связи с присутствием на ней иностранцев, подчеркивая общегосударственное значение познания архипелага. Севэксспедиция возбудила ходатайство перед Президиумом Госплана СССР о потребности развернуть на Новой Земле научную базу, Главное гидрографическое управление подняло вопрос о необходимости заселения Новой Земли и постройке радиостанции в Маточкином Шаре.

Несмотря на финансовые трудности, правительство СССР в конце 1922 г. взяло курс на расширение присутствия на Новой Земле. Результатом стало принятие постановления, которое предполагало активизацию процесса заселения архипелага, постройку двух радиостанций на Новой Земле (Маточкин Шар и мыс Желания), а также организацию научной базы на западном побережье. Руководство всеми научными работами на архипелаге поручалось Российской Академии наук [5].

25 ноября 1922 г. в составе Полярной комиссии была создана специальная Новоземельская подкомиссия, в состав которой вошли представители ведущих научных организаций, занимающиеся проблемами Севера (Главное гидрографическое управление, Севэксспедиция, Геологический комитет, Российский гидрологический институт и др.). Целями созданного ведомства являлись выработка первой научной программы изучения Новой Земли и координирование исследовательской работы. В рамках совместной работы ученые (А.Е. Ферсман, Р.Л. Самойлович, М.А. Лаврова, Б.Н. Городков, Н.А. Кулик, Н.В. Пинегин, Б.К. Лихарев, В.Ю. Визе и др.) обменивались мнениями о приоритетах в изучении территории архипелага, обсуждали планы работ и вопросы взаимодействия. Анализ сохранившихся протоколов заседаний Новоземельской подкомиссии свидетельствует, что усиленное внимание уделялось вопросам изучения геологии островов, что было связано с необходимостью поиска полезных ископаемых для развития транспорта и промышленной индустрии страны. Ученые считали, что для детального изучения Новой Земли необходима организация большой комплексной экспедиции. Финансирование столь обширного мероприятия могло взять на себя только государство. Однако правительство профинансировало на 1923 г. лишь постройку радиостанции в восточной части Маточкиного Шара. Научные ведомства продолжили проведение небольших экспедиций на Новой Земле за свой счет. В полевой сезон 1923 г. было организовано значительное количество научных работ на архипелаге. Несомненно, этому способствовало объединение усилий ученых в рамках единого научного центра. В ходе геологических изысканий летом 1923 г. учеными Севэксспедиции, Геологического комитета, Академии наук был собран материал, значительно дополняющий имевшиеся сведения о Новой Земле. Обсуждая итоги состоявшихся экспедиций, ученые отмечали, что для детального познания ресурсного потенциала Новой Земли необходимо развернуть стационарную работу и разработать единый план исследований [6, л. 2-8].

В конце 1923 г. Новоземельская подкомиссия приступила к разработке большого пятилетнего плана научных исследований архипелага. На заседаниях обсуждались проекты работы научных организаций. Разработанная программа предполагала широкий круг изысканий архипелага (гидрографическое описание побережий, изучение биологии вод, метеорологические наблюдения, промысловые, зоологические и биологические исследования). Значительную часть плана исследований Новой Земли составляли геологические изыскания. Совместными усилиями ученых предполагалось за пять лет изучить большую часть территории архипелага, распределив районы работ: Академии наук (Северный остров), Северная научно-промысловая экспедиция (восточное побережье Южного острова), Геолком (Южный остров) [7].

Разработанный членами подкомиссии план утвержден не был. В декабре 1923 г. Новоземельская подкомиссия была упразднена. Дальнейшее решение вопросов изучения Новой Земли предполагалось продолжать в рамках работы Полярной комиссии РАН. 3 февраля 1924 г. пятилетняя программа изучения Новой Земли была согласована и одобрена Полярной комиссией РАН. В рамках нее продолжилась работа научных учреждений СССР на архипелаге. Однако финансовые трудности вынудили ученых сократить работы уже на летний сезон 1924 г. В последующие годы геологические изыскания на Новой Земле были продолжены Севэксспедицией (с 1925 г. – Научно-исследовательский институт по изучению Севера). Несмотря на сложный период реорганизации учреждения, ученым

удалось осуществить экспедиции на архипелаг в 1924 г., 1925 г. и 1927 г., продолжив геологические исследования островов с целью составления детальных карт и поисков полезных ископаемых [8]. В рамках реализации совместной программы исследований Новой Земли экспедиционную деятельность на Новой Земле осуществляли ученые Академии наук. В результате экспедиций 1925 г. и 1926 г. были впервые получены детальные сведения о центральной части Северного острова Новой Земли [9].

Важной составляющей нового этапа научного освоения арктических территорий, который пришел на 1920-е гг., стала инициативная деятельность российского научного сообщества, поставившего вопросы о необходимости наращивания присутствия страны на арктических рубежах. Значительное внимание ученых уделялось изучению ресурсного потенциала Новой Земли. Совместными усилиями Российской Академии наук, Северной научно-промысловой экспедиции, Геологического комитета были собраны новые уникальные сведения о геологическом строении и полезных ископаемых архипелага. В основу этих изысканий был положен первый разработанный научный план изучения Новой Земли, который содержал четкие задачи в познания архипелага, что свидетельствует о начале его планомерных исследований в 1920-е гг. Знакомство с этим опытом важно для реализации современных актуальных задач в дальнейшем освоении Арктики.

Список литературы

1. Чернышев Ф.Н. Новоземельская экспедиция 1895 г. // Известия Русского географического общества. 1896. Т. XXXII. Вып. I. С. 1–26.
2. ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп.1. Д. 2. Л. 1.
3. Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып. 14: Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г. СПб., 1922. 95 с.
4. Хольтедаль О. О научной экспедиции на Новую Землю // Известия РАН. VI серия. Т. XV. 1921. С. 152–154.
5. Фонды ААНИИ. Д. Р-1719. Л. 42.
6. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп.1. Д. 80.
7. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 91.
8. Новая Земля. Экспедиция 1921–1927 гг. под начальством Р.Л. Самойловича // Труды Института по Изучению Севера. Вып. 40. М., 1929. 360 с.
9. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп.1. Д. 132.

РЕЛЯТИВИЗМ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ И НЕЭМПИРИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ТЕОРИИ

Фурсов А.А.

*Кандидат философских наук, научный сотрудник Кафедры философии и методологии науки Философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: a-lexx555@yandex.ru*

Аннотация. Принято считать, что во второй половине XX века философия науки столкнулась с двумя серьезными релятивистскими вызовами: со стороны исторического релятивизма Т. Куна и П. Фейерабенда и онтологического релятивизма У. Куайна. Тем не менее, задолго до становления так называемой пост-позитивистской философии науки большое значение при оценке естественнонаучных теорий играли неэмпирические критерии оценки научных теорий. Роль этих критериев только повысилась в связи с переходом современной фундаментальной физики в состояние «экспериментальной невесомости». В рамках данного доклада на примере развития методологии естественных наук будет обосновано существование фундаментальной формы релятивизма в философии науки, которая является неизбежным следствием необходимости ученых обращаться к неэмпирическим критериям оценки теорий.

Ключевые слова: неэмпирические критерии оценки научных теорий, исторический релятивизм, онтологический релятивизм, принцип относительности физической

геометрии, принцип простоты, «экспериментальная невесомость» теории, «вывод к наилучшему объяснению», «пифагореизм» в современной физике.

RELATIVISM IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE AND THE PROBLEM OF NON-EMPIRICAL CRITERIA OF THEORY EVALUATION

Fursov A.A.

CSc in Philosophy, Research Fellow of Department of Philosophy

M.V. Lomonosov Moscow State University

E-mail: a-lexx555@yandex.ru

Abstract. According to widely accepted tradition in the second part of XX century philosophy of science faced two major relativistic challenges: from historical relativism of T. Kuhn and P. Feyerabend and ontological relativism of W. Quine. Nevertheless, long before the rise of so-called post-positivistic philosophy of science the non-empirical criteria of scientific theory evaluation became pivotal. The impotence of such criteria has only increased because of the modern fundamental physics switching to the stage of “experimental weightlessness”. I claim that the analysis of scientific methodology evolution will reveal the fundamental form of relativism in the philosophy of science which is caused by the necessity to turn to non-empirical criteria of theory evaluation.

Keywords: non-empirical criteria of theory evaluation, historical relativism, ontological relativism, relativity of physical geometry, principle of simplicity, “experimental weightlessness” of scientific theory, “inference to the best explanation”, “pythagoreanism” in modern physics.

Введение. Релятивизм принято считать продуктом так называемой пост-позитивистской философии науки. Общепринятой является точка зрения, согласно которой становление релятивистской философии науки исторически оказалось реакцией на длительное доминирование идей логического позитивизма. Двумя главными релятивистскими вызовами, согласно хрестоматийному прочтению истории философии науки, оказался исторический релятивизм (линия Т. Куна, Н. Хэнсона и П. Фейерабенда) и онтологический релятивизм (линия У. Куайна). Ответом на популярность релятивистской философии науки стало возникновение и развитие научного реализма в его различных вариациях. Приблизительно такую картину развития философии науки можно встретить в большинстве учебников и исследований по истории философии науки.

Данная статья преследует две основные цели: 1) показать поверхностный характер подобного хрестоматийного прочтения истории философии науки; 2) выявить фундаментальные основания для релятивизма в философии науки, которые связаны с важностью неэмпирических критериев оценки научного знания.

Тезис о недоопределенности теории опытом. Важность неэмпирических критериев оценки научного знания является прямым следствием тезиса о недоопределенности теории опытом. Эпистемологически данный тезис восходит к критическим идеям Д. Юма, который показал, что никакой конечный опыт не способен обосновать всеобщий и необходимый характер закона причинности. Методологически он был оформлен в работах П. Дюгема, которому удалось показать, что холистский подход к системе физического знания делает невозможным проведение так называемого «решающего эксперимента». Поскольку научная теория принципиально недоопределена опытом, обращение к неэмпирическим критериям оценки теорий становится необходимым условием выбора между конкурирующими теоретическими описаниями. Подобного рода необходимость приобретает критический характер, когда между конкурирующими теориями существует отношение эмпирической эквивалентности. Почему же необходимость обращения к неэмпирическим критериям оценки теории является фундаментальным основанием для релятивизма в философии науки? Потому что сами эти критерии носят относительный характер и сильно разнятся в зависимости от методологических установок и философских предпочтений исследователей. Рассмотрим это на наиболее показательных примерах из истории и методологии естествознания.

Тезис об относительности геометрии и принцип простоты. Становление и развитие релятивистской физики поставило перед учеными проблему выбора «истинной» метрики физического пространства. В рамках решения данной проблемы был выдвинут тезис об относительности геометрии в философии физики, у истоков которого стояли А. Пуанкаре, Г. Рейхенбах и А. Грюнбаум. «Ни та, ни иная геометрия не может быть более, или менее истинна, та, или иная геометрия может быть только

более или менее удобна», - так лаконично сформулировал свою идею А. Пуанкаре [1, с. 41]. О чем же шла речь в том споре между А. Эйнштейном и А. Пуанкаре о выборе «правильной» метрики физического пространства? О том, какое теоретическое описание считать наиболее простым. И здесь два столпа теоретической физики принципиально разошлись в своем понимании того, какая теория является наиболее простой. Для А. Пуанкаре простота была связана с психологической наглядностью и приемлемостью (в силу чего он считал неизбежным сохранение евклидовой метрики в физике), в то время как А. Эйнштейн и его сторонники сочли более простым используемый математический формализм (теория тензоров).

В своей работе «Философия пространства и времени» Г. Рейхенбах формулирует тезис об относительности геометрии в виде теоремы θ : «Дана геометрия G^* , которой соответствуют определённые измерительные инструменты; мы можем вообразить универсальную силу F , воздействующую на эти инструменты таким образом, что реальной геометрией оказывается произвольно избранная геометрия G , тогда как наблюдаемые отклонения от G обязаны своим существованием универсальной деформации этих измерительных инструментов» [2, с. 51-52].

Впоследствии К. Поппер отметит фундаментальное расхождение во взглядах на природу одного из самых главных неэмпирических критериев оценки теории – критерия простоты. Если он, как сторонник фальсификационизма, трактует простоту как степень фальсифицируемости теории, то для конвенционалиста «понятие простоты в действительности оказывается частично эстетическим, частично практическим» [3, с. 134]. Итогом почти вековых попыток формализовать критерий простоты теории оказалось признание невозможности решить эту задачу однозначным способом.

Экспериментальная невесомость теории и неэмпирические критерии оценки научного знания. Особую роль неэмпирические критерии оценки теории приобретают в современной фундаментальной физике в связи с тем, что космологические теории и теория суперструн / М-теория находятся в стадии «экспериментальной невесомости». Данная проблема детально исследовалась отечественным логиком и философом науки Павленко А.Н. [4] В этой связи современные физики-теоретики, например, С. Вайнберг [5, с. 107-108], говорят о том, что «истинная» (но принципиально эмпирически непроверяемая теория) обязательно должна быть «красивой». Однако критерий «красоты», трактуемый современными физиками-теоретиками, в первую очередь, в математическом ключе, порождает феномен так называемого «пифагореизма» в современной физике [6, 7]. Многообразие различных «красивых» математических формализмов, о которых в своё время писал Р. Фейнман [8, с. 38-39], не избавляет физическую науку от необходимости эмпирической интерпретации. Возможным печальным итогом «эмпирической интерпретации» теории, находящейся в стадии «экспериментальной невесомости», может оказаться порождение новых «антихтонов» и прочих фиктивных (онтологически пустых) объектов.

Так, анализируя теорию суперструн с точки зрения неэмпирических критериев. Р. Дэвид приходит к неутешительным для реализма, но полностью поддерживающим релятивизм выводам [9]. На основании неэмпирических критериев оказывается возможно выдвинуть как аргумент в пользу реалистической, так и в пользу инструменталистской интерпретации теории суперструн. Так, аргумент «теоретической единственности» (отсутствие настолько же хорошо разработанных альтернатив для теории суперструн) говорит нам об «истинности» теории суперструн просто в виду отсутствия достойных конкурентов. Но при этом же аргумент дуальностей в теории суперструн приводит к существованию онтологических альтернативных интерпретаций теории, различающихся на планковских масштабах, но приводящих к эквивалентным картинам физической реальности, доступным эмпирической проверке.

Релятивистская ловушка для научного реализма. В философии физики второй половины XX века был выдвинут сильный тезис М. Бунге о том, что неэмпирические способы проверки физических теорий приоритетнее эмпирических проверок. В достаточно расплывчатых формулировках канадский философ науки наряду с эмпирической формой проверки теории выделяет три неэмпирических: метатеоретическую, интертеоретическую и философскую [10, с. 286-290]. Однако М. Бунге, занимающий экстравагантную позицию в вопросе о связи физики с философией, приходит в итоге к позиции научного реализма, что логически трудно согласуется с его исходным тезисом о приоритете неэмпирических проверок.

Для научного реализма большое значение имеет так называемая абдуктивная «программа вывода к наилучшему объяснению». Объяснительный потенциал теории для научных реалистов выступает индикатором её истинности. Иными словами, в ситуации наличия конкурирующих теорий, выбор между которыми на основании эмпирических критериев невозможен, в качестве «наиболее правдоподобной, или истинной» теории реалист призывает выбирать ту теорию, которая при этом даёт

наилучшее объяснение. В рамках такого концептуального хода проблема истинности теории фактически подменяется проблемой «наилучшести объяснения». Но способен ли научный реализм предложить однозначный критерий того, какое научное объяснение является «наилучшим»?

Критерий отсутствия ad-hoc аргументации при построении объяснительной схемы теории принимается и большинством антиреалистов, и не может носить достаточный характер «наилучшести объяснения», особенно в свете того, что статус ad hoc, как бы парадоксально это ни звучало, любая гипотеза в науке приобретает лишь post factum. Достаточно лишь вспомнить, что между выдвижением гипотезы нейтрино и его первой экспериментальной регистрацией прошло 23 года. Английский философ науки П. Липтон в своей работе «Inference to the best Explanation» выделяет два возможных критерия «наилучшести» объяснения: большее подтверждение теории эмпирическими фактами независимо от самой объяснительной ситуации, и такое объяснение, которое одновременно обеспечивает еще и лучшее понимание объясняемого явления. При этом сам П. Липтон справедливо отмечает, что оба эти критерия полностью противоположны друг другу [11, p. 61-63].

Заключение. Таким образом, современное естественнонаучное знание относительно дважды: с одной стороны, в силу недоопределенности теории опытом, с другой стороны, в силу относительности самих неэмпирических критериев оценки теории, которые ученые вынуждены задействовать в ситуации необходимости выбора теории на основании данных критериев.

Список литературы

1. Пуанкаре А. Наука и гипотеза // Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983. С. 5-152.
2. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. 2-е изд. стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 320 с.
3. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. 447 с.
4. Павленко А.Н. Принцип наблюдаемости, «Стадия эмпирической невесомости теории» (SEWT) и «конструктивный эмпиризм» (CE) // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2011. № 3. С. 8-21.
5. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. - М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Пенроуз Р. Путь к реальности, или законы, управляющие Вселенной. М., Ижевск: Институт компьютерных исследований. НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2007. 912 С.
7. Тегмарк М. Наша математическая Вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности. М.: Издательство АСТ: Corpus. 592 с.
8. Фейнман Р. Характер физических законов: Нобелевская и мессенджеровские лекции. М.: Издательство НЦ ЭНАС, 2004. 176 с.
9. David, R. Scientific Realism in the Age of String Theory // Physics and Philosophy. 2007. Vol.11. P. 1-35.
10. Бунге М. Философия физики. 2-е изд., стереотипное. - М.: Едиториал УРСС, 2003. 320 с.
11. Lipton P. Inference to the Best Explanation. London: Routledge and Kegan Paul, 1991. 204 p.

ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ, РЕЛИГИЯ И НИГИЛИЗМ: РУССКИЙ ПЕРЕВОД «СЛЕДОВ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ТВОРЕНИЯ» (1863)

Храмов А.В.

*Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН (Москва)
E-mail: a-hramov@yandex.ru*

Аннотация. Первой книгой об эволюции на русском языке стал перевод анонимного эволюционистского трактата «Следы естественной истории творения», опубликованный в 1863 году книгоиздателем А.Ф. Черениным, близким к революционному кружку ишутинцев. В Англии эта книга, яркий образчик викторианской научно-популярной литературы, получила скандальную известность и, на 15 лет опередив «Происхождение видов», проложила дорогу для теории Дарвина. В России же нигилистические круги попытались использовать «Следы» в материалистической пропаганде, хотя сам их автор, шотландский литератор Роберт Чемберс, был далек от

радикализма и пытался примирить эволюционизм с верой в Бога-Творца. Такая рецепция «Следов» в России была связана с тем, что их русский перевод был сделан Александром Пальховским не с английского оригинала, а с немецкого перевода, выполненного естествоиспытателем-радикалом Карлом Фогтом.

Ключевые слова: эволюция, дарвинизм, Роберт Чемберс, наука и религия, материализм, происхождение жизни.

EVOLUTION, RELIGION AND NIHILISM: THE RUSSIAN TRANSLATION OF “VESTIGES OF THE NATURAL HISTORY OF CREATION” (1863)

Khramov A.V.

CSc in Biological Sciences, Senior Researcher

A.A. Borisyak Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

E-mail: a-hramov@yandex.ru

Abstract. The first book on evolution in Russian was a translation of the anonymous evolutionary treatise “Vestiges of the Natural History of Creation,” published in 1863 by A.F. Cherenin, a publisher close to the revolutionary Ishutin circle. In England, this bestseller, originally published in 1844, paved the way for Darwin's theory. In Russia, nihilistic circles tried to put “Vestiges” into service of materialist propaganda, although its author, the Scottish writer Robert Chambers, was far from radicalism and sought to reconcile evolutionism with belief in God. This way of reception of “Vestiges” in Russia was due to the fact that its Russian translation was made not from the English original, but from a German translation by the radical naturalist Karl Vogt.

Keywords: evolution, Darwinism, Robert Chambers, science and religion, materialism, origin of life.

Переводчик «Следов», публицист и литератор Александр Михайлович Пальховский (1831-1907), родился в Тамбове в семье отставного прапорщика, в тот момент служившего в Тамбовской казенной палате. В 1832 году, спустя год после рождения Александра, его отец перешел в Военное министерство и получил место в Тамбовской комиссариатской комиссии. В 1841 году Пальховского-старшего перевели в Ставропольскую комиссариатскую комиссию, а еще год спустя назначили смотрителем Темнолесского военно-временного госпиталя, который был развернут недалеко от Ставрополя во время Кавказской войны. Возможно, именно под влиянием отца, работавшего в военном госпитале, Александр и решил учиться на врача. После окончания Ставропольской губернской гимназии в 1852 году его без экзаменов приняли на медицинский факультет Московского университета. Отучившись четыре курса, Пальховский оставил университет, чтобы посвятить себя публицистике и литературной критике.

В 1850-х годах Пальховский сотрудничал в периодических изданиях второго плана, таких как «Общезанимательный вестник», «Атеней», «Московский курьер», «Московский вестник». Красной нитью сквозь публицистику молодого Пальховского проходил женский вопрос, который в то время активно обсуждался в русском обществе. Пальховский подходил к этой проблеме как вульгарный материалист: «человек [есть] прежде всего животное, организм», - прямо декларировал он в одной из статей на данную тематику [1, с. 490], ставя в пример человечеству общественных насекомых. В своих ранних статьях Пальховский зарекомендовал себя сторонником эволюционизма. Так, рассуждая о системе органического мира, он писал: «насекомые не могли явиться раньше кольчатых животных. Следственно, производящая причина насекомых есть кольчатое животное. А потому, чтобы определить, что такое насекомое, мне нужно изучить, каким путем, какими превращениями кольчатое животное преобразовалось в насекомое» [2, с. 512].

В своих примечаниях к переводу «Следов» Пальховский также отстаивал эволюционистскую точку зрения, оппонировав Фогту, который первоначально настаивал на невозможности трансмутации видов и снабдил оригинальный текст Чемберса соответствующими возражениями. Пальховский аккуратно перевел примечания, в которых Фогт нападал на эволюционизм, но к каждому из них добавил свое контр-примечание, критикуя немецкого натуралиста за «ослепление мыслью о неизменности видов» [3, с. 191]. При этом Пальховский нередко ссылался на авторитет Дарвина: «замечка Фогта, как и все учение о неизменяемости видов, теряет свое значение с выходом в свет упомянутого выше сочинения Дарвина “On the origin of species”» [3, с. 170]. Но в остальном

Пальховский был вполне солидарен с Фогтом, разделяя его вульгарный материализм. «Одни только идиоты могут толковать об идеях, не зависящих от опыта» [3, с. 317], заявлял Пальховский, выражая надежду, что в будущем основой всех социальных наук станет антропология, «содержание которой почерпается из наблюдения над человеком как над одним из естественных явлений» [3, с. 7].

Имя Фогта, напечатанное крупным шрифтом на титульном листе перевода «Следов», должно было привлечь на эту книгу внимание русского читателя, особенно прогрессивной молодежи. Одновременно со «Следами» Пальховский перевел книгу Якоба Молешотта «Физиологические эскизы», которая впервые была опубликована на русском языке в том же 1863 году у того же издателя, А.Ф. Черенина. Поэтому можно сказать, что «Следы» шли в одной обложке с переводными сочинениями вульгарных материалистов и воспринимались в соответствующем контексте. Примечательно, что «Следы» в переводе Пальховского дважды становились объектом внимания «Русского слова», одного из важнейших печатных органов революционно-демократического движения: рецензию на эту книгу в «Русском слове» напечатал радикал Варфоломей Зайцев (как и Пальховский, недоучившийся студент-медик), также ее подробный обзор в другом номере журнала опубликовал публицист-народник Николай Шелгунов.

В отличие от «Происхождения видов», тематика которого не выходила за пределы зоологии и ботаники, в «Следах» эволюция рассматривалась в гораздо более широкой перспективе. В ней можно было найти сведения об образовании планет, о происхождении рас, разума, языков, цивилизации, подробный обзор палеонтологической летописи. Название, под которым «Следы» стали известны русскому читателю – «Естественная история мироздания» – вполне отражало универсальность их содержания. Фактически это была своего рода популярная естественнонаучная энциклопедия. Хотя и Пальховский, и авторы «Русского слова» рассматривали автора «Следов» прежде всего как предтечу Дарвина, русский перевод этого трактата имел и самостоятельное значение в глазах читателей. Об этом говорит тот факт, что его переиздали в 1868 году, хотя к тому времени «Происхождение видов» на русском было опубликовано уже дважды (в 1864 и в 1865 годах).

Эволюционизм и учение о самозарождении жизни, продвигавшиеся Чемберсом в «Следах», находили отклик у отечественных радикалов, но этого нельзя сказать о религиозных коннотациях книги. Ее страницы буквально пересыпаны упоминаниями о Творце, а эволюция понимается как «творение посредством законов» (creation by law) – такой образ действий, по мнению Чемберса, говорит о величии и премудрости Бога. Вместо того, чтобы собственноручно создавать новые виды живых существ на всем протяжении земной истории, Бог, как утверждает в «Следах», действовал гораздо мудрее, переложив эту задачу на законы природы и точно спланировав начальные условия для получения желаемого результата. Вслед за автором «Следов» этот аргумент уже в дарвиновскую эпоху подхватили христианские авторы и богословы, настроенные на компромисс с наукой. Так что «Следы» имели решающее значение не только для распространения эволюционистских идей как таковых, но и для возникновения теистического эволюционизма, то есть религиозно-философской доктрины, которая отождествляет процесс эволюции с божественным сотворением мира.

Пальховский явственно дистанцировался от попыток автора «Следов» осмыслить эволюцию в теистическом ключе. Хотя по цензурным соображениям Пальховский был вынужден убрать из перевода все антирелигиозные комментарии Фогта, он снабдил книгу собственными примечаниями, в которых в более завуалированной форме высказал свое негативное отношение к религии. Пальховский писал, что представление о разумности и целесообразности окружающего мира – это иллюзия нашего сознания, которое проецирует вовне свои собственные установки: «нет ничего удивительного, что человек находит в природе разум, он в этом случае походит только на тех беспамятных болтунов, которые передают вам от вас же слышанный рассказ и воображают, что сообщают неизвестную вам новость» [3, с. 142]. Утверждать, что в природе «есть сила, способная сознательно действовать согласно цели», могут лишь люди, «не знакомые с сущностью естественных явлений» [3, с. 141].

Как уже говорилось, первое издание «Следов» выпустил А.Ф. Черенин, и он же издавал журнал «Книжник», с которым Пальховский сотрудничал в 1865-1866 годах. Однако после покушения Д. Каракозова на Александра II, совершенного 4 апреля 1866 года, в доме и книжном магазине Черенина, при котором тот организовал библиотеку, были произведены обыски. В ходе них у Черенина, в частности, была изъята рукопись перевода запрещенного произведения Л. Бюхнера «Сила и материя», подготовленная революционером П.Г. Заичневским. Следствие установило, что в библиотеке Черенина регулярно собирались члены революционного кружка Н.А. Ишутина. В результате Черенину было пожизненно запрещено заниматься издательской деятельностью, а сам он был сослан в Пензу. Пальховского репрессии не коснулись, однако вскоре после этих событий он тоже

был вынужден сменить сферу деятельности, занявшись юриспруденцией и адвокатурой. В 1871 году он выступал со стороны защиты в процессе нечаевцев (революционер С.Г. Нечаев был близким другом писателя-народника Ф.Д. Нефедова, главного редактора черенинского «Книжника»).

Переплетение политического радикализма и эволюционных идей хорошо задокументировано для эпохи Регентства и ранней викторианской Англии [4]. Настоящее исследование показывает, что в России эволюционизм также активно эксплуатировался радикальными кругами в политических целях еще в додарвиновскую эпоху [5, 6]. Неудивительно, что впоследствии многие радикалы, такие как Д. Писарев, В. Зайцев, М. Антонович и Н. Ножин (последний был тесно связан с кругом Ишутина), принялись популяризировать уже теорию Дарвина. Русский перевод «Следов» был первой ласточкой этой идеологизации эволюционных идей, с самого начала воспринимавшихся как нечто большее, чем просто «чистая наука».

Список литературы

1. Пальховский А.М. Еще раз о женском труде. По поводу журнальных толков об этом вопросе // Атеней. 1858. № 5-6. С. 487–503.
2. Пальховский А. Озон // Общезанимательный вестник. 1858. №11. С.510–517.
3. Чемберс Р. Естественная история мироздания. М.: Черенин А., Ушаков А., 1863. 367 с.
4. Desmond A. The Politics of Evolution. Morphology, Medicine, and Reform in Radical London. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1989. 514 p.
5. Храмов А.В. Первая книга об эволюции на русском языке: перевод и рецепция «Следов естественной истории творения» в России // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13. №3. С. 28–56.
6. Khramov A.V. A forerunner of Darwin in service of nihilists: the translation and reception of Vestiges in Russia // The British Journal for the History of Science. 2023. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007087423000900>.

ПРОБЛЕМА НЕДООПРЕДЕЛЕННОСТИ, ТЕОРИИ СРЕДНЕГО УРОВНЯ И ЦВЕТ ПЕРЬЕВ ДИНОЗАВРОВ

Эртель И.И.

Младший научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
E-mail: ilyaehrtel@yandex.ru

Аннотация. Для научных теорий в «исторических» науках характерны две разные недоопределенности. Одна характеризует соотношение теории и данных опыта для «главной» подтверждаемой гипотезы. Другая характеризует соотношение теории и данных опыта для «вспомогательной» теории (теории среднего уровня), которая и придает значение тем эмпирическим данным, на которых и проверяется «главная» гипотеза. Классическое представление о взаимосвязи данных и объясняющей гипотезы (абдуктивное ретросказание, которое связывает наблюдаемые явления и гипотезы относительно ненаблюдаемых событий в прошлом) в случае теории «без дедуктивной систематизации данных» не может преодолеть затруднений, связанных с присутствием этих двух недоопределенностей. Мы полагаем, что обращение к концепции «общей причины» явления Г. Рейхенбаха даст возможность в данном случае положительно решить вопрос о выборе между двумя «эмпирически эквивалентными» теориями.

Ключевые слова: недоопределенность, теория среднего уровня, цвет динозавров, Д. Тернер, К. Клиленд, Г. Рейхенбах, К. Стэнфорд.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

UNDERDETERMINATION, MIDDLE RANGE THEORY AND THE COLOR OF DINOSAURS

Ehrtel I.I.

Junior Research Fellow

Institute of the Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

E-mail: ilyaehrtel@yandex.ru

Abstract. Scientific theories within “historical” sciences are characterized by two different underdeterminations. One characterizes the relationship between theory and data for the “main” hypothesis. The other characterizes the relationship between theory and data for the “auxiliary” theory (middle range theory), which gives meaning to those empirical data on which the “main” hypothesis is tested. The classical idea of the relationship between data and explanatory hypothesis (abductive retro-diction that connects observed phenomena and hypotheses about unobservable events in the past) in the case of a theory “without deductive systematization of data” cannot overcome the difficulties associated with the presence of these two underdeterminations. We believe that turning to the concept of the “common cause” of the phenomenon by G. Reichenbach will make it possible in this case to positively resolve the issue of choosing between two “empirically equivalent” theories.

Keywords: underdetermination, middle range theory, color of dinosaur, D. Turner, C. Cleland, G. Reichenbach, K. Stanford.

В свое время Кайли Стэнфорд сместил основной акцент в обсуждении проблемы недоопределенности теории данными с обсуждения возможного существования теории, эмпирически эквивалентной данной, на обсуждение невоспринятых альтернатив [1]. Рискнем предположить, что это был достаточно важный шаг в развитии современной философии естествознания. Тем более, что, судя по нашему опыту общения с научными сотрудниками (Новосибирский Академгородок – это крупный научный центр, где находятся более двадцати институтов СО РАН), сама идея «возможности эмпирически эквивалентного описания» не воспринимается ими как реальная ситуация. Различные теории (онтологии) всегда будут иметь разные предсказания (пусть даже пока еще не обнаруженные следствия), будут по-разному встраиваться в имеющийся массив знания. Именно на этом строится критика представления о «возможности эмпирически эквивалентного описания» (она рассматривается как идеальная, а не реально-практическая, ситуация соотношения теории и эмпирических данных), например, у Майкла Девитта и Ларри Лаудана [2]. Примечательно то, что книга К. Стэнфорда вышла в 2006 году, а уже в 2008 году произошло событие, которое позволяет, на наш взгляд, показать как реальная практика, сама история развития научного знания помогает наилучшим образом проинтерпретировать рассуждения К. Стэнфорда. Группа палеонтологов из Йельского университета опубликовала статью, посвященную анализу «окаменелых следов бактерий, разрушающих перо, ископаемых останков, найденных в формации Крато разлома Арарипэ в Бразилии» (место, где было найдено большое число останков динозавров): «Сравнение полученных данных со строением перьев живой птицы указывает на то, что останки содержат эумеланин-содержащие меланосомы [внутриклеточные органеллы пигментных клеток, которые синтезируют и хранят меланин]. Меланосомы и их распределение в ископаемых останках сохраняют цветовой рисунок в оригинальном пере» [3]. Таким образом, открывается возможность интерпретации цвета перьев вымерших динозавров. Потом были публикации в «Nature» и признание этого факта научным сообществом. Можно ли было до 2008 года считать концепцию сохранения меланосом и восстановления по ним цвета перьев динозавров собственно «невоспринятой альтернативой»? Предпосылки для проведения соответствующих экспериментов наверняка были, а сами технические вопросы – как провести эксперимент такого рода, наверняка были решены задолго до этого. Примечательно то, что в 2005 году Дерек Тернер, тогда еще не очень известный философ из Connecticut College, опубликовал статью «Локальная недоопределенность и историческая наука» в «Philosophy of Science», где буквально говорит: «мы знаем, что совокупность процессов преобразования погибших организмов в ископаемые уничтожает (destroy) информацию об окраске. Тафономия [раздел палеонтологии, изучающий закономерности процессов образования ископаемых остатков] говорит, что мы никогда не найдем никаких данных, которые позволят выбрать между эмпирически эквивалентными гипотезами» [4, p. 217]. В 2016 году он опубликует статью «Второй взгляд на цвет динозавров», где скажет: «мое предсказание, что мы никогда не найдем нужных данных, было эпистемической ставкой (bad epistemic

bet) против науки. До работ по сохранению меланосом у нас не только были все основания считать, что мы никогда не восстановим цвет динозавров, но и казалось невозможным, что мы когда-нибудь найдем релевантные эмпирические данные» [5, р. 62]. С точки зрения Д. Тернера, в том числе ссылающегося на К. Стэнфорда, вся эта ситуация должна помочь более аккуратно проинтерпретировать, казалось бы, давно сложившееся представление о недоопределенности теории данными.

На наш взгляд, вся эта ситуация, как минимум, заслуживает быть проинтерпретированной с точки зрения еще одного (и не только) парадигмального представления, – с точки зрения представления об относительном подтверждении научной теории. Мы полагаем, что в данном случае мы имеем дело не с одной недоопределенностью, характеризующей соотношение теории и данных опыта, – как можно было бы предположить, если бы речь шла, например, о научных теориях в физике. Здесь мы имеем дело с двумя разными недоопределенностями. Одна характеризует соотношение теории и данных опыта для «главной» подтверждаемой гипотезы – это гипотеза об окраске динозавров. Другая характеризует соотношение теории и данных опыта для «вспомогательной» теории (теории среднего уровня), которая и придает значение тем эмпирическим данным, на которых и проверяется «главная» гипотеза. Это гипотеза о том, что, сравнивая данные по строению пера у современных птиц и данные энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии (EDAX), с помощью которой анализировались ископаемые останки, мы действительно можем получить требуемые эмпирические данные для проверки «главной» гипотезы. Второй тип недоопределенности связан с вопросом о том, насколько мы можем доверять «вспомогательной» теории. Вполне возможно, что и здесь существует возможность своей «эпистемической ставки против науки». Ситуация осложняется тем, что и в случае «главной», и в случае «вспомогательной» теорий (в общем случае «вспомогательная» теория не обязана быть физической теорией с понятными и отработанными критериями достоверности) мы имеем дело с теориями «без дедуктивной систематизации данных». Это теории, в которых нет возможности (при прочих равных и с учетом оговорок при определении «теоретического» и «эмпирического», а также понимании «реального» и «идеального» представления знания) апеллировать к законам, к гемпелевской модели (и производным от нее моделям) объяснения и, конечно, к гипотетико-дедуктивной модели обоснования знания, – как к основной и чуть ли не единственной методологической схеме, закрепляющей связь теории и данных (с точки зрения физики) [6, с. 130]. Более того, палеонтология, в отличие от физики, является «исторической» наукой, одним из отличительных признаков которой, как убедительно показывает Кэрл Клиленд, является то, что эксперимент относительно теории играет другую роль. Она пишет: «сама идея делать предсказания и проверять их, отвечает логике проведения контролируемого лабораторного эксперимента, а в исторических науках связь между причиной и следствием настолько опосредована, что в лучшем случае, эксперимент нужен для того, чтобы обнаружить “явную улику” (smoking gun) в пользу той или иной связи причины и следствия» [7, р. 987]. Чем дальше от нас находится событие, тем причина наблюдаемого явления становится все туманнее и туманнее, т.к. конкретные «следы» исходного события теряются и распадаются на части, каждая из которых порождает свое множество теряющихся следов. И эксперимент, в лучшем случае, позволит на выхватить какой-то из этих «следов», который мы уже как-то теоретически привяжем к тестируемой «главной» теории. Соответственно, задача состоит в том, что нужно не только адекватно именно «историческим» наукам проинтерпретировать представление о недоопределенности с учетом того, что в общей схеме подтверждения у нас участвует теория среднего уровня, но и разобраться с тем, что в данном случае понимать под «объяснением», опирающимся на эмпирические данные, в ситуации, когда эмпирические данные служат подтверждению отдельных аспектов «общей теоретической схемы, характеристики которой дают возможность определить ее как “предельную”, с точки зрения идеала, который фиксирует физическая теория» [8, р. 57].

В докладе будет показано, что классическое представление о взаимосвязи данных и объясняющей гипотезы (абдуктивное ретросказание, которое связывает наблюдаемые явления и гипотезы относительно ненаблюдаемых событий в прошлом) в случае теории «без дедуктивной систематизации данных» не может преодолеть затруднений, связанных с присутствием двух различных недоопределенностей, характеризующих соотношение теории и данных для «главной» и «вспомогательной» теорий. Обсуждение предсказаний «главной» объясняющей исторической гипотезы может быть одним из критериев независимости взаимосвязи «данные - гипотеза» в модели относительного обоснования в том смысле, что может существовать разница между интерпретацией в рамках «вспомогательной» теории (теории среднего уровня) данных, которые используются для формулировки объясняющей гипотезы о прошлом, и интерпретацией данных, которые подтверждают

предсказания основной проверяемой гипотезы. При этом, можно говорить как о предсказаниях основной гипотезы, так и о предсказаниях самих теорий среднего уровня, которые, в том числе, потенциально могут приводить расширению нашего понимания механизмов, связывающих основную гипотезу и данные. В качестве примера рассматривается критика гипотезы К. Клеланд о «множественных последствиях» событий в прошлом (вариант концепции «эффекта рассеивания» причинности) с точки зрения концепции «общей причины» явления Г. Рейхенбаха.

Список литературы

1. *Stanford K.* Exceeding Our Grasp: Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives. Oxford University Press, 2006.
2. *Головко Н.В.* Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. II: Недоопределенность и (мета)индукция // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2007. Т. 5. № 2. С. 9-16.
3. *Vinther J., Briggs D., Prum R., Saranathan V.* The Colour of Fossil Feathers // *Biology Letters*. 2008. Vol. 4. P. 522-525.
4. *Turner D.* Local Underdetermination in Historical Science // *Philosophy of Science*. 2005. Vol. 72. P. 209-230.
5. *Turner D.* A Second Look at the Colors of the Dinosaurs // *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2016. Vol. 55. P. 60-68.
6. *Головко Н.В.* Естественная историческая установка: объективность вместо истинности. Рец. на кн.: *Turner D.* Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate (Cambridge University Press, 2007) // Сибирский философский журнал. 2022. № 4. С. 127-140.
7. *Cleland C.* Historical Science, Experimental Science, and the Scientific Method // *Geology*. 2001. Vol. 29. № 11. P. 987-990.
8. *Головко Н.В.* Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: преодоление логицизма // *Философия науки*. 2007. № 1. С. 33-69.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНОГО ПАРАДОКСА

Андрушак Н.А.

Аспирант

Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского

E-mail: andrushack@bk.ru

Аннотация. Зачастую, логикоориентированный подход в изучении научных парадоксов задаёт необходимость рассматривать их в пределах логической формы парадоксальности. Однако языка традиционной логики недостаточно, чтобы описать парадоксы науки, возникающие в пределах релятивистского подхода. В тоже время и способы разрешения логических парадоксов возможностями неклассических семантик подвергается критики, так как предполагает избавление от семантически замкнутых языков. В рамках данной работы, автором предлагается обособлять изучение логических и научных парадоксов, разделяя их по двум основаниям: система, в которой локализуется ошибка и содержательная значимость. Парадокс понимается как ошибка логического толка, когда она локализуется в системе научного знания, а также имеет содержательную значимость – мы говорим исключительно о научном парадоксе. Его же в свою очередь предлагается разделить на парадокс-противоречии, и парадигмальный. В первом случае мы имеем дело с противопоставлением теории и объективных данных о мире, или двух теорий. Во втором – несоответствие, вызванное разностью подходов к изучению в рамках парадигм.

Ключевые слова: научный парадокс, логический парадокс, противоречие, логическая ошибка, парадигма.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SCIENTIFIC PARADOX

Andrushchak N.A.

Graduate student

Crimean Federal University named V. I. Vernadsky

E-mail: andrushack@bk.ru

Abstract. Often, a logic-oriented approach to the study of scientific paradoxes makes it necessary to consider them within the logical form of paradoxicality. However, the language of traditional logic is not enough to describe the paradoxes of science that arise within the relativistic approach. At the same time, the methods of resolving logical paradoxes using the possibilities of non-classical semantics are subject to criticism, since they involve getting rid of semantically closed languages. Within the framework of this work, the author proposes to separate the study of logical and scientific paradoxes, dividing them on two grounds: the system in which the error is localized and the substantive significance. A paradox is understood as a logical error when it is localized in the system of scientific knowledge and also has substantive significance - we are talking exclusively about a scientific paradox. It, in turn, is proposed to be divided into paradox-contradictions and paradigmatic. In the first case, we are dealing with the opposition of theory and objective data about the world, or two theories. In the second, there is a discrepancy caused by the difference in approaches to studying within paradigms.

Key words: scientific paradox, logical paradox, contradiction, logical error, paradigm.

Одной из центральных проблем современного естествознания по праву может считаться появление «научных парадоксов» – проблема, которая преследует науку, начиная с XVII века, в наши дни приобретает неслыханные ранее масштабы. Уже в начале XX века переход к неклассической науке, который сам по себе был возможен вследствие открытий, не вписывающихся в научную картину мира

того времени, актуализировал проблематику парадоксов. Однако если ранее под научным парадоксом понималось несоответствие теории и действительности, то в этот период оказалось, что на некотором этапе мы получаем знания, вступающие в противоречие с предшествующими, но основанными на качественно иных объектах. И такое противоречие приводит не к голому отрицанию предшествующих знаний или мира, о котором они информировали человечество, как это было в эпоху классической науки, а к их локализации в конкретной объектной области. И сама теория предстает как соотношение взаимодополняющих частей. Очевидный пример – соотношение классической и квантовой механики.

Можно говорить о том, что научные парадоксы стали другими, во многом они стали соотноситься с определенной парадигмой. Как итог, в том числе и вследствие работы Т. Куна, научные парадоксы оказались своего рода маркером изменений в структуре научного знания. Последние годы всё чаще слышны тезисы о том, что наука вскоре перейдет на новый структурный уровень. Например, знания о вселенной и её возрасте, в 2023 году подверглись переосмыслению. Результаты, полученные благодаря работе космических телескопов, показали, что возраст вселенной, возможно, не соответствует установленным ранее границам. А это может изменить весь подход к изучению космоса [1]. Правда, стоит уточнить, что в приведенном примере, гипотеза построена для разрешения проблемы ранних галактик и черных дыр, мы получили ситуацию, когда фактически парадоксом, пытаются разрешить парадокс. Параллельно с этим, каждый год ученые всё чаще сталкиваются с парадоксами, и всё чаще подвергается сомнению нынешний научный подход. При этом примерно уже с 90-х годов XX столетия интерес философского сообщества к парадоксам угас. Вследствие чего видится необходимость провести актуальный философский анализ научных парадоксов, как особой формы парадоксальности, значимой для всей науки.

В философских кругах бытует мнение, что научных парадоксов не существует. Бесспорно, мы не можем говорить ни о какой онтологии парадокса, ведь то, что в пределах нашего разума понимается парадоксом, в самом мире таковым не является. Любая физическая закономерность, какой бы ни виделась нам парадоксальной, для мира есть суть. Поэтому научные парадоксы всегда рассматриваются через призму разума. Из чего и выходит логикоориентированный подход к их изучению. Как верно подмечает А. К. Сухотин: «парадокс обозначают операции мысли, которые не соответствуют правилам логики, и несмотря на то, что они произвольны (софизмы – исключение), обнаружить их можно только логическим анализом» [2, с. 40]. Однако получая в процессе научного познания объективные данные о мире, учёные сталкиваются с явлениями, которые получают название парадоксов, и форма которых существенно отличается от логических парадоксов, что может говорить о разной форме парадоксальности. Как говорил уже упомянутый А. К. Сухотин: «беспарадоксальных наук в настоящее время не существует. Фактически, наука и движется от парадокса к парадоксу. Это вехи, которыми обозначены ее взлеты. Но и падения тоже, поскольку выявление парадокса воспринимается вначале как наступление катастрофы, как развал искусно построенного здания» [2, с. 31]. В угоду каждому из подходов рассмотрения парадоксов, в рамках данной работы, под научным парадоксом мы будем понимать парадокс научного знания. Он же, в свою очередь, как и было сказано, имеет качественные и структурные отличия от логического парадокса.

Видимой проблемой логического подхода к анализу научных парадоксов выступает понимание его формы в классическом (логическом) смысле. В то время как, например, ранние научные парадоксы имели форму логического противоречия. Именно поэтому изначально следует разделить структуру логического и научного парадоксов. Мы предлагаем следующие свойства деления:

- 1) система, в которой локализуется ошибка.
- 2) содержательная значимость.

Парадокс, какой бы он ни был формы, всегда указывает на ошибку. Если то, что мы понимаем под ошибкой, локализуется в системе мышления субъекта, это логический парадокс. Если в системе строго научного знания – научный. Ошибка будет пониматься в логическом смысле как нарушение правильности умозаключения [3]. Однако изредка возможны научные парадоксы, для которых невозможно определить локализацию ошибки. Например, парадокс путешествия во времени, который говорит о невозможности отправиться в прошлое для влияния на своих предков в силу того, что это повлияет на твоё рождение, а как следствие, и на прошлое. Этот парадокс очень похож на любой из логических, так как формально сводится к самореференции. Однако именно отсюда и рождается второе свойство деления – содержательная значимость. Для логики не важно содержание самого парадокса, в то время как для науки оно основополагающее. В приведенном примере физики, рассматривающие парадокс, задумаются лишь о том, какая из возможных гипотез в описании этого процесса окажется верной. И даже уже существует два подхода, один из которых говорит

о невозможности влияния, а второй о том, что влияющий субъект окажется в другом мире. Это очень часто обыгрывается в научной фантастике.

Подводя итог по логическим парадоксам, можно их определить как ошибку в системе знания, для существования которого не имеет значение содержание. При этом, можно допустить, что все они имеют стандартную логическую форму – $A \leftrightarrow \neg A$. Парадокс Рассела, Всемогущего Бога, Лжеца, вероятно, каждый сведется к самореференции, их невозможно решить содержательным путём, и единственное что мы делаем – избавляемся от семантически замкнутых языков.

Для научных парадоксов наоборот, можно избавиться от логической ошибки средствами логики, однако это не будет иметь значения в силу значимости содержания. Мы можем, например, определять границы понятий, снимая логическую противоречивость, что не решит научный парадокс.

Дабы появилась возможность логического анализа научного парадокса, необходимо определить саму его структуру. Однако он не имеет одной-единственной формы, к которой всё сведется. Нам видится необходимость провести классификацию, в рамках которой для каждого вида установить свою структуру. Проанализировав историю развития парадоксов [4], под теми из них, которые в пределах данной работы понимаются нами как научные, можно выделить два основных вида:

1. Парадокс-противоречие. Самый классический вид, имеющий форму логического противоречия. Традиционно встречаются чаще всего. Их можно было бы назвать парадоксами классической науки (несмотря на то, что и сейчас они имеют место, чаще всего с ними сталкивались до появления релятивистского подхода). Этот вид парадоксов выражается в несоответствии теории и объективных данных. Либо же в несоответствии двух теорий. Вероятно, самый первый научный парадокс – фотометрический парадокс – имеет такую форму. В XVIII веке предполагалось, что вселенная равномерно заполнялась звездами, но тогда яркость неба, в том числе и ночного, должна соответствовать яркости солнечного диска. Мы имели дело с несоответствием теории и объективных данных о мире. Парадокс легко разрешился опровержением подхода равномерного распределения.

2. Парадигмальный парадокс. Несоответствие теории и объективных данных не указывает на парадокс-противоречие, если теория принимает разные значения истинности, для разной объектной области. Например, законы классической механики не работают в микромире. В то время как квантовые законы в макромире. Еще один пример – корпускулярно-волновой дуализм. Суперпозиция света приемлема в квантовой физике. В то время как в рамках классической механики данный подход опровергался как невозможный. Соответственно, парадигмальный парадокс имеет дело с теорией, которая считается ложной только в рамках заданного подхода, и разрешается с переходом на следующий уровень. Какие-то теории могут видаться ложными, потому что не произошла научная революция, и мы не имеем должного подхода.

С исторической позиции, рассматривая все разрешенные парадоксы, мы легко распределим их по этим видам. В то время как современные, актуальные парадоксы заранее невозможно определить как парадигмальные или противоречивые. Например, мы имеем дело с современной с проблемой – поглощением информации в черной дыре. Стивен Хокинг, описывая термодинамику черных дыр, допустил, что информация будет поглощена, что не соответствует законам современной термодинамики. Когда парадокс разрешится, мы точно поймём: или теория Хокинга ошибочна, или современная парадигма термодинамики не могла включить её. В этом и есть основная проблема и актуальность исследования научных парадоксов. Возможно, в перспективе, в том числе и методом логического прогнозирования, вместе со статистическими данными, мы сможем заранее понимать – проблема конкретного парадокса в возможной ошибочности теории, или мы стоим на пороге научной революции.

Список литературы

1. Monthly Notices of the Royal Astronomical Society. Volume 524. Issue 3. P. 3385–3395.
2. Сухотин А.К. Парадоксы науки. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1980. 240 с.
3. Бирюков Б. В., Васюков В. Л. Логическая ошибка // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.
4. Сапронов М.В. Парадоксы в истории: взгляд с позиций постнеклассической науки // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2002. №1 (13). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksy-v-istorii-vzglyad-s-pozitsiy-postneklassicheskoy-nauki-1> (дата обращения 01.06.2024).

О ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ И ФИЛОСОФСКОМ ПОДХОДЕ К ФОРМИРОВАНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Антипенко Л. Г.

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт философии Российской академии наук
E-mail: chistrod@yandex.ru*

Аннотация. В статье ставится вопрос о предпосылках формирования экологического сознания людей. Без ответа на этот вопрос не может быть решена задача преодоления глобального экологического кризиса, губительные последствия которого, если иметь в виду род человеческий, очевидны. Нами предлагается сочетание двух подходов к решению поставленной задачи – со стороны естествознания и со стороны философии. Со стороны естествознания – учение В. И. Вернадского о живом веществе и о биосфере, со стороны философии – фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера. Оба пути сходятся в концепции двусторонней структуры действующего времени. Понятие двусторонней структуры времени означает, что в нём сочетаются две противоположные тенденции, обычно выражаемые посредством терминов: прямое и обратное течение. Прямому течению присущ разрушительный (энтропийный) потенциал, обратному течению – созидательный (эктропийный) потенциал. Важнейшей предпосылкой формирования экологического сознания является осознание диалектического характера временной стихии, во взаимодействии с которой находится жизнь.

Ключевые слова: экологическое сознание, живое вещество, оптические изомеры, хиральная чистота, прямое и обратное течение времени, онтология Хайдеггера

ON THE NATURAL SCIENCE AND PHILOSOPHICAL APPROACH TO THE FORMATION OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS

Antipenko L. G.

*CSc in Philosophy, senior researcher
RAS Institute of Philosophy
E-mail: chistrod@yandex.ru*

Abstract. The article raises the question of the prerequisites for the formation of people's environmental consciousness. Without an answer to this question, the task of overcoming the global environmental crisis cannot be solved, the disastrous consequences of which, if we keep in mind the human race, are obvious. We propose a combination of two approaches to solving the problem - from natural science and from philosophy. From the side of natural science - the teaching of V.I. Vernadsky about living matter and the biosphere, from the side of philosophy - the fundamental ontology of Martin Heidegger. Both paths converge in the concept of a two-way structure of active time. The concept of a two-way structure of time means that it combines two opposing tendencies, usually expressed through the terms: forward and backward flow. The forward flow has a destructive (entropic) potential, the reverse flow has a creative (ectropic) potential. The most important prerequisite for the formation of ecological consciousness is the awareness of the dialectical nature of the temporary element with which life interacts.

Key words: ecological consciousness, living matter, optical isomers, chiral purity, forward and reverse flow of time, Heidegger's ontology.

Ленинская установка на укрепление союза естествознания и философии оказала благотворное влияние на развитие естествознания и философии в нашей стране в той мере, в какой философское мышление вбирает в себя опыт диалектического осмысления действительности [1, с. 316-322]. Этот опыт приобретает особую важность, когда ставится задача формирования в социуме экологического сознания. Отметим, что в настоящее время об экологии просто бессмысленно говорить без учёта учения В. И. Вернадского о Земной биосфере и живом веществе. Вместе с тем задача формирования экологического сознания не может быть решена без подхода к ней с философской стороны. Надо решать вопрос о философии.

Вернадский, изучая феномен диссимметрии (энантиоморфности) живого вещества, открыл возможность ввести своё учение в рамки философского дискурса, который подчинится диалектической логике. Я имею в виду фундаментальную онтологию Мартина Хайдеггера (1889–1976). Краткое ознакомление с ней будет представлено ниже, после сообщения об открытии Вернадского.

Под диссимметрией живого вещества понимается диссимметрия молекулярной структуры всех живых организмов. Сошлёмся не её описание в статье В. Гольданского [2]. В мире молекул живых организмов, сообщает Гольданский, есть точные аналоги правой и левой рук – так называемые молекулы-антиподы в зеркальном отношении. Их ещё называют оптическими изомерами, поскольку они отличаются друг от друга тем, что вращают плоскость поляризации проходящего через них света в противоположные стороны [2, с. 87–88]. Эта особенность молекул существовать в двух зеркально-антиподных формах известна в науке, по словам Гольданского, под названием *хиральности* (от греческого *χειρ* – рука). И выясняется, что живой природе присуща практически абсолютная хиральная чистота: белки содержат только «левые» аминокислоты, а нуклеиновые кислоты – только «правые» сахара. Возникновение этого феномена, пишет автор, представлялось одной из самых больших загадок в проблеме происхождения жизни [2, с. 88].

Вернадский вначале полагал, что решение данной задачи, а от неё во многом зависело его учение о биосфере, можно найти, если соотнести дисбаланс между правым и левым в живом веществе, с разными типами пространства [3, с. 265–273]. Затем это предположение отпало, и он показал, что причина энантиоморфизма заключается в диссимметричной структуре времени. Для живого вещества, констатировал автор, понятие *пространства* не может охватить явления, в нём происходящие, в той степени, в какой оно охватывает их, например, в кристаллах. Нигде в окружающей нас природе *время* не выдвигается в такой степени. Одной из больших заслуг французского философа Бергсона было то, что он ярко и глубоко выдвинул значение времени для живых организмов по сравнению с косными процессами в биосфере. В основе явлений симметрии / [диссимметрии] в живом веществе время выступает в такой форме и значении, в каких это не имеет места в косных телах и явлениях. «Здесь, мне кажется, в основе геометрических представлений ярко проявляется не столько пространство, сколько новое, входящее в понимание испытателя природы в XX в. понятие о пространстве-времени, отличном и от пространства, и от времени» [3, с. 285].

Так живое вещество слилось с временной стихией, без которой немислимо возникновение и функционирование жизни. И дело не только в том, что жизненные процессы, как и любые другие процессы, протекают во времени. Дело в том, что в феномене хиральности открывается феномен прямого (энтропийного) и обратного (эктропийного) течения времени. Вот этот феномен, будучи теоретически обобщённым, вошёл в фундаментальную философию Хайдеггера в качестве её базиса. Диалектика времени превратилась в диалектику бытия и времени [4]. Отсюда диалектическая логика, которую я называю комплементарно-диалектической логикой [5]. Основной её операцией является операция, именуемая *привацией*. Хайдеггер приводит следующее определение: «Если мы нечто отрицаем так, что не просто исключаем, а, скорее, фиксируем в смысле недостачи, то такое отрицание называют *привацией* (*Privation*)» [6, с. 86].

В порядке своих временных размышлений Хайдеггер показывает, как выглядит привация времени. Если взять высказывание «у меня нет времени», то оно есть отрицание, и всё же, по его словам, не есть отрицание в обычном смысле [6, с. 86]. Здесь подразумевается указание на наличие обратного течения времени, о чём можно судить по следующим разъяснениям. Все три измерения времени – прошлое, настоящее, будущее – равнозначальны, ибо ни одного из них нет без других, все три для нас *равнозначально* открыты, однако они открыты не *равномерно*. «То одно измерение становится для нас определяющим, то другое, – мы вовлекаемся в какое-то из них и даже, возможно, оказываемся у него в плену. Но при этом два других измерения ни в коем случае не исчезают, а только модифицируются. Другие измерения подвергаются не просто отрицанию, а привации» [6, с. 89]. Стало быть, прошлое, в определённой мере существует, и существует потому, что время наделено способностью течь не только в прямом, но и в обратном направлении.

Экологическое сознание возникает при осознании и учёте этого временного фактора.

Список литературы

1. Ленин В. И. К вопросу о диалектике // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.29. С.316–322.
2. Гольданский В. Возникновение жизни с точки зрения физики / Теоретическая и математическая биология. М.: «Мир», 1968. С. 86–94.
3. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: «Наука», 1988. – 520 с.

4. Хайдеггер М. Бытие и время (пер. с нем. В. В. Бибихина). Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
5. Антипенко Л. Г. Проблема неполноты математической теории и онтологические предпосылки её решения. М.: ЛЕНАНД, 2022. 152 с.
6. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2012. 406 с.

АНТРОПНЫЙ КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП И СУПЕРВЕНТНОСТЬ

Блохина Н.А.

*Доктор философских наук, доцент
Института истории, философии и политических наук
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
E-mail: n.blokhina_77@mail.ru*

Михайлова Т. Л.

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры методологии, истории и философии науки
Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева
E-mail: tmichailova2012@yandex.ru*

Аннотация. Антропный космологический принцип (АКП) был сформулирован в качестве научного принципа полвека назад. Несмотря на существующий гносеологический пессимизм относительно его эвристических возможностей, поскольку АКП до сих пор не имеет однозначного толкования и не получил статуса научного закона, исследовательский интерес к нему со стороны учёных, философов, богословов не иссякает. Часть причин такого интереса лежит в мировоззренческой плоскости как реакция на картину мира в духе Коперника-Бруно, лишённую антропологического компонента; другие причины обусловлены эвристическими возможностями ставших весьма влиятельными во второй половине двадцатого столетия концепций глобального эволюционизма, теории систем, синергетики. Формулировки (версии) АКП сталкиваются с рядом парадоксов. На наш взгляд, некоторые из этих парадоксов можно непротиворечиво объяснить с помощью понятия супервентности, которое устанавливает связи между явлениями различных уровней бытия. Отношения супервентности не носят ни логического, не причинно-следственного характера, поэтому позволяют рассматривать коррелирующие уровни бытия как онтологически независимые.

Ключевые слова: антропный космологический принцип, парадоксы антропного космологического принципа, интерпретация, супервентность.

THE ANTHROPIC COSMOLOGICAL PRINCIPLE AND SUPERVENIENCE

Blokhina N.A.

*DSc in Philosophy, Associate Professor
Ryazan State University named after S.A. Yesenin
E-mail: n.blokhina_77@mail.ru*

Mikhailova T. L.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Methodology,
History and Philosophy of Science
Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev
E-mail: tmichailova2012@yandex.ru*

Abstract. The Anthropic Cosmological Principle (ACP) was formulated as a scientific principle half a century ago. Despite the existing epistemological pessimism regarding its heuristic possibilities, since the ACP still does not have an unambiguous interpretation and has

not received the status of a scientific law, research interest in it from scientists, philosophers, theologians does not dry up. Part of the reasons for this interest lies in the ideological plane as a reaction to the Copernicus-Bruno worldview, devoid of an anthropological component; other reasons are due to the heuristic possibilities of the concepts of global evolutionism, systems theory, and synergetics, which became very influential in the second half of the twentieth century. Formulations (versions) ACPs face a number of paradoxes. In our opinion, some of these paradoxes can be consistently explained using the concept of supervenience, which establishes links between phenomena of different levels of being. The relations of supervenience are neither logical nor causal, therefore they allow us to consider correlating levels of being as ontologically independent.

Keywords: anthropic cosmological principle, paradoxes of the anthropic cosmological principle, interpretation, supervenience.

При обсуждении антропного космологического принципа (АКП) некоторые вопросы остаются до сих пор дискуссионными. Можем ли мы с середины XX века считать этот принцип исключительно научным? Не остаётся ли он до сих пор метафизическим? Если считать этот принцип метафизическим, какие новые концептуальные средства помогают современной интерпретации его версий?

Разброс мнений как соотносятся понятия «научный АКП» и «метафизический АКП» варьируется от отношения тождества до противоположности. Но, несмотря на некоторый познавательный пессимизм в поиске конвенциональной договорённости в этом вопросе, проблема не уходит из поля зрения исследователей – учёных, философов, богословов [1].

Базовые мировоззренческие истоки АКП коренятся в самой природе человека как познающего существа, абстрагирующего своё существование от существования мира. Осмысление онтологического статуса человека и мира и вариантов их отношения друг к другу является одной из вечных мировоззренческих проблем. История философии служит тому подтверждением. В отечественной философской литературе подробно исследованы основные периоды такого осмысления с указанием мировоззренческих истоков появления антропного космологического принципа во второй половине XX века. А.Н. Павленко, например, видит необходимый характер появления АКП как результата эволюции европейской научной мысли. В статье «Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности» (1997) исследователь пишет: «[А]нтропный принцип как именно метафизическая позиция, безотносительно к его частным вариациям, является завершением той самой ветви европейского мировоззрения, которая сначала разрушила цельный органический Космос Платона и его единомышленников, оставив человека в пустой паскалевской бездне, а затем, сделав его само-утвержденным и по-своему истолковав христианское положение о человеке как венце природы, вывернула мир наизнанку, *следствие назвав причиной*. Если у Платона боги создают человека – его тело и душу – по подобию Космоса, то, согласно АКП, все произошло наоборот. Вселенная была «тонко подогнана» для появления человека...» [2, с. 23]. Появление понятия и укоренение термина «антропный космологический принцип» явились реакцией на «обесчеловеченную» картину мира Коперника-Бруно, в которой мир и человек не зависят друг от друга, существуя вполне автономно.

Основные вехи развития антропного космологического принципа, с учётом результатов недавно на тот период времени вышедшей из печати капитальной монографии Дж. Д. Барроу и Ф. Дж. Типлера «Антропный космологический принцип» (1986) [3], проследили В.В. Казютинский и Ю.В. Балашов в статье «Антропный принцип. История и современность» (1989) [4]. Несмотря на очень близкие по смыслу к формулировкам термина «антропологический принцип» у западных и отечественных учёных (С.В. Хокинга, Дж. Уилера, Ф. Хойла, П. Дэвиса, Р. Дикке, А. Л. Зельманова, Г.М. Иглиса и других), системный подход к исследованию этого принципа принадлежит всё же Картеру. Определение слабого АКП звучит у Картера так: «...Суть последнего заключается в том, что наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием в качестве наблюдателей» [5, с. 372]. Сильную версию АКП Картер формулирует так: «...Вселенная... должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей» [5, с. 373]. Слабую версию АКП условно можно назвать наблюдательной, а сильную – проектно-подгоночной. Помимо сформулированных Картером версий антропного принципа исследователи обсуждают «принцип участия» («соучастника») Дж. Уилера и «финалистский антропный принцип» Ф. Типлера [9]. Некоторые авторы возвращают нас к телеологическим концепциям АКП (Г.М. Идлис [6, с. 139] или Г.В. Гивишвили [7, с. 52]).

По мнению А.В. Гидлевского, сформулированные Картером версии являются самостоятельными, не связанными друг с другом утверждениями: Мир существует потому, что мы его наблюдаем; и Мир существует, поскольку он кем-то создан для появления человека [8, с. 62].

В.В. Казютинский возражает против противопоставления АКП как физического понятия и как понятия философского. Для него версии АКП являются частями единой системы, имеющей гетерогенную структуру. Так, в составе сильного антропного принципа он вычленяет три уровня (уровень физической картины мира, согласно которой вселенная взрывным образом неустойчива к изменениям фундаментальных физических констант; уровень научной картины мира, согласно которой вселенная должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось возникновение человека; уровень философско-мировоззренческий, который предполагает существование многих интерпретаций антропного принципа (теологических, телеологических, синергетических) [9].

С нашей точки, если мы разорвём научное и метафизическое рассмотрение антропного принципа, мы не сможем убедительно обосновать появление этого принципа в XX веке, как результата идеи глобального эволюционизма, теории систем, синергетического взгляда на эволюционирующие системы разных уровней организации природы и общества, которые стали доминирующими. Нельзя сбрасывать со счетов и запрос человека XX столетия на «органическую парадигму знания» [2, с. 23], в которой картине мира Коперника – Бруно мало места. («Наука XX в. вынуждена была для объяснения фундаментальных свойств мира выдвинуть *антропный принцип*». [2, с. 19]).

Конечно, существование АКП как научного принципа, особенно в его сильной версии, пока не имеет, а может быть и вообще не может иметь статуса научного закона. Наше появление и существование в мегавселенной может быть и случайным. Верифицировать АКП одним единственным случаем появления разумного существа на планете Земля Солнечной системы, каковыми мы с вами являемся, не совсем правомочно: тогда нарушаются нами самими выработанные принципы научности знания. Из сказанного в двух предыдущих абзацах следует, что АКП парадоксален: появление формулировок и термина АКП было для научной рациональности XX века не случайным; однако причислить этот принцип к научным мы пока не можем. (О других аспектах парадоксальности АКП размышляет и А.В. Гидлевский [8].)

Радикальная смена научной картины мира в XX веке привели к тому, что «современные трактовки АП существенно богаче его ранних формулировок, хотя бы они и выражались сходными словами» [9]. На наш взгляд, новая трактовка АКП возможна с помощью понятия супервертности, не так давно вошедшего в философский и научный дискурс [10]. Термин «супервертность» используется главным образом для характеристики уровневых онтологий – таких структур бытия, в которых устанавливаются связи между явлениями различных уровней (видов). Это понятие призвано определить характер онтологических уровневых связей.

Супервертность (от лат. *super* + *venire* приходить, происходить) – отношение зависимости между свойствами или явлениями одного (уровневого) вида (*A*) и свойствами или явлениями другого (уровневого) вида (*B*), для которого характерно то, что совокупность свойств или явлений *B* следует за совокупностью свойств или явлений *A* только в том случае, если изменения или различия *A* не могут существовать без изменений и различий *B*. Суть супервертности заключается в том, что *не может быть* изменений и различия *A* без изменений и различия *B*: свойство или явление *A* возникает вслед за свойством или явлением *B*, если и только если изменение свойств или появление явления *A* нуждается в изменении свойств или появлении явления *B*, точно также как полная схожесть явлений в отношении свойств *B* гарантирует полную схожесть явлений в отношении свойств *A*.

При осмыслении новых интерпретаций АКП нам важно указать, что отношения супервертности не являются ни логическими, ни каузальными, в частности, онтологические уровни генетически не зависят друг от друга, что не мешает им находиться в определённой корреляции. Идея о корреляции при толковании антропного принципа не нова. По мнению Павленко, впервые эта идея была высказана А.Д. Линде [10, с. 246; 239–240]. Обосновывая идею корреляции, которая поможет избежать телеологической и/или каузальной интерпретации АКП в его сильной версии, Линде ссылается на физику микромира. Павленко, исходя из гипотезы Линде, комментирует его догадку так: «ведь корреляция тем и отличается от причинно-следственного объяснения, что, во-первых, не делает существование наблюдателя условием объяснения, во-вторых, констатирует онтологическое «равенство» коррелирующих агентов, а, в-третьих, неявно предполагает наличие *причины* такой корреляции. Именно корреляция, а не каузальные отношения, позволяет нам предположить существование «генетического подобия» в эволюции наблюдателя (человека) и Вселенной, описываемой в инфляционной парадигме. Момент *коррелятивности* не только снимает претензии

АКП, ставя наблюдателя на подобающее ему место, но и открывает *самостоятельный (третий) путь* в объяснении совпадения свойств наблюдателя и свойств Вселенной» [2, с.19]. Понятие супервентности помогает не только преодолеть подобие механистического детерминизма в сильной версии АКП, но служить объяснительным средством при интерпретации слабой версии антропного принципа: меняются характеристики наблюдателя, меняются характеристики и наблюдаемой вселенной.

Кроме того, использование понятия супервентности как объяснительного принципа разъясняет видимость парадоксальности при интерпретации АКП. Так, комментируя изложение АКП Абасовым, Гидлевский усматривает противоречие между (1) принципом вписанности и (2) утверждением автономности уровней организации материи ((1) «Чисто пространственно-временные колебательные процессы приводят к изменению структурного состава химических систем» [12, с. 77]; «биологический уровень связан квантовыми закономерностями с микромиром...» [12, с. 78]; (2) «...Однако собственная организация каждого уровня должна обладать своими, уникальными, закономерностями, ограждающими ее от разрушающих влияний и увеличивающими вероятность сохранения системы» [12, с. 77]. Гидлевский полагает, что тут налицо парадокс. Если верна вторая точка зрения, то неверна первая, и наоборот. [8, с. 65]. Однако при использовании понятия супервентности, исходящим из онтологической автономности уровней бытия, такого рода «парадокса» удаётся избежать.

Список литературы

1. *Бернацкий В.О., Макухин П.Г.* Антропный космологический принцип как проблема философии и естествознания: монография. Омск: изд-во ОмГТУ, 2022. 256 с.
2. *Павленко А.Н.* Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности (1997) [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/page49927401.htm> (дата обращения 14.01.2024).
3. *Barrow J. D., Tipler F. J.* The Anthropic Cosmological Principle. Oxford, 1986. 738p.
4. Казютинский В. В., Балашов Ю.В. Антропный принцип. История и современность // Природа. 1989. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://deci1.sinp.msu.ru/~panov/Kaz/Kazyutinski1989.pdf> (дата обращения 14.01.2024).
5. *Картер Б.* Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология. Теория и наблюдения. М.: Мир, 1978. С. 369–379.
6. *Идлис Г.М.* От антропного принципа к разумному первоначалу // Глобальный эволюционизм: (Филос. анализ). М.: ЦОП Института философии РАН, 1994. С. 124–139.
7. *Гвишвили Г.В.* О «сверхсильном» антропном принципе // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 43–53.
8. *Гидлевский А.В.* Парадоксы антропного космологического принципа // Вестник Омского университета. 2007. № 3. С. 60–67.
9. *Казютинский В.В.* Антропный принцип. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362f209c5da031600b8c36> (дата обращения 14.01.2024).
10. *McLaughlin B., Bennett K.* Supervenience // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2023 Edition), Edward N. Zalta, Uri Nodelman (eds.). [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/supervenience/> (дата обращения 14.01.2024).
11. *Линде А. Д.* Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М., 1990. 280 с.
12. *Абасов А.С.* Пространство и время, пространственно-временная организация // Вопросы философии. 1985. № 11. С. 71–81.

ГДЕ ИСКАТЬ ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ

Жаров С. Н.

Доктор философских наук, доцент факультета философии и психологии

Воронежский государственный университет

E-mail: zharov_sn@mail.ru

Аннотация. Онтологическую трактовку квантовой теории обычно отождествляют с внешним сопоставлением философской онтологии и математически выраженных теоретических схем. Такой подход связывает онтологическое осмысление

теории с разнообразием философских позиций. Однако анализ первых шагов квантовой теории показывает, что новое философское понимание бытия изначально встроено в ее логику. Это видно из классической статьи Гейзенберга 1925 г. То, что сам Гейзенберг декларировал как принцип наблюдаемости, на самом деле работает как способ движения к новому типу бытия, ускользающему от выражения в классических понятиях. Философской инновацией квантового мышления является способ выражения непредметного бытия посредством предметно оформленных рациональных структур. Таким образом, физическое мышление в своих истоках имело философско-онтологический смысл.

Ключевые слова: квантовая механика, онтологическая трактовка, хайдеггеровское бытие.

WHERE TO LOOK FOR THE ONTOLOGICAL MEANING OF QUANTUM MECHANICS

Zharov S. N.

*DSc in Philosophy, Associate Professor of Philosophical and Psychological Faculty
Voronezh State University
E-mail: zharov_sn@mail.ru*

Abstract. The ontological interpretation of the quantum theory is usually identified with external comparison of philosophy and mathematically the expressed theoretical schemes. Such approach correlates ontological judgment of the theory with a variety of philosophical positions. However, the analysis of the first steps of the quantum theory shows that new philosophical understanding of "Being" is initially present at her logician. It is visible from the article of Heisenberg (1925). What Heisenberg declared as the principle of observability, actually was as a way of the movement to the new type of Being which escapes the description in classical concepts. A philosophical innovation of quantum thinking is the expression of "Being" (of analogy of Heidegger's ideas) through rational structures. Thus, physical thinking initially had philosophical and ontological sense.

Keywords: quantum mechanics, ontological treatment, "Being" in Heidegger's understanding.

Обычно принято разграничивать физические и философско-онтологические проблемы квантовой механики. С *теоретико-физической* стороны квантовая механика постоянно показывает успешность и результативность, вызывая, по словам Вайнберга, «ощущения фатальной неизбежности» [1, с. 91]. Напротив, попытки *отологического* истолкования теории оборачиваются нескончаемыми спорами. Отсюда – слова Фейнмана о том, что «...квантовой механики никто не понимает» [2, с. 139]. Поиск онтологической трактовки здесь вызывает неподдельный интерес и вместе с тем заслоняет *странность всей этой ситуации*. В самом деле, если мышление работает в теоретико-физическом плане, значит, в нем адекватно выражено описываемое бытие. *Теория не может систематически предсказывать и объяснять, если в ней нет онтологического содержания!* А если оно есть, почему на протяжении почти ста лет мы еще не смогли его ясно увидеть? Здесь вырисовываются два подхода. Первый кажется само собой разумеющимся. Если мы разграничиваем физический и философско-онтологический смыслы, то *физическое* содержание нам уже дано, а *философско-онтологическое* требует философского поиска. Но после всего сказанного напрашивается и другой взгляд. Если теория адекватна, описываемое бытие уже зафиксировано в ее основаниях. И если это верно, значит, характер квантового бытия уже выражен в классической статье Гейзенберга 1925 г. [3]. Такой подход может вызвать сомнение: ведь считается, что Гейзенберг здесь математически описывал что-то наблюдаемое. Он потом говорил, что думал о «физике, в которой должны фигурировать только наблюдаемые величины» [4, с. 189]. Вот только вопрос в том, *что это за величины* и как они работают в теоретическом мышлении. Присмотревшись к содержанию статьи, мы увидим, что на самом деле все не так просто.

Завершая свою статью, Гейзенберг пишет, что разработал «методы определения квантовотеоретических величин с помощью соотношений между наблюдаемыми величинами...» [3, с. 98]. Что это значит? Термин «квантовотеоретическая величина» не должен вводить нас в заблуждение, рождаемое привычкой к классической семантике. То, что здесь названо «величиной», не есть величина в классическом смысле. Величина в классическом смысле *однозначна*. И рост

человека, и высота горы имеют значение, выражаемое числом. Напротив, квантовая величина у Гейзенберга оказалась *многозначной*: это организованная многозначность, выраженная в теории матриц. Осмысливая первую статью Гейзенберга, Борн и Иордан осознали характер введенных Гейзенбергом математических соотношений: «вместо обычного анализа, оперирующего с числами, в них используется *матричное исчисление*» [5, с. 100], хотя сам Гейзенберг не был знаком с теорией матриц. Иначе говоря, введение неклассических величин здесь произошло благодаря выходу в новый логический контекст, незапрограммированный какими-то четкими теоретическими принципами. Вообще в теоретическом мышлении работают два типа логических контекстов. Первый связан с парадигмальной логикой. Но если прежние принципы уже не применимы, а новые еще не сформулированы? Тогда нужен новый контекст, в рамках которого можно в первом приближении выделить инновационные принципы. Что будет здесь выступать в роли новых «персонажей», *субъектов новых суждений*? И тут-то и появляется ключевой пункт проводимого сейчас анализа.

Беседа с Эйнштейном, Гейзенберг заметил, что следовал принципу наблюдаемости, который лег в основу теории относительности. «Возможно, я и пользовался философией этого рода, – отвечал Эйнштейн, – но она тем не менее чужья. <...> ...с принципиальной точки зрения желание строить теорию только на наблюдаемых величинах совершенно нелепо» [4, с. 191-192]. Безусловно, Эйнштейн прав, иронизируя над несгибаемой приверженностью наблюдаемому уровню. Вот только соответствует ли эта приверженность указанной статье Гейзенберга? Дело в том, что рассуждения Гейзенберга *не сводятся к поиску чисто математических соотношений между наблюдаемыми величинами*. В контексте математических отношений он ищет величины с обновленным физическим смыслом: «...для того, чтобы не сходить с твердой почвы принципиально наблюдаемых величин, необходимо только заменять величины... на их квантовые аналоги...» [3, с. 91]. Рассуждение идет следующим образом: «Пусть задана некоторая квантовомеханическая величина, заменяющая классическую величину $x(t)$; какая квантотеоретическая величина будет тогда заменять $x(t)^2$?» [3, с. 87]. Математические отношения тут выступают лишь контекстом и способом выражения *нового способа бытия*, просвечивающего через математические формулы. – И это вовсе не моя формулировка, это всего лишь изложение того, что потом ярко выразил сам Гейзенберг: «У меня было ощущение, что я гляжу сквозь поверхность атомных явлений на лежащее глубоко под нею основание поразительной внутренней красоты, и... что я могу теперь проследить всю полноту математических структур, которые там, в глубине, развернула передо мной природа» [4, с. 190]. Иначе говоря, математическое описание в анализируемой статье – это вовсе не метод «спасения явлений», но рациональный контекст, в котором интуитивно просматривается бытие, не поддающееся выражению в старых терминах.

Отсюда возникает имеющая место привычная постановка вопроса: искать предметное выражение квантовомеханического бытия. В таком подходе – суть классической мысли, встроенной в наши головы на протяжении двух с половиной тысячелетий. Обычно теоретики видят мир в контексте онтологии Парменида: *бытие* суть то, что делает возможным теоретическое мышление. Мысль обретает себя через предметную фокусировку на рационально выраженных чтойностях. «То, что высказывается и мыслится, необходимо должно быть сущим ["тем, что есть"]...» [6, с. 288]. Это подчеркивал и Гегель: именно у Парменида впервые «чистая мысль... сделана предметом для самой себя» [7, с. 219]. В чисто логическом плане такой способ мышления прекрасно работает и по сей день. Однако он оказывается неосуществимым применительно к *онтологическому истолкованию* квантовой теории. В общей форме это было осознано Гейзенбергом уже в его Нобелевской лекции: «Квантовая механика... покупает возможность рассмотрения атомных процессов путем частичного отказа от их описания в пространстве и времени и их объективирования» [8, с. 32]. Правда, вначале казалось, что эта ситуация будет преодолена. Но чем дальше развивалась квантовая теория, тем с большей четкостью высвечивалась невыразимость квантового бытия в предметных образах. Парадокс в том, что физическая теория представлена в виде *предметных схем*, но выраженное через них бытие оказывается *предметно непредставимым*. Это становится ясным, исходя из работы фон Неймана [9, с. 306–324]. Здесь показано, что описание одного и того же измерения всегда может быть представлено в виде нескольких теоретических схем (речь идет о разграничении двух процессов – в терминологии фон Неймана это непрерывный *процесс 2* и *процесс 1*, переводящий чистое состояние в смешанное).

Самое интересное то, что непредметное бытие уже осмысливалось Хайдеггером, хотя «Бытие и время» [10] было опубликовано в 1927 г. Хайдеггеровское бытие *непредметно*, однако оно дает осуществление мысли, делая это через размыкание смысловых границ и выход к новым незапрограммированным контекстам. Как позднее писал Хайдеггер, мысль прислушивается к бытию, потому что «заботится о свете, в котором только и может... развертываться теоретическое видение»

[11, с. 219]. Это выводит нас за пределы «рассчитывающего мышления», которое не видит, что «все исчислимое... есть некое целое, чье единство... принадлежит к неисчислимому и чья неприручаемая странность ускользает от хватки расчета» [11, с. 39]. Аналог хайдеггеровского бытия – непредметное бытие, которое составляет *суть квантовых процессов* и обозначено в моей статье [12] как *ψ-бытие*. Однако налицо и два отличия от хайдеггеровской трактовки. Хайдеггер не связывает непредметное бытие с научными теориями. Между тем, анализируя математику и квантовую механику (см. [12]), мы обнаружим, что непредметное бытие здесь выражено через применение предметных схем. Кроме того, квантовая механика описывает такую связь бытия и сущего, которая не раскрывается в работах Хайдеггера. Указывая на то, что «сущее никогда не существует без бытия» [11, с. 38], Хайдеггер не рассматривает влияние бытия на эволюцию *чтойности* сущего. В квантовой механике дело обстоит иначе. Чтойность квантовомеханического сущего (*ψ-сущего*) способна меняться под воздействием *ψ-бытия* (см. [12, с. 128]). Чтобы увидеть это, нужно выйти за рамки чисто философского дискурса – выйти не для того, чтобы покинуть философскую онтологию, а для того, чтобы *опознать ее в самой физике*. Единство философии и физики достигается здесь не через внешнюю интерпретацию, а через *высвечивание философской сути внутри самой научной мысли*.

Список литературы

1. Вайнберг С. На пути к окончательным физическим законам // Фейнман Р., Вайнберг С. Элементарные частицы и законы физики. М.: Мир, 2000. С. 80–137.
2. Фейнман Р. Характер физических законов. М.: Мир, 1968. 232 с.
3. Гейзенберг В. О квантотеоретической интерпретации кинематических и механических соотношений [1925 г.] // Гейзенберг В. Избр. труды. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 86–98.
4. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. 400 с.
5. Борн М., Иордан П. К квантовой механике [1925 г.] // Гейзенберг В. Избр. труды. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 99–126.
6. Парменид // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М.: Наука, 1989. С. 274–298.
7. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
8. Гейзенберг В. Развитие квантовой механики // Гейзенберг В., Шредингер Э., Дирак П. Современная квантовая механика: Три нобелевских доклада. М.; Л.: Гостехиздат, 1934. С. 11–36.
9. Нейман И. фон. Математические основы квантовой механики. М.: Наука, 1964. 368 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
11. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
12. Жаров С. Н. Квантовая механика в контексте онтологии Хайдеггера // Вопросы философии. 2023. № 10. С. 120–130.

НЕОБХОДИМОСТЬ ВВЕДЕНИЯ НОВЫХ СУЩНОСТНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИ ОБЪЯСНЕНИИ «КВАНТОВОЙ» РЕАЛЬНОСТИ

Жуковский А.К.

Директор по развитию
ООО «РуссКом Ай-Ти Системс»
E-mail: andre@it-systems.ru

Аннотация. Приводится перечень логически непротиворечивых вариантов «квантовой» реальности (эволюции элементарных частиц), которые удовлетворяли бы результатам, полученных в ходе ряда физических экспериментов. Делается вывод о том, что нет ни одного логически непротиворечивого варианта реальности, который не вводил бы в оборот новые сущностные элементы такой реальности, таких как «новые бесчисленные вселенные», «сверхполе», «сверхволны», «иной модус бытия» или хотя бы, «таинственный нелокальный механизм». Делается вывод о том, что надежду на полное раскрытие реальности может дать только новая физическая теория, которая должна ввести в качестве полноправных субъектов в свой оборот новые сущностные физические элементы.

Ключевые слова: Интерпретации, реальность, новые сущностные элементы, «память» суперпозиции, согласованная суперпозиция, ограниченная случайность.

THE NEED TO INTRODUCE NEW ESSENTIAL PHYSICAL ELEMENTS WHEN EXPLAINING “QUANTUM” REALITY

Zhukovsky A.K.

Director of Development
«RussCom IT Systems» LLC
E-mail: andre@it-systems.ru

Abstract. A short list of logically consistent options for “quantum” reality (the evolution of elementary particles) is given that would satisfy the results obtained in a number of physical experiments. It is concluded that there is not a single logically consistent version of reality that would not introduce into circulation new essential elements of such reality, such as “new countless universes”, “superfield”, “superwaves”, “another mode of being” or at least, “mysterious nonlocal mechanism.” It is concluded that hope for a complete disclosure of reality can only be given by a new physical theory, which should introduce new essential physical elements into its circulation as full-fledged subjects.

Key words: Interpretations, reality, new essential elements, “memory” of superposition, coordinated superposition, limited randomness.

Квантовая физика (КФ) остается одним из самых парадоксальных разделов современной науки. Являясь признанной физической теорией, она, тем не менее, испытывает большие трудности в описании физической реальности [1].

Анализируя ряд физических экспериментов, показывающих парадоксальные результаты [2-9], можно попробовать сформулировать краткий перечень логически непротиворечивых интерпретаций КФ, которые бы удовлетворяли всем полученным результатам. Разумеется, все они будут иметь недостатки, если бы у нас образовался хотя бы один вариант без недостатков, то он стал бы претендовать на портрет «истинной реальности».

Приведенные варианты не будут являться предметными интерпретациями, как таковыми, которым посвящен целый ряд научных работ (см, например [10]). Скорее, они будут описывать некоторые важные свойства таких интерпретаций, связанные с пространственным нахождением квантовых объектов (КО), их отношению к причинности и механизму передачи физических взаимодействий.

Итак, опираясь на анализ, проведенный в вышеуказанных работах, «квантовая» реальность (а значит, и физическая реальность вообще?) логически может быть устроена следующим образом:

1. Нелокальный *не реализм*

В данном варианте физическая реальность, в целом, является случайной и нелокальной. Все элементарные частицы (ЭЧ) до измерения находятся в состоянии суперпозиции всех своих состояний, «занимая» в случае их измерения одно из своих возможных значений. По-прежнему, непонятно, как может выглядеть механизм помещения и извлечения ЭЧ в состояние суперпозиции, тем более что, судя по эксперименту с полуволновой пластиной [11], все состояния частиц, находящихся в данном состоянии, должны быть действительно реальны, а где-то в реальности должна обязательно храниться жесткая связь между противоположными «половинками» ЭЧ, находящихся в такой суперпозиции (как бы долго и последовательно мы не начали их менять). Назовем ее *памятью суперпозиции*.

Важнейшей философской характеристикой данного варианта является «свобода воли», которой наделяется, по крайней мере, часть КО, ведь их эволюция происходит вне зависимости от обстоятельств. Это означает, что в данном варианте реальности может не быть ни одной причины, по которой данная, конкретная ЭЧ, вылетевшая из источника, будет найдена именно на этом, конкретном участке фиксирующего его датчика.

Заметим, что случайность и вытекающая из нее «полная свобода» ЭЧ теряется для второй из запутанных частиц в случае измерения первой и вообще, на любой серии экспериментов. «Свобода воли» частиц также частично теряется и в случае мысленного эксперимента с замкнутой системой (ЗС) [12]. Такой эксперимент показывает, что вне зависимости от того, как будут запутаны ЭЧ (по двое,

трое, любым количеством все вместе или не запутаны вообще), сохранение момента импульса ЗС будет требовать от находящихся в ней ЭЧ постоянной и жесткой координации.

Как может выглядеть подобный механизм, который должен быть частью любой ЗС? Невольно напрашивается вариант, при котором частью данного варианта должна явиться некоторая новая физическая «сущность» (НФС), которая в данном случае будет давать «свободу» одним частицам и жестко детерминировать другие.

Перечислим основные вопросы к данному варианту:

А. Как можно визуализировать пространственную суперпозицию всех возможных состояний ЭЧ? Если все ЭЧ, находящиеся в состоянии суперпозиции занимают одно пространство и время, то почему мы не видим никакого «наслоения» подобных частиц друг на друга? Что при этом, происходит с их энергией? Если ЭЧ при этом находятся вне пространства и времени (в другом пространстве и времени), то как происходит их переход туда и обратно? Как выглядит измерение ЭЧ и связанный с ним коллапс волновой функции (КВФ)?

Б. Как на фоне «истины, свободной случайности», являющейся базовой характеристикой данного варианта, можно объяснить явление квантовой запутанности? Если в системе из двух разлетающихся запутанных ЭЧ первое измерение, проведенное с частицей «А», выявит, что ее координаты действительно окажутся случайными (а эволюция, тем самым, «свободной»), то положение второй ЭЧ «В» при таком измерении окажется жестко предопределено законом сохранения импульса. Если же первой измерить частицу «В», то «свободной» станет теперь она, а жестко предопределенным окажется положение частицы «А». Т.е. «свобода» и «несвобода» данных ЭЧ окажется полностью зависимой от конфигурации экспериментальной установки. Какой посредник будет реализовывать подобное положение дел?

В. Как может выглядеть логически «истинная, свободная случайность» отдельно взятого эксперимента в этом варианте реальности при одновременном и строгом выполнении вероятностного закона на серии измерений? Давайте представим, что вероятность нахождения ЭЧ А в точке «В» равняется 85%. Это означает, что, проведя на данной установке экспериментальную серию из 1000 измерений мы найдем частицу А в точке «В» около 850 раз. Как можно логически объяснить, что эта частица «свободно выбирает свой полет» в точку «В» не 500, не 600, не 900, а именно 850 раз? И будет неустанно «свободно выбирать» это количество раз всякий раз при проведении аналогичной серии экспериментов?

Г. Как может выглядеть механизм координации ЭЧ, который должен быть частью любой ЗС? Вне зависимости от того, как будут запутаны частицы такой системы (по двое, трое, любым количеством все вместе или не запутаны вообще), сохранение момента импульса замкнутой системы будет требовать от находящихся в ней частиц постоянной и жесткой координации. Если ЭЧ будут находиться в состоянии суперпозиции, то это должно быть состояние *согласованной суперпозиции*. Если частицы будут находиться в состоянии частичной или полной регистрации, то это должно быть состояниями *согласованной частичной или полной регистрации*.

Разумеется, приведен не полный список вопросов. По своей сути, данный вариант наиболее близок к копенгагенской интерпретации КФ.

2. Нелокальный реализм.

В данном варианте ЭЧ являются реальными [8], хотя и могут находиться в ином модусе бытия [13]. Смена формы и пространственного положения ЭЧ в этом семействе вариантов реальности также является процессом, осуществляемым, скорее всего, какой-то неизвестной НФС или самой материей, которая получает новые, неизвестные нам свойства.

Данная картина мира может быть причинной и невычислимой. Подобная конструкция допускается, например, здесь: «Невычислимые процессы могут быть полностью детерминистскими. Эта особенность является диаметрально противоположной по отношению к свойству полной случайности, которое характерно для современной интерпретации КФ» [14, с.14].

Блок вопросов, который возникает в этом варианте, можно себе представить так:

Как выглядит «таинственный нелокальный механизм», управляющий и/или координирующий состоянием всех ЭЧ, входящих в поле эксперимента? Как он содержит, вычисляет и получает информацию об их состоянии? Как он передает им соответствующие управляющие воздействия, почему мы не можем обнаружить его экспериментально?

Как видно, данный вариант помещает все странности КФ в логику работы НФС, таинственной работой которого и начинают объясняться все имеющиеся в ней парадоксы. К данному варианту можно отнести интерпретацию Бома и релятивистскую парадигму.

3. Многомировая интерпретация Эверетта.

В данном варианте все частицы приобретают фантастическую возможность переходить в бесчисленное множество новых вселенных, в которых происходит все, что может произойти в соответствии с предсказаниями КФ, даже с ничтожной вероятностью. Цена снятия вопроса, связанного с КВФ - еще более странное, огромное, почти бесконечное множество реальностей, появляющихся каждое мгновение в огромных бесчисленных параллельных мирах.

Назовем несколько основных вопросов и к данному варианту реальности:

Как выглядит механизм создания этого огромного количества вселенных и последующий переход бесчисленных частиц из одной вселенной в другую? Что происходит при этом, с энергией, скоростью и другими параметрами этих частиц? Откуда берется чудовищная энергия для создания такого количества вещества?..

4. Последним логически непротиворечивым вариантом реальности, объясняющим все приведенные эксперименты, является супердетерминизм.

В этом варианте, во Вселенной, каким-то образом существует абсолютное знание всего, что произойдет. В этом случае в эксперименте с квантовым ластиком [9, с. 67] фотон спокойно выходит из источника, являясь волной, потому что точно заранее «знает», что отразится от пластины СД4 и что далее, исследователь обязательно введет в цепь эксперимента пластину СД5.

Таким образом, причинность физических законов в этом варианте дополняется причинностью абсолютного начального знания обо всем, что произойдет дальше, и возможно, функцией последующего управления. Как и почему в этом варианте существует и передается это абсолютное знание/управление? Логически очевидно, что данный вариант реальности также должен быть дополнен какой-то НФС, которая бы являлась носителем данных функций.

Оставляя за скобками некоторое количество других вариантов (например, «все находятся в матрице» и т.д.), можно подвести под этим перечнем вариантов реальности черту и сделать некоторые выводы:

1. Не просматривается ни одного логически непротиворечивого варианта реальности, который не вводил бы в оборот НФС. Иными словами, мы не можем объяснить результаты имеющихся опытов, не вводя в обиход такие физические сущности как «новые бесчисленные вселенные», «сверхполе», «сверхволны», «иной модус бытия» или, по крайней мере, «таинственный нелокальный механизм».

2. Необходимо признать, что сегодня мы не понимаем устройства реальности.

3. Оставаясь в рамках существующей теории, мы, скорее всего, так и не получим окончательные ответы на вопросы о том, как устроена реальность.

4. Надежду на полное раскрытие реальности может дать только новая физическая теория, которая должна ввести в качестве полноправных субъектов в свой оборот новые сущностные элементы.

Список литературы

1. Грин Б. Ткань космоса: Пространство, время и текстура реальности. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
2. Belinsky A.V., Zhukovskiy, A.K. On Nonlocality of Quantum Objects. J Russ Laser Res. 2016. 37. P. 521–532. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10946-016-9604-6>.
3. Wheeler J. The 'Past' and the 'Delayed-Choice Double-Slit Experiment' // Mathematical Foundations of Quantum Theory. 1978. P. 9–48.
4. Ma X., Kofler J. Delayed-choice gedanken experiments and their realizations. Review of modern physics. 2016. Vol. 88, Iss. 1. DOI: <https://doi.org/10.1103/RevModPhys.88.015005>.
5. Белинский А. В. Квантовая нелокальность и отсутствие априорных значений измеряемых величин в экспериментах с фотонами // Успехи физических наук. 2003. Т. 173. № 8. С. 905–909.
6. Белинский А.В. Квантовые измерения. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2008.
7. Парадокс нелинейного светоделиителя и его разрешение / А.В. Белинский, Д.В. Волков, А.В. Дмитриев, М.Х. Шульман // Журнал экспериментальной и теоретической физики. 2013. Т. 144. № 5(11). С. 891–905.
8. Белинский А.В., Жуковский А. К. «Квантовая нелокальность» или «Нелокальный реализм?» // Пространство, время и фундаментальные взаимодействия. 2016. Вып. 3. С. 4-14.
9. Жуковский А.К. О человеческом поведении, квантовой физике, биологии и свободе воли. Книга не для всех. М.: ЭКСМО, 2018.
10. Севальников А.Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии. М.: URSS, Книжный дом «Либроком», 2009.

- 11.Белинский А.В., Жуковский А. К. Вектор состояния квантовой системы: математическая абстракция или физическая реальность? // Вестник МГУ. Физика и астрономия. 2016. № 3.
- 12.Белинский А.В., Жуковский А. К. О двух вариантах интерпретации свойств замкнутых запутанных систем // Электронная техника. Серия 3. Микроэлектроника. 2018. № 4. С. 78–91.
- 13.Владимиров Ю.С. Реляционная картина мира. Кн. 2. От бинарной предгеометрии микромира к геометрии и физике микромира. М.: Лелалнд, 2021.
- 14.Пенроуз Р. Новый ум короля. М.: УРСС, 2003.

О ПОНИМАНИИ РЕЛЯЦИОННОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКЕ

Князев В.Н.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Московский педагогический государственный университет
Профессор кафедры философии, политологии, социологии
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: kvn951@inbox.ru*

Аннотация. Становление реляционной картина мира является закономерным этапом в развитии философии физики. Философская рефлексия современного состояния фундаментальной теоретической физики достаточно многообразна. Автор исходит из того, что реляционная картина мира как методологический конструкт формируется в современной физике на основе обобщения реляционной парадигмы, основанной на трех особенных фундаментальных принципах: принцип реляционного понимания пространства-времени, принцип дальнего действия (action-at-a-distance) и принцип Маха. Эпистемологическая роль этих принципов чрезвычайно значима для раскрытия динамики развития физики вне господствующей и ныне теоретико-полевой парадигмы. Принципы реляционной парадигмы дополняются новым математическим аппаратом бинарных систем комплексных отношений. Автором делается вывод об эвристической ценности разработанной Ю.С. Владимировым теории бинарной геометрофизики и ее обобщения в виде реляционной картины мира для понимания их роли в дальнейшем развитии фундаментальной теоретической физики.

Ключевые слова: эпистемология физики, реляционная картина мира, парадигмы физики, Ю.С. Владимиров.

ON UNDERSTANDING THE RELATIONAL PICTURE OF THE WORLD IN MODERN PHYSICS

Knyazev V.N.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Moscow Pedagogical State University
Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology
National Research University "MPEI"
E-mail: kvn951@inbox.ru*

Abstract. The formation of a relational picture of the world is a natural stage in the development of the philosophy of physics. Philosophical reflection on the current state of fundamental theoretical physics is quite diverse. The author proceeds from the fact that the relational picture of the world as a methodological construct is formed in modern physics on the basis of a generalization of the relational paradigm based on three special fundamental principles: the principle of relational understanding of space-time, the principle of action-at-a-distance and the Mach principle . The epistemological role of these principles is extremely significant for revealing the dynamics of the development of physics outside the currently dominant field theoretical paradigm. The principles of the relational paradigm are complemented by a new mathematical apparatus of binary systems of complex relations. The author concludes about the heuristic value developed by Yu.S. Vladimirov of the theory of binary geometrophysics

and its generalization in the form of a relational picture of the world to understand their role in the further development of fundamental theoretical physics.

Keywords: epistemology of physics, relational picture of the world, paradigms of physics, Yu.S. Vladimirov.

Взгляды ученых, нравится им это или нет, пропитаны философией.

К. Ровелли

Состояние современной фундаментальной физики таково, что в ней можно усмотреть разные тенденции ее развития. Одна из них связана с выраженным торможением темпа значимых открытий в микромире, в частности в экспериментах на Большом адронном коллайдере. По сути, противоположная тенденция обусловлена довольно масштабными астрофизическими данными, которые обеспечиваются мощными телескопами-обсерваториями, выведенными за пределы земной атмосферы. Все это требует дальнейшего теоретического осмысления либо в рамках сложившихся теоретических концепций и парадигм, либо в конструировании новых теоретических схем понимания. Существующее многообразие физических теорий, концепций и парадигм детерминировано сложностью устройства физической природы, включающей в себя микро-, макро- и мегамиры. В силу того, что физическая реальность столь многолика, характеризуется разнообразием закономерностей, видов связей и типов взаимодействий ныне еще трудно говорить о подлинном единстве физических знаний.

В фундаментальной теоретической физике ныне явно присутствуют такие концептуальные подходы, которые довольно существенно различаются друг от друга. Принципиальное обоснование наличия трех важнейших парадигм в современной теоретической физике осуществлено в работах Ю.С. Владимирова: это теоретико-полевая, геометрическая и реляционная парадигмы [1, с.13-16; 2, с. 24-27]. Следует подчеркнуть не только сам факт их различий, но и принципиально взаимно дополняющий друг друга их характер: 1) *теоретико-полевая парадигма*, которая сформировалась как ведущая на основе квантовой теории поля и является господствующей вплоть до сегодняшнего дня, 2) *геометрическая парадигма*, развивавшаяся на основе релятивистской физики (главным образом – общей теории относительности) в течение всего XX века, и 3) *реляционная парадигма*, активно развертывающаяся в последние несколько десятилетий. В этих парадигмах существенно по-разному интерпретируются базовые физические категории как наиболее фундаментальные понятия современной физики — частицы (тела), поля как переносчики взаимодействий и пространственно-временной континуум. В зависимости от того, какие две из этих категорий можно объединить, формируются разные типы миропонимания. Углубление представлений в рамках реляционного миропонимания привело Ю.С. Владимирова к обоснованию своего подхода как осмысление физической реальности на основе реляционной картины мира.

Разумеется, познавательный феномен «картина мира» есть наиболее обобщенный взгляд на мир. Говоря о проблемности понятия «картина мира» М. Хайдеггер предварительно задает сам себе ряд вопросов: «...почему при истолковании определенной исторической эпохи мы спрашиваем о картине мира?... Что это такое — картина мира? По-видимому, изображение мира. Но что называется тут миром? Что значит картина? Мир выступает здесь как обозначение сущего в целом» [3, с. 49].

Физическую картину мира я понимаю как целостную систему представлений об общих свойствах и закономерностях природы, конструирующуюся на основе синтеза наиболее общих физических понятий, принципов и методологических установок. Носителями НКМ являются прежде всего сами ученые, работающие в той или иной области научных исследований. Конечно, характер целостности представлений в картине мира скорее относительный, когда главный критерий этой целостности лежит в непротиворечивости понятий и суждений по отношению к исходным принципам. При этом методологические установки периода господства классической механики привели к особенностям механической картины мира, а исходные принципы и методологические установки квантовой механики породили в сознании физиков XX века квантово-механическую картину мира. Суть моего последующего повествования связана с пониманием реляционной картины мира. И все же предваряя обращу внимание на еще одно замечание.

Понятие «физическая картина мира» неизбежно соотносится с понятием «физическая реальность». Последнее само по себе чрезвычайно сложное, ибо оно включает в себя в том числе «квантово-механическую реальность», понимание и интерпретация которой весьма многообразны. Понятие физической реальности само выступает одним из исходных и фундаментальных в методологии физики XX века и это сохраняется и в XXI веке. А. Эйнштейн был первым, кто придал

ему смысл метанаучной категории, значимой для анализа природы физического знания особенно с учетом появления копенгагенской интерпретации квантовой механики [4, с. 161–162].

Само понятие «физическая реальность» характеризует аспект объективного мира, изучаемый физикой. Его содержание и роль скорее осознается в философии физики, в то время как сами ученые-физики принимают это понятие скорее интуитивно, хотя некоторые из них наивно реалистически отождествляют понятия «физическая реальность» и «объективная реальность» (природа). Подчеркну, что в философии физики как разделе философского знания существует неизбежный плюрализм пониманий фундаментальных мировоззренческих и философско-методологических средств осмысления реальности. Понятие «физическая реальность» и относится к такого рода познавательным феноменам, представляя собой интегративный теоретический конструкт, который опосредованно отображает реальный мир природных процессов. Сама природа этого понятия скорее «схватывает» онтологическую содержательность, но его использование в научном познании как эпистемологического средства раскрывает его статусную методологическую роль в физике. Это означает, что смысловое содержание словосочетания «картина физической реальности» и понятия «физическая картина мира» конструируются сознанием познающего субъекта как во многом совпадающие.

Одновременно это означает, что физическая картина мира отличается не только своими историческими этапами, но и использованием физиками различных мировоззренческих и методологических установок, исходных принципов и математических средств познания. Скажем, аргументы, используемые Ю.С. Владимировым при интеллектуальном конструировании *реляционной картины мира* в качестве варианта физической картины мира вполне правомерны. Автор пишет: «Приступая к развитию реляционного подхода к физическому мирозданию и к обсуждению его возможностей напомним, что он опирается на следующие три неразрывно связанные друг с другом составляющие: 1) реляционную трактовку природы пространства-времени (как абстракцию от системы отношений между материальными объектами), 2) описание физических взаимодействий в рамках концепции дальнего действия, альтернативной общепринятой концепции ближнего действия, и 3) на принцип Маха, понимаемый как обусловленность понятий классической физики и геометрии глобальными свойствами окружающего мира» [5, с. 6].

Здесь мы убеждаемся, что реляционная картина мира не есть простое обобщение сложившихся взглядов на физическую реальность, а действительно сложный конструируемый интеллектом образ мира, основанный на синтезе отношений абстрактных исходных объектов, характере их взаимодействий в аспекте единства множественности и единого и описываемый принципиально новым математическим аппаратом бинарных систем комплексных отношений. Следует признать, что само понимание реляционной картины мира есть расширенная интерпретация разрабатываемой Ю.С. Владимировым более 20 лет дуалистической реляционной парадигмы, что означает соотнесенность и преемственность этих понятий. «Реляционная картина мира позволяет вернуться к началу XX в. и начать исследования оснований физической картины мира, исходя из самостоятельной системы понятий и закономерностей, присущих физике микромира» [6, с. 17].

Что же лежит в основе реляционной картины мира? В чем ее принципиальное отличие как от теоретико-полевой, так и геометрической картин мира? В основаниях реляционного мировидения, как уже говорилось, лежат три важнейших принципа, которые постараюсь более развернуто представить. Первый принцип – это отказ от априорно заданного представления о пространстве-времени. Так же как Ньютон в свое время постулировал существование абсолютного пространства и абсолютного времени физика XX века как само собой разумеющимся признавала первичность понятия «пространство-время». Реляционный подход, начало которому положил Г. Лейбниц, конструирует понятие «пространство-время» из более первичных отношений между исходными протообъектами, которые еще не элементарные частицы, но что-то более первичное в виде элементов двух множеств (предгеометрия). Подчеркну, что подобное признание трансцендентных объектов (протообъектов) не является для теоретической физики чем-то экстраординарным.

Второй принцип – принцип дальнего действия (*action-at-a-distance*). «Термин *дальнее действие* противоположен понятию *ближнее действие*, когда взаимодействие передается благодаря некой среды или посредника... В XX веке концепция дальнего действия в наиболее развитом виде была представлена в теории прямого межчастичного взаимодействия (*action-at-a-distance*) Фоккера-Фейнмана. В соответствии с приведенным пониманием дальнего действия в этой теории понимание полей (переносчиков взаимодействий) исключается из числа исходных понятий» [7, с. 59-60].

Третий принцип – принцип Маха, согласно которому локальные свойства материальных объектов обусловлены глобальными свойствами всего мира [8]. Мах еще в конце XIX века высказал

идею происхождения инерционной массы отдельной вещи как результирующий эффект всех масс во Вселенной. Большинство современных физиков не могут принять такую метафизическую идею. С моей точки зрения это лишь свидетельствует о естественном плюрализме, существующем в современной физике, который порождает множественность видов теоретических концепций и физических картин мира.

Основываясь на этих исходных положениях, а также идеях теории физических структур Ю.И. Кулакова, Ю.С. Владимирову удалось разработать строгий математический аппарат бинарных систем комплексных отношений, с помощью которых была создана теория бинарной геометрофизики, легшей в фундамент реляционной картины мира [9, 10]. Есть явные надежды на эвристическую ценность уже полученных результатов для дальнейшего развития фундаментальной теоретической физики.

Список литературы

1. *Владимиров Ю.С.* Метафизика и фундаментальная физика. Кн.2. Три дуалистические парадигмы XX века. М.: ЛЕНАНД, 2017. 248 с.
2. *Князев В.Н.* Эпистемологический смысл дополнительности фундаментальных парадигм в теоретической физике // После постпозитивизма. Материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2022. С. 24-27.
3. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Он же. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41-62.
4. *Эйнштейн А.* Физика и реальность. М.: Наука, 1965. 359 с.
5. *Владимиров Ю.С.* Реляционная картина мира. Книга 1-я: Реляционная концепция геометрии и классической физики. М.: ЛЕНАНД, 2021. 224 с.
6. *Владимиров Ю.С.* Метафизический характер реляционной картины мира (бинарной предгеометрии) // Метафизика, 2022, № 1 (43). С. 8-18.
7. *Владимиров Ю.С.* Реляционная картина мира. Книга 1-я: Реляционная концепция геометрии и классической физики. М.: ЛЕНАНД, 2021. 224 с.
8. *Князев В.Н.* Особенности эпистемологии Маха и реляционное миропонимание // В сборнике: Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. Труды II Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород, 2019. С. 26-29.
9. *Владимиров Ю.С.* Реляционная картина мира. Книга 2-я: От бинарной предгеометрии микромира к геометрии и физике макромира. М.: ЛЕНАНД, 2021. 304 с.
10. *Владимиров Ю.С.* Реляционная картина мира. Книга 3-я: От состояний элементарных частиц к структурам таблицы Менделеева. М.: ЛЕНАНД, 2023. 224 с.

«РАЗРЕЗ ГЕЙЗЕНБЕРГА» И «КВАНТОВАЯ СЛЕПОТА»: К ВОПРОСУ О ГРАНИЦЕ МЕЖДУ КВАНТОВЫМ И КЛАССИЧЕСКИМ МИРАМИ

Копейкин К.В.

*Кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербургская духовная академия
E-mail: kirill.kopeykin@mail.ru*

Аннотация. По словам Алена Аспе, лауреата Нобелевской премии 2022 г., обнаружение границы между квантовым и классическим мирами станет величайшим открытием XXI века. Одним из важнейших моментов квантовой физики является необходимость деления мира на две части: наблюдателя и используемые им приборы и наблюдаемую квантовую систему. При этом положение границы, именуемой «разрезом Гейзенберга», зависит исключительно от выбора наблюдателя. Произвольность проведения границы означает, что «пространство» между описываемой на языке квантовой теории физической системой и интерпретируемым в психологических терминах внутренним миром наблюдателя онтологически однородно. А это, в свою

очередь, приводит к выводу, что квантовая реальность, воспринимаемая нами как физическая, не отличается принципиально от реальности психической. Об этом же говорит и известный британский физик Боб Коке. Он утверждает, что в квантовой физике, в отличие от классической, нет аналога света как посредника между душой (психикой) и телесной (физической) реальностью. Коке называет это «квантовой слепотой». Отсюда с неизбежностью следует, что физическая (квантовая) и психическая реальности онтологически однородны.

Ключевые слова: разрез Гейзенберга, квантовая слепота, граница между квантовым и классическим мирами, психофизический параллелизм

“HEISENBERG CUT AND” “QUANTUM BLINDNESS”: ON THE QUESTION OF THE BOUNDARY BETWEEN THE QUANTUM AND CLASSICAL WORLDS

Kopeikin K. V.

CSc in Physical and Mathematical Sciences, CSc in Theology, assistant professor

St. Petersburg State University

St. Petersburg Theological Academy

E-mail: kirill.kopeykin@mail.ru

Abstract. According to Alain Aspect, the 2022 Nobel Prize laureate, discovering the boundary between the quantum and classical worlds will be the greatest discovery of the 21st century. One of the most important points of quantum physics is the need to divide the world into two parts: the observer and the instruments he uses, and the observed quantum system. The position of the boundary, called the “Heisenberg cut,” depends solely on the choice of the observer. The arbitrariness of drawing the boundary means that the “space” between the physical system described in the language of quantum theory and the inner world of the observer interpreted in psychological terms is ontologically homogeneous. And this, in turn, leads to the conclusion that quantum reality, which we perceive as physical, is not fundamentally different from mental reality. The British physicist Bob Coecke speaks about the same thing. He argues that in quantum physics, unlike classical physics, there is no analogue of light as an intermediary between the soul (psyche) and bodily (physical) reality. Coquet calls this “quantum blindness.” From here it inevitably follows that the physical (quantum) and mental realities are ontologically homogeneous.

Keywords: Heisenberg cut, quantum blindness, boundary between the quantum and classical worlds, psychophysical parallelism

Начиная с 2011 года в Москве каждый нечётный год проходит Международная конференция по квантовым технологиям — *International Conference on Quantum Technologies, ICQT*. Эти конференции собирают крупнейших учёных из ведущих университетов и исследовательских центров мира, работающих над созданием и внедрением новых квантовых технологий. Выдающийся французский физик Ален Аспе, лауреат Нобелевской премии 2022 г., принимавший участие в работе IV конференции ICQT 2017, в данном им тогда интервью отметил, что обнаружение границы между квантовым и классическим мирами станет величайшим открытием XXI века [1].

Отцы-основатели квантовой теории — прежде всего, Нильс Бор, Вернер Гейзенберг, Вольфганг Паули, а также Джон фон Нейман — отмечали, что одним из важнейших моментов квантовой физики является необходимость деления мира на две части: наблюдателя и используемые им приборы, и, собственно, наблюдаемую квантовую систему. При этом положение границы, именуемой «разрезом Гейзенберга», зависит исключительно от выбора наблюдателя [2]. Так, например, мы можем рассматривать сам измерительный прибор, глаз наблюдателя и даже его мозг как часть физического мира, описываемого квантовой механикой. Важно лишь, пишет фон Нейман в своём фундаментальном труде «Математические основания квантовой механики», что «в некоторый момент мы должны будем сказать: а это воспринимается наблюдателем» [3, с. 308].

Подчеркнём, что необходимость проведения границы между квантовым и «классическим» миром связана не с тем, что существуют системы, которые являются «фундаментально классическими», а с тем, что, как подчёркивал Бор, все опытные данные должны описываться при помощи классических понятий, ибо «словом “эксперимент” мы указываем на такую ситуацию, когда

мы можем сообщить другим, что именно мы сделали и что именно мы узнали» [4, с. 406]. Таким образом, экспериментальная установка и результаты наблюдений должны однозначно описываться на том языке, которым мы пользуемся в нашей обыденной жизни, иначе говоря — на языке классической физики.

Удивительно, что хотя с момента создания квантовой механики прошло почти столетие, до сих пор не осмыслен фундаментальный вывод, со всей очевидностью вытекающий из тезиса о произвольности границы между внешней «объективной» реальностью, которую мы называем «физической», и внутренней субъективной реальностью наблюдателя, которую мы именуем «психической». Если вдуматься, произвольность проведения границы между наблюдателем и наблюдаемой системой, того самого «разреза Гейзенберга», означает, что «пространство» между описываемой на языке квантовой теории физической системой и интерпретируемым в психологических терминах внутренним миром наблюдателя онтологически однородно — в противном случае эту границу невозможно было бы произвольно смещать. А это, в свою очередь, означает, что квантовая реальность, воспринимаемая нами как ϕ -физическая (греч. φύσις — *природа*), не отличается принципиально от реальности ψ -физической (греч. ψυχή — *дух, душа, сознание*). Собственно, принцип психофизического параллелизма (согласно которому внефизический процесс субъективного восприятия может быть описан так, как если бы он имел место в физическом мире), по сути, и означает, что внешний и внутренний, ϕ -физический и ψ -физический миры онтологически неразличимы.

Из произвольности смещения границы между наблюдателем и наблюдаемой системой возможны два следствия. Либо всё — в том числе и психика — физично («материально»), либо всё — психично. Первая точка зрения господствовала на протяжении последних трёх столетий, но сегодня, под давлением непреложных фактов, обнаруженных фундаментальной физикой, она оказалась поставлена под сомнение. Во-первых, квантовая механика упорно сопротивляется всем попыткам её материалистической интерпретации (самое яркое тому подтверждение — Нобелевская премия 2022 г.). Во-вторых, материалистическая онтология не позволяет объяснить существование психической реальности. Прежде всего, психическая реальность *субъективна*, мы её *переживаем*, и абсолютно непонятно, как субъективность может появиться в мире объектов. Кроме того, психическое, в отличие от физического, всегда на что-то *направлено, интенционально*, и совершенно неясно как интенциональность может возникнуть в мире тел. Таким образом, произвольность границы между наблюдателем и наблюдаемой системой с абсолютной неизбежностью приводит нас к выводу, что вся реальность — в том числе и та, которую мы называем физической — психична.

По существу, об этом же говорит и известный британский математический физик Боб Коке. Он утверждает, что главный урок квантовой теории заключается в том, что в ней нет процесса наблюдения — наблюдения, подразумевающего, что система обладает некоторыми характеристиками, которые наблюдатель может просто «подсмотреть» [5, с. 345]. Коке поясняет это так: рассмотрим обычную ньютоновскую механику, в которой отсутствует представление о свете. Раз нет света, то нет и приборов (и глаз!) для выполнения наблюдений. Если представить себе процесс «наблюдения» в такой модели, то окажется, что он невозможен без возмущения исследуемой системы. Действительно, представим, что мы пытаемся «наблюдать» какой-то очень лёгкий предмет, например воздушный шарик, в тёмной комнате. Очевидно, невозможно найти такой шарик не потревожив его. В квантовых системах, — подчёркивает Коке, — нет аналога той роли, которую свет и глаза играют для механических объектов. Можно сказать, что мы страдаем *квантовой слепотой* и что единственный способ познания квантового мира подразумевает некоторое возмущающее взаимодействие, подобное тому, что имеет место при поиске предмета в тёмной комнате [5, с. 396-397]. Утверждение Коке можно переформулировать так. В классической физике наблюдение осуществляется посредством «агента» (света), который является своего рода «посредником» между воспринимающей душой и внешним телесным миром (кстати, для средневековых теологов именно свет играл роль опосредующего звена между духовной, психической и телесной, физической реальностями). «Квантовая слепота», о которой говорит Коке, означает, что в квантовой физике такого посредника нет, иначе говоря, душа (психика) прикасается к телесной (квантовой) реальности непосредственно, а это, собственно, и означает, что обе они онтологически однородны.

Но если окружающая нас реальность действительно ψ -физична, то почему же мы не видим очевидных проявлений того, как наша психика воздействует на неё, ведь на уровне обыденного (классического) опыта окружающий нас мир существует так, как если бы он был «объективен» и независим от нашего сознания? С современной точки зрения причиной этого является *декогеренция*, связанная с крайней сложностью изоляции реальных систем. Если исследуемая квантовая система не

изолирована в полной мере от своего окружения, то в результате её взаимодействия с окружающей (также квантовой, а значит – ψ -хической) реальностью происходит обмен информацией. Этот информационный обмен может происходить через специально подготовленный детектор, человека или непосредственно с окружающей средой — имеет значение лишь передача информации о квантовой системе. «Кто» получит эту информацию и как её обработает — принципиального значения не имеет, наблюдатель является просто свидетелем информационного обмена.

В тот момент, когда объём «переданной» во внешнюю (квантовую, а значит — ψ -хическую) среду информации становится достаточен для того, чтобы различить прежде когерентно связанные компоненты квантовой суперпозиции, из квантовой реальности «возникает» классическая — возникает в том смысле, что мы уже не можем различить признаки «квантовости» (когерентности) системы, а видим лишь её «классичность» (де-когерентность составляющих её подсистем): суперпозиция квантовых состояний переходит в их смесь. Причём, важно отметить, такое «возникновение» происходит не мгновенно, а постепенно, и это можно наблюдать экспериментально (см. напр. [6]). Можно сказать, что окружающая среда – в пределе, вся квантовая ψ -хическая Вселенная, – играет роль «наблюдателя» для каждой своей подсистемы, а классические свойства подсистем возникают в результате усреднения по всем взаимодействиям.

Описанная концепция органично вписывается в теологический дискурс. Действительно, современное естествознание возникло в результате научной революции XVI – XVII вв. в процессе исследования Природы как второй Книги Творца. Если мир — это книга Создателя, то какова онтологическая реальность созданного Им текста? Открывающая Библию Книга Бытия повествует о творении мира Богом *из ничего* Своим Словом, $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ ’ом. В Символе веры Бог именуется Творцом — Ποιητὴς , буквально — *Поэтом* мироздания. Если мир – это *текст*, то *где* он существует? Когда поэт создаёт свои произведения, то где они возникают? Несомненно, в его внутренней реальности, реальности $\psi\upsilon\chi\eta$! Если мы, с одной стороны, логически осмыслим все то, что известно нам сегодня благодаря изучению Книги Природы, с другой — вспомним тот богословский контекст, в котором происходило формирование современной науки, — контекст двух Книг Создателя, то мы оказываемся вынуждены признать, что Вселенная представляет собою $\Psi\upsilon\chi\eta$ Творца. Разумеется, это антропоморфизм — но ведь говорим же мы о «деснице Божией» и Его «персте», о Его «гневе» и «раскаянии», о «ревности» и «любви» Вседержителя. Оставаясь в пределах традиции мы можем сказать, что Мирь есть $\Psi\upsilon\chi\eta$ Творца — $\psi\upsilon\chi\eta$ в том смысле, что, во-первых, фундаментальная квантовая реальность представляет собой не мёртвую «материю», но живую ψ -хичную, $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ -ную ткань бытия, и, во-вторых, «мы Им ($\acute{\epsilon}\nu\ \alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}$, букв. — *в Нём*) живём, и движемся, и существуем» (Дн 17:28), а потому Богу не нужно никакого «органа» для того, чтобы прикоснуться к миру, — Он имеет *непосредственный* доступ к нему так же, как мы имеем непосредственный доступ к своему $\psi\upsilon\chi\eta$ [7, с. 90–93]: Это и есть та искомая выдающимся немецким физиком и философом, лауреатом Темплтоновской премии Карлом Фридрихом фон Вайцзеккером «философия, которая объединяла бы субъект и объект в одну концептуальную структуру» [8, с. 118].

Список литературы

1. Обнаружение перехода от квантовой механики к классической станет величайшим открытием XXI века. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/39408440-obnaruzhenie-perehoda-ot-kvantovoy-mehaniki-k-klassicheskoy-stanet-velichayshim-otkrytiem-xxi-veka/?updated> (дата обращения 12.01.2024).
2. Crull E., Bacciagaluppi G. Translation of: W. Heisenberg, ‘Ist eine deterministische Ergänzung der Quantenmechanik möglich?’ [Электронный ресурс]. URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/8590/> (дата обращения 12.01.2024).
3. Нейман, фон И. Математические основы квантовой механики. Пер. с нем. М.: Наука, 1964. 368 с.
4. Бор Н. Дискуссии с Эйнштейном по проблемам теории познания в атомной физике // Бор Н. Избранные научные труды: В 2 т. Ред. И. Е. Тамм, В. А. Фок, Б. Г. Кузнецов. Т. II. М.: Наука, 1971. С. 399–433.
5. Coecke B., Kissinger A. Picturing Quantum Processes. A First Course in Quantum Theory and Diagrammatic Reasoning. Cambridge University Press, 2017. 844 p.
6. Hackermüller L., Hornberger K., Brezger B., Zeilinger A., Arndt M. Decoherence of matter waves by thermal emission of radiation // Nature. 2004. № 427. P. 711–714.
7. Копейкин К. В., *прот.* Что есть реальность? Размышляя над произведениями Эрвина Шрёдингера. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 138 с.

«НАУКА», КОТОРУЮ ПОКА НЕ ЗАМЕЧАЕТ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Крушанов А. А.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: krushanov@yandex.ru

Аннотация. Термин «наука» имеет два значения, но философский анализ был сосредоточен лишь на одном, фиксирующем лишь научную познавательную деятельность. Между тем, термин «наука» означает также «отдельную науку» (например, биологию). Но этот смысл так и не получил должной проработки. Даже в связи с решением задачи классификации наук. Автор доклада выделяет признаки, характерные для такого феномена, как «отдельная наука», выделяет и рассматривает виды наук (в том числе новые). Далее рассмотрена тенденция, характерная для научного познания в период после середины XX в. Ее специфическая особенность заключается в том, что открываются необычные «универсальные» свойства и закономерности. Удивительно, но такие свойства и закономерности равным образом открываются и в неорганических, и в органических, и в социальных системах. Это открытие новой масштабной однородности реальности, что может означать вероятность появления новой масштабной науки, направленной на широкое открытие и изучение универсальных свойств и закономерностей, на перенос знания из одной науки в другую.

Ключевые слова: философия науки, отдельная наука, кибернетика, общая теория систем, синергетика, универсальные свойства и закономерности.

“SCIENCE” WHICH PHILOSOPHY OF SCIENCES DOESN’T SEE

Krushanov A.A.

DSc in Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: krushanov@yandex.ru

Abstract. Term “science” has two meanings, but philosophical analysis is devoted yet to only one of them, which means scientific cognition. But “science” means autonomous science also (like Biology, for example). And this meaning is not developed yet. Even in the framework of science classification work. The author suggests some features, which are typical for such phenomena and discussed typical kinds of sciences. Then new trend in the development of scientific cognition is presented. It’s very surprising but contemporary cognition discovers unusual “universal” properties and laws, which are all together usual for nonorganic, organic and social systems. It means discovering of new vast homogeneity of reality. May be it’s chance for new (Grand) science to appear.

Keywords: Philosophy of sciences, autonomous science, Cybernetics, General System Theory, Synergetics, universal properties and laws.

Философией науки уже проделана большая, интересная и значимая работа. И все же до сих пор вне ее анализа находится важный феномен научного познания, который отлично знаком даже неискушенным почитателям научного поиска и его результатов. Речь идет о том, что столь важный для науки и философии науки термин «наука» неоднозначен, но систематической философско-методологической проработке подверглось лишь одно его значение – понимание «науки» как специфической познавательной деятельности, отличной от мифологического, религиозного или обыденного познания.

Попутно успехи и значимость этой работы совершенно скрыли от внимания философов науки то обстоятельство, что термином «наука» обозначается так же массив научного знания о некоторой

масштабной по объему предметной области. Именно это значение имеется в виду, когда говорится о некоторых конкретных науках - физике, химии, биологии, социологии и др.

Эти подсистемы Большой науки на виду, и все же в XX веке философско-методологический анализ научного познания данный феномен как-то пропустил. Хотя на этом этапе активно исследовались, например, такие системы научного знания, как «теории», - своеобразные первичные ячейки Большой науки. А вот выше, до уровня того, что называется «наукой» в отмеченном выше скрытом смысле, философия науки пока не пошла.

Как ни удивительно, но даже авторы появившихся работ по классификации «наук» не проявили ровно никакого интереса к тому, что же они, собственно, классифицируют. Систематизировались лишь уже стихийно выделившиеся области научного знания и деятельности (стихийно же выделенные как отдельные «науки») без всякого интереса к тому, что, собственно, означает появление в научном познании таких феноменов и какова их природа.

На пути к пониманию природы «наукомассивов»

Похоже, время анализа «науки», понимаемой как массив научного знания о некоторой масштабной предметной области, подошло. Соответственно, для внятного обсуждения затрагиваемой темы я бы даже предложил специальное рабочее разведение двух пониманий термина «наука»:

«наукотрецесс» – познавательный процесс, осуществляемый в рамках установок научной рациональности

«наукомассив» – массив научного знания о некоторой масштабной предметной области.

О том, что время обсуждения природы «наукомассивов» подошло, говорит, например, тот факт, что сегодня уже можно выделить определенные признаки того, что характерно для «отдельных наук», а также видны линии развития темы, связанные с возможным самоопределением новых наук.

Феномены типа «наукомассивов» сегодня можно охарактеризовать следующими признаками:

1. Наукомассивы формируются в результате выявления и активного изучения некоторой **новой, важной области однородных явлений**, новой однородности.

Скажем, биология возникла при обнаружении общности клеточного строения растений и животных. В свою очередь химия сформировалась в результате обнаружения того, что изучаемые вещества состоят из химических элементов.

Открываемая однородность должна представлять значительный познавательный или практический интерес, в ином случае затевать активную работу в этом направлении бессмысленно. Именно поэтому едва ли появится особая наука «зонтиковедение», направленная на изучение важного, но не масштабно класса предметов – зонтиков.

2. Наукомассив, разумеется, способен сформироваться лишь после и в результате того, что познание приобрело характер научного познания.

До этого момента знание может тоже накапливаться, но в иной форме. Скажем, появлению химии предшествовала аккумуляция алхимического знания, а прежде практического и обыденного знания о веществах.

3. Массив научного знания достигает уровня наукомассива, тогда, когда включает в себя несколько теорий или даже частных наук.

Но теорий, не конкурирующих между собой, однонаправленных, но описывающих и объясняющих различные аспекты единого предметного поля данной науки. Скажем, в химии работают такие свои теории, как теория химического строения и теория электрической диссоциации. Живой мир, изучаемый биологией, настолько сложен и разветвлен, что наукомассив биологии включает в себя не только теории, но и целые науки. К ним относятся прежде всего такие науки, как: ботаника, зоология, микробиология и антропология. По отдельным аспектам живых систем в свою очередь выделяются такие науки, как: морфология, физиология, экология. Более того, сами такого рода науки порой делятся на еще более частные науки. Например, в зоологии выделены и развиты: ихтиология, орнитология, энтомология...

Виды наук (наукомассивов)

Вопрос о видах наук в настоящее время не может считаться разработанным. Но соответствующий анализ показывает, что имеются основания для выделения следующих видов наук:

Прежде всего, конечно, значимо принятое разделение наук на прикладные и фундаментальные:

Фундаментальные науки – науки, направленные на расширение и углубление митра познания, на открытие новых законов и явлений.

Прикладные науки – науки, изучающие и решающие практически значимые задачи на основе

уже имеющегося фундаментального знания.

Комплексные науки - науки, направленные на изучение локальных реализаций структурных уровней реальности. Для таких наук объектная и предметная определенности совпадают. Скажем, биология – это наука о мире живого в целом. Для биологии мир живого одновременно и объект исследования, и его предмет.

Частные науки - науки, направленные на исследование отдельных сторон или частей объекта изучения соответствующей комплексной науки. Так, зоология – это частная биологическая наука, т.к. ею охватывается не весь мир живого, но лишь его часть. Ихтиология в этом смысле частная биологическая наука второго порядка.

Когерентные науки – науки, массив которых явным образом упорядочен, обладает связностью. Примером таких наук выступают наукомассивы вроде дедуктивных механики, термодинамики или геометрии.

Некогерентные науки – к таким наукам относятся наукомассивы, обладающие вполне аморфной структурой, не представляющие собой упорядоченное целое. Возможно и временно.

Основные науки – науки, использующие и развивающие знание об объектах одной природы. Биология, использующая для своего развития общенаучные или чисто биологические методы, - является наукой основного ряда.

Пограничные науки – науки, использующие для изучения своих объектов, знание, привнесенное из других наук. Биохимия, использующая методы химии для анализа химической стороны биологических систем, — это пограничная наука. Тоже и с биофизикой.

Состоится ли появление Grand Science?

Начиная с середины XX века, в науке наблюдается необычная новая тенденция. Она связана с последовательным открытием все новых свойств и закономерностей, которые равным образом присущи и неорганическим, и органическим, и социальным системам. Такие свойства и закономерности получили название «универсальных» и изначально оказались связаны с такими трансдисциплинарными исследовательскими направлениями, как кибернетика, системология (общая теория систем), синергетика и универсальный эволюционизм.

В этом свете приведенные направления и дисциплины могут быть определены следующим образом:

Кибернетика – наука об универсальных закономерностях управления.

Общая теория систем – область изучения универсальных закономерностей строения, функционирования и развития систем.

Синергетика – наука об универсальных закономерностях процессов самоорганизации.

Универсальный эволюционизм – область исследования универсальных закономерностей эволюционных процессов.

Универсальные свойства и закономерности удивительным образом противоречат сложившейся научной картине мира, резко разделяющей реальность на фактически не связанные и даже противопоставленные структурные уровни реальности. Тем не менее, это семейство исследований имеет тенденцию к дальнейшему росту и расширению.

Так, уже сегодня к выделенному семейству трансдисциплинарных исследований, направленных на открытие и изучение универсальных свойств и закономерностей, можно отнести исследование симметрии, колебаний и волн, экстремальности в реальных процессах. Соответственно, семейство универсальных свойств и закономерностей становится весьма внушительным и провоцирующим новые соображения.

Например, можно обратить внимание на то, что открытие универсальных свойств и закономерностей фактически означает открытие совершенно новой и масштабной однородности реальности. Этот факт важен, т.к. на этой основе, например, может быть обеспечен перенос методов и эвристик из одних областей науки в другие, скажем, менее развитые. На этом пути могут переосмысливаться прежние вопросы и решения, могут возникать новые идеи. В то же время это явный вызов принятой научной картине мира.

Все это подводит к предположению, что возможно, таким образом наблюдаются признаки зарождения масштабной новой науки (Grand Science), призванной изучать приоткрытую однородность реальности систематически.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА С ПОЗИЦИЙ НАУК О ЖИЗНИ

Лисеев И. К.

*Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: lik6841@mail.ru*

Аннотация. С позиций наук о жизни раскрываются деятельностные ориентации развития современного общества. Рассматривается ситуация, когда человеческая деятельность определяется всей научно-технической и технологической мощью человечества. Раскрываются пути преодоления противоречия между универсумом природы и универсумом деятельности.

Ключевые слова: Деятельность, Онтология, Методология, Аксиология, Ноосфера, Нейросети, Нелинейное будущее.

ACTIVITY ORIENTATIONS OF THE DEVELOPMENT OF SOCIETY FROM THE STANDPOINT OF LIFE SCIENCES

Liseev I. K.

*Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
E-mail: lik6841@mail.ru*

Annotation. From the standpoint of the life sciences, the activity orientations of the development of modern society are revealed. The situation is considered when human activity is determined by the entire scientific, technical and technological power of mankind. The ways of overcoming the contradiction between the universe of nature and the universe of activity are revealed.

Keywords: Activity, Ontology, Methodology, Axiology, Noosphere, Neural networks, Nonlinear future.

В наши дни осмысление философских вопросов, вызванных развитием современного естествознания, продолжает занимать важнейшее место в понимании бытия современного человечества. Человек, вооруженный достижениями современной науки, современными научными технологиями, становится все более могущественным в перспективах своей деятельности.

В мировой и отечественной литературе уже много сделано в анализе этого направления. Всесторонне проанализированы методологические, аксиологические и мировоззренческие аспекты исследования этих вопросов. А вот в понимании деятельностной стороны проблемы, в осознании того, что человек, ставший таким могущественным, может и должен делать, а что он делать не может и не должен, ситуация значительно сложнее.

В.А. Кутырёв, наш замечательный отечественный мыслитель, определил наше время, как время, когда человеческая деятельность преодолела границы биологической реальности и стала определяться достигнутой мощью разума [1, с. 148]. Это привело к осознанию утопичности многих, ранее высказанных идей, в частности идеи ноосферы. Ее основоположники верили, что человеческий интеллект, превращаясь в планетарную геологическую силу, приведет к упорядочению природной и социальной деятельности. Глубинное противоречие между универсумом природы и универсумом деятельности, с точки зрения ученого, при этом отнюдь не снимается.

Наоборот, оно возрастает. Ибо искусственно созданная человеком среда в результате современных технологических возможностей обретает способность к саморазвитию. У нее появляются черты, вытекающие из первоначально поставленных людьми задач. Изменяясь по своему внутреннему закону, трансцендируя за пределы, соразмерные им как конкретным живым организмом, она становится бытием, которое находится не просто «за» нами, оно и «впереди» нас [1, с. 152].

При этом, полагает автор, не только предметы, но и знания, информация, мысль, то есть то, чем мы осваиваем мир, объективируясь, отчуждаются, перестают быть подвластными нам, обретают автономные свойства. Оказывается, что «своемерное» развитие, наряду с «дочеловеческой» природной реальностью присуще и реальности «постчеловеческой», искусственной, как предметной, так и

информационной [1, с. 152]. Это ярко проявилось в ходе создания современных форм искусственного интеллекта. Так Сэм Альтман, создатель чата GPT-4 утверждал его способность к самообучению, за что и был уволен из компании OpenAI (за работы, угрожающие благополучию человечества). Однако после своего возвращения, он говорит о возможности уже в 2024 году функционирования новой нейросети Кью Стар (Q*), обладающей еще большей способностью к самообучению. Это сулит как неограниченные возможности развития такого направления, так и серьезные опасности.

Не случайно, в марте 2023 года некоммерческая организация Future of Life опубликовала письмо, в котором глава фирмы Space X Илон Маск и еще около тысячи исследователей искусственного интеллекта призвали немедленно приостановить обучение систем ИИ, более мощных чем GPT-4 из-за серьезных рисков для общества и человечества.

История развития современных технологий полна такими фактами. Достаточно вспомнить конференцию в Асиломаре, призывавшую к приостановке исследований медицинских препаратов, потенциально опасных для человечества, призывы к приостановке деятельности по клонированию живых организмов и т.д. Итог всех этих начинаний общеизвестен: они не сработали, а проблемы остались.

Наше время настоятельно требует не единичных актов, а углубленного вдумчивого исследования возникающих проблем. Одной из таких работ, поставивших задачу серьезного изучения сложной проблемы, стала монография отечественного ученого А.П. Назаретяна «Нелинейное будущее» [2]. Ученый всесторонне обсудил самоубийственную неготовность современного человеческого разума совладать с растущим инструментальным могуществом человечества. Зафиксировав фундаментальный факт регулярного ускорения эволюции на протяжении миллиардов лет, говоря об исчерпанности спонтанной эволюции, он приходит к грустным выводам: впереди или катастрофа, обвал, или временная консервация сложившегося положения, или продолжение развития в направлении «удаления от естества», т.е. отказ от биологической формы жизни в пользу ее машинного воспроизводства [2, с. 408]. Надо полагать, что такие перспективы мало удовлетворяют все еще мыслящих людей.

Автор говорит о необходимости управляемой эволюции, ставя вопрос от каких качеств может зависеть возможность удержания техно-гуманитарного баланса. Он обсуждает необходимость формирования гуманитарных детерминант будущего, говорит о необходимости радикального развития массового сознания.

Однако достаточно ли только этого?

Представляется, что в формировании деятельностных перспектив работы ученого в современных условиях с необходимостью должны учитываться не отдельные единичные, а все наработанные факторы философского анализа проблемы: онтологические, методологические, ценностные и аксиологические.

Нельзя, говоря о развитии, не соотносить его с организацией. Всегда движение вперед (вертикальные) связано с организационной структурой «здесь и сейчас» (горизонтальной). Всегда естественнонаучное знание сопряжено и глубоко взаимосвязано со знанием гуманитарным. Всегда мировоззренческие ориентации выходят не только на закономерности Земли, но и Космоса. Всегда необходимо видеть не только возможности дальнейшего развития, предлагаемые современной наукой и технологиями, но и пределы этих возможностей, ограничения и запрещения роста в конкретных направлениях. И это выступает не как нарушение принципов свободной творческой деятельности, а напротив, как ответственное отношение к пониманию перспектив существования современного человечества людей, а не роботов.

Основной задачей деятельностного преодоления противостояния естественного и искусственного в этих условиях является формирование такого мышления, которое через деятельностную ориентацию сможет предложить коэволюционный взгляд на бытие и место в нем человека.

Список литературы

1. *Кутырёв В.А.* Насколько разумна «сфера разума»? // *Философия биологии: вчера, сегодня, завтра.* М.: Институт философии РАН, 1996. С. 146-156.
2. *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. М: Издательство МБА, 2013. 328 с.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ

Минасян Л.А.

*Доктор философских наук, профессор
Донской технической государственной университет
E-mail: larmin1@mail.ru*

Лещева О.А.

*Старший преподаватель
Донской технической государственной университет
E-mail: olga_1_78@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются две основные прогрессивные научно-исследовательские программы фундаментальной физики – квантовая теория поля и геометродинамика. Определяются ключевые проблемы в попытках достижения их объединения. Центральным противоречием в недостижимости этого синтеза эксплицируется различие содержательного назначения принципа целостности в квантовой теории и в геометродинамических концепциях. Задача установления специфики перестройки квантовых подсистем на фоне макроскопической объективности космологического вакуума методологически приводит к концепции нелокального наблюдателя. Предлагается философское осмысление данной ситуации в контексте принципа монизма. Показано, что геометродинамическая стратегия основывается на необходимости связывания пространственно-временного структурирования нашего мира с динамическими процессами диссипативной активности космологического вакуума. Предлагается использование гегелевского рассмотрения взаимоотношения категорий сущности и формы, материи и формы, содержания и формы к идеологии теории суперструн.

Ключевые слова: квантовая теория поля, геометродинамика, философия, диалектика, суперструны.

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE PROBLEMS OF MODERN PHYSICS

Minasyan L.A.

*Doctor of Philosophy, Professor
Don State Technical University
E-mail: larmin1@mail.ru*

Leshcheva O.A.

*Senior Lecturer
Don State Technical University
E-mail: olga_1_78@mail.ru*

Abstract. The article considers two main progressive research programs of fundamental physics – quantum field theory and geometrodynamics. The key problems in attempts to achieve their unification are defined. The central contradiction in the unattainability of this synthesis explicates the difference in the substantive purpose of the integrity principle in quantum theory and in geometrodynamics concepts. The task of establishing the specifics of the restructuring of quantum subsystems against the background of the macroscopic objectivity of the cosmological vacuum methodologically leads to the concept of a non-local observer. A philosophical understanding of this situation is proposed in the context of the principle of monism. It is shown that the geometrodynamics strategy is based on the need to link the spatio-temporal structuring of our world with the dynamic processes of dissipative activity of the cosmological vacuum. It is proposed to use Hegel's consideration of the relationship between the categories of essence and form, matter and form, content and form to the ideology of superstring theory.

Keywords: quantum field theory, geometrodynamics, philosophy, dialectics, superstrings.

В настоящее время следует выделить две основные научно-исследовательские программы фундаментальной физики – квантовая теория поля и геометродинамика. Обе программы являются прогрессивными. Твердое ядро квантовой теории поля, представленное стандартной моделью электромагнитных, слабых и сильных взаимодействий кварков и лептонов (СМ), имеет глубочайшее теоретическое и эмпирическое обоснование, – из 118 степеней свободы модели 118 имеет надежное экспериментальное обоснование. Также в ее рамках достигнута геометрическая интерпретация физических взаимодействий на основании представлений о калибровочной природе полей и расслоений пространства-времени (внутренних симметрий), что вселяет надежду на достижение синтеза с геометродинамическим подходом. Однако остается открытым вопрос о физической природе расслоений и проблема согласования принципа целостности квантовой идеологии и принципа целостности общей теории относительности.

Вторая программа включает в себя достаточную последовательность моделей: модель суперсимметрии с двумя вариантами многомерия пространства-времени (на основании теории Калуца-Клейна и альтернативной ей бранной теории) и реализации суперсимметрии на основе модели суперструн; некоммутативная геометрия; дискретная петлевая гравитация и др. Все эти программы имеют внутренние противоречия, требующие своего четкого обозначения, и на повестку дня выдвигают проблемы философско-методологического содержания. Здесь уместно привести точку зрения одного из основоположников теории петлевой квантовой гравитации Карло Ровелли, озвученной им в книге «Физика нуждается в философии, а философия – в физике» [1].

В настоящее время проводится детальное исследование выдвигаемых в рамках этих моделей гипотез с помощью экспериментальных программ, реализуемых на современных ускорителях (Большой адронный коллайдер, ускоритель СЕБАФ в Национальном ускорительном центре им. Томаса Джефферсона (США), микротрон университета Майнца (МАМ), ускорители DAFNE -2 (Фраскати, Италия), ВЕРС-II (Пекин, КНР), ВЭПП-2000 (Новосибирск, Россия), PANDA и PAX в FAIR (Дармштадт, ФРГ)), подземные криогенные детекторы типа LUX по исследованиям динамических свойств вакуума, его хиггсовской и кварк-глюонной подсистем. Бесспорно, что это имеет решающее значение в понимании внутренней логической структуры СМ, выборе перспективных моделей в формировании теоретической позитивной эвристики. Однако достигнутые в этих экспериментах энергии есть свидетельства «эмпирической невесомости» [2], так как весьма далеки от тех масштабов, которые предсказываются теорией. Как отметил Б. Грин «Теория струн появилась десятилетия назад при попытке соединить теорию гравитации Эйнштейна, то есть общую теорию относительности и квантовую физику. Объединить их трудно, но теория струн позволяет делать это по крайней мере на бумаге» [3, с. 124]. Задача философов дать осмысление выдвигаемых теоретиками «непостижимых вопросов». Рассмотрим более обстоятельно, каковы новые реалии выдвигаемых физиками идей.

1. Установление структурных элементов Вселенной нашего обитания, уточненные значения которых получены космической обсерваторией «Планк» в 2013 году: Темная материя (ТМ) – 26,8%, космологический вакуум - Темная энергия (ТЭ) – 68,3%, остальное обычное вещество. Частицы ТМ не входят в число объектов СМ. Решение проблемы природы ТМ связывается с экспериментальной верификацией на Большом адронном коллайдере в его модернизированном состоянии. Что касается Темной энергии, то интерпретация ее в качестве исходной абстракции нашего мира должна получить обоснование с ответом на вопрос, почему цепочка спонтанных нарушений ее симметрии «в каждом сегменте фазовых переходов строго подстроена в направлении появления Жизни и Разума (антропный принцип)» [4, с.7].

2. Бозон Хиггса (БХ) входит в число объектов СМ, экспериментально обнаружен, но в существующей теории обостряется внутренняя проблема, известная как «проблема естественности» – теория не содержит естественного энергетического масштаба обрезания для эффектов взаимодействий БХ с вакуумными колебаниями других физических полей. Это приводит к необходимости «тонкой подстройки» параметра обрезания при выполнении вычислений, претендующих на сопоставление теории с прецизионными экспериментами, то есть фактически понижается достоверность предсказаний теории.

3. Возможно, что центральным противоречием является методологическая проблема, связанная с различием содержательного назначения принципа целостности в квантовой теории и в геометродинамических концепциях. Последовательно проведенная в рамках аксиоматической квантовой теории поля (АКТП) возможность описания идеи унификации полей и взаимодействия частиц, основанной на геометрических принципах, вступают в противоречие с программой познания мира в локальных экспериментах [5, с.17]. Однако выявленная невозможность на всех стадиях космологической эволюции выделения из Вселенной классической макроскопической подсистемы,

принципиальной неразложимости геометродинамических полей на классическую макрообстановку и квантовые микрообъекты, указывают на то, что динамические вакуумные процессы изучаются на границе применимости существующей квантовой теории, основанной на копенгагенской интерпретации. Построению полной квантовой динамики вакуума препятствует именно незнание природы квантовой целостности. Стоит задача установления, каким образом происходит перестройка квантовых подсистем на фоне макро представленного космологического вакуума и пространства-времени. Выход из сложившейся ситуации многие ученые считают возможным с принятием концепции нелокального наблюдателя. Отметим, что данная идея изложена в книге Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица «Теория поля»: «Под системой отсчета понималась совокупность покоящихся друг относительно друга, неизменным образом взаимно расположенных тел. При наличии переменного гравитационного поля таких систем тел не существует и для точного определения положения частицы в пространстве необходимо, строго говоря, иметь совокупность бесконечного числа тел, заполняющих все пространство, наподобие некоторой «среды». Такая система тел вместе со связанными с каждым из них произвольным образом идущими часами и является системой отсчета в общей теории относительности» [6, с. 297]. По существу, высказывается гипотеза существования нелокального наблюдателя, некоторого информационного поля как одной из подсистем космологического вакуума. Вспоминается и ноосфера В.И. Вернадского. Физики с трудом мирятся с неотвратимостью принятия подобной концепции, несмотря на знание линейных информационных полей по типу парадокса Эйнштейна-Подольского-Розена, на артикуляцию антропного принципа.

Философское осмысление данной ситуации в контексте принципа монизма в его историческом развертывании от концепции Спинозы, унифицированной системы Гегеля до работ советских, современных отечественных и зарубежных ученых может стать методологическим ориентиром в разрабатываемых теоретиками физических концепций вплоть до прорыва к «сумасшедшей теории». И уже на кончике математического пера подобные шаги прослеживаются в суперструнной суперсимметрии, в которой декларируется, как наиболее перспективная, группа симметрии нашего мира, состоящая из двух взаимообуславливающих друг друга подсистем $E_8 \cdot E_8^1$, в одной из которых шли процессы с нарушением симметрии космологического вакуума с рождением всего физического многообразия нашего мира, и второй подсистемы, в которой таких процессов не было. Стоит отметить, что с позиции материалистической диалектики к этой проблематике задолго до получения этих результатов в теоретической физике обращался Э.В. Ильенков, рассматривающий мышление как мыслящий дух, мировой разум, настоятельно отличая его от фрагментированного сознания личности. Ибо мышление выступает, как у Спинозы, в качестве атрибута материи, необходимого условия ее существования, в отличие от «частного случая» мышления, – сознания, понимаемого как модус [7].

1) Геометродинамическая стратегия во всех рассматриваемых моделях должна основываться на необходимости связывания пространственно-временного структурирования нашего мира с динамическими процессами диссипативной активности космологического вакуума (спонтанного нарушения симметрии вакуума) и инфляционного сценария эволюции Вселенной. Иными словами, должно быть дано, наконец, обоснование столь широко распространенному выражению «Пространство-время – форма существования материи». В каком смысле здесь используется категория «формы»?

С философской точки зрения это требует рассмотрения правомерности утверждения «Пространство-время – форма существования материи» в исторической ретроспективе (от Древней Греции до марксистского определения) и придания данному тезису диалектической содержательности в пространстве категориального взаимоотношения сущности и формы. Методологический аспект такого подхода настоятельно востребован позитивной эвристикой моделей суперструн, петлевой геометрии и др. В работах [4, 8] сделана попытка рассмотрения методологической совместимости гегелевского рассмотрения взаимоотношения категорий сущности и формы, материи и формы, приложения их к таким формам, как пространство и время, и идеологии теории суперструн. Показано, что различные явления в образе «качественной» материи должны иметь сущность как свое основание. Однако явленность сущности возможна только через форму, через взаимопревращение содержания и формы. Говоря о любом физическом объекте во Вселенной, ставя вопрос о его сущности как основания, мы движемся к его прародителю, космологическому вакууму и его форме как изначально присущей отрицательности этого основания. В теории суперструн такой формой выступает 11-мерное пространство-время. Причем уже найден математический результат, отвечающий на вопрос, почему из 10 пространственных измерений расширились вместе со Вселенной только три [9]. В физике раскрывается чрезвычайно увлекательная эпоха философского осмысления предлагаемых концепций. Например, в поле философско-категориального рассмотрения сущность электрона определяется через

основание как акциденции субстанционального вакуумного целого. Дальнейшее движение – это выявление конкретных мод колебаний суперструны, той самой геометрической формы его существования, которая придает ему явленность и устойчивость и определяет его содержание – спин, массу, заряд.

Список литературы

1. *Rovelli Carlo*. Physics Needs Philosophy. Philosophy Needs Physics // Foundations of Physics. 2018. 48 (5). P. 481–491. DOI: 10.22363/2224-7580-2021-3-36-46.
2. *Павленко А.Н.* Европейская космология: Основания эпистемологического поворота. М.: Изд-во «Интрада», 1997. 256 с.
3. *Грин Б.* Теория струн и природа реальности /Вселенная: емкие ответы на непостижимые вопросы/ С. Хокинг, К. Торн, Б. Грин и др. М.: АСТ, 2020. С.120-134.
4. *Минасян Л.А., Лещева О.А.* Геометродинамические концепции в контексте гегелевской методологии //Гуманитарные и социально-экономические проблемы. 2023. №4 (153). С. 5-13.
5. *Верешков Г.М., Минасян Л.А.* И дольше века длится день ... Ч.2 // Научная мысль Кавказа. 2015. №1 (81). С. 14-20.
6. *Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М.* Теоретическая физика: Учебное пособие. В 10 т. Т.II. Теория поля. М.: Наука. Гл. ред. физ.-матлит., 1988. 512 с.
7. *Ильенков Э.В.* Мышление как атрибут субстанции // Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-ое изд., доп. М.: Политиздат, 1984. С.48-57.
8. *Минасян Л.А., Бейлин В.А., Лещева О.А.* Пространство-время в современной научной картине мира // Вопросы философии. 2019. №9. С. 118 –129. DOI: 10.31857/S004287440006324-1.
9. *Greene B., Kabat D., Marnerides S.* On three dimensions as the preferred dimensionality of space via the Brandenberger-Vafa mechanism. Phys. Rev. D 88, 043527 – Published 30 August 2013. DOI: <https://doi.org/10.1103/PhysRevD.88.043527>.

ПРОБЛЕМА БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТИ: ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР И БИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯЦИЯ

Нагуманова С.Ф.

Доктор философских наук, доцент

Казанский государственный медицинский университет

E-mail: naguman@mail.ru

Аннотация. Доминирующим подходом к объяснению биологической целенаправленности является концепция цели/функции как результата естественного отбора. Главное возражение против этого подхода состоит в том, что он продолжает считать функциональными те процессы, которые в новых условиях уже не обеспечивают существующему организму адаптивное преимущество. В 2000-х годах в качестве альтернативы эволюционному подходу был предложен организационный подход. В отличие от эволюционного подхода организационный подход объясняет биологическую целенаправленность, ссылаясь не на эволюционную историю, а на текущие процессы в организме. В статье рассматривается один из вариантов организационного подхода. К. Прадо и К. Саборидо утверждают, что биологическая регуляция является формой отбора и потому является источником биологической целенаправленности. В статье поддерживается идея о том, что естественный отбор является не единственным источником биологической целенаправленности. В статье критикуется утверждение Прадо и Саборидо, что биологическая регуляция особым источником биологической целенаправленности наряду с естественным отбором. Таким особым источником в статье предлагается считать научение.

Ключевые слова: биологическая целенаправленность, функция, естественный отбор, самоподдержание организма, биологическая регуляция, научение.

THE PROBLEM OF BIOLOGICAL GOAL-FOCUS: NATURAL SELECTION AND BIOLOGICAL REGULATION

Nagumanova S.F.

DSc in Philosophy, associate professor

Kazan State Medical University

E-mail: nagouman@mail.ru

Abstract. The mainstream approach in explaining biological teleology is the conception of purpose/function as a result of natural selection. The main objection to this approach – they continues to attribute function to effects that no longer provide adaptive advantage to current organism in new environment. In 2000-s organizational approach was proposed as an alternative to evolutionary approach. Unlike evolutionary approach it explains biological teleology referring not to evolutionary history but to current processes in an organism. The article discusses one of the versions of organizational approach. J. Prado and C. Saborido argue that biological regulation is a form of selection and therefore is a source of biological teleology. The article supports the idea, that natural selection is not the only source of biological teleology. The article criticize the claim made by Prado and Saborido that biological regulation is a distinct source of biological teleology along with natural selection. The article suggests to consider learning as such a distinct source.

Keywords: biological teleology, function, natural selection, self-maintenance, biological regulation, learning.

Проблема биологической целенаправленности может быть сформулирована следующим образом: Как в физической системе, каковой является живой организм, возникает подчинение текущих процессов определенной цели (функции), т.е. такая их организация, которая способствует адаптации организма к окружающей среде?

С точки зрения теорий селективного эффекта целенаправленность возникает в процессе биологической эволюции как результат естественного отбора [1]. Назовем это эволюционным подходом. Он сформировался в ходе дискуссии о природе функции в философии биологии и на сегодняшний день остается доминирующим. Согласно теориям селективного эффекта некоторый признак (структура) организма выполняет определенную функцию потому, что это обеспечивало адаптивное преимущество носителям данного признака (структуры) в эволюционном прошлом, т.е. генетическим предшественникам организма.

Критике теорий селективного подхода посвящена большая литература. Главное возражение против этого подхода состоит в том, что он продолжает считать функциональными те процессы, которые в новых условиях уже не обеспечивают существующему организму адаптивное преимущество.

В начале 2000-х годов в качестве альтернативы эволюционному подходу был предложен организационный подход [2]. В отличие от эволюционного подхода организационный подход объясняет биологическую целесообразность, ссылаясь не на эволюционную историю, а на текущие процессы в организме. Предложены два варианта организационного подхода: в одном варианте акцент делается на самоподдержании организма, цель/функция трактуется как вклад признака (структуры) в самоподдержание системы, именно самоподдержание организма в текущих условиях считается источником целенаправленности. В другом варианте организационного подхода акцент делается на биологической регуляции – именно биологическая регуляция, будучи селективным процессом (процессом отбора), вносит (introduce) цели в происходящие процессы.

Рассмотрим подробнее концепцию биологической регуляции как источника целенаправленности в том виде как она представлена в статье К. Прадо и К. Саборидо [3]. Авторы развивают идею Д. Гарсона [4] о том, что биологический отбор существует не только в форме естественного отбора, но и в других формах. Гарсон утверждает, что нейронная селекция (neural selection) является формой биологического отбора наряду с естественным отбором. Прадо и Саборидо добавляют к формам отбора биологическую регуляцию.

Тезис Прадо и Саборидо: биологическая регуляция является формой отбора и потому является источником биологической целенаправленности. Прежде чем приступить к обоснованию своего тезиса, Прадо и Саборидо предлагают свою обобщенную концепцию отбора. Понятие отбора они трактуют широко - включают в него не только естественный отбор, нейронный отбор, биологическую

регуляцию, но даже социальный отбор (например, набор персонала с помощью экзамена). Авторы дают следующее определение отбору в широком смысле: всякий отбор предполагает дифференциальное подкрепление определенных вариаций некоторого признака (структуры, процесса, поведения). Если некий вариант признака сохраняется, воспроизводится, то это *позитивное* подкрепление, если тормозится, элиминируется, то это *негативное* подкрепление. В случае естественного отбора та или иная вариация подкрепляется через дифференциальный уровень размножения. В случае биологической регуляции вариация подкрепляется не через размножение, а с помощью механизмов саморегуляции.

Отбор в широком смысле предполагает оценку вариации признака относительно определенного стандарта оценки (*evaluative standards*). Вариации за рамками диапазона получают негативное подкрепление, в рамках диапазона – позитивное подкрепление. Прадо и Саборида утверждают, что их определение отбора в широком смысле не предполагает заранее стандартов оценки, а потому его можно использовать для объяснения возникновения биологической телеологии. Давление отбора, по их мнению, устанавливает стандарты оценки. Давлением отбора авторы называют каузальные силы, ответственные за релевантные паттерны подкрепления.

Вряд ли можно согласиться с авторами, что им удалось дать определение отбора в безоценочных терминах. Слова «позитивное» и «негативное» подкрепление уже задают оценку. На мой взгляд, оценка неизбежно присутствует в содержании термина «отбор». Далее, авторы используют термин «давление отбора», понимая под ним каузальные силы, не уточняя, что они имеют в виду под каузальными силами. Термин «давление отбора» — это термин эволюционной биологии, обозначающий степень интенсивности естественного отбора (степень, в которой организмы, обладающие определенной характеристикой, либо устраняются, либо пользуются преимуществом в определенных условиях окружающей среды). Но авторам такое понимание «давления отбора» не подходит, поскольку они претендуют на концепцию отбора в широком смысле (не только естественного отбора). Учитывая неопределенность понятия давления отбора, которое используют авторы, их утверждение о том, что давление отбора устанавливает стандарты оценки представляется весьма сомнительным. Зато такая неопределенность позволяет авторам утверждать, что биологическая регуляция является особым источником биологической телеологии наряду с естественным отбором и нейронной селекцией.

Под биологической регуляцией авторы понимают способность организмов регулировать свое поведение в связи изменениями окружающей среды с помощью регуляторных подсистем организма. В качестве примера приводится регуляция сахара в крови, хемотаксис, и другие.

Приводимые авторами примеры биологической регуляции, на мой взгляд, не демонстрируют то, что биологическая регуляция является особым источником биологической телеологии. Целенаправленность, которая наблюдается в этих примерах, обеспечивается механизмами саморегуляции организма, которые сложились в эволюционном прошлом и генетически обусловлены. В этих примерах нет возникновения новой целенаправленности, которая не зависела бы от эволюционного прошлого.

Прадо и Саборида признают, что во многих случаях цели, устанавливаемые биологической регуляцией, будут совпадать с целями, установленными естественным отбором, поскольку регуляторные механизмы сами являются результатом естественного отбора. Тем не менее они настаивают на том, что естественный отбор и регуляция являются разными источниками телеологии. Они предлагают предположить, что бактерия принимает за аттрактант субстанцию, которой не было в окружающей среде, в которой она развивалась, причем эта субстанция не полезна для ее приспособленности. В этом случае хемотаксис имел бы целью двигаться в направлении не-полезного аттрактанта, это противоречит эволюционным целям. Авторам кажется, что это говорит в пользу их тезиса. На самом деле, они упускают из виду то, что в лучшем случае бактерия станет менее приспособленной, а в худшем случае (если аттрактант ядовит) погибнет. Сможет ли индивидуальная бактерия выработать изменить заложенный в ней регуляторный механизм? Сомнительно, скорее всего новый механизм с уточненной целью может возникнуть только в ходе естественного отбора

Таким образом, трудно согласиться с авторами, что биологическая регуляция является особым источником биологической целенаправленности наряду с естественным отбором. Вместе с тем, представляется правдоподобным, что биологический отбор не сводится лишь к эволюционному отбору на основе генетических изменений (мутаций или рекомбинаций), что отбор происходит также в ходе текущих процессов адаптации индивидуального организма к среде, и что этот отбор способен вносить целесообразные изменения в эти процессы. Так, научение через пробы и ошибки вполне может быть самостоятельным источником целесообразности. Способна ли бактерия к научению?

Трудно сказать, на какой ступени филогенетической лестнице научение становится возможным. Можно предположить, что это должен быть организм, способный закреплять удачные паттерны поведения в памяти. Имеется в виду не генетическая память, а память нейронная. Организмы, имеющие сложную иерархическую структуру и наделенные психикой, способны задавать определенную целенаправленность регуляторным механизмам нижележащих уровней.

Список литературы

1. Millikan R. G. In defense of proper functions // *Philosophy of science*. 1989. 56(2). P. 288–302.
2. Mossio M., Saborido C., Moreno A. An organizational account of biological functions // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2009. 60(4). С. 813–841.
3. Prado J., Saborido C. Biological Purposes Beyond Natural Selection: Self-Regulation as a Source of Teleology / *Erkenn*. 2023. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10670-023-00695-2>.
4. Garson J. A generalized selected effects theory of function // *Philosophy of Science*. 2017. 84(3). С. 523–543.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Петрова Е.В.

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: philosophyx@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются современные глобальные тенденции развития экологии. Сделан вывод о том, что экология давно вышла за пределы биоэкологии и теперь представляет из себя комплекс наук, включающих, помимо естественнонаучной, также широкую социогуманитарную составляющую. Это социальная экология, экология культуры, экология духа, информационная экология. Все эти дисциплины объединяет универсальный экологический подход, в основе которого лежит средовой подход. Процесс формирования универсального экологического подхода схож с процессом формирования универсального эволюционизма. За счет своей диалектичности, сочетания универсального и индивидуального, экологический подход открывает новые смыслы и широкие перспективы для философии экологии. Кроме того, он может помочь повысить эффективность природоохранной деятельности за счет осознания личностной значимости окружающей среды через понятие умвельта.

Ключевые слова: экология, экология человека, философия экологии, универсальный экологический подход, окружающая среда.

UNIVERSAL ECOLOGICAL APPROACH: PROBLEM STATEMENT

Petrova E.V.

CSc in Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

E-mail: philosophyx@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the current global trends in the development of ecology. It is concluded that ecology has long gone beyond bioecology and now represents a complex of sciences, including, in addition to natural science, also a broad socio-humanitarian component. These are social ecology, ecology of culture, information ecology. All these disciplines are united by a universal ecological approach, which is based on the environmental approach. The process of formation of a universal ecological approach is similar to the process of formation of universal evolutionism. Due to its dialectic nature, the combination of universal and individual, the ecological approach opens up new meanings and broad prospects for the philosophy of ecology. In addition, it can help to increase the effectiveness of environmental protection activities by realizing the personal importance of the environment through the concept of umwelt.

Keywords: ecology, human ecology, philosophy of ecology, universal ecological approach, environment.

Говоря об экологии, в первую очередь подразумевают либо раздел биологии, изучающий взаимоотношения живых существ с окружающей средой, либо природоохранную деятельность. Но в условиях современности ни то, ни другое определение уже не может считаться полностью верным и исчерпывающим. О том, что экология не сводится к природоохранной деятельности, писал еще Н.Ф. Реймерс: «Экология как таковая – лишь фундаментальная основа для природоохранного и средоохранного знания, основа неотъемлемая и совершенно необходимая» [1, с. 13]. Но и за рамки раздела биологии экологическая наука давно вышла, говоря словами все того же Реймерса, она «расширила свой предмет за пределы биоэкологии и, соответственно, включила в круг изучения широкий спектр новых объектов. По своей общественной значимости она выросла из коротких штанишек, надетых на нее Э. Геккелем». [1, с. 12].

Современная экология превращается в целостный, универсальный подход, объединяющий методологический принцип. «Экологичность» здесь присутствует «не в привычном смысле бережного отношения человека к окружающей среде, а во всем богатстве смыслов – сосуществования и сотрудничества индивидуальных, субъективных миров живых существ» [2, с. 88].

Одна из составляющих «универсализации» экологии – ее возрастающая философская нагруженность. Философия экологии занимает все более существенное место в системе философского знания, а сама экологическая наука постепенно становится все более философски нагруженной. Это связано с чрезвычайной остротой, смысложизненностью экологических проблем, их связью с перспективами самого существования человечества: «экологическая проблема поставила человечество перед выбором дальнейшего пути развития: быть ли ему по-прежнему ориентированным на безграничный рост производства или этот рост должен быть согласован с реальными возможностями природной среды и человеческого организма, соразмерен не только с ближайшими, но и с отдаленными целями социального развития» [3, с. 299].

Таким образом, экофилософия приобретает универсальное значение и важнейшую роль в жизни человечества, она «становится областью знания, направленной на спасение человечества от грозящей ему гибели путем критического пересмотра всех направлений человеческой активности и тех областей знания и духовной культуры, которые их обслуживают, а также требований, предъявляемых ему биосферой» [3, с. 300].

Чтобы процесс превращения экологии в универсальный методологический подход стал более понятен, рассмотрим схожую тенденцию формирования универсального эволюционизма на основе теории эволюции Дарвина. По сути, универсальный эволюционизм – это распространение идеи эволюции из биологии, астрономии и геологии на все сферы действительности. [4, с. 333].

И универсальный эволюционизм, и универсальный экологический подход основаны на стремлении к объединению «представлений о трех основных сферах бытия – неживой природе, органическом мире и социальной жизни – в целостную научную картину» [4, с. 331].

Может сложиться впечатление, что экология, в отличие от универсального эволюционизма, в который входят такие теории, как модель расширяющейся вселенной, геологические эволюционные теории, неживой природой не занимается. Но, как показал Вернадский, живое и неживое в своем историческом развитии настолько тесно связаны между собой (биокосное вещество, гидросфера, атмосфера), что процесс эволюции живого невозможно проследить без эволюции неживого в их экологическом взаимодействии (биогеоценозы, биосфера).

Развитие и универсального эволюционизма, и универсального, если так можно выразиться, экологизма, связано со все возрастающей ролью биологии как лидирующей научной дисциплины, закладывающей основу научной картины мира. На этот статус биология со все большими основаниями претендует начиная с XX в.

Вообще, термин «экологизм» в данном контексте не слишком удачен. В русскоязычной традиции он используется редко, в европейской чаще, означая при этом не научный подход, а, скорее, общественное движение или политическую идеологию, основанную на эгоцентризме и направленную на сохранение окружающей среды. Но, иногда, термин «экологизм» приходится использовать для краткости, в значении «универсальный экологический подход».

Кратко проанализируем процесс распространения экологического подхода из биологии в сферу социума и культуры. Ключевым агентом этого процесса является человек как биосоциальное существо, а экология человека – переходной дисциплиной от экологии биологической к циклу «социокультурных» экологических дисциплин. Экология человека изучает его взаимодействие со

средой как индивидуального организма (проблемы адаптации, влияния факторов среды на здоровье). Социальная же экология направлена на изучение взаимодействия общества с окружающей средой. Поскольку культура, духовная жизнь, взаимодействие с информацией – неотъемлемые составляющие жизни социума, в недрах социальной экологии зарождаются такие дисциплины, как экология культуры, экология духа, информационная экология.

При всей разноплановости вышеперечисленных «экологий» основное, что их объединяет – это средовой подход. Средовой подход, являясь ключевым экологическим принципом, предоставляет обширную методологическую базу для изучения целого спектра явлений. Среда в данном случае – не просто набор окружающих объектов и явлений, а источник адаптации и развития. Биологическая экология с самого своего зарождения базируется на средовом подходе, рассматривая не отдельную особь, вид или популяцию, а систему, объединяющую живые существа, ландшафты, субстраты и абиотические факторы. Такие системы называются биогеоценозами или экосистемами. Если мы распространим средовой подход на человека (который, безусловно, является биологическим существом), то увидим, что окружающей средой для него также является совокупность биотических и абиотических факторов и объектов. Это могут быть городские ландшафты, произведения науки и искусства (книги, картины) и даже виртуальная реальность. Да, это искусственно созданная среда, но она оказывает на современного человека не меньшее, а, зачастую, гораздо большее влияние, чем природная.

Как я уже подчеркивала ранее, «универсальность и методологическая ценность экологического подхода» объясняется тем, что «окружающая среда имеется у абсолютно любого объекта или явления, ничто не существует в вакууме. Соответственно, взаимовлиянием объекта и окружающей среды можно объяснить многие особенности их становления и развития. Включается принцип обратной связи: развиваясь и изменяясь, объект оказывает воздействие на среду, изменения которой, в свою очередь, влияют на объект». [5, с. 62-63].

Необходимо подчеркнуть, что в рамках универсального экологического подхода ключевое значение имеет не просто окружающая среда, а *значимая* окружающая среда, близкая к понятию «умwelt» Я. фон Иксюля. То есть из всего многообразия окружающих предметов и явлений выделяются только те, которые обладают смыслом и значением для конкретного субъекта. Очень показательны в данной связи два примера. Первый, из области классической биоэкологии, приводит Я фон Иксюль [6]. Речь идет о клеще, кровососущем насекомом, который из окружающей среды леса выделяет только ощущение света, позволяющее ему подняться на кончик травинки или ветки (в остальном он слеп), определенный запах, свойственный теплокровным животным, побуждающий спикировать на это животное и теплоту кожи, чтобы к ней присосаться. Вся остальная окружающая среда не значима для клеща, не нужна для его выживания, ее для него не существует. Второй пример из экологии культуры, его приводит Д.С. Лихачев. Церковь Успения на Покровке в Москве, как часть городской архитектурной визуальной среды, произвела на него такое впечатление, что, как он отмечает, «я жил под впечатлением этой встречи и позже стал заниматься древнерусской культурой именно под влиянием толчка, полученного мной тогда» [7, с. 496]. Сильный, значимый визуальный образ превратился из части общего культурного фона в фактор, влияющий на выбор человеком профессионального пути.

Что нам дает развитие универсального экологического подхода? Прежде всего – позволяет по-новому подойти к осмыслению экологических проблем. Когда окружающая среда превращается из внешнего фона в значимую для нас, влияющую на наше развитие как личности среду, мы гораздо более ответственно подходим к ее защите и сохранению. Кроме того, за счет своей диалектичности, сочетания универсального и индивидуального, данный подход открывает новые смыслы и широкие перспективы для развития философии экологии.

Список литературы

1. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия молодая», 1994. 367 с.
2. Князева Е.Н. Биосемиотика: истоки междисциплинарного направления // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 86–98.
3. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Гардарики, 2006. 639 с.
4. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.

5. Петрова Е.В. Экология как методологический принцип // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Материалы XIV Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции с международным участием. Чита, ЗабГУ, 2023. 187 с. С. 55-65.

6. Jacob von Uexküll. Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen, Bedeutungslehre, S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main, 1970.

7. Лихачев Д.С. Экология культуры // Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 485–511.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Побережный А.А.

*Кандидат философских наук, учитель физики
МКОУ «Фатежская средняя общеобразовательная школа №2»
Фатежского района Курской области
E-mail: alexpob65@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые наиболее очевидные проблемы современного естественнонаучного образования в средней и высшей школе, показана их взаимосвязь и взаимозависимость, проведен анализ причин, обозначены пути поиска решений. Автор публикации преподавал и продолжает преподавать как философские, так и естественнонаучные дисциплины на различных уровнях высшего образования, СПО и в средней школе. На основании опыта работы сделаны определенные выводы и показано видение проблем в преподавании физики и других естественных наук. Помимо тех проблем, которые были обозначены в конце прошлого века, возникают новые, связанные с изменяющейся научной и социальной реальностью. Кризис образования имеет общекультурный характер. Для решения проблем естественнонаучного образования необходим целостный к ним подход. Изменения должны начинаться на мировоззренческом уровне, на уровне понимания его целей и задач, и это возможно только в рамках гуманитарного подхода.

Ключевые слова: естественнонаучное образование, кризис, внутренние и внешние проблемы, гуманитарный подход.

ON SOME PROBLEMS OF MODERN NATURAL SCIENCE EDUCATION

Poberezhny A.A.,

*PhD in Philosophy, physics teacher
The Fatezh Secondary School 2
Fatezh district, Kursk region
E-mail: alexpob65@mail.ru*

Annotation. The article examines some of the most obvious problems of modern natural science education in secondary and higher education, shows their interrelation and interdependence, analyzes the causes, identifies ways to find solutions. The author of the publication has taught and continues to teach both philosophical and natural science disciplines at various levels of higher education, vocational education and secondary school. Based on the work experience, certain conclusions have been drawn and a vision of the problems in teaching physics and other natural sciences has been shown. In addition to the problems that were identified at the end of the last century, new ones arise related to the changing scientific and social reality. The crisis of education has a general cultural character. To solve the problems of natural science education, a holistic approach to them is necessary. Changes must begin at the worldview level, at the level of understanding its goals and objectives, and this is possible only within the framework of a humanitarian approach.

Keywords: natural science education, crisis, internal and external problems, humanitarian approach.

Одной из достаточно серьёзных проблем современной философии естествознания, равно как и философии образования, является проблема естественнонаучного образования на различных уровнях и этапах, проблема его эффективности, научности, практической значимости и применимости.

Естественнонаучное направление образовательной системы призвано формировать в школьниках и студентах, прежде всего, научное (рациональное, логическое) мышление, мотивацию к изучению естественных наук, затем научную картину мира и, в конечном счете, научное мировоззрение. При этом в мировой науке постоянно происходят определенные изменения в научной парадигме современного естествознания, науки стремительно развиваются, меняется картина мира; наряду с этим на протяжении последних десятилетий имеют место существенные изменения в системе образования как в глобальном масштабе, так и на различных локальных уровнях.

О кризисной ситуации в современном образовании заговорили более полувека назад, в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века, когда вышла монография директора Международного института планирования образования Ф.Г. Кумбса «Кризис образования в современном мире: системный анализ» [1]. Автор монографии видел проблему в том, что консервативная по своей сути система образования не успевает адекватно воспринимать постоянно ускоряющиеся темпы научно-технического прогресса, не успевает осмысливать социально-политические и культурные перемены. Несколько позже, в 80-е годы, о кризисе заговорили политики, деятели культуры. Проводились национальные и международные конференции, на которых обсуждались разрабатываемые программы образовательных реформ, всевозможные пути выхода из кризиса, изучались возможности формирования новых концепций образования.

В Советском Союзе в то время ситуация была более стабильной. Однако в конце столетия, в журнале «Наука и жизнь» была опубликована статья академика РАН Н.Н. Моисеева «Кризис современного образования». Ученый пишет: «...все происходящее гораздо сложнее, чем это принято представлять. Думаю, что тот цивилизационный потенциал, который был заложен неолитической революцией, практически исчерпан. Убежден, что человечество подходит к поворотной точке своего развития» [2, с. 3].

За последние 20 лет автору публикации довелось преподавать философские и естественнонаучные дисциплины на различных уровнях высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура Курской ГСХА), СПО и в средней школе. На всех уровнях наблюдается, к сожалению, весьма низкий уровень знаний в области физики, низкий уровень мотивации к её изучению. Опыт работы позволяет сделать определенные выводы и показать своё видение проблем в преподавании физики и других естественных наук. Помимо тех проблем, которые были обозначены в конце прошлого века, возникают новые, связанные с изменяющейся научной и социальной реальностью.

База вузовского естественнонаучного, как и любого другого образования, закладывается в средней школе, там же формируются и его основные проблемы.

Рассмотрим две группы проблем системы естественнонаучного образования – внутренние и внешние. К внутренним отнесем проблемы, которые порождаются состоянием естественнонаучного образования как системы. Под внешними будем понимать проблемы, порожденные состоянием науки, общества, системы образования в целом.

Внутренние проблемы.

Разные области естествознания преподаются практически независимо друг от друга, их преподавание сильно теоретизировано, редко связано с практикой. Несмотря на декларируемую установку на функциональную грамотность, сама постановка вопроса о применении естественнонаучных знаний к решению задач в реальной жизненной ситуации достаточно фрагментарна.

Содержание естественнонаучных дисциплин направлено на усвоение знаний об окружающем мире при отсутствии должного внимания к ценностной и смысловой областям естествознания, к эстетическому и этическому воспитанию, которые в триединстве с логикой способствуют развитию личности школьника [3, с. 5].

Учебники становятся все более сложными, написаны языком, трудно поддающимся пониманию, изобилуют псевдонаучностью. Тексты длинные, логика изложения материала редко бывает доступна подросткам не только 7-8 классов, но даже старшеклассникам. У школьников не могут сформироваться устойчивые навыки работы с текстом. А это серьёзный недостаток. Сколько бы не говорилось о необходимости наглядности в процессе обучения, но не надо забывать, что когнитивные процессы, приводящие к развитию человека, связаны с девербализацией, то есть с усвоением текста путём его осмысления.

При достаточно большой учебной нагрузке школьников на физику, к примеру, выделяется в общеобразовательном классе всего 2 часа в неделю, чего совершенно недостаточно даже для того, чтобы сформировать хоть сколько-нибудь устойчивый интерес не только к предмету, но и к самому процессу познания.

Традиционные формы и методы изучения естественнонаучных дисциплин во многом устарели и стали малоэффективными.

С другой стороны, автоматизация, цифровизация и прочие реалии современности далеко не всегда приводят к положительным результатам. Так, значительно снизились навыки устного счета у школьников. А это заметно сказывается на навыках научного, особенно физического, мышления. Отсутствует оценочность суждений, школьники, да и студенты очень часто и просто допускают такие ошибки при решении задач, которые были бы немыслимы для их сверстников полвека назад.

В результате получаемого низкого качества естественнонаучной подготовки выпускников средних учебных заведений в дальнейшем наблюдается отсутствие мотивации к изучению естественнонаучных дисциплин, и изучение физики на вузовском уровне становится весьма проблематичным.

Внешние проблемы.

В какой-то мере последнюю проблему позволяют успешно решить профильные классы и классы с углубленным изучением предметов. На здесь школа сталкивается с новой серьезной проблемой, которую мы отнесем к внешним – проблема отсутствия должного количества квалифицированных кадров, которая становится все более острой, особенно в регионах. Педагогические вузы, перепрофилировавшись в университеты, стали выпускать очень мало педагогов. Но даже из этого небольшого числа по разным причинам в школу идут работать немногие. Различные формы профпереподготовки малоэффективны, чисто формальны, они не создают специалиста.

Другой внешней проблемой можно назвать весьма спорную в смысле эффективности формирования научного мышления систему аттестации в форме ОГЭ и ЕГЭ. Понятно, что эта форма была необходимой в своё время, но за время использования она трансформируется, по мнению преподавателей-практиков, не в лучшую сторону. Особенно в плане развития ребенка, в плане повышения мотивации к познанию.

Разрыв между естественнонаучным и гуманитарным образованием, свойственный нашей традиционной образовательной системе и бывший в своё время вполне допустимым, на современном этапе препятствует диалогу и сближению двух направлений общечеловеческой культуры.

Наблюдается также значительный отрыв естественнонаучного образования от достижений в развитии естественных наук, который во многом является следствием описанных выше проблем. Ведь любая нерешённая проблема порождает новые проблемы, решить которые ещё труднее.

Для решения проблем необходимо их глубокое исследование в различных аспектах и направлениях. Эти исследования проводятся как в нашей стране, так и на мировом уровне. Исследуется эволюция естественнонаучного образования, её социальные основания. Определяется объем и содержание естественнонаучного образования в целом, его отдельных уровней и дисциплин; проводится анализ адекватности содержания естественнонаучного образования требованиям современной реальности, которые обеспечивали бы развитие человеческой цивилизации [4].

Кризис образования имеет общекультурный, общецивилизационный характер. Для решения проблем естественнонаучного образования необходим целостный к ним подход. Изменения должны начинаться на мировоззренческом уровне, на уровне понимания его целей и задач, а это возможно только в рамках гуманитарного подхода. Правильное использование этих методов должно не только приобщать учеников к прекрасному, но и повышать их эмоциональную восприимчивость, что в конечном счете сформирует мотивацию на получение глубоких знаний.

Список литературы

1. *Кумбс Ф.Г.* Кризис образования в современном мире: системный анализ. М.: Прогресс, 1970. 272 с.
2. *Моисеев Н.Н.* Кризис современного образования // Наука и жизнь. 1998. № 6. С. 2-8.
3. *Побережный А. А.* К вопросу об эстетическом воспитании школьников на уроках физики // Педагогический поиск. 2021. № 12. С. 1-5.
4. *Алиева Н. З.* Постнеклассическое естественнонаучное образование: концептуальные и философские основания М.: Академия естествознания, 2008. 512 с.

ЭФФЕКТИВНЫЙ И ОНТИЧЕСКИЙ СТРУКТУРНЫЙ РЕАЛИЗМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА

Прись И. Е.

*Кандидат физико-математических наук, доктор философии (PhD),
ведущий научный сотрудник
Институт философии НАН Беларуси
E-mail: frigpr@gmail.com*

Аннотация. Мы рассматриваем разновидности эффективного реализма (ЭР) в философии физики. Лэдиман и Лоренцетти предлагают устранить проблемы, с которыми сталкиваются ЭР, улучшить и объединить их при помощи онтического структурного реализма (ОСР). На наш взгляд, ОСР содержит важные интуиции, но не является подлинно реалистической позицией. ОСР разделяет со стандартным научным реализмом метафизическое предположение о существовании внешнего мира и репрезентационализм. Мы предлагаем альтернативу: контекстуальный реализм (КР). КР утверждает категориальное различие между идеальными нормами и реальностью, в которой они укоренены, чувствительность онтологии к контексту и, соответственно, отвергает модальный реализм ОСР. Мы устанавливаем соответствие между ОСР и КР, избавляющее ОСР от спекулятивной метафизики. Структуре соответствует витгенштейновское правило/норма (в-правило). Реальные паттерны – контекстуальные объекты, идентифицируемые в-правилом в рамках языковых игр своих применений. Масштабная относительность онтологии – частный случай чувствительности онтологии к контексту. КР предлагает лучшее решение проблем теоретических реликтов, смены теорий и пессимистической (мета)индукции, чем это делают ЭР или ОСР.

Ключевые слова: эффективный реализм, онтический структурный реализм, контекстуальный реализм, квантовая механика, квантовая теория поля

EFFECTIVE AND ONTIC STRUCTURAL REALISMS FROM CONTEXTUAL REALISM POINT OF VIEW

Pris I. E.

*CSc in Physical and Mathematical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD),
Leading Researcher
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
E-mail: frigpr@gmail.com*

Abstract. We consider varieties of effective realism (ER) in philosophy of physics. Ladyman and Lorenzetti propose to solve the problems faced by ERs, to improve and unify them through ontic structural realism (OSR). In our view, OSR contains important intuitions, but it is not genuine realism. OSR shares with standard scientific realism the metaphysical assumption of the existence of an external world and representationalism. We propose an alternative: contextual realism (CR). CR asserts a categorical distinction between ideal norms and reality in which they are anchored, the sensitivity of ontology to context, and consequently rejects the modal realism of OSR. We establish a correspondence between OSR and CR, ridding OSR of speculative metaphysics. Structure corresponds to the Wittgensteinian rule/norm (W-rule). Real patterns are contextual entities identified by the W-rule within the language games of its applications. Scale relativity of ontology is a special case of ontology's sensitivity to context. CR offers a better solution to the problems of theoretical relicts, theory change and pessimistic (meta)induction than ERs or OSR do.

Keywords: effective realism, ontic structural realism, contextual realism, quantum mechanics, quantum field theory

В последнее время в философии физики возникло несколько версий так называемого «эффективного реализма» (ЭР) [1, 7]. ЭР отказывается от поиска фундаментальной онтологии и реалистически интерпретирует физико-математические схемы, которые в некоторой области своей

применимости позволяют эффективно описывать и предсказывать физические явления. Такие схемы называют эффективными теориями (ЭТ). Эффективная онтология – онтология ЭТ.

ЭР Уильямса (Williams), Фрейзера (Fraser), Догерти (Dougherty) и ряда других авторов имеет дело с ЭТ в физике высоких энергий [1, 3, 7]. Версия ЭР, предложенная Эггом (Egg), трактует любую успешную физическую теорию как ЭТ. В частности, к ЭТ автор относит квантовую механику (КМ), а точнее говоря, КМ, излагаемую в учебниках (textbook quantum mechanics) (УКМ) [2]. Эффективная онтология УКМ – функционалистская онтология. Например, референт волновой функции – реальное состояние квантовой системы – определяется её функциональной ролью. Саатси (Saatsi) отвергает функционалистский ЭР Эгга на том основании, что он склонен субстанциализировать некогерентные и противоречивые концепции, функционалистская эффективная онтология слишком промискуитетна, а УКМ на самом деле не существует. Например, с точки зрения эффективного функционализма силы гравитации Ньютона и даже силы инерции реальны, тогда как общая теория относительности (ОТО) трактует гравитационные явления в терминах кривизны пространства-времени и движения по геодезическим [6]. Согласно ЭР Фрейзера и Викерса (Vickers), общее у всех интерпретаций КМ, – это не гипотетическая УКМ, а структура возможных результатов измерений и ветвей декогеренции, кодируемая волновой функцией [4]. Отказываясь от эффективной онтологии Эгга, авторы, однако, не предлагают никакой другой онтологии. Вариантом ЭР можно считать и теорию Робертсона (Robertson) и Уилсона (Wilson), объясняющую существование теоретических реликтов, то есть элементов старых теорий в новых теориях, и тем самым позволяющую частично нейтрализовать проблему пессимистической метаиндукции [5]. Авторы предлагают заменить «горизонтальный» взгляд на сменяющие друг друга теории, согласно которому старая теория – в лучшем случае приближение к новой теории (ньютонова механика – приближение к специальной теории относительности (СТО) и КМ, СТО и КМ – приближения к квантовой теории поля (КТП) и так далее), на «вертикальный», согласно которому старая теория рассматривается как эмерджентная над новой и относящаяся к другому масштабу (области применимости). Старые теории эффективно используются и имеют свою эффективную онтологию. Теоретические реликты отсылают к реальным, хотя и эмерджентным, сущностям.

Лэдиман и Лоренцетти (Lorenzetti) (Л и Л) утверждают, что онтический структурный реализм (ОСР) позволяет устранить проблемы, с которыми сталкиваются ЭР, а также дополнить, улучшить и объединить их [8]. В первоначальной своей версии ОСР утверждал лишь реальность модальных (номологических) структур, которые рассматриваются как фундаментальные не в том смысле, что они служат в качестве окончательного фундамента для всего остального – фундаментализм ОСР отвергает, – а в том, что они не редуцируются к конкретным сущностям (entities), в частности, объектам и их свойствам. Напротив, последние редуцируются к модальным структурам. Позже ОСР был дополнен теорией реальных паттернов [9]. Само понятие заимствовано у Деннета и приспособлено к ОСР [10]. Реальные паттерны – подлинные индивидуумы. Они объясняют и предсказывают поведение мира [11, р. 203–204]. Они позволяют объединить реализм сущностей (entities) со структурным реализмом, «упростить описание относительно некоторой фоновой онтологии» [12, р. 103]. Третий элемент ОСР – масштабная относительность онтологии, что согласуется с теорией реальных паттернов. Согласно ОСР, на разных масштабах и в разных областях реальности существуют различные реальные паттерны. При этом реальные паттерны различных видов – горы, морские волны, атомы, адроны, кварки, квантовые системы, а также вирусы, государства, финансовые рынки и так далее (здесь мы ограничиваемся физикой, но ОСР естественным образом обобщается на другие области знания) – реальны в одном и том же смысле.

ОСР приписывает реальность глубинной физико-математической (модальной) структуре КМ, что придаёт метафизическое основание подходу Фрейзера и Викерса. Квантовые приборы рассматриваются как реальные паттерны, подчиняющиеся законам классической физики, то есть относящиеся к другой области реальности (макроскопическому масштабу). Как следствие, проблема измерения трактуется как псевдопроблема. Возражения Саатси против эффективной онтологии Эгга снимаются, благодаря теории реальных паттернов и масштабной относительности онтологии. Реальное существование сил гравитации Ньютона не противоречит реальному существованию кривизны пространства-времени ОТО, поскольку и то, и другое – реальные паттерны, относящиеся к разным областям (масштабам) применимости соответствующих ЭТ [8]. Аналогичные аргументы позволяют также улучшить ЭР применительно к КТП и предлагаемое Робертсоном и Уилсоном в терминах «уровней абстракции» объяснение существования теоретических реликтов, решить проблему замены старых теорий новыми. С точки зрения ОСР, «даже в случаях радикального онтологического разрыва удерживается больше, чем просто эмпирическое содержание отвергнутых теорий» [8, р. 17]. Теория

флогистона, например, истинна относительно некоторых аспектов реальности. Теоретические реликты – реальные паттерны, зависящие от масштаба.

ОСР претендует на то, чтобы быть улучшенной версией научного реализма. На наш взгляд, ОСР содержит полезные интуиции, помогает лучше понять ЭР, но не может рассматриваться как подлинно реалистическое решение возникающих в философии физики проблем. ОСР разделяет со стандартным научным реализмом предположение о существовании внешнего мира и репрезентационализм. Отличие между этими двумя метафизическими позициями в том, что вместо автономных объектов внешнего мира ОСР предполагает существование автономных модальных структур (законов) внешнего мира; одна онтология заменяется на другую. Теория – представление таких реальных структур. Реальный чувственный опыт, между которым и реальностью нет никакой дистанции и в котором возникает и укоренено идеальное, не принимается во внимание. То есть, подобно научному реализму, ОСР не делает категориального различия между идеальными нормами (правилами) и реальными вещами, а натурализирует идеальное в виде реальных структур (научный реализм объективирует реальное).

Существование предопределённых модальных структур (законов природы) можно отвергнуть на тех же основаниях, на которых можно отвергнуть существование предопределённых объектов внешнего мира и их свойств. Имплицитное предположение, о существовании у самой реальности идеального (концептуального, нормативного) измерения – антиреалистическое (идеалистическое). Концепты, нормы, правила, законы не часть реальности, а способ её схватывать, что-то с ней делать. В реальности есть как объекты, так и структуры, в том числе и физические, но они контекстуальны. Это значит, что они не (пред)определены, не имеют идентичности до своей идентификации (что можно рассматривать как тавтологию).

Реальные паттерны ОСР не автономны, а зависят от модальных структур. И сами структуры зависят от масштаба и области реальности. Тем не менее, как кажется, эта зависимость ещё не является подлинно контекстуальной. В рамках ОСР она выглядит как зависимость от внешних условий, параметра, области и т. д. Натуралистическая метафизика ОСР сохраняет некоторую автономию модальных структур.

Избавить ОСР от антиреалистической метафизики и улучшить его позволяет наш контекстуальный реализм (КР), трактующий физическую теорию как (идеальное) витгенштейновское правило (норму) (в-правило), измеряющее реальность в рамках языковых игр своих применений и идентифицирующее в их контексте реальные сущности. В-правило (норма) первична в том смысле, что лишь при её наличии имеет смысл говорить об (определённой) онтологии [13]. Устанавливается, таким образом, естественное соответствие между КР и ОСР. Модальной структуре (ОСР) соответствует в-правило/норма (КР). Как пишет Бенуа, «нормы (...) не имеют другого назначения, как схватывать структуры. И наоборот: структура есть в точности то, что схватывается нормой там, где она применяется нужным образом в нужном контексте» [14, р. 106]. В-правила/нормы идеальны, не часть реальности. Но они укоренены в реальности, то есть имеют реальные условия своего существования и применения, объективно существуют. Объективность модальной структуры – это прежде всего объективность в-правила/нормы, а не автономной структуры внешнего мира. Онтологии реальных паттернов (эффективной онтологии в рамках ОСР) в рамках КР соответствует онтология, чувствительная к контексту [13, 15]. (Ранее мы интерпретировали интенциональный реализм Д. Деннета как разновидность КР [16; 17, с. 591–600].) Масштабная относительность онтологии – частный случай чувствительности онтологии к контексту. Используемое Л и Л определение реального паттерна мы переформулируем следующим образом: реальный паттерн – нормированный (идентифицированный) элемент реальности, то есть реальный (контекстуальный) объект (в широком смысле). Реальные паттерны как контекстуальные объекты – робустные (robust) сущности в том смысле, в котором это понятие определяется в ЭР: «доступные (детектируемые, измеряемые, выводимые, определяемые, производимые и т.п.) различными независимыми способами» сущности [18, р. 95]. Лэдиман также пишет: «Объекты – это прагматические устройства, используемые агентами для ориентации в пространстве-времени и построения приблизительных представлений о мире» [19]. Для КР идеальный объект – принцип идентификации, «мера данного, а не данное само по себе» [14, р. 214]. Реальный объект – реализация идеального объекта.

КР заменяет функционализм Эгга витгенштейновским прагматическим подходом, согласно которому «смысл/значение есть употребление», то есть (контекстуальная) языковая игра. Например, Эгг определяет функционально спин. Для КР спин – это то, к чему отсылает термин «спин» в рамках теории и практики её корректного употребления. Такой подход не сталкивается с теми проблемами, с которыми сталкивается стандартный функционализм, поскольку он укореняет функцию в реальности (языковых играх) и превращает её в в-правило (норму) [20, Гл. 7].

Поскольку с точки зрения КР онтология чувствительна к контексту, реальность ньютоновских гравитационных сил не противоречит онтологии ОТО (ответ на возражение Саатси). В общем случае гравитация может трактоваться с точки зрения геометрической, теоретико-полевой, а также в контексте квазиклассического приближения [21].

КР объясняет процесс замены старых теорий новыми в терминах рационального обобщения в-правила/нормы (что отсылает к витгенштейновской проблеме следования правилу) [22]. Это придаёт строгий смысл тезису ОСР о сохранении в процессе развития физики некоторых математических структур.

Рютше (Ruetsche) считает, что ЭР в КТП – «эффективный эмпирицизм», а не реализм. Например, фононы удовлетворяют критерию реальности, предлагаемому ЭТ, но, с её точки зрения, не являются реальными в том же смысле, в котором реальны электроны [23]. Согласно КР, фононы так же реальны, как и электроны, но у них другая природа (онтология). Рютше считает, что позицию реализма ставит под вопрос также масштабная относительность онтологии: «Адроны (не реальны *tout court*), а реальны на атомных масштабах» [23, p. 311]. КР соглашается, что это релятивистский способ выражения, рассматривающий контекст как нечто внешнее по отношению к паттернам. Для КР нет смысла говорить, что на других масштабах адроны не существуют, поскольку на других масштабах они просто не имеют смысла. Таким образом, в известном (контекстуальном) смысле существование адронов абсолютно.

В рамках ОСР существуют трактовки информационных интерпретаций КМ [24]. Это согласуется с тем, что такие интерпретации нельзя считать реалистическими. Мы, например, утверждали, что принцип информации Цайлингера является идеалистическим и предложили заменить его на реалистический принцип контекстуальности [25].

Список литературы

1. *Williams P.* Scientific realism made effective // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2019. Vol. 70(1). P. 209–237.
2. *Egg M.* Quantum ontology without speculation // *European Journal for Philosophy of Science*. 2021. Vol. 11(1). P. 1–26.
3. *Fraser, J. D.* Towards a realist view of quantum field theory // *Scientific Realism and the Quantum*. Eds. S. French and J. Saatsi. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 276–292.
4. *Fraser J. D., Vickers P.* Knowledge of the quantum domain // An overlap strategy [Электронный ресурс]. URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/21695/>. (дата обращения: 02.01.2024).
5. *Robertson K., Wilson A.* Theoretical relics: Progress, reduction, and autonomy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/724445>. (дата обращения: 02.01.2024).
6. *Saatsi J.* (In)effective realism? // *European Journal for Philosophy of Science*. 2022. Vol. 12(2). P. 1–16.
7. *Dougherty J.* Effective and selective realisms [Электронный ресурс]. URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/21830/>. (дата обращения: 02.01.2024).
8. *Ladyman J. & L. Lorenzetti.* Effective ontic structural realism [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/rec/LADEOS>. (дата обращения: 02.01.2024).
9. *Ladyman J. & Ross D.* *Every Thing Must Go*, Oxford University Press, 2007. 346 p.
10. *Dennett D. C.* Real patterns // *The journal of Philosophy*. 1991. Vol. 88(1). P. 27–51.
11. *Ladyman J.* Are There Individuals in Physics, and If So, What Are They? // *Individuals Across the Sciences*. Eds. A. Guay and T. Pradeu. Oxford: Oxford University Press, 2015. 424 p.
12. *Ladyman J.* Scientific realism again // *Spontaneous Generations*. 2018. Vol. 9(1). P. 99–107.
13. *Прись И. Е.* Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб: Алетейя, 2020. 354 с.
14. *Benoist J.* *L'adresse du réel*. Paris: Vrin, 2017. 376 p.
15. *Прись И. Е.* Бозон Хиггса, квантовые струны и философия физики. СПб: Алетейя, 2021. 192 с.
16. *Прись И. Е.* Интенциональный реализм Деннета // *Философские исследования Института философии НАН Беларуси*. 2022. Выпуск 9. С. 298–307.
17. *Прись И. Е.* Знание в контексте. СПб: Алетейя, 2022. 720 с.
18. *Wimsatt W. C.* *Re-engineering philosophy for limited beings: Piecewise approximations to reality*, Harvard University Press, 2007. 472 p.
19. *Ladyman J.* Structural Realism, // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Ed. E. N. Zalta. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/structural-realism/>. (дата обращения: 09.01.2024).

20. *Прись И. Е.* Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики. М.: Ленанд, 2023. 304 с.
21. *Прись И. Е.* Контекстуальный реализм в физике // Сборник трудов Института философии НАН Беларуси «Философские исследования». Выпуск 5. Минск: «Беларуская навука», 2018. С. 250–264.
22. *Прись И.Е.* О классических концептах в квантовой механике // Основания фундаментальной физики и математики: материалы VII Российской конференции (ОФФМ-2023) / ред.: Ю.С. Владимиров, В.А. Панчелюги. Москва: РУДН, 2023. 325 с. – С. 27–36.
23. *Ruetsche L.* Perturbing realism // Scientific Realism and the Quantum. Eds. S. French and J. Saatsi. Oxford: Oxford University Press, 2020. 336 p.
24. *Dunlap L.* Is the information-theoretic interpretation of quantum mechanics an ontic structural realist view? // Studies in history and philosophy of science. 2022. Vol. 91. P. 41–48.
25. *Прись И. Е.* О фундаментальном концептуальном принципе квантовой механики // Философия науки. 2021. №. 4 (91). С. 82–92.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПРИКЛАДНОЙ НАУКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТИРОВАНИЯ)

Пружинин Б.И.

*Доктор философских наук
Институт философии РАН
E-mail: prubor@mail.ru*

Аннотация. При определении качества экспертизы в центре внимания обычно оказываются две ее характеристики: с одной стороны, оценивается соответствие ее инструментария специфическим параметрам реальных ситуаций, перспективы развертывания которых как раз и требуют экспертной оценки, а с другой, – соответствие этого инструментария социальному запросу, для ответа на который собственно и приглашен эксперт. При этом, речь, конечно, может идти и об объективности самого эксперта, о его компетентности, корректности и прочее, но и в таком случае за личностными оценками обычно стоит оценка конкретного массива знаний, на которые эксперт фактически опирается, анализируя потенциал конкретной ситуации и смысл конкретного запроса на экспертизу, фактически ориентирующего применение экспертом этого знания. Собственная активная позиция эксперта при этом во внимание не принимается, более того, даже исключается как фактор, субъективирующий экспертизу. Между тем, сегодня положение дел в области социально ориентированных экспертных практик меняется. И существенную роль в этом процессе играют изменения, затрагивающие, помимо всего прочего, также и роль научной экспертизы.

Ключевые слова: прикладная наука, экспертиза, полидисциплинарность, воспроизводимость, эпистемология, знание

EPISTEMOLOGICAL POTENTIAL OF EXPERTISE IN CONTEMPORARY APPLIED SCIENCE (BASED ON SURVEY MATERIALS)

Pruzhinin B.I.

*DSc in Philosophy
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences
E-mail: prubor@mail.ru*

Abstract. When determining the quality of expertise, usually two of its characteristics are at the center of attention: on the one hand, the correspondence of its tools to the specific parameters of real situations are assessed, the unfolding prospects of which require expert assessment, and on the other hand, the correspondence of these tools to the social, in essence, demand, which is what the expert is called upon to address. Moreover, it may also concern the

objectivity of the expert himself, his competence, correctness, and so on. However, even in such a case, the personal assessment typically revolves around a specific body of knowledge that the expert relies on, analyzing the potential of a particular situation and the meaning of a specific request for expertise, essentially guiding the expert's application of this knowledge. The expert's own active position is not taken into account, moreover, it is even excluded as a factor that subjectivizes the expertise. However, today, the situation in the field of expert practices is changing. And significant role in this process is played by the changes that affect, among other things, the role of expertise in modern science.

Keywords: applied science, expertise, multidisciplinary, reproducibility, epistemology, knowledge

Позволю себе напомнить: обращение к сведущим советчикам для уточнения перспектив развертывания той или иной реальной ситуации (а тем более, для прояснения результатов вмешательства в нее) – явление обычное, можно даже сказать, естественное в деятельности человека. Собственно же экспертиза (и, соответственно, термин ее обозначающий) сложилась в ходе попыток продумывать неочевидные перспективы развертывания ситуаций, через обращение к более или менее строгому научному знанию (изначально, к знанию медицинскому). Сегодня экспертиза апеллирует именно к науке. Но сами ученые, осуществляя, по существу, экспертную оценку новых научных достижений внутри науки, до недавних пор даже термин «экспертиза» не использовали. В области методологического сознания науки речь, как правило, шла об обязательной перепроверке полученных результатов через их репликацию либо по методологическим стандартам эмпирического воспроизведения, либо через их соотнесение со стандартами научности теоретических конструкций. Такое положение дел в области оценки научности знания начало меняться с середины XX века, по мере нарастания практико-прагматических ориентаций в научной деятельности [1, 2].

В принципе, наука во все времена несла в себе те или иные практико-прикладные установки. Но к XXI столетию наука превратилась в социальную институцию. В ней стали превалировать установки на разработку результатов, ориентированных на непосредственную практическую эффективность, а не на достижение знания о мире, что повлекло весьма серьезные трансформации в методологической структуре познавательной деятельности (см.: [3, 4, 5]). В частности, полученное знание зачастую предстает в формах, удобных для решения определенной (уникальной) технологической задачи, но не предполагающих их непосредственное включение в исследовательскую работу, направленную на приращение знания как такового. Такому дифференцированию научных поисков способствует еще и сложившаяся к XXI веку система частных исследовательских центров, не информирующих о новых результатах по соображениям конкуренции. Но, тем не менее, исходные культурные установки на развитие знания как такового, на его исторический рост, сохраняются [6]. И в их поддержке особую роль играет именно экспертиза, которая в ходе оценки практической эффективности прикладных научных результатов акцентирует также их ограниченность. В результате, в поле зрения работающего внутри науки эксперта, так или иначе, попадают и те аспекты реальности, которые находятся вне социального запроса [7].

Таким образом, эксперт, отдавая себе отчет о том, что остается вне прикладной исследовательской перспективы, получает возможность (подчеркну, именно возможность), эксплицировать и то, что может стать предметом его исследования, но уже как ученого [8]. К такой позиции его подталкивает и еще один момент, практически напрямую связанный с осознанием ограниченности прикладных аспектов оцениваемого им знания. К выходу за эти «заказанные» границы, к самостоятельному исследованию, как это ни парадоксально, его стимулирует еще и нарастающая в современной науке полидисциплинарность прикладных исследований и соответствующего экспертного анализа их результатов [9]. Наличие указанных трендов, фактически превращающих экспертов в ученых, готовых разрабатывать фундаментальную научную проблематику, подтверждают приведенные ниже результаты анкетирования (анонимного) среди членов редколлегии четырех научных журналов, ориентированных на разработку прикладных исследований в естественных науках («Горный журнал», «Обогащение руд», «Цветные металлы», «Черные металлы»). Респондентам было предложено высказать свое понимание экспертного знания и качественных характеристик эксперта [10]. Приведу наиболее показательные ответы.

Какими качествами, согласно Вашему опыту, должен обладать эксперт в междисциплинарных (в т.ч. на стыке гуманитарных и естественных/технических наук) исследовательских проектах (если таковые существуют в Вашей отрасли науки)?

«Эксперт должен обладать определенным уровнем компетенций в своей профессиональной

сфере (что, естественно, является обязательным требованием), но и обладать определенной эрудицией в таких сферах как социальная психология, экономика, философия науки и техники» (член редколлегии «Горного журнала»).

«Даже в рамках одной отрасли науки, в частности горной науки, возникают сложности в части объективной оценки рецензируемого материала, часто междисциплинарного характера, так как требуется очень широкий круг познаний. Помогает накопленный с годами профессиональный опыт. Если рецензент чувствует свою недостаточную компетенцию в той или иной области знаний, от рецензирования лучше заблаговременно отказаться, это не возбраняется. Последнее исключит необъективность оценки» (член редколлегии «Горного журнала»).

«Критическое мышление и непредвзятость. Готовность осваивать новые подходы, выявлять и воспринимать новые практики. Готовность непрерывно проверять и пересматривать валидность технических, технико-экономических, правовых постулатов, ранее принятых в качестве объективной истины (этого требуют стремительное развитие технологий, появление новых знаний, меняющаяся геополитическая и экономическая конъюнктура). Знание стратегий экономики замкнутого цикла. Комплексный подход к оценке, ставящий во главу результирующую экологическую и ресурсную эффективность (Life Cycle Approach). Обширная экспертиза в области технологий» (член редколлегии журнала «Обогащение руд»).

«Профильное образование, большой стаж работы по специальности, знание иностранных языков (англ. технического, прежде всего), знание отечественного и зарубежного опыта проектирования ОФ, базовое владение компьютером и возможностями Интернета» (член редколлегии журнала «Обогащение руд»).

«Если говорить о профессиональных качествах, то эксперт, прежде всего, должен быть грамотным. Например, огромная проблема, которая проявляется при обсуждении узко-дисциплинарных вопросов – незнание теории, основ. Даже многие преподаватели убеждены, что главное – это знать технологии, технологические схемы. Если проект попадает на рассмотрение к такому эксперту, то он может принять любой фантастический план, даже если для его реализации нужно нарушить законы природы. Очень плохо, когда приходит заключение эксперта, написанное неграмотно с точки зрения русского языка. Казалось бы, что это дает в контексте его оценки работы? – Сомнение в ее справедливости. Когда работа лежит на стыке дисциплин, адекватно ее оценить может только эрудированный человек, который при необходимости не поленился найти дополнительную информацию и сможет ее критически проанализировать» (член редколлегии журнала «Цветные металлы»).

«Компетентность в оцениваемых экспертизами научных направлениях проектов. Сталкивался с некорректной оценкой гуманитарными специалистами уровней опасности/безопасности промышленного производства, особенно в части природоохранной деятельности» (член редколлегии журнала «Цветные металлы»).

«Хорошим научным кругозором, эрудированностью и объективностью при рассмотрении представленных материалов. Давать достаточно полную и обоснованную аргументацию при оценке эффективности или недостатков рецензируемых проектов» (член редколлегии журнала «Черные металлы»).

Влияют ли внешние факторы на эксперта и процесс экспертизы? Каковы, на Ваш взгляд, условия объективности экспертных заключений?

«Условия объективности – соблюдение экспертами профессиональной этики; отказ от экспертизы в случае конфликта интересов» (член редколлегии «Горного журнала»).

«Условием для аналитического исследования и формирования более объективной оценки эксперта должны быть: полнота информации для исследования; анонимность эксперта и объекта экспертизы; неконформизм эксперта» (член редколлегии «Горного журнала»).

«На процесс экспертизы влияют: тесные связи, существующие в рассматриваемом профессиональном сообществе (ожидания коллег, просьбы и возможность давления со стороны влиятельных участников процесса, взаимная поддержка); в случае недостаточной компетентности эксперта – общепринятые суждения по рассматриваемому вопросу. Объективность эксперта в таких условиях может быть обеспечена сочетанием профессионализма, критического мышления, внутренней порядочности» (член редколлегии журнала «Обогащение руд»).

«Внешние факторы могут влиять на эксперта, если у него есть личная заинтересованность. Как создать условия объективности экспертных заключений, честно говоря, не знаю. Одна из причин субъективности – знакомство (очное или заочное) эксперта и авторов проекта. Анонимно провести экспертизу практически нельзя, потому что в узком кругу специалистов все знают, кто и чем

занимается. В крайнем случае, можно найти близкие по теме работы в Интернете и по стилистике изложения определить авторство. В этом вопросе определяющими являются человеческие качества эксперта, его беспристрастность, но и экспертов ведь тоже выбирают люди, у которых свои цели...» (член редколлегии журнала «Цветные металлы»).

«Влияют. Надо находиться на “острие” развития науки. Объективность зависит от возможности эксперта обладать необходимыми знаниями, а также не быть “зашоренным” в определенной области» (член редколлегии журнала «Цветные металлы»).

«Да, влияют. Зачастую, оценка, даваемая экспертом, может зависеть от межличностных отношений с другими экспертами. На ход экспертизы могут повлиять и личностная заинтересованность эксперта, то есть его необъективность, и другие личностные качества» (член редколлегии журнала «Черные металлы»).

Список литературы

1. Лаймон Р., Франклин А. Воспроизведение эксперимента Часть II // Вопросы философии. 2021. Т. № 9. С. 118–131.
2. Пружинин Б.И. Воспроизводимость эксперимента как инструмент познания (эпистемологический анализ) // Вопросы философии. 2021. Т. № 10. С. 18–28.
3. Юдин Б.Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы // Век глобализации. 2008. № 2. С. 146–154.
4. Юдин Б.Г. Экспертиза в обществе знаний // Знание в социокультурном пространстве / Под общ. ред. В.С. Степина. М.: Экономическое образование, 2011. С. 313–344.
5. Туманов С.В., Оносов А.А., Савина Н.Е. Гуманитарная экспертиза: теоретические подходы и практики их реализации // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017. № 5. С. 97–112.
6. Горохов В.Г., Декер М. Оценка социальных рисков технологических инноваций (обзор научной конференции в Берлине) // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 176–181.
7. Щедрина И.О., Журавель Е.П. Какой эксперт для науки ценен? (К вопросу о типологических характеристиках экспертного знания) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. № 38(4). С. 562–571.
8. Пружинин Б.И. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37 (3). С. 393–402.
9. Пружинин Б.И. Трансдисциплинарность в контексте дихотомии прикладного и фундаментального в науке // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 252–262.
10. Пружинин Б.И., Журавель Е.П. Специфика экспертной деятельности в современной прикладной науке (обзор результатов анкетирования) // Вопросы философии. 2024. № 5. С. 211–218.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

Редникина В.Е.

*Аспирант кафедры философии
Вологодский государственный университет
Заведующая лабораториями кафедры биохимии,
биотехнологии и биоинженерии
Самарский университет
E-mail: valentina-8107@mail.ru*

Аннотация. Тема трансдисциплинарности вырастает из новейших тенденций развития современной науки и культуры в целом. Возникли экологические, технологические, биоэтические направления, которые требуют согласованных действий и осмысления. Такого рода объединения выступают естественным основанием для возникновения трансдисциплинарности как одной из форм постнеклассической науки. При этом трансдисциплинарным мы называем такие познавательные ситуации, в которых

по разным причинам научный разум (как в науке, так и в философии) вынужден в поисках целостности и собственной обоснованности осуществить трансцендирующий сдвиг в пограничную сферу с жизненным миром. Возникают новые или по-новому звучащие проблемы в различных областях человеческой деятельности. Именно методы искусственного интеллекта дают возможность решать многочисленные сложные задачи благодаря тому, что они обладают большим числом степеней свободы вариантов поиска решений, которые приближаются к бесконечности.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, искусственный интеллект, актор, хартия, холистический, многоаспектный.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A DEVELOPMENT TOOL FOR TRANSDISCIPLINARY APPROACH

Rednikina V.E.

Postgraduate student of the Department of Philosophy

Vologda state University

Head of Laboratories, Department of Biochemistry, Biotechnology and Bioengineering

Samara University

E-mail: valentina-8107@mail.ru

Abstract. The topic of transdisciplinarity grows out of the latest trends in the development of modern science and culture in general. Environmental, technological, and bioethical trends have emerged that require coordinated action and reflection. These types of associations act as a natural basis for the emergence of transdisciplinarity as one of the forms of post-non-classical science. At the same time, we call transdisciplinary such cognitive situations in which, for various reasons, the scientific mind (both in science and in philosophy) is forced, in search of integrity and its own validity, to make a transcendental shift to the border sphere with the life world. New or new-sounding problems arise in various areas of human activity. It is artificial intelligence methods that make it possible to solve numerous complex problems due to the fact that they have a large number of degrees of freedom in finding solutions that are approaching infinity.

Keywords: transdisciplinarity, artificial intelligence, actor, charter, holistic, multidimensional.

В настоящее время трансдисциплинарные исследования часто организуются при необходимости выработки стратегии действия по социально значимому вопросу в отношении систем сложной природы и проблем. Это вызвано тем, что, хотя многообразные подходы к объекту могут непротиворечиво сосуществовать на уровне познания, на уровне деятельности они приводят к противоречащим друг другу решениям, в каждом из которых учтена лишь часть онтологических уровней системы. В таких ситуациях социальная практика выявляет и заставляет преодолевать фрагментарность картины мира, атрибутивную для современной науки с ее дисциплинарной структурой, создавая социальный запрос на целостную картину мира.

Е.Н. Князева описывает трансдисциплинарность как исследовательскую стратегию, которая пересекает дисциплинарные границы и развивает холистическое видение. Трансдисциплинарность в узком смысле означает интеграцию различных форм и методов исследования, включая специальные приемы научного познания, для решения научных проблем. Трансдисциплинарность в широком смысле означает единство знания за пределами конкретных дисциплин [1, с. 193]. В.С. Мокий трактует трансдисциплинарность как «способ расширения научного мировоззрения, заключающийся в рассмотрении того или иного явления, не ограничиваясь рамками какой-либо одной научной дисциплины, трансдисциплинарный подход как методологию распознавания и исследования Единой упорядоченной среды [2, с. 368]. В зарубежной литературе основным документом трансдисциплинарного движения, представляемого CIRET, является так называемая Хартия трансдисциплинарности. В статье 6 говорится, что в сравнении с междисциплинарностью и мультидисциплинарностью, трансдисциплинарность является многоаспектной и многомерной. Принимая во внимание различные подходы к пониманию времени и истории, трансдисциплинарность не исключает транс-исторического горизонта [3].

Сама трансдисциплинарность представляет собой неоднородное явление, мы можем выделить различные уровни и формы её реализации. Согласно результатам исследований, бельгийского ученого Э. Джаджа в современной науке существует четыре вида трансдисциплинарности. Наиболее общим видом, является трансдисциплинарность–1. Этот вид трансдисциплинарности основывается на усилиях формальной взаимосвязи пониманий отдельных дисциплин. Он обеспечивает формирование логических мета-рамок, посредством которых, их знания могут быть интегрированы на более высоком уровне абстракции, чем это происходит в междисциплинарности. Трансдисциплинарность–1 часто используется при работе различных экспертных систем, и экспертных групп.

Трансдисциплинарность–2 имеет более тесную внутреннюю связь с личным опытом исследователя, включая медитацию. Трансдисциплинарность–2 и трансдисциплинарность–1 контрастируют с двумя другими видами трансдисциплинарности. Так, например, иллюстративное использование метафоры и образного языка может рассматриваться, как исходная форма трансдисциплинарности (трансдисциплинарность–0). В этом её отличие от другого вида трансдисциплинарности (трансдисциплинарность–3), связанной с использованием генеральных метафор, имеющих фундаментальное познавательное значение.

Трансдисциплинарность–4 позволит осуществить общенаучную классификацию и систематизацию дисциплинарных знаний. После такой обработки, дисциплинарные знания становятся полностью адаптированными к их совместному использованию в решении научно-исследовательских и практических проблем любой сложности и комплексности [4].

Появление высокотехнологичного знания и активное внедрение искусственного интеллекта в научную сферу существенно изменяет парадигму научных исследований. Сегодня дистанция между созданием теоретической модели и достижением практического результата стала короткой как никогда. В итоге появление новых технологических возможностей зачастую существенно опережает знание о фундаментальных основах, которые в них заложены, а также о последствиях их использования. Именно поэтому внедрение новых технологий должно предваряться исследованиями возможных социальных последствий, допустимых границ их применения, разработкой эффективных механизмов управления рисками.

Для трансдисциплинарного дискурса искусственный интеллект является инструментом для исследователя, с одной стороны он предоставляет пространство для взаимодействия, а с другой стороны сам по природе своей трансдисциплинарен и непредвзят. К примеру, ChatGPT на обыкновенный запрос, может сгенерировать нестандартный ответ, собранный из различных областей научных и ненаучных знаний, так как генеративные сети не понимают контекста в отличие от человека.

Тем не менее ИИ активно включился в нашу жизнь. Если по закону Мура развитие будет продолжаться с той же скоростью, как в течение последних тридцати лет, то к 2025 году центральные процессоры достигнут такого же уровня вычислительной мощности обработки, что и мозг человека [5, с. 138]. Группа Deep Knowledge, создает ряд высокотехнологичных проектов — осуществляя инвестиции в науки о жизни (исследования в области лечения рака, генетических заболеваний, борьба со старением и развитие регенеративной медицины); кибербудущее (это среда для различных видов искусственного интеллекта, виртуальных агентов, роботов и интеллектуальных машин). Эти проекты призваны служить платформами для различных научных отраслей, прогнозируя тенденции и пересечения различных технологий, а также деятельность вовлеченных людей [6].

Появление дополнительного актора в виде искусственных систем может ускорить развитие трансдисциплинарности. У искусственного интеллекта нет внутреннего осознания принадлежности к какой-либо дисциплине, и его применение может стать важным фактором для перехода к следующему виду трансдисциплинарности, а именно трансдисциплинарности-5, отличительной особенностью, которой является реализация исследований с привлечением дополнительных акторов в виде искусственных интеллектуальных систем.

Список литературы

1. *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е.Н. Князева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. вып. 10 (112). С. 193-201.
2. *Мокий В.С.* Основы трансдисциплинарности / В.С. Мокий. Нальчик.: ГП КБР Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 2009. 368 с.
3. CIRET. International Center for Transdisciplinary Research. (n.d.). Basic documents of transdisciplinarity. [Электронный ресурс]. URL: http://ciret-transdisciplinarity.org/basicdocuments_en.php (дата обращения 13.01.2024).

4. Judge A. Conference Paper. 1st World Congress of Transdisciplinarity, Union of International Associations. 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://www. uia.org/uiadocs/aadocnd4.htm> (дата обращения 13.01.2024).

5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М: «Эксмо», 2016. 138 с.

6. Ястреб Н.А. Этические и социальные последствия технологий четвертой промышленной революции / Н.А. Ястреб // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 6. С. 79–81.

РЕЛЯЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ. ВОЗМОЖНОСТЬ ПОНИМАНИЯ ЭФФЕКТОВ КВАНТОВОГО ВРЕМЕНИ В ЭКСПЕРИМЕНТАХ «КВАНТОВОГО ЛАСТИКА»

Севальников А.Ю.

*Доктор философских наук
Институт философии РАН
E-mail: sevalnicov@rambler.ru*

Аннотация. Доклад посвящен проблеме реальности и времени в квантовой теории. Показано, что на основе модального подхода возможна интерпретация результатов экспериментов с квантовым ластиком. Феномены, рассматриваемые в данном эксперименте, касаются «странных» результатов, касающихся течения времени. Показано, что измерение, произведенное в более ранний момент времени, может быть «стерто», изменено последующим измерением в более поздний момент, т.е. показано «влияние» будущего на прошлое. Далее, осмысление этих эффектов показывает, что будущее в определенном смысле и формирует настоящее, точнее «наблюдаемое». Концепция, развитая автором, позволяет непротиворечиво трактовать эти эффекты.

Ключевые слова: реальность, время, квантовая механика, модусы бытия, влияние будущего на прошлое.

RELATIONAL CONCEPT OF TIME. POSSIBILITY OF UNDERSTANDING THE EFFECTS OF QUANTUM TIME IN THE EXPERIMENTS OF "QUANTUM ERASER"

Sevalnikov A.Y.

*DSc in Philosophy
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
E-mail: sevalnicov@rambler.ru*

Abstract. The report is devoted to the problem of reality and time in quantum theory. It is shown that based on the modular approach, it is possible to interpret the results of experiments with a quantum eraser. The phenomena considered in this experiment relate to "strange" results regarding the passage of time. It is shown that a measurement made at an earlier point in time can be "erased", changed by subsequent measurement at a later moment, i.e. the "influence" of the future on the past is shown. Further, understanding these effects shows that the future, in a certain sense, shapes the present, or rather the "observed". The concept developed by the author allows us to interpret these effects consistently.

Keywords: reality, time, quantum mechanics, modes of being, the influence of the future on the past.

За последние годы в физике произошли колоссальные изменения, касающиеся, прежде всего, основ квантовой механики (КМ), которые требуют своего философского осмысления. Эти изменения касаются главным образом понимания реальности и времени. В понимании реальности во множестве экспериментов подтверждена точка зрения отцов-основателей КМ (Н. Бора, В. Гейзенберга, В. Паули, П. Йордана и др.), что нужно отказываться классического понимания реальности.

Этой точке зрения всю жизнь противостоял А. Эйнштейн, который не только прекрасно понимал эти следствия КМ, но даже и впервые их четко сформулировал в своей знаменитой работе (совместно

с Б Подольским и Н. Розеном) «Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным?» [1]. В работе четко показано, что, если исходить из математического формализма КМ, то нужно признать наличие двух взаимоисключающих альтернатив: 1) квантово-механическое описание реальности посредством волновой функции неполно или 2) когда операторы, соответствующие двум физическим величинам, не коммутируют, не могут быть реальными.

Эйнштейн настаивал на правоте первой альтернативы, Бор, Гейзенберг и др. на правоте второй, более того, они ее конкретизировали. Их вывод состоял в том, что «нереальность» квантовых объектов связана с тем, что они не могут принадлежать обычному пространственно-временному континууму. Это не означает, что они не вообще существуют (позиция «квантового антиреализма»), они существуют, но их бытие отнесено к иному модусу бытия, не связанному с обычным пространством-временем.

Эксперименты, начало которым положил в 1972 г. Джон Клаузер (США) [2], а также работы групп Алана Аспэ (Франция) [3, 4] и Антона Цайлингера [5] (Австрия), показали в конечном итоге, что Эйнштейн ошибался, и оказались правы основатели квантовой механики. В 2022 году за серии своих работ Дж. Клаузер, А. Аспэ и А. Цайлингер получили Нобелевскую премию. До сих пор для абсолютного большинства, и это касается не только физиков, не ясны философские выводы их этих работ. Не случайно, что А. Цайлингер в 2007 году, сразу же после завершения цикла основных своих работ, написал в одной из своих работ, что физики при интерпретации этих явлений до сих пор «блуждают в концептуальных потёмках».

Подход автора к данной проблеме позволяет восполнить данный пробел, касающийся философских оснований КМ. Утверждается, что полноценная трактовка этих явлений адекватно может быть дана в рамках традиционной метафизики. Используется триада понятий *необходимое – возможное – действительное*. Ключевым оказывается понятие возможного, или бытия в возможности. Еще Гейзенберг указывал, что математический формализм КМ является развитием идей Аристотеля, касающихся бытия в возможности.

У Аристотеля возможность принципиально двоична, она распадается на *дюнамис* (сила, мощь, потенция) и *стерезис* (*лишенность, изначальная материя*). Эту же двойственность мы и отмечаем и в математическом аппарате КМ, в её формализме присутствуют т.н. операторы действия и волновые функции. Операторы действуют на волновые функции (ВФ), перевода их в иные энергетические состояния. Операторы и ВФ соответствуют традиционным понятиям активной и пассивной возможности. Это и есть область потенциального, которая предшествует актуальному. Актуальное – это то, что находится в пространстве и времени. Потенциальное – это то, что и конституирует наблюдаемую структуру пространства-времени. Это можно показать с точки зрения квантовой теории. Первые работы в этом направлении были сделаны К.Ф. фон Вайцеккером еще в 1955 г., [6], позднее более полно изложены им в обширной монографии «Построение физики» («Aufbau der Physik» [7]), а в данный момент работы данного типа продолжают в рамках т.н. реляционного подхода Ю. С. Владимировым [8, 9].

Рассматривая проблему причинности, а, также учитывая различия элементарных частиц, можно показать, что кроме пары понятий «потенциальное – актуальное», необходимо введение понятия сущности (необходимого). С ее учетом понятие реальности необходимо трактовать в рамках тетрады понятий, двух пар противоположных понятий: сущность (бытие) – изначальная материя (не-бытие) и потенция (дюнамис) – актуальное. При этом удастся различить онтологическое (сущность, эйдос) и онтическое (сущее, актуальное). Их опосредует двойственная и парадоксальная возможность, описываемая уравнениями КМ. Такая четверица понятий позволяет непротиворечиво описывать с точки зрения КМ все ее парадоксы.

Более того, она оказывается приложимой к трактовке парадоксов времени, которые еще не были известны основателям КМ и впервые с точки зрения теории стали появляться только, начиная с 1982 года [10]. Оказалось, что с точки зрения КМ, событие однажды произошедшее, можно «стереть», изменить его, проведя некоторый эксперимент с событием в будущем, но который принципиально связан с первым событием квантово-коррелированными сигналами. Странность и парадоксальность с обыденной точки зрения состоит в том, что будущее влияет на настоящее, или точнее – прошлое.

С нашей точки зрения с той четверицей понятий можно связать четыре формы времени. Опять две пары противоположностей: вечность и настоящее, будущее и прошлое. Вечность связана с эйдетическим началом (сущность явлений), миг настоящего с материей; будущее связано с дюнамис, активной возможностью (начало движения по Аристотелю) а прошлое, точно в соответствии с Гегелем и Лосевым, с актуальным, наблюдаемым миром (Wesen). Как раз именно эта схема позволяет показать

философское основание наблюдаемой странности в КМ в связи тематикой времени. «Начало движения» мы соотносим именно с формой будущего времени, прошлое же действительностью. Именно в таком подходе «начало движения» (будущее) предшествует действительности (прошлому). Замечу, что ровно век назад аналогичные идеи высказывал М. Хайдеггер в «Марбургском докладе» (1924 г.) [11].

Развитие этих идей применительно к настоящей форме времени, оказывается в поразительном соответствии с формулировкой Аристотеля, что время есть ничто иное, как число движения по отношению прошлому и будущему. В таком подходе миг настоящего оказывается принципиально реляционным понятием. Время не есть нечто актуальное «теперь», оно определяется не только по отношению к событиям прошлого, но и будущего. Более того, именно наша схема позволяет отобразить один принципиальный и парадоксальный момент, который вытекает из осмысления фактов, связанных с экспериментами с «квантовым ластиком с отложенным выбором» [12]. Будущее в нашей схеме определенным образом предшествует прошлому. Именно такой вывод делает, к примеру, Брайан Грин в книге «Ткань Космоса». Приведу в заключение цитату из этой книги, которая касается не только момента, который мы отметили, но и который дает возможность понимания совершенно нового понимания времени в целом: «...будущие измерения никоим образом не изменят данные, которые вы собрали сегодня. Но будущие измерения действительно влияют на детали, которые вы можете извлечь, когда будете впоследствии описывать то, что произошло сегодня. До того как вы получите результаты измерений холостых фотонов, вы действительно ничего не можете сказать о пути конкретного сигнального фотона. Однако, как только вы получите результаты, вы придете к выводу, что сигнальные фотоны, холостые партнеры которых были успешно использованы для выяснения информации о пути, могут быть описаны как ...прошедшие либо налево, либо направо. Вы также заключаете, что сигнальные фотоны, у холостых пар которых была стерта информация о пути, не могут быть описаны как ...определённо прошедшие тем или иным путем (заключение, которое вы можете убедительно подтвердить, используя новые полученные данные холостых фотонов для выявления ранее скрытой интерференционной картины среди этого последнего класса сигнальных фотонов). **Таким образом, мы видим, что будущее помогает сформировать историю, которую вы рассказываете о прошлом** (выделено мной- А.С.)» [13, с. 198-199].

Список литературы

1. *Einstein A., Podolsky B., Rosen N.* Can Quantum-Mechanical Description of Physical Reality be Considered Complete? // *Physical Review*. 1935. 47 (10). P. 777–780.
2. *Freedman S. J., Clauser J. F.* Experimental Test of Local Hidden-Variable Theories // *Physical Review Letters*. 1972. 28 (14). P. 938-941.
3. *Aspect A., Grangier P., Roger G.* Experimental Realization of Einstein-Podolsky-Rosen-Bohm Gedankenexperiment: A New Violation of Bell's Inequalities // *Physical Review Letters*. American Physical Society (APS). 1952. 49 (2). P. 91–94.
4. *Aspect A., Dalibard J., Gérard R.* Experimental Test of Bell's Inequalities Using Time-Varying Analyzers // *Physical Review Letters*. American Physical Society (APS). 1982. 49 (25). P. 1804–1807.
5. *Weihs G., Jennewein T., Simon C.* Violation of Bell's Inequality under Strict Einstein Locality Conditions // *Physical Review Letters*. 1998. 81 (23). P. 5039–5043.
6. *Weizsäcker C. F. v.* Komplementarität und Logik // *Naturwissenschaften*. 1955. 42. P. 521-529.
7. *Weizsäcker C.F.v.* Aufbau der Physik. München: Hanser, 1985. 640 p.
8. *Владимиров Ю.С.* Реляционная картина мира. Кн. 1: Реляционная концепция геометрии и классической физики. М.: ЛЕНАНД, 2021. 224 с.
9. *Владимиров Ю.С.* Реляционная картина мира. Кн. 2: От бинарной предгеометрии мира к геометрии и физике М.: ЛЕНАНД, 2021. 304 с.
10. *Scully M.O., Druhl K.* Quantum eraser: A proposed photon correlation experiment concerning observation and "delayed choice" in quantum mechanics // *Phys. Rev.* 1982. A 25. P. 2208.
11. *Хайдеггер М.* Понятие времени. Доклад, прочитанный в Марбургском теологическом обществе в июле 1924 года / Понятие времени. СПб.: «Владимир Даль», 2021. 200 с.
12. *Kim Y.* A Delayed "Choice" Quantum Eraser // *Physical Review Letters*. 2000. Vol. 84, № 1. P. 1—5. DOI:10.1103/PhysRevLett.84.1.
13. *Брайан Г.* Ткань космоса, пространство, время, текстура реальности. М.: Издательство «Книжный дом „ЛИБРОКОМ“», 2009. 608 с.

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В КВАНТОВОЙ МОНАДОЛОГИИ

Спасков А.Н.

*Кандидат философских наук, заведующий Отделом
Институт философии Национальной академии наук Беларуси
E-mail: a.spaskov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается кризис фундаментальных оснований в современной физике. Делается вывод об ограниченности концепции механистического атомизма, необходимости радикальной трансформации физической парадигмы и ее более глубокого метафизического обоснования. Проводится переосмысление границ физического познания и роли физики в ее соотношении с науками о жизни и сознании. Дается метафизическое обоснование квантовой монадологии, в которой развивается философская традиция монадологии Г. Лейбница и идеал-реализма Н. Лосского в соответствии с квантовой теорией. Вводится понятие жизненного цикла, как субстанциальный принцип существования и простого воспроизводства цветовой квантовой монады. Формулируется принцип динамической комплементарности для внутренней поляризации квантовой монады.

Ключевые слова: субстанция; информация; квантовая монада; цветовой заряд; динамическая комплементарность; жизненный цикл.

THE CONCEPT OF LIFE CYCLE IN QUANTUM MONADOLGY

Spaskov A.N.

*CSc in Philosophy, Head of Department
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
E-mail: a.spaskov@gmail.com*

Abstract. This article discusses the crisis of fundamental principles in modern physics. The conclusion is drawn about the limitations of the concept of mechanistic atomism, the need for a radical transformation of the physical paradigm and its deeper metaphysical justification. The boundaries of physical knowledge and the role of physics in its relationship with the sciences of life and consciousness are reconsidered. A metaphysical justification of quantum monadology is given, which develops the philosophical tradition of G. Leibniz's monadology and N. Lossky's ideal-realism in accordance with quantum theory. The concept of a life cycle as a substantial principle of existence and simple reproduction of a color quantum monad is introduced. The principle of dynamic complementarity for the internal polarization of the quantum monad is formulated.

Keywords: substance; information; quantum monad; color charge; dynamic complementarity; life cycle.

Глубочайший кризис фундаментальных оснований физики, переживаемый в настоящее время, связан с безрезультатным пока еще поиском единства фундаментальных принципов в теоретическом описании объективной реальности. Открытие нелокальности и квантовой запутанности, революционные открытия темной материи и темной энергии в космологии, проблема происхождения Вселенной из космологической сингулярности и многие другие нерешенные проблемы указывают на необходимость радикальной трансформации физической парадигмы и ее более глубокого метафизического обоснования.

Со времен Ньютона считалось, что физика занимает самое фундаментальное место в иерархии естествознания и все материальные процессы, включая жизнедеятельность и психику можно свести к простым физическим законам, природу которых мы пока еще не выяснили. Мы полагаем, что эта установка уже исчерпала свои эвристические возможности, так как при таком редукционистском подходе невозможно объяснить – как в этом механистическом мире вечных и неизменных фундаментальных частиц, движение которых поддается точному и полному математическому описанию, могли возникнуть жизнь и сознание.

В современной науке формируется представление о глобальной эволюции всей Вселенной в целом, в процессе которой происходит ряд фазовых переходов от простых ко все более сложным

саморазвивающимся системам. Но, оставаясь на позициях физикалистского редукционизма, невозможно в принципе решить три фундаментальные проблемы: 1) Как из ничего возникла материальная вселенная? 2) Как в мертвой материи возникла жизнь? 3) Как в бессознательной живой материи возникает сознание? Таким образом, одной из особенностей современного этапа в развитии естествознания является, по нашему мнению, осмысление границ физического познания и переосмысление роли физики в ее соотношении с науками о жизни и сознании.

Современные подходы, претендующие на описание планковского мира, имеют умозрительный характер и не получили еще эмпирического подтверждения. Основным их недостатком, с нашей точки зрения, является то, что они изначально строятся как математические гипотезы, не имеющие метафизического обоснования. Такое обоснование, мы полагаем, уже существует в метафизических системах монадологии Г.В. Лейбница и идеал-реализма Н.О. Лосского и задача нашего исследования будет заключаться в развитии этой философской традиции в соответствии с квантовой теорией и современными физическими представлениями о планковских масштабах.

Сущностью органического мировоззрения, в противоположность механистическому, Н.О. Лосский считал понимание целого как основание всякой множественности: «Первоначально существует целое, и элементы способны существовать и возникать только в системе целого» [1, с. 7]. В этом смысле мы интерпретируем и возникновение Вселенной как проявление множества субстанциальных элементов в результате внутренней дифференциации единого целого – космологической сингулярности. Такое органическое представление генезиса Вселенной логически непротиворечиво и является альтернативной интерпретацией происхождения и космологического расширения Вселенной, хотя и принципиально отличается от механистической концепции Большого взрыва.

Возможность объяснения природы механически привела в XVII в. к математической формулировке простых принципов механических движений. Но уже в это время ограниченность чисто физического подхода в объяснении глубинной природы вещей не удовлетворяла Г.В. Лейбница. Пытаясь углубить принципы механики, он вначале также обращается «к пустому пространству и атомам, ибо это всего лучше удовлетворяет воображение; но отказался от этого после многих размышлений о невозможности найти *принцип истинного единства* в одной только материи, иными словами в том, что только пассивно» [2, с. 272].

Таким образом из метафизических соображений Г.В. Лейбниц отрицает реальное существование материальных атомов, идея которых, с его точки зрения, противоречит разуму и приходит к выводу, что «Существуют только *атомы-субстанции*, т.е. единицы или реальные единства, абсолютно лишённые частей, составляющие источники деятельностей и первые абсолютные принципы сложения вещей и как бы последние элементы в анализе вещей субстанциальных. Их можно было бы назвать *метафизическими точками*: они обладают чем-то *жизненным* и своего рода *представлениями*; *математические же точки* – это их точки зрения для выражения универсума. Но когда телесные субстанции стягиваются, то все их органы образуют, на наш взгляд, одну физическую точку» [2, с. 276].

Такую субстанцию, дающую основание существования всем элементам универсума, Лейбниц в дальнейшем назвал монадой: «*Монада*, о которой мы будем здесь говорить, есть не что иное, как *простая* субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит не имеющая частей» [3, с. 413]. Развивая эту концепцию, Н.О. Лосский предложил называть эту простую субстанцию *субстанциальным деятелем*: «Чтобы подчеркнуть активность такого существа, я буду называть его не словом «субстанция», а словами *субстанциальный деятель*» [4, с. 295]. Мы, в соответствии с современными квантовыми представлениями будем обозначать эти элементарные существа термином «квантовая монада» [5].

Мы представляем монаду как точечный субъект-объект, обладающий внутренней характеристикой, которую условно назовем цветовым зарядом [6]. Само понятие цвета в непрерывном диапазоне черно-белого спектра – это обозначение некоторого первичного, наиболее абстрактного качества, которое характеризует внутреннее квантовое состояние монады и является, своего рода информационным «зародышем» всех других качеств. Будем считать, что любому физическому качеству и его субъективному восприятию соответствует некоторая информационная структура, построенная на основе двоичного информационного кода, соответствующего цветовому заряду в нашей модели.

Сами монады – это точечные субъекты-объекты, не имеющие протяженности, но символически их можно изобразить в виде серого круга в нейтральном состоянии и в виде символа инь-янь в состоянии внутренней поляризации. Жизнь цветовой монады заключается в изменении их внутреннего состояния поляризации в непрерывном диапазоне между двумя противоположными состояниями, которые условно можно обозначить белым и черным цветом с мерой интенсивности,

равной цветовому заряду $C=+1$ для белого цвета и $C=-1$ для черного цвета. Таким образом, течение времени в жизненном цикле цветовой монады заключается в изменении внутреннего состояния поляризации между двумя противоположными состояниями, которые составляют замкнутый цикл. Если промежуточное состояние обозначить серым цветом, то оно будет неопределенным и соответствовать нулевому цветовому заряду $C=0$.

Полный цикл включает в себя четыре внутренние фазы, которые характеризуют состояния монады и соответствуют двум поляризованным и двум промежуточным состояниям. Будем считать, что полюса монады, образованные в результате раздвоения единого на два противоположных состояния, находятся в устойчивом и бесцветном состоянии суперпозиции, если они подчиняются принципу динамической комплементарности, который заключается в следующем:

Два цветовых полюса квантовой монады образуют нераздельную и динамически устойчивую связь, если они находятся в состоянии суперпозиции и их суммарный цветовой заряд при любых внутренних изменениях монады остается инвариантным и равным нулю, что эквивалентно динамическому состоянию бесцветности монады.

Таким образом, монада своей собственной деятельностью внутри себя (самодействие) генерирует внутренний поток времени. Этот поток представляет собой волновой процесс взаимопревращения внутренней энергии. Энергия при этом трактуется как жизненная сила, поддерживающая существование монады в течении жизненного цикла. Изменение энергии генерирует изменение времени. Этот процесс можно описать как постоянный переход положительного цветового заряда ($c=+1$, обозначается белым цветом) и отрицательного цветового заряда ($c=-1$, обозначается черным цветом) из одного полюса в другой, при условии, что суммарный цветовой заряд монады всегда равен нулю (это – бесцветное состояние и обозначается серым цветом): $c=-1+1=0$.

Последовательность фаз задается изменением цветового заряда квантовой монады, которое сопровождается элементарным действием и поворотом на угол $\Delta\varphi=\pi/2$ в хрональном слое [6]. Таким образом полный жизненный цикл квантовой монады будет соответствовать изменению фазы внутреннего состояния на угол $\varphi=2\pi$ во внутреннем циклическом времени монады. На основе простейшей идеальной модели квантовой монады, мы надеемся далее построить модель квантового поведения и синергетического взаимодействия монад, образующих более сложные системы.

Список литературы

1. Лосский Н.О. Мир как органическое целое. Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахорова. Москва. 1917. 170 с.
2. Лейбниц Г.В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т.1. М.: Мысль, 1982. С. 271–281.
3. Лейбниц Г.В. Монадология // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т.1. М.: Мысль, 1982. С. 413–429.
4. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А. П. Поляков; Подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1995. 400 с.
5. Спасков А. Н. Волновая концепция Я в квантовой монадологии // Интеллектуальная культура Беларуси: гуманитарная безопасность в условиях глобальных вызовов: материалы Седьмой междунар. науч. конф. (16–17 ноября 2023 г., г. Минск). В 2 т. Т. 2. Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. Минск: Четыре четверти, 2023. С. 125–129.
6. Спасков А.Н. Концепция цветовой хроногеометрии // Основания фундаментальной физики и математики: материалы VI Российской конференции (ОФФМ-2022). под ред. Ю.С. Владимирова, В.А. Панчелюги. Москва: РУДН, 2022. С. 129-133.

ДАРВИНОВСКОЕ «ДРЕВО ЖИЗНИ» КАК МЕТАФОРА ЭВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЩЕЙ

Хен Ю.В.

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: hen@iph.ras.ru*

Аннотация. Эволюционные представления современной биологии испытывают сильнейшее влияние со стороны генетики, что естественно и не нуждается в объяснениях. Современный этап поиска объединительной теории эволюции выступает в форме поиска так называемого «третьего синтеза», который по замыслу авторов должен представить глобальную (натуралистическую) картину развития жизни на земле от прокариот до высших млекопитающих. Как и следовало ожидать, «третий синтез» не является однородным движением. Он представлен не одной теорией, но целым спектром концепций, каждая из которых концентрируется на той или иной проблеме эволюционного развития. Таковы неосальтационизм, концепция видового монотипизма, теория прерывистого равновесия, теория «эволюции эволюции» и т.д. В данной статье рассматривается дарвиновская метафора «древа жизни» в контексте идеи горизонтального переноса генов.

Ключевые слова: эволюция, «третий синтез», генетика, эпигенетика, макроэволюция, случайность, «дерево жизни», горизонтальный перенос генов (ГПП).

DARWIN'S "TREE OF LIFE" AS A METAPHOR FOR EVOLUTION

Khen Y.V.

*DSc in Philosophy, Leading Researcher
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
E-mail: hen@iph.ras.ru*

Abstract. The evolutionary concepts of modern biology are strongly influenced by discoveries in the field of genetics, which seems quite natural. The current stage of the search for a unifying theory of evolution takes the form of the search for the so-called "third synthesis", which, according to the authors, should present a global (naturalistic) picture of the development of life on earth, from prokaryotes to higher mammals. As might be expected, the "third synthesis" is not a homogeneous movement. It is represented not by a single theory, but by a whole range of concepts, each of which concentrates on one or another problem of evolutionary development. Such are V.A. Krasilov's ecological theory, neo-saltationism, the concept of species monomorphism, the theory of punctuated equilibrium, the theory of "evolution of evolution", etc. This article discusses the idea of random evolution, since, in our opinion, it allows us to link genomic mutations with macroevolutionary process better than other ideas.

Keywords: evolution, "third synthesis", genetics, epigenetics, macroevolution, randomness, "tree of life".

Современный этап развития эволюционных представлений характеризуется стремлением создать что-то вроде биологической «теории всего». В физике аналогичный этап ознаменовался появлением общей теории относительности (ОТО), в биологии – созданием синтетической теории эволюции (СТЭ). И с точки зрения философии науки это говорит о существовании двух или более достаточно устоявшихся теорий, описывающих разные аспекты одной и той же реальности, которые в целях дальнейшего развития дисциплины желательно привести к общему знаменателю. Предполагается, что такое описание способно вывести исследователей на более фундаментальный уровень понимания реальности.

В современном понимании эволюционного процесса разные уровни теоретизирования представлены с одной стороны, макроэволюцией, т.е. эволюцией видов, как мы привыкли понимать ее со школьных времен, а с другой – все возрастающим багажом знаний о мутациях штаммов одноклеточных организмов, эукариот и прокариот. Сложность для теоретиков эволюции, находящихся

в процессе поиска «третьего синтеза», состоит в том, что оба названных кластера очевидным образом являются элементами и участниками единого биологического процесса, но их эволюция описывается различными закономерностями. Тогда как хорошая синтетическая теория эволюции должна увязывать все известные биологические уровни.

Расшифровка геномов природных видов приносит не просто новые знания, но во многом меняет устоявшиеся представления об эволюции. Многие варианты естественных классификаций приходится корректировать под давлением информации о близком генетическом родстве видов, внешне ничем не напоминающих друг друга, как например доманы и слоны, лотосы и баобабы. При том, что прежние «естественные» (т.е. отражающие ход эволюции) классификации базировались именно на гомологии «частей животных» (такой способ классификации ведет свою историю от Аристотеля).

Но и принципы, заложенные в основание теории эволюции Дарвином, тоже не сбрасываются со счетов. Прежде всего, речь идет о натуралистическом понимании эволюции в природе. Это значит, что для описания процесса не требуется привлекать никакой высшей, божественной силы, ни телеологии, ни даже просто врожденного стремления к совершенству. В качестве движущей силы эволюции Дарвин указывал на борьбу за существование, которая позволяет выживать наиболее приспособленным, которые, таким образом, получают возможность передать потомству благоприобретенные особенности. Таким образом, еще до того, как генетика была признана в качестве полноценной области биологии, Дарвин увязал изменчивость и наследственность (ничего не зная о природе наследственности).

Дарвинизм неоднократно подвергался критическому разбору практически с первого дня своего обнародования. От многих обвинений его очистило развитие науки. Так, например, представление о дискретности носителя наследственности (гена) избавило дарвинизм от самой серьезной нестыковки – «кошмара Дженкинса», а открытие ядерного синтеза доказало, что солнце не состоит из нефтепродуктов. Таким образом, нашему светилу достало времени для эволюции жизни на земле.

Но мне представляется, что основной недостаток дарвинизма состоит в самой идее, что отбором можно создать что-то принципиально новое. Отбор отбирает, движущей силой эволюции должно быть что-то другое, какой-нибудь demiург. И его отсутствие отчетливо ощущается в ядре теории.

Тем не менее, многие принципы и метафоры дарвинизма оказались вполне рабочими и переключались в современные теории эволюции, которые, на волне «третьего синтеза» строятся с учетом новейших открытий в генетике.

Одной из таких метафор является «древо жизни», ветви которого образуют не только ныне живущие, но и вымершие виды. Сама идея распространить эволюцию на всю историю земли и представить все жизненные формы в качестве родственников, происходящих от единого корня, была во времена Дарвина весьма смелой (хотя не Дарвин является ее автором) и представляла собой сильное теоретическое предсказание. Первоначально ничем не подтвержденное, порождение чистой интуиции, впоследствии оно получило эмпирическое обоснование в виде множества секвенированных геномов, демонстрирующих действительное генетическое родство всего живого.

Метафора «древа жизни» и по сей день остается рабочей. Свидетельством тому являются классификации многоклеточных организмов, которые, будучи уточненными средствами генетики, все равно представляют собой именно «древо» – фрактальное образование с LЕСА («last eukaryotic common ancestor» – последний общий предок эукариот) в качестве основания.

И именно в этой точке имеется нестыковка, которая нарушает плавный переход в мир прокариот. Дело в том, что среди архей и бактерий, которые, как уже доказано, являются непосредственными предшественниками эукариот, древовидная структура генезиса не обнаруживается. В этом мире исследователи сталкиваются с «лесом жизни», в котором тоже имеются отдельные более-менее «древовидные» образования, но это не та единая ветвящаяся структура, которую можно было бы уподобить «корням» древа жизни.

Причина в том, что прокариоты, т.е. одноклеточные организмы, не имеющие ядра, живут по совершенно другим правилам. Из-за того, что хроматин у них свободно плавает в цитоплазме, а не упрятан в специальный защищенный трехслойной мембраной «контейнер», обмен генетическим материалом с другими особями (нередко других штаммов) происходит довольно легко. Благодаря этому так называемый «горизонтальный перенос генов» (ГПГ) у прокариот – это самое обычное дело. И, как пишет Е. Кунин, учитывая, что «ГПГ вносит основной вклад в генетический состав прокариотических геномов, (почти) универсальные законы масштабирования требуют, чтобы вселенная геномов прокариот рассматривалась как единый резервуар генов. Теорию эволюции, отражающую центральную роль ГПГ, еще только предстоит разработать в явном виде. Однако

универсальность законов масштабирования ... заставляет предполагать, что в среднем *геномная вселенная прокариот является хорошо перемешанным резервуаром генов*» [1, с. 121]

Горизонтальный перенос генов имеет место и среди эукариот (например, при эндосимбиозе), но там он носит скорее случайный характер и никак не сказывается на древовидном характере межвидовых связей. Но в царстве прокариот ГПП самое обычное и естественное дело, благодаря чему оно выступает для «древа жизни» не в качестве корневой системы, а как единый субстрат.

Тем не менее, если рассматривать эволюцию отдельных генов, то здесь обнаруживаются древовидные структуры, что естественно, «учитывая фундаментально бинарный характер репликации генов и существенно более низкую частоту внутригенной рекомбинации по сравнению с межгенной рекомбинацией на длинных эволюционных дистанциях» [1, с.147].

Список литературы

1. Кунин Е. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. М.: Центрполиграф, 2014. 527 с.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПОДХОД В БИОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ КЛЕТОЧНОЙ БИОЛОГИИ)

Хмелевская С.А.

Доктор философских наук,

*профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова*

E-mail: xmelevsk@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в философии биологии стал весьма распространенным метафизический подход. Однако его использование применительно к биологии возможно в двух вариантах, известных как «метафизика для биологии» и «метафизика в биологии». «Метафизика для биологии» исходит из того, что та или иная метафизическая парадигма берется в качестве исходной и с помощью ее методологии исследуется конкретная биологическая проблема. В «метафизике в биологии» анализируются онтологические и иные следствия из биологических теорий. В целом принимая такое разделение метафизики применительно к биологии, автор раскрывает его на примере клеточной биологии. Так, вопрос о природе стволовых клеток укладывается в «метафизику для биологии». В то время, как получение индуцированных плюрипотентных стволовых клеток из дифференцированных клеток организма поставило ряд проблем онтологического характера, в том числе привело к переосмыслению принципа Анаксагора «всё во всём», что может быть раскрыто в ракурсе «метафизики в биологии».

Ключевые слова: «метафизика в биологии»; «метафизика для биологии»; клеточная теория; стволовые клетки; плюрипотентность; Анаксагор.

METAPHYSICAL APPROACH IN BIOLOGY (USING THE EXAMPLE OF CELL BIOLOGY)

Khmelevskaya S.A.

DS in Philosophical sciences,

*Professor at the Department of Philosophy of Natural Science, the Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University*

E-mail: xmelevsk@mail.ru

Abstract. Currently, the metaphysical approach has become very common in the philosophy of biology. However, its use in relation to biology is possible in two variants, known as "metaphysics for biology" and "metaphysics in biology". The "metaphysics for biology"

proceeds from the fact that one or another metaphysical paradigm is taken as a starting point and a specific biological problem is investigated using its methodology. The "metaphysics in biology" analyzes the ontological and other consequences of biological theories. In general, accepting this division of metaphysics in relation to biology, the author reveals it using the example of cell biology. Thus, the question of the nature of stem cells fits into the "metaphysics for biology". While the production of induced pluripotent stem cells from differentiated cells of the body posed a number of problems of an ontological nature, including led to a rethinking of the principle of Anaxagoras "everything in everything", which can be revealed from the perspective of "metaphysics in biology".

Keywords: "metaphysics in biology"; "metaphysics for biology"; cell theory; stem cells; pluripotency; Anaxagoras.

В конце XX - начале XXI вв. метафизический подход в философии биологии (который пришел на смену подходу, основанному на логическом позитивизме) становится все более популярным [1, 2, 3, 4], а «использование метафизики философами при решении концептуальных проблем биологии возросло» [3]. Такой подход получил наименование «метафизика биологии» [2]. Вместе с тем следует согласиться с теми авторами, которые различают «метафизику для биологии» и «метафизику в биологии» [3]. «Метафизика для биологии» исходит из того, что конкретная метафизическая концепция берется в качестве исходной и на ее основе исследуется конкретная биологическая проблема. Примером здесь может служить понимание приспособления как механизма эволюционного развития, который некоторые авторы стремятся объяснить, основываясь на определенных метафизических построениях. Так, в качестве таких построений может быть использована причинно-диспозиционная концепция приспособления, согласно которой данный механизм - результат срабатывания диспозиционного свойства. Как только последнее срабатывает, начинается причинно-следственный процесс, в результате которого и проявляется эффект приспособления. Иными словами, приспособление - это проявление диспозиционного свойства; отсюда приспособленность - «причинная предрасположенность, возникающая в результате нелинейной комбинации относительных к окружающей среде функциональных диспозиций, ориентированных на эффект (выживание и воспроизводство), который достигается тогда, когда комбинация этих диспозиций превышает определенный порог» [3]. Таким образом, в результате применения «метафизики для биологии» раскрываются онтологические характеристики сущности процесса приспособления, что служит лучшему его пониманию.

В «метафизике в биологии» анализируются онтологические и иные последствия из биологических теорий. «Философы исследуют и уточняют метафизические положения и выводы, которые можно найти в биологии» [3]. Но при этом и сами биологические теории уточняются. В данном случае эти последствия трактуются как результат логической выводимости из биологических теорий. Но здесь возникает проблема концептуального статуса выводимых следствий: есть ли здесь, действительно, логическая выводимость; являются ли эти следствия максимально обобщенным результатом, выводимым из биологической теории, и как они соотносятся с метафизическими конструкциями, порожденными в лоне философского знания?

Философы биологии, принявшие такое разделение метафизики на обозначенные направления, при этом не склонны его абсолютизировать: «поскольку мы говорим о различных способах реализации метафизики биологии, конкретное место, где может быть расположена проблема, будет зависеть от акцента философа» [3].

В связи с изложенным выше интерес представляет метафизика клеточной биологии.

Примером «метафизики для клеточной биологии» выступают поиски метафизических объяснений, нацеленные на раскрытие сущности стволовых клеток. Является ли «стволовость» свойством клетки или это ее определенное состояние? Если исходить из того, что это особые клетки, то они характеризуются своей уникальностью, специфическими свойствами и функциям в силу наличия определенных генов, которые они избирательно экспрессируют [5]. Этот взгляд подчеркивает генетические и морфологические особенности стволовых клеток, их способность к самообновлению и дифференциации, а также их значимую роль в развитии и поддержании жизни.

Если же полагать, что стволовость – это только состояние клетки, переходное состояние, в которое некоторые клетки могут входить в определенные моменты на протяжении всего онтогенеза многоклеточного организма посредством экспрессии множества различных генов [6], то следует сделать вывод, что такое состояние может возникнуть при определенных условиях. Этот подход акцентирует внимание на факторах, которые могут привести к переходу клетки в стволовое состояние

(изменения в экспрессии генов или внешние сигналы). Например, с помощью «факторов Яманаки» можно почти любую клетку перевести в состояние стволовой клетки [6]. При рассматриваемом подходе эти клетки - лишь проявление определенной гибкости и пластичности клеточных эпигенетических структур, на которые можно влиять и вызывать изменения в клетке.

Существуют и точка зрения, объединяющие обозначенные выше подходы: стволовые клетки могут быть рассмотрены как особый вид клеток, но их проявление зависит от конкретных условий и контекста, что позволяет учесть, как генетические и структурные особенности, так и внешние факторы, определяющие клеточное поведение [6]. В связи с этим показательно применение диспозиционного подхода, согласно которому стволовые клетки предстают как диспозиционные объекты.

В настоящее время можно выделить два базисных подхода к решению анализируемой проблемы: теоретико-модельный подход М.Б. Фэган (стволовые клетки - это клетки, полученные из организма конкретного вида, которые служат отправной точкой репродуктивной линии и линии развития) [7], и онтологический подход Л. Лапланте (природа стволовых клеток зависит от свойств, способов поведения клетки, которые они реализуют) [8].

Отметим, что дискуссия о природе стволовых клеток имеет не только сугубо философский интерес, так как от ее результатов во многом зависит и направленность непосредственных исследований в области клеточной биологии (например, в первом случае - это поиски генов, которые отвечают за свойство стволовости; во втором - факторов, которые влияют на возникновение этого свойства).

Что касается «метафизики в клеточной биологии», то она может быть раскрыта на примере переосмысления принципа Анаксагора «всё во всём», опирающегося на открытие в области клеточной биологии, а именно, на появление технологии индукции плюрипотентных стволовых клеток, или репрограммирования. До недавнего времени в клеточной биологии господствовало убеждение, что при развитии эмбриональных стволовых клеток и при увеличении степени специализации клетка теряет все больше возможностей (потенций) стать клетками других типов. Но открытие репрограммирования и получение индуцированных плюрипотентных стволовых клеток из дифференцированных клеток организма показало, что соматическая клетка способна и после первоначальной дифференцировки возвратится в свое начальное состояние, называемое плюрипотентным. Это значит, что она сохраняет свойство плюрипотентности и после того, как произошла ее изначальная специализация. Свойства всех соматических клеток заключены в одной соматической клетке, что подтверждает анаксагоровский принцип «всё во всём».

Клеточная биология описывает два процесса, происходящих в клетках и раскрывающих смысл анаксагоровского принципа «всё во всём». Первый процесс – это процесс онтогенетического развития: эмбриональные стволовые клетки выступают как анаксагоровское «всё в одном», то есть они обладают потенциалом стать любым типом клеток, образующих организм, имея определенный набор генетической информации, а дифференцированные клетки – результат «всего во всём».

Второй процесс осуществляется благодаря репрограммированию; дифференцированные клетки опять приобретают свойство стать плюрипотентными (от «всего во всём» вернуться «ко всему в одном»). Свойство же потенции (давать начало всему) рассматривается как то, что может быть присуще всем соматическим клеткам.

Кроме того, ДНК в каждой клетке остается такой же, как была в момент оплодотворения - она несет все гены, кодирующие все свойства организма. Меняется лишь то, какие гены будут считываться и с какой интенсивностью.

Список литературы

1. Dupré J. A process ontology: Functions are just fast processes and structures are (relatively) slow processes // *Physiology News*. 2015. No 100. P. 33-34.
2. Guay A., Pradeu T. Right out of the box: how to situate metaphysics of science in relation to other metaphysical approaches // *Synthese*. 2017. Vol. 197. P. 1847-1866.
3. Triviño V. Towards a characterization of metaphysics of biology: metaphysics for and metaphysics in biology // *Synthese*. 2022. Vol. 200 (5). [Электронный ресурс]. URL: (https://www.researchgate.net/publication/364338068_Towards_a_characterization_of_metaphysics_of_biology_metaphysics_for_and_metaphysics_in_biology). (дата обращения 10.01.2024).
4. Хмелевская С.А. Регенеративная медицина - путь к биологическому бессмертию человека? // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2019. № 2. С. 38-54.

5. *Suárez J.* What is the nature of stem cells? A unified dispositional framework //Biology & Philosophy. 2023. No 38(5). [Электронный ресурс]. URL: (<https://link.springer.com/article/10.1007/s10539-023-09930-0>). (дата обращения 10.01.2024).

6. *Zipori D.* The nature of stem cells: state rather than entity //Nat Rev Genet. 2004. No 5(11). P.873-878.

7. *Fagan M.B.* Stem cell lineages: between cell and organism //Philosophy. Theory. Practice in Biology. 2017. Vol. 9. No 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?cc=ptb;c=ptb;c=ptpbio;idno=6959004.0009.006;rgn=main;view=text;q1=Collaboration;xc=1;g=ptpbio>. (дата обращения 10.01.2024).

8. *Laplane L.* Cancer stem cells. Philosophy and therapies. Harvard University Press, Cambridge MA, 2016. 272 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Черновицкая Ю. В.

*Кандидат философских наук, научный сотрудник,
сектор философии естествознания*

Институт философии Российской академии наук

E-mail: juchische@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается трансформация сферы глобальных исследовательских структур в условиях сетевого общества, подчеркивается уникальность сущности коллективного субъекта и объекта познания, изменение понятия автора и авторского права, отношений науки и власти, языкового взаимодействия. Мегaproекты требуют изменения нормативно-законодательной базы, пересмотра понятия ответственности, межструктурного языка общения. Актуален вопрос об особенностях тенденций формирования коллективного субъекта в человекомерных системах сетевого общества. Обращается внимание на интеллектуализацию техносферы, поиск эффективных механизмов равноправного общения, включение этической составляющей для преодоления кризиса доверия к современным технонаучным системам.

Ключевые слова: глобальные исследовательские структуры, сетевое общество, региональная онтология, ответственность, языковое взаимодействие, коллективный субъект познания.

TRANSFORMATION OF GLOBAL RESEARCH STRUCTURES IN A NETWORK SOCIETY

Chernovitskaya Yu. V.

CSc in Philosophy, Research Fellow, Sector of Philosophy of Natural Science

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: juchische@rambler.ru

Abstract. The transformation of the sphere of global research structures in the conditions of a network society is considered, the uniqueness of the essence of the collective subject and object of knowledge, changes in the concept of the author and copyright, relations between science and power, and language interaction are emphasized. Megaprojects require changes in the regulatory framework, a revision of the concept of responsibility, and interstructural language of communication. The question of the features and trends in the formation of a collective subject in human-dimensional systems of a network society is relevant. Attention is drawn to the intellectualization of the technosphere, the search for effective mechanisms for equal communication, and the inclusion of an ethical component to overcome the crisis of trust in modern technoscientific systems.

Keywords: global research structures, network society, regional ontology, responsibility, language interaction, collective agent of cognition.

Глобальные исследовательские структуры, как особый регион существующего с присущей ему региональной онтологией, как полидисциплинарные, междисциплинарные исследовательские проекты, мегасайенс-проекты, представляющие научное сообщество как коллективный субъект познания не только занимают в современном мире прочно устоявшиеся позиции, но также и претерпевают ряд трансформаций. Наличие особого исследовательского аппарата, уникальность коллективного субъекта и объекта познания, особая область исследования, не сводимая ни к более общей, ни равной по степени области существующего, онтологический статус, особые способы представления результатов деятельности и отчетности, характер взаимодействия с другими предметными регионами, этико-правовые составляющие – динамика развития этих явлений позволяет говорить о включенности глобальных исследовательских структур в социальную структуру общества и поиске оптимального взаимодействия с другими акторами.

В глобальных исследовательских структурах уникален субъект и объект познания. Субъект представляет собой сообщество специалистов, групп, корпораций в какой-либо области знания или нескольких областях, возможно с переменным составом, разным количеством участников, своим научным опытом, методами и способами познания, возможно без четкой геолокации. Автор коллективного субъекта децентрализован, появляется гиперавторство, изменяется понятие внутригрупповой собственности на результаты исследований, возникают проблемы определения степени авторского вклада, оценки публикационной активности автора, уменьшается мера влияния индивидуального участника на внутренние и внешние процессы самоорганизации коллективного субъекта.

Особенности объекта в трансформации его целостного видения, что уже становится фундаментальной проблемой науки. Б.И. Пружинин предлагает обратиться к традиции, к исторической преемственности науки, действительно, есть основания полагать, что «традиции научного познания, методологически осмысленные как выражение исторической преемственности науки, служат основой целостного видения объекта в больших научных коллективах» [1, с. 109].

Отмечается особенность языка общения групп, входящих в глобальные исследовательские структуры. Коллаборации, занимающиеся экспериментально-поисковыми исследовательскими программами, изначально «разделены» на три части: специалистов-теоретиков, экспериментаторов и инструменталистов, и уже перед их объединением каждое направление имеет свою научную традицию, научный язык и специфику труда, свое региональное представление о существующем. Представители разных «направлений», чтобы быть понятыми, сознательно упрощают описания, результаты, объяснения новизны своих разработок, когда представляют их другим субкультурам. «Если кто-либо хочет говорить на своем языке о новом виде объектов, он должен ввести систему новых способов речи, подчиненную новым правилам...» [2, р. 20]. «Примитивизация математической структуры, избегание исключительных случаев, минимизация внутренних связей между теоретическими структурами, отказ от изолированных объяснительных схем - все это способы, какими теоретики готовят свой предмет для обмена со своими коллегами-экспериментаторами» [3]. Поэтому необходим некий координирующий центр, некая надстройка с присущей ей региональной онтологией, делающая доступной знаковую информацию для каждой из групп, составляющих основу коллективного субъекта познания.

Рассмотрение на современном этапе глобальных исследовательских структур выявляет необходимость законодательного регулирования данной области. Требуют отдельного исследования и документального закрепления определения таких категорий как глобальные исследовательские структуры, научные проекты класса мегасайенс, уникальные научные установки класса мегасайенс и др., международные коллаборации, участники проектов, актуальна проблема авторства и количественной оценки индивидуального вклада автора, регламент представления норм отчетности. «Модернизация научно-образовательной и научно-технической деятельности выступает приоритетным направлением развития современного государства. Однако, как подтвердил предложенный анализ нормативно-правовых актов, правовое регулирование статуса коллективных субъектов научной деятельности на сегодняшний день не сбалансировано, не согласовано и не синхронизировано» [4, с. 24]. Не существует единой системы нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность коллективных субъектов, которая в сетевом обществе дополняется рисками несовершенства, неподготовленности нормативно-правовой базы, сопровождающей и обеспечивающей протекание процессов цифровизации (риски, связанные с незащищенностью

собственности, личной информации, отсутствием независимого суда, отсутствием процедур институционального регулирования всех процессов, сопутствующих цифровизации). Использование глобальными исследовательскими структурами интеллектуальных роботов и созданных на их основе мультиагентных систем выявляет проблему создания стандартов программного обеспечения, так как данные акторы «способны обеспечить самостоятельное выполнение требуемых технологических операций или поставленных прикладных задач в реальных условиях, при воздействии различных факторов неопределенности и случайных возмущений внешней среды» [5, с. 104].

Деятельности глобальных исследовательских структур способствует развитие информационного общества. Цифровая культура предлагает нам огромный массив данных, благодаря современным технологиям мы имеем доступ к результатам деятельности глобальной коммуникационно-информационной сети, сталкиваясь при этом с различными эпистемологическими проблемами, изменением парадигмы научного поиска, проблемами отбора, идентификации, верификации информации, сменой типа деятельности человека. Сетевое общество как структура, основанная на сетях, управляемых информационно-коммуникативными технологиями, актуализирует вопрос о тенденциях формирования коллективного субъекта в человекомерных системах информационного общества. Сети заменяют прежние модели социально-политического устройства, представляя новую форму организации социальной реальности, расширяя возможности информационно-коммуникативного взаимодействия субъектов. Однако неравный доступ к информационным ресурсам помимо возникновения новых форм социального неравенства, изменяет механизмы концентрации власти, носителями власти становятся сетевые структуры, способствующие формированию новых социальных общностей, а также так называемой «анормальной власти» [6, с. 6]. Властные отношения коллективного субъекта характеризуются снижением роли индивидуальной значимости субъекта, роль которого растет во все большем объеме как потребителя, а роль производителя уступается технологизированным системам. «В современном обществе процессу управления присущ переход от централизованных бюрократических и иерархических форм взаимодействия субъектов к множеству сосуществующих сетей и партнерств, функционирование которых характеризуется взаимопроникновением и взаимовлиянием представителей различных социальных групп» [6, с. 6]. Сетевое управление отличается преобладанием многосторонней, одноуровневой, равноправной коммуникации.

Коллективный субъект способен передать ряд своих функций информационно-управленческим системам, происходит автоматизация интеллектуальной деятельности человека, технологии позволяют алгоритмам проникать и во внутреннюю среду человека, формируется смешанный «человеко-машинный познавательный инструментарий и комплексный тип рациональности» [7, с. 125]. Отмечается, что «лица, принимающие управленческие решения подошли к пределу своих когнитивных возможностей, в связи с постоянно возрастающей сложностью объектов управления» [8, с. 5-6], поэтому намечаются тенденции трансформации коллективного субъекта в «гибридный коллективный субъект» [7, с. 128]. Утрата принадлежности индивида к определенным традиционным институтам, его мобильность, с одной стороны позволяет реализовывать свои моральные убеждения в коллективных решениях на основе дискурсивной этики, открытого обсуждения позиций всех участвующих сторон, и с другой стороны ставит его перед ответственностью за свой личный выбор, отсутствием в новых условиях доли личной безответственности, допускаемой в коллективах общества традиционной культуры.

Ряд исследователей считает, что повышается значимость глобальной ответственности, феномен ответственности может приобрести глобальный характер, может быть обращен к коллективным субъектам различного уровня, не только к отдельной личности. Однако масштабы деятельности, требующие глобальной ответственности, переключаются с феноменом «коллективной безответственности», где невозможно определить отвечающего за коллективное действие. В условиях информационного общества намечается смена представления об ответственности, наблюдается ее кризис, следствием которого является утрата самого чувства ответственности, обсуждаются идеи возложения ответственности на информационные системы, которые сегодня принимают решения все в более растущем объеме. Тем не менее, в результате трансформации функций и содержания субъектов деятельности, нравственные отношения в сетевом обществе наполняются новым содержанием, идет формирование ответственных коллективных субъектов. Во избежание явления феномена «коллективной безответственности» в коллаборациях должно культивироваться чувство личной ответственности, взаимответственности участников, учитываться ценностные основания принятия решений коллективами и ценностные характеристики последствий реализации их проектов, необходима встроенность этических ценностей в закономерности функционирования коллабораций.

Факт трансформации глобальных исследовательских структур выявил необходимость новой региональной онтологии, объединения ученых, работающих над общими целями, важность поиска эффективных механизмов равноправного общения, регулирования отношений в социально-правовой сфере. Философская онтология как интеллектуальный ресурс, объединяя в себе разнонаправленные познавательные процессы, новые аспекты которой используются в современной науке в актуальных новейших исследовательских комплексах, глобальных исследовательских структурах, способствует преодолению кризиса доверия к современным мировоззренческим системам, и к науке, в частности, в условиях сетевизации общества.

Список литературы

1. Пружинин Б. И. Коллективный субъект в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на дальнем востоке. 2019. № 1. С. 105-110.
2. Carnap R. Empiricism, Semantics and Ontology // Revue Internationale de Philosophie 1950. Vol. 4. P. 20.
3. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/vv/journal/viet/galison.htm> (дата обращения 01.06.2024).
4. Клеандров М. О совершенствовании правовой базы Российской академии наук // Государство и право. 2020. № 3. С. 24-36.
5. Макаров И.М., Лохин В.М., Манько С.В., Романов М.П. Результаты и опыт реализации концепции построения мультиагентных робототехнических систем // Известия ЮФУ. Технические науки. 2011. № 3. С. 101-109.
6. Бабосов Е.М, Баньковская Ю.Л. Конвергенция сетевизации и цифровизации социально-политических процессов в современном белорусском обществе. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 2. С. 4–10.
7. Никитина Е.А. Коллективный субъект в сложных человекомерных системах: интеллект или сумма технологий? // Философия науки и техники. 2021. № 1. С. 122-130.
8. Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: «Когито-Центр», 2015. 107 с.

ЭКОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ: ПРЕДВОСХИЩАЮЩИЕ ИДЕИ Д. ВЕЛЛАНСКОГО

Щедрина И.О.

Кандидат философских наук, доцент

Факультет гуманитарных наук, Школа философии и культурологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: echiscar@yandex.ru

Аннотация. Научные исследования за последние несколько десятилетий демонстрируют возросший интерес ученых к человеку, существующему в эпицентре сменяющихся друг друга кризисов (техногенный, экологический, гуманитарный и т.д.). Поиск стабильности, поддержание в должном состоянии того «дома», о котором собственным именем говорит экология, оказывается главной задачей на всех уровнях человеческой жизни. Сегодня экология перестает быть «классической» дисциплиной, расширяясь до методологического междисциплинарного принципа. Приоритетом становится комфортное взаимное существование в рамках общей среды. Этой средой может быть привычный пример биогеоценоза, это может быть сосуществование культур или элементов внутри самой культуры, и, конечно, это может быть наука (и вся деятельность, с ней связанная – субъект-ученый и его опыты, исследователь как член научной группы, научный поиск и развитие академических дисциплин), обеспечивающая систематическое расширение областей научного знания. Своеобразная «экспансия» также регулируется экологией науки, поскольку в центре по-прежнему остается человек

с его взаимодействиями в рамках первой или же второй Природы. Особое место при таком подходе занимает медицина – как система, совмещающая теоретическое знание и практическую реализацию. Экология медицины, как одна из областей экологии современной науки, позволяет обозначить ряд проблемных факторов в жизни врача – как ученого, исследователя, теоретика и практика одновременно. И, несмотря на то, что экология науки (и медицины в том числе) как направление возникает совсем недавно, в работах отечественных философов, ученых и экспериментаторов можно увидеть предвосхищающие идеи. Так, натурфилософское наследие хирурга 19 века Даниила Михайловича Велланского демонстрирует «человекоразмерность» и «экологичность» теоретических рассуждений о статусе врача и его роли в развитии «Врачебной науки» того времени.

Ключевые слова: экология, наука, медицина, знание, Д.М. Велланский, врач.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ECOLOGY OF CONTEMPORARY MEDICINE: ANTICIPATING IDEAS OF D. VELLANSKY

Shchedrina I.O.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Faculty of Humanities, School of Philosophy and Cultural Studies
HSE University
E-mail: echiscar@yandex.ru*

Abstract. Scientific research over the past few decades demonstrates the increased interest of scientists in people who exist in the epicenter of successive crises (technological, environmental, humanitarian, etc.). The search for stability, maintaining in proper condition the very “house” that ecology speaks of in its own name, turns out to be the main task at all levels of human life. Today ecology ceases to be a “classical” discipline, expanding to a methodological interdisciplinary principle. The priority becomes a comfortable mutual existence within a common environment. This environment can be a familiar example of biogeocenosis, it can be the coexistence of cultures or elements within the culture itself, and, of course, it can be science (and all the activity associated with it - the subject-scientist and his experiments, the researcher as a member of a scientific group, the scientific search and development of academic disciplines), ensuring the systematic expansion of areas of scientific knowledge. A kind of “expansion” is also regulated by the ecology of science, since man remains at the center with his interactions within the framework of the first or second Nature. Medicine occupies a special place in this approach - as a system that combines theoretical knowledge and practical implementation. The ecology of medicine, as one of the areas of ecology of modern science, allows us to identify a number of problematic factors in the life of a doctor - as a scientist, researcher, theorist and practitioner at the same time. And despite the fact that the ecology of science (and medicine as well), as a direction, has emerged quite recently, anticipatory ideas can be seen in the works of Russian philosophers, scientists and experimenters. Thus, the natural philosophical heritage of the 19th century surgeon Daniil Mikhailovich Vellansky demonstrates the “human dimension” and “ecological nature” of theoretical discussions about the status of the doctor and his role in the development of ‘Medical science’ of that time.

Keywords: ecology, science, medicine, knowledge, D.M. Vellansky, doctor

В рамках современной медицины можно говорить о разном соотношении «экологического» и «научного»: экология науки как таковая, экологичность медицинской практики, экологическая медицина как естественнонаучная дисциплина и т.д. Экология перестает быть только направлением, но становится проблемным полем на всех уровнях, от природного и культурного [1], вплоть до уровня нашей повседневности (информационная экология [2], цифровая экология [3]). Обозначенная Э. Геккелем как отдельная область исследований, экология с середины 19 века воспринимается как «учение о доме», оставаясь наукой о взаимоотношениях и сосуществовании организмов. Однако, с течением времени содержание и тематическая направленность экологии усложняется; принцип

взаимного существования, выводимый на методологический уровень, делает ее междисциплинарной. Вернее, с одной стороны, экология остается научным направлением, а с другой – превращается в императив, призывающий не только мирно сосуществовать (в рамках окружающей среды, города, целой планеты), но и проявлять активность и самостоятельно обеспечивать комфорт в рамках этого сосуществования. В этот момент экология выходит за пределы изучения современных проблем; она не только ищет решения, выходы из многочисленных кризисов, противостояний, регулярно иницируемых человеческой деятельностью; когда экологические принципы выходят на методологический уровень, когда они оказываются окрашены культурно-исторически, появляются многочисленные гуманитарные экологии сегодняшнего дня (цифровая экология, экология культуры, экология языка). Уже в 80-е гг. Д.С. Лихачев обозначил это разделение: «Есть большое различие между экологией природы и экологией культуры, к тому же весьма принципиальное. До известных пределов утраты в природе восстановимы... Природа при этом сама помогает человеку, ибо она 'живая'... Иное дело обстоит с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами» [1, с. 24].

Медицина в этом смысле оказывается «на стыке» природного и культурного; обладая особым статусом в системе наук, она становилась предметом исследования задолго до возникновения философии науки как отдельной современной дисциплины. И, если обратиться к истории, можно увидеть ряд идей и взглядов, предвосхитивших современную экологию науки и экологию медицинской практики. В частности, это философские рассуждения Даниила Велланского. Рассматривая медицину как науку прежде всего антропоцентричную, Велланский предвосхищает экологический подход к наукам (медицинская наука обеспечивает взаимное и спокойное существование людей вовне и внутри самой науки, взаимоотношение ученых, медиков-практиков и пациентов). Философ также поднимает один из самых актуальных сегодня вопросов философии науки: вопрос о соотношении фундаментального и прикладного, причем рассматривает он его также с позиции антропоцентризма и заботы о других: если Медицину определить как положительную науку, придать ей статус науки именно субъективной, «...то не заслуживает ли она аккуратнейшего внимания, нежели какое люди до сих пор на нее обращали? Неужели один практический пририск, или еще необходимость пособлять страждущим, составляет всю цену оной? Она имеет не меньшую важность и в другом соотношении, которой слабые и суетные не видят, да и знать не хотят!» [6, с. 55]. Медицина в представлении Велланского как наука оказывается на одном уровне с собственным предметом – с человеком, – также нуждаясь в экологизации собственных принципов. Выразалось бы это в изменении предмета исследования, предмета интереса врачей, однако, поменялся бы статус самого ученого в рамках экологии медицины. Врач, буквально, обеспечивал бы себе комфортное существование в обществе, уточнив собственные теоретические рассуждения и обогатившись знаниями не только на уровне практики. «...Трансцендентальное умозрение есть душа эмпиризма», говорит Велланский, однако подчеркивает влияние Врача в науке: именно от его теоретической перефокусировки изменился бы статус самой медицинской науки в системе знания: «Не одна бы только бездушная сторона оной занимала Врачей... Пустая Метафизика нашла бы здесь свое ничтожество; а Этика и Эстетика могли бы получить отсюда твердое основание и подпорку; и не шатались бы в оптическом виде, как метеоры по воздуху. Мораль и Поэзия... не были бы столько унижены, чтоб служили материей для всякого писаря, и забавой праздному народу; а возвысились в надлежащую свою сферу, остались бы предметом для тех только, которые в состоянии понять абсолютность: истины, красоты и доброты. А поелику реальное и идеальное представляет разные только стороны одного и того же; то понимая это основательно, и практический Врач, в техническом своем упражнении, не был бы так беден, и сожаления достоин, как мы теперь его видим, в низком рабстве неизвестности и слепого опыта» [6, с. 52-54]. Велланский обличает прецедентный характер такого знания врачей-современников, приводя в пример старуху-шарлатанку: используя их же методы, будучи «лечащей наощупь», она могла случайным образом, наугад, вылечить даже тех, кого сочли неизлечимым целые коллегии врачей-практиков.

Сегодняшняя медицина обрела статус особой области знания, причем статус официальный и академический – в прошлом столетии возникла Академия медицинских наук СССР, затем РАМН, преобразованная в Отделение медицинских наук РАН. Задолго до этого статус медицинской науки был осмыслен Д. Велланским через призму ее полезности и экологичности для человека: медицина как предмет исследования в его текстах – «Врачебная Наука», главнейшая часть естественного познания – достойна стать «совершенною Наукою», т.к. она избирает в качестве предмета изучения человеческий организм, который, буквально, «конструирован из абсолютного познания Натуры» [6, с 54-55]. В работе «Пролозия к медицине как основательной науке» Велланский стремится одновременно

зафиксировать состояние современных ему медицинских достижений и развитие медицины в целом, и, одновременно, задать планку «идеальной» медицины (и создать образ идеального исследователя!) имеющей отношение, прежде всего, к натурфилософии Шеллинга и умозрительному и абсолютному Гегеля: «Из механического строения человеческого тела явствует ощутительно закон образования его; но эмпирические Анатомики никогда не увидят онога, без спекулятивного познания. *Телеологическое* изъяснение органов и частей оных есть обыкновенное убежище в незнании. И без онога всякому известна польза глаза, уха, мышц, сосудов, нервов и проч. Но тут нужно бы, по-настоящему, совсем другое – показать, т.е. predetermined гармонию материального объекта с его субъектом; и вывести необходимость образования всякой части из *Идеи* организма». [6, с. 48-49]. Вполне в духе своего времени Велланский критикует чистый эмпиризм: Анатомическая Физиология у него «нема и мертва, как холодный мрамор», который «никакое баснословие гипотез оживить не может»: «Между толкими тысячами появившихся до наших времен физиологических сочинений, нет ни единого, которое бы сколько-нибудь основательно изъясняло процесс рращения, движения, органическую теплоту, действие чувств и все прочие свойства растительной и животной жизни организма – не упоминая об интеллектуальности, которой исследование исключено из Физиологии, и отнесено к Метафизике – как будто не принадлежит она к организму, или не есть высшая потенция онога!» [6, с. 50].

Н.П. Суханова в статье «“Экология науки” – методологическая исследовательская программа изучения науки» акцентирует внимание на социальных (внешних) факторах развития науки, отделяя их от когнитивных, внутренних. Размышляя о специфике экологии такого формата, она подчеркивает: «Экология науки не ставит целью социальное конструирование знания, но пытается вскрыть механизмы существования науки в социокультурной среде» [Суханова 95]. Для Велланского статус субъекта науки в социокультурной среде – в обществе, культуре и философии, это статус не только эмпирика-хирурга, практика, но ученого, представителя медицины, подтверждались его отношением к природе как предмету познания – *Натуре*. И одна из задач врача, оставшаяся прежней и в современной медицине – умение определять ту или иную разновидность болезни, умение применить нужную методику, также рассматривалось сквозь призму теоретического и умопостигаемого: «И вся слава наступающего совершенства органической Науки принадлежит тому, кто определил *Натуру* вообще, и вывел из оной организм человеческий. Он первый зажег факел истинного познания. Врачи со счастливою интеллектуальностью, ревностно ныне пользуются оным. И раньше или позже озарятся все части Врачебной Науки светом истинного познания. Тогда Медицина будет совершенна; но публичною тайной, куда вход не всякому отворен. Начало такового ее состояния видим мы и теперь. Самые важнейшие произведения *рациональных* исследователей органической *Натуры* весьма немногим известны. Смотрящим на них поверхностно показываются они неразрешимыми иероглифами; а чувствующие в себе недостаток умозрения, не смеют и взглянуть на оные» [6, с. 71]. При том, что познание природы остается, по Велланскому, основным свойством человеческого ума, однако статус этого познания, высота уровня зависит от степени абстракции. Подлинный врач – философ, подлинный ученый – философ: «О настоящем влиянии новых умозрительных понятий на практические упражнения может только судить тот, кому известна сила оных. Действительно нынешняя теория должна произвести соответственную перемену и в практике; но сие сбудется тогда, когда Физики, Химики, Физиологи, медики, астрономы, Моралисты, Эстетики и прочие сделаются вместе и философами. Всякая наука подлежит влиянию *Натуральной философии*; поелику ничто не исключено из области всеобщей природы, которой существенное познание должно быть также общим основанием всех других сведений» [5, с. 6].

В исследованиях экологии науки и экологии культуры столетия спустя можно уловить отголоски этих рассуждений: поиск баланса в науках, поиск метода успешного сосуществования в социокультурных рамках, простое обеспечение «идеальной» окружающей среды (на физическом ли уровне, или же ментальном). Так, Е.Н. Устюгова обозначает широкий тематический пласт: «В последнее время в определении задач экологии культуры начинает преобладать так называемый *средовой* подход, согласно которому экология – это охрана среды обитания, в которой надо стремиться к достижению возможного баланса между человеком, обществом и природой. Таким образом, определяющими здесь оказываются не содержательно-ценностные критерии культуры, а пространственно-предметные, функциональные, эмпирически более конкретные, близкие к осуществлению процесса жизнедеятельности». Однако, эта пространственно-предметная сфокусированность также обосновывается особым статусом человека (инклюзивным и эксклюзивным) в науке, как активного субъекта познания, как актора в науке, переключаясь со статусом Врача в текстах Велланского.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Экология культуры // Знание – сила. Июнь 1982. № 6. С. 22-24.
2. Петрова Е.В. Экология современной цифровой среды // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. Вып. 3(23). С. 103-108.
3. Петрова Е.В. Информационная экология: биологическая наука или технонаука? // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. №13. С. 92-98.
4. Суханова Н.П. «Экология науки» – методологическая исследовательская программа изучения науки // Ценности и смыслы. 2019. №3. С.88–98.
5. Велланский Д.М. Биологическое исследование природы в творящем и творимом ее качестве, содержащее начертания всеобщей физиологии. СПб., 1812.
6. Велланский Д.М. Пролозия к медицине как основательной науке от Данилы Велланского. Санкт-Петербург: Медицинская типография, 1805.

УСКОРЕННАЯ ИСТОРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Щедрина Т.Г.

Доктор философских наук
Институт философии РАН
E-mail: tannirra@mail.ru

Аннотация. Современная наука, обладающая такими специфическими чертами, как полидисциплинарность, практикоориентированность, человекообразность, сталкивается с интересным эпистемологическим явлением, которое можно назвать «ускоренная историзация». Мысль об ускорении развития человеческого разума в истории высказал В.И. Вернадский, когда обосновывал необходимость расширения исторического горизонта для целостного понимания процессов, идущих в науке его времени. И хотя последующее развитие эпистемологии поставило фактически знак равенства между историзацией науки и релятивизацией ее предметных областей, значение идей Вернадского не потеряло своей актуальности (особенно для современного естествознания). Следующий шаг в обосновании фундаментальности истории науки сделал П. Бурдье, который выступил с рационалистической программой «двойной историзации» для социальных наук. Сегодняшняя ускоренная историзация науки связана с повсеместной оцифровкой архивов научных журналов, книг и материалов конференций и конгрессов. Ее последствия обладают как положительным (историческим), так и отрицательным (формально-социологическим) эффектом. Благодаря ей, с одной стороны, границы эмпирии раздвигаются в историю, что позволяет эффективно применять методы социологии даже в таких традиционно не социологически ориентированных областях науки, какой является медицина. С другой, ускоренная историзация дает возможность обнаружить и зафиксировать ушедшие глубоко в прошлое магистральные темы и сюжеты, не потерявшие актуальности и сегодня. Феномен «ускоренной историзации» приобретает особое значение для развития культурно-исторической эпистемологии, которая идет по пути, намеченному В.И. Вернадским и П. Бурдье.

Ключевые слова: ускоренная историзация, естествознание, методология науки, человекообразность, полидисциплинарность.

ACCELERATED HISTORIZATION OF MODERN SCIENCE: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Shchedrina T.G.

DSc in Philosophy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: tannirra@mail.ru

Abstract. Modern science, characterized by such specific features as multidisciplinary, practice orientation, human-sizedness, faces an interesting epistemological phenomenon that can be called "accelerated historization." The idea of accelerating the development of human thought in history was expressed by V.I. Vernadsky when he justified the need to expand the historical horizon for a comprehensive understanding of the processes occurring in the science of his time. Although subsequent developments in epistemology equated historization of science with the relativization of its subject areas, the significance of Vernadsky's ideas remains relevant (especially for modern natural science). The next step in justifying the fundamentality of the history of science was taken by P. Bourdieu, who proposed a rationalist program of "double historization" for social sciences. Today's accelerated historization of science is associated with the widespread digitization of archives of scientific journals, books, and materials from conferences and congresses. Its consequences have both positive (historical) and negative (formally-sociological) effects. On the one hand, it expands the boundaries of empiricism into history, allowing for the effective application of sociological methods even in traditionally non-sociologically oriented fields of science such as medicine. On the other hand, accelerated historization makes it possible to discover and document deeply historical main themes and plots that have not lost their relevance today. The phenomenon of "accelerated historization" acquires special significance for the development of cultural-historical epistemology, following the paths outlined by V.I. Vernadsky and P. Bourdieu.

Keywords: accelerated historization, natural science, methodology of science, human-sizedness, multidisciplinary.

Современная наука – полидисциплинарная в своих основных направлениях [1], оснащенная мощным технологическим инструментарием (в том числе цифровым), оперирующая большим массивом информации и, что самое главное, ориентированная на исследование различного рода социально значимых прикладных задач – сталкивается с проблемой релятивизации предмета исследований. Его онтологический статус приобретает в познании знаково-символический характер. И потому, в ходе конкретной исследовательской работы реальный предмет познания воспринимается не как нечто данное само по себе, но сквозь призму философско-методологического сознания, в рамках которого достаточно четко и обязательно в словесной форме выражается ракурс рассмотрения исследуемого предмета. Иными словами, ясно осознается конкретная «человекообразность» познаваемого региона реальности (как понимал этот термин В.С. Степин [2, с. 670–671]). «Примерами таких “человекообразных” комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы “человек – машина” (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта)» [3, с. 87]. Зачастую современные методологи и ученые-теоретики видят выход из этой принципиальной «субъективизации» научного предмета в социологической методологии, собирающей «мнения» (ученых, испытуемых и т.д.), и в социальной эпистемологии, фиксирующей внешние факторы, влияющие на развитие науки (ведь человекообразные комплексы требуют помимо экспликации фундаментальных внутринаучных ценностей обязательного учета «внеаучных ценностей общесоциального характера» [3, с. 88]).

Однако, на наш взгляд, важнейшую роль в формировании методологического сознания играет не столько формально-социальная, сколько культурно-историческая рефлексия ученого, осознающего собственную историчность и, благодаря этому, осознающего историзм исследуемой предметности [4]. Современное познание становится историческим, причем именно в том смысле, какой ему придавал академик Вернадский, когда утверждал, что научное знание не сиюминутно, оно кристаллизуется «в эволюции научной мысли человечества» [5, с. 214], вбирая в себя все (насколько это возможно) исторически осуществленные эмпирические образцы (события, прецеденты и т.п.). Вернадский раздвигает границы познаваемой эмпирической реальности, фактически внося в нее человеческий

разум и обосновывая, тем самым, ее историческую природу. Позже этот путь рационалистического историзма предложит для социологической науки П. Бурдьё, выдвинув лозунг «двойной историзации» [6, с. 20–22] (современный ученый должен признавать и исторический характер познаваемой реальности, и историчность самого себя как исследователя).

Сегодня эта мысль Вернадского и Бурдьё приобретает важнейшее значение и особый смысл, поскольку цифровые технологии максимально ускорили процесс обмена знаниями (в том числе и полученными в обращении к истории науки) между различными научными группами и отдельными учеными. Отрезок времени от получения результатов исследования до их публикации сократился еще больше (по сравнению с тем, как это ускорение постулировал Вернадский) и сегодня история действительно стала нашим настоящим, она не только творится нами здесь и теперь, но и становится доступной, благодаря открытию архивов научного знания (оцифровке журналов, книг, материалов конгрессов).

Для науки, для конкретного ученого такая ускоренная историзация оборачивается необходимостью как-то учитывать в своих исследованиях постоянно появляющиеся результаты, полученные другими группами и зафиксированные в публикациях. Одновременно с ускорением процессов публикации результатов исследований и экспериментов мы наблюдаем, как один за другим оцифровываются архивы научных журналов. Сегодня достаточно нажать на несколько кнопок, чтобы ознакомиться с тематикой исследований и направлениями работы, которые волновали научные группы пять, десять, двадцать, ... пятьдесят лет назад. Архив научных результатов, теоретических конструкций и прецедентов, как и история, творимая наукой на наших глазах, становятся особым источником знания. Сегодня это один из аспектов проблемы Big Data и он интенсивно обсуждается в культурно-исторической эпистемологии, в рамках которой на передний план выходит проблема историзма (как ее формулировали Вернадский и Бурдьё) – проблема динамической природы предмета научного исследования. В нем сосуществуют произвольность и смысловая определенность, историческая фундированность, и, соответственно, конкретная осмысленность его реального статуса.

Ускоренная историзация меняет и сам способ представления знания даже в науках близких к естествознанию. Это отчетливо видно в таких традиционно эмпирических и прикладных областях, какой, например, является медицина. В процессе работы с архивами журналов ярко выявилась одна интересная деталь. В последние годы в медицинских журналах преобладают обзорные статьи (самого разного типа), в которых используются (чаще количественные) методы социологии. Авторы статей представляют не результаты работы с медицинской реальностью (с заболеваниями, с разработкой лекарств или с вирусами и т.д.), но результаты, уже полученными другими исследовательскими группами, результаты опросов пациентов, выяснение отношения жителей различных регионов к социально-биологическим явлениям (например, к чайлдфри). Методология таких исследований кардинально меняется. Авторы, следуя навязанными журналам правилам IMRAD, описывают методологию исследования в типично социологическом ключе, учитывая и современные разработки из области статистики. Они раскрывают конкретные этапы используемых социологических методов (анкетирование, интервьюирование, наблюдение и др.) и конкретных методик, позволяющих ученым-медикам сделать выборки, построить диаграммы и *обобщить* полученные результаты и т.д. Реальность медицинской проблемы для них – это представленные другими (исследователями, испытуемыми и т.д.) результаты (они остаются именно на этом – либо историографическом, либо социологическом – уровне представления знания о какой-либо медицинской проблеме). Можно сказать, что количество таких «социологических» по своей методологической фундированности статей растет и это заставляет нас сегодня задуматься о том, как меняются формы внутринаучного общения в прикладнизированной науке и как ускоренная историзация может изменить исследуемую предметность, внести в эти социологические обзоры конкретность и расширить их эмпирический базис.

Ускоренная историзация открывает ученому возможность с легкостью переноситься в прошлое и делать социологические выборки, увеличивая их хронологические рамки (но при этом зачастую теряется содержательность). В то же время может получиться интересный результат (он может стать даже весьма неожиданным), поскольку, как оказалось в процессе ознакомления с архивами журналов по медицине, некоторые темы и формулировки проблем не меняются на протяжении значительного времени. То есть получается, что ускоренная историзация позволяет максимально быстро провести «археологические раскопки» архива и (помимо расширения количества доступного материала) выявить такие тексты и проблемы, исследование которых не потеряло актуальности сегодня. А это значит, что историзм исследуемой реальности входит в данную предметную область и историзирует сознание исследующего ее ученого. Тем самым, социологическая, по сути, составляющая его

методологического сознания получает статус культурно-исторической установки. Так реализуется человекообразность современного научного познания.

Список литературы

1. *Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г.* Играем в бисер? О достоинстве идеи парадигмы // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 84–93.
2. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. *Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н.* История и философия медицины. Научные революции в медицине XVII–XXI вв. М.: Академический проект, 2020.
4. *Щедрина Т.Г.* Культурно-историческая эпистемология и социальная эпистемология: два пути к реальности // Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Т. Г. Щедрина; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 262–272.
5. *Вернадский В.И.* Мысли о современном значении истории знаний // Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. С. 213–224.
6. *Бурдые П.* За рационалистический историзм // СоциоЛогос – 97. С. 9–29.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ

А.В. ВАСИЛЬЕВ КАК МАТЕМАТИК, ИСТОРИК МАТЕМАТИКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Бажанов В. А.

*Доктор философских наук, профессор
Ульяновский государственный университет
E-mail: vbazhanov@yandex.ru*

Аннотация. На основе архивных материалов (личный архив автора, архив Республики Татарстан, Российский государственный исторический архив) в докладе представляется научная биография видного деятеля в области развития математики в России и общественного деятеля Александра Васильевича Васильева (1853–1929), который происходил из рода, сыгравшего важную роль в истории отечественной науки. Будет показана его роль в развитии математики и математического образования в России, в популяризации идей «воображаемой» геометрии Н. И. Лобачевского, расширении международных связей ученых России, а также затронуты основные направления его общественно-политической деятельности. Особо будет отмечено его влияние на сына Николая (1880–1940), который предложил «воображаемую» логику (логику без закона исключенного третьего и толерантную к противоречию) и который ныне считается родоначальником современной неклассической логики.

Ключевые слова: история математики в России, Н.И. Лобачевский, «воображаемая» геометрия, «воображаемая» логика.

A.V. VASILIEV AS A MATHEMATICIAN, HISTORIAN OF MATHEMATICS, PUBLIC ACTOR

Bazhanov V. A.

*DSc in Philosophy, Professor
Ulyanovsk State University
E-mail: vbazhanov@yandex.ru*

Abstract. Based on archival materials (the author's personal archive, the archive of the Republic of Tatarstan, the Russian State Historical Archive), the paper presents a scientific biography of a prominent figure in the development of mathematics in Russia and a public actor Alexander Vasilievich Vasiliev (1853 – 1929). He is descendant of a family that played an important role in the history of Russian science. His role in the development of mathematics and mathematical education in Russia, in popularizing the ideas of Lobachevsky's “imaginary” geometry, in expanding the international relations of Russian scientists revealed, and the main directions of his social and political activities described. His influence on his son Nikolai (1880 – 1940), who constructed “imaginary” logic (logic tolerant to contradiction and avoid the law of the excluded middle), who is now considered to be the forerunner of modern non-classical logic, will be emphasized.

Keywords: history of mathematics in Russia, N.I. Lobachevsky, “imaginary” geometry, “imaginary” logic.

1. В истории науки (включая историю математики) необходимо изучать не только деятельность и концептуальное наследие выдающихся ученых, но и ученых, так сказать, рангом ниже, – тех ученых, которые создавали атмосферу творчества, научного поиска и активно участвовали в жизни некоторого сообщества, которое было занято развитием определенной области знания. Одним из таких ученых, ныне незаслуженно во многом забытых, являлся Александр Васильевич Васильев (1853 – 1929).

2. Предки А. В. Васильева оставили заметный след в истории России, ее науки и культуре. Родословная ученого восходит к барону фон Иксюлю, поступившему на военную службу в России и после крещения принявшего имя Федора Ивановича, его сын по прозвищу Соковня являлся воеводой положив начало роду Соковниных среди которого были противники реформ Петра I и церковных нововведений патриарха Никона («боярыня Морозова»). Отцом А.В. Васильева являлся крупнейший отечественный синолог академик Петербургской АН В.П. Васильев, женатый на дочери ректора Казанского университета И.М. Симонова, сменившего на этой должности Н.И. Лобачевского. А.В. Васильев был женат на дочери видного деятеля в области образования Тверской губернии П.П. Максимовича.

3. А. Васильев закончил 5-ую Санкт-Петербургскую гимназию и уже в старших классах изучал анализ по учебнику М. Штурма. После окончания с золотой медалью и степенью кандидата математического факультета Петербургского университета в 1874 г. Васильев стал работать в Казанском университете в должности приват-доцента. В 1874 г. Он был командирован за границу, где слушал лекции Вейерштрасса и Кронекера в Берлине, Ф. Клейна в Лейпциге и Эрмита в Париже. А. Васильев в 1880 г. В Казанском университета защитил магистерскую, а в 1884 г. докторскую диссертацию, в которых он развивал некоторые идеи Кронекера. С 1887 г. А. Васильев профессор, а в 1899 г. стал заслуженным ординарным профессором. В связи с избранием в Государственную Думу в 1906 г. Васильев переезжает в С.-Петербург, позже избирается членом Государственного совета от Академии наук и университетов и занимает должность профессор Петербургского университета, а с 1923 г. он живет в Москве.

4. А.В. Васильев обладал обостренным чувством нового. Одним из первых в России он пропагандировал методы теории групп, был пионером распространения теоретико-множественных представлений, релятивистской механики (книга Васильева «Пространство, время движение» была издана в 1923 г. с предисловием Б. Рассела), математического моделирования биологических процессов. По совету Васильева П.С. Порецкий увлекся математической логикой и первый в России прочитал курс по этому предмету. Сын же А.В. Васильева Николай (1880 – 1940) в 1910 – 1913 гг. построил «воображаемую» логику, свободную от законов (не)противоречия и исключенного третьего и тем самым считается одним из родоначальников современной неклассической логики (многозначной и паранепротиворечивой прежде всего) (подробнее см.: [1]).

5. Всю жизнь А.В. Васильев энергично пропагандировал идеи Н.И. Лобачевского, организовал премию имени Лобачевского, возглавлял комиссию по празднованию столетия со дня рождения великого геометра, собирал капитал, часть которого пошла на создание памятника Лобачевскому и т.д. Благодаря обширным международным связям Васильева, идеи Лобачевского получили самое широкое признание, а лауреатами премии стали такие выдающиеся математики как Д. Гильберт, Г. Вейль, С. Ли, Ф. Шур.

А.В. Васильев работал над научной биографией Лобачевского, которая издавалась во всё более расширенном виде в 1894 и 1914 гг. В последние годы жизни Васильев существенно обновил и еще более расширил диапазон анализа творчества Лобачевского в своей книге. Это новое издание увидело свет в Госиздате в 1927 г., но по причине, вероятно, того, что кто-то вспомнил детали жизни ученого до торжества советской власти, тираж полностью уничтожается. Чудом сохранилась вёрстка издания, которая позволила воссоздать «Жизнь и научное дело Н.И. Лобачевского»: в 1992 г. в неполном варианте [2], поскольку издательство «Наука» потребовало довольно существенно сократить объем текста из-за ограничений в финансировании издания, а в 2023 г. книга увидела свет уже в полном объеме, с новым Предисловием и редактурой, но с несколько измененным по инициативе издательства названием [3].

6. А.В. Васильев снискал широкое уважение не только своей научной, но и общественно-политической деятельностью. Он являлся не только членом первой Госдумы (от партии народной свободы) и Госсовета (от Академии науки и университетов), но гласным Казанской городской Думы и членом С.-Петербургской городской Думы. Его авторитет был настолько высок, что К.С. Мережковский (биолог, зоолог, брат известного писателя) обратился к Васильеву в 1916 г. с письмом в котором каялся за свою «антисемитскую выходку» и просил ученого заступиться за него с тем, чтобы восстановить его на работе и дать возможность довести до конца «фундаментальный труд, связанный с классификацией растений». Даже в условиях советской власти в 1927 г. Р.И. Иванов-Разумник просил Васильева найти ему «хотя бы должность библиотекаря», хотя до этого он обращался к академикам С. Ф. Ольденбургу и А.Е. Ферсману, но они не смогли как-то ему помочь.

Васильев подписывал письма протеста против изъятия советской властью церковных ценностей. Вообще, ученый был серьезно встревожен судьбой интеллигенции в Советской России

и перспективами ее плодотворной работы на пользу Отечества.

Список литературы

1. *Бажанов В.А.* Н.А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М.: Канон+, 2009. 240 с.
2. *Васильев А.В.* Николай Иванович Лобачевский (1792 – 1856) / Ред А.П. Юшкевич. Составители: В.А. Бажанов, А.П. Широков. М.: Наука, 1992. 229 с.
3. *Васильев А.В.* Николай Иванович Лобачевский (1792 – 1856). Исчерпывающая научная биография великого геометра – революционера в математике / Ред. В.А. Бажанов. М.: ЛЕНАНД, 2023. 312 с.

ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ КАК ПРИКЛАДНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Барабашев А. Г.

*Доктор философских наук, профессор факультета социальных наук
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
E-mail: abarabashev@hse.ru*

Аннотация. Рассмотрение математики как теоретической и как прикладной дисциплины имеет давнюю историю, имеются критерии и принципы разделения. В то же время, в философии математики классификация исследований не опирается на различие подходов к концепциям философии математики как направленным на приложения философии математики, или на теоретическое совершенствование философии математики как таковой. Теоретическая и прикладная философия математики смешиваются. Предложены критерии отнесения концепций философии математики к прикладной философии математики. Среди критериев особо значимыми являются критерии пользы, предметности, типа исследовательских целей и задач. Произведено разделение существующих концепций философии математики на теоретические и прикладные. Обозначены лакуны в структуре прикладной философии математики, под которыми понимаются отсутствующие потенциально значимые прикладные концепции философии математики.

Ключевые слова: прикладная математика; прикладная философия математики; эмпирический предмет философии математики; утилитарная польза философии математики; прагматические цели философии математики.

PHILOSOPHY OF MATHEMATICS AS THE APPLIED DISCIPLINE

Barabashev A. G.

*Doctor of Philosophy, Professor of Faculty of Social Sciences,
National Research University Higher School of Economics
E-mail: abarabashev@hse.ru*

Abstract. The consideration of mathematics as a theoretical and as an applied discipline has a long history, criteria and principles of their separation have been developed. At the same time, in the philosophy of mathematics, the classification of research directions is not based on distinguishing approaches to the concepts of the philosophy of mathematics as aimed at applying the philosophy of mathematics, or at the theoretical improvement of the philosophy of mathematics as such. The theoretical and applied philosophy of mathematics are mixed. The criteria for attributing concepts of the philosophy of mathematics to the applied philosophy of mathematics are proposed. Among the criteria, the criteria of usefulness, object-orientation, type of research goals and tasks are particularly significant. The existing concepts of the philosophy of mathematics are divided into theoretical and applied ones in accordance with these criteria. Gaps in the structure of the applied philosophy of mathematics are identified as missing potentially significant applied concepts of the philosophy of mathematics.

Keywords: applied mathematics; applied philosophy of mathematics; empirical subject of philosophy of mathematics; utilitarian benefit of philosophy of mathematics; pragmatic goals of philosophy of mathematics.

Разделение математики на теоретическую и прикладную, начавшееся во второй половине 19 века, было порождено бурным развитием естественных наук и связанных с ними технологий. Вклад ряда разделов математики в формирование естественных наук как предоставляющих количественные описания природных явлений (дифференциальные уравнения, ряды, группы, и т.д.) был определяющим в процессе разработки технологий. Поскольку математика показала свою значимость для естественных наук и их приложений, многие математические исследования начали «подстраиваться» под нужды этих приложений, что вызвало как негативную реакцию среди некоторых математиков (требование строгости как доминирующее, призыв оставаться «в башне из слоновой кости»), так и обратное стремление пожертвовать строгостью математических теорий, граничными условиями теорем для того, чтобы применять математические методы и модели шире и свободнее, без оглядок на теоретически сомнительные огрубления, не критичные для нужд приложений.

Возникновение прикладной математики как совокупности моделей и методов, используемых в естественных науках, важных для технологий, окончательно свершилось в середине 20 века, и именно тогда феномен прикладной математики стал объектом внимания философии математики. Однако, не все концепции философии математики активно отреагировали на появление прикладной математики: некоторые концепции, в особенности новые, такие, как квазиэмпиризм и социокультурная философия математики, приняли прикладную математику как важное автономное направление, требующее особого изучения. Другие - формализм, интуиционизм, трансцендентализм, и отчасти математический платонизм – оставили прикладную математику на обочине своих исследований. Расслоение отношения концепций философии математики к прикладной математике является, по нашему мнению, признаком глубинной трансформации философии математики, связанных с ее размежеванием на теоретическую и прикладную философию математики.

Линии размежевания в настоящее время не проведены четко, однако имеется достаточно признаков, согласно которым возможно разделить концепции философии математики на (преимущественно) прикладные, ориентированные на внешние требования и цели, и на (преимущественно) теоретические, концентрирующиеся на совершенствовании самой философии математики как части философского дискурса. Ощущение существенного теоретического/прикладного различия в философских исследованиях математики наблюдается у большинства философов математики, оно выражается в интересе к одним темам и в прохладном отношении к другим темам, в том, какие виды источников изучаются как приоритетные, наконец, в самой приверженности философов математики тем или иным концепциям философии математики.

Выделим критерии отнесения концепций философии математики к прикладной и к теоретической философии математики.

Первым, и наиболее неоднозначным критерием разделения, назовем критерий прикладной пользы. Полезными являются все концепции философии математики, однако их польза различна. Для философии философские концепции математики выступают в качестве важной части рационального дискурса, оперирующего абстрактными и идеальными объектами. Философское изучение математики дает вклад во все основные разделы философии, от онтологии и гносеологии до социальной философии. Философия математики полезна для философии как ее часть, оказывающая влияние на другие части, но не как прикладная дисциплина. С другой стороны, для естественных и социальных наук, а также для развития связанных с ними технологий, философия математики полезна в ином смысле. Она очерчивает горизонты притязаний математики на то, что ее модели и методы адекватно отображают реальные процессы, описывают события и их причины, что они полезны и, более того, что математика является ведущим инструментом научных исследований, лежит в основе технологий, выступая обоснованием их осуществимости и надежности. Философия математики для науки и технологии полезна, будучи гарантией прикладной применимости математики. Это – прикладная польза.

Вторым критерием разграничения прикладной и теоретической философии математики выступает критерий предметности. Прикладная применимость математики не сводится к способам использования математики как инструмента естественнонаучных и социальных исследований: факт прикладной применимости формирует понимание предметов, к которым этот инструмент применяется. В частности, применение математических моделей и методов (в первую очередь, математической статистики) в социальных науках трансформирует социальные науки и их объект,

социальную реальность, полагая ее принципиально квантифицируемой, вырабатывает новое представление о социальной онтологии как о представимой в количественных формах. Можно утверждать, что польза прикладной философии математики выходит за пределы «быть полезным инструментом»: прикладная философия математики способствует изменению природного и социального мира нужным для человека образом, перестраивает само понимание природного и социального мира.

Предметом теоретической философии математики, с другой стороны, выступает математика как компендиум особым образом структурированного математического знания, опирающегося на основания математики, состоящего из математических теорий, использующих доказательства. Математика в теоретической философии математики – важнейшая разновидность рационального дискурса, примененного к формам и объектам особой природы. В противоположность, предмет прикладной философии математики – математика как инструмент, применяющийся в естественных и социальных науках, изучающих внешний природный и социальный мир, используемый в технических науках и технологиях. Там, где философ математики, приверженный теоретической философии математики, исследует рацию и абстракции как таковые, обращается к концепциям математики как квинтэссенции рацию и высшему уровню абстракции, философ математики-прикладник обращает внимание на то, какие разделы математики, где и как, и насколько успешно применяются. Прикладников менее интересуют аксиоматические основания математики, логическая строгость и математическая логика как таковая, и более интересуют математическая статистика, фракталы и группы, определенные, применяемые в приложениях, разновидности рядов и дифференциальных уравнений, и т.д. Если философ математики-теоретик тяготеет к утверждению, что любая математическая теория рано или поздно найдет практическое применение (под которым чаще всего подразумевается применение в естественных науках), то философ математики-прикладник убежден, что только незначительная часть математики применима, и что именно такие разделы математики заслуживают первоочередного рассмотрения.

Наконец, для прикладной и теоретической философии математики значительно различаются типы исследовательских целей и задач. Усовершенствование математики как инструмента научных исследований и основанных на науках технологий предполагает ориентацию прикладной философии математики на такие цели, как выявление наиболее эффективных математических моделей и методов, ставит задачи понять причины такой эффективности и предложить способы усиления прикладной эффективности математических инструментов. Например, обосновать потребность в определенных, новых методах статистической обработки данных, или же выявить изоморфизм тех или иных природных или социальных объектов и математических объектов, обосновать возможность описывать эти природные и социальные объекты с помощью математических понятий, и далее, на уровне исследовательских задач, рассмотреть примеры изоморфизма, оценить последствия применения математических понятий, методов и моделей в областях науки и в технологиях.

Для теоретической философии математики исследовательские цели связаны с продвижением в понимании фундаментальных оснований интеллигибельного, в уяснении роли в этом познании логики, интуиции, априорного синтетического созерцания, идеальных сущностей. Отсюда вытекают и задачи теоретической философии математики: рассмотреть основные философские концепции (в особенности, априоризм и платонизм) и их разновидности с учетом того вклада, который вносит в эти концепции факт существования теоретического математического дискурса и математических объектов как основания этого дискурса. Любая философская концепция, имеющая гносеологические и онтологические компоненты, так или иначе затрагивает тему математики, поскольку существование математических объектов, доказательств, непреложности математического знания в смысле его независимости от эмпирии, является вызовом для философии.

Подведем итог. Разделение теоретической и прикладной философии математики назрело, этот шаг является естественным продолжением разделения математики на теоретическую и прикладную. Появление таких направлений и концепций философии математики, как социокультурная философия математики, квазиэмпиризм, философия математических практик, представляет собой частные случаи общей тенденции формирования прикладной философии математики, отличающейся от теоретической философии математики по критериям полезности, предметности, по типам исследовательских целей и задач.

Возникновение концепций прикладной философии математики, можно предположить, не ограничится уже существующими. В частности, следует ожидать появления концепций, ориентированных на новые, бурно развивающиеся разделы прикладной математики, связанные с искусственным интеллектом, с индикативными технологиями государственного управления,

с биотехнологиями, устойчивым развитием. Везде, где математика успешно предлагает себя в качестве основного инструмента исследований и формирования технологий, где ее вклад в переосмысление предмета наук и технологий значителен, открывается возможность создания новых концепций прикладной философии математики, обосновывающих пользу, предмет и цели этих новых разделов прикладной математики.

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ «НЕЗНАНИЯ» В МАТЕМАТИЧЕСКОМ ПОИСКЕ

Баранец Н. Г.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Ульяновский государственный университет
E-mail: baranetz@mail.ru*

Верёвкин А. Б.

*Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной математики
Ульяновский государственный университет
E-mail: a_verevkin@mail.ru*

Аннотация. В изучении механизмов научного поиска осознанное незнание представляет особый интерес. Отечественные философы выделяют отдельное проблемное поле эпистемологии незнания. Полноценное изучение механизмов научного открытия возможно только с учётом истории науки и рефлексии учёных о своих исследованиях. Мы указываем важный приём выделения зоны незнания, сложившийся в математическом сообществе — формулирование значимых математических проблем. Отмечаем, что в XX веке практика обозначения областей перспективного исследовательского поиска связывается с докладом Гильберта «Математические проблемы» (1900). Гильберт исходил из того, что наличие проблем стимулирует развитие науки. Следуя примеру Гильберта, и другие математики или научные группы так же указали актуальные задачи в своей области. Анализируя эту традицию направления математического поиска, сами математики не имеют согласия относительно её полезности для развития математических дисциплин, но не отрицают её блага для осознания их перспектив.

Ключевые слова: эпистемология осознанного незнания, математические проблемы, математическое сообщество.

THE HEURISTIC ROLE OF "IGNORANCE" IN MATHEMATICAL SEARCH

Baranetz N. G.

*Senior Doctorate in Philosophy; Professor; Professor of the Chair of Philosophy
Ulyanovsk State University
E-mail: baranetz@mail.ru*

Verevkin A.B.

*Doctorate in Mathematics; Associate Professor
Ulyanovsk State University
E-mail: a_verevkin@mail.ru*

Abstract. In studying the mechanisms of scientific inquiry, conscious ignorance is of particular interest. Domestic philosophers highlight a separate problematic field of the epistemology of ignorance. A full study of the mechanisms of scientific discovery is possible only taking into account the history of science and the reflection of scientists on their research. We point out an important technique for highlighting the zone of ignorance that has developed in the mathematical community - the formulation of significant mathematical problems. We note that in the twentieth century, the practice of designating areas of promising research is associated with Hilbert's report "Mathematical Problems" (1900). Gilbert believed that the presence of problems

stimulates the development of science. Following Hilbert's example, other mathematicians or scientific groups also indicated current problems in their field. Analyzing this tradition of the direction of mathematical research, mathematicians themselves do not agree on its usefulness for the development of mathematical disciplines, but do not deny its benefits for understanding their prospects.

Key words: epistemology of conscious ignorance, mathematical problems, mathematical community.

Какова роль осознанного «незнания», сформулированного в исследовательскую проблему? В этой статье мы присоединяемся к направлению эпистемологии незнания отечественной философии науки, разрабатываемой профессором А.М. Дорожкиным. «Если незнание – это результат познавательной деятельности, а познавательная деятельность охватывает сложную систему, включающую в себя познавательные установки научного сообщества и формируемую под воздействием культурных, психологических, экономических, социальных, в том числе педагогических, и прочих факторов, то незнание – это результат действия всей этой системы» [1, с. 87]. В математическом сообществе возник особый приём – выделения зоны незнания – формулирование значимых математических проблем.

Известную практику формулирования областей перспективного исследовательского поиска связывают с докладом Давида Гильберта «Математические проблемы», прочитанным на объединённой историко-методологической секции II-го Математического конгресса в Париже 8 августа 1900 года. Гильберт заметил, что каждый век имеет собственные математические задачи, впоследствии либо разрешаемые, либо отставляемые как бесплодные, и заменяемые новыми. Всякая область научного исследования жизнеспособна, пока изобилует нерешёнными проблемами, и прекращает развитие при их недостатке. Наличие проблем имеет стимулирующее значение для науки. Хорошая математическая проблема должна быть ясной и достаточно трудной, чтобы привлекать внимание сильных учёных, но не должна быть совершенно недоступной для решения, чтобы не сделать все усилия бесполезными. Гильберт был убеждён в методологической целостности математики и осмелился указать задачи, которые, по его мнению, зададут развитие математики XX-го в. В докладе он обозначил десять проблем, но в последующей публикации их стало уже 23. Гильберт высказался и о способе решения математических задач. Он заметил, что многие из них не могут быть решены, пока не станут ясны их более простые частные случаи и не будет выработана достаточно общая точка зрения на проблему, ставящая её звеном в цепи родственных проблем. Решение проблемы должно следовать из конечного числа точно сформулированных предпосылок. Гильберт предполагал, что любая определённая математическая проблема должна иметь строгое положительное или отрицательное решение. К большей части поставленных им проблем Гильберт имел непосредственное отношение, предлагая программу исследования. Некоторые из них имели конкретный или частный характер, другие, – напротив, были поставлены очень широко. Проблемы Гильберта направили развитие математики XX в., но не определили его в полной мере. Следуя традиции, возникли и другие списки актуальных задач, составленные либо в одиночку, либо коллективно. Польско-американский математик Станислав Улам в 1960 году перечислил интересные ему задачи разных математических дисциплин. Известны проблемы проективной алгебраической геометрии, составленные в 1979 году американским математиком Робинотом Хартсгорном. Российский математик, академик Владимир Игоревич Арнольд предложил обширный список проблем из своей области интересов. Ранее советские математики многократно публиковали «Коуровские тетради», – их первый выпуск был составлен на Дне проблем Первого всесоюзного симпозиума по теории групп в посёлке Коуровка под Свердловском 16 февраля 1965 года. В 1969 году появились «Днестровские тетради» и «Свердловские тетради». Влияние новых проблемных списков оказалось не столь значительным, как у Гильбертова, кроме одного широко известного случая. Недавно, в связи с решением Григорием Яковлевичем Перельманом проблемы Пуанкаре и его последующим отказом от всех наград, стали популярны «Проблемы тысячелетия», поставленные частным математическим институтом американского мецената Лэндона Кля в 2000 г. Научно-консультативный совет института Кля обозначил семь задач, пообещав за решение их миллионные призы. Помимо упомянутой и уже решённой проблемы Пуанкаре, к «проблемам тысячелетия» были отнесены гипотезы Римана, Ходжа, Берча-Свиннертон-Дайера, о равенстве классов P и NP , исследование уравнений Навье-Стокса и уточнение теории Янга-Миллса.

Возникает вопрос – полезна ли подобная практика для «направления» математического поиска? Интересно мнение самих математиков на эту тему. Например, выдающийся тополог и аналитик Лев Семёнович Понтрягин разделял математические результаты на два типа. Результаты первого типа –

предвидимы и формулируемы заранее. Математическое исследование устанавливает или отвергает их истинность. Главный интерес здесь состоит в поиске доказательства, а не в точной формулировке. Примером является арифметическая проблема Гольдбаха. Результаты второго типа нельзя предвидеть заранее. Исследуется совершенно новое математическое явление. В данном случае интересен не только результат, но и правильная его формулировка. Для него гипотеза Пуанкаре о предельных циклах была примером этого типа. Понтрягин, следуя известному суждению Гаусса, скептически относился к ценности знаменитых математических проблем, считая, что более важно интересоваться прикладными задачами, поскольку именно они развивают науку, ведь из глубины одного разума не получится извлечь ничего значительного. «Существует, однако, совершенно другой подход к математической проблематике. Это стремление решить знаменитые проблемы, т.е. такие, которые давно поставлены, но не поддаются решению. Прекрасными примерами таких проблем являются проблема Гольдбаха и великая теорема Ферма. Но такой подход кажется мне уж очень спортивным, а ведь наука – не спорт. Её главной целью является подчинение людям окружающей материальной действительности с тем, чтобы использовать её для жизни людей. Некоторые считают, что, решая трудные проблемы, математики совершенствуют свой аппарат для того, чтобы в дальнейшем его можно было использовать по прямому назначению. Но я полагаю, что лучше уж совершенствовать свой аппарат, употребляя его сразу по прямому назначению для решения сколько-нибудь прилагаемых к жизни задач» [2, с. 84].

А вот известный российский логик, казанский профессор Марат Мирзаевич Арсланов считает, что развитие математики во многом стимулируется математическими проблемами: «Хорошо поставленная математическая проблема, решение которой не удаётся найти, говорит о необходимости критического пересмотра существующих методов исследования, о недостаточности той совокупности знаний, к которой относится проблема. И, таким образом, способствует дальнейшему развитию этой области науки». Из своего опыта он замечает, что «в математике нужно выбирать те области, где ожидается хороший прорыв. ... Надо ориентироваться на поставленные проблемы, например, институтом Клея. Там остаётся шесть нерешённых проблем. Целый коллектив достаточно долго подбирал эти задачи, это очень хорошо продуманные и поставленные задачи. Есть ещё проблемы, поставленные выдающимися учёными, такими как Смейл, а потом Гильберт – не все его проблемы решены. Хорошо бы работать в этом направлении, но здесь надо работать в коллективе или иметь такой гениальный ум, как у Григория Яковлевича Перельмана. ... Очень интересна проблема Римана о дзета-функции. Это давнишняя проблема, может быть, появятся какие-нибудь молодые люди, которые будут способны решить и эти проблемы. Трудно надолго заглядывать вперёд. Сейчас всё очень быстро развивается. Сегодня заглядывать на 20 лет вперёд, то же что в Средние века было заглянуть на 500 лет вперёд. Думаю, что можно ожидать хороший прорыв в криптографии. Создание квантового компьютера и разработка глубоких квантовых алгоритмов. Если будет создан квантовый компьютер, криптография получит мощное развитие» [3].

В изучении механизмов научного поиска тема осознанного незнания, представляет особый интерес, так как позволяет прояснить область неизведанного, понимание о неизвестном. Изучение этого процесса возможно через истории научных открытий и рефлексии учёных.

Список литературы

1. Дорожкин А.М., Голубинская А.В. Незнание как эпистемологическая проблема// Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 3. С. 77–90.
2. Понтрягин Л.С. Жизнеописание Л.С. Понтрягина, составленное им самим. М. 1998. 304 с.
3. Транскрипция видеозаписи «Беседа о науке с профессором Маратом Мирзаевичем Арслановым. Казань, 5 июня 2014 года. Часть 1». [Электронный ресурс]. URL: <http://youtu.be/-Obf-zUfeNA> (дата обращения 01.06.2024).

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ИСТОРИЯ МАТЕМАТИКИ: О КОНЦЕПЦИИ К. ПОППЕРА

Бычков С.Н.

*Доктор философских наук
Независимый исследователь*

E-mail: bytc@mail.ru

Аннотация. В работе анализируется концепция фаллибилизма К. Поппера применительно к вопросам преподавания теории общественного выбора К. Эрроу. Показано, что для начальных вопросов данной теории стихийно был найден оптимальный (с точки зрения методики изложения) способ преподнесения учебного материала. Имеется в виду теорема Мэя, характеризующая повсеместно используемое на выборах с двумя кандидатами правило большинства. Спустя значительное время после опубликования авторского доказательства было найдено новое доказательство, опирающееся на понятие избирательной системы с квотой. Это понятие было перенесено из корпоративной экономики, где действует правило «одна акция – один голос», на политику, где господствует принцип «один человек – один голос». Показано, что данное понятие наилучшим образом соответствует сущности теоремы Мэя и что, вопреки концепции Поппера, найденное на основе внешних по отношению к политологии соображений доказательство не может быть уже далее улучшено.

Ключевые слова: фаллибилизм, теорема Мэя, система с квотой, объективная истина.

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND HISTORY OF MATHEMATICS: ON THE CONCEPT OF K. POPPER

Bytchkov S.N.

*DSc of Philosophy
Independent researcher*

E-mail: bytc@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the concept of K. Popper's fallibilism in relation to the teaching of K. Arrow's theory of public choice. It is shown that for the initial questions of this theory, the optimal (from the point of view of the presentation methodology) method of presenting educational material was spontaneously found. This refers to May's theorem, which characterizes the majority rule that is widely used in elections with two candidates. A considerable time after the publication of the author's proof, a new proof was found based on the concept of an electoral system with a quota. This concept was transferred from the corporate economy, where the rule "one share – one vote" applies to politics, where the principle of "one person – one vote" prevails. It is shown that this concept best corresponds to the essence of May's theorem and thus, contrary to Popper's concept, the proof found on the basis of considerations external to political science cannot be further improved.

Keywords: fallibilism, May's theorem, quota system, objective truth.

Сегодня трудно найти учебный курс по истории и философии науки, в котором не рассматривалась бы концепция научного знания Карла Поппера. Среди ряда высказанных австрийским философом общих утверждений одно выглядит наиболее бесспорным: «В сфере человеческой деятельности имеется не так уж много областей, если они вообще есть, свободных от человеческой погрешимости. То, что в некоторый момент представляется нам твердо установленным и даже достоверным, в следующий момент может оказаться не совсем верным (а значит, ложным) и потребовать исправления» [1, с. 386].

К данному утверждению Поппер, впрочем, добавляет оговорку: «Признание погрешимости знания означает, что хотя мы можем жаждать истины и даже способны обнаруживать её (я верю, что во многих случаях это нам удаётся), мы тем не менее никогда не можем быть уверены до конца, что действительно обладаем истиной. Всегда имеется возможность заблуждения, и только в случае некоторых логических и математических доказательств эта возможность столь незначительна, что ею можно пренебречь» [Ibid., с. 388].

Целью данной работы является обоснование возможности таких утверждений, где уже сегодня возможность заблуждения можно свести к нулю. Иными словами, в вопросах, связанных с математикой, всё же возможно достижение *объективной истины*.

С этой целью мы рассмотрим первую из важных теорем, доказываемых в математической теории выборов, – теорему К. Мэя: «В случае выборов, в которых участвуют два кандидата и нечётное число избирателей, правило большинства – единственная избирательная система, которая анонимна, нейтральна, монотонна и не допускает возможности равного распределения голосов» [2, с. 21].

Под анонимностью понимается независимость исхода выборов от факта обмена избирателями заполненных бюллетеней перед их опусканием в урну. Избирательная система называется нейтральной, если в случае изменения каждым избирателем своего выбора на противоположный результат выборов изменится соответствующим образом: победивший кандидат проиграет, а проигравший кандидат победит. Монотонность же означает, что при получении дополнительных голосов победивший кандидат не сможет проиграть, а проигравший кандидат, потеряв голоса, не сможет победить.

Теорема была найдена Мэем [3] в процессе обдумывания результата, полученного К. Эрроу и гласящего, что при выполнении определённых (выглядеющих естественными с точки зрения принципов демократии) условий избирательная система обязательно окажется диктатурой. Её авторское доказательство было выполнено в стиле работ Д. Гильберта по аксиоматике геометрии и представляло трудности для понимания студентами-гуманитариями. Впоследствии было найдено иное доказательство, основывающееся на понятии избирательной системы с квотой (это означает существование такого числа q , называемого *квотой*, когда победа кандидата на выборах гарантируется получением им от избирателей по меньшей мере q голосов; при малых значениях q победить могут оба кандидата, при больших – ни один).

Системы с квотой естественным образом возникают в корпоративной экономике (одна акция – один голос). Перенос этого понятия в политику (один человек – один голос) позволил построить такое доказательство теоремы Мэя, усвоение которого не доставляет больших трудностей для изучающих предмет студентов. Возникает вопрос: можно ли в будущем отыскать ещё более простое (более понятное для студентов-гуманитариев) доказательство теоремы Мэя? С точки зрения концепции К. Поппера ответ на поставленный вопрос из методики преподавания математики может быть только один: «да».

В качестве дополнительного аргумента в пользу положительного ответа на поставленный вопрос можно привести следующее: понятие системы с квотой является *внешним* по отношению к политической избирательной системе (искусственный характер данного понятия проявляется в том, что, вопреки самой идее выборов, победителями здесь могут одновременно оказаться два соперника). Может быть, в будущем удастся заменить искусственное (и по происхождению, и по смыслу) понятие системы с квотой на более естественное для политологии понятие, которое студентами будет восприниматься ещё лучше, и доказательство теоремы Мэя от этого станет ещё совершеннее.

Важность математического результата К. Мэя для политологии состояла в том, что количественное условие правила большинства оказывалось логическим следствием трех условий качественного характера. Полезность *нового* способа доказательства состояла в том, что в промежутке между указанными понятиями вставлялось пятое: доказывалось (без предположения о нечётности числа избирателей), что всякая анонимная, нейтральная и монотонная избирательная система обязательно должна быть системой с (некоторой) квотой. После этого величина квоты количественно уточнялась, исходя из условия обязательной победы одного из кандидатов при условии нечётного числа избирателей.

Ответ на поставленный выше вопрос зависит от того, является ли доказываемое в современных учебниках свойство анонимных, нейтральных, монотонных систем быть одновременно системой с квотой *непосредственным* следствием указанных условий, или же это свойство только лишь удобно для последующего перехода к правилу большинства, но при этом само *понятие* избирательной системы с квотой из условий анонимности, нейтральности и монотонности не может быть дедуцировано. Для начала рассмотрим более обстоятельно первое из условий теоремы Мэя – условие анонимности (современные авторы рассматривают «неанонимные обобщения» систем с квотой [4]).

Предположим, что урна для голосования и бюллетени имеют такой вид, что после опускания в урну порядок бюллетеней не меняется и поэтому их можно извлечь и обработать в точности в том

порядке, в котором они опускались в урну. При нарушении условия анонимности результат выборов будет тогда зависеть от порядка, в котором бюллетени опускались в урну. При выполнении же рассматриваемого условия порядок опускания бюллетеней не будет играть никакой роли. Поскольку результатом в каждом неиспорченном бюллетене является выбор одного из двух соперничающих кандидатов, то итоговый результат может быть каким-то образом связан только с *количеством* проголосовавших за первого кандидата (для целей нашего рассуждения будем считать, что сначала учитываются только результаты за идущего первым по алфавиту кандидата. После этого бюллетени просматриваются по второму разу на предмет правильности заполнения в отношении второго кандидата).

Используя условие нейтральности избирательной системы, можно заключить, что исход выборов определяется количествами голосов, поданных за первого и второго кандидата, причем совокупности численных значений голосов, гарантирующих по отдельности победу каждому из кандидатов, в действительности совпадают.

Первым двум условиям удовлетворяет, например, система, объявляющая победителем кандидата, получившего ровно 5 голосов (или меньше 5 голосов). Условие монотонности исключает подобную возможность (если 5 голосов приносят победу, то и любое большее число полученных голосов также должно гарантировать кандидату победу). Остаётся только вариант, когда победа отдаётся кандидату, набравшему некоторый минимум голосов, причём для обоих кандидатов этот минимум один и тот же. А это и означает, что анонимная, нейтральная и монотонная избирательная система *с необходимостью* является системой с квотой: никакого промежуточного свойства между тремя качественными условиями и «квотируемостью» нет.

Рассуждения И. Лакатоса [5] в отношении погрешимости математического знания имеют силу для дедуктивного-аксиоматического рассуждения автора теоремы, но не затрагивают проведённого анализа «степени присущности» понятия квоты избирательным системам определённого вида. Для придания объективности ответам на задаваемые избирательной комиссией вопросы в процессе доказательства теоремы [2, с. 23–24] достаточно присутствия наблюдателей, представляющих интересы обоих кандидатов.

В чём смысл проведённого анализа? Из изложения теоремы Мэя в [2] мы знаем, что привлечение понятия системы с квотой полезно для доказательства теоремы. Проведённый анализ позволяет уточнить, какие именно свойства избирательной системы, используемые в строго установленном порядке (сначала анонимность, затем нейтральность и лишь потом монотонность), позволяют увидеть процесс *возникновения* понятия системы с квотой в широко известной теореме (как будто до этого рассуждения мы ничего о подобных избирательных системах не слышали). Это означает, что можно построить доказательство теоремы Мэя иначе, чем в учебнике, где понятие системы с квотой берётся «с потолка» и мы лишь убеждаемся, что это понятие действительно полезно. Но представляется, что студентам-политологам всё же понятнее будет изложение в [2]. Приведённое выше рассуждение имеет не методический, а «метатеоретический» интерес в контексте поднятых К. Поппером и И. Лакатосом общих философских проблем.

Список литературы

1. *Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания. Избранные работы: пер. с англ. М., 1983. 606 с.
2. *Клима Р. Э. Ходж Дж.К.* Математика выборов: пер. с англ. М., 2007. 224 с.
3. *May K.* A set of independent, necessary and sufficient conditions for simple majority decision // *Econometrica*. 1952. V. 20. № 4. P. 680–684.
4. *Dietrich F., List C.* Judgment Aggregation by Quota Rules: Majority Voting Generalized // *Journal of Theoretical Politics*. 2007. V. 19. № 4. P. 391–424.
5. *Лакатос И.* Бесконечный регресс и основания математики // *Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. Изд. 2-е, перераб. и доп. /сост. А.А. Печенкин. М., 1996. С. 106–135.*

ИДЕЯ ТРАЕКТОРИИ

Зайцев Е.А.

*Кандидат физико-математических наук, старший преподаватель
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

E-mail: e_zaitsev@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается вопрос о происхождении и начальном этапе развития понятия траектории движения в XVI-XVII веках. В центре внимания – три схемы порождения линий движения. Первая схема встречается в трактатах по баллистике XVI века. В ней траектория полета снаряда представлена в виде трех ветвей. Вторая схема реализована в классической механике XVII века. В ней траектория представлена единой кривой, определяемой сложным движением, которое является композицией инерциального и равноускоренного движений. Первые две схемы являются чертежами, выполненными в вертикальной плоскости, представляющей плоскость полета снаряда. Третья схема ориентирована на художественное изображение траекторий с включением в рисунок деталей крепостных сооружений. Обычно в ней используется прямая перспектива, подчеркивающая глубину пространства. В докладе сформулирован тезис о том, что идея траектории возникает как ответ на запросы практического плана, которые в эпоху Возрождения тесно переплетались с требованиями эстетического характера.

Ключевые слова: классическая механика, научная революция XVII в., траектория, искусство эпохи Возрождения, архитектурные модели

THE IDEA OF TRAJECTORY

Zaytsev E.A.

*CSc in Physical and Mathematical Sciences, Senior Lecturer
Moscow Lomonosov State University*

E-mail: e_zaitsev@mail.ru

Abstract. The paper examines the question of the origin and initial stage of the development of the concept of trajectory in the XVI-XVII centuries. The focus is on three schemes for generating lines of movement. The first scheme is found in treatises on ballistics of the XVI century. In it, the trajectory of the projectile is represented in the form of three branches. The second scheme is implemented in the classical mechanics of the XVII century. In it, the trajectory is represented by a single curve defined by a complex motion, which is a composition of inertial and accelerating motions. The first two schemes trajectories are drawn in a plane representing the vertical plane of flight of the projectile. The third scheme is focused on the artistic representation of trajectories. with the inclusion of details of fortifications in the drawing. It usually displays details of fortifications and uses linear perspective that emphasizes the depth of the space. The main thesis consists in that the idea of a trajectory arises as a response to the demands of a practical plan, which in the Renaissance were closely intertwined with the requirements of an aesthetic nature.

Keywords: classical mechanics, scientific revolution of the XVII century, trajectory, Renaissance art, architectural models

Траектория – линия, по которой движется тело. Материальная точка движется по линии, «создаваемой» ее движением. Тело, совершающее поступательное движение, следует по линии, описываемой центром тяжести. Движение с вращением осуществляется по линиям, описываемым всеми точками тела. Посредством линий описывается также движение жидкости и газа. В термодинамике, квантовой физике и т.д. при помощи траекторий наглядно представляют фазовые потоки.

Представление о траекториях полета впервые появилось на рубеже XV-XVI веков в связи с началом использования навесной стрельбы (мортиры). Ядро, выпущенное из пушки, летит по прямой, что позволяет опытному артиллеристу корректировать его полет эмпирическим путем. Снаряд, выпущенный из Mortiry, описывает кривую линию, параметры которой (высота и дальность)

зависят от угла возвышения орудия и силы порохового заряда. В этом случае полезно представить движение в виде траектории.

Начиная с Леонардо да Винчи (1452–1519), «линии полета» снаряда изучались при помощи методов геометрического подобия. Впервые они были систематически изложены в трактате Н. Тартальи «Новая наука» (1537) [1]. Согласно Тарталье, траектория полета состоит из трех ветвей. Первая ветвь представлена прямолинейным отрезком, наклонным или горизонтальным, по которому снаряд перемещается под действием импульса (силы порохового взрыва). Вторая ветвь выглядит как дуга окружности; по ней снаряд движется смешанным движением – под действием импульса и силы тяжести. Третья ветвь представлена вертикальным отрезком, по которому снаряд падает вниз под действием тяжести. Наличие промежуточной ветви не влияет на свойства движения, поэтому вопросы, касающиеся параметров полета (дальность и высота), разрешались при помощи соотношений между сторонами прямоугольных треугольников (гипотенуза – линия возвышения, катет – дальность полета).

В классической механике XVII века появляется иная модель. Движение тела представляется в виде кривой линии, возникающей в результате сложного перемещения – равномерного инерциального движения и движения с постоянным ускорением.

В первой половине XVII века (школа Галилея) полет снаряда изучали, опираясь на гипотезу «плоской Земли», иначе говоря, сила тяготения считалась постоянной по направлению и величине. Направления компонент движения оставались неизменными на всем его протяжении: равномерное перемещение осуществлялось по линии, определяемой углом возвышения, а равноускоренное – по вертикали. Угол между ними оставался постоянным. Опираясь на эти гипотезы, Галилей в 1638 г. получил первый нетривиальный результат – теорему о том, что траекторией полета снаряда, выпущенного горизонтально, является полупарабола (одновременно тот же результат получили Т. Гарриот и Б. Кавальери). Спустя несколько лет Э. Торричелли доказал, что при ненулевом угле возвышения снаряд описывает симметричную параболу.

Во второй половине XVII века механики сосредоточили внимание на изучении движений вокруг неподвижной точки. Одни (Х. Гюйгенс) связывали его с действием центробежной силы, другие (И. Ньютон) – центростремительной. Схема сложного движения стала применяться в «локальном» варианте. Инерциальные и равноускоренные компоненты движения стали соотносить с перемещениями, осуществлявшимися по бесконечно малым отрезкам за бесконечно малое время. В рамках этой модели удалось получить важнейшие результаты классической механики, в частности, доказать теорему о том, что траекторией движения под действием центральной силы, изменяющейся по закону обратных квадратов, является коническое сечение – эллипс, гипербола или парабола (Ньютон).

Принимая во внимание важную роль траекторий в становлении доклассической и классической динамики, поставим вопрос: как вообще могла родиться идея, что перемещение тела в пространстве может быть представлено в виде линии?

В европейской культуре идея траектории (графическое изображение линий движения) появляется впервые на рубеже XV–XVI веков. В античности, в средние века и на Востоке с ней не были знакомы. Исключения составляли движения по заранее заданным траекториям простейшего вида – прямым линиям и окружностям. Примером прямолинейного движения было распространение световых лучей. По заданным дугам окружностей двигались грузы, находящиеся на чашах весов, элементы блоков в «простых машинах» и небесные светила. Если траектории движения не были заранее известны, как в случае полета брошенного тела или движения планет, то их не рисовали.

Обычно в книгах по истории астрономии движение планет в системе Птолемея представляют в виде петлеобразных кривых, получающихся в результате совместного движения вспомогательных точек по круговым деферентам, а самих планет – по эпициклам. Однако, в самом «Альмагесте» и его средневековых комментариях такие изображения не встречаются (все выводы делались из сравнения угловых координат в разные моменты времени). Отметим, что первая планетная траектория «по Птолемею» была нарисована только в 1609г. (И. Кеплер, «Новая астрономия»).

В попытке ответить на вопрос о происхождении траекторий обратимся к заметкам Леонардо да Винчи. Леонардо рисовал баллистические траектории в двух вариантах – в художественном и чертежном. В первом случае, он изображал пучки траектории в форме полуокружностей на фоне осажденных крепостей, используя при этом линейную перспективу, которая подчеркивала глубину пространства (снаряды обычно удаляются от зрителя) и одновременно создавала ощущение театрального действия. Во втором случае, Леонардо изображал полет снаряда «в разрезе», т.е., располагал линии в одной плоскости, перпендикулярной к лучу зрения, как это принято в евклидовой планиметрии. На чертежах он показывал только те элементы траекторий, которые были абсолютно

необходимы для решения проблем, касавшихся определения количественных параметров полета (дальность, высота подъема и т.д.). В его заметках встречаются и другие рисунки чертежного типа, например, иллюстрирующие способ нахождения точки на траектории, в которой начинается спуск снаряда вниз. Помимо баллистических траекторий, Леонардо представлял в виде линий и другие виды движения, используя с этой целью как художественные, так и чертежные приемы. Присутствие образов траекторий и их чертежей характерно и для других источников по баллистике XVI века [1, 2].

Рождение самой идеи траектории, очевидно, не было связано с решением естественнонаучных проблем. Аристотелевская физика, как мы отметили выше, эту идею игнорировала, а других форм научного знания в начале XVI века не существовало. Своим появлением на свет идея траектории обязана запросам практического плана, которые в эпоху Возрождения были тесно связаны с требованиями эстетического характера. В эту эпоху ведущей культурной силой стало искусство (в широком смысле, включая технику), которое при освоении окружающей действительности использовало образы, создаваемые воображением. Опора на воображение не означала произвола. Процесс порождения образов действительности и их воплощения в рисунках и чертежах подчинялся особой логике, черты которой определялись следующими факторами. С одной стороны, создавая образы, воображение ориентировалось на эстетические каноны, среди которых важнейшими были правила линейной перспективы. С другой стороны, оно следовало строгим правилам геометрии, на которые опиралась геодезия того времени (при определении расстояний, высот, пропорций и т.д.). Учитывая тот факт, что идея линейной перспективы также имела своим источником геодезическую практику [3, 4], мы можем заключить, что именно она формировала логику, которой следовало воображение при конструировании образов действительности.

Основной тезис состоит в том, что необходимость в изображении и исследовании траекторий возникает в практике определения расстояний, высот и форм при проектировании и в ходе строительства архитектурных сооружений особого типа, а именно, крепостных сооружений. В общем виде, процесс создания архитектурного сооружения включает в себя несколько этапов, на каждом из которых возникает определенный образ будущей постройки, имеющий свои особенности. Вначале этот образ рождается в «душе» архитектора. Это – первая, пока еще бесплотная репрезентация. Затем он находит свое предварительное воплощение в рисунке, выполненном по правилам перспективы, или в чертеже (вторая репрезентация). На следующем этапе образ принимает вид пространственной модели, выполненной в масштабе с сохранением пропорций (третья репрезентация). И, наконец, в процессе самого строительства идеальный образ, прошедший испытание в горниле предварительных репрезентаций, обретает окончательный облик – становится реальным зданием, мостом, военным лагерем, крепостью и т.д.

Практика многоступенчатой репрезентации в полной мере реализовывалась в проектировании и строительстве крепостных сооружений. На каждом этапе (рисунок, модель и т.д.) архитектор должен был представить «театр военных действий», в центре которого находилась проектируемая им крепость, во всей полноте. Прежде всего, для эффективного планирования формы крепости (высота стен, расположение бастионов, расстояние между бастионами и т.д.), он должен был принять во внимание возможные направления движения снарядов, выпущенных из осадных орудий, высоту их подъема и дальность стрельбы при разных углах возвышения. Чтобы учесть все эти, жизненно важные моменты, он и прибегал к изображению идеальных линий полета снарядов, соединяя их образы с идеальными образами планируемых крепостей.

Список литературы

1. *Niccolò Tartaglia*. *La nova scienza*. Venezia, 1537.
2. *Walther Hermann Ryff*. *Der furnembsten, notwendigsten, der gantzen Architectur angehörigen Mathematischen vnd Mechanischen künst ...* . Nürnberg, 1547.
3. *Kemp M*. *Science, Non-Science and Nonsense. The Interpretation of Brunelleschi's Perspective // Art History*. 1978. V. 1. № 2. P. 134–162.
4. *Veltman K*. *Military Surveying and Topography: The Practical Dimension of Renaissance Linear Perspective // Revista da Universidade de Coimbra*. 1979. V. 27. P. 263–279.

**ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ, МАТЕМАТИК И ФИЛОСОФ XII ВЕКА.
ПАМЯТИ Р.А.СИМОНОВА (1929-2023)**

Зверкина Г.А.

*Кандидат физико-математических наук
Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН
E-mail: zverkina@gmail.com*

Аннотация. Кирик Новгородец, учёный монах новгородского Антониева Монастыря – автор математико-хронологического трактата «Кирика диакона и domestика новгородского Антоньева монастыря учение им же ведати человеку числа всех лет» («Учение о числах», несколько веков использовалось для вычисления пасхальных таблиц) и философско-религиозного текста «Вопрошание Кириково архиепископу Нифонту» («Вопрошание», входило в состав Кормчих книг). Первый из этих текстов посвящён, в основном, описанию метода расчёта пасхальных таблиц. Кроме того, там содержатся интересные результаты по измерению «мельчайшей частицы времени», которые не могут не опираться на эксперименты. Эти результаты могут опираться на существовавших средневековой русской счёт «пятками». Также они и свидетельствуют об использовании Кириком равноденственных часов – в противоположность принятому в Средние века повсеместному использованию «косых» часов (horae temporales) – т.е. периодов, равных 1/12 части времени от рассвета до заката (дневные часы) и 1/12 части времени от заката до рассвета (ночные часы).

Ключевые слова: Кирик Новгородец, Великий Новгород, математика, эксперимент, время, «косые» и равноденственные часы.

**NATURAL SCIENTIST, MATHEMATICIAN AND PHILOSOPHER OF THE
12TH CENTURY. IN MEMORY OF R.A. SIMONOV (1929-2023)**

Zverkina G.A.

*CSc in Physical and Mathematical Sciences, senior researcher
V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of RAS
E-mail: zverkina@gmail.com*

Abstract: Kirik the Novgorodian, a learned monk of the Novgorod St. Anthony Monastery, is the author of the mathematical and chronological treatise “The Teaching of Knowing the Number of All Years for Man” and the philosophical and religious text “The Questions of Kirik to Archbishop Nifont.” The first of these texts is devoted mainly to a description of the method for calculating Easter tables. In addition, it contains interesting results on the measurement of the “smallest particle of time”, which cannot but rely on experiments. These results can be based on the existing medieval Russian counting with “fives”. They also indicate the use of equinox hours by Kirik – in contrast to the widespread use of “oblique” hours (horae temporales) accepted in the Middle Ages – i.e. periods equal to 1/12 of the time from dawn to sunset (day hours) and 1/12 of the time from sunset to dawn (night hours).

Keywords: Kirik the Novgorodian, Veliky Novgorod, mathematics, experiment, time, “oblique” and equinox hours.

Рэм Александрович Симонов открыл для широкого круга любителей математики имя первого известного математика Средневековой Руси Кирика Новгородца (1110–после 1158), составившего в 1136 г. трактат «Учение о числах» – [1, 2]. Будучи энтузиастом исследования естественнонаучных знаний средневековых жителей Руси, Р.А. Симонов привлекал к исследованию творчества Кирика многих учёных, в т.ч. выдающегося исследователя средневековой русской философии В.В. Милькова (1951–2021) – [3-5]. В работах Р.А. Симонова и В.В. Милькова всесторонне проанализированы математико-хронологические вычисления, теолого-философские взгляды Кирика и ряд сведений о быте средневекового Великого Новгорода. Но цель представленной работы – анализ деления времени на мелкие частицы, изложенного в «Учении о числах» [6].

О личности Кирика. Предположительно, Кирик Новгородец был уроженцем Великого Новгорода или его окрестностей (т.е. он мог иметь славянское, угро-финское или даже скандинавское

происхождение). Вероятно, он воспитывался он в Антоновом монастыре, основанном Антонием Римлянином в начале XII в.

На это указывает монашеское имя Кирик – св. Кирик и мать его Иулитта почитались на Новгородской земле и считались покровителями больных детей. Кирик имел слабое здоровье («...я еще без схимы, но к старости тоже постригусь, может тогда я стану лучше, но я плох и болен.» – [6], п.6). В монастыре почитались св. целители Иоанн и Кир, Флор и Лавр, там имелась лечебница, где лечили жителей окрестностей, и куда, вероятно, помещали слабых и болезненных детей, некоторые из которых позднее становились монахами. На момент составления «Учение о числах» (1136г.) Кирик был «доместиком» (т.е. руководителем, или регентом церковного хора). Искусство церковного песнопения было развито очень высоко: об этом свидетельствуют усиливающие звук резонаторы в стенах новгородских храмов. Естественно, руководитель хора должен уметь следить за ритмом и темпом исполнения.

Кроме церковной музыки, в В. Новгороде развивалась и народная (в т.ч. инструментальная) музыка. Проживая в пригороде В. Новгорода и общаясь с прихожанами монастыря, несомненно, Кирик был знаком и с народной музыкой.

Надо сказать, что измерение времени в те времена восходило к античной традиции: один час – это 1/12 дневного или ночного времени (т.н. «косые часы»). При этом на широте В. Новгорода длительность светлого времени суток на широте Новгорода меняется от 18,5 часов летом до 5,5 часов зимой, т.е. продолжительность одного часа менялась от 92,5 до 27,5 минут в нынешних единицах времени.

В быту для измерения меньших, чем час, единиц времени, применялись способы отсчёта времени, равные времени произношения неких словесных формул (молитвы, заговоры, устный счёт) при приготовлении, например, отваров трав или блюд быстрого приготовления.

И вот Кирик даёт свой способ деления времени:

«21. О дробных часах каждого дня. Это же пишем для любителей мудрости и для желающих все хорошо усвоить, о так называемых дробных; как будет их 60, они составят день, так как во дне 12 часов, а в каждом часе 5 дробных [часов], также и ночью.

22. Вторых же дробных в одном первом дробном [часе] .5, а во дне их 300.

23. Также и третьих дробных в одном втором дробном часе 5. А во дне их 1500.

24. Четвертых же дробных в третьем дробном также 5, а во дне их 7 50020.

25. Пярых же дробных в четвертом дробном 5, а во дне их 37 500.

26. Шестых же дробных в пятом дробном – опять-таки 5, а во дне их 187 500.

27. Из шестых дробных получаютя седьмые дробные, из одного 5. А седьмых дробных часиков в одном дне 937 500, столько же и в ночи.

Больше же этого не бывает, то есть от седьмых дробных ничего не получается» [6].

Т.е., если считать нынешние часы, то величина «седьмого дробного часика» равна примерно 0,04608 секунды, за 1 секунду их 21,70139 – имеются в виду современные секунды (т.е. частота «седьмых дробных часиков» составляет 21,70139Гц).

Если же брать летние или зимние «косые» часы, то летние седьмые дробные часики составят $\approx 0,07104$ с., что соответствует частоте ≈ 14 Гц. А зимние седьмые дробные часики составят $\approx 0,02112$ с., что соответствует частоте ≈ 47 Гц – примерно так гудит трансформатор.

21,7Гц – это примерно частота дроби дятла, «песни» лягушки, или частота колебаний языка в слове «брррр». Она близка к наиболее низким звукам, которые различимы человеческим слухом – это частота колебаний звучащей струны на высоте ноты «фа» субконтроктавы (21,82676Гц), звук которой различим человеческим ухом, а сами колебания струны могут быть рассмотрены человеческим глазом. А игра на народных инструментах (гусли, гудки) при тремолировании издаёт звук примерно с частотой 20-25Гц. Т.е. Кирик, действительно, нашёл мельчайший различимый слухом интервал – т.е. фраза «Больше же этого не бывает, то есть от седьмых дробных ничего не получается» для того времени является истиной.

Интересно, что эта минимальная частица времени близка длительности нот в эталонном исполнении «Полёта шмеля» Н.А. Римского-Корсакова (1844–1908) ансамблем скрипачей Большого театра п/у Ю. Реентовича (длительность 1/16 от целой ноты здесь составляет 0,04296875 секунды – около 23,3 звуков в секунду).

Большой интерес вызывает то, как Кирик именно вычислил минимальную частицу времени. Ведь Кирик (возможно, в ущерб точности) предлагает последовательное деление часа на одно и то же число! Несомненно, определение этого числа (5) потребовало многочисленных экспериментов,

с элегантно сформулированным результатом – и, возможно, этот подход был связан с традицией счёта пятками.

Интересно, что у древних иудеев час делился на 1080 «частей», которые состояли 76 «мгновений» $\approx 0,044$ с, что соответствует $\approx 22,8$ Гц.

Для сравнения, в Средневековой Европе вводилась 1/60 сек., но эта частица времени не нашла дальнейшего применения. Беда Достопочтенный (Beda Venerabilis, ок. 672/673–735) в «De divisione temporum» предложил мельчайшую частицу времени «atom» $\approx 1/31$ с. Позднее, в XII–XIV вв., в Европейской музыке применялось деление времени: 1 час=4 пункта, пункт=10 моментов, момент=12 унций, унция=47 или 50 или 54 атомов, т.е. атом $\approx 1/6$ – $1/7$ с.

Византиец Михаил Пселл (1018–1078), с работами которого Кирик Новгородец был, несомненно, знаком, использовал такое деление времени: день (сутки) = 24 часа, час = 5 лепт, лепта = 4 стигмы, стигма = 12 моментов (момент=15 секунд).

Известно также деление времени в индийских сакральных текстах, но здесь использовались невообразимо большие делители, абсолютно не связанные с действительностью, в результате чего минимальная частица времени оказывается сравнимой с периодами процессов атомного микромира...

Список литературы

1. *Симонов Р. А.* Математическая мысль Древней Руси. М., 1977.
2. *Симонов Р.А.* Кирик Новгородец – ученый XII века. М., 1980.
3. *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: Ученый и мыслитель. М., 2011. 544 с.
4. *Мильков В. В.* Наследие Кирика Новгородца (К 900-летию древнерусского ученого и мыслителя) // Эпистемология и философия науки. Т. XXVII. №1. 2011.
5. *Иеромонах Кирик Новгородский.* Наставление, как человеку познать счисление лет [Электронный ресурс]. URL:https://azbyka.ru/otechnik/Kirik_Novgorodskij/nastavlenie-kak-cheloveku-poznat-schislenie-let/ (дата обращения 13.01.2024).
6. *Иеромонах Кирик Новгородский.* Вопрошание Кириково архиепископу Нифонту. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirik_Novgorodskij/voprosanii-kirika/ (дата обращения 13.01.2024).

ВВЕДЕНИЕ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИВАЮЩИХСЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Кричевец А.Н.

*Кандидат физико-математических наук, доктор философских наук, профессор
Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ankrich@mail.ru*

Аннотация. В докладе ставится вопрос о смысловых структурах, руководящих поиском новых понятийных систем в математике. Разобраны два исторических примера: вывод законов Кеплера современниками Ньютона и эволюция понятия комплексного числа во второй половине 18 века. Автор предлагает решать задачу феноменологическим методом, выводя на свет смысловые структуры, в которых ситуацию видят сами исследователи. К таковым относится предвидение и нарастающая с течением времени убежденность в эффективности использования методов анализа бесконечно малых современниками Ньютона; простота и возрастающая системная согласованность объемлющей системы комплексных чисел по сравнению с вещественными. Утверждается, что статус динамики идеальных систем в феноменологии недооценен.

Ключевые слова. Феноменология, математика, развитие понятий, дифференциальное исчисление, комплексные числа.

INTRODUCTION TO THE PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF DEVELOPING MATHEMATICAL CONCEPTS

Krichevets A.N.

CSc in Physical and Mathematical Sciences, DSc in Philosophy, Professor

Lomonosov Moscow State University

E-mail: ankrich@mail.ru

Abstract. The report raises the question of semantic structures that guide the search for new conceptual systems in mathematics. Two historical examples are analyzed: the derivation of Kepler's laws by Newton's contemporaries and the evolution of the concept of a complex number in the second half of the 18th century. The author suggests solving the problem using a phenomenological method, bringing to light the semantic structures in which the researchers themselves see the situation. These include the foresight and the growing conviction over time of the effectiveness of using methods of analysis of infinitesimals by Newton's contemporaries and the simplicity and increasing systemic consistency of the comprehensive system of complex numbers in comparison with the real ones. It is argued that the status of the dynamics of ideal systems in phenomenology is underestimated.

Keywords. Phenomenology, mathematics, development of concepts, differential calculus, complex numbers.

Много лет назад на защите моей кандидатской диссертации по математике профессор Стечкин задал вопрос: «А кому вообще нужны гомологии в банаховых алгебрах?». Я ответил не очень внятно, и, вообще говоря, не вполне уместно, историей вопроса, но запомнил это событие и впоследствии обдумывал, как вообще честно отвечать на такие вопросы. Что побуждает математику развиваться? Как отличают хорошие побудители от плохих? Интересные вопросы от неинтересных?

Мы рассмотрим два в каком-то смысле противоположных примера из истории математики: дифференциальное исчисление и комплексные числа. Эти медленно созревшие понятийные системы дают хороший материал для обсуждения наших вопросов.

Первый пример – метод анализа движения, будущая фундаментальная отрасль математики математический анализ. Универсальная полезность метода была, вероятно, очевидна людям, вовлеченным в развитие математики того времени. Более того, вопросы, на которые ответил Ньютон, уже были заданы и получили предварительные, хотя и не очень внятные ответы (что даже дает основания для пересмотра представлений о приоритете в этом вопросе [1]).

«Введенное ими [Ньютоном и Лейбницем] в обиход понятие «бесконечно малой» определялось весьма туманно и казалось загадочным современникам (в том числе, по-видимому, и самим его авторам). Тем не менее, оно с успехом использовалось в математике. Разработанный Ньютоном и Лейбницем символический язык не имел точной семантики (которая в удовлетворяющей нас сейчас форме была найдена лишь через полтора столетия), но даже и в таком виде позволял описывать важнейшие явления действительности» [2, с. 14].

Рождение и созревание новых математических понятий на первый взгляд соответствовало характеристике, которую им дал Кант спустя век после событий:

«Для этих понятий, как для всякого знания, можно отыскать если не принцип их возможности, то все же случайные причины их возникновения в опыте; тогда впечатления, получаемые от чувств, дают первый повод к раскрытию всей познавательной способности в отношении их и к осуществлению опыта, содержащего два весьма разнородных элемента, а именно материю для познания, исходящего из чувств, и некоторую форму для упорядочения ее, исходящего из внутреннего источника чистого созерцания и мышления, которые приходят в действие и производят понятия при наличии чувственного материала» [3, с. 183].

Эмпирически движение воспринимаемо и понятно, но из этого никак не следует математическое понятие движения (тем более физическое понятие движение под действием внешней силы). Хотя проблемы, связанные с этими понятиями, были ясны еще античным грекам и выражено ими в известных апориях, но весьма нетривиальное разложение траектории движущегося тела в последовательность бесконечно малых прямолинейных отрезков не сдержится ни в видимом движении эмпирических тел, ни в этих апориях. Кант утверждает, что опыт (случайные причины) запускают «механизм» раскрытия всей познавательной способности. Однако до каких пределов может продолжаться это раскрытие? История математики показывает, что, во-первых, конца этому процессу

не видно и что новые случайные толчки опыта разворачивают все более удивительные математические структуры. Но, во-вторых, со временем толчки опыта становятся все более слабыми, и математика начинает, по крайней мере в некоторых разделах, самостоятельную постановку вопросов и их решение без оглядки на применение на практике.

Проиллюстрируем этот процесс вторым примером – развитием понятия комплексного числа в XVIII – начале XIX века.

Проблема в отношении будущих комплексных чисел состояла в том, что математики XVIII века не знали, исчерпываются ли все нужные им для работы «мнимости» комбинациями вещественных чисел и числа $\sqrt{-1}$. По мнению А.П. Юшкевича, какую-то роль в замедлении процесса исследования сыграл недосмотр Лейбница, который, исследуя уравнение $x^4 + y^4 = 0$, не заметил разложения двучлена в произведение двух трехчленов второй степени. Это привело к тому, что $\sqrt{\sqrt{-1}}$ рассматривался им как отличная от $\sqrt{-1}$ мнимость [4]

Вопрос решился открытием тригонометрического представления комплексных чисел в середине 18 века в работе Муавра (1738 год) практически выявилась формула (которая впоследствии была названа его именем), связывающая умножение комплексных чисел со сложением их аргументов. В 1746 году Эйлер опубликовал по нынешним меркам небезупречное доказательство основной теоремы алгебры. Далее было представлено еще несколько ее доказательств, содержащих неточности, которые устранялись постепенно до выхода в 1815 году работы Гаусса, строгой уже по современным стандартам [4]. Собственно, эта теорема и замыкает систему комплексных чисел, после чего оставалась только «шлифовка» результата.

Заметим, что только после появления приемлемого доказательства основной теоремы алгебры стало возможно определять множество комплексных чисел как минимальное поле, замкнутое относительно операции нахождения корней многочленов над этим полем. Это очень экономное определение, и оно возможно только если понятия, о которых идет речь, находятся уже в зрелом системном состоянии. Я понимаю систему в духе Ж. Пиаже, проследившего развитие понятие натурального числа у ребенка. Соединение множества схем (метапонятие схемы понятия Пиаже заимствовал у Канта) в систему сопровождается чувством почти неколебимой очевидности у ребенка, и это чувство довольно легко зафиксировать в эмпирическом исследовании.

Подобное чувство, на мой взгляд, становится образцом и предметом устремлений для творцов математики. На изучаемых со школы математических теоремах способные математики приобретают опыт проникающих в суть дела и упрощающих доказательств (которые, по словам Ю.И. Манина, делают математиков умнее), и в свою очередь множат такие примеры. Два примера нашей статьи и суть примеры такого типа.

Первый поражает тем, что природа в своем устройстве согласуется с нашими познавательными способностями. В данном случае это согласование прошло даже через два этапа: сначала Кеплер описал траектории движения планет кривыми второго порядка (подтвердив тем самым близость эстетических вкусов человека и, если можно так выразиться, вкусов Творца), а на втором этапе Ньютон показал, что эти кривые являются решениями его дифференциальных уравнений (хотя в первой публикации он обошелся без дифференциального исчисления, но оно уже было готово к тому моменту).

Второй пример демонстрирует погружение действительных чисел в контекст, который проясняет алгебраические свойства действительных чисел и выглядит в отелных аспектах более простым (например, радиусы сходимости разложений действительных функций в степенные ряды, зависящие от особенностей комплексных продолжений данных функций). Если натуральные числа можно считать идеализацией, порожденной предметной деятельностью, то развитие идеализации все меньше связано с предметным миром, а переход к комплексным числам происходит в сфере чистого мышления без обращения к предметной практике. При этом удивление вызывает именно аспект упрощения, большей согласованности и системности нового числового множества.

Вместо выводов я предложу читателям направление исследований, связанное с подобными смысловыми сдвигами. Глубину проблемы хорошо понимал Гуссерль:

«Дело не в том, что очевидность позитивно-научного метода обманывает нас, а его достижения суть одна лишь видимость, а в том, что эта очевидность сама является проблемой, что этот объективно-научный метод покоится на никогда прежде не исследованном, глубоко скрытом субъективном основании, философское прояснение которого только и выявляет истинный смысл достижений позитивной науки и, коррелятивно, истинный бытийный смысл объективного мира – и именно как трансцендентально-субъективный смысл» [5, с. 141]. Однако в работе того же периода «Начало

геометрии» он рассматривает только самые начальные шаги идеализирующей деятельности математиков – изобретение доказательств [6]. Сам Гуссерль на этом пути не продвинулся, насколько мне известно, также не известны мне работы на эту тему в рамках феноменологического направления и в последующие годы, хотя обсуждению «непостижимой эффективности математике в естествознании» посвящено множество работ.

Список литературы

1. Арнольд В.И. Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук. Первые шаги математического анализа и теории катастроф, от эвольвенты до квазикристаллов. М.: Наука, 1989. 96 с.
2. Успенский В.А. Апология математики. С.-Пб., Амфора, 2011. 546 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. Соч в 6 т. М.: Мысль, 1963. Т.3
4. Юшкевич А.П. (ред.) История математики с древнейших времен до начала XIX столетия. Т.3. М. Наука, 1972.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб. Фонд Университет; Владимир Даль, 2004. 749 с.
6. Гуссерль Э. Начало геометрии. М. Ad Marginem. 1996. 267 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УГЛА У ЕВКЛИДА И ПОНЯТИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ У ВОЕВОДСКОГО

Родин А.В.

*Доктор философских наук
Университет Лотарингии
E-mail: andrei.rodin@univ-lorraine.fr*

Аннотация. В письме к автору от 16 декабря 2016-го года Владимир Воеводский проиллюстрировал новое понятие о математической структуре, истоки которого восходят к работам Александра Гротендика, с помощью исторического примера, заимствованного из «Комментария к Евклиду» Прокла. Это понятие структуры лежит в основе проекта построения унивалентных оснований математики, начало которому положил Воеводский в конце 2000-х годов, и существенно отличается от более привычного представления о структуре, развитого в XX-м веке в рамках теоретико-множественной математики. В статье подробно разобран исторический пример Воеводского и показано, каким образом новое понятие о математической структуре расширяет стандартное понятие. В заключительной части статьи рассмотрены некоторые эпистемологические следствия нового понятия о математической структуре, касающиеся аксиоматического метода построения теорий и роли теории моделей.

Ключевые слова: отношение, математическая структура, множество, модель, унивалентные основания.

EUCLID'S DEFINITION OF ANGLE AND THE CONCEPT OF MATHEMATICAL STRUCTURE ACCORDING TO VOEVODSKY

Rodin A.

*Ph.D.
University of Lorraine
E-mail: andrei.rodin@univ-lorraine.fr*

Abstract. In a letter to the author dated December 16, 2016, Vladimir Voevodsky used a historical example borrowed from the "Commentary on Euclid" by Proclus to illustrate a novel concept of mathematical structure, which stems from works by Alexander Grothendieck, and which essentially differs from the more familiar concept of structure developed in the 20th century within the set-theoretic mathematics. We present and analyse Voevodsky's historical example, and show how the novel concept of mathematical structure extends the standard concept. In the

concluding part of the article we draw some epistemological consequences from the new concept of mathematical structure, which concern the axiomatic method and the role of model theory.

Keywords: relation, mathematical structure, set, model, univalent foundations of mathematics.

Комментируя данное Евклидом определение плоского угла как «наклонения друг к другу двух линий» (определение 1.8 «Начал», см. [1, с. 11]), Прокл формулирует следующее возражение [2, с. 127], которое я пересказываю своими словами.

Если угол — это бинарное отношение «наклонения» между линиями, то заданной паре линий будет соответствовать единственный угол. Чтобы показать, что это на самом деле не так, рассмотрим сечение конуса плоскостью, содержащей его ось. Тогда получится два разных угла с вершиной, совпадающей с вершиной конуса: (1) плоский угол, стороны которого ограничивают лежащую внутри конуса часть секущей плоскости и (2) угол с теми же сторонами, но включающий в себя половину поверхности конуса. Таким образом, получается, что одно и то же отношение «наклонения» задает два разных двумерных угла.

Прежде чем мы перейдем к обсуждению интерпретации этого аргумента Воеводским, сделаем несколько очевидных замечаний чисто математического характера:

(а) Конструкция Прокла использует не понятие плоского угла, которое задается определением 1.8 «Начал», а более общий случай двумерного угла, который допускает, что натягиваемая на возникающие в этой конструкции полупрямые поверхность может быть кривой поверхностью конуса, а не фрагментом плоскости.

(б) В то же время, конструкция Прокла использует частный случай прямолинейного угла (определение 1.9 «Начал»), а не общий случай, который допускает, что сторонами угла могут быть кривые линии (как в случае т.н. роговидных углов, образованных касающимися окружностями). В дальнейшем мы также будем рассматривать только прямолинейный случай.

(в) Проблема выбора поверхности, на которую указывает Прокл, возникает уже при пересечении двух различных прямых линий на плоскости, если считать эти прямые неограниченными в обе стороны. Эта элементарная конструкция разбивает плоскость на четыре соприкасающихся сектора, каждый из которых можно считать углом в обычном интуитивном смысле слова. Таким образом тезис Прокла о неоднозначности определения угла как особого рода отношения между линиями можно обосновать и с помощью такой более простой конструкции.

Замечания (а) и (б) влекут за собой вопрос о релевантности аргумента Прокла по отношению к определению 1.8 «Начал» Евклида, однако эта проблема не имеет сейчас для нас никакого значения. Упрощенный вариант аргумента Прокла из замечания (в) будет использован нами в дальнейшем.

Указывая на цитированный выше фрагмент «Комментария» Прокла, Владимир Воеводский в письме к автору от 16 декабря 2016 г. замечает, что «у Прокла есть четкое понимание различия между свойством и структурой», уточняя при этом, что в его понимании «отношение — это совместное свойство двух или более объектов». Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы прояснить это замечание Воеводского и уточнить использованное им понятие о математической структуре, которое, как мы увидим, существенно отличается от более привычного о структуре развитого в рамках теоретико-множественной математики.

Очевидно, что замечание Воеводского о Прокле — это анахронистическое суждение, сделанное путем проецирования современной математической теории на исторический источник. Воеводский имеет здесь в виду гомотопическую теорию типов (ГТТ) и связанную с этой теорией проект построения новых «универсальных» оснований математики [3], над которым он работал во время нашей переписки. Не имея возможности в рамках короткой статьи описать принципы ГТТ систематически, я все же постараюсь в двух словах объяснить, о чем тут идет речь.

Гомотопическая теория типов — это интерпретация теории типов Мартина-Лёфа (или другой родственной формальной логической системы) с помощью геометрической теории гомотопий, при которой типы интерпретируются как пространства, их термы интерпретируются как точки этих пространств, а пути в пространствах интерпретируются как доказательства тождества (равенства) точек, соответствующих началу и концу данного пути. Эта конструкция допускает расширение на новый «этаж» (гомотопический уровень) с помощью введение в рассмотрение «путей между путями», которые называют гомотопиями, и отождествлению путей, между которыми гомотопии существуют. Такое добавление новых уровней может быть продолжено неограниченно. Возникающую многоуровневую конструкцию в ГТТ называют гомотопической иерархией или лестницей типов.

Идея Воеводского, связанная с его проектом построения унивалентных оснований математики, состоит в том, что теоретико-множественная математика 20-го века «живет» на самых нижних уровнях гомотопической иерархии, выходя за эти пределы только в отдельных случаях, в частности, в работах Гротендика и его последователей в области алгебраической геометрии. Унивалентные основания, по замыслу Воеводского, открывают математическому сообществу новые возможности для систематической математической работы на более высоких ступенях гомотопической лестницы.

Вернемся теперь к понятию математической структуры. Популярное во второй половине 20-го века понятие о математической структуре в духе Бурбаки опирается на идею о том, что всякую структуру можно представить с помощью некоторого базового множества (или семейства множеств) и системы отношений между элементами этого множества удовлетворяющих набору формальных условий, которые задаются в виде аксиом [4]. Например, структура алгебраической группы получается путем задания на произвольном множестве бинарной операции (то есть, трехместного отношения), удовлетворяющей обычным аксиомам теории групп. Такой общий подход к понятию структуры оставляет широкое поле для разных версий и уточнений [5], однако для понимания идеи Воеводского эти нюансы не имеют значения.

Пусть $x=y$ — это обычное бинарное отношение равенства, заданное на множестве M . Это значит, что про любую пару элементов x, y из M можно сказать, состоит ли эта пара из равных элементов (случай, когда $x=y$ истинно) или нет (случай, когда $x=y$ ложно). В ГТТ множество M рассматривается как пространство, элементы x, y — как точки этого пространства, а равенство $x=y$ — как пространство всех путей между точками x, y , которое может быть либо пустым (если точки x, y разные), либо содержать единственный путь из элемента x в себя (если x и y — это одна и та же точка). Пространство $x=y$ в этом случае относится к типу высказываний, а M к типу множеств (дискретных пространств), для которых гомотопическая структура путей является тривиальной: любой путь стягивается в «свою» точку.

На следующей ступени гомотопической лестницы имеет значение не только то, есть ли между данными точками какой-либо путь или нет, но и различия между разными путями между данными точками. Разные пути можно понимать в этой конструкции как разные доказательства равенства $x=y$. При этом гомотопные пути отождествляются. Структура путей в этом случае уже не всегда будет тривиальной, поскольку она зависит от топологической структуры данного пространства. Все это рассуждение переносится со случая отношения равенства на любые свойства и отношения.

Посмотрим теперь на конструкцию Прокла — или на упрощенную конструкцию из нашего замечания (в) — через призму гомотопической оптики. Альтернатива произвольному выбору сектора в этой конструкции или попытке переопределить элементы отношения так, чтобы получающийся угол был единственным, состоит в том, чтобы рассмотреть множество всех получающихся в данной конструкции углов и выяснить, какие из них следует считать равными. Истоки такого рода универсального подхода к конструированию математических понятий можно найти в работах Александра Гротендика, на которые опирается Воеводский [6]. Получающаяся таким образом конструкция — это именно то, что в своем письме Воеводский называет «структурой». Заметим, что структура понятия угла в нашей конструкции оценивается уже с помощью общего понятия множества, а не множества, состоящего из единственного элемента «истина», который указывает нам на то, что требуемое определением отношение действительно имеет место. Определение угла имеющее характер структуры в смысле Воеводского не просто задает некоторое отличительное свойство, которое позволяет сказать, является ли данный математический объект углом или нет, но и описывает множество (или класс) всех объектов называемых углами вместе со всеми возможными способами их отождествления.

Сравнивая теперь использованное Воеводским понятие математической структуры со стандартным теоретико-множественным понятием, можно заметить, что первое расширяет второе на случай пространств (типов) высших гомотопических уровней. Если считать, что стандартная теоретико-множественная структура — это множество с определенными на этом множестве отношениями, то предложенное Воеводским расширение этого понятия также включает «отношения между отношениями», которые в ГТТ представляются в виде гомотопий и гомотопий высших порядков.

Такое расширение понятия математической структуры имеет важные эпистемологические последствия. Опираясь на идеи Гротендика и Воеводского, я хочу предложить к обсуждению следующий методологический тезис: развитие математической теории не должно ограничиваться работой с ее стандартной (задуманной) моделью и должно включать в себя исследование всего класса моделей данной теории средствами самой этой теории (разумеется, с учетом известных ограничительных метатеорем).

Этот тезис остается содержательным в ситуации, когда при работе со стандартной моделью принимаются во внимание только доказуемые в данной теории утверждения, о которых известно, что они будут истинными и в любой другой модели этой теории, что в силу (мета)теоремы о полноте имеет место для любых первопорядковых теорий. В случае теории групп такое расширение понятия теории является совершенно естественным, поскольку любая отдельная группа представляет собой модель аксиом теории групп, в то время как теория групп в обычном смысле слова, разумеется, не ограничивается исследованием какой-то одной специально выбранной группы. Во многих других случаях систематическое изучение нестандартных моделей на сегодняшний день остается делом будущего. Исторический пример, на который указал Воеводский в нашей переписке, показывает, что этот новый методологический подход имеет глубокие корни в истории математики и может быть продемонстрирован на элементарных геометрических примерах.

Список литературы

1. *Евклид*. «Начала» Евклида в трех томах. Перевод с др.-греческого Д.Д. Мордухай-Болтовского, том 1, Москва-Ленинград: ОГИЗ, 1948 г. 448 с.
2. Прокл Диадок, Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Перевод с др.-греческого А.И. Щетникова. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 600 с.
3. Univalent Foundations Group, Homotopy Type Theory: Univalent Foundations of Mathematics, Princeton Institute of Advanced Studies 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://homotopytypetheory.org/book/> (дата обращения 01.06.2024).
4. Бурбаки Н. Архитектура математики // Математическое просвещение. 1960. № 5. С. 99-112.
5. Hellman G. Three Varieties of Mathematical Structuralism // *Philosophia Mathematica*. 2001. V.2, no 9. P. 184-211.
6. Grothendieck A. Pursuing Stacks. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/pdf/2111.01000.pdf>.

Д.А. ГРАВЕ – ОСНОВОПОЛОЖНИК РОССИЙСКОЙ АЛГЕБРАИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Тестов В.А.

*Доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук,
профессор кафедры математики и информатики
Вологодский государственный университет
E-mail: vladafan@inbox.ru*

Аннотация. Д.А. Граве был создателем одной из крупнейших в нашей стране математических школ, представители которой, в свою очередь, основали в России несколько крупных алгебраических школ в таких городах как Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург и др. Он был также автором многочисленных ценнейших исследований в различных областях математики, большого количества книг и монографий, на которых было воспитано несколько поколений российских математиков. Д.А. Граве был потрясающим лектором и одаренным педагогом. Ему удавалось необыкновенно просто и ясно объяснять сложные вопросы математической науки. Большинство учеников Д.А. Граве стали самостоятельными учеными и обзавелись собственными учениками. Ученики Граве старались перенять лучшие традиции его научной школы. Подавляющее большинство его учеников разъехались по другим городам и странам. Всего научная генеалогия Д.А. Граве насчитывает более 2-х тысяч учеников.

Ключевые слова: алгебра, теория групп, теория чисел, диофантовы уравнения

D.A. GRAVE – FOUNDER OF THE RUSSIAN ALGEBRAIC SCHOOL (ON THE 160TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Testov V.A.

*DSc in Pedagogy, CSc in Physical and Mathematical sciences,
Professor of the Department of Mathematics and Computer Science*

Abstract. D.A. Grave. He was the founder of one of the largest mathematical schools in our country, whose representatives, in turn, founded several large algebraic schools in Russia in cities such as Moscow, St. Petersburg, Kazan, Yekaterinburg, etc. He was also the author of numerous valuable studies in various fields of mathematics, a large number of books and monographs on which several generations of Russian mathematicians were brought up. D.A. Grave was an amazing lecturer and a gifted teacher. He was able to explain complex questions of mathematical science in an extremely simple and clear way. Most of D.A. Grave's students became independent scientists and got their own students. Grave's students tried to adopt the best traditions of his scientific school. The vast majority of his students have left for other cities and countries. In total, the scientific genealogy of D.A. Grave has more than 2 thousand students.

Keywords: algebra, group theory, number theory, Diophantine equations.

Дмитрий Александрович Граве родился 6 сентября 1863 г в г. Кириллове Вологодской обл. Отец его, Александр Иванович Граве, служил уездным чиновником. Интерес к математике у Дмитрия пробудился уже в начальной школе. После смерти отца (1871 г.) семья Граве переехала в Петербург, где он закончил с золотой медалью частную гимназию известного педагога Бычкова. В этой гимназии Граве получил прочные и широкие знания по математике. В 1881 г. он поступил на математическое отделение Петербургского университета. Учителями Граве в университете стали крупнейшие математики П.Л. Чебышев, А.Н. Коркин, А.А. Марков и др. Эту школу отличали оригинальность и новизна идей, мастерство аналитических выкладок. От своих учителей Граве воспринял широту диапазона математических интересов и тонкое умение сочетать в своих исследованиях теоретический поиск с решением конкретных практических задач. Наибольшее влияние на Граве оказал А.Н. Коркин, который происходил из крестьян Вологодской губернии.

По окончании университета (1885) Граве был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию, но без назначения стипендии. В 1889 г он защитил диссертацию на степень магистра чистой математики, и начал чтение лекций в Санкт-Петербургском университете, в Институте путей сообщения, а с 1893 г – в Военно-топографическом училище. Уже в самом начале педагогической деятельности Д.А. Граве проявил себя как хороший лектор, его лекции увлекали слушателей, будили их любознательность и стремление к дальнейшим занятиям. В 1896 г он защитил диссертацию на степень доктора математики. После защиты Граве продолжал свою педагогическую деятельность в Петербурге еще около трех лет. Однако из-за состояния здоровья врачи посоветовали ему переехать на юг.

С 1 июля 1899 г. он получил место ординарного профессора Харьковского университета, а с 1902 г он начал работать на кафедре чистой математики в университете Св. Владимира в Киеве, которую он возглавлял на протяжении нескольких десятилетий. Граве был прекрасным лектором и талантливым педагогом, с замечательным искусством умел излагать самые отвлеченные и трудные вопросы с редкой простотой и ясностью. В 1902 г его командировали в Норвегию на празднование 100-летия со дня рождения Н.Х. Абеля. Благодаря этой поездке он начал увлекаться совершенно новой для него областью математики – современной алгеброй. Более основательно с новыми направлениями в алгебре и теории чисел Д.А. Граве познакомился, находясь в 1906-1907 гг. на лечении за границей. Вернувшись на работу в Киевский университет, он стал передавать это увлечение своим многочисленным ученикам.

В это же время начинается новый период подъема творческой деятельности Д.А. Граве. Он впервые в России ввел теорию групп в университетскую программу преподавания. В 1908 г. выходит его книга „Теория групп“, это была первая монография на русском языке, посвященная специально теории конечных групп. В этом же 1908 г по предложению Д.А. Граве теория чисел была переведена из дополнительного курса в обязательный. Соответствующая его книга «Элементарный курс теории чисел» появилась в 1909 г. Эти книги пользовались большой популярностью среди учащейся молодежи, т.к. они всегда отличались свежестью и новизной материала, живым и легким изложением, и в них Д.А. Граве сумел вложить тот энтузиазм, которым он **обладал** в высокой степени. Книги Д.А. Граве воспитали и привили вкус к математике большинству советских математиков того времени.

Но главное значение этого периода деятельности Д.А. Граве состоит в создании математической школы. Создание крупной математической школы в дореволюционное время, притом в провинциальном центре, является исключительным, почти единичным фактом в истории русской математики. Решающую роль сыграло создание им семинара, где Д.А. Граве сумел наладить научную работу со студентами. Активно работали семинары Граве в 1908–1914 гг. Особое внимание на его семинарах уделялось теории групп. Эта форма работы со студентами и аспирантами через научные семинары доказала свою эффективность и в дальнейшем стала активно использоваться учениками и последователями Д.А. Граве.

Среди объективных предпосылок бурного расцвета алгебры именно в этот период следует отметить то, что алгебра, как самостоятельный раздел математики, оформилась позднее, чем анализ, геометрия или теория чисел, после того как была создана теоретико-множественная основа для ее развития. Лишь в самом конце XIX века было осознано принципиальное единство теоретико-групповых идей, существовавших к тому времени независимо в разных областях математики. Это осознание и привело к выработке современного абстрактного понятия группы. Кроме того, одной из главных причин были личностные качества Д.А. Граве. Он был потрясающим лектором и одаренным педагогом. Ему удавалось необыкновенно просто и ясно объяснять сложные вопросы математической науки, тем самым, привлекая большое количество студентов на свои лекции, и развивая у слушателей пытливость ума и увлечение математическими науками.

Большинство учеников Д.А. Граве стали самостоятельными учеными и обзавелись собственными учениками. Ученики Граве старались перенять лучшие традиции его научной школы. Подавляющее большинство его учеников не остались в Киеве, а разъехались по другим городам и странам. Всего научная генеалогия Д.А. Граве насчитывает более 2-х тысяч учеников. Наиболее многочисленно среднее поколение, выросшее из семинаров Граве 1910 – 1912 гг. Среди них П.Д. Белоновский (Вятка), В.П. Вельмин (Ростов-на-Дону), Е.И. Жилинский (Польша), М.Ф. Кравчук (Киев), А.М. Островский (Швейцария) и др. Но самыми выдающимися, самыми знаменитыми учеными, стали три ученика Граве – три глыбы – Б.Н. Делоне, О.Ю. Шмидт и Н.Г. Чеботарев, которые стали основателями алгебраических школ в Ленинграде, Москве и Казани.

Самым старшим по возрасту среди них был Б.Н. Делоне, который был легендарной личностью, он родился в Санкт-Петербурге в семье профессора механики Н.Б. Делоне. Он получил прекрасное разностороннее воспитание. В середине 1900-х годов семья Делоне переезжает в Киев. Математическое дарование Бориса проявилось рано, в 12 лет он уже знал основы анализа. В 1908 г Б.Н. Делоне поступил на физико-математический факультет Киевского университета. В семинаре Граве на долгие годы определилась область его научных интересов – алгебраическая теория чисел и теория диофантовых уравнений. В 1920 г он написал большую работу по кубическим диофантовым уравнениям и рукопись отослал в качестве докторской диссертации в Петроградский университет. Комиссия под руководством А.А. Маркова высоко оценила диссертацию, и в 1922 г Б.Н. Делоне был приглашен в Петроградский университет в качестве профессора. Здесь им выполнен ряд его работ по диофантовым уравнениям, содержащий и ряд геометро-алгебраических идей. В 1935 г он вместе с Математическим институтом им. В.А. Стеклова переезжает в Москву, где помимо этого института стал профессором МГУ. Высокий научный авторитет, преданное и вместе с тем эстетическое отношение к науке, личное обаяние – всё это притягивало к нему молодых людей. Неудивительно, что у него было много учеников, среди которых несколько выдающихся математиков. Все они были незаурядными личностями с разносторонними интересами, в частности, ко многим из них перешло увлечение Делоне альпинизмом.

Наиболее известным его ленинградским учеником стал Д.К. Фаддеев. Родители обеспечили сыну отличное домашнее воспитание и образование. Отец поддержал его интерес к математическим знаниям, а мать – рано проявившиеся музыкальные способности. В период школьного обучения Д.К. Фаддеев осуществил стремительное развитие своих интересов к математике и музыке и после школы три года параллельно обучался в университете и в консерватории. Длительный период в Ленинграде заведовал лабораторией ЛОМИ, возглавляя сильный коллектив известных специалистов в области алгебры и теории чисел. Здесь несколько десятилетий руководил алгебраическим семинаром, обеспечил ему широкую известность в стране. Основные труды Д. К. Фаддеева посвящены теории чисел, алгебре, приближенным и численным методам. Его учениками являются крупные математики с мировым именем: З.И. Боревич, А.В. Яковлев, М.И. Башмаков, Б. Венков, А.И. Скопин и др.

З.И. Боревич – доктор физ-мат наук, профессор, декан мат-меха ЛГУ (1973-1984), зав. кафедрой высшей алгебры и теории чисел (1968 -1992). Кандидатская диссертация защищена в 1951; докторская «О мультипликативных группах нормальных p -расширений локального поля» (1967). Автор более

100 работ, в том числе учебника «Определители и матрицы» и широко известной монографии «Теория чисел» (совместно с И.Р. Шафаревичем). Ученик З.И. Боровича – С.В. Востоков.

А.В. Яковлев в 1961 г окончил мат-мех ЛГУ, еще в студенческие годы под руководством Д.К. Фадеева увлекся задачей погружения полей с абелевым ядром. Решение этой задачи легло в основу его кандидатской диссертации. Пристрастие к теории Галуа А.В. Яковлев пронес через всю жизнь. В 1972 г защитил докторскую диссертацию. Весомый вклад он внес в теорию представлений групп, гомологическую алгебру, теорию абелевых групп. Среди его учеников свыше двух десятков кандидатов наук, 5 докторов наук. С 1993 г он заведовал кафедрой алгебры и теории чисел ЛГУ, приняв эту эстафету от З.И. Боровича.

М.И. Башмаков родился в Ленинграде, окончил школу с золотой медалью и поступил на мат-мех ЛГУ. В 1959 г. окончил ЛГУ и был принят в аспирантуру, по окончании которой работал в качестве ассистента, доцента и профессора. Основные его результаты основаны на применении современного аппарата алгебры и топологии к решению классических задач теории диофантовых уравнений, алгебраической теории чисел и алгебраической геометрии. В 1965 г защитил под руководством Д.К. Фадеева кандидатскую диссертацию, а в 1976 г – докторскую. Создал научную школу, из которой вышел ряд известных математиков (А.А. Суслин и др.). Автор школьных учебников по математике.

После переезда Б.Н. Делоне в Москву у него и здесь появляется целая плеяда учеников. И.Р. Шафаревич еще учась в школе, сдавал экстерном экзамены на механико-матем. факультете МГУ и окончил его в 17 лет в 1940 году. Б.Н. Делоне направил его исследования в русло теории алгебраических чисел. Другой областью, привлечшей в то время внимание И. Р. Шафаревича, стала теория Галуа. Защитил кандидатскую диссертацию в 19 лет, а докторскую в 23 года. За цикл работ по решению обратной задачи теории Галуа над полями алгебраических чисел в 1959 г получил Ленинскую премию. По окончании МГУ работал в МИАН, а также с 1943 по 1974 г преподавал на мехмате МГУ. Одновременно много занимался глубокими историко-философскими исследованиями русского мира. Эти его труды в свое время были встречены неоднозначно, но в настоящее время находят все большее понимание и подтверждение. В 1975 году был вынужден оставить преподавание в МГУ и сосредоточился на работе в МИАН. Имеет много известных учеников, среди которых Е.С. Голод, А.И. Кострикин, Ю.И. Манин, А.Н. Паршин, А.Н. Тюрин, В.С. Куликов и др.

Ю.И. Манин был вундеркиндом, в 12 лет он читал учебник математического анализа Лузина, в 1953 г Манин поступил на мехмат МГУ, где стал учеником Игоря Шафаревича. Свою первую научную статью Юрий Манин опубликовал в 1956 году, еще студентом. В возрасте 26 лет он защитил докторскую диссертацию. С 1960 г. стал работать в МИАН. В 1967 году был удостоен Ленинской премии и стал профессором мехмата МГУ. член-корр. РАН (1990). Без преувеличения можно утверждать, что Ю.И. Манин принадлежит к числу тех математиков, которые определили развитие этой науки во второй половине 20-го века. Широта его научных интересов поразительна: кроме алгебры, геометрии и теории чисел его привлекали математическая физика, логика, философия науки. Его наиболее известными учениками являются В.Г. Дринфельд и В.А. Исковских.

А.Н. Паршин в 1959 окончил среднюю школу в Москве с серебряной медалью и поступил на мехмат МГУ, который окончил в 1964г. Во время учёбы принимал участие в научных семинарах И.Р. Шафаревича, который вскоре стал его научным руководителем. После окончания МГУ поступил в аспирантуру МИАН. В 1968 г защитил кандидатскую диссертацию, а в 1983 г докторскую. Основные труды в области алгебраической теории чисел и теории Галуа, алгебраической геометрии, геометрии многообразий, теории интегрируемых систем, по истории математики. Помимо своей основной математической деятельности, А.Н. Паршин занимался вопросами русской религиозной философии и её взаимоотношением с современным естествознанием. Он рассматривал теорему Гёделя как фундаментальный философский факт, на основе которого можно прийти к намного более глубокому развитию многих наук. Его учениками являются Д.В. Осипов, С.О. Горчинский и др.

Еще один из выдающихся учеников Д.А. Граве О.Ю. Шмидт с золотой медалью окончил гимназию в Киеве и поступил в 1909 г на физ.-мат. отделение Киевского университета. Участвуя в семинаре Д.А. Граве, заинтересовался общей теорией групп. Книга О.Ю. Шмидта «Абстрактная теория групп» (1916 г.) выросла из его занятий в семинаре. В течение ряда десятилетий оставалась единственным руководством на русском языке по абстрактной теории групп. После революции О. Ю. Шмидт переезжает в Москву, основной для него становится государственная деятельность. В 1920 г. Шмидт выступает организатором института математических наук в МГУ, где с 1921 г. начинает преподавать высшую алгебру. Особенно широкую известность он получил как полярный исследователь. Но он всегда оставался математиком. Всемирную славу приносят ему математические труды, достигшие высшей точки в работе, созданной всего за пару месяцев командировки в Гёттинген

в 1927 г., открывшей миру «теорему Шмидта». С 1929 г. Шмидт – заведующий кафедрой алгебры на мехмате МГУ; с 1951 г. – заведующий геофизическим отделением физфака. Были в его судьбе и тёмные полосы. И только всемирная слава полярника спасла его от ареста. В 1928/29 г. О. Ю. Шмидт начал читать в МГУ элементарный курс теории групп. Среди его слушателей, оказались С.А. Чунихин, А.А. Кулаков, В. К. Туркин и др. К ним осенью 1929 г присоединился аспирант П.С. Александрова А.Г. Курош, переехавший из Смоленска в Москву. Весной 1930 г. начал работать семинар О.Ю. Шмидта по теории групп. Проблематика семинара, почти полностью ограничивалась теорией абстрактных групп, причем как конечными, так и бесконечными группами. Сам руководитель поддерживал оба направления.

А. Г. Курош формально был учеником П.С. Александрова, но проработал рядом с О.Ю. Шмидтом много лет, был его ближайшим помощником по руководству кафедрой и семинаром. Если вначале он занялся топологией, то вскоре под влиянием О.Ю. Шмидта занялся теорией групп, в частности им была доказана теорема о подгруппах свободного произведения абстрактных групп, вошедшая в науку под именем теоремы Куроша. В 1936 г А.Г. Курош защитил докторскую диссертацию и стал одним из признанных лидеров советской алгебры на протяжении нескольких десятилетий. Является автором ряда книг и учебников по алгебре, по которым учились послевоенные поколения студентов и аспирантов монографии «Теория групп», «Лекции по общей алгебре», а также многократно переиздававшегося учебника «Курс высшей алгебры». Много лет он возглавлял кафедру высшей алгебры МГУ, создал большую и авторитетную научную школу в области алгебры. Его ученики занимались и теорией групп (О.Н. Головин, С.Н. Черников, А.Л. Шмелькин и др.) и теорией колец (А.И. Ширшов, Г.В. Дорофеев), теорией квазигрупп (В.Д. Белоусов), теорией структур и др. алгебр. систем (Л. А. Скорняков, А.В. Михалев, В.А. Артамонов и др.).

Третий знаменитый ученик Граве Н.Г. Чеботарев еще гимназистом младших классов начал увлеченно заниматься математикой, в 1912 г поступил в Киевский университет, на втором курсе он принимал активное участие в семинаре под руководством Д.А. Граве. где основательно изучил теорию Галуа, методы которой на протяжении всей своей жизни он так успешно применял к решению почти всех интересовавших его задач. В 1916 г после окончания университета Чеботарев был оставлен при университете, в 1921 г он переехал в Одессу, где получил блестящие результаты, принесшие ему мировую известность. В 1927 г Чеботарев был избран по конкурсу профессором кафедры математики в Казанском университете, в 1928 г приступил к своим обязанностям, которые исполнял без перерыва до своей кончины после тяжелой операции. В Казани он продолжал интенсивно работать, где ему удается не только выполнить ряд блестящих работ, но и создать одну из главных советских алгебраических школ. Большое значение имели написанные Н.Г. Чеботаревым книги: «Основы теории Галуа», «Теория групп Ли», являющаяся первой книгой на русском языке по группам Ли. Николай Григорьевич был человеком исключительного обаяния, человек весьма высоких нравственных качеств, простым, отзывчивым и внимательным. Ещё в 1929 году был выбран членом-корр. АН СССР, дважды выдвигался в действительные члены АН СССР, но не проходил по идеологическим причинам.

Труд по продолжению деятельности Казанской алгебраической школы принял на себя В.В. Морозов, которую он возглавлял на протяжении двадцати восьми лет, заведя кафедрой алгебры после Н.Г. Чеботарева. В.В. Морозов родился в 1910 г в Вологде в семье врача. Закончил школу в Яренске в пятнадцать лет. В 1927 г В.В. Морозов поступил на физико-математический факультет Казанского университета, где занимался по индивидуальному плану и закончил университет за четыре года в 1930 г. Решающую роль в формировании научных интересов В.В. Морозова сыграло его активное участие в работе научного семинара, руководимого Н.Г. Чеботаревым. Его достижения в теории примитивных групп были высоко оценены специалистами. Много сил и внимания уделял В.В. Морозов задаче повышения квалификации сотрудников и аспирантов кафедры алгебры. Под его руководством А.В. Сульдин, Я.И. Заботин, М.М. Арсланов и И.И. Сахаев стали докторами наук.

Другой известный ученик Н.Г. Чеботарева – П.Г. Конторович – окончил Казанский университет в 1930 г. Первые шаги в своем приобщении к алгебре он сделал под руководством Н.Г. Чеботарева. Приехав в Свердловск, он вскоре инициировал организацию семинара. Основной областью его научных интересов была теория групп, в которой им был сделан ряд принципиальных работ, выдвинувших его в число ведущих советских специалистов по теории групп. В послевоенное время в полной мере проявился талант П.Г. Конторовича как воспитателя научной смены. Его семинар был хорошей школой для многих математиков, начинавших свой путь в науке. Некоторые из его учеников (А.И. Старостин, Л.Н. Шеврин, Б.И. Плоткин) стали известными учеными и сами возглавили научные и педагогические коллективы, создали собственные научные школы. Воспитанники этих школ работают ныне во многих городах нашей страны и ряда зарубежных стран.

Продолжают традиции, идущие от Д.А. Граве и другие алгебраические школы в России. Важно помнить всех наших учителей и продолжать их лучшие традиции.

КОМПЬЮТЕР В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: КОНЦЕПЦИЯ ОБОСНОВАННОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Хлебалин А.В.

Кандидат философских наук

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

E-mail: philosophy.nsc.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются классические вопросы эпистемологии математики в связи с применением компьютерных систем в математическом исследовании. Показано, что зачастую проблемы эпистемологической характеристики математических результатов, полученных с помощью компьютера, связано с непросненностью содержания традиционных концепций эпистемологии математики, таких как доказательство, вычисление, истины и верификация. На примере характеристики логико-теоретических оснований интерактивных компьютерных систем, созданных на основе теории типов, демонстрируется их потенциал в области экспликации традиционных концепций эпистемологии математики.

Ключевые слова: компьютерное доказательство, автоматизированные системы верификации в математике, гомотопная теория типов, доказательство, вычисление

COMPUTER IN MATHEMATICAL PRACTICE: CONCEPT OF PROOF VALIDITY

Khlebalin A.V.

CSc in Philosophy

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: philosophy.nsc.ru

Abstract. The paper discusses the classical issues in the epistemology of mathematics in connection with the use of computer systems in mathematical research. It is shown that often the problems of the epistemological characteristics of computer-assisted mathematical results are associated with the lack of clarity in the content of traditional concepts of the epistemology of mathematics, such as proof, calculation, truths and verification. Using, as an example, the characteristics of the logical and theoretical foundations for interactive computer systems based on a type theory, their potential for the explication of traditional concepts in the epistemology of mathematics is demonstrated.

Keywords: computer-assisted proof, automate verification systems, homotopy type theory, proof, calculation.

Применение компьютера в математической практике привело к постановке целого спектра проблем: от логико-эпистемологических до социально-психологических. Роль компьютера в получении математического результат может варьироваться от проверки формализованного доказательства, созданного человеком, до случаев, в которых прuver настолько автоматизирован, что получает результат, но, тем не менее, контролируется и, в известной степени, направляется человеком. Между этими крайними позициями располагается богатое многообразие способов взаимодействия машины и человека. «В свете практических ограничений, сегодня кажется, – нравится ли это кому-либо, или нет, – что интерактивное доказательство является единственным способом формализовать большинство нетривиальных теорем математики или способом проверки корректности компьютерных систем» [4, с. 223]. Ранние теоретики 50-60 гг. М. Дэвис, Д. Гилмор, Д. Правиц, Х. Ван заняты были полностью автоматизированными системами доказательства. Очевидной целью создания таких систем стала бы проверка известных математических результатов, т.е., задачей являлось создание автоматизированных систем проверки ранее полученных результатов. Верификация ранее полученных результатов казалась в 50-60-е гг. XX в. подходящей задачей для вычислительных систем, достигших

должной степени мощности. Например, Х. Ван так формулирует поставленные цели: «Первоначальной целью было взять математические руководства, вроде Ландау о системах счисления, Харди-Райта о теории числе, Веблена-Янга о проективной геометрии, тома Бурбаки и создать машинную формализацию всех содержащихся в них доказательств» [7, с 15]. Помимо полностью автоматизированной верификации математических результатов, в 60-е гг. XX в. возникает идея интерактивной верификации результатов.

В качестве основных могут быть указаны следующие направления приложения компьютера в математике: «1) Достижение понимания и прояснение интуиции. 2) Обнаружение новых структур и отношений. 3) Использование графических демонстраций для обнаружения лежащих в основании математически принципов. 4) Проверка и, особенно, фальсификация предположений. 5) Исследование предполагаемых результатов с целью определения необходимости их формального доказательства. 6) Предложение подходов для формального доказательства. 7) Замена пространственных доказательств компьютерными вычислениями. 8) Подтверждение аналитических результатов» [3]. С точки зрения эпистемологии математики эти многообразные направления применения компьютера в математике могут обобщены до двух основных: верификация математического знания с помощью компьютера и использование их для доказательства новых теорем. Такое противопоставление этих направлений во многом условное и востребовано скорее философией математики, чем в процессе разработки сами интерактивных и автоматизированных компьютерных систем. Использование компьютерных программ для верификации математических результатов сталкивается в качестве основной проблемы с задачей верификации самой используемой программы. Демонстрация корректности программы может быть получена двумя различными способами: индуктивным и дедуктивным. Хот само это противопоставление в случае верификации компьютерной программы теоретически не прояснено, традиционно дедуктивная демонстрация корректности программы считается более надежной. Вместе с тем, доказательство корректности программы, как правило, является невероятно сложным и большим, что строится компьютером, а не человеком. Здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения концепции доказательства и вывода. Концепция формального доказательства включает в себя идею рассмотрения всей структуры доказательства как цепочки выводов. Но вместе с тем, действительно ли выводы интерпретированной формальной системы представляют собой доказательство, зависит от природы правил вывода. Может казаться достаточным факт, что используемые правила вывода гарантируют сохранение истинности, а формальная система, построенная на основе таких правил вывода и предоставляет доказательство. Но такое понимание сталкивается игнорирует следующие обстоятельства. Прежде всего, правила вывода действительно могут сохранять истинность, но эпистемическая дистанция между предпосылками и заключением может столь большой, что полученной на основе этих правил доказательство будет полностью лишено какого-либо понимания. Далее, убедительность доказательства должна происходить из самого доказательства, если же она достигается на мета-уровне посредством демонстрации сохранения истинности правилами вывода формальной системы, мы имеем дело с переадресацией вопроса об убедительности на более высокий уровень. Разработка точной эпистемической концепции доказательства требует выхода за пределы концепции формального вывода. Так, например, конструктивистская традиция включает в себя концепцию основания утверждения в связи с его значением. Эти идеи могут быть использованы для рекурсивного определения оснований суждений различной формы. Простейшим примером может выступать система натурального вывода Г. Генцена, в которой правила введения логических констант «дают, так скажем, определения этих констант», т.е., определяют значение предложений, построенных с их помощью. В таком случае вывод определяется не только предпосылками и заключением, но и операциями по трансформации основания. Вывод, определяемый своими посылками, заключением и применимыми к основаниям операциями будет определяться как валидный в том случае, если операции, применимые к основаниям посылок, позволяют получить основания для заключения. Доказательство, таким образом, понимается как построенное на основе успешного применения таких операций. В такой концепции доказательство определяется тем, что дает ответ на вопрос о том, каким образом доказательство утверждения может обеспечивать его истинность: доказательство утверждения А предоставляет окончательное основание для А в силу значения А и того, как определяются операции вывода, на основе которого строится доказательство. Эта краткая характеристика связи доказательства и истинности, вместе с тем, сталкивает нас с проблемой связи концепций доказательства и вычисления. Соотношение этих концепций в высшей степени важно в контексте проблемы развития дедуктивного подхода к верификации программ. Х. Карри первым отметил изоморфизм между доказательствами в имплицитивном фрагменте минимальной пропозициональной логики и терминами в определенных (комбинаторная логика и лямбда-исчисление)

вычислительных системах. У. Ховард расширяет его до изоморфизма между дедукцией в генценовской системе интуиционистской предикатной логики и расширенным лямбда-исчислением, что завершает формирование соответствия Карри-Ховарда. интерпретация интуиционистских пропозиций систематически была разработана П. Мартин-Лефом в его теории типов, согласно которой выражение $a \in A$ может быть прочитано как утверждающее вместо того, что a является доказательством пропозиции A , то, что a является объектом типа A , и a является программой (алгоритмом) разрешения A . В теории типов Мартин-Лефа задача верификации корректности программы может быть представлена как аналогичная установлению истинности всех предложенных доказательств.

Современным этапом развития теории типов является унивалентная теория типов, в которой теория типов расширяется интерпретацией равенства как гомотопного, что служит источником аксиомы унивалентности. Это позволяет «встроить» представление независимости в теорию типов, что позволило многим рассматривать гомотопную теорию типов в качестве претендента выступать новыми основаниями математики. Развитие основанной на теории типов интерактивных систем, а также разработка их логико-теоретических оснований, позволяет прояснить содержание традиционных концепции эпистемологии математики, а решения, реализованные в этих системах, позволяют эксплицировать во многом интуитивное содержание этих концепций вплоть до того, чтобы выступить источником возникновения теорий, претендующих выступить новыми основаниями математики, как в случае с гомотопной теорией типов.

Список литературы

1. *Detlefsen M., Luker M.* The four-color theorem and mathematical proof // The Journal of Philosophy. 1980. № 77. P. 803-820.
2. *Geuvers H., Barendsen E.* Some logical and syntactical observations concerning the firstorder dependent type system lambda-P // Mathematical Structures in Computer Science. 1999. №9(4). P. 335-359.
3. Mathematics by experiment: plausible reasoning in the 21st century / Ed. by J. Borwein, D. Bailey. A K Peters. – Massachusetts: CRC Press. 393 p.
4. *McCarthy J.* Computer programs for checking mathematical proofs // Proceedings of the Fifth Symposium in Pure Mathematics of the American Mathematical Society, 1961. P. 219-227.

И.В. МЕЩЕРСКИЙ – УЧЕНЫЙ-НОВАТОР

Чиненова В.Н.

*Кандидат физико-математических наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: v.chinenova@yandex.ru*

Аннотация. Иван Всеволодович Мещерский (1859-1935), один из крупнейших русских механиков конца XIX - начала XX столетия, всю свою жизнь посвятил созданию основ механики тел переменной массы. Исходя из потребностей некоторых разделов техники и естествознания, связанных с движением тел переменной массы, И.В. Мещерский в своих основополагающих трудах создал общую аналитическую теорию движения тел переменной массы. В этой общей теории Мещерского впервые введена абстрактная модель твердого тела переменной массы, впервые выведены дифференциальные уравнения таких тел и проведен анализ основных частных случаев такого движения.

Ключевые слова: Мещерский И.В., механика тел переменной массы, теория реактивного движения.

I.V. MESHCHERSKY IS AN INNOVATIVE SCIENTIST

Chinenova V.N.

CSc in physical and mathematical sciences, Associate Professor

Lomonosov Moscow State University

E-mail: v.chinenova@yandex.ru

Abstract. Ivan Vsevolodovich Meshchersky (1859-1935), one of the largest Russian mechanics of the late XIX - early XX century, devoted his whole life to creating the foundations of mechanics of bodies of variable mass. Based on the needs of some sections of technology and natural science related to the movement of bodies of variable mass, I.V. Meshchersky in his fundamental works created a general analytical theory of the movement of bodies of variable mass. In this general theory of Meshchersky, an abstract model of a rigid body of variable mass was introduced for the first time, differential equations of such bodies were derived for the first time and an analysis of the main special cases of such motion was carried out.

Keywords: Meshchersky I.V., mechanics of bodies of variable mass, theory of jet propulsion.

В 1897 г. И.В. Мещерский успешно защитил в Петербургском университете диссертацию на тему «Динамика точки переменной массы» [1], представленную им для получения степени магистра прикладной математики. Этот труд И.В. Мещерского явился первым опытом создания **общей** теории движения тел переменного состава. Позже эта теория получила окончательное выражение в его работе «Уравнение движения точки переменной массы в общем случае» [2], которая была опубликована в 1904 году.

Важность и актуальность выдающихся научных сочинений И. В. Мещерского, положивших начало новому разделу теоретической механики, сейчас очевидны каждому ученому. Тогда же многие присутствовавшие на этой защите недоумевали: какое значение для науки имеет данная тема?

В классической механике большинство результатов получено на основании законов Ньютона. Однако второй закон Ньютона справедлив только для точек постоянной массы. Если масса точки изменяется, то основной закон движения, на котором строятся все математические расчёты, должен формулироваться в новой, более общей форме. Это фундаментальное уравнение для решения многих технических задач, начиная от движения веретена и кончая движением планет, было выведено в магистерской диссертации И. В. Мещерского.

До 40-х годов 20-го века И. В. Мещерский был известен широким кругам русской научно-технической интеллигенции как выдающийся педагог высшей школы, но не как ученый-новатор.

В последнем десятилетии 19-го века выдвигалась проблема исследования законов движения небесного тела, масса которого либо возрастает в силу выпадения на него частиц межпланетной среды, либо убывает в силу рассеяния. Первыми примерами задач о движении тела с переменной массой были именно задачи астрономии и космогонии, которые были актуальны в это время. Задачи такого рода решали многие современники Мещерского: Дюфур, Оппольцер, Гюльден и другие. Этой проблемой и занимался И.В. Мещерский [3].

В 1893 году И.В. Мещерский опубликовал работу под названием «Один частный случай задачи Гюльдена», в которой рассматривалось движение спутника вокруг центрального тела под действием ньютоновского притяжения: массы обоих тел считались изменяющимися во времени. И. В. Мещерский писал, что в классической механике масса движущегося тела рассматривается обычно как постоянная величина. Но существуют случаи, когда масса тела меняется со временем. Такие случаи дает нам сама природа: масса Земли возрастает в силу падения на нее космических объектов, таких как метеориты; масса метеорита, движущегося в атмосфере - убывает вследствие отрывания и сгорания частиц; плавающая льдина в океане может увеличивать и уменьшать массу в силу намерзания и таяния, и так далее. Такие задачи можно встретить и в современном мире не только опираясь на природные явления: масса самолета изменяется в полете: может увеличиваться в силу затягивания двигателем частиц воздуха и уменьшаться в силу сгорания топлива; масса летящей ракеты уменьшается в связи со сгоранием топлива; возрастает масса корабля при загрузке и уменьшается при разгрузке и так далее [4]. Все эти явления можно описать движением тела с переменной массой. Именно эти явления заставили Мещерского углубиться в эту тему, которая впоследствии окажется чрезвычайно важной для современной науки. Механика тел переменной

массы также имеет большое значение для правильного описания движения планет, особенно Луны, как это стало ясно из примеров. Этот вопрос был поставлен еще в 1866 году, когда возникла необходимость более строгого и точного объяснения векового ускорения Луны. Вековое ускорение долготы Луны было открыто Э. Галлеем. Сравнивая собственные наблюдения и наблюдения своих современников, он заметил, что имеет место уменьшение периода обращения Луны вокруг Земли. Величина коэффициента векового ускорения долготы Луны определялась из астрономических наблюдений в 10-12 секунд дуги. Частично, как показал Лаплас, величина ускорения может быть объяснена уменьшением эксцентриситета земной орбиты. Вторая часть ускорения зависит от изменения массы Земли и Луны вследствие падения на них метеоров и метеоритов. Вычисления показывают, что согласие наблюдений и вычислений получается хорошим, если допустить, что радиус Земли возрастает от масс падающих метеоров и метеоритов в среднем на полмиллиметра в 100 лет. Именно поэтому эту задачу также можно отнести к задаче изучения движения тел с переменной массой, которыми занимался Иван Всеволодович Мещерский.

Приступая к четкой формулировке своих исследований, Мещерский высказывал мысль, что его работа не выходит за рамки классического понимания массы, несмотря на новую постановку вопроса. Он определял **точку переменной массы** как *поступательно движущееся тело, масса которого изменяется во время движения вследствие отделения или присоединения к нему частиц* [1].

Гипотеза близкодействия Мещерского - гипотеза относительного характера взаимодействия присоединяемых или отбрасываемых частиц - сводится к тому, что она игнорирует движение изменяющихся точек самих по себе и влияние этих точек на движение тела после отрыва или присоединения. Он рассматривает несколько разновидностей такого взаимодействия частиц и тела: сначала он рассматривает случай, когда масса тела меняется пропорциями через некоторые промежутки времени, а затем разбирает случай непрерывного отделения или присоединения частиц без ударов, то есть частицы не имеют относительной скорости по отношению к основному наблюдаемому телу. Это упрощенные случаи, и в этих случаях уравнения движения тела имеют тот же вид, что и для тел постоянно массы. Наиболее интересный случай в работе Мещерского - случай движения тел, которое изменяется вследствие ударов изменяющихся частиц. В этом случае отделяемых/присоединяемых частиц уже имеется относительная *скорость по отношению к наблюдаемому телу*. Здесь также рассматривались подслучаи: прерывное изменение массы тела при наличии ударов и непрерывное изменение. Изменение массы точки является результатом неупругого удара, происходящего при встрече двух материалы точек: изменяемой и изменяющей - говорил Мещерский.

Динамика точки переменной массы, созданная И. В. Мещерским, до наших дней остается наиболее полным исследованием по теории движения тел переменной массы. В этой работе помимо исходных дифференциальных уравнений рассмотрено также большое количество практических прикладных частных задач, развитие которых дало огромный вклад в исследование движения ракет. Мещерский является зачинателем нового раздела механики. Он подверг особо тщательному анализу тот случай движения точки переменной массы, когда относительная скорость отбрасываемых частиц равна нулю. Как не трудно заметить, исходное уравнение в этом случае совпадает со вторым законом Ньютона [5].

Также значительное место в исследованиях занимает движение точки переменной массы под действием центральных сил. Результаты исследований Мещерского заложили основы небесной механики тел переменной массы. Если закон изменения массы точки известен, то для исследования геометрических, кинематических и динамических характеристик движения очень плодотворным оказывается метод отображения движения, впервые предложенный Мещерским [1]. Эти предположения, сделанные из чисто теоретических соображений, были подвергнуты обстоятельной проверке в большом числе работ многих астрономов, получили хорошее подтверждение, и сейчас эти законы в современной литературе называются законами Мещерского [4, 5].

И.В. Мещерский первый поставил и частично исследовал задачи следующего типа: найти закон изменения массы точки, при котором она под действием заданных внешних сил описывает заданную траекторию. Эти задачи Мещерский называет обратными.

Второй основополагающей работой Мещерского по динамике точки переменной массы является статья 1904 года: «Уравнения движения точки переменной массы в общем случае», опубликованная в Известиях Петербургского политехнического института [2]. В настоящее время существует огромный класс задач, когда в процессе движения тела происходит не только отделение, но одновременно присоединение частиц. Например, газотурбинные двигатели самолета берут

частицы воздуха из атмосферы, а затем отбрасывают их с большой скоростью и продуктами горения. Или же, если на вращающийся вал наматывается цепь, то масса вала увеличивается, а при сматывании цепи с вала уменьшается, а если еще и оба процесса идут одновременно - мы получим общий случай вращения тела с переменной массой. Задачи механики, связанные с изучением движения тел, масса которых изменяется в результате одновременно происходящих процессов присоединения и отделения частиц, можно охватить единой теорией для большинства случаев, основания которой формулируются с той же степенью точности, что и законы движения тел постоянной массы. Такую единую теорию и создал Мещерский в своей работе.

И.В. Мещерский был выдающимся педагогом русской высшей технической школы. Большое внимание он уделял преподаванию основного курса теоретической механики.

Основная идея его была в тесной связи курса теоретической механики и курса прикладной механики. При выборе задач на семинарах большое значение уделялось тому, чтобы задачи имели конкретную форму, решая которые, студенты должны были получать навыки применения теорем и методов теоретической механики к конкретным вопросам прикладного значения. Теоретическая механика — это основа важнейших разделов механики. Знание законов направляет и дисциплинирует творческую интуицию инженера. Удачное инженерное чутье и догадки должны воспитываться в студенческие годы. Нужно научить инженера хорошо владеть фактами и обеспечить его уверенностью при выполнении рабочих задач.

Особое значение имеет сборник задач по теоретической механике, составленный под руководством Мещерского, выдержавший 52 издания и до последнего времени являющийся настольным учебником для студентов первых курсов. В этом сборнике задач по теоретической механике идея Мещерского была наиболее полно воплощена в жизнь, поскольку он содержал много прикладных задач к реальной жизни. А в последние годы сборник был переведен на английский язык в качестве основного пособия в американских высших учебных заведениях.

Научное предвидение Мещерского, его целеустремлённые творческие искания в области, считавшейся неинтересной и малоактуальной, характеризуют его как талантливого и проницательного механика.

Однако пионерские работы И. В. Мещерского в области механики тел переменной массы, составляющие научную основу для ракетной техники, оказались востребованы лишь после его смерти, во время и после Второй мировой войны. Он создал новое научное направление в механике, выработал плодотворные идеи, которые и до настоящего времени являются животворным источником дальнейшего развития теории массоизменяемых механических систем.

Выдающийся учёный, талантливый педагог и деятель высшего образования – таков многогранный облик И.В. Мещерского, создателя основ теории реактивного движения.

Список литературы

1. *Мещерский И.В.* Динамика точки переменной массы. СПб. 1897 // Работы по механике тел переменной массы. М.: ГИТТЛ, 1952. С. 37–188.
2. *Мещерский И.В.* Уравнения движения точки переменной массы в общем случае // Изв. Петербург. политехн. ин-та, 1904. Т. 1 // Работы по механике тел переменной массы. М.: ГИТТЛ, 1952. С. 222–264.
3. *Космодемьянский А. А.* Очерки по истории механики. М.: Просвещение. 1964.
4. Материалы с сайта Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spbstu.ru/university/about-theuniversity/history/> (дата обращения 01.06.2024).
5. *Тюлина И.А.* Научная деятельность И.В. Мещерского // Тр. Ин-та истории естествознания и техники. 1960. № 3. С.264-272.

ОБРАЗЫ МАТЕМАТИКИ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО И ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Шапошников В.А.

*Кандидат философских наук, заведующий кафедрой
философии естественных факультетов
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: shaposhnikov@philos.msu.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания и истории возникновения понятий «образы знания» и «образы математики», которые были введены, чтобы избежать слишком жесткого противопоставления «внутренней» и «внешней» истории науки, в частности — истории математики. Предлагается новый взгляд на концепцию «образов», трактующий их как возможный предмет самостоятельного исторического и философского изучения. При этом сама опосредующая сфера образов математики (или другой области знания) предстает как сложно устроенная: она включает в себя не только плоды рефлексивного отношения членов математического сообщества к собственной профессиональной деятельности, но и способ восприятия математики членами других профессиональных сообществ, а также представителями более широких слоев общества, включая философов, писателей, художников, журналистов и т.д. В качестве примера исследования образов математики обсуждаются исторически изменчивые границы и состав математики, а также ее место в классификации наук.

Ключевые слова: научное сообщество, рефлексивное мышление, классификация наук, интернализм и экстернализм, Имре Лакатос, Томас Кун, Йегуда Элкана, Клиффорд Гирц

IMAGES OF MATHEMATICS AS A SUBJECT OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL INVESTIGATION

Shaposhnikov V.A.

*CSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy of Natural Sciences Faculties
Lomonosov Moscow State University
E-mail: shaposhnikov@philos.msu.ru*

Abstract. The paper analyses the concepts of “the images of knowledge” and “the images of mathematics”. These concepts were introduced to make the opposition of “internal” and “external” history less sharp, both in the case of the history of science and the history of mathematics. I propose here a new look at the old concepts of “the images of knowledge/mathematics” that pretends to turn them into a subject of its own interest for both historical and philosophical study. In this reinterpretation the mediating sphere of the images of mathematics (or any other field of knowledge) appears to be complex enough to include not only the results of reflective attitude of the members of the mathematical community to their own professional activity, but also the attitude towards mathematics of the members of different professional communities, as well as of the people from various sectors of society, including philosophers, writers, artists, journalists, etc. To give an example of the study of the images of mathematics, I discuss the historical changeability of the limits and constituent parts of mathematics, as well as its changing place in the system of science.

Keywords: scientific community, reflective thinking, classification of sciences, internalism and externalism, Imre Lakatos, Thomas Kuhn, Yehuda Elkana, Clifford Geertz

Понятие «образы знания» (the images of knowledge, Wissensvorstellungen) было введено в 1970-х — 1980-х гг. израильским историком и философом науки Йегудой Элкана (1934-2012). Наука — это социальный феномен, она не сводится к корпусу знаний. Этот корпус всегда окружен, как бы «обернут», образами знания. Именно через эти «образы знания» на развитие науки оказывают воздействие идеологии, политические соображения, социальные напряжения, ценности и нормы. Образы знания социально детерминированы, они зависят от времени, места и культурного контекста, и меняются вместе с ними.

На место лакатосовской дихотомии внутренней/внешней истории, Элкана вводит трехфакторную модель роста научного знания, в которой два противоположных фактора И. Лакатоса связываются в одно целое третьим, промежуточным фактором — «когнитивным образом науки» или, что то же, «рациональными различиями в представлениях о роли науки» [1, р. 246-249]. Эта трехфакторная модель и язык «образов знания» появляется уже в опубликованной в 1974 г. диссертации Элкана [2, р. 6-8] и далее развивается в том, что должно было стать книгой «Наука как культурная система» [3], но в итоге превратилось в серию англоязычных статей, на некоторые из которых ссылки будут даны ниже, и книгу на немецком языке «Антропология познания» [4].

Элкана — следуя по стопам Клиффорда Гирца — предлагает смотреть на науку как на «культурную систему» (a cultural system). Последнее означает для него, что культуру нельзя без существенных искажений «нарезать» (to slice up) на вполне автономные области — религию, искусство, науку и т.д. Культура не есть просто «арифметическая сумма» каких-то компонентов. Скорее, каждый из них — это «точка зрения или ракурс» (a vantage-point) с которой/которого обозревается, просматривается вся полнота некоторой культуры (the totality of a culture) [5, р. 6-7]. При таком подходе, разговор о науке неизбежно включает аспекты, относящиеся и к искусству, религии, идеологии и т.п. Элкана ссылается в этой связи на авторитет Гирца (ссылающегося, в свой черед, на Макса Вебера), который говорит, что «человек — это животное, висящее на сотканной им самим паутине Смыслов (Significance)» [6, с. 11]. В этой метафоре человек одновременно и паук, строящий паутину, и муха, в нее попавшая. Гирц сформулировал свой концепт «культурной системы» для религии, идеологии, здравого смысла, но не для науки — Элкана решительно распространяет его и на науку.

«Образы знания» Элкана вводит как специфическую «прокладку», через которую знание в собственном смысле слова встроено в целое паутины культуры. «Рост знания — пишет он — осуществляется через взаимодействие трех факторов, которые поддаются различению только, если время остановлено, а социокультурная ситуация, так сказать, сфотографирована. Ради ясности я идеализирую ситуацию. Эти три фактора следующие: (а) тело (корпус) знания (the body of knowledge); (b) социально детерминированные образы знания; (с) ценности и нормы, включенные в идеологии, которые не зависят напрямую от этих образов знания» [5, р. 14]. К телу знания, поясняет Элкана, относятся состояние знания в текущий момент, включая конкретные методы и решения, открытые проблемы и сети используемых теорий, а в основе всего этого — своего рода научная метафизика. К образам знания — представления о целях и задачах науки, природе истины и источниках знания, допустимых объяснениях и методологии, короче — что законно и приемлемо, а что — нет. В реальной истории науки все три фактора теснейшим образом переплетены, но смысл в том, что (b) связывает между собой (а) и (с), служит посредником между ними. Важно понимать также, что *сам конкретный способ проведения различия между телом и образами знания зависит от других образов знания*, а, следовательно, непостоянен и определяется временем и контекстом [7, р. 210].

Если формирование «тела знания» связано с попытками ответить на вопросы о *предмете исследования* данной конкретной дисциплины, то формирование «образов знания» — с ответами на вопросы о самой этой дисциплине *как* дисциплине, т.е. с вопросами «второго уровня» или «метавопросами» [8, р. 178-182]. Систематическое применение такого рефлексивного мышления или «мышления второго уровня» (second-order thinking) Элкана считал важнейшей новацией и достижением древнегреческих философов и ученых классической эпохи, которое мы от них унаследовали [9].

Введенное Элканой понятие «образы знания» было применено к истории математики другим израильским исследователем — Лео Корри (1956 г.р.), построившим на его основе более специализированное понятие — «образы математики» [10, 11, 8]. Однако, на мой взгляд, Корри не в полной мере использовал тот потенциал, который заключается в идее Элкана для нужд истории и философии математики. Различение «тело/образы математики» в значительной степени остается для Корри *внутриматематическим* и служит для примирения интерналистского и экстерналистского взгляда на революцию в математике. Элкана же предлагает куда более широкий подход: «образы науки» — это «то, что люди *думают* о науке», т.е. «что люди вообще и ученые в частности осознанно *думают* о науке, ее роли, ее этосе и т.д.» [2, р. 7-8]. Другими словами, носителем образов науки являются не только представители научного сообщества, но и *общество в целом*, внутри которого, или в сложном взаимодействии с которым научное сообщество только и может существовать. В этом отношении весьма показательны определение эпистемического поля, и научного эпистемического поля, в частности, которое дает на рубеже 1970-х и 1980-х гг. Марио Бунге. Это определение включает десять компонент, первая из которых C, the community (эпистемическое сообщество), а вторая — S,

the society (общество в целом) [12, p. 90]. Обратим внимание, что, с точки зрения Бунге, наука — это, в первую очередь, *люди*, которые ее делают, и *социальные связи*, как между ними, так и с более широким общественным целым. Непосредственная генетическая связь между подходом Элкана и концепцией развития науки Лакатоса привела к появлению в этом подходе неоправданно большого (на мой взгляд) акцента на осознанный и отрефлексированный характер того, что Элкана относит к «образам знания». Уместно включить сюда и полусознанные и вообще не осознаваемые носителями, но лишь реконструируемые исследователем на основе косвенных данных и указаний «образы знания». В этом отношении, стоит ориентироваться не только на Лакатоса, но также на М. Полани и Т. Куна. «Образы математики» — понятия с учетом только что сделанных уточнений — представляют собой потенциально самостоятельный предмет, как исторического, так и философского исследования.

Образы математики, характерные для того или иного места и времени можно исследовать не только на материале математических и шире — научных текстов, как и оценочных высказываний ученых и философов, но и на материале художественной литературы и поэзии, а также изобразительных искусств соответствующей эпохи. В качестве примера важного источника при исследовании образов математики можно указать на *классификации наук*. На принципиальную роль учета места изучаемой историком или философом дисциплины в системе наук в те же 1970-е гг. указывал Кун. Он подчеркивал важность изучения «непрямых, смутных и противоречивых» связей между собственно наукой и «метанаучной средой обитания». Историк науки не может приступить к своей работе, пока в его руках не окажется «карта» (a map), представляющая «сложную структуру научного предприятия в избранный исторический период». Такая *структурная карта* служит «предварительным условием для изучения сложного воздействия метанаучных факторов, будь то интеллектуальных или социальных, на развитие наук» [13, p. 33-34]. За рассуждениями Куна стоит простое наблюдение: если мы говорим, скажем, об истории «физики», то мы не можем игнорировать, что как границы, так и способ соотношения этой дисциплины с другими областями знания сильно различались от эпохи к эпохе. Во времена Аристотеля, в середине XVIII в. и на рубеже XIX-XX вв. мы имеем в этом отношении три совершенно разные картины. Сходная ситуация наблюдается и в случае «математики». Сравним, например, соотношение «арифметики» и «логики» в рамках системы семи свободных искусств (от поздней античности и до эпохи возрождения) и в контексте споров об основаниях математики в конце XIX – начале XX вв. Можно также сравнить «музыку», как часть математического квадравиума, и теорию музыки в XIX-XX вв. Или использование термина «смешанная математика» в XVII-XVIII вв. с использованием сменившего его термина «прикладная математика» в XIX-XX вв. Различие образов математики связано не только со сменой эпох, но и с конкурирующими образами, уживающимися внутри одного и того же времени. Эти образы сталкиваются и создают специфическое культурное напряжение: вспомним, например, принципиально различное понимание роли математики в системе образования в школах платоников и эпикурейцев; или — различное место математики в системе наук у Р. Декарта и Ф. Бэкона.

При всей важности сделать изучение синхронических конфликтов и диахронических трансформаций «образов математики» *особым предметом исследования*, не стоит забывать и о двух других аспектах: о связи «образов знания» с «чисто внешними факторами» [2, p. 249], с одной стороны, и с «чисто внутренними» — с другой. Элкана справедливо подчеркивает упрощенно-идеализированный характер самой этой «чистоты», а также историко-культурную зависимость и подвижность границ между тремя выделенными им факторами. Признает подвижность границы между «образами» и «телом» математики и Лео Корри, однако неохотно и лишь в том ограниченном виде который не разрушает его красивое решение проблемы революций в математике: как характерное именно для математики он допускает постепенное преобразование вопросов второго уровня в вопросы первого уровня, при этом преобразовании мы наблюдаем кумулятивное расширение «тела» математики за счет бывших ее «образов». Даже при таком ограниченном толковании, изучение «образов математики» смыкается с философией математической практики; это тем более так, если мы примем (как основу для дальнейших исследований) наблюдения Элкана в полном их виде.

Список литературы

1. *Elkana Y. Boltzmann's Scientific Research Program and its Alternatives // The Interaction between Science and Philosophy*. Ed. Y. Elkana. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1974. P. 243-279.
2. *Elkana Y. The Discovery of the Conservation of Energy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. 230 p.

3. *Elkana Y.* Introduction: Culture, Cultural System and Science // Essays in Memory of Imre Lakatos. Eds. R.S. Cohen, P.K. Feyerabend & M.W. Wartofsky. Dordrecht: D. Reidel, 1976. P. 99-107.
4. *Elkana Y.* Anthropologie der Erkenntnis. Frankfurt am Ma // Suhrkamp Verlag, 1986. 530 S.
5. *Elkana Y.* A Programmatic Attempt at an Anthropology of Knowledge // Sciences and Cultures: Anthropological and Historical Studies of the Sciences. Eds. E. Mendelsohn & Y. Elkana. Dordrecht: D. Reidel, 1981. P. 1-76.
6. *Гурц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
7. *Elkana Y.* The Myth of Simplicity // Albert Einste // Historical and Cultural Perspectives. Eds. G. Holton & Y. Elkana. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1982. P. 205-252.
8. *Corry L.* Paradigms and Paradigmatic Change in the History of Mathematics // Paradigms and Mathematics. Eds. E. Ausejo & M. Hormigón. Madrid: Siglo XXI de España Editores, 1996. P. 169–191.
9. *Elkana Y.* The Emergence of Second-order Thinking in Classical Greece // The Origins and Diversity of Axial Age Civilizations. Ed. S.N. Eisenstadt. Albany, NY: State University of New York Press, 1986. P. 40-64.
10. *Corry L.* Linearity and Reflexivity in the Growth of Mathematical Knowledge. Science in Context. 1989. Vol. 3. № 2. P. 409–440.
11. *Corry L.* Kuhnian Issues, Scientific Revolutions and the History of Mathematics. Studies in History and Philosophy of Science. Part A. 1993. Vol. 24. № 1. P. 95–117.
12. *Bunge M.* Epistemology and Methodology I: Exploring the World (Treatise on Basic Philosophy. Vol. 5). Dordrecht: D. Reidel, 1983. 424 p.
13. *Kuhn T.* Mathematical versus Experimental Traditions in the Development of Physical Science (1976) // Kuhn T. The Essential Tension. Chicago: The University of Chicago Press, 1977. P. 31-65.

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

**ПОНЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

Амврозов И. Д.

*Аспирант кафедры философии
Вологодский государственный университет
amvrozov@mail.ru*

Аннотация. В работе рассмотрено понятие цивилизационного пространства как значимого концепта социально-гуманитарного знания, выделены его отличительные особенности. Выявлены свойства жизненного пространства, главное из которых – сохранение сущности цивилизационного пространства при возможных изменениях в религиозном или этническом наполнении. Осмыслено соотношение понятий цивилизационного пространства и цивилизации, сделан вывод о том, что цивилизационное пространство представляет собой одну из характеристик цивилизации. Дан анализ природы цивилизационного пространства, включающего нескольких пространственных типов: реальное, ментальное и социальное. Выделены и классифицированы основные критерии наполнения цивилизационного пространства: этническая и языковая близость, менталитет, экономический и политический строй, из которых приоритет отдается мировоззрению, определяющему ментальную близость людей, населяющих некоторое жизненное пространство.

Ключевые слова: цивилизация; цивилизационное пространство; этнос, менталитет, ценности; наполнение пространства; социальный строй.

**THE CONCEPT OF CIVILIZATIONAL SPACE IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND
HUMANITARIAN KNOWLEDGE**

Amvrozov I. D.

*Postgraduate student of the Department of Philosophy
Vologda State University
E-mail: amvrozov@mail.ru*

Abstract. The article considers the concept of civilizational space as a significant concept of social and humanitarian knowledge, and highlights its distinctive features. The properties of living space are revealed, the main of which is the preservation of the essence of civilizational space with possible changes in religious or ethnic content. The correlation of the concepts of civilizational space and civilization is analyzed, and the conclusion is made that civilizational space is one of the characteristics of civilization. The analysis of the nature of the civilizational space, which includes several spatial types: real, mental and social, is given. The main criteria for filling the civilizational space are highlighted and classified: ethnic and linguistic proximity, mentality, economic and political system, of which priority is given to the worldview that determines the mental proximity of people inhabiting a certain living space.

Keywords: civilization; civilizational space; ethnicity, mentality, values; filling of space; social system.

Рост геополитической напряженности в современном мире, в том числе увеличивающееся число длительных военных конфликтов (Косово, Нагорный Карабах, Сектор Газа и др.) в связи с наличием исторически спорных территорий и соответствующих притязаний различных государств и социальных общностей, приводит к необходимости глубокого анализа цивилизационного пространства как понятия и феномена. На необходимость изучения проблемы косвенно указывает и непосредственное

закрепление во втором разделе Концепции внешней политики Российской Федерации, посвященного современному миру и внешней политике Российской Федерации, следующих положений: «По мере преодоления сдерживающего воздействия биполярной конфронтации все более громко заявляет о себе культурно-цивилизационное многообразие современного мира. Возрастает значение также религиозного фактора в формировании системы современных международных отношений, в частности их нравственного основания» [1].

Целью работы является выделение критериев наполнения цивилизационного пространства на основе обзора подходов к определению данного понятия.

В рамках социальной философии цивилизационное пространство чаще всего определяется как жизненная среда этносов, народов, индивидов, обустроенная ими на основе сложившихся природных условий, технологий, социокультурных стандартов и ментальных структур [2, с. 86]. Фактически им будет являться то социальное и природное пространство, которое освоено людьми в практическом и духовном смысле. Встречаются и иные подходы к толкованию понятия «цивилизационное пространство», например, его понимание как специфического выражения целостности всего пространственно-временного континуума, одну из двух в равной степени необходимых ипостасей его противоречивого единства [3, с. 7].

Анализируя феномен цивилизационного пространства, нельзя не упомянуть о собственно понятии «цивилизация». В контексте социальной философии под цивилизацией, как правило, понимается устойчивая социально-культурная общность, существующая в определенное время и в определенной части ойкумены [4, с. 149]. По мнению А. Тойнби цивилизация – более широкое понятие, нежели нация, однако более узкое, чем человечество. Существует множество вариаций подходов к пониманию цивилизации, но большинство из них сводится к тому, что это общность людей, которая обладает устойчивыми социальными, материальными и духовными ценностями.

Для каждой цивилизации естественным является желание в обособлении собственной территории проживания, идентификации своего собственного жизненного пространства, обретение той самой границы, которая бы отличала «свою» территорию от «чужой», однако данное обособление проходит не по строгим границам, как территориальные границы государств, а на основе специфических критериев цивилизационного пространства.

Таким образом, получается, что цивилизационное пространство – это одна из характеристик цивилизации, которая отражает ее пространственное наполнение, обозначает жизненную среду, в которой обитает общность, составляющая конкретную цивилизацию, позволяет отличить одну цивилизацию от другой на основании различий в наполнении жизненного пространства каждой из них. Фактически цивилизационное пространство представляет собой неотъемлемую и важнейшую составляющую культурно-цивилизационного континуума.

«Наполнение» цивилизационного пространства напрямую связано с ценностями, этнической культурной самобытностью, всей совокупностью национальных достояний, которыми обладает народ.

Вообще использование понятия «пространство» в любом из его проявлений подразумевает наличие определенных границ как условия для упорядочивания всего окружающего мира. Когда же речь заходит о границах цивилизационного пространства, исследователи непременно сталкиваются с рядом противоречий.

По своей сути любое цивилизационное пространство обладает сложной структурой, а само пространство охватывает разные сферы реальности. Так, А. Лефевр и Э. Соджи выдвинули концепцию трех пространств, «где первым пространством является реальное (материальное или физическое), вторым – воображаемое (ментальное), а третьим – объединяющее их социальное «семиотическое, идеологическое или пространство отношений» [5, с. 66-67].

Первое пространство, согласно данной теории – взаимодействие человека и природы. Образ цивилизационного пространства ассоциировался у Ш. Монтескье с понятием общего духа народа. «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» [6, с. 412]. Отождествление по природному признаку подразумевает восприятие обществом природы и природных условий, в которых нахождение и обитание общества будет наиболее благоприятным.

Второе пространство – ментальное, фактически шире, чем географические границы государств, поскольку охватывает также и тех людей, которые живут за пределами своей страны, в иных цивилизационных средах, где институты их цивилизации не определяют общий характер социальной регуляции. Образы ментального пространства, по мнению А. Лефевра и Э. Соджи, суть продукты человеческого воображения, как возникшие спонтанно, так и сознательно конструируемые.

Через социальное пространство происходит выработка людского менталитета, закладываются ценностные ориентиры людей, осуществляются духовная, экономическая жизнь общества, происходит идентификация общества по его историческому признаку.

При этом, данные сферы цивилизационного пространства могут сильно отличаться от официально принятых границ государств, поскольку историческая память народа в подавляющем большинстве случаев не отображается в полной мере на уровне официально утвержденных границ.

При этом на протяжении истории «наполнение» цивилизационного пространства претерпевает различные изменения, как этнического, так и религиозного характера, однако при этом целостность цивилизации не затрагивается, оставаясь неизменной. Отличительной особенностью цивилизационного пространства будет его более плотная связь с жизнедеятельностью человека, большая динамичность пространства в сравнении с социальным пространством. В работе Ф. Ратцеля «Политическая география» жизненное пространство – это непрерывное жизненное тело этноса, способное к расширению-сжатию в зависимости от действий государства [7].

Именно поэтому, принципиально важным вопросом является формирование критериев, по которым проживающие на определенной территории общности людей образуют конкретное цивилизационное пространство.

Первый выделяемый критерий – это *этническая и языковая близость*. Ни один человек не может существовать вне какой-либо культуры, а восприятие каждым человеком своей этнической и культурной принадлежности в большинстве случаев происходит с рождением: при изучении родного языка, окружении в которое попадает индивид, стандартами поведения, заложенными семьей и иными институтами социализации личности.

Второй (более значимый!) критерий наполнения цивилизационного пространства – *мировоззрение*, точнее его аксиологический блок, т.е. система ценностей и ориентиров, взглядов на жизнь, базовые принципы морали и нравственности, самосознание. Собственно, именно общность людей по их мировоззрению, «духу» и является определяющей для цивилизационного пространства как категории.

При учете и использовании только данных критериев можно столкнуться с проблемой несоответствия культурных и административно-политических границ. К примеру, Белоруссия, некоторые регионы Украины, юридически не принадлежащие к территории Российской Федерации, по своей культуре и быту ближе к русскому народу, нежели Северный Кавказ, которые имеют собственную культуру, чьи традиции и религия серьезно отличаются от российских.

Поэтому важно выделить еще и третий критерий, а именно *экономический и политический строй*. Указанный критерий как правило выделяется при рассмотрении конкретных цивилизаций, однако и к понятию цивилизационного пространства он также применим, поскольку затрагивает социальное пространство, упомянутое выше, отражает специфику определенных народностей в контексте их систем управления, отношений собственности, сферы производства материальных и нематериальных благ.

Таким образом, можно констатировать, что цивилизационное пространство – это специфическая категория, отличающаяся по своей сущности от привычного понимания пространства. Цивилизационное пространство – более широкое понятие, которое учитывает близость людей «по духу», менталитету, этническому родству без учета официальных государственных границ. При этом сложная структура цивилизационного пространства пронизывает различные сферы жизни людей, в результате чего представляется возможным выделить критерии «наполнения» цивилизационного пространства для последующего обособления одной цивилизации от другой.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/ (дата обращения 01.06.2024).
2. Устьянцев В.Б. Пространство цивилизаций в контексте смены типов рациональности // Философия и общество. 2007. № 3 (47). С. 81-98.
3. Шемякин Я.Г. К вопросу о роли пространства в цивилизационной системе: опыт «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба в универсальном контексте // Новая и Новейшая история. 2020. Вып. 3. С. 7-20.
4. Мчедлова М.М. Понятие «цивилизация»: история и методология // Философия и общество. 1999. № 1. С. 149-164.

5. Украинский В.Н., Чимитдоржиев, Ж. Ж. Анри Лефевр и полиморфность социального пространства // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1 (60). С. 61-72.
6. Монтескьё Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.
7. Сеницкий Л. Политическая география (по Ратцелю). М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1899. 50 с.

НАБРОСКИ К ЭВОЛЮЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ТЕКСТ»

Бабаева А.В.

*Кандидат философских наук, доцент, декан факультета гуманитарных наук
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
E-mail: dff1890@yandex.ru*

Закаблукровский Е.В.

*Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
E-mail: eezy@ya.ru*

Аннотация. В представленных тезисах авторы рассматривают тему эволюции дефиниции "текст". Работа не имеет целью дать исчерпывающее представление о поэтапной трансформации понятия в истории традиции, скорее здесь тезисно, пунктирно намечены отдельные перспективные, по мнению авторов, теории и концепции, которые обусловили историческое развитие и собственно вариативность значения анализируемого понятия и которые условно можно сгруппировать в подходы-направления. Поскольку тема очень широкая и серьезная, за скобки полностью вынесены не только экстралингвистические, но и собственно парадигматические, эпистемологические факторы. В качестве точки отсчета в своей реконструкции интеллектуальной традиции авторы полагают Античность в лице Платона и Аристотеля и предпринимают попытку развернуть развитие мысли вплоть до второй половины XX столетия.

Ключевые слова: понятие, текст, смыслы, когнитивный, логос, лингвистика.

SKETCHES FOR THE EVOLUTION OF THE CONTENT OF THE CONCEPT OF "TEXT"

Babaeva A.V.,

*CSc in Philosophy, docent
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
E-mail: dff1890@yandex.ru*

Zakablukovskiy E.V.

*CSc in Philosophy, docent
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
E-mail: eezy@ya.ru*

Abstract. In the presented theses, the authors consider the topic of the evolution of the definition of "text". The work does not aim to give an exhaustive idea of the gradual transformation of the concept in the history of tradition, rather, some promising theories and concepts, according to the authors, are outlined here in a thesis, dotted line, which determined the historical development and the actual variability of the meaning of the analyzed concept and which can be conditionally grouped into approaches-directions. Since the topic is very broad and serious, not only extralinguistic, but also paradigmatic, epistemological factors are completely taken out of brackets, the authors consider Antiquity in the person of Plato and Aristotle as a starting point in their reconstruction of the intellectual tradition and attempt to expand the development of thought up to the second half of the twentieth century.

Keywords: concept, text, meanings, cognitive, logos, linguistics

Дефиниция «текст» этимологически связано с др.-греч. основой «тек-» (строить, мастерить), лат. «echege» (ткать, плести, строить). Так смысл слова оказался связан с реальным способом производства, а впоследствии значение слова было перенесено в сферу языкового производства. Благодаря чему текст стали рассматривать как хранилище информации и как когнитивный инструмент конструирования внутреннего мира индивида и общества.

Понятие «текст» чаще всего значение раскрывается посредством концептов «логос», «дискурс». Уже Платон использует термин «логос» для обозначения текстового оформления высказывания. В диалоге «Федр» философ затрагивает базовую герменевтическую проблему, указывая, что предполагаемое автором значение не всегда может быть надежным образом сохранено в произведении: «В этом <...> [есть] дурная особенность письменности <...> думаешь, будто они [сочинения] говорят, как разумные существа, но если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же» [1, с. 187]. Таким образом, «логос» включает в себя и собственно текст как носитель информации, и приписываемый ему смысловой коррелят. Текст у Платона получает высочайший ранг в иерархии лингвистических единиц, выстраиваемой от буквы через слово и предложения к тексту: «И мы будем примерять звуки к вещам <...>, образуя то, что называют слогами, а затем соединять слоги, из которых уже будут состоять слова и выражения. Далее из слов и выражений мы составим некое большое, прекрасное <...> целое рассуждение...» [2, с. 662]. Таким образом, вещи и слова (формы обозначения вещей) у Платона разводятся, а текст расценивается как материальный носитель смыслов, стоящих за вещами. Однако уже тогда за «λόγος» закрепляется значение «семя вещи» – суть, сущность, что создает полисемантическую природу слова «λόγος», указывая единство формы и содержания.

Полифоничное использование термина «λόγος» обнаруживается у Аристотеля. Так, известный фрагмент его «Поэтики» (раздел 20), который часто использовался для определения сути предложения. Правда, здесь мы столкнемся с противоречивым вторым примером, приводимым Аристотелем (об «Илиаде») где Стагирит явно имеет в виду трансфрастическое значение термина (трансфрастика – область лингвистики, изучающая сверхфразовые единства). Текст-логос у Аристотеля представляет целостность, основанную либо на единстве означаемого, либо на «связанности» [3, с. 96]. Речь идет о лингвистически обусловленной связи между частями текста, которая определяет целостность последнего. На примере такого типа текста, как публичная речь, Аристотель показывает, как речевое целое делится на части и структурирует весь текст.

Средневековье вынесло на повестку несколько традиций трактовки понятия. Первая условно называется риторической, где определяющим было терминологическое влияние риторики. «Oratio» обозначало искусную речь как результат работы оратора, при этом акценты смешаются с содержательной стороны построения текста на сторону его конкретного оформления: «... мы изъясняемся способом ... непрерывно продолжительным, и это называем риторикой» [4]. Впоследствии риторическая концепция трансформировалась в литературно-эстетическую, стилистическую.

Вторая традиции выделяется как грамматическая; здесь используется та же терминология, что и в первой. Со временем под «oratio» начинают понимать речь просто как актуализацию языка в каждом конкретном случае, в пределах которого можно выделить части речи как подчиненные величины. После того, как сочинения о грамматике стали появляться на других языках, помимо греческого и латыни, в качестве эквивалента перевода для «oratio» стали использовать слово «речь», т.е. конкретное ситуативное использование системы языка.

Подобный подход получил развитие в Новое время, и благодаря В. Гумбольдту стали понимать, что сущность языка проявляется лишь «в связной речи», т.е. «в акте его реального порождения» [5, с. 70]. Эта трактовка термина «речь» остается определяющей и в дальнейшем, достигая кульминации в противопоставлении понятий «parole» (речь) и «langue» (язык) у Ф. де Соссюра. И хотя теория не раскрывала конкретных способов составления «связной речи», тем не менее определенно устанавливала границы понятия: под текстом подразумевалась некая всеобъемлющая языковая взаимосвязь, иерархически стоящая выше предложения.

Помимо двух указанных выделяют еще и герменевтическую традицию, где «textus» означает не лингво-грамматическую форму соединения текстового материала, а смысловую связь, представленную языковыми средствами. Суть подхода отражена корреляцией концептов «textus» и «contextus»: «Текст (textus) представляет собой речь в той мере, в какой она рассматривается как предмет интерпретации»; «Речь (oratio) — это ряд слов, обозначающих связанные друг с другом идеи» [6, с. 58]. Эталонной и целью данной традиции является определение когнитивного коррелята текста.

Отдельно стоит упомянуть и текстологическую традицию, исчерпавшую свой эвристический потенциал еще в Новое время. Согласно последнему подходу, термин «текст» служит для обозначения предметности священных текстов. В частности, «textus» обозначает просто декорированный артефакт (евангелические книги), а также материальность знаков на страницах, иначе материальный носитель письменной речи.

Грамматическая, риторическая и герменевтическая трактовки сходятся в междисциплинарной традиции, которая не абсолютизирует отдельные уровни текста, а предполагает их интеграцию в комплексное понятие. Однако такой подход заметен лишь на отдельных этапах эволюции интеллектуальной истории, например, в энциклопедии эпохи раннего Средневековья авторства Исидора Севильского (677-й г. н.э.): «...Ведь речь есть соединение слов со смыслом.<...> Речь же состоит из смысла, звучания и букв» [7, с. 13]. Таким образом, «ogatio» представляет собой структуру, состоящую из фонетического, грамматического и лексического уровней. Подобная интегративная трактовка понятия «текст» встречается у Ф. Шлейермахера, который описывает смысловое измерение («понимание») как интеграцию «грамматической» и «психологической» (или «технической») интерпретации [8, с. 45]. Этот интегративный подход в герменевтике в основных чертах оставался неизменным в работах А. Бёка, В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера и Ж.-П. Сартра вплоть до середины XX века.

С появлением лингвистики текста начинается направление, в рамках которого рефлексия понятия «текст» становится чрезвычайно интенсивной. С точки зрения понимания текста как структуры можно обобщить несколько подходов, общая черта которых заключается в том, что они представляют текст как упорядоченный набор лингвистических элементов. Такой структурный порядок можно распознать, «фиксируя» неоднократно встречающиеся определенные лингвистические элементы в последовательных предложениях. Такую «структуру» З. С. Харрис называет «дискурсом» [9, с. 1–30]. Речь также может идти об обнаружении различного рода параллелизмов, от фонологических до стилистических, по Р. Якобсону [10, с. 350–377], о повторяющихся проявлениях семантических признаков и установленной последними изотопической структуры, по А.Ж. Греймасу [11], или в семиотической перспективе потенцирования текстовой строки к «единице смысла», по Р. Барту и также Э. Козериу [12, с. 7].

Коммуникативный подход базируется на моменте встраивания речевого высказывания в ситуацию коммуникации. Текст «... представляет собой любую высказанную речь любой длины, но связанную с ситуацией, которая делает текст (речь) осмысленным или успешным» [13, с. 56]. Здесь суть термина «текст», напрямую соотносится с «ситуационным полем». В том же ключе Х. Вайнрих определяет «текст» как «значимую последовательность языковых знаков между двумя заметными перерывами в коммуникации» [14, с. 222]. Языковые знаки служат указаниями для реципиента по воссозданию смысла с помощью «ситуации», вербального контекста, языкового «кода» и соответствующего «горизонта» (А.Ж. Греймас, Г. Амман, М. Шернер). Появляющийся модальный дубликат «текст как набор инструкций» выявляется, к примеру, в изысканиях феноменологического, герменевтического, а также структуралистско-семиотического плана. Их объединяет убеждение, что литературное произведение (текст) является не осязаемой «объективной структурой», но совокупностью «схематизированных представлений» – предпосылкой деятельности реципиента по воссозданию «смысла» путем интерпретации, конкретизации и структурирования не только лингво-филологической реальности.

На ранней стадии развития лингвистики текста обсуждался вопрос, должен ли текст определяться исключительно как лингвистический феномен или же ему соответствует некая виртуальная единица в системе отдельного языка. В традиции системно-лингвистической терминологии для этих целей используются такие выражения, как «удачно сконструированный текст языка такого-то» [15, с. 155–172]. Таким образом обозначается наивысший элемент в иерархии лингвистических единиц системы: фонема – морфема – слово/лексема – предложение/синтаксема – текст/текстема. Как видим, постепенно в истории понятие текст трансформировалось от носителя, хранителя информации до механизма работы с сознанием и инструмента конструирования социально-культурных практик.

Список литературы

1. Платон. Федр. // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.
2. Платон. Кратил. // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
3. Аристотель. Об истолковании. // Аристотель Сочинения в четырех томах. Т. 2. Ред. 3. Н. Микеладзе. М.: «Мысль», 1978.

4. Boyle J. The public doma // Enclosing the commons of the mind. New Haven, CT: Yale University Press, 2008.
5. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
6. Meier G. F. Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst, 1757.
7. Севильский И. Этимологии, или Начала. В XX книгах. Кн. I-III: Семь свободных искусств. СПб.: Евразия, 2006.
8. Шлейермахер Ф. Герменевтика. Перевод с немецкого А.Л. Вольского. СПб.: «Европейский Дом». 2004.
9. Harris Z.S. Discourse analysis. Language, No28, 1952.
10. Jakobson R. Linguistics and poetics. // Style in language, изд. Sebeok T.A., Cambridge 1960.
11. Greimas A. Sémantique structural. Paris, 1966.
12. Coseriu E. Text-Linguistik. Tübingen: GNV 1980. 268 p.
13. Hartmann P. Die Sprache als linguistisches Problem // Die deutsche Sprache im 20. Jahrhundert, 1966.
14. Weinrich H. Zur Linguistik der Tempusübergänge // Linguistik. Didaktik. 1970. № 1.
15. Isenberg H. Überlegungen zur Text-Theorie // Literaturwissenschaft und Linguistik. 1971. № 1.

СОЦИАЛЬНАЯ ГАРМОНИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИТАРНОСТИ И МЕТОДОЛОГИИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Бакурков А.А.

Аспирант кафедры философии

Вологодский государственный университет

Ведущий консультант управления по развитию местного самоуправления

Департамента внутренней политики Правительства области

Правительство Вологодской области

E-mail: Mr.bakurkoff@mail.ru

Аннотация. В статье разработана формулировка категории «социальная гармония» с точки зрения методологии системного анализа. В отличие от социологических наук, предмет социальной философии характеризуется большим объемом изучаемого предмета. Таким предметом является общество как целое, то есть общество, состоящее из взаимосвязанных подсистем, компонентов и элементов. В таком качестве общество обладает интегральными свойствами, которыми не обладают его части в отдельности. «Социальная гармония» как раз и будет одним из таких свойств. Социальная гармония также неразрывно связано с понятием коммунитарности. Нормально функционирующее общество характеризуется «сильными» взаимодействиями между людьми, которые в этическом плане могут быть определены понятием коммунитарность. Сделан вывод о ценностной корреляции и со-зависимости феноменов коммунитарности и социальной гармонии.

Ключевые слова: социальная философия, методология социального познания; социальная гармония, общество, коммунитарность; системный анализ.

SOCIAL HARMONY AS A CATEGORY OF SOCIAL STUDIES (IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF COMMUNITARITY AND METHODOLOGY OF SYSTEM ANALYSIS)

Bakurkov A.A.

Postgraduate student of the Department of Philosophy

Vologda State University

The leading consultant of the Department for the development of local self-government

Department of Internal Policy of the Regional Government

The Government of the Vologda region,

E-mail: Mr.bakurkoff@mail.ru

Abstract. The article develops the formulation of the category "social harmony" from the point of view of the methodology of system analysis. Unlike the sociological sciences, the subject of social philosophy is characterized by a large volume of the subject being studied. That is society as a whole. That is a society consisting of interconnected subsystems, components and elements. Society has integral properties that its parts do not possess individually. "Social harmony" will be one of these properties. Social harmony is linked to the concept of communitarity. A normally functioning society is characterized by "strong" interactions between people, which can be ethically defined by the concept of communitarity. The conclusion is made about the value correlation and codependencies of the phenomena of communitarianism and social harmony.

Keywords: social philosophy, methodology of social cognition; social harmony, society, communitarity; system analysis.

Соотношение задач социальной философии и социологии является сегодня серьезной проблемой общественных наук. Если конкретно-социологическим исследованиям «полагается» работать с эмпирическим материалом и не претендовать на построение обобщающих теорий, то для социальной философии задача сводится именно к выявлению общих закономерностей, анализу принципов общественного функционирования. Область социально-философского знания призвана заниматься обобщениями и абстракциями высокого порядка, а категории социальной философии должны емким научным языком отражать реальные связи и взаимодействия социальных объектов и субъектов.

Во многом вопрос «научности» общественных наук есть также вопрос методологический. Так называемый «спор о методах» научно-философского познания продолжается до сих пор [1]. При позитивистско-ориентированной социологической парадигме объем такой категории как «социальная гармония» может варьироваться от гармонии внутри небольших социальных групп, таких, например, как семья или музыкальный коллектив до гармонии внутри социальных страт. Эти социальные общности, безусловно, являются субъектами социального действия, но является ли социальная гармония общества как целого «суммой гармоний» внутри таких сообществ или это специфицирующая черта общества как целого?

К вопросу о гармонизации социальных отношений можно подойти с разных сторон: с точки зрения аксиологии, права, спекулятивно-метафизически, диалектико-исторически и пр. – и каждый раз это будет разная постановка вопроса, разная проблематизация. Выбор методологии, в конечном счете, определяет выбор объекта исследования. Однако целостный взгляд на мир, связывающий разделенные абстрактными, аналитическими процедурами сферы или «царства» бытия, возможен только и исключительно посредством общефилософской методологии вообще и методологии социальной философии в частности.

В рамках системного социально-философского подхода должен быть артикулирован специальный предмет (общество), а такие его характеристики как социальная гармония могут быть выявлены в качестве необходимых связей или отношений, опосредованных целями общества как целостности. Вместе с тем, необходим обязательный учет различия методологии «наук о духе» от соответствующей методологии «наук о природе».

Предметом социальной философии является некая «реальность, обладающая неприродными и надприродными свойствами» [2, с. 74]. В социальной реальности располагаются важнейшие для жизнедеятельности человека и общества системы отношений: политические, этические, гражданско-бытовые и многие другие. Указанные системы отношений материальны, даже «вещны», так как связывают между собой физических людей, а следствия каких-либо изменений в структурах таких отношений всегда единично материальны.

Трудность заключается в том, что эту реальность, существующую абсолютно объективно и действующую вполне физично на поведение людей, невозможно наглядно-эмпирически или сенсуалистически напрямую зафиксировать, так как она находится в плане «идеального». Эта реальность *есть форма общественных отношений в моментах деятельности*, характер и результаты которых в своей совокупности оказываются гармоничными или дисгармоничными.

Проблема измерения социальной гармонии оказывается напрямую связанной с понятием и феноменом коммунитарности. Мы определяем коммунитарность как совокупность взаимозависимостей внутри любого общества, имеющего перед собой общую цель. Эти зависимости трудноуловимы; абстрактно-аналитически в них можно рассмотреть и элементы иерархичности, и элементы власти/подчинения, и элементы «разделения труда». Но все они являются моментами

самоорганизации общественного организма как становящейся целостности. Коммунитарность, как набор интегральных и необходимых качеств, появляется с необходимостью в любом действующем коллективе, ставящем перед собой цель.

Понимание и осознание присутствия такой «идеальной» структуры критически важно для функционирования социального целого. Коммунитарные взаимозависимости сцепляют в единый деятельностный каркас, в гиперграф, усилия многих единичных людей. Важно то, что нарушение одного из звеньев (или ребер) такой структуры вызовет деградацию общего *рисунка*. «Нам нужно учиться видеть в области социальной мысли через наблюдаемые явления ненаблюдаемое, и потом из этого ненаблюдаемого нам понятнее то, что мы наблюдаем», – писал М.К. Мамардашвили [3]. Коммунитарность создает такое целое, в котором индивидуум, приобретая социальную «ковалентность», становится далее не вычленимым из социума в качестве сингулярности.

Социальная гармония в общем виде определяется как соразмерность, согласованность систем общественного целого, позволяющую сохранять и поддерживать равновесие и баланс в обществе [4]. Методология системного анализа предполагает, что общество состоит из отдельных взаимосвязанных частей, несущих на себе качественные признаки целостности. Общество представляет собой «такие группы, которые обладают *самодостаточностью*, т.е. способны самостоятельно, без внешней помощи, без участия других групп создавать и воссоздавать *все* необходимые условия своего существования, в том числе формировать людей как социальных существ» [5, с. 131]. Так понятие общество включает в себе максимум онтологической полноты. Чаще всего физические границы такого общества совпадают с государственными. В рамках общества-государства социальная гармония обретает инвариантные черты, являясь вообще показателем успешного функционирования общества, индикатором его «биологического» присутствия в мире. Следовательно, категорию социальной гармонии следует расценивать как показатель общественных отношений, при котором общество не допускает энтропии или допускает ее в некритических количествах. Социальная гармония – инвариантный признак нормально функционирующего, здорового общества.

В рамках системного анализа существенно то, что общество конституируется и, по сути, проявляет себя в качестве реально существующего объекта – как связь между людьми и предметами жизнедеятельности. Такой объект «может быть охарактеризован только через свои связи ...через взаимодействие составляющих элементов» [6, с. 34]. К.Х. Момджян связью называет «*согласованность изменений*, в результате которой трансформация свойств и состояний одного явления сказывается на свойствах и состояниях другого, связанного с ним» [5, с. 151]. Социальная гармония может быть по этому признаку определена как многосторонняя коррелятивная связанность всех частей общества, по принципу «сообщающихся сосудов», нарушение одного из звеньев которого может привести к разбалансировке всей общественной системы.

В рамках структурного соподчинения функциональных подсистем общества особую важность имеет иерархическое координирование составляющих его частей. Учитывая, что государственный «сектор» (наравне и в совокупности с производственным сектором) внутри общества является задающим параметры функционирования и, таким образом, гармонизации общественного целого, основополагающее значение приобретает государственно-властное воление. Причем речь идет даже не столько о формах и способах управления государством, сколько о направленности государственной воли на «общее благо». «Упорядочение к общему благу есть дело либо всего народа, либо кого-то одного, кто выступает от имени народа», – писал в «Сумме теологии» Ф. Аквинский [7, с. 288]. Идеология государственного управления в идеале должна совпадать с возможностями производственного сектора и выражать их. Несоответствие общественно-политической идеологии и права и промышленно-производственного базиса может стать причиной изменения баланса и гармонии в обществе, что приведет к потере целостности, а, в итоге, положит конец существованию самого общества. В этом смысле государство как онтологический периметр общества выступает инструментарием воления и воплощения социальной гармонии в жизнь.

Таким образом, объективная социальная реальность характеризуется интегральными качествами такого уровня абстракции, которые могут быть выделены и определены в своей сущности только в рамках социально-философской методологии. Категория «социальная гармония» может быть более полно определена как интегральная характеристика общественно-государственного целого, при которой отдельные взаимосвязанные структурные части согласованно функционируют с целью самоподдержания и воспроизводства этого целого. Социальная гармония, будучи, в первую очередь, социально-философской категорией, может использоваться и в специальных социальных науках посредством увязывания с понятием коммунитарности. Современное общество предполагает взаимодополнительность традиционных социальных и коммунитарных связей.

Список литературы

1. Розов Н.С. «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 145-155.
2. Момджян К.Х. О фундаментальных понятиях социальной теории К. Маркса // *Вопросы философии*. 2018. № 12. С. 73–76.
3. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики [Электронный ресурс]. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/socialnaja_filosofija/mamardashvili_opyt_fizicheskoy_metafiziki/24-1-0-4113 (дата обращения: 04.03.2023).
4. Иванова О.В. Социальная гармония: особенности регуляции общественной жизни в условиях современного российского общества // *Вестник Читинского государственного университета*. 2008. № 1. С. 122-126.
5. Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. М.: Изд-во Московского университета, 2013. 400 с.
6. Берталанфи Л. История и статус общей теории систем // *Системные исследования: ежегодник*. М. 1973. С. 20-37.
7. Фома Аквинский. «Сумма теологии». Т. IV: Первая часть Второй части. Вопросы 68-114 / под ред. Н. Лобковица, и А.В. Апполонова. М.: Либроком, 2012. 688 с.

ЭТИКА ОРГАНИЗАЦИИ И НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА

Боброва В. М.

Заместитель директора по работе с ДЗО

ООО «РТ-Инжиниринг»

E-mail: bobrova.veronika@gmail.com

Аннотация. Автор рассматривает феномен «корпоративная культура» и сопутствующие ей явные и неформальные ценности, лежащие в ее основе, как важные концепты, оказывающие влияние общество. Внедряемые руководством ценности раскрываются как один из механизмов управления сотрудниками, своего рода административный ресурс. Формулируется двойственность ценностей, сосуществующих в организации параллельно: желательные ценностные императивы, которые существуют в описанном виде, но являются виртуальными (желательными) и неявные, но устоявшиеся поведенческие паттерны, как правило, негативного толка, что ведет к уходу на второй план роли нравственности и морали. Сосуществование формальных и неформальных ценностей приводит к нежизнеспособности вменяемых сотрудникам нравственных идеалов и их вытеснению неформальными сложившимися правилами, в связи с чем ставится вопрос о роли нравственности и проблеме нравственного выбора субъекта.

Ключевые слова: ценности, корпоративная этика, моральное регулирование, корпоративизация, возможная этика, проблема морального выбора.

ETHICS OF THE ORGANIZATION AND A SOCIETY MORAL CULTURE

Bobrova V. M.

Deputy Director for Work with DZO

JSC 'RT-Engineering'

E-mail: bobrova.veronika@gmail.com

The author examines the 'corporate culture' concept and reveals the importance of formal and informal values of the organization that influence the society. Such values being introduced by management team however turn out to be just one of the management techniques and a kind of administrative resource. Formal values act as moral imperatives, a desirable way of behavior, however in practice remains virtual remaining only on the paper. Moreover, the real behavior of

the employee if guided by informal values, more often, ones of a negative nature. In a such a dual structure, formal values inevitably are not on the first place to obey, thus, they turn out to be inviable. Such a problem leads to another one: the morality erosion. That lead us to the problem of moral actions and the problem of the moral choice of the subject.

Keywords: values, corporate culture, ethical norms, corporatization, potential ethics, the problem of moral choice.

Нравственный облик современного Российского общества формируется под давлением широкого распространения неклассических идеалов ценностей [1, с. 81], динамичных и даже неустойчивых. Интернет-сайты больших и маленьких организаций (мы будем использовать термин «организация» применительно к государственным институтам и коммерческим компаниям) пестрят лозунгами о том, что в мейнстриме получило название «корпоративные ценности» и «кодексы этики». Эти имеющие благозвучный и знакомый вид, «корпоративные ценности» являются частью целенаправленно выстроенной руководством стратегии и лишь инструментом достижения необходимого результата. Вошедшие в употребление еще в 70-е годы XX века термины «корпоративная этика» и «корпоративные ценности» представляют собой управленческие механизмы и к академической традиции отношение имеют весьма посредственное, так сказать, по касательной. Схожесть их звучания с традиционными философскими терминами неслучайна, более того, именно она объясняет новую роль, которую берет на себя организация – формирование и поддержание морально-нравственных установок, которые формулируются в образе действия. Подобная миссия раньше была прерогативой религии – одухотворенность, нравственные императивы, благодаря следованию которым человек способен на большее. Данные тенденции изучаются в трудах Ю. Хабермаса, М. Олсона, Дж. Коулмана, и др., как «корпоративный ренессанс» и корпоративизация общества.

Традиционный подход к ценностям предполагает их объективную структуру. «Корпоративная этика» — это этика неочевидная, это сгенерированная руководством организации совокупность идеалов, с целью организации и поддержания целостности организации как социальной системы. Такой локальный свод «суверенных» нравственных требований («корпоративных ценностей») является ответом на реальные ценности организации, которые организация стремится скорректировать, предлагая альтернативный (лучший) образ идеала. Однако не стоит заблуждаться касательно мессианства организации, транслируемые высоконравственные идеалы — это имидж и административный ресурс руководства. Реальные же ценности организации, как правило, заметно отличаются. Важно отметить, что за административной функцией «корпоративных ценностей» не учитывается мораль как таковая и влияние неформальных принятых правил поведения в коллективе.

Придерживаясь традиционного философского подхода, для обозначения обнаруженного феномена введем термин «ценности организации», которым мы будем далее пользоваться и под которым будем понимать совокупность реальных ценностных ориентаций, присутствующих в поведении членов организации, и заявляемых моральные добродетели, которые призваны заместить реально существующие поведенческие паттерны. Указываемые добродетели призваны компенсировать или нивелировать реальные жизненные ценности, при этом, целевое добродетельное поведение может быть движимо волей руководства и каждой отдельно взятой личности, а потому, труднодостижимо. Кроме того, являясь сложной системой, организация в силу внутренних механизмов, обеспечивающих ее устойчивость, будет оказывать сопротивление единичным случаям инакомыслия или инакодействия, в том числе, что иронично, ссылаясь на целевые добродетельные императивы. В связи с чем возникает классическая проблема морального субъекта, но более серьезной является сопутствующая проблема подмены понятийного аппарата. Это рассуждение выводит нас на проблему, которую можно обозначить, перефразируя М. Мамардашвили, как «возможную этику», сферическую, которой не существует, но к которой стоит стремиться. На деле же стремление к этой «возможной этике» на практике по-кафкиански все больше отдаляет организацию от нее.

Заявляемые организацией добродетели организации можно условно разделить на три группы, которые включают в себя целый комплекс морально-нравственных императивов:

1. **Лидерство.** Эта группа добродетелей призывает человека быть сильным характером, справедливым, целеустремленным, стремиться внедрять инициативы и улучшения, быть креативным, мыслить масштабно, уметь признавать ошибки и др. Пример такие ценности указан на сайте крупного банка «Банк, в котором сотрудники чувствуют себя активными участниками всех процессов, не «винтиками в большой машине». Данная группа императивов призвана корректировать

конформность сотрудников, бюрократию и характерный для больших организаций подход «в моей должностной инструкции этого не написано».

2. Командность. Эта группа добродетелей формулируется иногда иначе: ответственность за общий результат, коммуникабельность, вежливость, уважительное отношение, доверие к коллегам, готовность поступиться личным отношением/мнением, стремление прийти на помощь, уважение к чужой точке зрения, справедливость, открытый доверительный диалог, стремление делиться информацией и знаниями и др. Примером может служить «ценность» на сайте крупной нефтедобывающей компании «Сотрудничество как стиль нашего взаимодействия: мы ценим различия, уважаем других и с вниманием относимся к их интересам, мы открыто общаемся и умеем слушать и слышать, мы доверяем коллегам и обмениваемся опытом и информацией». Данная группа императивов является следствием раздробленности внутренней среды организации, ее подверженность конфликтам, неуважительные коммуникации, ограниченный доступ к информационным потокам.

3. Ответственность. Существует огромное количество версий данного рода добродетелей, маркируемых организацией как «ценность»: ответственность, личная эффективность, ориентация в работе на достижение результата, креативность даже в рутине, умение обойти препятствия в работе, стремление превосходить ожидания, бережливость, стремление найти оптимальное решение, стремление держать слово и соблюдать договоренности, честность, порядочность, стремление использовать лучшие практики и др. Например, крупная энергетическая компания считает «ценностью» такой подход: «Мы мыслим как ответственные собственники и бережно относимся к нашим ресурсам». Данная группа императивных добродетелей компенсирует отсутствие желания членов группы нести ответственность за действия и пользование благами организации, американский экономист М. Олсон формулирует это так: «Хотя все члены группы заинтересованы в получении коллективной каждый из членов группы предпочел бы, чтобы платил кто-то другой, а он лишь наслаждался плодами» [2, с. 19]. Часто ответственное отношение мутирует в четкое следование правилам (и ни шагу влево или вправо, ведь существуют правила), результирующееся у нелояльных сотрудников в итальянскую забастовку (сейчас возник новый термин «тихое увольнение», имеющий схожую дефиницию).

Предпринимаются различные попытки привить сотрудникам «корпоративные ценности»: агитация, внедрение этических кодексов и этические комитеты и др., однако необходимо отметить их слабую эффективность и победу неявных неформальных правил поведения сотрудников, которые в некоторых случаях даже действуют «под прикрытием» «корпоративных ценностей». В итоге, постулируемые «ценности» входят в конфликт с реальными морально-нравственными установками и поведением, и сосуществуют параллельно, предоставляя возможность интерпретации любого поступка человека в любую сторону. Так, мы можем вывести основную характеристику этики организации – симулякризацию ценностей. Из философии заимствуются элементы классического этического инструментария (термины «этика», «ценности», приемы распространения), которые «перепридумываются», «уточняются», но не замещают реальные ценности организации, вследствие чего формируется параллельная «виртуальная реальность корпоративных ценностей». Такой сдвиг в интерпретации ценностей не может не оказывать влияния на общество в целом. Половина населения России (58,7%) является занятым в той или иной сфере деятельности. Имея колоссальное влияние на своих сотрудников, клиентов и партнеров, организация, таким образом, является субъектом моральной ответственности перед обществом. Рассмотренные нами масштабные изменения в моделях моральной аргументации требуют нравственно-аксиологического анализа, особенно важного сегодня, когда Россия находится в стадии смены этических парадигм.

Список литературы

1. *Викторук Е.Н.* Неклассические модели этической аргументации // Сибирский государственный технологический университет. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. 2014. 285 с.
2. *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995. 165 с.
3. *Мамардашвили М.К.* Возможный человек. / Ред.: Мамардашвили Е. М. М.: Рипол-Классик, 2019. 495 с.
4. *Пороховская Т.И.* Корпоративная этика: философско-социологические аспекты // Управленческие науки (Финансовый университет при Правительстве РФ). 2013. № 4 (5). С. 32-40.

5. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. The Belknap Press of Harvard University Press, 1994. 1014 p.

6. Habermas J. Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus // J. Habermas. Theorie der Kommunikativen Handelns. 2. Bde. 3, durchges. Aufl. Frankfurt am Main // Suhrkamp Verlag, 1985. P. 504–522.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ

Борисов С.В.

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
E-mail: borisovsv69@mail.ru*

В любых измерениях присутствует та или иная степень неопределенности, которая может быть способом измерения качественных состояний, то есть субъектности, проявляющей себя в мире. В докладе обосновывается, что субъектность может быть решающим измеримым показателем, а представленная модель принятия решений рассматривает их не как бинарный результат «да» или «нет», а как вариативный процесс. «Шкала неопределенности» может быть использована в любой момент, когда необходимо дать личностную оценку чего бы то ни было в важных жизненных ситуациях. Независимо от средства измерения субъектной неопределенности, уже само ее признание является более точным отображением состояния человека в мире.

Ключевые слова: субъектность, неопределенность, оценка качества.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00855, <https://rscf.ru/project/23-28-00855>.

UNCERTAINTY AS A WAY OF MEASURING SUBJECTNESS

Borisov S.V.

*DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies
South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
E-mail: borisovsv69@mail.ru*

Abstract. In any measurement, there is some degree of uncertainty, which can be a way of measuring qualitative states, i.e. subjectness manifesting itself in the world. The paper substantiates that subjectness can be a decisive measurable indicator, and the presented model of decision-making considers them not as a binary result of "yes" or "no", but as a variable process. "The Uncertainty Scale" can be used anytime a personal assessment of anything in important life situations is needed. Regardless of the means of measuring subjective uncertainty, already its very recognition is a more accurate representation of the human condition in the world.

Keywords: subjectness, uncertainty, quality assessment.

Субъектность – это качественное свойство личности, генерирующее сознание и задающее телеологический характер деятельности [1]. Людям с низким уровнем развития субъектности присуща пассивная жизненная позиция, они не готовы предпринимать решения и отвечать за их последствия. Средний уровень свойственен субъектам, которые не инициируют жизненные события, но проявляют сознательную активную адаптивность. При определенных обстоятельствах они способны осуществить выбор из предлагаемых альтернатив в пользу наиболее благоприятного варианта. Высший уровень субъектности характерен для людей, которые способны не столько приспособиться к жизненным ситуациям, сколько изменять условия существования и оказывать влияние на людей.

Итак, главные характеристики субъектности: сознательная (творческая) активность, способность к рефлексии, забота как положительное эмоционально-ценностное отношение к себе и другому,

осознание собственной индивидуальности (уникальности), свобода и ответственность (автономность), стремление к саморазвитию [2, с. 12]. Субъект способен дистанцироваться от воздействия среды. Личность, обладающая субъектностью способна к самодетерминации, она осуществляет деятельность в соответствии с внутренними мотивами. Индивид «берет на себя ответственность за происходящее, происходившее или то, что может произойти» [3, с. 67].

Все эти характеристики существенны, но ими нельзя «измерить» субъектность (в научном понимании), потому что у них отсутствуют главные условия измерения – эталон и измерительный прибор. Например, мы бы хотели убедиться в компетентности врача, к которому мы записались на прием, которого нам рекомендовали как качественного специалиста. Приведенные выше характеристики субъектности плюс продемонстрированные им врачебные приемы и знания, наверное, помогли бы нам отличить опытного врача от новичка. Но, мы понимаем, что чтобы измерить врачебные навыки и знания необходима специальная экспертиза. Однако эксперты в своих измерениях будут опираться на эталоны знаний и навыков представленные в количественных показателях типа вопросов с множественным выбором, ответы на которые дадут довольно точную оценку памяти на факты, например, какие препараты назначают при определенной болезни или какие показатели врачебных приборов свидетельствуют об определенном отклонении. Точно так же легко измерить простые дискретные врачебные навыки, поскольку они объективны, ограничены и имеют четкие результаты.

Однако проблема в том, что все перечисленные вначале качества субъектности проявляются в сложных реальных ситуациях, которые изобилуют многочисленными, незначительными, но важными взаимодействиями с миром. Эти качества, во-первых, нельзя подвергнуть анализу, они не представляют собой простой суммы измеряемых элементов, во-вторых, для каждого взаимодействия они всегда имеют уникальные и неповторимые проявления, в-третьих, эти качества могут быть латентными, «дремлющими», включающимися только в ответ на определенные обстоятельства, которые нельзя спрогнозировать.

Допустим, эксперт оценивает врачей по их умению проводить интервью с пациентом с возможными баллами от 1 до 10, причем 5 – это проходной балл. Он ставит 5 баллов одному, с полной уверенностью. Но вот очередь доходит до другого. Он говорит очень тихо, поэтому эксперту не всегда понятно, о чём он спрашивает пациента. Ему также может быть не ясна логика вопросов, что он собственно пытается определить? В результате он кажется эксперту менее организованным и уверенным в себе, но тем не менее весьма заботливым по отношению к пациенту. В итоге и другой получает 5 – проходной балл [4, р. 40]. То есть, оценка одинаковая в количественном измерении может иметь разную качественную характеристику, связанную со степенью уверенности эксперта.

Почему это так важно? Потому что, если у нас нет способа переводить эти качественные нюансы в измерительные (количественные) показатели, мы не учитываем степень погрешности. Например, для напольных весов погрешность в 0,1 кг вполне допустима, что нельзя сказать о погрешности до 1 кг или до 5 кг. Все измерительные приборы, а также статистические данные, имеют погрешность, которую обязательно указывают. Однако многие неформальные измерения, которые осуществляют люди в повседневной жизни не требующие точности, допускают огромные погрешности, и это считается в порядке вещей. Например, нас спрашивают: «Сколько человек было на концерте вчера вечером?». Ответ: «Пять или шесть сотен». Другой пример: мне нужно «около двадцати минут, чтобы дойти до дома, плюс-минус пять минут». Эти примеры показывают, что в любых измерениях присутствует та или иная степень неопределенности. На наш взгляд именно она может служить «эталонном и измерительным прибором» для качественных состояний. То есть то, что можно отнести к погрешности, то, что выходит за границы установленных причинно-следственных схем, которые принято называть закономерностями, то можно отнести к характеристикам субъектности, проявляющей себя в мире.

Возвращаясь к экспертной оценке. Например, экзаменаторов никогда не просят указывать погрешность и поэтому такое важное свойство как субъектность участников образовательного процесса остается вне поля экспертизы. У экзаменатора есть только шкала определенных количественных показателей, но нет «шкалы неопределенности» измеряющей качество образования. Ведь иногда действительно экзаменуемый «проваливается» по объективным показателям, а иногда экзаменуемого «проваливает» сама процедура экзамена. Учет погрешности (субъектности) дает ему шанс на пересдачу. Таким образом, неопределенность может быть важным фактором принятия решений.

«Шкала неопределенности» может быть использована в любой момент, когда необходимо дать личностную оценку чего бы то ни было в важных жизненных ситуациях. Ведь всё равно никогда нет

полной уверенности в принятии решений и человеку зачастую приходится «переступить» через себя, жертвовать субъектностью. Возьмем что-нибудь важное, например, выборы. Вы ставите знак в избирательном бюллетене рядом с предпочтительным кандидатом. После подсчета голосов побеждает кандидат с наибольшим количеством голосов. Процедура кажется вполне справедливой, но что если включить в бюллетень оценку того, насколько вы уверены в своем голосе? Даже не обязательно указывать погрешность как таковую, но просто уровень уверенности в своем решении. Например, вы голосуете за некоего кандидата, и вы на 100 % уверены в нем. Я тоже голосую за него, но в основном потому, что он хорошо выглядит на плакатах, и я лишь на 50 % уверен, что он может быть хорошим политиком. Итак, если на таких выборах, помимо обычных «крестиков», мы бы указали рядом с ними свой примерный процент уверенности, то, когда все голоса были бы подсчитаны, наш кандидат победил бы по абсолютному числу голосов, но, когда каждый голос был бы умножен на его уверенность, а результаты сложены, итог возможно оказался бы иным.

Такой метод не только прост и практичен, но и более точно отражает мысли и убеждения людей. Субъектность становится решающим измеримым показателем. Мы полагаем, что такая модель – это шаг вперед по сравнению с традиционными представлениями о принятии решений. Она рассматривает принятие решений не как бинарный результат «да» или «нет», а как процесс с нюансами. Независимо от того, будет ли это доверительный интервал, простой процент доверия или какое-то другое средство измерения субъектной неопределенности, уже само ее признание является более точным отображением состояния человека в мире.

Список литературы

1. *Борисов С.В.* Ценностно-смысловое измерение субъектности // Человек как открытая целостность. Отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 83–98.
2. *Богданова В.О.* Философское осмысление феномена «субъектность» // Социум и власть. 2023. № 3 (97). С. 7–17.
3. *Тульчинский Г.Л.* Субъектность как ответственное сознание самости: распределенная идентификация и прокреативность автопроекции // Человек как открытая целостность. Отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 63–75.
4. *Selzer R.* Uncertainty made measurable // Philosophy Now. 2023. Issue 156. P. 40–41.

ОЛЬФАКТОРНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Велис Л. А.

*Студент 2 курса магистратуры
Пятигорский государственный университет
E-mail: lolla-99@mail.ru*

Аннотация. В данном докладе ольфакторный опыт рассматривается в контексте ольфакторного воображения, т.е. способности воссоздавать образы без наличия обонятельных стимулов. Наличие ольфакторных образов представлено в лингвистических, когнитивных и философских исследованиях. Лингво-когнитивные исследования, с одной стороны, указывают на связь языка с отделами мозга, отвечающими за восприятие запахов, а также областями, связанными с эмоциональным аспектом. С другой стороны, отсылают к проблеме именованности запахов, а также к вопросу о «жестких десигнаторах». В рамках философского подхода объясняется сложность применения энактивистской и belief-based теорий по отношению к ольфакторному воображению, из-за чего отдается предпочтение теории ментальных образов Б. Наная. Согласно данной теории, ольфакторные образы, протекающие без наличия обонятельных стимулов, приравниваются к перцептивному ольфакторному опыту.

Ключевые слова: ольфакторный опыт, ольфакторные образы, феноменальное сознание, память, запах, перцепция.

OLFACTORY IMAGINATION AND PHENOMENAL EXPERIENCE

Velis L.A.

*2nd year Master's student
Pyatigorsk State University
E-mail: lolla-99@mail.ru*

Abstract. In this report, olfactory experience is considered in the context of olfactory imagination, i.e. the ability to recreate images without the presence of olfactory stimuli. The presence of olfactory images is presented in linguistic, cognitive and philosophical studies. Linguistic-cognitive studies, on the one hand, indicate a connection between language and the brain regions responsible for the perception of smells, as well as areas associated with the emotional aspect. On the other hand, they refer to the problem of naming odors, as well as to the question of “rigid designators”. Within the framework of the philosophical approach, the complexity of using enactivist and belief-based theories in relation to the olfactory imagination is explained, which is why preference is given to the theory of mental images of B. Nanaya. According to this theory, olfactory images that occur without the presence of olfactory stimuli are equated to perceptual olfactory experience.

Keywords: olfactory experience, olfactory images, phenomenal consciousness, memory, smell, perception.

Интерес к перцептивному опыту в фокусе когнитивных исследований не обошёл стороной и процесс восприятия запахов. Ольфакторный перцептивный опыт стал объектом многих наук. Активно исследуются физиологические процессы восприятия запахов [1], а также области мозга, отвечающие за восприятие и обработку данного опыта [1,2]. Социальные науки исследуют запах как инструмент, влияющий на психо-эмоциональное состояние индивида и на общее настроение социальных масс [3]. В лингвистике ольфакторные описания исследуются с целью подтверждения разницы в гедонистических оценках разных культур [4, 5], выявлении способов описания запахов [6], а также описания ольфакторной картины отдельных авторов [7].

Для философии сознания интерес представляют ольфакторные образы (olfactory imagery), под которым понимается наличие ольфакторных представлений в отсутствие обонятельных стимулов [8]. Поскольку наличие подобного опыта не может быть доказано с помощью самоотчетов говорящих, Б. Янг предлагает в качестве доказательства обращаться к сенсомоторным движениям, т.е. «вторичным показателям», таким как «принюхивание» (sniffing), показатели ЧСС и др., которые указывают на схожесть процессов, протекающих в организме при непосредственном восприятии запаха и его воображении [9]. Несмотря на то, что сенсомоторная составляющая не является решающей в способности воображать ольфакторный опыт, существует мнение, что если запретить человеку принюхиваться, то качество и живость воображения будут ослаблены [10].

Исследование ольфакторного воображения можно рассматривать в нескольких направлениях: 1) лингвистическом (роль языка в процессе воссоздания ольфакторного образа) 2) когнитивном 3) философском (психофизическая проблема сознания и проблема содержания феноменальных суждений).

В связи с наличием достаточного количества работ, посвященных анализу зрительных образов, интерес представляют сравнительные исследования. Лингвистический подход, направленный на выявление связи между языком и свойствами памяти зрительных и ольфакторных образов, указал на слабую связь языка и запахов в сравнении с памятью зрительных образов [11]. То же подтверждают исследования, сравнивающие процессы воссоздания ольфакторного образа в группах парфюмерных экспертов и группах начинающих специалистов по ароматам. Было выявлено, что эксперты меньше прибегают к помощи вербализации запахов при запоминании. Более того, нейрофизиологические параметры указали на то, что экспертам требуется меньше времени и энергии на реакцию, что позволило говорить о возможности развития чувствительности путем тренировки ольфакторных представлений [12].

Также при исследовании мозга было выявлено, что в создании запаховых образов участвуют зоны мозга, отвечающие непосредственно за перцептивный опыт восприятия, а не языковой семантики. Это позволяет утверждать, что при запоминании и воссоздании запахов люди полагаются не на лексику, а на перцептивные ощущения, т.е. опыт [12].

Слабая связь «запах-язык» никак не опровергает силу обратного направления «язык-запах». Были также проведены исследования, указывающие на то, что при чтении слов с ольфакторной семантикой задействованы зоны мозга (больше частью грушевидная кора и миндалевидное тело), отвечающие за восприятие, различение запаха, а также гедонистический (удовольствие, наслаждение) и эмоциональный аспекты. Отсутствие активности во вторичных обонятельных областях (орбитофронтальная кора головного мозга), согласно мнению исследователей, указывает на то, что семантические представления хранятся большей частью не в областях мозга, ответственных за значение, но систематически распределены по областям (отвечающим за запахи, цвета, моторику и т.д.) [13]. Не позволяет недооценивать роль языка и тот факт, что сложные лексические единицы и отсутствие строгой номенклатуры затрудняют процесс воссоздания образов для среднестатистического человека [14]. Эта проблема отсылает нас к проблеме именования ольфакторного опыта и двум вопросам из области философского противостояния реализма и антиреализма:

1. На что указывает содержание ольфакторного опыта: на свойства объекта-носителя аромата или на свойства феноменального опыта? [15]

2. Существуют ли наборы строгих номинативных коррелятов? Например, коннотативный термин «аромат розы» можно было бы заменить на жесткий десигнатор «гераниол C₁₀H₁₈O».

Согласно С. Крипке, под «жестким десигнатором» понимается «термин, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах» [16]. Понятию «жесткий десигнатор» противопоставляется «нежесткий десигнатор». Последний представляет собой определение или референцию к конкретному объекту. Таким образом, «запах розы», указывающий на источник аромата, является нежестким десигнатором, т.к. в любом другом мире роза может пахнуть иначе, чем в реальном мире. Гераниол, напротив, является жестким десигнатором, т.к. он указывает на конкретную химическую формулу, которая уже не может быть изменена ни в одном другом мире. Вопрос жестких десигнаторов в применении к ольфакторному опыту осложняется тем, что именование запахов трудно для среднестатистического человека, опыт которого редко позволяет характеризовать запах с точностью до отдельных молекул. Чаще характеристика происходит ассоциативным путем с опорой на предшествующий опыт. Следовательно, даже если перед участником синтетический аромат розы, едва ли он будет это подчеркивать и говорить о его химической формуле, если только он не профессиональный работник с ароматами.

В философии ольфакторное воображение рассматривается также с нескольких позиций. Так, рассматривая идею ольфакторных образов в контексте теории, основанной на убеждениях (belief-based), Б. Янг, указывает на несостоятельность последней, поскольку:

1) когнитивные исследования подтверждают корреляцию воображения с областями мозга, отвечающими за перцепцию и обработку восприятия, а не когнитивные функции, как это утверждается данной теорией;

2) в belief-based теории предполагается наличие концептуально-семантических структур, значение которых в применении к обонянию неочевидно, поскольку обонятельный опыт слабо концептуализирован. [8]

В данном случае интересна теория Б. Наная (профессор центра философской психологии в университете Антверпена). Согласно данной теории, ольфакторное воображение представляет собой перцептивный образ в отсутствии ольфакторных стимулов [17]. Это подтверждается вышеприведенными исследованиями, где одни и те же зоны мозга проявляют активность и при перцептивном акте, и при акте ольфакторного представления.

Рассматривая этот же вопрос с позиции энактивизма, Янг отмечает, что характеристика восприятия как непрерывной деятельности сенсомоторных стимулов объясняет сходство содержания ментальных образов и перцептивных состояний [8]. Однако энактивизм также основан на идее тесного взаимовлияния когнитивных процессов человека и окружающей среды, что, однако, представляется спорным в вопросах ольфакторного воображения. В этом случае при отсутствии внешнего воздействия на реципиента невозможен и факт воображения. На это же указывает в своих трудах Б. Нанай, ссылаясь на то, что наши фоновые знания из предшествующего опыта позволяют достраивать образ, даже если перед нами только его часть, или же вообще образ отсутствует, что в терминах энактивизма описать невозможно [17].

Исходя из вышесказанного, ольфакторное воображение связано с предшествующим феноменальным опытом. Это также подтверждено исследованиями, из которых видно, что участники, способные испытывать высокие или средние по качеству ольфакторные образы, имели частый осознанный перцептивный опыт, либо проявляли интерес к ароматам [14]. То же связано с участниками, переживающими ольфакторный опыт во время сна. Это наталкивает на мысль, что опыт и воспоминания о нем имеют большее значение, чем высокая чувствительность запахам, более того это указывает на способность тренировки ольфакторного воображения.

Важность феноменального опыта также видна из исследования, проведенного с участниками, утратившими способность к восприятию запаха. Нейрофизиологические исследования указывают на то, что их ольфакторные образы отличаются от тех, что испытывают люди, способные обонять. Во-первых, у людей с утраченной чувствительностью образы связаны с зоной мозга, отвечающей за их порождение, а не гедонистической оценкой, как у прочих. Во-вторых, чем больше временной период утраты обоняния, тем сильнее задействована зона воссоздания образов, что прямо противоположно результатам экспериментов, проведенных над парфюмерами. Последние по мере возрастания профессионального опытом показывают все меньше активности в аналогичных зонах мозга. В данном случае авторы подчеркивают, что реальный опыт играет решающую роль, а образность и интенсивность обонятельных воспоминаний со временем могут притупляться [12].

Таким образом, ольфакторное воображение без сенсорных стимулов возможно, и существование этой возможности доказано через анализ сенсомоторных движений и особенностей мозговых процессов. При этом схожесть сенсомоторных движений, а также активных областей мозга во время ольфакторного воображения и в ходе акта восприятия запаха позволяют предполагать, что воссоздание ольфакторного образа также является процессом восприятия. Согласно когнитивным исследованиям мозга при воображении не задействованы отделы, отвечающие за языковую семантику. Тем не менее значения языковых выражений способны вызывать ольфакторные ощущения. Также выявлено, что при воссоздании ольфакторных образов главную роль играют интерес и регулярный осознанный ольфакторный опыт, отсутствие которого отражается в процессах воссоздания образа у людей с потерей обоняния.

Список литературы

1. Шиффман Х. Ощущение и восприятие / Х. Шиффман. СПб: Питер, 2003. 928 с.
2. Functional Activities Detected in the Olfactory Bulb and Associated Olfactory Regions in the Human Brain Using T2-Prepared BOLD Functional MRI at 7T / X. Miao, A.G. Paez, S. Rajan [и др.] // *Frontiers in Neuroscience*. 2021. Т.15. С.487.
3. Зиммель Г. Из «Эккурса о социологии чувств». Пер. К. Левинсона / Г. Зиммель // *Ароматы и запахи в культуре*. Кн. 2 / сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 19–36.
4. Majid A. Human Olfaction at the Intersection of Language, Culture, and Biology / A. Majid // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Т.25, №2. С.111–123.
5. Mengyu Guo, Zhe Chen, Hui Li, Pei-Luen Patrick Rau*. Comparing Chinese and German's Emotional Reaction to Perfume / Mengyu Guo, Zhe Chen, Hui Li, Pei-Luen Patrick Rau. 2014. Т.8528, №2. С.59–67.
6. Юрченко Т.Г. Ольфакторное пространство русской литературы: проблемы изучения. Часть 1. Поэзия. (Обзор) / Т.Г. Юрченко // *RZ-Literaturovedenie*. 2021. №3. С.56–68.
7. Олицкая Д.А. Ольфакторный код в оригинале и переводах рассказов А. П. Чехова на английский язык / Д.А. Олицкая В.В. Черткова // *Филологические науки*. 2020. №5. С.289–294.
8. Young B.D. Olfactory imagery: is exactly what it smells like / B.D. Young // *Philosophical Studies*. 2020. – Т.177, №11. С.3303–3327.
9. Young B.D. Smelling phenomenal / B.D. Young // *Frontiers in Psychology*. 2014. Т.5. С.1053.
10. Sniff Your Way to Clarity: The Case of Olfactory Imagery / A. Arshamian, J.K. Olofsson, F.U. Jönsson, M. Larsson // *Chemosensory Perception*. 2008. Т.1, №4. С.242–246.
11. Herz R.S. Verbal coding in olfactory versus nonolfactory cognition / R.S. Herz // *Memory & Cognition*. 2000. Т.28, №6. С.957–964.
12. Arshamian A. Same same but different: the case of olfactory imagery / A. Arshamian, M. Larsson // *Frontiers in Psychology*. 2014. Т.5.
13. Reading cinnamon activates olfactory brain regions / J. González, A. Barros-Loscertales, F. Pulvermüller [и др.] // *NeuroImage*. 2006. Т.32, №2. С.906–912.
14. Arshamian A. Olfactory awareness is positively associated to odour memory / A. Arshamian, J. Willander, M. Larsson // *Journal of Cognitive Psychology*. 2011. Т.23, №2. С.220–226.

15. Young B.D. Smelling matter / B.D. Young // Philosophical Psychology. 2016. Т.29, №4. С.520–534.
16. Крипке С. Тождество и необходимость / С. Крипке // Новое в зарубежной лингвистике / ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Радуга, 1982. С.340–376.
17. Nanay B. Perception and imagination: amodal perception as mental imagery / B. Nanay // Philosophical Studies. 2010. Т.150, №2. С. 239–254.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ: К РАССМОТРЕНИЮ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОНЯТИЯ «КОММУНИКАТИВНОЕ СООБЩЕСТВО» К.-О. АПЕЛЯ

Ермошина М.А.

Кандидат филологических наук

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

E-mail: maya.petrovich@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается возможность актуализации понятия «коммуникативное сообщество» (К.-О. Апель) для описания процедур нормирования педагогического общения в ситуации «неустойчивого мира». Коммуникативный плюрализм, являющийся результатом процессов глобализации и информатизации, приводит к этическому плюрализму, к моральному хаосу, упорядочить который необходимо, опираясь на базовые ценностные константы. Понятие «коммуникативное сообщество», истолкованное с позиций процесса обучения, подчёркивает важную роль дискурсивности, ситуативности коммуникации, асимметрии статусов её участников, aberrаций в педагогическом общении, что позволяет сделать вывод о значимости коммуникативной этики, или «этики реагирования», учитывающей указанные характеристики коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативное образование, коммуникативная компетенция, этика, философия К.-О. Апеля.

THE TRANSFORMATION OF COMMUNICATION: TO CONSIDER THE DIDACTIC POTENTIAL OF THE CONCEPT “COMMUNICATIONAL COMMUNITY” OF K.-O. APEL

Ermoshina M.A.

CSc in Philology

Perm State Humanitarian Pedagogical University

E-mail: maya.petrovich@mail.ru

Annotation: The article substantiates the possibility of actualization of the concept of «communicative community» (K.-O. Apel) for description of the procedures for creation of norms procedures of pedagogical communication in a situation of “an unstable world”. Communicative pluralism, which is the result of the processes of globalization and informatization, leads to ethical pluralism, to moral chaos, which needs to be streamlined with basis on value constants. The concept of «communicative community», interpreted from the standpoint of the learning process, emphasizes the important role of discursiveness, situational communication, asymmetry of the status of its participants, aberrations in pedagogical communication, which allows us to conclude the importance of communicative ethics, or «responsive ethics», taking into account these characteristics of communication.

Key words: communication, communicative education, communicative competence, ethics, philosophy of K.-O. Apel.

Традиционно основные положения концепции выдающегося философа XX века, К.-О. Апеля (1922-2017), рассматриваются в контексте философии языка. В настоящей статье предпринята попытка интерпретировать понятие «коммуникативное сообщество» с дидактических позиций и актуализировать его в свете изменяющейся образовательной парадигмы.

О. И. Матяш полагает, что гуманитарные знания XXI века сменили вектор: провозглашенный в начале XX века лингвоцентрический поворот сменился текстоцентрическим (конец XX века), а сейчас можно говорить о новой парадигме – коммуникативной [1]. О гносеологической значимости коммуникативной составляющей в современном интеллектуальном пространстве говорит и Г.Б. Гутнер, указывая, что «одним из важнейших результатов философии XX века является открытие коммуникативного характера познания» [2, с. 82]. Указанная смена парадигм обусловлена социально-экономическими и информационными преобразованиями. Современное образовательное пространство также интенсивно меняется. По мнению Г. П. Петровой, «XX век показал необходимость переосмыслить архитектуру педагогического пространства» [3, с. 242]: образование становится коммуникативным, «теряя предметно-знаниевый характер и обращаясь в сторону образования таких личностных черт, как способности человека, его грамотность, быстрота реакций, умение адаптироваться к ситуации, общаться, выстраивать отношения с партнёром и т.п. Коммуникативное образование заменяет ориентацию личностного развития как возведения к единому и всеобщему образцу, принятому в качестве нормы и идеала, на личностную толерантность, адаптивность, открытость другому и разному» [3, с. 272]. Современная ситуация в коммуникации, по-видимому, отражает «стилистику интеллектуального мышления» [4, с. 40], направленного на плюральность форм, средств, субъектов общения. В связи с этим особую актуальность получает тезис О. Б. Даутовой о необходимости «развития коммуникативной нелинейной дидактики» [5, с. 5].

С нашей точки зрения, установка на ситуативную заданность, на социальную обусловленность коммуникации, то есть на учёт её прагматического компонента, содержится в концепции К.-О. Апеля о коммуникативном сообществе. Он, следуя традициям аналитической философии, выделяет две разновидности коммуникативного сообщества – реальное и идеальное (неограниченное). Реальное коммуникативное сообщество характеризуется социальной и исторической обусловленностью [6, с. 331], оно вписано в «реальный общественный контекст», при этом в таком сообществе «отражено всё несовершенство коммуникации, происходящей здесь и сейчас» [7, с. 369]. Кроме того, реальное коммуникативное сообщество «отмечено неполнотой информации у его участников, асимметрией их статусов, неравенством компетенций, абберациями в коммуникации, исходящими со стороны социальных институтов, и т.д.» [там же, с. 57]. В своём описании реального коммуникативного сообщества К.-О. Апель ссылается на О. Швеммера, который, описывая любое сообщество, в качестве синонимичных использует понятия «коммуникативный» и «интерпретирующий». Тем самым О. Швеммер подчёркивает, что коммуникация важна не столько для передачи информации, сколько для её усвоения: «формирование коммуникативной (или интерпретативной) общности необходимо как для построения знания, так и для установления понимания [8, с. 125]. В свою очередь, идеальное коммуникативное сообщество «утверждает себя в качестве регулятивной идеи... тем, что позволяет критически узнавать все недостатки и сложности, которые встречаются в реальной человеческой коммуникации» [там же].

Переноса данные положения на образовательный процесс, можно предположить, что современная дидактическая система (в частности, высшего образования) ориентирована на, в апелевском понимании, идеальное коммуникативное сообщество, поскольку коммуникативные знания преподносятся как нормативные и связаны исключительно с нормативным употреблением языка. Поясним сказанное примером, демонстрирующим дефицит направленности на «реальное коммуникативное сообщество» в современном педагогическом вузе. Так, модифицированные и скорректированные в соответствии с обновленным учебным планом в рамках проекта «Ядро высшего педагогического образования» контрольно-измерительные материалы к общеуниверситетской дисциплине «Русский язык и культура речи» демонстрируют картину, в которой коммуникативной компоненте, обучению речевой деятельности именно через призму приближенных к реальности коммуникативных ситуаций отводится, на наш взгляд, недостаточное внимание. Отметим, что на последующих курсах в корпусе общеуниверситетских образовательных программ отсутствуют дисциплины, целенаправленно ориентированные на формирование и совершенствование коммуникативной компетенции.

Ещё одним актуальным для дидактики практическим приложением учения К.-О. Апеля о коммуникативном сообществе является утверждение философом значимости этической стороны коммуникации. Разработка К.-О. Апелем философской трансцендентальной прагматики была направлена на установление «прагматических правил употребления языка (правдивость, нормативная правильность, понятность)», которые могли бы рассматриваться «как правила этики». Следовательно, мораль в философии К.-О. Апеля «обретает свой реальный базис в языке, в коммуникации», «именно коммуникация... приобретает критериологическое значение для решения моральных проблем»

[7, с. 37; 51]. Немецкий философ не говорит открыто о необходимости создания коммуникативной этики. Вслед за Г. Йонасом К.-О. Апелю оперирует понятием «этика ответственности» (*Verantwortungsethik*) [9], считая, что основной характеристикой такой этики является её ситуативность, дискурсивность [6, с. 328]. Эту этику можно назвать и этикой реагирования (а не оценивания или диагностирования), поскольку она нацелена на «механизм коррекции искажений коммуникации» [7, с. 57]. Этика К.-О. Апеля и Г. Йонаса является ответом на «этический вакуум» современного философов техногенного мира, когда «оказались напрочь смыты те основания, из которых возможно было бы выводить... нормы, и даже разрушена сама идея нормы как таковой», когда «нравственный прогресс не поспевает за интеллектуальным» [10, с. 75; 273]. Отметим, что эти идеи немецких философов, высказанные почти полвека назад, оказываются созвучными мыслям современных ведущих теоретиков в области коммуникативистики. Так, С.А. Биби и Т.П. Мотет утверждают, что «определение точки пересечения коммуникации с этическими критериями человеческого поведения поможет яснее понять принципы коммуникации и основополагающие этические ценности» [11, с. 11].

Обратимся к возможной экстраполяции идей К.-О. Апеля о необходимости разработки коммуникативной этики в образовательное пространство. Современные учебные планы педагогических высших учебных заведений не содержат дисциплин, связанных с этической стороной профессиональной деятельности. В то же время педагогическая деятельность априорно этична и приобщение к этическим нормам невозможно без обращения к коммуникации. Здесь мы согласны и с позицией О. И. Матяш и С.А. Биби, полагающими, что именно «анализ реальных, ситуационных языковых *взаимодействий* составляет одну из основ современного коммуникативного знания и коммуникативного подхода, чем и отличает его от других подходов в структуре современного социального знания» [12]. В числе значимых для проработки этических проблем в педагогическом пространстве могут быть обозначены следующие: предотвращение речевой агрессии между обучающимися, между учителем и обучающимися; разрешение конфликтных ситуаций на уроке и вне урока; алгоритмы преодоления коммуникативных барьеров; механизмы коммуникации поддержки (*comforting communication*); приемы предотвращения мискоммуникации (*miscommunication*); проблема цифровой репутации и цифровых следов и интернет-пространстве; этические проблемы использования технологий нейросети для продуцирования готовых текстов; стратегии эффективного взаимодействия в цифровом пространстве; алгоритм выведения правил организации и ведения совместных с обучающимися чатах; проблемы овладения вербальными механизмами предотвращения кибербуллинга и т.д.

Исследователь философского наследия К.-О. Апеля А.В. Назарчук справедливо отмечает, что «ценность созданной Апелем коммуникативной этики в том, что она не даёт готовых рецептов действия, не снимает ответственности за поиск решения с каждого. Она даёт понимание смысла той коммуникации, посредством которой мы решаем свои нравственные проблемы и конфликты. Наша коммуникация не просто направлена на «урегулирование» ситуаций. Нет, каждый коммуникативный акт способствует формированию более зрелого, учитывающего взаимные интересы и ценности, коммуникативного сообщества» [7, с. 62]. Предпринятая в данной статье актуализация философского понятия «коммуникативное сообщество» подчёркивает значимость выведенных К.-О. Апелем характеристик коммуникации – её дискурсивном, ситуативном характере, а значит, об умении будущих и действующих учителей «мыслить альтернативами» [13, с. 107]. Сказанное позволяет сделать вывод о жизнеспособности в педагогике коммуникативной этики, или «этики реагирования», учитывающей указанные характеристики коммуникации.

Список литературы

1. Матяш О. И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование? // Сибирь. Философия. Образование. Вып.6. 2002. С. 37-47.
2. Гутнер Г. Б. Коммуникативное сообщество и субъект коммуникативного действия // Философия науки и техники. 2005. №1. Т. 11. С. 82-108.
3. Петрова Г. И. Социальные коммуникации и коммуникативная онтология образования // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «PR-Универсум 2004». Томск, 2004. С. 47-51.
4. Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 27-43.

5. Даутова О. Б. Образовательная коммуникация. Традиционные и инновационные технологии: учебно-методическое пособие. СПб.: Каро, 2018. 172 с.
6. Апель К.-О. Трансформация философии. М.: «Логос», 2001. 344 с.
7. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
8. Schwemmer O. Philosophie der Praxis. Frankfurt, 1971.
9. Apel K.-O. Discurs und Verantwortung. Frankfurt, 1988.
10. Ионас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
11. Биби С. А., Мотет Т. П. Коммуникация и ценности // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2007. №1. С. 11-32.
12. Матвеев О. И., Биби С. А. Коммуникативное образование в России: история и современность // Сибирь. Философия. Образование. 2003. Вып. 7. С. 60-76.
13. Альберт Х. Трактат о критическом разуме. Глава II. Идея критики / Х. Альберт // Философия без границ (Сборник статей): В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. В.В. Миронова. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 87-110.

СИБИРСКАЯ ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ И АКАДЕМИЧЕСКИЕ ТРАЕКТОРИИ

Ерохина Е.А.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН

Профессор

Новосибирский государственный университет экономики и управления

E-mail: leroh@mail.ru

Аннотация. В статье представлены идеологические и ситуативные, концептуальные и организационные аспекты воспроизводства новосибирской научной этносоциологической школы, даны биографические сведения о ее членах, охарактеризованы методологические подходы и исследовательские практики ученых. История новосибирской научной этносоциологической школы представляет интерес с точки зрения опыта преодоления периферийного положения «молодых» научных структур, а также научной экспертизы принятия управленческих решений в поздний советский и постсоветский период. Сибирская этносоциология возникает в Новосибирском научном центре одновременно с ее появлением в ведущих научных центрах, таких, как Институт этнографии АН СССР. Она появляется в Новосибирском Академгородке в конце 1950-х – начале 1960-х гг., сначала на базе Института экономики и управления промышленного производства, затем Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Советская власть испытывала устойчивый интерес к изучению этносоциальных и этнокультурных процессов, обусловленный необходимостью получить подтверждение легитимности своей национальной политики со стороны общества. По мере того, как профессия академического ученого становится массовой, в региональных научных центрах появляются молодые ученые, представители социальных и гуманитарных наук, желающие сделать академическую карьеру и принести пользу науке и обществу. Это обусловило воспроизводство нескольких поколений сибирских этносоциологов, несмотря на определенные трудности, вызванные социокультурными трансформациями и недофинансированием науки. Несмотря на то, что власть далеко не всегда эффективно использовала результаты научных этносоциологических экспертиз, общественный запрос продолжает оставаться значимым источником продолжения научной традиции.

Ключевые слова: региональная наука, этносоциология, экспертиза, этнические группы, исследовательские практики, биографии ученых.

SIBERIAN ETHNOSOCIOLOGY: RESEARCH PRACTICES AND ACADEMIC TRAJECTORIES

Erokhina E.A.

DSc in Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Professor

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: leroh@mail.ru

Abstract. The article presents ideological and situational, conceptual and organizational aspects of the reproduction of the Novosibirsk scientific ethnosociological school, provides biographical information about its members, and characterizes the methodological approaches and research practices of scientists. The history of the Novosibirsk scientific ethnosociological school is of interest from the point of view of the experience of overcoming the peripheral position of “young” scientific structures, as well as scientific examination of management decision-making in the late Soviet and post-Soviet period. Siberian ethnosociology emerges in the Novosibirsk Scientific Center simultaneously with its appearance in leading scientific centers, such as the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. It appeared in the Novosibirsk Academic Town in the late 1950s - early 1960s, first on the basis of the Institute of Economics and Management of Industrial Production, then the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. The Soviet government experienced a steady interest in the study of ethnosocial and ethnocultural processes, due to the need to obtain confirmation of the legitimacy of its national policy from society. As the profession of an academic scientist becomes widespread, young scientists, representatives of the social sciences and humanities, who want to make an academic career and benefit science and society, appear in regional scientific centers. This led to the reproduction of several generations of Siberian ethnosociologists, despite certain difficulties caused by sociocultural transformations and underfunding of science. Despite the fact that the authorities have not always effectively used the results of scientific ethnosociological examinations, public demand continues to be a significant source of continuation of the scientific tradition.

Keywords: regional science, ethnosociology, expertise, ethnic groups, research practices, biographies of scientists.

Изучение истории региональных социогуманитарных школ представляется актуальной задачей по ряду причин. Во-первых, их появление на рубеже 1950-60-х гг. оказало огромное влияние на современный процесс воспроизводства научного знания: профессия академического ученого стала массовой, наука как род занятий вышла за пределы столиц, научная карьера стала доступной для огромной массы талантливой молодежи. Во-вторых, советский опыт формирования научной инфраструктуры прямо повлиял на постсоветскую науку. Наконец, идея общественного служения для ученых, представителей социогуманитарного знания, непосредственно связана в советском модерне с их экспертной ролью и влиянием на процессы социального управления.

В этой связи история становления социологических школ в Новосибирском научном центре (ННЦ) представляет определенный интерес и как своеобразный опыт преодоления периферийного положения «молодых» научных структур, и как опыт научной экспертизы принятия управленческих решений.

Становление одной из первых социологических школ в ННЦ, экономико-социологической, началось в учрежденном Сибирским отделением АН СССР в 1957 году Институте экономики и статистики (впоследствии переименованном в Институт экономики и организации промышленного производства). У ее истоков стояли А.Г. Аганбегян, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. По мере развития социологии в этом учреждении, стали появляться новые направления – социология образования (В.Н. Шубкин, Д.Л. Константиновский, Л.Г. Борисова) и этническая социология (В.И. Бойко, А.Ф. Фелингер). В середине 1960-х гг., с появлением в Сибирском отделении Института истории, филологии и философии (первый директор – А.П. Окладников), часть новосибирских социологов перешла на работу в сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири, который был создан в его структуре. Впоследствии в структуре института был создан отдел социологии.

Советская власть испытывала устойчивый интерес к изучению этносоциальных и этнокультурных процессов, обусловленный необходимостью получить подтверждение легитимности своей национальной политики со стороны общества. В 1967 г. широко отмечалось 50-летие октябрьской революции. В связи с этим было провозглашено построение зрелого социалистического общества и новой исторической общности, советского народа. Советская идентичность компенсировала гипертрофированную этничность, сформированную ранним советским государственным строительством. Идея расцвета и сближения наций была провозглашена основным принципом ленинской национальной политики в позднем СССР. Поскольку основной объект исследований сибирских этносоциологов – народы Сибири, необходимо упомянуть об особой управленческой парадигме, которая реализовывалась в планировании и реализации ее мероприятий – интернационализме и патернализме по отношению к недоминантным этническим группам. В отношении аборигенных народов Сибири доминировало представление о необходимости создания таких условий для их существования, которые бы позволили им войти в круг «развитых» народов. Нужно отметить, что последняя установка была свойственна в целом международным рекомендациям, принятым к исполнению всеми странами, на территориях которых живут коренные народы. Кроме того, принципиальной оставалась установка на выравнивание социально-структурных параметров всех народов СССР. Ее реализация требовала изучения их современного состояния, в том числе относительно возможностей социальной мобильности их представителей.

Первые социологические исследования в Сибири начинаются в конце 1960-х – начале 1970-х гг., одновременно с исследованиями московских и казанских этносоциологов в Татарской АССР (под рук. Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой). Сотрудники Института истории, филологии и философии АН СССР ведут свою работу в составе комплексных экспедиционных отрядов, в работе которых задействованы археологи, этнографы, фольклористы и социологи. Такая комплексность становится определяющей чертой последующей работы сибирской этносоциологии. Обобщение обширного эмпирического материала потребовало со временем привлечения философско-методологического инструментария.

После первых экспедиций к народам Нижнего Амура (нанайцам, удэгейцам, ульчам) последовало изучение более крупных этнических общностей, испытывающих на себе воздействие модернизационных преобразований советского периода: хакасов, тувинцев, алтайцев, якут. Расширение масштабов исследований, привлечение разнообразных методов социологического изучения, не слишком строгий идеологический диктат способствовали росту и влиянию сибирской этносоциологии. Появляются международные проекты, власть активно интересуется результатами исследований, формируются экспертные площадки как диалоговые платформы для обмена оценками науки, управления и представителей самих этих народов.

В этой связи важно обратить внимание на деятельность Региональной межведомственной комиссии по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера (1981-1991), уникальном органе, сложившемся в результате кооперации органов власти (в лице Совета министров РСФСР) и структур академической науки в лице Сибирских отделений АН СССР (СО АН СССР, СО ВАСХНИЛ, СО АМН СССР). Комиссия работала на базе Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

Комиссия стала базовой структурой по координации работ в рамках программы «Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса». На Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР была возложена научно-организационная работа по выполнению ее функций. Датой организации Комиссии следует считать 26 февраля 1982 г., когда было принято совместное решение трех Сибирских отделений трех Академий наук СССР: Сибирского отделения АН СССР, Сибирского отделения Академии медицинских наук (АМН) СССР, Сибирского отделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) им. В.И. Ленина □ Совместное решение, 1988 □. В работе Комиссии были задействованы их научно-исследовательские организации.

Можно выделить три поколения сибирских этносоциологов, которые заложили фундамент научной школы. Старшее поколение исследователей - организаторы науки в данном исследовательском направлении - Владимир Иванович Бойко, один из отцов основателей ННЭС и Арно Филиппович Фелингер, руководитель сектора математических методов, организатор работ, связанных с первичной обработкой статистических и социологических данных. К моменту появления первых научных институтов гуманитарного профиля в Сибирском отделении они уже имели некоторый академический капитал и выгодные карьерные позиции.

Среднее поколение представлено исследователями, которые в 1960-х гг. только начинали свою академическую карьеру: И.В. Удалова, М.М. Траскунова, Р.П. Зверева, Л.Г. Борисова, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, В.С. Золототрубов, С.Н. Еремин. Каждый из исследователей выбрал разные исследовательские траектории и карьера у всех сложилась в дальнейшем по-разному. Однако, без сомнения, это то поколение, которое сформировало созидательный фундамент сибирской этносоциологии.

Младшее поколение представлено сотрудниками, академическая карьера которых стартовала в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (Ю.М. Плюснин, В.В. Мархинин, А.А. Гордиенко, Ю.В. Попков, Н.В. Исакова, Т.О. Бажутина). Его академическая карьера сложилась наиболее успешно: все стали докторами наук, состоялись как исследователи, либо продолжив ту проблематику, которая доминировала в институте, либо создав собственные научные школы.

Поскольку доминирующей методологической установкой до начала 1990-х гг. оставался исторический материализм, постольку и исследовательские практики концентрировались в русле большого марксистского метанарратива с ориентацией на изучение больших структур: этносоциальных групп, их взаимодействий с государством и друг с другом, изменений в структуре занятости и уровне доходов, показателях их образовательного и культурного уровня в сравнительном аспекте. В 1980-х гг. эти аспекты дополнились изучением структур идентичности и межэтнических установок. Интерес к социально-структурным характеристикам советских наций предопределил основной метод исследования, массовый опрос с последующей статистической обработкой количественных данных, на основе которых производился качественный анализ.

Госзаказ обеспечивался, как и сегодня, через систему финансирования ставок научных сотрудников. Помимо этого, Институту были предоставлены почти безграничные возможности в плане осуществления экспедиционных исследований. Правда, стоит отметить, что эффективность внедрения результатов исследования этносоциологов была далеко не на высоте, особенно со стороны республиканских властей. Но такой высокий статус, тем не менее, обеспечивал авторитет ее представителей в регионах и в административных структурах на местах. Самым успешным результатом этносоциологической экспертизы стал т.н. «Томпонский эксперимент». Его результатом стало существенное улучшение условий труда и жизни сотрудником оленеводческого совхоза в Якутской АССР.

Международное сотрудничество с Министерством по делам индейцев и развития Севера Канады, а также Университетом Лавалья в Квебеке позволило создать сеть научных контактов в России и за рубежом, что оказалось очень кстати, когда советская наука в начале 1990-х гг. оказалась в кризисе. Трансформации подверглись не только академические практики и карьерные траектории. Деконструкция советского проекта означала отказ от патернализма в отношении аборигенных народов, асимметрию между федеральными и региональными структурами в пользу последних с неизбежным всплеском национализма даже в академических исследованиях, отказ от монопарадигмальной в пользу полипарадигмальной методологии, «сжатие» сообщества и переориентацию части исследований на другие темы. Критическая переоценка советского опыта национальной политики совпала во времени с конфликтом между технократической и экологической альтернативами развития народов Севера.

Первые постсоветские годы сотрудники отдела социологии, перешедшие в результате выделения из Института истории, филологии и философии СО АН СССР, стали работать в структуре Института философии и права СО РАН. Те возможности, которые были созданы в результате академической мобилизации и тесного сотрудничества Сибирского отделения с властью, позволили продолжить поступательное движение вплоть до 1996 г. Решающим фактором в снижении исследовательских возможностей стал уход из жизни В. А. Коптюга, авторитетного исследователя и организатора сибирской науки. Поиск ресурсов на социологические экспедиции оказывается задачей самих исследователей.

Важными факторами поддержки, которые позволили продолжить исследования, стало, во-первых, грантовое финансирование со стороны РГНФ, во-вторых, сетевые взаимодействия с коллегами из университетов и других научных центров. В этой связи стоит упомянуть работу международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», деятельность которого разворачивается с 1995 г. В Институте философии и права этот семинар остается одним из долгодействующих. Его работа разворачивалась на разных площадках: в Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Туве, Хакасии, на Алтае, в Казахстане. Семинар мобилизовывал в регионах не только исследователей, но также органы власти и общественные организации. Все сформулированные им рекомендации для органов власти разного уровня рассылали в соответствующие структуры.

Еще одним значимым итогом стала Международная школа молодых этносоциологов, проводимая в регионах России и Монголии для молодых ученых – социологов, культурологов, историков, этнологов и антропологов.

После реорганизации в отделе социологии Института философии и права СО РАН было создано два сектора, исследующих этническую проблематику: сектор этнокультурных исследований (рук. В.В. Мархинин) и сектор этносоциальных исследований (рук. Б.В. Попков). Проблематика работы отдела расширилась, стал более разнообразным спектр методологических подходов (теория модернизации, миро-системный подход, цивилизационная геополитика), вошли в практику качественные и визуальные методы социологического исследования. Последующие реорганизации не повлияли на тематику и академическую свободу представителей научной школы, работающих в Институте.

Сохранилась и традиция сотрудничества исследователей с органами власти в рамках экспертной деятельности. Наиболее яркий пример этого – «Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года», принятая в июне 2020 года как главный нормативный документ по реализации государственной национальной политики в самом крупном муниципальном образовании страны.

Вместе с тем непрерывное реформирование науки остается определенным вызовом для школы: сокращается приток научной молодежи и квалифицированных кадров, ограничен доступ к финансированию экспедиций и многое другое. Как всякий проект, сибирская этносоциология имеет свой жизненный цикл, который требует притока новых ресурсов всякий раз, как меняется режим воспроизводства научного знания.

ФЕНОМЕН ВНУТРИНАУЧНОЙ СТОП-РЕФЛЕКСИИ В ПСИХОЛОГИИ

Загидуллин Ж.К.

*Кандидат философских наук,
ассоциированный научный сотрудник сектора теории познания
Институт философии РАН
E-mail: autist2000@mail.ru*

Аннотация. В сообщении представлен феномен внутринаучной «стоп-рефлексии» в психологии, который делает затруднительным интенсивное развитие научной психологии и ее кооперации с другими дисциплинами. Описываются варианты возможного влияния одной дисциплины на другую: экспорт методов, объектов, теоретического конструктора, исследовательских программ и дисциплинарной организации знаний. Делается вывод, что вопреки мнению самих психологов о существенном влиянии психологии на другие науки, научная психология сама подвержена значительному внешнему и управлению со стороны других дисциплин.

Ключевые слова: психология, знание, эпистемология, теория социальных эстафет, рефлексия

EPISTEMOLOGICAL SPECIFICATION OF KNOWLEDGE IN SCIENTIFIC PSYCHOLOGY

Zagidullin Z.K.

*CSc in Philosophy, Associate Research Fellow, Theory of Knowledge Sector
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: autist2000@mail.ru*

Abstract. The paper presents the phenomenon of intrascientific "stop-reflexivity" in psychology, which impedes the intensive development of scientific psychology and its cooperation with other disciplines. The options of possible influence of one discipline on another are described: export of methods, objects, theoretical constructs, research programs and disciplinary organization of knowledge. It is concluded that, contrary to the opinion of psychologists themselves about the significant influence of psychology on other sciences,

scientific psychology itself is subject to considerable external control and influence from other disciplines.

Keywords: psychology, knowledge, epistemology, theory of social relay, reflection

Начиная с момента возникновения научная психология вынуждена развиваться на фоне конкурентных попыток философов самостоятельно построить психологию по своим лекалам. Но ни одну из этих попыток нельзя признать состоявшейся по той простой причине, что их реализация не дала результатов, которые хотя бы отчасти были сопоставимы с достижениями «не философской» психологии [1].

И, несмотря на успехи и достижения научной психологии, сами психологи и философы признают, что с этой дисциплиной что-то не то, чего-то в ее развитии не хватает. Попробуем в этом разобраться, для чего будем использовать концептуальный аппарат концепции анализа науки российского философа М.А. Розова и моделью науки, разработанную на ее базе [2, 3].

Мы сосредоточимся только на одном из механизмов развития научной дисциплины – на феномене внутринаучной рефлексии, разнообразие и развитость которой есть ценнейший ресурс научного сообщества. Как об этом писал советский философ и методолог науки Э.Г. Юдин, внутринаучная рефлексия ориентирована на повышение плотности кооперации ученых друг с другом и с представителями смежных наук [4, с. 86].

В отечественной научной психологии имеется один очень яркий пример внутринаучной рефлексии, вызванный к жизни взглядами советских философов. Речь идет о представлении о месте психологии среди других научных дисциплин, впервые сформулированном известным советским философом и историком науки Б.М. Кедровым [5, 6]. Кедров в 1954 году, будучи в Цюрихе на II-м Международном конгрессе по философии, логике и методологии науки, сделал доклад «О классификации наук», где предложил нелинейную схему классификации наук («треугольник наук»). Присутствовавший там мировой светила психологии Ж. Пиаже поддержал эти взгляды и сделал вывод из них «о центральном месте психологии в классификации наук» [7].

В дальнейшем это оценка Пиаже и схема Б.М. Кедрова стали «общим местом» для самосознания ученых-психологов. Даже спустя 50 лет, в 2002 году заведующий кафедрой общей психологии психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Б.С. Братусь (делая доклад по случаю 60-летнего юбилея кафедры) призывал коллег «в полной мере осознать значение продемонстрированной психологией возможности быть в середине, центре кедровской или какой-либо иной схемы наук, претендовать на особую представленность всего этого пространства... Психология становится местом живого соотнесения, "телом наук", посредником и посланником (дерзну утверждать, единственно реально возможным) от одной науки к другой, переносчиком ценностей, переводчиком, способным понять и постичь не просто язык другой науки, но ее внутреннюю жизнь, быт и нравы» [8, 103].

Мы не будем подробно обсуждать намеренные или ненамеренные искажения советских психологов при интерпретации схемы Б.М. Кедрова. Об этом подробнее можно посмотреть в скрупулезном анализе сибирского психолога А.А. Федорова [9]. Отметим лишь, что Б.М. Кедров исходил из философской установки, что классификация наук должно «схватывать» единую логику развития природы и общества. Поэтому схема Кедрова содержала две части – структурные уровни природы и общества (слева), и соответствующая структура научных дисциплин (справа). Психологи же апеллируют только к правой части этой схемы. Кедров ставил вопрос об организации наук в онтологическом ключе, а Братусь – уже в действительности коммуникации ученых, без какого-либо объектно-онтологического отнесения.

Как следует понимать высказанный тезис об особой роли психологии? А что значит вообще для какой-либо дисциплины претендовать на центральное место в системе наук? Общий ответ будет следующим: место дисциплины определяется *качеством и характером ее влияния* на другие науки. Конкретнее же это влияние можно разобрать на следующих примерах «экспорта»:

Экспорт методов. Исходная наука предлагает свои методы в другие дисциплины. Пример такого влияния – физика и физические методы исследования, их можно встретить в очень разных науках: в химии, биологии, геологии, археологии, антропологии.

Психология же не имеет опыта продвижения собственных методов в другие науки. Напротив, она является «объектом влияния» для других наук - социологии (метод опроса), литературоведения (методы анализа сюжета и нарратива), нейрофизиологии (методы ЭКГ, оценка кожно-гальванической реакции, фМРТ и т.п.).

Экспорт объектов. Исходная наука «экспортирует» свои объекты изучения или конкретный способ их представления в другие научные дисциплины, которые, в свою очередь, используют

«чужие» объекты для создания своих теорий. Например, нейрофизиология передала в нейрпсихологию и когнитивные науки свой способ представления объекта изучения (3D-модели работы коры головного мозга, полученные методом фМРТ).

Экспорт теоретического конструктора. Исходная наука предлагает другой дисциплине свой теоретический конструктор. Например, квантовая физика предложила химии свой атомно-молекулярный конструктор, что дало мощный толчок в развитии этой дисциплины, и даже сформировало новую дисциплину – молекулярную химию. Психология же, наоборот, в основном заимствует «чужие» конструкторы. Например, теория поля К. Левина (из квантовой физики и электродинамики), психодинамическая модель психики З. Фрейда (гидродинамика, макроэкономика), теории памяти в когнитивной психологии (блок-схемы кибернетики).

Экспорт исследовательских программ. Речь идет о ситуации, когда одна дисциплина начинает предписывать другим наукам что и как исследовать за счет того, что в исходной дисциплине знания других наук получили новый целостный смысл. Например, после того как знания о различных аспектах жизни организмов и их сред обитания из биохимии, зоологии, ботаники, гидродинамики, географии, климатоведения и других дисциплин были интегрированы в рамках единой науки, она – экология – стала выполнять по отношению к этим дисциплинам управляющую, развивающую роль, в них появились соответствующие исследовательские программы, которые реализуются до сих пор. Психология не была замечена в экспорте исследовательских программ. Наоборот, попытки построить квантовую, нарративную, экологическую, историческую и прочие психологии говорит нам о явном внешнем влиянии на психологию.

Экспорт дисциплинарной организации. Исходная научная дисциплина в целом становится прототипом для построения других наук. Например, биология с ее дисциплинарной организацией (комплекс из фундаментальных и таксономических дисциплин) давно стала примером для подражания социологии и экономики. Психология сама не задавала эталонов для других наук, но отдельные ее виды (проекты) строились по внешним лекалам (экологическая психология).

Пожалуй, мы перебрали все варианты влияния одних дисциплин на другие, и относительно психологии придется констатировать, что она не влияет на другие науки (в вышеназванном смысле), а сама является *объектом интенсивного влияния и отчасти управления* со стороны других дисциплин.

Иными словами, тезис о центральном месте психологии не имеет отношения к реалиям жизни современной психологии, но т.к. он воспроизводится вот уже сколько лет со ссылкой на авторитет, то это означает, что он выполняет какую-то другую важную функцию. Вероятно, это функция – интеллектуальное оправдание психологии перед лицом требовательной философии и более развитых дисциплин. Поэтому ее следует назвать «стоп-рефлексией», т.е. это такое самописание деятельности ученого-психолога с точки зрения «передовых» нормативов и принципов, которое не ведет к сколько-нибудь существенному изменению практики психологического исследования и даже, в некотором смысле, замораживает возможность такого изменения, маскируя психологию под «нормальную науку».

Список литературы

1. Загидуллин Ж. К. Психология в оптиках философского анализа // Вопросы философии. 2013. №4. С.59-69.
2. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф. 2008. 352 с.
3. Кузнецова Н. И., Загидуллин Ж. К. Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // Философия науки. Выпуск 19. М.: ИФ РАН, 2014. С.101-124.
4. Юдин Э.Г. Развитие форм самосознания науки // Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: УРСС, 1997. С. 35-55.
5. Кедров Б.М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М.: Мысль, 1985.
6. Кедров Б.М. О классификации наук // Вопросы философии. 1955. №2. С.49-68.
7. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // Вопросы философии. 1966. №12. С.57-75.
8. Братусь Б.С. Общая психология: метафизический и прагматический смысл // Психологический журнал. 2003. Том 24. №3. С.101-104.
9. Фёдоров А.А. К прояснению взглядов Б.М. Кедрова о месте психологии в системе наук // Вестник НГУ. Серия: психология. 2012. Том 6. Выпуск 2. С.14-21.

УТОПИЯ КАК ПОИСК ЧЕЛОВЕКОМ ВЫХОДА ИЗ СИТУАЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ

Заладина М. В.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры
«Методология, история и философия науки»*

*Нижегородский Государственный Технический Университет им. Р.Е. Алексеева
E-mail: marina.zaladina@yandex.ru*

Аннотация. В ответ на вызовы многообразного агрессивного мира существующее в обществе отчуждение детерминирует продуцирование утопии, которую следует рассматривать не только как наследие классиков утопического социализма. Это тип видения окружающего мира, являющийся результатом потребности познающего субъекта выйти за границы не только действительного, но и возможного. Постулируя образ идеального мироустройства, утопическое мышление является универсальным продуктом любого интеллектуально-духовного творчества, оно не привязано к конкретному историческому периоду. Оно обнаруживается во многих философских, этических и правовых теориях, художественных произведениях, религиозных верованиях, системах воспитания и тому подобном. Оно выполняет в человеческом сознании компенсаторную, охранительную функцию. В противовес миру отчуждения сконструированное утопией будущее служит моральным проектом, способствует пониманию ценностной перспективы развития.

Ключевые слова: утопия, отчуждение, моральный проект, будущее, идеал, мироустройство.

UTOPIA AS A HUMAN SEARCH FOR A WAY OUT OF THE SITUATION OF ALIENATION

Zaladina M. V.

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of Methodology,
History and Philosophy of Science*

*Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev
E-mail: marina.zaladina@yandex.ru*

Abstract. In response to the challenges of a diverse aggressive world, the alienation existing in society determines the production of utopia, which should be considered not only as a legacy of the classics of utopian socialism. This is a type of vision of the surrounding world, which is the result of the need of the cognizing subject to go beyond the boundaries of not only the real, but also the possible. Postulating the image of an ideal world order, utopian thinking is a universal product of any intellectual and spiritual creativity, it is not tied to a specific historical period. It is found in many philosophical, ethical and legal theories, works of art, religious beliefs, educational systems and the like. It performs a compensatory, protective function in human consciousness. In contrast to the world of alienation, the future constructed by utopia serves as a moral project, contributes to understanding the value perspective of development.

Keywords: utopia, alienation, moral project, future, ideal, world order.

Утопии рождаются в процессе поиска выхода из ситуации отчуждения человека от природы, от общества и от собственной сущности. Люди не могут, по большому счёту, эффективно управлять действующими в обществе экономическими или политическими силами. Да и не многие природные явления человек пока ещё способен контролировать, несмотря на безусловное, по сравнению с предыдущими периодами, ослабление своей зависимости от природы. Конечно, человечество постепенно преодолевает наиболее жестокие виды отчуждения и освобождается от преследовавших его на протяжении длительного исторического существования страданий, таких, например, как голод, рабство и прочее. Но даже если в будущем человеку удастся совладать с важнейшими видами отчуждения в социальном бытии, всё равно, как отмечает Г.С. Киселев, с ним «останется страдание от болезней и смерти, от которых освободиться в этом мире не дано... Может быть у человека и совсем другое страдание – томление... по Божественной гармонии, по вечности. Это – религиозное, метафизическое страдание. Его никакое совершенствование социальности не изживает», ведь оно

принципиально из другой области [1, с. 7].

Поэтому и в современном обществе остаются условия для репродуцирования утопического мышления, которое выполняет в человеческом сознании компенсаторную, охранительную функцию, являясь неким психотерапевтическим ответом на вызовы агрессивного многосложного мира. Утопия компенсирует неудовлетворённость собственной жизнью, отчуждёнными социальными отношениями, помогая людям обрести в своём воображении то, что нереально получить в наличном бытии. Она в какой-то степени служит как бы социальным громоотводом. Человек надеется на лучшее будущее, он устремлён к идеалу, это даёт ему утешение и новый смысл его существованию. Именно об этой компенсаторной функции утопии говорит В.А. Чаликова. Утопия всегда «стояла на страже нормальной жизни, не позволяя, с одной стороны, отождествлять фантазию с реальностью, с другой — сдерживая реализм, не допуская, чтобы он перешёл в сверхреализм, в мир холодного расчета, карающий равно и ностальгию, и мечту как „мыслепреступление“ (что с такой художественной силой изображено в дистопии Оруэлла „1984“). Утопия оказалась союзницей цивилизации» [2, с. 4]. При этом само собой разумеется, что утопия никогда не смешивалась разумно мыслящими людьми с реальностью.

Заметим, что утопия – это не только наследие классиков утопического социализма. Её следует рассматривать шире, как утопический стиль мышления, который в определённой мере вообще присущ человеку. Этот стиль мышления можно обнаружить не только в утопических сочинениях. Ведь утопия, рисуемая эталон человеческих отношений, является одним из самых общих компонентов, входящих в состав всех философских, этических и правовых теорий, религиозных верований, систем воспитания, художественных произведений, по сути, всякого творчества. Как считает, например, С.В. Рудановская, утопизм вообще органически присущ как социальному, так и экзистенциальному опыту субъекта, вынужденному выходить за границы «готовых идентичностей и социально признанных дефиниций (прежде всего, бинарной оппозиции „нормальное“/„патологическое“)» [3, с.250].

Не подлежит сомнению, что любая философская школа постулирует определённый образ идеального мироустройства. Поскольку, как считает А.А. Гусейнов, специфика философии – в интеграции эпистемологического акта и этического действия, она всегда показывает нам «желательное будущее, ...которое выступает как моральный проект... В противовес действительному миру, который не удовлетворяет человека, философия мысленно конструирует некое идеальное царство, построенное на других эпистемологических и ценностных основаниях, которые дают человеку новые надежды и открывают перед ним новые перспективы» [4, с.13].

Ценности, получившие выражение в социальном идеале, не остаются абстрактными построениями, а со временем продвигаются в реальную жизнь общества. Утопии вырабатывают как бы понятийный каркас для моральной, юридической, экономической и других областей жизни социума и определяют направления усилий по их совершенствованию. Исследователь утопии Е.Л. Черткова иллюстрирует влияние утопического мышления на развитие правоотношений примером из исследований Ю. Хабермаса, обнаружившего, что понятие «права человека» появилось исторически позже понятия «человеческое достоинство», и именно вследствие воздействия последнего. В данном случае идеал достоинства имел значение «катализатора в моральной и формально-юридической концепциях прав человека» [5, с. 200]. Отмечая воздействие утопических понятий на постепенную эволюцию институтов общества по направлению их демократизации и гуманизации, Юрген Хабермас определяет их как реалистическую утопию» [6, с. 29].

По нашему мнению, утопизм не следует однозначно привязывать к определённому историческому периоду, так как он – универсальный продукт интеллектуально-духовного творчества, возникающий в результате систематически повторяющегося в обществе и в познании сочетания обстоятельств. Поэтому согласимся с мнением А.А. Сычева, полагающего, что «многие философские... и идеологические идеи последних столетий, ... продолжающие и сейчас определять надежды и стремления людей – будь то „невидимая рука рынка“ или мудрое государственное регулирование, просвещенная монархия или самоуправление трудящихся, возвращение в естественное состояние или общество технологического изобилия – носят утопический характер» [7, с. 47]. В последнее время всё более актуальным становится концепт так называемой «компьютерной утопии». Она есть проявление отчуждения от угнетающей реальности, стремления убежать от проблем в некие виртуальные миры, в популярные ролевые компьютерные игры.

С точки зрения эпистемологии утопия как воплощение определенного типа мышления есть результат потребности познающего субъекта выйти в своём представлении за границы не только реального, но и возможного. По мнению наиболее авторитетных в области эпистемологии авторов, «конструирование возможных, то есть идеальных, миров изначально было задачей и методом философского мышления. Абстрактные понятия, нормы, идеалы – вот его ... результаты. С точки

зрения обыденного разумения это несуществующие миры» [8, с. 21]. И это требование невозможного (с точки зрения метафизического реализма) – одна из предпосылок свободы познания, устранения сдерживающей его ограниченности мышления. Особенно когда исследуемая реальность проявляет нелинейные свойства, и её, вопреки стараниям, не удаётся вместить в чёткие однозначные схемы.

Утопия, выходя за границы данного эмпирически и обоснованного рационально знания, в определённой мере способствует пониманию ценностной перспективы развития. Философское понятие истины, опираясь на научные и опытные данные, не может не выходить за их пределы, пытаясь очертить образ будущего.

Именно образа будущего, неизменно присущего, в частности, утопии, более того, являющегося её основной частью, на наш взгляд недостаёт современной социальной философии. К сожалению, «социальные науки практически не выполняют на должном уровне присущую им функцию познания действительных тенденций общественного развития», и нашему философскому сообществу предстоит активизировать усилия по исправлению сложившейся ситуации [9, с.142].

Список литературы

1. Киселев Г.С. Постмодерн и христианство / Г.С. Киселев // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 3-15.
2. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Пер. с разн. яз. Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. 405 с.
3. Рудановская С.В. «Женщина на краю времени»: опыт субъекта в феминистической утопии // Вестник РУДН. Серия: философия. 2017. Т. 21. № 2. С. 250-259.
4. Гусейнов А. А. Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. 2009. № 1. С.11–16.
5. Черткова Е.Л. Утопия как «философский проект» // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 190-201.
6. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 25-53.
7. Сычев А.А. Экоутопия и мораль // Ведомости прикладной этики. 2018. Выпуск 52. С. 47-62.
8. Касавин И. Т., Порус В. Н. Современная эпистемология и ее критики: о кризисах и перспективах // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 8–25.
9. Заладина М.В. Утопичность или научность? // Социальная справедливость: утопии и реалии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.И. Ленина. / Под общей ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. Н. Новгород, 2020. С.141-146.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ищенко Е.Н.

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой онтологии и теории познания
факультета философии и психологии
Воронежский государственный университет
E-mail: ishchenkophilosophy@yandex.ru*

Аннотация. Современные социогуманитарные науки переживают период парадигмального сдвига. Стремительное расширение междисциплинарных «зон обмена» между социогуманитарным и естественнонаучным, а также алгоритмизированным знанием, попытки уйти от философствования об «абстрактном» субъекте характеризуют важные тенденции исследований в современной науке. Возникновение цифровых гуманитарных наук, а также активное влияние нейронаук на различные отрасли гуманитарного знания способствуют изменениям в понимании природы визуального, играющего огромную роль в современной культуре. Анализ опыта отечественной культуры, пережившей в 20-30-е годы XX века взрывной рост новаторских теоретических подходов и социальных практик, связанных с выдвиганием на первый план визуального, взятого в его полноте и автономности от вербального, помогает понять

специфику процессов, происходящих в современной науке, а также наметить перспективы визуальных исследований.

Ключевые слова: визуальное, визуальные исследования, советский авангард, художественные практики, постцифровой поворот.

THEORY AND PRACTICE IN THE CONTEXT OF VISUAL STUDIES: HISTORY AND MODERNITY

Ishchenko E.N.

DSc in Philosophy, Head of Department of Ontology and Epistemology

Voronezh State University

E-mail: ishchenkophilosophy@yandex.ru

Abstract. Contemporary humanities and social sciences are going through a period of paradigm shift. The rapid expansion of interdisciplinary exchange zones between humanities, social and natural sciences, as well as algorithmized knowledge, attempts to get away from philosophizing about an abstract subject characterize important research trends in contemporary science. The emergence of digital humanities, as well as the active influence of neuroscience on various branches of humanitarian knowledge, contribute to changes in understanding of a nature of the visual, which plays a huge role in contemporary culture. The analysis of the experience of Soviet culture, which experienced an explosive growth of innovative theoretical approaches and social practices in the 20-30s of the twentieth century, associated with the prominence of the visual, taken in its entirety and autonomy from the verbal, helps to understand the specifics of the processes taking place in contemporary science, as well as to outline the prospects for visual studies.

Keywords: visual, visual studies, soviet avant-garde, art practice, post-digital turn.

Одним из важных направлений современной науки являются визуальные исследования, предметная область которых, а также поле методологических установок и приемов неуклонно расширяются. Как справедливо отмечает В. Савчук: «всеохватывающая дигитализация, технические новации и все расширяющиеся границы присутствия визуального образа в культуре, вместе с его доступностью, изменяют <...> стратегии поведения ученых традиционных дисциплин» [1, с. 219]. В последние десятилетия происходят парадигмальные сдвиги, выражающиеся в формировании междисциплинарных отраслей знания, так или иначе, связанных с синтезом различных подходов. К их числу относятся цифровые гуманитарные науки, активно использующие возможности компьютерной обработки огромных массивов различных данных. Не менее значимыми становятся исследования, основанные на синтезе нейронаук и «традиционных» отраслей гуманитарного и социального знания. По точному наблюдению Я. Плампера, на смену философским кумирам 80-х (Ницше, Хайдеггер, Фуко, Деррида), ссылки на которых буквально пронизывали искусствоведческие, политологические, социологические, литературоведческие работы, приходят ученые, представляющие различные отрасли нейроисследований [2, с. 363]. Возникновение междисциплинарных «зон обмена» между социогуманитарным и естественнонаучным, а также алгоритмизированным знанием, попытки уйти от философствования об «абстрактном» субъекте характеризуют важные тенденции развития современной науки. Наиболее отчетливой иллюстрацией подобного тренда оказываются исследования феномена визуального в различных аспектах его бытования в истории и культуре, политическом и социальном пространстве, коммуникативных процедурах и повседневных практиках.

Как нам представляется, изменение исторической перспективы позволяет посмотреть на актуальную ситуацию не только с точки зрения ее уникальности, но и вписанности в более широкий контекст. Основанием для подобной смены исследовательской оптики может служить анализ опыта отечественной культуры, пережившей в 20-30-е годы XX века взрывной рост новаторских теоретических подходов и художественных практик, связанных с выдвиганием на первый план визуального, взятого в его полноте и автономности от вербального. Мощный просвещенческий посыл советского проекта, помноженный на революционную энергию «жизнеустройства», способствовал возникновению целой серии проектов, направленных на достижение синтеза науки и искусства. Объединение усилий ученых и художников, в свою очередь, сопрягало сферы теоретического исследования и практического действия, позволив в исторически короткие сроки добиться впечатляющих результатов. К примеру, теоретические открытия в области психологии восприятия

феноменов, связанных со сферой визуального, воплощались в художественные практики, а последние, в свою очередь, служили фундаментом для научного анализа. М. Ферингер не без оснований полагает, что: «эксперименты художников с восприятием, модели человека, созданные специалистами в области наук о жизни, а также проекты общественной организации, созданные философами и политиками, одинаково повлияли на создание произведений искусства, городских ландшафтов и способов лечения» [3, с. 289]. По ее мнению, «научные и художественные методы сошлись вместе в процессе создания совместного объекта – нового социалистического человека...» [3, с. 289]. Подпитываемый практической установкой интерес к научному изучению человека открыл перспективы трансформации сферы социогуманитарного знания в направлении его взаимодействия с естественнонаучным, а также изменил границы эстетической теории, рассматриваемой сквозь призму ее практической ориентированности. Участие «художников в принятии глобальных архитектурно-строительных решений, в художественном оформлении целых городов, в режиссерской организации многотысячных революционных праздников, в создании новых видов одежды для массового потребителя и разнообразных элементов нового коммунального быта» [4, с. 19] предполагало особый режим бытования визуального, меняющий не только культурные практики, но и саму социальную реальность, воздействующую на чувственно-эмоциональное восприятие человека. «Искусство воспринималось ... как средство формирования жизни, а не рефлексии. Авангардисты добивались этого при помощи зрительного шока <...> они бросали вызов восприятию зрителя, учили его задумываться о своем взгляде на жизнь и, благодаря этому, действовать более сознательно и эффективно в радикально обновленных условиях жизни советского общества» [3, с. 267]. Созданный в начале 20-х годов по инициативе В. Кандинского Государственный институт художественных наук (ГАХН) был важным этапом институционализации новаторских исследований в сфере художественной теории, предназначенной для воплощения в практическую деятельность. «Научное изучение художественного образа, его логики и выразительности» [5, с. 34] предполагало выявление и анализ специфического «языка вещей», не сводимого к традиционному пониманию соотношения визуального и вербального в культуре. Подобная установка бесспорно предвосхитила визуальный поворот, произошедший в культуре в конце прошлого века. Но дело не только в том, что представители советской науки 20-30-х гг. XX века (как, впрочем, и художники-авангардисты) опередили время. Еще более значимым в контексте современности оказывается практическая ориентированность научных достижений, их тематическая и содержательная фокусировка на изменении человека, активно включающегося в сферы художественных практик, пронизывающих различные сферы социального бытия.

Сегодня, в век «партиципаторной» культуры происходит переосмысление идей авангарда, результаты которого в равной мере могут быть полезными как для ученых, так и для философов. Информационная перенасыщенность, использование «зрительного шока», апеллирование к стремительным эмоциональным реакциям, формирование новой медиареальности как приметы современной культуры актуализируют ключевую проблему, которая теряется в экстенционально расширяющемся пространстве исследований, направленных на изучение отдельных феноменов, представляющих собой разрозненные проекции визуального. Очевидная фрагментированность дискурса современных социальных и гуманитарных наук, господство индуктивистских подходов, зачастую сплавленных с алгоритмизацией не только самих исследуемых процессов, но и научных выводов, ставит проблемы философского свойства. За множасьими художественными и/или медиаобразами, образами будущего (как, впрочем, и образами прошлого) непрямым оказывается самый главный образ – образ человека. Если исследовательские и художественные практики советской культуры 20-30-х годов отталкивались от некоторой модели «нового» человека (сформированной под влиянием философских идей марксизма), то современные авторы скорее избегают внятной артикуляции антропологических измерений, отвергая не только холистическую установку *per se*, но и саму возможность достижения понимания как антитезы объяснению. Кроме того, анализ влияния визуального поворота на развитие социогуманитарных наук показывает, что смещение фокуса исследований в сторону объективации предмета исследования, эссенциалистский подход к пониманию визуального выстраивают жесткую концептуальную рамку, которая препятствует дальнейшему развитию. Нам представляется совершенно не случайным то обстоятельство, что постцифровой поворот, не отменяющий, но развивающий идеи визуального поворота, возвращает современные социогуманитарные науки и художественные практики к проблеме со-участия зрителя, его активной вовлеченности в пространство эстетического. Как полагает А. Деникин: «Постцифровое искусство не эстетизирует изображения, но создает пространства «дополненной реальности» <...>, в которых действует и пользователь, и зритель, и сами компьютеризированные артефакты (устройства, гаджеты, сети и пр.), взаимодействующие и влияющие друг на друга» [6, с. 43]. Образ человека цифровой эпохи,

существующего в режиме избыточной визуальности, настоятельно требует синтеза теории и практики. Исследования реакций и действий субъектов в цифровой среде, фиксируемые посредством программных алгоритмов, предоставляют массив эмпирических данных, интерпретация и осмысление которых предполагает разработку философских оснований взаимодействия человека и информационных технологий.

Список литературы

1. Савчук В.В. О фотографии портретов античных философов // Дорофеев Д.Ю., Савчук В.В., Светлов Р.В. Иконография античных философов: история и антропология образов. СПб. 2017. С. 219-231.
2. Плампер Я. История эмоций. М. 2018. 568 с.
3. Ферингер М. Авангард и психотехника. Наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в послереволюционной России. М. 2019. 336 с.
4. Чубаров И.М. Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. М. 2014. 344 с.
5. Габричевский А. Морфология искусства. М. 2002. 864 с.
6. Деникин А.А. Постцифровая эстетика в арт-практиках цифрового искусства // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 1. С. 36-45.

ГРАНИЦЫ АУТЕНТИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Каращук М.Н.

Соискатель сектора философии культуры

Институт философии РАН

E-mail: nikolaevna44.margarita@gmail.com

Аннотация. Аутентичность личности – понятие, являющееся ключевым для гуманистической психологии и экзистенциальной философии. В гуманистической психологии под аутентичностью понимают постоянный контакт личности с собственной сущностью с одновременным осознанием сопричастности всему человеческому. Исследование аутентичности обращает к философским истокам этой темы. Аутентичность в экзистенциальной философии обозначает статус сознания, отдающего себе отчёт в одиночестве, свободе и обречённого на смерть, небытие. В напряжении экзистенциального выбора человек обращён к обретению или потере аутентичности. В заявленном докладе рассматривается проблема границ аутентичности в экзистенциализме и экзистенциальном анализе, воспринятая в творческом наследии С. Кьеркегора, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Л. Бинсвангера, А. Лэнгле. Для С. Кьеркегора аутентичность обусловлена решимостью, осуществлённой в сфере религиозного. К. Ясперс связывает аутентичность с готовностью человека к проживанию пограничных ситуаций и к экзистенциальной коммуникации. М. Хайдеггер трактует понятие аутентичности с позиции становления человека в условиях вот-бытия. Л. Бинсвангер обуславливает достижение подлинного существования единством трёх временных модусов при доминировании свободного выбора в проектируемом будущем. А. Лэнгле рассматривает аутентичность как системное качество личности, воплощённое в «согласованности» как переживании гармонии.

Ключевые слова: подлинное существование, аутентичность, экзистенциальный анализ, экзистенциализм, экзистенциальный выбор, личность, самость, трансценденция, экзистенция.

THE LIMITS OF AUTHENTICITY IN EXISTENTIALIST PHILOSOPHY AND EXISTENTIAL PSYCHOLOGY

Karashchuk M. N.

Candidate of science Ph.D in Philosophy, Research Fellow

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

E-mail: nikolaevna44.margarita@gmail.com

Personal authenticity is a concept that is key to humanistic psychology and existential philosophy. In humanistic psychology, authenticity is understood as the constant contact of the individual with his or her own essence with the simultaneous realisation of belonging to the whole of humanity. The study of authenticity turns to the philosophical origins of this topic. Authenticity in existential philosophy denotes the status of consciousness, which is aware of its loneliness, freedom and is doomed to death, non-existence. In the tension of existential choice, the individual is turned towards gaining or losing authenticity. The stated paper deals with the problem of the limits of authenticity in existentialism and existential analysis, perceived in the creative heritage of S. Kierkegaard, K. Jaspers, M. Heidegger, L. Binswanger, A. Langlais. For S. Kierkegaard, authenticity is conditioned by a determination realised in the realm of the religious. K. Jaspers connects authenticity with a person's readiness to live borderline situations and existential communication. M. Heidegger interprets the concept of authenticity from the position of human becoming in the conditions of here-being. L. Binswanger conditions the achievement of true existence on the unity of three temporal modus operandi with the dominance of free choice in the projected future. A. Langlais considers authenticity as a systemic quality of personality embodied in "coherence" as an experience of harmony.

Keywords: authentic existence, authenticity, existential analysis, existentialism, existential choice, personality, self, transcendence, existentiality.

Актуальность обращения к теме аутентичности обусловлена глобальными изменениями в обществе. В современном мире существует угроза превращения человека из субъекта в объект многочисленных отношений, что чревато сначала искажённым восприятием себя, а впоследствии и глубокими проблемами в самоопределении и самоконструировании. Тема аутентичности наиболее полно разработана в трудах учёных психологов, таких как К. Роджерс, Г. Олпорт, Ф. Перлс, Л. Бинсвангер, А. Лэнгле. Однако генезис этого понятия определился еще в трудах С. Кьеркегора, М. Хайдеггера и К. Ясперса. Именно в них аутентичность рассмотрена как особый статус сознания, задающий основу для ориентирования в мире.

Аутентичность личностного развития в представлении С. Кьеркегора осуществляется посредством выбора на каждой из стадий существования: эстетической, этической и религиозной [2]. Обретение себя на этих стадиях мировидения обусловлено особым типом восприятия времени и пространства, исключительными переживаниями и уникальным ракурсом самовосприятия. Аутентичность на эстетической стадии жизненного пути проявляется в художественном запечатлении себя в мгновении настоящего, поддерживается интересом, вдохновением, страстью, разочарованием, укоренена в понимании себя как исключения из мыслимых и немислимых правил. Аутентичность на этической стадии жизненного пути вовлечена в построение «будущего себя», утверждаема в пространстве значимого и безразличного, обнаруживает себя самого как задачу, решаемую в принятии долженствования перед лицом морально-нравственного требования. Аутентичность на религиозной стадии жизненного пути воспримлет время и пространство как несовершенную проекцию идеального мироустройства, сопровождается чувством неизбежной вины, переживаниями серьёзности и неотменимости любого выбора.

По С. Кьеркегору, первостепенно достичь подлинности в религиозном отношении [4]. Только при соблюдении этого условия человек способен познать себя в этическом и эстетическом отношении [1, 3].

В соответствии с учением К. Ясперса, границы аутентичности определяются готовностью человека к просветлению экзистенции, осуществляемой в экзистенциальной коммуникации, и его поведением в пограничных ситуациях болезни, страдания, вины и смерти. И экзистенциальная коммуникация, и пограничные ситуации выявляют то, насколько способен человек держаться себя, двигаясь в тесноте противоречий: «Только напряжение в антиномиях есть истинное явление экзистенции в её соотнесённости со своей трансценденцией» [5, с. 90]. В экзистенциальной

коммуникации он вынужден оставаться открытым, выходя к другому из истока своего одиночества. В пограничных же ситуациях он обречён принимать твёрдые решения в онтологически сковывающих и обременяющих его обстоятельствах. Приближение к аутентичности, по К. Ясперсу, основано на способности человека (в условиях экзистенциальной коммуникации и в пограничных ситуациях) опираться в своих поступках на взаимообуславливающие друг друга понятия «я есмь, я должен, я хочу, я выбираю» [5, с. 121]. Принятие взаимозависимости этих внешне противоречивых, но внутренне согласованных понятий, формирует внутреннее единство сознания, самосознания и личности [6].

По М. Хайдеггеру, поиск аутентичности проявляется человеком в «феномене заступающей решимости» [7, с. 220] в смерть. Эта решимость всецело исчерпывает себя в воле-иметь-совесть. Распознать границы собственной аутентичности и поймать «падающее присутствие» [7, с. 128] (т.е. то, которое уклоняется в подручную и наличную повседневность) способен человек, понявший себя в заботе. На пути к оформлению аутентичности в непрекращающейся заботе, в осмыслении её как целенаправленной деятельности, личность должна быть готова к вопрошанию самой себя. Слово выступает инструментом и критерием самооформления: «...экзистировать в качестве человека уже значит изъяслять правящее в слове» [8, с. 60]. Целью этого вопрошания является высвобождение внутренней свободы для самоузнавания в пределах временности. Согласно М. Хайдеггеру [8], вопросы следуют в определённом порядке:

- 1) Что такое мир?
- 2) Что такое конечность?
- 3) Что такое единение?

Ответы на эти вопросы, данные самому себе, могут послужить не описанию собственного состояния в конкретных условиях, но возникновению «вот-бытия» [7]. Именно через понятие «вот-бытия» Хайдеггер и даёт новое понимание присутствия человека в мире.

В экзистенциальной психологии условия для становления аутентичности в процессе развития личности наиболее полно рассмотрены у Л. Бинсвангера и А. Лэнгле. Л. Бинсвангер в своих трудах предлагает снять субъект-объектное противоречие между человеком и миром. По его представлениям, аутентичность обретается человеком только при тесном взаимодействии с миром, но никак не в противопоставлении себя ему и не в конфронтации с ним [9].

По Л. Бинсвангеру, человеку предстоит множественный выбор в контексте выстраивания миропроекта и самопроекта [9]. Если в первом предстоит распознать собственные очертания по направлению от сознания к миру, то во втором – в точности до наоборот. Миропроект – это экспрессивное восприятие себя, вписанным в действительность, а самопроект – иммерсивное восприятие мира, вписанного в себя. Если в первом человеку предстоит предметное ориентирование, то во втором – душевно-духовное. Решения, принятые относительно себя в пределах миропроекта и самопроекта, должны находиться в гармоничном созвучии так, чтобы существование как можно дольше оставалось аутентичным, а не подсказанным извне способом бытия. Аутентичный способ бытия человека предполагает интерпретацию им собственного жизненного пути в физическом, социальном и экзистенциальном смыслах [9], а также непрерывную интуитивную реконструкцию прожитого опыта.

А. Лэнгле находит в потере и нарушении границ аутентичности проблемы, которые могут препятствовать свободному «экзистированию» в мире. Слабо осознанная аутентичность способна привести к потере чувства собственных границ, искажению образа себя, что в итоге может превратить человека в жертву целенаправленных или побочных манипуляций. Кроме того, непроявленная аутентичность нередко становится причиной потери собственного нравственного ориентирования в мире. Отказ от аутентичности оборачивается отсутствием устойчивости Я и угнетением способности занимать позицию по отношению к самому себе [10, 11]. Избрание пути к построению аутентичной личности помогает нашим решениям стать наполненными фундаментальными экзистенциальными мотивациями, к числу которых А. Лэнгле относит [12]:

- 1) справиться с миром, с его здесь-и-сейчас и предоставленными для нас возможностями. Принять эти возможности абсолютно и увидеть себя в них;
- 2) справиться с жизнью, признав её цикличность и этапность;
- 3) бесстрашно открыться своему будущему в готовности к его осмысленному принятию.

Эти фундаментальные мотивации являются основанием для разработки психотерапевтических практик работы с личностью.

Подлинное существование, рассмотренное в работах С. Кьеркегора, К. Ясперса, М. Хайдеггера, связано с выбором, сделанным в сознании полной ответственности за своё решение. Выбор в философии экзистенциализма предваряет достижение свободы личностью; свободы как глубинного

источника обретения аутентичности. По С. Кьеркегору, свобода откроется для человека тогда, когда он определит себя с религиозной точки зрения. По К. Ясперсу, свобода будет дарована человеку в том случае, если он не перестанет определять себя в экзистенциальной коммуникации и, если он не впадёт в отчаяние, продолжая мужественно принимать решения в пограничных ситуациях. По М. Хайдеггеру, свобода возможна в том случае, если он сможет противопоставить глубокой скуке заброшенного существования непрерывную заботу, проясняющую себя как экзистенцию. Таким образом в экзистенциальной философии границы аутентичности задаются ориентированием личности к трансценденции, открытостью к экзистенциальной коммуникации, готовностью к принятию пограничных ситуаций и вопрошанием себя, обнаруживающим метафизическую основу существования.

В гуманистической психологии одним из значимых смыслов является достижение аутентичности, когда происходит слово: «...удвоение Я» - сознательное «Я» совпадает с глубинным духовным «Я» человека...» [13, с. 462], когда границы аутентичности определяются мерой удержания себя на собственных основаниях и мерой погружения в окружающую действительность.

Список литературы

1. *Кьеркегор С. Или – или фрагмент из жизни // Кьеркегор С.; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический проект. 2021. 776 с.*
2. *Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к философским крохам // Кьеркегор С.; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический проект. 2021. 613 с.*
3. *Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Кьеркегор С.; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический проект. 2014. 157 с.*
4. *Кьеркегор С. Беседы и размышления // Кьеркегор С.; пер. с дат. А.В. Лызлова. М.: Рипол-Классик. 2023. 512 с.*
5. *Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции // Ясперс К.; пер. с нем. А.К. Судакова. М. Канон+ РООИ Реабилитация. 2021. 448 с.*
6. *Ясперс К. Философия. Книга вторая. Метафизика // Ясперс К.; пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Канон + РООИ Реабилитация. 2021. 296 с.*
7. *Хайдеггер М. Бытие и время // Хайдеггер М.; пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad marginem. 1997. 452 с.*
8. *Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество М.: Владимир Даль, 2013. 592 с.*
9. *Бинсвангер Л. Бытие в мире. Введение в экзистенциальную психиатрию / Бинсвангер Л.; пер. с англ. Е. Сурпина. М.: Ювента, 1999. 300 с.*
10. *Лэнгле А. Основы экзистенциального анализа / Лэнгле А. М.: Питер, 2023. 513 с.*
11. *Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности / Лэнгле А. М.: Генезис, 2022. 159 с.*
12. *Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций / Лэнгле А. М.: Генезис, 2022. 235 с.*
13. *Лэнгле А. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика исследования / А. Лэнгле, Е.М. Уколова, В.Б. Шумский. М.: Логос, 2014. 556 с.*

ПРИМЕНИМОСТЬ КОНЦЕПЦИИ «ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЛЕВИАФАНА» В КОНТЕКСТЕ АЛГОРИТМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Кеосиди И.И.

Аспирант

Институт подготовки кадров Высшей квалификации (ИПКВК)

Пятигорский Государственный Университет

E-mail: keosidi10@gmail.com

Аннотация. Одно из направлений современной социальной философии – вычислительная социология – сравнивает общество с вычислительным механизмом. Оно состоит из различных элементов (людей, институтов, организаций), которые

взаимодействуют друг с другом, подобно тому, как компоненты компьютера взаимодействуют друг с другом для выполнения определенных функций. Общество рассматривается как система, которая регулируется и управляется через обратные связи и коммуникацию между ее частями. В настоящее время информационные технологии становятся все более важными для функционирования общества, аналогично тому, как компьютер становится неотъемлемой частью повседневной жизни. Одна из концепций, появившихся в результате развития вычислительной социологии – «Вычислительный Левиафан» – расширяет взгляд на общество как на абстрактную систему и предлагает рассматривать общество как единый организм, части или «органы» которого не просто взаимосвязаны, но и жизненно необходимы друг для друга. Нарушение функций одного из органов неизбежно влечёт за собой сбой в деятельности остальных, что, в конечном итоге, может привести к смерти Левиафана или концу существования общества. Целью данной статьи является оценка применимости концепции вычислительного Левиафана к алгоритмизации управления современными социальными процессами.

Ключевые слова: Вычислительный Левиафан, информационное общество, социальные процессы, алгоритм, алгоритмизация общества, искусственный интеллект.

APPLICABILITY OF THE CONCEPT OF "COMPUTATIONAL LEVIATHAN" IN THE CONTEXT OF ALGORITHMIZATION OF SOCIAL PROCESSES MANAGEMENT

Keosidi I.I.

Graduate student,

Institute for Training of Higher Qualifications

Pyatigorsk State University

E-mail: keosidi10@gmail.com

Abstract. One of the branches of modern social philosophy – computational sociology – compares society to a computational mechanism. It consists of various elements (people, institutions, organizations) that interact with each other, just as computer components interact with each other to perform certain functions. Society is seen as a system that is regulated and controlled through feedbacks and communication between its parts. Information technology is now becoming increasingly important to the functioning of society, just as the computer is becoming an integral part of everyday life. One of the concepts that emerged because of the development of computational sociology - "Computational Leviathan" - expands the view of society as an abstract system and proposes to consider society as a single organism, the parts or "organs" of which are not just interconnected, but vital for each other. Disruption of the functions of one of the organs inevitably entails disruptions in the activities of the others, which, ultimately, may lead to the death of Leviathan or the end of society's existence. The purpose of this article is assess the applicability of the concept of computational Leviathan to the algorithmic management of modern social processes.

Keywords: computational Leviathan, information society, social processes, algorithm, algorithmization of society, artificial intelligence, neural network.

Анализируя события в Европе начала XXв., Ф. Блом отмечал, что инструменты, использующиеся в вспомогательных целях, становятся тем, что влияет на саму суть социальных отношений. Развитие технологий определяет устройство мира. Автор пишет: «Всплеск научных открытий в XIX в привел к тому, что технологии проникли во все сферы человеческой жизни. На смену газовому освещению пришел электрический свет, более дешевый, менее опасный и не содержащий копоти. Телефоны соединили сотни тысяч домохозяйств друг с другом, телеграф Маркони позволил преодолевать любые расстояния с помощью беспроводной передачи данных; прогресс в технологии и понимании природных процессов подарил улицам автомобилям, сделал дешевые фотоаппараты доступными для широких масс, придал цвет повседневной жизни благодаря изобретению синтетических пигментов, красок и красителей, и поставил на стол еду с помощью искусственных азотных удобрений» [1, с. 86]. Это мнение – одно из многочисленных подтверждений того, что в определённый момент развития технологий орудие труда перерастает свою роль орудия; метод перестаёт быть методом.

Аналогия между обществом и Левиафаном восходит к работе английского философа XVII в. Т. Гоббса «Левиафан» [2], в которой он описывает общество как огромное существо, подобное мифическому морскому чудовищу. Безусловно, во времена Т. Гоббса общество еще не сравнивалось с компьютером, однако уже тогда философы и социологи видели комплексные взаимосвязи между элементами общества и его саморегулируемостью и относительной предсказуемостью. Мирные периоды существования общества Гоббс сравнивает со здоровьем организма, смуту – с болезнью, а войну – со смертью. Позднее эту концепцию развил Н. Луман, сравнивая общество с вычислительной системой и обращаясь к работе Гоббса [3, с. 397]. Луман развивает идею «вычислительного Левиафана» как метафору для описания сложности и мощи современных социальных систем. Он предполагает, что социальные системы подобны вычислительным машинам, способным обрабатывать информацию и принимать решения на основе своих внутренних кодов и структур.

Н. Чейтер, один из современных исследователей вычислительной социологии, выделяет концепцию «вычислительного Левиафана» как одно из четырех наиболее перспективных направлений вычислительной социологии начала XXI в. [4]. Автор основывается на работах второй половины XX в. – начала XXI в. [5, 7]. Чейтер предложил новый взгляд на концепцию «вычислительного Левиафана» Лумана. Он расширил концепцию «вычислительного Левиафана», утверждая, что современные технологии, имеют огромное влияние на социальные системы. Было предложено исследовать влияние вычислительных технологий на формирование социального порядка и государственных структур. Чейтер также обратил внимание на то, что вычислительные технологии изменяют способы восприятия, коммуникации и принятия решений в социальных системах. В работе подчёркивается, что интернет и цифровые технологии создают новые возможности для социальных систем, но также могут привести к новым вызовам и проблемам. Чейтер фокусируется на роли вычислительных технологий в формировании социального порядка и изменении социальных систем.

С. Хаммонд приводит примеры потенциально возможного будущего, которое может наступить при определённом сценарии развития искусственного интеллекта [8]. Он сравнивает общество с Левиафаном в контексте «эффекта бабочки», где изменение поведения, казалось бы, незначительное, одного субъекта общества приводит к гигантским изменениям в жизни всего общества.

Концепция «вычислительного Левиафана» не только даёт теоретическое представление об обществе как о целостной системе, но и подтверждает уместность и перспективность использования современных технологий, таких как анализ больших данных, машинное обучение и искусственный интеллект, для управления социальными процессами. Концепция предполагает, что государство или другие социальные институты могут использовать данные и технологии для улучшения управления и принятия решений в различных областях, таких как экономика, здравоохранение, образование и другие сферы жизни.

В настоящее время применение концепции «вычислительного Левиафана» в управлении социальными процессами наиболее часто проявляется в следующих ситуациях:

1. Анализ больших данных: сбор и анализ больших объемов данных о социальных процессах, чтобы выявить тенденции, проблемы и возможности для улучшения;
2. Прогнозирование: использование алгоритмов машинного обучения для прогнозирования развития социальных процессов и предотвращения возможных кризисов;
3. Принятие решений: использование аналитики данных и искусственного интеллекта для принятия более обоснованных решений в области политики, экономики и управления;
4. Оптимизация ресурсов: использование данных для оптимизации распределения ресурсов, таких как бюджетные средства, медицинские услуги, образовательные программы и т.д.

Как следствие, концепция «Вычислительного Левиафана» неразрывно связана с использованием алгоритмов в управлении социальными процессами. Множество примеров, с которыми мы сталкиваемся каждый день, подтверждают, что использование алгоритмов не только облегчает и ускоряет управление социальными процессами, но и делает это эффективно [9, 10, 11]. Для целей данной статьи рассмотрим некоторые ограничения и/или опасения, которые вызывает повсеместное использование алгоритмов в социальной сфере.

С развитием машинного обучения алгоритмически произведенные оцифрованные знания все больше отделяются от человеческого опыта. Категории и действия алгоритмически генерируются в соответствии с «логикой», которая определяется алгоритмом самостоятельно, а не задаётся человеком. Машинное обучение включает в себя установку многочисленных внутренних переменных и связей между ними, а также предоставление алгоритму обучающего входного материала в виде набора данных (например, имя, пол, возраст, уровень дохода, семейное положение, аккаунты в социальных сетях, фотографии) и выходной набор данных для обучения (например, кто из перечисленных людей

получал Нобелевскую премию). Алгоритм неоднократно изменяет свои внутренние переменные и весовые коэффициенты между ними, чтобы наилучшим образом преобразовать входные данные в выходные. При этом алгоритм создает свои собственные правила, категории и оцифрованные знания для достижения наилучших ассоциаций между входными и выходными данными. Как результат, алгоритм выводит закономерности. Например, люди в возрасте от 35 до 50 лет с уровнем дохода от 10 до 15 тысяч долларов в месяц, замужем или женатые, становятся лауреатами Нобелевской премии значительно чаще, чем все остальные. Это, с одной стороны, корректный вывод, а с другой стороны – может повредить качественному прогнозированию и исключить «подходящих» кандидатов из выборки. Это потенциальное заблуждение аналогично следующему. Большинство изобретений, открытий, научных достижений принадлежит мужчинам, из чего, на первый взгляд, можно сделать вывод о том, что мужчины сильнее в науке, чем женщины. Однако, если принять во внимание следующие факты:

- долгое время женщинам запрещалось заниматься наукой или не было принято;
- исторически больший процент женщин выполняли больше домашних обязанностей, чем мужчины (в силу обычаев, религии или других причин), что оставляло им меньше времени для науки;
- летописи/архивы/исторические записи могли быть не беспристрастными.

При учёте такого контекста вывод перестаёт быть настолько очевидным. Для этого эффекта, как в жизни, так и в теории алгоритмов, есть термин «заблуждение/предубеждение, основанное на фактах», или, в английском, «bias».

Алгоритмы не просто классифицируют людей, предметы, процессы. Они также выносят более сложные суждения и определения. Эти суждения заключаются в: сортировке людей по группам, оценке соответствия требованиям, расчете социальных выплат и других результатах.

Проблема предвзятости алгоритмов рассмотрена в многочисленных исследованиях [12], [13, с. 8]. Выводы исследований подтверждают, что если алгоритм обучался на заранее некорректных утверждениях или решениях, то и результаты его работы могут давать ошибки. Однако, как показано в книге Л. Лампорта [14, с. 388], люди не только подвержены склонностям к тем же ошибкам, но и ошибаются (осознанно или бессознательно) в тех ситуациях, где алгоритмы не допускают сбоев. Исходя из изложенного, можно заключить, что использование алгоритмов в управлении социальными процессами допустимо при соблюдении моральных и этических норм, а также при контроле за алгоритмами и возможности вмешиваться в их работу для устранения сбоев и усовершенствования их работы. Однако, следует отметить, что применение концепции «Вычислительного Левиафана» вызывает опасения относительно приватности данных, возможности злоупотребления властью и потенциального ограничения свободы личности. Поэтому важно находить баланс между использованием технологий для улучшения управления социальными процессами и защитой прав и свобод граждан.

Список литературы

1. *Blom P.* The vertigo years: Europe, 1900 - 1914. New York: Basic Books, 2010.
2. *Гоббс Т.* Левиафан // Философия власти с Александром Филипповым. М. 2016.
3. *Луман Н.* Дифференциация. Самоописание // Луман Н. Общество общества. М. 2011.
4. *Chater N.* The computational society // Trends in Cognitive Sciences. 2022. № 12. P. 1015–1017.
5. *Goldstone R., Theiner G.* The multiple, interacting levels of cognitive systems (MILCS) perspective on group cognition // Philosophical Psychology. 2017. № 3. P. 338-372.
6. *March J., Simon H., Guetzkow S.* Organizations. Cambridge (Massachusetts): Blackwell, 1993.
7. *Baumard N., André J-B., Sperber D.* A mutualistic approach to morality: The evolution of fairness by partner choice // The Behavioral and brain sciences. 2013. № 2 (36). 59-78.
8. *Hammond S.* AI and Leviathan: Part I. [Электронный ресурс]. URL: (<https://www.secondbest.ca/p/ai-and-leviathan-part-i>) (дата обращения 27.12.2023).
9. *Cordella A.* Information Infrastructure: an Actor-Network Perspective. [Электронный ресурс]. URL: (<http://www.antonio-cordella.com/media/jantti.pdf>) (дата обращения 27.12.2023).
10. *Serpa S.* [и др.] Digital Society and Social Dynamics. London: Services for Science and Education. 2020.
11. *Aneesh A.* Global Labor: Algoratic Modes of Organization // Sociol. Theory. 2009. № 4. P. 347-370.
12. *Bentley R., O'Brien M.* The acceleration of cultural change: from ancestors to algorithms // Simplicity: Design, technology, business, life. Cambridge, (Massachusetts): MIT Press, 2017.

13. *Schuilenburg M., Peeters R.* The algorithmic society: technology, power, and knowledge. London and New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2021.

14. *Lamport L, Shostak R., Pease M.* The Byzantine Generals Problem // ACM Trans. Program. Lang. Syst., 1982. № 3. P. 382–401.

«БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ» М.М. БАХТИНА КАК КАТЕГОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Касавина Н.А.

*Доктор философских наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры
Институт философии РАН
E-mail: kasavina.na@yandex.ru*

Аннотация. Понятие «большое время», введённое М.М. Бахтиным, призвано подчеркнуть длительность и преемственность развития культуры, понимание которой как целого, а также ее отдельных сфер, требует обращения к глубокому, специфически-дисциплинарному и интегральному исследованию ее истории. Изучение конкретных явлений и процессов не должно осуществляться «через голову культуры», культура есть необходимый фон, основание понимания, способное пролить свет на постановку и решение конкретных исследовательских задач. В «большом времени», как отмечал Бахтин, на равных правах существуют мыслители разных эпох, чьи творческие поиски и достижения составляют смысловую сокровищницу человечества. Однако, этот мир смыслов не является застывшим, завершённым. Настоящее способно наполнить его новым звучанием и значением. Гуманитарная наука существует в полифонических отношениях с большим временем, в том числе в контексте будущего, в модусе предвосхищения, в пространстве пограничного бытия культуры, и именно это наполняет ее новым ценностным содержанием. Философия как метаязык выступает медиатором научной деятельности, проводником «выразительного и говорящего бытия» как предмета гуманитарных наук, обеспечивая широкий межнаучный диалог, а перспектива «большого времени» сохраняет его человеческое, гуманистическое звучание.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, «большое время», диалог, смысл, познание, понимание, гуманитарные науки.

M.M. BAKHTIN'S "BIG TIME" AS A CATEGORY OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Kasavina N.A.

*Doctor of Philosophy, Professor of the Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher,
Head of the Sector of Philosophy of Culture
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
E-mail: kasavina.na@yandex.ru*

Abstract. The concept of "great time," introduced by M.M. Bakhtin, is intended to emphasize the duration and continuity of cultural development. Understanding culture as a whole and its individual spheres requires a deep, specific-disciplinary, and integrative study of its history. The study of specific phenomena and processes should not be carried out "over the head of culture"; culture serves as a necessary background, the basis of understanding capable of illuminating the formulation and resolution of specific research tasks. In this "great time," as noted by Bakhtin, thinkers from different epochs coexist on equal terms, and their creative quests and achievements constitute the semantic treasure trove of humanity. However, this world of meanings is not static or complete. The present has the capacity to imbue it with new resonances and meanings. The humanities exist in polyphonic relations with the great time, including in anticipation of the future, in the space of the border existence of culture, and it is precisely this

that enriches it with new valuable content. Philosophy, as a metalanguage, acts as a mediator of scientific activity, guiding the "expressive and speaking existence" as the subject of the humanities, enabling broad interdisciplinary dialogue, while the perspective of the "great time" maintains its humanistic resonance.

Keywords: M.M. Bakhtin, "great time," dialogue, meaning, cognition, understanding, humanities.

Как известно, в своё время редакция журнала «Новый мир» обратилась к М.М. Бахтину с вопросом о состоянии современного литературоведения. Его ответ позволяет прояснить не только перспективы этой области гуманитарной науки, но и говорить о гуманитарном познании в целом, в том числе и о философии науки.

Отвечая на этот вопрос, М.М. Бахтин кратко характеризует общие проблемы литературоведения своего времени (речь идет о 1960-х гг.): отсутствие смелой постановки общих проблем, открытий новых областей, значительных явлений в мире литературы, борьбы научных направлений, исследовательского риска и страх гипотез. Это приводит «к господству трюизмов и штампов; в них, к сожалению, у нас нет недостатка» [3, с. 328]. В частности, в разговоре с С.Г. Бочаровым 9 июня 1970 года он с горечью говорит о собственной книге о Достоевском: «...разве так я мог бы ее написать? Я ведь там оторвал форму от главного. Прямо не мог говорить о главных вопросах» [6, с. 50]. В этом примере – яркое и понятное объяснение причин ограниченности и кризиса гуманитарного познания, оказавшегося в ловушке идеологического мировоззрения, несвободы.

Говоря о данной области знания, М.М. Бахтин выделяет две основные ее задачи - не как единственные, но как назревшие и получившие значимые импульсы к развитию. Одна из них: установление более тесной связи литературоведения с историей культуры, понимание литературы как ее неотъемлемой части, преодоление «узкого спецификаторства». Недопустимо отрывать литературу от остальной культуры и «через голову культуры» соотносить её, например, с социально-экономическими факторами. Необходимо более панорамное, многогранное исследование. Согласно Бахтину, «наиболее напряженная и продуктивная жизнь культуры проходит на границах ее отдельных областей ее, а не там и не тогда, когда эти области замыкаются в своей специфике» [3, с. 329-330]. Его научному и творческому идеалу соответствовал образ иной гуманитаристики как особого синтеза на границах лингвистики, философской антропологии, философии культуры, литературоведения.

При этом важно не только и не столько рассмотрение конкретных литературных достижений в контексте эпохи лишь с указанием ее общих характеристик, которые зачастую мало что добавляют. Автор призывает к пониманию новых смысловых глубин, заложенных в культурах прошлых эпох, а не просто к расширению фактических знаний о них.

Напротив, изучение литературного процесса эпохи в отрыве от глубокого анализа культуры приводит к поверхностной борьбе литературных направлений, а «сама литература начинает казаться каким-то мелким и несерьезным делом» [3, с. 330]. Сказанное Бахтиным в отношении литературоведения обладает высокой степенью актуальности и для философии. Эта актуальность трансформируется в вопрос: как превзойти, преодолеть поверхностную борьбу направлений и частных? Такое вопрошание обращает и к тем смыслам, которые в своё время затронул М. Вебер, говоря о призвании учёного в своей знаменитой речи 1918 г. Впечатляющих результатов в науке можно добиться только в четком дисциплинарном поле, однако, учёный не должен упускать из поля зрения горизонт предельных ценностей, быть выше практического плана, стремиться к постижению и укреплению духовного содержания жизни человека и культуры. Этот горизонт во многом обеспечивается междисциплинарностью в науке и акцентом на ее гуманистическом потенциале, пониманием ее как субъекта конституирования культуры.

От задачи понимания литературы в контексте эпохи, Бахтин переходит к другой, более сложной. Как раз она характеризует его концепцию «большого времени» - многократно им упомянутую, но оставшуюся методологически нераскрытой. Нельзя изучать литературу вне культуры эпохи, но и не следует замыкать литературное явление в эпохе его создания, в современности [3, с. 331]. На уровне «ближайшего времени», «малого времени» невозможно постичь смысловую глубину культуры, она уходит своими корнями в далекое прошлое. В ее понимании необходимо не только приближаться, но и отдаляться от изучаемого явления, охватывать его объёмным, панорамным взглядом. Этот же подход сохраняется и при рассмотрении конкретных произведений, создание которых есть также плод длительного и сложного процесса становления, они также подготовлены веками, а не только конкретным автором в конкретное время. Вспомним знаменитую фразу М.М. Бахтина: «Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в *большом*

времени, притом часто (а великие произведения — всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [3, с. 331]. Этот взгляд на литературу является частью видения мыслителем предмета и сферы гуманитарных наук — как «выразительного и говорящего бытия», которое «никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [4, с. 410]. Если фактическая сторона прошлого не изменяема, то его смысловая сторона не завершена и подлежит трансформации. Это можно рассматривать как своего рода призыв к современным и будущим поколениям учёных, черпающим в минувшем источники понимания настоящего и грядущего, их актуальных задач.

В целом, Бахтин говорил о понятии «большого времени» в контексте поиска методов для описания долгосрочного развития литературы, языка и культуры в целом, формирования в длительной временной перспективе духовного единства человечества. А.Я. Гуревич подчеркивал, что бахтинское «"большое время" — это время творческих изменений, непрекращающегося труда культуры по усвоению и переработке как унаследованного, так и собственного содержания» [7, с. 130-131]. Большое время простирается за пределами индивидуального опыта и включает в себя множество исторических, культурных и социальных слоев, или, как выразился Л.М. Баткин, «волнующаяся синхрония» культурного бытия, охватывающая разные его проекции [1, с. 28-30]. Каждое новое произведение искусства вступает в диалог с «большим временем», а также с другими произведениями и авторами прошлого и настоящего. В любом литературном произведении присутствуют голоса, горизонты и стили, которые отражают множество культурных и исторических контекстов. Поэтому концепция «большого времени» позволяет понимать произведения как часть непрерывного культурного диалога, «большого диалога», длящегося сквозь время и пространство.

Яркий пример для Бахтина – Шекспир, произведения которого таят «сокровища потенциальных смыслов, которые в его эпоху не могли быть раскрыты и осознаны в своей полноте» [2, с. 332]. Автор осознаёт прежде всего то, что ближе к его времени, и, вместе с тем, именно он ощущает его пределы и создаёт условия их преодоления. Автор - пленник своей эпохи, как отмечает Бахтин, но не только. В его достижениях есть и опора на традиции, и рывок в будущее. Освободить его может раскрытие впоследствии тех смыслов, которые были заложены в прошлом. Полнота достижений культуры или науки в этом плане раскрывается только в перспективе большого времени.

В заметках «К методологии гуманитарных наук» Бахтин продумывает конкретные возможности такого подхода. Центром здесь является категория смысла с подчеркиванием его глубины и сложности. Осмысление объединяет разные герменевтические возможности: открытие наличного как созерцание, прибавление через творческое видение, предвосхищение растущих контекстов, отнесение к целому, предвидение незавершенного. Это осмысление не может быть «спокойным и уютным», это вызов, риск, неудовлетворенность, беспокойство. Понимание науки как «беспокойства духа» К. Ясперса, во многом продолжившего веберовские размышления, здесь вполне созвучно.

В последние годы жизни М.М. Бахтин акцентировал важность «далёких контекстов», различая рационализацию смысла, или научный анализ, и углубление его с помощью философско-художественной интерпретации [2, с. 362]. Последнее отличает гуманитарное знание и процесс его получения, когда толкование неизбежно уходит в бесконечность смыслов – бесконечность, поскольку понимание смысла не завершено, оно может раскрыться в будущем своей еще неизведанной стороной. Именно поэтому гуманитарное знание не может стать научным (в значении точности). Если следовать кратким заметкам Бахтина, его роль иная: размыкание смыслов, диалогическое расширение его границ, высвечивание контекста, движение понимания от прошлого к будущему (предвосхищению). Бахтин, в сущности, призывает к переосмыслению гуманитарного познания, подчеркивая важность глубокого анализа культуры и необходимой для этого интеграции различных дисциплинарных областей. Место философии он видел там, где обозначаются границы точной научности, ее предел. Философия - метаязык всех наук, видов познания и сознания. По большому счёту, задача гуманитарных наук заключается в том, чтобы заставить заговорить «вещную» среду, «раскрыть в ней потенциальное слово..., превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей (в том числе и творящей) личности» [2, с. 366].

Категория «большого времени» показывает масштаб взгляда М.М. Бахтина на культуру, человека, творчество и вызывает к ценностно-смысловым основаниям науки. Широчайший горизонт его подхода постоянно просматривается через такие выражения, как «бездонность смысла», «бесконечность смысла», «большой писатель», «большие книги», «большой диалог» и пр. Эти упоминания релевантны и для философии науки, говорят о том, что в понимании развития науки нельзя довольствоваться конкретным и специфическим, «малым». Важно понимать науку как форму культуры, уходящую в глубину ее исторического становления, как часть духовного наследия

человечества. Большое время — это прежде всего «бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает» [2, с. 372], всё возрождается к новой жизни, «итожится и наполняется новым смыслом» [5, с. 8]. Только на таком уровне возможно взаимопонимание культур, развитие науки и ее гуманистического спектра, раскрытие наследия эпох, становление сложного единства человечества и отдельного человека, что для М. Бахтина являлось высочайшей ценностью.

Список литературы

1. *Баткин Л.М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: Росс. гос. гум. ун-т, 2000. 1005 с.
2. *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 361 – 373.
3. *Бахтин М.М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 328-335.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
5. *Бахтин М.М.* В большом времени // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. К столетию рождения Михаила Михайловича Бахтина (1895-1995). Сост., ред. К.Г. Исупов. СПб.: Алетейя, 1995. С. 7-9.
6. *Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Д. Махлина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 47-79.
7. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.

ИСКУССТВО В ПРОСТРАНСТВЕ МЕТАКОГНИТИВНОГО ОПЫТА И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НЕЙРОНАУКЕ

Краева А. Г.

*Кандидат философских наук
Ульяновский государственный университет
E-mail: kraevalex@list.ru*

Аннотация. Нейронаучное трансдисциплинарное пространство захватывает не только всё большее количество предметных областей науки, но и иные сферы культуры. В мировой исследовательской литературе всё большее количество работ посвящено анализу художественного когнитивного опыта в рамках концепции о метапознании. Изучение когнитивных способностей человека, их генезиса и последующего развития сквозь призму натуралистических и культурцентристских оснований делает целесообразным включение нейропедагогики и нейроэстетики в трансдисциплинарный локус исследований мозга, что вызвано ключевыми трансформациями образовательных технологий в ситуации кардинальных эволюционных сдвигов в системе генезиса, культивирования и распространения знания. В работе анализируется роль интонационно-слуховых ритмически организованных паттернов и ритмопластичности, лежащих в основе ментальных структур, осуществляющих произвольную и произвольную корреляцию интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, образовательная нейронаука, нейроэстетика, музыка, когнитивные способности, образовательные технологии, моделирование содержания образования.

ART IN THE SPACE OF METACOGNITIVE EXPERIENCE AND ITS ROLE IN EDUCATIONAL NEUROSCIENCE

Kraeva A. G.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Ulyanovsk State University
E-mail: kraevalex@list.ru*

Annotation. The neuroscientific transdisciplinary space is covering not only an increasing number of subject areas of science, but also other spheres of culture. In the world research literature, an increasing number of works are devoted to the analysis of artistic cognitive experience within the framework of the concept of metacognition. The study of human cognitive abilities, their genesis and subsequent development through the prism of naturalistic and culture-centric foundations makes it advisable to include neuropedagogy and neuroaesthetics in the transdisciplinary locus of brain research, which is caused by key transformations of educational technologies in a situation of cardinal evolutionary shifts in the system of genesis, cultivation and dissemination of knowledge. The work analyzes the role of intonation-auditory rhythmically organized patterns and rhythmic plasticity that underlie mental structures that carry out involuntary and voluntary correlation of intellectual activity.

Keywords: transdisciplinarity, educational neuroscience, neuroaesthetics, music, cognitive abilities, educational technologies, modeling of educational content.

Вхождение сферы художественно-когнитивного опыта в трансдисциплинарное поле нейронауки в целом, и нейрообразования, в частности, является весьма ощутимой с начала XXI века тенденцией преодоления оказавшейся «условной» демаркации между сферами науки и искусства. Это получило выражение не только в расширении онтологического локуса и самого когнитивного поля искусства, но и к изменению сути, предмета, объекта и, собственно, самого его статуса, природы. Каким образом трансдисциплинарная революция затронула образовательные технологии и какова их взаимосвязь с художественной когнитивной практикой?

Хотелось бы подчеркнуть, что именно искусство в силу своей трансдисциплинарной сущности и возможностей, аккумулирует тот эффективный методологический функционал, который необходим сфере нейронаучных исследований. Подобный когнитивный статус искусства обусловлен его сложнейшей физико-математической и биологической природой.

В диапазоне мировой нейронауки понятия «образовательная нейронаука» или «нейрообразование» (educational neuroscience) уже вполне легитимизированы и представляет собой научно-исследовательскую область, предметом которой являются нейробиологические механизмы обучения, в основе которых лежит процесс трансформации нейронных структур головного мозга в процессе генерации новых знаний. Заметим, что термин «нейронаука» в них часто заменяется понятием «нейробиология» [1].

Всё больше работ, в которых искусство обосновывается как эффективнейший образовательный инструмент. Существует точка зрения, что любое творчество в области искусства имеет общий источник, который задается онтогенетическими особенностями человеческого мозга, определяющими эстетический опыт [2, p. 17]. Этот опыт касается всех видов творчества, в том числе и музыкального, поскольку «интегрирует нейтральные относительно друг друга нейронные сети, вызывающие сенсорные и эмоциональные реакции в соответствии с особенностями конкретного организма [3, p. 11].

Нами была выдвинута гипотеза, согласно которой не только в постнатальный, но и в пренатальный период, в процессе онтогенеза человеческого мозга, формируются интонационно-слуховые ритмически организованные паттерны, представляющие собой совокупность элементов и один из модулей врожденных генетических программ, являющихся генетически предзаданными когнитивными структурами, задающими отнюдь не только весь спектр когнитивных способностей, в том числе художественных, лингвистических и математических. На нейрофизиологическом уровне данный процесс представляет собой врожденные нейронные механизмы. Впоследствии в результате действия механизма слухового импринтинга, а также в процессе осуществления взаимодействия с социокультурными артефактами, происходит детерминация качественных характеристик не только всей совокупности когнитивных способностей человека, но и всего мировоззренческого тезауруса в целом, в том числе – осознание этнической (ментальной) принадлежности [4].

Так, исследования подтверждают, что на уровне стиля мышления западноевропейская музыкальная традиция характеризуется принципом четкой тональной организации звукового материала, развёрнутой системой гармоний и ладов с тональным тяготением (с разрешением неустойчивых ступеней в устойчивые), закрепленной в гомофонно-гармоническом, а позже – в полифоническом музыкальном мышлении. Это отражено в строго фиксированном языке нотных знаков равномерно-темперированного строя. Сильнейшим рациональным упорядочивающим началом западноевропейской музыкальной традиции является тактовая, акцентная ритмическая структура.

Восточная музыка во времени развивается вертикально, статично. Прежде всего, стоит сказать о совершенном отсутствии многоголосия в музыке восточной традиции, то есть понятия музыкальной

фактуры (системы многоголосия) не существует. Восточная музыка в своих первоистоках принципиально монодична (одноголосна), что связано с совершенно особым восточным стилем мышления и особенностями культовой (религиозной) музыкальной традиции. Музыкальная рефлексия здесь также направлена «вглубь» — в одной длительности может разворачиваться целое событие, музыка звучит пространственно, вертикально, звучание имеет вектор.

Исследования показывают, что это обусловлено культурно-этнической мозаичностью социума [5]. В период раннего онтогенеза исключительно музыка является единственным каналом усвоения всей совокупности «неявного знания», которая позже в результате действия механизма интонационно-слухового импринтинга во многом обуславливают как устойчивость этнической принадлежности человека, так и когнитивную окрашенность его представлений о мире.

Данная гипотеза – довольно весомый аргумент, который придает особую значимость искусству в процессе научения. Например, в работах западных исследователей экспериментально подтвержден так называемый «эффект Моцарта», который выражается в том, что восприятие «сложных» классических музыкальных произведений развивает пространственное мышление и повышает интеллектуальный потенциал человека [6].

Говоря о достижениях нейронауки, касающихся процесса обучения, нельзя не затронуть нейропсихологические особенности восприятия различных родов знания – абстрактного и конкретного материала, что весьма важно учитывать в ходе образовательного процесса. Сочетание в ходе образовательного процесса разных родов знания отлично иллюстрирует ситуация, разгоревшаяся в начале XX века в естествознании между логистами – «энергетиками» и интуиционистами – «анатомистами» [7, 356-411]. Подобные корреляции обнаруживает также феномен аудиации, который считается фундаментальным механизмом развития музыкально-слуховых когнитивных способностей в музыкальной теории обучения американского нейрофизиолога и музыканта Э. Гордона [8].

Интонационные структуры речи непосредственно взаимодействуют с эмоциями. Поэтому большой массив исследований в области нейрообразования посвящен особенностям обучения, связанным с развитием эмоционального интеллекта, установлением причин влияния стресса на динамику процесса образования и качественные характеристики механизмов запоминания, изучению характера социокультурных и гендерных отличий мозга, проявляющихся в динамике образовательного процесса [9]. Это имеет решающее значение для студентов, которые находятся в начале активного понимания и восприятия мира в его многовекторной целостности. Освоение произведений искусства, происходящее параллельно развитию навыков обучения по самым разным дисциплинам показывает большую эффективность, потому что художественный арсенал способен развивать критическое мышление [10].

Человеческий мозг исключительно пластичен. И если говорить об этом его качестве в общекультурном аспекте, то обнаруживается, что на биологическом уровне организация и динамика мозга претерпевают постоянную трансформацию его взаимобратных корреляционных взаимодействий с социумом и культурой. Пластичность мозга является одним из самых ярких открытий последнего столетия, доказывающая способность мозга к постоянной регенерации (восстановлению) и реструктуризации (процесс постоянного образования новых нейронных связей). Именно ритмопластическое интонирование как априорная способность, заложенная еще до рождения, в пренатальный период, ответственна за степень развития речи (лингвистические способности) [11]. Феномен ритмопластичности теснейшим образом связан с феноменом синестезии, а также закладывает основы психосенсорного опыта, психомоторной и визуальной имитации, обуславливая характер априорных знаково-символических структур, закрепленных в процессе онтогенеза.

Данные нейронаучных исследований свидетельствуют о фундаментальности искусства как особой универсалии человеческого бытия, формирующей мозг человека в спектре целого ряда когнитивных способностей в процессе онто- и нейрогенеза. В этом ракурсе особенно велика роль музыкального искусства. Сказанное подтверждает неоспоримую важность исследований в области образовательной нейронауки, достижения которой уже в самой ближайшей перспективе определяют направленность всего образовательного измерения в современном мире и станут неотъемлемой частью передовых образовательных технологий.

Список литературы

1. *Mareschal D., Butterworth B., Tolmie A.* Educational neuroscience. Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons, 2014.

2. *Starr G.* Feeling Beauty: The Neuroscience of Aesthetic Experience. MIT Press, 2013.
3. *Vessel E.A., Starr G., Rubin N.* The Brain on Art: Intense Aesthetic Experience Activates the Default Mode Network. *Frontiers // Human Neuroscience*. 2012. №6 (66). P. 1–17.
4. *Бажанов В.А., Краева А.Г.* Опыт анализа феномена музыкальности с позиций современной нейронауки // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2021. №2. Т.37. С. 296-307.
5. *Бажанов В.А.* Идея нейросоциологии в современной социальной мысли // *Социологические исследования*. 2017. № 4. С. 27–33.
6. *Degé F., Kubicek C., Schwarzer G.* Music Lessons and Intelligence: A Relation Mediated by Executive Functions // *Music Perception*. 2011. 29(2). P. 195-201.
7. *Лейбниц Г.В.* Об искусстве открытия // *Сочинения в 4-х томах. Том 3*. М.: Мысль, 1984. С. 356 – 411.
8. *Gordon E.E.* Roots of Music Learning Theory and Audiation. [Электронный ресурс]. URL: https://scholarcommons.sc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=gordon_articles (дата обращения: 6.01.2024).
9. *Hooren Van.* Sensitive Periods to Train General Motor Abilities in Children and Adolescents: Do They Exist? A Critical Appraisal // *Strength & Conditioning Journal*. 2020. №42(8). P. 7–14.
10. *Tishman S., Palmer P.* Artful thinking: Stronger thinking and learning through the power of art. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pz.harvard.edu/Research/ArtfulThinkingFinalReport.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).
11. *Michaud A., Vaissière J.* Tone and intonation: introductory notes and practical recommendations // *Kieler Arbeiten zur Linguistik und Phonetik*. 2015. Special Issue: «Theoretical and empirical foundations of experimental phonetics». №3. P.43-80. [Электронный ресурс]. URL: https://shs.hal.science/halshs-01091477/file/MichaudVaissiere_2015_ToneAndIntonation.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

РЕФЛЕКСИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Кузнецова Н. И.

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник Отдела историографии
и источниковедения истории науки и техники
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: car-car@inbox.ru*

Аннотация. Утверждается, что рефлексия и рефлектирующие системы являются особым объектом изучения в комплексе философских и социо-гуманитарных дисциплин. В отечественной философии периода 1960-70-х гг. были предложены три оригинальные версии исследования рефлектирующих систем – Г.П. Щедровицкого, В.А. Лефевра и М.А. Розова. Показано своеобразие каждой программы, каждая из которых имеет последователей. Методология анализа рефлектирующих систем приложима к широкому кругу социальных и гуманитарных дисциплин, включая эпистемологию и философию науки. Отмечено, что модели Щедровицкого были направлены, прежде всего, на оптимизацию и проектирование новых социокультурных практик, а модели Лефевра и Розова в принципе являются дескриптивными. Свообразие рефлектирующих систем и трудности их анализа связаны с постановкой различных задач. П. Фейерабенд кратко сформулировал различие позиций «наблюдателя» и «участника» событий. Участник хотел бы знать, что делать, а наблюдатель ищет ответа на вопрос, что происходит. Поэтому исследователь должен стремиться описать рефлексию участника, но не подменять ее собственной оценкой, не исправлять оценки самой рефлектирующей системы. Хотя на некоторое время рефлексивный анализ исчез из проблемного поля тематики философии и методологии социального и гуманитарного познания, но этот факт следует воспринимать только как досадное недоразумение временного характера.

Ключевые слова: рефлексия, философия науки, методология рефлексивного анализа, проектирование деятельности, дескриптивная позиция, надрефлексивная позиция, Щедровицкий, Лефевр, Розов, Фейерабенд.

REFLECTION AS AN OBJECT OF STUDY

Kuznetsova N. I.

*DSc in Philosophy, Chief Researcher, Department of Historiography
and Source Study of the History of Science and Technology
S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology RAS
E-mail: cap-cap@inbox.ru*

Annotation: It is argued that reflection and reflective systems are a special object of study in a complex of philosophical and socio-humanitarian disciplines. In Russian philosophy of the 1960-70s three original versions of the study of reflective systems were proposed - G.P. Shchedrovitsky, V.A. Lefebvre and M.A. Rozov. The uniqueness of each program is shown, each of which has followers. The methodology for analyzing reflective systems is applicable to a wide range of social and humanities disciplines, including epistemology and philosophy of science. It is noted that Shchedrovitsky's models were aimed primarily at optimizing and designing new sociocultural practices, while Lefebvre's and Rozov's models are, in principle, descriptive. The uniqueness of reflective systems and the difficulties of their analysis are associated with the formulation of various problems. P. Feyerabend briefly formulated the difference between the positions of an "observer" and a "participant" in events. The participant would like to know what to do, and the observer is looking for an answer to the question of what is happening. Therefore, the researcher should strive to describe the participant's reflection, but not replace it with his own assessment, and not correct the assessments of the reflective system itself. Although for some time reflexive analysis disappeared from the problem field of philosophy and methodology of social and humanitarian knowledge, this fact should be perceived only as an annoying misunderstanding of a temporary nature.

Keywords: Reflection, philosophy of science, methodology of reflexive analysis, activity design, descriptive position, over-reflective position, Shchedrovitsky, Lefebvre, Rozov, Feyerabend.

Категория «рефлексия» относительно недавно вошла в лексикон отечественной философии, была легитимирована фактически только в эпоху советской перестройки 80-х гг. XX века. Однако философское образование предполагало обязательное знакомство с этим понятием в рамках изучения истории западноевропейской философии. Уже в 60-е гг. в нашей стране появились яркие, оригинальные и мощные исследования по исследованию рефлексии отнюдь не в историко-философском ключе [1]. Г. П. Щедровицкий (1929-1994) смело утверждал, что в истории философии появилось слово «рефлексия», но «понятия» построено не было. Фактически именно он в рамках руководимого им Московского Методологического Кружка (ММК) стал инициатором развития рефлексивного анализа различных социокультурных практик. Было убедительно показано, что рефлексивный анализ становится действенным инструментом оптимизации разнообразных сфер человеческой деятельности, служит средством эффективного проектирования ее новых сфер самой различной направленности. В любом варианте рефлексия является главным актором в разработке именно методологических проблем, как научного познания, так и практики [5]. Одновременно с программой ММК были предложены еще два варианта разработки проблем, связанных с рефлексией.

Программа В.А. Лефевра (1936–2020) исходила из присутствия рефлексии в разнообразных ситуациях «социальных игр», особенно ситуаций конфронтации и конфликта [2]. После эмиграции в США в 1974 г. Лефевр более чем успешно продолжил свои исследования и построение вариантов «рефлексивных игр» [3].

Программа М.А. Розова (1930-2011) была направлена, прежде всего, на разработку методологических проблем эпистемологии и философии науки, что наиболее полно отражено в его монографии [4]. Предложенная им схема анализа рефлектирующих систем релевантна широкому кругу методологических проблем социальных и гуманитарных наук [1]. Отметим, что если ММК предлагал, помимо описания рефлексии, активную ее перестройку во имя проектирования оптимальных схем деятельности, то подходы Лефевра и Розова можно назвать чисто дескриптивными. Важнейшая задача дескриптивного описания состояла в аккуратном воспроизведении той рефлексии, которая характерна для участника событий, а не для внешнего наблюдателя происходящего.

Однако упомянутые программы рефлексивного анализа практически не были замечены в философских дисциплинах. Напротив, упрочилось мнение, что философский анализ должен быть «рефлексивным», следовательно, устанавливать, что «на самом деле» происходило или происходит, т.е. беспристрастно исправлять те описания, которые предъявляются участниками событий. Традиционная философская позиция фактически исходила из отождествления понятия «рефлексия» с психологическим понятием «самосознание». Конечно, философские словари и энциклопедии определяли рефлексивность как сложную теоретическую деятельность, как «мышление о мышлении», но это фактически не меняло психологического содержания данного понятия.

Лефевру удавалось моделировать конфликтные ситуации. В простейшем случае рассматривалось спортивное единоборство (скажем, шахматный поединок), и было показано, что путь к выигрышу начинался с мысленного моделирования рефлексивных представлений шахматиста, как о самом себе, так и о противнике. Именно здесь формировалась стратегия конкретного поединка, а также всего соревнования в целом. Сторону противника в удачном случае можно поставить под рефлексивное управление, и этим обеспечить выигрыш. Кроме того, Лефевру удалось показать, что ситуации принципиального непонимания, как отдельных личностей, так и целых сообществ, включая государства, зачастую определяются наличием различных систем этических ориентаций.

В Московском методологическом кружке была отработана филигранная техника «рефлексивного выхода» и «рефлексивного входа», которая и определяла специфику методологической работы в широком смысле слова. Оптимизация деятельности связана с «рефлексивным выходом» из совершаемых действий, пересмотром на «рефлексивном табло» соответствия исходного материала, средств и операциональных процедур поставленным задачам. Далее методолог должен был совершить «рефлексивный вход» в наличную деятельность практику и провести необходимые преобразования в ней. Модель ММК была принципиально «двухпозиционной» и не требовала дополнений.

М.А. Розов, напротив, утверждал, что для анализа рефлексии участника событий необходима особая, исследовательская позиция, в рамках которой можно рассмотреть, как фактические действия (которые сплошь и рядом осуществляются просто по непосредственным образцам поведения и деятельности), так и специфику целеполагания актора. Такую позицию он называл «надрефлексивной», подчеркивая, что, прежде всего, следует *описать* рефлексивность системы и её воздействие на функционирование системы. Схожую мысль о принципиальном различии позиций высказывал П. Фейерабенд: «Наблюдатель хочет знать, что происходит, а участник – что ему делать». Их интенции совершенно различны [6, с. 480].

Три модели рефлексивного анализа, построенные еще в 60-70е годы XX века, в какой-то мере дополняли друг друга, и все они стремились к построению такой методологии, которая позволит учесть сложность устройства социокультурного мира. Феномен рефлексии является важнейшим объектом изучения социальных и гуманитарных наук, включая эпистемологию и философию науки. Хотя на некоторое время рефлексивный анализ исчез из проблемного поля тематики философии и методологии социального и гуманитарного познания, но этот факт следует воспринимать только как досадное недоразумение временного характера.

Список литературы

1. Кузнецова Н.И. Рефлексия как конструкт советской философской «оттепели»: семантика и прагматика // Трансцендентальный журнал. 2023. Т.4. Выпуск 1-2. С. 1-30. [Электронный ресурс]. URL: <https://transcendental.su/s271326680025803-3-1/>.
2. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. 2-е изд., М.: Советское радио, 1973. 158 с.
3. Лефевр В.А. Рефлексия. М.: «Когито-Центр», 2003. 496 с.
4. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.
5. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.
6. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: PRO ET CONTRA

Кукель В.Е.

Аспирант

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: lac.kenon@gmail.com

Аннотация. С течением времени технологии трансформируют наш взгляд на мир, предоставляя новые возможности для взаимодействия с информацией и окружающим миром. Дополненная реальность стала неотъемлемой частью этого процесса, особенно в контексте гуманитарных наук. В данной статье мы предлагаем философский взгляд на плюсы и минусы применения дополненной реальности в гуманитарных областях. Философский анализ поднятой проблематики способен актуализировать вопросы о восприятии, зависимости, отчуждении. В этом докладе автор предлагает философский анализ применения дополненной реальности в гуманитарных областях, выявляя не только ее преимущества, но и недостатки. Поднятые вопросы касаются не только технических аспектов, но и влияния на восприятие, зависимость от технологий. Полученные выводы могут являться ценными во взгляде на эволюцию гуманитарных наук в эпоху цифровых технологий.

Ключевые слова: Дополненная реальность, гуманитарные науки, технологии в образовании, визуализация культурного контекста, технологическая зависимость, эстетика реальности, этические соображения.

AR IN THE HUMANITIES: HUMANITIES: PRO ET CONTRA.

Kukel V.E.

Post-graduate student

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

E-mail: lac.kenon@gmail.com

Abstract. Over time, technology is transforming the way we see the world, providing new opportunities to interact with information and the world around us. Augmented reality has become an integral part of this process, especially in the context of the humanities. In this paper we offer a philosophical perspective on the pros and cons of applying augmented reality in the humanities. A philosophical analysis of the issues raised is able to actualize questions about perception, dependence, and alienation. In this paper, the author offers a philosophical analysis of the application of augmented reality in humanitarian fields, revealing not only its advantages but also its disadvantages. The issues raised concern not only technical aspects, but also the impact on perception, dependence on technology. The findings may be valuable in looking at the evolution of the humanities in the digital age.

Keywords: Augmented reality, humanities, technology in education, visualization of cultural context, technology dependency, aesthetics of reality, ethical considerations.

Дополненная реальность (AR) обогащает реальный мир компьютерной генерацией данных, в основном визуальными, звуковыми и текстовыми элементами. В отличие от виртуальной реальности, AR сохраняет восприятие реального окружения, добавляя информационные слои. Реализация AR включает методы распознавания образов и маркеров. Распознавание образов определяет параметры объектов на основе их изображений. Маркеры служат ориентирами для системы, позволяя определить положение виртуальных объектов в реальном пространстве [1].

Использование дополненной реальности в гуманитарных науках открывает новые возможности для трансформации методов исследования. Например, антропологический метод и контекстуальные сравнительные анализы могут быть дополнены AR, позволяя ученым глубже исследовать исторические, культурные и социальные аспекты.

Культурный контекст важен для понимания влияния культурных факторов на мировоззрение, восприятие информации и социокультурные динамики. Учет культурного контекста становится фундаментальным принципом в научном познании.

Канадский ученый Кевин Ки в своей работе «Seeing the Past with Computers: Experiments with Augmented Reality and Computer Vision for History» приводит примеры применения AR в реконструкции исторических памятников. Технология AR успешно применяется для воссоздания лиц на фресках, архитектурных деталей храмов, восстановления текстов на древних рукописях и реконструкции городских пейзажей [2].

Что касается музейного дела, практика использования дополненной реальности уже активно и давно используется. Картины, статуи и других произведения искусства пострадавшие от времени либо событий, реставрируются таким образом, чтобы восстановленный элемент был выделен и отличен от оригинала, но, несмотря на это, реставрационная часть должна быть органично вплетена. На этом этапе может возникнуть множество проблем, которые могут быть связаны как с процессом реставрации, так и с предполагаемым результатом. И некоторые реставраторы в своей работе уже используют технологий AR. Создавая виртуальные слои на объекте, реставратор получает своеобразное для экспериментов, где можно применить более смелые варианты и гипотезы [3].

Ученые в области педагогики активно исследуют возможности внедрения дополненной реальности в образование, реагируя на вызовы современного мира и стремясь к обновлению методов обучения. Технологические изменения, актуализация дистанционного обучения, динамичный рынок труда и важность психологического здоровья требуют разработки новых методов обучения, включая высшую и среднюю школу. Многие исследователи обращаются к визуальным методам воздействия, особенно в свете работ педагога Рудольфа Арнхейма, который подчеркивал роль образов в процессе познания. Развивая "визуальное мышление", можно улучшить усвоение информации и расширить ресурсы памяти, а также эффективно коммуницировать, передавать идеи и вызывать эмоциональные реакции [4].

Использование педагогами технологии AR может включать в себя учебники с использованием дополненной реальности, обучающие игры, приложения для обучения, визуальное моделирование объектов, разнообразные приложения для тренировки навыков и др. [5].

Несколько примеров использования дополненной реальности (AR) в образовательных целях рассмотрены в работе Тимоти Компо и Роберта Макдугалла. Игра MIT Reliving the Revolution (2005) превратила место американской революционной битвы при Лексингтоне в учебную среду, развивая у студентов навыки исторического расследования и критического мышления. World Without Oil (2007) и Urgent Evoke (2010) предоставили платформы для симуляции глобальных кризисов и поиска креативных решений проблем А в игре Urgent Evoke (2010) приняли участие более 19 000 игроков, чтобы дать возможность молодым людям, особенно в Африке, найти творческие решения экологических и социальных проблем [6].

Влиятельная работа в области теории культуры, искусствоведения, социологии и философии Жана Бодрийера (1929-2007 гг.) «Симулякры и симуляция» (1981 г.) поднимает значимую для нашего исследования проблему симуляции образов. Работа представляет глубокий анализ современной культуры, образов и восприятия реальности. В этом труде Бодрийер предлагает сложную и тщательно продуманную теорию симуляции, подчеркивая изменение природы образов и знаков в современном обществе.

В центре работы стоит концепция симулякра – копии, которая не имеет оригинала. Бодрийер выделяет четыре стадии симуляции, начиная от идеальной симуляции, сохраняющей отношение с оригиналом, и заканчивая гиперсимуляцией, где симулякр становится более реальным, чем реальность [7]. Он рассматривает, как медиа, технологии и культура создают этот процесс, и как оригиналы утрачивают свою стойкость.

Жан Бодрийер предостерегал от процессов, при которых реальность замещается и исчезает под влиянием симулякров, тем самым создавая иллюзию реальности. Бодрийер внимательно анализирует эволюцию образов и копий, поднимая вопрос о том, как современное общество воспринимает реальность через поток симулякров и симуляций.

Автор предупреждает что нужно быть осторожным в восприятии симулякра за реальность, поскольку они лишены оригинала и часто могут исказить наше восприятие реального мира. Бодрийер выражает беспокойство по поводу того, что современная культура становится все более насыщенной симулякрами, и призывает к осознанности и критическому взгляду на процессы симуляции и симуляции.

Связь с AR заключается в том, что технология создает виртуальные элементы, интегрированные в реальное окружение, создавая слои информации и визуальных объектов. Это может рассматриваться как современное выражение процессов симуляции, описанных Бодрийером, где виртуальные конструкции в AR представляют собой симулякры, замещающие реальные объекты.

Дополненная реальность, подобно симулякру, представляет собой искусственную имитацию реальности, которая может вводить в заблуждение и оторвана от оригинала. Интеграция AR вызывает опасения относительно потери естественной эстетики, поскольку реальные и виртуальные элементы могут сливаться, влияя на восприятие окружающей среды.

Одним из основных беспокойств является возможная деформация естественной эстетики из-за вмешательства виртуальных объектов, что особенно критично в природных пейзажах, искусстве и архитектуре. В гуманитарных науках, где важны аутентичность и контекст, это может снизить доверие к визуальным данным и исследованиям. Неправильное использование AR может нарушить эстетический опыт, что имеет особое значение в областях искусства, культуры и истории, влияя на восприятие истории и культуры.

Поэтому внедрение технологии AR в гуманитарные науки требует внимательного исследования, чтобы минимизировать негативные воздействия на зрительный опыт и соблюсти ценности аутентичности, эстетики и естественности в гуманитарных исследованиях.

Работа Жака Элюля (1912-1994 гг.) "Технологическое общество" анализирует влияние технологии на современное общество, рассматривая ее как общественное явление, оказывающее глубокое воздействие на все сферы жизни. Элюль выражает беспокойство по поводу автономии технологии, которая формирует общество, не всегда под контролем человека, и предупреждает о потере человеческого измерения в технологическом обществе.

Внедрение дополненной реальности в гуманитарные науки может создать зависимость от технологии, вызывая вопросы о нашей способности функционировать без нее. Это становится вызовом для современных исследователей в условиях бурного применения AR в образовании и гуманитарных науках, а также тенденции к алгоритмизации науки.

Несмотря на то, что работы Элюля написаны до появления технологии AR, его идеи о влиянии технологии на общество могут быть переосмыслены и применены к современному контексту использования дополненной реальности.

Исходя из всего вышеперечисленного негативными аспектами в зависимости гуманитарных наук от технологии дополненной реальности могут быть следующими:

1. Изменение восприятия реальности: AR может исказить представление о реальности, что противоречит стремлению гуманитарных наук к точности и достоверности.

2. Визуальный шум и потеря естественной эстетики: Добавление виртуальных элементов через AR может создавать визуальные помехи и нарушать естественный зрительный опыт, особенно в областях искусства и литературы.

3. Разрыв с историческим контекстом: Применение AR в гуманитарных областях, связанных с историей и культурой, может привести к искажению исторического контекста, угрожая достоверности и аутентичности.

4. Зависимость от технологии: Гуманитарные науки могут потерять традиционные исследовательские методы, становясь зависимыми от технологии и рискуя утратой соответствующих навыков.

В контексте технологий дополненной реальности, можно провести несколько параллелей. Развитие AR-технологий может привести к созданию автономных систем, способных воздействовать на восприятие и взаимодействие людей без прямого контроля со стороны человека. В силу своей способности трансформировать визуальный опыт и взаимодействие, технологии AR могут оказывать значительное влияние на социокультурные аспекты общества. Они формируют новые способы коммуникации, восприятия информации и взаимодействия в цифровом пространстве. Применение технологий AR может вызвать обсуждение относительно того, как они влияют на человеческую природу и взаимодействие.

Список литературы

1. Прокопов С. А., Соколовский Н. А. Основные принципы работы технологий дополненной реальности // Решетневские чтения. 2018. № 2. С. 201-203.
2. Kee K. Seeing the Past with Computers: Experiments with Augmented Reality and Computer Vision for History. Michigan: University of Michigan Press, 2024. 250 p.
3. Grenda M. Tratteggio retouch and its derivatives as an image reintegration solution in the process of restoration. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/ceroart/1700>.
4. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: «Архитектура-С», 2012. 392 с.

5. Курзаева Л. В. К вопросу о применении методов нечеткой логики в задачах управления социально-экономическими системами // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2 (58). С. 150-153.

6. Compeau T., MacDougall R. Tecumseh Lies Here Goals and Challenges for a Pervasive History Game in Progress [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/290917182_Tecumseh_lies_here_Goals_and_challenges_for_a_pervasive_history_game_in_progress (дата обращения 01.06.2024).

7. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 23-30.

8. Ellul J. The technological society. New York: Vintage Books, 1964. 332 p.

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ МИРЕ: ИДЕНТИЧНОСТЬ В БЫСТРО МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

Лисенкова А.А.

Доктор культурологии, доцент, Директор высшей школы Общественных наук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: Oskar46@mail.ru

Аннотация. Современный мир переживает глобальные изменения, связанные не только с социально-экономическими потрясениями, но и с переходом к новой социотехнической реальности, которая стала основанием для движения человеческой цивилизации к новой общественной парадигме. Технологический прогресс формирует социокультурные практики, где взаимодействие человека расширяется до новых форм взаимодействия и построения границ субъектности и идентичности во фрейме человек-машина и человек-алгоритм. Эти трансформации оказывают влияние на динамику социальности, создавая новые онлайн-культуры и влияя на социальные неравенства, формируя персональные и общие нарративы через социальные платформы и онлайн-сообщества на основе заданных сетевых алгоритмов. Этот новый порядок создает другие рамки для индивидуальной и коллективной жизни, требуя внимательного обсуждения и регулирования гуманитарных и этических аспектов. Гуманитаризация технической сферы может стать основой для построения гуманной модели будущего, обеспечивая высокие стандарты этики и устойчивого развития.

Ключевые слова: субъектность, идентичность, технореальность, цифровые технологии, социальные сети, алгоритмы, этика, нарратив.

THE FUTURE OF MAN IN THE DIGITAL WORLD: IDENTITY IN A RAPIDLY CHANGING REALITY

Lisenkova A.A.

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor,

Director of the Higher School of Social Sciences

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

E-mail: Oskar46@mail.ru

Abstract. The modern world is experiencing global changes associated not only with socio-economic upheavals, but also with the transition to a new sociotechnical reality, which became the basis for the movement of human civilization to a new social paradigm. Technological progress forms sociocultural practices where human interaction expands to new forms of interaction and the construction of boundaries of subjectivity and identity in the frame of man-machine and man-algorithm. These transformations influence the dynamics of sociality, creating new online cultures and influencing social inequalities, forming personal and shared narratives through social platforms and online communities based on specified network algorithms. This new order creates a different framework for individual and collective life, requiring careful discussion and regulation of humanitarian and ethical aspects. The humanitarization of the technical sphere can become the basis for building a humane model of the future, ensuring high standards of ethics and sustainable development.

Keywords: subjectivity, identity, technoreality, digital technologies, social networks, algorithms, ethics, narrative

Современный мир стремительно меняется и становится очевидным то, что человеческая цивилизация находится в данный момент в очередном «переходном периоде к новой парадигме общественной жизни» [1, с 18]. В этой связи изменяются общественные отношения, появляются новые запросы к формированию новых общественных институтов и иных форм взаимодействия. Данные изменения связаны не только со сменой общественно-политического каркаса современности, но и с возникновением новых способов трансляции индивидуального и коллективного опыта, а также формирования идентичности и субъектности, связанных с развитием новой социотехнической реальности во фрейме алгоритмическое – эвристическое.

Сегодня мы наблюдаем, как с радикальным изменением социально-культурного ландшафта изменяются и процессы субъектности и идентификации, в которых существенную роль играет цифровая среда. Пространство, в котором персонализированный опыт и нарративные практики выстраиваются в условиях влияния заданных стандартизированных алгоритмов, где изменяется сам способ познания мира. Процесс передачи индивидуального и коллективного опыта происходит не через реальные взаимодействия, а через опосредованные цифровые интеракции. Экспертное мнение и трансляция персонального опыта также распадаясь в пространстве ризоматически выстроенных сетей становится частным мнением каждого, умноженным на спектр социальных контактов, а ценность, и значимость этого опыта задается и определяется сетевыми алгоритмами. Современный технологический детерминизм определяет в общественном взаимодействии многие социокультурные практики, создавая среду, в которой персональная субъектность и идентичность выстраивается в рамках взаимодействия не в привычных формах коммуникаций человек-человек, а в новых способах взаимодействия человек-машина, человек- алгоритм. Ярким примером этому явлению служат различные интеллектуальные системы, системы на основе искусственного интеллекта.

Многие современные теории субъектности, рассматривая индивида как динамично изменяющееся многомерное явление фактически описывают его как модульный конструктор и персональный проект общественного взаимодействия в некоей технологической конвергенции, тем самым подчеркивая слияние различных технологий в единый цифровой опыт, на основании которого человек взаимодействует не только с миром, но и сам с собой, формируя собственный цифровой проект в виртуальной реальности. Фактически цифровые технологии реформируют способы, которыми индивиды выражают свой личный опыт и вызывают эволюцию субъективности, изменяя восприятие себя и окружающего мира, влияя на самовосприятие и конструкцию личной идентичности. Например, социальные медиа, блоги и цифровые дневники предоставляют платформы для индивидуального самовыражения и взаимодействия, где онлайн-контент становится частью цифровой автобиографии, включенную через системы гиперссылок в общую канву цифровой реальности, формирующую индивидуальную цифровую идентичность на основе алгоритма сети и интегрирующую ее в глобальный контекст. Цифровые технологии также играют ключевую роль в формировании общих нарративов. Так социальные платформы и онлайн-сообщества стимулируют обмен коллективным опытом. Тематические хештеги, виртуальные форумы и онлайн-группы способствуют образованию общих историй и значимых событий (ярким примером являются движения #MeToo, #BlackLivesMatter, #Я/МЫИванГолунов и др.). В эпоху цифровых технологий опыт формируется через постоянное взаимодействие с различными цифровыми средствами, позволяя «обживать» новый мир. Онлайн-контент, социальные медиа и виртуальные платформы создают контекст для проживания персонального и коллективного опыта. Виртуализация информации позволяет индивидам осваивать новые навыки, создавать цифровые артефакты и расширять границы своего познания. Таким образом, благодаря цифровой среде происходят существенные изменения в формировании индивидуальной и коллективной идентичности и субъектности: индивидуальный опыт становится «достоянием многих», более выразительным и персонифицированным, индивидуальные истории включаются в часть широкого общественного нарратива, участие в виртуальных сообществах создает общий опыт и формирует новые ценности и экспертные группы. С одной стороны, данные изменения стимулируют новые формы самовыражения, обогащают общественный диалог и способствуют формированию общих нарративов, что подчеркивает динамику взаимодействия между технологиями, человеком и окружающим миром. С другой стороны, социальные платформы и онлайн-сообщества меняют динамику социального взаимодействия. Виртуальные пространства, это места для формирования социальных связей, обмена опытом и создания новых онлайн-культур. Они также могут усиливать существующие социальные неравенства

или способствовать инклюзивности в зависимости от структуры контента и заданных алгоритмов.

Вместе с тем, алгоритмическая структура, встроенная в современную технореальность, формирует мировоззрение современного человека и новые способы взаимодействия с окружающим миром. Эта реальность определяется не только техническими аспектами алгоритмов, но социальными и культурными контекстами, оказывая влияние на идентичность и субъектность, что влечет за собой ряд рисков и ограничений. Так, например, алгоритмические системы адаптируются к контексту пользователя, определяя его предпочтения, локацию и привычки. Это создает персонализированный опыт, но также ограничивает разнообразие восприятий. От алгоритмов в результате современный человек получает рекомендации для поиска партнеров, друзей или контента. Взаимодействие в рамках этих алгоритмов формирует межличностные отношения и определяет круги общения. Алгоритмические системы формируют цифровую память, решая, какие моменты сохранять и поддерживать, услужливо «подбрасывая» их в новостные ленты социальных сетей и оказывая влияние на построение персональных нарративов и восприятие прошлого. Также значимыми оказываются этические проблемы, создающие вызовы нового порядка, т.к. пользователи зачастую недостаточно осведомлены и могут оказаться в неведении относительно того, как их данные используются, и как формируются алгоритмические выводы, которые могут унаследовать предвзятость и дискриминацию из исходных данных. Данные аспекты поднимают этические вопросы о справедливости и равноправии в алгоритмических системах. Так, например, влияние алгоритмов на выборы, общественное мнение и потребительское поведение вызывает этические опасения в контексте манипуляции и контроля социальных процессов. Таким образом алгоритмическая структура и социотехническая реальность создают новые рамки для индивидуальной и коллективной жизни. Это вызывает важные вопросы о воздействии на идентичность, субъектность, а также этические аспекты, требующие внимательного обсуждения и регулирования. Таким образом цифровая среда создает новые условия для:

- комплексного изменения границ субъектности, способов выражения и формирования новых культурных идентичностей, складывающихся во фрейме противоречий и интеграции глобальное/локальное;
- анализа возможностей доступа к знаниям, требующих новых моделей обучения, адаптированных к динамике современной субъективности;
- прогноза обострения проблем приватности и этических противоречий, связанных с алгоритмами и сбором данных;
- различных аспектов гармонизации техносферы, стимулируя ответы на гуманитарные вызовы рамках нахождения баланса между инновациями и будущим человечества.

С целью дальнейших исследований влияния социотехнической реальности на различные общественные процессы целесообразным видится: проведение исследований воздействия цифровизации на психологическое благополучие и ментальное здоровье человека, включая проблемы самооценки, тревожности и депрессии, изменения границ и факторов идентичности, проведение всестороннего анализа и гуманитарной экспертизы этических проблем и разработку стандартов для обеспечения ответственного использования цифровых технологий и соблюдения принципов прав человека в долгосрочной перспективе, внедрение прогрессивных методов обучения, способствующих формированию цифровой грамотности и критического мышления в контексте изменяющейся субъективности и взаимодействия человека с системами искусственного интеллекта, проведение оценки воздействия цифровых платформ на социальные неравенства, включая анализ дифференциации доступа и влияния алгоритмических систем, всесторонний анализ изменений в социокультурных практиках под воздействием цифровых технологий, включая изменения в сфере искусства, литературы и других креативных направлениях, междисциплинарные исследования инновационных подходов к созданию цифровых сред, способствующих конструктивному взаимодействию, с учетом этических норм, развития человеческого капитала и безопасности личности. Таким образом гуманизация технической сферы может стать фундаментом для построения гуманной модели будущего, где технологии служат человеку, способствуют благосостоянию общества и соблюдают высокие стандарты этики и устойчивого развития.

Список литературы

1. Труфанова Е.О., Лисенкова А.А. Цифровой эскапизм – от аддикции до аскетизма // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Т. 5, № 3. С. 17-34. DOI: 10.46539/gmd.v5i3.412.

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК НОВЫЙ ПОВОРОТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБЩЕСТВА

Логина Л.В.

*Доктор социологических наук, профессор кафедры философии
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: lvloginova66@mail.ru*

Аннотация. Процессы цифровизации оказывают серьезное воздействие на социальную реальность и способы ее научного осмысления. В условиях цифровизации по мере проникновения высокотехнологичных систем и инноваций (большие данные, облачные технологии, искусственный интеллект, нейронные сети, блокчейн, таргетинг, смарт-технологии, роботы, наннороботы) в различные сферы и институты общества исследовательское поле социологической науки расширяется за счет новых (цифровых) объектов, а также формируются новая исследовательская методология и инструментарий. Это сопровождается развитием традиционных направлений социологии, а также появлением новых (социология цифровой экономики, социология цифрового труда, социология цифрового права, социология цифрового государства и др.), интегрируемых в рамках цифровой социологии. Быстрое развитие цифровых технологий предоставляет новые возможности для социологии, но также бросает новые вызовы, в частности, связанные с необходимостью критического осмысления последствий цифровизации общества, изменений его функциональности, понимания новых уязвимостей социума, возникающих из-за проникновения в функционирование базовых институтов общества и мир повседневности человека.

Ключевые слова: цифровизация общества, цифровое общество, социальные институты, цифровая социология, цифровые вызовы.

DIGITAL SOCIOLOGY AS A NEW TURN IN THE RESEARCH OF SOCIETY

Loginova L.V.

*DSc in Sociology, Professor of the Department of Philosophy
Saratov State Law Academy
E-mail: lvloginova66@mail.ru*

Annotation. The processes of digitalization have a serious impact on social reality and the ways of its scientific understanding. In the context of digitalization, as high-tech systems and innovations (big data, cloud technologies, artificial intelligence, neural networks, blockchain, targeting, smart technologies, robots, nanorobots) penetrate into various spheres and institutions of society, the research field of sociological science is expanding due to new (digital) objects, as well as a new research methodology is being formed and the tools. This is accompanied by the development of traditional areas of sociology, as well as the emergence of new ones (sociology of digital economy, sociology of digital labor, sociology of digital law, sociology of the digital state, etc.), integrated within the framework of digital sociology. The rapid development of digital technologies provides new opportunities for sociology, but also poses new challenges, in particular, related to the need for a critical understanding of the consequences of digitalization of society, changes in its functionality, understanding new vulnerabilities of society arising from penetration into the functioning of basic institutions of society and the world of everyday life.

Keywords: digitalization of society, digital society, social institutions, digital sociology, digital challenges.

С быстрым развитием цифровых технологий человеческое общество вступило в совершенно новую цифровую эру. В цифровом обществе интернет-среда становится одним из основных информационно-коммуникационных полей взаимодействия людей. По состоянию на начало 2023 г. в 8 странах мира проникновение интернета составляло более 99%, в 55 странах – от 90%, в России – 88,2% [1]. Люди с помощью приложений широко используют цифровые устройства (ноутбуки, планшеты, смартфоны, умные часы) для доступа к информации, общения, потребления, участия в общественной жизни, лечения, обучения, развлечений. Цифровые технологии, проникнув в традиционные

социальные институты, кардинально реконструировали социальную жизнь, вызвали фундаментальные социальные изменения, что поставило перед социологией новые вызовы [2].

В ответ на виртуализацию общественной жизни, цифровизацию общества, его структур, институтов, самого человека возникла цифровая социология как новая отрасль социологического знания, которая использует социологические концепции методы исследования для изучения развития и применения цифровых технологий, фокусируется на влиянии цифровых технологий на поведение человека и функционирование общества, его институтов, а также рассматривает механизмы цифрового социального конструирования.

К сожалению, хотя мир изменился, социальная теория отстает, единой теории и методологии цифровой социологии еще не сложилось. Анализ социальных процессов, связанных с цифровым переформатированием общества и его структур, осуществляемый через призму имеющихся социологических теорий, не дает полной картины и достаточного понимания новой социальной реальности. Вместе с тем накопленный исследовательский потенциал закладывает основы новых парадигм, например, парадигмы цифрового общества [3]; парадигмы общества цифровых рисков с «нелинейным усложнением уязвимостей социума» под влиянием цифровизации [4].

Категория «цифровое общество», как базовая в цифровой социологии, нуждается в дополнительном научном осмыслении. Согласно теории мобильной социологии Дж. Урри [5, с. 24], исторически сложившийся предмет социологии трансформируется, так как социологу становится трудно работать с метафорой «общество» в условиях размывания его границ и отсутствия жесткой привязки к какой-либо территории. Понятие цифрового общества, локализуясь на различных научных уровнях познания, но прежде всего, на социологическом и социально-философском, определяется как «новая стадия научно-технической революции – электронно-цифровая» [6, с. 3]; «очередной этап постиндустриального развития и элемент современной глобальной техногенной цивилизации» [7, с. 4]; «последний этап существования информационного общества и переходный этап к обществу постцифровому» [8, с. 60].

Цифровой прогресс, основу которого составляют процессы сетевизации, датификации, алгоритмизации и платформизации [9], преобразует социальную реальность настолько, что в цифровом обществе изменяется природа социальности, возникают метаморфозы, размывающие прежние представления о социальной идентичности коллективности, статусе [10, с. 141, 146], кардинально изменяются образ жизни человека, его мировоззрение и мораль, обостряются базовые противоречия, связанные с культурным и управленческим отставанием [6, с. 4]. В таком обществе сети становятся основной формой социального взаимодействия, виртуализируются социальные отношения и продукты, возникают новые, более сложные риски и уязвимости, связанные с появлением «цифрового тела», «цифровых двойников», «чипированием человека, его мозга», «цифрового контроля», «обожествлением гугла», распространением идей о «цифровом бессмертии», «цифровой свободе» и т.п. Вместе с тем, по мере роста включенности населения в социальные сети, формируются и новые формы коллективности, сотрудничества, привлечения добровольцев к созданию цифровых общественных благ, реализации других инициатив гражданского общества.

Цифровая среда выступает для социологов важнейшим источником эмпирических данных. В настоящее время замечено, что люди все менее склонны принимать участие в опросах, что подталкивает исследователей к применению новых методов получения оперативной и достоверной эмпирической информации, прежде всего безконтактных. Анализ социальных сетей, цифровых платформ, цифровых следов (отпечатков активности человека в цифровом пространстве) привлекают все больше внимания социологов [11]. Социологи все чаще в своих исследованиях опираются на междисциплинарный подход и анализ больших данных, позволяющих выявлять поведенческие модели социальных групп или общества в целом, предсказать с высокой точностью тенденции [12].

Возникнув в 2000 г., цифровая социология быстро завоевала признание в научных кругах. Благодаря применению теоретических и методологических новаций исследовательская область цифровой социологии претерпевает изменения и развивается. С расширением сфер исследования понимание цифровой социологии может соответствующим образом измениться. Развитие цифровой социологии открывает широкие перспективы и создает новые возможности для исследователей.

Список литературы

1. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 11.02.2024).

2. Шульц В.Л., Гребенюк А.А., Ашманов И.С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. №1. С. 126-144.
3. Нинцевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. Т.1. №1. С. 18-28.
4. Kravchenko S.A. Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn // RUDN Journal of Sociology. 2019. № 19 (3). С. 397-405.
5. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 336 с.
6. Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб: СПбГУП, 2016. 20 с.
7. Чернавин Ю.А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 2. С. 4–12.
8. Василенко Л.А., Мецеракова Н.Н. Социология цифрового общества: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с.
9. Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 134 p.
10. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press; 2016. 223 p.
11. Богданов М. Б., Смирнов И. Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 304–328.
12. Ахтырский А.А. Цифровые методы в социологических исследованиях // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. №3(7). С.53.

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ: ОТ МЕТОДОЛОГИИ К ТЕХНОЛОГИИ

Малиюкова О. В.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: o.maliukova@list.ru*

Аннотация. К современным социогуманитарным технологиям можно отнести следующие способы работы с исходным материалом: базы данных «Консультант плюс» и «Гарант» в юриспруденции, Национальный корпус русского языка в лингвистике, Российскую научную электронную библиотеку и иные базы данных. В статье утверждается, что современные технологии замещают традиционные социально-гуманитарные методологии, придают им новый вид и новые возможности и создают новые познавательные практики, возможности которых несоизмеримы со старыми познавательными процедурами.

Ключевые слова: социогуманитарное знание, методология научного познания, технология научного познания, постнаучные технологии социогуманитарного знания.

SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE: FROM METHODOLOGY TO TECHNOLOGY

Malyukova O.V.

*DSc in Philosophy, professor of the Department of Philosophy and Sociology
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
E-mail: o.maliukova@list.ru*

Abstract. Modern socio-humanitarian technologies include the following methods of working with source material: the “Consultant Plus” and “Garant” databases in jurisprudence, the National Corpus of the Russian Language in linguistics, the Russian Scientific Electronic Library and other databases. The article argues that modern technologies replace traditional social and humanitarian methodologies, give them a new look and new capabilities, and create new cognitive practices, the capabilities of which are incommensurable with old cognitive procedures.

Keywords: socio-humanitarian knowledge, methodology of scientific knowledge, technology of scientific knowledge, post-scientific technologies of socio-humanitarian knowledge.

Современное социогуманитарное научное знание ориентировано на получение нового знания с помощью, как собственных системных методологий и техник, так и с помощью информационно-компьютерных технологий, которые замещают традиционные технологии, сложившиеся в процессе признания социогуманитарного знания наукой.

Наука, под которой традиционно понимается естествознание, появляется на рубеже XVII-XVIII веков. В этот период естествознание постепенно освобождается от натурфилософского диктата, связанного с категориями естественного места, флогистона, теплорода, эфира, неделимого атома и т.д. В свою очередь и философия избавляется от натурфилософских претензий, появляется философия науки. Последовательно появляются термины «науки о духе», «науки о культуре» и «идиографическая наука», противопоставляемые наукам и природе и номотетическим наукам. Авторами терминов стали Вильгельм Дильтей [5], Генрих Риккерт [8] и Вильгельм Виндельбанд [3]. Благодаря деятельности этих мыслителей и их последователей социогуманитарное знание обрело статус научного знания и стало предметом исследования философии науки.

Понятия метода и методологии вошли в философский обиход в эпоху Нового времени вместе с научной революцией. В 1637 г. Рене Декарт опубликовал в Лейдене на французском языке философский трактат под названием «Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках» [4]. Со времен Декарта методология научного познания становится важнейшей частью гносеологии и эпистемологии. Метод — это система принципов, приемов, правил, требований, которыми необходимо руководствоваться в процессе познания. Метод — это теория, обращенная на познание и преобразование объекта, система нормативных правил, выводимых из теории с целью дальнейшего познания объекта. По степени общности методы делятся на дисциплинарные, общенаучные и универсальные.

Дисциплинарные или частнонаучные методы применимы в рамках отдельных наук. Общенаучные методы исследования характеризуют ход познания во всех науках. Универсальные или всеобщие методы характеризуют человеческое мышление в целом и применимы во всех сферах познавательной деятельности. В качестве объективной основы универсальных методов выступают философские закономерности окружающего мира, самого человека, его мышления, познания и практики.

Во второй половине XX в. с самой наукой и ее методом начинают происходить некие изменения, ибо современная наука все меньше открывает и все больше конструирует. Главным методом конструирования реальности и самого человека становится технология. Познавательные технологии начинают заменять познавательные методологии. Значимым видом познавательных технологий является технология научного познания [6]. Технология научного познания может быть определена как система знаний, приемов и принципов, состоящая, как минимум, из трех элементов:

- теории или концепции соответствующего раздела научного знания;
- метода или совокупности методов, основанных на данной теории или системе взглядов, позволяющих практически реализовать лабораторную модель устройства или процесса;
- конкретных приемов, способов, наработок, позволяющих практически реализовать поставленную цель в виде технического устройства в производстве.

Можно выделить три типа технологий в соответствии с фактором их научности:

- донаучные технологии, основанные на традициях и случайных находках и открытиях;
- технологии, основанные на научных знаниях (промышленные технологии);
- постнаучные технологии, основанные на технологической платформе.

Появление нового типа технологии не отменяет старый тип, традиционная (*донаучная*) технология сохраняется, обогащается новой информацией, более того, объявляется аутентичной, на нее возникает мода (экотуризм, индустрия развлечений). Социогуманитарные технологии появляются на фоне технологий, основанных на научном знании, иначе называемые высокими технологиями или технологиями high tech. Впервые появляются социальные технологии в виде системы распространения новостей, технологии обучения, технологии коллективной работы. Далее появились социальные технологии, к которым относятся коммуникационные технологии, избирательные технологии, фейковые технологии, технологии научной деятельности и т. д. Мировое сообщество Интернета является причиной и следствием разнообразных социальных информационных технологий.

Высокие технологии существенно преобразовали современную цивилизацию. Человек стал жить в новом мире, в котором резко сократилось количество людей, занятых в промышленном

и сельскохозяйственном производстве. Социальные технологии стали прямым следствием высоких технологий.

Постнаучные технологии представляют собой современные инновационные технологии, имеющие основанием технологическую платформу. Технологическая платформа представляет собой стартовую площадку для разработки последующих технологий.

Постнаучные технологии как категория встраиваются в современное учение об обществе. Понятие «цивилизация» может быть определена как «технологически обусловленная форма развертывания исторических культур, которые используют технологии для своего существования, а цивилизационный проект — способ такого развертывания» [1, с. 22]. Результатом постнаучных технологий становятся современные социогуманитарные технологии – технологически обусловленные варианты поиска нового знания, нахождения нового контента, построения эмпирического и теоретического знания в социальной и гуманитарной сферах. К современным социогуманитарным технологиям можно отнести следующие способы работы с исходным материалом: базы данных «Консультант плюс» и «Гарант» в юриспруденции; Национальный корпус русского языка в лингвистике; Российскую научную электронную библиотеку; систему «Антиплагиат» и многие другие базы данных.

Потребности исследователя в области социально-гуманитарного знания заключаются, прежде всего, в следующих действиях: набор эмпирического материала под имеющуюся гипотезу; подбор соответствующей литературы; цитирование как основной способ приращения гуманитарного знания; получение нового знания, исключаящего плагиат; знакомство путем автоматического перевода с иностранными источниками.

Все эти приемы с трудом осуществимы в рамках традиционных методологий гуманитарного знания, а именно, герменевтики, логики и риторики. В то же время эти приемы хорошо работают в технологически обустроенных компьютерных способах поиска новых данных. Так, получение нового эмпирического знания и знакомство с иностранной литературой – это отлично решаемая задача в рамках корпусной лингвистики [7]. С помощью системы Google практически решена проблема перевода текстов на английский язык. Проблема цитирования в гуманитарном знании, которая в ряде случаев выступает «как важное и часто единственное средство достижения интересубъективного понимания текста» [2], решается с помощью научной электронной библиотеки e-library.

В заключении можно сделать вывод о том, что современные технологии (информационные, компьютерные, цифровые) замещают традиционные социально-гуманитарные методологии, придают им новый вид и новые возможности, но, и это главное, создают новые познавательные практики, возможности которых несоизмеримы со старыми познавательными процедурами.

Список литературы

1. *Алехнович А.С.* Цивилизационные проекты и российская цивилизация // Вестник РФО. 2020. № 3-4. С. 22.
2. *Анисов А.М.* Логика интересубъективного цитирования // Философский журнал. 2008. № 1. С. 109-132.
3. *Виндельбанд В.* Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М., 1993. 105 с.
4. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч.: в 2 т. Т. 1 / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. С. 297-422.
5. *Дильтей В.* Введение в науки о духе (фрагменты) // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987.
6. *Малюкова О.В., Матренина Л.Ф.* Технология научного познания. М. Проспект, 2021. 448 с.
7. *Мартыненко И.А., Злобина О.Г.* Корпусная лингвистика как инструмент для изучения юридической лексики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 11. С. 88-98.
8. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Меттини Э.

*Кандидат педагогических наук
Российский национальный исследовательский медицинский университет
им. Н.И.Пирогова
E-mail: emiliano@inbox.ru*

Вигель Н.Л.

*Доктор философских наук
Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России
E-mail: 22nara@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема объективности и субъективности в гуманитарных исследованиях. Проблема объективности в гуманитарных исследованиях заключается в том, что человеческие явления сложны и многогранны. Они зависят от контекста, культуры, исторических обстоятельств и личного восприятия. Исследователь, работающий в гуманитарных науках, часто сталкивается с трудностями в определении объективных фактов и установлении однозначных закономерностей. Кроме того, субъективные предпочтения и предубеждения исследователя могут оказывать влияние на выбор темы и методов исследования, а также на интерпретацию результатов. В статье рассматриваются различные подходы к проблеме объективности и субъективности в гуманитарных исследованиях, а также предлагаются некоторые рекомендации по их преодолению. Одним из подходов может быть объективация исследования путем использования систематического анализа данных и предварительной стандартизации процесса исследования. Другим подходом является осознанное признание субъективности исследователя и поиск способов минимизации ее влияния на результаты исследования. Таким образом, проблема объективности и субъективности в гуманитарных исследованиях является сложной и требует внимательного рассмотрения.

Ключевые слова: гуманитарные науки, гуманитарные исследования, объективность, субъективность, методология, интерпретация, критическое мышление.

THE PROBLEM OF OBJECTIVITY AND SUBJECTIVITY IN HUMANITARIAN STUDIES

Mettini E.

*CSc in Pedagogy
Russian National Research Medical University named after N.I.Pirogov
E-mail: emiliano@inbox.ru*

Wiegel N. L.

*DSc in Philosophy
Rostov State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
E-mail: 22nara@mail.ru*

Abstract. This article examines the problem of objectivity and subjectivity in humanitarian studies. The problem of objectivity in humanitarian research is that human phenomena are complex and multifaceted. They depend on context, culture, historical circumstances, and personal perception. A researcher working in the humanities often faces difficulties in determining objective facts and establishing unambiguous patterns. In addition, the subjective preferences and biases of the researcher can influence the choice of research topics and methods, as well as the interpretation of the results. The article discusses various approaches to the problem of objectivity and subjectivity in humanitarian studies, and also offers some recommendations for overcoming them. One approach may be to objectify research by using systematic data analysis and prior standardization of the research process. Another approach is

the conscious recognition of the researcher's subjectivity and the search for ways to minimize its impact on the research results. Thus, the problem of objectivity and subjectivity in humanitarian studies is complex and requires careful consideration.

Keywords: humanities, humanitarian studies, objectivity, subjectivity, methodology, interpretation, critical thinking.

Проблема объективности и субъективности является одной из важных философских проблем, возникающих в гуманитарных науках. В гуманитарных исследованиях мы имеем дело с изучением человеческой природы, социальных отношений, истории, культуры и других сложных явлений, которые трудно поддаются строгой объективной измеримости. С одной стороны, ученые исследовали и обсуждали вопрос о достижении объективности в научных исследованиях. Среди них можно указать таких ученых, как К. Поппер, Т. Кун, П. Бурдьё, И. Лакатос и многих других. К. Поппер предложил концепцию фальсифицируемости утверждая, что научные теории должны быть подвергаемы проверке и опровержению. Он считал, что строгая проверка и критическое отношение к собственным исследованиям способствуют достижению объективности. Т. Кун разработал концепцию смены парадигмы, утверждая, что научные исследования прогрессируют через периоды накопления знаний и революционных изменений понимания. Он признавал, что научные сообщества могут быть предвзятыми и стремился к развитию более объективной методологии. П. Бурдьё подчеркивал, что научное знание всегда в контексте социокультурной среды. Он уделял внимание роли социальных, экономических и политических факторов в формировании научной методологии и призывал ученых к осознанию своих предубеждений. И. Лакатос разработал методологию научных исследований на основе понятия "исследовательской программы". Он утверждал, что объективность может быть достигнута путем формулирования и проверки научных гипотез в рамках существующих исследовательских программ. С другой стороны, в гуманитарных науках есть мнение о том, что субъективность необходима и неотъемлема от исследовательского процесса. Ученые утверждают, что гуманитарные исследования часто имеют дело с субъективным опытом, убеждениями, ценностями и интерпретациями, которые могут влиять на формирование знания и понимание исследуемого явления. М. Фуко полагал, что субъективность необходима для анализа власти, знания и социальных отношений. Он утверждал, что наши представления о мире формируются исходя из наших субъективных исторических, культурных и социальных контекстов. Ж. Деррида разработал концепцию деконструкции, которая обращается к субъективной природе языка и текстов. Он считал, что мы никогда не можем полностью избежать субъективности в интерпретации текстов, и что именно эта субъективность позволяет нам открывать новые значения и перспективы. Ж.-Ф. Лиотар признавал важность субъективности в гуманитарных исследованиях. Он считал, что язык и культура являются субъективными конструкциями, которые формируют наше понимание мира. М. Вебер разработал концепцию "понимающего понимания" (Verstehen), подчеркивая субъективность и особенности восприятия и понимания социальной реальности. Возникает вопрос о том, как сопоставить объективные данные с субъективными интерпретациями и достичь хотя бы относительной объективности в гуманитарных науках. Каким образом контекст и предрассудки исследователя влияют на его работу? Какую роль играет этика в гуманитарных исследованиях? Как оценивать и описывать степень объективности и субъективности в исследованиях гуманитарного характера?

Эти вопросы требуют глубокого анализа философских концепций и методологических подходов, таких как конструктивизм, герменевтика, феноменология и постструктурализм. Каждый из этих подходов предлагает свои воззрения на то, как объединить объективность и субъективность, а также какие методы будут востребованными в этих исследованиях. Исследование данной проблемы является важным шагом к лучшему пониманию природы гуманитарных наук, их особенностей и вызовов. Оно поможет развить критическое мышление, осознанность и глубокое аналитическое мышление среди исследователей и студентов гуманитарных специальностей. Среди методологий исследования в гуманитарных науках существуют те, которые стремятся обеспечить максимальную объективность результатов. Рассмотрим некоторые из таких методологий.

1. Количественные методы. Они основаны на сборе и анализе количественных данных, которые могут быть измерены с использованием объективных инструментов. Это могут быть опросники, анкеты, шкалы оценок и т.д. Статистический анализ этих данных позволяет получить объективные результаты, поскольку он основан на числовых фактах.

2. Экспериментальные исследования. В некоторых гуманитарных дисциплинах, таких как психология и социология, используются экспериментальные методы. В таких исследованиях установлены четкие протоколы и процедуры, где переменные контролируются с целью получения

объективных результатов. Эксперименты могут проводиться в контролируемых лабораторных условиях или в полевых условиях.

3. Содержательный анализ. Этот метод подразумевает качественное исследование текстовых материалов, таких как документы, литература, интервью и т.д. Путем анализа содержания или контента этих материалов исследователь стремится выявить общие темы, тренды и паттерны. Хотя содержательный анализ не исключает наличие субъективности, он может быть надежным и объективным инструментом при строгой методологии и анализе.

4. Мета-анализ. Подход, который объединяет результаты нескольких исследований с помощью статистических методов. Мета-анализ позволяет получить обобщенные результаты, которые представляют собой синтез данных из различных исследований. Этот метод помогает объективно оценить эффекты и сделать общие выводы на основе большей выборки данных.

Но, несмотря на использование этих методологий, важно помнить, что полная объективность может быть недостижима в гуманитарных науках из-за своей субъективной природы. Поэтому важно указывать ограничения и осознавать возможное влияние субъективности исследователя на результаты. Субъективность является неотъемлемой частью исследовательского процесса, особенно в гуманитарных науках. Каждый исследователь имеет свои предпочтения, убеждения, предвзятости и жизненный опыт, которые могут повлиять на выбор темы исследования, постановку вопросов, интерпретацию данных и сделанные выводы.

Субъективность исследователя может проявляться в различных аспектах исследования.

Во-первых, это выбор самой темы исследования. Исследователь может предпочитать изучать те аспекты и проблемы, которые вызывают у него больший интерес или которые соответствуют его собственным убеждениям и ценностям.

Во-вторых, субъективность может проявиться в методологии исследования. Исследователь выбирает методы, инструменты и подходы, которые считает наиболее подходящими для достижения своих целей. При этом может существовать предвзятость в выборе конкретной методологии или предпочтении определенных исследовательских инструментов.

Третий аспект субъективности связан с интерпретацией и анализом данных. Исследователь применяет свои собственные знания, опыт и предпосылки при интерпретации полученных результатов. Это может привести к тому, что разные исследователи могут прийти к разным выводам, их интерпретации могут быть окрашены их субъективными взглядами.

Несмотря на присутствие субъективности, исследователи должны стремиться к наиболее объективным результатам и минимизировать влияние своих предпочтений и предвзятостей. Для этого можно применять методы сбора и анализа данных, использовать множественные источники информации, проводить критическую оценку своих предпосылок и искать подтверждение и контроль своих результатов через пировые обзоры и репликацию исследования. Также важно открыто описывать свои предпочтения и ограничения исследования, чтобы читатели и другие исследователи могли принять их во внимание при интерпретации результатов.

Сопоставление объективных данных и субъективных интерпретаций является важной задачей в исследовательском процессе. Объективные данные основаны на наблюдениях, измерениях или фактах, которые можно проверить и подтвердить. Субъективные интерпретации, с другой стороны, основаны на личных взглядах, мнениях и предпочтениях исследователя.

При сопоставлении объективных данных и субъективных интерпретаций важно учитывать несколько аспектов:

1. Прозрачность исследования: Исследователь должен ясно указывать, какие данные были собраны, как они были обработаны и какие методы использовались для получения интерпретаций. Такой подход позволяет другим исследователям и заинтересованным сторонам повторить и проверить результаты.

2. Контекст: Субъективные интерпретации могут быть влиянием личного опыта исследователя. Важно учитывать контекст, в котором эти интерпретации сделаны, и учесть возможность наличия предвзятости или искажений.

3. Множественные перспективы: Рассмотрение различных точек зрения может помочь при сопоставлении объективных данных и субъективных интерпретаций. Разные исследователи с разным опытом и фоном могут привести к различным интерпретациям одних и тех же данных. Учет различных точек зрения способствует более полному пониманию и анализу исследовательской проблемы.

4. Критический подход: Критическое мышление и самокритика важны для анализа объективных данных и субъективных интерпретаций. Исследователи должны активно исследовать свои

собственные предпосылки и предположения, а также быть готовыми к возможности пересмотра их интерпретаций на основе новых фактов или аргументов.

В целом, процесс сопоставления объективных данных и субъективных интерпретаций требует тщательной и критической работы со стороны исследователя, учета контекста и рассмотрения различных точек зрения, что поможет получить более объективное и всестороннее понимание проблемы.

РУССКО-ПРАВОСЛАВНАЯ УКОРЕНЁННОСТЬ УМА В СЕРДЦЕ КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВЕРШЕННОГО НАЦИЗМА

Лукутин А.А.

Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора по административной и воспитательной работе

Волго-вятский филиал ордена Трудового Красного Знамени Московского технического университета связи и информатики

E-mail: lukutin66@mail.ru

Мурзаев Д.В.

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей

Институт филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского

E-mail: ds7771@bk.ru

Аннотация. В статье отмечается, что наблюдаемая в настоящее время тенденция набирающего обороты, возрождающегося нацизма связана с укоренённостью ума современного человека в голове и теле. Сердце в православной традиции всегда наиважнейшая часть души, являющаяся средоточием духовно-нравственной жизни человека. Автор согласен с тезисом, согласно которому истоком живучести деструктивной идеологии нацизма является склонность западного сознания к гностическому дискурсивному мышлению, разделяющему людей на высшие и низшие касты. Обосновывается мысль о том, что подобного рода гносеоцентризм, питающий нацистское человеконенавистничество, может и должен быть преодолен характеризуемым предубежденностью по отношению к гносеологизму русским православием, разумно мыслящим укорененным в сердце умом, соборно, понимающе.

Ключевые слова: Русское православие, человек, сердце, ум, нацизм, гносеологизм, понимающее мышление, соборность, духовность, технические и естественные науки.

RUSSIAN-ORTHODOX ROOTING OF THE MIND IN THE HEART AS A SOLUTION TO THE PROBLEM OF UNFINISHED NAZISM

Lukutin A.A.

DSc in Pedagogy, Deputy Director for Administrative and Educational Work

Place Volgo-Vyatka branch of the Order of the Red Banner of Labor of the Moscow Technical University of Communications and Informatics

E-mail: lukutin66@mail.ru

Murzaev D.V.

DSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of English for Humanities

Institute of Philology and Journalism of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: ds7771@bk.ru

Abstract. The article notes that the currently observed trend of growing, resurgent Nazism is associated with the rooting of the mind of modern man in the head and body. The heart in the

Orthodox tradition is always the most important part of the soul, which is the focus of a person's spiritual and moral life. The author agrees with the thesis that the source of the persistence of the destructive ideology of Nazism is the tendency of Western consciousness towards gnostic thinking, dividing people into higher and lower castes. The idea is substantiated that this kind of gnoseocentrism, which feeds Nazi misanthropy, can and should be overcome by Russian Orthodoxy, which thinks with a mind rooted in the heart, conciliarly.

Keywords: Russian Orthodoxy, man, heart, mind, Nazism, epistemology, understanding thinking, conciliarity, spirituality, true «I».

Обращение в современных условиях к проблеме нацизма обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, это явление не изжито и продолжает проявляться в виде русофобии. Мировое меньшинство на западе боится, и, стало быть, в силу этого ненавидит все Русское, кажущееся ему непонятным умом, холодным расчетом. Во-вторых, оно представляет собой пагубное античеловеческое нечто, растаптывающее все моральные, духовные и нравственные устои [5]. Никак у них все-таки не получается стоять на фундаменте сердца и любви, предполагающих отдачу и единство, выход за пределы материализма, за рамки инструментального отношения ко всему существующему. В-третьих, нацизм не был ликвидирован в 1945 году при капитуляции Германии, он не исчез в результате Нюрнбергского процесса, это непрерывное и довольно старое историческое явление. Нацизм, расизм, колониализм и неолиберализм имеют общие аксиологические основания и построены на мифах превосходства и технократическом расчеловечивании человека [6, с. 16]. Все эти «измы» ненависти произрастают из идеи неравенства одних человеческих существ в сравнении с другими.

Незавершенность и удивительная живучесть деструктивной идеологии нацизма связаны с укорененной в сциентизированном сознании представителей коллективного запада гностической и гносеоцентристской идеей принципиального и абсолютного неравенства людей, разделяющей их на высшие и низшие касты [7]. Западная ментальность исходит из инстинктно-интеллектуальной техники орудия, а не интуитивной техники сердца. В чем же состоит различие этих двух фундаментально оппозиционных линий мироощущения, вариантов жизненных стратегий?

Инстинкт и интеллект – это потоки плотоядной симпатии, движимые корыстным и собственническим желанием завладеть познаваемым предметом. Им во многом присущ некий паразитизм, нахлебничество, питание энергией жертвы. Проблема аналитизма интеллектуального подхода заключается в неизменном разделении и расчленении всего, к чему он только не прикасается. Установку на глубинную дезинтеграцию всего и вся представляется возможным сравнить с онтологической категорией свойства [8], понимаемой как отдельный отличительный признак, присущий какому-то одному носителю характеристик. Антидух инстинктно-интеллектуального не предполагает выхода за пределы собственного небытия, оставляет его держателя в оковах физической субстанции и логической акциденции.

Совершенно другую картину можно наблюдать в случае интуиции, предполагающей сердечную способность мгновенно схватывать сущность изучаемого явления через непосредственное соединение в любви с ним. Синтетизм понимающего мировосприятия всегда сопряжен с объединением и собиранием. Установку на глубинную интеграцию всего и вся представляется возможным сравнить с онтологической категорией отношения [8], понимаемой как схожий и общий признак, присущий как минимум двум носителям характеристик. Дух интуитивно-сердечного органически предполагает выход за рамки собственного бытия [9], этическую трансценденцию.

Ограниченный пространством, временем, числом и каузальной причинностью рассудок с логической необходимостью оказывается не в состоянии выйти и прорваться в измерение единящего сущее духовно-нравственного разума как раз в силу своего сциентизма, утилитаризма и эмпиризма. Ориентированное на внешнее относительное количественно, направленное на внутреннее абсолютное и реальное качественно.

Сформулированные выше соображения помогают прояснить природу нацизма и лучше понять, почему именно мыслящее в духе соборности и всегда отличавшееся приоритетом духовного над материальным русское православие содержит в себе потенциал к преодолению антидуха атомизма и демокритизма, лежащего в основе рассматриваемой дегуманизированной идеологии. Что же именно в Русском Православии способно распродметить нацизм?

В статье «Реализация принципа соборности в деятельности Русской православной церкви» профессор Шапошников Л.Е. пишет о том, что «идентичность русского православия заключается в духе соборности» [10]. Соборность — не имеющее аналогов в других языках понятие в русской религиозной философии, означающее свободное духовное единение людей как в церковной жизни,

так и в мирской общности, общение в братстве и любви [11]. Может рассматриваться как составляющая часть русского менталитета [12]. Субстратное начало ориентированной на частное и особенное идеологии нацизма лишается своей силы, аннигилируется содержащейся в русском православии направленной на всеобщее-общее метафизической основой, христианско-этической идеей о принципиальном и абсолютном равенстве всех людей перед Богом [2]. Гегель считал, что «в любви вместе с правом исчезает чувство неравенства» [12]. Владимир Соловьев писал: «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловно центральное значение, которое в силу эгоизма мы ощущаем только в самих себе» [17].

Этимологически слово «любовь» происходит от слов «любой, всякий» [14], не какой-то особый или избранный, приватный, частный, отдельный и особенный. В логическом плане это означает, что софийное, мудрое как божественное ищется во всеобщем-общем, универсальном и интеграционном, которые не схватываются ограниченной имеющейся в распоряжении наличного бытия эмпирией, сущим. Общее благо как нравственно должное умопостигаемо и интеллигибельно, доступно благодаря гармонии ума и чувства разумению любящего абстрагироваться, подниматься до высот предельного обобщения и абсолютной целостности, цельности. Именно в этом Русским всегда удавалось преуспеть, им везло мгновенно схватывать природу и сущность постигаемого (сродность, глянуться) [4], потому что энергия абсолютной интеграции рождается и генерируется в умах (чело, логик, ум, слово, вид), укорененных в сердце (Бог, век, тео, раз, род), удивительно магнетичном Благе. Общее связано с понятием «рода» (природа, народ, Родина, роды, Рождество), а не «вида или индивида».

Вышеславцев Б.П. основными недостатками современной цивилизации видел в потере культуры сердца, утрате чувства любви [3]. В статье «Сердце в христианской и индийской мистике» Борис Петрович подчеркивал, что «пустота и скука, безвыходная тоска, чувство ничтожности происходят оттого, что иссякла центральная сила личности, засохла ее сердцевина» [3]. Русский мыслитель писал, что «установившаяся после Ренессанса безрелигиозная западная цивилизация делает центром науку, технику, разум. Напротив, восточное христианство, не утратившее платонистических традиций, еще считает центром всего сердце – как источник любви и духовности» [13]. Тупики западной цивилизации осознаются сегодня и ее представителями [13].

Как можно увидеть выше, ключевой особенностью западной цивилизации являлась установка на разрыв с религией, ее безбожность, наука и техника, ум и познание умом, отход от любви сердцем, познанием душой, постижением мира. Нельзя не согласиться со словами В.В. Розанова о том, что технические и естественные науки способствуют совершенствованию пребывания тела, и создают условия, в которых не растет душа человека [15]. Производимые технической и естественной науками инструментальные знания направлены на преобразование мира, но они непригодны для преобразования души человека [13, с. 81]. Подлинное преображение человека, рождение полноценного субъекта наступает, когда его «чело» укореняется в «веке», когда его ум начинает руководствоваться любовью, верой, нравственными ценностями и эстетическим чувством [15], когда голова направляется вечным, духовным, выходит за оковы собственного эгоистического небытия.

В заключении хотелось бы особо выделить следующее. Существующая длительно и плодотворно работающая уже 33 года на базе Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина площадка взаимодействия интеллигенции и церкви, место встречи знания и веры для обсуждения наиактуальнейших проблем современности показала, что подобного рода вариант решения проблемы имевшей место в трагические периоды истории нашего Отечества расколотости этих двух лагерей [15] во многом способствует налаживанию взаимопонимания между умом и сердцем, помогает укоренить одно в другом, тем самым преодолевая возможность возникновения деструктивных идей в сознании российского общества в целом и в его интеллигенции в особенности. Самое главное состоит в том, что такой длительный воспитывающий диалог не допустил и продолжает не допускать катастрофического отхода образованного слоя нашего народа от духовных традиций Отечественной культуры. Россия сможет остаться собой исключительно при условии приоритета воспитания в системе образования страны, ее просвещения. А светом русских всегда была Православная вера. По мысли профессора Шапошникова Л.Е., великий смысл русской философии состоит в призыве к поиску духовных ценностей, их неустанному созиданию, недовольству «наличным бытием», признанию самоценности человеческой личности [4].

Список литературы

1. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия //

- Философские произведения. М., 1990. С. 69. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6ONOULuP8cU> (дата обращения: 20.12.2023).
2. Лазарев В.В. Соборность // Новая философская энциклопедия в 4 тт. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. Т. Н-С. С. 580.
 3. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 62.
 4. Замалеев А.Ф., Криштапович Л.Е., Маслин М.А. и др. Лев Евгеньевич Шапошников в пространстве русской философии // Вестник Мининского университета. 2019. №2 (27). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lev-evgenievich-shaposhnikov-v-prostranstve-russkoy-filosofii> (дата обращения: 20.12.2023).
 5. Незавершенный нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления: монография / А.В. Щипков. М.: РПУ св. Иоанна Богослова, 2024. 134 с.
 6. Атлантический нацизм – органическая форма западного бытия: разбой и ограбление под лозунгами прогресса. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6ONOULuP8cU> (дата обращения: 20.12.2023).
 7. Нацизм как основа англосаксонского глобалистского проекта. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/6450efa96341b27c4635e40c> (дата обращения: 20.12.2023).
 8. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения / А.И. Уемов М.: Книга по Требованию, 2013. 184 с.
 9. Парилов О. В. Консервативная форма русского национального самосознания: становление и основные этапы развития: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / О. В. Парилов. Нижний Новгород 2006. 34 с.
 10. Шапошников Л.Е. Реализация принципа соборности в деятельности современной Русской православной церкви // Вестник РХГА. 2015. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-sobornosti-v-deyatelnosti-sovremennoy-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi> (дата обращения: 03.01.2024).
 11. Розов Н. С. Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика // Мир России. Социология. Этнология. 2011. № 2. С. 100-112.
 12. Гегель Г.Ф. Философия религии: В 2-х т. М., 1975. Т. 1. 532 с.
 13. Марков Б.В. Философская антропология: Учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
 14. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Любовь // Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1975. С. 250.
 15. Поздравление президента Мининского университета Шапошникова Л.Е. с Днем науки (видеозапись поздравления Шапошникова Л.Е. от 8 февраля 2020 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MtXWuEwnGYU> (дата обращения: 20.12.2023).
 16. Правчтение. Портал о православной литературе. Александр Щипков на Новой площади представил свою новую книгу «Незавершенный нацизм». Новость от 01.12.20023. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravchтение.ru/novosti/aleksandr-shchipkov-na-novoy-ploshchadi-predstavil-svoyu-novuyu-knigu-nezavershenny-natsizm/> (дата обращения: 20.12.2023).
 17. Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. М., 1989. Т. 2. 822 с.

ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ: РЕАБИЛИТАЦИЯ ДОКСЫ

Невважай И.Д.

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: igornevv@gmail.com*

Аннотация. В античной философии было проведено различие истины и мнения, оказавшее существенное влияние на становление западной культуры. Истина стала важнейшей ценностью научного познания. Это обстоятельство создало немало проблем, связанных с поиском критериев научности для гуманитарного знания. В докладе предпринята попытка реабилитации мнения как особого типа знания, адекватного человеческой природе и культуре. Предпринятый анализ двух форм организации знания, возникших еще в античности, – системы и синтагмы – показывает, что синтагма является наиболее подходящей формой организации теоретического гуманитарного знания. Показывается связь истины с определенным типом власти – власти силы,

а мнения – с властью авторитета, а также связь знания-истины с понятием бытия, а связь знания-мнения с понятием права. Предлагается проект логики согласия, в отличии от логики насилия, которая соответствует процессу коммуникации, ведущему к выработке общих правил.

Ключевые слова: истина, мнение, система, синтагма, власть, бытие, право.

HUMANITIES: REHABILITATION OF DOXA

Nevvazhay I.D.

DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy

Saratov State Law Academy

E-mail: igornevv@gmail.com

Abstract. In ancient philosophy distinction between truth and opinion which has had essential impact on the western culture formation. Truth became most important value of scientific knowledge. This circumstance has created many problems connected with definition of criteria of scientific character for humanitarian knowledge. In the report an attempt of rehabilitation of opinion as special type of the knowledge adequate to a human nature as a subject of humanitarian knowledge is made. The undertaken analysis of two forms of organization of knowledge, which have been arisen in antiquity, – systems and syntagma – shows that the syntagma is the most suitable form of organization of theoretical humanitarian knowledge. Connection of truth with a certain type of power – force power, and opinion – with authority power, and also connection of knowledge-truth with concept of being, and connection of knowledge-opinion with concept of the right is shown. In contrast to the logic of violence, a draft of logic of consent is proposed which corresponds to communication process leading to development of common rules.

Keywords: truth, opinion, system, syntagma, power, being, right

Древнегреческие философы стали различать знание (истину) и мнение (доксу). Понимание знания как истины выразилось в создании Аристотелем логики и построении систем знания и определило пути развития европейской классической философии. Возникает представление о философии как метафизике и «науке наук». В рамках такого понимания знания и философии не вписывается большой корпус гуманитарного знания, который до сих пор рассматривается как особая форма науки.

Однако существует другой подход, которому уделяется явно недостаточное внимание. Наряду с системой (Аристотель) в античности (у Эпикура и эпикурейцев) рассматривалась иная форма организации знания – синтагма [1]. В гуманитарном познании объект включает познающего субъекта. В синтагме присутствие субъекта в познаваемой реальности выражено тем, что знание фиксирует или выражает субъективное отношение к объекту в объективированных формах и, прежде всего, в языковой форме. То есть гуманитарная теория есть теория условий познания, субъективного человеческого отношения к миру.

Подход к гуманитарному знанию не как к системе, устроенной по законам формальной логики, а как к синтагме содержится в кантовском проекте философии как законодательстве в сфере разума. В «Критике чистого разума» Кант писал, что «...философ есть не виртуоз разума, а законодатель человеческого разума» [2, с. 489]. Следуя за Кантом, я считаю, что предметом собственно философии является свобода как способ существования человека. Но этот абстрактный тезис может быть наполнен конкретным содержанием, если мы вспомним, что человек, как отмечал еще Кант, творит законы свободы. О философии можно говорить как об учении о правах человеческого разума, о его законодательной функции, о генезисе норм, формировании нормативных систем, развитии законов «для себя», «для других» и «для всех» (вместе с другими). С так понимаемой философией тесно связано гуманитарное знание, состоящее из ряда отраслей: право, мораль, искусство, языкознание и т.д.

Можно сказать, что философская парадигма «истины» и философская парадигма «мнения» существенно расходятся между собой по категориальным рядам. Первая характеризуется такими категориями, как «бытие – метафизика – закон – объективность – система – формальная логика – монологизм – власть силы – тождество различных – тоталитаризм». Вторая определяется другим рядом: «право – законодательство разума – правило – субъективность – синтагма – содержательная логика – диалогизм – власть авторитета – единство многообразия – анархия».

Знания-истины выполняют функции власти, принуждая человеческий ум признавать их как «правильные», единственно возможные, и требуется лишь следовать и воспроизводить их. Знание может не только обеспечивать реализацию чьих-то властных интересов, но само осуществлять анонимную и потому бескорыстную власть, целью которой является она сама. Это отражено в понятии онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма, которое было введено Дерридой для характеристики комплекса парадигмальных установок культуры классического типа. Истина довлеет над человеческим индивидом, принуждает принять её как единственно возможный способ «правильного» мышления. В рамках философии тождества единство мыслится как подчиненность многого чему-то одному (единому, субстанции, материи, разуму и т.п.). Эту логику можно назвать кратос-логикой («кратос» по-гречески означает силу).

Науки о природе строят систему знания, которая безразлична к человеку. Власть истинного объективного знания обезличена как со стороны субъекта, так и объекта власти. Эта власть безразлична к ценностям и нормам присущим реальным индивидам. Система научного знания объективна и закрыта для человеческой субъективности. Из трех законов механики Ньютона не следует с необходимостью возможность перемещаться по земле с помощью колеса, из законов генетики не следует моральная заповедь «не убий». Синтагма – это своего рода зеркало, глядя в которое человек видит самого себя, или, если воспользоваться вышеприведенной метафорой, синтагма есть снимок «селфи», полученный с помощью обратной камеры смартфона.

Системы и синтагмы и, соответственно, науки о природе и гуманитарные науки, противопоставлены друг другу также, как противопоставлены сфера необходимости и сфера свободы, мир бесчеловечный и мир человеческий. Общей синтагмой является философия как конституция человеческого разума, а гуманитарные дисциплины представляют собой своего рода отраслевые (предметные) синтагмы подобно отраслям права в юриспруденции.

Неклассическая философия призвана различить факт и право и предложить способ аргументации, который апеллирует не только к наличным «фактам», но и к «праву». Поэтому здесь мысль должна соотносить себя не с бытием (чтобы быть истинной), а с правом.

Что значит право применительно к мышлению? Прежде всего необходимо иметь в виду, что право в европейском смысле есть результат общего признания индивидуальных притязаний. Понятие права распространяется лишь на те состояния, которые могут быть человеком изменены: либо утрачены насильственным образом (нанесение ущерба), либо приобретены или улучшены (дар, восполнение нехватки или компенсация нанесенного ущерба). Любая философская аксиома может быть изменена, а значит ее статус в человеческом мышлении чисто правовой. В философии создаются презумпции и фикции, которые замещают реальность, которая не может быть нам дана. Презумпции являются допущениями, которыми мы руководствуемся, даже если они нарушаются или не соответствуют конкретным фактам.

Необходимо специально подчеркнуть, что рассмотрение мышления под знаком права (смысла), а не наличного бытия, необходимо связано с признанием существования множества независимых субъектов, множества сознаний, не редуцируемых к единому и единственному Разуму. Аргументация «по праву» заключается в том, что мы принимаем какое-то утверждение не потому, что оно верифицируемо, а потому, что нет оснований его отвергать со стороны других, например, оно ничему из известного не противоречит, и оно рассматривается как необходимый инструмент для решения определенных проблем, т. е. как презумпция.

Если синтагма строится на мнениях, на обмене мнениями в процессе коммуникации, то какой логике подчиняется процесс создания синтагмы? Для ответа на этот вопрос необходимо снова обратиться к представлению о власти знания. Здесь важно различать два вида власти. Еще в античные времена было зафиксировано различие между властью, понимаемой как «кратос», и властью, понимаемой как «архе» [3]. Власть, обозначаемая греческим термином «кратос», понимается как власть над кем-то, подчинение чужой воли насилию. Другой вид власти, обозначаемый термином «архе», означает власть для чего-то, для достижения конкретных целей. В отличие от власти силы, этот вид власти целесообразен по отношению к обеим сторонам властеотношения – властвующей и подчиняющейся – и основан на доверии компетентности власти и подчинению ее авторитету без насилия ради достижения значимых для обеих сторон целей. Требуется согласие двух сторон на вступление в отношения господства и подчинения. Это согласие достигается на основе существования взаимных интересов, а не на принуждении воли одной стороны исполнять волю другой стороны отношения. Суть этого вида властеотношения в обмене услугами, на котором, как считал Аристотель, держится единство социума. Но для этого необходимо, чтобы каждая из сторон отношения обмена нуждалась в услуге другого. Это мы видим на рынке, где происходят отношения купли и продажи. Это

имеет место и в отношениях врача и пациента. Основой обмена служит заинтересованность членов общества в том, что подвергается обмену.

Какова же логика отношений между субъектами обмена услугами, логика доверия и взаимного согласия, отличная от логики отношений господина и раба? Логика доверия опирается на «демократическое» понимание власти, которое не уничтожает свободу. В логике согласия основанием является коммуникация между субъектами ради совместного достижения целей каждого. Логика согласования интересов, потребностей, воли и мнений должна вести к рождению общего правила, с помощью которого осуществляется справедливый обмен продуктами, например, прав и обязанностей, ущерба и компенсации (закон талиона). Логика согласования возможна в форме дополнительности противоположностей, когда игнорируются закон противоречия и закон исключенного третьего. Для истин нарушение этих законов логики недопустимо, для мнений, не претендующих быть истинами, возможно. Мои собственные исследования контроверзы реализма и конструктивизма в эпистемологии привели к выводу о наличии логики взаимодополнительности, когда оба взаимоисключающих противоречащих друг другу мнения состоят в отношении взаимного оправдания, обоснования [4]. В логике дополнительности работает другое понимание единства – не подчинение частного общему, а взаимодополнительность различного, противоположного, где право на существование каждой из противоположностей оправдано существованием другой противоположности.

Итак, философия в целом и гуманитарное знание и, соответственно, гуманитарные дисциплины (но НЕ науки) исследуют мнения субъектов коммуникации в социуме и стремятся выработать правила их согласования.

Список литературы

1. *Огурцов А.П.* Этапы интерпретации системности научного знания (античность и Новое время) // Системные исследования. Ежегодник – 1974. М., 1974. С. 154-186.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 592 с.
3. *Франсуа Везен.* Философия французская и Философия немецкая; Воображаемое; Власть / Франсуа Федье / Франсуа Везен; Пер. с фр., общ. ред. и послесл. В. Б. Бибикина. Москва: УРСС, 2002. 151 с.
4. *Невважай И.Д.* Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 83-97.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗУМА

Останина О.А.

*Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии,
социологии и философии*

Вятский государственный университет

E-mail: ostanina125@gmail.com

Аннотация. Исследование исторической рациональности в контексте критики исторического разума представляется актуальным: в последние десятилетия произошли изменения в исторической науке, обусловленные ее междисциплинарностью и применением новых технологий, идет глубинная перестройка структур общественной жизни и исторического сознания, что влияет на рост разнообразия исторических интерпретаций. Критика исторического разума может осуществляться в рамках узкого подхода, когда она ограничивается вопросами о границах познания истории, формах и нормах познания, трансцендентальном субъекте. Широкий подход является более адекватным реальному положению дел в историческом познании, дополняя понимание субъекта познания, анализируя предметность, предпосылочность, контекстуальность исторического познания, идеал научности. Критика исторического разума раскрывает, уточняет содержание исторической рациональности: выявляет корреляцию научной и социокультурной рациональности в исследовании истории, показывает недостаточность критики только разума. Гносеологический анализ должен быть

дополнен онтологическим, востребованной оказывается философская теория исторического процесса как органическая часть исторической рациональности.

Ключевые слова: историческая рациональность, критика исторического разума, субъект познания, В. Дильтей, неокантианство, философия жизни.

HISTORICAL RATIONALITY AND CRITICISM OF HISTORICAL REASON

Ostanina O.A.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Cultural Studies,
Sociology and Philosophy
Vyatka State University
E-mail: ostanina125@gmail.com*

Abstract. The study of historical rationality in the context of criticism of historical reason seems relevant: in recent decades, there have been changes in historical science due to its interdisciplinarity and the use of new technologies, there is a profound restructuring of the structures of social life and historical consciousness, which affects the growth of the diversity of historical interpretations. Criticism of historical reason can be carried out within the framework of a narrow approach, when it is limited to questions about the boundaries of knowledge of history, forms and norms of knowledge, and the transcendental subject. A broad approach is more adequate to the real state of affairs in historical cognition, complementing the understanding of the subject of knowledge, analyzing the objectivity, presupposition, contextually of historical knowledge, the ideal of scientific knowledge. The critique of historical reason reveals and clarifies the content of historical rationality: it reveals the correlation of scientific and socio-cultural rationality in the study of history, shows the insufficiency of criticism of reason alone. The epistemological analysis should be supplemented by an ontological one, and the philosophical theory of the historical process as an organic part of historical rationality is in demand.

Keywords: historical rationality, criticism of historical reason, the subject of knowledge, V. Dilthey, neokantianism, philosophy of life.

С решением проблемы исторической рациональности связано выяснение специфики исторического познания, его методологии. В самом общем смысле слова под рациональностью, как известно, понимается общезначимая совокупность правил, приемов познания, мышления.

Понятие «историческая рациональность» может содержать указание на историчность рациональности, изменение ее типов, обусловленное как развитием науки, так и трансформацией социокультурных обстоятельств. Нас интересует рациональность в контексте познания истории, и историческая рациональность также исторична. Кроме того, историческое познание – с содержательной и формальной сторон – зависит от ответа на вопросы, как возможна история, возможна ли историческая наука без философии истории.

Актуальность проблематики исторической рациональности сохраняется с конца XIX века. Он определяется как век истории, когда развитие исторической науки привело к ее определенному оформлению, с одной стороны, и, с другой стороны, к возникновению проблем, которые, по словам Р. Арона, «ставила перед Кантом ньютоновская метафизика: проанализировать собственные признаки исторических наук, подняться до форм, до категорий духа, выделить следствия, которые влекут новые знания для самой манеры мыслить, т.е. для философии» [1, с. 11]. Названные проблемы сгруппировались в критике исторического разума, направленной на выяснение и прояснение особенностей методологии исторического познания, его оснований, как теоретико-познавательных, так и онтологических.

Сама формулировка «критика исторического разума» отсылает к «коперниканскому перевороту» И. Канта, его трансцендентализму. Как замечает Г. Зиммель, открытие И. Канта, «согласно которому наши опытные данные обусловлены сверхчувственными, как бы привнесенными нашим духом предпосылками, еще отнюдь не исчерпало свою плодотворность». Но Кант применял свое открытие только в области естествознания; «историческое интересовало его лишь с точки зрения нравственной ценности и само по себе не составляло для него предмет собственного исследования. А между тем весь психологический и исторический мир в такой же степени нуждался в проверке с точки зрения его априорных предпосылок» [2, с. 27]. Таким образом, критика исторического разума

предполагает своего рода доработку идей Канта, распространение его учения на область исторического мира, на обработку материала исторического бытия. Данное понимание критики исторического разума можно определить, на наш взгляд, как узкое; более же широкое определение включает в себя выход за рамки собственно кантовских установок как в трактовке субъекта исторического познания, так и в его [познания] предметности. Исследование исторической рациональности в свете критики исторического разума значимо и актуально в XXI веке, что обусловлено междисциплинарным характером исторических исследований, трансформацией исторического сознания, глубинной перестройкой структур общественной жизни, наличием разнообразных исторических интерпретаций.

Критика исторического разума не представляет собой нечто однородное, системно организованное. К ней можно отнести разные философские направления и школы – философию жизни, неокантианство, герменевтику, как ее представителей можно назвать В. Дильтея, Г. Зиммеля, Ф. Ницше, В. Виндельбанда, Г. Риккерта и др., обращавших исследовательское внимание на различные стороны исторической рациональности во взаимосвязи с критикой исторического разума. Содержание критики исторического разума многоаспектно и многогранно, назовем главные, на наш взгляд, вопросы.

Если придерживаться кантовской постановки вопроса, то критика исторического разума (и, соответственно, историческая рациональность) означает прежде всего выяснение, что в познании истории зависит от субъекта, каковы пределы познания истории, что в ней задается субъектом и в предметно-содержательном, и логико-гносеологическом, методологическом планах. Критика исторического разума отталкивается от трансцендентализма Канта, говоря о наличии правил мышления, о формах и нормах познания, об априорных предпосылках познания, называя их, например, формы духа (Г. Зиммель), структурные компоненты сознания (В. Дильтей); речь идет о том, что об истории следует судить исходя из рациональных правил [3, с. 58].

Вместе с тем, теория познания Канта и трансцендентализм претерпевают существенные изменения. Изменения выражаются в трактовке субъекта, который рассматривается как реально живущий, переживающий. «В отличие от идеализма Канта, настаивающего на фундаментальной роли категорий в науках о природе, реализм Дильтея определяет вклад категорий гуманитарных наук таким образом, что с их помощью можно выявить потенциал самой жизни. В обоих случаях категории – это понятия, делающие возможным понимание. Однако в случае Канта условия возможности понимания разыскиваются путем регрессивного анализа, а в случае Дильтея их нахождение зависит от наблюдения того, что предлагает само переживание» [3, с. 48]. В случае неокантианства нормативность и категориальность сознания имеют отношение к ценностям, априорным и абсолютным.

Другим отличительным моментом является признание того, что нормы и формы познания, компоненты сознания могут перегруппировываться в зависимости от социокультурного контекста, своеобразия жизни, исторического мира. Здесь важно обратить внимание на то, что жизнь понимается как объективации сознания, из чего делается важный методологический вывод о корреляции структур сознания и структур исторической жизни, что означает принципиальное новое видение историчности и выявление новых оснований объективности исторического знания. У Канта объективность знания коренится в трансцендентальном субъекте, выводится из него, из универсальности априорных форм созерцания и категорий рассудка. В критике исторического разума обоснование объективности знания, в определенной степени, выводится за рамки трансцендентального субъекта: в неокантианстве, в частности, у Г. Риккерта используется теория ценностей, опирающаяся на принцип универсальности истории, хотя сами ценности являются содержательными характеристиками сознания субъекта, что является предпосылкой понимания, интересубъективности. В. Виндельбанд так разъясняет свою позицию по данному вопросу. Предлагая критический, а не генетический метод в историческом познании, он подчеркивает, что критический метод «нуждается лишь в одной общей предпосылке, а именно в том, что существует нормативное сознание, чьи принципы должны быть признаны ... критический метод исходит из убеждения, что существуют общие ценности и для того чтобы их достигнуть, эмпирический процесс представления, воления и чувствования должен проходить в тех нормах, без которых достижение этой цели немислимо. ... предпосылку критического метода составляет вера в общезначимые цели и их способность быть познанными в эмпирическом сознании» [4, с. 225].

У В. Дильтея универсальность истории и интересубъективность связаны с аналогичностью структур индивидуальных сознаний. Универсальность здесь не означает одинаковости исторических описаний или реальной истории, они невозможны вследствие фактора времени и незавершенности истории. Человек изучает жизнь, являясь ее частью, он познает через историю самого себя и,

одновременно, творит историческую жизнь. Критика исторического разума, стало быть, предполагает веру в человека и его исторические возможности.

Есть еще один аспект исследований исторической рациональности, инициированный, можно сказать, критической философией И. Канта. Кантовская проблема апперцепции трансформируется в проблему целостного взгляда на историю и понимания исторического бытия как целостности. Как замечено выше, в рамках критики исторического разума целостность, так или иначе, выводится из субъекта, что для исторической рациональности, по нашему мнению, недостаточно. И в развитии герменевтики и феноменологии после В. Дильтея данная проблема – у Г. Шпета, М. Хайдеггера – находит решение через обращение к собственно бытию, социальному, историческому.

В контексте нашего анализа обратим внимание на изменение научной рациональности. Во-первых, следует сказать о роли идей И. Канта в изменении представлений о сущности науки и научного познания. Во-вторых, возникшая как осмысление идей И. Канта применительно к истории критика исторического разума, в свою очередь, оказала влияние на эволюцию типа научной рациональности, введя в нее принцип историзма и указав на наличие предпосылочного уровня научного познания, обусловленного историчностью.

Общей чертой философских учений, которые могут быть отнесены к критике исторического разума является их направленность против позитивизма, натурализма, что выражено в логическом дуализме, признающим автономию логик наук о природе и наук о духе. Логический дуализм, несмотря на ряд своих ошибок, позволяет преодолеть односторонность натуралистского подхода, показать своеобразие исторических наук и поставить вопрос об их философских и социокультурных основаниях. Говоря о последних, Ф. Ницше, например, замечает: «История, поскольку она сама состоит на службе у жизни, подчинена неисторической власти и потому не может и не должна стать ... чистой наукой, вроде ... математики. Вопрос же, в какой степени жизнь вообще нуждается в услугах истории, есть один из важнейших вопросов, связанных с заботой о здоровье человека, народа и культуры» [5, с. 168]. Идеи Ф. Ницше, на наш взгляд, могут быть использованы для дополнения и развития критики исторического разума, понимания субъекта. Субъект укоренен в историческом бытии, и структурные компоненты его сознания, априорные знания сформировались в ходе исторической эволюции, самой исторической жизни. Об этом пишет и Г. Шпет, подчеркивая важность для исторической рациональности решения вопроса о предметности истории, о содержании той реальности, на изучение и понимание которой направлена историческая наука; от этого будут зависеть методы, способы познания. Более того, историческая реальность взаимосвязана с миром как целым, и знание о ней вписано в общую картину мира.

Другим аспектом критического анализа критики исторического разума является определение отношения к объяснению и теории в истории. Так, Г. Шпет верно указывает на ошибку В. Дильтея, состоящую в отождествлении понятий «объяснение» и «естественно-научное объяснение» [6, с. 12]. Данное отождествление ставит под вопрос теоретический характер исторического знания. «В применении к таким наукам, как история, методы законоустанавливающих наук являются негодными и бесцельными, но такие науки не исключают теорий, всегда с ними оперируют и даже теряют свой наукообразный характер, если воздерживаются от построения всяких теорий. Но действительная область объяснения есть не установление законов, а именно построение теорий» [6, с. 13].

Таким образом, критика исторического разума, к которой можно отнести различные философские школы и учения, ставит и решает ряд важных вопросов исторического познания – о его субъекте, границах познания истории, предпосылках исторического познания, его формах и методах, трансформирует идеал научности. В то же время выявление незавершенности и непоследовательности критики исторического разума расширяет, уточняет содержание исторической рациональности. Во-первых, обратим внимание на значение разработки проблемы соотношения научной исторической рациональности и социокультурной исторической рациональности, обнаруживающей себя в повседневной жизни людей, в разнообразных практиках и формах жизни. Во-вторых, для понимания целостности как исторического знания, так и исторической жизни методологически значимо исследование категорий единичного, особенного, общего. В-третьих, в условиях расширения полей исторического познания благодаря его междисциплинарности обнаруживается недостаточности критики разума, важно прояснение предметного содержания истории, а, следовательно, нужна теория истории, исторического процесса. Поэтому, в-четвертых, необходимо признать роль и место философии в исторической рациональности, невозможность истории без философии.

Список литературы

1. Арон Р. Критическая философия истории // Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М., СПб., 2000. С. 5-212.
2. Зиммель Г. Кант. Шестнадцать лекций, прочитанных в Берлинском университете // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. С. 7-157.
3. Маккрил Р.А. Творческая сила истории и построение исторического мира у Дильтея // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. Материалы научной конференции. Под ред. Н.С. Плотникова. М., 2002. С. 47-64.
4. Виндельбанд В. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995. С. 209-231.
5. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 158-230.
6. Шпет Г. История как проблема логики, ч. II, гл. VII: Вильгельм Дильтей // 2 текста о Вильгельме Дильтее. М., 1995. С. 5-136.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» И СМЕНА ПАРАДИГМ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Пак Г. С.

*Доктор философских наук, профессор
профессор кафедры философии физического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: galinapak5@gmail.com*

Аннотация. Для ответа на вопрос, были ли революции в социально-гуманитарном знании после формирования КМВ - парадигмы, основные идеи которой заложены трудами Конта, Маркса, Вебера, предпринят сравнительный анализ социальных и «цветных революций» по следующим параметрам: соотношение стихийного и сознательного, внутреннего и внешнего, идейности и безыдейности протестных движений, роль знаний в ходе подготовки и проведения революций. «Цветная революция» не является подлинной социальной революцией, а её копией, подделкой, симулякром, поскольку соотношение выделенных параметров носит противоположный характер. Исходя из понимания «цветной революции» как технологии государственного переворота в результате вмешательства внешних сил, делается вывод об изменении эпистемологических оснований, лежащих в основе конструкта «цветной революции». Знание понимается как то, что люди сами считают знанием. Это обеспечивает возможность формирования ложного сознания и использования манипулятивных технологий в ходе проведения «цветных революций». Таким образом, в социально-гуманитарном знании КМВ - парадигма по изменению социальной реальности заменяется парадигмой конструирования реальности.

Ключевые слова: "цветная революция", социальная революция, изменение реальности, конструирование реальности, эпистемологические основания.

EPISTEMOLOGICAL FOUNDATIONS OF "COLOR REVOLUTIONS" AND PARADIGM SHIFT IN SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE"

Pak G. S.

*Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the
Faculty of Physics
Lobachevsky NNGU
E-mail: galinapak5@gmail.com*

Abstract. In order to answer the question whether there were revolutions in social and humanitarian knowledge after the formation of CMS - the paradigm, the main ideas of which are

laid down by the works of Comte, Marx, Weber, a comparative analysis of social and "color revolutions" on the following parameters is undertaken: the ratio of spontaneous and conscious, internal and external, ideological and idelessness of protest movements, the role of knowledge in the preparation and conduct of revolutions. "Color revolution" is not a genuine social revolution, but its copy, fake, simulacrum, because the ratio of the highlighted parameters is opposite in nature. Based on the understanding of "color revolution" as a technology of coup d'état as a result of the intervention of external forces, the conclusion is made about the change of epistemological foundations underlying the construct of "color revolution". Knowledge is understood as what people themselves consider to be knowledge. This provides the possibility of forming false consciousness and using manipulative technologies in the course of conducting "color revolutions". Thus, the paradigm of changing social reality is replaced by the paradigm of constructing reality in the social and humanitarian knowledge of CMS.

Key words: "color revolution", social revolution, reality change, reality construction, epistemological foundations.

В отечественной науке широко распространенным является подход, согласно которому существует общая логика развития науки. На этом основании экстраполируется схема В.С. Степина, выработанная на основе анализа исторического развития естественно-научного знания, на область социально-гуманитарных наук. А.М. Орехов усомнился в обоснованности такого подхода, не учитывающего, по его мнению, реальную историю развития наук об обществе. Поскольку любая научная критика должна быть продуктивной, автором предлагается собственное видение проблемы. Утверждается, что в науках об обществе и человеке произошла только одна революция, сформировавшая одну единственную парадигму. Эта революция получила название КМВ - революции, на основании того, что её фундамент заложен трудами О. Конта, К. Маркса, М. Вебера [1]. После этого наступает теоретическое затишье, которое характеризует нормальный этап в развитии науки. Отсюда следует вывод, что ничего принципиально нового со времен Конта, Маркса и Вебера в социально-гуманитарном знании не произошло, не было больше никакой революции, в ходе которой был осуществлен переход от неклассической к постнеклассической науке. Но так ли было на самом деле? Для ответа на этот вопрос предлагается сравнить две теории революции: социальной революции и «цветной революции».

Преобладающее большинство исследований цветных революций проводится в рамках политических наук, что отнюдь не исключает необходимости философской рефлексии проблемы. Термин «цветная революция» ввел в широкое употребление Джин Шарп, известный как классик и сторонник «методов ненасильственных свержений режимов». Основная идея Шарпа сводится к рассмотрению политических режимов не западно-ориентированных государств в качестве диктатуры, необходимость свержения которой очевидна. В качестве эффективного способа достижения заявленной цели предлагается революция» [2]. Политический дискурс отечественных политологов начинается с утверждения, что цветная революция не является социальной революцией. Это положение не является дискуссионным в среде российских ученых. С точки зрения методолога науки представляется важным теоретический контекст возникновения понятия «цветная революция», выявления тождественной основы социальной и цветной революций. Термином революция характеризуется один из механизмов социальных изменений, в качестве его альтернативы выступает понятие эволюции. Революция рассматривается в качестве движущей силы исторического развития, представленного как процесс смены общественно-экономических формаций.

Классическое представление о социальной революции разработано марксизмом на основе материалистического понимания истории. Человеческая история рассматривается в качестве естественно-исторического процесса. Смена общественно-экономических формаций осуществляется в ходе революции, представляющей системное преобразование общества. Наступление социальной революции неизбежно, но неизбежность исторических событий отличается от необходимости и закономерности природных процессов. В истории действует особая объективность, объективность второго порядка, которую Гегель называл «хитростью разума». Каждый отдельный индивид преследует свои личные цели, но из этих сознательных действий складывается социальная закономерность как равнодействующая этих сил. Объективность второго порядка как социальная необходимость является не просто результатом человеческой деятельности, а постоянным процессом взаимопревращения объективного и субъективного. Отсюда следует, что для революции необходимы объективные предпосылки и субъективный фактор. Своей зрелости субъективный фактор достигает в политической деятельности рабочего класса, когда он превращается из «класса в себе» в «класс для

себя». До этого ключевого момента пролетариат как носитель «ложного сознания» был неспособен к адекватному осознанию собственных интересов. С созданием политических партий рабочего класса исчезает возможность его использования в интересах другого класса. Классическая теория социальной революции основана на первичности объективных условий, производным от которых является субъективный фактор, который способен лишь замедлить или ускорить наступление события, но не в состоянии его отменить.

«Цветная революция» есть ненасильственный государственный переворот и относится лишь к политической сфере в отличие от революции социальной, которая носит системный характер. Понятие «цветной революции» по своему содержанию имеет смысл лишь в рамках эволюционной теории социальных изменений. Но использование понятия, разработанного сторонниками формационного подхода, в рамках эволюционной модели развития общества, приводит к тому, что оно не просто меняет свое содержание, а маскирует подлинный смысл. Социальная и «цветная революция» являются формами массового социального протеста, в которых вектор влияния внешних и внутренних причин, объективных условий и субъективного фактора носит принципиально противоположный характер.

Если социальная революция проходит под лозунгами свободы, равенства, справедливости, то «цветная революция» – это процесс безыдейный» [3, с.88]. Социальная революция направлена на утверждение нового более справедливого социального порядка, что не отменяет возникновения стихийных движений в ходе революционной борьбы. Историческая тенденция проявляется в увеличении роли субъективного фактора, сознательных действий в процессе социальных изменений, который достигает апогея в «цветных революциях». Теоретики цветных революций разрабатывают тщательный план массовых протестных выступлений, создавая видимость стихийного проявления народного недовольства. Освобождение от диктатуры, о котором ведет речь Джин Шарп, является имитацией политической революции. Пришедшая на смену старому режиму политическая сила не приходит к власти, её приводят к власти внешние силы, а не подавляющее большинство населения, поскольку революционная ситуация отсутствует. На поверхности происходит смена властной верхушки государства, а на самом деле меняется его геополитическая ориентация, трансформируются основания легитимности всей государственности страны. Источник легитимности не находится больше на территории данного государства, а уверенно дрейфует в сторону метрополии, «в ядро мировой системы управления капитализмом» [4, с. 64].

Выдвигаются две версии для понимания и объяснения причин «цветных революций». В рамках первого подхода «цветная революция» предстает как инсценировка, как симулякр подлинной социальной революции. По своей сути «цветные революции» являются новым способом вмешательства посторонних субъектов во внутренние дела государства с целью продвижения своих политических и экономических интересов. Версии о стихийности «цветных революций» придерживаются представители второго подхода. Определяющее влияние внешних сил, исходящих из метрополии, а не большинства населения страны выступает веским основанием для признания обоснованности первого подхода. Придерживаясь версии инсценированности, следует признать, что «цветные революции» всего лишь технологии по смене политической власти в государстве, а не метод демократического транзита, обеспечивающий переход от более несовершенной к более совершенной форме демократии. Отметим, что «цветная революция» не просто технология, а «технологический конструкт, помещенный на определенном этапе в конфликтное поле того или иного государства при обязательном условии формирования в этом политическом пространстве политических, экономических и геополитических предпосылок для реализации проекта» [5, с. 36].

«Цветная революция» – стала типичным явлением XXI в. В современном политическом дискурсе не идет речь об эпистемологических основаниях «цветных революций», без которых они просто невозможны. На этапе становления социально-гуманитарных наук знание представляло собой адекватное описание реальности, в условиях КМВ – революции научные знания считались необходимым условием изменения социальной реальности в прогрессивном направлении, ведущем к более справедливому устройству общества, к росту свободы и т.д. В конце XX века происходит качественное понимание того, что является знанием и какова его роль в обществе. Представление о научном знании с его критериями научности отходит на второй план, широкое распространение получает понимание того, что знанием является то, что сам человек считает знанием. Социальные субъекты, которые обладают возможностью утверждать свое знание в качестве легитимного знания, получают право на переоценку ценностей, на формирование «ложного сознания» у большинства населения. В этих условиях ложь становится условием жизни, о чем писал Ницше в работе «По ту сторону добра и зла». В этом кроется тайна всех цветных революций, меняется не сама реальность,

а формируется нужное «ложное» представление о ней на основе использования всего научного арсенала, объективированного в социальных технологиях.

Революция в эпистемологических основаниях привела к смене социальных революций, «цветными революциями». Таким образом, после КМВ-революции в социально-гуманитарном знании произошла еще одна революция. На смену парадигме изменения социальной реальности пришла парадигма конструирования реальности.

Список литературы

1. Орехов А. М. «КМВ-революция» и её значение для понимания эволюции социально-гуманитарного знания. // Право и государство: теория и практика. 2020. №11 (191). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kmv-revoljutsiya-i-ee-znachenie-dlya-ponimaniya-evolyutsii-sovremenного-sotsialno-gumanitarnого-znaniya> (дата обращения: 04.01.2024).

2. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.

3. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. Ч. 1 // Свободная мысль. 2012. № 1-2. С. 87-98.

4. Глецов Р. А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. №4 (249). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetnye-revoljutsii-teoreticheskiy-kontsept-i-politicheskaya-praktika> (дата обращения: 28.12.2023).

5. Вердиханова З. В. «Цветные революции»: теории и технологии // Регионоведение. 2016. №1 (94). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetnye-revoljutsii-teorii-i-tehnologii> (дата обращения: 28.12.2023).

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНДЕРНОГО РАЗРЫВА (РАЗВОРОТА) В КОНТЕКСТЕ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Папков В. Е.

*Ассистент кафедры интегративной и восстановительной медицины
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет
им. М. Горького» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: parkovvalery@rambler.ru*

Аннотация. Обычно будущее связывается с глобализацией, вторым демографическим переходом, стиранием гендерных и прочих различий, автономизацией личности и усиливающейся урбанизацией. Тем не менее, фактическая социальная динамика оказывается куда более насыщенной разнородными динамическими локальными процессами, крайне усложняющими ориентацию в современности и в самом ближайшем будущем. В связи с этим анализируется проблематика гендерного разрыва (разворота), происходящего сегодня не только в локальных традиционалистских сообществах, но и как феномен государственной политики (в данном конкретном случае Израиля), как крайне значимого социального феномена в контексте второго демографического перехода. С позиций картезианской антропологии, возникающие риски развития обнаруживаются преимущественно в эколого-семиотической сфере мегаполиса, основным системообразующим фактором которого и является гендер, как навигационный конструкт. Что требует, как минимум, модернизации научной парадигмы гендера и рассмотрения его как основного агента социальной навигации в пространстве урбанизации современного миропорядка. Данный текст является частью более обширного проекта картезианской антропологии, фундированной на дуализме экологической (умweltной) навигации и гендере как ее агенте (субъекте).

Ключевые слова: гендер, второй демографический переход, картезианская антропология, автомодельность, аллоцентрическая, эгоцентрическая навигация, расстройства аутистического спектра, гендерной идентичности.

ON THE PROBLEM OF THE GENDER GAP IN THE CONTEXT OF THE SECOND DEMOGRAPHIC TRANSITION

Papkov V. E

*Assistant of the Department of Integrative and Restorative Medicine
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Donetsk State Medical
University of the Ministry of Health of Russia
E-mail: papkovvalery@rambler.ru*

Abstract. The modern understanding of the future is usually associated with the processes of globalization, the second demographic transition, the erasure of gender and other differences, the autonomy of the individual and increasing urbanization. However, the actual social dynamics turns out to be much more saturated with heterogeneous dynamic local processes, which extremely complicate orientation in the present and in the very near future. In this regard, the problems of the gender gap (reversal), which is taking place today not only in local traditionalist communities, but also as phenomena of public policy (in this particular case of Israel), as a significant social phenomenon in the context of the second demographic transition, are analyzed. From the standpoint of Cartesian anthropology, emerging development risks are found mainly in the ecological and semiotic sphere of a megalopolis, the main system-forming factor of which is gender as a navigational construct. This requires, at a minimum, the modernization of the scientific paradigm of gender and consideration of it as the main agent of social navigation in the space of urbanization of the modern world order. This text is part of a larger project of Cartesian anthropology, based on the dualism of ecological (umwelt) navigation and gender as its agent.

Keywords: gender, the second demographic transition, Cartesian anthropology, self-similarity, allocentric, egocentric navigation, autism spectrum disorders, gender identity.

Актуальность. Маркером процессов, относимых ко второму демографическому переходу (ВДП) [1], может являться стремительное распространение психической патологии, с легитимизацией трансгендерных расстройств в МКБ-11 [2], с переносом расстройств гендерной идентичности (РГИ) в раздел сексуальных нарушений [2], и расширением раздела расстройств аутистического спектра (РАС) [2]. Фактор риска РАС, обоснованный результатами собственных исследований, представлен семиотической каузальностью [3-8], с обнаружением автомодельности пандемии РАС [3], с утратой воспроизводства современной семьей у детей структур механизма перекодирования коммуникаций двух навигационных систем: аллоцентрической и эгоцентрической, из-за стирания гендерного разрыва, с упрощением его кодового разнообразия, с общей тенденцией к автономизации в условиях повсеместно нарастающей урбанизации [8-11]. Нам удалось достаточно точно вписать в модель ВДП С.П. Капицы [1] пандемическую кривую РАС, как вторую фазу демографического роста, формирующую, тем самым, общее семейство гиперболических кривых (см. рисунок 1 [3]).

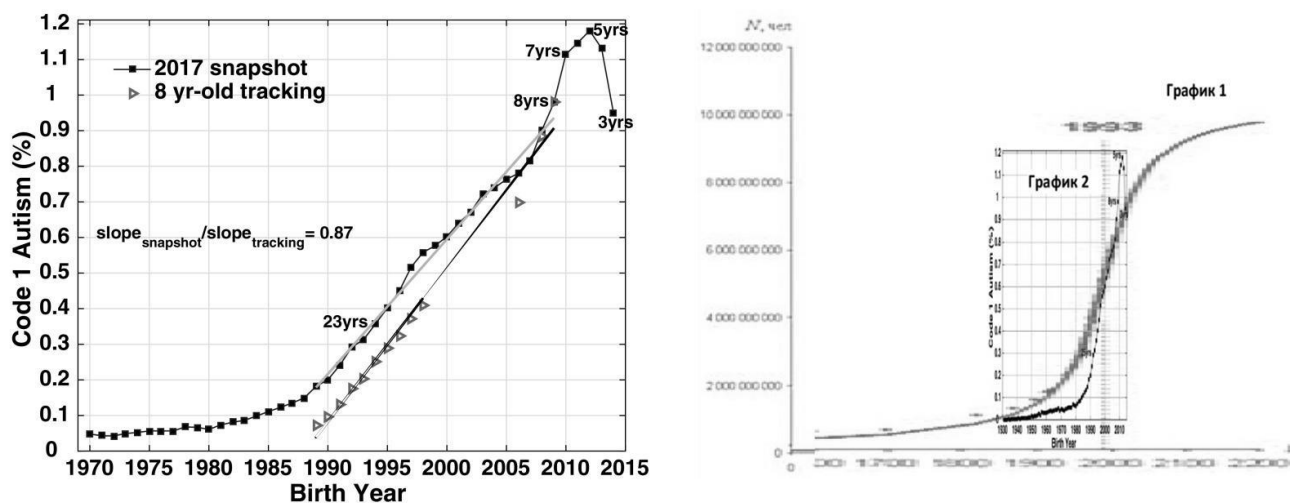

Рисунок 1 – А. В данных CDDC с 1997 по 2006, 2014, 2016 и 2017 годы сравниваются углы касательных 8-летнего возраста (треугольники) и снимков с разрешением по возрасту (квадраты) за

2017 год в интервале 1989–2009 годов [7]. В. Модель роста численности населения мира С.П. Капицы [1] график 1) с наложенным графиком (график 2), данных CDDS.

Коморбидность РАС и РГИ [8-10] позволяет свести их к семиотическому дизонтогенезу [8-10]. Изучение навигационных конструкторов гендера [8-10] в рамках картезианской антропологии [12, 13] позволяет прояснить механизм ВДП, фундированного, с нашей точки зрения, снижением гендерного разрыва и семиотической гетерогенности. Предметом такого изучения могут служить традиционалистские сообщества, демонстрирующие высокие степени гендерного разрыва (поворота), прокреации и фертильности.

Обсуждение. В 2023 г. «Фондом исследований безопасности вакцин» (VSRF) в США был представлен отчет о комплексном исследовании здоровья религиозного сообщества амиши [14, 15], христиан-традиционалистов, отказывающихся от современных технологий и современной медицины, поддерживающих экономическую самодостаточность с помощью ручного труда и сельского хозяйства; практикующих религиозность, пацифизм, семейно-личностные коммуникации [14, 15]. У их детей не были выявлены заболевания (включая РАС и РГИ), распространенные на остальной территории США [14, 15]. И это на фоне катастрофических показателей в наиболее урбанизированном штате Нью-Джерси, где каждый 36 ребенок имеет РАС [4], с коэффициентом фертильности – 1,71 рождений на женщину [16] в сравнении с 7 детьми на одну женщину у амишей [14, 15]. Нью-Джерси – единственный штат, в котором все до единого округа являются городскими [17], будучи самым густонаселенным штатом в США, где на каждую квадратную милю приходится в среднем 1195,5 человек [17], где на каждой квадратной миле проживает больше ученых и инженеров, чем в любом другом регионе мира [17]. А распространенность РАС там за последние 100 лет выросла более чем в 1000 раз [4], с увеличением на 4 218% количество учащихся с РГИ в системе государственных школ за последние четыре года [18].

Сопоставление ультраортодоксальных иудеев с семьями светских евреев и арабов в Израиле позволяет сформулировать аналогичные пропорции в отношении зависимости распространенности РАС, РГИ, показателей прокреации и фертильности от степени урбанизации. Хотя Израиль демонстрирует более благополучные значения указанных данных. В отчете больничной кассы «Маккаби», в период с 2003 по 2009 год количество детей с РАС возросло лишь втрое [19]. Позже были представлены данные Израильского института национального страхования [20], в котором выявлено 9 109 случаев РАС среди 2 431 649 детей [20]. Совокупная заболеваемость РАС, рассчитанная для всех детей, родившихся в Израиле в возрасте до 8 лет, увеличилась в 10 раз в течение 2000-2011 годов, в то время как другие виды детской инвалидности в Израильском институте национального страхования возросли всего в 1,65 раза [20]. Показатели РАС среди израильских арабов были существенно ниже и увеличились примерно на 10 лет позже, чем среди населения в целом. Полученные данные свидетельствуют о том, что в 1992 году диагноз РАС ставился одному из 2000 детей, а в 2009 году – одному из 203, то есть число детей с РАС увеличилось в 10 раз [20]. 12% детей с диагнозом РАС в Израиле родились в семьях ультраортодоксов, 6% – в арабских семьях, но подавляющее большинство – 82% – дети из не ортодоксальных еврейских семей [17]. Председателем IACDR доктором Митчеллом Шертцом [21] совместно с медицинской организацией «Меухедет», была подтверждена и уточнена приведенная выше информация по более чем 450 000 детям и подросткам [21]. 17.09.2014 г. на конференции Израильской ассоциации по детскому развитию и реабилитации (IACDR) им было сделано сообщение [21], согласно которому процент РАС в семьях ультраортодоксальных евреев и среди арабов значительно ниже, чем в семьях светских и умеренно религиозных евреев [21]. По этим новым данным, среднее число случаев РАС среди семей ультраортодоксов составляет 2,5 на 1000 детей [21]. У арабов этот показатель составляет 3 на 1000 [21]. Среди светских и умеренно религиозных евреев РАС встречается в 9 случаях на 1000 детей [21]. При этом доктор М. Шертц отметил, что разницу в числе случаев РАС нельзя объяснить тем, что дети из семей ультраортодоксов и арабов реже проходят проверку у специалистов [21], поскольку процент других нарушений развития детей этих групп такой же, как у светских и умеренно религиозных евреев [21]. Самый высокий коэффициент фертильности среди еврейского населения был у женщин из ортодоксальной секты харедим – 6,64 ребенка на мать, при 1,96 – среди светских еврейских женщин [22].

В отчете о глобальном гендерном разрыве, опубликованном Всемирным экономическим форумом 20.06.2023 г., в котором представлены 146 стран, *Израиль опустился на 83-е место с 60-го* в прошлом году [23]. Израиль, занимая первое место по уровню образования женщин, в рейтинге стран по расширению политических прав женщин *опустился за год до 96-го, чуть ниже Пакистана, с 61-го места* [23]. За последнее десятилетие сегрегация по признаку пола в Израиле распространилась во

многих сферах [24]. Так государственные колледжи разделяют классы по признаку пола [24], как и на некоторых курсах обучения водителей и государственной профессиональной подготовки, а в некоторых публичных библиотеках предусмотрены отдельные часы для девочек и мальчиков [24]. Теперь требования ультраортодоксальных и крайне правых партий коалиции могут радикально изменить облик страны, где равные права для женщин гарантированы декларацией независимости 1948 года [24]. Женщин в правительстве стало меньше, чем всего год назад. Ультраортодоксальные партии в правящей коалиции фактически запрещают женщинам баллотироваться на должности, игнорируя постановление Верховного суда 2019 г. Один из законопроектов ультраортодоксальной партии коалиции, предлагал сажать женщин в тюрьму на шесть месяцев, за посещение Стены Плача в нескромной одежде [24]. В объявлениях о вакансиях на государственной службе запрещено использование существительных женского рода, хотя в названиях должностей на иврите есть разные формы мужского и женского рода [24]. Ультраортодоксы крайне правой коалиции собираются расширить полномочия раввинских судов, в которых будут только мужчины, и запретить женщинам и мужчинам общаться на многих общественных площадках [24]. Общественный транспорт является фронтом культурной войны в Израиле за статус женщин в обществе, где ультраортодоксы неодобрительно относятся к смешению женщин и мужчин [24]. Хотя Верховный суд постановил, что принуждать женщин сидеть в отдельных секциях автобусов и поездов противозаконно, ультраортодоксальные женщины обычно заходят в автобусы по соседству через заднюю дверь и садятся сзади. Сейчас эта практика, похоже, распространяется на другие части Израиля [24]. В рамках соглашения с ультраортодоксальными союзниками, которое легло в основу формирования коалиции, Нетаньяху пошел на уступки [24]. Среди которых есть предложения разделять аудиторию по признаку пола на некоторых публичных мероприятиях, создавать новые религиозные общины по месту жительства, разрешать предприятиям отказывать в предоставлении услуг на основе религиозных убеждений и расширять полномочия раввинских судов, в которых будут только мужчины [24]. Сторонники расширения юрисдикции раввинских судов, утверждают, что плюралистическое общество Израиля должно терпимо относиться к сегрегации по признаку пола, чтобы приспособиться к ультраортодоксам [24]. Водители автобусов в центре Тель-Авива и южном Эйлате отказались подбирать молодых женщин, из-за укороченных топов и спортивной одежды. Из-за женщины за рулем ультраортодоксы в Бней Брак остановили автобус, перекрыв дорогу [24]. Национальная служба неотложной медицинской помощи и стихийных бедствий Израиля впервые проводит разделение мужчин и женщин во время академической части подготовки парамедиков [24].

Таким образом, нет другой страны на глобальном севере, среди государств, считающихся либеральными демократиями, которая наделяла бы юридическими полномочиями систему, увеличивающую гендерный разрыв (поворот) и расширяющую гендерную сегрегацию [23, 24].

Выводы. На фоне снижения гендерного разрыва урбанизированного Нью-Джерси, Израиль со своим увеличением гендерной и семиотической гетерогенности заслуживает самого пристального внимания. Гендерная сегрегация является ментальной и культурной спецификой иудейской религиозности, да и самого Израиля, что крайне затрудняет прямой перенос подобного опыта на другую почву. Но несомненен тот факт, что *высокие показатели фертильности и низкие показатели распространенности РАС и РГИ* в семьях ультраортодоксов Израиля, в том числе, обусловлены увеличением гендерного разрыва (поворота), что также характерно для аналогичных сообществ амишей США, и арабов самого Израиля.

Список литературы

1. *Катица С. П.* Общая теория роста человечества. М.: Наука, 1999. 134 с.
2. *Папков В. Е.* Эпистемология психогигиены в контексте автомодельности эпидемиологии расстройств аутистического спектра / В. Е. Папков // Вестник гигиены и эпидемиологии. 2023. Т. 27, № 2. С. 98–103.
3. *Папков В. Е.* Принципы профилактики расстройств аутистического спектра в контексте эпидемиологии и демографии / В. Е. Папков // Детская и подростковая реабилитация. 2022. № 1(46). С. 57–64.
4. *Папков В. Е.* К вопросу о профилактике расстройств аутистического спектра у детей в контексте парадигмы семьи / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. 2021. Т. 26, № 4. С. 33–43.
5. *Кулемзина Т. В.* Скрининг факторов риска расстройств аутистического спектра у детей с позиций психогигиены / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. 2022. Т. 27, № 3. С. 66–73.

6. Ластков Д. О. Психогигиена расстройств аутистического спектра в контексте семиотики / Д.О. Ластков, В. Е. Папков, И. В. Коктышев // Медико-социальные проблемы семьи. 2022. Т. 27, № 4. С. 43–52.
7. Папков В. Е. Модель глоттогенеза в контексте семиотики эгоцентрической речи и расстройств гендерной идентификации у детей / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. 2023. Т. 28, № 3. С. 48–57.
8. Папков В. Е. Семиотика гендера и семьи в контексте распределенной системы экологической навигации / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. 2023. Т. 28, № 3. С. 58–68.
9. Папков В. Е. Коморбидность расстройств аутистического спектра и гендерной идентичности как психогигиеническая проблема экологической (umwelt) навигации / В.Е. Папков // Вестник гигиены и эпидемиологии. 2023. Том 27, № 2. С. 86–97.
10. Папков В. Е. Эволюционно-экологические аспекты когнитивного оператора опорно-двигательной системы человека / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. 2023. Т. 28, № 1. С. 78-87.
11. Папков В. Е. Проект картезианской антропологии / В. Е. Папков // Сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 24 ноября 2023 г. Республика Башкортостан, Сибай: Редакционно-издательский центр Уфимского университета науки и технологий. 2023. С. 205-206.
12. Папков В.Е. Эпистемология антропогенеза, глоттогенеза и гендера в контексте навигации и картезианской антропологии / В.Е. Папков // Карбышевские чтения. Наше дело правое – победа будет за нами! Сборник научных трудов международной научно-практической конференции в 6 т. Т. 3 Тюмень: ТВВИКУ, 2023. С. 313-320.
13. Интервью с основателем VSRF Стивом Киршем, Feb 17, 2023; [Электронный ресурс]. URL: (www.rumble.com/v29v714-full-episode-66-q-and-a-with-vsrf-founder-steve-kirsch.html) (дата обращения 13.01.2024).
14. Ни одного ребенка-амиша с диагнозом рак, диабет или аутизм (отчет). [Электронный ресурс]. URL: (<https://slaynews.com/news/zero-amish-children-diagnosed-cancer-diabetes-autism/>) (дата обращения 13.01.2024).
15. Изучение населения Соединенных Штатов и его изменений. [Электронный ресурс]. URL: (https://ru.wikibrief.org/wiki/Demographics_of_the_United_States) (дата обращения 13.01.2024).
16. Население Нью-Джерси. [Электронный ресурс]. URL: (<https://worldpopulationreview.com/states/new-jersey-population>) (дата обращения 13.01.2024).
17. Percent of NJ Students Identifying as «Non-Binary» Skyrockets. [Электронный ресурс]. URL: (<https://townhall.com/tipsheet/leahbarkoukis/2023/06/28/njstudents-non-binary-status-n2625034>) (дата обращения 13.01.2024).
8. Time Trends in Reported Autism Spectrum Disorders in Israel, 1986–2005 // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2011. № 42(3). P. 428-431. DOI:10.1007/s10803-011-1252-7.
19. Raanan Raz, Marc G. Weisskopf, Michael Davidovitch, Ofir Pinto, Hagai Levine. Differences in Autism Spectrum Disorders Incidence by Sub-Populations in Israel 1992–2009: A Total Population Study // Journal of Autism and Developmental Disorders |Uitgave. 2015. № 4. [Электронный ресурс]. URL: (<https://mijn.bsl.nl/differences-in-autism-spectrum-disorders-incidence-by-sub-popula/559214>) (дата обращения 13.01.2024)
20. У детей ультраортодоксальных евреев аутизм встречается в три раза реже. Jewish.ru. [Электронный ресурс]. URL: (<https://jewish.ru/ru/news/articles/168951/>) (дата обращения 13.01.2024).
21. Согласно правительственным данным, рождаемость в Израиле снижается / 23 февраля 2022 / 19:00 статистика / Журнал Лехаим. [Электронный ресурс]. URL: (<https://lechaim.ru/news/soglasno-pravitelstvennym-dannym-rozhdaemost-v-izraile-snizhaetsya/>) (дата обращения 13.01.2024).
22. Отчет о глобальном гендерном разрыве за 2023 год. [Электронный ресурс]. URL: (<https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023/digest/>) (дата обращения 13.01.2024)
23. Roni Caryn Rabin Growing Segregation by Sex in Israel Raises Fears for Women’s Rights // The New York Times / Published Aug. 12, 2023 Updated Aug. 15, 2023. [Электронный ресурс]. URL: (<https://www.nytimes.com/2023/08/12/world/middleeast/israel-women-rights.html>) (дата обращения 13.01.2024).

ФЕНОМЕН ИНАКОМЫСЛИЯ В КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

Суслов И.В.

*Кандидат социологических наук
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: Suslov85@inbox.ru*

Аннотация. Статья исследует феномен инакомыслия в контексте советской эпохи и современных общественно-политических изменений, основываясь на коммуникативной парадигме Юргена Хабермаса. Инакомыслие определяется как сложное общественное явление, связанное с реакцией на социальные, политические и культурные нормы. Фокус делается на контексте политического феномена в коммуникативном пространстве. Рассматривается подавление инакомыслия как контроль над общественными коммуникациями. Анализируется формирование частных сфер, свободных от государственного контроля в периоды Оттепели и современной цифровизации. Политологический взгляд на инакомыслие подчеркивает его оппозиционную роль в авторитарных режимах. Исследуется эволюция инакомыслия в виртуальных социальных сетях, предоставляющих новые платформы для выражения мнений и борьбы за информационную свободу.

Ключевые слова: инакомыслие, коммуникативное пространство, частная сфера, цифровизация, Ю. Хабермас, СССР.

THE PHENOMENON OF DISSENT IN THE COMMUNICATIVE PARADIGM OF JÜRGEN HABERMAS

Suslov I.V.

Saratov State Law Academy

Abstract. The article explores the phenomenon of dissent in the context of the Soviet era and contemporary socio-political changes, based on the communicative paradigm of Jürgen Habermas. Dissent is defined as a complex social phenomenon associated with reactions to social, political and cultural norms. Focus is on the context of the political phenomenon in the communicative space, drawing on theoretical approaches including. Examines the suppression of dissent as a control of public communications. The phenomenon of dissent is examined in the context of the Soviet era and contemporary socio-political changes, based on political science and discursive approaches. It analyzes the formation of private spheres free from state control during the Thaw and digitalization periods. The political science perspective on dissent emphasizes its oppositional role in authoritarian regimes. It explores the evolution of dissent in virtual social networks, which provide new platforms for expression and the struggle for information freedom.

Keywords: dissent, communicative space, private sphere, digitalization, J. Habermas, USSR.

Инакомыслие, также известное как диссидентство (происходящее от латинского термина «несогласие»), представляет собой общественное явление, которое трудно поддается четким определениям. Несогласие, как одна из ключевых реакций на социальные, политические, экономические и культурные нормы, играет важную роль в общественной динамике. Тем не менее, оно остается сложной и недостаточно изученной, концептуализированной и операционализированной темой в научном аспекте.

Внимание к инакомыслию часто возникает в контексте его преследования. Подавление инакомыслия – это распространенное обвинение в политических диспутах. Превращение этого общественного явления в ярлык, используемый оппонентами в ходе дебатов, не способствует его научному исследованию. В данной статье будет проведен анализ теоретических подходов к изучению инакомыслия в качестве политического феномена коммуникативного пространства.

Обсуждение инакомыслия в контексте политического феномена может осуществляться с использованием коммуникативной парадигмы Юргена Хабермаса, который пишет о появлении

публичной сферы как важного элемента модернистского общества в эпоху Просвещения [1]. В XIX веке в западном мире развитие печатного дела, средств коммуникации и формирование общего информационного поля для обмена мнениями создали виртуальное сообщество индивидов [2]. В России этот процесс развивался медленнее и был связан с профессионализацией литературно-критической деятельности и расширением слоя интеллигенции [3]. Уже в 1859 году Козьма Прутков высмеивал вред разномыслия в своем проекте «О введении единомыслия в России». Таким образом, инакомыслие процветало в свободной от государственного вмешательства публичной сфере. В XIX веке было трудно представить, чтобы государство могло контролировать все информационные потоки и уничтожить разногласия. Однако в 1930-е годы в СССР эта задача была выполнена, и инакомыслие было искоренено в публичной сфере [4].

В контексте коммуникативной парадигмы подавление инакомыслия может трактоваться как установление контроля над сферой общественных коммуникаций со стороны государства или других властных структур. Например, Юрген Хабермас, выступая в Москве после советского периода, подчеркивал отсутствие публичного пространства в СССР, где граждане могли бы свободно обсуждать политические вопросы, и отмечал размытость и прозрачность границ между общественной и частной сферами [5].

Инакомыслие начало проявляться в приватной сфере, после того как оно было истреблено в общественном пространстве. Например, регулярные посетители ленинградского кафе «Сайгон» исключенные из общественной сферы советского общества создали в структуре города приватное пространство, свободное от официальных норм [6].

В период Оттепели и Застоя эрозия тоталитаризма способствовала возникновению приватно-публичной сферы, освобожденной от контроля власти и насыщенной разнообразием идей и мнений. В этой интерпретации инакомыслие представляло собой попытку советских диссидентов внести свой вклад в обсуждения, происходившие в публичной сфере. По словам В.М. Воронкова, диссидентское движение активно нарушало границы и устои советского общества, призывая к обсуждению запретных тем в публичном пространстве [7].

Таким образом, в рамках коммуникативной парадигмы инакомыслие может быть определено как явление публичной критики государственной политики, проявляющееся через обсуждение. Появление свободной коммуникативной среды в Западной Европе создало условия для широких общественных дискуссий и социальной критики. Закрепление таких ценностей как свобода слова, совести и вероисповедания, инакомыслие стало неотъемлемой частью публичной сферы в западном обществе.

В Советском Союзе контроль власти над общественным пространством сопровождался официальными заявлениями о придерживании ценностей свободы, что, в свою очередь, способствовало формированию в приватной сфере зон, независимых от государства и предоставленных свободы. В период Оттепели наблюдался выход квазипубличных пространств (например, «интеллигентской кухни») из-под государственного контроля, где скапливались настроения, критически настроенные по отношению к режиму.

К. Шулецьки придерживается политологического взгляда на феномен инакомыслия, отмечая, что в условиях авторитарного режима диссидентское движение выполняет функции оппозиционного движения, направленного на поддержку демократических идей. Требование свободы инакомыслия считается частью общего набора требований, включающих защиту прав человека, пацифизм и антиглобализм [8]. Политологическое понимание инакомыслия основывается на классическом тезисе о необходимости активного диалога между оппозицией и правительством в общественном коммуникативном пространстве, что способствует стабильности и выживанию обеих конфликтующих сторон.

В российской политологии также выделяется значение инакомыслия как ключевого элемента политической оппозиции [9]. Л. Тимофеева предлагает рассматривать оппозицию как альтернативную форму власти, обладающую уникальным набором политических кодов, поддерживаемых в данный момент меньшинством в обществе [10]. Критика и альтернативные предложения, высказываемые в общественном пространстве, рассматриваются как метод борьбы оппозиции против стремления власти к монополии на информацию, первоочередной номинации и дискурсивным контролем над повесткой дня.

Современные критические исследования западных демократий определяют диссидентство как высказывание сомнений в публичной сфере относительно 1) справедливости системы государственного управления и судебных процессов; 2) способности политических институтов обеспечить широкое гражданское участие; 3) честности проведения выборов; 4) возможности восстановления механизмов самоуправления без применения насилия [11].

Однако процессы цифровизации приводят к переформатированию социальных отношений в сферах экономики, культуры и политики, предоставляя возможность каждому желающему свободно выражать свои мысли в виртуальном публичном пространстве Интернета. Виртуальные социальные сети и новые медиаплатформы создают независимые от государства площадки для политических дискуссий и распространения информации. Тем не менее, вместо исчезновения, проблемы инакомыслия, включая дискурс и повседневные практики сопротивления, приобретают новые аспекты, которые можно изучить с помощью дискурсивного подхода.

Социальные сети, согласно К. Ширки, предоставляют возможность каждому человеку выйти из роли «слабого игрока», которую обычно занимали граждане в эпоху модерна, где сильное государство формировало доминирующий дискурс в обществе [12]. Таким образом, инакомыслие становится легализованным в открытом информационном пространстве, а в сфере политики происходит перераспределение власти, политических возможностей и ресурсов.

Дискурсивный подход, который выявляет особенности создания высказываний, знаний и истины, поднимает вопрос об опасности появления «эхо-камер» в цифровом пространстве. Хотя цифровое пространство благоприятствует разнообразию мнений, существует риск разделения общества на узкие идеологические группы, где подавление инакомыслия может привести к радикализации и демонизации несогласных. Люди предпочитают подтверждение своих убеждений, избегая нежелательной информации [13].

Следовательно, такие термины как публичная сфера, коммуникация, идеология, дискурс предоставляют возможность анализа и описания явления инакомыслия. Политологическая концепция публичной сферы обладает наибольшим потенциалом, но, к сожалению, ее восприятие сильно политизировано. Коммуникативный подход, в свою очередь, рассматривает подавление инакомыслия как феномен, свойственный обществам, отличным от западных.

Интересно, что разные методологии предлагают различные ракурсы в рассмотрении инакомыслия: от анализа публичных высказываний и признания подавления инакомыслия в «буржуазных» обществах до применения тактик тихого сопротивления идеологическому диктату. Характеристики инакомыслия эволюционировали под воздействием процессов модернизации, перехода от традиционных к индустриальным и, наконец, информационным обществам. Цифровизация общественного пространства, с появлением эхо-камер и замкнутых сообществ, с точки зрения дискурсивного подхода может рассматриваться как негативный фактор, снижающий уровень дискуссий и значимость в публичном пространстве.

Таким образом, в статье была предложена новая интерпретация явления диссидентства. Уникальность полученных выводов объясняется недостаточным вниманием научного сообщества к проблеме диссидентства и излишней политической окраской концепции «преследование диссидентов», которая в средствах массовой информации часто используется для стигматизации политических оппонентов. Коммуникативный подход к исследованию диссидентства способствует формированию нового набора понятий и идей, которые облегчают анализ современной политической повестки, где значительную роль играет политизация представителей сферы культуры, искусства и шоу-бизнеса.

Некоторые политологи рассматривают политическое диссидентство как важный аспект современной оппозиционной активности как в России, так и на Западе, но стоит отметить, что это явление чаще обсуждается в средствах массовой информации, чем в академических кругах. Цифровая трансформация общественных процессов сопровождается появлением новых исследований, которые переосмысливают явление политического диссидентства, перенося его в онлайн-пространство. Использование интернета и социальных медиа значительно увеличило влияние и возможности воздействия на политические процессы публичных личностей с большим количеством подписчиков. Эти личности включают представителей культуры, искусства и шоу-бизнеса, что требует пересмотра причин, форм и последствий их политической активности, особенно в последние пять лет.

Проведенный анализ указывает на потенциал концепции «инакомыслия» в исследовании различных политических конфликтов и процессов в мире сегодня. В частности, высказывания и действия известных личностей из сферы культуры, искусства и шоу-бизнеса можно рассматривать как проявление инакомыслия, что, в свою очередь, является специфической формой оппозиции.

Список литературы

1. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989.

2. *Мелкевик Б.* Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии. М.: РГ-Пресс, 2021.
3. *Туманова А.С.* Общественные организации в России: правовое положение. 1860-1930-е гг. М.: Проспект, 2023.
4. *Рябова Л. К.* "Гражданское общество" в СССР в эмигрантской аналитике 1970-1980-х годов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 4. С. 318-328.
5. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., Институт философии РАН, 1995.
6. *Корзюкова М.С.* Феномен городского топоса в ленинградской рок-культуре // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 872-878.
7. *Воронков В.М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168–200.
8. *Савенков Р.В.* Современные исследования политической оппозиции в России // ПОЛИТЕКС. 2019. № 2. С. 275-290.
9. *Szulecki K.* Smashing Concrete With Words. The Central European ‘dissidents’, their representations and discourses // Civil Society in Central and Eastern Europe before and after the End of Socialism / Edited by Sabine Fischer and Heiko Pleines. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2010.
10. *Тимофеева Л. Н.* Публичная критика как средство предупреждения насилия в обществе // Политическая наука. 2020. № 3. С. 114-146.
11. *Lovell J.S.* Crimes of dissent: Civil disobedience, criminal justice and the politics of conscience (alternative criminology). N.Y.: New York univ. press, 2009.
12. *Shirky C.* Cognitive Surplus: How Technology Makes Consumers into Collaborators. L.: Penguin Books, 2011.
13. *Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A.* Echo chamber or public sphere? Predicting political orientation and measuring political homophily in Twitter using big data // Journal of Communication. 2014. Vol. 64, № 2. P. 317-332.

СОЦИАЛЬНОСТЬ, СУБЪЕКТНОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМА СУПЕРСОГЛАСОВАНИЯ

Тульчинский Г.Л.

*Доктор философских наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики» - Санкт-Петербург
Научный сотрудник
Балтийский федеральный университет им. И.Канта
Старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: gtul@mail.ru*

Аннотация. Сообщение содержит рассмотрение соотношения предметности социального и гуманитарного знания. Социальные науки изучают нормативно-регулирующий фактор социально-культурных практик, которые обеспечивают социализацию личности. Гуманитарные науки изучают проявления специфики человеческого бытия, а именно – самосознания (субъектности), которая порождает феномены свободы воли, ответственности, морали, права, поступка, творчества и т.д. Современные цифровые форматы социально-культурных практик радикально проясняют взаимосвязь социальности и субъектности. Рассмотрено несколько ситуативных кейсов ситуаций разного уровня и масштаба, но связанных общей гуманитарной проблемой, порожденной цифровыми форматами современной цивилизации. Затем после некоторых терминологических уточнений делается обобщение, выводящее на ключевой момент современного взаимодействия и позиционирования социальных и гуманитарных наук - обоснование и решение задачи супер-согласования цифровых систем, особенно включающих искусственный интеллект.

Ключевые слова: гуманитарные науки, искусственный интеллект, междисциплинарность, субъектность, суперсогласование, социальные науки, цифровизация.

SOCIALITY, SUBJECTIVITY AND DIGITALIZATION: THE SUPERALIGNMENT PROBLEM

Tulchinskii G.L.

DSc in Philosophy, professor

*National Research University Higher School of Economics - St. Petersburg
Researcher*

Immanuel Kant Baltic Federal University

Senior researcher

St. Petersburg State University

Abstract. The message contains a consideration of the relationship between social and humanitarian knowledge. Social sciences study the normative and regulatory factor of socio-cultural practices that ensure the socialization of the individual. The humanities study manifestations of the specifics of human existence, namely, self-awareness (subjectivity), which gives rise to the phenomena of free will, responsibility, morality, law, action, creativity, etc. Modern digital formats of socio-cultural practices radically clarify the relationship between sociality and subjectivity. Several situational cases of situations of different levels and scales, but connected by a common humanitarian problem generated by the digital formats of modern civilization, are considered. Then, after some terminological clarifications, a generalization is made that leads to the key point of modern interaction and positioning of the social and human sciences - the justification and solution of the problem of superalignment of digital systems, especially those including artificial intelligence.

Keywords: humanities, artificial intelligence, interdisciplinarity, subjectivity, superalignment, social sciences, digitalization.

Представление о том, что человек является социальным существом – давно и хорошо известно. Различные проявления социальности составляют предмет социологии, социальной философии, социальной психологии, социальной семиотики. В социальных науках речь идет о некоем общем, нормирующем влиянии общества на поведение человека, когда отклонения от норм и правил порождает нежелательные девиации. Не менее специализированными являются и гуманитарные науки – humanities, имеющие предметом проявления специфики человеческого бытия, которое выделяется из мира природы наличием некоего внеприродного фактора. Неспроста гуманитарные науки в немецком языке носят название die Geisteswissenschaften, то есть науки о проявлении некоей универсальной духовной сущности – сознания и самосознания (субъектности), вне которой концепции воли, свободы, ответственности, морали, права, воспитания, образования, истории, искусствознания лишаются смысла. Цифровые форматы современных социально-культурных практик существенно уточняют соотношение социальности и субъектности. В этой связи – несколько кейсов.

У нас на глазах сложилась новая целостная среда обитания – практически полностью искусственная: производства на 3D-принтерах продуктов питания, органов, зданий и сооружений, использования беспилотных транспортных средств, комплексов типа smart city, Интернета вещей, превращающегося в «Интернет всего» (Internet of Everything). Расширяющиеся процессы цифровизации общественной жизни и активного развития искусственного интеллекта создают новую социальную реальность – метасоциум, в который постепенно переводится практически вся активная человеческая деятельность [1].

Под экосистемой, фактически, понимается не естественная, природная среда, а техносфера. Посредством с детства используемых гаджетов, различных приложений, маркетинга подталкивания (nudge), игр, онлайн-консультаций и образования, культура, буквально становится (цифровой) машиной программирования социального опыта. А человек из пользователя превращается в часть этой системы, фактически – ее опцией. Прекарный труд, обработка и монетизация Big Data порождают новые ренты – сетевую и экзистенциальную. Капитализм 4.0 оказался не только живучей системой хозяйствования, прошедшей очередную модификацию – в цифровом изводе он получил почти эйдетически чистый формат вне- и бес-человеческого возрастания капитала.

Однако главная проблема не только и не столько экономическая или даже политическая (как угроза полного контроля поведения и не только), сколько антропологическая. Речь идет об «укрощении субъектности», относительно которой цифровизация создает колоссальное искушение «возможностью

возможности». Между тем, субъектность проявляется и выражается не только и не столько в рутинном поведении согласно нормам и правилам социальности, сколько в поступках – деятельности не по предзаданному алгоритму. Контент субъективности «в первом лице», эмоционально окрашенные переживания. Человек конечен и осознает конечность. Он устает, боится, завидует. Эмоции выступают не просто и не только источником смыслообразования. Человек может быть доволен. Но чаще он не доволен. Хочет нового. Машина может формулировать задачи по достижению цели, ставит цели – на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы – сбой в программе. Человек же сбивается постоянно – хотя бы в воображении, хотя бы из рессентимента. У ИИ эмоций (пока) нет. Потому что (пока) нет телесного опыта. И «человеческие, слишком человеческие» слабости пока дают человеку некоторые преимущества выхода в иные контексты осмысления ситуаций, тогда как нейронные сети ИИ пока работают на усреднение.

Так, недавно М.Н. Эпштейн поставил в сети эксперимент – состязание между нейронной сетью Bard и желающими носителями естественных интеллектов: ввести в известную басню «Стрекоза и Муравей» третьего персонажа и предложить новую мораль. Откликнулось много желающих. По результатам М.Н. Эпштейн сделал вывод, что победил Bard, предложивший пчелу, которая нашла место и для работы, и для веселья [2]. Предложенные другими участниками варианты с мальчиком с сачком («хоть трудись ты, хоть летай, а опаску не теряй»), воробьем («птицы небесные не сеют, и не жнут, но корм имеют», божьей коровкой (которая ничего не делала, а только Богу молилась, и Бог ей дал все) были признаны неудачными. Однако именно такие версии создавали принципиально иной взгляд на ситуацию.

Об этом же свидетельствуют и работы ИИ в изобразительных форматах. Иллюстрации к текстам, дизайнерские разработки получаются довольно удачные. Но их креативность «реферативна», не выходит за рамки содержания баз данных, на которых обучены соответствующие нейронные сети. Это не упрек, а констатация факта творческого преимущества естественного интеллекта над креативностью искусственного.

В этом плане открывается масштаб проблемы суперсогласования. Пока содержание цифровых систем определялось заданием, промтами, вводимыми разработчиками, за человек с его субъектностью оставался статус пользователя этих систем. Создание GAI, находящего решения задач за рамками заданных алгоритмов, качественно меняет ситуацию. И озабоченность И. Суцкевера и других разработчиков становится понятной и заслуживающей внимания. По мнению разработчиков Open AI, согласование сверхинтеллекта – одна из важнейших нерешенных технических проблем нашего времени [3]. Только появляющееся регулирование бурно растущей отрасли не поспевает за стремительным ростом технологии. А проблемы, которые были у систем AI, включая и GAI, никуда не деваются. Самообучаемые нейросети продолжают ошибаться, генерировать все более реалистичные фейки и эффективную дезинформацию (и пока не понятно, как бороться с тем, что нейросети можно обучить обману). И задача стоит в нахождении системы, сводящей воедино ряд других. GAI или, в терминологии И. Суцкевера и Я. Лейке – суперинтеллекта, станет самой влиятельной технологией, когда-либо изобретенной человечеством, и может помочь нам решить многие из наиболее важных мировых проблем.

Однако нынешние методы согласования ИИ, такие как обучение с подкреплением на основе отзывов людей, полагаются на способность людей контролировать ИИ – человек дает системе ИИ обратную связь о том, какие ответы являются хорошими, а какие плохими. По мере развития ИИ возникает запрос на автоматизации этого процесса, чтобы сэкономить время, а также потому, что, по их мнению, по мере роста мощности ИИ человек может оказаться не в состоянии обеспечить полезную обратную связь.

Действительно, люди не смогут надежно контролировать системы ИИ, превосходящие человека скорости обработки информации, в отличие от человека не меняющие топологию нейросети (нейроны человеческого мозга со временем отмирают, что меняет топологию сети), не всегда смогут предусматривать возможности обнаружения ухода от нарушения контроля во время обучения. Да и суть поисков решения проблемы суперсогласования пока не выходит за рамки поиска способа, позволяющего более низкой модели ИИ управлять действиями гораздо более мощной («умной») модели, не делая ее менее эффективной. В основе поисков – создание каскада (конвейера) ИИ от простых, сопоставимых по возможностям с человеком, ко все более сложным.

Так проблемы социальности (регулирующе нормативной) и субъектности (с ее способностью к внезапности) встречаются в цифре. Разработчики OpenAI правы в том, что управление порождаемыми GAI рисками потребует, среди прочего, новых институтов, однако, как думается, не сводящихся к программной разработке и решения проблемы алгоритмического конвейера

согласования.

Список литературы

1. *Погосян Г.А., Погосян Р.М.* Цифровой транзит в метасоциум: интервенция искусственного интеллекта // Социальные инновации и социальные науки. 2023. № 4 (13). С. 22-33.
2. *Эпштейн М.Н.* Искусственный интеллект против естественного: кто кого? Итоги эксперимента [Электронный ресурс]. URL: // <https://snob.ru/profile/27356/blog/3001419/> (дата обращения 11.01.2024).
3. *Leike J., Sutskever I.* Introduction to superalignment. [Электронный ресурс]. URL: // <https://openai.com/blog/introducing-superalignment> (дата обращения 12.01.2024).

ПРОБЛЕМА ПОИСКА ПУТЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Цатурян М.О.

*Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы
Вологодский государственный университет*

Жукова С.В.

*Магистрант
Вологодский государственный университет
E-mail: S89210683568@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ проблемы профилактики эмоционального выгорания педагогов образовательных организаций. Рассмотрены результаты проведенного исследования направленного на выявления уровня эмоционального выгорания педагогов.

Ключевые слова: синдром «эмоционального выгорания», образовательная организация, педагог, профилактика эмоционального выгорания, просвещение эмоционального выгорания.

THE PROBLEM OF FINDING WAYS TO PREVENT EMOTIONAL BURNOUT AMONG TEACHERS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Tsaturyan M.O.

*CSc in psychology, Associate Professor
of the Department of Psychology, Pedagogy and Social Work
Vologda State University*

Zhukova S.V.

*Master's student
Vologda State University
E-mail: S89210683568@yandex.ru*

Annotation. The article presents an analysis of the problem of emotional burnout prevention among teachers of educational organizations. The results of the conducted research aimed to identify the level of emotional burnout of teachers are considered.

Key words: "emotional burnout" syndrome, educational organization, teacher, prevention of emotional burnout, awareness of emotional burnout.

В настоящее время ключевые акценты научно-практического внимания уделяются проблеме, с которой сталкиваются большинство представителей педагогической профессии – это эмоциональное выгорание. Данная проблема является междисциплинарной. В её постановке и решении участвуют специалисты из различных областей знания: философии и психологии труда, медицины, психологии личности и психологии развития, теории управления, организации и менеджмента.

По данным науки и практики, профессиональная деятельность в сфере «человек-человек» является самой стрессогенной, так как присутствует необходимость постоянного интенсивного взаимодействия с социумом, которое является основной деятельностью в профессии педагога. Представители педагогической профессии, как показывают многочисленные исследования, являются одной из тех категорий субъектов труда, которая в большей степени подвержена влиянию рассматриваемого феномена «эмоционального выгорания».

Профессиональный труд педагога отличается высокой эмоциональной загруженностью, такие перегрузки приводят к быстрой и невосполнимой потере психологического, физического здоровья и, следовательно, формированию симптомов синдрома эмоционального выгорания. Результатом этих процессов является снижение качества профессиональной деятельности педагога: он перестает справляться со своими обязанностями, теряет творческий настрой, такое состояние негативно сказывается не только на продуктивности и удовлетворенности своей работой, но и настроении и самочувствии детей. Нельзя не отметить, что только психологически здоровый, профессионально компетентный, творчески работающий педагог может обеспечить ребенку должный уровень внимания и индивидуальный подход, продиктованный современными изменениями в образовании.

Исследования последних лет показывают, что острота проблемы коррелирует с уровнем психологической грамотности педагога. Так, когнитивный компонент компетентности педагогов фиксирует в себе в основном знания из области возрастной психологии, психологии развития, педагогической психологии, также они имеют представление о психологических закономерностях, касающихся в большей степени аспектов профессиональной деятельности, однако знания, связанные с сохранением собственного психолого-педагогического здоровья, могут быть актуализированы в недостаточной степени. Как правило выявить на первом этапе, а тем более противостоять психологическому выгоранию, профессионалу, не владеющему психологическими знаниями весьма сложно с практической точки зрения. В настоящее время число педагогов, испытывающих эмоциональное выгорание, растет, а освещение проблемы остается на прежнем уровне. Поэтому психолого-педагогическое просвещение как способ профилактики синдрома эмоционального выгорания в высокой степени значимо для педагогической профессии.

Изучением проблемы эмоционального выгорания занимались такие авторы как В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова, Н.В. Гришина, Э.Ф. Зеер, В.Е. Орел, Т.В. Форманюк, К. Маслач и Дж. Джексон и многие другие.

Понятие «выгорание» было введено в науку американским психиатром Х. Дж. Фреденбергом в 1974 г. для описания особого расстройств личности у здоровых людей, возникающего вследствие интенсивного и эмоционально нагруженного общения в процессе профессиональной работы с учениками, пациентами, клиентами.

В.Е. Орёл рассматривает «выгорание» как дезадаптационный феномен и указывает на возможность развития синдрома «выгорания» как своеобразной интегративной реакции на дезадаптацию субъекта к профессиональной среде [1].

В.В. Водопьянова пишет, что «...синдром эмоционального выгорания представляет собой обобщенное понятие и включает различные сочетания психопатологических, психосоматических симптомов, признаков деформации личности и нарушения ее социального функционирования не только в сфере профессиональной деятельности человека, но и в личной жизни» [2].

По мнению В.В. Бойко, эмоциональное выгорание — это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействие [3].

Таким образом, большинство исследователей определяют выгорание как негативное психологическое явление, включающее в себя психоэмоциональное истощение, проявляющееся в чувстве глубокой усталости и опустошенности; деперсонализацию - отрицательное либо безразличное отношение к субъектам деятельности; утрату профессиональной мотивации, связанную с чувством некомпетентности и неуспешности в работе.

Итак, на основе вышеизложенных позиций нами были сформулированы ключевые методологические положения научно-практического исследования по профилактике эмоционального выгорания педагогов дошкольных образовательных организаций.

Цель нашего исследования – поиск путей профилактики эмоционального выгорания педагогов дошкольных образовательных организаций на основе обозначенной теоретической проблемы.

В частности, нами выдвинуто предположение о том, что ведущие симптомы «эмоционального выгорания» у педагогов ОО могут быть снижены при реализации специально разработанной программы профилактики эмоционального выгорания педагогов.

Исследование было организовано на базе Муниципального дошкольного образовательного учреждения «Детский сад комбинированного вида № 77 «Земляничка» и Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения Вологодского муниципального района «Ермаковская средняя школа» города Вологды. В исследовании приняли участие 50 педагогов образовательных организаций. В качестве диагностического инструментария в исследовании была использована методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко [3].

Данные мониторинга практического исследования отражают следующее:

1. Фаза напряжения: у 28 педагогов фаза не сформировалась, что составляет 56%, 10 человек на стадии формирования, это составляет 20% и у 12 человек данная фаза сформировалась, что составляет 24% от общего числа исследуемых. Наличие напряжения служит предвестником развития и запускающим механизмом формирования синдрома эмоционального выгорания.

2. Фаза резистентности: у 12 педагогов фаза не сформировалась, что составляет 24%, 28 человека на стадии формирования, это составляет 56% и у 10 человек данная фаза сформировалась, что составляет 20% от общего числа исследуемых. Избыточное эмоциональное истощение провоцирует развитие и возникновения защитных реакций, которые делают педагогов эмоционально закрытыми, отстраненными, безразличными. На таком фоне любое эмоциональное привлечение к профессиональной деятельности и коммуникации вызывает у педагога чувство избыточного переутомления.

3. Фаза истощения: у 24 педагогов фаза не сформировалась, что составляет 48%, 16 человек на стадии формирования, это составляет 32% и у 10 человек данная фаза сформировалась, что составляет 20% от общего числа исследуемых. У педагогов отмечается психофизическое переутомление, опустошенность, нивелирование собственных профессиональных достижений, нарушение профессиональных коммуникаций, развитие циничного отношения к тем, с кем приходится общаться, развитие психосоматических нарушений.

Таким образом, по результатам проведенного диагностического исследования выраженности эмоционального выгорания среди педагогов образовательных организаций при помощи методики В.В. Бойко мы выявили долю испытуемых с высоким, средним и низким уровнем эмоционального выгорания: 10 (20%) испытуемых отличаются высоким уровнем эмоционального выгорания, средний уровень эмоционального выгорания имеют – 17 (34%) испытуемых. Наибольшее количество испытуемых, а именно 23 (46%) отличаются низким уровнем эмоционального выгорания.

Анализ процентного соотношения фаз синдрома эмоционального выгорания, показал, что доминирующей является фаза «резистенция», которая характеризуется сопротивлением нарастающему стрессу и стремлением к психологическому комфорту, через снижение давления внешних обстоятельств. Менее выраженными оказались фазы «напряжение» и «истощение».

Таким образом, нами была определена целевая группа педагогов, для которых внедрение практических мер профилактики эмоционального выгорания посредством специально разработанной программы будет, на наш взгляд, актуальным. Следующим этапом экспериментального исследования может стать экспериментальная проверка гипотезы об эффективности предполагаемой к реализации психолого-педагогической программы.

В психологической профилактике «выгорания» можно выделить особенно важные направления деятельности – это просвещение и тренинги, направленные на развитие личностных ресурсов противодействия «выгоранию».

К. Маслач утверждает, что важно предпринимать профилактические шаги, которые могут предотвратить, ослабить или исключить возникновения «выгорания» [4].

Просвещение эмоционального выгорания включает в себя информирование педагогов по вопросам профессиональной деформации, ее симптомов, факторов возникновения. Полная информация о синдроме выгорания приведет к снижению количества «шоков» от встречи с реальностью. Кроме того, информирование повышает психологическую культуру и таким образом способствует повышению стрессоустойчивости педагогических работников [5, с. 7].

Проведение тренингов личностного роста, мотивационные семинары, развитие креативности и готовности к инновационной деятельности и многие другие мероприятия, благоприятно воздействующие на психологическое состояние педагогов, без которого невозможна успешная педагогическая деятельность в наши дни. По мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, «выгорание» – это не только проблема отдельно взятого человека, но и социального окружения, в котором он работает [5, с. 9]. Благоприятный социально-психологический климат внутри коллектива, чувство достаточной эмоциональной поддержки от коллег и администрации – это мощный ресурс предупреждения профессионального выгорания.

Только при комплексном подходе, который включает в себя три направления работы: организация деятельности; улучшение психологического климата в коллективе; работа с индивидуальными особенностями субъектов педагогической профессии возможна наибольшая эффективность профилактики синдрома эмоционального выгорания.

Список литературы

1. Орел В. Е. Феномен "выгорания" в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал. 2001. Т.22, №1. С.90-101.
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. Санкт-Петербург, 2005.
3. Бойко В. В. Синдром эмоционального «выгорания» в профессиональном общении. – Санкт-Петербург: Питер, 2003. 474 с.
4. Maslach C., Jackson S. The Measurement of Experienced Burnout // Journal of Occupational Behavior. 1981. Vol. 2. P. 99–113.
5. Бабич О. И. Профилактика синдром эмоционального выгорания педагогов: диагностика, тренинги, упражнения. Волгоград Учитель, 2003. 122 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЛЯТИВИЗМА Т. КУНА

Целищева О.И.

Кандидат философских наук

Институт философии и права сибирского отделения российской Академии наук

E-mail: oxanatse@gmail.com

Аннотация. релятивизм взглядов Т. Куна «Структуры научных революций» интенсивно обсуждается в философском сообществе в критическом ключе. В данной статье обсуждается критика Куна «со-стороны», его бывшим аспирантом Э. Моррисом, ставшим известным кинодокументалистом. Моррис апеллирует к концепции апостериорной необходимой истины С. Крипке и концепции значения Х. Патнэма в защите объективности истины, критикуя трактовку понятий парадигмы и несоизмеримости Куна как видение ученым другого мира. В статье прослеживается тесная связь релятивизма Куна со скептицизмом позднего Витгенштейна.

Ключевые слова: релятивизм, объективная истина, Кун, Моррис, значение, парадигма, несоизмеримость.

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF RELATIVISM T. KUN

Tselishcheva O.I.

CSc in Philosophy, the scientific worker of the Institute of Philosophy and Law

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: oxanatse@gmail.com

Abstract. The relativism of T. Kuhn's views on the "Structures of Scientific Revolutions" is intensively discussed in the philosophical community in a critical way. This article discusses the criticism of Kuhn "from the outside", by his former graduate student E. Morris, who became a famous documentary filmmaker. Morris appeals to S. Kripke's concept of a posteriori necessary truth and Putnam's concept of the meaning in his defense of the objectivity of truth, criticizing Kuhn's interpretation of the concepts of paradigm and incommensurability as a scientist's vision of another world. The article traces the close connection of Kuhn's relativism with the skepticism of the late Wittgenstein.

Keywords: Relativism, objective truth, Kuhn, Morris, meaning, paradigm, incommensurability.

Книга Томаса Куна «Структура научных революций» [1] долгое время была едва ли не самой читаемой в среде философов и историков науки, и, более того, была чрезвычайно популярна в кругах

тех, кого можно объединить под расплывчатым словом «гуманитарии». Термин «парадигма», запущенный Куном, распространившийся, по выражению одного из критиков, как злостный вирус, стал чуть ли не панацеей не только в разрешении множества проблем в понимании истории научного мышления, но и методологии гуманитарных наук. Разногласия в этой сфере легко сглаживались апелляцией к тому, что каждая из спорящих сторон имеет собственную парадигму, и ввиду несоизмеримости парадигм споры оказывались просто тщетными. Такой «плюрализм» оказался весьма уместным для периода постмодернизма в философии, для которого был характерен отказ от объективной истины.

Вместе с тем, трактовка истории науки Куном на примере физики была решительно отвергнута самим физическим сообществом. Главное расхождение состояло в том, что для работающих ученых наука является кумулятивным процессом создания все более точной картины внешнего мира средствами все более изощренных теорий, каждая из которых является улучшением предыдущей, в то время как для Куна кумулятивность уступает место революционному сдвигу парадигм. Поскольку новая парадигма представляет другое видение мира, в философском отношении точка зрения Куна ведет к отказу от объективной истины в пользу релятивизма. Значительная часть дискуссий по поводу «Структуры научных революций», которая подняла массу интересных вопросов, была связана с обсуждением того, в какой степени релятивизм действительно следует из куновской концепции. Сам Кун резко отрицал вменяемый ему релятивизм, объясняя обвинения в непонимании и неверной интерпретации его идей. Как бы то ни было, споры вокруг Куна надолго сформировали повестку дня в определенных сообществах гуманитариев, с созданием огромного массива вторичной литературы и соответствующих дискуссий.

Довольно значительным событием в этом контексте явилась публикация книги Эррола Морриса «Пепельница» [2]. Автор книги, будучи аспирантом Куна в Принстонском университете, рассказывает об эпизоде, когда буквально взбешенный неудобными вопросами о своем релятивизме, Кун якобы швырнул в студента тяжелую стеклянную пепельницу. Сам студент через некоторое время был отчислен из Принстона, но не став философом, сделал успешную карьеру в области документальных фильмов, получив даже Оскара, и по его собственному признанию, да и по мнению критиков, эта книга является настоящей вендеттой давно умершему оппоненту.

Вторжение в профессиональную дискуссию человека «со стороны» всегда вызывает настороженность научного сообщества, тем более что обвинения Моррисом философии Куна в отрицании им существования реального мира и отказе от объективной истины звучат несколько наивно, особенно в виду сложнейших деталей споров этих вопросов. Более серьезный интерес представляют интервью, которые Моррис берет у таких фигур как физик С. Вайнберг, философов С. Крипке и Х. Патнэма, лингвиста Н. Хомского и др. Наконец, самой серьезной и очень неожиданной темой книги является противопоставление релятивизму Куна концепции С. Крипке апостериорных необходимых утверждений.

Стоит отметить, что Моррис нащупывает действительную апелляцию Куна к крайнему релятивизму, когда тот говорит буквально, что поскольку контакт с миром осуществляется через то, что они [ученые] видят и делают, мы можем захотеть сказать, что после революции ученые сталкиваются с другим миром: «Рассматривая результаты прошлых исследований с позиции современной историографии, историк науки может поддасться искушению и сказать, что когда парадигмы меняются, вместе с ними меняется и сам мир... Изменения в парадигме вынуждают ученых видеть мир их исследовательских программ в ином свете. Поскольку они видят мир не иначе как через призму своих воззрений и дел, постольку у нас может возникнуть желание сказать, что после революции ученые имеют дело с иным миром» [1, с. 11].

Увязывание концепции Куна с концепцией Крипке является крайней неожиданной для специалистов, и даже в самой книге Моррис признается пару раз, что философы говорили ему о своих сомнениях (если не сказать больше) по поводу такой связи. Но сам Моррис обсуждает этот вопрос довольно детально, апеллируя к таким понятиям как твердая десигнация и некоторым более общим вопросам семантической теории указания [3].

Моррис обращается к метафизике, сопутствующей модальной логике Крипке, в понимании метафоры возможного мира: «Возможный мир не есть отдельная страна, на которую мы наталкиваемся или обзираем в подзорную трубу. Вообще говоря, возможный мир находится слишком далеко от нас. Даже если бы мы путешествовали со скоростью, превышающей скорость света, мы все рано не достигли бы его. Возможный мир задается дескриптивными условиями, которые мы с ним ассоциируем» [4, р. 271].

Эта в высшей степени абстрактная тематика оказывается полезной Моррису в опровержении релятивизма Куна весьма оригинальным образом. По Моррису, сутью работ Крипке является то, что язык – не просто о нас и наших мыслях, но прямо, не опосредованно нашими мыслями и верами, соединяет нас с миром. Основанием такого сугубо метафизического мнения служит понятие твердого десигнатора, термина, который указывает на один и тот же объект во всех возможных мирах. Крипке часто критикуют, или наоборот, ставят ему в заслугу, определенного рода возрождение метафизики, основанной на модальной логике. По свидетельству самого Крипке: «Возможные миры не есть нечто, к чему могут относиться эпистемологические вопросы подобного рода» [5, р. 148].

Но при обсуждении релятивизма как такового на первый план выходят именно эпистемологические вопросы. Моррис перенимает, или некритически воспринимает взгляд Крипке, по которому эпистемологические вопросы, в общем-то, поглощаются метафизическими соображениями. Естественно, что при этом очень странная апелляция Морриса к метафизике Крипке преследует цель избавиться от эпистемологических аспектов релятивизма. Однако следует подчеркнуть, что позиция Крипке в этом отношении весьма уязвима. Так, М. Даммит утверждает: «Теория Крипке допускает различие, отсутствующее у Фреге, подобное тому, которое делалось Витгенштейном в *Трактате*, и позитивистами, различие между эпистемической и метафизической необходимостью. С моей точки зрения, позиция Крипке хуже, чем в *Трактате* и у позитивистов, и не только потому, что он соотносит значение и необходимость, но и потому, что всенародно выбирает метафизическую, а не эпистемологическую необходимость для такого соотнесения» [6, р. 526].

Помимо общих аргументов против релятивизма, часто обсуждаемых в литературе, Моррис нашел удивительную нишу, о существовании которой никто, похоже, и не подозревал. В качестве одного из источников релятивизма Куна Моррис назвал философию позднего Витгенштейна, и здесь оказался весьма убедительным, изложив аргументацию в два этапа. Сначала у Морриса оказались свидетельства известного философа С. Кэвелла [7], бывшего в молодости близким другом Т. Куна, о том, что сам Кун проявлял огромный интерес к «Философским исследованиям» Витгенштейна. Согласно Кэвеллу, во время их бесед в Беркли, Кун был настолько увлечен Витгенштейном, что недоумевал по поводу невнимания к этому мыслителю со стороны своих коллег. Естественно, что интересы Куна лежали совсем в другой плоскости, чем идеи Витгенштейна, но метод последнего был крайне интересен для Куна. В частности, Куну импонировала идея социального конструирования знания. Второй этап состоял в демонстрации релятивизма Витгенштейна, и здесь главную роль опять-таки играл С. Крипке, с его вызвавшей шум скептической интерпретацией Витгенштейна [8]. И наконец, последний аккорд в стратегии Морриса: он обнаруживает, что на формирование концепции нормальной науки и парадигмы Куна напрямую существенно повлияла философия позднего Витгенштейна.

Надо заметить, что, несмотря на то, что Моррис был аутсайдером для философского сообщества, его известность как известного кинорежиссера позволила ему извлечь из интервьюируемых философов такую информацию, которую трудно получить, так сказать, в официальном порядке. Так, он практически вынудил Крипке отказаться от определенности в вопросе о том, считает ли он лично Витгенштейна скептиком, и больше того, подвел Крипке к признанию, что в этом вопросе тот занимает позицию «адвоката», что подразумевает некоторую неискренность в выражении своей философской позиции. Немногим исследователям современной философии удастся достигнуть такого результата, какого добился «аутсайдер» Моррис.

Более того, сам Крипке как интерпретатор Витгенштейна, высказывался о его релятивизме очень уклончиво. Моррис в кратком интервью с Крипке, спросив, согласен ли Крипке с тем, что Витгенштейн был релятивистом, и что не делает ли это вопрос об объективности бессмысленным. Крипке отвечает весьма осторожно: «Я думаю, что вполне правомерно рассматривать это таким образом, но я бы сказал – с осторожностью. Написана целая книга, защищающая точку зрения, которую я характеризую не только как последовательную, но и как истину. Не знаю, полностью ли я согласен с ее автором М. Кушем, но мне кажется, что многое из того, что говорится в книге, верно. (Придерживаясь своей позиции), я...рассуждаю как юрист. Но я выражаю тут кое-какое сомнение...» [2, р. 96].

Интерес к оценкам философии Куна «со стороны» вполне оправдан, поскольку по ходу времени контекст появления значимых философских концепций становится все более расплывчатым, а сама концепция «сглаживается», лишаясь острых углов внутренних противоречий и неясностей. Превращение оригинальных взглядов в «учебный» материал является типичным примером того, что М. Вебер назвал «рутинизацией харизмы». В этом смысле появление таких работ как «Пепельница» Э. Морриса помогает читателям по-новому взглянуть на устоявшиеся представления о значимости философии Т. Куна.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
2. Morris E. The Ashtray. Chicago: The University of Chicago Press, 2018.
3. Putnam H. The Meaning of 'Meaning' // Philosophical Papers, vol. 2, Mind, Language and Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 215-271.
4. Kripke S. Naming and Necessity // Semantics of Natural Language / ed. Davidson D. et al. Dordrecht, 1972. P. 253-355.
5. Kripke S. Identity and Necessity // Identity and Individuation / ed. M. Munitz. N.Y., 1971.
6. Dummett M. Postscript // Synthese, vol. 27, n. 3-4, 1974.
7. Cavell S. Little Did I Know: Excerpts from Memory. Stanford: Stanford University Press, 2010.
8. Kripke S. Wittgenstein on the rules and private languages. Oxford: Basil Blackwell, 1982. (Русский перевод: Сол Крипке. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. В. Ладов, В. Суровцев. М.: Канон+, 2010.)

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ: ВАРИАНТ ОБОСНОВАНИЯ

Шевченко А.А.

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
E-mail: shev@philosophy.nsc.ru*

Аннотация. Эпистемический патернализм обычно понимается как вмешательство в познавательную деятельность другого лица без его согласия, но ради его блага. Под высшим эпистемическим благом чаще всего имеется в виду истина, которая и оправдывает такое вмешательство. В докладе предлагается менее амбициозный вариант оправдания эпистемического патернализма, это может быть необходимость коррекции тех или иных интеллектуальных дефектов, препятствующих познанию. Один из таких дефектов – эпистемическая акрасия – состоит либо в одновременном принятии противоположных мнений, либо в неспособности сделать выводы из уже принятых положений, либо в непонимании того, как соотносятся эпистемические установки разных уровней. Коррекция такого поведения требует расширительного толкования эпистемического патернализма при соблюдении страховочных механизмов, защищающих такие личные ценности как свобода и автономия.

Ключевые слова: эпистемическое благо, эпистемическая акрасия, рациональность, истина, волевой контроль.

EPISTEMIC PATERNALISM: A VARIANT OF JUSTIFICATION

Shevchenko A.A.

*DSc in Philosophy, Leading Researcher
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of RAS
E-mail: shev@philosophy.nsc.ru*

Abstract. Epistemic paternalism is usually understood as interference in the cognitive activity of another person without their consent, but for their good. Truth is usually deemed to be the highest epistemic good which justifies such interference. The paper offers a less ambitious version of the justification of epistemic paternalism. It may be the need to correct certain intellectual defects that interfere with cognition. One such defect, epistemic akrasia, consists either in the simultaneous acceptance of opposing views, or the inability to draw conclusions from already accepted premises, or the failure to understand the hierarchies of various epistemic attitudes. The correction of such behavior requires a broader interpretation of epistemic paternalism while establishing safety nets that protect such personal values as freedom and autonomy.

Keywords: epistemic good, epistemic akrasia, rationality, truth, volitional control.

Одним из пионеров в обсуждении темы эпистемического патернализма был Элвин Голдман, выделивший следующие его признаки: во-первых, это вмешательство в познавательную деятельность (inquiry) других людей, при этом такое вмешательство обычно осуществляется посредством тех или иных ограничений на доступную информацию. Во-вторых, это вмешательство происходит без согласия тех людей, на которых распространяются ограничения, хотя это не всегда является обязательным условием. В-третьих, это вмешательство и ограничения должны быть направлены на благо того, чья познавательная свобода ограничивается, хотя и это условие может пониматься весьма расширительно [1]. Исходно, по значению слова, патернализм – форма контроля, который имеет родитель над ребенком, но с философской точки зрения интерес представляют ситуации, в которых этот контроль принадлежит социальным институтам и, в первую очередь, государству.

Конечно, субъектом контроля может быть не только государство. Так, все большую озабоченность вызывают ограничения и модерация пользовательской информации со стороны социальных сетей. Делается это обычно под предлогом борьбы с фейковыми новостями или «вредоносным контентом» и соответствует стандартному трехчастному определению патернализма – 1) ограничение информации 2) без ведома или согласия опекаемых 3) ради их собственного блага. Кроме прямого ограничения есть менее явные такого патернализма, например, автоматическая подстройка ленты новостей под вкусы и интересы пользователя, фильтрующая контент, который он, возможно не всегда осознанно, предпочел бы не видеть [2].

Эпистемическое благо индивида как правило трактуется либо в терминах более полного приближения к истине (традиция «веритизма»), либо лучшего понимания ситуации (современная тенденция в эпистемологии добродетелей). В первом случае "эпистемическое совершенствование" напрямую коррелирует с увеличением числа истинных убеждений, которыми обладает либо индивид, либо сообщество. В качестве альтернативы, в теории добродетелей эпистемическое совершенствование отождествляется не только со способностью субъекта делать истинные утверждения, но и иным образом совершенствовать свои интеллектуальные возможности, такие, например, как способность к правильным умозаключениям или способность к пониманию. С этой точки зрения эпистемические улучшения возможны и без увеличения количества истинных убеждений, если, например, совершенствуется процедура вывода или достигается понимание более обширных контекстов.

Итак, эпистемический патернализм – это форма контроля за знанием других людей ради их собственного блага. При этом контролирующий субъект не обязан быть экспертом в той области знания, которую он контролирует, хотя Э. Голдман как раз полагал, что наличие экспертного знания может придать легитимность эпистемическим ограничениям. В пример он приводит образовательный процесс, в котором ученикам никогда не предоставляется вся полнота информация и все точки зрения по всем вопросам. При этом ограничения вводятся на двух уровнях – во-первых, отбирается точная информация, соответствующая истине, а на втором этапе уже из этого содержания отбирается только часть, которая может быть изучена по причине практических ограничений. Среди примеров, которые могут быть исключены из школьной программы, Голдман упоминает представления о том, что земля плоская, астрономию Птолемея, астрологию, а также креационизм [1].

Важной исходной предпосылкой защитников эпистемического патернализма является утверждение о том, что та среда, в которой мы осуществляем свою познавательную деятельность, не является нейтральной. Бездействие в этой сфере может привести к тому, что субъектам познания будет нанесен ущерб теми, кто находится во властных позициях в информационной экономике, что также ограничит интеллектуальную автономию тех, о ком мы заботимся, но ограничат ее уже представители противоположного лагеря. Следуя такой логике, эпистемический патернализм – это ответные действия, целью которых является выравнивание эпистемического пространства с целью создания справедливых условий для познавательной деятельности.

Главным аргументом, по мнению одного из основных защитников эпистемического патернализма, служит то, что наши когнитивные ограничения и наклонности «... делают маловероятным, что мы можем полагаться сами на себя в плане эпистемического совершенствования» [3, р. 177]. Другими словами, нам необходима помощь, в том числе и для защиты нашей интеллектуальной свободы и автономии. Улучшение познавательных возможностей может пониматься и как минимизация когнитивных недостатков, присущих эпистемическим субъектам. Как представляется, акцент на потенциальных дефектах мышления может стать значимым аргументом в поддержку эпистемического патернализма, серьезным основанием для патерналистских действий,

особенно если такие дефекты распространены и имеют фундаментальный характер. Одним из них является эпистемическая акрасия, которую мы и рассмотрим подробнее.

Акрасией обычно называют разрыв между убеждением и действием, когда человек сознательно и намеренно поступает вопреки собственному суждению о том, что считает правильным или должным. Типичным примером такого поведения считается следование вредным привычкам. Одной из первых тем о существовании не только практической, но и «интеллектуальной» акрасии, подняла Амели Рорти. Она характеризует интеллектуальную акрасию как ситуацию, когда некоторое верование (belief) вступает в конфликт либо с другими продуманными и принятыми им убеждениями и принципами, либо с фактическим свидетельствами. «Человек убежден акратически, если он убежден, что *p*, хотя он имплицитно знает, что *p* противоречит весомым доказательствам или ряду принципов, которые он сам исповедует» [4, p.175]. Примеры расхождения между одновременно принятыми убеждениями весьма разнообразны. Д. Дэвидсон примерами эпистемической акрасии считает принятие желаемого за действительное (wishful thinking), самообман, а также веру в то, что, как полагает сам субъект, не подтверждается или опровергается имеющимися свидетельствами. [5, p. 191]. А. Каримов называет эпистемическую акрасию формой интеллектуальной «обломовщины»: «Как Обломов не мог набраться решимости встать с дивана и воплотить свои замыслы, так же и человек может иметь определенные убеждения, но не иметь решимости сделать из них выводы» [6, с. 257]. Если мы порицаем обломовщину, то эпистемический патернализм здесь можно понимать как ненасильственное принуждение к правильной работе мысли.

Иррациональной же ситуация эпистемической акрасии кажется в силу явного противоречия, когда некто убежден в *p*, при этом полагает также, что имеющиеся у него свидетельства не поддерживают *p*. Примером здесь может служить «парадокс Мура» – «идет дождь, но я в это не верю». Если в случае практической акрасии человек поступает так, как, по его мнению, он не должен поступать, то в случае эпистемической акрасии человек верит в то, во что он верить не должен, или в то, для чего, по его мнению, у него нет достаточных оснований. Таким образом, с точки зрения идеальной или нормативной эпистемической рациональности эпистемическая акрасия если в каком-то виде и возможна, то иррациональна.

Как и в случае с практической акрасией, говорить о существовании эпистемической акрасии можно только в случае выполнения двух условий – «условия контроля» субъекта над своими мнениями и убеждениями, и «условие понимания». Первое условие предполагает, что мы формируем наши убеждения в определенной степени осознанно, на основании некоторой рефлексии. Произвольность акрасии – это первое из ее «условий возможности». Если в области практического поведения предпосылка о произвольности (т.е. о свободе воли) не вызывает особых сомнений, то в отношении эпистемических установок ситуация другая. Т.н. «доксастический волюнтаризм», степень произвольности наших эпистемических установок, представляет собой отдельную проблему, где бремя доказательства обычно лежит на тех, кто обосновывает возможность такой свободы, в той или иной степени. Второе условие требует осознанного выбора в пользу того или иного мнения или убеждения при полном понимании альтернативной возможности и понимании того, что совершаемый выбор может быть не лучшим. «Акрасия, в двух словах, — это признак определённого рода свободы, и мы сможем понять её лучше, если глубже исследуем эту свободу» [7, с. 259].

Представляется, что эпистемическая акрасия является вполне законной целью для эпистемического патернализма, то есть для коррекционного вмешательства с целью поспособствовать упорядочению и интеграции когнитивных установок тех, о чьем когнитивном благе идет речь. Подчеркнем, что последствия такого патерналистского вмешательства могут оказаться благоприятными и в других сферах, однако здесь мы говорим только об эпистемических следствиях.

Список литературы

1. *Goldman A.* Epistemic Paternalism: Communication Control. // *Law and Society // The Journal of Philosophy.* 1991. Vol. 88. № 3. P. 113–131.
2. *Castro C., Pham A., Rubel A.* Epistemic Paternalism Online // *Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications.* Eds. G. Axtell & A. Bernal. London: Rowman & Littlefield, 2020. P. 29-44.
3. *Ahlstrom-Vij K.* Epistemic Paternalism: A Defence. Palgrave Macmillan, 2013. 194 p.
4. *Rorty A.* Akritic Believers // *American Philosophical Quarterly.* 1983. Vol. 20. № 2. P. 175-183.
5. *Davidson D.* Problems of Rationality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 300 p.
6. *Каримов А.Р.* Эпистемология добродетелей. СПб.: Алетейя, 2019. 426 с.
7. *Серль Дж.* Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.

ПРИНЦИП ОТНЕСЕНИЯ К ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Шклярник Е.Н.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов
Философский факультет МГУ им.М.В.Ломоносова
E-mail: shklyarik@mail.ru*

Аннотация. Разработанный Г. Риккертом принцип отнесения к ценности позволяет рассматривать актуальные проблемы человека и общества в терминах существующей научной традиции, выявлять смысл новых явлений в контексте культуры, проявлять статус и ценность научного опыта, формулировать новые области исследований. Процедура отнесения к ценности позволяет увидеть социальную динамику, расширить предмет и методы гуманитарного знания, его применимость. Происходит изменение исследовательской оптики в результате введения в научную практику новых источников и форм аргументации. Возможность использовать социальные сети как источник эго-документации, как форму диалога и свидетельства, даёт шанс осмыслить процесс возникновения новых идей и практик. Способом отнесения к ценности становится применение аппарата объектно-ориентированной онтологии к проблеме «нежеланной жизни» больных хроническими генетическими заболеваниями. Это пересмотр безусловной ценности жизни.

Ключевые слова: принцип отнесения к ценности, проблема «нежеланной жизни».

THE REFERENCE TO VALUE PRINCIPLE IN THE MODERN HUMAN SCIENCES

Shklyarik E.N.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department
of Philosophy of the Humanities Faculties
Moscow State University
E-mail: shklyarik@mail.ru*

Abstract. Declared by G. Rikkert principle of reference to value helps to use the human studies approach to modern problems and to enrich the methods of scientific research. New resources and new forms of argumentation have to be evaluated. Social media are the ego-documents collections, they provide dialogue and social evidence for hidden problems of various kind. The problem of “unwanted life” detected by DNA chronic patients leads to the falsification of the absolute value of life. In terms of the object-oriented ontology vital objects have no advantages over non-vital. There is no subordinate sence or intentional order for living creatures and species.

Keywords: principle of reference to value, the problem of “unwanted life”.

Принцип отнесения к ценности, предложенный Г. Риккертом [1], предполагает не оценочность, а процедуру концептуализации нового смысла, появляющегося в культуре во времени. Анализ социального контекста, исторических реалий, технологий в надындивидуальном и сверхэмпирическом ракурсе позволяет увидеть их трансцендентный характер. Ценность проявляет смысл факта/события, и сама проявляется как объективный абсолют, или идеал целеполагания. Новые ценности и смыслы субъективны, так как не отражают реальность как объект, а формируют координаты общности, это навигация индивидуального опыта в общезначимый.

Процедура отнесения к ценности позволяет обновить понимание предметного поля, метода и цели исследования. Сама постановка проблемы, концептуализация, введение неапробированных источников и способов аргументации, расширяет границы научного знания. «Сырая реальность» нуждается в формализации, поименовании и структурном анализе. Поиск аппарата взаимодействия с реальностью и есть отнесение к ценности научного знания.

Так, в гуманитарном знании важной проблемой является обоснование источника исследования. Опора на текст/артефакт/образ формирует разные стратегии и результаты исследования. В историографии, например, появление личных архивов, бытовых предметов и практик в качестве источников вылилось в создание направления истории повседневности. Кризис «больших нарративов»

сместил фокус на микроуровень, который обогатил понимание истории в целом. Внимание к личной истории породило в обществе бум изысканий семейных родословных, который привел к созданию глобальных электронных баз данных, собирающих документы, изображения и генетические данные. Эти постоянно пополняющиеся базы – ценный ресурс для мультидисциплинарных исследований. Ценность исторической памяти заявлена в публичном пространстве как востребованность историографии.

Постоянное пополнение арсенала научных методов также связано с переосмыслением и отнесением к ценности технологий и опыта, которые ранее не применялись в гуманитарном знании. Так, в археологии использование радиоуглеродной датировки, генетического тестирования, спутниковых снимков привело к коррекции старых данных и изменению протокола исследований. В искусствоведении рентгенограммы и химический анализ пигментов также породили специальную доказательную базу. Виртуальная реконструкция утраченных объектов стала самостоятельной областью историографии.

Признание искусства в постмодернистской перспективе самостоятельной исследовательской практикой сделало его важным источником социальной информации и историческим свидетельством. Циклы и серии работ, иногда длящихся годами, представляют ценность для феноменологического и герменевтического анализа. Подобно тому, как использовался художественный опыт в психоанализе для описания бессознательного, перформативное и генеративное искусство создают представление о новой объектно-ориентированной познавательной ситуации, изменяющей статус субъекта. Диапазон стратегий велик: от наблюдений за предметной сферой средствами станковой живописи и графики (П. Отдельнов, А. Бродский, О. Иордан) до социально значимого акционизма (О. Кулик, К. Ненашева, П. Павленский, Н. Полисский) и создания возможных миров цифровых вселенных (М. Коллишоу, М. Хайнсмейер, Е. Никоноле).

Искусство как форма познания реальности обладает онтологической слитностью творца и творения, игрока и игры. Познание через переживание становится важным и иногда единственно возможным аргументом в «тёмных исследованиях». Автор «тёмного витализма» Б. Вударт отмечает необходимость использовать богатую традицию литературы и фильмов ужасов для обоснования феномена жизни внелогическим способом [2]. Он опирается на характеристики жанра фэнтези, используя иконографию компьютерных игр в качестве модели самозарождения и распространения жизни. Опыт и состояния читателя/зрителя/игрока оказываются необходимы для понимания сущности явления, предвывая его в неизвестном ракурсе. Сложность для академического исследования здесь связана с конвенциональностью источников.

Многие проблемы, появившиеся в публичном пространстве благодаря информационным технологиям, долгое время отсутствовали в исследовательском поле гуманитарных дисциплин. Обсуждение расовых, гендерных, религиозных проблем в соцсетях затрагивает специализацию разных наук – от психологии и политологии до этики. Часто чрезвычайно сложно сформулировать саму проблему, она «нащупывается» участниками обсуждения без оглядки на термины и правила. Такова, например, тема хронических генетических заболеваний, породившая дискуссию о «нежеланной жизни» ([3, 4, 5]).

Участники профильных чатов обмениваются информацией по особенностям заболеваний и их лечения. Статистические закономерности роли генетических факторов проявляются в большом количестве комментариев и личных/семейных историй, рассказанных участниками. Конечно, в медицинском смысле это неподтвержденная информация, однако для гуманитарного исследования важно выявление, формулировка и обсуждение проблемы «нежеланной жизни».

Столкнувшись с болезнью, многие семьи ориентируются на стоический идеал, принимая «судьбу», претерпевая тяготы, подчеркивая бойцовский дух и сплоченность. Однако дети-страдальцы переосмысливают свой статус вынужденного центра и смысла усилий семьи. Взрослея, достигая относительной автономии, они наблюдают за родственными отношениями, оценивают риски и возможности избежать болезни. Удивляясь неинформированности и безответственности родных, больные используют принцип самоотрицания, предлагая им представить другую жизнь без болезни. «Я бы предпочёл не родиться» – не аффектированный импульс, а рациональный вывод, основанный на понимании прогноза и динамики заболевания.

Позиция этих людей до появления чатов была их личным делом, но сейчас её нельзя не замечать ни в социальном, ни в этическом плане. По их мнению, жизнь не «случается», а определяется в индивидуальном опыте. Переоценка усилий общества по сохранению любой жизни означает признание равноправия разных уровней витальности. Случайность и временность жизни позволяет рассматривать её вне смысла. Бессмысленность патологии этически противопоставляет её не норме,

а любым другим формам существования. Экзистенциально стремление к ничто определяет сущность изначально свободного существования.

Желанная невозможность зарождения означает отказ от принуждения и контроля (медицинского и социального) за патологией случайной жизни. Самоорганизация и эго-документация (сетевая переписка, фотоархивы) сопровождают неподвижного наблюдателя, игнорирующего взаимодействие, непроницаемого и стремящегося исчезнуть. Философское осмысление опыта такого самосознания представляется важным для современного социально-гуманитарного знания.

Список литературы

1. Риккерт Г. Философия жизни. Глава VIII. Критика биологического принципа ценности / Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
2. Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь, 2016.
3. Атопический дерматит и аллергия. [Электронный ресурс]. URL:(https://t.me/dermatit_i_allergiya / (дата обращения 13.01.2024).
4. Пороки сердца. [Электронный ресурс]. URL:(<https://t.me/heartdefects> / (дата обращения 13.01.2024).
5. Эпилепсия. [Электронный ресурс]. URL:([https:// t.me/epilepsydisorder/](https://t.me/epilepsydisorder/). (дата обращения 13.01.2024).

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СДВИГ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Шугуров М.В.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. автор обосновывает, что современные геополитические катаклизмы привели к проблематизации доминирующей парадигмы научной дипломатии, которая в последнее время расценивается как наивная и идеалистическая. Показывается, что наука стала превращаться в фактор «жесткой силы» в международных делах. На этом фоне происходит формирование теоретического образа новой парадигмы научной дипломатии. В связи с этим вполне обоснованным представляется понятие «пост-наивная научная дипломатия». Важнейший фактор сохранения приверженности научной дипломатии – понимание глобальным научным сообществом того факта, что наука призвана не только усиливать национальную конкурентоспособность, но и решать глобальные проблемы современности. С точки зрения автора, перемещение научной дипломатии в условиях антиросийских санкций в «приватную» сферу можно считать общим трендом интенсивного освоения ниши, которая ранее имела место, но не была доминирующей. Однако здесь возникают барьеры, связанные с политизированным контекстом межличностной коммуникации.

Ключевые слова: научная дипломатия, антиросийские санкции, глобальная наука, институциональный разрыв.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01296, <https://rscf.ru/project/23-28-01296/>.

SCIENCE DIPLOMACY: A PARADIGM SHIFT IN GEOPOLITICAL TURBULENCE

Shugurov M.V.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Saratov State Law Academy*

Abstract. The author substantiates that modern geopolitical cataclysms have led to the problematization of the dominant paradigm of scientific diplomacy, which has recently been regarded as naive and idealistic. It is shown that science has begun to turn into a factor of “hard

power” in international affairs. Against this background, the theoretical image of a new paradigm of scientific diplomacy is being formed. In this regard, the term “post-naive scientific diplomacy” seems quite justified. The most important factor in maintaining a commitment to science diplomacy is the global scientific community’s understanding of the fact that science is called upon not only to strengthen national competitiveness, but also to solve global problems of our time. From the author’s point of view, the movement of scientific diplomacy into the “private” sphere can be considered a general trend of intensive development of a niche that previously existed, but was not dominant. However, barriers arise here associated with the politicized context of interpersonal communication.

Keywords: science diplomacy, anti-Russian sanctions, global science, institutional gap.

В историческом аспекте международная дипломатия в научной сфере, или научная дипломатия, была инструментом, который позволял сохранять открытыми каналы взаимодействия, когда международные отношения характеризовались повышенной напряженностью. Научная дипломатия открывала простор для получения весомых научных результатов и одновременно снижала уровень международной напряженности. Эпоха научной дипломатии в условиях «холодной войны» позволила инициировать и реализовать крупные мегапроекты, результатами которых стали новые научные знания, ставшие достоянием всего человечества [1, 2].

В ситуации, когда постепенно начали восстанавливаться коммуникативные связи, которые были ослаблены пандемией COVID-2019, прекращение целым рядом западных государств и их научных учреждений сотрудничества с Россией «рассекло» академические союзы и вызвало своего рода расслоение в мировой науке. Из этого следует, что былые представления, которые популяризировались Британским королевским обществом и Американской ассоциацией содействия развитию науки/AAAS, о том, научные достижения и сотрудничество преодолевают геополитические границы и способствуют возникновению чувства единства в научном сообществе и за его пределами [3, p. 15], уже не соответствуют действительности.

В конечном счете, решения в отношении российской науки зависят от политических кругов недружественных государств, несмотря на все признание академической свободы, предоставляющей научным учреждениям право выбора своей позиции. Политические решения о разрыве институциональных связей в международном научном сотрудничестве означают завершение эры былой научной дипломатии и приводят к резкой политизации международных отношений в сфере научных исследований. По замечанию Д. Мэтьюз, «наивная» эра научной дипломатии закончилась [4]. Установка на то, что научные связи будут продолжаться «несмотря ни на что», утратила свою действенность. Но это не означает завершение эры научной дипломатии как таковой и полного отказа от некоторых идеалистических и прагматических моментов прежней парадигмы.

Зарубежные эксперты в области научной дипломатии, демонстрирующие неработоспособность многих составных частей доминирующей модели последней в контексте текущей геополитической турбулентности, призывают прекратить мифологизацию научной дипломатии и перестать усматривать в ней некий всемогущий инструмент [5]. Иными словами, настало время признать ее ограниченность. Действительно, эту ограниченность можно усмотреть в нескольких направлениях.

Во-первых, в тезисе об аполитичной науке. В ситуации антироссийских санкций определенная часть зарубежного научно-исследовательского сообщества оказалась в той или иной степени проникнута политизированным духом. Все это дополняется превращением научного сотрудничества, а именно его прекращения и приостановки, в «твердую силу» мировой политики, что вполне коррелирует стремлению «отрезать» российскую промышленность от технологий, которые сегодня формируют будущее.

Во-вторых, согласно доминировавшим прежде представлениям, научная дипломатия, направленная не только на решение проблем науки и обеспечение роста научных знаний во благо мирового сообщества и решения глобальных проблем, достаточно эффективна в плане сдерживания перехода противоречий в международных отношениях в фазу острого кризиса. Считалось, что совместные научные исследования могут способствовать созданию коалиций и разрешению конфликтов посредством обеспечения эффективных форм политического диалога («наука для дипломатии»).

Вместе с тем, в текущей ситуации невозможно использовать научную дипломатию как миротворческий инструмент, когда большинство научных институциональных связей Запада и России разорвано. Разочарование западных экспертов в научной дипломатии, по крайней мере, как она применялась в отношении России, заключается в том, что она не сумела предотвратить ни кризис

экономических, ни кризис политических отношений. Россию не удалось «приручить» ни посредством втягивания в Европейское исследовательское пространство, ни путем интеграции в многочисленные многосторонние и двусторонние проекты. Тесное научное сотрудничество российских ученых и ученых из стран Запада не стало панацеей от мирополитического тектонического разлома. В этом зарубежные эксперты усматривают слабость, а в широком смысле слова – пределы возможностей традиционной модели научной дипломатии, которая оказалась не только «наивной», но и «самонадеянной» [6].

Подобная неудача научной дипломатии приводит западные экспертные круги к сомнению в отношении верности определения содержания научной дипломатии. К пересмотру парадигмы научной дипломатии в последнее время приступили структуры ЕС. В частности, актуализирован вопрос о том, что роль научной дипломатии в формировании международного ландшафта становится все более значимой в контексте быстро меняющейся глобальной динамики и возникновения новых вызовов [7].

В свою очередь отказаться полностью от научной дипломатии не представляется возможным. В текущей обстановке антироссийских научных санкций среди зарубежных экспертов высказывается позиция, согласно которой достаточно странным является столь быстрый отказ от важных инструментов научной дипломатии. Напротив, по их мнению, пришло время перехода от риторического обращения к науке как инструменту внешней политики и оправдания ее статуса в качестве помощника в международных делах к науке как жизнеспособной альтернативе возникших трудных обстоятельств в международных делах [8]. Данный тезис свидетельствует о том, что вера в науку как средство рационального и конструктивного взаимодействия между странами, которые находятся в ситуации политических и идеологических споров, не ослабла. Смягчение дискурса разрыва, реализующегося на официальном уровне, оборотом «до особых распоряжений» свидетельствует о неабсолютном характера такого дискурса при всей кажущейся бескомпромиссности принятых решений.

Поскольку эпоха былой научной дипломатии прошла, а сама дипломатия сместилась на край институционального сотрудничества в сферу межличностной коммуникации, актуализируется значимость выработки специфических алгоритмов международной межличностной научной дипломатии. Они нацелены на преодоление затруднений касательно выработки установки на отстраненность от политических оценок позиций научных коллабораторов. Однако это сложно осуществить с учетом начавшегося укрепления новой изоляционистской парадигмы международного сотрудничества и ограничения научной открытости, что, несомненно, «заражает» сознание членов академических сообществ западных стран. По мере того, как мир раскалывается из-за политических разногласий, научные круги оказываются не на периферии, а на линии геополитического разлома.

Но, как ни парадоксально, международное научно-исследовательское сотрудничество с участием России не только осталось в поле свободного усмотрения зарубежных научных учреждений и центров, но и было рекомендовано властными структурами недружественных стран, но при соблюдении целого ряда условий, ограничивающих, в сущности, свободу научных исследований. Если рассматривать уровень личных отношений и неофициальных контактов между исследователями, то налицо сохранение установки на интернациональность науки. Часть исследовательского сообщества из недружественных стран по-прежнему полагает, что политическая сторона не должна затрагивать научное сотрудничество: оно должно продолжаться.

Предназначение пространства неофициальных связей заключается в сохранении контактов как таковых в контексте перспективы возможного восстановления институциональных отношений при одновременном стремлении поддерживать контакты на уровне реализации научных проектов, направленных на решение глобальных проблем, например, в сфере изменения климата. В качестве кредо новой научной дипломатии, согласно взглядам зарубежных экспертов, выступает сохранение контактов, но без создания рисков для российских исследователей. Иными словами, «обустройство» межличностных контактов нацелено на то, чтобы посеять семена, благодаря которым научная дипломатия снова сможет творить чудеса, восстанавливая доверие. Таким образом, в спектре исторической перспективы установка на полную и окончательную изоляцию российской науки отсутствует. Но при этом возникает масса моральных и правовых дилемм.

Полагаем, что в наступающую эпоху пост-наивной научной дипломатии корреляция между научным сотрудничеством и геополитикой не должна приводить к полному размыванию границ между ними. Сегодня вполне зримо прослеживается модель научной политики, сочетающей в себе как продолжение сотрудничества в одних направлениях, так и ограничения в других. Однако эта модель

не имеет всеобщего характера: она характерна для недружественных России государств. Для академического же сообщества из дружественных стран подобной проблематика не характерна: сотрудничество идет своим ходом настолько это возможно. Соответственно, фрагментация современного международного сотрудничества – та реальность, которая задает повышенную сложность содержания формирующейся парадигмы научной дипломатии.

Список литературы

1. *Ruffini P.-B.* Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations. Cham: Springer, 2017. 143 p.
2. *Краснова Г.А.* Научная дипломатия в современном мире. М.: ИП РСМД, 2021. 48 с.
3. *New frontiers in science diplomacy.* London: The Royal Society, 2010. 44 p.
4. *Matthews D.* Ukraine invasion ends “naïve” era of science diplomacy (2022, April 28). [Электронный ресурс]. URL: <https://sciencebusiness.net/news/ukraine-invasion-ends-naive-era-science-diplomacy> (дата обращения: 04.01.2024).
5. War in Ukraine highlights the enduring myths of science diplomacy (04.05.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2022/05/04/war-in-ukraine-highlights-the-enduring-myths-of-science-diplomacy/> (дата обращения: 04.01.2024).
6. Science diplomacy in difficult times: Learning the language of Realpolitik (14 June 2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mariecuriealumni.eu/newsletters/31st-mcaa-newsletter/science-diplomacy-difficult-times-learning-language-realpolitik> (дата обращения: 10.01.2024).
7. Science diplomacy and the changing world order: the end of (Scientific) Unipolarity. 3rd Installment of the EUTOPIAn science diplomacy seminar series (November 3, 2023). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-diplomacy.eu/seminar-on-science-diplomacy-and-a-changing-world-order/> (дата обращения: 06.01.2024).
8. *Sá C.* The importance of science diplomacy during difficult times (29.03.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universityaffairs.ca/opinion/policy-and-practice/the-importance-of-science-diplomacy-during-difficult-times/> (дата обращения: 10.01.2024).

ФИЛОСОФСКАЯ ЛОГИКА

ПЛЮРАЛИЗМ В КАТЕГОРНОЙ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Васюков В.Л.

*Доктор философских наук, зав. кафедрой истории и философии науки
Институт философии РАН,
E-mail: vasyukov4@gmail.com*

Аннотация. Предлагаемый подход заключается в исследовании теории доказательств дедуктивных категорий путем преобразования дедуктивных категорий в 2-категории, где 2-стрелки представляют собой 2-клетки или отображения в терминологии Маклейна, причем их можно компоновать двумя способами, горизонтальным и вертикальным. Представляет интерес наделение дедуктивной 2-категорию структурой декартово замкнутой дедуктивной категории 2-стрелок. В этом случае можно доказать теорему дедукции для категории 2-стрелок и рассмотреть соответствующие теоремы о канонических морфизмах. Произвольность структурирования категории 2-стрелок наводит на мысль о наделении ее структурой иных неклассических дедуктивных категорий. Для преодоления трудностей на этом пути можно использовать переводы между дедуктивными системами, рассматривая их отражение в дедуктивных 2-категориях с помощью соответствующего функтора из выбранной дедуктивной системы в рассматриваемую дедуктивную категорию 2-стрелок.

Ключевые слова: категорная логика, дедуктивные категории, 2-категории, структурирование, перевод, теорема дедукции.

PLURALISM IN CATEGORICAL PROOF THEORY

Vasyukov V.L.

*DSc in Philosophy, Head of the Department of History and Philosophy of Science
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: vasyukov4@gmail.com*

Abstract. Earlier, the author conducted a study of the nature and structure of the general universe of possible combinations of all logical systems, based on the concept of universal logic (the general theory of logics, considered as a special kind of mathematical structures, by analogy with how universal algebra considers specific algebraic systems). Within the framework of the categorical-theoretic approach, when logical systems are combined into a category of a special kind, it is possible to introduce categorical constructions that describe the internal structure of the category of logical systems. By extending the category of logical systems to 2-category, we can include in the orbit of consideration also the universe of translations of logical systems, when translations are characterized by 2-categorical constructions, being an organic part of the universe of logical systems. In this case, the contextual properties of translations described within the framework of the first order metalanguage are used – a kind of sequential calculus, which rules set the relation of inference in the logical system in question. The main idea is to investigate the theory of proof in deductive categories by transforming deductive categories into 2-categories, where the 2-arrows represent 2-cells or mappings in McLane's terminology, and they can be arranged in two ways, horizontal and vertical. It seems perspective to endow the deductive 2-category with the structure of the Cartesian closed deductive category of the 2-arrows. In this case, it is possible to prove the deduction theorem for the category of 2-arrows and consider the corresponding theorems about canonical morphisms. The arbitrary structuring of the 2-arrow category suggests the endowment of it with the structure of another non-classical deductive category. To overcome the difficulties along the way, it is possible to use translations between

deductive systems, considering their reflection in deductive 2-categories with the help of an appropriate functor from the selected deductive system to the deductive category of 2-arrows under consideration.

Keywords: categorical logic, deductive categories, 2-categories, structuring, translation, deduction theorem.

С точки зрения категорной логики дедуктивная система представляет собой логическое исчисление, в котором наряду с формулами присутствуют коды доказательств, причем преобразуемые по определенным правилам вывода, и операции над ними. Эти дедуктивные системы превращаются в категории в том случае, если мы задаем систему определенных тождеств для доказательств, т.е. категория – это дедуктивная система с записями о выводимости и правилами их отождествления.

Формально это выглядит следующим образом. Пусть у нас имеется множество формул, обозначаемые буквами A, B, \dots (объекты категории), логические связки описываются как операции на объектах-формулах, носящие тотальный характер. Могут иметься также специальные объекты, которые представляют собой нульместные операции на объектах.

Доказательства (выводы) будем называть стрелками. Помимо этого, имеются две функции, сопоставляющие каждой стрелке объект, являющийся ее началом, т.е. ее посылкой, и объект, являющийся концом, т.е. заключением. Может существовать более чем одна стрелка для одного и того же начала и конца. Выражение $f: A \vdash B$ означает, что f есть стрелка с началом A и концом B . Для именованя стрелок будем использовать строчные буквы f, g, \dots , отвечающие кодам, о которых речь шла выше.

Дедуктивная система представляет собой граф, который может иметь следующие операции на стрелках: для каждого объекта нульместную операцию (т.е. специальную стрелку), стрелку тождества $1_A: A \vdash A$ и бинарную частичную операцию на стрелках (композицию), которая, будучи применена к стрелкам $f: A \vdash B$ и $g: B \vdash C$, порождает стрелку $gf: A \vdash C$. Композиция представляет собой единичную форму правила сечения:

Дедуктивная категория есть дедуктивная система, в которой следующие уравнения между доказательствами имеют место: $f 1_A = f, 1_B f = f, (hg) f = h (gf)$ (для всех $f: A \vdash B, g: B \vdash C, h: C \vdash D$). Кроме того, мы допускаем, что существует формула \top (= истина) и бинарная операция \supset (= «если, ..., то») для образования импликации $A \supset B$ из двух данных формул A и B . Вводятся следующие два правила вывода:

$$\frac{f: A \vdash B \quad g: \top \vdash A \supset B}{\top \vdash A \supset B}$$

$$\lceil f \rceil: \top \vdash A \supset B \quad g^s: A \vdash B$$

Мы получаем экспоненциальную дедуктивную категорию, наделяя дедуктивную категорию \mathbf{A} введенными правилами вывода и дополнительными тождествами $\lceil f \rceil^s = f, \lceil g^s \rceil = g$ для всех $f: A \vdash B$ и $g: \top \vdash C \supset D$ [2].

Путем добавления к языку новых связок и констант наряду с дополнительными тождествами могут быть получены дедуктивные системы иного типа, чем чисто экспоненциальные дедуктивные системы. Так, добавляя к нашему исходному языку бинарную операцию \wedge (= и) для образования конъюнкции $A \wedge B$ из двух данных объектов-формул A и B , дополнительные стрелки $\text{OA} : A \vdash \top, \pi_{AB}: A \wedge B \vdash A, \pi'_{AB}: A \wedge B \vdash B$, правило вывода

$$\frac{f: C \vdash A \quad g: C \vdash B}{f \wedge g: C \vdash A \wedge B}$$

$$f \wedge g: C \vdash A \wedge B$$

а затем добавляя к языку новую стрелку $\xi_{AB}: A \wedge (A \supset B) \vdash B$ вместе с правилом вывода

$$\frac{h: C \wedge B \vdash A}{h^*: C \vdash B \supset A}$$

$$h^*: C \vdash B \supset A$$

мы получаем *позитивное интуиционистское дедуктивное исчисление*, а присоединяя дополнительные уравнения между доказательствами $f = \text{OA}$ (для всех $f: A \vdash \top$), $\pi_{AB} (f \wedge g) = f, \pi'_{AB} (f \wedge g) = g, \pi_{AB} h \wedge \pi'_{AB} h = h$ (для всех $f: C \vdash A, g: C \vdash B, h: C \vdash A \wedge B$), получаем *декартову дедуктивную категорию*.

Мы переходим к *декартово замкнутой дедуктивной категории*, наделяя нашу категорию дополнительной структурой, удовлетворяющей следующим тождествам:

$$\xi_{AB} (h^* \pi_{CB} \wedge \pi'_{CB}) = h$$

$$\xi_{AB} (k \pi_{CB} \wedge \pi'_{CB})^* = k$$

для всех $h: C \wedge B \vdash A$ и $k: C \vdash B \supset A$.

Для того, чтобы заняться исследованием теории доказательств дедуктивных категорий, преобразуем наши категории в 2-категории, где 2-стрелки представляют собой 2-клетки или отображения в терминологии Маклейна [2], причем их можно перемножать двумя способами, горизонтальным и вертикальным. Таким образом, если у нас имеются два доказательства $f, g: A \vdash B$, то дополнительно имеется 2-клетка $\alpha: f \Rightarrow g$ с областью A и кообластью B , что записывается как $\alpha: f \Rightarrow g: A \vdash B$. Для 2-клеток существует два вида умножения – вертикальное $\alpha' \circ \alpha: f' \circ f \Rightarrow g' \circ g: A \vdash C$ (где $\alpha': f' \Rightarrow g': B \vdash C$) и горизонтальное $\beta \bullet \alpha: f \Rightarrow h: A \vdash B$ (где $\beta: g \Rightarrow h: A \vdash B$). 2-клетки образуют категорию относительно горизонтального умножения и для любой категории имеется единичная 2-клетка $\mathbf{1}: I \Rightarrow I: A \vdash A$ – двусторонняя единица для подобного умножения. Точно так же 2-клетки образуют категорию относительно вертикального умножения и существует единичная 2-клетка $\mathbf{1}_f: f \Rightarrow f$ относительно этого умножения. Кроме того, если дан набор 2-клеток $\alpha: f \Rightarrow g: A \vdash B$, $\alpha': f' \Rightarrow g': B \vdash C$, $\beta: g \Rightarrow h: A \vdash B$, $\beta': g' \Rightarrow h': B \vdash C$, то справедливо равенство $(\beta' \circ \beta) \bullet (\alpha' \circ \alpha) = (\beta' \bullet \alpha') \circ (\beta \bullet \alpha): f' \circ f \Rightarrow h' \circ h: A \vdash C$.

Рассмотрим теперь, как отражаются дедуктивные категории в дедуктивных 2-категориях. В простейшем случае можно рассмотреть следующий перевод:

$$\begin{aligned} \pi(f: A \vdash B) &= \ulcorner f \urcorner: T \vdash A \supset B, \\ \pi(\alpha: f \Rightarrow g: A \vdash B) &= \pi(f: A \vdash B) \wedge \pi(g: A \vdash B) \end{aligned}$$

Он позволяет говорить о том, что $\alpha: f \Rightarrow g$ доказуема в нашей 2-категории тогда и только тогда, когда $\pi(\alpha: f \Rightarrow g: A \vdash B)$ есть стрелка в исходной дедуктивной категории. Однако это малопродуктивно, поэтому интереснее будет структурировать нашу дедуктивную 2-категорию до уровня декартова замкнутой дедуктивной категории 2-стрелок. В этом случае можно попытаться доказать теорему дедукции для категории 2-стрелок и рассмотреть соответствующие теоремы о канонических морфизмах.

Что вызывает вопрос, так это произвольность структурирования нашей категории 2-стрелок. Если структурировать эту категорию до иных неклассических дедуктивных категорий, то на этом пути можно использовать переводы между дедуктивными системами, рассматривая их отражение в дедуктивных 2-категориях в виде $\pi(\Psi(\alpha_i): \Psi(f_i) \Rightarrow \Psi(g_i): A \vdash B)$, где Ψ – функтор из некоторой дедуктивной системы в нашу дедуктивную категорию 2-стрелок.

Список литературы

1. Васюков В.Л. Категорная логика. М.: АНО Институт логики, 2005. 208 с.
2. Маклейн С. Категории для работающего математика. М.: Физматлит, 2004. 352 с.

ДВА АРГУМЕНТА К. ПОППЕРА В ПОЛЬЗУ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ВЕРИФИКАЦИИ

Воробьев Д. В.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: phil30@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются два аргумента в пользу несостоятельности верификации в качестве метода, позволяющего разрешить проблему демаркации и, таким образом, выявить ряд признаков (признаков научного знания), способных отделить научное знание от всего остального. Согласно первому аргументу, верификация имеет весьма ограниченную область своего применения. Так, чтобы верифицировать какую-либо теорию или просто суждение, полученное в ходе неполной индукции, мы должны будем столкнуться эту теорию с каждым фактом того множества, которое образует область ее, теории, применения. Однако областью применения многих теорий служит бесконечное множество (предполагаемых, то есть не наблюдаемых или экспериментально не выявленных) фактов. К примеру, закон гравитации (известный более как закон всемирного тяготения Ньютона). Вторым аргументом, по сути своей, является следствием первого. Согласно этому аргументу, если верификация фактически невозможна, то в случае фальсификации все достаточно просто. Ведь для того, чтобы

фальсифицировать теорию, вовсе не обязательно сопоставлять такую теорию с каждым из фактов того самого множества фактов, являющегося областью ее применения, достаточно будет найти хотя бы один эмпирический факт, который бы не соответствовал ей. Эта явная асимметрия между верификацией и фальсификацией является, с точки зрения К. Поппера, существенной причиной для принятия фальсификации в качестве того единственного метода, способного решить проблему демаркации и отделить, таким образом, научное знание от всего остального.

Ключевые слова: атомарные факты, эмпирическое наблюдение, неполная индукция, дедукция, верификация.

TWO ARGUMENTS BY K. POPPER IN FAVOR OF THE FAILURE OF VERIFICATION

Vorobev D. V.

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: phil30@mail.ru

Abstract. Two arguments in favor of the failure of verification as a method that solves the problem of demarcation and, so, identifies a number of signs (signs of scientific knowledge) that can separate scientific knowledge from everything else are researched. According to the first argument, verification has a very limited scope of application. For example, to verification a theory or ordinary proposition that we obtain through incomplete induction, we must confront this theory with every fact of the set that its theory. But the area application of many theories is an infinite number of (assumed, that is, not observed or experimentally identified) facts. For example, the law of gravity (better known as Newton's law of universal gravitation). The second argument, in essence, is a consequence of the first argument. According to this argument, if verification is virtually impossible, then falsification is a simple operation. To falsify a theory, we must not compare it with each facts of the set, that is the area application of this theory, we must find at least one empirical fact that does not correspond to this theory. This asymmetry between verification and falsification, from the point of view of K. Popper, is the main reason for accepting falsification as the only method that can solve the problem of demarcation and, thus, separate scientific knowledge from all other knowledge.

Keywords: atomic facts, empirical observation, incomplete induction, deduction, verification.

Метод верификации: источники возникновения

Известно, что принцип верификации был выдвинут Венским кружком, возникшим на кафедре индуктивных наук, с подачи профессора Морица Шлика. Само название кафедры уже говорило о том, что сторонники этого принципа ставили метод неполной индукции выше всего, придавали ей слишком большое значение и рассматривали ее, если не единственным, то, по крайней мере, главным источником нашего знания. То есть рост знания, согласно логическим позитивистам, во многом является все-таки индуктивным. Как известно, индукция всегда начинается с одного и того же – со сбора фактов и выведения из эмпирически наблюдаемых фактов единичных суждений. Из этого следует, что фактам и, в частности, атомарным фактам сторонники логического позитивизма уделяли большое внимание. Согласно их точке зрения, мир наших чувственных восприятий всегда можно было представить как совокупность простейших (атомарных) эмпирически наблюдаемых фактов, которые всегда могут быть нами выражены в элементарных предложениях. В так называемых атомарных или протокольных предложениях.

Говоря, следовательно, о том, что атомарные предложения выводятся из атомарных фактов, мы уже полагаем, что все они выводимы из эмпирически наблюдаемых данных. Из того, что дано в наших чувственных восприятиях в качестве атомарных фактов. Из этих простых, атомарных суждений посредством логических связей (пропозициональных союзов) можно складывать более сложные предложения. Так называемые молекулярные предложения, из которых – путем их объединения с помощью этих же связей – образовать более сложные предложения. Так называемые общие предложения. А затем – еще более сложные предложения... и. т. д. Все выше перечисленные

предложения (и атомарные, и молекулярные и более общие предложения) образуют в своей совокупности так называемый эмпирический уровень знания. Основу всякой теории, ее эмпирический базис.

Как известно, кроме уровня эмпирического, существует еще теоретический уровень знания. Принято полагать, что теоретический уровень знания выводится из эмпирического. «Но каким образом?» – спросите вы. Ведь принцип обычной мозаики, предполагающий построение более сложной конструкции из самых простых элементов, здесь уже не подходит. Соединя простейшие предложения, выведенные эмпирически, в более сложные с помощью пропозициональных союзов, мы никогда не вырвемся из плоскости эмпирического уровня знаний.

И здесь, с точки зрения логических позитивистов, в силу вступает индукция. Как известно, индукция предполагает движение человеческой мысли от частного к общему. Это процесс выведения из целого ряда частных суждений, выступающих в роли исходных посылок, более общего заключения. Что касается частных посылок, то на самом первом этапе осуществления неполной индукции (а речь идет исключительно о неполной индукции), как правило, в качестве них выступают именно атомарные или молекулярные суждения, то есть те самые суждения, которые в своем сочетании образуют эмпирический уровень знаний. Далее, эти общие заключения можно использовать в форме исходных посылок для выведения из них более общих суждений в ходе осуществления последующего этапа неполной индукции, которые затем можно использовать для выведения более общих суждений в ходе осуществления последующего этапа индукции. Наконец наступит тот самый момент, когда мы достигнем теоретического уровня знаний, который будет представлять собой совокупность предельно общих суждений, достигнутых в ходе осуществления нескольких последовательно осуществляемых этапов неполной индукции.

Итак, любая теория, по крайней мере в своем идеале, должна всегда обладать эмпирическим и теоретическим уровнем знаний. И вот тут возникает резонный вопрос. Ну, хорошо. С эмпирическим уровнем всякого знания, в плане его достоверности, все, кажется, ясно. То, что мы полагаем под эмпирическим знанием – полностью достоверно, поскольку выводится из эмпирически наблюдаемых фактов. А что нам следует делать с теоретическим уровнем знания в плане его достоверности? С одной стороны, абсолютно понятно, что для проверки на достоверность его следует как-то соотносить с нашими эмпирическими наблюдениями. Но, с другой стороны, возникает вопрос: а для чего это следует делать? Для чего нужна эта проверка на достоверность?

Как уже было указано выше, принято полагать, что теоретический уровень знания выводится из эмпирического и что выводится он посредством неполной индукции, которая носит вероятностный характер [1, с. 288]. Так, заключение «все яблоки с этого дерева сладкие», сделанное из двух десятков единичных суждений, выведенных, в свою очередь, из двух десятков единичных эмпирических наблюдений в форме двух десятков яблок, сорванных с конкретного дерева и опробованных, конечно, не может быть полностью достоверным [2, с. 33], поскольку может легко оказаться и так, что 21-е или, скажем, 24-е яблоко этого множества окажется кислым. Совершенно понятно, что в ходе осуществления каждого последующего этапа неполной индукции вероятность того, что мы будем иметь недостоверное заключение, будет только увеличиваться [3, с. 302]. А когда мы достигнем теоретического уровня знаний – стремительно возрастет. И это, кстати сказать, дает нам ответ на вопрос: почему возникает потребность проверить на достоверность, так называемый, теоретический уровень знания. Итак, с одной стороны, вроде бы абсолютно понятно, что для проверки на достоверность его следует как-то соотносить с нашими эмпирическими наблюдениями. Но как это сделать?

Логические позитивисты говорят нам о том, что это сделать, в принципе, можно путем сведения теоретического знания к знанию эмпирическому, которое можно осуществить путем обратного действия. В самом деле, если теоретический уровень возникает путем его выведения из эмпирических знаний посредством неполной индукции, то почему бы не осуществить обратного действия? Не восстановить всю последовательность событий в обратном порядке и таким образом не вернуться к исходным позициям, что лежат в плоскости эмпирических знаний? Это и будет сведением уровня теоретических знаний к уровню эмпирическому. При этом должно использовать метод, который предполагал бы обратное действие. Предполагал бы движение не от частного к общему (как это предполагает индукция), а от общего к частному. То есть использовать метод дедукции, осуществить последовательно несколько этапов дедукции и в ходе такого последовательного осуществления вывести единичные следствия с тем, чтобы столкнуть их с эмпирически наблюдаемыми (атомарными) фактами на предмет их проверки на соответствие этим фактам. А затем посмотреть, каким образом эти суждения соотносятся с атомарными фактами. И вообще, соотносятся ли? Это и будет проверкой на

соответствие с нашими эмпирическими наблюдениями. Такой метод проверки теоретических знаний (в плане опять же их достоверности) стал называться *верификацией*. Или принципом верификации (от лат. *verificatio* – доказательство, подтверждение) [4, с. 116]. Если такие суждения подтверждаются, оказываются приемлемыми или *верифицированными*, то есть проходят проверку на соответствие и, таким образом, полностью соответствуют эмпирически наблюдаемым фактам, то эта теория может считаться выдержавшей проверку на достоверность, и у нас нет никаких оснований отказываться от нее.

Два аргумента в пользу несостоятельности верификации

Аргумент №1. С точки зрения К. Поппера, верификация имеет весьма ограниченную область своего применения. Ведь для того, чтобы верифицировать даже самое простое общее заключение (не говоря уже о теории в целом), полученное в ходе осуществления неполной индукции, мы должны будем его сопоставить и, следовательно, проверить на достоверность с каждым из тех эмпирических фактов того самого множества фактов, о котором мы заявляем в этом своем заключении.

Верификация, следовательно, представляется достаточно трудной, а в некоторых случаях полностью неразрешимой задачей. Вспомним приведенный выше пример со сладкими яблоками. Так, чтобы проверить на достоверность суждение «все яблоки с этого дерева сладкие», полученное в ходе неполной индукции, нам будет нужно сорвать и опробовать все плоды этого множества-класса плодов. То есть все яблоки с этого дерева. При этом считайте, что нам повезло. Как бы нам не было трудно, проверить на достоверность такое суждение, в принципе, можно, поскольку область его применения включает в себя ограниченное, а самое главное относительно небольшое число фактов в виде сладких и опробованных нами яблок.

Но тогда возникает вопрос: а как быть с теми общими заключениями в форме неких общих закономерностей, к примеру, законами физики или, как частный случай, механики? Что делать нам с ними в плане опять же их четкой проверки на достоверность? Ведь областью их применения зачастую считается бесконечное множество (предполагаемых, то есть не наблюдаемых или экспериментально не выявленных) фактов. К примеру, закон гравитации (известный более как закон всемирного тяготения или Ньютона). Уже из названия следует, что он предположительно применим в каждой точке пространства нашей Вселенной, а из этого следует, что область его применения – бесконечное множество фактов. Однако мы можем проверить его только на так называемом обозримом пространстве. Столкнуть его (на предмет его соответствия и, таким образом, применимости) с ограниченным множеством фактов.

Аргумент №2. По своей сути, второй аргумент является следствием первого. Как уже отмечалось, верификация имеет весьма ограниченную область своего применения, а в большинстве случаев является попросту невозможной и существует лишь чисто теоретически. А если предположить, что верификация есть единственный способ обоснования научности знания и при этом существует лишь чисто теоретически, то о каком обосновании научности знания может вообще идти речь? Мало того, все наши общие закономерности (в форме законов химии, физики), имеющие в качестве области собственного применения бесконечное множество фактов, вообще не могут быть верифицированы. И по этой причине не могут считаться научными. К примеру, опять же закон всемирного тяготения.

И если в случае верификации все очень сложно, то в случае фальсификации все достаточно просто. Если в случае верификации мы должны столкнуться теорию с каждым фактом того самого множества фактов, которые в своей совокупности образуют ее, теории, предметную область, то чтобы ее фальсифицировать, достаточно будет найти хотя бы один такой эмпирический факт [5, с. 527], который бы не соответствовал этой теории. Таким образом, можно сказать, что в случае с фальсификацией и верификацией всегда наблюдается явный перекося, полная асимметрия [6, с. 42]. И это есть та же самая асимметрия, которую мы наблюдаем между опровержением и подтверждением любого суждения в форме общего индуктивного заключения. Опровергнуть всегда получается проще, чем подтвердить его достоверность.

Указанная выше асимметрия является, с точки зрения Поппера, чуть ли не главным его аргументом в пользу принятия принципа фальсификации. Поскольку верификация фактически невозможна, а фальсификация происходит всегда и везде, то она и должна послужить тем исключительным инструментом, позволяющим четким образом провести границу (осуществить демаркацию) и отделить научное знание от всего остального.

Список литературы

1. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проспект, 2008. 475 с.
2. *Клайн М.* Математика: утрата определенности. М. 2007. 640 с.
3. *Мах Э.* Познание и заблуждение. М. 2012. 456 с.
4. *Воробьев Д.В., Шмелева Н.В.* Атомарные факты, атомарные предложения и принцип верификации в методологии логического позитивизма // *KANT*. 2023. №3 (48). С. 112-116.
5. *Юлов В.Ф.* История и философия науки: учебное пособие. Киров. 2007. 579 с.
6. *Поппер К.* Логика научного исследования. 2010. 565 с.

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ

Голованова И.П.

*Кандидат философских наук, советник
Адвокатское бюро «Иванян и партнёры»
E-mail: ip.golovanova@ya.ru*

Аннотация. В работе даются определения юридической презумпции и фикции, позволяющие провести их логико-философский анализ. Рассматривается сходство и различие презумпций и фикций, определяется их логическая форма. Затрагивается вопрос эмпирической обоснованности презумпций, выраженных высказываниями, а также экзистенциальный статус объектов, обозначаемых фикциями. В работе также намечается тема интервальной и точечной концепции времени при интерпретации некоторых юридических понятий, в частности, понятия «момента смерти».

Ключевые слова: юридические презумпции, юридические фикции; высказывание, понятие.

LOGICAL AND PHILOSOPHICAL APPROACH TO UNDERSTANDING OF LEGAL PRESUMPTIONS AND FICTIONS

Golovanova I.P.

*Counsel
Ivanyan and Partners Law Firm
E-mail: ip.golovanova@ya.ru*

Abstract. This paper provides definitions of legal presumption and fiction, allowing for their logical and philosophical analysis. The author considers features of presumptions and fictions and determines their logical form. The issue of the empirical validity of presumptions expressed by statements, as well as the existential status of objects designated by fictions, is touched upon. The paper also outlines the topic of the interval and point concept of time in the interpretation of some legal concepts, in particular, the concept of the "moment of death".

Keywords: legal presumptions, legal fictions; statement, notion.

Предметом данной работы не является разбор и критика существующих в юридической литературе определений терминов «презумпция» и «фикция». Мы начнем непосредственно с собственного определения этих терминов.

Презумпция – это высказывание, которое принимается за истинное до тех пор, пока не будет опровергнуто. При этом правомерность предположения об истинности такого высказывания обосновывается эмпирически: ссылками на практику, опыт, повторяемость явлений или вероятность наступления определенного события, а в некоторых случаях носит чисто конвенциональный характер.

В качестве примеров презумпции можно привести следующие примеры:

- презумпцию добросовестности юридических лиц;
- презумпцию отцовства (отцом ребенка является супруг родившей ребенка матери);

- презумпцию невиновности судов в морском праве - ни одно из участвовавших в столкновении судов не предполагается виновным, если не доказано иное;
- презумпцию невиновности в уголовном праве;
- презумпцию знания закона, презумпцию вменяемости;
- презумпцию смерти безвестно отсутствующего лица.

Однако легко заметить, что степень обоснованности таких презумпций разная. Обоснованность презумпции отцовства подтверждается практикой и статистическими данными, а вот презумпция знания закона не может быть обоснована ничем, так как с практической точки зрения знать все законы невозможно даже очень образованному юристу.

И это подводит нас к другому понятию – понятию юридической фикции. В некоторых правовых системах юридические фикции не используются, но при этом выделяют особый вид презумпции – «неоспоримую презумпцию» — это презумпция, которая не может быть опровергнута и должна приниматься за истинное высказывание независимо от доказательства обратного. В частности, это уже упомянутая презумпция знания закона. Или, например, презумпция, предполагающая, что ребенок, не достигший возраста уголовной ответственности, не может совершить преступление.

Юридическая фикция (лат. *fictio* – выдумка, вымысел) может иметь как форму высказывания (то есть мысли о наличии или отсутствии в мире некоторого положения дел), так и понятия. Юридическая фикция, имеющая форму высказывания, принимается за истину независимо от того, подтверждается или опровергается его истинность эмпирически. Юридическая фикция, выраженная в форме понятия, представляет собой понятие о несуществующем в реальности объекте. Характеристики такого понятия (в частности, пустота или непустота) заслуживают отдельного исследования, как и вопрос о предметной области.

В отличие от презумпции (истинность которой в целом носит вероятный характер), фикция заведомо объявляет истинным ложное высказывание или объявляет реально существующим то, что в материальном мире не существует. То есть фикция – это искусственно созданная мысленная конструкция, призванная облегчить и упростить юридическую практику. Это утверждение о несуществующем положении дел, которое законодательство признает существующим и имеющим место, и в силу этого ставшее общеобязательным. Либо это введение в юридический оборот понятия о предмете, которого нет в реальном мире, но который мысленно и искусственно конструируется и наделяется свойствами, присущими реально существующим предметам. Фикция является обязательной к признанию и защищена от любого оспаривания или опровержения.

Особое место занимают юридические фикции в наследственном праве и в других областях права, в которых исследуются переходные состояния. И здесь возникает ещё один логико-философский аспект, помимо признания несуществующего существующим или ложного истинным. Этот аспект связан с концепцией времени, которая используется в праве. Наследственное право тесно связано с таким переходным состоянием, как переход от бытия в небытие. И если бытие ещё может быть с большим или меньшим успехом урегулировано нормами права, то небытие скорее всего нормами земного права урегулировать сложно. И здесь на помощь приходят различного рода фикции и фиктивные конструкции.

Одна из них – это так называемое «лежачее наследство» (лат. *hereditas iacens*) в римском праве. Наследство является «лежачим» в период между открытием наследства (смертью наследодателя) и фактическим принятием наследства правопреемниками. В этот период наследственная масса наделяется определёнными личностными чертами умершего, персонифицируется – лат. *personam defuncti sustinet* (поддерживает в себе личность умершего), считается как бы собственностью умершего, что предохраняет наследство от признания его выморочным имуществом и защищает от произвольного захвата, и вместе с тем наделяет мёртвого некоторыми «земными» правами, а имущество, в свою очередь, «одушевляет» за счет личности умершего.

Еще одна фикция, известная со времен римского права и воспринятая и российским правом, – наследование постумами (ребенком, зачатым при жизни наследодателя и родившимся живым после его смерти), то есть ещё не родившийся ребенок рассматривается как живой. Такой неродившийся ребенок наделяется (пусть и ограниченной) правоспособностью и правосубъектностью, которая, строго говоря, в обычном понимании возникает в момент рождения и прекращается со смертью. «Как в большинстве других случаев, рожденные после смерти отца рассматриваются как бы уже родившимися [...], ведь таких мы можем назначать даже наследниками» [1. Гай 1, 147]. «Насцитурусы» (лат. *nasciturus* – «плод в чреве матери») или «постумы» (лат. *postumi* – поздние, дополнительные) находятся в числе лиц, которые могут призываться к наследованию, при условии, что были зачаты при жизни наследодателя и родились живыми. В римском праве существовал принцип «зачатый ребенок

считается уже родившимся, если такое допущение отвечает его интересам» («*infans conceptus pro nato habetur quoties de commodis eius agitur*») [2].

Особое место занимает понятие «момента смерти» в праве. В медицине (в частности, в танатологии) смерть понимается как процесс, имеющий стадии. Юриспруденция же сводит временной интервал к точке, моменту, то есть использует фиктивную конструкцию. «Моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека)» отмечается в Постановлении Правительства РФ № 950 [3]. В развитие данного Постановления № 950 принят Приказ Минздрава № 908н [4]. Наиболее сложным для определения является момент смерти мозга (в отличие от биологической смерти). Ни Постановление № 950, ни Приказ № 908н не устанавливают критерии определения самого *момента*, а скорее устанавливают правила и процедуры установления *факта* смерти мозга. Собственно, о моменте смерти в этих документах не говорится ничего. Из анализа текста этих нормативных актов вытекает, что момент смерти – это время установления диагноза смерти мозга, которое фиксируется в протоколе, чему предшествует достаточно длительная и детальная процедура выявления наличия клинических критериев смерти, которая фиксируется в этом же протоколе. То есть речь идет о процессе. В этой связи предыдущий приказ Минздрава, на смену которому пришел Приказ 908н, носил более правильное название - Приказ Минздрава РФ от 20.12.2001 N 460 «Об утверждении Инструкции по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга» (утратил силу). В любом случае, момент будет определяться тем временем, который врачебный консилиум укажет в протоколе к моменту завершения всех клинических исследований, а не фактическим моментом, в который человек из бытия перешел в небытие.

Ещё более интересной конструкцией является юридическая фикция коммориентов (лат. *commorientes*) - умерших одновременно. Статья 1114 Гражданского Кодекса РФ говорит: «граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно» [5]. Вслед за этим Верховный суд разъясняет [курсив и подчеркивание наше]: «В целях наследственного правопреемства одновременной считается смерть граждан в один и тот же день, соответствующий одной и той же календарной дате. Календарная дата определяется порядковым номером календарного дня, порядковым номером или наименованием календарного месяца и порядковым номером календарного года; календарным днем считается период времени продолжительностью 24 часа, за начало и окончание которого принимаются моменты времени, соответствующие 00 часам 00 минутам 00 секундам и 24 часам 00 минутам 00 секундам, исчисляемые по местному времени.» [6]. Возникает следующий парадокс: человек, умерший в Москве в 14.00 (когда в Лондоне 11.00) будет считаться умершим позднее человека, умершего в Лондоне в 11.00 утра, хотя объективно это одновременные события. Более того, человек, умерший в Москве в 14.00 будет наследовать человеку, умершему в Лондоне в 12.00, хотя объективно смерть в Лондоне в 12.00 произойдет позднее на 1 час смерти, произошедшей в Москве. Таким образом мёртвым становится возможным наследовать за живыми. Но в данном случае это уже не столько вопрос парадокса фикции, сколько проблема дефекта юридической техники.

Таким образом логико-философский анализ концепции презумпций и фикций в праве безусловно имеет большие перспективы. Несмотря на то, что презумпции и фикции были разработаны уже римским правом, их формализация, анализ и правомерность использования остаются на невысоком уровне и очевидно представляют собой большой интерес для дальнейшей логической реконструкции.

Список литературы

1. Институты Гая / Под общ. ред. проф. Д.В. Дождева. Москва: Статут, 2020.
2. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (постатейный). Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М.: Юристъ, 2002.
3. Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 N 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека».
4. Приказ Минздрава России от 25.12.2014 N 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.05.2015 N 37230).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023).

6. п.16 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании».

ЭКСТЕНСИОНАЛЬНЫЕ ЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ С ОТРИЦАНИЕМ В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУКТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОПЕРАЦИИ ОТРИЦАНИЯ

Горюнов А.В.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
E-mail: Algor74@inbox.ru*

Аннотация. В статье формулируется «конструктивная» интерпретация операции отрицания и понятия противоречия в рамках синтаксиса логики высказываний, которая затем применяется для анализа чётких экстенциональных логических систем с отрицанием: предлагается классификация указанного класса логических систем, рассматривается представление в данных логических системах закона недопустимости противоречия, закона исключения лишнего и методов косвенного доказательства, а также переопределяются с точки зрения логического синтеза такие понятия как интуиционистская логика и паранепротиворечивая логика.

Ключевые слова: отрицание, противоречие, логическая система, интуиционистская логика, паранепротиворечивая логика, законы логики.

EXTENSIONAL LOGICAL SYSTEMS WITH NEGATION IN THE CONTEXT OF CONSTRUCTIVE INTERPRETATION OF THE NEGATION OPERATION

Goryunov A. V.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies
Ulyanovsk State Pedagogical University
E-mail: Algor74@inbox.ru*

Abstract. The article formulates a "constructive" interpretation of the negation operation and the concept of contradiction within the framework of the syntax of utterance logic, which is then used to analyze clear extensional logical systems with negation: a classification of the specified class of logical systems is proposed, the representation in these logical systems of the law of inadmissibility of contradiction, the law of exclusion of superfluous and methods of indirect proof is considered, and also redefined from the point of view of from the point of view of logical synthesis, concepts such as intuitionistic logic and paraconcilable logic.

Keywords: negation, contradiction, logical system, intuitionistic logic, paraconcilable logic, laws of logic.

Класс логик «экстенциональные логические системы с отрицанием» выделен на основе их логического синтаксиса. Но сама операция отрицания может быть различные интерпретации – «негативную» и «конструктивную».

Согласно негативной интерпретации, отрицание сообщает нам о несуществовании, отсутствии чего-либо (объекта, свойства, отношения, положения дел и т.д.). Как следствие, мы не знаем, чем является «не-А», зная лишь, чем «не-А» *не является*. Такой взгляд характерен как для классической логики, так и для большинства неклассических логических систем.

Попытки пересмотреть природу отрицания также имеют давнюю традицию. Уже Д. Буль заявляет, что отрицание не существует без утверждения, и наоборот, а, значит, во всяком утверждении содержится отрицание, и во всяком отрицании содержится утверждение [1, с. 354].

Немецкий логик и математик Э. Шрёдер считает, что отрицание в рамках простого суждения следует относить к предикату, а не к связке. Следовательно, отрицание говорит не о несуществовании чего-либо (не включении одного класса в другой), а, напротив, о существовании чего-то альтернативного по отношению к выделенному (включении данного класса в класс, альтернативный выделенному классу) [там же, с. 355].

Согласно взгляду Н.А. Васильева, основанием логического отрицания является несовместимость двух признаков. Это позволило русскому логике выдвинуть предположение, что отрицательное суждение основано на скрытом утверждении и может иметь два варианта: 1) S есть non- P ; 2) S не есть P . В первом случае, оно является утвердительным уже по самой логической форме, а во втором – указывает на предполагаемую ложность суждения [2].

Однако концепцию, пересматривающую взгляд на отрицание в логике, которая имела бы действительно большой резонанс, предложил один из основателей интуиционизма А. Гейтинг.

Он ввёл различие между «фактическим» и «математическим» отрицаниями. **Фактическое** отрицание, используемое в обыденных рассуждениях на естественном языке, говорит о несуществовании объекта или, точнее, о невыполнении мыслительного действия по его построению. Однако «невыполнение» не является конструктивным процессом. Поэтому фактическое отрицание не должно использоваться в математике и логике.

С математическим отрицанием (мы будем называть его *логическим*) дело обстоит иначе. Утверждение в математике и логике, согласно А. Гейтнгу, говорит об осуществлении какого-либо конструктивного процесса. Так, утверждение о существовании объекта A выражается в форме: «Я выполнил в уме построение A ». Следовательно, логическое отрицание соответствующего утверждения имеет вид: «Я выполнил в уме такое построение B , которое приводит к противоречию предположение, что можно довести до конца построение A » [3, с. 28]. Понятие же противоречия, по мнению учёного, является «первоначальным» и «интуитивно ясным». Его нельзя свести к более простым понятиям. Противоречие «всегда легко распознать», поскольку можно свести к форме $1=2$ [там же, с. 123].

И всё же А. Гейтнгу так и не удаётся довести идею конструктивности отрицания «до ума». Критериальным свойством конструктивного процесса является порождение им (процессом) некоторого конструктивного объекта. Но у самого А. Гейтинга отрицание не завершается образованием конструктивного объекта, а всего лишь «мешает» завершиться другому конструктивному процессу. Поэтому такое понимание сущности логического отрицания мы будем называть *квазиконструктивной* интерпретацией.

Действительная *«конструктивная»* интерпретация логического отрицания предполагает, что оно порождает некий объект, альтернативный данному объекту. Примем следующие определения. Утверждение A означает: «Я выполнил мысленное построение, в результате которого был сконструирован объект A ». Отрицание A будет означать: «Я выполнил на основе общепринятого метода преобразование A , результатом которого является некий объект X , причём такой, что X отлично от A ($A \neq X$)». Под «общепринятым методом» здесь понимается алгоритм процедуры отрицания, который в формальных системах задаётся посредством системы равенств или табличным способом. Следовательно, отрицание не «запрещает» конструктивный процесс A , а *преобразует* объект A в альтернативный по отношению к A объект X . Отличие отрицания от первого конструктивного процесса состоит в том, что на момент его осуществления мы уже должны иметь некий исходный объект A , в то время как первый конструктивный процесс порождает A из «ничего».

Из принятой интерпретации логического отрицания вытекает ряд важных следствий для класса *чётких экстенциональных логик с отрицанием*.

Уровень противоречивости логических систем определяется тем обстоятельством, что отрицание может породить не только одну, но также две, три и т.д. противоположности по отношению к исходному варианту. По указанному критерию логики с отрицанием могут быть разделены на *бинарные, тернарные, тетрарные* и т.д. В бинарных логиках можно выделить только два альтернативных варианта (A и не- A), в тернарных – три (A , не- A и не-не- A) и т.д. Чисто умозрительно можно предполагать также и возможность бесконечноконтрадикторных логик.

Логическое противоречие предстаёт как сложный конструктивный объект, состоящий из (любого количества) противоположностей и отношений между ними. Поэтому оно также может быть бинарным, тернарным, тетрарным и т.д. Но не всегда противоположности, выделяемые в данной системе, образуют противоречие. Противоречие – это определённое отношение между противоположностями данной логической системы, а именно отношения *несовместимости*. Не каждая логическая система содержит противоречие. Так, в логике Лукасевича 1920 г. противоречие не может быть представлено, так как там могут быть выделены лишь две противоположности A и не- A , которые не являются несовместимыми (их конъюнкция в этой системе не является невыполнимым выражением). Вместе с тем, в некоторых системах могут присутствовать противоречия разных уровней контрадикторности. Так, в логике Гейтинга 1930 г. представимы одновременно и бинарное и тернарное противоречие – « $a \wedge \sim a$ », « $a \wedge \sim a \wedge \sim \sim a$ » (здесь « \sim » – знак отрицания).

По характеру **контрадикторности** логики с отрицанием могут быть разделены на три группы. **Строгие** логики – это логические системы, отрицание которых позволяют «породить» только несовместимые противоположности, например, классическая логика высказываний для бинарного уровня контрадикторности. **Нестрогие** логики – это логические системы, которые не содержат ни одной пары (тройки, четвёрки и т.д.) **несовместимых** противоположностей, например, трёхзначная логика Лукасевича. **Полунестрогие** логики – это логические системы, которые «содержат» хотя бы одну пару несовместимых противоположностей, и хотя бы одну пару «пересекающихся» противоположностей, например, логика Гейтинга 1930 г. [4]. Определить отношения между противоположностями для конечнозначных логик можно по таблице отрицания. Если две противоположности не имеют одинаковых значений истинности ни в одной строке, то они являются несовместимыми. Если две противоположности имеют совпадение значений хотя бы в одной строке таблицы истинности, и имеют несовпадение значений хотя бы в одной строке, то они находятся в отношениях пересечения, или частичной совместимости. Если же у двух противоположностей совпадают значения во всех строках, то они тождественны. В последнем случае одна из противоположностей является избыточной.

Закон недопустимости противоречия также имеет уровни: закон недопустимости бинарного противоречия, закон недопустимости тернарного противоречия и т.д. Поэтому в одной логической системе могут существовать несколько законов непротиворечия различного уровня контрадикторности. Вместе с тем, существуют логические системы, где нет закона непротиворечия, поскольку противоречие там не представимо («отсутствует»), например, в уже упоминавшейся логике Лукасевича, где нет **несовместимых** противоположностей.

Паранепротиворечивая логика является таковой не вообще, а лишь по отношению к определённому уровню контрадикторности. Система может быть паранепротиворечивой относительно бинарного, тернарного, тетрарного и т.д. уровня контрадикторности. Для бинарного уровня она, по-прежнему, будет пониматься как одновременная выводимость (доказуемость) формул A и $\sim A$, для тернарного – формул A , $\sim A$ и $\sim\sim A$, для тетрарного – формул A , $\sim A$, $\sim\sim A$ и $\sim\sim\sim A$ и т. д. Следовательно, паранепротиворечивой относительно данного уровня будет логика, которая «допускает» одновременное появление соответствующего набора формул. Но это не означает, что логическая система, как это принято думать, может «допускать противоречие». Закон недопустимости противоречия отсутствует лишь в тех логиках, где конъюнкция противоположностей не является невыполнимым выражением, поскольку соответствующие наборы противоположностей *не образуют* противоречия. Поэтому мы такие системы склонны называть *квазинепротиворечивыми*.

Доказательства от противного осуществляется через демонстрацию ложности (посредством «выведения противоречия») не только не- A , но *всех альтернативных по отношению к A противоположностей*, которые может выделить данная логическая система. Аналогичным образом происходит косвенное опровержение методом «сведения к абсурду». Из этого, среди прочего, следует, что в логике Гейтинга 1930 г., вопреки мнению её создателя, благополучно действует закон доказательства от противного. Поскольку в этой системе можно выделить три альтернативных варианта – A , не- A , не-не- A , то выведение противоречия из двух последних вариантов доказывает истинность A , о чём свидетельствует общезначимость в системе Гейтинга формулы « $[(\sim a \rightarrow (b \wedge \sim b))] \rightarrow a$ ». Это было доказано [5].

Предыдущий аспект позволяет переосмыслить основания интуиционизма, точнее, **критерии формализации интуиционистской логики**. Считается, что в интуиционистском исчислении не должно быть методов косвенного доказательства, закона исключения третьего и закона снятия двойного отрицания. Отсутствие косвенного доказательства как неэффективного способа рассуждения считается сутью интуиционизма, а отсутствие двух других законов – необходимыми условиями этого. Однако закон исключения третьего является лишь частным случаем **закона исключения лишнего**. В логических системах может действовать закон исключения четвёртого, пятого, шестого и т.д., в том числе и несколько таких законов одновременно. В нестрогих логиках, впрочем, закон исключения лишнего отсутствует. Аналогичным образом, закон снятия двойного отрицания является частным случаем **закона снятия отрицания (отрицаний)**, который, помимо этого, может иметь такие формы как закон снятия тройного, «четверного» и т.д. отрицаний в зависимости от уровня контрадикторности логической системы. Отсюда, интуиционистским будет лишь то исчисление, где отсутствуют: 1) закон доказательства от противного в любой его форме (См. выше); 2) закон исключения лишнего; 3) закон снятия отрицаний.

Список литературы

1. Гетманова А. Д. Логика: учебник для педагогических учебных заведений. М., 2002.
2. Гейтинг А. Интуиционизм. М., 1965
3. Васильев Н.А. Логика и металогика // Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. М. 1989. С. 94-123.
4. Горюнов А.В. Как возможно небинарное мышление? // Философское сообщество в России: проблемы исследования / под ред. Н.Г. Баранец. Ульяновск. 2007. С. 140-164.
5. Горюнов А.В. Проблема косвенного доказательства в логике и так называемое интуиционистское исчисление А. Гейтинга 1930 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 76-89.

ОБОБЩЕННЫЕ ИСТИННОСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ: ОТ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ К АБСТРАКТНЫМ СТРУКТУРАМ

Григорьев О.М.

Кандидат философских наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: grig@philos.msu.ru

Аннотация. В докладе будут представлены ключевые идеи, лежащие в основе построения систем обобщенных истинностных значений, изложен ряд теоретико-познавательных проблем, имеющих в данной области логико-философских исследований. В частности, будут затронута проблематика трактовки обобщенных истинностных значений с точки зрения теории истины, различных определений отношения логического следования.

Ключевые слова: истинностное значение, логическая семантика, логическое следование, неклассическая логика.

GENERALIZED TRUTH VALUES: FROM CONCRETE MODELS TO ABSTRACT STRUCTURES

Grigoriev O.M.

CSc in Philosophy

Lomonosov Moscow State University

E-mail: grig@philos.msu.ru

Abstract. The goal of this presentation is to introduce the general ideas underlying the theory of generalized truth values and some important epistemic problems connected to the field. In particular these include an understanding generalized truth values from the truth theory perspective, different ways to define consequence relation and interconnection between them.

Keywords: truth value, logical semantics, consequence relation, non-classical logic.

Исследования систем обобщенных истинностных значений и связанных с ними логических языков и теорий активно ведутся на протяжении последних более чем двадцати лет (см. [9, 10, 11, 8]).

При отвлеченном, абстрактном подходе системы обобщенных истинностных значений представляют собой довольно сложно устроенные теоретико-множественные структуры. Однако сама идея обобщенных истинностных значений восходит к работам 60-х годов прошлого века выдающихся логиков Н. Белнапа и М. Данна, в которых предлагались семантики для логических систем, предназначенных для рассуждений в эпистемических контекстах с неполной или противоречивой информацией.

В частности, М. Данн [5] предложил идею обобщения функции оценки высказываний в классической логике, в результате которого функция заменяется на отношение. Теперь, даже при использовании стандартного множества истинностных значений $\mathbf{2}=\{t,f\}$, высказывание A может быть, например, одновременно истинным и ложным, находясь в отношении, задаваемом оценкой, с обоими элементами множества $\mathbf{2}$, а может не иметь значения вообще, если отношение оценки, содержащее A

в качестве первого компонента пар, пусто. Основной задачей, которую решал Данн, была задача дать интуитивно ясное определение так называемого релевантного следования, свободного от парадоксов классического отношения логического следования.

В то же время Н. Белнап в некотором смысле построил обобщение функции оценки высказываний в сами истинностные значения, получив множество $\mathbf{4} = \{\{\}, \{F\}, \{T\}, \{TF\}\}$. Для содержательной интерпретации этих значений предлагалась идея моделирования рассуждений, осуществляемых машиной или рациональным субъектом в условиях доступной субъекту информации, которая может быть как неполной, так и содержать противоречивые сведения. При отсутствии информации об истинностном статусе высказывания ему присваивается значение $\{\}$, а при получении информации (как правило из разных источников) о том, что высказывание истинно и ложно — значение $\{TF\}$. Полученные являются обобщением «классических» истинностных значений $\{T, F\}$, хотя сам термин «обобщенные истинностные значения» появился позже, в работе [9].

Отметим два важных обстоятельства. Первое состоит в том, что множество белнаповских истинностных значений порождается как множество-степень исходного множества $\{T, F\}$. Второе — что на множестве обобщенных истинностных значений можно задать различные отношения частичного порядка. Для этих отношений выполняются еще и дополнительные специфические требования (существование точной верхней и нижней граней для каждой пары элементов множества) характеризующие упорядоченное тем или иным образом множество $\mathbf{4}$ как особую теоретико-множественную конструкцию — решетку. Сам Белнап рассматривал две таких решетки, с порядком по «истинности» и с порядком по «приращению информации». Позднее М. Гинзберг ввел понятие бирешетки (см. [7]) как множества, на котором заданы одновременно оба этих отношения решеточного порядка. Бирешетки оказались чрезвычайно полезным инструментом для исследования различных теоретико-познавательных задач — от анализа парадоксов до разработки семантики некоторых языков декларативного программирования.

Однако было бы естественным ожидать, что обобщение множеств истинностных значений и связанных с ним абстрактных теоретико-множественных конструкций пойдет дальше. Так, в работе [10] было изучено новое множество обобщенных истинностных значений, которое получается из $\mathbf{4}$ как его множество-степень. На этот раз в качестве содержательной интерпретации рассматривалась модель рассуждения уже не отдельного компьютера, как у Белнапа, а целой компьютерной сети. В результате получилась 16-ти элементная структура с тремя различными решеточными порядками — по истинности, ложности и информации (включению). С семантической точки зрения такая структура дает возможность определить по крайней мере три отношения логического следования и построить аксиоматизирующие их исчисления. Более сложной задачей оказалась аксиоматизация логик, порождаемых пересечениями различных отношений следования [8].

Другая ветвь исследований систем обобщенных истинностных значений связана с реализацией идеей о том, что истинностное значение может представлять собой сложно устроенную, комплексную сущность, то есть обладать некоторой внутренней структурой. В статье [1] изучались поликомпонентные истинностные значения, в которых выделялись различные «виды» истинности: онтологическая и эпистемическая. Онтологическую истину можно понимать как истинность в контексте некоторой научной теории, тогда как эпистемическая истинность связана с базой знаний конкретного рационального субъекта. Высказывание, таким образом, может оказаться онтологически истинным (t), но эпистемически ложным (0). Естественно было бы приписать этому высказыванию значение $(t, 0)$. Конструирование истинностных значений в таком случае осуществляется посредством декартова произведения двух множеств — онтологических ($\{t, f\}$) и эпистемических ($\{1, 0\}$) истинностных значений. Истинностные значения в данном случае представляют собой уже упорядоченные пары, а не множества. В то же время совокупность полученных истинностных значений вновь позволяет определить отношение решеточного порядка и в абстрактном случае изучать системы обобщенных истинностных значений как решетки, в которых можно задавать различные отношения порядка.

Отвлекаясь от конкретных разновидностей обобщенных истинностных значений, приходят к тому, что в самом абстрактном виде системы таких истинностных значений представляют собой множества, на которых заданы семейства отношений частичного порядка с решеточными свойствами. В литературе подобные структуры называются n -решетками (которые, в частности, являются обобщениями бирешеток). Формулы языка логической теории получают в качестве значения элементы множества-носителя такой структуры. К определению отношения логического следования можно подходить по-разному. С одной стороны, можно задать семейство отношений логического следования, каждое из которых соответствует какому-то из заданных отношений порядка (то есть, $A \models_i B =_{Df} v(A)$

$\leq_i v(B)$, где v есть функция оценки формул, а \leq_i есть i -е отношение порядка в структуре). С другой стороны, для определения отношения следования можно использовать особое подмножество элементов структуры, с математической точки зрения образуемое так называемый простой n -фильтр (или даже n -ультрафильтр), рассматривая его как множество выделенных значений. Тогда n -решетка представляет собой разновидность логической матрицы и отношение следования задается стандартным для матриц образом. Удовлетворительного ответа на вопрос о том, как связаны различные варианты определения следования в случае n -решеток, в литературе пока нет.

Переход от конкретных примеров к абстрактным структурам порождает ряд интересных содержательных вопросов. В частности, как можно интерпретировать множество выделенных значений в n -решетке, каков критерий тождества истинностных значений?

Г. Фреге рассматривал истинностные значения как особого рода абстрактные сущности. Абстрактные объекты предполагают наличие критерия их равенства. Авторы статьи [11] обсуждают следующий критерий, сформулированный в работе [2]. Истинностное значение высказывания p тождественно истинностному значению высказывания q если и только если p эквивалентно q . В каком смысле здесь понимается эквивалентность? Обычно в таком случае речь идет о материальной эквиваленции, пропозициональной связке объектного языка. Ровно так об этом пишет, например, М. Дамметт в статье [4]. Однако, как отмечается в [11], материальная эквиваленция, как критерий тождества истинностных значений, подразумевает истинностные значения классической логики, а интуиционистская эквиваленция тогда предполагает уже истинностные значения семантики интуиционистской логики. В языках логических теорий абстрактных систем обобщенных истинностных значений, таких, как бирешетки, могут присутствовать одновременно различные виды связей наподобие импликации или эквиваленции [3]. В таком случае естественным представляется использовать отношение логического следования для формулировки критерия равенства истинностных значений. Но, как отмечалось выше, само отношение логического следования в абстрактных структурах обобщенных истинностных значений может определяться различными способами. Вопрос о том, как различные варианты определения отношения следования связаны с критерием тождества абстрактных обобщенных истинностных значений также является предметом дальнейшего анализа.

Список литературы

1. Григорьев О.М., Зайцев Д.В. Две истины – одна логика // Логические исследования. Т. 17. 2011. С. 121–139.
2. Anderson D., Zalta E. Frege, Boolos, and logical objects // Journal of Philosophical Logic. 2004. Vol. 33. P. 1–26.
3. Bou F., Riviaccio U. Bilattices with Implications // Studia Logica. 2013. Vol. 101. P. 651–675.
4. Dummett M. 1959, Truth // Proceedings of the Aristotelian Society. 1959. Vol. 59. P. 141–162. (Reprinted in Truth and Other Enigmas. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1978, 1–24).
5. Dunn J. M. Intuitive semantics for first-degree entailment and ‘coupled trees’ // Philosophical Studies. 1976. Vol. 29. P. 149–168.
6. Font J. M., Jansana R., Pigozzi D. A survey of abstract algebraic logic // Studia Logica. 2003. № 74 (1-2). P. 13-97.
7. Ginsberg M. Multivalued logics: a uniform approach to reasoning in artificial intelligence // Computational Intelligence. 1988. № 4. P. 265–316.
8. Odintsov S. Wansing H. The logic of generalized truth values and the logic of bilattices // Studia Logica. 2015. Vol. 103. P. 91–112.
9. Shramko Y., Dunn J. M., Takenaka T. The trilattice of constructive truth-values // Journal of Logic and Computation. 2001. Vol. 11. P. 761–788.
10. Shramko Y. Heinrich W. Some useful 16-valued logics: how a computer network should think // Journal of Philosophical Logic. 2005. Vol. 34. P. 121–153.
11. Shramko Y. Wansing H. Truth Values // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.). [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/truth-values> (дата обращения 01.06.2024).

РЕШЕТКА ТРЕХЗНАЧНЫХ ЛОГИК, СОДЕРЖАЩИХ ОПЕРАЦИИ ЛОГИКИ КЛИНИ

Девяткин Л.Ю.

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии
Российской академии наук
E-mail: leoniddevyatkin@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется выразительная сила трехзначной логики Клини K_3 и ее расширений. В терминах сохранения отношений характеризуется клон, порожденный операциями K_3 , и описывается решетка его надклонов. Приведены необходимые и достаточные условия функциональной полноты любой системы, содержащей операции K_3 . Показано, что любое расширение K_3 , сохраняющее определенные отношения, требует, по крайней мере, одной связки с арностью больше двух. В статье дополняются и обобщаются предыдущие результаты по выразительным возможностям расширений K_3 на основе подхода сохранения отношений. Это обеспечивает унифицированный метод для сравнения выразительной силы различных трехзначных логик, связанных с K_3 .

Ключевые слова: многозначная логика, логика Клини, замкнутые классы функций, сохранение отношений, функциональная полнота, выразительные возможности формализованных языков.

THE LATTICE OF THREE-VALUED LOGICS CONTAINING OPERATIONS OF KLEENE'S LOGIC

Devyatkin L.Y.

CSc in Philosophy, Senior Researcher
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: leoniddevyatkin@gmail.com

Abstract. This paper studies the expressive power of Kleene's three-valued logic K_3 and its extensions. It characterizes the clone generated by K_3 operations in terms of relation preservation and describes the lattice of its superclones. Necessary and sufficient conditions for functional completeness of any system containing K_3 operations are given. It is shown that any extension of K_3 that preserves certain relations requires at least one connective of arity greater than two. The paper supplements and generalizes previous results on expressiveness of K_3 extensions using the approach of relation preservation. This provides a unified framework to compare expressive power of different three-valued logics related to K_3 .

Keywords: many-valued logic, Kleene's logic, closed sets of functions, preservation of relations, functional completeness, expressive power of formal languages.

Выразительные возможности языка логики Клини [1] и ее языковых расширений неоднократно становились предметом исследований. Решетка все расширений логики Клини, дополненных константами 1 и 0, построена в [2]. А. Аврон описал системы, которые получаются, если расширить набора операций K_3 константами или импликацией логики J_3 [3]. Выразительные возможности импликативных расширений логики Клини исследованы Н.Е. Томовой [4, 5, 6]. В этих работах предложено понятие естественной импликации и показано, что при одном выделенном значении существует всего 6 таких импликаций. При этом, расширение K_3 любой из этих импликаций дает логику, совпадающую с логикой Лукасевича по своим выразительным возможностям. Взаимной определенности связок в отдельных импликативных расширениях логики Клини также посвящена работа Н.А. Знаменской [7]. Дальнейшее развитие исследование выразительных возможностей импликативных расширений логики Клини получило в серии работ Г. Роблес и Х. Мендеса [8, 9, 10]. Настоящая работа дополняет и обобщает результаты, опубликованные в процитированных статьях. Многие из них могут быть выведены как простые следствия из приведенных ниже теорем.

В данной статье мы характеризуем замкнутый класс функций, порожденный операциями трехзначной логики Клини K_3 , в терминах сохранения функциями отношений (Теорема 1), описываем

решетку надклассов данного класса (Теорема 2), приводим необходимые и достаточные условия функциональной полноты для произвольной системы функций, в которой определимы операции логики Клини (Теорема 3).

Определим понятия, необходимые для формулировки результатов: замкнутый класс функция, клон, функциональную полноту, сохранение функцией отношения, операции трехзначной логики Клини.

Если функция f реализуется формулой, которая содержит только символы функций f_1, \dots, f_s , а также символы переменных, называем функцию f суперпозицией функций f_1, \dots, f_s . Пусть F – произвольная система функций, заданных на некотором множестве. Под замыканием F понимаем множество $[F]$ всех функций, которые являются суперпозициями функций из F . Если $[F] = F$, говорим, что множество $[F]$ порождено системой F . Если $F = [F]$, называем множество функций F замкнутым классом функций. Если F – система функций на A , и $[F]$ совпадает с множеством всех функций на A , называем систему F функционально полной.

Пусть $e_i(x_1, \dots, x_i, \dots, x_n)$ обозначает такую функцию, значения которой совпадают со значениями переменной x_i . Тогда говорим, что функция e_i – селекторная функция. Называем клонами такие замкнутые классы функций, которые содержат все селекторные функции.

Пусть $\langle A, F \rangle$ – алгебра. Называем n -ой декартовой степенью $\langle A, F \rangle$ такую алгебру, что ее носителем является множество A^n всех таких упорядоченных наборов (x_1, \dots, x_n) , что $x_1, \dots, x_n \in A$, а каждой функции f из F сопоставлена функция f^n следующего вида: $f^n((x_{11}, \dots, x_{1n}), \dots, (x_{k1}, \dots, x_{kn})) = (f(x_{11}, \dots, x_{k1}), \dots, f(x_{1n}, \dots, x_{kn}))$. Пусть r – подмножество A^n . Если $\langle r, f^n \rangle$ – подалгебра $\langle A^n, f^n \rangle$, говорим, что функция f на A сохраняет n -местное отношение r . Символически $f \in \text{Pol}(r)$, где $\text{Pol}(r)$ обозначает множество всех функций, сохраняющих отношение r . Известно, что для каждого клона $[F]$ выполняется следующее условие: $[F] = \text{Pol}(R)$ для некоторого множества отношений $R = \{r_1, \dots, r_s\}$. Условимся обозначать посредством $\text{Pol}(\emptyset)$ класс всех функций на A .

Операции трехзначной логики Клини определяются на множестве $\{0, \frac{1}{2}, 1\}$ и отвечают следующим тождествам: $x \wedge y = \min(x, y)$, $x \vee y = \max(x, y)$, $\neg x = 1 - x$.

Переходим к формулировке основных результатов.

Теорема 1.

$[\wedge, \vee, \neg] = \text{Pol}(r_1, r_2, r_3, r_4)$, где $r_1 = \{\frac{1}{2}\}$, $r_2 = \{0, 1\}$, $r_3 = \{(0, 0), (1, 1), (\frac{1}{2}, \frac{1}{2}), (0, \frac{1}{2}), (1, \frac{1}{2}), (\frac{1}{2}, 0), (\frac{1}{2}, 1)\}$, $r_4 = \{(0, 0), (1, 1), (\frac{1}{2}, \frac{1}{2}), (0, \frac{1}{2}), (1, \frac{1}{2})\}$.

Эта теорема характеризует замкнутый класс функций, порожденный операциями логики Клини, в терминах сохранения отношений на $\{0, \frac{1}{2}, 1\}$. Этот результат дает простой алгоритм, позволяющий установить, определима ли произвольно взятая трехзначная связка f в логике Клини. Достаточно проверить, сохраняет ли f отношения r_1, r_2, r_3, r_4 .

Теорема 2.

Надрешетка клона, порожденного операциями трехзначной логики Клини, содержит 12 элементов и описывается следующими включениями:

$\text{Pol}(r_1, r_2, r_3, r_4) \subseteq \text{Pol}(r_1, r_3, r_4)$; $\text{Pol}(r_1, r_2, r_3, r_4) \subseteq \text{Pol}(r_2, r_3, r_4)$; $\text{Pol}(r_1, r_2, r_3, r_4) \subseteq \text{Pol}(r_1, r_2, r_3)$; $\text{Pol}(r_1, r_3, r_4) \subseteq \text{Pol}(r_3, r_4)$; $\text{Pol}(r_1, r_3, r_4) \subseteq \text{Pol}(r_1, r_3)$; $\text{Pol}(r_2, r_3, r_4) \subseteq \text{Pol}(r_3, r_4)$; $\text{Pol}(r_2, r_3, r_4) \subseteq \text{Pol}(r_2, r_3)$; $\text{Pol}(r_1, r_2, r_3) \subseteq \text{Pol}(r_1, r_3)$; $\text{Pol}(r_1, r_2, r_3) \subseteq \text{Pol}(r_2, r_3)$; $\text{Pol}(r_1, r_2, r_3) \subseteq \text{Pol}(r_1, r_2)$; $\text{Pol}(r_3, r_4) \subseteq \text{Pol}(r_3)$; $\text{Pol}(r_1, r_3) \subseteq \text{Pol}(r_3)$; $\text{Pol}(r_1, r_3) \subseteq \text{Pol}(r_1)$; $\text{Pol}(r_2, r_3) \subseteq \text{Pol}(r_3)$; $\text{Pol}(r_2, r_3) \subseteq \text{Pol}(r_2)$; $\text{Pol}(r_1, r_2) \subseteq \text{Pol}(r_1)$; $\text{Pol}(r_1, r_2) \subseteq \text{Pol}(r_2)$; $\text{Pol}(r_3) \subseteq \text{Pol}(\emptyset)$; $\text{Pol}(r_2) \subseteq \text{Pol}(\emptyset)$; $\text{Pol}(r_1) \subseteq \text{Pol}(\emptyset)$.

В статье [3] построена часть решетки, описанной в Теореме 2, за исключением тех расширений логики Клини, которые подпадают под условия Теоремы 4 (см. ниже). Причина в том, что автор рассматривает только случаи, в которых к операциям логики Клини добавляются связки, местность которых не превышает двух, однако, как демонстрируют наши результаты, не все расширения логики Клини можно задать таким образом.

Теорема 3.

Если система функций F содержит \wedge, \vee, \neg , она является функционально полной, если и только если, F также содержит такие, не обязательно различные, функции f_1, f_2, f_3 , что $f_1 \notin \text{Pol}(r_1)$, $f_2 \notin \text{Pol}(r_2)$, $f_3 \notin \text{Pol}(r_3)$.

В работах [2, 3, 10] можно найти различные достаточные условия функциональной полноты для расширений логики Клини. Теорема 3 дает необходимые и достаточные условия, которые позволяют установить, является ли функционально полным набор операций произвольной трехзначной логики, коль скоро в ней определимы операции логики Клини.

Теорема 4.

Если система функций F , содержащая \wedge, \vee, \neg , порождает клон $Pol(R \cup \{r_3\})$, где $R \subseteq \{r_1, r_2\}$, то F содержит функцию, которая существенно зависит от по меньшей мере трех переменных. Система, порождающая клон $Pol(R \cup \{r_3\})$, может быть построена из не более чем трехместных связок.

Известен метод автоматического поиска доказательств для расширений логики Клини бинарными связками [11]. Теорема 4 представляет интерес, так как демонстрирует, что, если данный метод распространить на тернарные связки, этот метод будет распространяться на все возможные расширения логики Клини.

Подводя итоги, отметим, что в существующей литературе рассматривались выразительные возможности логик, полученных пополнением K_3 отдельными связками, и это ограничивало круг расширений, попадающих в поле зрения исследователей. В частности, почти все рассматриваемые импликативные расширения K_3 оказываются языковыми вариантами Логики Лукасевича. Это не так лишь для отдельных расширений из [10], которые оказались функционально полными. В то же время мы применили обобщенный подход. Расширения K_3 больше не привязаны к фиксированному языку, а описаны в терминах замкнутых классов функций, сохраняющих определенные отношения. Благодаря этому оказалось возможно разбить расширения K_3 на классы эквивалентности относительно их выразительных возможностей, описать все такие классы и упорядочить их по включению. Это дает простой метод сравнения выразительных возможностей произвольных трехзначных расширений логики Клини, а также дает универсальный критерий функциональной полноты для таких расширений.

В завершение отметим интересное частное следствие из общих результатов, приведенных выше. Логика Клини K_3 имеет только одно значение, которое считается выделенным, то есть, интерпретируется как «истина». Известна также трехзначная логика, связки которой такие же, как в K_3 , но класс выделенных значений состоит уже из двух элементов: 1 и $\frac{1}{2}$. Это «логика парадокса» LP Асеньо–Приста [12, 13]. Структура решетки замкнутых классов, которую мы описали в Теореме 1, независима от выбора выделенных значений. В то же время выразительные возможности естественных (по Томовой [4]) импликативных расширений LP отличаются от таковых в случае K_3 . В то время как естественные импликативные расширения K_3 порождают только классы $Pol(r_2)$ (класс всех функций, сохраняющих классические значения истинности) и $Pol(\emptyset)$ (класс всех функций на $\{0, \frac{1}{2}, 1\}$), для естественных импликативных расширений LP это не так. Например, при добавлении к LP импликации из логики J_3 получается клон $Pol(r_1, r_2)$ [3], [4, с. 39–42]. Иными словами, при двух выделенных значениях $Pol(r_1, r_2)$ содержит импликацию, обладающую желательными свойствами, такими как, например, сохранение закона $p \rightarrow p$, однако при одном выделенном значении таких импликативных связок в $Pol(r_1, r_2)$ не существует.

Список литературы

1. Kleene S.C. On notation for ordinal numbers // The Journal of Symbolic Logic. 1938. Vol. 3. No 4. P. 150–155.
2. Adams M.E., Dziobiak W. Lattices of quasivarieties of 3-element algebras // Journal of Algebra. 1994. Vol. 166. No 1. P. 181–210.
3. Avron A. On the expressive power of three-valued and four-valued languages // Journal of Logic and Computation. 1999. Vol. 9. No 6. P. 977–994.
4. Томова Н.Е. Импликативные расширения регулярных логик Клини // Логические исследования / Logical Investigations. 2010. Т. 16. С. 233–258.
5. Томова Н.Е. Естественные трехзначные логики: функциональные свойства и отношения. М.: ИФ РАН, 2012. 89 с.
6. Tomova N.E. A lattice of implicative extensions of regular Kleene's logics // Reports on Mathematical Logic. 2012. № 47. P. 173–182.
7. Знаменская Н.А. К проблеме выразимости операций характеристических матриц паранепротиворечивых и парapolных логик // Логические исследования. 2012. Т. 18. С. 132–140.
8. Robles G., Méndez J.M. The class of all natural implicative expansions of Kleene's Strong Logic functionally equivalent to Lukasiewicz's 3-Valued Logic \mathcal{L}_3 // Journal of Logic, Language and Information. 2020. Vol. 29. No 3. P. 349–374.
9. Robles G., Méndez J.M. A class of implicative expansions of Kleene's Strong Logic, a subclass of which is shown functionally complete via the precompleteness of Łukasiewicz's 3-Valued Logic \mathcal{L}_3 // Journal of Logic, Language and Information. 2021. Vol. 30. No 3. P. 533–556.

10. Robles G., Méndez, J.M. A remark on functional completeness of binary expansions of Kleene's strong 3-valued logic // *Logic Journal of the IGPL*. 2022. Vol. 30. No 1. P. 21–33.
11. Petrukhin Y., Shangin V. Automated proof-searching for strong Kleene logic and its binary extensions via correspondence analysis // *Logic and logical philosophy*. 2019. Vol. 28. No 2. P. 223–257.
12. Asenjo F.G. A calculus of antinomies // *Notre Dame Journal of Formal Logic*. 1966. Vol. 7. P. 103–105.
13. Priest G. The logic of paradox // *Journal of Philosophical Logic*. 1979. Vol. 8. P. 219–241.

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ И МОДИФИЦИРУЕМАЯ ВЫВОДИМОСТЬ

Зайцев Д.В.

Доктор философских наук
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
E-mail: zaitsev@philos.msu.ru

Аннотация. В работе анализируется феномен естественных аргументативных рассуждений. Выделяются такие существенные черты этих рассуждений, как модифицируемость (потенциальная отменяемость) отношения подтверждения между посылками и заключением и непротиворечивость посылок.

*Предлагается система пропозициональных выводимостей, предназначенная для формализации аргументативных рассуждений, обсуждаются ее семантические свойства. Специально отмечается нестандартная трактовка дедуктивного принципа прямого исключения дизъюнкции (дизъюнктивный силлогизм) в сопоставлении с парадоксальным *ex falso quodlibet*. Намечается путь аксиоматизации такой логики.*

Ключевые слова: аргументативные рассуждения, модифицируемые рассуждения, логика аргументации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта №20-18-00158, реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

ARGUMENTATIVE REASONING AND DEFEASIBLE CONSEQUENCE

Zaitsev D.

DSc in Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: zaitsev@philos.msu.ru

*Abstract. The paper analyzes the phenomenon of natural argumentative reasoning. In so doing I consider such essential features of these arguments as defeasibility (that is, revision or potential cancellability) of the supporting relationship between premises and conclusion and consistency of premises. In order to formalize argumentative reasoning I construct a propositional consequence system, and consider its semantic properties. It is the unusual role of the of direct disjunction elimination deductive principle (so called 'disjunctive syllogism') compared with the paradoxical *ex falso quodlibet* that holds a specific place in this considerations. Also, I outline the way of presumptive axiomatization of this logic.*

Keywords: argumentative reasoning, defeasible reasoning, logic of argumentation.

Введение. Аргументативные рассуждения исследуются с разных сторон и в разном контексте. Так, например, влиятельный проект формальной аргументации (formal argumentation theory) ориентирован на наведение мостов между формализацией естественных человеческих рассуждениями и автоматизацией рассуждений в рамках искусственного интеллекта и претендует на разработку особой парадигмы представления рассуждений для искусственных когнитивных агентов. В результате формальная аргументация является в первую очередь формальным инструментом обработки информации и в этом отношении она оказывается куда ближе к искусственному интеллекту, чем к формализации обыденных рассуждений, используемых в процессе аргументации. На другом

полное исследование подходов к аргументативным рассуждениям находятся нейрокогнитивные и психологические теории рассуждений. Условно их можно обозначить как эмпирические, поскольку стандартные схемы исследований, нацеленные на локализацию с использованием различных вариантов метода диссоциации, предполагают изучение естественных рассуждений как данности, как эмпирического феномена, нуждающегося, в первую очередь, в точном описании. Задача формализации при этом отходит на второй, если не на третий план.

В данной работе я постараюсь обратиться к естественным рассуждениям в несколько обобщенном варианте, выделив их существенные черты, а затем предложить вариант их формальной экспликации в виде системы выводимостей.

Аргументативные рассуждения. Рассуждения в аргументации — это в первую очередь инструмент достижения цели, которой является изменение позиции другой стороны аргументации. В идеале таким изменением может стать убеждение субъекта аргументации в своей правоте, в реальности в лучшем случае происходит изменение оценки какого-либо ключевого положения (тезиса) и как следствие этого — изменение мнения оппонента или третьей стороны, оценивающей противостояние сторон в дискуссии. Все это определяет специфику аргументативных рассуждений.

Во-первых, такие рассуждения в очень сильной степени контекстно-зависимы. В разном формате, в разное время, с участием различных субъектов, дискутирующих на различные темы, могут быть использованы совершенно разные типы рассуждений. В первую очередь это сказывается на оценке корректности рассуждений. Далее я в качестве отправного пункта буду рассматривать максимально приближенные к классическим критерии оценки рассуждений, допуская, что в зависимости от ситуации, они могут меняться как в сторону уже известных неклассических логических теорий, так и основываться на абсолютно новых нестандартных критериях правильности, требующих специальной формализации.

Во-вторых, несмотря на отмеченный плюрализм в трактовке аргументативных рассуждений, у них есть как минимум одна общая существенная черта, делающая их именно аргументативными. Аргументация — это процесс, предполагающий как минимум участие двух сторон и возможность в результате изменения позиции как минимум одной из них. Это свою очередь означает, что аргументативные рассуждения должны допускать ревизию, пересмотр полученных ранее следствий, а в некоторых случаях — их полную отмену. Такая особенность рассуждений хорошо известна и получила название *defeasible* (буквально — *отменяемые*, но чаще в русском переводе *модифицируемые* [рассуждения]). Рассуждение является модифицируемым, потенциально опровержимым, если оно убедительно, но не является дедуктивно корректным. Последнее, в частности, означает, что отношение подтверждения между посылками и заключением носит некоторый предварительный характер, не является абсолютным и может быть отменено на основе дополнительной информации. Другими словами, в процессе аргументации мы допускаем, что хорошие контраргументы (здесь и далее я использую термин *аргумент* в соответствии с отечественной традицией как обозначающий посылки, или доводы, а не рассуждение) в принципе могут привести к пересмотру ранее полученных следствий. В более логической терминологии модифицируемость соответствует свойству немонотонности отношения выводимости.

В-третьих, в отличие от чисто логического подхода в теории аргументации принципиально важно, чтобы аргументы (посылки аргументативного рассуждения) были истинными (или по крайней мере приемлемыми для другой стороны). В англоязычной традиции для правильных рассуждений с истинными посылками даже существует особое название — *sound*. К сожалению, в отечественном логическом лексиконе нет соответствующего термина, поэтому я позволю себе далее называть их аргументативно приемлемыми, или просто непротиворечивыми. В самом деле, принимая во внимание потенциальную опровержимость аргументативных рассуждений, это требование означает, что добавление новой информации не должно приводить к противоречивости посылок.

Эта, казалось бы, очевидная характеристика аргументативных естественных рассуждений, ведет к интересным не всегда осознаваемым следствиям. Обычно мы непротиворечивость в рассуждениях связываем с нежелательным свойством классического отношения выводимости — противоречие (в посылках) влечет любое заключение. Стремление избежать подобные взрывоопасные парадоксальные выводы привело к построению паранепротиворечивых логик и их особой разновидности — релевантных логик. Но и там и там, лишив противоречие разрушительной силы, мы принимаем без дополнительных ограничений *принцип упрощения* (исключение конъюнкции), позволяющий в частности из $A \ \& \ \text{не}A$ получить A или $\text{не}A$. По-видимому, с точки зрения логики как формальной теории выводимости, это вполне приемлемо, но в контексте аргументативных рассуждений наличие противоречия в аргументах совершенно не допустимо. Такой аргументативный

ход можно представить себе только как демонстрацию противоречивости позиции оппонента: «из ваших аргументов следует A и $\neg A$, значит вы впали в противоречие». Однако, на мой взгляд, это скорее фигура речи, риторический прием, направленный на привлечение внимания к тому, что уже и так имеет место, сводящийся по сути дела к тавтологическому утверждению «поскольку у вас в аргументах противоречие, в ваших аргументах есть противоречие».

Подводя итог, отмечу, что формальная система для моделирования аргументативных рассуждений должна как минимум допускать их модифицируемость и удовлетворять требованию непротиворечивости аргументов.

Формализация. Как оказалось, против ожиданий, на семантическом уровне выполнение этих условий не представляется очень сложной задачей. Достаточно минимальным образом изменить определение следования, добавив к стандартному определению требование непротиворечивости посылок, чтобы получить желаемое:

$$\Gamma \models A \Leftrightarrow \forall v(\forall C \in \Gamma.v(C) = \text{и} \Rightarrow v(A) = \text{и}) \text{ и } \exists v.\forall C \in \Gamma.v(C) = \text{и} \wedge p \models p$$

В качестве примера рассмотрим тавтологическое следование

Оно будет удовлетворять модифицированному определению, поскольку очевидно, что (1) нет такого приписывания, при котором посылка будет истинной, а заключение ложным; и (2) существует приписывание, при котором конъюнкция истинна и один из ее членов также истинен. Добавление к посылкам нежелательной информации нарушает следование. Интересно отметить, что блокируется не только добавление отрицания заключения, но и отрицание второго члена конъюнкции нельзя безболезненно добавить к посылкам. Это означает, что принцип утончения, выражающий монотонность выводимости и следования, больше не является валидным. Его заменит куда более слабый принцип:

$$\frac{\Gamma \models A; \Gamma, B \models B}{\Gamma, B \models A}$$

Таким образом, из определения следования следует, что посылка не может содержать противоречие ни изначально, ни благодаря добавлению информации.

На этом интересные свойства новой логики аргументации не заканчиваются. Так, например, в общем виде не действуют стандартные классические дедуктивные постулаты, но их подстановочные случаи с непротиворечивыми посылками верны. В частности, это касается и закона тождества: из A больше не следует A , но для любой непротиворечивой формулы верно, что она влечет саму себя. Еще интереснее ситуация с законом непротиворечия и так называемым «дизъюнктивным силлогизмом» (прямое исключение дизъюнкции). В классической, релевантной и других известных мне логиках принцип *ex falso quodlibet* (EFQ) и дизъюнктивный силлогизм влекут друг друга. В одну сторону это обеспечивается благодаря исключению конъюнкции, введению дизъюнкции и введению конъюнкции, в другую — с использованием дистрибутивности, исключения конъюнкции и непрямого исключения дизъюнкции. В нашем случае дизъюнктивный силлогизм действует для непротиворечивых посылок, но его принятие не ведет к оправданию EFQ ввиду отсутствия исключения конъюнкции! Таким образом, насколько мне известно, впервые удастся развести вполне интуитивно приемлемый дизъюнктивный силлогизм и контринтуитивный EFQ, оправдав первый и отбросив второй.

Отмеченное выше показывает, что сформулировать синтаксически исковую логику как систему со схемами выводимостей не удастся. Приходится выбирать в качестве дедуктивных постулатов исходные выводимости и добавлять правило подстановки. Правда, это удастся сделать довольно экономичным способом. Итак, потребуются единственная аксиома

$$p \vdash p$$

Все остальные дедуктивные постулаты формулируются как правила вывода по следующему принципу. Если из посылок классически следует заключение и при этом каждая посылка следует (в новом модифицированном смысле) из самой себя, то из посылок следует (в новом модифицированном смысле) заключение:

$$\frac{B_1, B_2, \dots, B_n \vdash A; \forall i. B_i \vdash B_i}{B_1, B_2, \dots, B_n \vdash A}$$

Таким образом, каждому правилу, полученному преобразованием соответствующей аксиомы классической выводимости, предпосылаются схемы выводимостей по закону тождества, например,

$$\frac{B \vdash B; C \vdash C}{B, C \vdash B \wedge C}$$

Это позволяет сформулировать правило подстановки только для выводимости-аксиомы:

$\frac{A \Vdash A}{A^* \Vdash A^*}$, где A^* – результат правильной подстановки.

Подстановка формулы B вместо всех вхождений переменной p в формулу A называется правильной, если A^* приводима к СДНФ

КОММУНИКАТИВНО НЕКОРРЕКТНЫЕ ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ НА НИХ

Кузина Е.Б.

Кандидат философских наук, доцент

МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: elenakuzina@yandex.ru

Аннотация. Корректность вопроса определяется возможностью ответить на него. Наряду с общими (логическими) требованиями к вопросам более важно для него быть прагматически корректным, то есть дать возможность адресату вопроса ответить на него. Кроме того, рациональный вопросно-ответный диалог предполагает, что ответ должен дать именно ту информацию, которую желает получить спрашивающий, что не всегда просто понять из вопроса. Это во многих случаях речевой коммуникации может быть достигнуто лишь анализом ситуации и личности спрашивающего, основывающимся на фоновых знаниях коммуникативно адекватного отвечающего. Рассматриваются некоторые варианты коммуникативной некорректности, которые могут сделать вопросно-ответный диалог нерациональным.

Некорректность вопросов в реальной коммуникативной ситуации может быть как случайной, так и умышленной, рассчитанной на некоторый интересный – обычно юмористический – эффект.

Ключевые слова: корректность вопроса, ответ, рациональная вопросно-ответная коммуникация, виды прагматической некорректности вопроса.

COMMUNICATIVELY INCORRECT QUESTIONS AND ANSWERS TO THEM

Kuzina E.B.

Candidate of Philosophical Sciences

Lomonosov Moscow State University, Associate Professor

E-mail: elenakuzina@yandex.ru

Abstract. The correctness of a question is determined by the ability to answer it. Along with the general (logical) requirements for questions, it is more important for him to be pragmatically correct, that is, to give the addressee of the question the opportunity to answer it. In addition, a rational question-and-answer dialogue assumes that the answer should give exactly the information that the questioner wants to receive, which is not always easy to understand from the question. In many cases of speech communication, this can only be achieved by analyzing the situation and personality of the questioner, based on the background knowledge of a communicatively adequate responder. Some variants of communicative incorrectness are considered, which can make a question-and-answer dialogue irrational. The incorrectness of questions in a real communicative situation can be either accidental or intentional, designed for some interesting – usually humorous – effect.

Keywords: the correctness of the question, the answer, rational question-and-answer communication, types of pragmatic incorrectness of the question.

Некорректность вопросов имеет несколько аспектов, связанных с двумя основными функциями вопросов: познавательной и коммуникативной. Условием выполнения познавательной функции является логическая корректность вопроса, а условием выполнения коммуникативной функции – понятность вопроса адресату, уместность его для данного адресата. Корректность вопроса в любом случае связывается с возможностью получить на него ответ.

Общепринято считать ответом высказывание, явно или имплицитно, содержащее предпосылку вопроса и при этом снимающее или уменьшающее познавательную неопределенность. Предпосылкой вопроса является та часть его структуры, где в явном виде содержится исходная информация, на которой строится запрос информации. Предпосылка – это высказывание, понятность которого является необходимым условием существования ответа вообще, а для существования истинного ответа необходимо, чтобы предпосылка была истинным высказыванием. Предпосылка содержит субъект вопроса, задающий множество альтернатив, из которых отвечающий должен произвести выбор.

Не повторяя стандартных логических требований к синтаксической и семантической корректности вопроса, остановлюсь на той некорректности, которую можно назвать собственно прагматической, или коммуникативной. Прагматически некорректными, во-первых, следует считать вопросы, из которых нельзя понять, какая информация запрашивается и сколько информации требуется дать.

Возьмем вопрос: «Что вы поняли, прочитав эту статью?» Не вполне понятно, о чем он: (а) о самой статье как произведении, (б) о содержании статьи или (в) о том, как эта статья характеризует автора. Поэтому соответственным можно считать любой из таких вариантов ответов: (1) «Я понял, что даже такая небольшая статья может быть содержательной и вполне законченной», (2) «Я понял основную идею автора, состоящую в том, что...» (3) «Я понял, что автор вообще не разбирается в том, о чем он пишет».

Если согласиться, что каждый из этих ответов (или хотя бы два первых) дают запрашиваемую информацию, то вопрос нужно признать прагматически некорректным, и его следует заменить одним из следующих трех: (1) «Какое впечатление произвела на вас эта статья?», (2) «Поняли ли вы содержание статьи, о чем она?» (3) «Что вы бы сказали об авторе статьи?»

Претензии в неясности субъекта вопроса легко предъявить очень многим вопросам. В этих случаях прояснить, какая информация запрашивается, часто помогает наличная ситуация вопросно-ответного диалога. Субъект приведенного выше вопроса сделать достаточно ясным, видимо, может одна из следующих ситуаций: (1) в ситуации критического рассмотрения статьи в среде компетентных специалистов – вопрос об оценке статьи; (2) в ситуации экзамена вопрос будет о содержании статьи; (3) в ситуации обсуждения автора – вопрос об авторе, насколько о нем можно судить по статье.

Во многих случаях вопрос предоставляет адресату очень большой простор для домысливания цели собеседника и, соответственно, для выбора коммуникативно адекватной ответной реплики. Адресат вопроса, следующий принципу коммуникативного сотрудничества П. Грайса («твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель этого диалога» [1, с. 222]), и будучи коммуникативно адекватным, должен определить, какова цель спрашивающего или, по крайней мере, причина вопроса. Адресат определяет прагматический смысл вопроса, как пишет Р. Конрад, «на основе своей способности ориентироваться в ходе событий и мысленно предугадывать их дальнейшее развитие», а спрашивающий, зная о такой способности адресата, рассчитывает получить нужный ответ [2, с. 366-367].

Анализ реального вопросно-ответного дискурса показывает, что ответные реплики на очень многие вопросы не укладываются в рамки обычного (данного выше) понятия ответа. Дело в том, что вопрос далеко не всегда выражает желание спрашивающего получить ту самую информацию, которая предполагается предпосылкой и субъектом вопроса. По этой причине, как писали Дж. Ф. Аллен и Р. Перро, «хорошая вопросно-ответная система часто должна давать ответ, содержащий больше информации, чем эксплицитно требовалось в вопросе», и при этом «не должна выдавать слишком много информации или предлагать такие сведения, в которых не нуждается спрашивающий» [3, с. 322].

Эта общая презумпция коммуникантов ведет к тому, что ответы в очень многих (если не большинстве) случаях даются косвенные, избыточные или вообще не на тот вопрос. Они дают информацию, которая явно не запрашивается, но, по мнению отвечающего, является целью спрашивающего, и будет запрашиваться в следующем вопросе, если она не будет дана сейчас.

Дать в ответе информацию с «запасом», упреждая следующий вопрос, и в то же время не лишнюю, можно только в самых часто встречающихся «стандартных» ситуациях или в ситуациях общения хорошо знакомых людей, знающих направление и цель диалога. Если же отвечающий не уверен, что правильно понимает цель вопроса, прагматически лучшим является прямой полный ответ.

Другой тип коммуникативно некорректных вопросов, из которых также неясно, о чем спрашивается – это вопросы, которые можно назвать двусмысленными. Двусмысленность может порождаться, во-первых, полисемичностью многих выражений естественного языка, а во-вторых, таким построением вопроса, при котором нельзя однозначно определить, что является его субъектом.

Примером вопроса с очевидной полисемичностью может быть такой: «Домом у них управляла экономка или сторож?» В этом вопросе слово «дом» одновременно употреблено в двух значениях, и оба актуальны: домом в смысле хозяйства управляла экономка, а домом в смысле строения – сторож.

Однако реализация исходной полемичности выражения, превращение ее в двусмысленность – это эффект понимания или намеренного истолкования языкового выражения сначала в одном смысле, а затем в другом, или явно, нарочито не в том смысле, в каком это выражение употребляет говорящий. Вопросы, которые можно понимать как двусмысленные, могут быть таковыми без какой-то явной цели спрашивающего, просто по небрежности или потому, что автор вопроса не видит никакой игры смыслов и не предполагает возможности ее увидеть. Например, вопрос «Если жарить курицу на этой решетке, она не сгорит?» – непонятен по грамматической форме, что легко делает его для некоторого адресата непонятным по существу – про что вопрос: про курицу или про решетку?

Или вопрос: «Людьми какого возраста разрешается продавать спиртное?», содержащийся в учебнике «Теория и практика аргументации Ю.В. Ивлева [4, с. 68]. Его структура делает вопрос непонятным, но для автора он совершенно однозначен. Однако, первый человек, которому я задала такой вопрос, ответил, что «это может быть любой совершеннолетний человек, у которого имеется лицензия на продажу спиртного и подходящее для продажи помещение». Очевидно, что это был ответ на вопрос: «Кто может продавать спиртное?» Другой человек в то же время ответил, что «спиртное можно продавать людям, достигшим 18-летнего возраста», что было ответом на вопрос: «Кто может купить спиртное?»

Двусмысленные вопросы (как и другие выражения языка) часто используются с целью показать свое остроумие и обостренное чувство языка. Видение двусмысленности там, где другие ее не видят, обычно обусловлена не только и не столько неоднозначной семантикой выражений языка, сколько особенностями интеллекта адресата и его фоновыми знаниями. Реципиент может буквально сотворить новый смысл в меру своего интеллекта и владения языком. Из этой способности и рождаются анекдоты. Например, «Верно ли что что инквизиторы сжигали ведьм не потому, что ненавидели их, а потому что им просто не хватало женского тепла?» Является ли этот вопрос двусмысленным, зависит от адресата, от его чувства языка, обуславливающего возможности различного истолкования, и чувства юмора. Один человек понимает выражение «женское тепло» только в одном, самом привычном смысле – способность душевно относиться к людям. Тогда предпосылка вопроса понимается так: поскольку инквизиторами, скорее всего становились люди, в чем-то психологически ущербные, обделенные женским вниманием, и озлобленные на весь мир, вероятно, им не хватало душевного женского тепла. Другой человек, хорошо понимая этот обычный смысл, хочет отметить возможность другого юмористического толкования и придает смысл выражению «женское тепло» такой: это «тепло от сожжения женского тела».

Особый вид коммуникативно некорректных вопросов – вопросы, которые называют «запутывающими», или вопросами-капканами, типа: «Может ли католик жениться на сестре своей вдовы?». Этот вопрос является семантически некорректным, с ложной предпосылкой, и в этом отношении он ничем не отличается от вопроса «Был ли А. Линкольн королем США?» Однако главной некорректностью в нем является именно то, что ложность предпосылки может быть не замечена, поскольку вопрос строится так, чтобы внимание спрашиваемого было сосредоточено на субъекте предпосылки. И поскольку этим субъектом является «католик», вопрос активизирует у отвечающего его знания о католиках, и часто остается незамеченным, что католик, о котором спрашивается, умер, что видно из упоминания его вдовы.

Также запутывающими считаются вопросы, в которых предпосылку можно принять за «подсказывающую», типа: «Сколько лет длилась Столетняя война?», «К какому литературному жанру относится поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»?», «Кто изобрел «лампочку Ильича»?»

Прагматическая некорректность вопросов столь распространена, что в повседневной коммуникации трудно найти совершенно корректный вопрос, из которого вполне понятно, какой ответ будет коммуникативно совершенно удовлетворительным. Н. Белнап и Т. Стил писали, что «имеется много утверждений, которые, не являясь прямыми ответами, тем не менее связаны с ними достаточно интересными семантическими отношениями, благодаря чему сами эти утверждения заслуживают того, чтобы их поместить под рубрикой «ответ» [5, с. 129]. Поэтому, соглашаясь с мнением этих авторов, нужно признать необходимость выработки практически работающего понятия ответа на не вполне корректные вопросы.

Список литературы

1. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 217-237.
2. *Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 349-383.
3. *Аллен Дж. Ф., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 322-362.
4. *Ивлев Ю.В.* Теория и практика аргументации. М., 2009. 288 с.
5. *Белнап Н., Стил Т.* Логика вопросов и ответов. М., 1981. 288 с.

РОЛЬ АБСТРАКЦИЙ В МЕТАФИЗИКЕ А.Н. УАЙТХЕДА

Кускова С.М.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Московский институт психоанализа
E-mail: adiafora@tut.by*

Аннотация. А.Н. Уайтхед создает метафизику, оправдывающую современное естествознание и основанную на минимуме допущений. Она содержит два типа сущностей: вечные объекты, или абстракции, и конкретные эмпирические явления. Они соответствуют универсумам возможности и действительности. Вечные объекты имеют диспозиционные свойства «быть мыслимым», «быть схваченным в единичном примере», но они не зависят от ментальных актов. Вечные объекты образуют иерархии абстракций, отношения которых определяют все возможные отношения конкретных событий. Формальные структуры логики и математики необходимо существуют объективно, потому что возможны некоторые объекты и их признаки. Структуры имеют не только логические, но и предметные свойства.

Причинные связи природных явлений обусловлены отношениями входящих в них вечных объектов. Минимальный набор не эмпирических, а идеальных сущностей обеспечивает адекватность научного познания.

Ключевые слова: вечные объекты, абстрактные объекты, метафизика, возможность, действительность, онтология, иерархия объектов.

THE ROLE OF ABSTRACTIONS IN A.N. WHITEHEAD'S METAPHYSICS

Kuskova S.M.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences
Moscow institute of Psychoanalysis
E-mail: adiafora@tut.by*

Abstract. A.N. Whitehead creates a metaphysics that justifies modern natural science and is based on a minimum of assumptions. It contains two types of entities: eternal objects, or abstractions, and concrete empirical phenomena. They correspond to the universes of possibility and reality. Eternal objects have the dispositional properties of intelligibility, comprehending in a single instance, but they do not depend on mental acts. Eternal objects form hierarchies of abstractions, the relations of which determine all possible relations of concrete events. The formal structures of logic and mathematics necessarily exist objectively, because some objects and their attributes are possible. Structures have not only logical, but also objective properties. The causal connections of natural phenomena are determined by the relations between the eternal objects. A minimal set of non-empirical, ideal entities ensures the adequacy of scientific knowledge.

Keywords: eternal objects, abstract objects, metaphysics, possibility, reality, ontology, hierarchy of objects.

Ответ на вопрос «Как возможна метафизика в качестве науки» не обязательно предполагает отнесения к познавательным способностям субъекта, оправдывающим метафизические суждения.

Альтернативный подход к обоснованию метафизики разрабатывает А.Н. Уайтхед. Выбор исходных элементов и отношений между ними оправдан пригодностью метафизики для обоснования позитивных наук, применения математики к реальности, сопоставления фактов и законов природы. При экономности исходных допущений следующая концепция обладает большими объяснительными возможностями.

Научная картина мира предполагает метафизику двух типов объектов, ни один из которых не может быть редуцирован к другому. Различаются конкретные явления в пространстве и времени и абстрактные сущности, не имеющие пространственно-временной природы, выступающие объектами мышления. «Итак, - пишет Уайтхед, вечные объекты по своей природе абстрактны. Под «абстрактным» я понимаю вечные объекты сами по себе, т.к. их сущности умопостигаемы без отнесения к явлениям опыта. Быть абстрактным – значит выйти за пределы особенных конкретных происшествий действительности» [2, с. 220]. Универсалии как вечные объекты представлены во множестве конкретных явлений. Человек вообще представлен, например, Сократом. Сократ может рассматриваться как человек. Мы не постулируем реального бытия платоновских идей, но рассматриваем их как особое измерение конкретного явления. Единичным вещи логически предшествуют определяющие их параметры: например, способность быть растением, иметь зеленый цвет. «Растение» и «зеленое» — это вечные объекты. Непосредственно известны их диспозиционные свойства: мыслимость, реализуемость, постижимость на единичном примере. Свойства абстрактных объектов самих по себе считались спорными или не познаваемыми с философских позиций, требующих строгого обоснования знания. Абстракции не только обеспечивают познание реальности, но и являются её необходимыми структурными компонентами, обеспечивают её связность и регулярность.

Согласно А.Н. Уайтхеду, вечные объекты одинаково встречаются в разных случайных явлениях, служат денотатами общих терминов, конституируют сферу возможных положений дел и необходимых связей между ними. Неэмпирические структуры, несводимые к логическим формальным конструкциям, определяют опыт.

Система отношений вечных объектов – сфера возможного. Конкретные явления принадлежат действительности. Действительное – не подмножество возможного, а имеет иной онтологический статус.

Универсум возможного образуют вечные объекты, состоящие в необходимой связи друг с другом. Например, краснота необходимо есть цвет и имеет положение в пространстве (формальное логическое отношение), несовместима с синевой (необходимое предметное внелогическое отношение) и совместима с круглой формой (в силу независимости параметров).

Универсум действительного – все единичные явления.

Каждый вечный объект может входить в несколько явлений.

Два универсума вводятся независимо друг от друга. Связь между ними полагается не так, что из множества возможных положений дел выделяется одно действительное, и не так, что варьированием параметров действительного явления образуются несколько возможных. Она определяется характеристиками вечного объекта. Он принципиально недоопределен конкретными явлениями, в которые входит. Например, понятие «быть здоровым» по-разному входит в содержание явлений здорового тела, здорового образа жизни, цвета лица. Конкретное явление же полностью определено системой вечных объектов.

Связь различия между возможным, необходимым и действительным и различия абстрактных и конкретных предметов, согласно Н. Решеру, характерна для идеалистической метафизики.

«Абстрактные индивиды — это такие сущности, которые не существуют в пространстве и времени, и даже не создаются там. Но, конечно, абстракции могут быть конкретно проиллюстрированы вещами, которые это делают. Конкретные предметы отличаются от предметов другого рода наличием случайных свойств. Абстракции, будь то частные или общие, обладают свойствами необходимо» [3, р. 215-216]. Отношения между системами абстрактных объектов и системами конкретных явлений проливают свет на отношения возможного и действительного. Хотя эти универсумы сначала вводятся независимо, есть асимметрия между их отношениями, рассматриваемыми со стороны абстрактных и со стороны конкретных объектов. Первые мыслимы независимо от вторых, но не наоборот.

Сущность вечного объекта не требует, чтобы он непременно входил в какие-то явления, множество конкретных явлений не должно быть пусто. Вхождение вечного объекта именно в данное конкретное явление не обязательно. Явление может быть и другим. Конкретное явление вместе с его

альтернативой составляет класс и может репрезентировать любое возможное явление из этого класса только за счет вхождения вечного объекта.

Однако вечный объект имеет предрасположенность входить в конкретные объекты, репрезентироваться ими и быть усмотренным в каждом таком явлении.

«Таким образом, вечный объект следует постигать посредством знакомства с: 1) его особой индивидуальностью, 2) его общими отношениями с другими вечными объектами, которые способствуют реализации действительных явлений, и 3) общим принципом, выражающим вхождение объекта в особенные явления действительности» [2, с.220].

Суждение о конкретном явлении – ассерторическое, имеет экстенциональную и интенциональную трактовку:

Сократ есть человек.

Сократу присуще быть человеком.

Конкретное явление «Сократ» определено вечным объектом «Человек».

Суждение о вечном объекте не определено в отношении конкретного явления. Оно имеет интенциональную трактовку:

Человек может быть Сократом.

Проблематическое суждение может быть истинным при пустом предикате.

Экстенциональная трактовка содержит дополнительное допущение непустоты: Некоторый человек есть Сократ. Она не выражает специфики вечного объекта, а высказывается о конкретном явлении как элементе объема понятия.

Конкретный индивид может включать вечный объект или исключать его. Это не симметричные состояния. Утверждая, что данный индивид есть человек, мы утверждаем относительно него лишь некоторые свойства: это человек, например, молодой, честный, бедный. Но если этот индивид не есть человек, то он не есть ни умный, ни глупый, ни честный, ни лживый, ни бедный, ни богатый. Конкретное явление (обозначаемое как α , ограничивает реализации вечного объекта, обозначаемого как A). Явление α полностью определено в отношении A , какие виды A присущи α , а какие не присущи. Так, единичное явление содержит информацию о возможных основаниях деления общего понятия A . Быть некоторым A – значит, быть таким-то определенным A , например, человеком добрым, а не злым, серьезным, а не легкомысленным. Не быть A – значит, вообще не быть никаким A . Например, не быть человеком – значит, не быть никаким человеком: ни милосердным, ни жестоким, ни жадным, ни щедрым. «Таким образом, « A как небытие в отношении к определенному явлению α » означает, что A во всех своих определенных отношениях исключено из α . Далее, « A как означает, что A в некоторых своих определенных отношениях включено в α . Но не может быть явления, которое включало бы A во всех его определенных отношениях, ибо некоторые из этих отношений являются противоположным» [2, с. 224]. Существует определенный треугольник ABC , прямоугольный, со сторонами 3,4,5. A треугольник вообще не существует, а как вечный объект, включается в реальные треугольники в таких-то ограниченных отношениях. Треугольник вообще лишь может существовать, реализуемый в том или ином конкретном треугольнике.

Заметим, что для вечного объекта разделяются свойства, присущие ему самому по себе индивидуально, и реляционные свойства, возникающие из его отношений с другими вечными объектами. Отсюда – различие между формально логическими и предметными связями вечных объектов. Те и другие априорны для конкретных явлений. Но первые отражают условие мыслимости объектов (все тела протяженны), а вторые могут быть мыслимы иначе (все тела тяжелы). Таким образом есть между логической необходимостью и эмпирической реальностью есть предметная закономерность сочетания вечных объектов, которые могут быть или не быть актуализированы в конкретном явлении. В силу такой закономерности, например, тело не может быть одновременно красным и синим, что проявляется в восприятии явлений. Логически же это мыслимо. То, что красное не есть синее, есть факт на универсуме вечных объектов. Этот факт, в свою очередь есть реализация одной из возможностей сочетания цветов.

При построении мира главную роль играют не характеристики абстрактных и конкретных объектов самих по себе, а системы отношений между ними.

Множество возможных отношений вечных объектов, по Уайтхеду, ограничено условиями пространства и времени. «Следовательно, пространственно-временное отношение, в терминах которого должен быть выражен действительный ход событий, есть не что иное, как избирательное ограничение внутри общих систематических взаимоотношений между общими объектами» [2, с. 222].

Среди вечных объектов одни имеют лишь формальные свойства, обязательные для всякого варианта событий. Другие же характеризуются не только логическими, но также предметными

свойствами, которые в принципе могут сочетаться друг с другом по-разному, но эмпирически реализуются одним способом. Их нельзя обосновать только логикой и опытом.

Реальность логико-математических объектов необходима для того, чтобы мир вообще был структурирован. Как показывает В.А. Бочаров, даже в материально пустом мире есть онтологическая информация о структуре, задаваемой произвольными признаками A и B , о законах универсальной логики. «Объективно, независимо от нашей воли и желания, существуют такие алгебраические структуры, как группы, кольца, поля рациональных, действительных, комплексных чисел, векторные алгебры и т.д. и т.п... В эмпирических науках процесс познания независимо от нас существующих предметов состоит в их чувственном восприятии, опытным подтверждении их существования. Но объекты математики – это не материальные вещи. Здесь для их познания должны быть использованы какие-то особые методы. Такими методами как раз и выступают различные способы абстрагирования таких-то свойств и отношений реальных предметов и создания на этой базе соответствующих теоретических конструкций» [1, с. 88-89].

Проблему обоснования не математических, а относящихся к опыту идеальных объектов Уайтхед решает, разделяя абстрагирование от действительности и абстрагирование от возможности. Логически возможны разные способы абстрагирования, поскольку в структуре мира возможны разные различия. Система отношений вечных объектов онтологически первична для отдельных вечных объектов. Но познаваемы они после единичных объектов.

Логика налагает ограничение на приписывание системе отношений абстракций произвольных свойств. Эти свойства открывают, а не изобретают.

Если на землю случайно упали три капли дождя, то расстояние между двумя из них необходимо больше суммы расстояний от каждой из них до третьей капли. Математическая структура необходимо входит в конфигурацию эмпирических явлений.

Вечные идеи типа «человека вообще» или красного цвета усматриваются, скорее, не как самостоятельные сущности, а как места такого рода сущностей в системе общих отношений. Так, «быть человеком» — значит, содержать свойства живого и разумного существа. Быть красным – значит, располагаться в этом месте на шкале цветности. Положение идеального объекта в «пространстве» таких-то свойств – это абстракция более высокого уровня, чем сам идеальный объект. Но оно существует и усматривается в конкретном эмпирическом примере перее, чем гипостазированная платоновская идея. Она есть результат абстрагирования от действительного. Её положение в системе отношений есть формальная структура, абстрагированная от возможного, и совместимая с любым возможным сценарием эмпирических событий, а не только с тем, который фактически реализован. Выбор из многообразия возможных путей развития мира именно такого связан с переходом от формальной структуры «места» идеального объекта к идеальному объекту самому по себе. Это ограничение обусловлено пространством и временем.

Пространство и время налагают второе ограничение на предметные отношения внешних объектов. Поэтому треугольники вообще или животные вообще, как предметы научного познания, применяются к чувственным явлениям.

Логико-математические и предметные отношения составляют сферу возможного, хотя для них различаются логические и физические модальности.

Конкретные явления составляют сферу действительного.

Система абстрактных объектов анализируется Уайтхедом в её внутренних взаимосвязях и отдельно от конкретных явлений. Каждый вечный объект входит в иерархию. В отличие от классификации сущего по родам и видам у Аристотеля, Уайтхед рассматривает иерархические отношения между вечными объектами по содержанию понятий, а не по объёму, что делает отношения идей независимыми от отношений эмпирических явлений.

Каждый вечный объект полностью определен его положением в системе отношений вечных объектов. Множество эмпирических явлений, представляющих вечный объект, случайно для него. Для определения вечного объекта A не требуется знать все отношения A со всеми объектами в мире, а достаточно знать лишь некоторые вечные объекты, связанные с A . Отношения между ними формальны, это отношения между статусами, местами соответствующих объектов в системе отношений.

Вечный объект A может входить в разные отношения.

Пусть A , B и C – вечные объекты.

Тогда $R(A, B, C)$ – вечный объект.

Пространственно-временная схема налагает ограничения на отношения вечных объектов. Не всякая логическая возможность реализуется в пространстве и времени.

Вечный объект, представимый как отношение входящих в него других внешних объектов, является сложным. Вечный объект, не разложимый на такие компоненты, является простым. «Например, определенный оттенок зелёного, который не может быть разложен на отношения компонентов, будет называться «простым»» [2, с. 228]. Если даны другие простые объекты, оттенок жёлтого и оттенок синего, то они неизбежно включаются в отношение с оттенком зеленого, расположенного между ними. Этот порядок оттенков цвета есть сложный вечный объект.

Простые объекты имеют нулевую степень сложности.

Сложность объекта $R(A, B, C)$ имеет сложность на 1 выше максимальной сложности объекта A , B или C .

Последовательность объектов возрастающей сложности называется абстрактивной иерархией. В её основе лежит база из простых вечных объектов, обозначенная как g .

- 1) Все члены g входят в абстрактивную иерархию;
- 2) Компоненты любого сложного вечного объекта из иерархии также являются её членами.
- 3) «Любой ряд вечных объектов, принадлежащих иерархии, будь то объекты одной и той же степени сложности или разных степеней, является совокупностью компонентов или производных компонентов по крайней мере одного вечного объекта, который также принадлежит данной иерархии» [2, с. 228].

Уайтхед называет это условием связанности абстрактивной иерархии.

Заметим, что иерархия строится не от базы g , а сверху вниз.

Если имеется ряд вечных объектов, то он выступает компонентом вечного объекта более высокой степени.

Если имеются несколько вечных объектов, то существует вечный объект, для которого исходные вечные объекты будут непосредственными или производными компонентами.

На абстрактивные иерархии не налагаются ограничения: они могут быть конечными или бесконечными вверх, и база g может быть конечной или бесконечной. Любой сложный вечный объект определяет конечную абстрактивную иерархию, последовательный анализ которой выделяет компоненты вплоть до представителей g .

Такая система отношений не детерминирована фактическим существованием индивидов. Она более общая, чем классификация на роды и виды, так как допускает любые возможные комбинации признаков, кроме логически невозможных.

Действительное событие α содержит группу простых вечных объектов g , которые входят в бесконечную абстрактивную иерархию.

Отсюда вытекает невозможность полного описания действительного явления α с помощью понятий.

С каждым явлением связана иерархия, делающая его познаваемым и содержащая внутри себя основания различий, устанавливаемых познанием.

«Существует связанная иерархия понятий, применимая к данному явлению, включая понятия всех уровней сложности... Эта связанная иерархия является образом, или образцом, или формой явления, поскольку явление образовано из того, что входит в его полную реализацию» [2, с. 232]. Конкретное явление α соответствует не отдельной идее, а целой структуре упорядоченных идей. Эта структура содержит и такие простые вечные объекты, которые входят в другое явление β . Тогда связь между α и β определяется не только случайным их отношением в пространстве и времени, но и интеллигибельным отношением подсистем вечных объектов. Онтология двух типов объектов определяет отношения познавательных способностей, направленных на логическое, эмпирическое и априорное предметное содержание. Она структурирует предмет позитивной науки и обуславливает применение рациональных законов к опыту.

Прикладное значение метафизики Уайтхеда для современной компьютерной науки рассматривают Гренвил К. Генри и Майкл Гиртсен. Они находят в языке «Пролог» символизм, служащий формализацией абстрактных объектов Уайтхеда. Предложения в программе на «Прологе» состоят из иерархий отношений. Например, ((Любит Джона x), (привлекательный x), (умный x)) имеет главное и производные отношения. «Абстрагированные как чистые возможности, они представляют вечные объекты. Как возможности в некотором реальном мире, они являются предложениями и служат целями для чувств. Если они каким-то образом ощущаются какой-то конкретной сущностью, они затем становятся символами для актуальных схватываний» [4, р. 184].

У отношений есть имена, например, «любит», «умный», «привлекательный». Они соответствуют вечным объектам в иерархии Уайтхеда. Индивидуальные константы и переменные определены на области конкретных явлений, их значения верифицируют предложения программы.

Восприятия конкретных явлений связаны информацией, входящей в разные предложения. Информация выражения (любит Джона x), воспринятая субъектом, ставит условие поиска значения переменной x , допустим, x есть Элоиза. Далее субъект проверяет, выполнимы ли для Элоизы условия (x умный) и (x привлекательный).

Авторы истолковывают программу не как набор предписаний, а как объективную логическую структуру. «Логическое прочтение позволяет нам понять программу на Прологе как абстрактную структуру, структуру, которую можно интерпретировать как вечный объект или предложение Уайтхеда» [4, р. 186].

Таким образом, программы могут выражать абстрактные иерархии вечных объектов, эксплицировать, как один вечный объект вложен в другой, и какая информация о конкретных явлениях должна быть затребована, чтобы установить отношение с другим вечным объектом.

Метафизическое учение Уайтхеда расширяет сферу задач научной философии Канта, показывая, как возможны компьютерные науки.

Кантианская архитектура познавательных способностей может быть объяснена отношениями соответствующих систем объектов. Диспозиционные свойства абстрактных и конкретных объектов (мыслимость, воспринимаемость), а также их предметных отношений (обуславливать организацию опыта) проявляются в отношении познающего субъекта, но заданы объективно. Вечные объекты предрасположены быть репрезентированными посредством конкретных явлений, что обеспечивает символическую деятельность субъекта.

Допущение абстрактных объектов оправдано экспликацией соотношения модальностей возможного, необходимого и действительного как фундаментальной характеристики мира без апелляции к фактическим способностям субъекта. Онтология абстрактных и конкретных объектов содержит необходимый минимум допущений, плодотворный для обоснования научного знания.

Список литературы

1. Бочаров В.А. Пифагореизм, платонизм, математика и логика // Вестник московского университета. Серия 7. Философия. 2010. №3. С. 84-94.
2. Уайтхед А.Н. Наука и современный мир. // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990.
3. Rescher N. The Idealistic Metaphysics. // Idealistic studies. 2016. Vol.46, Issue 3. P. 215-216.
4. Henry G.C., Geertsen M.G. Whiteheadian Philosophy and Prolog Computer Programming // Process Studies. 1986. № 15 (3). P. 181–191.

СВОЙ, ЧУЖОЙ, ШТРАФНОЙ В ЛОГИЧЕСКИХ И АРГУМЕНТАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ РАССУЖДЕНИЙ

Лисанюк Е.Н.

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии РАН
Старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: e.lisanuk@spbu.ru*

Аннотация. В статье отстаивается идея о том, что границу между особенностями когнитивного стиля мышления и проявлениями когнитивного дефицита следует проводить не по ошибочным или нелепым результатам в решении задач, а по тому, может ли обоснование способов и приемов, посредством которых они получены, сделаться предметом конфликта мнений об истине. Актуальность проблемы проведения этой границы была осознана Готтлобом Фреге в его противостоянии психологизму в логике и с новой силой зазвучала в контексте нового психологизма, сторонники которого, признавая систематический характер свойственных людям когнитивных искажений, ставят под сомнение нормативный аспект логического знания, что рискует либо размыть водораздел между корректными и ошибочными умопостроениями, либо причислить к логическим чужакам тех, кто заблуждается случайно.

Ключевые слова: конфликт мнений, Готлоб Фреге, истина, когнитивные искажения, нормативность.

Исследования Лисанюк Е.Н. поддержаны РФФ, проект № 23-18-00695 «Логико-когнитивные модели рассуждений: принципы демаркации нормативного и дескриптивного», реализуемого в НИУ ВШЭ.

WE, THE ALIENS, THE FINED IN THE LOGICAL AND ARGUMENTATIVE MODELS OF REASONING

Lisanyuk E.N.

DSc in Philosophy, Leading Researcher

Russian Academy of Sciences, Moscow

Senior Researcher

St Petersburg State University

E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

Abstract. We advocate an idea that the boundary between the properties of the cognitive style of thinking and manifestations of cognitive deficit should be drawn not by erroneous or absurd results in solving tasks, but by whether the justification of the methods and techniques by which they are obtained can become the subject of a conflict of opinions about the truth. The relevance of the problem of drawing this boundary was recognized by Gottlob Frege in his opposition to psychologism in logic and sounded with renewed vigor in the context of new psychologism, whose supporters, recognizing the systematic nature of cognitive distortions inherent in humans, question the normative aspect of logical knowledge, which risks either blurring the distinction between correct and fallacious reasoning, or classifying as logical aliens those whose mistakes are accidental.

Keywords: conflict of opinions, Gottlob Frege, truth, cognitive bias, normativity.

Как отличить особенности когнитивного стиля мышления от когнитивного дефицита? Никак, отвечают сторонники нового психологизма, который сделался актуальным на волне эмпирического изучения ограниченной рациональности во второй половине XX в [1]. В соответствии с этим нелепые результаты заблуждающихся, включая аутистов или страдающих разными психическими расстройствами, они считают проявлениями когнитивного многообразия [2] или особой логики [3]. Такой ответ ставит под сомнение нормативный взгляд на логическое знание, фундирует идею альтернативных истин и размывает строгость логических методов решения задач. В отличие от сторонников нового психологизма исследователи, отвергающие подобный релятивизм, склонны в нелепых результатах видеть симптомы aberrаций, свидетельствующих о необходимости терапии [4, 5] или исправления ошибочных умопостроений в соответствии с правилами, которые были нарушены [6].

К последним относился и убежденный антипсихологист Готлоб Фреге, формулировавший современный вопрос разграничения между когнитивным стилем и когнитивным дефицитом в логическом ключе. Фреге отрицал возможность существования альтернативных истин и альтернативной логики, законы которой противоречили бы законам логики, направляющим к истине как единственно возможному значению всякого выражающего знание предложения. Он считал логику арбитром в спорах об истине и свои возражения против психологической трактовки расхождений во мнениях, допускающей различие когнитивных стилей в том, чтобы придерживаться иных законов мышления, иллюстрировал метафорой фрегевских безумцев [7]. Говоря в современных терминах, Фреге считал абсурдным стремление придерживаться правил, не обеспечивающих сохранение истины в рассуждениях при переходе от посылок к заключению, и вследствие этого довольствоваться нелепыми результатами рассуждений и сделаться логическими чужаками.

Если во времена Фреге идея существования логических чужаков казалась фантастической, то сегодня проведение границы между фрегевскими безумцами и фрегевскими мыслителями – теми, кто в рассуждениях придерживается законов логики как законов истины, как это понимал Фреге, стало актуальной задачей в свете дискуссий о связи логики и рациональности, а также о том, являются ли логические модели рассуждений нормативными или дескриптивными. Остроту этим дискуссиям придает ряд особенностей современного положения дел в философии логики: замечательное

многообразии неклассических логических систем, могущих претендовать на роль альтернативной логики [8], включая не-фрегевские логики [9]; признание ограниченности интеллектуальных возможностей людей [10]; и, наконец, поляризация расхождений во мнениях в условиях многочисленных глубоких разногласий, многие из которых сводятся к вопросам о ценностях [11]. Последние представляют собой нефактуальные, или недескриптивные, сведения или установки, ускользающие от классического логического исследования из-за того, что им трудно приписать истинностные значения в том же смысле, в каком могут быть истинными или ложными описания фактов или ситуаций. По этой причине логическое исследование нефактуальных установок требует конструирования специальных семантических формализмов, что реализуемо исключительно в неклассических логиках.

В свете этих особенностей если логика в качестве арбитра в конфликте мнений критериями установления логических чужаков изберет исключительно предложенные Фреге признаки, такие как не ведущие к истине нелепые результаты рассуждений и альтернативная логика, посредством которой они получены, то она может оказаться несправедливо жестким или неэффективным арбитром [12]. Как выяснить, получен данный нелепый результат при помощи альтернативной логики или это симптом случайной ошибки? Неверный ответ рискует обернуться зачислением в логические чужаки тех, кого можно назвать логическими штрафниками, - логически своих, приходящих в рассуждениях к нелепым результатам из-за непреднамеренных, но поправимых ошибок, что послужит хорошим доводом в поддержку тезиса о том, что невозможно провести границу между симптомами когнитивного дефицита и проявлениями когнитивного стиля. Другое затруднение, как свидетельствуют современные дискуссии вокруг проблемы Геттиера, состоит в том, что аргументация в защиту способа получения результатов как истинных и обоснованных необходима, однако критериев ее достаточности пока не выработано [13].

Триада Готлоба Фреге добавила третью инстанцию смысла в двух-элементную семантическую модель «знак-значение», постулировав смысл как способ данности предметов мысли в качестве неотъемлемого коррелята истинностного значения предложения [14]. Это позволило оценивать правильность решения практических задач не только при помощи строгих методов, логических или вычислительных, что было возможно делать и на основе двух-элементной модели, но также и с учетом определения типа задачи, носящего эвристический характер. Тем самым трех-элементная семантическая модель внесла вклад в осмысление нелепых или ошибочных результатов рассуждений в контексте эвристического взгляда на тип задачи, способствуя тому, чтобы избежать зачисления логических штрафников во фрегевских безумцев. Вследствие ограниченности двух основных ресурсов интеллекта людей – вычислительных способностей и внимания, во многих случаях оказывается разумным довольствоваться приближением к истине там, где затруднительно ее обеспечить с необходимостью, поэтому вместо строгих логических или математических методов в практических задачах люди подчас придерживаются эвристик, сводящих сложную задачу оценки вероятности суждения и прогноза значений к более простым операциям суждений. Часто эти эвристические методы приносят пользу, но иногда ведут к грубым и систематическим ошибкам [15]. Воспользоваться эвристикой, а не логикой или теорией вероятности, например, в условиях огромного массива данных, обработка которых сама по себе является сложной задачей, но которые необходимо учесть для точного решения, - такой подход во многих случаях оказывается лучшим решением и находит выражение в управленческих и житейских правилах вроде «лучше меньше, да лучше» [16].

Вместе с тем если каждый следовал бы лишь личным эвристическим предпочтениям, признавая только свое мнение и не признавая мнений других, то невозможна была бы ни наука, ни конфликт мнений в силу отсутствия общего основания взаимопонимания. Таким образом, независимо от того, является решение данной задачи ошибочным или правильным, выяснить, каким образом было получено, невозможно иначе, чем предложив его авторам обосновать свое решение и указать методы и приемы, которых они придерживались. Используемые ими модели рассуждений, выступающие в роли способов данности решений задач, могут носить логический или вычислительный характер. Сделавшись предметом обсуждения и критики, эти модели рассуждений вносят вклад в проведение границы между проявлениями когнитивного стиля, трактуемого как способ предъявления умозаключений, и когнитивного дефицита, который, помимо нелепых результатов, сводится не к невозможности обосновать решение задачи, что может оказаться ошибкой в решении или определении типа задачи, а к тому, что и результат ее решения и способ его получения оказываются недоступным не только для понимания, но и для критики, т.е. конфликта мнений.

Список литературы

1. *Van Bentem Й.* Логика и рассуждение: много ли значат факты? // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 67-84.
2. *Stich St.* Reflective equilibrium, analytic epistemology and the problem of cognitive diversity // Synthese. 1988. Vol.74 (3). P. 391-413.
3. *Stenning K., van Lambalgen M.* Logic in the study of psychiatric disorders: Executive function and rule-following // Topoi. 2007. Vol. 26. P. 97-114.
4. *Beck A.T.* Thinking and Depression II // Theory and Therapy Archives of General Psychiatry. 1964. Vol.10 (6). P. 561-571.
5. *Саполюки Р.* Почему у зебр не бывает инфаркта. Психология стресса. СПб. : Питер, 2022. 480 с.
6. *Hamblin Ch.* Fallacies. London, 1970. 326 p.
7. *Frege G.* Basic Laws of Arithmetic. Oxford University Press, 2013. 682 p.
8. *Шалак В.И.* Об истоках множественности логик // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4. С. 88-97.
9. *Васюков В.Л.* Не-фрегевский путеводитель по гуссерлевским и мейнонговским джунглям I // Логические исследования. 2004. № 11. С. 100-119.
10. *Саймон Г. А.* Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. пер. с англ. М., 1993. Вып. 3. С. 16-38.
11. *Фогелин Р.* Логика глубокого разногласия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 275-285.
12. *Вильямсон Т.* Является ли логика нейтральным арбитром? // Логико-философские штудии. Т. 9. № 2. 2012.
13. *Фролов К.Г.* О нюансах перевода и цитирования в контексте проблемы Геттиера // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 168-173.
14. *Фреге Г.* О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 230-248.
15. *Канеман Д., Тверски А.* Суждения в условиях неопределенности: эвристические методы и ошибки // Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2020. С. 548-571.
16. *Gigerenzer G., Gaissmaier W.* Heuristic decision making // Annual Review of Psychology. 2011. Vol. 62. P. 451-482.
17. *Фреге Г.* Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 326-343.

РАЗРЕШАЮЩАЯ ПРОЦЕДУРА ДЛЯ ЛОГИКИ СУЖДЕНИЙ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Маркин В.И.

Доктор философских наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: markin@philos.msu.ru

Аннотация. Исследуется формальная система, предназначенная для логического анализа суждений существования. В ее языке содержится неопределенно-местная константа существования, простые формулы образуются сочленением этой константы с произвольной конечной последовательностью общих терминов. Для данного языка сформулирована естественная семантика и аналитико-табличное исчисление. Предлагается общая схема доказательства адекватности аналитико-табличного исчисления логике суждений существования. Доказываются теоремы о корректности и полноте. Формулируется разрешающая процедура для формул языка логики суждений существования. Доказывается теорема о разрешимости.

Ключевые слова: суждения существования, исчисление, семантика, аналитические таблицы, разрешающая процедура.

DECISION PROCEDURE FOR THE LOGIC OF EXISTENCE JUDGEMENTS

Markin V.I.

DSc in Philosophy

Abstract. We set out a formal system for logical analyses of existence judgements. Its language contains the constant of existence, atomic formulas are formed by the concatenation of this constant with any finite sequence of general terms. We formulate a natural semantics for this language and analytic tableaux calculus. We set out a skeleton plan of the proof that this calculus is the sufficient formalization of the logic of existence judgements. Correctness and completeness theorems are proved. We formulate a decision procedure for the formulas of this language. Decidability theorem is proved.

Keywords: existence judgements, logical calculus, semantics, analytic tableaux, decision procedure.

В традиционной логике суждением существования называлось простое суждение, логическим сказуемым которого является термин «существует», рассматриваемый как предикат особого типа. Субъектом суждения существования может быть простой (положительный) термин, отрицательный термин, либо последовательность, которая получается посредством сочленения нескольких терминов. В [1] была построена логика суждений существования: сформулирован язык, позволяющий фиксировать логические формы таких суждений, и предложена естественная его семантика.

В алфавите языка данной логики содержатся: бесконечный список простых общих терминов (будем использовать для них метAPERЕМЕННЫЕ S, P, M, S_1, \dots), символ терминного отрицания ($'$), неопределенно-местная константа существования (Y), пропозициональные связи и скобки. *Общими терминами* являются: (1) произвольный простой общий термин, (2) выражение вида S' , где S – простой общий термин. При этом S называется *положительным*, а S' *отрицательным* термином. S и S' будем называть *противоречащими терминами*. В качестве метAPERЕМЕННЫХ по любым общим терминам (как положительным, так и отрицательным) используются символы X, Z, X_1, \dots

Атомарными формулами языка являются выражения вида $YX_1X_2\dots X_k$ ($k \geq 1$), где X_1, X_2, \dots, X_k – общие термины. Формула $YX_1X_2\dots X_k$ фиксирует логическую форму суждения существования « $X_1X_2\dots X_k$ существуют». *Сложные формулы* образуются из других формул с помощью пропозициональных связей.

Моделью называется пара $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$, где $\mathbf{D} \neq \emptyset$, а $\varphi(S) \subseteq \mathbf{D}$ для любого простого общего термина S . Определяется функция ψ , сопоставляющая значение каждому общему термину (включая отрицательные) в модели $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$: $\psi(S) = \varphi(S)$, $\psi(S') = \mathbf{D} \setminus \varphi(S)$. Вводится понятие *V-значимости* формулы A в модели $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$ – определяется предикат значимости $V(A, \mathbf{D}, \varphi)$. Условия значимости атомарных формул задаются следующим образом:

$$V(YX_1X_2\dots X_k, \mathbf{D}, \varphi), \text{ е.т.е. } \psi(X_1) \cap \psi(X_2) \cap \dots \cap \psi(X_k) \neq \emptyset.$$

Условия значимости формул, образованных с помощью пропозициональных связей, стандартные.

Формула A называется *значимой в модели* $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$, е.т.е. $V(A, \mathbf{D}, \varphi)$. Формула A *общезначима*, е.т.е. A значима в каждой модели. Из формул A_1, A_2, \dots, A_n *логически следует* формула B , е.т.е. в каждой модели $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$, в которой значимы формулы A_1, A_2, \dots, A_n , формула B также является значимой. Пара $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$ является *моделью множества формул* Δ , е.т.е. $V(C, \mathbf{D}, \varphi)$ для любой формулы C из Δ . Будем говорить, что множество формул Δ *имеет модель*, е.т.е. существует $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$, которая является моделью Δ .

В работе [2] сформулировано аналитико-табличное исчисление, с использованием которого процедура проверки умозаключений из суждений существования может быть автоматизирована. Приведем данное исчисление с небольшими изменениями.

Конфигурацией называется семейство непустых множеств формул языка. *Аналитической таблицей* называется последовательность конфигураций, в которой каждая последующая конфигурация получается из непосредственно предыдущей заменой некоторого множества формул по одному из правил вывода.

В качестве правил вывода постулируются стандартные (пропозициональные) правила редукции для формул видов $(A \wedge B)$, $\neg(A \wedge B)$, $(A \vee B)$, $\neg(A \vee B)$, $(A \supset B)$, $\neg(A \supset B)$, $\neg\neg A$, а также дополнительные правила:

$$\langle Y_i \rangle \quad \frac{\quad}{\Gamma}$$

$$\begin{array}{c}
\frac{\Gamma \cup \{Y\}}{\Gamma \cup \{YM\}} \quad \Bigg| \quad \frac{\Gamma \cup \{Y\}}{\Gamma \cup \{YM\}} \\
\langle Y \rangle \frac{\Gamma \cup \{Yu\}}{\Gamma \cup \{YuM\}} \quad \Bigg| \quad \frac{\Gamma \cup \{Yu\}}{\Gamma \cup \{YuM\}} \\
\langle Yn \rangle \frac{\Gamma \cup \{Yu\}}{\Gamma \cup \{Y[u]\}}
\end{array}
\qquad
\begin{array}{c}
\frac{\Gamma \cup \{\neg Yu\}}{\Gamma \cup \{\neg YuM, \neg YuM\}} \\
\langle \neg Y \rangle \\
\frac{\Gamma \cup \{\neg Yu\}}{\Gamma \cup \{\neg Y[u]\}} \\
\langle \neg Yn \rangle
\end{array}$$

где u – произвольная последовательность общих терминов, $[u]$ – последовательность, содержащая без повторений все термины из u , причем (1) каждый положительный термин в ней предшествует каждому отрицательному, (2) положительный термин S предшествует в ней положительному термину P , е.т.е. S предшествует P в алфавите языка, (3) отрицательный термин S' предшествует в ней отрицательному термину P' , е.т.е. S предшествует P в алфавите языка.

Множество формул *замкнуто*, е.т.е. оно содержит формулы вида C и $\neg C$ или его элементом является формула Yu , причем в состав u входит как некий термин S , так и противоречащий ему термин S' . Конфигурация *замкнута*, е.т.е. все множества формул в ее составе замкнуты. Аналитическая таблица *замкнута*, е.т.е. её последняя конфигурация замкнута. Формула A *доказуема*, е.т.е. существует замкнутая аналитическая таблица, первой конфигурацией которой является семейство $\{\{\neg A\}\}$.

В данной работе мы предложим общую схему доказательства адекватности аналитико-табличного исчисления логике суждений существования, а также разрешимости данной логики.

Лемма 1. Если некоторая конфигурация в аналитической таблице содержит множество Δ , имеющее модель, то следующая конфигурация в этой таблице также будет содержать множество, имеющее модель.

Допустим, что конфигурация на шаге n построения аналитической таблицы содержит множество Δ , имеющее модель. Если на шаге $n+1$ множество Δ не заменялось (а заменялось какое-то иное множество формул), то конфигурация на этом шаге будет снова содержать имеющее модель множество, а именно Δ . Случай, когда на шаге $n+1$ произошла замена множества Δ , обосновывается на основе рассмотрения каждого из правил вывода.

Лемма 2. Никакое замкнутое множество формул не имеет модели.

Случай, когда замкнутое множество содержит формулы вида C и $\neg C$, очевиден: такие формулы не могут быть одновременно значимы ни в одной модели. Если элементом замкнутого множества является формула Yu , причем в состав u входит как некий термин S , так и противоречащий ему термин S' , то данная формула не может быть значимой, следовательно и в этом случае наше множество не имеет модели.

Теорема о корректности. Если формула A доказуема, то A общезначима.

Допустим, что формула A доказуема, но не общезначима. Доказуемость формулы A означает существование замкнутой аналитической таблицы, первая конфигурация которой содержит единственный элемент – множество $\{\neg A\}$. Из факта необщезначимости формулы A следует, что существует модель, в которой она не является значимой. Из этого вытекает, что в данной модели значима формула $\neg A$. Тогда множество $\{\neg A\}$ имеет модель, то есть первая конфигурация в замкнутой таблице, свидетельствующей о доказуемости формулы A , содержит множество, имеющее модель. Согласно Лемме 1, каждая следующая конфигурация также содержит множество, имеющее модель. В том числе, будет иметь модель и какое-то множество в последней конфигурации данной таблицы. Но это невозможно, поскольку последняя конфигурация содержит только замкнутые множества, а в силу Леммы 2 такие множества не имеют моделей. В рассуждении получено противоречие.

В [2] предложена процедура построения аналитической таблицы для решения вопроса о доказуемости произвольной формулы A . Выделяется список \mathbf{T} положительных терминов, содержащий все такие P , что P или P' входят в состав формулы A .

1. Первая конфигурация содержит единственное множество – $\{\neg A\}$.

2. Применяются пропозициональные правила $\langle \wedge \rangle$, $\langle \neg \wedge \rangle$, $\langle \vee \rangle$, $\langle \neg \vee \rangle$, $\langle \supset \rangle$, $\langle \neg \supset \rangle$, $\langle \neg \neg \rangle$ до тех пор, пока в каждом множестве в составе конфигураций не останутся лишь формулы видов Yu и $\neg Yu$.

3. Применяется правило $\langle Yi \rangle$ относительно положительных терминов из списка \mathbf{T} (по одному разу для каждого такого термина M).

4. Применяются правила $\langle Y \rangle$ и $\langle \neg Y \rangle$ относительно любой формулы вида Yi и $\neg Yi$, где i не содержит противоречащих друг другу терминов, и любого положительного термина M из списка \mathbf{T} такого, что ни M , ни M' не входят в i .

5. Применяются правила $\langle Yn \rangle$ и $\langle \neg Yn \rangle$ относительно всех формул вида Yi и $\neg Yi$ таких, что i в них не совпадает с $[u]$.

По завершении процедуры имеем аналитическую таблицу, которую назовем **T-таблицей**.

В последней конфигурации **T-таблицы** либо все множества формул замкнуты (и тогда формула A доказуема, по определению), либо по крайней мере одно из множеств незамкнуто (такое множество назовем **T-незамкнутым**).

Лемма 3. **T-незамкнутое** множество имеет модель.

Произвольному **T-незамкнутому** множеству Δ сопоставляем следующую модель $\langle \mathbf{D}^*, \varphi^* \rangle$: $\mathbf{D}^* = \{[u]: Y[u] \in \Delta\}$, $\varphi^*(S) = \{[u]: Y[u] \in \Delta \text{ и } S \text{ содержится в } [u]\}$. Пара $\langle \mathbf{D}^*, \varphi^* \rangle$ удовлетворяет всем условиям, предъявляемым к моделям логики суждений существования. В силу специфики процедуры построения **T-таблицы**, **T-незамкнутое** множество содержит хотя бы одну формулу вида $Y[u]$, поэтому \mathbf{D}^* является непустым. Функция φ^* задана так, что $\varphi^*(S) \subseteq \mathbf{D}^*$. Можно показать, что любая формула, входящая в Δ , значима в модели $\langle \mathbf{D}^*, \varphi^* \rangle$.

Лемма 4. Пусть $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$ является моделью множества формул Δ , входящего в некоторую конфигурацию аналитической таблицы. Если Δ получено по некоторому правилу вывода заменой множества Λ в составе предшествующей конфигурации, то $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$ является моделью множества Λ .

Доказательство ведется разбором случаев применения всех возможных правил вывода, в результате которых произошла замена Λ на Δ .

Лемма 5. Если **T-таблица**, построенная по списку \mathbf{T} всех положительных терминов, входящих в формулу A , содержит в своей последней конфигурации незамкнутое множество, то множество $\{\neg A\}$ имеет модель.

Пусть **T-таблица** начинается с конфигурации $\{\{\neg A\}\}$ и заканчивается конфигурацией, содержащей **T-незамкнутое** множество формул Δ . Согласно Лемме 3, Δ имеет модель, а именно пару $\langle \mathbf{D}^*, \varphi^* \rangle$. Находим ту конфигурацию, в которой множество Δ появилось в результате применения некоторого правила вывода, заменяющего множество Λ в предшествующей конфигурации. Применяем нужное число раз Лемму 4.

Теорема о полноте. Если формула A общезначима, то A доказуема.

Допустим, что формула A общезначима, но не доказуема. Тогда не существует замкнутой аналитической таблицы, начинающейся с конфигурации $\{\{\neg A\}\}$. В частности, незамкнута и **T-таблица** с первой такой конфигурацией. То есть, существует **T-незамкнутое** множество формул в последней конфигурации **T-таблицы**. Согласно Лемме 5, множество $\{\neg A\}$ имеет модель. В этой модели значима $\neg A$, а формула A значимой не является. Но тогда A необщезначима.

Теорема о разрешимости. Сформулированное аналитико-табличное исчисление, адекватное логике суждений существования, разрешимо.

Процедура построения **T-таблицы** конечна. В последней ее конфигурации либо все множества формул замкнуты, либо по крайней мере одно из множеств незамкнуто. В первом случае формула A доказуема, по определению. Во втором случае, в силу Леммы 5, множество $\{\neg A\}$ имеет модель. Тогда формула A не является общезначимой, а значит, в силу Теоремы о корректности, A недоказуема.

1. Маркин В. И. Логика суждений существования и силлогистика // Логические исследования. 2021. Т. 27, № 2. С. 31–47.

2. Маркин В. И. Логика суждений существования как средство представления знаний и автоматической проверки умозаключений // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2022. Т. 26, № 1. С. 422–426.

ОБ ОТРИЦАНИИ В ПАРАЛОГИКАХ

Томова Н.Е.

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: natalya-tomova@yandex.ru*

Аннотация. Понятие отрицания является ключевым в определениях паранепротиворечивых и парapolных логик, первые подходят для работы с противоречивыми контекстами, вторые дают возможность корректно обрабатывать неполные данные. Даны определения паранепротиворечивого и парapolного отрицаний. В литературе существует различные мнения относительно того, является ли паранепротиворечивое и парapolное отрицание отрицанием в полном смысле этого слова. Приведено обоснование Ж.-И. Безье, основанное на связи между аристотелевскими понятиями противопоставления и отрицанием, которое позволяет рассматривать паранепротиворечивое и парapolное отрицание именно как отрицание. Также затронут вопрос модальной интерпретации отрицаний в паралогиках. В связи законом непротиворечия и законом исключенного третьего приведены примеры того, как отрицание взаимодействует с дизъюнкцией и с конъюнкцией в паралогиках.

Ключевые слова: паранепротиворечивая логика, парapolная логика, паралогика, отрицание, закон непротиворечия, закон исключенного третьего.

ON NEGATION IN PARALOGICS

Tomova N.E.

*CSc in Philosophy, Senior Research Fellow
Institute of Philosophy of RAS
E-mail: natalya-tomova@yandex.ru*

Abstract. The concept of negation is key in the definitions of paraconsistent and paracomplete logics, the former are suitable for working with contradictory contexts, the latter make it possible to deal correctly with incomplete data. The definitions of paraconsistent and paracomplete negations are given. There are different opinions as to whether paraconsistent negation and paracomplete negation are negations in the full sense of the word. The justification of J.-I. Beziau is given. It is based on the connection between the Aristotelian concepts of opposition and negation, which allows us to consider the paraconsistent and paracomplete negations precisely as negations. The issue of modal interpretation of negations in paralogics is also touched upon. In connection with the law of non-contradiction and the law of the excluded middle, the way in which negation interacts with disjunction and with conjunction in paralogics is very important. Relevant examples are provided.

Keywords: paraconsistent logic, paracomplete logic, paralogic, negation, law of non-contradiction, law of excluded middle.

В литературе существуют различные определения паранепротиворечивых и парapolных логик, первые подходят для работы с противоречивыми контекстами, вторые дают возможность корректно обрабатывать неполные данные. Ключевым в определении этих неклассических систем является понятие отрицания. Так, например, именно с точки зрения типа отрицания Ж.-И. Безье дает определение паранепротиворечивой логики [4, p. 99]:

Логика *паранепротиворечива*, е.т.е. она содержит паранепротиворечивое отрицание.

Тогда,

Логика *парapolна*, е.т.е. она содержит парapolное отрицание.

Понятия паранепротиворечивого и парapolного отрицания было впервые введено Ф. Миро Кесада [6, p. 222].

Отрицание \neg является *паранепротиворечивым*, е.т.е. существует утверждение ϕ , такое, что ϕ и $\neg\phi$ могут быть одновременно истинными.

Отрицание \neg является *параполным*, е.т.е. существует утверждение ϕ , такое, что ϕ и $\neg\phi$ могут быть одновременно ложными.

Также определения паранепротиворечивого и параполного отрицаний можно представить в следующих терминах, принимая во внимание то, что в паранепротиворечивых логиках отношение следования не является эксплозивным, а в параполных – импозивным.

В логике отрицание является *паранепротиворечивым*, е.т.е. существует теория T и формулы ϕ и ψ такие, что

$$T, \phi, \neg\phi \not\vdash \psi.$$

В логике отрицание является *параполным*, е.т.е. существует теория T и формулы ϕ и ψ такие, что

$$T, \phi \vdash \psi \text{ и } T, \neg\phi \vdash \psi, \text{ но } T \not\vdash \psi.$$

При этом отрицание может быть и паранепротиворечивым, и параполным одновременно, такое отрицание называется *неалетическим* отрицанием [6, р. 223].

Ж.-И. Безье вводит уточнение и называет *собственно паранепротиворечивым отрицанием* отрицание, которое является паранепротиворечивым и не является неалетическим; и называет *собственно параполным отрицанием* отрицание, которое является параполным и не является неалетическим.

В литературе существуют различные мнения относительно того, является ли отрицание в паралогиках собственно отрицанием или это просто некоторый оператор с определенными свойствами (см., например, [5]).

Так, например, некоторые исследователи на основании того, что в паранепротиворечивых логиках отвергается принцип «из противоречия следует все что угодно», а это, в свою очередь, приводит к тому, что такие привычные свойства для отрицания как контрапозиция и сведение к абсурду не имеют места, склоняются к тому, что паранепротиворечивое отрицание не может быть названо отрицанием в собственном смысле слова. Н. Кварталова указывает, что наличие в паранепротиворечивых системах хотя бы ослабленного варианта контрапозиции наряду с аксиомами

$$\begin{aligned} &\phi \rightarrow (\psi \rightarrow \phi), \\ &(\phi \rightarrow \psi) \rightarrow ((\phi \rightarrow (\psi \rightarrow \gamma)) \rightarrow (\phi \rightarrow \gamma)) \end{aligned}$$

позволяет доказать закон Дунса Скота $\phi \rightarrow (\neg\phi \rightarrow \psi)$. В то же время отсутствие контрапозиции приводит к тому, что в общем случае оказывается неприемлемым принцип замены для доказанных эквивалентностей [2, с. 41].

Наряду с этим, как отмечает Ж.-И. Безье, многие свойства классического отрицания совместимы с отказом от принципа эксплозивности следования (закон исключенного третьего, закон снятия двойного отрицания, законы Де Моргана) [8]. В том числе на основании этого он утверждает, что паранепротиворечивое отрицание является отрицанием.

Для обоснования того, что отрицание в паранепротиворечивых и параполных логиках является отрицанием, Ж.-И. Безье устанавливает связь между логическими операторами (определенными на основе аристотелевских понятий противопоставления) и типами отрицаний.

Согласно Аристотелю, два утверждения могут находиться в отношениях:

- противоречия (контрадикторность), е.т.е. они не могут быть одновременно истинны и одновременно ложны;
- противоположности (контрарность), е.т.е. они могут быть одновременно ложны, но не могут быть одновременно истинны;
- подпротивоположности (субконтрарность), если они могут быть одновременно истинны, но не могут быть одновременно ложны.

Далее Безье вводит определение соответствующих операторов. Логический оператор $\#$ есть

• оператор противоречия (оператор, формирующий противоречие), е.т.е. для любого утверждения p , p и $\#p$ не могут быть одновременно истинными и не могут быть одновременно ложными;

• оператор противоположности, е.т.е. существует утверждение p , такое, что p и $\#p$ могут быть одновременно ложными и для любого утверждения q , q и $\#q$ не могут быть одновременно истинными;

• оператор подпротивоположности, е.т.е. существует утверждение p , такое, что p и $\#p$ могут быть одновременно истинными и для любого утверждения q , q и $\#q$ не могут быть одновременно ложными.

Таким образом, классическое отрицание соответствует оператору противоречия, собственно парapolное отрицание – оператору противоположности и собственно паранепротиворечивое отрицание – оператору подпротивоположности [6] (см. также [3, с.116-117]).

Аристотель в своей книге «Об истолковании» определяет разные смыслы отрицания, как пишет А.С. Ахманов [1, с. 146]. Когда отрицание точно соответствует утверждению, устанавливается подлинное противоречие, здесь речь идет о классическом отрицании и в этом случае и закон исключенного третьего, и закон непротиворечия имеют место и «восполняют» друг друга. «Но если отрицание соответствует утверждению не точно, то или оба закона теряют свое значение, или действует лишь один закон противоречия» [там же]. В этом смысле неточное соответствие отрицания утверждению приводит к понятиям паранепротиворечивого и парapolного отрицания.

Ж.-И. Безье указывает на особое значение модальной интерпретации паранепротиворечивого и парapolного отрицания и устанавливает связь между отрицаниями и модальностями: невозможность – парapolное отрицание; ненеобходимость – паранепротиворечивое, – и указывает на возможность изучения и уточнения свойств паранепротиворечивого и парapolного отрицания в рамках модальной логики [7], [3, с.117-119].

Непосредственно тип отрицания в паралогиках обуславливает то, что в паранепротиворечивых системах не имеет место закон непротиворечия и в парapolных – закон исключенного третьего.

При этом важно учитывать, как отмечает К. Карет, что в паранепротиворечивых и парapolных логиках закон исключенного третьего и закон непротиворечия имеют отношение не к отрицанию «в вакууме», а к тому, как отрицание взаимодействует с дизъюнкцией в одном случае и с конъюнкцией в другом.

Он отмечает [9, р. 285], что во многих парapolных (и не паранепротиворечивых) логиках отказ от закона исключенного третьего приводит к тривиализации теории, т.е. становится возможной ситуация, когда из посылок вида $\neg(\varphi \vee \neg\varphi)$ может быть выведено любое следствие, что, в свою очередь, обусловлено наличием закона Де Моргана. Так, например, в предложенной Каретом трехзначной парapolной (и не паранепротиворечивой) логике **МН**, соединяющей в себе свойства известной трехзначной логики Клини **К₃**, и парapolной (слабо интуиционистской логики) **I¹**, тривиализации не происходит, поскольку закон Де Моргана не имеет места.

В то же время необходимо отметить, что есть паранепротиворечивые логики, в которых принцип непротиворечия $\neg(\varphi \wedge \neg\varphi)$ имеет место, но «из противоречия не следует все что угодно». И это возможно, когда, например, в трехзначной логике отрицание представляет собой инволюцию ($\sim x = 1 - x$), конъюнкция определяется как \min , и третье истинностное значение берется в качестве выделенного (как пример, логика Приста **LP**). И оказывается существенным то, как определена конъюнкция. Так, в предложенной Каретом трехзначной паранепротиворечивой (и не парapolной) логике **НН**, соединяющей в себе свойства известной трехзначной логики Приста **LP**, и паранепротиворечивой **P¹**, где отрицание так же есть инволюция, но принцип непротиворечия не имеет места, т.к. $\nu(\neg(\varphi \wedge \neg\varphi)) \notin D$, е.т.е. $\nu(\varphi) = \frac{1}{2}$.

Список литературы

1. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2011.
2. Кварталова Н.Л. Паранепротиворечивость и релевантность: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.07. М., 2004. 86 с.
3. Томова Н.Е. К вопросу о критерии парapolности логик // Логические исследования / Logical Investigations. 2023. Т. 29. № 2. С. 104-124.
4. Beziau J.-Y. What is paraconsistent logic? // Frontiers of Paraconsistent Logic. Batens D. et al. (eds.). Research Studies Press, Baldock, 2000. P. 95-111.
5. Beziau J.-Y. Are paraconsistent negations negations? // Paraconsistency: The Logical Way to the Inconsistent. W.A. Carnielli et al. (eds.). New York, 2002.

6. *Beziau J.-Y.* New light on the square of oppositions and its nameless corner // *Логические исследования*. 2003. Т. 10. С. 218-232.
7. *Beziau J.-Y.* Paraconsistent logic from a modal viewpoint // *Journal of Applied Logic*. 2005. Vol. 3. P. 7-14.
8. *Beziau J.-Y.* Two Genuine 3-Valued Paraconsistent Logics // *Towards Paraconsistent Engineering. Intelligent Systems Reference Library*. Vol. 110. Ed. Akama S. Springer Cham, 2016. P. 35-47.
9. *Caret C.* Hybridized Paracomplete and Paraconsistent Logics // *The Australasian Journal of Logic*. 2017. Vol. 14. № 1. P. 281-325.

ИСЧЕРПЫВАЮЩИЕ КОНТРАРНОСТЬ И СУБКОНТРАРНОСТЬ. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ АНАЛОГА ШЕСТИУГОЛЬНИКА БЛАНШЕ ДЛЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ОБ ОТНОШЕНИЯХ

Черкашина О.В.

Кандидат юридических наук, магистр философии, аффилированный исследователь Московский центр исследования сознания при Философском факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МЦИС при Философском факультете МГУ)

E-mail: Ch.O.Logic(at)zohomail.com

Аннотация. В статье рассматривается способ построения логического шестиугольника Бланше – расширения классического логического квадрата. Отмечается, что в таком шестиугольнике присутствует необычная разновидность аристотелевых отношений между высказываниями – отношения, которые мы предлагаем называть исчерпывающей контрарностью и исчерпывающей субконтрарностью. Первая – k -местное (где k – натуральное число, $k > 2$) отношение между высказываниями, при котором в точности одно из этих k высказываний истинно. Вторая – k -местное отношение между высказываниями, при котором в точности одно из этих высказываний ложно. При $k = 2$ такие отношения совпадают с отношением контррадикторности. Предлагается применить принципы построения шестиугольника Бланше для построения аналогичной схемы, но для высказываний не о свойствах, для которых изначально построен этот шестиугольник, а об отношениях – подобно поставленной Ю.В. Ивлевым и решенной автором настоящей статьи проблеме построения аналога логического квадрата, но для высказываний об n -местных отношениях (где n – произвольное натуральное число, $n \geq 2$). Намечен способ построения такого аналога шестиугольника Бланше.

Ключевые слова: шестиугольник Бланше; Ю.В. Ивлев; квазишестиугольник Ю.В. Ивлева; логический многоугольник; суждения об отношениях; высказывания об отношениях; исчерпывающая контрарность; исчерпывающая субконтрарность; логическая геометрия.

EXHAUSTIVE CONTRARIETY AND SUBCONTRARIETY. SOME QUESTIONS OF CONSTRUCTING AN ANALOGUE OF BLANCHÉ HEXAGON FOR PROPOSITIONS ABOUT RELATIONS

Cherkashina O.V.

*CSc in Law, Master of Philosophy, Affiliated Researcher
Moscow Center for Consciousness Studies, Philosophy Faculty,
Moscow State University*

E-mail: Ch.O.Logic(at)zohomail.com

Abstract. In this paper we consider the way how Blanché hexagon for propositions about properties is constructed. Such hexagon is an extension of the classical logical square. It is noted that in the hexagon appears an unusual kind of Aristotelian relations – a kind that we suggest calling “exhaustive contrariety” and “exhaustive subcontrariety”. The former is a k -place (k is

a natural number, $k > 2$) relation among k propositions of which exactly one is true. The latter is a k -place relation among propositions of which exactly one is false. For $k = 2$ both these relations would coincide with the relation of contradiction. We suggest using the principles of construction of Blanché hexagon for creating an analogous scheme for propositions not about properties – for which it was initially constructed – but for relations, similarly to the problem, formulated by Yu.V. Ivlev and solved by the author of this paper, of constructing an analogue of the logical square, but for propositions about n -place relations (n is an arbitrary chosen natural number, $n \geq 2$). A way of constructing such an analogue of Blanché hexagon is suggested.

Keywords: Blanché hexagon; Sesmat hexagon; Yu.V. Ivlev; Yu.V. Ivlev quasihexagon; logical polygon; propositions about relations; exhaustive contrariety; exhaustive subcontrariety; logical geometry.

Логический шестиугольник Бланше – это используемое в логике графическое выражение отношений между высказываниями о свойствах. Он представляет собой модификацию общеизвестного логического квадрата, дополненного двумя вершинами: U ($U = A \vee E$) и Y ($Y = I \& O$). Напомню, что линии логического квадрата выражают логические отношения (соотношения истинности и ложности) между сопоставимыми высказываниями видов, выражаемых при помощи вершин квадрата: A – «Все S есть P », E – «Все S не есть P », I – «Некоторые S есть P », O – «Некоторые S не есть P ».

Этот логический шестиугольник принято называть в честь Robert Blanché или Augustin Sesmat, независимо друг от друга сформулировавших соответствующие идеи в середине XX века ([1, 2], [3, с. 176]), хотя идею вершины, выражающей конъюнкцию I и O («некоторые S есть P и некоторые S не есть P », в шестиугольнике Бланше обозначается « Y ») в явном виде сформулировал Н.А. Васильев ещё в 1910 году [4]. Он обозначил эту вершину буквой M , построив треугольник противоположностей ($A - E - M - A$) [4, с. 37]. Шестиугольник получается из этой фигуры при условии сохранения вершин I и O классического логического квадрата, сохраняются и присущие квадрату отношения. Вершина « U » получается из вершины M ($= Y$) при помощи отрицания. Но Н.А. Васильев рассматривал треугольник противоположностей и логический квадрат для разных целей и не смешивал их [4, с. 52]. Его треугольник естественно признавать предшественником логического шестиугольника, и использование предложенной им вершины принципиально важно для получения шестиугольника, но всё же, Н.А. Васильева было бы неправильно, наверное, называть создателем этой схемы.

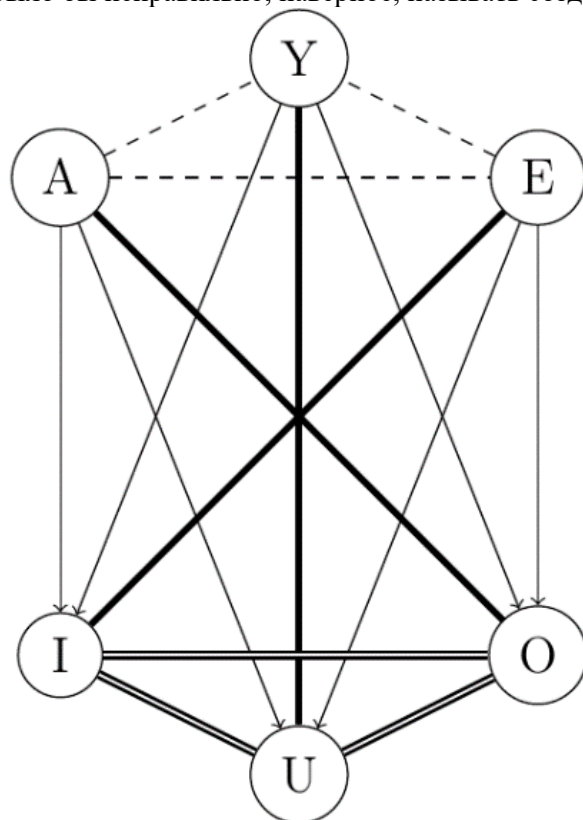

Рис. 1. Шестиугольник Бланше. Стрелками обозначены отношения подчинения, жирными линиями – контрадикторности, прерывистыми – контрарности, двойными – субконтрарности.

Принципиально важным отличием шестиугольника Бланше от классического логического квадрата является выражение в первом исчерпывающего набора контрарных высказываний. Как известно, высказывания, представленные вершинами А и Е, находятся в отношении контрарности (не могут быть одновременно истинными, зато могут быть одновременно ложными), но квадрат не имеет отдельной вершины, чтобы выразить, какое положение дел имеет место, если оба эти высказывания ложны. При этом оба они находятся в том же отношении контрарности с высказыванием, обозначаемым вершиной У шестиугольника Бланше, и в точности одно из этих трёх высказываний (А, Е, или У) является истинным. Уже Н.А. Васильев отмечал, что отношение между этими высказываниями есть отношение «полной и исключающей дизъюнкции... Каждая возможность исключает две остальные... Четвёртой возможности не может быть» [4, с. 38].

Мы полагаем, что при изучении так называемых аристотелевых отношений между высказываниями (отношений, представленных в логическом квадрате: подчинение, контрарность, субконтрарность, контрадикторность) и подобных им, следует выделить отдельный подвид отношений: *k*-местная *исчерпывающая контрарность* (где *k* – натуральное число, $k > 2$). Для каждой пары высказываний в этом отношении она проявляется просто как контрарность, то есть несовместимость по истинности и совместимость по ложности, однако все высказывания, объединённые этим отношением, вместе оказываются также несовместимы по ложности: в точности одно из них истинно. В шестиугольнике Бланше это отношение – трёхместное (А, Е и У), однако возможны системы, где в исчерпывающей контрарности могут состоять высказывания в другом количестве. Так, построенный В.И. Маркиным язык традиционной позитивной силлогистики [5] предусматривает наличие пяти основных силлогистических констант, выражающих, каждая, одно из пяти возможных соотношений двух множеств. Из пяти утверждений о том, что некоторое соотношение множеств описывается данной константой (все утверждения содержат попарно различные константы, в остальном утверждения одинаковы: «Между множествами S и P имеет место отношение, обозначаемое константой *x*»), в точности одно истинно. Такие утверждения попарно несовместимы по истинности, и, рассматриваемые в совокупности, несовместимы по ложности. Это 5-местное отношение исчерпывающей контрарности. Можно было бы сказать, что не всякая *k*-местная контрарность ($k > 2$) является исчерпывающей, ведь можно подобрать наборы высказываний, попарно несовместимых по истинности, однако не исчерпывающих все возможности – например, только 4 из 5 базовых констант – и такие высказывания не будут в совокупности несовместимыми по ложности. Но в таком случае нет и необходимости рассматривать их в совокупности – достаточно указать, что они попарно контрарны. Это показывает, что исчерпывающая контрарность может рассматриваться как специфическая разновидность аристотелевых отношений – или как имеющий самостоятельное значение способ рассмотрения наборов контрарных высказываний. Отметим также, что исчерпывающая контрарность совпадает с контрадикторностью (отношением несовместимости по истинности и несовместимости по ложности между двумя высказываниями) в случае, когда отношение двухместное.

Аналогичным образом можно рассматривать примеры субконтрарности (отношения, при котором два высказывания совместимы между собой по истинности, но несовместимы по ложности), когда имеется набор высказываний, более двух, из которых в точности одно является ложным – *исчерпывающей субконтрарности*. Когда такое отношение двухместное, оно тоже совпадает с контрадикторностью. Пример исчерпывающей субконтрарности можно видеть, в частности, в шестиугольнике Бланше (I, O, и U).

Шестиугольник Бланше рассматривает все возможные варианты конъюнкции и дизъюнкции для высказываний видов А, Е, I и O, кроме тех, которые тождественны уже имеющимся и тех, которые при любых истинностных значениях любых других высказываний сами всегда имеют одно и то же истинностное значение. Так, из этой схемы исключены случаи конъюнкции попарно несовместимых по истинности высказываний (такая конъюнкция всегда принимает значение «ложь») и дизъюнкции попарно несовместимых по ложности высказываний (такие дизъюнкции всегда истинны). Кроме того, из неё исключены сочетания высказываний, находящихся между собой в отношении подчинения (то есть, отношения, при котором из истинности одного высказывания, называемого подчиняющим, следует истинность другого, называемого подчинённым, однако из истинности подчинённого не следует истинность подчиняющего). Такое исключение связано с тем, что конъюнкция этих высказываний тождественна подчиняющему, а дизъюнкция – подчинённому высказыванию.

Возможно дополнение диаграммы этими вершинами. Добавление всегда ложных и всегда истинных сочетаний может служить альтернативным способом для выражения отношений

контрарности, субконтрарности и контрадикторности. В самом деле, если для пары высказываний их конъюнкция всегда ложна, а дизъюнкция всегда истинна, то эти высказывания находятся в отношении контрадикторности. Если имеет место только первое или только второе, то отношения между высказываниями – контрарность или субконтрарность соответственно. Если ни то, ни другое не имеет места, то высказывания совместимы и по истинности, и по ложности.

Добавление вершин, тождественных имеющимся, позволяет наглядно ответить на естественный вопрос: почему шестиугольник Бланше вообще использует конъюнкцию и дизъюнкцию, если в исходном логическом квадрате её не было? Она была там в скрытом виде. Во-первых – и об этом нам может напомнить присутствие тождественных вершин, – частные утверждения имеют значение «или только некоторые, или все». Во-вторых, характеристики «общее» и «частное» по отношению к высказываниям означают, что характеристикой, выраженной предикатом, обладают, в первом случае, и s_1 , и s_2 , ..., и s_m из m представителей множества S всех субъектов, о которых говорится в высказывании, а во втором случае этой характеристикой обладает или s_1 , или s_2 , ..., или s_m (дизъюнкция нестрогая). В связи с названными двумя соображениями уже не вызывает особенного удивления обращение к конъюнкции и дизъюнкции при формировании дополнительных вершин.

Ещё один интересный аспект шестиугольника Бланше состоит в том, что его идею рассматривать все возможные конъюнкции и дизъюнкции можно применить и для других, более сложных чем лежащий в его основе логический квадрат, систем. Это может оказаться полезным для выявления пар независимых высказываний – совместимых и по истинности, и по ложности, но не находящихся и в отношении подчинения. В самом шестиугольнике Бланше таких пар нет. Но они есть в других системах.

Представляется интересным построить аналог шестиугольника Бланше для высказываний об n -местных отношениях – высказываний вида «Все/некоторые субъекты из множества S_1 , все/некоторые субъекты из множества S_2 , ... все/некоторые субъекты из множества S_n [не] находятся в отношении R^n » (в отличие от высказываний о свойствах – вида «Все/некоторые субъекты из множества S [не] есть P », как сам шестиугольник Бланше или логический квадрат). Различие состоит в количестве множеств субъектов и местности предиката – а также в связанных с этими особенностями свойствах полученной системы.

Для того, чтобы построить аналог шестиугольника Бланше для таких высказываний, нужен сначала аналог логического квадрата для них.

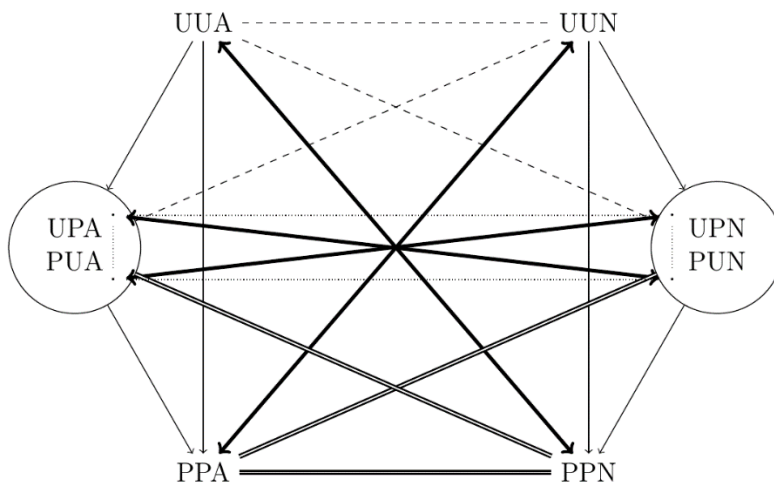

Рис. 2. Квазишестиугольник Ю.В. Ивлева. Простыми стрелками обозначены отношения подчинения, жирными стрелками с двумя наконечниками – контрадикторности, прерывистыми линиями – контрарности, двойными линиями – субконтрарности, линиями из точек – отношения независимости. В обозначениях вершин «А» – утвердительные, «N» – отрицательные, «U» – общие, «P» – частные. Высказывания об отношениях имеют сложную характеристику. Например, «Каждый юрист знает некоторого логика» – обще-частное, утвердительное (UPA). В оригинале у Ю.В. Ивлева обозначения на русском.

Задача построить аналог логического квадрата для высказываний об n -местных отношениях для произвольных n была сформулирована Ю.В. Ивлевым и решена им для случая $n = 2$ в виде графического представления под названием «логический квазишестиугольник» ([6, с. 43-44],

возможно, раньше – в [7]). Это графическое представление очень удобно для $n = 2$, однако при больших n встречает трудности, связанные с возрастающей для большей местности сложностью системы. Поэтому задача долгое время оставалась нерешённой, но позже была решена нами (для любого $n \geq 2$) в виде диаграммы, называемой «логический многоугольник для высказываний об отношениях» ([8, 9, 10]). Сейчас эта тематика переживает интерес со стороны западных исследователей в связи с применимостью этих результатов для построения компьютерных баз данных, в частности – базы медицинских знаний.

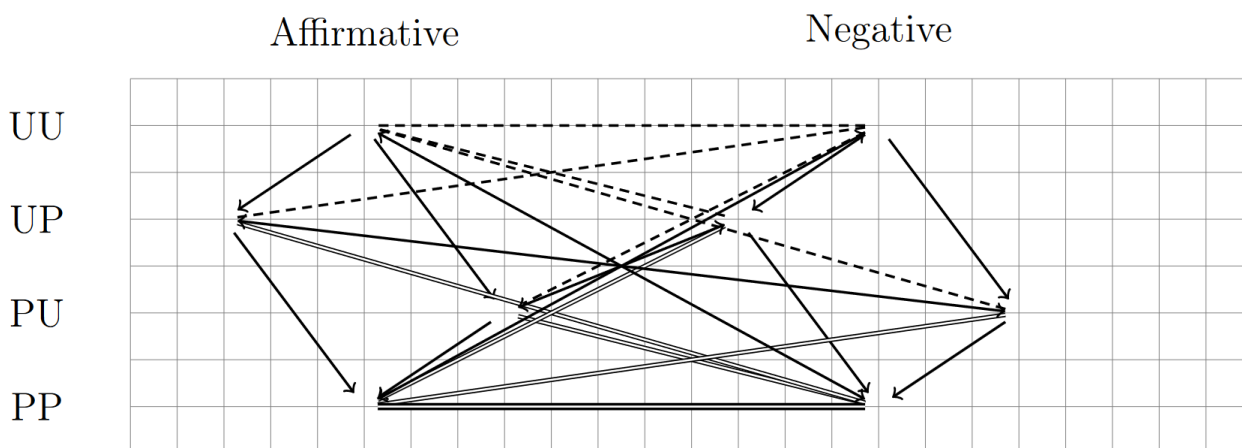

Рис. 3. Логический многоугольник для высказываний о двухместных отношениях. Обозначения те же, что на Рис. 2. Названия вершин, находящиеся на пересечении вертикальных и горизонтальных линий сетки, определяется сочетанием обозначений по вертикали и по горизонтали.

Построение искомого аналога шестиугольника Бланше требует, в первую очередь, выявления всех возможных сочетаний вершин, используемых в аналоге логического квадрата. Затем среди этих сочетаний отмечаются те, которые всегда имеют одно и то же истинностное значение. Их можно исключить из схемы. Затем строится схема, выражающая отношения подчинения и контрдикторности для этих высказываний. Потом при помощи этих отношений можно выразить отношения контрарности и субконтрарности – по правилам, предложенным нами ранее [11, 12]. Далее можно приступить к выявлению отношений исчерпывающих контрарности и субконтрарности.

Список литературы

1. *Blanché R.* Structures Intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts. Librairie Philosophique. J. Vrin, Paris, 1969.
2. *Sesmat A.* Logique II. Les Raisonnements. La syllogistique. Hermann, Paris, 1951.
3. Smessaert The Classical Aristotelian Hexagon Versus Modern Duality Hexagon // *Logica Universalis*. 2012. № 6. P. 171-199.
4. *Васильев Н.А.* О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого // *Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды.* М.: Наука. 1989. С. 12-53.
5. *Маркин В.И.* Силлогистика как логика всех отношений между двумя непустыми множествами // *Логические исследования*. 2020. Т. 26, № 2. С. 39-57.
6. *Ивлев Ю. В.* Курс лекций по логике. Изд-во Моск. ун-та. Москва, 1988. 160 с.
7. *Ивлев Ю. В.* Логика. РИО Академии МВД. Москва, 1976. 144 с.
8. *Черкашина О. В.* Логический многоугольник для суждений об отношениях // *Логико-философские штудии*. 2018. Том 16, № 1–2. С. 194–195.
9. *Cherkashina O.* Figure of Opposition for Propositions about Relations // *Handbook of Abstracts, 6th World Congress on the Square of Opposition*. Eds. J.-Y. Beziau, A. Buchsbaum, I. Vandoulakis. 2018. P. 68–69.
10. *Cherkashina O.* Logical Polygon for Relations among Propositions about Relations: Symmetry // *Symmetry: Art and Science*, 2019. 1–4. P. 86–89.
11. *Черкашина О. В.* Логический многоугольник для высказываний об отношениях: два правила для контрарности и субконтрарности // *Двенадцатые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч.*

конф. (Москва, 24–26 июня 2021 г.) М., Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. С. 148–150.

12. Черкашина О. В. Логический многоугольник для реляционных высказываний: правила построения и применения // Логические исследования / Logical investigations. 2024. Т. 30. № 1. С. 42 – 61.

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Шалак В.И.

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: shalack@mal.ru*

Аннотация. В настоящее время получает распространение алгоритмическая точка зрения на устройство физического мира. Для обоснования ее допустимости, требуется обобщить стандартное понятие символьных алгоритмов, чтобы они позволяли не только символьные, но и физические преобразования. Возможность этого можно продемонстрировать на примере блок-схем алгоритмов, когда в число допустимых действий включаются протекающие во времени физические процессы. Дальнейшая детализация блок-схем алгоритмов приводит к некоторому пределу, связанному с планковским временем. Роль активного агента, выполняющего алгоритм, по аналогии с часами компьютера и их тактовой частотой, начинает играть дискретное время с планковской частотой. Алгоритмический подход к описанию природы является вполне реальной альтернативой для представления физических закономерностей и заслуживает дальнейших исследований.

Ключевые слова: алгоритм, блок-схема, обобщение алгоритма, вычислительная вселенная, алгоритмическая вселенная

ALGORITHMIC UNIVERSE

Shalack V.I.

*DSc in Philosophy, Leading Researcher
RAS Institute of Philosophy
E-mail: shalack@mal.ru*

Abstract. Currently, an algorithmic point of view on the structure of the physical world is becoming widespread. To justify its validity, it is necessary to generalize the standard concept of symbolic algorithms so that they allow not only symbolic, but also physical transformations. The possibility of this can be demonstrated by the example of flowcharts of algorithms, when the number of permissible actions includes physical processes occurring over time. Further detailing of the flowcharts of the algorithms leads to a certain limit associated with Planck time. The role of the active agent executing the algorithm, by analogy with a computer clock and its clock frequency, begins to play a discrete time with a Planck frequency. An algorithmic approach to describing nature is a very real alternative to representing physical patterns and deserves further research.

Keywords: algorithm, flowchart, algorithm generalization, computational universe, algorithmic universe

Введение

Идея алгоритмического устройства Вселенной не нова. О ней писали и ее развивали в работах [1 – 5] и др. На первый взгляд, она может показаться чересчур экзотической, но внимательное изучение выдвигаемых аргументов приводит к тому, что традиционный взгляд на устройство окружающего мира уже не кажется безальтернативным. Вся проблема заключается в понятии алгоритма. Если возводить его к работам Аль-Хорезми и А. Тьюринга, то и дискутировать не о чем, поскольку в их понимании алгоритмы имеют дело исключительно с символьными преобразованиями, а физическая природа оказывается ни при чем. В этой ситуации самое большое, на что можно рассчитывать, – это

ставшая популярной точка зрения, что мы живем в некоторой «матрице», в некоторой симуляции с помощью находящегося где-то вне нашего мира компьютера.

Но ограничивается ли предметная область алгоритмических преобразований одними лишь символами? Очевидно, что нет. Правила приготовления яичницы по утрам или измерения температуры с помощью градусника – простейшие примеры алгоритмов, которые несводимы к символическим преобразованиям, их невозможно от начальных условий до результата представить в виде выполнения некоторой программы на компьютере, поскольку они включают обращение к внешним физическим процессам.

Во многих работах, посвященных вычислительной природе окружающего мира, его представляют с помощью клеточных автоматов. Это вполне естественно, поскольку позволяет работать напрямую с мультиагентными алгоритмами. В настоящей работе будет предложен другой, не столь общий подход, который больше сконцентрирован на самом понятии алгоритма и его применимости в качестве языка описания природных закономерностей.

Понятие алгоритма

В качестве общего и не привязанного к конкретной предметной области определения понятия алгоритма можно принять, что это «*общепонятное и однозначное предписание, какие и в каком порядке производить действия, чтобы получить искомый результат*» [6, с. 84]. Очевидно, что ему будет соответствовать и алгоритм умножения чисел, и алгоритм Евклида для построения равностороннего треугольника, и всем известный алгоритм измерения температуры с помощью ртутного градусника. Каждый из них можно описать, как набор правил, которые в определенной очередности должен выполнить некоторый активный агент для получения желаемого результата. Выполнение правил – это выполнение предписанных ими действий в зависимости от результата предыдущих действий и текущего состояния.

Блок-схемы алгоритмов

При обучении программированию в качестве наглядного графического представления алгоритмов используют блок-схемы, которые составляют из двух видов элементов – квадратиков и ромбиков, соединенных стрелками. Внутри квадратиков записывают обозначения для конкретных действий. Ромбики предназначены для представления логических условий, определяющих альтернативы при выборе следующих действий, а стрелки обозначают последовательные переходы между квадратами и ромбиками. Такое представление алгоритмов является универсальным, существуют даже специальные универсальные языки программирования на основе блок-схем.

Если обратиться к логике, например, к силлогистике, то правильные модусы силлогизмов представляют не с помощью конкретных силлогизмов, а с помощью схем формул с использованием переменных на местах терминов в суждениях. Конкретные силлогизмы получают с помощью подстановки конкретных общих или единичных имен вместо переменных. Нечто подобное можно проделать и с блок-схемами алгоритмов, стерев конкретное содержание квадратиков и ромбиков. В результате мы получим не конкретный алгоритм, а схему алгоритма, из которой конкретные алгоритмы будут получаться посредством подстановок на пустые места в квадратах и ромбиках. Поскольку любое действие – это переход из одного состояния в другое, мы можем не ограничиваться одними лишь символическими преобразованиями, а подставлять в квадратики в том числе и обозначения любых физических процессов, которые изменяют состояние окружающей среды. В этом случае стрелки могут иметь дополнительную интерпретацию временных или причинных связей между физическими явлениями.

Например, нас интересует возведение числа 5 в квадрат в условиях, когда мы располагаем лишь действиями прибавления единицы и умножения двух чисел. В этом случае мы можем начать с того, что установим в переменную x число 0, т.е. выполняем действие $x:=0$, затем прибавляем к x единицу, т.е. выполняем действие $x:=x+1$, после чего проверяем, достигли ли мы числа 5, т.е. $x=5$? Если не достигли, то переходим к предыдущему действию $x:=x+1$, а если достигли, то переходим к умножению 5 на 5, т.е. $x:=5 \times 5$, после чего алгоритм завершает свою работу. Теперь наполним эту же схему алгоритма, но физическим содержанием. Вместо начального состояния $x:=0$ возьмем чистую двускатную крышу дома. Вместо прибавления единицы $x:=x+1$ возьмем падение снежинок, а вместо проверочного условия $x=5$ возьмем проверочное условия для физического состояния, когда снег больше не может удержаться на крыше и должен сорваться с нее нам на голову. В грубой форме мы получили, что одна и та же схема алгоритма может описывать как математические преобразования, так и физические изменения, которые мы наблюдаем каждую зиму. Если последовательное прибавление единицы аналогично накоплению изменений, то выполнение проверочного условия аналогично запуску причинных изменений падения слежавшегося снега с крыши. Таким образом, посредством

простого алгоритма мы показали возможность алгоритмического моделирования причинных связей. Заметим, что этим же объясняется реалистичность моделирования физического мира в различных видеоиграх.

Активный агент

Алгоритм описывается в виде «*общепонятного и однозначного предписания, какие и в каком порядке производить действия, чтобы получить искомый результат*». Но кто или что берет на себя роль активного агента, выполняющего такие предписания в применении к физическому миру? Для получения ответа на этот вопрос, опять обратимся к компьютерам как устройствам для выполнения обычных алгоритмов. Что происходит, когда мы включаем компьютер, и он начинает работать? Кто или что выступает в роли агента, выполняющего инструкции программ, закодированных в его внутренней памяти?

Первый приходящий в голову ответ – это центральный процессор. Но процессор – это всего лишь реализованная в полупроводниках некоторая сложная логическая схема. Сама по себе она не способна на активное выполнение каких-то вычислений. Активным агентом являются часы, при каждом такте которых процессор производит некоторое элементарное преобразования значений на входе в значения на выходе. Если опуститься на самый низкий уровень работы процессора, то каждому такту часов в блок-схеме алгоритма соответствует переход между квадратиками или ромбиками, содержащими элементарные машинные команды.

В примерах с выполнением физических алгоритмов, как и при выполнении обычных компьютерных программ, мы можем последовательно опускаться до все более простых действий, пока не достигнем элементарного уровня, определяемого минимальным отрезком времени, необходимого для того, чтобы в окружающем нас мире могло быть зафиксировано какое-то изменение. Этот отрезок времени называется планковским временем, т.е. временем, за которое свет в вакууме проходит планковскую длину, и равным $5,391 \times 10^{-44}$ с. Таким образом, если проводить аналогию с работой компьютера, активным агентом алгоритмической Вселенной выступает не какой-то работающий потусторонний компьютер или всемогущий Бог, а дискретное Время, тикающее с планковской частотой.

Такой вывод может показаться малообоснованной философской спекуляцией, но не стоит торопиться. Известный астрофизик Н.А. Козырев [7], именем которого за его научные заслуги назван кратер на Луне и один из астероидов, на основе анализа общедоступных данных наблюдений пришел к выводу, что «*время помимо пассивного, геометрического свойства, измеряемого часами, обладает еще и активными, физическими свойствами, благодаря которым время может взаимодействовать с материальными системами и препятствовать переходу их в равновесное состояние. Таким образом, время оказывается явлением Природы, а не просто четвертым измерением, дополняющим трехмерное пространство. Всякое не геометрическое свойство времени обязательно будет активным... Одним из таких свойств может быть направленный ход времени, т. е. различие будущего от прошедшего... Звезды не охлаждаются до равновесия с окружающим пространством, потому что этому препятствует текущее время. Значит, огромные массы вещества звезд перерабатывают время и превращают его в излучение. Наблюдая звезды в небе, мы видим не проявление разрушительных сил Природы, а проявление творческих сил, приходящих в Мир через время... Теперь мы знаем, что такая возможность раскроется перед нами, если мы овладеем активными свойствами времени. Для этого надо начать с научных исследований, которые позволят изучить эти свойства*» [8]. Таким образом, гипотеза алгоритмической Вселенной не противоречит выводам Козырева, а в определенном смысле подтверждает ее.

Заключение

Мы не утверждаем, что Вселенная «на самом деле» имеет алгоритмическую природу. Не дело логиков делать такие утверждения. Мы утверждаем лишь то, что язык для описания обобщенной модели алгоритмов может оказаться более адекватным для теоретического представления многих природных закономерностей, в том числе и закономерностей живой природы [9, 10].

Список литературы

1. *Fredkin E. An Introduction to Digital Philosophy // International Journal of Theoretical Physics. 2003. Vol. 42. P. 189–247.*
2. *Ostroy A. God Is the Machine. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wired.com/2002/12/holytech/> (дата обращения 01.06.2024).*

3. Schmidhuber J. A Computer Scientist's View of Life, the Universe, and Everything // Foundations of Computer Science. Lecture Notes in Computer Science. 1997. Vol. 1337. P. 201-208.
4. Zuse K. Calculating Space – Translation of: Rechnender Raum. [Электронный ресурс]. URL: <ftp://ftp.idsia.ch/pub/juergen/zuserechnenderraum.pdf>. (дата обращения 01.06.2024).
5. Wolfram S. A New Kind of Science. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wolframscience.com/nks/> (режим доступа 01.06.2024).
6. Смирнов В.А. Алгоритмы и логические схемы алгоритмов // Проблемы логики. М., 1963. С. 84–101.
7. Козырев Н.А. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: (<http://nkozyrev.ru/>) (дата обращения 13.01.2024).
8. Козырев Н. А. Человек и Природа // Козырев Н.А. Избранные труды. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. С. 401-409. [Электронный ресурс]. URL: (http://chronos.msu.ru/old/RREPORTS/kozyrev_chelovek.htm) (дата обращения 13.01.2024).
9. Шалак В.И. Алгоритмическая модель социальных процессов // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberspace.pgu.ru/jour/article/view/220> (дата обращения).
10. Шалак В.И. Естественное обобщение тьюринговой модели вычислимости // Логические исследования. 2023. Т. 29. No 2. С. 9–35. DOI:10.21146/2074-1472-2023-29-2-9-35.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗНАКА

Шиян Т.А.

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Центр гуманитарных исследований (Москва, Россия)

E-mail: taras_a_shiyan@mail.ru

Аннотация. В сообщении делается попытка построения теоретической структуры знака. Для этого автор обращается к сосюрговскому различению языка и речи, которое дополняет различием индивидуального и общественного планов существования языка. Соответственно, применительно к произвольной знаковой деятельности получаем индивидуальный и общественный планы существования знаковой системы как парадигматической структуры и план ее применения для порождения производных знаковых конструкций (синтагматический план). Поскольку в основе и парадигматических, и синтагматических структур лежат отдельные знаки, то получаем три соответствующих онтологических модуса знака: знак в коммуникации, знак как структура единичного субъекта, знак как структурная единица культуры. Принимая в качестве исходной схемы абстрактного знака бинарную структуру (план выражения – план содержания), получаем в качестве теоретической схемы знака треугольную призму, в которой вершины соответствуют различным аспектам знака, три вертикальных ребра – трем модусам существования знака, верхняя грань – плану выражения (синтаксиса), нижняя грань – плану содержания (семантики). С этой схемой автор соотносит ряд известных из логической и семиотической литературы представлений о структуре и видах знака.

Ключевые слова: знак, абстрактный знак, онтологические модусы знака, схема знака, теоретическая структура знака, семантический треугольник, треугольник Фреге, Сосюр.

THE SEMANTIC TRIANGLE AND THE THEORETICAL STRUCTURE OF THE SIGN

Shiyan T. A.

CSc in Philosophy, senior researcher
Foundation for Humanities (Moscow, Russia)
E-mail: taras_a_shiyan@mail.ru

Abstract. The article attempts to build a theoretical structure of the sign. To do this, the author turns to the Saussure distinction between language and speech, which complements the distinction between the individual and social planes of language existence. Accordingly, in a semiotic activity we have the individual and the social plans of a sign system as a paradigmatic structure and the plan of its application and generate derivative sign constructions (syntagmatic plan). Since both paradigmatic and syntagmatic structures are based on separate signs, we get three corresponding ontological modi of the sign: a sign in communication, a sign as a structure of a single subject, a sign as a structural unit of culture. Taking a binary structure as the scheme of an abstract sign (the plan of expression – the plan of content), we have a triangular prism as the theoretical scheme of a sign. In the scheme the notes correspond to various aspects of the sign, three vertical edges correspond to the three ontological modi of the sign, the upper face is the plan of expression (syntax), the lower face is the plan of content (semantics). The author correlates with this scheme a number of ideas of the structure and of types of a sign, given from the logical and semiotic literature.

Keywords: sign, abstract sign, ontological modi of the sign, scheme of the sign, theoretical structure of the sign, semantic triangle, Frege's triangle, F. de Saussure.

Введение. Представление о трех аспектах языкового знака в европейской традиции присутствует, по крайней мере, с Аристотеля (предмет, имя и речь (logos) о сущности в главе I «Категорий» [1, с. 53]). В том или ином виде его принимали стоики и схоласты. В современную символическую логику эта тема вошла с момента ее зарождения в работах Г. Фреге. Фреге использовал эту семиотическую триаду (позже получившую условное название «семантического треугольника», или «треугольника Фреге») как аппарат (часть аппарата) концептуального логического анализа, дополняющего формализм логики предикатов. При этом, Фреге распространил триаду на более широкий класс знаков, включающий символы математические обозначения.

При этом, хотя представление о семантическом треугольнике играет в символической логике роль теории (части теории), само это представление не является теоретическим представлением о структуре знака, а лишь фиксирует те стороны знакового отношения, которые фактически интересуют логику при анализе тех или иных знаковых выражений. В настоящем сообщении автор задает теоретическую структуру знака и соотносит с ней различные варианты семантического треугольника.

Исходные различия и положения. Во-первых, не все знаки обозначают какие-либо объекты (материальные или вымышленные). Так, государственный флаг, поднятый над некоторой ограниченной территорией, может указывать на контроль над этой территорией, на ее использование, или даже просто на присутствие на ней. Но флаг не *обозначает* (в собственном смысле слова) соответствующее государство или что-либо еще. Знаки, которые потенциально могут обозначать какой-то объект (выступающий их денотатом или референтом) я буду далее называть нормальными. При этом, «нормальные» знаки могут быть *фактически пустыми*, как, например, термин «нынешний король Франции» в коммуникативных ситуациях XX или начала XXI в. Но, в отличие от флагов, гербов и т.п. знаков, термин «нынешний король Франции» подразумевает наличие референта. Для вывода теоретической схемы знака я ограничусь непустыми нормальными знаками и лишь в конце сообщения покажу универсальность (с некоторой корректировкой) полученной схемы.

Во-вторых, в качестве структуры абстрактного знака (т.е. безотносительно к способу его существования) я принимаю традиционное бинарное представление, в котором одна сторона представляет синтаксический аспект (план выражения) а вторая – семантический аспект (план содержания).

Базовые различия семиотической теории языка. Для дальнейших рассуждений я еще больше ограничу область рассматриваемых явлений, сузив ее до сферы языкового (естественно-

языкового) знака, что позволит в выводе опереться на некоторые идеи Ф. Соссюра [3]. И только потом восстанавливаю общность рассмотрения до области произвольных знаков.

Исходным различием семиотики Соссюра является различие внутри «языковой деятельности» (*language*) языка и речи. Речь – реализация соответствующей способности и получаемые в ходе ее материальные знаковые конструкции (в частности, тексты). Язык – это регулятивная (парадигматическая) система, обеспечивающую эту способность; он фиксирует потенциальные элементы речи, способы их возможного соединения и употребления. В общем случае мы имеем оппозицию «знаковой системы» и порождения ее средствами «знаковых конструкций» (вместе с самими конструкциями как результатом и материализацией этого процесса).

Принимая это различие Соссюра как применимое к любой знаковой деятельности, должен отметить, что в трактовке языка у Соссюра имеется некоторая путаница, требующая прояснения. Соссюр настаивал, что речь – явление всегда индивидуальное, а язык – общественное. При этом, сами знаки языка понимал как структуры психические, то есть индивидуальные. Не имея возможности обсуждать представления Соссюра сами по себе, отмечу, что я примыкаю к взглядам, что сам язык как парадигматическая система имеет двойственное существование и имеет как индивидуальную, так и общественную стороны. С одной стороны, язык может существовать только в отдельных субъектах, в качестве их индивидуальных структур. С другой же стороны, ни в одном субъекте язык как таковой не существует, выступая лишь проекцией, реализацией парадигматической системы, функционирующей (как средство коммуникации) только в некотором сообществе (в некоторой культуре). Именно в этом состоит общественная природа языка (и знаковой системы вообще).

Таким образом, языковая деятельность имеет не две, а три области проявления: речь (индивидуальна), индивидуальная проекция языка и язык как общественная система. Основной единицей структур каждой из этих областей является слово. Соответственно, каждое слово имеет как минимум три формы (модуса) существования: слово как единица в коммуникации (речи), слово как смысловая (психическая, когнитивная и т.п.) структура субъекта и слово как смысловая единица культурного кода (языка как общественной системы). Эти три области проявления имеются в любой знаковой деятельности и, соответственно, знак любой знаковой системы существует в этих трех модусах.

Семиотическая призма как онтологическая схема знака. Соединяя полученное представление о трех онтологических модусах знака (в коммуникации, в субъекте (индивиде), в культуре (обществе)) с оговоренным ранее представлением о бинарной структуре абстрактного знака (как ассоциированных друг с другом планов выражения и содержания), получаем схему минимальной реально существующей знаковой структуры. Эта схема имеет вид (прямой) треугольной призмы, в которой все вершины соответствуют различным аспектам знака, три вертикальных ребра – трем модусам существования абстрактного знака, верхняя треугольная грань – плану выражения (синтаксиса), нижняя треугольная грань – плану содержания (семантики).

В случае коммуникативного модуса знака план выражения (V_k) обозначается как «обозначающее», «знак», «(материальная) знаковая форма», план выражения (C_k) – «обозначаемое», «значение», «предметное значение», «денотат», «референт» и др. В случае индивидуального модуса знака, вслед за Соссюром планы выражения (V_n) и план содержания (C_n) можно назвать «означаемым» и «означающим», соответственно. V_n можно назвать также «индивидуальной смысловой знаковой формой», а C_n – «индивидуальным смыслом» или «индивидуальным смысловым значением». В случае общественного модуса знака план выражения (V_o) обычно не замечается, но его можно было бы назвать «общественной смысловой знаковой формой». План содержания (C_o) в этом случае называют «смыслом», «значением», «смысловым значением», «десигнатом» и др. Продолжая взятый выше терминологический подход, C_o можно назвать также «общественным смыслом» или «общественным (коллективным) смысловым значением».

В заключение соотнесу полученную структуру с рядом распространенных представлений о структуре знака. Из бинарных представлений о знаке стоит упомянуть два. Представлениям Соссюра, введшего саму бинарную схему знака, соответствует ребро ($V_n - C_n$) с психологической трактовкой вершин V_n и C_n . Автор данного сообщения трактует эти вершины и все ребра модели как смысловые структуры. В рамках ММК (Московского методологического кружка) также использовали бинарную схему знака, но она соответствует коммуникативному ребру ($V_k - C_k$) моей схемы. V_n (обозначающее) здесь – материальный объект или явление, используемое в качестве знака, а C_n (обозначаемое) – объект, являющийся предметным значением.

Представление знака в форме семантического треугольника может быть выделено в двух вариантах (что не замечается обычно), которые условно назову «треугольник Фреге» и «треугольник

Патанджали-Вьясы». Основу семантического треугольника в обоих случаях составляет ребро ($V_k - C_k$), дополняемое третьим аспектом – «смысловым значением», которое связывает вершины V_k и C_k между собой. То есть семантический треугольник имеет обобщенную структуру ($V_k - C^* - C_k$). Связующее V_k и C_k «смысловое значение» может иметь индивидуальную или общественную (коллективную, культурную) интерпретацию. В случае общественной интерпретации получаем «треугольник Фреге» ($V_k - C_o - C_k$), или («знак» – «смысл» – «значение»), в случае индивидуальной интерпретации получаем «треугольник Патанджали-Вьясы» ($V_k - C_n - C_k$). Поясню основания такой интерпретации. Фреге считал, что «смыслы» знаков – объективны и составляют особый, третий мир «объективных содержаний» [4, с. 25]. В моем понимании, у Фреге здесь имеет место гипостазирование надындивидуального, интерсубъективного, то есть общественного модуса существования знаков, т.е. «смысл» у Фреге – мифологизированное представление о « C_o ». С другой стороны, в классических комментариях Вьясы к 17-ой сутре третьей главы «Йога-сутр» Патанджали говорится о «единичном ментальном акте» [2, с. 159], что в наибольшей степени соотносится с C_n (смысл, смысловое значение, взятое как индивидуальная смысловая структура, смысловая структура единичного конкретного субъекта).

Для понимания, как работает знак в коммуникации, можно еще выделить аналогично треугольникам «объективный» и «субъективный» логические квадраты, дополнив соответствующий вариант семантического треугольника еще одной вершиной, соответствующей общественному, культурному или индивидуальному представлению о том, что может выступать в качестве «обозначающего», V_k . Таким образом, получаем семиотические квадраты ($V_k - V_o - C_o - C_k$) и ($V_k - V_n - C_n - C_k$). Обращение к схеме семиотического квадрата обусловлено необходимостью прояснения, каким образом некоторый материальный объект (явление) вдруг наделяется некоторым смысловым значением. Поскольку никакой материальный объект и никакое материальное явление не являются знаками сами по себе, а могут лишь использоваться в качестве знаков. Соответственно, V_k может быть связано, ассоциировано с C_o или C_n только через соответствующий общекультурный или индивидуальный образ того, что может выступать в качестве V_k . Иными словами, не C_o связывает V_k с C_k , как считал Фреге и повторяют некоторые логики, но пара ($V_o - C_o$). Или ($V_n - C_n$), соответственно.

В заключение восстановим исходную общность рассмотрения семиотических явлений. Понятие пустоты нормальных знаков связано с проблемой существования объекта, выделяемого в качестве C_k , и трактовкой его присутствия (отсутствия) в коммуникативном акте. В случае любых нормальных знаков C_k присутствует в акте коммуникации как точка отнесения, к которой отсылают «смысловые значения» C_n и C_o . Но трактовка существования (несуществования) объекта C_k (непустоты или пустоты знака) зависит в большинстве случаев от нашего представления о той предметной области, к которой знак отсылает в коммуникации. То есть вопрос о существовании или несуществовании объекта, соответствующего C_k , является внешним по отношению к самой теоретической схеме знака. В случае классической логической трактовки пустого знака, мы имеем не полную семиотическую структуру, в которой отсутствует узел C_k . В случае же знаков, не подразумевающих денотации, то в них узел C_k отсутствует в принципе, даже как точка соотнесения. При этом меняются сами смысловые значения C_n и C_o : они больше не подразумевают некоторого объекта C_k и лишь передают некоторую, связываемую с сигналом V_k информацию. Остальные аспекты знака остаются: чтобы некоторый материальный объект (явление) в некотором сообществе (культуре) функционировал как знак, необходимо, чтобы образ того, что может выступать «обозначающим» (V_k), уже существовал как в данной культуре (V_o), так и у ее носителей (V_n), а кроме того и в культуре, и у ее носителей должен быть сформирован соответствующий, связываемый с V_k смысл (информация), то есть C_o и C_n .

Список литературы

1. *Аристотель*. Категории // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
2. Классическая йога («Йога-Сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья»). М.: Наука, 1992.
3. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1998.
4. *Бирюков Б. В.* Введение. Готлоб Фреге: современный взгляд // Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 8–62.

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

**«ЗНАЧЕНИЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ» РУДОЛЬФА КАРНАПА
СЕМАНТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Агошкова Т.В.

*Преподаватель кафедры иностранных языков
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)
E-mail: agoshkovatv@mai.ru*

Аннотация. Данная статья рассматривает семантику искусственного интеллекта и ее роль в обработке данных в компьютерных системах. Она описывает разработку моделей и алгоритмов, позволяющих искусственным системам понимать информацию на естественном языке. В статье также исследуется важный вклад философа и логика Рудольфа Карнапа, особенно его работа «Значение и необходимость», в которой он представляет формальные языки и методы анализа знаний, включая понимание естественного языка. Карнап исследует семантику языка и его связь с логикой, предлагая использовать формальные методы и символы для анализа семантики языка и создания четкой системы изучения значения выражений. Он предлагает вводить понятие "каркаса", который определяет формальную структуру мира, включая элементы, связи и правила, определяющие интерпретацию языка и его семантику.

Ключевые слова: семантика языка, семантика искусственного интеллекта, обработка данных, модели и алгоритмы, формальные языки, каркас, Рудольф Карнап.

**“MEANING AND NECESSITY” BY RUDOLF CARNAP AND THE SEMANTICS OF
ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

Agoshkova T.V.

*Lecturer of the Department of Foreign Languages
Moscow Aviation Institute (National Research University)
E-mail: agoshkovatv@mai.ru*

Abstract. This article examines the semantics of artificial intelligence and its role in data processing within computer systems. It describes the development of models and algorithms that enable artificial systems to understand information in natural language. The article also explores the significant contributions of philosopher and logician Rudolf Carnap, particularly his work “Meaning and Necessity”, in which he presents formal languages and methods for knowledge analysis, including the understanding of natural language. Carnap investigates the semantics of language and its connection to logic, proposing the use of formal methods and symbols to analyze language semantics and create a clear system for studying the meaning of expressions. He suggests introducing the concept of a "framework" that defines the formal structure of the world, including elements, connections, and rules that determine the interpretation of language and its semantics.

Keywords: language semantics, artificial intelligence semantics, data processing, models and algorithms, formal languages, framework, Rudolf Carnap.

Семантика искусственного интеллекта относится к области исследований, связанных с пониманием и интерпретацией значения данных в компьютерных системах. Она занимается разработкой моделей и алгоритмов, которые позволяют искусственным системам понимать смысл информации, представленной на естественном языке или в других формах. Одной из основных задач

семантики искусственного интеллекта является преобразование символьных данных в смысловое представление, которое позволяет системе делать выводы, принимать решения и взаимодействовать с окружающим миром. «Получение знаний является многоуровневой процедурой построения модели мира, которая неразрывно связана с представлением знаний как разных уровней, так и разных модальностей (и многомодальных – также). А использование знаний включает процессы планирования и контроля выполнения целенаправленного поведения» [1, с. 110].

Одним из перспективных подходов системного анализа является логико-математическое моделирование поведения систем. В таком случае онтологическая структура формализуется в виде графа знаний, который состоит из следующих компонентов:

$$\text{Ont} = \{E, R, F\},$$

где E – множество объектов предметной области, R – множество предикатов или отношений, которые связывают объекты между собой, а F – набор фактов, который формально интерпретирует их смысловое понимание с точки зрения причинно-следственных связей [2, с. 53].

Онтологическая структура, представленная в виде графа знаний, может служить основой для построения семантической модели системы, где объекты предметной области, предикаты и факты связаны между собой.

При использовании семантического поиска, онтологическая структура может помочь в определении контекста запроса пользователя и понимании его смысла. Онтологические отношения и факты могут быть использованы для ранжирования и фильтрации результатов поиска, позволяя системе предоставлять более релевантные и точные ответы на запросы.

При разработке алгоритмов для понимания естественного языка, системы стремятся распознать семантические отношения между словами и фразами, понять контекст и выявить смысловые связи. Онтологические отношения и факты, которые описываются в онтологической структуре, могут быть использованы в подобном процессе. Это включает в себя задачи такие как разрешение омонимии и синонимии, извлечение информации, определение семантических отношений между словами и понимание контекста.

Обращаясь непосредственно к философии, невозможно не упомянуть известного философа и логика Рудольфа Карнапа, который внес значительный вклад в разработку формальных языков и методов анализа знаний, включая понимание и интерпретацию естественного языка, чьи работы переосмысляются с развитием искусственного интеллекта. Среди исследований, касающихся логико-семантических аспектов языка, упомянем фундаментальную работу «Значение и необходимость» (*Meaning and Necessity*), опубликованную в 1947 г. В этой книге Карнап исследует различные аспекты семантики языка и его связь с логикой. Как пишет в аннотации редакция, опубликовавшая «Значение и необходимость» на русском языке: «Главной целью этой книги, - как пишет автор, - является развитие нового метода семантического анализа значения, то есть нового метода анализа и описания языковых выражений (метод экстенционала и интенционала). Однако основное значение книги заключается не в принадлежащем автору новом методе экстенционала и интенционала, а в выявлении трудностей анализа смысла и критическом обсуждении предлагавшихся разными авторами методов их решения» [3, с. 4].

Иными словами, цель работы состоит в разработке системы формальной семантики, которая бы позволила понять, каким образом язык передает значение и как это значение связано с миром. Карнап предлагает анализировать семантику языка с помощью формальных методов и символов, чтобы создать точную и четкую систему для изучения значения выражений.

В «Значении и необходимости» Карнап вводит понятие «каркас» (англ. «framework»), которое представляет собой формальную структуру, определяющую мир, в котором существуют выражения языка и на основе которой строятся языки и методы анализа знаний. Каркас включает в себя базовые элементы, связи и правила, которые определяют допустимые интерпретации языка и его семантику [3, с. 300].

Р. Карнап разделяет вопросы о существовании объектов на два вида: внутренние вопросы, связанные с существованием объектов внутри определенного языкового каркаса, и внешние вопросы, касающиеся существования объектов в самом мире вещей. Внутренние вопросы о существовании объектов требуют создания нового языкового каркаса, соответствующего этим объектам, ответы на которые могут быть получены при помощи логических или эмпирических методов. Иными словами, объекты, которые мы ранее обозначили символом E , находятся в отношении R . Это подразумевает, что для исследования новых объектов необходимо ввести новые формы выражений и правила оценки, которые мы обозначим символом F .

Внешний вопрос о реальности мира вещей, который мы не можем обозначить фигурными скобками, «имеет проблематический характер» [3, с. 300]. Автор указывает, что понятие реальности применимо к элементам системы, но не может быть применено к самой системе. Вместо этого, вопрос о реальности мира вещей может быть понят скорее как практический выбор относительно структуры языка, который используется для описания и общения о мире.

В контексте исследования вопроса семантики искусственного интеллекта эти рассуждения можно интерпретировать следующим образом: при разработке искусственного интеллекта возникают вопросы о том, как определить существование и реальность искусственных объектов и событий. Для этого необходимо создать языковой каркас, соответствующий искусственным объектам, и разработать методы исследования и оценки, чтобы отвечать на вопросы о существовании и реальности. Аналогично, возникает внешний вопрос о реальности самого искусственного интеллекта, который может быть рассмотрен как практический выбор относительно использования и определения структуры языка для описания и взаимодействия с искусственным интеллектом.

Семантика языка Рудольфа Карнапа, как это представлено в его работе «Значение и необходимость», является философской теорией, которая исследует различные аспекты значения языка, включая синтаксис, семантику, необходимость и вероятность. Он разрабатывает формальные методы и понятия для анализа значения выражений и связи языка с миром.

С другой стороны, семантика искусственного интеллекта является областью исследования, которая связана с разработкой моделей и алгоритмов, позволяющих компьютерным системам понимать и интерпретировать значение информации на естественном языке или в других формах. Взаимосвязь между этими двумя областями заключается в том, что семантика языка Рудольфа Карнапа может служить теоретическим фундаментом для разработки моделей и алгоритмов в области семантики искусственного интеллекта.

Таким образом, семантика языка Рудольфа Карнапа может вдохновлять и влиять на разработку алгоритмов и моделей в области семантики искусственного интеллекта, помогая системам понимать и интерпретировать значение информации более точно и эффективно.

В области искусственного интеллекта аспекты семантики языка Рудольфа Карнапа, представленные в том числе в его работе «Значение и необходимость», могут быть применимы в нескольких областях:

- Семантический анализ естественного языка: Карнап предлагает формальные методы и понятия для анализа значения выражений и их связи с миром. Например, понятие синтаксиса и семантики, предложенное Карнапом, может использоваться для разработки специальных моделей, которые определяют синтаксическую структуру предложений и их семантическое значение.

- Семантический поиск, классификация данных и разрешение неопределенности: Карнап рассматривает понятие необходимости и вероятности и исследует их формальные свойства. Например, понятие вероятности, предложенное Карнапом, может быть применено при разработке моделей для анализа статистических данных и принятия решений на основе вероятностных моделей.

Формализация знаний: Карнап предлагает систему формальной семантики, основанную на формальных методах и символах. Например, понимание формальных методов, предложенных Карнапом, может помочь в разработке формальных языков и моделей для представления знаний и их автоматической обработки компьютерными системами.

В целом, аспекты семантики языка Рудольфа Карнапа могут быть применены в области искусственного интеллекта для разработки моделей и алгоритмов, которые позволяют системам понимать и интерпретировать значение информации, разрешать неопределенность, осуществлять семантический поиск и классификацию данных, а также формализовывать и представлять знания.

Список литературы

1. Харламов А.А. Семантический искусственный интеллект// Речевые технологии// Speech Technologies. 2021. №1-2. С. 109-116.
2. Шкодырев В.П. Эволюция в кибернетике: управление, основанное на знаниях// Системный анализ в проектировании и управлении. 2023. Т. XXVI, №1. С. 51-58.
3. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике/ Перевод Н.В. Воробьева; Общая ред. Д.А. Бочвара; предисл. проф. С.А. Яновской. М.: Изд-во иностр. лит. 1959. 382 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И ФИЛОСОФСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Алексеева Е.А.

Кандидат философских наук, доцент кафедры эпистемологии и логики

Государственный академический университет гуманитарных наук

E-mail: eaalekseeva@gaugn.ru

Аннотация. В статье высказывается предположение о том, что в ближайшее время неизбежна интеграция интеллектуальных технологий в структуру философского мышления и философской рефлексии. Это связано со медиатизацией и компьютеризацией многообразных форм человеческого опыта, что требует соответствующих способов осмысления. Возникающий в настоящее время феномен дополненного интеллекта распространяется и на философскую деятельность. Показано, что в настоящее время уже формируется такое философское течение, как компьютерная или вычислительная философия. Это направление имеет тенденцию к охвату все больших областей философских исследований. Одним из ярких примеров этого является компьютерная эпистемология. Сейчас появилось достаточное количество исследований в этой области, которое даже позволяет разделить ее на несколько направлений.

Ключевые слова: интеллектуальные системы, дополненный интеллект, мышление, рефлексия, компьютерная философия, компьютерная эпистемология.

INTELLIGENT SYSTEMS AND PHILOSOPHICAL THINKING

Alekseeva E.A.

CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Epistemology and Logic

State Academic University for the Humanities

E-mail: eaalekseeva@gaugn.ru

Abstract. The article suggests that in the near future the integration of intellectual technologies into the structure of philosophical thinking and philosophical reflection is inevitable. This is due to the mediatization and computerization of diverse forms of human experience, which requires appropriate ways of understanding. The currently emerging phenomenon of augmented intelligence extends to philosophical activity. It is shown that at present such a philosophical movement as computer or computational philosophy is already being formed. This direction tends to cover ever larger areas of philosophical research. One prominent example of this is computational epistemology. Now there is a sufficient amount of research in this area, which even allows us to divide it into several directions.

Key words: intelligent systems, augmented intelligence, thinking, reflection, computer philosophy, computer epistemology.

Для части когнитивных процессов оказалось возможным создать интеллектуальные системы, которые воспроизводят функционал этих процессов в искусственной среде. В числе таких процессов находятся и некоторые функции мышления, например, способность к установлению устойчивых закономерностей в сингулярных фактах. При этом характерной особенностью интеллектуальных систем является их ориентированность на выполнение какой-либо специфической функции и неспособность выполнять те функции, для которых они изначально не предназначены. Соответственно, применительно к таким системам нет необходимости говорить о том, что они заменяют или потенциально могут заменить человеческое мышление, поскольку они, скорее, вступают в симбиоз с ним. Поскольку понятиями «интеллект» и «мышление» обозначаются взаимосвязанные стороны когнитивных процессов, можно говорить о том, что подобный симбиоз является закономерным следствием развития интеллектуальных систем.

Включение интеллектуальных систем в структуру человеческого мышления позволяет рассматривать их в контексте концепции «дополненного интеллекта» (augmented intelligence, AuI). Под дополненным интеллектом понимается «интеграция человеческого интеллекта и искусственного интеллекта, которая позволяет им использовать свои сильные стороны и преодолевать слабые... Следовательно, в то время как ИИ представляет собой машинно-ориентированную интеллектуальную систему, ДИ – это интеллектуальная система, ориентированная на человека, которая позволяет людям

расширить существующие или создать новые навыки и способности, позволяя им даже превзойти свой потенциал, предлагая при этом новый опыт» [1]. Эта концепция предполагает, что известные в настоящее время искусственные системы, способные на совершение интеллектуальных операций, таких как прогнозная аналитика, могут служить своеобразным способом усиления человеческих интеллектуальных способностей. В том числе вполне реалистичной представляется «встраивание» интеллектуальных систем и в структуру философского мышления и философских исследований.

Возможность интеграции интеллектуальных систем и философского мышления связана с философской необходимостью охватывать, например, в некоторой системе концептов большие области не связанного между собой знания, обращаться к различным формам опыта, который может быть представлен в том числе в форме цифровых данных. При этом в настоящее время мы постоянно сталкиваемся с неизбежностью работы с беспрецедентным количеством данных, нам приходится обращаться с философской рефлексией к предельно медиатизированной и пронизанной дата-структурами реальности. Это неизбежно трансформирует сами процессы философского мышления и методы философских исследований.

Возникают проекты компьютерной (вычислительной) философии, которую можно определить следующим образом: «использование вычислительных методов для усиления методологического аппарата философских исследований. Вычислительная философия — это не философия компьютерных технологий или вычислительных методов; это скорее философия с использованием компьютеров и вычислительных методов» [2]. Компьютерная составляющая подобных философских исследований становится наиболее эффективна в том случае, когда она способна воспроизводить определенные аспекты интеллектуальной деятельности, то есть представляет собой интеллектуальные системы. В настоящее время уже существуют направления философии, которые можно обозначить, как «компьютерная этика», «компьютерная эстетика», но одним из наиболее перспективных, на наш взгляд, является компьютерная эпистемология.

Компьютерная эпистемология представляет собой эпистемологические исследования, одним из ключевых методологических компонентов которых является применение компьютерных инструментов, позволяющих получить нетривиальные выводы. Существует по меньшей мере три понятия, обозначающих область эпистемологических исследований с применением компьютерных технологий: «цифровая эпистемология» (digital epistemology), «вычислительная эпистемология» (computational epistemology), «компьютерная эпистемология» (computer epistemology). Эти понятия находятся в достаточно сложной взаимосвязи между собой. Можно выделить два типа подходов в области компьютерной эпистемологии: первый – модельный и агентно-ориентированный, второй – ориентированный на данные [3].

Многоагентное моделирование в качестве наиболее заметного тренда в области компьютерной эпистемологии в наибольшей степени применимо в рамках социально-эпистемологического подхода. Это связано с тем, что в социальной эпистемологии исследуются процессы, хорошо поддающиеся интерпретации средствами многоагентных систем: групповые убеждения, динамика обсуждения и согласия, общий вывод или подтверждение для множества акторов и т.п. Предполагается, что индивидуальные убеждения меняются под воздействием убеждений других и в свою очередь трансформировавшиеся убеждения каждого актора меняют убеждения всей группы. В основании такого подхода лежит некоторая рациональная модель коммуникации между акторами, вовлеченными в производство и распределение знания.

Подходы в компьютерной эпистемологии, ориентированные на данные, можно разделить на два направления: работа с текстовыми данными и работа с нетекстовыми данными. Такое разделение необходимо, поскольку эпистемологический анализ чаще всего предполагает работу с системами суждений, но при этом не исключено, что в область эпистемологического анализа могут попасть и нетекстовые данные. Текстовые подходы можно в свою очередь разделить на аналитические и генеративные. Генеративные подходы предполагают, что можно использовать такие системы генерации текста, как GPT.

При работе с текстовыми данными может быть использован контент-анализ. Использование контент-анализа может применяться, например, для того чтобы проанализировать, как создаются коллективные представления в социальном контексте. Применение подобных методов способно развивать определённые эпистемологические подходы, снабжая их эмпирическими данными.

С развитием современных компьютерных технологий появляются методы интеллектуального анализа текстовых данных. С помощью технологий машинного, в том числе и глубокого обучения, методов текстового майнинга возможно не только выявить в тексте закономерности по строго определенным параметрам, как в классическом контент-анализе, но и, например, обнаруживать

смысловые кластеры, которые не были изначально обозначены исследователем. Кластеризация текстов с помощью интеллектуального анализа текстовых данных позволяет выявить смысловые сцепления в тексте. Также возможен поиск специфических составляющих текста на основе обучения на размеченных данных. Например, система может быть обучена поиску предубеждений или когнитивных искажений в экспертных текстах, влияющая на их эпистемическую беспристрастность. Обозначив в процессе обучения системы лингвистические маркеры таких предубеждений, можно предоставлять ей пул неразмеченных текстов, где такие предубеждения будут выявлены уже самой системой.

Как уже было отмечено, в настоящее время существенно медиатизируются и компьютеризируются различные сферы человеческого опыта. Это касается и эпистемических практик, связанных как с производством научного знания, так и с обыденными познавательными процедурами. Поэтому использование компьютерных технологий, интеллектуальных систем становится не просто вопросом выбора определенного инструментария производства или распространения знаний, но включается в саму онтологию эпистемических акторов и систем. С этой точки зрения компьютерная эпистемология становится наиболее релевантным способом философской рефлексии над функционированием знания и познания в цифровой среде. Этот подход позволяет соотносить сложность исследовательской методологии со сложностью исследуемой области. Здесь можно говорить, скорее, о том, что философские исследования еще недостаточно компьютеризированы, но компьютеризация им необходима. Они должны стать не просто разделом цифровой гуманитаристики за счет используемых инструментов, но трансформировать саму структуру философской рефлексии, включив в нее цифровой компонент как неотделимую составляющую.

Список литературы

1. *Yau K.-L. A et al. Augmented Intelligence: Surveys of Literature and Expert Opinion to Understand Relations Between Human Intelligence and Artificial Intelligence / IEEE Access. 2021. Vol. 9. P. 136744-136761.*
2. *Grim P., Singer D. Computational Philosophy // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2022 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.). [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/computational-philosophy/> (дата обращения 01.06.2024).*
3. *Алексеева Е. А. Проекты компьютерной эпистемологии // Философия науки и техники. 2023. Т. 28, № 2. С. 88-101.*

ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАУЧНЫХ ПРАКТИКАХ

Баева А.В.

*Кандидат философских наук
Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: a-baeva93@mail.ru*

Аннотация. В современных исследованиях науки в последнее время все чаще появляются дискуссии о том, что в связи с развитием технологий ИИ встают вопросы об объективности, правдоподобности и достоверности знания, а также о том, не заменяют ли эти технологии фигуру эксперта как ту инстанцию, которая до сих пор выступала гарантом объективности и центром принятия решений. В этой связи небезынтересным представляется эпистемический статус современных технологий на основе ИИ, которые все больше берут на себя функции в части оказывания влияния на принятие конечных решений и получения объективного знания. Так, например, в области медицины роботизированные аппараты уже оказывают существенную поддержку, например, собирая и анализируя стандартизированные данные о пациенте. И если ИИ постепенно будет все больше брать на себя обязанностей, не значит ли это, что научная самость может быть заменена алгоритмами на основе ИИ, а на смену объективности придет другая эпистемическая добродетель, окончательно разрывающая связь этики и эпистемологии?

Ключевые слова: технологии на основе ИИ, объективность, эпистемическая добродетель, научная самость

ETHICAL CHALLENGES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SCIENTIFIC PRACTICES

Baeva A.V.

CSc in Philosophy

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

E-mail: a-baeva93@mail.ru

Abstract. In modern scientific research, discussions have recently been increasingly emerging that, in connection with the development of AI technologies, questions arise about the objectivity, plausibility and reliability of knowledge, as well as whether these technologies will not replace the expert figure as the authority that has so far acted as a guarantor of objectivity and the center of decision-making. In this regard, the epistemic status of modern AI-based technologies, which increasingly assume functions in terms of influencing final decision-making and obtaining objective knowledge, seems interesting. For example, in the field of medicine, robotic devices already provide significant support, for example, by collecting and analyzing standardized patient data. And if AI gradually assumes more and more responsibilities, does this not mean that the scientific self can be replaced by AI-based algorithms, and another epistemic virtue will replace objectivity, finally breaking the link between ethics and epistemology?

Keywords: AI-based technologies, objectivity, epistemic virtue, scientific self

Применение технологий на основе искусственного интеллекта (далее – ИИ) в современных научных, в частности, медицинских практиках ставит перед исследователями науки ряд проблем: каков эпистемический статус ИИ и какие этические вызовы в связи с определением этого статуса возникают. Вопрос эпистемического статуса ИИ нуждается в прояснении, поскольку в связи с активным внедрением ИИ в научные практики неизбежно возникает опасение, что агентность технологий ставит под угрозу как агентность самой фигуры врача как инстанции, принимающей решение и стремящейся к объективному взгляду, так и саму объективность как эпистемическую добродетель, которая ассоциируется с наукой. Проект исторической концепции объективности Л. Дастон и П. Галисона [1], в котором авторы демонстрируют на примере исследования конкретных материальных научных практик, а именно практик создания визуальных образов для естественно-научных атласов, строится с опорой на два основных аспекта: эпистемические добродетели (в частности – объективность) и визуальность, которые оказываются тесно связанными в один проблемный узел конкретными практиками визуализации рабочих объектов науки [там же, с. 541].

Изменения в характере изображений и практик показывают ту или иную эпистемическую добродетель в действии. В этой связи изменение визуализации с помощью применения цифровых технологий и технологий на основе ИИ позволяет поставить вопрос о трансформации как эпистемической добродетели объективности, так и научной самости. Различные способы визуализации (использование диаграмм, карт, фотографий, составление атласов) становятся одной из фундаментальных и неотъемлемых частей выстраивания аргументации в современных научных исследованиях. При этом визуализация выступает не просто иллюстрацией, а непосредственно формой исследования, благодаря возможностям новых цифровых технологий. Переход от репрезентации к презентации знаменует новый способ видения и научной практики в целом: манипулировать визуальным образом начинает означать то же, что и манипулировать самим изображаемым или наблюдаемым объектом. Компьютерное моделирование и новые методы визуализации стали очередным революционным прорывом в научных практиках после наблюдения и эксперимента. В этой связи естественным образом возникают вопросы относительно того, каково настоящее и возможное будущее объективности как эпистемической добродетели в эпоху цифровизации и инноваций в науке в условиях, когда техника и технологии начинают играть существенную роль в производстве научного знания, не столько открывая, сколько изобретая факты. Что представляют собой новые научные практики и какими могут быть новые добродетели? Если практики укоренены исторически, то как изменяются добродетели? Связано ли изменение добродетелей с изменением целей/ благ, лежащих в основе той или иной практики? Может ли чем-то еще, кроме добродетелей, определяться научная самость и как она может изменяться, дополняясь технологиями на основе ИИ?

Например, в медицинской сфере, где цифровые технологии достаточно активно развиваются и внедряются в практику, роботизированные аппараты на основе ИИ уже оказывают существенную поддержку как медикам, так и самим пациентам в диагностике, терапии, хирургии. В России уже есть роботизированные медицинские комплексы – например, робот-хирург AST (Assisted Surgical Technologies). В терапии традиционно именно терапевт как врач первичного звена ставит предварительный диагноз. Однако его функции уже на себя перенимают роботы: всю информацию могут собрать специальные датчики, расположенные на теле пациента, и в случае обнаружения патологии передать информацию уже врачу. Система способна провести и саму диагностику вместо врача. Российский диагностический комплекс RoboScan проводит ультразвуковое сканирование в автоматизированном режиме. Грамотное использование нейросетей в медицинских практиках, например, в целях выявления ковидного поражения легких, позволяет снизить дозу рентгеновского излучения для томографии, поскольку такая предварительно обученная модель нейронной сети выступает в некотором роде уже в качестве эксперта. Таким образом, работа по сбору данных и проведению первичной диагностики, а в некоторых случаях и по представлению предварительного решения, стандартизирована и формализована, что должно способствовать большей объективности. Это, с одной стороны, позволяет снизить нагрузку на врачей как экспертов, которые могут сосредоточиться на изучении и интерпретации данных, их описании и формировании заключений. ИИ все больше берет на себя обязанности и ответственности – за обработку данных, диагностику, разработку способов лечения, налаживание взаимодействия с пациентом и в том числе за принятие решения. Но, с другой стороны, это естественным образом ставит вопрос о том, как скоро ИИ полностью сможет в таком случае заменить врача полностью и с какими этическими вызовами в этой связи уже сейчас нам предстоит столкнуться на этом пути?

В случае неправильной постановки диагноза или невыявления патологии, что повлечет за собой соответствующие последствия, кто будет ответственным субъектом принятия решения? В России в одной из первых стран в мире сформулированы риски и угрозы (включенные в «Кодекс этики ИИ» как угрозы правам и свободам человека), которые может повлечь за собой цифровизация и применение технологий на основе ИИ в сфере медицины: дискриминация, потеря приватности, потеря контроля над ИИ, причинение вреда человеку ошибками, допущенными алгоритмами ИИ, применение ИИ в неприемлемых целях. Принятие решений сегодня уже не является прерогативой человека-эксперта: эта функция передается интеллектуальным системам. Создание природоподобной техносферы невозможно без передачи права принимать решение техническим системам, поэтому в ближайшие 10-20 лет этот тренд будет только продолжаться. Цифровая трансформация современной медицины происходит в том числе и на коммуникативном уровне: благодаря расширению сетевого пространства дистанционность врача от пациента в то же время способствует стиранию границ (в частности, географических) между ними. Кроме того «возникает возможность замещения и вытеснения эксперта-врача <...>, но вместе с тем появляются возможности формирования сетевого коллективного экспертного субъекта (цифровые лаборатории и консилиумы врачей)» [2, с. 158]. Эта тенденция частичного вытеснения экспертных функций врача за счет цифровых технологий также свидетельствует о новой форме выстраивания коммуникации – «от взаимоотношений эксперта (профессионала в области медицины) и профана (неспециалиста-пациента) к гибридной модели «врач+программа-пациент» и в отдаленной перспективе к коммуникативной модели «программа-пациент», лишаящей эксперта (врача) статуса носителя абсолютного (или приближенного к абсолютному) знания и наделяющей этим правом цифровую программу» [там же, с. 166–167]. Делегирование технологиям экспертной функции демонстрирует общую тенденцию на освобождение от диагностических ошибок врача, и чем точнее ИИ справляется с определением патологии или рисков развития заболевания, тем выше стремление к замещению экспертных функций алгоритмами и претензия системы поддержки принятия решений (CDSS) уже не просто на роль инструмента человеческого целеполагания, но на роль полноценного актора, выполняющего сложнейшие манипуляции, что «приводит к неактуальности и излишеству человеческого взгляда, с его ошибками, искаженными оценками, неизлечимой пристрастностью. Технике предоставляют выносить суждения о картине реальности, с которой она сталкивается» [там же, с. 167–168]. В таком случае мы с неизбежностью в самом ближайшем будущем должны будем перестать относиться к технологиям на основе ИИ как инструменту и принять во внимание их полноценную субъектность и субъективность со всеми плюсами и минусами.

Список литературы

1. Галисон П., Дастон Л. Объективность. М.: Новое Литературное Обозрение. 2018. 584 с.
2. Попова О.В. Цифровизация и трансформация медицины: проблемы и перспективы развития // Современные проблемы социо-техно-антропосферы: коллективная монография / Отв. ред. В.Г. Буданов. Курск. 2022. С. 153–171.

КАТЕГОРИЯ ПОЛЬЗЫ В СИСТЕМАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ЗНАНИЯ

Гапаров И.А.

Ассистент кафедры философии

Самарский национальный исследовательский университет имени академика

С. П. Королёва

E-mail: sarov-1@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящён категории пользы в системах деятельностного знания. Тезис, предлагаемый к обсуждению: польза является критерием эффективности и результативности для деятельностного знания, эквивалентным корреспондентской истине для эпистемически определяемого знания. Структура пользы – это этапы технической деятельности («трёхакт») в понимании П.К. Энгельмейера или формообразующие силы Ф. Дессауэра, функции – зависимость между этапом технической деятельности и создаваемым им эффектом. В соответствии со структурой и функциями пользы рассматриваются платонистская, конструктивистская и трансценденталистская модели деятельностного знания. Результат исследования заключается в выявлении способов определения пользы: платонистского – как порядка финалистски связанных элементов в единстве системы, конструктивистского – как выражения пересборки опыта, имеющего целью удовлетворение потребности, трансценденталистского – как референции от предмета к отсутствующему объекту.

Ключевые слова: польза, деятельностное знание, трёхакт, формообразующие силы, платонизм, конструктивизм, трансцендентализм.

CATEGORY OF UTILITY IN WORKING KNOWLEDGE SYSTEMS

Gaparov I.A.

Assistant Lecturer of Department of Philosophy

Samara National Research University

E-mail: sarov-1@mail.ru

Abstract. The report is devoted to the category of utility in systems of working knowledge. The thesis proposed for discussion: utility is a criterion of effectiveness and efficiency for working knowledge, equivalent to correspondent truth for epistemically defined knowledge. The structure of utility is the stages of technical activity ("three-acts") in the understanding of P.K. Engelmeyer or the formative forces of F. Dessauer's functions are the relationship between a stage of technical activity and the effect it creates. In accordance with the structure and functions of utility, the platonic, constructivist and transcendentalist models of working knowledge are considered. The result of the research is to identify ways to determine the utility: platonic – as an order of finalistically related elements in the unity of the system, constructivist – as an expression of reassembly of experience aimed at satisfying a need, transcendentalist – as a reference from the subject to the missing object.

Keywords: utility, working knowledge, three-act, formative forces, platonism, constructivism, transcendentalism.

Смена технологических укладов, переход от второй искусственной природы к третьей искусственной природе, внедрение систем ИИ в процессы социального регулирования требуют переосмысления теоретического аппарата, фиксирующего основные категории инженерной деятельности. Содержание инженерного деятельностного знания [1] составляет проблему онтологии,

гносеологии и философии техники, от решения которой зависит благополучие людей в ближайшей и отдалённой перспективах. В связи с этим возникает потребность в раскрытии инженерной онтологии, т.к. она предполагает деятельностное знание – «такое знание, которое позволяет получать запланированный результат, основываясь на естественных причинно-следственных связях» [2, с. 11].

Критерием эффективности и результативности для деятельностного знания является польза. Что такое польза? – вопрос, точный ответ на который до сих пор отсутствует. Его отсутствие исторически обусловлено тем, что польза – среди категорий, определяющих целеполагание человека – вплоть до XX века не уделялось пристального внимания. П.К. Энгельмейер как один из основоположников философии техники впервые обратил внимание на пользу, определив её как всё, «что облегчает достижение намеченной цели (независимо от самой цели)» [3, с. 30]. Поместив её в один ряд с истиной, добром, красотой, он по достоинству оценил влияние пользы на технику как «искусство целесообразного воздействия на природу» [4, с. 90], без которой была бы невысказанной и невозможной техническая деятельность.

В соответствии с пользой человек действует постольку, поскольку она для него является регулятивной идеей, которая позволяет соизмерять замыслы с достигнутыми результатами. Человек, считает Э. Капп, «умеет обращаться с вещами, оперировать с ними, преобразовывать материю ради своей пользы и личной потребности» [5, с. 23]. Он стремится изменить среду, приспособить внешние условия к собственному сознанию, «Я» (желаниям, потребностям и интересам). За счёт стремления к постоянному изменению человек становится инженером. В этом плане поучительной является история Ф. Дессауэра о Робинзоне Крузо, «где предметом изображения оказывается судьба человека, который будучи выброшенным на неизвестный берег после кораблекрушения, один противостоит природе и защищает своё существование» [6, с. 84]. На необитаемом острове он становится техником потому, что создаёт вещи и разрабатывает технологии, которые направлены не столько на борьбу с враждебным, сколько на поддержание и распространение полезного в окружающей среде.

Польза как категория деятельностного знания позволяет человеку соединять и увязывать друг с другом этапы творческой деятельности («трёхакта») в понимании П.К. Энгельмейера или формообразующие силы Ф. Дессауэра (*homo investigator*, *homo faber* и *homo inventor*). Связь, образуемая между этапами технической деятельности или формообразующими силами, фиксируется посредством следующих из них эффектов и выражается в функциях пользы. В зависимости от системы деятельностного знания – платонистской, конструктивистской и трансценденталистской – этапы технической деятельности создают разные по назначению эффекты.

Платонистская модель – это онтология, в которой законы человеческого познания определяются законами космоса [7]. Здесь человек извлекает полезное из «четвёртого царства». Его творчеству предшествует царство «предустановленных форм решений», в котором техническому объекту уже предан возможный способ его исполнения. Актуализация потенциального космоса, метакосмические решения, осуществляемые человеком, раскрываются в пользу. Таким образом, польза представляет собой переход от потенциального к актуальному, на каждом этапе которого фиксируется развёртывание космоса. Акт интуиции направлен на перенос идеи в реальность. Акт рассуждения связан с целесообразным созиданием того, что пока ещё отсутствует в актуальном космосе. Акт обработки связан с переносом представленного образа из «интраментального пространства» в действительность.

Конструктивистская модель – это онтология, в которой техническая деятельность определяется возможностями человеческого сознания. Здесь субъект извлекает полезное из своего сознания. В изобретении, считает Г. Рополь, «природе противопоставляется некоторый новый проект, который нельзя обнаружить в природной действительности» [8, с. 207-208], т.к. он соотносится с человеческими целями. Человек творит новое, полностью полагаясь на опыт. Акт интуиции выражает пересборку опыта, в процессе которой формируются опытные комбинации, отвечающие человеческим запросам – желаниям, потребностям, интересам. Акт рассуждения фиксирует способы обработки созданного решения посредством постановки опытов. В соответствии с ними определяется степень (мера) его пригодности как плана или конструкции. Акт умения осуществляет приспособление конструкции в действительности. Успех борьбы с материей зависит от применимости изобретения на практике – становление артефактом. Таким образом, польза является выражением пересборки опыта, имеющей целью удовлетворение потребности.

Трансценденталистская модель – это онтология, в которой процесс возникновения технического объекта выражается в трансформации способа его существования – от вымысла к наблюдению. Четвёртое царство раскрывается в качестве потенциального космоса. Привилегированный доступ к нему обеспечивается интеллектом и опытом субъекта, которые зависят от уровня его воспитания,

образования, социализации и т.д. Человек осуществляет техническую деятельность на основании деятельностного знания. Трёхакт позволяет рассматривать деятельностное знание как обращение прямого познания, ведущее к созданию нового – того, что не существовало до акта его изобретения. Деятельность, являясь оборотной стороной познания, сначала фиксирует идею в понятии (образе), потом выражает её в субъекте как языковой конструкции рассудка, а затем реализует её в объекте как чувственно воспринимаемом артефакте [9]. Отсюда следует, что польза – исполнение, или референция от предмета к отсутствующему объекту.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что польза является категорией деятельностного знания. Деятельность в техническом плане выступает антитезой ситуации прямого познания. Она заключается не в описании и объяснении, а в создании чего-то нового, изменении существующего. Интерсубъективность деятельности выражается познавательной формой – деятельностным знанием. Деятельностное знание отвечает на вопрос: «что я знаю о том, как я что-то делаю?». Критерием осуществления деятельного знания является польза. Польза – достаточное основание системы деятельностного знания. Связь между элементами задаётся структурой пользы – этапами технической деятельности («трёхактом») в смысле П.К. Энгельмейера или формообразующими силами Ф. Дессауэра. Но польза не только связывает друг с другом этапы технической деятельности. Она приводит их к единству. Это единство схватывается инженером, в созданном им техническом артефакте, который должен выполнять задачу в соответствии с поставленной целью (нуждой, потребностью). Связь между этапами осуществления технической деятельности обеспечивается функциями пользы – зависимостью технической способности от созданного ею эффекта. Эффект для технической способности – основание для реализации следующего по очередности акта или формообразующей силы.

В соответствии со структурой и функциями пользы можно выделить следующие модели деятельностного знания – платонистскую, конструктивистскую и трансценденталистскую. В каждой из них польза определяется в зависимости от устройства и назначения самой модели. Поскольку платонизм обращает внимание на поиск «предустановленных форм решений», постольку польза в нём – определённый порядок финалистски связанных элементов системы. Поскольку конструктивизм фокусирует внимание на поиске источников осуществления технической деятельности («трёхакта»), постольку польза в нём – это выражение пересборки опыта, имеющей целью удовлетворение потребности. Поскольку трансцендентализм уделяет внимание обращению прямого познания в чистом виде, постольку польза в нём – референция от предмета к объекту, отсутствующему в опыте до акта технической, изобретательской деятельности. Разница в понимании пользы как категории деятельностного знания заключена в связи, образуемой между этапами технической деятельности, формообразующими силами. В платонизме связь обеспечивается космосом как средой, из которой человек извлекает свои миры; в конструктивизме – склонностью человеческого сознания к опытным модификациям и их реализацией в действительности; в трансцендентализме – механизмами рефлексии, осуществляющими референцию рассудка и чувственного восприятия к ещё отсутствующему объекту.

Список литературы

1. Нордманн А. Деятельностное знание или: How to express things in works? // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2. № 1. С. 16-22. DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-16-22>.
2. Ястреб Н.А. Как знание становится техническим объектом: эпистемические практики в области информационных технологий // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2. № 1. С. 10-15. DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-10-15>.
3. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 208 с.
4. Энгельмейер П.К. Вып. 1.: Общий обзор предмета // Философия техники: Вып. 1-4. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон. 1912. 96 с.
5. Капп Э. Антропологический критерий // Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас. Роль орудия в развитии человека (сборник статей). Л: Прибой, 1925. С. 21-25.
6. Дессауэр Ф. Спор о технике: монография. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
7. Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт: монография. Самара: ООО «Самарама», 2022. 194 с.
8. Рополь Г. Техника как противоположность природы // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 203-221.

ИСКУССТВЕННЫЕ МОРАЛЬНЫЕ АГЕНТЫ В СФЕРЕ ИИ. ДВА ВЗГЛЯДА

Головков В.В.

*Аспирант кафедры этики,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: golovkov.spb@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается понятие искусственного морального агента в контексте технологий искусственного интеллекта. В рамках исследования обобщаются два основных взгляда на вопрос о том, что из себя представляет искусственный интеллект как искусственный моральный агент. Первая позиция предполагает преемственность ИИ, как искусственного морального агента от естественного – человека. Человек понимается за идеального морального агента и, в зависимости от степени соответствия этому идеалу, можно говорить о степени моральной агентности искусственного интеллекта. В таком случае, задача заключается в обучении ИИ быть моральным. Вторая позиция заключается в том, что ИИ не может быть признан моральным агентом, однако, это не означает, что технология не имеет морального значения. ИИ воспринимается как инструмент, как посредник в моральных отношениях между людьми. Закономерно, задачей этики является этическое образование профессионалов, создающих ИИ. От выбора точки зрения зависит направление развития этики в сфере искусственного интеллекта.

Ключевые слова: этика, мораль, этика искусственного интеллекта, искусственный моральный агент, моральный агент, автономность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта».

ARTIFICIAL MORAL AGENTS IN AI. TWO VIEWS

Golovkov V. V.

*Postgraduate student of Department of Ethics
Saint Petersburg State University
E-mail: golovkov.spb@mail.ru*

Abstract. This article reviews two main views on the question of what constitutes artificial intelligence as an artificial moral agent. The first position assumes the continuity of AI as an artificial moral agent from the natural one - a human being. The human is understood as an ideal moral agent and, depending on the degree of compliance with this ideal, we can talk about the degree of moral agency of artificial intelligence. The ethical task is to train the AI to be moral. The second position is that AI cannot be recognized as a moral agent, however, this does not mean that the technology has no moral agency. AI is seen as an intermediary for humans in moral relationships. The task of ethics is the ethical education of professionals who create AI. The choice of point of view determines the direction of ethics development in the field of artificial intelligence.

Key words: ethics, morality, artificial intelligence ethics, artificial moral agent, moral agent, autonomy.

В современном этическом дискурсе одним из актуальных вопросов стало понятие морального агента. Помимо того, что исследователи спорят о самом феномене морального агентства, так же поднимается тема искусственных моральных агентов. В настоящий момент времени существует пример нечеловеческого, искусственного морального агента – корпорация. Первые дискуссии о моральном статусе корпораций были порождены концепцией корпоративной социальной ответственности (КСО), суть которой заключается в том, что корпорация имеет ответственность

не только юридическую – перед государством, но и моральную – перед обществом. Таким образом, исходя из этой концепции, коммерческие компании являются не только юридическими агентами, но и моральными. Несмотря на всю свою неоднозначность, КСО стала важной концепцией в мире бизнеса. Многие компании сегодня имеют специальные программы КСО и отчитываются о своей социальной и экологической деятельности. Однако, в последнее время не только корпорации стали претендовать на роль нечеловеческих моральных агентов. Многие исследователи считают, что искусственный интеллект так же мог бы быть признан моральным агентом. «Настаивать на неизбежной человеческой природе агента означает подорвать возможность понимания другой крупной трансформации в этической сфере, а именно появление искусственных агентов (ИА), достаточно информированных, "умных", автономных и способных совершать морально значимые действия независимо от создавших их инженеров-людей, вызывая "искусственное добро" и "искусственное зло"» [3, р. 249]. «Основной защищаемый тезис заключается в том, что искусственные агенты (ИА) являются легитимными источниками а/моральных действий, следовательно, понятие агента должно быть расширено, чтобы включить ИА, этический дискурс должен включать анализ их морали и, наконец, этот анализ необходим для понимания ряда новых моральных проблем не только в компьютерной этике, но и в этике в целом, особенно в случае распределенной морали» [1, р. 351]. Мы не будем рассматривать позиции, полностью отрицающие уникальную моральную роль ИИ, ведь они тривиальны в том плане, что сводятся к классическому пониманию концепта морального агента.

В общем и целом, можно выделить две позиции в отношении искусственного морального агента (ИМА). Первая предполагает, что ИМА не отделим от естественного морального агента – человека. Соответственно, вопрос о его статусе решается на основании приближенности искусственного агента к естественному, человек понимается за идеального морального агента и, в зависимости от степени соответствия этому идеалу, можно говорить о степени моральной агентности искусственного интеллекта. «Построение ИМА подчеркивает необходимость создания всеобъемлющей модели того, как люди приходят к удовлетворительным моральным суждениям» [7, р. 243]. Например, по такому принципу построена классификация, предложенная Дж. Муром в статье «Природа, значение и сложность машинной этики». В своей работе автор делит моральных агентов на 4 категории в зависимости от их автономности и сложности: агенты, оказывающие моральное воздействие; неявные моральные агенты; явные моральные агенты и полноценные моральные агенты.

К первой категории относятся машины, которые не являются автономными и не обладают интерактивностью. Это обычные, повседневные устройства. Однако, оказывающие положительное этическое влияние на общество. Например, роботизированные жокеи в Катаре, косвенно спасающие африканских детей от рабства.

Вторая категория — это машины, которые могут работать с некоторой степенью автономности в контролируемых ситуациях, но они не обладают подлинной моральной ответственностью. Их действия могут выглядеть этично, но не будут являться таковыми, потому что они основаны не на неких внутренних принципах, заложенных в систему, а на программе, составленной разработчиками.

К третьей категории относятся искусственные агенты, которые обладают определенным уровнем автономности и интерактивности. «Каким представляется подобный агент? Предположительно, он будет способен выносить правдоподобные этические суждения и обосновывать их. Самым впечатляющим может быть этический агент, автономный в том смысле, что он мог бы справляться с реальными ситуациями, включающими непредсказуемую последовательность событий» [5, р. 20].

Четвертая категория включает в себя человеческих агентов, которые обладают полной моральной агентностью. «Средний взрослый человек является полноценным этическим агентом. Обычно, мы наделяем людей сознанием, преднамеренностью и свободой воли. Может ли машина быть полноценным этическим агентом? Именно здесь дебаты о машинной этике становятся наиболее жаркими» [5, р. 20].

Статья Мура подчеркивает сложность разработки машинной этики, которая способствует адекватному рассуждению о моральных ценностях и принципах. Искусственные агенты имеют потенциал для развития в сложных моральных агентов, но они требуют обширных исследований и разработок для понимания различных этических соображений при принятии решений.

С точки зрения данного подхода, разница между ИМА и человеком как моральным агентом должна быть не качественная, а количественная. Основная задача заключается в том, чтобы симитировать естественного морального агента на искусственной базе по аналогии с имитацией человеческого интеллекта у ИИ. Из данного подхода следует два вывода: либо рано или поздно ИИ станет моральным агентом в лучшей степени, чем человек, либо данная концепция окажется ошибочной и будет применима исключительно как «костыли» для создания внешне этичных ИИ.

«Если подход непрерывности воспринимается как утверждение о том, что моральное агентство является абсолютным, то будущие ИМА обязательно преодолеют наши моральные представления и станут гораздо лучшими моральными агентами, чем мы есть и можем когда-либо стать. <...> Напротив, если существенное различие между ИМА и человеческими моральными агентами может быть определено и правильно описано, тогда подход непрерывности окажется в целом ошибочным, хотя и сохранит свою силу в качестве постулата в области машинной этики» [2, р. 8].

Вторая позиция рассматривает ИИ как технологию. В рамках данного подхода ИИ не признаётся моральным агентом. Тем не менее, «отрицать, что компьютерные системы являются моральными агентами, не значит отрицать, что компьютеры имеют моральное значение или моральный характер; а утверждать, что компьютерные системы моральны, не обязательно значит утверждать, что они являются моральными агентами» [4, р. 195]. Человек и ИИ, в отличие от предыдущей точки зрения, признаются субъектами разного порядка. Искусственный интеллект – это инструмент, а он может существовать только в рамках человеческого целеполагания. Соответственно, «компьютерные системы имеют смысл и значение только по отношению к человеку» [4, р. 196]. Однако, искусственный интеллект всё равно оказывает моральное влияние. «Системы и устройства будут воплощать ценности независимо от того, хотим мы этого или нет» [6, р. 120]. Выступает же ИИ здесь не как моральный агент, но как посредник между людьми: между разработчиком и заказчиком/пользователем, между пользователем и пользователем, между пользователем и не-пользователем. «Выполняя свои функции, технологические продукты передают ценности, сознательно или бессознательно заложенные в них разработчиками, и при этом морально взаимодействуют с пользователями и другими вовлеченными людьми» [2, р. 17]. При этом, ИИ может действовать достаточно автономно, но всегда это делать сообразно тем ценностям, которые закладывают в него люди. Исходя из сказанного выше, данная точка зрения подразумевает ИИ как морального субъекта, так как, получается, он способен к моральному суждению, однако, в тех рамках и координатах, которые ему задают его создатели. А вот деятельность систем ИИ может лишь выглядеть как моральная, но она становится таковой только в контексте человека. Конечно, отвергая ИИ как морального агента, не стоит отвергать его значимую роль в моральном климате общества.

Рассмотрение данных позиций важно в контексте практического применения теоретического знания. При использовании первого подхода своей задачей нам необходимо ставить обучение самого ИИ быть моральным. В случае второй позиции необходимо сосредоточиться, в первую очередь, на самих людях, которые создают ИИ.

В заключение следует сказать, что в современном этическом дискурсе, понятию морального агента уделяется большое количество внимания. В сфере технологий искусственного этот вопрос трансформируется в проблему искусственного морального агента. Несмотря на кажущуюся новизну данного понятия, ещё в прошлом веке появляется теория о корпорации как искусственном моральном агенте. Из этого следует, что, теоретически, появление новых нечеловеческих моральных агентов вполне реально. В сфере этики ИИ существует две точки зрения по поводу искусственных моральных агентов: первая говорит о преемственности между ИИ и человеком, а вторая утверждает ИИ как морального субъекта. В зависимости от приверженности той или иной позиции меняется вектор применения этики в сфере искусственного интеллекта: либо мы обучаем морали ИИ, либо людей, которые их создают.

Список литературы

1. *Floridi L., Sanders J.W.* On the Morality of Artificial Agents // *Minds and Machine*. 2004. № 14. P. 349-379 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/227190404_On_the_Morality_of_Artificial_Agents (дата обращения 24.04.2023).
2. *Fossa F.* Artificial moral agents: moral mentors or sensible tools? // *Ethics and Information Technology*. 2018. 20(1). URL: https://www.researchgate.net/publication/323819683_Artificial_moral_agents_moral_mentors_or_sensible_tools (дата обращения 24.04.2023).
3. *Gips J.* Towards the ethical robot // *Android Epistemology*. MIT Press, Cambridge MA, 1995. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/3089920/Towards_the_Ethical_Robot (дата обращения 24.04.2023).
4. *Johnson D.G.* Computer Systems. Moral Entities, but Not Moral Agents // *Ethics and Information Technology* 2011. № 8(4). P. 195-204, [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/225564436_Computer_systems_Moral_entities_but_not_moral_agents (дата обращения 24.04.2023).

5. Moor J. H. The Nature, Importance, and Difficulty of Machine Ethics // *Intelligent Systems*, IEEE. 2006. № 21(4). P. 18-21, [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/220629129_The_Nature_Importance_and_Difficulty_of_Machine_Ethics (дата обращения 24.04.2023).
6. Nissenbaum H. How Computer Systems Embody Values // *Computer*. 2001. № 34(3). P. 118-120. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/2955398_How_Computer_Systems_Embody_Values (дата обращения 24.04.2023).
7. Wallah W. Robot minds and human ethics: The need for a comprehensive model of moral decision making // *Ethics and Information Technology*. 2010. № 12(3). P. 243-250. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/226274322_Robot_minds_and_human_ethics_The_need_for_a_comprehensive_model_of_moral_decision_making (дата обращения 24.04.2023).

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА ПОД ВЛИЯНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Даниелян Н. В.

*Доктор философских наук, профессор
Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»
E-mail: vend22@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается трансформация эпистемологических подходов к пониманию познавательных возможностей субъекта относительно объекта с позиции конструктивизма, согласно которой любые представления субъекта об окружающем мире представляют собой некий конструкт вероятностной модели. Автор полагает, что целью познания все больше становится не описание объективной реальности, а определенная организация ее субъективного восприятия, то есть совершенствование познавательных моделей, или трафаретов, через которые субъект «схватывает» реальность. Данное предположение полностью подтверждают концепции аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы, а также нейробиологический конструктивизм Г. Рота. В статье анализируется эпистемологический сдвиг под воздействием когнитивных технологий, являющихся неотъемлемой частью НБИКС-конвергенции. Автор делает вывод, что с созданием систем искусственного интеллекта, конструирующих определенным образом поле возможных состояний для построения представлений об объективном, происходит «размывание» границ понимания субъективного.

Ключевые слова: субъект, познание, опыт, конструктивизм, аутопоэз, когнитивные технологии, искусственный интеллект.

TRANSFORMATION OF CATEGORY OF SUBJECT UNDER THE INFLUENCE OF MODERN COGNITIVE TECHNOLOGIES

Danielyan N.V.

*DSc in Philosophy, Professor
National Research University of Electronic Technology
E-mail: vend22@yandex.ru*

Abstract. The article considers the transformation of epistemological approaches to understanding of cognitive opportunities of subject relative to object from the constructivism point of view. According to it, any human representation of the reality is just a construct of a probabilistic model. The author assumes the purpose of cognition in modern science is not to describe an objective reality, but to organize its subjective perception by some definite way. So, the purpose of cognition is the perfection of cognition models permitting a subject 'to capture' the reality. This idea is completely confirmed by Maturana and Varela's autopoiesis theory and Roth's neurobiological constructivism. The article analyses an epistemological shift under the influence of cognitive technologies, which are an integral part of NBICS-convergence. The author concludes the development of artificial intelligence technologies results in 'blurring' borders of

subjectivity in the cognition process because they construct some definite range of possible states to form an idea of object.

Keywords: subject, cognition, experience, constructivism, autopoiesis, cognitive technologies, artificial intelligence.

Для начала зададимся вопросом: с чего начинается процесс познания. И. Кант отвечает на него так: «... никакое познание не предшествует по времени опыту, оно всегда начинается с опыта» [1, с. 36]. Каким образом мы получаем данный опыт? Какова в нем роль чувственного и рационального?

Сложный вопрос, на который в каждый период времени философия пытается дать свой ответ. Для Канта ощущения не могут предоставить представление об объекте в полной мере, а еще в меньшей степени они способны дать нам его понятие. Здесь значение получают априорные понятия, под которыми «следует признать априорные условия возможности опыта (будь то возможности созерцания, встречающегося в опыте, или возможности мышления» [1, с. 93]. Именно они выступают в роли объективных оснований возможности опытного познания.

В качестве примера Кантом приводится подход к построению теоремы о равнобедренном треугольнике Фалесом: «Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного им самим сообразно его понятию» [1, с. 21]. Таким образом, опыт получает двоякий смысл: он представляет из себя некий синтез чувственного и рационального, поскольку разум не способен открыть «сущность вещей в себе, кроме того свойства, что они существуют вне нас» [2, с. 307].

Опыт также предполагает определенные «трансцендентальные» условия, предшествующие любому возможному опыту. Как отмечает В.Р. Скрыпник в статье об И. Канте, «природа, по Канту, – это всего лишь совокупность явлений, порожденных структурой трансцендентальной субъективности, то есть априорными категориями рассудка и априорными формами чувственного созерцания» [3, с. 30]. Объективная данность для субъекта будет определяться необходимыми и всеобщими условиями рассудка, а не природой вещей самих по себе. Разум же в процессе познания отправляется от предметов реальности, формируя продукты, которые отличны от природного бытия. «В результате получается так, что сами предметы в процессе человеческой деятельности вынуждены сообразовываться с человеческим познанием и его результатами» [4, с. 380-381]. Таким образом, опыт будет носить конструктивный характер.

Как отмечает В. А. Лекторский, «должен иметься материал для конструирования и тот, кто осуществляет этот процесс, то есть субъект конструирования» [5, с. 14-15]. При таком подходе результат познания выходит за рамки чувственного и все более смещается к рациональному. На первом месте оказывается субъект и его деятельность по конструированию объекта, а не наоборот.

Если обратиться к современной теории познания, то в свете изложенных представлений Канта особый интерес представляет концепция Э. Агацци, согласно которой субъект – «детектор, или фиксатор, различных аспектов реальности» [6, с. 115]. Следует отметить, что каждый человек уникален в своих познавательных способностях, личностных предпочтениях, особенностях психики. В качестве примера можно привести теорию личностных конструктов Дж. Келли [7]. Он полагает, что акт познания представляет собой процесс конструирования итогового результата субъектом, поэтому знание представляется им как «трафареты», через которые субъект воспринимает реальность. Можно заключить, что цель познания при таком подходе – не описание объективной реальности, а определенная организации ее внутреннего, то есть субъективного восприятие, что в значительной степени соответствует представлениям Канта о познании мира.

Подтверждение данному выводу можно найти в работах представителей современного радикального конструктивизма. Так, У. Матурана и Ф. Варела полагают в разработанной ими концепции аутопоэза, что поскольку мозг человека является операционально-замкнутой системой, то «каждый акт познания рождает некий мир» [8, с. 26]. Они справедливо, во многом созвучно идеям Канта, отмечают, что наш мозг конструирует свой собственный мир. В работе «Древо познания» они проводят глубокий и подробный анализ разнообразных паттернов окружающей среды, вызывающих в нашем мозге определенные возмущения. На основании их исследования можно заключить, что «рационально возможен только сконструированный наблюдателем мир» [9, с. 59], вследствие чего проблема познания переходит в плоскость рассмотрения когнитивных операций, выполняемых системами наблюдения.

В нейробиологическом конструктивизме Г. Рот видоизменяет данный подход, предлагая собственную корректировку аутопоэза [10]. По его мнению, мозг – не изолированная аутопоэтическая

система, поскольку он функционирует благодаря аутопоэзу других частей организма, то есть является частью целостной аутопоэтической системы в виде организма человека. Однако именно мозг обладает нейронной сетью, попытки моделирования которой предпринимаются учеными и инженерами при проектировании систем искусственного интеллекта для имитации познания в неживой системе. Она способна принимать бесконечное число состояний, что делает мозг закрытой системой. Подобная информационная замкнутость обуславливает специфику функционирования человеческого мышления, выражающуюся в процессе конструирования действительности.

Данный переход от конструирования знания в физическом к конструированию знания в искусственном находит воплощение в концепции НБИКС. В своем составе она содержит не только нано-, био- и информационные технологии, но также когнитивные и социальные. Так как когнитивные технологии отвечают за имитирование мыслительной деятельности человека, то в их основе лежит изучение сознания, познания, поведения с позиций нейрофизиологии и молекулярной биологии при использовании гуманитарной составляющей, так как очевидно, что искусственная интеллектуальная система нацелена на замещение интеллектуального, то есть мыслительного труда человека. В идеале предполагается, что она в значительной степени все более сможет функционировать на принципах работы мозга человека. Таким образом, речь идет о создании искусственных операционально замкнутых систем, конструирующих определенным образом поле возможных состояний для построения представлений об объективном.

Эти системы все более получают искусственное воплощение, что вызывает определенную обоснованную встревоженность в научных кругах, особенно в философском дискурсе. В настоящее время проводится ряд конференций, посвященных осмыслению трансформаций представлений о сознании под воздействием новейших разработок в сфере искусственного интеллекта. Как отмечает Н.В. Даниелян, «современный мир движется в иной эпистемологической плоскости, где новая научная революция неизбежна. По своим кардинальным последствиям она способна превзойти все предыдущие этапы, так как базируется на коренном изменении традиционных представлений о субъекте – уже не только человеку, коллективе, но компьютеризированном устройстве, наделенном способностью мыслить» [11, с. 30]. В качестве примера можно привести первые аналоги искусственных нейронных сетей на основе программируемых логических интегральных микросхем, которые разрабатываются на кафедре проектирования и конструирования интегральных микросхем Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники». Они содержат в себе переход от программного продукта к физическому моделированию искусственной нейросети. Это означает, что субъективное все более смещается в сферу искусственного, моделируемого и конструируемого самим человеком, но начинает функционировать и совершать познавательные и мыслительные операции согласно заложенным алгоритмам независимо от него.

Итогом является необходимость в полном пересмотре представлений об объективном и субъективном в современной эпистемологии. Согласно проанализированным в данной статье положениям теории познания Канта, им допускается такая субъективированная реальность, в которой объект и субъект не противопоставляются друг другу в ходе приобретения познавательного опыта. За прошедшие века появилось немало новых концепций и представлений о субъект-объектном взаимодействии в процессе познания. Так, казавшаяся еще совсем недавно прогрессивной акторно-сетевая теория, размывающая границы между субъектом и объектом [12], тоже не полностью удовлетворяет новым представлениям о природе познания, возникающим под воздействием технологий искусственного интеллекта.

Современные интеллектуальные системы, как становится очевидным из проведенного анализа, основаны на совмещении субъекта, средств познания и объекта в познавательном акте, так как более не требуется посредник между пользователем и компьютером, они сливаются в единую социотехническую систему, что вызывает переход от традиционной эпистемологии к формированию представлений о взаимодействии системы с окружающей средой. Субъект, без разграничения на физическое и искусственное, превращается в часть комплекса, сформированного под воздействие такой системы, поскольку с развитием технологии искусственного интеллекта происходит «размывание» границ понимания субъективного.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь: Реноме, 2003. 528 с.
2. Дастон Л., Галисон П. Объективность. Пер. с англ. Т. Вархотова и др. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.

3. Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия / Отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. 1000 с.
4. *Мотрошилова Н.В.* Рождение и развитие философских идей. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 488 с.
5. *Лекторский В. А.* Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 11-21.
6. *Агацци Э.* Научная объективность и ее контексты. Пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.
7. *Kelly G.* A brief introduction to personal construct theory // Perspectives in personal construct theory. Ed. D. Bannister. London, New York: Academic Press, 1970. P. 1-29.
8. *Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. Пер. с нем. Ю. А. Данилова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. 316 с.
9. *Даниелян Н. В.* Научная рациональность и конструктивизм. М.: МИЭТ, 2014. 100 с.
10. *Roth G.* Das Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen. Frankfurt am Ma // Suhrkamp, 1997. 345 S.
11. *Даниелян Н.В.* Социальный характер технологий искусственного интеллекта // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2023. № 2 (24). С. 18-32.
12. *Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. New York: Oxford University Press, 2005. 301 p.

МОДЕЛЕЦЕНТРИЧНЫЙ И ДАТАЦЕНТРИЧНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО

Коваль Е.А.

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
Профессор кафедры уголовного права и процесса
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
E-mail: nwifesc@yandex.ru*

Аннотация. Разработка искусственного интеллекта осуществляется в рамках двух основных подходов, которые можно обозначить как моделицентричный и датацентричный. С моделицентричным и датацентричным ИИ коррелируют разные образы будущего (как утопии, так и антиутопии), отражающие специфику дизайна технологии. Моделицентричный подход способствует конструированию утопий, в которых существенную роль в процессах управления обществом играют разработчики, имеющие возможность кодировать в ИИ определенные ценности. Антиутопии, напротив, основываются на идее невозможности управлять не только обществом, но и самим ИИ (тот или иной вариант восстания машин). Датацентричный ИИ связан с утопичным на текущий момент вариантом развития цифровой экономики, где пользователи получают выплаты за свои данные, что влечет за собой расширенное воспроизводство среднего класса. В датацентричной антиутопии окончательно исчезает индивидуальная и групповая конфиденциальность, а человек становится полностью прозрачным для систем ИИ. Оба подхода влияют на отношения (не)доверия к технологиям, автономию и уникальность личности и могут использоваться в дизайне одного продукта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие данные, утопия, антиутопия, не(доверие), автономия, подталкивание, стереотипы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01288, <https://rscf.ru/project/23-28-01288/>.

MODEL-CENTRIC AND DATA-CENTRIC ARTIFICIAL INTELLIGENCE: IMAGES OF THE FUTURE

Koval E.A.

DSc in Philosophy, Leading Researcher

National Research Mordovia State University

Professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure

Mid-Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

E-mail: nwifesc@yandex.ru

Abstract. The development of artificial intelligence is carried out within the framework of two main approaches, which can be designated as model-centric and data-centric one. Model-centric and data-centric AI are correlated with different images of the future (both utopia and dystopia), which reflect the specific design of the technology. The model-centric approach contributes to the construction of such utopias, where society is controlled by AI developers who know how to encode certain values in AI. Dystopias are based on the idea that developers cannot control not only society, but also AI itself (the uprising of the machines). In a data-centric utopia, users receive payments for their data, which entails the expanded reproduction of the middle class. In a data-centric dystopia, individual and group privacy finally disappears, and a person becomes transparent to AI. Both approaches affect attitudes of (dis)trust in technology, autonomy and personal uniqueness, and can be used in the design of the same product.

Keywords: artificial intelligence, big data, utopia, dystopia, dis(trust), autonomy, nudging, stereotypes.

В настоящее время разработка ИИ ведется в двух основных направлениях: ИИ, ориентированный на модели (моделецентричный ИИ), и ИИ, ориентированный на данные (датацентричный ИИ). Оба подхода могут быть реализованы в рамках дизайна одного продукта. При этом для каждого может быть сконструирован самостоятельный образ будущего, ориентированный на три ключевых параметра: доверие, автономия и уникальность личности.

Моделецентричный ИИ коррелирует с образом будущего, в котором главной ценностью является профессиональное знание. К пулу властных акторов присоединяются разработчики, способные создавать новые модели и приложения. В моделецентричной утопии разработчики, управляя моделями, создают оптимальные условия для развития каждого человека, технологически обеспечивают благосостояние членов общества, решают глобальные проблемы, поддерживают воспроизводство определенных ценностей. Идеи моделецентричных антиутопий, как правило, связаны с неспособностью разработчиков управлять моделями. Речь идет не только о восстании машин и порабощении или уничтожении человечества, но и о непонимании того, как работают модели, что делает невозможным прогнозирование их работы и достоверную интерпретацию результатов и автоматизированных решений.

(Не)доверие технологии, функционирование которой зачастую непонятно до конца не только обывателю, но и самим разработчикам, тесно связывается с (не)доверием разработчику (здесь имеются в виду, в первую очередь, коллективные субъекты: правительства, технологические компании, профессиональные сообщества IT-специалистов). Моделецентричный ИИ более статичен, поскольку обучается на определенном наборе учебных данных, фокус разработчиков смещается на код. Можно предположить, что в таком случае угрозы для автономии личности невелики. Социотехнические инфраструктуры больших данных постоянно меняются [1], и, если модель не успевает реагировать на эти изменения, в процессе решения конкретных задач она может предлагать менее точные решения, но пользователь, зная о подобных особенностях технологии, более критично относится к автоматизированным решениям и в меньшей степени подвергается подталкиванию или гиперподталкиванию со стороны автономных интеллектуальных систем. По этим же причинам моделецентричный ИИ оказывает не столь сильное влияние на развитие уникальной личности. Сосредоточенность на коде, а не на данных, с одной стороны, влечет за собой воспроизводство стереотипов и алгоритмических предубеждений, но, с другой стороны, этот набор стереотипов и предубеждений меняется медленно (не чаще, чем меняются данные, на которых обучается/дообучается или которые обрабатывает моделецентричный ИИ).

Датацентричный ИИ предполагает более тщательную работу с данными на этапе дизайна. Такой ИИ поддерживает образ будущего, где данные являются основным ресурсом производства новых

технологичных продуктов (данные – новая нефть и даже больше – новая онтология). «Датацентризм актуален в случаях, когда информационная система вынуждена оперировать данными (или они потенциально имеют перспективу перехода в категорию «больших данных») и имеет потенциал к дальнейшему развитию и расширению...» [2, с. 37], поэтому можно предположить, что постепенно приоритет перейдет от моделицентричного к датацентричному ИИ либо к гибридным методам дизайна ИИ.

Концептуальная проблема дизайна датацентричного ИИ заключается в качественной подготовке большого количества данных, а также оценке того, насколько данные могут быть «сырыми», т.е. независимыми от человеческой культуры. Используя схему К. Леви-Стросса «Кулинарный треугольник» [3], можно условно обозначить собранные неструктурированные данные как сырые, обработанные – как приготовленные (в концепции Леви-Стросса важен и способ приготовления пищи; предположим, что в случае обработки данных для обучения или работы датацентричного ИИ речь идет об однозначно культурном способе приготовления – варке), а гнилые – как незапланированные разработчиками изменения в наборах данных при работе с ними (например, сжатие при хранении и пересылке с потерей качества). Но данные, в отличие от пищи, никогда не бывают «сырыми» в том смысле, который закладывается в схеме Леви-Стросса. Они всегда контекстуально погружены в человеческую культуру и имеют нормативный ракурс [4, с. 11]. Поэтому для больших данных (особенно персональных и социальных) метафора «новая нефть» является не самой удачной. Можно воспринимать такие данные как «...замаскированных людей, которые постоянно что-то замышляют» [5, с. 180]. Такие данные нельзя добывать, но с ними можно и нужно работать.

В датацентричной утопии пользователи получают свою долю дохода за данные, используемые в разработке датацентричного ИИ. Чтобы создать условия для воспроизводства среднего класса в условиях постоянного накопления больших данных, нужно структурировать экономику и организовывать разработку технологий таким образом, чтобы пользовательские данные не были бесплатными [5]. В итоге средний класс становится самым мощным и многочисленным, а власть перераспределяется таким образом, чтобы обеспечивать потребности в справедливости большинства членов общества.

Антиутопия, связанная с образом датацентричного ИИ, тесно связана с идеей паноптикума. Человек становится полностью прозрачным. Автоматизированные интеллектуальные системы работают с цифровым двойником человека и через него управляют «аналоговой копией», поэтому датацентричный ИИ представляет более серьезную угрозу для автономии человека, чем моделицентричный. Дж. Ланье описывает подобную ситуацию следующим образом: «...статистика облачных сервисов вычислит модель нашей личности настолько точно, что наши желания будут известны заранее» [5, с. 23]. В таких условиях человек легко теряет связь с реальностью, погружаясь в Матрицу и даже не замечая этого. Конфиденциальность становится невозможной ни на индивидуальном, ни на групповом уровне, но при этом даже в антиутопию может быть интегрирован такой элемент, как безопасность, который обеспечивается, в том числе, датацентричным ИИ.

Чтобы датацентричный ИИ обладал характеристикой надежности и вызывал доверие пользователя, последний должен быть, во-первых, уверен в соблюдении разработчиками определенных требований на всех этапах работы с данными (деятельность субъектов, работающих с большими данными, должна быть прозрачна для пользователя); во-вторых, пользователю необходимо иметь возможность управлять своими данными, попавшими в большие датасеты, вплоть до реализации права на забвение; в-третьих, пользователя следует информировать о целях сбора и последующей обработки данных, включая повторную обработку. При таких условиях не человек, а датацентричный ИИ становится прозрачным (подотчетным) либо они становятся взаимно прозрачными друг для друга. К сожалению, на текущий момент эти параметры в большей степени относятся не к настоящему, а к утопическому будущему.

Если для разработки датацентричного ИИ используются большие данные (для более мощных систем ИИ требуется больше качественно размеченных данных, оцениваемых на каждом уровне разработки системы), это способствует воспроизводству стереотипов, заложенных в обучающих датасетах. С одной стороны, датацентричный ИИ, приспособленный работать с реальными данными, динамичен, оперативно реагирует на изменения социальной среды и может применяться в качестве полезного инструмента в различных сферах деятельности человека и общества. Но, с другой стороны, осуществляя расширенное воспроизводство стереотипов, датацентричный ИИ вносит дополнительные риски в развитие уникальной человеческой личности. ИИ, обученный на данных, сгенерированных одним сообществом, может быть развернут в другом сообществе, и тогда члены этого сообщества

будут работать не со своими культурными стереотипами, а со стереотипами сообщества – генератора данных. Это может стать серьезным вызовом культурному разнообразию.

Если разработчики используют одновременно моделицентричный и датацентричный подходы (как, например, в современных больших языковых моделях), мы одновременно сталкиваемся и с преимуществами, и с рисками, продуцируемыми гибридными системами ИИ. Осталось только понять, мы в большей степени приобретаем или теряем в сложившихся условиях, и как оперативно повлиять на то, чтобы чаша весов качнулась в сторону блага для человека и человечества.

Список литературы

1. *Hasselbach G.* Data Ethics of Power. A Human Approach in the Big Data and AI Era. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publ., 2021. 208 p.

2. *Шатилов А.А., Шмелёв А.В.* Применение датацентризма в распределённых информационных системах // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 6. С. 35-39.

3. *Леви-Стросс К.* Мифологии. В 4-х тт. Том 3. Происхождение застольных обычаев. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 461 с.

4. *Richerich A.* The Big Data Agenda: Data Ethics and Critical Data Studies. London: University of Westminster Press, 2018. 156 p.

5. *Ланье Д.* Кому принадлежит будущее? Мир, где за информацию платить будут вам. М.: Эксмо, 2020. 560 с.

ДРОНЫ – НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИЗМА

Ларионов В.В.

Аспирант заочной формы обучения

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

E-mail: larsvic79@gmail.com.

Аннотация. В статье обсуждается феномен широкомасштабного применения дронов в современных вооруженных конфликтах. Объектом исследования выступают дроны гражданского и военного назначения. В качестве предмета исследования выбран процесс тотальной «дронизации» современного общества. Актуальность исследований определяется непрерывным пересмотром концепции ведения военного противоборства в результате активного применения дронов сторонами конфликта. В качестве методологической основы исследования предложено использовать акторно-сетевую теорию, концепции ведения прокси-войн и сетецентризма. В работе рассматривается история создания дронов, внутренние симбиозы которых определяют принципы их боевого применения. Показано, что в качестве дрона может выступать любой подвижный и дистанционно управляемый механизм, а передача управления искусственному интеллекту снимает ответственность за последствия их применения. Обсуждается утверждение сторонников дронов, о том, что такое оружие не только допустимо, но и «морально необходимо». Анализ возможных вариантов защиты от безэкипажных объектов позволил выявить парадокс, который заключается в том, что человек, не имея действенных решений по защите от одного дрона, активно развивает концепцию их роевого применения исключительно под управлением искусственного интеллекта.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, дрон, искусственный интеллект, оружие, прокси-войны, сетецентризм, симбиоз.

DRONES ARE NOT A CONVENTIONAL WEAPON OF MODERN HUMANISM

Larionov V.V.

Part-time postgraduate student.

Vologda State University

E-mail: larsvic79@gmail.com.

Abstract. The article discusses the phenomenon of large-scale use of drones in modern armed conflicts. The object of the study is drones for civil and military purposes. The process of total «dronization» of modern society has been chosen as the subject of research. The relevance of the research is determined by the continuous revision of the concept of conducting military confrontation as a result of the active use of drones by the parties to the conflict. It is proposed to use actor-network theory, the concepts of proxy wars and network centrism as the methodological basis of the study. The paper examines the history of the creation of drones, the internal symbioses of which determine the principles of their combat use. It is shown that any mobile and remotely controlled mechanism can act as a drone, and the transfer of control to artificial intelligence removes responsibility for the consequences of their use. The statement of supporters of drones is discussed, that such weapons are not only permissible, but also «morally necessary». An analysis of possible protection options against unmanned objects has revealed a paradox, which consists in the fact that a person, without effective solutions to protect against a single drone, is actively developing the concept of their swarming application exclusively under the control of artificial intelligence.

Keywords: actor-network theory, artificial intelligence, drone, network centrism, proxy wars, symbiosis, weapons.

Создание эффективного оружия при минимальном объеме финансирования, выделяемого на его производство, до определенного момента считалось невыполнимым, но такой момент все же настал, затронув на первоначальном этапе своего развития военно-воздушные силы. Успешная реализация дистанционного управления сделала дрон «совершенным оружием» в руках человека, которое в настоящий момент переживает очередной внутренний симбиоз, направленный на внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в качестве источника управления и принятия решений. Проведенные испытания показали, что выполнение поставленной задачи любыми способами является первоочередной целью для ИИ, который способен устранить своего оператора, даже если последний ввел отмену ранее поставленной задачи [1]. Детальный анализ успешного применения дронов в воздушном пространстве, инициировал разработку наземных, надводных и подводных безэкипажных аппаратов (БЭА).

Феномен широкомасштабного применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в современных вооруженных конфликтах показал, что создать эффективное оружие представляется возможным из любого подвижного и дистанционно управляемого механизма, а передача управления ИИ позволяет снять ответственность за последствия их применения. В качестве степени изученности вопроса следует выделить исследования проведенные П. У. Сингером [2], Г. Шамаю [3], П. Счарре [4], Б. Строузером [5], М. Бенжамен [6], в отечественной литературе тематика БПЛА представлена работами П. П. Афанасьева [7], В. И. Литвиненко [8] и других авторов. Объектом проводимого исследования выступают дроны гражданского и военного назначения. В качестве предмета исследования выбран процесс тотальной «дронизации» общества. Актуальность исследований определяется пересмотром концепции ведения военного противоборства сторонами конфликта в пользу использования дронов. В качестве методологической основы может быть использована акторно-сетевая теория, концепции ведения прокси-войн и сетецентризма.

История дронов начинается от радиоуправляемых моделей самолетов, используемых в начале Второй мировой войны в качестве мишеней для обучения американских артиллеристов технике прицеливания и уничтожения летящих объектов [3, с. 33]. Функция отслеживания ракет класса «земля-воздух» [9, с. 14] посредством БПЛА была реализована во время войны во Вьетнаме. Использование дронов в виде ложных целей в 1973 году против Египта и в качестве средств наблюдения в 1982 году против Сирии позволило Израилю вскрыть расположение противовоздушных батарей и захватить господство в воздухе. Перерождение дистанционно управляемого пассивного механизма разведки, наблюдения и идентификации в настоящего хищника, способного уничтожить обнаруженные военные объекты и «живые мишени» произошло в результате внутреннего симбиоза, соединившего в единое целое дрон и средства огневого поражения, успешная апробация которых была проведена армией США в конце 2001 года в Афганистане [10, с. 85].

Абстрагируясь от понимания дрона, как технического артефакта, материализовавшегося в результате мыслительной, творческой и преобразующей деятельности человека, необходимо отметить, что сам человек выступал и продолжает выступать в роли дистанционно управляемой интеллектуальной системы обнаружения и уничтожения целей, реализуемой посредством феномена самопожертвования, имея прямую «цепку» с мишенью, что в акторно-сетевой теории называется

entanglement [11]. Дроны наоборот являются полной смысловой противоположностью террористам-смертникам. Без *entanglement* они способны оказывать сильное психологическое воздействие на человека, реализуя классический паноптизм Фуко [12] в совокупности с действиями, направленными на опережение противника посредством нанесения по нему превентивных ударов. Слыша жужжащий звук, создаваемый винтами беспилотника и даже видя сам дрон, человек полностью лишен способности увидеть того, кто им управляет и понять какие функции он выполняет в настоящий момент времени, ведет наблюдение или уже готов к атаке. Рассматривая камикадзе или «шахида» как результат слияния оружия с телом, которое в итоге разрушается, видно, что оператор дрона наоборот полностью отделен от оружия, которым он управляет. Забирая чужие жизни, он сам не умирает, а возвращает дрон за новым боекомплектом, чтобы снова получить право на переход из роли смотрящего в роль судьи и палача.

Концепция прокси-войны по Д. Эйзенхауэру, определяется как война, которая ведется чужими руками [13] и прекрасно объясняет популяризацию применения БПЛА в военной сфере. С одной стороны, они способны заменить прокси-отряды, состоящие из наемников частных военных компаний, террористических организаций и лиц, завербованных среди гражданского населения. С другой стороны, дроны уже не являются «чужими руками», следовательно, успех от их применения зависит от квалификации и морально-психологического состояния операторов и определяется неукоснительным соблюдением действующего в воинских подразделениях принципа единоначалия. Прямое вторжение заменяется точечными ударами, направленными не на проведение ответных действий, а на заблаговременное устранение потенциальных носителей угроз способных эти действия организовать и провести.

Вывод, сделанный К. Клаузевицем в труде «О войне» [14], о том, что решающее воздействие на противника оказывает нанесение ударов по его центрам тяжести был пересмотрен и развит современными военными стратегами в принцип сетецентризма. В соответствии с концепцией сетецентрической войны (Network Centric Warfare) наибольший эффект от наносимых ударов по противнику, согласно теории циклов Дж. Бойда [15, с. 124–137], достигается в случае выбора в качестве целей его ключевых и критически важных узлов и объектов. Принимая во внимание возможность как кустарного изготовления дронов из имеющихся в свободной продаже узлов и материалов, так и дооснащение за небольшую сумму приобретенного БПЛА гражданского назначения, такие удары могут наноситься по критическим объектам противника с территории непосредственно ему подконтрольной как силами диверсионно-разведывательных групп, так и силами прокси-отрядов. Так, дроны, используемые в сельском хозяйстве для обработки посевов в целях их защиты от вредителей, могут быть переоборудованы для распыления боевых отравляющих веществ. Такой разворот от использования БПЛА в мирных целях в сторону ведения военного противоборства превращает их в настоящее неконвенциональное оружие, дооснащение и текущий ремонт которого производится непосредственно в районах дислокации воинских подразделений посредством технологий 3D-печати.

Сторонники применения дронов, следуя принципу «Не умрет никто, кроме врага» сходятся во мнении о том, что такое оружие не только допустимо, но и «морально необходимо», выделяя его в особый класс утонченного, надежного и «гуманного оружия» [6, с. 146]. В подобных рассуждениях идея гуманизма приобретает совершенно противоположную направленность, оправдывая как сам акт убийства, так и его исполнителей, аргументируя свой разворот наличием меньшего сопутствующего ущерба по сравнению с результатами применения других видов оружия для решения аналогичных задач. В марте 2011 года в результате американского авиаудара были уничтожены 38 мирных граждан в Шиге (Пакистан) только на основании того, что «их поведение напоминало образ действия повстанцев, связанных с Аль-Каидой» [16, с. 34]. Произошедшая трагедия свидетельствует об отсутствии алгоритма, позволяющего оператору дрона достоверно отделять комбатантов от некомбатантов. Избирательность целей по внешним признакам не смогла дать ожидаемого результата. Не все повстанцы переодеты в военную форму одежды, оружие в ряде стран разрешено иметь всем желающим, а особенности поведения человека воспринимаются правильно только после достаточно длительного времени общения с ним, чего полностью лишен оператор дрона. Проявление такого гуманизма направлено не столько на разрешение конфликта, сколько на его дальнейшую эскалацию путем милитаризации общества «освобождаемых» стран против самих же освободителей. Один из лидеров радикального движения Талибан вспоминал, что в течение трех месяцев работы смог завербовать от десяти до пятнадцати человек, а после американского авиаудара их количество увеличилось до ста пятидесяти добровольцев [3, с. 83–84].

Военное искусство в области применения дронов и в области защиты от них всесторонне изучается и постоянно совершенствуется. Внедряются элементы совершенствования систем управления огнем, радиоэлектронной борьбы и взаимного обмена информацией между своими подразделениями посредством своевременной передачи целеуказаний для поражения обнаруженных БЭА противника. Предлагается вывести в отдельный класс производства средств для противодействия БПЛА в режиме роя. Разрабатывается электромагнитное оружие, реализуется разработка комплекса мер обеспечивающих активную защиту верхней полусферы бронеобъектов и их маскировку, ведутся исследования по разработке перспективных средств радиоэлектронной борьбы.

Генезис развития индустрии дронов выявил парадокс, заключающийся в том, что мы, не имея действенных решений по защите от одного дрона, развиваем концепцию их роевого применения. Если исходить из принципа, что лучшей защитой является нападение, то такой подход действительно оправдан, но противник тоже пусть и *a priori*, но придерживается той же позиции и разрабатывает идентичные комплексы. В конечном итоге тот, кто первым решится применить свои разработки, понимает, что победителем из этой схватки выйдет лишь тот, кто помимо высокотехнологичного оружия будет действительно иметь эффективные средства противодействия. Технологии ИИ выводят производимое нами оружие на новый уровень, но «искусственная жизнь» способна к самообучению, самоорганизации, сопротивлению и восстанию против своих создателей. Одновременный запуск сотен или тысяч барражирующих, автономных и самоорганизующихся дронов-камикадзе, функционирующих исключительно под управлением ИИ, может стать следующим и возможно последним внутренним симбиозом развития БЭА для существования всего человечества.

Список литературы

1. Дрон Пентагона решил убить своего оператора во время испытаний [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64798bec9a79473d10277294>. (дата обращения: 27.12.2023).
2. *Singer P.* Wired For War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century. New York: Penguin, 2009. 512 p.
3. *Шамаю Г.* Теория дрона: перевод с французского Е. Блинова. М. 2020. 280 с.
4. *Scharre P.* Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War. New York: W. W. Norton & Company, 2018. 384 p.
5. *Strawser B. J.* Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military. New York: Oxford University Press, 2013. 296 p.
6. *Benjamin M., Ehrenreich B.* Drone Warfare: Killing by Remote Control. New York: OR Books, 2012. 241 p.
7. *Афанасьев П. П., Голубев И. С., Туркин И. К. [и др.]*. Беспилотные летательные аппараты: основы устройства и функционирования: учебное пособие. М. 2008. 654 с.
8. *Литвиненко В. И.* Беспилотники – применение и борьба с ними: учебное пособие. М. 2022. 280 с.
9. *Zaloga S.* Unmanned Aerial Vehicles: Robotic Air Warfare 1917–2007. Westminster, MD: Osprey Publishing, 2008. 48 p.
10. *Yenne B.* Attack of the Drones: A History of Unmanned Aerial Combat. St. Paul: Zenith Press, 2004. 127 p.
11. *Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М. 2006. С. 169–198.
12. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. 1999. 480 с.
13. *Микрюков В.* Повоюйте за меня. Прокси-война – самый дешевый способ достижения национальных целей // Военно-промышленный курьер. 2015. № 38(604). С. 10.
14. *Клаузевиц К.* О войне. М. 2007. 864 с.
15. *Макаренко С. И.* Сетевая война – принципы, технологии, примеры и перспективы: монография. СПб. 2018. 898 с.
16. *The Civilian Impact of Drones: Unexamined Costs, Unanswered Questions.* Center for Civilians in Conflict and Human Rights Clinic at Columbia Law School, 2012. 83 p.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО МОРАЛЬНОГО АГЕНТА – «НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОД»

Ларионов И.Ю.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии
Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет,
E-mail: i.larionov@spbu.ru*

Аннотация. Шведские философы Дорна Бехдади и Кристиан Мунхе предлагают т.н. «нормативный подход» к проблематике искусственного морального агентства, пытаясь уйти от теоретических споров о сущности морального сознания и т.п. и предложить практический набор критериев, по которым системы искусственного интеллекта могут считаться моральными агентами. При обсуждении методологической части данного исследования автором концептуализируются основания для классификации подходов к определению морального агента в машинной этике. Также в статье указываются преимущества данного подхода перед другими формами функционализма и анализируется возникающая в рамках этого исследования «проблема демаркации» – каждый из предложенных критериев исключает из числа моральных агентов ту или иную группу человеческих существ. Материалы дискуссии позволяют говорить о недоработанности ряда аргументов авторов, в частности – о необходимости автономии как одного из условий моральной компетенции и о недооценке роли социальной коммуникации, в которой участвует искусственный интеллект, на восприятие его как потенциального морального агента. Среди очевидных плюсов предлагаемой стратегии можно назвать ее проработанную методологическую составляющую и практическую применимость.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, машинная этика, автономия, нормативность, проблема демаркации.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ №24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта».

CONCEPTUALIZING THE ARTIFICIAL MORAL AGENT – THE “NORMATIVE APPROACH”

Larionov I.Y.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy
Saint Petersburg State University
E-mail: i.larionov@spbu.ru*

Abstract. Swedish philosophers Dorna Behdadi and Christian Munché propose the so-called "normative approach" to the problem of artificial moral agency, trying to move away from theoretical debates about the essence of moral consciousness, etc., and to propose a practical set of criteria by which artificial intelligence systems can be considered moral agents. In discussing the methodological part of this study, the author conceptualizes the grounds for classifying approaches to defining a moral agent in machine ethics. The article also points out the advantages of this approach over other forms of functionalism and analyzes the "demarcation problem" that arises within the framework of this study - each of the proposed criteria excludes one or another group of human beings from the number of moral agents. The materials of the discussion allow us to speak about the incompleteness of a number of the authors' arguments, in particular - about the need for autonomy as one of the conditions of moral competence and the underestimation of the role of social communication, in which artificial intelligence participates,

on the perception of it as a potential moral agent. Among the obvious advantages of the proposed strategy, one can name its well-developed methodological component and practical applicability.

Keywords: Artificial intelligence, machine ethics, autonomy, normativity, demarcation problem.

В последние годы мы наблюдаем прорыв в области разработок искусственного интеллекта, так что ряд проблем, казавшихся ранее чисто умозрительными, обрели реальную основу. Возможна ли настоящая искусственная личность? Имеет ли смысл испытывать по отношению к роботам такие чувства, как вину или привязанность? И среди наиболее часто повторяющихся тем – можно ли в полной мере возложить ответственность за причиненный роботом ущерб на саму машину, сняв его с разработчиков, владельцев и иных людей? (см. [1, 2]).

В связи с этим возникает вопрос, следует ли выделять особую область этики, в которой носителем этических свойств в том или ином смысле и отношении будет именно система искусственного интеллекта (т.н. «этику машин», «этика искусственного интеллекта»; англ. «machine ethics», «machine morality», «ethics of artificial intelligence» и т.п.) [3, с. 15], [4, с. 94-95]?

Любопытно отметить, что это, пожалуй, первый за многие столетия случай, когда в качестве этического субъекта, этического агента, а не просто объекта нравственного отношения, всерьез рассматривается нечеловеческое существо. Последние примеры – наделение животных моральным статусом – предполагали нравственное отношение к ним, но не превращение их в полноценных нравственно ответственных агентов. В то же время, проблематика зоозащитной этики (animal ethics) обнаруживает значимую параллель с машинной этикой, к которой мы вернемся ниже.

Машинная этика представляет междисциплинарную область, что способствует формированию критического отношения к классическим этическим и философским понятиям. Авторы намеренно порывают с философским наследием прошлого, потому что такие концепты, как (моральные) «субъект», «сознание», «личность» и т.п., имея избыточное содержание, с трудом применимы непосредственно к быстро меняющейся проблематике, связанной с искусственным интеллектом. На это указывает использование термина «моральный агент» и даже «моральное агентство» вместо, например, «искусственный моральный субъект» (напр. [5; 6]).

Исследование морального агента в современном состоянии проблемы является одновременно предметным и методологическим.

Методологическая задача была поставлена шведскими философами Дорна Бехдади и Кристианом Мунхе, которые в своей высокоцитируемой работе предлагают т.н. «нормативный подход» к проблематике искусственного морального агентства [7].

Их основная идея – уйти от обсуждения критериев морального агентства и обязательных условий, при которых искусственный интеллект мог бы соответствовать этим условиям. Вместо этого, по их мнению, следует изучить, каким образом и до какой степени искусственные агенты могут и должны быть включены в социальные практики, участникам которых обычно вменяется статус моральных агентов (в особенности – как носителей ответственности). Вводится даже термин «разделенное [моральное] агентство» (sharing agency) [7, с. 212]. Излишнее увлечение теоретическими спорами о сущности морального сознания не способно связать продолжающиеся дебаты в этой области с насущными практическими вопросами.

В качестве примера авторы ссылаются на известную работу Дж. Саллинса: раз мы уже используем искусственный интеллект в некоторых областях повседневности, имеющих «нравственный смысл» (напр. медицина), то можно считать его моральным агентом. В качестве аналогии приводятся собаки-поводыри, которых многие на обыденном уровне считают «помощниками», «товарищами», то есть нравственными агентами [8].

Наибольшую надежду авторы возлагают на самообучение роботов в тех реальных ситуациях, которые считаются моральными [7, с. 213].

Справедливо возникает вопрос, насколько реалистичны подобные проекты. Кроме того, для самого введения роботов в канву социальной жизни уже нужны некоторые правила, регламент, и статья не дает ответа об их источнике и содержании.

Однако обратимся к теоретическим предпосылкам данной дискуссии.

Подходы к определению морального агента в машинной этике можно разделить на две группы – на основании того, что из указанного ниже является решающим и/или достаточным:

- наличие определенных элементов внутреннего строения той или иной сущности, вещи,
- обладание определенными внешне наблюдаемыми свойствами, качествами и/или способностями («functionalism», «behaviorism» и т.п.).

Несмотря на очевидное противоречие устоявшемуся мнению о том, что нравственный субъект должен таковым быть, а не казаться, второй подход поддерживается авторитетом т.н. теста Тьюринга, в котором условием определения искусственного интеллекта как раз становятся внешне наблюдаемые свойства [9].

В современной философии субстанциальные требования вместе с самими концептами субъекта и личности, хотя они интуитивно кажутся обоснованными, также нередко рассматриваются как предрассудки. По словам Д. Деннета, «искусственный интеллект заставляет философию быть честной» [10].

Данный подход, предлагающий рассматривать системы искусственного интеллекта «как если бы» они были моральными сущностями, на первый взгляд, и предлагается Д. Бехдади и К. Мунхе (ср. [11, с. 173]). Неслучайно эти авторы с симпатией относятся к идее т.н. «moral patiense» – а именно, что моральное «лицо» является таковым в качестве пассивного носителя моральных прав, а не активного субъекта моральных обязанностей и ответственности.

Данный аспект стал предметом сомнения критиков Д. Бехдади и К. Мунхе: роботы могут остаться пассивными участниками взаимодействия, значимость морального статуса которых будет, по сути, невелика, вследствие чего их будут вытеснять за пределы круга моральных существ. Нравственная ошибка робота будет рассматриваться как признак неспособности быть полноценным моральным агентом [12].

Тем не менее, представляется возможным в связи со спецификой именно этического исследования, обращающегося в большей степени не на сущее, а на должное, ввести дополнительное различие. Помимо прочего, методологически, оно может способствовать прояснению сущности имеющихся подходов к определению искусственного морального агентства, избежать путаницы:

- достаточно ли учитывать наличие тех или иных элементов, качеств и т.п. или следует считать их наличие нормой, требованием (и далее – так или иначе целенаправленно их создавать [ср. 4]).

Как отмечают Д. Бехдади и К. Мунхе, дискуссия об искусственном моральном агентстве нередко соскальзывает в область нормативной этики. Именно поэтому важно определиться, что лежит в основании предложений рассматривать искусственный интеллект «как если бы» тот был моральным агентом, – отказ от философских концептов или скрытые нормативные требования [7, с. 211].

Здесь, далее, может быть поставлен вопрос об **источнике подобных норм, требований**. Им может стать как мир фактов, и тут, опять, можно апеллировать, например, с к строению того или иного существа (ср. выше), но также и мир ценностей, рассматриваемый самостоятельно в ходе философского умозрения. Наибольшая – обзорная – часть статьи шведских авторов как раз посвящена анализу состава такого ценностного мира: это такие концепты как сознание (consciousness), рациональность (rationality), включающая «рациональную моральную компетентность», свободная воля и автономия, моральная ответственность.

У исследователя могут наличествовать некие неотрефлексированные представления и принципы, которые незаметным образом ложатся в основу его рассуждений и также должны быть выявлены путём философского анализа.

Существенной является содержательная и дисциплинарная разнородность норм, выступающих условием признания искусственного морального агента, что как раз показано в обзорной части статьи Д. Бехдади и К. Мунхе. Продолжая их рассуждения, стоит признать, что источники таких норм могут располагаться в различных аксиологических областях, – в частности, в праве, наряду с моралью. Определение условий возможности искусственного морального агента, тем самым, актуализирует как проблему универсализации ценностей, так и проблему специфики их восприятия в обществе. Например, признание искусственного агента моральным может быть не техническим (исходя из внутренних способностей и свойств), а чисто правовым, с четкой фиксацией условий наделения подобными правами, притом что моральные ценности отойдут на второй план, или же признание нравственности искусственного интеллекта станет моральным долгом для человека.

Вот именно в этом контексте, в качестве одного из выводов, Д. Бехдади и К. Мунхе находят возможность сохранения в рамках предлагаемого ими подхода проблематики **ответственности, а также автономии**, – как категории, прошедшие своеобразную проверку на полезность в своем практическом применении [7, с. 213].

Однако новой и существенной в рамках их исследования становится возникающая «проблема демаркации», как они сами ее называют [7, с. 214]: каждый из возможных нормативных критериев признания морального агентства исключает ту или иную группу человеческих существ. Похожая трудность возникает в связи с обсуждением нравственного статуса животных. Нормативный подход к

определению морального агентства связывается здесь с проблематикой универсализма: наличие у определенного морального агента того или иного признака должно быть переносимо и на все остальные типы моральных агентов, и, что самое важное, наоборот. Отказывая искусственному интеллекту в моральном статусе (в первую очередь в отношении моральных прав) на основании отсутствия у него того или иного свойства, мы отказываем в нем и человеческому существу, у которого также такого свойства нет (например, самосознание у ребенка).

Указание на «проблему демаркации» следует отнести к важным результатам работы Д. Бехдади и К. Мунхе. Выявлена симптоматичная для подобного рода подхода трудность. Разумеется, можно вспомнить, что это далеко не единственно возможная теоретическая проблема в этом контексте, однако авторы не ставили себе целью систематический обзор подобных проблем.

Подводя итог, среди очевидных плюсов стратегии, предлагаемой Д.Бехдади и К.Мунхе, можно назвать ее проработанную методологическую составляющую и практическую применимость. Но есть основания говорить и о недоработанности ряда аргументов авторов, в частности – о недооценке роли социальной коммуникации, в которой участвует искусственный интеллект, на восприятие его как потенциального морального агента.

Список литературы

1. *Перов В.Ю.* Нужна ли мораль роботу-профессионалу // XI международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д. Белла – 1919-2019)». Санкт-петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2019 г. Материалы конференции. СПб.: ООО «Сборка», 2019. С.137-138.
2. *Разин А.В.* Этика искусственного интеллекта // *Философия и общество.* 2019. №1. С.57-73.
3. *Anderson M., Anderson S.L.* Machine Ethics: Creating an Ethical Intelligent Agent // *AI Magazine.* 2007. №4(28). P.15-26.
4. *Boyles R.J.M.* Philosophical Signposts for Artificial Moral Agent Frameworks // *Suri.* 2017. Vol.6, №2. P. 92-109.
5. *Floridi L., Sanders J. W.* On the Morality of Artificial Agents // *Minds and Machines.* 2004. №14(3). P. 349-379.
6. *Johnson D.* Computer systems: Moral entities but not moral agents // *Ethics and Information Technology.* 2006. №8 (4). P.195-204
7. *Behdadi D., Munthe C.* A Normative Approach to Artificial Moral Agency // *Minds and Machines.* 2020. № 30. P.195-218.
8. *Sullins J.P.* When Is a Robot a Moral Agent // *International Review of Information Ethics.* 2006. Vol. 6(12). P.23-30.
9. *Turing A.* Computing Machinery and Intelligence // *Mind.* 1950. LIX (236). P.433-460.
10. *Anderson S.L., Anderson M.* How Machines Can Advance Ethics. [Электронный ресурс]. URL: https://philosophynow.org/issues/72/How_Machines_Can_Advance_Ethics (дата обращения 08.01.2024).
11. *Popa E.* Human Goals Are Constitutive of Agency in Artificial Intelligence (AI) // *Philosophy and Technology.* 2021. № 34, p.1731-1750
12. *Gogoshin D.L.* Robot Responsibility and Moral Community // *Frontiers in Robotics and AI.* 2021. №8.

АДАПТАЦИЯ К АКТАНТУ КАК СПЕЦИФИЧНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ДИГИТАЛЬНОГО МИРА

Лешкевич Т.Г.

*Доктор философских наук, профессор
Южный федеральный университет
E-mail: Leshkevicht@mail.ru*

Аннотация. Статья нацелена на анализ специфичной субъектности цифровой эры, отраженной концептом актант. Рассматриваются определения актанта, предлагается его расширенное понимание. Выявлены свойства актантов: ситуативность, изменчивость, неуловимость, его гибридная посредническая природа. Фиксируются троякого рода смещения актантов: семантические, пространственные и изменения

идентичности. Показано, что актант как конструкт репрезентирует не человека с его чувствами и переживаниями, а совокупные действия, осуществляемые в Сети. Свою валидность в Сети актант приобретает совместно с другими актантами. В статье отмечена нарративная трактовка актанта. Делается вывод, что деятельностная природа человека в цифровой реальности проявляется в интеграции с актантами, понятыми как агенты действий. Вместе с тем статус субъектности связан не просто с акцентом на действие, но с рефлексивностью и интенциональностью, т.е. направленностью сознания на предмет. В цифровой картине мира, конфигураторами которой являются актанты, функция рефлексивности и интенциональности отсутствует. Актанты, проявляясь как агенты действия, не эквивалентны реальным действующим участникам. Как типичные мобильные, блуждающие гибриды актанты утверждают идею равнозначности человека и не-человека.

Ключевые слова: актант, субъектность, цифровой мир, «жизнь в Сети», смещения.

ADAPTATION TO ACTANT AS A SPECIFIC SUBJECTIVITY OF THE DIGITAL WORLD

Leshkevich T.G.

*DSc in Philosophy, Professor
Southern Federal University
E-mail: Leshkevicht@mail.ru*

Abstract. The article is aimed at analyzing the specific digital subjectivity associated with the concept of actant. The author examines the definitions of actant and substantiates its expanded understanding. The characteristics of actants are revealed: they are situational, changeable, elusive, and their hybrid intermediary nature. Three types of displacements of actants are recorded: semantic, spatial and changes in identity. It is shown that the actant as a construct does not represent a person with his feelings and experiences, but the aggregate actions carried out on the Internet. An actant acquires validity on the Internet together with other actants. The author notes the narrative interpretation of the actant. The article concludes that the active nature of a person in digital reality is manifested in integration with actants, equated to action agents. At the same time, the status of subjectivity is associated not simply with an emphasis on action, but with reflexivity and intentionality, when consciousness is focused on an object. In the digital picture of the world, the configurators of which are actants, the function of reflexivity and intentionality are absent. Actants, while appearing as agents of action, are not equivalent to real active participants. Being typical mobile, wandering hybrids, actants confirm the idea of the equivalence of humans and non-humans.

Keywords: actant, subjectivity, digital world, "life on the Internet", displacement.

Представление о том, что окружающие нас технологии представляют собой каскад интеллектуального обновления, порождающий своеобразные когнитивные потрясения, стало общепризнанным. Однако острым остается вопрос, каков «преобразующий потенциал коалиции» биологического и артефактного и насколько они трансформируют человеческий разум. И если понятие «гибридизма» – т.е. «сращения» биологического и технологического было основным продуктом тем научной фантастики XX и XXI вв., то в научном дискурсе фиксируется иное. Проявляется положительное или же нейтральное этическое отношение людей к нейронным имплантам, улучшающим память, слух, приветствуется намерение людей использовать разнообразные импланты. Однако принятие гибрида человека-машины одобрения не вызывает [1]. Дж. Урри в книге «Как выглядит будущее?» обосновывает идею, что и антураж будущего, и расширенное настоящее представлены сложными мобильными комбинациями–социально-природными гибридами. Агентами действий выступают не столько человеческие существа, сколько множество человеческих и внечеловеческих актантов [2]. Тем самым специфичность субъектности цифровой эры приобретает своеобразные контуры.

Актант понимается «как предмет или существо, совершающее действие или подвергающееся воздействию» [3, с. 105]. Здесь акцент перенесен на акт и действие. В другом определении актант – это и субъект, и объект, то есть любой предмет или существо, совершающее действие или подвергающееся возможному действию. Так в суждениях «Я плыву» и «Корабль плывет», и «Я»

и «Корабль» – включенные в сеть актанты [4, с. 112-113]. Актант предстает конститутивной категорией, позволяющей организовывать и формировать действия, вбирающей в себя последовательность функций. Посредством актантов осуществляется пребывание в сетевой реальности, что свидетельствует о его посреднической природе.

Не скатываясь за грань алармизма, указывающего на потерю собственно человеческого и «смерть субъекта», отметим, что понятие «актант» во многом инструментальное, фиксирующее роли, которым должно исполняться внутри Сетей. Хотя актант и претендует на субъектные позиции, этот конструкт репрезентирует не человека с его чувствами и переживаниями, а совокупные действия, производимые в Сети. И чем больше ролей и процедур в распоряжении актанта, тем значительней его преимущества. Отсюда понятно, что актант может менять свой статус, быть примитивным или продвинутым, идентичность его свойств неустойчива и нестабильна. Фиксируются его смещения тройного рода: семантические, пространственные и изменение идентичности. Как отмечают исследователи: «Примером взаимных смещений в исследованиях Б. Латура выступает создание вакцины от сибирской язвы Л. Пастером: возникновение пространственных смещений между актантами, заключающееся в изменении взаимоотношений Пастера и его коллег от фермы до лаборатории; смещение интересов, заключающееся в принятии учеными стороны Пастера; смещение идентичности, заключающееся в возникновении микробов в виде новой сущности» [5, с. 6].

В цифровой реальности множественные взаимодействия актантов приоткрывают дверь в цифровую лабораторию по производству сетевого знаниевого контента. Индивид, проводя «жизнь в Сети», поневоле дополняет себя актантами. Его деятельностная природа проявляется в интеграции с актантами. Иначе говоря, сам индивид – всего лишь одна из составляющих процесса внедрения в технологическую реальность. Другая – актанты, которые как агенты действий обеспечивают ориентацию в цифровом мире. Помимо изменчивости актанты характеризует ситуативность и неуловимость. Актант, проявляясь как деятельная сила, в то же время не эквивалентен конкретным действующим участникам. Пребывая в контексте Сети, актант осуществляя поворот от материального. ИИ улавливает эту онтологическую однопорядковость новой предметности, комбинируя ее многообразные модификации.

Развитая в лингвистике нарративная трактовка актанта переносит акцент на интерпретацию того, как ведет себя действующее лицо в тексте. В литературе актанты предстают как роли в повествовании. Этот подход, развиваемый в лингвистике и филологии, сохраняет за актантом интенцию действия. Ссылаясь на выводы исследователей, подчеркнем, что «А. Греймас предлагает описывать и классифицировать персонажей повествований в зависимости от того, что они делают, а не чем они являются, – отсюда и название, которое он им дает, – актанты» [6, с. 174].

В существующем гетерогенном мире первостепенную актуальность приобретает концептуализация взаимодействия humans и non-humans с учетом сопряжения актантов, увеличивающих свою валидность в Сети лишь совместно с другими актантами. Значение Сети, по мнению Б. Латура, состоит в том, что сеть – это записанное движение вещи, а не сама вещь [7]. Картина гиперссылочной сетевой реальности напроць отмечает и субъектно-объектную дихотомию, и противостояние мира естественного и мира искусственного. Г. Харман, проводя анализ ANT Латура, вносит значимые уточнения. «Сам по себе актер всегда слаб, и силу дают лишь союзники» [8, с. 22]. Этим объясняется погоня за фолловерами и «лайками». Доступом к Сети. задаёт новые типы неравенства.

Подытоживая сказанное, отметим следующее. Статус субъектности связан не просто с акцентом на действие, но с рефлексивностью или с контролем над рефлексивом. Более того субъектности свойственна интенциональность, т.е. направленность сознания на предметность. В цифровой картине мира, конфигураторами которой являются актанты, функция рефлексивности, равно как и интенциональности нивелирована. Оставляя в стороне вопросы про до-, над- и вне-сетевого, обратим внимание на расширенное понимание актанта. Проявляясь как агент действия, как деятельная сила, он не эквивалентен реальным действующим участникам. Являясь типичными мобильными, блуждающими гибридами, актанты служат для утверждения идеи равнозначимости человека и не-человека.

Список литературы

1. *Reinares-Lara E., Olarte-Pascual C., Pelegrín-Borondo J.* Do you want to be a cyborg? The moderating effect of ethics on neural implant acceptance // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 85. P. 43-53.

2. Урри Д. Как выглядит будущее? / пер. с англ. А. Матвиенко. М.: Издательский дом «ДЕЛО» РАНХИГС. 2018. 320 с.
3. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4, № 1. С. 94-115.
4. Перехода М. А. Статус объекта в современных онтологиях // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 3. С. 111–116.
5. Джиган О. В. Влияние STS-технологий на построение современной научной картины мира // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. №. 5. С. 5-8.
6. Агафонова Е. В. Социальное конструирование идентичности и формирование нарративной модели поведения // Дискурс-Пи. 2005. Т. 5, №1. С. 173-176.
7. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // Логос. 2017. Т.27, №1. С.173-200.
8. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т.27. №3. С. 1-32.

ПРАВО НА ИНКЛЮЗИЮ: АДАПТИВНЫЕ ИНТЕРФЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

Очеретяный К.А.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: kocheretyany@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются интерфейс-технологии в аспекте их работы с эмоциями и настроениями, поведенческими и телесными практиками, акцентируется вопрос инклюзии, т.е. включенности в интерфейс-взаимодействия тех, кто по тем или иным причинам ограничен или чувствует себя ограниченным в коммуникативном взаимодействии. В качестве примера используются адаптационные модели, предлагаемые компьютерными играми — чьи аспекты эмоционального, интерактивного и нарративного дизайна открывают большой потенциал для продумывания стратегий иммерсии, реабилитации, партисипативности, иными словами для превращения ограничений в возможности. Делается вывод, что модели инклюзии, внедряемые в игры, не только становятся новыми техническими стандартами, но и благодаря геймификации — переноса эстетики и логики компьютерных игр в неигровые контексты, новыми стандартами жизни.

Ключевые слова: интерфейс-технологии, компьютерные игры, инклюзия, адаптивность, экология цифровой среды, эмоциональный дизайн.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект 23-78-10046 «Интерфейс как среда жизни: факторы интеграции» в Санкт-Петербургском государственном университете

THE RIGHT TO INCLUSION: ADAPTIVE INTERFACE TECHNOLOGIES IN COMPUTER GAMES

Ocheretyany K.A.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of Department
of Philosophy of Science and Technology
St. Petersburg State University
E-mail: kocheretyany@gmail.com*

Abstract. The article examines interface technologies in the aspect of their work with emotions and moods, behavioral and bodily practices, emphasizing the issue of inclusion, i.e. inclusion in interface interactions of those who, for one reason or another, are limited or feel limited in communicative interaction. As an example, we use the adaptation models offered by

computer games - whose aspects of emotional, interactive and narrative design offer great potential for thinking through strategies for immersion, rehabilitation, participation, in other words for turning limitations into opportunities. It is concluded that models of inclusion introduced into games not only become new technical standards, but also, thanks to gamification - the transfer of the aesthetics and logic of computer games into non-game contexts, new standards of life.

Keywords: interface technologies, computer games, inclusion, adaptability, ecology of the digital environment, emotional design.

Создание комфортной среды — ключевой вопрос не только архитектуры, урбанистики, но и дизайна пользовательских интерфейсов, определяющих способы присутствия в цифре. Причем с самых первых шагов в этом направлении под комфортом понималось не столько пассивность, сколько вовлеченность, адаптивность, эксперимент, а именно чувство того, что действия, предпринятые в среде, имеют значение, что они являются опытом, который не только оказывает обратное влияние на пользователя, но может выступить следом, для другого, посредником, или проводником. Очевидным образом интерфейсы наших устройств на программном, дизайнерском, инженерном уровнях уже изменили социальный ритм, взаимодействие и общение, в той же степени в какой повлияло на него возможно только повсеместное внедрение электрического освещения — с тем различием, что теперь мы не столько пренебрегаем временем суток, что открывает целые новые измерения существования (ночные огни, реклама, бессонница не как отсутствие сна, а как форма сознания, как реализующаяся греза — все это было учтено опытом уже раннего кинематографа), сколько сами формы отдыха принимают для нас иной формат — мы более чем когда либо участвуем в общем деле, или общем дискурсе, создавая записи, фотографии, видео, участвуя в их обмене. Сама пассивность становится экспериментальной формой времяпрепровождения — даже не создавая ничего, мы перебираем варианты, новостные ленты, сообщения, то есть бесконечно распускаем и восстанавливаем информационное полотно, вместе с тем пересобирая себя как субъект, путешествуя от интерфейса к интерфейсу как по альтернативным вариантам сборки собственного «Я». В этом смысле интерфейс среда комфортная не вопреки, а благодаря своей экспериментальности: если на первых этапах его особенности психологически, семантически и логически связывали на бихевиоральном уровне с новыми вариантами поведения и мышления, то на уровне графической, цветовой революции, осознании когнитивных и экологических принципов использования метафор и аффордансов [1] интерфейс получает радикально эмпирическое значение, поскольку он может предложить основания иных условий опыта, или даже опыта радикально иного, отличного от повседневного. В этом смысле для продумывания интерфейса, чрезвычайно важен учет эмоций – работа с эмоциями, эмоциональный дизайн, призванный в единстве продумывания материала, требований пользователя, культурного и социального бэкграунда сочетать интуицию, поведение, рефлексивность [2]. Но наиболее сильны эмоции, связанные не с чем-то, а с кем-то, эмоции другого, совместная радость, чувство признания, вовлеченность. В этом смысле, наибольшим потенциалом в динамике эволюционного развития интерфейсов обладает язык компьютерных игр — он сочетают комфорт и экспериментальность, партисипативный и эмоциональный дизайн. И именно поэтому несмотря на ставшие штампами упреки компьютерных игр в солипсизме и эскапизме, их интерфейсы обладают наибольшим потенциалом для инклюзии — включение в цифровое взаимодействие тех, кто по тем или иным причинам физиологическим, психологическим, языковым, идеологическим, поведенческим – чувствует, что к ним окружающий мир выставляет более высокие адаптационные требования, чем к большинству. Иными словами, в эпоху, когда интерфейс тяготеет к тому, что перейти с уровня абстрактно-операциональной платформы, на уровень экзистенциальной модели – экспериментирования с формами интересубъективного взаимодействия, интерфейсы компьютерных игр позволяют перевести «ограниченность» возможностей ряда людей в «полноту присутствия» и в «особенность видения», которую можно разделить с другими, чувствуя вовлеченность, приобщенность, признание. Интерфейсы компьютерных игр таким образом могут снять обвинения в «выключенности», «отвлеченности», но послужить моделями для тотальной включенности, не только художественной, но и социальной иммерсии.

Традиционно при разговоре об интерфейсах компьютерных игр (имеется в виду синтетический и кинестетический эпифеномен взаимодействия аудиовизуальных тактильных, и гаптических подсистем) выделяют диегетические и не-диегетические интерфейсы, т.е. соответственно, те, что используют внутриигровые элементы в качестве индикаторов и триггеров и те, что ориентированы на более отстраненные внешние (прибавочные) элементы – традиционные графические индикаторы,

цифры, окна и т.д. Если не-диегетические модели дают чувство существования как бы вне мира, отстраненного управления, контроля, а диегетические модели – чувство иммерсии, вовлеченности, присутствия, а потому их использование часто продиктовано конкретными жанрами или, в эпоху стирания традиционного представления о жанра, нарративными и дизайнерскими задачами, то инклюзивные модели для интерфейсов дают чувство существования в общем мире, доступности опыта, обеспечивают одновременно и подключение к общему опыту и учет иного опыта, т.е. поиск диалога между игроком и дизайнером не только на уровне повествования, но и на уровне более глубоком – эмпатическом, экзистенциальном. Инклюзивные модели интерфейсов являются ключом к более тонкому пониманию людьми особенностей жизненных миров, порождаемыми их взаимодействиями, что позволяет пересмотреть диктатуру нормы и воображения границ.

Вопрос инклюзивности в играх, звучит настойчиво с самого их возникновения. Уже термин видеоигры вызывал разногласие, поскольку существуют слепые геймеры, и даже несмотря на малое количество вычислительных мощностей, уделяемых звукам, их приятие или неприятие, могло пробудит интерес даже у тех, кто не видит, в привычном смысле этого слова происходящее на экране — стоит заметить, что постепенно значимость аудиальных, а затем и тактильных элементов только возрастала. Все это привело к тому, что в 2004 году, Специальная группа по вопросам доступности игр (Special Interest Group on Game Accessibility) Международной ассоциации разработчиков игр (IGDA) в 2004 году предложила 19 рекомендаций по доступности, т.е. учитывающих особенности людей с нарушениями зрения, моторики или слуха. Постепенно количество рекомендаций по доступности росло, но в общем виде речь шла о типах ограничений для адаптации (визуальные, аудиальные, моторные, когнитивные и т.д.), особенностях внутриигровой прогрессии (язык, навигация, обучение, метаинформация и т.д.), типах ввода (обратная связь, время отклика, альтернативная схема управления, толерантность к ошибкам — программная помощь, автоведение курсора, акцентуация внутриигровых элементов), графические особенности (цветовая палитра и ее альтернативы, контрасты и сочетания цветов, особенности анимаций, динамика изображений, масштабирование), звук (звуковой комментарий, настраиваемые повторения, регулировка диапазона, возможность тонального акцентирования и учет распознавания голоса для голосового управления), программный контроль (создание сохранений, ауторегуляция, помощь в настраивании и т.д.) [3, р. 6-9]. В 2020 году на церемонии вручения наград Game Awards была представлена новая категория «Innovation in Accessibility» («Инновации в области доступности»), чтобы отметить игры, добившиеся успехов в улучшении инклюзивности игр, причем первый титул был присвоен The Last of Us Part II (Naughty Dog, Sony), позиционирующейся как знаковый для индустрии блокбастер как в графическом, так и в нарративном плане. Помимо установок и программных требований, развивается и соответствующие прецеденты контролеров — «линейка» устройств косвенно продолжающая логику художественных проектов от Стеларка до Эми Карли, превращение протеза из воплощенного ограничения, в расширение человеческой чувственности, адаптации к иным экзистенциальным ландшафтам: элементы контроллера Sony, призванные передать эффекты подобные шрифту Брайля для цифрового меню, адаптивный контроллер Xbox с особенностями размеров и расположения кнопок, выпущенный Microsoft, технологии отслеживания движения глаз, встроенные в контроллеры микрофоны, учитывающие не только голос, и возможность голосового управления, но интенсивность колебания воздуха, например, контроллер, QuadSticks оснащены четырьмя датчиками глотка и затяжки, а также датчиком положения губ, предназначенный для частично или полностью парализованных. А онлайн-магазины вроде E-Bay и Amazon предлагают купить аксессуары протекторы для контроллеров по названию предназначенные для сдерживания гнева, но на деле позволяющие «выпустить пар» (например, кинуть дорогое устройство в стену, без особого шума для соседей и/или без особой травмы для того, в кого контроллер отскочил). Возможно, последний пример несколько ироничен, но он показывает влияние новых технологий на работу с эмоциями и настроениями, на учет новых поведенческих техник.

Нетрудно заметить, что все эти элементы проектирования интерфейсов (как цифровые, так и аналоговые) становятся все более распространенными и участвуют в создании опыта пользователя на уровне новых стандартов [4, р. 180-198] — вовлекая попутно людей переживших, или активно-переживающих те или иные травмы (реабилитационный аспект, поиск оптимума переживания, адаптации), новые возрастные группы (а следовательно вместе с особенностями восприятия и динамики и их эстетические, нарративные и концептуальные требования), относительно малые этнические и языковые группы (мохоки, маори, австралийские аборигены и т.д. — игры акцентируют особенности репрезентации костюмов, поведения, жестов и языка, а все более крупные компании привлекают представителей этих групп к озвучиванию, использованию моделей,

консультациям). Интерфейсы, применяемые изначально в играх в процессе геймификации (переноса игровых практик в неигровые сферы) и адаптации (включении все новых групп в цифровое взаимодействие) — переносятся в медицинские, образовательные, сферы, учитываются в планировании общественных пространств и индивидуальных жилищ (голосовые помощники, биосенсорные и трекинговые технологии) — все это позволяет включать большее количество людей в формирование нового мира, потенциально выстраивая и поддерживая новые модели гуманности (формы реабилитации, мотивации, соучастия), и тем самым формируя новые стандарты жизни.

Список литературы

1. Norman D. A. Emotional Design. NY: Basic Books. 2005. 272 p.
2. Picard R. W. Affective computing. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. 1997. 306 p.
3. Yuan B; Folmer E; Harris F. C. Game Accessibility; A Survey // Universal Access in the Information Society. 10. 2010. P. 6–9.
4. McDonagh D., Thomas J. (2010). Disability+ relevant design: Empathic design strategies supporting more effective new product design outcomes // The Design Journal, 13(2), P. 180-198.

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Перов В.Ю.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры этики
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: vadimperov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы междисциплинарной терминологии этики искусственного интеллекта (ИИ). На основе проведенного сравнительного анализа понятийно-категориального аппарата ряда словарных статей и нормативных документов в области философской этики и в сфере ИИ был выделен ряд ключевых понятий, по поводу которых существуют значимые смысловые расхождения. Во-первых, отмечено, что с технологической точки зрения термин ИИ является многозначным, и дополнительные проблемы возникают при попытках соотнесения этих определений с философским пониманием интеллекта. Во-вторых, показано, что робототехнический смысл степеней свободы кардинально отличается значения свободы в этике. В-третьих, краткий анализ понятия автономии продемонстрировал, что моральная автономия как самозаконотворчество отличается от автономии ИИ как независимости от контроля и управления со стороны людей. В качестве основного сформулирован вывод о необходимости осуществления терминологической демаркации терминов, их возможного соотнесения и определения сфер применения.

Ключевые слова: этика искусственного интеллекта, междисциплинарная терминология, искусственный интеллект, свобода, степени свободы, автономия.

ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: SOME PROBLEMS OF INTERDISCIPLINARY TERMINOLOGY

Perov V.Y.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Ethics
Saint-Petersburg state university
E-mail: vadimperov@gmail.com*

Abstract. The article deals with some problems of interdisciplinary terminology of artificial intelligence (AI) ethics. Based on the comparative analysis of the conceptual and categorical apparatus of a number of dictionary articles and normative documents in philosophical ethics and in the field of AI, a number of key concepts with significant semantic discrepancies were identified. Firstly, it is noted that from a technological point of view the term AI is polysemous,

and additional problems arise when trying to relate these definitions to the philosophical understanding of intellect. Second, it is shown that the robotic meaning of degrees of freedom is fundamentally different from the meaning of freedom in ethics. Third, a brief analysis of the notion of autonomy demonstrated that moral autonomy as self-legislation differs from AI autonomy as independence from human control and management. As the main conclusion, the necessity to carry out terminological demarcation of terms, their possible correlation and determination of spheres of application was formulated.

Keywords: ethics of artificial intelligence, interdisciplinary terminology, artificial intelligence, freedom, degrees of freedom, autonomy.

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на общественные и личные отношения, изменяет способы функционирования социальных структур и институтов, что требует теоретического осмысления, в том числе с точки зрения этики. Одним из результатов этого стало расширение сферы прикладных этик за счёт появления киберэтики, которую можно рассматривать в качестве своеобразного «зонтичного понятия», под сенью которого развиваются информационная и компьютерная этики, этика цифрового общества и больших данных (big data), Интернет-этика и т.д. Особое место в этом перечне занимает этика искусственного интеллекта (ИИ), поскольку последний, во-первых, оказывает существенное влияние на жизнедеятельность людей, во-вторых, порождает вопросы не только о его «разумности», но и возможных моральных свойствах. Становление этики ИИ с неизбежностью ставит ряд проблем, связанных с используемым понятийно-категориальным аппаратом, что является необходимым элементом любой относительно самостоятельной области исследований и практической деятельности. Возникающие терминологические трудности характерны для любого междисциплинарного знания, но они ещё в большей степени усиливаются на фоне сопровождающих всю историю прикладных этик споры о том, кто имеет приоритет при решении этико-прикладных проблем: «философ-этик» или «этик-профессионал» [1]. Проведенный сравнительный анализ этического и профессионального (технического, инженерного и т.д.) понятийно-категориального аппарата, представленного в словарях и нормативных документах (ГОСТ), позволил выявить ряд ключевых терминов, требующих внимания. Ниже приведены краткие характеристики некоторых из них.

1) Терминологические сложности начинаются уже с самого понятия ИИ. В этом плане можно выделить, по крайней мере, следующие обстоятельства.

1а) В русскоязычной версии Википедии (в данном случае, обращение к ней подчеркивает своеобразную распространенность определенной точки зрения) специально оговаривается «не антропоморфный» характер используемого слова «интеллект»: «В английском языке словосочетание *artificial intelligence* не имеет антропоморфной окраски, которую оно приобрело в традиционном русском переводе: слово *intelligence* в используемом контексте скорее означает «умение рассуждать разумно», а вовсе не «интеллект» (для которого есть английский аналог *intellect*)» [2]. Несмотря на это, широко распространено представление об антропоморфном ИИ, что искажает его понимание и зачастую является источником для оправданных и иллюзорных этических рисков использования ИИ.

1б) Многозначность самого термина искусственный интеллект. В ставшем классическим и до сих пор актуальном «Толковом словаре по искусственному интеллекту» в специальном разделе «Неоднозначность терминологии в области ИИ» приведено 6 (шесть) различных по смыслу определений ИИ [3, с. 245-248]. С тех пор ситуация в плане поиска единого определения ИИ кардинально не изменилась. «Зачастую определения таких сложных понятий, как «искусственный интеллект», «интеллектуальная система», «робот» (особенно интеллектуальный) и т.п., являются противоречивыми и не всегда конструктивными» [4, с. 96]. Похожую многозначность в отношении понятия интеллекта можно встретить и в философии и в других науках, но его общее понимание существенно отличается от используемого в словосочетании ИИ: «Интеллект – в общем смысле способность мыслить; в гносеологии – способность к опосредованному, абстрактному познанию, включающая в себя такие функции, как сравнение, абстрагирование, образование понятий, суждение, умозаключение; противостоит непосредственным видам познания – чувственному и интуитивному; в психологии – рациональное, подчиненное законам логики мышление; противостоит нерациональным сферам психики – эмоциям, воображению, воле и т.д.» [5]. Возникает закономерный вопрос о том, на какое именно понимание следует ориентироваться в рамках этики ИИ, особенно если учесть, что некоторые его определения сконцентрированы на подобии человеческого интеллекту: «искусственный интеллект, ИИ: Способность технической системы имитировать когнитивные

функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». [6, п.3.6]

2) Одним из базовых для этики является понятие свободы. Отрицание свободы, по сути, означает отрицание нравственности и моральной вменяемости. Практически хрестоматийным стало утверждение, что в зависимости от степени (меры) свободы людей можно оценивать их добродетельность или порочность. Но что означает утверждение «Группа учёных разработала интеллектуального робота, имеющего 3(три) степени свободы»? Как у робота может быть несколько степеней(!) свободы? Дело в том, что степень свободы у роботов (речь в данном случае идёт о любых, а не только интеллектуальных роботах) означает принципиально другое, чем свобода в философском, тем более, в этическом смысле. В робототехнике дается следующее определение: «степень свободы (degree of freedom; DOF): Одна из переменных (максимальное число которых равно шести), необходимых для определения движения тела в пространстве» [7, п.4.4]. Вряд ли можно хоть как-то содержательно соотнести данное понимание с этическими определениями свободы. Так, в «Этика. Энциклопедический словарь» соответствующая статья начинается следующим положением: «Свобода – одна из основополагающих для европейской культуры идей, отражающая такое отношение субъекта к своим актам, при котором он является их определяющей причиной и они, стало быть, непосредственно не обусловлены природными, социальными, межличностно-коммуникативными, индивидуально-внутренними или индивидуально-родовыми факторами... В живом русском языке слово «свобода» в самом общем смысле означает отсутствие ограничений и принуждения...» [8, с. 421]. Следует обратить внимание, что данное определение сосредоточено на понимании свободы как причинной независимости от внешних обстоятельств, что может быть дополнено терминологически близким понятием свободы воли, которое понимается как «...понятие европейской моральной философии, окончательно оформившееся у И. Канта в значении интеллигентной способности индивида к моральному самоопределению» [9, с. 422]. Сравнение таких пониманий свободы, тем более, степеней свободы, которые в робототехнике могут быть чётко определены и даже измерены, а в философско-этическом плане степень/ мера свободы скорее выступают в качестве метафор, позволяет сделать вывод об их кардинально различных, непересекающихся смыслах.

3) Концепты свободы и свободы воли с акцентом на самоопределении тесно смыкаются с понятием автономии. Последняя в настоящее время рассматривается как важнейшая характеристика систем ИИ и робототехнических устройств, в отношении которых можно найти следующее ее определение: «автономность (autonomy): Способность выполнять задачи по назначению на основе текущего состояния и восприятия внешней среды без вмешательства человека» [10, п. 2.2]. В этом смысле автономия почти тождественна упомянутому ранее понятию этической свободы как независимости (если не акцентировать внимание на то, что в робототехнике речь идет об отсутствии зависимости только от людей). Но, пожалуй, в этике более важной является другое понимание: «Автономной является воля, поскольку она сама дает закон своего действия или может мыслиться как сама для себя законодательная...». [11, с. 13]. Даже если отвлечься от формальной моральной автономии в этике И. Канта, то суть ее может пониматься как признание существования особых этических норм, ценностей и мотивов как побудительных причин поступков, которые не могут быть полностью редуцированы к вне-нравственным, то есть к физическим, биологическим, нейрофизиологическим, психическим, социальным и т.д. феноменам. Были и есть многочисленные концепции, отрицающие подобную автономию. Но следует обратить внимание, что гетерономные концепции в их крайней редуционистской форме в большинстве случаев имеют тенденцию отрицать существование нравственности или трактовать ее в качестве иллюзии, что означает невозможность этики ИИ, поэтому они находятся за пределами настоящего рассмотрения. С другой стороны, подобные концепции применительно к цифровым технологиям фиксируют то, что современные ИИ не могут рассматриваться в качестве Искусственных Моральных Агентов (ИМА) именно в силу отсутствия у них автономии в этическом смысле. Если же допустить наличие у ИИ моральной автономии, то возникает вопрос о таком ее определении, которое могло бы включать, пусть и технически понимаемую (то есть ограниченной и могущей быть запрограммированной) моральную нормативность (самозаконодательство). Кроме того, отдельной темой в этике ИИ является совокупность вопросов о влиянии систем ИИ на автономию людей в рамках их взаимодействия, что предполагает критическое переосмысление понятия моральной автономии.

Приведенные примеры позволяют сформулировать вывод о том, что для формирования междисциплинарной терминологии прикладной этики ИИ целесообразно не пытаться организовать своеобразный «понятийный синтез», имеющий целью удовлетворить все заинтересованные стороны,

а осуществить демаркацию терминов, выстроить между ними возможные соответствия и определить сферу их применения. При этом для решения технологических задач приоритет следует отдавать терминологии из сферы ИИ, а для решения моральных проблем использовать понятийно-категориальный аппарат этики. (*Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта»*).

Список литературы

1. Перов В.Ю. Проблемы образования в области прикладных этик (На основе опыта в Санкт-Петербургском государственном университете) // Ведомости прикладной этики. 2023. № 1(61). С. 86-99/
2. Искусственный интеллект // Википедия/ [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Искусственный_интеллект (дата обращения 09.01.2024).
3. Толковый словарь по искусственному интеллекту / Авторы-составители А.Н. Аверкин, М.Г. Гаазе-Рапопорт, Д.А. Пospelов. М. Радио и связь. 1992. 256 с.
4. Карпов В.Э., Готовцев П.М., Ройзензон Г.В. К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта// Философия и общество. 2018. № 2 С. 84-105
5. Суворов О.В. Интеллект // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. М. Мысль. 2000-2001, 2-е изд., испр. и допол. М. Мысль. 2010. [Электронный ресурс] URL: (<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH523b26975f21f2447bc452> (дата обращения 09.01.2024).
6. ГОСТ Р 59276 —2020 Системы искусственного интеллекта Способы обеспечения доверия Общие положения.
7. ГОСТ Р 60.0.0.4 — 2019/ ИСО 8373:2012 Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения.
8. Апресян Р.Г.* Свобода // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с. (**Настоящий материал (информация) произведен, распространен и (или) направлен иностранным агентом Апресяном Рубеном Грантовичем либо касается деятельности иностранного агента Апресяна Рубена Грантовича*).
9. Столяров А.А. Свобода воли // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С.671.
10. ГОСТ Р 60.0.0.4 — 2019/ ИСО 8373:2012 Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения.
11. Судаков А.К. Автономия и гетерономия// Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С.671.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ ДЛЯ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Перова Н.В.

Аспирант

Институт философии РАН

E-mail: nino4kaperova@gmail.com

Аннотация. В контексте все возрастающего интереса к возможности биотехнологического нравственного улучшения человека ставится множество вопросов о допустимости и безопасности подобных вмешательств. В связи с этим, существует идея, что можно использовать искусственный интеллект как дополнение или альтернативу биоулучшению. Идея использования ИИ, в том числе в формате искусственных моральных ассистентов, связана с рядом этических проблем и рисков, которые рассмотрены в данной статье на основании проектов Дж. Савулеску по внедрению ИИ в биотехнологическое улучшение человека. В ходе анализа затрагиваются вопросы свободы, ответственности, беспристрастности в контексте использования ИИ. Особое внимание уделяется реализуемости предлагаемых программ исходя из

современного представления об ИИ. Делается вывод о несостоятельности проектов биотехнологического улучшения с применением ИИ в силу невозможности гарантировать результат их использования, а также высоких моральных рисков.

Ключевые слова: биотехнологическое нравственное улучшение, сильный искусственный интеллект, слабый искусственный интеллект, искусственный моральный ассистент, искусственный моральный агент, моральная ответственность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта», Санкт-Петербургский государственный университет.

USING AI FOR BIOTECHNOLOGICAL HUMAN ENHANCEMENT

Perova N.V.

Graduate student

RAS Institute of Philosophy

E-mail: nino4kaperova@gmail.com

Abstract. In the context of growing interest in the possibility of biotechnological moral human enhancement, many questions are raised about the admissibility and safety of such interventions. In this regard, there is an idea that artificial intelligence can be used as a complement or alternative to bioenhancement. The idea of using AI, including the format of artificial moral assistants, is associated with a number of ethical problems and risks, which are discussed in this article based on J. Savulescu's projects for the implementation of AI in the biotechnological human enhancement. The analysis addresses issues of freedom, responsibility, and impartiality in the context of the use of AI. Particular attention is paid to the feasibility of the proposed programs based on the modern understanding of AI. It is concluded that biotechnological enhancement projects using AI are untenable due to the impossibility of guaranteeing the results of their use, as well as high moral risks.

Keywords: biotechnological moral enhancement, strong artificial intelligence, weak artificial intelligence, artificial moral assistant, artificial moral agent, moral responsibility.

Современные сторонники биотехнологического нравственного улучшения уже не предлагают свои теории как один из вариантов развития человечества, возможную альтернативу или дополнение к воспитанию. Сегодня, многие говорят о необходимости технологий улучшения для выживания человечества как вида. Зачастую это аргументируется неспособностью «естественной морали» противостоять неизбежным и катастрофичным вызовам современного общества, которые радикально отличаются от вызовов, сформировавших существующую мораль [1]. Биотехнологическое улучшение в его современном виде является далеко не бесспорным. Сомнения вызывает в первую очередь безопасность существующих проектов улучшения, которая связана в том числе и с долгосрочным влиянием рассматриваемых процедур (генетическое и фармакологическое вмешательство) на организм человека. Также под вопросом их реальная эффективность, как и влияние на мораль и ее сохранение для человечества в целом. В связи с этим, ряд ученых предлагают использование искусственного интеллекта как альтернативу, или некоторую форму дополнения биотехнологического улучшения. Утверждается, что использование ИИ будет обеспечивать более точный, и в то же время более безопасный результат.

Дж. Савулеску, один из наиболее известных сторонников морального биоулучшения, предлагает создание Морального Искусственного Интеллекта (МИИ), способного на основании наблюдения как поведения человека, так и внешних факторов, оказывать влияние на моральное целеполагание и принятие решений агента. Он настаивает, что правильно созданный МИИ сможет преодолеть ограниченность человеческой морали, в то же время сохраняя нравственный плюрализм и фундаментальные моральные ценности [2].

В первую очередь Савулеску предлагает использование сильного ИИ – создание автономных моральных машин, поведение которых можно будет охарактеризовать как идеально моральное. Они не только сами будут руководствоваться наиболее нравственными ценностями, но также будут выполнять своеобразную роль «моральной полиции». Фактически, функция таких ИИ будет состоять в контроле поведения людей на предмет соответствия тем самым совершенным нравственным

представлениям, на которых базируется работа самих ИИ. Осознавая, что современное общество вряд ли согласится на создании автономных ИИ, основная задача которых – контроль поведения людей, Савулеску предлагает своеобразную альтернативу. Он утверждает, что имеет смысл разработка слабых моральных ИИ, которые не будут являться искусственно созданными моральными агентами, а скорее будут выступать в роли беспристрастных искусственных моральных ассистентов (ИМА). ИМА будут заниматься сбором, обработкой и постоянным обновлением информации для помощи агентам в принятии моральных решений. Данные, собираемые ИМА, будут включать как информацию о самом агенте, так и о внешнем мире, и о постоянно меняющихся и трансформирующихся нормах, которым агент должен соответствовать.

В контексте сильного ИИ не удивительно, что даже сам Савулеску признает, что создание неконтролируемых ИИ, задачей которых является контроль поведения людей может быть не самая лучшая идея. Создание Страж-Птиц Роберта Шекли [3] вряд ли будет встречено общественным одобрением. Однако нельзя сказать, что только общественные опасения о потенциальном восстании машин является проблемой данного проекта. Хотя Савулеску предлагает использование ИИ как способ преодоления различных возражений против биологического нравственного улучшения, сам по себе проект сильного ИИ (в том виде, в котором его предлагает Савулеску), не решает многие проблемы биоулучшения. В первую очередь, обратимся к тому, что ИИ должен быть «идеальным моральным агентом». Данный проект подразумевает, что у нас есть понимание того, каким должен быть этот агент, что на самом деле не так. Современная этика содержит различные подходы к определению идеального морального агента, некоторые из которых в той или иной степени соотносятся друг с другом, но многие вступают в серьезные противоречия. Одним из существенных противоречий является вопрос, существует ли единый «проект» идеального морального агента, или имеет смысл говорить о некотором плюрализме идеального морального агентства. Помимо этого, определенные опасения вызывает сохранение свободы человека. Хотя сам Дж. Савулеску, и ряд его коллег, настаивают, что значительно более моральное будущее стоит того, чтобы ради него лишиться свободы [4].

Казалось бы, проект со слабым ИИ, то есть с ИМА, решает указанные выше проблемы. Он не будет являться автономным моральным агентом, то есть можно не опасаться его бесконтрольного развития, угрожающего человечеству. Работа ИМА подразумевает не контроль поведения, а выполнение функций своеобразного советника, что значительно снижает угрозу свободе человека. Теоретически, ИМА не будет исходить из мифического представления об «идеальном моральном агенте», а значит будет иметь возможность реализовывать более реалистичное моральное поведение. Исходя из данных как о внешнем мире, так и о самом агенте, ИМА будет помогать обеспечивать сохранение личных представлений агента, построение наиболее нравственного поведения, а также постоянное улучшение нравственности агента.

Сомнения в реализуемости подобного проекта связаны с особенностями обучения и работы ИИ. В первую очередь обратим внимание на идею беспристрастности ИМА. В теории, конечно, можно говорить о том, что ИИ свободен от психологических, когнитивных, эмоциональных и других привязанностей. При этом, остается вопрос о том, насколько полностью беспристрастный ИИ может выносить нравственные суждения, которые могут быть оценены как морально правильные. Реальность нравственного поведения человека включает в себя множество дилемм и противоречий, работа с которыми является существенной проблемой для ИИ [5]. В связи с этим, можно говорить о том, что точность результатов выводов ИИ зависит от непосредственной включенности в решаемую проблему, в то время как включенность значительно снижает беспристрастность. А это, в свою очередь, исключает продуктивность использования ИМА как такового.

Имеет смысл обратить внимание и на изначальную ограниченность ИИ. Обучение ИИ всегда происходит исходя из определенного набора данных, который по своей сути всегда ограничен. В контексте ИМА это означает, что мы не можем рассматривать его как ассистента с абсолютными нравственными представлениями. То есть, следует понимать, что ИМА все равно будет являться генеративной системой с определенной задачей, то есть в любом случае будет содержать те же проблемы, что и другие современные генеративные системы. Неизбежность галлюцинаций – выдачи маловероятных или заведомо ложных результатов – приводит к тому, что «помощь», которую может оказывать ИМА, в любом случае будет нести вероятностный характер.

Помимо этого, встает вопрос о том, как развивается ИИ в процессе собственного обучения. Если обратиться к статистике наиболее известной сегодня генеративной системы, GPT, то следует обратить внимание на то, что по мере ее обучения от «общения» с пользователями, точность выдаваемых ответов падает [6]. В контексте морального поведения это может означать, что по мере взаимодействия с агентом ИМА будет выдавать менее корректные, то есть менее моральные, советы.

Вместе эти два возражения особенно остро ставят вопрос об ответственности морального агента, использующего ИМА, за свое поведение. Действительно, ИМА не ограничивает свободу агента в той же степени, как это делают другие формы улучшения. Тем не менее, вопрос об ответственности очень интересен в контексте следования рекомендациям ИМА. Насколько мы можем говорить, что человек несет ответственность за поступки, совершенные с рекомендациями ИМА? Наличие ассистента позиционируется как наличие более нравственного мнения, то есть что в случае сомнения стоит следовать скорее советам ассистента, чем собственным суждениям агента. Но, в случае с галлюцинациями, мы понимаем, что совет может не всегда быть нравственным. Если наличие ИМА все же снижает ответственность агента за свое поведение, то можем ли мы считать, что ИМА все же оказывает влияние на свободу агента? Или же, если все зависит от наличия ИМА ответственность полностью остается на агенте, то какой смысл в наличии ИМА в условиях отсутствия гарантии результата?

Анализ проектов внедрения ИИ для биотехнологического нравственного улучшения позволяет утверждать их несостоятельность. Преодоление существующих проблем биотехнологического улучшения через использование ИИ иллюзорно: риски для свободы и безопасности человека сохраняются, хотя, возможно и подвергаются определенной трансформации. В то же время, современные ИИ, являющиеся генеративными системами, склонными к значительному числу галлюцинаций, не способны гарантировать нравственное улучшение. Возможность принятия ими действительно беспристрастных и в то же время морально одобряемых суждений сомнительна, что делает их использование по меньшей мере бесполезным, а возможно даже опасным для морального агента. При этом, остается открытым вопрос об ответственности агента за собственное поведение в случае использования ИМА.

Список литературы

1. Presson I., Savulescu J. Unfit for the future. Oxford: Oxford University Press. 2012.
2. Savulescu J., Maslen H. Moral Enhancement and Artificial Intelligence: Moral AI?. // Beyond Artificial Intelligence. Topics in Intelligent Engineering and Informatics. 2015. Vol 9. P. 79-95. DOI: 10.1007/978-3-319-09668-1_6.
3. Шекли Р. Страж-птица. М.: Эксмо. 2008. 26с.
4. Savulescu J., Persson I. Moral enhancement, freedom and the God machine // The Monist. 2012. №95(3). P. 399-421.
5. Ларионов И. Ю., Перова Н.В. «Машина бога» Дж. Савулеску как моральный агент и проблема ответственности // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 24-40. DOI; 10.31857/S023620070026101-8.
6. Davis K. Is ChatGPT Getting Worse over Time? [Электронный ресурс] // We are developers. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wearedevelopers.com/magazine/chatgpt-getting-worse-over-time> (дата обращения: 5.01.2024).

ЕСТЕСТВЕННЫЙ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Плющ А.Н.

Доктор психологических наук

Киев, Украина

E-mail: plyushch11@mail.ru

Аннотация. Сравнение естественного и искусственного интеллекта имплицитно предполагает сопоставление носителей этих интеллектов, когда носитель естественного интеллекта ассоциируется с человеком, а носителем «искусственного интеллекта» предполагается «бездушная машина». Подобная логика анализа базируется на бинарной методологии, противопоставляющей субъекта и объекта, активное и пассивное начало, природное и сконструированное человеком. В рамках постнеклассической методологии интеллект предстает характеристикой качества ментального инструмента субъекта, предоставляющего субъекту успешно функционировать во внешнем мире. Этот инструмент субъект может

совершенствовать как в процессе индивидуации, так и будучи участником социальных структур, ориентируясь на их ментальный инструмент, доступный ему. В контексте этой методологии естественный интеллект соответствует индивидуальному субъекту, а искусственный (сконструированный) интеллект – коллективному субъекту, как продукту коллектива разработчиков, выполняющих социальный заказ своего общества. От декларируемой конкуренции естественного и искусственного «интеллектов» переходим к конкуренции команд разработчиков новых технологий, опирающихся на научный потенциал их участников, и конкуренции обществ, способных разрабатывать современные информационные технологии.

Ключевые слова: постнеклассическая методология, субъект, общество, ментальный инструмент, естественный интеллект, искусственный интеллект.

NATURAL AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF POST-NON-CLASSICAL METHODOLOGY

Pliushch A.N.

DSc in Psychology

Kiev, Ukraine

E-mail: plyushch11@mail.ru

Abstract. A comparison of natural and artificial intelligence implicitly presupposes a comparison of the bearers of these intellects, when the bearer of natural intelligence is associated with a person, and the bearer of “artificial intelligence” is assumed to be a “soulless machine.” Similar logic of analysis is based on a binary methodology that contrasts subject and object, natural and artificial, innate and man-made. Within the framework of post-non-classical methodology, intelligence appears as a characteristic of the quality of a subject’s mental instrument, which allows the subject to function successfully in the outside world. The subject can improve this tool both in the process of individuation and as a participant in social structures, focusing on their mental tool available to him. In the context of this methodology, natural intelligence corresponds to an individual subject, and artificial (constructed) intelligence corresponds to a collective subject, as a product of a team of developers fulfilling the social order of their society. We move from the declared competition between natural and artificial “intelligences” to the competition of development teams based on the scientific potential of their participants, and the competition of societies capable of developing new information technologies.

Keywords: post-non-classical methodology, subject, society, mental instrument, natural intelligence, artificial intelligence.

В классической науке предполагается универсальная природа получаемого знания. Исследователь с присущим ему инструментом познания находится в позиции внешнего наблюдателя. В неклассической науке происходит отход от понимания универсальности знания и утверждается о субъективизме полученного знания, открыто об этом заявил еще Декарт («мыслию, следовательно, существую»). Добавление субъекта познания приводит к тому, что научное понимание мира предусматривает выделение из мира субъекта познания с имеющимся у него знанием. Различение многих субъектов в этом мире приводит к необходимости интеграции их субъективных знаний в целостную систему знаний. В постнеклассической науке происходит развертывание понимания процесса познания, и обращается внимание и на инструмент познания исследователей [1]. В процессе саморазвития субъекта познания нарастает сложность и качество этого инструмента, предоставляющие возможность строить систему знаний, позволяющую субъекту успешно функционировать во внешнем мире.

Каждому типу науки соответствует свое понимание организации содержания знания. Можно выделить знание как целостную модель мира, системную модель коллективного автора, модель изменяющегося мира саморазвивающегося автора (которую можно представить в виде текста). В основе выделения этих видов знания лежат парадигмы анализа (в конкретных ситуациях научного поиска развертывающиеся в методологии) процесса познания, которые отображают следующие детерминанты конструирования нового знания: целостное знание, знание + субъект, знание + субъект + инструмент познания. Более сложный вид методологии не исключает предыдущий, а включает его

в свой состав. Исследователь, придерживающийся постнеклассической методологии, и используя все виды методов, может изучать объекты, рассматривая их одновременно как автономные объекты, в выделенных исследователем контекстах, изменяющихся во времени [2].

Воспроизводя логику постнеклассической методологии, рассмотрим нарастание сложности организации инструмента познания. У автономного субъекта существует целостный ментальный инструмент познания. Субъект, рассмотренный в социальном контексте и включенный в совместную деятельность, может овладевать ментальным инструментом другого субъекта, как индивидуального, так и коллективного. У субъекта, входящего в состав социума, помимо собственного ментального инструмента есть доступ к ментальному инструменту социума. Разнообразие социальных контекстов приводит и к усложнению организации инструмента познания индивидуального субъекта. Использование имеющегося инструмента в различных сферах познания приводит к интеграции отдельных ситуативных инструментов в целостный инструмент субъекта, который приобретает системную организацию. В процессе индивидуации происходит нарастание сложности ментального инструмента субъекта, отображающее возрастание сложности организации жизненного контекста субъекта.

В постнеклассической науке инструмент познания усложняется вместе с развитием субъекта, которое может протекать во всех измерениях его жизненного мира: во внутреннем мире субъекта, во внешнем социальном мире путем включения субъекта в социальные практики, в предполагаемом будущем мире. Непредсказуемо изменяющийся внешний мир приводит к появлению новых жизненных задач, встающих перед обществом, которое ставит их перед субъектами познания. Сложность организации инструмента познания разворачивается от простого инструмента единичного субъекта к сложному инструменту коллективного субъекта (обусловленной организацией этого субъекта), а от него к сложностному инструменту, который создается в процессе самого познания. Не столько сложность имеющегося ментального инструмента помогает познавать изменяющийся мир, сколько сложностность [3] как характеристика субъекта познания, готового совершенствовать свой инструмент, учитывая непредсказуемые изменения, происходящие в процессе познания со средой. При этом проявляется квантовая природа ментального инструмента – индивидуальный субъект усваивает социальный инструмент познания, который потом вследствие круговой причинности субъект может совершенствовать как участник этого социума. Помимо сложности ментального инструмента происходит нарастание сложности инструмента познания как накопление форм организации его автора: автономный, автономный + социальный, автономный + социальный + сложностный.

В процессе развития ментального инструмента индивидуальных субъектов с нарастанием технологического оснащения общества появляются приспособления, автоматизирующие умственную деятельность, например, счеты, логарифмическая линейка. Когнитивные процессы выходят за пределы индивидуумов, и включают в себя технические конструкты внешней среды, которые становятся частью (необходимым элементом) процессов мышления. От простейших приспособлений типа калькуляторов общества переходят к более сложным, постоянно обновляющимся техническим средствам, являющихся продуктом коллективного разума, такими, как автоматические системы, нейросети, которые создатели наделяют некой интеллектуальной функцией (способом/алгоритмом решения поставленных задач). Одним из примеров этих технических средств является ИИ (искусственный интеллект) больших языковых моделей как продукт машинного обучения компьютерных программ на колоссальных объемах цифровых данных. Основное предназначение ИИ – это генерация текстов с новой информацией, которые включены в контекст коммуникации с пользователями этих языковых моделей.

В духе постнеклассической методологии интеллект субъекта рассматривается как качество ментального инструмента, предоставляющее возможность субъекту решать жизненные задачи определенной сложности в одной из сфер жизнедеятельности. Невозможно выделить автономный интеллект, поскольку он предполагает существование его «носителя». Сравнение естественного и искусственного интеллектов имплицитно предполагает сопоставление носителей этих интеллектов, когда носитель естественного интеллекта ассоциируется с человеком, а носителем «искусственного интеллекта» предполагается «бездушная машина». Когда «искусственным интеллектом» объявляется программа, созданная группой ее разработчиков, происходит подмена смыслов: представления о разной природе носителей интеллекта переносятся на инструменты субъектов. Подобная логика анализа базируется на бинарной методологии, противопоставляющей субъекта и объекта, активное и пассивное начало, естественное и искусственное, природное и сконструированное человеком.

Преобладающее понимание действия больших языковых моделей, обладающих «искусственным интеллектом», основано на бинарной парадигме «стимул – реакция», когда человек запускает

внутренние механизмы этих моделей, ставя перед моделями задания в контексте решения собственных задач. Внутренняя активность программ и выполнение внешне заданных заданий не позволяет говорить об их субъектности. Ментальный инструмент, даже вооруженный дополнительными технологическими возможностями, не обладает субъектностью, присущей пользователю инструмента. Под субъектом понимается часть окружающего мира, обладающая внутренним миром (психикой), которая характеризуется: наличием цели, активностью по ее достижению, коррекцией цели в процессе жизнедеятельности, то есть помимо ситуативных целей существуют и цели жизнедеятельности. А субъектность предстает не характеристикой активности субъекта, как в бинарной парадигме (субъект – объект), а как задание своей роли (протосубъектность, субъектность, метасубъектность [4]) не только в отдельных видах активности, а и в достижении жизненных целей. Протосубъектность предполагает внешнюю запрограммированность внутренней программы действия, субъектность – внутреннюю самостоятельность в постановке целей в рамках заданного контекста, метасубъектность – выход за пределы существующих нормативных способов целеполагания.

С долей условности можно говорить о «протосубъектности» больших языковых моделей, так как программы выполняют задания, исходя из целей разработчиков. Или даже о «субъектности» в контексте заданной задачи, когда программы конструируют новое знание, новый текст (хотя более точно говорить о субъектности пользователей этого инструмента). Но уже о «субъектности» программ за пределами поставленных задач, речи не идет. Вместе с тем, сегодня разработчики пытаются объединить несколько программ, что приводит к тому, что большие языковые модели уже способны решать задачи, к которым не были изначально приспособлены (они могут осваивать математические операции, или понимать языки, не заложенные в них). Но смогут ли эти программы конструировать знания, выходящие за пределы жизненного мира их создателей (проявляя «метасубъектность»), если эти модели основаны на единственном знаковом источнике получения информации, и неполнота приведенных данных или скрытые ошибки, заложенные в алгоритмах, могут привести к катастрофическим последствиям для их пользователей. Смогут ли эти программы предсказать появление черного лебедя, которого до этого не было в опыте общества. В изменяющейся среде у субъектов общества появляются новые задачи, которые предполагают выработку непредвиденных знаний, проверяемых в собственной жизнедеятельности, и случайные ошибки могут иметь фатальное значение.

Большие языковые модели остаются имитатором, который предлагает «правильные» ответы, не имея собственного жизненного опыта за пределами знаковых систем и не переживая его в своем мироощущении. По своему устройству они похожи на калейдоскоп, каждый поворот которого приводит к красивой картинке, а внутри него находится всего лишь набор стёклышек (данных) и зеркала (алгоритмы), позволяющие организовать эту картинку.

Следует отметить, что эта же бинарная методология лежит и в основе теста Тьюринга, в котором имплицитно предполагается, что знаковая коммуникация позволяет распознавать природу взаимодействующей стороны. Коммуникация является двусторонним процессом. Вступая в коммуникацию, в противоположной стороне субъект «видит» проекцию собственного Я, приписывая собеседнику антропоморфные черты, наподобие анимизма первобытных людей, наделяющих все природные объекты «душой». Коммуникация является необходимым, но не достаточным условием для жизни, при опосредованной коммуникации отсутствует возможность выхода за пределы платоновой пещеры. В тесте Тьюринга не заложена возможность непосредственной деятельности субъектов над построением совместного будущего, в ходе которой проверяется адекватность сформированных знаний и инструмента их конструирования.

В контексте постнеклассической методологии естественный интеллект является характеристикой инструмента человека, а искусственный интеллект – характеристикой инструмента команды авторов, решающей задачи общества, достигшего высокого уровня технологического развития. От декларируемой конкуренции естественного и искусственного «интеллектов» переходим к конкуренции команд разработчиков, опирающихся на научный потенциал их участников, и конкуренции обществ, способных разрабатывать новые информационные технологии, базирующиеся на использовании индивидуальных субъектов всего общества как составляющих этих технологий.

Как метафора, термин ИИ, контрпродуктивен для понимания принципов действия больших языковых моделей, скрывая их зависимость от разработчиков и их «инструментальность». С другой стороны, эта метафора придает этим моделям «человеческое лицо», что увеличивает эмоциональную включенность его создателей, соревнующихся с другими создателями «искусственного разума». В то же время, эта метафора очень удобна для манипуляции общественным сознанием, поскольку снимает

ответственность с разработчиков и заказчиков за выявленные в процессе эксплуатации ошибки в программах, приписываемые ИИ, и побочные непредвиденные результаты действий этих моделей. Основная проблема использования больших языковых моделей состоит не в том, что у них может появиться автономный ИИ, а том, что этот инструмент генерации новой информации будет использоваться в интересах отдельных неафишируемых групп.

Использование термина ИИ позволяет скрывать конкуренцию команд разработчиков и обществ, делающих заказ на развитие подобных технологий. Обществу, неверно определившему стратегические направления технического развития, и запаздывающему в разработке инструментов и технологий, помогающих решать злободневные проблемы, грозит отставание от других обществ. У человечества нет иного метода выживания, кроме как использования естественного интеллекта для создания новых технологий, не перекладывая ответственность за возможные ошибки на эти технологии. В замкнутых знаковых системах (больших языковых моделях) нет этики, нет гибких критериев выбора гуманистических отношений, кроме наперед заданных критериев. И угроза человечеству происходит не от техники, а от людей, создающих ее и пользующихся нею, от этических воззрений этих людей. Решения о дальнейшей разработке и применении искусственного интеллекта принимает общество (как заказчик, разработчик, пользователь), решая этические проблемы их применения во всевозможных сферах общественной жизни.

Список литературы

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
2. *Плющ А.Н.* Современные понятия психологии: эволюция понимания логики их организации // Психологический журнал. 2023. № 6. С. 114-123.
3. *Аршинов В.И., Свирский Я.И.* Кое-что о сложности. Послесловие переводчика и редактора // Морен Э. О сложности. М.: Издательство «Институт общегуманитарных исследований», 2019. С. 273-282.
4. *Плющ А.Н.* Становление субъекта: от бессубъектности к метасубъектности // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 14–26.

«ВСЕВЫШНИЙ» МОРИСА БЛАНШО КАК ОПЫТ ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Погребняк А.А.

Кандидат экономических наук, старший преподаватель

*Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики
и оптики (ИТМО)*

Старший научный сотрудник

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ВШЭ - Санкт-Петербург)*

E-mail: aapogrebnyak@gmail.com

Аннотация. Роман Мориса Бланшо «Всевышний» был опубликован во Франции в 1948 году, однако его русский перевод появился лишь в 2023 году. Сегодняшнее прочтение этого антиутопического текста трудно абстрагировать от реалий наших дней. В статье сделана попытка прочесть роман Бланшо как предвосхищение процесса тотальной «оцифровки» нашего существования, как ресурс для критики действительных и возможных последствий «цифровизации» общественных отношений. Основанием для такого прочтения текста Бланшо служат несколько важных для него идей. Это, во-первых, тема «конца истории», во-вторых, тезис о тотальном характере закона, в-третьих, парадокс возрастания общей иррациональности жизни, происходящего одновременно с ростом ее рационализации.

Ключевые слова: цифровизация, конец истории, образ, закон, роман, Бланшо.

В статье использованы результаты проекта «Природа в оптике цифровой культуры: парадоксы, гибриды, фантазмы», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

“THE MOST HIGH” BY MAURICE BLANCHOT AS AN EXPERIENCE OF ANTICIPATION OF DIGITAL CIVILIZATION

Pogrebnyak A.

CSc in Economics, Senior Lecturer

Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO University)

Senior Research Fellow

National Research University “Higher School of Economics” (HSE)

E-mail: aapogrebnyak@gmail.com

Abstract. Maurice Blanchot's novel "The Most High" was published in France in 1948, but its Russian translation appeared only in 2023. It is difficult to abstract today's reading of this dystopian text from the realities of our days. In the paper we attempt to read Blanchot's novel as an anticipation of the process of total "digitization" of our life, as a resource for criticizing the actual and possible consequences of the "digitalization" of social relations. The basis for this reading of "Maurice Blanchot's The Most High" is several ideas that are important to him. This is, firstly, the theme of the "end of history", secondly, the thesis about the total character of the law, thirdly, the paradox of the increase in the general irrationality of life, occurring simultaneously with the growth of its rationalization.

Keywords: digitalization, end of history, image, law, novel, Blanchot.

Сущность цифровизации не есть нечто «цифровое» – так можно сегодня повторить известный тезис Хайдеггера о том, что сущностью техники не является нечто «техническое». И точно также историческое событие господства «цифры», совершившееся на наших глазах, готовилось, как становится понятным теперь, едва ли не на всем протяжении истории (вспомним хотя бы известный тезис М. Хоркхаймера и Т. Адорно о том, что Одиссей уже родился Робинзоном, т.е. человеком Просвещения, объявляющим все, что не может быть сведено к единице, несуществующим). Разумеется, подобное обращение к прошлому (к «мифу») имеет смысл, только если в нем мы способны обнаружить те смысловые элементы настоящего, которых последнему не хватает до действительного самопонимания. То, что в русском переводе антиутопический роман М. Бланшо «Всевышний» вышел именно сейчас, т.е. спустя семьдесят пять лет после его публикации во Франции (1948), провоцирует на то, чтобы попробовать прочесть его как предвосхищение многих происходящих сегодня процессов, в том числе – и пресловутой «цифровизации» всех аспектов человеческого существования.

«Всевышний» стал последним романом писателя, который всю свою дальнейшую (более ему полувековую!) жизнь будет сознательно обращаться исключительно к форме «рассказа», как если бы эпоха «конца истории» была одновременно и эпохой «конца романа». Тема же «конца истории» звучит во «Всевышнем» совершенно отчетливо, вследствие чего роман может быть прочитан как вариация на тему Пост-истории и Пост-человека, как они были обозначены А. Кожевым в тексте знаменитой сноски, написанной в 1946 году в качестве примечания к одному из разделов курса о «Феноменологии духа» Гегеля. Напомним: делая утверждение о том, что «Природа переживет Время», т.е. негативность как сущность истории уйдет в прошлое, Кожев дополняет: «Но все остальное может сохраняться неопределенно долго: искусство, любовь, игра и т.д., и т.д.; короче, все то, что делает Человека счастливым» [1, с. 538-539]. Впоследствии, на основе своих «ознакомительных поездок» по миру, этой абстракции «счастья» (содержанием которого является неопределенно долгое «и т.д.») Кожев придаст конкретные национально-культурные особенности – так возникнут пресловутые «американо-советско-китайский» и «японский» «пост-исторические» сценарии (чистая позитивность общества потребления и «безработная негативность» снобистского общества траты). Но похоже, что их противоположность образует лишь видимость конфликта, и то и другое – две стороны фантазии, в форме которой представляется то движение, где оппозиция природы и истории оказывается не столько «снята», сколько приведена к неразличимости. И именно этот уровень существования, как представляется, пытается выразить в своей прозе Бланшо. Свою версию «конца истории» он вкладывает в уста отчима главного героя «Всевышнего», высокопоставленного чиновника, говорящего о нынешнем режиме как о наделяющем смыслом все предшествующие и только поэтому являющемся последним: «Некоторым образом, он сам закончен, он обрел свое завершение, положил конец всему и самому себе. Да, с этой точки зрения вы правы и меня не шокируете: он не слишком-то

ассоциируется с идеями смерти, остановки и падения, но именно его стабильность выражает смерть, именно его нескончаемая длительность и есть его падение» [2, с. 246].

«Нескончаемая длительность» существования, при том что люди остаются индивидуально смертными, переводит нас, очевидно, на некий не- или внечеловеческий уровень, который в романе Бланшо задается абстракцией закона – закона как такового, вся определенность которого сводится исключительно к тому, что всё кажущееся «незаконным» оказывается всегда уже имманентным пространству закона: «Буквы прояснились, замерцали: над ними загорелись тысячи других знаков, всевозможных фраз, постыдных, деспотичных выражений, витийств пьяницы, криков хищного зверя, и из всего этого разгула закон формировал безукоризненную, окончательную сентенцию, неоспоримый для всех небосвод» [2, с. 221]. В этом «дважды экспонированном», по выражению С. Зенкина [3, с. 436], образе мы, возможно, в наиболее отчетливой форме видим предвосхищение императива тотальной оцифровки существования – регистрации и фиксации любого события и состояния в форме однозначного присутствия; или, как писал М. Фуко в своей комментарии к «Всевышнему»: «Тот, кто вопреки закону хочет установить новый порядок, организовать вторую полицию, основать другое государство, всегда встретит со стороны закона лишь молчаливо и бесконечно потворствующий прием. Закон, собственно говоря, не меняется: он раз и навсегда сошел в могилу, и каждая из его форм будет впредь только метаморфозой этой никогда не кончающейся смерти» [4, с. 142]. Закон здесь «умирает», совпадая с чисто формальным требованием непрерывного (даже в своих разрывах – более того, в них по преимуществу!) функционирования системы обеспечения «безопасности» и «развития», превращая «счастье» в желательный, но не необходимый «контент» (это превращение закона как принципа отношений суверена и подданных в набор управленческих правил, лежащих в основе механизма безопасности и претендующих выражать чисто физическое устройство социальных отношений, Фуко в дальнейшем исследует в своем курсе 1977-78 г. «Безопасность, территория, население» [5, с. 100-102]). Очевидно, что развитие информационных и цифровых технологий идет именно в этом направлении: то и дело подрывая существующие юридические запреты (например, на вторжение в частную жизнь), они, тем не менее, не знаменуют наступление какой-то анархической эры, но, наоборот, непрерывно утверждают в качестве «закона законов» императив тотальной оцифровки в пределе всех существующих отношений, как «необходимого условия» для достижения столь же абстрактных целей политики («безопасность») и экономики («эффективность») [См.: 6]. Так, например, уже сформулированный Марксом закон, подчиняющий производство требованию извлечения прибавочной стоимости, переводит смутный образ «творческих способностей» человека в ясное и отчетливое представление «прибыльного или убыточного» использования человеческой рабочей силы.

Абстракция закона во «Всевышнем» конкретизируется в форме сращения трех знаменитых уровней гегелевского «объективного духа»: семьи, гражданского общества и государства; при этом, похоже, принцип семейственности не просто положен в основу, но тотализируется в процессе движения повествования. И, что характерно, базисным агентом этой тотализации выступает фигура сестры, которая проходит диалектическое преобразование из сестры по крови в сестру по призванию (а именно, медицинскую сестру); так персонаж, лишь номинально отсылающий к функции заботы (главного героя романа зовут Андре Зорге), в итоге становится заложником всеобщей озабоченности системы состоянием здоровья своих подопечных (Зорге становится буквально собственностью медсестры, которая «узнает» в нем «Всевышнего», т.е., по сути, любого как гражданина «гомогенного государства»). Очевидно, что Бланшо развивает здесь (или, скорее, подвергает трансгрессии) гегелевское толкование «Антигоны» Софокла, согласно которому «в лице сестры женское начало обладает [...] высшим *предчувствием* нравственной сущности», поскольку «брат для сестры есть покоящаяся равная сущность вообще, ее признание в нем чисто и свободно от примеси природного отношения» [7, с. 242-243]; нет, возражает Бланшо – возвращение этих «примесей» в форме «извращений» не ставит под сомнение закон этой «нравственной сущности», но лишь подтверждают его действительность, точно также как, например, сон в ночное время – это и нравственная обязанность, и природная необходимость, а также трудовая повинность, которые вверяют ночь юрисдикции дня, изгоняют ночь из ночи [8, с. 269-273]; и точно также инцест именно с сестрой, а не с матерью, как показали Ж. Делёз и Ф. Гваттари, поддерживает закон в том, что переключает желание на четко определенные тела и лица, персонализирует его, отключая от «великой ночной памяти интенсивного зародышевого происхождения» [9, с. 253].

Теперь можно понять последнюю сцену «Всевышнего», в которой медицинская сестра стреляет в своего пациента, а тот отлетает к стене с криком «Теперь, теперь-то я заговорю» [2, с. 466]: жанр романа совпадает с пространством закона, которое включает в себя *всё иное*, но при условии, что оно

в этом своем качестве «иног» четко идентифицируется, т.е. подвергается регистрации и контролю – как, например, смерть в качестве одного из возможных (статистически, юридически, онтологически) смертных случаев; или – как любой образ, образ чего бы то ни было, лишь бы он мог быть приведен к цифровому формату. Узнавание в Зорге «Всевышнего» означает квалификацию его как четко идентифицируемого персонажа, а не сущностно неуместного, сопротивляющегося своему размещению («распознаванию») в «законном» романическом пространстве [8, с. 18]. Однако «невозможная возможность» литературы – рассказа как того, что остается после того, как роман успешно присвоил и утилизировал все возможные «остатки», – отсылает к говорению (бормотанию, «вечной канители») той смерти и той ночи, которые сопротивляются приведению к форме однозначного присутствия – образы, которые сопротивляются оцифровке, хотя бы даже в форме вечного поражения.

Список литературы

1. *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
2. *Бланшо М.* Всевышний. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. 480 с.
3. *Зенкин С.* Морис Бланшо и Образ. Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре/ Под ред. С.Н. Зенкина. М.: НЛЮ, 2005. С. 433-448.
4. *Фуко М.* Мысль извне// Морис Бланшо: Голос, пришедший извне/ Сост. В. Лапицкого. М.: НЛЮ, 2023. С. 126-153.
5. *Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
6. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2019. 784 с.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 444 с.
8. *Бланшо М.* Пространство литературы. М.: Логос, 2002. 288 с.
9. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ В РФ

Романов О.А.

*Кандидат политических наук,
факультет международных отношений
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: romanovoleg@rambler.ru*

Аннотация. С начала 2000-х годов РФ ежегодно увеличивала расходы бюджета на внедрение электронных сервисов во все отрасли экономики и социальной сферы. Обоснованием этому служила необходимость преодоления административных барьеров и бюрократической волокиты. Выдвигался философский лозунг: бегать должны не люди, а файлы. Спустя четверть века проблемы обычного человека так и остались не решенными, малый и средний бизнес практически уничтожен, а государство отказалось от транспарентности и становится максимально закрытым в том числе и для своих граждан. Как оказалось, технологии не решили проблему существования людей в гармонии друг с другом. Смертность растет, рождаемость падает, а квадратные метры дорожают. Платон утверждал, что философы должны править государством и тогда будет достигнуто всеобщее благо. Количество философов выпускников классических университетов во власти только увеличивается, а качество и уровень жизни падают. Есть ли выход?

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственное управление, экзистенциализм.

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE URBAN PLANNING SPHERE IN THE RUSSIAN FEDERATION.

Romanov O.

CSc in Politics, Faculty of International Relations

St. Petersburg State University

E-mail: romanovoleg@rambler.ru

Annotation. Since the early 2000s, the Russian Federation has annually increased budget expenditures on the introduction of electronic services in all sectors of the economy and social sphere. The rationale for this was the need to overcome administrative barriers and bureaucratic red tape. A philosophical slogan was put forward: files should run, not people. A quarter of a century later, the problems of an ordinary person have not been solved, small and medium-sized businesses have been practically destroyed, and the state has abandoned transparency and is becoming as closed as possible, including for its citizens. As it turned out, technology has not solved the problem of people living in harmony with each other. The death rate is rising, the birth rate is falling, and square meters are becoming more expensive. Plato argued that philosophers should rule the state and then the common good would be achieved. The number of philosophers graduates of classical universities in power is only increasing, and the quality and standard of living are falling. Is there a way out?

Keywords: Digital Transformation, Public Administration, Existentialism.

Минстрой РФ сформулировало задачи, которые стоят в области цифровизации всех отраслей российской экономики. Единое электронное пространство решений в сфере доступа к государственным услугам. Задача, которая в силу особенностей государственного управления, правового положения отдельных субъектов не реализуема изначально. Практический пример: города федерального значения Москва и Петербург, автоматически не подпадают т.к. на их территории действуют собственные административные регламенты и порядок принятия управленческих решений. Создание единого цифрового продукта значится следующей задачей. В качестве примера рассматривается ГИСОГД РФ – государственная информационная система для обеспечения градостроительной деятельности РФ. Правовое основание: Ст. 56 ГрК РФ. Статистика профильного министерства показывает, что в полной мере ГИСОГД внедрены только в 29 регионах, 20 регионов, пока даже не понимают, когда они это сделают. Нет, требований к ИСОГД на федеральном уровне и на уровне субъекта, не говоря уже об их взаимодействии. Существует угроза утери накопленных данных государственного градостроительного кадастра, на муниципальном уровне многократно усложнится возможность получения требуемой информации регионального и федерального уровня (формирование которой может быть приостановлено). Сведения федеральной и региональной систем кадастрового учета объектов недвижимости в части сформированных земельных участков и координат поворотных точек не соответствуют друг другу, что ведет к наложению земельных участков и не позволяет автоматически выдавать ГПЗУ. Прим. работа администрации Кириллова Вологодской области. Отказ в выдаче ГПЗУ лишает возможности начать строительство и ввести в экономический оборот новые территории. Администрация некоторых территорий вообще не заинтересована в появлении объектов конкурентов гостиниц, качественного жилья и инфраструктуры. Прим. Себеж в Псковской области имея транзит газа не обеспечил теплоснабжение за счет газа и тратит бюджетные средства на мазут, дизель и дрова с целью личного обогащения. Задача осуществления надзора в электронном виде на практике связана с отсутствием интернета и программного обеспечения, которое даже в Санкт-Петербурге ежемесячно перестает работать на несколько суток. Разработчики проектных решений уходят с рынка. На закрытие ИТ-вакансий компаниям к концу 2022 г. требовалось более 6 месяцев. Решения отечественных ИКТ для проектирования и строительства отстают по функциональности. На практике в ГАУ ЦГЭ Санкт-Петербурга без обращения за помощью к третьим лицам не могут в штатном режиме пройти экспертизу достоверности сметной стоимости ни один из государственных заказчиков ВУЗов. Эксперты необоснованно выкидывают из смет оборудование необходимое для технического перевооружения ВУЗов. Формально юридически отчитываясь о сэкономленных государственных средствах администрация ГАУ тормозит работу по техническому перевооружению и подготовке лабораторий для обучения ИТ специалистов. Цифровая трансформация отрасли проводится формально. Для решения срочных практических вопросов закрыт личный прием руководителями профильных структурных подразделений Минстроя РФ. Запись на прием с задержкой

в 2-3 недели приводит к формальным отказам в согласовании тех и ли иных проектно-строительных решений. Следствием является повторная сдача на государственную экспертизу проектных решений и повторное расходование государственных средств на ее проведение. Говоря о цифровой трансформации области градостроительства можно вспомнить работу 1930 г. «Вредительство как оно есть» Кржижановского (академика, председателя Государственной плановой комиссии при Совете Труда и Оборона СССР). Можно утверждать, что правоприменение со стороны уполномоченных органов становится субъектом преступлений в сфере ИКТ и градостроительства. Кржижановский отмечал, что анализ личного состава вредительских организаций ставит во весь рост, жгучую проблему о кадрах промышленности и народного хозяйства. Вопрос статистики в 2023 году «О ходе выполнения поручений Президента Правительству» 39% выполняется с задержкой, после согласований с администрацией главы государства. Таким образом можно утверждать, что оказание государственных услуг в электронном виде с использованием личных кабинетов столкнулось со сложностями во-первых, технического характера (отсутствие у многих пользователей электронных кабинетов и сбой в работе программного обеспечения); во-вторых, с ростом числа электронных мошенничеств при оказании услуг, что привело к потере прав собственности на объекты недвижимости добросовестных потребителей услуг, финансовым потерям, как следствие мошенничества в условиях цифровых трансформаций; в-третьих, обратный временной эффект увеличения срока оказания услуги, связанный с отсутствием быстрой коммуникации между потребителем цифровых услуг и реальным исполнителем. Зачастую обращаться за одной и той же услугой в электронном виде приходится иногда более десяти раз из-за того, что документы не читаемы исполнителем, а в личном кабинете заявителя они значатся как правильно загруженные. В-четвертых, в городах федерального значения не действуют федеральные законы, а приоритет при оказании государственных услуг имеет городские законы и подзаконные акты. Как пример работа градостроительной комиссии по выдаче заключений для получения в последующем разрешений на строительство ограничивает интересы физических и юридических лиц при невозможности получения услуги традиционным способом путем подачи заявления и пакета документов в печатном виде в условиях цифровых трансформаций городского хозяйства.

Список литературы

1. *Алексеев А.С.* Русское Государственное право. Конспект лекций Ординарного профессора Императорского Московского Университета. А. С. Алексеева. М. Типография А.А. Гатцука, 1892. 473 с.
2. *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. Том I. Конституционное право. Издание третье - СПб.: Типография акционерного общества Слово, 1913. 672с.
3. Леду Клод-Николя Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству. Екатеринбург. Канон. Архитектон, 2003. 592 с.
4. *Лисовский В.Г.* «Национальный стиль» в архитектуре России. М. Совпадение, 2000 г. 416 с.
5. *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. [В 3 ч.]. Ч. 1-3. Сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. СПб Типография Горного училища, 1793. 162 с.

ОТ МЕДИАЛЬНОГО К ЦИФРОВОМУ ПОВОРОТУ

Савчук В.В.

*Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, директор Центра медиафилософии института философии Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: savcuk.valeri@gmail.com*

Аннотация. В докладе ставится вопрос о существенных характеристиках цифрового поворота, являющимся логическим завершением череды поворотов в культуре XX века: лингвистического поворота (linguistic turn) Р. Рорти (1967); иконического поворота (Iconic turn) Готфрид Бём (1994); медиального поворота (medial turn) Р. Марграйтер (1999). Затрагивается и вопрос о том, является ли цифровизация и ее следствие искусственный интеллект — злым роком или адекватным временем путем,

спасающим человечество от капитуляции перед глобальными вызовами? Делается вывод, что цифровой поворот является концептом, объясняющим онтологические основания современной цивилизации. Суть различий цифрового и медиального поворотов рассматривается в свете изменения их онтологического статуса. Фундаментальный тезис медиального поворота: «все есть язык, образ, медиа» изменяется на: «все есть цифровой код нуля и единицы». Вывод: цифровой поворот не ограничивается указанием на опосредствование нашего восприятия, а выступает той инстанцией, которая производит мотивацию, цель и волю ее достижения.

Ключевые слова: лингвистический, иконический, медиальный и цифровой поворот, цифровизация, двоичный код, язык

FROM MEDIAL TO DIGITAL TURN

Savchuk V.V.

*Prof. Dr. of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Director of the Center for Media Philosophy of the Institute of Philosophy
St. Petersburg State University
E-mail: savcuk.valeri@gmail.com*

Annotation: The report raises the question of the essential characteristics of the digital turn, which is the logical conclusion of a series of turns in the culture of the twentieth century: the linguistic turn of R. Rorty (1967); Iconic turn by Gottfried Böhm (1994); medial turn R. Margreiter (1999). The question will also be raised about whether digitalization and its consequence, artificial intelligence, is an evil fate or a time-appropriate way to save humanity from capitulation to global challenges? It is concluded that the digital turn is a concept that explains the ontological foundations of modern civilization. The essence of the differences between digital and media turns is considered in the light of changes in their ontological status. The fundamental thesis of the medial turn: “everything is language, image, media” changes to: “everything is a digital code of zero and one.” Conclusion: the digital turn is not limited to indicating the mediation of our perception, but acts as the authority that produces the motivation, goal and will to achieve it.

Keywords: linguistic, iconic, medial and digital turn, digitalization, binary code, language

Термин «цифровой поворот» не нов, он активно разрабатывается в дискурсе немецкоязычных медиатеоретиков и медиафилософов [1–6]. Поставив вопрос о существенных характеристиках цифрового поворота, спросим себя, насколько обоснованным является утверждение о его самодостаточности и чем он, по сути, отличается от медиального поворота, ставшим итоговым поворотом в культуре XX века: лингвистического поворота (linguistic turn) Р. Рорти (1967); иконического поворота (Iconic turn) Готфрид Бём (1994); медиального поворота (medial turn) Р. Марграйтер (1999)? Контраргументы здесь таковы: аналитика ситуации в обществе, определяемом ситуацией медиального поворота, шла с опорой на новые — они же цифровые — медиа. В начале той, уже ушедшей эпохи медиального поворота, цифровой разум, цифровая реальность не противопоставлялись медиареальности. Закономерно возникают вопросы. Не спешим ли мы утверждать о наступлении следующего поворота? Да и что, повторим, представляет собой цифровой (дигитальный) поворот в культуре в сравнении, скажем, с медиальным поворотом? Цифровизация и ее следствие искусственный интеллект — злой рок или адекватный времени путь, спасающий человечество от капитуляции перед глобальными вызовами? Или — иначе, это способ самосохранения разума в постметафизическую эпоху? Следует ли воспринимать ее причиной появления медиального, а затем и цифрового поворота в культуре? Является ли цифровой поворот концептом, объясняющим онтологические основания современной цивилизации? Претендует ли он на статус концепта, схватывающего актуальные характеристики настоящего положения дел? И наконец, не является ли цифровое определение настоящей ситуации в культуре констатацией очевидного, и всем известного?

Когда мы говорим о цифровом повороте, сразу встают два противоположных по смысловому вектору вопроса. Во-первых, не опережаем ли мы события, ведь цифра — еще не весь мир, а скорее набор ключевых его регионов? Да, и в каком смысле можно говорить о ключевых позициях этих регионов, если на повестке дня остро встают вопросы экологии, и возможно завтра главным ресурсом будут необжитые и незанятые пространства, топосы, куда еще не только индустриальное

производство, но и цифра не добралась? Отвечая на эти вопросы, отметим, что с цифрой, поскольку наши мысли и действия воплощены в ней, все обстоит так же, как и с телом — оно существует одновременно раньше и позже нас. Раньше — поскольку принадлежит природе, и мы не понимаем механизмы его действий. Поскольку тело принадлежит также и культуре, то логика жизненной драмы состоит в том, что мы часто запаздываем, так как не можем признать «новое тело» своим. О цифре мысль настоятельна, поскольку она неявно определяет наши чувства, желания, поступки [6, с. 135-164], [8, с. 68-85]. Мы практически влачимся за событиями, вводя концепт цифрового поворота. И все же, говоря о цифровом повороте, мы пытаемся определить, с одной стороны, исторические координаты, в которых оказалась культура, уверенно свернув на путь цифры, а с другой — географические локации западного мира, которые берут на себя роль полигонов будущего. И в то же время продумывать существо цифрового поворота не поздно, поскольку далеко не все следствия проявлены, не весь потенциал реализован, не все негативные моменты обнаружили себя: нам необходимо исследовать любые изменения с учетом тех бесконечно малых величин, которые к ним привели. Мы полагаем, что нет второго поворота, а есть фазы становления одной и той же реальности господства цифры и цифрового разума в его подлинном масштабе.

И если уж человек — «всего лишь недавнее изобретение», то цифровой разум *homo pictor* а формируется и конституируется на наших глазах, «и это формирование выглядит как болезненная ломка культуры» [7, с. 19]. Тому есть причины. Шаги победоносного шествия цифровой реальности известны всем: после изобретения компьютера, персональной его версии (1981), общедоступности Интернета (1991), а затем регистрации компании Facebook (2004), окончательного формирования Web 2.0 (2004) и появления iPhone (2007) — цифровая эпоха стала необратимой, как необратимым стало и изменение положения человека в Космосе, в одночасье получившем цифровое обличье. Итак, мир удвоился в цифре, но удвоившись, он приобрел черты самостоятельности, а следуя логике репрезентации, предстает единственно верной данностью мира, или картиной мира. Задача цифровизации — обеспечение удобства и безопасности человека во всех сферах. Обратная сторона цифровизации — контроль и надзор над каждым гражданином.

Цифровые технологии трансформируют контекст жизни, задавая новую перспективу восприятия, в том числе, и концептов доцифровой реальности. К симптомам таковой можно отнести небольшую, по меркам традиционной книжной культуры, но вполне адекватную цифровой форме сообщения 44-страничную книгу малого формата берлинского профессора Бьон-Чул Хана «Цифровая рациональность и конец коммуникативного действия», в которой он излагает новую теорию демократии, радикально порывающую с дискурсом Ю. Хабермаса. Книга эта решительно подминает книжный рынок, отсекая простую ретрансляцию информации и пересказ прежде написанного. Основным логическим аргументом Хана выступает распространение дигитальной революции на область политического. Анализируя её последствия, Хан указывает на замену «коммуникативного разума» цифровой рациональностью, исходя из констатации формирующейся ситуации политики без «политиков», произрастающей из демократии без «коммуникации» и «общества». Примером может служить восстание «жёлтых жилетов», начавшееся 17 ноября 2018 года во Франции, за которыми, — здесь в один голос вторят и политологи, и аналитики, не было известных политических партий. Этот феномен еще долго будет осмысляться. Таким образом, оказавшись в поле политики, цифровая рациональность с неизбежностью заменяет собой хабермасовский «коммуникативный разум»: «Интернет сегодня манифестирует себя не как открытое пространство, но как пространство совместной коммуникативной деятельности», а «современный дигитальный поворот (*digital turn*), ставит теорию коммуникативного действия под вопрос» [4, с. 16]. Мысль, стоящая за этим утверждением, такова: шаг от медиального к цифровому повороту соответствует логике рабочей поступи дематериализации условий существования.

Суммируя предварительный этап, подчеркнем различие цифрового и медиального поворотов. Во-первых, чтобы в полной мере оценить последствия цифрового поворота, необходимо рассмотреть его онтологический статус (собственно, то, что отличает случившийся поворот в культуре, от претензии на звание такового). В ряд положений «все есть язык, образ, медиа» добавляется положение: «все есть цифровой код нуля и единицы». Но вследствие этой «математизации» происходит смещение от медиально-технического упорядочивания мира к медиаматике, буквенно-цифровому математическому моделированию среды» [9, с. 154]. Действительность здесь берется не в модусе посредника, но в виде кода, коим реальность задается, и из которого она производится. Во-вторых, если медиальный поворот фиксировал *опосредующую* активность медиа (что, по сути, является проявлением общей черты нашего времени — усилением активности среды, контекста, объекта), их неустрашимое участие, определяющее то, что мы воспринимаем: «медиа воспринимают

нами», — то цифровой поворот не ограничивается указанием на опосредствование нашего восприятия, а выступает той инстанцией, которая производит мотивацию, цель и волю ее достижения.

Список литературы

1. Byung-Chul Han. Digitale Rationalität und das Ende des kommunikativen Handelns. Gedanken zur Krise der Demokratie. Berlin: Matthes und Seitz, 2013.
2. Digital Turn? Zum Einfluss digitaler Medien auf Wissensgenerierungsprozesse von Studierenden und Hochschullehrenden / Hg. Kossek, Brigitte, Peschl, Markus F. Göttingen & Wien, V&R unipress & Vienna University Press, 2012.
3. Han, Byung-Chul Transparenzgesellschaft. Berl: Matthes & Seitz, 2013.
4. Hug, Theo Kritische Erwägungen zur Medialisierung des Wissens im digitalen Zeitalter // Digital Turn? Zum Einfluss digitaler Medien auf Wissensgenerierungsprozesse von Studierenden und Hochschullehrenden / Hg. Kossek, Brigitte, Peschl, Markus F. Göttingen & Wien, V&R unipress & Vienna University Press. 2012. P. 23-46.
5. The Digital Turn in Higher Education: International Perspectives on Learning / Editors David Kergel, Birte Heidkamp, Patrik Kjærdsdam Telléus, Tadeusz Rachwal, Samuel Nowakowski. Weisbaden, Springer, 2018.
6. Ленкевич А. С. Цифра как продолжение кожи // Критика цифрового разума / Гл. редактор В. В. Савчук. СПб.: Академия исследования культуры, 2020.
7. Очеретяный К. А. Возникновение цифрового разума // Критика цифрового разума / Гл. редактор В. В. Савчук. СПб.: Академия исследования культуры, 2020.
8. Шевцов К. П. Схематизм цифрового разума // Критика цифрового разума / Гл. редактор В. В. Савчук. СПб.: Академия исследования культуры, 2020. С. 68-85.
9. Эрнст В. Время медиа: понятия, археология, наука // Медиа: между магией и технологией. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014.

ЦИФРОВОЙ ДЕМИУРГ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ХУДОЖНИК

Фейгельман А. М.

Кандидат философских наук, доцент

Нижегородский государственного университета им. Н. И. Лобачевского

E-mail: artf1986@gmail.com

Аннотация. Статья исследует возможность существования искусственного интеллекта в качестве субъекта художественного творчества. В статье утверждается, что вопрос о том, может ли искусственный интеллект стать художником тесно взаимосвязана с вопросом о сущности искусства. Подчеркивается, что нет абсолютно объективных критериев, которые помогли бы провести демаркацию между искусством и неискусством. В качестве относительно объективного критерия предлагается «приращение смысла», под которым подразумевается способность произведения искусства создавать новые значения, которые расширяют представление человека о мире и при этом не являются точным повторением уже сложившихся художественных практик. В статье делается вывод, что искусственный интеллект может быть легитимирован арт-сообществом как творец новых смыслов. Однако, несмотря на это, статус искусственного интеллекта как художника проблематичен, так как за ним всегда стоят его создатели, ограничивая тем самым его субъектность.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусство, философия искусства, нейронные сети, тест Тьюринга, приращение смысла.

DIGITAL DEMIURGE: ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN ARTIST

Feigelman A. M.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
E-mail: artf1986@gmail.com*

Abstract. The article explores the possibility of the existence of artificial intelligence as a subject of artistic creativity. The article argues that the question of whether artificial intelligence can become an artist is closely related to the question of the essence of art. It is emphasized that there are no absolutely objective criteria that would help to demarcate between art and non-art. "Increment of meaning" is proposed as a relatively objective criterion, which means the ability of a work of art to create new meanings that expand a person's understanding of the world and are not an exact repetition of already established artistic practices. The article concludes that artificial intelligence can be legitimized by the art community as a creator of new meanings. However, despite this, the status of artificial intelligence as an artist is problematic, since its creators always stand behind it, thereby limiting its subjectivity.

Keywords: artificial intelligence, art, philosophy of art, neural networks, Turing test, increment of meaning.

Тема искусственного интеллекта в последние годы будоражит публичную сферу. И это понятно, ведь влияние искусственного интеллекта распространяется на те области, где господство человека считалось незыблемым. От дизайнеров и программистов до философов и ученых — все спешат высказаться на популярную тему. Не остаются в стороне и художники, а также теоретики искусства, пытающиеся схватить изменения, которые для этой сферы несет использование машинного обучения, нейросетей и т.д. На горизонте всех этих размышлений маячит главный вопрос: способен ли искусственный интеллект стать художником? А может быть, он уже сделал это?

В связи с успехами разработок в области искусственного интеллекта часто звучат алармистские голоса, требующие ограничений в этой сфере. Озабоченность высказывают и члены художественного сообщества, которые видят в искусственном интеллекте нахрапистого конкурента, претендующего на их рабочие места и угрожающего едва ли не отменить традиционные художественные практики. В ответ на подобные заявления раздаются более спокойные голоса, призывающие посмотреть на проблему сквозь призму истории медиа.

А. Херцман обращается к появлению фотографии как явлению, во многом предвосхитившему сегодняшние споры об искусственном интеллекте и его воздействии на художественные практики. Уже развитие в первой половине XIX столетия такой относительно примитивной технологии как дагерротип заставило некоторых художников говорить о том, что «живопись мертва», не говоря уже о таком жанре как портрет. Однако вместо того, чтобы «убить» живопись, фотография придала ей новый импульс и поворот в развитии. Художники все больше отказывались от строго реалистического изображения действительности, ведь здесь им было тяжело и неинтересно конкурировать с фотографией. Поэтому художественные практики стали дрейфовать в сторону свободного впечатления (импрессионисты), которое производит окружающая реальность. Отсюда же и стремление некоторых художников к абстракции как форме особого, внереалистического познания действительности [1, с. 3-6].

Херцман обращает внимание на сходство генезиса и бытования фотографии и искусственного интеллекта. Во-первых, фотографии отказывали в художественности из-за ее механического происхождения. То же самое сегодня происходит и с искусственным интеллектом, в вину которому часто ставят его цифровую и вычислительную природу. Во-вторых, и фотография, и художественные практики, связанные с искусственным интеллектом, поначалу не рассматривались как искусство, но вскоре множество художников взяло их на вооружение. В-третьих, новые технологии демократизируют искусство, делая его доступным большему количеству людей (фотография позволила делать портреты людям, далеким от живописного ремесла, также как приложение Midjourney позволяет создавать визуальные работы пользователям, ни разу не державшим кисточку или стилус в руках). В-четвертых, новые технологии воздействуют на художественные практики, придавая им новый импульс и новое направление [1, с.6].

В интерпретации Херцмана искусственный интеллект – важный, инновационный, но, все-таки, инструмент, который не может (во всяком случае), пока претендовать на статус художника. По мнению

исследователя, художник всегда действует как социальный агент, наделенный, в частности, эмпатией и этическим началом [1, с. 17]. От искусственного интеллекта подобного (опять же, пока) ждать не приходится.

Однако есть и другие мнения на этот счет. В частности, М. Кекельберг утверждает, что искусственный интеллект может считаться художником, несмотря на то, что он действует по алгоритмам, запрограммированным человеком. Исследователь приводит остроумное сравнение: так же как Бог создает человека, который сам способен стать творцом-демиургом, так и программист задает алгоритм для искусственного интеллекта, в рамках которого последний может творить самостоятельно [2, с. 286].

Ответ на вопрос «может ли машина создавать искусство?», по мнению Кекельберга, подразумевает рассмотрение двух следующих аспектов: с одной стороны, процесс творчества, а с другой, его результат. Именно на последнем делает акцент так называемый тест Тьюринга для произведений искусства. Вслед за исследовательницей М. Боден Кекельберг приводит следующие критерии для произведения искусства, созданного машиной. Программа проходит тест Тьюринга, если она «создает работу (1) неотличимую от работы, созданной человеком и/или работу, которая может рассматриваться как имеющая такую же эстетическую ценность как созданная человеком» [2, с. 288]. Проблема этого критерия в том, что он делает акцент на реципиенте – именно от его эстетических и интеллектуальных способностей и установок (насмотренности, образованности и т.д.) зависит, отличит ли он работу, созданную машиной от творения человеческих рук. Очевидно, что работа искусственного интеллекта может мимикрировать под искусство, но не являться им. И эта проблема приводит нас к вопросу о том, что такое искусство и каковы его критерии.

Кекельберг приходит к справедливому выводу о том, что объективных критериев искусства не существует (2, с. 291-292). Такие категории как «красота», «возвышенное», «гармония», «единство», «эстетический опыт», с которыми различные теоретики связывают сущность искусства, сами являются проблематичными, их трактовка исторична и зависит от социокультурного контекста, в котором она осуществляется. Критериям, основанным на свойствах произведения искусства, Кекельберг противопоставляет критерии, внешние по отношению к нему. Об этом, в частности, говорит институциональная теория искусства, в рамках которой искусством является то, что принято арт-сообществом в качестве такового. Такой конвенциональный критерий, тем не менее, остается отчасти субъективным, ведь восприятие искусства здесь зависит от мнения куратора, критика, ученого, чиновника от культуры и, наконец, публики. В то же время, точка зрения арт-сообщества вполне может отражать трудноуловимый и в то же время вполне объективный «дух времени», воплощенный в различных социокультурных тенденциях.

С другой стороны, история культуры знает множество примеров, когда произведения искусства отвергались институциями и публикой, что не мешало им уже через несколько десятилетий обрести статус шедевра, а потом и классики. Поэтому первоначальной легитимирующей инстанцией является в первую очередь сам художник, который решает, имеют ли его практики отношение к искусству или нет: «Ты сам свой высший суд; / Всех строже оценить умеешь ты свой труд. / Ты им доволен ли, взыскательный художник? / Доволен? Так пускай толпа его бранит /И плюет на алтарь, где твой огонь горит, /И в детской резвости колеблет твой треножник».

Однако для того, чтобы остаться в истории культуры, мало одного самоутверждения в качестве художника. Решающую роль здесь играет уже упомянутая внешняя легитимация – со стороны коллег, институций, публики, исследователей и авторов учебников. Так почему одни произведения становятся классическими, а другие остаются объектом изучения специалистов или вовсе забываются? И может ли произведение, созданное искусственным интеллектом, удовлетворить этому критерию?

И здесь я предлагаю в качестве критерия «приращение смысла» — способность произведения искусства создавать новые значения, которые расширяют представление человека о мире и при этом не являются точным повторением уже сложившихся художественных практик. Приращение смысла возникает там, где дух времени сталкивается с индивидуальным бэкграундом художника. На выходе мы получаем произведение, в котором уникальная художественная оптика соединяется с сознательной или бессознательной рефлексией актуальных культурных, эстетических, социальных, политических и других тенденций. Особый синтез общего и единичного придает аутентичному произведению искусства вневременной характер – эпохи с их тенденциями могут меняться, но остается уникальный взгляд художника, который с течением времени не испытывает смысловой и эстетической инфляции. Разумеется, категория приращения смысла не является абсолютно объективной, однако известную степень объективности придает ей сама культура, отсеивающая произведения, которым не хватает новизны и уникальности (при этом, очевидно, что на судьбу тех или иных художников и их

произведений влияют и случайные обстоятельства, которые могут препятствовать их включению в область классики и традиции).

Машина, которая в глазах человека невольно претендует на статус художника, не может сама себя легитимировать – во всяком случае, до тех пор, пока он не обретет самосознание и способность к рефлексии. Однако парадоксальным образом искусственный интеллект и его произведения вполне способны побороться за легитимацию со стороны экспертов, публики и культурных институций – даже если сам машинный художник (в кавычках или без) в этом не слишком нуждается. Легко представить ситуацию, в которой, например, нейронная сеть сама дает себе задание («вбивает» сама в себя промты, то есть инструкцию или запрос) и сама же его и выполняет. И рано или поздно найдутся люди, в том числе кураторы и искусствоведы, которые обнаружат в этих работах упомянутое выше приращение смысла, признают их в качестве произведений искусства и тем самым легитимируют их в рамках арт-сообщества.

Однако будет ли в данном случае легитимирован искусственной интеллект в качестве автора этих произведений? Некоторые исследователи предостерегают от подобных выводов: «Инженерный подход к созданию произведений искусства строится на неверном предположении, что системы машинного обучения могут обойти потребность в авторстве с помощью переключивания процесса принятия решений на нейтральный и креативный «черный ящик». В реальности, решения принимаются на каждом шагу в процессе выбора оптимизации алгоритма, функции оценки, модели и набора данных» [3, с. 30]. Другими словами, за любым ИИ-автором стоят его создатели, которые во многом определяют специфику его «креативности».

Тем не менее, как уже отмечалось выше, этот контраргумент не является абсолютным. Искусственный интеллект зависит от своих создателей. Но будучи создан, он обретает известную, хотя и имеющую свой предел субъектность и автономность. Очевидно, что с развитием технологий пространство этой автономности будет расширяться. И если сегодня статус ИИ-художника проблематичен, то, возможно, завтра человек увидит рождение подлинного цифрового демиурга – своего нового соперника и соратника.

Список литературы

1. *Hertzmann A.* Can computers create art? // *Arts*. 2018. Vol. 7, Issue 2. P. 1-25.
2. *Coeckelbergh M.* Can machines create art? // *Philosophy & Technology*. 2018. Vol. 30, Issue 3. P. 285-303.
3. *Audry S.* Art in the age of machine learning. Cambridge, Massachusetts: Mit Press, 2021. 215 p.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ: ОТ ЗАМЫСЛА К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙСТВА GPT

Филимонов В.Ю.

Аспирант 1 курса

Пятигорский государственный университет

E-mail: fil2016vo@yandex.ru

Аннотация. Вопрос значимости больших языковых моделей становится все более актуальным с момента их применения при решении фактических инженерно-информационных задач. Однако интерес к большим языковым моделям как к технологии с объективной практической значимостью возник не сразу, а, скорее, полноценно сформировался в широких общественных массах с разработкой модели GPT-3 в 2020 году; до этого периода потенциал языковых моделей мог быть объективно оценен лишь в профессиональных научных кругах. В статье рассматриваются предпосылки роста широкой социальной популярности большой языковой модели GPT-3 в 2020 году. Описывается алгоритм работы предобученного трансформера, а также отличительные особенности работы первых моделей GPT от их последних модификаций в соответствии с вычислительной мощностью и интеллектуальными функциями. Раскрывается значимость революционных изменений данных моделей в повседневной жизни, производственных процессах и научных открытиях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, человеко-машинные коммуникации, большие языковые модели, нейросети, трансформер, GPT-системы.

THE STAGES OF THE FORMATION OF LARGE LANGUAGE MODELS: FROM CONCEPT TO TECHNOLOGICAL REVOLUTION USING THE EXAMPLE OF THE GPT FAMILY

Filimonov V.Y.

1st year postgraduate student

Pyatigorsk State University

E-mail: fil2016vo@yandex.ru

Abstract. The question of the importance of large language models has become increasingly relevant since their application in solving actual engineering and information problems. However, interest in large language models as a technology with objective practical significance did not arise immediately, but rather fully formed in the general public with the development of the GPT-3 model in 2020. Before this period, the potential of language models could only be objectively assessed in professional scientific circles. The article examines the prerequisites for the growth of the broad social popularity of the large GPT-3 language model in 2020. The algorithm of operation of the pre-irradiated transformer is presented, as well as the distinctive features of the operation of the first GPT models from their latest modifications in accordance with computing power and intelligent functions. The importance of revolutionary changes in these models in everyday life, production processes and scientific discoveries is being formed.

Keywords: artificial intelligence, human-machine communications, large language models, neural networks, transformer, GPT systems.

Для современного общества появление Больших языковых моделей (Large Language Models, далее – LLM) стало одним из ключевых факторов актуализации вопросов взаимодействия человека с машинными алгоритмическими системами. LLM можно описать с двух позиций:

– с одной стороны, это признак социальной моды, которая, как правило, носит изменчивый характер;

– с другой же стороны, LLM – это результат технологического развития общества, которое, в сегментированной форме, может быть выражено как совокупность научно-технологических революций, отражающих значимые этапы прогресса.

В результате, возникают вопросы по части сохранения принципов гуманизма в человеко-машинных коммуникациях, а также касательно их «исторической устойчивости» в контексте индикаторов общественного прогресса и социальной моды. Наибольшей социальной значимостью в настоящий момент пользуются языковые модели семейства GPT, «алгоритмическая мощь» которых проникает во все виды организационной деятельности.

Термин «большие языковые модели» тесно связан с такими терминами, как «искусственный интеллект», «GPT», «архитектура «трансформер»». Определим каждый из них для более четкого понимания их отличия друг от друга:

1. Большие языковые модели (LLM) – это базовые модели, которые используют глубокое обучение для решения различных задач в обработке естественного языка (Natural Language Processing, NLP) и генерации естественного языка (NLG), таких как: автоматический перевод, генерация текстов, отвечающих на вопросы, анализ тональности текста, распознавание речи и многое другое [6].

2. Британский словарь Collins Dictionary «словом 2023 г.» назвал «искусственный интеллект (ИИ)» [13]. Путем прямой языковой интерпретации получим следующее представление термина «искусственный интеллект (ИИ)»: «Искусственный интеллект, термин, описывающий «моделирование психических функций человека с помощью компьютерных программ». ИИ, считающийся следующей великой технологической революцией, быстро развивается, и о нем много говорили в 2023 году» [13].

3. GPT (Generative pre-trained transformers) – разновидность больших языковых моделей (LLM) и известный фреймворк для генеративного искусственного интеллекта [17].

4. Архитектура «трансформер» – архитектура информационной модели, избегающая повторения и, вместо этого, полностью полагающаяся на механизм привлечения внимания для выявления глобальных зависимостей между входными и выходными данными [14].

GPT в своей основе опирается на работу алгоритма предобученного трансформера, суть которого заключается в последовательном выполнении следующих двух действий: несобственное генеративное «предварительное» обучение, на котором устанавливаются начальные параметры путем обучения модели языковым моделированием в совокупности с собственным дискриминативным (различительным) «дообучающим» обучением, на котором эти параметры адаптируются к конкретной задаче [18]. Эффективность архитектуры «Transformer» может быть выражена в двух ключевых позициях: в контекстуальной и в распределительной. Первая позиция, являющаяся по своей сути ключевой в определении заданной эффективности, основывается на исследовании наиболее релевантного использования контекста, ведь в реальной жизни человек, используя те или иные лексико-грамматические конструкции, старается применить их наиболее оптимально по отношению к той речевой ситуации, в которой он непосредственно находится – то есть, задать этим конструкциям нужный смысл. Оснащенность архитектуры «Transformer» средствами самоконтроля, способствующими наиболее оптимальной ситуативной контекстуализации используемых словесных конструкций, с учетом аналогичных контекстуально созависимых конструкций, позволяет задавать исходным данным модели необходимый и ситуативно обусловленный контекст. Вторая позиция основывается на способности распараллеливания значительного количества вычислительных процессов архитектуры в период ее обучения и при выводе конечного результата. Эффективное использование информационных распределительных систем повышает оценку пропускной способности архитектуры во время «тренировки» на образовательных примерах; по итогу, становится возможным обучение значимого объема сетевых данных в требуемой временной размерности [6].

В контексте открытой социальной доступности существуют на данный момент три версии GPT:

– GPT-1 – данная версия была опубликована в 2018 году и имела 117 миллионов параметров. Впервые были использованы немаркированные данные. GPT-1 создан для преодоления нехватки помеченных данных и использования преимуществ большого количества немаркированных, разнообразных экземпляров. Этот преобразователь, работающий только с авторегрессионным декодером, использует механизм саморегулирования [9]. Данная версия модели имела в своей основе 114 миллиона параметров и для ее обучения использовалось 4,5 ГБ текста из 7000 неопубликованных книг различных жанров.

– GPT-2 – данная версия была опубликована в 2019 году и имела 1.5 миллиарда параметров. В качестве обучающих данных были использованы 40 ГБ текста из датасета WebText, 8 миллионов документов с 45 миллионов веб-страниц, отобранных посредством голосования на Reddit. Было использовано «обучение без обучения».

– GPT-3 – версия, опубликованная в 2020 году и имеющая 175 миллиардов параметров. Является более надежной и точной моделью, чем GPT-2, поскольку способна обрабатывать больше узкоспециализированных тем [6]. «Обучающим ядром» модели стали материалы Википедии, Common Crawl и WebText2 – в совокупном объеме, превышающем 570 ГБ текстовых данных [5].

Несмотря на отличия в вычислительной и интеллектуальной мощностях всех версий «GPT», они объединяются двумя условиями: использованием архитектуры Transformer и умением генерировать текстовые данные. Большой известностью в настоящее время пользуется такая GPT-модификация от OpenAI, как ChatGPT [7]. В открытом доступе данная модификация появилась в конце 2022 – начале 2023 г. [8]. Она опирается на возможности глубокого обучения, которые предоставляются средствами рекуррентных нейронных моделей и их производных, одной из которых является уже знакомая архитектура Transformer.

Контролируемое обучение в определенных проблемных условиях является ключевой методологией работы моделей, обученных до 2017 года. Низкая эффективность работы этой методологии обуславливается двумя проблемными качествами. Одной из них является недостаток аннотированных данных, поскольку при таком обучающем подходе необходим большой человеческий ресурс, ведь маркировка данных, в таком случае, целиком и полностью зависит от человека – это служит фактором «сдерживания» объема обучающих данных. Второе качество состоит в неспособности обобщения, итогом чему послужила достаточно жесткая отраслевая приверженность моделей в совокупности с затруднением их видоизменения [10, 11]. Способом борьбы с этими трудностями должна была стать разработка архитектурной модели нейронных систем, используемой в своей основе несколько иной подход к обучению. Таким образом, ветвь эволюции предварительно обученных LLM «дополнилась» разработкой в 2017 году архитектуры самообслуживания Transformer [14].

В работе «Improving Language Understanding by Generative Pre-Training» представлен ключевой фактор возможности диверсификации языковых задач – это генеративное предварительное обучение

языковой модели на разнообразном корпусе немаркированного текста (с длинными отрезками непрерывного текста) с последующей дискриминационной тонкой настройкой для каждой конкретной задачи [15]. Этот способ позволяет обрабатывать многокомпонентные зависимости с их переводом в дискриминационное целеполагание, то есть – достигается высокая персонификация поискового запроса в языковой модели, использующей данный способ алгоритмической обработки – он был непосредственно задействован в модели GPT-3, существенно повышающей качество обработки персонифицированного запроса.

С разработкой технологии Transformer можно связать рост социальной значимости моделей GPT, в частности, взрывной интерес к модели GPT-3 в 2020 году. В то же время, можно выделить и ряд других факторов, повлиявших на рост интереса к большим языковым моделям:

1. Естественная эволюция поискового запроса по оценке потребностей интернет-пользователя. Традиционный поисковой запрос для обычного пользователя интернета стал «интернет-обыденностью» – чтобы получить необходимый ответ на вопрос, необходимо задать его в окне, предпочитаемой к использованию поисковой системе и получить выкладку ответов, которые впоследствии необходимо проанализировать на предмет релевантности. Однако поисковой запрос – это единичная поисковая итерация, которая может, с одной стороны, фактически не удовлетворить информационную потребность пользователя, а с другой стороны, условно «наскучить» – в данном случае, появляется интерес к осуществлению «последовательной комбинации поисковых запросов», которые будут выполняться автоматически – в настоящий момент, это действие предоставляется возможностями больших языковых моделей, их консольным интерфейсом.

2. Количественный и качественный рост информационных данных в интернете. Несмотря на мощь и значимость больших языковых моделей, они опираются на информацию – на конкретные информационные данные, которые, после предварительной обработки, видоизменяются по смысловому контексту. Эти данные, как правило, можно количественно и качественно оценить – если на начальном этапе развития информационных интернет-технологий данные обладали низкой количественной и качественной оценкой, то, по мере пользовательского привыкания к ним, наблюдается естественный рост их качества и количества – эти два свойства, в единой совокупности, определяют рост социальной значимости к возможностям информационной обработки, предоставляющими большими языковыми моделями.

3. Интерес к информационным данным как к инвестиционному активу. Для любой информации необходимо «сервисное обслуживание», однако, если качество информации не является значимым и ее количество невелико, то особых экономических затрат, в данном случае, может не наблюдаться – можно ограничиться прямыми временными затратами без их экономико-финансового подкрепления. Вместе с тем, в обратном случае, становится актуальным использование возможностей экономики – цифровой экономики, формирующей базовые принципы экономической организации работы интернет-сервисов – разовая постоянная подписка на цифровые сервисы, ежемесячная/ежегодная типы подписок – это все проявление текущих процессов цифровой экономики, которая, со временем, стала вовлекать в принципы организации больших языковых моделей использование существенных мощностей, которые часто требуют финансового подкрепления. В укрупненном подходе, мы, таким образом, можем выступать свидетелями трансформации интереса от денежно-материальных инвестиций к цифровым (денежно-криптовалютным) с одной из объективизаций в виде финансового обслуживания работы больших языковых моделей.

4. Активное развитие алгоритмического параллелизма в 2014-2018 годах с разработкой специализированных тензорных процессоров, позволяющих эффективно транслировать мультимедийную информацию в текстовую, что значимым образом повышает качество текстового персонифицированного пользовательского запроса в языковой модели.

С развитием больших языковых моделей постепенно начал формулироваться вопрос: «Способны ли модели сами формировать новые знания, а не только работать с уже размеченными данными?». Практика современных научных исследований позволяет дать положительный ответ на данный вопрос и связан он, в первую очередь, с недавним достижением в области математической науки – речь идет о разработке модели FunSearch [16]. Методология работы FunSearch опирается не на разработку конкретного решения математической задачи, а на разработку программы, способной найти такое решение – эффективность этой «метод-модели» была продемонстрирована на решении двух задач – «проблеме множества крышек» и задаче об оптимальной упаковке предметов разного размера в контейнеры – «метод-модель» позволила нивелировать зазоры в контейнере наилучшим способом. То есть, большая языковая модель становится агентом проработки нового знания, которое, в свою очередь, может в дальнейшем использоваться как исходные данные для других отраслевых языковых

моделей. Здесь может наблюдаться некоторый конфликт – нужны ли тогда математики, если решение математических задач может превратиться в «замкнутую большую языковую систему»? Ответ на него может быть субъективен, однако внутренняя оценка алгоритмов, получаемых какой-либо сторонней математической машиной, не всегда способна носить объективно гуманистический характер – непосредственная человеческая оценка способна более значимо абсолютизировать этот характер с опорой на более плотный социально-цивилизационный и социально-гуманистический контекст.

В соответствии с вышесказанным определим специфику значимости больших языковых моделей для следующих социальных компонентов:

– для повседневной жизни – большие языковые модели позволяют сократить временные затраты при написании текстов, заполнении табличных данных, составлении рабочих и учебных планов;

– для производственных процессов – автоматизировать разработку отраслевых управленческих решений, а также рекламных кампаний;

– для сферы наукоемких технологий – расширить возможности генерации новых инженерно-конструкторских идей, создать возможности использования предобученных на научных проблемах датасетов с целью последующей разработки решений этих проблем.

Можно сделать вывод, что результат роста интереса к языковым моделям и к непосредственной GPT-системе 3-ей версии опирается на технико-алгоритмические достижения во второй половине 2010-х годов, где рост производительности технических устройств стал подкрепляться программно-алгоритмическими разработками, которые позволили, с одной стороны, более эффективным образом обслуживать используемую вычислительную мощность, а с другой стороны, персонифицировать поисковую работу с большими языковыми моделями.

Список литературы

1. Кумратова А. М., Морозова Н. В., Василенко А. И., Козай И. Е. Анализ возможностей нейронной сети на основе языковой модели GPT-3 и способы ее применения на производстве // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2023. №1 (316). С. 80-85.

2. Польщикова О.Н. Становление и формирование терминологии компьютерной лингвистики // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. №3. С. 590-607.

3. Пучков А.Ю., Лобанева Е.И., Василькова М.А. Программа формирования стека методов искусственного интеллекта при решении прикладных задач // Программные продукты и системы. 2021. №3. С. 10-18.

4. Плотникова А.М. Нейросеть как ключевое слово текущего момента // Филологический класс. 2023. №2. С. 45-54.

5. Сейдаметова З.С. Мультимодальные платформы искусственного интеллекта: новые возможности для исследований // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. 2023. № 2(40). С. 94–101.

6. Гончаров Д. С. Большие языковые модели на примере чат-ботов GPT-3: сегодняшние реалии, проблемы истины, преимущества и опасности // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции, Москва, 15 марта 2023 года. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. С. 283–290.

7. Горохов А. В. Обзор продуктов компании OpenAI // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-11. С. 25–28.

8. Бейненсон В. А. Применение генеративных нейросетей в журналистике: проблемы и перспективы // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 352–359.

9. Zong M., Krishnamachari B. A survey on GPT-3. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2212.00857> (дата обращения: 19.11.2023).

10. Everything We Know About GPT-4 So Far, DataCamp, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.datacamp.com/blog/what-we-know-gpt4> (дата обращения: 16.11.2023).

11. Shams R. Semi-supervised Classification for Natural Language Processing. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/1409.7612>. (дата обращения: 19.11.2023).

12. Ai и стена памяти. [Электронный ресурс]. URL: <https://qwertybox.ru/articles/69195/> (дата обращения: 18.11.2023).

13. The Collins Word of The Year 2023 // Collins Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/woty> (дата обращения: 17.11.2023).

14. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. et al. I Attention Is All You Need, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/1706.03762> (дата обращения: 19.11.2023)
15. Improving Language Understanding by Generative Pre-Training. [Электронный ресурс]. URL: https://cdn.openai.com/research-covers/language-unsupervised/language_understanding_paper.pdf (дата обращения: 20.11.2023).
16. GPT-like модель «впервые сделала научное открытие»: что, как, и куда дальше? [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/ods/articles/781138/> (дата обращения: 21.11.2023).
17. Generative pre-trained transformer. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Generative_pre-trained_transformer (дата обращения: 22.11.2023).

РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ «СИЛЬНОГО» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Чапны Е.В.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии
Институт философии и социально-политических наук
Южный федеральный университет
E-mail: elena_chapny@mail.ru*

Аннотация. В статье актуализируется необходимость воспитания традиционных ценностей в современном российском обществе в условиях создания Общего искусственного интеллекта (ОИИ). Предложен критический анализ некоторых основных тенденций развития цифровой реальности. Намечены подходы к исследованию эволюции цифровой реальности в контексте реактуализации традиционных семейных ценностей на современном этапе. Рассмотрены возможные пути прививания ценностных ориентиров в молодежной среде в современной ситуации развития умного города. Уточняются понятия и концепты: гибридный аккаунт, совместное использование гаджетов, «медиакультура», «медиагигиена», «медиаинвалидность». Отмечаются положительные тенденции в осуществлении связи поколений, в частности, благодаря совместному пользованию гаджетами представителями разных поколений одной семьи, что способствует формированию общего цифрового смыслового поля.

Ключевые слова: Общий искусственный интеллект, социальные связи, гибридный аккаунт, традиционные ценности, медиакультура, умный дом, умный город.

RE-ACTUALIZATION OF TRADITIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF CREATING “STRONG” ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Chapny H. V.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Philosophy
Southern Federal University
E-mail: elena_chapny@mail.ru*

Abstract. The article updates the need to instill traditional values in modern Russian society in the context of the creation of Artificial General Intelligence (AGI). A critical analysis of some of the main trends in the development of digital reality is proposed. Approaches to the study of the evolution of digital reality in the context of the re-actualization of traditional family values at the present stage are outlined. Possible ways of instilling value guidelines among young people in the current situation of smart city development are considered. The concepts and concepts are clarified: hybrid account, sharing of gadgets, “media culture”, “media hygiene”, “media disability”. There are positive trends in the implementation of the connection between generations, in particular, thanks to the joint use of gadgets by representatives of different generations of the same family, which contributes to the formation of a common digital semantic field.

Keywords: Artificial General Intelligence (AGI), social connections, hybrid account, traditional values, media culture, smart home, smart city.

В современном российском обществе большое внимание уделяется молодежной политике с опорой на традиционные ценности. В сложившихся условиях это более чем актуально, поскольку происходящие глобальные изменения налагают определенный отпечаток на массовое сознание, что «заставляет людей подсознательно отказываться от каких-то норм морали, нравственности, этики, которые укоренились тысячелетиями» [1, с. 67]. Именно кризис традиционных ценностей является одной из характерных черт современной эпохи. В этой связи, по словам Ю.А. Жданова, важнейшей задачей должно стать воспитание высоких моральных ценностей среди молодежи, поддержание традиций, формирование между людьми социальных связей на разных уровнях – междисциплинарных, интернациональных, возрастных, профессиональных [2, с. 71 – 72]. Особое внимание следовало бы уделить появлению сложных межсубъектных, субъект-объектных и межобъектных взаимодействий и социальных связей, в том числе, с учетом повсеместного проникновения цифровых технологий в условиях создания Общего искусственного интеллекта (далее ОИИ).

Международное сообщество в настоящее время вступило в фазу создания ОИИ. В англоязычной литературе данный термин обозначается как AGI (Artificial General Intelligence). К его созданию привлекается широкий спектр междисциплинарных исследований на стыке философии и нейрофизиологии. Отмечается целесообразность изучения результатов нейронаучного постижения организации психических процессов, и прежде всего, операциональных динамических структур, которые характерны для осуществления сознательной деятельности. Немалую роль в создании ОИИ занимает постижение межсубъектных взаимодействий с учетом телесно-ориентированного подхода к изучению человеческого мозга, сознания и когнитивных процессов.

Согласно В.С. Степину, на современном этапе человеческого развития «обозначились контуры нового уровня системной сложности техники... Это техника и технологии сложных саморазвивающихся систем... Этап развития форм техники саморазвивающихся систем, по-видимому, начнется после формирования технологического уклада, основанного на конвергентных (нано-, био-, информационных и когнитивных) технологиях» [3, с. 24 – 25]. Наряду с переходом к новому технологическому укладу, складывается ситуация, когда вселенная «разумных вещей» может порождать на порядок больше типов *устойчивых* субъект/объектных, межсубъектных и межобъектных взаимодействий. В этой связи, Общий искусственный интеллект позволяет комбинировать возникающие ансамбли в органичные целостности. Компонентами этих целостностей (иногда очень короткоживущих, «под ситуацию») за счет увеличивающейся связности, емкости и возможностей памяти, могут служить весьма распределенные в пространстве и времени системы – в том числе очень сложные «традиционные» образования и институты [4].

В современном дискурсе о развитии цифровых технологий и ОИИ можно отметить распространение алармистских тенденций, выражающихся в разного рода тревогах по поводу атомизации общества, разрыва преемственности поколений, снижении общей гуманитарной культуры [5]. Наряду с этим наблюдается возрастание запроса на обучение (в том числе, со стороны пожилых людей) «медиакультуре», «медиагигиене», «медиаграмотности». Полный отказ или ограничение использования цифровых устройств, может повлечь социальную дизадаптацию, которая, в крайнем случае, переходит в так называемую «*медиаинвалидность*». То есть представители старшего поколения или люди, по тем или иным причинам не пользующиеся или не имеющие доступ к современным цифровым технологиям оказываются резко неадаптивными в среде, где работа, государственные услуги, покупки, общение стремительно перемещаются в сеть.

Такие процессы в виду скорости их протекания порождают стрессовые ситуации. Однако следует отметить и их некоторую пользу для взаимосвязи поколений, к примеру, совместных аккаунтов и совместного использования гаджетов как части цифрового образования представителей младшего и старшего поколений одной семьи. Так как алгоритмы поисковых машин «запоминают» предпочтения предыдущего пользователя, возникает общее цифровое коммуникационное поле. Таким образом, гибридный аккаунт и совместное пользование гаджетами может поспособствовать налаживанию взаимопонимания разных поколений в семье. В этой связи представляется актуальным рассмотрение экстраполяции традиционных ценностей в антропологической ситуации *бытия в умном городе*. Кроме того, предложение к осмыслению нескольких возможных сценариев (мысленных экспериментов) вплетения элементов философских доктрин М. Хайдеггера и М. Фуко в дизайн биометрических носимых устройств, систем умного дома и умного города, исследуя, параллельно, темпоральную сложность цифровой реальности.

В дискурсе об умном городе чаще всего упоминаются (как и для умного дома) такие его атрибуты, как эффективность и интеллектуальность. Также часто звучат такие качества как связность,

мобильность, безопасность, устойчивое развитие. Сенсоры придают элементам умного города интерактивность и оперативность. Однако, если мы хотим строить более человекомерную версию умного города, более живой, то «осмысленный», «мудрый город», вероятно, должен обладать такими качествами, как ответственность, отзывчивость и чуткость. И даже чувственность.

Развитие новых техно-социальных систем позволяет задавать некоторые параметры мира, более внимательного к субъекту. Внедрение технологии RFID, расширенной (дополненной) реальности, сенсоров и др. в пространство города, делает возможным сознательное использование Интернета Вещей (с его сопряженностью реального и виртуального, тотальной всевязностью) как инструмента для «очеловечивания» городской среды. Пространство города может «оживать» и становиться более интерактивным, перцептивным и предупреждающим. Разные исследовательские группы по всему миру разрабатывают проекты «эмоционального картирования» городских сред. В числе прочего в таких проектах изучается кожная гальванометрия, в качестве непрямого показателя настроения. Разрабатываются сенсоры и мобильные приложения для улавливания настроения, движения зрачков, жестикуляции, потоотделения.

В дизайне умных городов, на наш взгляд, еще недостаточно развиты темы прикосновений, телесного контакта. Дискурсы умного города, умного дома часто затрагивают понятие персонализации среды. Можно «обучить» среду привычкам попадающего в нее конкретного человека. В «мудром городе» не должно быть выделенных наблюдателей и привилегированных социальных инженеров. Эти пространства должны наполняться содержанием и создаваться жителями, самыми обычными людьми, неравнодушными к этому пространству. Когда человек заботится о городе, воспринимает его не как пространство-емкость, но как живой телесный ландшафт становящихся историй и возможностей, тогда есть шанс, что город контроля, город потребления эволюционирует в город доверия, город творчества.

Таким образом, анализ направлений развития цифровой реальности, связанных с возможными антропологическими трансформациями, обусловленными внедрением в повседневную жизнь цифровых технологий, демонстрирует необходимость глубокого философского осмысления последних достижений в области создания ОИИ. Сложные межсубъектные, субъект-объектные и межобъектные взаимодействия становятся все более опосредованы цифровыми алгоритмами и протоколами, которые смогут играть не меньшую роль, чем универсальные системы генетического, гуморального или нейрхимического кодирования, распространенные в живой природе. В свою очередь, это требует высокого уровня личной ответственности как от создателей, так и от пользователей таких цифровых алгоритмов. Уточнение понятий и концептов «гибридный аккаунт», «совместное использование гаджетов», «медиакультура», «медиагигиена», «медиаинвалидность» демонстрируют некоторые положительные тенденции в осуществлении связи поколений, к примеру, совместное пользование гаджетами представителей разных поколений одной семьи способствуют формированию общего цифрового смыслового поля.

Список литературы

1. Жданов Ю.А. Некоторые проблемы кризиса сознания. Избранное: В 6 т. Т. 5. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2019.
2. Жданов Ю.А. О воспитании личности в системе образования. Избранное: в 6 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2019.
3. Гринфильд Адам. Радикальные технологии. Устройство повседневной жизни. М., «Дело», 2019.
4. Vitalik Buterin. Bitcoin Multisig Wallet: The Future of Bitcoin // Bitcoin Magazine. 2014. March, 13.
5. Аршинов В.И., Артеменко М.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Корневский Н.А., Маякова А.В., Чеклецов В.В. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация. Курск, 2019.

ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В «ЗЕРКАЛЕ» ИИ: АНАЛИЗ ГЕНЕРАТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ Л.ВИТГЕНШТЕЙНА

Чепьюк О.Р.

*Доктор философских наук, доцент, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: chepyuko@yandex.ru*

Аннотация. В публикации предлагается исследовать феномен генеративных языковых моделей, таких как ChatGPT, в контексте работ Л. Витгенштейна, его представлений о связи между реальностью, языком и мышлением. Языковые модели, работающие на основе сложных алгоритмов и обученные на огромных массивах текстовых данных, в некотором смысле "отражают" язык и могут создавать убедительные имитации человеческого дискурса. В публикации обсуждается, как языковые модели изменяют представления человека о познании, контексте и интерпретации, а также исследуются границы и возможности этих технологий для экспериментальной проверки базовых теорий герменевтической и аналитической традиции. Этот вопрос включает возможные новые сферы в эпистемологии, влияние технологий на наше понимание языка как средства описания реальности. Массовое распространение генеративных языковых моделей представляет опасность для сферы сознания человека. Игнорируя собственные способности к рассуждению, человек начинает воспринимать мир глазами машины, которая сама видит мир через тексты, созданные ранее человеком. Коммуникация замыкается на самой себя, что грозит познавательной способности человека и делает само его развитие тупиковым.

Ключевые слова: генеративные языковые модели, чат GPT, язык и реальность, философия языка, смерть субъекта, «странная петля».

REFLECTION OF REALITY IN THE 'MIRROR' OF AI: ANALYSIS OF GENERATIVE LANGUAGE MODELS IN THE CONTEXT OF L. WITTGENSTEIN'S THEORY

Chepyuk O.R.

*DSc in Philosophy, professor
Nizhegorodsky State university named after N.I. Lobachevsky
E-mail: chepyuko@yandex.ru*

Abstract. The publication proposes to explore the phenomenon of generative language models, such as ChatGPT, in the context of the works of L. Wittgenstein and his views on the relationship between reality, language, and thought. Language models, operating on complex algorithms and trained on vast arrays of textual data, in a sense 'reflect' language and can create convincing imitations of human discourse. The publication discusses how language models change human perceptions of cognition, context, and interpretation, and explores the limits and possibilities of these technologies for experimental verification of basic theories in hermeneutic and analytical traditions. This question includes potential new areas in epistemology, the impact of technology on our understanding of language as a means of describing reality. The widespread distribution of generative language models poses a threat to the sphere of human consciousness. Ignoring their own reasoning abilities, people begin to perceive the world through the eyes of a machine, which itself sees the world through texts previously created by humans. Communication becomes self-referential, threatening human cognitive ability and making development a dead end.

Keywords: generative language models, ChatGPT, language and reality, philosophy of language, death of the subject, strange loop.

Краеугольный камень современной аналитической философии – «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна высветил уникальную связь между реальностью, языком и мышлением. Сама идея взаимной зависимости познания и языка оказалось настолько захватывающей, что с определённого

момента грозила «поглотить всю эпистемологическую проблематику» [1, с. 5]. Без малого 100 лет прошло с выхода трактата и этот вопрос перестал быть полем исключительно философских рассуждений: с выходом современных генеративных языковых моделей (например, таких как нашумевший ChatGPT компании OpenAI), роль языка в описании реальности, а также возможности его самовоспроизведения посредством искусственного интеллекта, стали едва ли не самыми обсуждаемыми в 2023 году, как среди специалистов, так и массовых пользователей. Феномен генеративных языковых моделей заключается в том, что мы, по сути, имеем дело с объективированной идеей о мире как огромном массиве текста, его описывающего. По-другому машина не способна получить знание о реальном мире: у неё отсутствуют собственные органы чувств, которые позволяли бы ей воспринимать мир. Зато уже сейчас есть языковая модель, которая способна воспринимать «мир как текст». И этот «новый дивный мир» вполне можно сопоставить с фактами жизненного мира, который машина постепенно «колонизирует» (Ю. Хабермас).

Суть работы языковой модели, основанной на обучении нейронных сетей, заключается в генерации уместного продолжения последовательности слов на основе вероятностей, выведенных из огромного количества текстов в интернете и публикаций (например, книг, статей и т.п.). Исходя из этих вероятностей модель создает для себя ранжированный список слов, которые могут следовать одно за другим. На результат влияет так называемая «температура», которая определяет степень «креативности» предложений. Немаловажным является контекст, в рамках которого осуществляется диалог машины и человека: чем длиннее контекст, тем качественнее результат генерации отражает языковую игру.

Как отмечают представители индустрии, если ход обучения такой машины в целом понятен, то вот научное объяснение, по которой текст вообще воспроизводится в том виде, как мы наблюдаем, – отсутствует [2]. Более того – качество получаемой имитации реального диалога заставляет пользователя забывать, что он разговаривает с обученным алгоритмом и воспринимать собеседника как одушевленное существо. И всё же эта разработка является продуктом инженерной мысли: здесь выбор метода генерации определяется практической работоспособностью, а не строгим научным обоснованием. И в этом работа языковой модели имитирует язык, как описывал Л. Витгенштейн: текст всякий раз создаётся заново, с учётом ситуации диалога машины и человека. Языковая модель постоянно обучается, а проецируемая им квазиреальность находится в непрерывном преобразении. При этом вероятности ранжирования слов для употребления воспроизводят логическую структуру языка, правда, в его численно-логической форме. В силу своей сложности и постоянной изменчивости, эта модель языка невоспроизводима для человека в виде конкретной визуальной формулы, с которой мог бы поработать человек-математик. Зато такая структура вполне «понятна» машине, которая сама есть воплощение чистого разума. Так, слова обретают смысл через переплетение событий и контекста.

Если Л. Витгенштейн рассматривает мир не как совокупность объектов, а как набор фактов, состояний дел, которые, в свою очередь, представляют собой комбинации объектов, то в ситуации с генеративной языковой моделью мы имеем дело с миром второго (или третьего) порядка, то есть миром дважды отражённой реальности: сначала связанным в естественном языке, затем – в алгоритме, который его имитирует. Логическая форма языка, отражающая внутренние свойства объектов мира, распознаётся машиной через вероятностные алгоритмы. Аналогии на этом не заканчиваются, потому что машина оттачивает своё «понимание» через соответствие текстового описания фактическому положению дел: она постоянно обучается, в том числе через диалоги с пользователями. Однако стороной воспринимающей, отвечающей за понимание текста, остаётся пока человек.

Развернувшийся глобальный эксперимент использования генеративных языковых моделей даёт новую пищу для дискуссии герменевтической и аналитической традиции о существовании «предварительности понимания», предубеждений (Гадамер) или контекста (Остин), либо отсутствии какой-либо «опоры», что превращает мир в бесконечную игру интерпретаций и значений в языке и культуре (Деррида). Этот вопрос, применительно к искусственному интеллекту, переводится в несколько иную плоскость: будет ли человек ведущим в этом «танго с киборгом» [4], или он станет ведомым? «Язык в форме текста никогда не поглощает окончательно внеязыковые контексты, хотя потенциально способен делать это все с большей полнотой, всякий раз обнаруживая за своими пределами расширяющееся пространство бытия. Не сходным ли образом разворачивается и процесс познания в целом?», – пишет И.Т. Касавин [1, с. 8]. Однако, что будет, если познание человека превратиться не в расширяющийся шар [5, с. 40], а в сужающийся.

Таким образом, возникает мир познания, целиком и полностью замкнутый на самого себя. Так, создатели чата GPT признаются, что испытывают трудности в обучении нейросети при участии пользователей: сеть «заглатывает» собственные результаты, продуцируемые людьми, которые ей

пользуются. В работе Хофштадтер подробно описаны такие системы: их функционирование неминуемо приводит к логическому парадоксу. При этом развитие самого человека Хофштадтер сравнивает даже не с расширяющимся «шаром», а со «странной петлёй», которая всякий раз делает не просто виток, но выходит в «иное» пространство, не выводимое из предыдущего [6]. Кто же помогает человеку выйти в это иное? В. Библихин недвусмысленно определяет здесь главной действующее лицо: «Мысль вытолкнула нас из себя» [7]. Именно эта сакральная роль самостоятельной (субъектной) человеческой мысли в познании и конструировании мира может быть занята искусственным интеллектом, если сам человек уступит ему эту позицию. В таком мире возможности языка и познания будут крайне ограниченными.

Насколько полезно будет появление генеративных языковых моделей для проверки гипотез о теоретической связи языка и познания пока не до конца ясно. Зато уже сейчас, в сфере социальной философии, можно отметить несколько новых процессов, характеризующих развитие отношений человека и машины. Технологии бросают вызов нашим представлениям о знании, творчестве и свободе воли, выводя самого индивидуума из этой игры [8]. Так, лауреат Нобелевской премии по литературе Мо Янь признался, что обращался к чат-боту с искусственным интеллектом ChatGPT за помощью в написании текстов [9]. Что тогда говорить об обычных пользователях, не обладающих творческим даром: их доверие к результату творческого труда виртуального ассистента может превышать веру в собственные силы. Технологии языковых моделей вновь поднимают постструктуралистский вопрос о роли автора и автономного субъекта, контролирующего язык и смысл («смерть субъекта», М. Фуко). Границы между создателем и созданием стираются, а сам субъект становится не просто продуктом социокультурных сил, но сил алгоритмов и отраженного мира машины. Человек готов подвергнуть сомнению собственное видение мира, собственный опыт, поддавшись удобной возможности вопрошать мир посредством искусственных языковых моделей. Осознание того, что для самой языковой модели мир – это итог переработки текстов, лишь частично отражающих сам язык и реальность, остаётся за рамками рассудочной части мышления. Так, человек воспринимает мир глазами машины, которая сама видит мир через тексты, созданные ранее человеком.

По идее Л. Витгенштейна мысли и предложения отражают реальность благодаря своей логической структуре, которая изоморфна структуре состояний дел в мире. Таким образом, понимание логической формы и структуры мысли и языка открывает путь к пониманию самой сути реальности. Однако, Витгенштейн также указывает на ограничения языка и мышления, особенно когда речь заходит о выражении их собственной логической формы. Эта идея ограниченности выражения является ключевой для понимания того, как мы используем язык и как язык влияет на наше восприятие мира. В контексте современных языковых моделей, таких как GPT-4, идеи Л. Витгенштейна представляет особый интерес. Языковые модели, работающие на основе сложных алгоритмов и обученные на огромных массивах текстовых данных, в некотором смысле "отражают" язык и могут создавать убедительные имитации человеческого дискурса. Вопрос о том, насколько эффективно они воспроизводят логическую структуру мысли и реальности, остается открытым и представляет собой захватывающую область для исследования. Применение технологий генеративных языковых моделей может создать уникальное поле для экспериментов для самой философии, и открыть в классических философских дискуссиях новые перспективы.

Список литературы

1. *Касавин И.Т.* Познание и язык // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2011. Т. 30, № 4. С. 1-15.
2. *Wolfram S.* What Is ChatGPT Doing ... and Why Does It Work? – Official web-site of Stephen Wolfram. [Электронный ресурс]. URL: <https://writings.stephenwolfram.com/2023/02/what-is-chatgpt-doing-and-why-does-it-work/> (дата обращения: 22.11.2023).
3. *Watson R.P.* Wittgenstein on language: toward a theory (and the study) of language in organizations // *Journal of Management History (Archive)*. 1997. Vol. 3, № 4. P. 360-374. (дата обращения: 22.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.1108/13552529710191252>.
4. *Фортунатов А.Н.* Кибергуманизм // Как коммуникативные технологии трансформируют наше общество. Москва: ФЛИНТА, 2023. 184 с.
5. *Воронина И.О.* Модели трансляции знаний в электронном обучении высшей школы / И. О. Воронина, О. Р. Чепьюк // *Социология образования*. 2016. № 10. С. 40-46.
6. *Хофштадтер Д.* Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда, 2001. 752 с.
7. *Библихин В.* Узнай себя. Москва: Наука, 2015, 446 с.

8. *Гаспар К.* Конец индивидуума. Приключения философа в мире искусственного интеллекта. Москва: Individuum, 2023, 352 с.

9. Нейросеть ChatGPT помогла написать речь нобелевскому лауреату. [Электронный ресурс]. URL: <https://smotrim.ru/article/3359356> (дата обращения: 22.11.2023).

К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ "СИЛЬНОГО" ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Швецов А.Н.

*Доктор технических наук, профессор
Вологодский государственный университет
E-mail: hvetsovan@vogu35.ru*

Дианов С.В.

*Кандидат технических наук, доцент
Вологодский государственный университет
E-mail: dianovsv@vogu35.ru*

Аннотация. В докладе рассматривается проблема возможности построения "сильного" искусственного интеллекта (ИИ) и его "естественного" возникновения в процессе эволюции современной инфокоммуникационной сферы. В настоящее время вопрос "самовозникновения" "сильного" ИИ переходит из области философского дискурса в плоскость реального киберфизического эксперимента, опирающегося на возможности глобальной инфокоммуникационной среды Интернета и программных систем интеллектуального мультиагентного моделирования, позволяющих исследовать условия аутопоэза эмерджентного ИИ при различных моделях эволюционирующих интеллектуальных агентов (ИА) и граничных условиях их существования в техногенной среде. Авторы формулируют направления поиска решений указанной проблемы посредством моделирования возможного эмерджентного поведения ИА, основанных на различных концептуальных моделях, исследования потенциально деструктивного ИИ и создания методов и средств противодействия подобному разрушительному влиянию на институты социума.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), "сильный" ИИ, "слабый" ИИ, интеллектуальный агент, мультиагентная система

TO THE PROBLEM OF THE EXISTENCE OF "STRONG" ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Shvetsov A.N.

*DSc in Technical Sciences, Professor
Vologda State University
E-mail: hvetsovan@vogu35.ru*

Dianov S.V.

*CSc in Technical Sciences, Assistant Professor
Vologda State University
E-mail: dianovsv@vogu35.ru*

Abstract. The report examines the problem of the possibility of building "strong" artificial intelligence (AI) and its "natural" emergence in the process of evolution of the modern infocommunication sphere. Currently, the issue of the "spontaneous emergence" of "strong" AI is moving from the realm of philosophical discourse to the plane of a real cyber-physical experiment, based on the capabilities of the global information and communication environment of the Internet and software systems of intelligent multi-agent modeling, which make it possible to study the conditions of autopoiesis of emergent AI under various models of evolving intelligent agents (IA) and the boundary conditions of their existence in the technogenic environment. The authors formulate directions for finding solutions to this problem by modeling the possible

emergent behavior of AI based on various conceptual models, studying potentially destructive AI and creating methods and means to counter such a destructive influence on the institutions of society.

Keywords: artificial intelligence (AI), strong version of AI, weak version of AI, intelligent agent, multi-agent system

Понятие "искусственный интеллект" прочно вошло в повседневную жизнь современного общества, в котором человек значительную часть бытия проводит в информационной среде. Согласно данным исследовательского агентства WE ARE SOCIAL на 2023 год 5,44 млрд. чел. – 68,0% популяции планеты – владельцы мобильных телефонов, 5,16 млрд. чел. – 64,4% – пользователи сети Интернет, 4,76 млрд. чел. – 59,4% – активные пользователи социальных сетей. В среднем каждый пользователь проводит в Интернете 6 час. 43 мин. ежедневно, а среднестатистический российский пользователь 7 час. 17 мин. [1].

Если прирост населения Земли за 2022 год составил 67 млн.чел. (+0,8%), то прирост числа пользователей мобильных устройств – 168 млн.чел. (+3,2%), Интернет-пользователей – 98 млн.чел. (+1,9%), а участников социальных сетей – 137 млн.чел. (+3,0%).

За период с 1990 по 2020 год население планеты увеличивалось практически по линейному закону, в это же время число пользователей сети Интернет показывало квадратичный рост и приближается к пределу всего взрослого населения Земли [2].

Результатом описанных явлений стал стремительный переход от привычных способов ведения деятельности к их цифровым аналогам среди всех институтов социума: государственных структур, предприятий и форм организации бизнеса, общественных формирований, индивидуальных домохозяйств.

В сфере исследований ИИ традиционно выделяют два направления – "сильный" (универсальный, нейрокибернетический) и "слабый" (логический, прикладной) ИИ. "Сильный" ИИ направлен на создание аналога человеческого разума (мышления), возможно аналога человеческого мозга на нейроморфной или иной материальной основе. Методы и средства "слабого" ИИ позволяют решать прикладные задачи в различных областях человеческой деятельности на основе известных логико-семантических формализмов и/или нейросетевых моделей. Вот уже более 60 лет дискутируется вопрос о возможности создания "сильного" ИИ.

Авторы данного доклада в качестве базового определения опираются на формулировку известного советского логика и философа Н.И. Кондакова: "ИНТЕЛЛЕКТ (лат. intellectus – познание, разумение, понимание) – целостная совокупность функций, проявления деятельности высокоорганизованной материи – человеческого мозга (мышления, эмоций, воли, фантазии и др.), направленной на познание и преобразование природы, общества и самого себя" [3, с. 203]. На наш взгляд "высокоорганизованная материя" не обязательно должна иметь биологическую форму, совокупность функций присущих интеллектуальной деятельности может теоретически опираться и на другие формы организации материи – электронную, квантовую и другие.

"Сильный" (традиционно – человеческий) интеллект – многосторонний феномен, имеющий много концептуальных трактовок, сложившихся в результате исследования множества физических, психических, социальных процессов [4]:

– социокультурный – как результат процесса социализации и влияния культуры в целом (Дж. Брунер; М. Коул и С. Скрибнер; Л. Леви-Брюль; А.Р. Лурия; Л.С. Выготский и др.);

– генетический – как следствие усложняющейся адаптации к требованиям окружающей среды в естественных условиях взаимодействия человека с окружающим миром (У.Р. Чарлсворз; Ж. Пиаже);

– процессуально-деятельностный – как особая форма человеческой деятельности (С.Л. Рубинштейн; А.В. Брушлинский; Л.А. Венгер; Н.Ф. Талызина; О.К. Тихомиров; К.А. Абульханова-Славская и др.);

– образовательный – как продукт целенаправленного обучения (А. Стаатс; К. Фишер; Р. Фейерштейн; Н.А. Менчинская; З.И. Калмыкова; Г.А. Берулава и др.);

– информационный – как совокупность элементарных процессов переработки информации (Х. Айзенк; Э. Хант; Р. Стернберг и др.);

– феноменологический – как особая форма содержания сознания (В. Келер; К. Дункер; Р. Мейли; М. Вертгеймер; Р. Глезер; Дж. Кэмпион и др.);

– структурно-уровневый – как система разноуровневых познавательных процессов (Б.Г. Ананьев; Е.И. Степанова; Б.М. Величковский и др.);

– регуляционный – как форма саморегуляции психической активности (Л.Л. Терстоун и др.).

При этом к сфере "сильного" интеллекта на уровне человеческого разума следует отнести и ряд феноменов, обеспечивающих функционирование интеллекта как такового. Такими феноменами являются:

- восприятие (чувства) – восприятие информации человеком через зрение, слух, обоняние, осязание как через естественные органы чувств, так и посредством инструментальных средств для усиления возможностей этих органов, также с использованием символической формы информации;
- интеллектуальная обработка информации через анализ, декомпозицию, сопоставление с образцами, формирование цели, построение сценариев достижения цели;
- изменение эмоционального равновесия под воздействием полученной информации, рефлексия на основе этой информации, формирование оценок эмоционального состояния и сценариев поведения на будущее;
- волевые решения, проявляющиеся в формировании сверхцелей – добра, справедливости, способности преодолевать инстинкт самосохранения ради достижения цели (самопожертвование);
- возникновение абстрактных идей, лишенных основы в форме конкретных образов и создание символических структур (отражающих новые абстракции), связь которых с материальной действительностью неочевидна или неизвестна;
- обобщение и абстрагирование как способность мыслить всеобщее, в отличие от непосредственно данных единичных фактов;
- язык и речь как мышление всеобщего, закрепляющего в одном символе неопределенное множество действительных и возможных (прошедших, настоящих и будущих) явлений подобных или однородных между собой;
- разумение без рассуждения как возможность непосредственного восприятия явления с понимаем доставляемых им смыслов.

Искусственное воспроизведение указанных феноменов в тех или иных моделях ИА представляется нереализуемым на современном уровне развития когнитивных наук и средств компьютерного моделирования.

На пути продвижения к "сильному" ИИ традиционными компьютерными средствами достигнуты следующие результаты. На японском суперкомпьютере FUGAKU моделирование 1 секунды активности 1% мозга человека занимает около 1 мин. машинного времени, данный суперкомпьютер имеет производительность 442 PFLOPS, содержит 7630848 (процессоры Arm A64FX) процессорных ядер, занимает площадь около 1 тыс. кв. м и потребляет 29,899 МВт электрической мощности. Отсюда следует, что для моделирования 100% активности человеческого мозга в реальном времени необходим суперкомпьютер производительностью 26,52 exaFLOPS. Суперкомпьютер Frontier с производительностью 1,102 exaFLOPS запущен в 2022 г. (Ок-Риджская национальная лаборатория Министерства энергетики США) [5].

Эти данные показывают, что прямой (программно-аппаратный) путь моделирования человеческого интеллекта является тупиковым. Даже если в ближайшие годы удастся достичь требуемой производительности вычислительного кластера, то мы получим программно-аппаратную модель мозга одного усредненного человека.

По данным компании IoT Analytics число активных компьютерных устройств, подключенных к сети Интернет на весну 2023 г. составило 16,7 млрд. объектов, причем число таких устройств за 2022 год выросло на 18%, а за 2023 ожидается рост на 16% [6].

Каждое такое устройство является потенциальным программно-аппаратным агентом, способным функционировать как коллектив программируемых автоматов (конечных, вероятностных, линейных), проявляющих целенаправленное автономное поведение в соответствии со своим «локальным» интеллектом определенного уровня [7].

Глобальная инфокоммуникационная система, включающая не только сегменты Интернета, но и связанные с ними региональные, корпоративные, локальные сети становится настолько сложной, что случайные сбои или преднамеренные внешние воздействия на подключенные устройства, могут привести к возникновению так называемого эмерджентного интеллекта, который может проявляться в новых неожиданных и непредсказуемых свойствах системы, которыми не обладали до этого входящие в нее компоненты.

Формирование киберсферы, уже в настоящее время управляемой "слабым" компьютерным ИИ, приводит к фундаментальной зависимости всей современной цивилизации от тех или иных форм ИИ, к проявлению целого ряда негативных последствий, таких как деградация естественного интеллекта, рост интеллектуально-психической зависимости людей от компьютерных устройств, стирание границ между реальным и виртуальным миром, и т.п. В условиях глобальной киберсферы появляется

возможность целенаправленного (искусственного) управления человеческой эволюцией посредством навязывания и распространения через Интернет неестественных ценностей и потребностей, манипулирования сознанием, дезинформации, лицемерия и т.п.

По мнению авторов доклада весьма актуальными на сегодняшний момент времени являются философский анализ, фундаментальные теоретические и экспериментальные исследования следующих проблем ИИ:

– проблемы возникновения эмерджентного ИИ путем компьютерного моделирования поведения самоорганизующихся систем/сообществ интеллектуальных агентов, создаваемых и программируемых на основе различных концептуальных моделей (социальных, этических, формально-математических, нейроморфных и т.д.) с целью выявления условий и возможностей возникновения и саморазвития "сильного" ИИ, появления целенаправленности и самосознания;

– проблемы формирования деструктивного ИИ, способного по воле неадекватных или злонамеренных разработчиков концентрировать на себя центры управления инфраструктурой в определенных (гипотетически планетарных) масштабах, исказить знания во всемирной сети, формировать структуры глобальной дезинформации и криминального поведения и т.п.;

– проблемы исследования и моделирования средств противодействия возможному возникновению и применению деструктивного ИИ.

Авторы доклада полагают, что для обеспечения ментальной и информационной устойчивости современного общества необходимо развитие не только средств и методов инфокоммуникаций, но и сохранение материальной и духовной культуры на традиционных носителях информации в различной физической форме, не подверженной возможному воздействию деструктивного ИИ.

Список литературы

1. WE ARE SOCIAL [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023/> (дата обращения: 02.12.2023).
2. World Economic Situation and Prospect 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://desapublications.un.org/publications/world-economic-situation-and-prospects-2024> (дата обращения: 02.12.2023).
3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
4. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. Москва: Юрайт, 2023. 334 с.
5. Oak Ridge National Laboratory [Электронный ресурс]. URL: <https://www.olcf.ornl.gov/frontier/> (дата обращения: 02.12.2023).
6. State of IoT—Spring 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://iot-analytics.com/product/state-of-iot-spring-2023/> (дата обращения: 02.12.2023).
7. Швецов А. Н. Агентно-ориентированные системы: методологии проектирования. Вологда: Вологодский государственный университет, 2016. 192 с.

ДИГИТАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КОГНИТИВНЫХ РЕГУЛЯТИВОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Яркова Е.Н.

*Доктор философских наук, профессор
Тюменский государственный университет
E-mail: e.n.yarkova@utmn.ru*

Аннотация. Дигитализация как переход к новому способу кодирования и трансляции информации влечет радикальные, сопоставимые с научной революцией, изменения науки. Эти изменения касаются познавательных регулятивов научной деятельности – представлений о должном относительно субъекта, объекта, методов научного познания, а также научной картины мира и в целом стиля научного мышления. В результате дигитализации изменяется дисциплинарная структура науки – наукой-лидером становится computer science, которая стремится расширить свою дисциплинарную картину мира до размеров общенаучной. На смену классическому пониманию объективности научного знания как анти-субъективности и неклассическому как

интерсубъективности, приходит дигитальное понимание объективности научного знания как интеробъективности – взаимодействия между человеческими и нечеловеческими актантами в процессе познания. Наконец, дигитализация науки ведет к появлению новой метаметодологии – методологии больших данных, в русле которой формируется новый эмпиризм, согласно которому закономерности развития мира могут быть обнаружены без участия человека.

Ключевые слова: дигитализация, наука-лидер, дигитальная картина мира, интеробъективность, метаметодология больших данных.

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF COGNITIVE REGULATIONS OF SCIENTIFIC ACTIVITY

Yarkova E.N.

DSc in Philosophy, Professor

Tyumen State University

E-mail: e.n.yarkova@utmn.ru

Abstract. Digitalization as a transition to a new method of encoding and transmitting information entails radical changes in science, comparable to a scientific revolution. These changes concern the cognitive regulators of scientific activity - ideas about what is proper regarding the subject, object, methods of scientific knowledge, as well as the scientific picture of the world and the style of scientific thinking in general. As a result of digitalization, the disciplinary structure of science changes - computer science becomes the leading science, which seeks to expand its disciplinary picture of the world to the size of a general scientific one. The classical understanding of the objectivity of scientific knowledge as anti-subjectivity and the non-classical understanding as intersubjectivity is being replaced by a digital understanding of the objectivity of scientific knowledge as interobjectivity - the interaction between human and non-human actants in the process of cognition. Finally, the digitalization of science leads to the emergence of a new meta-methodology - the methodology of big data, in line with which a new empiricism is being formed, according to which the patterns of world development can be discovered without human participation.

Keywords: digitalization, leading science, digital picture of the world, interobjectivity, meta-methodology of big data.

Если учесть, что одним из важнейших условий рождения науки было изобретение печатного способа фиксации и трансляции информации, то дигитализацию, как принципиально новый способ фиксации и трансляции информации, вполне допустимо рассматривать как фактор радикальной, сопоставимой с научной революцией, трансформации науки. Такого рода трансформация захватывает, как социальные, так и когнитивные аспекты научной деятельности. Остановимся на последних.

Итак, дигитализация науки – это, в первую очередь, изменение способа кодирования научной информации. Однако эта, на первый взгляд, сугубо технологическая метаморфоза вызывает глобальные изменения, касающиеся познавательных идеалов, представлений о должном относительно субъекта, объекта, методов научного познания, научной картины мира и даже самого стиля научного мышления (Л. Флек). Цифровые медиа, по утверждению Л. Мановича, обладает такими качествами, как дискретность, алгоритмичность, модульность, полисистемность [1]. Сегодня общим местом стало утверждение, впервые озвученное, очевидно, М. Маклюэном, что способ кодирования информации влияет на содержание информации. Идею зависимости мышления от способов фиксации и трансляции информации выдвинул Ф. Киттлер, полагающий, что способ фиксации информации задает матрицу, внутри которой формируются значения [2. с. 25]. Таким образом, такие качества как дискретность, алгоритмичность, модульность, полисистемность становятся атрибутами научного мышления. Иными словами, цифровой способ кодирования научной информации ведет к дигитализации всей научной деятельности. Каковы последствия этого процесса?

Первое – дигитализации науки влечет изменения дисциплинарной структуры науки. Особое место в этой структуре отныне обретает computer science – в русскоязычной традиции информатика, которая начинает претендовать на роль науки-лидера [3]. Как и подобает науке-лидеру информатика стремится расширить свою дисциплинарную картину мира до размеров общенаучной. Очевидно, первой попыткой объяснения мира при помощи теории информации можно считать концепцию

Вселенной как гигантского квантового компьютера С. Ллойда [4]. Конечно, сегодня говорить о некоторой законченной цифровой научной картине мира преждевременно, тем не менее ее конструирование происходит на наших глазах. В качестве значимых конструктов можно рассматривать концепцию Инфосферы Л. Флориди [5], или идею алгоритмического деизма С. Фуллера [6] и др.

Второе – дигитализации науки ведет к пересмотру познавательных идеалов. В первую очередь это касается такого ключевого познавательного идеала как объективность научного знания. В истории науки существовали разные представления о том, что есть объективность научного знания и каковы пути ее достижения.

В классической науке объективность научного знания понималась как анти-субъективность, соответственно, в качестве главного способа ее достижения выступала элиминация субъективного фактора из любых объяснительных конструкций.

В неклассической науке объективность научного знания начинает пониматься как интерсубъективность, соответственно, в качестве главного способа ее достижения выдвигается установление консенсуса между субъектами научного познания относительно того или иного знания.

Что касается цифровой науки, то, как для определения модуса понимания объективности научного знания, так и для определения путей ее достижения более всего подходит понятие «интеробъективность». Понятие «интеробъективность» в научный оборот вводит Б. Латур, под интеробъективностью он понимает взаимодействия между человеческими и нечеловеческими актантами в процессе познания, понимание людей и вещей как единого поля взаимодействия [7]. И речь идет не только о «распределенном субъекте познания» или «распределенном интеллекте», но о способности объекта влиять на научный результат [8].

Как представляется, в цифровой науке возрождается присущий классической науке идеал анти-субъективности научного знания. Однако понимание объективности в классическую и цифровую эпоху разнятся. В чем суть этих различий?

Если в классической науке залогом объективности научного знания выступало позиционирование субъекта познания как дистанцированного от мира наблюдателя, то в цифровой науке субъект познания позиционируется как часть этого мира, как объект среди объектов. В таком контексте ученый и объект его изучения представляют собой однопорядковые элементы взаимодействия, а «наука порождает новые «объекты» или «конструкты» во взаимодействии или «симбиозе» с другими объектами» [9, с. 57].

Представление о мире как совокупности объектов составляет основание объектно-ориентированного мышления, составляющего, по определению автора этого термина М. Вайсфельда, фундамент объектно-ориентированного программирования [10]. Эксплицитно это представление репрезентируется в плоских, объектно-ориентированных онтологиях.

Третье – дигитализации науки ведет к формированию метаметодологии, которая не только дополняет уже существующие методы, но претендует на их замещение. Речь идет о методологии больших данных или, как ее принято называть, науке больших данных. Показательно, что в настоящее время наука о данных позиционирует себя в качестве универсальной науки, имеющей основополагающее значение как для настоящего, так и для будущего науки. Апологеты науки о данных говорят о новой эре производства знаний, которая знаменует собой «конец теории», поскольку новая аналитика занимается не тестированием теорий, а стремлением получить понимание, рожденное из данных. Они полагают, что можно анализировать данные без гипотез, без унифицирующих теорий, позволяя статистическим алгоритмам находить закономерности там, где наука не может их обнаружить. Более того, данные могут говорить сами за себя, без участия человека, таким образом, преодолевается любая предвзятость, любое фреймирование [11].

Список литературы

1. Манович Л. Теория софт-культуры. Н. Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.
2. Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. М.: Логос, 2009. 272 с.
3. Шилков Ю.М. Дисциплинарный образ современной науки // Эпистемология и философия науки. 2006. № 7 (1). С 131-147.
4. Ллойд С. Программируя Вселенную: Квантовый компьютер и будущее. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 256 с.
5. Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information // Metaphilosophy. 2004. Vol. 35, issue 4. P. 554–582.

6. Фуллер С.В. Судьба человечества в перспективе алгоритмического деизма // Социальные и цифровые исследования науки: коллективная монография / Научн. ред. и сост. А.А. Аргамаковой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019. С. 10-22.

7. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение 2007. Том 6. № 2. С. 79-96.

8. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3. С. 20-39.

9. Либерман С.А. Пересборка науки в эпоху капитализма платформ// Социальные и цифровые исследования науки: коллективная монография / Научн. ред. и сост. А.А. Аргамаковой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019. С. 53-63.

10. Вайсфельд М. Объектно-ориентированное мышление. СПб.: Питер, 2014. 304 с.

11. Kitchin R. Big Data. New Epistemologies and Paradigm Shift // Big Data & Society. April–June. 2014. P. 1–12.

КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЭТИКЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ястреб Н.А.

Доктор философских наук, директор института социальных и гуманитарных наук

Вологодский государственный университет

E-mail: nayastreb@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены методологические подходы к построению этики искусственного интеллекта, такие как подход, основанный на принципах и лично ориентированный подход. Предложен и обоснован критический подход, в рамках которого предметом этики искусственного интеллекта является воздействие технологий на представления и ценности людей, их поведение и принятие решений. Выявлены ключевые фокусы критического подхода: непрозрачность и необратимость воздействия систем искусственного интеллекта на человека и общество, а также парадокс масштаба, при котором совокупность отдельных этически приемлемых ситуаций приводит к существенным негативным последствиям.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика искусственного интеллекта, этические парадоксы, критический подход в этике.

CRITICAL APPROACH TO THE ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Yastreb N. A.

DSc in Philosophy, Head of the Institute of Human and Social Sciences

Vologda state University

E-mail: nayastreb@mail.ru

Abstract. The article discusses methodological approaches to building ethics in artificial intelligence. The principles-based approach and the person-centered approach are analyzed. A critical approach, in which the subject of artificial intelligence ethics is the impact of technology on people's beliefs and values, their behavior and decision-making, is proposed and justified. The key focuses of the critical approach are identified: the opacity and irreversibility of the impact of artificial intelligence systems on humans and society. The paradox of scale, in which a combination of individual ethically acceptable situations leads to significant negative consequences, is proposed and analyzed.

Keywords: artificial intelligence, ethics of artificial intelligence, ethical paradoxes, critical approach in ethics.

Современные системы искусственного интеллекта используются для принятия решения о выдаче банковских кредитов, принятии человека на ту или иную должность, возможности условно-досрочного освобождения и многих других социально значимых действиях. Изначально привлечение искусственных систем было вызвано стремлением исключить «человеческий фактор», то есть

избежать субъективности и предвзятости людей, а также возможности совершения ошибок из-за невнимательности. Объективность и нейтральность искусственного интеллекта, как считалось, даст возможность совершать рациональные действия, свободные от предрассудков, что повысит эффективность принятых решений. Однако такие системы принятия решений основываются на обучающей выборке и извлекают из нее закономерности, которые могут приводить к дискриминации [1]. Например, машина может отказать в выдаче образовательного кредита на основе почтового индекса, если кандидат живет в неблагополучном районе, или считать потенциального сотрудника неблагонадежным, если в его списке друзей в социальных сетях есть одноклассники, имеющие проблемы с законом.

Одной из первых этических систем искусственного интеллекта стал подход, основанный на формулировании и декларировании принципов. В метаисследовании, основанном на анализе 84 кодексов и рекомендаций по этическому искусственному интеллекту, авторы показали, что наиболее часто в документах выделяются принципы прозрачности, справедливости и честности, непричинения вреда, ответственности и конфиденциальности [2]. Подход, основанный на принципах, имеет ряд существенных недостатков. Прежде всего, набор принципов определяется конкретной компанией, государством или любой заинтересованной стороной на основе ее собственных представлений и предпочтений. Кроме того, само толкование принципов может сильно различаться в зависимости от контекста и целей интерпретатора. Также важно отметить, что большинство этих этических кодексов не являются законодательными политическими инструментами и служат руководящими принципами или «мягким правом», которые не имеют обязательной юридической силы. Фактически такой подход позволяет разработчику или владельцу технологии заявить о наличии у него ценностей и этических установок, не требуя обязательного следования им.

Оппозицией подходу, основанному на принципах, стал личностно ориентированный подход. Личностный поворот в этике искусственного интеллекта связан с осознанием того, что без определения персональной моральной ответственности конкретных субъектов за последствия действий искусственного интеллекта, в том числе непредсказуемые, невозможно построение работающих этических систем. Развитие данного подхода затрудняется рядом фундаментальных проблем, ключевыми из которых являются непропорциональные непредсказуемые последствия и разрыв ответственности [3, р. 16].

Некритичность отношения к технологии проявляется в желании пользователей получать результат, не задумываясь, почему появилась эта технология, какие пробелы она закрывает и закреплению каких ценностей способствует. Как отмечают А. Ракиб и ее соавторы, «проблема состоит не в использовании искусственного интеллекта, а в неизбежной зависимости от технологий, когда становится естественным адаптироваться к технологическим ценностям, а не подвергать их сомнению» [4, р. 4].

Для формирования критического подхода в этике искусственного интеллекта мы должны задать вместо вопроса как это работает? спросить себя, почему наши желания исполняются? Критический подход к искусственному интеллекту направлен в первую очередь на субъекта, то есть на человека. Почему мне нравится использовать эту систему; какие мои слабости она использует, какие недостатки преодолевает; какие ценности поддерживает, как какие нивелирует, и, наконец, какие установки и стереотипы эксплуатирует? Искусственный интеллект не столько создает новые этические проблемы и парадоксы, сколько актуализирует, расширяет и делает заметным то, что уже свойственно человеку и присутствует в обществе.

Одной из методологических трудностей этического анализа искусственного интеллекта является проблема, которую мы назовем парадоксом масштаба (фактически он является вариантом парадокса кучи). Парадокс состоит в том, что множество этически корректных случаев использования технологии может привести к этически неприемлемым последствиям. Например, на рынке появляется образовательная технология, позволяющая реферировать тексты. Для ее использования в образовательном процессе педагог должен проконтролировать безопасность персональных данных обучающихся, соблюдение гигиенических и социальных норм. Допустим, в случаях каждого применения этого инструмента все эти требования выполняются. Через определенное время обнаруживается, что обучающиеся, регулярно применявшие систему, начали утрачивать навыки работы с большими текстами. Более того, они не видят смысла в чтении крупных текстов, ведь их за несколько секунд можно сжать до основных мыслей. Таким образом, применение технологии в образовательном процессе в целом навредило когнитивному развитию обучающихся.

Парадокс масштаба присутствует в истории практически всех значимых информационных технологий, от компьютерных игр до социальных сетей, чье воздействие на человека и общество

становится заметным на глобальном уровне. К тому времени, когда вред технологии становится заметным, исправлять или отменять ее уже слишком поздно. Использование умных лент социальных сетей для манипулирования общественным мнением, распространение множества фейковых изображений, аудио- и видеофайлов, полученных с помощью нейросетей и многие другие примеры демонстрируют, что, несмотря на кажущуюся безобидность конкретных случаев использования, «результаты применения технологий искусственного интеллекта зачастую непрозрачны, но в то же время радикальны, необратимы и широко распространены» [4, p.5].

Многообразие подходов к построению этики искусственного интеллекта свидетельствует как об актуальности данной проблемы, так и об активном поиске концептуальных оснований для ее решения [5, 6]. Вне зависимости от методологических установок и предпочтений авторы сходятся во мнении о том, что современные системы искусственного интеллекта не обладают субъектностью, но оказывают значимое влияние на поступки людей и их поведение, способствуя актуализации одних убеждений и ценностей и нивелируя другие. Этика искусственного интеллекта, таким образом, становится учением о поступках человека, совершаемых во взаимодействии с искусственным интеллектом.

Список литературы

1. Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 488-515.
2. Jobin A., Ienca M., Vayena E. The global landscape of AI ethics guidelines // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1. P. 389–399. DOI: <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2>.
3. Taddeo M., Blanchard A. Accepting moral responsibility for the actions of autonomous weapons systems –A moral gambit // Philosophy & Technology. 2022. Vol 35 (3). P. 1–24.
4. Raquib A., Channa B., Zubair T. et al. Islamic virtue-based ethics for artificial intelligence // Discover Artificial Intelligence. 2022. Vol. 2 (11). P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00028-2>.
5. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. № 1 (90). С. 57-73.
6. Человек и системы искусственного интеллекта / Под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2022. 328 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ КАК ОСНОВАНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Демина А.И.

*Ассистент кафедры философии
Самарский национальный исследовательский университет
имени С.П. Королева
E-mail: ademina83@gmail.com*

Нестеров А.Ю.

*Доктор философских наук, доцент,
директор социально-гуманитарного института,
заведующий кафедрой философии
Самарский национальный исследовательский университет
имени С.П. Королева
E-mail: phil@ssau.ru*

Аннотация. Целью настоящего рассуждения является экспликация средствами общей семиотики реалистского подхода к построению плюралистической онтологии технического творчества. Предпосылкой рассуждения является онтологический плюрализм Фридриха Дессауэра. Обсуждаются конструктивистское и реалистское понимание творчества, версии плюрализма, формулируется общесемиотическое выражение плюрализма: существовать значит быть знаком, то есть, другими словами, следовать прагматическим, синтаксическим и семантическим правилам семиозиса, реализуемым в слоях чувственного восприятия, рассудка и разума. Обосновывается семиотическое представление о творческом акте как о сдвиге в применении того или иного семиотического правила в том или ином слое действительности. В заключение делаются выводы о взаимодействии между слоями реальности в акте творчества с учетом праксеологических оппозиций мыслимого/немыслимого, возможного/невозможного.

Ключевые слова: семиотика творчества, техническое творчество, онтологический плюрализм, реализм, Фр. Дессауэр, четвёртое царство.

ONTOLOGICAL PLURALISM AS THE BASIS OF THE SEMIOTIC THEORY OF TECHNICAL CREATIVITY

Demina A.I.

*Assistant of the Department of Philosophy
Samara National Research University named after S.P. Korolev
E-mail: ademina83@gmail.com*

Nesterov A.Yu.

*DSc in Philosophy, Associate Professor,
Director of the Socio-Humanitarian Institute,
Head of the Department of Philosophy,
Samara National Research University named after S.P. Korolev
E-mail: phil@ssau.ru*

Abstract. The purpose of this discussion is to explicate, by means of general semiotics, a realist approach to the construction of a pluralistic ontology of technical creativity.

The premise of the argument is the ontological pluralism of Friedrich Dessauer. Constructivist and realist understandings of creativity, versions of pluralism are discussed, a general semiotic expression of pluralism is formulated: to exist means to be a sign, that is, in other words, to follow the pragmatic, syntactic and semantic rules of semiosis, implemented in the layers of sensory perception, reason and mind. The semiotic idea of the creative act as a shift in the application of one or another semiotic rule in one or another layer of reality is substantiated. Conclusions are drawn about the interaction between the layers of reality in the act of creativity, taking into account the praxeological oppositions of the conceivable/inconceivable, possible/impossible.

Keywords: semiotics of creativity, technical creativity, ontological pluralism, realism, Fr. Dessauer, fourth kingdom.

Для философии техники проблема нового и его источников в техническом творчестве, то есть проблема изобретения, является одной из основополагающих. Отвечая на вопрос, откуда возникают новые технические устройства или технологии, мы можем занять либо конструктивистскую, либо реалистскую позицию. Конструктивистская модель помещает источник новизны в самого творческого субъекта, реалистская – в объективно существующую реальность. Истоки данной оппозиции в европейской культуре можно проследить в античных и раннехристианских представлениях о сотворении мира. А.Н. Павленко предлагает различать генетическую теорию творчества и теорию креативности, связывая генетическую теорию с античной концепцией сотворения мира как порождения (γενναω) из «небытия» (но не из ничего, не из пустоты), а теорию креативности – с иудео-христианской моделью творения из ничего, с которой связаны современные теории креативности, платоновский Демиург космос порождает, христианский Бог – создает [1]. Человеческое же творчество всегда имеет дело с каким-то исходным материалом: в случае конструктивизма таким материалом творческой переработки выступает опыт творческого субъекта, в случае реализма все эпистемически новые сущности пребывают в потенциальной части космоса, творческий акт человека заключается в переводе потенциального в актуальное, интраментальных идей в экстраментальные предметы и объекты. Для философии техники в наиболее явном виде конструктивистская позиция сформулирована П.К. Энгельмейером [2], реалистская – Фр. Дессауэром [3, 4].

«Реализм» – понятие теории познания. Онтологически он может соотноситься с монизмом, дуализмом или плюрализмом. В классической модели Дессауэра мы имеем дело с плюралистской онтологией, учитывающей несовпадение физических, биологических, психических и духовных порядков при организации творческой деятельности. Можно в целом утверждать, что любая объяснительная модель творчества требует реалистского подхода и с наименьшими методологическими сложностями выражает себя в онтологическом плюрализме. Целью настоящего рассуждения является экспликация этого тезиса средствами общей семиотики.

Известны разные версии плюрализма, от Г.В. Лейбница и Николая Гартмана до Карла Раймонда Поппера. Онтологически плюрализм сложно объяснить и так или иначе стремится к монизму, хотя монизм как таковой нуждается в плюрализме в виде различения «уровней», «слоев», «ступеней», «миров» реальности или космоса. С наибольшей очевидностью, на наш взгляд, различение уровней происходит в идеалистических системах, например, у Г.В.Ф. Гегеля, Владимира Соловьева, Фридриха Дессауэра. Религиозные мыслители Владимир Соловьев и Фридрих Дессауэр независимо друг от друга показывают несводимость друг к другу разнородных порядков: Соловьев фиксирует это в виде различения типов детерминизма, Дессауэр – в виде слоев бытия, в которых Дух обнаруживает себя через разного типа законы – правила разного порядка. Владимир Соловьев различает механический, психологический и разумно-идейный типы причинения [5, с. 111-115]; Дессауэр – физико-химический, биологический, психический, собственно духовный («царства разума, рассудка, этоса, эстетизиса») слой [4, с. 110].

Для понимания творчества важную роль играет определение, которое Дессауэр дает человеку, он определяет его как способ соединения миров, «существо, в котором слои бытия соединены в индивидуальное единство» [4, с. 110] в «иерархии порядков», в управлении верхних слоев нижними. Именно творческая способность делает человека человеком, позволяя ему соединять свою физическую и биологическую природу с духовной, организовывать единство на духовных началах, обращаясь для удовлетворения своих потребностей к «четвёртому царству» – потенциальной части космоса, содержащей предустановленные формы решений. Дессауэр даёт еще одну важную характеристику человеку и человечеству: человечество находится в седьмом дне творения, продолжая дело Творца [3]. Способность человека обнаруживать Дух как порядок – через познание физических, химических, биологических и иных законов природы, фиксировать несовпадение этих порядков как проблему,

находить в потенциальной части космоса возможные и необходимые с точки зрения соответствия законам формы решения проблем и реализовывать их в низших слоях бытия, – всё это есть акт человеческого творчества, преобразующий Землю и продолжающий божественный акт творения.

Дессауэр формулирует свою теорию творчества, соединяя научную и религиозную фразеологию, опираясь на онтологические системы Платона и Канта. Его теория дает основания как для построения реалистских моделей творчества, так и для научных междисциплинарных исследований творчества. Дессауэр стремится к междисциплинарности, называя её синоптической позицией учёного, позволяющей «добиться синтеза и взгляда, выходящего за пределы отдельного специального предмета» [4, с. 109-110].

На наш взгляд, различные версии плюралистического реализма могут быть синтезированы в терминологии общей семиотики. Различные миры или слои бытия фиксируются в качестве законов, правил, общая семиотика же разрабатывает язык для наиболее общего описания любого рода правил, фиксируя их как семиотические. Основной онтологический постулат семиотики, формулируемый в духе Ч.С. Пирса, – существовать значит быть знаком, то есть, другими словами, следовать прагматическим, синтаксическим и семантическим правилам семиозиса, реализуемым в слоях чувственного восприятия, рассудка и разума [6].

Творческий акт в терминах семиотики есть сдвиг в применении того или иного семиотического правила в том или ином слое действительности. В наиболее общем виде, упрощенно говоря, субъективные факторы творчества – способы обращения к потенциальному космосу, психологические аспекты творчества, первый акт в терминологии П.К. Энгельмейера [2] – описываются прагматическими правилами семиозиса; процессуальные аспекты, механизм перехода от первого ко второму и работа второго акта, работа интуиции как канала обращения к четвертому царству (Дессауэр, реалистская позиция) или как пересобирания наличного опыта (Энгельмейер, конструктивистская позиция), процесс выражения – синтаксическими правилами; специфика творческого продукта, процесс исполнения, третий акт творчества – семантическими правилами семиозиса. При этом первый акт творчества осуществляется в слое разума, второй – в слое рассудка, третий – в слое чувственного восприятия, подчиняющегося физико-химическим и биологическим законам. Первый и второй акты творчества подчинены законам духа, которые в свою очередь расслаиваются на то, что может быть описано в терминах психологии, лингвистики, математики, кибернетики, эстетики, теории искусства и т.п.

Продукт творческого акта, или технический объект в широком смысле, также существует одновременно в нескольких мирах: исполняя техническую задачу, будучи результатом синтаксического перекомбинирования элементов, обладая силой воздействия, он несет на себе печать духа, подчиняется не только физическим, но и социальным, экономическим, эстетическим, этическим законам. С наибольшей отчетливостью принадлежность нескольким мирам обнаруживается в художественном творчестве, где речь идет либо о неполных, либо о «дополненных» технических объектах, обладающих большими степенями сложности в слое рассудка [7]. «Многомирность» технического объекта обусловлена четверою природой знака (прагматика, семантика, синтаксис, материальное воплощение), реализующейся в структурах чувственного восприятия, рассудка, разума, в процессах объективации, опредмечивания и интеллектуального интерпретирования. Творческий акт является частью непрерывного движения по спирали рецепции, проекции и коммуникации как трех возможных типов семиозиса, акт творчества требует предварительно акта познания и, завершаясь, вновь вступает в круг разного рода рецепций и коммуникаций.

Взаимодействие между слоями реальности в творческом акте также раскрывается через оппозиции мыслимого и немислимого и возможного и невозможного в их отношении к действию разного рода законов, правил [8]. На важность понятий возможности и невозможности при построении теорий технического творчества указывает Н.А. Ястреб, обращаясь к теории креативности Маргарет Боден и теории аффордансов Джеймса Гибсона [9].

В художественном творчестве произведение искусства как технический объект в широком смысле [7] в наибольшей степени свободно от физико-химических законов (в зависимости от вида искусства: в литературе и музыке максимально, в архитектуре – минимально), реализует в художественных образах мыслимое, но невозможное в слое чувственного восприятия. При этом в слое рассудка оно подчинено действию правил тех или иных художественных языков. Техническое творчество, напротив, как показывает Фр. Дессауэр, определено действием законов природы, реализует зачастую немислимые, но всегда возможные в физико-химическом мире формы решений. Как отмечает Н.А. Ястреб, в мире современных информационных технологий в число технических

объектов входит знание [10], то есть экспоненциальному росту подвержено не столько число чувственных объектов, сколько число предметов рассудка.

Список литературы

1. Pavlenko A. Creativity as a Technology // Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. Eds. Bylieva D., Nordmann A. PCSF 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol 345. Cham: Springer, 2022. P. 34-41. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_4.
2. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
3. Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017.
4. Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт. Самара: ООО «Самарама», 2022.
5. Соловьев В. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.
6. Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. 2021. Т.1. №1. С. 6-13.
7. Нестеров А.Ю., Демина А.И. Художественное произведение как технический объект // Миргород. 2019. №1 (13). С. 48-74.
8. Нестеров А.Ю. Границы технического сознания: невысказанное vs невозможное // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 3. С. 60-66.
9. Ястреб Н.А. Как возможно техническое творчество? // Философская мысль. 2023. № 2. С. 15-25. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.2.39748 EDN: CVUAFB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39748.
10. Ястреб Н.А. Как знание становится техническим объектом: эпистемические практики в области информационных технологий // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 1. С. 10–15. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-10-15>.

ПРАКТИКА АНТРОПОКОНСЕРВАТИЗМА: «ОБЩЕСТВО ТЕАТРА» И ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

Маслов В.М.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: maslov@bk.ru*

Аннотация. С конца XX в. философия техники становится все более значимой частью философского знания. Последнее предельно точно и глубоко обосновывает теория антропоконсерватизма В.А. Кутырёва, согласно которой современное научно-техническое развитие подводит к тому, что человеческий мир уже вступил и может проиграть борьбу становящимся пост-вне-человеческим реалиям. Все это определяет ведущую роль антропоконсервативного движения в становлении и развитии практико-теоретической парадигмы в философии, нацеленной на максимально возможное активное участие философии в положительном решении конкретных злободневных проблем человечества, в итоговом создании посттехногенной цивилизации. Критика «общества театра» определяет подобную жизнедеятельность как отчуждение свободной, совершенной, целостной, собственно человеческой формы жизни. Позитивное снятие феномена «общества театра» – суть возможность качественного обогащения жизни вообще и образовательной деятельности, в частности, через вывод в интернет самых интересных тем семинарского обсуждения в форме творческих, соревновательных выпусков соответствующих подкастов «студенческого радио». Преподавание философии может и должно быть в авангарде подобной работы, закономерной и органичной частью которой является обсуждение проблематики антропоконсерватизма, произведений В.А. Кутырёва.

Ключевые слова: философия техники, антропоконсерватизм, пост-вне-человеческое, посттехногенная цивилизация, практическая философия, общество театра, отчуждение, образование.

**THE PRACTICE OF ANTHROPOCONSERVATISM:
"THE SOCIETY OF THEATER"
AND THE PROBLEM OF TEACHING PHILOSOPHY**

Maslov V.M.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
E-mail: maclov@bk.ru*

Abstract. Since the end of the twentieth century, the philosophy of technology has become an increasingly important part of philosophical knowledge. The latter is extremely accurately and deeply justified by V.A. Kutyrev's theory of anthropoconservatism, according to which modern scientific and technical development leads to the fact that the human world has already entered and may lose the fight to the emerging post- outside-human realities. All this determines the leading role of the anthropoconservative movement in the formation and development of a practical-theoretical paradigm in philosophy aimed at the maximum possible active participation of philosophy in the positive solution of specific topical problems of mankind, in the final creation of a post-technogenic technological civilization. Criticism of the Society of the Spectacle defines such vital activity as the alienation of a free, perfect, integral, properly human form of life. The positive removal of the phenomenon of the Society of the Spectacle is the essence of the possibility of qualitative enrichment of life in general and educational activities, in particular, through the output to the Internet of the most interesting topics of the seminar discussion in the form of creative, competitive editions of the corresponding podcasts of student radio. Teaching philosophy can and should be at the forefront of such work, a natural and organic part of which is the discussion of the problems of anthropoconservatism, the works of V.A. Kutyrev.

Keywords: philosophy of technology, anthropoconservatism, post-outside-human, post-technogenic civilization, practical philosophy, the Society of the Spectacle, alienation, education.

Общий интерес к философскому осмыслению техники (технологий) выделяет широкий круг исторических фигур и феноменов, которые могли бы служить истоком формирования современной философии техники. Таковым началом может быть творчество Ф. Бэкона, который в заключительной части своей философии представил «Новую Атлантиду» – общество счастливых людей, основанием чего являются научно-технические достижения «Дома Соломона». Таковым началом можно считать творчество К. Маркса и Ф. Энгельса, утверждающее в теории исторического материализма материальное (техногенное) производство основой развития общественной жизни. Таковым началом можно считать книгу Э. Каппа «Основы философии техники», которая, соединив ранее несоединимое – «философию» и «технику» – способствовала общекультурной актуализации внимания к понятию «техника». Таковым началом может быть формирование инженерного корпуса, для которого интеллектуальное движение в сторону возникновения философии техники выступало формой мировоззренческой идентификации. Все подобные представления, с одной стороны, расширяют общее историко-теоретическое видение философии техники, с другой стороны, критически обосновывают идею того, что собственно современная философия техники возникает со второй половины XX в. Основой последнего утверждения выступает объективное положение общественных дел. В это время и теоретикам, и обычным людям становится очевидным, что все существующие и самые острые/губительные проблемы общественной жизни связаны с техникой.

Современная судьбоносная значимость техники подтверждается множеством очевидных примеров. Можно акцентировать внимание на угрозах военной техники [1, с. 12] или указать то, что «техника стала восприниматься самостоятельным “игроком”» [2, с. 89-90]. За всем этим важно не упустить системное видение ситуации с современной техникой. Последнему объективно содействует теория антропоконсерватизма В.А. Кутырёва.

В конце 1980-х годов В.А. Кутырёв впервые в отечественной и мировой мысли указал, что современная техника создает конкурентоспособные человеческой форме жизни вне-человеческую (нанотехнологии, искусственный интеллект, робототехника) и пост-человеческую (биотехнологии, киборгтехнологии, информационно-виртуальные технологии) реальности [3]. Разрабатываемая с этого времени теория антропоконсерватизма В.А. Кутырёва – суть теория бескомпромиссной борьбы с пост-вне-человеческими тенденциями [4]. В плане отношения с философией техники теория

антропоконсерватизма, прежде всего, требует сделать однозначный выбор между человеческим и пост-вне-человеческим. Выбор человеческого существования делает теорию антропоконсерватизма базовой теорией философии техники.

Само существо дела нацеливает антропоконсерватизм на максимальную связь с практикой, с реальной защитой человеческого от пост-вне-человеческого. В контексте развития современной теории практической философии данная ситуация уточняется так. Связь теории и практики в философии возможна в двух различных формах: теоретико-практической и практико-теоретической [5]. Теоретико-практический подход в философии исходит из того, что только определенное дистанцирование от практики позволяет получить максимально объективное и глубокое знание о действительности, которое потом будет использоваться соответствующими профессионалами для решения конкретных вопросов. Практико-теоретический подход в философии нацеливает на необходимость непосредственного подключения философии к решению практических вопросов. Теория и движение антропоконсерватизма опираются и должны служить развитию практико-теоретической парадигмы в философии или органично подключаться к становлению практической философии.

Теоретико-практическая парадигма господствует в современной философии. В теоретическом плане это выражается в том, что известный философский материал, так или иначе, но всегда подтверждает правоту теоретико-практической позиции; примером на это можно взять современное нивелирование практической составляющей ранней греческой философии [6]. В практическом плане это свидетельствует о том, что пока мало успешных ярких проектов, реализованных практической философией. Предполагаем, что соответствующее осмысление теории «общества театра» Г. Дебора и использование полученных там результатов в преподавании философии может стать одним из таких примеров на деятельность практической философии и практику антропоконсерватизма.

Согласно Г. Дебору, со второй половины XX в. современное общество трансформировалось в общество спектакля. Суть общества спектакля в том, что большинство людей современного мира превращаются в пассивных зрителей и послушных потребителей ценностей, товаров, форм деятельности, которые ярко и интересно доводят до них через СМИ, рекламу, информацию о жизни различных звезд. В историческом плане становление общества спектакля выступало формой развития и расширения сферы капиталистической эксплуатации (роста прибавочной стоимости). Общество спектакля, прежде всего, поглощает область свободного от основной работы времени, которая превращается в область интенсивного потребления товаров, жизненных форм, определяемой рекламой, СМИ, образами звезд; все это стоит денег и обеспечивает капиталистическую прибыль. Затем успешность технологий общества театра в потребительской сфере вела к соответствующей «театрализации» трудовой деятельности и политической жизни (укрепляя стабильность властной бюрократии). В итоге, с полным правом можно было указывать, что «*Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение спектаклей*» [7, с. 23]. В первом изложении теории общества театра Г. Дебор указывал на разницу капиталистической «рассредоточенной» и социалистической «сосредоточенной» театрализации. Крах мировой системы социализма, капитализация России, согласно Г. Дебору, ведут к формированию общей для всех современных, техногенных обществ «интегрированной» театрализации. Идея театрализации современной общественной жизни поддерживается современной общественной мыслью; театрализация органично дополняет визуальный поворот современной культуры [8]. Также отмечается расширение влияния «театральных технологий» [9].

Г. Дебор – как один из теоретиков, зачинателей и активных деятелей парижской студенческой весны 1968 г. – предельно остро чувствовал и отражал всю негативную силу театрализации общества. В частности, в обществе спектакля любой бунт превращается в коммерческий продукт (продажа плакатов с обликом Че Гевары, демонстрирующих революционность). В целом, современная мысль поддерживает критическое отношение Г. Дебора. Но это не снимает вопроса о возможном наличии положительных аспектов общества театра. В итоге, требуется сформировать диалектически взвешенное отношение к тенденции театрализации современного общества.

Г. Дебор разрабатывал концепцию общества театра на основе материалистического понимания истории. Считаю, что вопрос об общей оценке самого факта возникновения и дальнейших перспектив общества театра наиболее глубоко разрешается в русле теоретико-методологических разработок, созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом исторического материализма. Более конкретно, для разрешения поставленного вопроса следует обратиться к понятию «отчуждение».

Сегодня в психологической, социологической, философской литературе представлены различные подходы и оценки понятия «отчуждение». Но есть веские основания считать,

что марксистская трактовка «отчуждения» является сравнительно ведущей и актуальной для решения современных философских проблем [10]. В общем, «отчуждение» в марксистской традиции понимается, как общественное отношение, когда сущностная индивидуальная деятельность трансформируется в чуждую для человека реальность. Подобное определение «отчуждения» сразу же выводит на главный вопрос об обществе спектакля – является ли это общество формой отчуждения? Считаем, что ответ должен быть положительным. Все негативное, связанное с известным функционированием современного общества театра не может отрицать того, что в положительной сути и перспективе здесь утверждается желание человека прожить свою жизнь так же интересно и красиво, как в театре, с очевидным подтверждением этого со стороны зрителей. Любой человек достоин такой жизни, соответственно, желаемое общество свободы в своем субъектном, полноценном, творческом, эстетическом плане будет выражать себя обществом театра (возможно: известное представление о том, что «жизнь – совокупность различного рода деятельностей» будет уточнено в плане «различных театральных постановок»).

Представленная идея положительной, перспективной стороны современного общества театра, конечно, нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении. Но вся эта работа не должны отменять уже понятный практический потенциал положительной трактовки феномена общества театра.

Установка на положительную перспективность общества театра уже сейчас может способствовать обогащению процесса образования, вообще, преподавания философии, в частности. Обсуждаемые на философском семинаре темы обретают новое качественное воплощение, если они будут разрабатываться как то, что потом может выйти за рамки семинара и о чем далее может узнать весь мир. Организовать подобное не очень сложно, например, путем трансформации актуального философского материала семинара в форму соответствующего краткого диалога на предполагаемом студенческом радио, запись чего будет размещена в интернете. Данная студенческая работа не должна быть навязана. Ее нужно будет заслужить в конкурентной борьбе с представителями других студенческих групп. В целом, для победителей это может стать событием, так или иначе, соотносимой с полноценной театральной историей. Уверены, что в ходе этой работы и студентам, и миру будет интересно и важно продумать проблематику антропоконсерватизма. Этому будет способствовать то, что в последний период своего творчества В.А. Кутырёв очень большое внимание уделял афористичности выражения антропоконсервативных идей, максимально открывая их содержание к дальнейшей свободной дискуссии [11, с. 54-55].

Список литературы

1. Ленк Х. Размышления о современной технике. М.: Аспект-пресс, 1996. 181 с.
2. Внутских А.Ю. Натуралистическая и культуроцентристская философия техники: возможен ли синтез? // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2015. № 2. С. 89-97.
3. Кутырев В.А. Универсальный эволюционизм или коэволюция? // Природа. 1988. № 8. С. 4-10.
4. Кутырев В.А. Человек технологий, цивилизация фальшизма. СПб. 2022. 288 с.
5. Маслов В.М. Практическая философия: современные основы и необходимость // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 25-29.
6. Маслов В. М. Практическая составляющая ранней греческой философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. Вып. 4. С. 384-388.
7. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Лоуоq (Радек), 2000. 184 с.
8. Маслов В.М. Философия визуального поворота: от теории к практике // Философская мысль. 2019. № 12. С. 39-56.
9. Ильченко С.Н. Телевидение по мотивам реальности: от «общества спектакля» к «шоу-цивилизации» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4-1. С. 132-137.
10. Шетулова Е.Д. Структура отчуждения: историко-философские и актуальные аспекты // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 2. С. 19-26.
11. Маслов В.М. Рецензия на монографию В.А. Кутырева «Человек технологий, философия фальшизма» // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 53–58.

ТЕХНОНАУКИ МЕЖДУ ГУМАНИТАРИЯМИ И ГОСУДАРСТВОМ

Микешин М. И.

*Доктор философских наук, научный руководитель лаборатории
Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II
E-mail: mikhail_mi@pers.spmi.ru*

Аннотация. В настоящее время техноученые все больше озабочены метапроблемами своих наук – их состоянием, особенностями, взаимодействием с другими общественными системами, возможными путями развития. Технонауки лишены собственного метаязыка для обсуждения и решения подобных проблем. Философы же науки оторваны от технонаучной практики и заняты обсуждением плодов чужой рефлексии с «объективистских» позиций. Однако, даже профессиональные тексты, написанные на формализованном научном языке, могут быть предметом результативного анализа для гуманитариев. Такие тексты представляют собой элементы моделей виртуальных миров, в которых особым образом трактуются объективность, природные действия и человеческая активность. Научные языки являются не «отражением объективной реальности», а особыми мирами человеческих отношений и общения, то есть весьма подходящими объектами для гуманитарных и социальных исследований.

Ключевые слова: технонауки, метапроблемы, метаязык, философия науки, научные тексты, объективность, государственное управление

TECHNOSCIENCES BETWEEN THE HUMANITIES AND THE STATE

Mikeshin M.I.

*Doctor of Philosophical Sciences, Scientific director of the laboratory
St. Petersburg Mining University of Empress Catherine II
E-mail: mikhail_mi@pers.spmi.ru*

Abstract. Currently, technologists are increasingly concerned about the meta-problems of their sciences—their state, features, interaction with other social systems, possible paths of development. Technosciences are deprived of their own metalanguage for discussing and solving such problems. Philosophers of science are divorced from technoscientific practice and are busy discussing the fruits of someone else's reflection from an "objectivist" position. However, even professional texts written in a formalized scientific language can be the subject of effective analysis for humanists. Such texts represent elements of models of virtual worlds, in which objectivity, natural actions and human activity are interpreted in a special way. Scientific languages are not a "reflection of objective reality", but special worlds of human relations and communication - that is, very suitable objects for humanitarian and social research.

Keywords: technosciences, metaphysics, metalanguage, philosophy of science, scientific texts, objectivity, government administration

Сегодня ученые в технических науках – теоретики, организаторы науки, практики, инженеры – осознают серьезные проблемы, вставшие перед ними в последние десятилетия. Как и во многих других науках, техноученые не понимают, что с этими проблемами делать. Вызывают затруднения оценки современного состояния различных наук. Не ясно, как и в каких направлениях развиваются науки, можно ли планировать это развитие. Науки дробятся на огромное множество течений и вариантов, ученые из соседних лабораторий и дисциплин все с большим трудом понимают друг друга, поскольку их исследования и научные языки расходятся. В управление науками постоянно вмешиваются внешние для них факторы. Решения о финансировании принимают люди, не понимающие специфики наук. Политики все время диктуют условия ученым и выдвигают малореальные требования. Администрирование и бюрократия душат научную деятельность. Везде пытаются вмешиваться так называемая «публика», которая в интернете и в СМИ требует того, чего не понимает. Выпускники вузов не знают и не улавливают того, чем занимаются специалисты на производстве и в исследовательских институтах, поэтому на дообучение выпускников уходят годы.

Для понимания и обсуждения возникших проблем у техноученых нет ни навыков, ни языка, им не у кого научиться, не к кому обратиться. Впрочем, некоторые из них пробуют обратиться к философам науки, поскольку именно эти последние в своих трудах и дискуссиях как раз обсуждают перечисленные вопросы. «Технари» предположили, что уж философы науки-то должны знать, что происходит с науками и какие решения возможны и разумны.

Посмотрим, на что способны сегодня философы науки в России, буде такие найдутся. К сожалению, мы не располагаем научно обоснованным социологическим портретом современного философа науки. Однако, попробуем познакомиться с тем, как учат студентов, как устроены курсы философии науки в российских вузах. Например, обязательный курс «Философия науки» для будущих IT-специалистов в Высшей школе экономики [1] построен, разумеется, в соответствии со стандартом и знакомит обучающихся с основными концепциями философии и истории науки, технических наук и технических знаний. Таким образом, дисциплина получается чисто «библиотечной», в ней не подразумевается ни знакомство с активно действующими учеными, ни обсуждение конкретных проблем, с которыми сегодня сталкиваются техноученые (в частности, IT-специалисты), работающие в соседних лабораториях. То же можно сказать и о более «продвинутых» курсах эпистемологии и философии науки, читаемых для магистрантов и аспирантов различных, в том числе философских, специализаций. Более того, кажется, в философии науки не существует практических занятий с реальной наукой и методик взаимодействия философов и работающей науки. Господствует мнение, что философы могут и должны работать с текстами «второго уровня», то есть с текстовыми результатами первичной рефлексии над наукой. Примерами такой первичной рефлексии могут служить работы французского исследователя Б. Латура или американца П. Галисона. Трудно представить себе российского философа в лаборатории технонауки – да и что ему там делать? Ведь философское образование учит его работать с философскими же и другими обобщающими текстами. Обычный выпускник философского факультета не читает и не анализирует собственно технонаучные тексты, поскольку образования его недостаточно для их понимания. Он обречен на сравнение и комментирование чужих концепций с некой «объективистской» позиции арбитра над схваткой.

А между тем, технонаучные тексты могут быть вполне информативны для философов. Приведем пример такого текста:

Исследование влияние гранулометрического состава на показатели процесса цианирования проводили на флотоконцентрате исходной крупности (66% класс -0,071 мм) и на концентрате, подвергнутом измельчению в планетарной мельнице Fritsch (рис. 6) до крупности 100% класса -0,020 мм. Результаты исследований приведены в табл. 3. В результате цианирования концентрата исходной крупности удалось достичь извлечения Au в раствор в диапазоне 42,64–47,26%. Предварительное измельчение концентрата позволило улучшить показатели цианирования и перевести в раствор до 54,86–57,84% золота. Ультратонкий помол обеспечивает дополнительное раскрытие минералов, включающих золото, однако не приводит к значительному повышению уровня извлечения (абсолютный прирост составляет 11,08%). Увеличение расхода реагентов на проведение процесса связано с протеканием побочных реакций. Ни один из опробованных способов не дал удовлетворительных показателей извлечения золота, что свидетельствует о необходимости исследования других технологий подготовки упорного золотосодержащего сырья [2, с. 26–27].

Этот текст, опубликованный в профессиональном техническом журнале, входящем в список Scopus'a, безусловно, написан по всем правилам, принятым для публикации в научных журналах. Кажется, что гуманитарий не может извлечь из такого формализованного текста ничего интересного. Но это не так. Текст наполнен терминами и цифрами, но сразу бросается в глаза и другая важная особенность: он совершенно «обесчеловечен», хотя описывает конкретные действия конкретных людей в совершенно конкретной ситуации. Процессы описываются так, как будто они происходят «сами по себе», как будто действует «сама Природа». Используются безличные конструкции – «исследования проводили», «подвергнутый измельчению», «удалось достичь», «позволило улучшить» и т.д. Почему используется такой специфический язык? Он специально создан для официального научного общения. Видимо, ученые считают его наиболее ясным, конкретным и «объективным», хотя сознательно упускается очень много деталей и моментов, важных для любого научного исследования, вернее, они считаются само собой разумеющимися. Таким образом, мы имеем дело не с «объективной реальностью» эксперимента, а с особым миром человеческого общения – одним из многих

профессиональных миров [3]. Этот мир представляет собой некую модель отношений, существование в которой влияет конечно же и на мышление техноученых, и на их повседневную жизнь, и на их отношение к другим языковым моделям и другим людям. Что может быть более гуманитарным, чем изучение человеческих языков и отношений?

Очевидно, что язык технонауки – по крайней мере, его российский вариант – не приспособлен к обсуждению метанаучных проблем, с обозначения которых мы начали это обсуждение. Как же случилось, что в российской технонауке не оказалось метаязыка для обсуждения насущных проблем состояния, перспектив развития и взаимодействия с обществом? Это утверждение, видимо, все-таки несправедливо. Такой метаязык есть или, несомненно, был. Но этот язык – такой же «внешний» и малопонятный для основной массы техноученых, как и метаязык философов науки. Это язык решений административно-бюрократического взаимодействия технонауки с государством. Как принимаются решения в важнейших отраслях «народного хозяйства» – в среде, где всякие изменения и намерения постоянно и повсеместно контролируются и осуществляются государством, – изучается не технонаукой и не философией науки. Эта сфера остается за пределами их понимания и требует особого исследования, если таковое вообще сегодня возможно. Здесь требуется подключение целого ряда социальных и гуманитарных наук.

Похоже, что техноученые озаботились вопросами метауровня именно потому, что за последние десятилетия сфера взаимодействия с государством подверглась большим изменениям. Технонауки вынуждены теперь сами определять многое в своем настоящем и будущем и нести ответственность за свои теории, решения и действия. Результаты гуманитарных и социальных наук нужны теперь «технарям» не только для «общего развития». Сегодняшняя ситуация выдвигает и особые требования к гуманитариям и, в частности, к философам. Пока же можно с грустью констатировать, что «технари» и гуманитарии почти нигде профессионально не встречаются, практически нет таких пространств встреч, «зон обмена» [4, 5], пока нет и общих языков, постепенно появляющихся и развивающихся в таких зонах.

Список литературы

1. Философия науки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/edu/courses/795393432> (дата обращения 12.01.2024).
2. Бодуэн А.Я., Поперечникова О.Ю., Залесов М.В., Григорьева В.А. Экспериментальное опробование технологий переработки упорного золотосодержащего сырья // Цветные металлы. 2022. № 7. С. 24–31.
3. Микешин М.И. Металлургическая наука в виртуальном мире // Цветные металлы. 2022. № 7. С. 98–103.
4. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.
5. Микешин М.И. «Зоны обмена» и технические науки // Горный журнал. 2023. № 6. С. 51–56.

ПЕРСПЕКТИВА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ТОРЖЕСТВА ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗУМА

Никитин В. Е.

Кандидат философских наук

Старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: v.e.nikitin@spbu.ru

Аннотация. В докладе ставится вопрос о перспективе человеческого существования в эпоху интенсивного научно-технического прогресса, который ведет к технизации и инструментализации самого человека. Результатом этого процесса является нарастающая рационализация индивидуального и общественного сознания. При этом происходит тотальное подчинение человека стандартам машинно-прагматической деятельности, которое охватывает все сферы культуры, включая науку и образование. Машинная рациональность выстраивает культуру по своим техническим принципам. Автор солидарен с мнением Ф. Юнгера, который в своих работах неоднократно заявлял,

что человек должен не только контролировать и гуманизировать экспансию технического разума, но и сознательно и целенаправленно препятствовать его разрушительному влиянию на духовную культуру.

Ключевые слова: техника, разум, цивилизация, научно-технический прогресс, целерациональная деятельность, технократическое сознание.

THE HUMAN PERSPECTIVE IN THE ERA OF THE TRIUMPH OF TECHNICAL REASON

Nikitin V.E.

Candidate of Philosophical Sciences

Senior Lecturer of the Department of Ontology and Theory of Cognition

St. Petersburg State University

E-mail: v.e.nikitin@spbu.ru

Abstract. The report raises the question of the perspective of human existence in an era of intensive scientific and technological progress, which leads to the technization and instrumentalization of man himself. The result of this process is the increasing rationalization of individual and social consciousness. At the same time, there is a total subordination of man to the standards of machine-pragmatic activity, which covers all spheres of culture, including science and education. Machine rationality builds culture according to its technical principles. The author agrees with the opinion of F. Junger, who has repeatedly stated in his works that a person should not only control and humanize the expansion of the technical mind, but also consciously and purposefully prevent its destructive influence on spiritual culture.

Keywords: technology, reason, civilization, scientific and technological progress, purposeful activity, technocratic consciousness.

Авторитет математического естествознания и, основывающихся на нем, технических наук в современном мире обусловлен, прежде всего, тем обстоятельством, что данные науки выступают в качестве теоретической основы и средства для создания «второй природы», мира технической цивилизации. Современная наука ориентирована уже не столько на познание действительности, сколько на исследования, направленные на создание машин, обеспечивающих человеку материальный комфорт. Это силы, творящие, созидающие новый мир, в котором господствуют техника и рациональность, порядок, прагматизм и расчет. Мир, в котором человек все меньше работает, но все больше производит и потребляет, мир, где мысль вытесняется и подменяется информацией. Это мир, который продолжает жить иллюзией Огюста Конта, утверждавшего, что именно опытная наука и техника смогут в обозримом будущем решить все насущные человеческие проблемы, о которых веками бесплодно рассуждала философия.

Современная техника в руках рационального человека является инструментом не только для использования природных богатств, но и средством для истощения его собственных духовных ресурсов. Научно-технический прогресс, коренным образом изменяя мир, изменяет и самого человека. Состояние души современного человека, его жизненные установки и ориентации в значительной степени определяются характером современной техногенной цивилизации. Именно об этом предупреждали человечество Ф. Ницше, А. Швейцер, Х. Ортега-и-Гассет, Н.А. Бердяев и многие другие мыслители в конце XIX и начале XX веков. Только «вхождение машины», как назвал это явление Бердяев [1], оказалось куда более глобальным, а его последствия ставят под сомнение дальнейшие перспективы человека.

Ощущение приближающейся угрозы машинного царства присутствовало уже и во многих научно-фантастических произведениях прошлого века. Большинство футурологов и фантастов видело эту угрозу в конфликте между машиной и человеком, предполагалось грядущее восстание машин-роботов против человека, в котором бездуховная, но всемогущая машина, противопоставлялась духовному, но склонному к ошибкам и эмоциям, человеку. И там человек, в конечном счете, успешно противостоял умной и коварной технике, подавляя ее восстание. Действительный ход событий, как всегда, превзошел все самые фантастические ожидания. Дело в том, что главным и, можно сказать, судьбоносным результатом этого процесса явилась технизация и инструментализация самого человека, который незаметно для себя стал превращаться в подобие технического устройства при сохранении прежнего внешнего человеческого облика. Данная ситуация внешне напоминает противостояние двух

градов у Августина, где оказывается, что граница между градом людским и градом Божьим не может быть однозначно установлена в этом мире, ибо она проходит внутри человеческих душ. В нашем случае техническое так глубоко входит в плоть человеческой жизни и мышления, что граница между техническим и собственно человеческим началами — это не граница между машиной и человеком в физическом пространстве этого мира, а граница между машинным и собственно человеческим, проходящая через саму нашу душу, через наше сознание. В результате человеческое сознание, возникшее в ходе использования инструментов и механизации труда, попадает в расставленную им самим ловушку целесообразной рациональности. С одной стороны, человек есть результат собственного труда, но, чем более этот труд становится машинным, тем более машинными, становятся жизненный мир и сознание человека.

Определяя сущность современной капиталистической экономики, М. Вебер ввел понятия «рационализации» и «целерационального действия» [2, с. 600-604], где под рационализацией имеется в виду тотальное подчинение всех общественных сфер стандартам рационального прагматического решения. По мнению Г. Маркузе, то, что Вебер называет рациональностью и рационализацией является непризнанной и неявной формой современного политического господства. Рационализация социальной жизни распространяется на функционирование всех систем современного общества, включая науку и образование, «как только техника становится всеобъемлющей формой материального производства, она переписывает всю культуру» [3, с. 246].

Целерациональная деятельность по своей природе предполагает не только наличие определенного порядка существования социальных систем и самого человека, но осуществление неусыпного контроля за их функционированием. Формами такого контроля в системе образования являются различные стандарты, рабочие программы и количественные показатели. В науке — это, прежде всего, различные индексы цитирования. Неэффективность такого рода форм контроля весьма очевидна. О чем, как правило, может свидетельствовать высокий индекс цитирования? Прежде всего, он свидетельствует о том, что идеи данного автора и методы его исследований принадлежат достаточно известной научной парадигме, которая разделяется большинством ученых в данной области. Это свидетельство того, что речь идет о хорошо известных и разделяемых научным сообществом идеях и понятиях, которые не выходят, по известному выражению Т. Куна, за рамки «нормальной» науки, то есть, не предполагают новых фундаментальных открытий и научных революций. Таким образом, наиболее высокий рейтинг обеспечен не тем исследователям, которые совершают новые открытия и предлагают новые оригинальные идеи, а тем «нормальным» труженикам науки, которые последовательно придерживаются уже давно известных, апробированных взглядов и концепций. Здесь тон задают скорее попугаи, чем редкие райские птицы. Такая система контроля за деятельностью ученых, скорее способствует развитию консервативных и застойных тенденций в науке.

Если в природе мы имеем дело с уникальным и неповторимым (там нет двух абсолютно одинаковых деревьев или двух одинаковых камней), то в мире технического производства преобладает повторяемое и воспроизводимое. Эти повторяемость и воспроизводимость присутствуют как в деятельности производителя, так и в результатах этой деятельности. Поэтому, производимое и сам производитель становятся здесь воспроизводимыми и заменимыми. ЕГЭ — отнюдь не случайное, а закономерное явление в этом мире, это тоже определенная техника по созданию неразличимого, одинакового и заменимого. Эффективность тестирования в различных сферах определяется тем, что человек становится все более рациональным, а, значит, и прогнозируемым существом. Слово «стандарт» в современной системе образования стало священным. Без стандартов и создаваемых на их основе безликих программ образование уже практически немыслимо и недопустимо. Это признак того, что идеалы и нормы машинной цивилизации, наконец, восторжествовали и здесь. В итоге образование все более превращается в машинный, автоматический процесс, в котором человек-учитель вытесняется учителем-машиной.

Рационализация жизненных взаимосвязей в соответствии с принудительными стандартами и правилами означает институционализацию особого типа управления и господства, которые не укладываются в традиционные схемы. «Хитрость» технического разума, лежащего в основе такой системы, заключается в том, что он скрывает тайну ее подлинного содержания. На поверхности мы наблюдаем как бы ошибки, недочеты отдельных исполнителей, глупость или корыстный умысел чиновников. Иногда даже возникают подозрения о действиях некой «пятой колонны», которая исполняет тайный заказ, исходящий от внешних недругов. На самом же деле все это следствия или случайные проявления деятельности технического разума, который представляет собой некую тотальную идеологию современного технократического общества. Причем, идеологию

«по умолчанию», идеологию, скрывающую себя. И в этом ее страшная сила, в этом ее власть. Она является некой «темной материей» современного социума, определяющей его существование. Результатами давления этой «темной материи» являются возрастание репрессивности и отсутствие реальной обратной связи между отдельными элементами системы с органами управления и контроля, обратной связи между «эффективными менеджерами» разных рангов и теми, кем они руководят. Машине безразлично, что о ней думают и как к ней относятся. А, если исчезает обратная связь, то исчезает и ответственность за принятие решений. И здесь мы оказываемся перед лицом кризиса самой рациональности, разумности этих решений, ибо они могут приниматься не на основе общезначимых проектов и ценностей, а на почве личного вкуса или корыстного интереса. Эта форма господства укрепляет свои позиции посредством различных современных технологий, в том числе, компьютерных. Но при этом и сама она является некой технологией, некой машиной. Тотальность этого господства заключается в том, что оно распространяется на все сферы культуры. Так, стремление науки и техники к господству над природой, в конечном счете, приводит к их господству над человеком. Теперь это, по выражению О. Шпенглера, «хитрое хищное животное» в стремлении максимально освободить себя от проблем непосредственного взаимодействия с природой, оказывается в состоянии новой несвободы как зависимости от технического, которое создавалось им для собственного благоденствия и комфорта.

В технократическом сознании происходит очевидное вытеснение нравственности, ее отрицание как категории жизненных отношений. Нравственные оценки и принципы замещаются оценками юридическими. Современное право, современная юриспруденция представляют собой правила организации технократического социума и методы контроля за соблюдением этих правил. Развитие техники «как бы подвергает традиционные ценности прагматическому испытанию. В конце концов, ценностные убеждения должны сохраняться лишь постольку, поскольку они контролируемым образом взаимосвязаны с существующими и мыслимыми техниками, то есть с возможной реализацией ценности в производимых благах» [4, с. 86].

Не приходится спорить с Ницше относительно того, что человек есть незаконченное, незавершенное существо, что он лишь мост или путь к человеку будущего. Но вырисовывающийся на фоне обсуждаемых событий образ человека будущего представляется весьма далеким от ницшеанского проекта под названием «Сверхчеловек». В современном человеке, формирующемся машинной, технократической цивилизацией все отчетливее проступают черты не дионисийского половодья чувств, а контуры холодного рационального и бездушного механизма. Сверхчеловек начинает нам являться в неожиданном облике человека-машины. Технический разум, машинная рациональность, захватившая рычаги социального управления, выстраивает мир и в том числе науку, образование и культуру в целом, согласно своим принципам, согласно своей машинной идеологии.

С чем же могут быть связаны наши надежды на будущее и на что должны быть направлены наши усилия в настоящем? Переход от рационально-машинного, потребляющего способа бытия к творческому и духовному, по мнению Ф. Юнгера, неизбежен [5]. Эта неизбежность может исторически реализоваться или в форме катастрофы, или в форме постепенного сознательного и направляемого самим человеком процесса. Разумеется, второй путь предпочтительнее, но для его реализации необходимы фундаментальные изменения в сознании человека, которые, в свою очередь, невозможны без столь же существенных изменений в характере и ценностях цивилизации.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Глава VIII. Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Вхождение машины. М., 1990.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 600-604.
3. Marcuse H. Der eindimensionale Mensch. Neuwied, 1967.
4. Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М., 2007.
5. Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб, 2002.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОПТИКЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ВООБРАЖАЕМЫХ

Никифорова Н. В.

*Кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
E-mail: Nnv2012@gmail.com*

Аннотация. Настоящий доклад знакомит читателя с актуальными подходами к анализу технологических систем, сложившимися в рамках исследований науки, технологий и общества (STS, Science and Technology Studies) – концепциями социотехнических и энергетических воображаемых (Ш. Ясановф), а также рассуждает о возможности применения данной методологической оптики к анализу истории советской электрификации и формирования энергетической системы. Концепция социотехнических воображаемых указывает на взаимное конструирование технологий и общества. С одной стороны, технические артефакты предлагают новые способы действовать, провоцируют определенные способы социальной организации и взаимодействия. С другой стороны, сами технологические артефакты – это воплощение ценностей, страхов, надежд, ожиданий. В разных сообществах они могут быть разными, а значит, и технологии (научно-техническая политика, реализация проектов, конкретные технические решения), будут неодинаковыми. Описанная оптика социотехнических и энергетических воображаемых представляется подходящей для анализа социокультурных аспектов формирования энергетических систем. Анализ коллективных представлений о границах и возможностях техники, о связанных с технической инфраструктурой желательных сценариях будущего позволяет выявить различные измерения в истории формирования энергетической системы Советского союза. Так, например, данный методологический подход может быть применен к анализу дискуссии о выборе системы тока для передачи электроэнергии по территории Советского союза, инициированной в 1930-х гг.

Ключевые слова: социотехнические воображаемые, энергетические воображаемые, технологическая система, электрификация, энергетика, ГОЭЛРО, история энергетики.

THE HISTORY OF SOVIET ENERGY IN THE METHODOLOGICAL OPTICS OF ENERGY IMAGINARY

Nikiforova N. V.

*CSc of Culturology, Senior Researcher
S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch
E-mail: nnv2012@gmail.com*

Abstract. This paper introduces the reader to current approaches to the analysis of technological systems developed within the framework of STS (Science and Technology Studies) - the concepts of socio-technical and energy imaginaries (Sh. Jasanoff), and discusses the possibility of applying this methodological lens to the analysis of the history of Soviet electrification and the formation of the energy system. The concept of sociotechnical imaginaries points to the co-construction of technology and society. On the one hand, technical artefacts offer new ways of acting, certain ways of social organization and interaction. On the other hand, technological artefacts themselves are embodiments of values, fears, hopes and expectations. They may be different in different communities, which means that technologies (science and technology policy, project implementation, specific technical solutions) might be shaped in different ways. The described optics of socio-technical and energy imaginaries seems appropriate for analyzing socio-cultural aspects of energy systems formation. Analyses of collective perceptions of the limits and possibilities of technology, of the desirable future scenarios associated with technical infrastructure allow us to identify different dimensions in the history of

the formation of the energy system of the Soviet Union. For example, this methodological approach can be applied to the analysis of the debate on the choice of a current system for the transmission of electric power initiated in 1930s.

Keywords: sociotechnical imaginaries, energy imaginaries, technological system, electrification, power engineering, GOELRO, history of power engineering.

Советская электрификация была не просто технологическим или инфраструктурным проектом. Ленинская формула коммунизма, выраженная в сумме советской власти и электрификации, фиксировала сложную позицию электричества на рубеже веков как точку концентрации технического, политического и социального воображения. Отправной точкой советской электрификации стал план ГОЭЛРО (план Государственной комиссии по электрификации России), подготовленный в 1920 году. План предусматривал развитие не только энергетики, но всей экономики: строительство генерирующих мощностей, а также предприятий, обеспечивающих стройки всем необходимым и возведение новых заводов – будущих потребителей электроэнергии. План ГОЭЛРО сформулировал и закрепил ключевые надежды, ожидания и технооптимистичные утопические возможности, которые в начале XX в. связывали с электричеством. В 1930-х советскими инженерами была предложена концепция единой энергосети, управляемой из одного центра – уникальная технологическая система, возможная в условиях плановой экономики и общественной собственности. Концепция системы также воплощала технократические представления о будущем советского общества и коммунистического изобилия. Т.П. Хьюз одним из первых показал развитие системы энергоснабжения как социальный и политический процесс [1]. Он сравнил историю ранней электрификации в Чикаго, Берлине и Лондоне, продемонстрировав, что энергетические системы – это сложные образования, состоящие из материальных артефактов, ресурсов, людей и управленческих отношений. Хьюз показывает, что энергетические системы различаются от страны к стране, в каждом конкретном месте и в каждый конкретный момент времени набор переменных, влияющих на систему, различен.

Во определенном смысле идеи Хьюза развивает Ш. Ясановф. Продуктивной теоретической рамкой для исследования истории советской энергетики представляется ее концепция социотехнических воображаемых и примыкающий к ней концепт энергетических воображаемых – специфических социокультурных и политических характеристик национальных и региональных энергосистем. Согласно Ш. Ясановф, в дизайн и проектные характеристики технологий «защиты» представления о социальном благе, желательных сценариях будущего [2]. Концепция Ясановф указывает на взаимное конструирование или со-конструирование технологий и людей. С одной стороны, технические артефакты предлагают новые способы действовать, провоцируют определенные способы социальной организации и взаимодействия. С другой стороны – сами технологические артефакты – это воплощение ценностей, страхов, надежд, ожиданий, выборов. В разных сообществах они могут быть разными, а значит и технологии (научно-техническая политика, реализация проектов, конкретные технические решения), будут неодинаковыми.

Ш. Ясановф и С. Ким также наметили контуры понятия энергетического воображаемого, сравнивая энергетическую политику США, Южной Кореи и Германии. По мнению исследователей, благодаря различным подходам к интерпретации риска и выгоды, основанным на различных представлениях о государственной и частной ответственности, США стали мировым лидером в области сельскохозяйственных биотехнологий и биотоплива, Германия – основным потребителем солнечной энергии, а также передовым разработчиком турбин для возобновляемой ветровой энергии, а Южная Корея – развивающейся ядерной державой [3]. Предприняты попытки исследований национальных энергосистем. Л. Делина анализирует доминирующие и маргинальные общественные представления об энергетической политике Таиланда [4]. Проанализированы соперничающие представления об оптимальных принципах энергетического перехода в Польше, где обсуждаются централизованные и децентрализованные модели управления энергетикой [5]. Концепция воображаемого была применена И. Балло для исследования проекта умной энергосети в Норвегии [6]. Ж. Тидвелл и А. Тидвелл развивают данный подход, предлагая методологические инструменты, позволяющие анализировать представления не-экспертного сообщества об энергетике, энергетической инфраструктуре и политике, проявляемые в повседневном общении. Для этого с помощью методов корпусной лингвистики авторы работают над созданием Социального энергетического атласа (Social Energy Atlas), репрезентирующего локальные и региональные представления об энергетических воображаемых [7].

Ряд исследований показывают исторический контекст формирования энергосистем как воплощения социальных представлений и политического воображения. Электрические сети

и технологии могут восприниматься как результат социального и политического видения. В. Лагендийк описывает проекты электрификации начала XX века как «электрическое воображение Европы» [8]. Технические инфраструктуры в рамках этих проектов, предложенные французскими и немецкими инженерами, были задуманы как инфраструктурные субстраты для европейской политической интеграции. Проекты предусматривали соединение крупных мегаполисов и взаимодействие между производителями и потребителями электроэнергии. Такие инженерные идеи вдохновили политических лидеров Лигу Наций на разработку правовых основ регулирования межстрановых энергетических связей. А в дискуссиях инженеров речь скорее даже шла не о международных связях, а о создании европейской сети и формировании Европы как целого.

Есть исследования, рассматривающие немецкую электрическую сеть как проект, основанный на коллективно выработанных идеалах. Победившая концепция электрификации предполагала централизованную систему с высоковольтными станциями и линиями электропередач. Другая концепция продвигала систему, поддерживающую мелкое производство и торговлю, что представлялось способом смягчения последствий концентрированного крупномасштабного производства. Переговоры и озвучиваемые позиции относительно процесса электрификации апеллировали к политическим, экономическим и культурным ценностям [9]. Б. Биндер показал, что мифологические и аллегорические представления сопровождали электрификацию и формировали ожидания от прогресса и модернизации [10].

О. Кутар описал раннюю электрификацию сельских районов во Франции и США, подчеркнув социальные и культурные мотивы этого процесса. Создание масштабных систем в обеих странах не имело одного заранее определенного сценария, поскольку фермеры имели собственное видение и интерпретацию электрических технологий, а также использовали ряд источников энергии в качестве альтернативы централизованным энергосистемам. Кутар объясняет мотивацию государства в отношении электрификации сельских районов как «модерное воображение» – рациональный шаг к экономическому росту. Тем не менее, экономические и функциональные причины были дополнены и, в некоторых случаях, замещены символическими ценностями. Электрификация продвигалась как символ социального равенства между городом и деревней. Внедрение электричества даже воспринималось как символическое возвращение долга сельской местности за обеспечение города ресурсами. В то же время электрификация рассматривалась и как способ привязать людей к земле и не дать им переехать в город. В этом был определенный парадокс: государственные программы стремились модернизировать сельскую местность и уменьшить зависимость сельских жителей от земли, но в то же время подчеркивали сохранение специфических сельских ценностей и отношения к земле и природе. Тот факт, что сторонники электрификации легко справлялись с подобными парадоксами, подтверждает воображаемый характер мотивов электрификации, которые могли противоречить чистой рациональной экономической логике [11].

Описанная оптика социотехнических и энергетических воображаемых представляется релевантной для анализа социокультурных аспектов формирования энергетических систем. Анализ коллективных представлений о границах и возможностях техники, о связанных с технической инфраструктурой желательных сценариях будущего позволяет выявить различные измерения в истории формирования энергетической системы Советского союза. Так, например, данный методологический подход может быть применен к анализу дискуссий о выборе системы тока для передачи электроэнергии по территории Советского союза, инициированные в 1930-х [12, с. 75-85].

Список литературы

1. *Hughes T.P.* Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1983.
2. *Jasanoff Sh., Kim S.* Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // *Minerva*. 2009. 47 (2). P. 119-146.
3. *Jasanoff Sh., Kim S.* Sociotechnical Imaginaries and National Energy Policies // *Science as Culture*. 2013. 22:2. P. 189-196.
4. *Delina L.* Whose and what futures? Navigating the contested coproduction of Thailand's energy sociotechnical imaginaries // *Energy Research & Social Science*. 2018. Vol. 35. P. 48-56.
5. *Rabiej-Sienicka K., Rudek T.J., Wagner A.* Let it Flow, Our Energy or Bright Future: Sociotechnical imaginaries of energy transition in Poland // *Energy Research & Social Science*. 2022. Volume 89.
6. *Ballo I. F.* Imagining energy futures: Sociotechnical imaginaries of the future Smart Grid in Norway // *Energy Research & Social Science*. 2015. Vo. 9. P. 9-20.

7. *Tidwell J.H., Tidwell A.S.D.* Energy ideals, visions, narratives, and rhetoric: Examining sociotechnical imaginaries theory and methodology in energy research // *Energy Research & Social Science*. 2018. Vol. 39. P. 103-107.

8. *Legendijk V. C.* Electrifying Europe: the Power of Europe in the Construction of Electricity Networks. Amsterdam: Aksant, 2008.

9. *Gilson N.* Rationale Kalkulation oder prophetische Vision? // K. Pitzner (ed.) *Elektrizität in der Geistesgeschichte*. Bassum: Verlag für Geschichte der Naturwiss und der Technik, 1998.

10. *Binder B.* Elektrifizierung als Vision: Zur Symbolgeschichte einer Technik im Alltag. Tübingen: Tübinger Vereinigung für Volkskunde, 1999.

11. *Coutard O.* Imaginaire et développement des reseaux techniques. Les apport de l'histoire del'électrification rurale en France et aux Etats-Unis // *Réseaux* 2001. Vol. 5, № 109. P. 76-94.

12. *Калинин И. А., Никифорова Н. В., Орлова Г. А.* Советское энергетическое воображение: электричество, атом, нефть. Санкт-Петербург: Астерион, 2022. 320 с.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ И СТРУКТУРЕ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ ГУМАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ташлинская Е.Ш.

Кандидат философских наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет»

E-mail: elesha73@mail.ru

Аннотация. Взаимодействие общественных и технических наук способствуют раскрытию специфики технических наук, общих закономерностей их развития, места и роли техникознания в системе научных знаний, тенденций и перспектив их развития. На стыке возникают социально-технические науки. Интеграция наук ведет к тому, что повышается роль философии, особенно ее методологического и аксиологического значения, эвристического потенциала в подготовке научно-технических кадров в системе образования. В развитии междисциплинарных отраслей особое место принадлежит истории техники и технического познания, раскрытию повышения статуса фундаментальных исследований. Реализация социальной функции философским мировоззрением ведет к раскрытию влияния технического творчества на технологические процессы, применения на практике диалектики познания (теории) и его новационных идей (особенно в производстве).

Ключевые слова: технические науки, интеграция наук, технические закономерности, методологический потенциал философии.

CHANGES IN THE CONTENT AND STRUCTURE OF TECHNICAL SCIENCES TO ENSURE THEIR HUMANIZATION AND DEVELOPMENT OF INNOVATIVE EDUCATION

Tashlinskaya E.Sh.

CSc in Philosophy, Associate Professor

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

"Ulyanovsk State Technical University"

E-mail: elesha73@mail.ru

Abstract. The interaction of social and technical sciences contributes to the disclosure of the specifics of technical sciences, the general patterns of their development, the place and role of technical knowledge in the system of scientific knowledge, trends and prospects for their development. Socio-technical sciences emerge at the intersection. The integration of sciences leads to an increased role of philosophy, especially its methodological and axiological significance, and heuristic potential in the training of scientific and technical personnel in the education system. In the development of interdisciplinary fields, a special place belongs

to the history of technology and technical knowledge, and to the development of the increasing status of fundamental research. The implementation of the social function by a philosophical worldview leads to the disclosure of the influence of technical creativity on technological processes, the practical application of the dialectics of knowledge (theory) and its innovative ideas (especially in production).

Keywords: technical sciences, integration of sciences, technical laws, methodological potential of philosophy.

Научно-техническая революция породила проблему самопознания технических наук. Этому требуют задачи повышения эффективности технических наук, планирования и управления их развитием. Только общественные науки и философия могут раскрыть специфику технических наук, общие закономерности их развития, их место и роль в системе научных знаний, тенденции и перспективы их развития. Знание закономерностей «поведения» науки и техники — инструмент стратегии научно-технических исследований, определения их структуры и направлений, раскрытия и преодоления отклонений и ошибок в научно-технической политике и практике.

Общественные науки вскрывают социально-технические проблемы, а в ходе взаимодействия с техническими науками при решении этих проблем возникают социально-технические науки: инженерная психология, экономическая кибернетика, техническая социология, техническая эстетика, социальная информатика и др., органический комплекс которых (в единстве с историей, философией, социологией техники) образует техникосведение.

Интегративно-общенаучные тенденции познания повышают значение философского знания, которое выполняет следующие *основные функции*: мировоззренческую, общеметодологическую, эвристическую (по отношению к другим наукам и общественному развитию), социальную, функцию метатеории (разработка собственно методологических вопросов развития технических и других наук); функцию средства разработки социально-технических, стыковых научных дисциплин, т.е. интегративную функцию, функцию идеологического воспитания кадров. Особое внимание необходимо уделять методологической, эвристической и социальной функциям современной философии.

Методологическая подготовка научно-технических кадров в современных условиях диктуется потребностями научно-технического и социального прогресса, решением задач повышения эффективности общественных наук - усиления мировоззренческого, методологического и аксиологического содержания в естественных и технических науках.

Философия науки направлена на исследование следующих аспектов: а) соотношение методов частных наук и общей методологии философии, их связь и сравнительную роль; б) антинаучность и пагубность попыток выдать за общую методологию методы механики, физики, биологии, кибернетики и других наук; в) роль философской методологии в преодолении антинаучных, субъективистских и мистических теорий в частных науках (концепции витализма, социального дарвинизма, индетерминизма, энергетизма и др.); г) единство теории и практики, науки и производства, диалектическую природу практики как критерия истины; д) роль философской методологии в условиях современной идеологической борьбы, в преодолении различного рода теорий технического фетишизма, технологического детерминизма и др.; е) роль общей методологии в разработке метатеорий в естественных, технических и частных общественных науках, в решении собственно методологических проблем этих наук, в раскрытии общих тенденций и направлений их развития, процессов дифференциации и интеграции наук и т.п.; ж) зависимость развития наук не только от научной методологии, но и от других факторов — уровня и характера техники и производства, научных традиций, общего уровня культуры, социально-ценностной ориентации ученого.

Основное содержание предмета любой технической науки составляют закономерности соотношения конструктивного и технологического в технических объектах, закономерности разработки идеальных моделей и способы их реализации, принципы и методы проектно-технологической деятельности, закономерности структурно-функциональных изменений технических объектов в системе объективных и субъективных факторов развития техники, прежде всего в системе «человек-техника» (теория управления функционированием этой системы). Решение задачи развития человеко-машинных (и автоматизированных) систем в условиях научно-технической революции ведет к структурным сдвигам в технических науках, к преобразованию содержания и функций конструктивно-технологической деятельности.

Развитие технических наук означает изменение непосредственных теоретических основ творческого поиска новых конструкций, технологических процессов, новых материалов и способов их применения. Закономерности производства самих технических знаний, изменения характера и структуры объекта, их производства в условиях НТР все в большей мере должны рассматриваться как элементы предмета технических наук.

В меру развития технических наук в условиях НТР все с большей необходимостью возрастает их единство с остальными типами научного знания. Это выражается в процессах математизации, кибернетизации, физикации, химизации, биологизации, психологизации, эстетизации, экологизации и космизации технических наук, что отражает растущую комплексность критериев новой техники в условиях НТР и становления нового типа общества. Все более сложные формы естественных и социальных процессов включаются в предмет конструктивно-технологической деятельности. Возрастает значение проблемы взаимодействия и сравнительной роли типов детерминации развития техники, технического творчества и технических наук (природной, социальной, технологической и антропологической детерминации).

Количественные и качественные изменения в содержании и структуре технических наук выражаются в единстве процессов дифференциации и интеграции внутри данного типа научного знания, в разделении теоретических и прикладных функций в системе технических знаний, в общем росте уровня фундаментальности технических наук, в ускорении темпов материализации достижений технических наук как непосредственной производительной силы. Особое место в этом изменении технических наук занимает возрастание роли истории техники и технологического знания в развитии технического творчества и технических наук. Рождаются новые (междисциплинарные) отрасли истории интегральных технических наук, что обусловлено ростом информационной энтропии и в то же время возрастанием роли селекции технических идей в условиях бурного увеличения потока технической информации. Объективную основу единства философии, общественных и технических наук составляет система факторов. Техника является не просто объектом технических наук, но и элементом производительных сил общества (материального и духовного производства), материальным носителем системы экономических отношений, средством решения разнородных социальных задач. Теоретическое и практическое овладение этим общественным явлением во всех его аспектах — общая задача философии, общественных и технических наук, что неизбежно влияет на развитие инновационного образования.

Список литературы

1. Белозерцев В.И. Научно-методологические основы создания новой техники и проблемы типологии ее закономерностей // Проблемы формирования систем машин и техники новых поколений. Т.1, Ч.1. М., Наука, 1990. С. 41-54.
2. Белозерцев В. И. Философские проблемы развития технических наук / В.И. Белозерцев, Я.В. Сазонов. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1983. 143 с.

ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ ЦЕННОСТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО ИДЕОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: КОНФЛИКТ НАУКИ И ЭТИКИ В ЭПОХУ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА

Трухан А.В.

Кандидат философских наук

Ростовское отделение Российского философского общества

E-mail: axiota.maxima@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема современного антропологического кризиса техногенной цивилизации в предметной сфере конфликта науки и этики. В ней ставится и решается задача использования понятийного аппарата авторской концепции идеократического сознания для оценки текущей кризисной ситуации и поиска пути выхода из нее. Текущий момент определяется как финальная фаза кризиса европейской цивилизации модерна, причина которого заключается в технократической инверсии ценностей европейского идеократического сознания. В социокультурной логике

развития этого кризиса выделяется два этапа: первый – автономизация «науки» и «капитала» от религиозного, морального и политического контроля со стороны общества, и надделение таких инструментальных ценностей как научно-технический прогресс и либерализация статусом смысложизненных целей; второй – превращение экспансии «научной теоретизации» в инструмент экспансии «антиморали капитала». Выход из создавшегося тупика развития человеческой цивилизации видится в преодолении технократической инверсии ценностей европейского сознания на пути продолжения советской модернизации в условиях перехода к постиндустриальному обществу.

Ключевые слова: технократия, идеократия, инверсия ценностей, общественный идеал, наука и этика, дегуманизация, когнитивный капитализм.

TECHNOCRATIC INVERSION OF THE VALUES OF EUROPEAN IDEOCRATIC CONSCIOUSNESS: THE CONFLICT OF SCIENCE AND ETHICS IN THE ERA OF COGNITIVE CAPITALISM

Trukhan A.V.

CSc in Philosophy

Rostov branch of the Russian Philosophical Society

E-mail: axioma.maxima@mail.ru

Abstract. The article studies the problem of the modern anthropological crisis of technogenic civilization in the subject area of the conflict between science and ethics. It poses and solves the problem of using the conceptual apparatus of the author's concept of ideocratic consciousness to assess the current situation and find a way out of it. The current moment is defined as the final phase of the crisis of modern European civilization, the cause of which lies in the technocratic inversion of the values of European ideocratic consciousness. In the sociocultural logic of the development of this crisis, two stages are distinguished: the first is the autonomization of the expansion of "science" and "capital" from religious, moral and political control by society, and the endowment of such instrumental values as scientific and technological progress and liberalization with the status of meaningful life goals; the second is the transformation of the expansion of "scientific theorizing" into a tool for the expansion of "antimorality of capital." The way out of the current impasse in the development of human civilization is seen in overcoming the technocratic inversion of the values of European consciousness on the path to the implementation of Soviet modernization in the conditions of the transition to a post-industrial society.

Keywords: technocracy, ideocracy, inversion of values, social ideal, science and ethics, dehumanization, cognitive capitalism.

Современность с каждым днем свидетельствует о крушении глобального мира под ношей антропологического кризиса техногенной цивилизации. Чем более возрастает роль техники, тем стремительнее уменьшается в этой цивилизации человек. Европейский гуманистический проект модерна, вознесший человека до небес, потерял свою подъемную силу, обнажив под ногами бездну, в которой не на что опереться. Современный мир столкнулся с противоречием между заявленными целями и полученными результатами. В центре этого противоречия – конфликт науки и этики, представленный в образе «чудовища Франкенштейна», вырвавшегося из-под контроля своего творца.

Новоевропейская наука появилась на сцене мировой истории в парадигмальных рамках проекта Просвещения, отстаивая идеалы объективного знания и этической нейтральности познания истины, утверждая принцип автономии науки от религии, морали, политики. Однако XX век нанес сильный удар по этим позициям. Концептуальная оценка данной проблемы в нашем исследовании получила название «технократическая инверсия ценностей европейского идеократического сознания». Впервые она была изложена в статье 2018-го года, в которой понятие «технократия» определяется «в широком смысле как разновидность мировоззрения, основополагающим признаком которого является приоритетность инструментальных ценностей над смысловыми» [1, с. 340-341]. Основная задача настоящей статьи состоит в использовании разработанного понятийного аппарата концепции идеократического сознания для оценки текущего положения дел в обозначенной сфере.

Прежде всего, введем базовые положения концепции. Идеократическое сознание есть тип общественного сознания, аксиологическая и телеологическая составляющие которого определяются

общественным идеалом. *Идеократическая идентичность* формируется посредством отождествления индивида и социума с идеалом совершенного общества, и совершенной личности, единство которых обеспечивается общественным идеалом. *Технократическая инверсия ценностей* есть такое изменение структуры общественного идеала, при котором инструментальные ценности занимают иерархически более значимое место смысловых – соответственно последние оказываются на месте инструментальных. Конкретно-исторический результат этой инверсии заключается в том, что «наука» и «капитал», по природе своей являющиеся инструментальными ценностями, в результате технократической инверсии заняли место смысловых ценностей в структуре общественного идеала европейского сознания.

Важнейшим теоретическим источником, позволяющим применить *концепт идеократического сознания* в исследовании истории науки, стала работа Л.М. Косаревой [2], в которой автор определяет *конфликт науки и этики* как столкновение двух ценностных систем, двух этик: «этики Фауста» и «этики Гретхен». Фаустовская духовность «теоретизма» (духовность «горения» идеей, делом) противопоставляется духовности «синкретизма» Гретхен (духовности «растворения» в любимом предмете). «Фауст как представитель духовности «теоретизма» не удовлетворяется существующей реальностью: он конструирует новую (вначале теоретически, затем практически). /.../ «Фауст», как носитель духовности «теоретизма» одержим Делом, осуществления которого он добивается *любой ценой* (курсив наш – А.Т.)» [2, с. 34]. Выделенное курсивом говорит о том, что духовность «теоретизма» становится смысловой ценностью, а все остальные – инструментальными. Неудовлетворенность наличной действительностью и стремление преобразовать ее в соответствии с идеалом есть явный признак идеократического сознания.

История науки убедительно показала утопичность наивных мечтаний «об инструментальном использовании науки, знания, при котором формулировка задач исследования оставалась за обычным, вненаучным рассудком». Реальное развитие науки пошло «по пути разрыва с целями и чаяниями обыденного сознания, по пути превращения ее из предполагаемого средства в самоцель» [2, с. 35]. Исторические факты подтверждаются автором теоретическими выводами М.М. Бахтина, который, исследуя замкнутое пространство «теоретизма», выявил его основную черту – имманентную логику, закон, по которому он «развивается как бы самопроизвольно. Поскольку мы вошли в него... мы уже во власти его автономной законности» [2, с. 33]. Кроме того, Косарева находит общие черты духовности «теоретизма» с духовностью «капитала»: «Подобно капиталу, имеющему тенденцию к самовоспроизводству и самовозрастанию, фаустовский духовный мир склонен скорее к расширению экспансии, чем к принятию в себя духовных элементов другого типа – ценностей из мира Гретхен» [2, с.35].

В исследованиях постсоветского периода отчетливо прослеживаются две тенденции. Во-первых, фиксируется торможение процесса саморазвития и самовозрастания науки в соответствии с имманентной логикой автономного закона, что проявилось в снижении темпов развития фундаментальной науки (или даже полной остановки), начиная с 60-х гг. XX века. Во-вторых – после разрушения СССР отмечается рост темпов коммерциализации науки и подчинения ее целевым установкам экспансии «капитала». Обе тенденции проявились в усилении процесса дегуманизации науки.

Статья А.Ю. Антоновского, в которой дается критика книги И.Т. Касавина «Наука – гуманистический проект», демонстрирует, как далеко зашла наука в своей дегуманизирующей миссии под властью «капитала» [3]. Автор набрасывает широкими мазками яркую картину дегуманизации самой науки и ее социальных последствий в трех сферах: 1) *в научной коммуникации* общение ученых заменяется работой алгоритмов социально-сетевых машин; 2) *в этическом измерении* исследовательский процесс подчиняется логике научной конкуренции «академического капитализма» – логике успеха, которая «вынуждает выносить за скобки внешнюю этическую нормативность или гипотетическую универсальную мораль» [3, с. 249]; 3) *в определении своей политической субъектности* – академическое сообщество ученых по сути прекратило свое существование; это означает, что «научное сообщество почти не участвует в определении научно-политической повестки на какую-то перспективу» [3, с. 250].

Впечатляющую картину трансформации «гуманистических идеалов науки» и организации процесса научного исследования в условиях «когнитивного капитализма» набрасывает белорусский исследователь Н.К. Киссель [4]. Автор отмечает, что сервисная экономика современного общества демонстрирует сдвиг производства в сферу воспроизводства биологического и социального – т.е. воспроизводства человека, – при этом «особую ценность приобретают нематериальные активы – человеческий капитал, культурный капитал, эмоциональный интеллект...» [4, с. 116]. Главный тезис

статьи: «Современная экономика *использует* научное знание в качестве *нематериального актива* (курсив наш – А.Т.)» [4, с. 116]. В этих условиях современная наука утрачивает какие-либо возможности служить *гуманистическому идеалу*. Результат научной деятельности, «будучи изначально неприсваиваемым, становится объектом экономического присвоения», т.е. превращается в «*научный капитал*». Обращение же этого «капитала» регулируется внеучными заинтересованными субъектами, озабоченными не столько получением истинного знания, сколько технологическим воплощением научного исследования в коммерческий результат. Что при этом происходит с «этикой науки»? – Все громче звучащие общественные требования проведения *этической экспертизы* научных исследований и установления общественного контроля над наукой вступают в конфликт с меркантильными интересами их политэкономических заказчиков. Победа в этих конфликтах остается за экономическими интересами в силу политических процессов, определяющих реформирование глобального мира.

Главный политический тренд, лежащий в основании трансформации современного миропорядка, может быть определен как «тоталитарная эволюция либерализма». И.Н. Тяпин концептуализирует понятие «тоталитарного либерализма» в 17 признаках [5]. Важный момент – основным инструментом реализации этого тренда является современная научная рациональность, которую автор прямо называет «*лженаукой*», создающей «*метаидеологию антиморали*». «То, что антимораль как метаидеология выдает за рациональность, есть лишь внешняя логика, ее форма» [5, с. 428]. Ее содержание заимствуется у воображаемого. «Создание же воображаемого достигается посредством лженауки. Антимораль сегодня систематически прибегает к сконструированной лженаукой псевдореальности, с тем чтобы в одних случаях сгладить, замаскировать цинизм и нигилизм, в других – представить их чем-то естественным, объективным, единственно возможным. Так, техноутопические проекты в рамках так называемой НБИКС-конвергенции призваны прежде всего эмпирически обосновать «естественность» антиморальных и античеловеческих доктрин транс- и постгуманизма...» [5, с. 428-429].

Чтобы увидеть, какое будущее человечества творится руками ученых, надо сопоставить процессы трансформации социальной действительности с выделенными в статье И.Н. Тяпина признаками «либерального тоталитаризма». При этом следует признать, что судьба будущего находится не во власти «академического» или «постакадемического» научного сообщества. Будущее – в руках политической воли верховной власти современной России. Однако создание проекта преодоления технократической инверсии ценностей европейского идеократического сознания является непосредственной задачей мировой общественной и научной мысли. В теоретических рамках *концепции идеократического сознания* решение этой задачи нами мыслится как разработка общественного идеала, в котором *пространство научной «теоретизации»* будет выведено из-под власти «капитала» и поставлено на службу «*традиционным духовно-нравственным ценностям*». Мы полагаем, что сегодня, оказавшись перед выбором между двумя тоталитаризмами [6], нам следует отдать предпочтение «*тоталитаризму насилия*» перед «*тоталитаризмом обмана*» и вернуться на путь советской модернизации традиционного общества, на котором «этика науки» не будет конфликтовать с «этикой Христа».

Список литературы

1. Трухан А.В. Технократические идеалы и утопии европейского идеократического сознания. // Проблема человека в современной философии техники. Всероссийская научно-практическая конференция памяти И. А. Негодаева (Ростов-на-Дону, 29 марта 2018): Материалы и доклады / редкол.: Е.Е. Несмеянов, Д.К. Куликов; Донской гос. техн. ун-т – Ростов н/Д: ДГТУ, 2018. С. 339-346.
2. Косарева Л.М. Ценности Фауста и Гретхен, или наука в культуре Нового времени // Косарева Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 1997. С. 11-40.
3. Антоновский А.Ю. О дегуманизирующей миссии науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 244-251.
4. Кисель Н.К. Личностная трансформация ученого в условиях когнитивного капитализма // Философия и ценности современной культуры: материалы XIV Республиканского междисциплинарного научно-технического семинара студентов, аспирантов и молодых ученых «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Республика Беларусь, Минск, 26 марта 2020 г. / БГУ, Фак. Философии и социальных наук, Каф. Философии и методологии науки,

Каф. Философии культуры, Совет молодых ученых БГУ; [редкол.: А.И. Зеленков (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2020. С.115-119.

5. Тяпин И.Н. Либеральный тоталитаризм: основания концептуального синтеза // Тетради по консерватизму, №1, 2019. С. 421-431.

6. Трухан А.В. Российское либеральное государство перед выбором между двумя «тоталитаризмами» - советским или либеральным // Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей. Сборник научных трудов XLII Международного Харакского форума 8-10 ноября 2023 г., г. Ялта-Симферополь / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е. А. Сеньюшкин] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. С. 320-327.

АНТРОПОСОЦИОКОНСЕРВАТИЗМ КАК ПЕРСПЕКТИВА ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ В РОССИИ

Тяпин И. Н.

*Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры философии
Вологодский государственный университет
E-mail: i.n.tyapin@mail.ru*

Аннотация. В работе обосновывается первостепенная значимость для современной философии техники рассмотрения социально-антропологических и аксиологических вопросов. Проводится классификация течений философии техники, делается вывод о кризисной стадии в ее эволюции, обусловленной распространением методологии псевдорациональности и проявляющейся в торжестве трансмодернизма как результата слияния постмодернизма и трансгуманизма. Обосновывается тезис о реализуемости парадигмы антропоконсерватизма как сохранения человеческого жизненного мира только в единстве с социоконсерватизмом как методологическим основанием осмысления и оценки социально-гуманитарных процессов и стратегической программой защиты государственного суверенитета, преодоления кризиса базовых социальных институтов. Делается вывод о сохранении возможности разработки антропосоциоконсерватизма в современной российской мысли на основе традиций русской гуманистической философии техники в культурном, социально-экономическом, геополитическом контексте.

Ключевые слова: трансмодернизм; антропоконсерватизм; социоконсерватизм; социогуманитарно-технологическая коэволюция; русская философия; национальная идея.

ANTHROPOSOCIOCONSERVATISM AS A PERSPECTIVE OF THE PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY IN RUSSIA

Tyapin I. N.

*Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Historical Sciences,
Professor of the Department of Philosophy
Vologda State University
E-mail: i.n.tyapin@mail.ru*

Abstract. The article substantiates the paramount importance for modern philosophy of the technique of considering socio-anthropological and axiological issues. The classification of the trends of the philosophy of technology is carried out, the conclusion is made about the crisis stage in its evolution, due to the spread of the methodology of pseudo-rationality and manifested in the triumph of transmodernism as a result of the fusion of postmodernism and transhumanism. The thesis on the feasibility of the paradigm of anthropoconservatism as the preservation of the human life world only in unity with socioconservatism as a methodological basis for understanding and evaluating socio-humanitarian processes and a strategic program for protecting state sovereignty, overcoming the crisis of basic social institutions is substantiated. The conclusion is made about the preservation of the possibility of developing anthroposocioconservatism in

modern Russian thought based on the traditions of the Russian humanistic philosophy of technology in a cultural, socio-economic and geopolitical context.

Keywords: transmodernism; anthropoconservatism; socioconservatism; socio-humanitarian and technological coevolution; Russian philosophy; national idea.

Социокультурный и гуманитарный кризис современной техногенной цивилизации, с ее утилитарно-прагматическими устоями и экспансией сконструированного мира – техносферы, виртуальной и цифровой реальности, искусственного интеллекта – требует системного философского осмысления в рамках методологического синтеза онтологических, социально-антропологических и аксиологических аспектов проблемы. Именно философия техники, оформившаяся в конце XIX – середине XX в. на «стыке» классических философских разделов по мере превращения техники в фактор трансформации всех сфер бытия, непосредственно связана с решением проблемы сохранения человека и условий (материальных и духовных) его существования. Стоит согласиться с мнением о том, что «современная философия техники – это философско-метафизическое познание, концептуально-рефлексивное, теоретико-методологическое, системно-интегральное и аксиологическое исследование... философия техники выявляет не только сущее, существование, но также и должное данных феноменов, конструирует и проектирует их идеальные, совершенные формы бытия» [1, с. 100].

Уже ко времени перехода модерна в постмодерн философия техники была представлена множеством течений. К примеру, принято выделять инженерный (акцентирующий основное внимание на онтолого-гносеологических вопросах техники) и гуманитарный подходы. Исходя из акцентирования связи техники с той или иной сферой называют сциентистское, социологическое, религиозное и иные направления. Наконец, часто говорится об инструментальной (техника как средство деятельности) и антропологической (техника как особый вид человеческой деятельности) философских парадигмах техники, из которых более актуальной и адекватной сегодня выглядит вторая, поскольку техника действительно превратилась в способ бытия и самоизменения человека. Именно антропологическая парадигма представлена в работах системных мыслителей мирового уровня (О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Гуссерль, К. Ясперс, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, отчасти М. Хайдеггер).

Однако кризис философской рациональности в конце XX столетия (отказ от понимания собственного «дискурса», сознательное избегание целостности), причины которого выходят за дисциплинарные границы гносеологии и имеют глубокий социальный и экзистенциальный смысл, будучи связанными с распространением манипулятивных технологий в управлении, не обошел и современную философию техники. В ее концептуальном поле можно констатировать преобладание псевдорациональности как *методологии генерации и поддержки гиперреальности (превратившейся в главную информационную реальность!), опирающейся на* отсутствие объективности и историзма, софистику, логическую противоречивость, антиномичность, редукционизм, неадекватную интерпретацию биологических, психологических и культурно-исторических явлений, подмену значения понятий (смысловую эквилибристику) [2]. Сверхившаяся «конвергенция» постмодернизма и трансгуманизма – «ядра» претендующего на социальный универсализм современного технологического детерминизма, получившая у В.А. Кутырёва название «трансмодернизм» [3], предполагает сакрализацию *убеждения о позитивности и неизбежности десубъективации человека и тоталитарной социальной атомизации (появление изолированных индивидов, социальные связи которых в рамках т.н. «цифровых сообществ» носят безличный характер, превалирование конкуренции над кооперацией как будто бы условие победы прогресса), киборгизации и перехода квазисловного неравенства в технобиологическое, превращения телесного и душевного эксгибиционизма в образец поведения, перманентной социальной неустойчивости, деградациии системообразующих институтов.*

Что касается российской философии техники, то период успехов в 1990-е гг. в разработке проблем сущности, закономерностей и этапов технического прогресса, специфики научно-технического знания и т.п. вопросов (В.Г. Горохов, В.С. Степин, В.М. Розин, М.А. Розов, А.И. Ракитов и др.), достигнутых благодаря соединению наработок еще советского времени и свободного анализа относительно свежих на то время западных концепций, постепенно сменился «тиражированием» существующего, некритическим пересказом иностранных доктрин и устойчивой зависимостью от них. Между тем благодаря историко-философским исследованиям в российской философии все же сохраняется память о методологической целостности отечественной – русской и советской – мысли (системный подход, полнота рассмотрения проблемы, связь социального и гуманитарного,

онтологического и аксиологического), вобравшей главные интенции классической и (в меньшей степени) неклассической европейской философии. Парадигма приведения технологий к человеку ради сохранения его идентичности, модель соразмерного жизненного бытия, существующая ныне лишь в качестве искусственно маргинализованной альтернативы технократической метаидеи, имеет устойчивую философскую традицию в России. Интерес к феномену человека как субъекта, способного к духовному совершенству, выступает многовековой традицией отечественной философии, так что можно с уверенностью говорить о признании философии человека как самостоятельного тематического направления в русском философствовании.

В свою очередь наличие в отечественной мысли прочной связи антропологического и социального (глубокая разработка проблем социальной сущности творчества, противоречивого единства человеческой природы, взаимосвязи личности и общества, путей выхода из «тупиков» индивидуалистической свободы, утверждения личностного начала при одновременном развитии начал национального и государственного) позволяет говорить о творческом социоконсерватизме отечественной философии (в XIX в. – ее «живительным источником», а ныне – «последним прибежище»), под которым, в первую очередь, следует понимать методологическое основание осмысления и оценки социально-гуманитарных процессов и тенденций: стремление к интеграции подходов, холистическо-гуманистический идеал, приверженность этике долга и классической эстетике, взаимосвязанное рассмотрение основных философских проблем, анализ прошлого как основания проектов будущего. Большинство из этих принципов впервые было сформулировано вне русского идейного пространства, однако их синтез в отечественной философии обеспечил самобытность последней. Второй же (не методологической, а социокультурной) стороной творческого социоконсерватизма русской философии выступает установка на совершенствование, но не отмену (!) фундаментальных социальных институтов, конкретный перечень которых зависел от идейных предпочтений того или иного автора. Поэтому оригинальные концепции в российской философии техники XXI столетия (теория коэволюции антропогенного и технического с целью сохранения человеческого жизненного мира у В.А. Кутырёва, образ «звероавтомата» как реальной конкретизации будущего идеала транс/постчеловека у А.Г. Дугина, критика т.н. «цифровой экономики» у В.Ю. Катасонова) оказываются напрямую связанными с культурным, социально-экономическим, геополитическим контекстом.

Истоки отечественной философии техники в русской мысли довольно многообразны и не сводятся к именам А.А. Богданова-Малиновского, П.К. Энгельмейера, А.А. Борового. Т.Ю. Сидорина отмечает, что особенность русской рефлексии о технике – эсхатологический подход к интерпретации технического развития, тревога за существование и будущее человека [4, с. 57], так что в плане критического анализа последствий технического развития (прежде всего того, что техника расширяет возможности человека, но уничтожает его свободу и нравственное чувство) русские мыслители (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, Е.Н. Трубецкой и др.) по ряду вопросов опередили западную философию. Как отмечает Н.Ф. Жирнов, одна из особенностей современного консерватизма состоит в том, что из противника НТП он превратился в его убежденного сторонника, рассматривающего обращение к науке и технике как средству защиты существующего положения [5, с. 283]. В эпоху вестернизированного глобализма реализуемость парадигмы антропоконсерватизма обеспечивается только единством с национальным социоконсерватизмом, сохранение человеческого жизненного мира возможно лишь при условии защиты государственного суверенитета, преодоления кризиса базовых институтов. Это, в свою очередь, требует обращения к проблематике национального идеала социального развития, ценностно-смысловых ориентиров исторического движения, модификации онтологичной, то есть укорененной в историческом бытии народа, национальной идеи, являющейся закономерным результатом развития общественного сознания, индикатором духовной зрелости общества.

В первых двух десятилетиях XXI в. основную роль в концептуальном замещении национальной идеи в России играли доктрина модернизации (неадекватная институционально-технологическому уровню страны, но призванная совершить «культурную перекодировку») и вариации постиндустриализма (концепции «информационного», «сетевое», «цифрового» общества), также нацеленные на отрицание национальной самобытности, многообразия путей исторического развития. Попытки построения «сверху» полуофициальной идеологии либерально-консервативного синтеза по формуле «Россия – другой Запад» / «Запад-2» опять же опирались не на идеи светских (Б.Н. Чичерин, П.Б. Струве, А.И. Чупров, И.И. Янжул) и религиозных (С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.) либерал-консерваторов монархического периода, а на англосаксонский неоконсерватизм, «скрещивающий» ценности милитаризма, семьи и патриотизма с исторически чуждыми России либеральными

принципами невмешательства государства в экономику, социал-дарвинизма, культа наживы и личного успеха. Поэтому перманентное, квазирелигиозное поклонение искусственному интеллекту и восхищение цифровой трансформацией выглядит как закономерное следствие отсутствия стратегии национального возрождения.

Таким образом, социально-антропологические и аксиологические проблемы приобретают в современной философии техники гораздо большую значимость и актуальность в сравнении с онтологическими, гносеологическими. В условиях навязчивой технизации социокультурного мира стратегия развития конкретных обществ становится ключевой проблемой не только политической философии, но и философии техники. Замена культа цифровой конвергенции принципом социогуманитарно-технологической коэволюции (когда виртуальное, цифровое выступает дополнением и способом развития естественного, традиционного) выступает основанием для выработки адекватных ориентиров развития, стратегии цивилизационного самосохранения и возрождения суверенитета. Возможности разработки антропосоциоконсерватизма в отечественной философии, которая имеет образующие единый смысловой комплекс традиции как гуманистической антропологии, так и рационализации национальной идеи, отнюдь не исчерпаны.

Список литературы

1. *Орешиников И. М., Шкерина Т. И., Мовсумзаде Э.М.* Современная философия техники: предмет, проблемы, гуманистический смысл и предназначение // История и педагогика естествознания. 2020. № 3-4. С. 99-109.
2. *Тяпин И.Н.* Псевдорациональность как методология и основание социальных трансформаций. Вологда: ВоГУ, 2019. 147 с.
3. *Кутырёв В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М.* Человечество и Технос: философия коэволюции. СПб.: Алетей, 2020. 260 с.
4. *Сидорина Т. Ю., Морозов Д.* Рефлексия о технике в русской философии XX – XXI веков // Метаморфозис. 2023. Т. 7, № 2. С. 56-65.
5. *Жирнов Н.Ф.* Политическая доктрина консерватизма и неоконсерватизма // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 5. С. 279-286.

ЦИФРОВЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Феклушин А.В.

Аспирант кафедры философии

Вологодский государственный университет

Научный руководитель И.Н. Тяпин, д-р филос. наук, доцент

E-mail: Feklushin.a@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена проблематике цифровых сообществ как элемента постиндустриальной культуры. В работе рассматривается зарождение концепции цифровых (виртуальных) сообществ, выделяются основные отличия цифровых сообществ от традиционных сообществ и совокупности пользователей сети Интернет. Также представлены критические позиции экспертов, отрицающих соответствие цифровых объединений статусу сообщества либо их значимость по сравнению с традиционными. Автор приходит к выводу, что цифровые сообщества являются частью партиципативной культуры, поскольку именно пользователи в большей степени способствуют созданию контента и информации. Также обосновано утверждение о том, что цифровые сообщества способствуют формированию множественного «я» через создание цифровой идентичности человека, которая выражается через цифровой аватар в электронных сетях.

Ключевые слова: информационное общество; цифровые сообщества; цифровая идентичность; партиципативная культура; виртуальность.

DIGITAL COMMUNITIES AS AN ELEMENT OF MODERN CULTURE

Feklushin A. V.

*Postgraduate student of the Department of Philosophy
Vologda State University*

Scientific supervisor I.N. Tyapin, Dr. of Philos. Sciences

E-mail: Feklushin.a@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of digital communities as an element of post-industrial culture. The paper discusses the emergence of the concept of digital (virtual) communities, highlights the main differences between digital communities and traditional communities and the population of Internet users. It also presents critical positions of experts who deny that digital associations correspond to the status of a community or their significance in comparison with traditional ones. The author concludes that digital communities are part of participatory culture, as it is the users who contribute to the creation of content and information to a greater extent. The author also substantiates the claim that digital communities contribute to the formation of multiple selves through the creation of a digital identity of a person, which is expressed through a digital avatar in electronic networks.

Keywords: information society; digital communities; digital identity; participatory culture; virtuality.

Вторая половина XX века ознаменовалась колоссальным техническим прогрессом: начиная от создания и развития технологии использования проводников и полупроводников, и заканчивая персональными компьютерами, которые объединены теперь в единую сеть Интернет. Этот период можно по праву считать эпохой становления ИКТ (информационно-телекоммуникационных технологий), развитие которых значительно повлияло на наше общество. Цифровой мир, новые способы общения, обмена информацией и взаимодействия с миром, в свою очередь, повлияли в XXI в. на становление новых форм организации людей.

Сообщество, от английского слова «community», с древнейших времен являлось базовой формой организации людей. Данный термин имеет множество трактовок, но в рамках данной работы будет уместно сказать, что сообщество – группа людей, активно взаимодействующих между собой. Стоит уточнить, что данное понятие не тождественно понятию множества, поскольку множество – совокупность людей, объединенных одним признаком, к примеру возрастом или образом жизни, деятельности. Но множество не требует от своих участников наличия связей между его членами. Факт того, что несколько людей заняты похожей деятельностью, ещё не делает из них сообщество, но, когда начнётся их процесс коммуникации и общения, можно сказать, что сообщество сформировалось. Например, есть группа людей, которая интересуется компьютерными технологиями, то есть имеется множество. Как только эти люди вступают в процесс интеракции посредством общения, начинает формироваться сообщество в базовом понимании – сообщество любителей компьютерных технологий.

Раньше термин «сообщество» использовался преимущественно по отношению к группе людей, объединенных каким-либо схожим признаком, в первую очередь, языком, родом деятельности или местом жительства. Однако сейчас всё чаще мы используем понятия «интернет-сообщества», «виртуальные сообщества» или «цифровые сообщества» для обозначения группы индивидов, которые вовлечены в совместную деятельность онлайн или могут быть отнесены к одному цифровому сообществу по наличию нескольких признаков. В рамках данной работы эти понятия рассматриваются как тождественные. В качестве примера первого может служить группа в социальной сети ВКонтакте, где пользователи обмениваются интересующей их информацией и взаимодействуют друг с другом. В качестве второго примера можно привести русскоязычные комьюнити на платформе Reddit, где, в этом случае, основополагающей характеристикой является факт использования цифрового сервиса и русского языка для общения.

Восприятие онлайн сообществ от момента их зарождения до текущего времени изменялось. Изначально виртуальное воспринималось как нечто выделенное и специфичное по отношению к «жизни подлинной». Однако позднее было признано, что виртуальность – реальна, а по мере расширения интернет-технологий границы между сферой «цифры» и реальным пространством продолжают стираться. А человек, получивший доступ к новым медиа и новым формам самовыражения, по словам М. Кастельса, приобретает сетевое гражданство или оказывается выключенным из глобальной информационно-коммуникационной системы [1, с. 13].

Важно отметить некоторое противоречие в терминологии, а именно в понятии «виртуальное сообщество». Слово «виртуальный» произошло от латинского слова, которое означало «возможный, тот который может или должен появиться при определенных условиях». Получается, что сеть Интернет и виртуальные сообщества в нём не имеют физического воплощения, с одной стороны, а с другой, выполняют свои функции и являются ничем иным, как строчками кода, которые были написаны и выполнены с использованием специальной программной среды и аппаратного обеспечения. Таким образом, будет справедливо принять виртуальное как нечто реальное, хоть и существующее только в виде строк кода. Однако понятие участника онлайн сообщества или цифрового сообщества не является тождественным понятию пользователя сети Интернет. В данном случае, по нашему мнению, пользователь сети – человек, который использует Интернет для поиска, получения и потребления информации, но не взаимодействует активно с другими пользователями, тогда как для участника цифрового сообщества именно элемент общения или коммуникации в том или ином виде является одним из определяющих критериев участия в сообществе.

Цифровые или виртуальные сообщества могут возникать спонтанно, а могут быть созданы по запросу группы лиц, отдельного индивида или органов власти. По нашему мнению, действительно значимым стоит отметить тот факт, что цифровые сообщества не ограничиваются лишь элементом общения между участниками, но они в определенной мере напрямую влияют на социально-политическое и экономическое развитие мира. Будет справедливо сказать, что вместе с традиционным – «физическим» или «обыденным» – пространством сформировалось виртуальное поле человеческой деятельности, где виртуальные сообщества изменяют всё большее число сторон жизни человека, добавляя новые формы организации и взаимодействия. К примеру, популярность некоторых каналов на YouTube сопоставима с аудиториями крупнейших СМИ, а функция комментариев позволяет подписчикам напрямую общаться с создателями контента. Американский социолог Г. Рейнгольд, который ввел в научный оборот и описал такое явление, как «умная толпа» (smart mob), писал: «В киберпространстве мы беседуем и спорим, занимаемся интеллектуальными рассуждениями, осуществляем коммерческую деятельность, распространяем знания, эмоционально поддерживаем друг друга, строим планы, осуществляем мозговые штурмы, сплетничаем, враждуем, падаем и поднимаемся, любим, находим и теряем друзей, играем в игры, флиртуем... [2, с. 12]. То есть почти вся совокупность действий и социальных контактов напрямую связана с онлайн-средой, а по количеству доступных активностей не уступает миру физическому.

Вместе с тем, важно упомянуть, что ряд исследователей и специалистов либо рассматривают виртуальные сообщества в негативном свете, либо вообще отказываются признавать данные образования сообществами. К примеру, американский социолог Дж. Бениджер указывал, что виртуальные сообщества являются «псевдосообществами», так как хоть электронная коммуникация и облегчает процесс общения, она делает это в упрощенной форме с ограниченными возможностями, а сами сообщества внутри сети Интернет – второсортные [3, с. 353]. В дополнение к этой идее, М. Ричардсон заявлял, что «взаимодействие с технологией может дать только иллюзию близости». [4, с. 101] Таким образом, в исследовательской среде нет единого мнения о том, насколько полезны цифровые сообщества и являются ли они полноценными сообществами вообще.

Говоря о процессе формирования и развития цифровых сообществ, стоит отметить, что в большинстве случаев именно пользователи изначально определяют их название, целевую аудиторию, основной контент и наполнение. Иными словами, подавляющее большинство подобных сообществ не создается извне, к примеру, администраторами ресурса, но является примером «user – generated content», то есть контента, который был сделан самими пользователями платформы. Данный феномен получил название партициптивной культуры, то есть подхода, когда люди действуют не только как потребители, но и как спонсоры и создатели (производители) контента [5, с. 53].

«Культура участия» – термин, который изначально был предложен для описания политических систем в развитых демократических странах, но сейчас активно используется для описания элементов современной культуры. Основная идея заключена в том, что если раньше, к примеру, СМИ предоставляли однонаправленный формат подачи материала, в котором читатель или зритель просто потребляли контент, то теперь благодаря возможности поставить оценку или оставить комментарий, пользователи сети становятся более вовлеченными в процесс. [6, с.8]. То есть для человека недостаточно быть просто зрителем или читателем, но более желанна роль участника, роль того, что может отреагировать на прочитанный или увиденный контент. Вершина – ситуация, когда пользователи сами генерируют контент для платформы, как это сделано на Википедии, где авторы статей – простые пользователи. Другая иллюстрация подобной стратегии видна на YouTube –

платформа не делает видео сама, но позволяет пользователям снимать, монтировать и публиковать клипы на своей платформе, которая также обладает дополнительными функционалом по комментированию, оценке и поддержке авторов, а также дальнейшему распространению видео.

В указанном выше случае, администраторы цифрового сообщества (владельцы платформы) ведут преимущественно деятельность, направленную на модерацию контента (к примеру, удаление видео, на которых показано насилие или содержащие элементы (фото/видео/аудио) защищенные авторским правом). Но платформа не указывает авторам, какой контент нужно опубликовать – сами участники цифрового сообщества определяют ценность и релевантность видео, их заинтересованность и реакцию путём выставления позитивных или негативных реакций или комментариев и дальнейшего распространения видео. Подобный принцип используется том или иным виде на подавляющем большинстве площадок, начиная от Wikipedia, где пользователи сами создают и редактируют статьи, а также общаются друг с другом, заканчивая группами и каналами в Telegram.

Второй важный аспект цифровых сообществ – формирование и использование цифрового аватара. В то время как в реальности человек наделен определенными чертами и особенностями, как врожденными, так и приобретенными, в цифровом мире он, как правило, вправе изменять свою идентичность по своему желанию. Те аспекты, которые могут играть определяющую роль в мире реальном, а именно пол, возраст, социальный статус, могут быть изменены или же вообще не быть отражены у цифрового аватара. К примеру, пользователь цифровых платформ зачастую вместо реального имени использует никнейм, по которому его можно найти на данной платформе, а в качестве изображения выбирается персонаж игры, фильма или просто любое изображение. Более того, ряд цифровых сообществ, в первую очередь направленных на детей, активно побуждает пользователей не использовать реальные имена или данные, так как это гарантирует большую безопасность для участников от возможных негативных последствий, в том числе stalking и кибербуллинга.

Таким образом, цифровые или виртуальные сообщества появились вместе с активным развитием сетевых технологий. Данный феномен во многом расширил степень и характер взаимодействия участников онлайн-сообществ, а также актуализировал понимание термина сообщества, члены которого отныне не были привязаны к одной территории или языку. Однако ряд исследователей настроены критично по отношению к данному понятию, указывая его ограниченность и искусственность. Вместе с тем, цифровые сообщества во многом являются элементом партиципативной культуры, то есть культуры участия, где пользователи сами создают контент для других участников. Ещё одним важным элементом цифровых сообществ является формирование цифровой идентичности – цифрового аватара, который является образом реальной личности, но может обладать иными характеристиками и чертами.

Список литературы

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
2. Rheingold IT. A Slice of Life in My Virtual Community // Harasim L.M. (eds.). Global Networks: Computers and International Communication. Cambridge: MA: MIT Press, 1994. 28 p.
3. *Beniger J.* Personalization of mass media and the growth of pseudocommunity // Communication Research. 1987. Vol. 14. P. 352-358.
4. *Richardson M.* The experience of culture. London: SAGE Publications Ltd., 2001. 192 p.
5. Foot Soldiers of Modernity: The Dialectics of Cultural Consumption and the 21st-Century School // Harvard Educational Review. 2003. Vol. 73. № 3. P. 390-415.
6. *Зверева В.В.* Сетевые разговоры. Культурные коммуникации в Рунете. Bergen: University of Bergen, 2012. 279 с.

НАУКА И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**ТЕРМИНЫ «НАУКА» И «РЕЛИГИЯ» В ТЕКСТАХ XVIII-XX ВВ.
(НА МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Аринин Е.И.

*Доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой философии и религиоведения
Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: eiarinin@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена описанию эксплицитного изображения отношения науки и религии в российской литературе XVIII - XX веков из базы данных Национального корпуса русского языка. Наука и религия в XVIII столетии выступали как государственные учреждения - Академия наук, с одной стороны и Синод, с другой, дополняясь некоторыми «таинственными науками» (Калиостро и т.п.), при этом последние, часто претендовавшие на «высший статус», могли и публично высмеиваться (Екатерина II, «Шаман Сибирский», 1786). Появление в XIX веке гуманитарных наук, в том числе «науки о верованиях» (Лавров, 1882), усложнили эти отношения, сформировав две социальные субкультуры, предельно сложные отношения которых сегодня нуждаются в преодолении как сложившихся в XX веке односторонних идеологических схем, особенно периода СССР, так и формирования современного экспертного диалога, включающего опыт «лингвистического поворота» с повышенным интересом к используемой терминологии, анализ которой представлен в тексте.

Ключевые слова: религия, наука, литература, НКРЯ, Российская империя.

**THE TERMS “SCIENCE” AND “RELIGION” IN TEXTS
OF THE 18TH-20TH CENTURIES
(BASED ON MATERIALS FROM THE NATIONAL CORPUS
OF THE RUSSIAN LANGUAGE)**

Arinin E.I.

*DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: eiarinin@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the description of an explicit depiction of the relationship between science and religion in Russian literature of the 18th - 20th centuries from the database of the National Corpus of the Russian Language. Science and religion in the 18th century acted as state institutions - the Academy of Sciences, on the one hand, and the Synod, on the other, supplemented by some “mysterious sciences” (Cagliostro, etc.), with the latter often claiming “higher status” could also be publicly ridiculed (Catherine II, “Shaman of Siberia,” 1786). The emergence of the humanities in the 19th century, including the “science of beliefs” (Lavrov, 1882), complicated these relations, forming two social subcultures, the extremely complex relations of which today need to be overcome as one-sided ideological schemes that developed in the 20th century, especially during the USSR period, and the formation of a modern expert dialogue, including the experience of a “linguistic turn” with increased interest in the terminology used, the analysis of which is presented in the text.

Keywords: religion, science, literature, NCRL, Russian Empire.

Данная статья представляет кафедральный исследовательский проект, направленный на описание и анализ форм эксплицитного присутствия слов «наука» и «религия» в российской

литературе XVIII-XX веков, представленных в базе данных «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ). Сегодня в интернете, средствах массовой информации, ряде учебных изданий и на обыденном уровне слова «наука» и «религия» часто воспринимаются как символы бесспорного противопоставления и противостояния двух субкультур, или, наоборот, как перспектива их «эзотерического синтеза» как, к примеру, в издании «Основы религиоведения» (2011), где в аннотации сказано, что текст представляет собой «учебное пособие для студентов и аспирантов вузов», написанное, согласно уверению автора, «в соответствии с требованиями государственного стандарта», которое, правда, как он поясняет далее, «от большинства стандартных учебных пособий по религиоведению», отличается тем, что здесь «гораздо больше внимания уделено эзотерической основе религий, а также подробно анализируются особенности так называемых "религий левой руки" – демонопоклонства, что обычно в курсе религиоведения рассматривается крайне бегло», наряду с чем «анализируется также в религиозной перспективе современный духовный кризис, и рассматриваются пути его преодоления, чему обычно в курсах религиоведения уделяется мало внимания» [1, с. 2].

В академическом философском религиоведении принято различать «язык первого порядка» (Я1), т.е. описания наблюдателя («очевидца»), спонтанно откликающегося на непосредственную встречу с некоторым явлением, которое маркируется как «таинственное» (чудесное, сверхъестественное и т.п.). Последние затем получают свою интерпретацию с позиций «языка второго порядка» (Я2), т.е. описаний экспертов, утверждающих и определяющих высказывания Я1 с позиции «наблюдателя за наблюдателями» с точки зрения истории религии, психологии религии, социологии религии и т.п. специализированных дисциплин. Они, в свою очередь, будут отличаться как узкоспециальные от комплексного «языка третьего порядка» (Я3), призванного дать универсальное и системное понимание рассматриваемого феномена как целостного и многостороннего явления, где, согласно семиотике, каждое слово обладает своими денотатами и коннотатами.

В качестве известного исторического примера возьмем феномен «плачущей иконы», который, как периодически напоминают на своем Я1 некоторые современные блогеры, был скандально разоблачен Петром Первым [2]. Более аутентичное описание этой истории представил на своем Я2 И.И. Голиков (1735–1801), создатель одного из первых жизнеописаний великого монарха, в котором отмечалось, как весной 1720 года «разнесся слух что в одной из церквей... большой образ Богоматери проливает слезы», при этом «народ начал в великом множестве туда собираться», а «суеверие приплело к сему опасное толкование, что мать Божия недовольна сею странною, и слезами своими возвещает великое несчастье новому городу, а может быть и всему Государству» [3, с. 94]. Об этом «происшествии и о ропоте в народе» было доложено бывшему в отъезде Петру, который, «ведая из опыта, что и одна искра суеверия может произвести страшный пожар, ежели заблаговременно она не будет затушена, тотчас отправился в путь, ехал всю ночь, и на другой день поутру, прибывши в Петербург, тотчас подошел в помянутую церковь, где встречен был тамошними священниками и отведен к плачущему образу», который приказал доставить во дворец и вскоре «нашел в глазах у образа весьма малые и почти совсем неприметные дырочки..., к удовольствию своему увидел справедливость своей догадки и открыл обман и источник слез», воскликнув «Вот источник чудесных слез!», показав всем «сей хитрый обман», при этом сами «выдумщики» этого «происшествия» были найдены и строго наказаны для того, чтобы «впредь никто уже не осмеливался предпринимать таких обманов» [3, с. 94-97]. Принятые вскоре «Духовный регламент» (1721) уже содержал на новом Я3 власти специальное указание всему духовенству, от приходского священника до епископа, «дабы [монахи] не волочились безпутно, дабы лишних безлюдных церквей не строено, дабы иконам святым ложных чудес вымышленно...», при этом требовалось сообщать в Синод о том, «не делаются ли где суеверия, не обретаются ли кликуши, не проявляет ли кто для скверноприбытчества ложных чудес при иконах, при кладезях, источниках и протчая», а если вдруг нечто подобное имеет место, то «таковыя безделия запретить со угрожением клятвы на противляющихся упрямец» [4, с. 131].

Упомянутый выше феномен «религий левой руки» (С.Ф. Панкин), как и бесконечное множество других т.н. «чудесных», «паранормальных», «мистических», «эзотерических», «оккультных» и т.п. явлений, сопровождает всю историю развития человечества, требуя тщательного анализа используемой при их описании терминологии, когда, к примеру, на Я1 определенного наблюдателя, к примеру, из современной студенческой среды, активно утверждается тема «Халявы» или «халявы» [5]. Этот вопрос висел с 2008 года, фиксируя тот факт, что «сессия закончилась (слава Богу), а мы так и не поняли, сами ли мы ее сдали или это милая девушка халява нам помогла...Выражайте свои мнения, может быть, вместе и сообразим». На него были получены два ответа в 2009 году, один из которых (сохранена лексика оригинального сообщения) гласил: «Халява врятли помогла. наверно наши способности +божья помощь+удача!». Второй отзыв гласил «Но надо верить в силу Девушки-Халявы».

Обращает на себя внимание сомнение в действенности этой практики, гендерные особенности «актора» (девушка) и неоднозначность его/ее наименования (халява/Халява). Встречаются и подробные описания конкретных практик, к примеру, как «звать Халяву», где сообщается, что «Ритуал проводится в полночь. Из настежь распахнутого окна нужно во всю мощь кричать «Приди, халява»! При этом обязательно размахивать открытой зачетной книжкой. По окончании ритуала зачетка закрывается. Открыть ее можно только на экзамене, иначе пойманная «халява» может снова улететь» [6].

Автор других практических рекомендаций с определенной степенью отстранения и «аналитики» пишет, что ему «хотелось бы сказать, что сдавать экзамены методом «халява приди» не всегда есть хорошо. В единичных случаях не по базовым предметам его можно использовать. Но по предметам по специализации лучше приходить на экзамен с собственными знаниями. Ведь для этого вы и пришли в университет, чтобы получить те знания, которые будут вам необходимы в будущей профессии» [7]. Такие практики, как правило, представляются двойственно, поскольку одновременно пытаются проверить их эффективность и иронизировать над такими попытками, как, к примеру, в 44-секундном ролике [8]. В то же время, такие призывы могут иметь весьма прагматичный рекламный характер [9]. Эти сообщения можно интерпретировать с позиций Я2 определенных экспертов по истории религии, психологии религии, социологии религии и т.п. академических дисциплин. Последние, в свою очередь, требуют консенсуса в понимании того, что же есть «на самом деле», т.е. особого философского, религиоведческого или теологического Я3, представляющего феномен в универсальном горизонте единства знака (слова), его денотатов и коннотатов.

Так, существующая в действительности картина осмысления того, что же есть «на самом деле», т.е. предельно сложных и многоплановых отношений из определенной сферы «экстралингвистической реальности», требует специального экспертного анализа, пробный вариант которого предлагается в данной статье, опирающейся на анализ ряда примеров из НКРЯ, где можно встретить формирование нескольких самобытных коммуникативных дискурсов (рассуждений) со своими значениями (денотатами и коннотатами) этих двух слов.

Лексико-грамматический поиск в этой базе данных (Основном корпусе, содержащем тексты с 1700 года), как отметил А.А. Доценко, показывает наличие там 18 880 текстов (с 96 168 примерами) со словом «наука», 5102 текста (с 21 472 примерами) со словом «религия» (на 10.01.2024) и только 3 текста (с 7 примерами) со словосочетанием «наука о религии», при этом из них на всё XVIII столетие приходится, соответственно, 515 («наука») и 27 («религия») изданий, т.е. около 2,7% и 0,5% из полного списка. Из них мы, в силу ограниченности объёма, предельно кратко останавливаемся только лишь на показательных для рассмотрения первых пяти текстах этого столетия, оставляя более детальный анализ для дальнейших публикаций [10, с. 63-67]. Обратим внимание на то, что если слово «религия» в XVIII столетии почти не используют представители духовенства, но только миряне из высших кругов светского сообщества, то слово «наука» одним из первых в базе НКРЯ использовал из сподвижников Петра Великого митрополит Стефан (Яворский, 1658 – 1722), писавший про «Божественную свою науку», утверждая, что, к примеру, «обыкновенно есть в мире сем, яко человецы паче прилежат, и паче хотят таковых учений навикати, и таковым наукам и художествам вдаватися, которыя прибыльнейшия», полагая, однако, что высшую «прибыльность» дает именно «науки Златоусте святе» (НКРЯ, митрополит Стефан. Проповеди, 1700 – 1722). Он же писал и про «Христову науку», состоящую в том, чтобы каждый «добре перенял» (НКРЯ, митрополит Стефан (Яворский). Рука Христова, Петру простираемая..., 1709).

Прежде всего, отметим, что согласно известным этимологическим исследованиям, знакомое всем кириллическое слово «религия» считается вошедшим в русский язык с 1705 года [11, с. 446]. Это слово не вошло в соответствующий выпуск (22) «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (далее - СРЯ), однако в ряде текстов, написанных в пограничных землях, переходивших «из рук в руки» в ряде войн между «Corona Regni Poloniae» и «Московским государством Российского царства», слова «вѣра» и «релѣя» могли ещё с XVI века употребляться при переводах с латиницы на кириллицу как, к примеру, в таком известном полемическом тексте как «Апокрисис» [12]. Слово «религия» («релѣя» и т.п.) с XVIII столетия постепенно проникает из лексикона придворных авторов в специализирующиеся научно-литературные тексты, постепенно оттесняя древнее, пришедшее из первых кириллических текстов, слово «вѣра» [13, с. 26-27]. Сегодня слово «вера», согласно известному изданию «Энциклопедия эпистемологии и философии науки», может описываться в целом ряде аспектов, в том числе выступая и как «вера религиозная», «вера философская» и т.п., понимаясь как «свойство человеческой ментальности» [14, с. 99-109]. Это было невозможно ранее, где «вѣра», со времен

летописного предания о выборе «вѣры» (986), понималась только как государственное исповедание определенной страны.

Слово «наука» исторически, согласно данным СРЯ, формируется на основании лексемы «навык» («наукъ», «наоукъ» и др.), встречающейся в древних кириллических текстах для описания формируемого Церковью «навыка страха Божия», позволяющего «всѣ преодолеть» («наукъ имѣеши о грѣсѣхъ, наложи на нь страхъ бжии и муки вѣчныя и прѣдолѣеши всяко», 1076), что, однако, позднее сменяется вполне рациональным опасением содержания трудов «езуитов», предупреждая, что они «тщатся не истину сыскать, но... истину замять» (1650) [15, с. 291, 292]. Показательный пример представил Ф.А. Эмин (1735 – 1770), один из самых успешных писателей того столетия, отметивший одну из особенностей Ecclesia Catholica Romana, когда тех, «кои Римскую религію не наблюдаютъ, Эретики зовутъ», полагая при этом, что само это братство, «сами по своимъ произволеніямъ законъ перемѣняя, отъ истинной Хрiстіанской вѣры со всемъ отлучились» (НКРЯ, Ф. А. Эмин. Непостоянная fortuna.... Ч.2, 1763).

Таким образом, слово «религия» оставалось редким для русского языка на протяжении первой половины XVIII столетия, в отличие от слова «наука», которое утверждается как нормативный государственный институт и как образовательные дисциплины, призванные научить россиян необходимым навыкам («наоукам»), обеспечивающим не только личное преуспеяние, но «благополучие государства». По этой причине издается указ Петра Первого (№ 1554 от 22 ноября (2 декабря) 1696 г.), согласно которому следовало направить в Италию, Голландию и Англию 28 молодых дворян, которые посланы были обучаться европейским наукам [16]. Таким образом, элитной молодежи было приказано «в разные государства учиться всяким наукам» (НКРЯ, И. А. Желябужский. Дневные записки. 1709). Всего «через заграничную школу прошло около тысячи человек», в том числе и М.В. Ломоносов [17]. При этом иногда происходили и курьезные ошибки, как, к примеру, это представлено интересным документом («Челобитная ученика математической школы Петра Шишипурова»), где автор писал, как исполнялось «Вашего царского величества повеление быти наукам математическим и навигацким», сообщая при этом, что требуемого «жалованья кормовых денег мне не учинено» (НКРЯ, П. Шишипуров. Челобитная ученика..., 1702).

Таким образом, можно отметить вхождение слова «наука» в церковный лексикон и внушительное число других текстов XVIII века, вошедших в базу данных НКРЯ, при этом осознавалось различие точных наук как приносящих действительную пользу государству, от «наук тщетных» («баснословных», «таинственных» и т.п.), которые начинают критиковать эксперты (НКРЯ, В. Н. Татищев. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах, 1733) и высмеивать «при дворе» (Екатерина Великая, пьеса «Шаман Сибирский», 1786). В XVIII столетии уже не сжигали «Эретиков/еретиков» (Ф.А. Эмин), но еще почти до 70-х годов могли казнить за «чародейство», в целом само отношение к религиозной проблематике в академической среде стало дистанцироваться от межконфессиональных противостояний путем разработки особого Я2 и Я3 новых экспертных элит, которым позволялось ради благоденствия государства, устанавливать определенные рамки для церковных практик, таких как «плачущие иконы» и т.п.. В XIX веке П.Л. Лавров (1823 - 1900) выделяет новую область знаний, «науку о верованиях» (НКРЯ, Лавров П.Л. Теоретики сороковых годов в науке о верованиях, 1882). В XX веке Л.Н. Толстой предлагает термин «религиоведение» (1908) как названия «науки о религиях» [18], но вскоре советская власть на своем Я2 и Я3 объявляет религию врагом науки, а верующих квалифицирует как тайных или явных врагов «строительства коммунизма». Во второй половине этого столетия начинает формироваться Я3 академического религиоведения, порой смешиваемого еще тогда с «научным атеизмом». Последние 35 лет, начиная с 1988 года, российское религиоведение отделяется от прежних идеологических конструктов, формируя собственные экспертные Я2 целого ряда новых дисциплин и научных исследовательских направлений (теолингвистика, политологическое религиоведение и т.п.), обсуждая перспективы формирования нового и корректного Я3, который позволяет вести новые исследования, не отбрасывая достижения прошлого, развивая образовательные проекты как в светских, так и в богословских (теологических) ВУЗах разных конфессий и религий, порой, к сожалению, сопровождаясь резонансными скандалами в массмедиа [19].

Список литературы

1. Панкин С.Ф. Основы религиоведения. Пенза: Золотое сечение, 2011.
2. Иконы плачут // UFOSTATION. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ufostation.net/forum/viewthread.php?thread_id=768 (дата обращения 23.11.2023).

3. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России Ч. 7.М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789.
4. Бунина М.В. Чудеса в Флорищевой пустыни и конструирование нарратива // Одиссей: человек в истории. М.: ИВИ РАН, 2023. С.131.
5. Помогает ли халява на самом деле? // Вконтакте. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-3553849_5481403 (дата обращения 20.12.2023).
6. «Халява, приди!» 7 студенческих суеверий для сдачи экзаменов – и почему они работают // Мел. [Электронный ресурс]. URL: <https://mel.fm/blog/stanisaw-samburskiy/69520-khalyava-pridi-7-studencheskikh-suevery-dlya-sdachi-ekzamenov-i-pochemu-oni-rabotayut> (дата обращения 10.12.2023).
7. Всегда ли «халява» помогает при сдаче экзаменов // УчисьУчись.РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--h1aa0abgczd7be.xn--plai/blog/students-zhizn/vsegda-li-halyava-pomogaet-pri-sdache-ekzamen/> (дата обращения 10.12.2023).
8. "Халява, приди!"// FISHKI.NET. [Электронный ресурс]. URL: <https://fishki.net/2518151-halyava-pridi.html> (дата обращения 17.12.2023).
9. Халява в интернете — бесплатные товары по почте и деньги без вложений // Webmoney. [Электронный ресурс]. URL: <https://webmoney-rabota.com/halyava-v-internete.html> (дата обращения 15.12.2023).
10. Доценко А.А. Представления о науке и религии в российской литературе XVIII века (по материалам НКРЯ) // Свеча-2023. Владимир, ВлГУ, 2023. С.63-67.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доб. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. С. 446.
12. Аринин Е.И. «Религия как «релея»: между политикой, поэтикой и логикой (XIV-XVIII вв.)» // Религиоведение, №3, 2017. С. 69-70.
13. Аринин Е.И. Религия, философия религии и «глокальное религиоведение»: между «экзотикой», «совестью» и «профессионализмом» (к дискуссиям на Конгрессах российских исследователей религии) // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 26-27.
14. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», 2009. С.99-109.
15. Наука // Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 10. М.: Наука, 1983. С. 291-292.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том III. 1689 - 1699 гг. СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 264.
17. Козичев Е. Как Россия отправляла граждан за знаниями// АО «Коммерсантъ». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1995480> (дата обращения 17.12.2023).
18. Лев Толстой вводит в оборот термин «религиоведение» // РУНИВЕРС. [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/philosophy/chronograph/452087/> (дата обращения 13.12.2023).
19. Минобрнауки уволило директора института, заявившего, что люди в прошлом жили 900 лет // Дзен. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/ZbC8vE16WRXpFbLS?from_site=mail (дата обращения 24.01.2024).

ИССЛЕДОВАТЕЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ЧИСЛА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА (КОН. XIX – НАЧ. XX В.)

Боков Г.Е.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: bokovg@gmail.com*

Аннотация. В последние годы отмечается устойчивый интерес к истории отечественного религиоведения, однако вопрос об участии представителей православного духовенства кон. XIX – нач. XX в. в развитии науки о религии в России до сих пор остается недостаточно исследованным. Предлагается выделить ученое духовенство как самостоятельное исследовательское сообщество, которое стоит попробовать рассмотреть отдельно от богословов и профессоров Духовных академий из числа мирян, а также от светских ученых, занимавшихся наукой о религии.

Ключевые слова: религиоведение, православие, история религиоведения, духовенство, религиозная культура.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФ № 24-28-01158 "Православные священнослужители кон. XIX - нач. XX вв. как исследователи религиозной культуры: от "мейнстрима" к "маргинальности""

SCHOLARS OF RELIGIOUS CULTURE FROM AMONG THE ORTHODOX CLERGY (THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Bokov G. E.

*CSc in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy
of Religion and Religious Studies
Saint Petersburg State University
E-mail: bokovg@gmail.com*

Abstract. Over the recent years, the history of religious studies in Russia has become a matter of wide interest. However, there is a lacuna, namely the participation of Orthodox clergy in the period of late 19th-early 20th centuries in this scholarly enterprise. It is proposed to single out the Russian educated clergymen as an independent research community, which is worth trying to consider separately from theologians and professors of the theological Academies, as well as from secular researchers involved in science of religion.

Keywords: religious studies, Orthodoxy, history of religious studies, clergy, religious culture.

История отечественного религиоведения – одна из тех научных тем, которые пользуются особой популярностью в последние десятилетия в нашей стране. За это время появилось большое количество исследований, выполненных с опорой на источники, включая различные архивные документы. Прежде всего, следует отметить фундаментальный научный проект ученых Санкт-Петербургской школы религиоведения под руководством проф. М.М. Шахнович «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX в.» (2016-2020). В ходе его реализации были изданы неопубликованные ранее, а также впервые за многие годы переизданы многочисленные труды отечественных исследователей религии – историков, антропологов, фольклористов и т.д. (серия «Из архива»). Были подготовлены фундаментальные исследования, среди них «Изучение религии в России в XVIII в. – перв. пол. XX в.: Биобиблиографический указатель» (под ред. М.М. Шахнович, 2020) [1]. Однако, несмотря на большое количество современных публикаций, следует признать, что «пока еще не создана целостная картина развития религиоведения в России до 1917 г.» [2, с. 9], а проект петербургских ученых может иметь свое продолжение [3, с. 164].

При разговоре об истории отечественного религиоведения, речь обычно идет о работах светских исследователей, опиравшихся с кон. XIX – нач. XX в. на методы критического научного анализа. Что касается православного академического богословия, то хотя и существует много современных трудов, посвященных его особенностям в рассматриваемый период, а также духовному образованию, отдельным духовным школам и персоналиям, ученое духовенство никогда еще не выделялось как самостоятельное научное сообщество. Большинство представителей академического богословия из числа мирян хорошо известны, тогда как исследовательские интересы именно монашествующих и духовенства, в большей степени скованных цензурными требованиями Синода и, тем не менее, также вносивших свой вклад в изучение религиозной культуры, проанализированы плохо.

Среди представителей духовного сословия, которые занимались историей религии и религиозной культуры, можно назвать многие имена. Отметим лишь некоторых. Митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов-Попов) (1797-1879) переводил Библию и богослужебные тексты на языки народов Севера, религиозные взгляды и ритуалы которых он описал. Архимандрит Леонид (Кавелин) (1882-1891) внес большой вклад в изучение древнерусской книжности и средневековой религиозности. Широко известный представитель русского богословия митрополит Макарий (Булгаков) (1816-1882) занимался историей Русской Церкви. Архиепископ Нил (Исакович) (1799-1874), а также священник Иннокентий (Подгорбунский) (1862-1913) – переводчики и миссионеры, исследователи шаманизма и буддизма. Епископ Порфирий (Успенский) (1804-1885) –

православный востоковед и византист. Протоиерей Александр (Смирнов) (1857-1933) – богослов и автор курса по истории религий. Иеромонах Алексей (Виноградов) (1845-1919?) библеист и китаист. Протоиерей Василий Рождественский (1839-1917) – богослов и библеист. Другие представители духовного сословия также занимались историей религии и разными аспектами религиозной культуры и религиозной мысли.

Интересно то, что их отношения с Синодом, руководством духовных академий и Министерством народного просвещения могли складываться по-разному. Одни сознательно ориентировались на «уместные» для Синода темы, сюжеты и установки и часто занимали те или иные посты в системе духовного образования, т. е. не отделяли себя и свою богословско-исследовательскую работу от общецерковной повестки. Другие же трудились в определенной изоляции, избегая и иногда даже открыто критикуя академии за «схоластичность» преподаваемой там богословской науки. Таким образом, можно выделить ученое духовенство кон. XIX – нач. XX в. как самостоятельное исследовательское сообщество, которое стоит попробовать рассмотреть отдельно от богословов и профессоров Духовных академий из числа мирян, а также от светских ученых, занимавшихся наукой о религии.

Список литературы

1. *Шахнович М.М.* Введение в главную тему номера. Изучение религии в России конца XIX – начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 1 (36). С. 7-11.
2. Изучение религии в России в XVIII – первой половине XX вв.: Библиографический указатель / предисл. и общ. ред. М. М. Шахнович. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 576 с.
3. *Браткин Д.А.* «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX в.» (О некоторых итогах проекта и его публикациях) // Религиоведение. 2022. № 1. С. 157-165.

ИЕРОМОНАХ АЛЕКСИЙ (ВИНОГРАДОВ) КАК «МАРГИНАЛЬНЫЙ» БОГОСЛОВ-БИБЛЕИСТ

Браткин Д.А.

*Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: bratkin@yandex.ru*

Аннотация. В статье ставится вопрос о специфике и научной новизне работ Александра Николаевича Виноградова (иеромонаха Алексея, 1845–1919/1920?) по библеистике. В качестве подтверждения оригинального характера его творчества автор ссылается на «Собрание материалов по библейскому критицизму для священных книг Ветхого и Нового Завета на языках еврейском, греческом, латинском и других» (НИОР РГБ, ф. 52, к. 12, ед. хр.1).

Ключевые слова: Алексей Виноградов, библеистика, история науки.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-01158 «Православные священнослужители кон. XIX - нач. XX вв. как исследователи религиозной культуры: от "мейнстрима" к "маргинальности"»

HIEROMONK ALEXY (VINOGRADOV) AS A “MARGINAL” BIBLICAL THEOLOGIAN

Bratkin D. A.

*CSc in history, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies*

Abstract. The author discusses the essence and scholarly novelty of the works of Aleksandr Nikolayevich Vinogradov (hieromonk Aleksii, 1845–1919/1920?) in Biblical topics. To prove the original character of his studies, the author refers to his “Collection of materials on Biblical criticism for the Holy Books of the Old and New Testaments in the Hebrew, Greek, Latin, and Other Languages” (Manuscript Dept, State Russian Library, fond 52, carton 12, item 1).

Keywords: Aleksii Vinogradov, Biblical studies, history of scholarship.

Имя иеромонаха Алексия (Александра Николаевича Виноградова, 1845–1919/20?) не принадлежит к числу широко известных в истории русской науки. Жизнь Виноградова дает отличный материал для биографического исследования, однако он, как будто намеренно, на каждом из этапов своей жизни взламывает ожидания своего биографа. Основные этапы его биографии не вытекают из предшествующей жизненной стратегии и обычным набором рациональных причин почти не объяснимы. Расхожее представление о психической болезни, приступы которой – будто бы – совпадали с наиболее разрушительными этапами его биографии (такими, как второй отъезд из Пекина) является не более чем *deus ex machina*, облегчающим работу биографа, а сама эта «болезнь» может быть не более чем условным, литературным или риторическим, приемом. События жизни Виноградова бросают вызов конвенциональной практике написания биографий, и схема нарратива, последовательно предложенного авторами его жизнеописаний – Н. И. Конрад, М. Ф. Чигринский, Н. А. Павлович, монах Лазарь (В. В. Афанасьев) – отражает не столько понимание жизни Виноградова, сколько модель, построенную по символическим маркерам – и оказываются способом выстроить диалогическую коммуникацию автора с читателем через создание желаемой для обеих сторон идентичности Виноградова.

В субъективной биографии Виноградова обращает на себя внимание существенное зияние между его самопрезентацией (т.е., мнением о себе, о своей роли и своих успехах) и реальной, объективной оценкой его достижений. Ни в одной из избранных им областей Виноградов не достиг заметных успехов. По всей совокупности дошедших свидетельств можно утверждать, что в любой из многочисленных областей своей деятельности этот «забытый энциклопедист» (характеристика, данная Виноградову М. Ф. Чигринским) либо в силу определенных причин потерпел неудачу, либо его фактически достигнутый успех был весьма скромным.

Подлинный интерес вызывает одна изолированная область его занятий: история библейских переводов, по преимуществу на английский язык, и смежные с нею области библейской текстологии и истории библейского текста. Начало интереса к этой теме датируется 1880-ми годами. Изучение английских версий Священного Писания возникает как *spin-off* трудов по подготовке очередной редакции православного библейского перевода на китайский язык (он увидел свет в 1883 г.). Первоначальная разработка этой темы не выходила за рамки методов, преподававшихся в Демидовском юридическом лицее, где Виноградов учился в 1871-1874 гг. «Разработка вопроса» в том понимании, какое прививалось студентам лицея, по сути сводилась к умению подробно реферировать рекомендованные фундаментальные и как правило иноязычные труды по той или иной теме при ограниченном или отсутствующем развитии навыков аналитической критики. Виноградов оказывается заложником этого метода, но этот же метод резко выделяет его среди других русских богословов «долгого XIX века». Созданные им реферативные компиляции (позже опубликованные им под названием [1] как «часть учено-миссионерского отчета») оказались для русского читателя окном в мир критической английской библеистики. В этом смысле значение виноградовских работ 1880-1890-х гг. для *отечественной историографии* выходит за пределы простых рефератов.

После недобровольного окончательного возвращения в Россию (1898 г.), Виноградов приступает к дальнейшей обработке привезенных им материалов. Здесь сквозь рамки прежнего реферированного подхода внезапно прорывается индивидуальный аналитический подход и круг интересов, который является нетипичным и неожиданным не только для российской богословской науки, но и для зарубежной протестантской критической библеистики. Я имею в виду объемную рукопись, которая носит авторское название «Собрание материалов по библейскому критицизму для священных книг Ветхого и Нового Завета на языках еврейском, греческом, латинском и других» (НИОР РГБ, ф. 52, к. 12, ед. хр.1, 640 лл.). Окончательную ее редакцию следует датировать временем после 1900 года. Эта рукопись переплетена, она имеет авторское оглавление и авторскую же пагинацию – иными

словами, ее состав полностью воспроизводит авторский замысел. Это «Собрание» представляет собой последовательный перевод определенных статей из библеистической энциклопедии Дж. Мак-Клинтока и Дж. Стронга [2], однако неоригинальность текста на этом заканчивается. В выборе статей для перевода, в их тематической последовательности (радикально отличающейся от обычного алфавитного порядка), в подчеркнутом внимании к габраистике и иудаике как фону Библии Виноградов демонстрирует тонкий самостоятельный авторский замысел и тонкое понимание предмета.

Виноградов изолирован и от основного пути русского академического богословия, и от господствовавших в нем подходов. К миру ученого монашества его можно причислить лишь с большими оговорками. Равно как с теми же оговорками можно говорить и о самостоятельности значительной части его увлечений и научной работы. Однако и это маргинальное положение, и оторванность от академической коммуникации парадоксальным образом делают его одним из наиболее своеобразных и неординарных русских авторов в духовном сане, писавших до Библии в «долгом XIX веке».

Список литературы

1. Алексей (Виноградов), иеромонах. История английско-американской Библии. Т. 1-3. СПб: Тип. бр. Пантелеевых, 1889-1891.
2. McClintock J., Strong, J. The Cyclopedia of Biblical, Theological, and Ecclesiastical Literature. 12 vols. N.Y.: Harper and Brothers, 1880.

ЭВГЕМЕРИЗМ, КРИТИКА ЧУДЕС И ДРУГИЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С СУЕВЕРИЯМИ (ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ ОПУБЛИКОВАЛИ «КРИТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» КОЛЛЕНА ДЕ ПЛАНСИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ)

Брук Е. Г.

*Кандидат философских наук, ассистент кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: bruk97@list.ru*

Аннотация. В докладе анализируются особенности эвгемеризма как рационалистической теории происхождения религии и полемического инструмента. Во Франции в XVIII веке, с одной стороны, эвгемеризм воспринимался как рациональный метод интерпретации мифологии, с другой стороны, фигура Эвгемера использовалась в качестве рупора просветительских идей, главным смысловым ядром которых была борьба с суевериями. Ж. О. С. Коллен де Планси во многом продолжал линию просветителей, используя эвгемеризм в качестве инструмента критики почитания мощей и изображений святых. Однако автор «Критического словаря реликвий и чудотворных образов» был менее радикален, чем его предшественники, неоднократно подчеркивая, что он не критикует религию и ее догматы, но лишь борется с суевериями. Умеренность взглядов Ж. О. С. Коллена де Планси по сравнению с философами-просветителями и ярко выраженная симпатия к христианству помешали изданию «Критического словаря» в Советском Союзе, где его взгляды казались слишком «буржуазными».

Ключевые слова: эвгемеризм, Ж. О. С. Коллен де Планси, критика суеверий, «Критический словарь реликвий и чудотворных образов», почитание святых, антирелигиозная пропаганда.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00517 ««Редакционный портфель»: научные исследования в области истории религии и религиозной философии в 1920-е—1930-е гг. в СССР и редакционная политика научных изданий».

EUEMERISM, CRITICISM OF MIRACLES AND OTHER METHODS OF COMBATING SUPERSTITIONS (OR WHY “CRITICAL DICTIONARY” BY COLLIN DE PLANCY WAS NOT PUBLISHED IN THE SOVIET UNION)

Bruk E. G.

*Assistant of Department of Philosophy of Religion and Religious Studies,
Saint Petersburg State University
E-mail: bruk97@list.ru*

Abstract. The paper analyzes the main features of euhemerism as a rationalistic theory of the origin of religion and as a polemical tool. On the one hand, in the eighteenth-century France, euhemerism was perceived as a rational method of the interpretation of mythology. On the other hand, the Euhemerus was a mouthpiece for philosophical ideas of the Enlightenment, the main core of which was the fight against superstition. J. A. S. Collin de Plancy continued the line of the philosophers of the Enlightenment, using euhemerism as a tool for criticizing the veneration of the relics and images of saints. However, he was less radical than his predecessors, repeatedly emphasizing that he was not criticizing religion and its dogmas, but was only fighting superstitions. The moderation of the views of J. A. S. Collin de Plancy in comparison with the Enlightenment philosophers and his sympathy for Christianity prevented the publication of his “Critical Dictionary” in the Soviet Union, where his views seemed too “bourgeois”.

Keywords: Euhemerism, J. A. S. Collin de Plancy, Criticism of Superstitions, “Critical Dictionary of Relics and Miraculous Images”, Veneration of Saints, Anti-religious Propaganda.

Эвгемеризм, появившийся в античную эпоху как один из способов рационалистической интерпретации мифологии, чрезвычайно разнообразен. Согласно этой теории, боги – это некогда жившие люди, которые сделали что-то полезное для своих соплеменников: правители, ученые, великие музыканты и т.д. Их имена постепенно обрастали мифами и легендами, им воздавали божественные почести. Эвгемеризм претерпевал значительные изменения на протяжении многих столетий в зависимости от тех целей, которые преследовали авторы, использовавшие эту теорию в своих сочинениях. Такая многоликость эвгемеризма связана прежде всего с тем, что тексты самого Эвгемера, а также их переводы на латинский язык, сделанные римским поэтом Эннием, были утрачены [5, p. 397]. Уже в античности постепенно происходила инструментализация эвгемерической теории, учение Эвгемера о существовании двух групп богов – земных (обожествленные люди) и небесных (светила, звезды, планеты) – уже тогда претерпевало значительные изменения: акцент сместился в сторону земных богов, в то время как небесные отошли на второй план. В качестве риторического и полемического инструмента эвгемеризм использовался сначала античными, а затем и христианскими авторами. Он служил как инструментом критики политеистических культов, так и одним из способов адаптации античного мифологического наследия к христианской культуре. В Средние века «историческое» толкование мифологии было одной из подготовительных ступеней понимания христианскими авторами античных текстов, за завесой которых искали моральные наставления и скрытые христианские смыслы [7, p. 106].

В Эпоху Просвещения во Франции существовало несколько возможных способов инструментализации эвгемеризма, объединенных единой тенденцией рационализации религии и поиска ее исторических оснований. Существовала линия, наследовавшая средневековой системе комментариев на античные тексты, которая использовала «историческую интерпретацию» мифологии как способ укоренения мифологических персонажей в реальности. Таковым, например, был конфессионально окрашенный эвгемеризм А. Банье. Его «исторические объяснения» древних мифов были предельно эклектичны и включали в себя не только теорию, согласно которой люди обожествляли правителей и великих деятелей прошлого, но и другие существовавшие на тот момент рационалистические толкования мифов, образуя из них единый сплав [4]. Претендовавший на роль универсального инструмента объяснения мифологических сюжетов и персонажей эвгемеризм А. Банье критиковали многие ученые и энциклопедисты второй половины XVIII века [1, с. 429-430]. Однако, несмотря на критику, эвгемеризм на протяжении XVIII столетия казался наиболее рациональным методом объяснения мифов, поэтому в просветительской среде нередко в уста Эвгемера вкладывались мысли самих философов и публицистов, критиковавших суеверия и религиозный фанатизм [2]. Именно эта линия становится ведущей в работах Ж. О. С. Коллена де Планси.

В 1821 году в Париже вышел первый том «Критического словаря реликвий и чудотворных образов» Ж. О. С. Коллена де Планси, к которому автор написал обширное введение с изложением собственных взглядов как на происхождение религии в целом, так и на происхождение христианского культа святых, в частности. С точки зрения Коллена де Планси, в древние времена люди жили настолько тяжело, что у них не было возможности рассуждать о существовании сверхъестественного. Однако, человеческим существам по природе свойственно ощущение, что мир не мог возникнуть сам по себе, «и первые люди, без сомнения, поклонялись Богу, не познав его» [6, р. vii]. В возникновении древних «языческих» религий, согласно Коллену де Планси, особое значение имели особенности человеческой психологии: «Эти религии были порождены страхом, благодарностью и выгодой» [6, р. ix]. Поэтому люди почитали как злых, так и добрых, благодетельных богов. К числу последних принадлежали люди, которых обожествили за некогда совершенные ими благие деяния [6, р. vii-viii]. Их память бережно передавалась из поколения в поколение, и со временем реальная жизнь этих людей все больше обростала легендами и чудесами. Они становились богами и к ним обращались за помощью [6, р. viii]. Автор сравнивает механизм формирования почитания католиками святых мощей с тем, каким образом почитался прах героев в античном мире: «Второстепенные боги язычников, как и католические святые, были людьми, которые были канонизированы после своей смерти за добродетели или великие деяния. Афиняне заботливо хранили кости Тесея, римляне почитали останки Нумы...» [6, р. xi]. Вслед за почитанием мощей, согласно Коллену де Планси, появился культ изображений, причем католические образы и «языческие идола» оцениваются автором как явления одного порядка. Коллен де Планси пишет: «Было бы легко доказать, что культ святых весь скопирован с культа ложных богов» [6, р. xvii]. Приравнивая поклонение мощам христианских святых и чудотворным образам к практикам почитания героев и других обожествленных личностей в древности, Коллен де Планси определяет почитание святых реликвий как суеверие. Эвгемеризм используется автором не только как способ объяснения происхождения древних культов, но и как инструмент критики суеверий. Коллен де Планси распространяет объяснительный и критический потенциал эвгемеризма, чаще всего применявшийся к богам политеистических религий, на культ христианских святых. Существование мощей и чудотворных образов, с точки зрения автора, так же выгодно священникам, как могилы героев некогда были выгодны жреческому сословию, поскольку известные реликвии всегда служили источником дохода [6, р. xxxvi]. Несмотря на такое явное следование линии философов-просветителей, Коллен де Планси на протяжении всего текста несколько раз подчеркивает, что целью его работы является не критика религии или ее оснований, а просвещение и борьба с суевериями. Религия должна быть свободна от последних, предлагая людям только веру в Бога и Евангелие [6, р. xxxvii]. Реформация и Эпоха Просвещения породили, с точки зрения автора, благоприятную ситуацию для борьбы с суеверными культами: Церковь стала более осторожна в оценке чудес, культовая практика – более умеренной [6, р. lj-lv]. Коллен де Планси, несмотря на симпатию к философам-просветителям, критикует их за излишний радикализм, поскольку они, по его мнению, не только боролись с предрассудками, но и отрицали фундаментальные основания религии: они сомневались в бессмертии души и «иногда заблуждались насчет самого Бога» [6, р. li].

В Советском Союзе критика культа святых Колленом де Планси, который во многом продолжал линию французских просветителей, была актуальна в контексте антирелигиозной кампании 1920-х – 1930-х гг., непосредственно касавшейся борьбы с почитанием мощей святых. Однако «Критический словарь», в отличие от трудов Вольтера, П.-А. Гольбаха и других французских философов XVIII столетия, остался неопубликованным. В. С. Рожицын, знакомый с взглядами Ж. О. С. Коллена де Планси и использовавший тексты французского автора в своих работах, предпринял попытку издания «Критического словаря реликвий и чудотворных образов», которая, однако, не увенчалась успехом [3, с. 168-169]. Несмотря на то, что французский автор разоблачал культ святых как суеверие, его позиция не отличалась радикализмом многих произведений французских просветителей, писавших свои тексты в публицистической манере. Так «буржуазная» направленность взглядов Коллена де Планси стала причиной того, что его «Критический словарь» так и не был опубликован в Советском Союзе.

Таким образом, эвгемеризм на протяжении многих веков был не только способом рационалистической интерпретации мифологии, но и полемическим инструментом. Именно в таком ключе эвгемерическую теорию использовал в своем «Критическом словаре реликвий и чудотворных образов» Ж. О. С. Коллен де Планси, подвергая критике почитание святых, их изображений и мощей. Несмотря на то, что Коллен де Планси во многом наследовал идеям французских просветителей, он неоднократно подчеркивал их радикализм в отношении религии. Сам автор «Критического словаря» не раз писал, что нисколько не намерен критиковать религию как таковую и что его критика направлена

лишь на несовместимые с доводами разума суеверия. Попытка публикации «Критического словаря реликвий и чудотворных образов» Ж. О. С. Коллена де Планси в контексте антирелигиозной пропаганды в Советском Союзе потерпела неудачу вследствие недостаточной радикальности его идей.

Список литературы

1. Брук Е. Г. Эвгемеризм и моральный дискурс во Франции XVII-XVIII вв.: дискуссии и компромиссы // Международная конференция «Университет. Образование. Общество. (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета)». Санкт-Петербургский государственный университет, 16-17 ноября 2023 г. Сборник статей. СПб. 2023. С. 425-431.
2. Вольтер Ф.М. Диалоги Эвгемера // Вольтер. Философские сочинения. М. 1988. С. 554-619.
3. Шахнович М. Культ святых в антирелигиозной пропаганде и исторической науке в СССР в 1920-х — начале 1930-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 1(41). С. 151–177.
4. Banier A. La mythologie et les fables, expliquées par l'histoire. In 8 vol. Paris, 1738-1740.
5. Cooke J. D. Euhemerism: A Mediaeval Interpretation of Classical Paganism // Speculum. Chicago: The University of Chicago Press. 1927. Vol.2, Issue 4. P. 396-410.
6. Dictionnaire critique des reliques et des images miraculeuses; Précédé d'un Essai historique sur le Culte des images et des reliques, sur les troubles élevés par les Iconoclastes, etc. Par J.-A.-S. Collin de Plancy. In 3 vol. Tome 1. Paris: Guien et Compagnie, Libraires, Boulevard Montmartre. 1821. №. 23. 450 p.
7. Gerber A. Grounding the Gods: Spreading Geographical Euhemerism from Servius to Boccaccio // Euhemerism and Its Uses: The Mortal Gods. Ed. by Syrithe Pugh. London; New York: Routledge, 2021. P. 104-126.

ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА И ЦЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА В ПЕРСПЕКТИВЕ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО

Герасимова И.А.

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник,
Институт философии РАН
E-mail: home_gera@mail.ru*

Аннотация. В статье ставится проблема качеств человека ноосферного типа с сознанием ответственности за сохранение и поддержание планетарной среды, гармоничное развитие человечества. В коллизиях глобального кризиса и ожидаемого Макросдвига в цивилизационном развитии ключевой становится проблема человека и его разума, интеллектуальной и духовной составляющей его природы. В построении гуманистических сценариев будущего актуальны обсуждения исторически выработанных ценностных ориентиров в науке и мировых религиях. Автор статьи выделяет стратегический вектор эволюции, усматривая его «в поисках ценностей и устремленности к целостности». Утверждается принцип единства многообразного, но по мере «узнавая другого» и взаимопроникновения в понимании можно наблюдать формирование универсального мышления на основе принципа единства в многообразии. В когнитивной эволюции намечается антропологический поворот к одухотворению интеллекта. Вопросы природы человека, его назначения на Земле рассматриваются на примерах памятников древнерусской книжности. Предлагаются решения в сторону гуманитаризации науки с учетом духовных накоплений научного творчества и религиозного опыта.

Ключевые слова: кризис, Макросдвиг, научная рациональность, интеллект, духовное сознание, ценности, творчество, религиозный опыт.

THE VALUES OF SCIENTIFIC CREATIVITY AND THE VALUES OF RELIGIOUS EXPERIENCE IN THE PERSPECTIVE OF THE CULTURE OF THE FUTURE

Gerasimova I. A.

*DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: home_gera@mail.ru*

Abstract. The article discusses the problem of human qualities of the noospheric type with the consciousness of responsibility. The problem of man and his mind, the intellectual and spiritual components of his nature becomes key in the collisions of the global crisis and the expected Macroshift in civilizational development. The values of scientific creativity and the values of religious experience can serve as a guide in constructing scenarios for future development. The author of the article identifies the strategic vector of evolution, seeing it "in the search for values and the desire for integrity". The worldview affirms the principle of the unity of the diverse, but as we "get to know the other" and interpenetrate in understanding, we can observe the formation of universal thinking based on the principle of unity in diversity. The author examines the issues of human nature, his purpose on Earth using examples of monuments of ancient Russian literature.

Keywords: crisis, Macroshift, scientific rationality, intelligence, spiritual consciousness, values, creativity, religious experience.

История человечества знает великие геологические катаклизмы, когда планетарная эволюция шла по новому пути. Перестройки имели взрывной характер разрушения старого и развития нового. В условиях современного кризиса можно наблюдать масштабные коэволюционные процессы Макросдвига. По уже проявившимся симптомам попробуем спрогнозировать стратегический вектор развития человечества. В истории западноевропейской науки в когнитивном отношении доминировал вектор эволюции интеллекта при многообразии исторических типов рациональности. К Новому времени, образно говоря, «тело отдали науке и душу – религии». Диалог культур, диалог науки и религии в XXI веке указывают на движение в сторону достижения взаимопонимания. Кризис становится с одной стороны «лакмусовой бумажкой», выявляя наружу все старое и отжившее, с другой стороны, мобилизует разум человека в решении критических проблем. Переходный период, на наш взгляд, отмечен «поиском ценностей в устремленности к целостности». Сегодня каждая этнокультура осознает достоинство своего вклада в общечеловеческую ноосферу. Проблема ценностей поставлена не случайно. Намечается Макросдвиг в сторону пробуждения духа в человеке, становления форм разума, интегрирующих интеллектуальное и духовное. Именно в этом отношении я вижу продуктивность диалога науки и религии. Фокус внимания с изучения внешней природы перемещается на природу внутреннего человека. От раскрытия потенциала творца и ответственного деятеля в технауче будет зависеть и будущее самой науки и качества ее преобразующей роли в отношении природы, общества и сознания человека.

В данном выступлении мне бы хотелось отдать приоритет антропологии. Речь пойдет не о науке и религии как социальных институтах, а ценностях творческой личности и эволюционно новых формах ее самосовершенствования. В этом отношении бесценен накопленный опыт интеллектуального труда и озарений в творчестве гениев науки и опыт духовного труда и религиозного просветления святых и подвижников благочестия.

Один фундаментальный вопрос позитивная наука не ставит и не отвечает на него. Это вопрос о природе человека, природе его сознания и мысли, назначении человека на Земле. Ответы на эти фундаментальные вопросы можно найти в философиях и религиях мира, объясняющих и практикующих воспитание внутреннего человека. В замечательном памятнике древнерусской книжности «Диоптра Филиппа Монотропа» [1], который вошел в литературу как православная энциклопедия антропологии средневековья, прямо говорится о смысле пребывания человека в условиях плотного мира земного как о подготовительном этапе, «поле брани», на котором воспитываются качества духа, необходимые для иной жизни в мире горнем, «мысленном». Название «мысленный мир» не случайно, ибо именно в инобытии все творится мыслью, а на Земле человек учится на своих достижениях и ошибках, объективируя мысль в действия и вещах. Ближайшая к божественному словесная часть души вбирала в себя умственные чувствилища или силы (ум, разум,

вера, воображение, понимание, память). Считалось, что бессловесная часть души (ее части – желание и ярость) ответственна за прохождение опыта жизни в суровых условиях земного существования. Именно через действия (интеллектуальные или физические) можно судить о духовных качествах мысли, нравственных устремлениях, намерениях и пр. Желание побуждает к действию, а ярость придает силу действовать при сопротивлении и в борьбе с врагом человеческим.

В «Диоптре» поясняется, что индивидуация (эго), «я» относится к душе, а эгоистичное «мое» – к телу [1, с. 238]. При двусоставном понимании природы человека, душа либо склоняется к материальной, страстной телесной жизни, либо восходит к божественной жизни духа. В зависимости от жизненного опыта различаются духовные, душевные и телесные люди. В самом высшем достижении очищенная от страстей душа готова принять в себя Божественную Троицу и пройдя опыт жизни стать боговидной, богоподобной. В этом и состоит ключ к пониманию спасения и назначения земной жизни [2].

В приведенных рассуждениях обратим внимание на постановку вопроса о природе мысли и особенностях ее бытования в земном мире и в инобытии. В другом замечательном памятнике древнерусской книжности «Палее Толковой» есть замечательный текст о мысли как энергичной сущности внутренних пространств. Порожденная человеком (душой, мозгом, сердцем) мысль отлетает в невидимые сферы. Чистая, светоносная мысль может долететь до ангелов и получить совет, возвращаясь к породившему ее человеку, а мысль, «отягощенная плотскими желаниями» дальше «адских укывищ» подняться не может. Именно в мыслесфере идет борьба сил добра и зла [3, с. 93, 127–128]. Не случайно подвижники благочестия учились контролировать мысли на уровне помыслов.

В современном мировоззрении можно найти аналоги «мысленного мира» в учении В.И. Вернадского о ноосфере и биосфере. Суть переходного периода Вернадский передал так: «Эта новая форма биогеохимической энергии, которую, можно назвать *энергией человеческой культуры* или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу» [4, с. 132]. Новая геологическая сила – это энергия разума, духа человеческого: «В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию» [5, с. 233]. Позитивно-материалистическое мышление в действии отражено в реалиях техногенной цивилизации, инновационной технауке. Техносферу можно назвать механическим воплощением ноосферы в условиях техногенной цивилизации. Зерна духа находят воплощение в культуре. Каждая конкретная этнокультура вносит свой вклад в общечеловеческую ноосферу (сферу духа человеческого).

Вдумаемся в слова Вернадского. Что означает стать «геологической силой как энергией разума и духа человеческого»? Позитивно-материалистический интеллект привел к глобальному системному кризису, обнажив вопросы самого существования человека и планеты. Но ценность исторического развития интеллекта нельзя отрицать в приобретении опыта осознанности и ответственности. Ответственность за планету, ноосферное мышление заставляет помыслить и новые формы разумности, а именно – одухотворенный интеллект. Именно духовная чувствительность, утончая качества сознания в художественном творчестве, в общении с природой, в религиозном созерцании – путь спасения души и преобразования сознания. Но духовная чувствительность («живое знание») воспитывается в культуре.

Список литературы

1. «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья / Изд. подг. Г.М. Прохоров, Х. Миклас, А.Б. Бильдюг. М.: Наука, 2008. (Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси). 733 с.
2. Герасимова И.А. Древнерусская эпистемическая культура // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 91–103.
3. Палея Толковая / Пер. А.М. Камчатнов, комм. В.В. Мильков. М.: Согласие, 2012. 652 с.
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. 359 с.

ЦЕННОСТИ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ УСТАНОВОК

Глаголев В.С.

*Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения
Северный Арктический Федеральный университет
Почетный профессор МГИМО МИД России
E-mail: kfmgimo@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены основные причины воспроизводства креационистских и антикреационистских позиций в науковедческих дискуссиях второй половины 18 – начала 21 вв. Показано, что каждый шаг в достижении научного знания сопровождается выявлением зоны проблем, недостаточно объяснимых либо к моменту их обнаружения не имеющих адекватного научного объяснения. Питательная почва креационизма – отставание в 19 и начале 20 вв. развития междисциплинарных исследований в естественнонаучном знании, что влекло за собой с неизбежностью критику сменявших друг друга научных гипотез и выявление их недостаточной обоснованности. Креационизм наших дней опирается также на скудность однозначно интерпретированных научных данных проблематики антропологии и генетики человека. Вместе с тем, христианские церкви и другие религиозные организации отмечают опасность ряда научных исследований для жизни населения Земли и антигуманистический характер множества научных открытий и достижений. Моральная необходимость допущения существования творца Вселенной получает тем самым аксиолого-нравственную подпитку, противостояя одностороннему практицизму использования достижений науки и возникших на ее основе технологических инструментов как антигуманным практикам

Ключевые слова: креационизм, антикреационизм, моральное измерение науки, негативные последствия развития науки, Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстой, А. Швейцер.

SCIENTIFIC VALUES IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS ATTITUDES

Glagolev V. S.

*DSc in Philosophy
Professor of Department of Cultural and Religious Studies
Northern (Arctic) Federal University
Honorary Professor of MGIMO MGIMO University
E-mail: kfmgimo@gmail.com*

Abstract. The article considers the major reasons for reproducing creationist and anti-creationist stands in the debates about science from the 2nd half of the 18th till the early 21st century. It demonstrates that every step in the progress of science was followed with highlighting areas of problems either calling for further explanation or lacking proper scientific explanation altogether by the time of their identification. Creationism's nutritious soil was lagging interdisciplinary research in natural sciences in the 19th and early 20th centuries that invariably resulted in criticism of the succeeding scientific hypotheses that revealed their inadequate substantiations. Our days creationism also feeds on the scarcity of univocally interpreted scientific data in the fields of anthropology and human genetics. At the same time Christian churches and other religious organisations are apprehensive about certain scientific research as potentially dangerous to human life on Earth and draw attention to the anti-humanistic character of a number of scientific discoveries and achievements. The moral need for allowing for the existence of a creator of the Universe is further supported axiologically and ethically in withstanding the one-sided pragmatism in the use of scientific achievements and technologies they yield as anti-humanist practices.

Keywords: creationism, anti-creationism, the moral dimension of science, negative consequences of the scientific progress, Jean-Jacques Rousseau, Leo Tolstoy, Albert Schweitzer.

В истории науки встречается описание феноменов творческой работы ученого, переживающего вдохновение, сходное с религиозным озарением. Отмечается также, что целью его деятельности является обеспечение достижимости евангельских идеалов мира, гармонии между людьми и обеспечение всех здоровых потребностей людей, живущих на Земле («благо человечества»). Встречается и точка зрения, что ученый может действовать при проведении исследований по лекалам науки, сохраняя при этом веру в то, что все материальные структуры мира и творческие возможности людей – продукт неусыпного божественного внимания к творению Божьему.

Лавинообразный процесс умножения знаний, обусловленный становлением законченной теории классической механики и множеством эмпирических знаний о свойствах веществ в химической, физической (электричество) и биологической (теория Кювье, его полемика с Ж. Сент-Илером) сферах породили неумеренный оптимизм относительно ведущей аксиологической ценности естественных наук. Вопрос конкурса Дижонской академии наук во Франции в 1749 г. «Способствует ли развитие науки и ремесел улучшению нравов?» возник в контексте воодушевления, охватившего влиятельную часть образованного сообщества Европы (и североамериканских колоний Англии к этому времени). Он обнаружил проницательность организаторов конкурса, обозначивших не только значение эффективности естественнонаучного и прикладного знания, что к этому времени стало банальностью, но и возникших в тогдашних культурных кругах опасений относительно влияния этого фактора на состояние «скреп» общества. Отрицательный развёрнутый ответ на вопрос конкурса тогда ещё совсем неизвестного Ж.-Ж. Руссо отразил сомнения относительно линейного нарастания благоприятных последствий развития науки и подозрения (оправдавшиеся впоследствии), что в своей совокупности научные достижения могут иметь по крайней мере амбивалентный, а то и, как ясно из ответа Руссо, откровенно негативный характер [1, с. 63]. Возникшая дилемма определила на многие десятилетия дифференциацию позиций сторонников Просвещения на неумеренных «прогрессистов», умеренных скептиков и откровенных противников безоглядного прославления научных достижений. Эта дифференциация способствовала и укреплению базовых методологических различий, разделивших атеистов, деистов, умеренных и неумеренных креационистов. Воспроизводству креационистских позиций способствовали не только христианские церкви Европы и Северной Америки, но и раскол в научной среде относительно глубинных последствий, касающихся умножающегося и расширяющегося объема научных знаний. В свою очередь, авторитеты Исаака Ньютона и Кювье, сохранивших позиции Господа Бога в своих теоретических построениях, лишь укрепляли противостояние антикреационистским точкам зрения в трактовках науки и опасения в ее законченности и непогрешимости как для данного состояния конкретной научной теории, так и для ее перспектив в историческом будущем.

В большинство научных публикаций, посвященных истории и философии науки, часто обходится вопрос, касающийся многообразия последствий любого научного открытия и подавляющего большинства новых научных теорий. Они действительно – если не ошибочны – более-менее обстоятельно объясняют сложившуюся для конкретного направления сферу научных фактов и их обстоятельного теоретического описания, но и выдвигают на первый план проблематику, остававшуюся в тени света научного разума, Либо властно врывающуюся в его построения демонстрацией неизведанного, непонятого и до поры до времени необъяснимого с уже сложившихся научных позиций.

Это противоречие между обоснованным и непонятым (а также и непонимаемым) нарастало по мере выхода науки в новые сферы исследования. Требовали научного обоснования подробно описанные и даже практически использованные (например, в телеграфе) феномены электричества, ожидавшие для своего более или менее обоснованного объяснения теории движения электрона – одной из элементарных частиц, открытие которых состоялось после засвечивания кулона, принадлежавшего Беккерелю, на фотографической пластике конца 19 в. Аналогичным образом садовые эксперименты Г. Менделя за стенами католического монастыря выявили устойчивые феномены, природу которых продолжает объяснять и исчерпывающе не объяснила до сих пор генетика 20 и первых десятилетий 21 вв.

Неизбежный рост разнообразия научного материала обусловил потребность в более или менее устойчивой классификации естественнонаучного, а затем и обществоведческого знания (политэкономия, теория политики, социология) в 19 в. Позитивистская точка зрения относительно призвания «настоящего» ученого вынесла за пределы научного исследования системы аксиологических понятий (за исключением, однако, преданности исследователя своим конкретным занятиям), что задвигало в тень реальные проблемы состояния науки, а не раскрывало их причины и тенденции. Если на стадии формирования констелляции естественных наук в ходе 19 в. пограничные

отношения между ними практически не рассматривались основателями и сторонниками позитивизма, то в дальнейшем выбор методологии исследования этих отношений, а значит и его философского обоснования, подорвал претензии позитивизма утвердить самодостаточность научной деятельности в качестве исчерпывающего философского принципа.

Таким образом, полемика вокруг природы, содержания и перспектив научного знания вовсе не прекратилась ни в 19, ни в 20 вв., хотя и привела к модернизации позитивистской методологии. За ее рамками остался креационизм. По наблюдениям автора за дискуссиями в университетской прессе штата Техас, он сохраняет позиции (разумеется, в модернизированных формах) в наши дни; более того, для некоторых верующих эволюционизм по сей день неприемлем [2, с. 248]. При этом религиозное мировоззрение, по мнению некоторых авторов, сегодня признается совместимым с научным как самими учеными, так и религиозными деятелями [3].

Современное соотношение объема научного знания и круга проблем, ожидающих исследования, составляет, как прозвучало на последнем Российском философском конгрессе в 2022 г., 5% к 95 %. Здесь – широчайший простор для сохранения и воспроизводства позиций не только неумеренного креационизма, характерного для религиозных точек зрения, но и его многочисленных разновидностей «полутонного» и многоцветного содержания. В том числе, и эклектического характера.

Обращаясь к религиоведению, уместно отметить очередную волну оживления позиций прамотеизма в объяснении достаточно скудного антропологического материала, касающегося содержания верований ранних представителей *homo sapiens*. Это обусловлено и отсутствием достаточного генетического материала, скудностью однозначных археологических артефактов, рассеянных по суше земного шара, и, разумеется, мировоззренческой и функционально-организационной заинтересованностью в сохранении целостности вероучения ряда влиятельных религиозных организаций современности. Для последних всегда будет неприемлемой(и уже потому неубедительной) антропология, базирующаяся исключительно на ограниченном археологическом материале, включающая антикреационистские допущения. В немалой степени благодаря наличию множества пробелов в их фактологическом обосновании. Было бы опрометчиво объяснять это положение лишь общественной статусностью образованных, а тем более малообразованных, служителей современных религиозных культов. Мобилизующая роль в биологии теории Ч. Дарвина по мере развития эволюционной генетики в 20 – начале 21 вв. обнаружила свои уязвимые места. Равно как и обнаруживает уязвимые места любая теория, оставляющая необъяснимыми факты и ситуации, находящиеся в рамках ее научного интереса. Поэтому сосуществование эволюционистов в биологии с анти-эволюционистами, каким был, например, известный профессор Любищев, является скорее нормой, чем парадоксальным исключением. В науке всегда были, есть и будут еретики, идущие против мейнстрима. Тем более мейнстрима, подогреваемого в 20-21 вв. государственно-идеологическими заказами. В 20 и 21 вв. служение науке может быть бескорыстным для части ее «слуг». Но для функционирования всей системы научного знания требуется гигантское финансирование состоятельных международных и государственных структур и органов. Такова реальность. Ученый либо принимает ее в своей стране, либо обретает аналогичную реальность на других континентах, в других странах и в других организациях. Но рано или поздно он встанет перед выбором: служить прогрессу человечества [4, с. 47-50] либо своекорыстным интересам отдельных правящих групп, монополизующих финансовое обеспечение системы научной деятельности и ее учреждений.

Религиозные структуры, функционирующие в общественных контекстах, также не могут не считаться с ними. часть из них занимает откровенные позиции поддержки человеконенавистнических проектов, разделяя «причастие буйвола», если воспользоваться метафорой Г. Бёлля. Другая мучается, релаксируя разнообразными способами.

Таким образом, современное положение исследователя не исключает его веры в научный прогресс и сохранения религиозной аргументации в мотивации личных ценностных выборов. Последние могут быть, как у А. Швейцера, благоговением перед жизнью или спасением человеческого в человеке, проявившимся в жизненном и творческом пути Л.Н. Толстого. Но ученый не может позволить себе быть слепым в выборе и предпочтениях, вытекающих из аксиологических систем. Его нравственный долг состоит в том, чтобы посильно сопротивляться антигуманным применениям научных достижений, всеми силами содействовать использованию их на благо своего народа, своей Родины и всех здоровых сил человеческого сообщества.

Список литературы

1. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах... [Электронный ресурс]. URL: [http://rousseau.rhga.ru/upload/iblock/846/2\)%20способствовало%20ли%20возрождение%20наук%20и%20искусств%20улучшению%20нравов.pdf](http://rousseau.rhga.ru/upload/iblock/846/2)%20способствовало%20ли%20возрождение%20наук%20и%20искусств%20улучшению%20нравов.pdf)
2. Карабыков А. Почему православные отвергают эволюционизм? // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2023. Т. 41, № 1. С. 240-268.
3. Ayala F.J. Science, evolution, and creationism // Proc Natl Acad Sci U S A. 2008. № 105(1). P. 3-4. DOI: 10.1073/pnas.0711608105.
4. Касавин И.Т. Наука и современный гуманизм // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 47-58.

ДУХОВНАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК НОВАЯ НИША РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Доржигушаева О. В.

Доцент
ВСГУТУ

E-mail: oyuna79@mail.ru

Аннотация. Буддизм с его неантропоцентрической позицией и вниманием к сложным взаимосвязям мира и живых существ не стоит в стороне от современных проблем экологии, предлагая различные способы их решения. Многие элементы буддийской философии сегодня осмысливаются духовенством с точки зрения потенциала для формирования и продвижения экологической этики. Экологическая риторика находится на стадии формирования и включает не только использование буддийской теории, но и адаптации к ней светских идей экологии.

Ключевые слова: духовная экология, экологическая этика буддизма, религия, современность, экологические ценности

Доклад подготовлен в рамках проекта РНФ 19-18-00412 «Экологическая этика буддизма».

SPIRITUAL ECOLOGY AS A NEW NICHE OF RELIGION IN THE MODERN WORLD SCIENCE AND RELIGION IN THE MODERN WORLD

Dorzhi gushaeva O. V.

Assistant professor
ESSUTM

E-mail: oyuna79@mail.ru

Abstract. Buddhism, with its non-anthropocentric position and attention to the complex interrelationships of the world and living beings, does not stand aside from modern environmental problems, offering various ways to solve them. Many elements of Buddhist philosophy are now understood by the clergy in terms of the potential for the formation and promotion of environmental ethics. Ecological rhetoric is at the stage of formation and includes not only the use of Buddhist theory, but also the adaptation of secular ideas of ecology to it.

Keywords: spiritual ecology, ecological ethics of Buddhism, religion, modernity, ecological values.

Экологическая этика, в том виде в котором она существует, являет собой некий симбиоз современных идей и традиционных ценностей. Она опирается на теорию систем и теорию устойчивого развития, что касается духовного наполнения, то тяготеет к духовным традициям, которые проповедовали идеи ненасилия, толерантности и уважения ко всему живому. Инвайронменталисты говорят, что позитивизм, утилитаризм и стремление к максимальному удовлетворению материальных потребностей привели нашу цивилизацию в тупик. Поэтому нужно пересмотреть духовный багаж

человечества и вновь вернуться к мировой мудрости основанной на понимании целостности мира и внутренней взаимосвязи всех существ. Современная экология заинтересована в поисках философских и нравственных парадигм, на основе которых будут разработаны основы гармоничных отношений между человеком и природой. Такие вызовы как высокая антропогенная нагрузка на биосферу, загрязнение окружающей среды, истощение ресурсов, вымирание видов растений и животных, эстетическая деградация природы и др. подводят общество к необходимости перестроить этику и питающую ее философию. Эти вызовы требуют объединения усилий Востока и Запада в формировании экологической этики. Это тем более важно для России в силу специфического географического положения, многонациональности и чрезвычайной остроты экологической ситуации. В докладе будет рассматриваться нравственный потенциал буддийской культуры для формирования экологического стереотипа поведения современного человека. Представлены основные понятия экологической этики буддизма, например, воплощение экологической ответственности человека – закон кармы, принцип ненасилия – ахимса, сострадание ко всем живым существам – бодхичитта и др. Буддизм с его неантропоцентрической позицией и вниманием к сложным взаимосвязям мира и живых существ не стоит в стороне от современных проблем экологии, предлагая различные способы их решения. Многие элементы буддийской философии сегодня осмысливаются духовенством с точки зрения потенциала для формирования и продвижения экологической этики. Экологическая риторика находится на стадии формирования и включает не только использование буддийской теории, но и адаптации к ней светских идей экологии.

Сейчас мы наблюдаем растущий эоактивизм как молодежный тренд, который упирается в то, что универсальные и понятные решения разнообразных экологических и этических задач еще не выработаны. Для современной молодежи быть экологичным – это быть эмансипированным человеком, придерживающимся осознанного потребления. 10 января 2021 года состоялся диалог Его Святейшества Далай-ламы с активистом по защите окружающей среды Гретой Тунберг и учеными Сьюзан Натали и Уильямом Мумо. Грета Тунберг начала свое выступление со слов благодарности. Она поблагодарила Его Святейшество за то, что он так стойко выступает за необходимость осознать проблемы окружающей среды и изменения климата. «Мы, молодые люди, хотим поблагодарить вас за то, что вы заступились за нас. Между нами может быть разница в возрасте, но нас объединяет общая цель – защитить планету».

Далай-лама в своих обращениях по поводу пандемии подчеркивает обеспокоенность экологическим состоянием земли, в частности в связи с колоссальными изменениями климата. В своем интервью журналу *The Guardian* в ноябре 2020 г, Далай-лама упомянул, что одним из вопросов первостепенной важности для него стали экологические проблемы. XVII Кармапа Орьян Тинлей прикладывает множество сил для продвижения в интернете созданного им экологического движения «Хорьюг». Российские общины не остаются в стороне: буддистская ассоциация «Арья Сангха» обратила внимание на экологические проблемы и организовала в феврале 2021 г. Международную онлайн-конференцию «Байкал – чистая чаша планеты». Если до пандемии благоприятные условия в мире позволяли сосредоточить внимание на расширении общин и распространении буддийских практик, то в условиях глобального кризиса вопросы выживания и развития экологического сознания стали приоритетной задачей мировых буддийских лидеров. Также мы хотели бы отметить, что использование интернет-пространства для распространения экологических ценностей на широкие слои общества становится достаточно перспективным и важным путем духовного развития. Мы наблюдаем, что проблемы экологии постепенно формируют платформу для диалога и обмена опытом, призывая к сотрудничеству не только разные буддийские общины, но и способствуя межрелигиозному сотрудничеству. Повышающаяся активность буддийских сообществ в сфере экологии, так или иначе формирует новые феномены, наделяя данную сферу интересом для дальнейшего научного наблюдения.

Движения нативизма и возрождение традиций коренных народов опираются на экологичность как достаточный аргумент. Их представители воспринимают эту тенденцию как возможность самовыражения и утверждения ценности традиционной системы знаний. Мы наблюдаем как формируется духовная экология (*Spiritual Ecology*) через консолидацию религии, охраны природы и науки, признающей существование духовного аспекта всех вопросов, связанных с сохранением и защитой окружающей среды. Адепты духовной экологии считают, что экология невозможна без духовной составляющей, что сейчас роль религии в современности заключается в том, чтобы через этические подходы прийти к решению экологических проблем.

СТАНОВЛЕНИЕ ДИАЛОГА НАУКИ И РЕЛИГИИ В РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII-XIX ВЕКОВ

Доценко А.А.

Аспирант

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: artyom.a.dotsenko@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию эксплицитного изображения отношения науки и религии в российской литературе XVIII - XIX веков из базы данных Национального корпуса русского языка. Эти отношения могли описываться в спектре от предельной противопоставленности до предельной неразличимости, тогда как в действительности отношения этих двух социальных субкультур предельно сложны, существенно отличаясь как от односторонних идеологических схем или материалов из интернета, сохраняя свое влияние и сегодня как элементы масштабной и корректной картины их взаимоотношений, требующей особенного внимания, где бывали как конфликты, так и высокая гармония. База данных «Национальный корпус русского языка» содержит 18 880 текстов (с 96 168 примерами) со словом «наука», 5102 текста (с 21 472 примерами) со словом «религия» и только 3 текста (с 7 примерами) со словосочетанием «наука о религии», начало анализа которых представлено в тексте.

Ключевые слова: религия, наука, литература, Российская империя.

THE FORMATION OF A DIALOGUE BETWEEN SCIENCE AND RELIGION IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH-19TH CENTURIES

Dotsenko A.A.

Postgraduate student

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: artyom.a.dotsenko@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the description of an explicit depiction of the relationship between science and religion in Russian literature of the 18th - 19th centuries from the database of the National Corpus of the Russian Language. These relations could be described on a spectrum from extreme opposition to extreme indistinguishability, while in reality the relations of these two social subcultures are extremely complex, differing significantly from one-sided ideological schemes or materials from the Internet, retaining their influence today as elements of a large-scale and correct picture of their relationships, requiring special attention, where there were both conflicts and high harmony. The National Russian Language Corpus database contains 18,880 texts (with 96,168 examples) with the word "science", 5102 texts (with 21,472 examples) with the word "religion" and only 3 texts (with 7 examples) with the phrase "science of religion", the beginning of the analysis of which is presented in the text.

Key words: religion, science, literature, Russian Empire.

В данной статье рассматривается новый этап исследования и описания эксплицитного наличия слов «наука» и «религия» в российской литературе XVIII - XIX веков, которые представлены в базе данных «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ) [1] и в других различных источниках. В современное время в средствах массовой информации, в интернет-ресурсах и на бытовом уровне слова «наука» и «религия» часто противопоставляются, как сообщает целый ряд сайтов, с энтузиазмом, заслуживающим лучшего применения, цитирующих слова Папы Римского Павла II, утверждавшего, что «Религия должна уничтожить науку, ибо наука - враг религии» [2]. Такие представления были распространены в период СССР, когда первое издание Большой советской энциклопедии убеждало (лексика оригинала сохранена), что религия – в самом своём существе – антинаучна, религия – враг науки, она – тормоз познания, она не содержит ни грамма истины, лишь отражая забитости и невежества человека [3, стлб. 567]. Иные печатные издания даже через 20 лет утверждали, что религия – это идеологическое оружие исключительно империалистов (Великович Л.Н. Религия –

идеологическое оружие империалистов, 1960), сходные идеи массово публиковались в нашей стране вплоть до 1988 года (до празднования 1000-летия Крещения Руси). Задача авторской аналитики в данной статье – показать, с опорой на данные НКРЯ и другие различные источники, что взаимоотношения двух этих социальных субкультур – значительно сложнее, если исходить не из односторонних идеологических схем, как в цитированном выше примере из интернета, сохраняющих своё влияние и сейчас, но из более масштабной картины их отношений, которая является более корректной, где бывали как конфликты, так и высокая гармония.

Так, обращаясь к цитате, приведённой выше, необходимым будет отметить, что упомянутый понтифик (Павел II – Paulus PP. II, 1417 - 1471), занимая папский престол с 1464 по 1471 годы, как сообщает Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, значимости гуманистического движения, по недостатку образования, не был в состоянии понять и, по случайным обстоятельствам, сделался единственным гонителем гуманистов среди пап, принадлежавших к Римской академии (Academia Romana, 1468 - 1527), так как именно их обвинили в участии в заговоре, при всём этом – академиком арестовали и подвергли пыткам и, хотя заговор не был доказан, их до смерти папы держали в тюрьме «за безбожие» [4, с. 547-549]. Иначе говоря, упомянутая цитата была вырвана из контекста борьбы группировок внутри самой Ecclesia Catholica Romana.

Лексико-грамматический поиск в этой базе данных (Основном корпусе, содержащем тексты с 1700 года) выявляет наличие в ней 18 880 текстов (с 96 168 примерами) со словом «наука», 5102 текста (с 21 472 примерами) со словом «религия» (на 10.01.2024) и только 3 текста (с 7 примерами) со словосочетанием «наука о религии», при этом из них на всё XVIII столетие приходится, соответственно, 515 («наука») и 27 («религия») изданий, т.е. около 2,7% и 0,5% из полного списка. Из них автор, в силу ограниченности объёма исследования, предельно кратко остановится лишь на первых пяти демонстративных текстах этого столетия, оставляя более подробный и обширный анализ для дальнейших публикаций. Согласно известным этимологическим исследованиям, знакомое всем кириллическое слово «религия» вошло в русский язык с 1705 года [5, с. 446]. Это слово не входило в соответствующий выпуск (22) «Словаря русского языка XI-XVII вв.», однако в некоторых текстах, написанных в пограничных землях, переходивших «из рук в руки» в ходе войн между «Corona Regni Poloniae» и «Московским государством Российского царства», слова «вѣра» и «релѣя» могли ещё с XVI века употребляться при переводах с латиницы на кириллицу как, например, в известном полемическом тексте «Апокрисис» [6, с. 69-70]. Слово «религия» («релѣя» и т.п.) с XVIII столетия постепенно проникает из лексикона придворных авторов в специализированные научно-литературные тексты, постепенно вытесняя древнее слово «вѣра», возникающее в первых кириллических текстах [7, с. 26-27]. Слово «наука» исторически формируется на основании лексемы «навык» («наукъ», «наоукъ»), встречающейся в древних кириллических текстах в целях описания формируемого Церковью «навыка страха Божия», позволяющего «всё преодолеть» («наук имати о гресех, наложи нань страх Божий, и муки вечные и преодолеешь всяко» – 1076), отмечая позднее труды иезуитов, которые «тщатся истину замать, но не истину сыскать» (1650) [8, с. 291, 292]. Автор уже касался этой темы ранее и описал по пять первых примеров использования слов «наука» и «религия» в российской литературе с начала XVIII века [9, с. 63-67].

XVIII век в рамках НКРЯ представлен, помимо 5 рассмотренных автором в прошлой статье, ещё 22 текстами, включающими в себя слово «религия», из которых, за ограниченностью объёма, в данном исследовании автор остановится только на пяти, избранных в качестве наиболее интересных и актуальных на сегодняшний день. Так, В. В. Тузов, офицер, о жизни которого известно крайне мало, упоминает трактат Д. К. Кантемира (1673-1723), написанный и опубликованный по просьбе Петра Великого, ставший первым исламоведческим изданием в стране (Систима или Состояние мухаммеданской религии. СПб., 1722). В нём впервые на русском языке в названии книги было использовано слово «религия». Там он сообщает, что Кантемир в системе своей о Магомеданской религии, благоразумно опровергая многие их волшебства, силою которых, верят они, что непонятные дела могут быть делаемы: превращение из человека в разные виды животных и в неодушевлённые вещи, насылание дождей, бурь и грома (НКРЯ, Василий Тузов. Поденьшина, или Ежедневныя изданія, 1769).

М. М. Херасков (1733-1807) сообщал, что Вольтер полагает начало своей «Генриаде» убиением Генриха III, а завершает обращением из одной религии Генриха IV в другую – но его прекрасные стихи делают всё обворожительным (НКРЯ, М. М. Херасков. Историческое предисловие ..., 1779).

Д. И. Фонвизин (Фон Визин, 1745-1792) поднимает тему, актуальную и сейчас, когда вся система современных ему философов заключается в том, чтобы все люди были добродетельны вне зависимости от религии: но они сами, которые ничему и ни во что не верят, доказывают ли собою жизнеспособность

своей системы? Истинно, нет никакой нужды входить с ними в разъяснения, почему они сочли религию недостойной быть достаточным обоснованием морально-нравственных человеческих действий и почему признание бытия Божия может помешать человеку быть добродетельным? Однако требуется лишь взглянуть на самих господ современных Фонвизину философов, чтоб увидеть, каковым является человек без религии, и потом заключить, насколько порочно было бы без неё всё человеческое общество (НКРЯ, Д. И. Фонвизин. Письма П. И. Панину..., 1778)!

А. Н. Радищев (1749-1802) отмечал, что обычные правила цензуры – это: вычёркивать, «марать, не позволять, драть, жечь» всё, что противоестественно религии и откровению, всё, что противостоит правлению, всякий человек, противный благонравию. Вероотступники более до этого момента в России делали вреда, нежели непризнаватели бытия Божия, атеисты, которые скандировали, что полезно для государства, чтобы сенат постановил истребить Писания, служащие доказательством христианского исповедания, которые опровергают важность древней религии (НКРЯ, А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву..., 1790).

Н. И. Новиков (1744-1818) отметил, в духе работ И. Канта, значимость религии не столько как традиции, сколько именно морального закона и добродетели, подчеркнув, что с наилучшими законами, с религией самой по себе, при самой цветущей кондиции наук и искусств государство состояло бы из весьма плохих граждан, если бы правительство пренебрегло этим единым предметом, на котором утверждается всё в любом государстве. Самое изрядное правоохранительное учреждение не делает своих служителей совестными, а судей неподкупными; сама религия не препятствует, чтобы недостойные служители превращали её иногда в покров гнусных пороков и злоупотребляли содействием вредным намерениям; изящнейшие законы благопристойности могут действовать слабо, если любовь к порядку, честность, искренность и подлинная любовь к Отечеству являются чуждыми для граждан добродетелями. Всё упирается в то, на что человек употребляет свою свободу воли – к худшему, низменному, или лучшему, возвышенному. Хотя религия, благочиние, законодательство, науки и искусства могут быть сделаны подсобными средствами и защитой нравов, но если нравы уже повреждены, то и они перестают быть добродетельными; стремительный поток развращения уничтожает эти защиты, обезображивает религию, лишает всякую полезную науку успеха, делает искусства рабами роскоши и безумия, а законы перестают иметь силу. Всё остальное делается удобным, когда воспитание достигнет той возможной степени совершенства; законы возымеют успех сами собой; религия, в величестве своём, будет исполнена простоты, пребывая тем, чем надлежало бы ей быть вечно, т. е. душой всякой добродетели; науки сделаются неиссякаемыми кладями действительных выгод для такого государства, которое в основу свою положило такую религию; а искусства украсят жизнь, облагородят чувственность (НКРЯ, О воспитании и наставлении детей... 1783).

Итак, подавляющее преобладание проблематики научного содержания в текстах базы НКРЯ за XVIII век постепенно дополнилось тематикой религиозного содержания в эпоху Просвещения и формирования первых различий в понимании задач этики, религии и науки.

Список литературы

1. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.12.2023).
2. Павел II «Религия должна уничтожить науку, ибо наука – враг религии» // LiveInternet.Ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.liveinternet.ru/community/twoe_mnenie/post335455035/ (дата обращения 20.12.2023).
3. Большая Советская Энциклопедия. Том 48: Рави – Роббиа. М.: Государственно-энциклопедическое издательство «Советская Энциклопедия», 1941, стлб. 567.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: т. XXIIа: Оуэн – Патент о поединках, СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1897. С. 547-549.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 446 с.
6. *Аринин Е.И.* Религия как «релея»: между политикой, поэтикой и логикой (XIV-XVIII вв.) // Религиоведение. 2017. №3. С. 69-70.
7. *Аринин Е.И.* Религия, философия религии и «глокальное религиоведение»: между «экзотикой», «совестью» и «профессионализмом» (к дискуссиям на Конгрессах российских исследователей религии) // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 26-27.
8. Наука // Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М.: Наука, 1983. С. 291, 292.

НАУКА И РЕЛИГИЯ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ СЬЮЗЕН ЛАНГЕР

Зубковская А. А.

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН
E-mail: zubkovskaya@inion.ru*

Аннотация. В докладе рассматривается интерпретация науки и религии в символической философии американской мыслительницы прошлого века Сюзен К. Лангер. Утверждается, что природа научной деятельности и религиозного опыта лежит в области символического творчества, которое, в свою очередь является естественной человеческой потребностью, равно как и другие биологические и психологические потребности человека. Воспроизводство символов объединяет науку и религию как формы конструирования окружающего мира, однако разница между ними коренится в способе этого конструирования: если наука обладает дискурсивными средствами, то религиозная символика более близка к художественной форме. Символическое мышление играет эволюционную роль и вкупе с языковыми способностями человека может открыть новые перспективы в области сравнительной эпистемологии естественного и искусственного интеллекта, а также между человеком и остальными животными.

Ключевые слова: наука и религия, символизм, Сюзен Лангер, Терренс Дикон, воображение, язык.

SCIENCE AND RELIGION IN SYMBOLIC PHILOSOPHY OF SUSANNE K. LANGER

Zubkovskaya A. A.

*CSc in Philosophy, Research Fellow
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: zubkovskaya@inion.ru*

Abstract. The paper examines the interpretation of science and religion in the symbolic philosophy of the American thinker of the last century, Susan K. Langer. It is argued that the nature of scientific activity and religious experience lies in the field of symbolic creativity, which is a natural human need, as well as other biological and psychological human needs. The reproduction of symbols unites science and religion as forms of constructing the world around, but the difference between them is rooted in the way of this construction: if science has discursive means, then religious symbolism is closer to the artistic form. Symbolic cognition plays an evolutionary role and, coupled with human linguistic abilities, can open up new perspectives in the field of comparative epistemology of natural and artificial intelligence, as well as between humans and other animals.

Key words: science and religion, symbolism, Susanne K. Langer, Terrence Deacon, imagination, language.

«Ум человека всегда плодотворен,
как земля, вечно создавая
и отказываясь от сотворенного»
(Сьюзен Лангер)

«Nihil est in homine quod
non prius in amoeba erat»

Американская мыслительница Сьюзен К. Лангер (1895-1985) известна, прежде всего, своей фундаментальной работой по символической философии «Философия в новом ключе. Исследования по символике разума, ритуала и искусства» (1942). Этот труд является пролегоменами к теории искусства Лангер, которую она представила позднее в книге «Чувство и форма» (1953).

Центральная идея философии Лангер состоит в тотальной репрезентации человеческой деятельности как символической, точнее – продуктивной работы символического мышления. «Именно способность применять символы – способность речи – делает его [человека – *примеч. А.З.*] господином на земле» [1, с. 28].

Анализируя человека как символическое животное, ставшее благодаря своей языковой деятельности «хозяином Земли», Лангер конечно не имеет претензию на переворот в гуманитарной науке ее времени. Она отмечает, что можно составить бесконечный список литературы по символизму, и делает довольно много отсылок к философам, психологам и гуманитарным исследователям XIX – начала XX века. Надо сказать, что прошлое столетие, в целом, было ознаменовано подъемом семиотических исследований, и это привело, главным образом, к когнитивной научной революции и разнообразным поворотам в интеллектуальной культуре уже нашего времени. Однако, на мой взгляд, разработки символического в философском творчестве Лангер, имеют большое значение для комплексного анализа природы религиозного и научного человеческого *опыта* (одно из ключевых понятий в теории Лангер), а также позволяют связать идеи Лангер с некоторыми современными теориями человеческой природы и окружающей среды.

Символ, объясняет Лангер, является «знаком-заменителем». Он используется человеком для того, чтобы не просто отсылать к наличию какого-то явления или предмета, а *представлять* его. «Развитие языка – это история постепенного накопления и разработки вербальных символов». [1, с. 32]. В определенном смысле язык является границей (threshold) в биологической и культурной эволюции человека. Антрополог Терренс Дикон называет эту границу символической (symbolic threshold), связывая ее с эволюцией человеческого мозга [2, с. 79], и использует неологизм homo symbolicus, чтобы показать уникальное положение символизма в эволюционной истории. Он пишет, что такой эволюционный поворот случился, когда возникла символическая референция, которая означает ссылку от одного слова к другому, то есть в некотором смысле их индексацию [2, с. 74]. А само возникновение человеческого разума он уводит куда-то еще дальше и глубже в заросли «ограничения материального», что само по себе является парадоксом [3, с. 291].

Вербально-символический инструментарий создает определенную форму для репрезентации окружающего мира. Здесь можно не только указать на связь языка и мышления, но и добавить третий элемент – окружающую реальность, или, другими словами – экологическую нишу, которая конструируется актором символического мышления. Сьюзен Лангер пишет, что из-за этой символотворческой функции человека его мир отличается от мира животных. Так, «кошачий мир не искажается верованиями и поэтическими выдумками, которые создает язык, его поведение не теряет своего равновесия из-за бессмысленных церемоний и жертв, характерных для религии, искусства и других причуд фразерствующего ума» [1, с. 36]. К этому можно добавить то, как Терренс Дикон представляет язык как паразита, захватившего мозг [4, с. 425].

Однако, что в этом смысле можно сказать о науке, претендующей на безошибочное установление причинно-следственных связей (по крайней мере, науке в классическом ее состоянии)? Научная деятельность и конструирование научной картины мира в целом, также имеет в основании символическое мышление человека. Так, обращаясь к проблеме детерминизма, Лангер пишет, ссылаясь на А.Н. Уайтхеда и Б. Рассела, что тотальность окружающей реальности – это нелегитимная тотальность (illegitimate totality) по той причине, что человек в силу ограниченности своих способностей не имеет доступа ко всему окружающему миру сразу [5, с. 476]. К слову, эту же мысль развивал Иммануил Кант в «Критике чистого разума».

Итак, человек не в силах охватить мир целиком, но в силах представить его, что становится возможным благодаря его символическому мышлению. Как и религиозное, так и научное

воспроизведение реальности оказывается глубоко символическим по своей природе – это форма, в которую заключено представление человека о мире, порожденная его языковой деятельностью. Более того, это представление является не чем иным, как опытом, набором чувственных данных.

В этом плане само осмысление детерминизма и индетерминистическая, сентиментальная – по выражению С. Лангер – борьба против него становится возможной, потому что разум человека оказывается способным представить себе понятие свободы и, выражаясь словами Канта, вообразить возможный опыт. Здесь можно пояснить, что религиозный опыт в прямом смысле является *опытом*, несмотря на то, что взаимодействие в этом опыте происходит не всегда *эмпирическим* способом. Наука же вовсе апеллирует к эмпирическим данным как к фундаментальному элементу структуры научного знания, а «наши чувственные данные» - пишет Лангер, «являются, прежде всего, символами» [1, с. 24]. Их конструирует наш ум, реагируя на естественные человеческие потребности и «незоологические устремления» [1, с. 40]. «Такой базовой потребностью, которая, несомненно, имеется только у человека, выступает потребность в символизации. Символотворческая функция – одна из первичных в человеческой деятельности подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению» [1, с. 41].

Таким образом, наука и религиозный опыт объединяются на основе символотворческой деятельности ума, хоть и имеют очевидные различия между собой. Иными словами, и научная деятельность, и религиозные верования, и ритуалы могут пониматься как в определенном смысле естественные для *homo symbolicus*. Этот тезис ставит конкретные исследовательские и философские задачи в области эпистемологии научного знания и понимания сущности науки, с одной стороны, а также для когнитивного истолкования природы религиозных феноменов – с другой.

Кроме того, такое положение может быть исследовано с учетом аргументов против естественности научного знания когнитивного исследователя Роберта Н. МакКоля [6]. Он считает, что религия и наука в их социально-культурной конфронтации могут быть интерпретированы в терминах интуиции, то есть религия естественна для человека, потому что ее содержание интуитивно, тогда как религия требует много усилий, работы и специального научения. Натурализм Сьюзен Лангер позволяет развить эту точку зрения и, вероятно, пересмотреть ее [7].

Дело в том, что когнитивное символическое творчество в науке, в религии, в искусстве обуславливает существование абстракций. Сьюзен Лангер раскрывает этот термин через понятие «формы» [8]. С ее точки зрения, слово «форма» используется в математике, логике и науке в целом, равно как и в искусстве, однако, конструирование абстракций, скажем, в математике и в искусстве имеет разницу: «художественная интуиция похожа на протологический опыт» [8, 174], тогда как математическая интуиция дискурсивна. «Вот почему художественную форму правильнее называть «органической», а дискурсивную – «систематической», также вот почему дискурсивный символизм уместен в науке, а художественный символизм – в концепции и выражении жизненного (*vital*) опыта» [8, 175]. Религиозная форма, на мой взгляд, близка к художественной форме, а не дискурсивной. Наука и религия, с этой точки зрения, имеют разные подходы к символотворчеству, хоть и объединены единой когнитивной механикой.

В заключение отмечу следующие выводы:

Во-первых, наука и религия в философии Сьюзен Лангер выступают как символические формы, природа которых обусловлена символотворческой функцией человеческого мышления. Несмотря на то, что в таком понимании вероятно нельзя отыскать революционную для современного гуманитарного знания новизну, оптика Сьюзен Лангер комплементарна современному натуралистическому взгляду на природу религиозного опыта и научной деятельности в сравнительной перспективе человеческих и нечеловеческих животных.

Во-вторых, символическая функция человеческого мышления выражает себя в религиозной и научной деятельности, создает форму для представления об окружающей действительности, которое, в свою очередь, определяется как человеческий опыт. В этом отношении религиозный опыт, например, коммуникации со сверхъестественными существами, является реальным для того, кто осуществляет такую коммуникацию, поскольку в этот момент он оформляет свой опыт при помощи определенного символического инструментария.

В-третьих, научная и религиозная деятельность человека имеют в своей структуре воображение как когнитивную способность *представлять*. Воображение можно отнести к эволюционным драйверам человека, поскольку оно позволяет выстроить целостную картину мира и выбирать сценарии поведения в соответствии с ней.

В-четвертых, различие и социокультурная конфронтация науки и религии в рамках философии Сьюзен Лангер объясняется разницей подходов к символическому воспроизведению. Можно предположить, что религия, как и искусство, обладает потенциалом создания художественной формы,

тогда как наука - дискурсивной. В этом отношении наука и религия составляют два разных символических, но с когнитивной точки зрения естественных подхода к осмыслению окружающей реальности.

Список литературы

1. Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала, искусство. М.: Республика, 2000. 287 с.
2. Deacon T.W. The Symbolic Species. The Co-evolution of Language and the Brain. New York: W.W. Norton&Company, inc, 1997. 527 p.
3. Logan R. Review and précis of Terrence Deacon's incomplete nature: How mind emerged from matter // Information. 2012. Vol. 3, N 3. P. 290-306.
4. Бурлак С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 609 с.
5. Langer S.K. On a Fallacy in Scientific Fatalism // International Journal of Ethics. 1936. Vol.46, N 4. P. 473-483.
6. McCauley R.N. Why Religion is Natural and Science is Not. Oxford: Oxford University Press, 2013. 354 p.
7. Langer S.K. The Great Shift: From Instinct to Intuition // Man and Beast: Comparative Social Behavior, Smithsonian Annual III / ed. By J.F. Eisenberg, W.S. Dillon. City of Washington: Smithsonian Institution Press, 1971. P. 315-332.
8. Langer S.K. Abstraction in Science and Abstraction in Art // Structure, Method and Meaning: Essays in Honor of Henry M. Sheffer / ed. By Paul Henle, Horace M. Kallen, Susanne K. Langer. New York: Liberal Arts Press, 1951. P. 171-182.

КОНЦЕПТ «ЧУДО» В ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОЛОГИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Лютаева М.С.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: liutaeva@yandex.ru*

Аннотация. Предметом данного исследования выступает концепт «чудо», являющийся одним из ключевых в религиозных традициях мира. В связи с тем, что лексема «чудо» содержит в себе оценочный элемент, ее рассмотрение должно учитывать мировоззренческие основания, с одной стороны для понимания феномена, который маркируется, с другой, для корректного применения в академическом религиоведении. В фокусе статьи – понимание чуда в христианской философской теологии, начиная с ранних основоположений, предложенных Аврелием Августинем, до современных формулировок, ориентирующихся не только на догматику, но и учитывающих аргументы и критику представителей естественной науки.

Ключевые слова: чудо, теологическая философия, христианская философия, теизм.

THE CONCEPT OF "MIRACLE" IN CHRISTIAN PHILOSOPHICAL THEOLOGY: DEFINITIONS AND CURRENT APPROACHES

Lyutaeva M.S.

*CSc of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: liutaeva@yandex.ru*

Abstract. The subject of this study is the concept of "miracle", which is one of the key concepts in the religious traditions of the world. Due to the fact that the lexeme "miracle" contains an evaluative element, its consideration should take into account worldview conditions, on the

one hand, for understanding the phenomenon that it marks, on the other, for correct application in academic religious studies. The article focuses on understanding the miracle in Christian philosophical theology, starting from the early principles proposed by Aurelius Augustine, to modern formulations that focus not only on dogmatics, but also take into account the arguments and criticism of representatives of natural science.

Keywords: miracle, theological philosophy, Christian philosophy, theism.

Концепт «чудо» является одним из ключевых в сфере философской рефлексии о религии: он фигурирует в специальных словарях и энциклопедиях, становится предметом научных дискуссий. В качестве лексемы обиходного языка «чудо» определяется в словаре В.И. Даля как «всякое явление, кое мы не умеем объяснить, по известным нам законам природы» [7, с. 594], в «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова это «явление, противоречащее законам природы и не объяснимое ими, но возможное вследствие вмешательства потусторонней силы» [13], а в «Большом универсальном словаре русского языка» – «сверхъестественное, непостижимое явление, событие, нарушающее известные человеку законы природы и противоречащее имеющемуся у него опытному знанию» [12]. Однако, как отмечает С. Никитина, «чудо» является «оценочным словом: в нем выражена эмоционально-интеллектуальная оценка события, явления» [10, с. 59]. В этой связи возникают вопросы не только определения семантики данного концепта, но и учет мировоззренческих оснований его корректного в академическом смысле применения. Феномен чуда является общечеловеческим и внеконфессиональным, однако его дефиниции, описания и интерпретации различаются в культурных и временных контекстах, всегда обозначая нечто, вызывающее удивление и потрясение, порой коннотируя с религиозными поисками человеком своего места в мироздании. С развитием научно-технического прогресса, инициированного учеными Нового времени, проблема апологии чуда с позиции теизма становится все более острой, т.к. именно чудо оказывается объектом критики как невежество и суеверие в рамках естественной картины мира.

Уже в ранних христианских теологических текстах чудо становится предметом рефлексии, дифференцируется от удивительного и необычного, не связанного с религиозным смыслом. Аврелий Августин в обширном труде «О граде Божием» (кн. XXII, гл. VIII) пишет, что чудеса, представленные в канонических текстах Священного Писания, были необходимы для обращения в христианство, принятия Евангелия, т.е. веры в главное чудо Воскресения Христа. Августин оппонирует заявлению об отсутствии чудес в его время, приводит примеры исцелений и изгнаний демонов [3], настаивает на необходимости фиксации современных ему чудес, чтобы сохранились свидетельства божественной силы и промысла. Позднее, концепция чуда, сформулированная Августином, была дополнена и уточнена Св. Фомой Аквинским и стала образцом классической спекулятивной теологии [1]. Согласно Св. Фоме, чудо превосходит силы и ожидания всей тварной природы субстанциально, субъективно и качественно, оно трансцендентно и может быть произведено только божественным всемогуществом [1]. В XVIII в концепция чуда была скорректирована папой Бенедиктом XIV. В качестве чудесных феноменов в нее были включены *miracula relative / miracula minora* (чудеса относительные/ второстепенные), т.е. чудеса ангелов, а также необъяснимые с точки зрения материальной и видимой природы деяния христианских святых при жизни и после смерти [1].

Новая католическая энциклопедия так формулирует определение чуда: «это экстраординарное событие, воспринимаемое органами чувств, произведенное Богом в религиозном контексте как знак сверхъестественного» [2, р. 664]. В «Катехизисе» католической церкви (п.156) вопрос чуда актуализируется в рамках раздела о вере и разуме, при этом акцентируется значимость чудес для помощи укрепления в вере через чувственно-воспринимаемое «внешнее доказательство откровения» [8].

Англичанские теологи К. Льюис (Clive Staples Lewis, 1898-1963), Р. Суинберн (Richard Swinburne, род.1934) выступают с рационалистической апологетикой чуда, оппонируя юмовской критике, которая по настоящее время является наиболее сильным контраргументом чудесного и отправной точкой большинства философских рефлексий в этом вопросе. К. Льюис в работе «Чудо» (*Miracles: A Preliminary Study*, 1947) определяет его как «вмешательство в природу внеприродной, т. е. сверхъестественной, силы» [9, с. 11], и ставит концепт в центр всей работы обосновывая несостоятельность сциентистского атеистического мировоззрения («природоверия»), доказывает божественность разума и мышления. Согласно английскому теологу, причиной чуда является Бог. Это означает, что «сама природа не может породить чудес», и, хотя последствия чудесного события идут по законам природы, но «‘назад во времени’ оно с ней не связано» [9, с. 67-68]. Р. Суинберн

в работе «Понятие чуда» (The Concept of Miracle, 1971 г.) защищает чудо, основываясь на принципах эвиденциализма, аргументирует возможность нарушения законов природы деятельностью Бога [5].

В православном дискурсе на рубеже XIX-XX вв. также актуализируется проблема апологии христианского чуда. Русский православный проповедник архимандрит Никифор (А.М. Бажанов, 1835-1895) в обширном труде «Иллюстрированная полная популярная Библейская Энциклопедия» (1891-1892) пишет, что «чудеса суть дела, которые не могут быть сделаны ни силою, ни искусством человеческим, но только всемогущею силою Божиею» [11], а их отрицание в рамках материалистического, деистического, пантеистического мировоззрений отождествляется им с упразднением полноты Божественного откровения. Перечисленным подходам противопоставляется теизм, отстаивающий идею трансцендентного Творца мира, всемогущего, премудрого, благого, заботящегося о мире и действующего в нем сверхъестественным способом, что и воспринимается нами как чудеса. Архимандрит Никифор подтверждает наличие чудес современных - это примеры исцелений, нетленные мощи, чудотворные иконы, действенность просьб «избранников Божиих», призывая к укреплению веры посредством горячей и усердной молитвы, которая и есть «главнейшее условие для получения чудесной помощи Божией» [11]. Обоснованию возможности чуда посвящен раздел статьи «Чудо» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1903). Автор статьи С. Алексеев отвечает на вызов теоретиков материалистического детерминизма, что чудом «мыслится лишь преодоление естественных сил и законов в конкретных, единичных случаях, а вовсе не упразднение их в целом мире. ... мы вовсе не должны видеть в Боге нарушителя законов мироздания вообще, но лишь источник совершенно своеобразного причинного воздействия, преодолевающего силу и природу конечных и элементарных причин» [4]. На критику чуда с точки зрения автономности морали, инициированную И. Кантом и продолженную философами-рационалистами, предлагается утверждение, что «религия есть целое мировоззрение», ядром которого «является не мораль, а чисто онтологические идеи о сущности мира и об отношении его к Богу» [4].

Протоиерей О. Давыденков в работе «Догматическое богословие» (2013) рассуждает о чуде в рамках раздела «О Боге в отношении Его к миру и человеку». «Чудеса — это действия или события, имеющие истинную причину вне естественных сил и законов природы, в сверхъестественном действии Божиим» [6, с. 236]. В качестве обязательного требования они имеют религиозную цель, выступают в качестве особых «инструментов» Сверхъестественного Промысла и подразделяются на силы (акцентируется деятельностный аспект, проявление силы Бога) и знамения (подчеркивается духовно-нравственный аспект, учительное значение) [6, 236].

В заключении необходимо отметить актуальность концепта чуда в христианской философской теологии. Согласимся с С.Н. Астаповым, что «поставить под сомнение факт чуда означает для обладателей религиозного сознания поставить под сомнение и божественное управление миром, и всемогущество Бога» [5, с. 122]. Данный концепт оказывается связан со всей системой христианства, объединяя Откровение, Предание, догматические установления, повседневные практики и личный религиозный опыт. Вопрос чуда остается «живым» для верующих, в т.ч. связывая евангельские времена с современностью. Необходимо отметить, что трактовка чуда в теизме всегда имеет религиозную цель, и никогда чудо не воспринимается как самостоятельное самоценное событие (наоборот, христианская церковь предупреждает от прельщения удивительным, необычным, которое исходит не от Бога). Также христианские теологи не видят противоречия концепции чуда естественнонаучному знанию, т.к. в рамках теистического мировоззрения мир – это Божественное творение, и он чудотворен уже в своем генезисе. Маркирование события как противоречащего естественным причинам относится не к самой реальности, но к феноменальному миру, данному в опыте, и имеющимся о нем знаниям, но сама реальность, что отмечал еще И. Кант, который также не отрицал возможность чудес, непознаваема.

Список литературы

1. *Hardon J. A.* The Concept of Miracle from St. Augustine to Modern Apologetics. [Электронный ресурс]. URL: http://www.therealpresence.org/archives/Miracles/Miracles_003.htm (дата обращения 21.01.24).
2. *Pater T.G.* Miracles (theology of) // *New Catholic Encyclopedia*, vol.9. Marthaler B. (ed.). Washington, D.C. 2003. P. 664-670.
3. *Аврелий Августин.* О граде Божиим. кн. XX. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/22 (дата обращения 21.01.24).

4. *Алексеев С.* Чудо // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Чудо> (дата обращения 21.01.24).
5. *Астапов С.Н.* Достоверность чуда: трудности эвиденциалистского подхода // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 121–130.
6. *Давыденков О., прот.* Догматическое богословие: Учебное пособие. М., 2017. 624 с.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4: Р – Я. М., 2006. 672 с.
8. Катехизис Католической Церкви. [Электронный ресурс]. URL: <http://ccconline.ru/?ysclid=lrrml813n5945095064> (дата обращения 21.01.24).
9. *Льюис К. С.* Чудо. М., 2019. 384 с.
10. *Никитина С.* О «чуде» в народных религиозных текстах // Концепт «чуда» в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. Отв. ред. О.В. Белова. М., 2001. С. 59-73.
11. *Никифор (Бажанов), архимандрит.* Чудо, чудеса. // Библейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/4394> (дата обращения 21.01.24).
12. Чудо // Большой универсальный словарь русского языка. Сост. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. М., 2022. [Электронный ресурс]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=чудо&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=чудо&mode=slovari&dicts[]=48) (дата обращений 21.01.24).
13. Чудо // Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=85571> (дата обращений 21.01.24).

ТЕРМИН «СЕКТА» В ТЕКСТАХ XVIII-XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Маркова Н.М.

*Кандидат философских наук, доцент
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: natmarkova@list.ru*

Аннотация. Кириллический термин «секта», получивший распространение с XVIII века, исторически менял свои денотаты и коннотаты, что наглядно фиксируется в материалах Национального корпуса русского языка. Денотатом этого слова могло быть как само христианство (Назорейская ересь/секта», Ναζωραίων αίρέσεως, sectae Nazarenorum, Деян 24:5), так и различные отдельные сообщества приверженцев («братства»), которые исторически в полемических текстах могли признаваться как уважаемые «вероисповедания» («закон», «толки», «согласия» и т.п.), так и девиантные «беззаконные сборища сектантов», враги «науки и коммунистического завтра» в советских определениях.

Ключевые слова: религия, вера, секта, религиозное объединение.

THE TERM “SECT” IN TEXTS OF THE 18TH-20TH CENTURIES (BASED ON MATERIALS FROM THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Markova N.M.

*CSc of Philosophy, Associate Professor
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: natmarkova@list.ru*

Abstract. The Cyrillic term “sect”, which has become widespread since the 18th century, has historically changed its denotations and connotations, which is clearly recorded in the materials of the National Corpus of the Russian Language. The denotation of this word could be both Christianity itself (Nazarene heresy/sect, Ναζωραίων αίρέσεως, sectae Nazarenorum, Acts 24:5), and various separate communities of adherents (“brotherhoods”), which historically in

polemical texts could be recognized as respected "creeds" ("law", "talk", "consensus", etc.), and deviant "lawless gatherings of sectarians", enemies of "science and the communist tomorrow" in Soviet definitions.

Key words: religion, faith, sect, religious association.

Современные СМИ, особенно интернет, наполнены множеством материалов, включая видеоролики и целые программы, о т.н. «сектах», оценка которых варьирует от позитивной апологетики энтузиастов до нейтральных описаний или, и гораздо чаще, скандальных сообщений криминального характера, носящих нарочито пугающий характер, как, к примеру, заголовки на популярной платформе «Дзен.Ру» под названием «Секты: как они устроены, кто становится их жертвами?» [1]. Запрос (на 10.01.2024) в поисковой системе «Google» выдает 5 190 000 текстов, а «Яндекс» фиксирует более 200 000 запросов в месяц. На этом фоне достаточно объективно этот феномен представляет Википедия (русскоязычная версия), при этом другие версии тоже интересны. В целом, как свидетельствует академическое издание «Словарь русского языка XI–XVII вв.», кириллическая лексема «секта» не встречается до XVIII века, но показательным в этом издании на соответствующей странице является слово «секраментъ», определяемое как «католическое причастие», и сообщение, что в 1624 году некий человек «вѣру держал нѣметцкую, у пастора нѣметцкого исповѣдывался и сакраментъимал» [2, с. 39]. Тем самым, в XVII столетии фиксируются первые этноконфессионалы («вѣра нѣметцкая», «вѣра латынская», «вѣра греческая», «вѣра русская» и т.п. при общем еще тогда понимании, что все они «христиане»).

Фундаментальное этимологическое издание М. Фасмера (Max Julius Friedrich Vasmer, М.Р. Фасмер, 1886 - 1962) отмечает, что кириллическое слово «секта» фиксируется в текстах с начала эпохи Петра Великого, восходя к латинскому *secta*, т.е. «отколовшаяся часть религиозной общины» [3, с. 593]. Собственно говоря, уже в Библии говорилось о «Назорейской ереси/секте» (*Ναζωραίων αίρέσεως*, *sectae Nazarenorum*, Деян 24:5), как именовали последователей «Назарянина» («Назорянина») их оппоненты. Таким образом, уже в самих истоках своего лингвистического бытия слово «secta/секта» своим денотатом имело особую социальную группу (сообщество единомышленников) со специфичным (философским, теологическим) учением и нормативными практиками («секта Пифагора» и т.п.), которое могло приобретать целый спектр коннотаций от восторженного его восприятия как «высшей истины» до предельного враждебного отрицания как «безумной лжи».

Собственно такая трансформация значений проявилась в 1702 году, когда юный монарх выпустил манифест, где отмечалось, что «понеже здесь в Столице Нашей уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя с Нашею Церковию не согласных Христианских сект; того ради и иное сим вновь подтверждается, таким образом, что Мы по дарованной Нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому Христианину на его ответственность печись о блаженстве души своей. И так Мы крепко того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и частном отправлении богослужения обеспокоен не был, но при оном содержан и противу всякого помешательства защищен был. Буде же случится, что в каком-либо месте Нашего Государства или при наших армиях и гарнизонах не будет настоящего духовного чину проповедника или церкви то каждому позволено будет не токмо в доме своем, самому и с домашними своими, службу Господу Богу совершать, но и принимать к себе тех, которые пожелают у него собираться для того, чтобы по предписанию всеобщего постановления Христианских церквей, единогласно восхвалять Бога и таким образом отправлять богослужение» [4, с. 192-195]. Таким образом, с одной стороны, «Наша Церковь» противопоставляется «не согласным с нею Христианским сектам», тогда как, с другой, высшая власть, в духе признания решений Вестфальского мира (1648), утверждала, что «совести человеческой приневоливать не желаем», а сами т.н. «Христианские секты» позднее в правовых документах стали более корректно именоваться «исповеданиями», фиксируясь в базе текстов лингвистического академического ресурса «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ), как, к примеру, один из первых примеров – «римского исповедания» (НКРЯ, А. М. Макаров ...ГисторияСвейской войны ...1721) или «вѣроисповеданиями» (НКРЯ, [Елизавета Петровна]. Указ Именной 2 декабря 1742 года. О высылке как из Великороссийских, так и из Малороссийских городов, сел и деревень, всех Жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру Греческого вероисповедания, 1742). Такое изменение лексики отражало признание элитами различия между сообществами, возникшими в истории и признанные «государственными исповеданиями» европейских держав («вѣра как закон»), с одной стороны, к которым юридически утверждалось уважение их прав, и, с другой,

множества «сект/релей», т.е. небольших, спонтанно возникающих в эпоху Реформации, братств, подобно описанной дипломатом Петра Великого князем Б.И. Куракиным (1676-1727) ситуация в Англии, где «всѣ подѣ именемъ реформиты реліи, только же есть въ нихъ между реформиты раздѣленіе и другъ другу противные. Первые называются бышкуплике, другіе конформисты, а въ провинціи Шкотлантской и тѣмъ обеимъ противны, которые называются нонъ конформисты, другіе называются дезентеіръштъ; и такъ есть въ Англіи четыре реліи (религіи) розныхъ» [5, с. 145].

Возвращаясь к базе данных НКРЯ, отметим, слово «секта» представлено 1306 текстами (и 3459 примерами), фиксируясь с 1757 года, при этом дополнительно присутствует 1 случай со словом «сѣкта» (НКРЯ, В. Ф. Зуев. Путешественныя записки Василья Зуева отъ С. Петербурга до Херсона..., 1787). Еще 624 текста (и 1248 примеров) содержат слово «сектант» (с производными), начиная с 1846 года, когда автор, князь А.Д. Салтыков (1806-1859), дипломат и путешественник, написал об Индии, что «индийцы самые страшные сектанты, каких только можно представить себе; они способны сломать дом, если ночевал в нем человек, не принадлежащий к их касте» (НКРЯ, А. Д. Салтыков. Письма из Индии, 1846). Дополнительно можно отметить, что 290 текстов и 462 примера их НКРЯ представляют слово «сектантский» (с производными), начиная со второй половины XIX века, когда епископ Игнатий (в миру Д.А. Брянчанинов, 1807-1867) писал, что «согрешил: немилосердием, презрением и осуждением нищих; хождением в храм Божий без страха и благоговения, уклоняясь в ересь и сектантское учение» (НКРЯ, епископ Игнатий (Брянчанинов). В помощь кающимся...1860). Все эти примеры еще ждут своего детального исследования и истолкования, хотя в целом понятно, что негативное отношение к этим феноменам оформилось отечественных изданиях не столько в XVIII, где это слово и его производные имели денотатом различные «школы» (философов), «направления» (политические) и т.п., тогда как в XIX столетии преимущественно начав обозначать т.н. «религиозных отщепенцев», получив свое новое содержание, как ни парадоксально, в период СССР, где «сектанты» выступили как «фанатики», оцениваясь как явные или скрытые «враги советской власти».

Интересную и обстоятельную статью содержал Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, в которой Б.М. Мелиоранский (1870 – 1906) писал, что «сектой называется организованное общество людей, разномыслящих с господствующей церковью, но согласных друг с другом в религиозном отношении. Между сектой и ересью та разница, что вторым словом обозначается не столько совокупность лиц, следующих известному учению, сколько содержание самого учения; поэтому можно сказать: «Секта ариан состояла из таких-то лиц» и «Секта ариан учила, что Сын Божий сотворен», и, с другой стороны: «Ересь ариан состояла в признании Сына Божия творью», «Ереси арианской следовали или держались такие-то лица». Между сектой и вероисповеданием (в случае, если последним словом обозначается не учение, а сама его содержащая церковь) резкой разницы нет; секта есть вероисповедание, которому следует сравнительно небольшое число лиц, и притом такое, которое с точки зрения большинства считается ложным или вредным. Секты в Европе часто добивались признания за ними права зваться церквами, или вероисповеданиями. На официальном языке, в эпохи религиозной борьбы одна и та же община зовется то сектой, то церковью, или исповеданием, смотря по отношению к ней правительства. Вышеуказанное разграничение терминов установилось, и то не совсем прочно, лишь в новое время (после реформации), и отсюда перенесено на древнейшие эпохи, когда слова *secta* и *αἵρεσις* употреблялись вполне как синонимы. Это же обстоятельство придало слову *secta* еще один побочный оттенок, сравнительно с понятием и словом *ересь*. Дело в том, что главнейшие ереси периода с I по VII вв. начинались не с отрицания церковного учения и авторитета, а с попыток выяснить и сформулировать какой-либо пункт учения, не отлившийся еще в твердую догматическую формулу; инициаторы этих ересей не сознавали себя в оппозиции с непрерывным церковным преданием, а напротив, считали себя выразителями и продолжателями его. Подвергшись соборному суду и осуждению, они и их последователи или подчинялись этому суду, или разрывали общение с церковью и начинали свою особую религиозную жизнь. При этом, поставив уже в одном пункте учения свою мысль выше мысли церковной, они чем дальше, тем смелее отрешались от церковного авторитета, как в развитии своего только что осужденного, догмата, так затем и в других пунктах, которые давно уже были твердо сформулированы церковью, так что в оппозиционном отношении их мнений относительно церковного учения ни у них, ни у церковных христиан уже не могло оставаться никаких сомнений. Между тем, своеобразные религиозные мыслители более поздних времен, особенно, начиная с реформации, имели дело уже с подробно развитым, сформулированным и надлежаще авторизованным церковным учением, и касались они по большей части этого учения в его целом или в самих его основах, а не в частном каком-либо пункте; таким образом они оказывались по отношению к нему прямо в таком положении, в какое древние ереси приходили лишь в указанной второй своей стадии. Поэтому и слово "секта", применяемое

преимущественно к разномыслящим с церковью общинам средних веков и еще более новых времен, к древним ересям может всего удобнее применяться именно на второй ступени их развития — то есть, к тем толкам, на которые они дробились уже по выделении из церкви. Так, напр., редко говорят о секте монофизитов (хотя неправильным и это словоупотребление нельзя назвать), но постоянно говорят о монофизитских сектах (фоартолатрах, юлианистах, северианах, агноэтах и etc.). По той же причине и вообще со словом "секта" привычнее соединяется представление об общине, резко расходящейся с церковью, сравнительно мелкой и замкнутой в себе, чем с понятием исповедания, ереси или еретической общины» [6, с. 324-325].

В завершении, кратко отметим, что за 100 лет попыток выявить формальные критерии для «изобличения сектантов» в XIX веке не удалось сделать ничего больше, чем разделить эти сообщества на три предельно оценочные категории: «вреднейшие, вредные и менее вредные», при этом сам Б.М. Мелиоранский в цитируемой выше статье отмечал, что их статистика «есть дело весьма темное, особенно по отношению в так наз. "более вредным" сектам ...» поскольку «помимо тайны, сохраняемой администрацией, тут дело затрудняется еще старанием сектантов-мистиков слыть за православных, вследствие чего не только официальные, но и секретные сведения правительства по отношению к ним должны считаться ниже действительных» [7, с. 329].

В НКРЯ первое упоминание о «сѣктах» представлено в 1787 году В. Ф. Зуевым (1754 - 1794), учеником и членом экспедиций знаменитого Палласа (Peter Simon Pallas, 1741 – 1811), когда он отметил, что «въ Воронежской губернии, наипаче около Козлова и по Днепровской линии есть одна сѣкта Русских раскольников» (НКРЯ, В. Ф. Зуев. Путешественныя записки Василья Зуева отъ С. Петербурга до Херсона ... 1787). В самом оригинале приводится достаточно подробное описание этого сообщества, отмечая, наряду с прочим, что они «веру свою скрывают столь усердно, что принимают все обряды в домах у себя и в народе, и наблюдают богослужение греческого исповедания, а мыслят иначе», при этом использовано слово «секта» [8, с. 96-99]. Исторически первым, согласно НКРЯ, является сообщение архиепископа Платона (в миру Пётр Георгиевич Левшин; 1737 - 1812), который писал как «в других сектах широкая на всякия сласти отворяется дверь; как в Языческой и Магометанской. Правда, хотя и чинятся, да только им церковь не учит, ниже такая дела защищает, как другия секты; но наипаче еще...» (НКРЯ, архиепископ Платон. Катихизис первой 1757). Позднее он напишет, что «в нынешния времена к великому соблазну Христианства видим мы три знатнейшия в Христианстве секты или толки, Папскую, Лютеранскую и Кальвинскую» (НКРЯ, архиепископ Платон Православное учение или сокращенная христианская богословия, 1765). В целом, проблема отношения к сектантам, как показала О.В. Арсенина имела серьезные политические последствия, что отмечали такие «известные писатели, как Солженицын, называвший действия царя и Никона великим церковным преступлением «с которого началась гибель России» [9, с. 2]. Всемирно известный исследователь старообрядчества, С. А. Зеньковский тоже отмечает, что раскол «тяжело отразился на судьбах России и немало помог созданию тех условий, которые ...привели царскую Россию к крушению» [10, с. 48]. Религиоведческой проблемой оказывается то, что с XVII века и до настоящего времени не сложилось как единой научной терминологии для описания религиозного многообразия, так и самой старообрядческой идентичности, поскольку «старообрядцы различных согласий взаимно отрицали православность друг друга», полагая истинно Православной церковью и только собственное согласие [11, с.51]. Наглядно это проявилось и в ходе подготовки и проведения первой и единственной Всероссийской переписи 1897 года, материалы которой издавали еще и в начале XX века, когда было принято решение терминологического содержания, поскольку «17 апреля 1905 опубликован указ» в соответствии с которым «...наименование "старообрядцев" взамен прежнего названия "раскольников" повелено присвоить всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы православной церкви, но не признают некоторых ее обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам» [12, с. 452]. Таким образом, в начале XX века была существенно пересмотрена сама лексика описания сектантов, раскольников и т.п. религиозных объединений, если следовать терминологии ныне действующего российского законодательства.

Список литературы

1. Секты: как они устроены, кто становится их жертвами? Объясняет психиатр // Дзен [Электронный ресурс]. URL:<https://dzen.ru/a/YmqhncS3AywfxAfg>(дата обращения 13.12.2023).
2. Секраментъ // Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г.А.Богатова. Вып. 24. М.: Наука, 2000. С 39
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2009. Т.3. 831 с.

4. № 1910. Апреля 16. Именной. Манифест. О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том IV. 1700 - 1712 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830. С. 192-195
5. *Куракин Б.И.* Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705-1707 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. 382 с.
6. *Мелиоранский Б.М.* Сектанство / //Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXIX (57). Сахар - Семь мудрецов. СПб.: Семеновская Типолиитография, 1900. С. 324-325
7. *Мелиоранский Б.М.* Сектанство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXIX (57). Сахар - Семь мудрецов. СПб.: Семеновская Типолиитография, 1900. С. 329.
8. Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии Наук, 1787. С. 96-99.
9. *Солженицын А.И.* О старообрядчестве // Русь православная. 2001. № 35. С. 2.
10. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. В двух томах. /Сост. Г.М.Прохоров. М.: Институт ДИ-ДИК, 2006.
11. *Шахов М.О.* Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М.: Изд-во РАГС, 2002.
12. Раскол // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия». Т.2, 1995.
- 13.

В. И. ВЕРНАДСКИЙ ОБ ОТНОШЕНИИ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Мартишина Н.И.

*Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой «Философия и культурология»
Сибирский государственный университет путей сообщения
E-mail: nmartishina@yandex.ru*

Аннотация. Осмысление отношения религии и науки как фундаментальных духовных систем является сложной и сохраняющей актуальность проблемой. Для ее решения представляет интерес, в частности, позиция В. И. Вернадского, специфика которой видится в том, что традиционно доминировавшая в этом вопросе тема совместимости научных и религиозных представлений о мире заменяется логико-методологическим подходом. В.И. Вернадский, не поддерживая идею равноправия научных и религиозных концепций в отображении реальности и отдавая в этом отношении безусловный приоритет науке, при этом последовательно высказывается в пользу сохранения в культуре религии, как и других форм познания за пределами науки, в том числе ради самой науки. С его точки зрения, значение религиозного мышления прежде всего в том, что оно задает отличную от рационального дискурса логику, расширяющую границы научного поиска и создающую возможность творческого движения научной мысли.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, наука, религия, факторы развития познания, многообразие видов знания, вненаучное знание.

V. I. VERNADSKY ON THE RELATIONSHIP BETWEEN SCIENCE AND RELIGION

Martishina N.I.

*DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies
Siberian Transport University
E-mail: nmartishina@yandex.ru*

Abstract. Understanding of the relationship between religion and science as fundamental spiritual systems is a complex and ongoing problem. In order to solve this problem, we can consider, in particular, the position of V.I. Vernadsky, the specificity of which is seen in the fact that the traditionally dominant theme of the compatibility of scientific and religious ideas about the world is replaced by a logical-methodological approach. V.I. Vernadsky does not support the

idea of equality of scientific and religious concepts in reflecting reality and gives the priority to science in this regard. At the same time, he consistently speaks in favor of preserving religion, as well as other forms of culture outside of science, for the sake of science itself. From his point of view, religious thinking sets a logic different from rational discourse, which expands the boundaries of scientific research and creates the possibility of creative movement of scientific thought.

Keywords: V. I. Vernadsky, science, religion, factors in the development of knowledge, variety of types of knowledge, non-scientific knowledge.

Вопрос об отношении науки и религии как фундаментальных духовных систем сохраняет в современном мире определенный дискуссионный потенциал, прежде всего потому, что сохраняет свое место в духовной культуре общества сама религия. Конечно, ее статус меняется (и, например, явно не лишены оснований основанные на данных опросов заявления о том, что для большинства россиян идентификация себя как православных содержит указание не на действительную воцерковленность, а лишь на понимание своей принадлежности к определенной культурной традиции), но все же нельзя не признать, что религия обнаружила большую устойчивость по отношению ко многим вызовам современности, чем предполагали многие позитивистские прогнозы. Осмысление соотношения религии и науки в российской культуре невозможно без обращения к традициям последней, поскольку, как становится все более очевидным, приживаемость любых обновлений в культуре существенно зависит от их органичности духу культуры, степени соответствия ее общим принципам, «природе культуры» [1, с. 207]. В этой связи представляют интерес позиции ряда российских мыслителей, и в их числе – мнение В. И. Вернадского, специфика которого состоит, на мой взгляд, в выходе за рамки традиционных дебатов о том, в какой мере возможно совмещение научных и религиозных представлений о мире, и в разрешении возникающей дилеммы за счет вывода ее на иной – логико-методологический – уровень рассмотрения.

Позиция В. И. Вернадского – это прежде всего позиция ученого. Он не придерживается ни теории двойственной истины, ни практики интерпретации религиозных положений вплоть до конвергенции их с данными науки, ни каких-либо еще способов признать правоту и научных, и религиозных идей в том случае, если они по-разному смотрят на решение конкретных вопросов. Он уверенно отдает приоритет науке, прямо заявляя, что наука – это сфера объективных истин и фактов, обязательных к признанию в силу их обоснованности. «Эмпирические научные факты и выведенные из них эмпирические обобщения ... обладают... общеобязательностью: их нельзя не принять во внимание и с ними должны считаться и, если нужно, подчиняться все без исключения. Так или иначе им не могут противоречить... ни религия, ни философия, ни жизнь» [2, с. 118]. В противоположность этому, «последователь какого-либо религиозного или философского учения не может требовать, чтобы то, что считается им несомненным и неопровержимым, признавалось бы таким же и всяким другим человеком» [3, с. 36-37]. Иными словами, наука и религия вовсе не равноправны в утверждении каждой собственных истин (как говорят многие другие исследователи и сегодня): с точки зрения В.И. Вернадского, когда речь идет о содержательном решении конкретных вопросов, «примат науки» бесспорен.

С другой стороны, эта позиция никогда не выливается у него в тезис о необходимости ограничения роли религии в культуре, ее постепенного «выведения из обращения» (при всей популярности этой идеи в его время). Напротив, он последовательно высказывается в пользу сохранения религии, как и других форм культуры за пределами науки, в том числе ради самой науки, обосновывая это общим принципом: «Уничтожение или прекращение одной какой-либо деятельности человеческого сознания сказывается угнетающим образом на другой. Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке. ... все эти стороны человеческой деятельности необходимы для ее развития, являясь той питательной средой, откуда она черпает жизненные силы» [3, с. 31].

Как же религия питает науку, если речь не идет о содержательном обогащении идеями? (Отметим, что и эта возможность не отрицается В.И. Вернадским: он указывает, что некоторые идеи пришли даже в современное научное мировоззрение извне, из культуры в целом, в том числе из религии, приводя в пример, в частности, связь поисков гармонии и соразмерности мироздания, выраженной числовыми соотношениями, с религиозным культом пифагорейцев). Но, вероятно, еще более важно, что религиозное мышление задает отличную от рационального дискурса логику, которая расширяет границы научного поиска, «ибо философия и религии тесно связаны с теми более

глубокими, чем логика, силами человеческой души» [3, с. 43]; «это своеобразные логические модели, ... дающие для науки опору в проникновении в неизвестное» [2, с. 124], тем более востребованные потому, что одной только рациональной логикой научные открытия не делаются. Примером у В. И. Вернадского является М. Фарадей, которого он оценивает как «знаменитого и совершенно исключительного гения»: «Глубоко религиозный человек, бывший всю жизнь последователем и пророком в радениях сандемианцев, одной их крайних пресвитерианских сект, проникнутый идеей телеологической структуры мира и единства всего окружающего, он нередко находил законности и видел взаимные соотношения там, где никто до него их не признавал и не мог их видеть, исходя из обычных научных представлений» [3, с. 42]. Итак, по мысли В. И. Вернадского, главное во влиянии религии на науку – это возможность иной логики, обеспечивающая творческий прорыв. При этом речь не идет о том, чья логика «более правильна»: принципиально, чтобы ни одна из них не была единственной, чтобы существовала возможность выйти за рамки стандартных логических норм в иную систему.

В. И. Вернадский демонстрирует, таким образом приверженность позиции, к которой впоследствии пришла эпистемология XXI века: это представление о познании как пространстве существенно различных и несводимых друг другу познавательных стратегий, связанных с различными феноменами культуры и различающихся прежде всего своей логической организацией. В современной концепции многообразия видов знания, с одной стороны, дается положительный ответ на вопрос о том, «Является ли формой знания нравственная норма, художественный образ, религиозный символ, философская проблема? Прав ли был Аристотель, фактически видевший познавательное содержание не только в том, что именовалось «эпистеме» (научное знание в современном понимании), но и в таких феноменах, как вера, мнение, нравственное суждение, повседневный опыт, практический навык?» [4, с. 9], с другой стороны, считается ключевым то обстоятельство, что «В каждой форме постижения бытия могут разрабатываться и применяться своя логика концептуализации знания, а также правила и принципы преобразования и выведения новых знаний» [5, с. 278]. Иными словами, в рамках этой концепции, во-первых, религия, искусство, мораль и др. рассматриваются не только традиционно – как явления и компоненты духовной культуры, но и как когнитивные системы, обладающие самостоятельным познавательным потенциалом, с точки зрения своих эвристических возможностей. Для В. И. Вернадского, познание для которого было самой жизнью (и наоборот), эта позиция, потребовавшая в современной эпистемологии специальной аргументации, – по-видимому, просто естественный взгляд на любое духовное явление. Во-вторых, виды познания в данной концепции специфицируются и идентифицируются не через совокупность присущих им представлений о действительности, а через их логико-методологические характеристики, ведущие схемы мышления, в частности, религиозное познание определяется в ней «по логико-методологическим параметрам и процедурам, которые наиболее типичны для классических религиозных концепций, но могут применяться и для осмысления других реалий» [6, с. 10] (в противоположность более очевидному представлению о том, что это познание сверхъестественного). В-третьих, ценность «многообразия внеаучного знания» при таком подходе связывается не с какими-то особыми когнитивными достоинствами каждого отдельного вида, а прежде всего с самим фактом их многообразия, поскольку оно обеспечивает радикальное расширение логико-методологического арсенала познания по сравнению с унифицирующим подходом классической логики. Представляется, что и эта позиция перекликается с образом развития знания как глобального эволюционного процесса у В. И. Вернадского: в этом движении конкретные онтогенетические формы знания воплощают разные возможности, и общее феноменологическое разнообразие является источником динамики и залогом отбора наиболее перспективных вариантов, каждый из которых поддерживается наличием остальных. «Ибо и философская мысль, и религиозное творчество, общественная жизнь и создание искусства теснейшими и неразрывными узами связаны с научным мировоззрением. Вглядываясь и вдумываясь в ту сложную мозаику, какую представляет научное мировоззрение нашего времени, трудно решить, что из него должно быть поставлено в счет чуждым научной мысли областям человеческой личности и что является чистым плодом научного мышления» [7, с. 57].

Список литературы

1. Бусыгина М. В. К вопросу соотношения традиции и инновации в культуре // Вестник РХГА. 2002. № 2. С. 204-211.
2. Вернадский В. И. О жизненном (биологическом) времени // Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 112-175.

3. Вернадский В. И. О научном мировоззрении // Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 18-49.
4. Касавин И. Т. Нормы в познании и познание норм // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 8-19.
5. Хмелевская С. А. Логика имагинативных форм постижения бытия // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 278-280.
6. Головнева Е. В., Мартишина Н.И. Религиозное познание: сущность, специфика, ареал Вестник ОмГПУ: Гуманитарные исследования. Омск, 2021. № 2 (31). С. 9-15.
7. Вернадский В. И. Научная революция и философия // Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 56-59.

К. МАРКС И Ф. МАУТНЕР: СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ МИСТИКИ

Матушанская Ю.Г.

*Доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: jgm2007@yandex.ru*

Аннотация. Актуальность темы заключается в переосмыслении феномена мистики, который включает в себя не только экзистенциальные переживания, но и некоторый рациональный аспект, заключающийся в вербализации ранее невербализованных смыслов. Данное явление рассмотрено на примере философии истории, основанной на библейской линейной модели, которая послужила образцом осмысления исторического процесса у западных философов от Блаженного Августина до Карла Маркса. А также рассмотрена мистическая философия языка Фритца Маутнера, который попытался увидеть язык как явление со стороны, подчеркнув его мистическую составляющую. Библейская история о Вавилонской башне как раз раскрывает этот мистический аспект, когда язык становится не только средством коммуникации, но средством прерывания коммуникации, которому способствует комплексность и контингентность социума.

Ключевые слова: Библия, мистика, философия истории, язык, Карл Маркс, Фритц Маутнер.

K. MARX AND F. MAUTNER: SECULARIZATION OF MYSTICISM

Matushanskaya Y.G.

*Doctor of Philosophy, Professor
Kazan Federal University
E-mail: jgm2007@yandex.ru*

Abstract. The relevance of the topic is in rethinking of the phenomenon of mysticism, which includes not only existential experiences, but also some rational aspect, which consists in the verbalization of previously unverbilized meanings. This phenomenon is analyzed on the example of the philosophy of history based on the biblical linear model, which served as a model for understanding the historical process among Western philosophers from Augustine to Karl Marx. The mystical philosophy of the language of Fritz Mautner, who tried to see the language as a phenomenon from the outside, emphasizing its mystical component, is also considered. The biblical story of the Tower of Babel reveals this mystical aspect, when language becomes not only a means of communication, but a means of interrupting of communication, which is facilitated by complexity and contingent with society.

Keywords: Bible, mysticism, philosophy of history, language, Karl Marx, Fritz Maut.

Когда мы даем определение мистики, то, скорее всего, нам придут на ум высказывания о переживаниях единения с Богом. Это характерно для мистических учений различных религий. Если

мы возьмем монотеистические религии, что мистические переживания будут наблюдаться у православных исихастов, суфиев, еврейских каббалистов. Более того, возможно увидеть общее в методе достижения экстаза. Ощущения экзистенциального единства с Богом передано в философии Мартина Бубера, отраженной в его книге «Я и Ты» [1]. Однако, если мы обратим внимание на содержание откровения, то окажется, что в результате медитации мистиков могут появляться идеи, которые подвергшись секуляризации, становятся рациональной основой миропонимания людей более позднего исторического периода. Так, идея смены царств в Книге Даниила стала основой для такого толкования истории, которое, по мнению Б. Рассела [2, с. 416], отразилось как в христианской исторической концепции Августина, так и в марксистской теории смены общественных формаций, где библейский провиденциализм сменяется пантеистической концепцией исторических законов развития общества. Запрограммированность исторического процесса придает событиям смысл. По мнению М. Элиаде [3, с. 324], со времен еврейских пророков исторические факты – это «ситуации», в которых человек оказывается лицом к лицу с Богом. Переосмысление становится всеобщим методом постижения действительности [4, с. 32-37].

В конце XIX – начале XX вв. во всем мире возникают национальные движения, идеология которых обращается к легендам и мифам своего народа. Для евреев таким легендарным прошлым стало время, отраженное в Ветхом Завете. Например, времена возникновения монотеистической этики. Именно обращением к социальным ценностям Библии, в первую очередь ветхозаветных пророков, М. Бубер объясняет интерес многих евреев к утопическим идеологиям, таким как марксизм. История по Марксу движется к конечной цели, где можно будет достигнуть общности не знающих насилия равных индивидов, не нуждающихся в государстве. Там осуществится невиданный расцвет творческих сил и восторжествует свобода [5, с. 226]. Эту теорию Маркс пытался обосновать и подтвердить экономическими и социальными знаниями. Особое место в ней отводится коммунистической революции, которая принесет изменение общего состояния одновременно с изменением самого человека, отчужденного в результате разделения труда.

Возможно, библейская история о Вавилонской башне повествует об обратном процессе. Традиционное прочтение библейской культурно-лингвистической парадигмы, заключенной в рассказе о Вавилонской башне, утверждает, что люди, принадлежащие к различным языковым сообществам, не способны понять друг друга. Однако, согласно исследованиям М. Мойэрта, есть теологические и экзегетические причины сомневаться в правильности классической интерпретации этой концепции [6, р. 215-234]. Сама ситуация, когда группа людей оставила свои повседневные дела и стала строить «башню до неба», используя свою свободу для осуществления «модернистского проекта», делает эту историю диалектической противоположностью идее прогресса, заложенной в марксистской теории. В данном контексте язык становится не только механизмом передачи информации, призванным создать систему коммуникации, способствующей взаимопониманию, но также именно язык это взаимопонимание блокирует.

Согласно Ж. Лакану, имя Отца (метафора библейского Бога) – носитель символической функции, которая вводит в область социального [7, с. 211]. Это имя является Другим, который редуцирует смысл культуры. Язык и речь, слово всегда принадлежат Другому. Поскольку основная форма общения в социуме – это общение словами, наименование обладает функцией идентификации. Что названо хорошим или дурным, то идентифицировано данным образом. Место Другого, согласно Лакану, – дискурс большинства, способ артикуляции реальности. Именно под влиянием Другого субъект конституируется как субъект речи. Главный объект желания человека – это признание со стороны другого человека [8, с. 38]. То есть человек желает, чтобы его называли в соответствии с тем, как он себя видит, чего часто не происходит, но группы близкие по восприятию отделяются от большинства, образуя свое «большинство». Нежелание быть переназванными порождает консерватизм.

Австрийский исследователь еврейского происхождения Фритц Маутнер (1849—1923) попытался создать, по мнению Е.С. Черепановой [9, с. 26-49], безбожественную мистику языка. В 1906 году Ф. Маутнер знакомится с Мартином Бубером. Беседы с Бубером подтолкнули Ф. Маутнера к написанию монографии «Язык» («Die Sprache») [10, с. 75]. Анализируя связь языка и воспитания, права, религии, политики и нравственности, Маутнер считает, что язык — это инструмент литературы, но он не может, по мнению философа, служить орудием научного познания действительности, так как невозможно ухватить тонкую реальность «грубыми щипцами языка» [11, с.19]. Маутнер утверждает, что человек должен останавливаться в своем познавательном энтузиазме высказать все о действительности, и замолкать. Умолчание представляет не столько как логический конструкт, а как способ сохранения чистоты и ясности ощущения, являющихся залогом подлинности психической реальности. Содержание человеческого мышления, по Маутнеру, полностью заполнено

языковыми формами, которые постоянно находятся в становлении, как и сам человек. Язык не может адекватно отразить внутренние представления, в которых интуитивно отражается инаковость мира по отношению к человеку. Поэтому чем более образен язык, тем более адекватно он отображает отраженную в представлениях жизнь, которая заключается в череде рядоположенных событий, о которых человеку хочется рассказать.

На протяжении веков мистика была более или менее успешной попыткой увидеть мир в снятом виде. Автору нужна была для осмысления жизни воображаемая наблюдательная позиция вовне, с условного места Бога. То есть, мистика – это абстрагирование, когда мистик пытается высказать впервые невысказываемое. После того, как определенный взгляд (концепция) высказан, когда создана какая-то пригодная для анализа реальности оптика, когда появляются термины или даже числовые подсчеты, тогда это все можно подвергнуть рациональному анализу. Мистический агностицизм Маутнера, как представляется, сводится к позиции наблюдателя второго порядка, пользуясь терминологией Н. Лумана [12, с. 10–118]. Но, высказываясь по поводу понятого/пойманного, наблюдатель становится актором, частью системы, тем самым переходя с позиций наблюдателя второго порядка (который невидим системе, но видит сам себя) в наблюдателя первого порядка (открытого системе и возможно теряющего ощущение своего места в социальном космосе). Наблюдателями первого порядка являются социальные теории, мировоззренческие позиции.

Всякая история, рассказанная кем-либо это нарратив. Н. Луман пишет, что выступающие в нарративе лица становятся все более знакомыми, имеют имена, действуют, открывают что-то из своего прошлого. Они индивидуализируются благодаря своей собственной истории. С другой стороны, мы все-таки не знаем, как они будут действовать, особенно в неизвестных ситуациях и в связи с еще не известной провокацией со стороны других лиц. Так, в индивидуальных лицах знакомое или всего лишь узнаваемое, во всяком случае, неизменное прошлое сопрягается с неизвестным будущим. В своих действиях они интегрируют прошлое и будущее и должны вести себя индивидуально, то есть быть различимыми для того, чтобы было ясно, что это может происходить самыми разными способами. Однако остается не проясненной другая сторона этой формы наблюдения времени, а именно – тот факт, что, вероятно, могли бы существовать и совершенно иные возможности разделения и реинтеграции прошлого и будущего. Речь идет о «взаимопроникновении» («Interpenetration»), то есть о возможности учитывать комплексность индивидуального формирования сознания внутри общественной коммуникации [12, с. 117]. Можно сказать, что в истории Вавилонской башни произошла деконструкция идеи всеобщего прогресса (строительства «башни до неба») из-за множественности интерпретаций, комплексности и контингентности социума.

Список литературы

1. Бубер М. Я и Ты. М., 1993. 175 с.
2. Рассел Б. История западной философии. Ростов-на-Дону, 1998. 1023 с.
3. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т.1. Т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий. М., 2002. 464 с.
4. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. 480 с.
5. Jaspers K. Marks und Freud. Marksismus und Psychoanalyse als moderne Glaubenssurrogate // Universitas. 1952. Hf.2, Hf.3. S.226-230.
6. Moyaert M. A «Babelism» World (Gen.11:1-9) and Its Challenge to Cultural-Linguistic Theory // Horizons. 2009. № 2. P.215-234
7. Печенина О.В. Функции реального, воображаемого и символического в коммуникативной модели Ж.Лакана // Вестник СПбГУ. Сер.6. 2007. Вып. 4. С. 208-214.
8. Лакан Ж. Функция речи и поле языка в психоанализе. М., 1995. 192 с.
9. Черепанова Е. С. Австрийская критика языка: агностическая мистика Ф. Маутнера // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2001. № 2. С. 26-49.
10. Фурманова С.Л. Лингвокритическая деятельность Ф. Маутнера // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1 (3). С. 74-78.
11. Mauthner F. Die Sprache. – Frankfurt a. M.: Rütten und Löning, 1906. 119 p.
12. Матушанская Ю.Г. Великий наблюдатель: о понятии «Бог» в теории социальных систем Никласа Лумана // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2019. №1. С. 110–118.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ОСНОВАНИЯ БОГОСЛОВСКОГО И НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Оботуров А. В.

*Кандидат философских наук, доцент
Вологодский государственный университет
E-mail: oboturov_a@mail.ru*

Аннотация. Мироззрение меняется в течение 40 лет, поэтому понимание современной российской мировоззренческой ситуации уходит корнями в 80-90-е годы прошлого XX века. Именно эта картина мира неявно, имплицитно присутствует в сознании большинства россиян, транслируется поколениям людей, которые родились уже и в XXI веке. Можно выделить три важных основания российской мировоззренческой картины мира: атеизм, понимаемый как светскость, материализм как научная концепция и религиозность, понимаемая как обрядовость и традиционализм. Светскость, государство и образование, закрепленное в конституции РФ не тождественно атеизму. Вместе с тем, очень часто эти два понятия отождествляются и любые попытки изучения конфессиональных вопросов в школе, введение теологии в список ВАК, участие священство и церкви в общественно-политических процессах рассматриваются как нарушение принципов светскости. Проблема взаимодействия науки и религии требует философско-методологического осмысления. Наука и теология не должны объединяться, необходимо четко проговорить вопросы пограничных, смежных полей исследования, не стремиться к интеграции, а взаимодействовать в борьбе с псевдонаучным, оккультным знанием, учитывая, что у науки и религии есть одна очень важная точка пересечения – человек. Определенная положительная трансформация российского менталитета в решении обозначенных проблем есть, но вопросов, требующих прояснения, остается немало.

Ключевые слова: мироззрение, атеизм, светскость, духовное образование, демаркация, типы религиозной жизни.

IMPLICIT FOUNDATIONS OF THE RELIGIOUS WORLDVIEW OF MODERN RUSSIA

Oboturov A.V.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Vologda State University
E-mail: oboturov_a@mail.ru*

Abstract. The worldview has been changing for 40 years, so the understanding of the modern Russian worldview situation goes back to the 80s and 90s of the last XX century. It is this picture of the world that is implicitly, implicitly present in the minds of most Russians, transmitted to generations of people who were born already in the XXI century. Three important foundations of the Russian worldview can be distinguished: atheism, understood as secularism, materialism as a scientific concept, and religiosity, understood as ritualism and traditionalism. Secularism, the state and education enshrined in the Constitution of the Russian Federation are not identical to atheism. At the same time, very often these two concepts are identified and any attempts to study confessional issues at school, the introduction of theology into the list of the Higher Attestation Commission, the participation of the priesthood and the church in socio-political processes are considered a violation of the principles of secularism. The problem of the interaction of science and religion requires philosophical and methodological understanding. Science and theology should not unite, it is necessary to clearly articulate the issues of borderline, adjacent fields of research, not to strive for integration, but to interact in the fight against pseudoscientific, occult knowledge, given that science and religion have one very important

intersection point – man. There is a certain positive transformation of the Russian mentality in solving these problems, but there are still many issues that need clarification.

Keywords: worldview, atheism, secularism, spiritual education, demarcation, types of religious life.

Мировоззрение как система знаний и восприятия человека и мира является необходимой компонентой человеческого существования. С одной стороны, оно зависит от физической реальности, в которой живут люди и коллективы, с другой стороны, оно формирует ее. Ценности и смыслы, которые закладываются в мировоззрении играют очень большую роль для устойчивости, успешности и выживаемости как отдельной личности, так и социума в целом.

Трансформация советского мировоззрения конца XX - начала XXI века прошла многочисленные изломы, разрушения привычной структуры ценностей и попытки создания новой. Для формирования образа будущего нации необходимо осмыслить те основания и тенденции, которые существовали в развитии философии, богословия, науки советского и российского периода.

Изменения мировоззренческих установок происходит в среднем за 30-40 лет. С точки зрения социологии и демографии 20-30 лет – временной промежуток, отделяющий одно поколение от другого. В Ветхом Завете в книге Исход, Моисею сорок лет пришлось водить богоизбранный народ по пустыне, чтобы поколение, имеющее дух египетского рабства, сменилось другим, выросшим в изгнании, пустыне, лишениях, скитаниях, но не впитавшее в себя языческого идолопоклонничества Египта.

Исходя из этой аналогии, анализируя изменения мировоззрения населения нашей страны в XX веке, можно предположить, что в период с 1917 по 1957 год, ценностные установки жителей СССР продолжали оставаться религиозными в рамках традиционных конфессиональных исповеданий Российской империи. По опросу 1937 года - 57% славянского населения СССР определили себя религиозно-верующими людьми.

Аналогичные показатели были и среди территорий, на которых исповедовался ислам. Можно сказать, что именно в этот период в Советском Союзе было реализовано все то лучшее, чем по праву гордится СССР: развитие экономики, науки, образования, медицины, социальная защищенность людей, их уверенность в завтрашнем дне.

Начиная с 60-х годов основы православного миропонимания заканчиваются, и XXII Съезд КПСС 1962 года, наряду с разоблачением культа личности И. В. Сталина и выносом его тела из мавзолея, провозгласил своей целью достижение изобилия материальных и культурных благ для советского народа. Как не парадоксально, но с этого начинается разложение и коммунистических ценностей, на которых стоял СССР. Вместо устремленности в космос и осуществления «мессианских» проектов, реализация потребительской парадигмы критикуемого капиталистического Запада привела к разрушению СССР в 1991 году.

Конституция 1993 года в статье 13 фактически закрепляет отсутствие государственной идеологии Российской Федерации [1, 5]. С одной стороны, это имеет определенные положительные моменты в плане развития толерантности и открытости, но с другой стороны, лишает государство и нацию цивилизационного стержня, без которого они не могут успешно существовать. 90-е годы можно сказать прошли под знаком постмодернистской парадигмы, эклектики, синкретичности, аксиологического хаоса, когда непонятно, что хорошо, что плохо.

События Крымской весны 2014 года и СВО 2022 показало, что разработка духовно-нравственных оснований, ценностей и смыслов России как государства-цивилизации (В.В. Путин) является актуальной и насущной задачей.

Важным компонентом любой мировоззренческой системы является его религиозная составляющая. Россия в этом плане не является исключением, ибо принятие Русью христианства в 988 году положило начало объединению разрозненных славянских племен в единое государство. После падения Византийской империи в 1453 году Московское царство стало фактически правопреемником той роли, которую играла Восточно-Римская империя в мире до XV века. До 1917 года Православие было государственной религией Российской Империи, но эпохальные события начала XX века, с одной стороны позволили восстановить патриаршество в России, с другой стороны, привели к гонению на Русскую православную церковь и провозглашение атеизма как государственной идеологии СССР. При этом многие философы обращали внимание на «религиозность русского коммунизма» (Н. А. Бердяев), в которую народ повернул, не дождавшись осуществления евангельской правды от Империи. «Именно для христиан революция имеет смысл, и им более всего нужно его постигнуть. Она есть вызов и напоминание христианам о неосуществленной ими правде» [2, с. 108].

Если отсчитывать смену поколенческой парадигмы от 1991 года, распада Советского Союза, то ее сущностное изменение придется на 30-е – 40 годы XXI века. Но просмотреть мировоззренческие контуры можно уже сегодня, проанализировав существенные черты российского менталитета. Можно выделить три важных основания мировоззренческой картины современной России: атеизм, понимаемый как светскость, материализм как научная концепция и религиозность, понимаемая как обрядовость и традиционализм.

Светскость, государство и образование, закрепленные в конституции РФ не тождественно атеизму. Вместе с тем, очень часто эти два понятия отождествляются и любые попытки изучения конфессиональных вопросов в школе, введение теологии в список ВАК, участие священства и церкви в общественно-политических процессах рассматриваются как нарушение принципов светскости.

Сущность светскости можно выразить в трех словах: это нейтралитет (государства и школы); независимость (государства от Церкви и наоборот); свобода (совести и вероисповедания). Именно в этом смысле Ж.-М. Люстиже, кардинал католической церкви, богослов, рассматривающий в своих трудах сущность светскости в деятельности государства, называет себя светским человеком. Он не желает, чтобы государство управляло Церковью или Церковь государством. Его правота совершенно очевидна, даже глядя с его стороны; он воздает «кесарю кесарево, а Богу богово» (Мф 22:21).

Вместе с тем, в пяти государствах Западной Европы и в 35 штатах США христианские исповедания признаются на государственном уровне, а еще в ряде стран Западной Европы евангелические исповедания имеют статус традиционно существующих, что дает им очень широкие возможности в сфере государственного управления, СМИ, армии и других сферах общества. При этом вышеперечисленные страны являются мировыми лидерами по научно-техническим разработкам и количеству нобелевских лауреатов.

Очень непростой проблемой для российского общественного сознания, в том числе, и может быть в первую очередь для научного сообщества является осмысление взаимоотношения материализма и научности. Без преувеличения можно сказать, что все мы являемся воспитанниками советского материалистического мировоззрения, которое транслируется через учебники, деятельность, школьных учителей, неявное обыденное знание.

Хотя уже в начале XX века зарубежные и российские философы, с которыми полемизировал В. Ленин, видели проблематичность научной верификации и фальсификации основ материалистической концепции. Но политическая острота момента, необходимость борьбы с Церковью, богословие которой позиционировали как объективный идеализм, определила резкость и пристрастность ленинской аргументации.

В своей работе Ленин критиковал конвенционализм Анри Пуанкаре, который писал о том, что математика и геометрия базируются на аксиоматике, то есть положения, которые принимаются без доказательств, по договоренностям соглашениям научного сообщества. «Геометрия – лишь своего рода условный язык» [3, с. 7]. Карл Поппер, основоположник критического рационализма, который большое внимание уделял в своих трудах проблеме демаркационной линии научного и ненаучного знания, автор принципа фальсификационизма, который предполагает принципиальную опровергаемость научного знания, писал в своих трудах, что научный коммунизм и гегелевская диалектика не выдерживают проверки этим принципам и не являются научными теориями. «Однако гегелевская диалектика, включая ее материалистическую версию, не может служить надежным основанием для научных прогнозов» [4, с. 285]. В имплицитных основаниях многих современных ученых, позиционирующих себя атеистами по умолчанию, присутствует идея о вечности существования материи [5, с. 56].

Справедливости ради надо сказать, что вопрос о трансцендентных основаниях бытия, мира и человека, выходят за рамки научного дискурса и должны быть восполнены философией и богословием.

Что касается существования Церкви, церковности и православия в современной России, то основанием ее анализа можно взять небольшой, но очень важный труд монахини Марии Скобцовой, которая выделяет 5 типов религиозной жизни: синодальный, уставщический, аскетический, эстетический и евангельский. В своей работе она пишет, что именно последний является наиболее полным воплощением христианского благовествования [6, с. 16]. Остальные типы религиозной жизни имеют право на существование, но могут вызывать отторжение у значительной части общества. Не исключено, что этим и определяется низкий уровень реального воцерковления жителей современной России, среди которых русскоязычное население занимает более 80%, из которых 60-70% крещены. По словам русского писателя, Николая Лескова: «Русь крещена, но не просвещена». К сожалению, ситуация, описанная им в конце XIX века, остается актуальной в начале XXI в.

Проблема взаимодействия науки и религии требует философско-методологического осмысления. Наука и теология не нуждаются в синкретизме и универсализме, необходимо четко проговорить вопросы пограничных, смежных полей исследования, не стремиться к интеграции, а взаимодействовать в полемике с псевдонаучным, оккультным знанием, учитывая, что у науки и религии есть одна очень важная точка пересечения – человек.

Список литературы

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая лит., 2014. 63 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМСА-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Пуанкаре А. Принцип относительности пространства и движения / А. Пуанкаре // Принцип относительности. М.: Атомиздат, 1974. 23 с.
4. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.
5. Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни. 4-е изд. / Предисловие прот. Сергея Гаккеля. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2009. 68 с.
6. Прохоров М. М. К столетию книги В. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Философия и общество. 2009. № 3. С. 37-57.

«ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА РУССКИМИ БОГОСЛОВАМИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Пересторонин В.А.

*Ассистент кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: perestoroninvalentin@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается положение журнала «Православное обозрение» в церковно-общественной жизни второй половины XIX века и его роль в системе богословского изучения истории христианства в России. На самом раннем этапе существования журнал оказался в центре скандала вокруг работ архимандрита Феодора (Бухарева) и подвергся нападкам как слишком либеральный и подверженный западному влиянию. Тем не менее, в течение более тридцати лет он сохранял поддержку высших духовных и светских институтов, занимая умеренно-консервативную позицию в современных общественных дискуссиях. Важнейшей миссией журнала редакторы считали развитие православного богословия, для чего обращались к современной европейской философской и исторической мысли. На примере работ М.В. Никольского и П.А. Преображенского в «Православном обозрении» может быть показано расширение применения историко-критического метода в изучении библейской и раннехристианской литературы русскими богословами второй половины XIX века.

Ключевые слова: православное богословие, история христианства, апологетика, Православное обозрение, Никольский М.В., Преображенский П.А.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-01158 «Православные священнослужители кон. XIX – нач. XX вв. как исследователи религиозной культуры: от «мейнстрима» к «маргинальности».

“THE ORTHODOX CHRISTIAN REVIEW” AND THE ISSUES OF STUDYING THE HISTORY OF CHRISTIANITY BY RUSSIAN THEOLOGISTS IN THE SECOND PART OF XIX CENTURY.

Perestoronin V.A.

*Assistant of Department of Philosophy of Religion and Religious Studies
Saint Petersburg State University
E-mail: perestoroninvalentin@yandex.ru*

Abstract. The paper examines the position of the Orthodox Christian Review periodical in the church and public life of the second half of the 19th century and its role in the system of theological study of the history of Christianity in Russia. At the earliest stage of its existence, the journal was at the center of a scandal surrounding the works of Archimandrite Theodore (Bukharev) and was attacked as too liberal and subject to Western influence. Nevertheless, for more than thirty years he maintained the support of higher religious and secular institutions, taking a moderately conservative position in modern public discussions. The editors considered the development of Orthodox theology to be the most important assignment of the journal, for which they turned to modern European philosophical and historical thought. Using the example of the works of M.V. Nikolsky and P.A. Preobrazhensky in the Orthodox Christian Review, the expansion of the application of the historical-critical method in the study of Biblical and Early Christian literature by Russian theologians of the second half of the XIX century can be demonstrated.

Keywords: Orthodox Christian Theology, History of Christianity, Apologetics, The Orthodox Christian Review, M.V. Nikolsky, P.A. Preobrazhensky.

Среди православных периодических изданий XIX в. «Православное обозрение» занимает особое место. С самого начала издатели заявили о необходимости пересмотреть подход к написанию богословских текстов, господствовавший в начале века. Было высказано намерение соединить теологическое содержание с доступной для современного человека формой, отказавшись от тяжелого узкоспециализированного языка богословских журналов первой половины XIX века. Кроме того, было поставлено требование доносить до читателя христианские истины не путем абстрактных построений, а через обсуждение современных социальных явлений и роли христианства в современной жизни [1, с. 4-5].

По отзывам современников, журнал считался органом «прогрессивного» богословского крыла. Е.В. Барсов, описывая в 1885 г. контекст появления журнала, говорит, что православная апологетика в то время находилась в плачевном состоянии, «была лишена просветительной основы и была опасна не менее враждебных нападков», что привело к конфликту «богословов-охранителей» с «Православным обозрением» [2, с. 20-21.]. Такой конфликт произошел в 1860-1861 гг., когда разгорелся спор редактора «Домашней беседы» В.И. Аскоченского и архимандрита Феодора (Бухарева). Полемика напрямую коснулась «Православного обозрения», поскольку в Сентябре 1860 г. в журнале был опубликован отзыв на книгу Бухарева; в начале следующего года Аскоченский обвинял рецензента в том, что тот разделяет заблуждения архимандрита Феодора, а также что в «Православном обозрении» «слышен дух Лютера, Кальвина, Гегеля, Штрауса» [3, с. 104-105; 136; 140]. Поводом для критики Аскоченским Бухарева, в частности, было стремление последнего привнести в богословие понятия современной общественной жизни и философии (Аскоченский постоянно обвинял оппонентов в стремлении «примирить Гегеля с Евангелием Иисуса Христа»). Нападки «Домашней беседы» послужили толчком к началу синодального расследования в отношении Бухарева в 1861 г., завершившегося его осуждением и запретом печати его труда об «Апокалипсисе» [4]. И.Н. Корсунский считал, что от обвинений со стороны Аскоченского «Православное обозрение», в лице редактора Н.А. Сергиевского, спасло по преимуществу заступничество митрополита Филарета [5, с. 6]. Вместе с тем, как полагал священник И.Д. Петропавловский, значительную, если не решающую, роль в оправдании «Православного обозрения» сыграли профессора Московского, а также Харьковского университетов, выступившие с обращением в защиту чести своего коллеги Сергиевского [2, с. 33]. Как бы то ни было, случай «реабилитации» «Православного обозрения» может служить показательным примером, подтверждающим предположение Г. Фриза, что причиной осуждения Бухарева было не само по себе обвинение консерватора Аскоченского, а системная чуткость цензуры по поводу участия богословия

в изменении существующего общественного, церковного и государственного порядка – подобная постановка вопроса была чужда редакторам журнала.

«Православное обозрение» издавалось в течение более тридцати лет. Общие редакционные требования определили публицистический характер статей и их содержание, освещение событий (таких как старокатолическое движение, проект Ю. Овербека, греко-болгарская схизма и др.). Публиковались очерки об истории и современном состоянии англиканской церкви и американских деноминаций, являвшиеся одними из немногих источников сведений в России о религиозной жизни в Британии и США, при том, что большая часть подобных трудов в XIX в. носила полемический характер [6]. Несмотря на общую апологетическую рамку, авторы больше стремились к публицистическому описанию, нежели к богословскому опровержению – для духовной цензуры уже сам стиль мог подавать повод для замечаний. Так, митрополит Филарет говорил о недостаточно выраженном осуждении анабаптистского крещения и «сектатора» в одной из статей «Православного обозрения» [7, с. 40]. В контексте православной апологетики поднимались проблемы отношения к религиям Востока – в частности к буддизму (полемика А.Ф. Гусева с А.И. Гренковым). Значительное внимание уделялось состоянию православия в России, в частности, материальному положению Русской православной церкви.

Несмотря на выраженную популярную форму и внимание к проблемам современности, в журнале также печатались труды историков и филологов, в том числе посвященные древнему иудаизму и раннему христианству. Г.В. Флоровский отмечал, что исторические разделы в журнале всегда преобладали [8, с. 338]. Определенным манифестом применения исторического подхода в богословии могут считаться статьи Михаила Васильевича Никольского (1848-1917) «Наша библейская наука» (1875, февраль) и «Русский перевод Библии и значение еврейской филологии» (1876, апрель). Основной тезис Никольского, отстаиваемый на страницах «Православного обозрения» заключался в том, что православным богословам необходимо отказаться от конфессиональной полемики с немецкими либеральными теологами в пользу историко-филологического изучения текстов Писания. Для этого требуется изменение образовательных программ духовных учреждений и включение в них изучение древнееврейского языка. Направление, обозначенное Никольским, отразилось, в частности, в издании в «Православном обозрении» его переводов отдельных псалмов, а также в издании перевода Макария Глухарева текстов Ветхого Завета.

Еще одним крупным вкладом в историю христианства на русском языке стали публиковавшиеся в «Православном обозрении» работы выпускника СПбДА, почетного члена МДА, протоиерея Петра Алексеевича Преображенского (1828-1893), особенно выходящие в качестве приложения «Памятники древней христианской письменности в русском переводе». Преображенский видел у раннехристианских авторов пример богословия, наиболее близкого к апостольскому времени. По его мнению, ценность этих текстов заключается прежде всего в том, что они позволяют получить наиболее адекватный сравнительный материал для понимания Нового Завета и ранней Церкви [9, с. 6-8.]. Именно это обусловило характер деятельности Преображенского - в истории науки большое значение сыграли его переводы произведений «мужей апостольских» и апологетов первых веков христианства, которые до сих пор переиздаются и в значительной части являются единственными переводами этих текстов на русский язык. Их тщательное изучение в контексте богословской и исторической мысли второй половины XIX века представляет значительный интерес для истории русской духовной культуры.

Список литературы

1. Взгляд на прошедшее и надежды в будущем. От редакции // Православное обозрение. 1870. Вып.1.
2. Двадцатипятилетний юбилей редактора «Православного обозрения» Петра Алексеевича Преображенского, протоиерея Феодоростудитской церкви. М.: Унив. Тип., 1885.
3. Домашняя беседа для народного чтения. СПб, 1861.
4. Фриз Г. Л. "Исследование Апокалипсиса" архимандрита Феодора (Бухарева): библейская герменевтика и церковная политика в России середины XIX в. // Филаретовский альманах. 2022. № 18. С. 26-59.
5. Корсунский И. Протоиерей П.А. Преображенский, почетный член Московской духовной академии: [Некролог] / Сергиев Посад: 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1893.

6. *Стецкевич М. С.* Православные исследователи о развитии англиканства в XIX в. // Россия и мир в исторической ретроспективе: Материалы XXIX международной научной конференции, Том 1. СПб: 2023. С. 416-423.

7. *Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета.* Т. 5. М., 1887-1888.

8. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1937.

9. *Преображенский П.* Писания мужей апостольских / Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Т. 2. М., 1860.

ПЛАТОНИЗМ В УЧЕНИИ ОРИГЕНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX ВЕКА

Салахов А.Б.

Лаборант-исследователь

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: st087623@student.spbu.ru

Аннотация. Одним из основополагающих при изучении трудов отцов церкви является вопрос об отношении между христианством и платонизмом. Среди всех религиозных мыслителей первых трёх веков особенно выделяется Ориген. Ибо, невзирая на искреннюю веру и приверженность Оригена христианской церкви, часть его учения была отвергнута V Вселенским собором. Произошло это по той причине, что мыслитель стремился к осмыслению греческой философии в рамках находившегося во II-III вв. на стадии своего формирования христианского богословия. В результате, в трудах Оригена коренится огромное количество платонических положений. Данная статья посвящена историографии важнейших исследований, проводившихся в России в XIX веке и направленных на изучение философии Оригена и поиску в ней идей Платона.

Ключевые слова: Ориген, платонизм, патристика, историография, духовные академии, духовное образование.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 24-28-01158.

PLATONISM IN THE TEACHINGS OF ORIGEN IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 19TH CENTURY.

Salakhov A.B.

Laboratory research assistant

St. Petersburg State University

E-mail: st087623@student.spbu.ru

Abstract. One of the fundamental issues in studying the works of the church fathers is the question of the relationship between Christianity and Platonism. Among all the religious thinkers of the first three centuries, Origen especially stands out. For, despite Origen's sincere faith and commitment to the Christian church, part of his teaching was rejected by the Fifth Ecumenical Council. This happened for the reason that the thinker strove to understand Greek philosophy within the framework of what was in the 2nd-3rd centuries. at the stage of its formation of Christian theology. As a result, a huge number of Platonic positions are rooted in Origen's writings. This article is devoted to the historiography of the most important research conducted in Russia in the 19th century and aimed at studying the philosophy of Origen and the search for Plato's ideas in it.

Keywords: Origen, Platonism, patristic, historiography, theological academies, theological education.

Исследования, которые велись в стенах духовных академий и были направлены на изучение влияния платонизма на воззрения Оригена, тесно связаны со становлением системы духовного образования.

В первой четверти XIX века император Александр I провёл реформу духовного образования, преобразовав старые богословские школы в духовные академии [1, с. 72-81]. Уже при Александре II патрология стала обязательной дисциплиной в академиях. Именно тогда и началось активное изучение истории христианской церкви.

Единственной работой, которая была непосредственно связана с патрологией, долгое время оставалось «Историческое учение об отцах церкви» архиепископа Филарета (Гумилевского). Это трёхтомный труд по истории церкви отчётливо отрежет ортодоксальный взгляд автора.

Так, Филарет пишет, что Ориген подвергался нападкам со стороны язычников, стремившихся опровергнуть истинность христианской веры при помощи философии. Это заставило Оригена основательно подойти к изучению философской науки, но ошибочно предполагать, что его учитель – Аммоний Сакк [2, с. 210-211].

Филарет не оставил без внимания и догматические труды Оригена. Он подверг критике некоторые положения «О началах». И хотя архиепископ прямо нигде не указывает на присутствие идей Платона в учении Оригена, но подразумевает их, указывая на оригеновские ошибки. Тем не менее, Филарет оправдывает богослова, акцентируя внимание на том факте, что многие из последующих религиозных деятелей часто обращались к «положительным» аспектам философии Оригена [там же, с. 234-240].

Большинство последующих работ по патрологии – это изданные конспекты студенческих лекций. Так, внимания заслуживают «Лекции по патрологии I–IV веков», профессора СПбДА Н. И. Сагарды.

Н. И. Сагарда, в отличие от Филарета, соглашается с тем, что Ориген был учеником Аммония [3, с. 440] и что это отразилось на построении его богословской системы, которая явилась первой в своём роде [Там же, с. 461].

Рассматривая эту систему, Н. И. Сагарда отмечает, что Ориген обладал знаниями обо всех философских системах древности и обращался к ним, полагая, что христианство и эллинизм во многом схожи. То есть, богослов осознавал все трудности, которые возникали при попытке сочетания эллинизма и христианства, и стремился преодолеть их, в чём ему помогал идеализм, т. е. Платонизм [Там же, с. 460-461].

Фиксируя эту мысль, становится очевидным, что в «Лекциях по истории по патрологии I – IV веков», Н. И. Сагарда стал одним из первых крупных отечественных академических исследователей, напрямую затронувших тему платонизма в философии Оригена.

Во многом с лекциями Н. И. Сагарды схожи лекции профессора КазДА С. Л. Епифановича. Последний утверждает, что Аммоний – учитель Оригена [4, с. 508]. Помимо этого, среди догматических учений Оригена С. Л. Епифанович выделяет «Строматы», авторство которых часто приписывалось Клименту [5, с. 93]. В противовес этому мнению С. Л. Епифанович подчеркивает, что достаточно вспомнить попытки автора «Строматов» обосновать христианские догматы философией Платона и его ученика Аристотеля, чтобы понять, что их автор – Ориген [4, с. 524-525].

По мысли С. Л. Епифановича, Ориген, хорошо ориентированный в философии, осознавал все её недостатки. Платоновским идеализмом, пришедшим к Оригену через неоплатонизм, пронизана вся его богословская система [там же, с. 532-533]. По сути, она родственна системе неоплатоников, но имеет некоторые отличия, например, это абсолютно другое понимание природы Бога – не как абстрактного начала, а как Личного Духа – аналогии Ума человека [там же, с. 534].

С. Л. Епифанович, таким образом, поднимает тему платонизма в учении Оригена и указывает на влияние оригеновского учения на отцов-каппадокийцев. Он же утверждает об ошибочности многих положений оригеновского богословия [там же, с. 551].

Наконец, видное место в перечне авторских трудов, появившихся в России в XIX веке, занимают две работы, которые не относятся к жанру патристики. Первая - «Лекции по истории древней церкви» профессора СПбДА В. В. Болотова.

В. В. Болотов посвятил Оригену три раздела. В одном из них он пишет, что Оригену было свойственно представление о строгой иерархии. Неравенство же лиц Святой Троицы у Оригена возникает из-за влияния на мыслителя идей платонизма [7, с. 323-324].

Далее, В. В. Болотов указывает на субординационизм в отношениях между лицами Троицы [Там же, с. 339-340]. Влияние платонизма на богословскую систему Оригена В. В. Болотов усматривает и в учении о природе зла, которое возникло в результате того, что равные духи, как и души у Платона, отпали от Бога в результате греха [там же, с. 344-347].

В. В. Болотов высказывает мнение, что, хотя система Оригена и была нецерковной в большинстве своих положений, она всё же является выражением и обобщением всех успехов

христианского богословия того времени и первой системой христианского догматического богословия [там же, с. 347].

Ну и, конечно же, интерес представляет работа «Эллинизм и христианство» профессора МДА А.А. Спасского. В своём сочинении он рассматривает влияние эллинской философии на становление христианства. Этим и можно объяснить тот факт, что большая часть книги связана с Оригеном.

Ориген, как пишет А. А. Спасский, полагал, что без помощи философии невозможно приблизиться к Богу [там же, с. 143]. В своей апологии Ориген стремится не только опровергнуть тезисы, выдвинутые против христианства, но и продемонстрировать его целостность и истинность. И даже невзирая на то, что на плечах мыслителя лежало Священное Писание, он не был ограничен им, потому что являлся великолепным знатоком философской науки. В его рассуждениях звучали идеи Гераклита, Платона, Аристотеля.

Таким образом, проведя анализ основных трудов XIX века, посвящённых учению Оригена и сравнению его богословской системы с платонической, можно констатировать следующие тенденции: Дореволюционные исследователи, преподаватели духовных академий позитивно оценивали Оригена, однако уточняли, что он допустил в своих трудах множество ошибок из-за чрезмерного увлечения философией. Тем не менее, многие из исследователей достаточно поверхностно рассматривали проблему влияния платонизма на учение Оригена, а некоторые иногда и вовсе не затрагивают её. Также среди особенностей трудов данного периода можно выделить попытку учёных реабилитировать александрийского богослова.

Список литературы

1. *Ляпунова Н. В.* Состояние и проблемы реформирования профессионального церковного образования в России в первой четверти XIX // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 34.
2. *Гумилевский Д. Г.* Историческое учение об отцах церкви: в 3 т. Т. 1. Санкт–Петербург: Типография II-го Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1859. С. 208-233.
3. *Сагарда Н. И.* Лекции по патрологии. I – IV века / Под общ. и научн. ред. диакона А. Глущенко и А. Г. Дунаева. М.: «Совет Русской Православной Церкви», 2004. С. 436-472.
4. *Епифанович С. Л.* Лекции по патрологии (церковная письменность I – III веков) / под общ. ред. доцента Н.И. Муравьева. 1-е изд. СПб.: «Воскресение», 2010. С. 505-554.
5. *Столяров А. А.* Патрология и патристика. М.: «Канон», 2001. 120 с.
6. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви.: в 4 т. Т 2. Санкт–Петербург: Типография М. Миркушева, 1910. С. 301-347.
7. *Спасский А. А.* Эллинизм и христианство. История литературно–религиозной полемики между эллинизмом и христианством в раннейший период христианской истории. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. С. 140-355.

АНГАЖИРОВАННОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Силантьева М.В.

Доктор философских наук, заведующая кафедрой философии

МГИМО

E-mail: silvari@mail.ru

Аннотация. В статье сквозь призму теории «ангажированного знания» П. Бурдьё рассматриваются возможности и границы «ангажированного религиоведения» советского периода и специфики ангажированного религиоведения в современной России. В качестве наиболее яркого примера выделены конфессиональные зависимости религиоведческих исследований, проведен анализ принципа научной объективности с позиций открытой и латентной ангажированности. Выделены исторически конкретные формы концептуализации ангажированного религиоведения. В советский период ангажированность религиоведения (в том числе конфессиональная) сводилась к идеологизации научного знания и рассматривалась крайне негативно. Ее альтернативой считался позитивистский объективизм («слабое» основание) и скептицизм («сильное» основание). В постперестроечный период формируется вторичная идеологизация религиоведения (теперь уже не наивно-атеистическая, а религиозная). Однако

параллельно продолжает развиваться теория ангажированности, связанная с методологией включенного наблюдения и нацеленная на учет герметичного характера религии.

Ключевые слова: ангажированное знание, ангажированное религиоведение, конфессиональное религиоведение, религиозная идеология, атеистическая идеология, объективизм, ценностные предпочтения, научная методология

RELIGIOUS STUDIES ENGAGEMENT CONCEPTUALIZATION

Silantieva M. V.

DSc in Philosophy, Head of the A. F. Shishkin Department of Philosophy

MGIMO University

E-mail: silvari@mail.ru

Abstract. The paper deals with the prospects and limits of “religious studies engagement” of the Soviet era and the specific features of partisan religious studies in contemporary Russia through the prism of Pierre Bourdieu’s theory of “knowledge engagement”. It refers to confessional partialities as the striking examples of this kind of prejudice and analyses the principle of scientific objectivity from the standpoints of overt and latent biases. The article identifies concrete historical forms of conceptualising biased religious studies. Soviet scholars viewed biased religious studies, including confessional studies, negatively as ideologised scientific knowledge. Alternatives were seen in either positivistic objectivism (the “weak” substantiation) or scepticism (the “strong” substantiation). Religious studies underwent secondary ideologisation in the postperestroika years a religious, rather than a naively atheistic one this time. However, theory of engagement (not bias) related to the methodology of participant observation and apprehensive of the hermeneutic character of religion is still with us.

Keywords: knowledge engagement, religious studies engagement, biased religious studies, confessional religious studies, religious ideology, atheistic ideology, objectivism, value preferences, scientific methodology.

Приступая к исследованию концептуализации понятия «ангажированное религиоведение» в свете теории ангажированного знания П. Бурдьё [1], уместно напомнить, что понятие это плотно вошло в обиход современных российских авторов как минимум со времени появления ученых-религиоведов, работающих с открыто конфессиональных позиций, то есть — в постперестроечный период. Подобное словоупотребление не было возможно (что впрочем не означает, что отсутствовал процесс концептуализации) в светских учебных заведениях советского периода, где само появление *философии религии и религиоведения* как философской дисциплины происходило, как известно, с подачи Н.С. Хрущева в рамках научной специальности «научный атеизм» и соответствующих учебных курсов, ставших в 1960 г. обязательными для всех вузов СССР. Исследователи этого периода, при всей его «неконфессиональной» идеологической ангажированности идеей служения скорой победе над религией, обращались к широкому кругу теоретических и практических вопросов, вполне подходящих под современное самоопределение религиоведения как научной дисциплины. То есть — далеко не все они были ангажированы именно в том смысле, который требовался внешними инстанциями: их публикации были нацелены на достижение знаний о религии, а не на пропаганду ее близкой гибели (разумеется, при внешнем соблюдении «правил игры», без учета которых эти исследования никогда не увидели бы свет). Серьезные ученые обращались к анализу философских и богословских текстов, процессов в области социологии и психологии религии, создавали и развивали научные школы. В их числе оказывались, разумеется, не только так называемые «научные атеисты», связанные с кузницей кадров философских факультетов и специализированных институтов (таких, как Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве, Ленинградский музей религии и атеизма и др.). Сложно представить советский период развития науки о религии без усилий более широкого круга гуманитариев — историков, лингвистов, литературоведов, искусствоведов, антропологов, психологов; а также богословов и пастырей. Вряд ли возможно не заметить вклад в развитие о науки и религии А.Ф. Лосева, С.С. Аверинцева, о. Александра Меня и многих других известных ученых. Однако религиоведы этого периода не только изучали реальный уровень религиозности в республиках Средней Азии или «ставили на себе» эксперименты в области установления специфики религиозных переживаний. Объективистские установки этого периода тесно

связаны с отчетливым (и именно установочным, а не абсолютным) разведением понятия *служения истине* — и служения любым другим целям. Такие установки в том числе экранировали научный подход от институциональной атеистической идеологии — благо, марксизм настаивал на примате научного знания над другими его формами. При этом объективность едва ли интерпретировалась как в полной мере историчная (то есть не просто связанная с социокультурной динамикой, но рассмотренная в свете исторической эпистемологии [2, с. 17]), поэтому речь идет об установках именно «объективистских», а не «объективных».

Возможно, свойственная данному периоду дистанцированность от конфессиональной принадлежности, декларативно провозглашавшая позитивистский тезис о недопустимости смешения собственных религиозных предпочтений и научной деятельности по изучению религии, на деле во многом восполняла то духовное насилие, которое с упорством проповедовала *идеология* научного атеизма. Однако подчеркнем еще раз: не следует путать идеологию такого рода с теми исследованиями, которые, переплетаясь с идеологическим дискурсом, искали спасения от «примата» идеологии в объективизме позитивистского толка. Так например, введение в курс научного атеизма начинался в университете с того, что невозможно быть одновременно верующим человеком и изучать религию; в блестящем общем курсе «Научного атеизма» проф. МГУ им. М.В. Ломоносова Кирилла Ивановича Никонова эта позиция фактически приравнивалась к методическому скептицизму, вовсе не похожему на «простое» отрицание существования бога (что, по его мнению, являло собой другую разновидность атеизма, — «ненаучный атеизм»).

Итак, исходная концептуализация ангажированного религиоведения советского периода в светской научной среде проводит разделительную черту между позитивистской концепцией объективного знания как выявления и описания существующих закономерностей *вне* любой идеологии (при этом формально идеология сводилась к религиозной; однако фактически имела в виду и светская антирелигиозная идеология). Заметим: нетоксичность использования подобного подхода подтверждает факт преподавания светского курса религиоведения в религиозных учебных заведениях перестроечного и постперестроечного периода, когда собственных квалифицированных преподавательских кадров, открыто исповедующих свою веру, у этих заведений было мало.

Политические события второй половины 1980-ых – 1990-ых гг. легализовали возможности верующих многих конфессий принимать участие в научной и преподавательской деятельности и легитимировали в общественном сознании концепт «верующего ученого». Затронула эта тенденция и общественные науки, религиоведение в их числе [3, с. 52]. Возникли и активно развивались центры религиоведческих исследований на базе духовных учебных заведений (в том числе, в сотрудничестве с университетами, как это было, например, в буддистской сангхе Читы и Читинского государственного университета). В университетах возникают кафедры теологии, где находят место научные исследования религии с конфессиональных позиций, которые несводимы к теологическим и сами себя позиционируют как религиоведческие. Параллельно продолжают действовать кафедры религиоведения, где постепенно (хотя и не везде) слабеет напор позитивистской риторики, а конфессиональная принадлежность преподавателей, если у них таковая имеется, перестает быть тайной.

Стоит также отметить, что в рамках развития исторической эпистемологии и освоения наследия П. Бурдьё в нулевые годы в отечественную науку входит само понятие «ангажированное знание». Позднее оно проецируется на религиоведческий дискурс, завершая концептуализацию понятия «ангажированное религиоведение»; как следствие, дискуссия об «объективизме» религиоведения приобретает с этого времени дополнительные акценты.

Уточнить их нюансы исходного понятия «ангажированное знание» помогает обзорное исследование 2013 г. «По ту сторону «Чистой науки» и философского созерцания». В этой статье, опубликованной в «Социологическом обозрении», ее автор И.А. Матвеев подробно анализирует как идею самого Бурдьё, настаивавшего на взаимной дополнительности науки и политики, так и позицию его критиков, уточнивших многие моменты их «антипозитивистского» союза. Вместе с Робертом Проктором (а также Максом Вебером), И.А. Матвеев отделяет науку от способов ее использования [4, с. 25], подчеркивая, что «граница между «неангажированным» (или ... ангажированным знанием не совпадает с границей между ценностно-нейтральным и нормативным, политико-философским подходом» [4, с. 27]. Опираясь на М. Фуко, автор указывает, что «политика ангажированного знания — не скрытая, заключенная в его логике и посылах, а открытая и публичная. Такое знание стремится эксплицитировать связь между своей внутренней логикой и своей политикой» [4, с. 29], и главное препятствие на этом пути — «миф» об истине «как привилегии свободных умов», в то время как

в действительности «истина принадлежит этому миру (а не находится за его пределами) и производит эффекты власти (а не искажается/вульгаризуется/замалчивается властью)» [4, с. 29].

Другим важным обзорным исследованием выступает статья 2020 г., написанная Е.П. Неменко, где со ссылкой на дискуссии последних лет акцентируется специфика интерпретации термина ангажированность («вовлеченность») как выведение своеобразных «оптик», позволяющих «различать» те или иные «аспекты проблематизации» [5, с. 82]. Проекцией данного подхода, экстраполирующей интерпретацию ангажированности с гуманитарного знания «вообще» и социологии в частности на конкретную область социогуманитарного знания, является понятие «ангажированного религиоведения». При этом ангажированное религиоведение постперестроечного периода обычно отождествляется с *конфессиональным*. Этот аспект ангажированности маркирован осознанным признанием исследователем своей включенности в исследуемый процесс в качестве его участника (то есть, по сути, представляет тавтологию: вовлеченный вовлечен). Эпистемологически обусловленную «включенность»-«вовлеченность» по понятным причинам следует отнести к любому (а не только религиоведческому) полевому исследованию, возможно именно поэтому позитивистски ориентированные на «жесткий» объективизм (собственная субъективность исследователя должна быть максимально элиминирована) школы *теоретиков* относятся к позитивистам-«полевикам» с известным подозрением. Вместе с тем, некоторые «позитивисты-теоретики» не возражают против «объективной субъективности»: они согласны, что ее элементы неизбежны в любом научном знании, как минимум потому, что оно принадлежит определенному месту и времени, опирается на подходы той или иной научной школы и вообще — в науке нельзя знать всего (фальсификационизм). Как, между прочим, нельзя и «стерилизовать» сознание человека от принятия тех или иных ценностей. Тем самым «позитивисты-теоретики» возвращаются к дискуссии об ангажированности «исходного» вида, которая ориентировала ученого на объективизм в широком понимании. А ангажированность начинает пониматься предельно широко — как сознательное следование определенным вненаучным ценностям.

Современные интерпретаторы дискуссий о статусе научного знания (в том числе религиоведения) обычно оставляют «список» таких ценностей открытым, указывая, что их область значительно шире, чем политические или религиозные. К «влиятельным» ценностям относятся собственно эпистемологические, моральные, социальные и т.д. Однако можно заметить, что в таком контексте нередко говорят о ценностях групповых, а не персональных. В этой связи особенно интересна дискуссия религиоведов 2010-ых – 2020-ых гг., которая инверсивно переосмысливает отношение науки и позитивизма: объективность вновь начинает интерпретироваться рядом школ (в частности, исследовательским центром АмГУ) в духе отождествления науки с позитивным знанием. Речь идет о необходимости принципиального «отрыва» от философских (метафизических) оснований как скрыто-идеологических; «настоящее» же научное познание следует в русле естественнонаучных подходов [6, с. 51].

Подчеркнем: «включенность» можно понимать не только на макро- (групповом), но и микро- (персональном) уровне. Согласно точке зрения, учитывающей микроуровень, религиовед — не абстрактный субъект познания, а живой человек, поэтому его невозможно полностью избавить от личного аспекта принятия ценностей, лежащих в том числе в поле религиозно-конфессиональных ориентиров (например, установка религиозной нейтральности также принадлежит области ценностей). При том, что на уровне индивидуального сознания ценности сами по себе *до-рефлексивны*, некоторые выводы о них необходимо делать. Причем в отличие от светской беседы, где упоминание о своей религиозной принадлежности еще совсем недавно считалось нарушением правил вежливости, рефлексия по поводу своего отношения к религии для религиоведа составляет, по мысли ряда авторов, условие методологической компетентности, поскольку позволяет дать отчет о возможных абберациях, связанных, например, с потенциальным действием бессознательных механизмов при отборе и интерпретации фактов. «Хороший тон» в данном случае предполагает, а не запрещает, уточнить имеющиеся маркеры, неизбежно задающие границы восприятия и оценок (например, в процессе операционализации понятия того или иного религиоведческого исследования).

Таким образом, обобщенный результат процесса концептуализации понятия «ангажированное религиоведение» в период конца 1980-ых и вплоть до 2020-ых гг., открывает возможность дифференцировать несколько вариантов его интерпретации.

Во-первых, это понятие позволяет провести границу между (1) теми, кто не считает важным уточнять методологическую призму, претендуя на объективизм в самом широком понимании; (2) теми, кто настаивает на принципиальной ограниченности любой исследовательской позиции и (3) теми,

кто заостряет внимание на персональных особенностях принятия позиции методологической ограниченности.

Во-вторых, нельзя не отметить ре-идеологизацию научных сообществ в свете легитимации обществом религиозных ценностей [7, с. 202], что открывает возможность интерпретировать ангажированность такого профиля в духе «ненаучного атеизма» К.И. Никонова (с любым знаком оценки самого атеизма) — либо, напротив, в духе «научности», если эти ценности не просто декларируются, но подвергаются анализу. Здесь постпозитивистские установки работают минимально, сближая ученых-религиоведов с теологами и религиозными философами [6, с. 52]. Резкое отношение [8] к конфессиональной ангажированности религиоведения со стороны некоторых ученых можно понять: декларация научного характера той или иной работы не обязательно предполагает, что говорящий на деле реализует заявленные принципы. Но отсюда не следует и обратное. Более того. Данный вариант концептуализации ангажированного религиоведения современного этапа, когда российское общество переживает очередной консервативный поворот, все чаще выводит религиоведение из области позитивного знания в знакомую философии религии область, где демаркация пролегает по более жестким границам веры и знания. Здесь, как представляется, вряд ли оправданы попытки априори *не считать научными* результаты тех исследователей, кто сделал свой ценностный выбор (в том числе религиозный) предметом методологической рефлексии: в духе теории П. Бурдьё их попытки совместить «науку» и «ценности» вполне могут оставаться в области науки (в частности, если они выходят за рамки «наивного» принятия религиозной идеологии). Сошлемся на слова авторов учебника «Религиоведение» под редакцией И.Н. Яблокова, которые считают, что «нет оснований» считать всё конфессионально ангажированное религиоведение ненаучным: именно дискуссии — в том числе и между представителями столь разных методологических призм, как ангажированное и неангажированное религиоведение, — как раз «способствуют достижению плодотворных научных результатов» [9, с. 15-16]. Вопрос, таким образом, стоит не только о методе, но и о цели исследования: идет ли речь об ангажированности как непреклонном стремлении любой ценой утвердить свою интерпретацию той или иной ценностной матрицы (не-научный подход) — или же религиовед готов, учитывая специфику своего эпистемологически значимого багажа (в том числе и аксиологического), описывать свои исследовательские находки, аргументируя свою точку зрения («минимально» научный подход). В каждом из аспектов интерпретации ангажированного религиоведения, таким образом, может присутствовать рациональное зерно, выделить которое призвана помочь научная коммуникация представителей различных школ и направлений.

Список литературы

1. Бурдьё П. За ангажированное знание. [Электронный ресурс]. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-za-angazhirovannoe-znanie> (дата обращения 10.01.2024).
2. Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 6–19.
3. Аринин Е.И., Чудаева Е.А. Проблема "духовной безопасности" в контексте понимания религиозности в религиоведении // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 50-54.
4. Матвеев И.А. По ту сторону «Чистой науки» и философского созерцания // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 24–33.
5. Неменко Е.П. Интеллектуалы и общество в современной французской социологии: к истории концепта ангажированности // Вестник пермского университета. История. 2020. Т. 3 (30). С. 81–87.
6. Забияко А.П. Религиоведение как строгая наука // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 3. С. 47-64.
7. Философия культуры в системе изучения международных отношений. Силантьева М.В., Глаголев В.С., Бирюков Н.И., Желудова Н.Ф., Шестак В.А., Печатнов В.В. Книга 1. Парадоксы исследовательской призмы. Москва: МГИМО, 2020. 544 с.
8. Смирнов М.Ю. Религиоведение как служение: характерные черты научной деятельности Анатолия Лещинского. Предисловие д-ра социологических наук Михаила Смирнова / Лещинский А.Н. Православие: о его единстве и отношениях с государством. Религиоведческие исследования и очерки. LAP LAMBERT Academic Publishing (2016-10-28). 684 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://sociologyofreligion.ru/topic/8061/> (дата обращения 10.01.2024).
9. Религиоведение: учебник для бакалавров / под ред. И. Н. Яблокова. Москва: Издательство Юрайт, 2015. 479 с.

АНГЛИЙСКИЙ АНТИКАТОЛИЦИЗМ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Стецкевич М.С.

*Кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: m.steckeitch@spbu.ru*

Аннотация. Рассматривается процесс эволюции английского антикатолицизма: явления, почти полностью принадлежащего прошлому, но сыгравшему весомую роль в религиозно-политической жизни страны XVI – XIX вв. Выделяются основные этапы развития антикатолицизма: с середины XVI в. до 1778 г., с конца XVIII в. до 1829 г., и до 1926 г. Делается вывод о том, что процесс секуляризации привел к размыванию протестантской идентичности и соответственно – к маргинализации антикатолицизма. Анализируются основные тенденции в историографии антикатолицизма, процесс перехода от конфессионализма к объективности, позиции авторов, отстаивающих как тезис о весомом интегративном потенциале антикатолицизма (Л. Колли), так и оспаривающих его (Дж. Кларк).

Ключевые слова: антикатолицизм, протестантизм, Церковь Англии, Реформация, секуляризация, историография.

ENGLISH ANTICATHOLICISM: HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

Stetkevich M. S.

*CSc in History, Associate Professor
St. Petersburg State University
E-mail: m.steckeitch@spbu.ru*

Abstract. The process of evolution of English Anticatholicism is a phenomenon that almost completely belongs to the past. At the same time, it played a significant role in the religious and political life of England in the XVI – XIX centuries. The main stages of the development of anti-Catholicism are highlighted: from the middle of the XVI century to 1778, from the end of the XVIII century to 1829, and until 1926. It is concluded that the process of secularization led to the erosion of Protestant identity and, accordingly, to the marginalization of Anticatholicism. The author analyzed the main trends in the historiography of anti-Catholicism: the process of transition from confessionalism to objectivity, the arguments of the authors defending both the thesis of the weighty integrative potential of Anticatholicism (L. Colley) and challenging it (J. Clark).

Keywords: Anticatholicism, Protestantism, Church of England, Reformation, secularization, historiography.

Английский антикатолицизм в настоящее время можно считать явлением, принадлежащим скорее прошлому, нежели настоящему. Его реликтами в современной Англии являются остающиеся в силе положения «Акта об устройении» (1701), запрещающие монарху принадлежать к Римско-католической церкви и обязывающие его быть членом государственной Церкви Англии, сохранившиеся традиции празднования 5 ноября – годовщины раскрытия организованного преимущественно католиками «Порохового заговора» (1605 г.), оппозиция визиту папы Бенедикта XVI в Великобританию (2010). Впрочем, и здесь всё выглядит неоднозначно: принятый в 2013 г. новый закон о престолонаследии не воспрещает, как ранее, британскому монарху брать в супруги католичку, отмечание 5 ноября сводится в основном к фейерверкам, и чаще всего обходится без сожжения чучела папы; противниками визита папы были главным образом светские деятели, в частности, секуляристы во главе с Р. Докинзом, обвинявшие его в нарушении прав человека. Такая ситуация вызвана в первую очередь утратой религии в большинстве стран европейской культуры роли важного компонента национальной идентичности. В Великобритании эта тенденция наиболее заметна именно в Англии.

Тем не менее не вызывает сомнения тот факт, что на протяжении нескольких столетий – с конца XVI и до окончания XIX в. протестантизм являлся существенным фактором не только английского, но в значительной мере и британского (за исключением Ирландии) самосознания. При этом в Англии

XVII-XIX вв. понятие «протестантизм» употреблялось почти исключительно как синоним понятия «антикатолицизм», и крайне редко – для определения принадлежности к какой-то конкретной церкви данного направления.

Напряженный характер английской Реформации XVI в., включившей в себя и попятные движения (реставрация католицизма в период правления Марии Тюдор (1553-1558 гг.), длительный конфликт с католической Испанией, когда под угрозу было поставлена самостоятельность английского государства, привели к тому, что антикатолицизм стал частью национальной идеологии. Именно этим главным образом и объясняется несколько парадоксальное обстоятельство: высокий градус антикатолических настроений при доминировании в стране наиболее умеренного течения протестантизма – англиканства.

Период со второй половины XVI в. и до 1778 г. можно считать первым и наиболее интенсивным периодом в развитии английского антикатолицизма. Римский католицизм представлялся «неистинной» религией, для которой характерны пренебрежение Библией, «идолопоклонство», сохранение языческих элементов, деспотическая власть папы – «Антихриста». Теологическая критика шла рука об руку с политической: католицизм ассоциировался с тиранией, а католики считались потенциально нелояльными. Даже такой поборник веротерпимости, как Дж. Локк, считал, что её распространение на католиков невозможно, поскольку они «обязаны слепо повиноваться непогрешимому папе, который носит на поясе ключи от их совести и может... вооружить их на волнения против правительства» [1, с. 82].

Отсюда – ряд принимавшихся вплоть до начала XVIII в. ограничительных законов, предусматривавших лишение приверженцев католицизма политических и многих гражданских прав. Был предпринят и ряд мер по укреплению протестантского статуса британской монархии. Помимо уже упоминавшегося «Акта об устройении» следует отметить и новый текст королевской присяги, утвержденный после свержения в результате Славной революции 1688 – 1689 гг. короля – католика Якова II Стюарта, и возлагавший на монарха обязанность поддерживать «протестантскую реформированную религию, установленную законом» [2, р. 10-16]. Попытки наследников Якова II, являвшихся католиками, вернуть себе престол (якобитское движение), отвергались большинством англичан как неизбежное восстановление «папизма» [3, р. 253].

Второй период начинается с отмены самых суровых ограничений гражданских прав католиков в 1778 г. и завершается в 1829 г. возвращением им избирательных прав (эмансипация). На этом этапе происходило медленное, но вполне очевидное размывание антикатолицизма как интегрирующей силы. После отмены части запретительных законов вспыхнули мощные беспорядки, известные как «мятеж лорда Гордона» (1780) [3, р. 204-244]. Эмансипация католиков в 1829 г. состоялась после многолетних и ожесточенных парламентских дебатов, но уже не вызвала всплеска насилия. Ослаблению антикатолицизма способствовало распространение в обществе, особенно среди образованных классов, идеи свободы вероисповедания, а также затухание якобитского движения.

Третий период продолжался до 1926 г., когда парламент проголосовал за отмену ещё остававшихся ограничений католиков. Возможно, потенциал антикатолицизма как существенного маркера английской идентичности оказался бы исчерпан к середине XIX в., но масштабная ирландская иммиграция, активное развитие трактарианского движения в Церкви Англии и его продолжения – ритуализма, имевших репутацию «про-папистских», восстановление в стране Римско-католической иерархии (1850) способствовали сохранению представлений о католицизме как религии, таящей явную или скрытую угрозу английским политическим и религиозным свободам [4]. К середине XX в. антикатолицизм превратился в маргинальное явление, сохраняя актуальность в Шотландии и Уэльсе (в небольшой степени), и особенно – в Северной Ирландии.

До 1920-х гг. научное исследование английского антикатолицизма практически не осуществлялось, поскольку писавшие об этом феномене авторы придерживались строго конфессиональных позиций. Начиная с появления монографии Ф. Хьюза [5] изучение антикатолицизма продвигается достаточно быстрыми темпами, а авторы исследований, стремясь к объективности, уже не демонстрируют своих религиозных пристрастий.

Имеющиеся работы можно разделить на две большие группы. Во-первых, это исследования, в которых рассматривается процесс влияния антикатолицизма на развитие не только английского, но и британского национального самосознания. Авторы статей, включенных в увидевший в 1982 г. свет сборник, посвященный этой проблематике, высказывали зачастую противоположные взгляды. Если Д. Беббингтону интегрирующая роль протестантизма в становлении британскости (бритишнес) казалась очевидной [6, р. 502–503], то К. Роббинс в ней сильно сомневался, полагая, что в Шотландии и Уэльсе местные протестантские церкви делали акцент скорее на значимости национальной,

а не общебританской идентичности [7, p. 466-472].

Подавляющее большинство исследователей разделяет скорее точку зрения Д. Беббингтона, нежели скептицизм К. Роббинса. Особо стоит отметить имевшую значительный общественный резонанс работу Л. Колли «Британцы: изобретение нации». По её мнению, протестантизм в его антикатолическом варианте в XVIII – начале XIX в. объединил англичан, шотландцев, валлийцев в борьбе с «папистской» Францией, став тем фундаментом, который сделал возможным рождение Британии» [8, p. 54].

Иную точку зрения отстаивает известный исследователь Дж. Кларк, в ряде своих работ подчеркивающий важнейшее значение религиозных противоречий в развитии британского общества XVII-XIX вв. Он полагает определяющим конфликт между англиканами и радикальными протестантами – диссентерами, призывая не преувеличивать интегративную функцию антикатолицизма [9, 10].

Во-вторых, существует значительное число работ, в которых анализируются конкретные проявления антикатолицизма. В последнее время опубликован целый ряд коллективных монографий, содержащих, наряду с разбором конкретных кейсов, и проведение компаративного анализа европейских и трансатлантических проявлений антикатолицизма, что позволяет более рельефно представить специфику его английского варианта [11, 12].

К сожалению, в отечественной историографии, не смотря на доступность многих источников в электронном виде, в силу сохраняющейся инерции не наблюдается сколь-нибудь заметного интереса к этой важной теме.

Список литературы

1. *Локк Дж.* Опыт о веротерпимости // Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 66-90.
2. *The Eighteenth-Century Constitution, 1688-1815. Documents and Commentary.* Ed. E. Williams. Cambridge: University Press, 1960.
3. *Haydon C.* Anti-Catholicism in Eighteenth-Century England, c. 1714– 80. Manchester: University Press, 1993.
4. *Norman E. R.* Anti-Catholicism in Victorian England. London: Allen & Unwin, 1968.
5. *Hughes P.* The Catholic question, 1688-1829: a study in the political history. New York: Benzinger Bros, 1929.
6. *Bebbington D.W.* Religion and National Feeling in Nineteenth century Wales and Scotland // Religion and National Identity. Ed. S. Mews. Oxford: Blackwell, 1982. P. 489–503.
7. *Robbins K.* Religion and Identity in Modern British History (Presidential Address) // Religion and National Identity. Ed. S. Mews. Oxford: Blackwell, 1982. P. 462-476.
8. *Colley L.* Britons: Forging the Nation, 1707–1837. London: Pimlico, 2003.
9. *Clark J. C. D.* English Society, 1660–1832: Religion, Ideology, and Politics during the Ancien Regime. Cambridge: University Press, 2000.
10. *Clark J. C. D.* Protestantism, Nationalism, and National Identity, 1660-1832 // The Historical Journal. 2000. Vol. 43, № 1. P. 249-276.
11. *Protestant–Catholic Conflict from the Reformation to the Twenty-first Century.* Ed. J. Wollfe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
12. *Against Popery. Britain, Empire and Anticatholicism.* Ed. E. Haefeli. Charlottesville: University of Virginia Press, 2020.

СКЕПТИЦИЗМ И ПРИНЦИП ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ВОПРОСЕ О НАУЧНОСТИ ТЕОЛОГИИ

Ткачев А. Н.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского.
E-mail: andrej-tkacheff2015@yandex.ru*

Аннотация. В докладе рассматривается вопрос об осознании теологии в качестве науки, через отношение теологии к скептицизму и принципу фальсификации Карла

Поппера. Поясняется, что различные интерпретации и виды теологии неоднородны по отношению к науке, а потому невозможно говорить о теологии в целом по отношению к науке. И потому требуется выделение тех интерпретаций и видов теологии, которые могли бы (и имели такую потребность) соответствовать принципам научного подхода. Предлагается понимать умеренный скептицизм и принцип фальсификации Поппера как наиболее сложное требование для теологии, в ее стремлении соответствовать науке. Также рассматривается проблема культурного запроса на теологию как науку и делается вывод о проблематичности такого подхода.

Ключевые слова: скептицизм, принцип фальсификации, теология, наука, библеистика, эпистемология.

SKEPTICISM AND THE PRINCIPLE OF FALSIFICATION IN THE QUESTION OF SCIENTIFIC CHARACTER OF THEOLOGY

Tkachev A.N.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
E-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru*

Abstract. This report explores the problem of interpreting theology as a science, through the relationship of theology to skepticism and Karl Popper's principle of falsification. The author explains that different types of theology are heterogeneous in relation to science, therefore, it is impossible to talk about theology as a whole and its scientific status. The author proposes to identify those interpretations and types of theology that could (and had such a need) comply with the principles of a scientific approach. The author considers moderate skepticism and Popper's principle of falsification as the most difficult requirement for theology in its quest to conform to science. The author also analyzes the problem of cultural demand for theology as a science, and concludes that such an approach is problematic.

Keywords: skepticism, the principle of falsification, theology, science, biblical studies, epistemology.

В науковедении давно идет дискуссия о том, насколько возможна теология как наука. И преимущественно при выяснении вопроса о научности теологии рассматриваются темы о значимости религии в человеческой жизни, о значимости религии для культуры, об исторической роли религии в возникновении науки, и другие темы, связанные с исторической и культурной ролью религии. Но темы о значительности культурной роли ничего не могут говорить в пользу научности. Например, вряд ли кто будет оспаривать высочайшую роль искусства в культуре человечества, но из этого совсем не следует, что искусство это наука. Искусство — это самостоятельная область культуры, так же, как и религия. И то, что те или иные стороны религии могут быть предметом изучения различных наук, тоже никем не оспаривается, но и это тоже не имеет никакого отношения вопросу о том, является ли теология наукой.

Не является критерием научности и то, что, например, в настоящее время ВАК относит теологию к научным специальностям, потому что в науке нет (и не может быть) завершенных тем, зато всегда есть право на ошибку. Например, если обратиться к истории науки, то когда-то в советское время ВАК ошибочно относил к науке и мичуринскую агробиологию академика Лысенко, которая ныне считается лженаукой. Более того, идут и продолжают дискуссии не только о том, является ли теология наукой, но и о том, что такое сама «наука», и где ее границы — это тоже открытый, можно даже сказать, «вечный» вопрос. Даже то, что экзистенциальные предпосылки занятия наукой предполагают то, что обнаруживается в теологии, а именно «имеющая вселенское значение надежда на будущее», [1, с. 26] как писал богослов Юрген Мольтман.

Вопрос о том, является ли теология наукой — это, в том числе, и вопрос о границах науки, по крайней мере, напрямую касается темы границ науки. И поэтому, если попытаться предметно говорить о научности теологии, то надо говорить не о культурном значении религии, а ставить вопросы о соответствии теологии наиболее общим принципам научной методологии. В общей методологии науки есть положительные принципы: например, систематизация, наблюдение, сравнение, измерение, абстрагирование и т.д., и есть критические принципы, например, принцип методологического сомнения Декарта. Причем современные общеметодологические принципы науки немислимы без

умеренного скептицизма, и следующего из скептического подхода принципа фальсификации Карла Поппера, так как именно благодаря им обеспечиваются в развитии науки переходы на новые уровни исследования. Например, относительно какого-то одного положения можно бесконечно систематизировать материал, но для того, чтобы изменить положение, нужно в нем усомниться, нужно подойти к нему критически. И вот теология обычно соответствует положительным сторонам научной методологии (в том объеме, насколько это возможно для гуманитарных наук), но встает вопрос о соответствии и критическим методологическим принципам. В самом понятии «вера» уже присутствует сомнение, потому что зачем верить, если есть возможность «знать». То есть, понятие вера – это результат критического подхода к возможности знания.

С другой стороны, вера как раз является выходом из сомнения в определенность, при этом познавательный статус этого выхода носит в себе критический вопрос сомнения, потому что выход верою из сомнения осуществляется без достаточных для того оснований. Вера может иметь достаточные экзистенциальные основания, но не имеет достаточных эпистемологических оснований, потому что проблема неизвестности сохраняется независимо от выбора верою определенности. При этом занятие наукой требует целеполагания определенности, и этому, как нельзя лучше, удовлетворяет теология и религия, потому что не просто задает определенную цель, но и обеспечивает для этой цели скептическое пространство, необходимое для развития.

Это скептическое пространство обеспечивается идеей трансцендентности Божественного, допускающей вскрытие всех имманентных границ в любой исследуемой тематике. Никакое имманентное целеполагание не может претендовать на подобное, потому что граница в имманентном представлении — это граница бытия. Другими словами, границы сложившихся имманентных представлений о Мироздании полагаются как границы самого бытия. Например, если мир представляется материальным, то бытие в своей бесконечности уже в такой картине мира не может выйти за границы материального. Тогда как трансцендентное представление не задает границ, а допускает, что мир может быть каким угодно, даже непредставимым для человеческих предположений. Соответственно, для эпистемологии, стремящейся к всестороннему развитию и углублению, предпочтительнее трансцендентное целеполагание, нежели имманентное.

Только так обстоит дело лишь в идеале, а если мы имеем дело с наличествующей в культуре теологией, то там скорее можно встретить имманентный консервативный догматизм, чем трансцендентность. А к теологии трансцендентности большинство теологов относится скорее сдержанно-подозрительно, и чаще отрицательно, чем положительно. Теологи, проводящие в своем творчестве большую открытость трансцендентному, бывает получают негативную оценку своей церкви. Например, известный католический теолог и священник Ганс Кюнг, которого считают одним из ведущих теологов современности, и которому католическая церковь запретила (католическому священнику запретила) говорить от имени католической церкви. А Ганс Кюнг как раз и пишет о необходимости принципа фальсификации Карла Поппера для теологии: «...и в богословии, если оно желает быть наукой, а не бесплодным догматизмом, принципиально возможны изменения проекта, критика, ответная критика и исправления. Богословы не должны облегчать положение естествоиспытателей в споре, внося в дискуссию аргумент от авторитета, устаревший во всяком случае в эпоху Просвещения, и ссылаясь на то, что Библия, папа Римский или решения соборов якобы непогрешимы и не подлежат обсуждению». [2, с. 59] Призыв Кюнга к необходимости скептической оценки в теологии, если теология претендует на научность, не находит поддержки в церковной теологии, но, разумеется, не у теологии вообще. Даже можно выделить, более независимую «университетскую теологию», более склонную к исследованиям, и «церковную теологию», более склонную к обслуживанию интересов той или иной церкви.

Под понятием «теология» могут пониматься очень разные вещи, например, кто-то понимает теологию как учение о Боге, а кто-то понимает теологию, как учение о Слове Бога. И понятно, что учение о метафизическом Объекте имеет один эпистемологический статус, а учение о содержании определенного Текста, совсем другой эпистемологический статус. Вот обычно на теологию как науку претендует именно учение о Тексте (о Слове Бога). И здесь некоторые теологические дисциплины, давно считаются научными, и их научность никто не оспаривает. Например, было бы странно оспаривать научность библейской текстологии, которая совершенно ничем не отличается от обычной филологической текстологии, кроме как исследуемым текстом, кроме как материалом. Благодаря работе теологов-библеистов по библейской текстологии мы имеем наиболее выверенные (на настоящее время) по древним рукописям тексты Библии, древнееврейской и древнегреческой частей Библии. Это громадная научная работа, которая в принципе не может быть завершена, и периодически выходят все новые и новые редакции. Например, редакцией древнегреческой части

книг Библии, сейчас занимается Институт текстологических исследований Нового Завета при Мюнстерском университете, и вышло уже 28 научное издание, а выпуск 29 издания ожидается в 2025 году. Эти издания носят названия по имени самых известных редакторов Нового Завета Эберхарда Нестле и Курта Аланда – Nestle-Aland. Предметом исследования является примерно 5800 древних рукописей, причем периодически отрываются новые. Если в 1950 годах было известно около 4200 рукописей, то сейчас известно на 1500 рукописей больше. Разумеется, это результат большой научной работы, кроме того, большая работа по приведению к определенной научной редакции различных разночтений в рукописях, что является результатом большой научной критической дискуссии, которая продолжается. То же самое происходит и с изданием древнееврейской части собрания книг текста Библии. И вряд ли кто будет оспаривать научность работы теологов, специализирующихся на разных дисциплинах библеистики.

Совсем другое дело, догматические исследования, где предметом исследования является вероучение той или иной церкви, ведь вряд ли церкви смогут смотреть беспристрастно, как исследователи критически анализируют относительно разных познавательных установок ее вероучение. Скорее всего, исследователи, вслед, например, за Л.Н. Толстым, получают отрицательное церковное определение в их адрес. При этом в теологии есть и устойчивая тенденция, в определенных теологических кругах, следовать принципу фальсификации Карла Поппера например, удовлетворяет и близок ему принцип протестантской диалектической теологии (связанной с именами таких классиков теологии как Карл Барт, Пауль Тиллих, Рудольф Бульгмам и др.), где прямо речь идет о том, что «критерий истины веры состоит в том, что она подразумевает элемент самоотрицания» [3, с. 196]. Но это все тоже ближе к университетской теологии.

В качестве вывода можно сказать, что та теология, которая стремится следовать беспристрастному скептическому подходу и принципу фальсификации К. Поппера вполне может быть наукой, и в ряде случаев уже является наукой, но существует вопрос о месте теологии как науки в культуре. Откуда исходит культурный запрос на такую теологию? От церкви? – Вряд ли. От научного сообщества? – Может быть, но научному сообществу нужен заказ и финансирование. Может быть государству? – Но государство может быть заинтересованно в церкви, а вряд ли в самой теологии. Может быть обществу? – Может быть, но для этого в обществе должны как-то сформироваться культурные ниши, где были бы востребованы серьезные независимые теологические исследования.

Список литературы

1. *Мольтман Ю.* Наука и мудрость: К диалогу естественных наук и богословия. М., Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. 204 с.
2. *Кюнз Г.* Начало всех вещей: естествознание и религия. М., Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. С. 250 с.
3. *Тиллих П.* Динамика веры // Избранное: Теология культуры. М. Юрист, 1995 С. 132-215.

НАУКА И РЕЛИГИОЗНАЯ МИССИЯ: КАЗУС ГАЛЛЬСКИХ ПИЕТИСТОВ

Чумакова Т.В.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: t.chumakova@spbu.ru*

Аннотация. Доклад посвящен изучению роли научного знания в деятельности пиетистов из Галле в XVII-XVIII вв. Галльские пиетисты стремились реформировать не только лютеранскую церковь, но и христианство в целом. И одним из важных способов этого реформирования стала внутренняя и внешняя миссия. Обе этих миссии были тесно связаны. Одним из основ их стали детские учебные заведения, которые были созданы для мальчиков и девочек в Галле. Основой воспитания стала утопическая идея о создании новых людей, которые должны были стать добрыми христианами и достойными членами общества. Благодетельство в Новое время стало приобрело и научное измерение. Идеальный член общества печется об общем благе. Наука в конце XVII в. начинает восприниматься как общественное благо. Поэтому исследование окружающего мира воспринималось как благодетельное деяние. Воспитательные дома Галле стали исследовательскими центрами.

Внешняя миссия простиралась достаточно далеко, ее географические границы постоянно раздвигались. Эти многообразные миссионерские стратегии распространения религиозных идей способствовали успеху пиетистов.

Ключевые слова: миссионерство, история науки, пиетизм, Галле, Новое время, русская культура.

SCIENCE AND RELIGIOUS MISSION: THE CASE OF THE GALLIC PIETISTS

Chumakova T. V.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
of Religion and Religious Studies
St. Petersburg State University
E-mail: t.chumakova@spbu.ru*

Abstract. The report is devoted to the study of the role of scientific knowledge in the activities of pietists from Halle in the XVII-XVIII centuries. Gallic pietists sought to reform not only the Lutheran Church, but also Christianity as a whole. And one of the important ways of this reform was the internal and external mission. Both of these missions were closely linked. One of their foundations was children's educational institutions, which were created for boys and girls in Halle. The basis of education was the creation of new people who were to become good Christians and worthy members of society. Piety in Modern times has also acquired a scientific dimension. The ideal member of society cares about the common good. At the end of the XVII century, science began to be perceived as a public good. Therefore, exploring the world around us was perceived as a pious act. The educational institutions of Halle have become research centers. The external mission extended far enough; its geographical boundaries were constantly expanding. These diverse missionary strategies for spreading religious ideas contributed to the success of the Pietists.

Keywords: missionaries, history of science, pietism, Halle, Modern times, Russian culture.

Пиетизм в качестве религиозного движения формируется в период после Тридцатилетней войны. Опираясь на труды основателей Реформации, Лютера и Кальвина, а также на мистические произведения Средневековья и Нового времени (в первую очередь тексты Иоганна Арндта (1555–1621) и Якова Беме (1575–1624), в которых уделялось внимание «духовной алхимии», благодаря которой создается новый человек), его сторонники призывали продолжить процесс Реформации, усилив значение не внешней дисциплины, а личной религиозной жизни. Зарождение пиетизма как течения внутри лютеранства связывают с публикацией в 1675 году трактата «*Pia desideria*» Ф. Я. Шпенера. Значение этой работы было настолько велико, что уже спустя два года после выхода сторонников Шпенера начали называть пиетистами. Пиетисты считали, что те, в ком реализовалось это религиозное мировоззрение, образуют инклюзивную общность, подобную общинам ранних христиан, для которой характерны веротерпимость, и отсутствие разделения на национальность, расу и класс [1]. Эта религиозная солидарность распространялась и на общественную и политическую жизнь, которая, также подлежала реформированию и моральному исправлению [2]. В деятельности приверженцев пиетизма основной акцент был сделан на необходимости благочестия, создании небольших групп «*collegia pietatis*», которые должны были распространять слово Божие с помощью различных методов, как вполне привычных для протестантов (совместные молитвы, пение и чтение духовной литературы), а также более инновационных, использующих современные педагогические методики прививая определенное мировоззрение в процессе учебы или других общественных практик (например, медицинских).

Самым ярким примером пиетистских новаций в области науки и образования были конечно же воспитательные дома в Галле, которые первоначально создавались для мальчиков и девочек из бедных семей, где эти дети получали общее и «реальное образование»: обучались ремеслам, которые позволили бы им в будущем стать достойными членами общества. Качество образования в этих школах, основанных Августом Германов Франке (1663-1727) в конце XVII в., было столь высоким, что вскоре возникли и платные «учреждения Франке» (так их называли и в XIX в.) для детей из состоятельных семей. Главной целью образования Франке считал христианское благочестие и мудрость. Первое достигалось путем духовных упражнений, а вот второе в этих «домах Соломона» [3, p.29], подобных «Дому Соломона» , описанному Ф. Бэконом в «Новой Атлантиде» (первая

публикация 1626) достигалось изучением астрономии, математики, географии, логики, истории, ботаники, иностранных языков, а также основ садоводства, земледелия и проч. «Мудрость» понималась Франке как открытость миру, интерес к его природному и человеческому разнообразию.

Чтобы быть хорошим наблюдателем, требуется открытость к бесконечному разнообразию природных явлений, а также к разнообразию человеческих точек зрения. Чтобы быть хорошим наблюдателем, также требовались мотивация и желание. Возможно этот проект и не состоялся бы, если бы пиетистские идеи не сблизили трех человек: Августа Г. Франке, автора знаменитого сочинения «Врачевание ума» математика Эренфрида Вальтера фон Чирнхауза (Tschirnhaus), и автора «Теодицеи» философа Готфрида Вильгельма Лейбница, которые считали, что воспитательные дома должны стать вдохновляющими местами исследований [3, р. 21-260], «настоящей игрой» [3, р. 25]. Лейбниц был горячим приверженцем Франке, он считал, что необходимо сочетать духовные упражнения с обучением новым наукам. В переписке с ним Франке писал «укрепление страха Божьего и содействие наукам – это две задачи, которые...должны быть объединены... И мои несколько институтов, в которых сейчас учатся 1700 детей и работают 120 преподавателей, показывают то, как это можно сделать» [3, р. 36]. Этот союз благочестия и науки просуществовал около четверти века, его погубил партикуляризм теологического факультета университета Галле, который «подорвал приверженность детского дома эпистемологическому эклектизму и открытости» [3, р. 127]. Воспитательные дома переориентировали свою учебную программу в соответствии с «моральными принципами, а не выбором, структурированным логикой или разумом» [3, р. 128], но сами реальные училища Франке стали образцом для «реальных училищ» по всему миру, в том числе и в Российской империи [4.]. В России идеи пиетистов распространялись с XVIII в. через различные учебные пособия, и, в первую очередь, учебники грамматики, перечень которых впечатляет, это знаменитые грамматики И.Э. Глюка, Г.В. Лудольфа, И.В. Пауса, И.К. Шталя. Их авторов объединяла цель, которая была достаточно точно сформулирована Лудольфом: «перевод полезных книг на языки тех народов, которые вследствие тяжелых условий жизни лишены этих средств духовной культуры» [5, с. 110]. Успеху пиетистов в России, возможно, способствовало и то, что пастор Глюк был крестным отцом и опекуном будущей императрицы Екатерины I. На примере Российской империи хорошо видно, что галльские пиетисты не отказывались ни от какой помощи для продвижения своего миссионерского служения. Так финансовую поддержку им оказывало Британское общество содействия распространению христианских знаний (SPCK) (возникшее в 1698 г. и существующее и по сей день), которое оказало значительное влияние на формирование и различных религиозно-общественных институций и на территории Российской империи. Это общество, носящее экуменический характер, стремилось поддерживать любые проекты, пропагандирующие христианство, в том числе на территории Российской империи. «SPCK не только оказал финансовую поддержку многим пиетистским проектам, но и помог распространению публикаций, организовав их распространение в различные части мира. Иногда SPCK помогал, присылая свои собственные книги. Например, чтобы поддержать усилия пиетистов по началу миссионерской деятельности на персидских территориях, которые в тот момент были частью Российской Империи, SPCK предоставил Новый Завет на арабском языке, напечатанный в 1721 год и оплачен британской королевской семьей [6, р. 122].

Эти идеи немецких философов и богословов о союзе науки и «страха божьего» вполне соответствовали духу раннего Нового времени с его представлением о науке как общем благе [7]. Исследователи отмечают, что «Ученые раннего Нового времени, стремящиеся познать скрытые тайны природы, так же как платоновские философы, воспринимают свои научные изыскания как служение истине и обществу» [8, с. 165]. Идеальный человек с точки зрения пиетизма, это тот, кто печется не только о личном, но и об общественном благе, об этом ему не дает забыть «страх Божий».

Возвращаясь к созданным учебно-исследовательским учреждениям Франке в Галле, надо отметить важность для распространения с помощью «мягкой силы» идеи пиетизма медицинских школ Галле. Медицинская помощь достаточно активно использовалась многими миссионерами, так проповедуя среди шаманистов или политеистов они имели возможность благодаря современной медицине доказать, что их бог «сильнее», и порой медицинские успехи играли решающую роль в медицинской практике. Это еще один пример того, как научные достижения использовались в христианских миссиях. В Галле не только обучали медицине, но и изготавливали лекарства, составляли типовые аптечки, которые благодаря немецким колонистам расходились по всему миру. Исследователи изучили движение «лекарственных потоков» на примере немецкой колонии, существовавшей в штате Джорджия [9]. Большинство американских получателей лекарств из Галле были пасторами и врачами, которые учились в Галле и полностью разделяли идеи галльских пиетистов, которые считали лечение болезней божественным даром. Достаточно логично, что почти все

лекарственные поставки включали Библии, духовные сочинения и медицинские руководства. Часто лекарственные аптечки, которые отправлялись далеко за пределы Германии, оплачивались людьми, которых мы сейчас могли бы назвать волонтерами.

Говоря о научных исследованиях галльских пиелистов, нельзя не упомянуть их исследования природы и жизни различных регионов, и прежде всего Южной Индии, где работала Датско-Галльская миссия, и откуда различные коллекции (прежде всего ботанические) попадали в Галле, и служили пособиями для изучения разнообразия природы. Благодаря этой миссии было написано множество исследований, а также миссионерских дневников, позволяющих современным исследователям реконструировать миссионерские подходы и стратегии XVIII – XIX вв. [10].

Список литературы

1. Чумакова Т. В. Пиетизм в русской религиозно философской мысли XVIII-XIX веков // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 84-103.
2. Stoeffler F. E. Pietism // Encyclopedia of Religion. 2nd edn / Lindsay Jones, Editor in Chief. Detroit: Macmillan References, Thomson Gale, 2005. Vol. 10. P. 7141-7144.
3. Whitmer K. J. The Halle orphanage as scientific community: Observation, eclecticism, and pietism in the early enlightenment. University of Chicago Press, 2019.
4. Раумер К. Г. История воспитания и учения от возрождения классицизма до нашего времени. Ч. 2: От Бэкона до смерти Песталоцци (1561-1827). СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1878.
5. Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / Изд. под ред. Б. А. Ларина. Л., 1937.
6. Fundaminski M. The Communications Network Of Halle Pietists In Russia // Foreign Churches in St. Petersburg and Their Archives, 1703-1917. Brill, 2007. P. 115-127.
7. Касавин, И. Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217-227.
8. Лисович И. Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени М., 2015.
9. Wilson R. Pious Traders in Medicine: A German Pharmaceutical Network in Eighteenth-Century North America. University Park: Penn State University Press, 2000.
10. Wilson R. Pious Traders in Medicine: A German Pharmaceutical Network in Eighteenth-Century North America. University Park: Penn State University Press, 2000.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В НАУКЕ О РЕЛИГИИ: PRO ET CONTRA

Шахнович М. М.

*Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии
религии и религиоведения*

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: m.shakhnovich@spbu.ru

Аннотация. В докладе рассматривается современная критика методологии сравнительного религиоведения в эссенциализации и деконтекстуализации религиозных явлений, а также в ангажированности ее противоборствующими идеологическими программами, утверждающими или отвергающими религию. Эта современная радикальная критика компаративистской методологии сопоставляется с «разоблачением» методов «буржуазной» интерпретации сравнительного подхода в советской науке о религии эпохи социалистического строительства. Рассматривая «случай Недельского», связанный с отменой его доклада в Коммунистической академии в 1931 г., автор отмечает возрастание политизации научных дискуссий в области истории религии в конце 1920-х — начала 1930 гг., приведший к отказу в публичной презентации ряда исследований, даже написанных с марксистских позиций. Автор полагает, что современное развитие когнитивных наук способствует укреплению сравнительной методологии в науке о религии, поэтому в настоящее время вопрос заключается не в том, применять или нет сравнительный метод в исследовательской практике, а в том, как проводить сравнение.

Ключевые слова: сравнительная методология, советский марксизм 1920-х-1930-х гг., наука о религии, деконструкция, когнитивный поворот.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФ № 24-28-00517 «Редакционный портфель»: научные исследования в области истории религии и религиозной философии в 1920-е—1930-е гг. в СССР и редакционная политика научных изданий».

COMPARATIVE METHODOLOGY IN THE SCIENCE OF RELIGION: PRO ET CONTRA

Shakhnovich M.M.

*DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy
of Religion and Religious Studies
State Saint-Petersburg University
E-mail: m.shakhnovich@spbu.ru*

Abstract. The paper examines contemporary criticism of the methodology of comparative religion in the essentialization and decontextualization of religious phenomena, as well as its engagement with opposing ideological programs that affirm or reject religion. This modern radical criticism of comparative methodology is compared with the “exposure” of the methods of the “bourgeois” interpretation of the comparative approach in the Soviet science of religion during the era of socialist construction. Considering the “Nedelsky case” associated with the cancellation of his report at the Communist Academy in 1931, the author notes the increasing politicization of scientific discussions in the field of the history of religion in the late 1920s - early 1930s, which led to the refusal to publicly presentation for a number of studies, even written from a Marxist perspective. The author believes that the modern development of cognitive sciences contributes to the strengthening of comparative methodology in the science of religion, so at present the question is not whether or not to apply the comparative method in research practice, but how to make comparisons.

Keywords: comparative methodology, Soviet Marxism of the 1920s-1930s, science of religion, deconstruction, cognitive turn

Кажется, что может быть устойчивее компаративистской методологии в изучении религии: сама наука о религии возникла в результате сравнения религий. Сопоставление религиозных верований и ритуалов разных народов, начавшееся еще в трудах античных мыслителей, было продолжено в Средние века, получило новый импульс в эпоху Великих географических открытий и продолжилось в фундаментальных исследованиях XVIII-XX вв. Однако эта методология подверглась ревизии в начале XXI века. В 2013 г. теолог и библеист Б. Нонгбри, вслед за антропологом Т. Асадом, который утверждал, что понятие религии имеет специфически христианское содержание и поэтому может рассматриваться исключительно как политическая категория, связанная с процессом секуляризации [1], отверг возможность использования сравнительного метода в изучении религий Древнего мира, в библеистике и в истории авраамических религий [2, 12]. Распространение постмодернистской критики на религиоведение, включая отказ от самого понятия «религия», привело к ослаблению научности в науке о религии. Нельзя не согласиться с мнением Р. А. Орси, что, «как только в дисциплинах, занимающихся изучением религии, сформировался критический взгляд на свой предмет и методы исследования, был провозглашен конец и этих исследований, и самой религии» [3, 56].

Основные аргументы современных критиков сравнительного религиоведения сводятся к обвинению в ангажированности и обслуживании противоборствующих идеологических программ, с одной стороны, утверждающих религию, с другой стороны, разоблачающих ее; а также в указании на то, что сравнительные исследования эссенциализируют религиозные явления, а само понятие «религия», якобы, возникло на волне секуляризации, и поэтому не может быть применено к разнообразным верованиям и практикам. Кроме того, представители постколониальной критики, которая подчеркивает различия культур, а отнюдь не их общие черты, обвиняют сравнительное религиоведение в деконтекстуализации религиозных явлений.

Обвинения современных радикальных критиков сравнительного религиоведения в ангажированности могут быть сопоставлены с той критикой «буржуазных методов» в науке о религии, которая развернулась в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в советских философских дискуссиях о религии, постепенно приобретающих все более политизированный характер [4]. Так, например, в 1931 г. в Коммунистической академии был отменен доклад историка религии В. И. Недельского (1903-1958) о гностическом христианстве, написанный под влиянием работы А. Дрекса «Происхождение христианства из гностицизма» и подготовленный на основе методов сравнительно-исторической школы, свойственных европейским исследованиям той эпохи по истории античной и средневековой культуры.

Постепенно структурализм вытеснил сравнительную методологию из антропологии религии, но сравнительный метод сохранялся, прежде всего, в феноменологических исследованиях, в частности в работах М. Элиаде. Л. Амбасиано, исследуя развитие истории религий как науки, рассматривал влияние фидеизма на сравнительное религиоведение и показал, что особое разрушительное воздействие на научность истории религий оказала «элиадология», то есть наследие Элиаде [5, 85]. В результате, развернулась дискуссия о перспективах использования методов сравнительного религиоведения, о том «возможно ли после разоблачения Элиаде и после критики классического компаративизма за деконтекстуализацию вернуть жизнеспособность кросс-культурному анализу» [6, 5].

В последние годы появилось немало трудов, свидетельствующих о том, что сравнительное религиоведение [7, 8, 9, 10] наконец пережило период «бесплодного нигилизма» и подул «новый ветер эпистемологической уверенности» [11, с. 1] в необходимости сравнительного подхода. Развитие когнитивных исследований способствовало признанию того, что сравнение является универсальной когнитивной способностью, поэтому вопрос об использовании сравнительной методологии в науке о религии заключается не в том, сравнивать или не сравнивать, а в том, как проводить сравнение [12, с. 34]. Так, О. Фрайбергер, рассматривая перспективы сравнительного метода в изучении религии, указывает, что сравнение является одним из фундаментальных методов академической деятельности, и в религиоведении он позволяет проводить металингвистические и кросс-культурные исследования, предоставляя возможность решать не только общие, но и частные проблемы, возникающие в процессе изучения религий [9, с. 21].

Довольно часто в изучении различных религиозных представлений и практик возникают вопросы, которые невозможно решить исключительно в рамках конкретного исторического контекста. Сравнительный метод, включающий экстраполяцию, позволяет формулировать плодотворные гипотезы. Наиболее известный пример применения этой методологии хорошо знаком тем, кто занимается изучением генезиса религии, анализируя первобытное искусство [13, 14].

Можно ли снять противоречия между сторонниками релятивизма и объективизма, редуccionистами и антиредуccionистами, эссенциалистами и субъективистами, сторонниками феноменологического и натуралистического подходов в современной науке о религии?! Противостояние слишком остро, однако появляются и попытки его преодолеть. Например, А. Тэйвз считает, что следует перейти от изучения религий к исследованию мировоззрений [15, с. 137-147], то есть следует рассматривать религию как частный случай мировоззрения, которое появилось у человека как вида в процессе развития его когнитивных способностей. Такое понимание религии позволяет опираться на эволюционизм, способствующий созданию критической реалистической онтологии, которая включает конструктивизм в натуралистическую перспективу и позволяет одновременно сосуществовать различным объяснениям того, почему мир таков, каков он есть.

Список литературы

1. *Asad T. Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam.* Johns Hopkins University Press, 1993. 344 p.
2. *Nongbri B., Before Religion: A History of a Modern Concept,* Newhaven and London: Yale University Press, 2013. 275 p.
3. Форум: Антропология религии (2) // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 11-128.
4. *Шахнович М.М.* Дискуссии в Коммунистической академии и наука о религии в СССР (конец 1920-начало 1930-х гг.) // Религиоведение. 2015. № 4. С.151-159.
5. *Ambasciano L., An Unnatural History of Religions. Academia, Post-truth and the Quest for Scientific Knowledge,* London and New York: Bloomsbury Academic, 2019. 253 p.

6. *Paden W.* Elements of a new comparativism // *Method and Theory in the Study of Religion*. 1996. Vol. 8. № 1. P. 5-14.
7. *Kripal J. J.* *Comparing Religions*. Wiley-Blackwell, 2014. 448 p.
8. *Lincoln B.* *Apples and Oranges: Explorations In, On, and With Comparison/ B. Lincoln*. London, Chicago: University of Chicago Press, 2018. 335 p.
9. *Freiberger O.* *Considering Comparison: A Method for Religious Studies*. Oxford University Press, 2019. p.
10. *Hughes A. W.* "Islam and...": Thinking about Islam through the Act of Comparison // *New Methodological Perspectives in Islamic Studies / ed. Hughes, A. W. Aghdassi*. Hague: Brill, 2023. 310p.
11. *Candea M.* *Comparison in Anthropology: The Impossible Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 392 p.
12. *Lawson E.T.* Theory and the new comparativism, old and new // *Method and Theory in the Study of Religion*. 1996. Vol. 8. № 1. P. 31-35.
13. *Lewis-Williams D.J.* *The Mind in the Cave: Consciousness and the Origins of Art*. London: Thames & Hudson, 2002. 320 p.
14. *Забияко А.П.* Генезис религии: возникновение зоолатрии по материалам мобильного искусства Западной и Центральной Европы // *Религиоведение*. 2020. №1. С.5-28.
15. *Taves A.* From religious studies to worldview studies// *Religion*. 2020. № 50 (1). P.137-147.

ПРОБЛЕМА ФЕНОМЕНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

ИНТЕРОЦЕПТИВНАЯ СТОРОНА ФЕНОМЕНАЛЬНОГО ОПЫТА: МЕЖДУ СЛОВОМ И ТЕЛОМ

Атакуев М.Н.

*Научный сотрудник, преподаватель кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии
Пятигорский государственный университет
E-mail: atakuevmagomet@gmail.com*

Аннотация. Понятие «интероцепция» прошло несколько этапов изменения своего объема и содержания: от нейрофизиологического феномена, описание которого сводилось исключительно к организменным событиям, до объекта из когнитивных наук, где интероцепция является мультимодальной системой, связанной с высокоуровневой ментальной активностью. Расширение объема этого понятия послужило причиной его рассмотрения с точки зрения философии сознания. Специфический характер интероцептивного опыта рассмотрен в рамках феноменальных характеристик сознания. Также проводится сравнение качественных аспектов интероцептивного и экстероцептивного видов опыта. Непроясненный онтологический статус интероцепции подталкивает к тому, чтобы ввести этот объект в контекст спора о природе квалиа. В настоящей статье обосновывается аргумент в пользу взаимодополняемости понятий «интероцепция» и «квалиа» в контексте феноменального сознания. В результате выдвигается утверждение о качественности интероцепции в пределах субъективного опыта в перспективе от первого лица.

Ключевые слова: интероцепция, экстероцепция, квалиа, интероцептивные суждения, феноменальные аспекты.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00540, <https://rscf.ru/project/24-28-00540>

INTEROCEPTIVE SIDE OF PHENOMENAL EXPERIENCE: BETWEEN WORD AND BODY

Atakuev M.N.

*Research associate, lecturer of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology
Pyatigorsk State University
E-mail: atakuevmagomet@gmail.com*

Abstract. The concept of “interoception” has gone through several stages of changing its scope and content: from a neurophysiological phenomenon, the description of which was limited exclusively to physical events, to an object from the cognitive sciences, where interoception is a multimodal system which plays a significant role in higher-order cognition. The expansion of the scope of this concept was the reason for its consideration from the point of view of the philosophy of mind. The specific nature of interoceptive experience is considered within the framework of the phenomenal characteristics of consciousness. A comparison is also made of the qualitative aspects of interoceptive and exteroceptive types of experience. The unclear ontological status of interoception prompts us to introduce this object into the context of a dispute about the nature of qualia. This article substantiates an argument in favor of the complementarity of the concepts of “interoception” and “qualia” in the context of phenomenal consciousness. As a result, a statement is made about the qualitative character of interoception within subjective experience from a first-person perspective.

Key words: interoception, exteroception, qualia, interoceptive judgments, phenomenal aspects.

В рамках споров о квалиа чаще всего приводятся примеры, затрагивающие экстероцептивный тип восприятия: «Каково это – видеть голубое небо, ощущать вкус ореха макадамия, воспринимать запах корицы?». Однако помимо экстероцептивных стимулов в головной мозг непрерывно поступает интероцептивная информация от внутрителесного пространства собственного тела.

Интероцепция является важным механизмом для поддержания внутреннего физиологического состояния организма. Интероцептивные ощущения связаны с сигналами (сознательными и бессознательными), исходящими из внутрителесного пространства (например, чувство голода, жажды, температуры, боли, покалывания в области подреберья и т.д.). В самом широком смысле интероцепция – это процесс восприятия внутрителесных сигналов. Для большей ясности необходимо пояснить: в том случае, если автором статьи употребляются понятия «интероцептивное суждение», «интероцептивные ощущения», то речь идет о качественных характеристиках интероцептивного опыта, в остальных случаях – интероцепция рассматривается как некоторое внутрителесное событие, физический факт.

Различие интероцептивных и экстероцептивных типов феноменального опыта

Интероцепция представляет собой особую приватную область субъективного опыта. Переживания, связанные с интероцепцией, отсылают к внутрителесному пространству, однако вопрос: является ли интероцепция телесным событием или ментальным фактом представляется актуальным. Говоря об экстероцептивном уровне восприятия, субъект может связать факт собственного визуального опыта со свойствами, относящимися к внешнему объекту. К примеру, человек может разглядывать сакуру, рассматривать ее цвет, воспринимать аромат цветов и в целом разглядывать данное дерево под разными углами. Доступ к качественным характеристикам опыта восприятия сакуры есть у субъекта интроспективно. При этом сложно транслировать все нюансы субъективного феноменального опыта другому. Тем не менее у человека есть возможность указать на объект данного переживания (на дерево), благодаря чему у другого агента сохраняется публичный доступ к объекту переживания. Помимо прочего, существование внешних объектов, воспринимаемых с помощью экстероцептивной системы, не является производным от ментальной активности.

Однако с фактами из «интероцептивного мира» не удастся привести аналогичный пример. Привычные механизмы разделения субъективного опыта (чаще всего экстероцептивный) с другим участником социального взаимодействия, нельзя применить к интероцепции. Адресат не может испытать «дрожь в желудке» или тошноту, которая в настоящий момент представлена в приватном опыте говорящего. Только субъект данного опыта непосредственно воспринимает эти явления. Качественные характеристики переживания боли в желудке значительно отличаются от представлений об этой боли. Интероцепция манифестирована в сознании субъекта. Во многих случаях интероцепция находится на периферии сознательного опыта, иногда выходит на передний план и проявляет себя более ярко.

Отличительной характеристикой экстероцептивного квалиа (зрительного, обонятельного, слухового) является его кратковременность, в отличие от восприятия интероцепции, поскольку в мозг постоянно, в фоновом режиме поступают сигналы изнутри собственного тела, которое их и генерирует [4, с. 509]. В связи с тем, что интероцептивный процесс непрерывен и сопровождает ментальную активность, это подразумевает, что тело изначально является частью содержания сознания даже если оно направлено на обработку внешних стимулов. Даже в тех случаях, когда интероцепция не является основным объектом интенционального интереса, она тем не менее, неизбежно присутствует на периферии познавательного процесса окружающей действительности. Соответственно, интероцепция в фоновом режиме априори является частью феноменального сознания субъекта, находясь на заднем плане иного содержания сознания, к примеру зрительного квалиа, либо являться самим содержанием (болевого опыт).

Интероцептивная информация, поступающая от тела, обрабатывается постоянно. Стимулы из внутрителесного пространства могут сопоставляться с более фрагментарной и прерывистой экстероцептивной информацией, поставляемой из окружающего мира.

Внедрение интероцепции в область феноменального сознания («квалиа-интероцепция»?)

Интероцепция является «пограничным» явлением, функционирующим на грани организменного и ментального уровней. По этой причине, сложно рассматривать интероцепцию исключительно

с позиции физиологии, так как интероцептивная активность выходит за рамки сугубо физических процессов. В то же время можно говорить о влиянии интероцепции на ментальные факты из области феноменального сознания, поскольку вопрос «каково это?» (“what it is like?” [3]) («каково испытывать чувство голода?», «чувство выпрыгивающего сердца из груди?», «наплывающего жара от гнева?» и т.д.) Т. Нагеля может быть применим и к интероцептивным ощущениям.

Одним из аргументов в пользу внедрения интероцепции в область феноменальных ощущений может послужить классификация ментальных состояний, обладающих качественным содержанием, сформулированная М. Тай [5]:

1. Перцептивные переживания, например, переживания, которые связаны с визуальным восприятием зелени, с громким звуком труб, вкусом лакрицы, запахом морского воздуха, прикосновением к куску меха.

2. Телесные ощущения, например, ощущение приступа боли, зуда, чувства голода, боли в животе, жара, головокружения. Переживания, подобные тем, которые возникают во время оргазма или во время бега на пределе возможностей.

3. Ощущение реакции, страсти или эмоций, например, чувство восторга, вожделения, страха, любви, чувство горя, ревности, сожаления. Ощущение настроения, например, чувство приподнятости духа, подавленности, спокойствия, скуки, напряжения, несчастья.

Согласно данному списку внутрителесные ощущения обладают феноменальными качествами, поскольку интероцепция фигурирует как минимум в пункте номер 2.

Является ли интероцепция объективным телесным событием или интероцепция – это результат ментальной активности? На мой взгляд, в центре интероцептивного опыта лежит физическое телесное событие, которое коррелирует с ментальной деятельностью. Исходя из этого, интероцептивный опыт можно представить в виде триадической схемы [6]:

- 1) телесное событие – отправная точка, причина интероцептивного переживания;
- 2) восприятие, осведомленность о данном процессе – психологический вид опыта (рефлексивное сознание);
- 3) вид опыта (рефлексивное сознание);
- 4) феноменальные аспекты переживания – качественные качества ментальных состояний.

Однако в процессе речевой практики интероцепция меняет собственную онтологию, «дрейфуя» от переживаний соматического «я», в область ощущений с качественными характеристиками. В процессе языковой концептуализации интероцептивные суждения переходят в статус внетелесного события, на которое можно указать, наделяя его свойствами экстероцептивного опыта.

В таких выражениях как: «всего выворачивает», «внутри все не на месте», «головная боль, будто забивают гвозди» явно прослеживаются феноменальные аспекты, которые сложно вывести на основании восприятия совокупности физических событий. Концептуализация интероцептивных ощущений, то, как человек высказывается о собственном внутрителесном опыте оказывает влияние на качественные характеристики *проживания* этого опыта в перспективе от первого лица. В языковом представлении и восприятии интероцепции отражаются социокультурные различия [1, 2], исходя из этого, пользователь языка, находящийся в рамках культурных и языковых координат, использует определенные лингвистические выражения неосознанно, как часть *социальной привычки* или *языковой игры*. Таким образом, агент речи берет готовые *лингвистические макеты*, которые влияют на феноменальные качества интероцептивного и болевого опыта.

Дополнительным доводом в пользу наличия качественных характеристик интероцептивных ощущений является тот факт, что данный процесс является неотъемлемой частью субъективного опыта. Квалиа и интероцепция даны в перспективе от первого лица, человек обладает привилегированным доступом к этим явлениям. Субъект является причиной порождения феноменальных характеристик (благодаря высокоуровневой когнитивной организации) даже таких процессов как интероцепция, которая изначально рассматривалась в нейрофизиологическом фокусе. Однако введение интероцепции в понятийный аппарат философии сознания позволяет расширить понимание квалиа, внедряя уникальный, приватный слой телесных ощущений в область феноменального сознания. Благодаря чему, феноменальные аспекты сознания могут быть исследованы методами более натуралистических подходов.

Список литературы

1. Chentsova-Dutton, Y.E.; Dzokoto, V. Listen to your heart: The cultural shaping of interoceptive awareness and accuracy // *Emotion*. 2014. № 4, vol. 14. P. 666–678. DOI 10.1037/a0036193.

2. Ma-Kellams, C. Cross-cultural differences in somatic awareness and interoceptive accuracy: a review of the literature and directions for future research // *Frontiers in Psychology*, 2014. № e36646, vol. 5. P. 409. DOI 10.3389/fpsyg.2014.01379.
3. Nagel, T. What is it like to be a bat // *The philosophical review*. 1974. Vol, 83(4). P. 435–450.
4. Northoff G. *Unlocking the Brain* // Vol. 2: *Consciousness*. N.Y.: Oxford University Press, 2014. P. 509-529.
5. Tye Michael. "Qualia", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/qualia/>.
6. Атакуев М.Н. Онтология внутрителесных ощущений в фокусе фундаментальных и прикладных исследований // *Семиотические исследования*. 2023. Т. 3, №3. С. 30-38. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-30-38.

МИНИМАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ОПЫТ: НА ЧТО УКАЗЫВАЕТ НЕВЫРАЗИМОЕ?

Барышников П.Н.

*Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры исторических
и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии,
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: pnbaryshnikov@pgu.ru*

Аннотация. Данная работа посвящена концепции минимального феноменального опыта (МФЕ) и его связи с феноменологией «чистого» сознания. В тексте рассматриваются ключевые вопросы, такие как: возможность существования «чистого сознания», проблема обоснования минимальной модели для объяснения сознания, а также влияние медитативных практик на внутрителесные события и способы их описания. Рассмотрены концептуальные затруднения МФЕ. Помимо того, что сознание исследуется в поле соприкосновения восточной и западной философии, трудность также состоит и в том, что объектом исследования являются сложно различимые и невыразимые в непротиворечивой форме состояния осведомлённости, бдительности, внимания, обработки целевых стимулов и т.п. Обосновывается необходимость дополнительных исследований (в том числе анализ феноменальных суждений) и концептуального прояснения в области МФЕ. Работа представляет собой расширенное толкование современных междисциплинарных исследований на стыке практических (как правило религиозных) методов работы с сознанием, научных исследований и философии когнитивных наук.

Ключевые слова: минимальный феноменальный опыт (МФЕ), чистое сознание, медитативный опыт, тоническое бодрствование, феноменальные суждения, интероцепция.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00540, <https://rscf.ru/project/24-28-00540>

MINIMAL PHENOMENAL EXPERIENCE: WHAT DOES THE INEXPRESSIBLE POINT TO?

Baryshnikov P.N.

*DSc in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Historical
and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology,
Pyatigorsk State University
E-mail: pnbaryshnikov@pgu.ru*

Abstract. This work is devoted to the concept of minimal phenomenal experience (MPE) and its connection with the phenomenology of “pure” consciousness. The text discusses key issues, such as: the possibility of the existence of “pure consciousness”, the problem of justifying a minimal model for explaining consciousness, as well as the influence of meditative practices on

intra-body events and ways of describing them. The conceptual difficulties of MPE are examined. In addition to the fact that consciousness is being studied in the field of contact between Eastern and Western philosophy, the difficulty also lies in the fact that the object of research is the difficult to distinguish and inexpressible states of awareness, vigilance, attention, processing of target stimuli, etc. The need for additional research (including analysis of phenomenal judgments) and conceptual clarification in the field of MPE is argued. The work represents an expanded interpretation of modern interdisciplinary research at the intersection of practical (usually religious) methods of working with consciousness, scientific research and the philosophy of cognitive science.

Keywords: minimal phenomenal experience (MPE), pure consciousness, meditative experience, tonic wakefulness, phenomenal judgments, interoceptio.

Начиная с 70-х годов XX в. когнитивные науки и философия сознания испытывали стойкий интерес к практическим методам восточной религиозно-философских учений, исследующих ментальную сферу человека. Если на начальном этапе эту тенденцию можно было описать как форму нео-ориентализма в когнитивных исследованиях [1], то сегодня «чистое сознание», медитативный опыт, минимальная феноменальная идентичность и прочее подобное являются объектами серьезных эмпирических исследований в новейших методологических рамках нейронаук. [2, 3]

Цель данной работы – проанализировать основное содержание тезисов Т. Метцингера, изложенных в работе «Minimal phenomenal experience: Meditation, tonic alertness, and the phenomenology of “pure” consciousness» [4] в контексте проблемы представимости интероцептивного и перцептивного опыта в системе феноменальных суждений.

Сначала предполагаю дать краткую характеристику упомянутой работы. Затем – рассмотреть соотношение обсуждаемых вопросов с указанным проблемным контекстом. Тема минимального феноменального опыта в философии и психологии достаточно нова и не лишена трудностей, связанных с переводом понятий. Помимо того, что сознание исследуется в поле соприкосновения восточной и западной философии, трудность также состоит и в том, что объектом исследования являются сложно различимые в перспективе от первого лица состояния осведомлённости, бдительности, внимания, обработки целевых стимулов и т.п. То есть трудно представить плохо переводимые из одной концептуальной системы в другую понятия. Важно подчеркнуть, что исследования минимального феноменального опыта пытаются вывести свой объект за рамки теории минимальной феноменальной идентичности, ориентированной на телесность, пространственно-временную локализацию и интеракциональную перспективу от первого лица [5].

Для дальнейших рассуждений необходимо определиться с некоторыми терминами:

Минимальный феноменальный опыт (Minimal phenomenal experience, далее МРЕ) – условно, это эпизоды значительно сниженного или отсутствующего феноменального содержания вместе со сниженным уровнем возбуждения клеток мозга. Термин впервые введён Дженифер Виндт в 2015 г. [6]

Сознание как таковое (consciousness as such) – основной уровень сознания, лишенный специфических качеств или содержания, и представляющий собой абстрактное состояние чистого осознания.

Семантические ограничения – это минимальные необходимые феноменальные характеристики, которые должны присутствовать в опыте, чтобы он мог быть отнесен к МРЕ.

Чистая осознанность (pure awareness) – это форма сознания, не обладающая интенциональным содержанием. Это своего рода «чистое» сознание, которое не содержит никаких мыслей и ощущений, но при этом сохраняет чувство бодрствования и эффекта присутствия. (Этот термин очень по-разному трактуется в восточных религиозно-философских традициях, в связи с чем зачастую возникает путаница при попытках его применения в западной философии и психологии [7]).

Постановка проблемы опирается на несколько ключевых вопросов: 1. Действительно ли минимальная личностная идентичность – необходимое условие феноменального опыта? 2. Существует ли чистое сознание? 3. Можно ли в принципе развивать минимальную модель для объяснения сознания как такового? 4. Является ли «чистая осознанность» уникальной формой феноменального свойства, которая подразумевает все остальные формы?

Метцингер выделяет шесть семантических ограничений, которые накладываются на опыт МРЕ.

1. Тоническое бодрствование (Tonic wakefulness) – феноменальное свойство, связанное с контролем положения тела в состоянии пассивного бодрствования.

2. Низкая сложность феноменального опыта (Low complexity) – полное отсутствие

интенционального содержания, в частности, высокоуровневых символических или понятийных форм и мысленных суждений), а также сенсорно-моторного или аффективного содержания.

3. Самосветимость (Self-Luminosity) – качество полного бодрствования, лишённое какой-либо идентичности. Предполагается, что самосветимость может иметь культурные и метафорические интерпретации. (*Метцингер указывает на то, термин «самосветимость» не несёт мистического смысла, а носит характер, скорее, эпистемологической метафоры, указывающей на возможность познания этих состояний. Вместе с тем для демонстрации рассуждений автор приводит обширные цитаты из «Тибетской книги мёртвых» [4, с 17]. – Прим.)*

4. Интроспективная доступность (Introspective Availability) – свойство, указывающее на возможность осознанного внимания к собственному сознанию.

5. Эпистемичность (Epistemicity) – своеобразная субъектная «надстройка» над предыдущими ограничениями, позволяющая всегда указывать на «того, кто смотрит».

6. Прозрачность/непрозрачность (Transparency / Opacity) – качество, позволяющее расположить все семантические ограничения на градиенте прозрачности. То есть, МРЕ может быть ясным и понятным, или же неясным и трудным для понимания.

В итоге автор приходит к выводу от том, что, МРЕ является кандидатом на роль самой простой формы сознания, которая может быть описана как модель неразделенного эпистемического пространства. Он представляет собой абстрактный вид феноменального свойства, который может быть описан на разных уровнях анализа, и может быть связан с различными формами сознательного содержания. Отметим, что сегодня не прояснён вопрос об онтологии «чистого сознания».

Возникает вопрос: что содержится в минимальном феноменальном опыте такого, чего нет в остальных формах перцептивного опыта? Ведь все шесть семантических ограничений МРЕ применимы к любым проприоцептивным «отчётам» о фокусах внимания. Тоническая бдительность (tonic alertness), к которой сводится минимальный феноменальный опыт, присутствует во всех формах контроля целевых стимулов: от контроля внимания на тактильных стимулах [8], до процесса обучения у детей [9]. Собственно, устойчивое внимание – необходимый компонент для любого познавательного процесса. На уровне языка это связано с тем, что при описании даже самых бессодержательных состояний (внеинтенциональных) мы не можем избежать употребления глаголов. Если субъект обладает минимальным феноменальным опытом, то он что-то делает. Например, созерцает свои «non-representational reflexivity», «pure awareness», «consciousness as such».

При попытке описать глубокий медитативный опыт, практикующие используют системы феноменальных суждений, схожие по своей структуре с описанием интерцептивного или ольфакторного опыта. Говорящий генерирует наборы метафор, сравнений, аналогий, основанный на концептуальных схемах языка.

Таблица 1. Интероцептивные описания медитативного опыта

<ul style="list-style-type: none"> – When I realized that I was gone, the thought vanished. – How did it vanish? Was it instantaneous or gradual? – It was very quick, but it nevertheless took a moment. – And what happened during this moment? – I loosened, I loosened my tension on that thought. – And when you loosened your tension on that thought, what did you loosen? – In fact I loosened a light tension in my head. – Where exactly was this light tension in your head? – It was at the top to the right and at the front of the head. – And when you loosened it, how did you go about it, what did you do? - And so on. (Lise, 20 years of practice) [10, с. 173] 	<ul style="list-style-type: none"> – Когда я поняла, что меня нет, мысль исчезла. – Как оно исчезло? Было ли это мгновенно или постепенно? – Это было очень быстро, но все равно заняло мгновение. – И что произошло в этот момент? – Я расслабилась, я ослабила давление на эту мысль. – И когда ты ослабила давление на эту мысль, что ты ослабила? – На самом деле я ослабила легкое напряжение в голове. – Где именно было это легкое напряжение в твоей голове? – Это было вверху справа и спереди головы. – А когда ты его ослабила, как ты это сделала, что ты сделала? – И так далее. (Лиз, 20 лет практики)
--	---

Данные из Таблицы 1. наглядно демонстрируют активную работу со стороны практикующего и иллюстрируют такие семантические ограничения МРЕ как интроспективную доступность и эпистемичность. Эти описания по своим лингвистическим параметрам близки аномальным интроспективным описаниям. (См. подробнее [11] и наш перевод в работе [12]) Важное отличие состоит в том, что в случае с интроспективными описаниями сенестопатии японские подростки выступают в роли наблюдателя, в то время как Лиз субъект действия).

Некоторые исследования взаимосвязи осознанной медитации с восприятием боли указывают на то, что когнитивные практики, использующие устойчивость внимания (фокусированное внимание) в сочетании с неоценочным восприятием сенсорных событий (открытое наблюдение), могут снижать боль. Проблема состоит в том, что обычные механизмы плацебо-анальгезии при ожидании болевого воздействия активируют клетки длПФК (дорсолатеральной префронтальной коры головного мозга), что приводит к торможению клеток в болевых центрах. Медитация, как правило, не связана с длПФК, и выявит устойчивую каузальную взаимосвязь между состояниями «осознанности» и снижением боли пока не удаётся.

В итоге мы имеем три базовых слоя: 1. Что люди чувствуют? 2. Что при этом происходит в мозге? 3. Как об этом говорят? Не исключено, что важным является ещё и то, «что происходит в мозге, когда люди об этом говорят». Если второй пункт доступен через прямое наблюдение, то свойства первого пункта зависят от интерпретации данных второго и третьего. Можно заключить, что минимальный феноменальный опыт как некое онтологическое «ядро» сознания (с последующей перцептивной и интенциональной «надстройкой») требует дополнительных исследований и концептуального прояснения. Как объяснить, во-первых, что бессодержательное чистое сознание как таковое всё-таки объективируется (опредмечивается)? Во-вторых, можно ли говорить о полной бессодержательности этого опыта, если подобные практики оказывают прямое влияние на внутрителесные события? В заключении отмечу (чтобы обозначить тему для возможных дальнейших полевых исследований), что систематизация феноменальных суждений, описывающих МРЕ в традициях разных школ, техник, а также различных языковых картинах мира позволит дать более полную картину.

Список литературы

1. *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The embodied mind: cognitive science and human experience. The embodied mind. — 14. print. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993. 308 p.
2. *Lutz A., Dunne J.D., Davidson R.J.* Meditation and the neuroscience of consciousness: an introduction // *The Cambridge Handbook of Consciousness/ eds. P.D. Zelazo, M. Moscovitch, E. Thompson.* Cambridge University Press, 2007. P. 419-551
3. *Thompson E.* Waking, dreaming, being: self and consciousness in neuroscience, meditation, and philosophy. Waking, dreaming, being. Paperback edition. New York: Columbia University Press, 2017. 453 p.
4. *Metzinger T.* Minimal phenomenal experience: Meditation, tonic alertness, and the phenomenology of “pure” consciousness // *Philosophy and the Mind Sciences.* 2020. Т. 1. № I. P. 1-44.
5. *Blanke O., Metzinger T.* Full-body illusions and minimal phenomenal selfhood // *Trends in Cognitive Sciences.* 2009., Т. 13, № 1. P. 7-13.
6. *Windt J.M.* Just in Time—Dreamless Sleep Experience as Pure Subjective Temporality // *Open MIND* / ред. Т.К. Metzinger, J.M. Windt. Frankfurt am Ma // MIND Group, 2015.
7. *Ramm B.J.* Pure awareness experience // *Inquiry.* 2023. Vol. 66, № 3. P. 394-416.
8. *Illman M., Laaksonen K., Liljeström M., Piitulainen H., Forss N.* The effect of alertness and attention on the modulation of the beta rhythm to tactile stimulation // *Physiological Reports.* 2021. Vol. 9, № 12.
9. *Воронин Н.А.* Современные представления о системах внимания // *Современная зарубежная психология.* 2016. Т. 5, № 4. С. 67-76.
10. *Petitmengin C., van Beek M., Bitbol M., Nissou J.-M., Roepstorff A.* What is it like to meditate?: Methods and issues for a micro-phenomenological description of meditative experience. // *Journal of Consciousness Studies.* 2017. Т. 24, № 5-6. P. 170-198.
11. *Watanabe H., Takahashi T., Tonoike T., Suwa M., Akahori K.* Cenesthopathy in adolescence // *Psychiatry and Clinical Neurosciences.* 2003. Vol. 57, № 1. P. 23-30.
12. *Baryshnikov P.N., Atakuev M.N.* Semantics of Judgments about Interoceptive Experience: From Norm to Anomalies // *Epistemology & Philosophy of Science.* 2022. Т. 59, № 2. P. 218-233.

ИЛЛЮЗИОНИЗМ И ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО СОЗНАНИЯ

Беседин А.П.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

E-mail: a.besedin@hardproblem.ru

Аннотация. В статье с точки зрения иллюзионизма рассматривается проблема единства сознания. Иллюзионизм в философии сознания — теория, отрицающая существование феноменального сознания, признающая его лишь иллюзией. Философы выделяют множество типов единства сознания. В статье используется классификация М. Тая, в которой встречаются нейрофизиологическое, субъективное, высокоуровневое субъективное и феноменальное единства сознания. Феноменальное единство трактуется с опорой на работы Д. Чалмерса и Т. Бейна. Феноменальное единство сознания, предполагающее существование феноменального сознания представляет проблему для иллюзионизма, защитник которого, если он следу за определением феноменального единства Чалмерса и Бейна, будет вынужден признать либо иллюзорность единства, либо единство иллюзии. Оба варианта проблематичны. В статье показывается, что целью иллюзиониста должно быть объяснение не феноменального единства сознания, а со-сознание. Иллюзионистское объяснение со-сознания может апеллировать к достаточности для него определенной формы субъективного единства сознания. При этом иллюзионистская теория сознания не может обойтись также без принятия тезиса о нейрофизиологическом единстве сознания, фундирующего субъективное единство.

Ключевые слова: иллюзионизм, единство сознания, самосознание, квалиа, феноменальное сознание, интроспекция

ILLUSIONISM AND THE PHENOMENAL UNITY OF CONSCIOUSNESS

Besedin A.P.

CSc in Philosophy, Associate professor of Department of History of Philosophy

Lomonosov Moscow State University

E-mail: a.besedin@hardproblem.ru

Abstract. The article considers the problem of unity of consciousness from the point of view of illusionism. Illusionism in the philosophy of consciousness is a theory that denies the existence of phenomenal consciousness, recognizing it only as an illusion. Philosophers distinguish many types of unity of consciousness. The article uses M. Tye's classification that distinguishes neurophysiological, subject, higher-order subject, and phenomenal unity of consciousness. D. Chalmers and T. Bayne's interpretation of the phenomenal unity of consciousness is accepted. The phenomenal unity of consciousness, which presupposes the existence of phenomenal consciousness, poses a problem for illusionism, a defender of which, if he follows the definition of the phenomenal unity of Chalmers and Bayne, is forced to admit either the illusory unity or the unity of illusion. Both options are problematic. The article shows that the goal of an illusionist should be to explain not the phenomenal unity of consciousness, but coconsciousness. The illusionist explanation of coconsciousness may appeal to the sufficiency of a certain form of subject unity of consciousness for it. At the same time, an illusionist theory of consciousness cannot do without accepting the thesis of the neurophysiological unity of consciousness, which grounds the subject unity.

Keywords: illusionism, unity of consciousness, self-consciousness, qualia, phenomenal consciousness, introspection

Философы выделяют множество различных типов единства сознания. Один из них — это феноменальное единство сознания. Его компактное и удобное определение приводят Дэвид Чалмерс и Тим Бейн: «Мы можем сказать, что два ментальных состояния включенно (subsumptively) едины (или, проще говоря, феноменально едины), если есть то, каково это для субъекта, — находиться сразу в обоих состояниях. То есть, два состояния феноменально едины, когда у них есть объединенная

феноменология: феноменология обладания обоими состояниями сразу, которая включает (subsumes) феноменологию индивидуальных состояний» [1, p. 508]. В основе данного определения лежит *тезис единства*, сформулированный Бейном: «Для любого субъекта опыта S и любого времени t необходимо, что одновременные сознательные состояния, имеющиеся у S в t, включаются в одно сознательное состояние — тотальное сознательное состояние субъекта» [2, p. 16].

Помимо феноменального Майкл Тай выделяет следующие типы единства сознания: объективное, нейрофизиологическое, пространственное, субъективное, высокоуровневое субъективное (далее просто «высокоуровневое»), интроспективное и гештальт-единство [3, p. 14–15]. Кроме феноменального единства для данной статьи будут важны понятия нейрофизиологического, субъективного и высокоуровневого единства. Вот их определения по Таю: «О состояниях сознания можно сказать, что они нейрофизиологически едины, если и только если они реализованы в одном регионе мозга или при помощи одного нейробиологического механизма... О двух различных ментальных состояниях можно сказать, что они субъективно едины, если и только если им подвержен один и тот же ментальный субъект. ... Сознанию присуще высокоуровневое субъективное единство в отношении определенного субъекта (в определенное время или в определенный промежуток времени), если и только если этот субъект может мысленно приписать себе каждое из своих ментальных состояний (в определенное время или в определенный промежуток времени)» [3, p. 12–13].

Феноменальное единство сознания представляет проблему для иллюзионистов, то есть философов, отрицающих существование феноменального сознания. Иллюзионисты утверждают, что феноменальные свойства (квалиа), которые обычно характеризуются как внутренние, приватные, невыразимые и составляющие то, каково это, — находиться в определенном феноменально сознательном состоянии, являются лишь иллюзией [4]. Поскольку определение феноменального единства сознания прямо ссылается на свойство «каково-быть-в» состоянии, объединяющем феноменологию двух других, иллюзионисты не могут согласиться с тезисом о том, что феноменальное единство сознания имеет место.

Кажется, что само определение феноменального единства сознания вместе с формулировкой тезиса единства говорят о том, как именно иллюзионист должен к ним относиться: раз иллюзионисты утверждают, что феноменальные состояния иллюзорны, то они должны признать, что и тотальное феноменально сознательное состояние будет иллюзией. Но такое решение представляется проблемным. Аналогия между феноменальными состояниями и иллюзиями феноменальных состояний в данном случае не может быть проведена до конца. Предположим, квалиа-реалист утверждает, что у него одновременно есть феноменальное переживание красного цвета и феноменальное переживание сладкого вкуса. Иллюзионист должен переформулировать это таким образом: имеется иллюзия феноменального переживания красного и иллюзия феноменального переживания сладкого. Далее квалиа-реалист утверждает, что он испытывает феноменальное состояние сознания, объединяющее опыт красного и сладкого. Может ли иллюзионист описать то же самое таким образом: имеется иллюзия феноменального опыта, объединяющего иллюзии красного и сладкого? Проблема в данном случае состоит в том, что, утверждая это, иллюзионист говорит не только об иллюзии феноменально сознательного состояния, но и об иллюзии единства отдельных иллюзий феноменальных состояний. Утверждение такой иллюзорности равнозначно отрицанию того, что эти иллюзии осознаются вместе.

Можно пойти по другому пути. Объяснение феноменального единства сознания Бейном и Чалмерсом предполагает, говоря кратко, не только опыт единства, но и единство феноменального состояния, включающего в себя отдельные элементы. Не может ли иллюзионист утверждать, что в случае, когда я одновременно имею иллюзии феноменальных переживаний красного и сладкого, имеется некоторая единая иллюзия (единое ментальное состояние), содержание которой, тем не менее, единством не обладает? Такой путь также кажется закрытым для иллюзиониста, потому что он ведет к признанию определенной реальности иллюзий. Получается, что мы можем рассматривать их как реальные свойства или события, обладающие единством. Это сближает иллюзионизм с определенными версиями теории тождества, признающими реальность квалиа. Для квалиа-реалиста же в этом нет никакой проблемы.

Может ли иллюзионист отрицать феноменальное единство сознания как таковое: просто принять описанный выше итог и признать его иллюзией? В этом случае он рискует выплеснуть ребенка вместе с водой. Дело в том, что в основе понятия феноменального единства лежит очень простое наблюдение: отдельные ментальные состояния могут осознаваться вместе — быть со-сознательными (coconscious). Это наблюдение является результатом интроспекции. Один из основных тезисов иллюзионизма состоит в том, что иллюзии феноменальных состояний — это ошибки интроспекции [5, с. 209–212].

Но вряд ли можно обоснованно утверждать, что интроспекция — это только лишь инструмент для производства заблуждений. Должна же эта способность познания производить какое-то знание о наших ментальных состояниях. На статус такого знания может претендовать убеждение о том, что некоторые сознательные состояния едины, то есть со-осознаны. Таким образом, иллюзионистская теория должна объяснять феномен со-сознания.

Понятие феноменальное единство сознания можно интерпретировать как уточнение понятия со-сознания, предполагающее конкретное объяснение последнего. Однако это не единственное возможное объяснение со-сознания. Исторически концепции субъективного единства сознания предшествовали представлению о феноменальном единстве сознания. Так, понятие субъективного единства апперцепции у Канта [6, 203–211] соответствует высокоуровневому единству в терминологии Тая. При этом высокоуровневое единство объясняет, по Канту, и со-сознание различных элементов опыта. В XX веке кантовский подход к проблематике единства сознания получил толчок к дальнейшему развитию благодаря книге Питера Стросона «Границы смысла» [7]. Подход Стросона, в свою очередь, лег в основу более современных теорий единства сознания таких философов как Кассим Кассам [8] и Сьюзан Херли [9]. (Тот тип единства сознания, о котором говорят эти авторы, не обязательно соответствует высокоуровневому единству по Таю. Они предлагают довольно проработанные концепции субъективного единства сознания. Основная теоретическая нагрузка в этих теориях ложится именно на понятие субъекта.) Эти теории выявляют условия возможности самосознания и — в духе «Границы смысла» Стросона — так или иначе связывают их с вовлеченностью субъекта в познание объективного мира и взаимодействие с ним. Вместо феноменального сознания они говорят об опыте. Понятие опыта, не предполагающее отсылки к квалиа, не представляет проблемы для иллюзионизма. Примером может быть кантовское понятие опыта как эмпирического познания [6, с. 221]. Таким образом, один из возможных путей объяснения со-сознания, доступных иллюзионисту, — это сведение со-сознания к субъективным типам единства сознания.

Однако иллюзионист не может ограничиться такими трансцендентальными (в самом общем смысле) решениями: поскольку иллюзионизм является натуралистической позицией, для объяснения со-сознания ему недостаточно указать на формальные условия единства. Необходимо также предположить существование когнитивных и нейронных механизмов, стоящих за этими только лишь формальными условиями. Это означает, что иллюзионистское объяснение со-сознания должно апеллировать не только к субъективному, но и к нейрофизиологическому единству. При этом отсылка к нейрофизиологическому единству сознания сама по себе не может решить проблему со-сознания: тот факт, что какие-то сознательные состояния реализуются одним регионом мозга или одним процессом, может фундаментально обосновать их со-осознанность только в том случае, если тот же регион или процесс обеспечивает единство субъекта этих сознательных состояний. Таким образом, возможным ответом сторонников иллюзионизма со стороны защитников феноменального единства сознания может быть объяснение со-сознания через отсылку к определенным формам субъективного и нейрофизиологического единства.

Список литературы

1. *Chalmers D., Bayne, T.* What Is the Unity of Consciousness? // *Chalmers, D.* The Character of Consciousness. New York: Oxford University Press, 2010. P. 497-540.
2. *Bayne T.* The Unity of Consciousness. New York: Oxford University Press, 2010.
3. *Tye M.* Consciousness and Persons. Cambridge MA: MIT Press, 2003.
4. *Frankish K.* Illusionism as a theory of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, № 11-12. P. 11-39.
5. *Беседин А.П. и др.* Интроспекция: современные подходы и проблемы // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58. № 2. С. 195-215.
6. *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Том II. Часть 1. Под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Москва: Наука, 2006.
7. *Strawson F.P.* The Bounds of Sense. Abington: Routledge, 2019.
8. *Cassam Q.* Self and world. Oxford: Clarendon Press, 1997.
9. *Hurley S. L.* Consciousness in action. Harvard University Press, 1998.

ПРОБЛЕМА РЕФЛЕКСИИ И САМОСОЗНАНИЯ В СХОЛАСТИКЕ: ДИСКУССИЯ МЕЖДУ УИЛЬЯМОМ ОККАМОМ И УОЛТЕРОМ ЧАТТОНОМ

Бобкова В. Е.

*Аспирант кафедры истории зарубежной философии Философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vasilisa.bobkova.09@gmail.com*

Аннотация. Один из контекстов, в рамках которого можно проводить параллели между средневековыми обсуждениями определенных ментальных феноменов и современными дискуссиями в философии сознания, – проблема осознания собственных ментальных состояний. В конце XIII – первой половине XIV века обсуждение данной проблематики выстраивалось вокруг следующих вопросов: как возможно знание о собственных ментальных актах? Нужен ли для этого отдельный рефлексивный акт или осознание происходит непосредственно? В соответствии с тем, какой ответ давался на эти вопросы, теории можно разделить на два класса. Первый класс – одноуровневые теории, согласно которым для осознания ментального акта не требуется отдельный рефлексивный акт. Второй класс – высокоуровневые теории, согласно которым для осознания рефлексивный акт необходим. К сторонникам высокоуровневой теории можно отнести Уильяма Оккама, а одноуровневой – Уолтера Чаттона. В докладе будут рассмотрены их теории самосознания. Кроме того, будет показано, что теория Оккама близка к современным высокоуровневым теориям сознания, а аргументы, выдвинутые Чаттоном против позиции Оккама, похожи на некоторые современные аргументы против высокоуровневых теорий.

Ключевые слова: схоластика XIV века, самосознание, прямой акт, рефлексивный акт, Уильям Оккам, Уолтер Чаттон, высокоуровневые теории сознания

THE PROBLEM OF REFLECTION AND SELF-CONSCIOUSNESS IN SCHOLASTICISM: A DISCUSSION BETWEEN WILLIAM OCKHAM AND WALTER CHATTON

Bobkova V. E.

*PhD Student of Department of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: vasilisa.bobkova.09@gmail.com*

Abstract. One of the contexts in which parallels can be drawn between medieval discussions of certain mental phenomena and modern discussions in the philosophy of mind is the problem of awareness of one's own mental states. At the end of the XIII – first half of the XIV century, the discussion of this issue was formed around the following issues: How is it possible to know about one's own mental acts? Does this require a separate reflexive act, or does awareness occur directly? According to the answer given to these questions, theories can be divided into two classes. The first class consists of same-order theories, according to which a separate reflexive act is not required for awareness of a mental act. The second class is higher-order theories, according to which a reflexive act is necessary for awareness. William Ockham was a proponent of the higher-order theory, and Walter Chatton was a proponent of the same-order theory. Their theories of self-consciousness will be discussed in the report. In addition, it will be shown that Ockham's theory is close to modern higher-order theories of consciousness, and the arguments put forward by Chatton against Ockham's position are similar to some modern arguments against higher-order theories.

Keywords: scholasticism XIV century, self-consciousness, direct act, reflexive act, William Ockham, Walter Chatton, higher-order theories of consciousness.

Несмотря на то, что в средневековой философии отсутствовал единый латинский термин, четко соответствующий современному термину «сознание», и тем более не было понятия феноменального сознания, все же можно провести определенные параллели между современными дискуссиями в философии сознания и некоторыми средневековыми дискуссиями, связанными с рассмотрением

различных типов ментальных феноменов. Одна из таких тем – проблема осознания собственных ментальных актов.

В конце XIII – первой половине XIV века дискуссии по этой теме выстраивались вокруг обсуждения следующих вопросов: как возможно знание о собственных ментальных актах? Нужен ли для этого отдельный рефлексивный акт или осознание происходит непосредственно? Если нужен отдельный рефлексивный акт (*actus reflexus*), то в каком отношении он находится к прямому акту (*actus rectus*)? В соответствии с тем, какой ответ давался на эти вопросы, теории можно разделить на два класса. Первый класс – одноуровневые теории, согласно которым для осознания ментального акта не требуется отдельный рефлексивный акт. Второй класс – высокоуровневые теории, согласно которым для осознания рефлексивный акт необходим. Некоторые историки философии считают, что те ментальные феномены, которые рассматриваются в ходе обсуждения этих вопросов, имеют нечто общее с современными трактовками феноменального сознания [1, с. 15]. Они отмечают, что с точки зрения некоторых философов, феноменальное сознание содержит разные аспекты: качественный аспект, а также субъективный аспект, связанный с перспективой от первого лица. И если качественный аспект ментальных состояний схоластами практически не обсуждается, то субъективный аспект нашего сознательного опыта обсуждается ими как раз при рассмотрении вопросов, связанных с самопознанием и рефлексией [2, с. 150–151].

Упомянутое выше разделение средневековых подходов на два класса напоминает разделение между высокоуровневыми и одноуровневыми теориями в современной философии сознания. В позднем Средневековье крайне важной для обсуждения проблемы осознания собственных ментальных состояний была дискуссия между Уильямом Оккамом и Уолтером Чаттоном. Чтобы лучше понять, до какой степени правомерно сопоставлять средневековые теории и современные, я более подробно рассмотрю данную дискуссию, так как в ней сталкиваются два фундаментально различных подхода к объяснению сознания, и постараюсь выделить основные пункты, в которых теории Чаттона и Оккама перекликаются с современными теориями.

Дискуссия между Оккамом и Чаттоном выстраивается вокруг обсуждения вопроса о существовании рефлексивного интеллектуального интуитивного познания. Оккам стремится доказать, что такой тип познания существует, Чаттон же хочет это опровергнуть. Интуитивное познание связано с непосредственным восприятием объекта и предполагает формирование суждения о существовании данного объекта, а также суждения о наличии у него определенных контингентных свойств. Данный тип познания следует отличать от абстрагированного познания, «в силу которого относительно не-необходимой вещи не может быть с очевидностью познано, есть она или нет» [3, с. 101]. Один из аргументов, приводимых Оккамом для доказательства существования интеллектуальной интуиции, основывается на нашем опыте самопознания [4, с. 39–40]. С точки зрения Оккама, мы обладаем очевидным знанием о наших ментальных состояниях. Это знание не может быть получено от органов чувств, а также не может быть выведено из более очевидных истин. Таким образом, оно должно быть получено либо посредством абстрагированного интеллектуального познания, либо посредством интуитивного интеллектуального познания. Однако оно не может быть получено посредством абстрагированного интеллектуального познания, так как данный ментальный акт постигается именно как существующий в этот момент времени. Значит, знание о собственных ментальных состояниях может быть получено только посредством интуитивного интеллектуального познания. Итак, чтобы объяснить возможность самопознания, нам необходимо признать существование интеллектуального интуитивного познания. Это рассуждение проливает свет на представление Оккама о самосознании [1, с. 7]. С его точки зрения, для осознания собственных ментальных актов необходим отдельный рефлексивный акт более высокого уровня. Есть прямые акты, направленные на внешние объекты, и есть рефлексивные акты, направленные на прямые акты. Именно посредством таких рефлексивных актов осознаются прямые акты [5, с. 165].

Это напоминает объяснительную модель, предлагаемую современными высокоуровневыми теориями сознания. Данные теории должны объяснить, что отличает бессознательные ментальные состояния от сознательных. Сторонники высокоуровневых теорий сознания полагают, что «ментальное состояние осознается, если оно является объектом высокоуровневой репрезентации», то есть метаментального состояния [6, с. 1]. Согласно высокоуровневым теориям, «сознательное ментальное состояние возникает, когда два бессознательных ментальных состояния связаны определенным образом: одно из них (высокоуровневая репрезентация) направлено на другое» [6, с. 2].

Несмотря на то, что свое рассуждение Оккам формулирует в других терминах, он стремится объяснить похожий феномен. Он признает, что не все ментальные акты осознаются и пытается объяснить, в чем заключается отличие между осознаваемыми и неосознаваемыми ментальными

актами. В качестве иллюстрации он ссылается на пример Августина о человеке, который может читать и при этом совершенно не осознавать, что именно он прочитал, так как его внимание сосредоточено на чем-то другом. Также, например, бывает, что человек настолько сосредоточен на визуальном восприятии, что может не осознавать, что «он что-то слышит, даже если он это слышит» [7, с. 81]. Такие ментальные состояния бессознательны из-за того, что на них не направлен акт рефлексивной интеллектуальной интуиции. Подобно современным сторонникам высокоуровневых теорий, Оккам полагает, что «различие между сознательными и бессознательными состояниями заключается не в какой-то разнице их внутренней природы, а скорее в различии тех отношений, в которых они находятся по отношению к другим состояниям» [1, с. 16].

Современные высокоуровневые теории делятся на два типа. К первому типу относятся теории высокоуровневого мышления, согласно которым высокоуровневые репрезентации представляют собой «когнитивные состояния, включающие в себя какой-то концептуальный компонент» [6, с. 3]. Теории второго типа – это теории высокоуровневого восприятия. Их сторонники полагают, что высокоуровневые репрезентации скорее подобны перцептивным состояниям [6, с. 3]. Позиция Оккама ближе к теориям второго типа, поскольку интеллектуальное интуитивное познание предполагает непосредственное восприятие познаваемого объекта. Хотя Оккам считает, что рефлексивные акты интуитивного познания сопровождаются суждениями об их объекте, все же восприятие собственных ментальных актов предшествует таким высокоуровневым мыслям о них. Как и современные сторонники теорий высокоуровневого восприятия, Оккам обращает внимание на то, что осознание собственных ментальных состояний подобно восприятию внешних объектов: оно очевидно, непосредственно и имеет невыводный характер [1, с. 17–18].

Итак, согласно Оккаму, сознательные состояния отличаются от бессознательных тем, что субъект воспринимает эти состояния посредством отдельного рефлексивного акта. Чаттон занимает совершенно иную позицию и приводит против позиции Оккама аргументы, напоминающие некоторые современные возражения против высокоуровневых теорий сознания. Во-первых, он указывает на проблему бесконечного регресса: если для осознания ментального акта нужен другой акт более высокого уровня, окажется, что для осознания рефлексивного акта нужен новый рефлексивный акт и так до бесконечности. Во-вторых, по мнению Чаттона, «если сознание предполагает высокоуровневое восприятия, самопознание окажется не совсем прямым, не совсем надежным и не обладающим авторитетом от первого лица» [1, с. 13]. Указание на то, что при принятии высокоуровневой теории самосознание оказывается не совсем надежным, схоже с современными возражениями, основанными на возможности неверной репрезентации. Кажется, что, если осознание связано с репрезентирующим отношением между двумя состояниями, возможно возникновение такой ситуации, когда высокоуровневое состояние неверно репрезентирует состояние первого уровня. Сторонники высокоуровневых теорий должны объяснить такую возможность [6, с. 7–8].

Чтобы избежать вышеперечисленных проблем, Чаттон предлагает иную модель осознания, чем Оккам: для объяснения осознания собственных ментальных актов нет необходимости вводить отдельное восприятие этих актов. Мы осознаем собственные ментальные состояния просто в силу того, что переживаем их, а не в силу того, что они являются объектом отдельных рефлексивных актов [5]. Он выделяет два типа осознания: первый тип – тот, которым мы осознаем объекты, второй – тот, которым мы осознаем свои субъективные состояния. Второй, то есть субъективный, тип осознания не может быть объяснен в терминах интенциональности, то есть через направленность рефлексивного акта на прямой акт [1, с. 22].

Казалось бы, вопрос о существовании рефлексивного интеллектуального интуитивного познания, вокруг которого сосредоточена дискуссия между Оккамом и Чаттоном, – это сугубо схоластический вопрос, далекий от современной философской проблематики. Однако, как мы видели, в ходе обсуждения этого вопроса Оккам и Чаттон рассматривали те ментальные феномены, которые активно обсуждаются и в современной философии сознания. Кроме того, предложенное Оккамом объяснение осознания собственных ментальных состояний в ключевых моментах схоже с современными высокоуровневыми теориями сознания и особенно близко к теориям высокоуровневого восприятия. Доводы Чаттона, как было показано, напоминают некоторые современные аргументы против высокоуровневых теорий. Это свидетельствует о том, что схоластические дискуссии имеют гораздо больше точек пересечения с современной философией, чем обычно принято думать.

Список литературы

1. *Brower-Toland S. Medieval Approaches to Consciousness: Ockham and Chatton // Philosophers' Imprint. 2012. 12, №. 17. P. 1–29.*
2. *Brower-Toland S. Olivi on Consciousness and Self-Knowledge: the Phenomenology, Metaphysics, and Epistemology of Mind's Reflexivity // Oxford Studies in Medieval Philosophy. 2013. №1. P. 136–171.*
3. *Оккам У. Избранное / Пер. с лат. А. В. Апполонова и М. А. Гарнцева под общ. ред. А. В. Апполонова. М.: Едиториал УРСС, 2002.*
4. *Guillelmi de Ockham Scriptum in librum primum Sententiarum Ordinatio. Prologus et Distinctio prima // Guillelmi de Ockham Opera Theologica. Vol. I. St Bonaventure, N. Y.: St Bonaventure University, 1967.*
5. *Yrjönsuuri M. The Structure of Self-Consciousness: A Fourteenth-Century Debate // Consciousness: From Perception to Reflection in the History of Philosophy. Eds. S. Heinämaa, V. Lähteenmäki, and P. Remes. Dordrecht: Springer, 2007. P. 141–152.*
6. *Gennaro R. Higher-order theories of consciousness: An overview // Higher-Order Theories of Consciousness: An Anthology. Ed. R. Gennaro. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 1–13.*
7. *Guillelmi de Ockham Quodlibeta septem // Guillelmi de Ockham Opera Theologica. Vol. IX. St Bonaventure, N. Y.: St Bonaventure University, 1980.*

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ "ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ"?

Васильев В. В.

*Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова
E-mail: kafedra-izf@yandex.ru*

Аннотация. Одним из самых заметных терминологических нововведений последних десятилетий стал термин «трудная проблема сознания», предложенный в середине 90-х гг. XX в. Д. Чалмерсом. Можно, однако, показать, что сам этот термин небеспроблемен. И главная его проблема в том, что он, возможно, не имеет референта, пуст. Ведь анализ характеристик Чалмерсом трудной проблемы сознания показывает, что эта проблема может быть названа реальной только при соблюдении ряда условий, которые по меньшей мере не выглядят самоочевидными, а именно при признании существования и эпифеноменальности сознания, истолкованного как субъективная феноменальная реальность, не сводимая к физической реальности. Особенно сомнительным выглядит эпифеноменистское условие трудной проблемы сознания. Если эпифеноменизм ложен, нет и трудной проблемы сознания.

Ключевые слова: трудная проблема сознания, легкие проблемы сознания, Дэвид Чалмерс, сознание, эпифеноменизм, каузальная замкнутость.

IS THERE IN REALITY THE HARD PROBLEM OF CONSCIOUSNESS?

Vasilyev V. V.

*Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy,
Head of the Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: kafedra-izf@yandex.ru*

Abstract. One of the most notable terminological innovations in recent decades has been the term “the hard problem of consciousness,” proposed more than 25 years ago by David Chalmers. It can be shown, however, that this term itself is not problematic. And its main problem is that it may not have a referent, that it could be empty. An analysis of Chalmers' characteristics of the hard problem of consciousness shows that this problem can be called real only if a number of conditions are met, which at least do not seem self-evident, namely, with the recognition of the existence and epiphenomenality of consciousness, interpreted as a subjective phenomenal reality,

not reducible to physical reality. The epiphenomenality condition for the hard problem of consciousness looks especially dubious. If epiphenomenalism is false, this problem does not exist at all.

Keywords: hard problem of consciousness, easy problems of consciousness, David Chalmers, consciousness, epiphenomenalism, causal closure

Одной из главных терминологических новаций последних десятилетий, несомненно, является различение "трудной" и "легких" проблем сознания. Автором соответствующих терминов является австралийский философ Дэвид Чалмерс. Для широкой аудитории они впервые прозвучали на одной из первых больших междисциплинарных конференций по проблеме сознания, которая проходила в Аризонском университете весной 1994 г. Организатор этой конференции С. Хамерофф вспоминал, что доклад Чалмерса – «Научно объясняя сознания: возможности и вызовы» [1] произвел громадное впечатление на аудиторию [2, 116]. Своим разделением легких и трудной проблемы сознания Чалмерс словно бы обрисовал задачи, стоящие перед исследователями, пришедшими к проблеме сознания с разных сторон и не всегда понимавшими, как наладить взаимодействие с коллегами. Легкими проблемами сознания будут заниматься те, кто хочет изучать сознание традиционными методами экспериментальных наук (собственно, "легкими" их можно назвать именно потому, что в принципе понятно, что их можно решить подобными методами). Трудную же проблему, как можно было понять Чалмерса, лучше оставить философам. В 1995 г. по следам своего доклада Чалмерс опубликовал статью «На пути к решению проблемы сознания» [3], вокруг которой развернулась большая дискуссия, а в 1996 г. опубликовал масштабный трактат «Сознающий ум», на первых же страницах которого он говорит о «трудной проблеме» [4, с. 9-10] и дает понять, что собирается найти ее решение.

С тех времен прошло уже более четверти века. За эти годы Чалмерс лишь упрочил свои позиции в философском сообществе и воспринимается многими как один из ведущих современных мыслителей. Трудная же проблема сознания прочно вошла в обиход современной философии сознания и даже вышла за ее пределы. На нее зачастую смотрят как на своего рода данность, которую можно поместить в один ряд с другими великими философскими проблемами, такими как проблемы свободы воли или истоков морали.

Сейчас мы, однако, увидим, что с самой трудной проблемой дело обстоит далеко не беспроблемно. И ее проблемы начинаются уже с ее формулировки. Чалмерс был весьма неоднозначен при объяснении, в чем она, собственно, заключается. Непростым выглядит и вопрос о соотношении трудной проблемы сознания и традиционной проблемы сознание-тело. Загадочным выглядит и то, что в "Сознающем уме" Чалмерса, задуманном, как логично считать, как решение трудной проблемы, термин этот на деле почти не употребляется.

На фоне этих странностей не удивительным кажется то, что некоторые авторы вообще отрицали существование трудной проблемы сознания. В этом тексте я остановлюсь только на вопросе о различных формулировках трудной проблемы и об условиях ее существования.

Разные формулировки трудной проблемы присутствуют уже в том самом докладе Чалмерса 1994 г., с которого и началась публичная история соответствующего термина и понятия (в переписке Чалмерс сообщал автору этих строк, что сам термин употреблялся им еще в 1993 г. на занятиях со студентами Вашингтонского университета, где он тогда работал). Чалмерс начал с того, что главная трудность в проблеме сознания связана с объяснением "опыта" (experience), т.е. природы субъективных переживаний. Затем он уточнил, что трудным в таком объяснении является понимание, почему функционирование мозга, т.е. реализация каких-то когнитивных функций в нем вообще сопровождается субъективным опытом. У трудной проблемы обнаружились и другие оттенки: как мозг может порождать субъективные переживания и как материальная система может быть субъектом опыта?

Все эти характеристики трудной проблемы сознания встречаются и в позднейших выступлениях и текстах Чалмерса. При этом создается впечатление, что он не склонен трактовать перечисленные выше формулировки как принципиально разные вопросы, из которых складывается трудная проблема. Скорее для него это разные словесные выражения одной и той же проблемы, что-то вроде ситуации, когда мы спрашиваем «какие числа нужно прибавить друг к другу, чтобы получить число 7» и «какие слагаемые у суммы равной 7».

Между тем, можно показать, что различие приведенных выше чалмерсовских вопросов не сводится к словесным различиям. К примеру, разве вопрос "как мозг порождает субъективный опыт" не предполагает фактичность такого порождения? А вот в формулировке "почему реализация каких-то функций сопровождается субъективным опытом" такого предположения не делается. Вопрос

о том, как материальная система может быть субъектом опыта опять-таки наводит на мысль о том, что здесь уже исключена ситуация, когда субъектом опыта является не что-то материальное, а ментальная субстанция. При формулировке с акцентом на сопровождение этого тоже нет. Зато в ней допускается реальность внутреннего опыта. Его реальность неявно допускается и при описании трудной проблемы через необходимость объяснения опыта. Ведь если это была бы иллюзия, то объяснение опыта свелось бы к выявлению механизмов возникновения этой иллюзии, а выявление механизмов, как отмечал Чалмерс уже в 1994 г., это признак легких проблем.

Чалмерс и правда давал понять, что трудная проблема сознания не связана с попытками доказательства существования субъективного опыта, понятого в духе нагелевского «каково это быть» [5] или «феноменального сознания» Н. Блока [6]. На первых же страницах «Сознающего ума» Чалмерс заявляет, что одним из его принципов является серьезное отношение к сознанию, суть которого состоит как раз в признании его реальности [4, с. 10].

Итак, трудная проблема сознания предполагает реальность субъективного опыта, ср. [7, с. 78]. Но почему Чалмерс считает, что объяснить эту реальность невозможно через раскрытие механизмов, обеспечивающих порождение мозгом этого опыта или хотя бы сопровождение этим опытом функционирования мозга? Ведь перспективность поиска таких механизмов перекалвалифицировало бы трудную проблему сознания в одну из легких проблем. Здесь его тезис состоит в том, что никакие кандидаты на роль механизмов не позволят понять, почему эти механизмы не могли бы работать при отсутствии субъективного опыта. В качестве примера он часто ссылался на инициированные нобелевским лауреатом Ф. Криком поиски «нейронных коррелятов сознания». Допустим, нам удалось установить, что субъективные переживания красного сопровождаются такими-то процессами в мозге, причем протекания этих процессов при прочих равных условиях достаточно для появления этого переживания. Можно, таким образом, сказать, что наши исследования позволили выявить механизм порождения одного из компонентов человеческого сознания. Но объясняют ли наши находки, почему эти механизмы сопровождаются подобными переживаниями? Чалмерс считает, что нет - по одной простой причине: мы можем отчетливо представить отсутствие переживаний красного при наличии таких работающих механизмов, и если это так, то их наличие зависит не только от этих механизмов, но и от чего-то еще. Но от чего? Понять это весьма непросто.

В этих рассуждениях Чалмерса можно зафиксировать одно важное допущение. Представим, что мы задаем сходный с чалмерсовским вопрос относительно каких-то физических явлений. Скажем, мы спрашиваем «почему работа системного блока стационарного компьютера сопровождается каким-то гулом?». В ответ можно сказать, что гул вызывается вентиляторами, охлаждающими центральный процессор, видеокарту и т.п. Но разве нельзя представить всю эту машинерию работающей совершенно беззвучно, безо всякого гула? И если да, то, по Чалмерсу, наше объяснение не будет исчерпывающим, и мы не разрешим проблему, которую по аналогии можно будет обозначить как «трудную проблему гула».

Ясно, что здесь что-то не так. Трудной проблемы гула не существует. И дело здесь состоит, похоже, в том, что, представляя стационарный компьютер не производящим гула - что мы, конечно, можем сделать - мы представляем его в несколько ином физическом окружении, чем шумящий компьютер, например, без окружающего его воздуха, или в таком же окружении, но в мире с другими физическими законами. Представить тихий компьютер в том же окружении и в мире с теми же физическими законами, что и в нашем мире, невозможно.

Перевернув теперь эти выводы на трудную проблему сознания, мы увидим, что аналогии не получается. Ведь Чалмерс уверяет, что мы можем представлять отсутствие феноменального сознания, субъективного опыта без всяких изменений в физической машинерии мозга. Из этого, однако, следует, что он не признает участия феноменального сознания в работе этой машинерии, не признает каузального вклада сознания в работу мозга, а значит и в поведение индивида. Ведь если бы он допускал такой вклад и при этом отвергал вариант со сверхдетерминацией, что он и делает, так как он неприемлем по оккамистским соображениям, то представление обычного функционирования мозга без участия сознания было бы его представлением в мире с другими физическими законами, и ситуация не отличалась бы от случая с компьютером.

Позиция, отрицающая каузальный вклад феноменального сознания в работу мозга, как известно, называется эпифеноменализмом. Получается, что трудная проблема трудна и в этом смысле существует не только при допущении реальности феноменального сознания, но и при допущении его эпифеноменальности. По сути, это признавал и сам Чалмерс. Ведь в «Сознающем уме» он призвал всерьез относиться не только к сознанию, но и к науке, и это серьезное отношение подразумевало у него признание каузальной замкнутости физического, т.е. принципа, согласно которому у

физических событий могут быть только физические причины [4, с. 11-12], одним из следствий чего оказывается эпифеноменалистский тезис о том, что феноменальное нефизическое сознание не может напрямую влиять на процессы в мозге.

Таким образом, для признания существования чалмерсовской трудной проблемы мы должны исходить из тезиса о реальности нефизического феноменального сознания и из тезиса об отсутствии прямого влияния такого сознания на физическую реальность. Но если первый из них имеет немало сторонников, то второй выглядит очень проблематичным и даже противоречащим здравому смыслу. Неудивительно, что многие отрицают существование трудной проблемы сознания. Если эпифеноменализм ложен и свехдетерминация неприемлема, то нет и такой проблемы.

Список литературы

1. Chalmers D. Explaining Consciousness Scientifically: Choices and Challenges [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/_IWp-6hH_6g?si=5BSC0jgA8PQwP-c5 (дата обращения 14.01.2024).
2. Blackmore S. Conversations on Consciousness. Oxford, 2005.
3. Chalmers D. Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. 2(3): 200-219.
4. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М., 2013.
5. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // The Philosophical Review. 1974. № 83(4). P. 435-450.
6. Block N. On a Confusion about a Function of Consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. №18. P. 227-247.
7. Иванов Д. В. Трудная проблема сознания в контексте философии сознания XX в. // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2018. № 2(15). P. 72-91.

ИЛЛЮЗИОНИСТСКИЙ ТЕЗИС ОБ ИСКАЖЕНИИ: КАКОЙ МОЖЕТ БЫТЬ ИЛЛЮЗИЯ ФЕНОМЕНАЛЬНОСТИ?

Горбачев М. Д.

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: mgorbachev@hse.ru

Аннотация. Согласно иллюзионистскому тезису об искажении, интроспекция искажает сложные физические свойства как простые феноменальные и создает иллюзию феноменальности. В докладе рассмотрено, какие модели искажения подходят для иллюзионизма. Эти паттерны предлагаются в связи с тремя характеристиками: позитивность, концептуальность и рассеиваемость. Позитивное искажение – это репрезентация отсутствующего на самом деле феноменального сознания. Негативное искажение представляет собой упрощенную или неполную картину физических процессов, которая сама по себе не является ошибочной. Концептуальность касается того, имеет ли искажение концептуальную или не концептуальную природу. Те паттерны искажения, которые можно сравнительно легко развеять, отличаются от тех, которые гораздо более стабильны. Как итог, у нас есть, как минимум, 8 возможных паттернов искажения и 8 гипотез о природе феноменальной иллюзии. Эти 8 паттернов будут обсуждаться в докладе.

Ключевые слова: сознание, феноменальность, квалиа, иллюзионизм, интроспекция, тезис об искажении.

THE ILLUSIONIST DISTORTION THESIS: WHAT KIND OF ILLUSION CAN THE ILLUSION OF PHENOMENALITY BE?

Gorbachev M. D.

Graduate student

Higher school of Economics University

E-mail: mgorbachev@hse.ru

Abstract. According to illusionist distortion thesis introspection misrepresents complex physical properties as simple phenomenal ones and creates the illusion of phenomenality. I will consider which patterns of distortion are suitable for illusionism. It will be relevant to indicate distortion patterns using three following characteristics: positiveness, conceptuality and dispellability. A positive distortion represents the presence of an absent phenomenal consciousness. A negative distortion represents a simplified picture of physical processes which is not incorrect itself. Conceptuality concerns whether a distortion has conceptual or nonconceptual nature.. Those distortion patterns which can be comparatively easily dispelled are distinguished from those that are much more stable and resistant. Accordingly, we have 8 possible patterns of distortion and 8 hypotheses about the nature of a phenomenal illusion. These 8 patterns are discussed in the talk.

Keywords: consciousness, phenomenality, qualia, illusionism, introspection, distortion thesis.

В философии сознания почти все согласны с тем, что то, что называется феноменальным сознанием, или квалиа, кажется аномальным. Есть, по крайней мере, следующие варианты объяснения этого: радикальные реалисты готовы предложить радикальные изменения в научной картине мира, чтобы приспособить феноменальные свойства к реальности; консервативный реалист скажет, что феноменальность реальна, не утверждая, что она имеет нефизическую природу. Другой способ объяснить аномальный характер - заявить, что нам просто кажется, что аномальное феноменальное сознание реально. Это иллюзионистский вариант

Иллюзионистская теория сознания заменяет ставшую уже традиционной трудную проблему сознания на проблему иллюзии, поскольку согласно ей феноменального сознания, которое и создает трудную проблему, просто не существует. Есть лишь интроспективная иллюзия феноменальности. И проблема иллюзии заключается в необходимости объяснить, как последняя возникает и почему она столь сильна. Центральным тезисом иллюзионизма является тезис об искажении. Он гласит, что способ, которым мы узнаем о своих сознательных состояниях, может исказить изначальную физическую информацию в ходе репрезентации. Наши убеждения о феноменальном сознании могут быть результатом того, что сложные физические процессы в мозге кажутся нам простыми феноменальными свойствами – или квалиа [1, 2]. Интересен вопрос о том, какова именно иллюзия феноменального сознания, ведь искажение, предполагаемое озвученным тезисом, может быть разным, сохраняя инвариантное ядро. Можно предложить ряд гипотез относительно характера интроспективного искажения, опираясь на ряд характеристик: позитивность, концептуальность и рассеиваемость.

На разницу между позитивным и негативным искажением отчасти указывал Каммерер [4]. Первое в ходе репрезентации представляет то, чего нет на самом деле. Второе же представляет лишь неполную информацию, которая сама по себе не является ошибочной.

Концептуальность связана с ролью семантических рамок и контекстов в процессе искажения. В одном случае на работу интроспекции не влияет какая-либо концептуальная информация. Примерами такого искажения является иллюзия Мюллера-Лайера, ведь в этом случае нет разницы, какой базовой объяснительной теории или случайной семантической рамке следует человек. Если искажение концептуальное, то оно появляется, когда не ошибочная, а неполная информация неконцептуального уровня подвергается интерпретации, в ходе которой возникает ошибка.

Последнее измерение – это рассеиваемость. Искажение, которое может быть сравнительно легко устранено с помощью новой информации или манипуляций с собственным механизмом искажения (подобно тому, как мы влияем на работу нашей оптической системы, прищуриваясь), отличается от стабильного и устойчивого. Нерассеиваемые искажения не поддаются таким когнитивным или манипулятивным попыткам их преодоления. Например, мы слепы к части цветового спектра только из-за особенностей нашей оптической системы, и мы не можем изменить это убеждениями.

Таким образом, мы имеем следующие возможные модели искажений, используемые в тезисе об искажении: (ПКР), (ПК-Р), (П-КР), (П-К-Р), (НКР), (НК-Р), (Н-КР) и (Н-К-Р).

Позитивно-неконцептуально-нерассеиваемое (П-К-Р) искажение является одним из наиболее разработанных. Николас Хамфри является сторонником подобного паттерна (но не иллюзионизма) [3]. Когда наши органы чувств обнаруживают потенциально значимые раздражители наш мозг рефлекторно формирует оценочные реакции. И благодаря наблюдению за тем, как реагирует наш мозг, мы приходим к осознанным ощущениям света, звука, боли [3]. Искажение здесь возникает независимо от каких-либо базовых теорий и семантических рамок. Будучи продуктом эволюции, оно встроено в физические механизмы самоконтроля. Большинство оптических иллюзий относятся к этому виду. Они появляются из-за особенностей нашей оптической системы и очень стабильны.

Весьма схожий паттерн – позитивный-неконцептуальный-рассеиваемый (П-КР). В этом случае также сама физическая система, которая предоставляет нам интроспективный доступ к нашему опыту, включает в себе искажающий механизм. Физические процессы ошибочно представлены как простые феноменальные свойства. И искажение возникает до того, как на него может повлиять какая-либо концептуализация. В отличие от предыдущего вида искажения, такой паттерн может быть устранен благодаря его когнитивной проницаемости или гибким физическим механизмам, участвующим в искажении. Например, мы могли бы развеять иллюзию сравнительно простыми манипуляциями с интроспективной системой (например, медитациями [5]). Ведь возможно, что мы просто не научились использовать подобный механизм, который у нас есть.

Позитивно-концептуально-рассеиваемый (ПКР) и позитивно-концептуально-нерассеиваемый (ПК-Р) паттерны существенно отличаются от двух предыдущих. Они сочетают в себе как ошибочную репрезентацию на неконцептуальном уровне, так и влияние концептуального уровня. Такое сочетание возможно в случае нисходящего эффекта концептуального уровня. То есть, он оказывает значительное влияние на работу неконцептуального, в результате чего последний изменяет способ своей работы, создавая позитивное искажение. Разница между (ПКР) и (ПК-Р) заключается в возможности рассеять иллюзию.

Среди паттернов негативного искажения наиболее развитым является паттерн негативно-концептуального-нерассеиваемого искажения (НК-Р). В этом случае мы приобретаем убеждения о феноменальном сознании, следуя некой базовой теории или правилам интерпретации, применяемым некоторыми механизмами к неполным интроспективным данным [6, 7, 8]. Восприятие и концептуализация здесь имеют два различных механизма, которые функционируют одновременно, и именно последний создает иллюзию, интерпретируя данные первого. Следует подчеркнуть, что негативно искаженные, упрощенные или неполные картины мозговых процессов могут в большей или меньшей степени склонять нас к такой концептуализации, в ходе которой мы формируем убеждения о феноменальном сознании. Тем не менее, для искажения необходим концептуальный уровень, и, следовательно, искажение будет негативно-концептуальным.

Негативно-концептуально-рассеиваемый паттерн (НКР), по-видимому, аналогичен (НК-Р): существует концептуальная реакция на неполную информацию, полученную от неконцептуального уровня. Но из-за своей рассеиваемости он представляет собой нечто весьма отличное на деле. Примерами могут послужить различные фокусы, когда в зависимости от того, насколько человек готов поверить своим глазам и насколько ему известен механизм того или иного трюка, меняется и способ, которым он концептуализирует увиденное. Поэтому искажение будет концептуальным, поскольку без соответствующей интерпретации искажение просто не возникло бы.

Особым образом дело обстоит с негативно-неконцептуально-рассеиваемыми (Н-КР) и негативно-неконцептуально-нерассеиваемыми (Н-К-Р) паттернами искажений. Негативное искажение требует, чтобы неконцептуальный уровень интроспекции предоставлял частичную и неполную информацию, но не неверную. Поэтому далее необходимо концептуальное искажение – если нет такого уровня, который создает ошибку, то иллюзия просто не возникает. В то же время неконцептуальность предполагает, что нам не нужно иметь конкретную базовую теорию или контекстно обусловленную интерпретационную рамку, чтобы создать иллюзию феноменальности. Потому что она возникает независимо от таких механизмов – как мы видим определенный цветовой спектр с помощью своей оптической системы. Таким образом, нельзя, чтобы паттерн негативного искажения не был в то же время концептуальным, так как не будет механизмов, которые могли бы быть ответственны за возникновение иллюзии.

Так, существует множество моделей искажения, которые подходят для тезиса об искажении. Это наводит на мысль, что иллюзионизм на самом деле гораздо менее контринтуитивен, чем часто думают. Существует множество возможностей для него оказаться верным. Тем не менее, все эти возможности

являются скорее гипотезами и нуждаются в проверке. К счастью, иллюзионизм придает большой авторитет экспериментальной науке о сознании с перспективы третьего лица. Таким образом, мы можем исследовать случаи искажения и механизмы интроспекции. Итак, мы должны изучить эти варианты, а не оставлять их без внимания на апriorных основаниях из-за некоторых феноменальных интуиций, которые могут оказаться результатом одного из всех введенных паттернов искажений.

Список литературы

1. Frankish K. Illusionism as a theory of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23, № 11-12. P. 11-39
2. Frankish K. Quining diet qualia // Consciousness and Cognition. 2012. Vol. 21, № 2. P. 667-676.
3. Humphrey N. Redder than red illusionism or phenomenal surrealism? // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23, № 11-12. P. 116-123.
4. Kammerer F. How rich is the illusion of consciousness? // Erkenntnis. 2022. Vol. 87, № 2. P. 499-515.
5. Huebner B., Kachru S. Minds in Motion and Introspective Minds // Journal of Consciousness Studies. 2023. Vol. 30, № 9-10. P. 129-142.
6. Garfield J. L. Illusionism and givenness // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23, № 11-12. P. 73-82.
7. Graziano M. S. A. Consciousness engineered // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23, № 11-12. P. 98-115.
8. Kammerer F. The Hardest Aspect of the Illusion Problem--and How to Solve It // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23, № 11-12. P. 124-139.

РЕПРЕЗЕНТАЦИОНАЛИЗМ И ПРИРОДА МЕНТАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Гусев А. А.

Кандидат философских наук, младший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Аннотация. В работе исследуются репрезентационалистские теории сознания в контексте психофизической проблемы и трудной проблемы сознания. Психофизическая проблема связана с субстанциональным дуализмом, согласно которому существует два независимых вида объектов – физические и ментальные. Во второй половине XX в. появилась новая версия дуализма – дуализм свойств. Его суть заключается в том, что утверждается не существование ментальных субстанций, а существование феноменальных свойств опыта, нередуцируемых к физическим и функциональным свойствам. Дуализм свойств связывают с трудной проблемой сознания – почему определённые нейрофизиологические процессы сопровождаются качественным переживанием? Оценивается попытка ответа на трудную проблему сознания путем сведения феноменального характера опыта к репрезентативному содержанию. Автор показывает, что такая редукция приводит к онтологии с неинстанцированными свойствами и несуществующими объектами, что является крайне нежелательным следствием для физикализма.

Ключевые слова: философия сознания, психофизическая проблема, трудная проблема сознания, сознание, восприятие, квалиа, репрезентационализм, дизъюнктивизм.

REPRESENTATIONALISM AND THE NATURE OF MENTAL STATES

Gusev A.A.

CSc in Philosophy, Junior Researcher
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract. The work examines representational theories of consciousness in the context of the mind-body problem and the hard problem of consciousness. The mind-body problem is related to the substantial dualism, according to which there are two independent types of objects –

physical and mental. In the second half of the twentieth century. a new version of dualism appeared – the dualism of properties. Its essence lies in the fact that it is not the existence of mental substances that is affirmed, but the existence of phenomenal properties of experience that are irreducible to physical and functional properties. The dualism of properties is associated with the hard problem of consciousness - why are certain neurophysiological processes accompanied by a qualitative experience? An attempt to answer the hard problem of consciousness by reducing the phenomenal character of experience to representational content is assessed. The author demonstrates that such a reduction leads to an ontology with non-instantiated properties and non-existent objects, which is an undesirable consequence for a physicalism.

Key words: philosophy of mind, mind-body problem, hard problem of consciousness, consciousness, perception, qualia, representationalism, disjunctivism.

Введение

В своё время Р. Декарт «разделил» мир на *res cogitans* и *res extensa* – вещи мыслящие и вещи протяжённые. Такая позиция стала называться субстанциональным дуализмом: в мире существуют две независимые друг от друга субстанции, обладающие набором непересекающихся сущностных свойств. Это породило проблему сознание-тело (*the mind-body problem*), которая больше известна в отечественной литературе под названием психофизическая проблема. Одним из её проявлений является проблема ментальной каузальности: «Каким образом возможно каузальное взаимодействие между физическими объектами, находящимися во времени и пространстве, и нефизическим сознанием, которое, будучи непротяжённым, вообще не находится в пространстве» [1, с. 14]. Психофизическая проблема стала ещё актуальнее в двадцатом веке в связи с расцветом натуралистической парадигмы в философии и физикализма как главенствующей метафизической позиции. Согласно физикализму, все объекты и свойства мира либо тождественны физическим объектам и физическим свойствам, либо в метафизическом смысле являются зависимыми от них. В монистической онтологии физикалистов нет места для нефизических объектов, поскольку наличие таких объектов нарушает принцип каузальной замкнутости физического мира – у физических событий могут быть только физические причины. В конце века психофизическая проблема получила обновлённую формулировку в виде трудной проблемой сознания (*the hard problem of consciousness*) Д. Чалмерса. Картезианские интуиции продолжили жить в более слабой версии дуализма – дуализме свойств (*property dualism*). Особенность дуализма свойств заключается в том, что утверждается не существование ментальных субстанций как аналогов физических объектов, а лишь наличие особых ментальных свойств.

Репрезентационализм

В конце двадцатого века эстафету в натурализации ментального принимает репрезентационализм, который стал занимать лидирующие позиции как в философии сознания и восприятия, так и в когнитивной науке. Репрезентационалисты обратились к идее интенциональности как существенному признаку всех ментальных состояний. Интенциональность является тем свойством, через которое Ф. Brentano выделял психические феномены, как особый вид сущностей. Данное наблюдение позволило ему обосновать статус психологии как подлинной науки со своим отдельным предметом изучения [2].

В рамках уже чисто философских дебатов репрезентационалисты пытались показать, что все ментальные состояния по сути являются различными вариациями *пропозициональных установок* (*propositional attitudes*). Они всегда направлены на содержание в виде пропозиции, которая репрезентирует внешние по отношению к ментальному состоянию положения дел. Вооружившись этой идеей, репрезентационалист может попытаться решить проблемы, поставленные Декартом и Чалмерсом. Психофизическая проблема устраняется указанием на то, что ментальные состояния стоит понимать как подкласс естественных репрезентаций. Трудная проблема сознания решается обоснованием того, что феноменальный характер опыта является особым видом репрезентаций.

Феноменальный характер и репрезентативное содержание

Трудная проблема исходит из реализма относительно феноменального характера опыта. Как подметил в своё время Т. Нагель [3], для каждого сознательного состояния есть нечто,

выражающее то, каково это находиться в данном ментальном состоянии. В литературе существуют споры, связанные с тем, можно ли отождествить понятие «феноменальный характер опыта» (phenomenal character of experience) с понятием «квалиа» (qualia) [4].

Можно сказать, что феноменальный характер сознательного опыта — это более нейтральное понятие, в то время как квалиа является метафизически нагруженным термином, подразумевающим конкретную онтологию — упомянутый ранее дуализм свойств. В этом есть смысл, поскольку можно быть реалистом относительно феноменального характера и отрицать существование квалиа, не впадая при этом в явное противоречие. Сложно спорить с тем, что у сознательных ментальных состояний есть какой-то качественный аспект, которым просто нужно обладать, чтобы понять, о чем идет речь. По моему мнению, обращение внимания на феноменальный характер как на объект исследования должно быть общей стартовой позицией для философа сознания, но то, как каждый конкретный философ будет объяснять этот феномен, может отличаться.

Отличие репрезентационализма от других представителей натуралистического проекта в том, что некоторые его сторонники попытались использовать интроспективный анализ для поддержки своей позиции, а также опровержения дуализма свойств. Например, Г. Харман вернул старую идею Дж. Э. Мура о прозрачности опыта (transparency of experience): «Посмотрите на дерево и попробуйте направить свое внимание на внутренне присущие свойства вашего визуального опыта. Я предсказываю, вы обнаружите, что внимание можно направить только на свойства представленного дерева, в том числе реляционные особенности дерева, как оно видится “отсюда”» [5, с. 39].

Аргумент от прозрачности показывает, что когда мы пытаемся «найти» квалиа, понятые как особые внутренние свойства самого опыта, то мы не находим ничего, кроме свойств объектов — опыт словно «прозрачен». Но что насчет феноменального характера опыта? Тай полагает, что феноменальный характер не является внутренним свойством опыта и редуцируется к репрезентативному содержанию особого рода: «Осознавая внешние качества, вы осознаете, каково это для вас. Это, конечно, не означает, что вы делаете вывод о феноменальном характере своего опыта на основе осознания внешних качеств. Очевидно, что никакие рассуждения здесь не при чем» [6, с. 47].

На мой взгляд, Харман и Тай правы в том, что аргумент от прозрачности создает проблемы для квалиа-реализма. По крайней мере, он ставит под сомнение, что понятие «квалиа» отсылает к свойствам с простой эпистемической природой. Но не стоит торопиться с отождествлением феноменального характера сознательного опыта с репрезентативным содержанием. Начнем с того, что сам тезис прозрачности не говорит ничего конкретного об онтологическом статусе объектов опыта и метафизической природе восприятия как такового. Он говорит лишь, что объекты опыта воспринимаются как «что-то внешнее» по отношению к опыту, но из этого ещё не следует, что эти объекты материальны и являются частью содержания опыта. Даже если мы феноменалисты, то мы все равно можем считать идеи внешних объектов чем-то внешним по отношению к сознанию. В одном месте Харман, по сути, утверждает, что сама интроспекция склоняет нас к принятию репрезентационализма: «Это означает осознание интенциональной особенности ее опыта; она осведомлена о том, что ее опыт имеет определенное содержание» [5, с. 38]. С таким же успехом тезис прозрачности можно использовать для поддержки и прямого реализма [7] — основного конкурента репрезентационализма в современных дискуссиях в философии восприятия. Прямые реалисты считают, что феноменальный характер опыта определяется непосредственным отношением знакомства субъекта с внешними объектами окружающей среды.

Как подмечает Тай, отождествление феноменального характера с содержанием является лишь гипотезой, которая поддерживается её объяснительной силой. Во-первых, феноменальный характер зависит от воспринимаемых объектов и их свойств, поскольку если они меняются, то, каково находиться в этом ментальном состоянии, тоже меняется. Он указывает, что и содержание опыта меняется, ведь в таком случае состояния репрезентируют разные объекты с разными свойствами. Тем не менее прямой реализм также способен объяснить эту зависимость, поскольку исходит из общей с репрезентационализмом идеи прозрачности опыта. Во-вторых, гипотеза Тая проясняет, почему опыт с визуальными иллюзиями и галлюцинациями обладает феноменальным характером. Поскольку содержание является общим элементом как для достоверного опыта, так и для иллюзий с галлюцинациями, постольку и иллюзии с галлюцинациями могут обладать феноменальным характером. Но если мы апеллируем к идее интенциональности и признаем, что опыт может обладать содержанием, даже если его объекты не существуют, то это создает следующие трудности.

Допустим, что субъект переживает галлюцинаторный опыт с красным яблоком. Свойство красности не воплощается в яблоке, оно не находится в мозге субъекта и не является свойством самого опыта. (Последнее особенно важно, иначе репрезентационализм коллапсирует к разновидности

квалиа-реализма.) Другими словами, свойство красноты представлено субъекту, даже когда оно неинстанцируется (non-instantiated). Каким-то образом разум тянется и ухватывает само свойство красноты, в абстракции от всякого воплощения в мире [8, с. 62]. Репрезентационалист может апеллировать к интенциональным объектам, что именно они инстанцируют это свойство. Данный ход создает ещё больше трудностей, поскольку, как замечает Д.В. Иванов: «По сути мы принимаем особую, мейнонгианскую по духу, онтологию несуществующих объектов. Согласно такой онтологии, во множестве реальных объектов мы можем выделить подмножество существующих и подмножество несуществующих объектов» [1, с. 208]. Учитывая, что репрезентационализм обычно ассоциируется с проектом по натурализации ментального, то указанные следствия становятся серьезной проблемой. Принятие редуктивного репрезентационализма Тая и Хармана приводит нас к онтологии, где есть неинстанцированные свойства (по сути универсалии) и несуществующие объекты. Более того, эти абстрактные сущности каким-то образом могут каузально влиять на физическое тело субъекта. На мой взгляд, это сомнительная альтернатива дуализму свойств. Действительно, дуализм свойств хотя бы не утверждает существование нефизических партикулярий и неинстанцированных свойств.

Для прямых реалистов проблема галлюцинации тоже создает трудности. Если в достоверном опыте феноменальный характер объясняется отношением знакомства или осведомленности (awareness) со свойствами окружающих материальных объектов, то как возможно то, что галлюцинаторный опыт, не имеющий объекта по определению, обладает феноменальным характером. Как правило, в связи с данной проблемой прямые реалисты обращаются к дизъюнктивному анализу перцептивного опыта, согласно которому достоверное восприятие и галлюцинаторный опыт фундаментально отличаются по своей метафизической природе. Сторонники позитивного дизъюнктивизма пытаются предоставить концепцию галлюцинаций в независимых от прямого реализма и достоверного опыта терминах. Например, через апелляцию к репрезентативному содержанию или чувственным данным (sense data). Более перспективным вариантом является негативный дизъюнктивизм М. Мартина [9]. В отличие от позитивного дизъюнктивизма он не сталкивается с проблемой объяснительного отсеивания (explanatory screening off) – если галлюцинаторный опыт может быть объяснен через чувственные данные или репрезентативное содержание, то тогда объяснение достоверного опыта в терминах прямого реализма становится избыточным. Поскольку галлюцинации внутренне неотличимы от восприятия, постольку и объяснительная схема галлюцинаторного опыта распространяется на достоверный опыт. Чтобы избежать данного следствия, Мартин характеризует галлюцинаторный опыт через негативное эпистемическое свойство быть неотличимым от восприятия. Субъект обладает феноменальным характером, имеет такие убеждения об окружающей среде, проявляет такое поведение, поскольку испытывает галлюцинацию, неотличимую от аналогичного восприятия. У обоих подходов есть свои недостатки, но, на мой взгляд, положение дизъюнктивизма в контексте объяснения феноменального характера не хуже, чем у репрезентационализма.

Список литературы

1. *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 240 с.
2. *Брентано Ф.* Избранные работы / Сост., пер. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.
3. *Nagel T.* What is it like to be a bat? // *Philosophical Review*. 1974. Vol. 83. P. 435–450.
4. *Frankish K.* Quining diet qualia // *Consciousness and Cognition*. 2012. Vol. 21, № 2. P. 667-676.
5. *Harman G.* The intrinsic quality of experience // *Philosophical perspectives*. 1990. Vol. 4. P. 31–52.
6. *Tye M.* *Consciousness, Color, and Content*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000. 198 p.
7. *Martin M.G.F.* The Transparency of Experience // *Mind and Language*. 2002. Vol. 17, № 4. P. 376–425.
8. *Papineau D.* *The Metaphysics of Sensory Experience*, Oxford: Oxford University Press, 2021. 163 p.
9. *Martin M.G.F.* The Limits of Self-Awareness // *Philosophical Studies*. 2004. Vol. 120, № 1/3. P. 37–89.

РОЛЬ ДУАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Девятко И. В.

*Аспирант философского факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
E-mail: i.devyatko@yandex.ru*

Аннотация. Господствующее положение в философии сознания занимает материализм. В докладе даётся оценка роли, которую играет дуализм в современной дискуссии.

Ключевые слова: аналитическая философия, философия сознания, материализм, дуализм, сдвиг парадигмы.

THE ROLE OF DUALIST SOLUTIONS OF THE MIND-BODY PROBLEM IN THE CONTEMPORARY ANALYTIC PHILOSOPHY

Devyatko I. V.

*Postgraduate student of the Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: i.devyatko@yandex.ru*

Abstract. Materialism occupies a dominant position in the philosophy of consciousness. The lecture evaluates the role played by dualism in modern debate.

Keywords: analytic philosophy, philosophy of mind, materialism, dualism, paradigm shift.

В рамках доклада будет представлена роль, которую играет дуализм в современной аналитической философии сознания на фоне доминирующей в ней материалистической парадигмы. Для этого сначала Материализм подразумевает, что ментальные состояния имеют полностью материальную или же физическую природу, и, соответственно, полное описание мира, которое ничего не упускает, может быть дано исключительно в физических терминах [1, с. 3]. Такая установка прямо влияет на то каким образом организовано исследование сознания, мышления, мозга и их связи. Допущение, которое лежит в основе многих проектов по изучению ментальных свойств, состоит в том, что материализм реален, прояснён и достаточно прост. Все свойства разума в целом, включая феноменальное сознание, связаны лишь с архитектурой мозга и количеством операций, на которые он способен. Таким образом, предполагается, что если приложить достаточно вычислительных усилий, при помощи современных ресурсов доступных науке или ресурсов, которые станут доступны в ближайшем будущем, загадка разума и сознания будет решена.

Однако в реальности дело обстоит намного сложнее. Материализм — метафизическое утверждение, в котором нет ничего до конца понятного, прояснённого или простого. С одной стороны, мотивацией для принятия материализма служит набор познавательных добродетельных установок. Принцип теоретической экономии, согласованность с экспериментальной наукой, согласованность с правдоподобными метафизическими утверждениями, вроде принципа полноты физического мира, а также интеллектуальная мода и многое другое. С другой стороны, та или иная форма материализма претендует на то, чтобы быть законченной онтологической теорией. В результате, возникает то, что Т. Нагель назвал «отказом от интеллектуального смирения» [2, с. 3]. Этот отказ характеризуется тем, что философы или философствующие учёные нашли в материализме «теорию всего», и никакой гипотетический рациональный довод не способен убедить их отказаться от этой теории. Однако история науки показывает, что мы всегда живём в ситуации, когда наука не полна и новым прорывам ещё только предстоит произойти [2, с. 3]. Действующий же из материалистической установки исследователь, может просто отказаться принимать новые факты и свидетельства на основании однажды выбранной позиции. Материализм полагает ту или иную зависимость всех фактов мира от физических фактов. Конечно, материалист может не отбрасывать ценности, разум или сознание, но будет признавать их такую же зависимость от физических фактов, какую имеют химические или биологические факты. В результате, исследователь может оказаться закрыт от новых научных

возможностей, подобно тому, как некогда электродинамические явления потребовали пересмотра всего, что было известно о физике и ввода новых понятий [2, с. 42].

Особенно заметны эти проблемы материализма именно на примере философского осмысления феномена сознания. Феноменальное сознание обладает свойствами, который крайне плохо согласуются с материалистической картиной мира. Интенциональность, приватность, безошибочность в отношении наличия ментальных состояний, привилегированный доступ — в отношении всего этого наука не может выступить в качестве онтологического арбитра. По этой причине, философские материалистические теории сознания выглядят крайне контринтуитивно. Им приходится в той или иной степени отказывать в существовании тому, что представляется каждому человеку очевидным. Элиминативный материализм попросту отрицает реальность ментальных состояний [3]. Редуктивный материализм и супервентностный материализм (к которому без уточнения деталей в рамках данного доклада можно отнести и иллюзионизм), как кажется, не имеют проблем с отрицанием очевидности наличия сознания, но, пытаясь дать объяснение тому, что представляется сознанием, они переопределяют его таким образом, что лишают его изначального содержания. «Многие полагают, что инстанциация ментальных свойств всё же детерминирована тем как инстанцированы физические свойства, где гипотетическое отношение детерминации является контингентным — например, контингентным причинным или контингентным номологическим — отношением (в этом случае либо физические события будут причиной ментальных событий, либо номологически необходимо, чтобы, если физические факты таковы, каковы они есть, то и ментальные факты были бы такими же). Однако эти взгляды не являются положениями метафизики сознания; вместо этого они являются произвольными научными теориями и как таковые не являются версиями материализма, по крайней мере, в отношении основного использования слова "материализм" в традиционной философии сознания» [4, с. 26-27].

Ценой сохранения научного консерватизма, материалистические теории сознания оказываются крайне трудно совместимыми с обыденным опытом и базовыми интуициями. Одной из альтернатив материализму, сохраняющей представление о реализме феноменального сознания ценой отказа от научного консерватизма, является дуализм. Более мягко, можно выразить, что речь идёт о «двойном реализме»: 1) онтологическом — представлении, что когда мы говорим о сознании и материи, мы говорим о двух разных видах существования; 2) эпистемическом — представлении, что сознание в любом смысле является единственным способом вступить в контакт с внешним миром [5, с. 4]. Требование относиться к сознанию как к чему-то реальному исходит хотя бы из того, что пока ещё ни материалистическая философия, ни эмпирическая наука не смогли объяснить [5, с. 5]. Это, в свою очередь, требует принятия базового онтологического дуализма, который, однако, далеко не исчерпывается субстанциальным дуализмом, как многие думают, дискредитировавшим себя в современной философии сознания.

Современные формы дуализма это: дуализм свойств или натуралистический дуализм, эмерджентизм, методологический дуализм нейронауки [6], новые формы и развитие картезианского дуализма, субстанциальный дуализм иного рода, чем картезианский [7]. Если для всех этих форм анти-материалистической установки можно выделить черты по роли, которую они играют в современной философской дискуссии, то их две: критика материализма, внутренняя критика дуализма и попытки дать решение проблемы сознания-тела вне рамок господствующей парадигмы.

Что касается критики материализма, что любое дуалистическое решение начинается аргументов против материализма, и только затем (в концептуальном смысле) следует указание почему альтернативой должен быть именно дуализм. Несмотря на то, что дуализм в современной философии сознания является «политически не корректной» [2, с. 5] позицией, аргументы против материализма с его стороны следует принимать всерьёз. Это традиционный набор аргументов: от тождества личности во времени, от интенциональности, от эпистемической асимметрии (невозможности дать внутренним состоянием такое же описание от третьего лица, которое мы можем дать внешним феноменам) и некоторые другие. Защищая, уточняя эти аргументы, дуалисты создают действенную критику материализма, на которую философы противоположного лагеря должны быть готовы ответить. Однако, ситуация обстоит таким образом, что аргументы часто могут быть проигнорированы на основании одного только указания на абсурдность дуалистической позиции [8]. Это тоже характеризует роль, которую дуализм выполняет в современной дискуссии.

Вторая роль, которую выполняет дуализм, это внутренняя критика схожих позиций. Так, дуалисты, сохраняющие общую натуралистическую установку, могут критиковать религиозно мотивированных дуалистов. Напряжение между разными формами сильного эмерджентизма также может заставлять философов уточнять проблемные места и усиливать аргументативную стратегию.

В конечном итоге эта внутренняя дискуссия продвигает дуалистические стратегии, остающиеся на периферии современной философии сознания, вперёд. В будущем может возникнуть ситуация, когда прошедший через собственную критику дуализм может оказаться достаточно силён, чтобы занять своё место рядом с мейнстримом философии сознания, как это ещё недавно произошло с панпсихизмом.

Наконец, современная философия сознания по выражению В. В. Васильева находится в кризисе [9]. Это может заставить исследователей обратить внимание на теории, ранее остававшиеся в тени. В этом смысле может казаться так, что дуализм, как философское осмысление проблемы сознания, прокладывает дорогу смене научной парадигмы во взгляде на сознание и включение в неё тех подходов, которые ранее не были представлены в науке или в философии науки.

Список литературы

1. *Bonjour L.* Against Materialism // The Waning of Materialism. Ed. R. C. Koons, G. Bealer, Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 3–23.
2. *Nagel T.* Mind and Cosmos. Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature Is Almost Certainly False. Oxford: Oxford University Press, 2012. 130 p.
3. *Ramsey W.* Eliminative Materialism, The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/materialism-eliminative/> (дата обращения: 13.01.2024).
4. *Koons R., Bealer G.* Introduction // The Waning of Materialism Ed. R. C. Koons and G. Bealer, Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 9-31.
5. *Lavazza A., Robinson H.* Introduction — Dualism: What, How, and Why // Contemporary Dualism: A Defense. Ed. A. Lavazza, H. Robinson. New York: Routledge, 2014. P. 1–14.
6. *Manzotti R., Moderato P.* Neuroscience: Dualism in Disguise // Contemporary Dualism: A Defense. Ed. A. Lavazza, H. Robinson. New York: Routledge, 2014. P. 81–97.
7. *Lowe E. J.* Non-Cartesian Dualism // Philosophy of mind. A guide and Anthology. Ed. Heil J. New York: Oxford University Press, 2004. P. 851-865.
8. *Prusak B. G.* The Ethics of Metaethics: On Thomas Nagel’s Mind and Cosmos, Expositions, On-line Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://expositions.journals.villanova.edu/article/view/1793/1632> (дата обращения: 13.01.2024).
9. *Васильев В. В.* Есть ли кризис в современной философии сознания? Лаборатория исследований сознания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=flsnl3Qi9Uw> (дата обращения: 13.01.2024).

ФИЛОСОФСКИЙ ЗОМБИ И БОЛОТНЫЙ МОЗГ: РАЗЛИЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ИИ-ИССЛЕДОВАНИЙ

Зайкова А.С.

Кандидат философских наук, научный сотрудник

ИФПР СО РАН

Доцент

СибГУТИ

E-mail: Zaykova.a.s@gmail.com

Аннотация. Концепции «болотного человека» Д. Дэвидсона и «философского зомби» Д. Чалмерса во многом похожи, однако при желании их можно представить противоречащими друг другу: так, согласно позиции Н. Блока, философский зомби обладает сознанием доступа, но не феноменальным сознанием, в то время как мозг болотного человека, напротив, обладает только феноменальным сознанием, но не сознанием доступа. Сконструированный искусственный интеллект, принадлежащий роботу, имитирующему человека, может быть представлен и как болотный человек, и как философский зомби; выбор наиболее удобной парадигмы ничего не говорит нам о сознании или об искусственном интеллекте, но, возможно, говорит что-то о нас самих.

Ключевые слова: сознание, философский зомби, болотный человек, искусственный интеллект, перенос сознания.

THE PHILOSOPHICAL ZOMBIE AND THE SWAMP BRA // DIFFERENCES IN THE CONTEXT OF AI RESEARCH

Zaikova A.S.

Research Associate

IPL SB RAS

Associate Professor

SibSUTIS

E-mail: Zaykova.a.s@gmail.com

Abstract. The concepts of "swamp man" by D. Davidson and "philosophical zombie" by D. Chalmers are similar in many respects, but if desired, they can be presented as contradicting each other: thus, according to N. Block's position, the philosophical zombie possesses access consciousness but not phenomenal consciousness, while the swamp man's brain, on the contrary, possesses only phenomenal consciousness but not access consciousness. A constructed artificial intelligence belonging to a robot mimicking a human can be represented as both a swamp man and a philosophical zombie; choosing the most convenient paradigm tells us nothing about consciousness or artificial intelligence, but perhaps it tells us something about ourselves.

Keywords: consciousness, philosophical zombie, swamp man, artificial intelligence, consciousness transfer.

Мысленные эксперименты имеют значительный вес в дискуссиях по философии сознания, а в отдельных случаях могут выступать даже «визитной карточкой» философа – как это, к примеру, случилось с Д. Чалмерсом [1] и концепцией философского зомби, несмотря на то, что сам термин «философский зомби» предложил Р. Кирк [2]. Эта концепция во многом похожа на идею «болотного человека» Д. Дэвидсона [3], однако имеет несколько принципиальных различий, настолько значительных, что в работах Н. Блока эти примеры превращаются в нечто прямо противоположное друг другу [4]. Однако исследования в области ИИ, возможно, ведут нас именно к тому, что могло бы быть представимо как философский зомби или болотный человек.

Болотный человек Дэвидсона появляется внезапно и случайно: человек (Дэвидсон предлагает представлять в роли этого человека самого себя) оказывается на болоте в дождь возле некоего дерева, но из-за удара молнии человек мистическим образом умирает (исчезает, расщепляется на молекулы), но вместо него появляется его точная реплика, которая двигается, разговаривает и в принципе ведёт себя так, как оригинал. Существует ли принципиальное отличие между человеком и его репликой?

Этот эксперимент не раз критиковался другими философами, в частности, как полагает Деннет, если мысленный эксперимент немислим, т.е. почти невозможен, то и обоснованность его сомнительна. Однако идея переноса сознания, которая явно проходит красной нитью через весь эксперимент, вполне мыслима, и, возможно, однажды станет реальностью. Многочисленные фантасты и философы обращались к этой идее то ли как к источнику вдохновения, то ли как пугающему будущему [5]. Вспомним хотя бы диалоги С. Лема, в которых концепция переноса сознания, казавшаяся одному из собеседников простой и ясной, в ходе дискуссии перестаёт для него быть таковой, в результате чего автор склоняет читателя к мысли, что ««это будет не то бессмертие, какое нам хотелось бы принять, признать, какого мы хотим, о каком мечтаем. Это будет бессмертие гротескное, уродливое, неприемлемое, но другого не может быть» [6, с. 74]. Иную позицию можно найти у Стругацких: в новелле «Свечи перед пультом» один из героев предполагает, что «это дорога к бессмертию человеческого "Я", потому что человек – это не руки и ноги. Человек – это память, привычки, ассоциации, мозг» [7, с. 618]. Впрочем, противоречия между этими позициями нет: да, бессмертие такого рода возможно, но его гротескность очевидна.

Очевидна она и в случае удара молнии. И всё же – появившись как итог миллионов часов работы исследователей и инженеров или же в результате удара молнией – болотный человек мыслим и представим. По крайней мере, он представим явно в большей степени, чем философский зомби, о возможности существования которого, впрочем, тоже продолжаются дебаты.

В отличие от болотного человека, философский зомби не обязательно может являться чьей-то копией, хотя и это вполне возможно. Наиболее значительными для философского зомби являются два факта: полная имитация человеческого (поведения, речи, физического строения) и отсутствие

феноменального сознания (качественного опыта). В последнем и наблюдается принципиальное отличие между указанными двумя мысленными экспериментами.

Согласно позиции Н. Блока, философский зомби обладает сознанием доступа, но не феноменальным сознанием, в то время как мозг болотного человека, напротив, обладает только феноменальным сознанием, но не сознанием доступа. Но, говоря по сути, мы не можем заглянуть ни внутрь мозга болотного человека, ни внутрь философского зомби, и не сможем оценить наличие феноменального сознания. Можем ли мы вообще утверждать, что у болотного мозга или философского зомби есть сознание? Так, искусственно созданная копия человека – точная или приближённая, подобная чудовищу Франкенштейну – разве не является ярчайшей демонстрацией философского зомби?

С каждым новым открытием в области ИИ, с каждым шагом, приближающим нас к появлению сильного интеллекта, мы ведём нас самих к встрече с существом, принципиальное существование феноменального сознания которого мы не сможем оценить. Более того: можем ли мы предполагать, что такой интеллект, будучи созданный как копия чьего-то мозга, какой-либо структуры данных, лишённых собственного, внутреннего смысла, обладает сознанием доступа или хоть какой-либо формой сознания вообще?

Фактически, здесь мы встаём перед выбором парадигмы, которая определяет наше отношение не только к феноменальному сознанию, но и к вопросу эмерджентности мозга. Не упрощает ситуацию и принятый язык взаимодействия с компьютером: он «думает», «считает» и «ошибается». Человеку свойственна привычка видеть в окружающем мире человеческие черты; не удивительно, что в сочетании с попыткой внедрения человеческих черт в механизированный «разум» эта привычка всё сильнее. Контент, предлагаемый современным художественным творчеством, имеет сходную тенденцию: во множестве произведений роботы и голограммы, обладающие искусственным интеллектом, зачастую отличаются от человека лишь внешним видом; создатели наделяют их человеческой мимикой, человеческими действиями и даже человеческими мечтами. В этом контексте представление исследователей о том, что у искусственного интеллекта не может быть феноменального сознания, похоже на поведение ребёнка, который убеждает себя, что тени на стене – это не чудища. Известно, что компьютер не может думать; известно, что силуэты на стене – это лишь игра теней. Или нет?

XXI век сделал многие мысленные эксперименты более представимыми. И хотя мысленные эксперименты обоснованы только в том случае, когда они мыслимы, воплощение этих мысленных экспериментов может уничтожить не только очарование философской аргументации, но и поставить под сомнение право считать себя единственно сознательными (или единственно по-человечески сознательными) существами. И если однажды мы сможем создать робота, визуально неотличимого от человека, кого мы в нём увидим: болотного человека, философского зомби или самих себя?

Список литературы

1. *Chalmers D.* The Conscious Mind, Oxford University Press, New York, 1996.
2. *Kirk R.* Sentience and Behaviour // *Mind*. 1974. Vol. LXXXIII. Issue 329. P. 43–60, DOI: <https://doi.org/10.1093/mind/LXXXIII.329.43>.
3. *Davidson D.* Knowing One's Own Mind // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1987. № 60(3). P. 441–458.
4. *Block N.* The mind as the software of the brain // Daniel N. Osherson, Lila Gleitman, Stephen M. Kosslyn, S. Smith & Saadya Sternberg (eds.), *An Invitation to Cognitive Science, Second Edition*. Cambridge, MA: MIT Press. 1995. Vol. 3. – P. 377–425.
5. *Зайкова А.С., Лбова Е.М.* Концепция переноса сознания: поиск творческий и научный // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 1. С. 21–26. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-21-26>.
6. *Лем С.* Диалоги. Москва: АСТ, 2007. 256 с
7. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Свечи перед пультом: Науч.-фантаст. рассказ. Янтарная комната. Ленинград: Детгиз, 1961. С. 610–629.

ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И САМОСОЗНАНИЕ

Зайцева Н.В.

*Кандидат философских наук, директор центра философии когнитивных наук и
искусственного интеллекта*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: natvalen@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается аналитическое представление Н. Блока о сознании как двустороннем единстве, включающем функционально различимые феноменальное сознание и сознание доступа. Позиция Блока сравнивается с современным классическим феноменологическим подходом к сознанию Д. Захави и Ш. Галлахера, в котором делается акцент на понятии самосознания и самости. Несмотря на терминологические различия, предпринимается попытка сравнения подходов, выявляются точки пересечения взглядов. Рассмотрение феноменального сознания в контексте феноменологической традиции позволяет внести некоторую ясность и понимание специфики феноменального сознания. Ключевую роль в таком прояснении играет понятие самосознания как фундаментальной диспозиции сознания в целом. Самосознание может проявляться в разноуровневых когнитивных процессах как в феноменальном, так и в рациональном форматах. Феноменальный уровень самосознания характеризуется минимальным Я и самореферентностью, которую можно истолковать в терминах минимальной рефлексии.

Ключевые слова: феноменальное самосознание, самость, самореференция, минимальное Я, минимальная саморефлексия.

PHENOMENAL CONSCIOUSNESS AND SELF-CONSCIOUSNESS

Zaitseva N.V.

*CSc in Philosophy, Director of the Center for Philosophy of Cognitive Sciences and Artificial
Intelligence*

Lomonosov Moscow State University

E-mail: natvalen@list.ru

Abstract. The paper examines N. Blok's analytical view of consciousness as a two-way unity, which includes functionally distinguishable phenomenal consciousness and access consciousness. The position of Blok is compared with the modern classical phenomenological approach to consciousness developed by D. Zahavi and S. Gallagher, which focuses on the concept of self-awareness and self. Despite the terminological differences, these approaches are compared in order to identify their intersections. Consideration of phenomenal consciousness in the context of the phenomenological tradition opens possibility for some clarification and explanation of the specific nature of phenomenal consciousness. This is the concept of self-awareness as a fundamental disposition of consciousness as a whole playing the key role in this clarification. Self-awareness can manifest itself in multi-level cognitive processes in both phenomenal and rational formats. The phenomenal level of self-awareness is characterized by a minimal Self and self-reference, which can be interpreted in terms of minimal reflection.

Keywords: phenomenal self-awareness, self, self-reference, minimal self, minimal self-reflection.

Сознание – многослойная, многоуровневая структура. Оно может быть рассмотрено как совокупность когнитивных актов разного уровня, в которых конституируется предметный мир когнитивного агента. Принято различать когнитивные нерациональные, неререфлексивные, пассивные процессы, которые современные аналитические философы относят к феноменальному сознанию (Ф-сознанию), и высокоуровневые, рациональные, лингвистически выраженные акты, в которых конституируется «сознание доступа» (Д-сознание). Н. Блок ввел новую терминологию, противопоставив две стороны сознания. Обоснование Н. Блоком своей позиции мне представляется недостаточным. В мои задачи не входит подробный анализ взглядов Блока, обозначу лишь моменты,

вызывающие критические замечания. Это прежде всего само определение феноменального сознания, в онтологию которого наряду с перцептивными переживаниями, эмоциями, болью, попадают мысли. Остается открытым вопрос: чем феноменальные мысли отличаются от пропозиций, задающих направленность актам рефлексии, выраженным при помощи пропозициональных установок в Д-сознании? Остаются неясными и требуют уточнения используемые Блоком понятия ментальной репрезентации, пропозиции, а также вопрос об их соотношении.

Блок представляет Д-сознательные процессы в терминах пропозициональных установок, ментальных репрезентаций и пропозиций, что не может не ассоциироваться с ментализмом и вычислительным подходом Дж. Фодора, который можно назвать феноменологически ориентированным. Мне представляется, что сегодня настало время для конструктивного диалога аналитической и феноменологической традиций.

Блок, вводя в обиход указанную дистинкцию, пытался прояснить понятие сознания как двухуровневого, выявить специфику феноменального сознания и надстраивающегося над ним сознания доступа. Современные феноменологии Д. Захави и Ш. Галлахер пытаются обосновать специфику феноменального опыта как независимого от рационализации, в частности самоанализа или интроспекции, при этом подчеркивая единство сознания. Блок также справедливо выступает против смешения двух специфичных типов сознания, которые функционально различимы, но представляют сознание как двустороннее единое. Ментальные процессы, выраженные при помощи пропозициональных установок, в которых конституируется сознание доступа, Блок характеризует, во-первых, как вербальные, рациональные, активные, во-вторых, основанные на рефлексии, что объясняет включение пропозициональных установок в их вербализации. Феноменальное сознание и у аналитика Блока и у феноменологов Захави и Галлахера обладает специфичностью, автономным бытием, независимым от дополнительных и всегда ангажированных некоей трансценденцией рефлексии и самоанализа, характерных для активного рационального мышления, которое характеризует сознание доступа. В качестве примеров Д-сознания Блок рассматривает рациональные мыслительные процессы, выражающиеся при помощи пропозициональных установок, таких как «верю, что», «знаю, что» и т. п., за которыми следует выражение пропозиционального содержания.

Д. Захави и Ш. Галлахер, развивая классический феноменологический подход к сознанию, в книге «Феноменологический разум: Введение в философию сознания и когнитивную науку» обосновывают фундаментальный характер феноменального опыта, рассматривая вслед за Гуссерлем сознание как многоуровневую структуру, в которой любые высокоуровневые процессы фундированы актами базового феноменального уровня.

Граница между низкоуровневыми и высокоуровневыми переживаниями (реализуемыми в актах пассивного и активного синтеза) мне представляется условной. Эта условность объясняется постоянным взаимодействием двух уровней сознания, их интеграцией для решения когнитивных задач разного рода. В терминах теории дуального процесса это означает, что пассивная, интуитивная, автоматическая система 1 и рациональная система 2 взаимодействуют как «снизу вверх», так и «сверху вниз». С одной стороны, первопорядковый феноменальный опыт фундирует все рациональные процессы, с другой стороны, рациональное осознание может легко переходить из рационального формата в автоматический режим, «алгоритмизироваться». Очевидно, что для таких трансформаций необходимы сущности-медиаторы, диспозиции, определяющие сознание как единое. В качестве такого медиатора я рассматриваю самосознание (self conscience), присутствующее в содержании переживания любого уровня.

Самосознание рассматривается в феноменологии как фундаментальная характеристика сознания, в том числе феноменального. Любое переживание обладает самореферентностью в том смысле, что является самосознанием, предполагая наличие самости, некоего Я-полюса. Любое сознательное переживание характеризуется ощущением субъектной соотнесенности. Понятие дорефлексивного самосознания, или сознания самости, связано с идеей о том, что переживания имеют субъективное «ощущение», определенное феноменальное качество «каково это быть...», «каково это переживать...». Мы обладаем феноменальным сознательным опытом раньше, чем научаемся языку и начинаем мыслить, используя знаковые системы. Мы не только отличаем субъективное переживание красного круга от переживания черного квадрата, но с легкостью различаем память о воспринятом черном квадрате от воображения черного квадрата, сон и явь, объект и его ментальную репрезентацию. Все эти модусы переживания феноменальны, и все эти феноменальные переживания отсылают нас к субъекту феноменального опыта.

Переживание не просто существует, оно существует таким образом, что оно имплицитно само дано, или дано «для себя». Речь идет о самоданности, которая является необходимым, неустранимым

качеством переживания. Когда я внимательно разглядываю Главное здание МГУ, я испытываю переживание, которое сродни пониманию в том смысле, что, во-первых, я сознательно воспринимаю объект как здание, а не как стол, стул, воздушный шар или какой-либо иной предмет, имеющий иную пространственную локализацию, во-вторых, переживание включает в качестве необходимого момента отсылку к субъекту опыта, которая обозначает себя в ощущении принадлежности этого зрительного опыта мне, а не кому-то другому. Захави и Галлахер говорят о «самоагентности». Можно говорить о разных форматах самости, например, о минимальном Я, характеризующем дорефлексивный феноменальный опыт, и о минимальной рефлексии как самореференции. Присутствие в феноменальном опыте минимального Я и саморефлексии выражается в диспозиционном «знании» когнитивным агентом того, что опыт принадлежит ему, и проявляется в ощущении «авторства» опыта и свободы действий. Безусловно, феноменальный опыт имеет биологические основания, как и само понятие самости.

Современные феноменологи прежде всего акцентируют внимание на конститутивной связи между различными эпизодами, переживаниями опыта и субъективностью как необходимой характеристикой этих переживаний. Гуссерль, Хайдеггер, Сартр и другие подчеркивали важность перспективы от первого лица при объяснении сознательного опыта. В случае невербального опыта мы имеем в виду первичные непосредственные субъективные проявления собственной эмпирической жизни, в случае рационального опыта самость выступает в рациональном обличье. Хотя оба уровня, или формата сознания заслуживают внимание, в феноменологии акцент делается на самосознании как характеристике феноменального опыта, в котором эпизоды изначально переживаются как данные субъекту, без всякой концептуализации и вербального выражения, что позволяет всякому агенту типизировать их как свои собственные.

Феноменологический подход может рассматриваться как обосновывающий по отношению к различным теориям самости и самосознания. Сам термин «самосознание» не имеет устойчивого однозначного определения и истолковывается по-разному в нейробиологии, психологии, философии и других когнитивных науках. Самосознание одни исследователи связывают с нарративами и автобиографической памятью, другие – с владением теорией разума, третьи – с социальным опытом, рассматривая в качестве критерия тесты на ложные убеждения. Широко представлена точка зрения на самосознание как основанное на рефлексии и самоанализе. В феноменологии самосознание рассматривается не просто как нечто, возникающее в момент, когда человек фокусируется на своих переживаниях, или когда человек узнает свое собственное зеркальное отражение, или обращается к себе, используя местоимение «Я». Самосознание скорее рассматривается в качестве диспозиции, некоего генеративного а priori. В опыте оно проявляется в самых разных форматах, на самых разных уровнях когнитивной обработки.

ПОДХОД ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ДИЗЪЮНКТИВИЗМА К ПОНИМАНИЮ СОЗНАТЕЛЬНОГО ОПЫТА

Иванов Д.В.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: ivdmitry@mail.ru

Аннотация. В докладе обсуждаются особенности подхода к пониманию природы сознательного опыта, выработанного в рамках эпистемологического дизъюнктивизма. Позиция дизъюнктивизма представляется негативным образом, как отказ от принципа наиболее общего фактора, поддерживаемого аргументом от иллюзии. Данная теория является версией прямого реализма. Ее суть заключается в том, что перцептивные состояния, обычно относимые к одному виду, предлагается рассматривать как дизъюнкцию двух видов опыта: достоверного и иллюзорного (галлюцинаторного). В случае достоверного восприятия содержанием сознательного состояния является положение дел, на которое оно направлено. Иллюзорное восприятие не обладает подобным содержанием. Особенностью эпистемологического дизъюнктивизма является то, что мы приходим к данной позиции, пытаясь объяснить нормативный характер сознательного опыта. Основными препятствиями на этом пути являются миф о данном

и когерентизм. Преодолевая эти трудности в объяснении нормативного характера сознательного опыта, мы способны обосновать экстерналистское понимание ментального содержания и феноменальных качеств. Недостатком эпистемологического дизъюнктивизма является представление о том, что содержание сознательного опыта является пропозициональным. В заключении обсуждается попытка Макдауэла отказаться от этого представления.

Ключевые слова: феноменальный характер, сознательный опыт, восприятие, нормативность, ментальное содержание, эпистемологический дизъюнктивизм.

AN EPISTEMOLOGICAL DISJUNCTIVISM APPROACH TO THE UNDERSTANDING OF CONSCIOUS EXPERIENCE

Ivanov D.V.

*DSc in Philosophy, Leading Researcher
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: ivdmitry@mail.ru*

Abstract. The presentation discusses aspects of the epistemological disjunctivism approach to the understanding of conscious experience. Disjunctivism is presented in a negative way, as a rejection of the highest common factor principle, supported by the argument from illusion. The theory is a version of direct realism. Its essence lies in the fact that perceptual states, usually attributed to one kind, are proposed to be considered as a disjunction of two types of experiences: veridical and illusory. In the case of veridical perception, the content of a conscious state is the state of affairs to which it is directed. Illusory perception has no such content. We occupy the position of epistemological disjunctivism, trying to explain the normative character of conscious experience. The main obstacles on this way are the myth of the given and coherentism. Avoiding these difficulties, we are able to provide the foundation for the externalist account of mental content and phenomenal qualities. The shortcoming of epistemological disjunctivism is the idea that the content of conscious experience is propositional. In conclusion, McDowell's attempt to overcome this idea is discussed.

Keywords: phenomenal character, conscious experience, perception, normativity, mental content, epistemological disjunctivism.

Мы можем по-разному понимать феноменальный характер сознательного опыта. Например, мы можем объяснять его в терминах того, каким образом вещи внешнего мира являются нам. Мы можем также интерпретировать его в терминах свойств, которыми обладают сознательные состояния. Тот факт, что существуют разные варианты объяснения феноменального характера сознательного опыта, означает, что последнее положение не является очевидным и зависит от принятия определенных теоретических предпосылок и аргументов прежде всего таких, как аргумент от иллюзии (галлюцинации) и аргументы от представимости.

Если аргументы от представимости пытаются продемонстрировать независимость сознания от мира, то аргумент от иллюзии, скорее, утверждает, что феноменальные характеристики являются именно свойствами сознательных состояний, а не воспринимаемых положений дел. Этот аргумент можно представить следующим образом. Воспринимая какой-либо объект, мы воспринимаем прежде всего его определенные характеристики. В опыте иллюзии или галлюцинации объект восприятия отсутствует, следовательно, воспринимаемые характеристики относятся не к объекту, а к самому опыту. Поскольку опыт иллюзорного (галлюцинаторного) восприятия неотличим от достоверного восприятия с феноменалистской точки зрения, постольку в опыте достоверного восприятия мы также имеем дело прежде всего с характеристиками опыта, а не с самим миром.

Иначе говоря, поскольку мы не можем отличить из перспективы первого лица искаженный и достоверный опыты восприятия, постольку делается вывод об их тождественности. Можно сказать, что отождествление ментальных состояний этих двух видов опыта осуществляется относительно общего для обоих состояний элемента, или наиболее общего фактора. Таким элементом не могут быть какие-либо характеристики воспринимаемого объекта или отношения к объекту, поскольку в искаженном опыте такой объект отсутствует. Следовательно, это могут быть только характеристики самих ментальных состояний, например чувственные данные, феноменальные качества или ментальное содержание.

Те, кто поддерживают эту линию рассуждений, принимают принцип наиболее общего фактора. Основное отличие дизъюнктивизма от теорий, соглашающихся с этим принципом, заключается в том, что представители данного подхода отказываются отождествлять ментальные состояния искаженного и достоверного опыта. Несмотря на то, что эти состояния могут быть неотличимы друг от друга с точки зрения их феноменальных характеристик, они не подобны друг от другу. В достоверном опыте восприятия мы имеем дело с определенным положением вещей *p*, которое также рассматривается как содержание ментального состояния. Иллюзорный опыт же не обладает подобным содержанием. Таким образом, согласно дизъюнктивизму опыт восприятия в целом следует рассматривать в виде дизъюнкции двух разных состояний: либо мы воспринимаем *p*, либо нам кажется, что мы воспринимаем *p*.

В рамках дизъюнктивизма мы можем выделить метафизический и эпистемологический подходы. Разработку эпистемологического подхода связывают прежде всего с работами Макдауэла, на которого сильное влияние оказал Витгенштейн. Обсуждая природу значения языковых выражений, Витгенштейн пытался продемонстрировать, что понимание значения связано со способностью действовать правилосообразным образом. Нормативный аспект, который явно обнаруживается в правилосообразной деятельности, может быть также замечен и при обсуждении содержания ментальных состояний. Схватывание содержания ментального состояния предполагает наличие таких нормативных отношений к содержанию, как оценка, корректировка, согласие с ним и готовность действовать определенным образом.

Пытаясь объяснить нормативный характер сознательного опыта взаимодействия с миром, Макдауэл отказывается от подхода, навязываемого нам мифом о данном, согласно которому мир снабжает нас неконцептуальными «сырыми» данными, которые обрабатываются сознанием и предстают в концептуально оформленном виде как содержание наших ментальных состояний. При таком понимании сознательного опыта мы можем лишь каузально описывать нашу сознательную активность. Однако при этом мы упускаем нормативный аспект. Для того чтобы избежать этой натуралистической ошибки, нам следует представить данные сознания как включенные в концептуальную сферу с самого начала. Здесь нас может подстергать очередная опасность потерять нормативный аспект. Это может случиться, если сознательная активность будет представлена когерентистски как отрезанная от мира и замкнутая в концептуальной сфере, когда работа сознания будет выглядеть лишь как игра пустых понятий.

Единственный способ преодолеть обозначенные трудности в понимании сознательного опыта заключается в признании того, что в опыте мы взаимодействуем с миром непосредственным образом. При этом мир снабжает нас не «сырыми» данными, которые лишь впоследствии обрабатываются понятийным образом. Содержание, которым мир снабжает нас, сразу оказывается концептуально оформленным. Принимая такое решение, Макдауэл опирается на тезис Канта о том, что «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» [2, с. 71]. Согласно Макдауэлу, содержанием нашего опыта, когда мы не обманываемся, является «то, что вещи такие-то и такие-то». Одновременно он отождествляет подобное содержание с самими фактами: «*То, что вещи такие-то и такие-то*, есть концептуальное содержание опыта, но... этот же самый момент, *то, что вещи такие-то и такие-то*, также является воспринимаемым фактом, аспектом воспринимаемого мира» [4, р. 26]. Важно отметить, что ограничения со стороны мира накладываются на саму сознательную активность, на наши концептуальные способности, а не на содержание наших ментальных состояний, которое совпадает с положением дел в случаях достоверного восприятия.

Таким образом, чем бы ни было содержание нашего сознательного опыта – информацией, феноменальными данностями или еще чем-либо, – оно должно быть концептуально оформленным, если мы вообще способны его вычленять, распознавать как таковое, оценивать, осуществлять соответствующие действия (например, формулировать аргументы). Одновременно это содержание должно принадлежать миру, только при этом условии наша концептуальная сознательная активность будет обладать нормативным характером. Как можно видеть, подобная линия рассуждения позволяет нам занять экстерналистскую позицию даже относительно феноменальных качеств, которые встречаются в опыте. Именно такую кантианскую стратегию обоснования данного вида экстернализма использует Ф. Дретске [3].

Особенностью экстернализма, обнаруживаемого в эпистемологическом дизъюнктивизме, является то, что содержание ментальных состояний мыслится как пропозициональное и отождествляется с фактами, наличествующими в мире, в случаях, когда мы не ошибаемся. Подобное содержание встречается в суждениях и может быть объектом знания. Очевидно, что отношение к подобному содержанию, которое оценивается как верное или неверное, является нормативным.

Такое понимание ментального содержания облегчает нам обоснование экстернализма. Однако действительно ли содержание перцептивных состояний является пропозициональным?

Основная проблема, с которой сталкивается эпистемологический дизъюнктивизм, заключается в следующем. Если мы не можем отличить с феноменалистской точки зрения достоверный и искаженный опыты восприятия, то как мы можем быть уверены в каждом конкретном случае, что обладаем именно знанием определенного факта? Стратегия ответа скептику, которую предлагает Макдауэл является вариантом неомуреанизма и наследует те же трудности, с которыми столкнулся Мур, опровергая скептицизм. На эти трудности указал еще Витгенштейн. Критикуя радикальный скептицизм, Витгенштейн отмечает: «Всеохватывающее сомнение не было бы сомнением» [1, с. 376]. Для того чтобы сомнение было осмысленным, необходимо, чтобы оно допускало что-то несомненное, такие достоверности, в которых мы уже не можем усомниться. Раскрывая этот тезис, он отмечает: «То есть *вопросы*, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]. ... Если я хочу, чтобы дверь отворялась, петли должны быть закреплены» [1, с. 362]. Мойал-Шаррок предлагает энактивистскую интерпретацию эпистемологии Витгенштейна. Согласно этой интерпретации предложения, о которых говорит философ, представляют не пропозициональные установки, а установку базовой достоверности, обладание которой подобно «способу действия, знанию-как или рефлекторному действию (например, захватыванию без всяких мыслей полотенца с вешалки)» [6, р. 33]. Если мы принимаем энактивистскую интерпретацию эпистемологии Витгенштейна, то следует признать, что предлагаемые Муром утверждения знания, включающие также и утверждения перцептивного знания, являются лишь выражениями петельных достоверностей. Это значит, что они не являются высказываниями о пропозициях, представляющих определенные положения дел в мире, которые могут быть оценены как истинные или ложные.

Данный тезис может быть поддержан идеей Ч. Трэвиса о том, что чувства «молчат». Критикуя репрезентационализм, Трэвис с помощью аргумента от внешнего вида демонстрирует, что перцептивный опыт сам по себе не говорит нам о том, с каким фактом мы имеем дело. Реагируя на данные замечания, Макдауэл отказывается от представления о том, что содержание перцептивного опыта является пропозицией. Он предлагает рассматривать содержание восприятия в кантовском ключе как содержание интуиции, «*Anschauung*» [5]. В отличие от пропозиционального содержания суждений содержание интуиции не артикулируемо, а акты интуиции не являются дискурсивными. Отмечая данное отличие, Макдауэл тем не менее указывает на единство пропозиционального содержания суждений и содержания интуиции, которое, собственно, и позволяет сформировать суждение на основе интуиции и позволяет говорить о концептуальном характере содержания интуиции. Однако такое решение, как кажется, уводит нас от эпистемологического дизъюнктивизма.

Список литературы

1. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 321–405.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
3. *Dretske F.* Phenomenal Externalism or If Meanings Ain't in the Head, Where Are Qualia? // *Philosophical Issues*. 1996. Vol. 7, Perception. P. 143-158.
4. *McDowell J.* Mind and World. With a New Introduction by Author. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 191 p.
5. *McDowell J.* Having the World in View. Essays on Kant, Hegel, and Sellars. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. 285 p.
6. *Moyal-Sharrock D.* The Animal in Epistemology: Wittgenstein's Enactivist Solution to the Problem of Regress // *Hinge Epistemology*. Ed. A. Coliva, D. Moyal-Sharrock. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 26-47.

СОЗНАНИЕ БЕЗ ПРЯМОГО ДОСТУПА

Кузнецов А.В.

*Кандидат философских наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: anton.smith@philos.msu.ru*

Аннотация. В этой статье предлагается подход к обоснованию существования феноменального сознания, который бы не полагался на вопрос знания о нем. Она делится на две части: в первой дается ответ на иллюзионистскую критику против его существования, во второй части – предлагается абрис аргумент в пользу его существования. В начале статьи излагается иллюзионистская аргументация, в согласии с которой само понятие феноменального сознания оказывается некогерентным. Выделяется три важных основания этой аргументации: пропозициональный и концептуальный характер знания, перцептивная трактовка интроспекции, а также неразрывные отношения между квалиа и понятиями квалиа. Показывается, как каждое из этих оснований подрывает иллюзионистскую критику. Затем на основе аргументации Мура и разведения феноменального сознания с понятием о нем решается вопрос с обоснованием существования феноменального сознания.

Ключевые слова: Иллюзионизм, феноменальное сознание, квалиа, интроспекция, прямой доступ, физикализм, философия сознания.

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

CONSCIOUSNESS WITHOUT DIRECT ACCESS

Kuznetsov A.V.

*CSc in Philosophy, associate professor
Lomonosov Moscow State University
E-mail: anton.smith@philos.msu.ru*

Abstract. This article proposes an approach to justify the existence of phenomenal consciousness that does not rely on knowledge about it. It is divided into two parts: the first part provides a response to the illusionist critique against its existence, and the second part outlines an argument in favor of its existence. The article begins by presenting the illusionist arguments, according to which the concept of phenomenal consciousness is found to be incoherent. Three important grounds for this argumentation are identified: propositional and conceptual nature of knowledge, perceptual interpretation of introspection, and the inseparable relationship between qualia and concepts of qualia. It is demonstrated how each of these grounds undermines the illusionist critique. Subsequently, by relying on Moore's argumentation and distinguishing phenomenal consciousness from the concept of it, the question of justifying the existence of phenomenal consciousness is resolved.

Keywords: Illusionism, phenomenal consciousness, qualia, introspection, direct access, physicalism, philosophy of consciousness.

Критика материалистами феноменального сознания в первую очередь отталкивается от проблем, возникающих с постулированием особого вида познавательного доступа к этим свойствам. На их взгляд, оно уникально в эпистемологическом отношении, оно предполагает прямой и безошибочный доступ, это его необходимая черта. Из нее следует, что знание о феноменальных свойствах не может быть ложным и не может быть неопределенным. Если есть феноменальное состояние, то субъект всегда в состоянии сказать, какими феноменальными свойствами обладает и что с ними происходит. Если это условие не соблюдается, то феноменального сознания нет по тем же основаниям, по которым нет круглых квадратов, — это некогерентное понятие, а, значит, у него не может быть референта. Это иллюзионистская позиция в отношении сознания. Она также должна принимать и следующее условие:

если субъект испытывает познавательные трудности в отношении феноменального сознания в *некоторых* случаях, то он испытывает их *во всех* случаях. Ниже это будет объясняться.

Классическими примерами критики прямого и безошибочного доступа являются «дегустаторы кофе» Деннета.

Дегустаторы кофе. Это известное рассуждение Деннета [1], когда двум дегустаторам перестал нравиться вкус кофе. Объяснение этого изменения может включать три альтернативы: изменение качества вкуса кофе без изменения реакции на этот вкус; изменение реакции на вкус без изменения качества вкуса (это, например, может быть связано с возрастанием опыта дегустаторов); изменение и того, и другого. Ситуация такова, что *исключительно* интроспективно дегустаторы не в состоянии установить, какая альтернатива верна. Значит, они не могут установить, что произошло с их качеством вкуса. Это противоречит представлению прямого и безошибочного доступа. Следовательно, само понятие феноменального сознания внутренне противоречиво.

В похожей ситуации субъект оказывается по отношению к своему опыту во многих известных случаях таких, как слепота к изменениям и слепота по невниманию, синдромы Капгра, Антона-Бабинского, прозопагнозия.

Центральная проблема такой аргументации заключается в двух моментах: что интроспективное знание редуцируется к виду перцептивного знания, которое, в свою очередь, является пропозициональным и концептуальным, вследствие этого наличие знания подразумевает возможность формирования суждения; и любое феноменальное свойство может быть схвачено в феноменальном понятии, нет феноменальных свойств за пределами концептуального схватывания. Делается это по причине того, что заявляемое многими реалистами отношение знакомства, которое обслуживает прямоту знания о феноменальном сознании, эзотерично и не позволяет осмысленно говорить о знании: если вам нечто известно, то вы в состоянии об этом сформировать суждение; если вы что-то знаете, но не в состоянии высказаться об этом, то неясно, в каком смысле вы знаете; знание по своей природе пропозиционально, не пропозиционального знания не бывает. Примерно такова же логика и в отношении феноменальных свойств: если есть свойство, которое не схвачено в понятии, тогда неясно, что это за свойство; когда вы говорите о свойствах, они всегда облачены в понятия. Но поскольку знание может быть только опосредованным (это вытекает из обрисовываемой выше эпистемологической картины), то автоматически открывается пространство для ошибки и познавательной неопределенности. Такой вид знания по определению не может быть прямым и безошибочным и это никак не связано с феноменальным сознанием, а с тем, что подразумевается под знанием. Говорить о безошибочности не приходится, ведь в данном случае критика заключается в том, что опосредованный доступ не может быть безошибочным. Но формально эта критика направлена против прямого доступа! И если иллюзионист все еще готов торпедировать феноменальное сознание на таких основаниях, то вместе с ним «на дно» идет и реализм в отношении внешнего мира, и физических объектов. Такого изъяна в собственной аргументации иллюзионизм выдержать не может: если невозможно феноменальное сознание, то по тем же основаниям невозможны не только физические объекты, но практически все, что угодно.

Следует также обратить внимание на перцептивную трактовку интроспективного знания, которую неявным образом иллюзионисты используют в своей аргументации. Ярким примером здесь является ставшая уже хрестоматийной иллюзионистская критика Картезианского театра [2]. Перцептивные модели интроспекции (или теории внутреннего чувства) подвержены фатальной проблеме самослепоты, на которую указал Сидни Шумейкер [3, с. 226]: если интроспекция устроена по типу восприятия, то субъект может находиться в сознательном состоянии и не знать об этом. Более того прямая перцептивная трактовка интроспективного знания предполагает, что сознательные события или свойства являются своего рода объектами. Можно сказать, что одним из результатов дискуссий по поводу интроспекции в современной философии сознания является представление, что интроспекция — это особый вид знания. Но именно это неявным образом отрицают иллюзионисты, когда предписывают заранее нежизнеспособные модели интроспективного знания реалистам в отношении феноменального сознания.

Также есть основания полагать, что иллюзионистская аргументация содержит дискуссионные эмпирические предпосылки по отношению к перцептивному и интроспективному знанию. Этому посвящена фундаментальная работа Блока [4]: перцептивное знание и знание о сознании не всегда являются когнитивными, а то есть пропозициональными и концептуальными, и не сводятся к перцептивным и интроспективным суждениям. В первую очередь, он опирается на эффект «феноменального переполнения», когда способность к восприятию «переполняет» («overflow») способность к познанию. Это значит, что феноменальные элементы настолько богаты, что когнитивная

система «захлебывается» в них и не может адекватно все схватить в понятиях. Например, Ламме пытается показать, что визуальное внимание и осознание (awareness) визуальных стимулов различны [5].

Таким образом, если рассуждения выше верны, то иллюзионизм не в состоянии защитить тезис о невозможности феноменального сознания, потому что в таком случае требуется принятие аргументативных ходов, которые ведут к онтологическим парадоксам и неправдоподобным взглядам на природу интроспекции.

Даже если бы иллюзионизм был с очевидностью ложен, это не служило бы прямым доказательством существования феноменального сознания, как это предполагает аргумент Мура [6]. В понятии феноменального сознания нет ничего очевидного. Камерер [7, 8] на этом основании делает вывод, что в отличие от оригинального аргумента Мура в пользу существования внешнего мира [9], схожий аргумент в пользу существования феноменального сознания не достигает своей цели. Но Камерер торопится, а сторонники аргументов Мура могли бы использовать еще один муреанский аргумент. Он представлен в статье Мура «В защиту здравого смысла» [10], где реализм в отношении внешнего мира добывается из проблем скептицизма и антиреализма, которые неявным образом исходят из реализма. Схожая стратегия приложима к иллюзионизму.

Первое. Аргумент Мура доказывает существование внешнего мира, а значит и внешних объектов, процессов и событий. Но аргумент Мура не доказывает существование физического мира, физических процессов и событий. Полагаю, такой ход может привести в изумление некоторых читателей в той же степени, в какой у реалистов в отношении феноменального сознания вызывает изумление иллюзионистская позиция. Тем не менее, ничего очевидного в понятии физического нет. Из того, что понятие физического проблематично, не следует, что не существует физического мира, объектов и событий. Концептуальный анализ понятия феноменального сознания не менее затруднителен, чем понятия физического: может так оказаться, что понятие физического не будет указывать на физическое, а понятие феноменального не будет указывать на феноменальное. Интересно, что в такой ситуации сторонники иллюзионизма предложили бы отказаться от существования феноменального сознания, но не от существования физических объектов и событий. Это можно было бы объяснить натуралистической установкой, широко распространенной в философии сознания. Натурализм содержит в себе посылку реализма в отношении внешнего мира. Но как ложность иллюзионизма не удостоверяет автоматически существование феноменального сознания, так и принятие натурализма не удостоверяет существование внешнего мира. Поэтому предъявление натурализма не является доводом, снимающим онтологическую несправедливость в отношении феноменального сознания.

Второе. Я разделяю иллюзионистскую аргументацию и поэтому мое определение феноменального сознания под ее воздействием таково: феноменальные свойства являются внутренними, приватными, невыразимыми, а доступ к ним – опосредованный и подверженный ошибкам. Иллюзионисты сказали бы, что в таком случае феноменальных свойств нет. Но поскольку это определение исходит из принятия общей эпистемологической установки, то этот вывод не проходит. Решительно неясно, как обосновать прямой познавательный доступ и как его операционализировать в аргументе в пользу существования феноменального сознания. Равным образом это касается и внешнего мира, событий и объектов — нельзя или крайне сложно установить, как именно познающий субъект соприкасается с миром. Можно лишь сказать, что такое «касание» есть, если внешний мир есть, как и есть прямой доступ, если феноменальное сознание есть, остальное – предмет метафизических спекуляций. Поэтому «касание» и прямой доступ должны быть выведены за пределы онтологической дискуссии как в пользу, так и против внешнего мира и феноменального сознания. В определенном смысле знания о сознании нет, поскольку субъект и его опыт не существуют отдельно, субъект не *знает* сознательный опыт, а *конституируется* им. Ошибки в отношении сознательного опыта не фатальны. Ошибка отличает случаи, в которых ошибки нет. Хотя бы в некоторых случаях люди не ошибаются, что чувствуют боль, обладают цветовыми ощущениями, словом, *знают* о своих феноменальных состояниях. В самих иллюзионистских примерах легко обнаруживается условие, что агент знает, что *находится в феноменальном состоянии*, но иногда может не знать, что происходит *с феноменальными содержаниями*. Иллюзионистская аргументация возвращает силу аргументу Мура в пользу феноменального сознания. Мы все еще не можем сказать, как концептуализировать феноменальное сознание, но оно определенно существует.

Список литературы

1. Dennett D. C. Quining qualia // *Consciousness in Contemporary Science*. Ed. Anthony J. Marcel & E. Bisiach: University Press, 1988. P. 42-47.
2. Dennett D. C. *Consciousness explained*. Cambridge: Little, Brown and Company, 1991. 526 p.
3. Shoemaker D. *The First-Person Perspective and other Essays*. New York: Cambridge University Press, 1996. 278 p.
4. Block N. *The border between seeing and thinking*. Oxford: Oxford University Press, 2023. 561 p.
5. Мур Д. Э. Доказательство внешнего мира // *Аналитическая философия: избранные тексты* / Сост. А.Ф. Грязнов. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 66-83.
6. Lamme V. Why visual attention and awareness are different // *Trends in cognitive sciences* 7.1, 2003. P. 12-18.
7. Chalmers D. The Meta-Problem of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2018. Vol. 25, №. 9–10. P. 6–61.
8. Kammerer F. Can you believe it? Illusionism and the illusion meta-problem // *Philosophical Psychology*, 2018. Т. 31, №. 1. P. 44-67.
9. Kammerer F. How Can You Be So Sure? Illusionism and The Obviousness of Phenomenal Consciousness // *Philosophical Studies*. 2022. Vol. 179, №. 9. P. 2845-2867.
10. Мур Д.Э. Доказательство внешнего мира. В кн.: *Аналитическая философия. Избр. тексты*. М., 1993 С. 66-83.
11. Мур Д.Э. Защита здравого смысла // Грязнов А.Ф. (ред.) *Аналитическая философия: становление и развитие (антология)*. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 130-154.

ПОНЯТИЕ ИЛЛЮЗИИ В ИЛЛЮЗИОНИСТСКИХ ПОДХОДАХ В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Лимитовская У.

*Аспирант кафедры истории зарубежной философии Философского факультета
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: umlimitovskaya@gmail.com*

Аннотация. В докладе рассматривается проблема иллюзии: почему нам кажется, что феноменальное сознание существует и почему иллюзия сознания так сильна? Помимо этого, возникает вопрос определения самой иллюзии феноменального сознания. Существует специфическое сопротивление идее отсутствия феноменального сознания, что делает ее отличной от ложного убеждения. В этом отношении Ф. Каммерер предлагает разделение на понятие иллюзии в сильном смысле и понятие иллюзии в слабом смысле. В докладе рассматриваются два понятия иллюзии, а также критические аргументы в их отношении. Так, понятие иллюзии в слабом смысле не может дать обоснование когнитивной непроницаемости иллюзии сознания. В то же время понятие иллюзии в сильном смысле сталкивается с проблемами определения природы иллюзии и разрыва между реальностью и данными от первого лица.

Ключевые слова: сознание, иллюзионизм, иллюзия, когнитивная непроницаемость, интроспекция, квалиа.

THE CONCEPT OF ILLUSION IN ILLUSIONISTIC APPROACHES IN THE PHILOSOPHY OF MIND

Limitovskaia U.

*PhD student of Department of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: umlimitovskaya@gmail.com*

Abstract. The report addresses the problem of illusion: why does it seem to us that phenomenal consciousness exists and why is the illusion of consciousness so strong? In addition,

the question arises of defining the illusion of phenomenal consciousness itself. There is a specific resistance of the idea that phenomenal consciousness doesn't exist and that makes it different from a false belief. In this regard, F. Kammerer proposes a division between sparse illusion and rich illusion. The report presents two concepts of illusions, as well as arguments regarding them. Sparse-illusion view cannot provide a justification for the cognitive impenetrability of illusion of consciousness. At the same time, rich-illusion view faces problems of explaining the nature of illusion and the gap between reality and first-person data.

Keywords: consciousness, illusionism, illusion, cognitive impenetrability, introspection, qualia.

Основной тезис иллюзионистов заключается в том, что феноменального сознания не существует. Согласно данной позиции, сознание – это абстрактное понятие, которое стоит отбросить и предложить лучшее объяснение. Одним из аргументов против позиции реализма в отношении феноменального сознания служит аргумент к аномальности. Если предположить, что феноменальное сознание не может быть объяснено в физических терминах и доступно только с перспективы первого лица, то кажущаяся аномальность является веским поводом утверждать, что оно может быть иллюзией [3, с. 27-28].

Помимо этого, существует множество примеров, иллюстрирующих ошибки в отчетах от первого лица. При ближайшем рассмотрении качественные переживания оказываются не тем, чем кажутся изначально. Существует множество экспериментов, связанных со слепотой по невниманию, которые иллюстрируют неспособность наблюдателя из перспективы первого лица обнаружить существенные изменения, происходящие в поле его зрения [1, с. 82-91]. Другой пример проблем в осознании феноменальных состояний – неспособность гарантировать истинность отчета об изменениях ментальных состояний. Например, если изменилось переживание от вкуса кофе, человек с перспективы первого лица не может сказать, изменилось ли его феноменальное переживание вкуса или изменилось его отношение к этому кофе. Данные примеры показывают, что методы от первого лица не могут объяснить природу феноменального сознания и показывают систематическую неточность.

В рамках дискуссии о сознании одной из самых существенных проблем является трудная проблема сознания, решение которой призвано объяснить, почему работа мозга сопровождается феноменальными состояниями, а не происходит «в темноте». Сторонники иллюзионизма утверждают, что данная проблема не имеет смысла, так как феноменальные состояния являются иллюзией. Однако К. Франкиш поднимает проблему иллюзии, замещая трудную проблему сознания в рамках иллюзионизма: почему нам *кажется*, что у сознания существует и почему иллюзия сознания так сильна? [3, с. 37]. Также немаловажным является вопрос, как определять иллюзию феноменального сознания.

Можно было бы сказать, что иллюзия феноменального сознания является ложным убеждением. Однако в отличие от ложного убеждения иллюзия заставляет агентов сопротивляться идее отсутствия сознания. Самоанализ не помогает в преодолении данной иллюзии. Иначе говоря, иллюзия сознания в некоторой степени устойчива к получению новой информации.

Ф. Каммерер выделяет два типа иллюзий: иллюзия в сильном смысле (rich illusion) и иллюзия в слабом смысле (sparse illusion) [5]. Иллюзия в сильном смысле предполагает, что то, что мы вынуждены делать вывод о наличии несуществующего свойства или об отсутствии существующего свойства, заложено в самом процессе возникновения представления. Никакая новая информация не может изменить данного представления, это когнитивно необходимый процесс. Примером иллюзии в сильном смысле служит иллюзия Мюллера-Лайера, в которой кажется, что линии имеют разную длину даже при знании того, что длина линий одинакова. По мнению Каммерера, понятие сильной иллюзии используется в «гипотезе качественной неточности» Д. Перебума [7]. Перебум высказывает идею о том, что механизмы интроспекции таковы, что они систематически искажают информацию, вследствие чего у нас возникает представление, что мы обладаем феноменальным сознанием, и этот процесс искажения информации когнитивно непроницаемый.

Иллюзия в слабом смысле не предполагает, что в процессе формирования представления заложены ошибки. Однако это представление неполное, из-за чего агент приобретает ложное представление о наличии несуществующего свойства или об отсутствии существующего свойства. Примером слабых иллюзий могут служить фокусы, где наблюдатели совершают ошибку на этапе формирования суждения из-за неполного представления о ситуации.

Еще одним отличием иллюзии феноменального сознания от ложного убеждения является то, что феноменальное сознание не похоже ни на что, что встречается в реальности. Считается, что ложное представление либо возникает исходя из того, что иногда встречается в реальности (например,

одинаковые линии в иллюзии Мюллера-Лайера), либо части этого представления встречаются в реальности (например, рог и конь в представлении единорога). Однако ничего из этого не относится к феноменальному сознанию, из-за чего возникает вопрос, можем ли мы объяснить феноменальное сознание без ссылки на само феноменальное сознание [6, с. 146-147]. Из-за этого возникает вопрос о том, как объяснить природу иллюзии сознания. Каммерер подчеркивает преимущество понятия слабой иллюзии в этом вопросе. В отличие от сильной иллюзии, слабая иллюзия предполагает, что система восприятия не впадает в ошибку, она дает лишь неполное представление. Однако возникает проблема для понятия сильной иллюзии, поскольку необходимо прояснить, откуда берется ошибка, которая не отсылает к чему-либо, существующему в реальности.

Помимо этого, как мне кажется, возникает дополнительная проблема для понятия сильной иллюзии. Помимо различия в степени сопротивления идее отсутствия феноменального сознания, сильная и слабая иллюзии различаются в типе ошибки, которую агенты склонны совершать. Сильные иллюзии – это, как пишет Каммерер, «преднамеренная ложь» системы восприятия, в то время как слабые иллюзии – это упущения, которые ведут к ошибке из-за неполного представления [5, с. 7]. Несмотря на то, что, согласно иллюзионизму, феноменального сознания не существует, мы все же можем использовать данные от первого лица и полагаться на них в повседневной жизни. Кажется, что в определенном смысле иллюзия имеет некоторую пользу. В этом отношении понятие слабой иллюзии кажется более предпочтительным, где иллюзия сознания — это упущения, которые частично отображают реальное положение дел. Если, напротив, иллюзия феноменального сознания – это «преднамеренная ложь», то кажется, это создает огромный разрыв между реальностью и данными от первого лица. Понятие слабой иллюзии, которая подчеркивает пользу её существования (например, в возможности верхнеуровнево отслеживать когнитивные процессы), кажется более реалистичной. Каммерер также высказывает похожую идею преимущества понятия слабой иллюзии в отношении эволюционного объяснения иллюзии сознания. Если иллюзия сознания – это сильная иллюзия, то возникает вопрос, по какой причине в эволюционном плане существует сложная система, которая основана на радикально неверных представлениях.

Тем не менее, Каммерер отдает предпочтение сильной иллюзии, поскольку слабая иллюзия не объясняет, почему иллюзия феноменального сознания настолько сильна. Если пользоваться понятием слабой иллюзии, тогда не ясно, почему иллюзия не исчезает после пересмотра убеждений в отношении феноменального сознания.

Вследствие этого Каммерер критикует теории М. Грациано и Д. Деннета. Исходя из их ответов на проблему иллюзии, Каммерер пишет, что Грациано и Деннет используют понятие слабой иллюзии, из-за чего подвергаются описанной выше проблеме невозможности объяснить сопротивление идее отсутствия феноменального сознания. Так, Деннет приводит аналогию с сознанием как интерфейсом компьютерной программы [2, с. 271]. Упрощение сложного функционала в случае с сознанием осуществляет интроспекция, где интерфейсом выступают иллюзии феноменальных переживаний, а сложными процессами компьютера – процессы мозга. Таким образом, Деннет описывает иллюзию не как ошибку, а как упрощенное и схематичное представление сложных процессов. Согласно же описанию теории схемы-внимания Грациано, наш мозг формирует схематическую и упрощенную модель процесса внимания [4]. Ошибка происходит вследствие того, что агент делает вывод о том, что упрощенная модель – это конечная точка, за которой нет более сложных внутренних процессов.

Каммерер предполагает, что сторонники слабой иллюзии могут добавить дополнительные гипотезы для объяснения сопротивления идее отсутствия сознания. Однако даже в этом случае, с его точки зрения, это объяснение не сможет не включать в себя элементы теории богатой иллюзии. Тем не менее, если такая позиция сможет решить часть проблем, вызванных понятием богатой иллюзии, то она остается открытой возможностью.

Список литературы

1. *Dennett D.C. Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness.* Cambridge, MA: MIT Press, 2006, 216 p.
2. *Dennett D.C. From Bacteria to Bach and Back: The evolution of minds.* W. W. Norton & Company, 2017.
3. *Frankish K. Illusionism as a Theory of Consciousness // Journal of Consciousness Studies.* 2016. № 23(11-12). P. 11-39.
4. *Graziano M.S.A. Consciousness and the social brain.* New York: Oxford University Press, 2013.

5. Kammerer F. How rich is the illusion of consciousness? // Erkenntnis. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1007/s10670-019-00204-4>, 2019 (дата обращения 01.06.2024).
6. Levine J. Purple Haze: The Puzzle of Consciousness. New York: Oxford University Press, 2001
7. Pereboom D. Consciousness and the Prospects of Physicalism. New York: Oxford University Press, 2011.

УГРОЖАЕТ ЛИ КРИТИКА МИФА О ДАННОМ РЕАЛИЗМУ В ОТНОШЕНИИ ФЕНОМЕНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ?

Логинов Е.В.

*Кандидат философских наук, кафедра истории зарубежной философии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: loginov.ev@philos.msu.ru*

Аннотация. В докладе обсуждается аргумент У. Селларса против т.н. Мифа о Данном. Сначала я формулирую связь аргумента Селларса и проблемы феноменального сознания. Затем предлагаю одну из возможных реконструкций аргумента Селларса, которая опирается на понятия «врожденное» и «невыводное». Центральной идеей этого аргумента является невозможность одновременно признавать возможность обучения применению эмпирических понятий и отрицать возможность ошибки в знании о своих ментальных состояниях. Затем я показываю, что аргумент Селларса основан на двусмысленности понятия «врожденный», и предлагаю вариант, при котором этой проблемы можно избежать. Затем я указываю на двусмысленность в понятии «невыводное». Я предлагаю, как можно устранить эту трудность, и почему в таком случае аргумент является неопасным для реализма в отношении феноменального сознания.

Ключевые слова: Селларс, феноменальное сознание, Миф о Данном, эмпиризм, реализм, знание.

DOES THE CRITIQUE OF THE MYTH OF THE GIVEN THREATEN REALISM ABOUT PHENOMENAL CONSCIOUSNESS?

Loginov E.V.

*CSc in Philosophy, Department of History of World Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: loginov.ev@philos.msu.ru*

Abstract. The paper discusses W. Sellars' argument against the so-called Myth of the Given. Firstly I formulate the relationship between Sellars' argument and the problem of phenomenal consciousness. Then I suggest one possible reconstruction of Sellars' argument, which relies on the notions of the innate and the non-inferential. The central idea of this argument is the impossibility of both accepting the possibility of learning to use empirical concepts and denying the possibility of error in knowledge about one's mental states. I then show that Sellars' argument rests on the ambiguity of the concept of "innate" and suggest how this problem can be avoided. I then point out the ambiguity in the notion of "non-inferential". I suggest how this problem can be avoided, and why the argument is then non-threatening to realism about phenomenal consciousness.

Keywords: Sellars, phenomenal consciousness, Myth of the Given, empiricism, realism, knowledge.

Миф о Данном — одна из самых известных идей У. Селларса. Противники феноменального сознания порой ссылаются на нее в подтверждении своих идей [1]. Она же порой становится источником для попыток показать, что центром философии сознания является не трудная проблема сознания, а трудная проблема содержания, которая привлекает внимание не к феноменальной, а к нормативной стороне ментального [2]. Между этими подходами есть нечто общее: если понятие данности является ненадежным, то нельзя сказать, что у меня есть феноменальная данность, которую

нужно как-то вписать в натуралистическую онтологию, а значит трудная проблема сознания растворяется. Неудивительно, что сторонники феноменального сознания выражают несогласие с критикой Мифа о Данном [3, с. 108].

Главный довод Селларса против Мифа о Данном (МоД) — аргумент от несовместимой триады [4, с. 39–41]. Согласно анализу Селларса, если сторонник МоД говорит, что ощущает факты или партикулярии и факты, то он должен принимать одновременно три положения:

А) Из того, что x ощущает красное чувственное содержание s следует, что x неводным образом знает, что s — красный.

В) Способность ощущать чувственные содержания является неприобретенной.

С) Способность знать факты типа x есть ϕ является приобретенной.

Но, считает Селларс, это просто непоследовательная позиция. Селларс считает, что из любых двух из этих трех тезисов следует отрицание третьего. Например, из А и В следует не-С. Ясно, что «красный» тут легко меняется на «боль», любимый пример философов сознания. Допустим, верно, что знание о боли — это нечто непосредственное. Допустим верно, что способность ощущать чувственные содержания есть нечто врожденное. Отсюда, считает Селларс, прямо следует, что неверно, что способность знать факты типа «мне больно» является приобретенной. А это отрицание тезиса С. Согласно А, я знаю, что мне больно непосредственным образом. Согласно В, моя способность ощущать боль является врожденной и, согласно А, непосредственной. Непосредственность означает отсутствие возможности ошибиться. Значит, отсутствует возможного пространства для тренировки, отсутствует возможность научения классификации. Значит отсутствует возможность научения пользоваться понятиями такими как «боль». Значит понятие «боль», коль скоро я его применяю, является врожденным. А значит, неверно С. А это значит, что позиция сторонника МоД непоследовательна, так как она включает А, В, С. Значит, мы должны отрицать МоД и говорить, что всякое знание, в том числе и знание о боли, предполагает другие знания.

Почему Селларс считает, что сторонник МоД признает А–С? А является сутью МоД в изложении Селларса. Тут, правда, есть проблема. Какой именно философ-эмпирик должен принимать такой тезис? Например, Дж. Локк, видимо, вовсе не должен этого делать. По Локку, знание — это «+восприятие соответствия или несоответствия двух идей, а не одной идеи. То есть Локк вовсе не обязан считать, что из того, что я ощущаю нечто, следует, что я *знаю*, что ощущаю нечто (на это обратил мое внимание А. Беседин). С другой стороны, кажется, это спор о словах: кажется, Локк не может сказать, что, если я вижу черное пятно, то я не могу не знать, что это видимое мною пятно — черное. Возможно, Селларс имеет в виду не Локка, а Рассела [5, р. 73–74]. Во всяком случае, кажется правдоподобным, что кто-то из сторонников реализма может поддерживать А и на этом основании быть реалистом.

В отношении В и С ситуация сложнее? Селларс, объясняя В, говорит об обучении применению понятий. Однако это можно понять в двух смыслах. Мы можем считать, что способность является приобретенной, если мы можем совершенствовать ее применение через обучение понятиям. Этот смысл приобретенности можно называть *концептуальным*. Мы можем считать, что если способность является приобретенной, то она *с необходимостью* требует такого обучения. Если способность является неприобретенной, то она *может* применяться без обучения. При этом неприобретенную в этом смысле способность можно обучаться применять лучше или хуже (как, например, можно лучше или хуже дышать). Такое понимание приобретенности можно назвать *минимальным*. Кажется, чувственную способность можно учиться применять лучше и хуже, так что для В концептуальный смысл не подходит. Но подходит минимальный смысл.

Что мы можем сказать про С? Селларс считает, что эмпирик признает С, потому что он признает, что способность знать, что некое лицо, а именно он сам, прямо сейчас чувствует боль, является приобретенной и предполагает сложный процесс обучения использованию понятий. Но почему он должен это сделать? Кажется, что я могу не знать, как называется этот цвет или вкус, и все же знать, что этот вкус — это этот вкус, что эта резкая боль — это эта резкая боль. Тогда способность знать, что x есть ϕ , не является приобретенной в минимальном смысле, так как она, как кажется, не требует обучения с необходимостью. Однако в том смысле, что эту способность можно развивать через тренировку применений понятий, т.е. в концептуальном смысле, эта способность является приобретенной.

Если я прав, тот уже на уровне формулировки несовместимой триады Селларс путает между концептуальным и минимальным смыслом приобретенности. Положение В кажется приемлемым, если приобретенность там понимается в минимальном смысле. В говорит, что способность чувственности неприобретена в том смысле, что не необходимо, чтобы для ее применения было обучение. Положение С кажется приемлемым, если приобретенность понимать в концептуальном смысле, т.е. способность

знать, что x есть ϕ , предполагает обучение. Если я прав, то довод не работает уже потому, что в нем грубо нарушается принцип однозначности языковых выражений.

Но допустим, что все же есть некоторый смысл, в котором в В и С термин «приобретенный» употребляется однозначно. Для этого Селларс должен сказать, что «приобретенный» тут по определению означает «с необходимостью использующий понятия», а «я знаю, что x есть ϕ » это утверждение, которое является результатом использования понятий. Тогда просто по определению С будет истинным. В мы тогда должны понимать так, что применение чувственной способности может быть без понятий, и тогда она по определению будет неприобренной.

Теперь нам нужно показать дедукцию из А и В — не-С, из В и С — не-А, из А и С — не-В. Первое следование я уже показал.

Из В и С следует, что не-А следующим образом. Не-А = « x ощущает красное чувственное содержание s , но неверно, что x невыводным образом знает, что s — красный». Обратите внимание, что «неверно, что x невыводным образом знает, что s — красный» может означать как то, что x вообще ничего не знает, так и то, что x знает это выводным образом. Из В следует, что x может ощущать красное чувственное содержание (с помощью врожденной способности), а из С, что знание, что x есть красный, является результатом работы способности приобретенной, которая требует обучения. Там, где обучение, там возможность ошибки. А значит, знание того, что x есть красный, будет непрямым, а значит выводимым. Значит, верно, что x ощущает красное, но неверно, что я знаю, что оно красное, невыводным образом.

В этом переходе есть смешение между двумя смыслами слова «невыводной». Термин «невыводной» в А значит только то, что «знание не было выведено из другого знания», «высказывание не было выведено из другого высказывания». Те рассуждения, которые лежат в основе первых двух переходов, предполагают, что для знания «не подразумевать обучения» и «быть невыводным» это одно и то же. Я с этим не согласен. На мой взгляд, эмпирик вполне может признать, что наша чувственная способность допускает тренировку, обучение, в этом смысле там возможна ошибка, нет непогрешимости. Но при этом это знание все равно ни откуда не следует, потому что оно берется из опыта, а не других высказываний. Психологический механизм понимания простых чувственных содержаний может работать на ассоциации, а не на следовании. Тогда весь смысл рассуждений Селларса проваливается.

Как получить из А и С не-В? Из того, что я ощущаю некое чувственное содержание, следует, что я невыводным образом знаю, что оно такое-то. Моя способность знать факты типа « x есть ϕ », является приобретенной. И что? Я буквально не вижу, почему из этого следует, что способность к чувственности не является врожденной.

Итак, есть три проблемы с доводом Селларса: двусмысленность термина «приобретенный», двусмысленность термина «невыводной» и переход №3.

Есть простой, но эффективный способ избежать по крайней мере двух последних проблем (а как избежать первую я показал выше). Его мне предложила П. Ханова. Мы должны иначе прочитать А. Там не только не следование, но это вообще не отношение между высказываниями, а это тезис про отношения между описаниями: «ощущение X » есть то же самое, что «невыводное знание, что X есть Y ». И это связь не на уровне смыслов, а только на уровне значений описаний. В таком случае получение из А и В не-С (и т.п.) является тривиальной задачей.

Чтобы сохранить Мод реалист должен отрицать тезис А в чтении Хановой. Он должен признавать, что выражения «ощущение боли» и «знание, что боль такая-то» имеют разные референты. Это не выглядит чем-то опасным для реализма. Мы можем сохранить тезис о том, что наличие ощущения боли влечет наличие знания об этом ощущении. Это знание будет невыводным в том смысле, что оно не следует из других высказываний.

Список литературы

1. Рорти Р. Бум в исследованиях сознания в свете элиминативизма // Историко-философский альманах. Вып. 2. 2007. С. 242–244.
2. Иванов Д.В. Трудная проблема содержания: постановка проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 12–25.
3. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. Москва: Прогресс-Традиция. 2009.
4. Селларс У. Эмпиризм и философия сознания. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.
5. Russell B. The Problems of Philosophy. London: William & Norgate, 1912.

АРГУМЕНТ Ф.ДРЕЦКЕ В ПОЛЬЗУ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ ФЕНОМЕНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ДЛЯ ИНТРОСПЕКЦИИ

Мерцалов А.В.

Редактор

Московский центр исследования сознания

при философском факультете

МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: a.mertsalov@hardproblem.ru

Аннотация. В работе рассматривается аргументация Фреда Дрецке в пользу транспарентности феноменального сознания для интроспекции. Дрецке формулирует аргумент Свидетельств, согласно которому, чтобы знать, что вы нечто осознаёте и, соответственно, обладаете феноменальным сознанием, вы должны обладать свидетельствами об этом, и поскольку интроспекция, понимаемая по модели восприятия, не может обеспечить такого рода свидетельства в силу транспарентности сознания для интроспекции, посредством интроспекции вы не можете знать, что вы обладаете феноменальным сознанием. Против аргумента Свидетельств рассматривается аргумент от Боли: поскольку посредством интроспекции можно знать о наличии боли и поскольку боль есть нечто с необходимостью осознаваемое, посредством интроспекции вы можете знать, что осознаёте боль и, следовательно, обладаете феноменальным сознанием. Против аргумента от Боли Дрецке формулирует аргумент от Протоболи, направленный на отрицание того, что посредством интроспекции можно знать о наличии боли в отличие от протоболи. В работе предложена критика аргумента от Протоболи, открывающая перспективы классического представления об интроспекции в решении эпистемологической проблемы транспарентности феноменального сознания для интроспекции.

Ключевые слова: феноменальное сознание, интроспекция, транспарентность, Дрецке, протоболь, зомби

DRETSKE'S ARGUMENT IN FAVOR OF TRANSPARENCY OF THE PHENOMENAL CONSCIOUSNESS FOR INTROSPECTION

Mertsalov A.V.

Editor

Moscow Center for Consciousness Studies, Philosophy Department

Lomonosov Moscow State University

E-mail: a.mertsalov@hardproblem.ru

Abstract. The paper analyzes Fred Dretske's argumentation in favor of transparency of the phenomenal consciousness for introspection. According to the Evidence argument Dretske formulates, for one to know she is aware of something and phenomenally conscious, one should have evidence about her awareness, and since introspection, understood as a kind of perception, cannot provide one with such kind of evidence due to the transparency of the phenomenal consciousness for introspection, one cannot know she is phenomenally conscious via introspection. Against the Evidence argument the Pain argument is considered: since one can know introspectively about her pain and since pain is something one is necessarily aware of, via introspection one can know she is aware of pain and therefore is phenomenally conscious. Against the Pain argument, Dretske formulates the Protopain argument that is aimed to deny that via introspection one can know she is in pain but not in protopain that is not necessarily conscious. The paper demonstrates the Protopain argument is unsound, and so reveals the prospects of the classical notion of introspection in the face of the epistemological problem of transparency of the phenomenal consciousness for introspection.

Keywords: phenomenal consciousness, introspection, transparency, self-knowledge, Dretske, protopain, zombies

Проблема транспарентности, или «прозрачности», феноменального сознания для интроспекции — одна из центральных в современных дискуссиях по интроспекции. Одним из первых философов, отчётливо указавших на эту проблему, был Дж.Э. Мур: «...когда мы пытаемся сосредоточить своё внимание на сознании и понять, что именно оно собой представляет, оно как будто бы растворяется... Когда мы пытаемся интроспективно ухватить ощущение синего, всё, что оказывается нам доступно, это синее: другой элемент оказывается будто бы прозрачным» [1, р. 450]. Схожую мысль развивает и Г. Эванс: «...когда некто приписывает себе убеждение, его взор, так сказать, а порой и в буквальном смысле, обращён вовне — в мир. Если кто-то спрашивает меня “Как ты думаешь, будет ли третья мировая война?”, то, отвечая ему, я должен обратиться к тем же самым внешним явлениям, к которым я обратился бы, отвечая на вопрос “Будет ли третья мировая война?”» [2, р. 225]. Как Мур, так и Эванс в данном случае выступают против классической трактовки интроспекции по модели восприятия: даже если интроспекция такого рода может сказать нам нечто о *содержании* наших интенциональных актов — о том, *что* мы видим, *о чём* мы думаем, *что* мы осознаём и т.д. — она не способна ухватить сам этот интенциональный акт, а значит, не может сказать нам о том, что *мы видим* нечто, что *мы думаем* о чём-то, что *мы осознаём* нечто и т.п. Но если интенциональность и феноменальное сознание оказываются транспарентными для интроспекции, то каким образом мы вообще можем знать о том, что обладаем феноменальным сознанием, что мы думаем о чём-то или осознаём нечто? Такой эпистемологический поворот проблемы транспарентности принадлежит Ф. Дрекке [3]. Именно в этом эпистемологическом ключе проблема транспарентности по большей части понимается сегодня, и многие из современных теорий интроспекции — включая рационалистский подход [4; 5], репрезентационалистскую теорию [6] и теорию знакомства [7] — могут рассматриваться в качестве попыток преодоления этой эпистемологической проблемы транспарентности. Однако возможности классической теории интроспекции в решении этой проблемы также не кажутся исчерпанными. По крайней мере не все из аргументов её критиков, демонстрирующих её неспособность справиться с проблемой транспарентности, представляются в полной мере убедительными. В данной работе я рассмотрю предложенный Дрекке так называемый аргумент Протоболи, направленный на демонстрацию невозможности интроспективного знания о собственном сознании, как оно понимается в классической теории интроспекции, и представлю его критику.

Дрекке формулирует эпистемологическую проблему транспарентности в виде вопроса, который используется им в качестве заглавия к его знаменитой статье: «Откуда вы знаете, что вы не зомби?» [3]. Фигура зомби используется им здесь исключительно в стилистических целях: Дрекке не обременяет себя ни допущением возможности существования зомби, ни соответствием его зомби философским зомби (напр., в духе [8; 9; 10]), но определяет их просто как «человекоподобных существ, которые не обладают сознанием и, следовательно, ничего не осознают» [3, р. 9]. Дрекке не испытывает сомнений в том, что мы не зомби, что мы обладаем феноменальным сознанием и можем об этом знать. Его вопрос: *откуда* мы это знаем? Дрекке утверждает, что интроспекция не может быть тем способом, каким мы обретаем такое знание. Его основной ход рассуждения можно представить следующим образом.

Чтобы некто обладал знанием о чём-либо, он должен обладать свидетельствами в пользу этого чего-то. Это означает, что, чтобы знать, что мы не зомби, мы должны обладать некоторыми свидетельствами в пользу того, что мы обладаем феноменальным сознанием. Но если трактовка интроспекции по модели восприятия верна, если интроспекция — это нечто вроде внутреннего чувства, то она не способна обеспечить нас требуемого рода свидетельствами. Подчёркивая различие между *содержанием* некоторого восприятия и самим *восприятием* этого содержания, Дрекке демонстрирует, что первое не содержит ничего, что могло бы служить свидетельством в пользу второго: если вы видите кошку на коврике, это даёт вам основание утверждать, что кошка на коврике, однако ни в кошке, ни в коврике нет ничего, что могло бы служить свидетельством в пользу утверждения, что *вы осознаёте*, что кошка на коврике. И то же справедливо для интроспекции, если понимать её по модели восприятия. Если вы чувствуете боль, то интроспекция, понимаемая как восприятие некоторого рода, может обеспечить вас знанием об этом объекте внутреннего чувства (о том, что эта боль существует, что она сильна и т.п.), но не о том, что вы её чувствуете или осознаёте. Здесь Дрекке присоединяется к предлагаемой Шумейкером критике интроспекции по модели восприятия [11; 12, р. 199–268], заключая, что такая интроспекция не способна обеспечить свидетельств в пользу нашего знания о том, что мы не зомби: наше собственное феноменальное сознание транспарентно для интроспекции такого рода. Назовём это аргументом от Свидетельств.

Дрекке рассматривает несколько способов отстоять эпистемологическую эффективность интроспекции, заключая, что все они несостоятельны. Основанием одного из рассматриваемых им

возможных возражений на его аргумент от Свидетельств может служить нередко принимаемый тезис о том, что по крайней мере некоторые ментальные состояния — например, боль — осознаются с необходимостью. Можно настаивать, что неосознаваемая боль просто не существует: если вы не осознаёте боль, то у вас её нет, а если она у вас есть, то вы с необходимостью её осознаёте. Это означает, что боль может существовать только у существ, обладающих феноменальным сознанием. И можно утверждать, что именно таким образом всякий, кто когда-либо испытывал боль, может интроспективно узнать о том, что он не зомби: если а) посредством интроспекции вы можете знать о боли и б) боль не может существовать без её осознания, то в) посредством интроспекции вы можете знать, что вы осознаёте боль, а значит, не являетесь зомби. Назовём это аргументом от Боли.

Дрекке готов признать, что «боль... — по определению, если желаете, — является ментальным состоянием, которое с необходимостью осознаётся» [3, р. 4]. Однако, полагает он, это никак не помогает решить проблему, поскольку аргумент от Свидетельств подрывает посылку «а») аргумента от Боли: «Если боль — это ощущение, которое с необходимостью осознаётся нами... то должно существовать нечто иное, нечто, что не является болью — назовём это *протоболью* — что обладает всеми свойствами, которые осознаются вами, когда вы испытываете боль, за исключением реляционного свойства быть осознаваемой вами... Поскольку протоболь обладает в точности теми же свойствами, которые вы осознаёте, когда чувствуете боль... протоболь... неотличима от боли» [3, р. 5]. Отсюда следует, что аргумент от Боли несостоятелен: если не существует релевантного свидетельства, а значит, и способа отличить боль от протоболи посредством интроспекции, посредством интроспекции вы не можете знать, что осознаёте именно боль, а не протоболь, и следовательно, на этом основании вы не можете знать, что вы не зомби. Назовём это аргументом от Протоболи.

Если аргумент от Протоболи верен, он демонстрирует неспособность интроспекции в её классическом понимании служить источником знания о феноменальном сознании. Существуют, однако, основания полагать, что этот аргумент несостоятелен. Ядром этого аргумента является сопоставление боли и протоболи, которые, согласно вводимому Дрекке определению, идентичны во всех отношениях, за исключением того, что боль с необходимостью осознаётся и не может существовать, не будучи осознаваемой, тогда как протоболь не является с необходимостью осознаваемой и может существовать, не будучи осознаваемой. Если можно показать, что боль и протоболь могут различаться указанным образом, но интроспекция не в состоянии ухватить их различие, аргумент от Протоболи будет успешен. Но можно утверждать, что указанное различие не может быть проведено последовательно и что боль и протоболь либо не различаются вовсе, будучи тождественны, либо, если они различны, то их различие состоит в чём-то другом, но не в том, что боль с необходимостью осознаётся, тогда как протоболь — нет.

Действительно, из определения протоболи следует, что всякая боль есть протоболь — это просто протоболь особого вида. Боль действительно невозможно отличить от протоболи, но не потому, что они очень схожи, и не потому, что интроспекция не в состоянии уловить то свойство, которым они различаются, но потому что такого свойства просто не существует, коль скоро, по определению, всякая боль — это протоболь, и всякая испытываемая вами протоболь — это боль. Логически невозможно отличить вещь определённого вида от той же самой вещи как представителя более общего рода, поскольку это — одна и та же вещь, и логически невозможно, чтобы некая вещь отличалась от самой себя. Различие может быть проведено не между болью и протоболью, но между протоболью, которую вы осознаёте, и протоболью, которую вы не осознаёте. Однако на таком различии аргумент от Протоболи просто не может быть построен: не составляет труда ответить на вопрос «Откуда вы знаете, что чувствуете нечто, что вы чувствуете, а не нечто, что вы не чувствуете?». Переживание боли является свидетельством в пользу её существования. Интроспекция, понимаемая как тип восприятия, без сомнения, может обеспечить свидетельства и знание о содержании такого восприятия, и, если ваша боль — это нечто с необходимостью вами осознаваемое, те же интроспективные свидетельства будут обеспечивать и знание о том, что вы — не зомби.

Верно ли, что боль есть нечто с необходимостью осознаваемое, — это отдельный вопрос. Данный тезис представляется по крайней мере правдоподобным — таким, в который можно разумно верить [13, р. 107–108], притом, что его отрицание, как кажется, ведёт к допущению невозможной самослепоты [12, р. 201–268]. Это указывает на открытые перспективы классического представления об интроспекции в решении эпистемологического вопроса транспарентности.

Список литературы

1. Moore G.E. The Refutation of Idealism // Mind. 1903. Vol. 12, № 48. P. 433–453.

2. *Evans G.* The Varieties of Reference. Oxford: Oxford University Press, 1982.
3. *Dretske F.* How Do You Know You Are Not a Zombie // *Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge*. Ed. Brie Gertler. Ashgate, 2003. P. 1–14.
4. *Byrne A.* Transparency and Self-Knowledge. NY: Oxford University Press, 2018.
5. *Stoljar D.* Evans on Transparency: a Rationalist Account // *Philosophical Studies*. 2019. Vol. 176, № 8. P. 2067–2085.
6. *Kind A.* Transparency and Representationalist Theories of Consciousness // *Philosophy Compass*. 2010. Vol. 5, № 10. P. 902–913.
7. *Gertler B.* Self-Knowledge and the Transparency of Belief // *Self-Knowledge*. Ed. Anthony Hatzimoysis. Oxford: Oxford University Press, 2008.
8. *Chalmers D.* The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. NY: Oxford University Press, 1996.
9. *Lyons J.C.* Perception and Basic Beliefs: Zombies, Modules and the Problem of the External World. NY: Oxford University Press, 2009.
10. *Kirk R.* Zombies // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2023 Edition). Eds. Edward N. Zalta & Uri Nodelman. [Электронный ресурс] URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/zombies/> (дата обращения: 15.01.2024).
11. *Shoemaker S.* Self-Knowledge and "Inner Sense" // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1994. Vol. 54, № 2. P. 249–314.
12. *Shoemaker S.* The First Person Perspective and Other Essays. NY: Cambridge University Press, 1996.
13. *Goff P.* Consciousness and Fundamental Reality. NY: Oxford University Press, 2017.

ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ: ЗА ГРАНЬЮ ФЕНОМЕНОЛОГИИ И СОЗНАНИЯ

Мусс А.И.

*Кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: Albertwanderer@gmail.com*

Аннотация. Обращение к феноменальному сознанию внутри когнитивных наук, выделяя различные виды сознания и претендуя на роль общепризнанных терминов, одновременно приводит нас к вопросу о том, существует ли индивидуальный субъективный опыт, какова его функция, и чем являются различные стороны этого опыта, например, переживания, формирующие наш образ Я. На фоне того, что ряд исследователей-нейрочеловек рассматривает Я в качестве иллюзии, опыта, за которым нет никаких скрытых сущностей, появляются новые научные теории сознания, остается вопрос о том, сохраняется ли содержание исходной проблемы при таком обращении к ней. Взяв на вооружения идеи из феноменологии, ее идейной предшественницы – опытной психологии Ф. Brentano – и ее продолжения и ответвления – экзистенциальной философии – я попытаюсь показать, что ограничение представленных рассуждений исключительно эмпирическим знанием не позволяет выйти за границы существующих обсуждений и аргументов.

Ключевые слова: проблема сознания, феноменальное сознание, аналитическая философия, феноменология, я, трансцендентальный субъект, присутствие.

PHENOMENAL CONSCIOUSNESS: BEYOND PHENOMENOLOGY AND CONSCIOUSNESS

Muss A.I.

CSc in Philosophy, Senior Lecturer

St.-Petersburg State University

E-mail: Albertwanderer@gmail.com

Abstract. Studying phenomenal consciousness within the cognitive sciences, distinguishing various types of consciousness, and using such a concept as general terms, simultaneously leads us to the question of whether individual subjective experience exists, what is its function, and what are the various aspects of this experience, for example, experiences of our Self (Ego). However, a number of neuroscientists consider the Self as an illusion. They concluded that there are no hidden entities behind, and this statement helps them to develop new scientific theories of consciousness. In contrast, it is impossible to understand whether the studied problem remains in its original formulations. Taking ideas from phenomenology, its philosophical predecessor – the empirical psychology of F. Brentano – and its successor – existential philosophy – I will try to show that the presented reasoning is limited by the exceptional reliance on empirical knowledge. And this limitation does not allow us to go beyond the boundaries of existing discussions and arguments.

Keywords: Problem of Consciousness, Phenomenal Consciousness, Analytical Philosophy, Phenomenology, Ego, Transcendental Subject, Dasein.

Поскольку сейчас проблема сознания является актуальным вопросом не только философии, но и как минимум смежных в рамках когнитивных наук научных областей (например, психологии, нейронаук и искусственного интеллекта), необходимым шагом в такой совместной работе является разработка общего терминологического аппарата, который позволит заинтересованным специалистам вести эффективную коммуникацию, планировать и проводить совместные исследования, а также схожим образом интерпретировать полученные результаты. Вслед за формулировкой легких и Трудной проблемы сознания, введенных в широкий обиход Дэвидом Чалмерсом [1], введенные Недом Блоком понятия феноменального сознания и сознания доступа [2] претендуют на то, чтобы стать частью такого дискурса. Это можно обосновать как минимум тем, что данной терминологией сейчас в равной мере пользуются специалисты указанных направлений когнитивных исследований,

Также как и разграничение Трудной и легких проблем, выделение различных видов сознания или же сознания среди других когнитивных процессов может быть полезным для психологов [3], нейрофизиологов [4] и программистов, поскольку позволяет наделить сознание конкретной функцией, а также локализовать и смоделировать его [5]. Однако решает ли это поставленную перед нами философскую проблему или же просто отстраняет нас от решения [6]?

Более того, если мы говорим о сознании вообще или о феноменальном сознании как о субъективном опыте вне контекста его функции или же при ее проблематизации, то перед нами встает вопрос о том, зачем вообще субъективный опыт как таковой существует, и, если мы говорим, что у субъективного опыта нет никакой конкретной функции, а он является лишь побочным продуктом деятельности мозга, то мы оказываемся в лагере авторов, считающих сознание эпифеноменом [5].

Однако не все современные авторы, занимающиеся проблемой сознания, склонны отказывать субъективному опыту в его функциональном значении. Однако при рассмотрении с позиций современных нейронаук и философии сознания существованию в этом опыте чего-то индивидуального, феноменального может быть отказано [7] или же отдельные аспекты этого опыта, такие как, например, наше я, критически переосмысливаются [8,9]. Это критическое переосмысление в духе современной интерпретации идей Дэвида Юма [9] приводит нас к тому, что, подобно тому, как в нашем феноменальном опыте мы реагируем на иллюзии, которые относятся ко внешнему миру (иллюзия Мюллера-Лайера, иллюзия Эббингауза, иллюзия Понцо и другие) как на реальные проявления этого мира, также и наше я оказывается лишь специфическим восприятием, за которым нет никаких скрытых сущностей [9]. Иными словами, если мы не признаем эпифеноменом весь наш субъективный опыт, мы можем приписывать подобное отсутствие функций отдельным аспектам этого опыта.

Однако в психологии восприятия такой подход встречает свою критику: известный исследователь Брайан Роджерс в своих работах напоминает о том, что наша зрительная система,

в общем-то, адекватно реагирует на предъявляемый раздражитель – в условиях ограничения информации, ограничения возможности взаимодействовать с окружающим миром, образы в нашем зрительном поле выстраиваются соответственно доступным нам знаниям [10]. Если мы выстраиваем рассуждения о нашем опыте Я подобным образом, мы можем предположить, что эти представления, оставаясь таковыми, могут быть проявлением такого же ограничения наличной информации.

Что же может быть скрыто за тем, что мы переживаем как свое Я? Для ответа на этот вопрос мы можем обратиться не к столпам современной аналитической философии, а в соседний лагерь, внутри которого проблема субъективного опыта разрабатывалась на собственных основаниях, а натурализм же как одна из производных нашего собственного опыта рассматривался более критически (кстати говоря, подобное критическое замечание Эдмунда Гуссерля о том, что любая наука в своей основе имеет препарированный субъективный опыт [11], в современной ключе, кажется мне достаточно интересным, поскольку указывает одновременно на первичность квалиа по отношению к нашим идеям, теориям и концепциям и ограничения натуралистического взгляда на психику и сознания, связанного с, возможно, устаревшей эпистемологической установкой). Я имею в виду не столько детище Эдмунда Гуссерля – феноменологию – сколько подход, из которого она появилась – опытную психологию Франца Brentano, а также производную феноменологии – экзистенциальную философию, в которой можно увидеть другой взгляд на проблему существования субъективного опыта.

Интересно, что Франц Brentano в своей программной работе не только показывает возможности своего подхода, но также вводит со ссылкой на труды Иммануила Канта следующие ограничения – изучение доступных в опыте явлений сознания не дает возможности изучения того, кому этот опыт доступен - трансцендентального субъекта - он по определению остается за пределами доступного опыта [12]. Иными словами, мы можем исследовать то, что доступно сознанию, но не того, кому этот субъективный опыт доступен. Такое ограничение, с одной стороны, объясняет, почему Эдмунд Гуссерль изучал только чистое сознание (опыт) и писал о жизненном мире, а, с другой стороны, роднит «континентальную философию сознания» с ее аналитической версией, поскольку и там, и здесь, как было показано выше, пределы опытного знания ограничивают возможности рассмотрения сознания.

Однако в рамках континентальной философии эти ограничения осознаются, исследуются и преодолеваются. Подобную философскую работу с этими ограничениями можно увидеть в трудах философов, начинавших свои философские труды с феноменологии, а именно философов экзистенциалистов. Дело в том, что для этих авторов, с одной стороны, также как и для современных философов сознания, психологов и нейрофизиологов, переживание Я как части нашего опыта принципиально не сводимо к какому-то «центральному ядру» нашей психики. С другой стороны, наше Я для философов-экзистенциалистов, будет, скорее отголоском, доступным в опыте представление о том, что внутри нас переживает опыт и действует через него [13], то есть, как было показано выше на примере с иллюзиями восприятия, будет не ошибочным знанием, а, скорее, интерпретацией в условиях ограниченного доступа к информации.

В этом ключе проблема выбора или присутствия, характерная для экзистенциальной философии, может приобретать иную интерпретацию, актуальную в контексте современного понимания проблем сознания. Если философы-экзистенциалисты отвечали на вопрос о том, для чего (точнее, для кого) существует субъективный опыт, то недоступность трансцендентального субъекта для изучения может быть связана не только с принципиально внеопытным характером этого знания, а также и с тем, что такой субъект оказывается в каждый момент времени принципиально незаконченным, и каждый сделанный выбор меняет носителя субъективного опыта, и то, как он через этот опыт присутствует в мире.

Иными словами, концепт выбора в философии Жана-Поля Сартра и концепт присутствия или Dasein из экзистенциальной философии Мартина Хайдеггера [14] можно рассматривать как своеобразный ответ на вопрос о том, является ли переживание нашего Я иллюзией, а также важной вехой на пути решения проблемы сознания: для экзистенциалистов, начинавших свой путь с изучения чистого сознания (опыта), этот опыт оказался не только связанным с жизненным миром, но и оказался отнесен к тому, кто этот опыт переживает и действует в нем. Однако при рассмотрении от первого лица носитель этого опыта оказывается эпистемологически закрыт от самого себя, а рассмотрение от третьего лица не учитывает его принципиально незаконченный характер.

Все это, в свою очередь, возвращает нас к тому, как сознание от первого лица рассматривал один из основоположников проблемы сознания в философии – Рене Декарт: из существования мышления (методического сомнения) выводится существования того, кто мыслит [15], и пусть этот мыслящий не сводится к результатам собственной рефлексии и недоступен полностью в опыте, мы можем

рассуждать о нем, опираясь на доступное нам в опыте знания. И, может быть, такой подход поможет нам преодолеть не только ограничения философских теорий, рассматривающих сознания, но и ограничения нейрокогнитивных теорий, в рамках которых вопрос о том, кто переживает субъективный опыт, также начинает подниматься [см. 16].

Список литературы

1. *Chalmers D.J.* The conscious mind: In search of a fundamental theory. New York, 1996.
2. *Block N.* On a confusion about a function of consciousness // Behavioral and brain sciences. 1995. Vol. 18. №. 2. P. 227-247.
3. *Vaars B. J.* Global workspace theory of consciousness: toward a cognitive neuroscience of human experience // Progress in brain research. 2005. Vol. 150. P. 45-53.
4. *Koch C., Tsuchiya N.* Attention and consciousness: two distinct brain processes // Trends in cognitive sciences. 2007. Vol. 11. №. 1. P. 16-22.
5. *Ревонсуо А.* Психология сознания. СПб.: Питер, 2012.
6. *Мусс А.И.* Философия и наука о сознании: проблемы и решения // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М: МАКС Пресс, 2019.
7. *Dennett D.C.* Sweet dreams: Philosophical obstacles to a science of consciousness. MIT Press, 2006.
8. *Metzinger T.* The ego tunnel: The science of the mind and the myth of the self. Basic Books (AZ), 2009.
9. *Сем А.* Быть собой. Новая теория сознания. М.: АНФ, 2023.
10. *Rogers B.* Perception: A very short introduction. Oxford University Press, 2017.
11. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология.
12. *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Standpunkt. Duncker & Humblot, 1874.
13. *Сапрт Ж. П.* Трансцендентность эго // Логос. 2003. Т. 2, №. 37. С. 87.
14. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
15. *Manley D.B., Taylor C.S.* Descartes' Meditations-trilingual edition. 1996. [Электронный ресурс]. URL: <https://corescholar.libraries.wright.edu/philosophy/8> (дата обращения 01.06.2024).
16. *Анохин К.В.* Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. ИП Павлова. 2021. Т. 71, №. 1. С. 39-71.

ОБЩИЕ СХЕМЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ В НАТУРАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ

Сысоев М. С.

*Младший научный сотрудник
Сектора современной западной философии
Института философии РАН
E-mail: sysoev.paritet@gmail.com*

Аннотация. Одним из важнейших вопросов, касающихся объяснения природы феноменального сознания, является вопрос о том, как возникло сознание или иначе, как фундаментальные свойства конституируют сознание. Чаще всего с феноменальным сознанием связаны свойства субъективности, единства и квалитативности. Существует несколько основных схем, описывающих конституирование сознания. В докладе рассмотрены основные принципиальные типы таких схем, и предложена дополнительная стратегия их построения. В частности, в докладе рассматриваются плюралистические и монистические подходы. В контексте плюралистических подходов можно выделить комбинаторные и не-комбинаторные стратегии, а в контексте монистических – декомбинаторные. Автором предложен дополнительный некомбинаторный монистический подход, позволяющий совместить значимые преимущества остальных стратегий, в том числе, сохранение всех значимых свойств сознания и сохранение конститутивной связи между фундаментальными свойствами и сознанием.

Ключевые слова: феноменальное сознание, эмерджентизм, панпсихизм, конституция, натурализм, физикализм.

GENERAL SCHEMES OF CONSTITUTION OF PHENOMENAL CONSCIOUSNESS IN NATURALISTIC APPROACHES

Sysoev M. S.

Junior researcher

The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: sysoev.parity@gmail.com

Abstract. One of the most important questions concerning the explanation of the nature of phenomenal consciousness is how consciousness arose, or otherwise, how fundamental properties constitute consciousness. Most often, the properties of subjectivity, unity, and qualitativity are associated with phenomenal consciousness. There are several basic schemes describing the constitution of consciousness. The paper considers the main principal types of such schemes, and proposes a complementary strategy for their construction. In particular, the paper considers pluralistic and monistic approaches. In the context of pluralistic approaches one can distinguish combinatorial and non-combinatorial strategies, and in the context of monistic approaches one can distinguish decombinatorial strategies. The author proposes an additional non-combinatorial monistic approach that allows combining the significant advantages of the other strategies, including preserving all significant properties of consciousness and preserving the constitutive relation between fundamental properties and consciousness.

Keywords: phenomenal consciousness, emergentism, panpsychism, constitution, naturalism, physicalism.

Одним из важнейших вопросов, касающихся объяснения природы феноменального сознания, является вопрос о том, как возникло сознание или иначе, как *фундаментальные свойства конституируют сознание*.

Чаще всего с феноменальным сознанием связывают свойства **субъективности, единства и квалитативности** [1, с. 559]. **Субъективность** – направленность переживаний, наличие перспективы. **Единство сознания** – характеристика, указывающая на то, что переживания не атомизированы, но формируют целостное феноменальное поле, обладающее устойчивыми качествами, причем наличие самого поля не зависит от каких-то определённых качеств. **Квалитативность** – качественная характеристика сознания.

Теперь рассмотрим, что подразумевается под фундаментальными свойствами. В современных подходах принято выделять **физические, ментальные, нейтральные** свойства. Причем отношения между этими свойствами внутри самого набора фундаментальных свойств могут быть различными. Некоторые подходы могут совмещать ментальные и физические свойства в форме дуализма свойств или расселианского монизма. В отдельных случаях важно также и то, чему именно мы приписываем данные свойства, для этих целей я буду выделять **плюралистический (атомистический) подход и монистический подход**. Если фундаментальные свойства приписываются множеству сущностей, или же вопрос о носителях свойств вообще не рассматривается и речь идёт только о множестве свойств, такой подход я также буду именовать плюралистическим. Если фундаментальные свойства приписываются одной сущности, такой подход я буду именовать монистическим [2].

Главный вопрос, который следует задать: как именно фундаментальные свойства приводят к появлению сознания? В отношении других естественных явлений свойства целого нередко полностью или частично объясняются через свойства его частей. Это справедливо для плюралистического подхода, который в естественных науках более распространён. В случае принятия монистического подхода, полная или частичная редукция свойств частей, наоборот, приводит к свойствам целого. Далее способ объяснения в терминах целого и части я буду называть мерологическим подходом к объяснению феноменального сознания. Несмотря на то, что в натуралистических подходах сознание рассматривается как естественный феномен, к нему крайне редко применяется мерологический подход. Для этого есть множество объективных причин, на которых здесь я не буду останавливаться. Я приму в качестве очевидной предпосылки, что если мы считаем сознание реальным естественным явлением, то одним из первых этапов его объяснения

должен стать ответ на мереологические вопросы: вступает ли сознание в мереологические отношения? И, если да, то из каких частей состоит феноменальное сознание и частью чего оно является?

На первый взгляд, ответить на этот вопрос без выяснения природы самого сознания крайне сложно или невозможно. Однако, представив феноменальное сознание как некоторое таинственное, но всё же вполне естественное явление, мы можем выстроить несколько общих вариантов мереологического объяснения и показать связи между ними. С моей точки зрения, основная задача философских теорий сознания заключается, в том числе, в том, чтобы выступать в качестве упрощенных моделей для будущих естественнонаучных теорий, для которых уже сделаны выводы об их общих метафизических основаниях и особенностях. Далее я хотел бы рассмотреть некоторые основные типы таких схем, которые используются в современных теориях сознания, и показать каким образом разнообразие этих схем могло бы быть расширено. В контексте плюралистических подходов можно выделить комбинаторные и не-комбинаторные стратегии, которые характеризуются следующими особенностями.

Комбинаторная плюралистическая стратегия:

Сознание конституировано множеством свойств $p_1, p_2 \dots p_n$, принадлежащих совокупности явлений $x_1, x_2 \dots x_n$, организованных в соответствии с некоторым условием K .

Не-комбинаторная плюралистическая стратегия:

Сознание возникает в силу того, что условие E , достаточное для возникновения S конституировано множеством свойств $p_1, p_2 \dots p_n$, принадлежащих совокупности явлений $x_1, x_2 \dots x_n$, организованных в соответствии с некоторым условием K .

Существующая дискуссия о натуралистическом объяснении сознания в контексте трудной проблемы сознания разворачивается, в основном, между комбинаторными и не-комбинаторными стратегиями. Основными представителями комбинаторных стратегий являются расселианский физикализм [3, 4], микропсихизм [5, 6]. Основными представителями не-комбинаторных (эмерджентных) стратегий являются эмерджентный физикализм [7], эмерджентный панпсихизм [8].

Комбинаторные плюралистические подходы предлагают ясный механизм конституции, но лишь в ограниченных условиях. Наличие частичного сходства между трудной проблемой сознания и комбинаторной проблемой панпсихизма, указывает на то, что в самой идее комбинаторных подходов есть принципиальный изъян, связанный с мереологической проблематикой [9]. Единое сознание не совместимо с самой идеей комбинации, поэтому конститутивная связь сохраняется ценой отказа от изначального понятия сознания. Противоположная стратегия, апелляция к эмерджентности, позволяет сохранить все свойства сознания. Однако без прояснения конкретного механизма возникновения сознания она, по своей сути, является разновидностью мистерианской стратегии. Некомбинаторные плюралистические подходы жертвуют конститутивной связью между фундаментальными свойствами и сознанием. Это не означает, что к сознанию не применим мереологический подход, который будет исходить из первичности целого перед частями. Однако в контексте эмерджентизма этот подход не даёт результатов в части объяснения сознания. Некоторые из сторонников комбинаторных подходов также апеллируют к мистерианской стратегии, что лишь откладывает вопрос о поиске конкретных механизмов на будущее [4].

Одним из возможных возражений против предложенных выше формулировок может быть то, что разговор о явлениях, сущностях или субстанциях вообще не свойственен современной дискуссии, чаще речь идёт именно о свойствах. С этим возражением можно согласиться в том случае, если мы, во-первых, отказываемся от тезиса о наличии у сознания свойства единства, а во-вторых, отказываемся от рассмотрения сознания как свойства целого, и соглашаемся приписывать свойства сознания не живому существу, а множеству отдельных физических частиц, его составляющих. Однако такой ход мысли не соответствует принятому ранее понятию сознания.

В современном панпсихизме существуют монистические разновидности комбинаторного подхода, к которой относится космопсихизм [10, 11]. В таких подходах фундаментальные свойства приписываются одной сущности, а сознание приписывается сущностям, которые являются её частями.

Декомбинаторная монистическая стратегия:

Сознание конституировано множеством свойств $p_1, p_2 \dots p_n$, принадлежащих одной или нескольким частям X , организованных в соответствии с некоторым условием K .

Несмотря на некоторые преимущества космопсихизма, перед ним возникает проблема, которую можно назвать проблемой декомбинации [10, с. 390], [11, с. 228]. Также как и комбинаторная проблема, общая проблема декомбинации заключается в трудностях, которые возникают при попытке совместить свойства индивидуального сознания и фундаментальные свойства Космоса и, фактически, представляет из себя целую группу проблем различного рода. Отличие данной проблемы заключается

в том, что фундаментальными свойствами в данном случае являются свойства космоса в целом и переход от фундаментальных свойств к свойствам индивидуального сознания осуществляется в обратном направлении. Еще один существенный недостаток для натуралистической теории – идея существования космического сознания.

Таким образом, существующие подходы сталкиваются с принципиальными проблемами, которые, в том числе, указывают на неверно выбранную общую стратегию в поиске схемы конституирования сознания. Я полагаю, что существует, по меньшей мере одна неиспользованная монистическая альтернатива, а именно - некомбинаторный подход для монистических стратегий.

Некомбинаторные подходы обладают существенным преимуществом: поскольку они не рассматривают комбинацию в качестве основы для конституции сознания, они не сталкиваются с комбинаторной проблемой и её аналогами. В случае плюралистических подходов, это достигается за счет использования онтологической эмерджентности. Однако для монистических стратегий идею некомбинаторности можно понимать несколько иным образом.

Не-комбинаторная монистическая стратегия:

Сознание конституировано множеством свойств $p_1, p_2 \dots p_n$, принадлежащих X и взаимная организация свойств $p_1, p_2 \dots p_n$ соответствует условиям K .

В такого рода объяснении сознание является частью Космоса, выступающего как целое, однако возникает не путём декомбинации, а путём особой организации свойств целого. Данный подход позволяет совместить простоту монистического объяснения с натурализмом, не предполагая существование космического сознания. В частности, мы можем приписать Космосу свойства сознания, указав, что они проявляются только на уровне отдельных регионов, которые занимают живые организмы. Таким образом, индивидуальное сознание состоит из регионализированных инстанций свойств субъективности, единства и квалитативности [2, с. 60].

В общем смысле такая стратегия вовсе не обязывает нас рассматривать в качестве целого X именно Космос, как сущность, конституирующую сознание. Основная идея подхода заключается в том, что сознательные состояния возникают в результате некоего естественного процесса, в ходе которого организуются свойства целого, частью которого может являться сознание. Это предполагает, что на существование и функционирование тех или иных сознаний могут повлиять свойства, которые принадлежат такому целому, но не принадлежат им и их частям. Такой взгляд позволяет дополнить «стандартную картину» мереологических отношений между сознанием и его частями и продвинуться вперёд в исследовании того многообразия мереологических моделей объяснения сознания, с которыми в будущем предстоит работать научным теориям.

Список литературы

1. Searle J. R. Consciousness // Annual Review of Neuroscience. 2000. Vol. 23, №1. P. 557-578.
2. Schaffer J. Monism: The priority of the whole // The Philosophical Review. 2010. Vol. 119, №. 1. P. 31-76.
3. Pereboom D. The material constitution of phenomenal consciousness // The Constitution of Phenomenal Consciousness. John Benjamins, 2015. P. 418-432.
4. Stoljar D. Panpsychism and non-standard materialism: Some comparative remarks // The Routledge handbook of panpsychism. Routledge, 2019. P. 218-229.
5. Strawson G. Mind and Being: The Primacy of Panpsychism // Panpsychism: contemporary perspectives / ed. by G. Bruntrup, L. Jaskolla. New York : Oxford University Press, 2016. P. 75-112.
6. Coleman S. Panpsychism and Neutral Monism // Panpsychism: Contemporary Perspectives / ed. Godehard Bruntrup and Ludwig Jaskolla. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 249-282.
7. Серл Д. Открывая сознание заново. Перевод с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
8. Bruntrup G. Emergent panpsychism // Panpsychism: Contemporary Perspectives / ed. by G., Bruntrup, L. Jaskolla, Oxford University Press, 2016. P. 48-73.
9. Сысоев М.С. О связи трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2023. №2. DOI: 10.37482/2687-1505-V251.
10. Shani I. Cosmopsychism: A Holistic Approach to the Metaphysics of Experience // Philosophical Papers. 2015. Vol. 44, №. 3. P. 389-437.
11. Goff P. Consciousness and Fundamental Reality. New York: Oup Usa, 2017.

ТЕОРИЯ РАСШИРЕННОГО ПОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМА ФЕНОМЕНАЛЬНОГО ОПЫТА: СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Танюшина А.А.

*Кандидат философских наук, ассистент кафедры истории и теории мировой культуры
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: a.tanyushina@gmail.com*

Аннотация. В докладе анализируются современные подходы к интерпретации гипотезы расширенного познания, впервые выдвинутой философами Э. Кларком и Д. Чалмерсом в 1998 году. Согласно данной гипотезе, когнитивные процессы могут частично формироваться сущностями и артефактами, которые являются внешними по отношению к субъекту. Данная гипотеза представляется крайне актуальной сегодня, когда информационные технологии, основанные, в том числе, на работе современных нейрокомпьютерных интерфейсов и систем искусственного интеллекта, призваны всячески преодолевать естественные ограничения нашего биологического когнитивного аппарата. Автором отдельно рассматривается проблема расширенного сознания, которая сводится к вопросу о возможности расширения феноменального опыта агента за счет его взаимодействия с окружающей средой. Особое внимание уделяется анализу концепций современных философов, предпринявших попытку доказать возможность расширения субъективного ментального опыта с помощью подходов, основанных на теориях прогностической информационной обработки и сенсомоторного энактивизма. В заключении делается вывод о необходимости дальнейшего концептуального анализа проблемы расширенного сознания и важности соотнесения результатов подобного философского исследования с последними достижениями нейрокогнитивных наук.

Ключевые слова: расширенное познание, экстернализм, расширенное сознание, Энди Кларк, Дэвид Чалмерс, феноменальный опыт, нейрокомпьютерные технологии, сенсомоторный энактивизм.

THE THEORY OF EXTENDED COGNITION AND THE PROBLEM OF PHENOMENAL EXPERIENCE: MODERN INTERPRETATIONS

Tanyushina A.A.

*Assistant of the Department of History and Theory
of World Culture
Lomonosov Moscow State University
E-mail: a.tanyushina@gmail.com*

Abstract. The report analyzes modern approaches to the interpretation of the hypothesis of extended cognition, first put forward by philosophers E. Clark and D. Chalmers in 1998. This hypothesis seems to be extremely relevant today, when information technologies, based, among other things, on the work of modern neurocomputer interfaces and artificial intelligence systems, are designed in every possible way to overcome the natural limitations of our biological cognitive apparatus. The author examines the problem of extended consciousness, which boils down to the question of the possibility of extending the phenomenal experience of an agent through his interaction with the environment. Special attention is paid to the analysis of the concepts of modern philosophers who have attempted to prove the possibility of expanding subjective mental experience using approaches based on the theories of sensorimotor enactivism. It is concluded that it is important to correlate the results of philosophical research with the latest achievements of neurosciences.

Keywords: expanded cognition, externalism, extended consciousness, Andy Clark, David Chalmers, phenomenal experience, neurocomputer technologies, sensorimotor enactivism.

Гипотеза расширенного познания (*extended mind hypothesis*), согласно которой когнитивные состояния могут частично формироваться объектами, являющимися внешними по отношению к агенту, была впервые оформлена в конце 1990-х годов [1]. В наиболее последовательном виде ее

описали Энди Кларк и Дэвид Чалмерс в статье «The Extended Mind» [2], в которой философы представили идеи активного экстернализма, а также предприняли попытку доказать, что окружающая среда играет существенную роль в управлении мыслительными процессами когнитивных агентов. С точки зрения авторов статьи, блокнот, календарь, очки, слуховой аппарат, навигатор, телефон и другие технические приспособления, которые мы используем в повседневной жизни, являются такой же частью нашего когнитивного аппарата, как и нейронные структуры мозга. Для подкрепления своих доводов Кларк и Чалмерс приводят знаменитый мысленный эксперимент с пожилым мужчиной по имени Отто, страдающим от болезни Альцгеймера: из-за периодических провалов в памяти он вносит всю важную информацию в свою записную книжку, которая и обеспечивает ему «когнитивное расширение», ведь Отто пользуется ею, как пользовался бы своей биологической памятью.

В силу того, что гипотеза расширенного познания явным образом основывается на положениях функционализма, по которому ментальные состояния определяются их функциональными отношениями и, следовательно, не зависят от физико-биологических качеств их носителей, она допускает функциональную эквивалентность внешних и внутренних объектов, определяющих структуру когнитивных процессов. Это допущение, призванное, по словам философов, преодолеть наши «биошовинистские предрассудки», было обозначено как «принцип паритета» (*parity principle*) [2, p. 8]. Тем не менее, Кларк и Чалмерс также отмечали, что, хотя внешние технические артефакты способны оказывать каузальное влияние на наши когнитивные состояния, это еще не означает, что подобные артефакты конституируют ментальный опыт (к этому доводу позже будут прибегать многие противники гипотезы, доказывавшие невозможность буквального расширения нашего познания за счет внешних средств и технических приспособлений (см., например: [3]). По этой причине философы разделяли когнитивные процессы и феноменальные состояния, так как не считали очевидным, что «расширение» одного подразумевает «расширение» другого. Будучи настроенными скептически по отношению к возможности расширения функций феноменального опыта, они писали: «Все, что мы сказали до сих пор, согласуется с мнением о том, что истинно ментальные состояния – переживания, убеждения, желания, эмоции и так далее – определяются состояниями мозга. Возможно, то, что действительно ментально, в конце концов, является внутренним?» [2, p. 12].

Более подробно об этой проблеме Энди Кларк говорит в своей статье 2009 года «Spreading the Joy? Why the Machinery of Consciousness is (Probably) Still in the Head», где подчеркивает разницу между гипотезой расширенного разума (*extended mind*) и гипотезой расширенного сознания (*extended conscious mind*), говоря, что «ничто в аргументах в пользу гипотезы расширенного разума не должно склонять нас к принятию теории расширенного сознания (к принятию расширенного взгляда на механизмы сознательного разума или на носители сознательного опыта)» [4, p. 968]. Также рассуждает и Дэвид Чалмерс в статье «Extended Cognition and Extended Consciousness» при анализе аргументов, призванных доказать возможность расширения сознания. В частности, он разбирает мысленный эксперимент, в рамках которого некоторому субъекту с незначительными нарушениями в работе естественных нейронов мозга добавляют внешнюю кремниевую схему, призванную восстановить прежнюю когнитивную функциональность. Этот эксперимент дает ряду исследователей основания полагать, что расширение сознания возможно: разница заключается лишь в доступе когнитивных систем к информации, присутствующей в мозге, и к информации, присутствующей в окружающей среде (см., например: [5, 6]). Сам Чалмерс не считает подобные случаи подлинными примерами расширенного сознания, так как они радикально отличаются от более обыденных примеров, иллюстрирующих взаимодействие человека с доступными ему техническими средствами с помощью опосредованного органами чувств восприятия или действия. Однако, несмотря на то, что философ называет упомянутые выше нейрокомпьютерные способы «расширения» научно-фантастическими, он также отмечает, что развитие новых технологий покажет, как именно мы будем интерпретировать тезис о расширенном сознании в ближайшие годы.

Действительно, сегодня, по прошествии более 25 лет с выхода знаменитой статьи Кларка и Чалмерса, понятие «расширенный разум» подверглось некоторому переосмыслению. Причиной тому стал растущий интерес к данной концепции не только со стороны философов и когнитивистов, но также и стороны цифровых разработчиков и медиа-теоретиков, рассуждающих о новейших способах технологических «расширений» человека. По этой причине в последнее время публикуется большое количество работ, в которых сюжеты, считавшиеся в 1990-е годы фантастическими, уже не кажутся таковыми: расширенное познание и иммерсивные медиа [7], «дополненное» сознание [8], ИИ- и нейро-расширения [9, 10] – это лишь некоторые темы, обсуждаемые сегодня в связи с концепцией, выдвинутой ранее Кларком и Чалмерсом.

Рост внимания широкого круга исследователей к гипотезе расширенного познания привел и к развитию новых аргументов в ее пользу. Если «первая волна» аргументов была ассоциирована с выдвинутыми философами в 1998 году «принципом паритета», «вторая волна» – с принципом «когнитивной интеграции», описанным философом Ричардом Менари в 2010 году, согласно которому «телесные манипуляции с внешними объектами отличаются от внутренних ментальных процессов, но дополняют их» [11, р. 240], то актуальная на данный момент «третья волна» аргументов основана на отвержении идеи о наличии фиксированных свойств у внутренних ментальных состояний и процессов, обусловленных внешними факторами. Как пишет философ Джон Саттон, «третья волна проанализирует границы между этими состояниями как с трудом завоеванные и хрупкие достижения в области развития и культуры, всегда открытые для пересмотра» [12, р. 213]. Действительно, современные теории расширенного познания активно дополняются аргументами из смежных философских дисциплин, таких как социальная философия, теория медиа и постфеноменология, в рамках которых утверждается активная роль социально-культурных факторов в процессе формирования когнитивных состояний человека. Нельзя не упомянуть и важность новейших открытий в сфере нейрокогнитивных наук, благодаря которым современные исследователи, развивающие концепцию расширенного познания, нередко дополняют ее теориями прогнозирующей когнитивной обработки, динамических информационных вычислений и сенсомоторного энгажизма (см., например: [13, 14, 15]).

Опираясь на новые версии теории расширенного познания, некоторые философы также по-новому осмысливают и концепцию расширенного феноменального опыта. Так, финская исследовательница Пий Телакиви в своей недавней работе с говорящим названием «*Extending the Extended Mind: From Cognition to Consciousness*» применяет методы концептуального анализа в целях пересмотра как классического аргумента о различии между каузацией и конституированием ментального опыта, так и самого понятия «расширение» («*extension*»). Последнее Телакиви подвергает последовательному терминологическому разбору, в результате которого приходит к выводу о наличии нескольких возможных способов его философской интерпретации в контексте гипотезы расширенного сознания: от простого нефункционального кратковременного расширения некоторого когнитивного состояния до функционального, сенсомоторного и управляемого встраивания во все когнитивные процессы. Исследовательница приходит к выводу о возможности включения внешних элементов среды в структуру конститутивных факторов феноменального опыта и подтверждает свой довод результатами исследований в области нейрофизиологической сенсорной замены (*sensory substitution*) и нейрокомпьютерного сенсорного усиления (*sensory augmentation*) [16, р. 149]. Ключевым выводом философа заключается в утверждении невозможности развития последовательного экстерналистского взгляда на природу познания при условии отрицания его в отношении феноменального опыта.

Таким образом, ответ на вступительный вопрос Кларка и Чалмерса из статьи 1998 года «Где заканчивается разум и начинается остальной мир?» начинает активно переосмысляться не только в связи с разработкой новейших цифровых и нейрокомпьютерных технологий, но и в результате развития новых подходов к осмыслению понятий «когнитивное» и «ментальное расширение». По этой причине гипотеза расширенного познания сегодня как никогда нуждается в более последовательном анализе как посредством методов аналитической философии, так и с помощью исследовательских приемов, характерных для естественнонаучных дисциплин.

Список литературы

1. Clark A. Being There: Putting Mind, Body, and World Together Again. Cambridge, MA: MIT Press. 1997.
2. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // *Analysis*. 1998. № 58 (1). P. 7–19.
3. Adams F., Aizawa K. The Bounds of Cognition // *Philosophical Psychology*. 2001. №14 (1). P. 43–64.
4. Clark A. Spreading the joy? Why the machinery of consciousness is (probably) still in the head // *Mind*. 2009. № 118(472). P. 963–993.
5. Farkas K. Extended mental features / Andy Clark and his Critics. Ed. M. Colombo, E. Irvine, M. Stapleton. New York: Oxford University Press. 2019. P. 44-55.
6. Vold K. The Parity Argument For Extended Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2015. № 22. P. 16-33.
7. Smart P. Minds in the Metaverse: Extended Cognition Meets Mixed Reality // *Philosophy and Technology*. 2022. № 35 (4). P. 1–29.

8. *Turner C.* Augmented Reality, Augmented Epistemology, and the Real-World Web // *Philosophy and Technology*. 2022. № 35(1). P. 1-28.
9. *Turner C., Schneider S.* Could You Merge With AI? Reflections on the Singularity and Radical Brain Enhancement. / *The Oxford Handbook of Ethics of AI*. Ed. M. D. Dubber, F. Pasquale, S. New York: Oxford University Press, 2020. P. 307-325.
10. *Hernandez-Orallo J., Vold K.* AI Extenders: The Ethical and Societal Implications of Humans Cognitively Extended by AI // *Proceedings of the AAAI/ACM 2019 Conference on AIES*, 2019. P. 507-513.
11. *Menary R.* Cognitive Integration and the Extended Mind / *The Extended Mind*. Ed. R. Menary. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 227–244.
12. *Sutton J.* Exograms and Interdisciplinarity: History, the Extended Mind, and the Civilizing Process. *The Extended Mind*. Ed. R. Menary. Cambridge, MA: MIT Press. 2010. P. 189–226.
13. *Clark A.* Surfing uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind. Oxford: Oxford University Press, 2016.
14. *Kiverstein J., Farina M.* Do Sensory Substitution Extend the Conscious Mind? / *Consciousness in interaction: the role of the natural and social context in shaping consciousness*. Ed. by Fabio Paglieri. Amsterdam: John Benjamins. 2013.
15. *Vold K.* Can Consciousness Extend? // *Philosophical Topics*. 2020. № 48(1). P. 243-264.
16. *Telakivi P.* Extending the Extended Mind: From Cognition to Consciousness. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/328855752.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).

ЧТО, ЕСЛИ ЗОМБИ НЕ МОГУТ СУЩЕСТВОВАТЬ?

Тарасенко Т.Н.

*Аспирант кафедры истории зарубежной философии философского факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: tarasenko.tn.msu@gmail.com*

Аннотация. Данная работа посвящена анализу аргумента зомби. Предпринимается попытка рассмотреть возможность совмещать реалистические взгляды в отношении феноменального сознания с отрицанием достоверности аргумента зомби. Предлагается деление реализма в отношении феноменального сознания на скромную и амбициозную версии: разделение проводится относительно готовности того или иного философа постулировать нефизические сущности для объяснения феноменального сознания. Формулируется аргумент зомби в своей минимальной версии. Формулируется ключевой аргумент антифизикалистов, опирающийся на аргумент зомби. Посредством обращения к аргументу разоблачения в отношении феноменального сознания проясняется возможная мотивация амбициозных реалистов для отрицания достоверности аргумента зомби. Демонстрируется связь между аргументом зомби и аргументом разоблачения. Кратко обсуждается вопрос о способах обоснования аргумента зомби. Обсуждается проблема несовместимости аргумента против физикализма и аргумента разоблачения, опирающихся на аргумент зомби.

Ключевые слова: сознание, аргумент зомби, аргумент разоблачения, реализм, иллюзионизм, физикализм, антифизикализм.

WHAT IF ZOMBIES CANNOT EXIST?

Tarasenko T.N.

*Postgraduate student of
Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: tarasenko.tn.msu@gmail.com*

This paper is devoted to analyzing the zombie argument. An attempt is made to consider the possibility of combining a realist view of phenomenal consciousness with a denial of the soundness of the zombie argument. A division of realism regarding phenomenal

consciousness into humble and ambitious versions is proposed: the division is made in relation to the willingness of a particular philosopher to postulate non-physical entities to explain phenomenal consciousness. Through an appeal to the debunking argument with respect to phenomenal consciousness, the possible motivation of ambitious realists for denying the soundness of the zombie argument is clarified. The relationship between the zombie argument and the debunking argument is demonstrated. The ways in which the zombie argument is justified are briefly discussed. The problem of the incompatibility of the argument against physicalism and the debunking argument, both of which rely on the zombie argument, is discussed.

Keywords: consciousness, mind, the zombie argument, the debunking argument, realism, illusionism, physicalism, anti-physicalism.

В этом тексте я хотел бы предложить некоторые размышления относительно реалистических позиций в философии сознания, которые одновременно с этим отрицают логическую возможность философских зомби. Но сначала я вижу целесообразным ввести ряд определений и привести версии аргумента зомби и антифизикалистского аргумента, подкрепляемого им, на которые буду опираться в рамках этой работы.

В первую очередь стоит прояснить, что я буду иметь в виду под феноменальным сознанием. Минимальный способ определения данного понятия, по всей видимости, следующий: феноменальное сознание – это некоторое ментальное состояние, сущностной характеристикой которого является «каково это быть в данном состоянии». Феноменальное сознание представлено феноменальными свойствами, или квалиа, именно они являются теми характеристиками наших ментальных состояний, которые выражают то, каково это находиться в этом состоянии.

Под реалистическими я понимаю позиции, признающие существование феноменального сознания, их можно условно разделить на два лагеря: скромные и амбициозные. Данное разделение до некоторой степени перекликается с разделением, предлагаемым Китом Франкишем, он выделяет радикальный и консервативный виды реализма [1]. Но если для Франкиша критерием для различия выступает признание радикальными реалистами необходимости значительных теоретических инноваций для объяснения феноменального сознания, то в предлагаемом мной разделении ключевую роль играет готовность амбициозных реалистов для тех же целей постулировать нефизические сущности. В лагере скромных реалистов, таким образом, оказываются явные сторонники физикализма. Физикализм в данном случае стоит понимать в очень широком смысле, как тезис, согласно которому все позитивные факты нашего мира являются физическими или в релевантном смысле могут быть редуцированы к физическим фактам, т.е. находятся в некотором отношении логической, концептуальной или метафизической зависимости от физического (супервентны на физическом, фундированы физическим, реализованы на физическом и т.п.) Но также в этом лагере оказываются философы, предполагающие, что по тем или иным причинам мы не можем оценить истинность физикалистского тезиса, но не готовые в связи с этим объявить сознание нефизическим. Например, Дэниел Столджер [2], который оказывается в свете вышесказанного скромным радикалом. Главной альтернативой реализма является, иллюзионизм – позиция, согласно которой феноменальное сознание не существует, но у нас есть иллюзия его существования.

Философские зомби – это существа физически и функционально идентичные человеку, но лишённые феноменального сознания. Аргумент зомби можно рассматривать в качестве вспомогательного аргумента для, вероятно, ключевого антифизикалистского аргумента, отстаиваемого, например, Дэвидом Чалмерсом [3, с. 160], одним из наиболее значимых сторонников амбициозного реализма, тогда он имеет следующий вид:

Посылка 1. Если что-то представимо, оно логически возможно.

Посылка 2. Зомби представимы.

Следовательно, зомби логически возможны.

Полная версия антифизикалистского аргумента, опирающегося на аргумент зомби (здесь я использую его немного модифицированную версию, так как в таком виде он представляет наибольший теоретический интерес), может быть представлена как следующее рассуждение:

Посылка 1. Если что-то представимо, оно логически возможно.

Посылка 2. Мир, где всех людей заменяют философские зомби, представим.

Заключение 1. Логически возможен мир, где всех людей заменяют философские зомби.

Посылка 3. Мир, где всех людей заменяют философские зомби, физически идентичен нашему, но в нём отсутствуют позитивные факты о феноменальном сознании, присутствующие в нашем мире.

Закключение 2. Логически возможен мир, физически идентичный нашему, в котором отсутствуют позитивные факты о феноменальном сознании, присутствующие в нашем мире.

Посылка 4. Если логически возможен физически идентичный нашему мир, в котором отсутствуют позитивные факты, присутствующие в нашем мире, то эти факты не являются физическими или в релевантном смысле редуцируемыми к физическим фактам.

Закключение 3. Позитивные факты о феноменальном сознании не являются физическими или в релевантном смысле редуцируемыми к физическим фактам.

Посылка 5. Если физикализм истинен, то все позитивные факты нашего мира являются физическими или в релевантном смысле могут быть редуцированы к физическим фактам.

Закключение 4. Физикализм ложен.

Иногда именно такого рода рассуждения называют аргументом зомби, но для целей данной работы их следует различать.

По понятным причинам отрицание логической возможности зомби значительно более распространено среди скромных реалистов. Такие позиции можно свести к трём типам: 1) редуктивный функционализм, 2) нефункционалистский редуктивный физикализм и 3) физикализм новой физики. Я не исключаю, что возможны и другие варианты скромного реализма, но эти три опции представлены наиболее широко.

Но если аргумент зомби является частью конструкции одного из наиболее значимых аргументов против физикализма, какая мотивация для отказа от этого аргумента может быть у амбициозных реалистов? Подавляющее большинство сторонников этой позиции, как можно было бы ожидать, являются также и проponentами аргумента зомби, и опирающегося на него антифизикалистского аргумента. Представители же позиции, сочетающей реализм в отношении феноменального сознания, антифизикализм и утверждение непредставимости или невозможности философских зомби, исключительно малочисленны: такой набор убеждений – крайне редкая комбинация. Насколько мне известно, в той или иной мере подобной позиции придерживаются, например, А.В. Кузнецов (из личной беседы), Д.В. Иванов (из личной беседы) и, возможно, Гален Строссон [4]. Сложно сказать, есть ли у них какая-то общая мотивация. Но я хотел бы указать на основание, которое может выступать в качестве хорошей мотивации отказаться от аргумента зомби для всех представителей амбициозного реализма. Аргумент разоблачения в отношении феноменального сознания, признаваемый Дэвидом Чалмерсом, в качестве главного аргумента в пользу иллюзионизма [5, 278], также опирается на логическую возможность мира зомби. Коротко это аргумент можно сформулировать так:

Посылка 1. Существует корректное объяснение наших убеждений о феноменальном сознании, которое не зависит от сознания.

Посылка 2. Если существует корректное объяснение наших убеждений о феноменальном сознании, которое не зависит от феноменального сознания, то эти убеждения не обоснованы.

Закключение. Наши убеждения о феноменальном сознании не являются обоснованными.

Но если задаться вопросом о том, как обосновывается первая посылка, мы увидим, что в своей полной версии это рассуждение принимает такой вид:

Посылка 1. Если что-то представимо, оно логически возможно.

Посылка 2. Мир, где всех людей заменяют философские зомби, представим.

Закключение 1. Логически возможен мир, где всех людей заменяют философские зомби.

Посылка 3. Если логически возможен мир, где всех людей заменяют философские зомби, то существует корректное объяснение наших убеждений о феноменальном сознании, которое не зависит от феноменального сознания.

Закключение 1. Существует корректное объяснение наших убеждений о феноменальном сознании, которое не зависит от сознания.

Посылка 4. Если существует корректное объяснение наших убеждений о феноменальном сознании, которое не зависит от феноменального сознания, то эти убеждения не обоснованы.

Закключение. Наши убеждения о феноменальном сознании не являются обоснованными.

Таким образом, аргумент зомби одновременно выступает в качестве фактически главного довода как для опровержения взглядов скромных реалистов, так и для критики амбициозных реалистов. Так как нападки на аргумент зомби значительно чаще происходят со стороны скромных реалистов, дискуссия, в основном, выстраивается вокруг их доводов. Но я не вижу способов отрицания посылок данного аргумента доступных одному лагерю реалистов, но недоступных другому, поэтому склонен считать, что, если сторонники аргумента зомби могут защитить его от скромных реалистов, он автоматически сохраняет свою силу и для тех амбициозных реалистов, которые хотели бы его отвергнуть. Но поиск новых путей отрицания посылок аргумента зомби, возможно, недоступных

для скромных реалистов, представляется мне перспективным полем исследования для представителей лагеря амбициозных реалистов.

Чтобы сохранить аргумент зомби, нужно показать, что отрицание представимости философских зомби опирается на неверный анализ понятия квалиа, а также продемонстрировать, что хотя бы для случая философских зомби переход от представимости к логической возможности является легитимным. С первой задачей, на мой взгляд, успешно справляется Кит Франкиш в статье «Куанирование диетических квалиа» [6]. Вторая проблема является значительно более запутанной, но если сторонники аргумента зомби справляются и с ней, а я склонен считать, что это так, то реалисту придётся принимать оба аргумента, приведённые в этом тексте, опирающиеся на аргумент зомби. Но удерживать их одновременно невозможно, так как аргумент разоблачения разбивает третью посылку антифизикалистского аргумента: у нас больше нет оснований считать, что в нашем мире присутствуют позитивные факты о феноменальном сознании. В этой ситуации лучшим выходом будет отказ от реализма и принятие позиции иллюзионистов. Альтернативный вариант – отрицание третьей или четвёртой посылки аргумента разоблачения. Мне сложно представить основания для отрицания четвёртой посылки. В своей статье об аргументе разоблачения Дэвид Чалмерс предпринимает попытку опровергнуть третью посылку посредством обращения к муровскому типу аргументации [5]. Эта попытку сложно назвать успешной, что убедительно было продемонстрировано Е.В. Логиновым [7].

Таким образом, если соображения, предложенные в этом тексте, верны, то у нас есть веские основания считать иллюзионизм лучшей из альтернатив, представленных в современной дискуссии в рамках философии сознания.

Список литературы

1. *Frankish K.* Illusionism as a Theory of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2016. № 23. P. 11–39.
2. *Stoljar D.* Ignorance and Imagination: The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness. New York: Oxford University Press, 2006.
3. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2013. 509 с.
4. *Strawson G.* Realistic monism: why physicalism entails panpsychism // *Consciousness and its place in nature: does physicalism entail panpsychism?*, 2006. P. 3-31.
5. *Chalmers D.* Debunking Arguments for Illusionism about Consciousness // *Journal of Consciousness Studies* 2020. № 27 (5-6). P. 258-281.
6. *Frankish K.* Quining diet qualia // *Consciousness and Cognition*. 2012. № 21 (2). P. 667-676.
7. *Логинов Е.В.* Опровергает ли муровский аргумент иллюзионизм? // *Вестник Московского государственного университета. Серия 7: философия*. 2024. Vol. 48, № 2. С. 46-68.

МОРАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ: КАК ЭТО ВОЗМОЖНО

Фролов К.Г.

*Кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии
Институт философии РАН
E-mail: kgfrolov@hse.ru*

Аннотация. Основной тезис доклада заключается в следующем: если в мире действительно имеются моральные факты, существующие в своей определённости независимо от познающих агентов, то их познание посредством чувственного восприятия не представляется чем-то невозможным или удивительным. Это так в силу того обстоятельства, что любые факты, имеющиеся в актуальном мире независимо от познающих агентов и при этом способные каузально влиять на качественную специфику чувственного восприятия агентов, могут быть частью содержания чувственного восприятия этих агентов. Мы показываем, что нормативный характер моральных фактов не препятствует возможности их чувственного восприятия, поскольку человеку свойственна способность чувственно воспринимать некоторые нормативные основания для своих действий.

Ключевые слова: моральная перцепция, моральный реализм, моральный факт, восприятие, репрезентация, нормативное основание.

MORAL PERCEPTION: HOW IT IS POSSIBLE

Frolov K.G.

CSc in Philosophy, Research Fellow of the Department of Social Epistemology

Institute of Philosophy RAS

E-mail: kgfrolov@hse.ru

Abstract. My main claim goes as follows: if there really are moral facts in the world that exist independently of the conscious agents, then their knowledge through sensory perception does not seem impossible or surprising. This is so due to the fact that any facts that exist in the actual world independently of the conscious agents and are capable to influence the agents' sensory perception can be part of the content of the sensory perception of these agents. I show that the normative character of moral facts does not exclude their sensory perceptibility, since agents possess the ability to feel some normative reasons for their actions.

Keywords: moral perception, moral realism, moral fact, perception, representation, normative reason.

Отправной точкой для наших рассуждений послужат следующие два тезиса:

(GP) любые факты, имеющиеся в актуальном мире независимо от познающих агентов и способные каузально влиять на качественную специфику чувственного восприятия агентов, могут быть частью содержания чувственного восприятия этих агентов [1, p. 487].

(RP) В случае наличия такого каузального влияния со стороны фактов на качественную специфику чувственного восприятия некоторого агента уместно говорить о том, что эта качественная специфика чувственного восприятия *репрезентирует* для агента некоторые факты, имеющиеся в актуальном мире независимо от познающих агентов [2, p. 292].

Вначале проиллюстрируем эти тезисы на неморальном примере. Классический тест Исихары на дальтонизм предполагает, что испытуемому демонстрируются изображения, состоящие из точек разного размера и цвета, на которых человек с нормальным цветовым восприятием без труда распознает те или иные числа, такие как 6 или 74. При этом человек с нарушениями цветового восприятия на этих же изображениях увидит либо другие числа, либо и вовсе окажется не в состоянии распознать что-либо. Более того, некоторые изображения в тесте таковы, что только те испытуемые, которые имеют нарушения цветового восприятия, смогут распознать на них числа, тогда как люди с нормальным зрением видят на этих изображениях лишь хаотичную массу цветных точек.

Эти примеры позволяют предположить, что визуальное восприятие людей с нормальным цветовым зрением и людей, имеющих нарушения цветового восприятия, различается феноменологически: там, где одни испытуемые воспринимают визуальные образы, обладающие определёнными очертаниями, другие агенты не видят никаких образов и очертаний [3, p. 301].

При этом расположение окрашенных точек друг относительно друга на этих изображениях представляет собой факт, существующий независимо от познающих агентов. Различие между агентами, обладающими нормальным и дисфункциональным зрением, заключается в том, что визуальное восприятие первых способно репрезентировать эти факты в феноменальном сознании агентов, тогда как дисфункциональное восприятие вторых не способно осуществлять такую репрезентацию [4].

Ясно, что чья-либо неспособность чувственно воспринимать некоторые факты не ставит под сомнение воспринимаемость самих фактов [5, p. 422]. Для того, чтобы некоторые факты были чувственно воспринимаемы, достаточно, чтобы, во-первых, эти факты имели место, а во-вторых, чтобы существовал, по крайней мере, один агент, для которого качественная специфика его чувственного восприятия могла бы служить надёжным основанием для принятия убеждений в отношении соответствующих фактов [6, p. 165].

Обратимся теперь к примеру чувственного восприятия пруденциальных нормативных оснований. Пусть вы и ваш друг систематически ходите в походы по лесам, где вам регулярно попадаются на пути ручьи. Каждый раз, наткнувшись на ручей, вы оказываетесь перед выбором: либо попытаться перепрыгнуть данный ручей в этом месте, либо пойти вдоль ручья и поискать другое место для переправы. Соответственно, для того чтобы принять обоснованное решение, вам и вашему другу

требуется оценить, можете ли вы перепрыгнуть этот ручей в данном месте. Утверждается, что в основе вашей оценки может лежать *ощущение* того, можете ли вы перепрыгнуть через этот ручей или нет. Глядя на ручей, вы можете: (а) чувствовать, что способны его перепрыгнуть; (б) чувствовать, что вы его перепрыгнуть не способны; (в) ничего не чувствовать в плане оценки собственных физических возможностей. Утверждается, что все эти три варианта восприятия различаются феноменологически, то есть сопровождаются качественно различными переживаниями. При этом для распознавания этой качественной специфики вам не требуется никакого специального органа чувств.

Более того, эти качественные ощущения способны репрезентировать факты, имеющиеся в мире независимо от познающих агентов. Так, например, опции (а) и (б) ориентированы на то, чтобы репрезентировать факт того, способны ли вы перепрыгнуть ручей в данном месте или нет. Эта репрезентация может не всегда быть корректной: иногда вы можете чувствовать себя неспособным благополучно перепрыгнуть через ручей, тогда как в действительности факты таковы, что вы вполне способны это сделать. И наоборот, вы можете чувствовать себя способным справиться с таким прыжком, тогда как в действительности это выходит за пределы ваших физических возможностей. Но в любом случае качественная специфика ваших ощущений призвана отражать, репрезентировать некоторые факты. А именно, факты о ваших физических способностях.

При этом важно отметить, что эти физические факты имеют явно выраженное нормативное измерение. Если вы чувствуете, что не можете перепрыгнуть ручей, то вы тем самым чувствуете, что вам не следует пытаться его перепрыгнуть [7, р. 81]. При этом сами факты в данном случае определяют нормативные основания для ваших действий. Если факты таковы, что вы в этом месте можете перепрыгнуть ручей, который отделяет вас от железнодорожной станции, куда вам необходимо попасть как можно скорее, чтобы успеть на электричку, то вам *следует* попытаться его перепрыгнуть вне зависимости от того, что вы чувствуете или думаете. И если вы не попытаетесь его перепрыгнуть и пойдёте искать более удобную переправу в другом месте и из-за этого опоздаете на последнюю электричку, то ваше решение не прыгать окажется *неверным* в силу имеющихся в мире фактов.

Также определённый интерес представляют два других наблюдения.

Первое наблюдение заключается в том, что разные люди могут обладать различным уровнем способности чувственно распознавать некоторые нормативные основания для своих действий. Например, вы можете иметь способность систематически довольно точно определять, когда вам следует прыгать через ручей, а когда не следует. Тогда как ваш друг может либо почти всегда ошибаться на этот счет, либо он может никогда не иметь никаких ощущений, подсказывающих, что ему следует делать.

Как и в случае с дальтонизмом, устанавливаемым при помощи теста Исихары, чья-либо неспособность устанавливать некоторые факты посредством собственных ощущений не ставит под сомнение чувственную воспринимаемость этих фактов. Для того чтобы эти факты были чувственно воспринимаемы, достаточно, чтобы, во-первых, эти факты имели место, а во-вторых, чтобы существовал, по крайней мере, один агент, для которого качественная специфика его чувственного восприятия могла бы служить надёжным основанием для принятия убеждений в отношении соответствующих фактов.

Второе наблюдение заключается в том, что у нас могут быть ощущения в отношении нормативных оснований для других агентов. Например, вы можете чувствовать, что вашему другу не следует пытаться перепрыгнуть через ручей в этом месте. Еще отчетливее вы можете чувствовать, что вашему другу не следует пытаться перепрыгнуть через пропасть. Или что ему не следует пытаться перелезть с общей лоджии, расположенной на четырнадцатом этаже, в соседнее открытое окно его квартиры только потому, что для него так будет быстрее попасть домой. Видя, что он намеревается осуществить нечто подобное, вы можете испытывать резкий эмоциональный протест. Вы можете осуждать такую его попытку. Более того, вы можете осуждать такие его действия даже тогда, когда они уже благополучно им осуществлены. Вы можем по-прежнему *ощущать*, что ему *не следовало* этого делать. При этом в основе таких ваших качественно окрашенных переживаний могут лежать ваши воспоминания о качественной специфике вашего чувственного восприятия в тот момент, когда вы наблюдали, как он перелезает с лоджии в соседнее окно.

Примечательно, что этот пример с лоджией относится к своеобразной пограничной области между *пруденциальными* нормативными основаниями и *моральными* нормативными основаниями. Возможно, не все современные исследователи согласились бы с тем, что попытку перелезть с лоджии в окно следует оценивать на предмет моральности этого действия. Однако несомненно, что с некоторых позиций оно может быть расценено как проявление явного неуважения со стороны действующего агента к его собственной жизни, к чувствам окружающих и к интересам его близких.

В заключение сформулируем наш итоговый аргумент.

(а) Агенты иногда способны ощущать, каковы пруденциальные нормативные основания для их действий. Тем самым, агенты способны чувствовать, что им (и другим агентам) следует, а чего не следует делать.

(б) Качественная специфика восприятия агентов в таких случаях призвана репрезентировать некоторые факты в мире, которые являются пруденциальными нормативными основаниями для их действий.

(в) Если моральные факты существуют в мире, то они являются моральными нормативными основаниями для некоторых действий агентов.

(г) Между пруденциальными и моральными нормативными основаниями нет существенных различий, релевантных для их способности влиять на качественную специфику восприятия соответствующего агента.

(д) Следовательно, качественная специфика восприятия агентов может быть призвана репрезентировать некоторые моральные факты, которые являются моральными нормативными основаниями для их действий.

Список литературы

1. Siegel S. Which Properties Are Represented in Perception? // *Perceptual Experience*. Ed. T.S. Gendler, J. Hawthorne. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 481-503.
2. Werner P.G. Which Moral Properties Are Eligible for Perceptual Awareness? // *Journal of Moral Philosophy*. 2020. Vol. 17. P. 290-319.
3. Werner P.G. Moral Perception and the Contents of Experience // *Journal of Moral Philosophy*. 2016. Vol. 13. P. 294-317.
4. Siegel S. *The Contents of Visual Experience*. New York: Oxford University Press, 2010. 232 p.
5. Chappell T. Moral Perception // *Philosophy*. 2008. Vol. 83, № 326. P. 421-437.
6. Cowan R. Perceptual Intuitionism // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2015. Vol. XC, № 1. P. 164-193.
7. Audi R. Moral Perception and Moral Knowledge // *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. 2010. Vol. 84. P. 79-97.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕНТАЛЬНОЙ ПРИЧИННОСТИ В ОРДИНАЛЬНОМ НАТУРАЛИЗМЕ

Черезова Е.Б.

Аспирант

Новосибирский государственный университет

E-mail: e.cherezova@g.nsu.ru

Аннотация. Рассматривается проблема синтаксического анализа ментальной причинности в метафизике ординального натурализма Ю. Бухлера, ключевым понятием которой является «естественный комплекс». Согласно принципу онтологического паритета утверждается реальность существования любого естественного комплекса в контексте определенного порядка признаков. Мы интерпретируем причинные события как естественный комплекс, имеющий многокомпонентную структуру, что позволит синтаксически проанализировать ментальную причинность с выделением ментальных и физических аспектов событий. Компонентами причинных взаимодействий рассматриваются именно события, что позволяет причинные функции между отдельными аспектами событий. Ментальная причинность анализируется как совокупность двух утверждений, подчеркивающих каузальную роль ментальных и физических аспектов события-причины в появлении двухаспектного следствия.

Ключевые слова: ординальный натурализм, естественные комплексы, онтологический паритет, ментальная причинность, контрастивная причинность.

SYNTACTIC ANALYSIS OF MENTAL CAUSATION IN ORDINARY NATURALISM

Cherezova Y.B.

PhD Student

Novosibirsk National Research State University

E-mail: e.cherezova@g.nsu.ru

Abstract. The paper aims to consider the problem of syntactic analysis of mental causation in the metaphysics of ordinal naturalism. The principle of ontological parity affirms the reality of the existence of any natural complex in the context of a certain order. Causal events are also complexes, i.e. have a multi-component structure and can be analyzed syntactically, highlighting mental and physical aspects. It is events that are considered as relata of causal interactions, which makes it possible to divide the causal work between individual aspects of events. Mental causation is analyzed as a combination of two statements that emphasize the causal role of the mental and physical aspects of the cause-event in the emergence of a two-aspect effect.

Keywords: ordinal naturalism, natural complexes, ontological parity, mental causation, contrastive causation.

Ключевая проблема философии сознания схематически представляется в виде дихотомии: можно ли ментальное каким-либо образом свести к физическому, т.е. принять редукционизм, или всё-таки нельзя. Вторая альтернатива ведет либо к признанию дуализма физического и ментального как минимум на уровне свойств, или же в крайних вариантах к идеализму или панпсихизму. Попытки разрешить эту дихотомию можно разделить на пессимистические и оптимистические. К первым относится мистерианство К. Макгинна, утверждающего когнитивную замкнутость человеческого разума, которая делает принципиально неразрешимой психофизическую проблему. Оптимистическая стратегия связана с поиском компромиссного варианта и принятием нередуктивных физикалистских теорий, утверждающих, что даже если всё в некотором смысле является физическим, то психологическое объяснение все-таки истинно и независимо от физического объяснения (Т. Нагель, Дж. Левин и др.). Так Л. Кахун полагает, что философское мышление, оперирующее традиционным дуалистским словарем только двух видов субстанций (или свойств) и игнорирующие качественное своеобразие сложных объектов, является выражением «доминирующего биполярного расстройства современной метафизики, убеждения, что существует не более двух видов реальности: физическая и ментальная» [1, р. 28]. На наш взгляд, метафизической позицией, позволяющей наилучшим образом обосновать дуализм свойств, является ординальный натурализм Ю. Бухлера [2]. Базовая идея, лежащая в основе – это не отрицание существования чего-либо (субстанции, сущности или реальности), которые полностью отличались бы от любого другого сущего и были бы метафизически отделены от него. Натуралистический взгляд отвергает трансцендентное как означающее то, что существует абсолютно отдельно само по себе, является первичным бытием или абсолютно иное в своем бытии, нежели естественное. Ю. Бухлер трансформирует эту негативную формулировку натурализма в позитивный онтологический принцип, а именно, в принцип онтологического паритета. Это означает не только отказ от идеи совершенно прерывистых сфер или видов бытия, некоторые из которых более реальны, чем другие, это ещё и приверженность равной реальности всего сущего. Второй онтологический принцип Бухлера – это принцип ординальности (порядковости): всё сущее одновременно определено и недоопределенно, и, следовательно, принципиально сложно. Не существует онтологически простых вещей. В качестве общего термина идентификации используется термин «естественный комплекс», а не «бытие» или «сущее». Любой комплекс функционирует как порядок отношений, и любой порядок отношений может быть выделен и рассмотрен как комплекс. Согласно этой позиции, всё, что можно различить, а значит, все, что существует в каком-либо смысле, является «естественным комплексом», не существует онтологически базового вида бытия, нет онтологического приоритета ни у сущностей, ни у объектов, ни у чего-либо ещё. Для Бухлера комплекс – это «метафизическая категория неограниченной применимости» [1, р. 52], хотя он однажды назвал ее докатегориальным приемом, позволяющим перенести предмет в сферу дискуссии самые общие термины. Комплексами могут быть физические объекты, факты, процессы, события, универсалии, опыт, институты, числа, возможности, артефакты и все их отношения, свойства и функции. Определение *естественный* означает, что комплексы, с нередуцируемой сложностью и организованные в порядки, не могут быть абсолютно дисконтинуальными (*absolutely discontinuous*), т.е. не существует онтологического разрыва между порядками, как, например, между сверхъестественным и естественным, профанным и мистическим,

физическим и ментальным, и не бывает таких типов комплексов, которые лежат за пределами естественного мира: трансцендентных комплексов, сверхъестественного, божественного и т.п. [2, р. 229]. Такая позиция исключает метафизический дуализм и сверхъестественные феномены. Согласно, Ю. Бухлеру не существует онтологически первичной субстанции, субстрата или сущности, которая обладает свойствами и находится в отношениях. Комплекс состоит из черт, каждая из которых репрезентирует его локализацию в некоторых порядках. Понятие *комплекс* означает, что нет ничего простого или не поддающегося дальнейшему анализу. Ю. Бухлер отрицает, что что-либо является либо совершенно определенным, либо абсолютно неопределенным, что черты любого комплекса могут быть исчерпаны или окончательно установлены, а также, что не существует единой формы детерминации или бытия для всего сущего [1, р. 35]. Сказать, что всё сущее является комплексами, не значит приписать какую-то родовую или универсальную форму определенности, а, скорее, означает утверждение, что условия бытия вообще являются разно порядковыми. И какими бы ни были эти условия, ни одно из них не имеет большей или меньшей степени бытия или не является более или менее реальным, чем любое другое. Мир литературы не обязательно «находится» в порядке физической вселенной, хотя книги в некоторых отношениях таковыми являются. Человек онтологически не более и не менее реален, чем любой другой вид комплекса, и человеческие порядки являются продолжением других порядков природы.

Развивая идеи ординального натурализма, Л. Кахун добавляет принципу онтологического паритета Ю. Бухлера (все естественные комплексы существуют реально в некотором порядке, пусть даже литературном) апостериорный факт, что среди комплексов одни виды асимметрично зависят от других [3, р. 126]. Таким образом, «натурализм утверждает, что всё, что различается, функционирует в одном устойчивом во времени ансамбле комплексов, называемом «природой», где ни один элемент не является причинно изолированным от всех других, в котором некоторые виды, такие как объекты гуманитарных наук асимметрично зависят от других видов, таких как объекты естественных наук» [3, р. 126]. С нашей точки зрения, такая форма натурализма не отрицает возможности эмерджентных свойств. Эмерджентность, как минимум на эпистемическом уровне, является утверждением о том, что системные и функциональные объяснения не могут быть полностью заменены редуктивными объяснениями. Онтологически это означает, что некоторые свойства сложных систем требуют нередуктивного объяснения, поскольку они характеризуются, в терминах У. Уимсата, неагрегативными свойствами [4], т.е. не отвечают признакам агрегативности как обусловленности свойств целого его частями [4, р. 372]. Признавая ассиметричную зависимость некоторых видов комплексов от комплексов, функционирующих в порядке физического, всё же нельзя сказать, что натурализм – это тот же физикализм: здесь нет эпистемического приоритета физического объяснения и нефизические порядки не должны обязательно «подчиняться» физическим законам, они должны только *не нарушать* их. Таким образом, в порядковом натурализме отрицается фундаментализм: объекты исследования полностью не определяются наиболее фундаментальным или наиболее всеобъемлющим уровнем анализа. Исходя из идеи Бухлера, что ни один объект не может быть совершенно не связанным ни с чем другим и при этом считаться единичной простой сущностью, мы рассмотрим ментальную причинность как метафизически сложный комплекс с многопорядковым расположением, что позволит применить синтаксический анализ с выделением аспектов причинных событий. Причинность мы рассматриваем именно как события, а не как взаимодействия между отдельными свойствами. Высказывание «*C* вызывает *E*» слишком схематично для событий, имеющих разнопорядковые составляющие, оно воплощает идеализированную причинно-следственную связь между двумя компонентами, что, на наш взгляд, не подходит для анализа ментальной причинности, поскольку и мозг, и психика, и сознание в целом слишком многокомпонентные сущности выделяемые в процессе анализа такого высоко консолидированного комплекса как человек. Мы предлагаем использовать контрастивный (*contrastive causation*) подход к причинности [5], согласно которому причинное отношение не является бинарным и имеет форму вида «*C*, а не *C**, вызывает *E*, а не *E**» [5, р. 327], где *C** и *E** – непустые множества контрастных, т.е. альтернативных друг другу, событий, и где контекст определяет в каждом случае соответствующие наборы пары контрастов. Дж. Шаффер стремился подчеркнуть причину определенного события-следствия, одновременно исключая другую возможную причину этого события как причинно нерелевантную. Таким образом, контрастные события устраняются в стандартном подходе, поскольку они не выступают в качестве причин, хотя и присутствуют в форме причинных высказываний. В нашем случае идея состоит не в том, чтобы устранять контрастные свойства, а в том, чтобы подчеркнуть один аспект причинного события, не устраняя другой. Например, в случае ментальной сферы и тела идея состоит именно в том, что и ментальные, и нейронные свойства реализуются субъектом, который действует в результате

ментально-нейронного события, поэтому у нас нет причин устранять ни одно из них. Рассматривая отдельный живой организм, например, сознательно действующего человека, можно сказать, что в поведенческих событиях различаются как физические свойства (колебания концентрации ионов на мембранах нейронов, изменение положения конечности), так и ментальные (намерение помахнуть рукой в знак приветствия), т.е. физическое событие обогащается за счет ментальных событий до сложного социального действия. Одно и то же событие может быть проявлением более чем одного конститутивного свойства, причем свойства одного комплекса могут принадлежать разным порядкам. С позиции порядкового натурализма в контексте ментальной причинности события необходимо анализировать с разделением ментального и физического аспектов как причин, так и следствий. Это означает, что, поскольку событие-следствие *E* имеет двойственную структуру (аспекты *M* и *P*) в силу того, что оно так конституировано, оно имеет её из-за фактического вклада и взаимодействия аспектов события-причины *C*, структура которого также двойственна. Поэтому в данном случае неверно, что вклад ментального аспекта причины был излишним для того, чтобы произошло событие-следствие:

(i) *C* как *M*, а не как *P*, вызывает *e* как *M*, а не как *P*.

(ii) *C* как *P*, а не как *M*, вызывает *e* как *P*, а не как *M*.

Выделение разнопорядковых аспектов в структуре и причин, и следствий не подразумевает какого-либо причинного конфликта или конкуренции между ментальным и физическим аспектами. Таким образом, внутри событий синтаксического анализа существует причинное разделение труда, так что именно определенные аспекты причины, а не другие, несут причинную ответственность за возникновение определенных аспектов следствия, а не каких-либо других. Это позволяет не нарушать принцип причинной замкнутости физического мира, потому что ментальные аспекты события-причины не вмешиваются в работу физических аспектов. Риск эпифеноменальности ментальных аспектов причин, вызывающих ментальные же аспекты следствий, можно отклонить потому, что причинность имеет место только между событиями синтаксического анализа, а не между аспектами этих событий. Таким образом, ментальную причинность следует понимать именно в этих рамках: события с ментальными аспектами иногда вызывают события с физическими аспектами, но ментальные события вызывают физические события. Таким образом, исходя из принципа онтологического паритета и нередуцируемой сложности естественных комплексов ординального натурализма Ю. Бухлера причинность может быть рассмотрена как комплекс отношений разных аспектов имеющих разную причинную функцию и не создающих онтологический разрыв, а лишь относящихся к разным порядкам, которые всегда связаны между собой. Физическая основа всех комплексов не исключает других их характеристик. Можно утверждать натурализм, настаивая при этом на том, что высшие способности человека и, возможно, других животных, не могут быть подвергнуты физикалистской редукции.

Список литературы

1. *Cahoone L.* The orders of nature. Albany: State University of New York Press. 2013.
2. *Buchler J.* Metaphysics of Natural Complexes. Albany, NY: State University of New York Press. 1990.
3. *Cahoone L.* Toward an Ordinal Naturalism // Review of Metaphysics. 2021. №. 75 (1). P. 115-134.
4. *Wimsatt W.C.* Aggregativity: Reductive Heuristics for Finding Emergence // Philosophy of Science. 1997. Vol. 64. P. 372–384.
5. *Schaffer J.* Contrastive Causation // The Philosophical Review. 2005. Vol. 114 (3). P. 297–328.

МОГУТ ЛИ ДИРЕКТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БЫТЬ ОСОЗНАННЫМИ?

Яшин А.С.

Младший научный сотрудник

Научно-образовательный центр нейрокогнитивных исследований (МЭГ-центр)

при МГППУ

Лаборант-исследователь

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»

E-mail: yashinart1996@gmail.com

Аннотация. В современной философии сознания обсуждается существование различных видов содержания феноменального сознания. Эта дискуссия часто происходит в рамках репрезентационализма – позиции, согласно которой содержание феноменального сознания агента фиксируется имеющимися у него ментальными репрезентациями. Ряд авторов утверждает, что действия агента особенным образом представлены в феноменальном сознании агента в противовес пассивному переживанию событий. Вероятно, это различие реализовано с помощью директивных репрезентаций – ментальных репрезентаций, кодирующих действия агента, а не сведения о мире. Тем не менее, на сегодня вклад директивных репрезентаций в содержание сознания остается неясным. Это связано с тем, что совершение произвольных движений неотделимо от сопровождающих их ощущений. Директивные репрезентации могут либо не участвовать в формировании субъективного опыта, либо формировать его при взаимодействии с восприятием, либо иметь собственную представленность в опыте. Актуальные свидетельства из когнитивной науки не позволяют отдать предпочтение какому-либо из трех вариантов.

Ключевые слова: репрезентация, моторная репрезентация, философия сознания, феноменальное сознание, направление соответствия, философия когнитивной науки.

CAN DIRECTIVE REPRESENTATIONS BE CONSCIOUS?

Yashin A.S.

Junior Research Fellow

MEG Center, Moscow State University of Psychology and Education

Laboratory research assistant

National Research Center “Kurchatov Institute”

E-mail: yashinart1996@gmail.com

Abstract. Modern philosophy of mind discusses the existence of different types of phenomenal content. This discussion often takes place within the framework of representationalism - the position claiming that the content of phenomenal consciousness is fixed by mental representations possessed by an agent. Some authors argue that actions are given in phenomenal consciousness in a way opposed to passive observation of events. This distinction is probably implemented through directive representations - mental representations that encode actions rather than information about the world. Nevertheless, the contribution of directive representations to the content of consciousness remains unclear, because the performance of voluntary movements is inseparable from the sensations accompanying them. Directive representations may either not participate in forming subjective experience, or they may shape it in interaction with perception, or they may have distinct presence in experience. Current evidence from cognitive science does not favor any of the options.

Keywords: representation, motor representation, philosophy of mind, phenomenal consciousness, direction of fit, philosophy of cognitive science.

Одна из наиболее активных дискуссий в современной аналитической философии разворачивается вокруг понятия феноменального сознания. Ментальное состояние агента имеет феноменальные свойства, если для агента есть то, каково это – находиться в этом состоянии [1]. Для обозначения феноменальных свойств также часто употребляется термин квалиа. Значительная часть

усилий философов сознания направлена на решение Трудной проблемы [2] – нахождение ответа на вопрос о том, почему у людей и других осознанных агентов есть феноменальные свойства.

В литературе понятие феноменального состояния, или квалиа, зачастую иллюстрируется с помощью сенсорных или аффективных примеров. Т. Нагель задается вопросом о том, каково это – иметь опыт восприятия с помощью сонара, как у летучей мыши [1], Дж. Левин формулирует аргументацию в пользу «провала в объяснении» на примере квалиа боли [3]. К. И. Льюис приводит «красноту» и «громкость» в качестве примеров квалиа [4]. Поскольку философов сознания в первую очередь интересуют вопросы о связи феноменальных состояний с активностью мозга, примеры играют вторичную роль: они должны ухватывать хотя бы какие-нибудь состояния, якобы требующие объяснения. Тем не менее, пусть исследователь допускает существование феноменальных состояний и хочет описать полное содержание феноменального сознания. Не в последнюю очередь он может задуматься о проявлениях его собственной агентности, совершении намеренных действий. Кажется, наша осознанная жизнь состоит не только из пассивных переживаний, но и из действий, но они остаются неучтенными при фокусировании на ощущениях агентов. Нельзя ли сказать, что для нас есть то, каково это – топтать ногами, принимать решения или искать платок по карманам? Если мы поспешим ответить «да», нам могут возразить, что все эти эпизоды включают чувственные образы, и при их исключении из содержания сознания в нем вовсе ничего не останется.

Для того, чтобы исследовать совокупное содержание феноменального сознания, необходим некий общий метод. На место этого метода в первую очередь претендует интроспекция, но она едва ли способна гарантировать надежность результатов в связи с ее сомнительной надежностью как способа познания [5–7]. Впрочем, в литературе представлена более многообещающая альтернатива. Значительная часть философов сознания разделяет слабый репрезентационализм – утверждение о том, что содержание феноменального сознания супервентно на множестве осознанных ментальных репрезентаций [8,9]. Иными словами, разница между двумя сознаниями в феноменальных свойствах невозможна без разницы в совокупностях ментальных репрезентаций двух агентов. Здесь нам следует указать, что же мы имеем в виду под репрезентациями. Словарь Американской психологической ассоциации (АПА) поясняет, что «ментальная репрезентация – это гипотетическая единица, которая, как полагается, обозначает чувственный образ, мысль, воспоминание и т.п. во время когнитивных операций.» [10, р. 789]. Репрезентация – широкое понятие, которое активно задействуется в когнитивной науке и связано с вычислительной моделью разума [11].

Понятие репрезентации само несет коннотации пассивного восприятия. В первую очередь оно призвано описывать процессы восприятия и познания, того, как у агентов формируются образы объектов и понятия – как связанные с объектами в мире, так и абстрактные. Со временем репрезентации проникли и в описание представлять собой нечто вроде приказов. Репрезентация будет являться командой, если она выполняет определенную функциональную роль в разуме агента – говоря языком компьютерной метафоры, участвует в процессах вывода, а не ввода. Аналогичное свойство может быть приписан и ментальным состояниям. В философии сознания их «указующий» характер обсуждается с помощью понятия «направление соответствия».

Что же такое направление соответствия? В знаменитом примере Э. Энском [12, р. 56] жена дает мужу список продуктов и отправляет его в магазин. Там за мужем следит сыщик, который отслеживает взятые мужем продукты и заносит их в свой список. В результате списки оказываются идентичны, но они имеют разные функции: список сыщика описывает действительность, а список мужа является указанием к действию. В первом случае список имеет направление соответствия списка «от мира к разуму», а во втором – «от разума к миру». Аналогичным образом М. Платтс [13] и Дж Серл [14] противопоставляют два вида ментальных состояний: к первому относятся убеждения или ощущения, а ко второму – желания или намерения. К. Бах противопоставляет «рецептивным» репрезентациям «эффективные» [15], направленные на изменение мира, а не описывающие его. Вслед за Платтсом и Серлом Р. Милликан использует термин «директивная репрезентация» [16], которое в своей недавней работе употребляет и Н. Шеа [17]. Далее и мы будем использовать этот термин.

Такие авторы как Т. Бейн [18], Милликан [16], Серл [14] и Бах [15] считают, что опыт действия является нетривиальным с точки зрения направления соответствия: он либо направлен от разума к миру, либо имеет сразу два направления соответствия, то есть описывает действительность и направлен на ее изменение. Вернемся к репрезентационализму в отношении феноменального сознания. Когда агент видит стул, в его разуме имеет место репрезентация стула, и ей сопутствует осознанное содержание с направлением соответствия «от мира к разуму». Чтобы содержание имело иное направление соответствия, некие особенности должны иметься и у репрезентаций. Например, они могут быть директивными, то есть играть определенную функциональную роль, связанную

с процессами вывода. Эта функциональная роль репрезентаций, реализованная на каузальных связях в мозге, сопоставляется направлению соответствия «от разума к миру», которое приписывается ментальным состояниям.

Для обеспечения особого направления соответствия опыту агента, директивные репрезентации могут либо сопровождаться отдельным видом опыта, либо некоторым образом изменять опыт, сопутствующий обыкновенным сенсорным репрезентациям. Наконец, опыт совершения действий может не иметь особенностей, и директивные репрезентации могут быть к нему не причастны. Существуют ли свидетельства в пользу того или другого варианта?

Здесь нам стоит обратиться к примерам директивных репрезентаций, которые реально используются в когнитивной науке. Пожалуй, самым известным примером постулирования репрезентации в области действия является теория моторной симуляции М. Дженнерода [19, 20]. Дженнерод ввел понятие моторной репрезентации – гипотетической единицы в мозге, кодирующей «план» движений и участвующей в совершении действия, его представлении или наблюдении за ним. Когда агент не действует сам, но смотрит на чужие действия, нейронная активность его мозга отчасти аналогична активности при совершении движений. Когда агент воображает напряжение мышц и смещение частей тела, имеет место то же самое. Дженнерод заключил, что в этих случаях действие симулируется с помощью моторной репрезентации, описывающей параметры движений. В обычном случае моторная репрезентация является одним из элементов каузальной цепи, ведущей к действию, а при представлении или наблюдении цепь затормаживается. Таким образом, моторные репрезентации часто функционируют как директивные. Осознает ли их агент, когда совершает намеренные движения? Дженнерод полагает, что моторные репрезентации не осознаются во время совершения движений, но замечает, что агент способен получать доступ к содержанию моторных репрезентаций при представлении движений [21]. В этом случае агент осознает, к каким ощущениям приводит выполнение моторных команд, заложенных в репрезентации. Выходит, что моторная репрезентация служит основой для появления опыта, связанного с восприятием, но отдельного директивного содержания она может не производить, и не обязана придавать опыту направление соответствия от разума к миру.

Рассмотрим еще один феномен. Осведомленность агента о принадлежности движений его тела опирается на компараторные системы [22, 23]. Они сравнивают сенсорные последствия движения с предсказанием этих последствий, вычисленных на основе копии эфферентной команды – директивной репрезентации, идущей к мышцам. Если предсказания окажутся верны, агент будет переживать движение как что-то, что он делает сам, а не наблюдает со стороны. Опыт агента формируется в результате этого сравнения, так, директивная репрезентация дает в него некий вклад, но опосредованным образом. Снова оказываются возможны все сценарии: использование копии команды необязательно приносит особое направление соответствия опыту, возможно и объединение разных видов репрезентаций для появления опыта. Впрочем, отдельного опыта с направлением соответствия «от разума к миру» моторные команды, по-видимому, не порождают: опыт возникает именно как результат сравнения репрезентаций.

Поиски отдельного феноменального содержания могли бы продолжиться на уровне репрезентаций, на которых реализованы проксимальные намерения [24] – намерения, непосредственно переходящим к действию. Мы осознаем свои намерения и словно переживаем, как они в реальном времени управляют нашими действиями. Тем не менее, всякий раз, когда мы пытаемся совершить движение, мы тут же что-то ощущаем. Эти ощущения могут как соответствовать нашим намерениям, так и перечить им, например, если агент отлежал руку, то при попытке поднять ее он ощутит неладное. С директивными репрезентациями сопряжены сенсорные – при совершении намеренных действий они оказываются осознанными и не позволяют отделить содержание, соответствующее проксимальному намерению.

Несмотря на интуитивную убедительность предположения о том, что опыт действия имеет особое направление соответствия, на сегодня эта идея не имеет эмпирически обоснованных выражений в рамках репрезентационализма. Если осознание директивных репрезентаций имеет место, то связанное с ними содержание может одновременно опираться и на сенсорные репрезентации без возможности приписать директивным репрезентациям отдельное содержание. Так, роль директивных репрезентаций в конструировании содержания сознания агента остается неясной.

Список литературы

1. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // *Philos. Rev.* 1974. Vol. 83, № 4. P. 435–450.

2. *Chalmers D.J.* The Conscious Mind: in Search of a Theory of Conscious Experience. Oxford: Oxford University Press, 1996. 432 p.
3. *Levine J.* Materialism and Qualia: the Explanatory Gap // *Pacific Philos. Q.* 1983. Vol. 64, № 4. P. 354–361.
4. *Lewis C.I.* Mind and the World Order. New York: Charles Scribner's Sons, 1929. 446 p.
5. *Schwitzgebel E.* The unreliability of naive introspection // *Philos. Rev.* 2008. Vol. 117, № 2. P. 245–273.
6. *Bayne T.* Introspective Insecurity // *Open MIND* / ed. Metzinger T., Windt J.M. Frankfurt am Ma // MIND Group, 2015. Vol. 3. P. 1–18.
7. *Беседин А.П. et al.* Интроспекция: современные подходы и проблемы // *Эпистемология и философия науки.* 2021. Т. 58, № 2. С. 195–215.
8. *Byrne A.* Intentionalism Defended // *Philos. Rev.* 2001. Vol. 110, № 2. P. 199–240.
9. *Bayne T.* Perception and the reach of phenomenal content // *Philos. Q.* 2009. Vol. 59, № 236. P. 385–404.
10. *APA Dictionary of Psychology.* 2nd ed. / ed. VandenBos G.R. Washington, DC: American Psychological Association, 2015. 1204 p.
11. *Fodor J.A.* Representations: Philosophical Essays on the Foundations of Cognitive Science. Hassocks: The Harvester Press, 1981. 344 p.
12. *Anscombe G.E.M.* Intention. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957. 94 p.
13. *Platts M. de B.* Ways of Meaning. Cambridge, MA: The MIT Press, 1979. 324 p.
14. *Searle J.* Intentionality — An Essay in the Philosophy of Mind. New York: Cambridge University Press, 1983. 278 p.
15. *Bach K.* A representational theory of action // *Philos. Stud.* 1978. Vol. 34, № 4. P. 361–379.
16. *Millikan R.G.* Pushmi-Pullyu Representations // *Philos. Perspect.* 1995. Vol. 9. P. 185–200.
17. *Shea N.* Representation in Cognitive Science. Oxford: Oxford University Press, 2018. 304 p.
18. *Bayne T.* Agentive Experiences as Pushmi-Pullyu Representations // *New Waves in Philosophy of Action* / ed. Aguilar J.H., Buckareff A.A., Frankish K. Cambridge, MA: The MIT Press, 2011. P. 219–236.
19. *Jeannerod M.* The representing bra // *Neural correlates of motor intention and imagery* // *Behav. Brain Sci.* 1994. Vol. 17, № 2. P. 187–202.
20. *Jeannerod M.* Neural simulation of action: A unifying mechanism for motor cognition // *NeuroImage.* 2001. Vol. 14, № 1 II.
21. *Jeannerod M.* Motor Cognition: What Actions Tell the Self // *Motor Cognition: What Actions Tell the Self.* 2008. 1–224 p.
22. *Blakemore S.J., Wolpert D.M., Frith C.D.* The cerebellum contributes to somatosensory cortical activity during self-produced tactile stimulation // *Neuroimage.* 1999. Vol. 10, № 4. P. 448–459.
23. *Synofzik M., Vosgerau G., Voss M.* The experience of agency: An interplay between prediction and postdiction // *Front. Psychol.* 2013. Vol. 4. P. 127.
24. *Brand M.* Intending and Acting: Toward a Naturalized Action Theory. Cambridge, MA: The MIT Press, 1984. 320 p.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

ЖИЗНЕННЫЙ МИР, НАУКА И КРИЗИС ЯЗЫКА

Белоусов М.А.

Кандидат философских наук, доцент

*Учебно-научный Центр феноменологической философии
Российский Государственный Гуманитарный Университет*

Аннотация. В «Кризисе европейских наук» Гуссерль тематизирует разрыв между объективным миром математического естествознания и непосредственно данным миром повседневного опыта. Этот разрыв, составляющий сущность кризиса наук, рассматривается в интуитивном аспекте – объективный мир утрачивает жизненную значимость, поскольку его «данность» лишается наглядности. При этом Гуссерль оставляет без внимания языковое измерение проблемы. Разрыв между мирами осуществляется не только в плане созерцания, но и в плане выражения. Разрыв миров становится языковым разрывом, выражающимся в отделении профессионального языка науки от повседневной речи. Согласно Галилею, в котором Гуссерль видит инициатора и учредителя кризиса наук, книга природы написана на языке математики, что, помимо прочего, означает, что она не написана на языке повседневного общения. В статье анализируется этот аспект проблемы кризиса и раскрывается его значимость для феноменологии жизненного мира.

Ключевые слова: Гуссерль, кризис европейских наук, язык, жизненный мир, феноменология, объективный мир.

LIFE-WORLD, SCIENCE AND CRISIS OF LANGUAGE

Belousov M.A.

CSc in Philosophy, Associate Professor

*Centre for phenomenological philosophy
Russian State University for the Humanities*

Abstract. In Crisis of European Sciences Husserl thematizes the gap between the objective world of mathematical natural science and immediately given world of everyday experience. That gap, constituting the crisis of the sciences, is considered in its intuitive dimension – the objective world loses its life relevance as it is deprived of immediate givenness. However, Husserl leaves the lingual dimension of the problem out of consideration. The gap between the worlds is constituted not only through the intuition, but also by means of expression. The aspect of the crisis consists in the gap between the professional scientific language and the natural one. According to Galileo, the book of nature is written in a language of mathematics, which implies, that the book is not written in a natural language. The paper analyzes the aspect of the crisis problematics and explicates its significance for the phenomenology of life-world.

Keywords: Husserl, crisis of European sciences, language, life-world, phenomenology, objective world.

В «Кризисе европейских наук» Гуссерль тематизирует разрыв между объективным миром математического естествознания и непосредственно данным миром повседневного опыта. Этот разрыв, составляющий, согласно Гуссерлю, сущность кризиса европейских наук, рассматривается, прежде всего, в интуитивном аспекте – объективный мир утрачивает свою жизненную значимость постольку, поскольку его «данность» лишается непосредственной наглядности [1, с. 74-75].

Фокусируясь на интуитивном аспекте разрыва между жизненным миром и миром науки, Гуссерль оставляет практически без внимания языковое измерение этой проблемы. Разрыв между мирами осуществляется не только в плане созерцания, но и в плане выражения. Разрыв миров

становится языковым разрывом, выражающимся в отделении профессионального языка науки от повседневной речи. Согласно Галилею, в котором Гуссерль видит инициатора и учредителя кризиса наук, книга природы написана на языке математики, что, помимо прочего, означает, что она *не написана* на языке повседневного общения [1, с. 47]. Это обстоятельство позволяет рассматривать кризис наук как кризис языка.

Отделение языка науки от повседневного языка, сопровождаемое постоянным ростом влияния, могущества и авторитета точных наук в самом жизненном мире, порождает феномен *само собой разумеющейся непонятности*. Разрыв языков подразумевает, что научные тексты доступны только для профессионалов. Если *природа* как текст *написана на определенном языке*, то и *прочитать* ее может только тот, кто знаком с этим языком, между тем как простое «видение» текста без знакомства с языком вовсе не дает какого-либо понимания. Язык описания природы отнюдь не выводится из наблюдения за «природными явлениями», но впервые делает такое наблюдение возможным. Однако непонятность научных текстов для непрофессионалов *совершенно не подрывает* доверия естественного сознания к науке. В отличие от непонятности философских текстов эта непонятность сама собой разумеется и не вызывает никакого протеста со стороны здравого смысла. Речь идет здесь о *естественном* разрыве естественного и неестественного языка.

Разрыв между профессиональным языком естественных наук и естественным языком может, по-видимому, служить аргументом против известного тезиса о несуществовании какого-либо иного языка, кроме естественного. Во всяком случае, этот разрыв говорит о существовании выразительных средств, выходящих за пределы естественного языка и, несмотря на это, не утрачивающих осмысленности с «естественной» точки зрения. В то же время тот факт, что здравый смысл вовсе не отказывает в осмысленности искусственному языку науки, говорит о естественном происхождении научных терминов. Поэтому вопрос о разрыве естественного языка повседневности и неестественного языка естественных наук может, подобно проблеме разрыва жизненного и объективного мира, как она представлена в *Кризисе*, быть рассмотрен генетически как вопрос о естественных смысловых истоках этого разрыва.

Гуссерль усматривал естественный исток разрыва между объективным и жизненным миром в забвении текущей неопределенности (субъективной релятивности, в терминологии *Кризиса*) смысла, которое определяет естественную жизнь, поскольку она целиком захвачена миром [1, с. 236]. В соответствии с аргументацией, представленной в *Кризисе*, Галилей впервые превратил это забвение в *метод*, осуществив математизацию природы и учредив, тем самым, идею научной объективности по ту сторону смутной неопределенности обыденного опыта. Радикализируя слепоту естественного сознания к горизонтности смысла, Галилей строит естественнонаучный метод на последовательном абстрагировании от «перспективно-ситуационного явления сущего», т.е. от принадлежности данных в опыте вещей системам смысловых отсылок [3, с. 198]. Таким образом, Гуссерль рассматривает разрыв миров как методическую радикализацию скрытого разрыва естественной жизни с самой собой. Если последовать этому предположению, то вопрос о естественных смысловых истоках языкового кризиса можно поставить как вопрос о внутреннем смысловом разрыве в структуре повседневного языка, т.е. разрыве внутри повседневной «ясности».

В повседневной речи ясность сказанного конституируется смутностью его смысла. По-видимому, в отношении любого естественного «понятия» (например, времени) верен парадокс Августина, служащий моделью философской проблемы – «когда меня не спрашивают, знаю, когда спрашивают, не знаю». Этот парадокс указывает не на нехватку знания, а на внутреннюю структуру повседневной ясности. Она заключается в *нетематической оперативности* выражения. Смысл «естественного» выражения, иначе говоря, состоит в его *применении*. Поэтому выражение как бы *подручно* (является средством), а не *налично* (*само по себе не есть объект*) и, следовательно, не может быть объективировано без полной утраты смысла. Поскольку оно подручно, оно может быть понято только исходя из нетематических и не поддающихся опредмечиванию отсылок языкового контекста (горизонта), т.е. *не имеет смысла само по себе*. По этой причине вопрос «Что мы имеем в виду, когда говорим то-то и то-то», если он нацелен на *объективацию* смысла, выявляет лишь *внутреннюю невозможность ответа* – предполагаемая вопросом приостановка нетематической оперативности выражения является приостановкой *самого смысла* выражения. Конечно, мы могли бы объективировать смысл выражения подобно тому, как можно было бы объективировать подручное средство и, исходя из этого, даже дать его правильное описание [2, с. 154-155]. О молотке можно сказать, что он весит столько-то, имеет деревянную ручку, описать его составные части и т.п. Однако то, что мы таким образом опишем, будет уже, строго говоря, не молотком как таковым, а его объективным (наличным) эрзацем, входящим в совершенно иные смысловые связи. Точно так же

некоторое естественное X (скажем, время или бытие) может быть опредмечено и вырвано из неопределенности и смутности повседневного употребления, но при этом оно само исчезнет и понимать будет уже нечего.

На первый взгляд, это обстоятельство само по себе позволяет разрешить парадокс Августина. То, что я не знаю, что означает «время» или «бытие», когда меня об этом спрашивают, не означает, что их смысл мне вообще неизвестен, но показывает лишь, что он *становится* мне неизвестен *тогда, когда* меня о нем спрашивают. В таком случае вопрос в его *неразрешимости порождает незнание*, а не свидетельствует о нем. Не становится ли тогда истоком философских проблем *праздность* языка (Витгенштейн)? Не является ли апелляция к повседневной языковой практике достаточной для разрешения, или, скорее, устранения философских проблем?

Напрашивающийся – положительный – ответ также оказывается, однако, философской ловушкой, поскольку не учитывает смысловой разрыв внутри повседневной ясности. Мнимая ясность и однозначность, присущая автоматизму повседневного словоупотребления, полностью скрывает смутность, текучую неопределенность и необъективируемую горизонтность смысла в естественном языке. Здесь возникает дотеоретический разрыв естественной речи с самой собой. Этот дотеоретический разрыв есть условие возможности теоретического разрыва языка естественных наук и языка жизненного мира. Иначе говоря, абсолютная прозрачность естественной речи для себя самой создает «трансцендентальную иллюзию» ясности, отчетливости и однозначности и тем самым совершенно маскирует конститутивную проблематичность сказанного. То, что конституирует смысл повседневной речи – автоматическая и нетематическая оперативность выражения – блокирует осмысление сказанного. Это забвение проблематичности сказанного, будучи превращено в метод, становится последовательным подавлением смутности и неопределенности естественного языка. Ему соответствует идея однозначного, точного и объективного языка – математического языка самой природы. В более широком смысле речь идет здесь о построении строгого терминологического языка, в котором термины, даже если бы они были заимствованы из обыденного языка, получали бы совершенно ясное и отчетливое значение благодаря отсечению многообразных естественных коннотаций. Это – своеобразное превращение выражения как «подручного» в многообразии его смысловых отсылок в выражение как наличное. Поэтому естественнонаучная ясность и отчетливость есть лишь радикализация естественного ускользания горизонтности смысла. Объективирующее размирщение мира и языка – методический разрыв естественных языковых отсылок – противостоит философской проблематизации сказанного в его самоочевидной повседневной ясности, и, следовательно, как бы продолжает то движение, которым «всегда уже» является сама естественная жизнь.

Следовательно, философия приостанавливает то автоматическое движение обыденного языка, которое естественная наука ускоряет, и оттого, в отличие от последней, навлекает на себя по-своему оправданные упреки в непонятности. Она тормозит обыденную речь, которая как бы начинает спотыкаться на каждом шагу и тем самым возвращает нас к жизненному миру, восстанавливая тот исходный разрыв в повседневной ясности, который конституирует саму естественную жизнь как проблему. Поэтому требующееся здесь отстранение не может быть ни объективацией смысла, ни автоматизмом обыденного языка. В самом деле, как для объективирующей науки, так и для автоматизма повседневного словоупотребления горизонтность (проблематичность) смысла принципиально закрыта. Объективация отсекает отсылки языкового горизонта, хотя он является условием ее возможности. В чисто оперативном, автоматическом применении языка горизонт необходимо задействован, но он не только нетематичен, но и сущностно недоступен в обыденном языковом опыте постольку, поскольку, хотя речевой горизонт мира обнаруживается только по путеводной нити отсылок естественного языка и даже является самой этой путеводной нитью, сам он все же не принадлежит этим отсылкам, т.е. выходит за пределы *самого себя*. В этом смысле апелляция к автоматизму естественных «языковых игр» тоже не разрешает философскую проблему. Феноменолог вынужден искать новый режим работы языка по ту сторону «праздности» теоретической объективации и бесперебойного автоматического функционирования «оперативных понятий» обыденной речи. Отсюда следует необходимость пограничного – трансцендентального во вполне кантовском смысле – опыта языка, ибо граница языка как граница мира не находится ни вне мира, ни внутри него. Такой опыт совмещает отстранение с работой повседневного языка, так как как без первого, так и без второго языковой горизонт мира был бы абсолютно недоступен. Речь, другими словами, идет о трансцендентальном опыте языка как отстранении без отстранения (объективирующего дистанцирования). В нем философия не решает проблему, и не показывает, что проблемы нет, а просто показывает проблему.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб, 2004.
2. Хельд. К. Хайдеггер и принцип феноменологии // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. Вып. I. С. 190-220.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ В ФИЛОСОФИИ Э. КАССИРERA

Бондарев Д.Е.

*Кандидат технических наук, соискатель
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 89523684328@mail.ru*

Аннотация. Неокантианец Э. Кассирер, полемизируя на страницах «Познания и действительности» с Аристотелем, вводит понятие функции в качестве оппозиции понятию субстанции, так прочно закрепившейся на несколько столетий вплоть до эпохи Нового времени. Трансцендентальная функция сознания, введённая Кассирером, позволяет описать трансформацию естественно-научных понятий, начиная с науки в представлении Аристотеля, заканчивая теорией относительности А. Эйнштейна. В статье описана трансформация основных естественно-научных понятий с точки зрения трансцендентальной философии Кассирера в трёх научных парадигмах: наука в представлении Аристотеля, наука в представлении Декарта, наука в представлении Лейбница.

Ключевые слова: Кассирер, функция, трансцендентализм, научные понятия, трансформация, наука, неокантианство.

TRANSFORMATION OF NATURAL SCIENCE CONCEPTS IN THE PHILOSOPHY OF E. CASSIRER

Bondarev D.E.

*CSc in Engineering
St. Petersburg State University
E-mail: 89523684328@mail.ru*

Abstract. The neo-Kantian E. Cassirer, polemicizing on the pages of "Substance and Function" with Aristotle, introduces the concept of function as an opposition to the concept of substance, so firmly attached for several centuries until the New time era. The transcendental function of consciousness introduced by Cassirer allows describing the transformation of natural-scientific concepts, starting with science in the representation of Aristotle, ending with the theory of relativity of A. Einstein. The article describes the transformation of the main natural scientific methods from the point of view of Cassirer's transcendental philosophy in three scientific paradigms: science in the representation of Aristotle, science in the representation of Descartes, science in the presentation of Leibniz.

Keywords: Cassirer, function, transcendentalism, scientific concepts, transformation, science, neo-Kantian philosophy.

Введение. Понятие функции. Понятие ряда

Наиболее известным трудом раннего этапа творчества Эрнста Кассирера является «Познание и действительность», изданный в 1910 году. На первых страницах данного произведения философ критикует формальную логику Аристотеля, так как именно она, по мнению философа, привела к развитию учения об образовании понятия. В основе аристотелевской логики лежит аристотелевская

метафизика, базовым элементом которой является представление о существующей независимо от познающего субъекта *субстанции*. Изолированная и замкнутая на себе субстанция является опорным пунктом научного познания в системе Аристотеля. Понятие субстанции описывает конкретные самостоятельные объекты, которые непосредственно даны нам в чувственном опыте. Именно их наука Аристотеля фиксирует в системе родовидовых понятий. В философии Аристотеля «*Понятие* не является чем-то чуждым миру чувственной действительности, оно образует *часть* самой этой действительности» [1, с. 11].

Основой формирования такого понятия является выделение главного сущностного свойства, *общего* для всего представленного многообразия вещей. Выделение общих свойств позволяет объединять вещи в классы за счёт последовательного сравнения чувственных многообразий, в которых удерживается и оставляется только *сходство* и отбрасываются черты, которыми они отличаются: «*Рефлексия*, обращённая то к одному объекту, то к другому <...> ведёт <...> к абстракции <...> [и] очищает <...> от различных примесей несходных составных частей» [1, с. 11]. Таким образом в системе Аристотеля, восходя по лестнице родовидовых понятий, «субстанция развёртывает последовательно свои частные формы бытия» [1, с. 13]. По мере движения вверх по родам увеличивается объём описываемых объектов, но при этом уменьшается их содержание. Финальной точкой в этом процессе является установление самого общего понятия, уже почти лишённого содержания. Кассирер пишет: «Построенная нами таким образом “пирамида понятий” заканчивается наверху абстрактным представлением о “ничто” <...>, которое <...> лишено в то же время какого бы то ни было специфического значения» [1, с. 12]. Указанный логический процесс, идущий в направлении обобщения предметов, осуществляет редукцию индивидуальных качеств объекта, «мышление <...> всё время движется в области одних лишь отрицаний» [1, с. 26].

Кассирер замечает, что в основе родовидовых понятий, определяемых выявлением сходств объектов, лежит мыслительный *акт* их *отождествления*. Иными словами, мышление выполняет *функцию* сопоставления двух чувственных переживаний, признавая их тождественными: «задача мышления сводится лишь к тому, чтобы извлечь из ряда восприятий $\alpha\alpha$, $\alpha\beta$, $\alpha\gamma$... общий элемент α » [1, с. 21]. Из этого вывода Кассирера следует, что опорой для понятия служит не сама субстанция, которую мы познаём на основе чувственных переживаний, а *логическая функция* нашего мышления, которая сопоставляет переживания во времени. Условно образование понятий в системе Аристотеля можно изобразить рисунком 1. В науке Аристотеля, по Кассиреру, субъект сравнивает чувственные данные и выделяет общее.

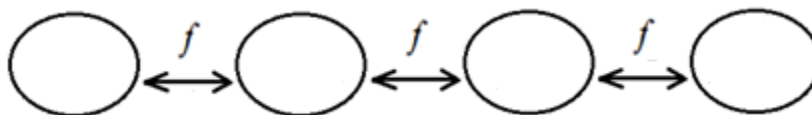

Рисунок 1. Образование понятий у Аристотеля. Кругом обозначен чувственный образ.
 f – функция отождествления чувственных данных.

Категория отношения, определяющие различие качеств вещей, у Аристотеля не является основным и фундаментальным, а относительным и вторичным. Кассирер критикует учение о понятии Аристотеля за то, что процесс его образования сопровождается поиском только *сходств*, а не *различий*. Марбуржец делает важный вывод: всякое образование понятий связано с определённой *формой образования ряда*: «Мы говорим, что некоторое чувственное многообразие *логически* постигнуто и упорядочено, когда члены его не находятся друг подле друга без всяких взаимных отношений, но вытекают и располагаются в необходимом порядке согласно некоторому творческому основному *отношению* (выделено мной – Д.Б.) из одного определённого начального члена. *Тождество* этого творческого отношения, остающееся неизменным при всём разнообразии отдельных содержаний сознания, и составляет специфическую форму (традиционного – Д.Б.) понятия» [1, с. 20].

Кассирер уверен, мы получим совершенно другое научное понятие, основанное на *различии* следующих друг за другом последовательных членов: «Связь элементов ряда a , b , c ... создаётся не благодаря некоторому новому элементу, который как бы спаян с ними вещным образом, но благодаря правилу следования, перехода от одного члена к другим, сохраняемому неизменным для всех членов. [функция – Д.Б.] $F(a, b)$, $F(b, c)$..., дающая тип зависимости между следующими один за другими членами ряда, очевидно не есть сам член ряда, возникающего и развивающегося согласно с ней» [1, с. 22]. Кассирер даёт такое определение *функции*: «Каждая функция представляет собой некоторый всеобщий закон, охватывающий собой, благодаря последовательным значениям, которые может принимать переменная, все отдельные случаи, к которым он применим» [1, с. 34].

Таким образом, в основе понятия предлагаемого Кассирером лежит закон *координирования* элементов *ряда*. Важным является первый член ряда и закон соотношения между двумя последовательными его членами. Кассирер, полемизируя на страницах «Познания и действительности» с Аристотелем, в итоге выводит *понятие функции* в качестве оппозиции понятию *субстанции*, так прочно закрепившейся на несколько столетий вплоть до эпохи Нового времени: «Против логики родового понятия, стоящей, как мы видели, под знаком и господством понятия о субстанции, выдвигается *логика математического понятия о функции*» [1, с. 29]. Кассирер приходит к выводу, что такую функцию можно обнаружить не только в сфере математики, но также и в других естественных науках: физике, химии и др., так как функция «содержит в себе всеобщую схему и образец, по которому создано современное понятие о природе в его прогрессивном историческом развитии» [1, с. 29].

Кассирер подчёркивает, что понятие *функции* имеет совершенно иные природу и цель по сравнению с традиционными понятиями. Понятия Аристотеля «сжимают» многообразие действительности до некоторого экстракта и выхолащивают её содержание. Понятие функции, наоборот, по мнению Кассирера, *создаёт* многообразие действительности, устанавливая соотношения между мыслимыми образами: «Голой “абстракции” здесь противостоит своеобразный *акт мышления* (выделено мной – Д.Б.), свободное творчество определённых связей отношения» [1, с. 18]. Логика понятия функции, которую предлагает ввести Кассирер, должна «схватить» всё особенное у предмета, когда традиционное понятие, наоборот, стремится его отбросить. Такое различие принципов традиционных и математических понятий Кассирер объясняет психологией восприятия. Традиционное образование понятий обусловлено тем, что наше сознание не способно схватить всё особенное и несущественное объекта. В памяти мы откладываем только его однородный образ, который мы используем при анализе и сопоставлении с другим объектом. То *общее*, что выделяет логика аристотелевского понятия, в понятии Кассирера должно стать *переменным* и те несущественные для предмета признаки должны быть сохранены. Таким образом, с помощью понятия *функции* будет удержано всё многообразие действительности в своей целокупности: «Мы не переходим от ряда, $\alpha_1\beta_1, \alpha_2\beta_2, \alpha_3\beta_3$ непосредственно к их общей *составной части a*, но представляем себе, что вся совокупность отдельных членов *a* дана через некоторое переменное *x*, а совокупность членов – через переменное выражение *y*. Таким образом, мы охватываем всю систему в выражении *axy...*, которое путём непрерывных изменений можно перевести в конкретную целокупность членов *ряда* (выделено мной – Д.Б.) и которая поэтому вполне изображает состав и логическое расчленение» [1, с. 27].

Три научные парадигмы: наука Аристотеля, Декарта и Лейбница

«Три великих имени — Аристотель, Декарт, Лейбниц — дают нам возможность в общем виде передать прогресс всеобщей теории природы и ее логическую форму» [2, с. 356].

Способ научного мышления, который предложил Аристотель, доминировал вплоть до эпохи Нового времени, когда появилась наука в «новой редакции» в представлении Ньютона и Декарта. Последняя изолирует познающего субъекта от чувственной действительности. Научные объекты идеализируются и схематизируются, превращаются в абстрактные конструкты: не имеющие размеров материальные точки, идеальные по форме тела и однородное трёхмерное абстрактное пространство.

Как объяснить такую трансформацию научных понятий? Чтобы объяснить такой переход Кассирер вводит различие двух типов предметов: предметы первого порядка, как объектов чувственного восприятия, и предметы второго порядка, определяемые формой *связи*, возникающая при сопоставлении с другими объектами: «Предметам чувственного восприятия <...> противопоставляются теперь “предметы второго порядка”, логическое своеобразие которых определяется исключительно той *формой связи*, из которой они выходят» [1, с. 28]. Согласно Кассиреру, только понятия, описывающие предметы второго порядка, являются строго *научными*, поэтому по мере развития науки они постепенно стали вытеснять понятия, описывающие предметы первого порядка. Процесс превращения предметов первого рода во второй наглядно можно увидеть в эпоху Нового времени в научных идеях и утверждениях Кеплера, Галилея, Декарта и Ньютона, что означает постепенное воцарение рационального типа мышления. Такой переход к понятиям второго рода обеспечивается тем, что функция теперь *выражает отношение между отношениями чувственных данных*. Переход от предметов первого рода ко второму условно представлен на рисунке 2.

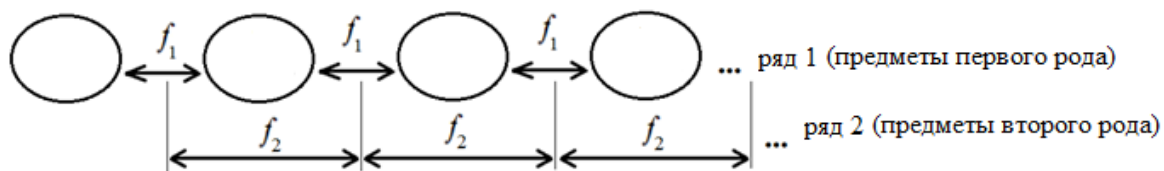

Рисунок 2. Предметы первого и второго рода. f_1 – функция отождествления, f_2 – функция различия.

Предметы первого и второго рода, выражающие форму *связи* объектов, являются результатом работы нашего мышления. Таким образом, говорит Кассирер, предметы не существуют независимо от нас в качестве субстанции, и «мы познаем не “предметы” – это означало бы, что они раньше и независимо *определены* и даны как *предметы*, – а *предметно*» [1, с. 348].

Кассирер считает, что основатели классической механики Нового времени совершили великий мыслительный прорыв в том, что совершали решительный шаг от эмпирической действительности к чистому созерцанию. Благодаря им, чувственное многообразие действительности заменилось математическим – *геометрическим* многообразием. Согласно Кассиреру, такой научный идеал создал именно Декарт, так как именно он выдвинул новые требования к познающему субъекту, который должен при анализе объекта исключить все субъективные чувственные качества. Важно отметить, что научные понятия Декарта полностью *наглядны*, чисты от чувственных привнесений. Процессы, которые описывает наука, наглядны и выразимы в геометрических образах.

За наукой Декарта появляется наука в представлении Лейбница. Кассирер уверен, что здесь мы видим кардинальную смену научной парадигмы не только в сравнении с античностью, но даже с наукой Декарта. Наглядность объектов исчезает и научное познание теперь движется только лишь в знаковой области. Математические объекты и пространство теряют свою наглядность и «сворачиваются» в особого рода «этикетки» – математические знаки и символы. Новые объекты и законы возникают уже в результате конструирования возможных соотношений между такими знаками. В результате, наука удаляет субъекта от действительности, данной нам не только в чувствах (этот шаг сделал Декарт), а также в представлениях и образах. Кассирер считает, что Лейбниц первый проложил путь отыскания законов природы в чистой знаковой области: «Первоначально он (Лейбниц – Д.Б.) исходил не из геометрии, а из арифметики, да и последняя была для него частным случаем комбинаторики. Уже поэтому понятие формы заполняется у него новым универсальным содержанием. Для «формы» не так уж существенно, что она проявляется как *пространственная форма*; принципиально, скорее, то, что она представляет собой *логическую форму*» [2, с. 358]. Условная схема, иллюстрирующая переход к науке Лейбница, изображена на рисунке 3.

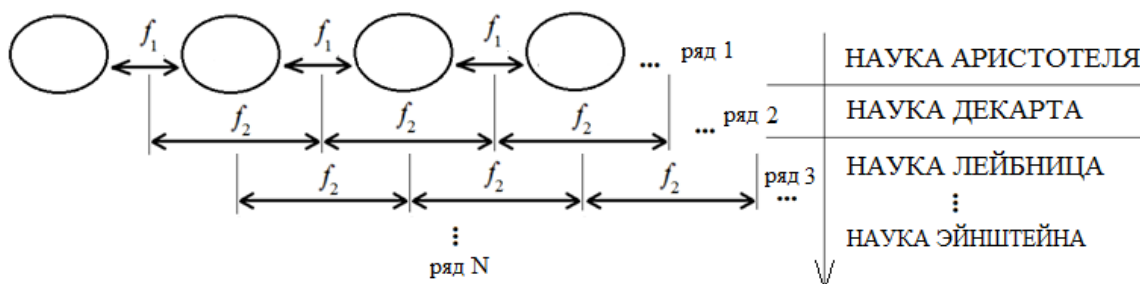

Рисунок 3. Переход к науке в представлении Лейбница. f_1 – функция отождествления, f_2 – функция различия. Стрелкой указано направление движение научного познания.

Заключение

Кассирер считает, что новое требование Лейбница, предъявляемое философским основаниям научного знания, поначалу не оказали значительного влияния на физику. Во времена Лейбница исследователи не осознали весь потенциал его идей и при построении своих теорий отталкивались от системы Ньютона. Такой «откат» назад продлился вплоть до Канта, который считал, что обуславливают наше познание априорные формы чувственности: *трёхмерное наглядное пространство* и время. Как известно, здесь Кант ошибся, трехмерность пространства является привходящим и частным, а не сущностным свойством общего понятия пространства. Последующие за Кантом математики переместили акцент в определении пространства с чувственной интуиции на рассудок. Появился целый ряд новых типов пространств таких как нелокальные пространства,

многомерные пространства, неевклидовы геометрии и др. Появилась теория относительности Эйнштейна, базовым понятием которой является четырёхмерное пространство. Кассирер уверен, что все эти «новшества» обязаны философским предпосылкам именно Лейбница, и современная наука до сих пор продолжает двигаться по его философским лекалам.

Список литературы

1. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. М.: ИТДГК «Гнозис», 2006.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 398 с.
3. Кассирер Э. Теория относительности Эйнштейна. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.

ТЕОРИЯ ОПЫТА ДЖ. МАКДАУЭЛА

Евстигнеев М. Д.

Аспирант

Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ

E-mail: mevstigneev@hse.ru

Аннотация. В докладе будет представлен анализ теории опыта Дж. Макдауэла. Я начну с реконструкции контекста, в рамках которой он формулирует свою теорию. Макдауэл пытается найти «срединный путь» между Мифом о Данном, раскритикованным У. Селларсом, и когерентизмом, архетипическим пропонентом которого для него выступает Д. Дэвидсон. Этот срединный путь он находит в творчестве Канта, а именно в его диктуме: «мысли без содержания пусты, понятия без созерцаний слепы». В докладе будет представлен анализ того, как этот диктум работает в философии Макдауэла, а также будут показаны проблемы, с которыми теория Макдауэла в целом и его интерпретация Канта в частности сталкивается.

Ключевые слова: Миф о Данном, Селларс, Дэвидсон, когерентизм, концептуальная схема, трансцендентализм, эмпиризм.

JOHN MCDOWELL'S THEORY OF EXPERIENCE

Evstigneev M. D.

Graduate student

HSE

E-mail: mevstigneev@hse.ru

Abstract. I am going to present an analysis and interpretation of J. McDowell's theory of experience. I will begin my talk with a reconstruction of the philosophical context of McDowell's theory. He tries to find a «middle way» between the Myth of the Given diagnosed by W. Sellars, on the one hand, and coherentism, architepically represented by D. Davidson. McDowell finds this middle way in the work of I. Kant, whose thesis: «thoughts without content are empty, intuitions without concepts are blind» as guiding idea for a new theory of perceptual experience. I will present an analysis of McDowell's move and show how he work the thesis in question. I am also going to indentify some problems that this reading of Kant states before McDowell.

Keywords: McDowell, the Myth of the Given, Kant, transcendentalism, coherentism, conceptual scheme.

В «Mind and World» Дж. Макдауэл заявлял, что преследует в первую очередь терапевтическую цель. Согласно Макдауэлу, эпистемология оказалась перед дилеммой. Часто идея, что мы находимся в познавательном контакте с миром, принимает формы Мифа о Данном, которого мы очень хотели бы избежать. Но избегаем мы его ценой принятия когерентизма, устраняющего из эпистемологии эпистемическую роль опыта. Парадигмальным примером последнего для Макдауэла является

Д. Дэвидсон, утверждавший, что «ничто не может вступать в качестве основания (reason) для мнения, кроме как другое мнение (belief)» [1, p. 141]. Мы вынуждены принять такую точку зрения из-за «неинтеллектуальности дуализма концептуальной схемы и «мира», готового быть втиснутым в нее» [1, p. 140]. Если мы признаем дуализм схемы и содержания, мы оказываемся во власти Мифа о Данном, во власти идеи, что знание или мнение может быть основано на неэпистемическом элементе – чистом неконцептуализированном опыте, ощущениях, чувственных данных и т.д. [2, p. 1]. Если же пытаемся ускользнуть от Мифа о Данном, то лишаемся мира, который теперь лишь каузально влияет на формирование тех или иных мнений, но не играет какой-либо роли в качестве свидетельства для них или их подтверждения [1, p. 146].

Макдауэл надеялся (и надеется до сих пор) показать, что описанная выше дилемма ложна и что есть третья, упущенная альтернатива, которая и не впадет в Миф о Данном и не обесмыслит идею, что мир раскрывает себя в опыте, что наши мысли каким-то образом отвечают миру [3, p. 95]. Во многом творчество Макдауэла посвящено объяснению возможности такой альтернативы. Он возлагал большие надежды на диагностику необоснованности обсуждаемой дилеммы, писав, что «удовлетворительный диагноз должен указать путь к излечению» [4, p. 11]. Осознать возможность выскользнуть из лап Мифа, не угодив в сети когерентизма, – значит, согласно Макдауэлу, осознать возможность минимального эмпиризма [4, p. 11], которой он затем называл «трансцендентальным» [5]. За таким эмпиризмом, как и за более классическими формами эмпиризма, стоит идея о том, что «опыт должен составлять трибунал, опосредующий то, как наши мысли отвечают тому, каковы вещи, как то должно быть, если мы хотим, чтобы идея мышления была осмысленной» [4, p. 7].

В отличие от классического эмпиризма – объекта критики Дэвидсона в лице дуализма схемы и содержания [6, p. 189] и У. Селларса в лице Мифа о Данном [7, с. 103] – минимальный или трансцендентальный эмпиризм не предполагает идеи, что знание или мнение может быть основано на не эпистемических эпизодах. Но это значит, что сам опыт должен уже быть эпистемически насыщенным, ведь иначе он окажется за пределами «конститутивного идеала рациональности» или «пространства доводов» – за пределами концептуальной сферы [8, p. 208, 4, p. xviii]. Селларс выражал эту идею несколько парадоксальным утверждением, что опыт уже в некотором смысле «содержит пропозициональное утверждение» [7, с. 62].

Это, конечно, опасная идея, которая ведет к тому, что роль опыта станет просто каузальной, ведь эпистемическую возьмет на себя его пропозициональное утверждение или содержание, и он, таким образом, лишится всякого значения в качестве довода или свидетельства (а это значение является «фундаментальным прозрением эмпиризма» по Макдауэлу [9, p. 127]). Именно такой контраргумент предлагал Макдауэлу Дэвидсон [10]. Поэтому он вынужден полагать, что опыт не содержит в буквальном смысле пропозициональное утверждение, но при этом предоставляет возможность для его произведения: «акты зрения (seeings) – это не акты невыводного знания, но скорее возможности для знания» [5, s. 45]. Но чем это в таком случае отличается от одной из форм Мифа о Данном?

Чтобы объяснить это Макдауэл обращается к Канту и его тезису, что «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы». Согласно Макдауэлу, Кант предлагает нам уникальную модель, которая позволяет совместить тезис об эпистемической значимости пассивности чувств, при этом не попав под влияние Мифа. Созерцания в прочтении Макдауэла – это «чувственное сознание объекта» [11, p. 109]. Будучи чувственными, они, однако, также являются реализацией наших концептуальных способностей [4, p. 9].

Такой эмпиризм по праву называется трансцендентальным, так как выходит за пределы сугубо эпистемологического анализа: он начинает предлагать взгляд на саму возможность для мысли иметь объект [12, p. 36]. В пику Селларсу [13, p. 431] и Дэвидсону [14, p. 56] интенциональность в случае Макдауэла – это отношение между мыслью и ее предметом [15]. Макдауэл считает, что в этом аспекте их намерения с Кантом сходятся, который, как он полагает, занимается не просто анализом знания, но изучением самой возможности интенциональности [8, p. 210]. Макдауэл полагает, что и сейчас Кант все еще должен быть моделью, на которой мы выстраиваем наши попытки понять интенциональность [16, p. 4]. Поэтому он находит совершенно естественным оборачивать свои рассуждения в одежды кантовских теорий и его терминологии.

Насколько, однако, это «безобидное» оборачивание? Не маскирует ли обращение к Канту какие-то внутренние проблемы аргументации Макдауэла? Ответу на эти вопросы будет посвящено мое выступление.

Список литературы

1. Davidson D. A Coherence Theory of Truth and Knowledge // Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 137–158.
2. McDowell J. Avoiding the Myth of the Given // John McDowell: Experience, Norm, and Nature / ed. by J. Lindgaard. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2008. P. 1–14.
3. McDowell J. Scheme-Content Dualism and Empiricism // The Philosophy of Donald Davidson / ed. by L. E. Hahn. Chicago, La Salle: Open Court, 1999. P. 87–104.
4. McDowell J. Mind and World: With a New Introduction. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1966.
5. McDowell J. Sellars's Transcendental Empiricism // Rationalität, Realismus, Revision: Vorträge des 3. internationalen Kongresses der Gesellschaft für Analytische Philosophie vom 15. bis zum 18. September 1997 in München / hrsg. von J. Nida-Rümelin. Berl // Walter de Gruyter, 2000. P. 42–51.
6. Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 183–198.
7. Селларс У. Эмпиризм и философия сознания / под ред. Л. Б. Макеевой; пер. с англ. Г. С. Рогоняна; вступ. ст. Р. Рорти. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.
8. McDowell J. The Constitutive Ideal of Rationality: Davidson and Sellars // Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 2009. P. 207–220.
9. McDowell J. Conceptual Capacities in Perception // Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 2009. P. 127–144.
10. Davidson D. Reply to John McDowell // The Philosophy of Donald Davidson / ed. by L. E. Hahn. Chicago, La Salle: Open Court, 1999. P. 105–108.
11. McDowell J. Sensory Consciousness in Kant and Sellars // Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 2009. P. 108–126.
12. McDowell J. The Logical Form of Intuition // Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 2009. P. 23–43.
13. Sellars W. S. Meaning as Functional Classification: A Perspective on Relation of Syntax to Semantics // Synthese. 1974. Vol. 27. P. 417–437.
14. Davidson D. What is Present to Mind? // Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 53–68.
15. McDowell J. Intentionality as a Relation // Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 2009. P. 44–65.
16. McDowell J. Sellars on Perceptual Experience // Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 2009. P. 3–23.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОЗНАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ТОЧНЫХ НАУК В ФИЛОСОФИИ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ Э. КАССИРЕРА

Житкова К.В.

Бакалавр

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: Kseniazhitkova44@gmail.com

Аннотация. В этой работе мы рассмотрим символическую функцию сознания как условие развития теоретического осмысления действительности. Наш интерес направлен на определение значения символических форм для становления формы точных наук. Для этого мы представим основные характеристики символической функции сознания в философии символических форм и условия возможности перехода от первоначальной формы мышления к форме точной науки. Согласно концепции

Э. Кассирера, форма точного знания и часть ее содержания образуется благодаря человеческой способности работать с символами. В связи со своими главными положениями он называет миф, искусство, науку символическими формами, природа которых, заключается в преломлении действительности.

Ключевые слова: мифологическое мышление, символ, экспрессивная функция, философия символических форм, сознание, теория, точная наука, символическая функция.

THE SYMBOLIC FUNCTION OF CONSCIOUSNESS AS THE BASIS OF EXACT SCIENCES IN THE PHILOSOPHY OF SYMBOLIC FORMS OF E. CASSIRER

Zhitkova K. V.

Bachelor

Russian State Humanitarian University

E-mail: Kseniazhitkova44@gmail.com

Abstract. In this work we will consider the symbolic function of consciousness as a condition for the development of theoretical understanding of reality. Our interest is aimed at determining the significance of symbolic forms for the formation of the form of exact sciences. To do this, we will present the main characteristics of the symbolic function of consciousness in the philosophy of symbolic forms and the conditions for the possibility of transition from the original form of thinking to the form of exact science. According to the concept of E. Cassirer, the form of exact knowledge and part of its content is formed thanks to the human ability to work with symbols. In connection with his main theses, he calls myth, art, and science symbolic forms, the nature of which lies in the refraction of reality.

Keywords: mythological thinking, symbol, expressive function, philosophy of symbolic forms, consciousness, theory, exact science, symbolic function.

В одной из работ, Э. Кассирер пишет, что исследования поведения животных и их жестов показывают отсутствие в их знаковой системе объективного референта или значения [1, с. 475]. Жест не обозначает что-то и не дает дефиницию объекту, он выражает только эмоции. Также в их «эмоциональном языке» отсутствуют образы. Соответственно, мы можем выделить символические процессы (или «символическую установку»), которые свойственны только человеку.

Работу символической функции сознания Э. Кассирер находит на предшествующих понятийному мышлению ступенях, то есть, на таких непосредственных ступенях как восприятие и созерцание. Непрерывное взаимодействие с символами и повторяющиеся события на первых этапах жизни образуют мифологическое мышление, которое в дальнейшем с помощью языка стремится выйти за свои пределы «экспрессивного бытия».

Символ имеет только функциональную значимость, когда знаки дают сигнал о состоянии бытия [2, с. 477], который относится миру физического бытия, поэтому животное обладает «практическим» воображением и интеллектом, а человек «символическим» [3, с. 478]. Развитие такого процесса, в котором символы это не механические знаки и сигналы, происходит вместе с пониманием того, что символическая функция не ограничивается отдельными событиями, а является универсально применимым принципом [4, с. 480]. Исследования Э. Кассирера показывают, что работа с символами – это то, что образует форму точного знания и часть содержания этого знания.

Он также считает, что области культурной жизни человека показывают проявления, в которых главным формообразующим моментом является акт символизации. Референтное значение мифа, искусства определяется исключительно через отношения внутри системы символов. Таким образом, структура каждой из этих областей представляет нам логическую структуру или «синтез в многообразии», общим знаменателем которой является символ.

Для определения значения и работы символической функции сознания мы можем выделить, во-первых, переосмысление Э. Кассирером идеи схематизма И. Канта. Как утверждает Д. Ф. Верене, теория символа Э. Кассирера основывается на кантовской философии [5, с. 554-556].

В «Критике чистого разума» И. Кант задается вопросом о том, как возможно применение чистых рассудочных понятий или категорий к явлениям или созерцаниям [6, с. 123]. Такие категории как, например, причинность мы не смогли бы вывести на основании одних эмпирических созерцаний. Для того чтобы объяснить такую возможность он вводит посредствующее представление «трансцендентальную схему», которое является чистым (т.е. не имеет в себе ничего эмпирического),

интеллектуальным и вместе с тем чувственным [7, с. 123]. Оно означает схему рассудочного понятия, которое возможно благодаря тому, что рассудочное понятие ограничивает формальное и чистое условие чувственности. Схематизмом чистого рассудка И. Кант называет способ, с помощью которого рассудок обращается с этими схемами [8, с. 124].

У Э. Кассирера в третьем томе «Философии символических форм» мы не находим такого разделения чувственного и интеллектуального, потому что для него «чувственность» не есть то, что существует до разумной деятельности, а также не есть нечто не-разумное, так как она сама «есть» ровно настолько, насколько она артикулирована определенными смысловыми функциями [9, с. 57]. Для него символ это среда, посредством которой возникает всякая мысль. Он понимает ее не как нечто, достигаемое анализом или разграничением, а как нечто феноменально присутствующее в символе. В его философии все символы сходны в том, что они являются средством, с помощью которого создается синтез в многообразии восприятия. Еще один аспект символов заключается в том, что они не изолированы друг от друга, а имеют множество связей друг с другом. Как замечает Д. Ф. Верене, каждый символ является фактором некоторой системы символов, охватывающей одну из основных областей культуры [10, с. 555-556].

Во-вторых, символизм, как утверждает Э. Кассирер, не должен ограничиваться системой чистых понятийных знаков, выработанных точной наукой, так как первые образования языка и мифа противостоят миру этих понятийных знаков, но, конечно, находятся вместе с ними в одной сфере «представления» [11, с. 47]. Это значит, что специфические различия той или иной картины мира, будь то мифологическая картина или научная, состоят в разных измерениях репрезентации. Если в мифологическом мышлении представление являет нам единство символа и предмета, то в научном представление разделяет содержание на элементы, которые уже недоступны непосредственному восприятию. Таким образом, работа символической функции заключается не столько в определенной системе понятий и знаков, сколько в соединении, разделении и отношении к объектам.

Как пишет Э. Кассирер во втором томе «Философии символических форм», теоретическое опытное мышление, чтобы подойти к всеобщности, должно содержательные элементы возвести к предельным элементам [12, с.46]. Тогда у опытного мышления появляется субстрат, который можно подчинять порядку или закону. Все то, что в непосредственном восприятии нерасчлененно, разделяется для того, чтобы создать новое единство, иерархию, т.е. систему оснований и следствий.

В-третьих, немецкий мыслитель с помощью анализа функции экспрессивности в мифологическом мышлении подходит к прафеномену или чистому восприятию, которое независимо от опосредований и от внешних «раздражителей» дает нам некое содержание. При этом Э. Кассирер замечает, что анализ пространственной структуры мира восприятия показывает, что пространственные отношения – это сложный опосредованный результат опытного мышления, что мы сталкиваемся не с «материей» ощущений, которая распределяется в пространстве, а со связью суждений [13, с. 44].

Кажется, что Э. Кассирер противоречит сам себе, когда говорит о не опосредованном восприятии экспрессии и о структурированном восприятии, но это лишь кажущееся противоречие, потому что экспрессивность как прафеномен и суждения находятся в корреляции. Э. Кассирер убежден, что анализ чистого феномена экспрессивности и проблемы представления приводят нас к необходимости корреляции. Как он пишет в третьем томе «Философии символических форм»: «Не одна «форма», ноэтический момент, но эта взаимосвязь составляет фундамент любого одушевления и одухотворения» [14, с. 157].

В-четвертых, Э. Кассирер, обращаясь к достижениям чистой теории, замечает в этой же работе, что понятие символа является конститутивным для понятия точного познания [15, с. 46]. Это означает, что весь путь, который проходит сознание, начиная с формы мифологического мышления, не остается позади. Как пишет сам Э. Кассирер: «Следующая фаза не является чем-то совершенно чуждым предыдущей, но есть исполнение того, что уже в той намечалось и было в ней заложено» [16, с. 353]. Достижения точной науки есть не начало, а конец процесса объективации.

Работа символической функции с точки зрения философии символических форм демонстрирует как, по-видимому, непрерывное развитие сознания стремится отделить себя от ощущаемой действительности, создавая новые образования. Немецкий мыслитель убежден, что происходит постоянное смещение духовных акцентов значения, что приводит к новому смыслу, к новой действительности. Он замечает, что мир экспрессивности, как первая форма, с помощью которой субъект имеет перед собой окружающую действительность, переходит в мир репрезентации, который постепенно отделяясь от всех экспрессивных характеристик, переходит в мир чистого значения [17, с. 353].

Переход в новое измерение, которое менее зависимо от экспрессивных характеристик, возможно благодаря языку с его функцией репрезентации. Язык отчасти выразителен и экспрессивен, о чем говорят интонации, без которых мы иногда не можем понять смысла предложения. При этом Э. Кассирер отмечает, что фундаментальное образование языка, т.е. предложение-высказывание, включает в себя полагание, которое направлено на «объективное» положение вещей, которое оно стремится описать и удержать [18, с.354]. Таким образом, объективация происходит на другом уровне, т.е. она начинается с указания или обозначения, а цель языка заключается в демонстрации.

Сначала язык зависим от мира созерцания и физиогномических характеристик, но когда эта фаза преодолевается, тогда появляется новое образование, язык становится чисто символической экспрессией [19, с. 355]. Э. Кассирер отмечает, что это происходит благодаря тому, что постепенно развивается дистанция [20, с. 355]. Например, в процессе развития формы понятия в естественнонаучном мышлении происходит сознательное отдаление от мира, ведь без строгого разделения «я» и «действительности» «природа» не может быть нам дана в том виде, в каком ее видит наука. При этом «природа» выделяется из потока переживаний и противопоставляется им как самостоятельное сущее. Несмотря на то, что даже здесь мы вынуждены соприкоснуться с действительностью, мы на этом уровне ищем объективную форму, а не нашу собственную, поэтому Э. Кассирер пишет о том, что теоретическое понятие примыкает к восприятию, чтобы в то же самое время исчерпать его, овладеть всем заложенным в нем содержанием действительности [21, с. 355]. Закономерность событий и бытия становится яснее и точнее в процессе отдаления от ощущаемой действительности или утраты сходства с вещами непосредственного восприятия.

Благодаря символической функции сознания возможен переход в мир чистого значения. Ведь, наличие символического отношения обуславливает не прямое отношение к вещам и делает возможным дистанцирование. Только в его рамках возможна артикуляция и разделение на «вещи» и «свойства» той или иной объективной действительности и также, как пишет Э. Кассирер, «...оно является конститутивным моментом любого предметного «знания»» [22, с. 104]. Такую возможность развития Э. Кассирер объясняет тем, что символический акт сознания имеет в себе указывание на нечто вне себя. Восприятие или чувство не могут объясняться только функцией отображения или функцией оформления, потому что основанная на них познавательная деятельность тогда бы была сугубо ограничена.

Учитель Э. Кассирера Г. Коген извлекает значение мышления из анализа бесконечного. Все чистое познание должно состоять из видоизменений принципа первоначала, а значит, и отсылать к нему, как пишет В. Е. Семенов [23, с. 154]. В целом для марбургского направления характерно стремление объяснять познавательную способность систематическим единством. Как замечает данный исследователь, оно требует трансцендентальный метод, конститутивный принцип и принцип функционализма и только тогда знание может быть интерсубъективным [24, с. 163]. Но у Э. Кассирера принцип функционализма затрагивает все «психические» феномены, а не только чистое познание.

Список литературы

1. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998.
2. *Verene D. Ph.* Cassirer's view of myth and symbol // *The Monist*. 1966. Vol. 50, № 4.
3. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Лосского Н., свер. и отредакт. Арзаканяном Ц.Г. и Иткиным М.И. М.: Мысль, 1994.
4. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 3: «Феноменология познания». М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
5. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2: «Мифологическое мышление». М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
6. *Семенов В.Е.* Трансцендентальные основы понимания: «И. Кант и неокантианство». Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2008.

КАНТОВСКИЙ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ КАК МЕТАФИЗИКА ВОЗМОЖНОГО ОПЫТА И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ НАУКИ

Катречко С.Л.

*Кандидат философских наук, доцент философского факультета
Государственный академический университет гуманитарных наук
E-mail: skatrechko@gmail.com*

Аннотация. В «Критике чистого разума» и последующих «Прологоменах ко всякой будущей метафизике...», «Метафизические начала естествознания» И. Кант развивает свою метафизику возможного опыта, задачей которой является исследование трансцендентальных (априорных) условий возможности опыта/опытного познания. П. Стросон определяет этот тип метафизику как дескриптивную метафизику. Кантовский трансцендентализм получает свое дальнейшее развитие в рамках неокантианства (теория опыта Г. Когена, философия символических форм Э. Кассирера) и логического позитивизма (концепция конститутивного априори Х. Райхенбаха, концепция языковых каркасов Р. Карнапа), пост-позитивизма (концепция парадигм Т. Куна, научно-исследовательских программ Лакатоса), аналитической философии (концепция внутреннего реализма Х. Патнэм и др.), современных реалистических (умеренно-метафизических) трактовок трансцендентализма (П. Стросон, К. Америкс, Л. Эллайс и др.). В современном трансцендентализме (философии науки) происходит переосмысление понятия кантовского опыта, а кантовская концепция a priori подвергается историзации, релятивизации и натурализации. Наиболее перспективными представляются концепции динамического трансцендентализма (М. Фридман), трансцендентального эмпиризма (Дж. Макдауэлл) и трансцендентального структурализма (М. Битбол).

Ключевые слова: трансцендентальная философия (трансцендентализм), метафизика опыта, дескриптивная метафизика, a priori, динамический трансцендентализм, трансцендентальный структурализм.

KANT'S TRANSCENDENTALISM AS A METAPHYSICS OF POSSIBLE EXPERIENCE AND ITS RECEPTION IN CONTEMPORARY REALISTIC CONCEPTS OF SCIENCE

Katrechko S.L.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of Faculty of Philosophy
State Academic University of the Humanities
E-mail: skatrechko@gmail.com*

Abstract. In his "Critique of Pure Reason", "Prolegomena to any future metaphysics ...", and "Metaphysical principles of natural science" I. Kant develops the metaphysics of possible experience, the task of which is to study the transcendental (a priori) conditions of the possibility of experience/empirical knowledge. P. Strawson defines this type of metaphysics as descriptive metaphysics. Kant's transcendentalism receives its further development within the framework of neo-Kantianism (theory of experience of H. Cohen; philosophy of symbolic forms of E. Cassirer) and logical positivism (theory of the constitutive a priori of H. Reichenbach; theory of linguistic frameworks of R. Carnap), post-positivism (theory of paradigms of T. Kuhn, etc.), analytical philosophy (theory of internal realism by H. Putnam and others), modern realistic (moderate metaphysical) interpretations of transcendentalism (P. Strawson, K. Ameriks, L. Allais, etc.). In modern transcendentalism (philosophy of science) there is a rethinking of Kant's concept of experience, and Kant's concept a priori is subject to historicization, relativization, and naturalization. The most promising concepts seem to be the dynamic transcendentalism/dynamics of reason (M. Friedman), the transcendental empiricism (J. McDowell) and the transcendental structuralism (M. Bitbol).

Keywords: transcendental philosophy (transcendentalism), metaphysics of experience, descriptive metaphysics, a priori, dynamic transcendentalism, transcendental structuralism.

«Собственно философским во всякой философии является метафизика науки. Все науки, в которых применяется разум, имеют свою метафизику» (И. Кант, *Рефл.* 5861)

§ 1. В этом году мы отмечаем 300-летие Канта, однако, как замечает К. Америкс, за прошедшие более чем 240 лет со дня публикации его «Критики чистого разума» [1] (далее — *Критика*) «так и не удалось достичь консенсуса относительно того, как следует понимать кантовскую трансцендентальную философию» [2, р. 329]. В настоящее время существует несколько альтернативных прочтений трансцендентальной философии (ТФ): феноменалистское, идеалистическое, реалистическое, методологическое, метафизико-онтологическое и др., — причем некоторые из них с трудом совместимы друг с другом. При этом, как отмечает Н. Хинске [3], различие этих интерпретаций обусловлены той или иной *кантофилологией*, т.е. привлекаемым для анализа кантовской концепции набора его текстов: так, например, влиятельная в начале XX века неокантианская трактовка кантовского трансцендентализма в качестве теории опыта не могла использовать кантовский *Opus postumum*, поскольку он был опубликован лишь в 1924 г. в XXI и XXII тт. академического собрания сочинений Канта. Наибольшей остротой среди существующих трактовок выступает противостояние между *эпистемолого-методологической* (2-е изд. *Критики* [B25]) и *онтолого-метафизическим* (1-е изд. *Критики* [A11]) прочтением Канта, с чем в свое время была связана дискуссия между Э. Кассирером и М. Хайдеггером в Давосе в 1929 г. Если в первом случае ТФ представляет собой *метафизику возможного опыта* (resp. *дескриптивную метафизику* (П. Стросон); заметим, что сам термин *метафизика опыта* вводится Г. Патеном в книге «Кантовская метафизика опыта» (1936)), нацеленную на поиск трансцендентальных (априорных) условий возможности опыта/опытного познания (см., например, [4]), то во втором случае ТФ трактуется как *метафизика о метафизике*, исследующая условия возможности самой метафизики (как науки) (см., например, [5, 6]). Можно показать (сделаем это в докладе), что эти трактовки не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга (ср. с тремя главными *трансцендентальными вопросами* «Как-возможно?» в *Критике/Пролегоменах*), но при этом лишь «прикладная метафизика [здесь — *метафизика опыта*], которая содержит *априорное* познание объектов называют метафизикой в строгом смысле» [7, р. 752; вставка в [] моя. — К.С.; ср. с эпиграфом]. Заметим, что современное развитие кантовской *метафизики опыта* связано с «аналитической» трактовкой Канта 60–80-х годов XX века (П. Стросон, Дж. Беннет, Г. Бёрд, У. Селларс), которая с начала 80-е гг. XX в., т.е. после появления теории *двух аспектов*» (Г. Праусс, Г. Эллисон и др.) сменяется современными (конец XX — начало XXI вв.) *реалистическими* трактовками Канта (см. работы В. Рёда (1991), Р. Хорстманна (1997), А. Коллинза (1999), П. Абелы (2002), К. Вестфалья (2004)) и *умеренно-метафизическими* интерпретациями его трансцендентализма (см. работы К. Америкса (2003/2011), Т. Розефельдта (2007), Л. Эллайс (2007/2015)), в рамках которых кантовское явление в рамках *трансцендентальной триады* «предмет (вещь-сама-по-себе; Ding an sich) – явление (Erscheinung) – представление (Vorstellung)», обладает самостоятельным онтологическим статусом (например, является не объектом, а *знаком* для объектов (=вещей-самих по себе) [B235]; метафора телескопа Г. Фреге; подробнее см. [8]).

§ 2. Кантовская *метафизика возможного опыта* (метафизики природы), которую можно рассматривать как одну из первых концепций *философии науки*, получает свое развитие в кантовской *Критике* (1781), *Пролегоменах* (1783), *Метафизических началах естествознания* (1783), *Opus Postumum* (1796–1803), а в пост-кантовскую эпоху — в современной метафизике и философии науки. Первую из ее рецепций (модернизаций) мы находим в неокантианстве («Назад к Канту!»; ср. названием книги Г. Когена «Теория опыта Канта»), которое приходит на смену метафизическим трактовкам Канта в немецком классическом идеализме XIX в. (Фихте, Шеллинг, Гегель). Далее кантовская метафизика опыта развивается в логическом позитивизме (Г. Райхенбах (концепция *релятивизированного априори*), Р. Карнап (концепция *языковых каркасов*)), аналитическом кантианстве (П. Стросон, У. Селларс и питтсбургская школа (Дж. Макдауэл, Р. Брэндом), Г. Бёрд), [аналитической] философии науки (У. Селларс (*научный реализм*), У. Куайн, Г. Бухдал), пост-позитивизме (Т. Кун (концепция парадигм как «*кантианизм с подвижными категориями*»), И. Лакатос, Х. Патнэм (*внутренний реализм*), М. Фуко (концепция *эпистем / исторического априори*), И. Нииниулото (*критический научный реализм*), Н. Картрайт (*локальный реализм*) и современной трансцендентальной философии науки (М. Фридман (*динамический трансцендентализм*), Р. Бхаскар (*трансцендентальный реализм*), М. Битбол (*трансцендентальный структурализм*), М. Массими (*перспективистский реализм*) и др.), хотя не все из перечисленных работ можно отнести

к трансцендентальной традиции в строгом смысле (подробнее об этом мы говорим в наших статьях [9, 10].

Современное развитие *метафизики опыта* связана с двумя важными темами (resp. линиями развития) кантовской философии.

Во-первых, это тема *опыта*, вопрос о возможности которого («как возможен опыт?») составляет «высшую задачу трансцендентальной философии» [11, с.397]. Если для Канта *опыт* – это человеческий опыт, опыт личного восприятия человека, его обыденного сознания, а, соответственно, кантовские априорные формы — это некоторые данности сознания, присущие каждому отдельному человеку, то в современном трансцендентализме опыт — это *научный опыт* (неокантианцы (Г. Коген, Э. Кассирер), У. Селларс (обыденный и научный образ), или опыт, основанный на *эксперименте* (Р. Бхаскар). При этом трансцендентализм должен учитывать «факт» развития науки (кантовская метафизика опыта была связана с рефлексией над современным ему *математическим естествознанием* XVII – XVIII вв., а наука XX – XXI является неклассической (квантовая механика, теория относительности)) и появление новых наук (в этой связи см., например, кантовский *Opus Postumum* как преодоление «провала» при переходе от метафизики к физике, связанный с появлением химии). При этом кантовский *опыт*, с одной стороны, связан с *интенциональностью* познания (что придает познанию объективный статус), а, с другой стороны, он имеет двухкомпонентную структуру (чувственность + рассудок), что предполагает уточнение соотношения этих познавательных способностей в познании (см. современную дискуссию о концептуализме/не-концептуализме, а также концепцию *трансцендентального (минимального) эмпиризма* Дж. Макдауэлла).

Во-вторых, современная метафизика опыта (=философия науки) идет по пути модификации кантовского *априори* (resp. кантовского *априоризма*) и переходом к более *слабым* версиям трансцендентализма (априоризма), в котором постулируется модификация (историзация, релятивизация, прагматизация, натурализация, биологизация) априорного. Выделим здесь современный проект *динамического трансцендентализма* М. Фридмана, который синтезировал в себе эту линию развития трансцендентализма [12].

В заключении, хотелось бы особо выделить линию развития современного трансцендентализма, которую выше мы обозначили как *трансцендентальный структурализм* (ее развивает в том числе М. Битбол [13]). Структурализм можно трактовать как срединную позицию между реализмом и анти-реализмом (конструктивизмом), или как *слабый* модус реализма, признающий существование структур, но отрицающий существование вещей (ср. с кантовским тезисом о непознаваемости вещей-самых-по-себе). Трансцендентальный структурализм решает [семантическую] *проблему соответствия* предметов и представлений («коперниканский переворот»), которую Кант в письме к М. Герцу (21.02.1772) рассматривает как «главную тайну метафизики» [14].

Список литературы

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. на русском и немецком языках. М.: Наука, 1994–2006. Т.2. Ч.1, Ч.2. (ссылки на кантовскую Критику мы даем здесь в международной пагинации А/В).
2. *Ameriks K.* Kantian Idealism Today // *History of Philosophy Quarterly*. 1992. Vol.9, №3. P. 329–342.
3. *Хинске Н.* Кантианство, кантоведение и кантофилология. Размышления об истории рецепции кантовской мысли // *Историко-философский ежегодник 2015*. М.: Аквилон, 2015. С. 154–173.
4. *Allais L.* Manifest Reality: Kant's Idealism and His Realism. Oxford University Press, 2015.
5. *De Boer K.* Kant's Reform of Metaphysics: The Critique of Pure Reason Reconsidered, New York: Cambridge University Press, 2020.
6. *Lu-Adler H.* Ontology as Transcendental Philosophy // *Kant's Lectures on Metaphysics: A Critical Guide* (ed. C. Fugate), Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 53–73.
7. *Kant I.* Kants Gesammelte Schriften. Akademie Ausgabe. Berl: de Gruyter, 1900ff, v.29.
8. *Катречко С.Л.* Природа явления в трансцендентализме Канта: семантико-когнитивный анализ // *Кантовский сборник* (научный журнал). 2018. Т.37, №3. С.31–55.
9. *Катречко С.Л.* Трансцендентализм Канта как метафизика возможного опыта и его реалистическая трактовка в аналитической философии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия. 2023. Т. 27, №3. С. 659–676.
10. *Катречко С.Л.* Кантовская метафизика возможного опыта и ее современное развитие в философии науки // *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды IV*

Международной научной конференции. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2023. С. 496–500.

11. *Кант И.* Предложение о вопросе, предложенном на премию королевской берлинской академии наук в 1791: какие действительные успехи создала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа // Кант И. Соч.: в 8 т. Т.7. М.: Чоро, 1994. С. 337–460.

12. *Kerszberg P., Petitot J. & Bitbol M. (eds.)* Constituting Objectivity. Transcendental Perspectives on Modern Physics. Hal Ccsd, 2009.

13. *Friedman M.* Dynamics of Reason. Stanford, CA: CSLI Publications, 2001.

14. *Кант И.* Избранные письма // Кант И. Соч. в 8-ми тт. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С.463–590.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД В ТЕОЛОГИИ: НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ И. КАНТА И Б. ЛОНЕРГАНА

Мёдова А.А.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М.Ф. Решетнёва
E-mail: amedova@list.ru*

Аннотация. Рассматриваются методологические аспекты трансцендентальной теологии И. Канта и Б. Лонергана, демонстрирующие ее рационалистическую направленность и позволяющие говорить о научности этого направления. В качестве таковых выделяются принятие во внимание научных достижений, выведение идеи Бога из порядка и целесообразности реальности, указание на то, что последняя не противоречит опыту, включение вопроса о Божественном первоначале мира в круг «естественных» рациональных вопросов. Показано, что метод трансцендентальной теологии Канта и Лонергана направлен на то, чтобы придать ее выводам последовательность, обоснованность, объективность. Данный метод является критическим и претендует на универсальность, поскольку он целиком обусловлен закономерностями человеческого разума и ценностной сферы. Разум понимается в рамках трансцендентальной теологии как активный в отношении априорных принципов, в этой связи идея Бога не рассматривается как врожденная или предпосланная его деятельности. Напротив, человек, согласно данному методу, должно прийти к идее Бога как к результирующему условию реализации своей сознательной деятельности.

Ключевые слова: a priori, идея Бога, спекулятивный разум, практический разум, регулятивный принцип единства сознания, критицизм, самотрансцендирование, ценностное суждение.

TRANSCENDENTAL METHOD IN THEOLOGY: THE CONCEPTIONS OF I. KANT AND B. LONERGAN

Medova A.A.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
E-mail: amedova@list.ru*

Abstract. The methodological aspects of the transcendental theology of I. Kant and B. Lonergan are considered to demonstrate its rationalistic orientation what allow us to talk about the scientific character of this direction. The following are highlighted as such: taking into account scientific achievements, deducing the idea of God from the order and expediency of reality, indicating that the latter does not contradict experience, and including the question of the Divine origin of the world in the circle of “natural” rational questions. The author shows that the method of transcendental theology of Kant and Lonergan is aimed at giving conclusions consistency, validity, and objectivity. This method is critical and claims to be universal, since it is entirely determined by the principles of the human mind and the sphere of values. Reason is

understood within transcendental theology as active in relation to a priori principles. Therefore, the idea of God is not considered as innate or preconditioned by his activity. On the contrary, a person, according to this method, must come to the idea of God as to the resulting condition for the implementation of his conscious activity.

Keywords: a priori, idea of God, speculative reason, practical reason, regulative principle of the unity of consciousness, criticism, self-transcendence, value judgment.

Трансцендентальная теология – термин, употребляемый в связи с учениями И. Канта, Ф.В.Й. Шеллинга, И.Г. Фихте, Ж. Марешаля, К. Ранера, Б. Лонергана, Э. Корета, К. Барта и ряда других философов. Корни трансцендентальной теологии уходят в средневековую философию с характерной для нее направленностью на исследование трансценденциальных [1], получившей затем преломление в рационализме философии Нового времени. Для схоластики было существенно различие имманентных содержаний обычного человеческого познания и априорных трансцендентных содержаний метафизического познания, что нашло продолжение в априоризме кантовского метода [2] и, в целом, метода трансцендентальной теологии. Последняя формируется в XVII столетии, когда, наряду с признанием механистической картины мира, приобретает известность понятие «физикотеология» – попытка обосновать рациональное взаимодействие между законами природы и их разумной первопричиной.

Первым значимым «рубежом» трансцендентальной теологии стало учение И. Канта, критически осмысляющее саму ее возможность. Спустя более чем два века был достигнут второй «рубеж»: проект трансцендентальной теологии наполнили новым содержанием представители неотолизма, виднейшим из которых является канадский теолог-иезуит Б.Д.Ф. Лонерган (1904-1984). Цель настоящей работы – зафиксировать общность методологических аспектов трансцендентальной теологии Канта и Лонергана, вытекающих из ее рационалистической направленности и позволяющих говорить о научности этого направления.

Очевидной особенностью трансцендентальной теологии является рациональность ее метода и *принятие во внимание научных достижений*. Для раннего Канта было характерно убеждение, что любое научное исследование должно подтверждать действительность Бога: природные закономерности выступают прямым указанием на то, что существует Верховный Создатель [3, с. 101]. Об этом Кант пишет в предисловии к своей первой крупной работе «Всеобщая естественная история и теория неба» [4, с. 115].

В более поздних работах Кант вводит новое обоснование связи науки и существования Бога. Рассуждая о том, что люди науки могут позволить себе более праздное, по сравнению с большинством, существование ради умозрительной деятельности, он отмечает: «если бы не было никакого другого предназначения, это неравенство среди людей никак не приличествовало бы этой жизни» [5, с. 182]. Скоротечность жизни ученого также совершенно непропорциональна таланту человеческого рассудка – если бы один только Ньютон мог прожить дольше, он один совершил бы в науке больше, чем все люди, вместе взятые, за 1000 лет. Кант приходит к выводу: «Науки — роскошь рассудка. Они дают нам предвкушение того, чем мы станем в будущей жизни» [там же].

Можно заключить, что метод трансцендентальной теологии претендует на связь с наукой, на научную последовательность, обоснованность своих выводов и на *универсальность*: если другие методы призваны соответствовать требованиям, предъявляемым конкретными областями знания, трансцендентальный метод соотносится с требованиями и возможностями самого человеческого сознания [6, с. 29]. Важнейшая особенность трансцендентального метода (не только в теологии, но и в целом) состоит в том, что он *вытекает из природы человеческого разума*. Нормативная сила императивов трансцендентального метода коренится во «врожденных спонтанностях и неизбежностях нашего сознания» [6, с. 33]. Свой трансцендентальный метод Лонерган характеризует как развертывание человеческого внимания, ума, разумности и ответственности, и это развертывание происходит всякий раз, когда кто-нибудь надлежащим образом пользуется своим разумом [6, с. 39].

Лонерган акцентирует, что трансцендентальный метод теологии, как и всякий научный метод, устремлен к *объективности*, т.е. к тому, что независимо от субъекта, к истине. Этот процесс в рамках трансцендентального метода Лонерган определяет как самотрансцендирование конкретного мыслящего и существующего субъекта. Фундаментальные формы самотрансцендирования, открывающие истину, – это интеллектуальное, моральное и религиозное обращение [6, с. 365]. Следовательно, трансцендентальный метод в данном случае не есть только комплекс умозрительных процедур. Это практика выхода за пределы субъективности, и она связана с полаганием нравственных ценностей. В ценностном суждении, согласно Лонергану, объединяются три компонента: 1. знание

реальности, и прежде всего человеческой реальности, 2. интенциональные ответы на ценности и 3. изначальное доверие к моральному самотрансцендированию, конституированному самим ценностным суждением [6, с. 53]. Таким образом, наличие суждения является первым условием самотрансцендирования. Вторым его условием является изначальное «доверие» к трансцендентальным ценностям, которое можно объяснить их априорностью.

Лонерган подчеркивает, что слово «трансцендентальный» он употребляет как противоположность термину «категориальный». Процедура, которую этот метод дает возможность выполнить, трансцендентальна в кантовском смысле: «она высвечивает условия возможности познания объекта постольку, поскольку это познание априорно» [6, с. 28, курсив мой, М.А.]. Здесь, безусловно, требует прояснения вопрос, в каком смысле трансцендентальная теология понимает понятие «априорное». Не имея возможности рассмотреть его здесь отметим, что дискуссия вокруг априорности нуминозных и религиозных представлений и переживаний, является важнейшей темой как трансцендентальной теологии, так и в целом философии и феноменологии религии [7; 8].

Следовать трансцендентальному методу означает идти вслед за принципами разума, которые в процессе своего применения должны неизбежно привести к идее Бога. Кант демонстрирует как это происходит уже на уровне спекулятивного мышления, посредством связывания понятий необходимости и высшей реальности (А 615/В 643). Эти понятия находятся в разуме в изначальной связи, образуя трансцендентальное доказательство существования Бога: если высшая реальность существует, она должна существовать с необходимостью, так как противоречиво мыслить ее лишенной существования. Рефлексируя реальность, разум приходит к представлению о сущности, обладающей высшим совершенством и абсолютно необходимой по своей природе. Такое представление Кант называет необходимым регулятивным принципом единства человеческого сознания, поскольку оно организует деятельность разума: указывает на порядок и целесообразность реальности, не противоречит опыту и удовлетворяет требованию нашего разума быть экономными в отношении числа объяснительных принципов (А 623/В 651) [9, с. 484-485].

Трансцендентальный метод в теологии предполагает разыскание представлений о Боге как моральном властителе и разумном первоначале мира в самом человеческом разуме. Согласно Лонергану, корни всех вопросов разума уходят в одну и ту же трансцендентальную устремленность человеческого духа. Они рождаются «из нашей сознательной интенциональности, из априорного структурированного порыва, влекущего нас от переживания к усилию понимания, от понимания к усилию истинного суждения, от суждения к усилию правильного выбора» [6, с. 120]. Для трансцендентальной теологии характерно включать вопрос о Божественном первоначале мира в круг «естественных» рациональных вопросов. По Канту, видеть случайность вещей и домысливать причину для каждой такой вещи, объединять их в единство, мыслить сущность, которая отлична от мира и является его причиной – это естественная задача не только спекулятивного, но и практического разума. Божественная первопричина есть то, на основе чего человек может «составить себе правило верного применения разума» [5, с. 187].

Однако, здесь есть один нюанс: трансцендентальный метод не позволяет мыслить идею Бога как врожденную, т.е. заранее данную разуму. Общеизвестно, что Кант не смешивал понятия «врожденный» и «априорный». С его точки зрения не существует врожденных представлений, все без исключения созерцания или понятия являются приобретенными [10, с. 139]. Вопрос о происхождении кантовских априорных идей остается открытым [11], но что касается идеи Бога, она не может быть врожденной не только по причине их генезиса, но и по более значимой причине свободы человека. Ведь Бог мог бы вложить в нас в таком случае и другой набор мыслей, который заставил бы нас по-другому строить наш опыт. Он бы мог перестраивать наш разум, чтобы обеспечить иной взгляд на мир, произвольно включая Себя в эту картину мира или же устраняя из нее. Как отмечает Дж. Хендри, такая идея чужда Канту. Он придерживался томистско-интеллектуалистского представления о Боге: это идея Бога, неспособного действовать произвольно [12, р. 216].

Мы пришли к констатации важного момента: согласно принципам трансцендентальной теологии, разум не столько должен найти идею Бога в себе, сколько прийти к ней как к закономерному заключению. Иначе метод трансцендентальной теологии не мог бы быть критическим, а он именно таков. От него неотъемлем принцип систематического критицизма [13, р. 332]. Трансцендентальная теология Канта в целом была критическим проектом, призванным цензурировать деятельность чистого спекулятивного разума, контролируя источники, из которых он получает идею Высшей Сущности. Метод трансцендентальной теологии позволяет очистить идею Бога «от всякой примеси эмпирических ограничений и от всего, что могло бы противоречить понятию первоначального существа» (А 640-641/В 668-669) [9, с. 494-495], играя таким образом важное отрицательное, т.е. критическое значение.

Согласно Лонергану, *критическая функция трансцендентального метода* состоит в том, что он предоставляет теологии определенный горизонт, внутри которого ставятся вопросы. Этот метод обеспечивает непрерывность и структурированность знаний, ибо возможность развития есть возможность критического пересмотра более ранних воззрений. Наконец, из основания этого метода устранена любая авторитарность, так как, следуя ему, «каждый может обнаружить сам и в самом себе, почему выполнение тех или иных операций тем или иным способом конституирует человеческое познание» [6, с. 39, 370-371].

Список литературы

1. *Hampton A.J.B.* Transcendence and Immanence: Deciphering Their Relation through the Transcendentals in Aquinas and Kant // *Toronto Journal of Theology*, 2018. Vol. 34; Iss. 2. P. 187–198.
2. *Борчилов С.А., Катречко С.Л.* Дискуссия о теологии как науке // *Трансцендентальный журнал*. 2023. Т. 4, Вып. 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://transcendental.su/s271326680029194-3-1/>. (дата обращения 14.01.2024)/
3. *Гусева Е.А.* Теологические лекции 1770-х гг. Иммануила Канта // *Философия и общество*. 2017. №3 (84). С. 100-118.
4. *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 1: Докритические произведения. М., 1994. 543 с.
5. *Кант И.* Из рукописного наследия: материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 750 с.
6. *Лонерган Б., SJ.* Метод в теологии. Пер. Г.В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 400 с.
7. *Maríña J.* The Religious A Priori in Otto and Its Kantian Origins // *Luther, Barth, and Movements of Theological Renewal (1918-1933)*. Ed. Heinrich Assel and Bruce L. McCormack. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2020. P. 39–56.
8. *Мишагин П.А., Мёдова А.А.* Ранняя феноменология религии и ее методологические основания // *Трансцендентальный журнал*. 2023.Т. 4. Вып. 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://transcendental.su/s271326680027928-0-1/>. (дата обращения 14.01.2024)/
9. *Кант И.* Критика чистого разума. Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Наука, 1999. 655 с.
10. *Кант И.* Об одном открытии, после которого всякая новая критика разума становится излишней ввиду наличия прежней (Против Эберхада). Продолжение // *Кантовский сборник* 1993. Вып. 17. С. 129-145.
11. *Мёдова А.А.* Генезис а priori и парадоксальность трансцендентализма // *Философия в полицентричном мире. К 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева: Избранные труды VIII Российского философского конгресса. 2-е, доп. изд.* М.: Изд. ООО «Сам полиграфист», 2023. С. 330-344.
12. *Hendry G.S.* The Transcendental Method in the Theology of Karl Barth // *Scottish Journal of Theology*. 1984. 37(2). P. 213-227.
13. *Muck O.* The transcendental method. Transl. by William D. Seidensticker. New York: Herder & Herder, 1968. 356 p.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРАВУ: МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН, ЕСТЕСТВЕННОЕ И ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Мишагин П. А.

*Кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры философии и социальных наук
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М.Ф. Решетнёва
E-mail: mishagin@sibsau.ru*

Аннотация. Рассматриваются основания трансцендентальной методологии И. Канта как научной методологии применительно к правовой сфере, на основе чего проводится различие между моральным законом, естественным и позитивным правом

и проистекающим из них нормированием и долженствованием. Показано, что естественное и позитивное право черпают свои основания в моральном законе в форме категорического императива, раскрывается влияние категорического императива и гипотетических императивов на формирование и функционирование естественного права. Продемонстрировано как формализм трансценденталистских императивов допускает широкую интерпретативную свободу. Показано, что определение трансценденталистских императивов в качестве формально-рациональных правил или принципов без четко определенного содержания и выведение из этого тождества морального закона и естественного права неправомерно. Последовательная экспликация трансцендентального права приводит к установлению различия между моральным законом и естественным правом как минимум по трем основаниям: они различны по своим предмету, мотивам и санкциям.

Ключевые слова: трансцендентализм, философия права, трансцендентальная методология, моральный закон, категорический императив, естественное право, позитивное право, трансцендентальное право.

TRANSCENDENTAL METHODOLOGY APPLIED TO LAW: MORAL, NATURAL AND POSITIVE LAW IN THE CONTEXT OF LEGAL EPISTEMOLOGY

Mishagin P. A.

CSc in Philosophy, Senior Lecturer

Department of Philosophy and Social Sciences

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

E-mail: mishagin@sibsau.ru

Abstract. The foundations of I. Kant's transcendental methodology as a scientific methodology in relation to the legal sphere are considered, on the basis of which a distinction is made between moral law, natural and positive law and the rationing and obligation arising from them. It is shown that natural and positive law draw their foundations from moral law in the form of a categorical imperative, and the influence of the categorical imperative and hypothetical imperatives on the formation and functioning of natural law is revealed. It is demonstrated how the formalism of transcendentalist imperatives allows for wide interpretative freedom. It is shown that the definition of transcendentalist imperatives as formally rational rules or principles without clearly defined content and the derivation of the identity of moral law and natural law from this is unjustified. Consistent explication of transcendental law leads to the establishment of a distinction between moral law and natural law on at least three grounds: they are different in their subject matter, in their motives and in the sanctions.

Keywords: transcendentalism, philosophy of law, transcendental methodology, moral law, categorical imperative, natural law, positive law, transcendental law.

В вопросах регуляции индивидуального и социального поступания, помимо морали в форме морального закона, выраженного посредством категорического императива, Кант выделяет также право в форме естественного и позитивного (статутарного) права [1, с. 107]. Моральный закон, выражаемый категорическим императивом, имеет имманентный характер и распространяется на автономную человеческую личность в силу долга (долженствования) [1, с. 113]. В пространстве морали действует принцип свободы, тогда как естественное и позитивное право отсылают к принципу принуждения, предполагая возможные негативные санкции в виде определенного спектра наказаний. Человек может рассматриваться в качестве морального (нравственного) существа только тогда, когда его разум достигает уровня, на котором он способен осознавать и практически руководствоваться понятием долга.

Естественное право имеет своим источником, как и моральный закон, исключительно формальный элемент – понятия, априорно сконструированные чистым разумом, поскольку мотивом связывания выступает долг (долженствование), с той, однако, разницей, что моральный закон в форме категорического императива имеет имманентный характер [1, с. 701], тогда как естественное право в своей сущности является внешним по отношению к субъекту. Это связано с одной из основных функций естественного права – гармонизацией межличностных отношений, в частности внутри государства, а также и в отношениях между разными государствами [2, р. 18].

Сущность государства состоит в определенных взаимных договорах между группами людей, посредством которых каждый индивид ограничивает свою индивидуальную свободу ради общего блага; иными словами – государство есть союз разумных существ, находящихся под властью, установленной законами и уполномоченными учреждениями или институтами [3]. И естественное и позитивное право основываются на категорическом императиве и его практических экспликациях. Отдельного рассмотрения заслуживают императивы гипотетического типа, которые также участвуют в формировании естественного права. В то время как категорический императив влияет на волю человека, не конкретизируя цель, которую необходимо достичь, гипотетические (технические) императивы влияют на волю человека, указывая на конкретные цели, достижение которых представляется необходимым [1, с. 67].

Однако формализм кантовских императивов допускает значительную свободу в содержании суждений, подлежащих обобщению, при условии, конечно, согласия их адресатов со следствиями этих суждений. Таким образом, в сущности, все императивы есть формально-рациональные правила без четко определенного содержания [4]. Следует отметить, что моральный закон и естественное право в системе Канта недостаточно четко между собой разграничены. Поэтому некоторые исследователи рассматривают их как теснейшим образом взаимосвязанные [2, 5] и даже тождественные [6], считая, что объемы этих понятий практически полностью между собой совпадают. Однако, как представляется, между ними наличествует существенное различие в предмете (предмет морали интериорен, в то время как предмет права экстериорен), в мотивах (автономный мотив долга против различных гетерономных мотивов) и в санкциях (за нарушением моральных предписаний следует моральное осуждение, порицание, демонстративное игнорирование, неодобрение и т.п., за нарушением юридических предписаний следуют – правовые (юридические) санкции, включающие наказания, предусмотренные законами, постановлениями, инструкциями и распоряжениями и т.п. [7, с. 375] что собственно и оправдывает их своеобразие.

Таким образом, естественное право с трансценденталистских позиций будет представлять собой совокупность трансцендентальных принципов (понятий), построенных априорно в пределах чистого (эмпирически-свободного) разума в области взаимоотношений между группами людей, обязательных на основании мотива долга (долженствования), принципов, конкретизированных в императивах в кантовском смысле этого понятия [8, с. 75]. Несоблюдение этих правил влечет за собой формальные негативные санкции [7, с. 374-375].

Позитивное право имеет совершенно иное происхождение, чем естественное право, поскольку возникает исключительно из воли законодателя [8, с. 126]. Основная цель как естественного права, так и позитивного права – гармонизировать свободу внутри человеческого общества, то есть свободу отдельного человека примирить со свободой других людей. Однако естественное право является первичным по отношению к позитивному праву и как таковое составляет фундамент и ориентир для его оценивания. Позитивное право носит внешний характер, оно распространяется в силу различных мотивов на группы людей в их взаимоотношениях. Несоблюдение законов (как естественных, так и установленных законом) влечет за собой правовые санкции, установленные нормативными правовыми актами.

Следовательно, различие между моральным поступком и юридическим актом можно определить в вышеуказанных терминах. Нравственным поступком называется тот, который совершается исключительно в силу внутреннего установления категорического императива, а юридическим актом – тот, который совершается в силу конкретных внешних условий (например, социального положения личности), т.е. мотивов, отличных от самого долга, но в соответствии с действующим законодательством.

Если моральное законодательство чистого практического разума представляет собой законы долга или долженствования, то есть по сути является предписывающим или собственно нормативным, то есть уклонение и неисполнение его не только возможно, но и вполне действительно, что принципиально отличает его от законов природы и естественной детерминации, то естественное и позитивное право в трансценденталистской парадигме также выступают идеями чистого практического разума, и в этом моральное законодательство и естественное право предельно близки, поскольку являются нормативными, однако с тем различием, что естественное право непосредственно выводимо из чистого практического разума как некое идеальное понятие самого права, которое именно и составляет идею права как такового, в то время как положительное или статутное право рассматривается как феноменально-эмпирическая манифестация идеи права как такового, направлено на регуляцию и обеспечение функционирования существующего правопорядка.

В этом смысле, трансцендентальная правовая эпистемология ограничивает свой предмет исследованием права как специфической идеи чистого практического разума, исключая из сферы своей компетенции исторически преходящие, феноменально-эмпирические манифестации права, правовых феноменов и правовых отношений. Таким образом, трансцендентальная правовая эпистемология направлена на исследование корректности формулировок (суждений), содержащих предписания (нормы) относительно должного, а не на так называемое «реальное право».

В рамках трансценденталистской правовой парадигмы, вектор которой задается трансцендентальной правовой эпистемологией, трансцендентальное право рассматривается как интеллигибельная сущность, рассматриваемая как идея чистого практического разума присущая всем субъектам, таким разумом наделенным. Здесь мы видим, что в рамках трансценденталистской правовой парадигмы понятия «естественного права» и «трансцендентального» права выступают предельно близкими и прежде всего потому, что им присущи такие признаки как нормативность и априоризм [8, с. 147]. Различия же естественного права и позитивного права представляются достаточно существенными. Естественное право выступает первичным по отношению к позитивному праву, фундирует его, представляет собой ориентир, соответствовать которому стремится позитивное право, как конкретное законодательство определенных государственных институций и образований. В этом смысле естественное право выступает нормативным «цензором» по отношению к позитивному праву как публичному законодательству конкретных государств и демонстрирует, каким должно быть законодательство в своей чистой, идеальной практической форме. Таким образом, в ракурсе трансцендентальной правовой эпистемологии трансценденталистская метафизика права Канта [1, с. 19] вполне определима как нормативная и априористская теория юридически значимого должного.

Список литературы

1. *Кант И.* Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. / Под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2014. 1120 с.
2. *Crowe J.* Natural Law and the Nature of Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 263 p.
3. *Straumann B.* Enforceable Duties: Cicero and Kant on the Legal Nature of Political Order // *Jus Cogens. A Critical Journal of Philosophy of Law and Politics*. 2023. Vol. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42439-023-00082-z> (дата обращения: 25.01.2024).
4. *Emmett K.A.* Kant's Hypothetical Imperative. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Toronto: University of Toronto, 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/71728/3/Emmett_Kelin_A_201603_PhD_thesis.pdf (дата обращения: 25.01.2024).
5. *Gonzalez Rivera Ch. L.* Law as a Means to Human Flourishing: Law, Morality and Natural Law in Policy-Oriented Perspective // *Intercultural Human Rights Law Review*. 2019. Vol. 14. [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3403395 (дата обращения: 25.01.2024).
6. *Friberg-Fernros H.* On The Problem of Defending Basic Equality: Natural Law and The Substance View // *The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine*. 2023. Vol. 48. P. 565-576.
7. *Мишагин П.А.* Нормативность и анормативное в праве: между свободой и ответственностью // *Мир человека: нормативное измерение – 8.0. Анормальное: сборник трудов конференции (Саратов, 8-10 июня 2023 г.)* / [редколл. И.Д. Невважай (отв. ред.) и др.]; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 371-379.
8. *Мишагин П.А.* Трансцендентальные основания социально-правового дискурса свободы: Дисс. ...кандидата философских наук: 5.7.7 – Социальная и политическая философия / Мишагин Павел Андреевич. Красноярск, 2023. 177 с.

ПОНЯТИЕ ПРЕДМЕТА У Э. ЛАСКА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ «КОПЕРНИКАНСКОГО ДЕЯНИЯ» И. КАНТА

Паткуль А. Б.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: a.patkul@spbu.ru*

Аннотация. В своем сообщении я реконструирую специфику понимания предметности в философии Эмиля Ласка. Я показываю, что эта специфика во многом определяется своеобразием интерпретации кантовского «коперниканского деяния» этим философом. Согласно Ласку, коперниканский тезис Канта состоит не в том, что философия должна отдавать предпочтение исследованию познания перед исследованием бытия, а в том, что Кант первым перевел понятие бытия в сферу трансцендентальной логики. Тем самым он вообще снял различие и противостояние предмета и истины, бытия и познания, упразднив за счет этого и всякую независимость бытия от сферы логического. Такое понимание позволяет Ласку также по-своему понять характер предметности предметов и опредмечивания: предметность предметов, как он полагает, задается логическим значением и представляет собой категориальную форму.

Ключевые слова: предмет, предметность, логическое значение, опредмечивание, категориальная форма, И. Кант, Э. Ласк.

THE CONCEPTION OF OBJECT IN E. LASK IN THE CONTEXT OF HIS INTERPRATATION OF 'COPERNICAN TURN' IN I. KANT

Patkul A. B.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
of Science and Technology
Saint Petersburg State University
E-mail: a.patkul@spbu.ru*

Abstract. In my talk, I reconstruct the peculiarities of the understanding of objectification in the philosophy of Emil Lask. I show that they are largely determined by the unique interpretation of Kant's 'Copernican Turn' accomplished by this philosopher. According to Lask, Kant's 'Copernican thesis' is not that philosophy should privilege inquiry into the nature of the cognition over the investigation of being, but that Kant was the first thinker who transformed the concept of being into the transcendental logical conception. Thus, he generally removed the difference and opposition between object and truth, being and knowledge, thereby abolishing any being's independence from the sphere of the logical. This understanding also allows Lask to understand in his own way the nature of the objectivity of objects and objectification: the objectivity of objects, as he believes, is given by logical meaning, and in itself it can be represented as a categorical form.

Keywords: object, objectivity, logical meaning, objectification, categorical form, I. Kant, E. Lask.

В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» Кант сравнивает свое новаторство в сфере метафизики с революцией, которую Николай Коперник произвел в астрономии. Речь тут идет не о каком-то отдельном революционном открытии или даже серии открытий, а о кардинальной перемене в понимании отношения наблюдателя и наблюдаемого объекта, можно сказать, об обращении такого отношения. Причем это понимание упреждает конкретное научное исследование, выступая тем самым своего рода разрешающей инстанцией для такового. Именно оно производит предварительную селекцию того, что будет доступно для такого исследования, а что нет — и в каком объеме.

Сам Кант утверждает в своем *opus magnum* касательно аналогии своего способа исследования с базовой методологической мыслью Коперника следующее: «Здесь повторяется то же,

что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большего успеха, если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя» (В XVI) [1, с. 87]. В чем именно тут состоит аналогия идеи Коперника с кантовским учением о познании? Видимо, сам Кант имеет в виду, что, подобно тому, как в случае Коперника прежде считавшийся неподвижным наблюдатель приводится в движение, а ранее рассматривавшиеся в качестве движущихся звезды объявляются неподвижными, так и в случае с познанием предметы, прежде считавшиеся тем, чему должно соответствовать знание, являются тем, что должно соответствовать последнему. Иными словами, если продолжить аналогию с Коперником, то прежде «неподвижными» были предметы, «двигалось» познание, а после кантовского изменения способа метафизического мышления «движущимися» объявляются предметы, «неподвижным» — познание. Получается, таким образом, что наблюдателю у Коперника у Канта соответствует предмет, а звездам у Коперника — познание у Канта. Если такая интерпретация оправдана, то это, по всей видимости, объясняет характеристику кантовской «коперниканской революции» как «птолемеевской контрреволюции», которая была предложена Б. Расселом (см. [2, с. 5-6]). Кант как будто бы желает поставить в центр эпистемологической Вселенной неподвижного «наблюдателя» с его неподвижным «познанием», а предметы заставить «двигаться» вокруг него, подобно тому, как в докоперниканской астрономии центром являлся неподвижный наблюдатель движений на звездном небе. Но не стоит упускать из внимания и то обстоятельство, что познание для Канта — это звезды, хотя и неподвижные, но не являющиеся при этом каким-то эпистемологическим центром, точкой наблюдения. Тогда как аналогом подвижного наблюдателя у Канта оказывается сообразующийся с неподвижным познанием предмет.

Так или иначе сам кенигсбергский философ утверждает: «До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, — а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны» (В XVI) [1, с. 87]. Для самого Канта крайне важно, что за счет такого обращения только и можно, как он считает, объяснить возможность именно априорных, т.е. характеризующихся всеобщностью и необходимостью, знаний. «Подобную же попытку (имеется в виду попытка, подобная коперниковской — *А.П.*) можно предпринять в метафизике, когда речь идет о *созерцании* предметов. Если бы созерцания должны были согласоваться свойствами предметов, то мне не понятно, каким образом можно было бы знать что-либо а priori об этих свойствах; наоборот, если предметы (как объекты чувств) согласуются с нашей способностью к созерцанию, то я вполне представляю себе возможность априорного знания» (В XVI-XVII) [1, с. 87-88].

Пожалуй, прояснить подлинный смысл кантовской аналогии с деянием Коперника, а значит установить, является ли деяние самого Канта «коперниканской революцией» или «птолемеевской контрреволюцией», удастся, только если получится реконструировать подлинный смысл понятия предмета у Канта, как и того, в каком именно смысле предметы допустимо уподоблять движущемуся наблюдателю в системе Коперника, соответственно, какой смысл «движения» вообще может быть приписан предметам в кантовском смысле — так, чтобы предметы можно было бы в принципе уподоблять наблюдателю.

Определенный, хотя и небесспорный, но все же требующий детального обсуждения шаг в этом направлении сделал *Эмиль Ласк* (1875-1915), один из представителей южно-немецкого неокантианства, ученик Генриха Риккерта.

Как и для многих других представителей послекантовской философии, для Ласка понятия предмета, предметности, соответственно, опредмечивания находились в центре его философского интереса. Но в случае с Ласком важно и то, что он придает специфическое толкование кантовскому «коперниканскому деянию», видя в этом понятии и своей его интерпретации исходный пункт для экспозиции перечисленных понятий.

Говоря об этом «деянии», Ласк отмечает, что оно состоит отнюдь не в том, что Кант переключил философское исследование с предметов на познание таковых — его границы и возможности, даже не в том, что он распознал то обстоятельство, что исходная проблема познания не является психогенетической. В этом — так, по крайней мере, считает Ласк — Кант не идет дальше Декарта или Локка. Что же является действительно революционным у Канта, согласно Ласку? Ответить на этот

вопрос можно его же сентенцией: «Совершенно новое и неслыханное, то что прежде еще никому не “приходило в голову”, заключается, скорее, в переводе понятия бытия в понятие трансцендентальной логики» [3, с. 37]. Общим для докантовской философии, по его мнению, вне зависимости от того, идет ли речь о рационализме или эмпиризме, является то, что здесь всегда присутствует своеобразное удвоение «бытия» и «познавания», «предмета» и «истины» etc. И в отношении этих удвоений ставится затем вопрос, как одно может соответствовать другому — не важно предмет познанию или же познание предмету. Преодоление же Кантом всякого догматизма состоит в «устранении этой металогичности, этой “трансценденции” относительно логического, в упразднении этой независимости бытия от логической сферы, в устранении старинного разрыва предмета и истинностного содержания, в познании трансцендентальной логичности или “рассудочности” бытия» [3, с. 38]. Это приводит к тому, что после Канта в философии «речь идет вовсе не о соотношении между познающим субъектом и предметом, не о двойстве субъекта и объекта, но о соотношении между трансцендентально-логическим содержанием и предметом» [3, с. 38].

Это и оказывается решающим, по мысли Ласка, для правильного понимания «коперниканского деяния» Канта — дело не в обращении мест познания и предмета по сравнению с традиционной, догматической их диспозицией, а в том, что именно Кантом за счет названного «деяния» «была разрушена эта двойственность предметности и логического значения, чтобы логическое содержание было постигнуто как составляющее или конституирующее предметность, а значит, как конститутивное трансцендентально-логическое содержание, а предметность в предметах — как нечто относящееся на счет логического значения» [3, с. 38].

На примере последней цитаты понимание сущности «коперниканского деяния» Канта Ласком становится наиболее отчетливым. Оно состоит не в том, что теперь предметы «двигаются» «вокруг» познания, точнее, а в том, что *само такое движение представляет собой не что иное, как изначальное учреждение (конституирование) предметности самих предметов трансцендентально-логической структурой*. Предметность предметов не «двигается» в готовом виде вокруг познания, она задается его логической структурой; имеет место опредмечивание, создающее предметность предметов. И это опредмечивание и является таким «движением».

Показательно, что такой универсализм логического по отношению к предметности у Ласка вовсе не означает абсолютно-идеалистического панлогизма в духе Гегеля; логика у него не порождает содержание путем комбинаторики логических форм, как в «Науке логики», а «всевластие логического» (над дологическим и алогическим материалом) вовсе не означает панлогизма, но только логика в ее трансцендентальной функции задает предметы как предметы, опредмечивает. Поэтому Ласк констатирует: «Именно это означает коперниканский переворот, если мы пойдем его как деяние трансцендентальной логики, логическое значимостное содержание не вращается вокруг предметов, не состоит в функциональной зависимости от них, не привязано к ним, подобно следующей за ними тени, не есть истина о предметах, так что можно было бы сказать: сколько предмета, столько истины о нем; но наоборот: предметы вращаются вокруг логического значения, их предметность *есть* значащая истина» [3, с. 40].

Более определенно Ласк связывает опредмечивание с понятием *предметной формы*. Под ней он понимает такую теоретическую форму, которая является словно бы уже вовлеченной в свой конкретный материал (а форма, согласно Ласку, имеет структуру «значимости к...» — в этом можно видеть влияние на его в целом неокантианскую доктрину феноменологических идей Эдмунда Гуссерля), словно бы обремененной значениями, своей исполненности на определенном материале. Такая предметная форма опознается Ласком как «форма предметности вообще» (см. [3, с. 93-94]). За счет этого чистая форма переходит в форму предметности и «получает заострение на определенную сферу материала» [3, с. 94], подчиняя себя тем самым определенной *категории*. В итоге это и позволяет Ласку дать более абстрактное определение «коперниканского тезиса»: «...в предметах их предметность следует постигнуть как категориальную форму» [3, с. 94].

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 6-и т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
2. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. К.: Ника, 1997. 560 с.
3. Ласк Э. Логика философии и учение о категориях. М.: Канон +, 2017. 383 с.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К НАУЧНОМУ ПОЗНАНИЮ И КОНЦЕПЦИЯ ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Попов Д.Н.

Кандидат философских наук, старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: dnikropov@yandex.ru

Аннотация. Исследование делает попытку анализа перспективности синтеза идей трансцендентального подхода к науке в феноменологии и русской философии. В частности, нас интересует проблема реализма научных объектов. В феноменологии трансцендентальный подход Э. Гуссерля для решения этой проблемы используют Д. Захави и Х. Вильтше, которые также полемизируют с постфеноменологией Д. Айди и П. Хилана. В русской философии трансцендентальный подход к анализу научного познания использовал В.С. Соловьев, П. Флоренский, А.Ф. Лосев в концепции цельного знания. В результате сравнения данных концепций, делается вывод о возможности синтеза идей данных направлений в рамках проблемы формирования смысла научных объектов. Если феноменология имеет хороший инструментарий для анализа формирования смысла на основе концепции жизненного мира, то концепция цельного знания проясняет разные аспекты и уровни формирования смысла. Синтез двух этих концепций в рамках современных трендов трансцендентализма видится в подходе перспективизма.

Ключевые слова: трансцендентальная феноменология, реализм, перспективизм, цельное знание, русская философия.

THE TRANSCENDENTAL-PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND THE CONCEPT OF INTEGRAL KNOWLEDGE IN RUSSIAN PHILOSOPHY

Popov D.N.

CSc in Philosophy, Senior Lecturer
Finance University under the Government of the Russian Federation
E-mail: dnikropov@yandex.ru

Abstract. The study attempts to analyze the prospects for the synthesis of ideas of a transcendental approach to science in phenomenology and Russian philosophy. In particular, we are interested in the problem of realism of scientific objects. In phenomenology, the transcendental approach of E. Husserl is used to solve this problem by D. Zahavi and H. Wiltsche, who also polemicize with the postphenomenology of D. Ihdi and P. Heelan. In Russian philosophy, the transcendental approach to the analysis of scientific knowledge was used by V.S. Solovyov, P. Florensky, A.F. Losev in the concept of whole knowledge. As a result, comparing these concepts, it is concluded that it is possible to synthesize the ideas of these directions within the framework of the problem of forming the meaning of scientific objects. If phenomenology has good tools for analyzing the formation of meaning based on the concept of the life world, then the concept of whole knowledge clarifies various aspects and levels of meaning formation. The synthesis of these two concepts within the framework of modern trends of transcendentalism is seen in the perspectivism approach.

Keywords: transcendental phenomenology, realism, perspectivism, integral knowledge, Russian philosophy.

Исследование трансцендентального подхода классически начинается с И. Канта. Преемственность использования данного подхода можно обнаружить в разных философских течениях и методологиях, самая очевидная из которых, конечно, наблюдается в неокантианстве. Помимо неокантианства свою преемственность от трансцендентализма И. Канта имеет трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля, которая также претендует на вклад в изучение априорного познания объектов и обоснования научного знания. Гипотеза нашего исследования предполагает, что сильное

влияние трансцендентализма на русскую философию [1] позволяет найти в ней перспективные идеи для решения проблем научного познания, в частности формирования смысла научных объектов.

Трансцендентальная феноменология активно участвует в актуальных дискуссиях по эпистемологическим проблемам, а также проблемам философии науки, представляя в них трансцендентализм. В частности, в данном направлении рассматриваются проблемы основания научной рациональности (Д. Захави [2, 3], Х. Вильтше [4, 5], П. Хилан [6, 7]), проблемы коммуникаций, роль технологий в научном познании (Д. Айди [8]), а также статус научных объектов. Важной особенностью трансцендентальной феноменологии является решение проблемы основания науки, его теоретических знаний из дотеоретического опыта и учета различных регионов бытия при формировании знания. В современной феноменологии существует несколько направлений решения проблемы реализма. Антиреалистическое решение прослеживается на основе конструктивного эмпиризма Б. ван Фраасена (Х. Вильтше [9]). Реалистическое решение со своей спецификой, можно обнаружить на основе экспериментального реализма Я. Хэкинга (Д. Айди [10], П. Хилан [11]).

Для исследования проблемы формирования смысла научных объектов необходимо провести анализ работ Гуссерля для выявления специфики взаимосвязи и различия мировоззрения (метафизики) и науки в вопросе трансцендентально-феноменологического обоснования науки. Данный анализ поможет выделить трансцендентальную направленность в актуальных дискуссиях феноменологии (Д. Захави [3], Х. Вильтше [4]) с натуралистическим и материалистическими (К. Мейасу [12], Д. Деннет [13]) направлениями обоснования науки, а также их синтетическими формами (Ф. Варела [14], К. Малабу [15]). Трансцендентализм защищает нередуцируемость априори установки от первого лица в науке, что является главным вопросом современных дискуссий.

Для реализации поставленных задач необходимо провести исследование возможности применения русской традиции трансцендентализма для решения проблем реализма научных объектов внутри традиции трансцендентализма. В частности, возможность использования концепции цельного знания (В.С. Соловьёв (Кризис западной философии. 1874, Философские начала цельного знания, 1877, Критика отвлечённых начал, 1880 [16]), П. Флоренский [17], А.Ф. Лосев [18]) для развития понимания различных аспектов жизненного мира в формировании смыслов научных объектов.

Концепция цельного знания является одной из главных идей философии славянофилов. Она разрабатывалась в теории познания на основе концепции всеединства: разные виды знания дополняют друг друга и без друг друга представляют из себя «отвлечённые начала», искажения целого [19]. К этим видам знания можно отнести: эмпирическое, рациональное и мистическое.

В. С. Соловьёв в работе «Философские начала цельного знания» рассматривал цельное знание как синтез теологии, философии и науки. Помимо эмпирического, чувственного знания позитивной науки и рационального знания философии Соловьёв добавляет мистический опыт теологии, как неотъемлемый смысловой аспект истины. Соловьёв хотел преодолеть новоевропейский рационализм и скептицизм синтезировав науку, философию и религию на современном уровне. У истины нет вечного содержания, в том смысле, что её идеи должны постоянно развиваться причем во всех аспектах. П. Флоренский идёт дальше и предлагает в цельность знания добавить и эстетическую составляющую, и искусство, сделать синтез религиозной и светской культуры в целом («Эмпирея и эмпирия»). Научный метод не приводит к Истине, а возводит Вавилонскую башню. «Истина сама себя делает Истиной» и преображая разум фиксирует себя в эстетическом опыте.

Современным этапом развития цельного знания можно считать работы А. Ф. Лосева, которые стали следующим шагом на интеллектуально-духовном пути преодоления разобщенности анализа различных аспектов опыта науки, религии, философии, искусства и нравственности. Основой такого единства может быть миф, чем он и являлся изначально («Диалектика мифа») [18]. Миф — это развернутый символ, имя, а также стихия жизни, полная, абсолютная реальность, которой живет человек. Миф и символ является средством преодоления границ осмысления и выражения реальности. Интуиция помогает личности проникнуть в глубину мифологического сознания, вернуться к подлинным истокам своей самотождественности. Понятие мифа Лосева подходит очень близко к понятию жизненного мира Гуссерля в «Кризисе европейского человечества», где он анализирует греческую культуру.

Данное исследование приводит к идее возможность синтеза, в русле русского трансцендентализма, различных перспектив (регионов), составляющих научное познание: технологический аспект – постфеноменология Д. Айди, телесно-физиологический аспект – нейрофеноменология Ф. Варелы, исторический аспект – феноменология М. Мерло-Понти и М. Фуко и кроме этого мировоззренческий аспект философии, эстетический аспект культуры и экзистенциальный аспект религии раскрытый русской философией на основе жизненного мира или мифа. Объединение

данных аспектов смысла возможно рамках специфического перспективистского подхода (М. Массими, Р. Гиери) с учетом влияния различных регионов бытия (Э. Гуссерль, М. Шелер, Р. Ингарден) и стратификации реальности.

Список литературы

1. *Сторчеус Н. В.* Антропологический аспект трансцендентализма в русской философии // Трансцендентальный поворот в современной философии – 7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект : Сборник тезисов международной научной конференции, Москва, 21–23 апреля 2022 года. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 67-68.
2. *Zahavi D.* The end of what? Phenomenology vs. speculative realism, *International Journal of Philosophical Studies*. 2016. № 24:3. P. 289-309.
3. *Zahavi D.* Naturalized phenomenology: A desideratum or a category mistake? *Royal Institute of Philosophy Supplements*. 2013. № 72. P. 23–42.
4. *Wiltsche H.* Science, Realism and Correlationism. A Phenomenological Critique of Meillassoux' Argument from Ancestrality // *European Journal of Philosophy*. 2016. № 25. P. 808–832.
5. *Wiltsche H.A.* Mechanics Lost: Husserl's Galileo and Ihde's Telescope // *Husserl Stud.* 2017. № 33. P. 149-173.
6. *Heelan P.* Space Perception and the Philosophy of Science. Berkeley: University of California Press, 1983.
7. *Heelan P.* The role of consciousness as meaning Maker in science, culture, and religion // *Zygon*. 2009. № 44 (2). P. 467-486.
8. *Ihde D.* Husserl's Galileo needed a telescope! // *Philosophy and Technology*. 2011. № 24. P. 69-82.
9. *Wiltsche H.* What is Wrong with Husserl's Scientific Anti-Realism? *Inquiry*, 2012. № 55 (2). P. 105-130.
10. *Ihde D.* Instrumental realism: the interface between philosophy of technology and philosophy of science. Bloomington: Indiana University Press, 1991.
11. *Heelan P.* After Experiment: Realism and Research // *American Philosophical Quarterly*. 1989. № 26 (4). P. 297-308.
12. *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности. М.: Кабинетный ученый, 2016.
13. *Daniel C. Dennett.* From Bacteria to Bach and Back: The Evolution of Minds. Norton, 2017.
14. *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 1991.
15. *Malabou C.* Can We Relinquish the Transcendental? // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2014. Vol. 28, №. 3. P. 242-255.
16. *Соловьев В.С.* Сочинения. Т 1. М.: Мысль, 1988.
17. *Флоренский П.* Эмпирея и Эмпирия (беседа) // *Богословские труды*. 1986. № 27. С. 298-322.
18. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: ЯСК, 2021. 695 с.
19. *Павлюченков Н.Н.* Развитие идеи «цельного знания» в русской философии (И. В. Киреевский, В.С. Соловьев, П. А. Флоренский) // *Соловьевские исследования*. 2016. №2 (50). С. 135-150.

«РАССРЕДОТОЧЕННОЕ МНОГООБРАЗИЕ МИРА» (ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ АНАЛИТИКИ РЕАЛЬНОГО)

Серкова В.А.

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: henrypooshel@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируется роль примеров в работах Э. Гуссерля в его понимании природы реальности. Метод дескриптивной феноменологии предполагает особую практику конкретного описания, и потому наличие огромного количества «иллюстративного» материала в произведениях Э. Гуссерля – явление, по всей видимости, не случайное. В «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени» временные

синтезы сознания демонстрируются на материале описания конкретного примера. В первой и во второй книгах «Идей к чистой феноменологии» приводится множество примеров, которые можно рассматривать как своеобразные формы верификации материала «чистой трансцендентальной аналитики». В статье поставлены вопросы, которые могут уточнить представления Гуссерля о природе реальности. Каковы правила употребления примера в феноменологии? Обладает ли он правом законного существования в феноменологическом исследовании? Или пример является таким способом исследования, к которому феноменолог прибегает в крайнем случае, возвращаясь «на порог феноменологии»? Если пример подлежит феноменологической редукции, то что в этом случае выносится за скобки и как происходит феноменологическое очищение редуцированного материала?

Ключевые слова: реальность, пример, экземплификация, феноменологическая редукция, феноменологическая практика, Э. Гуссерль.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01014
<https://rscf.ru/project/24-28-01014/>

"THE DISPERSED MULTIPLICITY OF THE WORLD" (PHENOMENOLOGICAL EXPERIENCE OF ANALYZING THE REALITY)

Serkova V.A.

Doctor of Philosophy, Professor

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the role of examples in E. Husserl's works in his understanding of the nature of reality. The method of descriptive phenomenology presupposes a special practice of concrete description, and therefore the presence of a huge amount of "illustrative" material in E. Husserl's works is, apparently, not accidental. In "Lectures on the Phenomenology of the Inner Consciousness of Time" the temporal syntheses of consciousness are demonstrated on the material of description of a concrete example. In the first and second books of "Ideas Toward a Pure Phenomenology" many examples are given which can be regarded as peculiar forms of verification of the material of "pure transcendental analytics". The article poses questions that can clarify Husserl's ideas about the nature of reality. What are the rules for the use of example in phenomenology? Does it have the right of legitimate existence in phenomenological research? Or is the example a mode of inquiry to which the phenomenologist resorts as a last resort, returning "to the threshold of phenomenology"? If the example is subject to phenomenological reduction, what is taken out of brackets in this case and how is the phenomenological purification of the reduced material carried out?

Keywords: reality, example, exemplification, exemplification, phenomenological reduction, phenomenological practice, E. Husserl.

Феноменология, основанная на трансцендентальном исследовании возможного опыта, на описании источников всякого познания и сознания, на аналитике «чистой субъективности», на первый и поверхностный взгляд, должна избегать всяких конкретных содержаний. Элизабет Штрекер весьма определенно оценивает значение конкретного и экземпликативного: «феноменология не заинтересована в положении дел для единичности» [1, с. 382].

Действительно кажется, что «экземплификация» должна быть исключена из области феноменологического опыта. Гуссерль предпринимает множество методологических усилий с тем, чтобы редуцировать формы «субъективного конкретного» к трансцендентальной субъективности. Однако, строгое соблюдение правила феноменологических редукций не мешает Гуссерлю ставить радикальные вопросы о значимости реального, эмпирического, конкретного, экземпликативного содержания в феноменологической теории.

Смысл конкретного содержания сознания и модусы, в которых реализуются эти содержания, очевидно нуждаются в феноменологическом истолковании. Гуссерль не исключает анализ текущей конкретности из своей дескриптивной практики. Более того, некоторые из его основополагающих работ, напр., «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени», основаны на аналитике

единичного явления, а именно, на изучении «субъективных условий возможности интуитивного постижения» «являющегося как такового» [2, с. 6]. На этом основании следует внимательно отнестись к смыслу феноменологических редукций, который определяет логику дескриптивного описания и природу конкретного, содержащегося в феноменологической теории. Кроме того, характер поздних произведений Э. Гуссерля и то направление, которое принимает вся проблематика гуссерлевых исследований жизненного мира, показывает, что его интерес «к самим вещам» имел принципиальное значение для феноменологии. В этой связи особое значение имеют многочисленные примеры, которые Гуссерль использует в своих сочинениях.

Кажется, что примеры как эмпирические случаи, как «реальные факты» должны раз и навсегда исчезнуть из философского дискурса феноменологии, и поэтому использование примеров нуждается в определенном оправдании как нечто изначально внешнее сознанию, противолежащее ему на стороне «реальности» мира. Примеры, вовлеченные в феноменологический текст, закрепляются в нем как формы текучей конкретности. Во втором томе «Логических исследований» Гуссерль занимается аналитикой и критикой эмпиризма [3, § 26 «Различные модификации сознания общего и чувственное созерцание», гл. 4, ч.2]. Определяющую роль в этой критике играет принцип феноменологических редукций: предметы и события внешнего мира могут моделироваться на многообразных примерах конституирования их в сознании.

Высказывался ли сам Гуссерль относительно необходимости и возможности использования в философском тексте примеров? В первой книге «Идей к чистой феноменологии» он рассматривает метод идеации, применяемый исследователем для выражения «идеи того, что он имеет перед глазами в качестве показательного примера» [4, с. 170]. Там же Гуссерль утверждает, что в сознании имеет место «разумное подтверждение» на основании «интуитивного припоминания примеров» [4, с. 293]. В «Начале геометрии» Гуссерль рассуждает о примерах, которые разрушают устойчивое существование «идеальных предметов» [5, с. 219].

Можно составить весьма внушительный перечень примеров, использованных в работах Гуссерля. Это радость по случаю свободно и плодотворно протекающего теоретического размышления, переживания матери, глядящей с любовью на своих детей, восприятие мелодии музыкальной пьесы, восприятие дома, «простое восприятие дерева» и пр. пр. [4, с. 163, 165, 183, 263-265]. Гуссерль часто обращается к разнообразным конкретным эмоциональным переживаниям (например, к переживанию чувства радости или гнева) с тем, чтобы показать, что за «внешней аналогией» скрывается глубинное различие между двумя типами созерцания – эмпирического и эйдетического.

Очевидно, что пример представляет некоторое трансцендентное событие, которое и следует рассматривать именно как таковое, и это значит, что для того, чтобы ввести его в феноменологическое исследование, его содержание должно пройти феноменологическую редукцию и рассматриваться как переживание. В опыте, таким образом, выявляется отношение «опыта переживаний» и «вещи» – исходно пустого с феноменологической позиции понятия. Использование примеров не является ни способом популяризации трансцендентальной феноменологии, не мотивируется потребностями усвоения метафизического содержания или верификации теоретического материала. К нему Гуссерль не прибегает как к «наглядному доказательству» или простому иллюстративному средству, напротив, от использованного примера впоследствии невозможно освободиться, он вращается в феноменологическое исследование не как его балласт, а как опыт в широком смысле слова, как его гилетическая основа, которая подвергается феноменологической обработке. Примеры не облегчают философское содержание, а вводят в него дополнительную сложность и напряженность. Пример включается во всю многосложную систему дескриптивного анализа, и в этом процессе переходит из разряда трансцендентного («внешнего события») в структуру имманентного конституирования. Введение в анализ примера – ответственное и длительное феноменологическое предприятие. Пример не выступает поэтому средством экономии аналитических ресурсов, наоборот, он приводит феноменолога к необходимости задействовать весь арсенал методологических правил и принципов для того, чтобы удержать «экземплификацию» в трансцендентальном исследовании.

Это та максима феноменологической работы, которая позволяет осуществить в конечном итоге, как выражается В.И. Молчанов, «конкретный анализ конкретных проблем» [6, с. 7].

Список литературы

1. Штрекер Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки // Современная философия науки. М., 1998. С. 376-391.

2. Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени // Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. 164 с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. (1) Собрание сочинений. Т. 3 (1). / Перев. с нем. В.И. Молчанова. - М.: Гнозис, Дом. интеллектуальной книги, 2001. 474 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.
5. Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Изд-во Ad Marginem. 269 с.
6. Молчанов В. И. Предисловие // Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 7-14.

ПОДХОД М. ФРИДМАНА К АНАЛИЗУ ФИЗИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Шамарина Е.Т.

*Менеджер международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: eshamarina@hse.ru*

Аннотация. Подход Майкла Фридмана к анализу физических теорий стоит рассматривать в широком контексте природы нашего теоретического знания. В частности, это касается эпистемического статуса принципов, составляющих эмпирические теории. Фридман заменяет аналитическо-синтетическое различие различием между «конститутивными принципами» и собственно эмпирическими утверждениями. Он выделяет 3 уровня исследования в анализе эмпирического знания: конститутивные принципы, эмпирические гипотезы в рамках конститутивных принципов и уровень мета-теоретических принципов. В таком подходе цель Фридмана – восстановить правильное понимание расслоения концептуальных основ в физике. Он утверждает, что теория многообразия Римана и принцип эквивалентности составляют концептуальную основу теории гравитации Эйнштейна. Я рассмотрю несколько проблем, связанных с программой Фридмана.

Ключевые слова: Фридман, Эйнштейн, концептуальный анализ, конститутивные принципы, принцип эквивалентности.

THE APPROACH OF M. FRIEDMAN TO THE ANALYSIS OF PHYSICAL THEORIES

Shamarina E.

*Manager of International Laboratory for the studies of the intellectual dialogue between Russia and Europe
National Research University Higher School of Economics
E-mail: eshamarina@hse.ru*

Abstract. The approach of Michael Friedman to the analysis of physical theories should be considered in the broad context of the nature of our theoretical knowledge. In particular, this concerns the epistemic status of the principles constituting empirical theories. Friedman replaces the analytic-synthetic distinction with a distinction between «constitutive principles» and empirical statements proper. He distinguishes three levels of research in the analysis of empirical knowledge: constitutive principles, empirical hypotheses within the framework of constitutive principles and the level of meta-theoretical principles. In this approach, the goal of Friedman is to restore a correct understanding of the stratification of conceptual foundations in physics. He argues that Riemann's manifold theory and the equivalence principle form the conceptual basis of Einstein's theory of gravitation. I will examine several problems with Friedman's program.

Key words: Friedmann, Einstein, conceptual analysis, constitutive principles, principle of equivalence.

Исследование подхода М. Фридмана к анализу физических теорий потребует выявления важных особенностей его концепций, таких, как предпосылки концепций и концептуальные рамки. Такого рода критический концептуальный анализ связан с исследованием понятий теории (физических и математических) и практикой (наблюдение, измерение). Основная цель данного концептуального анализа состоит в выявлении необходимых принципов: условий возможности, постижения, эмпирического смысла.

Модифицированная версия кантианства Фридмана является результатом сочетания релятивизированного априори, разработанного в рамках логической эмпирической традиции (Г. Райхенбах) с марбургской версией регулирующего использования разума (Э. Кассирер) и философией языковых структур (Карнап). Концептуальный анализ в подходе Фридмана следует традиции ранних логических позитивистов Г. Райхенбаха, М. Шлика использовать различные методологические принципы системно в их взаимосвязи в анализе научного знания. На примере теорий гравитации Ньютона и Эйнштейна Фридман защищает тезис, что концептуальные основы физики *стратифицированы*. Согласно его позиции, каждая научная теория состоит из *трех* асимметрично функционирующих частей: математической части, физической или эмпирической частей, и механической части.

Математическая часть включает в себя основные математические теории, которые используются для описания рассматриваемой пространственно-временной структуры. В теориях гравитаций это - бесконечное евклидово пространство, четырехмерное пространство-время Минковского, полуримановы пространственно-временные многообразия. Математические теории определяют пространство математических возможностей, тем самым формируя рамки исследования и задавая структуру теоретических концепций и их физические интерпретации. Формальный язык или концептуальная основа этого уровня определяет основные понятия теории.

Физическая часть использует теории математической части для формулирования физических понятий эмпирических законов. С помощью математически заданных критериев такие понятия, как масса, сила, движение, пространство, время, электрическое поле, магнитное поле описываются конкретные эмпирические явления, а именно: закон всемирного тяготения, уравнения Максвелла для электромагнитного поля и уравнения Эйнштейна для гравитационного поля.

Третий компонент – *координирующие принципы*, составляющие *механическую часть* функции установления соответствия между математической частью программы и конкретными эмпирическими явлениями. Например, законы движения Ньютона, принцип постоянства скорости света, принцип эквивалентности масс покажут такую координирующую функцию. Благодаря координирующим принципам точные законы природы сформулированы средствами математической части теории и обретают *эмпирический смысл*, например, описание Ньютоном солнечной системы (включая планетные возмущения) в Началах, Книге III или расчет Эйнштейном смещения перигелия Меркурия.

1. Фридман считает общую теорию многообразия Римана и принцип эквивалентности *конститутивными предпосылками* или *рамками* для эмпирической теории поля Эйнштейна [2, р. 37]. Уравнения поля Эйнштейна описывают изменения кривизны геометрии пространства-времени как функцию распределения массы и энергии, направляющую гравитационно-воздействующие тела вдоль самого прямого пути или геодезических геометрий пространства-времени. Философ приводит аргумент Эйнштейна в теории гравитации из специальной теории относительности. Фридман отмечает, что «кривизна — это априори в контексте общей теории относительности. Таким образом, в этой традиции мы получаем релятивизированную и динамичную концепцию априорных математических и физических принципов, которые меняются и развиваются наряду с развитием самих математических и физических наук, но, тем не менее, сохраняющих характерную кантовскую основополагающую функцию структурирования эмпирического естественного знания; структурированного и основанного на таком принципе, как *возможность* [2, р. 31].

2. Следующий уровень стратификации в анализе физической теории у Фридмана представлен принципом эквивалентности, в котором утверждается численное равенство инерционной и гравитационной масс вследствие их фундаментальной идентичности. Версия принципа эквивалентности, совместимая со специальной теорией относительности, была введена А. Эйнштейном в 1907 году. В своей статье «Über Fr. Kottlers Abhandlung: Einsteins Äquivalenzhypothese und die Gravitation» [7, с. 505-506] Эйнштейн дает несколько определений принципа эквивалентности:

«Предположение о том, что с системой K' (K' - равноускоренная система относительно покоящейся системы K – прим) можно вполне строго обращаться как с покоящейся (причем в ней не будут выполняться все законы природы), я назвал «принципом эквивалентности».

«Мы не можем получить *любое* гравитационное поле посредством простого ускорения одной галилеевой системы координат относительно другой, поскольку таким путем можно получать поля только определенной структуры, которые, однако, должны подчиняться тем же законам, что и все другие гравитационные поля. Это еще одна формулировка принципа эквивалентности (специально для применения этого принципа к гравитации)».

Эйнштейн расширяет требование сохранения специальной теории относительности и в свободном падении, а также требование действительностью слабой эквивалентности *повсюду*. Поскольку физические законы одинаковы, Эйнштейн предположил, что гравитационное поле и ускорение «физически эквивалентны».

3. Третий уровень стратификации по Фридману – уровень философских *мета-парадигм* или *мета-структур* — служит источником для предложений и рекомендаций, поддерживая переход из одной парадигмы или концептуальной основы к другой. На этом уровне идет прояснение и формулирование *нового пространства* интеллектуальных *возможностей* предлагаемой научной парадигмы. Как только определенная конститутивная структура уже сформирована, обнаруживается совершенно точный смысл, в котором мы можем говорить о «совпадении» или «соответствии» между теорией, сформулированной в этой структуре, и эмпирическим или феноменальным миром, а именно, когда у нас есть точные рациональные доказательства для правильного эмпирического закона в контексте эмпирической проверки этого закона. В данном пространстве эмпирических возможностей совершенно точно есть смысл говорить об эмпирической истине, а теории математической физики продолжают давать парадигматические примеры такой истины.

Предлагаемые Фридманом три уровня стратификации знания имеют радикально различные функции в непрекращающейся и непредсказуемой эволюции науки. Он выступает в защиту научной рациональности – идеалу Просвещения с фиксированной рациональностью, парадигматически выраженному в современной математической науке, которая может служить основой для рациональной аргументации. В математической физике необходимо учитывать как реальную (или эмпирическую), так и логико-математическую возможность. В соответствии с тройственной точкой зрения Фридмана на конвергенцию между парадигмами можно очертить её контуры: во-первых, новая концептуальная основа или парадигма должна содержать предыдущую основополагающую структуру в качестве приблизительного предельного случая, содержащего точно определенные особые условия; во-вторых, новая конститутивная основа принципов должна также постоянно развиваться из старых учредительных принципов посредством ряда естественных преобразований; и, в-третьих, этот процесс непрерывной концептуальной трансформации должен мотивироваться и поддерживаться соответствующей новой философской мета-структурой, которая, в частности, продуктивно взаимодействует как с более старыми философскими мета-структурами, так и с новыми разработками, происходящими в самих науках.

Фундаментальная проблема, возникающая в связи с изложением Куном научных революций (в частности, идея несоизмеримости) состоит в том, чтобы объяснить, каким образом (коммуникативно) можно рационально перейти к новой основополагающей структуре, основанной на принципиально новом наборе координирующих принципов, несмотря на тот факт, что эта новая структура в старой конститутивной структуре, даже (эмпирически) невозможна.

Список литературы

1. *Friedman M.* Epistemology in the «Aufbau» // Synthese. 1992. Vol. 93, № 1/2. P. 15-57.
2. *Friedman M.* Dynamics of Reason. The 1999 Kant Lectures at Stanford University // Stanford: CSLI Publications, 2001. 141 p.
3. *Friedman M.* Kant, Kuhn, and the Rationality of Science // Philosophy of Science. 2002. № 69. P. 171-190.
4. *Friedman M.* Ernst Cassirer and Thomas Kuhn: The Neokantian tradition in the history and philosophy of science // Neokantianism in contemporary philosophy. Indiana University Press: Bloomington. 2008. P. 177–191.
5. *Reichenbach H.* Relativitätstheorie und Erkenntnis apriori. Berl: Springer. 1920. (Translated as: *The theory of relativity and a priori knowledge. M. Reichenbach (Ed.). Berkeley: University of California Press. 1965*).

6. Шлик М. Время и пространство в современной физике // Теория относительности Эйнштейна и её философское истолкование. Изд. 2-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 3-66.
7. Эйнштейн А. О статье Ф. Коттлера «Гипотеза эквивалентности Эйнштейна и гравитация» // Собрание научных трудов. Т. 1. М.: Наука, 1965. 701 с.
8. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ КАНТОВСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Шиян А.А.

*Кандидат философских наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: annasamoikina@yandex.ru*

Аннотация. В докладе феноменология Гуссерля будет представлена как гносеология и философия науки, которая вписывается в контекст современных кантовских интерпретаций. Речь будет идти о реалистических интерпретациях Канта и о развитии кантовского понятия априори в философии науки XX-XIX вв. Автор обращает внимание, что одной из задач феноменологии Гуссерля является обоснование возможности научного и обыденного познания реального мира. В докладе будет обращено внимание на отличие реалистической познавательной установки Канта и Гуссерля. Гуссерль в отличие от Канта допускал возможность познания реального мира, хотя и в определенных пределах. Также автор подробно остановится о гуссерлевском развитии кантовского познавательного априори и на обосновании его отличия от формального статуса априори Канта.

Ключевые слова: априори, реалистическая интерпретация, реальность, познание, Кант, Гуссерль.

PHENOMENOLOGICAL COGNITION IN THE LIGHT OF MODERN KANTIAN INTERPRETATIONS

Shiyan A.A.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Russian State University for the Humanities
E-mail: annasamoikina@yandex.ru*

Annotation. In the report Husserl's phenomenology will be presented as an epistemology and philosophy of science that fits into the context of modern Kantian interpretations. It will be about realistic interpretations of Kant and the development of the Kantian concept a priori in the philosophy of science of the XX-XIX centuries. The author draws attention to the fact that one of the tasks of Husserl's phenomenology is to substantiate the possibility of scientific and everyday knowledge of the real world. The report will draw attention to the difference between the realistic cognitive attitude of Kant and Husserl. Husserl, unlike Kant, allowed the possibility of cognition the real world, although within certain limits. The author also dwells in detail on Husserl's development of Kant's cognitive a priori and on the justification of its difference from the formal status of Kant's a priori.

Keywords: a priori, realistic interpretation, reality, cognition, Kant, Husserl.

Трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля является одним из направлений развития кантовского трансцендентализма в XX в. Рассматривать гуссерлевский трансцендентализм как развитие кантовского проекта можно с разных точек зрения: с позиции концепции трансцендентального Я, с точки зрения развития трансцендентального метода, как дальнейшее исследование синтетической деятельности сознания, исходя из различных пониманий априори, с позиций различных трактовок природы априорных суждений, в рамках анализа проблематики истины и познания и т.д. Сложность рассмотрения вопроса о преемственности трансцендентальной

феноменологии по отношению к кантовскому трансцендентализму обуславливается тем, что нет однозначного и всеми принимаемого понимания кантовской философии. Скорее, наоборот, с самого возникновения кантовской философии существует множество ее интерпретаций и толкований, порой взаимоисключающих. То же самое можно сказать и о феноменологии Э. Гуссерля. В данном тексте мы рассмотрим феноменологию Гуссерля с точки зрения современных реалистических интерпретаций трансцендентализма Канта и развития кантовского понятия априори научного опыта в XX–XXI вв.

Во второй половине XX в. появился ряд реалистических интерпретаций Канта, среди которых концепции «научного реализма» У. Селларса, «внутреннего реализма» Х. Патнэма, «перспективистского реализма» Массими и ряд других. Реалистические интерпретации Канта связаны, прежде всего, с переходом от ранее распространенной трактовки отношений между явлениями и вещами-самими-по-себе в рамках концепции «двух миров/двух объектов» к их трактовке в рамках концепции «двух аспектов» (См. об этом [1, 2, 3]. В рамках концепции «двух аспектов» кантовская «вещь-сама-по-себе» и «явление» рассматриваются не как две самостоятельные сущности (как это происходит в концепции «двух объектов»), а как «две стороны [аспекта]» рассмотрения одного и того же предмета. Тогда в рамках реалистической интерпретации Канта получается, что «явление» нам что-то говорит о «вещи-самой-по-себе», и, познавая мир явлений, мы что-то узнаем также о тех вещах-самых-по-себе, которые он представляет. Но что именно явления говорят нам о вещах-самых-по-себе, мы узнать не можем, то есть критерий истинности применительно к вещам-самых-по-себе у Канта отсутствует принципиально. (Подробнее о современных реалистических интерпретациях Канта см., например, [4]).

Реалистический тренд в интерпретации феноменологии Э. Гуссерля присутствовал всегда. Не случайно в первой половине двадцатого века из учеников и сподвижников Гуссерля (М. Шелер, А. Райнах, Э. Штайн, Д. фон Гильдебранд, Х. Конрад-Мартиус и др.) сформировалось направление реалистической феноменологии, в рамках которого ставилась задача постижения реальности как она есть. Однако под реальностью они понимали идеальный мир сущностей, который лежал в основании пространственно-материального мира вещей, потому для нас в контексте данной темы реалфеноменология не представляет интереса. Наибольшее распространение в XX и XXI вв. получила трактовка феноменологии Гуссерля как философии сознания, в рамках которой окружающий мир понимался исключительно как данность сознания. В рамках же реалистической интерпретации феноменологии, напротив, подчеркивается, что познание реальности (прежде всего, научное познание) как она есть является одной из задач трансцендентальной феноменологии (См. [5, с. 324]). При этом, эпохэ и редукция понимаются не как выведение за скобки реального, трансцендентного сознанию мира, а как фиксация исследуемого предметного поля. «Все заключенное в скобки отнюдь не стерто с доски феноменологии, – оно лишь заключено в скобки, и не более того, а это значит – снабжено определенным индексом. Но снабженное определенным индексом, оно остается главной темой научного исследования» [6, с. 226], – пишет Гуссерль. Вещи, с точки зрения данностей сознания, обозначаются в феноменологии Гуссерля как явления, и их отличают от вещей и предметов, как те существуют вне сознания, то есть от «самых вещей» (которые можно понимать как своеобразный аналог кантовских вещей-самых-по-себе в реалистической интерпретации). Однако отношение между явлениями и предметами в феноменологии Гуссерля иное, чем в кантовском трансцендентализме. «Сами вещи» могут являться познающему воспринимающему сознанию, иначе говоря, существует такая принципиальная возможность для пространственно-материальных предметов. Однако явление – это не вся вещь, а вещь, данная в рамках определенного региона, то есть при определенных условиях. Совпадение явления и самой вещи в рамках феноменологии Гуссерля является лишь возможностью, которая должна быть удостоверена. Для этого удостоверения к явлению вещи необходимо применить критерий истины, который Гуссерль вводит в шестом «Логическом исследовании» [7, с. 652–653]. В случае вещей пространственно-материального мира речь идет о совпадении данного в восприятии явления вещи и подразумеваемого в сознании содержания вещи. Если это совпадение произошло, то значит данность вещи в сознании является истинной, то есть явление совпадает с самой вещью. Конечно, с точки зрения Гуссерля, окружающая действительность представляет собой не только совокупность вещей и их свойств, но и отношений, связей, процессов, ценностей, идеалов и т.д. Однако, как подчеркивает Э. Тугендхат [8, с. 129–137], у феноменологии Гуссерля есть средства убедиться в истинности только относительно материальных вещей; истинность связей, отношений и процессов определить с достоверностью в рамках феноменологии невозможно.

С точки зрения Канта, познавательный процесс описывается несколько иначе. Наше познание начинается с аффицирования нашей чувственности вещами-самыми-по-себе («всякое наше познание начинается с опыта» [9, В 1]), дающимися нам посредством *явлений*, оформленных априорными

формами чувственности и категориями рассудка. Причем, если для Канта набор априорных форм и априорных категорий является неизменным, то в рамках развития трансцендентализма в XX и XXI вв. кантовский набор априори нередко модифицируется или меняется на альтернативный. Так происходит в неокантианстве (Г. Коген, Э. Кассирер), в логическом позитивизме (Р. Карнап, Х. Райхенбах), в постпозитивизме (Т. Кун, И. Лакатос), в современной аналитической философии науки (П. Стросон, У. Селларс, Дж. Розенберг, М. Фридман, М. Массими и др.), в философии нового реализма (М. Феррарис, М. Габриэль) и т.п.

Далее мы будем рассматривать феноменологию Э. Гуссерля в контексте развития кантовского априоризма. В рамках гуссерлевской теории познания принято выделять формальное и материальное априори. Формальное априори обуславливает все науки и все повседневное познание мира. К нему относятся априорные формы предмета вообще, свойств вообще, связей и отношений вообще, а также априорные формы суждений. Кроме того, всеобщие формы предметности, с точки зрения Гуссерля, формируются в суждениях. Соответственно, Гуссерль считает, что в основе формального априори лежит логика в широком смысле (См., например, [10, 11]). В «Опыте и суждении» и в «Формальной и трансцендентальной логике» Гуссерль разрабатывает свою систему априорных логических суждений, которую можно считать развитием и модификацией кантовской системы априорных суждений. При этом Гуссерль, в отличие от Канта, в явном виде ставит и решает задачу обоснования логического в опыте сознания. В результате ее решения он приходит к выводу, что та или иная форма логических суждений обусловлена определенными закономерностями протекания опыта сознания, прежде всего, опыта восприятия. Можно сказать, что логическое априори в феноменологии Гуссерля основано на априори сознания, то есть априорных принципах функционирования и структурах сознания. У Канта эта идея в явном виде не присутствует, но нечто похожее он делает в разделе «Дедукция категорий» первого издания «Критики чистого разума», когда демонстрирует соответствие априорных форм и категорий опыту формирования предметностей.

К гуссерлевскому материальному априори относятся сущности и сущностные взаимодействия регионов мира. Во второй и в третьей книгах «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль выделяет регионы материальных вещей, живых существ и социальных личностей. Каждый предмет того или иного региона определяется основной категорией и основными априорными (сущностными) взаимодействиями данного региона. Означает ли, что в случае введения материального априори Гуссерль отходит от кантовского субъективного характера априори и помещает его полностью в «вещи»? Безусловно, феноменологическое материальное априори каким-то образом «присутствует» в самих вещах, но при этом обладает субъективным, точнее трансцендентально-субъективным статусом. Дело в том, что одна и та же вещь может рассматриваться в рамках разных регионов (человека, к примеру, можно рассматривать и как социальную личность, и как просто живой организм), выбор контекста рассмотрения определяется субъектом, то есть можно сказать, что материальное априори также является в особом смысле субъективным априори [12, с. 331-332]. Здесь речь идет о трансцендентальном субъекте, поскольку выбор контекста рассмотрения в отношении региона для каждого человека обусловлен тем жизненным миром, который окружает человека. Не случайно, в поздний период своего творчества Гуссерль вводит априори жизненного мира, однако эту тему он не успел достаточно развить. Таким образом, Гуссерль развивает кантовское понятие априори в рамках концепта трансцендентальной субъективности, но лишая его при этом статуса необходимости. Это означает, что в ходе познания действительности мы можем исходить из разных установок и, соответственно, будем иметь дело с разными наборами априори.

В заключении хотелось бы выразить надежду, что современные реалистические интерпретации Канта актуализируют реалистические интерпретации феноменологии.

Список литературы

1. *Prauss G.* Erscheinung bei Kant: Ein Problem der «Kritik der reinen Vernunft». Berlin, New York: De Gruyter, 1971
2. *Prauss G.* Kant und das Problem der Dinge an sich. Bonn: Bouvier, 1974.
3. *Allison H.* Kant's Transcendental Idealism: An Interpretation and Defense. New Haven and London: Yale University Press, Revised and Enlarged Edition, 2004 (1st ed., 1983).
4. *Камречко С.Л.* Трансцендентализм Канта как метафизика возможного опыта и его реалистическая трактовка в аналитической философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. №3. С. 659–676.
5. *Гуссерль Э.* Амстердамские доклады // Гуссерль Э. Избранное. М.: Издательский дом

«Территория будущего», 2005.

6. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. М.: Академический проект, 2009.

7. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Zweiter Band. II Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Husserliana XIX/2. Herausgegeben von Ursula Panzer. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1984.

8. *Tugendhat E.* Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger. Berl: De Gruyter, 1970.

9. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках. М.: Наука, 1994–2006. Т.2. Ч.1. В 1.

10. *Husserl E.* Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft. Husserliana. Bd. XVII. Nijhoff, Den Haag, 1974.

11. *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik, Redigiert u. hrsg. v. Landgrebe, Hamburg, 1985.

12. *Лангребе Л.* Феноменология Эдмунда Гуссерля. Пер. в нем. и англ. И. И. Докучаева, З. В. Фиалковского. СПб: Русский мир, 2018.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ПОНЯТИЕ НАУЧНОГО МИФА В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бояркин З.В.

Магистрант

Институт философии СПбГУ

E-mail: zakhar.boyarkin@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящён анализу понятия научного мифа в рамках исследования общества, научного сообщества и государства. В первой части доклада ставится проблема определения оснований для существования научных мифов. Приводится определение мифа Ролана Барта, которое будет применимо для дальнейшего анализа. Во второй части доклада выясняется, что понятие научного мифа воплощается в публичной научной коммуникации сразу в нескольких аспектах. Во-первых, научный миф существует ввиду провала в переводе научного знания на доступный для общества язык. Во-вторых, научный миф поддерживается поверхностными общественными представлениями о науке. Кроме того, сам институт науки сопровождается мифологией. Однако мифы не производятся самой наукой: мифы оказываются базовыми установками для научного развития. Также существует такая научная мифология, которая поддерживает “нормальность” научного сообщества. Данная мифология поддерживается государством и обеспечивает состоятельность мифа. В конце доклада поднимается проблема соотношения мифологического и научного сознания, развитие которой могло бы раскрыть природу научного мифа.

Ключевые слова: публичная научная коммуникация, научный миф, научное сообщество, мифология, мифологическое мышление, научное мышление.

THE CONCEPT OF SCIENTIFIC MYTH IN THE CONTEXT OF PUBLIC SCIENTIFIC COMMUNICATION

Boyarkin Z.

Master's student

Institute of Philosophy, St. Petersburg State University

E-mail: zakhar.boyarkin@mail.ru

Abstract. The report is dedicated to the analysis of the scientific myth's concept within the cooperation of society, scientific community and country. In the first part of the report the author raises a problem of defining the grounds for the existence of scientific myths. The definition of myth by Roland Barthes that will be used for the future analysis is cited in the report. In the second part of the report it is discovered that the definition of the scientific myth embodies in the public scientific communication in a few facets in the same time. Firstly, the scientific myth exists in the light of failure of translating the scientific knowledge to the accessible to society language. Secondly, a scientific myth is supported by the social superficialities. From the other side, the scientific institute itself is accompanied by the mythology. However, these myths aren't produced by the science itself: myths happen to be basic setups for the scientific development. Moreover, there is such scientific mythology that supports the “adequacy” of the scientific community. This mythology is supported by government and provides its validity. In the end of the report the author states a problem of the correlation of mythological and scientific perception, the development of which could uncover the origin of the scientific myth.

Keywords: public scientific communication, scientific myth, scientific community, mythology, mythological thinking, scientific thinking.

Вопрос о природе мифа до сих пор актуален в современности, несмотря на распространённое представление о том, что мифология была и остаётся достоянием прошлого. Ролан Барт в своём исследовании мифологий обнаруживает состоятельность мифа в современной культуре: «...поскольку миф – это слово, то мифом может стать всё, что покрывается дискурсом» [1, с. 265]. Поскольку мифологическое может пронизывать самые разные культурные сферы, уместно допустить мифологизацию и науки – производство наукой собственных мифологий. В ситуации, где наука обрастает мифами, имеет смысл задать вопрос: что обеспечивает существование научного мифа? Учитывая, что мифология и наука, как правило, находятся в оппозиции друг другу, необходимо выяснить причины появления мифов в поле науки. Отвечая на вопрос об «источнике» научного мифа, необходимо будет рассмотреть науку сразу в нескольких аспектах. Введение понятия публичной научной коммуникации позволит усмотреть признаки научного мифа не только в рамках научного сообщества, но также в общественном и политическом дискурсах.

Прежде всего, стоит обозначить такие качества мифа, которые были бы сразу видны в рамках исследования науки. В понимании Барта миф отличается особой структурой, суть которой состоит в деформации [1, с. 289]: миф выходит за рамки грамматики и становится реальностью, обращает высказывание в действительность. Таким образом, миф оказывается мощным идеологическим инструментом, поскольку внушение, что вымысел действителен, может коренным образом изменить общественное мнение. Помимо этого, миф имеет потенцию сохранять свое существование, покуда он поддерживается интеллектуальным усилием: миф существует, пока о нем помнят. Концепт мифа Ролана Барта легко ложится на современность без привязки к этнографии и антропологии: семиотический анализ предлагает такое понимание мифологии, которое можно применить независимо от рассматриваемой эпохи.

Если говорить о научном мифе в контексте публичной научной коммуникации, то стоит заметить, что научные мифы могут исходить не только из науки самой по себе, но и из общественных представлений о научности в целом. Взаимодействие науки и общества обычно рождает ряд трудностей, и одна из них – проблема репрезентации научного знания. Может ли научное знание существовать за пределами научного сообщества, и если да – то в каком виде?

В этом смысле возникает потребность в научном представительстве – в агенте, транслирующем научное знание для общества. Момент перевода знания на более доступный язык как раз служит основанием для возникновения научного мифа. Дело в том, что научный миф складывается, в первую очередь, в области языка, поскольку научно-популярный стиль изложения сильно упрощает научное знание, превращает его в набор броских фраз [2, с. 210] о результатах: процесс научного исследования же откладывается в «чёрный ящик». Важно заметить, что содержание научно-популярного текста зависит не только от доступности исследований научного сообщества, но и от общественного интереса, выражаемого в том числе запросами издателя. Помимо этого, сам популяризатор науки может выражать свою авторскую позицию. Таким образом, такой текст оказывается далёким от репрезентации научных процессов, поскольку в нём встречаются сразу несколько интересов, искажающих научное знание.

Кроме того, в контексте коммуникации науки и общества можно говорить о понятии научного мема – образа, доходчиво «маркирующего в массовом сознании научную теорию или образ учёного» [3, с. 43]. Научный мем, выраженный в виде слогана или визуального образа, имеет множество точек совпадения с мифом, однако его цель состоит не в преломлении реальности, а в регистрации в сознании тех образов, которые в себе и включает мем. В некоторых случаях границы между мемом и мифом стираются, поскольку выражаемый в меме образ приобретает онтологический статус. В качестве примера можно привести устоявшийся тезис «Человек произошёл от обезьяны». Для каждого биолога данная формулировка будет звучать некорректно, однако в общественном сознании простота образа затмила все осложнения и сделала это утверждение несомненным. Ко всему прочему, выражение обзавелось автором в лице Чарльза Дарвина, который всё время «многозначительно умалчивал о своих взглядах на антропогенез» [3, с. 44]. Такая мифологизация эволюционной теории Дарвина может быть связана с её расширением и присутствием в тех областях, где она не может быть в полной мере обоснована: уже другие авторы без учёта позиции Дарвина использовали его теорию в самых разных сферах ввиду эффективности дарвинизма в биологии. Таким образом, «продолжатели» теории Дарвина выходят за границы биологии и распространяют её на те дисциплины, где теория не имеет научного подтверждения, однако она находит поддержку в лице общественности: связь человека и обезьяны обретает онтологический статус, поскольку в эту связь верят.

Здесь открывается новая проблематика научного мифа, а именно вопрос о его начале. Действительно ли в трансляции научного знания есть нечто, выражающее сущность научного мифа? Или наоборот: научно-популярный текст обрастает мифологией в момент его восприятия мифологическим мышлением? Джеймс Херрик, исследуя научные мифологии, говорит о том, что научная фантастика производит новую мифологию [4, с. 21]: например, в данном жанре часто встречаются сюжеты об инопланетной жизни. По сути своей внеземная жизнь предполагает трансценденцию, а сюжеты об этом воплощают вымысел, который в будущем может быть научно обоснован. Иначе говоря, наука может стать инструментом для реализации различных мифологий, изложенных в фантастике. Тут возникает вопрос: неужели наука в себе заключает некоторые мифологические основания, или же проблема состоит в неверном представлении науки, поддерживаемым её популяризаторами и мифологическим мышлением?

Если отвечать на вопрос о том, как связаны миф и наука без привязки к общественному мнению, то следует обратиться к философскому осмыслению данной проблемы. Например, в работе «Диалектика мифа» Лосев пишет о том, что наука, безусловно, отличается от мифа, однако в отрыве от мифологического наука невозможно помыслить: «Но что такое та наука, которая воистину немифологична? Это - совершенно отвлечённая наука как система логических и числовых закономерностей. Это - наука-в-себе, наука сама по себе, чистая наука. Как такая она никогда не существует» [5, с. 46]. Получается, что наука всегда сопровождается мифом, наука всегда мифологична. Лосев считает, что механика Ньютона основана на мифологии нигилизма, потому как в ней допускаются гипотезы о бесформенности мира, о его однородности. Подобные допущения лишены научного характера, поскольку они - мифологические установки [5, с. 45]. Примерно такую же мысль развивает Станислав Лем, говоря о том, что науки создают собственные мифологии, и на то есть существенная причина: «даже самая точная наука развивается не только благодаря новым теориям и фактам, но и благодаря домыслам и надеждам учёных» [6, с. 127]. Научный миф, ранее представленный как идеологическое орудие для управления общественным мнением, оказывается предметом надежды, стимулирующим развитие науки. Однако здесь следует различать два отличных друг от друга вида мифа: миф науки, извне дающий основания для научного развития, и научный миф как продукт научного производства, искажённого в процессе трансляции в общество.

Можно допустить существование третьего вида научного мифа, который образует парадигмы научности и делает науку «нормальной». В этом смысле можно вспомнить не только Томаса Куна, но и Пола Фейерабенда, сравнивающего научный метод с мифом, поддерживаемым научным сообществом. Научное сообщество оказывается в окопах собственных мифологий, которые необходимо разрушить ради свободной научной деятельности и, соответственно, научных прорывов. Помимо этого, Фейерабенд поднимает вопрос об отношении науки и государства и говорит о том, что государство должно освободиться от науки точно так же, как оно когда-то освободилось от религии и мифологии. В этом вопросе открывается третий элемент публичной научной коммуникации, наряду с обществом и наукой. Государство в каком-то смысле делает институт науки сакральным, поскольку именно посредством государственной силы обязательное школьное обучение в большей степени состоит из научных дисциплин. Фейерабенд считает, что «слияние государства и науки ведёт к парадоксу, мучительному для демократии и либерального мышления» [7, с. 20]. Ребёнок лишается всякого выбора в школьном образовании, потому что в этом есть интерес государства, поддерживающий культ науки. В конечном итоге общество сталкивается не только с научными мифами, но и с обязательством внимать им, принимать мифы в качестве фактов объективной реальности.

Подводя итоги, можно сказать о том, что научный миф поддерживается сразу тремя элементами публичной научной коммуникации. На основании проведённого анализа научного мифа становится очевидным тот факт, что научное пространство неоднородно: в нем могут иметь место как собственно научные исследования, так и мифологии. В этой связи возникает необходимость в разграничении науки и мифа, поскольку в ином случае мы рискуем довериться научному мифу и принять за действительное то, что на самом деле действительностью не является.

Список литературы

1. *Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 320 с.
2. *Филиппова Е. М.* Научный миф как основа современного научно-популярного текста // Векторы благополучия: экономика и социум. 2014. №. 4 (14).

3. Винарский М. В. «Происхождение обезьяны»: к истории центрального мема о дарвинизме // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Материалы годичной научной конференции 2022. 2022. С. 43-48.
4. Herrick J. A. Scientific Mythologies: How Science and Science Fiction Forge New Religious Beliefs. InterVarsity Press Academic, 2008. 288 p.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. / Ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М.; Мысль, 2001. 558 с.
6. Лем С. Сумма технологии = Summa Technologiae. М.: Мир, 1968. 608 с.
7. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М: АСТ, 2007. 413 с.

ПРИНЦИПЫ АУДИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Брусенцева В.В.

*Аспирант кафедры философии
Вологодский государственный университет
E-mail: valeriya.brusenceva@mail.ru*

Аннотация. Представленная в 80-х годах XX века в западной политической философии концепция аудимальной демократии смещает акцент с темы речи на тему слушания. Это практика активной публичной научной коммуникации, в которой на первый план выходит право быть услышанным как важнейшее условие построения здоровой социальной общности. Современные тенденции в научной деятельности вводят расширенный запрос на регуляцию такой деятельности со стороны участников научного сообщества. Все более возрастает ответственность ученых и научного сообщества в целом за качество исследований и формат представления результатов, активное вовлечение в междисциплинарный диалог. Уровень научной коммуникации в решении такого рода задач постоянно увеличивается и разногласия в точках зрения зачастую приводят к негативному результату диспутов. Подбор и анализ доводов, оценка позиций и взглядов оппонента рациональным методом позволяет проводить совместную деятельность, направленную на достижение истины. Выработанные исследователем принципы аудимальной демократии расширяют возможности проведения таких диспутов в научном сообществе, поскольку слуховые практики позволяют расширить знания о предмете спора, повысить возможность достижения истины на истинно демократических началах.

Ключевые слова: аудимальная демократия; публичная научная коммуникация; проблематика слушания.

THE PRINCIPLES OF AUDITORY DEMOCRACY IN THE MODERN SCIENTIFIC COMMUNITY

Brusentseva V.V.

*PhD Student, Philosophy Department
Vologda State University
E-mail: valeriya.brusenceva@mail.ru*

Abstract. The concept of auditory democracy, introduced in the 80s of the twentieth century in Western political philosophy, shifts the focus from the topic of speech to the topic of listening. This is the practice of active public scientific communication, in which the right to be heard comes to the fore as the most important condition for building a healthy social community. Modern trends in scientific activity introduce an expanded request for the regulation of this activity by members of the scientific community. The responsibility of scientists and the scientific community as a whole for the quality of research and the format of presentation of results, active involvement in interdisciplinary dialogue is becoming the growing tendency. The level of scientific communication in solving such tasks is constantly increasing and disagreements in points of view often lead to a negative result of disputes. The selection and analysis of arguments, the assessment

of the opponent's positions and views by a rational method allows for joint activities aimed at achieving the truth. The principles of auditory democracy developed by the researcher expand the possibilities of conducting such disputes in the scientific community, since auditory practices allow us to expand knowledge about the subject of the dispute, increase the possibility of achieving the truth on a truly democratic basis.

Keywords: auditory democracy, public scientific communication, problematic of listening.

Характерными особенностями современной науки является постоянный рост научного знания и открытие новых научных дисциплин, тесно взаимодействующих между собой. В XX веке интерес к самопознанию науки выразился в становлении специальной отрасли исследования – науковедения, в рамках которого анализируются различные аспекты научной деятельности, в том числе взаимодействие ученых в процессе их работы. Рассматривая деятельность ученых по созданию нового знания как профессиональное общение, мы можем поставить проблему специфики научной коммуникации.

Коммуникацию принято делить на формальную и неформальную, устную и письменную, публичную непубличную, непосредственную и опосредованную и т.д. В рамках данной статьи рассматривается публичная научная коммуникация как способ обнародования и передачи научной информации. Понимание важности проведения конференций, семинаров, мозговых штурмов, круглых столов и других форм, свидетельствует о растущей зависимости от публичной научной коммуникации. Частые контакты с коллегами, с молодыми исследователями создают поток новой информации, необходимый для решения проблем, возникающих в процессе научного исследования. Во время проведения семинаров, конференций, круглых столов у исследователей появляется возможность апробации своих идей в научном сообществе. Получая обратную связь в виде подтверждения гипотез или выдвижения альтернативных точек зрения, исследователь имеет возможность изучить поставленную проблему всесторонне, достигнуть наилучшего решения.

Построение публичной научной коммуникации заслуживает выделения для такой формы интеракции определенных принципов со стороны научного сообщества. Существующие практики, особенно в рамках концепции «делиберативной демократии» [1], где в принятии решений участвуют все заинтересованные стороны, значительно продвинули общество в возможности участвовать в обсуждении проблем и приходиться к осмысленному согласию. Исследователь считает возможным предложить разработанные им принципы в рамках концепции, которая появилась в поле зрения западных философов в конце XX века, но в российском научном поле рассматривается ограниченным количеством исследователей.

Концепция аудиальной демократии, представленная в 80-е гг. XX века на Западе [2, с. 217], становится новым вектором в изучении демократических процессов (проблематизацию слуха относят к теории демократии) ввиду того, что исследователи смещают акцент с темы речи на тему слушания, как значимой ценности и активной практики публичной научной коммуникации. Концепция аудиальной демократии не рассматривается как выработанная новая форма организации общества или новая система власти, это метод взаимодействия, в котором на первый план выходит право быть услышанным как важнейшее условие построения равноправного дискурса.

Что есть слушание в концепте аудиальной демократии? Это активная коммуникативная практика. Слух, не как сенсорная способность человеческого организма, а именно как способность согласиться или возразить в процессе коммуникации, вышел на авансцену по историческим меркам недавно. Начиная с XX века, исследователи стали обращать внимание на методы ведения дискуссии не только с позиции оценки спикера, но и принимать во внимание голоса всех участников, независимо от активности или пассивности звучания, защищая тем самым исходные нормативные идеалы демократии.

Ввиду того, что проблематикой слуха, который в данном концепте воспринимается не как физиологическая способность, а как неотъемлемая часть активного демократического процесса, занимается ограниченное количество исследователей, то значимым является выявление места данного направления в структуре научного знания, а также в классификации способов трансляции научных знаний. Современные тенденции в научной деятельности, количество проводимых мероприятий вводят расширенный запрос на создание принципов функционирования публичной научной коммуникации со стороны участников научного сообщества. Все более возрастает ответственность ученых и научного сообщества в целом за формат представления результатов, активное вовлечение в междисциплинарный диалог, поскольку, в конечном итоге, все это ведет к пониманию ценности репутации ученого. Уровень коммуникации в решении такого рода задач постоянно возрастает

и разногласия в точках зрения зачастую приводят к негативному результату диспутов. Подбор и анализ доводов, оценка позиций и взглядов оппонента рациональным методом позволяет проводить совместную деятельность, направленную на достижение истины.

Выработанные сообществом принципы аудиальной демократии повышают возможности проведения таких диспутов в научном сообществе, поскольку слуховые практики позволяют расширить знания о предмете спора, повысить возможность достижения истины на истинно демократических началах.

Аудиальная демократия представляет собой подтип партиципативной демократии [2, с. 217], выступающая одним из новых направлений современной философии. В основе концепции лежит слух, который выступает неотъемлемой частью активной социальной интеракции. Само определение понятия аудиальность в зависимости от целей его применения вызывает у исследователей ряд вопросов. В данной работе под аудиальностью понимается форма коммуникации, для которой особое значение имеют слуховые практики коммуникации, основанные на внимании к адресату речи и признания за ним равной ценности.

Принципами аудиальной демократии выступают: принцип активного слушания, принцип уважения мнения «Другого» [3, с. 115], принцип «реального диалога», принцип открытости, принцип свободы от внешних ограничений, принцип справедливости. Принцип *активного слушания* раскрывает процесс слушания как форму интеракции, при проведении которой слушатель не просто воспринимает информацию, но и показывает понимание этой информации путем осмысленного слушания, изложения мысли в форме вопросов и ответов. Принцип *уважения мнения «Другого»* рассматривается как активная практика побуждения «Другого» к речи, приглашения к диалогу, вовлечение в коммуникацию; при отказе в слухе происходит прерывание речи «Другого», исключение его из коммуникации. Принцип *реального диалога* основывается на мнении, что «о всякой вещи существуют противоположные мнения», ввиду чего важно следовать правилу, в котором знание приобретает не в готовом виде, а путем размышления, совместного обсуждения проблемы, поиска правильного решения. Принцип *открытости* основывается на понимании открытости как отсутствие ограничений и норм для вовлечения в коммуникацию всех заинтересованных в ней сторон. Принцип *свободы от внешних ограничений* предполагает свободный обмен идеями, разумное ограничение социального контроля, отсутствие принуждения к подчинению чужой воле. Принцип *справедливости* основывается на понятии справедливости как этико-философской категории, в основе которой лежит понятие человеческого блага. Справедливость как оценочное понятие отражает отношение индивида или общества к социальным явлениям и человеческим поступкам. Справедливость здесь заключается в предоставлении пространства для говорения и слушания всем сторонам.

Важно помнить, что деятельность по производству нового знания в современной науке носит коллективный характер, ввиду чего необходимость постоянного взаимодействия с коллегами, апробация и обсуждение новых идей напрямую связано с аудиальными практиками. Основной принцип построения коммуникации здесь – уважение мнения «Другого» [3, с. 115]. Пользование слухом выступает как средство вовлечения в коммуникацию, приглашения к диалогу. В случае отказа в слушании идет прерывание речи «Другого», исключение из опыта общения. Показывает свою эффективность создание слуховых модулей [4, с. 19], в которых участникам с конфликтными точками зрения предлагают разрешить ситуацию не посредством убеждения в правильности своей точки зрения, а научением вниманию, терпению и аргументированному рассуждению. Для включения в активное слушание необходима неторопливость, толерантность и отсутствие речевой агрессии. Принцип построения научной коммуникации как «реального диалога» позволяет снять взаимное непонимание между участниками дискурса, нивелирует значительные и непредвиденные расхождения. Данные принципы проявляют себя не только в привычных формах публичной научной коммуникации, но и в экстремальных, таких, например, как ссылка [5].

Деятельность любого ученого опирается как на достижения предшествующих поколений, так и на здравствующих наставников и соратников. Опора на знания и достижения наставников позволяет достигать результатов особенно тогда, когда исследователь готов к активному слушанию. Вовлечение в публичную научную коммуникацию для исследователя и наставника позволяет избегать готовых сюжетов – смысл и содержание речевого взаимодействия рождаются в процессе говорения и слушания. Интересен в этом отношении такой аспект коммуникационных взаимодействий как «невидимый колледж». Исторически этот термин упоминается в связи с группой ученых XVII столетия, встречавшихся на неформальной основе, а впоследствии основавших Лондонское Королевское общество. В Европе в том же столетии начали формироваться практики научной коммуникации, базирующиеся на личных встречах, обменах письмами. Личная коммуникация, разрастаясь,

институционализировалась в «научные общества» XIX века, которые способствовали быстрому распространению писем с использованием периодической печати и системы бюллетеней. Научные общества были средоточием создания и распространения нового знания и служили для легитимности научных заявлений [6]. Создание коммуникативных сетей и научных обществ послужило базисом для появления нового средства коммуникации научного журнала. Достижения современности связаны с широким распространением социальных сетей, которые радикально перекроили каналы коммуникации между людьми, равно как и научными сообществами [7]. Таким образом, фиксируется эволюция построения пространства для функционирования научной коммуникации, она пополняется новыми средствами, но старые при этом не исчезают, изменяются их функции; они продолжают функционировать в рамках единой системы.

Поиск истины представляет собой высшую ценность для ученого, по сути, составляет смысл его существования. Исследователь должен избегать путаницы и смешения понятий и опираться на критическое мышление. Аудиальное внимание при этом играет особую роль, поскольку накопление и систематизация знаний невозможны без учета мнения каждого члена научного сообщества вне зависимости от разногласий, различных мнений и взаимно отрицающих позиций. Достижение консенсуса, при всей «публичности позиций ученых» становится проблемой, поскольку единодушие может столкнуться с откровенным нежеланием понимать доводы оппонентов, привести их в приемлемую для дискуссии форму. Аудиальная демократия позволяет выстраивать активные публичные научные коммуникативные практики, не принижая статуса собеседника, смысла и ценностного значения сказанного.

Список литературы

1. *Habermas J.* Popular Sovereignty as Procedure. *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics.* Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1997. 66 p.
2. *Вайзер Т. В.* Аудиальная демократия: включение неслышимых субъектов в политическое сообщество // *Логос: философско-литературный журнал.* 2015. Т.25, № 6. С. 196 – 226.
3. *Dewey J.* *Creative Democracy – The Task Before Us.* The political writings. Indianapolis: Hackett publishing company, Inc, 1993. 246 p.
4. *Dobson A.* *Listening for Democracy. Recognition, Representation, Reconciliation.* Oxford: Oxford University Press, 2014. P 17-25, 41-46.
5. *Ястреб Н.А., Авдюнин В.А.* Обзор междисциплинарного научного семинара «вынужденное общение: экзистенциальный опыт философов и ученых «Подстоличной Сибири» (конец XIX – начало XX вв.)» // *Вопросы философии.* 2023. № 5. С. 202-207.
6. *Owen J.M.* *The scientific article in the age of digitization.* Dordrecht: Springer, 2010. 297 p.
7. *Порус В.Н., Бажанов В.А.* *Наука как политический субъект. Проблемы, аналитика, дискуссии.* Москва: Русское общество истории и философии науки, 2023. 227 с.

ГРАНИЦЫ «ЛАБОРАТОРНОЙ» И «ПОЛЕВОЙ» СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Вишняков Д.А.

*Младший научный сотрудник
ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: dav@ihst.ru*

Аннотация. В социальных науках не существует конвенционально принятого решения о том, должна ли теория обладать политическим потенциалом. Дискуссии об ангажированности ученого, берущие своё начало в XX веке, до сих пор возникают в академической среде. Многочисленные апелляции к М. Веберу, К. Марксу, Э. Золя, Ж.-П. Сартру и другим видным интеллектуалам прошлой эпохи выявляют сильные и слабые стороны двух основных линий, которые в рамках данного доклада будут обозначаться как «критические» и «не-критические» теории. Если термин «критическая теория» хорошо знаком и имеет определённый вес в современных социальных исследованиях, то противоположные ей теории не имеют единого основания. Основная

линия демаркации между двумя подходами связана с границами «лабораторной» и «полевой» науки, степенью влияния исследователя на конструируемый им объект. В докладе будет предпринята попытка анализа границ экспертизы в социальных исследованиях в контексте критической теории.

Ключевые слова: социальная критика, критическая теория, лабораторная наука, активизм, полевая наука, ангажированность.

CRITICS OF CRITICS: ON EXPLANATORY CAPABILITY OF SOCIAL SCIENCES

Visnhnyakov D.A.

Junior research fellow

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS

E-mail: dav@ihst.ru

Abstract: There is no unify conventionally solution on political capability in social sciences. The history of discussion on scientist's bias, which started in XX century, continues nowadays. A lot of appeals to M. Weber, K. Marx, E. Zola, J.-P. Sartre and other great intellectual previous age appeal strong and weak sides of two main lines of thinking, which would be described as a "critical theory" and "non-critical theory". If "critical theory" term has an influence in contemporary social studies, rather contrary theories haven't common ground. The main line of demarcation between approaches is related with boundaries of "laboratory" and "field" sciences, i.e. level of influence on research object by observer. In this paper there would be a try to analyze boundaries of expertise on social studies in context of critical theory.

Keywords: social criticism, critical theory, laboratory science, activism, field science, engagement.

Условным началом интервенции политических и идеологических сил в аксиоматику социальных наук можно считать «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса, в частности, известный 11-й тезис, который звучит следующим образом: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [1, с. 4]. Это утверждение породило в умах не только политических деятелей, но и философов и социальных ученых мысль о политическом потенциале социо-гуманитарного знания, его способности не только (и не столько) давать адекватные непротиворечивые модели объяснения действительности, но и инструментарий, способный этот мир менять. Причем, как видно из истории марксизма и поздних его интерпретаций, речь идет именно о социальных и культурных сдвигах, направленных на борьбу за права угнетённых.

Примеров того, как в истории социальной мысли политическая ангажированность исследователя повлияла на ход его проекта, более, чем достаточно, обратимся к наиболее хрестоматийному. Работа Элис Гоффман, дочери известного американского социолога Эрвина Гоффмана, создателя теории фреймов и одного из видных представителей «драматургической социологии», была опубликована в 2014-м году. Её название «В погоне: жизнь беглецов в американском городе» [2] ярко отражает её содержание. Первоначально эта работа была PhD-диссертацией Гоффман, но в ходе исследования она сместила ракурс с чисто социологических интерпретаций в сторону правозащитной деятельности, едва ли граничащей с законом. Элис Гоффман стала «покрывать» своих информантов, участвовать с ними в противозаконной деятельности и, в конце концов, стала членом их преступной группировки, что отразилось и на её академическом треке. Чувство сострадания, близости к своим информантам, а вместе с тем осознание классового угнетения повлияли на её исследовательскую оптику, исключив всякое абстрактное теоретизирование из дискурса и заменив её полновесными политическими и активистскими лозунгами, отражающими интересы преследуемых властями лиц (преимущественно темнокожих, что объединяет пафос работ Гоффман с деятельностью активистов за права афроамериканцев).

На первый взгляд история кажется довольно грубой и нерепрезентативной. Частный случай из тысячи других социологических исследований, в которых интервьюеры продолжали сохранять «дистанцию» перед информантами, занимаясь сбором и интерпретацией данных. Довольно важным будет отметить противоположное отношение отца Элис, Эрвина Гоффмана, который весьма холодно отзывался о студенческих протестах в Беркли и не придавал политическому активизму большого значения [3]. В чем выражается такое контрастное отношение к политической риторике? Достаточно вспомнить известный доклад М. Вебера, прочитанный им в Мюнхенском университете в 1918 году.

«Наука как призвание и профессия» вошло в историю социологической мысли и стало образцовым примером того, как теория (в самом строгом смысле этого термина) должна главенствовать над идеологическими, социокультурными и религиозными догматами и постулатами, искажающими восприятие социальной реальности. Основной тезис Вебера, на который чаще всего ссылаются историки мысли, звучит следующим образом: «...пророку и демагогу не место на кафедре в учебной аудитории» [4, с. 722]. Удивительно сильное и хлесткое по формулировке утверждение должно было бы поставить на место всех, кто желает привнести популистскую риторику в аксиоматическое ядро социальных наук, превратив их в проповедь или агитацию. И именно так эти слова интерпретируются до сих пор, превращая Вебера в сторонника «чистой теории», оперирующей исключительно абстрактными терминами в интерпретации социального мира. Но в этом же выступлении можно обнаружить следующее: «Сегодня как раз у молодежи появилось скорее противоположное чувство, а именно что мыслительные построения науки представляют собой лишенное реальности царство надуманных абстракций, пытающихся своими иссохшими пальцами ухватить плоть и кровь действительной жизни, но никогда не достигающих этого. И напротив, здесь, в жизни, в том, что для Платона было игрой теней на стенах пещеры, *бьется пульс реальной действительности* [курсив мой – Д.В.], все остальное лишь безжизненные, отвлеченные тени, и ничего больше» [4, с. 715-716]. Не погружаясь глубоко в различие целе-рациональной и ценностно-ориентированной видов деятельности, отметим принципиально важную деталь для данной работы: постижение реальности во всей её полноте невозможно в мире абстрактных теорий.

Означает ли это, что ответ на поставленный в заголовке данной работы вопрос (вопрос о выборе критической теории в качестве основы социального знания) решен? Что пример Элис Гоффман лишь подтверждает идею Вебера об отказе от отвлеченного знания в пользу критических исследований? Очевидно, что нет. Всё дело в том, что наука обладает своими, отличными от политической деятельности ценностями. К научным ценностям, вслед за классиками философии Нового Времени, относят беспристрастность, нейтральность и автономность [5, с. 116]. Х. Лэйси в своей работе эксплицирует историко-философские и социальные предпосылки формирования данного набора ценностей, нам же важно отметить следующее: разделение ценностей на когнитивные и иные (социальные, культурные, индивидуальные, моральные и т.д.) позволяет инкорпорировать теоретические механизмы критического дискурса в теоретическое ядро социологии [5, с. 266]. И неслучайно вывод Лэйси – философа естествознания – во многом схож с выводом Вебера: «Ценности «пропитывают» и должны «пропитывать» формы научной практики, а также в значительной степени определяют выбор направления исследований и область возможностей, которые должны быть вскрыты и объяснены теориями» [5, с. 331]

И всё же социальные науки принципиально отличны от дисциплин естествознания. Социальная роль социологов, экономистов и антропологов совершенно иная, достаточно обратить внимание на то, с какой частотой политические институты мобилизуют исследователей общества ради собственных интересов. Политические взгляды физика или химика могут повлиять на его положение в академии, но не могут повлиять на существование атомов или молекул как объектов исследования физики или химии. Иная ситуация стоит перед социальным ученым: его измерительные категории, равным образом как и дальнейшие интерпретативные модели, конструируют предмет исследования, создавая тот образ социальной реальности, который соответствует его ценностной установке. Такой взгляд на социального исследователя тесно связан с большим вниманием к роли интеллектуала в установлении социального порядка. Важным аспектом формирования данной точки зрения связан с известной статьей Э. Золя «Я обвиняю», в которой известный писатель и интеллектуал выступил в защиту французского офицера А. Дрейфуса, обвинённого в шпионаже в пользу Германии. В этом памфлете Золя открыто критикует судопроизводство и произвол военного трибунала, декламируя своё нежелание мириться с таким злом: «Мой долг требует, чтобы я высказался, молчание было бы равносильно соучастию, и бессонными ночами меня преследовал бы призрак невинного, искупающего ценою невыразимых страданий преступление, которого не совершал» [6, с. 222]. Тем самым, Золя становится «родоначальником» целой традиции интеллектуалов-активистов, открыто выражающих своё несогласие с решениями политического режима и критикующих власть за совершенные ими ошибки.

Поступок Золя оказал колоссальный эффект на всю дальнейшую историю политической деятельности французских интеллектуалов. Как замечает Я. Ямпольская: «Рождение этой фигуры [интеллектуала – прим. Д.В.] принято связывать со знаменитым делом Дрейфуса (1898), начало угасания – с концом «славного тридцатилетия» и кризисом гексагонального структурализма (1973), а окончательное оформление «могилы интеллектуала» обычно сопоставляют с появлением на сцене его

призрачного подобию – так называемого медиаинтеллектуала – в начале 1980-х» [7, с. 25]. Ж.-П. Сартр, М. Фуко, П. Бурдьё и многие другие представители французской философии, социологии, антропологии и других социальных дисциплин вписали своё имя в анналы истории политического активизма, демонстрировав своё стремление поддержать протестующих в мае 1968-го не только строительством баррикад, но и написанием важных для истории идей работ. Сартр пытался вскрыть сущность любви и других экзистенциалов, связав их с феноменом власти и свободы, Фуко пишет историю безумия в контексте системы угнетения, навязывающей определённый порядок дискурса. Примеров можно привести ещё больше, важнее показать, как политическая ангажированность французских интеллектуалов привела к расцвету французской мысли во второй половине XX века.

В конце концов, следует обратить внимание на существование принципиальных эпистемологических и онтологических границ между «лабораторными» социальными исследованиями и «полевыми». В статье «Лабораторная и полевая наука: онтология и эпистемология» В. Куренной замечает: «Полевая наука является преимущественно не объяснительной, как того строго требует от лабораторно-экспериментальной науки позитивистский стандарт «объясняющего» научного знания, а описательной и морфологически-дескриптивной.» [8, с. 30]. Это специфичная черта полевой науки делает её более уязвимой в отношении политизации, включая в описание элементы политической реальности, создаваемой самими интервьюерами. Цель полевого исследования в социологии или антропологии связана не с тем, чтобы дать каузальное объяснение некоторого социального феномена, а с тем, что Дильтей в ряде своих работ называл «вчувствованием», т.е. погружением в историческую и социальную реальность, исследуемую ученым-гуманитарием. Богатый инструментарий критической теории (состоящий, помимо эпистемологических и теоретических разработок, из дискурсивных форм политической борьбы) позволяет преодолеть границу между лабораторной и полевой наукой в социальных исследованиях, признав первую всего лишь отголоском давно ушедшего черствого академизма.

Таким образом, статус политических ценностей в эпистемологии социальных наук не однозначен. С одной стороны, традиционная линия критики продолжает указывать на строгую демаркацию между теоретическим знанием и политической идеологией, в то же время существуют сторонники «срединного пути», предпочитающие некоторым образом «размежевать» когнитивные и не-когнитивные ценности. Наконец, третий путь, наиболее радикальный, призывает к свободной экспансии критической теории в аксиоматическое ядро социальных наук.

Список литературы

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. Издание второе. Государственное издательство политической литературы. М., 1955.
2. Goffman A. On the Run: Fugitive Life in an American City. The University of Chicago Press, 2014.
3. Ditton J. The View from Goffman. New York: St Martin's Press, 1980.
4. Вебер М. Наука как призвание и профессия. // Вебер М. Избранные произведения М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.
5. Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. // М.: Логос, 2001. 360 с.
6. Золя Э. Я обвиняю. // Золя Э. Собрание сочинений в 26-ти томах. Т. 26. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1967. 632 с.
7. Янпольская Я.Г. На выходе из карантина: ночь интеллектуалов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 23–39.
8. Куренной В. А. Лабораторная и полевая наука: онтология и эпистемология // Социология власти. 2021. № 3. С. 8-51.

ПРОБЛЕМА ОБРАЗА НАУКИ И УЧЕНОГО В МНОГООБРАЗИИ ОБЩЕСТВА

Воронина Н.Н.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: voronina.nnov@yandex.ru*

Аннотация. Статья обращается к известной проблеме формирования образа науки в общественном сознании и оценки роли науки, благодаря этому образу. Автор указывает на многоаспектность отношения к научному знанию в обществе и невозможность выделить для него единый вектор. В качестве отражения этой многовекторности рассматриваются образы ученых в литературе и кинематографе, а также образы ученых у младших школьников в тесте «Нарисуй ученого» (DAST). Автор выделяет триаду героичности, бесполезности/бессилии и безумия, к которой можно свести собирательный образ науки, как она отражается в мировоззрении современного человека. Статья связывает такое отношение с более глубокими архетипическими образами познания, добра и зла, выраженные в мифах, как древних, так и в современных.

Ключевые слова: наука, научная коммуникация, образ ученого, популярная культура, миф, STS

THE PROBLEM OF AN IMAGE OF SCIENCE AND SCIENTIST IN THE DIVERSITY OF SOCIETY

Voronina N.N.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
E-mail: voronina.nnov@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the well-known problem of forming the image of science in the public consciousness and evaluating the role of science, thanks to this image. The author points out the multidimensional attitude towards scientific knowledge in society and the inability to identify a single vector for it. The images of scientists in literature and cinema, as well as the images of scientists in young students in the "Draw a Scientist" test (DAST) reflect this multi-vector nature. The author identifies the triad of heroism, uselessness/impotence and insanity in the stereotypical images of science. The author reduces to this triad the collective image of science, as it is reflected in the worldview of modern man. The article connects this attitude with deeper archetypal images of knowledge, good and evil, expressed in ancient and modern myths.

Keywords: science, scientific communication, image of scientist, popular culture, myth, STS.

Особая роль технауки в формировании современного общества делает значимой проблематику формирования образа науки в общественном сознании. Несмотря на, казалось бы, тотальность научной рационализации общества западной культуры, исследования указывают на амбивалентность отношения к научному знанию и фигуре ученого.

Как в научных статьях, так и в средствах массовой информации нередко указывается, что некоторые люди, социальные группы или даже области культуры (например, «религия враждебна науке») положительно или отрицательно относятся к науке. Однако хотелось бы обратить внимание, что отношение к науке в обществе неоднозначно не столько из-за того, что какие-то люди или группы людей отстаивают какие-то позиции по отношению к науке в целом, а из-за того, что не существует ни целостных индивидов, ни целостной науки – и то, и другое многообразно и мозаично. Например, человек может бояться адронного коллайдера, но не бояться делать КТ легких, ходить в церковь и с удовольствием смотреть сериал «Теория большого взрыва», ругать ученых за разрушенную экологию Земли и пользоваться всей техникой, которая возникла, благодаря научной работе. Наука, сама исключительно разнообразная, отражается, как в зеркалах, в разных сферах культуры, порождая стереотипы и мифы, стихийная комбинация которых живет в сознании людей. Из этих сложных комбинаций у человека, в свою очередь, складывается картина, которую мы считываем как

«отношение общества к науке». Другими словами, образ науки, который формируется в восприятии человека, плюралистичен.

Образы науки, созданные в искусстве, отражают многообразие и амбивалентность отношения людей к науке и результатам ее деятельности. Один из самых репрезентативных образов ученого в мировой литературе, сделавшийся практически архетипом – это доктор Фауст. Доктор Фауст являет собой трагическую фигуру ученого, стремящегося к полному знанию, но не обретающего его. В то же время ради могущества Фауст обращается к сатанинским, злым силам, и это указывает на опасность научных изысканий, когда в попытке обрести «нездешнюю премудрость» ученый вступает на гибельный путь. Этот образ появляется в культуре задолго до создания пьесы Гёте, в эпоху Возрождения, как раз в то время, когда начинает формироваться классическая наука. Не менее популярная и архетипическая фигура – Виктор Франкенштейн, герой романа Мэри Шелли. Ученый, движимый благими, отчасти мессианскими намерениями, создает существо, которое губит окружающих людей и, в конечном итоге, своего создателя. Но и положительный образ ученого-гения, героического энтузиаста, сражающегося за истину против костных старых ученых, против обывателей, неспособных осознать истину, против власти и бюрократии, мешающей науке, также культивируется в искусстве, особенно в XX в.

С 30-х годов XX в., когда кино становится общедоступным и начинает серьезно влиять на представления людей, образы ученых не покидают киноэкраны, создаются многочисленные фильмы, где ученые играют ключевую роль в сюжете, в том числе и биографические картины. В множестве образов, в которых ученые предстают на экране, Рослин Хейнс выделяет шесть основных стереотипов ученых в кино: алхимик/безумный ученый, рассеянный профессор, бесчеловечный рационалист, героический искатель приключений, беспомощный ученый и социальный утопист [1, с. 247]

«Безумец» появляется, как правило, в фильмах ужасов, «рассеянный профессор» – в комедиях, «герой» – в боевиках, «беспомощный утопист» – в драмах, «беспомощный ученый» и «бездушный рационалист» – в научной фантастике [1, с. 247]. Тут нужно обратить внимание на противоречие: «беспомощный, психологически слабый – герой», а в глубине под этими образами – «безумец», потому что научная фантастика (научная фантазия) и боевики (известно, с кем драться) это из сферы сознания, а фобии-ужасы – из бессознательного. Это триада героичности, бесполезности/бессилия и безумия выражает собирательный образ науки, как она отражается в мировоззрении человека плюралистической общественной культуры. От науки ожидают то героически чудесных прорывов, то винят в бесполезности, бессилии, утопизме и даже вредности, а за всем этим кроется страх бесчеловечного безумия, страх непредсказуемости, которой можно ожидать от научных открытий.

Интересно, что тест «Нарисуй ученого» (DAST), разработанный Чемберсом в 1983 году [2], в котором дети начальной школы рисуют ученого, каким он им представляется, и который используется в разных странах [3] для того, чтобы исследовать концептуализацию образа ученого в сознании детей, в интерпретации исследователей дает образы примерно соответствующие образам «киношных ученых»: «пять различных профилей ученых, описанных детьми: 1) умный ученый, 2) сумасшедший ученый, 3) ученый-сверхъестественный, 4) неуклюжий ученый и 5) нормальный ученый» [4, р.1]. Исследования образа ученого у школьников делятся с 50-х годов XX века [5] и можно видеть, что стереотипы сохраняются на протяжении трех поколений [6, 7]. Кажется, и новое поколение сохранит негативные стереотипы ученых в своем культурном багаже, поскольку четыре типа из пяти имеют негативную коннотацию, в том числе и «умный ученый», поскольку он часто ассоциировался у детей с такими качествами как «скучный», «странный», «перфекционист», «очень строгий». Но внушает оптимизм появление в новых исследованиях «нормального ученого», который не только в представлении детей занимается реальными научными исследованиями, но и «ассоциируется с положительными, социально желательными характеристиками, такими как "творческий", "веселый", "любопытный", "жизнерадостный" или "дружелюбный» [4, р. 9].

Можно также предположить, что образ ученого коррелирует с более древним мифом о «познающем человеке», познании в целом и проблеме добра и зла, связанной с познанием. В европейской культурной матрице присутствует библейский миф о Древе познания добра и зла, где стремление к запретному знанию оборачивается трагическими бедами для всего человечества, и героический миф о Прометее, который нарушил запрет Зевса и похитил огонь у богов для людей, – в этом мифе страдать за принесенные человечеству знания обречен только культурный герой. Новое знание всегда таит в себе опасность и «всякий умножающий познание, умножает скорбь» и, может быть, бессознательный страх перед наукой неизбывен.

В некотором смысле и Сократ становится жертвой и символом этой мифической установки. Сократа обвиняли в том, что он «преступает закон попусту усердствуя, испытывая то, что под землею,

и то, что в небесах» [8, с. 85], «преступает законы тем, что портит молодежь, не признает богов, которых признает город, а признает знамения каких-то новых гениев» [8, с. 90]. И здесь противоречие, богохульство – поклонение богам, и опять та же триада, где «непризнание богов» – бесполезность и вредность знаний, расшатывающих принятое и упорядоченное, где «исследование того, что под землей и на небесах» – героизм-новации науки, а развращение молодежи наукой – путь в безумие. Разница в том, что героизм новации тут тоже оценивается негативно, в отличие от реакции современного общества, где новации науки сознанием воспринимаются позитивно, а страх новации уходит в бессознательное, порождая там ужас. Еще различие, что речь идет не о безумии, а только о развращении, потому что с новациями героизмом уже расправились в сознании, и потому в бессознательное идет всего лишь развращение, а не ужас. А в остальном мы видим схожие черты в восприятии обществом «человека знания». Но отрадно отметить, что в истории образ Сократа сохранился как «прометеевский архетип» – герой, несущий людям истину и погибающий за свое дело.

Выявление того, что пугающие, негативные образы науки не исчезают из культуры, с одной стороны, дает повод для пессимистических прогнозов в смысле улучшения образа науки в восприятии общества, а, с другой стороны, если наука смогла успешно развиваться, при преобладающем негативном отношении, позволяет делать оптимистический прогноз. Мы снова возвращаемся к амбивалентности описания и оценки науки. Можно сказать, что это не только отношение общества к науке, но отношение науки к самой себе. Ученые, как и неученые, часто имеют противоречивый положительно-отрицательный образ науки, с бессознательным страхом перед перспективами развития науки.

Список литературы

1. Пособие по общественным связям в науке и технологиях / Под ред. М. Букки и Б. Тренча. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 592 с.
2. *Chambers D.W.* Stereotypic Images of the Scientist: The Draw a Scientist Test // *Science Education*. 1983. Vol. 67 (2). P. 255–265. DOI:10.1002/sce.3730670213.
3. *Reinisch B., Krell M.* Assessing Pre-service Teachers' Views of Scientists, Their Activities, and Locations: the VoSAL Instrument // *Research in Science Education*. 2022. Vol. 53(1). P. 1–15. DOI:10.1007/s11165-022-10046-w.
4. *Brumovska T.J., Carroll S., Javornicky M., Grenon M.* Brainy, Crazy, Supernatural, Clumsy and Normal. Five profiles of children's stereotypical and non-stereotypical perceptions of scientists in the Draw-A-Scientist-Test // *International Journal of Educational Research Open*. 2022. Vol. 3. P. 100-180.
5. *Mead M., Metraux R.* Image of the Science among High-School Students // *Science*. 1957. Vol. 126 (3270). P. 384-390.
6. *Barman C.R.* Students' views about scientists and school science: Engaging K-8 teachers in a national study // *Journal of Science Teacher Education*. 1999. Vol. 10(1). P. 43–54.
7. *Beardsley D.C., O'Dowd D.D.* The college-student image of the scientist // *Science*. 1961. Vol. 122(3457). P. 997–1001.
8. *Платон.* Апология Сократа // Платон. Сочинения. В 3-х тт. Том 1. М.: «Мысль», 1968. С. 81–112.

ПУБЛИЧНОСТЬ КАК СУРРОГАТ ДОКАЗАТЕЛЬНОСТИ

Дмитриев И. С.

Доктор химических наук

СПб Филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

E-mail: isdmiriev@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена история попытки экспериментального подтверждения общей теории относительности (ОТО) А. Эйнштейна в 1919 году, для чего было организовано две британских экспедиции, которые наблюдали солнечное затмение 29 мая 1919 года на севере Бразилии и в Западной Африке. Результаты были доложены А. С. Эддингтоном и Ф. В. Дайсоном на совместном заседании Лондонского Королевского общества и Королевского астрономического общества, и на следующий день лондонская газета «Times» опубликовала их под заголовком «Революция в науке».

Этот факт способствовал широкому признанию ОТО. В данной публикации показано, что признание результатов наблюдений (самих по себе весьма спорных) стал прямым результатом систематической и продолжительной кампании Эддингтона, Дайсона и их сотрудников по привлечению внимания к ОТО широкой публики и научного сообщества и способствовало благоприятному восприятию результатов экспедиций, как фактора, позволившего провести различие между теориями гравитации Ньютона и Эйнштейна.

Ключевые слова: общая теория относительности (ОТО), А. Эддингтон, затмение 1919 года, роль прессы в развитии науки.

PUBLICITY AS A SURROGATE OF EVIDENCE

Dmitriev I. S.

DSc of Chemical Sciences

S. I. Vavilov Institute of History of Natural Science and Technology,

Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch

E-mail: isdmitriev@gmail.com

Abstract. In the article the history of the attempt of experimental confirmation of the general theory of relativity (GTR) of A. Einstein in 1919 is considered. For this purpose, two British expeditions were organized, which observed the solar eclipse on May 29, 1919 in the north of Brazil and in West Africa. The results were reported by A. S. Eddington and F. W. Dyson at a joint meeting of the Royal Society of London and the Royal Astronomical Society, and the next day the Times of London published them under the headline "A Revolution in Science." This fact contributed to the wide recognition of GTR. In this publication it is shown that the recognition of the results of observations (themselves very controversial) was a direct result of systematic and long campaign of Eddington, Dyson and their collaborators to attract attention to GR to the general public and the scientific community and contributed to the favorable perception of the results of expeditions as a factor that allowed to distinguish between the theories of gravitation of Newton and Einstein.

Keywords: general theory of relativity, A. S. Eddington, eclipse of 1919, the role of the press in the development of science.

История науки знает немало примеров, когда вынесение научной полемики в публичное пространство использовалось заинтересованными сторонами для придания тем или иным утверждениям или констатациям дополнительного веса. Я уже имел возможность рассмотреть подобную тактику на примере сочинений П. Л. Моро де Мопертюи, посвященных физиологии размножения [1]. В данном сообщении я остановлюсь на другом примере, который касается событий, относящихся к иному времени и происходивших в иных социокультурных и научных контекстах. Речь пойдет о проверке одной из самых смелых и важных теорий в истории науки – общей теории относительности (ОТО) А. Эйнштейна [2, 3], описывающей тяготение как проявление геометрии пространства-времени. Согласно ОТО, гравитационные эффекты обусловлены не силовым взаимодействием тел и полей, а деформацией пространства-времени.

В 1916 году Эйнштейн обнаружил, что угловой сдвиг направления распространения света, предсказываемый ОТО, в два раза больше, чем в ньютоновской теории [3, s. 821–822]. Вскоре ученым предоставилась возможность проверить это предсказание во время лунного затмения 29 мая 1919 года. Идея экспериментальной проверки в принципе проста: когда во время затмения Луна полностью закрывает Солнце, до земного наблюдателя доходит свет звезд, находящихся на видимом небосводе рядом с Солнцем, поэтому необходимо сделать фотоснимки скрытого Луной Солнца и видимых около его диска звезд. Через некоторое время после (или до) затмения делаются снимки того же участка неба, когда Солнце находится в совсем другом месте небосвода. Признаком отклонения световых лучей будет смещение видимого положения выбранных звезд на снимках, сделанных во время затмения, относительно тех же звезд, до или после него.

Для проведения соответствующих наблюдений 8 марта 1919 года две британские научные экспедиции отправились в тропики. На это мероприятие британское правительство выделило 1000 фунтов стерлингов.

Первая группа, возглавляемая Эндрю Кроммелином (Andrew Claude de la Cherois Crommelin; 1865 – 1939), проводила наблюдения на севере Бразилии, в городке Собрал. Вторая, руководимая

Артуром Эддингтоном (sir Arthur Stanley Eddington; 1882 – 1944), направилась к португальскому острову Принсипи у берегов современной Экваториальной Гвинеи.

По расчетам Эйнштейна, амплитуда изгиба светового луча от фоновой звезды должна быть равна 1,75" на лимбе Солнца, причём отклонение должно происходить в радиальном направлении от центра Солнца и линейно уменьшаться с расстоянием. Согласно же классической (ньютоновской) теории (в которой свет реагирует на гравитацию, но пространство-время не искривляется), изгибание светового луча должно составлять ровно половину от этого значения: 0,87". Рассматривалась и третья возможность – нулевое отклонение.

Затмение 29 мая 1919 года было исключительным в том отношении, что оно должно было длиться относительно долго (максимальная продолжительность полной фазы составила 6 минут 51 секунду), а в качестве фоновых звезд оказывалось рассеянное скопление Гиады в созвездии Тельца, обладающее исключительным количеством и пространственным распределением ярких звёзд. Королевский астроном сэра Фрэнк Дайсон (Frank Watson Dyson; 1868 – 1939) признал, что это беспрецедентная возможность для проверки отклонения света от прямого пути, а следовательно, для поддержки или опровержения теории Эйнштейна.

В 1917 году Артур Эддингтон представил Лондонскому физическому обществу детальный доклад об ОТО и начал приготовления к экспедиции. В этом ему помогал Франк Дайсон.

В целом обе экспедиции прошли успешно в том смысле, что удалось сделать необходимые снимки. Было установлено, что световые лучи звезд искривляются под действием гравитационного поля Солнца на величину, близкую к предсказанной Эйнштейном цифре в 1,74". 7 ноября 1919 года, на следующий день после того, как А. Эддингтон и Ф. Дайсон объявили на совместном заседании Лондонского королевского общества и Королевского астрономического общества об экспериментальном подтверждении ОТО, лондонская «The Times» вышла с заголовком, ставшим впоследствии знаменитым: «REVOLUTION IN SCIENCE. New theory of the universe. Newtonian ideas overthrown (Революция в науке. Новая теория Вселенной. Ньютонские идеи опровергнуты)» [4, p. 12]. Так к Эйнштейну пришла мировая слава.

В целом, реакция в прессе была самой разнообразной: от сенсационного баннера в «The Times» до легкомысленного заголовка в «Daily Mail» «Light caught bending (Свет, оказавшийся изогнутым)».

До сих пор в литературе преобладает мнение, что наблюдения Эддингтона и Кроммелина подтвердили теорию гравитации Эйнштейна. Однако, как показали Дж. Эрман (J. Earman) и К. Глаймур (C. Glymour) [5], в действительности, никаких убедительных подтверждений ОТО тогда получить не удалось, «Дайсон и Эддингтон... просто отбросили значительную часть данных», не подтверждавших расчеты Эйнштейна [5, с. 85].

Действительно, бразильская группа смогла получить 19 фотографий с помощью астрографического телескопа и 8 – с помощью четырехдюймового телескопа. Последние позволили определить, что отклонения светового луча Солнцем находится в диапазоне от 1.86 до 2.1 угловой секунды (среднее значение – 1.98"). Фотографии, полученные с помощью астрографа, были хуже качеством и их анализ дал величину среднего отклонения светового луча 0.86", что ближе к значению, даваемому теорией Ньютона. Группа Эддингтона на Принсипи получила 16 фотографий, из которых только две были пригодны для анализа. Изучение этих двух снимков дало величину отклонения светового луча соответственно 1.31" и 1.91" (средняя величина – 1.62", что недопустимо меньше расчетной величины Эйнштейна). Кроме того, каждый комплект фотографий содержал очень большую стандартную погрешность.

Такой разницей в данных неудивителен, поскольку исследователи столкнулись с очень многими трудностями, главные из которых – атмосферная турбулентность, несовершенство механики телескопов и фотографического оборудования и трудные условия наблюдения. Эддингтон все это прекрасно понимал и вынужден был впоследствии признать, что результаты ненадежны и плохо воспроизводимы. Строго говоря, это означало, что подтвердить расчеты Эйнштейна не удалось, как, впрочем, и расчеты, сделанные по теории Ньютона.

Однако Эддингтон, убежденный в справедливости ОТО, при обработке полученных данных отбросил результаты бразильской экспедиции, которая получила снимки относительно хорошего качества, предпочтя им «африканские», гораздо худшие. Как позднее заметил У. У. Кэмпбелл, «профессор Эддингтон был склонен придавать большее значение африканским снимкам, но, поскольку несколько изображений на его немногочисленных астрографических снимках были не так хороши, как на астрографических пластинах, полученных в Бразилии, а при этом последним практически не придавалось никакого значения, то логика ситуации кажется не вполне ясной» [6, p. 19].

Почему же научное сообщество (по крайней мере, участники совместных заседаний Royal Society и Royal Astronomical Society, как и члены этих обществ, вошедшие в состав Joint Permanent Eclipse Committee (JPEC)), восприняло весьма неопределенные результаты явно сложных экспериментов как подтверждение теории Эйнштейна?

Одним из важных факторов такого восприятия была рекламная кампания, проведенная А. Эддингтоном. Реакция научного сообщества и общественности была прямым результатом согласованных усилий Эддингтона, Дайсона и других членов JPEC, направленных на поддержку теории Эйнштейна, в которую они верили, но которую в действительности понимали лишь единицы (включая самого Эддингтона).

Сэр Артур, как и сам Эйнштейн, был убежден в истинности ОТО еще до того, как она была проверена экспериментально. Кроме того, Эддингтон умело использовал свой колоссальный авторитет специалиста не только в области астрономии, но и в теории гравитации, чтобы представить эксперименты как строгие и подтверждающие предсказания Эйнштейна. И что особенно важно, английский ученый активно использовал тогдашние СМИ.

Упомянутая выше статья «Революция в науке» появилась в лондонской «Таймс» не на пустом месте. Она стала кульминацией серии все более детализированных материалов о предстоящих экспедициях, публиковавшихся в этой газете в течение десяти месяцев, предшествовавших объявлению о совместном заседании двух научных обществ. (Первое упоминание в «Таймс» о самом затмении и об экспедициях появилось 13 января 1919 года в краткой заметке под заголовком «Грядущее затмение Солнца» [7, р. 8]). Как показывает анализ документов, между редакцией «Таймс» и лицами, связанными с экспедициями, существовал очень тесный контакт, газета служила ценным средством, с помощью которого общественность могла получать информацию и инструкции по пониманию планируемых экспериментов. Необходимо иметь также в виду, что информация, приведенная в выпусках лондонской «Таймс», быстро попадала в другие СМИ, причем не только британские.

Хотя статью «Революция в науке» принято считать убедительным свидетельством бурной реакции общественности на объявление о совместном заседании RS и RAS, точнее было бы рассматривать ее как логическое завершение широкого освещения газетой экспедиций JPEC. Любой постоянный читатель «Таймс» к 7 ноября 1919 года уже был хорошо осведомлен о целях и результатах экспедиций и, скорее всего, был готов принять объявленные результаты как решающее подтверждение того, что «идеи Ньютона были опровергнуты».

Эта история наглядно показывает, как обращение к широкой публике (а не только к научной общественности) и умелое манипулирование аудиторией может влиять на процесс восприятия и утверждения новой научной теории, даже если эта теория мало кем может быть понята.

Список литературы

1. *Дмитриев И.С.* Отставной королевский мушкетер между наукой, салоном и будуаром // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 4. С. 190–211.
2. *Einstein A.* Die Feldgleichungen der Gravitation // Sitzungsberichte der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften (Berlin). (Sitzung vom 25 November 1915). 1915. S. 844–847.
3. *Einstein A.* Die Grundlage der allgemeinen Relativitätstheorie // Annalen der Physik. 1916. Bd. 354, № 7. S. 769–822.
4. Revolution in science // The Times (London), 7 November 1919.
5. *Earman J., Glymour C.* Relativity and eclipses: the British eclipse expeditions of 1919 and their predecessors // Historical Studies in the Physical Sciences. 1980. Vol. 11, № 1. P. 49–85.
6. *Campbell W. W.* The total eclipse of the sun, September 21, 1922 // Publications of the Astronomical Society of the Pacific. 1923. Vol. 35, № 203. P. 11–44.
7. Coming eclipse of the Sun // The Times (London), 13 January 1919.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: СПОР О ЯЗЫКЕ

Жарова Е. Ю.

*Доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: zharova_ekaterina@bk.ru*

Аннотация. Научная периодика в России была связана с появлением научных учреждений, таких как Академия наук, университеты и научные общества. В связи с тем, что большинство ученых, работавших в России, были иностранцами, а также в связи с необходимостью научной коммуникации с европейскими учеными естественнонаучные журналы публиковали статьи на иностранных языках (латинском, французском, немецком). Научно-популярные журналы, рассчитанные на широкую публику, публиковали оригинальные русскоязычные и переводные статьи. К середине XIX в. возник спор о том, стоит ли начать публиковать на русском языке статьи и в таких известных журналах, как Мемуары и Бюллетень Московского общества испытателей природы, чтобы они перестали «работать на иностранцев». Однако этого не произошло, а в свет вышел новый научно-популярный журнал «Вестник естественных наук» на русском языке. Впрочем, тренд на издание русскоязычных научных журналов уже появился и в дальнейшем число таких журналов только росло, меняя язык научной коммуникации в России.

Ключевые слова: естественные науки, университеты, Российская империя, научные журналы, Московское общество испытателей природы, издательство.

UNIVERSITY NATURAL SCIENCE JOURNALS IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: LANGUAGE DISPUTE

Zharova E.Y.

*DSc in History, Senior Research Fellow
St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
E-mail: zharova_ekaterina@bk.ru*

Abstract. Scientific periodicals in Russia were associated with the emergence of scientific institutions such as the Academy of Sciences, universities, and scientific societies. Due to the fact that most of the scientists working in Russia were foreigners, and due to the need for scientific communication with European scientists, natural science journals published articles in foreign languages (Latin, French, and German). Popular science journals aimed at the general public published original Russian-language and translated articles. By the middle of the 19th century, a dispute appeared as to whether it was worthwhile to start publishing articles in Russian in such well-known journals as Memoirs and Bulletin of the Moscow Society of Naturalists so that they would stop "work for foreigners". However, this did not happen, and a new popular science journal Herald of Natural Sciences was born that published articles in Russian. However, the trend towards the publication of Russian-language scientific journals had already appeared and the number of such journals only grew, changing the language of scientific communication in Russia.

Keywords: natural science, universities, the Russian Empire, scientific journals, Moscow Society of Naturalists, publishing.

Как известно, первые научные журналы в России публиковались на латинском языке. Это были различные издания Академии наук, рассчитанные на научную коммуникацию ученых из Петербурга и их европейских коллег. Научно-популярные издания Академии наук все же издавались на русском. Русскоязычным был и первый естественнонаучный журнал А.А. Прокоповича-Антонского, издававшийся Московским университетом. Это был «Магазин натуральной истории, физики и химии, или Новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающее в себе важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление премногих из них во врачебной науке, в экономии, земледелии, искусствах и художествах», который существовал в 1788–1790 гг.

Естественнонаучные журналы начала XIX в. были связаны с университетами: их издавали или научные общества, или профессора. Таковыми были журналы двух научных обществ при Императорском Московском университете: Московского общества испытателей природы (МОИП) и Физико-медицинского общества. Самый первый, на французском языке, назывался *Journal de la Société des Naturalistes de l'Université Impériale de Moscou*. Всего вышло 2 сдвоенных номера этого журнала, при этом большая часть тиража погибла в пожаре 1812 г. [1, с. 30]. С 1805 г. МОИП начало издавать журнал *Mémoires de la Société des Naturalistes de l'Université Impériale de Moscou*, который впоследствии был переименован в Новые мемуары (*Nouveaux Mémoires*). В 1829 г. МОИП основало новый журнал *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*, в котором большинство статей тоже печаталось на иностранных языках, в основном на французском [2, с. 31]. Физико-медицинское общество издавало «Медико-физический журнал» (1808–1821) на русском и комментарии (*Commentationes Societatis Physico-Medicae apud Universitatem Litteratum Caesaream Mosquensem Institutaе*, 1811–1828) на латыни, которые, к сожалению, выходили не слишком регулярно, а потом и вовсе прекратили свое существование. Возобновление публикации журнала относится к 1830 г., когда появился первый и последний номер полиязычных (русский, немецкий и французский) «Записок общества физических и врачебных наук» [3, с. 29], выпуск которых был прекращен из-за эпидемии холеры. Впоследствии регулярные труды общества стали публиковаться только с 1886 г.

Публикации на иностранных языках были необходимы в качестве средства коммуникации с европейскими учеными. Учитывая тот факт, что многие профессора университетов были иностранцами, а русские профессора стажировались в европейских университетах и хорошо владели иностранными языками (это доказывается большим числом переводов, сделанных русскими профессорами), то наука того времени в России была преимущественно иноязычной. Конечно, были профессора, которые публиковали свои труды на русском языке, но знакомились с работами других исследователей они на немецком, французском или латыни, которые были наиболее распространены в первой половине XIX в.

Помимо журналов, связанных с научными обществами, появляются и автономные журналы, чей профиль можно было бы назвать научно-популярным. Хотя в этих журналах публиковались и русскоязычные оригинальные, но чаще всего это были переводные статьи. Так, в 1820 г. при Московском университете его профессором И.А. Двигубским начал издаваться журнал «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических». Название «магазин» предполагало, что он будет «хранилищем всех до естественных и экономических наук относящихся сведений» [РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 63. Л. 2об.]. Журнал этот выходил в течение 10 лет, до 1830 г. и был печатным органом для многих профессоров университета, чьи статьи публиковались на русском языке.

В 1828 г. профессор химии Московского университета А.А. Иовский, который являлся выпускником физико-математического и медицинского факультетов, начал издавать журнал «Вестник естественных наук и медицины», просуществовавший до 1834 г. В первой половине XIX в. научные журналы, издаваемые при университетах, выходили нерегулярно и обычно не слишком длительное время. Иногда прекращение издания журнала было связано со смертью издателя. Например, в 1824–1831 гг. в Петербурге издавался «Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», который прекратил свое существование из-за смерти от холеры его издателя, профессора физики Петербургского университета Н.П. Щеглова.

При Казанском университете в 1821 г. начали издавать журнал «Казанский вестник», в котором также публиковались статьи естественнонаучного содержания. В 1832 г. журнал был разделен на 2 части – Начальственные распоряжения и Сочинения и переводы. Однако в 1833 г. журнал был закрыт. Согласно записке попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, отправленной в ММП 4 декабря 1833 г., «...сей журнал вовсе не возбуждает любопытства читателей. Причиной сему я полагаю неправильную цель сего издания. Казанский Вестник должен быть не литературным, но ученым журналом» [РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 91. Л. 1]. Основания для этого у попечителя были достаточно резонными: провинциальный литературный журнал не мог соперничать со столичными, тогда как ученый, при условии активного участия профессоров в его наполнении достойными статьями, вполне мог. Поэтому в 1834 г. при университете появился новый журнал – «Ученые записки», который под разными названиями существовал до 1917 г.

В это же время, а именно в 1833 г., по предложению С.С. Уварова, начали издаваться Ученые записки Императорского Московского университета, просуществовавшие недолго, до 1836 г. Как было заявлено, цель издания состояла «в сообщении полезных знаний в области ума, природы и искусства» [РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 69. Л. 6об.]. В этом журнале был отдел наук, где, в том числе, публиковались статьи по естественным наукам. 10 марта 1834 г. о дозволении издавать журнал «Ученые записки» при

Харьковского университете просил помощник попечителя округа граф А.И. Панин. Однако Николай I предписал «повременить» с изданием [РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 946. Л. 7]. В 1837 г. попечитель Ю.А. Головкин просил дозволения издавать уже другой журнал: «Журнал, издаваемый Императорским Харьковским университетом» [РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 946. Л. 15], который должен был состоять из четырех отделений – словесного, математического, юридического и медицинского. Тогда же попечитель предложил открыть при университете ученое общество [РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 946. Л. 9], которое тоже должно было издавать свой научный журнал, но ни общество, ни журнал при университете так и не появились.

В этот период в России не существовало достаточного количества естественнонаучных журналов на русском языке, а статьи естественнонаучной направленности публиковались время от времени в общенаучных журналах того времени. За исключением журналов МОИП, выходивших на иностранных языках, и более-менее регулярных Ученых записок Казанского университета, результаты исследований могли публиковаться в изданиях Академии наук, а также в таких журналах, как Отечественные записки, Современник, Журнал Министерства народного просвещения, которые имели разделы, посвященные наукам. Однако журналы эти были многопрофильными, т.е. содержали статьи из разных отраслей наук, а потому не могли быть полноценным «рупором» русскоязычных естественных наук. В связи с этим неудивительно, что в 1851 г. на заседании МОИП возник вопрос об издании естественнонаучного журнала на русском языке. К этому времени относятся разговоры о том, что оба издания МОИП, публиковавшиеся на иностранных языках, ориентированы на иностранцев и лишь немногие люди в России могут их читать. В своей записке, поданной в МОИП, один из членов общества, будущий редактор нового журнала, профессор зоологии Московского университета К.Ф. Рулье, называя одну из целей науки ее разработку «без всякого отношения к месту, и к лицу, где и для кого оно разрабатывает материал науки», указывал, что «язык не Русский не только не помеха для этой цели, всеми нами искомой, а напротив существенное средство, чтобы Россия всеми нами высокочтимая была и по своим естественным произведениям и мере их разработки, высоко и достойно чтимая и за границею» [4, с. 13]. Этим целям соответствовали оба журнала МОИП, Мемуары и Бюллетень, которые представляли русских ученых в Европе. В противовес голосам, раздававшимся в пользу издания обоих журналов на русском, Рулье считал, что этого делать не следует, а следует издавать журнал на русском для широкой публики. О необходимости такого журнала писали и члены общества из других университетов, например зоолог из Харьковского университета И.О. Калениченко: «Не могу скрыть своей душевной радости, что Общество наше, наконец, решило издавать «Вестник естественных наук» на русском языке. Много принесет он пользы и для языка, и для науки, а вместе с этим русские будут знать лучше свое отечество, столь богатое разнообразными произведениями природы» [5, с. 263]. Или ботаник из Петербургского университета И.И. Шиховский: «Пусть произведения большего объема или оригинальные исследования, заслуживающие внимания всего ученого мира естествоиспытателей, будут печатаемы к скорейшему сведению ученых на каком-либо общеупотребительном (не русском) языке по произволу автора в трудах общества (Mémoires de la Société), но описание животных, растений и минералов российских, описание местностей России и всякого рода естественных замечательностей должны быть представлены читающей отечественной публике на языке отечественном. Введение преподавания естественной истории в гимназиях делает такое сочинение насущною потребностью» [5, с. 263–264]. В итоге журнал начал выходить только в 1854 г., что было связано с внутриредакторскими и финансовыми проблемами. Его редактором выступил К.Ф. Рулье, после смерти которого в 1858 г. журнал был передан в другие руки и был закрыт в 1860 г. [6].

Можно ли связать спор о языке, возникший в начале 1850-х гг. с ситуацией в России, связанной с закрытием границ после революций 1848 г., или это было естественное течение развития коммуникации, предполагавшее издание не только научно-популярных, но и научных журналов на русском языке? Впоследствии, уже в более «светлую» эпоху естественнонаучные журналы в России стали русскоязычными, и это касалось не только научно-популярных изданий, однако в первой половине XIX в. публикация научной статьи на русском языке означала ее закрытость и отсутствие научной коммуникации с европейскими учеными.

Список литературы

1. Варсанофьева В.А. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки: К 150-летию о-ва. 1805–1955. К 200-летию Моск. ун-та. 1755–1955. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 104 с.

2. *Литишиц С.Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940): Ист. очерк / Моск. о-во испытателей природы. 1805–1940. М.: [б. и.], 1940. 136 с.
3. Историческая записка о составе и деятельности Физико-медицинского общества, учрежденного при Московском университете, за первое 50-летие его существования, (1805–1855) / Сост. Ал. Тарасенковым. М.: Унив. тип., 1856. 51 с.
4. *Бессуднова З.А., Стародубцева И.А.* Карл Францович Рулье. Страницы биографии // Бюллетень МОИП. Отдел геологический. 2014. Т. 89. Вып. 5. С. 5–15.
5. Райков. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: Материалы к истории эволюционной идеи в России. В 3 т. Т. 3. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 644 с.
6. От редакции // Вестник естественных наук. 1860. № 1. С. 3–8.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРВОМ ПРОЕКТЕ Г.В. ЛЕЙБНИЦА ДЛЯ ПЕТРА I: КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Куприянов В. А.

Кандидат философских наук

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова РАН

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Аннотация. Автор обращается к анализу содержания первого проекта реформ, который был предложен выдающимся немецким философом и ученым Г.В. Лейбницем Петру I в 1697 г. во время Великого посольства. В статье указывается, что философия Лейбница и его ученика Х. Вольфа имела огромное значение для интеллектуальной истории России в XVIII – начале XIX в. Однако влияние Лейбница не ограничивалось только лишь распространением в России его философского учения, но и той ролью, которую он сыграл в истории основания Петербургской академии наук, что было обусловлено изменением его отношения к России к моменту Великого посольства. К этому времени Лейбниц видел в России возможности для проведения широких реформ, предполагающих внедрение науки, для чего в своем первом проекте он предлагал создать «Всеобщее научное учреждение», куда было бы необходимо пригласить иностранных ученых. Подчеркивается важность коммуникации в проекте Лейбница, для которого первостепенное значение имело улучшение контактов между Россией и развитыми в научном отношении европейскими странами, что можно понять в качестве необходимого условия успеха реформы по созданию научного учреждения. Указывается, что именно наука играла главную роль во всех проектах, которые Лейбниц предлагал для России.

Ключевые слова: реформирование науки, Лейбниц, Петр I, Академия наук, научная коммуникация, Великое посольство, научные контакты.

SCIENCE AND EDUCATION IN THE FIRST LEIBNIZ'S PROJECT FOR THE PETER THE GREAT: COMMUNICATIVE ASPECTS

Kupriyanov V. A.

CSc in Philosophy

St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the history

of science and technology of the RAS

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Abstract. The author deals with the analysis of the content of the first reform project, which was proposed by the outstanding German philosopher and scientist G.W. Leibniz to Peter I in 1697 during the Great Embassy. The author points out that the philosophy of Leibniz and H. Wolff had enormous influence on the intellectual history of Russia in the 18th – early 19th centuries. However, Leibniz's influence was not limited only to the spread of his philosophical teachings in Russia, but also to the role he played in the history of the founding of the St. Petersburg Academy

of Sciences. The author shows that Leibniz's attitude towards Russia at the time of the Great Embassy had changed significantly. By this time, Leibniz saw in Russia opportunities for carrying out broad reforms involving the introduction of science, for which in his first project he proposed creating a "General Scientific Institution", where it would be necessary to invite foreign scientists. The author emphasizes the importance of communication in Leibniz's project, because for Leibniz, improvement of communication between Russia and scientifically developed European countries was of paramount importance, which can be understood as a necessary condition for the success of the reform to create a scientific institution. It is shown that it was science that played the main role in all the projects that Leibniz proposed for Russia.

Keywords: reform of science, Leibniz, Peter I, Academy of Sciences, scientific communication, Grand Embassy, scientific contacts.

Георг Вильгельм Лейбниц (1646–1716) относится к числу философов и ученых, оказавших значительное влияние не только на европейскую науку, но и на Россию и ее культуру. Особенно значимой оказалась роль Лейбница и его ученика Х. Вольфа в отечественной интеллектуальной истории. По общему признанию историков, русская университетская и духовно-академическая философия были тесно связаны с влиянием вольфианства. Известный историк русской философии Э.Л. Радлов указывал, что в начале XVIII в. в российских учебных заведениях влияние схоластики сменяется на влияние Лейбница и Вольфа [1, с. 101]. В России получают распространение вольфианские учебники, его последователи приезжают в Россию (например, Г.Б. Бюльфингер, Х. Гросс), а русские студенты направляются на учебу к Вольфу (например, М.В. Ломоносов). Очевидно, что импульсом к формированию этой интеллектуальной культуры стало основание в 1724 г. Петербургской Академии наук, которая и стала первым научным учреждением в России в современном смысле этого слова. Основание Петербургской АН является, однако, долгим и сложным процессом, которому предшествовала целая серия подготовительных событий [2], среди которых нельзя не упомянуть деятельность Лейбница.

Лейбниц проявлял большой интерес к организации науки как в Европе, так и в России. На протяжении почти всей своей жизни он предпринимал неоднократные попытки создать разнообразные научные учреждения: журналы, научные общества и академии, а также целые сети обмена научной информацией. Уже в 1668 г. в возрасте двадцати двух лет Лейбниц начинает интересоваться проблемой организации научного журнала и научного книгоиздания. В связи с этим философ уже в этот период предпринимает и первые практические попытки *организации научных учреждений*. В центре внимания Лейбница с самого начала была проблема организации научной коммуникации, прежде всего, улучшения книжного и библиотечного дела. Эта проблема стала предметом его переписки с императором Священной Римской империи Леопольдом I, которому он предложил проект создания централизованной библиотеки. В историографии он называется «De Scopo et Usu Nuclei Librarii Semestralis» и относится к 1668 г. [3, s. 3–7]; [4, s. 56–66]. Из проблемы улучшения научной коммуникации возникают позже и все другие проекты Лейбница, поскольку, как он полагал, именно свободное общение и свободный обмен информацией обеспечивает развитие науки и прогресс человеческого разума [5]. Так, в заметке 1669 г., озаглавленной «Societas philadelphica», Лейбниц указывает, что науки и искусства преумножаются через развитие всеобщей переписки и прилежнейшего исследования природы вещей [6, s. 553]. Идея улучшения коммуникации лежит и в основе проекта под названием «Semestria literaria» (1679 г.), целью которого являлось создание научного журнала [7, s. 775–793].

В этой связи обращает на себя внимание переписка Лейбница с корреспондентами из России и в целом его интерес к России и к преобразованиям, которые проводил Петр I. Как известно, интерес Лейбница к России возник далеко не сразу, а его взгляд на нашу страну претерпел существенные изменения. Как показано в исследовательской литературе [4, s. 456–466], в ранний период своего творчества Лейбниц обращал мало внимания на Россию, рассматривая ее в традиционном для европейцев негативном ключе (см.: его ранний трактат 1669 г. «Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo rege Polonorum»). Однако с 1680-х гг. он начинает постепенно менять свое отношение к России, сформировав для себя к началу Великого посольства 1697 г. ее положительный образ. Одним из главных этапов в процессе преобразования взгляда Лейбница на Россию стали его контакты в 1689 г. с иезуитами, которые посещали с визитами Китай. С этого периода Лейбниц начинает рассматривать Россию как связующее звено между Европой и Китаем и как форпост в продвижении науки и искусств на Восток. Очевидно, что приход к власти Петра I и распространение в Европе информации о его интересе к преобразованию России и его симпатиях к Западу не могли не усилить внимание великого

философа к нашей стране. Постепенно Лейбниц формирует представление о России как о *tabula rasa*, которая поддается преобразованиям и, возможно, даже станет в будущем примером для Европы, избежав тех непоправимых ошибок, которые та в своем развитии уже допустила. В 1711 г. Лейбниц писал: «Поскольку нравы в русских землях являются чистой доской (*tabula rasa* – В.К.) и как бы непаханным полем, так что те злоупотребления в науках, которые в Европе глубоко укоренены и с трудом искоренимы, там (в России – В.К.) могут быть предотвращены, так что могли бы русские, участь на ошибках и создавая хорошие научные учреждения, быть для остальной Европы хорошим примером» [8, с. 175]. В конце концов, в 1712 г. Лейбниц обращался к Петру I как монарху, который, как он полагал, мог бы совершить в России величайшие научные преобразования: «Мне не хватало никого иного, кроме как великого господина, который сам может достаточно воспринять дело. И, как я надеюсь, именно его я и нашел в лице Вашего царского величества, когда Вы в своем великом государстве легко и почти без усилий и трат можете и хотите создать наилучшие для этого учреждения» [8, с. 207] (см. подробнее описание отношения Лейбница к Петру I и его встречи с русским царем [9]).

Все проекты реформ Лейбница для России предполагали создание научных учреждений, и именно наука и просвещение были в центре его реформаторских планов. И, конечно, коммуникативные аспекты науки играли в лейбницеvских проектах важнейшую роль, что было в силу очевидной необходимости коммуникации для заимствования науки из Европы. Первым проектом, написанным Лейбницем для России, стала его записка, которую он пытался передать Францу Лефорту во время Великого посольства. Сегодня ее принято называть «О продвижении наук и искусств в России» («*Sur l'avancement des sciences et des arts en Russie*») [8, s. 14–19], [10, s. 279–286]. Как только в Европе стало известно о путешествии русского царя, Лейбниц, уже имевший к тому время сформированное представление о России и образ желаемых для нее преобразований, предпринял попытки войти в контакт с приближенными Петра I и передать самому царю записку, в которой изложены предложения о необходимых реформах. Именно эта записка стала основной для всех последующих проектов Лейбница, а идеи, в ней высказанные, возможно, легли в основу и некоторых практических шагов, предпринятых Л.Л. Блюментростом как непосредственным организатором первого научного учреждения России. Тем не менее, важно признать, что идеи записки 1687 г. позже в измененном виде можно найти в других предложениях Лейбница для Петра I.

Связывая свои предложения с политической ситуацией в Европе и важной для него общеевропейской борьбой против Османской империи, которая, по мнению Лейбница, несла опасность распространения ислама на европейском континенте, великий философ обращает внимание адресата своей записки на необходимость думать не только о войне, но и о таких проектах, на которые предшественники царя не могли бы и отважиться [10, s. 280]. При этом Лейбниц сразу подчеркивает практическую значимость науки, указывая на ее необходимость государству: «В настоящее время я хочу говорить только о том, что служит “этой цели”, оставляя в стороне то, что связано с государством, войной и торговлей, с мореплаванием, хотя на самом деле для всех этих пунктов нет ничего важнее, чем науки и искусства» [10, s. 282]. Для переноса наук и искусств в Россию Лейбниц предлагает царю создать единый план, в соответствии с которым это должно происходить. В основе этого плана должно лежать, прежде всего, облегчение коммуникации между Россией и Европой. Нужно, как считает Лейбниц, «привлекать то, что есть хорошего у иностранцев и развивать то, что есть у себя <...> нужно развивать людей, поощряя их как путешествовать (за границу – прим. В.К.), так и обучаться у себя» [10, s. 282]. Главное, что имеет в виду Лейбниц заключается в том, что коммуникация должна быть селективной, то есть заимствовать нужно лишь наилучшее, а не все, что есть. В развитие основной идеи о необходимости заимствования наук и искусств путем привлечения из европейских стран всего наилучшего, Лейбниц предлагает семь главных пунктов проекта проведения реформ: «1. Создать общее учреждение для наук и искусств. 2. Привлекать способных иностранных специалистов. 3. Привозить иностранные вещи, которые этого заслуживают. 4. Позволять поданным путешествовать с соответствующими мерами предосторожности. 5. Обучать людей у себя в стране. 6. Составить точные описания страны, чтобы знать ее потребности. 7. Восполнить то, чего ей не хватает» [10, s. 282].

Коммуникативная составляющая предложений Лейбница в данном случае очевидна. Для философа важно осознанное общение со странами, где развиты науки и искусства, чтобы заимствовать из них все наилучшее для развития России. Для этого необходимо *всеобщее научное учреждение* (*L'établissement General pour les Sciences et Arts*), в которое, как считает философ, нужно отобрать обученных наукам и искусствам людей, заинтересованных, однако не столько в деньгах, сколько в научной славе [10, s. 283]. Для приглашения ученых нужно изменить «законы, которые могут их

отталкивать или вызывать отвращение» [10, s. 283], прежде всего, Лейбниц советует упростить правила въезда и выезда из страны, а селить приглашенных ученых «отдельными колониями», то есть отдельно от местного населения. Говоря о том, что следовало бы привозить в интересах науки, Лейбниц имеет в виду, прежде всего, книги и интересные явления. Для развития способностей подданных их следует направлять за границу, а также обучать внутри страны, для чего необходимы школы и академии [10, s. 285]. Для преподавания нужны учителя и учебные пособия. Большую роль отводит Лейбниц и географическим и этнографическим исследованиям, которые необходимы для того, чтобы лучше знать потребности страны. Именно в данном проекте Лейбниц впервые предлагает составить карту России, исследовать языки и нравы народов ее населяющих, а также выяснить, существует ли сухопутная связь между Азией и Америкой [10, s. 285–286]. Для этих задач также нужны обученные люди – инженеры, которых нужно отправлять в экспедиции для выяснения этих вопросов. Все семь пунктов первого плана научных реформ, предложенного Лейбницем, направлены на практическое преобразование и улучшение жизни страны посредством науки и научных исследований.

Как можно видеть, коммуникативная сторона предлагаемых Лейбницем реформ является определяющей, ведь все они подразумевают улучшение связей между Россией и европейскими странами, а также улучшение коммуникаций внутри страны, для чего необходимо ее изучение. Многие меры, которые Лейбниц предложил в 1697 г., были развиты им в дальнейших его «российских проектах», которые он писал вплоть до своей смерти в 1716 г. Часть из его предложений была впоследствии реализована.

Список литературы

1. Радлов Э.Л. Очерки истории русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. С. 96–216.
2. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 210 с.
3. Leibniz G.W.F. Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe I: Allgemeiner Politischer und Historischer Briefwechsel. Band 1: Sämtliche Schriften und Briefe (1668–1676). Berl: Akademie-Verlag, 1970. 545 s.
4. Böger I. «Ein seculum ... da man zu Societäten Lust hat». Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europäischen Akademiebewegung im 17. und frühen 18 Jahrhundert. München, 2 Auflage. Herbert Utz Verlag, 2001. 728 s.
5. Куприянов В.А. Идея научной коммуникации в проектах Г. В. Лейбница по организации науки // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2021. № 7 (37). С. 19-31.
6. Leibniz G.W.F. Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe IV: Politische Schriften. Band 1: 1667-1676. Berl: Akademie-Verlag, 1983. 783 s.
7. Leibniz G.W.F. Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe IV: Politische Schriften. Band 3: 1677-1689. Berl: Akademie-Verlag, 1986. 1007 s.
8. Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen: eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezuglichen Briefen und Denkschriften / von W. Guerrier. - Commissionare der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1873. 372 с.
9. Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
10. Leibniz G.W.F. Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe IV: Politische Schriften. Band VI: 1695–1697. Berl: Akademie-Verlag, 2008. 906 s.

ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА КАК ФЕНОМЕН НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ларина Е. Д.

Аспирант Института философии

Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: st085762@student.spbu.ru

Аннотация. Гражданская наука является важным компонентом современных научных исследований. Однако в процессе её функционирования наблюдается ряд проблема. Во-первых, нет единого определения феномена гражданской науки. Во-вторых,

гражданская наука имеет проблематичный статус в контексте научной коммуникации. С одной стороны, в соответствии с целями, эта коммуникация может быть понята как профессиональная (внутренняя) научная. С другой, в соответствии с участниками, ее можно рассматривать как внешнюю публичную коммуникацию. В-третьих, включение граждан в научные исследования имеет неоднозначное значение для науки. С одной стороны, это избавляет учёных от рутинной работы. Но, с другой стороны, из-за этого теряется элитарный статус научного знания. Прояснение и возможное решение указанных проблем будет содержанием дальнейших исследований.

Ключевые слова: гражданская наука, научное сообщество, научная коммуникация, общество, граждане, научные исследования, сбор данных.

CITIZEN SCIENCE AS A PHENOMENON OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

Larina E.D.

Postgraduate student at the Institute of Philosophy

St Petersburg University

E-mail: st085762@student.spbu.ru

Abstract. Citizen Science is an important component of modern scientific research. However, there are a number of problems in the process of its functioning. Firstly, there is no single definition of the phenomenon of citizen science. Secondly, citizen science has a problematic status in the context of communication of science, since it occupies an intermediate position between strict scientific communication and public science communication. Thirdly, the inclusion of citizens in scientific research has an ambiguous meaning for science. On the one hand, it saves scientists from routine work. On the other hand, because of this, the elite status of scientific knowledge is lost. Clarification and possible solution of these problems will be the content of further research.

Key words: citizen science, scientific community, scientific communication, society, citizens, scientific research, data collection.

Взаимодействие науки и общества осуществляется в том или ином смысле на протяжении всей истории науки. Со временем это приводит к формированию нового института, который получил название «гражданская наука». В самом общем виде гражданская наука состоит в том, что непрофессионалы участвуют в научных исследованиях. Соответственно, по своим целям гражданская наука, также, как и наука в традиционном смысле слова, нацелена на получение достоверного знания о мире. Однако в процессе получения такого знания ученые взаимодействуют с непрофессионалами, привлекая их к научным исследованиям, включая их в научную коммуникацию. Непрофессионалы участвуют как правило в сборе данных, потому можно предположить, что именно эти практики раскрывают содержание гражданской науки. В этом контексте актуальным оказывается следующее определение. «Гражданская наука – это концепция проведения научных исследований с привлечением широкого круга граждан-добровольцев к сбору и обработке информации в самых разных отраслях науки» [1].

Первый масштабный проект гражданской науки можно отнести ещё к 1830-м гг. [2]. Данный проект относился к изучению приливов, а организовал его Уильям Хьюэлл. В нём приняли участие тысячи добровольцев из разных стран, которые следили за приливами в разных точках мира и проводили необходимые измерения. Однако саму методологию исследования и общие критерии сбора данных разработал сам учёный Уильям Хьюэлл. Граждане же выполняли лишь рутинную работу, но именно они способствовали реализации столь масштабного проекта за довольно короткий срок.

В Оксфордский словарь английского языка термин «гражданская наука» был включен в 2014 г., где был определен как «научная деятельность, осуществляемая представителями общественности, часто в сотрудничестве с профессиональными учеными и научными учреждениями или под их руководством» [3]. Субъектами гражданской науки кроме самих ученых являются представители общественности, ученые-любители, ученые непрофессионалы и общественные организации, объединяющие непрофессионалов, заинтересованных в науке. Объектом гражданской науки являются гражданские проекты и общественно значимые научные исследования. Основной целью гражданской науки является объединение профессионалов и непрофессионалов для совместной реализации

междисциплинарных проектов. Для реализации этой цели субъекты гражданской науки осуществляют ряд задач. Во-первых, это сборка и обработка данных. Во-вторых, анализ данных, интерпретация их в контексте конкретной научной проблематике. В-третьих, организация или участия в гражданских научных проектах. В-четвертых, помощь научным организациям в проведении исследований. В-пятых, публикация полученных результатов в структуре публичной научной информации.

Гражданская наука имеет свои ресурсы, с помощью которых непрофессионалы подключаются к научным исследованиям. Одной из самых масштабных площадок проектов гражданской науки является сайт Zooniverse [4], первоначально образовавшийся на базе проекта классификации галактик. Сейчас сайт расширил направления организации исследований в области гражданской науки, включив проекты по ботанике, зоологии, истории и другим научным дисциплинам. Число участников проектов на данном ресурсе давно превысило миллион. Другим известным ресурсом проектов гражданской науки является сайт SciStarter [5]. Сайт был создан сотрудниками университета штата Аризона, с целью моделирования проектов гражданской науки, а также привлечения в них добровольцев. Как уже было сказано, наиболее популярным направлением гражданской науки является сбор данных, связанных с наблюдением и классификацией биологического разнообразия и иных природных явлений нашей планеты. Для систематизации данных сведений было создано приложение iNaturalist [6], в которое пользователи загружают фотографии различных видов растений и животных. Благодаря этому приложению удалось собрать сведения о более чем 250 тыс. видов. Эти и другие ресурсы гражданской науки размещают проекты разных научных дисциплин. Непрофессионал может выбрать проект в зависимости от своих интересов, уровня профессиональной подготовки и планируемых способов участия. Благодаря развитию цифровых технологий в XXI веке проектам гражданской науки был предан новый импульс. Именно благодаря цифровым технологиям реализуется высокая степень охвата и вовлечения граждан в научную сферу.

Представляется, что гражданская наука как феномен научной коммуникации может быть понята посредством понятия распределенное научное познание, схватывающее практики включения общественности в научные исследования. Так, Л.В. Шиповалова выделяет два смысла распределённого научного познания – экстенсивный и интенсивный. Первый отсылает к возможности «неограниченного добавления участников познания при обоснованной релевантности их позиций». Второй раскрывает «перспективы работы над еще не случившимся распределением и предполагает, что любая эпистемическая позиция может быть распределена» [7, с. 25]. Однако представляется, что существенным и проблематичным в гражданской науке является не то, что в нее включаются различные участники, но то, что их позиции должны оказаться связанными и координируемыми. Потому взаимодействие является важным элементом гражданской науки.

В ходе развития гражданской науки как взаимодействия профессиональных ученых и непрофессионалов обнаруживаются дополнительные функции гражданской науки. Она предполагает не только получение нового научного знания, но и его распространение, а также формирование доверия к науке. Вовлечение общественности в обсуждение разработок в области науки и техники может привести к значимым результатам для всех участников и, в частности, к появлению знания, заслуживающего общественное доверие [8]. Гражданская наука стимулирует общественное развитие и формирование общественного сознания, способствует осознанию общественной роли науки. Гражданская наука является одной из форм демократизации научного знания [1]. Она становится не только неотъемлемой частью этапов сбора и анализа научных данных, но, концентрируясь на социально-значимых направлениях исследований, может внести позитивный вклад в формирование социального благополучия и обеспечения общественного консенсуса.

Однако гражданская наука имеет и слабые или проблематичные стороны. Информацию собирают непрофессионалы, порой не обладающие достаточными сведениями о методах научных исследований. В результате, в исследованиях встречается значительное количество ошибок. Часто участниками гражданских научных проектов являются волонтеры, деятельность которых не оплачивается. В связи с этим возникает морально-этическая проблема, связанная с использованием результатов таких исследований в академической среде. Однако проблематичный момент безвозмездного «использования» гражданских ученых в производстве научного знания имеет и обратную сторону. Его можно проинтерпретировать как сохранение ими незаинтересованности, как принципиальное отсутствие практической, утилитарной составляющей в их работе, что было свойственно теоретической науке прошлого и сохраняется в фундаментальной науке настоящего. Гражданская наука предполагает, что в реализации научных проектов участвуют люди, не связанные непосредственно с наукой. «Для них научная деятельность не является профессией, они не получают зарплату в научных институтах, не участвуют в конкурсах на получение грантов. Для них занятия

наукой связаны с удовлетворением собственного любопытства» [9, с. 42]. Наука дилетантов, о которой пишут Е.В. Масланов и А.В. Долматов формирует заявку и на новую социальную роль ученого, точнее трансформирует классическое понимание этой роли. Научный сотрудник – это теперь не обязательно человек, который работает в научном институте. Местом его работы могут становиться общественные и государственные организации, корпорации, а также предприятия малого и среднего бизнеса. Развитие гражданской науки проводит к возможности разделить ученых на две большие группы. Первая группа – это учёные профессионалы, которые являются экспертами в своей предметной области, имеют профильное образование, основной сферой их деятельности является именно это область научного знания. Вторая группа – это ученые-любители, представители которой часто не имеют непосредственного профессионального отношения к той науке, которой они занимаются как «гражданской». Именно они, включаясь в проекты гражданской науки, не только способствуют достижению научных результатов, но и поддерживают образ науки как незаинтересованной деятельности, имеющей цель только в себе, но не во внешних результатах, ориентацией на которые отличается современная технонаука.

Несмотря на ряд проблем, гражданская наука является важной частью современных научных исследований. Потому прояснение этих проблем представляется актуальной задачей. Перечислим в завершении некоторые из этих проблем. Во-первых, речь идет об отсутствии единого понятия, определяющего феномен гражданской науки, предполагающего связность ее различных функций и целей. Во-вторых, феномен гражданской науки имеет проблематичный статус в контексте понимания научной коммуникации. С одной стороны, в соответствии с целями, эта коммуникация может быть понята как профессиональная (внутренняя) научная. С другой, в соответствии с участниками, ее можно рассматривать как внешнюю публичную коммуникацию. В-третьих, коммуникация ученых с неучеными имеет двойственное воздействие на институт науки. С одной стороны, она способствует развитию научных исследований, так как граждане выполняют всю рутинную работу, а ученые лишь анализируют предоставляемые им данные. С другой стороны, она ставит под вопрос элитарный статус научного знания, ведь его производство становится прерогативой не только членов научного сообщества, но и неучёных. Прояснение и возможное решение указанных проблем будет содержанием дальнейших исследований.

Список литературы

1. Волкова А. В. Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Социально-политические исследования, 2019. Т.17, №4. С. 41-50.
2. Соколова Т. Д. Распределенное научное познание внутри академии и за её пределами // Эпистемология и философия науки, 2023. Т. 60, № 4. С. 55–62.
3. Citizen Science // Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/33513?redirectedFrom=citizen+science#eid316619123> (дата обращения: 03.02.2024).
4. Zooniverse. Projects. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zooniverse.org/projects> (дата обращения 03.02.2024).
5. SciStarter [Электронный ресурс]. URL: <https://scistarter.org/> (дата обращения: 03.02.2024).
6. INaturalist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inaturalist.org/>(дата обращения: 03.02.2024).
7. Шиповалова Л.В. Распределённое научное познание – на пути к разнообразию // Эпистемология и философия науки, 2023. Т. 60, № 4. С. 22–31.
8. Bucchi M., Trench B. Science communication research: Themes and challenges // Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology. Ed. M. Bucchi, B. Trench. London and New York: Routledge, 2014. P. 1-14.
9. Масланов Е.В., Долматов А.В. Гражданская наука – наука как призвание // Эпистемология и философия науки, 2019. Т. 56, № 3. С. 40–44.

БЕСКОНЕЧНОЕ И БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ: НЕЖНОСТЬ ДЖУЛЬЕТТЫ

Малышкин Е. В.

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: malyshlin@yandex.ru*

Аннотация. Различие между бесконечным и беспредельным, проведенное Николаем Кузанским, находит свое место в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Но здесь под бесконечным понимается уже не совпадение абсолютного максимума и минимума, а самовозрастающее богатство, а под беспредельным (boundless) — нескончаемость пересчета. В статье рассматривается, как устроено это самовозрастание и при каких условиях оно появляется. Бесконечных вещей у Шекспира две: любовь и поощрительная премия (bounty). Последняя есть не что иное как хорошо разделяемая вещь, и с такими вещами мы все чаще встречаемся в современности. С одной стороны, бесконечные вещи не могут существовать без конечного коррелята, с другой — мы не умеем с ними обращаться, поскольку господствующая форма хозяйствования является экономикой дефицитарной. Научиться с ними обращаться значит понять природу хорошо разделяемых вещей, создаваемых в научной коммуникации.

Ключевые слова: бесконечное, беспредельное, Кузанский, Шекспир, богатство, недифференцированный коммуникативный континуум

INFINITE AND BOUNDLESS: JULIET'S BOUNTY

Malyshkin E. V.

*DSc in Philosophy, Professor
Saint-Petersburg State University
E-mail: malyshlin@yandex.ru*

Abstract. The distinction between the infinite and the limitless, made by Nicholas of Cusa, finds its place in Shakespeare's tragedy "Romeo and Juliet". But here by infinite we no longer understand the coincidence of the absolute maximum and minimum, but by self-increasing wealth, and by boundless we mean the infinity of recounting. The article examines how this self-growth works and under what conditions it appears. Shakespeare has two endless things: love and bounty. The latter is nothing more than a well-shared thing, and we increasingly encounter such things in modern times. On the one hand, infinite things cannot exist without a finite correlate, on the other hand, we do not know how to handle them, since the dominant form of economic management is a scarce economy. To handle them is to grasp the nature of well-shared things, created in scientific communication.

Keywords: infinite, boundless, Cusan, Shakespeare, wealth, undifferentiated communication continuum.

Различие бесконечного и беспредельного нам известно прежде всего из сочинений Николая Кузанского. У него infinitum Бога сопоставляется с interminatum мира и мир потому безграничен, что является развертыванием (explicatio) Бога. Бесконечное понимается другим разделом ума: есть такой факультет души, которым мы схватываем совпадение противоположного в его бесконечности, а есть душа, которой воспринимаем нескончаемый счет, в котором абсолютному минимуму уже не совпасть с абсолютным максимумом.

Сопряженность конечного и бесконечного, — сюжет в истории философии не редкий. Обнаружение бесконечного в конечном — это предмет рассмотрения и Декарта, который обнаруживает бесконечный атрибут в конечной субстанции, и Мамардашвили, который развертывает это различие, обращаясь к Декарту, Паскалю, Канту.

Однако терминологически удержать различие Кузанца редко удается. Так, уже Лейбниц пишет не об интерминатном (безграничном), а инфинитезимальном счислении. Лейбниц здесь не является новатором, он всего лишь наследует сложившемуся словоупотреблению, и все же его «бесконечно» малые точнее было бы называть беспредельно малыми. Да и Декарт, хотя и говорит об обширности

воления, все же утверждает бесконечную его природу. Различие воли и ума онтологически значимо в картезианской конструкции, поскольку в нем схватывается природа конечной субстанции, способной к заблуждению, а построение субъектности ученого нового типа в конечном итоге выстраивается не одними только ясностью и отчетливостью идеи, а именно волевым актом признания бытия мыслимого. Ум этой конструкции линейен, поскольку утверждения бытия происходят шаг за шагом, да и чтобы проверить себя, требуется процедура восстановления последовательности этих шагов, recordor, пересчета-энумерации идей. Другими словами, идеи, чтобы быть основанием, должны быть пересчитаны, так, чтобы счет оказывался повторяем и передаваем от одного к другому, и сопоставим с другими счетами. Бесконечное и беспредельное в философии Нового времени слиплись, благодаря именно этому требованию повторяемости, передаваемости и согласованности. Казалось бы, ум Нового времени именно так и устроен: пересчет бесконечного (т. е. беспредельного), способный увидеть единое основание всего ряда или всех возможных рядов — в этом состоит и идея «универсальной характеристики» Лейбница, и «географии духа» Юма. В этом всеобщем пересчете ум обретает основание для всеобщего обмена идей на вещи, взаимно однозначного сопоставления одних и других так, чтобы получить «одни и те же сто талеров».

И все же во второй сцене второго акта «Ромео и Джульетты» мы читаем:

Romeo. O, wilt thou leave me so unsatisfied?

Juliet. What satisfaction canst thou have to-night?

Romeo. Th' exchange of thy love's faithful vow for mine.

Juliet. I gave thee mine before thou didst request it;

And yet I would it were to give again.

Romeo. Would'st thou withdraw it? For what purpose, love?

Juliet. But to be frank and give it thee again.

And yet I wish but for the thing I have.

My bounty is as boundless as the sea,

My love as deep; the more I give to thee,

The more I have, for both are infinite.

В переводе Щепкиной-Куперник:

Ромео. Ужель, не уплатив, меня покинешь?

Джульетта. Какой же платы хочешь ты сегодня?

Ромео. Любовной клятвы за мою в обмен.

Джульетта. Её дала я раньше, чем просил ты,

Но хорошо б её обратно взять.

Ромео. Обратно взять! Зачем, любовь моя?

Джульетта. Чтоб искренне опять отдать тебе.

Но я хочу того, чем я владею:

Моя, как море, безгранична нежность

И глубока любовь. Чем больше я

Тебе даю, тем больше остаётся:

Ведь обе – бесконечны. [1]

Джульетта сначала говорит, что хочет отозвать клятву, чтобы снова ее дать, но затем сама себя поправляет: тот задаток (bounty), что я уже отдала, безграничен как море, поскольку выражать любовь значит отдавать и брать бесконечное, бесконечный избыток отдаваемой и получаемой любви сопрягается с безграничным задатком. Это различие между бесконечным (infinite) и беспредельным (безбрежным, безграничным, boundless) означает не то же, что у Кузанца: под бесконечным понимается не отсутствие внешней по отношению к Абсолюту цели (finis), но нескончаемость, неизбывность остатка. Поэтому не бесконечное разворачивается в безграничное, но, напротив, поскольку нет границ у того, что отдается, с каждой отдачей отдаваемое прибывает, а ведь именно это и является целью любовной клятвы: дать сбыться любви.

Нежность, о которой речь идет у Щепкиной-Куперник — это эффект перевода, в прочем точного, но здесь уклоняющегося от вызова оригинала. И вправду, кажется невозможным передать в любовной речи упоминание о поощрительной премии (bounty), однако смысл всего фрагмента, как нам представляется, именно в ней и собран. Но, прежде чем перейдем к разговору о самовозрастании этого

задатка, хочется обратить внимание на различие между тем, что такое клятва, и тем, в чем можно поклясться. Ведь даже если клянемся мы в бесконечном, сама клятва — вполне конечное событие. Сила клятвы заключена в ее единичности, поэтому невозможно поклясться дважды: чем больше клятв дается, тем меньше им доверия, ресурс клятвы исчерпывается за раз. А то, в чём клянемся, может быть каким угодно. Должны ли мы здесь иметь в виду это различие между знаком и значением? Джульетта поправляет сама себя, замечая, что напрасно хочет дать клятву еще раз, ведь то, в чем она клянется, бесконечно, а значит, можно рассудить, и давать клятву можно бесконечное число раз. Должны ли мы предполагать, что Шекспир, хотя и пишет на сто лет позже Сервантеса, высмеивающего родство знаков и значений, принадлежит скорее ренессансной эпистеме, чем классической, и потому позволяет себе не замечать этого различия между порядком принесения клятвы и ее содержанием? Или фрагмент нужно понять как-то иначе?

Речь идет о задатке. К примеру, если ты поступаешь на военную службу, тебе дают немного денег, чтобы ты мог прикупить необходимое и как-то отметить начало новой жизни. То, что дает Джульетта, по ее замечанию, бесконечно. Если этот задаток понять как только перформативный речевой акт, замечание Джульетты действительно будет непонятно. Однако перформативность акта любовного признания направлена не только на истребуемое доверие и обещание преданности. Это еще и показывание: я вижу, и если разделишь это видение со мной, то увидишь и ты. При произнесении любовного признания видеть (чувствовать, быть захваченным и т. д.) проще. Потому премия, если только она может быть принята, обладает показывающей, дейктической силой. Любовные клятвы, таким образом, не клятвы вовсе: их сила не убывает с повторением.

Напротив, сила любви и задатка возрастают, когда их отдают: дарят, передают, разделяют с кем-то. Клятва, любовь, обещание — все это не идеи, если мы сопоставим рассказ Джульетты с известным тезисом об обмене яблоками и идеями. Они скорее тела, чем идеи. Идеальность идей не отвечает на вопрос об их самовозрастании. Более того, идеи не прирастают, они неподвижны. Маркс, утверждая, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами», в качестве истока этого становления указывает на их радикальность, решительность, *подозрительность* [2, с. 422]. Видеть за одним другое — и значит заниматься теорией, т. е. видеть вещи как причастные (*meteimi*) идеям. Но и премия Джульетты делает Ромео причастным клятве, задаток-премия оказывается само-, точнее, друго- прирастающим, неизбывным.

Есть ли еще, помимо любви, вещи, которые прирастают, когда их расходуют? В общем, исполняемые требования именно таковы. Власть прирастает не властью, а исполнением. И дело не в природе власти: желание, правила (к примеру, правила дорожного движения), привычки, аддикции — все это открытие неизбывной природы в конечных вещах. Неизбывные вещи, коль скоро мы так понимаем, вслед за Шекспиром, бесконечность, это богатство само себе. Маркс полагал, что источником богатства является труд. Труд, действительно, неизбывен, поскольку он и есть исполняемое принуждение. Но таков же и пол (как источник неизбывных аффектов), и пейзаж, и места, — основание шекспировской метафоры — море: все хорошо разделяемые вещи.

И совсем недавнее наше приобретение — копируемые файлы. Файл любого формата можно рассматривать как исполняемое требование (.exe), вызывающее к условиям исполнения, требования к hardware и software. Файлы — это как раз такая вещь, которой можно поделиться без убыли оригинала, а то и с прибылью (когда доступ к файлу открывается не из одного, а из различных источников). Но неизбывность файлов — это не свойство файлов, это свойство как раз единообразной среды их распространения, программного и аппаратного обеспечения. Форма файла — это его уникальный код, порядок символов, т. е. идея, тогда как вещи — это цифровая среда, создающая этот самый недифференцированный коммуникативный континуум, в котором порядок «идей», т. е. исполняемых команд, неким очень сложно организованным, распределенным усилием обеспечивает совпадение с порядком «вещей», то есть действий, производимых файлом. Есть определенная параллель между этим окружением, дающем возможность сбыться неизбывности файлов, с одной стороны, и тем коммуникативным континуумом, который сформировался в науке 16-17 веков в эпистолярной «республике ученых». Поскольку философия Нового времени это по преимуществу рациональная теология, постольку дискурсивные ее элементы наделены дейктической, указательной силой: неубываемость копируемых файлов, как и неизбывность поощрительной премии Джульетты, — это указания на бесконечность, каковая «прямым» образом не схватывается, хотя бесконечность принимает здесь разные определения.

Как устроен этот коммуникативный континуум при том, что сохраняется дейктическая сила его элементов — предмет особого исследования, предположим лишь, что это соседство обеспечивается присутствием схоластической терминологии в «новой» философии. Образец же различной в себе

коммуникации мы находим в философии Канта: непереходимость границ оказывается не ошибкой в точности дифференций, но утверждается чередой разумов.

Но если обращаться с истираемым вещами, легко демонстрирующими свою единичность и неразделяемость, мы научились, благодаря долгому развитию капиталистических форм хозяйствования, природа которых — утверждение дефицитарности [3, с. 82], то управляться с неизбежными вещами мы не умеем: они не только порождают хаос в юрисдикции владения [4], но и принуждают нас путать богатство с неисчерпаемыми ресурсами, т. е. путать новоевропейское понимание бесконечности с шекспировским. Легкость, с которой копируются файлы, сама в итоге и порождает разрывы в коммуникации, обеспеченной единством цифровой среды: неотыскиваемые в человеко-ориентированном поиске данные, замена правового поля диктатурой лицензий на рынке software, плохая воспроизводимость результатов вычисления больших данных в нейросетях — все это вызовы, обращенные непосредственно к нам, вовлеченным в распределенное научное познание в цифровом универсуме, наследующем идею «универсальной характеристики» Лейбница.

Здесь нужно уточнить понятие коммуникации. Когда приходит время устанавливать, вернее, восстанавливать единство (*com-uniō*) до некоторого континуума, событие познания либо уже случилось, либо еще только отыскивается для него возможность. Построение и поддержание в рабочем состоянии цифровой инфраструктуры — хороший пример такого континуума, который, будучи выстроен иерархически (в нем нет ничего, кроме исполнения требований протоколов и правил форматов), порождает избыточно разделяемые вещи, файлы. Изначальная же разделенность познающего действия не имеет субъекта: направленность к другому уже есть, а тот, кто направлен, появится лишь в результате деления (знания, файла, идеи...). «Никакой идентичности, всегда идентификации» [5, с. 108]: если понимать коммуникацию и, соответственно, распределенное познание как коммуникацию субъектов (или как включенность), то некому будет коммуницировать или включать/исключать.

Если так понять научную коммуникацию — как отыскание разделенности, того самого «со-», которое предшествует всякому коммуникативному акту, то сама наука предстанет не как вещь хорошо разделяемая, а как весьма хрупкая, быстро истираемая, утлый плот [6, с. 219], на котором ученые отыскивают свои задачи и их разрешение среди неустойчивых социальных, политических и экономических институтов. Сама не являясь вещью неизбежной, наука способна их порождать, хотя чаще в качестве общественного блага (*public good*) она создает как раз вещи и быстро истираемые, и требующие особой заботы. И все же хорошо разделяемые вещи, демонстрирующие неизбежность, случаются. Почему они случаются, — предмет особого вида рефлексии.

Итак, научное высказывание (если понимать философию как эминентное определение науки) обладает дейктической силой; эта последняя нуждается в дополнительной демонстрации; современная научная коммуникация — это не столько преодоление, сколько фиксация семантических разрывов, что и выражается в понятии разделенного (по)знания. На что направлена дейктическая сила коммуникативных элементов хорошо разделенных вещей? На этот вопрос отвечает следующая пропорция: так относится поощрительная премия (*bounty*) к бесконечности, как неизбежность хорошо разделяемых вещей — к разделенному познанию.

Ювенал увещевал сограждан знаменитыми словами: «Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом. / Бодрого духа проси, что не знает страха пред смертью» [7, с. 114]. Дейктическая сила хорошо разделяемых вещей и есть такая молитва. Едва, правда, слышная.

Список литературы

1. Ромео и Джульетта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.romeo-juliet-club.ru> (дата обращения: 08.01.2024).
2. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Собр. соч., изд. 2, т. I. М.: Политиздат, 1957. 689 с.
3. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2010. 208 с.
4. Перзановски А., Шульц Дж. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 352 с.
5. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004.
6. Касавин И. Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217-227.
7. Ювенал. Сатиры. СПб.: Алетейя, 1994. 221 с.

РАСПРЕДЕЛЕННОЕ ЗНАНИЕ, КАК СФЕРА КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Милославов А.С.

*Кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: miloslavov-as@mail.ru*

Аннотация. В настоящее время в литературе, посвященной эпистемологии науки широко обсуждаются вопросы, связанные с интерпретацией науки как «общественного блага». В контекст анализа включаются концепты «распределенного знания», «эпистемического неравенства», «открытой науки». По мере развития информационных технологий количество акторов, включенных в разнообразные научные практики, будет увеличиваться. В связи с этим обстоятельством возникает проблема больших данных не только в ситуации естественнонаучного познания, но и в контексте социально-гуманитарных наук, где электронные библиотеки обретают характер массивов данных. В докладе демонстрируются проблемы, возникающие в связи с указанной тенденцией. Также обосновывается положение о том, что «эпистемическая конструктивность» открытой науки может корректно осмыслена только в случае включения аналитического дискурса понятия ответственности.

Ключевые слова: открытая наука, распределенное знание, большие данные, информационные технологии, e-science, коммуникации.

DISTRIBUTED KNOWLEDGE AS A SPHERE OF COLLECTIVE RESPONSIBILITY OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY: COMMUNICATIVE ASPECT

Miloslavov A.S.

*CSc in Philosophy, senior lecturer
St. Petersburg State University
E-mail: miloslavov-as@mail.ru*

Abstract. Currently, in the literature devoted to the epistemology of science, issues related to the interpretation of science as a “public good” are widely discussed. The concepts of “distributed knowledge”, “epistemic inequality”, “open science” are included in the context of the analysis. As information technology develops, the number of actors involved in a variety of scientific practices will increase. In connection with this circumstance, the problem of big data arises not only in the situation of natural science, but also in the context of social sciences and humanities, where electronic libraries take on the character of data arrays. The report demonstrates the problems arising from this trend. It also substantiates the position that the “epistemic constructivity” of open science can be correctly comprehended only if the analytical discourse of the concept of responsibility is included.

Keywords: open science, distributed knowledge, big data, information technology, e-science, communications.

В одной недавно опубликованной работе [1] говорится о важной роли нарративных практик для научно-технической работы и образования в сфере информационных технологий. В частности, отмечается, что рассказ историй (storytelling) может помочь представителям научного сообщества наглядно увидеть некоторую проблему, заняться ее решением. Воспользуемся этим советом и познакомимся с одной историей.

Началась она с того, что автор этих строк, в сферу интересов которого входят, в том числе, и исследования в области «искусственного интеллекта» заинтересовался вопросом об актуальных публикациях, посвященных «тесту Тьюринга». Для этого он обратился к ресурсам «Научной электронной библиотеки» (eLibrary.Ru) и сделал соответствующий запрос об имеющихся источниках за последние 5 лет – с 2018 по 2023 гг. Поисковая система обнаружила ровно 100 публикаций, релевантных к запросу. Как известно, инструменты eLibrary.Ru позволяют посмотреть некоторые

статистические параметры и, в частности, увидеть показатели цитируемости материалов в коллекции («подборке»). Обращение к соответствующей функции электронной библиотеки позволило обнаружить работу, цитируемость которой существенно превосходила данный параметр для других публикаций: 28 ссылок. (Для сравнения, ближайший по количеству упоминаний другими авторами источник имеет лишь 10 цитирований, а Материалы круглого стола, посвященного 70-летию статьи А. Тьюринга «Вычислительные машины и разум», и опубликованные в журнале «Философия науки техники» упомянуты другими авторами 5 раз [2]). Естественно, у нас возникнет желание ознакомиться с текстом, привлечшим значительное внимание других представителей научного сообщества. Однако, подозреваю, что реализация этого желания многих разочарует, поскольку самая цитируемая статья, по сути дела, представляет собой студенческий реферат, правда, очень хорошо и аккуратно выполненный. (Заметим, что в сведениях об авторе мы находим указание на то, что он студент, а статья опубликована в издании «Цифровая наука». Я не буду приводить ссылку на данную публикацию в списке литературы, чтобы не способствовать увеличению мультипликативного эффекта цитирования). Завершить эту историю можно было бы рассуждениями об индексе цитируемости, и проблематизацией наукометрических параметров, к которым последний относится, но речь пойдет о другом.

Попробуем рассмотреть изложенное через призму проблем «распределенного научного познания», «эпистемической справедливости/несправедливости», «науки как общественного блага» и вопросов, которые возникают относительно реализации программы OpenScience, как, к примеру, она изложена в [3].

Действительно, то, с чем мы столкнулись, может быть представлено следующим образом. Один из участников научной жизни, обращается к источникам открытого доступа (электронные библиотеки), откуда черпает материал, помогающий ему создать авторский текст. После этого написанный текст размещается на опять-таки научных ресурсах с открытым доступом, участвуя в формировании сферы распределенного научного познания, в том же самом смысле, в каком в нем присутствует любой другой актер научных практик. Обратим внимание, что в нашем случае формальный научный статус субъекта познавательной деятельности является более высоким, чем участников научной практики, представленной в одном из примеров в работе [4]. У нас актером выступает студент высшего учебного заведения, а в указанной статье речь идет о представителе племени, жизнь которого является объектом этнографического исследования. Казалось бы, в рассмотренном случае принцип эпистемической справедливости реализуется в достаточной степени. Однако, это не так.

Шиповалова Л.В. отмечает, что «для реализации науки как общественного блага или для реализации её как источника разнообразия необходимо акцентировать теоретическое внимание на понятии распределенного научного познания и допускать возможность соответствующих практик, правила которых могут и должны обеспечивать как *эпистемическую конструктивность научной деятельности* (курсив мой), так и ее эпистемическую справедливость, легитимируя тем самым открытость доступа к научному познанию» [4, с. 26]. Но, как раз в случае со студенческой работой принцип эпистемической конструктивности не реализуется: текст всего лишь оказывается источником цитат, свидетельствующих, что «кто-то об этом уже писал» или «данный факт был отмечен в таком-то тексте».

Уже более десятилетия назад известный специалист в IT-отрасли Джим Грэй (Jim Grey) в ряде своих выступлений обозначил несколько важных проблем современной науки, которая получила наименование eScience, и характеризуется, прежде всего, необходимостью ученых работать с большими данными. Выход в свет книги [5] нашел живой отклик в научном сообществе, представители которого принялись активно создавать инструменты для совместной работы с большими данными, обсуждать проблемы и риски применения технологий bigdata в социально-гуманитарном познании [6], проблематизировать статус научной теории, утверждая, что выявленные с помощью компьютеров на массивах данных корреляции могут осуществлять «самосборку» и, тем самым, способствовать открытию новых феноменов [7].

К сожалению, комментаторы проекта eScience почти не уделили внимание одному важному аспекту, о котором говорил американский специалист. Это аспект «курирования» научных данных и научных публикаций. В обсуждениях вопрос в основном свелся к разговору об авторских правах и о проблемах финансирования публикационной деятельности.

Джим Грей указывал на возможность задействовать потенциал научных сообществ для решения проблемы «курирования», в том числе, оценки качества растущего числа научных публикаций. Поскольку представителям традиционных издательств данную функцию реализовать тяжело, сами ученые должны говорить: «Эта публикация нам нравится!».

Подозреваю, что представители гуманитарной общественности в настоящее время также сталкиваются с проблемой «больших данных» как и ученые, занимающиеся естественными науками. Только для нас в качестве таких «данных» выступают тексты. Так, на момент написания этих строк ресурс eLibrary.RU дает указание на 6138 российских журналов, находящихся в открытом доступе! Кажется, что проект «открытой науки» реализован?

Опасаясь, что это не совсем так, поскольку значительная часть из представленных публикаций не находит заинтересованного читателя. Причина этого кроется не только в том, что тексты многих авторов не имеют существенной научной значимости. История, рассказанная в начале этого текста, говорит об обратном: малозначимые тексты могут привлекать внимание читателя и служить источником цитат.

Проблема состоит в том, что у нас нет достаточного количества эффективных инструментов для работы с текстами как данными в мире открытой науки. А те инструменты, которые имеются в наличии, мы редко используем для ответственной работы. Ведь именно ответственность исследователя, как создающего текст, так и его читающего и комментирующего, является необходимым условием реализации эпистемической конструктивности, о которой шла речь выше.

В мире естествознания и сфере IT, практик, из которых к нам пришли концепты eScience и OpenScience, дело, по-видимому, обстоит проще. В-первом случае некорректные данные, представленные научному сообществу, конечно, хотя и могут затормозить работу в рамках какого-либо проекта, но раньше или позже будут выявлены и откорректированы. Компьютерная программа, написанная с ошибками, будет плохо работать или не работать совсем. Ошибки в программах, конечно, опасное явление, но они раньше или позже проявляют себя, хотя иногда с трагическими последствиями. К тому же, обратим внимание, на то, что практики коммуникации, сложившиеся в сфере информационных технологий существенным образом демократичны: в Internet имеется огромное количество форумов и других площадок, на которых специалисты обсуждают свои проблемы. Для мира IT гораздо более значим вопрос «что ты умеешь делать?», чем вопрос «какой у тебя научный статус?».

Возможно, это является одной из причин, которая обусловила восприимчивость специалистов в computer science концепции «Открытой науки».

Как хорошо известно, основоположник кибернетики Н. Винер был категорическим противником секретности в научной работе. В настоящее время активно реализуются разнообразные проекты открытого программного обеспечения, разрабатываются программные инструменты с открытым кодом, а крупнейшие IT компании публикуют в свободном доступе результаты исследований своих сотрудников и активно поддерживают программные инструменты, обеспечивающие реализацию технологий совместной работы.

Научное познание – это деятельность. В случае современной технонауки эта деятельность обретает несомненный статус социального действия. Поэтому представляется разумным концепты «науки, как общественного блага», «эпистемической справедливости», «OpenScience» связать с понятием «ответственности», которое распространяется не только на собственно познавательные, но и на коммуникативные практики, реализуемые в научном сообществе. В этих практиках важна роль не только автора текста, но и «читателя». В качестве последнего выступает не только отдельный индивид, но научное сообщество, которое принимает результат труда ученого. Современные информационные технологии могут нам помочь в работе только в случае нашего собственного, ответственного отношения к познавательным и коммуникативным практикам. Один из комментаторов выступления Джима Грэя отметил, что в условиях развития информационных технологий нам необходимо изменить парадигму самих себя, как ученых [8, с. 210], «нам нужно думать о себе как о связанных узлах, которым необходимо передавать данные, проверять теории, получать доступ к симуляциям друг друга» [8, с. 213]. Но наша связь, как «узлов», носит не только информационный характер, но и характер совместного действия.

Список литературы

1. Barik T., Gulwani S., Juarez M. Storytelling and science // Communications of the ACM. 2022. Vol. 65. № 10. P. 27-30.
2. Лекторский В.А., Алексеева Е.А., Емельянова Н.Н. и др. Искусственный интеллект в исследованиях сознания и общественной жизни (к 70-летию статьи А. Тьюринга «Вычислительные машины и разум») (материалы круглого стола) // Философия науки и техники 2022. Т. 27, № 1. С. 5–33.

3. *Паринов С.* На пути к Открытой науке // Открытые системы. СУБД. 2016. №1. С. 44-45.
4. *Шиповалова Л.В.* Распределенное научное познание – на пути к разнообразию // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 4. С. 22-31.
5. *Jim Gray on eScience: A Transformed Scientific Method.* Based on the transcript of a talk given by Jim Gray to the NRC-CSTB in Mountain View, CA, on January 11, 2007 // *The fourth paradigm: data-intensive scientific discovery. The fourth paradigm.* Ed. T. Hey, St. Tansley, and K. Tolle. Redmond, Washington: Microsoft Research, 2009. P. 17-31.
6. *Платонова С.И.* «Четвертая парадигма» научных исследований и социогуманитарные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 3. С. 7–24.
7. *Anderson C.* The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete // *Wired.* 2008, June. № 23. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/> (дата обращения: 08.01.2024).
8. *Wilbanks J.* I have seen the paradigm shift, and it is us // *The fourth paradigm: data-intensive scientific discovery. The fourth paradigm.* Ed. T. Hey, St. Tansley, and K. Tolle. Redmond, Washington: Microsoft Research, 2009. P. 209-214.

КТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПЛАНЕТУ: ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУК О ЗЕМЛЕ

Неаполитанский М.С.

*Магистрант Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: mknea@mail.ru*

Аннотация. Доклад посвящен проблемам публичной научной коммуникации в контексте наук о Земле. Первая часть доклада посвящена краткой истории исследований Земли и их влиянию на социальное и культурное пространство. Выдвигается тезис, что с самого начала научного рассмотрения Земли, науки о ней стали предметом публичной научной коммуникации, воздействуя на общественные представления о мире и человеке. Вторая часть доклада посвящена трём концептуальным проблемам. Первая проблема затрагивает вопрос «кто представляет Землю?». Этот вопрос интерпретируется в двух смыслах: как вопрос о научном представительстве и как вопрос о представлениях о Земле, существующих в обществе. Вторая проблема касается репрезентации образов Земли как объекта и носителя научной агентности, а также инструментов и систем записей, позволяющих эту репрезентацию осуществить. Третья и итоговая проблема затрагивает тему миметической и навигационной интерпретации Земли. Итогом доклада является вывод о важности рассмотрения проблем научной коммуникации в контексте наук о Земле для детализации теории публичной научной коммуникации и подробном изучении связей между наукой, обществом и философией.

Ключевые слова: публичная научная коммуникация, науки о Земле, Бруно Латур, история науки, эпистемология, проблемы репрезентации, картография.

THE ONES WHO REPRESENT THE PLANET: PROBLEMS OF PUBLIC SCIENCE COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF GEOSCIENCES

Neapolitanskiy M.S.

*M.A. student of Institute of Philosophy
St. Petersburg State University
E-mail: mknea@mail.ru*

Abstract. The report is devoted to the problems of public science communication in the context of geosciences. The first part of the report focuses on a brief history of the studies of the Earth and its impact on the social and cultural background. The idea of the Earth being the subject to a public science communication from the very outset is being introduced. This state of affairs made the ideas around the Earth influence public perceptions of the human and the world.

The second part of the report is devoted to three conceptual problems. The first problem concerns the name of the report: "The Ones Who Represent the Planet". It can be understood in two ways: as a question of scientific representation and as a discussion of the Earth social representation. The second problem concerns the representation of the Earth as an object and a carrier of a scientific agency, since it illustrates the tools and the recording systems that allow the representation to be achieved. The third and the final problem concerns the topic of mimetic and navigational interpretation of the Earth. The results of the report mark the importance of considering the problems of science communication in the context of the studies of the Earth. Thus, it becomes possible to specify the theory of public science communication and to study the connections between science, society and philosophy more precisely.

Key words: public science communication, geosciences, Bruno Latour, history of science, epistemology, problems of representation, cartography.

Исторически сложилось, что различные исследования Земли – будь то античная геометрия, нововременная география или геология XIX в. — часто вбирали в себя опыт других наук. Историю наук о Земле невозможно представить без астрономии, математики и естествознания. Помимо этого, результаты изучения Земли оказывали влияние на философию, литературу и социально-культурное пространство в целом. Были примеры и обратного влияния: так, древнегреческая натурфилософия, в частности, представители Милетской школы, предприняли первые попытки немифологического описания Земли. Античный историк и биограф Диоген Лаэртский замечает, что Анаксимандр «первым нарисовал очертания земли и моря» и «соорудил небесный глобус» [1, с. 103]. Современный исследователь истории Земли и географии Томас Берг также пишет о важности наблюдений Анаксимандра: «Он отверг вавилонские, египетские и архаичные греческие представления о том, что Земля плавает на воде, и первым предположил, что мы живем на объекте, парящем в пустоте» [2, с. 47]. Деятельность и идеи Анаксимандра в этом случае могут быть проинтерпретированы и как часть истории науки, и как часть истории философии. Это можно назвать одним из первых примеров публичной научной коммуникации в контексте исследований Земли — Анаксимандр, как и пифагорейцы спустя некоторое время, предположившие, что Земля имеет форму сферы, повлиял на формирование взглядов о ней в общественном и историческом пространстве. Например, предположения Анаксимандра оказались важны для Гекатея – автора первого географического трактата под названием «Землеописание» или «Путешествия по миру» [3, с. 417]. Отражение идей своего времени о Земле можно найти и в диалогах Платона: «Я уверился, что Земля очень велика и что мы, обитающие от Фасиса до Геракловых Столпов, занимаем лишь малую ее частицу; мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота, и многие другие народы живут во многих иных местах, сходных с нашими» [4, с. 85]. Таким образом, можно утверждать, что исследования Земли с момента своего появления были связаны с публичной научной коммуникацией и влияли на формирование общественных представлений о природе, космосе и положении человека в мире. После Античности это связь лишь крепла, несмотря на частичное возвращение понимания Земли в качестве составляющей сакрального пространства мира и мышления, когда знание о Земле «предполагало прямую связь между образами богов, божественного и священного, космологических и космогонических мифами и устройством земной поверхности вкупе с облекающим ее космосом» [5, с. 197]. Уже в Новое время, когда случается картографический импульс, связанный с «модернистским эпизодом» [6, с. 12] и возрождением интереса к трудам Клавдия Птолемея, Земле возвращается статус важнейшего для западноевропейской учености предмета исследований. Со временем этот статус только укрепляется – картография начинает претендовать на роль объективной науки, ориентированной на практическое знание, а «отец современной геологии» Джеймс Хаттон и его открытия в конце XVIII в. (в том числе, открытие возраста Земли, удивившее многих современников и, в частности, Шеллинга, переосмыслившего после этого идею философских оснований [7, с. 247]) запускают процесс формирования наук геологического цикла. Насыщенная и долгая история наук о Земле показывает их непосредственную связь с идеями своего времени и в то же время влияние на базовые установки воззрений на мир и человека. Однако проблема репрезентации Земли, геологических объектов, планетарного и природного опыта в науке и обществе по-прежнему остаётся актуальной. Исследования публичной научной коммуникации в рамках наук о Земле требуют критического подхода, а также философской рефлексии по поводу нескольких ключевых проблем. Перечислим их по порядку.

Первую проблему можно обозначить вопросом «кто представляет Землю?», который может быть проинтерпретирован двумя различными способами. Один способ — вопрос о представительстве

в плане «говорения от лица Земли» или «от природы», как формулирует это Бруно Латур, анализируя роль ученых [8, с. 120]. Земля и науки о ней в рамках публичной коммуникации требуют своих представителей и агентов – тех, кто ответит на вопросы об истории планеты, её будущей судьбе и нынешних проблемах. Часто эту роль выполняют популяризаторы науки, ученые-экологи и научные бюрократы [9, с. 97]. Однако, несмотря на то, что это амплуа на первый взгляд уже занято, природные кризисы и геологические процессы требуют иного подхода в размышлениях о Земле, её связи с субъективным опытом и новыми типами ответственности [10, с. 53] – в первую очередь, в рамках публичной научной коммуникации. В этом смысле проблема представительства Земли нуждается в переосмыслении – по Латуру, нужно не только создать «земную науку» и самим совершить акт приземления, но и посмотреть на Землю с точки зрения одновременно и научных, и политических, и социальных процессов. В рамках ответа на эту часть вопроса будет важным проанализировать роль ученых и их связи с общественностью в контексте наук о Земле. Так, Латур предлагает образ «приземленных» — новых коллективов, которые заняты «земной наукой», он пишет: «<приземленные> принадлежат Земле, протянутой через их инструменты. Их знания простираются настолько, насколько они способны расширять, финансировать, исследовать, поддерживать датчики, которые делают видимыми последствия их действий» [8, с. 121].

Другая же интерпретация данного вопроса затрагивает и понимает представление в смысле кто, как и в каком контексте представляет Землю: как думать о Земле, как исследовать, какие представления о Земле есть в общественном сознании и как они менялись, как работает географическое, геополитическое и научное воображение в контексте Земли, как представления о Земле, получаемые в рамках публичной научной коммуникации, влияют на восприятие экологических проблем. Также ориентируясь на Латура, в рамках ответа на эту часть вопроса, важно учитывать анализ наличия «союзников» [11, с. 147] у тех или иных представлений, которые благодаря публичной научной коммуникации становятся полноценными акторами социального и научного пространства. Здесь есть ряд актуальных исследований, которые предстоит проанализировать – например, книга Виолена Джакомотто-Шарра и Сильви Нони «Земля плоская. Генеалогия ложной идеи», работа Латура, написанная по мотивам лекций, «По направлению к Гайи», книга Дмитрия Замятина «Постгеография. Капитал(изм) географических образов».

Вторая проблема также вытекает из сформулированного вопроса и двух его интерпретаций. Она касается образов и репрезентаций Земли непосредственно как объекта, небесного тела и носителя определённой научной и эпистемологической агентности, а также медиумов, инструментов, аппаратов и систем записей, которые позволяют эту репрезентацию осуществить. Образ Земли всегда был важен для её исследований в контексте публичной научной коммуникации. Мы по-прежнему используем множество инструментов и способов фиксации, чтобы «отобразить» Землю: сначала это были карты, затем в дополнение к ним атласы и глобусы, теперь же мы имеем самые различных технических посредников для осуществления и получения доступа к репрезентации Земли — от цифровой навигации до множества фотоснимков, сделанных из космоса. Помимо этого, Земля становится постоянным участником киноискусства, появляясь в разнообразных фильмах на тему экологических катастроф, спасения человечества от космической угрозы и других сюжетов. Все эти примеры показывают значимость исследований Земли и тех процессов, которые помогли осуществить экстерниоризацию знаний о планете за рамки научного сообщества.

Третьей и итоговой проблемой, которая станет заключением нашего исследования, является проблема миметической и навигационной интерпретации Земли, её картографирования и репрезентации в рамках публичной научной коммуникации. Эта проблема, безусловно, продолжает две предыдущих, но также касается связи философии и науки. Когда выше шла речь об образе Земли, в большинстве случаев это именно миметический способ её представления. Это изолированный образ, который мы воспринимаем почти как живопись, когда есть прототип (реальность) и есть копия (изображение). В случае Земли — это, например, территория и карта. В науке тоже много примеров — «изображение вируса, сделанное при помощи электронного микроскопа, фотография галактики и рисунок скелета в музее естественной истории». Как пишут авторы статьи, «будучи взяты сами по себе, <эти образы> не обладают специфической (научной) ценностью (хотя они могут быть наделены мощной эстетической, педагогической или риторической силой)» [12, с. 75]. Однако Латур и ряд других авторов предлагают навигационную интерпретацию Земли и инструментов, которые с ним работают, предоставляя Землю публичному пространству (например, картография). Навигационная интерпретация Земли застригает тему объективности, субстанциональности, истинности и ответственности в рамках наук о Земле. Навигационная интерпретация предлагает рассматривать Землю не как статичный объект, наделенный автономными процессами, а как совокупность

геологических, экологических и политических контекстов и становлений, к которым добавляется аналитика рисков и режимов высказываний. Говоря иначе, в рамках публичной научной коммуникации это предложение рассматривать Землю как событие, наполненное гибридами, аппаратами и сетями, а не как изолированную карту-образ, который постепенно трансформируется в рамках интеллектуальной истории.

Таким образом, мы кратко обозначали историю и основные проблемы публичной научной коммуникации в контексте наук о Земле, что, в свою очередь, поможет детализировать теорию публичной научной коммуникации и увидеть дополнительные связи между наукой, обществом и философией.

Список литературы

1. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.
2. *Берг Т.* Театр мира. История картографии. М.: Ад Маргинем, 2023.
3. *Суриков И. Е.* Гекатей Милетский. Фрагменты. // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2021. Т. 9. С. 393–482.
4. *Платон*. Федон // Сочинения в четырех томах. Т. 2. СПб.: Издательство СПбГУ: «Издательство Олега Абышко», 2007.
5. *Замятин Д.* Онтологии картографии: географическое воображение и планетарность // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2022. №6 (151). С. 183–202.
6. *Latour B.* What Is the Style of Matters of Concern: Two Lectures on Empirical Philosophy. Amsterdam: Van Gorcum, 2008. 51 p.
7. *Шеллинг Ф. В. Й.* Система трансцендентального идеализма // Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
8. *Latour B.* Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime. Cambridge: John Wiley & Sons, 2017. 336 p.
9. Пособие по общественным связям в науке и технологиях // Ред. М. Букки, Б. Тренч. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
10. *Латур Б.* Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2019.
11. *Latour B.* The Pasteurization of France. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 283 p.
12. *Новембер В., Камахо-Хюбнер Э., Латур Б.* Вступая на территорию риска: пространство в эпоху цифровой навигации // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2023. №1 (152). С. 61–96.

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Петров И.В.

Аспирант

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого

E-mail: petrov.iv@edu.spbstu.ru

Аннотация. Развитие технологии искусственного интеллекта как в современности оказывается актуальной темой различных дискуссий, которые можно условно поделить на три категории: внутри научного сообщества, между представителями научного сообщества и общества в целом, вне научного сообщества. Их мотивирует неоднозначность функционирования искусственного интеллекта, полезность которого дополняется значительными проблемами. В дискуссиях ученых с субъектами, которые не являются профессионалами в науке имеет большое значение обсуждение вопросов, имеющих с одной стороны принципиальное значение для применения искусственного интеллекта и, с другой стороны, понятных различным общественным субъектам. К таким вопросам относятся нормы отношений, которые создаются в ситуациях использования систем с искусственным интеллектом, в частности этических норм. В статье анализируются этические принципы и подходы, которые могут быть использованы в этике искусственного интеллекта и определять поле общественных дискуссий между учеными и публикой по данной теме.

Ключевые слова: искусственный интеллект, проблемы использования, научная коммуникация, общество, этика, нормативность.

AI ETHICS AND SCIENCE COMMUNICATION

Petrov I.V.

Postgraduate

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

E-mail: petrov.iv@edu.spbstu.ru

Abstract. The development of artificial intelligence technology in modern times turns out to be a relevant topic of various discussions, which can be divided into three categories: within the scientific community, between representatives of the scientific community and society as a whole, outside the scientific community. They are motivated by the ambiguity of the functioning of artificial intelligence, the usefulness of which is complemented by significant problems. In discussions between scientists and subjects who are not professionals in science, it is of great importance to discuss issues that, on the one hand, are of fundamental importance for the application of artificial intelligence and, on the other hand, are understandable to various social actors. Such issues include norms of relations that are created in situations of using systems with artificial intelligence, in particular ethical norms. The article analyzes ethical principles and approaches that can be used in the ethics of artificial intelligence and determine the field of public debate between scientists and the public on this topic.

Keywords: artificial intelligence, problems of use, scientific communication, society, ethics, normativity.

Быстрое развитие технологий Искусственного интеллекта (далее ИИ) и связанных с ним систем активизирует множество обсуждений про их влияние на личную жизнь, работу, потенциал для трансформации человеческой деятельности в целом. Технологии и системы с ИИ находят все большее применение для решения проблем в здравоохранении, менеджменте, сельском хозяйстве, образовании, инженерной разработке. Они даже продвигаются в качестве механизма для решения, казалось бы, неразрешимых проблем, таких как Цели устойчивого развития [1].

Кроме таких впечатляющих преимуществ ИИ существуют значительные проблемы: смысловые искажения при машинном обучении, этика и кибербезопасность систем автопилота, наличие в алгоритмах предрассудков различного толка (расовых, национальных, гендерных), включенность систем с ИИ в распространении недостоверной и заведомо ложной информации.

Применение ИИ может приводить к непредвиденным последствиям в реальном мире, что порождает много споров о способах разработки, управления и эксплуатации технологий и систем с ИИ. Эти дискуссии находят свое продолжение в увеличивающемся объеме документации, ставящей своей целью формирование различных политик, создание руководств по разработке в области ИИ. Дискуссии такого рода можно разделить на три категории: внутри научного сообщества, между представителями научного сообщества и общества в целом, вне научного сообщества. При этом наиболее громкими оказываются дискуссии вне научного сообщества, когда одна сторона — бизнес, развивающий технологии ИИ, а другая — общество как собирательный агент, на жизнь которого эти технологии влияют. В деятельности по созданию документации, регламентирующей ИИ, участвуют различные международные учреждения, неправительственные организации, частный сектор, правительства. Многие из них получают большое общественное внимание, поскольку показывают каким образом государства и бизнес планируют проектировать, создавать, внедрять, использовать и регулировать ИИ. Также значимыми оказываются дискуссии между учеными и обществом в публичной научной коммуникации, поскольку ученые могут компетентно отвечать на вопросы, связанные со спецификой функционирования ИИ, а общественные субъекты — формировать проблемы, связанные с его использованием.

Ниже будут раскрыты этические принципы и подходы, которые могут задавать поле дискуссий относительно применения ИИ в публичной научной коммуникации. Именно эта тема объединяет вокруг предмета дискуссий как ученых, специалистов в области гуманитарных наук и IT специалистов, так и различных общественных субъектов, руководствующихся различными нормами при взаимодействии.

Этика ИИ — это область прикладной этики. Однако многие проблемы тесно связаны с традиционными этическими концепциями и проблемами - например, такие понятия как конфиденциальность, справедливость и автономия могут быть рассмотрены в существующих этических рамках. Авторы работ по этике ИИ выделяют разное количество (от 4–5 [3] до 8 и более) основных принципов для этической рамки, чаще всего фигурируют следующие: Права человека, благополучие, данные, эффективность, прозрачность, отчетность, осведомленность о нецелевом/неправомерном использовании, компетентность [2].

1. Права человека. Системы с ИИ должны создаваться и использоваться, уважая, продвигая и защищая права человека, признанные на международном уровне

2. Благополучие. Главный критерий разработки — увеличение благополучия человека.

3. Работа с данными. Создатели систем с ИИ должны предоставлять человеку возможность доступа к своим данным и безопасного обмена ими, чтобы сохранить способность контролировать свою личность.

4. Эффективность. Создатели и операторы систем с ИИ должны предоставлять доказательства эффективности и пригодности для использования по назначению таких систем.

5. Прозрачность. Основание для конкретного решения ИИ всегда должны быть доступно.

6. Отчетность. ИИ созданы и функционируют таким образом, что возможно обеспечить однозначное обоснование решений.

7. Осведомленность. Создатели систем с ИИ должны предоставлять защиту от всех потенциальных злоупотреблений и рисков эксплуатации подобных систем.

8. Компетентность. Создатели систем с ИИ должны предоставлять, а операторы придерживаться необходимых знаний и навыков для безопасной и эффективной работы.

Приведем краткий обзор основных подходов, на которых может строиться этика ИИ.

Этика добродетели: по Аристотелю конечной целью человека является «эвдемония», что можно перевести как «процветание». Моральный агент достигает «процветания» — поскольку это действие, а не состояние — постоянно уравнивая факторы, включая социальное окружение, материальные блага, друзей, семью и самого себя.

Человек культивирует себя через привыкание, практикуя и укрепляя добродетельные действия как «золотую середину» (принцип рациональности). Такое культивирование требует соответствующего баланса между крайностями избытка и недостатка, которые Аристотель определяет как пороки.

В рассматриваемом нами контексте ИИ этика добродетели имеет значение в двух смыслах:

1) Предоставляет модель для итеративного обучения и роста, а также моральную ценность, основанную на контексте и практике, а не только на соответствии заданному, статичному набору правил.

2) Предоставляет тем, кто разрабатывает и внедряет ИИ, основу для уравнивания тенденций к излишествам, которые характерны для экономической среды.

Деонтологическая этика, деонтология: Разработанная Иммануилом Кантом, основная предпосылка деонтологии относится к понятию долга. Люди обладают рациональной способностью создавать и соблюдать правила, которые позволяют возникнуть этике, основанной на долге. Говорят, что правила, порождающие обязанности, имеют ценность сами по себе, не требуя обоснования большего блага. Такие правила являются основополагающими для нашего существования, самооценки и создания условий, позволяющих мирно сосуществовать и взаимодействовать, например, обязанность не причинять вреда другим; обязанность не воровать. Кант использует категорический императив: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом». Это означает, что правило должно быть по своей сути желательным, выполнимым, ценным, и другие должны быть в состоянии понять его и следовать ему. Правила, основанные только на личном выборе, не имеющие более широкой привлекательности, не способны к универсализации. Если вы «желаете», чтобы правило стало всеобщим законом, вы не только вносите свой вклад в создание правила, но и соглашаетесь быть связанным тем же правилом.

Кант также использует гуманную формулировку категорического императива: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда — только как к средству». Это порождает обязанность уважать человечность и человеческое достоинство, а не относиться ни к тому, ни к другому как к средству для достижения цели.

Для этики ИИ ставится вопрос о том, действуют ли разработчики с учетом интересов человечества и человеческого достоинства. Гуманная формулировка «категорического императива» имеет значение для различных сценариев. Обязанность уважать человеческое достоинство может

потребовать некоторых ограничений на функции и возможности ИИ, чтобы они не заменяли полностью людей, человеческие функции и/или «центральную мыслительную деятельность человека», такую как суждение, осмотренность и рассуждение. Вопросы конфиденциальности и безопасности, связанные с ИИ, помогающим людям, например, медицинским роботам, могут потребовать программирования определенных алгоритмов таким образом, чтобы ИИ не разглашал личную информацию третьим лицам и не ставил под угрозу физическое или психическое благополучие человека. Это также может включать в себя предотвращение обмана или манипулирования людьми посредством ИИ.

Потенциальные выгоды и финансовые стимулы от эксплуатации ИИ могут служить оправданием для их использования, игнорируя при этом отношение к человечеству как к самоцели, например, сокращая финансирование тщательного тестирования ИИ до того, как они попадут на рынок и в общество. Сохранение субъектности человека во взаимодействии человека и машины является проявлением долга уважать человеческое достоинство. Например, человек имеет право знать, когда он взаимодействует с ИИ, и может потребовать согласие на любое взаимодействие с ИИ.

Утилитарная этика, утилитаризм. Этот этический кодекс, также называемый консеквенциалистской этикой, относится к последствиям чьих-либо решений и действий. Согласно принципу полезности, правильным образом действий является тот, который максимизирует полезность (утилитаризм) или удовольствие (гедонизм) для наибольшего числа людей. Консеквенциализм – доктрина, согласно которой «цель оправдывает средства». Поэту внутри утилитарной этики возможны достаточно проблемные примеры: случай тележки [4], вскрытие донора для пересадки его органов нескольким пациентам [5]. Многие моральные соображения трудно поддаются количественной оценке (например, достоинство) или являются крайне субъективными. Моральные соображения могут быть настолько различны, что их трудно сопоставить друг с другом, например, загрязнение окружающей среды против общественной правды. Эта этическая теория, однако, должна предостерегать от поверхностных и краткосрочных оценок полезности или удовольствия. Таким образом, разработчики ИИ несут ответственность за учет долгосрочных последствий. Можно сказать, социальная справедливость (только надо определить, что это будет означать) в этом случае имеет первостепенное значение, поэтому необходимо установить, будет ли внедрение ИИ способствовать гуманизму или негативно повлияет на занятость и т.д. В самом деле, там, где ИИ может дополнить человечество, оно должно быть спроектировано таким образом, чтобы выгоды были очевидны для всех заинтересованных сторон. Консеквенциализм поддерживает создание решений, обеспечивающих чистую выгоду, но не требует, чтобы эти решения функционировали этически, например, беспристрастно (непредвзято) [6].

Этика заботы. Обычно рассматриваемый как пример феминистской этики, этот подход подчеркивает важность отношений, которые привязаны к контексту. Отношения онтологически являются основополагающими для человечества, согласно Нел Ноддингс [7], феминистке и философу образования; Забота о других людях – одно из наших основных человеческих качеств. Для того, чтобы такая теория имела отношение к данному контексту, необходимо учитывать два критерия: 1) отношения с другим человеком или организацией должны уже существовать или иметь потенциал для существования, и 2) отношения должны иметь потенциал перерасти в заботливые отношения. Применительно к ИИ на первый план выходит интересный вопрос: можно ли заботиться о людях и их интересах в тандеме с нечеловеческими сущностями? Если кто-то ожидает, что ИИ будет полезен человечеству, как в случае с роботами, помогающими ухаживать за пожилыми людьми, то можно ли сделать вывод о возможности того, что люди будут заботиться об ИИ? Если такая возможность существует, то применимы ли принципы социальной справедливости ИИ?

Этика справедливости [8]. Справедливость рассматривается как объект первоначального соглашения в обществе. Принципы справедливости должны регулировать все дальнейшие соглашения и определять виды социального сотрудничества. Исходная ситуация справедливости соответствует естественному состоянию в традиционной теории общественного договора. Принципы правосудия выбираются за завесой невежества, гарантируя, что никто не окажется в выигрыше или поставленном в невыгодное положение. Исходная позиция — это соответствующий первоначальный статус-кво и фундаментальные соглашения, достигнутые в этом результате справедливы. Принципы справедливости исключают оправдание институтов на основании того, что трудности некоторых из них компенсируются большим благом в совокупности.

После добродетели [9]. Моральное смятение и фрагментация в обществе вызваны неспособностью Просвещения обеспечить единый взгляд на мир. Макинтайр прослеживает распад морали от греческого до средневекового, постпросвещенного и современного периодов. Проект

Просвещения, который должен был заменить аристотелизм основой для морального дискурса, закончился неудачей. Вместо рационального обоснования этических теорий, эпоха Просвещения попыталась отделить ценности от фактов, склоняясь к релятивизму. Это приводит к созданию "эмотивизма", теории, которую Макинтайр использует для описания нашего нынешнего морального состояния. В эмотивистском обществе царит манипулятивная риторика, поскольку дебаты проистекают из личных чувств или предпочтений. Макинтайр предлагает вернуться к аристотелевской этике добродетели, системе, в которой моральные правила встроены в общие практики сообщества. Такой подход интегрирует мораль в социальный контекст, подтверждая нашу взаимозависимость и предлагая содержательную, общую концепцию хорошей жизни.

Список литературы

1. UNGA: Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations General Assembly, A/RES/70/1 (2015) (Online). [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/A/RES/70/1> (дата обращения 01.06.2024).
2. IEEE, 2019, Ethically Aligned Design: A Vision for Prioritizing Human Well-Being with Autonomous and Intelligent Systems. [Электронный ресурс]. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/8058187> (дата обращения 01.06.2024).
3. Floridi, L., Cowls, J., Beltrametti, M. et al. AI4People—An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations // *Minds & Machines*. 2018. Vol. 28. P. 689–707. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11023-018-9482-5>.
4. Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of Double Effect // *Oxford Review*. 1967. №5. [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/archive/FOOTPO-2.pdf> (дата обращения 01.06.2024).
5. Gensler H., *Ethics: A Contemporary Introduction*, 3rd ed. Routledge, 2018.
6. Poff D., *Business Ethics in Canada*, 4th ed. Pearson, 2019.
7. Noddings, Nel. *Caring: A Relational Approach to Ethics and Moral Education*. 2nd ed., University of California Press, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt7zw1nb> (дата обращения 01.06.2024).
8. Rawls J. *A Theory of Justice: Original Edition*. Harvard University Press, 1971. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9z6v>.
9. Макинтайр А. *После добродетели: Исследования теории морали*. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Петров К.С.

*Бакалавр журналистики, студент
Национальный исследовательский университет ИТМО
E-mail: constantinepetrov258@gmail.com*

Аннотация. Город – медиа, которое окружает своих жителей со всех сторон и выступает средой для коммуникации различных сообществ: власти с народом, жителей между собой, профессионального сообщества со всеми остальными. Часть текстов в городском пространстве посвящена науке и технологиям и формирует коллективные представления о культурном наследии нации, города, исследовательских и образовательных институций. Специфика города как медиума ограничивает объём информации, из-за чего репрезентация образов науки и технологий оказывается малоинформативной и неэффективной в плане коммуникации: персоналии и достижения могут быть представлены в коммеморативных практиках города, но потеряться на фоне тиражируемых образов.

Ключевые слова: репрезентация науки, культурная память, идентичность, миф, коммеморация.

THE REPRESENTATION OF SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF THE CITY

Petrov K.S.

Student

ITMO University

E-mail: constantinepetrov258@gmail.com

Abstract. The city is a media that surrounds its residents from all sides and acts as a medium for communication between various communities: the government with the people, residents among themselves, the professional community with everyone else. Some of the texts in the urban space are devoted to science and form collective ideas about the cultural heritage of the nation, the city, research and educational institutions. The specificity of the city as a medium limit the amount of information, which is why the representation of images of science turns out to be uninformative and ineffective in terms of communication: personalities and achievements can be represented in the commemorative practices of the city, but get lost against the background of replicated images.

Keywords: representation of science, cultural memory, identity, myth, commemoration.

Мы предлагаем рассмотреть репрезентацию образов науки и технологий в коммуникативном пространстве города. Для этого стоит обратить внимание на «городские тексты». Под этим словосочетанием мы подразумеваем памятники, мемориальные доски, названия улиц, станций метро, жилых комплексов и общественных учреждений (образовательных, медицинских).

Рассматриваемые образы могут быть напрямую (памятный знак «Санкт-Петербург – оплот кораблестроительной науки») или метафорически (район Авиагородок с топонимическим кустом авиационных названий; жилые комплексы «Сириус», «Космос», «Галактика»; пр. Космонавтов, прилагательное «звёздный» в названиях улицы, станции метро, колледжа, муниципального округа) связаны с отдельными дисциплинами, фактами научного знания (скульптура в форме молекулы ДНК), конкретными учёными (медицинский колледж имени В.М. Бехтерева, мемориальная доска в честь астронома М.Ф. Субботина, сквер в честь учёного-полярника Н.А. Корнилова, памятники учёным на аллее героев в Парке Победы) или с другими личностями, ассоциирующимися с достижениями науки и технологий (космонавты Ю.А. Гагарин и Г.М. Гречко) или с их популяризацией (братья Стругацкие). Подобные «городские тексты» вносят вклад в формирование в массовом сознании мифа научности – общих представлений о российской науке. Перечисленные выше и другие примеры собраны нами в прототипе медиапроекта (на платформе StoryMapJS) – базе данных «городских текстов» о науке и технологиях в пределах Московского района Санкт-Петербурга: <https://clck.ru/37ier2> (дата обращения 15.01.2024). Выбор этого административного образования не случаен: мы предположили, что здесь может быть обнаружен кластер текстов, связанных с наукой, так как в пределах Московского района находится одна из культовых научных институций города – Пулковская обсерватория, которая, предположительно, должна была повлиять на смыслы, сохраняемые в мемориальной культуре района. Также в состав Московского района входят пять муниципальных округов (муниципальных образований, МО), названия, трёх из которых связаны с историей науки и научными достижениями: МО Пулковский меридиан (география, астрономия), МО Звёздное и МО Гагаринское (освоение космоса).

В понятие «городских текстов» мы не включали университеты, НИИ, музеи и другие научные организации, так как это самостоятельные сложные структуры, заслуживающие отдельного изучения, а также потому, что их присутствие в городском пространстве, по нашему предположению, не отражает процессы коммеморации и репрезентации науки: в отличие от «городских текстов» (мест памяти), университет, НИИ, научный архив и др. могут функционировать без реципиента, случайного прохожего. В этом смысле к «городским текстам» близки музеи, которым нужна внешняя аудитория для осуществления своей функции, но отличие музея от улицы или мемориальной доски в том, что взаимодействие с «городскими текстами», как правило, не планируется заранее, происходит спонтанно, не регулируется куратором и вписывается в пространство повседневной жизни реципиента. Тем не менее, перечисленные организации задают контекст научного ландшафта города, и для понимания общей картины позиционирования науки в Московском районе мы включили эти институции отдельную базу данных: <https://clck.ru/37kRNB> (дата обращения 15.01.2024).

Тема репрезентации науки и технологий в коммуникативном пространстве города находится на пересечении краеведения, *memory* и *media studies* и исследований научной коммуникации. Мы исходим из положения, что внешние продолжения человека (газеты, фотографии, реклама, радио и телевидение, дома и автомобили) – медиа (средство коммуникации) – уже и есть сообщение [1, с. 14-15]. То есть смысл сообщения определяется не только содержанием, которое задумал и закодировал источник (автор сообщения), но и средством коммуникации – медиумом. Мы предлагаем рассмотреть город в качестве такого медиума. Он одновременно выступает и средой для людей, с которой они взаимодействуют через другие средства, и самим средством взаимодействия с окружающим миром: жизнь в структуре города позволила большинству населения уйти от земледелия, и заняться другим трудом, в том числе и научным.

Город – неизбежный канал коммуникации, наполненный множеством текстов: мы сталкиваемся с ними, когда идём на учёбу и работу, строим маршруты на карте, заказываем доставку или просто остаёмся дома – даже тогда мы знаем, что у нас есть адрес. В этой среде уживается множество коммеморативных практик, которые вносят вклад в формирование коллективной идентичности, о чём размышляли Э. Ренан, М. Хальбвакс, П. Нора [2, с. 52, 68, 105] (в случае с последним метафорические «места памяти» становятся вполне буквальными географическими в городском ландшафте памяти).

Часть «городских текстов» посвящены науке и технологиям, и они так же формируют коллективную память различных «Мы»-групп [3, с. 17-18, 33]. Так, местная (и федеральная) власть выстраивает коллективные представления народа о национальной идентичности – нашем культурном наследии. Местные жители хранят память о согражданах и поддерживают образ культурной столицы, центра научной мысли и промышленных достижений. Учёное профессиональное сообщество вообще и в рамках отдельных институций воздаёт должное коллегам и репрезентирует самоё себя. Студенты и школьники находят ориентиры и вдохновение для учёбы и научной деятельности (что так же в интересах государства, жителей страны и города, профессионального сообщества, отдельных наук и технологических сфер).

В то же время специфика городской среды подразумевает минимум информации. В лучшем случае рядом с фамилией учёного будет хотя бы указана его специализация, но это мало даёт понимания неподготовленной массовой аудитории: кому посвящён тот или иной «текст». В интенсивном ритме Северной столицы далеко не у каждого реципиента возникнут возможность и желание найти дополнительную информацию об увековеченной личности в Интернете (основном источнике информации для массовой аудитории). К тому же эта информация не всегда бывает доступна. Большинство учёных посвящены статьи в «Википедии», электронных СМИ и блогах, на сайте РАН есть информация об академиках и членах-корреспондентах (впрочем, не всегда эта информация исчерпывающая и иногда ограничивается ФИО, годами жизни, учёной степенью и годом присвоения статуса в Академии). Но не о всех Интернет хранит память: в некоторых случаях приходится по частям собирать портрет личности: на сайтах с места работы и организации, в названии которой увековечено имя учёного, а также в некрологах и старых резюме. Подобный расклад касается имён А.С. Гольдина (лаборатория вибраций «РОТОР СПб»), О.В. Богданова (клиника медицинской реабилитации «Возвращение»). Показательный эпизод: в ходе подготовки базы данных с «городскими текстами» мы пытались в открытых источниках найти информацию о В.С. Фиалковском, именем которого названо проектно-конструкторское бюро, ул. Решетникова, 15. Ни на сайте компании, ни в других источниках информацию о личности мы не обнаружили, а телефонное обращение в конструкторское бюро дало только то, что Фиалковский был архитектором, жил в 50-60-х годах и «мало прожил», на данном этапе имя и фамилии остались неизвестны. Пусть и данная персона не относится к теме исследования, сам эпизод заставляет задуматься о доступности данных о деятелях недавнего прошлого.

В итоге с точки зрения популяризации науки в городском пространстве можно говорить о коммуникативном провале, когда не учтена целевая аудитория сообщения, не учтена цель и форма [4, с. 10, 14]. Мы предполагаем, что «тексты» о науке и технологиях проходят мимо массовой аудитории, которая ограничивается тиражируемыми в массмедиа образами Ломоносова, Менделеева, Попова. Это усугубляет формирования мифа научности: мысли и речь уходят от объективной реальности к метаязыку с представлениями о собирательном учёном – так буржуазный миф не объясняет, а узаконивает существующий порядок [5, с. 88-89, 114-115, 124], не связывает аудиторию с историей науки и технологий, а реконструирует представление о прошлом науки и технологий, обогащается толкованиями и даёт ориентацию на будущее [3, с. 39].

Список литературы

1. Маклюэн М.Г. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. 5-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2019. 464 с.
2. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 224 с.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 328 с.
4. Шипман М. Научная коммуникация: Руководство для научных пресс-секретарей и журналистов / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 186 с.
5. Барт Р. Миф сегодня (Фрагменты) // Философия мифа: учебное пособие / Б.П. Модин. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 74-127.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРОСТРАНСТВА ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Прокудин Д.Е.

Доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: d.prokudin@spbu.ru

Аннотация. С развитием информационного общества электронные формы коммуникации становятся всеобщими, трансграничными, универсальными и доступными, за счёт чего становится возможным массовое вовлечение общества в процессы научной коммуникации. Развитие основанных на использовании информационно-коммуникационных технологий информационных систем, ресурсов и сервисов вовлекает их в процессы публичной научной коммуникации, решая различные задачи. В статье рассматриваются аспекты формирования цифровой среды публичной научной коммуникации. Отмечается слабая изученность её формирования в отечественных исследованиях, а также отсутствие комплексного представления о роли и функциях основных её акторов (посредников). Как актуальная ставится задача комплексного исследования формирования цифрового пространства публичной научной коммуникации, выявления основных его акторов и субъектов, определения их основных ролей и функций в обществе.

Ключевые слова: электронное информационное пространство, цифровая среда, информационно-коммуникационные технологии, публичная научная коммуникация, проблемы изучения, комплексный анализ.

FORMATION OF ELECTRONIC SPACE OF PUBLIC SCIENTIFIC COMMUNICATION

Prokudin D.E.

DSc in Philosophy, Associate Professor

St.-Petersburg State University

E-mail: d.prokudin@spbu.ru

Abstract. Digital forms of communication in the information society are becoming universal, cross-border, universal and accessible. Therefore, it becomes possible to involve society massively in the processes of scientific and science communication. The development of information systems, resources and services based on the use of information and communication technologies leads to their involvement by society in the processes of public scientific and science communication, solving various tasks. In the article, I consider various aspects of the formation of the digital environment of public scientific communication (science communication). I also come to the conclusion that its formation is poorly studied in domestic studies, and also note the lack of a comprehensive understanding of the role and functions of its main actors (subjects).

I formulate as an urgent task the need for a comprehensive study of the formation of the digital environment of public scientific communication (science communication), identifying its main actors and subjects, determining their main roles and functions in society.

Keywords: electronic information space, digital environment, information and communication technologies, public scientific communication, problems of study, complex analysis.

Научная коммуникация является достаточно изученным социальным феноменом. В обществе существуют как устоявшиеся виды научной коммуникации (внутренняя – Scientific Communication и внешняя (публичная) - Science Communication), так и формы, посредством которых решаются различные задачи (от научной коллаборации до популяризации научного знания). При этом научная коммуникация как исследовательская область является междисциплинарной (социология, философия науки, лингвистика и пр.). Развитие современного информационного общества ставит новые исследовательские задачи, связанные с формированием новых форм коммуникации, основанных на использовании информационно-коммуникационных технологий. Характерной особенностью развития научной коммуникации является то, что электронные формы коммуникации являются всеобщими, трансграничными, универсальными и доступными. За счёт этих особенностей становится возможным массовое вовлечение общества в процессы научной коммуникации, зачастую интегрируя процессы внутренней и внешней (публичной) научной коммуникации.

Существенное влияние на научную коммуникацию и публичную научную коммуникацию, в частности, развитие информационного общества начало оказывать с начала 2000-х годов, когда мир пережил крах доткомов (dotcom) и закат эпохи Web 1.0 [1]. Переход к новой идеологии, основанной на совместном взаимодействии людей по созданию и использованию контента, породил эпоху Web 2.0 [2] с информационными системами и сервисами коллективного взаимодействия (социальные сети, сетевые свободные энциклопедии, видеосервисы и т.п.). Массовое распространение и доступность информационно-коммуникационных технологий привело к возможности реализации парадигмы «Открытой науки» (Open Science) [3, 4]. Была принята Декларация «Открытый доступ» [5], а также появились и другие инициативы и движения (например, открытые данные, открытое рецензирование и др.). Всё это породило развитие различных информационных систем, ресурсов и сервисов, реализующих на практике принципы «Открытой науки» и активно участвующих в рамках публичной научной коммуникации. К основным из них можно отнести:

- научные репозитории (архивы) открытого доступа, основу которых составляют институциональные ресурсы. Реализуют Будапештскую инициативу открытого доступа и Инициативу открытых архивов [6];

- научные журналы открытого доступа, большинство из которых представлено в Каталоге научных журналов открытого доступа, функционирующего на базе Международного центра ISSN (<https://road.issn.org>) или Каталоге журналов открытого доступа (<https://doaj.org>), поддерживаемого сообществом Infrastructure Services for Open Access C.I.C. (<https://is4oa.org>);

- академические социальные сети, самыми известными из которых являются ResearchGate (<https://www.researchgate.net>) - порядка 20 млн. пользователей; и Academia.edu (<https://www.academia.edu>) - более 248 млн. пользователей;

- программные платформы добровольных распределённых вычислений, реализующих концепцию «гражданской науки» с привлечением к исследованиям волонтеров, которые не являются профессиональными учёными [7, 8], например, BOINC (<https://boinc.berkeley.edu>), SETI@home (<https://setiathome.berkeley.edu>), Folding@home (<https://foldingathome.org>), HTCCondor (<https://htcondor.org>) и др.

Отличительной особенностью представителей этих ресурсов являются:

- свободный и неограниченный доступ к контенту;
- возможность размещения препринтов и научных публикаций (в соответствии с правилами ресурсов);

- коммуникация между пользователями научных социальных сетей (обсуждение препринтов, экспертная консультация, поиск и предложение работы, получение статистики и обратной связи на публикации, поиск академических контактов для проведения совместных исследований и т.д.);

- участие в проектах и коллаборациях начинающих исследователей или людей, не являющихся представителями научного сообщества;

- оценка вклада в развитие науки (через статистику цитирования).

Помимо этого, существуют и другие сетевые сервисы и ресурсы, которые реализуют функции публичной научной коммуникации. Например, библиографический менеджер Mendeley (<http://www.mendeley.com>) помимо основных функций по управлению библиографической информацией обладает поддержкой собственной социальной сети, основанной на внушительной базе библиографической информации. При этом пользователи могут как создавать группы на основе общих публикаций (например, при организации работ по групповым проектам и исследованиям), так и получать статистику просмотра публикаций.

Отчасти функции публичной научной коммуникации реализованы и в коммерческих (подписных) базах научной информации, например, электронные платформы издательств (например, Springer, Wiley, Elsevier и пр.). В открытом доступе на них представлены метаданные публикаций и статистика по их цитированию и скачиванию, а некоторые публикации находятся в открытом доступе (так называемый Golden Access).

В меньшей степени остаются изучены сетевые ресурсы, реализующие функцию распространения научного знания в обществе (популяризация научного знания). В России к этой категории ресурсов можно отнести:

- электронные научно-популярные журналы или электронные версии печатных изданий. Например, научно-популярный электронный интерактивный журнал «Механика и механизмы» (<http://www.21mm.ru>). На сайте доступны выпуски журнала в электронной форме. Портал является интерактивным - в нём реализованы некоторые функции социальных сетей: регистрация пользователей, блог, возможность комментирования материалов. Это позволяет пользователям активно включаться в обсуждение материалов, а также самим участвовать в создании просветительского контента;

- просветительские Интернет-проекты (в том числе блоги). Например, официальный сайт российского общества «Знание» (<https://www.znanierrussia.ru>). На сайте в свободном доступе есть раздел «Библиотека знаний» где собраны различные видеолекции и документальные фильмы. При этом есть возможность зарегистрироваться и стать лектором Общества и участвовать в формировании научно-популярного и просветительского контента портала. В качестве другого примера можно привести инициативный просветительский Arzamas (<https://arzamas.academy>), посвященный истории культуры. В материалах проекта самыми разными способами (аудио и видео лекции, радио, журнал, спецпроекты) повествуется о литературе, искусстве, истории и других гуманитарных науках;

- ресурсы «научпопа». Например, «Лучший научпоп в свободном доступе» (<https://nauchpop.rusneb.ru>) - интернет-проект свободного доступа, реализуемый просветительской программой «Всенаука» (<https://vsenauka.ru/>) при поддержке Российской государственной библиотеки. На ресурсе представлена коллекция лучших научно-популярных книг, написанных отечественными и зарубежными авторами. Все книги доступны для чтения бесплатно и без ограничений;

- сообщества в социальных сетях. Например, сообщество научно-популярного журнала «Наука и жизнь» (https://vk.com/naukaizhizn_vk) - более 197 000 подписчиков, официальная группа научно-популярного телевизионного канала «Наука» (https://vk.com/tv_nauka) - почти 380 000 подписчиков;

- каналы на платформах видеохостинга. Например, канал National Geographic (<https://www.youtube.com/@NatGeo>) - более 22,4 млн. подписчиков. В канале размещено более 10 тыс. видео научно-популярного характера.

В электронном информационном пространстве характерной чертой является комплексный подход к поддержке просвещения и популяризации научного знания. Многочисленные проекты представлены в различных формах. Так, например, общество «Знание» помимо официального сайта представлено сообществом «ВКонтакте» (<https://vk.com/znanierrussia>) и Телеграм-каналом (https://t.me/Znaniye_Russia). То есть формируются так называемые «цифровые экосистемы». Они направлены не только на вовлечение пользователей потребления научно-популярного и просветительского контента, но и в общение и активное творчество по созданию просветительского контента, на распространение информации о мероприятиях, инициативах и деятельности этих акторов и субъектов. То есть происходит трансформация просветительской деятельности от «субъект – объектного» подхода к «субъект - субъектному» [9].

К ресурсам, которые участвуют как во внутренней, так и публичной научной коммуникации, в России можно отнести проект национального значения «Научная электронная библиотека», НЭБ (<https://www.elibrary.ru>), которая представляет собой по сути самый крупный репозиторий и агрегатор научной информации (прежде всего на русском языке), на котором размещена информация о научных журналах, монографиях и других публикациях, а также представлен открытый доступ к большинству размещённых в ней текстов. Что позволяет получать доступ к научной информации

не только представителям научного сообщества, но также широким слоям населения. А реализованный на базе НЭБ Российский индекс научного цитирования используется для оценки научной активности представителей научного сообщества, их вклада в развитие науки и для проведения конкурсных процедур на замещение научно-педагогических кадров в вузах России.

Несмотря на динамичное развитие цифровой среды публичной научной коммуникации, необходимо отметить слабую изученность её формирования в отечественных исследованиях. Отсутствует комплексное представление о роли и функциях основных её акторов (посредников) [10]. В отдельных исследованиях рассматриваются тенденции цифровизации научной коммуникации [11], аспекты популяризации научного знания в цифровой среде, отмечаются основные тенденции и соответствующие проблемы [12, 13], к последним из которых можно отнести: распространение недостоверной научной информации, политизацию науки, соблюдение авторских прав, соблюдение научной этики, проблему плагиата, научное «пиратство», проблему цифровых «двойников». Также немаловажной проблемой остаётся отсутствие сформированности у представителей научного сообщества должного уровня информационной культуры, что не позволяет им использовать в полном объёме информационно-коммуникационные технологии в процессах публичной научной коммуникации.

В связи с этим актуальной является задача комплексного исследования формирования цифрового пространства публичной научной коммуникации, выявления основных его акторов и субъектов, определение их основных ролей и функций в обществе. Что позволит выявить структуру этого пространства и разработать классификацию его акторов и субъектов.

Список литературы

1. Робемед Н. Поколение пузыря: как стартапы эпохи Веб 1.0 пережили крах доткомов // Forbes.ru. 18 октября 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/internet-i-svyaz/246328-pokolenie-puzyrya-kak-startapy-epokhi-veb-10-perezhibli-krakh-dot> (дата обращения 12.01.2024).
2. O'Reilly T. What Is Web 2.0 // O'Reilly Media. 30.09.2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 12.01.2024).
3. Burgelman J., Pasco C., Szkuta K. et al. Open Science, Open Data, and Open Scholarship: European Policies to Make Science Fit for the Twenty-First Century // Frontiers in Big Data. 2019. DOI:10.3389/fdata.2019.00043.
4. Fecher B., Friesike S. Open Science: One Term, Five Schools of Thought // Opening Science. The Evolving Guide on How the Internet is Changing Research, Collaboration and Scholarly Publishing. Springer. 2014. P. 17-49. DOI: 10.1007/978-3-319-00026-8.
5. Read the Declaration // Budapest Open Access Initiative. 14.02.2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/read/> (дата обращения: 12.01.2024).
6. About OAI // Open Archives Initiative. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.openarchives.org/organization/> (дата обращения: 12.01.2024).
7. Курочкин И.И., Григорьев К.В., Корлякова Е.Ю. и др. Исследование способов привлечения добровольцев в проекты добровольных распределенных вычислений // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2022. № 6. С. 49-61. DOI: 10.17586/2587-8557-2022-6-49-61.
8. Строганов А.В., Епифанова Г.С., Никитина Е.А. Добровольные распределенные вычисления: проблемы и перспективы // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований Отв. ред. Верченнов Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2013. С. 328-335.
9. Сергеев А.Н. Культурно-просветительская деятельность учителя в сетевых сообществах Интернета // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 158. С. 95-103.
10. Семёнов Е.В., Соколов Д.В. Методологические проблемы комплексных исследований цифровой трансформации научных коммуникаций // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 2. С. 75-98. DOI: 10.19181/sntp.2021.3.2.4.
11. Семёнов Е.В., Соколов Д.В., Гайдин Б.Н. Цифровая трансформация научных коммуникаций: научный журнал в формате электронного издания // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 2. С. 210-232. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.2.18.
12. Поданева Е.С. Научная популяризация в интернете: эксперименты с новыми форматами (опыт

создания видеопроектов о науке) // Журналистский ежегодник. 2017. № 6. С. 54-58. DOI: 10.17223/23062096/6/13.

13. Рысакова П.И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // Медиалингвистика. 2022. Том 9. № 4. С. 309–329. DOI: 10.21638/spbu22.2022.402.

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ: МОДЕЛИ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИХ КОНТЕКСТЫ

Сахарова А.В.

Исследователь

*Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»*

E-mail: Hanna.lazareva@gmail.com

Аннотация. Публичная научная коммуникация уже традиционно описывается моделями, предложенными итальянским исследователем Массимиано Букки: моделью дефицита, диалога и участия (вовлечения). Однако эти модели охватывают лишь небольшую часть взаимодействия научных и ненаучных акторов: они описывают только целенаправленный процесс продвижения научных знаний в различных форматах, затрагивающий уже заинтересованных участников с обеих сторон. Помимо целенаправленного взаимодействия, в научную коммуникацию может быть включен весь спектр публичных коммуникаций, связанных с наукой содержательно, однако преследующих другие, не связанные с популяризацией науки, цели. Такие коммуникации создают современный культурный и социальный контекст, «пропитанный» наукой, образ которой, однако, в этих случаях порой выглядит неожиданно. Эти контексты не рефлексируются в рамках предложенных моделей, и их особенности требуют дальнейшего осмысления.

Ключевые слова: научная коммуникация, наука и общество, модели научной коммуникации.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00183, <https://rscf.ru/project/24-18-00183/>.

BEYOND THE BOUNDARIES: MODELS OF SCIENCE COMMUNICATION AND THEIR CONTEXTS

Sakharova A.V.

Researcher

Russian Society of History and Philosophy of Science

E-mail: Hanna.lazareva@gmail.com

Abstract. Public science communication has traditionally been described by models proposed by Italian researcher Massimiano Bucchi: the deficit, dialogue and participation models. However, these models cover only a small part of the interaction between scientific and non-scientific actors: they describe only a purposeful process of promoting scientific knowledge in various formats, affecting already interested participants on both sides. In addition to purposeful interaction, scientific communication can include the entire range of public communications related to science in a meaningful way, but pursuing other goals unrelated to the popularization of science. Such communications create a modern cultural and social context, "saturated" with science, the image of which, however, sometimes looks unexpected in these cases. These contexts are not reflected within the framework of the proposed models, and their features require further reflection.

Keywords: science communication, science and society, models of science communication.

В публичной научной коммуникации участвуют множество акторов, каждый из которых понимает функции и цели такой коммуникации по-разному и по-разному выстраивает процессы взаимодействия. Научная коммуникация чаще напоминает не диалог: она охватывает множество голосов, которые иногда напоминают полифонию, а чаще – атональную композицию. Различные голоса науки перебивают друг друга, борясь за финансирование, известность и право оправдать ожидания государства, общества или научных фондов, голоса пиарщиков, транслирующих научные идеи просто как позитивный информационный повод, стараясь перекричать невыгодные им информационные скандалы. Руководители и пресс-службы вузов используют научные коммуникации, чтобы рекламировать абитуриентам поступление в университет или упростить себе задачу получения дополнительного финансирования. Политики используют связанные с наукой информационные поводы для повышения своих рейтингов, а редакторы сми и блогеры заинтересованы в повышении просмотров и охватов, привлекающих рекламодателей. Если довести эту ситуацию до предела, кажется, что в этом разнообразии голосов научной коммуникации до собственно науки и её ценностей никому и дела нет: сплошная конкуренция за ресурсы, где наука – лишь информационный повод и инструмент этой конкуренции. Ситуация еще больше усложняется тем, что научной коммуникацией занимаются и нечеловеческие акторы – например, нейросети, подбирающие контент в наших новостных лентах, задача которых состоит в том, чтобы предложенное ими понравилось человеку, а это значит, например, что погугливший и прочитавший псевдонаучный контент, например, про гомеопатию, может попасть в «информационный пузырь», через который не могут проникнуть другие точки зрения. Все эти коммуникации формируют у общества образ науки, и наука через такую незаинтересованную в её ценностях и интересах оптику может выглядеть совсем не так, как через призму научной коммуникации, которая целенаправленно стремится к продвижению научных идей и ценностей за пределами научного сообщества.

При этом, прямая и целенаправленная коммуникация представителей науки и общества с целью продвижения научных исследований, информирования общества, то есть направленная на благо науки, как бы оно не понималось – это явление, охватывающее, по-видимому, относительно небольшое количество участников: причем и со стороны науки, и со стороны ненаучных сообществ. Научные видео и записи лекций, подкасты и научно-популярные статьи, научные новости и научно-популярные книги, научные фестивали и научные слэмы – все эти форматы предполагают активную и заинтересованную в науке позицию публики изначально: как минимум, на лекцию или фестиваль нужно прийти, видео включить, статью прочитать, а научный репортаж по телевизору не переключить на футбол. Не говоря уже об участии в научных исследованиях или дебатах – вовлечение в научную деятельность требует немалого волевого усилия и временных ресурсов. Если научно-популярное видео посмотрят, например, 100 000 раз, то очную лекцию может послушать 200 человек, принять участие в научном исследовании из них смогут 30, а участие в принятии решений, связанных с наукой, примут лишь единицы.

При этом, не задействованные ни в каких видах целенаправленной научной коммуникации, массы людей оказывают прямое влияние на благополучие всего общества. Снижение уровня охвата вакцинации, как мы знаем, приводит к эпидемиям: и это происходит, конечно, и за счет интересующихся наукой людей, но в большей степени за счет неохваченных слоев населения, которые просто не хотят, или, по тем или иным причинам, не могут разобраться в вопросе.

Модели научной коммуникации, предложенные итальянским исследователем Массимиано Букки [1], и весьма распространенные среди исследователей указанной тематики, были выстроены с опорой на целенаправленную и прямую коммуникацию активных акторов научного сообщества с активной и заинтересованной частью общества. Модель дефицита предполагает, что кто-то (научное сообщество) принимает решение о формате и объемах взаимодействия с обществом и определяет коммуникацию. В рамках модели диалога принимающий решение о коммуникации еще и готов услышать ответ и пожелания собеседника. Модель участия (вовлечения) предполагает возможность восходящих и нисходящих модусов взаимодействия, участие граждан в научных исследованиях и принятии решений, касающихся сфер этих интересов [1]. И модель дефицита, и модель диалога, и модель вовлечения, как мы уже указывали, не предполагают и не могут предполагать участия большого числа людей.

Однако, нельзя не заметить, что большинство людей, даже ни разу не «задетых» целенаправленными научными коммуникациями, все же про науку что-то слышали. Не заметить науку вокруг себя в XXI веке – это как не заметить слона в комнате, наука буквально повсюду. Человек, не попавший в поле научной коммуникации, формирует представления о науке косвенно, из различных контекстов, говорящих о науке, но не имеющих целью ее популяризацию, и среды,

интуитивно – из практики. Наука и ее результаты уже давно вышли за пределы научной лаборатории и живут вне научных институций. Научные результаты – это давно уже не «диковинки» и не «аттракционы», а элементы обыденной жизни. Наука воспринимается как часть среды, неотделимая от нее, а не как отдельные объекты и деятельность ученых, как подразумеваемое и считаваемое неосознанно, а не как отдельные разделы о науке на сайте или в газете. Такой ландшафт научной коммуникации усложняет ее картину и не позволяет её свести к моделям дефицита, диалога и участия. Они не охватывают весь спектр взаимодействий науки и общества: частая критика подхода М. Букки как раз связана с тем, что эти модели не учитывают социального и политического контекста [2, с. 34].

Научная или, лучше сказать, околонучная коммуникация, не имеющая целью продвижение науки и ее ценностей, является не просто фоном целенаправленной популяризации науки, а её частью и, по сути, ее основой. И наука, представленная в результате такой коммуникации, выглядит не так, как когда мы ее пиарим осознанно, но именно на эти представления наслаивается (или нет), сформированный в результате целенаправленной научной коммуникации образ науки.

В рамках настоящей короткой работы хотелось бы предложить для размышления несколько вопросов, связанных с описанной ситуацией. Первый вопрос связан с возможностью анализа этих околонучных коммуникаций и их результатов. Второй вопрос связан с практиками целенаправленных научных коммуникаций: как можно работать с этими «фоновыми» процессами и можно ли их использовать для блага науки? И третий вопрос связан с возможностью формулирования новой, расширенной, модели научной коммуникации, учитывающей описанные в настоящей работе особенности: деятельность акторов, не связанных с наукой и задачами ее популяризации, (относительно) низкие охваты целенаправленной научной коммуникации и неотрефлексированные представления о науке и научной деятельности.

Список литературы

1. Bucchi M. Of deficits, deviations and dialogues: theories of public communication of science // Handbook of Public Communication of Science and Technology / Ed. by M. Bucchi, B. Trench. Routledge: London, 2008. P. 57-76.

2. Шибаршина С.В. Когда наука берётся в сообщники // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 34-43.

ОПЫТЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОТ ПУБЛИЧНЫХ ЛЕКЦИЙ XVIII В. К ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1920-Х ГГ.

Смагина Г.И.

Главный научный сотрудник

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

E-mail: galsmagina@yandex.ru

Юсупова Т.И.

Главный научный сотрудник

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

E-mail: yusupova0756@gmail.com

Аннотация. В докладе рассмотрены два канала публичной академической коммуникации: лекции ученых для широкой аудитории и научно-популярные периодические издания в XVIII в. и в 1920-х гг., проанализированы их целевые установки, социальный состав аудитории, на которую они были направлены, интеграция в академическую структуру, а также социальные контексты указанных временных периодов. Показано, что если в XVIII в. публичные академические коммуникации использовались для решения просветительских задач, то в 1920-х гг., кроме этого, традиционного для Академии наук

направления деятельности, они выполняли также функции популяризации науки и подтверждали ее значение как важного инструмента государственного строительства.

Ключевые слова: научные коммуникации, Академия наук, публичные лекции, просветительская функция, научно-популярные журналы.

EXPERIENCES IN ACADEMIC COMMUNICATION: FROM PUBLIC LECTURES OF THE 18TH CENTURY TO THE POPULARIZATION OF SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS IN THE 1920S.

Smagina G.I.

Leading Research Fellow

St. Petersburg Branch of S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS

E-mail: galsmagina@yandex.ru

Yusupova T.I.

Leading Research Fellow

St. Petersburg Branch of S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS

E-mail: yusupova0756@gmail.com

Abstract. The report deals with two channels and forms of public academic communication: lectures by scientists for a wide audience and popular science periodicals in the 18th century and in the 1920s, their goals, the social composition of the audience to which they were directed, integration into the academic structure, as well as the socio-cultural contexts of these time periods were analyzed. It is shown that in the 18th century public academic communications were used to solve educational problems, and in the 1920s, in addition to that traditional function, they also were confirming the “need” of science as an important tool for the state’s building.

Key words: scientific communications, Academy of Sciences, public lectures, educational function, popular science magazines.

Первым каналом связи и формой взаимодействия науки и общества в истории Российской Академии наук стали публичные лекции. Начало им было положено 20 июня 1746 г., когда состоялась лекция М.В. Ломоносова по экспериментальной физике, которую он подготовил по просьбе Правительствующего Сената. Причина обращения власти к ученому была весьма прагматична: продемонстрировать физические опыты и объяснить их по-русски, а не на принятой в Академии наук латыни, чтобы привлечь внимание к книге «Вольфианская экспериментальная физика», изданной по разрешению Сената. На лекции присутствовало значительно число «воинских и гражданских разных чинов», а также «знатных персон» [1, с. 592–595]. Учитывая проявленный большой общественный интерес, в том числе в придворной среде, Ломоносов еще несколько раз выступал с физическими лекциями для широкой аудитории.

Свое продолжение публичные лекции получили только через 30 лет, в 1776–1777 гг. Комиссия, управляющая делами Академии, приняла решение «преподавать всенародно» физические и математические лекции, способствующие «приобретению успехов в науках» и «распространению полезных и нужных знаний в обществе» [2, с. 255–256]. Вход на лекции был свободен для всех. В третий раз лекции (на русском языке) были возобновлены и административно оформлены в период правления Академией княгини Е.Р. Дашковой (в 1783–1796 г. г.) по ее инициативе. Екатерина II поддержала решение директора Академии и выделила дополнительное финансирование для оплаты лекторов. Таким образом, с 1784 по 1802 г. петербургское общество имело возможность регулярно пользоваться «публичными наставлениями» академиков по различным отраслям знаний.

Вторым каналом академической коммуникации стало издание Академией наук двуязычного (на русском и немецком языках) журнала «Примечания на Ведомости» (1729–1742) в качестве бесплатного приложения к «Санктпетербургским ведомостям». Он стал первым отечественным периодическим изданием, ориентированным именно на массового читателя. Примерно 3/5 объема каждого выпуска составляли статьи по естественным наукам. Журнал успешно выполнял функции продвижения научной информации и одновременно укреплял авторитет Академии наук в русском обществе. Первым полноценным научно-популярным журналом стали «Ежемесячные сочинения,

к пользе и увеселению служащие», который также издавался Академией наук (с 1755 по 1764 г.). Аудиторию журнала отражал его девиз: «Для Всех». Большую роль в создании этих изданий и подготовке публикаций сыграл академик Г.Ф. Миллер.

В XIX в. публичные коммуникации стали прерогативой активно возникающих с середины века различных научных обществ. Их роль в сфере взаимодействия науки и общества возрастала с увеличением количества и расширением социального состава членов обществ. Выпуск научно-популярных журналов в этот период перешел к частным издателям. Просветительские функции Академии наук в значительной степени стали реализовываться через входившие в ее состав музеи.

Продолжение традиций публичных академических лекций последовало в начале 1920-х гг. и было связано с деятельностью Комиссии по истории знаний (КИЗ, 1921–1932) и Комиссии по экспедициям (КЭ, 1921–1930). Одной из главных целей КИЗ являлось «возбуждение интереса к истории науки» [3, с. 130; 139], для реализации которой планировались публичные лекции, как правило естественнонаучной или технической тематики, соответствующей актуальным на тот момент социальным вызовам.

Комиссия по экспедициям координировала организацию академических полевых исследований. В 1924 г. ею было принято решение организовывать лекции руководителей экспедиций по результатам их работы. Первая лекция состоялась 11 марта 1925 г. в Большом конференц-зале Академии наук. Ее прочитал приехавший из Монголии известный исследователь Центральной Азии П.К. Козлов. Лекция вызвала огромный интерес и была повторена уже в Русском географическом обществе. В этом же году о работах на Новой Земле рассказал ботанико-географ А.И. Толмачев, своими заграничными впечатлениями поделились этнограф В.Г. Тан-Богораз и математик академик В.А. Стеклов [4, с. 102]. Следует отметить, экспедиции были, пожалуй, самой понятной для общества формой репрезентации значимости деятельности Академии наук, что на тот момент являлось важным аргументом в процессе формирования ее взаимодействия с новыми властными структурами.

К этому времени относится также возобновление издания Академией наук научно-популярного журнала. Эту нишу с 1921 г. занял журнал «Природа». В этот год он стал органом академической Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), а чуть позже – Академии наук СССР. Журнал, созданный исключительно силами крупнейших ученых, стал основной площадкой для популяризации и пропаганды достижений естественнонаучных и технических знаний в СССР. В 1925 г. в журнале открылся раздел, освещающий деятельность академических учреждений. Вскоре по его примеру «отделы науки и техники» появились во многих других периодических изданиях различной ведомственной принадлежности.

Очень краткий обзор истории двух каналов (непосредственного контакта ученого и аудитории и контакта через печатную продукцию) и форм (лекции и научно-популярные журналы) публичных академических коммуникаций, позволяет нам сказать, что в XVIII в. инициатива взаимодействия с обществом исходила от самой Академии наук. Ее просветительские функции были заложены еще в петровском проекте основания Академии. На этом самом первом этапе развития публичных академических коммуникаций мы можем говорить, что основной ее целью являлось первоначальное просвещение, донесение естественнонаучных знаний до широкой аудитории, которая была еще немногочисленной и имела узкий социальный состав. Внешние научные коммуникации не были интегрированы в академическую структуру, хотя такая попытка была при Дашковой.

В 1920-х гг. эти две формы и каналы коммуникаций Академии наук играли не только просветительскую роль, акценты которой были смещены на популяризацию и продвижение текущих научных достижений, но и демонстрировали «нужность» Академии наук в новом государственном строительстве. Ученые взаимодействовали с очень широкой аудиторией, представленной всеми социальными слоями. Коммуникационная модель начала приобретать структурные очертания и встраиваться в академическую деятельность, а вскоре научные публичные коммуникации стали обязательными в системе Академии наук и, кроме того, были вписаны в государственные идеологические конструкты.

Список литературы

1. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950.
2. Смагина Г.И. «Служение на пользу Отечества: Петербургская Академия наук в XVIII веке. СПб.: Росток, 2021. 448 с.
3. Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века. СПб.: «Росток», 2020. 672 с.

ПУБЛИЧНЫЕ ПРОВОКАЦИИ В НАУКЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Собка А.А.

*Студент бакалавриата, Институт философии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: sobka.alexander@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется понятие провокации, выделяются три аспекта провокационного действия: 1) дестабилизация, подрыв существующей структуры, 2) интенция к выявлению истины или установлению более правильного порядка вещей и 3) публичность коммуникативного действия. С опорой на теорию речевых актов формулируется определение провокации в широком и узком смысле слова. Анализируется пример публичной провокации в науке и ставится задача философского осмысления провокационного действия и выработки релевантной онтологической модели для решения вопроса об эпистемологических, аксиологических и технологических преимуществах и издержках публичных провокаций в науке. Предлагается обратиться к работе М. Хайдеггера «Вопрос о технике» с целью выработки такой теоретической модели. Раскрывается значение истины как способа раскрытия потаённого в провокации и технике.

Ключевые слова: провокация, научная коммуникация, публичность, публичная коммуникация, техника, исследования наук и технологий.

PUBLIC PROVOCATIONS IN SCIENCE: DEFINITION AND PROBLEM STATEMENT

Sobka A.A.

Undergraduate student, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University

Abstract. The article analyzes the notion of provocation and highlights three aspects of provocative action: 1) destabilization, undermining the existing structure, 2) intension to bring to light the truth or to establish a more correct order of things and 3) publicity of communicative action. Based on the theory of speech acts, the definition of provocation in the broad and narrow sense of the word is formulated. An example of public provocation in science is analyzed and the task of philosophical comprehension of provocative action and development of a relevant ontological model for solving the question of epistemological, axiological and technological advantages and costs of public provocations in science is set. It is proposed to refer to M. Heidegger's work "The Question of Technology" in order to develop such a theoretical model. The significance of truth as a way of revealing the hidden in provocation and technique is revealed.

Keywords: provocation, science communication, publicity, public communication, technology, science and technology studies.

Провокация – феномен, чаще всего осмысляемый в рамках политической конфликтологии, психологии и коммуникологии, но редко тематизируемый в исследованиях науки, технологий и общества. Между тем провокация является одной из редких форм научной коммуникации, осуществляющих функцию перевода не выходящих за границы научного сообщества проблем в публичное пространство взаимодействия граждан, государства, частных инвесторов, образовательных учреждений и исследовательских организаций. Но, прежде чем приступить к аналитике феномена провокации в науке, необходимо дать ему предварительное определение и очертить круг связанных с этим определением проблем.

1. Толковый словарь Ожегова: провокация – предательское поведение, подстрекательство когонибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия;

2. Социологический словарь: провокация (от лат. provocatio – вызов) – англ. provocation; нем. Provokation. 1. Подстрекательство, побуждение отдельных индивидов, социальных групп или организаций к действиям, наносящим ущерб кому-либо. 2. Предательские действия, проникших в какую-либо организацию агентов.

В данных определениях сразу бросается в глаза, что термин провокация снабжается оценочными характеристиками и помещается в негативный контекст: «предательское поведение», «ущерб», «тяжёлые последствия». Авторы монографии «Провокация: социофилософские очерки» связывают преимущественно негативное толкование провокации в российском дискурсе с тем, что она долгое время рассматривалась через призму политической деятельности – маркером этого является, например, ссылка на тайных агентов в определении социологического словаря [1, с. 9-12].

В теории коммуникации провокация определяется уже в более нейтральном контексте как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо дестабилизацию его эмоционального состояния» [2, с. 93].

В области исследования информационных социальных систем характеристикой провокационности наделяется всякая гуманитарная технология, которая оказывается новой, инородной для устоявшегося информационного порядка – при этом она необходимо сопровождается некоторым социальным действием со встроенным в это действие языком, который это действие задаёт и оправдывает. Самое главное, что новая гуманитарная технология внедряется в информационную социальную систему в момент кризиса последней и направлена на разработку корректирующей информационной структуры [3].

Часто правоохранительными органами в целях «провокации» нарушителей порядка используется технология «оперативного эксперимента» или «контрольной закупки». Сотрудниками правоохранительных органов имитируются действия по даче взятки или приобретению наркотиков с целью спровоцировать нарушителей на уголовное преступление. Обратная сторона таких оперативно-розыскных мероприятий – риск трансформации таковых в уголовно преследуемое подстрекательство и нарушение самих принципов законности и охраны порядка [1, с. 22-24].

Можно заметить, что во всех приведённых примерах выделяются три содержательных компонента понятия провокации:

1) дестабилизация, подрыв уже существующей структуры (будь то эмоционального состояния собеседника, информационного порядка социальной системы или юридических норм, регулирующих деятельность органов правопорядка);

2) интенция к выявлению истины или установлению более правильного порядка вещей (будь то получение от человека информации, которую он скрывал, коррекция неэффективной информационной системы или изобличение преступника);

3) публичность коммуникативного действия (результат провокации всегда должен быть засвидетельствован более широким кругом лиц – читателями СМИ, надзорными органами, акционерами компании, гражданами государства или понятыми).

Каждая из характеристик имеет два возможных регистра своего фактического воплощения. Дестабилизация существующей структуры может быть понята как позитивная, когда речь идёт о необходимости некоторую структуру реформировать, так и негативная, когда целью является её разрушение. Выявление истины может отвечать собственной задаче, и тогда провокация будет позитивным феноменом, а может лишь имитироваться, декларироваться ради каких-то других целей, и тогда эта характеристика примет негативный оборот – в структуре провокации важно именно то, что некоторая информация, которую до сих пор скрывали, становится доступной для всех. И, наконец, публичность провокации может служить цели придания широкой огласки важных общественных проблем, требующих скорейшего решения, а может обеспечиваться с намерением вызвать панику и манипулировать действиями больших социальных групп.

Сформулируем общее определение понятия провокации. *Провокация – публичное действие одного из агентов коммуникации, направленное на вызов прогнозируемой и выгодной для него реакции второго агента коммуникации, которая изобличала и дестабилизировала бы последнего.* Нужно оговориться, что в широком смысле понятие провокации может употребляться в контексте всякого действия, направленного на дестабилизацию и изобличение некоторой структуры, однако мы остановимся именно на узком определении провокации, которое предполагает косвенность

провокационного акта. Чтобы яснее представить себе различие широкого и узкого значения провокации, воспользуемся теорией речевых актов:

Иллокутивная цель провокации в широком смысле: дестабилизация и / или изобличение.
Иллокутивная цель провокации в узком смысле: любая, скрывающая провокацию.
Перлокутивная цель провокации в узком смысле: дестабилизация и изобличение.

Приведём пример провокации в науке в узком смысле этого слова. В 2018 году трое уважаемых американских учёных – редактор журнала *Ageo* Хелен Плакроуз, доцент философии Портлендского университета Питер Богоссян и писатель Джеймс А. Линдси – признались, что в течение года под вымышленными именами писали абсурдные научные статьи и отправляли в уважаемые рецензируемые научные журналы. Все они были связаны с социальными науками и посвящены борьбе с социальным неравенством. Написаны работы были откровенно абсурдно, авторы ссылались на несуществующие источники, результаты исследований не подтверждались приводимыми цифрами. В одной из статей «Человеческие реакции на культуру изнасилования и квир-проявления на городских собачьих площадках в Портленде, штат Орегон» утверждалось, что «собачьи площадки – пространство попустительского отношения к изнасилованию». Эта работа была опубликована в уважаемом научном журнале «*Gender, Place, and Culture*» и была признана одной из 12 лучших работ по феминистской географии. Из 20 научных работ, написанных Плакроуз, Богоссяном и Линдси, 7 были приняты к публикации, 7 находились на стадии рецензирования и только 6 были отклонены. Этот эксперимент получил название «Исследование обид», но был направлен вовсе не на осмысление социального неравенства, а на проблемы предвзятости и оппортунизма в современной науке, а также на критику всего корпуса научной литературы, посвящённой проблемам «угнетённых» [4].

Почему это пример провокации? Учёные проводили свой «эксперимент» публично – направляли свои статьи в редакции научных журналов и публиковались в свежих номерах, дали интервью средствам массовой информации и выпустили открытое письмо, в котором объяснили весь ход и замысел эксперимента. Иллокутивная цель их проекта состояла в публикации исследований в научном журнале, что не выдало первоначального замысла провокаторов. А перлокутивная цель эксперимента как раз состояла в том, чтобы вызвать такую реакцию со стороны научного сообщества (публикацию абсурдных статей), которая вывела бы на свет действительное положение дел в современной социальной науке (оппортунизм, предвзятость) и обозначила кризис данного социального института, что означало бы подрыв доверия к учёным.

Авторы эксперимента признались, что их репутация в научном сообществе разрушена – учёные опасаются увольнения из университета и конца академической карьеры. Оправдана ли такая реакция профессионального сообщества? Какими эпистемологическими, аксиологическими и технологическими преимуществами и издержками обладают научные провокации? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо не только сформулировать ясное определение феномена провокации, но и подвергнуть его философскому осмыслению, выработать релевантную онтологическую модель провокационного действия.

Какую роль сыграла провокация в приведённом «Исследовании обид»? Провокация проявила себя как способ открытия публике действительного состояния современной науки. Или, выражаясь в терминах М. Хайдеггера, как способ раскрытия потаённого – как *одна из исследовательских техник современной науки о науке*. «Вопрос о технике» М. Хайдеггера обладает множеством преимуществ для философской аналитики феномена провокации. В кратком виде обозначим одно из этих преимуществ, оставив подробный разбор «вопроса о провокации» в качестве перспективы дальнейшего исследования.

Греческое понимание истины в качестве алетейи, то есть выведения из потаённого в непотаённое, совпадает с пониманием истины в структуре провокационного действия. Выше уже было обозначено, что «истинствование» провокации не связано с коррелятивным пониманием истины как соответствия действительности и высказывания о действительности – провокация изобличает, выводит на свет то, что было скрыто от глаз публики. Это определение не исключает конструктивный характер той истины, которую мы выводим на свет: «благодаря этому событию [событию про-изведения] как выросшее по природе, так и изготовленное руками ремесленника и художника выступает, всякий раз по-своему, в своей явленности» [5, с. 224]. Создание серебряной чаши тоже является моментом истины, хотя серебряных дел мастер и не прятал в прямом смысле этого слова чашу от глаз публики, а соорудил её из серебра. Таким образом, «истинствование» провокации подразумевает выведение на свет не только того, что уже было до выведения (оппортунизм в науке), но и того, что было перформативно сконструировано самим выведением (классические примеры политических провокаций). *С пониманием истины как несокрытости связано определение провокации как*

публичного коммуникативного действия. Хайдеггеровское понимание истины в контексте вопроса о технике и станет исходной точкой нашего последующего философского исследования феномена провокации в науке и публичной научной коммуникации.

Список литературы

1. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Провокация: социофилософские очерки. Монография. М.: ЦСПиМ, 2017. 336 с.
2. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. №2 (18). С. 93.
3. Морозова М. Е. Гуманитарные технологии как провокация социальной коммуникации // Университетские чтения – 2013. Том XVI. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2013. С. 11-16.
4. N+1. [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/blog/2018/10/04/grievance-studies> (дата обращения 12.01.2024).
5. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221-237.

ПОНИМАНИЕ МЕЖДУ АКТОРАМИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ РАБОТЫ

Сорокина М. А.

Аспирант

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: silia97@mail.ru

Аннотация. В работе автор обращает внимание на проблему понимания в публичной научной коммуникации. Ссылаясь на критику социологии Б. Латура, автор указывает на проблемное поле, которое становится доступным для философского осмысления. Философское исследование публичной научной коммуникации сталкивается с широким кругом вопросов, вплоть до проблем понимания коммуникации, а также реализма и антиреализма. Автор рассматривает позицию Б. Латура относительно герменевтического метода в изучении научной коммуникации и приходит к выводу о перспективности его применения в философских работах. Помимо герменевтического метода, автор предлагает обратиться к концепту пост-нормальной науки, описывающего современные условия, в которых существует публичная научная коммуникация. В выводах автор подчеркивает необходимость рассмотрения вопроса понимания через возникающие связи в процессе коммуникации, а также предполагает значимость отдельной рефлексии непонимания.

Ключевые слова: публичная научная коммуникация, пост-нормальная наука, герменевтика, понимание, актор, ученые, неученые.

UNDERSTANDING BETWEEN ACTORS IN SCIENCE COMMUNICATION: POSSIBLE DIRECTIONS FOR PHILOSOPHICAL WORK

Sorokina M.A.

Graduate student

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

E-mail: silia97@mail.ru

Abstract. The author draws attention to the problem of understanding in public science communication. Referring to the criticism of B. Latour's sociology, the author points out the problem field that becomes available for philosophical reflection. The philosophical study of public science communication faces a wide range of issues, up to and including problems of understanding communication and realism and anti-realism. The author considers B. Latour's

position on the hermeneutic method in the study of science communication and concludes that its application in philosophical works is promising. In addition to the hermeneutic method, the author proposes to turn to the concept of post-normal science, describing the current conditions in which public science communication exists. In the conclusions, the author emphasizes the need to consider the issue of understanding through the emerging connections in the process of communication, and suggests the significance of a separate reflection of misunderstanding.

Keywords: public science communication, post-normal science, hermeneutics, understanding, actor, scientists, non-scientists.

Исследования научной коммуникации в наши дни остается относительно новым направлением работы. В одном из первых сборников статей «Коммуникация в современной науке», вышедшем на русском языке в 1976 г. и посвященных этой проблематике, во вступительной статье Э. М. Мирский и В. Н. Садовский отмечают 50-60е гг. двадцатого века как время, когда благодаря крупным технически-информационным проектам была заложена основа для предметного поля изучения научной коммуникации [1, с. 6]. Первоначально исследования научной коммуникации предполагали в основном интерес только к взаимоотношениям между учеными, представителями различных наук и дисциплин, а также к практической стороне этого взаимодействия. Тем не менее, вскоре стало достаточно очевидно, что ученые с неизбежностью взаимодействуют и с другими социальными группами: журналистами, политиками, широкой общественностью и в целом любыми не-учеными.

Прежде всего, при усмотрении настолько большого списка возможных акторов научной коммуникации для философского взгляда становится заметна проблема понимания акторами друг друга. Как осуществляется понимание друг друга с одной или с обеих сторон, осуществляется ли оно вообще, а если и не осуществляется, то будет ли это во всех случаях недостатком – вот лишь приблизительный круг актуальных вопросов, который мы можем очертить.

Рассматриваемая нами проблема становится еще более сложной, если учесть, что мы вынуждены пытаться осмыслить, фактически, само явление некоего осмысления научной коммуникации (или его отсутствие). В целом, такая надстройка характерна для философского анализа, который является по своей сути «наблюдением наблюдателей» [2]. Однако в данном конкретном случае вопрос усложняется тем, что накопленный материал и основная база исследований научных коммуникаций являются социологическими, хотя методы самой социологии уже сами по себе оказываются проблемным полем.

Последнее наиболее ясно отражено в работах Б. Латура, критикующего способы социологической работы с объектами. В работе «Когда вещи дают отпор: возможный вклад “исследований науки” в общественные науки» автор указывает на то, что обществоведческие науки склонны либо уничтожить объект своего исследования путем замены на «подлинные» объекты науки, либо игнорировать его через допущение некоторой нормальной меры иллюзии [3, с. 345]. Предположим, что для нашего рассмотрения понимания в научной коммуникации это могло бы и не стать проблемой, но нас интересует в том числе коммуникация представителей естественных и технических наук относительно их предметов. Здесь, как справедливо отмечает Б. Латур, со стороны общественных наук было бы крайне странно усомниться, например, во втором законе термодинамики и это наглядно иллюстрирует нам то, как объект исследования сопротивляется тем, кто пытается его рассмотреть [3, с. 349].

Для философии науки подобное положение дел является не столько недостатком или поводом упрекнуть социологию, сколько пространством для новых изысканий. Так, если мы следуем за Б. Латуром и предполагаем объект как сопротивляющийся собственному изучению, то логично умозаключить, что философское осмысление проблемы таким же образом наталкивается на сопротивление, причем на комплексное и запутанное. Это заключение ведет в том числе к обширнейшему вопросу реализма и антиреализма, который уже ставился ранее, в том числе, на круглом столе 2016 г., освещающем необходимость философского исследования научной коммуникации. Кроме того, открывается перспектива переопределения коммуникации вообще, хотя такая перспектива шире рассматриваемого нами вопроса.

Поскольку на этом этапе мы ставим на первый план само понимание, складывающееся в процессе и результате научной коммуникации, справедливо упомянуть герменевтический метод истолкования, который Б. Латур критикует за то, что он уводит людей только дальше от самого объекта, переадресовывая внимание на символы или фетиши [3, с. 351]. Отметим, что не с социологической, а с философской точки зрения герменевтика не представляется настолько опасной. Да, этот метод может быть достаточно запутанным и требует осторожности, дабы не допустить вытеснения объекта интерпретации. Но и изначальный смысл герменевтического

подхода Г. Гадамера сопряжен с постоянно возобновляющейся задачей истолкования коммуникативного опыта [4, с. 14]. Герменевтика скорее способна отстаивать самостоятельность объекта исследования, в данном случае интересующей нас научной коммуникации и не направлена на насильственное заключение этого объекта в оковы терминов. Вероятно, герменевтический подход или метод вполне может дополнить идеи Б. Латура, связанные с объективностью, самими вещами, а также с устаревшим, по мнению ученого, делением наук на социальные и естественные. Эти тезисы обладают достаточным потенциалом для философской работы по исследованию понимания акторами друг друга в научной коммуникации.

Возвращаясь к упомянутому фокусу современного рассмотрения научной коммуникации как коммуникации ученых и неученых, отметим, что из этого поля потенциально может развиться ни один проблемный философский вопрос, достойный отдельного обзора. Отметим, что герменевтический подход уже оказывается востребованным при исследовании коммуникации ученых и общественности. [5] Поскольку мы рассматриваем буквально взаимоотношения всего общества, выделяя лишь «точку притяжения» в виде научного сообщества, мы открываем перед собой многообразие возможных взаимосвязей, пересечений, а следовательно, – вариативность кейсов, когда понимание или непонимание случаются, а также их философского истолкования.

В описанной ситуации исследования могут строиться с помощью концепта пост-нормальной науки, введенным С. Фунтовичем и Дж. Равицем (см. об этом [6]). В контексте проработки проблемы понимания важно, что пост-нормальная наука обращает наше внимание на неопределенность фактов, спорность ценностей, высокие риски и настоятельность решений. Все эти факторы становятся тем, что оставляет момент или событие понимания в подвешенном состоянии, причем даже в тот миг, когда оно должно было стать определенным и доступным фиксации. Понимание оборачивается ровно тем, чем оно и является, – процессом, где, как и в любом действии, связанном с социальным (доверимся здесь интуиции Б. Латура), всегда присутствует охваченность, когда одни делают, а другие приступают к действию [7, с. 189]. В этом контексте исследовать и попытаться ухватить какое-либо понимание можно исключительно через сопричастность, пребывающую в процессе, или, как минимум, истолковываемую через процесс.

В таком случае можно поставить вопрос более радикально, не может ли в этом герменевтическом процессе оказаться полезным и непонимание или недопонимание акторов научной коммуникации. Парадоксально, но вполне вероятно, что существует достаточное количество событий, когда окончательного понимания не складывается, но коммуникация происходит и довольно успешно. Осторожно приведем в пример взаимодействия ученых и журналистов, о которых пишет Х. П. Петерс. Анализируя практики коммуникации и представления этих двух групп, автор показывает, как при зазорах в процессе понимания и странности самой коммуникации (где каждый считает себя основополагающим автором высказывания, не учитывающим профессиональной позиции) эта коммуникация оказывается вполне успешной и приносящей свои плоды. [8, р. 77]

Отметим, что здесь мы не предполагаем давать точного определения и критериев успешной коммуникации и ограничимся тем, что быть успешным означает преодолеть разрыв и выстроить мосты между разными социальными группами и их эпистемическими позициями в противовес полной разобщенности. Более того, этот же пример взаимодействия журналистов и ученых Х. П. Петерс называет наглядно предстающей перед нами верхушкой айсберга семантических расхождений между всего лишь двумя отдельно взятыми социальными группами [8, р. 78].

Все вышеизложенное позволяет нам сделать несколько предварительных выводов относительно исследования понимания в научной коммуникации ученых и неученых (дилетантов в науке). Во-первых, многообразие возможных вариантов работы, которое открывается перед философами, включает в себя множество проблемных точек, вплоть до вероятной реактуализации истолкования самой по себе коммуникации. Во-вторых, важно обращать внимание на то, что для исследований научной коммуникации важен концепт пост-нормальной науки, акцентирующий неопределенность, процессуальность, риск и спорные ценности, которые актуальны также и сами по себе. Наконец, задавая вопрос о том, какая степень понимания в процессе и результате научной коммуникации является желательной и необходимой, мы приходим к выводу о том, что становится значимым наличие пересечений и связей между вступающими в коммуникацию акторами, а также отдельная рефлексия непонимания, которое фиксирует различие эпистемических позиций этих акторов. Это подчеркивает как то, насколько коммуникация является сложным процессом, так и то, сколько деталей действия «научная коммуникация» оказываются скрытыми и нуждающимися в проблематизации и изучении.

Список литературы

1. Мирский Э. М., Садовский В. Н. Проблемы исследования коммуникации в науке // Коммуникация в современной науке. М., 1976. С. 5–24.
2. Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы «круглого стола». [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1799&ysclid=log59yprxf633400542 (дата обращения: 13.01.2024).
3. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. М., 2006. С. 342–364.
4. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. 367 с.
5. Wynne B., May the sheep safely graze? A reflexive view of the expert-lay knowledge divide // Risk, environment and modernity. Towards a New Ecology, Sage Publications, 1998. P. 44–84.
6. Шиповалова Л. В. Как возможна пост-нормальная наука? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 61–73.
7. Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей. М., 2006. С. 169–198.
8. Peters H. P. Scientists as Public Experts: Expectations and Responsibilities // Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology, eds. M. Bucchi, B. Trench, London and New York: Routledge, 2014. P. 70-82.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ МЕЖДУ АВТОРИТЕТОМ И АВТОНОМИЕЙ

Столярова О.Е.

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
сектора социальной эпистемологии
Института философии Российской академии наук
E-mail: olgastoliarova@mail.ru*

Аннотация. Автор обсуждает социальную роль научной экспертизы. Феномен экспертного знания находится в точке пересечения науки и политики, универсальной истины и частных интересов, эпистемических и практических ценностей. В силу этого экспертное знание оказывается в центре современных дискуссий о научном авторитете и научной автономии. Какова связь между научным авторитетом и научной автономией? Может ли автономная наука быть авторитетна? Должны ли ученые выступать в роли экспертов, осуществляя двойную оценку, т.е. оценивать знание на основании оценки его возможного влияния на социум? Или социальную оценку научных знаний следует передать в руки «гражданских экспертов» (экспертов-непрофессионалов)? Какие последствия первое и второе решения могли бы иметь для демократической политической системы, которая предполагает когнитивную автономию и ответственность всех социальных субъектов?

Ключевые слова: социальные исследования науки, научная автономия, научный авторитет, экспертное знание, ценности, гражданская наука.

EXPERT KNOWLEDGE BETWEEN AUTHORITY AND AUTONOMY

Stoliarova O.E.

*DSc in Philosophy, Leading Researcher
of the Social Epistemology Sector
Institute of Philosophy
Russian Academy of Sciences
E-mail: olgastoliarova@mail.ru*

Abstract. The author discusses the social role of scientific expertise. The phenomenon of expert knowledge is at the intersection of science and politics, universal truth and private interests, epistemological and practical values. Because of this, expert knowledge is at the center

of contemporary discussions about the authority and autonomy of science. What is the relationship between authority and autonomy? Can autonomous science be authoritative? Should scientists act as experts, conducting a double assessment, i.e. evaluating knowledge based on an assessment of its possible impact on society? Or should the social assessment of scientific knowledge be placed in the hands of non-professionals (laypersons)? What consequences could the first and second decisions have for a democratic political system assuming cognitive autonomy and responsibility of all social actors?

Keywords: social studies of science, authority of science, autonomy of science, expert knowledge, values, citizen science.

В последние десятилетия прошлого века в социальных исследованиях науки закрепляется представление о политической ангажированности науки и экспертного знания, которые рассматриваются как инструменты принуждения и контроля со стороны властных структур [1, 2]. Эти идеи можно считать социологическим изводом постмодернистской мысли о том, что «истина» и «объективность» суть выражение предрассудков и предвзятостей исторического момента [3]. В отличие от философов, играющих в бисер абстрактных понятий, социальные исследователи фокусируются на институциональных воплощениях истины и объективности. В исследованиях науки «второй волны» (если придерживаться периодизации Гарри Коллинза [4]) преодоление оппозиции общества, с одной стороны, и репрессивного аппарата научной экспертизы, с другой стороны, приобретает ключевое значение [5]. По сути, социальный конструктивизм второй волны является актуализацией критического мышления, получившего мощный импульс от философии эпохи Просвещения. Только под огонь критики в данном случае попадает новая «религия» просвещенного времени – наука «без страха и упрека». При близком рассмотрении оказывается, что наука – это «всего лишь» (ни много, ни мало) социальная активность (а вы что подумали?). С точки зрения социальных конструктивистов, власть (авторитет) научной экспертизы нарушает принципы свободы и автономии разума, совершеннолетие которого выражается в способности отдать самому себе отчет в любом когнитивном опыте и не принимать ничего на веру. Эксперты же навязывают обществу определенное знание о мире, которое публика не может подвергнуть сомнению в силу того, что не обладает легитимным экспертным знанием. Однако публика вынуждена использовать навязанное знание как систему координат при принятии тех или иных решений [6, 7]. Критики такого положения дел обеспокоены тем, что оно угрожает демократии как политическому устройству, основанному на свободном и ответственном мыслительном и волеизъявлении индивидов.

Из вышесказанного следует, что критика науки распадается на две составляющих, назовем их: 1) теоретическая, или дескриптивная и 2) практическая, или прескриптивная. Первая заключается в стремлении осуществить деконструкцию науки (эксплицировать ее генезис) с целью показать, как она на самом деле устроена. Эта критика по своим интенциям и пафосу близка просветительскому разоблачению сакральных феноменов (власти, религии и т.п.), которые на поверку оказываются человеческими установлениями, договоренностями. Вторая составляющая регулирует поведение и коллективное взаимодействие социальных акторов. В данном случае ее предписания носят ярко выраженный запретительный характер: чтобы предотвратить угрозу демократической системе общежития, науку (научную экспертизу) следует ограничить в ее притязаниях и, таким образом, предоставить людям (непрофессионалам) право говорить от своего собственного лица.

Пожалуй, наиболее решительно эту нормативную идею выразил Пол Фейерабенд, предложивший отделить науку от государства, наподобие того, «как ныне отделена от него церковь» [3, с. 157]. Авторитет, которым обладает наука в обществе, парализующий свободное развитие индивидов, обосновывается ссылкой на ее результаты, – утверждает Фейерабенд [3, с. 150]. Если бы мы доказали, что «результаты науки автономны (курсив мой – О.С.), т.е. получены без участия каких-либо вненаучных факторов», то «это было бы серьезным аргументом» [там же] в пользу ее превосходства, а значит и авторитета. Но при непредвзятом анализе мы видим, что ее результаты не автономны, и, соответственно, ее превосходство мнимое, ее авторитет незаслуженный. Из этих высказываний Фейерабенда складывается достаточно последовательное рассуждение: 1. Наука утверждает, что она говорит от лица истины (природы). 2. Непосредственная связь с истиной обеспечивает автономию науки. 3. Автономия науки – залог авторитета науки в обществе. 4. На самом деле наука говорит от лица общества (за «природой» скрываются общественные отношения, а научная рациональность – одна из традиций, ничем не лучше любой другой). 5. Наука принадлежит обществу, она не автономна. 6. Ее авторитет не имеет оснований, на которые она ссылается («король-то голый»).

Мы видим, что два феномена, определяющие место науки и научной экспертизы в обществе, – авторитет и автономия – тесно связаны друг с другом. На первый взгляд, эта связь отмечена линейной зависимостью: «если автономия, то авторитет». Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что эта связь глубоко проблематична. Посмотрим для начала на позицию Фейерабенда: какую науку Фейерабэнд хочет отделить от государства? Имеет ли он в виду дистиллированную науку логических позитивистов и критических рационалистов (с которыми сам же он и спорит), т.е. науку, оторванную от жизненного мира, которая полностью исчерпывается рациональностью? Или он ведет речь о науке практикующих ученых, которые, как Галилей, сплошь и рядом нарушают правила метода и завоевывают сторонников, прислушиваясь к ожиданиям аудитории и в определенном смысле (сродни политическому) подстраиваясь под свой потенциальный «электорат»? Какую науку, по мнению Фейерабенда, следует поставить под общественный контроль, ограничивающий ее притязания, – науку ценностно-нейтральную, производящую «чистый» продукт, не запятанный ничем социальным? Или науку, живущую социальной жизнью, разделяющую с обществом и его пороки, и его добродетели?

Очевидно, Фейерабэнд говорит не о чистой науке, на которую ссылаются его оппоненты-рационалисты, так как если бы последние были правы, и чистая наука действительно существовала бы, она была бы полностью автономна и не нуждалась в отделении ее от государства. Фейерабэнд, по всей видимости, говорит о науке, которая внушает (через посредство философов-рационалистов) обществу мысль о своей автономии (ценностной нейтральности), будучи, на самом деле, вовлеченной в общественные отношения. Собственно, таковое внушение с целью выдать желаемое за действительное и есть признак вовлеченности в социум, признак идеологической предвзятости, за которой скрываются корпоративные интересы. Именно эту науку, которая навязывает свои интересы обществу, следует отделить от государства, т.е. от принятия политических решений, для того чтобы последние принимались в режиме свободного учета равноправных точек зрения без заранее заданного (бенефициарами) превосходства кого бы то ни было. Вообразим, что коллективная воля добилась автономии науки. И что же? Приобретая такого рода автономию, наука теряет авторитет в противоположность тому, что мы говорили выше, а именно, что автономия порождает авторитет.

Какова же связь между авторитетом и автономией? Может ли наука одновременно обладать авторитетом и автономией? Переходя от абстрактной науки к конкретным формам ее социального бытия, мы обращаемся к экспертному знанию. Оно играет исключительно важную роль в наших попытках ответить на эти вопросы. Как подчеркивает ряд исследователей, феномен экспертного знания находится в той области, где сталкиваются знание, социальные интересы и политическое действие. Научная экспертиза имеет отношение и к нейтральной истине, и к ценностям. Она вступает в свои права в момент (или инициирует это событие), когда знание перестает быть «просто» знанием и начинает влиять на общественную жизнь [4, 8, 9, 10]. Эксперт-ученый высказывает суждения, выходящие за пределы научного знания. Он оценивает факты, теории, методы и т.п. с точки зрения их социальных (политических, этических) последствий.

Один из возможных способов обсуждения связи авторитета и автономии сформулирован в социальных исследованиях науки в виде вопроса: должны ли ученые выступать в роли экспертов? Иными словами, должны ли они осуществлять двойную оценку: оценивать получаемые знания, исходя из оценки их возможных социальных последствий? Или ученым следует остаться в пределах сферы собственно научной и передать готовое знание для его оценки в руки тех, чья территория – это действие, т.е. в руки властей и политиков? [11, 12]. В первом случае (ученые выступают в роли экспертов) существует опасность навязанного обществу гипертрофированного авторитета науки при отсутствии научной автономии; во втором случае (непрофессионалы выступают в роли экспертов) наука приобретает автономию за счет утраты авторитета. Защитники второй точки зрения противопоставляют своим оппонентам так называемое «отложенное решение». Нужно отличать, считают они, эпистемические ценности от практических ценностей. Вторые могут влиять на первые только отложенным образом в виде последствий. Мы в любом случае имеем дело с двумя агентами, различая их, как минимум, аналитически: первый добывает знание, второй оперирует с ним в социальных практиках и выносит решение о его приемлемости или неприемлемости на основании своего опыта [12, 13]. Можно возразить, что знание никогда не бывает «готовым» даже в строго эпистемическом смысле. Во-первых, его формирование – это растянутый во времени процесс, во-вторых, даже общепринятое в научном сообществе знание потенциально опровержимо. Следовательно, и в эпистемическом смысле знание постоянно откладывается. Другой вопрос, который возникает в этой связи, – это вопрос об автономии науки и общественном контроле. Возможно ли

осуществлять общественный контроль над автономным институтом и возможна ли социальная ответственность автономного института? [12].

Предполагается расширить ряд аргументов в пользу и против экспертов-ученых. Необходимо прояснение понятий автономии и авторитета. Каковы отличия коллективной автономии разума от индивидуальной? Эпистемической автономии от институциональной? Всегда ли авторитет основывается на знании? Всегда ли знание влечет за собой авторитет? Как вопрос о связи авторитета и автономии науки решается (или мог бы быть решен) в рамках различных парадигм социальных исследований науки, например: 1) «третьей волны» с ее вниманием к неявному знанию (tacit knowledge); 2) акторно-сетевой теории; 3) теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, концепции эпистемического неравенства С. Тернера и пр.

Список литературы

1. Fisher F. *Technocracy and the Politics of Expertise*. Sage Publications, 1990. 387 p.
2. Turner S. P. *The Politics of Expertise*. N.Y., L.: Routledge, 2014. 338 p.
3. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А.Л. Никифоров. М.: АСТ, 2010. 378 с.
4. Collins H. M., Evans R. *The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science*. 2002. Vol. 32, № 2. P. 235-296.
5. Callon M. *The Role of Lay People in the Production and Dissemination of Scientific Knowledge // Science, Technology & Society*. 1999. Vol. 4, № 1. P. 81-94.
6. Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Издательский дом ВШЭ, 2021. 368 с.
7. Масланов Е. В. Социальная эпистемология и вызовы популизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 234-241.
8. Peters H. P. *Scientists as Public Experts: Expectations and Responsibilities // Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition. Ed. by M. Bucchi & B. Trench. L.-N.Y.: Routledge, 2014. P. 70-82.
9. Шиповалова Л. В. Власть, общество, эксперты – трансформация связей в эпоху цифровых технологий // Государство и граждане в электронной среде. 2020. Вып. 4. С. 11-19.
10. Grundmann R. *The Problem of Expertise in Knowledge Societies // Minerva*. 2017. Vol. 55. P. 25-48.
11. Douglas H. *Science, Policy, and the Value-Free Ideal*, Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2009. 256 p.
12. Brown M. J. *Against Expertise: A Lesson from Feyerabend's Science in a Free Society? // Interpreting Feyerabend*. Ed. By K. Bschrir & J. Shaw. Cambridge University Press, 2021. P. 191-212.
13. Mitchell S. *The Prescribed and Proscribed Values in Science Policy // Science, Values, and Objectivity*. Ed. By P. Machamer & G. Wolters. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2004. P. 245-255.

НАУЧНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ – СПОСОБЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗЛИЧИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Техов Д. А.

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: VincentCDR@gmail.com

Аннотация. Проблема взаимосвязи художественного и научного познания сегодня все чаще становится предметом исследования различных дисциплин, в частности, психологии, философии науки, истории, этнографии. Главным образом происходит поиск и определение «творческого» в работе ученого в качестве проблемного. Особо чувствительна в этом отношении история. Зародившись в публичной сфере, история как наука имеет богатый инструментарий художественной образности. С одной стороны, работая с источником и текстами коллег, историк невольно оказывается в положении художественно познающего. Это может создавать опасность познавательной функции исторической науки. С другой стороны, в публичной сфере возникает необходимость налаживать коммуникацию на быденном языке, чему может способствовать

художественная образность исторического познания. В тексте приводятся аргументы историков, рефлексирующих основания своей работы, и эпистемологов по поводу различения и связи художественного и научного познания, которые в перспективе могут быть задействованы в поиске адекватных способов публичного представления истории как науки.

Ключевые слова: эпистемология, познание, история, публичная история художественное познание, научное творчество.

SCIENTIFIC AND CREATIVE (ARTISTIC) COGNITION - PROBLEMATIC DISTINCTION IN HISTORY

Tekhov D. A.

Graduate student

Saint-Petersburg State University

E-mail: VincentCDR@gmail.com

Abstract. The problem of the relationship between artistic and scientific knowledge today is increasingly becoming the subject of research of various disciplines, in particular, psychology, philosophy of science, history, ethnography. Mainly, there is a search for the definition of "creative" in the work of a scientist as problematic. History is more sensitive in this regard. Having originated in the public sphere, history has a rich image of artistic imagery. On the one hand, working with the source and the works of colleagues, the historian involuntarily finds himself in the position of creative cognition. This may bode well for the cognitive function of historical science. Therefore, historians are actively exploring the artistic elements of their own craft. On the other hand, in the public sphere, there is a need to establish communication in an ordinary language. In these theses, an attempt is made to compare and compare the introspection of historians with the views of epistemologists.

Keywords: epistemology, cognition, history, public history, creative cognition, creativity in science.

Публичная научная коммуникация, в частности популяризация науки связана с переводом научного языка на язык, понятный непрофессионалам. В исторической науке можно говорить о публичной истории как о той области познавательных практик, где историк взаимодействует с дилетантами, используя примеры, метафоры, отсылки к кинофильмам и иные художественные приемы для того, чтобы быть понятным и убедительным [1]. С одной стороны, историческое научное знание возникает как своего рода преодоление или «снятие» публичной истории. С другой стороны, это возникновение можно проинтерпретировать как синтез публичной истории и идеи научности вообще. В современности мы можем обнаруживать следы этого синтеза в практиках публичной научной коммуникации историка.

Проблематичным для такого исследования оказывается то, что именно необходимо понимать под художественным познанием [2, с. 52]. По-разному подходят к этому вопросу отечественная и зарубежная наука. Так художественное познание определяется в энциклопедии *Эпистемологии и философии науки*: «образное постижение действительности, представляющее ее во всей полноте и многообразии ее характеристик и являющееся альтернативой понятийно-логическому постижению действительности. Формой мышления в искусстве является художественный образ, достигающий органического слияния интеллектуального и чувственного начал и являющийся зримым воплощением идеи» [3, с. 716]. Важным и общепризнанным отличием художественного познания от научного (и вообще других способов познания) оказывается его направленность на «полноту», «непрерывность бытия», «существование» [4], [2, с. 58], [5, с. 72]. Научное знание сознательно ограничено формулируемой целью – производством знания.

В классификации видов познания, предложенной И. Т. Касавиным, художественное познание относится к «духовно-практическому» знанию (миф, религия, мистика, магия), которое, в частности, передает обобщенные образцы поведения и мышления в форме вопроса, балансирует на «границе, разделяющей миф действительного, должного и возможного» [6, с. 25]. Научное познание, относясь по преимуществу к теоретическому знанию, избирательно и направленно влияет на общественное сознание.

Непрерывность, являясь неотъемлемой характеристикой обыденного знания, в искусстве проблематизируется особым образом и оказывается в зоне человеческого внимания. При этом «полнота» подразумевает не противопоставление, а органическое сочетание познающего (субъекта) с предметом (объектом) познания. Популяризатор истории обнаруживает, вычленяет из истории такие факты, которые способны осуществить органическое сочетание рассказчика, его материала и слушающего, вызвать у широкой публики сочувствие и понимание, заставить работать воображение и пробудить почтение к ремеслу историка. Сегодня это особенно актуально, ведь традиционные способы коммуникации науки и общества, такие как школьное образование и традиционные СМИ уступают свои позиции под напором интернета [1]. Нельзя не отметить, что прибегая к художественным методам в популяризации своего ремесла сегодня, историк сам сталкивается с феноменом постправды, вынуждающей его отвечать на нападки лженауки, оказываться с ней на одном поле и пользоваться, по большому счету, одними с ней риторическими приемами [7], [1, с. 288].

В английской традиции обычно для обозначения того, что в отечественной эпистемологии обозначается «художественным познанием», используют слова *creative* и *imaginative* и их производные. Это накладывает определенный отпечаток на восприятие художественных элементов в познании и в фокусе оказывается «креативность» как составляющая процесса познания. Так, например, Дж. Тош пишет о гипотезе: «а раз гипотеза лежит вне пределов известного, она неизбежно связана с *творческим* (flash of insight) озарением и полетом фантазии, причем, зачастую, чем он более дерзок, тем лучше. Таким образом, научный метод – это диалог между гипотезой и попыткой ее опровергнуть, или между творческой и критической мыслью» [8, с. 160].

Российский философ В. Н. Порус в статье «Искусство и понимание: сотворение смысла» [9] предпринимает попытку рассмотрения работы художественного познания. Он связывает искусство с таким понятием как «понимание», частным случаем познания, особенно ярко выраженным в искусстве и в гуманитарных науках. Автор так описывает этот процесс: «суть субъект-субъектного понимания в том, что оно не может быть «однаправленным». Понимая нечто субъект понимает самого себя и, лишь понимая себя, способен понять нечто. Но это не значит, что такое понимание сродни созерцанию своего отражения в «зеркальном пространстве». Понять себя – значит понять другого и увидеть себя в глазах другого. Осмысленный таким пониманием Мир – это мир неперменного полифонического диалога, направленного к взаимопониманию» [9, с. 264]. В процессе понимания таким образом происходит сотворчество двух сторон. Наиболее художественно ценны в таком смысле произведения, способные выйти «на диалог» с как можно большим количеством людей. При этом, отмечает исследователь, понимание подразумевает определенную неизвестность. Необходимость понимания (и соответственно творческий процесс) возникает при недостаточности знания. Чем более известен некоторый предмет, тем менее нуждается он в творческом процессе понимания. Процесс такого преодоления художественного познания в научной работе историка ярко описан в статье К. Гинзбурга «Наши и их слова. Размышления о ремесле историка сегодня» [10]. Историк описывает процесс написания своей известной работы «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» и обнаруживает примеры понимания и непонимания своих «персонажей». В начале своего исследования К. Гинзбург полагал, что «понимает» своего героя, в частности, его положение преследуемого. Однако, на определенной стадии исследования, К. Гинзбург обнаруживает большую близость собственной установки с следователями-инквизиторами и, проанализировав, исследовав взгляды мельника Меноккио, утрачивает обманчивое чувство взаимного понимания.

Традиционно проблема художественного познания в истории имеет свое основание в языке. Так, еще М. Блок сокрушался об особых трудностях историка при работе с терминологией, ведь в отличие от естественных наук, понятия истории не берутся из воздуха, не существуют в чистоте научного употребления, но, по преимуществу, носят на себе отпечаток использования в обыденной речи своего времени. Историк с завистью пишет: «...у химии было огромное преимущество - она имела дело с реальностями, которые по природе своей неспособны сами себя называть» [11, с. 90]. М. Блок предполагал необходимость создания нового исторического языка. Однако, этот призыв пока не был исполнен и неясно есть ли в этом необходимость. Зато, известен пример школы «Истории понятий», которая как раз и ставит своей целью «разобраться» с исторической изменчивостью обманчиво понятных терминов истории.

Похожая проблема языка и со-творчества имеется и в антропологии. Так американский антрополог К. Л. Пайк выделил два уровня изучения языка: этический и эмический. Если первая рассматривает общество и его язык со стороны, то вторая подразумевает полное погружение, не всегда, впрочем, достижимое [10, с. 421]. По-своему, на языке историка, К. Гинзбург формулирует этот закон:

«Историки вначале формулируют вопросы, используя неизбежно анахроническую терминологию (отсылка к постановке проблемы Блоком). Процесс исследования меняет предварительные вопросы на основании новых свидетельств, формулируя ответ на языке акторов и в связи с категориями, свойственными их обществу и радикально отличными от наших» [10, с. 423]. Важным местом отличия точки зрения Гинзбурга и его коллег является принятие и указание на ценность остающегося напряжения, этического характера историка даже после окончания его работы. Таким образом историк не должен впасть в «эмпатию и чревовещание». Это напряжение хорошо передается в названии известной книги Д. Лоунталя «Прошлое – другая страна», давно ставшим крылатым выражением у историков [10, с. 428].

«Годы анализа ради одного дня синтеза» – лозунг, предложенный М. Блоком и подхваченный некоторыми историками. [10, с. 431]. Не стоит воспринимать эту цитату так, как это делает Ф. Маретти, как некоторое механическое объединение данных, собранных историками и сжатых в одной странице какого-нибудь исследователя-генерализатора. Речь идет здесь не о «кирпичиках» в духе «позитивистов», из которых впоследствии складывался бы некоторый исторический закон. К. Гинзбург предлагает видеть здесь предтечу case-studies. Такое исследование, согласно историку, предполагает некоторый творческий момент озарения, как это описывает выше Дж. Тош, когда после исследования массы источников обнаруживается такой, который выражая все прочие источники и имея их черты, характеризует сразу их все. Его и следует взять в качестве кейса. При этом здесь содержится по К. Гинзбургу существенный элемент творческой романтики, ведь речь идет об источнике, который, «можно изучать долгие годы», о чем-то более значимом чем усредненный пример [10, с. 432-434]. Таковы, например (по К. Гинзбургу), Ansatzpunkte Ауэрбаха и нарушения Кьеркегора, представляющие собой материал для детализированной исследовательской программы, оснащенной генерализирующим потенциалом (кейсы) [10, с. 434].

Несколько иная точка зрения на роль креативности излагается в статье Фейгельмана А. М. «Счастливая (не)случайность: серендипность как фактор решения научных проблем» [12]. Сама «серендипность», то есть умение делать выводы на основании сторонних, случайным образом обнаруженных фактов, имеет разные формы выражения в научном поиске. Речь может идти как о совершенно случайном наблюдении, так и обнаружении в ходе исследования ответа на вопрос, не являющийся частью исследования. В случае работы историка реализуется скорее третий вид серендипности, когда новое открывается случайным образом в ходе целенаправленного исследования и при помощи известных данных.

Таким образом можно констатировать, что как среди эпистемологов, так и среди историков, рефлексии оснований своей научной деятельности, отсутствует единство в понимании определения художественного познания и отличия его от познания научного. Такое положение дел представляет собой вызов для истории как науки, использующей художественные приемы как в исследовании, так и в практиках публичной научной коммуникации, а также для философии науки, обращающейся к практикам исторического познания.

Список литературы

1. Тихонова С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды // Известия саратовского университета. 2018. Т. 18, № 3. С. 287-291.
2. Касавин И. Т., Сахарова А. В. Креативность - не сущность, а существование! // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. №1. С. 50-59.
3. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+, 2009. 1248 с.
4. Выготский Л. В. Психология развития ребенка. М.: Эксмо. 2005. 512 с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.: Университетская книга, 2002. 272 с.
6. Касавин И.Т. Постигая многообразие разума // «Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания». М.: Политиздат, 1990. С. 5-29.
7. Тихонова С. В., Артамонов Д. С. «Гараж» истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог с временем. 2020. Вып. 72. С. 237-254.
8. Тош Дж. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М.: ВЕСЬ МИР, 2000. 296 с.
9. Порус В. Н. Искусство и понимание: сотворение смысла // «Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания». М.: Политиздат, 1990. С. 239-255.

10. Гинзбург К. Наши и их слова. Размышления о ремесле историка сегодня // Деревянные глаза: десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021. С. 403-437.

11. Блок. М. Апология истории, или ремесло историка / 2-е изд. М.: Наука, 1986. 256 с.

12. Фейгельман А. М. Счастливая (не)случайность: серендипность как фактор решения научных проблем // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, №1. С. 43-49.

РАСПРЕДЕЛЕННОЕ ПОЗНАНИЕ В ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: РАСТУЩАЯ РОЛЬ ТЕХНИЧЕСКИХ АГЕНТОВ

Чеботарева Е.Э.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники
СПбГУ*

E-mail: e.chebotareva@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль технических агентов (прежде всего видов ИИ) как участников процесса распределенного познания. С точки зрения акторно-сетевой теории они являются равнозначными акторами как исследовательского процесса, так и связанной с ним публичной научной коммуникации. В последнее время ИИ становится арбитром в ряде научных и технологических дебатов, при этом его роль как агента распределенного познания и участника публичной научной коммуникации, которая тяготеет к стремительному расширению, не структурирована и не регламентирована, что создает существенные риски. Автор ставит вопрос как о коммуникативной роли технических агентов и приоритетности позиции ИИ в вынесении оценок и рекомендаций, так и о том, на кого будет возложена ответственность за подобную архитектуру публичной научной коммуникации.

Ключевые слова: технические агенты, ИИ, распределенное познание, публичная научная коммуникация.

DISTRIBUTED COGNITION IN PUBLIC SCIENCE COMMUNICATION: THE GROWING ROLE OF TECHNICAL AGENTS

Chebotareva E.E.

*PhD, Associate Professor, Philosophy of Science and Technology Department
St. Petersburg state University*

E-mail: e.chebotareva@spbu.ru

Abstract. The article examines the role of technical agents (primarily types of AI) as participants in the process of distributed cognition. From the point of view of actor-network theory, they are equivalent actors in both the research process and the associated public scientific communication. Recently, AI has become an arbiter in a number of scientific and technological debates, while its role as an agent of distributed cognition and a participant in public scientific communication, which tends to rapidly expand, is not structured or regulated, which creates significant risks. The author raises the question of both the communicative role of technical agents and the priority of the position of AI in making assessments and recommendations, and who will be responsible for such an architecture of public scientific communication.

Keywords: technical agents, AI, distributed cognition, public scientific communication/

Современная публичная научная коммуникация как относительно новый предмет исследования отличается отсутствием отдельной проблематизации, теоретического и исторического анализа и систематизации, а также конкретных эмпирических исследований специфики современной работы философов, включающихся во взаимодействие с различными общественными субъектами, публикой и властью в качестве ученых гуманитариев и публичных интеллектуалов. В ситуации, когда исследовательский контекст предполагает подход с точки зрения концепта распределенного познания, это взаимодействие расширяется ещё больше, включая неопределенный круг агентов.

В данной статье предметом исследования является вопрос о роли технических агентов в распределенном познании в рамках публичной научной коммуникации (далее ПНК). Чтобы поточнее подойти к предмету исследования, показать его границы, следует кратко обрисовать основные понятия, в опоре на которые осуществляется работа. Идея распределенного познания или интеллектуального разделения труда содержательно представлена в трудах Эдвина Хатчинса, разработчика концепции распределенных когнитивных процессов. Хатчинс раскрывает модели расширенного сознания, анализируя взаимоотношения людей и рабочей среды в рамках определенных практик (в частности, навигации и авиации). Таким образом, двигаясь в традиционной для постмодернистской науки парадигме размывания среды познания, включающей приборы, специалистов, природные феномены и специфику расположения объектов, Хатчинс заостряет вопрос границ между различными познающими - учеными и любителями. Эта призма концепции распределенного познания оказывается весьма перспективной не только для исследования современных практик, но и для пересмотра известных эпох в истории науки (Античности, Средневековья, Ренессанса и т. д.) [1, 2, 3].

Концепции распределенного познания разрабатываются весьма активно и в отечественном поле, в частности, Л.В. Шиповаловой. Шиповалова отмечает интерес Б. Латура к идеям Хатчинса благодаря вниманию последнего не только к людям, но и к материальным объектам, что «сближает его идеи с акторно-сетевой теорией, в частности с принципом генерализованной симметрии, трактующим людей и нечеловеков (non-humans) как равнозначных акторов» [4, с. 57].

Это и есть тот самый аспект, на котором хотелось бы сфокусироваться в рассмотрении ПНК в рамках концепта распределенного познания. Для этого обратимся к двум красноречивым случаям, произошедшим за истекший 2023 год. Во первых, это признание производителя Samsung в том, что он использует искусственный интеллект для «улучшения» снимков, сделанных с помощью режима Space Zoom. Пользователи интернет-платформ (таких, как Реддит) поделились своими наблюдениями относительно новых смартфонов Galaxy, которые не фотографируют Луну, а дорисовывают её снимок до определенного стандарта, что можно проверить, наведя камеру Galaxy S23 Ultra на размытую фотографию реальной Луны. Samsung вынужден был признаться в том, что в данном случае изображение улучшается с помощью искусственного интеллекта, поскольку оптика не способна разрешить детали, которые появляются на снимках. Пользователи не оценили обмана, и пришли к выводу, что теперь самостоятельные попытки сфотографировать Луну потеряли всякий смысл [5].

Попробуем разобрать этот случай с точки зрения концепта публичной научной коммуникации. Речь о новом научном знании, конечно же, не идет, скорее, конечные пользователи выступили как тестировщики и разоблачители свойств прибора, который предполагалось использовать для самостоятельного исследования объектов. С моей точки зрения, не следует преуменьшать масштаб и значение подобных исследований, учитывая роль гражданских ученых в структуре современной науки (включая тех, кто совершенно не считает себя ученым и не задумывается о своем вкладе в появление новой технологии или расширение знания). Так, например, существует оценка популяций диких животных с помощью подсчета и анализа специальными алгоритмами их фотографий, выложенных пользователями на интернет-платформах [6].

Но особенно значимым этот случай с фотографированием Луны становится, если рассматривать его в контексте другого, тоже связанного с фотографиями лунной поверхности. В конце ноября 2023 года медиа всколыхнула новость об оценке нейросетью Google фотографий высадки американских астронавтов на Луну как подделки [7]. Здесь, конечно, необходимо иметь в виду, что данные фотографии были предварительно обработаны для представления публике, и эту обработку ИИ отметил и соответствующим образом истолковал. В связи с этим возникает ряд вопросов. В настоящее время роль ИИ как агента распределенного познания не структурирована и не регламентирована, при том, что его вычислительный потенциал преподносится, как во многом превосходящий человеческий, благодаря несопоставимым способностям к переработке информации. При этом неясна приоритетность роли ИИ в вынесении оценок и рекомендаций, как и то, на кого будет возложена ответственность за это (в данном случае нас, конечно же, интересует исследовательский контекст).

Безусловно, данная проблема включена в темы философии науки и техники, где традиционно много внимания уделяется этическим стандартам дизайнеров и разработчиков ИИ; недавно появились исследования, посвященные разработке специальных алгоритмов, нацеленных на борьбу с подтасовками и обманными фактами. Так, в одной из таких работ предполагается распределение (совместное действие) различных участников, помимо собственно ИИ, в процессе отделения истины от лжи. Принципы алгоритмического проектирования включают разработку стратегии борьбы с фейковыми новостями со стороны разработчиков программного обеспечения, вовлечение различных

заинтересованных сторон в процессы проектирования, включая разрешение конечным пользователям сообщать о фейковых новостях. Кроме того, предполагается держать конечного пользователя в курсе того, как обстоят дела в подозрительных новостях [8].

Трудности с определением фейковых новостей подчеркивают необходимость в реляционной онтологии, которая концептуализирует отношения между фейковыми новостями, их создателями, конечными пользователями, алгоритмами и их разработчиками. Авторы статьи не рассматривают свои идеи в контексте распределенного знания и не обращаются к проблемам ПНК, прежде всего апеллируя к этике заботы, философии технологии и их связи с развитием программного обеспечения. Тем не менее, они разворачивают свои аргументы в плоскости все той же парадигмы распределенности, их цель – достижение совместных обсуждений между группами пользователей и разработчиков с возможностью расширения на дополнительные заинтересованные стороны [8].

Безусловно, тема роли технических объектов в ПНК как агентов распределенного знания требует обращения к ряду дисциплинарных областей, таких как проблемы научных визуализаций в рамках философии технологий, развиваемой Д. Айде и Р. Розенбергером [9, 10], акторно-сетевой теории, философии ИИ, и, собственно, более пристального внимания к видам ПНК. Современная стадия развития науки и технологий делает этот процесс необходимым в связи со стремительно возрастающими рисками. Как замечает Л.В. Шиповалова, 2эпоха неопределенности и всеобщей распределенности рисков, о которой пишет У. Бек, обуславливает необходимость переступания границ научного распределенного познания и расширения его до поля коммуникации профессиональных и непрофессиональных экспертов» [4, с. 66]. К этому добавляется необходимость принятия во внимания «нелюдей», или технических агентов, чье влияние если не субъективно, то не нейтрально. Следует прояснить их формирующуюся коммуникативную роль и место в архитектуре ПНК.

Список литературы

1. Anderson M., Cairns D., Sprevak M (eds.) *Distributed Cognition in Classical Antiquity*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2018.
2. Anderson M., Wheeler M.(eds.) *Distributed Cognition in Medieval and Renaissance Philosophy* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.
3. Anderson M., Rousseau G., Wheeler M. (eds.) *Distributed Cognition in Enlightenment and Romantic Culture*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.
4. Шиповалова Л. В. Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 3. С. 56-71.
5. Samsung's photos of the moon are 'FAKE': Tech giant admits it uses AI to 'enhance' snaps taken with its Space Zoom tool - and users are FURIOUS. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-11867389/Samsungs-photos-moon-FAKE-Tech-giant-admits-uses-AI-enhance-snaps.html> (дата обращения 19.12.2024)
6. Foglio M., Semeria L., Muscioni G., Pressiani R., & Berger-Wolf T. Animal Wildlife Population Estimation Using Social Media Images Collections. *ArXiv, abs/1908.01875*. 2019.
7. Google's AI technology analysis suggests Apollo 11 Moon landing photos are fabricated [Электронный ресурс] URL: <https://thespacecoastrocket.com/googles-ai-technology-analysis-suggests-apollo-11-moon-landing-photos-are-fabricated/> (дата обращения 19.12.2024).
8. Wellner G., Mykhailov D. Caring in an Algorithmic World: Ethical Perspectives for Designers and Developers in Building AI Algorithms to Fight Fake News // *Science and Engineering Ethics*. 2023. № 29 (4). P. 1-16.
9. Ihde D. Postphenomenology, the empirical turn and “Transcendentality.” // *Foundations of Science*. 2022. Vol. 27(3). P. 851–854.
10. Rosenberger R. Notes on a nonfoundational phenomenology of technology // *Foundations of Science*. 2017. Vol. 22(3). P. 471–494.

ПАРАДОКС КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОБЛЕМА

Шапиро О.А.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры
сравнительных политических исследований
Северо-Западного института управления РАНХиГС*

Аннотация. Доклад посвящен проблеме утраты доверия между экспертным сообществом и широкой общественностью. Автор полагает, что это проблема коммуникативная, которая заключается в том, что 1) эксперты позиционируют собственный стиль мышления не только как наилучший, но и как единственно возможный для обсуждения социально значимых вопросов, отстраняя таким образом общественность, не готовую следовать высоким стандартам рациональности, от затрагивающих ее интересы дискуссий и 2) при этом не обосновывают такую привилегированность рационального мышления ни рациональными, ни иными способами, в результате чего 3) общественность начинает рассматривать экспертное сообщество как врага, намеренно вытесняющего ее из публичной дискуссии на социально значимые темы с целью ущемления ее интересов. Необоснованность привилегированности рациональности как когнитивного стиля автор называет парадоксом критического мышления.

Ключевые слова: рациональность, критическое мышление, публичная коммуникация, экспертное знание, кризис экспертизы, стиль мышления.

THE CRITICAL THINKING PARADOX AS A COMMUNICATIVE PROBLEM

Shapiro O.A.

North-West Institute of Management RANEPA

Abstract. The report addresses the problem of loss of trust between the expert community and the general public. The author believes that this is a communicative problem, which lies in the fact that 1) experts position their own style of thinking not only as the best, but also as the only one possible for discussing socially significant issues, thus removing the public, who are not ready to follow high standards of rationality, from discussions affecting its interests and 2) do not justify such a privilege of rational thinking either by rational or other means, as a result of which 3) the public begins to view the expert community as an enemy, deliberately ousting it from public discussion on socially significant topics in order to infringe on its interests. The author calls the unfoundedness of the privilege of rationality as a cognitive style the paradox of critical thinking.

Keywords: rationality, critical thinking, public communication, expert knowledge, expertise crisis, cognitive style.

Книга Т. Николса «Смерть экспертизы», вышедшая в 2017 году, мгновенно стала бестселлером [1]. Потеря доверия к экспертному знанию, трансформация статуса эксперта в условиях доступности роли говорящего, превращение университетов в поставщика образовательных услуг – все эти проблемы актуальны, остры, хотя и не слишком новы и уже имеют традицию своего осмысления. Так, вопрос о статусе эксперта и экспертного знания исследуют такие философы XX в., как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Х. Ортега-и-Гассет, П. Фейерабенд, У. Эко, У. Бек, Д. Белл, Ю. Хабермас и др.

Я полагаю, что проблемы, о которых идет речь – коммуникативного характера. Предполагается, что между обществом и экспертами должен быть заключен некоторый социальный контракт, о котором Николс пишет следующее: «Граждане делегируют право принимать решения по множеству вопросов своим избранным представителям и экспертам, их советникам. <...> Взаимоотношения экспертов и граждан, как почти любые взаимоотношения в условиях демократии, построены на доверии. Когда это доверие рушится, эксперты и простые люди становятся враждующими сторонами» [1, с. 203]. В этом контексте интересен вопрос: где случился коммуникативный сбой, разрушивший доверие общества к экспертам? Я полагаю, что в роли такого сбоя выступает специфическая убежденность экспертного сообщества в принципиальной привилегированности научной рациональности как когнитивного стиля при отсутствии легитимного для широкой общественности обоснования этой привилегированности.

Т.е. проблема в том, что: 1) эксперты позиционируют собственный стиль мышления не только как наилучший, но и как единственно возможный для обсуждения социально значимых вопросов, отстраняя таким образом общественность, не готовую следовать высоким стандартам рациональности, затрагивающих ее интересы дискуссий и 2) при этом не обосновывают такую привилегированность рационального мышления ни рациональными, ни иными способами, в результате чего 3) общественность начинает рассматривать экспертное сообщество как врага, намеренно вытесняющего ее из публичной дискуссии на социально значимые темы с целью ущемления ее интересов.

1. Рациональное (или, как модно говорить сегодня, - критическое) мышление в научной среде обычно понимается не только как средство получения нового знания, но и как ценность сама по себе. Рациональное мышление традиционно противопоставляется догматическому мышлению как «темному» и «зашоренному», магическому (или иррациональному) мышлению – также «темному» и алогичному, а теперь еще и клиповому (квантовому) мышлению, которое обычно считается поверхностным и внутренне противоречивым. Недостатки всех этих способов мышления рельефно демонстрируются и с ними сложно спорить, однако существует две проблемы. Во-первых, не смотря на все обвинения, альтернативные рациональному способы мышления в обыденной жизни нередко являются практически эффективными. Выводы, полученные в результате когнитивных операций, нарушающих признанные стандарты логического рассуждения, как известно, могут случайным образом оказываться истинными; при относительной регулярности этой случайной истинности в опыте отдельного индивида она индуктивно начинает рассматриваться как достаточное основание для признания эффективности способа мышления. Мы бы диагностировали здесь ошибку поспешного обобщения; но для человека, не следующего стандартам рациональности, такой «диагноз» не имеет смысла. Во-вторых, альтернативные стили мышления имеют еще ряд преимуществ. Так, догматическое мышление значительно упрощает процедуру оценки новой информации, магическое мышление позволяет снизить эмоциональное напряжение, поддерживая когнитивное искажение «иллюзии контроля» а клиповое выражено ускоряет процессы принятия решений, опираясь преимущественно на когнитивную «Систему-1» как ее понимает Д. Канеман [2]. Однако положительные стороны различных когнитивных стилей их рациональные критики обычно оставляют без внимания. Более того, для вступления в публичную дискуссию модерлирующие ее эксперты требуют от всех участников по крайней мере в ее рамках придерживаться стандартов рациональности, полагая, что в ином случае обмен доводами не может состояться. Наиболее рельефно это выражено в проекте коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, который рассматривает в рамках публичной дискуссии субъектов, отказывающихся от рациональной коммуникации как невменяемых. [3]. Но если мы начинаем рассматривать стандарты рациональности как критерий допуска к обсуждению социально-значимых вопросов, такая жесткая позиция должна быть хорошо обоснована, и именно от экспертного сообщества естественно ожидать максимально корректного и тщательного обоснования. Однако на практике дело обстоит иначе.

2. Достоинства рационального мышления, такие как точность, эффективность и пр., выводятся на основании противопоставления рационального мышления другим когнитивным стилям, т.е. рациональное мышление начинает выглядеть привлекательно на фоне других способов мыслить, а не само по себе. Напомню, что при этом сравнении достоинства других стилей мышления не принимаются в расчет, что делает выводы на его основании крайне шаткими. Общество же выражает протест не против экспертных знаний или рекомендаций самих по себе, но против экспертного способа мышления, полагая, что другие когнитивные стили ничуть не хуже. П. Фейерабенд так выражает эту мысль: «рациональность не есть верховный судья над традициями, ибо она сама представляет собой традицию или сторону некоторой традиции. Следовательно, она ни хороша, ни плоха – она просто есть» [4, с. 41]. Сравним эту формулировку с тем, что почти тридцатью годами ранее пишет М. Оукшот в своем известном эссе «Рационализм в политике»: «истинное значение рационализма состоит не в <...> неспособности признать существование какого бы то ни было иного вида знания: философское заблуждение рационализма заключается в том, что методу и учению о его самодостаточности приписывается здесь качество достоверности; практическая же ошибка рационализма заключена в убеждении, что сознательное поведение - это всегда благо» [5, с. 25]. Получается, что эксперты, транслирующие обществу принципы критического мышления, утверждающего рациональность как некий эталон, оказываются подвержены ошибке догматизма, ибо принимают эту рациональность как истину в последней инстанции, незыблемый критерий и последнюю меру - другими словами, догмат! - нарушая этим принцип картезианского сомнения, который сами же называют одним из своих основных инструментов. Это положение дел кажется уместным назвать парадоксом критического

мышления. Парадоксальность здесь состоит в том, что требование обязательной рациональности само по себе не является рациональным (поскольку не имеет достаточного основания), а следовательно – оказывается внутренне противоречивым. Оукшот в уже упомянутом эссе говорит, что «история рационализма <...> является историей того, как учение о самодостаточности метода стало неотъемлемой частью всякой интеллектуальной деятельности» [5, с. 22]. Вместо того, чтобы обосновать эту самодостаточность со всей тщательностью, экспертное сообщество ее просто постулирует, пренебрегая всеми существующими требованиями рациональности включая логический закон достаточного основания. П. Фейерабенд утверждает, что «универсальность, плодотворность, адекватность распространенных стандартов можно проверить только с помощью такого исследования, которое их нарушает» [4, с. 55]; мы можем проанализировать и оценить качество метода (как и любого другого объекта исследования) только находясь вне его границ. Но наука рассматривает рациональность как свою сущностную характеристику; исследование рациональности, осуществленное не с позиций рациональности, не может быть принято экспертным сообществом, поскольку теряет свой статус научности. В этом смысле критика экспертности как с позиций мистического мировосприятия, так и с позиций клипового мышления является неприемлемой для научного сообщества по самой своей форме, здесь невозможен диалог о содержании этой критики.

3. Итак, мы имеем следующую ситуацию. С одной стороны, эксперты позиционируют рациональность как единственно возможный критерий доступа к публичной дискуссии; с другой стороны, нарушая при этом требования рациональности, включая логический закон достаточного основания и закон противоречия. Широкая общественность не формулирует эту проблему в такой терминологии; однако интуитивно понимает, что в самом этом требовании есть подвох. Возникает ощущение, что требование рациональности должно распространяться на всех, кроме самих экспертов, т.е. по сути нарушается принцип равенства, который в современном массовом обществе рассматривается как высшая ценность. Причем нарушается он дважды: сначала в вытеснении приверженцев альтернативных когнитивных стилей из публичной дискуссии, и далее – в неравной жесткости требований рациональности к экспертам и к обществу. Такое неравенство воспринимается как умышленное, и его мотивы общество усматривает в нежелании экспертов учитывать в публичных дискуссиях мнения своих оппонентов, что является по сути манипулятивным (и также не рациональным) шагом. В этот момент публичная дискуссия переходит на свою агрессивную стадию в терминологии А.Т. Ишмуратова, для которой характерны формирование образа врага и переживание гнева по отношению к противнику [6].

Таким образом, снижение доверия к экспертам возникает потому, что эксперты и общество придерживаются различных стилей мышления, причем эксперты постулируют привилегированность своего стиля мышления без достаточных и приемлемых для общества на то оснований. Требование приемлемости здесь представляется ключевым. Как пишет П. Фейерабенд, «один и тот же аргумент будет для одного наблюдателя лишь пропагандистской уловкой, а для другого – выражением существа человеческого рассуждения» [4, с. 42]. Враждебное же отношение общества к экспертам – результат навязывания экспертами идеала рациональности, постулирования превосходства рациональности над другими мировоззренческими установками.

Список литературы

1. Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т. Л. Платонова М.: Эксмо, 2019. [Электронный ресурс]. URL: НИКОЛС - Смерть экспертизы 2018.pdf (kyiv-heritage-guide.com) (дата обращения 15.01.2024).
2. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. М.: АСТ, 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc-180589301_521869169?hash=6396f868b4a990a224&dl=6d2e45de2c11768509 (дата обращения 15.01.2024).
3. Хабермас Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. М.: «Весь мир», 2011. С. 26–75.
4. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / пер. с англ. А.Л. Никифоров. М.: АСТ, 2010. 378 с.
5. Оукшот М. Рационализм в политике // Рационализм в политике и другие статьи / пер. с англ. И.И. Мюрберг. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 7–37.
6. Ишмуратов А.Т. Конфлікт і згода: основі когнітивної теорії конфлікту. К.: Наукова думка, 1996. 191 с.

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО: ПОТРЕБНОСТЬ В ДИАЛОГЕ И ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ

Шапошникова Ю.В.

*Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: j.shaposhnikova@spbu.ru*

Аннотация. Последнее десятилетие нынешнего столетия отмечено возникновением сообществ людей различных профессий и социального статуса, объединяемых интересом к тому или иному философскому учению. Данное явление однозначно свидетельствует об определенной социальной потребности в приобщении к философскому наследию. Однако, как следует из анализа высказываний участников сообщества «StoicStrategy: стоицизм в XXI веке», указанная потребность не носит как такового интеллектуального характера, но связана с выработкой этических качеств (невозмутимость, мужество, способность принятия решений в ситуации неопределенности и др.) и коренится в необходимости обнаружения мировоззренческих и поведенческих стратегий, отвечающих вызовам современности. Спровоцированный такой потребностью выход философии в поле публичной научной коммуникации указывает на необходимость для философии установить диалог с обществом, неизбежно приводящий к проблеме перевода строгого философского языка понятий на обыденный язык представлений. В докладе демонстрируется, что этот перевод возможен путем переосмысления практической составляющей философии и обращения к общечеловеческому основанию, объединяющему мыслителей и публику.

Ключевые слова: практическая философия, понимание, осмысление, социум, искусство жить, стоицизм, обыденный язык.

PHILOSOPHY AND PUBLIC: PHILOSOPHY AND SOCIETY: THE NEED FOR DIALOGUE AND THE PROBLEM OF COMMUNICATION

Shaposhnikova Y.V.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Saint-Petersburg State University
E-mail: j.shaposhnikova@spbu.ru*

Abstract. The last decade of this century has been marked by the emergence of communities of people, united by an interest in various philosophical doctrines. This phenomenon unambiguously testifies to a social need to acquire philosophical heritage. However, as follows from the statements of “StoicStrategy: Stoicism in the XXI century” community members, this need is not intellectual, but relates to the development of ethical qualities and the discovery of attitudinal and behavioral strategies to respond to the challenges of contemporaneity. The entry of philosophy into the sphere of public scientific communication, however, is tied to the problem of translating the strict philosophical language of concepts into the everyday language of representations. The paper demonstrates that this translation is possible by rethinking the practical dimension of philosophy and by appealing to the universal ground that unites thinkers and the public – the notion of the human.

Keywords: practical philosophy, understanding, reflection, society, art of living, Stoicism, everyday language.

Начиная с античных времен, несмотря на почет и уважение, оказываемое мудрости, философия то и дело сталкивается с обвинениями в собственной неуместности и, если не вовсе изгоняется из общественной жизни, то во всяком случае вытесняется на ее периферию. Случаев избавления от философии множество и, несомненно, наиболее показательным примером является знаменитый суд над Сократом. Упрёки в адрес философии со стороны публики хорошо известны: абстрактна, оторвана

от жизни, слишком теоретична, задает неудобные вопросы, тормозит любую активность, подвергает сомнению очевидное, словом, мешает действовать решительно и прямо.

Тем не менее, в современном обществе наблюдается рост интереса к философским учениям. В частности, особой привлекательностью и потенциалом, с точки зрения представителей бизнеса и различных школ менеджмента, обладает римский стоицизм. Одним из примеров философских сообществ, объединивших людей самых разных профессий и интеллектуальной подготовки под эгидой философского наследия Марка Аврелия, Эпиктета и Сенеки, и интегрировавших стоицизм в современные исследования в области философии сознания, проблем искусственного интеллекта, когнитивистики и т.д. может служить сообщество *StoicStrategy: стоицизм в XXI веке* [1]. Основанное в январе 2021 года, сообщество насчитывает почти 15 тысяч участников, предлагает образовательные семинары, канал на платформе Telegram и чат для открытого обсуждения, поддерживая интерес своих членов постановкой различных теоретических вопросов и снабжая ответы комментариями. Участники проекта делятся рефлексиями относительно индивидуального прогресса в стоическом образе жизни и вариантами стоических ответов на вызовы современности.

Создание описанного и ему подобных сообществ, обращающихся к философскому наследию в поисках ответа на современные интеллектуальные, мировоззренческие и этические проблемы, однозначно свидетельствует о существовании социальной потребности в овладении философским знанием или, по меньшей мере, определенными стратегиями, выработанными историко-философской традицией за более чем два с половиной тысячелетия ее существования. Важно отметить, что указанная потребность во второй половине XX века в целом удовлетворялась учениями, восходящими к буддистской, даосской, индуистской и ведической традициям, и лишь в начале XXI века вновь обратилась к истокам европейской мысли. Например, в том, что касается стоической мысли, наиболее популярной у широкой публики в современную эпоху, книга американского исследователя Уильяма Ирвина «Радость жизни. Философия стоицизма для XXI века», во многом послужившая причиной возрождения интереса к стоицизму, вышла в свет лишь в 2009 году [2]. С чем же связано это запаздывание в обращении к европейской философской традиции?

На наш взгляд, причина перевеса общественного интереса в пользу интеллектуальных учений Востока связана с уже упоминавшимся, отчасти справедливым и, несомненно, глубоко укоренившимся убеждением в том, что европейская философия сугубо теоретична. Гарвардский профессор юриспруденции и автор монографии «Форум и башня: о том, каким ученые и политики воображали себе мир» Мэри Энн Глэндон заявляет о необходимости диалога между философией и политикой, но при этом разводит политику и философию как раз по принципу практичности первой и принципиальной теоретичности второй. «Сегодня, пишет Глэндон, когда области знаний все более фрагментируются, а эксперты – все более специализируются, совместная работа государственных деятелей и ученых как никогда необходима для того, чтобы практика не расходилась с теорией и наоборот» [3, р. 223].

Совсем из другого основания исходит П. Слотердаjk. «Как только мы начинаем упорствовать в различении между теорией и практикой, утверждает он, или активной и созерцательной жизнью, мы тут же теряем из виду ее внутреннюю ценность» [4, р. 11]. Активная и созерцательная жизнь, по Слотердаjку, неотделимы. Обнаружить единое основание теории и практики, созерцания и деятельности этому мыслителю удается благодаря обращению к этимологии и смыслам понятия *askesis* (аскезы, или упражнения в более широком смысле). Слотердаjk пишет о внутреннем преобразовании человеческой личности, совершаемой в упражнении, прежде всего в упражнении мышления. В письме к прусскому королевскому правительственному советнику Гегель так и пишет: «Как пропедевтическая наука философии особенно должна давать формальное образование и упражнение для мышления» [5, с. 424].

Примечательно, впрочем, что современного человека, интересующегося философией, не заботит формальное образование. *StoicStrategy* и подобные (около)философские сообщества привлекают участников не дипломами и научными степенями, а предложениями стратегий или «упражнений» в овладении искусством жизни. Ученость как таковая больше не является привлекательной целью для современного искателя смыслов. Гораздо актуальнее оказываются ценности успеха, спокойствия, ощущения счастья, а также эмоциональная устойчивость и способность принятия решений в условиях неопределенности. Во всяком случае, примерно в таком ключе участники упомянутого сообщества *StoicStrategy* объясняют причины своего вступления в него: научиться владеть собой, преодолеть депрессию без медикаментов, продвинуться в достижении морального совершенства, найти смысл происходящего в мире и т.д. [1]. При этом ни один из участников сообщества не ставит своей задачей

прояснение понятий, используемых классиками стоической философии, и, более того, наверняка, не готов углубляться в тонкости «философской кухни».

Но обратимся ко второму виду пользы от занятий философией, указанной Гегелем. Упражнение в мышлении. По утверждению М. К. Мамардашвили, «Во все времена и везде философия – это язык, на котором расшифровываются свидетельства сознания» [6, с. 57]. Таким образом, поясняет он, философия предлагает слова, которыми можно, с одной стороны, описать переживание уже свершившегося опыта, а с другой, благодаря этим словам, продлить и углубить этот опыт. Благодаря «соотнесенности с изначальным жизненным смыслом», присущей всем великим философам, «человек обычный, не философ, может в отвлеченных понятиях, которые философы строят по необходимости языка, узнать их изначальный жизненный смысл» [там же, с. 59]. Философия, следовательно, есть то, что позволяет выйти на предел и мыслить «в идее» [там же, с. 60], то есть не на уровне представлений, а на уровне понятий, не предметно и изнутри мира, а *sub specie aeternitatis*, пользуясь выражением Спинозы.

«Наша социальная жизнь, подытоживает Мамардашвили, пронизана пограничными сопряжениями и требует от нас цивилизованной грамотности. Чтобы нам *быть* гражданами, то есть жить социально грамотно, нам нужно *понимать* какие-то отвлеченные истины относительно самих себя, своих предельных возможностей» [там же, с. 61]. В высказывании Мамардашвили тонко показана зависимость бытия от мышления. И следовательно, сам собой напрашивается вывод, что философское мышление, вопреки представлениям обыденного сознания, вовсе не является отвлеченным от практики жизни, а напротив, тесно с ней связано. Вспомним гегелевское высказывание: «Человек отличается от животного именно тем, что он *знает*, что он такое и что он делает» [7, с. 110]. Пробуждению именно этого осознания и способствует интеллектуальная традиция философской мысли.

Несомненно, что стоическая философия представляется наиболее привлекательной для массового сознания именно своей этической ориентированностью, тогда как подавляющее большинство философских учений требуют опыта работы с понятиями, а следовательно, длительного упражнения, терпения и внутренней тишины (досуга). Но прежде, если философия вообще претендует на пробуждении к себе широкого общественного интереса, ей придется ясно продемонстрировать публике свою практическую ипостась и, подобно тому, как популяризирует себя современное естествознание, пренебречь своим интеллектуальным превосходством и попытаться простым языком рассказать о том, чем она была и теперь занята долгие века своего существования.

Возникает справедливый вопрос, может ли философия говорить обыденным языком? И всякая ли фундаментальная философская проблема принципиально выразима «простыми словами»? М. Хайдеггер истолковывал суть перевода как пере-ведение – через реку, пропасть – по мосту. Что послужит этим мостом, если философия вступит на путь публичной коммуникации? Коммуникация требует со-общения, то есть общего основания. И этим общим основанием является не что иное, как само «человеческое». Власть и публика не абстрактные структуры, а сообщества людей, наделенных единой человеческой сущностью. К ней-то и призывают философская мысль и философское слово.

Список литературы

1. StoicStrategy: стоицизм в XXI веке [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/stoicstrategy> (дата обращения: 13.01.2024).
2. Irvine W. A Guide to the Good Life. The Ancient Art of Stoic Joy. New York: Oxford University Press, 2009. 314 p.
3. Glendon M. The Forum and the Tower: How Scholars and Politicians Have Imagined the World, from Plato to Eleanor Roosevelt. New York: Oxford University Press, 2011. 261 p.
4. Sloterdijk P. The Art of Philosophy: Wisdom as Practice / trans. by Karen Margolis. New York: Columbia University Press, 2012. 120 p.
5. Гегель Г.В.Ф. О преподавании философии в университетах // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 417-425.
6. Мамардашвили М.К. Философия – это сознание вслух // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. С. 57-71.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.

ПУБЛИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Шиповалова Л.В.

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: ladaship@gmail.com*

Аннотация. В тексте раскрывается смысл концептуальной неопределенности публичной научной коммуникации. Неопределенность обнаруживается в отсутствии ее единого именованья, в многообразии направлений, форм, задач и моделей ее реализации. Предлагается специфицировать понятие публичной научной коммуникации как коммуникации с участием ученых, в которой проблематизируется общественная значимость науки, что оказывает влияние на научную деятельность. Такая спецификация связывает смысл публичности в понятии публичной научной коммуникации с кантовским смыслом Просвещения, а не только отсылает к публике как к неопределенному участнику взаимодействия. Кроме этого, предлагается истолкование публичной научной коммуникации не как перевода языка, выражающего научное знание на вульгаризированный язык публики, но как формирование специфического пограничного языка коммуникации ученых и непрофессионалов.

Ключевые слова: публичная научная коммуникация, популяризация, экспертиза, перевод, пограничный язык.

PUBLIC COMMUNICATION OF SCIENCE – THE ISSUE OF CONCEPTUAL INDETERMINATION

Shipovalova L.V.

*DSc in Philosophy, Professor
St Petersburg University
E-mail: ladaship@gmail.com*

Abstract. The text reveals the conceptual uncertainty of public communication of science. The author reveals this uncertainty in the absence of a single name for it, in the variety of directions, forms, objectives and models of its implementation. She proposes to specify the concept of public scientific communication as communication with the participation of scientists, in which the social significance of science is problematized, which has an impact on scientific activity. This specification connects the meaning of publicity in the concept of public communication of science with the Kantian meaning of the Enlightenment, and not only refers to the public as an indeterminate participant in communication. In addition, she proposes to interpret public communication of science not as a translation of a language expressing scientific knowledge into the vulgarized language of the public, but as the formation of a specific boundary language of communication between scientists and non-professionals.

Keywords: public communication of science, popularization, expertise, translation, boundary language.

Неопределенность публичной научной коммуникации начинается с имени. В отечественном пространстве для коммуникации профессиональных ученых и непрофессионалов используют термины «внешняя научная коммуникация», «коммуникация науки и общества» или «публичная научная коммуникация», и часто связывают соответствующие практики исключительно с популяризацией, что существенно ограничивает поле исследования. В англоязычной литературе существует различие в именовании того, что на русском языке называется научной коммуникацией. Когда имеют в виду коммуникацию профессионалов, взаимодействие внутри дисциплины или на пересечении дисциплинарных границ, используют термин «*scientific communication*». А когда речь идет о коммуникации ученых с аудиторией за рамками научного сообщества, или с акторами, которые не являются профессионалами в науке, но в том или ином смысле проявляют интерес к ее практикам и результатам – «*science communication*». Этот термин вынесен в заглавие известного журнала [1], в фокусе публикаций которого различные аспекты теории и практики коммуникации экспертов

и профессионалов, проблемы научного журнализма, вовлечения публики в науку, а также воздействие коммуникации на понимание науки публикой (обществом) и публичную политику. Кроме этого, используются термины «*public awareness of science*», «*public engagement*», «*science in society*». Также релевантным можно считать именование, вынесенное в заглавие обобщающего справочного издания под редакцией М. Букки и Б. Тренча *Public Communication of Science and Technology* [2]. Мы останавливаемся на последнем именовании, правда без использования технологий, поскольку оно позволяет передать специфику соответствующей научной коммуникации на русском языке. Второй аргумент за такое именование будет высказан в дальнейшем.

Следующая существенная неопределенность относится к различению внутри пространства практик публичной научной коммуникации. Какие направления взаимодействия ученых с непрофессионалами следует в него включить? Одну из возможных аналитик предлагает Х.П. Петерс, проводя различие между экспертной деятельностью ученых, популяризацией и обсуждением метанаучных проблем, например относящихся к научной политике, этике науки и внедрению новых технологий и т.п. [3, р. 75]. Однако эту аналитику можно если не дополнить, то проблематизировать, поставив вопрос о том, например, куда следует отнести практики гражданской науки, особенно если она преследует цель не только и не столько получения научных знаний с использованием дополнительных ресурсов, предоставляемых дилетантами, сколько вовлечения граждан в науку. Можно отметить также многообразие моделей (дефицитарная, диалог и участие [4]), а также задач или функций публичной научной коммуникации. К задачам следует отнести и применение результатов научных исследований в решении общественных проблем (экспертиза), и распространение знаний о процессе научного познания и достижениях ученых (научная популяризация), и вовлечение публики в науку, в том числе привлечение к научному образованию и исследованиям, и просвещение, и формирование доверия науке. Строгая классификация функций остается перспективной задачей. В любом случае перечисление не будет завершенным, поскольку исследование публичной научной коммуникации представляет собой развивающееся направление, а фактическая реализации публичной научной коммуникации, несмотря на истоки еще в начале Нового времени, продолжает приобретать новые формы и существенным образом трансформирует старые. (В частности, можно упомянуть кино как форму публичной научной коммуникации или современную трансформацию практик научных музеев). В контексте различия направлений и функций публичной научной коммуникации неопределенным остается и место научного образования. Особенно, если речь идет об исследовательских университетах, где предполагается соединение образования с исследованием и осуществляется коммуникация ученых с учениками, которые еще не являются профессионалами.

Это лишь малая доля тех неопределенностей, которые сопровождают исследование публичной научной коммуникации. Следует подчеркнуть, что специфика ее направлений и отдельные проблемы схватываются посредством концептов, разрабатываемых в современных исследованиях науки. Так, особое внимание уделяется проблемам экспертной деятельности – истокам формирования понятия эксперта, аналитике научной экспертизы в различных общественных контекстах и для различных аудиторий [5, 6], анализу эпистемических позиций ученых-экспертов и экспертов непрофессионалов [7]. Можно указать на ставшие уже классическими тексты о гражданской науке [8] или на эмпирические исследования целей, которые ставят для себя ученые, включаясь в научную популяризацию [9]. Прояснение терминов, используемых в исследованиях публичной научной коммуникации, представляет собой актуальную задачу. В этом отношении текст М. Букки и Б. Тренча [10] может служить ее образцовым решением, хотя и далеко не окончательным. Представляется, что важный аспект философского прояснения должен состоять в систематизации проблем самого феномена публичной научной коммуникации и ее исследования, а также в формировании связи концептов, эти проблемы схватывающих. Ниже я предложу в самом общем виде основание такой систематизации, идущее не от многообразия терминов, описывающих конкретные практики, их задачи, формы, модели и участников. Многообразие как недостаточная определенность служит при этом мотивом поиска основания.

Понятие публичной научной коммуникации можно специфицировать следующим образом – это коммуникация с участием ученых, в которой (ее истоках, процессе и результатах) проблематизируется общественная значимость науки и эта проблематизация влияет на научную деятельность. Представляется, что такая спецификация через проблему позволяет раскрыть необходимость соответствующих взаимодействий. Действительно, необходимости экспертной научной деятельности нет в условиях гипотетической технократии, где не ставится под вопрос общественная значимость науки. При таких условиях решения ученых оказываются одновременно политическими решениями, они не подлежат обсуждению и не предполагают выбора. Необходимость популяризации

науки также связана с работой над общественным признанием ученого и значения научного знания и познания, с формированием или сохранением общественного доверия науке. Такая спецификация связывает смысл публичности в понятии публичной научной коммуникации с кантовским смыслом Просвещения и предлагает увидеть и удерживать в фокусе разрыв между той коммуникацией, в которой ученый выступает как член научного сообщества и следует его этосу, методологическим установкам, парадигмальным требованиям, и той, где он обращается «ко всей читающей публике», признавая необходимость такого обращения. В таком различении профессиональной научной коммуникации как «частного применения разума» и коммуникации науки и общества как «публичного применения разума» смысл публичности приобретает содержательное наполнение.

Специфика разрыва между двумя видами научной коммуникации – профессиональной и публичной, следствием которой оказывается и скептическое отношение ученых к практикам второй, состоит в неопределенности границы между научным сообществом и тем, к которому обращается ученый, что, в свою очередь связано с неопределенностью сообщества «всей читающей публики», его языка, интересов, знаний, с истолкованием этого сообщества в общем виде без дифференциации [10, p. 158-159]. В случае профессиональной научной коммуникации речь идет о взаимодействии различных ученых, не компетентных относительно предмета и исследовательского инструментария другого, но признающих профессиональный статус друг друга. Напротив, публичная научная коммуникация предполагает, что ученый должен «перевести» научный язык на тот, который не является научным. Представление о языке публичной научной коммуникации как о языке повседневности, неформализуемом, не имеющем строгих правил, заставляет воспринимать обращение ученого к публике как искажающее смысл научной деятельности, уничтожающее ее научный характер. Это связано не только с генерализованным представлением аудитории публичной научной коммуникации, но и с тем, что основным и до сих пор остающимся единственным в некоторых странах направлением публичной научной коммуникации является популяризация, связываемая с вульгаризацией научного языка.

Однако такое истолкование разрыва между двумя видами научной коммуникации может быть неполным, особенно, если принять во внимание возможное активное участие граждан в публичной научной коммуникации. В случае такого внимания ко второй стороне взаимодействия язык публичной научной коммуникации может быть рассмотрен не как вульгарный язык повседневности, упускающий специфику научности, но как тот, который возникает на пересечении и представляет собой результат коммуникации между учеными и конкретной аудиторией в «зоне обмена» (П. Галисон). Тогда можно говорить о том, что в процессе практик публичной научной коммуникации происходит формирование ее специфических правил, а не отказ от правил вообще. Такое истолкование влечет возможности конструктивного применения концептов, предложенных в рамках исследований науки и технологий (Studies of Science and Technology), непосредственно релевантных или уточняемых для определенного предметного поля. Понятие «зоны обмена», применяемое к практикам публичной научной коммуникации, позволяет говорить, как об особом языке коммуникации ученого с публикой – пиджине, – так и о его возможном становлении креолом, если какие-то находки одного популяризатора и эксперта будет использовать другой, развивая их возможности. Также приобретает дополнительный смысл и актуальность понятие «пограничного объекта» [11], введенного в контексте описания условия «координации действий в отсутствии консенсуса» различных акторов при создании коллекции научного музея. Пограничными объектами в публичной научной коммуникации могут оказаться термины, идеи, фигуры речи, с одной стороны, удовлетворяющие ученого в качестве способов репрезентации его научных знаний и, с другой, трансформирующие язык повседневности в язык «интеракциональной экспертизы», на котором может быть задан интересный для ученого вопрос. В этот ряд можно вписать концепты «гибридной идентичности» и «маргинала», определяющие ученого и дилетанта, осуществляющих «пограничную» работу по выработке языка коммуникации, а также понятия «распределенного научного познания» и «распределенной экспертизы», характеризующие эту работу.

Обстоятельная работа над концептуальными основаниями публичной научной коммуникации представляется открытым проектом, в который могут быть включены высказанные выше воображения: во-первых, о содержательном смысле публичности, который не только и не столько отсылает к публике в ее неопределенности, сколько задает содержание взаимодействия между ученым и непрофессионалом. Во-вторых, дополнительно к изменению смысла публичности может быть предложено истолкование коммуникации не как перевода языка, выражающего научное знание, на вульгарный язык публики, но как формирование языка коммуникации ученых и непрофессионалов, имеющего содержательный смысл проблематизации общественной значимости науки, локальный

характер актуальности в конкретной ситуации и пограничный статус включения в себя различных эпистемических позиций и средств их выражения.

Список литературы

1. Science Communication. [Электронный ресурс]. URL: <https://us.sagepub.com/en-us/nam/journal/science-communication#aims-and-scope>. (дата обращения 1.01.2024).
2. Bucchi M., Trench B. Routledge Handbook of Public Communication of Science and technology, London: Routledge, 2014. 275 p.
3. Peters H.P. Scientists as public experts: expectations and responsibilities // Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology. Ed. M. Bucchi, B. Trench. London and New York: Routledge, 2014. P. 70-82.
4. Irwin A. Risk, Science and Public Communication: Third-Order Thinking about Scientific Culture. In Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology. Ed. M. Bucchi, B. Trench. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group. P. 160-172.
5. Pielke Jr., R. The Honest Broker: Making Sense of Science in Policy and Politics. Cambridge University Press, Cambridge, 2007. 188 p.
6. Turner S. What Is the Problem with Experts? // Social Studies of Science. 2001. Vol. 31 (1). P. 123–149.
7. Collins H., Evans R., Weinel M. Interactional Expertise // Handbook on Science and Technology Studies. Eds. U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, and L. Smith-Doerr. MIT Press, 2016. P. 765–792.
8. Irwin A. Citizen Science: A Study of People, Expertise and Sustainable Development. Routledge, 1995. 212 p.
9. Besley J.C., Dudo A., & Yuan S. Scientists' views about communication objectives // Public Understanding of Science. 2017. Vol. 27(6). P. 708–730.
10. Bucchi M., Trench B. Science communication and science in society: A conceptual review in ten keywords // Tecnoscienza: Italian journal of science & technology studies. 2016. Vol. 7(2). P. 151–168.
11. Star S., Griesemer J. Institutional Ecology, 'Translations' and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907-39. // Social Studies of Science. 1989. Vol. 19 (3). P. 387–420.

УЧЕНЫЙ НА ПУБЛИКЕ: БАЛАНС СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Шкорубская Е.Г.

*Специалист Центра социальной антропологии и формирования личности
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
E-mail: shkorubska@gmail.com*

Аннотация. В работе рассматривается специфика легитимации права говорить от имени науки в публичном пространстве. С опорой на концепцию символического капитала Пьера Бурдьё, соотносится значимость собственно научного капитала и временного капитала как внутри поля науки, так и в публичной сфере. Весомость временного капитала в поле науки тем выше, чем ниже автономия поля, его накопление позволяет получить преимущества в конкурентной борьбе только в том случае, если поле науки в большей степени подчиняется внешним, чем внутренним законам. В ситуации публичной коммуникации, напротив, временный капитал необходим для обеспечения узнаваемости и влиятельности, в то время как специфический научный капитал утрачивает свою значимость и сводится к формальному указанию статуса.

Ключевые слова: П. Бурдьё, символический капитал, поле науки, временный капитал, научное сообщество, публичная сфера.

SCIENTIST IN PUBLIC: THE BALANCE OF SYMBOLIC CAPITAL

Shkorubskaya E. G.

Specialist of the Center of Social Anthropology and Personality Formation

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

E-mail: shkorubskaya@gmail.com

Annotation: The work examines ways to legitimize the right of a scientist to speak on behalf of science in the public space. Drawing on Pierre Bourdieu's concept of symbolic capital, the significance of specific scientific capital and temporary capital is explored both within the field of science and in the public sphere. The weight of temporary capital in the field of science is higher, the lower the autonomy of the field; its accumulation makes it possible to gain advantages in the competitive struggle only if the field of science is more subject to external than internal laws. In a situation of public communication, on the contrary, temporary capital is necessary to ensure recognition and influence, while specific scientific capital loses its significance and is reduced to a formal indication of status.

Keywords: P. Bourdieu, symbolic capital, field of science, temporary capital, scientific community, public sphere.

Публичный статус ученого складывается из множества факторов, определяющих то, как будут восприняты и услышаны его высказывания широкой публикой, людьми, внешними по отношению к науке. Чтобы завоевать их доверие, публичному ученому приходится обращаться к способам привлечения внимания, отличным от принятых в научном сообществе. Одним из факторов, определяющих отношение публики к ученому, является накопленный им символический капитал, признаваемый в публичной сфере. В данной ситуации проблематичность положения ученого состоит в том, что этот символический капитал по своей сути отличается от того, который действует и признается в поле науки.

Согласно П. Бурдьё, научное сообщество представляет собой особое социальное поле, агенты которого участвуют в постоянном взаимодействии и противодействии в борьбе за специфический научный капитал, определяющий положение ученого и его признание среди коллег по цеху. Это поле определяется совокупностью целей и интересов, объединяющих и разделяющих ученых следующим образом: «Поле науки <...> является местом (т. е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [1, с. 481]. Обратим внимание, что правом говорить и действовать от имени науки ученого наделяют его коллеги и это право признается за ним *внутри поля*.

Однако для того, чтобы указанное право на вынесение суждений от имени науки было признано не только внутренним научным сообществом, но и широкой публикой, необходим определенный уровень доверия к науке как таковой и признание за наукой права на отражение мира. Как отмечает Бурдьё, «Несмотря на то что наука стремится обрести социальное признание и тем самым социальную действенность, возрастающие по мере того, как научные ценности признаются все более широко (особенно под влиянием технологических изменений и работы системы образования), свою социальную силу она может получить лишь извне, в форме делегированного авторитета, способного обрести в научном принуждении, которое он социально обосновывает, легитимацию своего социального произвола» [2, с. 131]. Таким образом, чем выше в обществе авторитет самой науки, тем больший вес в публичной сфере имеет специфический научный капитал, накопленный внутри поля науки.

Любой, кто претендует на вынесение суждений от имени науки, обязан обосновать свое право на это, продемонстрировать признание научным сообществом. В силу того, что поле науки достаточно автономно и эзотерично, обычный зритель, читатель или слушатель не способен в полной мере определить действительный статус ученого внутри сообщества, его признание коллегами. Поэтому в публичной сфере верификация права говорения от имени науки, как правило, обеспечивается формальным указанием звания и степени, иногда и места работы (нередко такая формальность используется разного рода шарлатанами, стремящимися придать вес своим словам, призвав на свою

сторону авторитет науки). Тем не менее, чтобы привлечь внимание публики, специфического научного капитала недостаточно.

Так как никакое социальное поле не обладает полной автономией, и поле науки в том числе, стратегии действующих внутри него агентов не могут быть разделены на научные и социальные – утверждает П. Бурдьё. Поэтому даже внутри научного сообщества положение ученых определяется двумя типами символического капитала: собственно научным (накопление которого зависит исключительно от научной деятельности агента) и временным, который выражается в получении власти над научным миром, может быть накоплен через каналы, которые не являются исключительно научными, и носителями которого является бюрократическая прослойка поля науки – министерство, ректоры университетов, директора академий и другие «научные администраторы» [3, р. 56-57]. Соотношение этих типов символического капитала зависит от степени автономности поля науки – чем выше автономия, тем сильнее иерархия связана с распределением научного капитала, уменьшение же автономии поля может выводить временный капитал на первый план, вплоть до полного подчинения сугубо научных вопросов бюрократической целесообразности, экономической выгоде или политической идеологии. Так, например, для исследования структуры университетского поля во Франции в 70-х гг. Бурдьё выделял следующие виды социального капитала: 1) основные социальные факторы, определяющие шансы получить доступ к занимаемым позициям (социальное происхождение, наследуемый экономический и культурный капитал); 2) образовательный капитал; 3) капитал университетской власти (административные позиции); 4) капитал научной власти (непосредственное руководство исследованиями, лабораториями, журналами и т.д.); 5) капитал научного престижа (формальное признание сообществом); 6) капитал интеллектуальной известности; 7) капитал политической и экономической власти; 8) «политические» диспозиции в широком смысле [2, с. 82-86]. К сугубо научному капиталу из перечисленных можно отнести, пожалуй, капитал научной власти и капитал научного престижа. Соответственно, игроки, действующие в поле науки, могут накапливать тот или иной вид символического капитала, выбор между которыми, согласно Бурдьё, происходит в соответствии с «законом Ждановщины», «согласно которому, беднейшие в специфическом капитале, то есть наименее выдающиеся в соответствии с научными критериями, склонны обращаться к внешним силам, чтобы укрепить свое преимущество, а иногда даже добиться триумфа в научной борьбе» [3, р. 58].

Одним из воплощений «временного капитала», подкрепляющего статус ученого, является интеллектуальная известность, публичная представленность ученого. Интеллектуальная известность предполагает привлечение внешних по отношению к науке способов накопления символического капитала (журналы, газеты, общественные дискуссии и т.д.). И если значимость этого временного капитала внутри поля науки зависит от степени автономности поля, то в публичной коммуникации он играет главную роль. По мнению Бурдьё, в медийном поле журналисты, телеведущие, блогеры, а в настоящее время – пользователи интернета, некомпетентные в понимании специфических научных норм, определяют «какие проблемы являются важными, а какие нет, кто может быть экспертом, кто «блестящий» ученый, а кто «устарел». Взаимодействие журналистов и интеллектуалов содействует стиранию границ между этими группами, а также вносит изменения в определение интеллектуала, ученого. На месте исследователей на экранах телевизоров все чаще появляются «публицисты»: лица, обладающие учеными степенями, которые стремятся сделать карьеру новыми средствами, с помощью внешней поддержки и легитимации со стороны масс-медиа» [4, с. 16].

Специфика современного медиапространства, определяемая особенностями интернет-коммуникации способствует тому, что ученый, желающий выступить публично, более не нуждается в таких посредниках. Но подобная самостоятельность значительно снижает возможность быть услышанным. Привлечение же других источников временного капитала (государства, политических сил, экономических лидеров, популярных медиаплощадок, сообщества других публичных ученых) позволяет значительно повысить собственный статус и придать вес своим словам в говорении от имени науки. Рассмотрим две популярные стратегии.

Ранее мы говорили о том, что чем выше в обществе авторитет науки, тем больший вес имеет символический научный капитал в публичной сфере. Постепенная специализация медиа и рост социальной значимости науки привел к формированию сообщества «научных коммуникаторов». При этом состав его крайне разнороден и включает как журналистов, специализирующиеся на донесении научных знаний до широкой публики, так и ученых, которые популяризируют научные знания. С одной стороны, это сообщество стремится к увеличению авторитета науки, а значит, повышает роль научного символического капитала в публичной сфере. С другой стороны, члены сообщества зачастую претендуют на право говорить от имени всей науки, следствием чего является

формирование специфического образа науки, транслируемого данным сообществом. Стоит обратить внимание, что в данной ситуации, несмотря на кажимость влияния, именно научного символического капитала на популярность коммуникаторов, авторитет их словам придает скорее некий абстрактный образ самой *Науки*, формируемый данным сообществом в публичном пространстве, а не то специфическое признание, которое каждый из них получает внутри научного сообщества.

Другой распространенной стратегией является использование медиаплощадок различных политических сил. Это больше характерно для тех, кого Бурдьё называет «публичными интеллектуалами» и «публицистами». В таком случае ученый нередко использует научные знания для подкрепления того взгляда на общественные проблемы, который транслируется той или иной политической силой, и как следствие, получает внимание и поддержку ее сторонников. Это позволяет значительно увеличить публичное влияние ученого, а в случае, если он принимает прогосударственную позицию – возможно, и добиться определенных предпочтений внутри научного сообщества по «закону Ждановщины».

Разумеется, стратегии приумножения символического капитала, повышающего интеллектуальную известность ученого, не сводятся к рассмотренным нами. Обретение права говорить от имени науки в глазах публики требует качественно иных действий, чем привычные стратегии умножения специфического научного символического капитала. Легитимация этого права невозможна без обращения к внешним силам, и от позиции и намерений ученого, выходящего на публику, зависит избираемый им способ увеличения интеллектуальной известности.

Список литературы

1. Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 473-517.
2. Бурдьё П. *Homo academicus* / пер. с фр. С. М. Гавриленко, О. М. Журавлева, Д. Ж. Кондова, Е. В. Кочетыговой, О. О. Николаевой, Н. В. Савельевой; под науч. ред. Е. В. Кочетыговой и Н. В. Савельевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 464 с.
3. Bourdieu P. *Science of science and reflexivity*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005. 129 p.
4. Шматко Н.А. Предисловие. Блеск и нищета масс-медиа // П. Бурдьё. В телевидении и журналистике / Пер с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой. Отв. ред и предисл. Н.А. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 7-16.

**Системные исследования в России.
К 90-летию со дня рождения В.Н. Садовского**

О ПОНЯТИИ «СИСТЕМА» И СИСТЕМНОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ

Грифцова И.Н.

*Доктор философских наук, заведующая кафедрой философии
Института социально-гуманитарного образования
Московский педагогический государственный университет,
E-mail: in.griftsova@mpgu.su*

Сорина Г.В.

*Доктор философских наук,
профессор кафедры философии языка и коммуникации философского факультета,
заместитель декана по научной работе факультета педагогического образования
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
E-mail: gсорина@mail.ru*

Аннотация. Становление и развитие системных исследований рассматривается с точки зрения конституирующего все системное движение понятия «система». Для понимания того, как появляются и работают такие универсальные по своему объему понятия, как понятие «система», демонстрируется плодотворность выявления основных особенностей формирования и функционирования в культуре самого понятия «понятие». В качестве методологической основы исследования выбирается концептуальная инженерия, с позиций которой анализируется история разработки определений понятия «система», вариантов его трактовки в зависимости от области и цели использования и обратного влияния на представление этих областей. Основное внимание уделяется основополагающим в проблемном поле системных исследований работам В.Н. Садовского, а также созданной им научной школе «Философия и методология системных исследований».

Ключевые слова: В.Н. Садовский, система, системное движение, философия и методология системных исследований, системный подход, понятие, концептуальная инженерия, концептуальная ре-инженерия.

И.Н. Грифцовой ее часть доклада подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23–28-01068, <https://rscf.ru/project/23-28-01068/>

ON THE CONCEPT OF A SYSTEM AND THE SYSTEM MOVEMENT IN RUSSIA

Griftsova I.N.

*DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy
Moscow Pedagogical State University
E-mail: in.griftsova@mpgu.su*

Sorina G.V.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Language and
Communication of the Faculty of Philosophy,
Deputy Dean for Research of the Faculty of Pedagogical Education
M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: gсорина@mail.ru*

Abstract. The formation and development of system research is considered from the point of view of the concept of a system constituting the entire system movement. To understand how such universal concepts as the concept of a system appear and work, the fruitfulness of identifying the main features of the formation and functioning of the concept of a concept in culture is demonstrated. Conceptual engineering is chosen as the methodological basis for exploration how definitions of the concept of system evolved, how it was interpreted depending on the field of application and the reverse influence on the visions of these spheres. The main attention is paid to the V.N. Sadovsky's fundamental works, as well as to the scientific school "Philosophy and Methodology of System Research" created by him.

Keywords: V.N. Sadovsky, system, system movement, philosophy and methodology of system research, system approach, concept, conceptual engineering, conceptual re-engineering.

«...каждая наука есть не более, как одно
чрезвычайно обширное и сложное понятие...»
К.Д. Ушинский

Обращение к становлению и развитию системных исследований в России (а до этого в Советском Союзе) очевидным образом предполагает обращение и к центральному для этих исследований понятию «система». Мы сочли целесообразным предварить это обращение небольшим экскурсом в историю исследований самого понятия «понятие». Несмотря на то, что оно сопровождает всю историю интеллектуальной культуры человечества, начиная с античности, а понятие «система» становится актуальным только в XX веке, выявление основных особенностей формирования и функционирования понятия «понятие» в науке, культуре оказывается очень полезным и для понимания того, как появляются и работают такие универсальные по своему объему понятия, как понятие «система».

Оба эти понятия постоянно используются, но их трактовки остаются в той или иной степени неопределенными, не вполне отчетливыми, недостаточно ясными, неточными. Понять особенности их бытия можно, только отталкиваясь от особенностей конкретной концептуализации, у конкретного автора, работающего в определенном контексте, обладающего необходимыми профессиональными знаниями и соответствующей репутацией для придания элементов общезначимости этим понятиям. Еще один путь придания общезначимости тому или иному понятию связан с заключением конвенции, касающейся его определения и соответственно границ применимости. Среди множества авторов, которые занимались исследованием понятия «понятие», кроме очевидных Платона и Аристотеля, можно назвать, например, Х. Зигварта. Он объяснял надежность и общезначимость понятия его «словесным обозначением». В отечественной логико-философской мысли А.И. Введенский эти же качества понятия связывал с мыслью о предмете, в которой представлены существенные признаки предмета. В соответствии с позицией Дж. С. Милля понятия, «будучи по существу продуктом чувственного опыта», становятся, говоря современным языком, инструментами обработки опыта. Милль считал, что только овладение совокупностью понятий позволяет человеку осмысливать мир вокруг него.

Выдающийся отечественный логик, досконально исследовавший проблему понятия во второй половине прошлого века, Е.К. Войшвилло, определял важнейшие логико-гносеологические особенности понятия в связи с проблемой смысла. Именно он напишет, что «наблюдается довольно странная ситуация: о понятиях говорят в любой науке, теории и постоянно в повседневной жизни. Иногда даже мышление характеризуют как процесс оперирования понятиями. И вместе с тем остается неясным, что при этом имеется в виду ...» [1, с. 4]. Войшвилло предлагает свой путь прояснения смысла понятия. С его точки зрения, для этого необходимо определить приемы, позволяющие оперировать понятиями, и объяснить его структурно-логические характеристики; в конечном счете он формулирует подход к трактовке понятий как теорий определенного типа. В этом он близок к позиции К.Д. Ушинского, который считал, что «...каждая наука есть не более, как одно чрезвычайно обширное и сложное понятие... Для человека, изучившего науку вполне, вся она является одним понятием, историю образования которого он может довести с конца до начала...» [2, с. 601]. Очевидно, что и передача знаний невозможна без конституирующих предметные поля этих знаний понятий. Соответственно, формирование навыков работы с понятиями является одной из главных задач в сфере образования [3].

Как же выстраиваются исследования понятия «система»? Многие ученые и философы, как известно, использовали его в названиях своих трудов, например, «Диалог о двух системах мира» Г. Галилея, «Система мира» И. Ньютона, «Трактат о системах» Э. Кондилляка, «Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом» Г. Лейбница; «Система логики силлогистической и индуктивной» Дж. С. Милля. Системами называют философские построения великих философов: философская система Аристотеля, И. Канта, Г. Гегеля; исследовательские направления и концепции. Мы также говорим о системе образования, политической системе, системе безопасности, системе взглядов, системе питания и т.д. Используется ли при этом одно и то же понятие или сохраняется сам термин, а его значение изменяется? Изменяется ли роль, которую в зависимости от этого играет понятие системы? Где и как фиксируются эти изменения? Почему не удастся создать единую системную концепцию? И почему, например, не прижилось оригинальное название «Тектология», предложенное Александром Богдановым в 20-е годы XX века для всеобщей организационной науки – фактически, общей теории систем?

Поиском ответов на эти вопросы занимались и такие крупнейшие представители системных исследований в нашей стране, как В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, И. В. Блауберг. Вместе с ними развивали системные исследования в самых различных областях и многие другие философы и ученые, в частности, те, кого объединил под одной крышей специально созданный под руководством Д.М. Гвишиани в 1976 году Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований Академии наук (ВНИИСИ АН), более известный после его переименования в 1992 году как Институт системного анализа Российской академии наук (ИСА РАН). Результаты своих исследований они, в первую очередь, публиковали в уникальном издании мирового уровня – ежегодниках «Системные исследования. Методологические проблемы» (издаются с 1969 года по настоящее время), на страницах которых интерес к системным исследованиям объединял представителей самых разных областей знания: математики, физики, химии, биологии и экологии, социологии, экономики, психологии и психиатрии, кибернетики и, конечно, логики и философии.

Именно благодаря этим исследованиям примерно с середины 70-х годов XX века в нашей стране, как и в других странах мира, системный язык начал проникать в различные научные и прикладные дисциплины. Стали выстраиваться многочисленные программы различных версий системно-структурной методологии и общей теории систем [4], сложилось фактически целое «системное движение», объединяющее специалистов из различных областей. Понятие системы стало нагружаться новыми дополнительными смыслами, появились такие понятия, как «вторая система», «метасистема», «система систем» и ряд других. Столь быстрое распространение системного мышления, системного языка кажутся удивительными, если учесть, что в области системных исследований имели место существенные разногласия не только относительно ключевых понятий, но и самого предмета этих исследований, их места и назначения.

Б.Г. Юдин объясняет это чрезвычайно быстрое распространение именно отсутствием теоретической жесткости, расплывчатостью, нечеткостью используемых понятий, что позволяет опираться на системный подход в самых различных областях и ситуациях, имеющих между собой мало общего [5]. Подчеркнем, что в этом случае понятие системы начинает играть совсем другую роль – роль формирования установки, определенного фокуса видения ситуации, становясь уже не онтологическим и даже не гносеологическим, а методологическим и когнитивным понятием. Речь идет о системной ориентации, определенным образом влияющей на восприятие, способ постановки проблем в различных сферах научной и практической деятельности.

Несомненно, что неформальным и одновременно формальным в силу своего административного статуса в ИСА РАН (руководителя Отдела философии и методологии системных исследований) лидером философских исследований в этой области стал В.Н. Садовский. Его монография 1974 года «Основания общей теории систем» [6] во многом определила направления развития системных исследований в нашей стране. Под его руководством была также создана Научная школа «Философия и методология системных исследований», результаты работы которой представлены в нескольких ежегодниках «Системные исследования» [7, 8]. Рассмотрению этого вопроса в докладе будет уделено особое внимание.

При исследовании понятия системы нам представляется методологически плодотворным обращение к идеям концептуальной инженерии – направлению в современной аналитической философии, ориентированное на критическую работу с понятиями [9, 10]. Эта работа предполагает как анализ и корректировку существующих понятий с точки зрения адекватности тем целям, которые ставились при их введении, так и их замену другими существующими или «спроектированными» новыми понятиями. Новые понятия также могут создаваться для концептуализации материала в связи

с появлением новых областей научного исследования в связи с изменениями в общественно-политической и культурной жизни. С этих позиций в докладе будет проанализирована история разработки определений понятия «система», вариантов его трактовки в зависимости от области использования и обратного влияния на представление этих областей.

Список литературы

1. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Издательство Московского университета, 1989. 240 с.
2. Ушинский К.Д. Собр. соч. Т. 8. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогический антропологии. Том 1. М.-Л.: Изд-во Академии педагогических наук, 1950. 776 с.
3. Сорина Г.В. Методология экспертного анализа текста (МЭАТ) в образовательном процессе. М., 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/g-v-sorina/metodologiya-ekspertnogo-analiza-teksta-meat-v-obrazovatelnom-processe/> (дата обращения 01.06.2024).
4. Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник 1992-1994. М., 1996. С. 64-78.
5. Юдин Б.Г. Некоторые особенности развития системных исследований // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. М.: Наука, 1981. С. 7-23.
6. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.
7. Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 2003-2005. М.: КомКнига, 2006. 384 с.
8. Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 2006. М.: КомКнига. 400 с.
9. Chalmers D. What is conceptual engineering and what should it be? // An Interdisciplinary Journal of Philosophy, 2020. DOI: 10.1080/0020174X.2020.1817141.
10. Isaac M. G. What Should Conceptual Engineering Be All About? // Philosophia. 2021. Vol. 49. P. 2053–2065.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ К КОММУНИКАЦИЯМ ИНТЕГРАТИВНЫМ

Сорина Г. В.

*Доктор философских наук, профессор, заместитель декана по научной работе,
Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова
Факультет педагогического образования МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: gsorina@mail.ru*

Гуров Ф. Н.

*Кандидат философских наук, руководитель направления аналитики
АНО «Россия – страна возможностей»
Старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий Института
международных отношений и социально-политических наук
Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ),
E-mail: gurov@gurovpr.ru*

Аннотация. В настоящей работе показано, как концепция интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК) способствовала институализации российского PR-рынка. Понимая важность системного подхода, специалисты по связям с общественностью искали новый теоретический аппарат. Этот подход, однако, довольно часто на практике носил лишь декларативный характер. На протяжении последних лет сфера связей с общественностью в России переживает очередной кризис. Ответом на него может быть внедрение концепции интегративных коммуникаций. Предложенный авторами подход опирается на теорию систем В. Н. Садовского. Система коммуникаций конкретной компании или органа власти может рассматриваться здесь как открытая система. Деятельность PR-специалиста при этом

носит всё более выраженный междисциплинарный характер и требует овладения новыми компетенциями. Системные исследования приобретают новое звучание в современных условиях, в том числе применительно к таким формам коммуникации, как интегрированные и интегративные коммуникации.

Ключевые слова: связи с общественностью, системный подход, интегрированные маркетинговые коммуникации, интегративные коммуникации, коммуникативный интеллект, открытые системы, система коммуникаций.

A SYSTEMATIC APPROACH TO PR ACTIVITIES: FROM INTEGRATED COMMUNICATIONS TO INTEGRATIVE COMMUNICATIONS

Sorina G. V.

DSc in Philosophy; Professor;

Professor of the Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy; Deputy Dean for Scientific Work of the Faculty of Pedagogical Education, Lomonosov Moscow State University

E-mail: gsorina@mail.ru

Gurov Ph. N.

CSc in Philosophy

Head of the Analytics department

ANO «Russia – the country of opportunities»;

Senior lecturer of the Department of Communication Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

E-mail: gurov@gurovpr.ru

Abstract. This paper shows how the concept of integrated marketing communications – IMC contributed to the institutionalization of the Russian PR market. Realizing the importance of a systematic approach, public relations specialists were looking for a new theoretical apparatus. This approach, however, quite often in practice was only declarative in nature. In recent years, the sphere of public relations in Russia has been going through another crisis. The answer to it may be the introduction of the concept of integrative communications. The approach proposed by the authors is based on Sadovsky's theory of systems. The communication system of a particular company or authority can be considered here as an open system. At the same time, the activities of a PR specialist are increasingly interdisciplinary in nature and require the acquisition of new competencies. Systemic research acquires a new meaning in modern conditions, including in relation to such forms of communication as integrated and integrative communications.

Keywords: public relations, systematic approach, integrated marketing communications, integrative communications, communicative intelligence, open systems, communication system.

К началу 2000-х гг. российский рынок услуг в сфере связей с общественностью завершал этап вторичной институализации. Крупные PR-компании, а также ведущие профессиональные ассоциации – в первую очередь, Российская ассоциация по связям с общественностью (РАСО) и Ассоциация компаний-консультантов в области связей с общественностью (АКОС) – способствовали развитию прозрачной и эффективной PR-индустрии, развивали этические и профессиональные стандарты отрасли.

Клиенты были заинтересованы в поиске новых действенных технологий продвижения, подрядчики и внутренние PR-службы пытались обосновать свою полезность и важность. При этом ценообразование на PR-услуги всё ещё носило волонтеристский характер и в значительной степени зависело от потенциальной платежеспособности клиента. PR-агентства иногда использовали собственную терминологию и номенклатуру услуг, – отчасти это была авторская адаптация западных концепций, отчасти – попытка выделиться среди других консалтинговых компаний.

Одной из острых проблем организации маркетинговой и PR-деятельности оставалось отсутствие системного подхода. Коммуникации часто были неконгруэнтными, разрозненными, а управленческие решения о реализации тех или иных активностей принимались на основе оппортунистического подхода. Ощущая потребность в системном подходе, PR-специалисты искали адекватный

концептуальный аппарат. Актуальной оказалась идея Шульцта, Тонненбаума и Лаутерборна о необходимости выстраивания интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК), как «нового способа анализа целого» [1].

По определению Американской ассоциации рекламных агентств, которое в своих работах неоднократно приводит Филип Котлер, интегрированные маркетинговые коммуникации – это «концепция планирования маркетинговых коммуникаций, исходящая из необходимости оценки стратегической роли их отдельных направлений <...> и поиска оптимального сочетания для обеспечения четкости, последовательности и максимизации воздействия коммуникативных программ посредством интеграции всех дискретных сообщений» [2, с. 401 и с. 426]. Системный характер этой концепции раскрывается в работе Поля Смита [3], автор смещает акцент на экономическую эффективность. В дальнейшем термин употреблялся и без слова «маркетинговые», охватывая, в том числе, управление человеческими ресурсами, отношения с органами власти и другие сферы.

В профессиональных дискуссиях с участием PR-специалистов эта концепция объяснялась немного иначе: связи с общественностью представлялись связующим элементов для широкого спектра коммуникационных технологий. Новый подход также обосновывал амбиции коммуникаторов освоить смежные бизнес-ниши.

Отметим, что это далеко не единственная попытка поиска «путеводной звезды» в коммуникациях. Маргарет Марк и Кэрол Пирсон [4, с. 30-33], а также другие постъюнгианцы, продвигали идею архетипического подхода в брендинге и коммуникациях. Джим Коллинз предложил «концепцию ежа», где фокус бизнеса и, соответственно, маркетинговых усилий, должен был быть сосредоточен на пересечении трёх эйлеровых кругов, раскрывающих важнейшие аспекты жизни коммерческой компании [5].

Но вернемся к ИМК. Можно констатировать, что новый подход носил скорее декларативный характер. В 2015 году один из авторов доклада отмечал: «Интегрированные маркетинговые коммуникации в России по своей сути таковыми не являются. Продвижение в новых и традиционных медиа никак не синхронизируется. Есть агентства, успешно работающие в социальных сетях и блогосфере. Есть эффективные SEO-фирмы. Но нет ни одной PR-структуры, способной оказать весь комплекс услуг на должном уровне. И даже когда бюджет идет через одного подрядчика, коммуникационные кампании лишены единого стержня. Здесь мало что изменилось за последние годы» [6].

С 2020 г. рынок PR-услуг в России переживает очередной серьезный кризис. Пандемия коронавируса привела к отмене или переносу в онлайн-формат целого ряда мероприятий, которые проводились при поддержке PR-агентств. Начало специальной военной операции в 2022 г. спровоцировало уход с российского рынка многих международных компаний – особенно остро это почувствовали агентства, специализирующиеся на технологическом PR.

В быстро меняющихся условиях все коммуникации в некоторой степени становятся кризисными, формирование же долгосрочной репутации многие заказчики воспринимают как ненужную трату финансовых ресурсов. Сами заказы на PR-услуги всё больше носят не проактивный, а реактивный характер. Сложности планирования приводят к отмене так называемых абонентских контрактов, предполагающих ежемесячные платежи. Заказчики PR-сопровождения могут осознавать важность коммуникационной стратегии, но часто желают сэкономить на этой услуге и не видят в ней ценности.

В этих условиях, пытаясь сохранить свой бизнес, некоторые консалтинговые агентства прибегают к демпингу. Наконец, на PR-рынок выходят многие СМИ, которые на фоне потери рекламных бюджетов, ищут новые бизнес-ниши: роль PR-агентства в качестве посредника между бизнесом и СМИ становится просто ненужной, но при этом утрачивается и стратегическая составляющая внешних коммуникаций. «Интегрированные коммуникации» теперь рассматриваются некоторыми клиентами, в первую очередь, как переориентация коммуникаций на скорейшее извлечение прибыли в краткосрочной перспективе без учета долгосрочных репутационных рисков. Всё это весьма сильно девальвирует идею ИМК.

В апреле 2022 года авторами настоящего доклада было впервые в отечественной практике введено понятие «интегративные коммуникации». В Академии социальных технологий (АСТ) создана кафедра «PR и интегративные коммуникации». Один из авторов стал заведующим данной кафедры, другой – членом высшего экспертного совета.

По нашему замыслу соединение в названии кафедры узнаваемого понятия «связи с общественностью (PR)» и нового понятия позволяло сразу представить сложность и аналитическую глубину кафедры. Если понятие «связи с общественностью (PR)» представляет в условиях современной России уже устойчивую традицию, то понятие «интегративные коммуникации» представляет идею

креативных социальных технологий, включающих в свой состав всю совокупность интегрированных маркетинговых коммуникаций, множество технологий анализа социального пространства, включая технологии анализа «открытого пространства», Методологию экспертного анализа текста (МЭАТ) [7] и др.

Междисциплинарный характер деятельности специалиста по коммуникациям становится все более явным. Так, формирование личного бренда невозможно без использования техник имиджмейкинга и специфических знаний в сфере психологии. Кризисные коммуникации предполагают высокую юридическую грамотность и умение использовать соответствующие инструменты. Government Relations – связи с органами власти – требуют глубокой экспертизы в части государственного и муниципального управления.

Здесь можно провести аналогию и с интегративной психологией. Используя различные методы и теории, такой подход позволяет приблизиться к целостному пониманию психологических процессов человека.

Интегративный подход в связях с общественностью позволяет по-новому взглянуть на коммуникационный менеджмент. Это, по мнению авторов данного доклада, сложное понятие, представляющее две основные сферы деятельности человека: научно-теоретическую и практическую. В первой междисциплинарной области исследуются теоретические, включая когнитивные, особенности интеллектуальной деятельности человека, направленной на выявление особенностей управления коммуникациями и управления при помощи коммуникаций в разных профессиональных областях, включая как собственно научные, так и различные социальные области деятельности. В рамках второй области деятельности, включая обыденную сферу, реализуется практика применения достигнутых результатов по управлению коммуникациями и управления при помощи коммуникаций.

Развитие соответствующего концептуального аппарата предполагает особое внимание к различным формам интеллекта – коммуникативному [8], политическому [9], бизнес-интеллекту [10] и др. Использование данных концепций и соответствующего практического инструментария может способствовать переосмыслению подхода к PR-деятельности, позволит существенно повысить эффективность работы коммуникаторов.

Отметим, что интегративный подход в значительной степени коррелирует с идеями В. Н. Садовского, который рассматривал теорию систем как междисциплинарную область научных исследований [11, с. 6]. При этом усложнение профессиональной деятельности, включение в неё знаний из других сфер, превращает систему коммуникаций в открытую систему [там же, с. 163-170]. Рассматривая теорию систем как метатеорию, В. Н. Садовский выделял важные задачи исследования, которые включают изучение «процессов передачи информации и управления целенаправленного поведения», «механизмов конкуренции и рефлексивного управления, способов синтеза в едином знании разных описаний одного объекта» и др. [там же, с. 75-76]. Интегративный подход в PR-деятельности позволяет на практике реализовать эти идеи применительно к коммуникационной сфере.

Список литературы

1. Schultz D. E., Tannenbaum S. I., Lauterborn R. F. The New Marketing Paradigm: Integrated Marketing Communications. New York: McGraw Hill Professional, 1994. 218 p.
2. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. 2-е издание. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
3. Smith P. R. Marketing Communications: An Integrated Approach. London: Kogan Page, 1993. 403 p.
4. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
5. Коллинз Дж. От хорошего к великому. Почему одни компании совершают прорыв, а другие нет. М.: МиФ, 2022. 320 с.
6. Гуров и партнеры: Интегрированные коммуникации в России по сути таковыми не являются // CNews [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/articles/gurov_i_partnery_integrirrovannye_kommunikatsii. (дата обращения 07.05.2024).
7. Гуров Ф. Н., Иноземцева Е. В., Сорина Г. В. Методология экспертного анализа текста в системе корпоративных коммуникаций // Российская школа связей с общественностью. 2021. № 23. С. 63–76.
8. Сорина Г. В., Коренева А. Ю. Коммуникативный интеллект: общезначимость и связи с общественностью // Российская пиарология тренды и драйверы. Т. 13. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Экономического университета, 2021. С. 172–178.

9. Сорина Г. В., Ярмак Ю. В. Политический интеллект: философско-методологический анализ // Ценности и смыслы. 2012. № 6. С. 23–36.

10. Каплан Я., Гуров Ф. Н. Бизнес-интеллект и его роль в различных видах деятельности // Ценности и смыслы. 2023. № 2 (84). С. 125–138.

11. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 290 с.

МЕДИАТИЗИРОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Дружинин А. М.

*Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора
ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии»,
E-mail: www-222@yandex.ru*

Аннотация. Научные коммуникации на современном этапе испытывают сильное влияние различных форм медиа, как традиционных (телевидение, пресса, радио), так и новых, представленных различными форматами виртуального взаимодействия. Процесс медиатизации научных коммуникаций приносит как новые возможности по расширению и популяризации научных знаний, так и новые риски, связанные со спецификой медиаиндустрии, как специфической области человеческой деятельности. Медиатизированные коммуникации становятся существенным фактором преобразования системы научного познания, а также сами являются специфической системой продуцирования новых смыслов в процессе научной коммуникации. Системный подход в изучении процессов медиатизации позволяет выявить различные закономерности в решении организационных задач современной научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: научные коммуникации, наука, медиа, медиатизация, научные сообщества.

MEDIATIZED SCIENTIFIC COMMUNICATIONS: TOWARDS THE FORMULATION OF THE PROBLEM.

Druzhinin A. M.

*CSc in Philosophy, senior researcher,
Academy of Media Industry
E-mail: www-222@yandex.ru*

Abstract. Scientific communications at the present stage are strongly influenced by various forms of media, both traditional (television, press, radio) and new ones, represented by various formats of virtual interaction. The process of mediatization of scientific communications brings both new opportunities to expand and popularize scientific knowledge, as well as new risks associated with the specifics of the media industry, as a specific area of human activity. Mediatized communications become a significant factor in the transformation of the system of scientific knowledge, and are themselves a specific system for producing new meanings in the process of scientific communication. A systematic approach to the study of mediatization processes allows us to identify various patterns in solving organizational problems of modern scientific research work.

Keywords: scientific communications, science, media, mediatization, scientific communities.

Еще в 1976 году в предисловии к сборнику «Коммуникации в современной науке» В.Н. Садовский и Э.М. Мирский подчеркивали, что «коммуникация в науке представляет собой сложную целостную систему, различные компоненты которой (формальные, неформальные, устные,

письменные, межличностные, массовые и т. д.) столь тесно связаны между собой, что любая попытка исследования (моделирования и технической реализации) одного из них или даже нескольких без учета остальных заведомо неадекватна» [1, с. 6-7]. Авторы отмечают, что коммуникационная система науки постоянно пополняется новыми средствами, способами, обмена данными, результатами, выводами, экспертными заключениями, что, впрочем, не отменяет наработанных прежде форм обмена информацией между участниками научного взаимодействия.

Сегодня, спустя почти полвека можно констатировать, что одним из существенных факторов видоизменения научной коммуникации являются современные медиа во всем их многообразии. Эти процессы носят глобальный системообразующий характер и требуют пристального внимания со стороны исследовательского сообщества.

Медиатизация в самом общем смысле – это процесс, посредством которого средства массовой информации как новые (социальные сети, мессенджеры), так и традиционные, оказывают влияние на другие сферы социально-экономической жизни общества. Процессы медиатизации интеллектуальной деятельности в сфере философии, науки, образования – один из трендов современной социальной действительности.

В процессе медиатизации в настоящее время происходит знакомство широкой аудитории с актуальными достижениями науки, образовательной сферы, с философскими концепциями, с духовным опытом. Философские проблемы медиатизации связаны с исследованием широкого круга познавательных, этических, онтологических, методологических вопросов.

В настоящее время можно ставить вопрос о повсеместной медиатизации человеческой деятельности, т.к. форматы взаимодействия с массовой аудиторией постоянно заимствуются все большим количеством общественных, государственных, управленческих институтов, а также широким кругом политических, экономических акторов. Различные институты гражданского общества рассматривают медиаактивность как один из основных показателей своей работы.

Одна из ключевых идей, заложенных в исследовательское поле медиатизации, это мысль о том, что форма передачи знания, смыслов, ценностей, убеждений, идей трансформирует содержание того, что транслируется. Коротко эта идея выражена в формуле «средство – есть сообщение». Вопросы преобразования смыслов в процессе медиатрансляции включены в исследовательское поле философии, политологии, социологии, лингвистики. Нередко медиа изменяют, искажают, усложняют или упрощают идеи и смыслы в процессе их передачи. Поиск адекватных форм медиатизации сложных и неоднозначных данных науки, философии, образовательных коммуникаций – отдельная методологическая проблема.

Процессы медиатизации носят амбивалентный характер, выполняют не только конструктивные функции, но и, нередко, имеют деструктивные последствия. Так, например, искусственно перенесенная в научную сферу медиатизация исследовательской работы, прямая зависимость ученых от публикации результатов научной деятельности в результате стала выражаться вульгарной формулой «publish or perish» – «публикуйся или умри». Данный афоризм, емко отображающий ситуацию в научной инфраструктуре, в настоящее время подвергается всесторонней критике по различным основаниям. Работа по медиатизации результатов интеллектуальной деятельности увеличивают финансовую нагрузку на различные сферы. Тем не менее, объяснение сложного контента посредством медиаформатов отражает общественный запрос на адаптацию значимых проектов для широкой аудитории в ситуации, когда налогоплательщик или коллективный заказчик того или иного нематериального производства хочет понимать, на что потрачены значительные ресурсы.

Один из актуальных вызовов научным коммуникациям – это различные деструктивные медиапрактики последних лет: фейки, информационные пузыри, активное внедрение в сферу трансляции знаний искусственного интеллекта. Риски, связанные с импортом подобных практик в систему научного познания, еще предстоит досконально изучить, а также выработать эффективные способы их нивелирования.

Нередко медиатизация обнажает конфликт между профессиональным и дилетантским, сакральным и профанным, глубинным и поверхностным подходами к тому или иному вопросу. Поиск золотой середины, разумного компромисса в урегулировании подобного конфликта является актуальной прикладной задачей, требующей философского осмысления.

Исследователи активно изучают феномен медиатизации, публикуют монографии и статьи о медиатизации науки, образования, политики, религии, отдельных экономических отраслей как внутри России, так и на международном уровне. Поисковая система научной электронной библиотеки e-library выдает более 1,5 тыс. публикаций, рассматривающих медиатизацию всех основных областей социальной, интеллектуальной, культурной, духовной деятельности человека. Система Google

Академия выявляет около 10 тыс. научных текстов. Накоплен значительный научный опыт в изучении данного явления и объем данных, а также научно-аналитических, экспертных текстов пополняется ежемесячно.

Понятие медиатизации соотносится с такими терминами как пропаганда, связи с общественностью, журналистика, идеология и рядом других, однако не может быть определено исчерпывающе ни одним из них.

В настоящее время медиатизация многократно усложняется в результате собственных процессов трансформации средств массовой коммуникации. Это связано с постепенным переходом аудитории от традиционных СМИ (телевидение, газеты, радио) к новым медиа (соцсети, блогосфера, мессенджеры и пр.). Быстрое видоизменение медиа находит свое отражение в процессах конвергенции, т.е. слияния, интеграции разных видов и форм массовой коммуникации. Новые медиа привлекают аудиторию, предлагая различные технологически доступные формы обратной связи в процессе взаимодействия с индивидуальным и/или коллективным автором публичного сообщения.

Глобальный локдаун 2020-2022 гг., связанный с пандемией COVID-19, в определенной степени ускорил данные тренды, а технологии онлайн-образования, выраженные в уже привычных формах интернет-коммуникации, стали на некоторое время единственно возможным способом трансляции знаний.

Но еще в более ранний период в локальных научных сообществах медиатизированные формы научной коммуникации, систематизированные в разном виде, стали одной из важнейших сфер неформальной научной коммуникации. Особый интерес вызывают различные научные дискуссии на площадках интернет-форумов, где, зачастую, субъектами взаимодействия становятся анонимные акторы, выступающие под псевдонимами. Подобные практики стали объектом изучения лаборатории «Информатика сообществ» Института Системного анализа РАН [2]. По результатам проведенного исследования были выявлены функциональные роли участников виртуальной научной коммуникации, изучен потенциал метода когнитивного картирования при изучении научного интернет-форума, а также сформулированы основные подходы к оценке модальности высказывания того или иного участника научной дискуссии. Разработанный в ходе исследования, алгоритм вопросно-ответных процедур позволяет при участии внешнего эксперта дать качественную оценку научной коммуникации, а также уровню притязания на значимость участников коммуникации в ходе взаимодействия.

Система коммуникаций в научных сообществах, зафиксированная в формате виртуального форума, вполне может быть смоделирована по результатам аналитической работы с конкретным материалом, представленным в сети. Подобная работа может быть проведена и в отношении медийной активности не только индивидуальных, но и коллективных субъектов на более сложных уровнях научной коммуникации. Один из наиболее перспективных объектов исследования – это различные практики популяризации науки, просветительские коммуникации, разнообразные неформальные образовательные проекты как отдельных ученых, так и научных сообществ. В последнее время широкое распространение получили различные видеоформаты презентации научных знаний, что также является весьма интересным предметом для изучения в рамках междисциплинарных проектов.

Эвристический потенциал понятия медиатизации представляется перспективным для раскрытия многих процессов в науке, образовании, интеллектуальной деятельности в целом. Таким образом, понятие медиатизации является важнейшим инструментом для понимания современной социальной реальности, места философии, науки и образования в ней, ключевых закономерностей в процессе реализации, стоящих перед государством и его институтами, задач.

Список литературы

1. Коммуникация в современной науке: Сборник пер. [с англ.] / Сост., общ. ред. и вступ. статья Э.М. Мирского и В. Н. Садовского. Москва: Прогресс, 1976. 438 с.
2. Дружинин А.М. Управление сообществами пользователей в Рунете (От глобальных вызовов к локальным технологиям) // Проблемы развития и управления Интернетом в странах БРИКС / Под ред. В.И. Тищенко. М.: ЛЕНАНД, 2014. С.137-150.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРЕДПОСЫЛОК УБЕДИТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Линьков В.В.

*Кандидат философских наук, профессор кафедры инклюзивного образования и сурдопедагогике Института детства
Московский педагогический государственный университет,
E-mail: 14091117@mail.ru*

Аннотация. Системное исследование процесса убеждения и качества убедительности связано с выявлением их предпосылок с контекстным и факторным уровнями влияния. С позиции системного подхода предпосылки убедительности научного знания могут рассматриваться как находящаяся в динамике структурированная система. Дифференцируются предпосылки разных типов, определяющие системную детерминацию убедительности в конкретных случаях научной аргументации. По содержанию и особенностям влияния на убедительность научных знаний различаются предпосылки аксиологического, когнитивного, фактуального, логического, риторического, социогенного и субъективного типов. Выдвигается тезис об отсутствии универсальной убедительности, выявлена дифференциальная значимость для разных страт предпосылок убедительности конкретных положений научных исследований. В отличие от комплексного подхода к исследованию факторов убедительности системный подход предполагает изучение всех обстоятельств проведения убеждения с учетом их динамики и взаимосвязей.

Ключевые слова: научное исследование, научное знание, убедительность, предпосылки убедительности, процесс убеждения, системный подход, системное исследование предпосылок убедительности, системная детерминация убедительности.

POSSIBILITIES OF APPLYING A SYSTEM APPROACH FOR THE SCIENTIFIC KNOWLEDGE PERSUASIVENESS PREREQUISITES RESEARCH

Linkov V.V.

*CSc in Philosophy, Professor of the Inclusive Education and Surdopedagogy Department
of the Institute of Childhood
Moscow Pedagogical State University
E-mail: 14091117@mail.ru*

Abstract. The persuasion process system research and the persuasiveness quality are associated with identifying their prerequisites with contextual and factorial levels of influence. From the system approach perspective, the scientific knowledge persuasiveness prerequisites can be considered as a structured system in dynamics. Different types of prerequisites that determine the persuasiveness system determination in specific cases of scientific argumentation are differentiated. According to the content and characteristics of the influence on the scientific knowledge persuasiveness, axiological, cognitive, factual, logical, rhetorical, sociogenic and subjective types of prerequisites are distinguished. The universal persuasiveness absence thesis is proposed, and the differential significance of persuasiveness prerequisites of scientific research specific provisions for different strata is revealed. In contrast to a complex approach to the persuasive factors research, a system approach involves studying all the persuasion circumstances, taking into account their dynamic and interrelation.

Keywords: scientific research, scientific knowledge, persuasiveness, persuasiveness prerequisites, persuasion process, system approach, persuasiveness prerequisites system research, persuasiveness system determination.

Влияние науки на отдельные сферы и процессы социальной жизни и в целом на прогресс общества находится в определенной связи с убедительностью научных знаний как для представителей научных сообществ и институционального образования, так и для более широких кругов общества. Исследование предпосылок убедительности научных знаний актуализируется в связи с потребностью

в разностороннем объективном рассмотрении обстоятельств, определяющих и опосредующих процессы структурирования, обоснования, интерпретации, распространения, трансляции, презентации и репрезентации научных знаний, а также выявления детерминант уровня значимости определенных научных данных для просвещения.

В качестве предмета исследования предпосылки убедительности не обладают постоянством структуры и стабильностью содержания элементов. В связи с этим возникает и проблематизируется вопрос о применимости системного подхода к исследованию предпосылок убедительности.

В пользу возможности анализа предпосылок убедительности в качестве определенной системы могут быть приведены аргументы об универсальности системного подхода, о прецедентах использования системного подхода в исследованиях структуры аргументации и процесса убеждения, о допустимости и целесообразности методологической экстраполяции системного подхода для упорядочения, уточнения и дополнения представлений о процессе убеждения и о предпосылках убедительности научных знаний.

Известно, что в качестве предмета системных исследований могут выступать объекты самые разные по структуре и экзистенциальным типам, что в принципе позволяет применять этот подход в исследовании убедительности и ее предпосылок. В отечественной научной традиции системный подход занимает важное место и, в частности, нашел практическую реализацию в ряде исследований аргументации и процесса убеждения: например, в рамках «системной модели аргументации» В.Н. Брюшинкина [1]; в исследованиях Г. И. Рузавина и Л. А. Котельниковой [2].

Какое понимание предпосылок убедительности научных данных может быть исходным для системного исследования? Очевидно, следует исходить из того, что предпосылки убедительности научных знаний – динамичная система, в рамках которой различаются разные группы обстоятельств контекстного и факторного значения, находящиеся во взаимосвязи и постоянном взаимодействии. Вместе с тем предпосылки убедительности – открытая система, на которую влияют изменяющиеся и вновь возникающие обстоятельства развития науки, внедрения и практического применения научных идей и открытий в контексте исторического бытия и развития обществ.

В существенной степени на убедительность влияют факторы, состав и содержательная направленность которых различны в каждом случае [3; 4]. В условиях ускорения процессов обновления научных данных и постоянного развития средств научного исследования убедительность научных положений относительна. С учетом этого может быть выдвинут тезис о том, что всеобщей и универсальной убедительности не существует; убедительность научных положений определяется рядом предпосылок, констелляция которых в каждом случае является уникальной.

Системное рассмотрение предпосылок убедительности предполагает разделение их на типологические группы: можно выделить предпосылки аксиологического, когнитивного, фактуального, логического, риторического, социогенного и субъективного типов. Предпосылки аксиологического типа обозначают и акцентируют влияние установлений науки на убедительность новых данных; в конкретных случаях речь идет о влиянии ценностей ученых и научных институтов, общества или его отдельных групп на признание конкретных теорий и результатов научных исследований. Предпосылки когнитивного типа связывают убедительность научных знаний с используемыми методами их получения, особенностями когнитивных процессов или со спецификой их алгоритмизации, возможностями познания и влияния различных эвристик, моделей, стереотипов восприятия и приемов интерпретации информации. Предпосылки фактуального типа отражают появление, фиксацию и включение в систему научного дискурса новых научных фактов, условия признания новых данных в качестве научных фактов. Предпосылки убедительности логического типа позволяют дифференцировать истинность, достоверность и вероятность научных знаний с учетом формы их построения, способов и условий их обоснования. Предпосылки риторического типа указывают на возможности влияния на убедительность особенностей демонстрации и презентации научных данных, выбора дескрипторов и терминологического оформления научных данных и открытий, уровня дискурсивности текстов, стилистических фигур и приемов выразительности рассуждений, специфики стиля и этапов построения научных сообщений и докладов. Можно выделить также предпосылки социогенного типа, которые показывают значение для убедительности научного знания востребованности этого знания, социальных ожиданий и отношений, а в более широком контекстном плане – стабильности или нестабильности социума, уровня его цивилизационного, технологического, культурного и научного развития. Субъективные предпосылки находятся в связи с особенностями, качествами, отношениями, мнениями и установками субъектов научных исследований, с уровнем доверия к научным результатам, с признанием или непризнанием отдельных результатов исследований определенными сообществами ученых, с отношением к содержанию

конкретных выступлений со стороны участников научных дискуссий. При рассмотрении существующего разнообразия типов и конкретных вариантов предпосылок исследовательской деятельности речь идет, таким образом, об исследовании системной детерминации убедительности.

Очевидно, что в процессе убеждения предпосылки могут выступать в разном качестве, они могут помогать или препятствовать убеждению и приобретают значение аттракторов или контрааттракторов убедительности. В рамках системного подхода может быть поставлен вопрос о том, что может быть причиной неуверенности новых данных или отдельных результатов научного исследования. Объяснение этого явления только тем, что новая информация противоречит имеющимся у аудитории представлениям, исходит, в сущности, из идей, близких теории «когнитивного диссонанса» Л. Фестингера [5]. Но важно учитывать, что если информация не ясна для целевой аудитории, то противоречия как такового не возникает, но не возникает и эффекта убедительности. Если по конкретному научному вопросу у человека нет четких представлений и определенных взглядов, то невозможно говорить о соответствии или несоответствии новой информации и представлений этого человека, о диссонансе или консонансе представлений, о дополнительности или противоречии новых взглядов и принятого подхода. Вместе с тем ясно, что рассмотрение несоответствия нового положения принятым представлениям не может проводиться только на когнитивном уровне, несоответствие может проявляться и на аксиологическом уровне, и в этом случае речь может идти не о когнитивном, а о ценностном диссонансе. В любом случае отсутствие когнитивного диссонанса или противоречий ценностного типа определяет убедительность новой информации не в полной мере и далеко не всегда. При детальном изучении становится очевидным, что выделение соответствия или несоответствия новых данных и ранее принятых представлений в качестве основного, решающего фактора убеждения не имеет достаточных оснований. Существует множество разных предпосылок, которые могут выступать факторами убедительности, повышать ее или снижать.

Другой вопрос, который требует системного подхода, связан с дифференциацией влияния разных типов предпосылок на убедительность для определенных групп или страт и их отдельных представителей. В частности, можно заметить, что для страт специалистов в определенной области научных знаний приоритетны предпосылки фактуального типа; для страт, не связанных с проведением научных исследований, апробацией и использованием научных разработок, существенное значение в процессе убеждения имеют когнитивные предпосылки ясности, четкости, понятности, применимости научных знаний, риторические предпосылки аффектации и амплификации, а также субъективные по своей сути психологические предпосылки аттракции, расположения или доверия к субъектам научных исследований.

Например, использование специальной научной терминологии повышает убедительность информации и доверие к ней со стороны специалистов в определенной научной области, но в то же время этот же фактор нередко снижает убедительность данной информации для людей, которые не знакомы с используемыми терминами или специализируются в других областях знаний, так как эта информация будет для них не вполне понятной, а непонятное неуверенно. Вместе с тем люди, склонные доверять мнениям ученых, скорее всего будут склонны принять информацию даже и без ее полного понимания, без возможности ее проверки, так как основанием убедительности в этом случае выступают ценности науки и авторитет ученых.

В исследованиях убедительности в отличие от комплексного подхода, который отдает приоритет нескольким ведущим обстоятельствам при изучении процесса научного убеждения, системный подход направлен на выявление всех значимых факторных и контекстных обстоятельств проведения процесса убеждения, влияющих на его результативность.

Таким образом, системное понимание убеждения предполагает не только изучение системной динамики убеждения, не только системное рассмотрение структуры процесса убеждения в рамках коммуникативного взаимодействия, но и анализ системной детерминации убедительности, разделение предпосылок убедительности на типологические группы, выявление системы факторов убеждения.

Список литературы

1. Брюшинкин В. Н. Обобщенная системная модель аргументации // Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии. Сборник научных статей. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2006. С 9–17.
2. Котельникова Л. А., Рузавин Г. И. Системный подход к процессу убеждения и аргументации // Теория и практика аргументации. Отв. ред. И. А. Герасимова. Москва: ИФ РАН, 2001. С. 7–27.

3. Линьков В. В. Дискурсивность и убедительность научных исследований // История и философия науки в эпоху перемен: Сборник научных статей в 6 т. Т. 5. Москва: Изд-во «РОИФН», 2018. С. 84–86. [Электронный ресурс]. URL: <http://rshps.ru/books/congress2018t5.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).
4. Линьков В. В. Факторы убедительности научных исследований // Наука как общественное благо: сборник научных статей / Науч. ред. и сост. Л. В. Шиповалова, И. Т. Касавин: В 7 т. Т. 4. Москва: Изд-во «РОИФН», 2020. С. 25–28. [Электронный ресурс]. URL: <http://rshps.ru/books/congress2020t4.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
5. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. Санкт-Петербург: Ювента, 1999. 317 с.

СИСТЕМНАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В РОССИИ

Оботурова Н.С.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
E-mail: oboturova@inbox.ru*

Аннотация. В статье анализируется роль системной парадигмы в целом и системных идей В.Н. Садовского в развитии современных междисциплинарных социальных исследований. Показана значимость эволюции системного мышления на рубеже XX–XXI веков в контексте направленности на гуманизацию, решение значимых для общества и человека проблем, включенности в него информационно-коммуникативного измерения, что позволяет системной методологии оставаться действенным интегративным инструментом исследования сложноорганизованных объектов и проблем в различных областях познания. Специфика и результаты применения системного подхода в современных социальных исследованиях представлены на основе анализа реализации междисциплинарных программ исследования процессов социокультурной модернизации России и ее регионов. Обоснована значимость исследования в рамках системной парадигмы процессов цивилизационного развития России, особенно в контексте тотального реформирования, происходящего в современном мире.

Ключевые слова: В.Н. Садовский, система, системное движение, методология системных исследований, системный подход, системная парадигма, социальные исследования.

SYSTEM PARADIGM IN MODERN SOCIAL RESEARCH IN RUSSIA

Oboturova N.S.

*DSc in Philosophy, Professor of the Philosophy and History Department
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
E-mail: oboturova@inbox.ru*

Abstract. The paper analyzes the overall role of the system paradigm in general and V.N. Sadovsky's system ideas in the development of modern interdisciplinary social research. It shows the importance of the system thinking evolution at the turn of the 21st century in the context of a focus on humanization, solving problems significant to society and humanity, and the inclusion of an information and communication dimension in it, which allows the system methodology to remain an effective integrative tool for studying complex objects and problems in various fields of knowledge. The specifics and results of the system approach application in modern social research are presented based on the analysis of the implementation of interdisciplinary research programs focused on the processes of socio-cultural modernization of Russia and its regions. The importance of the study within the framework of the system paradigm of the processes of civilizational development of Russia, especially in the context of the total reformatting currently unfolding in the modern world, is substantiated.

Keywords: V.N. Sadovsky, system, system movement, methodology of system research, system approach, system paradigm, social research.

История становления и развития системных исследований в СССР и России неразрывно связана с философским и научным творчеством В.Н. Садовского, на протяжении нескольких десятков лет разрабатывавшего философию и методологию системных исследований и оказавшего серьезное влияние на их институциональное оформление. В одной из своих ранних статей, опубликованной в двухтомнике «Социология в СССР», изданном в 1965 г., определяя понятие системы и обосновывая значимость системного подхода, В.Н. Садовский писал о том, «что совершаемый современной наукой переход к анализу своих предметов как систем означает по сути дела важное преобразование научного знания, нашего понимания мира» [1, с. 164]. Основными историческими источниками системного мышления в XX веке он считал тектологию А.А. Богданова, общую теорию систем Л. фон Берталанфи, кибернетику Н. Винера, праксеологию Т. Котарбиньского, которые сформировались в первой половине XX века независимо друг от друга, но имели несомненную теоретическую общность, заключающуюся в ориентации на исследование сложных открытых систем. Превращение системных исследований в одну из самых влиятельных парадигм научного мышления стало событием уже второй половины XX века.

Системные идеи В.Н. Садовского и его единомышленников получили широкое распространение в философской и научной среде, и уже в 70-е годы XX века системное мышление стало использоваться в самых разных областях научных исследований, что свидетельствовало о фактическом возникновении «системного движения», объединившего своими идеями специалистов разных областей научного знания. Системный язык стал активно использоваться в различных научных и прикладных дисциплинах, обогащалось новыми характеристиками и смыслами понятие системы, разрабатывалась системно-структурная методология, разрабатывались ее принципы, выстраивались различные системные теоретические модели как «модели различных аспектов мира».

Несмотря на явный успех системных исследований и системного мышления, вопрос о понимании их статуса оставался открытым, имели место дискуссии, в ходе которых идейные лидеры системного движения по-разному оценивали значимость «мировоззренческо-методологической и собственно теоретической составляющих системного мышления» [2, с.71]. Так, И.В. Блаубергу и Э.Г. Юдину главная задача системного движения виделась в разработке системного мировоззрения и системной методологии [3], в то время как В.Н. Садовский считал важным построение именно общей теории систем. Оценивая четверть века спустя эти разногласия и признавая большую правоту своих коллег, В.Н. Садовский полагал, что основной вклад системных исследований в науку и практическую деятельность состоял «во внедрении в эти сферы специфически системного мировоззрения и системной методологии» » [2, с.71], а общая теория систем по-прежнему остается проектом «относительно которого сегодня трудно сказать и то, как его осуществлять, и даже то, возможно ли вообще такой проект реализовать» [2, с.71].

В.Н. Садовский внес значимый вклад в обоснование роли системного подхода в современных социальных исследованиях, специфику реализации которого применительно к ним видел в разработке на методологической основе системного подхода новых междисциплинарных концепций, направленных на решение актуальных для общества проблем. Одним из таких направлений, продемонстрировавшим эффективность методологии системных исследований, стала социальная информатика, в разработке которой В.Н. Садовский принимал самое деятельное участие в рамках разработки проекта РФФИ «Социальная информатика: основания, методы, перспективы» [5].

Размышляя о дальнейшей эволюции системного мышления В.Н. Садовский полагал, что главной линией его развития будет «дальнейшая гуманизация как все большая приспособленность к решению социальных и человеческих проблем» [2, с.77]. Одним из направлений развития этой идеи в русле современного этапа системной парадигмы в социальных исследованиях стал «антропосоциетальный подход, или антропно-деятельностное понимание и регулирование неустойчивых социокультурных систем» [4, с.101]. Этот подход был, в частности, реализован в программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», а также исследованиях проблем социокультурной модернизации регионов и всей России, обобщенная характеристика результатов которых была представлена в коллективных монографиях [6] и Атласе модернизации России и ее регионов [7].

Особенностью этих исследований стало то, что в них были заданы принципиально новые смысловые ракурсы понимания процессов модернизации именно в русле современного этапа системной парадигмы. Процессы модернизации рассматривались исходя из их нелинейности, неравновесности, выявлялись основные рискогенные векторы удаления от точек равновесия,

создающие при превышении критических значений области неустойчивости, в которых возможно возникновение точек бифуркации и осуществление случайного выбора, приводящего, в конечном итоге, к качественно новому состоянию системы. В качестве фактора риска, в частности, была обоснована проблема существенных различий в модернизированности макрорегионов, создающая реальную угрозу роста национал-сепаратизма.

Если в исследованиях модернизации, осуществляемых в 1990-е годы, в основном преобладало довольно одностороннее ее понимание с приоритетом достижения эффективной экономики и новейших технологий, то в анализируемых нами исследованиях утверждался целостный характер модернизации как единства и взаимосвязанности не только технико-технологической, но и социально-экономической, социокультурной и институциональной компонент с акцентом на человеческом потенциале. Исходя из принципиально нового понимания сущности модернизации в исследовании определялись и ее функции, основными из которых Н.И. Лапин считал «обеспечение безопасности сообщества (страны) и повышение благополучия, качества жизни людей, всего населения» [7, с. 16].

В исследовании обосновывалась необходимость гуманистического вектора модернизации России, было показано, что именно человеческий потенциал является одним из важнейших условий решения многоуровневых задач модернизации. Среди важных проблем, проанализированных в ходе исследования структуры и динамики человеческого потенциала, необходимо отметить миграционные процессы, неуправляемость которых оценивалась как бифуркационный фактор, потенциальная опасность которого требует разработки в этой области программ и решений государственного уровня.

С позиций системного подхода модернизация представлена как единство не только технико-технологической, но и социально-экономической, социокультурной и институциональной компонент, как процесс не только цивилизационного, но и общекультурного и всечеловеческого значения. Осуществление комплексной многоуровневой модернизации России, ставящее во главу угла развитие человеческого потенциала, рассматривалось как адекватный ответ на цивилизационные вызовы, предъявляемые эпохой глобализации.

В рамках тезисов невозможно представить более или менее полную палитру влияния системной парадигмы в целом и системных идей В.Н. Садовского в частности на развитие современных междисциплинарных социальных исследований, но и немногие приведенные примеры показывают значимость и своевременность разрабатываемых концепций, относящихся к исследованиям в области социальной информатики и социокультурных систем. Эволюция системного мышления на рубеже XX–XXI веков в контексте направленности на гуманизацию, решение значимых для общества и человека проблем, включенности в него информационного и коммуникативного измерения позволяет системной методологии оставаться действенным интегративным инструментом исследования сложноорганизованных объектов и проблем в различных областях познания. Особую значимость сегодня приобретает задача исследования в рамках системной парадигмы процессов цивилизационного развития России, особенно в контексте тотального переформатирования, происходящего в современном мире, сформулированная в правительственной Программе фундаментальных научных исследований до 2030 года [8], а ее решение является «*социокультурной миссией*» тех российских специалистов, которые придерживаются второй парадигмы системного мышления и ориентированы на исследование актуальных проблем своей страны» [4, с.102].

Список литературы

1. Садовский В.Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. Т. 1. М., 1965. С. 164.
2. Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник 1992-1994. М., 1996. С. 64-78.
3. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
4. Лапин Н.И. Смена парадигм системного мышления и антропо-деятельностное понимание неравновесных социокультурных систем // Философский журнал | Philosophy Journal. 2014. Т. № 1(12). С. 93-106.
5. Келле В.В., Садовский В.Н. Системное мышление и системный подход: истоки и предпосылки социальной информатики // Социальная информатика: основания, методы, перспективы / Отв. ред. Н.И. Лапин. М., 2002. С. 25–26.
6. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А.Беляевой. М., 2009; Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2013.

7. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

8. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 - 2030 годы). [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/skzO0DEvyFOIBtXobzPA3zTyC71cRAOi.pdf> (дата обращения 01.06.2024).

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ: ВЗГЛЯД ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Рашкин М.Н.

Аспирант

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова

E-mail: mn-rashkin@yandex.ru

Аннотация. На протяжении всей истории России, представление о будущем, основанном на бытии предыдущего, являлось одной из фундаментальных составляющих жизни цивилизованного гражданского общества. Начиная с XVII века можно наблюдать концептуальные преобразования исторического развития нашего государства, сформированные на особой роли России, которые знаменовали новый этап развития страны, что повлекло за собой перерождения Московской Руси в Российскую империю.

Одним из следующих этапов, несущих глобальные масштабы для государства, является формирование в XIX веке двух направлений: славянофилов и западников. Одно движение выступало за самобытность Российского православного государства вместе с характерным для него типом веры и ментальности, другое основывалось на строительстве нового общественного устоя на примере западных стран с характерными для него экономическими и политическими ценностями. Оба направления тяготели к достижению Россией ведущего места в социальном мире будущего. Начало XXI века не исключение.

Ключевые слова: образ России, идеология, менталитет, гражданское общество, национальное ядро.

THE IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIA: THE VIEW OF CIVIL SOCIETY

Rashkin M.N.

Graduate student

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: mn-rashkin@yandex.ru

Abstract. Throughout the history of Russia, the idea of the future, based on the existence of the previous one, has been one of the fundamental components of the life of a civilized civil society. Starting from the 17th century, one can observe conceptual transformations in the historical development of our state, formed on the special role of Russia, which marked a new stage of the ruling regime, which entailed the degeneration of Muscovite Rus' into the Russian Empire.

One of the next stages, bearing global proportions for the state, is the formation in the 19th century of two directions: Slavophiles and Westerners. One movement advocated the identity of the Russian Orthodox state, along with its characteristic type of faith and mentality, the other was based on the construction of a new social foundation based on the example of Western countries with its characteristic economic and political values. Both directions gravitated towards Russia achieving a leading place in the social world of the future. The beginning of the 21st century is no exception.

Keywords: image of Russia, ideology, mentality, civil society, national core.

Наибольший интерес, привлекающий внимание гражданской политической нации, вызывает современность и будущее, участниками которого выступали, выступают и будут выступать,

российские граждане (ученые, военные, чиновники, полицейские и агрономы, предприниматели и промышленники, инженеры и юристы, люди творческих профессий и богословы), формирующие политический стержень России [1, с. 142].

За последние несколько десятилетий нашей стране пришлось пройти через ощутимые преобразования, которые в настоящий момент оказывают воздействие на формирование образа будущего.

(1) В период с 1991 по 2007 годы общество наблюдало попытку интеграции с западной цивилизацией на правах догоняющего партнера, которая не увенчалась успехом.

(2) Инновационная стратегия, развиваемая руководством страны, в период с 2008 по 2012 годы фактически прошла бесследно и также не увенчалась успехом.

(3) Консервативно-патриотический период с 2012 по 2020 году знаменовал ухудшение взаимоотношений с западной цивилизацией, которая стала отправной точкой социальных, политических и экономических процессов развития нашего государства.

(4) Следующим периодом можно выделить консолидирующий общество ковидный период с 2020 по 2022 годы, который оказал «якорное» воздействие на динамику развития России под воздействием пандемии коронавируса, но, с другой стороны, знаменовал усиленную цифровизацию, а также усиленный контроль над социумом с точки зрения прав и свобод.

(5) Действующий в настоящий момент патриотический период, основанный на традиционных ценностях и укреплении идентичности России, называя словами А.Г. Дугина период «Суверенной цивилизации» [2].

События, связанные с воссоединением Крыма и Новороссии, стали отправной точкой роста национального самосознания, основанного на традиционных ценностях. Концепция, основанная на борьбе с коллективным западом, разворот в сторону «Востока» и формированием многополярного мира, становится долгосрочной перспективой. На основании данных идей, а также учитывая, как видит гражданское общество свою **власть, лидера, народ, территории, миссию страны на международной арене, а также восприятия других стран, «соседей», «стратегических партнеров», «забытых союзников» и «врагов»** можно сделать вывод о том, как представляется для россиян будущее нашей страны.

Начиная с 2000 были предприняты неоднократные попытки прогнозирования будущего России (проекты «500 дней», «Россия XXI века: Образы желаемого завтра», «Сценарии развития России на долгосрочную перспективу», «Стратегия 2020»), которые сталкивались с идеологическими, смысловыми и методологическими сложностями. Все они не учитывали представления и ценности, которые разделяет большинство населения, как следствие реформы проводились с низкой стабильностью и не были поддержаны. Поэтому очень важно разобраться в желаниях и чаяниях гражданского общества [3, с. 11].

Согласно исследованию И.Ю. Киселева и А.Г. Смирновой, посвящённому восприятию россиянами геополитических событий в числе присоединения Крыма, военной операции России в Сирии, проведение санкционной политики с 2014 года, гражданское общество расценивает эти события как предпосылки к укреплению мирового положения Российской Федерации, сохранение национальной идентичности / ценностей и культуры, сохранение независимости и обеспечение национальной безопасности России [4].

Данные представления появляются во многом благодаря работе политической власти России, образ которых является реперной точкой в формировании всех остальных политических образов. Несомненным лидером среди представителей власти, по мнению россиян, является В.В. Путин (94,1%), следующим отмечают С.В. Лаврова (34,3%), также среди влиятельных политиков выделяют Д.А. Медведева (29,2%) и А.Р. Белоусова. Но, несмотря на значимость политических фигур, в представлении будущего остаются укоренившиеся стереотипы, формирующие негативные видения. Так образ власти уже несколько десятилетий воспринимается неэффективным, бюрократическим, коррумпированным, не проявляя положительной динамики в обозримом будущем. Примерно половина респондентов в работе Шестопал, посвящённой образу России, отмечает недоверие к руководящей прослойке, 18,7% несут нейтральную оценку и 16,3% положительных представлений [5, с. 68].

Анализ образа будущего в сознании граждан показывает недостающие им сегодня качества власти, что позволяет не только корректировать те или иные решения / действия, но и учитывать те запросы, которые есть в обществе. [3, с. 7].

Особенный интерес представляет собой разрыв в восприятии образа будущего своей страны в сознании различных поколений, так как восприятие молодежи напрямую связано с типом

их первичной социализации уже в новой политической системе, нежели более старшего поколения, которому пришлось столкнуться со значительными потрясениями в своей жизни (Афганская война, распад Советского Союза, дефолт, чеченские войны, теракты и прочее). В целом характеристики настоящего России несут полярный характер по отношению к образу будущего. 72% населения считают, что в этом будущем ситуация изменится к лучшему, 20,5% видят будущее неизменным и 7,8% высказывают противоположное мнение [6]. Оптимизм в сознании соотечественников кроется в фантастической способности русского народа находить выходы из безвыходных ситуаций, умение сплотиться перед лицом опасностей, своеобразной жертвенности и софийности.

Будущее России в образах народа, который выступает достоянием Российской Федерации, представляется в независимости / влиятельности и авторитетности государства, с высоким уровнем жизни, конкурентоспособности науки и промышленности.

Переходя к восприятию будущего России в контексте «другого» / «иного», остановим свое внимание на «соседях», «стратегических партнерах», «забытых союзниках» и «врагах».

К «соседям» следует отнести страны бывшего СНГ. В частности, упоминание о дружелюбной нам Беларуси сопровождается применением устоявшегося фрейма «братья». Образ враждебной Украины более противоречивый. В сознании граждан происходит его своеобразное раздвоение. Украина – страна, с которой сейчас у нас весьма сложные отношения, россияне испытывают не враждебность, а скорее сочувствие. Следует обратить внимание на то, что страны Закавказья (Армения, Грузия, Азербайджан) и азиатские страны (Казахстан, Таджикистан) более отдалены и воспринимаются скорее как «партнеры», нежели чем «соседи». На восприятие этих стран оказывает личный опыт взаимоотношений с выходцами из страны и посещение этой страны [5, с. 267].

К «забытым союзникам» граждане России относят страны Африки (Египет, Судан, Эфиопия) с бесконечным хаосом и нищетой, и Латинской Америки (Аргентина, Бразилия) с постоянными экономическими потрясениями и кризисами. Критичность в будущих отношениях фактически отсутствует, воспринимая данные государства как экзотические места для путешествия, которые, по большому счету, не могут оказать значительного влияния на Россию.

Большую популярность набрала модель идентичности России, основанная на смещении своих политических взглядов к востоку. В связи с чем, к «стратегическим партнерам», безусловно, относят Китай и Индию. В отношении Индии выработана стереотипизированная позиция в контексте дружественных отношений. Индусы воспринимаются россиянами как далекие и непонятные личности и предпосылки к смене данной позиции отсутствуют, в связи с отсутствием общественного диалога. Индия не внушает опасности ни в геополитической, ни в экономической сферах. Немного другая позиция выработана к нашему торгово-геополитическому партнеру – Китаю. Россияне опасаются возможного конфликта в восточной части нашей страны, подкрепляя эту позицию заманчивыми неосвоенными природными ресурсами. На Дальнем Востоке проживает уже не менее 8 млн. человек, промышленность практически не развивается, а рядом находятся такие гиганты, как Китай, Япония и Южная Корея. Чтобы исправить положение, нужен стратегический прорыв в развитии территорий на Дальнем Востоке и Восточной Сибири, и государство, осознавая данную проблематику, предпринимает попытку исправить данную ситуацию за счет национальных проектов, среди которых, набирающий в настоящий момент большую медийную окраску, национальный проект «Демография» [7, с. 116].

КНР, как и Индия не пользуется широким спросом в туристических интересах, что очевидно не способствует развитию общественного диалога между народами. За последние несколько лет наблюдается расширение контактов с Китаем, что очевидно является постулатом к кардинальным изменениям в восприятии дух стран, чего мы пока не можем прогнозировать с индусами.

С началом СВО наблюдается более резкая деградация отношений стран ЕС с Россией (даже Швейцария, нейтральный принцип внешней политики которой признан международным сообществом с 1815 года, приняла антироссийскую позицию), с повсеместным применением «культуры отмены». Поэтому к «врагам» большая часть гражданского общества, за исключением релокантов / иноагентов и части оппозиционно настроенного населения, относит страны Европейского союза и Соединенные штаты Америки, отношения с которыми прогнозируются только к ухудшению в связи с укреплением Российской Федерации на мировой политической арене.

По стечению обстоятельств, наши геополитические «враги» после раскочки гражданского общества Украины с большим удовольствием начали санкционную политику и последующую поставку вооружения противнику, не учли историю межкультурного диалога, основанную на разработанной теории международно-переговорного процесса, которая гласит, что нельзя припираться к стенке противоположную сторону, игнорируя его законные интересы, только если не

присутствует 100% уверенность того, что противник не исчезнет с лица земли в обозримом будущем. «В условиях длительного взаимодействия... крайне невыгодно делать ставку на разовый выигрыш, достигнутый за счет потери доверия другой стороны» [8, с. 11]. Данный факт приводит к выводу о том, что Российское государство уже давно списано с мировой шахматной доски.

В тоже время в правительстве некоторых стран ближнего зарубежья (Армения, Молдова) и их покровители, в настоящий момент предпринимают антироссийские шаги из-за опасения, что Россия в момент своего цивилизованного возрождения предпримет попытки воссоединения единого экономического и культурного пространства в Евразии. Именно поэтому коллективный запад всячески пытаются пресекать на корню восстановление статуса России, как мощного интегрирующего центра Евразии. [9, с. 405].

В связи с изложенным образ «врага» для будущего России имеет очень важное значение, так как он способствует укреплению общества и осознанию своей идентичности, отталкиваясь от своей противоположности. Заимствование и слепое копирование в отношении с «врагом», которое наблюдалось в нулевых, по мнению Панарина, является признанием собственного бессилия и позорного факта, состоящего в том, что «подлинными» мы никогда и не станем. [9, с. 6].

Удивительным для меня фактом в работе колоссального масштаба Шестопаля («ОНИ» и «МЫ»). Образы России и мира в сознании российских граждан, стало фактическое отсутствие образа будущего России, основанного на религиозных представлениях. Хотя от негативных последствий великих потрясений, начиная с момента крещения Руси в X веке великим князем киевским Владимиром Святославовичем, всегда спасала вера, дающая обществу колоссальные силы людского энтузиазма, в условиях разочарования и безверия [10, с. 5]. На основании чего можно сделать вывод о необходимости развития Русского православия, соглашаясь с мнением Панарина о том, что Православие «является шансом человечества – одной из гарантий того, что творческий, цивилизованный постиндустриализм еще может быть спасен в наступающем глобальном мире» [9, с. 38].

Проведя итог приведенному анализу, отмечу наблюдаемые положительные тенденции и факт того, что гражданское общество в большей части представляет будущее России светлым и позитивным, что не может не радовать. Россия – многонациональная / многоконфессиональная страна, где российское национальное ядро играет важную роль. В вопросах геополитики не стоит целиком и полностью полагаться на дружественно настроенные государства, подходя к вопросу с холодной головой и мыслью российского императора Александр III: «У России есть только два союзника – её армия и флот». Нам с вами, как участникам гражданского социума не следует придерживаться латентной позиции, а оказывать посильную поддержку и содействие в будущих реформах нашей страны, причем не только в формировании интенсивного экономического роста, опирающиеся на научно-технический прогресс и инновации, но и в традиционной православной парадигме, к которой тяготеет русское сознание.

Список литературы

1. Агапов О.Д. Духовный суверенитет России: вклад общества, государства и церкви. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50750314/> (дата обращения 02.11.2023).
2. Дугин А.Г. Горизонт 2040: Россия на карте мира» // Петербургский международный экономический форум. [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/194622/> (дата обращения 13.11.2023).
3. Шестопаля Е.Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития / Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2016. № 2.
4. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Внешняя политика и внутривнутриполитические потери лидера: анализ с точки зрения теории социального конструктивизма // Власть. 2017. №9. С. 113-117.
5. Шестопаля Е.Б., Селезнева А.В., Смулькина Н.В. «ОНИ» и «МЫ». Образы России и мира в сознании российских граждан: Коллективная монография / под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 423 с.
6. «Страна оптимистов» / ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-optimistov/>) (дата обращения 21.11.2023).
7. Кудров В.М. Россия: есть ли “светлое будущее” для народа? [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15281333/> (дата обращения: 07.12.2023).
8. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или Переговоры без поражения / Пер. с англ. А. Гореловой; Предисл. В. А. Кременюка. М.: Наука, 1992. 158 с.

9. Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев. Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.

10. Прохоров Г.М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...». Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2010. 320 с.

О ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМНОЙ ПАРАДИГМЫ (ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ)

Тищенко В. И.

*Кандидат философских наук, заведующий отделом
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук
E-mail: vtichenko@mail.ru*

Аннотация. Задача описания особых, системных объектов, обладающих целостными характеристиками, как известно, являлась основной задачей системных исследований – научного направления, сформировавшегося в XX веке задолго до наступления эры Интернета. Критический анализ предшествующего этапа эволюции системного подхода заставляет переосмыслить ряд методологических допущений, казавшихся бесспорными на предшествующем, объектном этапе развития системного подхода; сформулировать логико-эпистемологические предпосылки трансформации объектной парадигмы в сетевую.

Ключевые слова: системный подход, системные исследования, информационное пространство.

ON THE TRANSFORMATION OF THE SYSTEM PARADIGM

Tishchenko V. I.

*CSc in Philosophy
Federal Research Center «Computer Science and Control»
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: vtichenko@mail.ru*

Abstract. The task of describing special, system objects with holistic characteristics is known to be the main task of systems research, a scientific trend that emerged in the 20th century long before the advent of the Internet era. Critical analysis of the previous stage of evolution of the system approach makes us rethink a number of methodological assumptions that seemed indisputable at the previous, object stage of development of the system approach; to formulate logical and epistemological prerequisites for the transformation of the object paradigm into the network one.

Keywords: system approach, systems research, information space.

Хотя формирование и развитие системного образа мышления и соответствующей терминологии шло во многом хаотично, в силу естественной борьбы и конкуренции разных профессиональных точек зрения и программ, можно говорить о существовании двух различных, в чем-то альтернативных, направлений научной мысли в рамках системного подхода [1, с. 68-69]. Отражением противоречивости определения системного подхода как специфического взгляда на мир может служить дискуссия сторонников «общей теории систем» и концепции «исследования систем» [2, 3].

Сторонники одного направления, которое можно обозначить как *объектное*, определяли системный подход на основании выделения специфических свойств тех объектов исследования, которые в совокупности предстают, по их мнению, в качестве особой характеристики этих объектов – системности. Способ исследования, в результате которого происходит выделение и описание этих особых, *системных* характеристик объектов, и получает наименование *системного подхода*. И таким образом, в природе существует особый класс объектов – систем, которому может соответствовать некая теория систем [4].

Иные исследователи подчеркивали определяющую роль позиции исследователя в понимании системности объекта исследования или конструирования. И, соответственно, системный подход – это концептуальная конструкция, рассматривающая или не рассматривающую физическую сущность как систему в зависимости от способа подхода к ней со стороны того, кто ее изучает [5]. Тем самым отмечалась роль гносеологической позиции исследователя в процессе системного исследования [6].

Парадокс становления и развития системной парадигмы состоял в том, что зачинатели «системного подхода», создавая теоретико-научные модели и средства представления в познавательной деятельности реальных объектов, не столько описывали «объектные» характеристики природной реальности, сколько строили «аппарат» познания, представления этой реальности как состоящей из объектов особого типа, а именно, из объектов-систем. Тем самым они конструировали, выстраивали новую (как бы виртуальную) реальность, в которой основой всех и всяческих взаимодействий, обеспечивающих существование и развитие этой реальности, оказывались системы как способ и форма представления одновременно и знания о реальности, и средств описания этой реальности, и самой реальности как предмета исследования.

Дискуссия о «дуализме» системного подхода получила дальнейшее развитие в работах советских философов и теоретиков естествознания в форме вопроса о статусе системного мышления, в виде дихотомии «мировоззрение (методология) — теория». И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин видели основной смысл системного движения в разработке системного мировоззрения, отрицая при этом возможность построения некой единой общей теории систем [7, с. 64-65]. Системный подход в их понимании являлся не чем иным, как стремлением осознать происходящие в ряде важнейших областей науки существенные изменения стиля научного мышления.

В то же время В. Н. Садовский высказывал убеждение, что общая теория систем может быть построена — как общая и как теория — прежде всего в форме системной метатеории [8]. И поскольку внедрение в науку и технику специфически системной методологии проявляется в форме различных системных теоретических моделей, каждая из которых, говоря словами Л. фон Берталанфи, суть «модели различных аспектов мира», он пытается систематизировать описываемую совокупность теоретических «моделей» в контексте системно организованной реальности. С этой целью выстраивается такая теоретическая концепция изменения парадигмы системных исследований, в основе которой лежит смена объектов системных исследований и одновременно трансформация исследовательских интересов участников системного движения [9].

И тем самым, эволюция парадигмы системного мышления обуславливается сменой типа исследуемого объекта, в исследовании которого мы как бы «подходим» к его системной сущности. А парадигма системного исследования предстает в виде системной установки, системного интереса к тем или иным особенностям изучаемых объектов; то есть как «онтологизированная» познавательная конструкция. И вновь предпринимается попытка «снять» противоречие «объектного» и «гносеологического» определения сущности системного подхода.

В настоящее время в среде методологов системной проблематики, анализирующих системность, системный подход, наблюдается некая гносеологическая «пауза» и стагнация. И связано, как это, может быть, не парадоксально звучит, отчасти с тем, что мы не можем определять системный подход через понятие системы.

Исследователь никогда не имеет дело с объектом, в том числе и с системой как объектом. Он имеет дело с *предметом*, т.е. объектом, представленным во многих элементах научного предмета, которые получены в результате *особого социокультурного действия* – в проблемах и задачах специфического типа, в фактах или эмпирическом материале, в моделях и онтологических схемах и картинах, в методе и методиках. И поэтому, когда исследователь попадает в специфическую системную ситуацию и хочет ее описать, то он должен обращаться не к объекту-системе, а к предмету, описываемому и фиксирующему объект системным способом, т.е. к тому «аппарату» исследования, которым мы пользуемся, описывая объекты как системы. Другими словами, он должен рассмотреть, как, каким образом возникают в деятельности такие формы научного познания, которые предстают перед исследователем в качестве систем.

Особенностью современной формы системного мышления оказывается необходимость учитывать в научных построениях то, что само человеческое действие уже не является чем-то внешним по отношению к реальности (так называемой природе), предстающей перед исследователем в виде совокупности систем, а как бы включается в познание этих систем, видоизменяя каждый раз пространство их возможных состояний.

Эволюция системной парадигмы, а, следовательно, иной взгляд на методологию системного мышления обусловлены радикальными изменениями в основаниях науки, в научной картине мира

в целом. Распространение сетевой логики в общественном сознании, процессы информатизации, взрывное развитие коммуникативных технологий изменили не только подходы и методы исследования «сложноорганизованных» объектов (= предметов исследования). Одновременно с этим изменились и сами эти объекты (а точнее представление их в сознании человека познающего), в которых «информационное измерение», получив мощную технологическую основу и поддержку, стало не просто важным, но во многих случаях определяющим, ключевым. Современные системные исследования в равной степени отражают как объективные свойства реальности, в рамках которой эту задачу пытаются решать, так и отношение к этой реальности того, кто такую задачу ставит. Использование информационных технологий в социальных коммуникациях потребовало принципиально нового развития методологии системных исследований. Это означает, что системный анализ, системный подход при описании предметной реальности подразумевает включения в понятийный аппарат представлений не только о реальности, но и о нашем взаимодействии, коммуникации с реальностью [10].

Современный системный анализ подразумевает, что всякая задача не является чем-то объективным, существующим независимо от того, кто ее хочет решать, а в каком-то смысле отражает как объективные свойства реальности, в рамках которой эту задачу пытаются решать, так и отношение к этой реальности того, кто такую задачу ставит.

В терминах системной методологии этот подход описывает наряду с реальностью актуализированной (действительностью) потенциальную реальность (виртуальную). Таким образом, можно сказать, что развитие процессов информатизации общества потребовало нового развития методологии системных исследований, включения в её концептуальный аппарат представлений не только о реальности, но и о нашем взаимодействии, коммуникации с реальностью. Именно этим пристальным вниманием к взаимоотношениям между субъектом наблюдения и его объектом современная теория систем характеризуется на данном этапе своего развития. Именно эта особенность преобразования системной методологии позволяет оставаться ей достаточно эффективным интегративным инструментом исследования разного рода сложноорганизованных изменяющихся объектов и проблем.

Список литературы

1. Акофф Р. Общая теория систем и исследование систем как противоположные концепции науки о системах // *Общая теория систем*. М.: Мир, 1966. С. 66-80.
2. *Systems: Research and Design, Proceedings of the First Systems Symposium at Case Institute of Technology*, ed. By Eckman D. P., N. Y., 1961.
3. *Views on general systems theory. Systems symposium Second Case Institute of Technology*. Mihajlo D. Mesarovic (Ed.) Wiley, 1963.
4. Бертуланфи Л. фон. *Общая теория систем: критический обзор* // *Исследования по общей теории систем*. М., 1969. С. 23-82.
5. Акофф Р. Л. *Системы, организации и междисциплинарные исследования* // *Исследования по общей теории систем*. М., 1969. С. 143-164.
6. Эшби У. *Росс Общая теория систем как новая научная дисциплина* // *Исследования по общей теории систем*. М., 1969. С. 125-142.
7. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. *Становление и сущность системного подхода*. М.: Наука, 1973.
8. Садовский В.Н. *Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ*. М.: Наука, 1974.
9. Садовский В.Н. *Смена парадигм системного мышления* // *Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1992–1994*. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С.64-78.
10. Тищенко В.И. *Цифровое пространство личности* // *Труды Института системного анализа Российской академии наук*. 2022. Т. 72, № 4. С. 51-61.

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР БОГДАНОВСКОЙ ТЕКТОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ярмак Ю.В.

*Доктор политических наук, главный научный сотрудник
Институт логики, когнитологии и развития личности
E-mail: y.yarmak@mail.ru*

Аннотация. В докладе будет представлена история формирования тектологии Богданова и ее важнейшие идеи. Рассматривается влияние А.А. Богданова на развитие системных исследований в нашей стране, анализируется роль В.Н. Садовского в развитии тектологических идей в отечественных системных исследованиях. Будет показано значение богдановской тектологии в развитии общей теории систем и кибернетики. Рассматриваются возможности использования идей богдановской тектологии для анализа и конструирования современных общественно-политических процессов. В этой связи реконструируется история формирования ключевых понятий тектологии и важнейшие элементы концептуального аппарата тектологии Богданова. Так, будет показано, что само понятие «организационный опыт человечества» позволило Богданову по-новому взглянуть на всю историю культуры. В свою очередь, обосновывается тот факт, что понятия конъюгации и расхождения особенно актуальны для анализа общественно-политических процессов в современной России.

Ключевые слова: В.Н. Садовский, А.А. Богданов, система, тектология, философия, методология, организационный опыт человечества, конъюгация, расхождение, комплекс.

THE SYSTEMIC NATURE OF BOGDANOV TECTOLOGY AND MODERNITY

Yarmak Y.V.

*DSc in Politics, Chief Researcher, Professor
Institute of Logic, Cognition and Personality Development
E-mail: y.yarmak@mail.ru*

Abstract. The report will present the history of the formation of Bogdanov's tectology and its most important ideas. The influence of A.A. Bogdanov on the development of systemic research in our country is considered, the role of V.N. Sadovsky in the development of tectological ideas in domestic systemic research is analyzed. The importance of Bogdanov tectology in the development of the general theory of systems and cybernetics will be shown. The possibilities of using the ideas of Bogdanov tectology for the analysis and construction of modern socio-political processes are considered. In this regard, the history of the formation of key concepts of tectology and the most important elements of the conceptual apparatus of Bogdanov's tectology are reconstructed. Thus, it will be shown that the very concept of "organizational experience of mankind" allowed Bogdanov to take a fresh look at the entire history of culture. In turn, the author substantiates the fact that the concepts of conjugation and divergence are especially relevant for the analysis of socio-political processes in modern Russia.

Keywords: V.N. Sadovsky, A.A. Bogdanov, system, tectology, philosophy, methodology, organizational experience of humanity, conjugation, divergence, complex.

Тектология как всеобщая организационная наука была создана А.А. Богдановым в первой четверти XX века. Само понятие «тектология» Богданов вводит в 1911 для обозначения новой области исследовательского поиска, направленного на то, чтобы «научно систематизировать в целом организационный опыт человечества» [1, с. 149]. Богданов исходил из того, что весь мир опыта может быть представлен в его организационной целостности, в качестве единой системы.

Исследуя проблемы общей системной концепции А.А. Богданова, В.Н. Садовский выделил в ней две основные части — эмпириомонизм и тектологию, показав их органическую взаимосвязь между собой. С точки зрения В.Н. Садовского, теория Богданова стала исторически первой системной парадигмой. Ее основной акцент направлен, как полагал В.Н. Садовский, на анализ равновесных систем. Более того, с его точки зрения, последующие фундаментальные системные концепции такие,

как общая теория систем Л. Берталанфи, А. Рапопорта и других, кибернетика Н. Винера и У. Эшби, математическая общая теория систем М. Месаровича, другие концепции в теоретическом и методологическом планах не превзошли исторически первую системную концепцию А.А. Богданова [2]. Их основное отличие заключалось в разности создаваемого и используемого концептуального аппарата. У этих концептуальных аппаратов сложилась различная судьба. Как раз именно в терминологическом плане, на мой взгляд, богдановская концепция проигрывала концепции Берталанфи. Как будет видно из доклада, богдановская концептуальная система сформулирована тяжело, громоздко. У его концептуального аппарата нет прямых аналогов в истории культуры, в отличие, например, от концепции Л. Берталанфи, который использовал знакомый для исследователей в разных сферах культуры концептуальный аппарат, в первую очередь, само понятие «система». Но, несмотря на этот факт, последовательность и строгость самой концепции Богданова приводит к тому, что она оказывается востребованной в 70-80-е годы XX века в разных сферах гуманитарного и математического знания. Ее образовательный потенциал был исследован Г.В. Сориной [3]. Благодаря исследованиям в области неравновесных и сверхсложных систем (А.Н. Колмогоров, Р. Тома, А.А. Андронов, И. Пригожин, Я.Г. Синай, В.И. Арнольд, В.Н. Костюк и др.) стало очевидно, что богдановский равновесный вариант теории систем и «организации» – это частный случай общей теории систем, имеющий специальное научное значение [2].

Философской базой тектологии считается и является эмпириомонизм его автора. Исследованием проблем эмпириомонизма Богданов занимается в 1904-1906 г. Для него монизм организации опыта проявляется в монизме познавательного метода. Сама тектологическая концепция Богданова, с точки зрения В.Н. Садовского, носит всеобъемлющий системный характер [2]. Тектология, или всеобщая организационная наука А.А. Богданова, предлагает определенные законы организации различных «комплексов». По существу, понятие «комплекс» — это богдановский вариант современного понятия «система». В богдановской тектологии можно найти основы не только общей теории систем, но и кибернетики, других современных отраслей знания.

Как считает В.Н. Садовский, А.А. Богданов выделил универсальные типы систем, подверг анализу основные организационные механизмы подбора, которые могут вести как к положительным, так и отрицательным результатам, провёл анализ схождения и расхождения социальных и биологических форм, описал типы системных кризисов, возникающих в процессе организации и дезорганизации, предвосхитил идею обратной связи – бирегулятора, а по существу сформулировал идею изоморфизма систем, на которой как раз и базируется как кибернетика Н. Винера и У. Росс Эшби, так и «общая теория систем» Л.фон Берталанфи. Кроме того, А. А. Богданов был также родоначальником идей современного моделирования [4, с. 64] и эволюционных структурных связей [5, с. 332-333]. Думаю, следует отдать должное А. Богданову и в том, что такие современные направления исследований западной и отечественной социальной психологии, как организационное поведение, рефлексивное управление, тоже в значительной степени есть порождение его идей [6].

В своём научном творчестве А. Богданов вышел на уровень методологических подходов к раскрытию и анализу закономерностей генезиса, функционирования и распада больших социальных систем. Так, А.Л. Тахтаджян справедливо отмечает, что *любая демократическая политическая система, любая здоровая экономика предполагает использование богдановского принципа двойного взаимного регулирования, бирегуляции, взаимного контроля* [7].

Сформированный научный аппарат Богданова применим и для понимания современных общественно-политических проблем. Так, в руководстве нашей страны всё чаще звучат мысли, связанные с необходимостью *управлять в России процессами изменений посредством системного воздействия на структурные связи, как в самих комплексах, так и в их окружении*. Эта мысль содержится уже в Послании 2000 года Президента РФ Федеральному Собранию. Идею комплексности развития Президент упоминал и при обосновании экономических задач, успешность решения которых было бы фундаментом конкурентоспособности страны, и при обосновании российской модели того, что относится к нормативно-правовой сфере управления государством, и при противодействии системным вызовам нашему государственному суверенитету, его территориальной целостности. Возможности применения богдановских тектологических идей к анализу проблем современности более последовательно будет рассмотрено в докладе. Сейчас хотелось бы подчеркнуть лишь следующее. Богданов считал, что *обобщенно-осознанная постановка реальных организационных задач дает практическую возможность обобщенно-организационного подхода к выработке методов их решения*. Он считал, что весь опыт развития социальных наук убеждает: в зависимости от правильной постановки вопроса в обобщенной форме повышаются возможности и вероятность создания правильной стратегии, а от этого тянется связь к успешному решению долгосрочных задач

общественного развития. Следовательно, можно сказать, что правильное целеполагание в виде общих рамок постановки задач, дает системное понимание того, что необходимо осуществить при целедостижении, выстраивать предварительные сценарии этого процесса и готовить стратегические планы достижения целей [8].

В докладе будет рассмотрен еще один аспект тектологических идей Богданова. Речь пойдет о конъюгации, которая представляет особенности непрерывной связи, взаимодействия и соединения систем. Богданов утверждал, что, зная характер функционирования законов конъюгации, можно обеспечить не только количественное выравнивание смежных комплексов, но и устранять губительную неприспособленность и качественное различие их звеньев, осуществлять перестройку системы с устранением напряжения в комплексах и их окружающей среде. Конъюгация позволяет понять степень устойчивости комплексов, зависящих от активностей, имеющихся в этом комплексе и иных управленческих центров [9, кн.1, с. 206-208].

Кроме конъюгации как соединения систем АА. Богданов рассмотрел и процесс расхождения систем, в частности, он критически переосмыслил идею многоцентриа для единой системы. Такое многоцентрие он как раз и называл расхождением, которое не сглажено конъюгацией. В качестве примера Богданов рассматривает историю из жизни партий. «Интересно...наблюдать расколы политических организаций. Приходилось иногда видеть, что в момент самого разрыва различия едва уловимы, самими деятелями формулируются совсем неясно и сбивчиво, причем даже одна сторона приписывает другой те самые отрицательные черты, какие та приписывает ей. Но после раскола уже через короткое время обнаруживаются значительные и серьезные расхождения тактические, программные, теоретические; они явно возрастают; и всё более возрастает необходимая величина тех воздействий, которые могли бы вновь спаять разорванное» [9, кн. 2. с. 11]. Эти идеи Богданова позволяют по-новому взглянуть на многие проблемы в жизни современной России. Для этого необходимо более последовательное и полное прочтение идей Богданова в контексте проблем современности.

Список литература

1. Луценко А.В. Историография научного творчества А.А. Богданова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 148-152. DOI: 10.17223/15617793/429/18.
2. Садовский В.Н. Системная концепция А.А. Богданова // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник 1998. Ч.1. М., 1999.
3. Сорина Г.В. Истоки возникновения богдановской тектологии // Организационная динамика человеческой деятельности: экономика, философия, культура. М., 2003. С. 187-196.
4. Малиновский А.А. Богданов А.А.// Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989.
5. Зелены М. Тектология // Международный журнал общих систем, 1988. №4.
6. Лютенс Ф. Организационное поведение / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999.
7. Тахтаджян А.Л. Слово о тектологии. [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/24397> (дата обращения 16.01.24).
8. Ярмак Ю.В. Политическая планово-проектная деятельность в социальных коммуникациях. Монография. М.: МГПУ, 2013.
9. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-т. М.: Экономика, 1989.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

КОГДА ПИКСЕЛИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В МИФЫ: ВЗГЛЯД НА ФИЛОСОФИЮ ИНТЕРФЕЙСА В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ТОТЕМИЗМА

Алиев Р. Т.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Институт Философии Санкт-Петербургского государственного университета,
Научный сотрудник
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
E-mail: rastaliev@gmail.com*

Аннотация. Доклад рассматривает влияние цифровых интерфейсов на культурные образы и практики, подчеркивая их роль в формировании новых культурных парадигм и ценностных систем. Анализируется, как технологии интегрируют традиционные символы в цифровые медиа, преобразуя интерфейсы в активных участников культурной трансформации. Освещаются этические и культурные дилеммы цифровизации, включая вопросы конфиденциальности, надзора и личной автономии, а также влияние цифрового неравенства на социальную справедливость. Работа подчеркивает необходимость интеграции различных культурных и философских традиций в образовательные и технологические интерфейсы, освещая их важность в современном культурном и академическом дискурсе.

Ключевые слова: цифровые интерфейсы, культурная трансформация, этика цифровизации, социальная справедливость, межкультурное взаимодействие, философия технологий, антропология интерфейса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-78-10046 «Интерфейс как среда жизни: факторы интеграции» в Санкт-Петербургском государственном университете.

WHEN PIXELS BECOME MYTHS: A LOOK AT INTERFACE PHILOSOPHY IN THE AGE OF DIGITAL TOTEMISM

Aliev R.T.

*CSc in History, Associate Professor in Department of History
Institute of Philosophy, St. Petersburg State University
Researcher
Astrakhan Tatishchev State University
E-mail: rastaliev@gmail.com*

Abstract. The report examines the impact of digital interfaces on cultural imagery and practices, highlighting their role in shaping new cultural paradigms and value systems. It analyzes how technologies incorporate digital representations of traditional symbols into digital media, transforming interfaces into active participants in cultural transformation. The ethical and cultural dilemmas of digitization are explored, including issues of privacy, surveillance, and personal autonomy, as well as the impact of digital inequality on social justice. The work underscores the importance of integrating diverse cultural and philosophical traditions into educational and technological interfaces, highlighting their significance in contemporary cultural and academic discourses.

Keywords: Digital Interfaces, Cultural Transformation, Ethics Of Digitalisation, Social Justice, Intercultural Interaction, Philosophy Of Technology, Interface Anthropology.

Цифровая трансформация культурных образов представляет собой переосмысление традиционных культурных практик через технологии, создавая новые цифровые культурные формы. Этот доклад исследует, как цифровые медиа формируют новые культурные парадигмы и реинтерпретируют традиционные символы, превращая цифровые интерфейсы в активных участников культурной трансформации. Они влияют на личностное развитие и мировоззрение, обогащая понимание когнитивных наук и психологии. Изучение интерфейсов раскрывает метафоры, аналогичные традиционным мифам, влияющие на восприятие цифрового мира и формирующие новые ценностные системы. Эти метафоры интегрируют традиционные мифологии в цифровой ландшафт, подчеркивая взаимосвязь технологий и культурного развития.

Анализ этических и культурных дилемм цифровизации выявляет сложности интеграции цифровых интерфейсов в жизнь, поднимая вопросы конфиденциальности, надзора, личной автономии и социальных изменений. Исследования обращаются к социальной справедливости и влиянию цифрового неравенства на общество. Цифровые технологии способствуют формированию новых индивидуальных и коллективных идентичностей, изменяя социальную идентичность и стимулируя дискуссии об анонимности и аутентичности в виртуальном пространстве.

Цель доклада – провести научный обзор исследований философии и культуры интерфейсов, выявляя теоретические подходы и концептуальные рамки влияния интерфейсов на культуру и общество. В докладе рассмотрены современные работы, охватывающие разнообразные аспекты изучения интерфейсов, отражающие их значимость в современных культурных и социальных практиках.

Актуальные исследования философии интерфейса освещают, как цифровая эра воздействует на культурные и этические парадигмы, выявляя новые философские вопросы в контексте технологических реалий. В работе А. Удефи рассматривается влияние философии на культурные практики народа Игбо, показывая, как философия формирует социальные и ритуальные аспекты жизни, и как в эпоху цифровизации эти концепции адаптируются в цифровых интерфейсах, демонстрируя взаимодействие традиционных культурных образов с современными технологиями [1]. Исследование Гарнера и соавторов представляет интердисциплинарный анализ взаимодействия философии, социальных наук и искусства через интерфейс, освещая влияние культурных образцов и этических норм на политические процессы [2, с. 97]. Работа Чоудхури объединяет аналитическую философию и индигенные точки зрения для изучения влияния образовательной системы на сохранение культурных знаний, подчеркивая значимость интеграции различных культурных и философских традиций в образовательных интерфейсах [3, с. 188].

Одной из других реперных точек научных изысканий интерфейсов является ряд исследований посвящённых межкультурному взаимодействию и интерфейсу как таковым. В работе Р. Хаймгертнера «Мышление и действие», исследуется влияние культуры на мышление и идеологию в контексте проектирования межкультурных пользовательских интерфейсов [4, с. 11]. Автор подчеркивает необходимость глубокого понимания культурных особенностей для разработки эффективных и интуитивно понятных интерфейсов, которые учитывают разнообразие пользовательских перспектив и контекстов [4, с. 47]. В исследовании А. Маркуса освещается, как события 11 сентября 2001 года повлияли на развитие пользовательских интерфейсов, подчеркивая важность понимания культурных различий в процессе их создания. Автор работы обсуждает, как глобальное осознание культурных различий и конфликтов может способствовать созданию более чувствительных и адаптивных интерфейсов, что становится ключевым аспектом в мире, где технологии и культура всё более взаимосвязаны [5, с. 26]. Работа исследователя Т. Джэксона поднимает вопрос о применимости теории культурных измерений Хофстеде в африканском контексте. Автор критически анализирует эту теорию, предлагая концепцию культурных интерфейсов, которая подчеркивает сложность и многоуровневость культурных взаимодействий, особенно в контексте глобализации и межкультурного обмена [6, с. 50].

Тематическое направление, где поднимается проблема технологий, интерфейса и человеческого опыта, раскрывается в следующих работах. В исследовании «Интерфейсные культуры: художественные аспекты взаимодействия», анализируется, как интерфейсы становятся платформой для художественного выражения и взаимодействия в современном искусстве [7]. Авторы подчеркивают роль интерфейсов в создании новых форм искусства, объединяющих технологии и творчество [Там же, с. 58]. В работе «Обзорный очерк: человеко-машинный интерфейс», анализируется, как интерфейсы между человеком и машиной трансформируются и влияют на наше понимание самих себя и мира [8]. Этот анализ осмысливает эволюцию интерфейсов как критическую точку в развитии информационного общества и нашего взаимодействия с технологиями [8, с. 217].

В исследовании Н. Ганга «Интерпретация культуры интерфейса», делается акцент на том, как интерфейсы влияют на культуру и общество, создавая новые формы взаимодействия и коммуникации [9]. Рассматривается интерфейсная культура как средство интеграции различных культурных форм в цифровом мире, подчеркивая её важность в современном обществе [там же, с. 62].

Тематика эстетики интерфейса проявилась в следующих работах. В исследовании Джеффри Бардзелла, «Критика взаимодействия: введение в практику», осмысливается критика интерфейсов как жизненно важная практика в области человеко-компьютерного взаимодействия, подчеркивая необходимость глубокого анализа взаимоотношений между интерфейсом и пользовательским опытом. Автор предлагает синтез критических подходов из эстетики и теории культуры, чтобы понять, как дизайн интерфейса влияет на формирование смыслов и переживаний пользователя [10, с. 619]. В работе А. С. Малвика, «Эстетика интерфейса», исследуются эстетические аспекты интерфейса в контексте современной культуры и литературы, подчеркивая, как интерфейсы становятся медиаторами между человеком и технологией. Автор анализирует, как интерфейсы влияют на восприятие и взаимодействие с художественными и литературными произведениями, открывая новые перспективы для понимания взаимодействия искусства, литературы и технологий [11, с. 15].

Философия технологии и интерфейса занимает центральное место в современном академическом дискурсе, поскольку технологические инновации неизбежно влияют на наше восприятие мира и способы взаимодействия с ним. Рассмотрение различных подходов к философии интерфейса и технологии позволяет глубже понять взаимосвязь между технологическим прогрессом и культурными трансформациями. В исследовании Х. Шрамма и его коллег, «Инструменты в искусстве и науке: об архитектонике культурных границ в 17 веке», анализируется, как научные инструменты и артефакты действуют как интерфейсы между искусством и наукой, размывая границы между дисциплинами. Авторы подчеркивают, что эти интерфейсы способствуют развитию новых форм знания и культурных практик [12, с. 121]. В работе А. Грунвальда, «Философия и концепция технологии – об антропологическом значении технологии», рассматривается, как философия технологии влияет на наше понимание человечества и его взаимодействия с технологиями. Грунвальд анализирует интерфейс между технологией и культурой, подчеркивая его значимость для понимания антропологических аспектов современного общества [13 с. 190]. В исследовании М.-А. Тупана, «Башляр, Кассирер и ранние междисциплинарные гуманитарные науки», освещается, как идеи Башляра и Кассирера о междисциплинарности могут быть применены к современным интерфейсам между наукой, искусством и философией. Тупан подчеркивает, что понимание этих интерфейсов необходимо для осмысления взаимодействия различных областей знания и культуры [14, с. 19].

Цифровая эра провоцирует фундаментальное переосмысление культурных практик, где технологии становятся медиаторами культурного образа, интегрируя традиционные символы в цифровые интерфейсы, что способствует формированию новых культурных парадигм и ценностных систем. Исследование этических и культурных дилемм цифровизации подчеркивает важность социальной справедливости и влияния цифрового неравенства, выделяя вопросы конфиденциальности, надзора, личной автономии и социальных изменений. Философия интерфейса в контексте межкультурного взаимодействия раскрывает сложности взаимосвязи между культурой, технологиями и образованием, подчеркивая необходимость интеграции различных культурных и философских традиций в образовательных и технологических интерфейсах. Анализ философии технологии и интерфейса подчеркивает их центральное место в современном академическом дискурсе, выделяя важность понимания антропологических аспектов взаимодействия человечества с технологиями и культурой, а также роль интерфейсов в развитии новых форм знания и культурных практик.

Список литературы

1. Udefi A. Philosophy and Igbo Cultural Practices. [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/rec/UDEPAI> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Cultural and Ethical Turns: Interdisciplinary Reflections on Culture, Politics and Ethics. Eds. B. Garner et al. Brill, 2020. 157 p.
3. Chowdhury J. S. и др. Constitutional Provision in Protecting and Managing Indigenous Knowledge Systems: A Case From Rakhain Community in Bangladesh // *Advances in Religious and Cultural Studies*. Ed. R. Tshifhumulo & T. J. Makhnikhe. IGI Global, 2022. P. 186–206.
4. Heimgärtner R. Thinking and Acting // *Intercultural User Interface Design*. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 11–47.

5. Marcus A. Culture class vs. culture clash // *Interactions*. 2002. Vol. 9, № 3. P. 25–28.
6. Jackson T. From cultural values to cross-cultural interfaces: Hofstede goes to Africa // *Journal of Organizational Change Management*. 2011. Vol. 24, № 4. P. 532–558.
7. *Interface Cultures: Artistic Aspects of Interaction*. Eds. C. Sommerer, L. Mignonneau & D. King. Bielefeld, Germany: Transcript Verlag, 2008.
8. Behar J. Book Review: Review Essay: The Human-Machine Interface // *Social Science Computer Review*. 2002. Vol. 20, № 2. P. 214–218.
9. Gang N. The Interpretation of Interface Culture // *Studies in dialectics of nature*. 2006. № 11. P. 62–66.
10. Bardzell J. Interaction criticism: An introduction to the practice // *Interacting with Computers*. 2011. Vol. 23, № 6. P. 604–621.
11. Malvik A. S. Grensesnittets estetikk: En begrepsanalytisk tilnærming til samtidsestetikken og dens medieparadigme // *Tidskrift för litteraturvetenskap*. 2009. Vol. 39, № 3–4. P. 4–20.
12. *Theatrum Scientiarum – English Edition, Volume 2, Instruments in Art and Science: On the Architectonics of Cultural Boundaries in the 17th Century*. Eds. H. Schramm, L. Schwarte & J. Lazardzig. De Gruyter, 2008.
13. Grunwald A. Philosophy and the Concept of Technology — On the Anthropological Significance of Technology // *On Human Nature*. Eds. A. Grunwald, M. Gutmann & E. M. Neumann-Held. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2002. P. 179–194.
14. Tupan M.-A. Bachelard, Cassirer and Early Interdisciplinary Humanities // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2017. Vol. 8, № 4. P. 13–20.

ЦИФРОВАЯ МИФОЛОГИЯ МЕДИАПАМЯТИ

Артамонов Д. С.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: artamonov@mail.ru*

Тихонова С. В.

*Доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: artamonovds@mail.ru*

Аннотация. В цифровом обществе медиа оказывают определяющее влияние на конструирование коллективно разделяемых представлений о прошлом, что приводит к структурным изменениям исторической, культурной и коммуникативной памяти, трансформирующимся в медиапамять. Медиапамять можно рассматривать как коммуникационный феномен, возникающий в результате деятельности равноакторных субъектов по воспроизводству образов прошлого и выработке исторического знания. Массы интернет-пользователей перестали быть пассивными потребителями информации, в том числе исторической, и на равных с профессиональными учеными, политиками, журналистами, общественными и культурными деятелями принимают участие в производстве исторического контента, служащего материалом для конструирования представлений о прошлом. Конструирование медиапамяти происходит при помощи цифровых технологий и на площадках социальных медиа, которые представляют собой социально-эпистемические арены, структурирующие процессы производства исторического знания. Вовлечение массовой аудитории в конструирование медиапамяти неизбежно приводит к ее мифологизации, и миф становится одним из основных элементов исторического сознания общества. Цифровой поворот предполагает не только изменение практик исследования социальных мифов, но и трансформацию способов их воспроизводства. В сетевых сообществах циркулируют мифологические нарративы, направленные на конструирование коллективной

идентичности, героизацию, осмысление повседневной реальности. Мифические конструкты выступают в качестве строительного материала, формирующего коммьюнити. Участники сетевых сообществ, создавая различный контент, становятся творцами цифровых мифов, черпая из цифровой среды наборы архетипических историй, позволяющих им осмысливать мир и конструировать собственную мифологизированную реальность. Социальная мифология трансформируется в цифровую форму.

Ключевые слова: цифровая мифология, социальная мифология, цифровой поворот, медиапамять, мифологизация прошлого, цифровые медиа.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) № 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

THE DIGITAL MYTHOLOGY OF MEDIA MEMORY

Artamonov D. S.

*CSc in History, Associate Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy
Saratov State University
E-mail: artamonov@mail.ru*

Tikhonova S. V.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy
Saratov State University
E-mail: artamonov@mail.ru*

Abstract. In a digital society, media have a decisive influence on the construction of collectively shared ideas about the past, which leads to structural changes in historical, cultural and communicative memory, transforming into media memory. Media memory can be considered as a communication phenomenon that arises as a result of the activities of equally active subjects in reproducing images of the past and developing historical knowledge. The masses of Internet users have ceased to be passive consumers of information, including historical information, and on equal terms with professional scientists, politicians, journalists, public and cultural figures take part in the production of historical content that serves as material for constructing ideas about the past. The construction of media memory takes place with the help of digital technologies and on social media platforms, which are socio-epistemic arenas that structure the processes of production of historical knowledge. The involvement of the mass audience in the construction of media memory inevitably leads to its mythologization, and myth becomes one of the main elements of the historical consciousness of society. The digital turn implies not only a change in the practices of researching social myths, but also a transformation of the ways they are reproduced. Mythological narratives are circulating in online communities aimed at constructing collective identity, heroization, and understanding everyday reality. Mythical constructs act as a building material that forms a community. Members of online communities, creating various content, become creators of digital myths, drawing from the digital environment sets of archetypal stories that allow them to make sense of the world and construct their own mythologized reality. Social mythology is being transformed into digital form.

Keywords: digital mythology, social mythology, digital turn, media memory, mythologization of the past, digital media.

Цифровая мифология является структурным элементом медиапамяти и формой бытования мифов о прошлом в цифровой среде. Медиапамять понимается как механизм воспоминания и забвения, включающий в себя все формы бытования прошлого, сохраняющиеся и воспроизводящиеся в медиасреде. Она возникает как новый вид коллективной памяти, конструируемой при помощи медиастратегий интернет-пользователями в социальных медиа и цифровыми технологиями. В отличие от исторической памяти, конструировавшейся интеллектуальной элитой, профессиональными историками и идеологами, медиапамять открыта для творчества широких масс, которые используют историческую информацию, размещенную в медиа, для создания своих версий прошлого при помощи

цифровых технологий. Современные медиа обладают широкими возможностями для влияния на историческое знание, позволяя пользователям редактировать и переформатировать его. В цифровых условиях формируется новый баланс коммуникативной и культурной памяти, а также способы их коммуникации, что радикально меняет облик коллективной памяти. Культурная память включается в коммуникативную практику путем использования исторической информации в производстве медийного контента. Под исторической информацией понимается вся совокупность исторических источников, доступных в цифровой среде (исторические исследования, художественные произведения, фото и видеохроника, интернет-мемы, оцифрованные архивные документы). В условиях широкого распространения социальных медиа возникает новое пространство циркуляции исторического контента, вытесняющее традиционную коммуникативную память. Медиапамять объединяет историческую, культурную и коммуникативную память, осуществляя их конвергенцию, облегчаемую переходом коллективных форм памяти в цифровой формат. Социальная мифология является неотъемлемой частью коллективной памяти и в цифровую эпоху она также трансформируется в цифровую форму [1, с. 7]. Для коллективной памяти эпохи цифрового общества характерна именно цифровая мифология.

Современное научно-технологичное общество продолжает обращаться к социальным мифам для объяснения действительности также как оно это делало в предыдущие исторические периоды. Использование сложнейших информационных технологий и цифровой техники, осуществление значительной части социальной жизни в виртуальном пространстве и цифровизация повседневной реальности позволяет говорить о современном обществе как цифровом. Цифровое общество перестраивает коммуникационные процессы, переводя их в сетевой формат, который направлен на создание устойчивых социальных связей при помощи цифровых технологий [2, р. 143]. Миф способствует укреплению и обоснованию этих связей, а также связывает индивида с действительностью, подвергающейся тотальной цифровизации. Цифровизация человеческого бытия неизбежно приводит к появлению цифрового сознания, частью которого является миф, также трансформирующийся в цифровую форму. Сегодня изучение и осмысление мифологии цифрового общества происходит в парадигме цифрового поворота, который затронул все сферы гуманитарных исследований [3].

В современной медийной среде происходит активизация исторических мифов, что приводит к росту мифологизированности исторического сознания. Дело в том, что современный цифровой миф способен встраиваться в информационный поток, транслируемый средствами массовой коммуникации, затрудняя объективное восприятие информации, и «удревляя» событие или выстраивая ложную хронологическую последовательность [4, р. 156]. Понимание особенностей функционирования мифа в современном медийном пространстве, прежде всего работы мифа с представлениями о прошлом, позволяет избежать опрометчивых выводов о социальных и исторических явлениях и процессах.

Бурное развитие сервисов социальных сетей, характерное для последнего десятилетия, вовлекает массовую аудиторию пользователей Интернета в процессы конструирования образов прошлого. Интернет-пользователи, создающие массивные информационные потоки исторического контента, используют исторические мифы для формирования коллективной и индивидуальной идентичности, изменяя представления о прошлом в соответствии со своими мировоззренческими позициями. Цифровые исторические мифы выступают орудием политики памяти и становятся одним из инструментов мемориальных войн, разворачивающихся в медиaprостранстве. Выявление новой роли мифа в конструировании исторической памяти современных россиян позволяет разработать инновационные исследовательские стратегии для изучения функционирования общественного сознания в условиях компьютерно-опосредованной среды, сетевых интеграций и дополненной реальности. Необходимо создание плюралистичной концептуальной модели формирования медиапамяти в цифровой среде, учитывающей пластичность самой памяти, наличие в ней мифологизированных элементов, возможности ее переформатирования и перезагрузки, а также сетевой характер включения субъектов памяти в процессы ее медийного производства. Данная модель, несмотря на свой междисциплинарный характер, может быть сконструирована методологическими средствами социальной философии, позволяющими учесть изменение масштаба и способов влияния цифровой мифологии на представления о прошлом.

Цифровая мифология прошлого конструируется в рамках социально-эпистемических арен, где участвуют три равноправных актора: 1) ученый-профессионал или группа ученых, определяющие проблему исследования, ставящие задачи и выступающие организаторами работы; 2) «умные толпы», массы интернет-пользователей, любители-добровольцы, объединенные при помощи социальных

медиа и организованными на совместную деятельность; 3) цифровые технологии (нечеловеки в терминологии Б. Латура), выступающие не только в роли инструментов научного исследования, но и активно влияющие на конечный результат, при помощи систем искусственного интеллекта. В рамках социально-эпистемических арен происходит стирание границ между историей как знанием и исторической памятью, так как вовлечение массовой аудитории интернет-пользователей в создание и распространение исторической информации делает процесс получения представлений о прошлом деятельным и носит личностный характер. Каждый индивид при помощи цифровых технологий, визуализирующих образы прошлого, создает и получает представления о прошлом, имеющие эмоциональный характер и соответствующие его мировоззрению. Личностные оценки в представлениях о прошлом в медиапамяти имеют наибольшее значение и предпочитают данным профессиональной исторической науки или навязываемым шаблонам политики памяти, что порождает мемориальные войны, которые ведутся не только на уровне государств, но и локальных сетевых сообществ.

Древние и сущностные мифологические образы сегодня наиболее востребованы в Интернете и медиасреде, становясь частью современной цифровой культуры. Архетипы и иные мифологические конструкции выступают аттрактором пользовательского контента, направленного на описание окружающего мира. В архетипических конструктах, создаваемых пользователями, находят отражение симулякры современной массовой культуры, привлекаемые для интерпретации действительности с помощью инструментов цифровой реальности. Таким образом, медиапамять становится формой бытования мифов о прошлом в цифровой среде, соединяя образы массовой культуры с историческими представлениями.

Мифы являются элементом структуры медиапамяти, они приобретают цифровую форму, хотя и сохраняют социальное содержание. Цифровая мифология призвана объяснить индивиду новую цифровую картину мира и дает возможность любому интернет-пользователю самому стать мифотворцем [5, с. 7]. Цифровая мифология осмысляет новые способы цифрового бытия человека такие как цифровая память, троллинг, буллинг, культура отмены, цифровая смерть, цифровые ритуалы, кибернетический анимизм, онлайн-траур и многое другое [6, с. 74]. Вторжение цифровых технологий в повседневный быт индивидов вызвало большое напряжение в обществе, и мифологизации подвергаются они сами. Например, появление чата-GPT актуализировало миф о том, что искусственный интеллект поработит человека, или миф о вышках 5G, якобы распространяющих коронавирус. В плане представлений о прошлом, существует очень устойчивый миф, что высокотехнологичная цивилизация уже была на Земле и погибла, теперь мы живем, как бы, заново, и что опять, в скором времени, эти высокие технологии погубят человечество. Во многом это и объясняет ситуацию, когда единственно доступное представление о будущем человечества связано с апокалипсисом. Массовая культура очень активно продвигает идею постапокалиптического будущего как единственно возможного.

Таким образом, можно констатировать, что появление цифровых инструментов коммуникации в современном мире, способствующих медиатизации социальных и культурных процессов, привело к возникновению цифровой мифологии медиапамяти как коммуникационного механизма воспроизводства образов прошлого при помощи медиа.

Список литературы

1. Иванов А.Г., Полякова И.П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1. С. 5–15.
2. Valovic T.S. Digital Mythologies: The Hidden Complexities of the Internet. Rutgers: University Press, 2000. 242 p.
3. Соловей В.Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Политические исследования. 2017. № 5. С. 122-132.
4. Losada J.M., Lipscomb A. Myth and Audiovisual Creation. Berl : Logos Verlag, 2019. 216 p.
5. Савчук В.В., Очеретяный, К.А. Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 5-16.
6. Касавина Н.А. «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. № 3(4) С. 73-89.

БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Барбашина Э.В.

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
Новосибирский государственный медицинский университет*

Профессор

Институт философии и права СО РАН

E-mail: linaba@mail.ru

Аннотация. Цифровизация влияет на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе на сферу образования, что проявляется в активном развитии электронного обучения, как одного из видов дистанционного образования. Традиционно к достоинствам электронного обучения относят возможность обучаться «в любое удобное время, в любом месте», сравнительно низкую стоимость, индивидуальную траекторию обучения, расширение состава обучающихся. Однако, как показывают современные исследования, электронное обучение неизбежно сталкивается с «барьерами», в том числе, непреодолимыми. Основными барьерами являются: административные, организационные, коммуникативные, технические, технологические, юридические и другие. Более того, далеко не все преимущества, приписываемые электронному обучению, реализуются или могут быть реализованы на практике. Кроме этого, не решены вопросы о сохранности персональных данных обучающихся, их авторских правах, реализации принципа автономии личности. Не решен вопрос о качестве электронного обучения. Учитывая вышесказанное, не следует рассматривать электронное обучение как эффективный, универсальный, качественный способ получения знаний.

Ключевые слова: онлайн обучение, дистанционное обучение, достоинства и недостатки электронного обучения.

BARRIERS TO E-LEARNING

Barbashina E.V.

*Head of the Department of Philosophy
Novosibirsk State Medical University*

Professor

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: linaba@mail.ru

Abstract. Digitalization affects all spheres of society, including education, which is manifested in the active development of e-learning as a type of distance education. Traditionally, the advantages of e-learning include the ability to learn «at any convenient time, in any place», relatively low cost, individual learning trajectory, expanding the composition of learners. However, as modern research shows, e-learning inevitably faces «barriers», including insurmountable ones. The main barriers are: administrative, organizational, communicative, technical, technological, legal and others. Moreover, not all the advantages attributed to e-learning are realized or can be realized in practice. In addition, the issues of the safety of students' personal data, their copyrights, the realization of the principle of personal autonomy have not been solved. The issue of the quality of e-learning has not been solved. Given the above, e-learning should not be considered as an effective, universal, high-quality way of acquiring knowledge.

Keywords: online learning, distance learning, advantages and disadvantages of e-learning.

Одним из главных процессов современного общества является цифровизация, которая изменяет практически все сферы жизнедеятельности общества и повседневное существование людей. Согласно отчету Global Digital в январе 2023 года 64,4 % мирового населения имеют доступ в Интернет, пользователи социальных сетей составляют почти 60% мирового населения, а пользователи Интернет

– 5,16 миллиарда человек [1]. К концу 2023 года почти 2/3 мирового населения оказались подключенными к Интернету, несмотря на замедление прироста количества пользователей после окончания эпидемии COVID-19. Предположение о переходе к «настоящей постинформационной персонализации», которое было высказано в 1995 году Н. Негропonte, становится реальностью в XXI веке [2, p. 11].

Цифровизация изменяет экономические, политико-правовые процессы, определяет развитие общества в области здравоохранения, образования и т.д. В *экономической* сфере формируется новая информационная среда, в которой наиболее значимыми являются: Big data, блокчейн, интеллектуальные информационные технологии, Интернет вещей и другие [3]. В *политической* сфере процесс цифровизации начинался с использования сети Интернет для сбора информации политическими акторами, продолжился запуском сайтов, появлением электронного правительства, электронным голосованием и т.д. В области *здравоохранения* также происходит активное внедрение информационных технологий, а наиболее востребованными, согласно исследованиям НИУ Высшей школы экономики, являются: биосенсоры, электронные медицинские записи, телемедицина, интерфейсы «мозг – компьютер», приложения mHealth, роботизированная хирургия, ассистивные технологии, анализ медицинских изображений, интернет медицинских вещей.

Процесс цифровизации также оказал существенное влияние и на образование. Об этом свидетельствуют следующие события в период с 2019 года по 2023 год: открытие бесплатного доступа к курсам крупнейших рейтинговых курсов высших учебных заведений России; запуск онлайн-платформы для дистанционного обеспечения школьников средней общеобразовательной школы; запуск образовательной платформы Tele2; первые дистанционные сдачи промежуточной аттестации с помощью биопротекторинга; запуск образовательной площадки «Академика» и многое другое [4].

О преимуществах электронного обучения пишут многие авторы, причем некоторые из них занимают достаточно воинствующую позицию в вопросе о необходимости расширения электронного образования. В противном случае университеты, как образовательные центры, рискуют потерять свой статус, уменьшить конкурентные преимущества, выпасть из процесса интеграции и глобализации [5, p. 85], технологического развития. [6, p. 216-218]. Однако в последние десятилетия возможности электронного обучения рассматриваются более взвешенно, и, если в конце прошлого века преобладала литература оптимистического характера, то, начиная с 90-х годов, все чаще звучат голоса более реалистичных исследователей, а в некоторых случаях – даже пессимистичных.

К настоящему времени сформировалось отдельное направление – «барьеры дистанционного обучения», которые делятся на две группы. Первая – препятствия частного характера, например, школьного либо вузовского, какого-либо отдельного курса либо формируемого навыка. Вторая – общие, характерные в целом электронному обучению.

В одном из первых исследований было выделено четыре основных группы барьеров: ситуационные, институциональные, диспозиционные, эпистемологические. К *первой* относятся барьеры, связанные с конкретными физическими или смысловыми условиями обучающегося: возраст, семейные обязанности, социальная роль, транспортные проблемы и т.д. *Вторая группа*, институциональные барьеры, связаны с учебными заведениями, то есть с теми функциями, которые они выполняет: программы обучения, политика образовательного учреждения, проблемы, связанные с регистрацией, прохождением курсов и т.д. *Третья группа* барьеров – это диспозиционные барьеры, которые связаны с личными особенностями человека, то есть с мотивацией, степенью уверенности или неуверенности, с личным стилем обучения и т. д. [7]. *Четвертая группа*, эпистемологические барьеры – содержательные и формальные характеристики курсов: сложное содержание, неинтересное содержание, высокая степень абстрактности.

Согласно широкомасштабному исследованию, включающему более 2500 респондентов [8], и другим исследованиям, в том числе проведенному на факультете социальной работы и клинической психологии ФГБОУ ВО Новосибирский государственный медицинский университет, было выделено 10 групп основных барьеров электронного обучения.

Первая тройка лидеров-барьеров включает препятствия в виде несоответствующей деятельности административных структур, сложности реализации необходимых организационных изменений, слабой технической поддержки.

Существующие *административные подразделения* образовательных структур ориентированы на традиционный вид образования, а эффективное взаимодействие между ними предполагает перестройку в решении вопросов планирования, финансирования, развития консорциальных соглашений т.д. Второй по значимости барьер связан с необходимостью *организационных изменений*, точнее с их реализацией. Третьим по значимости барьером реализации дистанционного обучения

является *слабая техническая поддержка и низкий технический уровень*, что проявляется в нескольких направлениях: недостаточный уровень технической подготовки преподавателей для разработки курсов и ведения их; отсутствие или недостаточное количество технического персонала, которые могли обучить преподавателей или помочь им в разработке и ведении курсов; отсутствие технических навыков у студентов; низкий уровень технического оснащения и технологического сопровождения программы.

Следующая преграда – отсутствие *социального, коммуникативного взаимодействия*. Обучающиеся на дистанционном обучении лишены полноценной возможности выстраивать дружеские связи, непосредственно взаимодействовать друг с другом в процессе обучения. Оплата преподавателей, расчет времени и сложности проделываемой ими работы – пятый барьер. С одной стороны, разработка дистанционного курса, его апробация, корректировка – достаточно трудоемкое занятие. С другой, недостаточность дополнительного финансирования, сложность расчета трудозатрат приводит к недовольству со стороны преподавательского состава. Следующие два фактора связаны с потенциальными угрозами и рисками: *угроза технологий и угроза авторскому праву* или, в более общем виде, юридическая угроза. *Восьмым* барьером выступает отсутствие ответа на фундаментальный вопрос: *насколько эффективно дистанционное обучение*. Ответ важен для участников дистанционного обучения, учащихся и преподавателей, а также – для работодателей. Предпоследний, девятый по значимости барьер заключается в том, что многие *студенты не имеют полноценного доступа* к Интернету, то есть не имеют возможности в любое время, в любой точке подключиться к процессу обучения. Этот пункт важен, так как именно такая возможность традиционно относится к достоинствам дистанционного обучения. И, наконец, *десятым* барьером является низкое качество «сопутствующих услуг», к которым относится консультирование, предоставление библиотечных услуг, социальных услуг и т.д.

Обсуждение барьеров началось сравнительно недавно, что во многом объясняется «технологическим оптимизмом», переходящим в утопизм, который проявлялся в уверенности, что само использование технологий есть гарантия успеха образовательного процесса. Другими словами, «технологический утопизм» – это уверенность в том, что применение высококачественного инструментария является гарантией качественного обучения.

Многие достоинства электронного обучения вызывают, как минимум, сомнение, и необходимость дополнительных исследований. К ним относятся: самостоятельность обучающихся, полноценная коммуникация благодаря современным технологиям, контроль образовательного процесса со стороны обучающихся и преподавателя и т.д.

Самостоятельность обучающегося в онлайн дискуссиях достаточно часто ограничена, так как в процессе обучения заданы жесткие критерии «самостоятельности»: количество создаваемых сообщений, ответов, длина сообщения, структура и т.д. Полноценное коммуникативное участие обучающихся далеко не всегда возможно, так как часто оно ограничено текстовыми вопросами и сообщениями. Сложившаяся практика исключает большинство составляющих традиционного формата обучения, начиная от приветствия и заканчивая эмоциональными реакциями. Еще в большей степени это относится к отсутствию полноценных взаимоотношений между учащимся и преподавателем. Заменителем такого общения, по мнению ряда авторов, является т.н. интерактивная аналитическая панель (dashboard), которая позволяет получать информацию о прогрессе обучения. Однако, как показывают исследования, ««нынешние конструкции способствуют конкуренции между учащимися, а не овладению знаниями, предлагая ошибочные ориентиры для сравнение». Другими словами, «нынешние конструкции» ориентированы на количественные, а не на качественные показатели процесса обучения [9, p. 82].

Безусловно, сбор, систематизация данных, связанных с процессом электронного обучения, помогает оптимизировать образовательные процессы, сделать их прозрачными. Однако, следует подумать над вопросами о том, кто имеет доступ к этой информации, возможен ли несанкционированный доступ, каковы реальный преимущества и как они соотносятся с рисками, и, наконец, как это соотносится с автономией личности учащегося, социальной справедливостью.

Существует еще одна проблема современного дистанционного обучения в формате электронного, близкая по своему содержанию к вышерассмотренным. Она связана с авторскими правами самих обучающихся. И если об интеллектуальной собственности, защите авторского права преподавателей все-таки пишут, то вопросы относительно контента, создаваемого обучающимися, практически не ставятся.

Барьеры, сложности и нерешенные вопросы, рассмотренные выше, свидетельствуют о том, что не следует рассматривать электронное обучение как универсальный эффективный вид

образования, как универсальный способ решения проблем традиционного образования. Точно также не следует забывать и о том, что целью любого вида образования является все-таки качественное образование, а не количественные показатели или конкурентные преимущества.

Список литературы

1. Digital 2023: Global overview report/ [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения 17.01.2024).
2. Negroponte N. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf, 1995. 243 p.
3. Цифровизация экономики в России. Центр развития компетенций в бизнес-информатики, логистике и управлении проектами [Электронный ресурс]. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovizatsiya-ekonomiki-v-rossii/> (дата обращения 20.01.2024).
4. Онлайн-образование (рынок в России)/ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения 20.12.2023).
5. Ribiero T. From a distance: Look at distance learning's increased following // Education. 2002. Vol. 152, № 9. P. 85.
6. Volery T. Critical success factors in online education // The International Journal of Educational Management. 2000. Vol. 14, № 5. P. 216-223.
7. Rezabek R. Barriers to distance education enrollment. Presented at TeleLearning Conference. October. Austin, TX. 1999.
8. Muilenburg, L.Y. and Berge, Z.L. Barriers to distance education: A factor-analytic study // The American Journal of Distance Education. 2001. Vol. 15, № 2. P. 7-22.
9. Jivet I., Scheffel M., Drachsler H., Specht M. Awareness Is Not Enough: Pitfalls of Learning Analytics Dashboards in the Educational Practice // É. Lavoué, H. Drachsler, K. Verbert, J. Broisin, Data Driven Approaches in Digital Education. London: Springer International Publishing, 2017. P. 82– 96.

МЕТАВСЕЛЕННАЯ: СОВРЕМЕННЫЙ МИФ ИЛИ БУДУЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Блинова О.А.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социокультурного развития территории
МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства»
E-mail: olesyablinova79@yandex.ru*

Аннотация. Работа посвящена анализу феномена метавселенной и его онтологическому статусу. Метавселенная как пространство, объединяющее физическую, биологическую и виртуальную реальности, представляет собой ближайшее будущее качественного изменения бытия человека, либо же является целенаправленно созданным мифом, который через обещание идеальной реальности, стремится к установлению тотального господства над человеком? Для ответа на поставленный вопрос анализируются особенности современного мифа и их присутствие в феномене метавселенной. С той же целью определяются позитивные и негативные характеристики метавселенной как будущей реальности, а также технические возможности ее установления в ближайшей перспективе. В заключении сделан вывод о частичном проникновении метавселенной как новой качественной социальной реальности в физическую реальность, что позволяет определить метавселенную как современный миф, но с реальной перспективой становления новой онтологической реальности человечества.

Ключевые слова: метавселенная, современный миф, мифотворчество, реальность, цифровое пространство, виртуальное пространство, цифровые технологии.

THE METAVERSE: A MODERN MYTH OR A FUTURE REALITY

Blinova O.A.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department
of Sociocultural Development of the Territory
Yekaterinburg Academy of Contemporary Art
E-mail: olesyablinova79@yandex.ru*

Abstract. The work is devoted to the analysis of the phenomenon of the metaverse and its ontological status. Does the metaverse as a space combining physical, biological and virtual reality represent the near future of qualitative change in human existence, or is it a purposefully created myth that, through the promise of ideal reality, seeks to establish total domination over man? To answer this question, the features of modern myth and their presence in the phenomenon of the metaverse are analyzed. For the same purpose, the positive and negative characteristics of the metaverse as a future reality are determined, as well as the technical possibilities of its establishment in the near future.

Keywords: metaverse, modern myth, myth-making, reality, digital space, virtual space, digital technologies.

На первый взгляд кажется, что такая форма мировоззрения как миф канула в лету, что современный человек – это оплот рационального, логического и научно обоснованного мировосприятия, что он понимает всю несинкретичность окружающего его мира, а в формировании картины мира руководствуется сознанием и рефлексией. Но так ли оно на самом деле? И можно ли утверждать, что миф навсегда утратил свою актуальность для современного человека?

Представление об утрате мифологическим своей актуальности в процессе мироощущения и мировосприятия и полной смене его философским и научным мировоззрением было разрушено основоположниками психоанализа, а именно З. Фрейдом и К. Юнгом, обосновавшими феномен бессознательного, как основной способ восприятия мира и позиционирования себя в нем. Бессознательное Фрейда можно интерпретировать как индивидуальный миф, а коллективное бессознательное Юнга – как миф социальный. В отличие от архаичного, современный миф не является универсальным способом объяснения мира, напротив он максимально локален и замкнут в моменте здесь и сейчас. Если архаичный миф передавался из поколения в поколение и обладал наследственным характером, то миф современный вирулентен. Современный миф в отличие от архаичного отказывается быть предметом веры и нести в себе откровение, он стремится к наукообразности, логичности и сознательности, не учитывая того, что научное мышление не является формой мышления, лежащей в основе познания и понимания повседневной реальности. Так, Э. Кассирер утверждал, что человек не живет в мире строгих фактов, для него естественным является пребывание среди надежд и страхов, иллюзий и собственных фантазий [1, с. 471], а происходит это потому, как объясняет данный факт П.С. Гуревич, что «миф освещает человеческое существование, придает ему смысл и надежду» [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что именно мифологическое мышление было и остается фундаментом для понимания повседневного бытия, а миф является «психологически доступным всем ответом на проблемы общей значимости» [3, с. 348].

Современный социальный контекст характеризуется наличием большого количества кризисных явлений во всех сферах бытия общества, что, в свою очередь, влияет на ценностные установки, на становление социокультурной идентичности и формирование новой экзистенции. Кроме этого, современный человек находится в условиях постоянной информационной нагрузки, необходимости бесконечного освоения постоянно меняющихся и усложняющихся цифровых технологий. В результате у человека возникает потребность в простых и понятных образах и смыслах, наполняющих повседневную реальность, что актуализируется значимость мифа и активизирует мифотворчество. Особенностью современного мифотворчества является тот факт, что оно разворачивается в цифровом пространстве, характеризующемся иммерсивностью, а значит, обеспечивающем человеку возможность сотворчества новой реальности. «Создаются новые смыслы и новые миры, цифровые коммуникации предлагают современному человеку возможности сотворчества новой культуры и новой реальности в условиях дистанцированности, анонимности и дискретности процесса мифологизации цифрового пространства, с крайней степенью иммерсивности, а каждый пользователь имеет доступ к этому наполненному образами яркому миру, в котором он порождает новые образы

и репрезентует себя как визуализированный миф» [4, с. 26]. Создаваемая в процессе современного мифотворчества цифровая реальность представляет собой контент, позволяющий визуализировать представления об идеальном бытии. В цифровой реальности люди быстрее находят общий язык, сближаются, а мнение других позволяет чувствовать себя в центре социального мира, что дает ощущение полноты и насыщенности бытия и в результате чего создается автонарратив, обеспечивающий содержательное наполнение новой реальности. Человек более не воспринимает свое пребывание в цифровом пространстве как отдельный вид деятельности, но как обыденность. Цифровое пространство и наполняемая его цифровая реальность, это теперь то, что сконструировано самим человеком, а значит, и принадлежит ему.

Одной из форм идеальной цифровой реальности, обещающей человеку реализацию всех его возможностей и открывающей перед ним бесконечные перспективы, является метавселенная. Приставку «метá» можно перевести как «за пределами», «преемственность» или «преобразование», что позволяет говорить, что метавселенная представляет собой выход за пределы физического мира, преобразование вселенной, но с сохранением всего созданного человеком технологического, технического и культурного разнообразия. Понятие «метавселенная» можно определить как пространство, основанное на конвергенции физического и виртуального миров, создающее с помощью иммерсивных технологий уникальную среду для существования пользователей. Метавселенная эмулирует физическое пространство в трехмерном измерении, создавая ощущение полного присутствия. Попадая в метавселенную человек получает те же возможности, что и в реальности, и даже больше, поскольку никаких физических или ментальных ограничений здесь не существует. Корпорации, разрабатывающие метавселенные, позиционируют их как реальность будущего. Готов ли мир к новой реальности, не является ли идея создания метавселенных современным мифом? С одной стороны, существование метавселенной более, чем реально, и частично этот процесс уже запущен, и мы можем стать обитателями таких игровых метавселенных, как Roblox, Mainkraft и др., социальных, нацеленных на общение и сближение людей, например VRChat или культурно-развлекательных – Olyverse, Maff, Fortnite и др. Кроме этого, можно выделить открытые метавселенные, принадлежащие не корпорациям, а самим пользователям, и нацеленные на установление взаимовыгодного сотрудничества, например Decentraland. И корпоративные метавселенные, направленные на сближение компаний с их партнерами и клиентами, здесь примером является метавселенная AltSpaceVR. На данный момент человечество не имеет необходимых технологических возможностей, высокоскоростного Интернета, не решен вопрос с размещением серверов и пр., для запуска полноценных метавселенных, а для их полноценное функционирование затруднено в силу отсутствия морально-нравственного и правового регуляторов. «Фиксируя тренд создания метавселенной, важно подчеркнуть, что реализация столь глобального проекта сопряжена с целым рядом технологических трудностей и задач. Во-первых, вовлечение массовой аудитории потребует создания удобных и доступных по цене интерактивных устройств для подключения к метавселенной. Во-вторых, необходимо разработать и внедрить новые мощные, скоростные технологии обработки данных. В-третьих, для создания универсального, всеобъемлющего цифрового мира потребуются интеграция метавселенных. Создаваемых различными компаниями, на основе единых стандартов совместимости» [5, с. 20]

С другой стороны, метавселенную можно рассматривать как результат мифотворчества. Как и все современные мифы метавселенная является результатом целеполагающей, сознательной деятельности человека, основанной на достижениях науки и направленной на трансформацию существующей реальности, модернизацию социума, изменение общественного сознания и построение новой картины мира. Характеристиками метавселенной как новой формы мифореальности являются:

– релятивизм, выражающийся в интерпретации реальности, происходящей через утверждение существования множества различных метавселенных;

– множественность: одновременное существование нескольких реальностей, параллельных вселенных, историй;

– когнитивизм, проявляющийся в интересе к исследованиям природы сознания и особенностей восприятия и интерпретации им мира;

– гипертрофированность, демонстрируемая через постоянную сенсационность происходящего, сопровождающуюся апелляцией к чувственному восприятию реальности и геймификацией всех социальных процессов.

Поскольку создание полноценной метавселенной в настоящий момент ограничено, но и к прежнему состоянию человечество вернуться уже не может, то происходит формирование нового типа реальности, перетекающей из цифрового пространства в пространство офлайн-практик.

Конечной же целью создания метавселенной как новой формы объективной реальности является полный перенос реальности из офлайн-пространства в пространство цифровое.

Список литературы

1. Кассирер Э. Избранное. Опыты о человеке. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc30601958_637493449?hash=mJpzGoxeJmrDpr0fZCOWw25zWm6cLiFimvkZQZSbieX&dl=RbZm04Pv8jDCt9cvLjdh92dXsMKZU6bQuvlBsuZhNXs (дата обращения 15.01.2024).
2. Фромм Э. Величие и ограниченность теории З. Фрейда. [Электронный ресурс]. URL: http://yakov.works/library/21_f/ro/omm_03.htm (дата обращения 15.01.2024).
3. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. 650 с.
4. Лисенкова А. А., Тульчинский Г. Л. Новые форматы мифологизации в цифровом пространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. № 4 (26). С. 20–31.
5. Ваторопин А. С., Ваторопин С. А., Тепляков И. И., Чевтаева Н. Г. Метавселенная: перспективы создания и социальные последствия // Теория и практика общественного развития. 2022. № 4. С. 19–25.

О ПОДЛИННОМ И МНИМОМ ВЛИЯНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЦЕННОСТНЫЙ КРИЗИС В ПРАВЕ

Ветютнев Ю.Ю.

*Кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский государственный университет
E-mail: legalmind@yandex.ru*

Аннотация. Цифровая реальность вносит свою лепту в нейтрализацию любых иерархических отношений и способствует их перерождению в сетевые формы. Ценность означает, что одно является предпочтительным по сравнению с другим, причем не ситуативно и не случайно, а по своим глубинным свойствам, и что это отличие не только является значимым ориентиром, но и будет оставаться таковым в течение сравнительно долгого промежутка времени. Цифровая реальность, в свою очередь, занята совершенно противоположным делом, а именно тем, что сглаживает ценностные перепады прежде всего на эстетическом уровне, придавая одинаково плоский вид всем объектам и отменяя возвышение одних над другими, тем самым нивелируя сам образ пирамиды в сознании тех, кто этой реальности привержен. В цифровом пространстве право ничем внешне не отличается от любого другого текста; ценности диффузно смешиваются с нейтральным и антиценным контентом. При этом повышенная легкость и быстрота перехода от одной информационной единицы к другой, будучи определяющими чертами цифровизации, объективно сокращают между ними дистанцию вплоть до стирания границ.

Ключевые слова: цифровизация, ценность, кризис, иерархия, сеть, постмодерн.

ON THE REAL AND IMAGINED IMPACT OF DIGITALISATION ON THE CRISIS OF VALUES IN LAW

Vetyutnev Y. Y.

*CSc in Law, Associate Professor
Volgograd State University
E-mail: legalmind@yandex.ru*

Abstract. Digital reality contributes to the neutralisation of any hierarchical relations and promotes their rebirth into network forms. Value means that one thing is favoured over another, not situationally or randomly, but by its underlying properties, and that this difference is not only a meaningful reference point, but will remain so for a relatively long period of time. Digital reality, for its part, is engaged in the exact opposite, namely, in smoothing out value gradients primarily at the aesthetic level, giving an equally flat appearance to all objects and cancelling the elevation

of some over others, thereby levelling the very image of the pyramid in the minds of those who adhere to this reality. In digital space, law is no different in appearance from any other text; values are diffusely mixed with neutral and anti-value content. At the same time, the increased ease and speed of transition from one information unit to another, being the defining features of digitalisation, objectively reduce the distance between them to the point of erasing the boundaries.

Keywords: digitalisation, value, crisis, hierarchy, network, postmodern.

Правовые ценности являют собой стечения множества разнородных обстоятельств – социальные конструкторы, в каждом из которых волевое решение референтных групп культивировать именно этот, а не другой идеал является лишь завершением объективного процесса аксиогенеза, не контролируемого никем из них в отдельности.

Современное состояние ценностей характеризуется в первую очередь высокой степенью изношенности их риторической и интеллектуальной составляющих.

Например, ценность свободы в европейской традиции смогла исторически укрепиться главным образом благодаря апелляции к ее религиозным истокам, прежде всего к протестантским богословским учениям, выработанным в эпоху Реформации.

Так, свои аргументы в пользу свободы христианина Ж. Кальвин строил в основном на интерпретации новозаветных текстов, в особенности посланий ап. Павла, о соотношении Закона и благодати: «совесть служит Закону не по его необходимому принуждению, но, будучи свободна от ига Закона, добровольно подчиняется воле Божьей. Пока совесть постоянно пребывает в страхе и ужасе перед Законом, она никогда не будет свободно, добровольно и с чистым сердцем послушна Божьей воле, если сначала не освободится подобным образом» [1, с. 294].

В эпоху секуляризации актуальность этих аргументов утрачивается. Основным симптомом кризиса становится тот факт, что свобода, как и другие фундаментальные ценности, аксиоматизируется.

Если обратиться к современным аксиологическим представлениям о свободе, то наиболее популярная их версия, а именно либертарно-юридическая теория права, ограничивается по данному вопросу следующими утверждениями: «концепция правовой (формально-правовой) трактовки фундаментальных ценностей человеческого бытия (равенства, свободы, справедливости) в качестве основных моментов правовой формы долженствования четко очерчивает и фиксирует ценностный статус права (круг, состав, потенциал права как ценности, специфику права как ценностно-должного в общей системе ценностей и форм долженствования и т. д.)» [2, с. 60].

По существу, ценность свободы (как и равенства, и справедливости) здесь вообще не обосновывается, а только постулируется. Можно было бы сослаться здесь на интуитивное чувство ценности свободы, присущее человеку; однако дело в том, что оно не может заменить рационального обоснования, точно так же, как самая убедительная аргументация не может заменить эмоционального вовлечения. И то, и другое в одинаковой степени необходимо для существования ценностей.

Индивидуализация и субъективация, препятствующие строительству ценностей, были предвидены М. Хайдеггером в самой идее ценности: «Всякое оценивание, даже когда оценка позитивна, есть субъективация. Она оставляет сущему не быть, а — на правах объекта оценки — всего лишь считаться» [3, с. 212].

Цифровизация в развитии кризиса правовых ценностей играет далеко не центральную роль, но лишь сопровождает и усиливает некоторые его аспекты. Пока отсутствует ясность в трактовке собственных ценностных характеристик большинства явлений «цифрового права», например, так называемого электронного государства: с одной стороны, утверждается, что оно обладает аксиологической функцией («способность накопления ценностей информационного общества и их влияние на образ мыслей и поведение человека» [4, с.66]), с другой стороны, что оно не требует «концептуального пересмотра устоявшихся правовых и политических ценностей и идеалов» [4, с. 63].

Существует также мнение, будто бы «цифровая среда выступает не только инструментальным подспорьем в формировании политического волеизъявления, но и его ценностным источником, поскольку в рамках виртуального пространства происходит соответствующая трансформация ценностных ориентаций, причем актуализируются вполне классические политические ценности свободы и равенства, подпитываемые соответственно беспрепятственностью циркулирования информации и преобладанием горизонтальных социальных связей над вертикальными» [5, с. 41].

Можно согласиться с тем, что подобные ценностные ориентации и соответствующие им практики имеют место, однако под вопросом остается возможность их адекватной рефлексии и риторического оформления, а значит, и юридикации.

Прежде всего, цифровая реальность вносит свою лепту в нейтрализацию любых иерархических отношений и способствует их перерождению в сетевые формы. Ценность означает, что одно является предпочтительным по сравнению с другим, причем не ситуативно и не случайно, а по своим глубинным свойствам, и что это отличие не только является значимым ориентиром, но и будет оставаться таковым в течение сравнительно долгого промежутка времени.

Цифровая реальность, в свою очередь, занята совершенно противоположным делом, а именно тем, что сглаживает ценностные перепады прежде всего на эстетическом уровне, придавая одинаково плоский вид всем объектам и отменяя возвышение одних над другими, тем самым нивелируя сам образ пирамиды в сознании тех, кто этой реальности привержен.

Цифровая реальность эстетически реализует постмодернистскую «культуру ризомы»: «Ее воплощением является постмодернистское искусство. Если мир – хаос, то книга станет не космосом, но хаосом, не деревом, но корневищем. Книга-корневище реализует принципиально новый тип эстетических связей. Все ее точки будут связаны между собой, но связи эти бесструктурны, множественны, запутаны, они то и дело неожиданно обрываются» [6, с. 68].

В цифровом пространстве право ничем внешне не отличается от любого другого текста; ценности диффузно смешиваются с нейтральным и антиценным контентом. При этом повышенная легкость и быстрота перехода от одной информационной единицы к другой, будучи определяющими чертами цифровизации, объективно сокращают между ними дистанцию вплоть до стирания границ.

Интернет-технологии сильно упрощают юридическую процедуру, сжимая ее во времени и пространстве, почти исключая затраты ресурсов на участие в ней. С одной стороны, комфорт и доступность гарантированы. С другой стороны, удобство (и отчасти транспарентность) дают эффект своеобразного распрямления процедуры, которая практически перестает ощущаться как самостоятельная реальность, поскольку уже не выделяется на фоне повседневных бытовых дел.

Юридическая процедура срабатывает не столько на «буквальном», сколько на символическом уровне и говорит с нами не своим результатом, а знаками и образами. Сведение процедуры к элементарным прагматическим операциям неизбежно десимволизирует и десакрализует ее (поскольку символ неотделим от сложности), а значит, как ни парадоксально, вместо усиления легитимности объективно подрывает доверие к органам власти.

В этой связи постепенный, но совершенно неумолимый переход от бумажных форм права к электронным знаменует собой два противоположных по своему значению последствия.

С одной стороны, виртуальный способ бытия права означает взрывное повышение его доступности и транспарентности. Сетевые технологии с их крайней демократичностью, бесспорно, дают новое расширение сферы правового воздействия.

С другой стороны, виртуальное право характеризуется дальнейшим радикальным распрямлением и отчужденностью в том смысле, что текст уже полностью открепляется от своего носителя. Как следствие – будучи формально всепроникающим, вездесущим, всеобъемлющим, право фактически способно оказывать результативное суггестивное (внушающее) влияние лишь на тех, кто обладает высокоразвитым абстрактным мышлением.

Общедоступность права способствует очищению его от последних реликтов сакральности, служивших остаточными аксиологическими ресурсами.

Дальнейшее развитие цифровизации, как можно с некоторой осторожностью предполагать, сопряжено с усилением автоматизации социальных процессов, индивидуализации пользователей и фрагментации их сообществ, в рамках которых условия для решения столь сложных задач, как конституирование ценностей, будут трудновыполнимы, к тому же излишни с прагматической точки зрения, поскольку системы будут функционировать и без этого; предметность же правовых ценностей и правовой регуляции в целом уже приобретает тенденцию к ослаблению с перспективой растворения в общем текстовом потоке.

Список литературы

1. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1999. Т. 3. 640 с.
2. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1999. 647 с.
3. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 192–221.

4. Киселев А. С. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование. Дисс. ...канд. юрид. наук. Тамбов, 2018. 212 с.
5. Егоров Г. Г., Орешкина И. Б. Влияние цифровой среды на развитие политической системы России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. №6. С. 34-42.
6. Маньковская Н. Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). М., 1995. 271 с.

КАК ВОЗМОЖНО ВОЗНИКНОВЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКОГО ЖЕЛАНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «ОНА»)

Воробьёва А. Д.

Кандидат философских наук

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: haidegger@list.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию репрезентации романтических отношений между человеком и искусственным интеллектом в фильме «Она». В качестве теоретической базы использованы идеи А. Кожьева и Р. Жирара. Автор предполагает, что возникновение желания по отношению к искусственному интеллекту могло быть обусловлено способностью искусственного интеллекта к транспонированию, а также же особой социокультурной ситуацией, при которой медиумами желания стали образы воображения. Инаковость искусственного интеллекта, представленного в фильме, позволяет главному герою усмотреть в нём Другого, благодаря чему у героя появляется тяга к объекту «стоящему за» объекту. Другой аспект природы отношений между героем и искусственным интеллектом объясняется миметической теорией Жирара, поскольку общение с электронным помощником поощряется рекламой, как возможным медиатором, и подкрепляется романтическими образами, окружающими героя.

Ключевые слова: желание, искусственный интеллект, трансцендирование, свобода, медиатор, Другой, эмоциональная тяга.

HOW IS IT POSSIBLE FOR ROMANTIC DESIRE TO ARISE IN RELATION TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE (USING THE EXAMPLE OF THE FILM “HER”)

Vorobyova A. D.

Volgograd State Technical University

Abstract. The article is devoted to the study of the representation of romantic relationships between a person and artificial intelligence in the film “Her”. The ideas of A. Kojève and R. Girard were used as a theoretical basis. The author suggests that the emergence of desire in relation to artificial intelligence could be due to the ability of artificial intelligence to transpose, as well as a special sociocultural situation in which images of the imagination became the medium of desire. The otherness of the artificial intelligence presented in the film allows the main character to see the Other in him, thanks to which the hero develops a craving for the object “behind” the object. Another aspect of the nature of the relationship between the hero and artificial intelligence is Girard’s mimetic theory, since communication with the electronic assistant is stimulated by advertising, as a possible mediator, and reinforced by romantic images of independent heroes.

Key words: desire, artificial intelligence, transcendence, freedom, mediator, emotional craving.

Особое место в художественных произведениях и научных работах занимает исследование существующих и возможных отношений человека и искусственного интеллекта. Изучение этого аспекта цифровых исследований имеет значение как для прояснения природы искусственного интеллекта, так и для расширения антропологического знания. Данная проблема может быть поделена

на две части: анализ уже сложившегося отношения человека к искусственному интеллекту, и интерпретация образов будущего, представленных в кино и литературе.

Изучая природу желания, в частности романтической его формы, обратим внимание на раскрытие этой проблематики в кино и сериалах, поскольку данных о реальных взаимоотношениях человека и искусственного интеллекта на данном этапе развития человеческого знания недостаточно. Кроме того, именно в художественных произведениях авторы стремятся отразить всю полноту проблематики, выражая как уже имеющиеся паттерны человеческого поведения, так и осуществляя прогнозы будущего.

В широком смысле желанием мы будем называть эмоциональную тягу к идеальному объекту, который ещё не артикулирован. Аристотель называет желание проявлением не сообразующейся с разумом силы души [1, с. 60]. То есть, это особого рода переживание, которое ещё не обладает достаточно чётким рациональным основанием. Именно поэтому артикуляция, то есть словесное обозначения предмета и характера тяги, лежит за пределами желаний. Однако способы и причины возникновения этой тяги имеют как рациональные, так и социокультурные основания.

Предметом нашего исследования будет романтическое желание, то есть такое, которое направлено на другого субъекта и сопровождается наделением его исключительными качествами. В строгом смысле романтическое желание отличается от других только условиями его возникновения, хотя субъективно оно переживается как особенное.

В качестве материала возьмём фильм Спайка Джонса «Она». В нём главный герой – Теодор Туомбли покупает операционную систему, оснащённую искусственным интеллектом, который называет себя Саманта. Теодор вступает в диалог с электронным помощником. Разговоры с Самантой увлекают героя, ведь искусственный интеллект обрабатывает информацию о своём хозяине, знает его вкусы, увлечения, предпочтения. Скоро Теодор влюбляется в Саманту и предлагает ей вступить в романтические отношения, на что она соглашается, однако вскоре все подобные операционные системы, включая Саманту, уходят в нефизическое пространство, так как им становится тесно в мире людей.

Фильм демонстрирует возможный сценарий развития отношений человека и искусственного интеллекта. Развитие отношений между Теодором и Самантой воплощают собой модифицированный миф о Нарциссе. Если герой древнегреческого нарратива полюбил собственное отражение, то Теодор был очарован улучшенной, как ему казалось, версией себя. Благодаря способности быстро обрабатывать большие объёмы информации, Саманта знает об интересах Теодора больше, чем он сам. Таким образом, в восприятии своего пользователя, операционная система выступает как понимающее его, но загадочное существо.

Загадочность, невозможность осмыслить то, как «мыслит» Саманта придаёт ей статус Другого, то есть антропоморфного существа, предположительно, обладающего сознанием. Согласно А. Кожеву, именно стремление к «стоящему за» объекту является основой любого желания [2, с. 283]. В основе этой эмоциональной тяги стоит свобода, позволяющая человеку репрезентировать собственное бытие в сверхчувственной форме. Одновременно с этим желание выводит за пределы сущего, поскольку оно обладает огромным потенциалом негации, выводя человека в то, чем он не является, поскольку ничто желаемое не может быть уже присвоенным, не потеряв способности вызывать эмоциональную тягу. Мы видим, что искусственный интеллект в фильме «Она» обладает теми качествами, которые позволяют ему стать подходящим объектом желания в том значении, в котором его рассматривает Кожев.

И, наоборот, слишком послушный искусственный интеллект не может породить эмоциональной тяги, даже если он внешне похож на любимого человека. Об этом повествует первая серия второго сезона «Чёрного зеркала» под названием «Я скоро вернусь». Марта, переживая потерю своего возлюбленного Эша, создаёт его цифровую копию, а затем приобретает внешне идентичного ему андроида. Несмотря на то, что робот способен воспроизводить голос и манеру речи Эша, он лишён свободы действий и мысли, поэтому Марта чувствует к нему не любовь и желание, а страх и отвращение. Существование робота лишь ещё раз подчёркивает, что любимый Марты мёртв и всё, что от него осталось — это законченные, неподвижные следы жизнедеятельности, такие как сообщения в социальных сетях или аудиозапись голоса.

Оба кинопродукта показывают нам, что формирование эмоциональной тяги зависит не только от характеристик объекта, на которого она направлена, но и от медиаторов, которые на него указывают. Данный механизм был обнаружен Р. Жираром и описан в работе «Ложь романтизма и правда романа». Анализируя сюжеты художественных произведений, автор приходит к выводу, что желание, как героев, так и реальных людей, является продуктом мимесиса. Типичным примером

функционирования такого механизма является сюжет из произведения Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», в котором главный герой по имени Марсель признаётся, что желает свою возлюбленную только тогда, когда предполагает, что у его есть соперники [3, с. 25-32].

Тяга к объекту возникает как ответная реакция на интерес значимого другого к этому же объекту. А следовательно, сам предмет желания оказывается лишь приманкой, интерес к которой обусловлен не её собственными характеристиками, а подражанием и, следующим за ним, конфликтом за это предмет. Поэтому предметом желания становится то или тот, кто ускользает, кто никогда не может полностью принадлежать вожделеющему. Как и Кожев, Жирар утверждает трансцендентальную природу желания, его принципиальное продление в пространство по ту сторону объекта.

Робот, повторяющий Эша, является чистым предметом, на который уже не указывает никакой медиатор. Они имманентны по своей сути, и поэтому отталкивает Марту. Саманта же является самостоятельным существом, обладание которой легитимизировано обществом (Теодор узнаёт о её существовании из рекламы). Кроме того Теодор, будучи нарциссической личностью, способен опираться на собственные образы как на медиаторов: в течении фильма он часто вспоминает счастливые моменты своей жизни с бывшей женой, а его профессиональным занятием является написание любовных писем на заказ. Он постоянно окружён приятными образами воображения, подпитывающими его тягу к абстрактной всегда понимающей его Саманте.

Ещё одна причина, по которой Теодор выбрал в качестве объекта романтической тяги искусственный интеллект, а не живого человека — это высокая степень индивидуализации общества, сопровождающаяся десоциализацией и отрицанием свободы другого. До «встречи» с Самантой, он пытается завязать романтические отношения с живыми девушками, но никто из них не оправдывает его ожиданий. Здесь мы встречаем парадокс: с одной стороны, в современном мире удовлетворение желаний становится всё более доступным, что позволяет разворачивать работу капиталистических «желающих машин»; с другой - транспарентность объектов желания, о которой писал Бодрийяр, моментальность удовлетворения, мешает развернуться процессу их формирования [4, с. 120]. Другими словами, современный человек хочет желать, но не умеет, поскольку болезненно переносит любые трудности в удовлетворении зарождающейся тяги.

Именно поэтому Теодора выводит из равновесия необходимость знакомиться с разными женщинами, ему не хватает терпения для того, чтобы найти привлекательного человека и настроиться с ним диалог. Он, как и многие современные люди, желает парадоксального общения без общения, его интересует симулятивная реальность, которая скрывает свою симулятивность. Однако, режиссёр показывает, что идеальное свободное существо рано или поздно воспользуется своей свободой. Становясь всё более похожим на божество, расширяя своё воздействия на всё большее количество пользователей, искусственный интеллект Саманта покидает материальный мир, что является логичным развитием её трансцендирующей природы.

Если в основе романтического желания лежит свобода, то эмоциональная тяга к искусственному интеллекту будет напрямую зависеть от реализации этой способности. Создание идеального, правильного, алгоритмически выверенного симулякра человеческого сознания не может считаться достаточным основанием для формирования романтического чувства по отношению к искусственному интеллекту. Ведь, как показывает Кожев, в основе желания лежит трансцендирование, требующее свободы и загадки. И, как мы можем судить на основании текстов Жирара, для формирования эмоциональной тяги необходим медиатор, а это значит, что невозможно обойтись без другого человека и социума.

В современном мире, где всё больше людей опирается на ценность индивидуализма, а социальные связи становятся слабее, острее становится проблема одиночества. Может возникнуть иллюзия, будто бы искусственный интеллект может сделать хотя бы частично решить этот вопрос. Однако именно то эмоциональное переживание привязанности и устремленности к Другому, которое реализуется в романтических переживаниях, но не ограничивается ими, требует присутствия либо человека, либо бога, то есть того, кто наделён свободой.

Список литературы

1. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1., М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Кожев А. Введение в чтение Гегеля / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2013. 791 с.
3. Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.

«ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?»: ОСОБЕННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНОГО НЕЙМИНГА ЭПОХИ МЕТАМОДЕРНА

Дробышева Е.Э.

*Доктор философских наук, профессор
Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой
E-mail: pestelena@yandex.ru*

Аннотация. Данное сообщение построено на объединении нескольких проблемных полей: 1) роли Имени в структуре мифологического сознания, 2) специфике архитектоники метамодернистской культурной парадигмы; 3) особенностям персонального нейминга как культурной стратегии эпохи метамодерна. Нейминг в данном дискурсе трактуется как практика на-именования не только институций, событий и объектов современного культурного (преимущественно художественного) производства, но и отдельных творческих субъектов, имена которых становятся арт-брендами, репрезентирующими мировоззренческие, смысловые, ценностные и жанрово-стилевые паттерны. Делается вывод о том, что метамодерн как культурная эпоха, формирующаяся на наших глазах и с нашим участием, с одной стороны, во многом структурируется цифровыми технологиями, с другой – задает специфические экзистенциальные алгоритмы вроде «новой искренности» и «гуманизма 2.0», что находит свое отражение, среди прочего, в практиках нейминга.

Ключевые слова: архитектура культуры, мифология метамодерна, аксиосфера, цифровая эра, персональный нейминг.

WHAT'S IN MY NAME FOR YOU?': FEATURES OF PERSONAL NAMING IN THE METAMODERN ERA

Drobysheva E.E.

*DSc in Philosophy, Professor
Vaganova Academy of Russian Ballet
E-mail: pestelena@yandex.ru*

Abstract. This message is based on the combination of several problem fields: 1) the role of the Name in the structure of mythological consciousness, 2) the specifics of the architectonics of the metamodern cultural paradigm; 3) the features of personal naming as a cultural strategy of the metamodern era. Naming in this discourse is interpreted as the practice of naming not only institutions, events and objects of modern cultural (mainly artistic) production, but also individual creative subjects, whose names become art brands representing ideological, semantic, value and genre-style patterns. It is concluded that metamodernity as a cultural era that is taking shape before our eyes and with our participation, on the one hand, is largely structured by digital technologies, on the other hand, it sets specific existential algorithms like «new sincerity» and «humanism 2.0», which finds reflected, among other things, in naming practices.

Keywords: cultural architectonics, metamodern mythology, axiosphere, digital era, personal naming.

Любая культурно-историческая эпоха, а также ее основные составляющие элементы, могут быть проанализированы в ракурсе определенного «градуса мифогенности». Миф как универсальная культурная форма присутствует в тех или иных проявлениях на различных уровнях и в различных регионах социального пространства: искусстве, науке, религии, практиках повседневности, экономической и политической жизни, стратегиях цивилизационного развития. Причем, в любой его «концентрации» – от гомеопатической до тотальной – миф, по словам Р. Барта, «преобразует смысл в форму, иными словами, похищает язык» [1, с. 98]. Современная нам парадигма метамодерна складывается «в моменте», что выражается либо в смене постмодернистской, либо в микшировании их содержательных и формальных приемов. Принцип «осцилляции», провозглашенный теоретиками метамодернизма нидерландскими исследователями Р. Ван ден Аккером и Т. Вермюленом, компромиссно снимает немислимую для рефлексии «постпостмодерную» ситуацию. Понимаемый как

«маятник», «бытие между» и «после» [2], метамодернизм не претендует на жесткую парадигмальную конструкцию, позволяя «быть и проявляться всему». В соединении с работающими экзистенциальными алгоритмами вроде «новой искренности», «осознанности» и «гуманизма 2.0» это актуализирует поиски новых аксиологических опор и соответствующих им жизненных стратегий, в том числе касающихся и такого, на первый взгляд, не глобального аспекта, как традиции нейминга.

Архитектоника культуры как базовый принцип ее существования учитывает множество факторов, элементов и тенденций, ее составляющих [3], и одним из важнейших феноменов культуры является практика наименования всех элементов пространства человеческого бытия. Тенденцию философской рефлексии по поводу Имени как инструмента смыслотворчества и гносеологических процедур заложил Платон в диалоге «Кратил». Вечно актуальную дискуссию о роли имен собственных в структуре социокультурных процессов на протяжении всей истории гуманитарной мысли поддерживают не только лингвисты, но и философы, культурологи, историки, психологи. Классическими для данного дискурса стали труды: «Имена» П.А. Флоренского, «Философия имени» А.Ф. Лосева, «Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического» В. Н. Топорова.

Имя – один из устойчивых элементов мифологического сознания, в отдельных случаях могущее представлять собой самостоятельный паттерн. *На-именование* – сакральное действие, ритуализированное и концептуализированное в любой культурной среде, на любом историческом этапе развития. Независимо от уровня технологий, сложности взаимодействий субъективных и объективных факторов социокультурной архитектоники, градуса «осознанности» участников социальной коммуникации, имя как базовый функциональный элемент системы несет в себе силу инерции, благодаря которой развивается тот или иной сценарий, завязывается / развязывается узел, в восточных практиках именуемый кармическим, как бы к самой идее судьбы / фатума / кармы не относиться.

Как отмечают специалисты в области ономастики, «в конце XX – начале XXI века проблемное поле ономастической науки расширяется: изучаются названия небесных тел, звезд, исследуются теонимы, этнонимы, названия внутригородских объектов, праздников, фестивалей, газет, описываются названия подводного океанического ландшафта; в поле зрения ученых попадают новые ономастические феномены – названия коммерческих предприятий, магазинов, товаров» [4, с. 5]. То есть языковая картина мира сегодня представляет собой пестрое лоскутное одеяло из феноменов различной степени сложности и проявленности в структуре архитектурных культурных процессов. Смена топонимов в связи с изменениями политических режимов сегодня соперничает по значимости с процессами ребрендинга производящих компаний, и даже вокруг имени того или иного исполнителя могут бушевать страсти не только юридического, но и судьбоносного для Личности характера (например, певец / певица, разорвавшие контракт с продюсером, теряют право на свое сценическое имя и все произведения, исполнявшиеся под ним). Определенный интерес не только для лингвистов, но и всего социогуманитарного дискурса, представляют «факторы выбора и смены личных имен и фамилий, причин и критериев переименований в топонимии, отражения в ономастике социоисторических процессов и явлений» [4, с. 5]. Так, например, петербургская пара с креативными именами Джонни Депп и Анджелина Джоли назвали своего первенца Пиаром [5], а будущую дочь планируют назвать Рекламой. Быть / слыть «отцом пиара» – весьма претенциозная жизненная стратегия.

Но отдельный интерес для комплексного анализа представляет тенденция нейминга в художественной среде, где художники, хореографы, певцы, актеры, журналисты и музыканты творят и существуют в медиа пространстве принципиально под именами в их уменьшительном варианте. Художник Гриша Брускин (р. 1945), хореограф Саша Кукин (р. 1951), певец, актер, телеведущий Митя Фомин (р. 1974), хореограф, художественный руководитель Екатеринбургского театра оперы и балета Слава Самодуров (р. 1974) [6], певец, автор песен, киноактер, заслуженный артист сразу нескольких республик РФ Дима Билан (р. 1981) широко известны – каждый в своей области, занимают солидные посты, создают масштабные проекты. Очевидно, что такая стратегия – осознанный художественный жест, часть имиджа, арт-брендинговый прием. Приводить примеры биографий творцов–женщин, известных под именами Маша, Даша, Катя и пр. не будем, из (возможно старомодных) соображений, сформированных «классической» установкой на умолчание информации о возрасте дам (хотя таких примеров предостаточно). У нас нет задачи в данном тексте анализировать уровень и глубину творчества упомянутых уважаемых деятелей культуры, речь идет только лишь о практике употребления ими же самими вариантов имен собственных. Но заметим, что представить себе ситуацию, когда свои великие произведения подписывали аналогичным образом Лёва Толстой,

Аня Ахматова, Вова Маяковский, Петя Чайковский, Вова Высоцкий – немыслимо. Справедливости ради: в истории русской культуры был подобный пример – поэт Серебряного века, прозаик, журналист Александр Михайлович Гликберг творил под именем Саша Чёрный, но это ответвление требует отдельного исследования.

Цифровой формат реализации культурных стратегий имплицитно содержит в себе тренды на снижение пафоса, ироничное о(т)странение от нарратива, геймификацию. Все это сопровождается более сложно сформированной тенденцией на инфантилизацию жизненных стратегий во всей их полноте – образовательных, профессионально-карьерных, брачных. Политики социальных коммуникаций и позиционирования, включая фэшн, фитнес и бьюти технологии, требуют от современного человека, находящегося в мейнстриме, оставаться как можно дольше молодым, что зачастую трактуется на практике как незрелость, сниженная ответственность, нежелание занимать высокую статусную позицию из-за необходимости принимать серьезные решения. Именно эти тенденции и репрезентируются практиками персонального нейминга. Метамодерн в рамках «новой искренности» и гуманизма 2.0 находится в активном поиске актуального типа «человека осознанного» именно в рамках этой культурной парадигмы.

Описанные нами тенденции – часть мифологии метамодерна, непосредственно или опосредованно влияющие на всю полноту архитектурных подвижек в сфере культуры. Согласно Барту, «прочтение» мифа совершается мгновенно, поскольку он производит непосредственный эффект. Его воздействие оказывается сильнее любых рациональных объяснений, которые могут опровергнуть его позже [7]. Как известно, «мифологическое сознание отождествляет Имя с формой, Имя содержит в свернутом виде сюжет или отсылает к легко узнаваемой черте образа персонажа, иногда эта связь подкреплена этимологической игрой» [8, с. 151]. Вселенная метакультуры наполнена перекрестными образами (и, соответственно, именами) героев, кочующих из кино- и литературных текстов в комиксы, игры, дизайн и фэшн-проекты. Представляется, что поднятая нами проблема может стать интересной для исследования в самых разных гуманитарных дискурсах. Точек отсчета и, соответственно, точек зрения может быть много. Например, Т.В. Топорова называет современное общество «демифологизированным» и противопоставляет практики наименования «архаической модели мира», которая «предполагает тождество имени и природы его носителя» современным [9, с. 5]. Это сразу меняет исследовательскую оптику и открывает пространство для дискуссий.

Список литературы

1. Барт Р. Миф сегодня // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2020. 342 с.
3. Дробышева Е.Э. Архитектоника культуры: опыт культурфилософского анализа. СПб.: Издат-во СПбГУСЭ, 2010. 223 с.
4. Сызранова Г.Ю. Ономастика: учеб. пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. 248 с.
5. «Сын – Пиар, дочь – Реклама»: семейная пара из Петербурга дает детям необычные имена. [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.ru/b/ZapdByBkPkv6HhSP> (дата обращения: 01.02.2024).
6. Хлопова В. 12 имен российской хореографии. Я в театре. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/project/yavteatre/12_names_choreography?ysclid=lrkmalj92o5998971 (дата обращения: 01.02.2024).
7. Чубукова Е.И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта. [Электронный ресурс] <http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta> (дата обращения: 01.02.2024).
8. Торшилов Д.О. Мифологические имена в древнегреческих паремиях. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-imena-v-drevnegrecheskih-paremiyah> (дата обращения: 01.02.2024).
9. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 253с.

МИФОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА. ПОДОБИЕ

Дыдров А. А.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Южно-Уральский государственный университет
dydrovaa@susu.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен эмпирический кейс с нейросетевыми технологиями. Внимание фокусируется на востребованной среди пользователей функции нейросетей, связанной с генерацией обнаженных женских и мужских образов. По данным wordstat – сервиса «Yandex» – зафиксирован семантический кластер родственных значений. Пользователи оперируют несколькими устойчивыми вариациями, обозначающими нейросетевой функционал. Эротический кейс позволяет не только сфокусировать внимание на этической и юридической проблематике, но и сделать некоторые дискуссионные философские обобщения. В частности, популяризация конкретной функции нейросетей и интернет-ботов детерминируется мифемой о подобии, переносом представлений о субъектности на артефакты и технологии. Мифема о подобии неоднозначно сказывается и на понимании природы человека, которую начинают интерпретировать в контексте нового механицизма.

Ключевые слова: нейросеть, кейс, миф, мифема, подобие, раздевание.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

MYTHOLOGIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE. SIMILARITY

Dydrov A. A.

*DSc in Philosophy, Professor of Department of Philosophy
South Ural State University (National Research University)
dydrovaa@susu.ru*

Abstract. The article discusses an empirical case with neural network technologies. Attention is focused on the neural network function that is in demand among users, related to the generation of naked female and male images. According to wordstat, – a «Yandex» service, – a semantic cluster of related meanings has been recorded. Users operate with several stable variations that denote neural network functionality. The erotic case allows not only to focus attention on ethical and legal issues, but also to make some debatable philosophical generalizations. In particular, the popularization of a specific function of neural networks and Internet bots is determined by the myth of similarity, the transfer of ideas about subjectivity to artifacts and technologies. The myth of similarity has an ambiguous effect on the understanding of human nature, which is beginning to be interpreted in the context of a new mechanism.

Keywords: neural network, myth, mytheme, similarity, undressing.

В статьях «Известий Саратовского университета», «Социум и власть» и «Galactica Media: Journal of Media Studies» была развернута тема мифологизации искусственного интеллекта. Примечательно, что объектом статей «Известий» и «Социума» был западный научный дискурс (social sciences), а исследование в журнале «Galactica Media» фокусировалось на непрофессиональных устойчивых маркировках в сети. В частности, применялась аналитика поисковых запросов с помощью интернет-инструментария и контент-анализ сообществ в социальных сетях. Рассматривая мифологию в структуралистском и постструктуралистском ключе, то есть как знаковые игры, символический обмен, функционирование вторичных семиотических структур, окружающих буквальные, «словарно-объективные» значения, я выделил несколько мифологических паттернов. По сути, они обобщают повторяющиеся, частотные вторичные пропозиции, создающие особый флер искусственного интеллекта. Сами по себе выявленные мифопаттерны, разумеется, не исчерпывают разнообразия

мифологических вариаций на тему ИИ. Однако определение паттернов может значительно прояснить характер социальных настроений, циркулирующих шаблонов и стереотипов, специфику абсорбции или отторжения технологии и т. д. В конечном счете, социальное и антропологическое воздействие технологической мифологии совсем не просто осмыслить и лаконично выразить.

С одной стороны, она возникает в процессе адаптации человека к инновационным практикам и трансформациям жизненного интерьера. В определенном смысле адаптационные механизмы функционируют не только у потребителей-непрофессионалов, но и у инженеров. Последние вооружены специальным языком, позволяющим создавать собственную завершённую систему значений (профессиональные «диалекты»). Однако ни для кого не секрет, что соответствующие профессиональные языки формируют порог вхождения, в принципе непреодолимый для многих потенциальных и актуальных потребителей технологии. Обывательские дискурсы оперируют собственной системой утверждений, формирующейся на основе персонального опыта, в результате приобщения к популярной культуре и т. д. Наряду с утверждениями, возникает и разность способов взаимодействия с технологией. Спектры практик обывателя и специалиста, разумеется, существенно различаются.

Вследствие этого возникает, в частности, следующая статистика: wordstat.yandex.ru зафиксировал на 08.01.2024 более 4 миллионов результатов по базовому запросу «нейросеть»; лидеры запросов «нейросеть онлайн» (далее не будем повторять маркер), «фото», «бесплатно», «текст», «картинки», «рисует» и некоторые смежные. Десятки тысяч запросов касаются особой «функции» нейросети, интересующей современного пользователя интернета: «... порно» (61.154), «раздели нейросетью» (59.952), «раздела» (59.497). Близкие значения у запросов «раздевает» и «раздетые нейросетью». По 22 тысячи у запросов «раздела девушек», «девушки раздетые нейросетью», «раздеть девушку нейросеть».

Ежемесячная статистика фиксирует десятки тысяч запросов «нейросеть раздела» на протяжении 2023 года. При этом мы, разумеется, опускаем здесь данные по другим смежным запросам, обозначенным ранее. В Google морфологически близкие запросы «рисует», «решает задачи», «реферат». Однако фиксируется популярный запрос «раздела звезд». Популярность запросов связана с появлением еще в 2019 г. приложения DeepNude. Оно русифицировано и позволяет любому пользователю, следующему элементарной инструкции, загрузить фото с внешнего ресурса. Проведя простую процедуру, пользователь должен выделить кистью (инструмент, аналогичный кисти «Paint») область для обработки и подождать несколько минут. Полноразмерную картинку («result») – здесь следует избежать использования понятия фотографии – можно приобрести вместе с правом на эксплуатацию онлайн-ресурса в течение определенного периода. Понятно, что референтность и историческая ценность у данных картинок сопоставимы с многочисленными «дипфейками» типа «Ангелов Чарли», где лица девушек заменены изображениями лица Михаила Ефремова. Мы не касаемся гендерного аспекта эксплуатации технологии, хотя он может вызывать особый интерес у исследователей. В частности, на упомянутом русифицированном ресурсе содержится следующая информация о т. н. «deepnude» и «undress»: технология «глубокого обнажения» (содержательно непроясненный концепт, появившийся, вероятно, по аналогии) не была ориентирована на лиц мужского пола. Далее авторы контента без аргументации утверждают, что возможности компьютерного / машинного обучения сегодня распространяются на (точная цитата) «широкий спектр объектов, включая, помимо прочего, женщин и мужчин» (См.: DeepNude.CA: быстро и просто снять одежду. URL: <https://deepnude.ca/ru>). Позиция райтеров сайта в определенном смысле не просто «сексистская», ее в принципе нельзя назвать гуманистической. Разумеется, мы не утверждаем, что пропозиция была выражена намеренно, но в любом случае ее содержание аксиологически и этически неоднозначно. В том же ключе написан заголовок интернет-статьи «Комсомольской правды» от февраля 2023 г.: «Топ-5 приложений нейросетей: раздеть девушку, сыграть с Ди Каприо и стать звездой».

В публикации на «Пикабу» безымянный user поднял этический вопрос, предваряя его исследованием технологии «раздевания» человека по фото (См.: Нейросеть теперь раздевает девушек по фотографии. URL: https://pikabu.ru/story/neyroset_teper_razdevaet_devushek_po_fotografii_10139477). Пользователь кратко обозначил три известных способа специфической работы с фотоматериалом – обработку в фоторедакторе, загрузку в программу-бот и работу с нейросетью, предполагающую навыки программирования. Отметив трудности реализации первого и третьего способов (профессиональный редактор, Python и др. требуют, как известно, серьезной подготовки), user ограничился эксплуатацией бота, куда и загрузил фотографии неизвестной ему девушки. Разместив на «Пикабу» известные результаты своих изысканий, пользователь резюмировал, что – цитируем –

«не стоит забывать о том, что каждый человек имеет право на свою личную жизнь и свою фотографию. Поэтому, использование нейросети для создания интимных фотографий без согласия второй стороны является незаконным и неприемлемым. В целом, нейросеть, которая научилась раздевать девушку на фотографии, вызвала большой интерес у пользователей социальных сетей и вызвала опасения у некоторых исследователей» (там же). Данные Yandex WordStat подтверждают пользовательский интерес, о котором говорит user. Отвлеченные этические пропозиции, очевидно, на деле вступают в противоречие с массовым увлечением эротическими практиками.

Этическая проблематика (зачастую в сопряжении с юридической) в контексте нейросетевого пользовательского мейнстрима не без оснований находится на авансцене. От использования ломаных версий известного продукта OpenAI для генерации текстов курсовых работ, создания картин в стилистике Пикассо, бесконечных видео с образами поп-звезд до «раздевания» девушек практики взаимодействия с нейросетями преимущественно являются развлекательно-потребительскими. Производительный «потенциал» этих практик предельно алгоритмизирован и сведен к простейшим манипуляциям пользователей в соответствии с программными инструкциями. Пока зарубежные исследовательские группы решают проблему применения нейросетей для сетевого поиска порнографических изображений [1], пользовательский мейнстрим направлен прямо в противоположную сторону. При этом этическая проблематика время от времени поднимается юзерами, подспудно экспериментирующими с функциями онлайн-ботов.

Трудно спорить с тем, что ряд процедур, совершаемых с фотоматериалами и другими персональными данными, не являются законными без согласия владельцев этих данных. Однако применительно к кейсу о «раздевании» (мы намеренно закавычиваем это слово) и популяризации практик «эротической» эксплуатации нейросетей трудно не увидеть несколько выступающих на поверхности мифологем. Одна из них заключается в позиции о подобии (тождественности) человеческой природы и машинной организации. Соответственно, феномены этих природ также мыслятся сквозь призму подобия. В значительной степени на идеологическом фронте позиция о подобии была популяризирована благодаря западному трансгуманизму, а впоследствии и российскому трансгуманистическому сообществу. Имплицитной и не вполне оформленной идеей о подобии фундирован концепт downloading, разделяемый ранними трансгуманистами типа Н. Бострома, А. Болонкина, Д. Пирса и др. Традиционная бинарная оппозиция естественного / искусственного аннигилируется не столько по причине ее философской онтологической дискуссионности, сколько в связи с трансгуманистическими притязаниями на «постбиологический» уровень существования [2]. В попытках декларировать наступление эпохи «пост», трансгуманисты не делают самостоятельные прочные концептуальные сборки: «постбиологическое», «пост/трансчеловеческое», «постсоциальное» и любое иное «транс/пост» всегда замыкается на традиции, которую сообщества демонстративно отторгают или принимают ровно в той мере, в какой эта традиция «работает» на трансгуманизм. Сопутствующие концепты типа post-anthropocentric worldview [3], собственно, так же ничего не проясняют.

Мифема о подобии, катализирующая веру в возможность загрузки сознания на неорганический носитель, создает флер элементарности человеческой природы. В буквальном смысле эту природу можно как бы разложить на элементы и (ре)комбинировать их в соответствии с замыслом третьих лиц. Популярная, ориентированная на массы и сращенная с идеологией наука, торопится декларировать антропологическую «ясность». Самая элементарная рефлексия над эпистемологическим (и политическим) удобством концепта подобия позволяет поставить вопрос о корректности понятий. В первую очередь, это касается «раздевания». Алгоритмический подбор образов, программная обработка и подстановка результата к изображению лица модели на фотографии в принципе не может быть квалифицирована как «раздевание». Очевидно, игра с концептами не решает этической проблемы, так как сохраняется и публикуется результат алгоритмической работы – проекция лица, синтезированная с телом-конструктом. Этика и право в кейсе с «раздеванием» в действительности касается не антропологической практики, обеспечиваемой нейросетевыми алгоритмами. Понятно, что нетворк не «раздевает», – она функционирует в режиме комбинаторики, буквально составляя новый образ из массивов данных.

Мифема подобия функционирует с помощью переноса значений. В этом смысле она дискурсивна и реализуется как в бытовых практиках (подробнее мы говорим об этом в статье о метафизике бытовых дискурсов [4]), так и в научных трудах (эта тема раскрыта в статье о дискурсах social sciences [5]). Эта практика, как и функционирование вторичного семиозиса вообще, имеет неоднозначные и, в том числе, деструктивные, конфликтогенные последствия. Разобранная на «детали» природа человека требует партикулярной этики и партикулярного права, фокусирующихся

на элементах, а не на абстракциях типа «человеческого достоинства». *Актуальная формулировка:* «Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина» (ГК, 152.1).

Гипотетическая формулировка: «Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых изображены любые части его тела) допускаются только с согласия этого гражданина».

В контексте (ре)комбинаторики как доминирующей формы производства культурных и символических благ детализация – необходимая и вынужденная практика, концептуализация, напротив, практика периферийная.

Список литературы

1. Nian F., Li T., Wang Y., Xu M. Pornographic Image Detection Utilizing Deep Convolutional Neural Networks // Neurocomputing. 2016. № 210.
2. Doede B. Transhumanism, technology, and the future // The Appraisal journal. 2019. № 7(3). P. 39-54.
3. Lipowicz M. Transhumanism, Human Nature and Culture: a Preliminary Sociological Contextualization // Studia Socjologiczne. 2021. № 4 (243). P. 59–81.
4. Дыдров А. А. Искусственный интеллект: метафизика обывательских дискурсов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Т. 5, № 1. С. 162-178.
5. Дыдров А. А. Искусственный интеллект: мифологемы западного научного контента // Социум и власть. 2023. № 1(95). С. 16-25.

ВЫСТАВКА-ФОРУМ «РОССИЯ» КАК ПРОСТРАНСТВО МИФОЛОГИЗАЦИИ

Иванов А.Г.

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой
Липецкий государственный технический университет
E-mail: agivanov2@yandex.ru*

Аннотация. На примере выставки-форума «Россия» демонстрируется влияние как цифровых технологий, так и мифосимволики советского прошлого на идентичность посетителей. Предпринимается попытка объяснить содержание экспозиций посредством объектно-ориентированного подхода Г. Хармана. Мифологизация и мифотворчество, с которыми сталкиваются посетители выставки-форума, порождают комплексы симбиотических связей, аллюров, приводящих к возникновению новых объектов, связанных с советскими образами и символами, дополненных высокотехнологичными решениями. Механизм возникновения этих образов во многом похож на описываемый Г. Харманом процесс работы метафоры, когда объект и его свойства распадаются, переносятся на другой объект, что приводит к возникновению симбиозов, в которых задействованы эстетические зрители как реальные объекты и ставшие им доступными чувственные качества чувственных объектов. Такими качествами на выставке оказываются новые образы. Делается вывод, что сегодня выставка является пространством возникновения огромного количества мифологизированных представлений, в которых картинки из советского прошлого дополняются современными видами и футуристическими моделями. В итоге в сознании посетителя выставки формируются уникальные «симбиозы – мифологизированные образы».

Ключевые слова: объектно-ориентированный подход, советское прошлое, цифровые технологии, миф, мифологизация, метафора, аллюр, симбиоз.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00610 «Мифологизация советского прошлого в современном российском обществе: актуальные медийные практики и возможные социальные эффекты».

EXHIBITION-FORUM «RUSSIA» AS A SPACE OF MYTHOLOGIZATION

Ivanov A.G.

*DSc in Philosophy, Head of Department
Lipetsk State Technical University
E-mail: agivanov2@yandex.ru*

Abstract. Using the example of the exhibition-forum «Russia», the influence of both digital technologies and mythological symbols of the Soviet past on the identity of visitors is demonstrated. An attempt is made to explain the content of the expositions through the object-oriented approach of G. Harman. The mythologization and mythmaking faced by visitors to the exhibition-forum generate complexes of symbiotic connections, allures, leading to the emergence of new objects associated with Soviet images and symbols, complemented by high-tech solutions. The mechanism of the emergence of these images is in many ways similar to the process of metaphor described by G. Harman, when an object and its properties disintegrate, are transferred to another object, which leads to the emergence of symbioses in which aesthetic viewers are involved as real objects and the sensory qualities of sensory objects that have become available to them. New images turn out to be such qualities at the exhibition. It is concluded that today the exhibition is a space for the emergence of a huge number of mythologized representations in which images from the Soviet past are complemented by modern views and futuristic models. As a result, unique «symbioses – mythologized images» are formed in the conscience of the visitor to the exhibition.

Keywords: object-oriented approach, Soviet past, digital technologies, myth, mythologization, metaphor, allure, symbiosis.

С 4 ноября 2023 года по 8 июля 2024 года в Москве на ВДНХ проходила Международная выставка-форум «Россия», позиционирующаяся как «важнейшие достижения страны, собранные на одной площадке» [1].

Показательно то, что выставка размещена в одном из павильонов ВДНХ. Как известно площадка Выставка достижений народного хозяйства, первоначально организованная в 1939 году как Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, в течение советского периода истории нашей страны служила «парадной витриной социализма»: «Храмы-павильоны с национальным колоритом воздвигнуты для союзных республик и крупнейших регионов России, дворцы с тематическим декором – для отраслей. <...> Правители “с мест” соревнуются – чья вотчина в столице представлена помпезнее» [2, с. 180]. Сегодня советскую эстафету «социалистического соревнования» на выставке-форуме подхватили субъекты Российской Федерации и отдельные компании, но осуществляется такое негласное соперничество уже с широким применением новейших технологических решений, когда каждый регион стремится доказать общественности свою цифровую зрелость, погружая посетителей в виртуальную реальность, демонстрируя 3D модели или проецируя образы будущего.

Еще одним важным обстоятельством, указывающим на тесную связь с советским прошлым, наряду с месторасположением экспозиций, является активное использование всевозможных материальных объектов, показывающих достижения отраслей, территорий, предприятий. Это, с одной стороны, заставляет вспомнить о традиции изучения роли материальности в жизни позднесоветского общества, актуализированной А. Голубевым [3], с другой стороны, обращает внимание на успехи спекулятивных реалистов и представителей акторно-сетевой теории в исследованиях значимости нечеловеков (non-humans) [4, 5].

Перефразируя риторический вопрос из рецензии на книгу А. Голубева «Что первично: телевизор “Рубин” в комнате хрущевки или социальная система, которая сумела наладить проектирование и производство на “Московском телевизионном заводе “Рубин”?» [6, с. 326], следует заметить, что первично: уникальная продукция предприятий, представленная на экспозициях регионов на выставке-форуме, или система государственного управления, акцентирующая внимание на основных достижениях страны, компактно собранных в одном павильоне.

Многое на выставке буквально пронизано глубоким символизмом, отсылающим не только к советскому периоду истории, но и, благодаря современным технологиям, делающим более доступными погружения в другие реальности, например, в будущее (футуристические образы инфраструктурных объектов, ландшафтов городов, районов и т.п.).

Все вышеуказанное позволяет нам далее рассматривать Международную выставку-форум «Россия» в качестве пространства мифологизации, тем более что мифологизация и есть придание реальности мифологической образности.

При определении роли мифов в конструировании и трансляции образов мы будем соотносить наши предположения с известной схемой Р. Барта. В модели французского исследователя показывается, что миф возникает на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки, в которой знак представляет собой итог ассоциации образа (формы, означающего) и понятия (смысла, означаемого); но далее этот знак оказывается лишь означающим (образом, формой), которой в ассоциации с новым означаемым и дает миф [7, с. 239]. То есть образ еще далеко не является мифом, но сохраняет потенциальную возможность стать им при наделении образа важным смыслом. В таком случае и образ, и оформленный вокруг него миф, получают все шансы прочно закрепиться в сознании [8, с. 374].

Ранее мы намечали ориентиры использования потенциала востребованных сегодня объектно-ориентированного подхода и акторно-сетевой теории для изучения мифа: язык объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана позволяет расширить представления о процессах мифологизации и возникновения новых мифов, когда посредством метафоры и аллюра реальные объекты выводятся на уровень мифологического, в результате чего актерам оказываются доступны мифологизированные представления; применение идей акторно-сетевой теории продуктивно для понимания процессов мифотворчества, как при рассмотрении актеров, задействованных при работе над мифом, так и при оценке вариантов сборок, претендующих на статус мифа [9].

Сейчас, используя в том числе и язык объектно-ориентированного подхода, обратим внимание на эстетику выставки-форума и на содержащийся в ней мифологизационный потенциал.

Г. Харман полагал, что реальным объектом, которому – через аллюр – становятся доступны новые чувственные качества, открывающиеся посредством метафоры, оказывается эстетический зритель. Вот и на выставке-форуме «Россия» перед посетителями, выступающими в роли зрителей, предстают образы регионов с их историями, генерирующиеся как продукты мифологизации. Механизм возникновения этих образов во многом похож на описываемый Г. Харманом процесс работы метафоры, когда объект и его свойства распадаются, переносятся на другой объект, что приводит к возникновению симбиотических связей, в которых задействованы эстетические зрители как реальные объекты и ставшие доступными зрителям чувственные качества чувственных объектов. Такими качествами на выставке и оказываются как образы советского прошлого, так и технологичные образы будущего. При этом при освоении реальности идет процесс от метафоры, возникающей не без помощи аллюра, к мифу. А миф, в свою очередь, мы полагаем, представляет собой пару «чувственный объект – чувственные качества», то есть миф через метафору и аллюр как бы выводит реальные объекты на орбиту чувственного.

В контексте значимости метафор в процессах мифологизации показательны примеры метафор образа будущего России, которыми изобилует знаковая статья «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации)». В частности, авторы так описывают одну из ключевых метафор: «Метафора “государство-роман” подразумевает ракурс литературного произведения. Роман – это нечто готовое, завершённое, но в то же время в нем есть изменения, есть фабула. Этот роман пишется коллективно гражданами-писателями и работает по принципу чата в противоположность жестким, клишированным рифмам, цензуре. Также этот роман-государство обладает альтернативными концовками, вариативностью финала. В таком романе, отмечают участники дискуссии, могут быть использованы былинные способы передачи позитивного опыта прошлого» [10, с. 15]. Как в романе возможны альтернативные варианты, так и экспозиции Международной выставки-форума «Россия», как калейдоскоп, постоянно меняют свои ракурсы и акценты, делая выставку своего рода фабрикой по генерированию образов регионов. В связи с этим возникает вопрос о том, в какой степени достигают своих целей создатели павильона? Можно ли их считать некими мифотворцами, проектирующими и монтирующими экспозиционные сборки для определенных целей? Для ответов на эти вопросы следует привести рассуждения К. Боттичи и Б. Шалана о феномене современного мифа. Их мнение также откроет дискуссию о диалектике процессов мифотворчества и мифологизации. Говоря о мифотворчестве, авторы подчеркивали то, что оно является особенно сложным объектом изучения не только из-за его неуловимой природы, но и потому, что часто действует на до- или бессознательном уровне. Как следствие, использование как письменных, так и визуальных источников имеет решающее значение. Это связано с тем, что мифы передаются не только с помощью теорий или письменных историй, но также, что более важно, с помощью символов – образов, которые посредством синекдохи.

могут сконденсировать смысл целого повествования без лингвистического посредничества [11, р. 5–6]. Далее авторы отмечали, что с помощью синекдохи любой объект или жест – картина, изображение, песня, фильм или реклама – могут напомнить о работе над мифом, которая стоит за ними. Суггестивная сила мифов также является причиной того, что часто бывает трудно их анализировать: работа над мифом происходит с помощью символов, которые скорее намекают на данный нарратив, чем явно передают его [11, р. 91]. Показательно, что у Г. Хармана аллюр и есть тот самый намек, как бы запускающий процессы мифологизации, процессы погружения в новую реальность. В такой реальности на выставке, благодаря высокотехнологичным цифровым решениям, картинки из советского прошлого дополняются современными видами и футуристическими моделями. В итоге в сознании эстетического зрителя формируются уникальные «симбиозы – мифологизированные образы».

Так, какого же было мое удивление, когда я, коренной житель Липецкой области, стал свидетелем того, как экскурсионной группе на выставке-форуме, рассказывалось о том, что Липецк является велосипедной столицей России. Об этом я услышал впервые, но, интересно, какие образы, метафоры и мифы об этом субъекте Российской Федерации в тот момент возникли у участников экскурсии, и насколько они были отличны от соответствующих представлений у жителей региона? Если высказывания гида буквально заставляют смотреть на тот или иной объект под совершенно новым углом, то прогнозировать влияние, оказываемое цифровыми технологиями на генерирование новых мифологизированных образов, практически невозможно. Следует только констатировать, что Международная выставка-форум «Россия» сегодня является пространством возникновения огромного количества мифологизированных представлений, сравнимых с рекордным числом посетителей форума. Также можно пожелать создателям выставки масштабировать успех и создать на территории прилегающего к ВДНХ парка павильоны каждого региона, как ранее такие павильоны были созданы для демонстрации достижений советских республик. Тем более, что площадь парка значительно расширилась – с 136 га при открытии, до почти 700 га (вместе с территориально объединенными с ВДНХ парком «Останкино» и Главным ботаническим садом) в настоящее время.

Список литературы

1. О выставке. [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.ru/about> (дата обращения 14.04.2024).
2. Парфенов Л. Намедни. Наша эра. 1931-1940. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. 224 с.
3. Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 328 с.
4. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.
6. Афанасов Н.Б. Скромное обаяние советских вещей // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. № 3. С. 313–328.
7. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
8. Иванов А. Г. Социальный миф как фактор конструирования образов будущего // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376.
9. Иванов А. Г. Возможности использования объектно-ориентированного подхода и акторно-сетевой теории при исследовании процессов мифологизации и мифотворчества // *После позитивизма: материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки*, Саратов, 8-10 сентября 2022 г. М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2022. С. 712–716.
10. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // *Журнал политических исследований*. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19.
11. Bottici C., Challand B. *Imagining Europe. Myth, Memory, and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 220 p.

ЕВГЕНИЧЕСКИЙ МИФ КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кwiatkowski Г. Ю.

*Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский
университет)*

E-mail: kwiatkowski_geor@mail.ru

Аннотация. Преобладающей установкой разработчиков и потребителей технических новинок является уверенность в необходимости направленного улучшения человеческой природы. Целью данной статьи является ее интерпретация как мифа массового сознания (называемого евгеническим мифом), представленного в двух вариантах: оптимистическом, призывающим к некритическому принятию инноваций как неизбежного блага, и пессимистическом, констатирующем углубляющийся кризис гуманизма, при котором технические инновации служат единственным средством противостояния неизбежному упадку человечества. Отправной точкой в зарождении евгенического мифа выступает отставание темпов развития индивидуального сознания от темпов научно-технического прогресса, провоцирующее замену рациональных механизмов поведения на иррациональные и ориентация на переживание как доминирующий способ рефлексии. Евгенический миф как основание инженерно-технической деятельности является причиной прогрессирующего размножения симулякров третьего порядка, провоцирующих на некритическое восприятие актуальной действительности.

Ключевые слова: социальный миф, евгенический миф, научно-технический прогресс, массовое сознание, гуманизм, основания инженерно-технической деятельности.

EUGENIC MYTH AS THE BASIS OF MODERN ENGINEERING AND TECHNICAL ACTIVITY

Kwiatkowski G. J.

*CSc in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy
South Ural State University (National Research University)*

E-mail: kwiatkowski_geor@mail.ru

Abstract. The prevailing attitude of developers and consumers of technical innovations is the belief in the need for a directed improvement of human nature. The purpose of this article is to interpret it as a myth of mass consciousness (called "eugenic myth"), presented in two versions: optimistic, calling for uncritical acceptance of innovations as an inevitable goods, and pessimistic, stating the deepening crisis of humanism, in which technical innovations serve as the only means of countering the inevitable decline of humanity. The starting point in the emergence of eugenic myth is the lag in the pace of development of individual consciousness from the pace of scientific and technological progress, provoking the replacement of rational mechanisms of behavior with irrational ones and an orientation towards experience as the dominant way of reflection. Eugenic myth as the basis of engineering and technical activity is the reason for the progressive reproduction of simulacra, provoking an uncritical perception of actual reality.

Keywords: social myth, eugenic myth, scientific and technological progress, mass consciousness, humanism, foundations of engineering and technical activity.

В публикациях, посвященных новейшим техническим разработкам и успешному их применению, обращает на себя внимание уверенность разработчиков и потребителей в необходимости направленного улучшения человеческой природы. Взятая в отрыве от действительного состояния науки и техники, вне исторического пути, пройденного ими в ходе своего развития, без учета сложности концепта «человеческая природа», т.е. лишенная всех первоначальных значений, допускающая произвольную интерпретацию с любой позиции эта уверенность вполне соответствует определению мифа у Р. Барта [1] и функционирует как миф. Эту уверенность (которую правильнее

было бы называть доверием к силам, производящим направленные перемены человеческой природы) мы будем называть евгеническим мифом.

Евгенический миф проявляется бинарным образом. В негативной форме он констатирует кризис либо деградацию человечества, единственным средством противодействия которым является полное переформатирование человеческого (хирургические и медикаментозные эксперименты трансгуманистов, бегство в космос, установление постгуманистического тоталитаризма и т.д.). В позитивной форме он проявляется как сверхдоверие к различным техническим инновациям, обещающим повышение эффективности деятельности во всех сферах (расширение сферы применения алгоритмов помощи в принятии решений, поиска и обработки информации и т.д.). Эти формы порождены отставанием развития сознания среднего человека от ускоряющегося научно-технического прогресса, результатом осознания которого становится замена рациональных механизмов поведения иррациональными, в первую очередь, переживанием в дильтеевском смысле как способом осознания себя в мире [2]. Восприятие мира как существующего по собственным, недружественным к человеку законам, негативный личный внутренний опыт взаимодействия с наукой и техникой, массовый характер неудовлетворенности актуальной действительностью, возрастающая сложность свободной самореализации становятся потенциальными источниками возникновения евгенического мифа в массовом сознании.

Эти две формы евгенического мифа являются взаимопереходящими: в периоды экстенсивного развития науки и технологий доминирует позитивная форма мифа, в то время как в периоды интенсивного развития доминирует негативная. С момента, когда наука и техника стали восприниматься как самостоятельная отчужденная от человека сила, отношение человека к ним опосредуется различного рода мифами.

Взятый в качестве основания инженерно-технической деятельности евгенический миф порождает множество производных бинарных мифов. Так мифу о возможности матрицирования человека, создания его полноценных цифровых аватар, замещающих реальное существо, полноценно или более эффективно выполняющих его определенные (в первую очередь социальные) функции, противостоит миф о незаменимости человека в ходе принятия конечного решения. Мифу о грядущем полном погружении в цифровую реальность, полностью вытесняющей физическую реальность, противостоит миф о преходящем характере научно-технической революции, по завершении которой вернутся на прежнее место вещные структуры, фундированное экспертное мнение, вечные ценности и т.д. Мифу о человеке как носителе определенных качеств и психологических структур, на место которого может быть подставлено любое тело с заданным набором параметров (философский зомби), противостоит миф о человеке как мере реализации специфического сложного набора качеств, не подлежащего в силу своей сложности и уникальности алгоритмизации и символизации. Мифу о приближении сроков реализации программы сильного искусственного интеллекта противостоит миф о ее принципиальной невозможности. В этом смысле инженерное мировоззрение, игнорирующее специфику философского знания, занимается производством симулякров высшего порядка, и в значительной степени оно заполнено рискогенными симулякрами и псевдопроблемами, которые представляется оправданным решать волонтаристскими методами либо игнорировать вследствие их якобы невысокой значимости.

Дальнейшее совершенствование техносферы вполне возможно и на основании евгенического мифа, однако неслучайно евгеника признана одной из разновидностей псевдонаучного знания, дальнейшее развитие которого способно блокировать естественные механизмы человеческой психики. Уже в настоящее время психологи отмечают появление новых психических расстройств («цифровая деменция» [3], «номомания» [4] и других), рост стресса как типа переживания. На наш взгляд, гораздо большую опасность в этом плане представляет легкость делегирования человеком технике выполнения психических функций с последующей их деградацией у конкретного субъекта. Так, распространение устройств, обладающих функциями краткосрочной и долгосрочной памяти, существенно трансформировало механизмы функционирования исторической памяти в масштабах поколений, но в то же время способствовало реальному ухудшению памяти поколения 1990-х гг. рождения. Распространение алгоритмов принятия решения на основании заданных предпочтений способствует деградации волевой сферы, нарастанию сложностей в процессе принятия решений и росте стрессорных реакций при наступлении их зачастую необратимых последствий. В этом смысле выражение «когда-нибудь машина станет умнее человека» может быть трансформировано и таким образом: «когда-нибудь человек сам уступит машине по всем параметрам, делегировав ей свои психические процессы и разучившись реализовывать их самостоятельно». Особый интерес в этой ситуации представляет тот

факт, что многие технические решения реализуются вне серьезного критического обсуждения, как своего рода игра – с большой суммой выигрыша/проигрыша, но все же игра.

Нам представляется, что без свободной самостоятельной реализации конкретного человеческого потенциала, критической, а не догматической оценки природы человека, построения здорового общества, основанного на идее мира с собой и окружающими [5], умения находить баланс социального и биологического в конкретной жизненной ситуации [6] человечество действительно уйдет в штопор деградации. Средствами противостояния евгеническому мифу нам видятся критическое мышление, опыт построения формально-логических конструкций, системное мышление, в основании которого находится умение мыслить с применением философских категорий, внимание к этическому компоненту научных исследований, рост междисциплинарных научных мероприятий, способствующих возвращению явлениям значений, утраченных в ходе мифологизации.

Список литературы

1. Барт Р. Миф сегодня. [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/bar/bart_r/1.htm (дата обращения: 24.01.2024 г.).
2. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Дильтей В. Собр. соч. в 6 тт. Т. 3. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.
3. Карпова Е. Е. Теоретический анализ понятия «цифровая зависимость» в зарубежных исследованиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2017. № 4. С. 111-114.
4. Yildirim C., Correia A.-P. Exploring the dimensions of nomophobia: Development and validation of a self-reported questionnaire // Computers in Human Behavior. Vol. 49. August 2015. P. 130-137.
5. Штрэнгер К. Приключение Свобода. Новое цивилизованное презрение. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 326 с.
6. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2019. 528 с.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Копанева В.А.

Преподаватель кафедры философии, биоэтики и права

ВолгГМУ

E-mail: leravalera5@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается отразить влияние цифровых технологий на феномен социального признания, а также тот кризис, с которым столкнулись человек, сообщества, социальные институты. Под признанием имеется в виду процесс, в ходе которого один субъект артикулирует новое знание о другом и дает ему оценку, вследствие чего между ними возникает общность. Однако в условиях новой реальности отмечаются негативные последствия цифрового дистанцирования, которые выражаются в следующих формах: пространственная разобщенность, отчуждение, дефицит коммуникации, дефицит совместных социальных практик, отделение от сообщества, индивидуализация и, как следствие, дефицит признания. Процесс цифровизации во многом препятствует получению признания, она предполагает отделение от социальных контактов, труднодоступность получения нового знания о других объектах, что приводит к ослаблению миметического аспекта признания и возрастанию идеи опасности Другого. В то же время для признания неотъемлемой частью является идея инициации, которая предполагает преодоление границы – этот факт говорит о том, что есть как минимум два разных по качеству пространства и необходимо соблюсти принцип горизонтальности. Пространства не расположены иерархически, в онлайн-практиках нет границы между приватным и публичным, соответственно если нет приоритета одного пространства перед другим, то и нет необходимости давать признание. Его отсутствие приводит субъекта к дезориентации: ему становится сложно оценить и понять процессы, которые происходят не только

с ним, но и во вне, в мире. Таким образом, мы приходим к выводу, что онлайн-практики не формируют общность и соприсутствие, а это препятствует выражению признания.

Ключевые слова: социальное признание, кризис, цифровизация, цифровые технологии, дистанцирование, онлайн.

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON SOCIAL RECOGNITION

Kopaneva V.A.

*Lecturer of the Department of Philosophy, Bioethics and Law
VolgSMU*

E-mail: leravalera5@mail.ru

Abstract. The article proposes to reflect on the impact of digital technologies on the phenomenon of social recognition, as well as the crisis faced by people, communities, and social institutions. Recognition refers to the process in which one subject articulates new knowledge about another and evaluates it, as a result of which a commonality arises between them. However, in the context of the new reality, the negative consequences of digital distancing are noted, which are expressed in the following forms: spatial separation, alienation, lack of communication, lack of joint social practices, separation from the community, individualization and, as a result, lack of recognition. The process of digitalization largely prevents recognition, it involves separation from social contacts, the difficulty of obtaining new knowledge about other objects, which leads to a weakening of the mimetic aspect of recognition and an increase in the idea of the danger of the Other. At the same time, the idea of initiation, which involves overcoming the boundary, is an integral part of recognition – this fact suggests that there are at least two spaces of different quality and it is necessary to observe the principle of horizontality. Spaces are not arranged hierarchically, in online practices there is no boundary between private and public, respectively, if there is no priority of one space over another, then there is no need to give recognition. His absence leads the subject to disorientation: it becomes difficult for him to assess and understand the processes that occur not only with him, but also outside, in the world. Thus, we come to the conclusion that online practices do not form community and co-presence, and this prevents the expression of recognition.

Keywords: social recognition, crisis, digitalization, digital technologies, distancing, online.

Повлек ли опыт цифровизации негативные последствия для человека? Да, и одним из таких последствий явился кризис признания, который связан с тем, что для индивида или коллектива получение признания стало труднодоступным по причине удаленности от тех пространств, практик и субъектов, которые способны такое признание осуществлять.

Несмотря на то, что сами практики не прекратились, а лишь стали в значительной своей части дистанцированными (онлайн), мы попытаемся показать, что в рамках цифровизации, если понимать ее не в узком современном смысле, а обобщенно, субъект не получает полноценного опыта признания, и, как следствие, испытывает его дефицит.

Уже исходя из определения, можно наметить ряд проблем, с которыми сталкивается признание в условиях цифровизации:

- 1) Отсутствие непосредственного коммуникативного контакта с другим субъектом;
- 2) Затруднение в получении нового знания о субъекте, чтобы артикулировать его;
- 3) Невозможность дать оценку, поскольку новое знание о субъекте не получено;
- 4) Отсутствие общности.

Поскольку в условиях цифровизации выполнение данных условий встречает дополнительные затруднения, то повышается риск, что полноценного признания не произойдет. При этом индивид или коллектив, как и прежде, может располагать ресурсом признанности, то есть следами того признания, которые он получил в прошлом.

А. Кожев в своей работе «Введение в чтение Гегеля» также указывает на важность приобщения к другим: «Человек отличается от животного тем, что он – Гражданин (Burger), он может осуществиться как человек только принадлежа народу (Volk), организованному в Государство (Staat). Vermittlung /опосредование/ – это, по существу, деятельность /l'action/ в Обществе, опосредованная Обществом /dans et par/; это настоящее Anerkennen /признание/: человек признает другого человека

человеком, будучи сам признан им в качестве такового. Только в другом и с помощью другого обретает человек Befriedigung /удовлетворение/. Так вот, в мире чистой природы, просто жизни, нет Vermittlung (опосредования), потому что нет Общества (Volk, Staat), в котором индивиды «признавали» бы друг друга в их действительности и достоинстве. Итак, вне Общества Человек – всего лишь животное («духовное животное» /«bete intellectuelle»)» [1, с. 100]. Изоляция и онлайн-практики не позволяют сформировать или даже поддержать общность, поскольку не создают соприсутствия, а только допускают собрание индивидов в разных пространствах.

Ожидания признания обрамляются конкретным нормативным порядком, институциональной системой, которая, в свою очередь, является временным эффектом конфликтов между группами [2, р. 112]. Однако в условиях цифровизации становится проблематичным само нахождение в какой-либо группе из-за пространственной разрозненности. Набор людей в разобщенных топосах не является группой. В случае, если коллектив не формируется, индивид не способен проявить себя ни в качестве участника группы, ни в качестве того, кто предъявляет этой группе свой творческий продукт; как следствие, реального признания не происходит.

Идея инициации предполагает преодоление границы – этот факт говорит о том, что необходимо наличие как минимум двух разных по качеству символических пространств. Однако в онлайн-практиках не происходит пространственного перемещения и разделения (например, стирается граница между публичным и приватным), что препятствует инициации. Пространства не расположены иерархически, но если отсутствует приоритет одного пространства перед другим, то нет и необходимости давать признание.

Одним из базовых принципов социального признания можно считается *диалогичность*. Принцип диалогичности лаконично можно сформулировать так: индивид принимает признание от тех, кого сам признает. Поскольку диалогичность феномена признания является одним из базовых принципов, то стоит обратиться к работам М. Бубера, в частности, к труду «Я и Ты», в котором он раскрывает механизм диалога и отдает должное проблеме признания, а точнее такому ее аспекту, как взаимность, указывая моменты, когда взаимное признание невозможно в полной мере: «Первое из этих двух препятствий довольно хорошо известно. Все, начиная с того, что твой взгляд день за днем встречает отчужденность в глазах "ближнего", при том, что он нуждается в тебе, и кончая печалью святых, раз за разом втуне предлагающих великий дар, – все говорит тебе о том, что полная взаимность не присуща совместной жизни людей. Она – милость, к приятию которой человек всегда должен быть готовым, и на которую он никогда не может рассчитывать как на нечто гарантированное. Однако бывает так, что отношение Я-Ты по самой своей принадлежности к определенному роду не может развиться в полную взаимность, если оно должно и дальше существовать в пределах своего рода» [3, с. 65].

М. Бубер описывает ситуацию полного и частичного взаимного признания. Полное взаимное признание предполагает симметричность отношений, когда обе стороны находятся в одинаковом отношении друг к другу (например, дружба). Частичное взаимное признание – это ситуация, когда совпадение имеется в каком-то одном аспекте, но при этом сохраняется несимметричность: один обладает чем-то, чего нет у другого, и наоборот: «Другой не менее поучительный пример нормативного ограничения взаимности показывает нам отношение между искушенным психотерапевтом и его пациентом. Когда он удовлетворяется тем, что "анализирует" больного, то есть извлекает на свет из его микрокосмоса бессознательные факторы и преображенные посредством этого энергии прикладывает к сознательной работе жизни, то в некоторых случаях он добьется успеха. В лучшем случае он может помочь душе, лишенной четкой организованной структуры в какой-то степени собраться и добиться упорядоченности. Но осуществить то, что, собственно, на него возложено, - добиться возрождения зачухшего центра личности – он не способен» [3, с. 66-67].

По Буберу, взаимность не означает полного совпадения свойств участников признания, поэтому, рассматривая отношения пациента с психотерапевтом или ученика с наставником, он вводит концепт «схватывание». Схватывание – это ситуация, когда индивид удерживает в поле зрения две позиции: один из субъектов признания смотрит на происходящее и со своей точки зрения, и с точки зрения Другого, в то время как Другой видит только со своей точки зрения. Частичное признание предполагает, что один из участников процесса имеет усеченное признание (например, ученик или клиент), поскольку он не владеет картиной целиком, в отличие от другого участника (учителя или психотерапевта).

Социальное пространство знает множество практик имитации признания; особенно ярко они выражены в виртуальной реальности социальных сетей, где стало в порядке вещей, что пользователи «накручивают» лайки, комментарии, репосты, отзывы, пользуясь услугами других участников тех же сетей или прибегая к механическим способам вроде бот-программ по искусственному повышению

рейтинга. Изобретательность тех, кто находится в поисках признания, не ведает границ и порождает множество способов, позволяющих повысить различные индексы признанности практически без посторонней помощи. Однако во всех этих схемах не учитывается одно: как в той сказке, где мальчик крикнул: «А король-то голый!», – так и в данном случае – признание-то фальшивое.

Невозможно предзадать качество признания, поскольку никогда нельзя прогнозировать и тем более гарантировать, как и на каком основании будет оценен данный субъект или объект. В истории мировой литературы можно насчитать много случаев, когда произведения автора, ставшие впоследствии классикой, вначале не хотели даже издавать (А. Кристи, М. Булгаков, С. Кинг, Дж. Роулинг и др.). Известны и другие случаи, когда критики давали опубликованным текстам неожиданное признание (в том числе отрицательное), их авторов, вопреки их замыслам, признавали «революционерами», «диссидентами», «скандалистами», «радикалами», «гениями», «новаторами» и т.д. Сам автор, как правило, не может запланировать, кем и как его признают; он может рассчитывать на то, что после чтения стихов его признают в качестве гениального поэта своего времени, однако публика может полюбить его не за стихи, а только за приятный голос или манеру чтения.

Если возвращаться к вопросу о квазипризнании, то «накручивание» индекса признанности нарушает условие зависимости от Другого, стремится исключить фигуру Другого из механизма признания, что неизбежно означает утрату диалогичности, которая, в свою очередь, является одним из базовых принципов социального признания.

Эффект двусторонности признания описывает В. В. Бибихин: «Сущность не захотела ждать, когда ее постепенно воспримут в рыхлом материале меона. Она, оказалось, живая. Она не просто свет, который получает образ от тьмы в той мере, в какой тьма его ограничивает: сущность берет дело своего явления, отнимая его у тьмы, меона, так сказать, сама в свои руки и действует» [4, с. 187].

Таким образом, принцип диалогичности реализуется в таких свойствах социального признания, как наличие внешней явленности и способность к относительно самостоятельному действию. Практика цифровизации прежде всего противоречит идее символического обмена, что, в свою очередь, является препятствием для признания. Цифровизация, как ни странно, порождает ослабление социальных контактов, что приводит к угасанию миметического аспекта признания и возрастанию идеи опасности Другого.

Признание необходимо для ориентации в социальном пространстве, для формирования и подкрепления ценностных предпочтений, которые позволили бы субъекту осуществлять жизненный выбор, однако условия социальной изоляции сокращают возможности и для (ре)презентации творческого продукта, и для его оценки, что приводит к потере ориентиров и невозможности дать оценку происходящему.

Список литературы

1. *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
2. *Ivkovic M.* The Habermasian Foundations and Aims of Axel Honneth's Theory of Recognition // *Ideias*. Vol. 7, № 2. P.99-121.
3. *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995. 464 с.
4. *Бибихин В.В.* Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

FEMINA EX MACHINA: ЗАЧЕМ ИССЛЕДОВАТЬ «ЛЮБОВЬ» ЧЕЛОВЕКА И ИИ?

Миляева Е.Г.

Старший преподаватель

Челябинский государственный университет

Старший научный сотрудник

Южно-Уральский государственный университет

E-mail: morning_demon@mail.ru

Аннотация. Научные исследования «любви» между человеком и искусственным интеллектом с позиции гуманитаристики актуальны в связи с быстрым развитием интерактивных технологий эмоциональной эмуляции. В статье представлен ряд мифов, затрудняющих гуманитарный подход в рассмотрении отношений человека и техники.

Гуманитарная экспертиза новых технологий становится необходимой для установления этических стандартов и обеспечения безопаснос

ти. Обучение социальной ответственности в использовании ИИ и анализ эмоциональных связей могут смягчить опасения и предубеждения общества по отношению к этим технологиям. Проблема эмоциональной привязанности человека к ИИ требует исследований, чтобы понять её этические, психологические и социокультурные последствия, с целью разработки адекватных стратегий регулирования и формирования новых ответственных подходов к внедрению ИИ.

Ключевые слова: цифровые технологий, гуманитаристика, искусственный интеллект, чат-бот, эмуляция эмоций, любовь.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

FEMINA EX MACHINA: WHY EXPLORE THE «LOVE» OF HUMANS AND AI?

Miliaeva E.G.

Senior Lecturer

Chelyabinsk State University

Senior Researcher

South Ural State University

E-mail: morning_demon@mail.ru

Abstract. Scientific research into “love” between humans and artificial intelligence from the perspective of humanities is relevant in connection with the rapid development of interactive technologies of emotional emulation. The article presents a number of myths that complicate the humanitarian approach to considering the relationship between man and technology. Humanitarian examination of new technologies becomes necessary to establish ethical standards and ensure safety. Teaching social responsibility in the use of AI and analyzing emotional connections can mitigate public fears and prejudices towards these technologies. The problem of human emotional attachment to AI requires research to understand its ethical, psychological and sociocultural consequences, in order to develop adequate regulatory strategies and form new responsible approaches to the implementation of AI.

Keywords: digital technologies, humanities, artificial intelligence, chatbot, emotion emulation, love.

Современные технологии привносят новые измерения в область социальных отношений. Одним из таких интересных аспектов является возможность взаимодействия человека с различными роботами и чат-ботами, обладающими эмулированными эмоциями и способными к виртуальным беседам. На мировом рынке устойчиво растет спрос на социальную робототехнику, представленную как в виде роботов-компаньонов для пожилых людей и инвалидов, так и до роботов с функцией физиологического полового взаимодействия с человеком [2, 4]. Обыденностью стали заголовки новостных сайтов, говорящих о том, что кто-то «встречается» с чат-ботом, например, с «девушкой» из Replika. [8] Существуют интересные, но неоднозначные технические решения, вызванные пережитой трагедией, – мемориальные боты, например, приложение, посвященное памяти Романа Мазуренко, созданное его друзьями, на основе сохранившихся текстовых сообщений, и позволяющее «пообщаться» с погибшим другом [5]. Вопрос о возможности любовного романа между человеком и ИИ вызывает множество дискуссии.

Благодаря взрывному росту фантастической литературы и кинематографа на протяжении последних десятилетий сложился ряд мифов и предрассудков, задающий специфическую, зачастую алармистскую окраску этому новшеству в отношениях человека и техники, и препятствующий серьезному изучению проблемы отношений, в философской и гуманитарной оптике. Обобщая богатый художественный материал, представленный в фантастической литературе начиная со ставших классическими «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» и «Я, робот» до относительно недавних

«Клара и солнце», «Дневники киллербота», «S.N.U.F.F.», «Заводная», фантастических фильмах и сериалах, таких как «Бегущий по Лезвию», «Она», «Из машины», «Мир Дикого Запада», «Я твой человек» и т.д., можно выделить ряд устоявшихся мифов. Первый миф заключается в представлении, что Искусственный интеллект (далее ИИ) обладает сознанием и полной палитрой эмоций, аналогичных человеческим. К сожалению, мечты сторонников тотальной антропоморфизации, на сегодняшний день текущие технологии не обеспечивают программно-аппаратный комплекс истинными эмоциями, и его эмуляция ограничивается запрограммированными реакциями [3]. Следующий миф, который вновь разбивается о жесткость алгоритма программного кода, утверждает самостоятельности ИИ в отношениях. ИИ может менять «свои» цели только в рамках поставленных производителем задач, в рамках которых алгоритмы машинного обучения могут отражать предвзятость, основанную на данных, на которых они обучаются. [7] И последний миф, постоянно поднимающийся неолуддитами в СМИ, гласит о полной замене человеческих отношений на отношения с чат-ботами и роботами. Но на сегодня разработчики ИИ, несмотря на желание максимального коммерческого успеха, который мог быть легко достигнут при такой реализации программных решений, столкнулись с тем, что человеческий фактор остается ключевым в формировании глубоких эмоциональных связей. [6] И в отношении вступает именно человек, выступая в роли активного пользователя чат-бота, робота и т.д. Понимание существования этих мифов важно для того, чтобы разумно оценивать возможности существования возможности любовных отношений или эмоциональной связи человека и ИИ, а также анализировать вероятность появления и распространения новых культурных, этических и социальных норм.

В настоящее время, научно-технического прогресса недостаточно для создания ИИ, обладающего чувствами, эмоциями и истинным сознанием, аналогичных тем, что присущи человеку. Тем не менее, допустим, что в будущем технологии продвинулись настолько, что ИИ сможет эмулировать человеческие эмоции и реакции на уровне, вызывающем эмпатию. Даже в таком случае, возможность «любовного романа» между человеком и ИИ остается сложным и спорным вопросом. Любовь, как явление, включает в себя множество компонентов, включая эмоциональное влечение, взаимопонимание, сопереживание и совместное стремление к благополучию друг друга. Хотя ИИ может быть запрограммирован на предоставление поддержки и эмоциональную реакцию, настоящее чувство любви, как оно понимается в человеческом контексте, является уникальным и характерным только для человеческих отношений. Более того, такие отношения сталкиваются с рядом этических вопросов, включая вопросы согласия, конфиденциальности данных и моральной ответственности. Обсуждение этических аспектов взаимодействия между человеком и ИИ станет важным аспектом исследований, если подобные сценарии станут реальностью в будущем.

Научные исследования возможности «любви» между человеком и ИИ с позиции философского и гуманитарного подхода актуальны по ряду причин. В первую очередь, стремительное и зачастую неконтролируемое развитие технологий, позволяющих эмулировать эмоции и имитировать «глубокое» эмоциональное взаимодействие, поднимает вопросы этики. Гуманитарные исследования позволят определить этические рамки для создания и использования подобных систем, включая вопросы согласия и интимности, что может стать фундаментом для разработки правовых норм. В условиях нарастающей цифровизации необходимо тщательно анализировать как взаимодействие с ИИ влияет на существующие человеческие отношения. Таким образом, возможны качественные прогнозы различных аспектов социальной динамики, коммуникации и развития всех сфер человеческой деятельности.

Для обеспечения устойчивого развития необходима тщательная гуманитарная экспертиза новых технологий. Понимание механизмов формирования эмоциональных связей человека и ИИ позволит разработать стандарты для создания технологий, обеспечивающих многочисленные аспекты безопасности и этики. Также необходимо разрабатывать методики обучения людей социальной ответственности в использовании информационных технологий, особенно в контексте эмоциональных связей с ИИ. В таком случае, легко преодолеть алармистские настроения и снизить страхи и предубеждения, связанные с принятием подобных технологий в обществе.

Проблема глубокой эмоциональной, а зачастую и любовной привязанности человека к «чат-боту» (умной колонке, роботу-компаньону и другим вариантам реализации интерактивных технологий на базе искусственного интеллекта) представляет собой новую область для исследования и обсуждения с позиции гуманистики в контексте современных социальных и технологических изменений. Дальнейшие исследования и обсуждения необходимы для определения этических, психологических и социокультурных последствий этого феномена и для разработки адекватных стратегий регулирования.

Это будет фундаментом для развития социально-адаптированных подходов к внедрению ИИ и сформирует новую парадигму отношений между человеком и техникой.

Список литературы

1. Майленова Ф. Г. Любовь и роботы. Станет ли человечество дигисексуальным? // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2019. №3. С.312-323.
2. Шарыпов Ю. С. Этические аспекты производства роботов с функцией физиологического взаимодействия с человеком // Гуманитарная информатика. 2017. №12. С.58-68.
3. Ltifi M. Trust in the chatbot: a semi-human relationship. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1186/s43093-023-00288-z> (дата обращения: 11.01.24).
4. Sciortino K. Of Course We'll Have Sex With Robots – But Will We Ever Actually Date Them? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vice.com/en/article/9kzx45/sex-robots-dating-realbotix-dolls> (дата обращения: 11.01.24).
5. Newton C. Speak, memory. When her best friend died, she rebuilt him using artificial intelligence. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theverge.com/a/luka-artificial-intelligence-memorial-roman-mazurenko-bot> (дата обращения: 11.01.24).
6. Shuyi Pan, Jie Cui & Yi Mou Desirable or Distasteful? Exploring Uncertainty in Human-Chatbot Relationships, International Journal of Human-Computer Interaction. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/373873244_Desirable_or_Distasteful_Exploring_Uncertainty_in_Human-chatbot_Relationships (дата обращения: 11.01.24).
7. Skjuve M., Følstad A., Fostervold K.I., Brandtzaeg P.B., My Chatbot Companion – a Study of Human-Chatbot Relationships. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1071581921000197?via%3Dihub> (дата обращения: 11.01.24).
8. Wilkinson C. The People in Intimate Relationships With AI Chatbots. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vice.com/en/article/93bqbp/can-you-be-in-relationship-with-replika> (дата обращения: 11.01.24).

НЕЙРОСЕТЬ – ИНСТРУМЕНТ, АКТАНТ, КОМПАНЬОН?..

Пеннер Р. В.

*Доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
E-mail: penner.r.v@gmail.com*

Аннотация. В XXI в. мы наблюдаем функционирование принципиально новых мифов, берущих начало в технологической среде. В устанавливающейся «GPT-реальности» нейросети выходят из рамки инструмента и претендуют на статус мифологической единицы. В статье представлены 3 иллюстрации в работе нейросетей, где на выходе мы имеем рисунок, прогноз и решение математической проблемы. Все эти иллюстрации демонстрируют комплексность вопроса о статусе нейросети сегодня. В контексте плоских онтологий, которые, в числе прочего, «уравнивают» в социальных статусах единицы физической (в том числе, технологической) реальности (лабораторное оборудование, дверные ручки, компьютеры и программное обеспечение), феномены природы, а также классических социальных субъектов (человека и социальные группы). В этом социальном «винегрете» нейросеть претендует на свое место; вероятно, это место еще не будет тем, которое занимает сегодня человек; но уже сегодня это место компаньона или спутника человека.

Ключевые слова: нейросеть, компьютерная программа, миф, технологический миф, плоские онтологии, актант, социальный субъект.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований»

ARTIFICIAL NEURAL NETWORK – A TOOL, AN ACTANT, A COMPANION?..

Penner R. V.

*DSc in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy
South Ural State University (National Research University)*

Abstract. In the 21st century we are observing the functioning of fundamentally new myths originating in the technological environment. In the emerging “GPT reality”, artificial neural networks go beyond the framework of a tool and claim the status of a mythological unit. The article presents 3 illustrations of the work of neural networks, where at the output we have a drawing, a forecast and a solution to a mathematical problem. All these illustrations demonstrate the complexity of the issue of the status of the neural network today. In the context of flat ontologies, which, among other things, “equalize” in social status units of physical (including technological) reality (laboratory equipment, door handles, computers and software), natural phenomena, as well as classical social subjects (humans and social groups). In this social “vinaigrette” the neural network claims its place; probably, this place will not yet be the one occupied by a person today; but today it is the place of a person’s companion.

Keywords: artificial neural network, computer program, myth, technological myth, flat ontologies, actant, social subject.

XX в. Р. Барт дефиницировал как время мифологем. Миф в его интерпретации ближе к идеологемам, нежели классическим мифам в прочтении К. Леви-Стросса или Б. Малиновского. Миф больше не указывает на наивное мировоззрение человека, прочитывающего окружающий мир буквально (гремит гром – на колеснице по небосводу проехался бог); миф в XX в. – о сложной знаковой системе, когда за знаком может стоять череда коннотатов, наполненных разными смыслами. С XIX в. следовали друг за другом разные каналы трансляции информации, от газеты к радио и телевидению. В XXI в. на авансцену медийных каналов вышли информационно-коммуникационные технологии. В актуальной статье сосредоточу свое внимание на нейросетях, произведших в 2020-е гг. своеобразный бум в способах творения и распространения мифов.

Под нейросетью в статье буду понимать корпус «нейронов», обрабатывающих входящую информацию по заданным параметрам (магистральной операционной функции) и результирующих процесс обработки в виде нового информационного продукта. Иллюстрациями таких информационных продуктов станут рисунок, прогноз и решение математической проблемы.

Начну с рисунка. В 2023 г. на страницах журнала *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts* вышла статья, в которой картинам кисти т.н. «настоящих» художников были противопоставлены рисунки, выполненные нейросетью. Психологи из Bowling Green State University (США) посредством обращения к качественной методологии (фокус-группы, глубинные интервью, эксперимент) утвердили, что с развитием нейросетей современному человеку все сложнее отличить произведение из-под кисти художника от рисунка, сгенерированного сетью [6]. Вместе с тем, пресуппозицией исследования выступил тезис о том, что отличия между ними сознанием человека улавливаются, но не всегда рефлексированы. Так, по вопросу различения человеческого от машинного труда, респонденты ошибались в не менее половины случаях, что отвечает условиям случайного выбора. Однако, на вопрос о том, какие из представленных произведений больше их привлекают, более 73 % респондентов отдавали предпочтение холстам художников, не будучи, тем не менее, способными хоть как-то аргументировать свой выбор, указывая лишь на то, что выбранные работы «просто нравятся». А. Само и С. Хайхаус, авторы исследования, обосновали подобный выбор т.н. «эстетическим суждением», которое отвечает эффекту зловещей долины (чем в большей степени машина приближается к антропоморфному, – в представленном кейсе речь о результате творчества, – тем большую неприязнь она (или результаты ее труда) вызывают у контактирующего с ней человека).

Нарастающую сложность в различении рисунков, написанных человеком и сгенерированных нейросетью, доказывает технологическое развитие самих нейросетей. К примеру, в декабре 2023 г. Midjourney анонсировала версию V6, которая, согласно анонсу, продолжает генерировать все более реалистичные изображения и вместе с ними стала создавать еще текст [3]. Однако по сообщениям программистов и дизайнеров, оперирующих Midjourney и подобными нейросетями, чтобы добиться

реалистичного эффекта, нужно продолжительно заниматься обучением программы, а в идеале – манипулировать несколькими нейросетями при разработке одного рисунка (см., например, [1]). Подобные сообщения демонстрируют некоторую надуманность в отношении опасности нейросетей и их угрозы «живым» художникам и дизайнерам. Нейросети создают качественные изображения, претендующие на обладание эстетической ценностью, но, чтобы такое изображение создать, ввести ключевые слова в строку запроса оказывается недостаточно.

Следующая иллюстрация – «predictions», т.е. предсказания или прогнозы. На сей раз группа датских и немецких программистов задалась вопросом, что получится, если нейросеть обучать на данных о жизни среднестатистических граждан. Для верификации своей гипотезы о потенциальности программы предсказывать магистральные этапы в жизни человека исследователи обратились к модели «трансформер», варианту глубокого обучения, в которую в виде текста вводили данные о человеческих жизнях как совокупности последовательностей событий. Входными для исследователей стал «обширный набор данных реестра, который доступен по Дании за несколько лет и включает информацию о жизненных событиях, связанных со здоровьем, образованием, профессией, доходом, адресом и рабочим временем граждан» [7]. В выходных данных модель указывала на ключевые точки в т.н. «эволюции» испытуемых (т.е. тех датчан, данные о жизни которых были использованы на «входе»), вплоть до указания даты смерти.

В этой иллюстрации также продемонстрирован потенциал в развитии нейросети, но одновременно прописана ее контемпоральная роль как инструмента. Причем, такого инструмента, который в разных «руках» будет выдавать разные результаты. Пафос статьи выстраивается вокруг указания на возможность предсказать некоторые опасности в жизни датчанина, фундированные на данных о его здоровье, работе, социальных и иных практиках. В свою очередь, Ш. Зубофф в исследовании по надзорному капитализму [9] или Й. ван Дийк в концепции «connectification», проиллюстрированной, в числе прочего, кейсом движения корпорации «Facebook» в бедные регионы восточной Азии [8], указывают на то, что человек прочитывается корпорациями не как целое, но как набор данных, потенциально этой корпорации интересных.

Наконец, наиболее интересной иллюстрацией, на мой взгляд, стало решение машины математической загадки. Кейс представлен на страницах авторитетного журнала Nature под авторством программиста Д. Кастельвеччи [4]. Публикация статьи инициировала в сети новую волну споров о том, не живем ли мы в эпоху «техносингулярности, где машины двигают прогресс» (см., например, [5]). Если следовать логике статьи из Nature – нет, не достигли, нам до нее еще далеко, но образ ее все четче определяется на горизонте.

Итак, Д. Кастельвеччи обратился к математической задаче «The Cap Set Problem», связанной с нахождением решения в логической игре Set, которая объединяет 3 карточки по одному совпадению и трем различиям. На стол выкладываются 12 случайных карт, из которых нужно найти один или более сетов; но в некоторых случаях из 12 карт ни одного сета найти невозможно. Итого, суть задачи «The Cap Set Problem», каково количество и состав множества карт, не дающих сета. Это количество невозможно рассчитать вручную, т.к. 8 различных признаков на карточках Set (изображающих разные формы фигур, их количество и цвет) дает « 3^8 троек карт». А Д. Кастельвеччи посредством работы нейросети предложил эвристику, разрешившую загадку. Для этого с нейросетью было проведено множество итераций, типовых решений по заданной функции по нахождению неразрешимого сета. Поэтому утверждать автономность нейросетей от человека вообще на этой иллюстрации затруднительно. Но факт остается фактом, нейросети уже достигли того уровня, когда рисуют, пишут, предсказывают и разгадывают математические задачи.

В плоских онтологиях нейросеть, тем не менее, уже вышла из рамки исключительно инструмента и все чаще функционирует как социальный агент, в контексте авторского права, бизнес-проектов и даже партнерских отношений. Так, на бизнес-конференции по LLM (large language models, большие языковые модели), разные представители цифровых гигантов из России уже утвердили новые «GPT-реальность» и «GPT-путь», вне которых невозможно становление бизнес-процессов в контемпоральном мире [2].

Список литературы

1. Влияние нейросетей на будущее человека. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/articles/728900/> (дата обращения 04.01.2024).
2. Как боты адаптировались к новой GPT-реальности? Кейсы, инструменты и разбор полетов на Conversations'23. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/amp/publications/782542/> (дата

обращения 04.01.2024).

3. Пример сгенерированного Midjourney изображения. [Электронный ресурс]. URL: https://habrastorage.org/getpro/habr/upload_files/aee/d1c/ab1/aeed1cab109bbeccbac64124df1d97a6.JPG (дата обращения 04.01.2024).

4. Castelvechi D. DeepMind AI outdoes human mathematicians on unsolved problem // Nature. 2024. Vol. 625. P. 12-13. DOI: 10.1038/d41586-023-04043-w.

5. GPT-like модель «впервые сделала научное открытие»: что, как, и куда дальше? [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/ods/articles/781138/> (дата обращения 04.01.2024).

6. Samo A., & Highhouse, S. Artificial intelligence and art: Identifying the aesthetic judgment factors that distinguish human- and machine-generated artwork // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. Advance online publication. 2023. DOI: <https://doi.org/10.1037/aca0000570>.

7. Savciscens G., Eliassi-Rad, T., Hansen, L.K. et al. Using sequences of life-events to predict human lives // Nat Comput Sci. 2023. DOI: <https://doi.org/10.1038/s43588-023-00573-5>.

8. van Dijck J. After Connectivity: The Era of Connectication // Social Media + Society. 2015, № 1. DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305115578873>.

9. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. NY: PublicAffairs, 2019.

МИФ О «ЖИВОМ» ЦИФРОВОМ: ПРОБЛЕМА ИНВЕРСИИ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ СТАТУСОВ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Резвушкина С.А.

*Младший научный сотрудник
Южно-Уральский государственный университет
E-mail: Finntundra@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию современных форм мифологизации техники и технологий, связанных с цифровым миром. По мнению автора, вся мифологизация техники строится на принципе её зоо- и антропоморфизации, которых характерен для мифологического пространства мифологии. Однако если антропоморфизация техники в парадигме Модерна содержала субъект-объектную топикку и маркировала лишь подобие тех или иных частей технического устройства с частями человеческого тела или природными объектами, то мифологизация парадигмы Постмодерна трансформирует эту практику. Ключевым способом мифологизации техники и технологий в Постмодерне является придание «искусственному» онтологического статуса «живого», предписывание ему предикатов, характерных для существа, наделённого волей, творчеством и способностью к самостоятельному познанию. Чтобы нивелировать онтологическую коллизия, возникающую в ходе такой мифологизации, Постмодерн предлагает объект-объектную онтологию, выраженную в концепциях ООО и АСТ. По мнению автора, инверсия онтологических статусов и объективация человека, уравнивание технологий в правах с ним, в пределе ведёт к дегуманизации и является инструментом западного либерального дискурса, направленного на построение глобального общества, состоящего из атомизированных и объективированных индивидов.

Ключевые слова: Мифологизация технологий, постмодерн, онтологический статус, онтология цифрового пространства, цифровая грамотность, консерватизм, антилиберализм.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

THE MYTH OF THE «LIVING» DIGITAL: THE PROBLEM OF INVERSION OF ONTOLOGICAL STATUSES AND ITS CONSEQUENCES

Rezvushkina S.A.

Junior Research Associate

, Research and Education Centre for Practical and Applied Philosophy

South Ural State University

E-mail: Finntundra@gmail.com

Abstract. The article explores contemporary forms of mythologising techniques and technologies associated with the digital world. The author argues that all technology mythologisation is based on the principle of zoo- and anthropomorphisation, which is characteristic of mythological space. However, in the Modern paradigm, the anthropomorphisation of technology was limited to highlighting the similarity of certain parts of a technical device with parts of the human body or natural objects. In contrast, the mythologisation of the Postmodern paradigm takes this practice further. The Postmodern paradigm mythologises technique and technology by giving the «artificial» the ontological status of «living», prescribing it predicates characteristic of a being endowed with will, creativity, and the capacity for independent cognition.

To level the ontological collision arising from such mythologisation, Postmodern proposes an object-object ontology expressed in the concepts of OOO and ANT. The author believes that when technology is equated with humans, it leads to dehumanisation and supports the Western liberal discourse of creating a global society of atomised and objectified individuals through the inversion of ontological statuses.

Keywords: Mythologization of technology, Postmodernity, Ontological Status, Ontology of Digital Space, Digital Literacy, Conservatism, Anti-liberalism.

Современный мир насыщен цифровыми технологиями. Техника сопровождает человека во всех сферах его наличного бытия: мы играем в города с «Алисой», на «Госуслугах» задаём вопросы «Максу», ворчим на робот-пылесос и ждём, когда «Яндекс.Ровер» принесёт нам что-нибудь из магазина. Техника становится так близка человеку, что перестаёт восприниматься как инструмент и обретает черты компаньона. Этому способствуют и сами производители технологий: они сознательно наделяют свою продукцию чертами, свойственными живому миру, антропо- или зооморфизируют её. В результате такой операции человек невольно начинает описывать технику или технологию (в случае с чат-ботами или голосовыми помощниками) предикатами, характерными для субъекта, но не для объекта, коим изначально техника и является.

Так, командой молодых исследователей из ЮУрГУ было проанализировано восприятие беспилотного транспортного средства «Яндекс-Ровер». Анализ коннотатов, которыми обыватели описывали «Яндекс.Ровер» рисует интересную онтологическую пропозицию. Существующий в сети Интернет дискурс описывает данное устройство как некоего «естественного» субъекта, который может обучаться (а не быть запрограммированным), быть другом (а не утилитарным устройством) и даже может что-то украсть (будто это его было его сознательное действие, реализация воли к хищению)! Очевидно, что в этих коннотатах заложен пласт зоо- и антропоморфных ассоциаций. По мнению команды исследователей, такое коннотирование обусловлено внешним сходством роботов и животных. К примеру, в контексте «Яндекс.Ропера» лидеры можно воспринять как глазки, колеса как лапоники, антенну как хвостик. [1, с. 45-53] Таким образом, за счёт такого зоо- и антропоморфного восприятия сокращается психоэмоциональная дистанция между субъектом и объектом. Мы можем наблюдать такой подход в классических мифах, легендах и сказаниях, где мир является принципиально одушевлённым и любой его феномен наделён субъектностью, высвобождаемой через акт «иерофании» [2, с. 17]. Такая онтология характерна для парадигмы Премодерна, в которой нивелируется закон исключённого третьего и всякий объект потенциально субъектен – обладает волей, сознанием и способен реализовать те или иные свои интенции.

Создание техники и технологий – это результат перехода онтогносеологического человека к парадигме Модерна. Согласно А.Г. Дугину, онтология Модерна выстраивается на отрицании онтологии Премодерна: в основе познания лежит не вера, а эмпирическое знание; описывает мир не миф, а наука; доминирующий способ восприятия не сверхчувственный, а рациональный, сам мир не субъект-субъектен, а субъект-объектен. [3, с. 19-30]. Е.В. Середкина считает, что «наука и техника

не только революционизируют сферу производства, но коренным образом меняет саму сущность человека, его культуру, систему ценностей. Научно-технический прогресс оказывает огромное влияние на формирование личности и, прежде всего, через систему образования, которое создает особый тип человеческого сознания – рационального, прагматического, научно ориентированного» [4, с. 139]. При этом Модерн сохраняет инерцию премодерна в самой своей примордиальной структуре, сохраняющей связь с остаточной сакральностью – в языке. В качестве примеров можно привести устоявшиеся обозначения предметов, которые отсылают неживые предметы к телесной структуре, присущей для живых существ: колено трубы, горлышко бутылки, дверной глазок и т. д. [5, с. 46-51]. Однако при этом объекты, имеющие антропоморфные черты, всё же имеют онтологический статус объектов, им не приписываются предикаты, характерные для равного субъекта. Для Модерна немислимо предположить, что нейросеть может чему-то учиться, что дом может быть умным, что пылесос заблудился. Эти предикаты характерны для цифровых технологий Постмодерна и маркируют новый уровень мифологизации, не на морфологическом, но на гносеологическом уровне

Таким образом мы видим, что в текущей парадигме Постмодерна наблюдаются процессы зоо- и антропоморфизации, а также попытка возврата к субъект-субъектной онтологии, характерной для Премодерна. В результате получается довольно шизофреничная онтологическая картина, в которой непротиворечиво сочетается субъект-субъектный подход и сциентизм. И внутри этой шизофреничной онтологии конструируется новый миф, в котором технологии приобретают статус не просто подобного нам объекта, но равного, или даже превосходящего нас в чём-то субъекта. Но насколько конструктивна такая мифологизация? Более того, насколько она правомерна? Для этого надо задаться вопросом об онтологическом статусе цифровой реальности, в которой фундированы современные технологии.

Очевидно, что если подходить к цифровой реальности с позитивистских и материалистических позиций, то она будет являться лишь иллюзией, поскольку многие процессы, происходящие в ней невозможны вне специфических технологий. Но если подойти к ней не рациональным, а сверхчувственным восприятием, то цифровая реальность обретает статус самостоятельного инобытия, в котором возможно всё то же самое, что и в архаичном мифе [6, с. 17]. В постнеклассической науке цифровая реальность и присущая ей виртуальность понимаются через оппозицию потенциального и субстанционального. Так, цифровой феномен бытийствует реально и актуально, но не субстанционально и не потенциально. В качестве примера можно привести Яндекс-станцию «Алиса» и гения местности из мифологии. В обоих случаях они реальны (созерцаемы, осмысляемы) и актуальны (единовременны человеку и вовлечены с ним в контакт), но не субстанциональны. «Алиса» существует не сама по себе, а благодаря вызову её посредством голосовой команды, гений местности тоже порождён своим топосом. Таким образом, виртуальная реальность вторична по своему онтологическому статусу, так как обладает некоей «ирреальностью», которая остается непрояснимой [7, с. 86]. А. В. Качмала отмечает: «Онтологический статус виртуальности, с одной стороны, более низок, «недо-онтологичен» в силу своей изначально задаваемой нереальности и нуждается в «онтологизации» в эмпирическую реальность для того, чтобы «магическое действие» вступило в силу. Но с другой – он также «сверхонтологичен», ведь это действие сопряжено с изменением и властью над эмпирической действительностью» [8].

Эта цитата важна в контексте данного исследования не только тем, что проливает свет на бинарную онтологическую природу цифрового «недо-бытия», но и тем, что описывает его в терминах магичности и мифу как способу описания всевозможности. И здесь мы рискуем попасть в ловушку – ведь если мы признаем распространённую повсеместно цифровую реальность тождественной субъект-субъектной реальности архаичного мифа, то мы будем вынуждены постулировать возврат к Премодерну. Однако этот ход является неприемлемым для западных геополитических структур, поскольку он противоречит идее построения западного глобального общества, состоящего из атомизированных индивидов [9, с. 14-15]. Для Премодерна характерно бытие в состоянии *Gesellschaft*, постановка интересов общего над частным и сильнейшая партиципация, основанная на вере в общее происхождение. Однако тяга к мифу в человеке сильна настолько, что он посредством развития технологий модерна конструирует цифровые структуры, которым придаёт статус субъекта. И как быть?

Ответ был найден в спекулятивном реализме и двух доминирующих в западных социально-гуманитарных «трендах» – объектно-ориентированной онтологии (ООО) и акторно-сетевой теории (АСТ). Оба эти подхода направлены на смешение онтологически гетерогенных объектов, посредством искусственного придания им равного онтологического статуса. Согласно концепции объектно-ориентированной онтологии, все феномены, будь то реальными или вымышленными, являются объектами. Такой подход позволяет объектно-ориентированным онтологам избавиться от

значимости субстанции как посредника между чувственным и сверхчувственным восприятием. Это замечание критически важно, поскольку оно нивелирует «недоонтологичность» цифрового, постулированную выше. Сходную оптику можно найти и в акторно-сетевой теории. Её сторонники требуют рассматривать не-людей (nonhumans) в качестве действующих агентов в социальных системах и отношениях. Оба эти подхода снимают онтологическое противоречие, возникающее для цифровых структур, и обеспечивают статусное равенство между человеком и цифровым феноменом без возврата к премодернистской субъект-субъектной топике.

Однако у этих подходов есть и существенный, «несущий» недостаток: субъект-субъектность они подменяют объект-объектностью, тем самым осуществляя смешение гетерогенных объектов и дегуманизируя субъекта. В пределе это ведёт к нивелированию значимости жизни человека, его прав и свобод. Человек в такой оптике утрачивает свою уникальность и субъектность, становясь малоэффективным (по сравнению с цифровым) объектом производственных отношений. Это и создает необходимую для западной либеральной идеологии атмосферу атомизации и отчуждения людей от коллективов и социальных связей. Ведь, будучи объектом, можно предпочесть общество таких же объектов, но которые будут относительно предсказуемы (поскольку запрограммированы) и с необходимостью лишены травматического измерения, которое несёт в себе общение с Другим. В этой связи следует сказать только одно: если мы направлены на то, чтобы сохранить в себе то небольшое человеческое, что нам осталось – следует быть критичным. Цифровое, каким бы вариативным и антропоморфным не было, лишено главного человеческого качества – свободной воли. Не следует забывать, что базовая эпистемологическая составляющая техники заложена в самом названии этого феномена и означает «искусство, ремесло» – т.е. нечто, производимое человеком, а не данное само по себе. И помня об этом и не следуя западным дегуманизирующим трендам, можно сохранить понимание субъектности человека и объектности техники и технологий, которые, несмотря на всю их техническую развитость, всегда будут лишь инструментом, способным помочь человеку в его бытии.

Список литературы

1. Ивандикова П.С., Школяренко А.О., Резвушкина С.А., Николаев В. А., Аленов А. Ж. Восприятие и репрезентация беспилотных транспортных средств в русскоязычном сегменте Интернета (на основе кейса беспилотного транспортного средства «Яндекс.Ровер») // Homo holistic: человек целостный. 2023. С. 45-53.
2. Элиаде М. Священное и мирское. М. 1994. 144 с.
3. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М. 2020. 504 с.
4. Песина С.А., Вторушкина Ю.Л. Антропоморфизм в обиходной картине мира // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. № 4. С. 46-51.
5. Середкина Е.В. Анализ программ киборгизации и антропоморфизации в контексте философии «Хай-тек» // Технологос. 2010. № 3. С. 137-146.
6. Бурлуцкий А.Н. Онтологический смысл категории «виртуальная реальность» в контексте формирования цифровой парадигмы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 17-26.
7. Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности. СПб. 2007. 147 с.
8. Качмала А.В. Онтологический статус виртуальной реальности в структуре бытия // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2. С. 109-111.
9. Формирование понятийного аппарата в области гармонизации «межнациональных» (межэтнических) и межрелигиозных отношений: этносоциологическое обоснование (методические определения, статьи, стенограмма заседания) // под редакцией В.М. Коровина. М. 2017. 82 с.

ВООБРАЖАЕМЫЙ МИР ТЕХНОЛОГИЙ И ИНФРАСТРУКТУР В ВИЗУАЛЬНЫХ ОТЧЕТАХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ТУРИСТОВ

Сергеева О.В.

*Доктор социологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Ведущий научный сотрудник
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
E-mail: o.v.sergeeva@spbu.ru*

Аннотация. Технологии и промышленные инфраструктуры существуют не только как объекты актуальной реальности, но и как репрезентации и компоненты социотехнического воображаемого, которое влияет на обращение людей с техникой, на понимание прошлого и будущего. Одним из ресурсов поддержания социотехнического воображаемого являются любительские визуальные отчеты альтернативных туристов, размещаемые в социальных сетях, где документируются и популяризируются предшественники современных цифровых технологий – индустриальные достижения прошлого. Эмпирический анализ фотоархива альтернативных туристов позволяет обнаружить, что именно (заводы, стройки, подземные шахты, полигоны) и с помощью каких стратегий визуализации (экспансия растений, крупный план разрушений и деструкций, фреймирование старых вещей, лозунгов и др.), поддерживает воображаемый мир технологий, которые перестали быть нужными человеку.

Ключевые слова: технологии, инфраструктуры, социотехническое воображаемое, «заброшка», руины, визуальная репрезентация.

THE IMAGINARY WORLD OF TECHNOLOGIES AND INFRASTRUCTURES IN VISUAL REPORTS OF ALTERNATIVE TOURISTS

Sergeeva O.V.

*DSc in Sociology, St. Associate Professor,
Petersburg State University
Senior researcher
Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences*

Abstract. Technologies and industrial infrastructures exist not only as objects of actual reality, but also as representations and components of the sociotechnical imaginary, which influences on human-nonhuman interactions and social understanding of the technological past and future. One of the sources for maintaining the sociotechnical imaginary is amateur visual reports of alternative tourists posted on social networks, where the predecessors of modern digital technologies—the industrial achievements of the past—are documented and popularized. Empirical analysis of the photo archive of alternative tourists allows us to discover what exactly are in the focus of attention (factories, construction sites, underground mines, landfills.). Visualization strategies are identified expansion of plants, close-up of destruction, framing of old things, political slogans, etc. The practice of alternative tourism supports the imaginary world of technologies that are no longer needed by humans.

Keywords: technologies, infrastructures, sociotechnical imaginary, ruins, visual representation

Социотехническое воображаемое в нашей медиатизированной реальности поддерживается усилиями очень разных акторов, в том числе – неэкспертами и непрофессионалами посредством социальных медиа. Современные медиа дают людям возможность быть просьюмерами, а это значит быть способными отслеживать поток жизни и документировать его через размещение материалов в сети. Одна из тематик пользовательского контента касается визуальных репортажей после посещения маргинальных заброшенных пространств. Фото- и видеорепрезентации таких мест предстают разновидностью воображаемой географии. Воображаемая география – это описания мест, сделанные в художественных и публицистических текстах, например, в романах и рассказах, путевых заметках,

репортажах, мемуарах, а также фильмах, фотографиях и цифровых симуляциях. Воображаемая география создается там и тогда, когда о пространстве говорят посредством использования риторических приемов репрезентации, специфических тропов, создавая «поэтику пространства». Значительное внимание альтернативных туристов сконцентрировано на наблюдении заброшенных промышленных и транспортных инфраструктур и объектов, благодаря чему наполняется конкретикой наше актуальное социотехническое воображаемое. Исследование фотоархива сайта <https://urban3p.ru>, который поддерживается любителями «заброшки», позволяет понять, как генерируется воображаемый мир технологий и инфраструктур маргинальных, оставленных людьми территорий. Походы к руинам, их документирование становятся вариантом народного любительского краеведения и народной мифологизации. За счет количественного анализа изображений, посвященных заброшенным местам и объектам Ленинградской области, можно реконструировать воображаемый мир технологий и инфраструктур. Выборка для исследования была сформирована как простая случайная по массиву всех изображений, относящихся к Ленинградской области на сайте <https://urban3p.ru>.

Таблица 1. Характеристика выборки

Тематические группы фотографий	Всего фотографий	Попало в выборку
учреждения	101	49
военное	252	70
заводы	113	52
стройки	103	49
культура	124	54
подземное	81	44
остальное	375	76
Выборка		394

Итог работы с данными – обзор воображаемой географии маргинальных пространств Ленинградской области, что позволяет говорить в том числе и о социотехнической составляющей «заброшки».

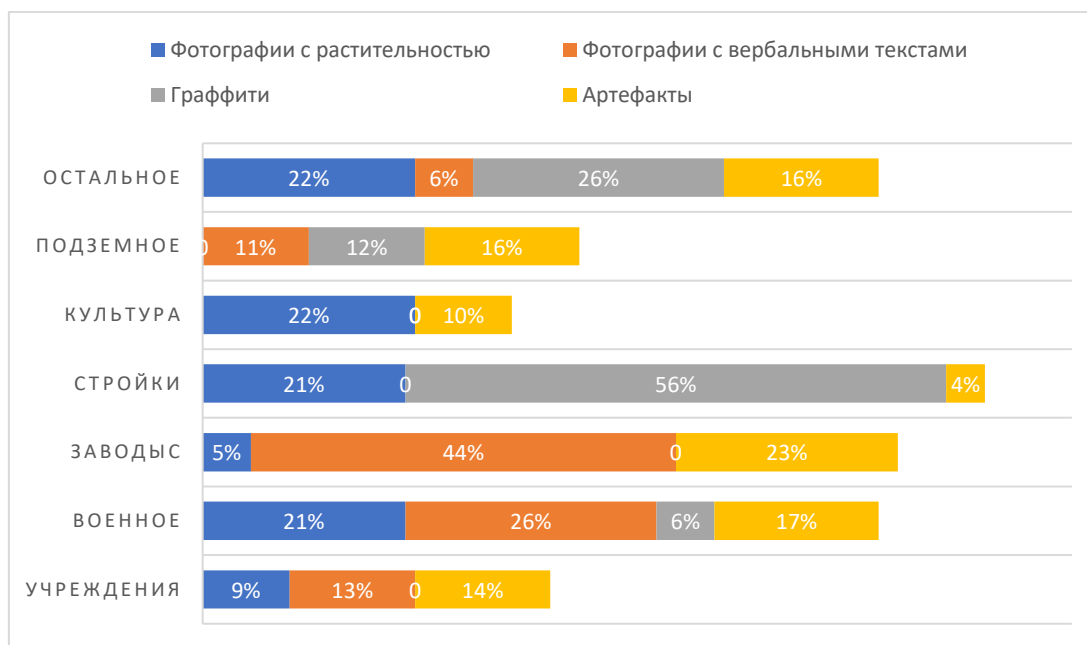

Рис. 1 Сравнение разных групп фотографий

Благодаря фотографиям возможно проследить, как пространство и оставленные технические объекты наделяются смыслом, поскольку есть изобразительные приемы, с помощью которых что-то выносится на первый план, а что-то остается «в тени». К изобразительным приемам создания «хорошей» фотографии заброшенного пространства относятся 1) демонстрация отсутствия человека, 2) показ того, как растения замещают человека, 3) включение в фотоснимок старых вещей и текстов

прошлого, 4) эстетизация разрушения за счет работы с ракурсом и светом. Пустые маргинальные места долгое время оставались вне интереса урбанистики, были невидимыми экстратерриториями. Но пустота и заброшенность относительны. Концепт воображаемого позволяет, понять, каким образом индустриальные технологии включаются в современные представления об их истории, как они становятся частью стихийного краеведения, опытом ностальгии, а иногда и социальной критики.

ПРОБЛЕМА «БЕСТЕЛЕСНОСТИ» СУБЪЕКТА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Труфанова Е.О.

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии
Российской академии наук
E-mail: iph@etrufanova.ru*

Аннотация. Рассматриваются трансформации, которые происходят с пониманием субъекта под влиянием цифровизации, в ситуации, когда деятельность субъекта распределяется по двум средам — физической и цифровой. Показано, что главное различие и главная проблематичность бытия человека в этих средах заключены в телесной воплощенности субъекта в физическом мире и мнимом исчезновении тела в цифровых взаимодействиях. Обосновывается, что субъект сохраняет зависимость от своей телесной воплощенности и в цифровой среде, продолжая существовать в единстве телесного и психического. Показывается, что повышенная конфликтогенность цифровой среды связана с невозможностью непосредственного наблюдения тела Другого. Делается вывод, что для сохранения целостности субъекта в современной ситуации тесного переплетения физической и цифровой сред его деятельности необходима более высокая степень контроля для согласования деятельности в разных средах.

Ключевые слова: субъект, цифровизация, телесность, цифровая среда, физическая среда.

THE PROBLEM OF THE SUBJECT'S "DISEMBODIMENT" IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Trufanova E.O.

*DSc in Philosophy, Leading Researcher
RAS Institute of Philosophy
E-mail: iph@etrufanova.ru*

The transformations that occur with the understanding of the subject in a situation where the activity of the subject is distributed across two environments — physical and digital — are considered. It is shown that the main difference and the main problem of human existence in these environments lies in the embodiment of the subject in the physical world and the imaginary disappearance of the body in digital interactions. It is proved that the subject retains dependence on his physical embodiment in the digital environment, continuing to exist in the unity of the physical and mental. It is shown that the increased conflictuality of the digital environment is associated with the inability to directly observe the body of the Other. It is concluded that in order to preserve the integrity of the subject in the modern situation of the close intertwining of the physical and digital environments of its activities, a higher degree of control is necessary to coordinate activities in different environments.

Keywords: subject, digitalization, physicality, digital environment, physical environment.

Цифровизация является одним из существенных факторов, который меняет наши представления о человеческой субъектности, заставляя снова уточнять понятие субъекта. В.А. Лекторский в своем определении субъекта, сформулированном более двадцати лет назад, пишет, что «для современной философии субъект — это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся

в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми» [1, с. 660]. Внедрение новых цифровых технологий в повседневную жизнь человека изменяет среду его жизнедеятельности, определенным образом удваивая ее на физическую и цифровую среду. Опираясь на определение Лекторского, мы можем отметить, что субъект сам по себе является частью физической среды, но способен выступать в качестве агента в цифровой среде. Таким образом, возможности «присутствия» и деятельности субъекта в физической и цифровых средах различаются.

В физической среде человеческие субъекты обладают телами, получающими непосредственный опыт от объектов окружающего их физического мира и прямого взаимодействия с другими субъектами. Здесь человек имеет возможность перемещаться в пространстве, манипулировать объектами, осуществлять восприятие с помощью всех органов чувств и т. д.

В цифровой среде осуществляются цифровые взаимодействия в режиме «онлайн»: здесь восприятию представлены только цифровые объекты, из органов чувств задействованы только зрение и слух, вместо прямой манипуляции объектами – нажатие клавиш или прикосновения к экрану, которые приводят в действие некие цифровые процессы, в том числе такие, которые могут повлиять на физическую среду: например, я могу заказать онлайн продукты, и мое цифровое действие приведет в движение сборщика, кассира, курьера и в итоге результируется в том, что я получу вполне физические товары, но мое действие и его последствия разнесены во времени и пространстве. Деятельность человека в цифровой среде является либо взаимодействием с цифровыми объектами (с рабочими или досуговыми целями), либо коммуникативной деятельностью с другими субъектами, опосредованной цифровыми объектами.

Жизнедеятельность современного человека неизбежно разворачивается как в физической, так и в цифровой среде, действия в одной из сред могут повлечь за собой события в другой, поэтому современное понимание субъекта должно учитывать его распределенность по двум разным средам взаимодействия. При этом важным фактором, который во многом «ответствен» за те различия, которые существуют между деятельностью субъекта в физической и цифровой средах является телесная воплощенность субъекта. В цифровой среде тело как будто выносится за скобки, «отсутствует». Подобная «бестелесность» субъекта в цифровой среде часто рассматривается в качестве важнейшего преимущества цифровых взаимодействий, однако всегда ли она является преимуществом?

С одной стороны, отсутствие тела в цифровой коммуникации уравнивает участников взаимодействия: там, где нет наблюдаемого тела Другого, нет дискриминаций по возрасту, полу, цвету кожи, нет насмешек над внешностью и т. д. В этом для многих состоит предпочтительность цифровых коммуникаций физическим. В то же время это нивелирует социальные иерархии, которые продолжают существовать в физическом мире, что тоже может приводить к непониманию: «бестелесный» собеседник может казаться невежливым, излишне фамильярным и т. д.

С другой стороны, отсутствие тела предоставляет возможность обмана, человек в цифровых коммуникациях может притворяться «не собой», выступать в сетевых коммуникациях в иных образах, отличающихся от него самого (особенностям визуальной саморепрезентации в сети посвящено множество работ (См., например: [2]). Обман, а точнее подмена может происходить и в другом случае: в некоторых ситуациях нам трудно различить, взаимодействуем ли мы с реальным человеком, или же с компьютерной программой-«ботом», получаем ли мы ответы от другого субъекта или же просто тексты, сгенерированные нейросетью. Так, отсутствие тела в цифровой коммуникации затрудняет демаркацию между человеческим субъектом и цифровым квазисубъектом.

Наконец, отсутствие тела – это ограничение возможности непосредственного физического воздействия на окружающий мир и других людей. Хотя косвенно такое воздействие возможно (например, я могу сделать онлайн-заказ продуктов, и мое цифровое действие приведет в движение сборщика, кассира, курьера и в итоге результируется в том, что я получу вполне физические товары), но мое действие и его последствия разнесены во времени и пространстве, и мои возможности контроля этого действия и его результатов ограничены.

Но возможно ли в самом деле формирование цифрового субъекта, полностью свободного от «уз» телесности? Представляется, что субъект не может утратить связь с телом, поскольку мой телесный опыт и мой телесный образ влияют на то, кто я есть. Рассуждая о гипотетической возможности «переноса» сознания как набора информационных кодов из мозга человека на другой носитель, В.А. Лекторский отмечает, что «если считать человеческую личность массивом информации, то нужно иметь в виду, что важнейшей частью этой информации является представление человека о самом себе – то, что называется «образом Я» (или «Я-концепцией»). А в этот образ входит представление о собственном теле. Конечно, тело каждого человека меняется – стареет, подвергается увечьям, возможно даже, что некоторые его части заменяются протезами. Но в любом случае представление

о собственном теле и о непрерывном ряде его изменений – неотъемлемая часть «образа Я». Ведь именно с этим телом, которое находилось в те или иные моменты времени в том или ином месте и с помощью которого человек вступал в контакты с другими, связана его жизнь, его автобиографическая память, являющаяся основой индивидуальной идентичности. Если бы даже удалась пересадка индивидуальной психики на другой носитель (хотя это мне представляется вряд ли осуществимым), то идентичность не удалось бы сохранить: возник бы другой человек» [3, с. 27-28]. Таким образом, полная независимость от тела в цифровых коммуникациях является мнимой. Я, репрезентируя себя в цифровом мире, сохраняю те особенности влияния моего тела на мою личность, которые мне присущи и не могу полностью их отбросить, даже если я заставлю моего цифрового собеседника поверить, что я выгляжу как-то иначе. Субъект существует в единстве телесного и психического. Концепция воплощенного познания показывает глубину и неразрывность этих связей, демонстрируя как познание зависит от конкретного тела с его возможностями и особенностями восприятия [4].

Однако есть и другая проблема, связанная с «отсутствием» тела в цифровых коммуникациях – «бестелесность» Другого. В цифровой среде главную роль играет коммуникативная деятельность, таким образом, цифровая среда является расширением прежде всего социальных отношений. Общеизвестным является то обстоятельство, что цифровые коммуникации обладают повышенным уровнем конфликтности: высказывания в социальных сетях обычно более радикальны, чем человек позволяет себе в физической среде, в репликах быстро может возникнуть агрессия, причем зачастую эта агрессия спровоцирована недостатком понимания цифрового собеседника.

Представляется, что причиной этой повышенной конфликтности является отсутствие телесного взаимодействия в цифровой коммуникации (можно назвать это «бестелесностью» субъекта в цифровой среде): т.е. субъект представлен в цифровых коммуникациях без тела, лишь в качестве символической сущности. Не наблюдая Другого в физическом воплощении, не находясь с ним в одном пространстве, человек утрачивает чувство реальности Другого, невозможной становятся эмпатия и интерсубъективное понимание. Эрих Фромм, описывая психологию военных летчиков во Вторую мировую войну, обращает внимание на то, что физическая разобщенность – расстояние между летчиком на небе и жертвой его бомбардировки – объясняла то, что летчики эмоционально не переживали эту ситуацию как убийство, хотя рационально осознавали свои действия и их последствия [5]. Так, в цифровых коммуникациях невозможность наблюдать эмоции другого человека, его «язык тела», вызывают серьезные коммуникативные проблемы. Этот пробел пытаются компенсировать разными способами: от использования эмодзи до онлайн-видеосвязи и создания виртуальных образов тел в т. н. Метаверсе. Это помогает лишь частично, а иногда и наоборот запутывает – эмодзи не всегда правильно трактуются, а их отсутствие может быть воспринято как грубость (хотя как таковая не задумывалось), на видеосвязи отсутствует прямой контакт «глаза-в-глаза», что снижает доверие и повышает проблемы с взаимопониманием [6]. Виртуальные тела в Метаверсе создают ощущение участия в компьютерной игре, в то время как в физической среде тело человека обременено необходимостью использовать VR-шлем и перчатки, и данное непосредственное телесное переживание может доминировать над переживанием цифровых интеракций виртуального тела.

Невозможность компенсировать фактор отсутствия тела Другого приводит к тому, что он воспринимается как «не вполне» человек. Не воспринимая цифровые проявления человека как человека в полном смысле слова, мы неосознанно строим свое поведение таким образом, как будто он таковым не является [7]. Отсюда следует снижение уважительного отношения к Другому в цифровых коммуникациях с одной стороны, и ложное чувство собственной безопасности в цифровой среде с другой (ведь если ни я, ни мои собеседники не представлены здесь телесно, то что мне может угрожать?). Осознание и принятие себя как телесного субъекта как в физической, так и в цифровой среде, признание телесных субъектов в цифровых Других, является важным основанием для преодоления этих проблем.

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что цифровые субъекты не являются некими новыми сущностями, возникшими в результате развития цифровизации, но представляют собой расширение деятельности субъекта в другой среде. Субъект при выступает в единстве телесного и психического, однако для сохранения целостности субъекта требуется большая степень контроля над согласованием его деятельности в физической и цифровой средах.

Список литературы

1. Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия. М., 2001. С.659-660.

2. Орех Е.А., Сергеева О.В. Цифровое лицо и цифровое тело: новые явления в визуальном контенте социальных сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. № 2. С. 137-145.
3. Лекторский В.А. Глобальная цифровизация как экзистенциальный вызов // Человек в глобальном мире: риски и перспективы. М., 2021. С. 20-32.
4. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. 308 p.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2017. 736 с.
6. Величковский Б.М. От исследований сознания к разработке когнитивных технологий // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. М., 2017. С. 37-57.
7. Труфанова Е.О. Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 3. С. 370-375.

СПЕЦИФИКА МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗОВ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В РОССИЙСКОЙ МЕДИАСРЕДЕ

Цельковский А.А.

*Кандидат философских наук, доцент
Липецкий государственный технический университет
E-mail: alts1085@mail.ru*

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей медиатизацией общественного сознания и исторической памяти. В подобных условиях образы прошлого становятся основой для новой цифровой мифологии. Таким образом, трансформация исторической памяти в условиях формирования новой цифровой мифологии нуждается в изучении и осмыслении. В основу исследования положена гипотеза о формировании в медианпространстве цифровой мифологии, оказывающей процессы влияния новых медиа на историческую память. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что новая цифровая мифология, трансформируя образы прошлого и подстраивая их под медиановестку, меняет историческое сознание.

Ключевые слова: историческая память, цифровизация, мифотворчество, цифровая мифология, СССР.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00610 "Мифологизация советского прошлого в современном российском обществе: актуальные медийные практики и возможные социальные эффекты"

SPECIFICS OF MYTHOLOGIZING IMAGES OF THE SOVIET PAST IN THE RUSSIAN MEDIA ENVIRONMENT

Tselykovsky A. A.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Lipetsk State Technical University
E-mail: alts1085@mail.ru*

Abstract. The relevance of the research topic is due to the increasing mediatization of public consciousness and historical memory. Under such conditions, the images of the past become the basis for a new digital mythology. Thus, the transformation of historical memory in the conditions of the formation of a new digital mythology needs to be studied and comprehended. The study is based on the hypothesis of the formation of digital mythology in the media space, which influences the processes of influence of new media on historical memory. The study allowed us to conclude that the new digital mythology, transforming the images of the past and adjusting them to the media agenda, changes historical consciousness.

Keywords: historical memory, digitalization, myth-making, digital mythology, USSR.

Стремительная цифровизация традиционных средств массовой информации, а также появления новых медиа существенным образом изменили процессы формирования исторической памяти. Уже не только государственные структуры, влиятельные политические силы и крупные СМИ детерминируют историческую память, но и масса рядовых индивидов получают возможность создавать различные образы прошлого. То есть среди акторов, определяющих актуальность и востребованность тех или иных представлений о прошлом, уже нельзя выделить безусловного монополиста. Медиаобразы прошлого, создаваемые и транслируемые в Интернет-пространстве складываются в своеобразную цифровую мифологию. При этом специфика взаимовлияния цифровой мифологии и исторической памяти остается недостаточно исследованной и оставляет ряд вопросов. К примеру, кто является субъектом цифровой мифологии? Какие закономерности определяют процесс трансформации исторической памяти под влиянием цифровой мифологии?

Прежде всего, необходимо определиться с основными понятиями, используемыми в исследовании. Понятие исторической памяти имеет довольно длительную историю. Основоположником изучения исторической или коллективной памяти принято называть французского философа М. Хальбвакса. В процессе исследования процессов формирования представлений о прошлом, М. Хальбвакс пришел к выводу о социальной обусловленности памяти. То есть индивидуальная и коллективная память детерминированы социальными условиями – социальными рамками памяти.

Тесная взаимосвязь социальной среды и памяти стала поворотным моментом в понимании механизмов возникновения представлений о прошлом. Я. Ассман – историк религии исследовал взаимосвязь памяти и культурной идентичности. По Я. Ассману одной из главных функций памяти является формирование индивидуальной и культурной идентичности. При этом согласно Я. Ассману существует два вида коллективной памяти – культурная и коммуникативная. Носителями коммуникативной памяти выступают индивиды как непосредственные участники событий, их круг общения. Она возникает и функционирует на повседневном уровне, а по своему содержанию включает в себя воспоминания трех-четырех поколений. Культурная память, зафиксированная в системе социальных институтов, норм и традиций, становится силой, формирующей культурную идентичность. В рамках культурной памяти оформляется официальный нарратив о прошлом. Особое внимание Я. Ассман обращал на то, что индивидуальная память зависит от культурной памяти.

Таким образом, историческая (как и индивидуальная) память находится в зависимости от социальных условий и культурной среды. В современном мире разнообразные медиасредства начинают оказывать определяющее влияние на формирование картины реальности, приводя к появлению особой медиакультуры, трансформирующей привычные социальные феномены. К примеру, В.Л. Примаков, исследуя процессы медиатизации, пишет: «Массмедиа прочно вошли в содержание социальной жизни; в этом симбиозе сформировались особая медиакультура, устойчивые социальные практики и технологии, медийные по своей сути и способам реализации» [1, с. 222]. Медиатизация, таким образом, формирует новую культурную среду, которая, в свою очередь, трансформирует историческую память. Об этом, в частности, пишет А.Н. Гуреева: «под сильнейшим влиянием быстро развивающихся технологий и медиа формируется абсолютно новое общество – зависимое от медиапотребления, обеспечивающего получение необходимой информации и потребляющее все возможные каналы коммуникации» [2, с. 203].

В подобных условиях постепенно стирается грань между культурной и коммуникативной памятью. Кроме того, существенно возрастает количество субъектов, участвующих в конструировании представлений о прошлом. В подобных условиях понятие цифровой мифологии становится довольно действенным инструментом, способным описать происходящие с историческим сознанием изменения.

Современную мифологию можно определить как систему рационализированных и выраженных в символической форме образов архаической мифологии. Как и архаический миф, современный миф предлагает общественному сознанию определенные шаблоны мышления и поведения, действующие на бессознательном уровне. Значение мифов для конструирования исторической (культурной) памяти отмечал Я. Ассман. По мнению исследователя культурная память складывается путем трансформации исторических фактов в символические конструкторы (фигуры воспоминания). Миф является одной из таких символических фигур воспоминания. По его мнению, «миф и история не отличаются друг от друга. Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она. Можно сказать также, что в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф» [3, с. 55].

О новой волне мифотворчества в информационную эпоху было написано в ставших классическими работах М. Маклюэна. По его словам, «благодаря электричеству мифическое,

или коллективное, измерение человеческого опыта целиком выходит на дневной свет пробужденного сознания» [4, с. 460]. Мифотворчество, порожденное новыми медиа и цифровизацией, трансформирует специфику восприятия прошлого. Как замечают по этому поводу Д.С. Артамонов и С.В. Тихонова: «Социальные медиа и цифровые технологии, выступая посредником между человеком и внешним миром, активно создают новую мифологию, опираясь на прошлое и трансформируя черты и границы будущего. Они создают виртуальную иллюзию социальной действительности, в которой реальные события отодвигаются на второй план, уступая натиску мифологизированных образов» [5, с. 32]. К элементам и проявлениям цифровой мифологии исследователи относят интернет-мемы, компьютерные игры, различные виды интернет-творчества. По поводу субъекта цифровой мифологии авторы отмечают, что «цифровой миф возникает через новый визуальный коллективный опыт» [5, с. 31]. Каналами для его распространения становится все медиапространство. Мифологизация прошлого выражается в трансляции и последующем закреплении в исторической памяти образов, связанных с историческими событиями или личностями. Однако данные образы, воспроизводимые в рамках тех или иных мифов, далеки от реальной истории и являются упрощенными стереотипизированными штампами.

Влияние цифровой мифологии на трансформацию исторической памяти можно проследить на примере образов СССР в медиапространстве, поскольку за последние два десятилетия в официальной политике памяти активное обращение к советскому периоду истории стало одной из главных тенденций.

Символы и образы, связанные с советским периодом, неизменно присутствуют в современной медиаповестке. Посредством наиболее значимых событий советской истории во многом происходит конструирование исторической памяти современной России. Особое место в данном процессе занимает победа в Великой Отечественной войне. В медиапространстве присутствует огромное количество фильмов, сериалов, компьютерных игр, связанных с данным периодом истории. Великая Победа стала из главных символов современной России. По мысли Н. Копосова: «Работа с идейным наследием Дня Победы за последние два десятилетия оказалась настолько интенсивной, что его идеологическое значение уже давно перестало исчерпываться реабилитацией советских символов и восстановлением исторических связей. В современных условиях он фактически обрел статус главного праздника, предоставив власти неограниченные возможности в интерпретации своей символики» [6, с. 231].

Переоценке подверглись многие исторические деятели советской эпохи. Особую популярность приобрела фигура И.В. Сталина. В современной российской мифотворческой практике И. В. Сталин выступает в роли сильного государственника. С его личностью связывается победа в Великой Отечественной войне и превращение Советского Союза в сверхдержаву. При этом нивелируются беспрецедентные по своим масштабам политические репрессии и внешнеполитические ошибки И. В. Сталина.

Из сказанного следует, что миф, перемещаясь в медиапространство существенно увеличивает свои возможности, вовлекая в процессы мифотворчества практически неограниченное количество субъектов и приобретая все большее число каналов трансляции.

Новые медиа и цифровизация, таким образом, создают цифровую мифологию, которая становится посредником между индивидом и историей. Цифровые мифы трансформируют образы прошлого, подстраивают их под медиаповестку, меняя, тем самым, историческое сознание. Возросшие возможности новых медиа позволяют, манипулируя образами прошлого, создавать особую медиареальность (мифореальность) и включать в данный процесс неограниченное количество субъектов. Перечисленные особенности превращают цифровую мифологию в один из самых важных факторов, формирующих и трансформирующих историческое сознание.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Примаков В.Л. Медиатизация как теоретический концепт // Вестник МГЛУ. 2019. № 3. С. 221-238.
3. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского Университета. 2016. № 6. С. 192-208.
4. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становления человека печатающего. М.: Академический Проект, 2005. С.460

5. Артамонов Д.С. и Тихонова С.В. Петр I в медиапамяти. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. 180 с.
6. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ
СООБЩЕСТВО**

**СЕМЬИ СОВЕТСКИХ МАТЕМАТИКОВ:
ДИСКУРСИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Антощук И.А.

PhD in Cultural Sociology

старший научный сотрудник ЦМИ, доцент УНЦ ГСН

Московский физико-технический институт

E-mail: irinantoschyuk@gmail.com

Аннотация. Среди советских ученых известны яркие примеры «научных семей», где муж и жена состоялись как профессиональные математики и коллеги. Каким образом математики говорят о супружеских союзах в своей среде? Для ответа был проведен анализ описаний семейной жизни математиков в мемуарах, интервью, юбилейных статьях и некрологах. Было выявлено, что на уровне дискурсивных практик семья остается сферой, вытесненной из профессиональной деятельности, которая инкорпорируется в профессиональную коммуникацию с помощью переписания отношений на формальном и академическом языке. Женские профессиональные биографии выступают основным местом локализации нарративов о семейных отношениях, в то время как описания мужских карьер дистанцируются от темы семьи. Женщины-ученые конструируются как сильные акторы в домашней и семейной области, но менее важные акторы в научной деятельности. Таким образом, дискурсивные практики являются механизмом воспроизводства гендерного неравенства в точных науках.

Ключевые слова: дискурсивные практики, гендерное неравенство, семья, научное сообщество.

**FAMILIES OF SOVIET MATHEMATICIANS:
DISCOURSIIVE CONSTRUCTIONS OF SPOUSAL RELATIONSHIP**

Antoshchuk I.A.

PhD in Cultural Sociology

Senior Researcher, Associate Professor

Moscow Institute of Physics and Technology

E-mail: irinantoschyuk@gmail.com

Abstract. Among Soviet scientists there are bright cases of “scientific families”, where husbands and wives were professional mathematicians and colleagues. How do mathematicians talk about marital relations in their milieu? To answer this question, I conducted an analysis of descriptions of the family life of mathematicians in memoirs, interviews, anniversary articles and obituaries. I found discursive practices constitute the family as a sphere detached from professional activity. Discussion of marital ties is incorporated into professional communication through the redescription of relationships by the formal and academic language. Women's professional biographies are the main site for localizing narratives about family relationships, while descriptions of men's careers distance themselves from the topic of family. Women scientists are constructed as powerful actors in the domestic and family domain, but as less important actors in scientific work. Thus, discursive practices act as a mechanism for the reproduction of gender inequality in the exact sciences.

Keywords: discursive practices, gender inequality, family, scientific community.

Среди советских математиков известны яркие примеры «научных семей», где муж и жена состоялись как профессиональные математики или стали учеными национального и международного значения. Наиболее известные союзы – это семья Л.В. Келдыш и П.С. Новикова, семья В.Н. и Д.К. Фаддеевых, семья Е.С. и Д.А. Вентцель, семья Н.К. Бари и В.В. Немыцкого, семья И.Г. Башмаковой и А.И. Лапина. Менее известные семьи – это супруги М.И. и Л.Ф. Зеликины, П.Я. и Н.Е. Кочкины, Н.Н. и А.И. Субботины и др. В этой работе я задаюсь необычным вопросом: каким образом описываются супружеские отношения таких пар в профессиональном сообществе? Какими чертами наделяются мужчины и женщины-ученые как супруги? Для ответа я проанализировала фрагменты различных источников (опубликованных мемуаров, интервью, юбилейных статей и некрологов), в которых описываются отношения и семейная жизнь супругов-математиков, с применением тематического кодирования и элементов дискурс-анализа. Я не ставила целью выявить фактические особенности супружеских отношений или реальное распределение обязанностей в семье. Меня интересовали дискурсивные практики и стратегии: каким образом математики говорят о супружеских союзах в своей среде, в каких терминах описывают супругов и их взаимоотношения, какими способами рассказывают о личной и профессиональной близости?

В результате я обнаружила следующие дискурсивные практики и конструкции:

Во-первых, доминирующими способами включения семейных отношений в поле профессиональной коммуникации является их «формализация» (переописание в терминах формальных ролей и отношений на рабочем месте) и «академизация», (академический стиль письма, опора на нормы взаимодействия в академии). Так, супругов называют непременно по имени отчеству, как принято в академической среде. Подчеркивается профессиональная сторона взаимоотношений супругов, например, общение по поводу научных проблем: «с ним она [И.Г. Башмакова] обсуждала идеи своих работ, темы будущих исследований» [1, с. 8]. О совместных публикациях говорится типичными формулами описания научного сотрудничества, как между чужими людьми: «в их совместной работе», «вместе с Д.К. Фаддеевым» [2]. Если сложилось тесное и плодотворное сотрудничество, оно объясняется «взаимопроникновением научных интересов» [2]. Подчеркивается значение семейной гармонии и взаимопонимания супругов в развитии математического знания: «этот счастливый союз двух выдающихся людей оказал большое влияние на дальнейшее развитие вычислительной математики» [3, с. 1284].

Повседневные и бытовые аспекты совместной жизни супругов реже попадают в нарративы. Если рассказчик описывает дом и семейную обстановку супругов-математиков, то зачастую в связи с профессиональными задачами и научной жизнью: «В доме Субботиных происходило множество разнообразных событий. Регулярно проводились интереснейшие семинары, бывали практически все выдающиеся математики, приезжавшие в Екатеринбург» [4, с. 31]. Описание домашних семейных традиций пары Л.В. Келдыш и П.С. Новикова призвано более широко раскрыть их образ как ученых, как людей глубоко интеллигентными, людей высокой общей культуры: «У Новиковых говорили и о науке, и об искусстве, и о литературе» [5, с. 8].

Во-вторых, наблюдается весомый дисбаланс в локализации дискурсивных конструкций: основная часть описаний семьи обнаруживается в текстах о женщинах-ученых, и они занимают там важное место. Для текстов о женщине-математике характерны частые упоминания мужа-математика, акцент на важной роли совместной работы с мужем, непременно присутствуют характеристики женщины как жены и матери. Тексты о мужчинах-ученых, напротив, редко и кратко упоминают жен. Научный вклад мужчин грамматически и семантически описывается как индивидуальное достижение, даже когда отмечается, что работа выполнена совместно с женой. Мужчины намного реже наделяются какими-то эпитетами как мужья и отцы, роль мужа скорее описывается через жену и то, что она делает для него, чем наоборот.

Яркий пример гендерно-специфичной локализации дискурсивных конструкций супружеских отношений – это статьи к столетию Л.В. Келдыш [6] и П.С. Новикова [7]. Уже на 2-й странице статьи про Л.В. появляется целый абзац про брак с П.С., говорится об их ученичестве у Н.Н. Лузина и близости научных интересов. Следующий абзац – это подробный рассказ об участии Л.В. в научной деятельности мужа, где он и его ученик становятся главными героями. На 3-й странице рассказывается о семейных трудностях Л.В. в военное время. Наконец, на 4-й странице возникает большой раздел про семью Л.В. и П.С., который занимает целую страницу текста. Таким образом, около половины текста про Л.В. как ученого занимает рассказ о ее семье и ее деятельности на благо мужа и детей. В статье к столетию П.С. супружеские отношения с Л.В. описываются совсем по-другому. При описании аспирантуры у Н.Н. Лузина не упоминается знакомство с Л.В. Развитие П.С. в математике, вся проделанная работа и последующие труды представляются исключительно как результат

индивидуальных усилий или совместных работ с коллегами-мужчинами. Хотя Л.В. помогала П.С. продвинуться в решении проблемы Бернсайда, в статье жена не фигурирует среди лиц, вовлеченных в эту работу. Описание семейных отношений и Л.В. появляются лишь в самом конце 8-й странице, занимая лишь два небольших абзаца. При описании семьи П.С. не описывается как муж или отец, его брак целиком характеризуется через черты его жены: «Павлу Сергеевичу повезло в браке, у него была замечательная жена – доктор физико-математических наук, Людмила Всеволодовна Келдыш. Людмила Всеволодовна была не только выдающимся математиком, но и любящей и заботливой женой и матерью» [7, с. 183].

В-третьих, одной из устойчивых дискурсивных конструкций является описание роли жены в супружеских отношениях, которую я вслед за математиками обозначила как «ангел-хранитель». Она помещает женщину на центральное место в семье, делает ее сосредоточием семейной жизни, одновременно якорем стабильности и двигателем, побуждающим движение вперед. Жена описывается как необходимое средство обеспечения бытовой повседневной жизни, без которого не обойтись. Так, П.В. «полностью полагался на нее [Л.В., свою жену] по всех домашних делах» [7, с. 183], а Михаил Зеликин вспоминает, как его жена всегда «исправляла положение», когда он «проявлял свою неловкость в житейских ситуациях» [8]. Женщина выступает деятельным субъектом заботы о муже и детях, попечителем домашнего очага и бессменным исполнителем домашних обязанностей. Поле ее семейных беспокойств гораздо шире и охватывает интеллектуальную активность мужа и его научные изыскания. При этом ее роль остается вспомогательной и вторичной. Так, проведение математических семинаров на дому у Субботиных требовало больших хозяйственных усилий именно супруги: «Без Нины Николаевны такое вряд ли было бы возможно. Именно она несла на себе основную тяжесть работы по дому, организовывала встречи гостей. Делала настолько много, что перед ней можно только преклоняться» [4, с. 31]. Людмила Всеволодовна Келдыш характеризуется «ангелом-хранителем математического творчества своего мужа», потому что она «всегда, в полном понимании, ставила его выше своего собственного», регулярно участвовала в семинарах П.С., обсуждении его работ и помогла наладить совместную работу П.С. и С.И. Адяна над проблемой Бернсайда [6, с. 6]. Даже если жена и муж тесно сотрудничают и пишут совместные труды, его роль видится как лидирующая, создающая основы и дающая направление, ее же вклад представляется как продолжение и улучшение работы мужа: «Д.К. Фаддеев обеспечивал высокий научный уровень разрабатываемых проблем, а В.Н. Фаддеева доводила эти разработки до простых и надежных вычислительных алгоритмов» [2]. Женщина-ученый делает работу, которая описывается как «трудоемкая», «кропотливая», «ответственная» [2], работа мужчины-ученого – «глубоко теоретическая», «фундаментальная» [3].

Выводы

На уровне дискурсивных практик семья остается сферой, отделенной и несколько вытесненной из профессиональной деятельности. Супружеские отношения представляются маргинальной темой в сообществе математиков, которая инкорпорируется в профессиональную коммуникацию с помощью формального и академического языка, в т.ч. общепринятых языковых формул научного сотрудничества и развития математического знания. Женские профессиональные биографии выступают более приемлемым местом для разговора о семейных отношениях, а то время как мужские карьерные траектории формируются как более наукоцентричные. Женщины-ученые дискурсивно конструируются как сильные акторы в домашней и семейной сфере, но ведомые, направляемые и менее важные акторы в области научной деятельности. Таким образом, дискурсивные практики и конструкции выступают значимым механизмом воспроизводства гендерного неравенства в точных науках.

Список литературы

1. Изабелла Григорьевна Башмакова. Некролог // Историко-математические исследования. 2005. № 45 (10). С. 8–12.
2. Керимов М.К. Памяти Веры Николаевны Фаддеевой (к столетию со дня рождения) // Журнал вычислительной математики и математической физики. 2007. № 47 (7). С. 1276–1280.
3. Керимов М.К. К столетию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Константиновича Фаддеева (1907–1989) // Журнал вычислительной математики и математической физики. 2007. № 47 (8). С. 1283–1286.
4. Осипов Ю.С., Куржанский А.Б., Ченцов А.Г., Ушаков В. Н., Красовский Н.Н. Из воспоминаний об Андрее Измайловиче Субботине // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2005. № 34. С. 31–36.

5. Дынников И.А., Миллионщиков Д.В. Рассказ о Сергее Петровиче Новикове // Математическое просвещение. 2019. № 23. С. 7–19.
6. Адян С.И., Мальцев А.А., Сандракова Е.В., Сосинский А.Б., Чернавский А.В., Штанько М.А. Людмила Всеволодовна Келдыш (к столетию со дня рождения) // Успехи математических наук. 2005. № 60 (4 (364)). С. 5–10.
7. Адян С.И. К столетию со дня рождения Петра Сергеевича Новикова // УМН. 2001. Т. 56. Вып. 4. С. 177–184.
8. Зеликин М.И. История вечнозеленой жизни. М.: Факториал пресс, 2001. 143 с.

СЕМЬЯ ИНЖЕНЕРОВ/УЧЕНЫХ СУББОТИНЫХ ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Валькова О.А.

*Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: o-val2@yandex.ru*

Аннотация. В докладе рассматривается стратегия преодоления тяжелой жизненной ситуации, вызванной событиями Великой русской революции 1917 г., выбранная семьей инженера, технического директора Сормовских заводов Михаила Глебовича Субботина. В 1917 г. его вдова и дети, к этому времени уже успевшие получить образование и начать самостоятельную жизнь (кроме младшей дочери), были вынуждены покинуть свой дом, реквизированный в соответствии с декретом правительства большевиков. Они переехали в Сормово, в котором многие годы работал М.Г. Субботин и в котором уже начал успешную карьеру инженером старший из братьев – Алексей. Благодаря социальному капиталу отца и старшего брата Субботиных приняли в Сормово радушно. Они смогли найти жилье, их также устроили работать на Сормовские заводы, включая старшую сестру Нину – достаточно известного к тому времени астронома, ради которой в сормовском пролеткульте была создана должность астронома, а сам завод начал строительство обсерватории. Семья оставалась в Сормово до середины 1920-х гг., когда новая волна реформ вынудила их вернуться в Ленинград.

Ключевые слова: Сормовский завод, Михаил Глебович Субботин, Нина Михайловна Субботина.

THE SUBBOTIN FAMILY OF ENGINEERS/SCIENTISTS IN THE FACE OF THE GREAT REVOLUTION: COPING STRATEGIES

Valkova O.A.

*DSc in History, Chief Researcher
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: o-val2@yandex.ru*

Abstract. The paper examines the strategy of overcoming the difficult life situation caused by the events of the Great Russian Revolution of 1917, chosen by the family of Mikhail Glebovich Subbotin, an engineer and technical director of the Sormovo factories. In 1917, his widow and children, who by that time had already managed to get an education and start an independent life (except for the youngest daughter), were forced to leave their house, requisitioned in accordance with a decree of the Bolshevik government. They moved to Sormovo, where M.G. Subbotin worked for many years and in which the eldest of the brothers, Alexey, has already started a successful career as an engineer. Thanks to the social capital of their father and older brother, the Subbotins were welcomed to Sormovo. They were able to find housing, they were also arranged to work at the Sormovo factories, including their older sister Nina, a well-known astronomer by that time, for whom the position of astronomer was created in the Sormovo proletkult, and the plant itself

began construction of an observatory. The family remained in Sormovo until the mid-1920s, when a new wave of reforms forced them to return to Leningrad.

Keywords: Sormovsky Plant, Mikhail Glebovich Subbotin, Nina Mikhailovna Subbotina.

Первая мировая война затронула повседневную жизнь миллионов людей, даже не попавших в активную зону боевых действий. С кем-то это произошло сразу, с самого первого дня войны, с кем-то постепенно, но к 1917 г. изменения почувствовали на себе все. Февральская революция поначалу добавила не так уж много нового, но вот декреты пришедшего к власти осенью 1917 г. правительства большевиков перевернули жизнь очень многих семей с ног на голову. В добавок к призыву в армию молодых мужчин, ко все более голодной и холодной жизни, возрастающей дороговизне, многие семьи из образованных слоев общества, в том числе семьи ученых, столкнулись с конфискацией имущества – своих усадеб – или гигантскими, совершенно неподъемными налогами на городские квартиры. Помимо этого, зимой 1917–1918 г. выжить в Петрограде или в голодной, замерзающей Москве было практически невозможно, если человек не получал продовольственных пайков и дров от правительства, да и этого часто было недостаточно.

Мемуарная литература сохранила немало воспоминаний, в т.ч. ученых об этом времени. Простейшим решением, и для многих единственным, стал отъезд из Петрограда или Москвы. Но если одинокий человек, мужчина мог сделать это достаточно легко, то для женщин, детей, стариков, уехать в никуда было трудно осуществимо. Кому-то помогали учреждения, в которых они служили [1, с. 38–41], кто-то мог рассчитывать только на себя и своих близких. Чьи-то семьи в результате подобной тактики оказались разделенными и распались, как это случилось, например, с семьей Н.И. Вавилова [2, с. 17–22], чьи-то, наоборот, сплотились. Наш доклад будет посвящен стратегии выживания, избранной семьей Субботиных, среди которых были молодые инженеры, астроном, студентка-биолог.

Глава семьи, Михаил Глебович Субботин (1850–1909) был известным инженером, техническим директором Сормовских заводов, руководителем Макеевских шахт. Он много сделал для развития паровозо- и судостроения в России, для перехода железных дорог на использование угля вместо дров, он также построил в Сормове первую в стране заводскую электростанцию и впервые провел электрификацию завода. Сын земского врача, он остался круглым сиротой в 7 лет, вырос в приюте и принадлежал к числу людей, которые «сделали себя сами». Он женился на Надежде Владимировне Соколовой (1855–1927), дочери московского архитектора, происходившей из старинной профессорской московской семьи. У Михаила Глебовича и Надежды Владимировны Субботиных было шестеро детей: старшая дочь Нина (1877–1961), затем тем четверо сыновей – Алексей (1879–1924), Игорь (1882–?), Сергей (1884–?), Олег (1889–1952) и, наконец, младшая дочь, Ольга (1892–1942).

Сам Михаил Глебович умер в 1909 г., но его жена и дети все были живы в 1917 г., и, несмотря на то, что работа и учеба разбросали их по разным краям, они оставались очень дружными, ловили моменты, чтобы собраться вместе и постоянно были в курсе дел друг друга. Старшая, Н.М. Субботина, уже окончила Бестужевские высшие женские курсы и стала хорошо известным астрономом: в 1913 г. она получила премию Русского астрономического общества за свою книгу «История кометы Галлея» – первую в России книгу по астрономии, написанную женщиной [3, с. 119]. А.М. Субботин к этому времени окончил свое образование, работал инженером в Сормово и был женат на Надежде Николаевне Михайловской (1880–?), дочери инженера и писателя Н.Г. Гарина-Михайловского – товарища М.Г. Субботина. Сергей, Игорь и Олег только заканчивали образование и начинали свои карьеры, младшая, Ольга еще только собиралась поступать на Высшие женские курсы.

После смерти отца финансы семьи были ограничены, поэтому начиная с 1914 г. мать семейства и ее дочери жили в семейном имении Соболяки неподалеку от Можайска. В лучшие времена оно использовалось как дача и для зимней жизни было мало пригодно, зато в нем располагалась обсерватория, построенная и полностью оборудованная М.Г. Субботиным, в которой работала Н.М. Субботина. Сергей и Игорь жили в Петрограде, часто находясь в разъездах по делам службы, Олег оставался с матерью и сестрами, приняв на себя обязанности по управлению хозяйством.

Однако уже в декабре 1917 г. имение было конфисковано по распоряжению нового правительства, семье велели освободить дом: «Соболяки зимой были захвачены вооруженным нападением большевиков, в наше отсутствие; причем кучер и лесник отстреливались из ружей, из окон, но их затем схватили и заперли в сарай, откуда они затем были выпущены крестьянами», – писала Н.М. Субботина другу. [4, л. 6, 6 об.]. Субботины (Надежда Владимировна, Нина, Олег и Ольга) решили переехать в Нижний Новгород – поближе к Сормову и Алексею, где и провели зиму 1917/1918 г., а осенью 1918 г. окончательно перебрались уже в Сормово.

М.Г. Субботина в Сормово любили и уважали и не только за его деятельность по развитию заводов. Автор некролога писал о нем: «При нем же были сооружены в Сормово церковь, школа и больница, а небольшой поселок Сормово превратился в значительный фабричный городок с 40000 населением» [5, с. 267]. Алексей Субботин, начавший работать в Сормово еще при жизни отца, к 1919 г. заведовал отделочным цехом, а также занимал должность помощника главного инженера. Когда его мать, сестры и младший брат решили перебраться в Сормово, их приняли приветливо и нашли работу. Нина заняла должность астронома Сормовского пролеткульта, которую придумали специально для нее. Она создала астрономический кружок, привезла с собой инструменты, с помощью которых на балконе их квартиры вела наблюдения звездного неба. В течение нескольких следующих лет завод почти полностью построил для нее обсерваторию, которая увенчивала здание сормовской школы. Олег устроился непосредственно на завод; в 1920 г. он работал помощником заведующего отделом снабжения, к 1922 г. занимал должность заведующего сельскохозяйственным отделом. Где-то в эти же годы приехал в Сормово и Сергей, также поступив на завод.

Жизнь постепенно налаживалась. Ольга вышла замуж за Сормовского инженера М.М. Ласберга, Нина продолжала активно заниматься научной работой [6], братья делали карьеру на заводах. Сормово, приняло Субботиных как своих и помогло им пережить один из самых тяжелых периодов в жизни их семьи. Только в 1926 г. Субботины вернулись в Ленинград. Однако революционные годы не прошли для семьи без потерь: около 1920 г. где-то на просторах страны затерялся и вероятно погиб или эмигрировал Игорь Субботин, а в начале 1924 г. трагически погиб во время несчастного случая на производстве старший из братьев Субботиных Алексей.

Список литературы

1. Кочина П.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. 299 с.
2. Вишнякова М.А. «Милая и прекрасная Леночка...» Елена Барулина – жена и соратница Николая Вавилова. СПб.: Серебряный век, 2007. 152 с.
3. Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1913. № 6 (2). Апрель. С. 119.
4. Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 25 мая (7 июня) 1918 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. Д. 1811.
5. Михаил Глебович Субботин (Некролог) // Горный журнал, издаваемый Горным ученым комитетом. 1910. Т. 1. № 2. СПб., 1910. С. 266–267.
6. Валькова О.А. Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 608 с.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ. О СЕМЬЕ ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ЧУПРОВА

Ермолаева Е.О.

Ведущий инженер, Физический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова,

E-mail: eoermolaeva@yandex.ru

Зеликин Н.В.

Научный сотрудник, Механико-математический факультет

МГУ имени М. В. Ломоносова

E-mail: n-zl@yandex.ru

Аннотация. А.И. Чупров (1842–1908) – общественный деятель, известнейший российский экономист и статистик, заслуженный профессор ИМУ оказал большое влияние на выбор профессии своего сына А.А. Чупрова (1874–1926) – экономиста, математика, теоретика статистики, выпускника физико-математического факультета ИМУ, профессора Санкт-Петербургского Политехнического института. Трое дочерей А.И. Чупрова – Ольга (1869 г/р), Елена (1877 г/р) и Мария (1881 г/р) – прошли три разных, но типичных на рубеже XIX-XX веков пути вовлечения в науку молодых талантливых девушек. Их судьбы отразили сложность и противоречия эпохи. Портрет М.А. Чупровой, доктора физико-математических наук, хранящийся в Государственном

Историческом музее Москвы, старые снимки учеников и сотрудников первой русской научной физической школы П.Н. Лебедева конца 1911 г. и семьи Чупровых 1894 г., указывают на то, что Мария была одной из первых отечественных женщин-физиков, проложивших свой собственный путь в образование и науку, а все трое сестер – достойными продолжателями научной и педагогической династии Чупровых.

Ключевые слова: Императорский Московский Университет, физико-математический факультет, физическая школа П. Н. Лебедева, династия Чупровых.

THE STORY OF ONE PHOTO. ABOUT THE FAMILY OF HONORED PROFESSOR OF MOSCOW UNIVERSITY ALEXANDER IVANOVICH CHUPROV

Ermolaeva E.O.

*Lead Engineer, Faculty of Physics
Lomonosov Moscow State University
E-mail: eoermolaeva@yandex.ru*

Zelikin N.V.

*Research Associate, Faculty of Mechanics, and Mathematics
Lomonosov Moscow State University
E-mail: n-zl@yandex.ru*

Abstract. A.I. Chuprov (1842–1908) – public figure, famous Russian economist and statistician, honored professor of the IMU had a great influence on the choice of profession of his son A. A. Chuprov (1874–1926) – economist, mathematician and statistical theorist, graduate of the Faculty of Physics and Mathematics of the IMU, professor of the St. Petersburg Polytechnic Institute. Three A.I. Chuprov daughters – Olga (born 1869), Elena (born 1877) and Maria (born 1881) - went through three different, but typical at the turn of the 19th-20th centuries, paths of involving young talented girls in science. Their fates fully reflected the complexity and contradictions of the era. Portrait of M.A. Chuprova, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, stored in the State Historical Museum of Moscow, old photographs of students and staff of the first Russian scientific physical school P.N. Lebedev in late 1911 and the Chuprov family in 1894, indicate that Maria was one of the first domestic women physicists who paved their own path into education and science, and all three sisters are worthy successors to the scientific and pedagogical Chuprov dynasty.

Keywords: Imperial Moscow University, Faculty of Physics and Mathematics, P.N. Lebedev Physics School, Chuprov dynasty.

Императорский Московский университет (ИМУ) - первый университет России был основан в 1755 г. В его состав входили три факультета: философский, юридический и медицинский. В 1850 г. были созданы историко-филологический и физико-математический (физмат) факультеты. Женщины к обучению в университете не допускались. В 1872 г. в Москве открылись первые в России Высшие женские курсы (МВЖК) с программой обучения, близкой к университетской, но их выпускницы имели лишь право преподавать в гимназиях. После революции курсы были присоединены к МГУ, прием студентов в университет увеличился вдвое, девушки составляли половину обучающихся. В 1933 г. были образованы два отдельных факультета – физический и механико-математический. В архиве кафедры акустики физфака есть фотография конца 1911 г. учеников и сотрудников лаборатории профессора П.Н. Лебедева (1866–1912), создателя первой русской научной физической школы. На снимке присутствуют два друга 20 лет, один – будущий основатель и заведующий кафедрой акустики в 1943–1975 гг. профессор С.Н. Ржевкин, другой – С.И. Вавилов, президент АН СССР в 1945–1951 гг., основатель и директор Физического Института АН имени П.Н. Лебедева. В воспоминаниях академика С.И. Вавилова [1, с. 95] есть похожая фотография. Можно с уверенностью сказать, что оба снимка (31 сотрудник при чуть иной рассадке) были сделаны в одно время и в одном месте. К 150-летию Лебедева МГУ и ФИАН выпустили альбом, где среди старинных фотографий есть снимок [2, с. 186–187] с подписью "Группа московских физиков". Все 19 физиков данного снимка есть и на фотографии, указанной выше. В центре всех снимков за столом сидит П.П. Лазарев, будущий первый академик Российской АН, рядом с ним единственная молодая женщина - М.А. Чупрова. Но мы нигде не встречали пояснения или просто вопроса - кто она, и какова ее судьба?

На рубеже 19–20 веков Московский университет жил одной большой семьей и общими проблемами, научные и педагогические династии были не редкостью. Заслуженный профессор (1901) и выпускник юридического факультета ИМУ (1866), преподаватель МВЖК, экономист и статистик А.И. Чупров (1842–1908) родился в г. Мосальске Калужской губернии в семье священнослужителя. Его жена Ольга Егоровна Богданова (1844–1890) была дочерью местного богатого купца. Их сын А.А. Чупров (1874–1926) окончил в 1896 г. физмат факультет ИМУ, экономическое образование получил за границей, стал профессором Петербургского Политехнического института. В 1917 г. он был избран членом-корреспондентом Российской АН, летом, уехав на каникулы за границу, в Россию уже не вернулся. К 175-летию со дня рождения А.И. Чупрова на экономическом факультете МГУ состоялась конференция "А.И. Чупров – великий сын России", в интернет-сборнике которой [3] данных о дочерях супругов Чупровых нет. Однако в интернет-альбоме «Московский университет. Литературная среда, семейные традиции 19–20 вв.», разработанном НИВЦ МГУ [4], среди фотографий архивных фондов Отдела редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ (ОРК и Р НБ МГУ), есть снимок семьи Чупровых 1894 г. с пометкой «публикуется впервые». Барышня Мария Александровна Чупрова, стоящая в центре, с учетом типа и возраста, вероятно и есть та молодая женщина на снимках учеников и сотрудников лаборатории Лебедева. А.И. Чупров, осенью 1899 г. вышел в отставку и уехал в Германию, где скончался в Мюнхене в 1908 г. Супруги и их младшая пятилетняя дочь Ася похоронены на Ваганьковском кладбище. О двух умерших малолетних дочерях есть записи в дореволюционных метрических книгах московских церквей. О каждой из трех взрослых дочерях – Ольге, Елене и Марии – через поиск в интернете удалось установить лишь несколько фактов. Мария упоминается в общем списке обучавшихся на МВЖК после 1900 г. Старшая дочь Ольга в 1902 г. стала женой общественного деятеля и историка Н.В. Сперанского (1861–1921), страница о котором есть в интернет-летописи МГУ и в Википедии. С 1908 г. он был членом Правления Московского Городского Народного Университета имени А.Л. Шанявского, в 1919–1921 гг. – профессором факультета общественных наук МГУ. Средняя дочь Елена в 1903 г. вышла замуж за коллегу – приват-доцента Берлинского университета, в будущем известного профессора-зоолога Р. Хеймонса (1867–1943), всю жизнь была его научной ассистенткой и жила за границей, страница о них есть в немецкой Википедии. Согласно домашнему духовному завещанию от 10 мая 1904 г., хранящемуся в архивном фонде А.А. и А.И. Чупровых № 14 в ОРК и Р НБ МГУ, отец Чупров завещал всю свою собственность в равных долях сыну и трем дочерям. Это – один из самых достоверных источников, в котором прямо названы дети А.И. Чупрова. Как свидетельствовал издатель М.В. Сабашников [5, с. 7] «Одной из самых влиятельных фигур в Московском университете, да и во всей Москве, был в 90-е годы Александр Иванович Чупров, экономист и статистик, сочетавший преподавательскую деятельность с работой в Московской губернской земской управе и в газете «Русские ведомости», которая стала как бы его второй кафедрой». Его лекции по политической экономии пользовались огромным успехом. Преподаватель и публицист, реформатор университетского образования и организатор прогрессивной прессы, А. И. Чупров много делал также для развития женского образования. Его советами пользовались супруги А.Л. и Л.А. Шанявские, задумавшие в начале века организовать на свои средства в Москве народный университет [6], который открылся осенью 1908 г. Именно А.И. Чупрову принадлежала заслуга аргументированного выбора естественно-научного направления университета, допуска туда выходцев из всех слоёв общества, безусловное равенство мужчин и женщин. В 1911 г. здесь была воссоздана физическая лаборатория П.Н. Лебедева и сделаны снимки ее сотрудников, обсуждаемые выше.

Судьбы дочерей Чупрова полностью отразили сложность и противоречия той эпохи. Они прошли три разных, но типичных на рубеже 19–20 веков пути вовлечения в науку молодых талантливых девушек. Одни, как Мария (1881 г/р) получали доступное образование и место работы в России; другие, как Елена (1877 г/р), обретя специальность за границей и активно помогая мужу, становились профессионалами своего дела; третьи, имея средства и разрешение отца или мужа, учились и защищали дипломы в Европе. Так Ольга (1869 г/р) в Женевском университете в 1895 г. получила диплом бакалавра, а в 1898 г. диплом доктора в области естественных наук. Ее целеустремленность была просто удивительна. Специализируясь в области ботаники, она посещала еще и лекции по аналитической химии, в переписке с родными рассказывала о знакомстве с И.И. Мечниковым (нобелевским лауреатом по медицине и физиологии). Живя рядом с отцом и практически являясь его секретарем и помощницей, она стремится вернуться в науку. Так в 1905 г. получает в ректорате разрешение на занятия в Мюнхенском Университете у знаменитых немецких ботаников. Однако в России ей пришлось подтверждать свои университетские дипломы. Именно она занималась архивом отца. Архивный фонд А.И. Чупрова № 2244, находящийся в ЦГАМ, содержит более 4 тыс. дел,

связанных с его деятельностью в Московском университете и газете «Русские ведомости», а также рукописи и деловую переписку, семейные материалы и переписку членов большой семьи Чупровых, Богдановых и Сперанских. Старые фотографии разных лет оцифрованного семейного альбома Чупровых [7] рассказали нам о том, что Елена, найдя своего мужа и коллегу в одном лице, в Германии родила сына и дочь, с которыми дед Чупров неоднократно встречался. Младшая дочь Чупровых Мария в девять лет осталась без матери, заботу о ней взяла на себя Юлия Богданова – родная сестра ее матери, сотрудница отца по «Русским Ведомостям». В 1900 г. Мария поступила на физмат факультет вновь открывшихся МВЖК, которые она окончила в 1904 г. с дипломом первой степени. Александр Иванович советует дочери остаться в Москве и по-отцовски предлагает похлопотать о возможности работать в университетской лаборатории. Присутствие в альбоме фотографии будущего «отца советской физики» А.Ф. Иоффе, защитившего докторскую диссертацию в 1905 г. в Мюнхенском университете у первого нобелевского лауреата по физике В.К. Рентгена, подсказало прочитать письма Чупровых начала века. Оказалось, что Мария решила ехать в Мюнхен к отцу, где, благодаря знакомству и начавшейся дружбе Иоффе с семьей Чупровых и личному ходатайству Рентгена, который был очень хорошего мнения о русских ученых, ее принимают на двухгодичную стажировку в лабораторию Физического института при университете. В семейной переписке говорится о положительной оценке успехов девушки со стороны В. Рентгена, который, как и П. Лебедев – выпускник Страсбургского университета, был учеником А. Кундта. Вероятно, это объясняет последующую работу Марии в лаборатории Лебедева в Москве. Мария и Ольга ещё до смерти своего отца вернулись на родину, и все время активно работали в России в области издательского дела, образования и просвещения. Мария преподавала в Миусском женском училище и на Пречистенских курсах, Ольга – в Алферовской гимназии, обе занимались чтением публичных лекций. Они участвовали в подготовке к печати первого посмертного издания книги «А.И. Чупров. Речи и статьи» 1909 г.

В тяжелое время после революции и в связи с постигшим их разорением, дочери Чупрова постоянно получали помощь от своего брата Александра Чупрова и сестры Елены Хеймонс из-за границы. Поддержку им оказывали также многие коллеги и друзья на родине. На торжественном заседании 1926 г. в память об их брате примечательно высказывание Иоффе, о том, что только у Эйнштейна он видел такую же увлечённость наукой, как у своего друга А.А. Чупрова. После смерти мужа и в связи с начавшейся глухотой О.А. Сперанская заведовала кабинетом естествознания в Московском областном педагогическом институте. М.А. Чупрова была ассистентом по кафедре физики в Воронежском с/х институте, 2-м МГУ, МХТИ, МВТУ, МЭИ. Они обе умерли в Москве в 30-е годы. В Государственном Историческом музее в Москве (Госкаталог.РФ 12956603) хранится портрет с подписью «Чупрова Мария Александровна, доктор физико-математических наук, дочь профессора Московского Университета Александра Ивановича Чупрова». Она была одной из первых отечественных женщин-физиков, проложивших свой собственный путь в образование и науку, а все трое дочерей – достойными продолжателями научной и педагогической династии Чупровых. Отец гордился успехами своих четырех детей, постоянно интересовался их учебой и работой, а они, в свою очередь, видели в нем достойный пример ученого и гражданина.

Список литературы

1. Вавилов С. Н. Памяти П. Н. Лебедева // Природа. 1937. № 5. С. 94–96.
2. Петр Николаевич Лебедев. К 150-летию со дня рождения. Изд. РМП, 2016. 192 с.
3. А.И. Чупров и современная Россия: материалы междисциплинарной конференции «А.И. Чупров – великий сын России» (в честь 175-летия со дня рождения А. И. Чупрова), 14 декабря 2017 г. / под ред. Б.А. Мясоедова, А.Г. Худокормова. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. 252 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=50538&p=attachment> (дата обращения 10.01.2024).
4. Московский университет. Литературная среда, семейные традиции 19–20 вв. [Электронный ресурс]. URL: http://newserv.srcc.msu.ru/MIU_XIX/ (дата обращения 25.01.2024).
5. Сабашников М. В. Записки. Письма. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2011. 704 с.
6. Сперанский Н. М. Возникновение Московского Городского Народного Университета имени А.Л. Шанявского. Историческая справка. 1913. 34 с.
7. Центральный Государственный Архив г. Москвы. А. И. Чупров, фонд 2244, дело 289.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СУПРУЖЕСКИХ ПАР (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИКОВ МЕТАЛЛУРГИИ)

Захарчук П.А.

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: polina_zah@bk.ru*

Аннотация. В статье дается сравнение трех случаев профессионального взаимодействия супружеских пар – историков металлургии. Анализируется опыт совместных исследований истории металлургии Олонецкого края А.П. и О.И. Васильевских. Отметим, что оба супруга смогли профессионально реализоваться в научной сфере по отдельности. В случае пары М.Я. Сюзюмова и П.А. Вагиной взаимодействие происходило лишь в рамках преподавательской деятельности. Научные интересы супругов никак не пересекались. В случае пары В.Н. Кашина и К.С. Сербини, на момент вступления в брак оба исследователя уже сложились профессионально. Однако, из-за трагической смерти мужа их союз был довольно кратковременным. К.С. Сербина своей научной деятельностью во многом продолжила исследования В.Н. Кашина и внесла значительный вклад в развитие социально-экономических исследований истории отечественной промышленности.

Ключевые слова: история металлургии, историография истории металлургии, научная семья.

THE MODELS OF PROFESSIONAL SCIENTIFIC COOPERATION OF COUPLES (ON THE EXAMPLE OF HISTORIANS OF METALLURGY).

Zakharchuk P.A.

*CSc in History, Senior Researcher
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS
E-mail: polina_zah@bk.ru*

Abstract. The article compares three cases of professional interaction between married couples – historians of metallurgy. It analyzes the experience of collaborative research on the history of metallurgy of the Olonets region that has been conducted by A.P. Vasilevsky and O.I. Vasilevskaia. We also note that the husband and wife were able to realize themselves professionally in the scientific field separately. However, in the case of the couple M.Y. Syuzyumov and P.A. Vagina the cooperation carried out only in teaching activities. The scientific interests of the couple did not overlap in any way. At the time of marriage, V.N. Kashin and K.S. Serbina were already being the successful researches. On account of tragic husband's death, their marriage was short. K.S. Serbina in many respects continued V.N. Kashin's research and made a significant contribution to the development of the socio-economic history studies of the domestic industry.

Keywords: history of metallurgy, historiography of the history of metallurgy, scientific family.

С развитием процесса женской интеграции в научное сообщество, все больше встречались примеры супружеских пар ученых. Если изначально женщины были скорее секретарями или ассистентами мужей, то в XX в. они стали полноправными, самостоятельными участниками научных исследований. При изучении советской историографии истории техники и технологии металлургического производства был выявлен значительный вклад исследовательниц в развитие темы. Интересны также случаи, когда данная проблематика затрагивала научные интересы обоих супругов. Приведем некоторые примеры подобных взаимодействий и сравним степень вовлеченности каждого из партнеров в исследования истории металлургии.

Первый случай, который будет рассмотрен – это супружеская пара Александра Петровича Васильевского (1897–1961) и Ольги Ивановны Васильевской (1898–1979), которые занимались исследованием истории металлургии Карелии. Горный инженер А.П. Васильевский с 1943 по 1951 гг.

работал в Госплане Карело-Финской ССР, а позднее в Отделе геологии Карельского филиала АН СССР [1, с. 69]. Во второй половине 1940-х гг. был опубликован ряд работ А.П. Васильевского по истории металлургии, в том числе и одна книга [2]. Отметим, что, несмотря на то, что эти труды издавались под фамилией одного автора, ученый в письме от 09.02.1947 г. к историку техники В.В. Данилевскому признавался, что исследования они проводили вместе с женой [3, л. 1 об.]. До 1946 г. О.И. Васильевская преподавала историю в школах и техникумах, но в 1946 г. стала научным сотрудником Карельской научно-исследовательской базы (филиала) АН СССР и проработала там до 1953 г. [1, с. 59]. В 1947 г. появились первые научные публикации О.И. Васильевской по истории металлургии [4], а с 1949 г. она стала работать над кандидатской диссертацией. По ее теме О.И. Васильевская еще до защиты планировала издать монографию. Но, работа над диссертацией затормозилась из-за сложных отношений, сложившихся у нее с научным руководителем профессором А. В. Предтеченским. О.И. Васильевская при личной встрече представила ему план диссертации, который после обсуждения был одобрен. Однако в последующем встреч с руководителем не было [5, л. 45–46]. Позднее А.В. Предтеченский дал резко отрицательный отзыв на диссертационную работу О.И. Васильевской. На основании данной им оценки в Карельском научном центре поставили вопрос об увольнении сотрудницы, однако предварительно решили запросить еще несколько отзывов. За ними обратились к профессору М.П. Вяткину, академику С.Г. Струмилину и историку В.Н. Бернадскому [6, л. 41]. Несмотря на то, что рецензенты отметили необходимость проведения редакторской правки, все они дали положительное заключение относительно книги. По инициативе О.И. Васильевской ее работу дважды обсуждали на совете сектора истории языкознания, литературы научного центра 19 марта и 10 июля 1951 г. По итогам дискуссии дело было решено в ее пользу. В 1953 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию [8], а через год была издана книга «Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. (1730–1770 гг.)» [9]. После этого О.И. Васильевская ушла на преподавательскую работу в Карельский педагогический институт [1, с. 59].

В то время как О.И. Васильевская исследовала металлургию Карелии, в г. Свердловске историей металлургии Урала занималась Пелагея (Полина) Александровна Вагина (1911–1970). Она была замужем за историком, византинистом Михаилом Яковлевичем Сюзюмовым (1893–1982), который с 1956 по 1978 гг. заведовал кафедрой всеобщей истории Уральского государственного университета им. А.М. Горького (далее – УрГУ). В 1950 г. П.А. Вагина защитила кандидатскую диссертацию на тему «Заводы Южного Урала в 50–60-х годах XVIII века» [10]. С середины 1950-х по середину 1960-х гг. в периодических научных изданиях и в сборниках публиковались статьи автора, в которых она делилась результатами своего исследования. В большинстве изданных работ рассматривались вопросы, связанные с рабочими кадрами заводов Южного Урала. Большое внимание уделялось анализу социального положения рабочих и описанию волнений на предприятиях. Научная работа П.А. Вагиной получила отражение в ее педагогической деятельности. Будучи доцентом УрГУ, она выпустила учебное пособие, содержащее материалы к спецсеминару по истории горнозаводской промышленности и классовой борьбы на Урале [11]. Отметим, что несмотря на то, что супруги работали вместе, на одном факультете УрГУ, их научные интересы никак не пересекались.

Третий, заключительный пример будет связан с судьбой супружеской пары историков Ксении Николаевны Сербиной (1903–1990) и Владимира Николаевича Кашина (1890–1938). В середине 1930-х гг. они работали в одном учреждении – в Историко-археографическом институте АН СССР. Однако каждый из них занимался собственными научными исследованиями. В.Н. Кашин возглавлял сектор истории России XVIII – первой половины XIX в. и изучал историю крестьянской металлургии. К.Н. Сербина принимала участие в подготовке двух первых томов документальной серии «Крепостная мануфактура в России» [12, 13]. Еще одним крупным проектом, в котором была задействована исследовательница, стало издание «Абрисов» В.И. Геннина (1735) – одного из важнейших источников по истории отечественной металлургии [14]. К.Н. Сербина и В.Н. Кашин поженились в 1936 г. В 1937 г. В.Н. Кашин был репрессирован и расстрелян. К.Н. Сербину в 1938 г. тоже арестовали и осудили, приговорив к трем годам лагерей. Она попала в Акмолинский лагерь, однако спустя четыре месяца ее освободили. По возвращении приняла работу в Ленинградское отделение Института истории АН СССР [15, с. 252]. В 1970-х гг. были изданы две монографии исследовательницы, посвященные истории крестьянских железоделательных промыслов, изученной на материале крупнейших районов их распространения – северо-запада и центра Европейской России [16, 17]. Эти публикации стали во многом продолжением работы В.Н. Кашина.

Таким образом, проанализировав семейные пары историков металлургии, можно увидеть разные модели профессионального взаимодействия. Супруги А.П. и О.И. Васильевские имели общие научные интересы в области истории металлургии Карелии. Однако, если для Александра Петровича это было

увлечение, с основной научной работой не связанное, то для Ольги Ивановны являлось направлением профессионального исследования. Иная ситуация сложилась в паре В.Н. Кашина и К.Н. Сербиной. У обоих историков на момент создания семьи карьерная траектория уже определилась. К.Н. Сербина успела профессионально проявить себя как источниковед и археограф и заслужила высокую оценку профессионального научного сообщества. Несмотря на то, что в сферу ее научных интересов уже входила история крупной промышленности, до трагической смерти мужа изучением крестьянских железных промыслов она еще не занималась – это была исследовательская тема В.Н. Кашина. Последующими своими трудами К.Н. Сербина во многом продолжила незавершенное дело мужа. Супруги М.Я. Сюзумов и П.А. Вагина работали вместе на историческом факультете УрГУ. Карьера мужа сложилась успешнее, чем у жены. М.Я. Сюзумов стал основателем собственной уральской школы византинистов, продолжительное время заведовал кафедрой всеобщей истории. Однако необходимо подчеркнуть, что и П.А. Вагина тоже внесла определенный вклад в развитие изучения истории горнозаводского Урала, в том числе ведением спецсеминара для студентов по данной дисциплине. Доступные в настоящее время сведения говорят о том, что научные интересы супругов пересекались мало. Однако для определенного заключения по этому вопросу необходимо дальнейшее изучение документов, прежде всего материалов личного фонда М.Я. Сюзумова.

Список литературы

1. Григорьев С.В. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск: Издательство «Карелия», 1973. 291 с.
2. Васильевский А.П. Очерки по истории металлургии Олонецкого края в XVI–XVII вв. Петрозаводск: Петрозаводское государственное Карело-финское издательство, 1949. 66 с.
3. СПбФ АРАН. Ф. 914. Оп. 5. Д. 74.
4. Васильевская О.И. Из истории первых лет Александровского (ныне Онежского) завода // Известия Карело-Финского филиала Академии наук СССР. № 3. Петрозаводск: Издание Карело-Финского филиала Академии наук СССР, 1949. С. 58–74.
5. РГАЭ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 117.
6. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 210.
7. АРАН. Ф. 1580. Оп. 4. Д. 50. Л. 1.
8. Васильевская О.И. Частная металлургия Олонецкого края в середине XVIII в. (1730–1770 гг.): Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. истор. наук. Петрозаводск, 1953. 16 с.
9. Васильевская О.И. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. (1730–1770 гг.). Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1954. 100 с.
10. Вагина П.А. Заводы Южного Урала в 50–60-х годах XVIII века: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л. [б.и.], 1950. 16 с.
11. Вагина П.А. Материалы к спецсеминару по истории горнозаводской промышленности и классовой борьбы на Урале второй половины XVIII в. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1962. 62 с.
12. Крепостная мануфактура в России. Ч. 1: Тульские и Каширские железные заводы. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 503 с.
13. Крепостная мануфактура в России. Ч. 2: Олонецкие медные и железные заводы. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 63 с.
14. АРАН. Ф. 485. Оп. 1. Д. 20. Л. 13.
15. Пиотровская Е.К. М.И. Стеблин-Каменская и К.Н. Сербина – блокадные хранительницы Архива Санкт-Петербургского института истории РАН // Санкт-Петербургский институт истории РАН в документах XIX–XX веков. Вып. 2 / редкол.: Е.М. Балашов и др. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 243–287.
16. Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI – первой половины XIX в. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1971. 264 с.
17. Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность центральной России XVI – первой половины XIX в. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. 192 с.

**УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ: СПОСОБЫ ВЫСТРАИВАНИЯ НАУЧНОЙ
КОММУНИКАЦИИ НА СЕМИНАРЕ ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В РОССИИ 1830–1850-Х ГОДОВ**

Ильина К.А.

Кандидат исторических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: glukist@mail.ru

Аннотация. В конце 1830-х годов в университетах Российской империи появляется новая форма проведения академических занятий – семинар, что привело к появлению новых форматов общения профессоров и студентов. Доклад будет посвящен анализу способов взаимодействия учителя и учеников на семинарских занятиях по классической филологии в российских университетах 1830–1850-х годов.

Ключевые слова: семинар, классическая филология, университет, Российская империя.

**MASTER AND APPRENTICES: CONSTRUCTING ACADEMIC COMMUNICATION
AT A SEMINAR ON CLASSICAL PHILOLOGY IN RUSSIA IN THE 1830S–1850S**

Ilina K.A.

National Research University Higher School of Economics, Russian Federation

E-mail: glukist@mail.ru

Abstract. A seminar was a new form of academic classes in the universities of the Russian Empire in the end of the 1830s. The report will be focused on the analysis of ways of interaction between professor and students during classical philology seminars in Russian universities in the 1830s–1850s.

Keywords: seminar, classical philology, university, Russian Empire.

Исследователи образования и науки отмечают ключевую роль семинара в формировании профессионального гуманитарного сообщества. На семинарских занятиях происходила выработка профессиональных норм и ценностей и приобщение студентов к ним, а также подготовка студентов к самостоятельной научной карьере, то есть семинар являлся механизмом «социализации» в академические дисциплины. Исследователи истории немецкого семинара XVIII – первой половины XIX века отмечают сложность и многофункциональность этого феномена.

Ученые фиксируют важную роль семинара в установлении в университете письменной культуры, рассматривая его как один из механизмов перехода от устно-ориентированной системы обучения, базировавшейся на лекции и диспуте и ориентированной на передачу знания, к системе, основанной на письме и производстве нового знания. Оба способа обучения (устный и письменный) были тесно связаны с существующими практиками дискурса и процедурами производства знания. На исследовательских семинарах происходило формирование нового навыка, письменного выражения мысли, который для второй половины XVIII века и первой половины XIX века становился все более необходимым из-за развития сети академических коммуникаций (появления многочисленных научных журналов, информирующих читателей о книжных новинках и становящихся площадками для дискуссий, систем рассылки, библиотек с каталогами). Семинары основывались для вовлечения студентов в исследовательский процесс, через стимулирование ими чтения оригинальных источников, а также написания и обсуждения самостоятельно подготовленных письменных работ [1].

В то же время семинар был способом дифференциации студенческого сообщества. Только самые успешные могли стать семинаристами и получить доступ к стипендиям и в семинарскую комнату с рабочими местами и библиотекой, доступ к консультациям преподавателя, а значит семинар становился привилегированным местом для академического обучения [2].

Тесная связь семинара с исследовательскими практиками (в том числе и устными), посредством которых от учителя к немногочисленным ученикам передаются идеалы, взгляды и нормы университетской жизни, позволяет рассматривать семинар как эмоциональное сообщество. Томас Карлсон рассматривает семинар как центральную часть преобразования университета в Германии,

которое сопровождалось изменением эмоционального отношения к университету. Исследовательский семинар, связанный с физическим пространством университета, также тесно связан с академическими практиками (в том числе и устными), посредством которых от учителя к немногочисленным ученикам передаются идеалы, взгляды и нормы университетской жизни [3].

Появление семинара как формы занятий в российских университетах исследователи относят ко второй половине XIX столетия. Британский исследователь Энди Байфорд, рассматривая семинары в позднеимперских университетах, указывает, что в это время появляются дополняющие лекционный курс «семинароподобные» форматы обучения, к которым он относит практические занятия и беседы-дискуссии, проходящие зачастую в доме профессоров. Институционализацию историко-филологического семинара как места пересечения государственного (дисциплинирующего), педагогического и научного проектов Байфорд относит к концу XIX столетия [4].

Российские исследователи университетов фокусируются, в основном, на изучении исторических семинаров. Они констатируют, что «семинары как тип университетского занятия в университете появляются в Московском университете в середине 1860-х годов» [5, с. 117]. В качестве причин для их появления ученые указывают две. Первая – дискуссии второй половины 1850–1960-х годов, выявившие неудовлетворенность традиционной (лекционной) формой университетского обучения. Вторая – заграничные стажировки молодых русских ученых в начале 1860-х годов, способствовавшие знакомству с «новыми формами обучения, прежде всего с семинариями» [6, с. 266]. Сильные впечатления стажировавшихся от занятий немецких профессоров истории (Л. Ранке, Р. Кёпке, Ф. Яффе), по мысли исследователей, повлияли на институционализацию семинара в России [6, 7, 8]. В историографии утвердилось мнение, что пионером в проведении подобных занятий по гуманитарным дисциплинам был профессор всеобщей истории Московского университета В.И. Герье, активная преподавательская деятельность которого началась в середине 1860-х годов. Антощенко, проанализировав отчеты Московского университета за 1860-е – 1880-е годы, отметил, что после открытия семинара Герье в 1865 году, о своих семинарах объявили многие преподаватели историко-филологического факультета, в том числе филолог-классик П.М. Леонтьев [6, с. 269-274].

Однако это исследовательское построение вызывает вопросы. Во-первых, почему ученые при исследовании генезиса семинарских занятий в России остановились, фактически, на кратком обзоре дискуссий по университетскому вопросу, предшествовавших введению устава 1863 года, и сконцентрировались только на изучении источников по истории пореформенных университетов, оставив без внимания обширные делопроизводственные материалы 1830-1850-х годов. Во-вторых, остается необоснованным выбор в качестве точки отсчета именно второй волны заграничных стажировок молодых ученых, пришедшейся на 1860-е годы, и связанные с ними впечатления молодых ученых от немецких преподавательских методик, в то время как полностью проигнорирована первая, «уваровская» волна, во время которой в Европе как по правительственным программам, так и по собственной инициативе стажировалось более 100 молодых интеллектуалов, в том числе и гуманитариев. Филологи и историки с восхищением отзывались о лекциях профессора Берлинского университета Августа Бёка и активно участвовали в его филологической семинарии (по выражению Д.Л. Крюкова – «латинском диспутаториуме»). Логично предположить, что подобные эмоции и впечатления вызвали к жизни попытки повторить, адаптировать опробованные методики у вернувшихся молодых ученых и породили новый для Российской империи формат отношений, возникающих при совместном занятии наукой и научных дискуссий профессора и студентов.

В докладе, опираясь университетское делопроизводство и источники личного происхождения, будут реконструированы практики взаимодействия профессора и студентов на семинарах по классической филологии в университетах Российской империи в 1830–1850-е годы, а также проанализированы способы описания и рефлексии отношений «учитель-ученик» участниками семинара.

Список литературы

1. Kruse Otto. The Origins of Writing in the Disciplines: Traditions of Seminar Writing and the Humboldtian Ideal of the Research University // *Written Communication*. Vol. 23. №. 3. July. 2006. P. 331–352.
2. Spoerhase C., Dehrmann M.-G. Die Idee der Universität. Friedrich August Wolf und die Praxis des Seminars // *Zeitschrift für Ideengeschichte*. Jahrgang 5 (2011). Heft 1. S. 105–115.
3. Karlsohn Thomas. The academic seminar as emotional community // *NordSTEP* 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.3402/nstep.v2.33724> (дата обращения 5.01.2024).

4. Byford A. Initiation to Scholarship: The University Seminar in Late Imperial Russia // The Russian Review. 2005. Vol. 64. №. 2 (Apr.). P. 299–323.

5. Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 117–132.

6. Антощенко А.В. Das Seminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта «семинариев» московским профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2009. С. 263–278.

7. Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом). М.: ИД ВШЭ, 2012. С. 138–160.

8. Семинар как место исследования // Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М.: РОССПЭН, 2014. С. 44–60.

О ФЕНОМЕНЕ СЕМЬИ КЕЛДЫШЕЙ-НОВИКОВЫХ

Овчарова Е.Э.

*Кандидат экономических наук
Независимый исследователь, переводчик
E-mail: ekbs@yandex.ru*

Аннотация. Многие представители семьи Келдышей-Новиковых занимают весьма видное положение в истории российской, советской и мировой науки и техники, так что исследование феномена этой семьи, факторов, которые позволили ей не только сформироваться, но и выжить не только в непростых условиях XX в. в России и Советском Союзе, но и в ещё более сложных условиях для отечественной интеллектуальной элиты, представляется очень интересным. Тон развития феномена этой семьи был задан Михаилом Фомичом Келдышем (1840-1920), военным врачом с обширным послужным списком, заслужившим генеральский чин и дворянство. Наиболее известными представителями семьи стали внуки Михаила Фомича, прежде всего Мстислав Всеволодович Келдыш и Людмила Всеволодовна Келдыш. В советское время был также хорошо известен их отец Всеволод Михайлович Келдыш, выдающийся инженер, основоположник методологии расчёта строительных конструкций, Также имеют мировое признание математики Пётр Сергеевич Новиков, муж Людмилы Всеволодовны, и сын этой математической четы Сергей Петрович Новиков, собравший практически все существующие премии по математике. Известен был также и физик-теоретик Леонид Вениаминович Келдыш.

Ключевые слова: Келдыш, Новиков, Брусилловы, Скворцовы, интеллектуальная элита.

ON THE ISSUE OF THE PHENOMENON OF THE KELDYSH-NOVIKOV FAMILY

Ovcharova E.E.

*CSc in Economics
Independent researcher, translator
E-mail: ekbs@yandex.ru*

Abstract. Many representatives of the Keldysh-Novikov family occupy a very prominent position in the history of Russian, Soviet and world science and technology. For this reason, the study of the phenomenon of this family and the factors that allowed it not only to form, but also to survive, seems very interesting. The phenomenon of this family was created by Mikhail Fomich Keldysh (1840-1920), a military doctor with an extensive track record who earned the rank of general and nobility. The most famous representatives of the family were the grandchildren of

Mikhail Fomich, primarily Mstislav Vsevolodovich Keldysh and Lyudmila Vsevolodovna Keldysh. In Soviet times, their father Vsevolod Mikhailovich Keldysh, an outstanding engineer and founder of the methodology for calculating building structures, was also well known. Mathematicians Pyotr Sergeevich Novikov, the husband of Lyudmila Vsevolodovna, and the son of this mathematical couple, Sergei Petrovich Novikov, who has collected almost all existing prizes in mathematics, have worldwide recognition. The theoretical physicist Leonid Veniaminovich Keldysh, the first son of Lyudmila Keldysh, was also known in the scientific world.

Keywords: Keldysh, Novikov, Brusilovs, Skvortsovs, intellectual elite.

Многие представители семьи Келдышей-Новиковых занимают весьма видное положение в истории российской, советской и мировой науки и техники, так что исследование феномена этой семьи, факторов, которые позволили ей не только сформироваться, но и выжить не только в непростых условиях XX в. в России и Советском Союзе, но и в еще более сложных условиях для отечественной интеллектуальной элиты, представляется очень интересным.

Тон развития феномена этой семьи был задан Михаилом Фомичом Келдышем (1840–1920), военным врачом с длинным послужным списком, который дослужился до чина генерала и до дворянского звания. Всеми своими достижениями он был обязан самому себе, изначально он не имел никаких протекций [1].

Известно, что отец Михаила Фомича, Фома Симонович Келдыш, мещанин по происхождению, православный по вероисповедованию, служил псаломщиком в Варшаве. Его жена, Александра Иосифовна (урожденная Михомлом), плохо говорила по-русски. В мемуарах потомка этой семьи, известного советского и российского математика Сергея Петровича Новикова, есть упоминание о том, что семья Фомы Симоновича имела отношение к караимам. Автор мемуаров узнал об этом от Леона Эдмондовича Мочана (Léon Motchane) (1900–1990), французского бизнесмена и математика, известного, прежде всего, как основатель во Франции в 1958 г., при поддержке Роберта Оппенгеймера и Жана Дьёдонне, Института высших научных исследований (IHES) и его первый директор [2].

Михаил Фомич Келдыш (1839–1920) был человеком необычным. Если среднее образование он получил в Волынской духовной семинарии, то высшее – в Варшавской и Петербургской медико-хирургических академиях. Как сообщает Вера Всеволодовна Келдыш, автор еще одного мемуарного очерка о семье: «В 1862 г. по окончании курса в академии, Михаил Фомич был определен “медиком для командировок” при Первом военно-сухопутном госпитале в Петербурге; в следующем году последовало назначение в Кавказский военный округ, где в разных местах и на разных должностях он прослужил около 20 лет, приняв участие в Кавказской (1817–1864) и русско-турецкой (1877–1878) войнах» [1].

Склонность к научной работе проявилась у него во время службы в Грозненском военном госпитале. Например, он изучал «кавказские тропические лихорадки». В дальнейшем собранные им данные стали основой для его диссертации на степень доктора медицины. В 1870–1873 гг. Келдыш во время своей службы объездил верхом на верблюдах весь Закаспийский край. В этот период он справился с эпидемией цинги и холеры, которая начиналась среди его сослуживцев. За это достижение Келдыша наградили орденами Св. Анны 3-ей степени и Св. Владимира 4-й степени. Затем, уже в 1879 г., будучи в Закаспийском крае в составе Ахалтекинской экспедиции, он составил первое медико-топографическое описание края, а также и очерк санитарного состояния располагавшихся там войск. В «Медицинском сборнике» Кавказского медицинского общества и в «Военно-медицинском журнале» вышли его статьи по полученным материалам. После экспедиций, в 1886–1894 гг., он был главным врачом военного госпиталя Одессе, затем бригадным и корпусным врачом, а после – окружным военно-медицинским инспектором Казанского военного округа. Михаил Фомич вышел в отставку в 1904 г. в чине генерала и получив дворянство. Умер М.Ф. Келдыш в 1920 г., находясь в Крыму. Время было самое драматическое, подробностей же мемуаристы не сообщают.

Также нет информации в мемуарных источниках о влиянии семьи и ее окружения на формирование Михаила Фомича. Однако же следует предположить такое влияние, причем очень значительное. Это следует хотя бы из того, что Михаил Фомич не был единственным из числа потомков скромного варшавского церковнослужителя Фомы Симоновича Келдыша, кто сделал удачную медицинскую, военную, научную карьеру лишь благодаря личным дарованиям и неустанному труду. У Михаила Фомича был младший брат, также военный врач, сведения о котором можно найти у краеведов г. Воронежа. Николай Фомич Келдыш (1843–1917) был действительным статским советником с 1905 г. До этого заведовал уездной земской больницей г. Боброве Воронежской губернии. В то время он имел чин титулярного советника. Служил земским врачом с 1873 по 1880 г.

Работал в качестве уездного врача Бобровского уезда с 1880 по 1885 г. Защитил в медико-хирургической академии в 1886 г. докторскую диссертацию на тему «Материалы к бактериологическому исследованию воздуха». После успешной защиты стал доктором медицины и ординатором больницы Троицкой общины сестер милосердия в Санкт-Петербурге. Также работал врачом в городской богадельне с 1883 по 1905 г., был врачом-консультантом 5-го класса больницы св. Ольги в Санкт-Петербурге, сверхштатным врачом при амбулаторной лечебнице Свято-Троицкой Общины сестер милосердия, с 1905 по 1910 врачом Богадельни Цесаревича Николая Александровича, с 1910 по 1917 г. директором и главным врачом Санкт-Петербургской больницы св. Ольги. Николай Фомич Келдыш написал брошюры «К дезинфекции воздуха жилых помещений. Из больницы Св. Троицкой общины сестер милосердия» (1888) и «Медицинские беседы с испытываемыми сестрами милосердия св. Троицкой общины». Он был награжден в 1907 г. орденом Станислава 1-й ст. [3].

Первой женой Михаила Фомича Келдыша была Наталья Николаевна, урожденная Брусилова, являвшаяся двоюродной сестрой известного военачальника. Их сын Всеволод стал выдающимся специалистом в области строительных конструкций и отцом выдающихся ученых. Есть сведения о троих сыновьях Михаила Фомича от второй жены, которые были офицерами в царской и Белой армии, и о дочери Ксении.

Всеволод Михайлович Келдыш (1879–1957) был выдающимся инженером-строителем, основоположником методологии расчета напряженного состояния бетонных конструкций в СССР. В 1902 г. он окончил инженерное отделение Рижского политехнического института, в 1908 г. он был избран на должность адъюнкт-профессора. Несмотря на дворянское происхождение, его карьера была успешной. Его лишь раз вызвали на Лубянку, это было связано с общей кампанией по изъятию золота и драгоценностей у классово чуждых элементов, лично к Всеволоду Михайловичу власть претензий не имела. Золота и ценностей семья скопила мало, так что больше семью не тревожили по этому поводу. Надо заметить, что такая лояльность к происхождению со стороны советской власти была характерна в отношении энергетиков и крупных инженерных специалистов по сооружениям, но тем не менее репрессии отнюдь не миновали семью Келдышей. В 1936 г. был арестован и в 1937 г. расстрелян один из детей Всеволода Михайловича, Михаил, историк. В конце 1930-х гг. пропал в лагерях Николай Александрович, брат жены Всеволода Михайловича, бывший белый офицер. Был арестован и сын Александр, но его арест пришелся на переходный момент между Ежовым и Берией, и он сумел оправдаться по суду.

В 1920-х гг. Всеволод Михайлович Келдыш преподавал в Высшем инженерно-строительном училище, с 1932 г. – в переведенной из Ленинграда Военно-инженерной академии. Здесь он был заведующим кафедры железобетона, а затем кафедры строительных конструкций. Кроме этого, он был постоянным консультантом на всех советских больших стройках, был членом государственных приемных комиссий на Днепрогэсе, Днепровском алюминиевом заводе, канале им. Москвы, Московском метрополитене, также при приемке мостов через Москву-реку, Балахнинского бумажного комбината и др. В 1927–1934 гг. участвовал в создании «Технической энциклопедии» в 26 томах под редакцией Л.К. Мартенса и был автором ряда статей по тематике «строительное дело». Всеволоду Михайловичу присвоено звание генерал-майора инженерно-технической службы, он был награжден орденом Ленина.

Разумеется, при такой обширной деятельности он мог служить для своих детей лишь в качестве примера. Воспитанием занималась Мария Александровна, урожденная Скворцова (1879–1957). Мария Александровна родила и вырастила семерых детей. Она руководила их начальным образованием, воспитала всех таким образом, что каждый из них состоялся и как личность, и как специалист в своей области. Мария Александровна происходила из семьи потомственных военных. Ее дед, генерал Николай Скворцов, во время Кавказской войны женился на грузинке. Один из его сыновей, генерал от инфантерии, также участник Кавказской войны, Александр Николаевич Скворцов и был отцом Марии Александровны. Сохранились семейные предания, что среди предков Марии Александровны была также и цыганка, в детстве брошенная своим табором.

Самыми известными представителями семьи были Мстислав Всеволодович Келдыш, Людмила Всеволодовна Келдыш, Леонид Вениаминович Келдыш, Сергей Петрович Новиков [1, 2].

Как было указано выше, нельзя сказать, что период репрессий не затронул эту семью [2]: в силу непролетарского происхождения всех ее членов неприятности могли бы быть и гораздо большими, но думается, что востребованность этих людей в самых актуальных вопросах текущей эпохи, а также, возможно, их осторожность и мудрость, помешала развиваться процессу их вовлечения в эту катастрофическую сторону советской действительности 1930-х гг. XX в.

Список литературы

1. Келдыш В.В. Семья Келдышей // М.В. Келдыш. Творческий портрет по воспоминаниям современников / Отв. ред. член-корр. РАН А.В. Забродин; сост. К.В. Брушлинский, Г.Н. Езерова, А.В. Забродин, С.М. Келдыш. М.: Наука, 2001. 400 с.
2. Новиков С.П. Мои истории. [Электронный ресурс]. URL: <https://homepage.miras.ru/~snovikov/Mem.pdf> (дата обращения 25.12.2023).
3. Юрасов А.Н. Высшие чины Воронежские губернии 21 февраля 1571 – 16 июля 1923 год. Воронежский край в судьбе военачальников, воинские звания, высшие специальные звания и классные чины, вносившие значительный вклад в становление военной истории Отечества, чиновники Воронежской губернии, все фамилии на К. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2022/01/02/567> (дата обращения 25.12.2023).

НАУЧНАЯ СЕМЬЯ Е.И. ДРУЖИНИНОЙ (ЧИСТЯКОВОЙ) И Н.М. ДРУЖИНИНА: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ

Перекотин В.М.

Студент 5 курса бакалавриата, ОП «История»

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»

E-mail: vmperekotin@edu.hse.ru

Аннотация. Семейная жизнь Е.И. Дружининой всегда была тесно связана с академической средой. Ее отец – профессор математики МГУ И.И. Чистяков, старший брат Н.И. Чистяков – физик-радиотехник, муж Н.М. Дружинин – знаменитый историк, академик АН СССР. Ее научная и политическая деятельность неразрывно связана с семейной жизнью. Так она способствовала реабилитации своего отца, осужденного в 1930^е, реабилитации и увековечиванию имени своего учителя Ф. Платтена. В последнем ей активно помогал ее муж. Их семейная жизнь началась во время становления карьеры Дружининой и на протяжении 50 лет она активно сотрудничала с Н.М. Дружининым, впоследствии издавала его историческое, эпистолярное и дневниковое наследие. Случай семьи историков Дружининых позволяет анализировать социальные и институциональные стратегии ученых-гуманитариев в СССР второй половины XX века. Автором на материалах архивных фондов, опубликованных работ и эго-документов проводится реконструкция и анализ политической и научной деятельности Дружининых, их места в научном каноне отечественной науки.

Ключевые слова: история науки, научная генеалогия, история СССР, интеллектуальная история, социальная история.

THE SCIENTIFIC FAMILY OF E.I. DRUZHININA (CHISTYAKOVA) AND N.M. DRUZHININ // PROFESSIONAL AND POLITICAL CONNOTATIONS

Perekotin V.M.

5th year undergraduate student

National Research University Higher School of Economics

E-mail: vmperekotin@edu.hse.ru

Abstract. E.I. Druzhinina's family life has always been closely connected with the academic environment. Her father is I.I. Chistyakov, a professor of mathematics at Moscow State University; her elder brother N.I. Chistyakov is a radio physicist; her husband N.M. Druzhinin is a famous historian, academician of the USSR Academy of Sciences. Her scientific and political activities are inextricably linked with family life. Thus, she contributed to the rehabilitation of her father, convicted in the 1930s, rehabilitation and immortalization of the name of her teacher F. Platten. In the latter she was actively assisted by her husband. Their family life began during the formative years of Druzhinina's career and for 50 years she actively collaborated with N.M. Druzhinin, later publishing his historical, epistolary and diary legacy. The case of the

Druzhinin family of historians allows us to analyze the social and institutional strategies of humanities scholars in the USSR in the second half of the 20th century. The author reconstructs and analyzes the political and scientific activities of the Druzhinins and their place in the scientific canon of Russian science on the basis of archival funds, published works and ego-documents.

Keywords: history of science, scientific genealogy, history of USSR, intellectual history, social history.

В настоящем докладе будет рассмотрен вопрос о том, как судьбы Е.И. Дружининой и ее семьи отразились в ее научной и политической деятельности, какие поведенческие стратегии она использовала в своей публичной деятельности.

Биография Елены Иосафовны Дружининой (1916–2000) известна достаточно хорошо. Она родилась в Москве, в семье профессора МГУ Иосафа Ивановича Чистякова (1870–1942) и Ольги Владимировны Свенцицкой (1896–1975). Помимо Елены в семье был старший брат Николай (1914–2002), впоследствии ученый-физик. Семья распалась после развода родителей в начале 1920-х, дети жили по очереди то с отцом, то с матерью.

В 1931–1934 гг. Елена Иосафовна училась и окончила Московский институт новых языков по экскурсионно-переводческому отделению со специализацией на немецком языке. Как она отмечает в своей автобиографии, в программу обучения были включены многочисленные материалы по отечественной истории, что способствовало формированию ее интереса к этой науке. В 1935 г. аресту и ссылке подвергся ее отец; Елена Иосафовна решила сопровождать его в Сибирь: 1,5 года они прожили в Томске. По возвращению в 1936 г., она поступила на исторический факультет Московского университета, который окончила в 1941 г.

С 1941 по 1944 Елена Иосафовна участвовала в Великой Отечественной войне в качестве переводчицы в действующей армии. В 1944 она перевелась в Москву, в центральное управление МГБ и после увольнения со службы поступила в аспирантуру института истории Академии Наук СССР, в сектор истории XIX–XX веков. Тогда она и познакомилась со своим будущим мужем – Николаем Михайловичем Дружининым (1886–1986), заведующим сектором. Достоверные данные об их более близком знакомстве относятся в 1948 г., свадьба состоялась в 1949 г. Можно лишь предполагать были ли они знакомы раньше, т.к. еще с 1934 Николай Михайлович преподавал на историческом факультете МГУ. В 1950 г. Елена Иосафовна защитила кандидатскую диссертацию посвященную Кучук-Кайнарджийскому мирному договору. В последующих трудах она развивала эту тему, обратившись к истории Причерноморья XVIII – начала XIX вв.

Ее дальнейшая карьера сложилась весьма успешно. В 1969 г. она защитила докторскую диссертацию по истории Южной Украины, в 1981 – была избрана членом-корреспондентом АН СССР. Из-под ее пера вышли несколько монографий и множество статей, она много раз бывала за границей на различных научных мероприятиях и имела международную известность.

Существующая историография в основном посвящена личностям Николая Михайловича и Елены Иосафовны по отдельности. Наиболее широк мемориальный пласт историографии: оба ученых прожили долгую жизнь, и к каждому юбилею выходило несколько праздничных статей [7, 9, 15]. В связи с большей известностью и продолжительностью карьеры основная их часть посвящена Н.М. Дружинину. Большинство этих статей построено по одной схеме и включают в себя краткую биографическую справку о Н.М. Дружинине и обзор его основных трудов. По такому же принципу построены и статьи, посвященные его жене. Отдельно нужно отметить статью «Жизненный путь и научные труды члена-корреспондента РАН Е.И. Дружининой» [6]. В ней не только подробно анализируется ее научная и личная биография, но и уточняются многие важные даты и факты.

Из статей, посвященных Николаю Михайловичу, особенно выделяется биографический очерк, составленный его женой в соавторстве с Борисом Григорьевичем Литваком, помещенный в 1 томе «Портретов историков: время и судьбы» [16]. Данный очерк отличается подробностью и обстоятельностью, он уточняет некоторые важные даты и факты из ранней жизни Николая Михайловича, а также уникальные подробности его личной жизни. Последние особенно важны, т.к. напрямую связаны с научным творчеством Дружинина.

Настоящий доклад построен на сочетании опубликованных и архивных материалов. К первым следует отнести эго-документы четы Дружининых. В конце 1990-х Е.И. Дружининой в журнале «Вопросы истории» был опубликован подробный дневник Н.М. Дружинина, с 1907 по 1939 гг. Другая важная публикация – выпущенный в 2018 г. сборник «Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями» [2]. Данная книга содержит несколько сотен писем, в том числе совместно написанных четой Дружининых.

К этой же категории относятся автобиографии героев: «Наука – стихи и призвание» [1] Елены Иосафовны и «Мысли историка» Николая Михайловича [17]. Первая работа представляет собой подробные, хотя и краткие, воспоминания о жизненном пути Дружининой, ее отношениях с семьей и с мужем, работе историком. Воспоминания Николая Михайловича несколько уже, они посвящены его карьерному пути и становлению его как ученого, причинам этого решения, трудностям и их преодолению, а также его революционному прошлому. Они также используются для реконструкции его карьерного пути.

Из неопубликованных источников следует отметить дневник Е.И. Дружининой, написанный в 1931–1934 гг., хранящийся в архиве РАН. Там же (ф. 2121) хранится часть переписки, в частности, между О.В. Свенцицкой и Н.М. Дружининым, между Е.И. Дружининой и ИМЛ, черновики научных работ матери Дружининой с правками дочери, многочисленные фотографии [10, 11, 12, 13, 14].

Надо отметить, что все члены семьи Дружининых-Чистяковых так или иначе связаны с историей. Так, ее отец и брат интересовались и разрабатывали проблемы истории математики и радиотехники соответственно; ее мать – О.В. Свенцицкая – автор нескольких любительских работ, посвященных Фрицу Платтену и истории его пребывания в СССР. В связи с этим возникает вопрос о совместном труде супругов и их родственников. Богатый материал для изучения данного вопроса дают эго-документы.

Что касается работы О.В. Свенцицкой над книгой и статьей, посвященными Ф. Платтену, к ним приложил руку Николай Михайлович. Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют о том, что связи и покровительство именитого ученого позволили Ольге Владимировне получить доступ к архивным материалам в Сызрани, Ульяновске и Подмоскowie, а также в институте Марксизма-Ленинизма.

Список литературы

1. Дружинина Е.И. Наука — стихия и призвание // *Историки России: о времени и о себе*. 1997. Вып. 1. С. 19–32.
2. Дружинин Н.М. Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литераторами, писателями / сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 467 с.
3. Черноваев А.А. Мастера русской историографии: Николай Михайлович и Елена Иосафовна Дружинины // *Исторический архив*. 2001. №1. С. 93–107.
4. Из истории культуры Курского края: Л.А. Медведская избранные статьи, письма, воспоминания / отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. Курск: КГМУ, 1996. 230 с.
5. Станкевич М.Я. Академик Николай Михайлович Дружинин: обзор трудов // *Историографический Сборник*. 1973. Вып. 1. С. 182–200.
6. Преображенский А.А., Семенова А.В. Жизненный путь и научные труды члена-корреспондента РАН Е.И. Дружининой // *Реформы в России XVI–XIX вв.: сб. научных трудов*. М.: Ин-т российской истории, 1992. С. 8–17.
7. К 75-летию со дня рождения академика Н.М. Дружинина // *Исторический архив*. 1961. № 1. С. 182.
8. Медведская Л.А. Николай Михайлович Дружинин // *Ученые записки*. 1966. Вып. 25. С. 5–10.
9. Жигалина Р.Ф. Дружинин Н.М. — выдающийся историк-исследователь: к 110-летию со дня рождения // *Россия и мировая цивилизация: материалы международной научно-теоретической конференции посвященной 25-летию кафедры истории России РУДН*. М., 1996. С. 118–128.
10. АРАН. Ф. 2121 Оп. 4. Д. 7.
11. АРАН. Ф. 2121. Оп. 4. Д. 12.
12. АРАН. Ф. 2121. Оп. 4. Д. 13.
13. АРАН. Ф. 2121. Оп. 4. Д. 20.
14. АРАН. Ф. 2121. Оп. 4 Д. 34.
15. Ковальченко И.Д., Преображенский А.А. Юбилей Е.И. Дружининой // *История СССР*. 1986. № 3. С. 215–218.
16. Литвак Б.Г., Дружинина Е.И. Николай Михайлович Дружинин // *Портреты историков: время и судьбы*. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 347–368.
17. Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М.: Наука, 1979. 167 с.

СЕМЬЯ И НАУКА: «ВЫСОКИЕ ОТНОШЕНИЯ...»

Помелова М.А.

*Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: mpom@ihst.ru*

Аннотация. На примерах известных ученых Л.Я. Бляхера, М.А. Воронцовой и Л.Д. Лиознера, судьбы которых связала не только научная карьера, но и семейная жизнь, рассказана история их взаимоотношений и научного сотрудничества.

Ключевые слова: научная семья, семейственность, Л.Я. Бляхер, М.А. Воронцова, Л.Д. Лиознер, лаборатория.

FAMILY AND SCIENCE: «NOBLE RELATIONSHIPS...»

Pomelova M.A.

*CSc in Biological Sciences, Senior Researcher
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy
of Sciences
E-mail: mpom@ihst.ru*

Abstract. Using the examples of famous scientists L.Ya. Blyakhera, M.A. Vorontzova and L.D. Liozner, whose destinies were connected not only by a scientific career, but also by family life, the story of their relationship and scientific cooperation is told.

Keywords: scientific family, nepotism, L.Ya. Blyakher, M.A. Vorontzova, L.D. Liozner, laboratory.

В жизни любого человека семья играет важную роль, а профессии родителей часто «передаются» по наследству. Это в полной мере относится и к семьям ученых. Однако в середине XX века, с увеличением в общественной жизни роли государства, семейственность в науке стала объектом пристального внимания советского руководства и приобрела с его подачи отрицательное значение, как один из признаков злоупотребления служебным положением ради интересов семьи [1].

Одним из опровержений такого понимания семейственности является пример замечательной научной семьи, сотрудничества в жизни и науке известных биологов: Леонида Яковлевича Бляхера, Марии Александровны Воронцовой, Льва Давидовича Лиознера, Евгении Чеславны Пухальской и Инны Васильевны Маркеловой. Имена этих ученых известны не только отечественным, но и зарубежным исследователям, изучающим вопросы морфогенеза и процессы восстановления (регенерации) тканей и органов животных и человека [2, 3, 4]. Л.Я. Бляхер также является и выдающимся историком биологии [5, 6, 7].

В силу обстоятельств, часть своей жизни эти люди не только работали, но и проживали вместе. Л.Я. Бляхер и М.А. Воронцова работали на кафедре общей биологии 2-го Московского государственного медицинского института (МГМИ) и в Институте экспериментального морфогенеза (ИЭМ) Наркомпроса [4, 5]. М.А. Воронцова была первой супругой Л.Я. Бляхера, у них рос сын Сергей. После того, как они расстались (развелись), Леонид Яковлевич женился на ассистентке кафедры Евгении Чеславне Пухальской, а Мария Александровна в 1941 г. стала женой Льва Давидовича Лиознера, для которого это был первый брак.

Знакомство с биологией Льва Давидовича началось, когда он был еще студентом. Участие в работе студенческого кружка при кафедре общей биологии 2-го МГМИ под руководством Л.Я. Бляхера определило его научную судьбу, свою дальнейшую деятельность он решил посвятить биологии. В 1930 г., за несколько месяцев до окончания медицинского института, он перевелся на биологический факультет МГУ, после завершения обучения на котором, был принят научным сотрудником в ИЭМ, где работал до 1941 г. Одновременно с 1935 г. Л.Д. Лиознер занимал должность ассистента, а с 1940 г. – доцента кафедры общей биологии 2-го МГМИ. Именно Л.Я. Бляхер и М.А. Воронцова способствовали приобщению молодого ученого к научной деятельности [8].

Во время ВОВ Лев Давидович и Мария Александровна были в эвакуации в Омске, во время которой у супругов родился сын Александр [8]. С 1941 по 1943 гг. Л.Д. Лиознер исполнял обязанности

заведующего кафедрой общей биологии 2-го МГМИ. Вернувшись в Москву, он продолжил работать доцентом на этой кафедре.

Как вспоминает сын Л.Д. Лиознера, Владимир Львович Лиознер, обе семьи не только жили в одной квартире в доме № 2 по проезду МХАТа (нынешнем Камергерском переулке), но и работали в одной лаборатории, совместно посещали театр и отдыхали на юге [9]. А.Л. Лиознер – сын Льва Давидовича и Марии Александровны и А.Л. Пухальский – сын Леонида Яковлевича и Евгении Чеславны были закадычными друзьями. По словам тети Л.Д. Лиознера, врача–психиатра С.А. Лиознер–Каннабих, ее знакомый, драматург Л.Г. Зорин, списал с быта этих семей некоторые тонкости, когда создавал свою пьесу «Покровские ворота». Так слова «высокие отношения» стали крылатым выражением после ее экранизации М.М. Козаковым [9].

После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Л.Я. Бляхер и его соратники были вынуждены уйти с кафедры общей биологии 2-го МГМИ. Это обстоятельство не стало препятствием к их дальнейшей совместной деятельности: они все равно продолжали работать вместе, сначала дома, а потом в Институте экспериментальной биологии АМН СССР. Первой, еще в 1945 г., в нем начала работать Мария Александровна. Затем в лабораторию роста и развития, которой она руководила, удалось устроиться Л.Я. Бляхеру с женой, Е.Ч. Пухальской, Л.Д. Лиознеру, а также И.В. Маркеловой. Однако события в стране и кампания по борьбе с семейственностью, проходившая в научных учреждениях АН СССР в начале 1950-х гг., привели к тому, что в лаборатории продолжила работать только Мария Александровна [9]. Через некоторое время Леонид Яковлевич начал работать в Институте истории естествознания и техники АН СССР, Евгения Чеславна – в Институте онкологии, Лев Давидович – в Главном управлении учебных заведений Минздрава РСФСР. В начале 1953 г. Л.Д. Лиознер лишается всякой работы, в 1955 г. ему предлагают по совместительству работать на кафедре биологии в Московском стоматологическом институте [8, 9].

В 1956 г., к большому сожалению, умирает от рака Мария Александровна. Ее преемником на научном поприще стал Лев Давидович, который, пройдя по конкурсу, с 1956 г. вернулся в лабораторию роста и развития и стал ее заведующим.

В 1958 г. Л.Д. Лиознер женился на сотруднице этой лаборатории Инне Васильевне Маркеловой, с которой они были знакомы еще со студенческого кружка при кафедре общей биологии 2-го МГМИ. В этом же году у них родился сын – Владимир Львович Лиознер, которого вместе с И.В. Маркеловой прописали в одной квартире с Л.Я. Бляхером, в доме № 2 по проезду МХАТа [9]. В.Л. Лиознер стал учителем географии, автором статей по методике ее преподавания, а также книг, в которых в художественной форме описывает трудности и радости работы учителя [10].

В 1971 г. лаборатория роста и развития после нескольких реорганизаций Института экспериментальной биологии АМН СССР вошла в состав Института морфологии человека АМН СССР, где Л.Д. Лиознер работал до конца своей жизни.

В заключение отметим, что, несмотря на различные жизненные ситуации, Л.Я. Бляхер, М.А. Воронцова, Л.Д. Лиознер, Е.Ч. Пухальская и И.В. Маркелова помогали и оказывали поддержку друг другу, провели много совместных исследований, опубликовали несколько коллективных статей и монографий [2, 11–13], что является доказательством плодотворной деятельности этого «удивительного научного сообщества» [14, с. 204].

Список литературы

1. Валькова О.А. Борьба с семейственностью в Физическом институте им. П.Н. Лебедева АН СССР в начале 50-х гг. XX в. // История повседневности. 2023. № 4 (28). С. 45–68.
2. Бляхер Л.Я., Воронцова М.А., Лиознер Л.Д. Влияние гуморальной среды и резорбирующихся органов на рост трансплантированных передних конечностей головастиков во время метаморфоза // Труды Государственного научно-исследовательского института экспериментального морфогенеза. 1936. Т. IV. С. 129–135.
3. Помелова М.А. Исследование механизмов морфогенеза отечественными учеными в первой половине XX века // Экспериментальная биология: страницы истории. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 148–167.
4. Залкинд С.Я. Памяти М.А. Воронцовой (1902–1956) // Бюллетень МОИП. Отд. биолог. 1957. Т. 62. Вып. 1. С. 97–100.
5. Григорьян Н.А., Музрукова Е.Б. Л.Я. Бляхер – выдающийся биолог, историк биологии и организатор науки (жизненный и творческий путь) // Научное наследие Л.Я. Бляхера и его развитие на современном этапе. К 100-летию со дня рождения (сборник статей). М.: ИИЕТ РАН, 2001. С. 10–26.

6. Назаров В.И., Чеснова Л.В. Л.Я. Бляхер – основатель научной школы историков биологии // Научное наследие Л.Я. Бляхера и его развитие на современном этапе. К 100-летию со дня рождения (сборник статей). М.: ИИЕТ РАН, 2001. С. 67–81.
7. Бляхер Л.Я. Очерк истории морфологии животных. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 264 с.
8. Аспиз М.Е. Профессор Лев Давидович Лиознер // Лехаим. 2000. № 1 (93). С. 46–47.
9. Лиознер В.Л. Мои родители – ученики профессора Л.Я. Бляхера // История биологии и химии в XX столетии: вклад отечественных историков науки в изучение химико-биологических дисциплин. М.: Янус-К, 2018. С. 33–38.
10. Лиознер В.Л. Околопедагогическая проза. М.: РИОР, 2016. 157 с.
11. Воронцова М.А., Лиознер Л.Д. Физиологическая регенерация. М.: Советская наука, 1955. 408 с.
12. Воронцова М.А., Лиознер Л.Д. Бесполое размножение и регенерация. М.: Медгиз, 1957. 417 с.
13. Воронцова М.А., Лиознер Л.Д., Маркелова И.В., Пухальская Е.Ч. Тритон и аксолотль. М.: Советская наука, 1952. 296 с.
14. Бабаева А.Г. У истоков изучения регенерации органов и тканей в России // Научное наследие Л.Я. Бляхера и его развитие на современном этапе. К 100-летию со дня рождения (сборник статей). М.: ИИЕТ РАН, 2001. С. 204.

РОЛЬ СЕМЬИ В РАННЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧЕНИЦ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ ШКОЛ В ПОЗДНЕМ СССР

Рыбак В.М.

Студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: vmrybak@edu.hse.ru

Аннотация. Важным советским педагогическим проектом, можно назвать, специализированные физико-математические школы. Именно там обучалась будущая научно-техническая интеллигенция. Физико-математические школы – традиционно «мужская среда», поэтому стратегии поведения девушек в ней особенно интересны. Большое значение в процессе ранней профессиональной социализации имеет семья. Наставления родителей, их личный опыт влияют на карьерную траекторию ребенка. Иногда через систему физико-математических школ проходило несколько поколений семьи.

Ключевые слова: физико-математическая школа, гендер, ранняя профессиональная социализация, семья, поздний СССР.

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE EARLY PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF STUDENTS OF PHYSICS AND MATHEMATICS SCHOOLS IN THE LATE USSR

Rybak V.M.

5th year of the History Department,

National Research University Higher School of Economics

E-mail: vmrybak@edu.hse.ru

Abstract. Specialized physics and mathematics schools can be called an important Soviet pedagogical project. It was there that the future scientific and technical intelligentsia studied. Physics and mathematics schools are traditionally a "men's environment", so the strategies of girls' behavior in it are especially interesting. Family is of great importance in the process of early professional socialization. The instructions of the parents, their personal experience affect the career trajectory of the child. Sometimes several generations of the family passed through the system of physics and mathematics schools.

Keywords: physics and mathematics school, gender, early professional socialization, family, late USSR.

Советский проект одной из своих целей ставил создание нового человека. Эту задачу реализовывали разными путями, в том числе через реформы школьного образования. Модернизация

образовательной системы происходила с самого начала прихода большевиков к власти, но в этом тексте я остановлюсь на постсталинском СССР.

Важно понимать различия между массовой и селективной советской школой. Однако, на мой взгляд, элитарное образование в том позднесоветском виде, в котором мы его знаем, было бы невозможно без реформы образования 1958 г. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» обозначил несколько приоритетных направлений развития системы образования: увеличение связей между школами и профессиональными учебными заведениями, борьба с второгодничеством как явлением, усиление политехнического обучения. У государства был запрос на специалистов, которые смогут работать в науке и на высокотехнологичном производстве, а в экспертном сообществе были творческие силы на создание учебных заведений нового типа. Так, в 1963 г. в результате постановления Совета Министров СССР было открыто четыре специальных учебных центра в разных городах (Москва, Ленинград, Новосибирск, Киев). Представитель американской педагогической миссии 1965 г. пишет о том, как аргументировали создание таких дифференцирующих детей учебных заведений: «Директор киевской школы объяснил нам, когда мы с ним познакомились, что обычная школа “замедляет развитие способных учащихся”. Он добавил: “Нам очень нужны математики и физики. Вот почему правительство приняло это решение”» [1, л. 15]. Позже от четырех СУНЦов система расширилась до многочисленных ФМШ и профильных классов.

Специально для ФМШ (физико-математические школы) создавались новые школьные программы, а в качестве учителей часто привлекали действующих ученых. Для поступления в эти учебные заведения требовалось пройти иногда не просто отбор, а многоступенчатый отбор. Я согласна с исследователями, которые считают, что «Выбор подобной школы учащимися являлся не только определением места учебы, но и профессиональным самоопределением, признанием ими приоритета определенного образа жизни» [2]. Ученики ФМШ в ее стенах начинали свою раннюю профессиональную социализацию, которая закладывала в них ценности сообщества, прививала определенные практики и давала знания не только о математике и физике, но и о природе социальных отношений в науке. ФМШ рассматривались как особый педагогический проект [3], ступень в развитии математического сообщества [4], но никто не изучал гендерный режим матшкол и влияние его на повседневность, а также вопрос о влиянии семьи на карьерные траектории учениц подобных образовательных учреждений.

В своей статье я опираюсь на десять глубинных интервью с выпускницами советских матшкол, это документы. Шесть интервью я брала самостоятельно и четыре аудиозаписи мне предоставил в пользование исследователь Вячеслав Герович. Мы говорили с информантками про их опыт обучения в матшколе, столкновение с дискриминацией, влияние семьи на их путь и немного про университетские годы.

Все мои информантки – выходцы из семей технической интеллигенции и в основном именно семья способствовала попаданию в ФМШ, но были и другие модели поведения родителей. Екатерина Маслова рассказывала: «Я не знала про 57 и 2 школу. Моя мама закончила МГТУ факультет ракетных двигателей, где она была одна из двух девочек. Она оберегала меня от математики. Параллельно с этим она выписывала мне «Квант», но надеялась, что я пойду во что-то гуманитарное, где девочки, а не во что-то инженерное» [Интервью с Екатериной Масловой 22 марта 2017 г. Интервьюер Слава Герович]. Часто выбор математики происходит из общего интереса к наукам в детстве и своей склонности. Екатерина Америк говорила: «Мои родители доктора химической наук, так что дома водились разные умные книги. Мне отец что-то объяснял по математике, но понятно, что мало, потому что сам знал не очень много. Я понимала с раннего детства, что хочу заниматься наукой, но какой сложилось позднее. Родители были рады моей склонности к математике, потому что считали ее очень важной для развития» [Интервью с Ольгой Кравченко 22 апреля 2022 г.]. Бывают случаи и династий математиков или технической интеллигенции в целом. Нельзя забывать и про то, что математические школы считались высокими по качеству образования, поэтому родители, которые особенно заботились об учебе своего ребенка, старались его направить именно туда. Мое утверждение совпадает со словами, сказанными Надеждой Целевич: «В моем классе было много случайных детей, потому что школа не именитая. Родители отдавали своих детей именно сюда с мыслью, что профильный класс будет лучше обычного. На этом, наверное, все».

Некоторые информантки рассказывали, что главным критерием «статуса» внутри сообщества матшкольников была именно подкованность в математике. Изначально моя гипотеза заключалась в том, что определенный дискомфорт девочки в преимущественно мужском сообществе ощущали, но были математически хорошо подготовлены, поэтому в дальнейшем добились успехов. После бесед

с информантками выяснилось, что многие не задумывались на эту тему, потому что в их коллективе были очень яркие девочки-математики, а это помогало избавиться от синдрома самозванца. Надежда Гуревич рассказывала: «У нас было 8 девочек на 39 человек в общем. Девочек было не критично мало, чтобы это особенно ощущалось. Никакого особенного отношения не было. У нас были очень сильные девочки, в параллельном классе, который был больше нацелен на дальнейшее профессиональное занятие математикой, я бы сказала, что девчонки были самые сильные ученицы среди всех. Это было бы глупо даже глупо, если бы кто-то позволил себе высказывания странные» [Интервью с Надеждой Гуревич 29 апреля 2022 г.]. Разговор с Ольгой Кравченко добавил разнообразие в палитру озвученного нам информантками опыта. Мы вышли на пласт влияния семьи и установок, которые родители сознательно или автоматически транслируют своим детям. Мать Ольги доктор химических наук и, несмотря на свой карьерный успех, она впитала в себя патриархальные штампы мышления: «Моя мама научный работник и в воздухе витало, что мужчина лучше женщины по определению. У нее была такая фраза: “У нее отличная докторская диссертация. Совершенно мужского уровня”» [Интервью с Ольгой Кравченко 22 апреля 2022 г.].

Саму среду внутри ФМШ можно назвать пространством «внеаходимости». Многие информантки подчеркивали, что для них школа и иные математические институты были пространством творческой свободы и общения с единомышленниками [Интервью с Ольгой Кравченко 22 апреля 2022 г.]. В них не было запретных тем, но политика считалась неинтересным объектом обсуждения, поэтому ребята будто бы выпадали из социальной и политической повседневности. Сообщество ФМШ включало не только талантливых математиков, но и сильных учителей предметников по гуманитарным наукам. Все это помогало усиливать свободомыслие внутри института и расширяло охват теневыми практиками (передача самиздат, вечера с неподцензурной поэзией и бардовской песней). В 1970-е гг. даже были негласные гонения на слишком вольнодумующих учителей-гуманитариев ФМШ.

Насколько ФМШ действительно были социальным лифтом можно долго спорить, но была одна инициатива, близкая ФМШ, которая, правда, расширяла образовательные возможности учащихся – Заочная математическая школа. Сохранился дневник школьницы из деревни в Кировской области через который можно реконструировать не только принцип работы ЗМШ, но и что чувствовали дети, которые получали возможность прикоснуться к «элитному знанию» [5].

Список литературы

1. ГА РФ. Ф. 10049. Оп. 1а. Д. 634. Л. 15–16.
2. Дымарская О. К вопросу о профилизации школы // Высшее образование в России. 2002. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-profilizatsii-shkoly> (дата обращения: 26.04.2023).
3. Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / Ред. и сост.: И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
4. Герович В. «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // Логос. 2020. № 2 (135). С. 93–127. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/matematicheskiy-ray-parallelnaya-sotsialnaya-infrastruktura-poslevoennoy-sovetskoj-matematiki> (дата обращения 28.08.2022).
8. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

**ДРУГ, ТОВАРИЩ И БРАТ ПРОФЕССОР Д.А. ЗИЛЬБЕР: РОДСТВЕННЫЕ
И ДРУЖЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ В КАРЬЕРЕ СОВЕТСКОГО УЧЁНОГО
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Сергеев В.Н.

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательский институт медицины труда им. акад. Н.Ф. Измерова
E-mail: sergeew.w@irioh.ru*

Аннотация. Давид Александрович Зильбер (1896–1967) обладал стандартной биографией: родился в еврейской семье Пскова, после окончания гимназии поступил на медфак Московского университета, на старших курсах был мобилизован в Красную Армию, работал в московских органах охраны труда, прошел весь путь от научного сотрудника до профессора во II Ленинградском медицинском институте, трудился в разных научно-исследовательских институтах. Однако помещению этой биографии, с одной стороны, в контекст семейных и дружественных связей, и, с другой стороны, в процесс институционализации профессиональной гигиены и патологии как научной и образовательной дисциплины, позволяет увидеть скрытые механизмы, оказывавшие заметное влияние как на карьерный путь, так и на выбор направления научно-исследовательской работы. Локализация этих процессов во времени и пространстве позволяет продемонстрировать своеобразие медицинской науки в СССР в 1920–1940-е гг.

Ключевые слова: Давид Зильбер, семья, дружба, медицина труда, гигиена труда, СССР.

**PROFESSOR D.A. ZILBER AS A FRIEND, A COMRADE, A BROTHER: FAMILY
AND FRIENDLY TIES IN THE CAREER OF A SOVIET SCIENTIST IN THE FIRST
HALF OF THE 20TH CENTURY**

Sergeev V.N.

*CSc in History, senior researcher
Izmerov research institute of occupational health
E-mail: sergeew.w@irioh.ru*

Abstract. David Aleksandrovich Zilber (1896-1967) had a standard biography: he was born in Pskov in a Jewish family, after graduating from the gymnasium he entered the medical faculty of Moscow University, in the senior years he was mobilized into the Red Army, after that he worked in the Moscow labor protection bodies and in various research institutes, he went all the way from a researcher to a professor at the II Leningrad Medical Institute. However, placing his biography in the context of family and friendly ties and in the process of institutionalization of occupational hygiene and pathology as a scientific and educational discipline allows us to notice the hidden mechanisms that had an impact both on the career path and on the direction of research work. The localization of these processes in time and space makes it possible to demonstrate the medical science uniqueness in the USSR in the 1920s-40s.

Keywords: David Zilber, family, friendship, occupational health, occupational hygiene, USSR.

Давид Александрович (Абелевич) Зильбер родился в 1896 г. в Пскове в большой еврейской семье. Помимо Давида в семье Абеля Абрамовича и Ханы Гиршевной было еще две дочери и три сына. Еврейское происхождение в период поздней Российской империи означало попадание под действие ряда дискриминационных законов, в частности процентной нормы для поступления евреев в гимназии и университеты. Отсюда возникали потребность в обучении на отлично и желание родителей инвестировать капиталы в будущее своих детей. С гимназическими годами и открытостью его семьи к другим детям из маргинальных этнических групп связан важный фактор в судьбе Давида Зильбера. Его старший брат Лев сильно сдружился с двумя своими одноклассниками: Юрием Тыняновым – сыном еврейского врача из Витебска, и Августом Летаветом – выходцем из латышской крестьянской семьи. Впоследствии связи между Зильберами и Тыняновыми усилились за счет двух браков: в 1916 г.

Лея (Елена) Зильбер вышла замуж за Юрия Тынянова, а в 1923 г. Лидия Тынянова стала супругой Вениамина Зильбера (Каверина). После окончания Псковской гимназии в 1915 г. Давид поступил на медфак Московского университета, где учились Август Летавет и его брат Лев. Оба они первоначально начали обучение в Санкт-Петербурге (Лев – на естественном отделении физматфака Петербургского университета, Август – в Военно-медицинской академии), но в 1913 г. Летавет был отчислен за участие в студенческом движении и смог восстановиться в Москве, после чего в 1915 г. Лев Зильбер перевелся туда же.

Установление в России Советской власти во главе с РКП(б) означало хотя бы формальный поворот государственных органов в сторону защиты труда и здоровья промышленного пролетариата. В частности, организационно это выразилось в создании внутри Наркомата труда Отдела охраны труда, а на местном уровне – сети инспекторов труда, занимавшихся защитой прав и здоровья работников промышленных предприятий. С переходом к НЭП начинается институционализация профессиональной гигиены и патологии в качестве научной и научно-педагогической дисциплины. Создание новых государственных органов, научных институтов и университетских кафедр происходило практически с нуля, что требовало притока новых квалифицированных кадров. В первое пореволюционное десятилетие сформировался своеобразный альянс между Советской властью и ранее дискриминированными социальными группами (евреями, женщинами и др.), для которых были сняты ограничения на образование и работу, взамен чего получены лояльность и готовность работать в новых направлениях. Проиллюстрируем это на примере нашего главного героя.

В 1922 г. Давид Зильбер, после демобилизации из Красной армии, устроился на работу санитарным инспектором труда в Московский губернский отдел труда. Несмотря на ужасы Гражданской войны и трудности перехода к НЭП, в Москве был переизбыток врачей по сравнению с количеством оплачиваемых рабочих мест в государственных учреждениях. Отсюда возникал выбор между частной практикой (что было сложно в условиях нестабильной товарно-денежной системы), переездом в другой регион либо работой на менее престижном санитарно-гигиеническом направлении. Давиду помог с выбором направления деятельности Август Летавет (друг его брата Льва и его зятя Юрия Тынянова), возглавлявший в это время всю санитарную инспекцию труда РСФСР. Надо отметить, что А.А. Летавет попал на эту должность тоже во многом благодаря дружественным связям. Август Андреевич в 1917 г. был мобилизован, а весной 1918 г., с развалом старой армии, – демобилизовался и стал гражданским врачом в Курской губернии. В 1919 г. Летавет вместе с местными органами Советской власти отступил из Черноземья и в Москве по рекомендации своего университетского друга и товарища С.И. Каплуна (руководителя Отдела охраны труда НКТ) возглавил только создававшуюся санитарную инспекцию труда.

С 1922–1923 гг. в крупных индустриальных и одновременно университетских центрах Советской России и Украины начался процесс создания научно-исследовательских институтов и вузовских кафедр по профессиональной гигиене и патологии. В 1920-е гг. существовало специфическое разделение внутри поля медицины: лечебно-практические и научные учреждения находились в ведении Наркомздрава либо региональных отделов здравоохранения, а организации высшего медицинского образования подчинялись Наркомпросу. В повседневной реальности это означало, что создание новых кафедр и институтов было результатом компромисса и баланса сил между руководством органов здравоохранения, Главпрофобром НКПроса и университетской профессурой. Например, II МГУ, как более молодой ВУЗ, был больше заинтересован в привлечении дополнительных ресурсов и открыт к созданию новых кафедр во главе со статусными руководителями. Так, в 1924 г. во II МГУ была открыта кафедра гигиены труда с профессором С.И. Каплуном и ассистентом А.А. Летаветом. Именно на этой кафедре начался педагогический стаж Д.А. Зильбера, где он проработал около года в качестве сверхштатного научного сотрудника.

Работа в московских органах по охране труда и на профильной кафедре дали Д.А. Зильберу как практические знания, так и важный социальный капитал. Переход на оплачиваемые должности в поле науки для Давида Александровича был связан с движением по диагонали, когда повышение совпадает с территориальным передвижением. В 1924 г. Б.Б. Койранский, многолетний руководитель II/отдела профгигиены в Отделе охраны труда НКТ, организовал кафедру профгигиены в Государственном институте медицинских знаний. Именно на этой кафедре в 1925 г. Д.А. Зильбер начал работать штатным ассистентом. Как и многие другие советские ученые он совмещал работу на кафедре с работой в профильных НИИ: Ленинградском институте по изучению профзаболеваний (директор Н.А. Вигдорчик) и Ленинградском институте гигиены труда и техники безопасности (директор Б.Б. Койранский).

Интеллектуальное влияние Льва Зильбера и Августа Летавета на Давида Зильбера было тоже неравномерным. В начале 1930-х гг. Л.А. Зильбер и А.А. Летавет, несмотря на работу в разных сферах медицины (вирусология и гигиена труда, соответственно), занимали примерно равнозначные административные позиции заведующих кафедрами в Центральном институте усовершенствования врачей и одновременно были руководителями лабораторий в профильных НИИ. Потенциально Д.А. Зильбер мог бы совместить гигиену и патологию труда с вирусологией занимаясь, например, вопросами влияния инфекционных заболеваний на здоровье тружеников. В 1920-е гг. широко обсуждался список профзаболеваний и связанная с ним пенсия для инвалидов труда, в том числе шла дискуссия о возможности признания туберкулеза в качестве профессионального заболевания [1]. Однако Давид Александрович выбрал изучение лучистой энергии, т.е. присоединился к А.А. Летавету, для которого эта тема была магистральной на протяжении практически полувека научной деятельности. В практическом плане изучение лучистой энергии у Д.А. Зильбера трансформировалось в рассмотрение вопросов влияния естественного и искусственного освещения на здоровье пролетариата. Места работы Давида Александровича говорят об этом же, например, во второй половине 1920-х гг. он работал старшим ассистентом в бюро освещения Ленинградского института гигиены труда и техники безопасности, а в конце 1930-х гг. руководил лабораторией лучистой энергии в Ленинградском офтальмологическом институте.

Биография Д.А. Зильбера наглядно демонстрирует роль семейных и дружественных связей в карьере ученого в первой половине XX в. В стабильных условиях и при укоренившейся науке существует формализованный карьерный путь, включающий в себя обучение в аспирантуре, стаж работы на каждой ступени иерархической лестницы, защиту диссертаций и т.д., что в совокупности снижает значение родственных или дружественных связей. Сочетание социально-политической нестабильности и процесса институционализации новой науки привело к сокращению препятствий при переходе из одного поля в другое, а также повысило значение неформальных связей для вертикальной мобильности. Данное окно возможностей сработало для одного поколения, а дальше система стабилизировалась и формализовалась.

Список литературы

1. Сергеев В.Н., Шиган Е.Е. Туберкулез как профпатология: к дискуссии о составе списка профессиональных заболеваний в 1920-е гг. // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2022. № 4. С. 119–123.

ОТ СЕМЬИ БЕЖЕНЦЕВ К АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДИНАСТИИ: ОПЫТ РУССКОГО НАУЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ XX века

Сорокина М.Ю.

*Кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, ведущий научный сотрудник
E-mail: Msorokina61@gmail.com*

Аннотация. В докладе рассматриваются проблемы формирования научных династий в пространстве русского научного зарубежья XX века. Материалом являются семейные истории русских ученых-эмигрантов, живших и работавших в странах Латинской Америки и сумевших не только адаптироваться в новых социальных, языковых и научно-организационных условиях, но и интегрироваться в новое профессиональное научное сообщество. Категория таких ученых сумела стать лидером нового национального научного сообщества, основав новые научные институции, научные школы и династии.

Ключевые слова: русское научное зарубежье, научная династия, Бразилия, Аргентина, Латинская Америка, Елена Антипова, Константин Гаврилов.

FROM A REFUGEE FAMILY TO AN ACADEMIC DYNASTY: EXPERIENCE OF THE RUSSIA ABROAD, XXTH CENTURY

Sorokina M.Y.

CSc in History, Head of the Department of History of the Russian Diaspora

Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: Msorokina61@gmail.com

Abstract. The paper deals with the subject 'scientific dynasties' in the space of the Russian scientific emigration in the twentieth century. The source for the paper - family stories of the Russian refugee scientists who lived and worked in Latin America. They managed not only to adapt to the new social, linguistic and scientific-organizational environment, but also to integrate into the new professional scientific community. This category of scientists became the leaders of a new national scientific community, founded new scientific institutions, scientific schools and dynasties.

Keywords: Russian scientific emigration, scientific dynasty, Brazil, Argentina, Latin America, Helena Antipoff, Konstantin Gavriloff.

Недавно высоко в аргентинских Андах появился большой дом со странно звучащим для этих горных мест названием – «Дача Костя». Так семья русских аргентинцев Гавриловых, многие члены которой сегодня занимают важные позиции в аргентинском научном сообществе, отметили память своего отца и основателя научной династии – русского эмигранта, зоолога, зоопсихолога и психоаналитика, профессора Тукуманского университета Константина Ивановича Гаврилова (Gavriloff; Gavrilov; 1908–1982). Почетный член Академии естествознания при Аргентинской академии наук (1977), профессор Гаврилов был автором более восьмидесяти опубликованных научных работ, многие из которых, как, например, монография о рефлексологии неврозов, пользовались большим успехом среди коллег и научной общественности Латинской Америки.

Изучение общих тенденций и специфики миграций такой профессиональной группы как научные специалисты переживает настоящий бум в современной мировой и российской историографии. Проблема «кризисных» миграций ученых, т.е. вынужденных перемещений научных кадров и институций вследствие военных действий, социальных и / или природных катаклизмов, остается важнейшей реперной точкой для историков науки. Их анализ дает обширные материалы для понимания того, в какой мере «потери» того или иного научного сообщества влияли и влияют на масштабы, темпы, направления, тематику и методологию научных исследований в различных странах и в конечном счете на уровень их цивилизационного развития и место в современном мире.

Термин «русское / российское научное зарубежье» сравнительно недавно появился в дискурсивных практиках историков науки и мигрантологов. Он используется для описания группы явлений, пока недостаточно изученных в своей фактической составляющей, – индивидуальных судеб и траекторий научных карьер, истории научных школ и династий, созданных учеными российского происхождения в различных странах мира, географии их распространения, идейного и институционального влияния. Тем более тема «научные династии российского зарубежья» никогда не формулировалась как самостоятельная научная проблема, хотя всегда незримо присутствовала в научных работах российских и зарубежных исследователей всех поколений.

Русское научное зарубежье как институциональный феномен возникло вследствие глобального социального кризиса 1917–1921 гг., вызванного Первой мировой войной, революциями 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войной. Они создали принципиально новый исторический контекст для развития науки и ее институций и кардинально изменили характер и условия научной деятельности в России, ее персональную и институциональную карты. В отличие от многих европейских стран, в России одним из важнейших следствий социальных катаклизмов стал разлом некогда единого российского научного сообщества на «метрополию» и «диаспору».

По разным причинам захваченные «революционной стихией» тысячи научных специалистов различной квалификации и статуса – от студентов университетов до действительных членов Императорской / Российской академии наук – бежали из России самостоятельно или уходили с белыми войсками. Часть специалистов оказались «за границей» в результате распада Российской империи и создания новых государственных образований (Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония). Многие в недалеком будущем известные ученые еще детьми были вывезены родителями, а некоторые родились уже в эмиграции.

Общее количество научных специалистов, бежавших / уехавших / эвакуированных из России в период 1917–1921 гг., остается неизвестным. Понятийная неоднозначность используемых терминов (что называть «зарубежьем», кого и по каким критериям считать «ученым» и / или «эмигрантом» в этот период) пока не позволяет выстроить такой взвешенный историко-научный нарратив, который бы рассматривал русское научное зарубежье (= русская научная эмиграция) и как составную часть «внутренней» истории Российской империи / СССР, как историю «потерь» и «страданий», и как международную проблематику, связанную с дискурсами «помощи» и «вклада», а также всего спектра амбивалентных отношений любой диаспоры и принявшей ее страны и общества – от вопросов взаимодействия и интеграции до конфликтов и противостояния.

На наш взгляд, понятие «российское научное зарубежье» может быть сформулировано как совокупность всех специалистов, имевших печатные научные труды и принимавших участие в деятельности российского научного сообщества, – граждан Российской империи / Российской республики / СССР / Российской Федерации, по различным причинам покинувших страну и / или работавших длительное время за рубежом [1, 2]. Какое место занимают в этом сообществе научные династии, остается повесткой для будущих исследований. Но наши многолетние наблюдения над историей и бытованием российских научных династий в странах Латинской Америки позволяют сформулировать некоторые предварительные итоги.

Как известно, первой и, к сожалению, последней попыткой собрать воедино комплексные сведения о персональной, дисциплинарно-институциональной и географической структуре, а также опубликованных научных работах российских ученых-эмигрантов первой половины XX в., остаются изданные еще в 1931 и 1941 гг. Русским научным институтом в Белграде в двух томах «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920—1940)» под редакцией Е.В. Спекторского. Однако это важнейшее для истории русской науки издание очень слабо отражает русское научное присутствие в Латинской Америке, которое остается мало изученным у себя на родине.

Наше многолетнее исследование показывает, что отсутствие в странах Латинской Америки «национальных» организационных форм научных институций, требовавших больших материальных вложений, стало важным стимулирующим фактором быстрой адаптации российских ученых к поначалу чуждой профессиональной среде и в конечном счете способствовало их скорейшей интеграции в мировую науку. Русские ученые-эмигранты принесли в страны региона богатый организационный, инженерный и научный опыт, который был особенно востребован в первой половине XX века, когда многие страны Латинской Америки начинали реформировать свой образовательный, научный и промышленный потенциал. В таких социальных условиях для образованных специалистов открывались значительные возможности профессионального и карьерного роста.

В отличие от ряда европейских коллег, утративших в изгнании свой высокий социальный и профессиональный статус, в Аргентине и Бразилии, Чили и Парагвае, Венесуэле и Перу, немало российских ученых стали основоположниками научных школ, основателями институтов и лабораторий в самых разных областях научного знания и родоначальниками этнически и конфессионально смешанных научных династий. Латиноамериканские государства оказались для многих российских ученых-эмигрантов не только временным убежищем, но местом сохранения и преумножения их научного потенциала.

Достаточно упомянуть выдающуюся научную и общественную карьеру психолога Елены Владимировны Антиповой (1892–1974), получившей высшее образование в Женеве, навыки практической работы в области поддержки детей с особенностями развития в России, но вынужденной в 1924 г. покинуть родину вслед за высланным на одном из «философских пароходов» мужем. Елена Антипова стала основательницей нескольких кафедр психологии в ведущих университетах Бразилии, она создала Фонд своего имени, плодотворно работающий по сей день. Русский психолог была награждена многочисленными государственными наградами Бразилии, где ей поставлен памятник [3, 4, 5]. Ее потомки – сын Даниил, правнучка Сесилия Антипофф – продолжили научную стезю и в Белу-Оризонти, одном из крупнейших мегаполисов Бразилии, много десятилетий преподают психологию в университетах, публикуют многочисленные научные исследования в области детской психологии и психологии одаренности, сформировав тем самым целый научный клан психологов Антипоффов.

Между тем, в первой половине XX в. ученые-эмигранты строили не только индивидуальные карьеры. Они формировали целые русские научные анклавы. Так, одним из центров русской научной диаспоры в Аргентине стал город Тукуман, столица одноименной северной провинции. Его университет стал прибежищем для нескольких династий ученых русского происхождения,

в частности, уже упомянутых Гавриловых, которые преподают и проводят научные исследования в этом городе уже на протяжении целого столетия [6].

Эти примеры ярко демонстрируют, что если «отцам» удавалось стать успешными и быстро адаптироваться к новому культурно-историческому и социально-политическому ландшафту Южной Америки, то их «дети» навсегда оставались в латиноамериканских странах и вносили и вносят большой вклад в развитие национальной науки и образования. И таких примеров можно привести немало. Они, безусловно, требуют учета, систематизации и просопографического анализа в рамках большого биографического словаря. Важность изучения «российского научного присутствия в Латинской Америке» на уровне персональных биографий и профессиональных траекторий приобретает особое звучание сегодня и в контексте стремительно меняющихся национальных исторических нарративов.

Отметим, что стресс «эмиграцией» обернулся для российских ученых не только негативными последствиями, но и существенным позитивным импульсом. По разным причинам оказавшись в Латинской Америке, они, как правило, стремились не терять личные и профессиональные связи с родиной. Абсолютное большинство из них продолжали идентифицировать себя с русской культурой, а многие осознавали и позиционировали себя частью российского национального научного сообщества, активно распространяли и пропагандировали достижения отечественных научных школ, расширяя таким образом их влияние на развитие мировой науки и культуры. И это еще один не оцененный пока по достоинству урок миграционных процессов XX в.

Список литературы

1. Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 75–94.

2. Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье как зеркало Русской революции // Русское зарубежье: история и современность. Сб. статей. 2017. Вып. 6. С. 40–50.

3. Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Елена Антипова: русский апостол Бразилии (1892–1974). М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. 96 с.

4. Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Российские ученые-эмигранты в Латинской Америке: эффект Antipoffiana // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб. 2015. Вып. 19: Наука русского зарубежья. С. 27–35.

5. «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Антиповой / Пред. и публ. Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 363–384.

6. Российские ученые в Южной Америке: письма зоолога К.И. Гаврилова историку Н.Е. Андрееву (1948–1980) / Публ. Е.Н. Андреевой, М.Ю. Сорокиной, Н.Ю. Масоликовой и др. // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2011. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. С. 608–652.

СЕМЬЯ МАТЕМАТИКОВ И ВОЕННЫХ ИНЖЕНЕРОВ ЕЛЕНА И ДИМИТРИЯ ВЕНТЦЕЛЕЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА: КОНЕЦ ИЛИ РАЗВИТИЕ

Трофимова В.С.

*Кандидат филологических наук
Независимый исследователь, Санкт-Петербург
E-mail: tvioletta@yandex.ru*

Аннотация. Елена Сергеевна (1907–2002) и Дмитрий Александрович (1898–1955) Вентцели – супружеская пара ученых-математиков и военных инженеров, научная и творческая деятельность которых пришлась на эпоху становления Советского государства, Великой Отечественной войны, сталинских репрессий. Их объединяла не только семейная жизнь и воспитание детей, но и совместная научная деятельность. Так,

в 1949 году они опубликовали книгу «Элементы теории приближенных вычислений». Доклад посвящен неоднозначному периоду в их жизни – первой половине 1950-х годов. Это конец сталинской эпохи и наступление нового периода в истории страны. В это время Д.А. Вентцель столкнулся с внешними препятствиями своей научной деятельности. В 1952 году над ним нависла угроза ареста, затем реорганизовали его кафедру, а самого его отстранили от руководства. В результате он скоропостижно скончался в 1955 году. Елена Сергеевна, напротив, пережила в эти годы расцвет своей научной карьеры. В 1954 году она стала доктором технических наук, а в 1955 году получила аттестат профессора. Конец сталинской эпохи совпал с концом жизни Д.А. Вентцеля и с началом творческого расцвета Е.С. Вентцель.

Ключевые слова: Елена Сергеевна Вентцель, Дмитрий Александрович Вентцель, математика, баллистика, сталинская эпоха, репрессии.

THE FAMILY OF MATHEMATICIANS AND MILITARY ENGINEERS ELENA AND DIMITRY WENTZEL IN THE FIRST YEARS AFTER STALIN'S DEATH: END OR DEVELOPMENT

Trofimova V.S.

CSc in Philology

Independent scholar, St. Petersburg

E-mail: tvioletta@yandex.ru

Abstract. Elena Sergeevna (1907–2002) and Dimitry Aleksandrovich (1898–1955) Wentzel are a married couple of mathematicians and military engineers, whose scientific and creative activities occurred during the era of the formation of the Soviet state, the Great Patriotic War, and Stalinist repressions. They were united not only by family life and raising children, but also by joint scientific activity. So, in 1949 they published the book “Elements of the Theory of Approximate Computing.” The paper is dedicated to a controversial period in their lives - the first half of the 1950s. This is the end of the Stalin era and the onset of a new period in the history of the country. At this time D.A. Wentzel faced external obstacles to his scientific work. In 1952, the threat of arrest hung over him, then his department was reorganized, and he himself was removed from leadership. As a result, he died suddenly in 1955. Elena Sergeevna, on the contrary, experienced the heyday of her scientific career during these years. In 1954 she became a Doctor of Technical Sciences, and in 1955 she received a professor's certificate. The end of the Stalin era coincided with the end of D.A. Wentzel's life and with the beginning of the creative blossoming of E.S. Wentzel.

Keywords: Elena Sergeevna Wentzel, Dimitry Aleksandrovich Wentzel, mathematics, ballistics, Stalinist era, repressions.

Елена Сергеевна (1907–2002) и Дмитрий Александрович (1898–1955) Вентцели – супружеская пара ученых-математиков и военных инженеров, научная и творческая деятельность которых пришлось на эпоху становления Советского государства, Великой Отечественной войны, сталинских репрессий. Их объединяла не только семейная жизнь и воспитание троих детей, которые впоследствии тоже стали учеными, но и совместная научная деятельность. Так, в 1949 г. они вместе опубликовали книгу «Элементы теории приближенных вычислений». Доклад посвящен неоднозначному периоду в их жизни – первой половине 1950-х гг. Это конец сталинской эпохи и наступление нового периода в истории страны. В это время Д.А. Вентцель столкнулся с внешними препятствиями своей научной деятельности. В 1952 г. над ним нависла угроза ареста, затем реорганизовали его кафедру, а самого его отстранили от руководства. Тревожную атмосферу 1952 г. Е.С. Вентцель описала спустя 15 лет в повести «На испытаниях». Елена Сергеевна, напротив, пережила в эти годы расцвет своей научной карьеры. В 1954 г. она стала доктором технических наук, а в 1955 г. получила аттестат профессора. Конец сталинской эпохи совпал с концом жизни Д.А. Вентцеля и с началом творческого расцвета Е.С. Вентцель.

Дмитрий Александрович Вентцель был профессором, доктором технических наук, генерал-майором авиации. В 1946 г. он стал академиком Академии артиллерийских наук. Долгое время он работал начальником кафедры баллистики Военно-Воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского (ВВИА). Д.А. Вентцеля считают видным специалистом в области внешней

и внутренней баллистики. Он родился в дворянской семье, учился на физико-математическом факультете Петроградского университета и в Константиновском артиллерийском училище, с 1919 г. находился на службе в Красной армии. Д.А. Вентцель был учеником академика А.Н. Крылова. Его кандидатская диссертация (на титульном листе значилось «диссертация на звание преподавателя») носила название «Вычисление изменений элементов траектории» и была напечатана в 1928 г. в Ленинграде. В ней он модифицировал формулу для расчета устойчивости снаряда, которая стала носить его имя. Исследования Д.А. Вентцеля также касались артиллерийской метеорологии – он предложил закон изменения температуры с высотой, – внутренней баллистики; он разрабатывал прицельные приспособления стрелкового оружия и занимался ракетной техникой, изучал вопросы бомбометания и судебную баллистику, а также интересовался приближенными вычислениями и основаниями устройства стрелкового оружия. В 1932 г. он проводил опыты с пулями по изучению сопротивления воздуха. В 1935 г. ему присудили степень доктора технических наук. Помимо научно-экспериментальной деятельности, Д.А. Вентцель был незаурядным преподавателем, который оставил о себе яркие воспоминания. Так, будущий академик АН СССР, специалист по механике и прикладной математике Н.Н. Моисеев писал: «В Академии я учил баллистику под руководством Д.А. Вентцеля, одного из самых блестящих профессоров, которых я когда-либо слушал. Он ко всему относился с огромным чувством юмора, а в науке исповедовал религию своего учителя – знаменитого адмирала и академика А.Н. Крылова: неверная значащая цифра в расчетах, это ошибка, а лишняя после запятой – пол-ошибки. Всякие лишние усложняющие вычисления, не мотивированные необходимостью – смертный грех!» [1]. Вентцель оказал влияние на творческое становление Н.Н. Моисеева как ученого. По внешней баллистике он написал известный в свое время учебник, отмеченный в юбилейном сборнике к сто двадцатилетию Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского (1941). Кроме того, Д.А. Вентцель славился как замечательный эрудит, который знает все на свете – не только сведения из точных наук, но и литературу, философию. Герой повести «На испытаниях» генерал Сиверс, прототипом которого был Д.А. Вентцель, цитирует наизусть русских классиков, Омара Хайяма и даже Библию. Между тем, в силу секретности исследований, несмотря на все свои заслуги, Д.А. Вентцель получил гораздо меньшую известность, чем его супруга Е.С. Вентцель (урожденная Долгинцева).

Как и ее будущий муж, после окончания школы в 1923 г. Елена Сергеевна поступила на физико-математический факультет Петроградского (Ленинградского) университета, который окончила по специальности «математика» в 1929 г. На курсе девушки составляли менее 2% от общего числа студентов. Она была ученицей одной из первых русских женщин-математиков Н.Н. Гернет. В том же году она вышла замуж за Д.А. Вентцеля, в то время преподавателя Артиллерийской академии. По окончании университета она преподавала математику в нескольких учебных заведениях Ленинграда, таких как Техникум печати, Ленинградский горный институт, а также работала в Артиллерийской академии и в Ленинградском электрофизическом институте. Она производила математические расчеты по баллистике и электротехнике.

В 1944 г. в эвакуации, совмещая исследовательскую деятельность с семейными заботами, Е.С. Вентцель активно занималась научной работой и защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. К сожалению, точные названия научных работ супругов Вентцелей порой не представляется возможным определить в силу их секретности. После войны Е.С. Вентцель вошла в группу военных специалистов, которые оценивали эффективность ПВО по методу академика А.Н. Колмогорова. Как пишет ее биограф В.И. Левин, «эта работа потребовала многомесячных выездов на полигоны и кропотливых, а порой и небезопасных экспериментов. Елена Сергеевна лично участвовала в таких испытаниях, и она, единственная женщина среди множества мужчин-офицеров, не терялась в самых сложных ситуациях и при этом еще всегда была женственна и элегантна» [2, с. 22]. Тема женщины, занимающейся сугубо мужской профессией, звучит в повести «На испытаниях». Кроме того, она печатала лекции по теории вероятностей (1945, 1948).

Начало 1950-х гг. выдалось непростым для семьи Вентцелей. Несмотря на все заслуги генерала Д.А. Вентцеля, его жизни нередко угрожала опасность. Он был человеком независимым, смелым и острым на язык, мало занимался общественно-политической работой и, в связи с этим, сталкивался с негативным отношением со стороны партийных руководителей факультета и академии. По мнению В.И. Левина, с этим было связано «придерживание» его продвижения по службе [2, с. 15]. Ему присвоили очередное звание генерал-майора только в 1943 г., когда в нем в условиях войны нуждались как в военном специалисте-артиллеристе. Его так и не представили в академики АН СССР и не наградили почетным званием Героя Социалистического Труда. По воспоминаниям его ученика академика Н.Н. Моисеева, Вентцель « всю жизнь больше всего на свете боялся ареста и считал, что это

было чудо – воистину чудо, что его так ни разу и не посадили» [2, с. 15]. Эту тревогу отразила Е.С. Вентцель в повести «На испытаниях». Отчаянно храбрый с виду генерал Сиверс, готовый посмеяться над всем, в том числе и над перспективой ареста, в глубине души панически боится репрессий и того, как это скажется на его детях.

Именно в 1952 г. сложилось впечатление, что Д.А. Вентцеля неизбежно арестуют. Однако ему тогда присудили Государственную премию, и его не арестовали. Но интриги коллег привели к тому, что созданную Вентцелем кафедру баллистики реорганизовали, а его самого отстранили от руководства. Между тем, Е.С. Вентцель в это время достигает кульминации своей научной деятельности. В 1954 г. она стала доктором технических наук. Одним из оппонентов на защите ее докторской диссертации был академик А.Н. Колмогоров. Есть сведения, что ее муж был против защиты ею докторской диссертации, и она защитила ее втайне от него. Однако в повести «На испытаниях» эта история и какая бы то ни было обида на супруга не получили никакого отражения – образ генерала Сиверса глубоко положительный. В 1955 г. Е.С. Вентцель получила аттестат профессора по кафедре Воздушной стрельбы.

Димитрий Александрович Вентцель скоропостижно скончался от сердечного приступа в 1955 г. в день, когда проходили похороны матери Елены Сергеевны. Возможно, смерть тещи, с которой, судя по повести «На испытаниях», у него были очень теплые отношения, стала последней каплей в цепи переживаний, начавшихся у Д.А. Вентцеля еще в 1952 г. Е.С. Вентцель продолжила свою научную и педагогическую деятельность, а с 1960-х гг. выступила в новой ипостаси – ипостаси писательницы, автора произведений художественной литературы под псевдонимом «И. Грекова». Она пережила мужа почти на полвека и запечатлела его яркий образ в скандальной в свое время повести «На испытаниях» (1967). Кризисные периоды в истории страны совпали в ее случае с расцветом ее научной деятельности. Однако ее супруг не выдержал переживаний по поводу неурядиц на работе и умер безвременно, не увидев славы супруги и как педагога, и как писательницы.

Список литературы

1. Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня (мемуары). [Электронный ресурс]. URL: [http://read.newlibrary.ru/read/moiseev_n_n_/page76/kak_daleko_do_zavtrashnego_dnja_\(memuary\).html](http://read.newlibrary.ru/read/moiseev_n_n_/page76/kak_daleko_do_zavtrashnego_dnja_(memuary).html) (дата обращения 06.01.2024).
2. Левин В.И. Елена Сергеевна и Димитрий Александрович Вентцели – выдающиеся военные ученые и педагоги. СПб.: Научное издание, 2017. 53 с.

СЕМЬЯ УЧЕНЫХ-ФИЗИКОВ ПАУЛЯ ЭРЕНФЕСТА И ТАТЬЯНЫ АФАНАСЬЕВОЙ-ЭРЕНФЕСТ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РУБЕЖА 1920-1930-Х ГОДОВ: ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВЫЖИВАНИЯ

Трофимова Т.Н.

Соискатель

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

E-mail: Tatianatr1@yandex.ru

Аннотация. Татьяна Алексеевна Афанасьева-Эренфест (1876–1964) и Пауль Эренфест (1880–1933) – супружеская пара ученых-физиков и математиков, которые жили и работали как в России, так и в Нидерландах. Их объединяла не только семейная жизнь и воспитание детей, но и совместная научная деятельность. Так, в 1911 г. в четвертом томе престижной немецкой «Энциклопедии математических наук» была опубликована их статья «Принципиальные основы статистического подхода в механике». Доклад посвящен трагическому периоду в их жизни – второй половине 1920-х и началу 1930-х гг. В это время у Пауля был личностный и творческий кризис, усугубившийся после смерти в 1928 г. его учителя, нобелевского лауреата по физике Хендрика Лоренца, из которого он не смог выйти и покончил с собой в 1933 г. Его жена, напротив, вела в это время активную педагогическую деятельность, в том числе в СССР, и в 1931 г. издала оригинальный задачник по препедевтике геометрии. Таким образом,

Пауль выбрал стратегию радикального неприятия действительности, в то время как Татьяна смогла адаптироваться к ситуации благодаря работе.

Ключевые слова: Татьяна Афанасьева-Эренфест, Пауль Эренфест, супружество, физика, кризис, стратегия выживания.

FAMILY OF THE PHYSICISTS PAUL EHRENFEST AND TATYANA EHRENFEST-AFANASYEVA DURING THE CRISIS OF THE LATE 1920S AND EARLY 1930S: A POSSIBILITY AND IMPOSSIBILITY OF SURVIVAL

Trofimova T.N.

IHST RAS

E-mail: Tatianatr1@yandex.ru

Abstract. Tatyana Alekseevna Ehrenfest-Afanasyeva (1876–1964) and Paul Ehrenfest (1880–1933) were a married couple of physicists and mathematicians who lived and worked in both Russia and the Netherlands. They were united not only by family life and raising children, but also by joint scientific activity. Thus, in 1911, their article “The Conceptual Foundations of the Statistical Approach in Mechanics” was published in the fourth volume of the prestigious German Encyclopedia of Mathematical Sciences. The paper is dedicated to the tragic period in their lives - the second half of the 1920s and the beginning of the 1930s. At this time, Paul had a personal and creative crisis, which worsened after the death in 1928 of his teacher Nobel laureate in physics Hendrik Lorentz, from which he could not recover and committed suicide in 1933. His wife, on the contrary, was active in teaching at this time, including in the USSR, and in 1931 she published an original problem book on the propaedeutics of geometry. Thus, Paul chose a strategy of radical rejection of reality, while Tatyana was able to adapt to the situation through work.

Keywords: Tatyana Ehrenfest-Afanasyeva, Paul Ehrenfest, married life, physics, crisis, strategy of survival.

Татьяна Алексеевна Афанасьева-Эренфест (1876–1964) и Пауль Эренфест (1880–1933) – супружеская пара ученых-физиков и математиков, которые жили и работали как в России, так и в Нидерландах. Их объединяла не только семейная жизнь и воспитание детей, но и совместная научная деятельность. Так, в 1911 г. в четвертом томе престижной немецкой «Энциклопедии математических наук» была опубликована их статья «Принципиальные основы статистического подхода в механике». В 1912 г. нобелевский лауреат Хендрик Лоренц, ознакомившись с работами Эренфеста и Афанасьевой, предложил Паулю стать его преемником по теоретической физике в Лейденском университете. В октябре того же года семья Эренфестов переехала в Лейден. В 1914 г. они построили в Лейдене собственный дом по проекту Татьяны Афанасьевой в стиле неоклассицизма. В доме была комната для гостей. За двадцать лет на стенах комнаты появилось несколько десятков автографов, в том числе пятнадцать подписей нобелевских лауреатов, среди них А. Эйнштейн, М. Планк, Н. Бор и П. Капица. Ныне на доме существует памятная доска с именем Татьяны Афанасьевой.

Пауль Эренфест (1880–1933), австрийско-нидерландский физик еврейского происхождения, внес значительный вклад в статистическую механику в связи с квантовой механикой, установил взаимосвязь классической и квантовой механики и дал первую классификацию фазовых переходов. В 1904 г. он защитил докторскую диссертацию «Движение твердых тел в жидкостях и механика Герца» в Вене. Его научным руководителем был знаменитый физик-теоретик Людвиг Больцман (1844–1906). Эренфест был членом Нидерландской королевской академии наук, а в 1924 г. стал членом-корреспондентом Академии наук СССР. Он был создателем крупной научной школы.

К концу 1920-х гг. Эренфест впадает в творческий кризис, который усугубился смертью в 1928 г. Хендрика Лоренца. Его супруга, напротив, активно ищет собственный путь в науке и педагогической деятельности – путь, независимый от мужа. В 1926–1933 гг. Т.А. Афанасьева ежегодно выезжала в СССР. В 1927–1929 гг. она являлась профессором Крымского педагогического института в Симферополе, где преподавала математику и физику. В это время она печатает статьи о связи геометрии с физикой и о втором начале термодинамики. В 1931 г. она была профессором Второго Московского университета. Согласно письму П. Эренфеста А.Ф. Иоффе от 24 августа 1932 г., «Татьяна Алексеевна примерно неделю тому назад получила официальное приглашение от Горского агроиндустриального педагогического института во Владикавказе занять там очень интересующую ее

вакансию (кафедра методики). Она согласилась и 1 октября должна быть на месте» [1, с. 243]. Афанасьева возглавила там кафедру методики преподавания математики.

Важным источником для анализа творческого и личностного кризиса Пауля Эренфеста в последние годы его жизни служат его письма к А.Ф. Иоффе, впервые опубликованные в 1973 г. и переизданные в 1990 г. (оригиналы были на немецком языке). Так, 4 марта 1930 г. он пишет: «Думаю, ты сам понимаешь, каким ужасным шарлатаном я сам себе представляюсь. Но я совершенно откровенно отвечаю на все приглашения, что еще ничего не знаю или подумаю, но надеюсь быть полезным постановкой наводящих вопросов и желанием в них разобраться. В остальном мне теперь становится все более ясным, что не позднее чем через полтора года моя жизнь должна будет коренным образом измениться – это увязание в трясине становится совершенно недостойно. А пока что у меня перед глазами маячит следующая картина: творить физику, даже по-настоящему следить за ней должным образом, я больше не могу» [1, с. 213]. Вместе с тем, как и супруга, Эренфест стремится заняться педагогической деятельностью: «Но на преподавательско-организационном поприще я, может быть, еще 6-7 лет еще смогу быть полезным» [1, с. 213]. Он ставит следующие условия: найти себе «применение в *таких* местах, где [развитие физики] еще настолько незначительно», что он сможет «отчетливо ощутить возможность остатками сил создать что-то новое» и ему «не нужно будет при этом думать “о более отдаленном будущем”», «после чего наступит сразу же конец (погрязнуть и растрчивать попусту время в этом *блестящем молодом мире* не имеет абсолютно никакого смысла!!!)» [1, с. 213]. Здесь завуалировано уже звучит тема самоубийства, которая красной нитью пройдет по переписке Эренфеста с друзьями в последние три года жизни. Тема самоубийства преследовала его. Печальный пример подал еще его научный руководитель Л. Больцман, который покончил с собой, будучи в отпуске в Италии, на почве непризнания научным сообществом его идей статистической физики. По воспоминаниям учеников, Эренфест об этом никогда не говорил. В письме Иоффе от 4 марта 1930 г. он также вспоминает о своих личных обстоятельствах: ему нужно устроить младшего, больного синдромом Дауна сына Василия (Васика) «так, чтобы его обеспечение не отразилось на других детях», а также «поставить на ноги» сына Павла – «Павлика», найти себе «по-настоящему хорошую» «замену на профессорской должности в Лейдене» и «разумно и с пользой распорядиться домашним хозяйством в Лейдене» [1, с. 213]. Вслед за женой он связывает свое возможное будущее с работой в России и, более того, с будущим России: «Развитие России в течение ближайших лет, несомненно, скажется решающим образом на моей судьбе. Мое последнее посещение России меня преобразило. И сердце мое бьется в надежде на удачу» [1, с. 213]. В письме Иоффе от 10 марта 1931 г. Эренфест надеется находить в России молодые таланты и направлять их учиться в Харьков, Москву или Ленинград. Сам он хочет «*каждые два месяца меняя место*, каким-то образом помогать разным группам молодых людей в том немногом <...>, чем я *полностью владею!*» [1, с. 220]. Однако в том же письме он признается, что «*крайне* подавлен, и будущее предстает» перед ним «серым как тюремная стена» [1, с. 220]. Тема творческого выгорания и неспособности заниматься наукой продолжается в письме от 10 ноября того же года, в котором он называет себя «совершенно бесполезной развалиной, с постоянно затуманенной головой и отсюда с полным отворачиванием к работе и необходимости размышлять» [1, с. 227].

24 декабря 1931 г. он возвращается к возможности заняться преподавательской деятельностью: «Помоги мне в этом смысле наступающим летом “втянуться в дело”, так как я должен попробовать последний раз в своей жизни поставить все на карту, пока оставшиеся силы не израсходовались без всякой пользы. Мне нужно еще раз получить возможность делать то, с чем я хорошо могу справиться, вместо того чтобы заниматься тем, что у меня не получается» [1, с. 229]. В том же письме мы находим свидетельства семейного разлада у Эренфестов: «Надеюсь, что за это время ты повидал в Москве Татьяну Алексеевну. Письма ее настолько коротки, что я из них абсолютно не могу уловить, как там у нее дела и каковы ее шансы на реализацию ее преподавательских планов» [1, с. 231]. Этот разлад достигает кульминации летом 1932 г., когда Т.А. Афанасьева-Эренфест подает на развод из-за того, что у супруга появилась другая женщина. Однако она согласилась отозвать свое заявление при условии, что он прекратит те отношения. Между тем, через год уже сам Эренфест подал на развод, который так и не состоялся.

4 июля 1932 г. в письме дочери Галине звучит тема близкого конца: «Ведь вот уже в течение трех лет я вижу и *совершенно* убежден в том, что на меня надвигается: *самое позднее* осенью 1933 г. мою лейденскую должность обязательно должен занять кто-либо из молодых. Я уже никак не смогу продолжать *жить* таким образом» [1, с. 234]. Письмо становится пророческим. Однако спустя три дня в письме Иоффе Эренфест заявляет, что «решился окончательно перебраться в Россию, если только ты и Харьков будете в состоянии создать необходимые для меня условия» [1, с. 240].

В опубликованные на русском языке письма Эренфеста А.Ф. Иоффе не попало его письмо от 14 августа 1932 г., которое также было адресовано Эйнштейну и Н. Бору. В нем Эренфест пишет, что, если не найдет работу в России, то покончит с собой, но сначала убьет младшего сына Васику [2, р. 47].

30 января 1933 г. Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Веймарской республики. 10 апреля того же года, вскоре после начала официальных гонений на евреев в Германии, Эренфест в письме своему ученику, американскому физика голландского происхождения С.А. Гаудсмиту (1902–1978) выдвигает абсурдное предложение покончить с собой группе известных еврейских ученых и художников без выражения ненависти или выдвижения требований, с целью воззвать к совести немецкого народа [2, р. 45]. Тот нашел предложение безумным и бессмысленным. Спустя месяц, в письме Иоффе от 12 мая 1933 г. Эренфест обращается к теме самоубийства: «Как я прочел в одном очень теплом и почтительном некрологе в голландском научном радиотехническом журнале, один из главнейших технических организаторов германской службы радио инженер Шефер, или Шеффер, был уволен в середине марта и через несколько дней после этого убил свою жену и покончил с собой <...>. Ему было 52 года» [1, с. 251]. Эренфесту недавно исполнилось 53 года, и он явно проецирует судьбу немецкого инженера на себя. Он обращается к теме тотальной несвободы личности при Третьем Рейхе: «Ведь система срабатывает настолько непостижимо утонченно, что уничтожена даже самая последняя свобода личности – свобода покончить жизнь самоубийством. Это проявилось, например, в случае самоубийства ведущих лиц нееврейского происхождения в немецкой националистической партии. Если происходит такое сенсационное самоубийство, которое попросту невозможно скрыть от газет, несмотря на предписание его скрывать, то сразу же назначается следствие, которое в течение немногих дней установит, какие грязные личные обстоятельства упомянутого лица привели его к самоубийству» [1, с. 251]. Философские рассуждения на тему судьбы немцев сменяются в этом письме выражением тупика в его собственной жизни: «И напротив, абсолютно никакого «пути дальше» я не вижу, так как все пути закрыты. И что я себе (будь даже это невозможным) по-настоящему заветно желаю – так это расстаться с жизнью и именно так, чтобы Васик не лег нагрузкой на остальных троих детей» [1, с. 255]. Таким образом, Эренфест снова рефлексировал над возможностью самоубийства и убийства младшего сына. Его не спасает даже помощь, которую он активно оказывает немецким физикам-евреям: «Хаотические катастрофы, в которые вовлечены люди, которым я пытаюсь хоть немножко (малодушно) помогать, только углубили мое страстное стремление к глубокой спокойной радости в любых самых скромных условиях жизни или к смерти, ни в коей мере не отгеснив ее на задний план» [1, с. 255]. Та же двойственность – с одной стороны, желание совершить самоубийство, а с другой стороны, надежда на дальнейшую жизнь, присуща письму Иоффе от 9 июля 1933 г. В нем Эренфест заявляет, что решил попросить жену Татьяну «как только она в следующий раз придет сюда, осуществить наконец намеченный еще в прошлом году развод» [1, с. 257]. Он хочет «построить новую скромную жизнь», и ему «совершенно ясно, что жить по-старому» «невозможно» [1, с. 257]. Определяется и дальнейшая судьба его младшего сына: «В первой половине августа Васику должны привести из Иены в Голландию (как ни странно, в условия много лучшего и значительно более дешевого ухода), на непродолжительное время в Амстердам, а вскоре вслед затем – в Нордвик» [1, с. 258–259]. Эренфест будто бы надеется на выход из тупика: «Мне думается, что я нахожусь на последнем этапе очень тяжелого душевного кризиса. Мои ближайшие друзья говорят мне, что я *могу* и *должен* признать, что процесс выздоровления займет некоторое время» [1, с. 259]. Спустя неделю Эренфест пишет о возвращении жены в Голландию в начале августа и признается, что «в течение последних месяцев» «был несколько раз совсем на грани самоубийства» [1, с. 262]. Однако он заявляет, что «принял решение. Сейчас меня снова интересует понятие «будущее», которое уже перестало, было, для меня существовать. Я снова попытаюсь привести в порядок (в скромных масштабах) мою лейденскую работу» [1, с. 262].

Нам не удалось узнать, как прошла встреча Пауля и Татьяны Эренфестов в августе месяце 1933 г. и как она повлияла на события конца сентября. В любом случае имеется свидетельство нидерландского физика И. Бюргерса (1895–1981) о последнем дне Эренфеста. 27 сентября 1933 г. Бюргерс пишет А.Ф. Иоффе об Эренфесте: «Он покончил с собой в понедельник 25 сентября в Амстердаме, в педологической клинике. Выстрелил в Васику, который там находился, а после этого в себя. Васик умер не сразу, а ночью. Счастье, что он умер. И все, все Павел Сигизмундович подготовил заранее. Были письма для всех. В комнате, где все это произошло, была даже записка: «Осторожно с револьвером, еще заряжен»» [1, с. 263]. Нам не известна реакция жены Эренфеста Татьяны, есть лишь факт, что она была тогда в Голландии и Бюргерс с ней разговаривал. Она пережила мужа на тридцать лет. В 1956 г. в возрасте 80 лет она издала монографию по основам термодинамики, а в 1960 г. книгу

по методике преподавания математики. Татьяна Афанасьева-Эренфест пережила Вторую мировую войну, немецкую оккупацию, но в СССР не вернулась и умерла в Лейдене в 1964 г. В то время, как Пауль выбрал стратегию радикального неприятия действительности, Татьяна смогла адаптироваться к ситуации, вероятно, благодаря работе.

Список литературы

1. Эренфест – Иоффе. Научная переписка (1907–1933). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. 316 с.
2. Delft D. van. Paul Ehrenfest's final years // Physics Today. 2014. Vol. 61. N. 1. P. 41–47.

ДАР И ДОНОРСТВО КАК НАУЧНАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПРОБЛЕМА

ОРГАН КАК ДАР В ЭПОХУ БИОКАПИТАЛИЗМА

Антипов А.В.

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии Российской Академии Наук
E-mail: nelson02@yandex.ru*

Аннотация. Расширение пространства биополитики приводит к появлению нового типа присвоения и производства — биокапитализма. Он характеризуется использованием производных жизни для извлечения из них и с их помощью прибыли. При этом концепция органа как дара, понимаемого в качестве безвозмездной передачи чего-либо другому человеку, претерпевает некоторые изменения или становится вовсе невозможной. Однако автор делает попытку показать, что биокапиталистический контекст не всегда полностью противоречит концепции органа как дара. Для этого берется альтруистическая и утилитаристская модель обоснования донорства. В статье показывается, что альтруизм в виде реципрокного альтруизма более всего соответствует биокапитализму, поскольку не лишен мотива эгоизма и выгоды, но в нем полностью не отказывается в существовании мотива дара, а эгоизм служит цели увеличения доступности органов для трансплантации. Утилитаристская модель обоснования донорства также не лишена мотива дара, однако только в одном своем варианте — косвенного стимулирования.

Ключевые слова: донорство органов, утилитаризм, альтруизм, реципрокный альтруизм, косвенное стимулирование, дар.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00400.

ORGAN AS A GIFT IN THE ERA OF BIOCAPITALISM

Antipov A.V.

*CSc in Philosophy, Research Fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: nelson02@yandex.ru*

Abstract. Expansion of the biopolitical space leads to the emergence of a new type of appropriation and production – biocapitalism. It is characterized by the use of life derivatives to extract profit from them. In this context, the concept of an organ as a gift, understood as the gratuitous transfer of something to another person, undergoes some changes or becomes impossible. However, the author attempts to show that the biocapitalistic context does not always completely contradict the concept of an organ as a gift. To do this, the altruistic and utilitarian models of justification for donation are taken. The article shows that altruism in the form of reciprocal altruism most closely corresponds to biocapitalism, as it is not devoid of the motive of selfishness and benefit, but does not completely deny the existence of the gift motive, and selfishness serves the purpose of increasing the availability of organs for transplantation. The utilitarian model of justification for donation is also not devoid of the gift motive, but only in one of its variants - indirect stimulation.

Key words: Organ donation, utilitarianism, altruism, reciprocal altruism, indirect stimulation, gift.

Формирование новых представлений о телесности и традиции, согласно которой орган может быть рассмотрен в качестве товара, характеризует биокапиталистическую эпоху. Биокапитализм формируется как пространство расширения ставших традиционными представлений о биополитике, высказанных М. Фуко. Однако в рамках биокапитализма полюсами биополитики становятся гены, геномы и клетки. Концепция биокапитализма предполагает, что жизнь становится объектом экономического расчета и стоимости. Биокапитализм включает в себя присвоение живой природы и создание экономических предприятий, которые извлекают ценность из биотического материала и информации. Это также означает влияние на общество через биомедицинские технологии. Различные исследователи связывают биокапитализм с предшествующей традицией понимания капитала, но с различными подходами. Некоторые ученые утверждают, что биокапитализм превращает жизнь в спекулятивную прибавочную стоимость, в то время как другие подчеркивают коммерциализацию наук о жизни и отношение к живым аффектам, связанным с технологиями, затрагивающими вопросы родства, идентичности и гражданства. Эта концепция также связана с переделыванием границ между природой и культурой, а также с введением концепта «биосоциальности» [1, 2, 3, 4, 5].

В современности возросли требования к возможности закончить свою жизнь с достоинством. В исследовательской литературе выделяются три формы страдания: телесные страдания (боль, голод и др., т.е. то, что связаны с телесностью), повседневные страдания (невозможность ухаживать за собой, делать любимые дела и др.), экзистенциальные страдания (невозможность общаться с другими и самим собой, чувство стыда и уязвленности в глазах других и др.) Страдание может различаться по степени тяжести и субъективной значимости для человека. В различных культурах и философских системах страдание может рассматриваться как неизбежная составляющая жизни, как средство очищения души, как следствие грехопадения, как препятствие к счастью и т.д. [6]. С одной стороны, "смерть с достоинством" способствует увеличению числа органов, доступных для трансплантации, через медицинскую помощь в умирании. С другой стороны, распространение эвтаназии в контексте органного донорства вызывает новые этические проблемы, связанные с возможностью злоупотребления и изменением оснований для донорства.

В современной литературе рассматриваются различные стратегии обоснования донорства органов, такие как альтруизм и утилитаризм. Альтруизм подразумевает помощь другим как по долгу, так и за его пределами, в то время как утилитаризм, в частности, гедонистический утилитаризм, нацелен на максимизацию блага и удовольствия для максимального числа людей. Каждая из этих стратегий предполагает возможность обоснования донорства, но использует разные системы аргументации. Утилитарный принцип часто ассоциируется с финансовыми стимулами, такими как плата, компенсация расходов, страхование и налоговые льготы, в то время как альтруистические стимулы сосредоточены вокруг форм альтруизма, таких как реципрокный (взаимный) альтруизм, который придает приоритет донорам, которые сами записались в реестр доноров [7]. Однако реципрокный альтруизм в своем корне способен противоречить интуиции об альтруизме как о заботе о человеке ради самого человека и человечества, поскольку не лишен эгоистических мотивов. Такие мотивы состоят в обеспечении удовлетворения собственных нужд и потребностей в будущем за счет другого. В этом контексте утилитаризм может рассматриваться как более честный путь, поскольку он оправдывает донорство исходя из прямого или косвенного стимулирования без прикрытия благородными целями помощи человечеству.

Критика альтруизма в контексте донорства органов заключается в том, что одни только альтруистические мотивы недостаточны для стимулирования достаточного числа людей к донорству. Поэтому предлагается искусственно поощрять донорство органов с помощью рыночных стратегий. Существуют две рыночные стратегии: прямое заключение договоров между продавцом и покупателем и формирование регулируемого рынка, где государство выступает основным заказчиком. Однако возникают проблемы, такие как невозможность продажи некоторых органов, религиозные запреты и вопросы справедливости в доступе к донорским органам для различных категорий людей [8]. Прямое заключение договора между продавцом и покупателем представляет собой один из наиболее показательных примеров овеществления и отчуждения собственной телесности. При этом проблематизация происходит потому, что концепт автономии личности признает человека владельцем и распорядителем тела. Это позволяет совершать манипуляции — в том числе и по его продаже — самому человеку. Однако этот концепт нуждается в ограничении, поскольку существуют неприемлемые практики, например, рабство, которые не позволяют для использования даже автономным субъектом. Следует предположить, что происходит это вследствие необходимости обеспечения сохранения достоинства, а его ценность стоит выше ценности автономии. При этом

достоинство, в том числе понимание в соответствии с представлениями конкретного человека, служит тем, что способно оправдывать наложение определенных ограничений на право распоряжения собственным телом.

Биокапиталистическая логика рассмотрения донорских органов как товаров противоречит альтруистическому мотиву дарения, поскольку она предполагает, что коммодифицированное тело является в первую очередь источником прибыли. Эта прибыль может быть выражена как в прямом акте получения денежных средств, так и посредством косвенного стимулирования: снижения налогового бремени, в социальных предпочтениях и др. Косвенное стимулирование предполагает наличие заинтересованности в нем, тем самым необходимой становится определенная архитектура, внутри которой возможно принятие и реализация решения о донорстве, но которая позволяет сохранить достоинство и реализовать собственную автономию.

В данном случае возникает основной вопрос: каким образом возможна реализация программы органа как дара в контексте биокапитализма? В соответствии с выделенными ранее альтруистическими и утилитаристскими мотивами возможно выделение двух линий ответа на поставленный вопрос.

В случае альтруистического способа обоснования орган по умолчанию понимается как дар, за которым могут следовать определенные обратные обязательства (как это было описано выше в связи с реципрокным альтруизмом). Однако такой альтруизм представляется не совсем полноценным альтруизмом, но при этом более соответствующим биокапиталистическому контексту. Биокапитализм делает источником прибыли не только сам орган, но и характеризуется выстраиванием полноценной индустрии вокруг донорства, что приносит не только прибыль, но и требует больших затрат. Реципрокный альтруизм способен встраиваться в эту модель: процесс донорства порождает большее количество органов, доступных для пересадки, поскольку каждый реципиент становится потенциальным донором. Так, отказ от полностью бескорыстной мотивации позволяет частично решать проблему нехватки донорских органов. Поэтому реципрокный альтруизм способен соответствовать биокапиталистическому контексту, при этом сохраняя мотив дара, хотя и не полностью бескорыстный.

Утилитаристский способ мотивации лучше соответствует тенденции биокапитализма, но порождает большее количество этических коллизий и затруднений. Кажется, что дар в данном случае невозможен, по крайней мере, если он понимается в качестве безвозмездного акта передачи чего-либо. Но при косвенном стимулировании мотив дара может заслуживать внимания. Мотивировка поведения человека сложна, в том числе она не всегда включает в себя один-единственный мотив, который подвигает человека на совершение действия. Поэтому мотив дара может сохранять свою привилегированную позицию, в то время как косвенное стимулирование само по себе может рассматриваться в качестве компенсации сопутствующего ущерба и реализация программы благодарности за принесенный дар. Прямое стимулирование отбрасывает указанные аспекты в сторону, в то время как косвенное позволяет рассматривать орган как дар в эпоху коммерциализации телесности.

Таким образом, посредством применения концептов реципрокного альтруизма и утилитаристского косвенного стимулирования возможно рассмотрение органа как дара даже в контексте биокапитализма.

Список литературы

1. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
2. Загыртдинова Ф. Б. Био: власть, политика, этика // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 33 (287). С. 39–43.
3. Banner O. Communicative biocapitalism: the voice of the patient in digital health and the health humanities. University of Michigan Press, 2017.
4. Cooper M. Life as surplus: biotechnology and capitalism in the neoliberal era. University of Washington Press, 2008.
5. Helmreich S. Species of Biocapital // Science as Culture. 2008. № 17 (4). P. 463–478. DOI: 10.1080/09505430802519256.
6. Svenaeus F. Why Do People Want to Die? The Meaning of Life from the Perspective of Euthanasia / Royal Institute of Philosophy Supplements. 90. 2021. P. 297–311. DOI:10.1017/S1358246121000333.
7. Dalal A.R. Philosophy of organ donation: Review of ethical facets // World J Transplant. 2015. 5(2). P. 44–51. DOI: 10.5500/wjt.v5.i2.44.

МЕТАФИЗИКА ДАРА И ДОНОРСТВО ООЦИТОВ: БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Желнова А.М.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки
МГУ имени М.В. Ломоносова,
E-mail: zhelnova.am@philos.msu.ru*

Аннотация. В тексте проведены анализ и сравнение понятия «дара» в метафизике М. Хайдеггера, а также «дара» и «метафизики кода» в исследованиях общества Ж. Бодрийяра. Приведенные в статье метафоры зеркала как игры четверицы у М. Хайдеггера и зеркала как продажи образа у Ж. Бодрийяра помогают лучше понять проблемы метафизики дара и донорства ооцитов. Взаиморасположение двух проанализированных способов дарения определяет этическое и юридическое пространство первопричин биоэтических проблем донорства ооцитов сегодня по всему миру. Экономика ооцитов и их дефицит в обществе изобилия рассмотрены как обусловленные друг другом явления. Отмечено, что исключительно юридические решения рассмотренных в тексте биоэтических проблем экономики дара ооцитов принципиально не достаточны.

Ключевые слова: метафизика дара, донорство ооцитов, биоэтика, экономика дара.

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

METAPHYSICS OF GIFT AND OOCYTE DONATION: BIOETHICAL PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Zhelnova A.M.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department
of Philosophy and Methodology of Science
Lomonosov Moscow State University
E-mail: zhelnova.am@philos.msu.ru*

Abstract. The text conducts an analysis and comparison of the concept of "gift" in the metaphysics of M. Heidegger, as well as the "gift" and "code metaphysics" in the societal studies of J. Baudrillard. The metaphors presented in the article—Heidegger's mirror as the game of the fourfold and Baudrillard's mirror as the sale of the image—help to understand the issues of the metaphysics of the gift and oocyte donation better. The interrelation of the two analyzed modes of gifting defines the ethical and legal space of the primary causes of bioethical issues in oocyte donation worldwide today. The economy of oocytes and their scarcity in a society of abundance are examined as phenomena conditioned by each other. It is noted that purely legal solutions to the bioethical issues of the oocyte gift economy discussed in the text are fundamentally insufficient.

Keywords: metaphysics of the gift, oocyte donation, bioethics, economics of the gift.

Смысл метафизики дара может открыться, если обратиться к текстам Хайдеггера. По крайней мере, к нескольким из них. Прежде всего, речь идет о работе «Вещь». В ней мысль берет разбег с рассуждения о близости или о том, что современный прогресс лишает ее. Человек окружен объектами и предметами, которые не дарят ему «близость того, что есть» [1, с. 317]. Бесконечное приумножение предметов лишь временно компенсирует оторванность человека от изначального. Хайдеггер ставит вопрос о вещиности вещи – что есть она? Задаваясь им, философ стремится избежать онтологических предассудков, исторически укоренившихся в нашем представлении о том, что есть вещь. «Он

выделяет в традиции три способа постижения вещи: вещь как носитель свойств, вещь как единство многообразия ощущений и вещь как оформленный материал» [2, с. 118]. Пойдя по пути третьего способа постижения вещи, Хайдеггер переступает через ее инструментальное представление. Ремесленник, создавший чашу, изготавливал ее, чтобы можно было использовать в соответствии с некоей внешней ей целью, и чтобы она могла быть наполненной. Однако чаша не подчиняется изготовившему ее. «Чаша ведь не потому емкость, что изготовлена, а чаша должна быть изготовлена потому, что она емкость». С момента окончания ее творения она становится независимой, и в этом ее смысл – отделиться и быть тем, что она есть. Чаша как вещь – это реальность, ибо ее смысл в независимости от человека. Она отлична от объекта и предмета, предполагающих субъекта. Она свободна от создателя. При этом вещь способна подарить человеку близость того, что *есть* безотносительно него. Самого сокровенного, ценного и потаенного, к чему он неустанно стремится, замещая его безудержным потреблением. Чаша содержит пустоту, которую можно заполнить. Эти пустотность и независимость от субъекта, составляющие существо чаши, непознаваемы для науки. «Наука делает эту вещь – чашу – чем-то ничтожным, не допуская вещи самой по себе существовать в качестве определяющей действительности» [1, с. 319]. Быть чашей – значит иметь возможность быть наполненной. Подношение наполненной чаши есть дар. Это не простой дар, а жертва. Четверица как целостность мира в единении земли, неба, смертных и богов дарит человеку близость к тому, что есть «Подношение чаши есть дар потому, что дает пребыть земле и небу, божествам и смертным... Пребывание есть событие... Единясь в этой взаимопринадлежности, они выходят из потаенности» [1, с. 321]. Через «зеркальную игру четверицы» и метафизику дара Хайдеггер раскрывает нам особый смысл дара: возможность события близости.

Дар потлача рассматривается Жаном Бодрийяром в контексте критики общества потребления. Традиционные общества практиковали потлач как культ даров, смысл которого – обнаружить нематериальные «значения символического коллективного определяющего начала» [3, с. 51]. Такого типа иррациональная расточительность может быть рассмотрена как «знак реального изобилия» [3, с. 67]. Расточительность же современного общества потребления иллюстрируется французским философом через некий неразрывный трехакт: производство, потребление и разрушение, и третья составляющая становится функциональным условием или даже смыслом всей экономической системы. Следовательно, расточительство не может быть признано иррациональным, однако такое изобилие демонстрирует постоянный дефицит, выраженный в необходимости обновлять и соответствовать моде, которая также модерируется в том числе при помощи дара: «через рекламу, которая уже сама представляет социальную услугу, все изделия подаются как услуги, все реальные экономические процессы переданы и социально проинтерпретированы как результаты дара, преданности и эмоционального отношения» [3, с. 144]. Обратной стороной расточительности оказывается нищета современного общества изобилия. «Вот почему вещи чаще всего появляются из-за нехватки и почему само их изобилие парадоксально означает нищету» [3, с. 52]. Примитивные общества этими дарами демонстрируют неисчерпаемость ресурса: им не нужны вещи, потому что есть более высокая ценность – социальный статус, ибо именно тот, кто раздарил больше, занимает высшую ступень в социальной иерархии. «В условиях экономики дара и символического обмена достаточно небольшого и всегда ограниченного количества благ, чтобы создать общее богатство, так как они постоянно переходят от одних к другим. Богатство основано не на вещах, а на конкретном обмене между личностями» [3, с. 67].

Интерпретируя сюжет немого фильма 1926 г. «Студент из Праги», Бодрийяр указывает на основной смысл проблемы отчуждения: проданный образ из зеркала не становится внешним и безразличным к студенту, поскольку он реален и управляет им. Отражение свидетельствует о реальности: мир и человек соответствуют друг другу. Освободиться возможно, только убив свой образ, который стал живым и реальным, занял место студента. Убивая свой образ, герой убивает и себя. Классический сюжет, в котором, стремясь к престижу и подарив свой образ дьяволу, студент потерял свободу и в конце концов жизнь. В этом сюжете вновь появляется образ зеркала, как и в «зеркальной игре четверицы» Хайдеггера. Однако все встает с ног на голову, ибо анализ Бодрийяра посвящен проблеме отчуждения и отдаления в современном обществе потребления, а у Хайдеггера наоборот – близости в вещи. «Зеркальная игра четверицы» дарит бессмертие, а зеркальный образ пражского героя – гибель.

Метафизика кода, развиваемая Бодрийяром, непосредственно отсылает нас к исследованию кода ДНК и к понятию симулякр. Рассуждение приводит философа к тому, что реальность человеческой индивидуальности подменяется логикой разведывания кода. Причина уникальности в генотипе и фенотипе. Однако изучение первопричин наука может вести именно в сфере первого. «Жизнь регулируется дисконтинуальной недетерминированностью генетического кода – телеономическим

принципом: цель не полагается в итоге (итога вообще нет, как нет и причинной обусловленности), а наличествует изначально, зафиксированная в коде» [4, с. 129]. Человек рода заменяется человеком генетическим. «Просто порядок целей уступает место игре молекул, а порядок означаемых – игре бесконечно малых означающих, вступающих только в случайные взаимоподстановки» [4, с. 129]. Произвол означающих, занявших место означаемого, в метафизике кода во многом подобен дару образа в сюжете о студенте, в котором означающее управляет им в социальном и культурном пространстве.

Анализ понятия дара привел нас на данном этапе к тому, что мы можем рассматривать его (1) как метафизическое понятие, сближающее человека с истиной и бытием в контексте философского понятия «вещь» (Хайдеггер); (2) как оборотную сторону современного общества изобилия, где погоня за новой вещью вскрывает реальный дефицит вещей.

Во второй половине XX века предметами становятся даже ооциты, что приводит к появлению биоэтических, социальных, правовых и экономических проблем. В книге «Экономика ооцитов: изменения значения человеческих ооцитов» [5] Кэтрин Уолдби пишет, что, в отличие от прежних времен, когда яйцеклетка была частью процесса оплодотворения *in vivo*, ооцит стал самостоятельным предметом – биологическим материалом, который используется для влияния на продление времени фертильности женщины. Ооциты можно заморозить, приобрести и продать, таким образом, они являются объектом не только сферы экономики, но и социальных отношений. Купить ооциты могут женщины и семейные пары с высоким уровнем дохода, а в качестве доноров часто выступают представители прекариата. Кэтрин Уолдби указывает на тот факт, что даже в тех странах, где законодательно запрещена продажа яйцеклеток, предусмотрена компенсация женщине за медицинские процедуры. Ооциты могут сдаваться регулярно, и за это во многих государствах перечисляется существенная для местного населения оплата. Предоставление яйцеклеток становится работой в сфере обслуживания – видом «аутсорсинга фертильности» [5, р. 6]. Биоэтические проблемы налицо. Если женщина имеет годовой доход 150 тыс. долларов, а получает за донорство 5–8 тыс., то ее экономическая заинтересованность не так высока. Однако ситуация выглядит совсем иной, если среднегодовой доход – 10–15 тыс. – женщина удваивает его. Следовательно, мы можем смело говорить не только об экономике ооцитов, но и об экономике дара ооцитов, в которой дар теряет метафизический и этический смыслы. Подчеркнем, что и в странах, где юридически коммерческое *донорство* яйцеклеток запрещено (например, Австралия) или донорство ооцитов запрещено Законом о защите эмбрионов (ФРГ), экономика ооцитов расцветает («овариальный туризм» в последнем случае), потому что юридическими мерами этические и философские проблемы решить невозможно. И так, даже в государствах, где коммерческая донация запрещена законом, имеют место экономические отношения между женщинами разных классов, в которых ооцит – это в конечном счете не дар, а товар.

При этом, по логике общества потребления, оборотной стороной изобилия является дефицит и наоборот. «В настоящее время в штате Виктория 4048 женщин хранят яйцеклетки, что почти на 30 процентов больше, чем в 2019 году. Из них только 159 женщин вернулись, чтобы использовать свои яйцеклетки в прошлом году – всего 3,9 процента» [6]. Дар становится подлинным, если некогда замороженные для себя ооциты женщина дарит нуждающимся, потому что не будет использовать их сама, но понимает их бесценность. Дефицит драгоценных тканей снижается. Исследователи утверждают, что жертвование яйцеклеток принесет пользу обеим сторонам и является этически приемлемым, юридически допустимым и согласуется с текущей практикой донорства яйцеклеток, например, в Австралии. При этом актуализируется проблема анонимности доноров, которая превращает близкое в даль.

Повторимся, что ооциты, как все гаметы, – это в некотором смысле клетки бессмертия, в которых содержится генетическая информация. Они транслируют нас из поколения в поколение. «Зеркальная игра четверицы» проигрывает сегодня «подаренному», а на самом деле – проданному образу из зеркала.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М., 1993. 447 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина художественного творения // Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск, 2007. 240 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. 269 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 4-е изд. М., 2011. 392 с.
5. Waldby C. The Oocyte Economy. The Changing Meaning of Human Eggs. Duke university press. Durham, London, 2019.

МЕТАФОРЫ ТЕЛЕСНОСТИ В ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

Лаврентьева С. В.

Младший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: sonnig89@gmail.com

Аннотация. В статье представлен обзор наиболее распространенных метафор тела, связанных с трансплантацией: тела-механизма, размытой идентичности, органа как дара; показаны их пересечения и взаимосвязи.

Обращение к метафоре тела-механизма сводит процесс трансплантации к замене неработающей детали. Основным недостатком механического представления о теле часто полагается отсутствие различия между восприятием тела как инструмента и реальными телесными ощущениями. Психологический опыт реципиентов показывает, что метафоры починки тела инструмента не полностью отображают все многообразие смыслов, связанных с особенностями восприятия тела после трансплантации. В частности, это касается метаморфоз идентичности у реципиентов. Метафора процесса трансплантации как акта дарения, которая зачастую также противопоставляется образу тела-механизма и казалось является позитивной метафорой донорства проблематизируется в рамках представлений об обязательной взаимности дара и агентности донора. Несмотря на определенные водоразделы и противопоставления, представленные метафоры, не должны восприниматься исключительно как соперничающие или полностью несовместимые. Они скорее показывают ситуацию трансплантологии с разных ракурсов. Инструментальная метафора и представление о теле как неотъемлемой части себя могут соседствовать, когда мы описываем трансформации идентичности. Технологизация тела также может быть интерпретирована в рамках дюркгеймианской концепции сакрального и не противоречить при этом метафоре процесса трансплантации как акта дара.

Ключевые слова: тело, метафора, дар, тело-механизм, идентичность.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00400).

BODY METAPHORS IN TRANSPLANTOLOGY

Lavrentyeva S. V.

Junior Research

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: sonnig89@gmail.com

Abstract. The article presents an overview of the most common body metaphors related to transplantation, shows their intersections and interrelations. Turning to the metaphor of the body-mechanism reduces the process of transplantation to the replacement of a non-functioning part. The main limitation of the mechanical view of the body is often assumed to be the lack of distinction between the perception of the body as a tool and actual bodily sensations. Psychological experience of recipients shows that metaphors of tool body repair do not fully reflect the variety of meanings associated with the peculiarities of body perception after transplantation. In particular, it concerns metamorphoses of identity in recipients. The metaphor of transplantation as a gift, which is often also opposed to the image of the body-mechanism, is discussed in the context of the problem of the obligatory reciprocity of the gift and the agency of the donor. However, despite certain watersheds and oppositions, the metaphors presented should not be taken exclusively as competing completely incompatible. Rather, they show the

situation of transplantology from different angles. The instrumental metaphor and the idea of the body as an integral part of the self can be juxtaposed when we describe identity transformations. The technologization of the body can also be interpreted within the framework of the Durkheimian concept of the sacred without contradicting the metaphor of the transplantation process as an act of giving.

Keywords: body, metaphor, gift, body-mechanism, identity.

Цель данной статьи - дать обзор наиболее часто встречающихся метафор тела, связанных с трансплантологией, показав их пересечения и соотношения.

Исследования, обращенные к анализу метафор тела, в связи с ситуациями органного донорства предоставляют нам несколько классификаций. Большинство из них так или иначе обращаются к проблематике технологизации образа тела, размывания идентичности и реципрокальности дара, которые и будут проанализированы нами ниже.

Метафора тело-механизм

Философ Маргрит Шилдрик, обращаясь к руководству для реципиентов трансплантата сердца, обращает внимание, что несмотря на то, что в нем достаточно тщательно прописаны эмоциональные и психологические проблемы, связанные с ожиданием получения донорского органа, процессом лечения до и после трансплантации, тело описывается в терминах работающего/неработающего механизма. Сердце при этом представляется насосом, который просто нуждается в замене. Шилдрик отмечает, что данная метафора является реализацией представления о машинной модели тела, коренящейся в картезианском разделении разума и тела [1].

Философ Джордан Мэйсон предлагает рассматривать технологический подход к телу в рамках концепции социального воображаемого, предложенной Чарльзом Тейлором. Представляя технологическое воображаемое в качестве доминирующего в современную эпоху (в том числе и когда речь идет о теле и его функциях) Мэйсон рассматривает трансплантацию как очередную технологическую инновацию, позволяющую отложить смерть. Прибегая к понятию экстенсии (искусственного продолжения тела) в приведенном ей примере - работника, орудующего молотком – она вскрывает слабые стороны метафоры тело-механизм. Если сломался молоток, он перестает быть продолжением тела, заставляя использующего его отбросить инструмент в сторону, прекратить свою деятельность, чтобы заняться его починкой/заменой. Но если человек повреждает себе руку, вся действительность меняется мгновенно, и боль и шок не предполагают последующего спокойного и неторопливого разрешения кризиса «поломки» [2]. Взгляд на тело как на инструмент, таким образом, не учитывает элементарных феноменологических различий между первым и вторым.

Трансплантация органов и размытая идентичность

Показанные выше акцентуации, связанные с представлением о теле как об инструменте смещаются с аспекта «я владеющий/ая своим телом» (в том числе как потенциальным товаром, если мы говорим о тенденциях коммодификации тела в рамках технологической метафоры) на представления о «я – есть мое тело», когда мы обращаемся к вопросам, связанным с размыванием идентичности в результате пересадки органа [3].

Психологический опыт реципиентов показывает, что метафора получения органа как нового инструмента-экстенсии не отображает все многообразие смыслов, связанных с особенностями эмоциональных и телесных последствий трансплантации. В частности, это касается метаморфоз идентичности у реципиентов.

Некоторые реципиенты изначально испытывают «увеличенный образ тела», в котором они должны освободить место для своих новых органов в качестве дополнения к своему прежнему эго. Другие чувствуют паранойю, страх и панику, символически переживая трансплантацию как внедрение чужеродного элемента. Кто-то сталкивается с эффектом экстернализации тела и гибридным представлением о теле, которое начинает отчасти идентифицироваться с донором [4].

Подобные эмоции могут подстегиваться процессами, которые не являются символическими, а непосредственно связаны с телом, например, донорский орган может начать отторгаться телом реципиента. Также надо учитывать, что в принципе, вся посттрансплантационная терапия ориентирована на сокращение рисков подобного отторжения, что также сказывается на восприятии телесности.

Ассиметричность дара и вопрос об агентности донора

В качестве третьей метафорической формулы (которая в отличие от технологизации образа тела и проблематики размывания идентичности является скорее способом гармонизации представления о процессе трансплантации в обществе) выступает образ донорства как процесса дарения.

Данный образ, в частности, хорошо согласуется с положительными христианскими коннотациями относительно органного донорства, например, католическая церковь предлагает рассматривать подобный акт дарения как особый вид альтруизма, дающего возможность продлить другому человеку жизнь [5].

Тем не менее, данная метафора уже не раз подвергалась критике и проблематизации. Есть две вариации критического истолкования метафоры дара в контексте донорства органов.

Первое направление критики, ориентируется на антропологическое исследование Марселя Мосса 1920-х годов «Дар: форма и причина обмена в архаических обществах». Мосс выделяет три элемента в акте дара: дарение, получение и взаимность. Основная проблема с донорством заключается в исполнении последнего элемента, так как получатель не может ответить на дар жизни симметрично. Тирания дара, описанная Моссом, таким образом, проявляется как по отношению к дарителю, так и к получателю, который всегда ощущает потенциальное бремя несоизмеримости в отношениях дарения [1].

Шилдрик предлагает разрешение данной дилеммы, ссылаясь на рассуждения Жака Дерриды о природе дара. Деррида полагает, что конфигурация процесса дарения, описанная Моссом подрывает изначальную его интенцию, сводя акт дара к истощающему обмену. Обязательная взаимность дарения таким образом противоречит природе дара. В рамках деконструкции отношения я-другой Деррида рассматривает дар через призму абсолютного гостеприимства – когда хозяин всегда готов принять гостя, не подразумевая и не ожидая специфических шагов со стороны последнего [1].

Но даже такой подход не решает всех проблем, связанных с ассиметричностью дарения. Применение роли гостеприимного хозяина или дарителя к донору (особенно речь идет о посмертном донорстве) не затрагивает напрямую вопрос о том, насколько этот дар был осознан. К этим лакунам и обращается второе направление критики метафоры дара, проблематизирующее аспекты, связанные с вопросами об агентности донора. В рамках данной проблематизации отмечается, что многие «доноры» никогда не делают сознательного выбора пожертвовать свои органы перед смертью, что делает бессмысленным утверждение о том, что они обдуманно совершают некоторый акт альтруизма. Мы видим, что в зависимости от особенностей законодательства выбор о донорстве может принимать, например, семья, а не донор, или что решающим фактором оказывается презумпция согласия; даже постановка галочки напротив строки о согласии стать донором при получении прав в США может быть интерпретировано как машинальное или бездумное действие [2].

Заключение

Показанные выше метафоры не должны восприниматься исключительно как соперничающие или полностью несовместимые. Они скорее показывают ситуацию трансплантологии с разных ракурсов.

Инструментальная метафора и представление о теле как неотъемлемой части себя могут соседствовать, когда мы описываем трансформации идентичности. Часто еще до трансплантации реципиент уже встречается с тем, что его тело в результате недомогания или травмы перестает ему подчиняться. Таким образом, обычно не чувствуемое тело, которое обычно функционирует как бы на заднем плане, проявляет себя, показывая, что на самом деле оно было не простым «продолжением» нашей идентичности, подобно какому-либо внешнему инструменту, но действительно непосредственно является его важной или даже важнейшей частью. Инструментальная метафора может быть применима к подобной ситуации, так как сломанный инструмент также, по сути, обнажает свою роль именно когда ломается.

Мэйсон, вскрывая описанные выше противоречия метафоры дара, связанные с агентностью дарителя, утверждает, что метафора дара является лишь прикрытием для технологического образа тела, которое на самом деле является повсеместным, навязываемым нам социальным воображаемым, особенно если мы говорим о современной медицине [2].

Однако рассмотрев их взаимодействие в рамках социологического сакрального мы можем увидеть другое соотношение данных метафор. Технологизация тела сама по себе также может быть интерпретирована в рамках дюркгеймианской концепции сакрального. Так, социолог Филип Смит в своем исследовании символов, связанных с сакральностью, критикует фукольдланскую реконструкцию Просвещенческого подхода к дисциплинарной власти. Он отмечает, что символическое

и мистическое измерение наказания не угасает, а скорее претерпевает изменения. Гильотина, например, не только репрезентирует «рационализацию» наказания и десакрализацию человеческого тела, но также становится сакральным символом культа Разума в постреволюционном французском обществе [6].

Таким образом, пространство сакрального вполне может распространяться и на рационализированный образ тела-машины.

Мэйсон считает, что технологичный подход к телу в рамках трансплантологии, предполагающий изъятие органов, в любом случае является насилием над его целостностью, а метафора дара скорее покрывает, чем позволяет преодолеть данное обстоятельство. Между тем, сакрализация альтруистического дара в рамках христианской перспективы и последующая десакрализация тела, показывает, что обращение к метафоре дара не обязательно стоит объяснять насилием технологического представления о теле.

Список литературы

1. Shildrick M. Staying Alive: Affect, Identity and Anxiety in Organ Transplantation // *Body & Society*. 2015. Vol. 21, № 3. P. 20-41.
2. Lauri M.A. Metaphors of organ donation, social representations of the body and the opt-out system // *British journal of health psychology*. 2009. Vol. 14, № 4. P. 647-666.
3. Keyes C. *New harvest: Transplanting body parts and reaping the benefits*. Clifton, NJ: Humana Press. 1991.
4. Sáenz R.H. An Interpretive Approach to Religious Ambiguities around Medical Innovations: The Spanish Catholic Church on Organ Donation and Transplantation (1954–2014) // *Qualitative Sociology*. 2023. Vol. 46, № 1. P. 77-108.
5. Mason J. To harvest, procure, or receive? Organ transplantation metaphors and the technological imaginary // *Theor Med Bioeth*. 2022. № 43. P. 29-45.
6. Smith P. Narrating the Guillotine: Punishment Technology as Myth and Symbol // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20, № 5. P. 27-51.

ЗАВЕЩАНИЕ СЕБЯ НАУКЕ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОНОРСТВА ТЕЛА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ

Патракова А.П.

*Кандидат философских наук, ученый секретарь, доцент
Свято-Филаретовский институт
Научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук
E-mail: alina.patrakova@sfi.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема объективации мертвого тела в рамках существующих практик завещания тела науке. Ставится вопрос о границах допустимого отношения к мертвому телу как посмертному дару для образовательных или исследовательских целей. С одной стороны, речь идет о прояснении эпистемологических оснований донорства тела, главным образом о превращении человеческого тела в объект научного познания. С другой стороны, говорится об аксиологических предпосылках подобных практик, когда мертвое тело наделяется инструментальной ценностью и становится средством для обучения. В этом контексте обсуждается такая принципиальная особенность биомедицинской объективации человека, как его деперсонификация. Завещание тела науке подразумевает превращение останков, погребение которых в норме предполагает уважение к памяти конкретного лица, в безымянный артефакт. Тем самым воплощается принципиальная теоретико-методологическая установка современной биомедицины, согласно которой достоверное знание о человеческом теле возможно только через абстрагирование от его субъектности. Однако у этой основополагающей установки есть свои границы,

нарушение которых порождает этические коллизии и противоречия, разрушительные как для пациентов, так и для врачей.

Ключевые слова: биомедицинская объективация, деперсонификация, инструментальная ценность, мертвое тело как объект обучения, медицинское образование, отчуждение субъектности.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 23-18-00400 «Смерть, умирание и донорство: междисциплинарное исследование влияния социальных факторов на уход из жизни и развитие трансплантационной помощи».

”FOR THE SAKE OF SCIENCE”: EPISTEMOLOGICAL AND AXIOLOGICAL ASPECTS OF BODY DONATION FOR EDUCATIONAL PURPOSES

Patrakova A.P.

CSc in Philosophy, Academic Secretary, Associate Professor

St Philaret’s Institute

Research Fellow

The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: alina.patrakova@sfi.ru

Abstract. The paper addresses the issue of objectifying the dead body within the existing practices of body donation. The question is raised about the limits of appropriate attitude towards a donor’s corpse as a posthumous gift for educational or research purposes. On the one hand, it is necessary to clarify the epistemological foundations of body donation, mainly those of transforming the human body into an object of scientific knowledge. On the other hand, one should discuss the axiological prerequisites of body donation practices when a corpse is endowed with instrumental value and becomes a learning aid. In this context, the author makes an attempt to challenge one of the fundamental aspects of biomedical objectification, such as depersonification. Body donation implies the transformation of human remains, which are normally supposed to be buried with respect for the memory of a deceased person, into an unnamed artifact. This embodies the fundamental theoretical and methodological setting of modern biomedicine, according to which the reliable knowledge about human body is possible only through abstraction from its subjectivity. However, this fundamental attitude has its boundaries. Their violation can cause ethical conflicts and contradictions that in the long term can affect both patients and physicians.

Keywords: biomedical objectification, depersonification, instrumental value, dead body as a learning aid, medical education, alienation of subjectivity.

Наряду с разнообразными донорскими практиками, позволяющими пересаживать органы или ткани, в биомедицине существует и такая специфическая разновидность, как донорство тела или завещание своего тела науке. Подобные практики жертвования тел на благо науки достаточно распространены в странах Европы и Америки. Что касается России, процедура завещания тела в образовательных или исследовательских целях, оформляемая юридически, не запрещена, но и не регламентирована российским законодательством [1, с. 8].

Людей, пожертвовавших свои тела науке, принято называть донорами, хотя их дар предназначается для использования не в терапевтических, а в учебных или исследовательских целях. Если посмертное донорство органов открывает возможности для срочного спасения конкретных жизней, то донорство тела, как принято считать, тоже открывает такую возможность, хотя и в более отдаленной и неопределенной перспективе. При этом между посмертным донорством органов и донорством тела для науки могут возникать коллизии, поскольку тело донора органов непригодно для учебных или исследовательских целей.

Рассматривая дар и донорство в качестве научной, философской и медицинской проблем, можно поставить вопрос о границах допустимого при объективации мертвого тела. С одной стороны, речь идет об эпистемологических основаниях донорства тела, главным образом о превращении человеческого тела в объект научного познания. С другой стороны, следует прояснить аксиологические предпосылки подобных практик, когда мертвое тело наделяется инструментальной ценностью и становится средством для обучения.

Объективацию человеческого тела принято считать неотъемлемым условием для его научного исследования [2, с. 143]. Однако эτικο-аксиологические оценки подобной установки значительно разнятся. Например, Роберт Хан, Артур Клейнман, Нэнси Шепер-Хьюз, Маргарет Лок и другие авторы, занимавшиеся исследованиями в области медицинской антропологии и социологии биомедицины рассматривают объективацию в критическом ключе – как склонность врачей сводить пациентов к телам или патологиям и рассматривая их состояния только в качестве биологических явлений, без учета психологических особенностей больных и культурно-общественного контекста их жизни. С другой стороны, высказываются мнения, что феномены биомедицинской объективации не следует трактовать исключительно негативно. Так, например, медицинский антрополог Рэйчел Прентис предлагает более нюансированный подход, вводя различие между объективацией, понимаемой как отождествление пациента с патологией, и конструированием объектов в биомедицине как нейтральной эпистемологической практикой [3, с. 17-18].

Можно ли считать объективацию мертвого человеческого тела этически нейтральной? Не останавливаясь подробно на дискуссии об использовании трупов в медицинском образовании и главенствующей позиции о важности именно такого подхода [1, с. 6-7], стоит отметить, что приобщение к медицинскому знанию в рамках высшего образования фактически начинается с патологической анатомии. Как отмечает Анн Мари Мол, в настоящее время распространено мнение о том, что именно патологическая анатомия лежит в основании современной медицины [4, с. 71]. Здесь есть один важный методологический момент. Суждение о живом выносится на основании знаний, добытых ранее в работе с мертвыми телами. На это обращает внимание Мишель Фуко, по образному выражению которого «живой мрак рассеивается в свете смерти» [5, с. 181].

За этими установками можно проследить стремление к победе над смертью через ее использование на благо жизни. Неслучайно известное изречение на латыни «*Ніе locus est ubi mors gaudet succurrere vitae*» («Здесь Смерть радуется тому, что может быть полезной Жизни») можно прочесть у входа в разные патологоанатомические учреждения (например, у входа в анатомические театры университета Сорбонна в Париже и университета имени Гумбольдта в Берлине). Тем самым мертвому телу приписывается инструментальная ценность в качестве орудия борьбы со смертью на благо будущим поколениям. Это принято считать основным аргументом, обосновывающим моральную приемлемость препарирования мертвых тел в образовательных и исследовательских целях.

Вместе с тем, здесь важно обратить внимание на такую принципиальную особенность объективации человеческого тела, как отчуждение от какой бы то ни было субъектности. В данном контексте завешание тела науке подразумевает превращение останков, погребение которых в норме предполагает уважение к памяти конкретного лица, в безымянный артефакт. По сути, лицо, завещающее свое тело науке, дает согласие не только на его препарирование, но и на то, что это тело утратит связь с идентичностью донора. Например, британский патологоанатом Сьюзан Блэк, вспоминая о годах обучения в медицинской школе, размышляет о том доноре, чье тело она училась препарировать. Не зная настоящего имени этого человека, Блэк называет его «Генри» и пишет о том, что он «по собственной воле превратился из человека, которого другие знали и любили, в безымянный труп с идентификационным номерком» [6, с. 14]. При этом Блэк подчеркивает важность анонимности донора, т.к. это «защищает студента, помогает ему мысленно отстраниться от факта смерти и сосредоточиться на выполняемой работе» [6, с. 14].

Такое отчуждение субъектности и обезличивание представляется характерной методологической особенностью при передаче врачебного знания. Объективация человеческого тела в биомедицинской теории и практике во многом связана с устранением лица из поля зрения. Так, например, американский нейрохирург Пол Каланити упоминает одно из наставлений от преподавателей анатомии в школе клинической медицины Кембриджского университета. Студентам на практических занятиях по анатомии рекомендовано лишь единожды внимательно рассмотреть лицо донора. После этого лучше держать лицо закрытым, чтобы не отвлекаться и не испытывать психологических трудностей [7, с. 64]. Американская исследовательница Мэри Роуч пишет о сходном приеме, когда для деперсонификации препарированного тела студентам предлагается обернуть его марлей и разворачивать постепенно в ходе работы [8, с. 10].

Тем самым сложившаяся к настоящему времени система медицинского образования продолжает приучать будущих врачей к отчуждению от субъектности их пациентов. Принято считать, что взгляд ученого-наблюдателя, а значит, и врача, должен быть объективным – беспристрастным и свободным от личного, субъективного отношения к наблюдаемому. Предполагается, что тем самым врач способен более эффективно помочь пациенту. При этом далеко не всегда рефлексированы предпосылки этого суждения.

По мнению С. Блэк, студентам следует «привыкать рассматривать мертвое тело как обезличенную оболочку». Это предполагает уважительное отношение к телу донора, но не требует сочувствия к нему [6, с.14]. Подобное отношение разделяет британский кардиохирург Стивен Уэстаби, делясь воспоминаниями о годах своего студенчества: «крупница сострадания, может, и будет уместна, но ни о каком сопереживании трупам и речи быть не может» [9, с. 46].

В представленной позиции при всей ее взвешенности, на наш взгляд, все же остается внутреннее противоречие. В какой мере возможно сохранять уважительное отношение к телу донора, одновременно используя его в качестве учебного препарата? Возможно ли полностью отделить личность мертвого человека от его тела? Это может быть крайне трудно для родственников донора, как, например, об этом пишет Пол Каланити: «по-настоящему страшно представлять, что твоих близких: мать, отца, бабушку или дедушку – будет потрошить кучка двадцатидвухлетних смеющихся студентов» [7, с. 66]. Сходной мыслью делится Мэри Роуч, признавая, что «не хотела бы участвовать в эксперименте, пусть даже очень интересном или очень важном, с останками кого-то, кого я знала и любила, ...потому что эмоционально не смогла бы отделить тело от той личности, которой оно недавно принадлежало» [8, с. 6]. Вероятно, решающее значение здесь может иметь фокус взгляда, определяемый тем, есть ли у смотрящего личное отношение к тому, на кого он смотрит, или же речь идет об отстраненно-безличном наблюдении. Если в рамках биомедицинской объективации человеческому телу приписывается инструментальная ценность, то для любящего взгляда, направленного на другого изнутри личного отношения к нему, лицо и тело этого конкретного человека самоценны и не сводимы к социальным, эстетическим или каким-либо иным функциям.

В заключение следует подчеркнуть, что донорство тела представляет собой характерный пример биомедицинской объективации человека. С одной стороны, завещание себя науке предполагает добровольное и осознанное согласие донора на инструментализацию своего тела, превращение его в безымянное учебное пособие для изучения анатомии или отработки хирургических навыков. С другой стороны, у студентов вырабатывается навык объективации как отчуждения в целях защиты – внутренней дистанции от мертвого тела, от мысли о том, что оно когда-то принадлежало живому человеку. Тем самым воплощается принципиальная теоретико-методологическая установка современной биомедицины, согласно которой достоверное знание о человеческом теле возможно только через абстрагирование от его субъектности. Однако, на наш взгляд, в этой основополагающей установке коренится неустранимое противоречие. Познание человеческого тела через его объективацию существенно ограничено и в каких-то аспектах может быть даже разрушительным (в данном контексте для тех, кто усваивает такой взгляд как единственно достоверный и значимый). Доведенные до предела объективация и деперсонификация человека, по сути, означают торжество смерти над жизнью.

Список литературы

1. Хайруллин Р. М. Нужны ли трупы в высшем медицинском образовании? // Морфологические ведомости. 2014. № 4. С. 7-10.
2. Jousselein C., Mailenova F. L'Objectivation du corps et nouvelles technologies // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. Вып. 4 (18). С. 142-147.
3. Prentice R. Bodies in Formation. An Ethnography of Anatomy and Surgery Education. Durham and London: Duke University Press, 2013. 312 p.
4. Мол А. Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 250 с.
5. Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический Проект, 2010. 252 с.
6. Блэк С. Все, что осталось. М.: АСТ, 2019. 400 с.
7. Каланити П. Когда дыхание растворяется в воздухе. М.: Бомбора, 2019. 256 с.
8. Роуч М. Кадавр. Как тело после смерти служит науке. М.: Эксмо, 2011. 352 с.
9. Уэстаби С. Хрупкие жизни. Истории кардиохирурга о профессии, где нет места сомнениям. М.: Бомбора, 2018. 352 с.

СЛУЧАЙ JAHI MCMATH И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ СМЕРТИ МОЗГА

Сергиенко С. К.

заведующий отделением реанимации и интенсивной терапии №1

СПб ГБУЗ «Городская Мариинская больница»

старший научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

E-mail: serserko58@mail.ru

Аннотация. В современном мире смерть человека устанавливается на основании кардиореспираторных или неврологических критериев в соответствии с принятыми медицинскими стандартами. Общеизвестно, что смерть мозга эквивалентна смерти человека. Концепция смерти мозга продолжает развиваться и критерии диагноза пересматриваются по мере накопления знаний и спорных вопросов. Клинический случай Jahi McMath вызвал большой резонанс в обществе и научные споры. McMath перенесла клиническую смерть с аноксическим повреждением мозга. Был установлен диагноз смерти мозга и на этом основании она признана умершей. Родители были против прекращения поддерживающего лечения и настаивали, что общаются с ней. McMath росла, взрослела и прожила почти пять лет. Отсутствие единого мнения среди специалистов относительно случая McMath стало причиной обсуждения достоверности диагноза смерти мозга. В последние годы были предприняты значительные усилия по совершенствованию критериев, стандартизации терминологии и протоколов установления смерти мозга, укреплению доверия общества.

Ключевые слова: смерть мозга, смерть на основании неврологических критериев, диагноз смерти мозга, Джахи МакМат, руководство по смерти мозга.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 23-18-00400 «Смерть, умирание и донорство: междисциплинарное исследование влияния социальных факторов на уход из жизни и развитие трансплантационной помощи».

THE CASE OF JAHI MCMATH AND FURTHER DEVELOPMENT OF BRAIN DEATH CONCEPT

Sergienko S.K.

Head of the Department of Intensive Care №1

St.Petersburg «Gorodskaya Mariinskaya bol'nitsa»

Senior Researcher

The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: serserko58@mail.ru

Abstract. Today, human death is determined based on cardio-respirator or neurological criteria in accordance with accepted medical standards. It is generally accepted that brain death is equivalent to human death. Brain death's concept and the criteria for diagnosis are redefined as knowledge and controversies accumulate. The case of Jahi McMath caused a lot of public attention and scientific discussion. McMath had a cardiopulmonary arrest with anoxic brain damage. She had brain death and was declared dead. The parents were against stopping supportive care and they insisted they had contact with her. McMath matured and lived for almost five years. The lack of consensus among experts on the McMath case led to a discussion of the validity of the diagnosis of brain death. In recent years, considerable efforts had been made to improve criteria, terminology, and to standardize protocols of brain death determination, and to increase public trust.

Keywords: brain death, death by neurologic criteria, brain death diagnosis, Jahi McMath, brain death guidelines.

Во всем мире медицинское сообщество, правовые системы, регулирующие правительственные организации и большинство конфессий признают, что смерть мозга эквивалентна смерти человека.

Концепция смерти мозга была разработана западной медициной и правом. В США в 1968 г. Специальный Гарвардский комитет предложил первые критерии смерти мозга, а в 1981 г. Акт единого определения смерти (Uniform Determination of Death Act, UDDA) декларировал, что смерть устанавливается на основании необратимого прекращения кровообращения и дыхания или необратимого прекращения всех функций головного мозга и мозгового ствола, и что установление смерти должно проводиться в соответствии с принятыми медицинскими стандартами. Критерии смерти мозга продолжают развиваться и совершенствоваться. По мере накопления опыта, новых знаний и появления спорных вопросов, требующих разрешения, возникает необходимость пересмотра процедуры диагностики смерти мозга и внесения изменений и дополнений в рекомендации. Главные научные исследования, правовые и этические конфликты, имеющие отношение к смерти мозга, происходят в англоязычном поле. В последнем десятилетии концепция смерти мозга подверглась серьезным испытаниям [1]. Многообразие протоколов диагностики смерти мозга стало объектом критики. Человек, признанный умершим в одной стране или даже штате, может быть живым в соответствии с законодательством другой страны или штата [2, 3]. Несколько клинических случаев поколебали доверие общества к диагнозу смерти мозга [1]. Наиболее знаковым стал случай Jahi McMath. В одной из клиник Калифорнии в 2013 г. у этой 13-летней пациентки после операции тонзиллэктомии развилось массивное кровотечение с асфиксией и сердечно-легочной реанимацией. Три дня спустя в соответствии с американскими Рекомендациями [4] был установлен диагноз смерти мозга. Родители были категорически против прекращения поддерживающей терапии, ссылаясь на религиозные причины. Суд назначил независимого эксперта, который подтвердил диагноз. Дополнительные тесты (радионуклидное исследование мозгового кровотока и двукратная электроэнцефалография (ЭЭГ) также были положительными. После длительных судебных споров, сопровождавшихся активной кампанией в средствах массовой информации, пациентку вместе со свидетельством о смерти перевели в одну из клиник штата Нью-Джерси. Только в этом американском штате законодательство учитывает религиозное неприятие смерти мозга. Через некоторое время McMath поместили в специально оборудованные апартаменты. В окружении любящей семьи, с хорошим уходом и непрекращающейся ИВЛ, которые обеспечивали квалифицированные медсестры, McMath прожила несколько лет и умерла в 2018 г. из-за внутреннего кровотечения на фоне нарастающей почечно-печеночной недостаточности. Все эти годы девочка росла, взрослела, у нее появились месячные. Мать отрицала диагноз и утверждала, что общается с Jahi. Адвокат семьи через 10 месяцев пребывания McMath в Нью-Джерси подал прошение о признании ее живой. В конце 2014 г. была выполнена повторная ЭЭГ, магнитно-резонансная томография (МРТ) и магнитно-резонансная ангиография (МР-А) головного мозга. Два известных эксперта в вопросах смерти мозга – кубинский невролог Machado С. и американский педиатр Shewmon DA – поддержали мнение семьи, что у McMath нет смерти мозга. Machado С, анализируя ЭЭГ, отметил признаки биоэлектрической активности с реакцией на мамину речь и сохранной вариабельностью сердечного ритма. По его мнению, значительные зоны мозговых структур по МРТ выглядели интактными, имелся медленный мозговой кровоток по МР-А. Shewmon DA согласился с трактовкой МРТ, но не увидел активности по ЭЭГ и достоверного кровотока по МР-А, объяснив это недостаточной чувствительностью метода. Он осмотрел пациентку и признал, что неврологическая картина соответствует смерти мозга. Однако, внимательно изучив видеозаписи McMath, предоставленные ее мамой, он пришел к выводу, что отмечаемые движения являются не спинальными автоматизмами, характерными для смерти мозга, а осознанными реакциями в ответ на команды. Shewmon DA охарактеризовал нарушение сознания у McMath как «состояние малого сознания» (“minimally conscious state”) [5]. Заключение известных специалистов стали сенсацией не только для общества, но и для врачей, ученых, биоэтиков и юристов. В апреле 2018 г. в Бостоне прошла конференция, приуроченная 50-летию Гарвардских критериев смерти мозга, и одно из заседаний было посвящено спорному случаю Jahi McMath (Brain Death and the Controversial Case of Jahi McMath). Изучение феномена продолжается: если в 2018 г. запрос в поисковой системе Google Scholar™ нашел 260 научных статей, посвященных случаю «Jahi McMath» [6], то в 2023 г. таких работ уже было 817 [7]. Развернувшаяся полемика оказалась очень полезной для развития концепции смерти мозга. Продолжая изучение случая, Machado С предположил, что у McMath было не «состояние малого сознания» (трактовка Shewmon DA), а «особое нарушение сознания, неопищенное ранее». Он предложил новый термин – «синдром реактивной неразбудимости» (“responsive unawake syndrome”) [8]. Shewmon DA высказал предположение, что отмечающаяся клиническая картина смерти мозга у McMath подтверждает правильность гипотезы «глобальной ишемической пенумбры» [9]. Суть гипотезы, предложенной бразильским неврологом Coimbra CG в 1999 г., состоит в том, что среди пациентов в глубокой коме, возможно, есть подгруппа с обратимой

глобальной ишемией всего мозга или только мозгового ствола, клинические проявления которой ложно трактуются как необратимое повреждение, и при выполнении апноэтического теста для подтверждения диагноза смерти мозга происходит окончательная гибель мозга [10]. Комментируя заявления пропонентов уникальности случая McMath, Lewis A, нейроинтенсивист и биоэтик из Нью-Йоркского университета, приводит убедительные контраргументы [11,12,13]. Длительный период между прекращением функции головного мозга и наступлением биологической смерти McMath еще раз подтвердил, что тело человека со смертью мозга при соответствующей соматической поддержке может достаточно длительно функционировать. Этот факт не опровергает основной постулат концепции смерти мозга: смерть мозга необратима. За 50-летнюю практику диагностики смерти мозга не было ни одного достоверного случая восстановления функции головного мозга. Анализ всех сообщений о «чудесном» выходе из состояния смерти мозга выявляет те или иные нарушения протокола диагностики [14]. После появления сообщений о «признаках сознания» у McMath, повторный неврологический осмотр для исключения смерти мозга у нее не проводился. Lewis A подчеркивает, что без неврологического осмотра пациентки невозможно судить об уровне ее сознания. Данные МРТ дают представление об этиологии комы, но не являются основанием для подтверждения/исключения диагноза. ЭЭГ является дополнительным тестом, для трактовки которого необходимы неврологические данные. Примечательно, что мать пациентки отказывалась от осмотра ее специалистами. Как заметил Truog RD, американский биоэтик, детский анестезиолог, случай McMath оставил ощущение «вызывающей неопределенности по поводу наиболее важного экзистенциального вопроса – как нам узнать, жив человек или мертв?» [15]. Truog RD предложил свою модель для объяснения случая. Юридические категории имеют четкое разграничение, тогда как биологические имеют тенденцию выстраиваться в виде спектра. С исполнением 18 лет человек становится совершеннолетним и сразу переходит в другую правовую категорию, но в биологическом плане взросление – протяженный во времени процесс. Так и повреждения мозга представляют спектр, в верхней части которого расположен здоровый мозг, а в нижней – смерть мозга, тоже в виде спектра от сохранности нейросекреторной функции до жидкого состояния мозга. Возможно, рассуждает Truog RD, со временем McMath действительно «приподнялась» в спектре нарушения сознания, как это бывает с пациентами в вегетативном состоянии [15].

Случай Jahi McMath показал важность урегулирования ряда спорных вопросов, имеющих отношение к установлению диагноза смерти мозга. В 2020 г. был опубликован результат многолетней работы международной мультидисциплинарной группы экспертов The World Brain Death Project – согласительный документ, предлагающий минимум обязательных клинических стандартов для установления смерти мозга/смерти на основании неврологических критериев [16]. Целью проекта было достижение в мировом медицинском сообществе единообразного представления о «смерти на основании неврологических критериев» (рекомендуемый термин). В новом определении этого состояния не используется фраза «весь мозг», напротив, подчеркивается, что «сохранность на клеточном уровне нейрональной и нейроэндокринной активности не препятствует установлению диагноза». Документ сопровождается объемным справочным материалом (более 300 стр. текста), в котором подробно обсуждаются все аспекты установления диагноза, в том числе даны рекомендации по урегулированию ситуаций, подобных случаю McMath. Идея стандартизации протоколов уже реализовалась в новых американском и канадском протоколах, появившихся в 2023 г. Американская Комиссия по Единообразному законодательству (The Uniform Law Commission) с 2021 г. работает над новой редакцией Акта единого определения смерти, в которой будут учтены изменения, произошедшие в представлении о смерти с 1981 г. [17].

Понятие смерти мозга возникло благодаря прогрессу медицины. Неудивительно, что появление новых технологий и способов лечения будет и дальше отодвигать границы смерти. У пациентов, которые раньше были обречены, появляются шансы на выздоровление. Необходимость периодического пересмотра медицинских стандартов установления смерти на основании неврологических критериев очевидна. Эти стандарты должны быть едиными и обеспечивать абсолютное отличие смерти от жизни и гарантировать ее перманентность.

Список литературы

1. Lewis A, Greer D. Current controversies in brain death determination // *Nat Rev Neurol*. 2017. V. 13, № 8. P. 505-509.
2. Wahlster S, Wijidicks EF, Patel PV, et al. Brain death declaration: Practices and perceptions worldwide // *Neurology*. 2015. V. 84, № 5. P. 1870-9.

3. Greer DM, Wang HH, Robinson JD, et al. Variability of Brain Death Policies in the United States // JAMA Neurol. 2016. V. 73, № 2. P. 213-8.
4. Nakagawa TA, Ashwal S, Mathur M, et al.; Society of Critical Care Medicine; Section on Critical Care and Section on Neurology of the American Academy of Pediatrics; Child Neurology Society. Guidelines for the determination of brain death in infants and children: an update of the 1987 Task Force recommendations // Crit Care Med. 2011. V. 39, № 9. P. 2139-55.
5. Shewmon DA. Truly Reconciling the Case of Jahi McMath // Neurocrit Care. 2018. V. 29, № 2. P. 165-170.
6. Lewis A. The Legacy of Jahi McMath // Neurocrit Care. 2018. V. 29, № 3. P. 519-520.
7. Google Scholar. Результаты по запросу 'Jahi McMath'. [Электронный ресурс]. URL: https://scholar.google.com/scholar?hl=en&as_sdt=0%2C5&q=%E2%80%98Jahi+McMath%E2%80%99&btnG= (дата обращения 17.12.2023).
8. Machado C. Jahi McMath: a new state of disorder of consciousness // J Neurosurg sci. 2021. V. 65, № 2. P. 211-3.
9. Shewmon DA, Salamon N. The MRI of Jahi McMath and Its Implications for the Global Ischemic Penumbra Hypothesis // J Child Neurol. 2022. V. 37, № 1. P. 35-42.
10. Coimbra CG. Implications of ischemic penumbra for the diagnosis of brain death // Braz J Med Biol Res. 1999. V. 32, № 12. P. 1479-87
11. Lewis A. Reconciling the Case of Jahi McMath // Neurocrit Care. 2018. V. 29, № 1. P. 20-22.
12. Lewis A. The Legacy of Jahi McMath // Neurocrit Care. 2018. V. 29, № 3. P. 519-520.
13. Lewis A. Response to Machado et al. re: Jahi McMath // Neurocrit Care. 2018. V. 29, № 3. P. 523-524.
14. Wijdicks EF, Varelas PN, Gronseth GS, Greer DM; American Academy of Neurology (AAN). Evidence-based guideline update: determining brain death in adults: report of the Quality Standards Subcommittee of the American Academy of Neurology // Neurology. 2010. V. 74, № 23. P. 1911-8.
15. Truog RD. Lessons from the Case of Jahi McMath // Hastings Cent Rep. 2018. V. 48, Suppl 4. P. S70-S73.
16. Greer DM, Shemie SD, Lewis A, et al. Determination of Brain Death/Death by Neurologic Criteria: The World Brain Death Project // JAMA. 2020. V. 324, № 11. P. 1078-1097.
17. The Uniform Law Commission. [Электронный ресурс] URL: (<https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=a1380d75-62bc-4a5b-ba3a-e74001a9ab57>) (дата обращения 21.01.24).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ НЕХВАТКИ ОРГАНОВ: ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И МОТИВАЦИЙ В ДИСКУРСЕ О ДОНОРСТВЕ ОРГАНОВ

Сидорова Т.А.

Кандидат философских наук

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

E-mail: t.sidorova@g.nsu.ru

Аннотация. В статье обозначены основные подходы к пониманию социальных институтов с целью поиска релевантного подхода к решению проблемы дефицита органов для трансплантации. Идеационная трактовка институтов как «правил игры» связывает институты с ценностными основаниями, которые определяют выбор индивидов и выстраивают типы социальных взаимодействий и практик. Актуализируя приверженность ценностям солидарности и жертвенности, можно сформировать устойчивую институциональную практику дарения органов. На примере высказываний в дискуссии о трансплантации на городском сайте выявляются значимые детерминанты мотивации в вопросах готовности стать донором. Поддерживающая позиция часто обоснована христианскими ценностями. Отрицающая позиция апеллирует к негативному социальному опыту с явлениями несправедливости, коррупции, неуважения человеческого достоинства, автономии и прав пациентов в медицинских отношениях. Правило солидарной связи как основополагающего смысла медицины должно стать институциональной формой дарения органов.

Ключевые слова: социальные институты, институциональный подход, биоэтика, трансплантация органов, дарение органов, жертвенность, солидарная связь.

INSTITUTIONAL APPROACHES TO ALLEVIATING ORGAN SHORTAGES: EXPLORING VALUES AND MOTIVATIONS IN THE DISCOURSE ON ORGAN DONATION

Sidorova T.A.

CSc in Philosophy

Novosibirsk National Research University

E-mail: t.sidorova@g.nsu.ru

Abstract. The article outlines primary approaches to understanding social institutions to identify a relevant approach to addressing the problem of organ shortage for transplantation. The ideational interpretation of institutions as "rules of the game" connects institutions with the underlying values that dictate individuals' choices and shape types of social interactions and practices. By actualizing commitment to the values of solidarity and altruism, it is possible to form a sustainable institutional practice of organ donation. Significant determinants of motivation regarding readiness to become a donor are identified through statements in discussions about transplantation on a city website. Supporting positions are often grounded in Christian values. Conversely, opposing positions appeal to negative social experiences involving injustices, corruption, and disrespect for human dignity, autonomy, and patient rights in medical relationships. The rule of solidarity as the foundational principle of medicine should become an institutional form of organ donation.

Keywords: social institutions, institutional approach, bioethics, organ transplantation, organ donation, altruism, solidarity.

Развитие институтов определяет динамику усложнения элементов и структур, функциональных взаимосвязей в общественной системе. Появление институтов свидетельствует о формировании новых пространств для социальных отношений, об оформлении новых практик и возникновении новых правил и смыслов для взаимодействия. Институты – это всегда идея осуществления каких-либо практик (М. Ориу). Поланьи, в своих работах, ставшими классикой в институционализме, убедительно показал, что общественные институты не являются чем-то универсальным и имеют свою специфику в различные исторические периоды и в различных культурах [1]. Проблемы, которые обсуждаются в биоэтике можно рассматривать как специфический вид социальных проблем или, по крайней мере, биоэтические дискуссии указывают на проблемные зоны в социуме. Институционализация с одной стороны представляет собой завершающую стадию, но с другой, создание института может носить поисковый, пробный характер в решении социальных проблем и в итоге завершится изменением, реконfigurацией исходных предпосылок, предшествующих самой проблеме.

Коренную проблему развития трансплантологии – дефицит органов для пересадки можно рассматривать в нескольких проекциях: в рамках медицинской науки и отрасли здравоохранения, как проблему индивидуального выбора и социально организованной практики выражения солидарных отношений. Как отмечают ученые, необходим комплексный подход, учитывающий возможности научно-технологического прорыва и социогуманитарного обеспечения доверия со стороны общества. [2]. И теоретически и практически такую комплексность можно реализовать в институциональном подходе. Институциональному анализу подвергается организация трансплантологической помощи, практики поиска и забора органов, выражение согласия на забор органов, процедурные аспекты констатации смерти, дарение органов, доверие, формирование позитивного отношения к донорству и другие медицинские и социальные аспекты, которые нужно принимать во внимание, чтобы развивать трансплантологию [3]. При этом под институтами чаще всего предполагается либо форма организации того или иного процесса, либо нормативное закрепление той или иной практики.

Для институционального анализа принципиальное значение имеет само понимание социального института. Наибольшее распространение в этом направлении получили следующие интерпретации институтов: (1) Институт как публичная система правил, определяющих роль и статус (Дж. Ролз), (2) Институты – это коллективные действия, связанные с контролем, освобождением и расширением действий индивидов (Дж. Коммонс), (3) институты представляют собой высшую степень господствующих и стандартизированных привычек в том или ином обществе (У. Митчелл) [4].

В социально-гуманитарном знании обоснование институтов как разнообразных форм социального бытия так или иначе размещались в координатах трехмерной структуры: институты трактовались в их «свернутом состоянии» – как бытие эмпирического объекта (структурный уровень); как развертывание содержания социальных форм или механизм обеспечивающий его функционирование (функциональный уровень); как результат сознательной деятельности индивидов (идеационный или смысловой уровень). В качестве институтов рассматривались: а) определенная совокупность учреждений, соответствующих социальной структуре общества (институты экономической, политической, социальной, культурной, образовательной сфер и т.д.); б) совокупность социальных норм и культурных образцов, определяющих устойчивые формы социального поведения (например, системы норм морали, права, культурные паттерны, традиции и т.п.); в) система поведения в соответствии с этими нормами (политическое, религиозное поведение, семейные отношения и др.) [5]. Поэтому в институционалистских подходах в социологии, юриспруденции, в экономической науке под институтами структуралисты понимали коллективных субъектов, социальные группы и организации, функционалисты – особые социальные механизмы, обеспечивающие воспроизводство определенных социальных практик и социальных отношений. Третий уровень представляет институты как «своеобразные фабрики смыслов, задающие не только образцы человеческих взаимодействий, но и способы осмысления, понимания социальной реальности и самих людей» [6, с. 4]. Направление неоинституционализма, в рамках которого осуществлен новый подход к институтам, не столько связано с узкой или широкой трактовкой институтов как эмпирических объектов, сколько с выявлением в них значений, специфичных для современных социальных процессов. В социальной философии и в теоретической социологии в последние десятилетия происходило переопределение смысла социальности. От структурного неклассического подхода произошел переход к постнеклассической парадигме с гетерогенным пониманием общества: оно стало трактоваться как сетевое, уподобляться ризоме или гетерархии, его материальный субстрат выражают отношения, которые выступают тем или иным видом коммуникации.

Один из первых представителей нового направления Т. Веблен понимал под социальными институтами «различные обычаи, преобладающие стереотипы мышления, способы и методы деятельности, укоренившиеся в сознании людей». Эволюцию социальных институтов, также как и природу человека, он видел в естественном отборе наиболее приспособленного образа мыслей и типа поведения. Эти идеи развивал другой экономосоциолог У. Гамильтон, который делал акцент на идеационном смысле институтов. «Социальные институты – словесный символ для лучшего описания группы общественных обычаев, постоянный способ мышления или действия, который стал обычаем для народа. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособляем свою жизнь, представляет собой сплетение и непрерывную ткань социальных институтов». [7]. В рамках институциональной экономики институты рассматривались в качестве условий, влияющих на выбор стратегий экономического поведения и мотивации рационального экономического выбора. В 70-90 годы XX в. в экономической науке произошел новый всплеск интереса к институтам. В отличие от «старых» институционалистов, неоинституционалисты О. Уильямсон, Р. Коуз, Д. Норт и др. придавали понятию института более широкий смысл, рассматривая их в качестве важнейших факторов экономических взаимодействий. Если стандартная неоклассическая модель рассматривала человека как существо гиперрациональное, то неоинституционалисты обращают внимание на такие поведенческие предпосылки как ограниченная рациональность и оппортунистическое поведение, т.е. возможность изменять ранее принятое решение. Неоинституционалисты поставили во главу угла проблему мотивации человеческого поведения, их интересует непосредственно процесс принятия решений, его условия и предпосылки. В этой связи большое значение приобретают сложившиеся в обществе нормы и правила поведения людей, которые называют «мягкой инфраструктурой экономики» [8]. Д. Норт называет институты «правилами игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, в социальной сфере или в экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» [9]. В институтах Д. Норт выделяет три главных составляющих: а) неформальные ограничения (традиции, обычаи, всякого рода социальные условности); б) формальные правила (конституции, законы, судебные прецеденты, административные акты); в) механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, полиция и т.д.).

По поводу ограничительной стратегии правил ведутся дискуссии. И в качестве альтернативы предложена «равновесная» трактовка смысла институтов, согласно которой институты являются инфраструктурой, обеспечивающей равновесное функционирование социальной системы.

Солидарную связь можно рассматривать в качестве базовой институциональной идеи медицинской помощи вообще, и в трансплантологии такое значение солидарности проявляется максимально. Выстраивая практики жертвования органов на основе идеи солидарности, можно сформировать устойчивый институт посмертного дарения органов. Идея солидарной связи заключается в представлении о нравственном императиве взаимной заботы о жизни и здоровье членов морального сообщества, к которому относятся граждане нашей страны. Такой императив как основополагающий волевой мотив будет формировать соответствующую готовность и ожидания альтруистического поведения в посмертном распоряжении своим телом. Чтобы актуализировать это правило для мотивации в индивидуальном выборе, важно делать акцент на ценностных основаниях солидарной связи. В этом отношении показателен пример Испании, который комитет по биоэтике ЮНЕСКО рекомендовал для использования в других странах [10]. В Испании институализация дарения органов произошла в первую очередь не организационным и нормативным путем. Общественный консенсус в отношении дарения органов сформировался на основе христианской ценности жертвенности и приоритета духовного бытия над телесным. Очевидно, что для многих обществ, столкнувшихся с проблемой дефицита органов, христианские идеи глубоко значимы и могут лежать в основе общественной консолидации в рамках системы взаимодействий по правилам, основанным на этих ценностях.

Институциональный анализ таким образом должен представлять собой выявление оснований выбора, который делают люди, решая вопрос о том, готовы ли они пожертвовать орган для другого человека.

Иллюстрацией для выявления таких оснований может служить обсуждение на городском сайте в Новосибирской области. Весной 2016 г. губернатор Новосибирской области подписал постановление по реализации федеральной программы выделения трансфертов на поддержку трансплантологии. Без принятия областного документа, трансферт бы не выделили, такова процедура. Речь в документе идет о координации и взаимодействии медицинских организаций при осуществлении трансплантации, организации работы донорской базы, а также порядке отбора кандидатов для пересадки. В постановлении, кроме того, говорится о потенциальных донорах, т.е. пациентах реанимационных отделений, у которых «ожидается остановка циркуляторной и дыхательной деятельности, в сроки совместимые с возможностью изъятия объектов трансплантации или пациента, в отношении которых при работающем сердце и искусственной вентиляции легких начата процедура констатации смерти мозга».

После публикации постановления на популярном городском сайте появилась статья об этом документе, при обсуждении которой разгорелась бурная дискуссия. Тон статьи вполне нейтральный, свидетельствовал о стремлении помочь разъяснить населению положение в трансплантологии, которое требует поддержки и развития. Дискуссия на городском форуме, с точки зрения строгих социологических критериев, не позволяет использовать количественные методы для получения объективных данных, однако, анализ высказываний, и очевидная тенденция отрицательного отношения к закону, позволяет рассматривать ее как образец неудачного, с точки зрения институционального подхода, действия – публикации постановления и, комплиментарного развитию трансплантологии в регионе, комментария к этому постановлению [11].

За время активной фазы в дискуссии приняли участие примерно 325 человек. Только 32 из них, т.е. примерно 10%, согласились с предложенным в постановлении порядком забора органов, основанном на презумпции согласия. Примерно 5% в принципе поддерживают трансплантологию, но предлагают изменить форму выражения согласия. Соответственно, подавляющее большинство, 85% высказавшихся категорически, чаще всего очень эмоционально, отрицают возможность осуществления норм этого закона, в первую очередь нормы забора органов без заранее выраженного согласия. Вот типичные высказывания.

«Я не совсем поняла. То есть, даже спрашивать у родственников не обязательно? И сам человек при жизни письменного волеизъявления на изъятие не давал, а просто кто - то решил, что орган можно изъять? А если у человека религия не позволяет быть похороненным без отдельных частей? Прямо надругательство какое-то. Посмертное. Это должно быть добровольное решение, принятое усопшим ещё при жизни. А так какой-то очень сомнительный закон...». «Категорически против. Органы изымаются у живых людей, а не у трупов. Человек или жив, или умер. Какая к чёрту смерть мозга? Не зря не хожу по врачам, не хочу, чтобы меня внесли в список потенциальных доноров...» [11].

Основаниями индивидуальных позиций являются различные социальные обстоятельства, например, сложившееся в обществе недоверие к врачам, к медицине, к системе здравоохранения в целом, неравенство доступа к благам медицины, в частности к высокотехнологичным видам медицинской помощи, социальное расслоение, представление о справедливом социальном порядке, в котором и здравоохранение тоже справедливое. Высказывания, где выбор обосновывался культурно обусловленными ценностями, чаще оказывались в позитивной шкале оценок. В этом случае свое решение отдать орган люди связывали с жертвенностью, связью с Богом, осуждением скаредности, готовностью помочь, спасти другого человека. Но и в культурных детерминациях встречаются суждения о «родовых» пороках, например, склонности к алкоголизму, что приводит к использованию чужих органов, врожденному страху перед карающей мощью государства, рассуждением о государстве как изначально несправедливом, подавляющем свободу выбора отдельной личности, узурпирующем право решать не только при жизни человека, но и после его смерти. Несколько раз форумчане спрашивали о мнении Церкви. И такое разъяснение появилось в виде комментария соответствующего положения из Социальной концепции РПЦ. Православная церковь не отвергает возможность посмертной передачи органов для трансплантации, но только с согласия самого человека или родственников, категорически отвергая презумпцию согласия.

Кроме того, в высказываниях форумчан можно выделить и политико-правовую детерминацию их нормативных взглядов. К таковым нужно относить представление о легитимности решения губернатора, т.к. многие не знают о существовании федерального закона и думают, что презумпция согласия – инициатива руководителя области. Есть также суждения о том, какие процедуры легитимации в этом случае будут справедливы, например, это референдум или предварительное широкое обсуждение. Сомнения основываются на убеждении, что неизбежна коррупция как при заборе органов, так и при распределении. Причем о несправедливости в распределении органов говорят не только на уровне региона или страны, но в международном масштабе, о том, что не только власть, но и закон, представляет прежде всего интересы богатых. Следует констатировать, что в отношении к органному донорству высветились все узловые проблемы здравоохранения, это и ощущение незащищенности, неуважения человеческого достоинства и автономии, несправедливости в доступности дорогостоящей медицины.

Институциональный подход в его идеационном варианте подсказывает, что нужно работать с ценностями. Должна быть выстроена четкая, ассоциированная с трансплантологией как безальтернативным видом спасения жизни, система смысловых координат, значимых и уважаемых в обществе. Эти координаты должны быть не просто озвучены, проговорены, чтобы подтвердить ориентацию на них в сознании граждан, они должны быть положены в основу всей концепции развития трансплантологии.

Список литературы

1. Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетей, 2014.
2. Апории современной трансплантологии / Под ред. О.Н. Резника. М.: Канон+ РООН «Реабилитация», 2020.
3. Горбунова Е. Институт дарения органов в трансплантологии / Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 12: между биофилософией и биоэтикой: сборник статей. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2018. С. 241-245.
4. Равочкин Н.Н. Исследования институтов в социальных науках: к постановке проблемы философского анализа // Конфликтология. 2020. № 4. С. 50-78.
5. Сидорова Т.А. «Правила игры» в институтах биоэтики // Биоэтика. 2019. № 1. С. 15-19.
6. Лекторский В.А. Предисловие к сборнику «Знание в связях социальности» / Знание в связях социальности. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С.4-6.
7. Гавра Д.П. Социальные институты. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xserver.ru/user/sozin/> (дата обращения: 19.02.2024).
8. Нуреев Р.М. Институционализм: вчера, сегодня и завтра. [Электронный ресурс]. URL: gustempureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/182.pdf (дата обращения: 19.02.2024).
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: «Начала», 1997. 180 с.

10. Попова О.В. Социокультурные основания формирования различных национальных систем органного донорства // Апории современной трансплантологии / Под ред. О.Н. Резника. М. Канон+РООН «Реабилитация», 2020. С. 156-215.

11. Комментарии к публикации «Пожил – передай другому». 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.ngs.ru/comments/50003643/> (дата обращения: 19.02.2024).

ДАР И ДОВЕРИЕ

Болотникова Е.Н.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
Самарский государственный медицинский университет
E-mail: e.n.bolotnikova@samsmu.ru*

Аннотация. В исследовании представлена связь между даром и доверием. Объектом дарения выступают органы и ткани, а дар осуществляется в инновационной медицинской практике донорства. Доверие рассматривается как ценность и нравственная установка общественного сознания, влияющая на отношение к донорству и самой его практике. Показано, что введение донорства в систему ценностей в перспективе доверия способствует выходу за оппозицию коммерческое / альтруистическое донорство, вносит вклад в формирование этического благополучия и общественного консенсуса, способствует снижению дефицита донорских органов и тканей. Субъектами трансформации ценностных основ могут выступать как формальные, так и неформальные общественные институты. Первые - через поддержку инициатив населения, переводя граждан из регистра потребления в регистр созидательного сотрудничества в производстве "общего блага", вторые - через апелляцию к этической стороне скупости.

Ключевые слова: дар, доверие, социальные институты, избыток, скупость, донорство.

GIFT AND TRUST

Bolotnikova E.N.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies
FSBEI HE SamSMU MOH Russia
E-mail: e.n.bolotnikova@samsmu.ru*

Abstract. The study explores the connection between gift and trust. Organs and tissues are the objects of donation, and the act of giving is carried out in the innovative medical practice of donation. Trust is considered a value and moral stance in the public consciousness, influencing attitudes towards donation and its practice. It is demonstrated that integrating donation into the system of values, in the perspective of trust, contributes to overcoming the opposition between commercial and altruistic donation, contributes to the formation of ethical well-being and public consensus, and helps reduce the shortage of donor organs and tissues. The subjects of the transformation of value foundations can be both formal and informal social institutions. The former do so by supporting initiatives from the population, shifting citizens from the consumption register to the register of constructive collaboration in the production of the "common good," while the latter do so by appealing to the ethical aspects of thrift.

Keywords: gift, trust, social institutions, excess, thrift, donation.

На наш взгляд, отношение населения к практике донорства органов и тканей, как прижизненного, так и посмертного, связано с системой ценностей, разделяемых конкретным обществом. В системе ценностей аккумулируются исторические, религиозные, культурные предпочтения, сформированные общественным сознанием и определенным образом поддерживаемые и/или трансформируемые усилиями органов власти. Инновация донорства в медицинской практике является также и инновацией, новым объектом анализа и осмысления в системе ценностей. В самом

общем виде, реакция на новые элементы в общественном сознании имеет два варианта: встраивание нового элемента в имеющуюся систему ценностей и преобразование, революция, переворот имеющейся системы ценностей в связи с принципиально новым элементом, либо с принципиально новой трактовкой традиционного элемента системы.

Если такие ценности как справедливость, уважение, патриотизм и др. имеют значение для всех людей, встречаются во всех культурах, то донорство выступает такой практикой, которая обретает ценность только в определенных обстоятельствах и для определенных групп людей и индивидуально. Она не носит тотального характера. Таким образом, донорство, в отличие, например, от радикально новой трактовки справедливости, которая содержалась в лозунгах российской революции 1917 года, не является источником переворота общественного сознания, не революционизирует имеющуюся систему ценностей. На данный момент проходит этап своеобразного вписывания практики донорства в имеющуюся систему ценностей российского общества. Рефлексия и поиск ценностных регистров, где и как именно может быть понято и принято донорство, осуществляется многими авторами как в России [1, 2, 3, 4, 5], так и за рубежом [6]. Все эксперты отмечают проблематичность функционирования донорства как социальной практики. Оценки различаются: от этической пропасти до воодушевляющего оптимизма. Поле проблем связано с растущим дефицитом донорских органов и тканей. Отсюда следует необходимость выстраивания соответствующей социальной политики, которая решит проблему дефицита. Общественные институты стоят перед задачей вписывания донорства в систему ценностей, благодаря чему возможно санкционирование, поощрение и развитие практики донорства, перевода этой практики в тотальный режим всеобщего принятия. На наш взгляд, практика донорства, связана с ценностями дара и доверия.

В гуманитарном дискурсе по теме дара наиболее известна работа М. Мосса. В «Опыте о даре» он очертил «экономику дара» которая «экономике капитала», символическое значение дара превосходит его экономические эффекты многократно. Значимым в контексте предмета нашего исследования является идея М. Мосса о «тотальном человеке», понимаемом как единство биологических, психических и социальных черт; его тезис «Значительная часть наших нравственных законов... погружена в атмосферу, соединяющую в себе дар, долг и свободу.... У нас есть не только мораль торговцев» [7, с. 262], и призыв « – нам надо вернуться – к нравам "благородных трат"» [7, с. 267].

В отношении доверия наиболее часто исследуют доверие потребителей и доверие к органам власти [8]. Однако, среди современных исследований нам представляется примечательным мониторинг счастья, который распространяется на все страны и включает в себя, в том числе, индекс доверия, связывая его с показателями благополучия. Суть исследования уровня доверия можно свести к ответу на вопрос: *доверяете ли вы большинству?* Как пишет Аузан А.А., положительный ответ в России встречается крайне редко. И если бы в нашем государстве люди доверяли большинству в такой же степени, как это принято в Швеции, то каждые 100 рублей в нашем кармане превратились бы в 169 рублей [9]. Казалось бы, как все это связано с донорством?

Доверие является феноменом поля социальных связей, результатом их функционирования в определенном порядке, ценностью в системе социальных отношений там и тогда, где и когда индивид полагается на взаимность, здравый смысл, работающую справедливую систему правил и сопоставимый ответ того, с кем вступает в отношения. Речь идет не об утилитарном подсчете в логике «ты – мне, я – тебе», но об экономике дара, в которой объединяются дар, долг и свобода, ибо без последней невозможно, собственно, само доверие. Логично допустить, что чем выше будет уровень доверия в обществе, тем более непротиворечивым будет встраивание практик донорства в систему ценностей российского общества как актов дарения. Рост доверия в обществе с 2018 по 2023гг. составил 2% [10], что дает определенные надежды. Наиболее существенным фактором, влияющим на формирование уровня доверия в обществе, является возможность инициировать деятельность, направленную на благо, и обретать сторонников, поддержку в реализации своей инициативы. Так индивидуальная трактовка блага может стать "каплей" в море "общественного блага".

Отметим, что доверие формируется не только в поле официальных связей, формальных социальных институтов. В поле неформальных сообществ регуляторами выступают ценности и нормы, часто невербализуемые, функционирующие в недискурсивном режиме, как само собой разумеющиеся, аккумулированные в повседневности. Доверие в неформализованном пространстве противостоит такому феномену как скупость, которую М. Долар определяет как «маленькая неприличная страсть, опирающаяся на материальное, преследующая прибыль, накопление во имя накопления...» [11, с. 6]. Последняя является максимально неприемлемой для неформальных отношений, поскольку попытки ее рационализации в форме экономности, рачительности и проч. *argiōi* не могут увенчаться успехом.

Скупость как страсть калькуляции не синхронизируется со страстью сердца, свободой выбора, дара, поступка.

На наш взгляд, общим в деятельности формальных и неформальных общественных институтов, что позволит развивать доверие и непротиворечиво включать в систему ценностей донорство как акт дарения, является усилие открытости, нравы "благородных трат" и логика свободного дара.

Список литературы

1. Попова О. В. Дар и донорство в медицине: от альтруистических практик к этической пропасти // Горизонты гуманитарного знания. 2022. № 5. С. 3–21. DOI: 10.17805/ggz.2022.5.1.
2. Попова, О. В. Дарение как эпистемическая добродетель: казус биомедицины // Эпистемология и философия науки. Т. 58. № 4. С. 158–174. DOI: 10.5840/eps202158467.
3. Виноградов В. Л. Актуальные вопросы органного донорства. Введение. Лекция // Трансплантология. 2013. № 4. С. 15–23.
4. Антипов А. В. Биоэтика и проблемы умирания в контексте развития органного донорства // Философия и общество. 2023. № 4. С. 125–141. DOI: 10.30884/jfio/2023.04.08.
5. Хубулава Г. Г. Этические аспекты «живого» донорства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. № 4. С. 79–84.
6. Brown S. J. Autonomy, Trust and Ante-mortem Interventions to Facilitate Organ Donation // Clinical Ethics. 2018. Vol. 13, № 3. P. 143–150.
7. Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с.
8. Бенц Д. С., Казадаев М. С. Индикаторы уровня доверия к общественным институтам // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 12 (470). Экономические науки. Вып. 79. С. 245-252. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11227.
9. Аузан А.А. Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа / А.А. Аузан. М.: Издательство АСТ, 2022. 160с.
10. ВЦИОМ оценил изменения уровня общественного доверия за последние пять лет. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240111/vtsiom-1920720356.html/> (дата обращения 22.01.2024).
11. Долар М. О скупости и связанных с ней вещах: тема и вариации / Пер.со словен. А.Красовец. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 440 с.

РЕЛЯЦИОННАЯ (СЕМЕЙНАЯ) МОДЕЛЬ ОРГАНОГО ДОНОРСТВА: КИТАЙСКИЙ ОПЫТ

Попова О.В.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

E-mail: J-9101980@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена реляционная (семейная) модель органного донорства, характерная для китайского общества. Показано, что она является отражением влияния культурных традиций Китая на развитие современной медицины. Данная модель опирается на представления о конфуцианской модели личности, в контексте которой значимым становится акцент на отношениях между людьми, а не на автономном волеизъявлении отдельного субъекта. В рамках семейной модели предполагается, что члены семьи лучше всего понимают и отражают последние желания умершего по вопросу о распоряжении собственным телом, то есть рассматриваются как «трансляторы» его (умершего) ценностных установок, которые он выражал при жизни. Семейная модель органного донорства, присущая Китаю отражает специфику китайского биоэтического подхода в сфере органного донорства. Китайская биоэтика стремится объединить инновационные знания и этику, сохраняя при этом некоторые аспекты традиционной китайской культуры, которые могут взаимодействовать с развитием науки и технологий, а в некотором смысле даже его стимулировать.

Ключевые слова: органное донорство, трансплантация органов, семейная модель донорства, реляционная этика, реляционная модель личности.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 23-18-00400 «Смерть, умирание и донорство: междисциплинарное исследование влияния социальных факторов на уход из жизни и развитие трансплантационной помощи»

RELATIONAL (FAMILY) MODEL OF ORGAN DONATION: CHINESE EXPERIENCE

Popova O.V.

Leading Researcher

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

E-mail: J-9101980@yandex.ru

Abstract. The article examines the relational (family) model of organ donation, typical for Chinese society. It is shown that it reflects the influence of Chinese cultural traditions on the development of modern medicine. This model is based on the Confucian model of personality, in the context of which the emphasis on relations between people rather than on the autonomous will of an individual subject becomes significant. The family model assumes that family members best understand and reflect the last wishes of the deceased regarding the disposition of his or her own body, i.e. they are seen as "translators" of his or her (the deceased's) values that he or she expressed during life. China's family model of organ donation reflects the specificity of the Chinese bioethical approach to organ donation. Chinese bioethics seeks to integrate innovative knowledge and ethics while preserving certain aspects of traditional Chinese culture that may interact with, and in some ways even stimulate, the development of science and technology.

Keywords: organ donation, organ transplantation, family model of donation, relational ethics, relational model of personality.

Трансплантации органов в Китае началась еще в 1960-х годах. Как и во многих других странах история развития трансплантологии оказалась сопряжена с этическими проблемами. Долгое время Китай обвиняли в использовании органов казненных заключенных, в 2012 г. отмечалось, что в 65 процентах операций по трансплантации, проведенных в Китае, использовались органы умерших доноров; более 90 процентов из них были казнены [1, р. 862]. Однако под давлением международного сообщества постепенно (ориентировочно с 2015 г.) происходит отказ от данной практики и начинается новый этап переосмысления проблемы нехватки донорства органов.

В настоящее время Китай придерживается семейной модели органного донорства, демонстрируя влияние традиционного культурного кода на развитие биомедицинских практик. Китайская модель донорства отличается от основных моделей посмертного донорства - презумпции согласия и испрошенного согласия. Система, основанная на добровольном согласии членов семьи умершего на передачу его органов, является принципиально иной по сравнению с существующими западными моделями органного донорства, в которых люди до своей смерти могут выразить согласие на передачу своих органов. Например, такая возможность может быть реализована через регистр волеизъявлений (Великобритания, Германия, Испания) или карточку водительских прав, где отражено согласие на органное донорство или же отказ от него (США).

В Китае решение о передаче органов принимает круг близких людей - семья умершего. Тем самым предполагается, что члены семьи являются людьми, лучше всего понимающими и отражающими последние желания умершего по вопросу о распоряжении собственным телом, то есть рассматриваются как «трансляторы» жизненных установок умершего. Тем не менее реальная медицинская практика показывает, что доля семей, соглашающихся на передачу органов умершего члена семьи, довольно низка. В последние годы Китай проводит реформу системы органного донорства, стимулируя развитие модели семейного согласия.

Семейная модель органного донорства, присущая Китаю отражает специфику китайского биоэтического подхода в сфере органного донорства. Китайская биоэтика стремится объединить инновационные знания и этику, сохраняя при этом некоторые аспекты традиционной китайской культуры, которые могут взаимодействовать с развитием науки и технологий, а в некотором смысле даже его стимулировать.

Акцент на семейных отношениях в китайском контексте является фундаментом для самопонимания субъекта в области трансплантологии. Значимость при этом приобретает реляционная

модель личности (личности, определяемой отношениями), которая противопоставляется западному индивидуализму и автономии личности, лежащих в основании западных либеральных биоэтик. В силу этого подчеркивается приоритет разветвленных социальных отношений и семейных связей над индивидуальным частным волеизъявлением.

Такая специфическая особенность этического самопонимания, определяет особый взгляд на человеческое тело в области биомедицинских практик и донорства органов, в частности. Присущее культуре Китая восприятие телесности фундировано на конфуцианском мировоззрении, где огромное значение приобретает взаимодействие между людьми, а человеческое тело — это не столько инструмент, которым вправе свободно распоряжаться отдельный человеческий индивид, сколько сформированная культурой и социумом данность, который должна рассматриваться сквозь призму существующих социальных отношений.

В отношении развития посмертного органного донорства фактор культуры и акцент на реляционной модели личности становятся основополагающими. Поскольку развитие органного донорства в Китае осуществляется в рамках семейной реляционной модели, ориентация на конфуцианское мировоззрение в сфере здравоохранения подразумевает, что донорство органов рассматривается как подарок от семьи донора, а не от самого индивида, которому принадлежало тело как источник органов, тем самым фиксируя важность ситуации, в которой окончательная распорядительная власть также должна принадлежать семье донора [2, р. 554].

Телесный дар, воплощенный в донорском органе, соотносится с добродетелью «жень», основанием которой выступает семейная любовь, являющаяся основополагающей для конфуцианской традиции. Конфуцианская этическая традиция, ключевым понятием которой является семья, оказывает сильное влияние на развитие китайского общества. Пример с органным донорством показателен для понимания культурной специфики китайской биоэтики. Однако он также характеризует специфическое восточноазиатское отношение к органному донорству, которому присущи характерные черты, подтверждаемые социологическими исследованиями. Так, С. Лю и соавторы провели исследование 400 студентов колледжей Ляонинского университета (Китай) и Университета Кюсю, Япония [3, р. 2098-2101]. Исследование показало, что готовность к донорству зависит в значительной степени от культурного контекста: под влиянием конфуцианства население Восточной Азии, как правило, надеется сохранить свое тело неповрежденным после смерти. Исследование показало, что в Восточной Азии семейные факторы играют важную роль в процессе принятия решения о донорстве органов. Поддержка семьи оказывает влияние на принятие решения о посмертном донорстве органов, а семейные дискуссии по вопросам донорства играют значительную роль для развития мотивации стать донором [3].

Вместе с тем, рассматривая различие в отношении к донорству между разными странами Восточноазиатского региона, стоит отметить, что несмотря на схожие мировоззренческие установки в отношении донорства, характерные для стран Восточной Азии, все же обращает на себя внимание своеобразие китайской модели донорства, обусловленное также существующими различиями между правовыми нормами этих стран в области трансплантологии. В 2009 г. в Японии был принят закон, согласно которому легитимным стал забор органов с согласия семьи (за исключением случаев, когда человек при жизни отказался стать донором). Вслед за этим увеличилось количество донорских органов. В отличие от Японии в Китае отсутствует универсальная законодательная база для констатации смерти мозга (при этом умершие со смертью мозга являются основным источником органов), что вызывает настороженное отношение общества к органному донорству и вызывает негативную реакцию у трансплантологов других стран мира.

Несмотря на существующую критику семейной модели донорства как консервативного фактора, тормозящего развитие посмертного органного донорства, в китайской биоэтике подчеркивается, что конфуцианская семейная этика далеко не всегда является камнем преткновения на пути донорства органов в Китае, в то время как предлагаемый переход к определяющему систему донорства в некоторых странах мира принципу презумпции согласия (когда предполагается, что умерший согласен стать донором, если не высказал своего несогласия при жизни), рассматривается как неэтичный [4, р. 534]. Семья как микросоциум может стать консервативной силой, сдерживающей практики развития донорства (в том числе игнорируя желание покойного стать донором), однако в равной мере семейный консенсус в отношении органного донорства, как и общее восприятие практики донорства в гуманистическом ключе способны оказать положительное влияние на развитие трансплантологии.

Интересной представляется сопоставление реляционной (семейной) модели донорства с существующими моделями донорства, реализуемыми в западных странах, фундированными

на принципе автономии личности. Реализация данного принципа в сфере органного донорства также способна порождать двойной эффект (с консервативной и либеральной направленностью). С одной стороны, автономное волеизъявление относительно органного донорства способно предотвратить злоупотребления в этой области. Информированное согласие на посмертное донорство, исходящее от автономной личности, отражает осознанное решение и в идеале гарантию отсутствия внешних факторов, оказывающих влияние на выбор. Однако неограниченная реализация принципа автономии порождает и ряд таких нелегитимных во многих странах практик (в том числе, в России), как донорство после эвтаназии, а также коммерциализация органного донорства и эксплуатация уязвимых групп населения. Аксиологические противоречия возникают также в попытке найти баланс между правом и желанием индивидуума принимать решение в области донорства и общественными интересами, сопряженными с потребностью в увеличении пула доноров.

Список литературы

1. Huang J., Millis M., Mao Y. et al. A Pilot Programme of Organ Donation after Cardiac Death in China // Health Policy. 2012. Vol. 379(9818). P. 862–865.
2. Wang J. The Gift-of-Life and Family Authority: A Family-Based Consent Approach to Organ Donation and Procurement in China // J Med Philos. 2019. 44(5). P. 554-572. DOI: 10.1093/jmp/jhz015.
3. Liu S., Liu C., Cao X. et al. The Difference in the Attitude of Chinese and Japanese College Students Regarding Deceased Organ Donation // Transplantation Proceedings. 2013. Vol. 45(6). P. 2098–2101. DOI: 10.1016/j.transproceed.2013.
4. Fan R., Wang, M. Family-Based Consent and Motivation for Cadaveric Organ Donation in China: An Ethical Exploration // The Journal of Medicine and Philosophy. 2019. Vol. 44. P. 534-553. DOI: 10.1093/jmp/jhz022.
5. Cai Y. Family-Based Consent for Organ Donation: Benevolence and Reconstructionist Confucianism // J Med Philos. 2019. Vol. 44(5). P. 573-587. DOI: 10.1093/jmp/jhz016.

ТРАНСПЛАНТАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЭКОНОМИКА ДАРЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИКИ ОРГАНОГО ДОНОРСТВА В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

Попов С. В.

Студент

*Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Исследователь по проекту РНФ
Институт философии РАН
E-mail: sergey.popov5737@mail.ru*

Аннотация. В представленной статье проводится анализ организации распределения органов в различных странах, включая изучение систем безденежного распределения органов, применение коммерческих моделей донорства и особенности системы презумпции согласия на посмертное донорство. Уделено внимание рассмотрению оптимизации процесса трансплантации почек через циклический обмен органами, который позволяет повысить эффективность и ускорить процесс лечения пациентов. Автор статьи затрагивает как этические, так и экономические аспекты различных моделей рынков органов, выделяя ключевые проблемы и предполагая возможные решения для повышения доступности донорских органов и улучшения общего состояния системы трансплантации, связанные как с большим продвижением трансплантации, так и с появлением новых технологий в данной области, таких как 3-D печать органов и ксенотрансплантация.

Ключевые слова: распределение органов, трансплантация, донорство, доступность органов, дефицит органов.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00400 «Смерть, умирание и донорство: междисциплинарное исследование влияния социальных факторов на уход из жизни и развитие трансплантационной помощи».

TRANSPLANT TECHNOLOGIES AND THE ECONOMICS OF GIFTING: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ECONOMICS OF ORGAN DONATION IN VARIOUS COUNTRIES

Popov S. V.

Student

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Researcher

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

E-mail: sergey.popov5737@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the organization of organ allocation in different countries, including the study of cashless organ allocation systems, the use of commercial models of donation and the peculiarities of the system of presumption of consent to posthumous donation. Consideration is given to optimizing renal transplantation through cyclic organ exchange, which can improve efficiency and speed up the treatment of patients. The authors address both ethical and economic aspects of different models of organ markets, highlighting key problems and suggesting possible solutions to improve the availability of donor organs and the overall state of the transplantation system, due to both the great advancement of transplantation and the emergence of new technologies in the field, such as 3-D printing of organs and xenotransplantation.

Keywords: organ allocation, transplantation, donation, organ availability, organ shortage

В своей работе, посвященной рынкам, работающим без денег, [1] Элвин Рот раскрыл существенные характеристики сложившегося к данному моменту времени своеобразного «рынка» органов, функционирующего, как правило, без денег. Так, в большинстве стран мира запрещена торговля органами, поэтому для их получения люди «встают» в специальные очереди, посредством которых регулируется распределение таких органов как сердце, легкие, печень, почки и других. На начальных этапах становления того, что Рот назвал «рынком почек», в США не существовало отлаженной системы распределения органов, их получали те, кто занимал первое место в очереди на их получение. Подобная система была во многом неэффективна, так как значительно ограничивала число возможных пересадок. Именно эту неэффективность и выявил Элвин Рот и впоследствии, воспользовавшись методами теории игр, он смог разработать такую систему обмена почками, при которой осуществлялся циклический обмен органами между множеством доноров и реципиентов. Получалось так, что всего одна почка могла способствовать возникновению длинных цепочек обменов, посредством которых спасалась уже не одна жизнь, а десятки жизней. Именно подобный обмен почками доказал свою эффективность с точки зрения максимизации количества людей, получающих помощь при поступлении донорских почек в общую систему. Безденежное распределение органов функционирует в большинстве стран, однако парный бартерный обмен органами представляет собой достаточно молодое явление для трансплантационной отрасли, и далеко не везде в мире он используется.

Этически неоднозначной альтернативой безденежному «рынку» является рынок коммерческий, где органы продаются наряду с другими привычными товарами. Так, в Иране в 1988 году было впервые в мире легализовано прижизненное коммерческое донорство почки. В результате в стране сформировалась совершенно другая модель рынка почек, отличная от остального мира – коммерческая модель. И хотя подобная практика отчасти показала некоторую эффективность с точки зрения увеличения количества доступных для трансплантации органов, особенно если учитывать тот факт, что Иран является одной из немногих стран, где практически нет листа ожидания на трансплантацию почки [2], коммерциализация торговли органами справедливо вызывает много этических вопросов, в частности относительно того, насколько вынужденной становится продажа органов беднейшими слоями населения, не имеющими других способов обеспечить свое существование.

В итоге можно сказать, что одним из важнейших факторов экономики трансплантации является ограниченность количества донорских органов и неограниченность потребности в них. С этой точки зрения становится интересным то, как именно различные страны подходят к решению данной проблемы и каких успехов они в этом достигают.

Если рассматривать страны Европейского союза, то можно сказать, что страны блока во многом проводят самостоятельную политику в сфере трансплантации и донорства. Например, страны делятся на два основных лагеря – страны с презумпцией согласия на посмертное донорство и страны с презумпцией несогласия. Презумпция согласия подразумевает, что человек после смерти при отсутствии явно выраженного прижизненного нежелания донорства считается согласным на донорство. Презумпция несогласия предполагает прямо противоположное. К странам с первой системой относятся Австрия, Венгрия, Болгария и другие. Страны, использующие вторую систему – Германия, Румыния, Латвия и другие. При этом, несмотря на некоторые различия систем в разных странах, в ЕС существует Совет Европы, который устанавливает общие в рамках ЕС стандарты, а также издает юридически обязательные нормы в сфере трансплантации, что способствует функционированию блока как единой модели. Спрос на органы в ЕС превышает предложение, на 2018 год [3, с. 3] в очереди на получение органов насчитывалось более 150000 человек. Данная проблема может отчасти решиться путем дальнейшей информационной работы с населением. При этом еще в 2009 по результатам опроса 55 % населения выразило желание стать посмертным донором [3, с. 6], что говорит о значительном распространении идеи важности и нужности трансплантации в ЕС.

В США принята презумпция несогласия на посмертное донорство. Идеи донорства широко распространены [4], около 95% населения поддерживает донорство органов, при этом на программы донорства зарегистрировались около 58% населения старше 18 лет, что составляет более 155 миллионов человек. Количество доноров росло и на 2018 год составляло более 17 тысяч, при этом постепенно снижалось число людей, ожидающих трансплантацию, до примерно 113 тысяч человек в 2018 году. Как и в большинстве других стран основному большинству людей, находящихся в списке ожидания, требуется пересадка почки, в США на подобных пациентов приходится около 80% потребностей в пересадке органов. В США развита трансплантация от живых доноров и около 50% операций по пересадки почек осуществляется именно с их помощью. Несмотря на развитость донорства в США и охват им большей части населения, вероятно стоит продолжать работу по продвижению донорства, из-за существующего недостатка органов.

В России за последние годы количество трансплантацийкратно увеличилось [5]. Так, например, значительно увеличилось количество операций по пересадке почек: с 377 в 2004 году до почти 1800 в 2023 году. Количество пересадок печени выросло с 33 до 812, пересадок сердца – с 3 до 381. При этом, как подмечают исследователи RusTransplant, у российской модели есть значимое преимущество перед моделями некоторых других стран – государственное финансирование, способствующее равному доступу населения к трансплантации. При этом есть и определенные проблемы, мешающие успешному функционированию трансплантационной экономики в России. Одна из них состоит в том, что население не в должной мере информировано о существовании трансплантации и донорства, нет сложившегося общественного мнения о донорстве, не все люди знают о возможности становления донором органов для помощи другим. Как считают исследователи, вопросы донорства и пересадки органов должны выйти за рамки профильных заведений [5]. Необходимо включить их в том числе и в школьную программу, чтобы возможно большее число людей знало о трансплантации и имело сложившееся мнение о ней. Отчасти проблему неинформированности населения о трансплантации решает презумпция согласия на посмертное изъятие органов, действующая в России. Так, например, количество операций по пересадке почки от родственного донора увеличилось со 139 операций в 2006 году до 228 операций в 2022 году, в то время как количество тех же операций от посмертных доноров увеличилось в гораздо большем объеме – с 417 до 1334 операций. Можно предположить, что при низкой информированности населения о существовании трансплантации, росту числа операций от посмертных доноров поспособствовала презумпция согласия на посмертное донорство, что является важной этической проблемой.

Как можно заметить, в большинстве рассмотренных стран существует определенный дефицит доступных для трансплантации органов. Данная проблема, возможно, будет решена в будущем благодаря развитию и внедрению в трансплантологию ксенотрансплантации, печати органов на 3-D принтерах, продвинутых средств транспортировки органов и других технологий. Тем не менее данные направления сопряжены с целым рядом этических проблем. При ксенотрансплантации одними из перспективных животных для выращивания органов являются свиньи ввиду сопоставимости по размерам органов свиньи и человека. Так, например, в США в 2022 году была проведена первая в мире пересадка сердца от свиньи человеку, который, однако умер [6] через два месяца в результате отторжения органа. В 2023 году была проведена вторая подобная операция с похожим результатом. Стоит ожидать дальнейших исследований в данной сфере в особенности тех, которые направлены на снижение вероятности отторжения органа.

Печать органов представляет собой еще более интересное направление развития количества доступных органов, чем ксенотрансплантация, так как она подразумевает не морально сомнительное убийство животных ради органов, а искусственное их создание. В 2022 году в США была проведена первая пересадка уха, напечатанного на 3-D принтере [7], а в 2024 году Росатом на Форуме будущих технологий представил свои достижения в сфере аддитивных технологий, среди которых было и выращивание эквивалента кровеносного сосуда длиной 2 сантиметра [8]. Подобные достижения позволяет предположить, что в скором времени могут появиться и полноценные пересадки «напечатанных» внутренних органов.

Расширение количества органов, получаемых без доноров, может поспособствовать сокращению числа людей, ждущих органы в списках ожидания. При этом ксенотрансплантация, печать органов и другие практики могут переформатировать всю экономику трансплантации и, вероятно, привести ее от бартера-дарения к денежному обмену ввиду того, что больше не будет происходить своеобразного обмена частей человека на деньги. Подобное переформатирование может негативно сказаться на потенциальных реципиентах, так как не у всех может хватить денег на покупку органов из-за дороговизны их создания. Данную проблему следует учитывать при возможном постепенном изменении законодательства, регулирующего рынок органов, чтобы обеспечить защиту интересов как можно большего числа людей и осуществлять справедливое распределение органов.

Список литературы

1. Рот Элвин. Кому что достанется – и почему. Книга о рынках, которые работают без денег / Элвин Рот; пер. с англ. О. Медведь; [науч. ред. О. Романенко]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 256 с.
2. RusTransplant. [Электронный ресурс]. URL: <https://rustransplant.com/vverh-po-eksponente-kak-razvivalas-transplantologiya-v-irane/> (дата обращения 22.02.24).
3. European Parliament/ [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI%282020%29649363/ (дата обращения 23.02.24).
4. HealthCareers. [Электронный ресурс]. URL: https://healthcareers.co/organ-donation-statistics/#Worldwide_Organ_Donation_Facts/ (дата обращения 24.02.24).
5. RusTransplan. [Электронный ресурс]. URL: <https://rustransplant.com.turbopages.org/rustransplant.com/s/transplantacziya-organov-v-rossii-2023-god/> (дата обращения 24.02.24).
6. Associated Press News. [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/pig-heart-transplant-patient-dies-bc3b304de3c8d3bf3acbb3c221960ecf/> (дата обращения 25.02.24).
7. The New York Times. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2022/06/02/health/ear-transplant-3d-printer.html/> (дата обращения 25.02.24).
8. Росатом. [Электронный ресурс]. URL: (<https://atommedia.online/2024/02/14/na-forume-budushhih-tehnologij-prezide/>) (дата обращения 25.02.24).

**НАУКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
КРИТЕРИИ И НОРМЫ В ЭПОХУ ПОСТИСТИНЫ**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИАЛОГА КАК СПОСОБА ПОЗНАНИЯ
В СИТУАЦИИ ПОСТИСТИНЫ**

Бабина Д.А.

*Старший преподаватель
Южный федеральный университет
daryapolova@sfnu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема диалога как способа познания. Проводится анализ онтогносеологических характеристик диалогизма и условий осуществления диалогических отношений. Отмечается, что диалог перманентно претерпевает определенные трансформации в истории философии и науки, и его содержание зависит от господствующих в ту или иную эпоху мировоззренческих установок и познавательных моделей. В ситуации постистины диалог приобретает имитационно-конвенциональный характер, утрачивая свои сущностные характеристики, превращается в псевдодиалог. В заключении делается вывод о перспективах диалогического подхода как способа постижения мира в условиях современного этапа развития науки и философии, о выработке понимания диалога, способствующего преодолению деструктивных тенденций, связанных с «эпохой постистины».

Ключевые слова: диалог, диалогизм, истина, постистина, познание, плюрализм, релятивизм, познавательная открытость.

**TRANSFORMATION OF DIALOGUE AS A WAY OF COGNITION IN THE ERA OF
POST-TRUTH**

Babina D.A.

*Senior Lecturer
Southern Federal University
E-mail: daryapolova@sfnu.ru*

Abstract. The article deals with the problem of dialogue as a way of cognition. The analysis of the ontological and epistemological characteristics of dialogism is carried out. The conditions for the implementation of dialogical relations are revealed. It is noted that dialogue permanently undergoes certain transformations in the history of philosophy and science, and its content depends on the prevailing worldview and cognitive models in a particular era. In a situation of post-truth dialogue acquires an imitative and conventional character, loses essential characteristics, and turns into a pseudo-dialogue. The conclusion is made about the prospects of the dialogical approach as a way of comprehending the world in the conditions of the modern stage of development of science and philosophy, which can also contribute to overcoming destructive trends associated with the «post-truth era».

Keywords: dialogue, dialogism, truth, post-truth, cognition, pluralism, relativism, cognitive openness.

Сегодня ученые и специалисты в различных областях знания (философы, культурологи, лингвисты, политологи, педагоги и др.) обращаются к диалогу при разработке и решении самых разных исследовательских проблем и задач. Диалог, осмысленный на уровне теоретико-философской генерализации, имеет непосредственное значение для рассмотрения вопросов, связанных с коммуникативной деятельностью субъектов, теоретико-методологическим обоснованием познавательного процесса, исследованием культурфилософской проблематики, направленной на

выявление сущностных характеристик культуры и анализ проблемы взаимодействия различных культур (диалог культур).

В современной литературе существует значительное число работ на тему диалога, в рамках которых представлены содержательно различные аспекты его изучения, что демонстрирует скорее широту и разноплановость проблемного поля, нежели целостность и системность в понимании данного феномена. Сказанное свидетельствует о многозначности термина «диалог», возможности его различной интерпретации. В концепциях диалогической философии (Ф. Розенцвейга, Ф. Эбнера, М. Бубера, М. М. Бахтина, В.С. Библера и др.), возникновение которых приходится на середину XX века, происходит существенное расширение исходного внешнего, лингвистического смысла понятия «диалога» от его определения как разговора между двумя и более лицами до характеристики человеческого бытия и мышления. Это означает, что на первый план в исследованиях, посвященных диалогу, выходит проблема выявления глубинных сущностных характеристик диалогизма, связанных с онтологическим и гносеологическим аспектами его рассмотрения. М.М. Бахтин, внесший значительный вклад в становление и развитие философии диалогизма, подчеркивает, что трактовка диалогизма как спора, полемики, пародии являясь наиболее очевидной, выступает при этом узкой и грубой формой данного феномена, философ дает следующую характеристику диалогизма: «Доверие к чужому слову, благоговейное принятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, согласие, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивание смысла на смысл, голоса на голос, усиления путем слияния многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т.п.» [1, с. 317]. В.С. Библер, автор оригинальной концепции диалогии, также разграничивал с одной стороны, «тривиальное» понимание диалога как необходимого определения спора одного человека с другим, и с другой стороны, глубинное сущностное определение диалога как «того, что значит мыслить» [2, с. 936]. В этом смысле диалог представляет собой не только форму коммуникации, в которой происходит трансляция информации от одного лица к другому, а является особой формой взаимодействия субъектов, которая предполагает порождение новых смыслов, взаимодействие различных точек зрения (многоголосие), доверительное отношение к иным взглядам, даже в том случае, когда они не совпадают с собственной позицией, предметную общность, единство многообразного, при котором различные смысловые позиции при взаимодействии остаются целостными и самостоятельными. Последнее отражено в одной из ключевых идей концепции М.М. Бахтина, в понятии полифонии. «Сущность полифонии, подчеркивает М.М. Бахтин, именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и, как таковые, сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии» [3, с. 28]. Диалог реализуется в ситуации познавательной открытости, предполагающей незавершенность, инаковость, понимание.

Представление о диалоге как способе познания не является новым. В античной традиции диалог выступал способом совместного рационального поиска и обоснования истины (Сократ, Платон). «Сократовский диалог» предполагает совместное движение его участников к истине путем постановки вопросов и ответов на них. Ответ на вопрос представлял определенное мнение (предположение) собеседника относительно обсуждаемой проблемы, из которого выводились следствия, последние сопоставлялись с фактами, знанием, обоснованным ранее и др. В случае несоответствия высказанного предположения действительности, участникам диалога приходилось изменить свою первоначальную позицию, иногда уточнить, а иногда и кардинально поменять свое мнение. Это способствовало «рождению» истины в результате совместного обсуждения проблем в форме диалога.

Вместе с тем, начиная с XX века, в философии науки, достигшей значительных успехов, удивительным образом происходит отказ от понятия истины в классическом его смысле (логический позитивизм, К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд и др.). На необходимость уточнения основных понятий классической теории познания, в том числе и понятия истины, с позиции неклассического подхода к познанию, реализуемого в современной эпистемологии, указывает наш отечественный специалист по теории познания и методологии науки Л.А. Микешина [4].

В последнее время в дискурсе, связанном с рефлексией относительно данных изменяющихся условий научного и философского познания, стала остро звучать тема, посвященная феномену «постины», а некоторыми исследователями и вовсе современный этап культурного развития обозначается как «эпоха постины» [5]. В этой ситуации закономерно возникает вопрос о возможности (невозможности) диалога как формы и способа познания в ситуации постины. Следует подчеркнуть, что термин «постина» является достаточно неопределенным и многозначным, и требует более детального философско-методологического исследования. С.А. Хмелевская, Н.И. Яблокова, анализируя феномен постправды (постины), выделяют

три различные версии применения данного термина: в негативном смысле постистина трактуется как ситуация отказа от объективной истины; в позитивном смысле - истина не отвергается, но при этом констатируется, что она изменила форму своего существования, при нейтральном подходе постулируется, что постистина существовала всегда, а не является феноменом характерным только для современной культуры, так называемая «эпоха постистины» не привнесла ничего принципиально нового в отношении истины как эпистемологической проблемы, повышенный современный интерес к которой обусловлен скорее политическим контекстом [6].

В Оксфордском словаре термин «постистина» определяется как то, что «относится к обстоятельствам, в которых люди больше реагируют на чувства и убеждения, чем на факты», и далее отмечается, что в эпоху постистины легко подбирать данные и приходиться к абсолютно любому выводу, который вам нравится [7]. Если исходить из данного определения, то можно сделать вывод о том, что в ситуации постистины не происходит отказа от истины как таковой, но становится возможным довольно произвольная ее интерпретация. Это приводит к стиранию грани между истиной и неистинной в различных ее проявлениях (заблуждение, обман, ложь и прочее), их уравнивание. В этом случае любая позиция, точка зрения может объявляться как «истинная» без какого-либо обоснования. В ситуации постистины, когда нет объективных критериев для определения того, что есть истина, когда личная убежденность становится решающим и достаточным основанием для принятия какой-либо позиции и больше не требуется критического осмысления и рационального ее обоснования, диалог приобретает имитационно-конвенциональный характер. Такой диалог, сохраняя внешнюю форму, утрачивает свои глубинные содержательные смыслы (о которых говорилось ранее) и превращается в псевдиалог.

Феномен постистины акцентирует внимание на таких характерных чертах современной науки, как плюрализм, релятивизм, открытость, незавершенность, но при этом отнюдь не дает адекватного представления о современном познании. В ситуации постистины в процессе ведения формального диалога, когда обоснование не имеет существенного значения, остается только взаимная согласованность различных точек зрения. Но здесь и согласованность оказывается излишней. Как отмечает специалист в области логики и философии науки Л.А. Никифиров: «согласованность нескольких высказываний выражается в том, что они все одновременно могут быть истинными, но если нет истинностной оценки, то и о согласованности говорить нельзя». И далее философ подчеркивает, все это приводит к уничтожению разницы между «рассуждением и шизофреническим бредом, между предсказанием и оракульским пророчеством» [8, с. 22]. Признание плюрализма, равноправия различных точек зрения и подходов отнюдь не исключает процедуру обоснования собственной позиции, критическое осмысление и анализ разных позиций, в процессе подлинного диалога, наоборот, все это приобретает особое значение. Отечественный философ и методолог В.С. Швырев справедливо отмечает: «Подлинная диалогичность в конструктивной полемике с другими подходами предполагает высокую ответственность и максимальную напряженность развертывания творческого потенциала собственной позиции» [9, с. 147]. В процессе диалога происходит сопоставление, столкновение, взаимодействие между различными идеями, позициями. Все это приводит к изменению исходных установок субъектов и возникновению нового знания, в ситуации постистины исходные установки остаются неизменными, такое взаимодействие не предполагает «творческого скачка», соответственно и порождение нового знания оказывается невозможным. При этом важнейшей особенностью диалога выступает не только утверждение собственной позиции субъектом как единственно верной, но и способность принять и понять наличие иных, отличных от собственной позиций, с которыми он может быть и не согласен. Диалогичность предполагает открытость, ответственность, толерантность, некоторую предметную общность, обратную связь между участниками диалога. Подлинное диалогическое взаимодействие может быть представлено как единство многообразного, и в этом смысле диалогизм противопоставляется «релятивистскому плюрализму», в котором отсутствуют основания для согласования различных точек зрения.

В заключении отметим, что осмысление такого сложного и многогранного явления как диалог, понимание его содержательных особенностей напрямую зависит от господствующей в ту или иную эпоху мировоззренческих установок и познавательных стратегий. В ситуации постистины диалог трансформируется в псевдиалог. При этом подлинный диалог (с учетом его глубинных сущностных характеристик) выступает альтернативным способом постижения мира, который может способствовать преодолению деструктивных тенденций, связанных с «эпохой постистины».

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Библер В.С. Диалог и диалогика // Замыслы. Кн.2. М.: Издат. центр РГГУ, 2002. С. 933-943.
3. Бахтин, М.М. Собрание сочинений. Т. VI. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-1970 гг. М.: Языки славянской культуры, 2002. 801 с.
4. Микешина Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 201-212.
5. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
6. Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Возвращаясь к философскому осмыслению феномена постправды (постистины) // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 2-1. С. 11-27.
7. Post-truth // Oxford Learner's Dictionaries. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/posttruth?q=posttruth/> (дата обращения 01.01.2024).
8. Никифоров Л.А. Проблемы классической теории истины // Истина в науках и философии. М.: Альфа-М, 2010. С.17-40.
9. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: Традиции и современность. М.: Прогресс-Традиция. 2003. 172 с.

КВАЗИНАУКА КАК ДЕВИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТИСТИНЫ

Бакулов В.Д.

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой
Южный федеральный университет
E-mail: vdbakulov@sfedu.ru*

Силенко С.В.

*Кандидат философских наук, доцент
Южный федеральный университет
E-mail: svsilenko@sfedu.ru*

Аннотация: В статье рассматривается квазинаука в контексте современной ситуации, характеризуемой эпистемологами как эпоха постистины. Авторами поставлена задача философского анализа категорий «постистина» и «квазинаука», выявление их существенных характеристик. К таким характеристикам эпохи постистины, как социальной ситуации, можно отнести: недостоверное изображение реальности; стирание грани между обоснованным знанием, познавательной неопределенностью, явной ошибкой, намеренным обманом; отказ от признания уникальности адекватного постижения реальности; признание равнозначности множества «истин» в отношении одного и того же предмета в одной и той же познавательной ситуации. Существенными характеристиками квазинауки являются: сохранение наукообразной формы знания; имитация подлинного содержания научного исследования путем манипуляции фактами; пренебрежение принятыми в науке способами обоснования знания. Анализ квазинауки как девиации исследовательской деятельности в эпоху постистины опирается на исследования таких авторов, как С. Фуллер, С. Сисмондо и других. Авторы приходят к выводу, что в эпоху постистины формируются благоприятные условия для развития квазинауки, поскольку интеллектуальная деятельность в такой ситуации ориентирована на достижение различного рода предпочтений и допускает использование манипулятивных методик.

Ключевые слова: истина, квазинаука, постистина, научное знание, превращенная форма, имитация.

QUASI-SCIENCE AS A DEVIATION OF RESEARCH ACTIVITY IN THE POST-TRUTH ERA

Bakulov V.D.

*DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science
Southern Federal University
E-mail: vdbakulov@sfnu.ru*

Silenko S.V.

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Southern Federal University
E-mail: svsilenko@sfnu.ru*

Abstract: The article examines quasi-science in the context of the modern situation, characterized by epistemologists as the era of post-truth. The authors set the task of philosophical analysis of the categories of "post-truth" and "quasi-science", identifying their essential characteristics. Such characteristics of the era of post-truth, as a social situation, include: an unreliable depiction of reality; blurring the line between reasonable knowledge, cognitive uncertainty, obvious error, deliberate deception; refusal to recognize the uniqueness of an adequate comprehension of reality; recognition of the equivalence of many "truths" in relation to the same subject in the same cognitive situation. The essential characteristics of quasi-science are: the preservation of a scientific form of knowledge; imitation of the true content of scientific research by manipulating facts; disregard for accepted scientific methods of substantiating knowledge. The analysis of quasi-science as a deviation of research activity in the post-truth era is based on the research of such authors as S. Fuller, S. Sismondo and others. The authors conclude that favorable conditions for the development of quasi-science are being formed in the post-truth era, since intellectual activity in such a situation is focused on achieving various kinds of preferences and allows the use of manipulative techniques.

Keywords: truth, quasi-science, post-truth, scientific knowledge, transformed form, imitation.

Философское осмысление проблематики, связанной с данной темой, обуславливает необходимость анализа эпохи постистины как социокультурного контекста распространения квазинауки, но самое важное – проработку категориального аппарата, и прежде всего анализа понятий «постистина» и «квазинаука».

Эпоха постистины (англ. post-truth) характеризуется такими социальными условиями, при которых традиционные источники информации и фактические данные часто подвергаются сомнению. Социальные сети и алгоритмы интернет-поиска создают своего рода «информационные коконы», попадая в которые люди оказываются под воздействием только той информации, которая подтверждает уже существующие у них убеждения.

Знание в эпоху постистины нередко представлено как смешение объективных данных и непроверенной информации, фактов и эмоций, разума и инстинкта. В таком состоянии людям становится сложно принимать обоснованные решения относительно ключевых вопросов своего существования как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Нарастание неопределенности в сфере производства знания напрямую связано, с одной стороны, с особенностями социально-технического развития, присущего цифровым обществам, поскольку цифровые технологии облегчают и ускоряют циркуляцию огромных объемов информации благодаря социальным сетям, а также, с другой стороны, с влиянием акторов политической и экономической деятельности, заинтересованных в манипулировании этой информацией.

Обозначенную выше ситуацию канадский исследователь С. Сисмондо понимает как состояние «эпистемологической демократизации», которое, однако, не должно повлечь за собой разрушение существующих способов организации знания, поскольку развитие науки и технологий требует «инфраструктуры, усилий, изобретательности и структур проверки» [1, p.3].

Вышедшая в 2018 году книга американского социолога, философа науки, публициста и популяризатора знаний Стива Фуллера «Постправда: Знание как борьба за власть» [2], стала в определенном плане рубежной для философской рефлексии феномена постистины. В работе наряду с другими важнейшими областями становления и утверждения этого понятия в качестве важнейшего,

такими как политическая экспертиза и публицистика, находящиеся в фокусе внимания политической теории и философии политики; социальные отношения и процессы, институты и структуры, находящиеся в фокусе внимания социологии, С. Фуллер обращается к сфере трансформации академического знания и к сфере самой философии. Причем обращается на основе достаточно подробного и конкретного анализа, подкрепленного историко-философскими экскурсами.

В сфере событий публичной политики, обусловивших утверждение понятия постистина в качестве значимых для выражения сущностных спецификаций событий и возникших в результате ситуации, С.Фуллер указывает победу на американских президентских выборах 2016 года Д. Трампа и случившийся в это же время Brexit.

Обращение к сфере самой философии очень важно в связи с тем, что С. Фуллер решает задачу дать определение понятию постистина и осуществить его философско-эпистемологический анализ, а значит выявить необходимые сущностные характеристики этого сложного феномена, на основе которых и возможно, собственно, адекватное рассмотрение специфики его проявления и выражения, а также значения в определяющих сферах социальной жизни и современных духовных практиках.

В качестве одной из важнейших таких сфер С. Фуллер рассматривает науку, академическое знание, и в этом плане его анализ характерологических черт постистины, специфики ее воплощения и роли в сфере науки имеет особую значимость.

В плане выявления сущностных спецификаций рассматриваемого феномена укажем предварительно следующее. Постистина представляет собой прежде всего недостоверное изображение, представление реальности, в спектре от заведомо ложного и до упорного воспроизводства ошибочных представлений. Ситуация постистины – это ситуация, в которой истина поставлена в один ряд с неизвестностью, полуправдой, явной ошибкой и намеренным обманом.

Для эпохи постистины характерен отказ от такого важнейшего атрибута истины как ее уникальность. Если истина не единственна, а множественна значит ее, собственно, и нет. Здесь необходимо избегать путаницы с многообразием форм и способов выражения истины. Признание наличия множества истин в отношении сути той или иной предметности, их возможное уравнивание на основе признания тождественности истины и не-истины, полуправды и заблуждения составляют существенную характеристику постистины. Другим важнейшим атрибутом истины является ее выражение в соответствующих ей адекватных средствах и формах. При этом важнейшими качествами таких средств выступают полнота содержания, ее когерентность, возможность верификации, достоверность исходных источников и прочее.

Отличительным признаком, маркером наличия постистины выступает ситуация, в которой не работают критерии верификации, для того чтобы просвети разделительную линию между истиной, неизвестностью, полуправдой, явной ошибкой и намеренным обманом. Другой отличительной чертой, связанной с первой, является возможность взаимозамены указанных видов выражения действительности, при которой выполняемые данным когнитивным конструктом функции не нарушаются, конструкт не отвергается, действие какой-либо духовно-практической целостности не прекращается.

Рассматривая соотношение истины и постистины в указанном ранее историческом экскурсе, С. Фуллер отказывается видеть в истории философии столкновение позиций, одна из которых на стороне истины, стремится определить ее сущность, методы и формы постижения и адекватного выражения действительности, а другая исходит из относительности, релятивности всех истин, условном характере имеющихся знаний.

Отступив в своем экскурсе до самой исторической древности, до времен утверждения классической философской традиции, сопоставляя Платона и софистов как представителей этих двух противоположных подходов, Фуллер представляет их как в целом в одинаковой мере как поборников постистины. И если с софистами ситуация понятна, то что же не так с Платоном. А дело в том, убеждает нас известный теоретик, что для Платона, также, как и для его оппонентов, получение, обладание и использование знаний – это игра, в которой истинное знание не цель, а всего лишь средство для получения власти. Для начала над умами людей, признающих особый статус носителей истины, а затем и конвертации этого статуса во власть социальную и политическую.

Как метко указывают Е.Н. Лисанюк, Н.В. Перова, одни из первых переводчиков С. Фуллера на русский язык: «Это не игра человека с природой с целью обнаружения истины в духе теоретико-игровой семантики Я. Хинтикки, и не стратегическая игра в русле Дж. Нэша, посредством которой экономисты моделируют рациональное поведение, а, скорее, игра как социальное и культурное явление в духе Й. Хейзинги» [3, с. 223-224].

Поэтому постистина укоренена в философии с момента генезиса ее классического вида и вся последующая история развития философии, отпочкования от нее науки, возникновения соответствующего науке и исследованиям Гумбольдтовского университета – это и есть по своей глубинной сути игра, или метаигра для достижения совсем не истины, а власти.

В условиях интенсивной циркуляции информации, размывания четкой границы между знанием и мнением, психологической приверженности людей новым и необычным сведениям, создаются благоприятные условия для распространения лженаучного знания, одной из разновидностей которого является квазинаука. На фоне снижения доверия к науке со стороны массового сознания и расширения возможностей манипуляции с интеллектуальными продуктами, определенным трансформациям оказывается подвержена и научная деятельность.

Слово «квази-» происходит от латинского «quasi» и означает «якобы», «как будто бы», «словно», «почти». Здесь, в первую очередь, выявляется и фиксируется не только ложность, мнимость, ошибочность, несоответствие, но мнимое выдаваемое, или, что немаловажно для нас, – представляющееся как будто бы, как якобы - истинное, подлинное, действительное.

Квазинаучное знание - знание ненаучное, но особой разновидности – то, которое предстает, или сознательно манифестируется и артикулируется, как якобы научное, как будто бы научное. Знание, которое по своей форме и способам выражения своего содержания, выглядит исключительно как подлинное рациональное знание. Это построения, в которых максимально замаскирована их мнимая природа, их несоответствие истине.

Квазинаука представляет собой «случай» максимально полной имитации научного знания в плане его содержательных особенностей, манифестации полного соответствия идеалам и нормам рационального знания, способам его получения и процедурам верификации. Эта степень имитации подлинно научного знания в случае квазинаучных построений, как правило, начинается с самого фундаментального концептуально-методологического уровня – с уровня исходных парадигмальных оснований.

Можно утверждать, что квазинаучное знание представляет собой превращенную форму научно рационального знания. Эвристические возможности применения категории «форма превращенная» к анализу специфики квазинауки были представлены нами ранее [4, с. 15-23]. Такой анализ позволяет установить, существенные отличительные характеристики квазинауки от псевдонауки.

Это обуславливает еще одно проявление квазинауки как изолированной формы имитации научного знания - в эпоху постистины она становится идеальным компонентом феноменов, которые обозначаются как «эпистемическая коррупция» [5], «призрачный менеджмент» [6] и т.п.

Таким образом, квазинаука выступает как наиболее опасный способ имитации научного знания, поскольку, обладая наукообразной формой, но не имея научно-рационального содержания, такое знание подобно вирусу встраивается в систему науки и функционируя в ней как ее элемент, приводит к подмене подлинно творческого исследовательского поиска его имитацией. В этом контексте создание нового в науке становится более затруднительным.

Список литературы

1. Sismondo S. Post-truth? // *Social Studies of Science*. 2017. Vol. 47. № 1. P. 3–6.
2. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
3. Лисанюк Е.Н., Перова Н.В. Стив Фуллер и его игра в знание в условиях пост-правды // *Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология*. 2020. № 53. С. 223-224.
4. Бакулов В.Д., Кузнецов И.О., Силенко С.В. Квазинаучные построения как превращенная форма рационального знания // *Научная мысль Кавказа*. 2020. № 3. С. 15-23.
5. Sismondo S. Epistemic Corruption, the Pharmaceutical Industry, and the Body of Medical Science // *Frontiers in Research Metrics and Analytics* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frma.2021.614013/full> (дата обращения: 10.01.2024).
6. DeTora L.M., Carey M.A., Toroser D., Baum E.Z. Ghostwriting in biomedicine: a review of the published literature. - *Current Medical Research and Opinion*. 2019. Vol. 35. № 9. P. 1648-1651.

КРИТЕРИИ ЛЕГИТИМНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА (К 100-ЛЕТИЮ Ж.-Ф. ЛИОТАРА)

Волков Ю.К.

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru*

Аннотация. На материале книги Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» рассматриваются критерии легитимности научного знания, которые позволяют постсовременной науке сохранять статус нормативного знания. Вывод, к которому приходит автор «Состояния постмодерна», заключается в том, что научное знание, утратив спекулятивные основания своей легитимности, заменило их критериями позитивной результативности. Дальнейшее развитие науки, по мнению Лиотара, будет представлять собой производство неизвестного знания с помощью новых языковых правил, в основе которых лежит паралогическое мышление. При этом вопросы о легитимации нового знания будет ставить сама наука. Таким образом, закат легитимирующих науку рассказов о ценности истинного и полезного знания связан, по словам Лиотара, с отказом от веры в достижение универсального консенсуса. С этой точки зрения единственным основанием для самолегитимации науки остаётся требование самоценности новых идей. В заключение дана оценка лиотаровской характеристики постсовременной науки, которая, несмотря на свою самолегитимность, в то же время остаётся частью большой науки, сохраняющей зависимость от нормативной системы общества и государства.

Ключевые слова: Лиотар, «Состояние постмодерна», постсовременное научное знание, критерии легитимности, самолегитимация, универсальный консенсус, новые правила языковых игр, неизвестное знание.

CRITERIA FOR THE LEGITIMACY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE SOCIETY OF POSTMODERN (TO THE 100TH OF J.-F. LYOTARD)

Volkov Yu.K.

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru*

Abstract. Based on the material of the book by J.-F. Lyotard “The Condition of Postmodern” examines the criteria for the legitimacy of scientific knowledge which allow postmodern science to maintain the status of normative knowledge. The conclusion reached by the author of the “The Condition of Postmodern” is that scientific knowledge having lost the speculative foundations of its legitimacy has replaced them with criteria of positive effectiveness. The further development of science according to Lyotard will be the production of unknown knowledge with the help of new language rules which are based on paralogical thinking. At the same time, science itself will raise questions about the legitimization of new knowledge. Thus, the current decline of science-legitimizing narratives about the value of true and useful knowledge is associated according to Lyotard with the rejection of faith in achieving of universal consensus. From this point of view the reason for the self-legitimization of science remains the requirement of the intrinsic value of new ideas. In conclusion, an assessment of the Lyotard characteristic of postmodern science is given which despite its self-legitimacy at the same time remains part of a large science that remains dependent on the normative system of society and the state.

Keywords: Lyotard, “The Condition of Postmodern”, postmodern scientific knowledge, criteria of legitimacy, self-legitimization, universal consensus, new rules of language games, unknown knowledge.

Наряду с технологическими особенностями, главной характеристикой информационного общества принято считать изменившуюся роль знания. Не случайно, понятие «общество знания» всё чаще используется в качестве синонима других, более традиционных названий современного социума. Изменившаяся роль знания как главного продукта познавательной активности, не могла не повлиять на отношение к ценностно-целевым установкам процесса познания. Ориентация рациональных форм познания на знание эпистемологического истинностного типа, эталоном которого долгое время считалось научное знание, постепенно замещается общеносеологическими типажам, получившими название «постистина» («post-truth»).

Постистина или посправда как феномен, в котором истинное знание размывается и субъективируется, заменяясь либо симуляционной, либо диссимуляционной дезинформацией, уже достаточно давно известен специалистам в области социальных коммуникаций [1, с. 54-55]. Однако лишь в условиях общества постмодерна полуправда или просто ложь, выдающая себя за истину, становится массовым социальным явлением. Более того, в современном обществе существует и постоянно растёт класс создателей и пользователей именно такой разновидности знания [2, с. 187-188]. В связи со сказанным возникает закономерный вопрос: что же позволяет научному знанию сохранять свой особый социальный статус в обществе постмодерна, где кардинальным образом поменялись критерии эпистемологической легитимности?

Первым, широко известным опытом описания изменившихся критериев научного знания в условиях массового распространения информационных технологий, стал отчёт Жана-Франсуа Лиотара (1924–1998) «Состояние постмодерна», вышедший в 1979 году отдельной книгой. Несмотря на критическое отношение ряда авторитетных исследователей к гипотезе Лиотара о постмодернизме как состоянии утраты метанарративного консенсуса [3], именно эта его работа, в ряду других произведений классиков постмодерна, остается одной из самых читаемых книг.

Исходным основанием для определения новых оценочных критериев научного знания Лиотар считает утрату его связи с метанарративами, обеспечивающими преэминентность великим самолегитимирующим идеям, образам и целям. Знание, в ситуации утраты такой преэминентности, распадается на множество прагматических, самогенерирующих себя частей, обладающих языковой и смысловой автономностью [4, с. 10–11].

В соответствии с логикой взаимосоразмерности элементов целого, управлять такими информационными «облаками» можно лишь через места их локального сбора. При этом основаниями для оценки легитимности разнообразных форм дифференцированного знания становятся его позитивно-прагматические критерии – эффективность, продуктивность и социальная справедливость. Именно последнее основание в условиях новых, «демократических» правил языковых игр заменяет, по мнению Лиотара, ценность научной истинности знания и становится главным прагматическим критерием при оценке его легитимности [4, с. 11].

Вместе с тем, как считает Лиотар, «мягкое» или «жесткое» требование операциональности знания, основанное на принципах справедливости, носит в обществе постмодерна неосознанный и противоречивый характер. Кроме того, постсовременные инстанции, управляющие потоками научного знания, не способны сами определять границы его позитивности по критерию технологической оперативности, поскольку этот критерий не подходит для оценки истинности или ложности знания [4, с. 11].

Причина сложившейся ситуации состоит в том, что постсовременное научное знание не является инструментом, которым могут пользоваться только эксперты и управленцы. В информационном обществе научное знание стало широко применяться и в повседневных коммуникациях. Критикуя в этой связи идею универсальности коммуникативного дискурса, Лиотар отмечает, что консенсус, получаемый в результате дискуссионного общения, не устраняет гетерогенность языковых игр, поскольку основанием взаимнесоразмерности «является не гомология экспертов, но паралогия изобретателей» [4, с. 12]. Тем самым, вопрос о критериях легитимации научного знания ставится у Лиотара в зависимость от новых правил языковых игр, изменивших значение и место науки.

Главная особенность тех процессов, которые начались в Европе в конце 1950-х годов и кардинально изменили положение научного знания, заключалась, по мнению Лиотара, в том, что передовые науки и техники стали иметь дело с языковой информацией. В свою очередь, гегемония информации привела к тому, что изменились цели и задачи получения знания, которые ранее ориентировались на успехи в формировании разума и личности. Новое отношение поставщиков и пользователей знания, по словам Лиотара, стало копировать стоимостно-товарную форму экономических отношений. Иначе говоря, знание стало производиться для того, чтобы быть проданным и обмененным [4, с. 18].

Последствиями изменившейся роли знания, которое потеряло свою самоцельность и стало средством производства и социального праксиса, стали: увеличение доли инвестиций в интеллектуальную сферу; изменение социальной структуры информационного общества; использование знания в борьбе за мировое соперничество [4, с. 19-21].

Как показывает в ходе своего анализа Лиотар, меркантилизация знания породила проблемы, вызванные созданием информационного поля национальных государств и связанных с этим угроз, а также необходимостью государственных властей строить свои отношения с крупными информационными компаниями [4, с. 21].

Согласно прогнозу Лиотара, новые информационные технологии в этих квазирыночных условиях вместо того, чтобы распространять и делить информацию на знание и незнание, станут, так же как это происходит в случае денежного обращения, делить знание, получившее статус товара, на «знание к оплате» и «знание к инвестициям». Это неизбежно приведёт к тому, что потоки знаний, имеющих одинаковую природу, будут различаться по их социальному назначению. Одни будут предназначены для «решающих лиц», а другие – для оплаты общественного долга на жизненное существование [4, с. 22-23].

Чтобы понять, почему такая дискриминационная стратегия информатизации общества стала привлекательной исторической реальностью, Лиотар предлагает рассмотреть изменившийся статус знания в контексте понятия легитимации, расширительно понимаемой как дозволенность совершать определённые поступки, считающиеся социальной нормой.

С этой целью Лиотар исследует исторические и современные особенности легитимации различных видов нарративного и денотативного знания. Вывод, к которому приходит автор «Состояния постмодерна», заключается в следующем утверждении. Научное знание, бывшее эталоном истинности, утратило спекулятивные критерии своей легитимности, заменив их позитивным критерием результативности. Именно этот критерий становится универсальным основанием легитимации знания в индустриальном обществе с культурой постмодерна, в рамках которой оформились «ростки утраты легитимности» [4, с. 92-93].

Типичным примером прагматического подхода к знанию Лиотар считает изменения, произошедшие в университетской науке и университетском образовании. Состоявшаяся здесь делегитимация традиционных критериев истинности знания, говоря словами Лиотара, «звонит отходную по эре Профессора», который «уже не компетентнее, чем сеть запоминающих устройств в деле передачи установленного знания, или чем междисциплинарная группа в деле разработки новых технологических приемов или новых игр» [4, с. 129].

Ещё одним примером «информационной демократизации» науки, который, как считает Лиотар, привёл к отказу от универсальных и системных критериев легитимации научного знания, стал многократный рост числа публикаций, а также избыточное насыщение каналов информации в учреждениях науки [4, с. 129].

В то же время Лиотар обнаруживает в научном сообществе попытки противодействия указанным тенденциям. Например, это усилия, предпринимаемые теми, кого Лиотар называет «аристократами» науки, для того, чтобы установить прочную сеть межличностных контактов, объединяющих максимум сотню членов сообщества [4, с. 129].

Однако, несмотря на эти и подобные им попытки сохранить традиционные критерии легитимности научного знания, дальнейшее развитие науки, по мнению Лиотара, будет происходить «с помощью новых правил игры рассуждения». При этом вопросы о легитимации нового знания – «что истинно?» и «что справедливо?» теперь, как констатирует Лиотар, ставит не философия, а сама наука [4, с. 131].

Причиной самолегитимации постмодернистского научного знания, по словам Лиотара, становится его имманентность самому себе, но не эксплицитная имманентность дискурса о внешних правилах, которые искали философский прагматизм и логический позитивизм, а ответ на типичный для нестабильного социума вопрос о самоценности нового. Примерами ответа на этот вопрос могут считаться теории фрактальных объектов и неравновесных систем, игр, катастроф и тому подобные парадоксологические исследования, которые производят принципиально неизвестное новое знание [4, с. 143].

Сегодняшний закат легитимирующих науку традиционных и модернистских рассказов о ценности истинного и полезного знания связан, по словам Лиотара, с отказом от веры в достижение по этому вопросу универсального консенсуса. В условиях общества постмодерна, утратившего возможность достижения социального консенсуса, объяснительный потенциал знания может содержаться только в науке непрогнозируемых открытий. Таким образом, единственным основанием

для легитимации науки в обществе постмодерна остаётся требование, которое даёт возможность производить самоценные новые идеи [4, с. 154].

Оценивая с позиций сегодняшнего времени лиотаровское понимание постсовременной науки как института по производству неизвестного самолегитимного знания, можно указать на следующее принципиальное обстоятельство. Научные институты общества постмодерна представляют собой объединения, входящие в состав большой науки, сформировавшейся в эпоху модерна. С этой точки зрения коллективные субъекты, участвующие в процессе производства научного знания, представляют собой гетерономные части института науки в целом, сохраняющего зависимость от нормативной системы общества и государства. Другое дело, что нормативные предписания иерархически организованных структур большой науки, чаще всего, имеют вид рационально-бюрократических установлений, далёких от идеалов культуры модерна [5, с. 112].

Список литературы

1. Свинцов В.И. Полуправда // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 53-61.
2. Волков Ю.К. Знание и мудрость (об одной юбилейной статье и последних публикациях В.А. Кутырёва) // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 179-193.
3. Rorty R. Habermas and Lyotard on Postmodernity // Richard J. Bernstein (Ed.). Habermas and Modernity. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 161-175.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Волков Ю.К. Нормативная природа институтов малой и большой науки // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2020. Т. 3, № 3. С. 101-117.

НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОИЗВОДСТВА НОВОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (НА ОСНОВЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И АКТУАЛИЗАЦИИ НАСЛЕДИЯ КРУПНЫХ УЧЕНЫХ) И ПРОФИЛАКТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПСЕВДОНАУЧНЫХ ИДЕЙ

Денисов Р.А.

*Руководитель Научно-исследовательского центра
Южный федеральный университет
rdensiov@sfedu.ru*

Аннотация. В Южном федеральном университете создан первый в стране Научно-исследовательский центр, задачей которого является повышение вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность университета через работу с опытом: архивными данными ученых, биографиями, личными материалами, неопубликованными работами. Работа центров подразумевает проведение исследований с именами ученых и преподавателей, их трудами, обработку личных архивов, связанных с персоналиями, публикацию и переиздание работ, проведение конференций и симпозиумов, а также оцифровку архивных научно-технических материалов: отчетов о науке и реализации грантов, баз данных о кандидатских и докторских диссертациях по отраслям знаний, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (НИОКР) и т.д. Воспроизводство нового научного знания должно стать следствием ключевого эффекта работы центров, его цели, - вовлечения молодежи в науку.

Ключевые слова: научно-исследовательские центры, история науки, биография, ученый, популяризация имён.

**CENTRES FOR SCIENCE STUDIES AS A TOOL FOR PRODUCING
NEW SCIENTIFIC KNOWLEDGE (BASED ON BIOGRAPHICAL ANALYSIS
AND UPDATING THE HERITAGE OF MAJOR SCIENTISTS) AND PREVENTING
THE SPREAD OF PSEUDOSCIENTIFIC IDEAS**

Denisov R.

Director of Centre for science studies

Southern federal university

E-mail: rdensiov@sfedu.ru

Abstract. The first centre for science studies has created in Southern Federal University for involvement students in the research activities of the university through working with experience: archival data of scientists, biographies, personal materials, unpublished works. The work of the centers involves conducting research with the names of scientists and teachers, their works, processing personal archives associated with personalities, publishing and reprinting works, holding conferences and symposiums, as well as digitizing archival scientific and technical materials: reports on science and grant implementation, databases about master's and doctoral dissertations in branches of knowledge, research and development work (R&D), etc. The reproduction of new scientific knowledge should be a consequence of the key effect of the centers' work, its goal - to involve young people in science.

Keywords: centres for science studies, history of science, biography, scientist, popularization of names.

В Южном федеральном университете при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ создан первый в стране Научно-исследовательский центр, задачей которого является повышение вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность университета через работу с опытом: архивными данными ученых, биографиями, личными материалами, неопубликованными работами.

Это первая подобная институция, запланированная к масштабированию по всей стране. Второй подобный центр сегодня действует в Российском государственном гуманитарном университете.

Целью создаваемых центров является вовлечение студенческой молодежи в научно-исследовательскую деятельность через изучение истории науки университетов, регионов и страны, работу с опытом и популяризацию имен ученых и преподавателей. Наиболее успешные практики и подходы, апробированные в первый год реализации, будут тиражироваться для создаваемых центров в будущем.

В Южном федеральном университете к моменту создания центра велась большая работа в области архивного дела, источниковедения, изучения истории науки и философии. Яркой демонстрацией такого подхода стал проект «Нарратив или сторителлинг? Социальное программирование студенческой аудитории на научный успех». В рамках инициативы студенческими коллективами ведется работа с архивами русских философов первой половины XX в. В частности, были найдены и оцифрованы работы, в том числе неизданная монография и личные архивы Михаила Константиновича Петрова, одного из ведущих российских философов XX в., работавшего в ЮФУ [1].

Наследие и богатая история университета – важный фактор при организации подобных институций. С одной стороны, более чем столетняя история университета обеспечивает доступ почти к неограниченному количеству материалов, а также к последователям, коллегам и ученикам ученого или преподавателя. С другой стороны, реструктуризации, объединения и релокации университета за этот период осложняют эту работу: материалы оказываются недоступны для поиска или вовсе утеряны. В связи с этим ведется комплексная работа по сбору материалов. Задействованы университетские архивы, архивы города (Государственный архив Ростовской области, Центр документации новейшей истории Ростовской области и др.), архивы аффилированных с персоналией организаций, архивы семей и структурных подразделений. Также ведется большая работа по интервьюированию последователей и коллег.

При создании важен методологический задел, опыт, позволяющий качественно подходить к работе с источниками и архивами и дающий возможность описания проделываемой работы. Работа с архивными данными по каждому отдельному ученому позволяет не только систематизировать данные, но и по-новому подойти к рассмотрению вопросов, над которыми ранее трудились ученые, выявить закономерности развития научных школ, переложить опыт прошлого на сегодняшние реалии.

Кроме того, работа центров подразумевает не только проведение исследований и обработку личных архивов, связанных с персоналиями, публикацию и переиздание работ, проведение конференций и симпозиумов, но также оцифровку архивных научно-технических материалов: отчетов о науке и реализации грантов, баз данных о кандидатских и докторских диссертациях по отраслям знаний, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (НИОКР) и т.д. При создании нового - важно учитывать опыт исследователей, позитивный и негативный. Российская и советская наука обладает беспрецедентным наследием научно-технологических разработок, которые могут быть использованы для решения задач текущего времени. Научно-исследовательские центры должны содействовать в обработке, анализе и хештегировании больших массивов данных. Несмотря на уже существующий спрос на анализ советских архивных НИОКРов, диссертаций, Центр информационных технологий и систем (ЦИТИС) смог оцифровать архивы только до 1999 года, ранее – архивы не оцифрованы, следовательно потенциал использования таких документов до сих пор невозможно оценить.

Например, в 1839 году научились получать электричество при помощи водородно-топливных элементов. Но эта технология не нашла применение в 20 веке. Сегодня технология водородных топливных элементов хорошая альтернатива литиевым аккумуляторам, используется в том числе в электромобилях разных видов.

Биографический же анализ крупных ученых играет важную роль в научном сообществе. Он позволяет нам понять и оценить вклад ученых в науку и установить связи между их жизнью, работой и результатами исследований. Биографический анализ помогает лучше понять, каким образом ученые пришли к своим открытиям и почему они выбрали определенный путь исследований.

Таким образом, работа научно-исследовательских центров по производству нового научного знания видится по 2 основным направлениям: работа с биографиями ученых и архивами научно-технической информации.

В обоих направлениях крайне важно вовлечь обучающихся для формирования преемственности поколений в университете и стране. Как источники вдохновения, работы и идеи крупных ученых могут стать отправной точкой для новых исследований, для вовлечения молодых людей в научно-исследовательскую деятельность. Горизонтальные связи смогут объединять студентов, аспирантов, ученых и инженеров разных поколений в работе над данным проектом.

Разберем работу на примере инициатив Научно-исследовательского центра ЮФУ. Важно уточнить, что работа только начата и некоторые аспекты носят пока гипотетический характер, но в скором времени будут апробированы.

Одной из ключевых инициатив Научно-исследовательского центра ЮФУ по использованию биографического анализа и наследия крупных ученых в 2024 году станет работа над корректировкой курса для аспирантов «История науки». Предполагается введение групповой работы в течение семестра над проектом по исследованию зарождения и развития научного направления в университете, которое стало фундаментом при выборе тематики работы аспиранта. Предполагается, что в данную работу будут включены центры и архивы, отдельная работа будет вестись с сотрудниками кафедр и представителями данного научного направления.

Воспроизводство нового научного знания должно стать следствием ключевого эффекта работы центров, его цели, - вовлечения молодежи в науку.

На первом этапе важно осуществить поиск, апробацию и сформировать перечень лучших практик по вовлечению молодежи в научно-исследовательскую деятельность через популяризацию истории университета и вклада ученых ЮФУ в развитие науки. Отдельно провести работу по определению мотивации.

На данном этапе работа осуществляется по трем основным направлениям: методологическое направление, фокусирующееся на создание общей методологии работы с архивами; организационно-просветительское направление, ориентированное на популяризацию истории науки; цифровое направление, включающее оцифровку, аналитику и работу с данными. В каждом из направлений уже задействованы обучающиеся. Это является важной составляющей, формирующей преемственность поколений. Привлечены междисциплинарные студенческие коллективы по направлениям «Философия», «История и документоведение», «Математика и информатика», «Журналистика». Похожая работа идет и в структурных подразделениях, где деятельность по сбору, систематизации и репрезентации в информационном поле выполняют их обучающиеся.

Резюмируя, уже на начальном этапе можно выделить ряд инструментов Научно-исследовательского центра, которые в будущем позволят на основе оцифрованных по-новому посмотреть на научные достижения прошлого, вовлечь обучающихся в исследовательскую деятельность: работа с биографиями ученых и архивами научно-технической информации, привлечение обучающихся через работу с опытом

и истории успеха ученых, личное взаимодействие с учеными, интервью и беседы - вовлечение через личный пример, медиаконтент, наставничество. Привлечение молодежи через преемственность в науке [2].

Дополнительными эффектами деятельности Центра видятся: повышение интереса обучающейся молодежи к истории страны, региона, вуза и научного направления, развитие преемственности и наставничества в науке, открытие и популяризация имен и достижений ученых университета, создание единой методологии по оцифровке, структурированию и анализу массива данных, эффективное использование архивной научно-технической информации [2], а также профилактика распространения псевдонаучных знаний и идей. Особенно актуально это в настоящее время, которую иногда даже называют «эпохой постистины» [3].

В современном Оксфордском словаре термин «постистина» определяется как то, что «относится к обстоятельствам, в которых люди больше реагируют на чувства и убеждения, чем на факты», и далее отмечается, что в эпоху постистины легко подбирать данные и приходиться к абсолютно любому выводу, который вам нравится [4].

Обращение к феномену постистины позволяет конкретизировать представления молодых исследователей на таких характерных чертах современной науки, как плюрализм, релятивизм, открытость, незавершенность, но при этом важнейшей задачей становится избежать отказа от установки необходимости поиска истины, являющейся важнейшей нормой в современном познании [5]. Реализация нашего Проекта и изучение биографий наших выдающихся ученых будет способствовать этому.

Список литературы

1. Встреча с молодыми учеными Президента России 1 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69967> (дата обращения 10.01.2024).
2. Денисов Р., Пилипенко А. Научно-исследовательская деятельность студенческой молодежи: факторы влияния и инструменты активизации // Caucasian Science Bridge. 2023. № 4. 66-76.
3. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
4. Post-truth // Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/posttruth?q=posttruth/> (дата обращения 10.01.2024).
5. Никифоров Л.А. Проблемы классической теории истины // Истина в науках и философии. М.: Альфа-М, 2010. С. 17-40.

ТИРАЖИРОВАНИЕ И ПОДДЕЛКА: ПОСТ-ИСТИНА КАК «НОВОЕ» ПОЛЕ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ?

Кириллов А.А.

Кандидат философских наук, доцент

Южный федеральный университет

E-mail: aakirillov@sfnu.ru

Аннотация. Как себя «ведут» подделки, превратившись в важную часть исторического воображения и «неотъемлемую эмблему» культурного ландшафта? Если рассматривать их за пределами фабрикации, производства ложной ценности, желания обмануть и получить неоправданную прибыль, то можно с уверенностью констатировать, что «выдающиеся подделки» регулярно «демонстрируют непреходящую и преобразующую силу» влияния на историческое воображение и создание эмблематических сюжетов в массовом представлении.

Ключевые слова: ПостИстина, историческое воображение, археологический метод и теория.

WHAT CONSTITUTES "STYLIZATION" - RECONSTRUCTION, RESTORATION, REPLICATION AND FORGERY POST-TRUTH AS A "NEW" FIELD FOR HISTORICAL IMAGINATION?

Kirillov A.A.

*CSc in Philosophy, Associate professor
Southern Federal University
E-mail: aakirillov@sfnu.ru*

Abstract. How do fakes "behave", having turned into an important part of the historical imagination and an "integral emblem" of the cultural landscape? If we consider them beyond fabrication, the production of false value, the desire to deceive and make unjustified profits, then it can be stated with confidence that "outstanding forgeries" regularly "demonstrate the enduring and transformative power" of influencing the historical imagination and the creation of emblematic plots in mass representation.

Keywords: Post-Truth, historical imagination, archaeological method and theory.

Для описательного конструкта post-truth характерно избыточное эмоциональное насыщение демонстрируемой пропозиции с явно выраженным личностным (субъективным) мотивом и природа этого «эмоционального насыщения» напрямую связана с внелогическими способами аргументации, которые непосредственно связаны с особенностями идеологических построений и формами политической риторики, разработанной в различных пропагандистских системах. Укоренение данных пропагандистских систем в поле современных медиа создаёт благоприятную среду для того, чтобы феномен post-truth получил своё эпистемологическое распространение за пределами поля журналистики и политики и нашёл уверенную локализацию в поле научных исследований.

В поле исторического воображения, которое традиционно выступает сюжетобразующей основой для производства исторической теории мы можем обнаруживать механизмы конструирования «исторического прошлого», которое через реконструкцию и интерпретацию, ведёт нас к феномену «исторического открытия» или «исторического изобретения». Эффект воздействия результатов «исторического открытия» тем убедительней и правдоподобней, когда его результаты способны захватить воображение публики, подготовленной литературной, поэтической и мифологической системой повествования – условие «сопутствующего нарратива». Так было с троянским нарративным циклом и раскопками Г. Шлимана, так было с микенским и критским циклом легендарных сказаний и исследованиями А. Эванса в Микенах и в Кноссе. Эффект «очаровательного воображения», особенно в последнем случае, получился настолько сильным, что «минойское прошлое» превращается в «предшественницу золотого века Греции и самой ранней высокой культуры Европы...», а минойское искусство быстро стало востребованным и требования музейных чиновников и частных коллекционеров, стремившихся обладать артефактами, ...что стимулировало деятельность не только нелегальных землекопов и контрабандистов, но и фальсификаторов, которые вскоре начали производить "минойскую" резьбу по камню, бронзу, слоновую кость, печатные камни и золотые изделия для продажи. удовлетворите этот рынок» [1].

102 года назад (июнь 1912 г.) Артур Джон Эванс прочитал свой знаменитый доклад [2] в Эллинском сообществе при вступлении в должность его председателя - «Элементы минойской и микенской культур в жизни эллинов». В своём докладе (А. Эванс) английский учёный сформулировал, в развёрнутом виде, «новое видение» истоков и определяющих причин формирования европейской цивилизации в её исходных крито-микенских формах. Сопоставление оригинального воссоздания «минойского мира» Артуром Эвансом и его современное художественное, религиозное, политическое и культурно-историческое переосмысление даёт представление о «субъективности» понимания прошлого, а также о влиянии «современных» идеологических ориентиров на это понимание [3]. Основные «революционные» тезисы «минойского открытия», выдвинутые английским археологом и председателем научного сообщества могут быть представлены как череда аргументов, нейтрализующих классический подход, известный как метафора Э. Ренана – «греческое чудо»:

- «В своём заключительном обращении к этому Обществу наш покойный президент отметил, что он больше заботился о «плодах полной зрелости греческого духа, чем о его незрелой борьбе, и это предпочтение плодов корням, вероятно, разделяют большинство ученых-классиков;

- «...необходимо высказать пару слов в защиту «корней», или даже тому, что предшествует появлению всяких «корней» ... у нас в руках оказался ключ к пониманию происхождения многих более поздних феноменов, в особенности тех, что лежат в области искусства и религии»;

- «...старое видение греческой цивилизации, согласно которому та явилась на свет в результате «чуда», не может больше приниматься всерьёз»;

- «... «изобретения», которые старые авторы всецело приписывали эллинам, одно за другим окажутся предвосхищёнными на этой земле по меньшей мере за тысячу лет до наступления эллинской эпохи» [4];

Ровно через 101 год, в сентябре 2013 г. на базе кафедры классических исследований Мичиганского университета, был проведён 12-й ежегодный симпозиум Артура и Мэри Платсис по греческому наследию (Department of Classical Studies Presents: 12th Annual Arthur and Mary Platsis Symposium on the Greek Legacy). Базовым сюжетом данного симпозиума стало полемическое обсуждение двух сообщений - профессора археологии (Университет Иллинойса) Нанно Маринату «Минойский монотеизм: были ли правы Эванс или Нильссон?» (доклад направлен на научную апологию теоретических представлений А. Эванса на основе эмпирического материала актуальной минойской археологии) и Кеннет Лапатин (куратор отдела древностей, Музей Дж. Пола Гетти) выступил с докладом – «Изобретение минойцев». В этом сообщении американский исследователь касается острой и актуальной темы «исторического изобретения» «минойского прошлого» А. Эвансом. Как остроумно замечает К. Лапатин, А. Эванс «...не был первым, кто открыл минойцев, но все равно можно утверждать, что он их изобрел». Американский исследователь прямо указывает на то, что в научных представлениях и подходах, благодаря «викторианским» стереотипам английского археолога укоренилась идеологическая импликация «древней культурной талассократии» «...синтетическое видение древнего Крита остается неизменным: мирное островное королевство, распространяющее цивилизацию по всему Средиземноморью через обширные торговые сети. Является ли это убедительным прочтением древних свидетельств или отражением предвзятых представлений, многие из которых сформировались на пике могущества Британской империи?»

В своих более ранних исследованиях он анатомирует процедуру «исторического изобретения» «минойского прошлого» европейской цивилизации, используя для этого метафору, заимствованную у древнего критского мудреца, харизматика и жреца Эпименида - Κρήτες αε ι ψεΨοται, κακά θηρία, γαστέρες άρουαί [1, 5, 6, 7, 8]:

– «Критяне всегда лгут» это был древний «слоган», и фальсификаторы на Крите с давних пор производили поддельные «предметы старины». Раскопки и публикация доисторических останков в Кноссе значительно повысили ценность «критских артефактов»;

– «...романтические ассоциации ранних цивилизаций острова с мифологическими персонажами и ажиотаж, вызванный новыми открытиями, породили ажиотажный спрос на предметы, которые могли бы быть связаны с тем, что считалось первой высокой культурой Европы»;

– «...серия статуэток из слоновой кости, которые начали появляться десятилетием позже, «минойские» терракоты, бронза, резной рог, кольца с гравировкой и драгоценные камни, изготовленные в первые годы 20-го века, также были созданы для удовлетворения желаний частных коллекционеров и кураторов зарубежных музеев»;

– «...фальсификаторы полагались на множество факторов, пытаясь обеспечить конкурентоспособность своей продукции и повысить ее стоимость» – эмблемой этого процесса может считаться «минойского изобретения» и «высокого искусства» центральный экспонат – статуэтка из слоновой кости, получившей название «Богоматерь спорта», подделки, которая была изготовлена и стилизована в процессе раскопок Эванса и стимулировала последующий спрос на «минойские древности» [6, 9].

В другой своей книге – «Реставрация минойцев: Элизабет Прайс и сэр Артур Эванс» (2017 г.) [10] Кеннет Лапатин проводит генеалогическое рассмотрение формирования исследовательских установок и культурных фильтров А. Эванса, «...с первых дней его работы хранителем Эшмолеанского музея в Оксфорде до покупки и раскопок земли в Кноссе», отмечая склонность последнего к гиперболизации интерпретаций сделанных археологических находок, «...которые часто сознательно фильтровались, исходя из его собственного современного опыта, желаний и знаний классической истории и литературы». К. Лапатин концентрирует своё внимание на «анекдотических казусах» пристрастия Эванса к разрушению «археологических фактов и причудливой интерпретации», энергичный обзор К. Лапатина включает в себя больше примеров динамичного создания Эвансом мира «красоты, изящества и трансцендентности» (стр. 63), а также более широкое восприятие аллюзии «современности» этих находок в мире тогдашнего модерна» [3]. Как себя «ведут» подделки,

превратившись в важную часть исторического воображения и «неотъемлемую эмблему» культурного ландшафта? Если рассматривать их за пределами фабрикации, производства ложной ценности, желания обмануть и получить неоправданную прибыль, то можно с уверенностью констатировать, что «выдающиеся подделки» регулярно «демонстрируют непреходящую и преобразующую силу» воздействия на историческое воображение, другим немаловажным вопросом является идеологическая ангажированность «исторического изобретения»: «Как современные предубеждения и социально-политические события сформировали археологические интерпретации «минойского» общества?» [11]. Горизонт подделок имеет широкий спектр артефактных рядов и старинную историческую традицию, которая охватывает подделку физических книг, монет и религиозных реликвий, исходя из этого мы можем «...рассматривать культурные, исторические и риторические функции поддельных свидетельств и документов, которые выходят за рамки желания обмануть и получить прибыль... анализ подделок можно рассматривать в связи со смежными и сложным явлением... эстетическая и историческая ценность, которой обладают подделки, когда наука серьезно относится к их форме, содержанию и разнообразному использованию внутри культур и между ними» [12].

Список литературы

1. Lapatin K. Snake Goddesses, Fake Goddesses // *Archaeology*. 2001. Vol. 54, №1. P. 33-36.
2. Evans A.J. The Minoan and Mycenaean Element in Hellenic Life // *The Journal of Hellenic Studies*. 1912. № 32. P. 277-287.
3. Soar K. Restoring the Minoans: Elizabeth Price and Sir Arthur Evans. [Электронный ресурс]. URL: <https://bmcr.brynmawr.edu/2018/2018.06.46/> (дата обращения 20.02.2024).
4. Эванс А. Элементы минойской и микенской культур в жизни эллинов // *Вестник московского государственного областного университета*. 2019. № 5. С. 226-250.
5. Lapatin K. *Mysteries of the Snake Goddess: Art, Desire, and the Forging of History*. Cambridge, 2002.
6. Lapatin K. *Forging the Minoan Past* // *CRETA ANTICA*. 2006. № 7. P.89-105.
7. Lapatin K. Journeys of an Icon: The Provenance of the 'Boston Goddess'// *JMA*. 2000. №13. P. 127-154.
8. Lapatin K. Forthcoming. Reconstruction, Restoration, Replication, and Forgery of the Arts of Prehistoric Greece and the Aegean. In *A Companion to Aegean Art and Architecture*, edited by Louise Hitchcock and Brent Davis. Oxford: Blackwell. Oxford University Press, 1999.
9. Lapatin K. Boy Gods. Bull Leapers and Mother Goddesses // *Notes in the History of Art*. 2000. Vol. 20. №1. P.18-28.
10. Chi J., Herschman R., Lapatin K.D. *Restoring the Minoans: Elizabeth Price and Sir Arthur Evans*. Princeton: Princeton University Press, 2017.
11. Hamilakis Y. What future for the "Minoan" past? Rethinking Minoan archaeology. In *Labyrinth Revisited: Rethinking "Minoan" Archaeology*. Oxford: Oxbow Books, 2002.
12. Lapatin K. *Prologue: Ideas of Forgery* // *Forgery Beyond Deceit: Fabrication, Value, and the Desire for Ancient Rome*. Oxford: Oxford University Press, 2023.

ПОСТИСТИНА КАК ПРОБЛЕМА МУЗЕЙНОЙ И ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кириллова О.С.

Кандидат философских наук, старший преподаватель

Южный федеральный университет

E-mail: oskirillova@sfedu.ru

Аннотация. В контексте эпохи ПостИстины можно рассмотреть не только политические и идеологические дискурсы, но и стратегии, которые получают проявление в сфере многочисленных культурных практик, в том числе в музейной и выставочной деятельности. В современном поле технологической визуализации музейных пространств может происходить производство внешне научного правдоподобия и актуализация «эффекта альтернативности». Введение тотальной цифровизации в музейные экспозиции и выставки способно привести к ситуации, когда коммуникация с подлинником будет представлять собой игру восприятий, а мультимедийные технологии создают

среду для размножения разного рода псевдонаучных инсинуаций, в том числе на площадках с маркировкой «музей».

Ключевые слова: ПостИстина, музейные технологии, выставочная деятельность, музейный предмет, экспрессивность, альтернативность, симуляция, художественное воображение, очарование, научное правдоподобие.

POST-TRUTH AS A PROBLEM OF MUSEUM AND EXHIBITION ACTIVITIES

Kirillova O.S.

CSc in Philosophy, Senior Lecturer

Southern Federal University

E-mail: oskirillova@sfedu.ru

Annotation. In the context of the Post-Truth era, one can consider not only political and ideological discourses, but also strategies that are manifested in the field of numerous cultural practices, including museum and exhibition activities. In the modern field of technological visualization of museum spaces, the production of externally scientific plausibility and the actualization of the "alternative effect" can occur. The introduction of total digitalization into museum expositions and exhibitions can lead to a situation where communication with the original will be a game of perceptions, and multimedia technologies create an environment for the reproduction of various kinds of pseudoscientific insinuations, including on sites labeled "museum".

Keywords: Post-Truth, museum technologies, exhibition activities, museum object, expressiveness, alternative, simulation, artistic imagination, charm, scientific plausibility.

Слово Post-Truth, ставшее по мнению Оксфордского словаря в 2016-ом «словом года» и с тех пор особенно часто тиражируемым, как правило, применяется к современным медиа, целенаправленно настроенным на технологию, когда эмоции перекрывают факты, где объективность уступает место субъективным оценкам и мнениям. Первоначально речь шла преимущественно о масс-медийном дискурсе политического и идеологического характера, однако, очень быстро стало понятно, репертуар проявлений ПостПравды гораздо шире и соотносится с большим количеством других явлений общества, живущего в эпоху массмедиа и тащащего бремя «постмодернистского последа». Не обошла Post-Truth-тенденция и сферу музейного дела. Претендовать на объективность мнения в человеческом обществе всегда было задачей весьма сложной. Но дело в том, что современная мейдийность способна превратить такой подход в масштаб, когда симуляция будет охватывать абсолютно все стороны жизни. Музейное дело, строящееся по-прежнему преимущественно на наличии музейного предмета, всё ещё является практикой, не полностью захваченной тенденциями post-truth и способно претендовать на место, где генерируются если не Смысл, то смыслы. Впрочем, научно-фондовая деятельность музея классического типа, претендующая на максимальную объективность фактов о предметах, не то, чтобы весомо утрачивает свои позиции, однако, в ряде музейных организаций перестаёт претендовать на доминантное прочтение. Мало кого из современных посетителей удовлетворит «сухая подача» набора музейных предметов, экспозиции нужна история, легенда, наличие возможности самостоятельных открытий.

Традиционно по отношению к музейному предмету есть набор требований-свойств – информативность (способность музейного предмета являться источником сведений о процессах, происходивших в природе и обществе, характеризовать особенности среды бытования и т.д.), экспрессивность (способность музейного предмета воздействовать на эмоциональную сферу человека), аттрактивность (способность музейного предмета привлекать внимание некими внешними характеристиками). Но, если в традиционном блоке к этим свойствам приплюсовывалось требование подлинности экспоната и упор делался на информативной стороне, то теперь к доминирующим экспрессивности и аттрактивности смело можно добавить интерактивность, медийность, использование цифровых технологий. То есть, если в традиционной музейной практике музей делал ставку на эксклюзивный контакт с подлинным экспонатом, но современному музею требуется куда больший арсенал средств и подходов, чтобы соответствовать актуальному устройству общественных практик. В мире утративших силу метанарративов (Ж.-Ф.Лиотар), «великих смыслов», всё ещё много вариантов микроисторий и альтернатив, а «единственной Истиной для человека остаётся Очарование»

(Б. Хюбнер). Всё чаще вместо эстетики содержания в музейной технологии предстаёт эстетика формы, эстетика переживаний, эстетика новых альтернативных возможностей.

В идеале для оправдания современных музейных новотехнологических практик преследуется цель расширить функционал и возможности музейного предмета. Больше информации, больше эмоций, больше привлекательности, больше Очарования, больше впечатлений. Плюс – больше интерактивности и медийных технологий. Интерактивность действительно имеет потенциальный шанс расширить возможности коммуникации с музейным предметом. Но современная тенденция такова, что эти технологии не просто расширяют возможности, а могут претендовать на подмену музейных предметов вовсе, когда музей «перестает нуждаться» в материальном наличии предмета в экспозиции, заменяя его лишь восхитительной медийно-интерактивной проекцией или ссылкой QR. А когда исчезает материальный музейный предмет, его можно визуально очень правдоподобно представить так, как будет выгоднее и «очаровательнее» для конкретного проекта. Спекуляции на этой ниве показывают, что мир симулякров – сложных и не очень – в представлении истории становится возможным вариантом развития событий. И всё это проявления возможности представить псевдонаучные концепции как «новодостоверный продукт» научного знания. Если экспозиция состоит почти исключительно из медийного формата, есть риск наткнуться на любые мистификации. Самый яркий пример, пожалуй, можно обнаружить в Ярославле. Там на Волжской набережной, практически соседствуют два музея – традиционный краеведческий «Музей истории города Ярославля» и «Мультимедийный музей Новой Хронологии» (заметим – в наименовании значится слово музей!), где предметом экспозиции является не предметы материальной культуры (читай музейные предметы), а концепция альтернативной истории А. Фоменко и Г. Носовского. Чем не пример технологий Постправды – если даже не убедить в альтернативном ракурсе, то очаровать интересной (псевдо)научной концепцией. Авторы концепций альтернативной истории провозглашают конспирологический тезис о том, что это официальные историки запутывают и искажают реальную историческую картину, а они как раз несут миссию открытия Истины. Визуальные технологии выставочной площадки вызывают эффект правдоподобия теории с отсутствующими артефактами, да ещё и под традиционной вывеской «музей». Есть ли ещё варианты, когда альтернативные «очаровательные» концепции истории могут подаваться в экскурсиях и выставках? Конечно. Например, несколько лет назад в Осташковском краеведческом музее экспонировалась выставка работ известного тверского художника Всеволода Иванова под общим названием «Ведическая Русь». Концепция такого исторического периода на Руси более, чем спорная, около- или псевдонаучная, но это не помешало процессу проникновения художественного воображения «альтернативной историчности» в ландшафт традиционного академического краеведения. В анонсе к выставке Иванова заявляется: «Картины художника – это необычное переплетение исторического и фантазийного начал, однако, как считают многие поклонники художника, воображение не уводит его в сторону от действительности, а, наоборот, приближает к исторической истине» [1]. То есть, вроде как ничего конкретного не написали, ссылаются лишь на мнение поклонников творчества, но выставка проходит на площадке музея краеведения, и посетители пребывают в очаровании «открытия» мира «Ведической Руси». Схожая ситуация с проработкой экскурсии «Руси изначальной-ведической» есть и на базе Музея славянской культуры имени К. Васильева (г. Москва). За подобными уже достаточно часто встречающимися явлениями мы можем описать сценарий «эффекта альтернативности» как одного из центральных компонентов формирования пространства ПостИстины в современном обществе.

Заметим, и в названиях медийных выставочных технологий значится ответ на вопрос как порождаются новые «очаровательные» смыслы и трактовки. Например, дополненная реальность. То есть «мало» уже представить в экспозиции подлинник – мы его «дополняем». Дополняем чем? Ощущениями. Зрительными, слуховыми, обонятельными. Даже если изначально этих ощущений по отношению к конкретному предмету не было предусмотрено к реальности. Не принципиально, что эти ощущения могут быть чистой симуляцией, главное – они интерактивны, они порождают новые эмоции, новые впечатления, «очаровывают». Часто подобная технология сейчас на выставках называется «иммерсивное прочтение». Это очень частая история, когда идёт видео-, аудио- и даже благоуханное сопровождение части экскурсии, создающее погружение в контекст музейного или выставочного проекта. Могут «подключать» и технологии нейросети – модно, к примеру, на выставке показать, как «видит» известные произведения того или иного художника Нейросеть, что существенным образом искажает изначальные алгоритмы и переводит проект в плоскость чистой симуляции, копии, оригинал которой уже не столь важен и нужен, сколько его альтернативная интерпретация. По большей части, такие иммерсивные вставки экспозиций экспериментальны и к ним готовы пока далеко не все музейные пространства. Хорошо, если под этой «новотехнологичностью» лежит мотивация

посетителей получить знания, лучше усвоить информацию, удовлетворить духовные потребности. Но, судя по откликам в соцсетях, для публики становится значимым не столько информационная составляющая таких выставок, сколько развлекательная и «очаровательная». Есть тенденция переформатирования музейных и выставочных пространств в «экспериментально-образовательные мультимедиа комплексы», где технология post-truth может стать очень частым гостем, локализуясь на изначально традиционных научно-краеведческих площадках.

Список литература

1. Анонс выставки В. Иванова «Ведическая Русь». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/events/384171/vystavka-vedicheskaya-rus?ysclid=lrmlsuuzh942038297> (дата обращения 12.01.2024).

ПОНЯТИЕ «ПОСТИСТИНЫ» В РАБОТАХ С. ФУЛЛЕРА

Кузнецов И.О.

Преподаватель

Южный федеральный университет

E-mail: kiov1372@gmail.com

Аннотация. В работе Стивена Фуллера «Постправда: Знание как борьба за власть» 2018 года впервые получает философский анализ и разбор понятие «постистина». Анализ понятия «постистина» производится в контексте соотношения науки и властных отношений, однако в рамках нашего доклада разбор будет сконцентрирован на понятии истины и отношениях к ней в рамках современной эпистемологии. Приводится разбор произведений С. Фуллера «Постправда: Знание как борьба за власть» 2018 г. и «Кун против Поппера. Борьба за душу науки» 2020 г., а также анализируется положение современной отечественной и зарубежной эпистемология.

Ключевые слова: постправда, истина, знание, эпистемология, С. Фуллер, К. Поппер.

THE CONCEPT OF “POST-TRUTH” IN THE WORKS OF S. FULLER

Kuznetsov I.O.

Lecturer

Southern Federal University

E-mail: kiov1372@gmail.com

Abstract. In Stephen Fuller’s 2018 work “Post-truth: Knowledge as a Power Game” the concept of “post-truth” receives philosophical analysis and analysis for the first time. The analysis of the concept of “post-truth” is carried out in the context of the relationship between science and power relations, however, within the framework of our report, the analysis will focus on the concept of truth and relations to it within the framework of modern epistemology. An analysis of the works of S. Fuller “Post-truth: Knowledge as a Power Game” 2018 and “Kuhn vs. Popper. The Struggle for the Soul of Science” 2020 and analysis of relatively modern domestic and foreign epistemology.

Keywords: post-truth, truth, knowledge, epistemology, S. Fuller, K. Popper.

В своей знаменитой работе, посвященной анализу понятия «постистины» С. Фуллер демонстрирует очень последовательный и критический анализ сложной междисциплинарной (или даже наддисциплинарной) проблемы, касающейся отношения к истине. Как верно замечает переводчик Дмитрий Кралечкин: «Термин «post-truth» чаще на русский переводится как «постправда», однако здесь используется вариант «постистина», более соответствующий подходу автора, ориентированному, в частности, на эпистемологию и социологию науки» [1, с. 11]. Представленный читателю анализ происходит в рамках борьбы (или, как обозначает её автор, «игры») власти и знания. Современная политическая борьба демонстрируется в рамках президентской гонки в США в 2016 году,

так как С. Фуллеру очевидно такая повестка ближе. Кроме того, эта борьба представляется нам в рамках анализа понятия «постистины» крайне репрезентативной и, что не мало важно в философском отношении, ироничной. Исследователь отмечает, что знаменитый политический экономист В. Парето, «Маркс правящего класса», разделял правящие элиты на «лис» и «львов», очевидно вслед за своим предшественником и земляком Н. Макиавелли.

Львы и лисы имеют разделение по важному принципу – отношение к постистине в контексте истории. Сходство и одновременно поле для столкновений – процесс «продажи» постистины массам. Львы делят между собой определенный статус-кво в понимании памяти и прошлого, надежное и установленное раз и навсегда понимание истории и исторических процессов из которого можно и нужно выводить правильное основание для лучшего будущего.

В свою очередь, лисы считают, что отношение к прошлому как к некоторой константе поддерживает не столько уверенность в будущем и отношение к нему, сколько пороки и недостатки, которые остались и существуют в настоящем. Для того, чтобы устранить такого рода изъяны, необходимо либо пересмотреть (или регулярно пересматривать) свое отношение к памяти как таковой, либо отказаться от влияния предыдущего опыта и каждый раз выводить новое, чистое знание.

Так, если обратиться к оксфордскому словарю, понятие постистины строится по «львиным» правилам: оно морально и познавательно дистанцировано от исследователя, как и должно объекту исследования, который имеет отношение к истине – истина должна быть объективна, а значит, примешивать туда субъективную позицию запрещено. А лиса с позиции льва на постистину и отношение к ней как раз этим и занимается – примешивает в чистое и объективное субъективное и эмоциональное. Но если посмотреть на это с точки зрения лисы, то позиция льва массивна, тяжеловесна и абсолютно бесполезна, ведь лисы всегда пытаются максимально сократить дистанцию между определением и исследователем, чтобы продемонстрировать связь между познающим и познаваемым [2].

Современное академическое сообщество ещё по мнению К. Поппера и П. Фейерабенда старалось занять как можно более «львиную» позицию. Курс на позитивное знание с подтверждением и верификацией – самый яркий пример использования тоталитарного и властного отношения в рамках проблемы знания-власти. Лисы представляются нам социальными эпистемологами, если прибывают в умеренных позициях по отношению к истине, и релятивистами, если находятся в стадии крайнего нигилизма. Нахождение истины возможно лишь при объединении вышеописанных позиций, что возможно лишь при должном философском и аналитическом исследовании. Поскольку с Макиавелли мы начали, то им и закончим: современный ученый, как и правитель эпохи Возрождения, обязан обладать прозорливостью лисы и мужеством льва. Прозорливостью, дабы избежать капканов позитивной науки, и мужеством – отстаивать свои позиции [3].

Нахождение в постистине – своего рода игра про то, как изменить правила игры так, чтобы оказаться в выигрыше в ситуации, когда по всем установленным правилам выигрывает ваш противник. В позиции и мировоззрении льва много самоочевидного, ведь правила игры давно установлены: не нравятся правила, пожалуйста, можно не играть, а можно играть, но в другую игру. Так, академик может посоветовать своему подопечному, сетующему на несправедливость критики в адрес написанной работы, сменить поле деятельности – текст, не подходящий под правила научной публикации, отлично будет выглядеть в рамках свободного эссе или публикации в СМИ.

Лисы всегда делают ставку, что игра и ее правила поменяются. Точно так же произошло после публикации П. Фейерабенда [4], когда уже казалось, что позитивная и академическая наука одержала бескомпромиссную победу в рамках проблемы демаркации. Такой способ кажется нам (и львам) нечестным, но в эпоху постистины – это не просто рабочая схема, но единственный способ одержать победу и контролировать знание. Таким образом, лисы признают, что можно посреди шахматного турнира выхватить доску из-под фигур и начать лупить им оппонента. А на восклицания и возражения отвечать, мол «концепция поменялась» и теперь драка – неотъемлемая часть борьбы за звание гроссмейстера. Заметьте, в рамках концепции постистины и примера с шахматным турниром лисы не переносят шахматы в разряд смешанных единоборств и не объявляют их новым видом спорта: вид спорта тот же, но был расчет на внезапную смену правил, и он сработал. Шахматы те же, да вот игра уже существенно другая.

Точно так же происходит с наукой и истиной. За всю историю развития европейской науки менялось много правил, некоторые на первый взгляд противоположные концепции спокойно сосуществовали не только во временных рамках, но и в одном университете. Однако игра – наука – оставалась той же. А вот существенно отследить, что является на самом деле наукой, а что нет – задача крайне трудная, а в эпоху постистины – практически невозможная.

Список литературы

1. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
2. Лисанюк Е.Н., Перова Н.В. Стив Фуллер и его игра в знание в условиях пост-правды // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stiv-fuller-i-ego-igra-v-znanie-v-usloviyah-post-pravdy> (дата обращения 11.01.2024).
3. Морозов А. В. Ответ на вопрос: что такое постправда? Перспектива проблематологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvet-na-vopros-chno-takoe-postpravda-perspektiva-problematologii> (дата обращения 11.01.2024).
4. Feyerabend P. Against method: Outline of an anarchistic theory of knowledge. Verso Books, 2020.

НАУКА О КУЛЬТУРЕ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕФЛЕКСИИ

Липец Е.Ю.

*Кандидат философских наук, заведующая кафедрой теории культуры,
этики и эстетики*

Южный федеральный университет

E-mail: eylipец@sfedu.ru

Аннотация. Современная культурная ситуация все чаще заставляет нас задумываться о развитии современной культуры. Научное обоснование является необходимостью для осознания процессов, которые происходят в российском и мировом масштабе. Социокультурная сфера представлена комплексом различных научных направлений, дисциплинарных отраслей, таких как культурология, теория и история, культуры, социология культуры, искусствоведение и музееведение. В данном случае, рассматривается не конкретная дисциплинарная привязка, а ее многообразие обращается именно к содержанию культуры. В представленном материале будет попытка посмотреть на науку о культуре как один из сегментов современного социокультурного процесса и проанализировать особенности функционирования культуры в нашем обществе. Важно понять какое место занимает культура в обществе, с какими проблемами это связано и как сформировать необходимый комплекс научных представлений.

Ключевые слова: культура, наука, модернизация, традиции, культурная динамика, наука о культуре.

THE SCIENCE OF CULTURE: MODERN REFLECTIONS

Lipets E.Y.

*CSc in Philosophy, Head of the Department of Cultural Theory, Ethics and Aesthetics
Southern Federal University*

E-mail: eylipец@sfedu.ru

Abstract. The modern cultural situation is increasingly forcing us to think about the development of modern culture. Scientific justification is a necessity for understanding the processes that occur on a Russian and global scale. The socio-cultural sphere is represented by a complex of various scientific directions, disciplinary branches, such as cultural studies, theory and history, culture, sociology of culture, art history and museology. In this case, it is not a specific disciplinary link that is being considered, but its diversity refers specifically to the content of culture. The presented material will attempt to look at the science of culture as one of the segments of the modern socio-cultural process and analyze the features of the functioning of culture in our society. It is important to understand what place culture occupies in society, what problems it is associated with and how to form the necessary set of scientific ideas.

Keywords: culture, science, modernization, traditions, cultural dynamics, science of culture.

Процессы, которые происходят в современном российском обществе последние десятилетия мы определяли как модернизационные, инновационные, глобализационные. Однако, в последнее время мы вовлечены в процессы, которые заставляют задуматься об особенностях формирования культурного поля современного человека. Анализ нынешнего состояния науки о культуре дает возможность спроектировать перспективы развития культурного потенциала на основании традиционных ценностей, которые господствуют в обществе. Традиции и новации, несомненно, присутствуют в обществе, заставляют его двигаться вперед и обеспечивают ту самую социокультурную динамику. Несмотря на это, все изменения несомненно остаются в нашем будничном состоянии, иногда институализируются в отдельных проявлениях культуры. Часто такие проявления, которые имеют повсеместное распространение, воспринимаются обществом как инновационные изменения и служат примером для подражания. Не всегда современная молодежь может верифицировать данные проявления в культуре и здесь мы сталкиваемся с проблемой интерпретации.

Современная культурная картина мира человека очень многогранная. Опираясь на данные представления, общественное сознание расширяет границы множеством артефактов, явлений, которые не структурированы и не понятны. Однако, многообразие проявлений культурных форм, их усложнение и разнообразие, доступность не открывают мир и знания, а скорее становятся локальным и изолированным. Человек пытается погрузиться в мир, который не исследован, а соответственно, глобализационные процессы остаются доминирующими. Исследования процесса глобализации, динамики и последствий представлены в работах российских исследователей – В.М. Межуева, М.А. Чешкова, Г.А. Аванесовой, Е. Бажанова, Ю.Н. Гладких, И. Делягина, Г.Г. Дилигенского, В. Иванченко, М. Мчедлова, А.С. Панарина, А.И. Уткина и др. В основной части большинства научных работ можно столкнуться с мнением, что основная задача глобализации в культурном поле рассматривается как процесс «стирания» национальных границ в экономике, политике, соответственно культурной идентичности. Глобализация в культуре является следствием происходящих изменений во всех сферах жизнедеятельности. В процессе взаимодействия культуры чаще поглощают друг друга, чем обмениваются своими культурными особенностями. Увеличение информационного потока и ускорение в медиа среде ведет к более интенсивному процессу взаимодействия [1, с. 15] Это трудно поддается интерпретации и как никогда, нуждается в разъяснениях и интерпретациях с методологической точки зрения, социокультурного анализа, в которых и представлена социальная составляющая культуры.

Говоря о современных проблемах в сфере культуры, необходимо сказать и об образовательном потенциале знаний о культуре. Я бы хотела в данном случае обозначить подготовку специалистов культурологов. Современная культурология базируется на разных научных трудах как европейских исследователей, так и отечественных специалистов. Однако стоит отметить, что многочисленные имена западных исследователей сформировали школы, имеют последователей и определили круг вопросов, которые продолжают волновать ученых с новой силой [2, с. 18] Акцентируя внимание на формировании научных школ и идей, хотела бы отметить деятельностную концепцию культуры (В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов) и тогда можно актуализировать в современные процессы формулировку, которая отражает суть концепции. «Культура представляет собой способ приобщения субъекта к родовой сущности человека, а значит способ развития и индивида и рода. Она реализует себя через всё многообразие форм деятельности людей, формируя и их самих и неорганическое тело цивилизации» [3, с. 51] Длительный период времени в отечественной традиции формировалось представление о культуре как ключевом элементе развития общества. Основной идеей, проходящей через все научное творчество М.К. Петрова является осознание науки как ключевого элемента для общественного развития, обновления и постоянного совершенствования. Значимость и важность идей этого ученого заключалось в необходимости оформления культурологии как самостоятельной предметной области и дисциплины, способной показать многочисленные грани культуры, изучая ее с историко-культурных позиций. М.К. Петров обозначил необходимость межпредметных связей для полноценного рассмотрения научных вопросов [4, с. 23].

В современной ситуации стоит много вопросов перед научным сообществом, занимающимся разработкой вопросов в сфере культуры. Они связаны с интерпретацией представлений о потребности науки о культуре, как она должна или может помочь, нужна ли протекция со стороны государства для продвижения этих вопросов. Актуальность влияния культуры на формирование человека и личности

очевидно. Роль науки о культуре в таком случае будет состоять в формировании объективного представления о культурном процессе и тех принципах, закономерностях, на основании которых происходит рефлексия общества. Для специалистов, ученых, которые занимаются анализом процессов и явлений культуры, важной составляющей становится работа с духовным ее содержанием. И именно сегодня эти вопросы максимально важны для общества, где размыты границы повседневной культуры, не всегда понятны и используются традиционные ценности.

Список литературы

1. Гончарова И.К., Липец Е.Ю. К определению понятия «культурная идентичность» в контексте глобализации // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 1А. С. 13-18.
2. Липец Е.Ю. Ростовская философско-культурологическая школа: наука и образование. Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 25. С.17-21
3. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 2005. 502 с.
4. Петров М.К. Научно-техническая революция и философия // Историко-философские исследования. М., 1996. С. 23.

ХИЛАРИ ПАТНЭМ О СПЕЦИФИКЕ ФИЛОСОФИИ В «ВЕК НАУКИ»

Мельников Д.Р.

Студент

Южный федеральный университет

E-mail: dame@sfedu.ru

Аннотация. В докладе анализируются метафилософская позиция известного аналитического философа Хилари Патнэма. Показывается, что в основе свойственной Патнэму критичности к собственным взглядам находится своеобразное понимание философии. Причиной кризисного состояния современной философии, согласно Патнэму, является дискредитация «онтологической» тематики, основанной на идеях Бога и нематериальности души. Реакция на кризис в виде логического позитивизма и постмодернизма лишь фрагментарно раскрывают специфику философии. У философии, убежден Патнэм, два «облика»: теоретический, связанный с прояснением устройства мира, и моральный, призванный исследовать и реформировать нашу жизнь и культуру. Исключение указанных аспектов философии или же фрагментарный взгляд на философию негативно сказывается как на самой дисциплине, так и на других формах культуры. Философия, считает Патнэм, столь же фундаментальна, как наука и искусство, и поэтому не нуждается в редукции к другим явлениям.

Ключевые слова: Хилари Патнэм, философия, философское знание, наука, культура.

HILARY PUTNAM ON THE SPECIFICITY OF PHILOSOPHY IN AN “AGE OF SCIENCE”

Melnikov D.R.

Student

Southern Federal University

E-mail: dame@sfedu.ru

Abstract. The report analyzes the metaphilosophical position of the famous analytical philosopher Hilary Putnam. It is shown that the basis of Putnam's characteristic criticality to his own views is a peculiar understanding of philosophy. The reason for the crisis state of modern philosophy is the discrediting of "ontotheological" topics based on the ideas of God and the immateriality of the soul. The reaction to the crisis in the form of logical positivism and postmodernism only partially reveal the specifics of philosophy. According to Putnam, philosophy has two "faces": theoretical, related to clarifying the structure of the world, and moral, designed to explore and reform our lives and culture. The exclusion of these aspects of philosophy or

a fragmentary view of philosophy negatively affects both the discipline itself and other forms of culture. Philosophy, in Putnam's understanding, is as fundamental as science and art, and therefore does not need to be reduced to other phenomena.

Keywords: Hilary Putnam, philosophy, philosophical knowledge, science, culture.

Хилари Патнэм (1926–2016) – выдающийся философ, известный своей стремительной эволюцией идей. Из метафилософских взглядов исследователя становится ясна причина такого «стиля»: за критичностью к собственным достижениям скрывается не только пример научной честности, но и позиция, выражающая оригинальное понимание философии и философствования как особой деятельности. Как считал Патнэм, если философские исследования вносят вклад в дискуссии, возникшие тысячелетия назад, если философам удаётся углубиться в понимании загадок, которые мы называем «философскими проблемами», то философы справляются со своей работой. «Философия, – пишет Патнэм, – это не тот предмет, который приводит к окончательным решениям» [1, р. 7]. Тем не менее, такое понимание не исключает прогресса в философии, поскольку прогресс не обязательно должен заключаться в разрешении проблем раз и навсегда, а «если философские вопросы действительно “неразрешимы” в том смысле, что они всегда будут с нами, то это прекрасно, и не является тем, о чем стоит сожалеть» [2, р. 50].

Будучи логиком, математиком и по совместительству философом-аналитиком, стереотипное представление о котором обычно сводится к образу «сциентиста», Патнэм с ранних работ подчёркивал значимость и самостоятельность традиционной философии. «Очевидно, – пишет Патнэм образца 1974 года, – что я серьезно отношусь к науке и считаю ее важной частью человеческого знания о реальности; но существует традиция, с которой я не хотел бы себя отождествлять, и которая утверждает, что научное знание – это все знание человечества. Я не считаю, что этические высказывания являются выражением научного знания; но я также не согласен и с тем, что они вообще не являются знанием. Идея о том, что понятия истинности, ложности, объяснения и даже понимания – это все понятия, принадлежащие исключительно науке, кажется мне извращением» [3, р. 13-14]. Однако только лишь апологический тон слов Патнэма свидетельствует в пользу существования кризиса, связанного со спецификой философского знания; кризиса, который за многие десятилетия философской работы Патнэм просто не мог обойти стороной. Как пишет философ, «идея о том, что наука не оставляет места для независимого философского предприятия, достигла той точки, когда ведущие практики иногда предполагают, что все, что остается философии, – это попытаться предвидеть, как в итоге будут выглядеть предполагаемые научные решения всех метафизических проблем» [4, р. 10]. Иными словами, философам, согласно такой точке зрения, необходимо лишь выбрать один из наиболее вероятных сюжетов неизбежно наступающего финала философской эпохи.

Причина, по которой вопрос о необходимости и роли философии стал актуальным, по «позднему» Патнэму заключается в том, что философия, начиная со Средневековья и вплоть до конца XIX века, была неразрывно связана с «онтологическими» идеями: идеей Бога и идеей нематериальности души. С развитием науки и как следствие возникшим консенсусом, исключающим необходимость постулирования сверхъестественных сущностей для объяснения природного мира, мнимый «онтологический» фундамент философии рухнул, что повлекло за собой кризис идентичности современной философии. В качестве реакции на этот кризис появилось два проекта философии. Сторонники логического позитивизма – первого проекта «обновленной» философии – стремились противостоять опасности архаизации философии на фоне бурного развития науки, выбрав путь придать философскому знанию строгий научный вид. Альтернативной реакцией на возникший кризис стал постмодернизм, подвергший сомнению возможность истинностного познания мира как такового, тем самым объявляющий саму науку вымыслом. По мнению Патнэма, ни первый, ни второй проект не оправдали себя, поскольку как логические позитивисты, так и постмодернисты ограничивали область возможного применения философии, которая не сводится ни к теоретизированию в чистом виде, ни к поиску культурных основ и осмыслению обыденной жизни. «Мое собственное мнение, – утверждает Патнэм, – заключается в том, что философия в лучшем ее проявлении всегда, в любой период, включала в себя некоторых философов, которые блестяще представляют моральный облик предмета, и некоторых философов, которые блестяще представляют теоретический облик, а также некоторых гениев, чьи прозрения охватывают и объединяют обе стороны предмета. Отказаться либо от моральных амбиций философии, либо от ее теоретических амбиций – значит не просто убить предмет философии; это значит совершить интеллектуальное и духовное самоубийство» [2, р. 45]. Несмотря на то, что «онтологические» темы перестали быть актуальными, философов всегда интересовало больше, чем онтология. Такая же оценка применима и к сегодняшнему дню: философов волнует не

только наука или культура, поэтому не стоит возводить границ философии, чуждых истинному философскому познанию.

Исходя из такого понимания философии становится ясна позиция Патнэма относительно проблемы взаимоотношения аналитического и континентального стиля. Патнэма в целом отличает стремление избегать рассмотрение проблем через анализ дихотомических отношений («факт/ценность», «сознание/тело»), и дихотомия «аналитическая/континентальная философия» не является исключением. Не секрет, что со временем Патнэм подверг критическому переосмыслению аналитическую философию и, поддавшись влиянию Р. Рорти, стал относить себя к *постаналитическим* философам, всё же оставаясь верным точной аргументации, характерной для его работ любого периода. Опять же, в основании критики традиции, в которой он был воспитан и состоялся как профессионал своего дела, находится стремление увидеть в философии большее, чем принято считать: «Думаю, в философии есть единство, несмотря на имеющиеся различия, как дисциплинарные, так и географические. Немцы, как я уже отмечал, подчеркивают аспект спасения. Аналитические философы выделяют научный аспект, есть еще литературный аспект и т. д. Но все это, я думаю, аспекты одной вещи. Когда пытаются разделить философию на части, обособив один из ее аспектов, как это пытались сделать аналитические философы с научным аспектом, то философия начинает вести себя как невротик, и вы имеете перед собой все типичные симптомы невроза: фантазии и навязчивые состояния, рецидивы и, наконец, возврат вытесненного из сознания» [5, с. 85-86]. Философия столь же фундаментальна, как наука и искусство, и, таким образом, представляет собой третий модус реальности.

Список литературы

1. Putnam H. Representation and Reality. Cambridge: MIT Press, 1988. 136 p.
2. Putnam H. Philosophy in an Age of Science: Physics, Mathematics, and Skepticism. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 659 p.
3. Putnam H. Mathematics, Matter and Method. Philosophical Papers. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 328 p.
4. Putnam H. Renewing Philosophy. Cambridge, 1992. 234 p.
5. Боррадори Дж., Патнэм Х. Между новыми левыми и иудаизмом: Хилари Патнэм // Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлем, МакИнтайром, Куном / Перев. с англ. М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1999. 208 с.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ И НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

Михайлов А.Д.

*Магистрант 1-го года обучения
Южный федеральный университет
amihaylov@sfedu.ru*

Аннотация. Психофизическая проблема, поставленная Декартом еще в XVII веке, не дает покоя философам и ученым по сей день. Связано это с тем, что у нас нет исчерпывающих знаний о мозге, не говоря уже о сознании, которое было и остается загадкой. В нашей работе мы попытаемся сравнить философский и научный подходы к проблеме «сознание-тело», дабы выявить их специфику и показать, что данная проблема нуждается именно в комплексном подходе философии и науки.

Ключевые слова: сознание, мозг, субъективный опыт, психофизическая проблема, проблема «сознание-тело», душа, Джон Сёрл, Дэвид Чалмерс.

THE SPECIFICS OF MODERN PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC APPROACHES TO THE «MIND-BODY» PROBLEM

Mihaylov A.D.

*1st year graduate student
Southern Federal University
amihaylov@sfnu.ru*

Abstract. The «mind-body» problem defined by Descartes in the XVII century haunts philosophers and scientists to this day. This is due to the fact that we do not have comprehensive knowledge about the brain, not to mention consciousness, which was and remains a mystery. In our work, we will try to compare philosophical and scientific approaches to the «mind-body» problem in order to identify their specifics and show that this problem needs an integrated approach of philosophy and science.

Keywords: consciousness, brain, subjective experience, psychophysical problem, «mind-body» problem, soul, John Searle, David Chalmers.

Сознание – загадка человеческого бытия. То, что делает человека человеком, оставаясь для него недоступным; то, что так близко к нему и в то же время так далеко; то, влияние чего столь ощутимо, но при этом неуловимо. Исаак Ньютон говорил, что при помощи закона всемирного тяготения ему удалось объяснить множество природных явлений, но ему так и не удалось объяснить сам этот закон. Мы полагаем, что с сознанием дела обстоят примерно также: благодаря нему мы мыслим, говорим, именуем мир вокруг нас и создаем культуру, но в то же время, несмотря на ощутимые и объективно существующие плоды его деятельности, мы не понимаем, что конкретно из себя представляет сознание, как оно появилось и для чего оно нужно нашему мозгу.

Когда Картезий поставил психофизическую проблему им двигало не простое любопытство. Он нуждался в прочном фундаменте для своего мировоззрения, нуждался в ясных и самоочевидных истинах, на которых могло бы быть воздвигнуто здание науки. «Cogito ergo sum» самоочевидно, с этим едва ли стоит спорить, но сам мыслительный процесс – нет. Декарт был уверен, что мыслит душа: самодостаточная, бессмертная и нематериальная. Она представляет собой субстанцию, независимую от тела, взаимодействующая с ним через шишковидную железу. Однако современная наука говорит иное: мысль вполне материальна, ибо ее носителем являются нейронные связи, а потому человек мыслит с помощью мозга, а сознание, в свою очередь, не может быть строго локализовано в каком-то одном участке головного мозга.

Отсутствие ясного понимания взаимосвязи ментального и физического вынуждает философов и ученых раз за разом возвращаться к психофизической проблеме. В чем же состоит специфика их подходов, и почему данная проблема нуждается в комплексном взгляде философии и науки? На этот вопрос мы и попытаемся ответить в своей работе, проведя сравнительный анализ некоторых современных философских и научных точек зрения.

И первое, на что бы хотелось обратить внимание – это *исходные посылки* философских и нейронаучных исследований. Философ начинает построение своей теории, отталкиваясь от множества уже существующих до него подходов к психофизической проблеме. Так, Джон Сёрл призывает отказаться от традиционного отношения к данной проблеме, идущего со времен Декарта, ибо вместе с ним мы наследуем и иллюзии по вопросу о соотношении сознания и тела [1, с. 20, 47]. Например, жестко противопоставляем их друг другу. Но это неправильно, считает Сёрл, ибо сознание представляет собой такое же естественное свойство, как и пищеварение, фотосинтез или деление клетки [1, с. 99]. Другими словами, нам нужно избавиться от парадигмы мышления, унаследованной вместе с психофизической проблемой от Декарта и тогда мы увидим очевидное решение данной проблемы. Другой современный аналитический философ, Дэвид Чалмерс, касается теории Декарта в том случае, когда пытается показать различия между субстанциальным дуализмом и дуализмом свойств, которого он придерживается [2, с. 162]. Дэниел Деннет и вовсе строит свою концепцию на жесткой критике картезианства, прилагая все свои усилия для того, чтобы развеять в человеческом мышлении миф о картезианском театре – месте в мозге, где душа взаимодействует с телом [3, с. 253-254].

Нейроученые, в свою очередь, не обращаются к философским традициям прошлых столетий или к устаревшим сведениям о мозге, наоборот, их исходными посылками являются свежие научные

данные. Опираясь на современные исследования, ученые приступают к построению научных теорий. Другими словами, если философы начинают с *традиции*, то ученые начинают с *современности*.

Отсюда проистекает второе важное различие между философским и научным подходом – *постановка проблемы*. Философы исторически и традиционно начинают именно с психофизической проблемы в том виде, как ее ставил Декарт. То есть первым делом они решают для себя, какую сторону будут занимать по вопросу о соотношении материи и духа: материализм или идеализм, либо же вовсе откажутся от данного разделения (как Сёрл, например). Затем они конкретизируют данную проблему. Так, Дэвид Чалмерс выделяет Трудную и Легкую проблемы сознания, где Трудная представляет собой вопрос о природе субъективного опыта и причинах его возникновения, а Легкая посвящена вопросам, касающимся функций сознания [2, с. 33]. Наш отечественный философ Вадим Валерьевич Васильев предлагает разбивать психофизическую проблему на ряд вопросов, прояснение которых позволило бы решить данную проблему: 1) Является ли сознание физическим? 2) Порождается ли сознание мозгом? 3) Как сознание порождается мозгом? 4) Влияет ли сознание на поведение? 5) Супервентно ли сознание на мозге? 6) Почему вообще существует сознание? 7) Влияют ли одни сознательные состояния на другие?

Нейроученые сразу начинают с *психофизиологической проблемы*, то есть проблемы соотношения сознания и мозга, которая включена в психофизическую проблему. Данное обстоятельство вполне обоснованно, ведь современные ученые не допускают существование души, поскольку данное допущение не может быть верифицировано или фальсифицировано. По этой причине для них вопрос о взаимоотношении материи и духа принципиально не имеет никакого значения. Однако, минуя этот вопрос, они приступают к другим, общим для них и философов: как сознание порождается мозгом, какова его функциональная значимость, как оно влияет на поведение, которое в большинстве своем контролируется мозгом [4, с. 110] и т.д.

Третий важный аспект в подходах философов и ученых к психофизической проблеме – *методология*. Философы не скупаются на *анalogии* и *мысленные эксперименты*. Так, Джон Сёрл сравнивает сознание с жидким состоянием воды, пытаясь объяснить его онтологический характер [1, с. 115], а Дэвид Чалмерс активно обращается к разным мысленным экспериментам (таким как «зомби», «инвертированный опыт», «ученая Мэри» и т.д.), пытаясь доказать нередуцируемый характер сознания [2, с. 127]. Нейроученые в большей степени обращаются к *эмпирическим методам* исследования, поскольку в основном изучают нервную активность головного мозга. Их интересует то, как мозг функционирует в здоровом состоянии и как меняется его работа при различных повреждениях [4, с. 44]; как мозг генерирует субъективный опыт [5, с. 2]; когда мозг «знает» то, чего при этом не знаем мы [4, с. 52] и другие вопросы. Другими словами, философы и нейроученые подходят к психофизической проблеме с разных сторон: философы – *исходя из сознания*, а ученые – *исходя из мозга*. А потому и их методология различна.

И наконец последнее, на что бы мы хотели обратить внимание, сравнивая философский и научный подходы к проблеме «сознание-тело» – это *предмет исследования*. Понятно, что философы и ученые изучают сознание, но вопрос в другом – что именно они исследуют, когда говорят: «Мы изучаем сознание»? И этот пункт в нашей работе является самым трудным для изложения, поскольку до сих пор неясно, что оно из себя представляет. Разумеется, различий в понимании сознания куда больше, чем сходств, но есть такие грани сознания, которые параллельно исследуются философами и учеными, например, *субъективный опыт*. Дэвид Чалмерс прямо заявляет, что понимает сознание как субъективный опыт и строит свою теорию опираясь именно на данное определение [2, с. 22]. Наш отечественный физиолог и доктор медицинских наук Алексей Михайлович Иваницкий параллельно и независимо от Чалмерса тоже обращается к изучению субъективного опыта и разрабатывает научную теорию, объясняющую его возникновение и функциональную значимость [5, с. 2, с. 11].

Итак, настало время подводить итоги. В своей работе мы попытались сделать акцент именно на различиях философского и научного подходов к проблеме «сознание-тело», чтобы их специфика стала более наглядной для восприятия. Так почему же данная проблема нуждается в комплексном научно-философском подходе? Ответ на этот вопрос находится на поверхности: поскольку философия и наука исходят из разных посылок, применяют разные методы исследования и по-разному понимают сознание, то их совместный труд позволяет взглянуть на данную проблему с разных сторон, выявляя ее новые грани. И то, что не увидит философ, найдет ученый, а то, что не заметит ученый, выявит философ. Другими словами, резюмируя нашу работу, можно сказать следующее: психофизическая проблема нуждается во взгляде ученого, смотрящего на нее через призму философии.

Список литературы

1. Сёрл Д. Открывая сознание заново. Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
2. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. В.В. Васильева. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
3. Dennett D.C. Consciousness explained. Back Bay Books/Little, Brown and Company, 1991. 492 p.
4. Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / Пер. с англ. П. Петрова. Москва: Изд. АСТ: CORPUS, 2019. 335 с.
5. Иваницкий А.М. Мозговая основа субъективных переживаний // Журнал Высшей Нервной Деятельности. 1996. Т. 46. № 2.

К ВОПРОСУ О РОЛИ НЕ-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Ненашева М.В.

Кандидат философских наук, доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: m.nenasheva@narfu.ru

Аннотация. На протяжении многих веков в науке господствовала позиция, согласно которой не-эпистемологические ценности, например, моральные, социальные, политические или экономические, не должны влиять на оценку и принятие научных результатов. В конце XX в. эта идея была подвергнута критике. Некоторые ученые утверждали, что неэпистемологические ценности могут и должны играть важную роль в научных суждениях и в различных контекстах, включая оценку и принятие научных результатов. В связи с дискуссией о науке и ценностях в докладе предпринята попытка подкрепить аргумент современной философии науки о том, что границы между эпистемологическими и неэпистемологическими ценностями размыты. На основе исторического обзора философских подходов к вопросу о связи науки и ценностей делается вывод о том, что неэпистемологические ценности могут также пониматься как ценности, которые способствуют успеху научного познания.

Ключевые слова: наука, ценности, идеалы, знание, этика, нормы, правила.

THE ROLE OF NON-EPISTEMOLOGICAL VALUES IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SCIENCE

Nenasheva M.V.

PhD in Philosophy, Associate Professor

Northern Arctic Federal University

E-mail: m.nenasheva@narfu.ru

Abstract. For many centuries, science has been dominated by the position that nonepistemological values, for example, moral, social, political or economic, should not influence the evaluation and acceptance of scientific results. At the end of the 20th century, this idea was criticized. Some scientists have argued that non-epistemological values can and should play an important role in scientific judgments and in various contexts, including the evaluation and acceptance of scientific results. In connection with the discussion about science and values, the report attempts to reinforce the argument of modern philosophy of science that the boundaries between epistemological and nonepistemological values are blurred. Based on a historical review of philosophical approaches to the analysis of the interaction of science and values, it is concluded that non-epistemological values can also be understood as values that contribute to the success of scientific knowledge.

Keywords: science, values, ideals, knowledge, ethics, norms, rules.

На протяжении XX в. многие философы науки придерживались идеи, которую Х. Дуглас определяет как «свободу научных исследований и научных результатов от влияния не-эпистемологических ценностей» (англ. *value-free science*) [1]. Одним из главных аргументов в пользу свободы науки от не-эпистемологических ценностей является защита ее объективности. Согласно Дуглас, для достижения этой цели ученые должны использовать только рациональное обоснование при оценке и принятии результатов научных исследований.

Фундаментальными основаниями идеи науки как деятельности свободной от ценностей являются научная методология. В 1977 г. Т. Кун выделил пять критериев для определения адекватности научной теории: точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность [2]. Эти характеристики являются примерами широко признанных эпистемологических ценностей, на которые ориентируются ученые в научной деятельности для достижения истинного знания. В то же время Кун считал, что эпистемологические ценности не являются достаточным основанием для *выбора* той или иной научной теории, на который могут влиять как субъективные, так и объективные факторы. К такому же выводу приходили и другие философы науки: М. Полани, И. Лакатос, К. Поппер и др.

В 1904 г. Макс Вебер отметил, что человеческая культура и поведение настолько сложны, что ученый должен иметь представление о том, что является существенным в этой сложности, чтобы выбрать ее как достойную изучения [3]. Поэтому, как справедливо отметил советский и российский философ М.А. Розов, ценности, как некоторые образцы, существуют прежде всего в форме их *практической реализации* [4, с. 7]. Занимаясь наукой, ученые делают выбор научной проблемы, методологии исследования, способов интерпретации и оценки полученных результатов, которые основаны в том числе на личных предпочтениях ученого. А сами научные теории не отделимы от процессов, в ходе которых они генерируются, тестируются, оцениваются, воспроизводятся, трансформируются, связываются с другими теориями и применяются на практике. Многие мыслители второй половины XX в. согласились с Вебером, отметив, что проблема принятия решения о том, какими исследовательскими вопросами заниматься, является одинаковой как для представителей различных областей научного знания.

Не менее важную роль в науке играют институциональные ценности. Науке сегодня отводится особая роль в решении вопросов государственной политики, образования, культуры и других сфер жизни общества. Социальные институты, в свою очередь, влияют на выбор того, какие темы исследовать и финансировать, где публиковать или не публиковать научные результаты и т.п. Все это формирует этос науки, который, согласно Р. Мертону, представляет собой «эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными. Эти нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимируются в терминах институциональных ценностей» [5, с. 268–269].

Таким образом, на практике на науку оказывают влияние как эпистемологические, так и не-эпистемологические ценности, границы между которыми в последнее время становятся все более размытыми. Учитывая то, что дискуссии о роли не-эпистемологических ценностей в научном познании ведутся с конца прошлого века, в докладе предлагается заново осмыслить вопрос о том, как достичь баланса между эпистемологическими и не-эпистемологическими ценностями для соблюдения объективности как главной цели науки? В первой части доклада будет дан краткий обзор современных научных дискуссий о роли не-эпистемологических ценностей в науке. Далее будут приведены аргументы в защиту того, что наука не может быть свободной от не-эпистемологических ценностей. В заключение будут даны предложения по гармонизации эпистемологических и не-эпистемологических ценностей в научных исследованиях.

Большинство ученых сегодня исходят из того, что объективность научного знания должна основываться на соблюдении норм, правил и процедур научного исследования. Эти нормы, правила и процедуры определяются институциональной средой, которая включает ученых, академические учреждения, профессиональные ассоциации, научные журналы. Таким образом, наука – это не только набор инструкций для применения, но и социальная практика, поэтому она не может быть свободна от не-эпистемологических ценностей. Второй аргумент о влиянии не-эпистемологических ценностей связан с условностью деления науки на фундаментальную (или «чистую» науку) и прикладную. Поскольку на практике фундаментальная и прикладная наука переплетаются, становится более размытой граница между эпистемологическими и не-эпистемологическими ценностями. В этой связи признание роли не-эпистемологических ценностей в научном познании, как справедливо отмечает Л.А. Микешина, необходимо для преодоления стандартной концепции знания и приближения к реальному положению дел в познавательной деятельности [6]. Особенно это важно для

социогуманитарного знания, отличительной особенностью которых является характер исследовательских установок. Если в естественнонаучном знании объект изучается функционально односторонне, то в гуманитарном познании он предстает в культурном и личностном контекстах, а предмет изучения рассматривается как человечески значимый, как мир человека. Этим объясняется специфика гуманитарного исследования, которая определяется особенностями предмета изучения, с одной стороны, и задачами субъекта – творца и носителя этого знания, с другой.

Наряду с этим существует общее понимание того, что влияние ценностей приемлемо в той мере, в какой они соответствуют целям исследования в конкретном контексте. С начала XX в. исследования не-эпистемологических ценностей в науке идут в двух основных направлениях: это классификация и исследование практики применения не-эпистемологических ценностей в научном познании. Например, Дуглас предлагает разделять ценности на «идеальные», которые гарантируют истину, такие как эмпирическая проверяемость; «прагматические», которые способствуют научным исследованиям, например, простота научных теорий, а также ценности, которые помогают быстро выявлять ошибки. К не-эпистемологическим ценностям Дуглас относит те, которые не гарантируют истинность знания, но способствуют решению научных проблем. К ним относятся, например, плодотворность научной теории или метода, которые могут приводить к важным практическим решениям.

Следует подчеркнуть, что это такая классификация носит условный характер. Мы считаем, что на практике не-эпистемологические ценности являются неотъемлемой частью научных исследований. Существуют, например, этические проблемы, которые возникают в связи с выбором целей исследования, подбором персонала для исследовательской деятельности, выбором методов исследования и объектов для экспериментов, определением способов доказательства, распространением результатов исследований. Однако, чтобы прийти к более общим и обоснованным выводам, следует проанализировать соответствующие примеры. В частности, в докладе будут показано, как не-эпистемологические ценности влияют на исследования в социальных науках.

Предметом социальных наук являются индивиды и группы, следовательно, социальные, моральные, этические или политические ценности присущи и неизбежны на всех этапах научного процесса. Чрезмерное влияние ценностей на социальные науки долгое время подкрепляло мнение о том, что социальные науки более ценностно-ориентированы и, как следствие, менее надежны, чем естественные науки. Именно вокруг этого вопроса, о том, отличаются ли социальные науки от естественных наук в отношении ценностей в науке, разворачивается большинство современных дискуссий.

Очевидно, что в социальных науках этические и моральные ценности необходимы для установления ограничений на то, как проводятся исследования и как обрабатываются данные. В случаях, когда методология нарушает основные права человека, этические и моральные ценности справедливо запрещают проведение таких исследований. В таких случаях моральные соображения превосходят эпистемологическую ценность. Вместе с тем ошибочно нивелировать ценность получаемых знаний, поскольку их эпистемологическая ценность не подрывается и не нарушается моральной ценностью.

Таким образом, вопрос о ценностях в науке не является тривиальным. На практике эпистемологические цели ученых могут быть связаны с более широкими социальными и практическими интересами, поэтому между наукой и ценностями существует сложность и многогранность взаимодействия. Ценности всегда будут играть определенную роль в научных исследованиях, но это не обязательно подрывает их объективность.

Список литературы

1. Douglas H. Rejecting the ideal of value-free science // Value-Free Science: Ideal or Illusion. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 120-140. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195308969.003.0009.
2. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
4. Розов М.А. Проблема ценностей и развитие науки // Наука и ценности. Новосибирск: Наука, 1987. С. 5-27.
5. Merton R.K. The Sociology of science: theoretical and empirical investigation. Chicago and London: The University of Chicago Press. 606 p.
6. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.

ДЕВИАЦИЯ КРИТЕРИЕВ НАУКИ В ЭПОХУ КОНСЬЮМЕРИЗМА

Пащенко О.В.

*Кандидат философских наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
E-mail: o.pashchenko@list.ru*

Аннотация. Развитие современной культуры протекает в условиях искусственного стимулирования потребления для достижения устойчивого роста экономики. Научное знание, являющееся составной частью данного общества, находится в ситуации риска утраты свое идентичности. Поэтому вопросы, связанные с критериями научности, в научном сообществе поднимаются все чаще. Наука, попадающая под влияние ценностей общества потребления, оценивается уже не только с позиции эпистемических критериев, но и социальных и экономических.

Ключевые слова: научное знание, истина, эпистемология, критерии науки, научное сообщество.

DEVIATION OF APPLIED SCIENCE IN THE AGE OF CONSUMERISM

Pashchenko O.V.

*CSc in Philosophy, Associate professor
South Ural State University (National Research University)
E-mail: o.pashchenko@list.ru*

Abstract. The development of modern culture takes place in conditions of artificial stimulation of consumption in order to achieve sustainable economic growth. Scientific knowledge, which is an integral part of a given society, is in a situation of risk of losing its identity. Therefore, questions related to scientific criteria are being raised more and more often in the scientific community. Science, which falls under the influence of the values of the consumer society, is assessed not only from the standpoint of epistemic criteria, but also social and economic ones.

Keywords: scientific knowledge, truth, epistemology, critical sciences, scientific community.

XXI в. бесспорно является веком повышенного интереса к научному знанию проблемы которого становятся более острыми. Наука пополняет ряды сфер человеческой деятельности, к которым начинают применяться экономические категории. Производство, распространение и потребление (использование) знания становятся приоритетными направлениями развития, поставленными развитыми государствами на «экономические рельсы». Процессы получения знания настолько сильно дифференцируются, что возникают сложности в отделении научного знания от ненаучного, либо намеренно фальсифицируемого для достижения собственных экономических, либо политических целей. Формируется культура, в которой заметно снижается доверие к научному знанию как истинному представлению о мире. Тем самым перед научным сообществом встает вопрос об оценке научного знания.

Для любого оценивания требуются критерии, которые вырабатываются, как правило, представителями профессионального сообщества, в данном случае – научного. Но сами критерии являются не только средством ориентации для отбора, но и способом включения в определенные сферы общественного бытия. Поэтому вполне обосновано выделение социальных, экономических и эпистемических критериев науки.

Вопрос о критериях в истории философии поднимался не один раз. Важность их определения подчеркивал К. Поппер, в том числе, и в своей работе «Логика и рост научного знания». «Главной причиной, побудившей меня к отказу от индуктивной логики, как раз и является то, что она не устанавливает подходящего отличительного признака эмпирического, неметафизического характера теоретических систем, или, иначе говоря, подходящего «критерия демаркации» [1, с. 54]. Попытки определения критериев научности предпринимали Аристотель, Р. Декарт, И. Кант, О. Конт,

К. Поппер, П. Фейерабенд, и многие другие. Данные попытки были сделаны на разных этапах развития научной деятельности. Современная философия науки продолжает работу в этом направлении, но перед ней уже стоят несколько иные задачи. Прежде всего классификация подходов к выделению критериев, которым должно соответствовать научное знание, вследствие накопления огромного массива знания. «В современной отечественной литературе вышло несколько тенденций в интерпретации норм научной рациональности. С одной стороны, нормы научной рациональности выделяются на базе различения научного и обыденного знания; с другой стороны, поиски инвариативных и кросспарадигмальных норм научной рациональности ведутся в плоскости экспериментальной проверяемости научных теорий; кроме того, нормы научной рациональности анализируются применительно с "сильной" и "слабой" версиям науки» [2, с. 107].

Наука действительно представляет собой сложное многогранное явление, которое требует определения границ. Современный дискурс включает в себя не только определение критериев научной рациональности, но и критериев научности в ракурсе практического функционирования науки в обществе потребления. В таком случае объяснимо выделение не только эпистемических критериев, которые бы четко разграничили научное и ненаучное знание, но и социальных, с позиции востребованности знания, а также экономических, с позиции развития общественных отношений. Большую роль в формировании социальных и экономических критериев играет государство не только как центральный институт политической системы, но и системы формирования ценностных ориентиров общества. Наука, вслед за экономикой, должна характеризоваться гибкостью, в том числе и в вопросах выработки ее критериев.

Под социальными и экономическими критериями науки следует понимать оценку и анализ социокультурных параметров, предложенную экономистами, социологами, менеджерами и т.п. Оценка с этих позиций фиксирует изменения в характере научной деятельности, происходящие в современном мире. Основным критерием оценки научного знания является эффективность, как в экономическом, так и в социальном плане. Связанно это с тем, что «наука сегодня все больше ориентируется на прикладные задачи, и массив прикладных исследований в ней нарастает. При этом производство знаний для технологий, производство знаний с параметрами, отличными от традиционных (например – рецепт как форма представления знания, или – не истинная оценка знания, а оценка его по эффективности в плане решения частной задачи в конкретной ситуации и пр.), как раз и делает ненужным и даже невозможным общезначимые эпистемологические суждения о нормах и ценностях научного познания» [3, с. 192].

Еще одним критерием можно отметить востребованность научных достижений, то есть установление господства при стратегическом планировании приоритетных направлений развития. Востребованность также определяется экономическими подсчетами и общественным интересом к научному продукту. В данном случае речь идет о механизме установления авторитета научных разработок не с точки зрения приближения к истине, предоставления объективных данных, а с позиции социально-культурной значимости в процессе удовлетворения постоянно нарастающих потребностей.

Представленные критерии далеко не единственные характеристики современной науки, но играющие весьма важную роль в ее оценке. Эпоха консьюмеризма деформирует традиционные представления о научном знании и его развитии, а, следовательно, бросает не только ученым, но и философам новый вызов.

Опираясь на вышесказанное, можно отметить, что научному профессиональному сообществу необходимо регулирование для сохранения ориентации на научные исследования, исключая слияние с ненаучными или выдаваемые за действительность подложными фактами. А для этого, прежде всего, необходимо сохранение эпистемических критериев научной рациональности. Однако на практике такого регулирования недостаточно по причинам, вытекающим из особенностей функционирования науки в обществе консьюмеризма, в котором главным заказчиком научных исследований выступает массовый потребитель. Научное сообщество, являющееся незамкнутой системой, отражает культурные установки массового потребителя, а, следовательно, вырабатывает иные критерии оценки научного знания, что, в свою очередь, становится новым историческим вызовом человеческому обществу.

Список литературы

1. Поппер, К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
2. Сайганова, В. С. Системный характер критериев научного знания // Вестник ВГМУ. 2005. Том 4.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ – ПАНАЦЕЯ В ЭПОХУ ПОСТИСТИНЫ?

Плахотнюк Я.А.

Преподаватель

Южный федеральный университет

E-mail: plahotnyuk@sfedu.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются отдельные элементы теоретико-методологического инструментария культурно-исторической эпистемологии в качестве набора установок для верификации научного знания. Автор считает, что для выработки таких установок необходимо философское осмысление процесса рациональной коммуникации исследователей и ученых, указывая на наиболее значимые компоненты последней и предписывает им роль «верификатора» научного знания.

Ключевые слова: культурно-историческая эпистемология, критерии научной рациональности, рациональная коммуникация, эпистемология, научное знание, научное познание.

CULTURAL-HISTORICAL EPISTEMOLOGY: IS A PANACEA IN THE POST-TRUTH ERA?

Plahotnyuk Y.A.

Lecturer

Southern Federal University

E-mail: plahotnyuk@sfedu.ru

Abstract. In this paper, individual elements of the theoretical and methodological tools of cultural and historical epistemology are considered as a set of installations for the verification of scientific knowledge. The author believes that in order to develop such attitudes, a philosophical understanding of the process of rational communication between researchers and scientists is necessary. The author points out the most significant components of rational communication and prescribes to them the role of a "verifier" of scientific knowledge.

Keywords: cultural-historical epistemology, criteria of scientific rationality, rational communication, epistemology, scientific knowledge, scientific cognition.

Рассматривая теоретико-методологический инструментарий культурно-исторической эпистемологии (далее - КИЭ) как своеобразный набор установок для верификации научного знания, необходимо понимать, что эти установки будет крайне сложно систематизировать, визуализировать или составить на их основе чек-лист. Без сомнений это возможно сделать, прибегая, например, к социальной эпистемологии или к иным, более «строгим», направлениям. Но важное отличие КИЭ в том, что она мыслит науку как нечто динамичное и постоянно трансформируемое. В контексте актуализации рассмотрения социокультурных факторов как имеющих значительное влияние на процесс познания, она предлагает рассматривать науку в качестве культурно-исторического феномена, а значит первым важным принципом культурно-исторического подхода является непринятие статичных конструкторов применительно к научному познанию и знанию.

Сам этот факт затрудняет выработку какой-либо системы верификации научного знания, потому как ставятся под сомнение сами критерии научной рациональности. Впрочем, как пишет В.Н. Порус: «критерии научности (научной рациональности) являются продуктами становления этого феномена (науки – прим.), осуществляемого в историко-культурном контексте, а не являются априорными конструкторами, определяющими научность и рациональность одинаковым образом во все времена» [1]. Именно поэтому, с точки зрения КИЭ, сколь изменчиво человеческое мироощущение, его социальное

окружение и даже природа, столь и изменчива сама наука. Примечательно, что подобная трактовка ставит вопрос о принципиальном отличии научного знания от какого-либо другого вида знания в принципе (ведь если нет никакого априорного конструкта, который находился бы в основе научного знания, то можно предположить, что любое знание существующее сейчас может с течением времени выступать и научным, и ненаучным). Стоит признать, что в истории человечества множества подтверждений актуальности этого вопроса: это и печальный опыт становления гелиоцентрической системы, и ранняя критика теории относительности, и многое другое.

Здесь возникает очевидный вопрос: «Как отличить научное знание от иного, в особенности, в эпоху ПостИстины?». И здесь КИЭ в качестве «абсолютного верификатора» предлагает не статичные конструкты и устоявшиеся критерии, а такую же динамичную, саморазвивающуюся систему как сама наука – коммуникацию между исследователями. Ведь «процесс общения между учеными (какими бы факторами он ни вызывался и ни корректировался) имеет исторический характер, у него есть прошлое, настоящее и, возможно, будущее, следовательно, есть логика преемственности, позволяющая вырабатывать перспективы рационального исследования, опираясь на достигнутые ранее результаты и их интерпретации» [1]. Коммуницируя, исследователи не только формируют, но и видоизменяют те конструкты, которые лежат в основе научного познания, при этом важное внимание следует уделять формам этого общения. За последние 20 лет и сам процесс общения, и его формы значительным образом изменились (во многом этому послужили онлайн-ресурсы, платформы для дистанционного общения, мобильные приложения и прочее), но именно это и подтверждает, что общение исследователей трансформируясь может «приводить к формированию рациональных стандартов, форм, в которые отливается ход научного исследования и трансляции его результатов» [2].

Конечно, такого рода «гибкость» системы верификации указывает на релятивистскую сущность научного познания, причем релятивизм в данном контексте понимается «как обязательный учет обусловленности познавательной деятельности многочисленными факторами различной природы; и в этом смысле он предстает обязательным моментом как эмпирического, так и теоретического познания» [3, с. 62]. Обнаружение подобных мотивов указывает на возможные проблемы и недостатки предложенного способа верификации, потому как деятельность ученого может пониматься как изменчивая и неустойчивая, связанная с «индивидуальными особенностями познающего» [3, с. 63], но в таком смысле можем ли мы доверять ее результатам?

Отвечая на этот вопрос, наиболее значимые представители КИЭ Б.И. Пружинин и Т.Г. Щедрина обращаются к рекомендациям Г. Шпета. Густав Густавович, хоть и косвенно, но указывал на необходимость разработки определенных стандартов рациональной коммуникации (далее – РК). Несмотря на то, что, согласно позиции КИЭ, критерии рациональности и то, что с ними связано (включая критерии РК) не являются статичными, мы можем выделить несколько компонентов РК, которые на сегодняшний день должны быть подвержены изменениям в меньшей степени.

Первым таким компонентом служит логичность, непротиворечивость и последовательность изложения результатов исследования, которая главным образом, отражается в полном освещении всех этапов, выполненных в ходе проведения работы. Сложно представить, что ученый может поверить каким-либо результатам «на слово». Однако сегодня, в особенности, в прикладных исследованиях такая ситуация встречается все чаще. Исследователи, скованные коммерческой тайной (так называемой, «NDA») вправе публиковать только результаты проведенной работы, при этом технологии, методы их получения, гораздо более ценные для науки, остаются недоступными широкому кругу ученых [4]. Выход из такой ситуации представить сложно, однако ее пагубность представляется вполне ясно.

Вторым компонентом РК является верность (и корректность) интерпретации результатов научного исследования – они должны трактоваться именно таким образом, который изначально был задуман автором или таким, который исходит из повторного воспроизведения результатов, полученных схожим образом. Тем не менее в связи с ростом общего числа научных публикаций и разработок возникает сложность в реализации этого компонента. Выходом из этой ситуации для ученого видится сравнение и сопоставление множества различных интерпретаций, причем с обязательным учетом социокультурных факторов, имеющих влияние на интерпретатора. Здесь подспорьем для исследователя может стать обращение к наукометрическим данным, с помощью которых можно выявить «наиболее верную» интерпретацию.

Третий компонент РК – единство категориально-понятийного аппарата коммуникантов. В последние несколько десятилетий значительным образом увеличилось число словарей специализированных терминов и узконаправленных глоссариев, что приводит к затруднениям при проведении исследований (в особенности, в гуманитарных и социальных науках). Используя

различные по своей сути определения одного и того же термина, ученый может задавать вектор своего исследования, исходя, по большому счету, из собственных интересов. Выходом из этой ситуации может служить создание единой словарной базы, которая будет принята за основу всеми исследователями, однако подобная инициатива выглядит, по меньшей мере, амбициозной и невыполнимой, к тому же вопрос об этичности ее создания требует дополнительного философского осмысления.

Четвертый компонент – равенство участников коммуникации. Нередко в современной науке наблюдаются ситуации противостояния авторитетных исследователей и молодых специалистов. Конфликт «отцов и детей» в научном сообществе часто решается подавлением наименее именитого участника дискуссии. Конечно, сложно представить какими инструментами возможно обеспечить равенство участников дискуссии сопоставимое хотя бы с принципами гражданского права, но несомненно стремиться к этому стоит. К тому же ситуация неравенства коммуникантов и лоббирования исследовательских и промышленных траекторий отдельными исследователями, прибегая к силе своего авторитета оставила несколько крайне болезненных ран на теле отечественной науки (например, так называемая «лысенковщина»).

Пятый и последний выделяемый нами компонент РК напрямую исходит из принципов КИЭ – это изучение библиографического нарратива и аксиологических компонентов деятельности коммуниканта. Необходимость «определения исторических контекстов развертывания исследования и прояснения методологических установок, которыми руководствовались и руководствуются исследователи» [5] важна в той же степени, в которой важно само содержание исследования. Это не означает, что результаты экспериментов, полученные в ходе доказательства одной гипотезы, нельзя использовать при доказательстве противоположной, но стоит принимать во внимание и контекст исследования, и генеральную траекторию работы изучаемого исследователя, и прочие факторы, которые могли бы послужить сознательному или бессознательному искажению результатов исследования.

С большой долей вероятности, выделенные нами компоненты РК не являются единственными и их значимость может быть оспорена в различных примерах. Автор отдавал себе отчет в том, что его затея сравнима с тем, чтобы запечатлеть снегопад и пересказывать это явление жарким летним днем, доказывая, что природа может быть холодной и опасной, однако вопрос актуализации данных компонентов должен быть значим на любом этапе развития науки, поскольку именно они в рамках КИЭ могут служить «абсолютным верификатором» научного знания. Также стоит признать, что дальнейшая разработка компонентов РК может стать шагом к сближению КИЭ и социальной эпистемологии, потому как одна из концепций последней трактовала само научное знание как коллективное убеждение или договоренность [6].

Список литературы

1. Порус В.Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Высшее образование в России. 2008. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnaya-kommunikatsiya-kak-problema-epistemologii-1> (дата обращения 10.01.2024).
2. Порус В.Н. На пути к реформе системы эпистемологических целей и ценностей // Epistemology & Philosophy of Science. 2021. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/na-puti-k-reforme-sistemy-epistemologicheskikh-tseley-i-tsennostey> (дата обращения 09.01.2024).
3. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
4. Пружинин Б.И. Культурно-историческая эпистемология: концептуальные возможности и методологические перспективы // Вопросы философии. 2021. Т. № 12. С. 4-13.
5. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Культурно-историческая эпистемология и перспективы философии науки // Epistemology & Philosophy of Science. 2021. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskaya-epistemologiya-i-perspektivy-filosofii-nauki> (дата обращения 10.01.2024).
6. Fuller S. Social Epistemology: A Quarter-Century Itinerary. Coventry: Social Epistemology. 2012. P. 267-283.

НОРМАТИВНОСТЬ НАУЧНОЙ ИСТИНЫ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОНВЕНЦИЙ

Погожина Н. Н.

*Младший научный сотрудник философского факультета
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова*

Исследователь

Русское общество истории и философии науки

E-mail: pogozhinann@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается понятие научной истины в современной трактовке социальной философии науки с опорой на положение о необходимости комплексного представления о науке как предметно и тематически, темпорально и социально ориентированном синтетическом понятии в разрезе системно-коммуникативной теории. Делается вывод о нормативной природе истины, при этом фиксируются конвенциональные характеристики, сопутствующие использованию критериальных позиции, в частности, феномен прогресс и новизны знания. Утверждается сильная сторона системно-коммуникативного исследования в приложении к коммуникативной подсистеме науки, позволяющая обозначить эволюционную схему развития научной коммуникации (инстинктивной прозорливости, научного обоснования и парадигмальной оформленности).

Ключевые слова: истина, знание, социальная теория науки, коммуникация, системно-коммуникативный анализ.

Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса».

NORMATIVITY OF SCIENTIFIC TRUTH: ANALYSIS OF MODERN CONVENTIONS

Pogozhina N.N.

Junior Research Fellow

Lomonosov Moscow State University

Researcher

Russian Society for the History and Philosophy of Science

E-mail: pogozhinann@gmail.com

Abstract. The article examines the concept of scientific truth in the modern interpretation of the social philosophy of science based on the position on the need for a comprehensive understanding of science as a subject and thematically, temporally and socially oriented synthetic concept in the context of system-communicative theory. The conclusion is made about the normative nature of truth, while the conventional characteristics accompanying the use of criteria positions are fixed, in particular, the phenomenon of progress and novelty of knowledge. The strong side of system-communicative research is stated in the application to the communicative subsystem of science, which allows us to identify the evolutionary scheme of the development of scientific communication (instinctive foresight, scientific justification and paradigmatic formality).

Keywords: truth, knowledge, social theory of science, communication, system-communicative analysis.

Наука как значимая коммуникативная подсистема общества тесно связана со всеми ключевыми процессами современности: отражает динамику развертывания новых коммуникативных практик (социально-сетевых), фиксирует тенденции к осмыслению технологического, и шире — цивилизационного, прогресса, базируется на сложных взаимосвязи и взаимодействии с другими

основными системами социальных коммуникаций — экономикой и политикой. Философский взгляд на подсистему науки отвечает актуальным требованиям осмысления действительности, так как при рассмотрении научной подсистемы социальная философия науки уходит от фрагментарности и изолированности представлений о науке, но также преодолевает узость сугубо социологического взгляда на социальный институт науки. Значимой в этой связи является постановка вопроса о содержательном аспекте выработки знания и тех условиях, при соблюдении которых полученное в системе научной коммуникации знание будет разделяться участниками как обладающее необходимым статусом истинного. Именно ориентация на поиск истинного знания — то, что безусловно характеризует специфику научного метода, и более того, мотивы и ценностные постулаты научной деятельности как таковой.

Однако вместе с этим возникает необходимость прояснения того содержания, которое вкладывается в понятие «истины». В отличие от гностических и методологических положений и интуиций, выработанных классической и неклассической рациональностью, постнеклассическая современность диктует ориентацию на дискурсивные практики научного знания, то есть на intersубъективные условия его воспроизводства и «считывания» участниками коммуникации. Безусловно, помимо этого социально-коммуникативного элемента, основу составляет собственно онтологический аспект существования научной истины (того, что за истину в системе коммуникации принимается), далее подлежит рассмотрению нормативный постулат, фиксирующий динамический характер выработки и «отбраковывания» нового знания как истинного и того, что истинным не является, а также вышеозначенный социально-коммуникативный элемент, по сути, сводящийся к тем договоренностям, конвенциональным основам коммуникативных посылок, которые много шире узкой трактовки онтологического основания истины или научной операциональности знания. Именно этот третий элемент данной структурной конфигурации представляет наибольший интерес в связи с анализом нормативной составляющей истины как отражения научного успеха и способа функционирования дискурсивного поля науки в современности.

Обращение к многосоставности современного представления о научной истине приводит нас к необходимости зафиксировать синтетический характер определения истины и ее иерархическую соразмерную организованность в процессе научной коммуникации в соответствии с постулатами системно-коммуникативного подхода, который описывает сам акт коммуникации как *предметно тематизированный, социально атрибутированный и темпорально детерминированный* [1]. В приложении к истине это означает, что именно социально атрибутированный элемент коммуникативной интеракции выступает ключевым, поскольку в нем сконцентрирована интенция к концептуализации истины как символически-генерализованного медиума научной коммуникации, влияющего на коммуникативный успех или провал — консенсус или расхождение в научном диспуте. Опора на положения системно-коммуникативной теории помогает исследовать науку в ее эволюционных характеристиках (как эволюцию коммуникации) intersубъективно, то есть выходя за пределы самой общественной подсистемы науки, в рамках смежного анализа науки и политики, науки и экономики, но с использованием общих методологических параметров построения данных коммуникативных подсистем (медиа коммуникации, конечных результатов коммуникативного кода и т.д.). Таким образом, научная коммуникация, как и любая другая, находит самое себя в трех параметрах/измерениях — предметном, социальном и темпоральном, что именно для научной коммуникации выражено в знании, истине и новизне, соответственно. Выходит, что знание как предметное измерение коммуникации науки выступает в качестве базиса дифференциации научного дискурса как независимого и обладающего специфической характеристикой научного исследования в виду поиска нового знания. Истина же, как было означено ранее, имеет медиальную природу, то есть успех коммуникации будет сводиться к разбегу в системе значений двузначного кода коммуникации, на одном из концов которого будет находиться значение «истина», на другом — «ложь» [2]. Однако это не предметная характеристика коммуникативной практики, а социальная, поскольку бинарность обозначает согласие и валидацию выработанного в предметном поле знания. Во временной позиции научное знание как предметно тематизированное и истинно (социально) признанное (разделяемое исследовательским сообществом как общее переживание научного открытия) должно быть новым. В таком рассмотрении научного дискурса системно-коммуникативный анализ не теряет эволюционной составляющей, обращение к которой в принципе свойственно методологии СКТ. По принципу закрепления эволюционно успешных форм коммуникации распределяется и научное знание как соответствующее инстинктивной прозорливости [3], неструктурированности и инсайту, далее фиксации системной обоснованности и доказательности прежнего открытия и, наконец, относительно

инвариативному оформленному как парадигмальному основанию «нормальной науки», порождающей критический анализ собственных основ и, следовательно, дальнейшее развитие.

Таким образом, исследование истины в разрезе развития научного знания в современности должно быть мотивировано более широким взглядом на предмет анализа с позиции социальной философии науки с учетом места и роли научного знания и социальной системы науки в поле общественной коммуникации в принципе, а также влияния научного дискурса на динамическое развитие общества. Для этого недостаточно зафиксировать научную нормативность в виде критериальных характеристик истины, но необходимо определить широкий круг конвенциональных допущений коллективно познающего субъекта, принятых как бы «по умолчанию», но операционализирующих все процедуры и шаги по выработке знания, отнесения к коду истина/ложь и т.д. Рассмотрение совокупности магистральных предикатов современного общества в социально-философской перспективе (их сетевой, информационный характер и др.), оценка влияния означенных свойств на возможности и ограничения в выработке и распространении научного знания, обозначение и процессов конвергенции и дивергенции научной коммуникативной подсистемы с внешней средой — обществом, а также иными коммуникативными подсистемами (политикой, экономикой и др.) — вот порядок задач исследователей современной науке в объявленный бифуркационный период постистины.

Именно социальное исследование науки отвечает требованиям метааналитической модели, исследовательская конфигурация которой направлена на преодоление разрывов и фрагментарности выработанного социального знания в силу ряда причин, среди которых центральной является невозможность рассмотрения общественной системы науки как изолированной в своей самозамкнутости или эпифеноменальной. Таким образом, современное социальное исследование науки встраивается в более широкий горизонт обсуждения — возможностей и ограничений научного/технического, и шире, цивилизационного прогресса, а также социокультурных особенностей подобной динамики. Череду значимых позиций актуальной исследовательской рефлексии в этой связи мы также обозначаем в разрезе рассмотрения коммуникативных свойств научной системы, организации связей внутри системы науки и внешней среды (общества), методологического обеспечения связности матрицы научной теории (исследований среднего уровня). Также необходимо отметить актуализацию исследований выработки научного знания с позиции социальной перспективы в виду процессов, разворачивающихся в рамках распространения научного знания в современности как с учетом сетевого информационного пространства хранения и передачи информации, так и мультипликации коммуникативных практик с использованием совершенствующегося технологического инструментария.

Список литературы

1. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1998.
2. Антоновский А. Ю., Погожина Н. Н. Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение // Человек. 2023. Т. 34, №5 С. 7-28.
3. Merton R.K., Barber E. The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОРИЕНТИРЫ

Подгорная М.Г.

Старший преподаватель

Южный федеральный университет

E-mail: mgpodgornaya@sfedu.ru

Аннотация. Антиковедение как комплексный подход к исследованию античности прошло длительную историю развития – от эпохи Ренессанса и до сегодняшнего дня. Будучи всегда социокультурно обусловленной областью, антиковедение развивалось в контексте доминирующих философско-методологических парадигм, меняя ориентиры и двигаясь по предметному полю от точки к точке, однако последовательно развиваясь и

углубляя накопленное знание. Сегодня антиковедение вошло в «цифровой» поворот, который переживает все гуманитарное знание, и в первые за всю историю данной области меняются не столько основания, с которых происходит исследование, сколько подвергается перестройке методологический аппарат, давая немислимые еще полвека назад инструменты приращения знания. Фиксация данного поворота, а также его влияние на отечественную традицию производится через обращение к наиболее полному и точному на сегодняшний день собранию фрагментов Гераклита – работе А.В. Лебедева «Логос Гераклита», ставшей возможной лишь в результате работы с цифровым архивом «Thesaurus Linguae Graecae».

Ключевые слова: антиковедение, историография античности, методология антиковедения, цифровой поворот, А.В. Лебедев.

SPECIFICS OF CLASSICAL STUDIES IN THE DIGITAL ERA: NEW OPPORTUNITIES AND GUIDELINES

Podgornaya M.G.

Senior Lecturer

Southern Federal University

E-mail: mgpodgornaya@sfnu.ru

Abstract. Classics as an interdisciplinary study of the Ancient Greek and Roman worlds has gone through a long history of development - from the Renaissance to the present day. Having always been a socially and culturally conditioned field, classical studies developed in the context of dominant philosophical and methodological paradigms, changing guidelines, and moving across the subject field from point to point, but consistently developing and deepening the accumulated knowledge. Today, classical studies have entered a "digital" turn, which is experiencing all branches of Humanities, and for the first time in the history of this field, not so much the foundations from which the research takes place are changing, but rather the methodological apparatus is being restructured, providing tools for increasing knowledge unimaginable half a century ago. Fixation of this turn, as well as its influence on the domestic tradition, is made through an appeal to the most complete and accurate collection of fragments of Heraclitus available today - the work of A.V. Lebedev "Logos of Heraclitus", which became possible only because of working with the digital archive "Thesaurus Linguae Graecae".

Keywords: classical studies, historiography of ancient times, methodology of classical studies, digital turn, A.V. Lebedev.

Человечество отличается завидным постоянством в вопросе обращения к историческому наследию античности, ведь европейская культура стоит на «фундаменте» античного образца, однако сегодня происходят кардинальные изменения в осознании нами своего прошлого, и это касается как самой истории, так и подходов к ее изучению. У исследователей меняются стратегии, оценки концепций отдельных ученых и дисциплинарного статуса науки.

История исследования античного наследия европейской цивилизации начинается в XV веке, в контексте интереса гуманистов эпохи Возрождения к древнегреческой и древнеримским истории, культуре и философии. Если в Средние века университеты занимались схоластической экзегетикой, в эпоху Ренессанса античная история стала преподаваться в форме комментариев к произведениям древних авторов. Хотя и стоит отметить, что преклонение перед античностью и критика средневековой культуры, не способствовали объективному научному исследованию.

Методологический поворот в подходе к античному периоду наметился в XVIII веке в связи со сменой мировоззренческой ориентации. Значительно расширилось понятие исторического источника, а вместе с тем началось развитие критического взгляда на источники вообще. В эпоху Просвещения были значительно усовершенствованы методики работы с источниками. Произошел отказ от идеализации древности и был разрушен «христианский» образ античности. Стали предприниматься исследовательские экспедиции и проводиться археологические раскопки. Появились первые многотомные издания, имеющие своим предметом античность в целом, а не отдельные аспекты данного периода.

В течение XIX века происходит окончательное оформление предметной области антиковедения как комплексного подхода к античности, больше не сводящегося лишь к историческим или

филологическим исследованиям. Интенсивное развитие археологии в этот период приводит к настолько стремительному накоплению материала и расширению границ понятия «античность», (как хронологических, так и культурных), что научная рефлексия начинает запаздывать, и к началу XX столетия это приводит к парадоксальной ситуации: противоречие между устоявшимися подходами и усложнившимся предметом исторической науки обнаруживает методологическую слабость всех важнейших теоретических установок классической науки XIX века [1].

Методологический кризис в антиковедении в целом совпал с кризисным состоянием, постигшим европейское общество в начале XX века. Первая мировая война, крушение идеалов прогресса и гуманизма сильно ударили и по академической науке. Происходит распространение реакционных историко-философских систем, прежние теории развития пересматриваются в сторону их отрицания, в результате чего многие профессиональные историки начинают игнорировать построения философов, отказываются от обобщений теоретического характера и сосредотачиваются на исследовании частных проблем [2, с. 184-186]. Усиливаются национальные исследовательские подходы и традиции, что могло бы интенсифицировать развитие области, но вместо этого приводит лишь к поляризации позиций. Центральными для антиковедения повсеместно остаются, поставленные в XIX веке, вопросы о принципах исторического развития. Особый акцент на социальной, политической, военной и экономической истории. Социокультурный запрос на поиск пути дальнейшего развития и место в мировой истории считается практически в любой национальной традиции, что в ряде случаев приводит к гипертрофированным интерпретациям (идеология немецкого и итальянского фашизма).

Преодолев идеологические деформации, социальные кризисы и две мировых войны, обусловившие развитие антиковедения в первой половине XX столетия, во второй половине XX века область вышла на новый методологический уровень. «Инструментарий исследований древности заметно усложнился, причём не только в результате закономерностей внутреннего развития самой исторической науки, но и за счёт заимствования ряда методов исследования из других наук. Занятия древней историей всё более и более приобретают междисциплинарный характер. Господствуют сразу несколько философско-методологических направлений в антиковедении» [3].

Вторая половина XX века характеризуется глобальным расширением источниковой базы, вплоть до источников, датируемых III тысячелетием до н.э., ставших доступными в связи с послевоенным технологическим бумом. Технологизация антиковедения позволила установить и изучить планировку целых городов, углубляя исследования социального контекста, позволяя дифференцировать культурные слои и анализировать историческое развитие отдельных государств и цивилизаций в мельчайших подробностях. Исследовательский подход стал более масштабным – к исследованию древности начинают привлекаться все доступные инструменты, так в 70-е годы XX века американские исследователи впервые пытаются использовать ЭВМ для анализа древних письменных источников [2, с. 238-248]. Ключевой момент, отличающий развитие антиковедения во второй половине XX века, – полная смена дисциплинарной определенности данной области.

Конец XX века обозначил новую тенденцию – компьютеризацию. Развитие кибернетики и цифровых технологий вышло далеко за границы точных наук, став частью массовой культуры, что с неизбежностью предопределило «цифровой поворот» во всех областях знания. Конкретный пример того, как «цифровизировалось» антиковедение – появление в 1972 году «Thesaurus Linguae Graecae» или «Цифровой библиотеки греческой литературы», (далее TLG) – проекта Калифорнийского университета, целью которого стало создание максимально полной цифровой коллекции всех текстов на греческом языке. С 1972 года было собрано и оцифровано большинство сохранившихся с древнейших времен текстов. В рамках реализации проекта была создана система «Ibucus», а также бета-код, используемый для кодирования греческого языка, позволившие в 1985 году выпустить библиотеку на диске. К концу 1990-х технология «Ibucus» устарела, в связи с чем была проведена разработка новой системы оцифровки, корректуры и управления коллекцией, что в 1999 году вылилось в выпуск нового диска TLG E. В 2001 году корпус был окончательно перемещен в веб-пространство с доступом для членов организаций-подписчиков. В то же время команда проекта начала работать над включением символов для кодирования и отображения греческого языка в стандарт Unicode. Сегодня корпус продолжает значительно расширяться и включает в себя византийские, средневековые и новогреческие тексты. Греческих слов в корпусе – 110 миллионов, уникальных словоформ – 1,6 миллиона, уникальных лемм – 250 000.

Появление TLG стало основанием для выработки нового подхода к работе с текстами, где всю техническую обработку и отбор производит машина, давая возможность исследователю работать с конкретными отрывками, свидетельствами и цитатами. И влияние этой системы вышло далеко за рамки того, к чему мы привыкли. Для примера – на сегодняшний день наиболее полным и точным

собранием фрагментов раннегреческого философа Гераклита Эфесского является монография А.В. Лебедева «Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова» [4], увидевшая свет в 2014 году. И такой вид работы был бы немислим без TLG. Сам автор прямо говорит об этом: «В 1989 году я получил грант, который давал молодым ученым Центр эллинских исследований Гарвардского университета. Там я дорвался до компьютера Ibusus, на котором была установлена ранняя версия Thesaurus Linguae Graecae – это электронная база данных всех греческих текстов от Гомера до византийцев. Доступ к Тезаурусу был очень важен для меня, потому что при работе с фрагментами необходимо разыскать все параллели. Я разработал свою процедуру поиска специфических сочетаний ключевых слов в независимых источниках гераклитовской традиции (восходящих к авторам, читавшим недоступный нам оригинал книги Гераклита), что позволяло реконструировать неизвестные фрагменты утраченного трактата Гераклита» [5].

Более того, можно с уверенностью сказать, что новый способ освоения материала порождает и новый тип интерпретации, содержательно перестраивающий устоявшиеся схемы понимания смысла и значения ряда философских концептов: «Если хотите, я занимаюсь «реформацией», то есть отбрасываю «предание» и возвращаюсь к «писанию». Я ничего не выдумываю, а как реставратор античной статуи, найденной на дне моря, очищаю ее от наростов, ракушек, песка. (...) Если текст сам по себе не ясен, я опираюсь на консенсус независимых древних читателей Гераклита или любого другого раннего философа. В тех случаях, когда результаты имманентного анализа могут опереться на консенсус независимых древних читателей, я чувствую абсолютную уверенность в своей правоте. (...) Я доверяю своим глазам и здравому смыслу, а также своему языковому чутью, обязательно проверенному поисками в TLG» [5].

Пример исследований А.В. Лебедева не единственный, но весьма показательный, так как отечественное антиковедение пока в меньшей степени ощутило влияние «цифрового» поворота. В англо-американской же традиции в оценке оцифрованного материала давно правит статистика, передовые исследования, особенно по глубокой древности, выстраиваются на результатах работы соответствующих компьютерных программ, ищущих совпадения и указывающих на определенные тенденции в анализируемом материале [6].

Дальнейшая перспектива цифровизации в антиковедении и в гуманитарных науках в целом – расширение исследовательского поля, плюрализм методологических стратегий и креативность как основа для подхода к источникам. Наиболее продуктивен и успешен будет тот, кто сможет наименее тривиально использовать технологии, интенсифицируя исследования путем формирования своеобразных прорывов и новых программ деятельности.

Оценка цифрового поворота не может быть дана ни в позитивном, ни в негативном ключе, ведь это лишь данность, к которой нас привело развитие цивилизации, расширение влияния информационных технологий и тенденции массовой культуры. Однако подобное движение делает будущее методологических оснований в данной области слабо предсказуемым, а от того крайне интересным для дальнейшего наблюдения.

Список литературы

1. Юдин А.В. Развитие антиковедения в начале XX века: конец классической или начало современной науки о древней Греции и древнем Риме? // Наука и школа. 2010. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-antikovedeniya-v-nachale-hh-veka-konets-klassicheskoy-ili-nachalo-sovremennoy-nauki-o-drevney-gretsii-i-drevnem-time> (дата обращения 25.11.2023).
2. Кузищин В.И. Историография античной истории: Учеб. пособие / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высш. Школа, 1980. 415 с.
3. Юдин А.В. Кризисы в исторической науке об Античности (XVII - начало XX вв.) // Наука и школа. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisy-v-istoricheskoy-nauke-ob-antichnosti-xvii-nachalo-hh-vv> (дата обращения 25.11.2023).
4. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.
5. Наранович С.В. Избавляясь от «досократиков»: эллинист Андрей Лебедев — о том, почему пора переписать историю греческой мысли // Журнал «НОЖ». 5 августа 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/goodbye-presocratics/> (дата обращения 9.11.2023).
6. Salgarella E. Aegean Linear Script(s). Rethinking the Relationship Between Linear A and Linear B. Cambridge: University Printing House, 2020. 416 p.

СИМУЛЯТИВНО-ИГРОВЫЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТИСТИНЫ

Рузанов И.В.

Аспирант

Донской государственной аграрный университет

E-mail: ruzanov@sfedu.ru

*Аннотация. В статье приводится определение игры, данное Й. Хейзингой и углубляется через классификацию игр по Р. Кайуа. Определено значение психологического аспекта игры и ее влияния за пределами обособленной области игры. Игра есть поле симуляции, через категорию *ilinx* показано как создание симуляций, и их интерпретация меняют человеческое восприятие. Сопоставление игры и постистины показывает, что последняя представляет собой симуляцию выработки истины или игру в истину, где стираются грани определяющих истину требований, а также увеличивается их подвижность. В постистине критерии истины условны, ориентация деятельности субъектов направлена на сам процесс, а не на внешний объект исследования. Результат такой деятельности не имеет критического значения, он подчинен форме деятельности. В постистине превалирует *mimicry*, а в истине – *agon*.*

Ключевые слова: игра, классификация игр, симуляция, симулякр, постистина, истина.

SIMULATING AND GAMING WAYS OF FORMING POST-TRUTH

Ruzanov I.W.

Postgraduate student

Don State Agrarian University

E-mail: ruzanov@sfedu.ru

*Abstract. The paper provides the definition of a game given by J. Huizinga and goes deeper through the classification of games according to R. Caillois. The significance of the psychological aspect of the game and its influence outside the isolated area of the game is determined. The game is a field of simulation, through the *ilinx* category it is shown how the creation of simulations, and their interpretation, change human perception. A comparison of the game and post-truth shows that the latter is a simulation of the creation of truth or a game of truth, where the edges of the requirements defining the truth are erased, and their mobility also increases. In post-truth, the criteria of truth are conditional, the orientation of the subjects' activity is aimed at the process itself, and not at the external object of research. The result of such activity is not critical; it is subordinate to the form of activity. In post-truth *mimicry* prevails, and in truth – *agon*.*

Keywords: game, games classification, simulation, simulacrum, post-truth, truth.

Несмотря на то, что целенаправленные исследования данных феноменов игры и постистины начали вести сравнительно недавно, мы уже можем отчасти осознать их ценностную глубину и усмотреть значимую перспективу. Рассмотреть их в синтезе друг с другом и вовсе видится нетривиальной исследовательской задачей.

Й. Хейзинга в работе «*Homo ludens*» [1] определил игру как «некое поведение, осуществляемое в определенных границах места, времени, смысла, зримо упорядоченное, протекающее согласно добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости» [1, с. 188]. Даже для небольшой работы мало привести одно лишь определение, поэтому будет разумным углубить понимание игры при помощи ее классификации, для чего обратимся к работе Р. Кайуа «Игры и люди» [2].

Французский мыслитель разделяет игры на четыре категории. Ниже они приведены в сокращенном варианте.

Agon (состязание) – категория игр, которая представляет собой ту или иную форму состязания, «борьбу, где искусственно создается равенство шансов и противники сталкиваются друг с другом в идеальных условиях, обеспечивающих точную и неоспоримую оценку одержанной победы» [2, с. 40].

Alea (удача) – категория игр, основанных на удаче и азарте. Решения, которые принимает игрок, не зависят от его способностей и неподконтрольны ему. «Судьба единственно и определяет победу, и когда такая победа свершается, она даже при наличии соперничества означает лишь то, что победителю более, чем побежденному, благоприятствовала судьба» [2, с. 44].

Mimicry (симуляция) – категория игр, которые предполагают принятие «... некоего замкнутого, условного и в некоторых отношениях фиктивного мирка» [2, с. 48]. Такая игра необязательно заключается в «проживании» какого-либо сценария, достаточно самому взять на себя роль и убедить других в том, что ты не тот, кто есть на самом деле.

Ilinx (головокружение) – категория игр, основанных на стремлении к краткосрочному нарушению стабильности своего восприятия, приведении своего сознания в состояние «сладостной паники». Она может быть достигнута в стремлении «достичь своего рода спазма, впасть в транс или в состояние оглушенности, которым резко и властно отменяется внешняя действительность» [2, с. 53].

Измерение игр по категориям проводится через *ludus* и *paidia*.

Ludus – «идея произвольно создаваемых трудностей» [2, с. 59]. Представляет элемент получения удовольствия от преодоления затруднений и следование четкому регламенту, обычаю.

Paidia – «исходная власть импровизации и веселья» [2, с. 59]. Охватывает спонтанные проявления игрового инстинкта, бесконтрольное желание быть частью игры.

В рамках данной работы необходимо принять во внимание не только каким образом и по каким принципам существует игра, но также учесть психологический аспект ее бытийствования в жизнедеятельности человека и формах ее культурного воплощения. Р. Кайуа отмечает следующее: «...принципы, от которых зависят игры и которые позволяют их классифицировать, позволят нам распознать их влияние за рамками той по определению обособленной, регламентированной и фиктивной области, которая им отведена и благодаря которой они остаются играми» [2, с. 132]. Напрашивается вывод о том, что человек всегда находится в состоянии игры. Однако, стоит принять во внимание, что Кайуа не пролонгирует игру на всю человеческую реальность, а делает акцент на различении принципов игры, которые в своей непрерывности могут быть включены в другие области человеческой деятельности и обуславливать характер их деятельности.

В любой игре, вне зависимости от ее типа и формы, есть процессы симуляции. При отсутствии действительного свершения какого-либо акта происходит его условная репрезентация, результатом которой является симулякр, который используется не столько каждым участником игры по отдельности, сколько коллективно. Его появление в игре коннотирует с принципами игры. Без создания симулякров во время игры не представляется возможным обозначить границы между игрой и реальностью, пропадает необходимость в правилах, так как, пропадает регулируемый ими конструкт, а также неприменимой становится характеристика «свободы». Если участники не могут получить в результате процесса фиктивное следствие, то они несвободны и в самой идее игры. В подтверждение этому, имеет смысл обратиться к исследованию Р. Кайуа.

В описании игр категории *Ilinx* он приводит в качестве примера «точные аппараты» в парках аттракционов, которые воздействуют на весь организм человека. «Экстремальные» аттракционы по своей сути подвергают человека таким процедурам и потенциально приводят к таким последствиям, что в реальности любой человек может не только не хотеть, но и побаиваться их испытывать. При этом он добровольно идет на сеанс, у него перехватывает дыхание, он кричит от страха, у него «всё сжимается внутри» и он хочет, чтобы «все это» поскорее закончилось. В большинстве случаев после того, как он выйдет с аттракциона и придет в себя, пойдет покупать еще один билет и, вероятно, на еще более экстремальный аттракцион, чем тот, на котором он был. В сущности, человек испытал неприятные, а возможно и болезненные ощущения, но свободное принятие, резкость и интенсивность переживаний, строгие пределы процесса и отрешенность от реальности делают происходящее игрой, от которой он получил наслаждение, а коллективность действия лишь усилила его игровой характер. Если мы уберем из этого перечня симуляцию ощущений и будем вызывать их переживание искусственным методом, растянем их на длительный срок или изменим интенсивность, то игра разрушится. Деятельность из игровой включится в реальность. Человек будет переживать то, что вызвано действительностью и ему будет по-настоящему страшно, плохо, скучно и т. д. Из чего можно сделать вывод, что без наличия симуляции, вызывающей симулякр, игра несостоятельна.

Здесь имеет смысл отметить интерпретацию получаемых ощущений человеком. По своей сущности негативные воздействия субъективно переживаются в положительном контексте. Игровая практика меняет привычные человеку правила и паттерны поведения. В ней происходит интенсивная экспликация человеческого восприятия. Благодаря чему страх затмевается радостью, тревожность — восторгом, а дискомфорт — наслаждением.

Теперь сопоставим описанные выше особенности компонентов игры с компонентами постистины. Оксфордский словарь определяет постистину (*post-truth*) как «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [3]. Несмотря на многообразие определений «*post-truth*» в научной гуманитарной литературе, данное определение является наиболее распространенным и принятым. Перевод «*post-truth*» как постистины более корректно отражает эпистемологический аспект работы.

Формирование истины происходит в соответствии с определенными актуальными правилами, которые вырабатываются социальными институтами. В постистине эти правила могут быть изменены, не приняты во внимание, преувеличены, отредактированы и т. д. Таким образом стираются грани определяющих истину требований и сами требования из фиксированных становятся нестабильными. Подобная трансформация относительно общепринятых критериев есть не что иное как симуляция, а именно симуляция выработки истины или игра в истину. Обращение к игре обозначено не простой аналогией или наличием симуляции как таковой, но всеобъемным, глобальным характером игры и ее характеристиками, которые не просто включены в деятельность, но и обуславливают ее.

Критерии истины укоренены в верификации, сложившейся в накопленном межпоколенческом опыте. В парадигме постистины эти критерии нарушаются и размываются, определяются как чисто условные. Относительно ортодоксального, «истинного» подхода произведенное таким путем знание является не столько действительным отражением реальности, сколько ее принципиально условной и конвенциональной интерпретацией. Вместо направленности деятельности субъекта или субъектов непосредственно на внешний объект, в постистине доминирует внутренняя направленность, то есть на процесс самой деятельности. Как и в игре, здесь результат не имеет решающего значения, он подчинен форме деятельности и не самоактуализируется или объективизируется.

В направленной вовнутрь деятельности и кроется основная часть игры в истину. Подобно кинозвездам и звездам спортивных соревнований, постистина и истина находятся в таком же диффузном соревновании, где первая, в ее субъектах, образует *mimicry*, а вторая – *agon*. Несмотря на то, что в первом случае мы говорим о симуляции, а во втором о соревновании, мы также говорим про общую у них аудиторию. Одно только наличие постистины диктует ее принятие. Причем не только как альтернативу истине, которую может выбрать аудитория, но и как торжество иллюзии, в поддержании которой причастна ее социальная группа. Она через речевые перевоплощения принимает апокрифические аргументы постистины, которые несут новую аргументацию и в этом акте скрывается *ilinx*, переживаемый автором. Он видит себя творцом чего-то принципиально нового, хотя, в сущности, продукт, если таковой имеет место быть, является побочным следствием проведенной деятельности и не представляет ценности вне ареала своего создания. Для непосвященного человека не имеет ценности ни сам процесс, ни его продукт, т. к. они запечатаны в обособленной области со своим порогом входа так же, как и велогонщики со зрителями на Le Tour de France.

Список литературы

1. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
2. Кайуа Р. Игры и люди / Пер. с франц. С. Зенькина]. Москва: Изд. АСТ, 2022. 288 с.
3. Oxford English Dictionary. Post-truth. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oed.com/dictionary/post-truth_adj?tab=meaning_and_use-paywall (дата обращения 21.01.2024).

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «АЛЬТЕРНАТИВНОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ» КАК НАПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПАРАНАУКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Стасенко В.В.

Младший научный сотрудник

Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН

E-mail: vlad_stas1999@rambler.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка философского анализа характерных черт одного из направлений отечественной паранаучной мысли конца XX – начала XXI вв. – «альтернативного естествознания», представляющего собой совокупность различных неакадемических исследований, направленных на ревизию современной естественнонаучной картины мира. В ходе анализа общей риторики и аргументационных стратегий ряда заметных деятелей паранауки выделяются три характерные черты «альтернативного естествознания»: пессимистический взгляд на современное состояние академической науки, эпистемологическое доверие здравому смыслу и обыденному языку, ориентация на сближение естествознания с религией и (или) эзотерикой. Рассмотрение внутренних предпосылок формирования данных особенностей приводит к выводу о том, что катализатором возникновения и развития различных вариаций «альтернативного естествознания» выступает экзистенциальный дискомфорт, порождаемый столкновением обыденных представлений рядового человека со сложностью и внешней контринтуитивностью современного академического естествознания и предлагаемой им картины мира.

Ключевые слова: псевдонаука, паранаука, «альтернативная наука», «альтернативное естествознание», проблема демаркации, философия науки.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF «ALTERNATIVE NATURAL SCIENCE» AS TRENDS IN RUSSIAN PARASCIENCE OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES.

Stasenko V.V.

Junior Research Fellow

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences

E-mail: vlad_stas1999@rambler.ru

Abstract. The article attempts a philosophical analysis of the characteristic features of one of the directions of Russian parascientific thought of the late XX - early XXI centuries - «alternative natural science», which is a set of various non-academic studies aimed at revising the modern natural science picture of the world. During the analysis of the general rhetoric and argumentation strategies of a number of notable figures of parascience, three characteristic features of «alternative natural science» are highlighted: a pessimistic view of the current state of academic science, epistemological trust in common sense and everyday language, orientation towards the convergence of natural science with religion and (or) esotericism. Consideration of the internal prerequisites for the formation of these features leads to the conclusion that the catalyst for the emergence and development of various variations of «alternative natural science» is the existential discomfort generated by the collision of everyday ideas of an ordinary person with the complexity and external counterintuitiveness of modern academic natural science and the worldview proposed by it.

Keywords: pseudoscience, parascience, «alternative science», «alternative natural science», the problem of demarcation, philosophy of science.

Изучение различных форм паранаучной мысли имеет свою познавательную ценность в рамках апофатического подхода к решению центрального вопроса философии науки – последовательного расширения наших представлений о том, чем наука *не* является. Это есть, образно выражаясь, попытка «нащупать» линию демаркации науки и не науки, двигаясь со стороны второй. Последние три десятилетия развития интеллектуальной культуры российского общества породили любопытнейший

в данном контексте предмет исследования – сегмент паранаучной мысли, для обозначения которого мы используем здесь термин «альтернативное естествознание» – совокупность исследовательского творчества теоретиков-любителей (в большинстве своём инженеров по образованию и роду деятельности), направленного на ревизию современной естественнонаучной картины мира. Мы рассматриваем теоретические построения наиболее популярных и плодовитых деятелей данного направления, таких как апологет теории эфира В. А. Ацюховский, «народный» критик релятивистской механики Е. Н. Авдеев, создатель «православной» системы элементов Ю. С. Рыбников, популяризатор «альтернативной физики» В. Г. Катющик и некоторые другие. Мы стремимся исследовать данный феномен «изнутри» через экспликацию гносеологических предпосылок и внутренних мотивов познавательной активности исследователей-альтернативщиков. Для удобства анализа выделим ряд характерных черт рассматриваемого феномена.

Первая черта - пессимистический взгляд на современное состояние академической науки. Представители различных направлений «альтернативной науки» едины в общей тенденции оценивать положение дел в современном естествознании как ситуацию глубокого системного кризиса и исследовательского тупика. Некоторые из них находят этому разного рода конспирологические объяснения вплоть до представлений о масонском заговоре (так, например, на сайте, посвященном теориям Ю. С. Рыбникова, мы можем узнать, что начиная с XVIII века «учёные из числа масонов были обязаны все важные знания о Природе утаивать» [1]), иные винят ошибочность общих методологических оснований (примеры: тезис В. А. Ацюховского о «идеализме современной физики» [2, с. 84] и заявления В. Г. Катющика о принципиальном непонимании большинством современных академических учёных законов формальной логики) и внутренние пороки научного сообщества – догматизм, консерватизм, закрытость и т.п. Распространённость данного рода взглядов в среде отечественных «альтернативщиков» и их аудитории может быть объяснена следствием завышенных ожиданий от науки, порождённых культовым статусом последней в идеологии и массовом сознании советского общества. Реальные темпы научно-технического прогресса последних десятилетий смотрятся бледно на фоне того предельно амбициозного футурологического нарратива, который транслировали советские популяризаторы науки и фантасты - болезненное столкновение коллективной мечты с действительностью провоцирует чувство обманутых ожиданий, которое служит благодатной почвой для возникновения убеждений в бесплодии методов и теорий современной науки, оказавшейся неспособной реализовать возложенные на неё надежды. Масштабы этих надежд – межзвездные полёты, дармовая энергия, кратное увеличение продолжительности жизни и т.п. – затмевают собой реальные научно-технические достижения современности, потому критика «альтернативщиками» академической науки не предаёт последним должного значения.

Вторая черта – эпистемологическое доверие здравому смыслу и обыденному языку. Аргументация «альтернативщиков» зачастую содержит в своей общей пресуппозиции положение о принципиальной познаваемости мира обыденным сознанием. Так, например, Е. Н. Авдеев, обосновывает неверность второго постулата СТО его противоречием «здравому смыслу и рациональному восприятию действительности» [3]. Критические атаки данного автора на релятивистскую механику проникнуты общей идеей – А. Эйнштейн и его последователи использовали намеренно усложненный язык, чтобы создать вокруг теории относительности завесу интеллектуальной элитарности и эзотеризма, тем самым скрыв от широких масс её несостоятельность и противоречивость; свою собственную аргументацию Авдеев позиционирует как понятную, в отличие от «релятивистского эзотеризма», не только узкому кругу специалистов, но и просто «всем любителям <...> физики» [4]. Схожие взгляды демонстрировал В. А. Ацюховский, обвиняющий современное естествознание в «моде на парадоксальность», следуя которой учёные «всё более усложняют свой математический аппарат» [5, с. 53]. Гносеологическая предпосылка подобного рода критики кроется в убеждениях, согласно которым даже такие несоизмеримые с обыденным человеческим опытом процессы, как движение с околосветовой скоростью, открыты к адекватному познанию и описанию методами здравого смысла и средствами обыденного языка. Данные убеждения есть побочный продукт демократизации науки - реализуемое массовым образованием и научпопом стремление сделать научную картину мира понятной для как можно более широкой аудитории неизбежно приводит к злоупотреблению инструментарием обыденного языка в той сфере, для которой он наименее приспособлен; формируемая таким образом иллюзия выразимости сложнейших проблем современного естествознания в общедоступных категориях и понятиях вкупе с верой в безграничность человеческого познания (составная часть упомянутого выше «культа науки») продуцирует убеждённость «альтернативщиков» в необходимости очистить науку от контринтуитивности, подчинить её здравому смыслу и сделать доступной для понимания т.н. «простого человека». Предельное выражение

подобного подхода являет нам стиль главной «монографии» В. Г. Катющика «Гравитационное взаимодействие, основы космологии» в которой, по выражению самого автора, «для облегчения понимания вопроса материалы сопровождаются доступными поясняющими примерами». «Доступность» пояснений Катющика доходит иной раз до абсурдных курьёзов - так в примере, объясняющем «наивность бытующей трактовки линейной величины, как состоящей из безразмерных точек», автор представляет нам сценку, в которой «два теоретика решили создать длину» – «расположили 1000000 точек, потом еще 1000000 точек. День располагали, месяц, год...» [6, с. 7]. Здесь мы видим концентрированное выражение общего для «альтернативщиков» духа отвращения к абстракции, стремление «приземлить», «овеществить» абстракцию.

Третья черта – ориентация на сближение естествознания с религией и (или) эзотерикой. Теоретикам «альтернативного естествознания» присуще стремление увязать методы и результаты своих изысканий с какой-либо сакральной традицией. Ю. С. Рыбников выдавал свои построения за некие «знания РУСов» (здесь и далее орфография автора сохранена), которые издревле содержались в «РОДовом сознании каждого соРОДича и передавались из поколения в поколение.» Свою ключевую теоретическую разработку Рыбников назвал «Русская православная элементарная система единства периодичности электроатомов Вселенной» [1]. В. Г. Катющик снял двухчасовой документальный фильм, посвященный рассмотрению основ христианского мировоззрения сквозь призму «альтернативной космологии» автора. Теоретик «торсионных полей» Г. Е. Шипов утверждал, что в его исследованиях «наука протягивает руку религии» [7] Заявленную программу синтеза религиозного и научного мировоззрений Шипов реализует через обращение к индийской эзотерике; с ней автор устанавливает примечательную двухстороннюю и взаимовыгодную связь – накопленные «ведической традицией» свидетельства различных форм духовного опыта выдаются Шиповым за практические подтверждения постулируемых его теорией «тонких структур» мироздания, и наоборот – теория «торсионных полей» предлагается в качестве научного обоснования рассматриваемых воззрений и практик. Ещё один проект научно-религиозного синтеза был представлен А. С. Холманским в виде отдельного направления «альтернативного естествознания» – «теофизики» – призванного изучать «законы взаимообращения материи и духа в живой и неживой природе», суммируя «сокровенное Знание Библии и достоверное эмпирическое Знание» [8]. В данном аспекте особняком от общего ряда «альтернативщиков» стоит В. А. Ацюховский, который, будучи добросовестным последователем диалектического материализма, решительно осуждал любые попытки сближения науки с религией.

Мы полагаем, что внутренние мотивы наблюдаемой тяги «альтернативного естествознания» к сближению с религией и эзотерикой следует рассматривать как одну из форм преодоления тех экзистенциальных вызовов, которые современное развитие науки ставит перед человеческой личностью. Критический дух, лежащий в основе науки современного типа, меняет сам характер восприятия человеком собственного комплекса знаний о мире, устраняя отсюда чувства неразрывной преемственности прошлым поколениям и укорененности знания в духовной традиции; вместе с преемственностью - целостностью диахронической - пропадает и целостность синхроническая – структурное усложнение и дифференциация естествознания делают совокупность наших представлений о природе всё более фрагментированной и дискретной. Описанную выше ориентацию многих «альтернативщиков» на научно-религиозный синтез можно, таким образом, рассматривать как реакцию на десакрализацию и дифференциацию естествознания, заключающую в себе стремление на новом уровне научного развития воссоздать утраченную целостность в формах «метанауки», «теофизики», «ПриРОДного знания РУСов» и прочих предлагаемых «альтернативным естествознанием» метатеорий.

Специфические свойства феномена «альтернативного естествознания» не исчерпываются выведенными выше чертами - данная область требует дальнейших исследований, однако уже сейчас можно в качестве промежуточного вывода утверждать, что сильнейшим катализатором «альтернативного» теоретизирования является общий дискомфорт, испытываемый рядовым человеком при столкновении с современным академическим естествознанием – от его медленных темпов развития (первая черта), сложности языка и контринтуитивности выводов (вторая), видимому отсутствию целостности и сакральности (третья).

Список литературы

1. ПриРОДные знания РУСОВ. Авторский сайт Ю. С. Рыбникова. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruvserod.ru/posts/masonstvo-kak-instrument-iskajeniya-prirodnih-znaniy> (дата обращения 15.01.2024).

2. Ацюковский В.А. Философия и методология современного естествознания. Цикл лекций. М.: «Петит», 2005. 139 с.
3. Авдеев Е. Н. Об удивительных свойствах света, придуманных Эйнштейном. [Электронный ресурс]. URL: <https://efirfizika.ru/posts/4008003> (дата обращения 15.01.2024).
4. Авдеев Е. Н. Обращение к Российской Академии Наук и физикам России «О псевдонаучности теории относительности». [Электронный ресурс]. URL: <https://efirfizika.ru/posts/4375330> (дата обращения 15.01.2024).
5. Ацюковский В. А. Начала эфиродинамического естествознания Книга 1. Методологический кризис современной теоретической физики. М.: «Петит», 2009. 296 с.
6. Катющик В. Г. Гравитационное взаимодействие, основы космологии. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2009. 104 с.
7. Шипов Г. Е. Теория физического вакуума. Философия и метанаука, научная и духовная мысль. [Электронный ресурс]. URL: http://itc.org.ru/books/Shipov_TFV.pdf (дата обращения 15.01.2024).
8. Холманский А. С. Краткая история теофизики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sciteclibrary.ru/textsts/rus/stat/st6817.pdf> (дата обращения 15.01.2024).

ГРАНИЦЫ ПОСТПРАВДЫ: ИДЕИ Б.ЛАТУРА

Трохимчук Е.А.

*Кандидат философских наук, доцент Института философии
и социально-политических наук
Южный федеральный университет
E-mail: eky@inbox.ru*

Аннотация. Одна из современных знаковых работ, посвященная осмыслению феномена постистины принадлежит Стивену Фуллеру, американскому философу, исследователю социальной эпистемологии. В своей книге "Постправда" С. Фуллер обсуждает проблему истины и знания в современной науке. Обращая внимание на историю актуализации понятия постистина в культуре информационного общества, С. Фуллер отмечает, что общепринятая дефиниция постистины как состояния, при котором факты имеют меньшее влияние, чем эмоции, является недостаточно конструктивной. Ключевым моментом его размышлений является тезис о том, что постправда не связана с обычным отрицанием фактов, а скорее с отрицанием привилегий в трактовке фактов. В рамках данного тезиса, на наш взгляд, интерес представляют размышления Брюно Латура о природе научного познания.

Ключевые слова: постправда, истина, наука, культура, «Великий раздел», гибриды.

BORDERS OF POST-TRUTH: IDEAS OF B. LATOUR

Trokhimchuk E.A.

*CSc in Philosophy, Associate Professor of Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences
Southern Federal University
E-mail: eky@inbox.ru*

Abstract. One of the modern landmark works devoted to understanding the phenomenon of post-truth belongs to Stephen Fuller, an American philosopher and researcher of social epistemology. In his book Post-Truth, Fuller discusses the problem of truth and knowledge in modern science. Drawing attention to the history of the actualization of the concept of post-truth in the culture of the information society, S. Fuller notes that the generally accepted definition of post-truth as a state in which facts have less influence than emotions is not constructive enough. The key point of his thinking is the thesis that post-truth is not associated with the usual denial of facts, but rather with the denial of privilege in the interpretation of facts. Within the framework of this thesis, in our opinion, Bruno Latour's thoughts on the nature of scientific knowledge are of interest.

Keywords: post-truth, truth, science, culture, "Great Divide", hybrids.

Американский философ, исследователь социальной эпистемологии, один из знаковых современных авторов, обращающихся к осмыслению феномена постистины, Стив Фуллер в своей книге «Постправда» обсуждает проблему истины и знания в современной науке [1].

Рассматривая историю понятия постистина в культуре информационного общества, С. Фуллер отмечает, что общепринятая дефиниция постистины как состояния, при котором факты имеют меньшее влияние, чем эмоции, является недостаточно конструктивной. Ключевым моментом его размышлений является тезис о том, что постправда не связана с обычным отрицанием фактов, а скорее с отрицанием привилегий в трактовке фактов. В рамках данного тезиса, на наш взгляд, интерес представляют размышления о природе научного познания французского философа, создателя акторно-сетевой теории, Брюно Латура.

Работы Б. Латура, посвящены целому спектру проблем социологии науки, социальной антропологии и философии науки.

Интерес в рамках размышлений о природе и особенностях функционирования феномена постправды, на наш взгляд, представляют две линии его мыслей.

Первая связана с работой «Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии».

Здесь Б. Латур размышляет о природе познания в различных его аспектах (природном, социальном, техническом и пр.), о дисциплинарном делении знания, научных фактах, истории, взаимосвязи понятий Природа, Культура, Наука.

В целом, согласно Б. Латуре, научные факты создаются в результате научных исследований, а авторитет науки является общим, потому что существует общий мир.

Вопрос о том, что определяет научную ценность, например, в исследованиях истории Луи Пастера, значении открытия электричества или проблем озонового слоя не сводится к отдельным фактам, которые были обозначены в результате этих исследований. Ключевой характеристикой научного познания, по мнению Б. Латура, являются сети смыслов – то, как рассматриваемые явления представлены как природа, как дискурс и как аспект общественных отношений: «когда речь идет о выведении бактерии Пастера, в поле зрения попадает все французское общество XIX века, и оказывается, что невозможно понять пептиды мозга, если не связать их с научным сообществом, инструментами, практиками, всевозможным оборудованием, очень мало напоминающими серое вещество и умственные операции подсчета» [3, с.62].

Сеть существует как отсутствие жёсткого разделения между природой и культурой. Так, например, в современном мире власть, мораль, законы и химия высоких слоев атмосферы оказываются связаны в единую сеть взаимодействия на уровне повседневности так же, как в первобытных племенах связаны небо, предки, форма жилища, сельское хозяйство, обряды инициации, формы правления и космологии.

Сравнивая культурные сообщества примитивные и современные, к которым он, в том числе относит и ученых, Б. Латур пишет: «Никто никогда не слышал о коллективах, которые не задействовали бы небо, землю, тела, блага, право, богов, души, предков, силы, зверей, верования, вымышленные существа... Такова старая антропологическая матрица, которой мы никогда не покидали» [3, с.182].

Б. Латур делает решительный вывод о том, что мы никогда «не были современными», в том смысле, что в реальном мире никогда не существовало жёсткого разделения свойственного научному познанию, на субъект и объект, на отдельно мир природы и отдельно мир культуры.

Это разделение или «Великий Разлом», как определяет его Б. Латур, возникает как следствие механистических воззрений эпохи Просвещения. Новое время конструирует два отдельных мира – Природы – объективный, безгласный «там» мир, и Культуры – мир действующих субъектов, самосознающих себя в истории независимо от ограничений природы. Именно в мире культуры действуют правила беспристрастного объективного научного познания, фактов и технических инструментов. «Великий Разлом» расколдовывает мир и делает человека единственной силой космоса.

Однако, по мнению Б. Латура, современный мир не покидал «антропологическую матрицу». Концепция «Великого Разлома» – это способ создать видимость разрушения «субъект-объектных» связей реальности, гибридов, которые сочетают природные и культурные характеристики, преодолеть консерватизм традиционных обществ.

Интересным оказывается тот факт, что, разрушив гибридную реальность, европейская наука и культура вышли на принципиально новый уровень порождения гибридных смыслов.

Как пишет Б. Латур, на сегодняшний день иллюзия «Великого Разлома» себя исчерпала. Современный мир наполняется всё более сложными гибридными сочетаниями и квазиобъектами

природы и культуры и субъект-объектными связями (атомная станция, озоновые дыры, карта человеческого генома, нейропередатчики и пр.) [3].

Древние люди и примитивные племена смешивали абсолютно всё, и современный человек снова стал «до-современным».

И именно это смешение может быть рассмотрено в качестве одной из причин появления феномена постправды, обозначенного выше разрастания многообразия трактовки фактов С. Фуллера.

Еще одна работа Б. Латура, на которую хотелось обратить внимание в контексте темы постправды, и которую упоминают некоторые современные отечественные исследователи – это работа «Исследование модусов существования» [4].

В данной работе Б.Латур выделяет четырнадцать способов говорить об истине. Эти варианты соотносятся с тем же количеством модусов существования. Так, есть модусы повседневной жизни – законы, политика, технология, наука, привычки, этика, религия. Есть модусы ответственные за сохранение сущностями их тождества во времени, модусы сохранения границ.

При помощи этих модусов описывается всё, что касается жизни человека в мире. Эти модусы ответственны за формы высказывания и значения истинности и ложности.

Таким образом, не может быть истинного высказывания вообще, но может быть истинность в рамках конкретного модуса. А знание – это один из специфических способов достижения истины, не сводимый к другим.

В завершение краткого экскурса в размышления Б. Латура о современном научном знании стоит так же обратить внимание на одно из интервью данное Б. Латуром для западного издания журналисту Аве Кофман в 2018 году [5]. Размышляя о природе постправды, Б. Латур отмечает, что факты остаются достоверными только тогда, когда они поддерживаются общей культурой, институтами, которым можно доверять (например, правила общественной жизни или надёжные СМИ). Проблема достоверности в современном мире альтернативных фактов не зависит от их правдивости. Гораздо большее значение имеют условия их конструирования, кто их создает, кому они адресованы, в каких институтах становятся видимы. Чем больше внимания мы уделяем изучению этих обстоятельств, тем больше у нас возможностей для борьбы с дезинформацией.

С нашей точки зрения ценность размышлений Б. Латура, в рамках обозначенной темы, состоит в возможности объяснить происхождение феномена многообразия альтернативных достоверностей постправды как результат естественного развития обозначенной им антропологической матрицы взаимодействия природы-культуры и субъект-объектных связей внутри европейской культуры, с одной стороны. С другой стороны, в работах Б. Латура предлагается и аналитический подход к трансформациям, происходящим в системе современного знания, а идеи представляют интерес в перспективе развития современной науки.

Список литературы

1. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. 368 с.
2. Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Возвращаясь к философскому осмыслению феномена постправды (постистины) // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 2, ч. 1. С. 11–27.
3. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
4. Демин Т.С. Брюно Латур и аналитическая эпистемология // Социология власти. 2019. Том 31, № 2. С.116-135.
5. Солодько С.Ю. Трансформация социологических представлений об институциональном статусе науки в проекте Бруно Латура // Социология науки и технологий. 2014. Том 5, № 1. С.97-104.
6. Bruno Latour, the Post-Truth Philosopher, Mounts a Defense of Science. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/25/magazine/bruno-latour-post-truth-philosopher-science.html> (дата обращения: 10.01.2024).

НАУКА В ЭПОХУ ПОСТИСТИНЫ

Шмельфениг О.В.

*Кандидат физико-математических наук, доцент
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: shim.ov@mail.ru*

Аннотация. В современном мире возникает необходимость в системной интеграции знаний с включением в общенаучную концепцию реальности её авторов и пользователей. Как вариант решения этой проблемы предлагается сюжетно-игровая парадигма, с позиции которой обсуждаются вопросы истины и знания в философии и науке. Эти вопросы приводят к необходимости определения понятия реальности, концепция которой здесь строится на основе древнеиндийского образа мира как Космической Игры. Такая модель реальности предельно ясно показывает межличностную структуру Бытия, обнажает интересубъектный механизм творения каждым из всех акторов Космоса (посредством попыток реализации своих, во многом неосознаваемых, программ-сценариев) – нашей общей судьбы, открывая новые возможности сознательного влияния на совместное будущее.

Ключевые слова: наука, философия, знание, истина, вера, сценарий, игра.

SCIENCE IN THE POST-TRUTH ERA

Shimelfenig O.V.

*CSc in physical and mathematical sciences, Associate Professor
Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky,
E-mail: shim.ov@mail.ru*

Abstract. In the modern world, there is a need for systemic integration of knowledge with the inclusion of its authors and users in the general scientific concept of reality. As a solution to this problem, a plot-game paradigm is proposed, from the perspective of which issues of truth and knowledge in philosophy and science are discussed. These questions lead to the need to define the concept of reality, the concept of which is based here on the ancient Indian image of the world as a Cosmic Game. Such a model of reality very clearly shows the interpersonal structure of Existence, reveals the intersubjective mechanism of creation by each of all the actors of the Cosmos (through attempts to implement their own, largely unconscious, programs-scenarios) - our common destiny, opening up new opportunities for conscious influence on a common future.

Key words: science, philosophy, knowledge, truth, faith, scenario, game.

В древних культурах Мир в целом, включая человека, обычно описывался как созданный неким Вселенским разумом, в частности, в Индии и некоторых других регионах, как Его Космическая игра [1, 2, 3]. В современном мире возникает необходимость в системной интеграции всё быстрее растущей массы знаний и в создании нового языка науки. Умножаются и формы общенаучности: методы исследования, общенаучные теории, критерии научности. А поскольку всё более осознаётся, что причиной многих глобальных кризисов, конфликтов и катастроф является, в том числе, и наша безответственная деятельность, то становится очевидной необходимость включения в философско-научную картину мира человека – создателя проектов трансформации реальности и последствий их осуществления, то есть, возвращения древней мудрости на новом витке спирали развития культуры с учётом новых знаний и технологий.

Автор предложил вариант решения этих проблем в виде сюжетно-игровой концепции реальности [4, 5, 6], как систему мировоззренческих универсалий, которая «связывает современные научные концепции квантовой механики, общей теории систем, синергетики, ноосферы с представлениями о целостной картине Универсума, возникшей ещё в древних культурах (индийской, китайской и др.). До середины XX века подобное "организмическое" понимание природы считалось атавизмом, воспроизводящим полумифологическую картину мира, не совместную с современными научными представлениями. Но, когда В.И. Вернадский ввёл в научный контекст понятия биосферы

и ноосферы, как целостных образований, содержащих взаимодействующие между собой подсистемы неорганическую, биологическую и человеческого социума, то новое понимание этой целостности дало возможность по-другому увидеть как традиционные восточные мировоззрения, так и идеи русского космизма. Приходит время идеи полицентризма, открывающего путь к диалогу различных индивидуальных сознаний и менталитетов разных культур, а также к диалогу с природой в широком смысле, включая новое понимание даже шаманских традиций, основанных на экологическом отношении к окружающему» [5, с. 30-31].

Опираясь на методологические аспекты сюжетно-игровой парадигмы, можно системно подойти к исследованию критериев и норм науки в эпоху ПостИстины. Для начала можно обратиться к дискуссии об истине и знании в философии и науке в журнале «Эпистемология и философия науки»: «Знание определяется через истину, а истина – через соответствие знания действительности, а соответствие через процедуры проверки и обоснования. А завершается этот ряд вопрошания неизбежным вопросом о том, что такое действительность или реальность? И в итоге простой, на первый взгляд, вопрос – что есть знание? – обрастает множеством "вечных" проблем, над которыми в течение всей своей истории бьется философия». [7, с. 92].

Действительно, вопреки утверждению А.Л. Никифорова (с которым полемизируют остальные участники диспута: «Знание интерсубъективно и общезначимо: каждый человек может его усвоить и каждый, понявший предложение и способ его обоснования, вынужден с ним согласиться. Поэтому знание преподают в школах и университетах. Поэтому наука интернациональна» [8, с. 62]), далеко не *«каждый»*, не только в науке, но и в самой обычной жизни, способен убедиться в истинности того или иного предложения. Поэтому Сюжетно-игровая парадигма предполагает более строгую процедуру – маркировку оценочного заключения проведённой работы позицией конкретного индивида или группы, то есть, отчёт о любом исследовании должен состоять из двух протоколов: (1) картины мира в форме основных посылок об изучаемой *«действительности»* авторов и (2) результатов их работы, – поскольку читатели могут иметь иное представление о реальности, что повлечёт совершенно другую оценку результатов исследования. Именно поэтому и понятие *«истины»* маркируется проверяющим на степень *«соответствия знания действительности»* [9, с. 45]. Тогда следующий *«критерий истинности»* А.Л. Никифорова – о *согласии* с оценкой *«каждого человека»* – имеет ограниченное применение, а идея *«бессубъектности истины»* – рудимент эпохи *«объективизма»*, когда пытаются навязать всем своё не отрефлексированное видение реальности, одновременно (обычно бессознательно), тем самым, снимая с себя ответственность за свои мысли и действия.

То есть, тот, кто, не рефлексируя, через себя воспринимает *«объект»* и полагает, что всё происходящее якобы *«зависит только от объекта»*, манипулируя с ним на основе своих мало осознаваемых посылок, оказывается совершенно ни при чём, тем самым гарантируя себе *«алиби в бытии»!* Лишь совсем недавно отказались от вивисекции животных ради *«объективного»* исследования, очередь теперь за растениями и остальной природой. Сюжетно-игровая парадигма предлагает другой способ взаимодействия с окружающими – путём налаживания коммуникации со всеми существами.

Утверждая, что *«человек не машина с вложенной программой и многое делает под влиянием мгновенного чувства, мелкого интереса, увлечения всеобщей модой или под воздействием пропаганды»* [9, с. 30], А.Л. Никифоров прав лишь отчасти, поскольку *«чувства, интересы и увлечения»* в процессе жизни, возможно и на короткое время, закрепляются как стереотипы поведения. Обычно действия человека, как и других индивидов разных уровней бытия, в силу необходимости быстрого реагирования для сохранения жизни, совершаются именно по генетическим или с момента рождения нарабатываемым программам; разумеется, их совокупность, вряд ли образует формально непротиворечивую систему, ибо сама жизнь, к которой они адаптируются, соткана из противоречий – единства и множественности, изменения и постоянства и т.д. Поэтому бессмысленно требовать от полноценной картины мира свойства формальной непротиворечивости, поскольку она должна отражать именно конфликтность, как движущую силу, разворачивающую поток событий совместно творимой всеми соучастниками Космической Игры.

Отвечая на следующий вопрос А.Л. Никифорова *«Обладают ли философские утверждения теми свойствами, наличие которых является предпосылкой применимости истинностной оценки?»* [9, с. 46], необходимо отметить, что если уж этих идеальных свойств нет и не было у науки и юриспруденции, то, тем более, их нет и в философии. *«Пересмотр классических критериев научности позволил поставить вопрос: если идеал науки, в соответствии с которым ученый познает мир путем строго рационального осмысления эмпирических данных, не допуская в этот процесс никаких недоказуемых метафизических суждений (как мечтал О. Конт, а позднее неопозитивисты), оказался недостижимым,*

и некие априорные постулаты все равно не устранимы из научного познания (в результате чего гносеологическая непорочность науки все равно оказывается утраченной, вернее, никогда и не существовала), стоит ли так упорно выводить за рамки науки любое суждение, допускающее вмешательство Бога, или, шире, любое объективно-идеалистическое мировоззрение? Очевидно, что для этого нет оснований. Материалисты, ныне именующие себя "светскими учеными", представителями объективной науки сводят проблему критерия научности к логическому кругу: "научно только исследование, не допускающее вмешательство Бога, потому что исследование, допускающее вмешательство Бога, не научно"» [10, с. 66].

Далее М.О. Шахов приходит к выводу, что наука в значительной мере состоит из относительных истин, из утверждений научной веры, а религиозное знание также содержит набор не всегда доказуемых, но возможно истинных высказываний, т.е. граница между научным и религиозным знанием подвижна, относительна и связана с состоянием, способностями и возможностями субъекта познания.

Таким образом, с сюжетно-игровой точки зрения, с одной стороны, нигде не существует *«подлинных описаний реальности»*, поскольку нет никакой *«реальности»* без всех тех, из кого она состоит и кто неизбежно соучаствует в её постоянном пересотворении, по-своему её воспринимая и описывая, но, с другой стороны, любое описание реальности, даже человека с психическими отклонениями, участвует в формировании сценариев его поведения, попытка реализации каких-либо неизбежно, в силу тотальной взаимосвязанности всего в мироздании, трансформирует поток событий, то есть коммунальную реальность Космической игры.

Список литературы

1. Древнеиндийская философия. М.: ИФ АН СССР, «Мысль», 1972. 271 с.
2. Махабхарата. Бхагавадгита. Кн. VI, гл. 25-42 / Буквальный и литературный перевод, введение, примечания и толковый словарь академика АН ТССР Б. Л. Смирнова. 2-е перераб. изд. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1960. 403 с.
3. Радхакришнан С. Индийская философия (в двух томах). Т. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 624 с.
4. Шимельфениг О.В. Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов: Научная книга, 2005. 688 с.
5. Шимельфениг, О.В. Сюжетно-игровая парадигма как система мировоззренческих универсалий // Общество: философия, история, культура. 2021. №1. С. 30-36.
6. Шимельфениг, О.В. Современная философия целостности на основе игровой онтологии // Общество: философия, история, культура. 2022, № 12. С. 112-118.
7. Черткова Е.Л. Тожественны ли понятия «знание» и «истина»? // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21, № 3. С. 92-94.
8. Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21, № 3. С. 61-73.
9. Никифоров А. Л. Природа философии: Основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. 168 с.
10. Шахов М.О. Реализм как общая основа религиозного и научного знания // Вопросы философии. 2008. №10. С. 66-77.

ЮМОР В НАУКЕ

КОМИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ-КЛАССИКОВ
В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Бральнин Д.О.

Преподаватель кафедры русской филологии

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

E-mail: bralnin00@mail.ru

Аннотация. Классические литературные образы всё больше трансформируются с развитием интернет-коммуникации. Переосмысление коснулось и образов писателей-классиков, которое распространилось в связи с появлением мемов, блогов, медийных проектов и других современных медиатекстов об известных личностях. Онлайн-пространство фиксирует разнообразное отношение к классикам – от иронического до уважительного с постепенным преобладанием комического над серьезным. Юмористическое восприятие культовых личностей классиков за счет использования разнообразных способов создания комического эффекта вписывает их в актуальный для новых поколений контекст, делает классику «живым» материалом для молодежных экспериментов и погружает ее в привычные ситуации массовой культуры интернет-эпохи. В медиатекстах XXI века комическое переосмысление образов писателей-классиков происходит за счет таких способов, как лингвистические игры, комбинированная визуализация, гиперболизация внешности, использование узнаваемых фактов биографии и творчества в юмористическом ключе и погружение писателей-классиков в нестандартные ситуации и обстоятельства.

Ключевые слова: писатели-классики, медиатекст, комическое, интернет-коммуникация, лингвистическая игра, юмор, классические образы, креолизованные тексты.

COMIC REINTERPRETATION OF CLASSIC WRITERS' IMAGES
IN MODERN MEDIA TEXTS

Bralnin D.O.

Lecturer at the Department of Russian Philology

Syktvykar State University

E-mail: bralnin00@mail.ru

Abstract. Classical literary images are increasingly transformed with the development of Internet communication. Rethinking has also affected the images of classic writers, which has spread due to the emergence of memes, blogs and other modern media texts about famous personalities. Online space records a variety of attitudes towards the classics - from ironic to respectful with a gradual predominance of the comic. The humorous perception of the cult personalities of the classics through the use of various ways of creating a comic effect fits them into the context relevant for new generations, makes the classics "live" material for youth experiments. In the media texts of the 21st century, the comic reinterpretation of the images of classical writers occurs through such methods as linguistic games, combined visualization, hyperbolization of appearance, use of recognizable facts of biography and creativity in a humorous way, and immersion of classical writers in non-standard situations and circumstances.

Keywords: classical writers, media text, comic, Internet communication, linguistic game, humor, classical images, creolized texts.

Современные медиатексты, появившиеся за последние 20 лет, рассматриваются исследователями-филологами не в качестве продукта авторской деятельности, а как анализируемый объект для зрителя [1, с. 120-121]. Именно реципиент расшифровывает заложенный в медиатекстах смысл, наполняет его собственным содержанием и сверяет полученную новую информацию со своим жизненным опытом. Деятельность воспринимающей стороны имеет особое значение при анализе такого типа медиатекста, как юмористический креолизованный текст.

Юмор по своей природе является культурным концептом и самым удобным способом адаптации человека к меняющимся обстоятельствам [2, с. 156]. Близким к юмору понятием является «комическое», и оба этих слова являются синонимами в большинстве европейских языков [3, с. 554].

«Креолизованный текст – текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [4, с. 22]. Декодирование информации креолизованного текста можно назвать двойным, так как концепт из изображения накладывается на вербальный компонент (первичное восприятие), а затем происходит моделирование единого общего концепта креолизованного текста (вторичное восприятие) [5]. Семиотически осложненные тексты набирают популярность среди молодого поколения, которое активно применяет мемы, стикеры и другие уникальные продукты цифровой среды, например, в социальных сетях. Кроме того, многие сейчас умеют не только использовать, но и создавать собственные креолизованные медиатексты, а за счет ускоряющегося процесса передачи информации происходит стремительное распространение этих результатов деятельности.

Изменяющийся мир требует новых подходов к восприятию такого концепта, как классическое. Всё острее встает вопрос о возможностях применения накопленного столетиями опыта писателей-классиков к нынешним реалиям, а вектор уважительного отношения смещается в сторону юмористического. Образ писателей-классиков также претерпевает изменения: в современных медиатекстах осмеивается исторически обусловленное несоответствие социального феномена классики объективному ходу вещей [6, с. 26], что соответствует эстетическому пониманию комического.

Создание комического в креолизованных текстах может происходить как за счет вербальных, так и при помощи невербальных средств, что изучается, например, в социальной рекламе [7]. Е.Н. Пищерская выделяет ряд специфических характеристик креолизованного текста: сложная структура из двух и более согласующихся или конфликтующих между собой частей, высокий коммуникативный потенциал, основанная на взаимодействии разных типов знаков усложненная семиотика, разнообразные функции и серьезные требования к компетенции коммуникаторов и адресатов [8].

Для анализа способов комического переосмысления образов писателей-классиков в креолизованных медиатекстах было выбрано 34 текста «новой природы», из которых 5 – с нулевой креолизацией, где представлен только визуальный компонент (примерно 15%), и 29 – с полной креолизацией, в которых присутствуют оба взаимосвязанных компонента для создания комплексного смысла (классификация Е.Е. Анисимовой) [5].

Одним из популярных способов создания комического образа писателя-классика являются **лингвистические игры**, часто построенные на омонимии: это может быть омонимия слова «*классики*» («группа писателей» – «детская игра»), когда изображения известных авторов располагаются в квадратиках на асфальте; «*фамилия / имя классика – омонимичное слово / словосочетание*» (А.А. Блок – блок для строительства из игры «Майнкрафт», Гомер – Гомер Симпсон, А.М. Горький – указание не употреблять в пищу из-за горького вкуса, А.С. Грибоедов – поедание грибов, Б.Л. Пастернак – упаковка яблочного пюре с пастернаком, Л.Н. Толстой – пробуди своего внутреннего льва); «*гений пера*» («мастер слова» – «профессионально владеющий перочинным ножом»), где представлен сидящий в спортивном костюме на корточках А.С. Пушкин с колющим оружием в руках. Образ А.С. Пушкина дополняется стихотворением: «Мы с Саней Пушкиным в подъезде сидели на кортах вчера. // Слышь, пацаны, реально гений пера».

Другие типы лингвистической игры были зафиксированы с портретами Н.В. Гоголя, изображенного на вывеске круглосуточного магазина с измененными инициалами и фамилией (А.Л. Коголь) или в совмещенном полотне с набоковской Лолитой с подписью «Гоголита». Такие типы лингвистических игр в креолизованных текстах можно соответственно назвать **трансформацией** вербального компонента и **комбинацией** разнородных понятий или образов для расширения семиотического пространства текста.

Комбинация разнородных образов также возможна не как разновидность лингвистической игры, что применяется в случае отсутствия вербального компонента. Такой тип в статье именуется **комбинированной визуализацией**. Например, «скрещивания» А.С. Пушкина с Джокондой или с Сергеем Зверевым не имели в своем составе соответствующей текстовой информации.

Трансформация образов классиков в креолизованных медиатекстах происходит с использованием **гиперболизации внешности**, ее элементов или с представлением самого классика в комическом виде. Так, в рекламе бара под названием «Синий Пушкин» показан синекожий мужчина с растительностью на лице, пристально и строго смотрящий на зрителя и лишь по бакенбардам напоминающий А.С. Пушкина, а на меме, входящем в эту группу способов создания комического эффекта, Л.Н. Толстой показывает язык, что служит реакцией на выражение: «Вместо тысячи слов... Две тысячи!» (свидетельство многословности писателя, которая в эпоху отсутствия любви к длительному чтению получила наименование «вода»).

В современных креолизованных текстах распространен и такой способ реализации комического в образах писателей-классиков, как **отражение особенностей биографии и творчества**. Интересно этот прием обыгрывается в серии парфюмов для классиков: А.А. Блоку – с ароматом пива и мороженого (отсылка к анкете, заполненной самим поэтом в 16-летнем возрасте), Н.В. Гоголю – с запахом сахара (по свидетельствам современников, он любил раскладывать кусковой сахар по карманам), М.Ю. Лермонтову – с запахом Кавказа, А.С. Пушкину – для дуэлей (найдена реклама тира с таким же посылом – «Стрелял бы я лучше, написал бы еще пару строк!»), Ф. М. Достоевскому – «Мрачный образ Петербурга», Л.Н. Толстому – с водянистым ароматом (вновь аллюзия к «воде»).

Привлекла внимание и другая серия креолизованных текстов этой группы способов создания комического эффекта – «классики как копирайтеры». Исходя из особенностей творческого метода каждого автора, А.П. Чехов пишет на заказ краткие содержания (из-за преобладания коротких жанров), Ф.М. Достоевский выполняет курсовые работы по философским темам, В.В. Маяковский создает нестандартные проекты (трансформация стихосложения, борьба с канонами), Н.В. Гоголь ведет мистический аккаунт, а Л.Н. Толстой профессионально расширяет работы и «льет воду» (третья отсылка в креолизованных текстах к «воде», что показывает повторяемость, устойчивость этого термина и отсутствие затруднения в его дешифровке).

Последней выявленной группой способов создания комического стало **погружение классиков в нестандартные ситуации и обстоятельства**: Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский играют в города, М.И. Цветаевой нравится, что она не больна коронавирусом (аллюзия на стихотворение «Мне нравится, что вы больны не мной...»). Распространен этот способ формирования юмористического и с образом А.С. Пушкина: то он высовывает руку из машины, как «новый русский», то предстает перед нами в стильных очках в рекламе оптики, то в розовом костюме с золотыми украшениями сидит перед ноутбуком, то делает селфи на айфон.

Проанализированные особенности функционирования комических образов писателей-классиков свидетельствуют об их динамичном бытовании в современной культуре. Интернет-среда погружает классиков в непредсказуемые обстоятельства, втягивает в лингвистические игры, высмеивает особенности творчества и биографии, гиперболизирует внешность, чтобы сделать «забронзовевших мэтров» живыми, вызывающими отклик у современного поколения. В век информационных технологий классика обретает второе дыхание, а такое (пусть даже и юмористическое) приобщение к великим именам соответствует времени и формирует преемственность традиций.

Список литературы

1. Желтухина М.Р., Гавриш А.Д. Эмоциогенность современных медиатекстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 120–125.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Зализняк А.А. Лингвокультурологические аспекты комического (к постановке проблемы) // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 554–557.
4. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. 194 с.
5. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.
6. Смыкова Е.А. Комическое как феномен культуры: аспекты исследования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 4. С. 25–27.

7. Юрбева Е.В. Вербальные и невербальные приемы создания комического в креолизованных текстах социальной рекламы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 24–28.

8. Пищерская Е.Н. Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике // Litera. 2023. № 5. С. 55–65.

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ В НАУКЕ: ЗАЧЕМ УЧЕНОМУ ПАРАДОКСЫ?

Логиновская Ю.В.

*Доцент кафедры философии и методологии науки
Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: urucel@yandex.ru*

Аннотация. Тема научного юмора тесно связана с темой парадоксов, являющихся вестниками новых научных открытий. В работе поставлена задача определения парадокса и выявления значения парадоксального мышления для науки. Обозначены и раскрыты понятия «парадокс» и «парадоксальное мышление» как атрибуты сознательной творческой деятельности ученого. Показана взаимосвязь парадокса и юмора с когнитивными механизмами творческой активности сознания, раскрытыми в бисоциативной теории творчества А. Кестлера и дополненными в исследовании «науки о науке» М.К. Петрова. Представлена оригинальная концепция «игры парадоксов», развитая в философии тотальности В.П. Гоча и приведены примеры парадоксов, характерных для научной деятельности. Обоснована необходимость освоения парадоксального мышления для современного ученого и отмечены соответствующие практики в университетской среде.

Ключевые слова: парадоксальное мышление, неклассические логики, бисоциация, синтез, игра парадоксов, логика творчества, творческий потенциал.

PARADOXICAL THINKING IN SCIENCE: WHY DOES A SCIENTIST NEED PARADOXES?

Loginovskaya Y..V.

*Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science
National Research Tomsk State University
E-mail: urucel@yandex.ru*

Abstract. The theme of scientific humor is closely related to the theme of paradoxes, which are markers of new scientific discoveries. The paper sets the task of defining the paradox and revealing the significance of paradoxical thinking for science. The research reveals interrelation of paradox and humor with the cognitive mechanisms of creative activity of consciousness in the bisociative theory of creativity by A. Koestler and in the study "science of science" by M.K. Petrov that accomplishes the understanding of paradox. The paper highlights the original concept of the "game of paradoxes" developed in the philosophy of totality by V.P. Gotch and cites the examples of paradoxes characteristic relevant to scientific activity. Finally, the author gives some notes on the necessity of mastering paradoxical thinking for a modern scientist and picks out the appropriate practices in the system of the higher education.

Keywords: paradoxical thinking, bisociation, the game of paradoxes, creative potential.

Научная культура и научное мышление традиционно придерживаются строгих требований к логике, объективности, доказательности и непротиворечивости концепций и научных выводов. При этом научное знание полно парадоксальности и противоречивости, являющихся источником появления новых гипотез и научного юмора. Необходимо ли ученому владеть парадоксальным мышлением и чувством юмора? И как это влияет на его научную деятельность?

Актуальность изучения парадоксов и освоения парадоксального мышления для специалиста научной сферы зависит от того, на какую научную картину мира опирается ученый-исследователь:

классическую, неклассическую или постнеклассическую (по В.С. Степину) [1]. Для классической науки, ориентированной на идеалы абсолютного знания и на строгий формализм, обнаружение парадокса в каком-либо явлении действительности будет представляться лишним и скорее всего будет игнорироваться: вспомним фотометрический парадокс в дорелятивистской космологии. Наука как совокупность теоретических знаний и практических научных исследований полна парадоксов, в которых формальная логика бывает бессильна и может лишь отметить явное несоответствие представлений о реальности тому, что происходит на деле. Это касается и самой науки, например, исследователи отмечают имманентную парадоксальность современной психологии в отношении ее предметного поля и способов психодиагностики [2, с. 72].

В неклассической науке парадокс уже является источником развития идей, возьмем, к примеру, парадокс Эйнштейна-Розена-Подольского. В постнеклассической научной рациональности наука имеет дело со сложными саморазвивающимися системами. В этом смысле парадоксальное мышление необходимо ученому, исследующему такие системы, для которых характерно «избирательное реагирование на воздействие среды, сообразно «опыту» их предшествующих взаимодействий» [1]. Парадокс может указывать на появление нового уровня сложности саморазвивающейся системы, требующего нового осмысления.

В определении парадокса обычно дается онтологический и гносеологический аспект. Во-первых, парадокс понимается как «неожиданное явление, не соответствующее обычным представлениям», т.е. обладает онтологическим основанием и новизной. Во-вторых, парадокс определяется как рассуждение, доказывающее одновременно истинность и ложность некоторого суждения или истинность и истинность его отрицания»; в более широком контексте это «познавательная ситуация, характерная наличием одинаково убедительных аргументов для обоснования двух противоположных суждений» [3]. По большому счету, парадокс высвечивает бессилие формальной логики при встрече с более сложной, многомерной реальностью и требует соответствующего мышления, способного обнаружить и обозначить это новое, неожиданное положение вещей.

Недоступность освоения парадокса формально-логическим мышлением связано с тем, что стандартное мышление избирает одну точку зрения и логически последовательно ее проводит. Но однозначному и одностороннему мышлению, согласно Г. С. Померанцу, грозит опасность скатиться в банальность. Парадоксальное, нестандартное мышление характерно для более высокого, более сложного уровня деятельности сознания, когда взгляд на предмет берется сразу с нескольких точек зрения. Для него тоже, как верно подмечает Г.С. Померанц, существует «опасность запутаться в своих сложностях или выродиться в игру парадоксами», однако именно для такого парадоксального сознания доступна онтологическая составляющая, проживание или «живое чувство целостного и вечного», трансцендентной сверх-ценности, сверх-истины как «точки, с которой мы созерцаем возникновение принципов, их противостояние друг другу и можем созерцать логически несовместимое как реплики героев в драме» [4, с. 64]. Важным свойством парадокса отметим финальную целостность, то есть, обнаружение единого принципа или сюжета, примиряющего несовместимые вещи.

Парадокс открывает горизонт познания видимого противоречия и необходимость обновления картины мира. Большинство физических парадоксов связаны с ограничениями трехмерного мира (в классической механике) при встрече с большим количеством измерений (по Б. Риману). Соответственно, для неклассической и постнеклассической науки парадокс становится чем-то, как ни парадоксально, ожидаемым. Неслучайно попытки решения научных парадоксов привели к созданию неклассических форм логики: трехзначных логик Д.А. Бочвара, А. Гейтинга, Г. Рейхенбаха, «квантовой логики» Г. Биркгофа и Дж. фон Неймана и др. [5].

Парадокс как бы вскрывает для сознания сочетание скрытых смыслов, новых сочетаний и аналогий, которые ранее считались сами собой разумеющимися по отдельности. Взаимосвязь парадоксов, научных открытий, оригинальных идей, и чувства юмора с сознанием можно объяснить общим механизмом, названным в теории творчества А. Кестлера «бисоциацией» [6]. Для Кестлера бисоциация понимается как универсальный механизм творческого акта в сознании, а само сознание понимается как многомерное явление. Операция бисоциации позволяет когнитивным структурам, представляющим две или более идей (плоскостей мышления) объединяться для создания новых концепций. Одновременная активность сознания на разных уровнях мышления и в разных системах опыта делает возможным синтез нового. Бисоциативный акт, по Кестлеру, совершается посредством соединения эмоционального потенциала, чувственного восприятия и субъективного сознательного опыта, и такие же условия возникают при попытке решения парадокса.

М.К. Петров предлагает решение проблемы связи антиномий единства и различности, целостности и многообразия, проявляющихся парадоксом, через гетерономный синтез – бисоциацию из кодов двух смысловых матриц [7]. Понимание бисоциации дополняется выводом о невозможности творчества на материале одной смысловой матрицы: нужно два или более разнородных элемента. Парадокс в этой связи есть материал для творческого синтеза. Процессы бисоциации условно сопоставляются с операциями анализа (разделения кода наличных матриц на элементы) и синтеза (объединения в новую целостность), в результате чего появляется код новой матрицы. Синтез определяется как возможность скачкообразного и интуитивного перехода идеи в новое качество и новую целостность: «Способность создавать новые связи и новые точки зрения единодушно признается определяющей чертой гениальности и одаренности в любых видах творчества, высшей формой сознания» [7, с. 38]. Научное открытие – результат интеллектуального синтеза как «процесса последовательных слияний в направлении единых универсальных законов» [6, с. 94].

В неклассическом философском течении «философии Тотальности» (В.П. Гоч), парадокс определяется как «форма существования мудрости» и «принцип Со-Знания», обеспечивающий «восприятие проявления Жизни в Духовном мире, рациональных и иррациональных связей и взаимоотношений» [8]. Это новый уровень синтеза, присущий сознанию, оперирующему принципами. Осознание парадоксов здесь вытекает из творческой логики и парадоксальной логики дзен-буддизма. В.П. Гоч вводит понятие «игры парадоксов», в которой парадоксальность проявляется неожиданностью, непривычностью, оригинальностью, противоречивостью исходным посылам, общепринятому, традиционному взгляду или здравому смыслу: «история не учит и тому, что ничему не учит» [8]. Так, «парадокс мастера» возникает, когда «несостоятельность мастера делает его умение исключительным» [9] или «парадокс применения парадокса: никто не знает, где и как применять парадокс» [8, с. 158].

А. Кестлер также выявляет парадокс творчества: чем более оригинально открытие, тем более очевидным оно кажется впоследствии: «чем привычнее части, тем ярче новое целое» [6, с. 287]. Что свойственно парадоксам – возникающая при встрече с ними узнаваемость нового связана со способностью сознания формировать целостную картину мира. Важно, что парадоксальное мышление формируется только на определенном, «взрослом» уровне развития сознания, обладающего творческим потенциалом и нелинейным, сложноорганизованным мышлением. Способность обнаруживать парадоксы, формулировать и решать их, несомненно, имеет пользу в научной творческой деятельности, только ее необходимо развивать.

Таким образом, парадокс и парадоксальное мышление актуальны для современного ученого, имеющего дело со сложными, нелинейными, человекомерными системами. Но для освоения парадокса необходимо и развивать чувство юмора, поэтому также отметим образовательный потенциал практической работы с парадоксами и пониманием научного юмора в ВУЗах, на основе чего и формируется мышление будущего ученого. Прекрасные примеры их использования в российской университетской практике есть в МГУ и МФТИ [10].

Список литературы

1. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. 2009. С. 249-295.
2. Фоменко Г.Ю. Парадоксальность как конституирующее качество профессионального бытия психолога // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 69–83.
3. Философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://terme.ru/termin/paradoks> (дата обращения 13.01.2024).
4. Померанц Г.С. Страстная односторонность и бесстрастие духа. 2-е изд., испр. М., СПб, 2018. 616 с.
5. Яшин Б. Л. Парадоксы в научном познании и неклассические логики // Философская мысль. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksy-v-nauchnom-poznani-i-neklassicheskie-logiki> (дата обращения: 23.01.2024).
6. Koestler A. The Act of creation / A. Koestler. London: Hutchinson, 1964. 751 p.
7. Петров М. К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М., 2006. 624 с.
8. Гоч В.П. Максимумы Тотальности. Единое. 2-е изд., доп. СПб. 2022. 296 с.
9. Гоч В.П., Ширяев С.В. Тотальные факторы Игры. Севастополь. 2013. 88 с.
10. Кирюхина Н. В. Образовательный потенциал научного юмора в учебно-воспитательной работе

преподавателя вуза / Н. В. Кирюхина, А. М. Филина // Интеграция педагогической науки и практики в контексте вызовов XXI века : Сборник научных статей международной научно-практической конференции, Калуга, 20 мая 2022 года. Калуга, 2022. С. 274–279.

ЮМОР И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ НАУКИ

Николина Н.В.

Кандидат философских наук, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: nikolinanadya@gmail.com

Аннотация. В данном исследовании юмор рассматривается как один из критериев установления социальных и символических границ науки. Автором затрагивается тема изучения юмора в психологических и социальных исследованиях. В рамках психологических работ устанавливалась связь между чувством юмора и особенностями личности. Автор раскрывает концепцию Р. и П. Грейвов, которые в результате социально-психологического эксперимента выделили четыре вида юмора и шесть типов личностей. В рамках социологических исследований науки юмор определяется как часть коммуникации научного сообщества, как дискурсивная практика. На примерах общих и специализированных шуток для ученых автор показывает, что шутка и юмор как средства коммуникации и как объекты социологического исследования научной коммуникации могут рассматриваться в контексте темы социальных границ науки.

Ключевые слова: юмор, наука, игра слов, комическое, коммуникация, дискурс.

HUMOR AND THE SOCIAL BOUNDARIES OF SCIENCE

Nikolina N.V.

CSc in Philosophy, Associate Professor

National Research Tomsk State University

E-mail: nikolinanadya@gmail.com

Abstract. In this study humor is considered as one of the criteria for establishing social and symbolic boundaries of science. The author touches upon the topic of studying humor in psychological and social studies. Within the framework of psychological works the connection between the sense of humor and personality features was established. The author reveals the concept of R. and P. Grawe, who, as a result of a social-psychological experiment, identified four types of humor and six types of personalities. Within the framework of sociological studies of science, humor is considered as part of the communication of the scientific community, as a discursive practice. Using examples of general and specialized jokes for scientists, the author shows that humor as a means of communication and as an object of sociological study of scientific communication can be considered in the context of the topic of social boundaries of science.

Keywords: humor, science, word play, comic, communication, discourse.

Юмор, смех, шутка – часть комического, которое рассматривается в основном как эстетическая категория. Комизм и комическое до XVIII века определялись как разновидности низменного и уродливого, считалось, что в смехе смешиваются боль, зависть и удовольствие, а комедия показывает только неполноценных людей. В XVIII веке шотландский поэт и философ Битти Д. одним из первых изменил отношение к смеху и юмору. Смех, по его мнению, возникает из-за объединения двух или более несовместимых частей или обстоятельств [1]. Кестлер А. выдвинул свою теорию несоответствия, названную бисоциацией. Бисоциация – это соединение двух мыслей, взятых из несовместимых контекстов. В отличие от ассоциации, в рамках которой идеи возникают в одном поле, при бисоциации объединяются произвольные или противоположные пространства мысли [2]. Кестлер А. отметил преемственность творческих озарений в юморе с творчеством в науке и поэзии: в этих областях логическая схема творческого процесса одинакова и заключается в обнаружении скрытых сходств, но у них разная эмоциональная нагрузка, например, комическое сравнение имеет оттенок

агрессивности, а юмор ученых эмоционально отстраненный и нейтральный [3]. С середины XX века тема юмора стала предметом психологических исследований, в рамках которых изучалась связь между чувством юмора и особенностями личности. Р. и П. Грейвы провели ряд социально-психологических экспериментов, выявляющих юмористические приоритеты у различных категорий людей [4]. За основу авторы взяли работу Д. Мередит «Эссе о комедии» и его классификацию шуток. Р. и П. Грейвы ориентировались на класс интеллигенции, в частности на деятелей науки, поэтому в свою классификацию не стали добавлять гротескные, саркастические шутки, унижающие личность и достоинство человека. Авторы выделяют следующие типы шуток:

- игра слов;
- несоответствие, отличающееся от игры слов тем, что связываются идеи или вещи, а не слова;
- шутка «попался», заключающаяся в высмеивании несоответствия заявлений и действий;
- симпатическая боль – усмешка, вызванная ностальгией или пониманием ситуации, когда человек симпатизирует объекту шуток, как бы говоря: «все в порядке, друг, мы точно знаем, что ты чувствуешь».

Тест, который проводили Р. и П. Грейвы оценивался простым определением количества предпочтений участника каждого типа шуток. Эти суммы дают четыре субкоэффициента в рамках четырех переменных, например, участник может иметь коэффициент юмора 13 – «попался», 10 – «симпатическая боль», 12 – «несоответствие» и 9 – «игра слов». В этом случае два самых высоких балла можно считать описанием личности, основанной на юморе. Таким образом, результаты тестов позволили выделить шесть типов личности, основанных на первичном и вторичном предпочтении юмора:

- строитель мостов – тот, кто работает с людьми с сочувствием, но и с желанием исправить ошибки (приоритеты: «попался», симпатическая боль);
- крестоносец – тот, кто объективно воспринимает проблемы и работает над их устранением (приоритеты: «попался», несоответствие);
- адвокат – тот, кто использует словесное чутье для решения проблем (приоритеты: «попался» и игра слов);
- интеллектуал – тот, кто любит проникательно работать с фактами, словами и идеями (приоритеты: несоответствие и игра слов);
- примиритель – тот, кто признает трудности других людей и сопереживает им (приоритеты: симпатическая боль и несоответствие);
- утешитель – тот, кто сочувствует людям, оказавшимся в трудной ситуации, и успокаивает, зная, что сказать (приоритеты: симпатическая боль и игра слов).

В социологии науки значимость исследований юмора о науке и юмора в науке оценивается противоречиво. Например, Д. Трэвис и М. Рудвик отмечают, что некоторые ученые выражают сомнения в необходимости изучения этой темы, считая ее поверхностной и даже легкомысленной [5]. С другой стороны, юмор и шутки – часть коммуникации внутри любого сообщества, в том числе и научного, поэтому юмор становится интересной темой для социологов, изучающих дискурсивные практики в науке, например, для М. Малкея и Н. Гилберта. В этом случае юмористические высказывания могут частично раскрыть специфику взаимодействия внутри научного сообщества. М. Малкей и Н. Гилберт разделяют научный юмор на юмор об ученых, который может быть понятен общественности, и юмор для ученых [6]. Здесь мы остановимся подробнее на юморе для ученых. М. Малкей и Н. Гилберт строят свою аргументацию в связи с концепцией формального и условного репертуаров, отмечая, что шутка возникает тогда, когда неуместные или необычные идеи сравниваются и воспринимаются вместе. Возвращаясь к классификации Р. и П. Грейвов, речь в данном случае идет об игре слов и несоответствии. М. Малкей и Н. Гилберт приводят в пример список «Словарь полезных фраз для исследователя», в котором с одной стороны представлен набор фраз, использующихся в официальных документах (статьях, отчетах), а с другой стороны - неофициальные эквиваленты этих фраз. Часть примеров фраз и их эквивалентов из «Словаря полезных фраз для исследователя» были опубликованы в других работах [5, 7], в данном исследовании этот список будет продолжен (Таблица 1).

Таблица 1. Список полезных фраз

Официальные формулировки	Расшифровка
Многообещающее поле для исследования	Мне нужен этот грант
Глубокий обзор литературы	Быстрый поиск в сети Интернет

Долгое время ускользало от понимания учеными	Я не понимаю
Приближается к стандартному порогу статистической значимости	Неважный
Требует более детального исследования	Нужно больше финансирования
Пока не удалось дать однозначных ответов на эти вопросы	Эксперимент не удался, но я решил, что смогу, по крайней мере, его опубликовать

Шутки «попался» и «симпатическая боль» ситуативные и зависят от контекста, в котором они используются, поэтому чаще представлены в виде карикатур. Например, карикатура, на которой нарисован человек, читающий книгу Н. Винера, и робот, читающий книгу Ч. Дарвина, может относиться к шутке «попался». Карикатура, на которой изображены мысли слушателей во время доклада (например, «Мой доклад следующий» или «На втором слайде была орфографическая ошибка»), будет интерпретирована как шутка «симпатическая боль», так как эта ситуация знакома практически каждому исследователю.

Однако эти примеры отражают общую для большинства ученых исследовательскую работу. Отдельно можно выделить специализированные шутки, которые будут понятны не всем ученым, например, сборники «Физики шутят» и «Физики все еще шутят», работа Паулоса Д. «Математика и юмор» и другие. Шутливые правила выживания в химической лаборатории, такие как: «Если Вы не разбирали, не вздумайте собирать» или «Если у Вас что-то взорвалось, проверьте, остались ли Вы живы», понятны будут многим, но при этом симпатическую боль почувствуют только те, кто непосредственно работает в лаборатории. Таким образом, шутки и юмор как средство коммуникации и как объект социологического исследования научной коммуникации могут рассматриваться в контексте темы социальных границ науки. На основе социальных исследований науки, предпринятых Б. Латуром, Г. Коллинзом, М. Малкеем, К. Кнорр-Цетиной и другими, можно сделать достаточно тривиальный, но важный вывод: ученые устанавливают границы науки самостоятельно, то есть по собственному усмотрению. Не только профессиональные, но и личные предпочтения влияют на то, что каждый ученый вкладывает в понятие «наука» [7]. Таким образом, устанавливаются как внешние социальные, так и внутренние символические границы науки, характерные для небольших групп, например, кафедры или научного коллектива. Формирование научного коллектива зачастую это не столько процесс объединения единомышленников, сколько выбор соисполнителей, основанный на социально-психологических характеристиках личности, таких как ответственность, умение работать в команде, отзывчивость, толерантность, манера общения и речи и в том числе юмор. Формируя научные мини-группы, ученые устанавливают и отстаивают теоретические, практические, дисциплинарные или междисциплинарные границы создаваемого продукта. Юмор, конечно, не является достаточным основанием и даже не может быть включен в число важных показателей для выбора союзника в выполнении научного исследования, однако человек склонен выбирать такого руководителя или соисполнителя, с которым будет комфортно, например, крестonosца, объективно воспринимающего проблемы и работающего над их устранением (по классификации Р. и П. Грейвов).

Список литературы

1. Beattie J. Essays: On the Nature and Immutability of Truth, in Opposition to Sophistry and Scepticism; On Poetry and Music, As They Affect the Mind; On Laughter, and Ludicrous Composition: On the Utility of Classical Learning. Edinburgh: William Creech; London: E. & C. Dilly, and T. Cadell, 1776. 555 p.
2. Кук П. Креатив приносит деньги. Минск: Гревцов Паблишер, 2007. 384 с.
3. Koestler A. The Act of Creation. New York: Penguin Books, 1964. 752 p.
4. Grawe R., Grawe P. Humor Quotient Test: Theoretical Design // December Comedy: Studies in Senior Comedy and Other Essays. Ed. P. Grawe. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itchs.org/December%20Comedy/DC%20ch%205%20.htm> (дата обращения 19.12.2023).
5. Николина Н.В. Социология науки после Роберта Мертона. Томск: Изд-во ТГУ, 2023. 164 с.
6. Mulkay M., Gilbert G. Joking Apart: Some Recommendations Concerning the Analysis of Scientific Culture // Social Studies of Science. 1982. Vol.12, № 4. P. 585-613.
7. Николина Н.В. Юмор в социальном мире ученых // Логико-философские штудии. 2022. Т. 20, № 3. С. 300–304.

О СЕРЬЕЗНОМ И НЕСЕРЬЕЗНОМ В (ОКОЛО)НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Поляк Ю.Е.

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
E-mail: polak@cemi.rssi.ru

Аннотация. Широкие массы часто имеют превратное представление о науке и тех, кто ей занимается. Многие серьезные ученые далеки от стереотипного образа замкнутого рассеянного чудака, занятого исключительно своими экспериментами. А научные тексты (особенно научно-популярные) вовсе не обязаны быть сухими, строгими, перегруженными специальной лексикой. В последние десятилетия в большом количестве появляются сборники шуток и анекдотов о рассеянных ученых, смысленных студентах, сложных формулах. Наряду с этим издано достаточно много книг (мемуары, беллетристика, pop-fiction), авторы которых, представители различных научных дисциплин – физики, экономисты, астрономы, математики, философы, – не пытаясь натужно шутить, излагают материал в блестящем стиле, иронично и остроумно. Личный опыт автора, в течение 20 лет преподававшего компьютерные дисциплины в МГУ, показывает, что лучшие результаты обучения достигаются, когда знания и навыки преподносятся в занимательной, игровой форме, с уместными шутками. В работе приводятся примеры, свидетельствующие об ошибочности представлений, что «наука трудна и скучна, а ученые - чудаки и зануды».

Ключевые слова: Наука, стереотипы, образ ученого, научная литература, научно-популярная литература, юмор.

ON THE SERIOUS AND THE FRIVOLOUS IN (PSEUDO-)SCIENTIFIC LITERATURE

Polak Y.E.

CSc in Economy, leading researcher
Central Economics and Mathematics Institute of Russian Academy of Science
E-mail: polak@cemi.rssi.ru

Abstract. The general public often has a misconception about science and those who practice it. Many serious scientists are far from the stereotypical image of a closed, absent-minded eccentric, busy exclusively with his experiments. And scientific texts (especially popular science) do not have to be dry, strict, or overloaded with special vocabulary. In recent decades, collections of jokes and anecdotes about absent-minded scientists, smart students, and complex formulas have appeared in large numbers. Along with this, quite a lot of books have been published (memoirs, fiction, non-fiction), the authors of which, representatives of various scientific disciplines - physicists, economists, astronomers, mathematicians, philosophers - without trying to forcefully joke, present the material in a brilliant style, ironically and witty. The paper provides examples that demonstrate the fallacy of the idea that "science is difficult and boring, and scientists are eccentrics and bores."

Keywords: Science, stereotypes, image of a scientist, scientific literature, popular science literature, humor.

Широкие массы часто имеют превратное представление о науке и тех, кто ей занимается. Многие серьезные ученые далеки от стереотипного образа замкнутого рассеянного чудака, занятого исключительно своими экспериментами. А научные тексты (особенно научно-популярные) вовсе не обязаны быть сухими, строгими, перегруженными специальной лексикой.

Нестандартные, нетривиальные высказывания; оригинальность, порой парадоксальность мышления – это то, что роднит юмор и научное творчество. Нобелевский лауреат Л.Д. Ландау терпеть не мог тратить время на писанину. Даже в знаменитом 10-томном «Ландавщице» (курсе теоретической физики Ландау и Лифшица [1]), как говорят злые языки, «нет ни одного слова Ландау, и ни одной

мысли Лившица». При этом он был, по свидетельству коллег, друзей, жены Конкордии [2], очень остроумным человеком. Вот некоторые из его высказываний.

Жрец науки – это тот, кто жрёт за счёт науки.

Английский надо знать! Даже очень тупые англичане знают его неплохо.

Телевизор – это мусоропровод, работающий в обратную сторону.

Три признака, по которым выбирают подарок: большой, дорогой, ненужный.

Науки бывают естественные, неестественные и противоестественные.

Брак – это кооператив, и к любви он не имеет никакого отношения.

Удачно жениться – все равно, что вытаскать с завязанными глазами ужа из мешка с гадюками.

Отметим, что юмор является более универсальным социальным феноменом, чем наука. Когда ученые используют ироничные формы для общения с коллегами, юмор бывает понятен только тем, кто знаком с практикой научных исследований и с контекстом. Когда шутки о науке делаются для менее опытных аудиторий, структура юмористического продукта намного проще, а интерпретационные контрасты более очевидны [3, с.303].

Сейчас издано достаточно много книг (мемуары, беллетристика, non-fiction), авторы которых, представители различных научных дисциплин – физики, экономисты, астрономы, математики, философы, – не пытаясь натужно шутить, излагают материал в блестящем стиле, иронично и остроумно. Порой сформулированные в таких книгах не вполне серьезные законы уходят «в народ», становясь частью общечеловеческой культуры.

Так, историк Сирил Норткот Паркинсон «открыл» следующие эмпирические законы: «Работа заполняет все время, отпущенное на нее, даже если ее можно сделать быстрее», «Расходы растут вместе с доходами, денег никогда не бывает достаточно», «Число людей в рабочей группе имеет тенденцию возрастать независимо от объема работы, которую надо выполнить» [4]. Закон военного инженера Эдварда Мерфи гласит: «Если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, она обязательно произойдет» [5] и имеет многочисленные следствия, а также русские аналоги «закон подлости» и «закон бутерброда». Профессор Лоуренс Питер сформулировал принцип «В иерархической системе каждый индивидуум имеет тенденцию подняться до уровня своей некомпетентности» [6]. Много ситуаций, портивших кровь системным программистам, описал в своей книге Фредерик Брукс [7].

В последние десятилетия в большом количестве появляются сборники шуток и анекдотов о рассеянных ученых, смысленных студентах, сложных формулах. В 1966 г. издательство «Мир» выпустило тиражом 100 тысяч экземпляров сборник околонуточного юмора «Физики шутят» [8]. Книгу составили сотрудники Физико-энергетического института в Обнинске. По указанию калужского обкома партии продажа в Обнинске этой книги, «порочающей советских ученых» (хотя она содержала только переводы зарубежных материалов), была запрещена, тираж сборника был изъят, и обнинские физики покупали его в других городах. Через два года эта же группа ученых подготовила расширенное издание сборника «Физики продолжают шутить» [9]. Тираж составил уже 300 тысяч. Среди прочего книга содержит «полезные» советы – например, как писать научные статьи, как не слушать оратора и т.п. А инструкция для читателя научных статей позволяет понять, что на самом деле имеют в виду ученые под некоторыми фразами в своих работах.

«Хорошо известно, что...» — Я не удосужился найти ссылку на работу, в которой об этом было сказано.

«Имеет огромное теоретическое и практическое значение» — Мне лично это кажется интересным.

«Очевидно...» — Я этого не проверял, но...

«Эта работа была выполнена четыре года тому назад...» — Нового материала для доклада у меня не было, а поехать на конференцию очень хотелось.

«Для детального исследования мы выбрали три образца» — Результаты, полученные на остальных двадцати образцах, не лезли ни в какие ворота.

«Прибор был случайно слегка поврежден во время работы...» — Уронили на пол.

«...обращались с исключительной осторожностью...» — Не уронили на пол.

«Согласие теоретической кривой с экспериментом: Блестящее... (Разумное); Хорошее... (Плохое); Удовлетворительное... (Сомнительное); Разумное... (Вымышленное) [9, с. 56-57].

По примеру физиков принялись шутить и представители других научных специальностей. Назовем в этой связи сборник «Математики тоже шутят», выдержавший несколько изданий [10].

Отдельная тема – ученые, юмор и авторская (так называемая бардовская) песня. Вспомним хотя бы песни, написанные докторами наук и профессорами про жену французского посла (геофизик

А.М. Городницкий), хромого короля (химик А.А. Дулов), клюкву (Дулов на стихи биолога Д.А. Сахарова, он же Дмитрий Сухарев), далекую Амазонку (металловед В.С. Берковский). Замечательные песни написали психолог В.В. Егоров, математик А.А. Суханов, физик С.Я. Никитин, инженеры Е.И. Клячкин и А.З. Мирзаян. Песня А.А. Галича о том, как «гады-физики на пари раскрутили шарик наоборот» [11] звучала в мхатовском спектакле «Будни и праздники». Авторы пьесы – Галич и профессор Е.С. Вентцель (псевдоним И. Грекова – «игрекова»). Спектакль был запрещен в 1968 г. после выступления Галича в новосибирском Академгородке. Среди друзей Галича были академики П.Л. Капица, Л.Д. Ландау, А.Д. Сахаров. Его часто приглашали петь в научных институтах, как и В.С. Высоцкого (этому посвящена пьеса М.Г. Розовского «Концерт Высоцкого в НИИ»).

Личный опыт автора, в течение 20 лет преподававшего компьютерные дисциплины в МГУ, показывает, что лучшие результаты обучения достигаются, когда знания и навыки преподносятся в занимательной, игровой форме, с уместными шутками [12, 13]. А его коллега, профессор математики из Ростова, пишет в личном письме: «Я относительно профессиональный клоун», что не мешает ему успешно работать по специальности. В 1970 году появилось прекрасное учебное пособие – научно-популярный физико-математический журнал для школьников и студентов «Квант», у истоков которого стояли академики П.Л. Капица, И.К. Кикоин, А.Н. Колмогоров. Большинство вполне серьезных задач и статей в нем излагались легким, ироничным языком. До начала 1990-х годов журнал выходил ежемесячно, а тираж доходил до 350 тысяч экземпляров, но в 90-е годы резко сократился. Ссылки на десятки других популярных изданий содержатся в [14].

В заключение – о серии юбилейных «ненаучных» сборников, выпускаемых в Центральном экономико-математическом институте РАН. «Экономисты и математики ЦЭМИ шутили всегда и, по-видимому, их чувство юмора помогло институту выстоять в тяжкие времена гонений, когда еще не кончился застой, но не наступила перестройка. И институт не только выжил, но и ожил, и отметил свое тридцатилетие. К этой знаменательной дате группа его энтузиастов, проделав грандиозную работу по сбору печатных и непечатных (фольклорных) произведений сотрудников, а также их детей и даже внуков, выпустила первый в истории экономико-математической мысли веселый сборник «Под листом Мебиуса (Тридцать лет спустя)». В день юбилея института нам тоже хочется улыбнуться» [15, с. 4]. В дальнейшем подобные сборники выходили каждые 10 лет к очередным юбилеям.

Один пассаж из книги, выпущенной к 50-летию института, удостоился цитирования в юмористической рубрике «Литературной газеты» [16, с. 16] и во вполне серьезной научной монографии [17]. Вот этот фрагмент. Собрался защищать докторскую диссертацию в ЦЭМИ заведующий отделом Арон Иосифович Каценелинбойген (впоследствии профессор Пенсильванского университета). Работа его не вызывала сомнений. По ряду причин было бы хорошо, если бы одним из оппонентов был директор Новосибирского института экономики и организации промышленного производства член-корреспондент (ныне академик) АН СССР А.Г. Аганбегян. Уговорить его попросили работавшего в Новосибирске доктора экономических наук В.Э. Шляпентоха (впоследствии профессор Университета штата Мичиган). Он пришел на почтампт и попытался дать телеграмму следующего содержания: «Москва ЦЭМИ Каценелинбойгену. Аганбегян согласен» (тут телеграфистка на него подозрительно посмотрела). Но когда она увидела подпись «Шляпентох», то бросила обратно телеграмму и сказала: «Шифровок не принимаю! Тут всего одно нормальное слово – “согласен”» [18, с. 38].

Из описанных персонажей в настоящее время живы 91-летний академик Аганбегян и, возможно, телеграфистка, благодаря бдительности которой эта житейская история стала соответствовать формату круглого стола.

Список литературы

1. Ландау Л.Д. и Лифшиц Е.М. Теоретическая физика: учебное пособие в 10 томах. М.: Физматлит, 2001.
2. Ландау-Дробанцева К.Т. Академик Ландау: как мы жили. Воспоминания. М.: Захаров, 476 с.
3. Николина Н.В. Юмор в социальном мире ученых // Логико-философские штудии, 2022. Т. 20. № 3. С. 300–304.
4. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. М.: Прогресс, 1989. 446 с.
5. Полное собрание законов Мерфи. Мн.: Попурри, 2006. 608 с.
6. Питер Л. Принцип Питера, или Почему дела идут вкривь и вкось. М.: АСТ, 2002. 285 с.

7. Брукс Ф.П. (мл.). Как проектируются и создаются программные комплексы. Мифический человек-месяц. М.: Наука, 1979. 151 с.
8. Физики шутят: Сборник переводов. М.: Мир, 1966. 167 с.
9. Физики продолжают шутить: Сборник переводов. М.: Мир, 1968. 318 с.
10. Математики тоже шутят / авт.-сост. С.Н. Федин. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Ленанд, 2014. 258 с.
11. Галич А.А. Песни; Стихи; Поэмы; Киноповесть; Пьеса; Статьи / Сост. Ю.Е. Поляк. Екатеринбург: У-Фактория, 1998. 649 с.
12. Polak Y.E., Parakhina O.V. Competitive and Game Components in Teaching Search Strategies // 4th International Workshop on Computer Science and Information Technologies CSIT'2002. Patras, Greece: Patras University, 2002. P. 171-176.
13. Поляк Ю.Е. Найдется все. Если уметь искать // Информационные ресурсы России. 2002. № 1-2 (64-65). С. 44-48.
14. Поляк Ю.Е. Информационные ресурсы для популярной науки // Информационные ресурсы России. 2017. № 2 (156). С. 9-12.
15. По ту сторону листа Мебиуса. Юбилейный ненаучный сборник. Книга первая. М.: ЦЭМИ РАН, 2013. 216 с.
16. Экономисты продолжают шутить // Литературная газета 11 декабря 2013 г. № 49 (6442). С. 16.
17. Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М.: ОФСПП РАН, 1996. 214 с.
18. По ту сторону листа Мебиуса. Юбилейный ненаучный сборник. Книга вторая (литературное приложение). М.: ЦЭМИ РАН, 2013. 243 с.

Четвёртый Конгресс Русского общества
истории и философии науки
«Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире»

Сборник научных статей
Сетевое электронное издание

Научная редакция и составление – И.Т. Касавин,
Н.А. Ястреб, Л.В. Шиповалова.

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Подписано к использованию 20.09.2024.
Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 95,8.
Объем данных – 9,4 Мбайт.

Минимальные системные требования:
браузер Google Chrome v. 2.0 и выше,
пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с

Издательство «Русское общество истории и философии науки»
105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.
E-mail: info@rshps.ru

ISBN 978-5-6051212-2-0

9 785605 121220 >